

М. В. ЗЫЗЫКИНЪ,
Профессоръ Варшавскаго Университета.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ.

ЕГО ГОСУДАРСТВЕННЫЯ И КАНОНИЧЕСКІЯ ИДЕИ.

„Никонъ, Божіей милостію Патріархъ, постави сей крестъ Господень, будучи въ заточеніи за Слово Божіе и за Святую Церковь на Бѣлоозерѣ въ Терапонтовомъ монастырѣ въ тюрьмѣ“.

Предисловіе.

Введеніе. Значеніе Никона для современнаго церковнаго и политическаго самосознанія.

Глава I. Значеніе существа римской языческой и христіанской религіи для положенія ихъ въ государствѣ.

Глава II. О царской власти въ Византіи въ отношеніи къ Церкви.

Глава III. Идея царской власти въ Россіи до Никона.

Глава IV. О симфоніи государства и Церкви.

ВАРШАВА. СИНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ. 1931

**ПРОФЕССОРЪ МИХАИЛЬ ВАЛЕРІАНОВИЧЪ
ЗЫЗЫКИНЪ**

родился въ 1880-мъ году въ родовомъ имѣніи Юркино, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи. По окончаніи юридическаго факультета Московскаго Университета онъ былъ оставленъ въ качествѣ приватъ-доцента при этомъ же университетѣ. Въ 1921-мъ году онъ эвакуировался со своей семьей въ Константинополь, а оттуда въ Римъ, гдѣ онъ и проживалъ вплоть до своего отъѣзда въ Софію, Болгарію, гдѣ онъ преподавалъ въ мѣстномъ университетѣ. Въ 1929-мъ году профессоръ былъ приглашенъ на православный богословскій факультетъ въ Варшаву, созданный для православныхъ меньшинствъ Восточной Польши. Тамъ онъ занималъ кафедры по Православной Соціологіи и Каноническому праву.

На этомъ посту онъ оставался вплоть до начала Второй Мировой войны, послѣ которой вся семья переѣхала въ Аргентину, гдѣ профессоръ и скончался въ 1960-мъ году.

Будучи еще въ Болгаріи, онъ написалъ свой первый трудъ „**О царской власти и законѣ о престолонаслѣдіи въ Россіи**“, а затѣмъ въ Польшѣ вышли его труды, изъ которыхъ самый актуальный и важный — это „**Патріархъ Никонъ. Его государственныя и каноническія идеи**“ (въ трехъ томахъ), а также „**Тайны Императора Александра Перваго**“ (одинъ томъ), повѣствующій о старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ.

Предисловіе.

Отъ всего моего сердца приношу горячую и глубокую благодарность за изданіе моего труда въ свѣтъ Блаженнѣйшему Митрополиту Діонисію, Главѣ Православной Церкви въ Польшѣ а также, Высокопреосвященнѣйшему Алексію, Архіепископу Гродненскому, великодушно пріявшему на себя трудъ чтенія и оцѣнки книги.

Мысль объ этой книгѣ зародилась у автора во времена Московскаго Церковнаго Собора 1917 года среди грохота разваливавшейся русской государственности и потугъ возрожденія Русской Церкви въ реформѣ. Невольно вставали общіе и вѣчные вопросы церковно-государственныхъ отношеній.

Среди духовныхъ отцовъ книги авторъ съ особой благодарностью упоминаетъ Высокопреосвященнѣйшаго Кіевскаго Митрополита Антонія, всегда прославлявшаго великаго Патріарха.

Мысль автора осуществлена была много позднѣе въ Болгаріи при мощной духовной поддержкѣ Преосвященнѣйшаго Серафима, Епископа Богучарскаго. Памятно и содѣйствіе въ трудныхъ условіяхъ того времени благороднаго свѣтлѣйшаго князя отца Андрея Ливена.

Авторъ признателенъ проф. Н. Н. Глубоковскому за просвѣщенныя бесѣды. Онъ не можетъ не вспомнить добрымъ благодарнымъ словомъ той нравственной поддержки, которую онъ встрѣтилъ послѣ написанія книги со стороны своего бывшаго учителя б. ординарнаго профессора Московскаго Университета А. Л. Байкова, а также и профессоровъ А. В. Карташева, Н. К. Кульмана и, нынѣ покойнаго, незабвеннаго профессора Варшавскаго Университета К. К. Дыновскаго.

Варшава. 27/XII 1930.

Введение.

Значение Никона для современного церковного и политического самосознания.

Мы не имѣемъ въ виду давать полную біографію Никона или систематическое изложеніе его дѣятельности, но имѣемъ въ виду представить его идеи о церковно-государственныхъ отношеніяхъ и касаться его личности и дѣяній постольку, поскольку это нужно для уясненія его идей; въ послѣднемъ отношеніи намъ были важны показанія его современниковъ, лично его знавшихъ задолго до суда надъ нимъ — Шушерина и Павла Алеппскаго, и послѣднія изслѣдованія о дѣлѣ Никона съ документами, въ нихъ опубликованными, Гюббенета и Пальмера. О Никонѣ писали очень многіе, но одни писали тогда, когда не были еще достаточно изучены документы, его касающіеся (**С. М. Соловьевъ**), другіе изучали только отдѣльные моменты его жизни или дѣяній. Такъ, Митрополитъ Макарій изучилъ его дѣятельность на патріаршемъ престолѣ (1652-1658), **Гюббенетъ** — жизнь Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ (1658-1666), **проф. Николаевскій** — жизнь Никона въ ссылкѣ (1666-1681), его поѣздку за мощами Св. Филиппа въ 1652 г. и обстоятельства его ухода въ 1658 г. Жизнь Никона въ ссылкѣ изучалъ также **И. Б—въ**, печатавшій свое изслѣдованіе въ „Странникѣ" за 1899 г. **Проф. Субботинъ** изучилъ дѣло суда надъ Никономъ. **Щаповъ** изучилъ вліяніе бояръ на дѣло Никона. Ундольскій посвятилъ трудъ изученію отношеній Никона къ Уложенію, **К—въ** написалъ статью „Мнѣніе Никона о патріаршествѣ" въ Журналѣ Министр. Народ. Просвѣщ. за 1880 г. Каптеревъ широко охватилъ тему о Никонѣ, изучилъ его церковно-обрядовую реформу, дѣло о его пріѣздѣ въ Москву въ 1664 году и дѣло суда надъ нимъ въ 1660 и 1666 году, не входя впрочемъ въ самостоятельное изученіе судебныхъ засѣданій 1666 года, и сопоставилъ личность Никона и личность царя Алексѣя Михайловича. Изученіе судебныхъ засѣданій 1666 г. и самыхъ приготовленій къ этому суду со стороны Московскаго правительства, въ видахъ полученія нужныхъ ему руководящихъ указаній и самаго сопоставленія ихъ, было сдѣлано болѣе подробно **Palmer'омъ**, равно какъ и обстоятельство, при которыхъ ушелъ Никонъ изъ Москвы въ 1658 г. Два послѣдніе писателя равно какъ и Соловьевъ, подвергли дѣятельность Никона общей оцѣнкѣ, причемъ Соловьевъ и Капте-

ревъ расцѣнивали его съ цезарепапистской точки зрѣнія; а Palmer въ своихъ введеніяхъ къ I, II и IV тому подвергъ разбору дѣятельность Никона съ двухъ точекъ зрѣнія: въ аспектѣ общей проблемы отношенія государства къ Церкви съ одной стороны, и съ другой стороны какъ проблемы національной русской, связанной съ разрушеніемъ каноническаго церковнаго устройства, начатымъ боярскимъ правительствомъ царя Алексѣя Михайловича, продолженнымъ греческими іерархами, приглашенными для этого дѣла боярами и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и законченнымъ полностью при Петрѣ I. Но самая сущность Никоновскихъ государственныхъ и каноническихъ воззрѣній не была раскрыта полностью въ этихъ сочиненіяхъ, и въ отношеніи ихъ царить въ литературѣ разногласіе и неясность, объясняемая между прочимъ тѣмъ, что главное Никоновское сочиненіе, представляющее въ рукописи болѣе 900 страницъ, осталось ненапечатаннымъ и хранящимся въ рукописи въ Воскресенскомъ монастырѣ Московской губерніи. Оно напечатано Пальмеромъ въ 70 годахъ XIX вѣка, но на англійскомъ языкѣ, и въ этомъ видѣ было предметомъ нашего изученія. Въ наше время самой личности Никона удѣлено вниманіе Митрополитомъ Антоніемъ, въ его небольшой, но чрезвычайно содержательной статьѣ, помѣщенной въ IV томѣ его сочиненій, гдѣ геніальность, разносторонность дарованій личности Никона выступаютъ съ художественной рельефностью. Прибавимъ, что на послѣднемъ Московскомъ Соборѣ Митрополитъ Антоній, какъ главный инициаторъ возстановленія патріаршества, обратилъ вниманіе членовъ Собора на Никона, какъ невиннаго страдальца патріарха отъ нечестиваго суда, и въ своихъ лекціяхъ призывалъ вниманіе къ тому, что Богъ прославилъ его чудесами. Паломничество членовъ Собора къ мѣсту трудовъ Патріарха Никона и его послѣдняго упокоенія, предпринятое по инициативѣ Митрополита Антонія, завершилось возстановленіемъ учрежденія, котораго Никонъ былъ лучшимъ выразителемъ. Личность Никона срослась съ этимъ учрежденіемъ, и по нему мы можемъ судить и о томъ, что такое было патріаршество для русскихъ православныхъ людей. Мы не будемъ сейчасъ перечислять всѣхъ ученыхъ, говорившихъ о Никонѣ въ общихъ курсахъ, или общихъ сочиненіяхъ, не посвященныхъ спеціально ему; отмѣтимъ только одно явленіе: въ то время, когда иностранные ученые, будь то католики (**Tondini, Palmieri**) или протестанты (Стэнли), выставляютъ Никона, какъ великаго человѣка, не только національной, но и міровой исторіи, русская свѣтская истори-

ческая наука XVIII, XIX и XX вѣка упорствуетъ, — какъ бы подъ гипнозомъ построенія церковно-государственныхъ отношеній, созданнаго въ императорско-Петербургскій періодъ русской исторіи, принятаго по какому то недоразумѣнію за критерій истинности въ данномъ вопросѣ, — признавая величіе личности Никона, упорствуетъ въ утвержденіяхъ, что онъ совершалъ какое-то дѣло, чуждое русской исторіи и даже Православію, обуреваемый страстями властолюбія и честолюбія. Въ этомъ отношеніи Пальмеръ, писавшій въ 70-хъ годахъ XIX вѣка, до извѣстной степени правъ, говоря, что Русская Церковь была по отношенію къ Никону (быть можетъ невольно, въ силу своей несвободы) мачехой, и что представитель Церкви инославной возстановилъ память Никона, ибо онъ извлекъ его изъ забвенія, подобно тому, какъ въ младенчествѣ самого Никона посторонняя женщина вытасила изъ горячей печки, въ которой его заложила дровами мачеха, желая его спалить. Если мы вспомнимъ, что память Никона, настолько преслѣдовалась въ императорскій періодъ, что даже запрещено было вѣрующимъ построить Церковь на мѣстѣ его кончины, и что русская церковная іерархія, не имѣющая въ императорскій періодъ исторіи свободнаго дерзновенія на возстановленіе памяти Никона, не сдѣлала того, что требовала истина объ его жизни, то образное сравненіе Пальмера окажется вѣрнымъ съ той поправкой, что въ роли злой мачехи была не русская Православная Церковь, а государственная власть, неправильно понимавшая свои задачи относительно Церкви. Зачатки этого неправильнаго пониманія подчеркивалъ Никонъ въ своихъ сочиненіяхъ, и въ неоднократныхъ грозныхъ пророчествахъ русскому царству; указывалъ на него и Пальмеръ, становясь на точку зрѣнія Православной Церкви. Но, какъ католикъ, Пальмеръ выдвинулъ только одинъ элементъ, наиболѣе ему близкій въ ученіи Никона — ученіе о церковной самостоятельности; это онъ показалъ, испещривши своими пояснительными примѣчаніями изложеніе фактической стороны приготовленій къ суду надъ Никономъ и самого суда. Это — огромная заслуга Пальмера передъ русской церковноисторической и канонической наукой. Упомянутіе же о грѣхѣ, совершеннымъ по отношенію къ Церкви со стороны русскаго государства, есть и заслуга передъ русскимъ православнымъ самосознаніемъ, призываемымъ этимъ къ покаянію и исправленію. Вопросъ основной важности — пояснить завѣтъ еще языческой политической мудрости, вѣщавшей черезъ Аристотеля: *πρῶτον ἢ περὶ τῶν θεῶν ἐπιμελεία*, т. е. первое дѣло госу-

дарства — забота о богахъ или религіи. Этотъ вопросъ былъ поставленъ такъ и Никономъ. Если царство не чтитъ Церкви и священства, то непрочно стоитъ: вотъ лейтмотивъ его идей въ отношеніи представленія о должномъ отношеніи къ Церкви, къ ея просвѣтительной миссіи.

Означенная разногласица мнѣній о Никонѣ, при наличіи всеобщности признанія его величія, является сама по себѣ достаточнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы поинтересоваться въ первоисточникѣ, каковы же были дѣйствительныя его мнѣнія и стремленія, кто ошибается въ отзывѣ о немъ. Останавливаетъ между прочимъ вниманіе мнѣніе проф. Каптерева, выставяющее Никона честолюбивымъ, властолюбивымъ, стремившимся создать нѣчто въ родѣ русскаго папизма. Мы лично считаемъ, что проф. Каптеревъ составилъ свое мнѣніе на данныхъ которыя не подвергъ критикѣ, не использовавъ труда проф. Николаевского и Пальмера, и произвелъ оцѣнку идей Никона съ цезарепапистской точки зрѣнія, чуждой самой Церкви. Его мнѣніе явилось какъ бы мнѣніемъ одного изъ многочисленныхъ враговъ Никона, искусственно подготовлявшихъ и освѣщавшихъ его дѣятельность для доказательства заранее составленнаго мнѣнія. Но, независимо отъ разнообразія сужденій о Никонѣ, къ нему привлекаетъ вниманіе та широта проблемъ, которая связана съ нимъ не только для канонической государственно-правовой и исторической стороны его дѣла, но и для русскаго православнаго самосознанія въ смыслѣ уясненія происходящей съ Россіей катастрофы и возможности искупленія своего грѣха передъ Церковью и великимъ святителемъ Божиимъ, прославленнымъ Богомъ удостовѣренными чудесами. Въ такомъ аспектѣ проблема Никона есть не только проблема русскаго прошлаго, но и русскаго будущаго, связанная съ проблемой дѣйственной силы Православія въ мірѣ. Не смѣя ее рѣшать во всей ея полнотѣ, мы хотимъ указать на рядъ составныхъ ея частей, въ каждой изъ которыхъ мы наталкиваемся на позицію, занятую Никономъ. Никонъ не былъ ученымъ систематикомъ, онъ выявилъ рядъ воззрѣній, одни изложивъ на бумагѣ, другія воплотивъ въ своей жизни, которыя заслуживаютъ особаго вниманія въ нашу эпоху русской катастрофы, и нашей задачей является уяснить основные ихъ принципы и его устремленія въ ихъ совокупности, а не ловить его на тѣхъ или иныхъ словахъ, сказанныхъ имъ когда-либо въ пылу его горячаго темперамента, и переданныхъ его врагами часто въ искаженной формѣ. Къ осторожности въ сужденіяхъ о Никонѣ насъ должна бы призвать

судьба многихъ высказанныхъ о немъ сужденій, въ послѣдствіе опровергнутыхъ. Такъ, при жизни его обвиняли во многихъ преступленіяхъ съ цѣлью избавиться отъ него, какъ живого протеста и могучаго строителя жизни въ нежелательномъ для сыновъ вѣка сего направленіи; послѣ его кончины раскольники-старообрядцы старались утвердить за нимъ многія дурныя личныя качества, опроверженіе которыхъ составило предметъ особаго труда проф. Н. И. Субботина напечатаннаго въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцовъ за 1860 годъ. Мнѣніе о томъ, что Никонъ былъ главнымъ инициаторомъ въ дѣлѣ проведенія церковно-обрядовой реформы и исправленія книгъ, въ значительной степени подрывается изслѣдованіемъ Каптерева, составившимъ I томъ его сочиненія „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“. Такъ, полагаемъ мы, обстоитъ дѣло и съ обвиненіемъ Никона въ стремленіи насадить русскій національный папизмъ въ смыслѣ созданія верховной патріаршей власти, поднимающейся и надъ архіереями и надъ царемъ. Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что, если Никона оцѣнивали, взявъ за критерій истинности Петербургскій цезарепапизмъ, если разбирали его католики (Tondini, Palmieri), протестанты (Стэнли), то среди всѣхъ перечисленныхъ нами въ послѣдней главѣ трудовъ нѣтъ труда, посвященнаго детальному разсмотрѣнію его ученія о церковно-государственныхъ отношеніяхъ, съ точки зрѣнія самой Православной Церкви. О Никонѣ не было высказано сужденія съ православной канонической точки зрѣнія. Этотъ пробѣлъ мы посильно для даннаго времени хотимъ восполнить. Не удовлетворило насъ и обычное историческое объясненіе дѣла Никона его личнымъ характеромъ. Мы сказали, сколько вопросовъ связывается нами съ именемъ Никона; нѣкоторые изъ нихъ мы разсмотрѣли (каноническіе, государственно правовые и историческіе) детальнѣе, на нѣкоторые указали.

I. Прежде всего вопросы каноническіе. Никонъ напомнилъ о томъ, что Помѣстная Церковь не можетъ быть Церковью самодовлѣющей, что она есть только часть единой Вселенской Церкви, что между частями этой Церкви должно быть каноническое общеніе и согласованіе. Этимъ самымъ онъ показывалъ, что необходимо различать политическое и церковное единеніе людей. Какъ практическій строитель и борецъ, Никонъ обращался всегда къ той сторонѣ явленія, которая требовала исправленія, и которую выдвигала сама жизнь, и реагировалъ на это. Въ виду того, что Уложеніе на-

носило ударъ вѣковому положенію Церкви въ русскомъ государствѣ, онъ спасалъ Церковь отъ грозящаго ей поглощенія въ государствѣ и потому стремился возстановить начинавшее меркнуть въ его время правовое понятіе Церкви. Значеніе этого понятія Церкви, какъ особаго учрежденія съ особыми правами, основанными на благодатныхъ дарахъ, и съ особыми цѣлями, особенно важно, ибо православное царство не можетъ отказывать въ признаніи правъ Церкви, вытекающихъ изъ ея природы. Онъ напоминалъ, что Церковь не стѣны и храмъ, не только вѣра, а и церковные законы и жизнь по вѣрѣ, и тѣмъ спасалъ не только богословское понятіе Церкви, какъ тѣла Христова, но и правовое понятіе Церкви, какъ учрежденія Божественнаго, съ особыми полномочіями законодательства, управленія и суда, учрежденія съ особыми цѣлями и задачами и особыми средствами для ихъ исполненія. Онъ обратился къ указанію на источники церковнаго закона, управленія и суда и въ Божественныхъ полномочіяхъ Церкви находилъ указаніе на полномочія Церкви, вытекающія изъ ея природы. Онъ указалъ методъ канонической наукъ для принципіальнаго разграниченія сферъ Церкви и государства и опредѣленія существенныхъ неотъемлемыхъ правъ Церкви, и мы увидимъ, что современная русская каноническая наука приняла этотъ методъ. Большая начитанность Никона въ святоотеческой литературѣ, особенно въ сочиненіяхъ Златоуста, вплотную подошедшаго къ вопросамъ о Церкви, церковномъ законѣ, церковной власти, помогла ему разобраться въ этомъ вопросѣ и указать основы для распредѣленія компетенціи между Церковью и государствомъ со стороны опредѣленія правъ Церкви. Мы старались показать, что источникомъ ученія Никона было ученіе святыхъ отцовъ и учителей Церкви, въ изобиліи нами цитированныхъ, поскольку намъ удалось ихъ достать. Это была та точка, съ которой Никонъ критиковалъ цезарепапистское воззрѣніе, приводимое противъ него возглавлявшимъ боярскую партію Митрополитомъ Паисіемъ Лигаридомъ. Въ основныхъ канонахъ Вселенскихъ Соборовъ почерпалъ Никонъ взгляды на положеніе Московскаго Патріарха среди другихъ Православныхъ Патріарховъ и среди Епископовъ своей Помѣстной Церкви, а также и на вопросъ о церковной собственности. Въ этихъ вопросахъ, какъ и въ вопросѣ объ источникахъ церковныхъ полномочій, церковное преданіе служило ему вѣхами, которыхъ не могли колебать никакія земныя стихіи. Онъ всегда и непрерывно учился, сознавался въ своихъ ошибкахъ, но этому принципу (слѣдованія Преданію) никогда не

измѣнялъ: ни власть, ни земныя блага съ этого пути его не могли свернуть. Преданіемъ онъ повѣрялъ церковный обычай и никогда status quo не былъ для него критеріемъ истины. Пока учрежденія функціонируютъ въ своихъ нормальныхъ границахъ, вытекающихъ изъ ихъ природы, не ставится вопросъ объ ихъ компетенціи, но когда происходитъ захватъ и споръ, то является необходимость выяснить ихъ соотвѣтствующую власть и предѣлы. Это сдѣлалъ Никонъ по отношенію къ царской власти. Онъ отстаивалъ права Церкви, вытекающія изъ ея существа, но оставался чуждъ присваиванія самой Церкви политической власти, т. е. былъ чуждъ тому, что обычно называется клерикализмомъ, и что ошибочно приписываютъ самому Никону. Во второй части нашего труда мы старались уяснить каноническіе взгляды Никона на выдвинутые жизнью вопросы его современности и показать, что современная намъ православная каноническая наука рѣшаетъ во многихъ случаяхъ эти вопросы въ духѣ Никона.

II. Съ вопросами каноническими тѣсно связаны въ ученіи Никона вопросы государственнаго права. Отъ философскаго воззрѣнія зависитъ, въ какомъ положеніи надо мыслить взаимныя отношенія государства и Церкви. Установленіе понятія православнаго царя было величайшей заслугой Никона и даетъ ему видное мѣсто въ исторіи образованія понятія русской царской власти. Это понятіе замутилось во время боярскаго правленія въ юные годы царя Алексѣя Михайловича, да и вообще не было тогда достаточно уяснено. Грозный царь въ рѣчи на Стоглавомъ Соборѣ подъ вліяніемъ Митрополита Макарія установилъ это понятіе, но онъ не могъ тогда установить его въ полной мѣрѣ, ибо тогда еще не было патріаршества, и не было создано Богомудрой Благочестивой Двоицы — царя и Патріарха. Съ другой стороны Грозный указалъ только принципъ подчиненія и связанности царя церковными правилами, а Никонъ подробно развилъ конкретное ученіе о церковныхъ полномочіяхъ, ихъ природѣ и уяснилъ причину неприкосновенности въ ихъ источникѣ (полномочія Спасителя Апостоламъ и ихъ преемникамъ). Вторая половина понятія Богомудрой Двоицы, реализовавшая въ идеѣ духовную сторону царской власти, еще не была осознана въ умахъ. Надо было показать, что такое Патріархъ въ жизни государства православнаго, и каково его мѣсто въ отношеніи царя вершителя дѣлъ. Никонъ показалъ это и словами, и еще болѣе дѣломъ своей жизни; Онъ показалъ и границу, далѣе которой не призванъ переступать православный святитель,

протестующій противъ беззаконія государственной власти. Здѣсь онъ былъ не только проповѣдникомъ, но и исповѣдникомъ. Изучивъ дѣятельность Никона, протекавшую въ соприкосновеніи съ государственной властью, насколько это доступно въ нашихъ условіяхъ за границей, по документамъ, изданнымъ Пальмеромъ, Гюббенетомъ, и поскольку мы находили ихъ въ цитатахъ различныхъ авторовъ, мы пришли къ заключенію, что Никонъ былъ проповѣдникъ идеи симфоніи властей, на которыя ссылался на Соборѣ 1654 г. въ своей рѣчи при открытіи Собора и отдѣльные элементы которой онъ вскрылъ въ своемъ „Раззореніи“, написанномъ въ 1664 году въ опроверженіе Стрешнева и Лигарида. Мы постарались поэтому уяснить смыслъ теоріи симфоніи властей, какъ онъ разумѣлся еще въ Византійскомъ правѣ, и увидѣли, что и въ этомъ Никонъ слѣдовалъ по тому же пути, по которому онъ слѣдовалъ при опредѣленіи правъ церковной власти. Для него творенія святыхъ отцовъ были не только литературнымъ памятникомъ, но твореніями Богопросвѣщенныхъ выразителей Церковнаго Преданія. Необходимо было намъ опредѣлить смыслъ симфоніи у отцовъ и въ Визант. правѣ, чтобы получить руководящія основы для оцѣнки системы, существовавшей въ церковно-государственныхъ отношеніяхъ не только *de jure* въ силу помѣщенія въ Кормчей предисловія къ VI новеллѣ Юстиніана, но и въ дѣйствительной жизни. Никонъ опредѣлилъ суть священства съ духовной точки зрѣнія и установилъ принципъ оцерковленія жизни. Онъ понималъ идею симфоніи властей, какъ идею разграниченія двухъ сферъ жизни свѣтской и духовной, съ предоставленіемъ имъ полной самостоятельности въ томъ, что является по существу своему входящимъ въ соотвѣтствующую собственную сферу каждой власти, съ предоставленіемъ ей въ ней рѣшающаго голоса, съ обязанностью взаимно признавать права другъ друга, вытекающія изъ существа каждаго союза; и въ то же время онъ ставилъ религіозно-нравственную обязанностью для политической власти проникаться церковными принципами.

Эту симфонію Никонъ понималъ для Церкви въ смыслѣ обязанности ея охранять свои существенныя права и вліять своими средствами духовными на государственное законодательство, а для государства въ смыслѣ обязанности не нарушать своими законами канонъ церковныхъ и даже освящать свои законы по мѣрѣ возможности принципами церковными. Ибо истинной миссіей челоуѣчества онъ считалъ то же, что призваніемъ каждаго отдѣльнаго челоуѣка: при-

нять вѣрой Божественное Откровеніе и всю жизнь поставить въ согласіе съ вѣрой. Эта идея оцерковленія естественно должна была освѣтить прежде всего институтъ царской власти, какъ основу самой жизни русскаго государства, столпъ и основаніе земного жизнеустройства; такимъ образомъ то преимущественное вниманіе, которое Никонъ оказалъ идеѣ оцерковленія власти царской въ своемъ „Раззореніи“, является лишь однимъ изъ звеньевъ того общаго міросозерцанія, которое уже лежало въ принципѣ Московскаго государственнаго строя, и которое спасалъ Никонъ отъ разрушенія, угрожавшаго ему со стороны духа вѣка сего. Объ идеяхъ Никона въ опредѣленіи церковно-государственныхъ отношеній можно сказать, что онъ не только упиралъ ихъ въ ученіе Церкви, но и воплощалъ въ себѣ созданную вѣковую традицію Русскаго Государственнаго Права въ отношеніи къ Церкви.

Къ нему болѣе, чѣмъ къ кому либо, подходятъ слова, сказанныя однимъ мыслителемъ: „Общественные идеалы не выдумываются и не навязываются; они слагаются сами собою, вырабатываясь постепенно исторической жизнью народа, и передаются отъ одного поколѣнія къ другому безчисленными нитями живого преданія“. Чтобы лучше понять Никона, необходимо вдуматься въ философію Московскаго государственнаго строя, оцѣнить этотъ строй въ его сокровенномъ смыслѣ, выраженномъ въ его установленіяхъ и обычаяхъ; тогда фигура Никона предстанетъ намъ плодомъ извѣстной среды и въ образѣ гиганта, воплотившаго въ себѣ всѣ лучшія устремленія, могущаго ради улучшенія ломать обычное и создавать новое, освѣщенное высшей правдою. Съ этой точки зрѣнія мы должны были вникнуть въ идеи, которыми держался и жилъ Московскій государственный строй, и въ то положеніе, которое занималъ Патріархъ въ Московскомъ государственномъ устройствѣ, и какимъ идеямъ призванъ онъ былъ дать выраженіе.

Это многое объясняетъ и въ томъ положеніи, какое Никонъ давалъ православному царю. Характерно то, что патримоніальское пониманіе царской власти, свойственное XVI вѣку, рассматривавшее царя, какъ вотчинника, не чувствуется совсѣмъ у Никона. У него царь — слуга царства, водитель къ его спасенію. Царь этотъ призванъ удерживать царство отъ грядущаго антихриста и, какъ средство противъ этого, долженъ снискать благодать Божию подвигомъ христіанскаго смиренія, не только какъ человѣкъ въ своей частной жизни, но и какъ царь въ своемъ законодательствѣ и управленіи.

„Богъ гордымъ противится и смиреннымъ даетъ благодать". Это апостольское изреченіе какъ бы стоитъ предпосылкой Никоновскаго ученія о православномъ царѣ. Никонъ, цитируя части коронованія царскаго, ощущалъ царское служеніе, не только какъ государственное служеніе, но и какъ видъ церковнаго служенія, и характерно, что, воплощая послѣ осужденія Никона на Соборѣ 1667 года его идеи о церковномъ судѣ и управленіи и признавъ принципъ различной природы власти свѣтской и духовной, въ то же время и въ коронованіе царя (впервые въ коронованіе Ѳеодора Алексѣевича) ввели при исправленіи церковныхъ книгъ причащеніе для Царя по чину священническому, какъ бы официально сопричисляя власть царскую къ іерархическому служенію. Насъ не можетъ смущать то обстоятельство, что Никонъ въ „Раззореніи" называетъ царя простымъ міряниномъ, ибо, когда онъ писалъ „Раззореніе" въ 1664 году, еще не было введено причастіе для царя по священническому чину, и не было осознано официально пониманіе царскаго служенія, какъ вида церковнаго служенія, а съ другой стороны Никонъ въ „Раззореніи" говорилъ въ полемикѣ о грѣхахъ царя Алексѣя Михайловича противъ Церкви, за которые онъ, по его выраженію, даже не долженъ допускаться въ Церковь. Потому такъ и строгъ былъ Никонъ къ носителю царской власти, что на царѣ лежала огромная отвѣтственность за царство, и что, не заслуживъ помощи Божіей, царь не могъ надѣяться и на выполненіе своего призванія — отстаивать царство отъ антихриста, который требуетъ духовныхъ, а не вещественныхъ средствъ борьбы. Его царь одѣтъ не въ военный мундиръ, а въ духовныя одежды Московскаго царя съ крестомъ на груди. Это обстоятельство обычно упускается изслѣдователями изъ виду, и Никонъ облачается ими, какъ Патріархъ, въ эпитеты властолюбія и честолюбія. Онъ же, какъ Патріархъ, долженъ былъ въ этомъ быть учителемъ царю, какъ вторая половина Богомудрой Двоицы, какъ неразлучная тѣнь и духовное восполненіе царя, въ качествѣ Патріарха по усиленной благодати, а вовсе не какъ восхититель на царскую власть.

Никонъ далъ религіозную основу царской власти въ ея назначеніи, безъ которой ея просто нѣтъ и быть не можетъ, какъ на это вѣрно указываетъ Janet въ критикѣ на Ренана. Ренанъ, авторъ *La Vie de Jesus*, атеистъ, былъ противникъ революціи и сторонникъ іерархическаго устройства общества старой Франціи (*Philosophie de*

la révolution française, p. 145). Janet писалъ:¹ „Admettons, si l'on veut, qu'en théorie une société, fondée sur la hiérarchie et sur les privilèges vaille mieux qu'une société livrée à la poursuite brutale de l'égalité; qui ne voit que l'un des piliers de cette société hiérarchique était la foi? qui ne voit que l'inégalité n'est supportable aux hommes que quand elle vient de Dieu? Et comment se figurer qu'un homme qui ne croit plus à l'église continuera de croire à son roi? La philosophie revêche et superficielle de l'école démocratique n'a jamais rien compris au rôle de la royauté, elle fut un sacerdoce. Pour elle la France avait créé un nouveau sacrement. Ce roi sacré „faisait des miracles". Cette religion de Reims fut la religion de Jeanne d'Arc: elle en vécut, elle en mourut. Légende incomparable, fable sainte! восклицаетъ Ренанъ, не понимая, что безъ дѣйствительной вѣры невозможно возрожденіе животнаго человѣка, и Janet спрашиваетъ Ренана, уличая его въ непослѣдовательности (146): La critique peut „elle nous de-mander de croire encore a la sainte legende de Reims, lorsqu'elle nous depouille de la legende de Jesus"?² Никонъ съ своей стороны ставилъ царскую власть въ связь съ Церковью черезъ ея оцерковленіе и подъ покровъ Церкви, давалъ ей смыслъ и высшее назначеніе, и какъ бы давалъ предостереженіе не вырождаться въ одинъ изъ видовъ технического устройства правительственнаго механизма. Это назначеніе и интегральная связь съ Церковью власти монархической просматривается тѣми изслѣдователями, которые подобно Barthélemy („Le rôle du pouvoir exécutif dans les républiques modernes") склонны сводить все различіе республики и монархіи къ способу назначенія главы государства. Это значеніе просматриваютъ и тѣ, кто хочетъ для Россіи монархіи, отводя Церкви значеніе, занимавшееся ею въ періодъ разложенія и упадка идеи царской власти. Православный царь немыслимъ безъ той связанности Церковью и церковными законами, какъ мыслилъ ее Никонъ. И Никонъ раскрылъ уже опредѣлившееся въ жизни понятіе православнаго царя и защищалъ его отъ подтачивающей его абсолютизаціи, т. е. отрѣшенности отъ основъ Церкви и народа, а не нападалъ на царскую власть, какъ

¹ „Допустимъ, если угодно, что въ теоріи общество, основанное на іерархіи и на привилегіяхъ, стоитъ больше, чѣмъ общество, преданное грубой погонѣ за равенствомъ; кто не видитъ, что одной изъ основъ этого іерархическаго общества есть вѣра? Кто не видитъ, что неравенство люди могутъ переносить только, когда оно исходитъ отъ Бога? Какъ представить сѣбѣ, что человѣкъ, не вѣрящій больше въ Церковь, будетъ продолжать вѣрить въ своего короля? Угрюмая и поверхностная философія демократической школы никогда ничего не понимала въ роли царства; оно было священствомъ. Для него Франція создала новое таинство. Этотъ освященный король „творилъ чудеса". Эта религія Реймса была религіей Жанны д'Аркъ; она ею жила, съ ней умирала. Несравнимая легенда, святая басня!"

² „Можетъ ли критика еще требовать отъ насъ вѣры въ святую легенду Реймса, когда она лишаетъ насъ легенды Иисуса?"

думаютъ иные, и въ этомъ отношеніи былъ предшественникомъ современнаго ученія о царской власти.

Устанавливая понятіе симфоніи властей, мы отмѣтили, что въ это сложное понятіе входитъ не только понятіе о самостоятельности, независимости этихъ властей, но и понятіе объ ихъ соподчиненности при преслѣдованіи въ концѣ концовъ общей цѣли: спасенія человѣчества въ будущей жизни. Пальмеръ, блистательно освѣтившій понятіе самостоятельности Церкви, какъ объектъ борьбы Никона, не закончилъ изображенія того зданія, которое строилъ Никонъ, а именно его стремленія жизненно возсоздать симфонію властей. Чтобы лучше дать почувствовать, насколько идеи Никона являются плодомъ сочетанія святоотеческаго ученія съ чисто русскимъ подходомъ къ христіанству, мы не ограничились воспроизведеніемъ построенія соотношенія царя и Патріарха, какъ двухъ главъ — представителей двухъ общеній — государственнаго и церковнаго, но показали это соотношеніе въ Византійскомъ ихъ построеніи съ указаніемъ особенностей русскаго построенія.

Въ своемъ ученіи о царской власти съ церковной точки зрѣнія Никонъ далъ теорію православнаго царства, святоотечески опровергнувъ ученіе о безграничности царской власти и показавъ тѣ предѣлы, которыхъ она переступать не можетъ. Въ этомъ отношеніи онъ не только сходится съ ученіемъ канонической науки, но и отвѣчаетъ тѣмъ стремленіямъ поставить принципиальныя границы государственной власти, какъ таковой, которыя ожили въ наше время, какъ протестъ противъ всепоглощающей власти государства, какъ таковаго, возродившагося въ XVIII вѣкѣ къ языческому устремленію къ неограниченности. Для Никона государство никогда не пребываетъ безъ высшихъ, регулирующихъ его дѣятельность церковныхъ идей, ибо и для людей, управляющихъ государствомъ, остается заповѣдь Апостола (1 Кор. 10, 31) никогда не забывать о послѣдней цѣли — спасеніи. („И такъ, ѣдите ли, пьете ли или иное что дѣлаете, все дѣлайте во славу Божию"). Эта идея симфоніи призываетъ государство къ миру, но не къ тому миру, который совершается по дипломатическимъ соображеніямъ и ради взаимнаго ласкательства, а къ тому миру съ Богомъ и Его Церковью, о которомъ писалъ Максимъ исповѣдникъ, и учитъ Святая Церковь, какъ о мирѣ съ Богомъ. Въ главѣ о симфоніи властей мы показываемъ коренное различіе православнаго (Никоновскаго) ученія съ ученіемъ католическимъ, которое въ первой половинѣ своей о самостоятельности Церкви, какъ союза,

имѣющаго свое особое происхожденіе, свои особыя заданія, цѣли и средства, — сходится съ ученіемъ православнымъ, но расходится во второй половинѣ (въ соотношеніи властей) въ виду иного ученія объ объемѣ церковной власти Римскаго Первосвященника.

Первая часть нашего труда и имѣетъ въ виду освѣтить вопросы о царской власти въ Византіи и на Руси и показать святоотеческое ученіе о симфоніи, которые и вводятъ насъ въ первую главу II части, гдѣ повѣствуется собственное ученіе Никона о царской власти, гдѣ идея оцерковленія представлена такъ же, какъ и въ отзывахъ Никона о различныхъ статьяхъ Уложенія, о которыхъ говорится въ третьей главѣ II части. Ученіе Никона о царской власти выясняетъ одинъ изъ существенныхъ ея моментовъ — Православіе: элементъ, который не отгнѣненъ достаточно въ Основныхъ Законахъ, ибо тамъ не сдѣлано опредѣленія понятія Православія (которое заключается не только въ вѣрѣ, но и въ законахъ Церкви). Это не значитъ однако, чтобы въ государствѣ не было самаго принципа православнаго царя. Въ Основные Законы попали лишь опредѣленія власти изъ Указовъ Петра I и законъ о престолонаслѣдіи Павла I. Между тѣмъ, для уясненія существа монархической власти, никоимъ образомъ нельзя удовлетвориться законодательными опредѣленіями, которыя къ тому же неполны и не могутъ исчерпать всей полноты учрежденія, выращеннаго исторіей.

„Положеніе монарха, говоритъ Котляревскій (Юридическія предпосылки Русскихъ Основныхъ Законовъ, стр. 130, по цитатѣ проф. Казанскаго), имѣетъ часто гораздо болѣе глубокое историческое, чѣмъ юридическое обоснованіе. Правовыя опредѣленія этой власти, формулы законодательныхъ памятниковъ и учредительныхъ хартій — только поверхностный слой, который накинута на вѣками отлагавшіеся плоды побѣды и пораженія въ борьбѣ съ окружающими социальными силами, на отпечатлѣвавшіяся привычки, вѣрованія и чувствованія". Надо принять во вниманіе при опредѣленіи власти не только то, что написано въ законѣ, но и то, что живетъ въ неписанномъ видѣ въ правосознаніи русскаго народа.

Эту часть верховной власти, соприкасающуюся съ Церковью, раскрылъ Патріархъ Никонъ въ своемъ ученіи, и только лишь послѣдующая абсолютизація власти, т. е. отрѣшеніе ея отъ питающихъ ее основъ, привело къ тому, что одинъ изъ существенныхъ моментовъ царской власти (Православіе) не вошелъ въ ея опредѣленіе въ полномъ своемъ объемѣ, несмотря на то, что въ отдѣльныхъ

статьяхъ Основныхъ Законовъ этотъ принципъ нашель себѣ частичное примѣненіе. Таковы всѣ статьи, обезпечивающія соотвѣтствіе взглядовъ обладателей трона міросозерцанію народа: тому служитъ наслѣдственность престола и независимость обладанія имъ отъ чьей либо личной воли, обезпеченіе не только православнаго исповѣдыванія государя, но и православнаго воспитанія, статьей 185, требующей, чтобы бракъ лица, могущаго наслѣдовать престолъ, происходилъ не иначе, какъ по принятіи невѣстой Православія; тому же служитъ постановленіе о присягѣ престолонаслѣдника, рассматривающее его положеніе, какъ приготовленіе къ предназначенному „великому служенію"; тому же служатъ колѣнопреклоненная молитва царя послѣ коронованія, которую графъ Сперанскій называлъ клятвеннымъ обѣтомъ: „Буди сердце мое въ руку Твоею, еже все устроить къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово". Къ этому направлена и присяга подданныхъ, религіознымъ актомъ запечатлѣвающая обязанность вѣрности, нравственно приобщающая подданныхъ къ служенію государству въ ихъ строительствѣ земли русской; то же устанавливается и самимъ актомъ коронованія, освящающимъ единеніе царя съ народомъ и проч. Понятіе православнаго царя развернуто Никономъ много шире въ смыслѣ обязательности для царя признанія Церкви, какъ особаго Божественнаго учрежденія съ своими законами. Абсолютистскія тенденціи Петербургскаго періода могли заглушить, но не истребить православное сознаніе о существѣ царской власти, которое выявляется въ „Раззореніи" Никона.

III. Съ Никономъ связана и проблема національно-историческая XVII вѣка. Указанныя нами правовыя идеи Никона являются частью его культурныхъ идеаловъ, которые онъ указывалъ русскому самосознанію. Для него Православіе было строительной силой, и онъ хотѣлъ, чтобы оно проникало всѣ поры русскаго государства. Его III Римъ значительно отличался отъ III Рима старообрядцевъ, видѣвшихъ въ формахъ русскаго Православія, какъ оно сложилось до Никона, послѣднее слово и критерій истины. Никонъ не сливалъ, подобно имъ, Православія съ обрядностью и Церковнаго общества съ политическимъ. Общество церковное было для него шире политическаго и призвано служить вѣхами для послѣдняго, съ цѣлью его улучшенія и преображенія. Онъ отвергалъ Аввакумовское отчужденіе отъ науки, выразившееся такъ мѣтко въ словахъ Аввакума: „Еллинскихъ борзостей и риторскихъ не текохъ, но пребывалъ въ

ученіи благодатнаго закона", или „вѣра потреба ко спасенію, а не риторика и грамматика"; Аввакумъ называлъ философовъ грековъ и малороссовъ песьими сынами, а Никонъ заводилъ библіотеку съ сочиненіями греческихъ и римскихъ классиковъ, мощной рукой стремился къ насажденію школъ, типографій, выписывалъ кіевскихъ ученыхъ для переводовъ книгъ, устраивалъ школы художественной иконописи, заводилъ новыя производства (ценинное и пр.) и на ряду съ этимъ заботился о благолѣпіи Богослуженія, уничтожилъ единогласіе, ввелъ кіевское пѣніе въ церквахъ. Стараясь возвысить общественное значеніе Церкви, принималъ строгія мѣры поднятія дисциплины въ духовенствѣ, одновременно стараясь освободить его отъ давленія на мѣстахъ со стороны еще болѣе невѣжественнаго слоя приказныхъ людей. Никонъ тѣмъ самымъ старался повысить значеніе и вліяніе Церкви. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Москвы религіозную столицу для всѣхъ православныхъ народовъ, но, чтобы она отвѣчала своему назначенію, она должна стать въ уровень съ вѣкомъ относительно просвѣщенія. Онъ не чуждался заимствованія матеріальной культуры съ Запада, ради созданія сильнаго государства, но строго охранялъ Православіе и православный ликъ своей культуры (поэтому онъ нетерпимо относился къ иконамъ западнаго письма).

Онъ создавалъ просвѣщенную православную культуру, и учился ей у грековъ, какъ у сыновъ Церкви-Матери, но не для того, чтобы грецизировать Русскую Церковь, а для того, чтобы провести сознательную потребность исправленія чиновъ и обрядовъ, и превзойти грековъ въ Православіи, какъ въ послѣдствіи Петръ хотѣлъ въ военномъ искусствѣ перещеголять шведовъ. Хотя Никонъ называлъ себя въ эпоху исправленія чиновъ и обрядовъ „русскимъ по рожденію, но по вѣрѣ грекомъ", однако въ немъ и его дѣятельности болѣе чѣмъ въ комъ либо выразились типичныя черты русскаго Православія. Если Православіе греческое въ общую сокровищницу Православія внесло его догматическую разработку, если Православіе Сиріи и Египта подходило къ Православію преимущественно со стороны мистической, то стремленіе русскаго народа было понять христіанство не столько какъ отвлеченную догматическую систему, но преимущественно какъ нравственно животворящую силу, а христіанскую жизнь, какъ жизнедѣятельность человѣческаго духа, нравственно возрожденнаго христіанствомъ (Доброклонскій).

Объ этомъ именно все время пишетъ Никонъ въ своемъ „Раззореніи", и это онъ проводилъ въ жизнь, выступая не только какъ

проповѣдникъ, но и какъ исповѣдникъ, принеся жизнь свою въ жертву и за свое ученіе, и за свое обличеніе. Его задача по снятію ветхаго Адама для созданія на дѣлѣ Святой Руси ощущалась плотскими людьми, и прежде всего боярами, соприкасавшимися съ нимъ болѣе непосредственно, какъ непосильная тяжесть, поруха самолюбію; они не поняли Никона и, потакая страстямъ царя, использовали его возмужалость на войнѣ, и не допустили его до Никона, добились низверженія Никона, не дали ему вывести Россію на путь дальнѣйшаго оцерковленія и углубить Православіе въ русской жизни, не только какъ ученіе вѣры, но и какъ путь, истину и жизнь, чему Никонъ давалъ самъ живой образъ. Вотъ это обстоятельство просматриваютъ тѣ изслѣдователи, которые фиксируютъ все свое вниманіе на протестахъ Никона противъ Монастырскаго Приказа и противъ захвата государствомъ церковной собственности, не стараясь вникнуть въ истинную каноническую природу его протеста, и ея глубокіе религіозные корни, превращая въ цѣль то, что для Никона было только средствомъ къ возможностямъ на пути дальнѣйшаго оцерковленія жизни, какъ вѣчной недостижимой задачи.

Стараясь проникнуть въ Никоновскія стремленія, мы можемъ признать, что ихъ одухотворяла эта общая идея оцерковленія жизни: для этого надо было возстановить нарушенную симфонію властей и дать воплощеніе образа Патріарха, выполняющаго эту задачу путемъ средствъ, дозволяемыхъ Церковью. Своимъ уходомъ отъ зла онъ прибѣгнулъ къ мѣрѣ архипастырскаго воздѣйствія, какъ показываетъ вся обстановка его ухода по изслѣдованіямъ проф. Николаевского и Пальмера и собственное поученіе Никона въ Успенскомъ соборѣ 10 іюля 1658 г., сказанное имъ въ связи съ прочитаннымъ словомъ Златоуста и обычно совершенно игнорируемое изслѣдователями его ухода. Нельзя высказывать сужденія объ уходѣ Никона, не выслушавъ его самого, и не стараясь возстановить его собственное объясненіе, довѣряться подтасованнымъ и недобросовѣстнымъ показаніямъ его враговъ.

Изучивъ въ доступной намъ мѣрѣ обстоятельства его ухода, мы оцѣнили его уходъ, какъ подвигъ архипастырства, выявившій величіе Никона-исповѣдника. Мы старались выяснитъ принципиальное разграниченіе власти церковной и государственной, какъ оно дѣлалось церковнымъ ученіемъ до Никона, самимъ Никономъ и послѣ него современной православной канонической наукой, и нашли, что Никонъ училъ и дѣйствовалъ по церковному, что онъ вовсе

не былъ и судимъ за вторженіе въ государственную сферу, что судъ надъ нимъ былъ лишь однимъ изъ звеньевъ боярскаго преслѣдованія противъ него, никогда не усыпавшаго и мѣнявшаго только свои формы. Передъ нами прошли нелѣпыя обвиненія Никона въ убійствѣ, государственной измѣнѣ, въ захватѣ земельной собственности у сосѣдей Воскресенскаго монастыря, въ ереси, въ содоміи; прошли передъ нами покушенія на отравленіе Никона, стремленіе его представить преступникомъ, только для того, чтобы отъ него отдѣлаться окончательно, сослать его еще въ 1659 г. въ дальній монастырь, изобразить его уходя, какъ оставленіе патріаршаго престола на произволъ судьбы посвятить его въ схиму, чтобы лишить возможности вернуться на престолъ. Какъ апофеозъ, послѣдовало заочное обвиненіе 72-лѣтняго старца въ блудѣ, опровергнутое уже послѣ заочнаго осужденія, по однимъ доносамъ враговъ (1676 г.), свидѣтелями и всѣмъ образомъ жизни, и всею настроенностью его, но использованное для отягощенія его участи и перевода въ другой монастырь на болѣе строгихъ началахъ.

Всѣ эти обвиненія характеризуютъ не Никона, а его обвинителей, и интересно то, что всякое обвиненіе исходило обычно отъ тѣхъ лицъ, которыя или были наиболѣе близки къ вмѣняемому ими Никону грѣху, или просто повинны въ немъ: Лигаридъ-содомить обвинялъ Никона въ содоміи; Боборыкинъ — захватчикъ монастырской земли обвинялъ Никона въ захватѣ (она послѣ паденія Никона отъ него была вновь отдана монастырю и проч.), а бояре-властолюбцы обвиняли Никона во властолюбіи. Самая процедура суда 1666 г. надъ Никонѣмъ не представляетъ тѣни правосудія и изобличаетъ всю искусственность, нужную, какъ форма, для того, чтобы можно было считать Никона осужденнымъ окончательно. Для такой непомѣрной злобы нужно было имѣть особыя причины, и ихъ было достаточно; одна изъ нихъ — причина духовнаго порядка: Никонъ праведникъ, обличитель былъ ненавистенъ погрязшимъ въ грѣхахъ боярамъ, окружавшимъ царя, о которыхъ современники очевидцы иностранцы, посѣщавшіе Москву, безпристрастные наблюдатели высказываютъ самыя нелестныя, выражаясь скромно, сужденія. Никонъ задѣвалъ самолюбіе бояръ и открытымъ обличеніемъ, и самымъ фактомъ своего государственнаго регенства въ отсутствіе царя.

Вторая причина была болѣе государственнаго характера. Рассматривая умонастроеніе боярства съ эпохи Грознаго, мы видимъ, что этотъ классъ людей, бѣдный идейно и духовно, старался въ

Москвѣ послѣ объединенія Руси съ разгромомъ удѣловъ, замѣнить свое утраченное положеніе самостоятельныхъ правителей созданіемъ вокругъ царя сплоченнаго класса прирожденныхъ совѣтниковъ царя. Этотъ класъ окружилъ непроницаемымъ кольцомъ царя, не допуская до него свѣжихъ даровитыхъ людей, и преслѣдовалъ Никона, какъ царскаго совѣтника, подобно тому, какъ преслѣдовалъ и другого выдающагося дѣятеля царствованія Алексѣя Михайловича, невысокороднаго боярина Афанасія Лаврентьевича Ордына Нащокина, кончившаго жизнь добровольнымъ уходомъ съ государственной арены въ монастырь подъ вліяніемъ непрестанныхъ интригъ родовой знати (Кн. Хованскаго и другихъ). Властолюбивому, родовому боярству нуженъ былъ малолѣтній или слабый царь. Въ эти эпохи оно поднимало голову на несчастье государству. Вмѣстѣ съ Никономъ царь Алексѣй Михайловичъ представлялъ бы несокрушимую твердыню: чтобы разрушить ее, надо было разъединить ихъ и погубить того, кто восполнялъ своей личностью слабость царя. Намъ думается, что здѣсь именно, а не въ повторяемыхъ за Лигаридомъ и другими врагами Никона бездоказательныхъ утвержденіяхъ о властолюбіи Никона, надо искать роковой развязки драмы, выведшей Россію не на путь православной культуры, а на путь протестантско-нѣмецкій, на путь нѣмецкой духовной колоніи.

Объ отношеніи Никона къ боярству говоритъ 1 и 2 гл. III части. Никонъ настолько воплощалъ собой патріаршество и настолько связывалъ по ассоціаціи идей съ собой выполненіе идей православнаго царя верховнаго правителя государства, что съ его паденіемъ, — несмотря на принципиальное признаніе его идей на соборѣ 1667 г., хотя и безъ признанія авторства Никона, какъ ихъ источника и выразителя, несмотря даже на частичное ихъ осуществленіе (въ закрытіи Монастырскаго Приказа, прекращеніи суда свѣтскихъ лицъ надъ духовными и проч.), — вынута была изъ воплощаемаго имъ учрежденія душа, дававшая русскому патріаршеству въ русской государственной жизни особое назначеніе; была вынута вмѣстѣ съ тѣмъ душа и изъ другого учрежденія, которое, начиная съ Петра I, получаетъ совершенно другую сердцевину: я разумѣю царскую, власть. Въ нее было вложено уже другое содержаніе и въ этомъ Петръ произвелъ идейную революцію, размѣры которой не меньше многихъ революцій, произведенныхъ снизу, несмотря на то, что царская власть не только осталась по формѣ, но и продолжалась въ той же династіи.

Царь Петръ не только уничтожаетъ рядъ церковныхъ обычаевъ, и снимаетъ съ царской власти и буквально, и въ переносномъ смыслѣ, духовныя одежды, не только расцерковляетъ государство, отвергаетъ обязанность царя считаться въ государственномъ законодательствѣ съ высшими цѣлями Церкви, но принципиально на мѣсто славы Божіей и любви къ отечеству, проникнутой этой ревностью о славѣ Божіей, ставитъ цѣль — славу отечества въ чисто языческомъ смыслѣ. Царь — всемогущій самодержецъ; онъ не только посягаетъ на государственный обычай престолонаслѣдія, считая въ правѣ указывать наслѣдника, и подводитъ подъ царскую власть Гоббсовское договорное основаніе. Въ теоріяхъ естественнаго права этотъ первоначальный договоръ мыслится, конечно, не какъ историческій фактъ, а какъ идея, типъ, правило, по которому общество должно конструироваться. Гоббсъ создавалъ по теоріи естественнаго права понятіе о безграничности власти государя, отводя ему церковныя дѣла, и еще болѣе отточилъ цезарепапистскія устремленія Петра. Царь Петръ вторгается въ сферу церковную, реформируетъ монастыри не по церковнымъ идеямъ, а по новому принципу полезности, давить на церковное законодательство, заставляя издавать церковныя законы, желательныя ему (созданіе Синода), разрушая церковный строй, на канонахъ основанный, мотивируя государственнымъ опытомъ необходимость коллегіальнаго управленія Церкви, не уяснивъ, или просто отстранивъ вопросъ, можетъ ли свѣтскій правитель по своей инициативѣ не только проводить, но даже ставить вопросъ объ уничтоженіи каноническаго возглавленія Церкви, основаннаго на апостольскомъ преданіи (34 Ап. пр.), подтвержденнаго на Вселенскихъ Соборахъ, и существовававшего въ то время во всѣхъ Церквахъ. Онъ разрушилъ понятіе Церкви, какъ особаго организма, имѣющаго свое законодательство управленіе и судъ.

Самый фактъ этой реформы подорвалъ жизнѣдѣтельность Церкви, ушедшей въ пустыни и лѣса, и свѣтившей съ тѣхъ поръ не съ высоты каноническаго возглавленія, могущаго и дерзающаго руководиться только высшимъ свѣтомъ Божественнаго ученія, а изъ пещеръ и уединенія святыхъ отшельниковъ въ родѣ Серафима Саровскаго и Амвросія Оптинскаго. Само высшее управленіе Помѣстной Церкви становилось въ разрядъ второстепенныхъ государственныхъ учрежденій, подчиненныхъ иногда даже не непосредственно „своему крайнему судѣ“, какъ называла епископская присяга императора, а другимъ государственнымъ учрежденіямъ въ родѣ Сената, Кабинета

Министровъ и даже Оберъ-Прокурора Св. Синода. Достаточно сопоставить, что въ Московскомъ государственномъ строѣ Патріархъ стоялъ рядомъ съ царемъ, чтобы увидѣть въ этомъ перемѣщеніи олицетвореніе того уровня, на который была поставлена Церковь. Катехизисъ, изданный при Петрѣ въ лютеранскомъ духѣ, церковная проповѣдь, подчиненная государственнымъ цѣлямъ, и исповѣдь, поставленная на службу раскрытія государственныхъ преступленій — вотъ передъ нами картина государства, нарушившаго грань, поставленную ему Божественными и церковными законами. Удивительныли поэтому тѣ пророчества, которыя шли о гибели самого государства на этомъ пути, начиная съ Никона и кончая Пальмеромъ и Достоевскимъ. О разрушеніи церковнаго устройства и о крушеніи идей Никона въ русской исторіи говоритъ 3 глава III части нашего труда.

На всю значительность и жизненность самого дѣла Никона для исторіи Россіи указываетъ Пальмеръ словами: „Паденіе Патріарха Никона есть та точка, тотъ переломъ, около которыхъ должно было обращаться дальнѣйшее религіозное и политическое развитіе многихъ поколѣній. Его церковныя и политическія послѣдствія долго видны намъ, и еще не болѣе, какъ въ своемъ началѣ". Такъ Пальмеръ писалъ въ 70-хъ годахъ XIX вѣка, но мы черезъ 50 лѣтъ послѣ него послѣ великой катастрофы можемъ сказать, что видимъ и дальнѣйшія послѣдствія. Въ результатѣ замѣны аскетически церковнаго идеала Московской Руси эвдемонистическимъ направленіемъ культуры Петербургскаго періода обезсилѣла воля русскихъ людей. Были забыты церковныя основы царской власти, и внѣцерковное общественное мнѣніе сочло себя безапелляціоннымъ судьей въ судьбѣ учрежденія, созданнаго многими поколѣніями. Забыли о церковной связанности монархіи и не нашли въ себѣ силы противостоятъ революціонному гипнозу и тѣ, кто обратилъ взоръ къ Учредительному Собранію, учрежденію, исходящему отъ противоположнаго монархическому принципу принципа народнаго суверенитета, въ основѣ котораго лежитъ вѣра въ неповрежденную первороднымъ грѣхомъ человѣческую природу, какъ то и было у вдохновителя этой теоріи Руссо. А поработанная за 200 лѣтъ, разъединенная и отучившаяся отъ совмѣстнаго соборнаго дѣйствования іерархія не нашла силъ протестовать противъ антицерковнаго акта насильственнаго низложенія царя. Вѣдь, установленная всенародно на Земскомъ Сборѣ 1613 года и освященная въ коронованіи царская власть, не могла законно опредѣляться въ судьбѣ своей и судьбѣ своихъ носителей безъ

участія правильно организованнаго въ Земскомъ Соборѣ народа, органической частью и созданиемъ котораго (т. е. народа) она является, и безъ Церкви, въ которой она занимаетъ особое іерархическое положеніе, и въ иномъ мѣстѣ, чѣмъ въ Кремлѣ Московскомъ, гдѣ совершались всегда важнѣйшіе акты царей русскихъ¹.

Для русской интеллигенціи на смѣну Евангельскому идеалу стремленія ко Христу явился идеаль другой, кощунственно выдававшей себя за новое Евангеліе непротивленія злу силой, и нельзя не вспомнить словъ одного сторонняго наблюдателя, искренно любящаго Россію. Такъ мы читаемъ вѣрную характеристику у Крамаржа въ книгѣ „Русскій кризисъ“ стр. 244: „Отчужденіе отъ государства и анархизмъ были глубочайшими особенностями русской интеллигенціи со временъ Герцена и Бакунина и даже славянофиловъ, а гр. Левъ Толстой далъ этимъ чертамъ интеллигенціи высокое освященіе своей литературной міровой славы, и на Толстого ложится львиная доля отвѣтственности за русскую катастрофу“.

IV. Въ извѣстномъ смыслѣ съ именемъ Никона связано и культурно-политическое значеніе для русскихъ людей XX вѣка эпохи крушенія Россіи. Мы отмѣтили въ ученіи Никона, на ряду съ его историческимъ дѣломъ, обусловленнымъ временемъ и мѣстомъ, элементы вѣчной цѣнности, признанные и современной канонической наукой, и другіе, связанные съ ученіемъ о Церкви, съ теоріей симфоніи — ученіемъ имѣющимъ характеръ обязательности для православнаго государства. Но прежде еще заботы о вліяніи Церкви на государство, надо позаботиться послѣ великой катастрофы о возсозданіи земного строя самой Русской Церкви, чтобы она имѣла силы и средства создавать своихъ пастырей и выполнять эту работу, которая на ней лежитъ по возсозданію въ людяхъ померкшаго образа и подобія Божія, воспитанія, образованія, прирѣнія, благотворенія и проч.: т. е. опираться на свою внутреннюю силу и право, и въ этомъ смыслѣ надо помнить о томъ положеніи ея въ государствѣ, которое отводилъ ей Никонъ въ соотвѣтствіи съ традиціями русскаго государственнаго права, опредѣлявшаго ея положеніе со временъ Св. Владиміра до царя Алексѣя Михайловича, и вспомнить его

¹ Нельзя не замѣтить, что между Земскимъ Соборомъ, избирающимъ монарха, и Учредительнымъ Собраніемъ есть принципиальная разница. Земскій Соборъ не исходитъ изъ признанія юридическаго верховенства народа и его правъ, а устанавливаетъ носителя верховной власти, въ которомъ завершается, какъ въ фокусѣ, идея общей обязанности служенія своему государству, черезъ принятіе имъ тяготы власти, какъ обязанности передъ Богомъ. Съ Земскимъ Соборомъ связывается скорѣе идея организациі Боговластія черезъ установленіе православнаго царя, а не идея народовластія.

завѣты въ то время когда, съ разрушеніемъ русскаго политическаго устройства и Русской Церкви, духъ русскаго человѣка можетъ терять свою опору.

Если Токвиль писалъ (*L'ancien régime et la révolution*, 210 стр.) о французской революціи 1789 г., что ея отличіемъ отъ всѣхъ предшествующихъ было то, что одновременно были поколеблены и церковныя и государственныя основы, то разрушеніе русской революціи было еще глубже. Ибо, если во французскую революцію духовная пустота, образовавшаяся съ уничтоженіемъ церковнаго культа, была занята культомъ Разума, а потомъ культомъ Верховнаго Существа, то русская революція пропитана культомъ прямого сатанизма и Богоборчества. Излѣченіе отъ этого состоянія возможно только черезъ служеніе общества Христу и Его Церкви, иными словами, діаволь можетъ быть побѣжденъ только крестомъ. Мысль, въ поискахъ опоры, невольно обращается къ Церкви, какъ носительницѣ истиннаго ученія жизни.

Рѣчь идетъ не о перенесеніи Московскаго соціальнаго строя, а о принятіи въ основу строительства того духа оцерковленія, которое вносилъ Никонъ въ русское самосознаніе своимъ словомъ и дѣломъ; рѣчь идетъ о выборѣ между мірскимъ эвдемонистическимъ или церковно-аскетическимъ направленіями самой культуры, которое и опредѣлитъ положеніе Православной Церкви въ русскомъ государствѣ. Чтобы прочно стоять самому государству, надо помнить вѣчный завѣтъ Аристотеля, что первое дѣло правителя — забота о религіи, и осуществленіе Никономъ Апостольскаго правила; „Все, что ни дѣлаете, дѣлайте во славу Божию". Грядущая эпоха въ этомъ смыслѣ должна стать также эпохой Никона, какъ были эпохи Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, какъ была эпоха Сергія Радонежскаго, каждая связанная съ особымъ притяженіемъ къ опредѣленному Святому, выразителю ея надеждъ и упованій.

Міръ старобрядческаго Православія и міръ Никоновскаго Православія могутъ въ Никонѣ найти то общее, что онъ строилъ церковную культуру и въ этомъ смыслѣ русскую, съ ея проникновеніемъ Церкви во всѣ поры строительства, а не протестантскую, въ которой Церковь занимаетъ мѣсто частнаго общества, не затрагивающаго общественной и государственной дѣятельности. Съ паденіемъ имперіи надо опредѣлить, что въ ея идеологіи было уклоняющагося съ православной точки зрѣнія. Идеино цезарепапизмъ явилъ собой вырожденіе идеи православнаго царства, и надо выразить эту идею

въ ея чистотѣ, а не въ искривленномъ видѣ. Періодъ имперіи отказался отъ идеи III Рима въ его Никоновскомъ пониманіи и явилъ собой возрожденіе язычества въ смыслѣ гипертрофированія царской власти черезъ выведеніе ея изъ положенія извѣстнаго іерархическаго чина въ Церкви на положеніе понтифексъ максимуса.

Когда Никонъ былъ въ Отрапонтномъ монастырѣ, то онъ на каменномъ островѣ на озерѣ, созданномъ имъ собственноручно, поставилъ крестъ съ надписью, выражавшей святую истину, весьма точно формулированную: „Никонъ, Божіей милостію Патріархъ, постави сей крестъ Господень, **будучи въ заточеніи за Слово Божіе и за Святую Церковь на Бѣлоозерѣ, въ Отрапонтномъ монастырѣ, въ тюрьмѣ**". Хотя Никонъ и не всѣ годы сидѣлъ въ тюрьмѣ въ буквальномъ смыслѣ слова, а только извѣстные періоды (1668—1671 и приблизительно 1676—1681), но въ смыслѣ переносномъ все время своей ссылки въ 1666—1681 г.г., ибо былъ насильственно заточенъ и устраненъ отъ дѣятельности, къ которой былъ призванъ въ силу своего сана, и отъ которой могла его освободить только смерть или правильный каноническій судъ, а не подкупный судъ продажныхъ Патріарховъ, руководимыхъ не слѣдствіемъ, выясняющимъ всѣ обстоятельства дѣла, а продажнымъ грекомъ католикомъ, запрещеннымъ въ Православіи, Митрополитомъ, желавшимъ занять мѣсто русскаго Патріарха. Величавое впечатлѣніе производитъ непоколебимая и въ заточеніи стойкость и безкомпромиссность Никона, увѣковѣченная стихами поэта:

Но и въ тиши обители далекой
Развѣнчаннѣй владыка оставался
Все тѣмъ же Никономъ, суровымъ, строгимъ,
Какимъ онъ былъ въ минувши годы,
Во оны дни величья своего".

При изученіи взглядовъ Никона мы использовали его переписку съ царемъ и другими лицами, разсѣянную въ разныхъ сочиненіяхъ у Пальмера, Гюббенета, Соловьева, но главнымъ нашимъ источникомъ явилось его „Раззореніе", въ которомъ онъ обосновалъ свои взгляды ссылками на Св. Писаніе и Святыхъ Отцовъ; тѣ обстоятельства его жизни, которыя имѣютъ главное отношеніе къ уясненію его взглядовъ, мы использовали по даннымъ проф. Николаевскаго и особенно Пальмера, почему то совершенно замолчаннаго у проф. Каптерева. Мы изслѣдовали ученіе Никона по первоисточнику и особо остано-

вились на тѣхъ фактахъ его жизни, въ которыхъ онъ выявилъ себя, какъ его исповѣдникъ. Въ этомъ отношеніи центральное значеніе имѣетъ его уходъ 10 іюля 1658 г. и его ссылка въ 1666 г. и все сказанное Никономъ по этому вопросу. Объ этомъ трактуетъ 4 гл. II ч. и 2 гл. III ч.

V. Есть въ темѣ Никона сторона мистическая. Его постигла судьба пророковъ, о которой говоритъ Ев. Мѳ. 23, 33—34: „Зміи, порожденія ехидны! Какъ убѣжите вы отъ осужденія въ геену? Посему, вотъ, Я посылаю къ вамъ пророковъ и мудрыхъ и книжниковъ; и вы иныхъ убьете и распнете, а иныхъ будете бить въ синагогахъ вашихъ и гнать изъ города въ городъ". Или Евр. 11, 37—38: „Не достаточно мнѣ времени, чтобы повѣствовать о Гедеонѣ, а Варакѣ, о Сампсонѣ, о Іеѳѣѣ, о Давидѣ, Самуилѣ и другихъ пророкахъ, которые... испытали поруганія и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пыткамъ, умирали отъ меча, скитались въ милотяхъ и козыхъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озлобленія, тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли". Такъ и вся жизнь Никона послѣ его ухода подвергалась до самой смерти медленному изводительству, мѣнявшему только формы, но не прекращавшемуся никогда, сдѣлавшему изъ него мученика страстотерпца. Грѣхъ, совершенный по отношенію къ нему нечестивымъ гоненіемъ на него, не искупленъ грамотой Патріарховъ 1682 г., восстановившей его въ правахъ Патріарха и объявившей, что Никонъ можетъ быть прощенъ въ виду искупленія имъ своей вины смиреннымъ терпѣніемъ въ заточеніи. Не принесено передъ нимъ покаяніе за содѣланное ему государственной властью, — ничего не сдѣлано для снятія тяжести тяготѣющихъ на государственной власти словъ, произнесенныхъ Никономъ царю на судѣ: „Кровь моя на твоей головѣ, царь!"

Для государственной власти, желающей снять эту тягость, надо принести такую же общественную повинную передъ гробницей Никона, какую Никонъ отъ лица царя Алексѣя Михайловича принесъ передъ гробницей Св. Филиппа, и молить его о прощеніи. А Іерархія не можетъ не вспомнить, что русскій народъ уже давно прославилъ Никона своими посѣщеніями мѣста его послѣдняго упокоенія и молитвами передъ его гробницей получалъ отъ Бога исцѣленія. Самъ Богъ чудесами Своими по его предстательству указываетъ путь къ прославленію Никона сопричисленіемъ его имени къ именамъ Петра,

Алексія, Іоны, Филиппа и Гермогена, Святителей Московскихъ. Да подасть намъ Господь видѣть чудо возстанія нашего народа къ образу и подобію Божіему молитвами Святѣйшаго Никона, Первосвященителя и Чудотворца Московскаго!

Есть и другой грѣхъ, связанный съ грѣхомъ по отношенію къ Никону: это порабощеніе Церкви, доведенное до апогея съ Петромъ I. Революція явилась искупленіемъ за два вѣка этого порабощенія и своеволия власти. Она явилась и дѣломъ сатанинскимъ и въ то же время Провиденціальнымъ попущеніемъ за грѣхи. Она *memento mori* не, только Россіи, но и всему міру, и мы съ большей остротой, чѣмъ Paul Janet въ 1875 г., можемъ повторить его слова: „Le monde européen s'il ne veut pas périr comme l'Empire Romain, doit trouver un symbole religieux qui puisse arracher les âmes au double mal qui se les dispute aujourd'hui: un brutal athéisme et une plate idolâtrie"¹.

Признавая революцію дѣломъ сатанинскимъ, мы тѣмъ самымъ опредѣляемъ, что и побѣждена она не можетъ быть безъ креста, т. е. безъ содѣйствія Церкви и ея возсозданія.

VI. Еще одинъ вопросъ. Чѣмъ близокъ Никонъ русскимъ людямъ и нашей эпохѣ? Происходя изъ земледѣльческой крестьянской семьи, самородокъ, самоучка, взрастившій свои силы подъ покровомъ монастыря, Никонъ дошелъ въ жизни своей до высшей іерархической лѣстницы и своими дарованіями освятилъ путь, по которому надо идти Россіи, но дѣло возрожденія Россіи изъ замкнутого, самодовлѣющаго бытія совершилъ другой геній, направившій Русь по иному пути, „но на дѣлахъ его великихъ печать проклятія легла", какъ выразился одинъ поэтъ.

Никонъ въ своей личности соединяетъ тѣ два класса общества, которые, не будучи созданіемъ государственной власти, знаменуютъ собой величіе мощи и духа Россіи и призваны возсоздать ея величіе во славу Божію. Св. Никонъ Патріархъ собственной жизнью показалъ, чего можетъ достигнуть гигантская энергія русскаго человѣка, отдавшаго силы на служеніе Церкви и государству, и даетъ намъ вѣру въ творческую силу русскаго народа; онъ указалъ и путь этого возрожденія „и плоды его разума вѣрны, и имя его будетъ живо во вѣкъ". Что русскій народъ способенъ идти по этому пути, показываетъ его прошлое и идея въ немъ выявляемая, которая не можетъ быть

¹ „Если Европейскій міръ не хочетъ погибнуть подобно Римской Имперіи, онъ долженъ найти религіозный символъ, который могъ бы вырвать души изъ двойного зла, которое оспариваетъ ихъ сегодня: грубый атеизмъ и плоское идолопоклонство".

зачеркнута тѣмъ временнымъ паденіемъ и послѣдующимъ игомъ, которое наложила на него богоборческая власть; это показываетъ, что православіе было его основной движущей стихіей жизни на протяженіи столѣтій, и что, какъ отъ паденія встаетъ раскаявшійся человѣкъ, такъ можетъ встать и цѣлый народъ. Нашимъ надеждамъ можетъ соотвѣтствовать и истина того положенія, которое установилъ знаменитый англійскій мыслитель Эдмундъ Боркъ:

„Aucun pouvoir, aucune institution ne peut rendre les hommes differents de ce que Dieu, la nature, l'éducation et les habitudes les ont fait”¹ (Janet: Philosophie de la révolution française, стр. 16).

Еще Фихте въ своихъ „Reden an die Deutsche Nation”, въ эпоху величайшаго паденія своей націи, установилъ, что великая нація можетъ достигать благосостоянія и развитія, присущаго ея способностямъ, только въ томъ случаѣ, если она будетъ развиваться путемъ самостоятельнымъ, предназначеннымъ для нея самой ея природой и духомъ. Только благодаря упадку ея національнаго чувства, могла произойти катастрофа подчиненія Россіи III Интернаціоналу. Найти въ прошломъ ея вдохновлявшія ея идеи, строившія жизнь націи и государства, есть задача современности, какъ задача духовнаго возрожденія.

Въ чемъ особенность чисто русскаго пониманія христіанства? Спрашиваетъ изслѣдователь древнерусской литературы, и отвѣчаетъ приблизительно такъ: въ цѣльности и чистотѣ христіанства въ пониманія русскаго народа. Русскій народъ, начиная свою исторію и не имѣя положительныхъ основъ для осуществленія пробудившихся стремленій къ жизни — „не вѣсі законъ”, говорили болгары Св. Владиміру, жаждалъ такой вѣры, которая бы создала ему жизнь, вдохнула въ него начала вѣчнаго и цѣльнаго развитія и образовала изъ него народъ, не временно устроенный и счастливый, но вѣчно живой, растущій и размножающійся.

Русскій народъ понялъ, что христіанство — не только возвышеніе началъ вѣры и жизни, но и дѣйствительной жизни съ Богомъ и въ Богѣ.

Та свѣжесть, которою отличалась русская душа, ея свобода отъ всякихъ отвлеченныхъ, самостоятельно составленныхъ воззрѣній и обуславливала собой то, что христіанство охранялось въ ней во всей своей жизненной цѣльности, безъ малѣйшаго предпочтенія какой ли-

¹ „Никакая власть, никакое учрежденіе не можетъ сдѣлать людей отличными отъ того, чѣмъ ихъ сдѣлали Богъ, природа, воспитаніе и обычаи”.

бо одной его стороны, области вѣры, области жизни, напр., или наоборотъ, и въ совершенно евангельской чистотѣ. Эта цѣльность и чистота и составляютъ національное богатство русскаго народа въ пониманіи христіанства. Это богатство выражается въ такомъ видѣ: по принятіи христіанства русскій становится христіаниномъ, содержаніе русскаго отождествляется съ содержаніемъ христіанина, христіанство становится содержаніемъ народности. И если можно назвать національнымъ достояніемъ извѣстнаго народа то, что христіанство стало содержаніемъ его народности, то такое достояніе и принадлежитъ русскому народу. Но тутъ скорѣе приложимъ терминъ „универсальный“, потому что самая національность выражается въ универсальности, **содержаніемъ народности стало то, что универсально.** Поэтому, въ приложеніи къ русскому народу надо сказать, что національнымъ въ пониманіи имъ христіанства является то, что онъ понялъ его универсальное значеніе, что онъ увидѣлъ въ христіанствѣ Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, и такимъ образомъ національной чертой пониманія является универсальность, кафоличность христіанства. Если и стремился жить чѣмъ русскій народъ, то именно чувствомъ Бога. Въ литературѣ своей онъ проявилъ жизнь этого чувства и выявилъ свое пониманіе связи, соединяющей его съ Богомъ.

Какъ Отецъ, Богъ употребляетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы люди, Его дѣти, достигли своего назначенія, и разъ Онъ видитъ ихъ уклоняющимися отъ своего назначенія, допускаетъ имъ испытать всѣ послѣдствія этого удаленія отъ жизни, и на нихъ обрушиваются всевозможныя бѣдствія, какъ результатъ потери жизни въ Богѣ, потери жизни въ любви Божіей, какъ результатъ гнѣва Божіяго. И понятно, что степень этихъ несчастій стоитъ въ прямой зависимости отъ степени участія самого человѣка въ нихъ: тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія преступности грѣха, гдѣ грѣхъ лежитъ въ основѣ жизни, тамъ и его послѣдствія являются обычнымъ явленіемъ, составляютъ самую жизнь: тамъ же, гдѣ есть сознаніе преступности грѣха, гдѣ жизнь должна бы течь совершенно по другому, противоположному руслу, тамъ совершенный грѣхъ, какъ актъ сознательно злой воли самого человѣка, разрушаетъ самую жизнь, уничтожаетъ для грѣшнаго человѣка ея основу, и его послѣдствія бываютъ ужасны.

Богъ представляется сознанію русскаго народа праведнымъ судьей, который непременно и достойно отмщаетъ каждое преступленіе человѣка, и какъ праведный и любящій, никогда не по-

зволяетъ злу восторжествовать надъ добромъ, направляетъ къ благимъ послѣдствіямъ всякое зло въ жизни людей. Всякая неправда, всякій грѣхъ необходимо влечетъ за собой тяжелыя послѣдствія для жизни человѣка, и Богъ, попуская ихъ, является праведнымъ Судьей, отмстителемъ человѣку за его неправды.

Народъ твердо вѣритъ, что никакое зло не можетъ остаться безъ наказаннымъ, что всевѣдущій и праведный Богъ необходимо покараетъ всякую неправду, а потому и стремится на Бога возложить отмщеніе за всѣ обиды свои, предоставивъ Ему счеты со своими врагами.

Въ общественной жизни людей точно также Богъ является премудрымъ и благимъ дѣятелемъ и строителемъ. Онъ даетъ силу и власть духовнымъ пастырямъ и учителямъ народа вести порученныя имъ души по пути спасенія. Ихъ избраніе не можетъ обусловливаться личными желаніями или расчетами извѣстныхъ лицъ, но принадлежитъ волѣ Божіей.

Богъ есть источникъ начала, давшее всему жизнь, и безконечная сила, поддерживающая и направляющая міръ къ его истинной цѣли — добру, сила, которой живетъ все существующее, Богъ такъ близокъ міру, что русскій народъ готовъ былъ въ каждомъ явленіи его видѣть жизнь Бога въ мірѣ.

Какъ высочайшее Благо, движущее жизнь міра, Богъ явилъ Себя и въ исторіи міра, которая, по взгляду русскихъ людей, представляетъ собой исторію любви Божіей къ міру и постепенное приближеніе къ ней со стороны послѣдняго. Богъ есть строитель всей жизни человѣка.

Милосердный Богъ, сотворившій человѣка для вѣчной жизни и, видя его уклонившимся отъ жизни къ смерти, по любви Своей не захотѣлъ допустить его до совершенной гибели. Его любовь не могла перенести такого конца, противоречащаго самому назначенію Его творенія, въ которое Онъ вложилъ Свой Образъ, какъ начало безконечнаго развитія и вѣчной жизни.

Но дѣйствительная жизнь человѣка шла не по пути къ своему Творцу и Первообразу. И, такъ какъ жизнь есть въ своемъ родѣ теченіе, и такъ какъ само теченіе, направившись по новому руслу, не въ силахъ уже возвратиться на прежнее, то то же нужно сказать и о человѣкѣ. Поставивши себя и свою земную волю закономъ своей жизни, человѣкъ могъ только идти впередъ въ этомъ направленіи, укрѣпиться и старѣться въ немъ, но поворотъ къ прежней жизни въ

Богъ для него уже былъ невозможенъ. Препрадой тому былъ онъ же самъ, его эгоизмъ, какъ основа жизни, который нужно было уничтожить и на его мѣсто поставить истинное начало жизни, но сдѣлать это самъ эгоистъ не могъ, потому что въ эгоизмѣ нѣтъ силы жизни, а есть только ея отрицаніе. Но, такъ какъ человѣкъ носить въ себѣ образъ Божій, какъ задатокъ вѣчной жизни, и не былъ только въ силахъ дать ему перевѣсъ въ направленіи своей жизни, то для возвращенія его къ истинной жизни нужно было обновить его природу, уничтожить въ ней земное начало жизни и призвать къ жизни и сдѣлать ея основой и началомъ истинное и Божественное начало въ человѣкѣ. Но дать жизнь, обновить природу умирающую, можетъ только Тотъ, Кто въ Себѣ Самомъ имѣетъ жизнь, только источникъ жизни, только Богъ.

Иисусъ Христосъ сталъ началомъ и источникомъ истинной жизни людей; людямъ остается только усвоить себѣ это Начало и питаться отъ этого Источника для того, чтобы начать новую жизнь. Имъ нужно усвоить Христа, какъ начало Воскресенія въ смерти, т. е. умереть въ Христѣ для своего грѣховнаго прошлаго и воспринять въ себя Источникъ жизни, Который бы развилъ ихъ въ ней и привелъ къ цѣли ихъ теченія — Богу.

Духъ Святой, обитая въ обществѣ послѣдователей Христа, черезъ особыхъ лицъ, Богомъ поставленныхъ пастырей, и совершаетъ спасеніе каждаго человѣка въ отдѣльности, обновляетъ его, вводитъ его въ царство сыновъ Божіихъ.

Если происходило нарушеніе пастырскихъ уроковъ и оказывалось недостаточнымъ строгое учительство, то надо было прибѣгать къ силѣ и власти, чтобы этимъ путемъ сохранить чистоту христіанской жизни. Съ этой цѣлью уставы предоставляли Епископамъ право суда преступленій противъ вѣры и основы Христіанскаго Общества — семьи и нѣкоторыя другія тяжбы. Замѣчательно, что и въ этомъ случаѣ представители Церкви не выдѣляли князей и царей изъ числа другихъ пасомыхъ и, въ случаѣ уклоненія, обличали и карали ихъ. Вотъ русскій подходъ къ христіанству, стремленіе понять его, какъ жизненную силу, и приобщить свою жизнь къ его духу.

Никоновское „Раззореніе" является примѣненіемъ тѣхъ же русскихъ православныхъ взглядовъ въ области политическаго строительства, т. е. углубленіемъ русскаго пониманія христіанства, распространеніемъ его на сферу политическую въ смыслѣ признанія религіозно нравственной обязанности государственной власти имѣть

передъ собой руководящимъ идеаломъ идеаль Церкви. Сознаніе доминирующаго значенія грѣха въ жизни личной и общественной, какъ причины несчастій, слѣдуемыхъ за уклоненіе отъ воли Божіей по испорченности природы человѣка; жизнь чувствомъ Бога праведнаго Судьи, отмщающаго людямъ и ихъ поколѣніямъ каждое преступленіе, всякую неправду, всякій грѣхъ; стремленіе выправить жизнь по канону церковному, какъ средство отрѣшенія отъ личной испорченной грѣхомъ воли человѣка, и стяжаніе вспомошествовающей благодати Духа Святаго — вотъ основные импульсы Никоновскаго ученія. Вотъ почему онъ считалъ, что праведность одного значить больше, чѣмъ милліоны толпъ; вотъ почему отводилъ онъ такое большое значеніе въ государственной жизни началу духовному и старался приобщить жизнь общества къ церковнымъ началамъ: въ Церкви Духъ Святой является строителемъ и совершителемъ жизни. Въ свѣтъ этой основной идеи и нужно разсматривать взгляды Никона на царскую власть, на патріаршество, на полномочія властей и на взаимоотношеніе Церкви и государства.

VII. Въ соотвѣтствіи съ вышеизложеннымъ, предвосхищающимъ во многомъ конечные выводы труда, его планъ раздѣленъ на три части, изъ которыхъ первая излагаетъ основы, изъ которыхъ и на которыхъ выросло Никоновское ученіе: вторая — излагаетъ самое его ученіе, а третья — обстоятельства крушенія его идей въ русской жизни. Иными словами это есть повѣствованіе о неудавшемся Никону строительствѣ Святой Руси или, выражаясь образно, повѣствованіе о соловѣѣ, залетѣвшемъ въ маѣ 1666 г. въ Церковь Иверскаго монастыря, сѣвшемъ на патріаршее мѣсто и спѣвшемъ чудную пѣснь. Но соловей былъ пойманъ и смятъ руками грубыхъ людей: этимъ сообщеніемъ былъ въ свое время обезпокоенъ Никонъ и увидѣлъ въ немъ прообразъ судьбы своей...

Святителю Отче Никоне, моли Бога о насъ!

г. Софія. 27/XI 1927 г.

ЧАСТЬ 1.

Историческая почва и источники никоновских идей.

Глава I. Значеніе существа римской языческой и христiанской религіи для положенiя ихъ въ государствѣ

Отношеніе Римскаго государства къ языческой религіи. Императоръ Понтифексъ Максимусъ. — *Jus sacrum civile* — составная часть государственнаго Римскаго права. Оно не есть самостоятельная область права. — *Jus divinum naturale* связано по своему источнику съ естественнымъ правомъ, регулирующимъ человѣческія отношенія. — Жречество въ пониманіи римлянъ не есть служеніе, установленное богами. — Римская государственная религія не имѣетъ самостоятельной задачи, и управленіе ея дѣлами вѣдаетъ государство. — Права Римскихъ императоровъ въ дѣлахъ культа. — Матеріальныя средства для государственнаго богослуженія въ языческомъ Римѣ даются государствомъ. — Надзоръ за нравственностью въ языческомъ Римѣ — обязанность государства и не дѣло религіи. — Судъ по религіознымъ преступленіямъ въ языческомъ Римѣ принадлежитъ государству. — Резюмѣ о положеніи языческой государственной религіи въ Римѣ. — Церковь христiанская, какъ общество особое съ своими цѣлями, средствами, независимое отъ государства. — О церковномъ законѣ. — Ученіе Іоанна Златоуста о церковномъ законѣ. — Органы церковной власти. — Іоаннъ Златоустъ о церковной власти въ объективномъ смыслѣ. — Характеръ церковныхъ наказаній по Златоусту.

Главной темой, затронутой Никономъ въ его твореніяхъ и жизни, является вопросъ объ отношеніи царской власти къ Церкви. Прежде, чѣмъ говорить о царской власти въ государствѣ православно-христiанскомъ и понять ея положеніе въ немъ, необходимо предположить ея положеніе въ государствѣ языческомъ. Это необходимо для того, чтобы отгнать ту принципиальную перемѣну въ государствѣ въ отношеніи къ религіи, которую создало появленіе христiанства, а также для того, чтобы понять тѣ остатки языческой государственности, которые пережили принятіе христiанства, какъ государственной религіи. Въ этомъ отношеніи для насъ первымъ дѣломъ является опредѣлить отношеніе къ религіи, которое создалось въ Римскомъ государствѣ, традиціи котораго перешли въ Византію, а затѣмъ выяснить то новое, что привнесено христiанствомъ въ отношеніи государства къ новой Богооткровенной религіи. Для послѣдняго необходимо показать ученіе самого христiанства въ лицѣ Отцовъ Церкви о томъ, что такое Церковь, церковный законъ и церковная власть. Также, выясняя отличіе Церкви христiанской отъ языческой Римской государственной религіи, можно понять всю глубину перемѣны въ отношеніи государства къ Церкви и Церкви къ государству, которую мы наблюдаемъ при сравненіи отношеній христiанскаго государя къ своей Церкви съ отношеніемъ государя языческаго государства къ языческой государственной религіи. Если не касаться существа различія христiанской и языческой религіи, то эта перемѣна окажется совсѣмъ непонятной, а при незамѣченности ея возможно перенесеніе вполнѣ естественныхъ явленій въ языческомъ мірѣ въ міръ христiанскій и тѣмъ самымъ искаженіе нормы должныхъ съ точки зрѣнія Церкви отношеній между государствомъ и Церковью. Однимъ изъ такихъ пережитковъ язычества является теорія цезарепапизма, благодаря живучести Римской языческой традиціи. Вопросъ о постановкѣ языческой государственной религіи въ Римской Имперіи

и идейный переворотъ, произведенный христіанствомъ черезъ созданіе Христіанской Церкви, какъ особаго организма, изученъ по подлинникамъ языческой древности проф. Бердниковымъ въ его сочиненіи „Государственное положеніе религіи въ Римской Имперіи“, конечными выводами коего мы и воспользуемся.

Отношеніе Римскаго государства къ языческой религіи. Императоръ Pontifex Maximus.

Римскій принципатъ былъ завершеніемъ Римской демократіи послѣднихъ временъ республики. Власть императора основывалась на верховной волѣ народа. Самодержавіе народа было неизмѣннымъ правиломъ Римскаго государственнаго права до Діоклетіановской монархіи. Лишь въ концѣ III вѣка принципатъ преобразовался въ самодержавіе. Первоначально этотъ народъ составляли патриціи, считавшіе себя источникомъ правительственной власти и единственными хранителями ауспицій, вопрошавшими волю боговъ. Они основывали свои политическія права на исключительныхъ религіозныхъ отношеніяхъ къ богамъ покровителямъ Рима: только они могли править благополучно и согласно волѣ боговъ. *Auspicium* и *imperium* были тѣсно связаны. Римское государство всегда считало необходимымъ для своего благополучія имѣть боговъ-покровителей и чествовать ихъ опредѣленнымъ образомъ, и къ числу главнѣйшихъ обязанностей Римскаго государственнаго чиновника принадлежало принесеніе богамъ отъ лица государства жертвъ и устроеніе положенныхъ праздниковъ и обрядовъ. Этотъ принципъ неразрывности ауспиціи съ имперіумомъ выдерживался на всемъ протяженіи Римской государственности, и различія эпохъ — только въ томъ, что то, что было сначала привиллегіей патриціата, стало впослѣдствіи достояніемъ должностей, созданныхъ Римской демократіей, впослѣдствіи влившихся въ императорскую должность, поглотившую въ себѣ всѣ остальные должности. Сначала жреческія обязанности, будучи составной частью *imperium'a*, выполнялись самими государственными чиновниками и лишь впослѣдствіи были перенесены на особую должность жрецовъ. Однако Римскій государственный (высшій) чиновникъ по прежнему оставался законнымъ представителемъ государства, спрашивающимъ волю боговъ отъ лица государства. Сами полномочія государственныхъ чиновниковъ обозначались *imperium auspiciumque*. Характерно, что народные трибуны, не имѣвшіе *imperium'a*, не пользовались правомъ просить у боговъ знаменій.

Самая власть государственная опиралась на религиозныя чувства, какъ на глубочайшее свое основаніе. Первообразъ власти, власть главы семейства вытекала изъ домашней религіи. Глава семейства — жрецъ у домашняго очага и послѣ смерти — предметъ почитанія для потомковъ; въ гражданской общинѣ не было природнаго священнаго владыки; власть основывалась на передачѣ и скрѣплялась религиознымъ актомъ — клятвой. Клятвой скрѣпляли обѣщанія чиновниковъ въ соблюденіи законовъ при вступленіи въ должность и при оставленіи должности, на ней же держались и международные договоры. Уваженіе къ святости клятвы считалось лучшимъ обезпеченіемъ прочности всѣхъ отношеній. Отъ клятвы освобождались при свидѣтельствѣ только жрецъ Юпитера и весталки, чтобы не осквернился государственный культъ, въ случаѣ клятвопреступленія, и не подверглось государство гнѣву боговъ. Забота по снисканію покровительства боговъ считалась основой государственной дѣятельности, и потому Римское государство исполняло всѣ обязательства по отношенію къ нимъ и умилоствляло ихъ жертвами; оно всегда испрашивало благословенія и согласія боговъ на великія предпріятія. Выходило какъ будто, что многое зависѣло отъ жрецовъ, ибо всѣми дѣйствіями распоряжалась религія; но въ дѣйствительности Римская религія была служебнымъ орудіемъ въ рукахъ государства въ достиженіи имъ своихъ государственныхъ цѣлей. Римская государственная религія не имѣетъ смысла безъ Римскаго государства; она росла и развивалась въ зависимости отъ развитія государства. Варронъ такъ и писалъ, что сначала было основано государство, а потомъ создано государственное учрежденіе религиознаго культа. Она не имѣла безъ государства той самостоятельной жизни, задачи, отличающей ее отъ задачи государства, которую имѣетъ Христіанская религія. Она имѣла задачей оберегать матеріальные интересы государства. Каждый богъ завѣдывалъ какой либо стороною земной человѣческой и государственной жизни; молитвы къ богамъ заключали въ себѣ только просьбы о матеріальныхъ благахъ, у каждаго бога по его специальности, но нравственной стороны жизни и дѣятельности человѣка Римскіе боги не касались. Вопросами нравственности не занимался ни одинъ богъ. **Никто изъ боговъ не предписывалъ и не внушалъ нравственныхъ правилъ. Попеченіе о нравственности народа лежало на семьѣ и государствѣ; безъ боговъ появилась и философская мораль. При отсутствіи нравственныхъ обязанностей передъ богами Римляне ог-**

раничивали свои отношенія къ богамъ принесеніемъ жертвъ и даровъ, и у Римской государственной религіи не могло быть никакихъ разногласій съ государствомъ.

Бердниковъ говоритъ: „У Римской религіи не было своихъ идеаловъ ни интеллектуальныхъ, ни моральныхъ, которые могли бы стать въ разрѣзъ съ видами и стремленіями государства и могли бы сдѣлаться стѣснительными для свободнаго роста послѣдняго, не было своихъ особыхъ интересовъ, въ которыхъ она могла бы столкнуться съ интересами государства, не было особой миссіи на землѣ, выполненіе которой заставляло бы ее въ чемъ либо обособляться отъ государства. Римская государственная религія была поставщицей земныхъ благъ для Римскаго государства по его закону, за условленное вознагражденіе. Государство имѣло съ нею дѣло, потому что находило это выгоднымъ для себя. Оно могло, свободно руководствуясь только своими интересами, ограничить свои отношенія къ ней. И оно это дѣлало, когда находило возможнымъ обойтись безъ ея услугъ”.

Все отношеніе основывалось на формѣ и точности внѣшнихъ пріемовъ исполненія обряда, а впослѣдствіи стали отдѣливаться пустой формой; иногда и обрядъ не совершали, а просто заявляли, что онъ совершенъ: такъ авгуры не наблюдали небо по правиламъ науки, а просто могли возвѣщать, что видѣли благопріятное предзнаменованіе. Государство черезъ это облегчало свои обрядовыя обязательства, а главное могло себѣ обезпечить благоволеніе и согласіе боговъ на всѣ свои предпιάтія. **Выходило, что не боги управляли волей римлянъ, а римляне волей боговъ.** Въ концѣ Римской республики ауспиціи потеряли даже видъ благовидности и открыто стали игрушкой въ рукахъ политическихъ партій.

Августъ Фабій Максимъ откровенно говорилъ: „Что бы ни дѣлали для пользы государства, все дѣлается при добрыхъ ауспиціяхъ, а что было бы предложено во вредъ государству, того не дозволяютъ ауспиціи”. Обращеніе съ Сивиллиными книгами было, также, подъ вліяніемъ политическихъ расчетовъ; онѣ, также, были средствомъ для правительственныхъ лицъ вліять на ходъ общественныхъ дѣлъ: отвѣты давались, примѣняясь къ обстоятельствамъ, къ положенію политическихъ дѣлъ, къ общественному мнѣнію.

Jus sacrum civile — составная часть государственного римского права. Оно не есть самостоятельная область права.

Показателем отношенія Римской религіи къ государству служить Римское священное право. Оно не было самостоятельной областью права по отношенію къ государственному праву, а совпадало съ нимъ по содержанію и задачѣ. Право это — то, что призналъ таковымъ Богъ — *fas*, нарушение установленнаго порядка — нарушение воли Божіей — *nefas*. Однако, наряду съ древними нормами, посвященными религіи, оставшимися для патриціата, появились другія нормы правовыхъ отношеній подѣ санкціей государства. Ради священнаго характера древнія нормы цѣнились выше позднѣйшихъ, и законное во всѣхъ отношеніяхъ называлось соотвѣтствующимъ *jus fasque* или *divinum et humanum jus*. Это *fas*, *jus divinum* по своему содержанію не отличалось отъ *jus humanum*, а только дополняло его. Это — то же самое право, но въ древнѣйшей формѣ, право патриціанское въ противоположность позднѣйшему, болѣе свободному праву (*confarreatio* — *coemptio*, *usus*; *arrogatio* подѣ наблюденіемъ понтифекса — *adoptio* передѣ государственнымъ чиновникомъ). Характеръ священнаго права виденъ и изъ его составныхъ частей — *jus fetiale*, *jus augurum* и *jus pontificium*. ***Jus fetiale* регулировало обряды веденія международныхъ сношеній, веденія переговоровъ, объявленія войны, заключенія мира.** *Jus augurum* регулировало совершеніе ауспиціи во всѣхъ случаяхъ государственной жизни и разсматривало возникавшіе отсюда вопросы государственнаго права. *Jus pontificium* опредѣляло отправленіе культа частнаго и общественнаго, которое соприкасалось съ гражданскимъ правомъ и судебнымъ процессомъ; оно распоряжалось государственнымъ календаремъ и черезъ это вліяло на теченіе государственной жизни. Священное право цѣликомъ входило въ область гражданскаго права и не представляло особенной самостоятельной области права.

У Ульпіана священное право является составной частью государственнаго: *Publicum jusest quod ad statum rei romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem*. *Publicum jus in sacris, in sacerdotibus, in magistratibus consistit*¹. Объ участіи права священнаго въ правѣ частномъ не сказано, ибо частное право уже эманципировалось въ это время отъ священнаго почти совсѣмъ. Правовѣдѣніе было

¹ Публичное право касается положенія дѣлъ общественныхъ, а частное право пользы отдѣльныхъ лицъ. Публичное право нормируетъ священнодѣйствія, обязанности жрецовъ, чиновниковъ.

сподручнымъ дѣломъ для понтифексовъ, ибо правовѣдомъ образованнымъ могъ считаться только тотъ, кто зналъ и право Божественное и человѣческое; самые законы надо было искать въ священныхъ книгахъ.

Знакомство съ греческой философіей дало толчокъ въ области правовѣдѣнія.

Jus divinum naturale по своему источнику связано съ естественнымъ правомъ, регулирующемъ человѣческія отношенія.

Греческая философія показала существованіе права съ новымъ источникомъ, права естественнаго. Съ точки зрѣнія новаго права человѣкъ имѣлъ извѣстныя права по своей природѣ внѣ всякаго соотношенія съ гражданскимъ правомъ. Въ силу него всѣ люди свободны, и рабства нѣтъ; союзъ мужчины съ женщиной, рожденіе и воспитаніе дѣтей, взаимныя отношенія родителей и дѣтей подлежатъ ему; всѣ люди на землѣ безъ различія происхожденія и національности составляютъ одно общество, управляемое однимъ общимъ Божественнымъ закономъ. Это естественное родство налагаетъ обязанности на отношенія другъ съ другомъ: злой умыселъ, коварство, нажива черезъ ущербъ другому противны естественному нраву. Но во всемірное земное общество входятъ и боги. И у всѣхъ людей есть чествованіе боговъ. Изъ этихъ естественныхъ отношеній человѣка къ своимъ богамъ возникаетъ естественное *jus divinum*. Такъ и естественное право, подобно положительному, раздѣляется на *jus divinum* съ принципомъ *religio* и *jus humanum* съ принципомъ *aequitas*. У *jus divinum naturale* другой источникъ, чѣмъ у *jus sacrum civile*; послѣднее установлено гражданами, а *jus divinum naturale* происходитъ изъ естественнаго закона, даннаго природѣ высшей силой. *Jus sacrum civile* дѣйствуетъ въ предѣлахъ установившаго его государства. *Jus divinum naturale* имѣетъ силу во всемъ мірѣ для всѣхъ людей. *Jus sacrum civile*, какъ человѣческое учрежденіе, подлежитъ измѣненію, а *jus divinum naturale* — верховный божественный законъ — долженъ оставаться неизмѣннымъ. *Jus divinum naturale* выше *jus sacrum civile* и служить для него идеаломъ. Но естественное право покоится въ природѣ человѣка, въ его субъективномъ сознаніи и, потому, пока не формулировано въ положительное право, не имѣетъ обязательной силы положительнаго права и на дѣлѣ ему уступаетъ. **Общее между *jus sacrum civile* и *jus divinum naturale* то, что и послѣднее не выдѣляетъ отношеній человѣка къ богамъ изъ отношеній его къ людямъ, и въ естественномъ правѣ священное**

право такъ же нераздѣльно связано съ правомъ человѣческимъ по своему источнику, какъ и въ положительномъ правѣ. Такъ священное право, служившее существеннымъ выраженіемъ римскаго государственнаго культа, не составляло у римлянъ особой правовой области, имѣющей особую задачу, проистекающую изъ особаго источника. Какое же положеніе римское государство отводило служителямъ религіи? Подобно всѣмъ другимъ римскимъ чиновникамъ, служившимъ не для жалованія, а чести ради, и жрецы служили ради чести.

Жречество въ пониманіи римлянъ не есть служеніе, установленное богами.

Жречество у римлянъ не составляло особаго служенія, выше установленнаго. У римлянъ право и обязанность совершать жертвоприношенія были неразрывно связаны съ *imperium*'омъ. Въ частномъ быту жрецомъ былъ представитель власти — глава семейства, рода, коллегіи, братства. Въ государственномъ быту естественнымъ жрецомъ былъ глава государства. Полномочія умиловать боговъ отъ лица государства принадлежали представителямъ государственной власти. Жрецы были только помощниками государственныхъ чиновниковъ въ дѣлѣ умиловленія государственныхъ боговъ, свѣдущими и опытными въ дѣлахъ особой важности. Жрецы не имѣли *imperium*'а, и, слѣдовательно, не могли самостоятельно распоряжаться государственнымъ культомъ. Они не могли и вступать въ должность безъ помощи чиновника, обладающаго *imperium*'омъ.

Римская государственная религія не имѣетъ самостоятельной задачи и управление ея делами вѣдаетъ государство.

У Римской государственной религіи не было своей самостоятельной задачи, отдѣльной отъ задачи государства, и потому она не имѣла своей особой организаціи, подобной той, которую мы видимъ въ Христіанской Церкви. Помимо участія въ гражданствѣ нельзя было получать доступа къ участию въ государственномъ культѣ; право участія въ государственномъ культѣ было доступно только римскимъ гражданамъ. Управление дѣлами религіи не отдѣлялось отъ управленія дѣлами государства, интересамъ котораго служила религія. Оно было въ вѣдѣніи и распоряженіи государственныхъ властей, какъ составная часть государственнаго управленія. Право законодательства въ дѣлахъ религіи принадлежало тѣмъ же властямъ, какъ и государствен-

ное законодательство. Государственный законъ регулировалъ вмѣстѣ съ государственными дѣлами и религіозныя дѣла. Обычай не только регулировалъ житейскія отношенія, но и религіозныя дѣла. Онъ былъ уставомъ при отправленіи богослуженія, училъ богопочтенію, руководилъ дѣятельностью понтифексовъ. Что **касается органовъ законодательства по дѣламъ религіи,** то таковыя выступаютъ по очереди по мѣрѣ измѣненія органовъ законодательной власти: цари; народныя комиціи, Сенатъ, Императоры. Послѣдніе до Діоклетіана издавали только постановленія съ силой закона, осуществляя свои права въ различныхъ формахъ: въ эдиктахъ (общія распоряженія о томъ или другомъ вопросѣ), въ рескриптахъ и посланіяхъ (гдѣ они давали свои отвѣты на вопросы правительственныхъ и частныхъ лицъ), въ декретахъ (судебныя рѣшенія), въ манда-тахъ, (инструкціи чиновникамъ). Они же издавали эдикты *de ceremoniis publicis*, о погребеніи тѣлъ, въ пользу и противъ іудеевъ и христіанъ. Сенатъ давалъ разрѣшенія на отлучку жрецовъ изъ Рима, на освобожденіе жены Фламина Юпитера отъ юридической власти мужа, распоряжался о всѣхъ отношеніяхъ кромѣ богослужебныхъ, о правѣ убѣжища въ храмахъ, о непринятіи въ число государственныхъ боговъ Іисуса Христа, о коллегіи гаруспексовъ. **Правительственныя полномочія въ дѣлахъ культа, какъ видно, принадлежали государственнымъ властямъ, правившимъ и государственными дѣлами.** Попеченіе о дѣлахъ религіи прежде всего принадлежало высшему чиновнику римскаго государства — консулу, диктатору. Консулъ назначалъ празднества по особымъ случаямъ, принималъ мѣры къ умилоствленію боговъ и по поводу чудесныхъ знаменій, давалъ обѣты за государство, совершалъ посвященія богамъ храмовъ, принималъ мѣры въ случаѣ отступленія отъ правилъ отечественныхъ культовъ. **Высшій чиновникъ государства былъ стражемъ религіи, не только государственнаго порядка.** Иногда выбирались особые чиновники съ спеціальными полномочіями въ дѣлѣ культа: диктаторы для устроенія игръ, для совершенія нарочитаго празднества, для закладки и постройки храмовъ, тріумвиры для пересмотра жертвоприношеній и даровъ, приносимыхъ богамъ.

Римскіе республиканскіе чиновники управляли дѣлами государства, но подъ верховнымъ надзоромъ Сената, который во время республики вѣдалъ всѣми религіозными дѣлами. Сенатъ заботился о поддержаніи государственнаго культа въ чистотѣ и неповрежденности и принималъ мѣры къ устраненію уклоненія отъ отечественныхъ

обычаевъ. Онъ заботился о поддержаніи мира между государствомъ и богами, онъ давалъ распоряженія о совершеніи обряда для умилоствленія боговъ; только онъ могъ справляться въ Сивиллинныхъ книгахъ о средствахъ умилоствленія боговъ. Онъ назначалъ благодарственные молебствія, жертвоприношенія, тріумфы; онъ назначалъ средства на это. Никакая перемѣна въ культъ недопустима была безъ Сената. **Съ развитіемъ демократическаго направленія въ римскомъ государствѣ народныя собранія заявляли притязанія и на верховенство въ дѣлахъ религіи.** Безъ согласія народа нельзя было дать объѣтъ, связывавшій государство; народъ разбиралъ жалобы на верховныхъ понтифексовъ; онъ по жалобѣ чиновника заставлялъ понтифекса совершать нужный обрядъ; онъ разбиралъ пререканія между органами религіознополитической власти. Во время имперіи полномочія народа были перенесены на Сенатъ и на императора; между ними раздѣлены правительственные полномочія и въ дѣлахъ религіи; Сенатъ сообщалъ первосвященническое достоинство императору, назначалъ праздники и богомолья, когда того требовали особые случаи, дѣлалъ постановленія о пополненіи списка боговъ новыми богами.

Права Римскихъ императоровъ въ дѣлахъ культа

Императоры, совмѣщавшіе въ своемъ лицѣ должности всѣхъ республиканскихъ чиновниковъ, а также понтифекса и другихъ жрецовъ, пользовались естественно всѣми ихъ правами и исполняли ихъ обязанности по отношенію къ культу. Они заботились о возстановленіи запущенныхъ храмовъ, принимали мѣры къ поддержанію культа, къ сохраненію его въ чистотѣ, къ пресѣченію уклоненій отъ него, дѣлали распоряженія объ умилоствленіи боговъ, судили и наказывали весталокъ за нарушеніе цѣломудрія, пользовались правомъ назначать жрецовъ сверхъ штата по своему усмотрѣнію, дѣлали перемѣны въ уставѣ богослуженія, исправляли государственный календарь, учреждали новыя празднества, вводили чествованіе новыхъ боговъ съ назначеніемъ особыхъ жрецовъ, освобождали частныхъ лицъ отъ религіозныхъ обязательствъ передъ богами, были цензорами по изданію книгъ религіознаго содержанія. Во многихъ случаяхъ императорами усвояются права, которыя принадлежали *de jure* Сенату. По существу императоры дѣйствовали одни, хотя и черезъ посредство Сената, утратившаго фактическое значеніе республиканскаго времени: всѣ важнѣйшія дѣла въ Сенатѣ начина-

лись по инициативѣ императора и рѣшались по его волѣ. Ближе къ III вѣку все больше растетъ единоличное распоряженіе императора дѣлами государственной религіи за счетъ Сената. Жрецы въ управленіи религіозными дѣлами вообще не имѣли самостоятельной власти, но оказывали содѣйствіе государственнымъ чиновникамъ: напримѣръ, составляли уставъ богослуженія при посвященіи храма, о положеніи и правахъ храма для занесенія въ книгу, помогали чиновникамъ произносить формулу при посвященіи храма. Сенатъ запрашивалъ мнѣніе жрецовъ (Коллегіи понтифексовъ, квиндецемвировъ, авгуровъ), когда надо было умиловить боговъ, или возбуждался вопросъ о постройкѣ храма. **Но отвѣты ихъ имѣли юридическую силу только отъ утвержденія Сената, а не отъ жрецовъ;** раньше этого рѣшенія они и не приводились въ исполненіе. Жрецы, какъ свѣдующіе люди, естественно пользовались уваженіемъ Сената и народа. Они лучше знали, чѣмъ обязано государство передъ богами, не нарушенъ ли договоръ его съ богами, чѣмъ утолить ихъ гнѣвъ, какъ лучше согласить предположенный обрядъ съ правилами отечественнаго культа, какой культъ установить новому богу и т. д. **Но Сенатъ и народъ (а позже императоръ) имѣли рѣшающій голосъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, не исключая и религіозныхъ.** Сенатъ обычно утверждалъ постановленія жрецовъ, но не въ силу ихъ обязанности такъ поступать, а потому, что жреческія коллегіи согласовались съ политикой Сената; въ эти коллегіи попадали лица испытанной государственной мудрости, прошедшія много государственныхъ должностей. Съ появленіемъ императорской власти роль жрецовъ еще болѣе стушеввалась; императоры замѣщали жреческія мѣста по своему усмотрѣнію, и распоряжались дѣлами жреческихъ коллегій. Со времени императора Адріана была должность намѣстника коллегіи понтифексовъ, дѣйствовавшая именемъ императора, чтобы вліяніе императора не ослаблялось въ его отсутствіе. **Вліяніе на дѣла прочихъ жрецовъ зависѣло отъ отношеній къ нимъ императора. Высшая жреческая должность верховнаго понтифекса стала необходимой принадлежностью императорскаго сана, составной частью императорскихъ прерогативъ.** Началось это съ учрежденіемъ должности намѣстника коллегіи понтифексовъ, поставившимъ верховнаго понтифекса отдѣльно отъ коллегіи; **рѣшительно же выразилось въ усвоеніи верховнаго понтификата обоимъ Августамъ въ 257 г. Первосвященство сдѣлалось принадлежностью императорскаго сана, потеряло свой мѣстный**

римскій характер и стало дѣйствовать во всей имперіи. Провинціальныя намѣстники стали представителями не одной политической, но и религіозной власти императора.

Жрецамъ не принадлежало самостоятельное законодательство, ихъ поставленія не имѣли силы закона, хотя они и имѣли извѣстное вліяніе на развитіе священнаго права. Они имѣли *jus respondendi* въ запутанныхъ юридическихъ дѣлахъ и судья принималъ ихъ къ руководству, хотя они и не имѣли обязательной силы. Понтифексы имѣли право изъяснять законы и помогать совѣтами въ юридической практикѣ; особенно имъ принадлежало право разъяснять религіозныя уставы и пополнять въ нихъ пробѣлы. Верховный понтифексъ имѣлъ *jus edicendi* — право издавать обязательныя распоряженія относительно совершенія обрядовъ; **во время имперіи *jus edicendi* по должности верховнаго понтифекса принадлежало императору и послужило источникомъ его распоряженій по религіознымъ дѣламъ. Къ нему же перешло и *jus respondendi* по религіознымъ вопросамъ,** а у другихъ жрецовъ это право оставалось въ самой ограниченной степени.

Надзоръ за нравственностью въ языческомъ Римѣ — обязанность государства и не дѣло религіи.

Надзоръ за нравственностью народа лежалъ не на жрецахъ, а на правительственной, государственной и семейной власти. Нравственность была долгомъ гражданина, а не дѣломъ угожденія богу. *Mores patrum* — совокупность правилъ, которыхъ долженъ держаться хорошій гражданинъ въ отношеніи къ богамъ, къ семьѣ, обществу и государству. **Отступленіе отъ нихъ вызывало гнѣвъ боговъ но не потому, чтобы это было грѣхомъ въ смыслѣ нарушенія нравственнаго закона, а потому что было нарушеніемъ правилъ общежитія, освященнаго покровительствомъ боговъ.** Глава семьи былъ обязанъ слѣдить за соблюденіемъ *mores patrum* членами семьи и отвѣчалъ за это передъ государствомъ: его вѣдѣнію подлежали не только семейныя, но и политическіе или религіозныя поступки членовъ семьи. Глава государства былъ блюстителемъ нравовъ народа. Императоры наблюдали сначала по должности цензоровъ на основаніи обычая предковъ, а потомъ по своему усмотрѣнію. **Судъ по важнѣйшимъ религіознымъ преступленіямъ принадлежалъ государственнымъ чиновникамъ.**

Судъ по религіознымъ преступленіямъ въ языческомъ Римѣ принадлежалъ государству.

Жрецы помогали государственнымъ властямъ своей опытностью въ рѣшеніи вопроса о томъ, совершено ли нарушеніе священныхъ уставовъ, и чѣмъ можетъ быть заглажено преступленіе, но **сами жрецы не имѣли власти суда и расправы за исключеніемъ верховнаго понтифекса.** Онъ наказывалъ весталокъ за упущенія по должности, за нецѣломудренную жизнь и вообще за ихъ проступки: въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ на основаніи домашняго суда, ибо онъ заступалъ по волѣ государства мѣсто родного отца, юридической власти котораго подчинялись вообще незамужнія женщины, неосвобожденные отъ этой власти. **Понтифексъ могъ наказывать и фламинновъ.** Но жрецы не пользовались особой подсудностью не только по обыкновеннымъ преступленіямъ, но и по преступленіямъ противъ должности. Удаленіе жрецовъ отъ должности за неумѣніе совершать жертвоприношеніе происходило подъ вліяніемъ Сената, который заставлялъ слагать должности государственныхъ чиновниковъ; дисциплинарныя взысканія верховнаго понтифекса на жрецовъ и на весталокъ подлежали обжалованію въ Народное Собраніе. Народное Собраніе во время республики имѣло въ религіозныхъ дѣлахъ право высшаго рѣшенія. Государство карало религіозныя преступленія, ибо они влекли гнѣвъ боговъ — покровителей государства и могли нанести прямой ущербъ государству: поэтому государство карало ихъ, какъ преступленія уголовныя, насколько они угрожали его благосостоянію; безъ этого оно и не стало бы ихъ наказывать.

Матеріальныя средства для государственнаго богослуженія въ языческомъ Римѣ даются государствомъ.

Матеріальныя средства для совершенія государственнаго богослуженія доставлялись государствомъ; содержаніе на счетъ государства — одинъ изъ существенныхъ признаковъ государственнаго культа: государственный богъ и содержаться долженъ былъ на счетъ государства.

Главнымъ средствомъ обезпеченія были недвижимыя имѣнія. Предметъ, назначенный въ пользу бога, посвящался ему посредствомъ особаго священнаго юридическаго акта *consecratio*, послѣ чего онъ выходилъ изъ гражданскаго оборота, становился *extra commercium*, не могъ быть проданъ, отданъ въ частную собственность, отданъ подъ залогъ, обложенъ сервитутомъ и т. д.; по

отношенію къ священнымъ предметамъ не имѣла мѣста давность. **Посвященное богу могло быть лишено священнаго характера черезъ постановленіе власти, отъ которой исходило посвященіе, т. е. Народнаго Собранія, Сената или императора, по заявленію объ уничтоженіи посвященія: тогда предметъ терялъ свое религіозное значеніе и поступалъ въ гражданскій оборотъ. Res sacrae оставались государственнымъ имуществомъ, но считались посвященными богамъ. Государство римское завѣдывало и управляло священнымъ имуществомъ, священными зданіями, наравнѣ съ прочими своими имуществами и черезъ тѣхъ же чиновниковъ. Оно черезъ цензоровъ отдавало въ аренду имѣнія храмовъ и жреческихъ коллегій, отдавало подряды на постройку священныхъ зданій, провѣряло отчеты по постройкамъ, наблюдало черезъ Эдиловъ за цѣлостью и содержаніемъ священныхъ зданій. Жрецамъ же принадлежало въ дѣлѣ завѣдыванія и распоряженія священнымъ имуществомъ только право ближайшаго расходованія суммъ, поступившихъ въ ихъ кассу по распоряженіямъ и подъ контролемъ государственныхъ чиновниковъ. Если къмъ либо нарушалось право священной собственности, то заботился о возстановленіи права не храмъ или жреческая коллегія, а государство въ лицѣ своихъ цензоровъ, коллегія понтифексовъ однако запрашивалась по вопросу, дѣйствительно ли было посвящено это мѣсто, и не уничтожено ли было посвященіе въ послѣдствіи. При крайней нуждѣ въ матеріальныхъ средствахъ государство обращалось къ своимъ имуществамъ, отдѣленнымъ на поддержаніе культа, и употребляло ихъ на покрытіе расходовъ по другимъ своимъ надобностямъ. Какъ собственность государства, назначенная для особыхъ цѣлей, священныя имущества не подлежали государственному налогу. Подъ sacrum вообще разумѣлось посвященное богамъ отъ имени государства законной властью въ установленной формѣ: частная и семейная святыня не считалась sacrum.**

Резюме о положеніи языческой государственной религіи въ Римѣ.

Какъ конечный выводъ, надо принять, что римская государственная языческая религія не имѣла своей особой самостоятельной задачи, а служила цѣлямъ и интересамъ государства. Римское священное право не составляло особой правовой области, а было неразрывной составной частью римскаго государственнаго права. Исполненіе долга государства по отношенію къ

богамъ - покровителямъ составляло неперемѣнную обязанность и право государственныхъ чиновниковъ, а жрецы были только помощниками чиновниковъ при совершеніи обрядовъ, отвѣтственные за техническое исполненіе обряда. По своей правительственной организаціи область культа не отдѣлялась отъ организаціи государства, а составляла нераздѣльную часть государственнаго организма. Законодательство по дѣламъ культа, управленіе и судъ въ религіозныхъ дѣлахъ принадлежали государственнымъ чиновникамъ съ участіемъ верховнаго понтифекса, который имѣлъ нѣкоторую долю *imperium'a*. Матеріальныя средства, необходимыя для поддержанія государственнаго культа, доставлялись государствомъ и были необходимой статьей расхода въ государственномъ бюджетѣ Рима. Государственная религія была *religio civilis* въ собственномъ смыслѣ. Таковъ былъ римско-языческій типъ государственнаго положенія религіи, опредѣлившійся природой языческой религіи съ одной стороны, а съ другой — складомъ Римскаго государства. Римская государственная религія совершенно забывала духовную сторону человѣка и покровительствовала всѣмъ его земнымъ интересамъ; въ послѣднемъ отношеніи не было потребности, о которой она бы не позаботилась; также и въ отношеніи къ государству: она участвовала во всѣхъ отправленіяхъ его внутренней жизни. Въ домѣ она дѣлалась домашней религіей, въ родѣ заботилась объ интересахъ рода, въ государствѣ была его слугой всюду, гдѣ нужна была ея помощь; она празднуетъ его успѣхи, терпитъ съ нимъ пораженія, идетъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ нимъ и погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Государство же видитъ въ этой религіи принадлежность государственной жизни и потому вѣдаетъ ея законодательствомъ, управленіемъ и судомъ. Религія — слуга человѣческаго общежитія и для государства стала орудіемъ его собственныхъ цѣлей. Въ соотвѣтствіи съ положеніемъ императора въ религіи и титулъ его гласитъ: Тиверій Клавдій, цезарь Августъ, Германикъ Pontifex Maximus, трибунъ, консулъ.

Государство смотрѣло на религію, какъ на государственное учрежденіе и считало въ правѣ ею распоряжаться. Этотъ взглядъ пережилъ признаніе христіанства государствомъ и вліялъ на построеніе церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи, а черезъ нее и въ Россіи, хотя христіанство не могло не вступить съ нимъ въ борьбу. Онъ совершенно не мирится съ отношеніемъ христіанства къ человѣческому общежитію. Христіанство обращаетъ взоръ къ небес-

нымъ благамъ челоѣка, не заботясь о земныхъ благахъ; оно призвано къ спасенію людей, а не къ благоустроенію ихъ на землѣ. Оно имѣетъ особую самостоятельную задачу и выполняетъ ее своими средствами. Ни въ происхожденіи своемъ, ни въ существованіи Церковь Христова не зависитъ отъ государства, какъ учрежденіе, установленное Самимъ Богомъ; она имѣетъ свой законъ, управленіе и судъ; ея природа требуетъ независимости отъ другихъ челоѣческихъ союзовъ во внутреннихъ дѣлахъ. Сливать Церковь въ одинъ организмъ съ государствомъ, съ подчиненіемъ Церкви государству, какъ это дѣлаетъ римско-языческій принципъ, значитъ забывать существенную природу Церкви, требующую особаго и самостоятельнаго во внутреннихъ дѣлахъ существованія, и подчиняться языческой традиціи. Христіанская Церковь, поскольку она является видимымъ учрежденіемъ на землѣ, въ государственномъ отношеніи можетъ подчиняться государству и притязать на его защиту, но она не можетъ отказаться отъ признанія себя самостоятельной, независимой отъ государства организаціей и отъ права самостоятельно регулировать свою внутреннюю жизнь и самостоятельно выполнять свою просвѣтительную и освящающую миссію. Ея призваніе — не подчиняться во внутреннихъ дѣлахъ государству, а преобразовать жизнь міра сего, живущаго по челоѣческимъ стихіямъ, по стихіямъ міра иного. Сама Византія, показывавшая живучесть языческихъ традицій, показала и то, что она не отказывалась отъ борьбы съ этими традиціями, и выдвинула другую идею — идею оцерковленія государства. Но прежде еще Церковь должна была отстоять право на признаніе за собой положенія, подобающаго учрежденію Божественному съ цѣлями совершенно самостоятельными и средствами совершенно особыми.

Церковь Христіанская какъ общество особое съ своими цѣлями, средствами, независимое отъ государства.

Ученіе о Церкви Христовой, какъ особомъ религіозномъ учрежденіи, и отношеніи ея къ семьѣ, обществу и государству должно основываться на Священномъ Писаніи и твореніяхъ Св. Отцовъ Церкви, изъ которыхъ Іоаннъ Златоустъ, какъ Св. Отецъ, наиболѣе занимавшійся вопросами о приложеніи истинъ Откровенія къ земной жизни, останавливаетъ наибольшее вниманіе. Онъ для насъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что онъ оказалъ преимущественное вліяніе на Никоновскія воззрѣнія.

Церковь явилась обществомъ, небывалымъ въ исторіи древняго человѣчества: это было общество не отъ міра сего, происхожденія Божественнаго, не человѣческаго. Самъ Сынъ Божій его основаль. Проповѣдники Слова Его, исполняя Его волю, не спрашивали на то разрѣшенія государственныхъ властей, а, когда имъ запрещали проповѣдывать, они говорили, что Богу повиноваться надо болѣе, нежели людямъ. Цѣль существованія Церкви Божіей не имѣетъ ничего общаго съ назначеніемъ человѣческихъ обществъ. Церковь Божія не призвана обезпечивать земныя блага, а призвана продолжать начатое Ея Главой-Христомъ дѣло спасенія людей. Церковь Христова имѣетъ свою организацію, законъ и власть. Этотъ законъ и организація уже предполагаются Божественнымъ Происхожденіемъ и особымъ назначеніемъ Церкви Христовой. Законъ этотъ и данъ Самимъ Основателемъ Церкви (Іак. 1, 25; 2, 8—11; 4, 12; Рим. 3, 27; Фил. 3, 16, 17; 4, 9; 2 Тим. 1, 13; 4, 3; Евр. 7, 12). Законъ этотъ обнимаетъ образъ поведенія и образъ мыслей и душевныхъ расположеній. Онъ содержитъ въ себѣ правила вѣры, правила христіанскаго богопочтенія и богослуженія, правила христіанской нравственности, правила церковнаго устройства, управленія и суда. Законъ христіанскій данъ Самимъ Сыномъ Божиимъ во время Его земной жизни, потомъ разъясненъ и дополненъ Его учениками, лично слышавшими Его ученіе и получившими подробныя наставленія объ устроеніи Церкви Божіей на землѣ, и развитъ послѣдующими пастырями Церкви.

Златоустъ опредѣляетъ Церковь такъ: **Церковь есть общество вѣрующихъ въ Іисуса Христа, поставившихъ своей цѣлью приготовленіе къ жизни лучшей, безсмертной, нетлѣнной.** Ради этой высокой цѣли они (члены Христовой Церкви), презрѣвъ блага земной жизни, какъ временныя и сами по себѣ ничтожныя, **ведутъ свою жизнь такъ, что, живя на землѣ, образуютъ изъ себя царство не отъ міра сего, „государство небесное“, гражданство Новаго Іерусалима всѣхъ вѣрующихъ во Христа.** Что Церковь есть Царство не Отъ міра сего, сказано во многихъ мѣстахъ Писанія (Іоанна 6, 15; 17, 16; 18, 36; Дѣян. 1, 6, 7). Церковь имѣетъ вселенскій характеръ (Мѡ. 28, 19; Марк. 16, 15). Что Іисусъ Христосъ Глава Церкви и верховный Ея Пастырь (См. Іоанна 10, 14—16; Матѡ. 28, 18—20; 23, 8; Лук. 10, 16; Евр. 3, 1; 4, 14; 5, 5, 10; 7, 24—8, 6; 1 Петр. 5, 4.).

„Христосъ есть Глава Церкви, глава естественно соединяетъ всѣ члены, вѣрно направляетъ ихъ другъ къ другу и связываетъ ихъ между собой" (Злат. Сл. 111, 460).

„Какъ тѣло и глава составляютъ одного человека, такъ и Церковь и Христосъ... едино суть... Какъ наше тѣло есть нѣчто единое, хотя состоятъ изъ многихъ членовъ: такъ и въ Церкви всѣ мы составляемъ нѣчто единое, ибо, хотя она состоятъ изъ многихъ Членовъ, но эти многіе суть одно тѣло... Ибо всѣ мы имѣемъ одну и ту же главу и родились одинаковымъ крещеніемъ, всѣ мы приступаемъ къ одному и тому же таинству, вкушаемъ отъ одной и той же трапезы". (Б. на 1 Кор. 11, 145—147).

Церковь управляется пастырями, получившими рукоположеніе отъ Св. Духа и дѣйствующими подъ Ёго руководствомъ.

Послѣдователи христіанской вѣры въ стремленіи своемъ съ земли на небо и въ заботахъ „прежде всего о душѣ", чтобы устроить жизнь свою на новыхъ, установленныхъ Христомъ и Апостолами началахъ, соединяются вмѣстѣ въ одно общество и составляютъ Церковь. **„Развѣ Церковь стѣна? Церковь — во множествѣ вѣрующихъ. Вотъ сколько твердыхъ столповъ, не желѣзомъ связанныхъ, но скрѣпленныхъ вѣрою"** (Сл. Злат. на р. сл. II, 530—1). „Церковью я называю не только мѣсто, но и нравы, не стѣны. Церковь — **не стѣны и не кровля, но вѣра и жизнь**" (Ів. 468) (Слова, которыя неоднократно приводитъ въ своемъ „Раззореніи" Никонъ и проводить ихъ въ жизнь). Какъ руководимая Самимъ Богомъ, она ничѣмъ не можетъ быть побѣждена. „Изреченіе Владыки Апостоловъ оградило Церковь новымъ и необыкновеннымъ способомъ огражденія. Не дерево и камни Онъ сложилъ, чтобы построить ея ограду; не проводилъ рва и извнѣ не вколачивалъ свай и не воздвигалъ башенъ, чтобы обезопасить ее; но изрекъ только два слова: "На семь камней созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей" (Мѡ. 16, 18). Вотъ стѣна, вотъ ограда, вотъ пристань и прибѣжище (Сл. на р. м. II, 284). „Не смотри, что это слова, но это — слова Божіи... Чему же ты удивляешься, если Тотъ, Кто словомъ утвердилъ небо, основалъ землю и тѣмъ же словомъ оградило Церковь, которая драгоцѣннѣе неба, земли и моря? (Ів. 288). **Вотъ потому то нѣтъ ничего сильнѣе Церкви... Когда ты воюешь съ Церковью, то побѣдить тебѣ невозможно, потому что Богъ сильнѣе всѣхъ. Богъ утвердилъ, кто осмѣлится поколебать Церковь сильнѣе неба: небо и**

земля прейдуть, говорить Господь" (Сл. на раз. сл., сл. 1, 529, ib. 339). Многія гоненія, испытанныя Церковью, опровергають тѣхъ, которые предположили бы, что Церковь существуетъ благодаря поддержкѣ гражданской власти. „Что бы ты ни говорилъ, что Церковь стоитъ твердо по причинѣ мира съ царями, Богъ попустилъ ей терпѣть гоненія тогда, когда она была меньше и, казалось, слабѣе; да познаешь изъ этого, что и нынѣшняя твердость ея зависитъ не отъ мира съ царями, а отъ силы Божіей" (Слово III, 548). „Если не вѣришь слову, вѣрь дѣламъ. **Сколько было тирановъ, хотѣвшихъ одолѣть Церковь? И не одолѣли. А Церковь? Она сіяетъ свѣтлѣе солнца**" (Сл. на р. сл. II, 530).

„Нѣтъ ничего равнаго Церкви... Сколько было нападавшихъ на Церковь, и нападавшіе сами погибли. А она возшла выше небеси. Таково величіе Церкви: когда нападаютъ на нее, она выживаетъ, когда злоумышляютъ противъ нея, она преодолеваетъ; когда оскорбляютъ ее, она становится свѣтлѣе, получаетъ раны и не падаетъ отъ ранъ; подвергается волнамъ и не утопаетъ; обуревается и не терпитъ кораблекрушенія" (Сл. на р. сл. II, 470). „Христосъ могъ не допустить, чтобы Церковь испытывала бѣдствія. Почему же Онъ допустилъ? Потому что гораздо важнѣе допустить искушеніе и сдѣлать, чтобы отъ нихъ не происходило никакого зла, нежели не допустить ихъ. Посему Онъ допустилъ всѣ искушенія, чтобы сдѣлать ее опытнѣйшей (Сл. на р. сл. II, 284—285), чтобы она воздвигла себѣ славнѣйшій трофей (Сл. на р. сл. II, 470). Непобѣдимость Церкви объясняется тѣмъ, что съ ней Христосъ, ея Глава. Законы для нея установлены Богомъ и Учениками".

О церковномъ законѣ.

Проповѣдь апостоловъ есть Слово Божіе (1 Сол. 2, 13; 4, 15; 2 Кор. 2, 17), Откровеніе Божіе (Гал. 1, 11, 12; Еф. 3, 3—5); заповѣди апостоловъ суть заповѣди Господни (1 Сол. 4, 2; 5, 18; 1 Кор. 7, 10, 19; 14, 37; 2 Петра 2, 21), переданныя черезъ апостоловъ (2 Петра 3, 2; Злат. на р. м. Св. Пис. II, 481, 492, 493, 501), и опредѣленія послѣдующихъ пастырей Церкви имѣли также Божіе происхождение и значеніе, потому что служатъ только раскрытіемъ и дополненіемъ тѣхъ основоположеній, какія даны Церкви Самимъ Основателемъ Церкви и изданы по Божественному полномочію (Мѡ. 28, 20; Лук. 10, 16) и подъ руководствомъ Святаго Духа, живущаго въ Церкви (Дѣян. 15, 28). Вообще въ Церкви Христіанской, которая есть Домъ

Божій и Жилище Св. Духа, „Тѣло Христово, возглавляемое Единороднымъ Сыномъ Божиимъ, не можетъ ничего совершаться безъ воли Божіей, не можетъ быть другого закона, кромѣ Божественнаго. Всѣ заповѣди, дѣйствующія въ Церкви, называются Божественными" (Злат. на разн. случ. II, 347—349; на Мѡ. 1, 364, 366; II, 380, 471. На Дѣян. II, 92; на 1 Кор. 1, 290; II, 299). Воля Божія — единственный первоисточникъ закона христіанскаго, дѣйствующаго въ Церкви Христовой (1 Петра 2, 15, 19; Еф. 1, 9; 5, 17; 6, 6; Евр. 13, 21; Мѡ. 7, 21; Рим. 12. 2; 1 Сол. 4, 3; 5, 18; Кол. 2, 8, 12; 1 Тим. 2, 3, 4; Тит. 1, 14); другого источника церковныхъ правилъ быть не можетъ (Іак. 4, 12; Злат. на Мѡ. 1, 14).

Законъ церковный отличенъ отъ закона человѣческаго не только по происхожденію, но и по значенію. Законъ церковный опирается не на матеріальную силу, а на нравственный авторитетъ, на сознаніе его Божественнаго происхожденія, на необходимость его для спасенія. Божественный законъ, не имѣя матеріальной принудительности, еще болѣе дѣйствителенъ для человѣка, ибо онъ усваивается всѣмъ существомъ человѣка, и опредѣляетъ его волю, такъ что здѣсь больше гарантій въ его исполненіи, чѣмъ при вынужденномъ подчиненіи государственному закону. Воля Божія для вѣрующаго всего выше, акты мучениковъ даютъ доказательства силы закона, опирающагося исключительно на религіозныя убѣжденія.

Ученіе Іоанна Златоуста о церковномъ законѣ.

Законъ каждаго общества указываетъ, какъ нужно жить, чтобы достигнуть цѣли, преслѣдуемой обществомъ.

Златоустъ спрашиваетъ христіанъ, соблюдавшихъ іудейскіе обычаи. „Что же? Ты христіанинъ? Для чего же слѣдуешь обычаямъ іудеевъ? Или ты іудей? Такъ зачѣмъ безпокоишь Церковь? Персы не соблюдаютъ ли того, что ведется у персовъ? Варваръ не слѣдуетъ ли обычаямъ варваровъ? **Живущій въ римскомъ государствѣ не подчиняется ли нашему уставу? Какъ же ты думаешь спастись, уклоняясь къ незаконнымъ іудейскимъ обычаямъ?**" (Слов. III, 532). „Здѣсь (въ Церкви) единственно можно научиться не только тому, чѣмъ будешь ты послѣ этой жизни и какъ будешь тогда жить, но и тому, какъ управлять настоящую жизнь... **Этотъ домъ есть духовная лечебница**" (Б. на Іоан. 1, 31). „Ап. Павелъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы..., вступивъ черезъ крещеніе въ Церковь, измѣнивъ прежніе нравы, **стали слѣдовать новымъ правиламъ**" (Б. на Рим.

220). Эти правила — Божественные законы, ниспосланные для нашего спасенія, научающіе тому, что нужно для нашего спасенія, содержащіе въ себѣ „ученіе совершенной жизни“, „вышія правила жизни“. **Законы эти должны быть исполнены членами Церкви; только тогда возможны христіанину достиженія его цѣлей, а за неисполненіе законовъ онъ подлежитъ отвѣтственности.** Этимъ христіанскій „законъ“ отличается отъ христіанскаго „совѣта“. „Не одно и то же совѣтывать и давать законъ. Кто даетъ законъ, тотъ желаетъ, чтобы предписанное непременно было исполняемо, а кто совѣтуетъ, увѣщаетъ и представляетъ на волю слушающаго избѣжать то, о чемъ говорить, тотъ дѣлаетъ слушателя властнымъ принять и не принять“ (Сл. на р. м. II, 439). Заповѣдь „не приносить дара къ алтарю, не примирившись прежде съ братомъ своимъ“ (Мѡ. 5, 23—24), — повелѣніе, такъ что неисполняющій этого необходимо подлежитъ наказанію. Когда же Господь говоритъ: еще хочеши..., продаждь имѣніе твое и проч. (Мѡ. 19, 21), то это — не повелѣніе, ибо здѣсь Онъ предоставляетъ сказанное на волю слушаателя... „исполняющаго вѣнчаю, а неисполняющаго не наказываю“ (Б. на Тит. 10),

„Законы, которые управляютъ Церковью, суть законы Божественные. И дѣйствительно, „Христось на все далъ приличныя законы“ (Б. на Рим. 549). Только тотъ законъ, который исходитъ отъ Бога, долженъ быть принимаемъ Церковью. Приступая къ толкованію Дѣяній Ап., Златоустъ говоритъ: „Прежде всего надо узнать, кто написалъ эту книгу... человѣкъ или Богъ? Если человѣкъ, то мы отвергнемъ ее, потому что Господь говоритъ: не зовите себѣ учителя на землѣ... (Мѡ. 23, 8); а если Богъ, то примемъ, потому что наше ученіе свѣше, и такое достоинство этого зрѣлища — ничему не учиться отъ людей, но отъ Бога черезъ людей“ (Б. на Д. II, 235). **„Всѣ законы, по которымъ должна быть устроена жизнь Церкви, называются Божественными,** ниспосланными съ неба; законодатель ихъ — Самъ Богъ. Многіе законы вышли изъ устъ апостоловъ: „Уста ихъ были царскими сокровищницами, и заключавшими въ себѣ сокровище исцѣленій; нѣкоторые церковныя законы представляютъ изъ себя „Апостольскій законъ“ (Б. на Дѣян. II, 235), „Апостольскіе уставы“, Апостольскія распоряженія, обычаи и законы, учрежденія, правила“. **Однако апостолы не были законодателями въ собственномъ смыслѣ.** Они были вѣстниками воли Божіей узаконяли только то, что повелѣно было Богомъ. „Они посланы были не умозаключенія

дѣлать, но передавать, что ввѣрено. Когда произносить что нибудь Владыка, служащіе должны только принять Его слова, не разбираться и не растолковывать ихъ сами, и апостолы были посланы для того, чтобы пересказать, что слышали, ничего не прибавляя къ тому отъ себя" (Б. на Рим. 18). „Поэтому, когда я говорю о Павлѣ, что онъ преподаетъ какой либо законъ, то разумѣю заповѣди Самого же Христа, потому что Имъ была движима блаженная душа апостола" (Сл. 111, 253). „Законы апостоловъ — законы Божественные. Поэтому, хотя многіе апостолы передавали намъ эти законы, но всѣ они проповѣдывали намъ эти законы, но всѣ они проповѣдывали одно ученіе, такъ какъ одинъ былъ художникъ, Духъ Святой, приводившій въ движеніе души ихъ". Преемники апостоловъ по управленію Церковью разъяснили и развили въ подробностяхъ полученные отъ Иисуса Христа и отъ апостоловъ законы, сами составили правила относительно благоустройства. Постановленія пастыря не опредѣляетъ чего либо новаго по сравненію съ закономъ Иисуса Христа и апостоловъ; они заключаютъ въ себѣ разъясненіе того, что открыто Господомъ и Его учениками - Апостолами.

Законы, поставленные отцами Церкви, до существу своему суть законы Божественные, такъ какъ составлены они пастырями Церкви подъ руководствомъ Св. Духа. Опредѣленія отцовъ Собора называются „законоположеніемъ Духа Святаго" (Б. на Дѣян. II, 96).

Побужденіе къ исполненію Божественнаго закона иное, чѣмъ къ исполненію гражданскаго закона, ибо здѣсь нѣтъ матеріальнаго принужденія. Церковные законы требуютъ не только извѣстнаго внѣшняго дѣйствія, но соотвѣтствующаго настроенія, мысли и воли. Церковь требуетъ добровольнаго исполненія законовъ. Награда назначена не просто за дѣла, но за расположеніе; исполненіе заповѣдей христіанства возможно только при помощи Божіей. Пробужденіемъ является сознаніе Божественности происхожденія церковнаго закона; самое исполненіе закона доставляетъ поэтому высшее душевное удовлетвореніе. Сознаніе, что Вездѣсущій и видящій Царь присутствуетъ при нашихъ дѣлахъ, побуждаетъ также къ исполненію закона; также побуждаетъ и совершенство закона, какъ происходящаго отъ Бога. Златоустъ говоритъ: „Подумаемъ только о величіи Бога, повелѣвающаго и дающаго законъ, и получимъ достаточное наставленіе". „Когда Богъ говоритъ, тогда не время умствовать. Богъ сказалъ: не клянися. Это — законъ царскій. Постановившій знаетъ основаніе закона. Онъ

не запретилъ бы, если бы это не было полезно. Человѣческіе законы мы исполняемъ, а Божіи законы будемъ ли поpirать?" (I, 525). „Если кто немощенъ пусть представить себѣ и награды" (Б. на Іоан. II, 525). Собственное сознание христіанина приходитъ къ необходимости исполненія церковныхъ законовъ; отсюда и получается **самопринужденіе, которое оказывается сильнѣе принудительной матеріальной силы, дѣйствующей въ гражданскихъ законахъ.** Дѣйствіе церковной власти, надзирающей за христіаниномъ, не имѣетъ принудительнаго характера и не стѣсняетъ свободы христіанина. **Нравственная принудительность собственно и возводитъ церковныя нормы въ самостоятельную область права.** Бердниковъ говоритъ: „Принудительность правовыхъ нормъ, конечно составляетъ необходимый признакъ понятія права, но не необходимо, чтобы эта принудительность была непремѣнно матеріальнаго характера. Для признанія за извѣстными нормами правового значенія существенно необходимо лишь то, чтобы они осуществляли задачу всякаго права — охраненіе въ указанныхъ закономъ границахъ нравственнаго развитія человѣка отъ стѣсненія и посягательства со стороны другихъ людей и обезпеченіе за ними благотворнаго вліянія нравственно-общественной жизни. А какими мѣрами достигается эта задача — матеріально или нравственно принудительными — это вопросъ второстепенный. Поэтому и церковныя нормы, несмотря на то, что онѣ соблюдаются по свободному и разумному подчиненію членовъ церковнаго союза установленному въ немъ порядку и, несмотря также на особый ихъ источникъ, сравнительно съ правомъ, истекающимъ отъ государства, по всей справедливости должны быть названы правовыми нормами, потому что ими также осуществляется задача права, какъ и нормами, исходящими отъ государства" (Бердниковъ. Дополненіе къ краткому курсу церковнаго права, 302 стр.)¹.

¹ Мы не можемъ не отмѣтить, что современная наука не считаетъ вообще принужденіе существеннымъ элементомъ права; правовая норма призвана регулировать внѣшнія отношенія людей (этимъ церковно-правовая норма отличается отъ религіозныхъ и нравственныхъ нормъ) и гарантируется внѣшними силами или средствами, но среди гарантій права принужденіе есть лишь однимъ изъ ея видовъ и не можетъ отождествляться съ нею самой. Физическое принужденіе является даже самой слабой гарантіей. Уже одинъ тотъ фактъ, что небольшая Англія повелѣваетъ огромной Индіей, а одинъ монархъ массой подданныхъ, говоритъ за то, что не въ физической силѣ, а въ сознаніи, въ культурѣ, традиціонной морали, міровоззрѣніи, т. е. въ психическихъ силахъ, основа и сила права (Zankoff. Le droit et l'Eglise, стр. 74). Церковное право имѣетъ свои спеціальныя средства для осуществленія своихъ нормъ въ видѣ ограниченія или отнятія благъ, вытекающихъ изъ церковнаго общенія. Отождествленіе понятія гарантіи права съ физической силой отвергается юридической наукой. Zankoff. ib. стр. 72) перечисляетъ корифеевъ юридической науки, отвергающихъ взглядъ нѣкоторыхъ представителей цивилистической науки, будто гарантія можетъ состоять только въ физическомъ принужденіи. Онъ приводитъ имена Bierling, Binding, Iollinek, Stammeier Kreinz, Trepel Gutherz.

Органы церковной власти.

Для раздачи благодатных даровъ и для наблюденія за соблюденіемъ христіанскаго закона учреждены особые органы церковной власти. Какъ и Церковь, они установлены непосредственно Иисусомъ Христомъ въ таинствѣ Священства; объ установленіи видимаго управленія въ Церкви въ лицѣ іерархіи, говоритъ рядъ текстовъ: Лук. 6, 13; 10, 1; 20, 2—8; Мѡ. 18, 18; 21, 23—27; 28, 19, 20; Іоанна 20, 21, 23; Мар. 11, 28—33; 16, 15, 16; 1 Петр. 1, 1; Рим. 1, 1, 5; 1 Кор. 1, 1; 3, 10; 5, 4; 2 Кор. 1, 1; 5, 18—20; Гал. 1, 1; Еф. 1, 1; 3, 7; 4, 11; Кол. 1, 1, 25; 1 Сол. 2, 4, 7; 1 Тим. 1, 1, 12; 2 Тим. 1, 1, 11; Тит. 1, 3; Дѣян. 14, 23; 20, 28¹.

Іоанн Златоустъ о церковной власти въ объективномъ смыслѣ.

Но эта власть особаго рода, отличающаяся отъ земной власти и по происхожденію, и по цѣлямъ, ради которыхъ она существуетъ, и по средствамъ достиженій этихъ цѣлей. „Священство совершается на землѣ, пишетъ Златоустъ, но принадлежитъ къ порядку небесныхъ учрежденій — и весьма справедливо. Не человѣкъ, не ангелъ, не архангелъ, но Самъ Утѣшитель установилъ это служеніе" (О свящ. 36). „Ту власть, которую Самъ Іисусъ имѣетъ, Спаситель даетъ Апостоламъ... Намѣреваясь поставить Апостоловъ правителями Вселенной, Онъ даетъ имъ право наказывать и прощать: имъ же отпустите грѣхи, отпустятся, и имъ же держите, держатся" (Сл. на р. м. II 256). Черезъ рукоположеніе пастыри Церкви поставляются на служеніе, „возлагается рука на человѣка, но все совершаетъ Богъ, и Его Десница касается главы рукополагаемаго, если рукоположеніе совершается какъ должно" (Б. на Дѣян. 1, 254). „Посвящаемый получаетъ благодать Духа для предстоятельства въ Церкви, для знаменій и всякаго служенія" (Б. на 2 Тим. 9—10). „Благодаря благодати священства, пастырь становится теперь посредникомъ между Богомъ и людьми; онъ низводитъ на вѣрующихъ Божественную благодать, онъ раскрываетъ Божественное ученіе, является руководителемъ въ дѣлѣ спасенія. "Священникамъ ввѣряется власть дѣйствовать благодатными дарами" (Б. на Іоанн. II, 698). „Престоль священства утверждень на небесахъ и священнику ввѣрено устроить

¹ Въ частности говорится: о Соборахъ, какъ высшемъ органѣ церковной власти: Дѣян. 15; пр. Ап. 14, 34, 37, 74; объ отношеніи апостоловъ между собой: Дѣян. 1, 15; 2, 14, 37; 5, 29; VI, 8, 14; 11, 2, 22; Гал. 1, 13—2, 14; о правительственной власти Епископа говорится: 1 Тим. 3, 10, 15; 4, 11; 5, 17—22; 2 Тим. 4, 2—5; Тит. 1, 15; Іоанна 13, 14; пр. Ап. 1—4, 6, 15, 31—39, 41, 49, 52, 58, 60, 74, 76, 81, 83; о совѣтѣ при Епископѣ 1 Тим. 4, 14; о каноническомъ общеніи между Церквами; пр. Ап. 12—16, 32, 33, 35.

тамошнія дѣла. Кто говоритъ это? Самъ Царь небесъ. Елика еще свяжете на земли, говоритъ Онъ, будутъ связана на небеси: и елика еще разрѣшите на землѣ, будутъ разрѣшена на небесѣхъ" (Мѡ. 18, 18).

„Что можетъ сравниться съ такой честью? Небо получаетъ начало суда съ земли, и Владыка слѣдуетъ за рабомъ; и что послѣдній присуждаетъ внизу, то Онъ утверждаетъ горѣ. Священникъ стоитъ посредникомъ между Богомъ и родомъ человѣческимъ, низводя на насъ оттуда благодѣянія и вознося туда наши прошенія, примиряя со всѣмъ родомъ нашимъ разгнѣваннаго Бога" (Б. на Іоанна II, 698). „Живя на землѣ и пребывая на ней, священники призваны къ распоряженію небеснымъ и получили власть, какой Богъ не далъ ни ангеламъ, ни архангеламъ... Земные владыки имѣютъ власть вязать, но только тѣла; а узы (налагаемыя священникомъ) касаются самой души и проходятъ небеса; и что священники дѣлаютъ на землѣ, то Богъ опредѣляетъ на небѣ, и Владыка подтверждаетъ мысли рабовъ. Что Онъ далъ имъ, какъ не всю небесную власть? Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся (Іоан. 20, 23). Какая власть болѣе этой? Всякій судъ Отецъ отдалъ Сыну (Іоан. 5, 22). Вижу, что Сынъ весь судъ предалъ имъ... Никто не можетъ войти въ Царство Небесное, если не будетъ возрожденъ водою и духомъ (Іоан. 3, 5), и не ядущій плоти Господа и не пьющій Крови Его лишается вѣчной жизни (Іоан. 6, 34); все же это совершается только святыми руками, т. е. руками священника: какимъ же образомъ можно безъ него и избѣжать огня геенскаго, и получить уготованные вѣнцы? Вотъ что для насъ тѣ, которымъ ввѣрено духовное рожденіе черезъ крещеніе: черезъ нихъ мы одеваемся во Христа, спогребаемся Сыну Божію, дѣлаемся членами этой Блаженной Главы, такъ что они по справедливости должны быть для насъ не только страшнѣе начальниковъ и царей, но и почтеннѣе отцовъ... Богъ далъ священникамъ больше власти, чѣмъ естественнымъ родителямъ... Священники получили власть совершенно отгонять нечистоту души, такъ что пренебрегающіе ими гораздо преступнѣе Даѡана и сообщниковъ его и достойны большаго наказанія (Числ. 16 гл.). Очевидно безуміе — не почитать ту должность, безъ которой нельзя намъ получить ни спасенія, ни обѣщанныхъ благъ" (О свящ. 38—40).

О высотѣ священнаго сана писали Григорій Богословъ и Василій Великій.

Григорій Богословъ писалъ въ Апологетикѣ: „Кто возьмется, какъ глиняное какое издѣліе, приготовляемое въ одинъ день, образо-

вать защитника истины, который долженъ стоять съ ангелами, славословить съ архангелами, возносить жертвы на горній жертвенникъ, священнодѣйствовать со Христомъ, возсозидать созданіе, возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра, и скажу болѣе — быть богомъ и творить съ богами. Знаю, чьи мы служители, гдѣ сами поставлены и куда готовимъ другихъ".

Пребож. Василій въ 5-й молитвѣ елеосвященія: „Господи Боже нашъ, вдохнувши въ Своихъ учениковъ и сказавши: пріймите Духа Святаго, Иже меня смиреннаго и грѣшнаго раба Твоего призываетъ на превеличайшую степень священства и войти во внутреннія завѣсы и во святая святыхъ..." и т. д. Изъ этого два заключенія: 1) что іерей есть богъ земной, и по слову псалма: я сказалъ: вы боги есте и сыновья Высочайшаго, — 2) что высочайшая степень священства превосходитъ всякой другой степени на землѣ.

Іоаннъ Златоустъ подробно освѣтилъ характеръ самаго существа церковной власти, которому посвященъ цѣлый рядъ мѣстъ въ Св. Писаніи. О характерѣ церковной власти многократно говорится въ Писаніи: Мѡ. 18, 1—4; 23, 8—12; 20, 21—28; Мар. 9, 34, 35; Лук. 9, 46—48; 22, 24—27; Іоанна 13, 12—16; 1 Кор. 3, 5, 9; 4, 1; 2 Кор. 6, 4; 1 Сол. 3, 2; Еф. 3, 7; 4, 11, 12; 6, 10—20; Кол. 1, 7, 23, 25; 4, 7, 17; 1 Тим. 3, 1, 10; 2 Тим. 1, 11; Дѣян. 6, 24; 12, 24, 25; 13, 15. Объ отношеніи пастыря къ пасомымъ: 1 Сол. 2, 1—13; 1 Петр. 5, 1—4.

Пастырь Церкви удостоивается „власти, въ его глазахъ самой высшей изъ всѣхъ. Ибо священство важнѣе самой царской власти (въ дѣлѣ спасенія) и есть самая высшая власть" (Сл. на р. м. 1, 254). Однако, священникъ только служитель (1 Кор. 3, 5), т. е. исполняетъ, а не даруетъ отъ себя блага. „Ибо не тотъ благодѣтель, кто служитъ при воздаяніи благъ, а тотъ, кто сообщаетъ и даруетъ ихъ (Б. на 1 Кор. 1, 142). Священникъ — вѣстникъ (Рим. 1, 8), не имѣющій права ни прибавить къ сказанному, ни убавлять въ ономъ, такъ какъ дѣло вѣстника передавать только то, что самому ему сказано (Б. на Рим. 27). Въ дѣйствіяхъ пастыря все зависитъ отъ благодати Божіей. Отсюда характеръ отношеній пастыря къ пасомымъ. Здѣсь какъ бы нѣтъ начальственныхъ отношеній; **власть основана на свободномъ признаніи пасомыми.** „Мы (пастыри) не властительски повелѣваемъ вамъ. Мы поставлены поучать васъ словомъ, а не для начальственнаго и самовластнаго распоряженія надъ вами" (Б. на Еф. 194). „Начальники надъ земной жизнью столько ниже начальниковъ надъ жизнью духовной, сколько лучше властвовать надъ вольными,

нежели надъ невольными... Ибо тамъ все дѣлается по страху и по необходимости, а здѣсь по свободному произволенію и по разсужденію. И не симъ только духовное начальство выше гражданскаго, но и тѣмъ, что оно не просто есть начальство, но отеческая, можно сказать, власть, ибо имѣетъ и кротость отеческую, и дѣйствуетъ больше убѣжденіями" (Б. на 2 Кор. 344—5). Въ основѣ отношеній пастыря къ пасомымъ — любовь, доходящая до самопожертвованія, любовь эта однако не должна препятствовать исполненію долга обличенія, наложенія наказанія. **„Пастырь Церкви долженъ твердо стоять за права Церкви, онъ не долженъ никогда уменьшать величія власти, но скорѣе долженъ отказываться отъ жизни, чѣмъ отъ правъ, которыя Богъ Далъ свыше этой власти (Сл. на р. сл. 1, 165), руководствуясь тѣмъ, что нѣтъ ничего безсильнѣе престоупающаго Божественные законы, равно какъ ничего сильнѣе защищающаго Божественные законы“.**

Это правило осуществилъ въ жизни Златоустъ и, какъ мы увидимъ, и Никонъ. „Я не забочусь о вашихъ похвалахъ, но пекусъ о вашемъ спасеніи" (Сп. на р. м. II, 333). **„Я принужденъ быть строгимъ и тяжелымъ... для вашего спасенія, которое для меня дороже всего. Кто хочетъ, пусть огорчается и называетъ меня тяжелымъ и безстыднымъ; но я не перестану твердить объ одномъ и томъ же" (Сл. на р. м. II, 388).** „Ибо неблагонадежно и не безопасно для насъ льстить словами.. покрывать какіе либо недостатки молчаніемъ. Самая крѣпкая опора для пастыря любовь пасомыхъ, изъ любви этой вытекаетъ свободное подчиненіе ему и содѣйствіе въ его дѣятельности". „Какъ главѣ необходимо быть въ связи съ тѣломъ, такъ Церкви съ священникомъ... нужно, чтобы возрастало въ насъ повиновеніе учениковъ... Возложите на меня вѣнецъ вашей покорности... Прославьте мое ученіе послушаніемъ... Я — отецъ, и мнѣ необходимо давать совѣты дѣтямъ" (Сл. на р. сл. II, 524—5). Вѣрующіе должны относиться съ глубокимъ вниманіемъ къ поученіямъ священника. „Ибо не намъ (священникамъ) принадлежитъ излагаемое нами ученіе, и языкъ нашъ не отъ себя говоритъ то, что мы говоримъ, но говоримъ водимые челоѡколюбіемъ Господа для пользы вашей и для созиданія Церкви Божіей. **Итакъ, возлюбленный, не на меня смотри, говорящаго, и не на мою скудость, такъ какъ я предлагаю слово; но, устремивъ умъ къ Пославшему меня, принимай слова мои со вниманіемъ. Ибо и въ челоѡческихъ дѣлахъ, когда царь присылаетъ грамоту, то, хотя**

приносящій ее бываетъ человѣкомъ незначительнымъ... неизвѣстнымъ: однако жъ тѣ, которые получаютъ грамоту, не обращаютъ на то вниманіе, а ради царской грамоты и ему воздаютъ великую честь и грамоту отъ него принимаютъ" съ великимъ страхомъ и благоговѣніемъ" (Б. на Быт. III, 56). Мы принесемъ вамъ пользу по силамъ нашимъ, или, лучше, благодать Божія даетъ намъ сказать для вашей пользы". (Вотъ объясненіе рѣчи Никона передъ принятіемъ Патріаршества и требованія имъ послушанія).

Пасомые должны повиноваться и священнику, ведущему жизнь недостойную сана. „Хоть бы священникъ былъ нечестивъ, должно его уважать, ибо и черезъ нечестиваго дѣйствуетъ Богъ... Если ты презираешь священника, то презираешь не его, а рукоположившаго его Бога (Б. на 2 Тим. 26). Какого осужденія достойны тѣ, которые пренебрегаютъ служителями Божиими? Ужели вы не знаете, что честь, имъ воздаваемая, переходитъ къ Господу всяческихъ? Итакъ не смотри на того, кто пріемлетъ честь. Ибо не ради его самого ты долженъ дѣлать то, что требуется отъ тебя, но ради Того, Кому онъ служить, чтобы ты могъ получить отъ Него щедрое воздаяніе... Ибо Господь усвоитъ Себѣ какъ честь, воздаваемую Его служителямъ, такъ и презрѣніе ихъ" (Б. на Быт. III, 434—5). Въ одномъ только случаѣ пасомые не только освобождаются отъ обязанности повиновенія пастырю, но и обязаны удаляться отъ него: это когда нечестивость пастыря касается ученія, а не жизни его, т. е. если они будутъ возвѣщать противное Божественному ученію.

Пасомые по Златоусту не имѣютъ права вмѣшиваться въ церковныя дѣла, а, тѣмъ болѣе, принимать на себя священныя обязанности пастыря. „Изъ многихъ событій весьма ясно можно видѣть, какъ далеку долженъ быть подчиненный отъ того, чтобы исправлять дѣла священниковъ. Такъ нѣкогда, при возвращеніи кивота, когда нѣкоторые изъ подчиненныхъ, увидѣвъ его наклонившимся и готовымъ упасть, поправили его, то подверглись наказанію на томъ же самомъ мѣстѣ, бывъ поражены Господомъ и павши мертвыми. Между тѣмъ они не сдѣлали ничего худого; они не наклонили кивота, а поправили его, когда онъ наклонился и готовъ былъ упасть. Но, чтобы вполне убѣдиться въ достоинствѣ священниковъ и въ томъ, какъ непозволительно человѣку подвластному, принадлежащему къ числу мірянъ, исправлять такія дѣла, Богъ умертвилъ ихъ среди множества народа, съ великою силою устрашая всѣхъ прочихъ и внушая никогда не приближаться

къ недоступнымъ предметамъ священства. Подлинно, если бы каждый, подъ предлогомъ исправленія худо сдѣланнаго, сталъ присвоять себѣ достоинство священства, то никогда не было бы недостатка въ предлогахъ къ исправленію, и всѣ перемѣшались бы между собой такъ, что мы не различали бы ни начальника, ни подчиненнаго" (См. на р. м. II, 455).

Власть духовнаго руководства принадлежитъ особю на то поставленнымъ служителямъ Церкви. **Въ проявленіи своемъ она должна быть всегда чужда насилія и принужденія.**

„Наше дѣло совѣтывать вамъ и увѣщевать васъ. Совѣтникъ говорить, что должны, но не принуждаетъ слушателя, предоставляя ему полную свободу — принять или не принять совѣтъ" (Б. на Еф. 206). Но, кромѣ кроткихъ мѣръ увѣщеваній съ любовью, пастырь имѣетъ въ рукахъ своихъ и власть; на нѣкоторыя натуры можно дѣйствовать только приказаніемъ. Павелъ повелѣлъ Тимофею: обличи, запрети, умоли (2 Тим. 4, 2), по сей причинѣ обличай ихъ нещадно (Тит. 1, 13). Въ дѣлѣ руководства важень примѣръ личной жизни пастыря. Подчиненные обычно смотрятъ на нравы начальниковъ, какъ образецъ, и подражаютъ имъ. По слову Ап. Павла, самъ пастырь долженъ быть первообразомъ въ жизни, являясь передъ другими, какъ образъ, какъ одушевленный законъ, какъ правило и уставъ жизни благой" (Б. на 1 Тим. 178).

Характеръ церковныхъ наказаній по Златоусту.

Какъ крайнюю мѣру къ побужденію и исполненію церковнаго закона, пастырь имѣетъ наказаніе; но, въ отличіе отъ государственныхъ, они чужды матеріальнаго характера, отличны по цѣли, имѣя въ виду исправленіе, отличны и по примѣненію ихъ. Они не касаются политическихъ или соціальныхъ положеній грѣшниковъ, а состоятъ въ лишеніи или ограниченіи права пользованія благами, даруемыми Церковью.

Проф. Бердниковымъ собраны мѣста Св. Писанія, относящіяся къ церковному суду.

О судѣ надъ мірянами: Мѡ. 18, 15—18; Іоан. 20, 22, 23. 1 Кор. 5, 1—11; 2 Кор. 2, 6—11; 2 Сол. 3, 6, 14, 15; 1 Тим. 1, 20; пр. Ап. 52; **О судѣ надъ клириками:** 1 Тим. 5, 19, 20; пр. Ап. 31, 32, 74, 75;

О наказаніи мірянамъ: Іуд. 22, 23; 2 Іоан. 10, 11; 1 Іоан. 2, 19; 1 Кор. 5, 1—11; 16, 22; 2 Кор. 2, 9—11; 2 Сол. 3, 6, 14, 15; 1 Тим. 1, 20; Тит. 3, 10; Гал. 1, 8, 9; пр. Ап. 9, 10, 12, 13, 24, 31, 48, 51, 63—

73, 84; **о наказаніи клирикамъ:** пр. Ап. 3, 5—8, 11, 12, 15, 16, 20, 23, 25, 27—31, 35, 36, 42—60, 62—70, 72, 76, 81—84; о принятіи въ общеніе кающихся: 2 Кор. 2, 5, 10; пр. Ап. 52; **о покаяніи:** 1 Иоанн. 5, 16; 1 Иоан. 1, 9; 2, 1, 2; 2 Кор. 12. 21; о неумѣстности въ Церкви наказаній матеріальнаго свойства: Лук. 22, 50, 51; Мѡ. 13, 28, 29; 26, 51—53; Иоан. 18, 11; пр. Ап. 27.

Какъ крайняя мѣра противъ самыхъ упорныхъ грѣшниковъ есть анаѡема. „Что значитъ анаѡема? Не то ли, что такой то сдѣлался жертвой дьявола, не имѣлъ права на спасеніе, былъ отверженъ отъ Христа? Анаѡема совершенно отлучается отъ Христа?" (Сл. на р. сл. II, 326-7). „Что есть отлученіе? Послушай, что говоритъ самъ Павелъ: аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ (1 Кор. 17, 22), т. е. да будутъ прерваны съ нимъ связи и сдѣлается онъ для всѣхъ чуждъ. Какъ никто не смѣетъ касаться безъ нужды руками или прикасаться къ дару, который посвященъ Богу, такъ и отлученнаго отъ Церкви отсѣкая отъ всѣхъ, и какъ бы сколько можно болѣе отдѣляя, Апостоль въ противоположномъ смыслѣ называетъ именемъ отложеннаго дара (ἀνύθητος) и тѣмъ предувѣдомляетъ всякаго, чтобы онъ со страхомъ удалялся и бѣжалъ прочь отъ такого человѣка. Къ дару никто не осмѣливался приближаться изъ уваженія; съ отлученнымъ же прерывали связи по противоположному чувству. Въ обоихъ случаяхъ одинаково прерывается связь и предметъ дѣлается для людей чуждымъ" (Б. на Рим. 390). Самъ Златоустъ подвергъ отлученію за посѣщеніе театральныхъ зрѣлищъ вопреки его увѣщаніямъ. Съ отлученнымъ должны прекращаться не только церковныя, но и житейскія отношенія. Златоустъ говоритъ пасомымъ: „Пусть отлученный отверженъ будетъ и вами и станетъ общимъ врагомъ... Сдѣлайте вотъ что: не разговаривайте съ нимъ, не принимайте его въ домъ, не раздѣляйте съ нимъ трапезу, не имѣйте съ нимъ общенія ни при входѣ, ни при выходѣ, ни на торжищѣ" (Сл. на р. сл. II, 347).

Церковное отлученіе (анаѡема) не ограничивается внѣшнимъ отдѣленіемъ виновнаго отъ общества другихъ христіанъ, ибо одновременно грѣшникъ исключается изъ числа членовъ Церкви Самимъ Богомъ (Мѡ. 18. 18.) Небо получаетъ начало суда съ земли. Судья судитъ на землѣ, а Владыка слѣдуетъ за рабомъ; что послѣдній присуждаетъ внизу, то Онъ утверждаетъ горѣ". (Сл. на р. сл. 1, 255). „Преступно не столько дѣланіе грѣха, сколько безстыдство послѣ грѣха".

„Грѣшникъ подвергается анаѳемѣ послѣ нераскаянія въ 3 судахъ" (Мѳ. 18, 15-17).

Преданіе сатанѣ — особая форма отлученія.

Отлученіе дѣлается ради нравственного исправленія грѣшника; при раскаяніи грѣшникъ принимается опять въ общеніе церковной властью.

„Я хотя съ прискорбіемъ не пожалѣю наложить тягчайшее наказаніе, ибо гораздо лучше испытать скорѣе здѣсь, избавиться отъ будущаго наказанія" (Сл. на разн. сл. 11, 348).

„Весьма справедливо будетъ назвать Церковь и судилищемъ и врачебницей, и училищемъ любомудрія, и мѣстомъ, гдѣ назидается душа. А что духовное начальство есть власть самая кроткая, несмотря на большую его взыскательность, сіе увидите изъ слѣдующаго: гражданскій начальникъ, поймавъ прелюбодѣя, тотчасъ наказываетъ его, но какая отъ того польза? Это значить не порокъ „истребить, но отринуть уязвленную душу. Духовный же начальникъ, нашедъ виновнаго, спѣшитъ не наказывать его, но изгнать изъ него страсть. А ты дѣлаешь такъ, если бы при случившейся болѣзни, не болѣзнь сталъ унимать, а отсѣкъ бы голову. Не такъ я дѣлаю — я отсѣкаю самую болѣзнь. Я удаляю такового отъ Св. Таинъ и изъ храма. Когда же онъ возстанетъ очистится отъ грѣха и исправится черезъ покаяніе, опять воспринимаю. Церковь есть духовная баня, многоразличными способами покаянія омывающая не нечистоту тѣла, а скверну души. Ты, если отпускаешь его не наказаннымъ, дѣлаешь еще худшимъ, а, если наказываешь, оставляешь неизлѣченнымъ; но я не оставляю безъ наказанія и не наказываю какъ ты; я вмѣстѣ и налагаю наказаніе, какое мнѣ прилично, и исправляю то, что имъ сдѣлано" (Б. на 2 Кор. 347-8). Церковная власть существуетъ въ Церкви для раздаянія благодатныхъ даровъ и для наблюденія за соблюденіемъ христіанскихъ заповѣдей. Государство, признавая Церковь, какъ Божественное учрежденіе, не можетъ не признавать и ея особой миссіи и отказывать ей въ правѣ на свободное ея выполненіе.

Мы нарочно подробно остановились на ученіи Златоуста о Церкви, ибо на каждомъ шагу, изучая Никоновскія идеи, будемъ видѣть, что именно Златоустъ былъ главной основой ихъ и опорой. Показанное нами его ученіе о Церкви, о церковномъ законѣ и церковной власти достаточно иллюстрируютъ, что Церковь есть совершенно самобытный, самостоятельный по происхожденію союзъ, имѣющій свои особыя цѣли и средства, а потому, если глава другого

союза — государства усваиваетъ себя ея функціи, то этимъ онъ совершаетъ захватъ, объясняющійся недостаточнымъ пониманіемъ того, что передъ нимъ — не языческая религія, а совершенно другая, а потому и отношенія къ ней со стороны государства, признающаго христіанство, должно быть совершенно иное. Это обстоятельство повело къ тому, что христіанскіе церковные дѣятели принуждены были отстаивать въ государствѣ самостоятельное положеніе Церкви, какъ особаго учрежденія, въ тѣ времена, когда языческая традиція въ отношеніи къ религіи прорывалась наружу въ дѣйствіяхъ императоровъ. Фокусомъ, гдѣ скрещивались эти разнородныя стремленія, и была царская власть. Естественно, что Церковь не могла признать за нею тѣхъ указанныхъ нами полномочій, которыя та имѣла въ религіозныхъ дѣлахъ во времена язычества. ибо они стали для нея *jura intrasacra*.

ГЛАВА II. О царской власти въ Византіи въ отношеніи къ Церкви.

Отношеніе императора къ Церкви Христіанской послѣ признанія христіанства. — Живучесть идеи понтифексъ максимуса. — Политика Константина Великаго въ отношеніи Церкви и политика другихъ императоровъ, признавшихъ новое отношеніе къ новой религіи. — Императоръ Констанцій. — Златоустъ о защитѣ правъ Церкви отъ мірской власти. — Неизбѣжность протеста служителей Церкви противъ стремленій нѣкоторыхъ императоровъ поставить христіанскую Церковь на положеніе, занимавшееся языческой религіей. Борьба противъ идей императора-понтифексъ максимуса. — Покушеніе на каноны въ эпоху монофизитскихъ споровъ. — Юстиніанъ. — Епископъ Факундъ Герміанскій. — Теорія императорской власти, опирающаяся на библейское представленіе. — Георгій Писидійскій. Максимъ Исповѣдникъ. — Св. папа Григорій Двоесловъ. — Іоаннъ Дамаскинъ. — Ѳеодоръ Студитъ. — Императоръ Левъ Исавръ. Эклога. Теорія иконоборствующихъ объ императорѣ-первосвященникѣ. — Система Эпанагоги. — Принципы защиты истинной вѣры императорами. — Идея императора Божіяго слуги, и императора отраженія Божественнаго Разума. — Теорія симфоніи въ VI новеллѣ Юстиніана. — Теорія первосвященника царя. Ея внутреннее содержаніе. — Пріоритетъ канона передъ свѣтскимъ закономъ и принципъ обязательности канона для императора. Ѳеодоръ Студитъ. — Патріархъ Николай Мистикъ о значеніи соблюденія канона царями. — Ѳеодоръ Студитъ о своихъ идейныхъ противникахъ въ борьбѣ за канонъ. — Зилоты и экономисты. — Обязанность монаховъ въ борьбѣ за канонъ по Ѳеодору Студиту. — Споры о правахъ императоровъ въ церковныхъ дѣлахъ XI, XII и XIII вѣковъ. Императоръ Константинъ Дука. — Императоръ Алексѣй Комнень. — Вальсамонъ о верховенствѣ канона надъ закономъ. — Императоръ Андроникъ Палеологъ. — Теорія Димитрія Хоматина и Вальсамона о царскомъ миропомазаніи. — Императоръ - покровитель всѣхъ православныхъ христіанъ. Патріархъ Антоній. — Причины неуспѣха въ примѣненіи на практикѣ Византіи идей защиты церковной независимости. — Идея оцерковленія государства. — Отраженіе идеи понтифексъ максимусъ въ быту и жизни Византійскаго императора. — Идея охраны Церкви императоромъ на Соборахъ. — Праздничные выходы Византійскихъ императоровъ. — Византійскій базилевсъ и Московскій царь воплощаютъ разныя идеи. — Положеніе патріарха въ Византійскомъ государственномъ строѣ, и участіе царя, какъ экдика Церкви въ его избраніи. — Право печалованія патріарховъ, какъ дополненіе къ идеѣ царской власти. — Резюмэ о теченіяхъ мысли Византійской объ императорской власти. Анализъ церковныхъ полномочій проф. Заозерскаго. — Церковь въ смыслѣ юридическомъ. — О свойствахъ церковной власти. — Полномочія церковной власти. — Классификація полномочій церковной власти въ католической наукѣ. — О власти ученія. — Законодательная власть Церкви основывается на полномочіи ученія. — О полномочіи папства. — Полномочія правительственныя, вытекающія изъ полномочій священной власти. Полномочія законодательства. Кому принадлежитъ право законодательства въ Церкви. Объ измѣняемости каноновъ. — Полномочія надзора въ составѣ правительственныхъ полномочій Церкви — производныхъ изъ полномочій священной власти. — Полномочія суда въ составѣ правительственныхъ полномочій Церкви. — Различія церковнаго суда *jure divino* и по делегации отъ государственной власти. — Права императора въ церковномъ управленіи происходили отъ делегации со стороны власти церковной. — Византійскій законъ признавалъ Церковь, какъ самостоятельный правовой организмъ.

Отношеніе императора къ Церкви христіанской послѣ признанія христіанства.

Чтобы уяснить и оцѣнить то положеніе, которое занимаетъ ученіе Патріарха Никона о царской власти, какъ о верховномъ органѣ государства, въ исторіи русской политической мысли, необходимо обозрѣть въ общихъ чертахъ тѣ элементы, изъ которыхъ складывалось вообще ученіе объ этой власти и ея отношеніи къ Церкви ко времени Патріарха Никона. Въ этомъ отношеніи нашему обзору подлежатъ тѣ Византійскія идеи, которыя перешли къ намъ вмѣстѣ съ самими учрежденіями. Эти идеи въ новыхъ историческихъ условіяхъ были переработаны въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что можно назвать національнымъ характеромъ, и съ тѣмъ, что составляетъ основныя черты народнаго міросозерцанія: однако и на новой почвѣ мы встрѣчаемъ тѣ же основныя теченія, которыя характеризуютъ собою

Византійскую мысль о царѣ. Одна сторона въ этомъ вопросѣ привлекаетъ наше особое вниманіе именно потому, что ей удѣлено особое вниманіе патріархомъ Никономъ, именно отношеніе царя къ Церкви. Эта именно сторона особенно занимала Византійскую мысль, и въ ней отражались, какъ въ фокусѣ, принципиальныя расхожденія въ пониманіи не только царской власти, но и господствующія идеи о томъ общественномъ союзѣ, который именуется государствомъ. Осознанная истина или даже просто извѣстная доктрина не сразу получаетъ свое осуществленіе въ жизни, а задерживается въ этомъ осуществленіи обычаями, психологическими навыками, которые еще труднѣе остаются, чѣмъ идеи.

Такіе глубокіе изслѣдователи общественныхъ учрежденій, какъ Токвиль, показали въ своемъ сочиненіи „Старый порядокъ и революція“, что общественныя учрежденія настолько срастаются съ психологіей народа, что самыя крупныя перемѣны въ ихъ организаціи, направленные даже къ искорененію всякой памяти о старомъ, приводятъ обычно въ ходъ своей эволюціи къ тому, что появляется учрежденіе, отличающееся отъ того, которому оно пришло на смѣну, только названіемъ отражая господство старыхъ идей. На этотъ консерватизмъ въ правѣ указать еще Мефистофель Фаусту, говоря о законахъ и правахъ, какъ о старой болѣзни, переходящей отъ поколѣнія къ поколѣнію. Едва-ли можно найти лучшее подтвержденіе этой мысли, чѣмъ на объемѣ тѣхъ правъ, которыя завѣщаль древній Римскій императоръ своимъ преемникамъ и подражателямъ. Онъ — понтифексъ максимусъ продолжаетъ свое бытіе полтора тысячелѣтія, несмотря на то, что пришелъ Тотъ, Кто сказалъ „воздайте Кесарево Кесарю и Божіе Богу“ и создалъ Церковь съ обѣтованіемъ, что „врата адовы не одолѣютъ ю“; несмотря на то, что за бытіе ея пролита кровь великаго сонма мучениковъ, начиная съ того, кто, слѣдуя своему Учителю, говорилъ, что слѣдуетъ повиноваться Богу болѣе, нежели людямъ, и мысль человѣческая озарена по этому вопросу трудами Златоуста, Аѳанасія Великаго, Августина, Василия Великаго, Максима Исповѣдника, папы Григорія Двоеслова, папы Льва Великаго, Іоанна Дамаскина, Θεодора Студита и многихъ другихъ. Идея Аристотеля объ автаркіи и идея классическаго Рима о юридическомъ полновластіи государства проникла собой даже враждебныя абсолютизму государей демократическія теоріи народнаго суверенитета (Руссо) и привела на практикѣ въ эпоху французской революціи къ такой же абсолютной власти народныхъ собраній съ

объявленіемъ самодержавнымъ народомъ обязательной для гражданъ религіи Разума и Верховнаго Существа. Идеями этого государственнаго всемогущества пропитаны ученія современнаго соціализма и коммунизма. Она же лежитъ въ основѣ ученія о суверенитетѣ, какъ неограниченной государственной власти, съ которымъ ведетъ борьбу другое теченіе государственной науки, которое видитъ въ суверенитетѣ понятіе чисто правовое, а не метаюридическое.

Живучесть идеи Pontifex Maximus.

Такъ идея Pontifex Maximus въ государствѣ признавшемъ христіанство, воскресала въ дѣяніяхъ и рѣчахъ императора аріанина Констанція, императора иконоборца Льва Исавра; она же просвѣчиваетъ иногда и въ посланіяхъ правовѣрныхъ императоровъ Комненовъ и Исаака Ангела и въ толкованіяхъ на правила Церкви знаменитаго канониста XII вѣка Θεодора Вальсамона (впослѣдствіи Антіохійскаго Патріарха). Ею насыщено и то сочиненіе, которое послужило для многихъ историковъ исходной точкой для сужденія о дѣлѣ Патріарха Никона и о немъ самомъ. Мы имѣемъ въ виду составленную въ 1667 году на греческомъ языкѣ исторію дѣла Патріарха Никона его главнымъ противникомъ, запрещеннымъ и лишеннымъ сана, Митрополитомъ Газскимъ Паисіемъ Лигаридомъ, совмѣстившимъ въ своемъ лицѣ величайшія умственные способности съ высшей степенью безнравственности. Мы останавливаемся на этомъ сочиненіи сейчасъ потому, что, будучи апологіей цезарепапизма въ XVII вѣкѣ, оно показываетъ живучесть этой идеи, несмотря на ея нехристіанскій характеръ, спустя много вѣковъ послѣ принятія христіанства, какъ государственной религіи.

Отдавъ силу своего ума на служеніе боярской партіи при дворѣ Алексѣя Михайловича, онъ далъ принципіальныя основы врагамъ Патріарха Никона для борьбы противъ него и свое личное руководство въ борьбѣ въ теченіе 1662—1666, т. е. до самаго паденія Патріарха Никона. Его сочиненіе было посвящено царю Алексѣю Михайловичу; оно переведено съ греческаго на англійскій языкъ и издано въ 70-хъ годахъ XIX вѣка Palmer'омъ въ его III томѣ подъ заглавіемъ:¹ „History of the condemnation of the Patriarch Nikon by a

¹ „Исторія осужденія Патріарха Никона большимъ Соборомъ Православной Каѳолической Восточной Церкви, состоявшимся въ Москвѣ въ 1666—1667 г., написанная Паисіемъ Лигаридомъ съ Хіуса, бывшимъ ученикомъ Греческой Коллегіи въ Римѣ, бывшимъ Митрополитомъ Газскимъ въ Православной Восточной Церкви, который руководилъ дѣломъ противъ Никона и посвятилъ эту исторію своему покровителю царю Алексѣю Михайловичу“.

plenary Council of the orthodox catholic Eastern Church, held at Moscow A. D. 1666—1667: written by Paisius Ligarides of Scio, ex-alumnus of the Greek College at Rome and ex-metropolitan of Gaza in the orthodox Eastern Church, who conducted the proceedings against Nikon, and dedicated this history of them to his patron the tsar Alexis Michailovitch".

Намъ придется много говорить о Паисіи Лигаридѣ, по преимуществу о другомъ его сочиненіи, которое было составлено въ 1662 г. и фигурировало въ боярской средѣ въ рукописяхъ въ видѣ вопросовъ-отвѣтовъ боярина Семена Лукьяновича Стрешнева и Паисія Лигарида. Оно то и вызвало обширныя возраженія Патріарха Никона, которыя въ англійскомъ текстѣ составляютъ 615 страницъ, а въ рукописи 945, изъ которыхъ мы и почерпаемъ свѣдѣнія о взглядахъ Патріарха Никона, до сихъ поръ въ русской литературѣ сообщаемыхъ въ видѣ преломленномъ черезъ индивидуальныя воззрѣнія писателей, писавшихъ о немъ. Сужденія о Патріархѣ Никонѣ въ литературѣ отражаютъ на себѣ обычно игнорированіе его собственныхъ заявленій, тенденціозное вливаніе въ иныя его заявленія смысла, котораго онъ самъ съ ними не связывалъ. Много мѣшало правильному пониманію его взглядовъ на царскую власть, какъ отсутствіе сопоставленій ихъ съ тѣми святоотеческими источниками, изъ которыхъ они вытекали, такъ и игнорированіе того переворота въ пониманіи полномочій государственной власти вообще и власти императора въ частности, который произведенъ появленіемъ христіанства. Здѣсь то мы и наталкиваемся на необходимость уясненія отношенія къ религіи Римскихъ языческихъ императоровъ, отношенія, легшаго въ основу Римскихъ церковно-государственныхъ отношеній, отношенія, пережившаго даже признаніе христіанства Римскимъ государствомъ, несмотря на то, что новая религія въ принципѣ отвергала языческое пониманіе государства, какъ самодовлѣющаго союза. Но что такое была Римская государственная религія и Римское сакральное право, въ какомъ отношеніи стояли къ нимъ императоры, и въ чемъ было отличіе христіанской религіи? Разъясненіе этого вопроса, о которомъ мы уже говорили, и являлось необходимымъ для уясненія и того, почему христіанство, въ лицѣ своихъ святителей и ученыхъ, не могло примириться съ продолженіемъ такого же отношенія императоровъ къ Церкви Христіанской и способствовало проведенію въ Византійской государственной жизни иного типа отношеній между Церковью и государствомъ, который и былъ поставленъ руководящимъ принципомъ многими христіанскими писателями и христіанскими импера-

торами Византії. Встрѣча идей языческаго Рима съ христіанскимъ церковнымъ міровоззрѣніемъ и обусловила собой многовѣковую борьбу въ пониманіи самой царской власти.

Политика Константина Великаго въ отношеніи Церкви и политика другихъ императоровъ, признавшихъ новое отношеніе къ новой религіи.

Церковь должна была бы послѣ ея признанія естественно занять тотъ уголокъ въ Римскомъ государствѣ, которое занимало *jus sacrum* въ языческомъ Римскомъ государствѣ. Этого не случилось. Богооткровенная религія не могла обезличиться передъ государствомъ и потерять свою автономію во внутреннихъ дѣлахъ. Церковь и ея Епископы не могли ограничиться положеніемъ понтификальной коллегіи, и законъ не могъ замѣнить канонъ. **Константинъ Великій** отказался отъ права законодательства въ дѣлахъ культа. Когда донатисты апеллировали къ нему на Епископскій судъ, то онъ сказалъ: „Какая безумная дерзость. Они предметы небесные превращаютъ въ земные, апеллируютъ ко мнѣ, какъ будто дѣло касается гражданскихъ дѣлъ“; Константинъ отдѣлялъ дѣла церковныя отъ дѣлъ гражданскихъ и первыхъ не подчинялъ государственному закону. Отцамъ, не присутствовавшимъ на Никейскомъ Соборѣ, онъ писалъ объ его постановленіяхъ: „Устроенное по боговдохновенному рѣшенію столькихъ и такихъ святыхъ Епископовъ съ радостью примите, какъ Божественную заповѣдь, ибо все, что постановлено на Святыхъ Соборахъ Епископовъ, должно быть приписано Божественной волѣ“. Соборъ для Константина былъ высшей церковной инстанціей, которая можетъ судить самого императора понтифекса. Константинъ не вмѣшивался во внутреннія дѣла Церкви; самые государственные законы онъ преобразовывалъ по возможности въ духѣ Церкви (законъ о родствѣ, о гладіаторахъ, бояхъ и т. д.). Если самъ Константинъ на практикѣ не всегда оставался вѣренъ своей теоріи и порывался свою волю поставить надъ канономъ, то на дальнѣйшемъ протяженіи исторіи Византіи мы постоянно встрѣчаемъ борьбу противъ императорскихъ покушеній на ту систему церковно-государственныхъ отношеній, которая была санкціонирована св. отцами Церкви.

Императоръ Констанцій.

Въ эпоху аріанскихъ споровъ сочувствовавшій аріанству императоръ **Констанцій** хотѣлъ направить по своему усмотрѣнію опредѣленія догматическія и самые Церковные Соборы готовъ былъ уподобить понтификальнымъ коллегіямъ, которыя понтифексъ мак-

симусь могъ собирать и распускать по своему усмотрѣнію. Онъ считалъ императорскую волю выше апостольскихъ и церковныхъ постановленій. Когда на Миланскомъ Соборѣ 355 года, судившемъ Аѳанасія Великаго, Епископы замѣтили, что нельзя судить отсутствующаго Епископа, то императоръ отвѣтилъ: „моя воля — канонъ". Отцы собора приняли слова императора, какъ богохульство, и напомнили верховному понтифексу, что Давшій Цезарю власть можетъ и отнять ее, что императоръ не долженъ смѣшивать церковныхъ дѣлъ со свѣтскими. **Осіа Кордубскій** писалъ императору: „Не вмѣшивайся въ дѣла существенно церковныя и не давай намъ приказанія о нихъ. Воздайте, написано, Кесарево Кесарю и Божіе Богу. Ни намъ не позволено начальствовать на землѣ, ни ты, царь, не имѣешь власти курить ѳиміамъ". Этотъ отвѣтъ показывалъ Констанцію, что его воля не можетъ стать правиломъ для Церкви, и Констанцій призналъ самостоятельность и неприкосновенность канона.

Златоустъ о защитѣ правъ Церкви отъ мірской власти.

Хотя слѣдующіе императоры занимались охраной государственнаго закона отъ якобы покушеній на него церковнаго канона, но и они уже не рѣшаются ставить церковное право въ границы языческаго *jus sacrum*: старому Римскому принципу *Respublicae nihil amplius esse praestandum* нанесенъ рѣшительный ударъ. **Златоустъ** заявляетъ, что Церковь не область Кесаря, а Божія. Постановленіе государственной власти въ дѣлахъ религіи не можетъ имѣть церковнаго значенія. Только воля Божія можетъ быть источникомъ церковнаго закона. Носящій діадему не лучше послѣдняго гражданина, когда онъ долженъ быть обличенъ и наказанъ. Церковная власть должна твердо стоять за свои права, если власть гражданская вмѣшивается въ ея сферу. Она должна знать, что иные предѣлы царской власти и иные предѣлы священства, и послѣднее больше первой". Такъ охранялъ священникъ Азарія права Церкви по отношенію къ іудейскому царю Озіи, когда тотъ сталъ превозноситься выше своего достоинства и вошелъ въ святая святыхъ для воскуренія ѳиміама. „Нѣсть твое, царь, да кадиши ѳиміамъ въ святая святыхъ; ты преступаешь предѣлы, присвояешь не данное тебѣ; посему ты потеряешь и то, что получилъ... Нѣсть твое кадити, но священникамъ. Это не твое, а мое. Похитилъ ли я твою порфиру? Не похищай же ты моего священства". „Видишь ли, говоритъ **Златоустъ**, душу священника, исполненнаго великаго дерзновенія и высокихъ мыслей? Онъ не посмотрѣлъ на

величіе власти... Онъ готовъ былъ лучше положить душу свою внутри святилища, нежели взирать на оскорбленіе священныхъ законовъ. Подлинно, нѣтъ ничего безсильнѣе престоупающаго Божественные законы, равно, какъ нѣтъ ничего сильнѣе защищающаго Божественные законы (Сл. на раз. м. 1, 256-7). Но царь Озія не послушался, а надмеваясь гордостью вошелъ въ святилище, открылъ святая святыхъ и хотѣлъ курить ѳиміамъ. Что же Богъ, когда такимъ образомъ священникъ былъ презрѣнъ и достоинство священника было поправлено, и уже священникъ не могъ сдѣлать ничего, ибо дѣло священника только обличать и показывать дерзновеніе, а не употреблять оружіе? Когда священникъ обличалъ, а царь не послушался, но взялся за оружіе и воспользовался своей властью, то священникъ сказалъ Богу: я сдѣлалъ свое дѣло, больше ничего сдѣлать не могу, помощи попираемому священству; законы разрушаются, правила ниспровергаются. Что же Человѣколюбецъ? Онъ наказалъ дерзкаго, и тотчасъ проказа взыде на чело его (2 Пар. 26, 19). Богъ какъ бы начерталъ одушевляемый законъ, который говорилъ: не дѣлай того, чтобы не потерять того же" (Сл. на р. м. 1, 247, 248).

Григорій Назіанзинъ говорилъ царю: „Законъ Христа подчиняетъ васъ нашей власти и нашему суду. Ибо и мы господствуемъ, и наша власть выше вашей“.

Передъ нами проходитъ рядъ императоровъ, признающихъ самостоятельную отъ государства сферу Церкви, а съ другой стороны рядъ св. отцовъ, защищающихъ ее отъ посягательства государей, на нее покушающихся.

Когда къ императору **Валентиніану** обратились Фракійскіе и Виѳинскіе Епископы за дозволеніемъ составить Соборъ, онъ отвѣчалъ: „Я только мірянинъ и не могу вмѣшиваться въ дѣла вѣры, это въ вашей власти; собирайтесь, гдѣ хотите“. Онъ презиралъ Епископовъ, говорившихъ, что они слѣдовали вѣрѣ императора; такіе, по его мнѣнію, пренебрегаютъ заповѣдью: „Воздайте Кесарю Кесарево и Божіе Богу“. **Аркадій** и **Гонорій** говорили: *quoties de religione agitur, episcopus convenit judicare*¹. **Императоръ Маркіанъ**, по словамъ Факунда, считалъ нечестивымъ и святотатственнымъ вести какія-либо разсужденія послѣ Архіерейскаго рѣшенія и разсуждать о томъ, что обсуждено и правильно рѣшено. Императоръ **Θеодосій I**, не допущенный въ храмъ Епископомъ Амвросіемъ и подвергнутый цер-

¹ „Всякій разъ, какъ идетъ дѣло о религіи, судить должны Епископы“.

ковному заперещенію за умерщвленіе Солунцевъ, благодариль за наученіе и говорилъ, что понялъ разницу между императоромъ и священствомъ. Императоръ Θεодосій II, посылая комиссаровъ на Ефесскій Соборъ, приказалъ въ инструкціи своимъ комиссарамъ не вмѣшиваться въ разсужденія о вѣрѣ, ибо никому изъ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ сонму святѣйшихъ Епископовъ, непозволительно вмѣшиваться въ церковные вопросы. Однако, практика жизни не всегда соотвѣтствовала такому правосознанію и вызывала къ жизни защиту Церкви со стороны Епископата.

Неизбѣжность протеста служителей Церкви противъ стремленій нѣкоторыхъ императоровъ поставить Христіанскую Церковь на положеніе, занимавшееся языческой религіей. Борьба противъ идей императора-понтифекса максимуса.

Святой Аѳанасій Великій предпочиталъ изгнаніе несправедливымъ требованіямъ аріанствующихъ императоровъ. **Василій Великій** не склонился передъ угрозами префекта, посланнаго императоромъ для привлеченія его къ аріанству. **Св. Іоаннъ Златоустъ**, по выраженію Сократа, пользовался свободой слова для обличенія императрицы Евдокіи и временщика Евтропія и возглашалъ превосходство священства надъ царской властью. **Осія**, по выраженію Св. Аѳанасія, царскія угрозы почиталъ дождевыми каплями и дуновеніемъ вѣтра. Когда Констанцій уговаривалъ его подписаться подъ осужденіемъ Аѳанасія, то онъ смѣло, не колеблясь отвѣчалъ императору: „Не вступай въ дѣла церковныя и не давай намъ приказаній о нихъ". **Діонисій, Евсевій, Люциферъ** на Миланскомъ Соборѣ съ великимъ дерзновеніемъ, борьбой и угрозами убѣждали Констанція не разстраивать дѣлъ Церкви и Римскаго народоправленія не смѣшивать съ церковными постановленіями (цитаты изъ Аѳанасія Великаго изъ Migne у Добротолонскаго). Люциферъ писалъ императору: „Подумай, поставленъ ли ты судьей надъ нами; подумай, для того ли ты поставленъ императоромъ, чтобы насъ своимъ оружіемъ принуждать исполнять волю твоего друга діавола; для тебя существуетъ правило не только не господствовать надъ Епископами, но и повиноваться ихъ рѣшеніямъ настолько, что, если бы ты попытался уничтожить ихъ опредѣленія, то подлежалъ бы смерти". **Иларій** писалъ императору: „Ты тиранъ не въ человѣческихъ, а въ Божественныхъ дѣлахъ". **Святой Амвросій** не боялся выступать противъ интригъ императрицы Юстины и императора Валентиніана II, предпринятыхъ ими въ пользу аріанства, и отказался, вопреки императору, вступить въ пренія съ аріанами, заявивъ, что Епископамъ, а не свѣтской власти

принадлежитъ право рѣшать вопросы вѣры. Когда императоръ приказалъ въ наказаніе отобрать храмъ, онъ отвѣчалъ: „Ни мнѣ непозволительно отдавать его, ни тебѣ, императоръ, принимать; ты не имѣешь права вторгаться въ частный домъ; думаешь ли ты, что можно отнять домъ Божій? Говоришь: императору все позволительно, все ему принадлежитъ; отвѣчаю: не превозносись, императоръ, не думай, что имѣешь какое-либо императорское право на то, что есть Божіе. Не надмевайся, но, если хочешь дальше царствовать, будь покорень Богу”.

Смыслъ всѣхъ заявленій императору отъ Аѳанасія Великаго и другихъ отцовъ Церкви сводится къ слѣдующему: „Перестань, умоляемъ тебя, вспомни, что и ты человѣкъ смертный, убойся дня суднаго, сохрани себя на оный чистымъ. Не вступайся въ дѣла существенно церковныя и не давай намъ приказаній о нихъ; а лучше принимай ученіе отъ насъ. Тебѣ вручилъ Богъ царство, а намъ ввѣрены дѣла Церкви. Какъ восхищающій себѣ твою власть противорѣчить учрежденію Богу, такъ бойся и ты, чтобы, захватывая въ свои руки церковныя дѣла, не подпасть отвѣтственности въ тяжелой винѣ. Написано: воздай Кесарево Кесарю и Божье Богови. Посему, какъ намъ не позволено властвовать на землѣ, такъ и ты, царь, не имѣешь власти приносить кадило.

IV Всел. Соб. постановилъ: „Никакой прагматическій указъ, противный канонамъ, не долженъ имѣть силы; должны преимуществовать каноны отцовъ”. Эта резолюція Собора была принята для государства и императоромъ Маркіаномъ:

„Omes pragmaticas sanctiones, quae contra canones ecclesiasticas interveniunt gratiae vel ambitionis elicitaе sunt, robore suo et firmitate vacuas cessare praecipimus”¹.

По смыслу **постановленія IV Вселенскаго Собора** воля императора не имѣетъ для Церкви обязательнаго значенія. Лишь сама Церковь можетъ придать императорскому постановленію силу канона. Императоръ **Маркіанъ** на IV Вселенскомъ Соборѣ предложилъ проектъ правилъ на разсмотрѣніе отцовъ съ просьбой объ его утвержденіи.

¹ „Мы лишаемъ силы и твердости всѣ прагматическіе указы, противорѣчащіе канонамъ, изданные изъ соображеній фаворитизма или честолюбія”.

Покушенія на каноны въ эпоху монофизитскихъ споровъ.

Но позже въ періодъ монофизитскихъ и монофелитскихъ споровъ канонъ опять испытываетъ покушеніе со стороны императоровъ. Императоры **Зенонъ и Василискъ** издавали вѣроисповѣдныя указы, не считавшіеся достаточно съ опредѣленіями IV Всел. Собора, якобы въ цѣляхъ возстановленія общественнаго спокойствія, стражами коего они себя почитали. Это было восхищеніе императорами на себя того, что не дано императорамъ, хотя это вторженіе и не имѣло, можетъ быть, принципіальнаго характера: уже со временъ императора Граціана императоры не именовались верховными понтифексами; таковымъ не считалъ себя и императоръ **Юстиніанъ**.

Юстиніанъ.

Однако, на практикѣ онъ создавалъ систему, которая таила въ себѣ опасности для канона, въ силу языческой традиціи понтифекса максимуса, не легко вытѣсняемой изъ жизни, дававшей почву для злоупотребленія императоровъ при забвеніи того положенія, что они не могутъ простираться на область церковныхъ отношеній, послѣ признанія христіанства государствомъ. Правда, въ **новеллахъ Юстиніана** каноны считаются почти такъ же священными, какъ догматы вѣры. Въ церковной сферѣ опредѣленія Церкви почитаются имѣющими силу сами по себѣ, отступленія отъ нихъ судятся самой Церковью. Юстиніанъ дѣлалъ болѣе того; онъ включалъ опредѣленія Церкви въ сводъ государственныхъ законовъ, черезъ что они становились подъ охрану не одного церковнаго, но и государственнаго закона. 137 Новелла признаетъ разницу между канономъ и закономъ. Законъ ограждаетъ общественную безопасность и ввѣренъ императору, а установленіе каноновъ и надзоръ за ихъ наблюденіемъ ввѣренъ Епископамъ. Codex Just. tit. 2 lex 12 считаетъ императорскій законъ по внутреннимъ дѣламъ Церкви, противный церковнымъ канонамъ, не имѣющимъ силы. Однако, на ряду съ этими постановленіями, дающими торжество канону, у Юстиніана воскресаетъ на практикѣ и старый Римскій принципъ: „Quod principi placuit legis habet vigorem“, благодаря фактическому вмѣшательству императора во всѣ церковныя дѣла. Кромѣ того, дѣлаясь закономъ, канонъ теряетъ свою обособленность, а всевластный императоръ, комментируя канонъ, ставшій закономъ, черезъ это возносится самъ надъ канономъ; онъ получаетъ возможность по своему раскрывать содержаніе канона. Самъ Юстиніанъ, на основаніи вѣры и опредѣленія каноновъ, раз-

виль необыкновенно широкую дѣятельность. Нѣтъ такого правоотношенія къ Церкви, на которое не простиралась бы дѣятельность императора Юстиніана. Опредѣленіе іерархическаго порядка Патріарховъ, правила избранія, поведенія и взаимоотношенія Епископовъ, клириковъ, монаховъ, наказаніе клириковъ, церковныя имущества — все подверглось его регламентаціи. Епископы получали обширнѣйшія полномочія по государственнымъ дѣламъ; права ихъ по надзору за управленіемъ намѣстниковъ въ провинціяхъ были чрезвычайно обширны; они имѣли право надзора за правосудіемъ, за тюрьмами, принимали отчетъ отъ провинціальныхъ намѣстниковъ и т. д. Однимъ словомъ установленная въ предисловіи къ VI Новеллѣ симфонія Церкви и государства испытывала иногда на практикѣ искаженіе своего истиннаго смысла. Эта симфонія не можетъ мыслиться иначе, какъ въ смыслѣ подчиненій цѣлей государственныхъ цѣлямъ церковнымъ; государство призывается въ ней стремиться къ усовершенію принципа права принципомъ надправовымъ, принципомъ правды, олицетвореннымъ Церковью. Но у Юстиніана государство на практикѣ иногда подавляло Церковь, какъ бы давая ей мѣсто внутри себя, и черезъ императорскую власть поглощало *de facto*, если не *de jure*, ее въ себѣ.

Епископъ Факундъ Герміанскій.

На эту систему даль отвѣдь Епископъ **Факундъ Герміанскій** въ такихъ словахъ: „Лучше свѣтской власти держаться внутри своихъ предѣловъ. Всякое дѣло имѣетъ свои мастерскія и своихъ мастеровъ. Не стучать наковальни въ ткацкой, и огонь тамъ не трещитъ въ горнахъ. Если дѣла дворца не переносятся въ Церковь, то какъ можно переносить церковныя дѣла во дворецъ". Церковь не приняла системы поглощенія ея государствомъ и въ томъ скрытомъ видѣ, который иногда вкладывался въ понятіе о системѣ государства Церкви — двухъ частяхъ одного и того же организма.

Теорія императорской власти, опирающаяся на библейскомъ представленіи.
Георгій Писидійскій.

Противовѣсомъ этого возрождавшагося на практикѣ Римско-правового понятія о государствѣ, какъ высшемъ принципѣ жизни, и императорѣ — верховномъ понтифексѣ, столь живучаго, что отклики его слышатся на протяженіи столѣтій, явилась теорія, напоминающая взгляды Библии и Израиля. Эта теорія даетъ твердый фундаментъ для самостоятельной жизни канона, такъ

что самая борьба противъ канона принуждена взять другія точки отправленія, и опираться на новыя основанія. Императорская власть уже не можетъ отмѣнить канонъ во имя всемогущей государственной власти, какъ высшаго принципа въ сравненіи съ Церковью, и принуждена **прибѣгать для защиты правъ императора къ церковному принципу** іерархическаго достоинства императора, который выставляется, какъ первосвященникъ. У Drapeiron (L'empereur Héracle l'empire Byzantin au VII siècle говорится о появленіи во времена императора Ираклія (610-649) сочиненія Георгія Писиды De Expeditione Persica, гдѣ авторъ въ элементы Римскіе вводитъ уже элементы иные, излагаетъ Эклезіаста и даетъ ученіе о Богѣ, Владыкѣ Израиля, и о царѣ — Его намѣстникѣ (60-66 стр.):

„Le cours mobile des choses amène des vicissitudes et des révolutions: **le Createur seul est capable de maintenir et de préserver l'ordre du monde. C'est pourquoi l'empereur avant de prendre aucune décision, l'implore par de ferventes prières. Il n'agit que sous son inspiration.** C'est à son commandement que l'empereur a entrepris sa divine expédition; c'est une sentence divine qui renverse les tyrans par le bras d'Héraclius et raffermi la monarchie Byzantine... Dans l'un de ses discours l'empereur s'exprime ainsi: Nous avons tous un roi (βασιλεύς), un maître (δεσπότης) un chef de nos armées; c'est lui qui assure les opérations militaires et qui sanctifie la victoire. N'est il pas lui même le soldat de Dieu, le lieutenant de Dieu? Enfin Pisides nous livre une formule précieuse, qui nous dispenserait d'une longue dissertation. Comme la monarchie fondée sur la Divinité est une belle institution! Nous définirons donc légitimement le régime byzantin au début du VII siècle: **Une monarchie tempérée par l'idée de Dieu. La dénomination de théocratie ne serait pas absolument exacte, malgré l'influence du patriarche et des prêtres.** Il n'y a pas trace d'une domination sacerdotale véritable. **Le patriarche supplée l'empereur absent et se met en rapport direct avec la Divinité, mais il n'a pas de puissance civile que celle que la décision impériale lui confère.** Si Dieu est tout pour l'empereur, l'empereur est tout pour ses sujets... En plus d'un endroit Pisides nous donne à entendre la différence qui sépare l'autocrate du tyran. Pour le tyran il n'existe pas de lois; l'autocrate observe les lois... **L'empereur qui est la loi vivante sur la terre doit donner l'exemple plutôt que faire exception.** N'est ce pas lui préside au maintien de la législation? Pisides le comparant à une abeille, lui dit qu'il a les lois pour aiguillon (поощрение). La loi strictement exécutée serait comme il est dit dans la Politique (Aristote, Pol. L. 1 c. II)

l'intelligence sans la passion aveugle. Mais l'empire des lois n'exclut jamais l'arbitraire dans cet Etat où la sagesse imperiale, nécessairement courte par quelque endroit, demeure sans contrôle. La monarchie que nous dépeint Pisides est peut être la noble tyrannie de Platon ou la tyrannie légitime d'Aristote. Платонъ говоритъ: La monarchie enchaînée dans de sages réglemens est le meilleur des gouvernemens; mais sans lois est le plus pesant et le plus difficile à supporter (Platon, La Politique). И Писидисъ рисуетъ картину анархii: L'ivresse du tyran excitait l'audace naturelle du peuple. Platon et Xénophon témoins des fureurs populaires préfèrent la monarchie limitée. Aristote, témoin des excès de la royauté se réjetait vers la démocratie Pisides qui a vu à l'oeuvre les démagogues, implore le bras d'un autocrate: „Un monarque anime fort, dirige tout par la raison et éloigne les causes de désordre. Rien n'est aussi funeste en effet comme le désordre, cette maladie qui se glisse comme un serpent, mordant consume l'ame elle même en s'attaquant aux sources de la vie"¹.

Измѣнчивое теченіе вещей создаетъ перемѣны и эволюціи. Одинъ Творецъ способенъ предохранить порядокъ міра; царь же долженъ дѣйствовать только по Его вдохновенію. По его повелѣнію императоръ предпринялъ экспедицію и явился **орудіемъ Божественнаго приговора для ниспроверженія тираніи и укрѣпленія Византійской имперіи**. Всѣ мы имѣемъ Одного Царя, Владыку и во-

¹ „Измѣнчивый ходъ мірскихъ дѣлъ приводитъ къ превратностямъ и революціямъ: **Одинъ Творецъ міра можетъ поддержать и сохранить его строй. Вотъ почему прежде всякаго рѣшенія императоръ обращается къ Нему съ горячей мольбой. Онъ дѣйствуетъ только по Его указанію.** По Его именно приказу императоръ предпринялъ свой божественный походъ; именно божественный приговоръ опрокидываетъ тирановъ рукой Ираклія и утверждаетъ Византійскую Имперію... Въ одной изъ своихъ рѣчей Императоръ выражается такъ: Мы всѣ имѣемъ царя, предводителя нашего войска; онъ ведетъ военныя операціи и празднуетъ побѣду. Не есть ли онъ самъ Божій воинъ, намѣстникъ Бога? Наконецъ, Писидъ даетъ намъ драгоценную формулу, освобождающую насъ отъ долгаго разсужденія. Какое прекрасное учрежденіе — монархія, основанная на Божествѣ! Мы въ правѣ такъ опредѣлить Византійскій режимъ въ началѣ VII вѣка. **Это монархія, умѣренная идеей Бога. Назвать его теократіей было бы не вполне точно, несмотря на вліяніе патріарха и духовенства.** Здѣсь нѣтъ подлиннаго господства духовенства. Патріархъ дополняетъ отсутствующаго Императора и находится въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ Богомъ, но въ гражданскихъ отношеніяхъ онъ имѣетъ только ту власть, которую ему даетъ Императоръ. Если Богъ есть все для императора, императоръ — все для своихъ подданныхъ. Не въ одномъ лишь мѣстѣ Писидъ указываетъ намъ на различіе между (самодержцемъ) автократомъ и тираномъ. Для тирана не существуетъ законовъ; автократъ соблюдаетъ законы... Императоръ, который есть живой законъ на землѣ, долженъ показывать скорѣй примѣръ, а не исключеніе. Не онъ ли первый долженъ поддерживать законъ? Сравнивая его съ пчелой, Писидисъ говоритъ, что законъ для него является поощреніемъ. Законъ, строго исполненный, есть, какъ сказано въ „Политикѣ" Аристотеля, разумъ безстрастный. Но власть законовъ не исключаетъ произвола въ томъ государствѣ, гдѣ императорская мудрость, неизбежно недостаточная съ какой-либо стороны, остается безконтрольной. Монархія, которую намъ рисуетъ Писидисъ, есть, можетъ быть, благородная тираннія Платона или законная тираннія Аристотеля. Платонъ говоритъ: „Монархія, ограниченная мудрыми законами, есть лучшее правленіе, но безъ законовъ самое тяжелое и трудно переносимое". Писидисъ рисуетъ картину анархii: „Распущенность тирана вызвала естественную доблесть народа. Платонъ и Ксенофонтъ свидѣтели народнаго неистовства, предпочитали ограниченную монархію. Аристотель — свидѣтель эксцессовъ царей — обращался къ демократіи. Писидисъ, видѣвшій работу демагоговъ, взываетъ къ самодержцу. Одинъ монархъ вдохновляетъ, руководитъ все разумомъ и отдаляетъ причины нестроений. Ничто такъ не печально, какъ нестроеніе (безпорядокъ), который вкрадывается подобно змѣѣ; кусая, поражаетъ самую душу, нападая на источникъ жизни".

жда нашихъ армій. **Законъ и Божья воля** должна управлять царствомъ. „Вѣдь, что такое царь? **Не есть ли только намѣстникъ Божій, оруженосецъ, второй послѣ Бога вождь народа. Царь получилъ свою власть отъ Бога, а рядомъ съ царемъ Патріархъ**” (61 стр.).

„Какъ хороша монархія *fondée sur la Divinité* теократическая"! восклицаетъ авторъ. Здѣсь въ этой формулѣ укрѣпленіе теократической идеи о сущности Византійской монархіи и объ отношеніи ея къ канону Церкви. Возвеличивая царя, какъ Божьяго намѣстника, эта теорія невольно связываетъ его канономъ, какъ изъявленіемъ Божіей воли. Если императоръ — делегатъ Божій и съ Богомъ (какъ великолѣпна монархія, управляемая Богомъ) призванъ управлять *σὺν Θεῷ* (*ὡς εὐκράτοῦσα σὺν Θεῷ μοναρχία*), то государственный принципъ не можетъ стоять надъ церковнымъ; Церковь впереди государства, слѣдовательно и канонъ впереди закона. Государство относится къ канону, какъ къ выраженію высшей воли. Патріархъ является представителемъ Церкви, силой, поддерживающей монарха и основу его власти (69 стр.).

Посягательства императоровъ на каноны не прекратились и послѣ Ираклія. Какъ раньше борьба съ ними была борьбой противъ традиціи понтифексъ максимуса-императора или всемогущества государства, такъ послѣ началась борьба противъ первосвященническаго положенія императора, получаемого якобы отъ Церкви. Противъ этой теоріи боролся Максимъ Исповѣдникъ.

Максимъ Исповѣдникъ.

„Не дѣло императора вмѣшиваться въ дѣла Церкви", учитъ онъ. „Отцы ясно высказали, что изслѣдованіе и опредѣленіе церковнаго ученія принадлежитъ священникамъ. Можетъ быть, ты скажешь: развѣ каждый христіанскій императоръ не священникъ. Я утверждаю — нѣтъ. Онъ не стоитъ у алтаря, онъ не носитъ знаковъ священническаго достоинства — омофора и Евангелія, но знаки царя — вѣнецъ и діадему". Когда императоры ссылались на примѣръ Мельхиседека, то Максимъ говорилъ, что если императоръ — царь и священникъ, какъ Мельхиседекъ, то, какъ Мельхиседекъ онъ долженъ быть безъ отца и безъ матери (безъ начала дней своихъ). Когда противопоставляли ему, что власть императора простирается и на Церковь, что безъ его повелѣнія Соборъ не имѣетъ силы, то Максимъ спрашивалъ, какое правило говорить, чтобы признавались только Соборы, созванные

повелѣніемъ императора: святыя и истинныя Соборы тѣ, которые санкціонировали правыя догматы.

Св. папа Григорій Двоесловъ.

Папа Григорій Двоесловъ писалъ императору Льву: „Вѣдаешь, царь, что догматы Св. Церкви не царю принадлежать, но Архіереямъ, которые безопасно имѣють догматствовать. **Посему Архіереямъ ввѣрены Церкви, и они не входятъ въ дѣла правленія народнаго.** Пойми и замѣть это... — „должны воздерживаться отъ народныхъ дѣлъ, т. е. отъ дѣлъ политическихъ“, **а цари подобно не должны входить въ дѣла церковныя, но заниматься ввѣренными имъ** (т. е. гражданскими). Совѣщаніе же христілюбивыхъ царей и благочестивыхъ Архіереевъ составляетъ единую силу, когда дѣла управляются съ миромъ и любовію“.

Іоаннъ Дамаскинъ.

Іоаннъ Дамаскинъ боролся противъ тираническаго восхищенія священства императоромъ Львомъ III. Поставляя дѣла вѣры и Церкви въ рядъ общегосударственныхъ дѣлъ, Левъ III или своей властью безъ согласія Патріарха дѣлалъ распоряженія о нихъ, или въ случаяхъ особой важности поручалъ обсужденію Сената вмѣсто представленія ихъ въ Соборъ; еще произвольнѣе Левъ III распоряжался патріаршими и епископскими каѳедрами, вынудилъ отреченіе отъ каѳедры у Константинопольскаго Патріарха Германа, не желавшаго подписать угодный императору эдиктъ, поставилъ другого Патріарха, ссылалъ многихъ Епископовъ, преданныхъ Православію, и совершалъ избраніе въ клиръ (Изъ рѣчи Дамаскина во II Or. De imag.) Такъ поступалъ и Левъ IV и Константинъ V. Однако, церковнымъ требованіемъ оставалось всегда самостоятельность Церкви въ кругѣ дѣлъ, ей принадлежащихъ; въ качествѣ принципа оно вошло и въ императорское законодательство и никогда не умирало въ сознаніи. На практикѣ, конечно, не прекращались вторженія императорской власти въ церковную сферу, но, когда ослабѣвала въ защитѣ Церкви Іерархія, выступало монашество. Уже Максимъ Исповѣдникъ въ VII вѣкѣ выступаетъ не изъ рядовъ Іерархіи, также въ VIII вѣкѣ Іоаннъ Дамаскинъ и особенно Ѳеодоръ Студитъ.

Іоаннъ Дамаскинъ писалъ въ Or. De imag. II: „Penes imperatores potestas non est ut ecclesiis leges sanciant"¹. Что говорить Божествен-

¹ „У императоровъ нѣтъ власти давать законы Церкви“.

ный Апостоль? „И овыхъ убо положи Богъ въ Церкви первое апостоловъ, второе пророковъ, третье пастырей и учителей къ совершенію Церкви" (1 Кор. 12, 28), не **сказаль „императоровъ"**. И еще: „Не императоры глаголаша намъ слово Божіе, но апостолы и пророки, пастыри и учителя. И Давиду, положившему въ сердцѣ своемъ создать домъ Божій, Богъ сказалъ: „не созиждешь Мнѣ дома, потому что ты — мужъ кровей" (I Парал. XXVIII, 2). „Воздадите убо всѣмъ должная, взываетъ Апостоль Павелъ, ему же честь — честь, ему же страхъ — страхъ, ему же — урокъ — урокъ, ему же дань — дань" (Рим. 13, 7). Долгъ императора есть государственное благоустройство, а церковное устройство есть дѣло пастыря и учителя. **Насильственное вторженіе сюда есть разбой, братіе.** Когда Саулъ раздраль одежду Самуила, то что случилось съ нимъ? Раздраль Богъ царство его и передалъ кротчайшему Давиду (I Цар. 15, 27, 28). Илію преслѣдовала Іезавель и кровь ея полизаша свиньи и псы (III Цар. 19, 2 и 21, 23). Иродъ убилъ Іоанна и умеръ съѣденный червями. И нынѣ Блаженный Германъ, жизнью и словомъ блистающій, истязанъ и сосланъ и очень многіе Епископы и отцы, именъ которыхъ мы не знаемъ. Неужели это не разбой? И Господь, когда приступили къ Нему книжники и фарисеи, искушали Его и, думая уловить Его словомъ, спрашивали, надо ли давать Кесарю подать, отвѣчаль имъ: „Воздайте Кесарю Кесарево и Божіе Богу". **Мы повинемся тебѣ, императоръ, въ томъ, что относится къ дѣламъ нашей жизни: въ отбываніи повинностей, податей и пошлинъ, въ чемъ управленіе дѣлами нашими ввѣрено тебѣ; но для устройства церковныхъ дѣлъ мы имѣемъ пастырей, глаголавшихъ намъ слово и передавшихъ намъ церковное законоположеніе.** Не будемъ же преступать вѣчныхъ предѣловъ, которые положили отцы наши, но сохранимъ преданіе, какъ приняли: ибо, если начнемъ зданіе Церкви, хотя и въ маломъ чемъ, трогать, мы понемногу разрушимъ все цѣлое".

Θеодоръ Студить.

Θеодоръ Студить говорилъ Императору Льву V: „Внемли тому, что черезъ насъ говоритъ Божественный Павелъ о церковномъ благочиніи и убѣдившись, что не слѣдуетъ императору ставить себя судьей и рѣшителемъ въ церковныхъ дѣлахъ, послѣдуй апостольскимъ правиламъ, если признаешь себя православнымъ. Онъ говоритъ такъ: Положи Богъ въ Церкви первое апостоловъ, второе пророковъ, третье учителей (I Кор. 12, 28). **Вотъ тѣ, которые устрояютъ и**

изслѣдуютъ дѣла вѣры, по волѣ Божіей, а не императоръ; ибо **Св. Апостолъ не упомянулъ, что императоръ распоряжается дѣлами Церкви**". „Такъ ты меня извергаешь изъ Церкви?" спросилъ Левъ V. — „Не я, отвѣчалъ Ѳеодоръ, но Божественный Апостолъ Павелъ; если же хочешь быть ея сыномъ, то никто не мѣшаетъ этому, только слѣдуй во всемъ духовному отцу своему патріарху Никифору". Левъ V держался иконоборческой ереси, держась иноноборческаго Собора 754 года подъ предсѣдательствомъ Патріарха Іоанна Грамматика. Но православные отказались пересматривать постановленія VII Всел. Собора. Когда императоръ предложилъ совмѣстное собесѣдованіе и себя въ посредники, то Епископъ **Емилианъ** говорилъ, что не дѣло мірянъ разбирать церковные вопросы, подлежащіе вѣдѣнію церковной власти. Ѳеодоръ Студитъ упрекалъ императора за нарушеніе церковнаго мира и возобновленіе ереси, писалъ о давности иконопочитанія, о недопустимости диспута съ противниками при пристрастіи императора и говорилъ то, что писано выше. Когда въ другой разъ императоръ Михаилъ послѣ подавленія возстанія 821 года хотѣлъ устроить собесѣдованіе православныхъ съ иконоборцами, онъ **возсталъ** противъ этого и пояснилъ свой образъ дѣйствій въ одномъ изъ своихъ писемъ. „Нынѣ царствующій императоръ говоритъ, что онъ не будетъ судьей въ спорѣ. Ни мы, ни достославный нашъ Архіерей не допустили этого, какъ незаконнаго и чуждаго. Это и справедливо..., ибо здѣсь рѣчь не о мірскихъ и плотскихъ дѣлахъ, судить о которыхъ можетъ власть императорская и мірской судъ, но о Божественныхъ и небесныхъ догматахъ, что ввѣрено не иному кому либо, а тѣмъ, коимъ сказалъ Самъ Богъ Слово: Еже аще свяжете на землѣ, будетъ связано на небесахъ, и еже аще разрѣшите на землѣ, будетъ разрѣшено на небесахъ. Кто же тѣ, кому это ввѣрено? Апостолы и ихъ преемники. Кто же эти преемники? Римскій первопрестольникъ, Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій, Іерусалимскій. Это пятиглавая власть Церкви. Имъ принадлежитъ судить о Божественныхъ догматахъ. **А дѣло царей и правителей защищать и соутверждать опредѣляемое и примирять плотскія разногласія, другого же ничего имъ не дано отъ Бога**, и, если это будетъ сдѣлано, не устоитъ". Ѳеодоръ считалъ, что для разрѣшенія вопроса о Патріархѣ Никифорѣ, надо составить Соборъ четырехъ Патріарховъ или же третейскій судъ Римскаго папы въ силу правила: „Если уклонится одинъ изъ Патріарховъ, то долженъ принять исправленіе отъ равныхъ ему, какъ говоритъ божественный

Діонисій, а не судиться імператором". Θεодоръ настаивалъ на недопустимости суда свѣтскаго въ церковныхъ дѣлахъ, ссылаясь на Григорія Богослова, на Апостола Павла. Послѣдній въ посланіи къ Римлянамъ говорить, что мірскимъ начальникамъ данъ отъ Бога мечъ (Рим. 15, 3—4), а власть Божественныхъ догматовъ, отлученія и разрѣшенія отъ Св. Духа дана Апостоламъ (Іоанн. 20, 20, 23 и Мѡ. 18, 18), а сказанное имъ, сказано въ ихъ лицѣ и преемникамъ до настоящаго времени. Допускать мірскихъ начальниковъ до такихъ дѣлъ, значитъ отказывать Апостоламъ въ данной имъ отъ Св. Духа власти. И какъ могутъ постигать высокія истины тѣ, кои не имѣютъ должнаго совершенства въ жизни? Послушай слова Апостола (І Кор. 2, 6—8): „Видите-ли, что мірскіе начальники распяли Господа славы; если и теперь допустить мірской начальнической судъ относительно Его иконъ, то это не иное что значило, какъ опять іудейство и судъ Пилата". Надо сказать, что Θεодоръ Студитъ не имѣлъ Епископскаго сана, и потому не выступалъ съ открытымъ обличеніемъ на царей и Патріарховъ, но прерывалъ съ ними общеніе, чѣмъ съ успѣхомъ и воздѣйствовалъ. Θεодоръ стремился установить взаимоотношенія Церкви и государственной власти на началахъ ихъ равноправія и самостоятельнаго дѣйствія въ предѣлахъ своего вѣдомства при взаимномъ согласіи. Онъ не домогался въ духѣ папистовъ для Церкви господства надъ государствомъ и для церковной власти верховной роли въ государственныхъ дѣлахъ. Его идеалъ начертанъ въ твореніяхъ другихъ Св. Отцовъ и учителей Церкви и усвоенъ Византійскимъ закономъ. „Богъ даровалъ христіанамъ эти два дара — священство и царство, ими устрояется, ими украшается земное, какъ на небѣ; поэтому, если какое либо изъ нихъ будетъ недостойно, то и все необходимо подвергается опасности. Итакъ, если хотите доставить вашему царству величайшія блага и черезъ ваше царство всѣмъ христіанамъ, то да получите и Церковь себѣ представителя равнаго, сколько возможно, вашей царской доблести, дабы радовалось небо и веселилась земля". Такъ писалъ онъ императору Никифору въ 806 г.

Θеодору Студиту пришлось противопоставить свое пониманіе царской власти пониманію императоровъ иконоборцевъ. „Я царь и священникъ", пишетъ Левъ Исавръ, и это — не метафора, а опредѣленная политическая программа, внѣшнимъ выраженіемъ которой было гоненіе на иконы, вторженіе въ канонъ.

Императоръ Левъ Исавръ. Эклога. Теорія иконоборствующихъ объ императорѣ-первосвященникѣ.

Въ программѣ Исавра государство не стоитъ надъ Церковью; оно облечено священнымъ характеромъ, но самъ то императоръ ставится надъ Церковью. „Воля моя — канонъ“, говоритъ Левъ, но не въ томъ смыслѣ какъ Констанцій, не потому, что государство выше Церкви, **а потому, что будто императоръ самъ — Епископъ.** Законъ по Эклогѣ — Божіе откровеніе. Монахъ Теофанъ правильно называлъ императора Льва единомышленникомъ халифа. **Самая система церковно-государственныхъ отношеній у иконоборцевъ отразила на себѣ сарацинскія вліянія изъ Дамаска; а тамъ императоръ — пророкъ и царь.** На страницахъ Эклоги есть признаніе императора Льва, что онъ, а не Патріархъ, пасетъ стадо Христово по слову Апостола Петра.

Сама Эклога — творчество иконоборческихъ императоровъ — иллюстрируетъ сказанное; вотъ ея введеніе: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Императоры Левъ и Константинъ. Господь и Творецъ всего Богъ, создавшій человѣка и отличившій его самовластіе, далъ ему по слову пророка (Ис. VII, 4) законъ на помощь и посредствомъ онаго сдѣлалъ извѣстнымъ, что слѣдуетъ дѣлать и чего слѣдуетъ избѣгать, для того, чтобы одно было избираемо, какъ единственное спасеніе, а другое отметаемо, какъ ведущее къ наказанію. Поелику Онъ вручилъ намъ, какъ это Ему было угодно, державу царства, сдѣлавъ тѣмъ явное признаніе нашей къ Нему любви, смѣшанной со страхомъ, поручивъ намъ по слову, сказанному верховнѣйшей главѣ апостоловъ — Петру, пасти ввѣренное ему стадо, то мы питаемъ такое убѣжденіе, что нѣтъ ничего, чѣмъ мы первѣе и болѣе могли бы воздать **какъ управленіе ввѣренными намъ отъ Него людьми въ судъ и правдѣ.** Правдою мы тщимся угодить Богу, вручившему намъ скипетръ царствія и т. д. (Законодательство иконоборцевъ. Ж. М. Н. Пр., т. 199). **Левъ строить всю юриспруденцію на Откровеніи.** Св. Писаніе и постановленія Всел. Соб. онъ признаетъ обязательнымъ для императоровъ кодексомъ не только для Церкви, но и для государства. Устройство государства сравнивается съ организмомъ человѣка. Государство — тѣло; Церковь — душа; для блага этого духовно-тѣлеснаго организма нужно согласіе властей государственной и церковной, т. е. между царемъ и Патріархомъ. **Но въ этой системѣ равновѣсіе нарушено въ пользу государя-Епископа.**

Система Эпанагоги.

Оно возстанавливается въ другомъ памятникѣ уже IX вѣка — Эпанагогѣ. Независимо отъ вопроса о томъ, была ли она законодательнымъ актомъ или только проэктомъ, ея идеи вошли въ послѣдующіе памятники, между прочимъ въ Синтагму Матвѣя Властаря, и цитируются оттуда и Патріархомъ Никономъ въ его Возраженіи Стрешневу и Лигариду. Здѣсь верховный законодатель, судья и правитель — Самъ Іисусъ Христосъ. Его намѣстники на землѣ — царь и Патріархъ. Императоръ — законодатель, судья и истолкователь закона; его власть къ подданнымъ не ограничена никакимъ учрежденіемъ человѣческимъ. Но предѣль ея въ религіозныхъ законахъ Христа и Его Церкви. Законъ Церковный выше закона свѣтскаго. **Въ отличіе отъ Эклоги, самъ императоръ не только подчиненъ канону, но и не можетъ его толковать: толкуетъ его тотъ, кто имѣетъ дѣйствительное преемство апостольское — Патріархъ.** О канонѣ говоритъ 7 гл. II тит. „Si de interpretatione legis quaeratur, in primis inspiciendum est quo jure civitas in eius modi easibus uso fuisset; optima enim est interpretes consuetudo; а далѣе прибавлено: quod vero contra rationem juris receptum est, non est producendum ad consequentias. Contra rationem juris разумѣется contra canones"¹; получилось правило: „При объясненіи законовъ слѣдуетъ прибѣгать и къ обычаю, **но то, что введено въ противность канонамъ, не можетъ служить образцомъ;** сама правообразующая дѣятельность закона не можетъ касаться отношеній, регулируемыхъ Церковью. Царь — хранитель Божественнаго и свѣтскаго права, хранитель всего написаннаго въ Св. Писаніи и опредѣленіи Собора. Его главная обязанность — защита правовѣрія и благочестія, **но онъ не судья того, что онъ призванъ охранять.** 5-я глава II-го титула подробно указываетъ, какъ долженъ вѣровать царь. Толкуя законъ, императоръ не можетъ толковать канонъ. **Это дѣло Патріарха, который является высшей церковной властью. Онъ же обязанъ говорить передъ лицомъ царя въ защиту праваго догмата и канона, если царь законодатель вмѣшивается въ эту заповѣдную для него область.**

Разсмотрѣніе постановленій Эпанагоги ясно показываетъ, что ей нельзя приписывать, какъ дѣлается иногда, мнѣніе, будто царь и Патріархъ являются главами одного и того же союза. Эпанагога, не-

¹ „Если дѣло идетъ о толкованіи закона, то прежде всего надо изслѣдовать, какое право примѣняло въ такихъ случаяхъ государство: лучший толкователь обычай, но что введено вопреки канонамъ, то не должно быть примѣняемо“.

смотря на тѣсную связь религіи съ общежитіемъ, ясно различаетъ съ одной стороны область государственныхъ отношеній (πολιτεία) и область религіозныхъ отношеній (ἐκκλησία), какъ двѣ особыя сферы общенія. Это видно и изъ характеристики власти царя и Патріарха, какъ высшихъ представителей двухъ сферъ общенія. Между ними необходимо согласіе, но каждый изъ нихъ возглавляетъ особую сферу, такъ что въ этомъ памятникѣ Византійскаго законодательства Церковь не исчезала въ государствѣ. Нечего и говорить, что сама Церковь всегда отличала оба союза другъ отъ друга — Церковь и государство. Бердниковъ въ доказательство этого приводитъ рядъ постановленій Церкви (Основ. начала церков. права Правосл. Церкви, стр. 76).

9-ый членъ Символа Вѣры достаточно ясно выражаетъ сознаніе Церкви, что она есть особое Божественное учрежденіе, отдѣльное тѣ государства. Уже по этому одному нельзя думать, что Іерархія древней Церкви не понимала различія между государствомъ и Церковью, а будто напоминала только о различіи между sacerdotium и imperium. Объ отличіи Церкви напоминаетъ рядъ церковныхъ правилъ. Такъ, въ 18 правилѣ IV Вс. Соб., государство съ его законами представляется внѣшнимъ по отношенію къ Церкви; въ 104 Карѣ. правилѣ Африкан. Епископы отъ лица Церкви просятъ императора о защитѣ Церкви отъ донатистовъ и другихъ еретиковъ. 5 Антиохійское правило уполномочиваетъ церковную власть обращаться за помощью къ свѣтской противъ клириковъ, не повинующихся своему Епископу. 30 Ап. пр. и VII, 3 запрещаетъ получать Епископскую власть черезъ свѣтскихъ начальниковъ; II, 6; 12 Ант. и 117 Карѣ. запрещаетъ клирикамъ обращаться въ свѣтскія судилища объ оскорбленіи церковныхъ правилъ и нарушеніи церковнаго благочестія. Восточные Іерархи понимали это различіе между sacerdotium и imperium, какъ различіе между Церковью и государствомъ. Говоря о священствѣ и царствѣ, они и разумѣли Церковь и государство, беря часть вмѣсто цѣлаго, прибѣгая къ обычному обороту рѣчи. **Когда Епископы говорили о низшемъ положеніи императора передъ Епископами, они и разумѣли это относительно церковной сферы, ибо въ государствѣ никто не оспаривалъ первенства императора.**

Въ отношеніи характера полномочій царя, какъ видимъ, Эпанагога рѣшила иначе, чѣмъ Эклога, и постановленная въ VII вѣкѣ у Георгія Писидиса формула монархіи, управляемой сὺν Θεῷ, получила болѣе раскрытое содержаніе: государство управляется въ

соотвѣтствіи съ канонѣмъ, т. е. правилами, установленными черезъ преемственную благодать священства и толкуемыми Церковью. Сарацинскія магометанскія вліянія исчезли въ лучахъ христіанской Эпанагоги, и императору не стали приписывать положеніе халифа, стоящаго надъ Церковью.

Принципъ защиты истинной вѣры императорами.

Самый принципъ, что императоръ долженъ исповѣдывать Православіе, никогда не колебался. Если часто, въ періодъ Вселенскихъ Соборовъ, императоры оказывали покровительство ереси, то это покровительство оказывалось ереси не какъ ереси, а въ силу представленія, хотя и ошибочнаго, о ней, какъ о подлинномъ православномъ ученіи. Императоры соблюдали и защищали еретическое ученіе, добросовѣстно полагая, что они защищаютъ ту самую вѣру, отъ соблюденія которой зависитъ и спасеніе вѣрующихъ и процвѣтаніе государства. Если еретики императоры съ православной точки зрѣнія нарушали принципъ, то это нарушеніе лишь показываетъ, что самый принципъ и существовалъ, и постоянно былъ примѣняемъ. Нельзя забывать, что явленія эти происходили, когда формулированіе догматовъ было въ процессѣ, и истина ученія еще не была уточнена. Относительно познанія Христовой Истины одинъ изъ величайшихъ отцовъ Церкви **Кирилль Александрійскій** сказалъ: „Многіе не такъ легко и удобно принимаютъ таинства Христа; ученіе о Немъ чрезвычайно глубоко, и непрестанно изучающіе Писаніе едва познають Его и то только, какъ бы въ зеркалѣ и гаданіи“. Отцы Церкви всегда учили и побуждали царей учить тому, что безъ истиннаго почитанія истиннаго Бога никто не можетъ имѣть истинной добродѣтели, что безъ процвѣтанія добродѣтелей не можетъ процвѣтать и государство, что въ защитѣ и сохраненіи правой вѣры невредимой заключается надежда на успѣхъ во всѣхъ дѣлахъ и для царей, что ихъ служеніе Богу на благо человечества заключается въ поспѣшествованіи добру, въ устраненіи зла и обузданіи людей порочныхъ. Какъ же вообще представить идеаль царя въ Византійскомъ пониманіи?

Идея императора - Божіяго слуги, и императора - отраженія Божественнаго Разума.

Идеаломъ царя сталъ чисто церковный библейскій идеаль — премудрость и истина Божіи, открытыя еще въ Вѣтхѣмъ Завѣтѣ, но окончательно раскрытыя въ Самой воплотившейся Премудрости —

Сыномъ Божіимъ. Премудрость Божія говоритъ (Прит. 8, 15): Мною цари царствуютъ и повелители узаконяють правду. По слову Ап. Павла (Рим. 13, 4): начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся; ибо онъ не напрасно мечъ носить; онъ — Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему зло¹. **Историкъ Евсевій** говоритъ: „Правитель цѣлаго міра есть второе Лицо Пресвятой Троицы Слово Божіе, проходящее на всемъ, черезъ все и во всемъ видимомъ и невидимомъ. Отъ этого всеобъемлющаго Разума разуменъ и царь, отъ этой Мудрости мудръ, отъ Причастія этому Божеству благъ, отъ общенія съ этой Правдой праведенъ, по идеѣ этой Умѣренности умѣренъ, отъ пріятія этой Высочайшей Силы мужественъ. Истиннымъ царемъ по всей справедливости надо называть того, кто образовалъ свою душу царскими добродѣтелями, по образу Царства Высочайшаго". **Царь Константинъ** понималъ свою задачу, какъ стремленіе призвать воспитываемый подъ его властью родъ человѣческой на служеніе священному закону, и подъ руководствомъ Высочайшаго Существа возрастить блаженнѣйшую вѣру, чтобы подавить зло и всячески содѣйствовать водворенію мира среди подданныхъ. Этотъ идеаль царя проповѣданъ былъ и **Блаженнымъ Августиномъ** въ V книгѣ, 24 гл. „О градѣ Божіемъ", а **Кириллъ Александрійскій** писалъ императору Θεодосію: „Возвышеннымъ и великимъ свойственно имѣть снисходительность. И дѣйствительно, это незлобіе, эта снисходительность принадлежитъ Высочайшему Божественному Естеству, а вслѣдъ и по Его примѣру и Вашему Величеству, христіановѣднѣе императоры. По истинѣ, вы нѣкоторый **образъ и подобіе небеснаго царства**; вамъ однимъ достоить въ удѣлъ господствовать и оберегать своихъ подданныхъ страхомъ и кротостью и изливать на всю вселенную славное и мирное благоденствіе".

Государство сближается съ Церковью черезъ стремленіе, чтобы его глава былъ отраженіемъ Божественнаго Разума.

Такъ поставленная задача Для государства роднить его съ Церковью, какъ царствомъ духовнымъ, несмотря на различіе въ непосредственныхъ цѣляхъ, устройствѣ и средствахъ. Хотя Церковь преслѣдуетъ спасеніе людей, а государство земное благополучіе, од-

¹ Только такой власти и повелѣваетъ подчиняться Апостоль Павелъ, которая считаетъ себя какъ слугителя Божьяго, а не власти богоборческой, какъ почитаетъ посланіе Митрополита Сергія и его Синода въ указѣ 16-29 іюля 1927 г. Это посланіе, приводя Рим. 13, 5, умалчиваетъ основаніе повиновенія, указанное въ Рим. 13, 4.

нако государство вносить и въ свою дѣятельность Высшую правду, которой учится у Церкви, и черезъ генетическую связь своего идеала съ Церковнымъ вступаетъ съ Церковью въ то отношеніе, которое именуется соглашеніемъ, симфоніей, выражаемой въ духовномъ единеніи царя съ Архипастырями Церкви. Здѣсь разумѣется не временное конкордатное соглашеніе двухъ борющихся и договаривающихся волей, **а духовное согласіе въ совмѣстномъ подчиненіи одной Богооткровенной Истинѣ.** „Когда Епископъ, говоритъ Кургановъ, оказываетъ повиновеніе императору, то не какъ Епископъ, власть котораго проистекала бы отъ авторитета императорской власти, а какъ подданный, какъ членъ государства, обязанный оказывать повиновеніе Богомъ поставленной надъ нимъ предержащей власти. Равнымъ образомъ, когда императоръ подчиняется опредѣленіямъ священника, то не потому, что они носятъ титулъ священниковъ и его императорская власть проистекаетъ отъ ихъ власти, а потому, что они священники Божіи, служители открытой Богомъ вѣры, слѣдовательно, какъ членъ Церкви, какъ человѣкъ, ищущій, подобно прочимъ людямъ, своего спасенія въ духовномъ Царствѣ Божіемъ — Церкви, въ познаніи Богооткровенной Истины, въ истинномъ богопочтеніи". Такъ, въ Византійскомъ возрѣніи обѣ власти дѣйствуютъ союзно въ силу не договора, а въ силу служенія одному и тому же признаваемому ими принципу, хотя и разными способами.

Теорія симфоніи въ VI Новеллѣ Юстиніана.

Конечно, такъ дѣло обстоитъ въ идеѣ отношеній, идеѣ, закрѣпленной уже все той же знаменитой VI-ой Юстиніановской новеллой. „*Maxima quidem in hominibus sunt bona Dei a superna collata dementia sacerdotum et imperium, illud quidem divinis ministrans, hoc autem humanis praesidens ac diligentiam exhibens; ex uno eodemque principio utraque procedentia, humanam exornant vitam. Ideoque nihil sic erit studiosum imperatoribus, sicut sacerdotum honestas, quum utique et pro illis ipsi semper Deo supplicent. Nam si hoc quidem incuipabile sit undique et apud Deum fiducia plenum, imperium autem recte et competenter exornant traditam sibi rempublicam, erit consonantia quaedam bona, omne quicquid utile est humano conferens generi. Nos igitur maximam habemus sollicitudinem circa vera Dei dogmata, et circa sacerdotum honestatem quam illis obtinentibus credimus, quia per eam maxima nobis bona dabuntur a Deo et ea, quae sunt, firma habebimus et quae nondum hactenus venerunt, acquiramus. Bene autem universa geruntur et*

competenter, si rei principium fiat decens et amirabile Deo. Hoc autem futurum esse credimus, si sacrarum regularum observatio custodiatur, quam justī et laudandi et adorandi inspectores et ministri Dei tradiderunt apostoli et sancti patres custodierunt et explanaverunt"¹

Дѣйствительная же жизнь знала продолжающееся вмѣшательство царей въ церковныя дѣла: сверженіе Патріарховъ безъ канонической причины, игнорированіе церковныхъ правилъ о бракѣ были нерѣдкими явленіями, вызывавшими на борьбу тѣхъ, кто стоялъ на стражѣ вѣры и каноновъ.

Теорія царя первосвященника не исчезла навсегда, послѣ ея опроверженія въ VII вѣкѣ; она была слишкомъ удобна для оправданія вторженія царей въ церковную сферу; и она воскресла въ связи съ установленіемъ въ X вѣкѣ миропомазанія императоровъ при коронованіи, въ которомъ она получила новое обоснованіе; ее нѣсколько обновилъ канонистъ Вальсамонъ, уравнивъ, въ толкованіи на 12 Анкирское правило, царя и архіерея по миропомазанію. Еще въ другомъ направленіи то теченіе мысли, которое склонялось къ цезарепапизму, хотѣло сдѣлать брешь въ окончательно установленномъ въ Византійскомъ законодательствѣ пріоритетѣ канона надъ закономъ. Былъ поставленъ вопросъ, обязательенъ ли канонъ для

¹ Въ Славянской Кормчей начало 42-й главы даетъ переводъ новеллы съ маленькимъ пропускомъ, который мы восполняемъ своимъ переводомъ. „Великая паче иныхъ иже въ человѣцѣхъ есть дара Божія, отъ Вышняго дарована человѣколюбія Божія, священство же и царство; ово убо Божественнымъ служа, сеже человѣческими владѣя и пекійся: отъ единого же тогожде начала обоя происходятъ человѣческое украшающее житіе якоже ничтоже тако бываетъ поспѣшеніе Царству сего ради, якоже Святительская честь: о обоихъ самѣхъ тѣхъ присно вси Богови молятся; аще бо они непорочни будутъ во всемъ и къ Богу имуть дерзновеніе и праведно и подобно украшати начнутъ преданыя имъ грады, и сущее подъ ними будетъ согласіе нѣкое благо, во еже добро человѣчестѣй даруя жизни; мы поэтому имѣемъ величайшую заботливость о сохраненіи истинныхъ догматовъ и о почитаніи священства; вѣримъ, что при почитаніи его Богъ пошлетъ величайшія намъ блага, утвердить тѣ, которыя уже имѣемъ, и мы пріобрѣтемъ тѣ, которыхъ еще не было до сихъ поръ. Все хорошо идетъ, если принципъ дѣла правиленъ и пріятенъ Богу.

Сему быти вѣруемъ, аще священныхъ правилъ блюденіе сохранится, ихъ же праведно похваляемъи самовидцы Божію славу предаша апостоли и святіи отцы сохраниша же и заповѣдаша".

исполненія его въ примѣненіи къ самому императору, нельзя ли его не примѣнять въ отношеніи къ самому императору.

Теорія первосвященника-царя. Ея внутреннее содержаніе.

По этой теоріи царя-первосвященника въ ея обновленномъ видѣ, царь является уполномоченнымъ на совершеніе всѣхъ архіерейскихъ дѣйствій, кромѣ священнослуженія. Теорія эта является воспроизведеніемъ въ христіанскомъ государствѣ древне Римскаго языческаго положенія понтифексъ максимусъ и въ основѣ своей имѣетъ смѣшеніе двухъ порядковъ свѣтскаго и церковнаго, при которомъ глава одного порядка ео ipso считается главой другого. Христіанство разъ навсегда прекратило это смѣшеніе и отдѣлило Кесарево отъ Божьяго; Церковь, правда, можетъ сама давать положеніе въ своей сферѣ любому гражданину, и, какъ мы показали въ своей книгѣ „Царская власть и законъ о престолонаслѣдіи въ Россіи“ (Стр. 47—57), она давала Византійскому императору положеніе депутата, равносильное дьяконскому сану; она признавала въ силу этого за императоромъ извѣстныя права и по участію въ богослуженіи, но это положеніе имѣетъ мало общаго съ положеніемъ понтифекса, занимающаго высшее и руководящее положеніе въ религіи. Церковь, какъ совершенно самостоятельное общество, установленное свыше, имѣетъ свою собственную Іерархію, основанную на благодатныхъ полномочіяхъ Св. Духа, и въ своихъ таинствахъ и обрядахъ имѣетъ молитвы, которыя опредѣляютъ положеніе посвящаемаго въ іерархическую степень или должность; эти молитвы указываютъ и свойство даровъ низводимыхъ на рукополагаемаго. Полномочія церковной власти, присущія ей, какъ таковой, — священнаго характера; они заключаются въ учительствѣ, священнослуженіи и пастырствѣ; права церковнаго законодательства, надзора и суда, какъ основанныя на первыхъ и *implicite* въ нихъ содержащіяся, являются производными полномочіями. Безъ хиротоніи, сопровождающей произнесеніемъ соотвѣтствующихъ молитвъ, низводящихъ соотвѣтственные дары Святаго Духа, нѣтъ и даровъ на церковное законодательство, управленіе и судъ.

Между тѣмъ, дары, низводимые при коронованіи царя, совершенно иные: они относятся къ управленію царствомъ и защитѣ Церкви, и даровъ учительства и пастырства и вытекающихъ изъ нихъ правъ внутренняго церковнаго законодательства и управленія въ себѣ не заключаютъ, какъ это мы увидимъ далѣе при анализѣ основныхъ

церковныхъ полномочій. Въ свою очередь положеніе діакона даетъ только извѣстныя права по богослуженію, т. е. священнодѣйствию, но не заключаетъ въ себѣ ни пастырскихъ ни учительскихъ полномочій, включающихъ въ себя *implicite* церковно-правительственныя полномочія. **Іоаннь Дамаскинъ** и **Θеодоръ Студитъ** подробно освѣтили, что цари апостольскихъ полномочій не получали. Церковь признаетъ царскую власть установленіемъ Божественнаго Промысла, но только Епископскую власть признаетъ учрежденной непосредственно Самимъ Воплотившимся Богомъ. Къ царской власти относится сказанное Богомъ: „И Я даю тебѣ царя въ гнѣвъ Моемъ и отниму въ негодованіи Моемъ" (Ос. 13, 11); вѣчный же характеръ Церкви запечатлѣнъ Самимъ Спасителемъ въ словахъ: „Ты еси Петръ, и на семь камени созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолѣють ю". Высшій характеръ церковнаго союза ставитъ и нормы его выше въ духовномъ отношеніи нормъ государственныхъ.

Пріоритетъ канона передъ свѣтскимъ закономъ и принципъ канона для царя. Проявленіе идеи оцерковленія.

Принципіально обязательность законовъ для гражданскаго законодателя явилась догмой дѣйствующаго Византійскаго государственнаго права, и такъ оставалось до паденія имперіи. Но принципъ обязательности канона для самого императора долженъ былъ выдержать продолжительное испытаніе. Вопросъ этотъ всталъ еще при **Θеодорѣ Студитѣ** и создалъ еще тогда два теченія въ пониманіи вопроса о примѣненіи каноновъ; оба эти теченія дали знать о своемъ существованіи и позже въ борьбѣ Патріарховъ и монашества за соблюденіе каноновъ. Фономъ послѣдующаго развитія была Эпанагога выявлявшая дальнѣйшій ростъ оцерковленія имперіи. Этимъ оцерковленіемъ была и мысль о необходимости церковнаго вѣнчанія императора: Церковь призывается дать освященіе своему охранителю и стражу. Императоры стремятся придать священный характеръ особѣ наслѣдника, коронуя и его. Самая борьба за согласіе закона съ канonomъ проходитъ съ сопротивленіемъ и препятствіями. Въ XI еще вѣкъ рядомъ съ церковнымъ брачнымъ правомъ стоитъ гражданское право, не желающее уступать канону; вѣдь самой необходимости брачнаго вѣнчанія гражданское право до IX вѣка не признавало.

Въ государствѣ, призванномъ управляться *σὺν Θεῷ*¹, чисто формальныя начала права недостаточны, и государство выполняетъ свое

¹ Съ Богомъ.

назначеніе, лишь воспринимая сверхправовыя начала по образу и по подобію Церкви. Императорская власть может **быть священна лишь, какъ особое служеніе Богу**. Въ этомъ православномъ государствѣ государственный принципъ не можетъ превалировать надъ церковнымъ, и потому и законъ подчиняется канону, какъ выраженію высшей воли. Византійская идея оцерковленія государства далеко не была воплощена въ жизни полностью, хотя извѣстный минимумъ въ оцерковленіи былъ достигнутъ. Императоръ былъ по Эпанагогѣ хранителемъ Божескаго и свѣтскаго права, но онъ не былъ судьей того, что онъ призванъ былъ охранять: это вѣдала Церковь. Тѣ дѣла, гдѣ затронута совѣсть, какъ брачныя и бракоразводныя, были въ вѣдѣніи Церкви; Церковь игнорируетъ рѣшеніе государственнаго суда въ сферѣ своей компетенціи. Въ вопросѣ о Церковныхъ имуществахъ христіанское государство считаетъ ихъ принадлежащими цѣли, опредѣленной частнымъ жертвователемъ. Во время попытокъ секуляризаціи XI вѣка Церковь опредѣляетъ свой взглядъ, что секуляризація есть оскорбленіе воли частныхъ жертвователей и нарушеніе ихъ правъ; собственность надъ ними и распоряженіе ими принадлежать Церковной власти, хотя государство и выступаетъ съ контролемъ надъ ихъ управленіемъ. И государство вынуждалось признавать законность этихъ заявленій и отмѣняло свои секуляризаціонныя законы. Государство шло дальше и не только признавало права Церкви, но свои законы перестраивало въ духѣ Церкви. Такъ оно устраивало свои суды надъ уголовными преступниками по образцу церковныхъ, которые судить призваны были не по институціямъ и пандектамъ, а по правдѣ Христовой, по Евангелію. Такъ, убійца предавался многолѣтней эпитеміи послѣ всенароднаго покаянія въ присутствіи этихъ вселенскихъ судей (священниковъ), а уголовный судъ въ этомъ случаѣ, т. е. при обращеніи къ суду Церкви, устранялся: такъ рассказываетъ одинъ памятникъ XIII вѣка. Такъ было въ идеѣ. На практикѣ столь высокія начала не находили часто людей для вмѣщенія, и потому вселенскіе судьи не выдержали своего назначенія и подверглись суду за лихоимство. Всѣмъ извѣстно, какъ казни, ослѣпленія, придворныя интриги Византіи стали насмѣшкой надъ Евангельскимъ закономъ. Такъ идея оцерковленія государства лишь въ нѣкоторой своей части воплощалась въ жизни. Но заслугой Византіи было выработка самой идеи оцерковленія и созданіе формъ жизни подъ церковнымъ вліяніемъ. Въ дѣйствительной жизни даже и тѣ формы оцерковленія, которыя получили воплощеніе, — получали

это воплощеніе нерѣдко послѣ долгой борьбы. Законы о гражданскомъ бракѣ не всегда согласуются съ каноническими опредѣленіями и лишь постепенно ассимилируются съ ними. До Льва Мудраго брачныя дѣла подлежали обычно гражданскому суду; лишь съ Алексѣемъ Комненомъ (1034 новелла) всѣ брачныя дѣла отведены духовному суду. Не съ меньшимъ трудомъ достигается и практическое примѣненіе принципа обязательности канона и для царя.

Борьба за обязательность канона для императора. Θεόδωρ Στουδίτης.

Въ этомъ отношеніи показательны споры Студитовъ съ Патріархами Никифоромъ и Парфеніемъ изъ-за эконома Іосифа и дѣло патріарховъ Николая Мистика и Евѡимія. Эти дѣла интересны тѣмъ, что они рельефно обнаруживаютъ два теченія въ пониманіи вопроса объ обязательности канона. Соблазномъ въ первомъ дѣлѣ былъ экономъ Іосифъ, противозаконно давшій благословеніе на бракъ сына императрицы Ирины, прогнавшаго свою законную жену и прелюбодѣйно сошедшагося съ другой женщиной послѣ того, какъ въ благословеніи на новый бракъ отказалъ императору Патріархъ Тарасій. Хотя Патріархъ Тарасій подвергъ Іосифа отлученію, но не выдержалъ до конца, и, хотя и противъ воли, принялъ Іосифа въ общеніе, ибо ему императоръ угрожалъ поднятіемъ подавленнаго иконоборческаго движенія. Принялъ его въ общеніе и Патріархъ Никифоръ, принужденный императоромъ Никифоромъ, силой захватившимъ царство и изгнавшимъ блаженную Ирину. Послѣ гибели императора Никифора и его сына Іосифъ былъ подвергнутъ отлученію Патріархомъ Никифоромъ, и только тогда Θεόδωρ вступилъ въ общеніе съ Патріархомъ.

Дѣло Льва Мудраго заключалось въ томъ, что онъ вступилъ въ 4-й бракъ, а Патріарха Николая Мистика незаконно изгналъ за недозволеніе 4-го брака, назначивъ на его мѣсто Патріарха Евѡимія. **Θεόδωρ Στουδίτης** мотивировалъ въ письмахъ свое уклоненіе отъ общенія съ нарушителями каноновъ — Патріархами, которые допустили въ общеніе эконома Іосифа, совершившаго незаконное бракосочетаніе сына императрицы. Такъ онъ писалъ Θεоктисту Магистру: „Не позволительно, господинъ, ни нашей Церкви, ни другой, дѣлать что-либо противное законамъ и правиламъ, потому что, если это будетъ дозволено, то тщетно Евангеліе, напрасны правила". А Патріарху Никифору онъ писалъ: „Тѣ, которые дерзнули открыто нарушать Евангеліе и не хотѣвшихъ нарушать его предали анаѡемѣ,

станутъ ли заботиться о правилахъ, хотя и запечатлѣнныхъ Духомъ Святымъ, и хотя опредѣленіемъ ихъ рѣшается все относящееся къ нашему спасенію... Впрочемъ, для чего я говорю о правилахъ и дѣлаю различіе? Говорить о нихъ и объ Евангеліи Христовомъ — одно и то же... Посему Василій и равные ему святые принимали эти правила, какъ апостольскія, и слѣдовали имъ, нисколько не измѣняя ихъ, но дополняя по нуждѣ... **Не выполнѣ православный тотъ, кто, повидимому, содержитъ правую вѣру, но не руководствуется Божественными правилами".**

Патріархъ Николай Мистикъ о значеніи о значеніи соблюденія канона царями.

А Патріархъ **Николай Мистикъ** въ письмѣ къ Римскому папѣ объяснялъ свое сопротивленіе императору: „Что мнѣ было дѣлать при такихъ обстоятельствахъ? Молчать и спать? Или мыслить и дѣйствовать такъ, какъ подобаетъ другу, заботящемуся въ одно и то же время и о чести императора, и о церковныхъ постановленіяхъ? И вотъ мы начали борьбу съ Божьей помощью; правителей мы убѣждали не увлекаться тѣмъ, что свойственно неумѣющимъ управлять собой, но великодушно переносить случившееся съ благой надеждой на Христа Бога нашего; а у него (императора) мы касались не только колѣнъ, но и ногъ, просили, убѣждали, почтительнѣйше представляли, какъ царю, не все дозволять своей власти, а помнить, что есть Сѣдящій превыше его могущества, источившій за Церковь Свою Пречистую Кровь"; присовокупилъ и слѣдующее: „Чадо мое и царь, подобало тебѣ, какъ богомольцу и прославленному отъ Бога паче другихъ мудростей и другою добродѣтелью, довольствоваться тремя браками: можетъ быть, и 3-ій бракъ былъ недостойнъ твоего царскаго величества..., но священные каноны не отвергаютъ совершенно третьяго брака, а снисходятъ, хотя и брезгуютъ имъ, для 4-го же брака что можетъ служить оправданіемъ? **Царь, говорятъ, есть неписанный законъ, но не для того, чтобы беззаконничать и дѣлать все, что вздумается, а для того, чтобы по своимъ неписаннымъ дѣяніямъ быть тѣмъ, чѣмъ является писанный законъ; ибо если царь будетъ врагомъ и супостатомъ законовъ, то кто же будетъ ихъ и бояться?** Говорилъ я и многое другое, что излишне было припоминать... я убѣждалъ, умолялъ"... Какъ извѣстно, императоръ не послушался Патріарха, перевѣнчался съ Зоей, но Патріархъ лишилъ сана священника, его вѣнчавшаго, и запретилъ императору входъ въ церковь. Хотя легаты папы ради домостроительства признали бракъ

императора законнымъ, но Патріархъ **Николай Мистикъ** этого не призналъ и отрекся отъ престола. Въ своей грамотѣ онъ заявилъ, что „великій и небесный даръ патріаршества онъ получилъ не отъ царя, а единой милостью Божіей, что онъ покидаетъ свой престолъ потому, что императоръ своими неканоническими дѣянiями дѣлаетъ невозможнымъ управленіе Церковью". Онъ назвалъ четвертый бракъ скотскимъ состояніемъ и сказалъ, что **государь нимало не освобождается отъ исполненiя законовъ и церковныхъ каноновъ**. Послѣ смерти императора въ 912 г. преемникъ Патріарха былъ заточенъ, а Николай Мистикъ возстановленъ въ патріаршихъ правахъ, вопросъ о четвертомъ бракѣ былъ принципиально рѣшенъ въ смыслѣ Патріарха Николая Мистика. Впрочемъ, самъ Николай, какъ и Златоустъ, не признавали своего низложенiя церковно дѣйствительнымъ. Въ этихъ спорахъ выявилось принципиальное разногласіе. Одни ли догматы обязательны для царя или каноны. Въ этой именно плоскости ставился вопросъ и у насъ Никономъ, требовавшимъ соблюденiя царемъ каноническихъ постановленiй о церковномъ судѣ и поставленiи Іерарховъ.

Θеодоръ Студитъ о своихъ идейныхъ противникахъ въ борьбѣ за канон.

Θеодоръ Студитъ полемизировалъ съ Патріархами Тарасіемъ и Никифоромъ. Патріархи рѣшали, по мнѣнію Θеодора, такъ: „Догматическое ученіе Церкви и для царей столь же обязательно, какъ и для подданныхъ, но въ сферѣ правилъ и порядковъ церковныхъ могутъ быть допускаемы для нихъ исключенiя не въ примѣръ прочимъ. Въ случаѣ нарушенiя высшей государственной властью права Церкви въ ея ученiи, надо протестовать противъ этого нарушенiя, **если же нарушеніе касается церковныхъ правилъ и порядка, то мириться съ совершившимся фактомъ**". Ибо въ дѣйствительности оба Патріарха, пока дѣло шло о нарушенiи церковныхъ правилъ въ бракѣ императора Константина, оба терпѣли правонарушеніе и сначала даже священникъ не подвергся отъ нихъ наказанію за совершеніе незаконнаго брака „по приспособленію къ обстоятельствамъ"; лишь, когда нарушено было право Церкви въ ея ученiи объ иконопочитанiи, Патріархъ Никифоръ протестовалъ и поплатился изгнаніемъ. Θеодоръ смотрѣлъ иначе. Онъ считалъ, что **необходимо протестъ противъ нарушенiя не только правъ Церкви въ ея ученiи, но и въ сферѣ каноновъ, ибо какъ ученіе, такъ и постановленiя церковныя обязательны для высшей государственной власти**. „Что же

значить, говорить Θεодоръ, законъ единъ да будетъ (Исх. 12, 19)? Что значить „судъ жесточайшій преимущимъ" (Прем. VI, 5)? Что значить: „лица Богъ челоуѣка не приѣмлетъ" (Гал. 2, 6)? „Гдѣ же Евангеліе царей"? Въ письмѣ къ папѣ Льву: „Законъ единъ да будетъ, говоритъ Писаніе и одно Евангеліе мы приняли; и кто бы ни сталъ измѣнять въ этомъ Евангеліи что либо, хотя бы онъ былъ ангелъ съ неба, ты можешь стоять непреклонно. **А императоръ развѣ больше Ангела?** Міродержатель въ этомъ мірѣ не больше ли всѣхъ людей и бѣсовъ, управляющихъ со властью мірской, а не Божественной, и, однако, что говоритъ Апостолъ! „анаѡема да будетъ (Гал. 1, 8). Ангелы не дерзають измѣнять, а, если измѣняютъ, то не останутся не анаѡематствованными, какъ Діаволь и его отступническое общество. Какъ же какой нибудь челоуѣкъ во плоти, измѣняя и дѣлая нововведенія и особенно такія, не будетъ чуждъ Богу?" (Изъ письма къ Евиреніану, стр. 237). **Надо настаивать на точномъ соблюденіи государственной властью не только ученія, но и канонѡвъ. Въ случаѣ ея уклоненія отъ перваго и нарушенія послѣдняго, надо примѣнять существующія на подобные случаи дисциплинарныя церковныя взысканія или эпитиміи, какъ он примѣняются Церковью ко всѣмъ остальнымъ ея членамъ.**

Зилоты и экономисты.

Такъ и поступилъ **Николай Мистикъ** съ императоромъ Львомъ Мудрымъ, также поступилъ Патріархъ **Игнатій**, отлучившій отъ Церкви Кесаря Варду за то, что тотъ прогналъ жену и вступилъ въ преступную связь со снохой. Также поступилъ и **Патріархъ Арсеній**, отлучившій императора Михаила Палеолога за ослѣпленіе малолѣтняго престолонаслѣдника. Если партія умѣренныхъ считала, что можно терпѣть нарушенія канонѡвъ представителями высшей государственной власти, ради того, чтобы терпѣть меньшее зло во избѣжаніе большаго (возможность гоненія) или жертвовать частью для спасенія цѣлаго, **то мотивы представителей строгаго направленія, такъ называемыхъ зилотовъ, были болѣе высокаго порядка и сложнѣе.** Они говорили, что безнаказанное нарушеніе правъ Церкви въ ученіи и управленіи представителями государственной власти парализуетъ нравственное вліяніе Церкви. Монахъ Михаилъ, біографъ преподобнаго Θεодора Студита, рассказываетъ, что дурной примѣръ императора Константина нашель себѣ подражателей не только въ столицѣ, но и въ отдаленнѣйшихъ странахъ: такъ царь

Готскій, царь Лангобардскій и ихъ дворы предались, основываясь на этомъ нарушеніи устава, прелюбодѣйнымъ связямъ и невоздержаннымъ пожеланіямъ, находя благовидное оправданіе въ поступкѣ Римскаго императора, какъ будто бы, когда онъ такъ поступилъ, то послѣдовало одобрение отъ Патріарха и Архіерея. Узнавъ о такихъ беззаконіяхъ, преподобный сѣтовалъ, скорбѣлъ въ самомъ себѣ и оплакивалъ всеобщую гибель настоящихъ и будущихъ людей, ибо онъ справедливо опасался, чтобы безуміе властителя, бывъ принято неразумными въ законъ, не сдѣлалось неисцѣлимымъ образомъ дѣйствій для будущихъ поколѣній. Посему онъ не оставилъ этого зла безъ обличенія, но тотчасъ вмѣстѣ съ (духовнымъ) отцомъ своимъ прервалъ общеніе съ ними".

Преподобный Θεодоръ между прочими мотивами, вынудившими его на протестъ, указываетъ и на то, что послабленіе строгости Евангельскихъ предписаній и церковныхъ правилъ для царей парализуетъ ихъ и для подданныхъ. Такой же эффектъ произвелъ и четвертый бракъ Льва Мудраго. Θεодоръ Студитъ далѣе заявлялъ, что безнаказанное нарушеніе канонѡвъ высшей государственной властью производитъ хаосъ и неурядицу не только въ церковныхъ, но и въ гражданскихъ дѣлахъ, лишаетъ церковныя правила всякаго смысла и значенія и лишаетъ Церковь единства и увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ. Какъ мотивъ, и Θεодоръ Студитъ, и Николай Мистикъ приводили то, что каноны тѣсно связаны съ законами; нарушеніемъ первыхъ государи подаютъ примѣръ подданнымъ и подкапываютъ ту легальную почву, на которую опираются сами. Вотъ слова Θεодора Студита: „Если по начальнику бываютъ и подчиненные, то Евангельскіе законы будутъ и не для подданныхъ, ибо, если эти законы относятся къ нему, то и къ нимъ, чтобы, подчиняясь одному закону и законодателю, они были покорны и невозмутительны. Если же къ нему не относятся, когда онъ хочетъ, онъ же, можетъ быть, не захочетъ соблюдать ни одного, — а къ нимъ относятся то одно изъ двухъ: или царь есть Богъ, ибо только Божество не подлежитъ закону, или будетъ безначаліе и возмущеніе... Подлинно, гдѣ нѣтъ одного закона для всѣхъ, то какъ можетъ быть миръ, когда царь хочетъ одного — на примѣръ, прелюбодѣйствовать и еретичествовать, а подданнымъ заповѣдано не имѣть части съ прелюбодѣемъ, не участвовать въ ереси и не преступать ничего, преданнаго Христомъ и апостолами" (Письма).

Представленная Θεодоромъ Студитомъ дилемма между двумя положеніями при необязательности каноновъ для императоровъ, дилемма, говорящая, что въ такомъ случаѣ или царь ставится наравнѣ съ Богомъ, или все ввергается въ анархію, находила себѣ иллюстрацію въ Исторіи Византіи, ибо дѣйствительная жизнь Византіи слишкомъ часто представляла нарушеніе высокихъ теорій, нашедшихъ себѣ мѣсто не только въ умахъ Византійцевъ, но и въ законахъ имперіи. Съ одной стороны, конецъ XII вѣка видѣлъ императора Исаака Ангела, который говорилъ: „На землѣ нѣтъ никакой разницы по власти между Богомъ и царемъ; царямъ все позволительно дѣлать, можно безнаказанно употреблять Божіе наравнѣ со своимъ, такъ какъ самое царское достоинство они получили отъ Бога и между Богомъ и ими нѣтъ разстоянія". Съ другой стороны беззаконія было слишкомъ много, и отъ того погибла Византія. „Отъ этого недуга, говоритъ пр. Троицкій (Арсеній и арсениты), страдали всѣ: и цари не меньше подданныхъ, ибо легальная почва не была прочна подъ ними. Насильственное устраненіе съ царскаго престола было не рѣже, чѣмъ и Патріарховъ. Недугъ этотъ подтачивалъ все — и вѣру, и нравственность, и общественныя узы, парализовалъ моральное вліяніе Церкви и воспитательное дѣйствіе законовъ. **Противъ этого средства было одно — точное исполненіе каноновъ и законовъ, но подчиненные всегда копируютъ начальниковъ и уврачеваніе однихъ безъ врачеванія другихъ было немыслимо**". На грядущее разложеніе Византіи отъ неуваженія къ канонамъ, а черезъ то и къ законамъ, указывалъ за нѣсколько столѣтій до гибели Византіи Θεодоръ Студитъ. Ему много пришлось бороться съ представителями такъ называемаго умѣреннаго направленія, которое не требовало строгаго примѣненія принципа обязательности каноновъ для представителей высшей государственной власти и во имя человекоугодія слишкомъ подчиняло интересы церковныя интересамъ чуждымъ Церкви, интересамъ не столько государственнымъ, сколько интересамъ слабости государственныхъ людей. Это теченіе стремилось не возвышать государство до Церкви (въ идеяхъ), а принизить идеалы Церкви до государства. Они не находили ничего предосудительнаго въ томъ, чтобы государственная власть смотрѣла на Церковь и на ея порядки сквозь призму государственныхъ отношеній, и вносили въ церковную сферу пріемы, къ которымъ они привыкли въ сферѣ государственной; они мирились, если, напримѣръ, она выдвигала кандидата въ Патріархи лучшаго не для Церкви, а для государства, если она обходила при

избраніи и смѣщеніи Патріарховъ требованія церковныхъ каноновъ, назначала и увольняла Патріарховъ, какъ государственныхъ чиновниковъ, простымъ административнымъ распоряженіемъ. На уступчивость Патріарховъ и Епископовъ императорамъ они смотрѣли, какъ на мудрую и полезную для Церкви предусмотрительность. Они поддерживали мысль о различіи въ отношеніи къ догматамъ и канонамъ, требуя отъ царей соблюденія догматовъ, но не каноновъ. Они же поддерживали политику приспособленія къ обстоятельствамъ. Они всегда были сторонниками единенія во что бы то ни стало и клеймили расколъ и разногласіе. При столкновеніи церковныхъ интересовъ съ государственными они всегда приносили въ жертву первые вторымъ и въ этомъ полагали гармонію. Объ этомъ мирѣ говорилъ **Максимъ Исповѣдникъ**, что это не тотъ миръ, который обусловленъ единомысліемъ относительно благочестія: „но только тотъ миръ лучше брани, когда изъ него выходитъ согласіе о добрѣ". Миръ этой партіи экономистовъ былъ вообще челоѣкоугодничествомъ и соглашательствомъ, а не борьбой за проведеніе истины въ жизнь (Сторонники ея обычно принадлежали къ бѣлому духовенству изъ придворной среды).

Напротивъ, сторонники строгаго направленія считали, что и для подданныхъ, и для царей обязательно не только ученіе, но и каноны Церкви, и что Церковь не только можетъ, но и обязана настаивать на соблюденіи ихъ всѣми своими сочленами, не исключая царей. Въ этомъ они видѣли лучшее средство для огражденія Церкви отъ покушеній извнѣ. Зилоты стремились обезпечить Церкви независимое положеніе и полную свободу дѣйствій во внутреннихъ дѣлахъ. Для этого они стремились обособить Церковь отъ государства и сузить сферу вліянія государства на ея дѣла. Это выразилъ **Ееодоръ Студитъ** въ рѣчи, произнесенной императору Льву V: „Императоръ, внемли тому, что черезъ насъ Божественный Павелъ говоритъ тебѣ о церковномъ благочиніи и, въ знакъ того, что не слѣдуетъ царю ставить себя самого судьей и рѣшителемъ въ этихъ дѣлахъ, послѣдуй и самъ, если ты согласенъ быть правовѣрнымъ, Апостольскимъ Правиламъ; онъ говоритъ такъ: Положи Богъ въ Церкви первое апостоловъ, второе пророковъ, третье учителей (1 Кор. 12, 28); вотъ тѣ, которые устрояютъ и изслѣдуютъ дѣла вѣры по волѣ Божіей, а не царь; ибо Св. Апостоль не упомянулъ, что царь распоряжается дѣлами Церкви... Впрочемъ, если ты хочешь быть ея сыномъ, то никто не препятствуетъ; только слѣдуй во всемъ духовному отцу твоему (при этомъ

указаль на Патріарха Никифора)". Въ силу такихъ убѣжденій зилоты стремились къ тому, чтобы Патріархами были лица не свѣтскаго званія и образованія, а тѣ, которыя постепенно восходили отъ низшей духовной степени къ высшей, и могли съ совершеннымъ сердцемъ постигать уставы Божіи и сами могли бы блистать, какъ солнце между звѣздами. Они хотѣли, чтобы для выборовъ Патріарха вмѣстѣ съ Епископами сходились столпники и затворники для выбора достойнѣйшаго. Зилоты требовали точнаго соблюденія канонѡвъ при избраніи и устраненіи Патріарховъ. При столкновеніи государственныхъ интересовъ съ церковными зилоты предпочитали церковные. Зилоты принадлежали обычно къ духовенству монашествующему.

Обязанность монаховъ въ борьбѣ за канонъ по Θεодору Студиту.

Θеодоръ Студитъ писалъ монахамъ: „Если монашескій чинъ не вмѣняетъ вся въ уметы, т. е. Монастыри и все находящееся въ нихъ, то какъ мірянинъ оставить жену, дѣтей и все прочее? Подлинно, если Сынъ Божій, Господь и Владыка всѣхъ, принесъ Себя Самого въ жертву и за всѣхъ Богу и Отцу, то какъ должны мы и чего не обязаны терпѣть и страдать за Него, особенно монашествующіе и распявшіеся отреченіемъ отъ міра, если отреклись истинно, а не тщетно? Итакъ, пусть принадлежащіе къ монахамъ въ настоящее время докажутъ это дѣлами. А дѣло монаха не допускать ни малѣйшаго нововведенія въ Евангеліе, чтобы, подавъ мірянамъ примѣръ ереси и общенія съ еретиками, не отдать отчета за ихъ погибель" (Письмо 39 къ игумену Θεофилу). А по поводу сопротивленія Епископа Іосифа игумену Симеону: „Бодрствуйте въ этомъ св. отцы", а братьямъ своимъ, заключеннымъ въ темницѣ, пишетъ: „Будемъ же, братія, въ этомъ коварномъ и развращенномъ поколѣніи какъ бы звѣздами, сіяющими въ мракъ ереси; ибо насъ избралъ Христосъ въ Свою славу къ славѣ Православія. Какъ древніе для насъ, такъ мы для потомковъ постараемся сдѣлаться опорой и примѣромъ и явиться ликующими въ день Христовъ". **Со времени Θεодора Студита Восточное монашество проникается убѣжденіемъ, что оно призвано блюсти за точнымъ исполненіемъ церковныхъ канонѡвъ, и въ его руки переходитъ судьба зилотскаго (акривистскаго) направленія. Оно находило поддержку больше въ Римѣ, чѣмъ въ Византіи.**

Споры о правах императоровъ въ церковныхъ дѣлахъ XI, XII, и XIII вѣковъ. Императоръ Константинъ Дука.

Большіе споры XI, XII и XIII вѣка протекають подъ знаменіемъ уваженія къ канону. XI, XII и XIII в. знаютъ рядъ споровъ о правахъ императоровъ въ церковныхъ дѣлахъ; такъ, при императорѣ **Константинѣ Дукѣ**, во второй половинѣ X вѣка возникъ вопросъ о правѣ императора возводить Епископіи на права Митрополій. При чемъ самъ императоръ почитаетъ „святотатственнымъ раздавать Митрополичьи троны, ибо порядокъ каѳедръ опредѣленъ Апостолами и св. отцами, а что такое царское постановленіе рядомъ съ канономъ? Какое царь имѣетъ право измѣнять каѳедры, которыя Богъ опредѣлилъ черезъ Святыхъ достохвальныхъ Апостоловъ и богоносныхъ отцовъ? Если царь стоитъ со страхомъ и трепетомъ въ то время, когда іерей сидитъ, то какимъ образомъ стоящій можетъ дать сидящему высшій престолъ?... И это относится не только къ Митрополитамъ и Епископамъ, но и къ бѣдному священнику, управляющему волами и пасущему скотъ, какимъ былъ иже во святыхъ великій Спиридонъ, всѣмъ извѣстный". И Константинъ кончаетъ такъ: „Быть можетъ, кто пожелаетъ вводить новое, порицать и измѣнять каноны Св. Апостоловъ и богоносныхъ отцовъ, мы же не имѣемъ такого обыкновенія".

Императоръ Алексей Комненъ.

Снова этотъ вопросъ возникъ въ началѣ XII вѣка при **Алексѣѣ Комненѣ** и былъ разслѣдованъ въ Синодѣ въ его присутствіи. Синодъ предоставилъ императору право учреждать Епископіи и возводить существующія въ Митрополіи, но съ ограниченіемъ — не дѣлать этого по домогательству заинтересованныхъ лицъ, а по собственному побужденію для чести ли города, или за вѣру во Св. Церковь, или изъ уваженію къ ея предстоятелю. Наконецъ, самый указъ объ этомъ, по постановленію Синода, долженъ имѣть силу, лишь когда Патріархъ признаетъ его согласнымъ съ Божественными правилами. Самому Патріарху Новеллой предоставлено право не исполнять такихъ указовъ, прежде чѣмъ онъ не удостовѣрится, что императоръ по благословенной причинѣ издалъ указъ. **Такъ самое стремленіе императора къ расширенію своихъ правъ сдерживалось Епископами на основаніи церковныхъ правилъ, и сами императоры для расширенія своихъ полномочій въ церковныхъ дѣлахъ искали опоры въ церковныхъ правилахъ.** Въ данномъ случаѣ императорскому праву было 7 вѣковъ давности, ибо IV Всел.

Соб. запрещалъ подѣ угрозой низверженія изъ сана, просить у императора званія Митрополита, но не запрещалъ царю давать городу преимущества въ государственномъ отношеніи, черезъ что, однако, ради соотвѣтствія между церковнымъ и гражданскимъ управленіемъ, и Епископіи могли возводиться въ Митрополіи. Съ тѣхъ поръ не оспаривались за императоромъ эти права; Константинъ Дука его отмѣнилъ, хотя самъ не всегда соблюдалъ свое постановленіе. Императоръ Алексѣй Комнень только возстановилъ съ согласія Синода императорское право возводить Епископіи въ Митрополіи, обставляя его извѣстными условіями, указанными канонѣмъ.

Вальсамонъ о верховенствѣ канона надъ закономъ. Императоръ Андроникъ Палеологъ.

Вальсамонъ признавалъ каноны выше закона на томъ основаніи, что законы приняты только царями, а каноны не только царями, но и святыми отцами. Но, признавая преимущество канона надъ закономъ, **императоры Комнены искали уступокъ въ пользу самого императора, выдвигая идею царя, какъ эпистимонарха Церкви, ея стража.** Эту идею проводили и Палеологи послѣ паденія Латинской имперіи на Востокъ, хотя канонъ въ это время получаетъ особую силу и вліяніе. Въ это время и духовенство получаетъ особое вліяніе, подѣ его надзоръ поставлено правосудіе. Священники выступаютъ въ роли вселенскихъ судей, судящихъ не по императорскому кодексу, а по канону и по постановленіямъ святыхъ отцовъ; возстанавливается и право убѣжища, а императоръ Андроникъ Палеологъ въ Хрисовулѣ превозноситъ неприкосновенность канонѣвъ. „Всякому разумному и чувственному созданію Богъ, осуществившій и образовавшій это созданіе неизрѣченнымъ словомъ Своимъ, поставилъ предѣлъ, какъ ограду съ основаніемъ и кровѣмъ безопаснымъ, не оставилъ ни одного существа, которое по своей природѣ и свободной волѣ склонно колебаться и переходить за черту долга. Посему и проповѣдники, и учителя благочестія, сообразуясь съ этимъ закономъ Божіимъ, и свои наставленія и узаконенія оградили и упрочили предѣлами, запретивъ прибавить къ нимъ или убавить отъ нихъ что либо. И вообще неразумно и несправедливо переступать предѣлы отцовъ и уклоняться отъ узаконеннаго и должнаго“.

Теорія Димитрія Хоматина и Вальсамона о царскомъ муропомазаніи.

Но за признаніе такой власти канона Церковь платитъ усиленіемъ императорскихъ правъ, и въ XIII вѣкѣ Димитрій Хо-

матинъ пишетъ въ стилѣ Вальсамоновской теоріи императора-первосвященника. Императоръ всеобщій верховный правитель Церкви стоитъ выше Соборовъ; этимъ опредѣленіямъ онъ доставляетъ надлежащую силу. Онъ есть мѣрило въ отношеніи къ церковной іерархіи, законодатель для жизни и поведенія священниковъ, его вѣдѣнію подлежатъ споры Епископовъ и клириковъ и право замѣщенія вакантныхъ каѳедръ. Епископовъ онъ можетъ сдѣлать Митрополитами, а епископскія каѳедры митрополичьими. Однимъ словомъ, за единственнымъ исключеніемъ права совершать богослуженія, императору даны въ этой теоріи всѣ остальные епископскія привиллегіи, на основаніи коихъ его церковныя распоряженія получаютъ каноническій авторитетъ. Какъ древніе императоры подписывались понтифексъ максимусъ, такъ таковыми должно считать и теперешнихъ императоровъ, какъ помазанниковъ Божіихъ. Императоръ, какъ помазанникъ Божій, украшенъ благодатью первосвященства.

А Вальсамонъ писалъ: „Императоры и Патріархи должны быть уважаемы, какъ учителя Церкви ради ихъ достоинства, которое они получили черезъ помазаніе мѣромъ. Отсюда то происходитъ власть правовѣрныхъ императоровъ наставлять христіанскіе народы и подобно іереямъ приносить Богу куреніе. Въ этомъ ихъ слава, что подобно солнцу блескомъ своего православія они просвѣщаютъ міръ съ одного конца до другого. Мощь и дѣятельность императора касается тѣла и души человѣка, тогда какъ мощь и дѣятельность Патріарха касается только одной души. Императоръ и Патріархъ подобны молотильщикамъ на гумнѣ; они какъ бы лопатой отдѣляютъ мякину отъ пшеницы или подобны крѣпкимъ осямъ колесницы, или корабельнымъ мачтамъ и парусамъ; частью черезъ императорское попеченіе, частью черезъ духовную власть они спасаютъ міръ".

Но такое воздаяніе Кесарю Божіяго получило отповѣдь еще нѣсколько вѣковъ назадъ устами Максима Исповѣдника, Θεодора Студита, а въ XV вѣкѣ устами Симеона Солунскаго. Въ порядкѣ идей возвеличенія императора послѣдній становится необходимымъ членомъ Церкви, какъ стражъ ея, Экдикъ, Эпистимонархъ. Дѣйствительность Византійская увидѣла осуществленіе фактическаго цезарепапизма въ XIV и XV вѣкѣ, наравнѣ съ ростомъ силы самого канона.

Императоръ — покровитель всѣхъ православныхъ христіанъ. Патріархъ Антоній.

Императоръ вырастаетъ въ покровителя всѣхъ христіанъ. Патріархъ Антоній въ концѣ XIV вѣка пишетъ в. к. Василию Димитріевичу: „Святой царь имѣетъ великое значеніе для Церкви: онъ не то, что другіе князья и мірскіе владыки, потому что отъ начала цари утверждали благочестіе для всей вселенной; цари собирали Вселенскіе Соборы. Они утвердили и узаконили соблюдать тѣ опредѣленія относительно правыхъ догматовъ и христіанской гражданственности, о которой гласятъ Божественные и священные каноны; они много ратовали противъ ересей; царскія распоряженія вмѣстѣ съ соборными установили первенство кафедръ архіереевъ, раздѣленіе епархій и распредѣленіе округовъ. Поэтому они пользуются великой честью и занимаютъ въ ней высокое положеніе. Ибо, хотя по Божественному попущенію невѣрные и стѣснили власть царя и предѣлы имперіи, однако же и до сего дня царь, поставляется Церковью по тому же самому чину и съ тѣми же самыми молитвами, какъ и прежде, и до сего дня онъ помазуется мѣромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ всѣхъ ромеевъ, т. е. всѣхъ христіанъ. Повидимому, гдѣ только находятся христіане, имя царя поминается всѣми Патріархами, Митрополитами, Епископами, чего никогда не удостоивался никто изъ другихъ князей или мѣстныхъ властителей". Этотъ документъ чрезвычайно интересенъ, онъ констатируетъ идейный размахъ до идеи вселенскости имперіи на ряду съ ея политическимъ паденіемъ, доведшимъ постепенно Византію до размѣровъ ничтожнаго государства, которое едва находило воиновъ для защиты столицы. Византія оставила намъ свое культурное наслѣдство идей, не имѣя успѣха въ полномъ примѣненіи ихъ на практикѣ.

Причины неуспѣха въ примѣненіи на практикѣ Византіи идей защиты церковной независимости.

Основная ея идея — оцерковленіе государства — проводилась Церковью въ лицѣ іерархіи и монашества, но сами эти силы не были здѣсь между собой въ союзѣ, какъ на западѣ. Между ними былъ антагонизмъ, о которомъ мы говорили при разсмотрѣніи двухъ теченій въ пониманіи отношенія канона къ царской власти. Когда же монашеская партія побѣдила въ смыслѣ вліянія на замѣщеніе Патріаршаго престола своими сторонниками (14 вѣкъ), то представители ея въ атмосферѣ Византійскаго Двора утратили то горѣніе за исповѣданіе истины и самопожертвованіе, которыми былъ силенъ Θεодоръ Сту-

дить и его послѣдователи, монахи Студійскаго монастыря (Троицкій. Арсеній и арсениты, въ Христ. Чт. 1872 г.); черезъ что и идеалы ихъ утрачивали силу; государственная же власть могла использовать раздоръ этотъ въ свою пользу и окупать уступки со стороны закона въ пользу канона уступками въ пользу представителей самой императорской власти. Неуспѣху въ дѣлѣ полного оцерковленія императорской власти помогала и неясность понятій относительно состава ея правъ въ церковныхъ дѣлахъ. **Если канонъ окончательно получилъ принципіальное преобладаніе надъ закономъ въ Византійскомъ законодательствѣ подѣ вліяніемъ Эпанагоги, каковое преобладаніе было признано не только такими императорами, какъ Алексѣй Комнень, но даже такими, какъ Исаакъ Ангель въ концѣ XII вѣка, сравнивавшій себя съ Богомъ, и Михаилъ Палеологъ въ XIII вѣкѣ; то такой точности не было въ признаніи объема правъ самого императора въ отношеніи къ Церкви, что облегчало злоупотребленія императоровъ на практикѣ.** Императоръ Іоаннъ Комнень (Die Geschichte der Trennung. Пихлеръ В. I, 286-287) въ XII вѣкѣ писалъ папѣ Гонорію: „Два предмета въ продолженіи моего царствованія признавалъ я совершенно отличными одинъ отъ другого: одинъ — это власть духовная, которая отъ Великаго и Высочайшаго Первосвященника, Князя міра, Христа Дарована Его апостоламъ и ученикамъ, какъ благо неизмѣнное, черезъ которое (благо) по Божественному праву они получили власть вязать и рѣшить всѣхъ людей, а другой предметъ, — это власть мірская, власть обращенная къ временному по Божественному слову, власть заключенная въ принадлежащей ей сферѣ. Эти двѣ господствующія въ мірѣ власти, хотя раздѣльны и различны, но дѣйствуютъ къ обоюдной пользѣ въ гармоническомъ соединеніи, спомоществуя и пополняя одна другую. Онѣ могутъ быть сравниваемы съ двумя сестрами Марѳой и Маріей, о которыхъ говорится въ Евангеліи. Изъ согласнаго обнаруживанія этихъ властей проистекаетъ общее благо, а изъ враждебныхъ отношеній ихъ проистекаетъ всякій вредъ". А **Исаакъ Ангель** пишетъ въ новеллѣ: „Обстоятельно узнавъ канонъ (48 Трул. пр.), я позналъ въ людяхъ два важнѣйшихъ дара верховнаго Божественнаго челоуѣколюбія: съ одной стороны помазаніе и достоинство царское, съ другой священническое, происходящее изъ одного и того же источника для украшенія и устроенія челоуѣческой жизни". Если тотъ же Исаакъ Ангель сравнивалъ императора съ Богомъ, то отсюда ясно, **какъ глубоко уже проникло въ Византійское сознаніе признаніе**

различія между двумя порядками, государственнымъ и церковнымъ. Церковь устами Св. Василия Великаго признавала обязанность государства защищать постановленіе Церкви, слѣдовательно и признавать ихъ. Его правило 1-ое гласило: „Государство должно защищать постановленія Божіи“. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и догма Византійскаго права, и лучшіе представители царской власти признавали верховенство канона надъ закономъ и обязательность канона для царей, несмотря на тѣ противоборствующія теченія, которыя выдвигали идею царя первосвященника вопреки святоотеческому пониманію. Мы скажемъ теперь о формахъ, въ которыхъ обнаруживалась и символизировалась идея оцерковленія государства, идея, которая представляетъ одно изъ цѣнныхъ достижений Византіи, переданныхъ ею и на Русь.

Формы, въ которыхъ проявлялась идея оцерковленія государственной власти въ Византіи (преимущественно въ Византійскомъ придворномъ быту).

Идея оцерковленія государства.

Мы должны остановиться на идеѣ оцерковленія государства. Идея эта противоположна ультрамонтанской идеѣ, не говоримъ католической, ибо католичество и ультрамонтанство въ вопросѣ о положеніи государственной власти въ Церкви расходятся: въ нѣдрахъ самого католичества Епископъ Боссюетъ въ XVII вѣкѣ далъ на время силу тому, что называется галликанством¹, поэтому мы говоримъ объ ультрамонтанствѣ. Въ ультрамонтанствѣ сама Церковь извѣстнымъ образомъ матеріализуется въ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ и приражается къ чуждымъ ея природѣ стихіямъ и легко можетъ переродиться сама въ государство. Въ идеѣ же оцерковленія государство само пріобщается къ цѣлямъ церковнымъ и

¹ Вотъ эти положенія о вольностяхъ Галликанской Церкви 1682 года. Que le pape n'a nulle auiorité sur les choses temporelles; qu'il ne peut ni directement ni indirectement déposer les rois; 2) Que les décrets de Constance sur l'autorité des conciles gardent toute leur force et toute leur vertu; 3) Que le souverain pontife ne peut gouverner l'Eglise que suivant les canons et qu'il ne peut notamment porter atteinte aux constitutions et aux droits reconnus de l'Eglise gallicane; enfin que ses jugemens en matiere de foi sont attaquables tant qu'ils n'ont pas été confirmés par le jugement de l'Eglise. (Debidour. Histoire des rapports de l'Eglise et de l'Etat en France, p. 8). 1) Папа не имѣетъ никакой власти надъ свѣтскими дѣлами; онъ не можетъ ни прямо, И косвенно низлагать королей; 2) Постановленія Констанцскаго Собора объ авторитетѣ Соборовъ сохраняютъ всю свою силу и значеніе; 3) Верховный первосвященникъ можетъ управлять Церковью только въ соотвѣтствіи съ канонами; именно онъ не можетъ нарушать установленія и признанныя права Галликанской Церкви; его сужденія въ дѣлахъ вѣры подлежатъ критикѣ, поскольку они не утверждены рѣшеніемъ Церкви.

призывается, какъ къ недостижимому идеалу, къ превращенію въ Церковь. Процессъ этотъ, призванный обнимать всѣ стороны государственной жизни, можетъ быть наблюдаемъ въ разныхъ сферахъ жизни Византійскаго государства, особенно послѣ IX вѣка. Въ это время устанавливается въ гражданскомъ законѣ обязательность церковнаго вѣнчанія для признанія брака, и условія для вступленія въ бракъ заимствуются изъ каноновъ; въ это время вводится вѣнчаніе императоровъ, бывшее сначала только гражданскимъ обрядомъ, которое принимаетъ все болѣе церковныя формы, и въ него вливается такой смыслъ, что императорскій санъ превращается въ священный санъ. Оцерковленіе захватываетъ всю жизнь народа; процессъ этотъ не всегда явно замѣтенъ, но отъ этого не становится менѣе дѣйствительнымъ. Онъ особенно дѣйственъ въ быту и болѣе виденъ тому, кто изучаетъ не только церковную и гражданскую исторію, а именно повседневный бытъ. „Церковный историкъ и изслѣдователь гражданской исторіи, говоритъ Ключевскій, рѣдко находитъ случай бросить взглядъ на интересный и поучительный процессъ перестройки гражданского общежитія подъ воздѣйствіемъ Церкви, процессъ, сокрытый подъ покровомъ явленій, далекихъ отъ предмета наблюденій такихъ историковъ. Церковный историкъ наблюдаетъ человѣка въ кругу его религіозныхъ обязанностей; гражданскій въ тѣ минуты, когда человѣкъ созидаетъ общую жизнь народа и государства. Оба его выпускаютъ изъ вида, когда онъ выходитъ изъ непосредственнаго вѣдѣнія Церкви или уходитъ изъ дворца отъ общегосударственныхъ интересовъ и жизни и погружается въ потокъ гражданскихъ (не важныхъ для церковнаго историка) и личныхъ (не важныхъ для историка государства) интересовъ и отношеній. Иное дѣло историкъ внѣшнеправовыхъ учрежденій Церкви или историкъ гражданского частнаго быта. Имъ приходится встрѣчать явленія, которыя обнаруживаютъ источникъ интересовъ, пружинами которыхъ движется механизмъ гражданского общежитія, тѣ мутные источники: черствый эгоизмъ, инстинкты и иные, и вдругъ ихъ поражаетъ **звукъ иного порядка**, раздавшійся среди рыночной суматохи. Въ купчей, закладной или духовной подъ юридическими формами прозвучить иногда нравственный мотивъ, изъ подъ хозяйственной мысли блеснетъ искра религіознаго чувства, и тайная хозяйственная сдѣлка озарится теплымъ свѣтомъ, мертвая норма права оживаетъ и перерождается въ доброе житейское отношеніе. Здѣсь рядъ откровеній. Историкъ прочтетъ договоръ чисто гражданского характера и найдетъ, что для

утвержденія крѣпостной сдѣлки ее утверждаютъ не на неустойкѣ, а на призывѣ Св. Покровительницы... Божьей Матери. Въ содержаніи завѣщанія, въ распоряженіи о внѣбрачныхъ дѣтяхъ онъ увидитъ, что писалъ его человѣкъ новыхъ воззрѣній". Также, въ Византіи не мало такихъ актовъ должно было быть, когда весь ея бытъ былъ проникнутъ христіанскимъ закономъ, какъ о томъ свидѣлствуетъ историкъ этого быта, Скабаллановичъ, въ X вѣкѣ (въ статьѣ, помѣщенной въ Христ. Чтеніи за 1886 г.). Мы видимъ новеллу Алексѣя Комнена, гдѣ говорится, что неумѣстно запрещеніе церковнаго вѣнчанія для раба въ христіанскомъ государствѣ, ибо въ Церкви рабъ не ниже господина. Проф. И. И. Соколовъ (въ Христ. Чт. за 1892 г.) приводитъ форму суда по одному изъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій, по убійству. Описывается судъ надъ убійцей, прибѣгнувшемъ къ защитѣ Церкви. Его судитъ судъ изъ священниковъ, имѣя передъ собой не государственный кодексъ, а Евангеліе и каноны. Преступникъ проситъ на колѣняхъ прощенія, и его приговариваютъ къ 15 лѣтней эпитиміи, становя въ разрядъ кающихся. Въ системѣ оцерковленія Церковь ни въ чемъ не отказывается отъ своихъ принциповъ, не вводитъ въ свою систему государственной точки зрѣнія, цѣлей и средствъ, а сообщаетъ свой духъ государству, которое добровольно по христіанскому долгу учится у Церкви и вводитъ ея принципы въ свою жизнь, не вторгаясь туда, гдѣ учитъ и дѣйствуетъ Церковь.

Отраженіе идеи pontifex maximus въ быту и жизни Византійскаго императора.

То же оцерковленіе мы видимъ, наблюдая представителя царской власти въ его дворцѣ. Мы видимъ, что оцерковленіе коснулось и его; онъ связанъ канонами; въ своей государственной дѣятельности и личной жизни онъ вѣнчается на царство въ Церкви, вѣнчаетъ царицу, царевича, царевенъ. Онъ принимаетъ передъ Церковью обязанность исповѣданія вѣры и подчиненія ея правиламъ; но вслѣдствіе недостаточнаго оцерковленія его сана и проникновенія его духомъ Церкви, онъ восхищается на себя часто непринадлежащее ему, стремясь иной разъ къ роли первосвятителя и законодателя во внутреннихъ дѣлахъ Церкви. Въ дѣйствительности императоръ, хотя и чинъ Церкви, но не верховный чинъ — pontifex maximus, а подобенъ дьякону въ Церкви, не имѣющему, благодати учительства, и слѣдовательно и правъ законодательства во внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ. Но слишкомъ сильно на практикѣ вліяніе идей pontifex maximus'a. Станнымъ, можетъ быть казалось: перваго человѣка въ государствѣ ставить не на

первое мѣсто въ Церкви, и стражу Церкви эпистимонарху дается въ быту положеніе, вовсе не вытекающее изъ положенія охранителя правъ Церкви.

Идея охраны Церкви императоромъ на соборахъ.

Объ этой охранѣ правъ Церкви говоритъ и соборное правило: такъ Карѳагенское правило 104 говоритъ: „Царскому человѣколюбію предлежитъ пещися, чтобы Каѳолическая Церковь, благочестно Христу ихъ возродившая и крѣпостью вѣры воспитавшая, была ограждена ихъ помышленіемъ царскимъ. Посему и подобаетъ просити, да распространять и утверждать законы охраненія Церкви, дабы, по крайней мѣрѣ, симъ страхомъ отъ нашествій на Церковь, отъ произведенія расколовъ и отъ еретическаго безумія удержаны были люди, отлагающіе помышленіе о вѣчномъ наказаніи". И въ другихъ правилахъ Карѳагенскаго Собора употребляется выраженіе: „Подобаетъ просити благочестивыхъ царей, да благоволятъ учинити". Это понятно, ибо, живя въ условіяхъ земного существованія, Церковь не можетъ не быть заинтересована въ огражденіи своего внѣшняго правового положенія. Но въ охранѣ правъ Церкви вовсе не заключается право на верховенство во внутреннихъ дѣлахъ Церкви, какъ это было у pontifex maximus. Идея pontifex maximus воскресала въ инныя эпохи, выражаясь во вмѣшательствѣ императоровъ во внутреннія дѣла Церкви. Особенно при назначеніи и смѣщеніи патріарховъ; вліяла она и на ихъ бытовую обстановку, какъ это мы сейчасъ увидимъ. Византійскія придворныя церемоніи выражаютъ идею, которую имѣли о власти императора Византійскаго въ инныя эпохи, особенно послѣ Патріарха Фотія, и потому мы дадимъ ихъ нѣсколько подробное описаніе, которое отбѣнить и различіе ея съ идеей Московскаго царя, выраженной также въ своихъ придворныхъ церемоніяхъ.

Въ своемъ дворцѣ императоръ получаетъ тѣ же Божественныя почести, которыя имѣлъ Divus Августъ, Кесарь Римскій. Его видоизмѣненная христіанскимъ строемъ жизнь течетъ по извѣстному ритуалу, и въ его дворцовыхъ выходахъ на большихъ празднествахъ мы видимъ, какъ обряды отразили здѣсь особенно наглядно пониманіе величія царской власти. Эти обряды записаны императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ въ XI вѣкѣ въ его сочиненіи „De ceremoniis aulae Byzantinae" и изучены профессоромъ Бѣляевымъ, у котораго мы и почерпаемъ ихъ изъ его сочиненія „Byzantina".

Праздничные выходы Византійскихъ императоровъ.

Читая очеркъ праздничнаго выхода Византійскаго царя въ храмъ Св. Софіи во времена расцвѣта придворнаго блеска въ XI вѣкѣ, мы видимъ, съ одной стороны, ту же адорацію древне Римскаго императора въ новыхъ христіанскихъ формахъ, а съ другой стороны, иллюстрацію положенія императора въ Церкви какъ священнаго чина. Церемоніи выходовъ необыкновенно пышны. Въ каждый такой праздничный выходъ раннимъ утромъ всѣ чины собираются въ Большомъ Императорскомъ Дворцѣ и располагаются въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ надлежало имъ привѣтствовать царя по пути его шествія въ храмъ Св. Софіи. Всѣ чины облакались въ установленныя въ соотвѣтствіи съ праздникомъ одежды. Когда все приготовлено къ выходу, императоръ выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ въ золотую палату, гдѣ облачался въ золотомъ обшитый плащъ и въ сопровожденіи нѣкоторыхъ чиновъ отправлялся въ проходъ 40 мучениковъ, гдѣ ему поклонялись и привѣтствовали его собравшіеся чины кувуклія, которые присоединялись къ свитѣ императора и шли съ нимъ дальше во дворецъ Дафны, по пути къ коему императора встрѣчали и привѣтствовали высшіе сановники и чины царской свиты и охраны. Предшествуемый этими чинами императоръ заходилъ въ дворцовый храмъ Пресвятой Богородицы, бралъ восковыя свѣчи у препозита и съ зажженными свѣчами въ рукахъ совершалъ троекратный поклонъ и молился. Отсюда императоръ отправлялся въ дворцовый храмъ Св. Троицы, гдѣ также молился и совершалъ три поклона со свѣчами въ рукахъ. Послѣ этого императоръ заходилъ въ крестильницу во Дворцѣ Дафны, молился тамъ передъ стоявшими тремя крестами и давалъ знакъ препозиту, а тотъ кувукуляріямъ, чтобы они передъ крестами поставили свѣчи. Отсюда императоръ входилъ въ тронную палату Дафны, гдѣ его привѣтствовали находившіеся тамъ чины, заходилъ въ дворцовый храмъ Св. Стефана, гдѣ также молился съ зажженными свѣчами въ рукахъ и поклонялся кресту Св. Константина Великаго. Крестъ этотъ вмѣстѣ съ жезломъ Моисея несли впереди императорскаго шествія во храмъ Св. Софіи. Помолившись тутъ, императоръ уходилъ въ прилежавшій къ храму покой, гдѣ ждалъ того момента, когда отъ Патріарха изъ храма Св. Софіи придетъ референдарій съ докладомъ о ходѣ службы въ храмъ Св. Софіи. Референдарій входилъ въ составъ Патріаршаго синклита; его обязанность доносить императору извѣстія отъ Патріарха о ходѣ церковной службы и доносить

Патріарху о ходѣ придворныхъ обрядовъ, когда они имѣють отношеніе къ Патріарху. Здѣсь въ покоѣ императоръ снималъ плащъ и скарамангій и облачался въ дивитисій, который въ IX—XI вѣкѣ составлялъ необходимую принадлежность царскаго параднаго облаченія. Послѣ доклада препозита о прибытіи Патріаршаго референдарія съ извѣстіемъ о ходѣ службы, императоръ направлялся въ октогонъ, препозитъ же восклицалъ: „Веститоры“. Здѣсь императоръ облачался въ хламиду, послѣ чего препозитъ восклицалъ: „Повелите“, и веститоры уходили. Въ октогонѣ съ императоромъ оставались только чины кувуклія; препозитъ бралъ корону, принесенную въ ларцѣ, и надѣвалъ ее на императора, Сопровождаемый и предшествуемый чинами кувуклія императоръ въ полномъ облаченіи шелъ въ Августей, гдѣ его ожидали другіе чины. Пройдя среди нихъ къ двери, ведущей изъ Августея въ его портикъ, называвшійся Золотой Рукой, императоръ останавливался и мылъ руки въ рукомойникѣ, который ему подавался. Здѣсь и въ рядѣ дальнѣйшихъ обрядовъ мы встрѣчаемъ прототипъ обрядовъ, дошедшихъ до насъ въ архіерейской службѣ; болѣе же полно эти обряды сохранены при выходахъ Римскаго папы, воспріявшихъ несравненно болѣе полно церемоніалы Византійскаго двора. Ибо Римскіе папы присвоили вмѣстѣ съ свѣтскими владѣніями въ VIII вѣкѣ, въ силу, можетъ быть, исторической необходимости, царскія прерогативы и окружили себя царскимъ дворомъ и этикетомъ. Такъ даже обычай цѣлованія туфли папы ведетъ свое начало отъ цѣлованія Византійскихъ императоровъ въ ногу.

Послѣ омовенія рукъ императоръ входилъ въ портикъ Золотой Руки, гдѣ происходилъ первый пріемъ высшихъ чиновъ: императоръ занималъ особое возвышенное мѣсто; сзади по сторонамъ его въ опредѣленномъ порядкѣ стояли чины кувуклія, а также почетная стража. По знаку императора препозитъ становился передъ нимъ, кланялся ему и, обернувъ руку хламидой, дѣлалъ знакъ одному изъ остіаріевъ, стоявшихъ съ золотыми жезлами, чтобы онъ вводилъ сановниковъ. Сановники вводились по отдѣламъ, по чину и рангу должности. Они падали ницъ передъ императоромъ, если это было не воскресенье, и становились на свои мѣста съ двухъ сторонъ, образуя передъ императоромъ два ряда. Проф. Бѣляевъ полагаетъ, на основаніи изученія этой разстановки по сочиненію императора Константина Порфиророднаго „*De ceremoniis aulae Byzantinae*“, что разстановка духовныхъ чиновъ при соборномъ служеніи болѣе или менѣе скопирована съ разстановки чиновъ царскаго синклита, ибо

составъ Патріаршаго синклита во многомъ напоминалъ царскій синклитъ, и Церковь усвоила много подробностей въ своихъ обрядахъ изъ придворныхъ обрядовъ, которые она застала уже готовыми и сформировавшимися. Когда всѣ чины, поклонившись императору, занимали свои мѣста, препозитъ, сдѣлавъ императору обычный поклонъ, возглашалъ: „Повелите". Всѣ чины провозглашали: „На многія и счастливыя времена да продлитъ Богъ праведное Ваше Царство". Послѣ этого возгласа всѣ чины шли въ слѣдующее дворцовое помѣщеніе — въ оноподъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ стояли передъ императоромъ: младшіе чины впереди, дальше отъ императора, старшіе ближе къ нему. Къ чинамъ, вошедшимъ въ оноподъ вмѣстѣ съ императоромъ, присоединялись чины, стоявшіе здѣсь съ царскимъ оружіемъ, и другіе. Императоръ, войдя черезъ мѣдную дверь въ оноподъ, становился на высокомъ порогѣ этой двери, чины же при появленіи императора падали ницъ, и послѣ возгласа „повелите" восклицали: „На многіе счастливыя годы да продлитъ Богъ Царство Ваше". Возгласъ этотъ произносилъ здѣсь церемоніарій по знаку препозита, получавшаго знакъ отъ императора. Проф. Бѣляевъ говоритъ, что въ оноподѣ этотъ возгласъ произносился всегда церемоніаріемъ, а не препозитомъ и силенціаріемъ, какъ въ другихъ помѣщеніяхъ: также при архіерейскомъ служеніи возгласы и ектеніи говорятъ поочередно священниками и дьяконами въ іерархическомъ порядкѣ. Послѣ провозглашенія многолѣтія императору, всѣ собравшіеся въ оноподѣ чины шли въ консисторій, причемъ одни шли черезъ правую и лѣвую боковыя двери, другіе черезъ среднюю дверь. Войдя сюда, чины становились въ іерархическомъ порядкѣ въ два ряда передъ возвышеніемъ, которое занималъ императоръ. Впереди стоявшихъ чиновъ находился жезлъ Моисея, принесенный изъ храма Св. Θεодоры, и крестъ Св. Константина изъ храма Св. Стефана. Когда императоръ становился на возвышеніе, всѣ чины повергались передъ нимъ ницъ; тогда препозитъ по мановенію императора дѣлалъ, послѣ поклона ему, знакъ одному изъ силенціаріевъ, и силенціарій, поклонившись императору, возглашалъ: „Повелите". Чины произносили: „Да продлитъ Богъ Царство Ваше на многіе счастливыя годы", послѣ чего направлялись къ выходу изъ консисторія и переходили въ триклиній кандидатовъ, гдѣ императора ожидалъ клиръ Храма Господа съ кадиломъ и ризничій съ крестомъ, подносявшій его для цѣлованія. Отсюда императоръ, предшествуемый синклитомъ и сопровождаемый кувукліемъ и тѣлохранителями, отправлялся въ

помѣщеніе первой школы, гдѣ три раза поклонялся, имѣя зажженную свѣчу въ рукѣ, серебряному кресту, послѣ чего шель въ палату экскувитовъ со всѣмъ синклитомъ, кувукліемъ и тѣлохранителями. Тутъ стояли въ два ряда знаменоносцы съ знаменами и пѣвчіе, которые при входѣ императора въ палату пѣли особыя пѣснопѣнія полатыни, въ соотвѣтствіи съ праздникомъ. Въ праздникъ Рождества они пѣли: *De Maria Virgine natus est et Magi de Oriente cum muneribus adorant*, послѣ чего слѣдовалъ припѣвъ: *Christus Deus noster conservet imperium vestrum per multos annos et bonos*.

Встрѣчаемый и провожаемый соотвѣтствующими празднику пѣснопѣніями и многолѣтіями, императоръ со знаменами впереди, предшествуемый синклитомъ, направлялся въ лихны, поклонялся трижды со свѣчами въ рукахъ стоявшему тамъ серебрянному кресту и становился такъ, что, окруженный кувукліемъ и тѣлохранителями, онъ былъ видимъ собравшимся въ трибуналъ: димамъ ипподрома, посламъ, знатнымъ иностранцамъ, городскимъ цехамъ, представителямъ города. Передъ тѣмъ, какъ императоръ становился въ лихнахъ на свое мѣсто, пѣвчіе димы Венетовъ, если выходъ былъ въ праздникъ Рождества Христова, пѣли: „Звѣзда солнце предвѣщаетъ въ Виѳлеемѣ Христа, восшедшаго отъ Дѣвы“. Когда императоръ становился на свое мѣсто, церемоніарій подводилъ къ нему доместика школь, который падалъ ницъ и подносилъ ему ливелларій. Императоръ принималъ его, а члены димы Венетовъ пѣли многая лѣта. Пѣвчіе: „Многія Вамъ времена, Божественное Царство“, и димоты трижды повторяли это. Затѣмъ пѣвчіе: „Многія Вамъ времена служители Господа“; члены дима Венетовъ трижды повторяли „многія времена“. Снова пѣвчіе пѣли: „Многія Вамъ времена, самодержцы Римлянъ“, а члены того же дима повторяли „многія вамъ времена“. Наконецъ пѣвчіе пѣли: „Многія вамъ времена съ Августами (императрицами) и багрянородными“ (дѣтьми). Члены дима Венетовъ возглашали: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство Ваше“. Во время пѣнія многолѣтія доместикъ школь стоялъ передъ императоромъ и трижды осѣнялъ его крестнымъ знаменемъ, когда пѣли пѣвчіе дима Венетовъ. Для осѣненія императора крестнымъ знаменемъ доместикъ обвертывалъ руку концомъ своей хламиды. Такъ происходилъ пріемъ императора и въ другіе праздники, съ тѣмъ отличіемъ, что пѣснопѣнія, когда императоръ подходилъ къ своему мѣсту въ лихнахъ, измѣнялись соотвѣтственно празднику. Такихъ пріемовъ на пути шествія императора въ храмъ Св. Софіи было нѣсколько. Четыре

партіи ипподрома, которыя встрѣчали и провожали императора славословіемъ и многолѣтіемъ, являлись представителями народа. По совершеніи этихъ пріемовъ, императоръ съ синклитомъ въ предшествіи знаменъ вступалъ въ храмъ Св. Софіи черезъ Красныя Ворота. Войдя въ нихъ, императоръ заходилъ въ нишу, закрытую завѣсой, гдѣ препозитъ снималъ съ него корону. Отсюда императоръ входилъ въ нарѣексъ, гдѣ у самыхъ входныхъ дверей его ждали всѣ священнослужители съ Патріархомъ во главѣ, который держалъ крестъ, архидіаконъ же несъ Евангеліе, а нѣкоторые изъ дьяконовъ кадила и свѣтильники, такъ какъ императоръ входилъ въ Церковь за литургіей во время малаго входа. Войдя въ нарѣексъ, императоръ прикладывался къ Евангелію и кресту, послѣ чего императоръ и Патріархъ кланялись и привѣтствовали другъ друга. Патріархъ кадилъ императора, который цѣловалъ Патріарха и, взявъ его за правую руку, направлялся съ нимъ къ царскимъ вратамъ, ведущимъ изъ нарѣкса въ храмъ. Здѣсь императоръ останавливался, Патріархъ читалъ входную молитву, и императоръ, имѣя въ рукахъ свѣчу, совершалъ троекратное поклоненіе передъ царскими вратами. По произнесеніи входной молитвы и положенныхъ возгласовъ, послѣ пѣнія: „Прійдите, поклонимся“, императоръ отдавалъ свѣчу препозиту, прикладывался къ кресту и Евангелію и, взявъ опять Патріарха за правую руку, проходилъ мимо амвона на солею; императору и Патріарху предшествовали служившіе съ Патріархомъ духовные чины, шествовавшіе посреди чиновъ царскаго синклита и собравшагося въ храмъ народа. Совершался малый входъ. Знамена гвардейскихъ отрядовъ, несенныя впереди процессіи, ставились въ храмъ передъ солеей съ обѣихъ сторонъ, а римскій скипетръ и другія императорскія знамена разстановливались на солеѣ; крестъ же Св. Константина вносился въ алтарь. Когда императоръ съ Патріархомъ проходили мимо чиновъ, чины хоромъ провозглашали многолѣтіе императору: „Да продлитъ Богъ святое царство Ваше на многія и долгія времена“. Взойдя на солею, императоръ и Патріархъ подходили къ св. вратамъ, Патріархъ прикладывался къ нимъ и входилъ въ алтарь; императоръ же становился передъ входомъ въ алтарь, бралъ отъ препозита свѣчу и съ нею въ рукѣ совершалъ троекратное поклоненіе передъ святыми вратами, послѣ чего возвращалъ свѣчу препозиту, и, входя въ алтарь прикладывался къ святымъ вратамъ, которыя придвигалъ къ нему Патріархъ или одинъ изъ Митрополитовъ или Архіепископовъ. Войдя въ алтарь, императоръ шель къ

Св. Престолу, прикладывался къ его покрову, подносимому Патріархомъ, бралъ у препозита принесенные въ даръ воздухи, разстилялъ ихъ на св. престолѣ и ставилъ на нихъ принесенныя въ даръ храму чаши, блюда и др. посуды, прикладывался къ чашамъ, блюдамъ и св. пеленамъ Господнимъ, которыя подносилъ ему для цѣлованія Патріархъ, и клалъ на разостланныхъ платахъ мѣшочекъ съ деньгами, такъ называемый апокомвій. Послѣ этого императоръ съ Патріархомъ, кадя, обходилъ престолъ, входилъ въ алтарную нишу, гдѣ находилось серебряное вызолоченное Распятіе, молился передъ нимъ со свѣчею въ рукахъ, прикладывался къ нему, бралъ у Патріарха кадило и кадилъ Св. Распятіе. Затѣмъ императоръ прощался съ Патріархомъ, причеиъ оба они кланялись другъ другу и цѣловались, уходилъ въ мутаторій, гдѣ императоръ слушалъ Божественную службу. Іеромонахъ Іоаннъ указываетъ, что почти всѣ молитвы, встрѣча Епископовъ, идущихъ для совершенія литургіи, совпадаютъ съ подробностями встрѣчи императоровъ съ Патріархами по описанію ихъ императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ. Въ мутаторіи императоръ снималъ хламиду и стоялъ безъ нея до большаго выхода. При немъ въ мутаторіи оставались только высшіе чины кувуклія. Когда же приближалось время перенесенія Св. Даровъ съ жертвенника на престолъ, церемоніарій черезъ препозита докладывалъ императору. Императоръ облачался въ хламиду и шелъ съ чинами кувуклія черезъ правую сторону храма за амвонъ, въ предшествіи знаменоносцевъ и чиновъ синклита, которые, подходя къ амвону, становились въ два ряда, такъ что императоръ проходилъ между ними. Между амвономъ и царскими вратами стояли вышедшіе изъ алтаря священнослужители съ Св. Дарами въ ожиданіи императора. Здѣсь же находился подсвѣчникъ съ зажженной свѣчей, который передъ Св. Дарами до св. вратъ долженъ былъ нести императоръ въ качествѣ депутата и дефензора Церкви. Поклонившись Св. Дарамъ и принявъ отъ депозита подсвѣчникъ, императоръ, предшествуемый знаменоносцами и чинами синклита, начиналъ великій входъ. За императоромъ священнослужители несли Св. Дары и священные предметы. Подойдя къ солеѣ, чины останавливались; знамена, бывшія ранѣе на солеѣ, вносились туда же и разстановливались по обѣимъ сторонамъ солеи. Императоръ съ подсвѣчникомъ въ рукахъ сходилъ на солею и становился передъ алтаремъ, отдавъ свѣтильникъ препозиту. Св. врата въ это время открыты, и въ нихъ, ожидая Св. Дары, стоялъ Патріархъ, за императоромъ на солею входили священнослу-

жители. Архидіаконъ кадилъ императора, Патріарха, св. престолъ, послѣ чего Св. Дары вносились въ св. врата, гдѣ ихъ принималъ Патріархъ. Священнослужители, проходя мимо императора, при входѣ въ св. врата возглашали: „Царство Ваше да помянетъ Богъ во Царствіи Своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ". По окончаніи входа священнослужителей въ алтарь, императоръ и Патріархъ кланялись другъ другу и прощались. Патріархъ шелъ къ св. престолу, а императоръ отправлялся по правой сторонѣ солеи въ мутаторій съ чинами кувуклія. Снявъ хламиду, императоръ оставался въ мутаторіи до времени цѣлованія любви. Когда наступало время для цѣлованія, Патріархъ посылалъ къ императору референдарія сообщитъ объ этомъ ему черезъ церемоніарія и препозита. Снова императоръ надѣвалъ хламиду и шествовалъ, въ сопровожденіи чиновъ кувуклія и чиновъ синклита, къ солеѣ и останавливался у алтарной преграды на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ переносный столикъ, такъ называемый антиминосъ, съ котораго потомъ Патріархъ причащалъ Св. Таинъ императора. Когда императоръ подходилъ къ алтарной преградѣ, Патріархъ выходилъ изъ алтаря и совершалъ цѣлованіе любви съ императоромъ; за Патріархомъ подходили къ императору для цѣлованія высшіе духовные чины. Затѣмъ императоръ отходилъ отъ алтарной преграды и совершалъ цѣлованіе съ чинами своего синклита. Они подводились референдаріемъ, кланялись императору въ землю (кромѣ праздника Пасхи, когда преклоненіе совершалось до колѣнъ), затѣмъ императоръ опять удалялся въ мутаторій, гдѣ оставался до Св. Причащенія. Ко времени причащенія, въ томъ же одѣяніи и въ томъ же сопровожденіи, императоръ шелъ опять на солею, гдѣ останавливался Передъ алтаремъ у столика, на которомъ Патріархъ ставилъ вынесенныя изъ алтаря Тѣло Христово на дискосѣ и Кровь Христову въ чашѣ. **Императоръ приобщался подъ обоими видами раздѣльно по чину священническому.** Послѣ причащенія императоръ удалялся въ мутаторій, снималъ хламиду и переходилъ въ прилегавшую къ мутаторію палату, гдѣ онъ вкушалъ завтракъ вмѣстѣ съ 12 или 14 сановниками. Это было остаткомъ древнехристіанской трапезы любви, сохранившимся только для императора; по окончаніи завтрака всѣ вкушавшіе вставали; препозитъ возглашалъ „повелите", пѣлось многолѣтіе и всѣ удалялись. Императоръ послѣ ухода ихъ облачался въ хламиду, приглашалъ Патріарха, который кланялся императору, цѣловалъ его и бесѣдовалъ. Оба они, сопровождаемые чинами кувуклія, отправлялись въ помѣщеніе

Св. Кладезя. На порогъ двери въ Св. Кладезь императоръ раздавалъ кошельки съ деньгами низшимъ церковнослужителямъ и бѣднымъ. Послѣ раздачи денегъ императоръ и Патріархъ входили въ Св. Кладезь и здѣсь въ нишѣ, задернутой завѣсой, Патріархъ возлагалъ на императора корону и вручалъ ему просфору и флаконъ съ освященнымъ благовоннымъ масломъ. Императоръ же давалъ Патріарху апокомвій; послѣ чего императоръ и Патріархъ кланялись другъ другу, цѣловались и расходились; Патріархъ возвращался въ храмъ, а императоръ во дворецъ. Когда Патріархъ возлагалъ корону на императора, пѣвчіе партіи Венетовъ исполняли тѣ же пѣснопѣнія, которыя пѣли передъ входомъ императора въ лихны. Когда императоръ, простившись съ Патріархомъ, входилъ въ прилегавшій портикъ и становился на обычномъ мѣстѣ, пѣвчіе произносили: „Добро пожаловать, защита Троицы“, и слѣдовали затѣмъ тѣ же славословія и многолѣтія, которыя пѣлись пѣвчими при встрѣчахъ императора на пути шествія въ храмъ Св. Софіи. Приведенное описаніе изъ книги Бѣляева и книги Преосв. Саввы: „Московскіе цари и Византійскіе базилиевсы“ лучше всего иллюстрируетъ церковное положеніе Византійскаго царя. А славословія, такъ называемыя актологіи, очень характерны для представленія о величіи Византійскаго императора.

Въ день Крещенія Господня пѣвчіе пѣли: „Крестившійся въ водахъ Іордана и главу преклонившій смиренно Предтечѣ времена Ваши умножить съ царицами и багрянородными“. Въ Крещеніе на 3-й гласъ пѣли: „Просвѣщающій въ Духъ Святомъ крестился водою земно и свѣтъ крещенія даровалъ людямъ. Но сіе совершившій Христосъ по человеколюбію повелѣваетъ, чтобы Ваша Царская Держава была счастлива на благо Римлянъ, и чтобы Вы царствовали рядъ годовъ непрерывно,“ и еще: „Главы драконовъ въ волнахъ Іордана сокрушившій подъ ногами Вашими сокрушитъ главы варваровъ. Боговѣнчанные владыки, Троица Пресвятая побѣды Ваши умножить“.

Въ день Пр. Троицы пѣвчіе пѣли: „Богъ Духъ днесь явился апостоламъ въ языкахъ огневидныхъ и Васъ, боговѣнчанные благодѣтели, порфирой и вѣнцомъ прославившій, Своимъ Божественнымъ хотѣніемъ опредѣлилъ, чтобы Вы царствовали достойно Римлянъ. Слава Богу, вѣнчавшему Васъ во спасеніе Римлянамъ“. Во время выхода императора Никифора Фоки въ Троицынъ день по сообщенію Люитпранда по случаю его особыхъ заслугъ пѣвчіе пѣли сверхъ положеннаго: „Вотъ грядетъ утренняя звѣзда, восходитъ заря,

отражаетъ лучи солнца, блѣдная смерть... Никифоръ Владыко," а потомъ пѣли: „Владыкѣ Никифору многія лѣта; ему поклоняйтесь и его почитайте, ему преклоняйте свои выи".

Въ день Рождества Христова пѣли: „Небо звѣзду посылаетъ, указываетъ путь магамъ въ Рождествѣ; земля приготовляетъ пещеру, чтобы принять Творца всѣхъ. Но Самъ Принявшій нашу плоть отъ Дѣвы Ваше Боговѣнчанное царство сохранить въ порфирѣ".

Въ день Святой Пасхи: „Крестъ и смерть потерпѣвшій Христосъ сошелъ добровольно во гробъ и, сокрушивши двери ада, Божественной Своей властью всѣмъ воскресеніе обновляетъ отъ вѣка умерщвленнымъ. Тварь днесъ празднуетъ двойную Пасху спасенія, видя, что скипетръ Вашъ, Владыка, поднимается съ воскресеніемъ Христовымъ".

При переходѣ царя въ трибуналъ изъ палаты школь въ день Рождества: „Всей твари Исполнитель (Совершитель) и Владыка совершаетъ несвойственное Ему уничиженіе воплощеніемъ за насъ, чтобы наполнить горній міръ (т. е. небесный) членами, взятыми изъ нашего нижайшаго (т. е. земного) рода. Самъ Жизнедавецъ возвыситъ родъ Вашъ, Владыки, во всей вселенной, языки всѣ покорить, чтобы они, какъ маги, приносили дары Вашему царству".

Или въ Крещеніе: „Крещенный нынѣ дланью Предтечи, страшной дланью Своей провозглашаетъ Васъ царями, благочестивые благодѣтели и помазанниками покажутъ Васъ вселенной, ибо, освятивши крещеніемъ, елеемъ истлѣнія крестить (ваше) царство, спасеніе даруя Римлянамъ, великую помощь и славу царскую".

Или въ Пасху: „Обновляется днесъ естество человѣковъ, чудо изъ тлѣнія преобразуемое въ нетлѣніе облекается въ одежды прежней славы, уже неудержимое больше смертью. Ибо имѣющее державу смерти собезначальное и собезконечное Отцу Слово, разрушивши чертоги ада, разрѣшило узы тлѣнныхъ, всѣмъ даровавъ свободу. Оно и державу Царства вашего сохранить на славу, гордость и спасеніе Римлянъ".

Изъ актологій этихъ видно, что царь Византійскій сознается, какъ царь вселенскій; онъ, вѣдь, единственный въ мірѣ царь, единственный помазанникъ Божій, не то, что всѣ другіе; онъ царь, стоящій на стражѣ Церкви и входящій въ ея Іерархическій чинъ, причащающійся раздѣльно подѣ двумя видами, кадящій въ Церкви, входящій въ алтарь черезъ среднія врата, занимающій въ чинѣ богослуженія опредѣленное положеніе среди іерархіи и

соучаствующій по чину въ ея богослужебныхъ актахъ. Мы его видимъ и въ положеніи учащаго: такъ въ понедѣльникъ первой недѣли поста во дворцѣ въ Магнаврѣ онъ увѣщаетъ всѣ чины „проводить въ чистотѣ и страхѣ Божиѣмъ всесвященную и святую четырехдесятницу". Особенно характерно участіе царя въ церемоніяхъ въ вербную субботу и воскресенье.

Византійскій базилевс и Московскій царь воплощаютъ разныя идеи.

Эта церемонія особенно отбѣняетъ различіе между Византійскимъ базилевсомъ и Московскимъ царемъ, контрастируя представленія и идеи, связываемыя съ ихъ саномъ. Мы увидимъ ниже, что, при всемъ сходствѣ съ Византійскимъ царемъ, несмотря на общій, признаваемый у нихъ библейскій источникъ ихъ власти, Византійскій базилевсъ и царь Московскій воплощаютъ въ своемъ обиходѣ различныя христіанскія идеи. Въ церемоніи въ недѣлю Ваій Византійскій императоръ затемняетъ собой фигуру Патріарха. Мы не будемъ описывать во всей подробности этой церемоніи, едва ли не превосходящую по торжественности и количеству участниковъ и по ихъ торжественности одѣяній, вышеупомянутыя императорскія церемоніи выходовъ въ храмъ Св. Софіи, но обратимъ вниманіе на нѣкоторыя ея особенности. Въ вербную субботу не Патріархъ, а императоръ раздаетъ лично всѣмъ чинамъ вѣтви финиковыхъ пальмъ и серебряные кресты. А въ вербное воскресенье императоръ, не Патріархъ, принимаетъ кресты и символъ вѣры отъ всей огромной массы чиновниковъ, сидя на тронѣ въ роскошномъ царскомъ парадномъ одѣяніи, окруженный высшими чинами имперіи. По мнѣнію проф. Мансветова, это — отголосокъ древняго обычая, по которому готовящіеся къ крещенію въ вербное воскресенье, начинали учить символъ вѣры, чтобы потомъ произносить его передъ принятіемъ Таинствъ. Императоръ, не Патріархъ, провѣряетъ въ Византіи вѣрованіе своихъ чиновъ. Въ процессіи крестнаго хода въ этотъ день онъ затѣняетъ лицо Патріарха; онъ не только участникъ этого крестнаго хода, но активно участвуетъ, по пути заходя въ придворные храмы, въ богослуженіи, произнося ектеніи; а раздача имъ крестовъ въ награду за подвигъ поста знаменуетъ въ немъ ревнителя вѣры. Всюду въ этихъ церемоніяхъ на первомъ планѣ — особа императора, соединяющаго въ себѣ не только свѣтскую власть и положеніе духовнаго чина, но и проявляющаго духовную власть.

О значеніи выходовъ Византійскихъ императоровъ Суворовъ (Византійскій папа, 137 стр.) говоритъ, „что они указывали на стремленіе императоровъ дать выраженіе духовному характеру императорской должности и едва ли уходили въ глубь исторіи Македонской династіи". Они и возникли въ связи съ мѣрами императоровъ противодѣйствовать вліянію западныхъ идей и событій западной исторіи IX вѣка, усилившихъ политическое значеніе папства (возстановленіе Папой Западной имперіи въ лицѣ Карла Великаго, взглядъ на коронованіе, какъ на сообщеніе законности власти императора). Насколько это стремленіе превышало всякую мѣру, свидѣтельствуетъ сообщаемый Суворовымъ фактъ изъ посланія Патріарха Николая Мистика къ Римскому Папѣ о повѣнчаніи императоромъ Львомъ VI себя самого съ Зоей Карбонопсиной. Лишь неувѣренный въ правильности такого вѣнчанія, гдѣ императоръ былъ одновременно и священникомъ, и женихомъ, императоръ приказалъ своему придворному священнику совершить добавочное богослуженіе. Означенное стремленіе императоровъ къ защитѣ императорской власти вызывалось идеей перенесенія правъ съ Римскаго Папы на Константинопольскаго Патріарха, выраженной впервые (по совѣту Патріарха Фотія) въ посланіи императора Михаила III къ Папѣ.

Эти придворныя церемоніи, проистекая изъ воззрѣнія на царя, какъ на органъ, призванный устроить на землѣ не только юридическій порядокъ, но и царство Божіе — царство справедливости и правды, возвеличивая особу царя, въ свою очередь могли содѣйствовать увеличенію и его полномочій безъ достаточнаго различенія по существу того, къ чему призванъ императоръ, какъ глава земного союза государства, и къ чему онъ призванъ, какъ членъ Церкви. Этому смѣшенію способствовала и теорія Вальсамона и болгарскаго Епископа Димитрія Хоматина, дававшая императору въ Церкви всѣ права архіерейскаго сана, кромѣ однихъ богослужебныхъ правъ этого сана. Отсюда проистекало и то, что императоръ стремился иногда присваивать себѣ то несоотвѣтствующее ему право на участіе въ церковномъ законодательствѣ, то право на смѣщеніе и назначеніе Патріарховъ, то просто приравнивалъ себя къ Божеству, какъ дѣлалъ императоръ Исаакъ Ангель. Что названныя права не могутъ входить въ число императорскихъ полномочій, на это въ общихъ чертахъ уже указывали глубокіе и вдохновенные мыслители, о которыхъ мы упоминали раньше (Θеодоръ Студитъ, Іоаннъ Дамаскинъ

и др.). На это даетъ тотъ же отвѣтъ и современная каноническая наука, анализирующая понятіе церковной власти и ея полномочій. Если государство не признаетъ себя всевластнымъ въ смыслѣ языческомъ или въ смыслѣ неоязыческихъ теорій государственнаго суверенитета, какъ власти безграничной, если государство признаетъ существованіе Христіанской Церкви и готово не отнимать у нея права ея на свободное существованіе, то оно и не можетъ покушаться на ея внутреннія полномочія, вытекающія изъ Божественнаго посланничества, какъ бы ни было высоко положеніе императора въ государствѣ: права же законодательства въ Церкви *implicite* заключаются въ полномочіяхъ на ученіе, данное Христомъ Апостоламъ при отправленіи ихъ на проповѣдь и въ ихъ лицѣ ихъ преемникамъ, равно и права на высшее управленіе въ Церкви осуществляется Соборомъ Архипастырей, какъ то установило Апостольское преданіе уже самымъ фактомъ Апостольскаго Собора.

Формы, въ которыхъ церковное сознаніе въ Византіи допускало участіе императора въ замѣщеніи Патріаршаго престола.

Несмотря, однако, на высоту императорскаго сана въ Византіи, и на всѣ злоупотребленія носителей его, въ ея законахъ и обычаяхъ всегда была живой идея, что Царство Божественной правды не подъ силу создавать одному императору, и на помощь ему въ его проведеніи, какъ руководящій свѣточъ, долженъ былъ приходить тотъ, кто явился, по выраженію Эпанагоги, живымъ образомъ Христа, словомъ и дѣломъ живописующимъ истину, это — Патріархъ.

Положеніе Патріарха въ Византійскомъ государственномъ строѣ и участіе царя, какъ, экдика Церкви, въ его избраніи.

Оставляя въ данный моментъ въ сторонѣ чисто церковныя задачи Патріарха, мы посмотримъ на то положеніе, которое онъ призванъ занимать въ Византіи не въ Церкви, а именно въ строѣ самаго государства. Здѣсь основное вниманіе приходится обратить на то участіе, которое принимаетъ въ Византійскомъ правѣ императоръ, какъ глава государства, при выборахъ Патріарха, а также на одинъ институтъ, который унаслѣдованъ былъ и Русью — именно право печалованія Патріарха. Хотя послѣднее относится больше къ правамъ Патріарха, но оно внутренне настолько связано съ идеей императорской власти, что, говоря о послѣдней, нельзя не говорить о томъ, что составляло

дальнѣйшее развитіе и дополненіе вложенной въ нее идеи — (оцерковленіе). Что касается избранія Патріарха, то именно въ этомъ сложномъ процессѣ иллюстрируется теорія симфоніи Церкви и государства, поскольку она должна опредѣлять и взаимоотношенія двухъ главъ этихъ союзовъ. Царь и Патріархъ считались необходимыми частями политіи, благополучіе которой зависѣло отъ ихъ единомыслія во всѣхъ отношеніяхъ. Не касаясь тѣхъ искаженій, которыя на практикѣ создавала иногда государственная власть въ смыслѣ воздѣйствія при замѣщеніи Патріаршей кафедры, мы имѣемъ въ виду указать, какъ *de jure* происходило избраніе Патріарха. Процессъ этотъ описанъ подробно въ изслѣдованіи И. И. Соколова „Избраніе Патріарховъ въ Византіи отъ половины IX до половины XV вѣка“. Принципъ симфоніи властей требовалъ, чтобы дѣятельность царя въ отношеніи къ Церкви происходила въ единомысліи съ властью церковной, и чтобы царь, въ качествѣ епископонарха Церкви, содѣйствовалъ скорѣйшему избранію Патріарха тѣмъ болѣе, что въ Византіи не было института мѣстооблестительства Патріаршаго престола, и мы видимъ, что Византійское право давало царю участіе въ разныхъ стадіяхъ того сложнаго процесса, который составлялъ созданіе новаго Патріарха; само по себѣ это участіе въ формахъ Византійскаго права не противорѣчило правамъ Церкви, которая нуждалась въ этомъ содѣйствіи ради общаго мира и благословляла это участіе. Царь признавался Церковью ея епископонархомъ и, въ качествѣ такового, долженъ былъ заботиться о лучшихъ условіяхъ ея существованія; кромѣ того, Патріархъ имѣлъ огромное вліяніе на общественно-политическую жизнь страны, постоянно находился въ сношеніяхъ съ царемъ, участвовалъ въ избраніи царя; поэтому и царь не могъ не принимать участія въ этомъ избраніи, и оно выражалось въ разныхъ фазахъ этого процесса. Еще до начала избирательнаго процесса, когда въ обществѣ шла борьба за то, чтобы фиксировать вниманіе Архіереевъ на томъ или иномъ кандидатѣ, въ этомъ отысканіи кандидатовъ принималъ участіе и царь. Участіе мірянъ въ этомъ нельзя называть участіемъ въ избраніи; здѣсь не могло быть и рѣчи объ идеѣ делегации власти отъ народа; эта идея была чужда и канонамъ, и Византійскому церковному сознанію. Соборъ 869 г. въ 22 пр. запретилъ императору и свѣтскимъ начальникамъ участіе въ прямомъ избраніи Патріарха, такъ какъ это принадлежитъ только Собору Епископовъ; находясь на Соборѣ, свѣтскіе начальники должны были сидѣть молча и ожидать, когда состоится избраніе; также ис-

ключался отъ этого и народъ; право мірянъ заключалось только въ пропагандѣ своихъ кандидатовъ, чтобы привлечь къ нимъ вниманіе Архіереевъ избирателей и царя.

Подробное описаніе этого процесса необходимо для правильнаго пониманія участія въ немъ царя и ради избѣжанія неправильныхъ выводовъ о положеніи Византійскаго царя въ Церкви. Характеръ этого участія показываетъ, что базилевсъ въ немъ выступалъ только какъ глава имперіи, а не какъ власть, назначающая Патріарха — главу Помѣстной Церкви.

Самый процессъ избранія состоялъ изъ семи фазъ: 1) избраніе Архіереями на Соборѣ трехъ кандидатовъ, 2) утвержденіе одного изъ нихъ царемъ, 3) малое извѣщеніе избраннаго, послѣ чего наступало, 4) великое нареченіе по опредѣленному церковному чину отъ лица Церкви, 5) придворный обрядъ *πρόβλησις*, т. е. признаніе со стороны царя нареченнаго въ государственномъ положеніи, которое давало Патріарху Византійское государственное право, 6) хиротонія, если нареченный не имѣлъ Епископскаго сана, и 7) интронизація, т. е. возведеніе на Патріаршій престолъ. Царь принималъ главное участіе въ первой, второй и пятой стадіи, въ остальныхъ стадіяхъ его участіе не имѣло существеннаго значенія. Въ первой стадіи его участіе выражалось въ томъ, что онъ, за отсутствіемъ въ Византіи института мѣстооблюстителя Патріаршаго престола, выступалъ по обычаю, одобренному самой Церковью, въ качествѣ формальнаго инициатора по созыву Архіерейскаго Собора на предметъ избранія Патріарха. **Симеонъ Солунскій** пишетъ: „Царь, какъ экдикъ Церкви, издревле имѣетъ отъ Божественныхъ отцовъ полномочія собирать для этого освященный Соборъ Архіереевъ. И это есть древній обычай, чтобы Архіереи не собрались сами по себѣ, дабы не произошло раздѣленіе и не было безпорядковъ. Базилевсъ выступалъ передъ Архіереями съ своимъ повелѣніемъ объ избраніи Патріарха въ силу того, что онъ былъ экдикъ Церкви, т. е. ея защитникъ и ходатай, на обязанности котораго лежало охранять внѣшнее благосостояніе Церкви отъ постороннихъ вторженій. **Это полномочіе царя не было восхищено силой своей, но было издревле ввѣрено ему святыми отцами, т. е. самой же Церковью**“. Исторія показываетъ, что базилевсы собирали даже Вселенскіе Соборы по желанію предстоятелей Церкви. Достоинство Церкви и ея свобода отъ этого не страдали, ибо цари выражали здѣсь свою заботу о Церкви и дѣйствовали въ согласіи (симфоніи) съ церковной властью и въ предѣлахъ тѣхъ полномочій, которыя имъ

ввѣрялись Церковью. Эти же полномочія царя выражались и въ его повелѣніи Архіереямъ устроить Соборъ для избранія Патріарха. Въ этомъ архіерейскомъ избраніи былъ центральный пунктъ въ дѣлѣ избранія Патріарха. Уклоненіе отъ составленія этого Собора со стороны императоровъ осуждалось общецерковнымъ сознаніемъ. Царская грамота созывала Митрополитовъ и напоминала, что имъ надлежитъ подавать голоса, руководясь древнимъ церковнымъ чиномъ и обычаемъ; слѣдовательно, сама грамота признавала, что актъ избранія Патріарха выражаетъ волю царской власти и является благодатнымъ воздѣйствіемъ Святаго Духа и дѣломъ самой Церкви въ лицѣ ея высшихъ служителей Іерарховъ. Царь не могъ вмѣшиваться въ избраніе, происходившее подъ руководствомъ хартофилакса, и о результатахъ котораго онъ оповѣщался какъ эпистимонархъ, экдикъ Церкви, который въ силу требуемой симфоніи между обѣими властями, долженъ былъ выразить свое сужденіе въ слѣдующей стадіи, когда ему надлежало выбрать одного изъ трехъ кандидатовъ, уже избранныхъ Соборомъ. Если ни одинъ изъ нихъ не былъ угоденъ, базилевсъ могъ предложить своего кандидата, и объ его пригодности снова свободно рѣшалъ Архіерейскій Соборъ, имѣя возможность и не соглашаться. Право царя не нарушало принципиально свободы Архіерейскихъ выборовъ и **основывалось на томъ, что Патріархъ занималъ не только положеніе въ Церкви, но былъ участникомъ политической жизни.** Симеонъ Солунскій гарантируетъ правильность взаимоотношеній царя и Собора тѣмъ, что 1) царь получалъ благодатную хризму, 2) унаслѣдовалъ право избранія издревле отъ своихъ отцовъ и 3) выбиралъ изъ числа кандидатовъ, уже признанныхъ Соборомъ Архіереевъ достойными. Актъ избранія царя рассматривается, какъ актъ Божественной воли, сказывающейся черезъ Помазанника Божія, въ основѣ дѣятельности котораго, какъ руководящая идея, лежитъ идея правды, которая, по опредѣленію Византійскихъ памятниковъ (Эпанагоги, Базиликъ, Синтагмы Властаря) есть твердая и постоянная воля, каждому опредѣляющая соотвѣтственное право. Симеонъ Солунскій говоритъ: „Ему, какъ помазанному царю, издревле предоставленъ отцами выборъ одного изъ трехъ, ибо они уже избраны Соборомъ, и всѣ трое признаны достойными Патріаршества. Царь содѣйствуетъ Собору въ его дѣяніяхъ, какъ помазанникъ Господень, сдѣлавшійся защитникомъ и слугой Церкви, такъ какъ онъ во время помазанія далъ обѣщаніе въ этомъ содѣйствіи. De jure не можетъ быть и рѣчи о произволѣ царя въ актѣ

избранія Патріарха и о посягательствѣ на права и свободу выбора". „Если же были факты неправильнаго избранія, говорить И. И. Соколовъ, зависѣвшіе отъ произвола и насилія Византійскихъ царей, которые по мотивамъ субъективнаго и династическаго свойства производили давленіе на Соборъ Архіереевъ и различными способами склоняли ихъ избрать представителемъ Церкви лицъ угодныхъ базилевсамъ, но не соотвѣтствовали потребностямъ церковной жизни, то всѣ такіе факты были исключеніемъ въ отношеніи къ нормальному $\tau\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ ’у (порядку) избранія Патріарховъ, и на основѣ ихъ нельзя дѣлать заключенія принципіальнаго свойства". Какъ явленія исключительнаго порядка, случайныя и уклонившіяся отъ господствовавшего и традиціоннаго типа избирательнаго процесса, такіе факты признавались ненормальными, осуждались современниками и служили всегда реальнымъ мотивомъ для возстановленія въ Византійской церковной жизни симфоніи взаимоотношенія государства и Церкви, поскольку она касалась избранія Патріарховъ, дабы на будущее время руководиться въ дѣлѣ древнимъ и традиціоннымъ типомъ. Въ стадіяхъ малаго и великаго нареченія происходило сначала оповѣщеніе избраннаго объ его избраніи, а потомъ формальное по установленному церковному чину нареченіе его женихомъ Церкви. Въ этихъ актахъ первенствовала Церковь, и **участіе царя выражалось въ томъ, что его делегаты присутствовали при обоихъ актахъ**. Малое нареченіе представляло изъ себя посылку отъ Собора и царя делегаціи къ нарекаемому въ его мѣстожителство, и тотъ или долженъ былъ дать согласіе или отказаться. Въ случаѣ его согласія, слѣдовало великое нареченіе въ Церкви Св. Апостоловъ, если нарекаемый былъ уже священникъ (если нѣтъ, то онъ предварительно посвящался въ священники). Послѣ вечерняго богослуженія и извѣстнаго ряда молитвъ, новоизбранный въ епитрахили и фелони становился въ св. вратахъ алтаря, а посреди храма становился хартофилаксъ съ 2-мя почтеннѣйшими сановниками царя. Затѣмъ хартофилаксъ возглашалъ формулу нареченія: „Державный и святой нашъ господинъ и царь и Божественный, священный и великій Соборъ приглашаютъ святыню твою на высочайшій престолъ Патріархіи Константинополя". Новоизбранный отвѣчалъ: „Благодарю святого Самодержца и царя и Священный Соборъ и подчиняюсь ихъ Божественному и поклоняемому опредѣленію". Затѣмъ могла слѣдовать рѣчь нареченнаго. Въ нареченіи игралъ главную роль церковный элементъ: именно хартофилаксъ церковный архонтъ произносилъ

формулу отъ имени Собора и царя. Царь только извѣщаетъ о дѣяніи Собора, помогаетъ ему, но не нарекаетъ. Симеонъ Солунскій написалъ цѣлую главу противъ мысли о томъ, что царь ставитъ Патріарха, ибо царь здѣсь почитался дѣйствующимъ лишь какъ экдикъ, эпистимонархъ, къ чему онъ призывался при своемъ коронованіи. Нарекательный давалъ предъ Богомъ, всѣми ангелами и людьми поручительство въ томъ, что будетъ заботиться о Церкви и въ полнотѣ осуществить принимаемое на себя предстоятельство. Во время великаго нареченія Патріархъ принималъ жезлъ пастырскій; этотъ чинъ перешелъ и въ Россію въ качествѣ чина церковнаго. Послѣ же великаго нареченія предстоялъ актъ, который имѣетъ совершенно особое значеніе и отбѣняетъ уже не церковное, а государственно-правовое значеніе Патріарха, какъ сановника имперіи, и для насъ имѣетъ интересъ, какъ иллюстрація верховнаго положенія царя въ государствѣ, но не въ Церкви. Во время этого акта царь выражаетъ свое почтеніе къ Церкви и признаніе ея предстоятелемъ того, кто избранъ ею и согласился стать Архіепископомъ Новаго Рима и Вселенскимъ Патріархомъ. Церемонія эта въ виду ея государственнаго значенія совершалась уже не въ церкви, а во дворцѣ, и состояла между прочимъ въ передачѣ жезла царемъ Патріарху. Передача жезла введена приблизительно въ XII вѣкѣ. Западная литература истолковываетъ ее, какъ инвеституру въ смыслѣ передачи правъ Патріарху въ Церкви; но, если это врученіе жезла дѣйствительно введено по западному образцу, то здѣсь оно получило совершенно другое значеніе, какъ это устанавливаетъ Соколовъ, основываясь на объясненія Симеона Солунскаго, церковнаго писателя XV вѣка.

Церемонія *προβλησις* введена не въ силу цезарепапистской тенденціи разсматривать царя, какъ первоисточникъ въ церковныхъ дѣлахъ, а обусловлена тѣснымъ союзомъ и взаимодействіемъ Церкви и государства въ Византіи и государственнымъ значеніемъ Патріаршей власти. Если Церковь въ лицѣ Патріарха освящала власть царей своимъ коронованіемъ, направляла ихъ жизнь въ соотвѣтствіи съ требованіями Церкви и указывала вѣхи для государственнаго законодательства, поскольку оно затрагивало интересы вѣры и правды, и вообще просвѣтительную миссію Церкви; то государство въ свою очередь давало ей покровительство и защиту, принимало ея идеалы и руководилось ими въ своемъ законодательствѣ, надѣляло Церковь полномочіями государственнаго характера. Символомъ этого пріятія Церкви и ея предстоятеля со стороны государства и служила

церемонія *πρόβλησις*. Коди́нь описалъ эту церемонію въ XIV вѣкѣ, а ее мы приводимъ изъ вышеупомянутой статьи И. И. Соколова. Эта церемонія иллюстрировала своими обрядами и идею симфоніи во взаимоотношеніи Церкви и государства.

Въ одномъ изъ триклиніевъ большого царскаго дворца устраи- валось деревянное возвышеніе и покрывалось матеріей пурпуроваго цвѣта. На возвышеніи ставился царскій золотой тронъ съ 4-мя или 5-ю ступенями. Триклиній раздѣлялся златотканными занавѣсками, скрывавшими царскій тронъ. Царь выходилъ изъ покоевъ въ коронѣ и полномъ облаченіи и садился на тронъ, а всѣ архонты стояли въ той части триклинія, которая отдѣлялась отъ царскаго трона занавѣсками. Въ третьей части триклинія (отъ стѣны до царскаго мѣста) ставили другой тронъ свѣтло-голубого цвѣта и покрывали златотканнымъ по- крываломъ; новоизбранный Патріархъ входилъ и садился на тронъ. Потомъ завѣса поднималась и одновременно вставали съ своихъ тро- новъ царь и Патріархъ; всѣ присутствующіе ихъ привѣтствовали многолѣтіями. Послѣ этого одинъ изъ самыхъ знатныхъ Архіереевъ, взявши Патріарха за руку, подводилъ его къ возвышенію, на кото- ромъ стоялъ царскій тронъ. Возлѣ царя у завѣсы находился Патріаршій жезль. Когда Патріархъ останавливался у возвышенія, гдѣ у трона стоялъ и базилевсъ, послѣдній, взявъ Патріаршій жезль, говорилъ: „Святая Троица черезъ царство, отъ Нея дарованное намъ, производитъ тебя въ Архіепископы Константинополя, Новаго Рима и Вселенскаго Патріарха". Всѣ возглашаютъ многолѣтіе, Патріархъ, поднявшись на возвышеніе, беретъ изъ рукъ царя жезль и, благосло- вивъ его, тотчасъ сходитъ. Оба затѣмъ воссѣдаютъ на тронахъ при пѣніи славословія. Послѣ славословія завѣса закрывается, и царь удаляется въ свои покои, а Патріархъ отправляется къ Храму Св. Софіи верхомъ на конѣ, покрытомъ бѣлой попоной. Тамъ въ сво- ихъ палатахъ, прилегавшихъ къ храму, Патріархъ устраивалъ трапезу для Архіереевъ, архонтовъ царя и Патріаршихъ чиновъ, чѣмъ и кон- чалось торжество. Симеонъ Солунскій въ своемъ описаніи далъ больше подробностей. Именно царь, въ знакъ своего расположенія къ Патріарху, посылаетъ мантию съ источниками, означавшую благодать учительства и разнообразіе высшихъ дарованій, изливаемыхъ отъ но- сящаго эту одежду. Эта мантия была въ Византійскую эпоху исклю- чительно Патріаршей принадлежностью, и ее надѣвалъ нареченный для участія въ церемоніи. Что касается энколпія, его надѣвалъ наре- ченный только въ томъ случаѣ, если онъ уже былъ Епископомъ.

Жезль — символъ пастырской власти, вручавшійся царемъ, былъ изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Базилевсь садился на тронъ. Протоіерей возглашалъ: Благословенъ Богъ нашъ, малую ектенью, а великій доместикъ пѣлъ: „Идѣже бо царя пришествіе"... Пѣли другія молитвы, а послѣ тропаря царь вставалъ, имѣя въ своей рукѣ жезль, а нареченный Патріархъ, имѣя по одну сторону Митрополита Кесарійскаго, а съ другой Ираклійскаго, направлялся къ царскому трону, дѣлалъ всѣмъ три поклона, подходилъ къ царю и совершалъ поклоненіе. Царь, приподнявъ жезль, говорилъ: Святая Троица, даровавшая мнѣ царство, производитъ тебя въ Патріархи Новаго Рима. Патріархъ принималъ жезль при пѣніи „исполлаэти, деспота". Передавъ жезль, царь приближался къ Патріарху, склонивъ голову, снималъ корону и принималъ благословеніе, цѣлуя руку Патріарха. Патріархъ выходилъ, сопровождаемый всѣмъ синклитомъ, въ предшествіи свѣтильниковъ и возвращался на конѣ въ Патріархію. Конь былъ царскій съ царскимъ сѣдломъ, и вель его подъ узцы придворный конюхъ вмѣсто царя. Сынъ царя на конѣ провожалъ Патріарха. Если новонареченный былъ іеромонахъ, то онъ совершалъ литургію вмѣстѣ съ другими Архіереями и особое чинопослѣдованіе благодарственное (ибо полагалась одна хиротонія для посвященія въ Архіерейскій санъ). Что касается вопроса о смыслѣ врученія жезла Патріарху, то въ немъ уже потому нельзя усматривать предоставленій Патріарху церковной власти, что власть эта есть власть вязать и рѣшить, которой императоръ самъ не имѣетъ; кромѣ того, церемонія совершается и въ томъ случаѣ, если нареченный уже Архіерей и не нуждается въ хиротоніи. Какъ слуга Церкви, императоръ даритъ мантию съ источниками и энколпій; въ знакъ изъясненія готовности повиноваться архипастырской власти и почитанія онъ передаетъ жезль. Чтобы показать передъ всѣми почетъ царя къ избранному Патріарху, онъ даетъ своего лучшаго коня Патріарху, котораго сопровождаетъ его сынъ. Симеонъ Солунскій поясняетъ, что въ этомъ актѣ царь только свидѣтельствуетъ фактъ своего согласія на поставленіе новаго Патріарха и свидѣтельствуетъ свое духовное подчиненіе, свидѣтельствуя это послѣ врученія жезла склоненіемъ головы, испрошеніемъ благословенія у Патріарха и цѣлованіемъ его руки. По благодати и дѣйствию Архіерейства Патріархъ, хотя и не отличается отъ Митрополитовъ и Епископовъ, но по значенію престола, по власти и по заботѣ о всѣхъ, пребывающихъ подъ его властью, онъ — отецъ всѣхъ и глава, рукополагающій Митрополитовъ и Еписко-

повъ и судящій ихъ совмѣстно съ Соборомъ, а самъ судится Великимъ Соборомъ, говоритъ Симеонъ Солунскій. Царь присутствовалъ и при хиротоніи и при интронизаціи Патріарха въ алтарѣ, отступя отъ престола, и передъ этимъ совершалъ торжественный входъ въ выше-описанномъ видѣ; но хиротонія и интронизація — акты чисто церковнаго характера, и участіе въ нихъ царя уже не было столь активно, какъ въ первыхъ стадіяхъ процесса, когда онъ созывалъ Архіерейскій Соборъ, выбиралъ одного изъ трехъ избранныхъ Соборомъ и свидѣтельствовалъ свое признаніе въ актѣ *πρόβλησις*. Въ актѣ хиротоніи на посвящаемого низводилась Архіерейская благодать Митрополитомъ Ираклійскимъ, а въ актѣ интронизаціи онъ укрѣплялся преизобильной благодатью на укрѣпленіе его на большее служеніе, уже въ пользу всей Церкви, а не одной Епархіи, на богодухновенное дѣло и служеніе и возводился на престолъ Патріаршій для домостроительства и управленія всей Помѣстной Церковью. Активными исполнителями такого акта могли быть только носители Апостольской благодати-Епископы. Но, Патріархъ, мы сказали, являлся не только Архипастыремъ, но и служилъ дополненіемъ къ царственному служенію императора, которому онъ долженъ былъ помогать въ осуществленіи его задачи — быть вершителемъ правды и благодѣтельствованія для подданныхъ.

Право печалованія Патріарховъ, какъ дополненіе къ идеѣ царской власти.

Его цѣль — благодѣтельствовать, говоритъ Эпанагога, и, когда царь ослабѣваетъ въ совершеніи добра, то подвергается опасности извратить подлинный характеръ царской власти. Вѣрность обязанности *εὐεργετεῖν* — творить добро и оказывать милости — была признакомъ соотвѣтствія царя своему идеалу. Въ интересахъ справедливости и интересахъ душевнаго спасенія царей Патріархъ призывался печаловаться о гонимыхъ, притѣсняемыхъ властями, объ осужденныхъ и ссыльныхъ съ цѣлью смягченія ихъ участи, бѣдныхъ и нуждающихся съ цѣлью оказать имъ матеріальное или нравственное содѣйствіе. Это право печалованія, въ силу 75 Карѣ. правила принадлежащаго всѣмъ Епархіальнымъ Архіереямъ, въ особенности связывалось съ Константинопольскимъ Патріархомъ, въ силу его особо высокаго положенія въ Византійскомъ государствѣ при царѣ. Вѣдь, онъ для всей имперіи, по выраженію Эпанагоги, былъ живымъ и одушевленнымъ образомъ Христа. Онъ призванъ былъ одинаково относиться ко

всѣмъ людямъ, какъ высшаго, такъ и низшаго положенія, быть кроткимъ въ отправленіи правосудія, обличительнымъ относительно исповѣдующихся, безъ страха возвышать голосъ въ защиту истины даже передъ лицомъ царя. Онъ — общій духовный отецъ, ходатай для всѣхъ. Онъ по преимуществу выразитель Христова ученія о любви, обязанный всегда возвышать голосъ за правду и справедливость. Право его печалованія передъ царемъ шло въ параллель и шло навстрѣчу особому назначенію царской власти; оно высоко цѣнилось и широко осуществлялось Византійскими Патріархами IX-XV вѣковъ. Въ свою очередь цари нерѣдко поощряли его во имя большей правды, и императоръ **Никифоръ Вотаниатъ** даже особо урегулировалъ его и требовалъ, чтобы Патріархъ, по крайней мѣрѣ, трижды въ годъ представлялъ ему о всѣхъ ссыльныхъ и заключенныхъ, чтобы выяснить, освободить ли ихъ или оставить далѣе въ заключеніи и ссылкѣ. Бывало и такъ, что Патріархъ вынуждалъ царя обратить вниманіе на свои печалованія въ пользу устраненія несправедливости, не останавливаясь передъ уходомъ съ престола, даже передъ отреченіемъ отъ каѳедры. Такое право печалованія было могучимъ средствомъ для проведенія въ среду управленія началъ справедливости и человеколюбія и показывало нравственный авторитетъ Патріарха въ государственныхъ дѣлахъ. 75 Карѳагенское правило гласило: „Заблагоразсудили всѣ по причинѣ притѣсненія убогихъ, которые непрестанно стужаютъ Церкви жалобами, просити отъ царей, да избираются для нихъ, подѣ смотрѣніемъ Епископа, защитники отъ насилія богатыхъ". Въ толкованіи **Зонары** говорится: Епископы должны не только учить подчиненныхъ имъ людей, но и ходатайствовать за нихъ, когда они подвергаются обидамъ, и по возможности защищать. Въ томъ же смыслѣ **Вальсамонъ** говоритъ, что на Епископахъ лежитъ всецѣло обязанность защищать обижаемыхъ. Описанная церемонія избранія Патріарха показываетъ, что Патріархъ, будучи прежде всего органомъ Церкви и лишь косвенно сановникомъ имперіи въ силу своего положенія въ Церкви, власть свою получалъ не отъ императора, а отъ Собора. Это не мѣшало Византійскимъ императорамъ на практикѣ злоупотреблять своей силой и смѣщать Патріарховъ по своему произволу; однако, это всегда сознавалось Церковью, какъ отступленіе отъ надлежащей нормы, и церковный писатель XV вѣка, неоднократно цитированный, **Симеонъ Солунскій** пишетъ (Пихлеръ I, 417-418): „Многіе благочестивые цари какъ, напр., Константинъ Великій, богато одаряли Епископовъ и

оказывали имъ различныя почести. Теперь же случается со всѣмъ противное. Епископъ не удостоивается никакой чести ради Христа, а скорѣе достигаетъ безчестія; онъ считается неизмѣримо ниже императора, получающаго отъ Архіерея благословеніе, Епископъ въ настоящее время падаетъ ницъ передъ императоромъ и цѣлуетъ его правую руку. Освященными устами, которыми онъ недавно прикасался къ Священнѣйшей Жертвѣ, онъ рабски цѣлуетъ мірскую руку, назначеніе которой держать мечъ, и, о, срамъ, Епископъ стоитъ, когда императоръ сидитъ. Для Епископа, какъ намѣстника Церкви, все это неприлично и посрамленіе простирается на Самого Христа. **Эти нелѣпые обычаи введены впрочемъ не самими императорами, но льстецами, которые безразсудно внушаютъ имъ, чтобы они во зло употребили Божественное, чтобы они присваивали себѣ власть и поставляютъ и низвергаютъ Епископа. Увы, какое безуміе! если низверженіе Епископа необходимо, то должно совершать это черезъ Святаго Духа, Которымъ освященъ Епископъ, а не черезъ мірскую власть. Отсюда то всѣ наши бѣды и несчастія; отсюда то мы сдѣлались предметомъ презрѣнія всѣхъ народовъ. Если мы будемъ воздавать Кесарю Кесарево, а Божіе Богу, то благословеніе Божіе будетъ почивать на всемъ; Церковь получитъ миръ, благосостояніе государства возрастетъ".**

Резюмэ о теченіяхъ мы ли Византійской объ императорской власти. Анализъ церковныхъ полномочій у пр. Заозерскаго.

Разсматривая возрѣніе Византійскихъ канонистовъ и писателей объ императорской власти, мы могли видѣть, что на протяженіи времени отъ императора Константина до XV вѣка, до времени паденія имперіи, когда кончается исторія соотношеній Церкви и христіанскаго государства Византіи, наблюдаются два теченія мысли: одно подъ различными основаніями стремится продолжить древне-Римскую традицію божественнаго Августа понтифексъ максимумса, а другое выходитъ изъ сознанія глубокаго различія Церкви и государства, и, не отвергая покровительства Церкви со стороны государства, твердо охраняетъ самостоятельность церковнаго союза отъ захвата его функцій властью свѣтской. Оно можетъ ставить царя въ особое положеніе въ Церкви въ виду его обязанности по защитѣ Церкви, возлагаемой на него въ актѣ коронованія, но не можетъ признавать за нимъ такихъ правъ, которыя предполагаютъ наличность апостольской преемственности и наличность благодатныхъ даровъ на осуществленіе правъ священнослуженія, ученія и пастырства, и ос-

нованныхъ на нихъ правъ законодательства надзора и суда въ сферѣ церковной. Если на сторонѣ перваго теченія мы встрѣчаемъ имена аріанствующаго императора Констанція, иконоборческаго императора Льва Исавра, канониста Вальсамона, изощрившагося при Византійскомъ дворѣ, и Болгарскаго Епископа Димитрія Хоматина, и проч., то на сторонѣ другого передъ нами проходятъ Св. Іоаннъ Златоустъ, Св. Максимъ Исповѣдникъ, Св. Ѳеодоръ Студитъ, Св. Іоаннъ Дамаскинъ и др. Внутренняя цѣнность второго теченія находитъ себѣ подтвержденіе и во внутренней цѣнности мужей, благоугодившихъ Богу и запечатлѣвшихъ свои сужденія мученическимъ исповѣдничествомъ. Второе теченіе было усвоено Церковью. Мы увидимъ, что оно имѣло своихъ представителей и въ Россіи, а наиболѣе ярко было освѣщено теоретически и исповѣдано практически П. Никономъ; первое давало себя знать въ злоупотребленіяхъ Византійскаго двора. Чтобы уяснить правоту второго, надо вникнуть въ тѣ права Церкви, которыя ей присущи, какъ таковой, черезъ анализъ данныхъ ей Спасителемъ полномочій. Этотъ анализъ сдѣланъ пр. Заозерскимъ въ его книгѣ: „Церковная власть“.

Составъ полномочій церковной власти.

Его анализъ раскрываетъ полностью всю неосновательность перенесенія традицій языческаго времени и правъ языческаго императора на права христіанскаго царя. Прежде всего приходится помнить о томъ, что такое церковная власть.

Церковь въ смыслѣ юридическомъ.

Церковь въ смыслѣ юридическомъ, какъ союзъ извѣстнаго рода людей, объединенныхъ общимъ подчиненіемъ іерархической власти, мыслится, подобно государству, какъ извѣстный соціальный порядокъ, параллельный ему и не подчиненный ему. Этотъ соціальный порядокъ аналогиченъ соціальному порядку государства, но не только не тождественъ, а разнороденъ съ нимъ до противоположности. Самъ Основатель Церкви указалъ на эту противоположность.

О свойствахъ церковной власти.

„Онъ же рече имъ: „Цари господствуютъ надъ народами и владѣющіе ими благодатели нарицаются, вы же не такъ: но кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій, и начальствующій какъ служащій“ (Лук. 22, 25, 26). Здѣсь указано различное свойство властвованія, но не уничтоженъ принципъ начальствованія и подчиненія, какъ о томъ

говорять другія слова Спасителя: „Слушающій васъ, Меня слушаетъ, а слушающій Меня, слушаетъ и Пославшаго Меня, и отвергающій васъ, Меня отвергаетъ, а отвергающій Меня, отвергаетъ Пославшаго Меня". Такъ заповѣдана преданность и послушаніе Спасителемъ по отношенію къ посланникамъ Его. Такимъ образомъ, въ Церкви установлена власть, и разнородность Церкви по сравненію съ государствомъ заключается не въ отрицаніи принципа власти и обязательнаго ей послушанія, а только въ иномъ примѣненіи принципа: „вы же не такъ поступайте", но не сказано: да не будетъ между вами старшихъ и большихъ. Самая обязательность подчиненія на лицо, но обязательность не санкціонируется матеріальными средствами, какъ принужденіе государственное, а санкціонируется самой наличностью Божественнаго повелѣнія, которое для вѣрующаго должно быть страшнѣе принужденія физическаго. Образецъ служенія людямъ и смиренія и самоотверженія до Смерти Крестной показалъ Самъ Христосъ. Онъ явился на землю облеченный всей властью не для того, чтобы воспользоваться служеніемъ людей, но чтобы Своимъ служеніемъ и благовѣствованіемъ привлечь ихъ къ Себѣ и сообщить глаголы вѣчной жизни.

Изъ милосердія къ людямъ Онъ избралъ 12 Апостоловъ и надѣлилъ ихъ Божественной властью (Мѳ. 9, 36-37; 20, 1), властью надъ нечистыми духами, чтобы изгонять ихъ и врачевать всякую болѣзнь и всякую немощь. Онъ далъ ученикамъ заповѣдь совершенства, быть совершенными какъ совершенъ Отецъ Небесный, и указалъ, что они должны сами служить людямъ словомъ, примѣромъ и благодатнымъ освященіемъ перевоспитывать духовную природу людей. Единственная сфера дѣйствій духовной власти — духовный міръ человѣка; Церковь призвана возрастить въ душѣ человѣка его стремленіе къ своему первообразу, затуманенному плотскими вожделѣніями, помочь людямъ въ борьбѣ съ ихъ страстями и просвѣтитъ ихъ Боговѣдѣніемъ. Только церковной власти даны благодатныя средства для помощи людямъ. Чины Іерархіи призваны къ личному подвигу совершенствованія, учить не только словомъ, но и примѣромъ, и съ ихъ личнымъ подвигомъ связаны и ихъ іерархическія преимущества; какъ средства перевоспитанія людей, имъ завѣщаны такія, какъ утѣшеніе, увѣщаніе, милосердіе, кротость, благодѣяніе, но не тѣ средства, которыя въ распоряженіи мірской власти — гнѣвъ, насиліе, обладаніе. Слова: „Образъ дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите" (Іоанна 13, 15) показыва-

ють характеръ церковной власти; назначеніе ея вести къ соединенію съ Богомъ павшій человѣческой родъ. „Что есть Іерархія и какова ея цѣль?" спрашиваетъ **Діонисій Ареопагитъ**. „Она есть священный чинъ, званіе и дѣятельность, по возможности, уподобляющаяся Божественной красотѣ и при озареніи, сообщаемомъ ей свыше, направляющая къ возможному Богоподражанію. Божественная красота, какъ благая, какъ начало всякаго совершенства, хотя и совершенно чужда всякаго разнообразія, сообщаетъ свѣтъ свой каждому по достоинству и тѣхъ, которые дѣлаются причастниками ея, совершенствуетъ черезъ Божественное тайнодѣйствіе, сообразно своей неизмѣняемости". Итакъ, цѣль Іерархіи есть возможное уподобленіе Богу и соединеніе съ Нимъ. „Имѣя Бога наставникомъ во всякомъ священномъ вѣдѣніи и дѣятельности и постоянно взирая на Божественную Его Красоту, она по возможности отпечатлѣваетъ въ себѣ образъ Его и своихъ причастниковъ творить Божественными подобіями, яснѣйшими и честнѣйшими херувимами, пріемлющими въ себѣ лучи Свѣтоначальнаго и Богоначальнаго Свѣта, такъ что, исполняясь священнымъ сіяніемъ, имъ сообщаемымъ, они сами наконецъ сообразно съ Божественнымъ установленіемъ обильно сообщаютъ оное низшимъ себя". Власть церковная состоитъ въ неустанной дѣятельности по распространенію Боговѣдѣнія и направленія воли людей къ Богоподражанію, и потому есть непрерывный подвигъ и служеніе людямъ. Изъ этого исходитъ и каноническое право, но, какъ право, оно раскрываетъ не столько положительный Христоподражательный характеръ церковной власти, сколько, устанавливая внѣшнюю структуру Церкви, отрицательно опредѣляетъ уклоненія отъ нормъ, установленныхъ для поведенія чиновъ Іерархіи. Что касается положительныхъ полномочій церковной власти, то они опредѣляются ея назначеніемъ и характеромъ. Конечно, полномочія церковной власти, понимая слово власть въ данномъ случаѣ въ смыслѣ органовъ Церкви, бесконечно измѣнялись въ исторіи, какъ по объему, такъ и по составу, ибо Церковь, входя въ соприкосновеніе съ государствомъ, испытывала всегда вліяніе государственнаго строя и воззрѣній, которыя въ основу своей дѣятельности кладетъ государство данной эпохи. Очень мало общаго въ объемѣ публичноправовыхъ полномочій іерархіи между тѣмъ временемъ, когда Епископъ гонимой Церкви въ Римскихъ катакомбахъ ограничивался только чисто церковными полномочіями и Епископами временъ императора Юстиніана, поручавшаго имъ государственный надзоръ надъ

провинціальными чиновниками. Мало общаго также между временемъ древней Руси, когда Епископскій судъ охватывалъ огромныя области гражданскаго права, особенно семейнаго и наслѣдственнаго, и простиралъ свою власть на цѣлый рядъ людей, отведенныхъ въ сферу церковнаго суда по ихъ личному положенію (именно опекаемыхъ Церковью людей или живущихъ на ея землѣ), — и русскимъ церковнымъ судомъ XIX вѣка, вращающимся исключительно въ сферѣ церковныхъ вопросовъ.

Полномочія церковной власти.

Мы будемъ разсматривать только тѣ полномочія Церкви, власть которыхъ ей принадлежитъ въ силу ея собственной природы, какъ Божественнаго учрежденія съ опредѣленнымъ назначеніемъ; это — тѣ полномочія, отъ которыхъ Церковь отказываться не можетъ, и которыя она отстаивала всегда въ исторической своей жизни. Въ цѣляхъ уясненія природы этихъ полномочій ихъ необходимо подвергнуть анализу и классификаціи, что имѣетъ коренное значеніе для уясненія того, какія полномочія предполагаютъ наличие Іерархическаго сана, и какія его не требуютъ, а потому могутъ быть выполнены и другими лицами, хотя бы и мірянами. Русская каноническая наука, утверждая Заозерскій, не раскрыла полномочій церковной власти и беретъ его изъ Догматическаго Богословія, гдѣ, естественно, имѣется въ виду только Богодарованная Церкви священная власть, распредѣляемая по тремъ степенямъ священства; трактующіе этотъ предметъ Митрополитъ Филаретъ и Митрополитъ Макарій и Преосвященный Іоаннъ Смоленскій держатся трехчленнаго дѣленія власти: на власть ученія, священнослуженія и юрисдикціи (т. е. управленія), примыкая къ извѣстному католическому канонисту Вальтеру; проф. Заозерскій беретъ за отправной пунктъ своихъ разсужденій также эту католическую классификацію. Однако, онъ вноситъ въ нее существенныя оговорки и видоизмѣненія, приспособляя ее къ понятіямъ православнымъ и исправляя въ ней пункты, недостаточно выясненные. Первоначально въ католической наукѣ господствовало двухчленное дѣленіе.

Классификація полномочій церковной власти въ католической наукѣ.

Еще Θома Аквинскій установилъ дѣленіе церковной власти на власть священнодѣйственную (*ordo*) и правительственную (*jurisdictio*). Первая — та, которая сообщается посвященіемъ, а вторая сообщается простымъ человѣческимъ полномочіемъ. Однако, Валь-

теръ, несмотря на мѣтко схваченныя основы этой классификаціи, указаль въ этой системѣ недостатокъ единства основанія, **каковымъ является здѣсь способъ полученія вмѣстѣ съ ихъ содержаніемъ;** черезъ это получается спутанность, ибо нельзя сказать, чтобы каждое полномочіе *ordinis* сообщалось посредствомъ рукоположенія (напримѣръ, право исповѣди и разрѣшенія отъ эпитиміи сообщается черезъ простое порученіе), а каждое изъ полномочій *jurisdictionis* посредствомъ порученія. Если же центръ тяжести классификаціи перенести на содержаніе церковныхъ полномочій, то нельзя указать, куда отнести власть ученія, къ *potestat ordinis* или къ *potestat jurisdictionis*. Вальтеръ и ввелъ власть ученія, какъ особое полномочіе на ряду съ первыми двумя, составивъ то трехчленное дѣленіе, за которымъ пошли часть католическихъ канонистовъ и русскіе канонисты; но часть католическихъ канонистовъ осталась при прежней классификаціи. Измѣненіе Вальтера заключалось въ томъ, что всю церковную власть онъ опредѣлилъ, какъ *potestat ordinis*, раздѣливъ ее на *potestat ministerii, magisterii, jurisdictionis*.

О власти ученія.

Намъ нѣтъ надобности входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе Вальтеровской классификаціи и дальнѣйшаго ея раскрытія и исправленія, внесеннаго въ нее Гиншіусомъ для католическаго церковнаго права, но укажемъ на критику проф. Заозерскаго для православнаго церковнаго права. Онъ говоритъ: „Страннымъ представляется выдѣленіе изъ полномочій священной власти полномочія ученія. **Развѣ это полномочіе въ дѣятельности Апостоловъ и ихъ преемниковъ выступаетъ менѣе священнымъ, чѣмъ совершеніе богослуженія. Дѣйствительное служеніе словомъ было первымъ и наивысшимъ призваніемъ Апостоловъ.** Это первое и высочайшее назначеніе дано Господомъ, когда Онъ сказалъ: шедше убо научите... Мѡ. 28, 9. Первымъ дѣйствіемъ послѣ сошествія Святаго Духа и было примѣненіе этого полномочія. Сами Апостолы, чтобы не оставлять Слово Божіе, для служенія трапезамъ избрали 7 діаконѡвъ (Д. 6, 2—6). **Апостоль Павелъ также указываетъ на полномочія ученія, какъ на высочайшее призваніе Апостоловъ:** „И какъ проповѣдывать, если не посланы будутъ?“ (Рим. 10, 15); также въ 1 Кор. 1 17: „Не посла меня Христосъ крестити, но благовѣствовать"... Второе правило 7-го Вселенскаго Собора, предписывая рукополагать Епископа по изслѣдованіи кандидата въ знаніи

Св. Писанія, говорить: „Сущность нашей Іерархіи составляютъ богопреданныя словеса, т. е. истинное вѣдѣніе Божественныхъ Писаній, якоже изрекъ великій Діонисій". Всѣ эти ссылки показываютъ, что **учительная власть есть публичное правовое полномочіе священнаго чина, получаемое въ актѣ хиротоніи, и должно быть отнесено на основаніи основныхъ каноническихъ источниковъ, въ рядъ полномочій, входящихъ въ составъ potestas ordinis** (Такъ сдѣлалъ потомъ и Вальтеръ, признавъ въ potestas magisterii одинъ изъ трехъ видовъ potestas ordinis).

Право мірянъ (въ томъ числѣ и женщинъ) проповѣдывать съ разрѣшенія Епископа, а также право учительства въ отношеніи къ дѣтямъ, нисколько не опровергаетъ даннаго положенія, потому что, поощряя просвѣтительную дѣятельность мірянъ для распространенія христіанскаго ученія, Церковь не признаетъ за ними права самостоятельно опредѣлять, что именно составляетъ ученіе Церкви. **Этотъ вопросъ рѣшаютъ тѣ, кому ввѣрена учительная власть.** Если Епископъ и пресвитеръ не нуждаются въ особомъ полномочіи Церкви на каждую свою проповѣдь, то потому, что Церковь, поставившая ихъ на это дѣло, даетъ ручательство за то, что ихъ ученіе есть ученіе Церкви; по отношенію же къ проповѣди мірянъ необходимо особое признаніе Церкви въ томъ, что ихъ проповѣди являются выраженіемъ ученія Церкви, **что именно можетъ придать ихъ ученію Церковный отпечатокъ, а не ихъ собственная воля и рѣшеніе; въ этомъ именно и сказывается юридическая природа публичной власти Церкви.** Это право учительства состоитъ не только въ правѣ благовѣствовать и раскрывать истины вѣры и нравственности, но и въ правѣ давать или отказывать въ признаніи церковности дѣятельности частныхъ лицъ.

Законодательная власть Церкви основывается на полномочіи ученія.

На этомъ основномъ полномочіи основывается и законодательная власть Церкви, ибо церковное законодательство есть истолкованіе Божественнаго закона. Полномочіе это принадлежитъ Іерархіи *jure divino*, ибо основано на заповѣди и обѣтованіи Спасителя: „Пріемляй еще кого посла, Меня пріемлетъ, и слушающій васъ, Меня слушаетъ". Какъ результатъ анализа источника и содержанія учительныхъ полномочій, нельзя не признать, что эти полномочія являются видомъ священной власти, *potestas ordinis*.

О полномочіи пастырства.

Еще существеннѣе возраженіе противъ католической трехчленной классификаціи въ томъ, что въ ней нѣтъ пастырской власти или долга въ числѣ полномочій священной власти, ибо таковая растворяется въ общихъ полномочіяхъ юрисдикціи, особенно когда рѣчь идетъ о высшихъ степеняхъ Іерархіи. Чтобы уяснить, куда надо отнести пастырство, къ *potestas ordinis* или къ *potestas jurisdictionis*, надо вникнуть въ Евангельскій текстъ и опредѣлить, есть ли это — *cura animarum* или *imperium*. Вотъ здѣсь то и обнаруживается смѣшеніе у самого Вальтера. Онъ самъ признаетъ, что назначеніе Церкви — возвратить падшій человѣческій родъ къ Богу и къ новому порядку жизни черезъ таинства, установленныя ради нашего спасенія Іисусомъ Христомъ, и черезъ ученіе и заповѣди, исполненіе которыхъ Онъ налагаетъ, какъ условіе спасенія; для этого Церковь получила власть духовную, отъ земного простирающуюся на небесный міръ (Мѡ. 16, 11), но для выполненія этой миссіи Церковь нуждается во власти руководительной и правительственной, со всѣми относящимися сюда установленіями (Іоанн. 21, 15—17), которая, по ученію Вальтера, и дана за троекратное исповѣданіе любви Апостолу Петру. Апостоль Петръ получаетъ всѣ бразды церковнаго управленія. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, что не онъ одинъ получилъ эти права, а и всѣ Апостолы, самыя полномочія, выраженные въ словахъ: „*Pasce agnos meos*“, нельзя понимать безконечно широко. Апостолу Петру завѣщается бремя и забота добраго пастыря соблюсти въ цѣлости овецъ и агнцевъ Господа. Самъ Апостоль Петръ въ своемъ Посланіи истолковываетъ пастырство въ смыслѣ любовнаго попеченія и блюденія (1 Петр. 5, 2—3): „Пасите Божіе стадо, которое у васъ, надзирая за нимъ непринужденно, но охотно, не для гнусной корысти, но изъ усердія и не господствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но подавая примѣръ стаду“. Такой же смыслъ въ словахъ Апостола Павла въ Д. 20, 28: „Внимайте себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святой поставилъ васъ блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Онъ пріобрѣлъ Себѣ кровію Своей“. Далѣе приводя 32 и 102 пр. Трул. Собора, проф. Заозерскій указываетъ, что пастырское проявленіе, водительство отмѣчается особымъ терминомъ *ποιμαντικὴ ἡγεμονία*, противопоставляя пастырское попеченіе правительственной власти, для которой въ 37 Трул. правилѣ есть другое выраженіе *διοίκησις*. Такъ, на основаніи основныхъ источниковъ, выдѣляется пастырство,

какъ особое полномочіе священной власти *jure divino*, какъ отеческое попеченіе священнослужителей о духовныхъ чадахъ (Какъ примѣры его, можно указать на назиданіе объ оставленіи порочной жизни, увѣщанія тяжкому преступнику о покаяніи, устраненіе колебаній у сомнѣвающихся въ вѣрѣ, утѣшеніе больныхъ, отчаявшихся въ житейской борьбѣ, защиту угнетенныхъ). **Исповѣдь и эпитимія суть средства пастырскаго воздѣйствія.** На основаніи апостольскаго толкованія и каноническаго, содержащагося въ правилахъ Вселенскихъ Соборовъ, пастырство надо выдѣлить, какъ особый родъ полномочій, изъ сферы того, что заключено въ понятіе католической юрисдикціи, и принять ее однимъ изъ видовъ священной власти. Именно, въ слишкомъ широкомъ толкованіи власти управленія въ выраженіи: „*Pasce agnos Meos, pasce oves meos*“, и есть источникъ широкаго пониманія власти папы включающаго съ понятіемъ наивысшаго учителя, первосвященника и понятіе царя; это царственная власть въ Церкви у католиковъ включаетъ права всеобщаго законодательства со включеніемъ полномочій на привилегіи и диспенсаци, на принятіе апелляцій со всей Церкви, на высшее попеченіе о церковномъ имуществѣ, право налагать на нихъ подати и т. д.

Самое пастырство есть прежде всего долгъ взысканія заблудшаго и духовное попеченіе о чадахъ и, какъ слѣдствіе того, извѣстныя права власти, необходимыя для выполненія этой обязанности. Эпанагога пишетъ о правахъ Епископа: „Епископъ есть блюститель и попечитель о душахъ всѣхъ, принадлежащихъ къ Церкви, имѣющій силу совершительную для посвященія пресвитера; Епископу свойственно смиреннымъ снисходить, а превозносящихся презирать и мудрованіе гордыхъ преклонять къ смиренію дѣломъ и словомъ, подвергать себя опасности за паству и ея бѣдствіе почитать своимъ“. А о Патріархѣ: „Патріархъ есть живой и одушевленный образъ Христа. Патріарху должно заботиться, во-первыхъ, чтобы сохранить въ благочестіи и честности тѣхъ, кого онъ принялъ отъ Бога, а потомъ и всѣхъ еретиковъ по возможности для него обратить къ Православію и единенію церковному... Назначеніе его въ томъ, чтобы спасать ввѣренныя ему души, жить во Христѣ и распинаться міру. Патріарху свойственно быть учительнымъ, ко всѣмъ относиться одинаково, какъ къ высокимъ, такъ и къ смиреннымъ, быть кроткимъ въ отношеніи къ держащимся нравоученія, а по отношенію къ непокорнымъ — обличительнымъ, а за истину и въ защиту догматовъ и соблюденія нравовъ и благочестія говорить передъ царями и не сты-

диться". Вотъ тѣ архипастырскія полномочія, о которыхъ говорится въ *pasce agnos Meos*. Эти полномочія имѣютъ въ виду религіозно-нравственную область человѣка и имѣютъ въ виду воздѣйствіе на отдѣльныхъ лицъ. Такъ въ понятіи о священной власти мы получаемъ три вида: священнослуженіе, ученіе и пастырство, какъ полномочія Божественнаго происхожденія, установленныя Самимъ Основателемъ Церкви, полномочія, отъ Церкви неотдѣляемыя, неизмѣнныя и независимыя въ своемъ дѣйствіи отъ какого бы то не было внѣшняго положенія Церкви.

Полномочія правительственныя, вытекающія изъ полномочій священной власти. Полномочія законодательства.

Вникая въ содержаніе полномочій священной власти, не трудно усмотрѣть заключающіяся въ нихъ *implicite* и полномочія правительственныя, направленныя къ устроенію порядка отношеній между членами Церкви и порядка ихъ христіанской жизни. Эти полномочія, въ отличіе отъ полномочій священной власти, направлены къ внѣшнему благоустройству Церкви, какъ соціальнаго установленія; имѣя исключительно сферу внѣшнихъ явленій, они всѣ имѣютъ юридическій характеръ.

Полномочія учительства содержатъ въ себѣ *implicite* и полномочія устанавливать общія начала вѣроученія и правоученія, что и дѣлается въ порядкѣ изданія общихъ нормъ законодательства. Первый Апостольскій Соборъ, описанный въ Дѣян. 15, являетъ собой прототипъ дальнѣйшей законодательной дѣятельности Церкви, какъ приложеніе учительной власти къ разрѣшенію конкретнаго вопроса христіанской жизни о необходимости или ненужности соблюденія законовъ обрѣзанія. Здѣсь общецерковное убѣжденіе породило и общецерковную волю, которая вылилась въ посланіи къ братьямъ сущимъ въ Антиохіи, отправленномъ съ нарочитыми мужами. Это посланіе заканчивается постановленіемъ: „Изволися Духу Святому и намъ не возлагать на васъ никакого бремени болѣе, кромѣ сего необходимаго: воздерживаться отъ идоложертвеннаго и крови и удавленины и блуда и не дѣлать другимъ того, чего себѣ не хотите" (Д. 15, 28—29). Это выраженіе „изволися Духу Святому и намъ", которое будетъ и позже повторяться во всѣхъ церковнозаконодательныхъ опредѣленіяхъ, раскрываетъ истинную природу церковнаго законодательства, какъ открытіе и истолкованіе воли Божіей; истиннымъ же законодателемъ является Самъ Богъ. Лица іерархіи выступаютъ въ качествѣ авторитетныхъ ея истолкователей.

Сила и ненарушимость постановлений санкционируется не материальным принуждением, какъ въ государственномъ законодательствѣ, а сознаниѣмъ святости его, сознаниѣмъ источника, отъ котораго оно истекаетъ въ силу преемственной благодати. Мысль о томъ, что церковнозаконодательная власть есть въ сущности примѣненіе священной учительной власти къ уясненію Божественнаго закона, проникаетъ всю вѣроопредѣляющую дѣятельность Вселенскихъ Соборовъ, и VI Вселенскій Соборъ говорить о вѣроопредѣленіи I Вселенскаго Собора, что „оно боголюбиво изъяснило, яко должны мы исповѣдывати два естественныхъ хотѣнія", и вообще объ опредѣленіи всѣхъ шести Соборовъ говорило такъ: „Вѣра всѣхъ въ Церкви Божіей православныхъ мужей, которые были свѣтила въ мірѣ, содержа слово жизни, да соблюдается твердо и да пребываетъ до скончанія вѣка непоколебимой". **Учительная власть Церкви выступаетъ въ свойствѣ законодательной не только въ области вѣроопредѣленія, но и въ области канонической.** Здѣсь также и Апостолы, и отцы Церкви выдають себя не законодателями, а только учителями, истолкователями или даже просто передатчиками повелѣній Господнихъ. Апостоль Павелъ различать свои совѣты отъ заповѣдей Господнихъ. Такъ въ 7 гл. 1 Посл. къ Коринѣ.: „Сіе глаголю по совѣту, а не по повелѣнію", „завѣщаю не Азъ, но Господь", „о двѣхъ повелѣніяхъ Господня не имамъ, совѣтъ же даю". Въ началѣ cadaго посланія Апостоль Павелъ указываетъ на свое званіе благовѣстника, учителя и предостерегаетъ противъ возвеличенія значенія въ Церкви его и Апостоловъ. „Тако насъ да непщуетъ человекъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей тайнъ Божіихъ" (1 Кор. 6. 1), хотя и напоминаетъ иногда объ Апостольскомъ достоинствѣ (1 Кор. 7, 40; 9, 1—7). Такъ что, гдѣ Апостолы дають заповѣди, повелѣнія относительно устройства Церкви, образа жизни вѣрующихъ и дѣятельности Іерархическихъ лицъ, тамъ Апостоламъ принадлежитъ передача, разъясненіе повелѣній Господа, которыя и принадлежать въ сущности не имъ, а Самому Спасителю. Такъ какъ Апостолы не все записали, а многое передали устно своимъ преемникамъ относительно благоустроения Церкви, то устное преданіе получило огромное значеніе, и этимъ устнымъ преданіемъ долгое время довольствовалась Церковь. И эти установленныя Апостолами правила были записаны много позже, во второмъ и третьемъ вѣкѣ лицами, которыя были свидѣтелями ихъ исполненій. Когда явилась надобность установить, что именно надо

почитать Апостольскими постановленіями, и установить нормы и правила по поводу народившихся вопросовъ, то возникла законодательная дѣятельность Соборовъ. **Отцы VII Вселенскаго Собора опредѣлили перечень канонѡвъ, имѣющихъ обязательную въ Церкви силу, и характеризовали ихъ, какъ изъясненіе Божественнаго закона, исшедшее отъ Апостоловъ и святыхъ отцовъ Церкви, озаренныхъ Св. Духомъ, и примѣнили къ нимъ изреченія Св. Писанія, которыми заповѣдуются неизмѣнное храненіе закона Божественнаго. Каноны по существу принимались, какъ приложение къ частнымъ случаямъ и дальнѣйшее развитіе Божественныхъ установленій.**

Кому принадлежитъ право законодательства въ Церкви.

Если вопросы вѣроученія и нравоученія подлежатъ авторитету власти учительной, то вопросы благоустройства Церкви требуютъ авторитета Архипастырскаго и Богослужебнаго; и такъ какъ всѣ эти полномочія въ наивысшей мѣрѣ принадлежать Епископскому сану, то Соборъ Епископовъ искони и почитается учрежденіемъ, создающимъ законы, какъ опредѣленія по всѣмъ вопросамъ церковной жизни: „Не отъ единого Епископа, но обще всѣмъ Епископамъ, собравшимся изволятся правила". Корм. гл. 1. Каноны Церкви получаютъ силу въ авторитетѣ постановившихъ ихъ изъ благоговѣнія къ волѣ Божіей, но не черезъ физическую силу и матеріальное принужденіе. **Основа для повиновенія имъ — Божественный законъ, толкователями котораго являются Епископы, призванные непрестанно поучаться и поучать въ законѣ Божіемъ...** Санкціей для исполненія ихъ можетъ быть только лишеніе тѣхъ правъ, которыя даруются Церковью. Исходя изъ учительной Епископской власти, законодательныя церковныя полномочія и не могли никогда *de jure* принадлежать императорамъ, которые получали помазаніе на управленіе царствомъ и на защиту Церкви, но не на участіе во внутреннемъ церковномъ законодательствѣ. Если императоръ участвовалъ лично на Соборѣ, дѣлавшемъ церковныя постановленія, если онъ утверждалъ ихъ своей властью, если вообще онъ постановлялъ, что канонъ имѣетъ силу закона, то онъ усиливалъ этимъ санкцію за его нарушеніе, ибо тогда нарушеніе канона превращалось въ нарушеніе государственнаго закона, и, какъ таковое, вызывало реакцію государственной власти. Но къ силѣ самаго канона, какъ такового, это императорское

утвержденіе, какъ исходящее отъ власти внѣшней, для учительной власти Церкви ничего прибавить не могло. Достаточно это ясно уже изъ того, что первые три вѣка, когда устанавливались основные каноны Церкви, императорская власть никакъ не участвовала въ ихъ созданіи, а позднѣйшее законодательство всегда должно было осознать себя, какъ истолкованіе Божественной воли. Самое оцерковленіе императорской власти относится ко времени X вѣка, когда явилось и муропомазаніе при коронованіи, когда уже всѣ главныя основы церковнаго канона были установлены, и оцерковленіе это не шло дальше дарованія императору діаконской степени, къ которой приравнивался императорскій санъ въ Церкви. Діаконъ же изъ правъ священной власти имѣетъ только право священнодѣйствовать въ извѣстныхъ предѣлахъ, имѣетъ извѣстныя преимущества при богослуженіи, въ родѣ причастія подъ двумя видами, но не имѣетъ права ни пастырства, ни ученія, которыя являются основой права церковнаго законодательства, права — производнаго изъ правъ священной власти. Говоря впослѣдствіи о характерѣ участія императоровъ въ Вселенскихъ Соборахъ мы увидимъ, что законодательной власти Церкви императоръ по общему правосознанію не имѣлъ, а только оказывалъ содѣйствіе ихъ дѣятельности, выступая и съ своими предложеніями. Такъ и понималъ положеніе императоръ **Василій Македонянинъ**, заявившій на Соборѣ 869 года мірянамъ, что „они должны строго слѣдовать рѣшеніямъ Церкви, воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Церкви, предоставляя ихъ Епископамъ, которымъ поручена власть вязать и рѣшить, что они не должны забывать о своемъ положеніи въ Церкви, такъ какъ ноги не могутъ предписывать законовъ глазамъ, не должны являться судьями своихъ пастырей, будучи сами скоры только на обличеніе и медленны на исправленіе своихъ недостатковъ“.

Объ измѣняемости каноновъ.

Вселенскій канонъ, конечно, не можетъ разсматриваться, какъ сводъ неизмѣнно дѣйствующихъ церковныхъ законовъ. Самъ Трулльскій Соборъ, установивъ неизмѣнность догматовъ до скончанія вѣка, ничего не говоритъ о неизмѣнности каноновъ. И въ древнемъ законодательствѣ власть Церкви замѣняла одни правила другими. Законодательныя полномочія Церковь сохранила за собой и послѣ періода Соборовъ, и всегда различала въ составѣ Вселенскихъ каноновъ общія основныя правила, выражающія собой коренныя на-

чала церковнаго устройства, отъ тѣхъ, которыя относятся къ историческимъ формамъ, могущимъ измѣняться примѣнительно къ временнымъ условіямъ и потребностямъ; однако, право этого измѣненія признавалось только за органомъ, равноправнымъ тому, который эти правила установилъ. Наконецъ, открываются новыя нужды въ Церкви, и Помѣстная Церковь можетъ регулировать ихъ, примѣняясь къ духу Апостольскихъ и Церковныхъ постановленій, но могутъ это дѣлать только органы Церкви, облеченные священной властью, а не тѣ, „кого, по выраженію Симеона Солунскаго, лъстецы оправдывали въ ихъ правонарушеніяхъ теоріей великаго первосвященника“, имѣющей для себя опору въ Римскомъ понтифексѣ максимусѣ, а не въ Св. Писаніи и Преданіи.

Полномочія надзора въ составѣ правительственныхъ полномочій Церкви — производныхъ изъ полномочій священной власти.

Среди правительственныхъ полномочій Церкви, кромѣ власти законодательства въ смыслѣ истолкованія Божественнаго вѣроученія и нравоученія, есть еще полномочія надзора и суда. Полномочія эти также являются производными изъ полномочій священной власти — ученія и папства. Что касается полномочій надзора, то надзоръ не сливается съ папствомъ, которое является полномочіемъ общимъ для двухъ Іерархическихъ степеней Епископа и пресвитера; **надзоръ же, естественно, предполагаетъ высшее руководство надъ папствомъ, т. е. Архипапство;** основой для него служить надзоръ, бывшій съ первыхъ временъ учрежденія Церкви, и начало правильной его организаціи выражается въ установленіи для этого спеціальнаго высшаго органа — Епископа. Папскія посланія Апостола Павла къ Титу и Тимоѳею устанавливаютъ объекты этого надзора — попеченіе, чтобы пресвитерами были достойные, чтобы ихъ дѣятельность въ извѣстныхъ случаяхъ поощрялась, а въ другихъ каралась. Въ правахъ надзора особенно запечатлѣваются отличія разныхъ ранговъ Епископскаго сана; такъ Митрополитъ, поскольку съ этимъ именемъ связывается извѣстная должность надъ нѣсколькими Епархіями, какъ было въ древней Церкви, можетъ имѣть права надзора надъ Епархіальнымъ управленіемъ, а Патріархъ имѣетъ право надзора надъ всей Помѣстной Церковью, какъ право учительства его простирается надъ всей Помѣстной Церковью. Права надзора могутъ осуществляться и не Епископомъ, но по его полномочію.

Лично намъ кажется, что понятіе надзора на ряду съ законодательствомъ и судомъ въ составѣ правительственной власти недостаточно полно опредѣляетъ полномочія органовъ высшей церковной власти по отношенію къ органамъ низшей, ограничивая эти полномочія опредѣленіемъ отрицательнымъ: лучше было бы назвать ихъ правами управленія, ибо среди нихъ тогда можно мыслить и церковно-административныя полномочія, какъ то постановленія и назначенія на мѣста и руководство въ смыслѣ положительнаго инструктированія и направленія дѣятельности. **Правительственные права Церкви тѣмъ отличаются отъ священныхъ ея правъ, что къ участию въ первыхъ Церковь можетъ допускать лицъ, независимо отъ ихъ сана, на вспомогательномъ положеніи;** права же священные неотъемлемо связаны съ извѣстной Іерархической степенью въ той мѣрѣ, какую даетъ каждая степень. Извѣстное разнообразіе и въ священныхъ правахъ вносится впрочемъ административнымъ положеніемъ (Такъ, можетъ быть право священнослуженія и церковнаго учительства (слѣдовательно и участіе въ законодательствѣ) безъ папства, напримѣръ Архіерей безъ кафедры (на покоѣ), также заштатный священникъ, іеромонахъ безъ монастыря; можно даже представить, какъ особое исключеніе, папство безъ учительной и богослужебной функцій (когда настоятель монастыря не имѣетъ пресвитерской степени).

Полномочія суда въ составѣ правительственныхъ полномочій Церкви.

Что касается правъ суда, то какъ особый правовой организмъ, имѣющій свои законы, Церковь въ лицѣ высшихъ органовъ, не можетъ не выступать судьей въ случаѣ ихъ нарушенія, налагая наказанія, вытекающія изъ ея особой природы; такъ какъ церковное право совершенно независимо по своему источнику отъ права государственнаго, то права суда для Церкви въ ея сферѣ совершенно независимы отъ того, признаетъ ли ихъ государство или нѣтъ. Государство можетъ возлагать на Церковь для осуществленія особаго полномочія, принадлежащаго ему самому, какъ то было въ Византіи (особенно обильно въ Юстиніановскомъ законодательствѣ) или въ древней Россіи, когда Церковь, въ качествѣ землевладѣльца, вѣдала судъ надъ всѣмъ населеніемъ, живущимъ на ея землѣ, въ силу государственнаго принципа подсудности населенія землевладѣльцу, но государство принуждено ограничиться вѣдѣніемъ политической гражданской сферы съ тѣхъ поръ, какъ христіанство отняло у государст-

ва вопросы совѣсти и вѣры. Законъ Аркадія и Гонорія 399 г. говорить: „Quoties de religione agitur episcopus advenit judicare caeteras vero causas quae ad ordinarios cogitantes vel ad usum publici juris pertinent, legibus oportet audiri"¹. Право церковной власти судить дѣла церковнаго характера и наказывать по церковнымъ правиламъ — было признано за Церковью и въ новеллахъ Юстиніана, именно признано, а не дано, ибо это право Церкви было дано Апостоламъ и ихъ преемникамъ Самимъ Основателемъ Церкви, и Епископы имъ пользовались еще до признанія христіанства со стороны государства. Законъ же императоровъ означаетъ подтвержденіе церковнаго права суда въ области государственныхъ отношеній, чтобы свѣтскіе судьи не могли вмѣшиваться въ область подсудности Епископовъ. Эти замѣчанія относятся къ дѣламъ церковнымъ по ихъ свойству, а не къ предметамъ гражданскаго или уголовнаго характера, **которые были предоставлены законами императоровъ суду Епископовъ.** Послѣдній судъ не могъ принадлежать Епископамъ въ силу однихъ Іерархическихъ полномочій и, принадлежа по существу государственной власти, могъ быть всегда ею отобранъ, когда ей угодно. Право суда по делегации отъ императорской власти отлично по происхожденію отъ суда по дѣламъ церковнымъ, связаннымъ съ полномочіями сана *jure divino*. Византійскій государственный законъ въ кодексѣ Юстиніана, дѣйствовавшій до конца имперіи, внесенный и въ Василики, запрещалъ обращаться къ императору по церковному дѣлу, помимо установленныхъ инстанцій церковнаго суда (II, 6; Ант. 12; Карѣ. 117). **Вальсамонъ** говоритъ относительно подсудности Епископовъ и клириковъ по тяжбннымъ дѣламъ: „Царская власть можетъ сдѣлать все въ этомъ случаѣ, можетъ замѣнять церковный судъ свѣтскимъ. Когда же является какой нибудь церковный вопросъ, тогда гражданскіе судьи не должны имѣть участіе" (Толков. на 15—18 пр. Карѣ.). **Судебная власть по дѣламъ церковнымъ простирается на всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ Церкви, не исключая императора.** Исторія знаетъ примѣры суда надъ императорами: императоръ **Θеофилъ** умеръ запрещеннымъ за иконоборство; Патріархъ **Арсеній** (XIII вѣкъ) отлучилъ отъ Церкви императора Михаила Палеолога за ослѣплѣніе царевича Іоанна; Патріархъ **Николай Мистикъ** отлучилъ императора **Льва Мудраго** за незаконное сожителство со снохой, а Патріархъ Игнатій — Кесаря Варду за

¹ Когда дѣло касается религіи, должны судить Епископы; прочія же дѣла, которые касаются обыкновенныхъ стряпчихъ или публичнаго права, подлежатъ вѣдѣнію законовъ.

4-ый бракъ. Однако, это былъ судъ церковный и касался только лишенія правъ, даваемыхъ только самой Церковью. Также въ управленіи. Епископы въ Византіи поставлялись безъ участія свѣтской власти по рѣшенію Епископовъ (Нов. Юст.; Вас; Ном. М. Вл.). Только при поставленіи Патріарха, и то въ позднѣйшее время, выборъ изъ трехъ намѣченныхъ Соборомъ кандидатовъ принадлежалъ императору. Чиновники государства были обязаны помогать Епископу въ поддержаніи церковной дисциплины и наказаніи нарушителей. Иногда императоры обязывали провинціальныхъ чиновниковъ доносить имъ о церковныхъ нестроеніяхъ, зависящихъ отъ безопасности Епископа, но императоры поручали и Епископамъ смотрѣть за чиновниками, а Епископы, исполняя обязанность, возлагаемую свѣтскимъ закономъ, не дѣлались отъ этого государственными чиновниками. Послѣднее время Византійскіе императоры усвоили себѣ право, которымъ раньше не пользовались, возводить Епископіи на степень Митрополіи и Архіепископіи, однако съ извѣстнымъ ограниченіемъ.

Права императора въ церковномъ управленіи происходили отъ делегаціи со стороны власти церковной.

При Алексѣѣ Комненѣ **Синодъ**, какъ мы видѣли, предоставлялъ царю дѣлать это при извѣстныхъ условіяхъ подъ контролемъ Патріарха. Такъ императоры хотѣли расширить свое управленіе на счетъ церковной автономіи, но Епископы сдерживали эти стремленія, опираясь на церковныя правила (12 и 17 IV). Сами императоры, добиваясь преимуществъ, искали основаній въ церковныхъ правилахъ. Вопреки правиламъ безъ согласія церковной власти императоры не считали себя въ правѣ дѣлать распоряженія по церковному управленію. Слѣдовательно, и въ управленіи Церковью императоръ усвоилъ себѣ только такія права, какія ему давала церковная власть. **Императоръ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не въ силу своего положенія, а по делегаціи церковной власти, какъ съ другой стороны преимущества Епископовъ въ государственномъ управленіи принадлежали имъ по делегаціи государственной власти.** Высшее и низшее управленіе Церкви всегда почиталось принадлежащимъ органамъ церковной власти. **Вальсамонъ высшей властью въ Церкви считалъ 5 Патріарховъ.** И это ученіе нашло отголоски въ Русской Церкви.

Византійскій законъ признавалъ Церковь какъ самостоятельный правовой организмъ.

Въ самихъ Византійскихъ законахъ Церковь отличалась отъ государства, какъ особый общественный организмъ, имѣющій особую отъ государства задачу; эти законы признавали Церковь учительницей вѣры и установительницей церковныхъ правилъ, а государство могло лишь возводить ихъ на степень законовъ государственныхъ; церковное управленіе и судъ почитались связанными съ священнымъ саномъ.

Профессоръ Бердниковъ указываетъ много мѣстъ въ Юстиніановскомъ законодательствѣ, соотвѣтствующихъ этому пониманію (Код. I, 8; II, 12; V, 2; Нов. VI с. 1 § 1; Нов. 137 с. 1), съ яснымъ различіемъ *civilis et sacerdotalis potentia, sacerdotes et magistratus*, между преступленіями уголовными и церковными (83 Nov.) Nov. 137 praef.: „Si civiles leges, quarum potestatem nobis Deus pro dementia sua credidit, ad securitatem subditorum per omnia firmiter servari studemus, quanto majus studium in observatione sanctorum canonum et sacrorum legum, quae pro salute animarum nostrarum constitutae sunt, collocare debemus? Majori condemnationi subjacent sanctissimi episcopi, quibus concreditum est, ut et in canones inquirant, et caveant, si quid ex ipsis violatum est, ne id impunitum relinquatur”¹.

Въ Юстиніановскомъ *Corpus* много мѣстъ, гдѣ Церковь представляется особымъ общественнымъ организмомъ, проповѣдницей вѣры въ Бога, законодательницей въ области своихъ полномочій. Есть мѣста, ясно указывающія на особенность Церкви. Нов. 42 Cap. 2 conf. nov. 109, с. 1: „Quod ne ulla ratione in christian dei gvege et populo orthodoxo continget, justum est, nee ab imperio permissum”² (дѣло о лишеніи гражданскихъ правъ еретиковъ, осужденныхъ Церковью).

Изъ Юстиніановскаго законодательства эти положенія перешли и въ Василики и были дѣйствующимъ правомъ до конца Византійской имперіи. Въ основѣ такого пониманія лежало святоотеческое пониманіе Церкви и ея полномочій, какъ мы видѣли изъ отрывковъ изъ Святаго Іоанна Златоуста, Святаго Максима Исповѣдника, Святаго Іоанна Дамаскина и Святаго Ѳеодора Студита.

¹ Если мы стремимся къ тому, чтобы всѣ твердо соблюдали гражданскіе законы, власть которыхъ установилъ Богъ по Своему милосердію, то насколько же больше рвенія надо употребить къ соблюденію святыхъ каноновъ и священныхъ законовъ, установленныхъ ради нашего спасенія. Еще большему осужденію подлежатъ святѣйшіе Епископы, которымъ ввѣрено и изслѣдованіе каноновъ и забота о томъ, чтобы нарушеніе ихъ не оставалось безнаказаннымъ.

² Если по какому-либо основанію что-либо наказывается въ Церкви, то по справедливости не должно позволяться и въ государствѣ.

Поэтому неприемлема Суворовская теория поглощения Церкви государством в Византии, теория абсолютных полномочий императора в делах церковных по принципу: „*Quod placuit imperatori legis habet vigorem*“. Этот принцип находится в первой части Юстиниановского Corpus среди законов языческого происхождения и неприменим к области церковных отношений, как видно из второй и третьей части Юстиниановского Corpus'a. Принцип этот не применим к церковным отношениям, что видно из текста закона: „***Quod principi placuit, legis habet vigorem, а далѣе сказано: utpote cum lege regia, quae de imperio ejus lata est populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat***"¹. Dig lib 1 tit IV, 1. Следовательно, по воззрению римскому, император имеет право законодательства и управления по уполномочению от народа, врученному в особом законодательном акте или в акте его избрания. **Но, вѣдь, в Церкви законодательство не принадлежит народу; этого не могли думать ни христіане, ни императоры Византийскіе. Божественное Существо дало людям Свой законъ, ввѣривъ проповѣдь его и наблюдение за его исполненіемъ особымъ людямъ, снабженнымъ іерархическими полномочіями; всѣ люди для своего спасенія обязаны содѣйствовать проведенію его в жизнь тѣми средствами, у кого какія есть в распоряженіи, а императоры в частности обязаны служить Богу своими законами ко благу Церкви и осуществленію ея спасительной миссіи, чѣмъ они заслужатъ благоволеніе Его къ государству. Императоры и смотрѣли на Соборы, какъ на органы Св. Духа, и предоставляли имъ дѣло церковнаго управленія, какъ оно установлено самой Церковью. Они преклонялись передъ церковнымъ закономъ, какъ передъ Верховнымъ Существомъ и в жертву Ему приносили часть своихъ полномочій, касающихся религіозныхъ отношеній.**

Амвросій Медиоланскій говорилъ, что преклоняться передъ Богомъ не обидно для человѣка, какое бы положеніе в обществѣ онъ ни занималъ.

По разсмотрѣніи Византийскихъ идей о царской власти, мы должны констатировать, что, несмотря на вліяніе языческихъ традицій, несмотря на Сарацинскія магометанскія вліянія на смѣшеніе властей, несмотря на злоупотребленія императоровъ аріанствующихъ, иконоборствующихъ, догмой Византийскаго права

¹ Что нравится государю, то имеетъ силу закона, а далѣе сказано: на облакаемаго по *lex regia* властью народъ переноситъ свою власть.

оставалось признаніе Христiанской Церкви, какъ особаго общества, параллельнаго государству, по цѣлямъ и средствамъ отличающагося отъ него и стоящаго выше его, въ силу чего верховный глава государства вовсе не былъ главой другого союза церковнаго, и, если входилъ въ него на положеніи особаго священнаго чина, то далеко не высшаго, а лишь равнаго діаконскому, подчиняясь тѣмъ правиламъ, которыя устанавливала Церковь, какъ Божественное учрежденіе, имѣющее свое законодательство, управленіе и судъ. Въ этомъ оно соотвѣтствовало современнымъ намъ каноническимъ теоріямъ, и въ послѣдствіи мы увидимъ, что Патріархъ Никонъ слѣдовалъ упомянутой нами святоотеческой традиціи въ опредѣленіи объема правъ государственной власти по отношенію къ Церкви, совпадая въ этомъ и съ святоотеческимъ пониманіемъ, которымъ онъ руководился, и съ большинствомъ представителей современной русской канонической науки. Приведенная нами классификація церковныхъ полномочій позволитъ опредѣлить ясно, было-ли въ идеяхъ Никона превышеніе правъ, восхищеніе на себя чего-либо, неприличествующаго сану Патріарха, и, не было-ли напротивъ для него положительной обязанностью по сану отстаивать то, что отстаивалъ онъ.

Глава III. Идея царской власти въ Россіи до Никона.

Заимствование Русью Византийской постановки церковно-государственныхъ отношений. — Источники русскаго церковнаго права. — Перенесение идеи симфоніи властей изъ Византіи въ Москву. — Принципъ первенства канона передъ закономъ черезъ Номоканонъ переходитъ въ русскую жизнь. — Положеніе царя по Эпанагогѣ. — Смыслъ утвержденія императорами Синодальныхъ рѣшеній въ Константинополѣ. — Дѣйствіе въ церковной сферѣ Номоканона и постановление Церковныхъ Соборовъ не требовало государственной санкціи. — Соборы Церковные въ Москвѣ не почитали себя органами царской власти. — Отсутствіе абсолютизма въ Московскомъ государственномъ строѣ. — Самодержавіе Грознаго чуждо Римскому абсолютизму; этому абсолютизму не учить и духовенство. — Когда царь принимается Церковью въ составъ священнаго чина. — Идея верховной власти на Руси до облеченія ея носителей въ царскій санъ. Идея царя еписимоарха. — Нестяжатели и Иосифляне въ ученіи о царской власти. — Князь Вассіанъ Патрикѣевъ. — Максимъ Грекъ объ обязанности духовенства передъ царями. — Князь Курбскій о томъ же. — Иосифъ Волоколамскій о царской власти. — Архипастырскія черты царской власти въ Москвѣ. — Объемъ царской власти у Иосифа Волоколамскаго. — Вліяніе паденія Византіи на русскую идеологию царской власти. Старецъ Филофей. — Архіерей Геннадій Новгородскій. — Иосифъ Волоколамскій объ идеѣ царя - защитника Православія. — Предъявленіе Никономъ нравственныхъ требованій къ царю, чтобы онъ былъ орудіемъ Божественной воли. — Идея нестяжателей о необходимости для царя правости душевной. — Побѣда Иосифлянскихъ идей. — Митрополитъ Данииль. — Митрополитъ Макарій. — Митрополитъ Филиппъ. — Никонъ расширяетъ вопросъ о царской власти. — Никонъ указываетъ не только на принципъ связанности воли царя, но и на предѣлы этой связанности. — Основы церковно-государственныхъ отношений въ Московскомъ государствѣ. Теорія симфоніи въ 42 гл. Кормчей. — Недостаточная подробность формулы симфоніи 42 гл. Кормчей. — Въ чемъ выразился перевѣсъ представителя свѣтской власти въ Москвѣ послѣ половины XV вѣка. Особенности идеи царской власти въ Москвѣ по сравненію съ Византийской идеей. — Различія въ чинѣ вѣнчанія Византийскихъ и Московскихъ царей. — Болѣе глубокое воспріятіе идеи оцерковленія въ русской идеѣ царской власти. — Сравненіе русскаго православнаго чина коронованія съ католическимъ. — Положеніе католическаго государя по отношенію къ духовной власти по буллѣ Unam Sanctam. — Домашній бытъ русскихъ царей, какъ иллюстрація идеи царской власти. — Выходы царя въ Вербное воскресенье; смыслъ этого обряда. — „Дѣйство страшнаго суда“. — Интимная близость царя и Патріарха, установленная по чину. — Выходы царя въ день Рождества Христова. — Общая черта отличія Московскихъ дворцовыхъ обрядовъ отъ Византийскихъ. — Движущій принципъ Московскаго государственнаго строя. Аскеза. Значеніе обрядовъ. — Московскій строй — отраженіе народнаго религіозно-нравственнаго воззрѣнія на жизнь. — Идея аскезы, проникающая Московскій государственный строй. — Святые отцы о подвижничествѣ. — Значеніе аскезы для общественной жизни. — Элементы вѣчной цѣнности въ Московскомъ государственномъ строѣ. — Московская идея царской власти — отраженіе народнаго нравственно практическаго пониманія христіанства. — Обрядовый характеръ Русскаго Православія. Значеніе обрядовъ. — Расцерковленіе государства при Петрѣ I. Оцѣнка Московскаго государственнаго строя съ политико-воспитательной точки зрѣнія, Джонъ Стюартъ Милль. — Обрядъ пещнаго дѣйствія. Смыслъ его прекращенія. Запутанность церковно-государственныхъ отношений въ практикѣ Московскаго государства. Обь отстаиваніи церковной самостоятельности. — Въ какой мѣрѣ Никонъ защищалъ церковную самостоятельность. — Перемена въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, вызвавшая протестъ Никона. — Историческая почва для этой перемены. — Гипертрофія въ опредѣленіи значенія царской власти въ церковныхъ дѣлахъ у первыхъ расколоучителей. — О взаимной переплетенности церковно-государственныхъ отношений въ Московскомъ государствѣ. — Отзвуки цезарепапистской теоріи у расколоучителей. Іоаннъ Нероновъ, дьяконъ Ѳеодоръ. — Инокъ Авраамій. — Соборъ 1660 г., о правахъ царя въ Церкви. — Слова царя Алексѣя Михайловича о правахъ царской власти въ Церкви. — Общія черты въ воззрѣніи на царскую власть у расколоучителей и у Никона. — Подъякъ Ѳеодоръ Трофимовъ о восхожденіи Никономъ царскаго чина. — Характеристика взглядовъ первыхъ расколоучителей на объемъ царской власти. — Паисій Лигаридъ, какъ представитель цезарепапизма, и литературная борьба Никона съ нимъ. — Противопоставленіе Лигарида и Никона. Никонъ представитель святоотеческаго русскаго воззрѣнія на царскую власть. — Свѣдѣнія о Лигаридѣ, доставленныя западными учеными. Отзывы о Лигаридѣ Патріарха Досіея. — Отзывы иностранцевъ-католиковъ о Лигаридѣ. Отзывы о Лигаридѣ Патріарха Нектарія. — Характеристика Лигарида Никономъ. О подложныхъ полномочіяхъ Лигарида отъ Константинопольскаго Патріарха. — Теорія Лигарида о царской власти. — Слабость Лигаридовской аргументаціи. — Заключение Собора 1667 г. о власти царской и патріаршей. — Значеніе паденія Никона для судьбы его теоріи, принятой на Соборѣ 1667 года. — Теорія царской власти на Соборѣ 1667 г. есть послѣднее свободное выраженіе соборнаго голоса Русской Церкви объ этомъ предметѣ.

Заимствование Русью Византийской постановки церковно-государственных отношений.

Переходя къ разсмотрѣнію тѣхъ идей, которыя связывались въ отношеніи къ положенію царской власти въ Церкви на Руси, приходится прежде всего уяснить то общее положеніе, которое было занято въ отношеніи къ Церкви Русскимъ государствомъ, и прежде всего отношеніе къ церковному закону со стороны закона государственнаго и высшаго представителя государственной власти — Великаго Князя - Царя. Надо уяснить тотъ комплексъ идей, который унаслѣдованъ Россіей отъ Византіи относительно царской власти, и тѣ идеи представителей Русской Церкви, которыя связывались съ Царской властью въ русскомъ ихъ воспріятіи; затѣмъ опредѣлить тѣ особенности, которыя придаютъ русской царской власти самобытность въ осуществленіи идеала православнаго царя. Изученіе этихъ вопросовъ приведетъ насъ къ уясненію того, что было оригинальнаго въ ученіи о царской власти Патріарха Никона, и что имъ было воспринято изъ прежде составленнаго инвентаря идей.

Исходя изъ установленной ранѣ мысли, что законодательство, управленіе и судъ принадлежать Церкви, какъ самобытному учрежденію, имѣющему свое самостоятельное происхожденіе, назначеніе и средства для осуществленія своихъ идей, мы естественно должны опредѣлить, какіе органы служили Русской Церкви выраженіемъ ея воли и дѣятельности въ разные періоды исторіи, и какими источниками права они руководились, какъ своей внѣшней нормой. Въ этомъ отношеніи опредѣляющимъ моментомъ является половина XV вѣка, когда Русская Церковь стала фактически самостоятельна и стала лицомъ къ лицу съ совершенно новымъ положеніемъ: передъ ней былъ уже не отдаленный Константинопольскій Патріархъ и Византийскій императоръ въ качествѣ верховныхъ руководителей, а свой великій князь и Митрополитъ, а потомъ царь и Патріархъ.

Источники русскаго церковнаго права.

Означенная самостоятельность привела къ болѣе обильному созданію самостоятельныхъ источниковъ церковнаго права на Соборахъ XVI вѣка, которые послужили дополненіемъ къ прежде принятымъ источникамъ, вѣрность которымъ съ самаго начала почиталась основнымъ принципомъ русскаго церковнаго права: мы разумѣемъ правила Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ и св. отцовъ, заимствованныхъ нашими предками въ составъ Номоканона. Естественно,

что до времени самостоятельности Русской Церкви, такими руководящими правилами дѣятельности служили, кромѣ этихъ основныхъ источниковъ, еще и правила той Помѣстной Церкви, одной изъ Митрополій которой была Русская Церковь: мы разумѣемъ постановленія Константинопольскаго Патріаршаго Синода и законы Византійскихъ императоровъ по церковнымъ дѣламъ, помѣщенные въ Номоканонъ. На нихъ ссылались и Константинопольскіе Патріархи въ посланіяхъ къ русскимъ князьямъ и Епископамъ, и Митрополиты. Въ силу установленной совмѣстной дѣятельности съ Византійскимъ царемъ, царь и Патріархъ были факторами законодательства, управленія и суда для русскихъ князей и Епископовъ по церковнымъ дѣламъ. Эта ихъ дѣятельность, естественно, парализовала собственное русское національное творчество въ церковныхъ дѣлахъ, и оно, если не говорить о Влад. Соб. 1274 года, когда были установлены правила церковной дисциплины для Русской Церкви, вплоть до XVI вѣка, выражалось преимущественно въ каноническихъ отвѣтахъ разныхъ русскихъ Архипастырей, содержащихъ начальственные разъясненія дѣйствующаго церковнаго права и указанія относительно ихъ примѣненія. Эти отвѣты заносились въ рукописныя Кормчія въ дополненіе къ заимствованнымъ изъ Греціи церковнымъ правиламъ и были аналогичны тѣмъ посланіямъ древнихъ пастырей, которыя содержали отвѣты на каноническіе вопросы и на Трулльскомъ Соборѣ были приняты уже формально въ качествѣ общецерковныхъ обязательныхъ нормъ. Основой же церковнаго законодательства были нормы Греческой Церкви въ составѣ Номоканона, считавшіяся обязательными безъ всякаго утвержденія со стороны русскихъ князей, которые приняли и ученіе вѣры и церковныя постановленія, какъ послушные сыны Церкви. Также безъ всякаго утвержденія князей имѣли примѣненіе на практикѣ и вышеуказанныя посланія русскихъ Архипастырей. Уставы русскихъ князей касались матеріальнаго содержанія церковныхъ учреждений, судебныхъ привилегій духовенства и распредѣленія судебныхъ компетенцій между княжескими и церковными учреждениями, въ смыслѣ руководства для своихъ намѣстниковъ. Это все то, что обнимается понятіемъ *jura circa sacra*. Съ самостоятельностью Русской Церкви явилось и самостоятельное церковное законодательство (*intra sacra*), исходящее уже не отъ Константинопольскаго Синода, Патріарха и Царя, а отъ собственныхъ Соборовъ. Основой для взаимоотношеній между великимъ княземъ - царемъ и Іерархіей въ дѣлѣ ихъ

совмѣстнаго дѣйствія по церковнымъ дѣламъ послужило то же отношеніе, которое было создано Византійскимъ государственнымъ и церковнымъ правомъ.

Перенесеніе идеи симфоніи властей изъ Византіи въ Москву.

Это было примѣненіемъ идеи тѣснаго взаимодействія между государствомъ и церковной властью въ смыслѣ симфоніи, что составляло принципъ Московскаго права вплоть до того времени, когда принципу симфоніи, толкуемому въ церковномъ смыслѣ, стали наноситься удары, какъ мы увидимъ, начиная съ половины XVII вѣка. Въ періодъ Московскаго объединенія объемъ полномочій свѣтской власти въ церковныхъ дѣлахъ оставался въ принципѣ тотъ же, какой былъ и раньше. Естественно, что самый объемъ понятія политической власти былъ заимствованъ изъ Византіи, откуда было заимствовано все законодательство по церковнымъ дѣламъ. Въ этомъ отношеніи Византійскіе источники разнаго времени вполне однородны. Еще императоръ Юстиніанъ въ кодексѣ установилъ принципъ, что свѣтскіе законы, противные церковнымъ правиламъ, силы не имѣютъ. Изъ такого же положенія исходили и Новеллы Юстиніана. Законъ не считалъ императоровъ судьями дѣлахъ и призывалъ относиться къ церковнымъ правиламъ, какъ къ святынямъ. Издать законъ по Церковнымъ дѣламъ, несогласный съ церковнымъ ученіемъ и правилами, почиталось оскорбленіемъ Спасителя, могущимъ навлечь несчастье на само государство.

Принципъ первенства канона передъ закономъ черезъ Номоканонъ переходитъ въ русскую жизнь.

Это основное начало лежало въ основѣ Фотіева Номоканона. Тамъ говорится: „Священныя постановленія суть внушенія и даръ Божій, установлены же богомудрыми мужами: они содержатъ въ себѣ положительное правило благочестиваго и приводящаго къ вѣчной жизни образа поведенія. Они изданы Соборами, собиравшимися въ разное время въ разныхъ мѣстахъ, при содѣйствіи всепросвѣщающаго Духа Божія. Изложивши церковныя правила въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ, я, говоритъ авторъ, счелъ нужнымъ присовокупить къ каноническимъ произведеніямъ и государственное законодательство, касательно церковнаго благочинія, расположивъ краткія извлеченія изъ него въ главахъ, къ которымъ они относятся по содержанію". Еще точнѣе опредѣлили соотношенія законовъ и церковныхъ правилъ Іоаннъ Схоластикъ въ предисловіи

къ Номоканону и авторъ, присоединившій къ его церковнымъ правиламъ государственные законы. „Ученики и Апостолы Господа нашего Иисуса Христа, а также послѣдующіе пастыри, которымъ по благодати Божіей ввѣрено пасеніе стада Христова, считали неумѣстнымъ наказывать согрѣшающихъ по приговору государственныхъ законовъ, а старались увѣщеваніями и вразумленіемъ обратить ихъ на путь истинный. Сообразно съ этимъ пастыри Церкви, чтобы сохранить ввѣренное имъ стадо невредимымъ, собирались по временамъ на Соборы, по устроенію Божественной благодати и на этихъ Соборахъ составили и изложили законы и каноны — не государственные, а Божественные о томъ, что нужно дѣлать и что не нужно, и какъ слѣдуетъ исправить жизнь cadaго. А неизвѣстный авторъ, присоединивши къ канонамъ государственныя постановленія, замѣчаетъ, что онъ присоединилъ къ правиламъ cadaго Собора постановленія изъ Юстиніановскихъ новеллъ, которыя не только слѣдуютъ правиламъ отцовъ, но и сообщаютъ имъ полномочіе, проистекающее отъ императорской власти — придатокъ законный и Богоугодный, такъ какъ императорская власть Богоподражательно промышляетъ полезное всей человѣческой твари" (112 стр. Бердниковъ „Основныя положенія православнаго церковнаго права").

Положеніе царя по Эпанагогъ.

Эпанагога, извѣстная и въ Россіи черезъ Матвѣя Властыря, опредѣленно не даетъ императору права законодательства во внутреннихъ дѣлахъ Церкви. Онъ не можетъ толковать церковныхъ правилъ и является начальникомъ другой сферы общежитія, чѣмъ Церковь. „Царь, по Эпанагогъ, есть законный заступникъ, общее благо для всѣхъ подданныхъ своихъ, наказывающій не по неудовольствію и награждающій не по симпатіямъ. Задача его дѣятельности состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ доброты сохранить и упрочить наличныя средства государства, возмѣщать посредствомъ неусыпнаго попеченія потерянное и дѣлать новыя приращенія въ государственномъ благосостояніи и могуществѣ посредствомъ мудрыхъ и справедливыхъ мѣръ и предпріятій. Царю надлежитъ защищать и соблюдать прежде всего все написанное въ Божественномъ Писаніи, потому то, что установлено на 7 Вселенскихъ Соборахъ, а также признанные римскіе законы. Царь долженъ отличатся православіемъ и благочестіемъ. Царь долженъ изъяснять законы, установленные древними, и примѣнительно къ нимъ издавать новые законы о томъ,

на что не было закона" (Tit. 2 cap. 1, 2, 4, 5, 6). Но попеченіе о духовныхъ дѣлахъ на императора не возлагается; это — дѣло Патріарха; онъ даетъ движеніе церковному законодательству, ему усвоается церковный судъ и управленіе. Такъ Византійскій государственный законъ призналъ автономію Церкви въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Въ XIV вѣкѣ эти опредѣленія Эпанагоги о Царской и Патріаршей власти вошли въ Синтагму Матвѣя Властаря, которая, хотя и была произведеніемъ частнаго лица, служила практическимъ руководствомъ въ познаніи церковныхъ правилъ и гражданскихъ законовъ по церковнымъ дѣламъ для судебной практики. Матвѣй Властарь опустилъ одинъ важный пунктъ Эпанагоги, именно, что право толковать законы принадлежитъ царю, а каноны — Патріарху. Заключать отсюда, что въ XVI вѣкѣ церковная власть потеряла право законодательства въ своей сферѣ — нельзя.

Смысль утвержденія императорами Синодальныхъ рѣшеній въ Константинополѣ.

Если свѣтскіе судьи не примѣняли Синодальныхъ декретовъ, не утвержденныхъ императорами, то это потому, что они призваны дѣйствовать только по государственнымъ законамъ; но правила, изданныя Церковью, въ церковной сферѣ остаются обязательными и безъ утвержденія государственной властью. Постановленія Константинопольскаго Синода въ большинствѣ случаевъ не утверждались государственной властью и опубликовывались отъ лица Патріарха и Синода и подъ ихъ авторитетомъ. Синодальныя постановленія утверждались императоромъ только тогда, когда государственная власть желала имъ дать болѣе широкое распространеніе и обезпечить исполненіе въ сферѣ государственной или когда они задѣвали иныя отношенія, кромѣ церковныхъ, и потому не были дѣйствительны безъ государственной санкціи. Представители государственной власти являлись въ Синодъ или, если задѣвались общественныя отношенія, или когда приглашала ихъ сама Церковная власть. Въ Синодѣ по особымъ дѣламъ, напримѣръ, при судѣ надъ Патріархомъ предсѣдательствовалъ императоръ, но, если Патріаршая кафедра не была вакантна, императоръ обычно предсѣдательствовалъ вмѣстѣ съ Патріархомъ. Рѣдко императоръ утверждалъ соборные протоколы или подписью, или изданіемъ особаго эдикта (въ послѣднемъ случаѣ ясно, что императорское утвержденіе есть особый законъ императорской власти для государственной сферы, а для церковной былъ дѣйствителенъ актъ Синода и безъ государственной санкціи).

Дѣйствіе въ церковной сферѣ Номоканона и постановленіе Церковныхъ Соборовъ не требовало государственныхъ санкцій.

Аналогично этому, и на Руси правила Греческой Церкви въ составѣ Номоканона и архипастырскіе каноническіе отвѣты почитались дѣйствительными безъ государственной санкціи. Когда въ XVI вѣкѣ стали составляться свои Помѣстные Соборы, то постановленія ихъ подписывались только членами Освященнаго Собора. Царь выражалъ свое согласіе на примѣненіе каноновъ этого Собора различнымъ образомъ: привѣшиваніемъ своей печати на Соборѣ 1503 г., а на актѣ Собора 1654 г. просто говорилось, что царь и Патріархъ повелѣли написать постановленія Собора, и они были названы соборнымъ уложеніемъ. Стоглавъ былъ названъ „Уложеніемъ Царскимъ и Святительскимъ". На Стоглавомъ Соборѣ и въ дѣлѣ учрежденія Патріаршества царь выступалъ въ качествѣ инициатора, поборника вѣры и покровителя Церкви. Царь Иванъ IV указываетъ недостатки въ церковномъ строительствѣ, обращаетъ на нихъ вниманіе, предлагаетъ исправить, называетъ Епископовъ отцами, себя ихъ сыномъ и даже напоминаетъ, что они при своемъ исповѣданіи дали обѣщаніе не слушать ни бояръ, ни князей, ни царя, если они будутъ требовать что-либо противъ правилъ.

Соборы Церковные въ Москвѣ не почитали себя органами царской власти.

При учрежденіи Патріаршества царь Ѳеодоръ докладывалъ свой проектъ Собору, и Соборъ особо рекомендуетъ вести дѣло такъ, чтобы злые люди (латиняне) не подумали, что дѣло дѣлается лишь по желанію одного царя. А наличность сильнаго противодѣйствія Собора 1503 г. и 1550 г. царскому проекту секуляризаціи церковныхъ имуществъ иллюстрируетъ положеніе, что **Соборы Церковные никогда не считали себя органами царской власти въ церковномъ законодательствѣ, напротивъ оба Собора ссылались на то, что царь не можетъ нарушать установленныхъ церковныхъ правилъ о церковномъ имуществѣ, анаѳематствующихъ покушеніе на нихъ; какъ Митрополитъ Симеонъ въ 1503 году, такъ и Митрополитъ Макарій въ 1550 г. были одинаково рѣшительны въ отстаиваніи имущественныхъ правъ Церкви. Означенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что власть русскаго царя также не почиталась простирающейся на область церковныхъ отношеній, какъ и въ Византіи принципъ „Quod principi placuit legis habet vigorem" не простирался на сферу церковныхъ отношеній (на изложеніе дог-**

матовъ вѣры, учрежденій богослуженія и богочитанія и на установленіе церковныхъ правилъ).

(Бердниковъ, 374 стр. Осн. Нач.). „Употреблялись въ практикѣ древней Русской Церкви въ качествѣ источника дѣйствующаго права и законы Византійскихъ императоровъ, помѣщенные въ Номоканонѣ. На нихъ дѣлали ссылки какъ Константинопольскіе Патріархи въ своихъ посланіяхъ и князья, такъ и русскіе Митрополиты и Епископы (Памятники Канонич. Права, изд. проф. Павловымъ, СПб. 1880, стр. 4, 7, II, 84, 243, 298, 760, 762, 852). Удивляться этому нечего, если мы примемъ во вниманіе, что Константинопольскій Патріархъ въ важныхъ случаяхъ дѣлалъ свои мѣропріятія по отношенію къ Русской Церкви по соглашенію съ Византійскимъ императоромъ, что русскіе князья и Епископы въ свою очередь обращались по церковнымъ дѣламъ къ Константинопольскому Патріарху и царю (Пам. Канонич. Права, стр. 311, 528, 529, 579; прим. 268, 276, 280), что Византійскій императоръ по понятію Византійцевъ былъ повелителемъ всѣхъ православныхъ христіанъ по всей вселенной" (Прим. стр. 276). Но законы императоровъ, въ качествѣ принятыхъ Церковью, были *leges canonisatae*.

Принципъ обязательности древнихъ каноновъ возвѣщался при всякой кодификаціи и не только при изданіи судебныхниковъ Ивана III и Ивана IV, но и въ инструкціяхъ Алексѣя Михайловича при составленіи Уложенія 1649 г.

Отсутствіе абсолютизма въ Московскомъ государственномъ строѣ.

Если Византійскій императоръ, преемникъ Римскихъ Цезарей, склонялся въ принципѣ передъ канонѣмъ Церкви, то могло-ли быть иначе для русскаго великаго князя и царя, когда за нимъ не было традицій великаго Рима, когда онъ не имѣлъ никакой опоры для выставленія себя въ качествѣ царя-первосвященника, когда еще самъ Византійскій императоръ существовалъ до половины XV вѣка, у котораго онъ былъ на положеніи придворнаго чина въ качествѣ стольника. Между тѣмъ, по свидѣтельству Никиты Хоніата, Византійскіе императоры считали для себя невыносимой обидой, если ихъ не признавали мудрецами, людьми подобными богамъ по виду, героями по силѣ, богомудрыми подобно Соломону, богодухновенному руководителю, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, непогрѣшимыми судьями дѣлъ Божескихъ и человѣческихъ, установителями догмата и судьями, наказывающими тѣхъ, кто не соглашался съ ними. И власть,

и титуль великаго князя, в послѣдствіи царя, возрастаетъ лишь постепенно и въ Московскій періодъ до языческаго абсолютизма онъ вовсе не доходитъ. Самое пониманіе царской власти, какъ священнаго чина, можно видѣть реализованнымъ только при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, когда при исправленіи книгъ введено было для царя при коронованіи причастіе подъ обоими видами. Самый ростъ этотъ — фактъ вѣковой Русской исторіи, а не заимствованный изъ Византіи. Онъ обусловливался цѣлымъ рядомъ причинъ: 1) ученіемъ духовенства о Божественномъ происхожденіи власти, о повиновеніи ей, 2) перенесеніемъ Митрополіи въ Москву, 3) покровительствомъ татарскихъ законовъ Москвѣ, 4) возстановленіемъ проведенія идей недѣлимости великаго княжества трудами Димитрія Донского, Ивана Васильевича, его сына и внука, 5) помощью преданій Византіи черезъ бракъ Ивана III съ Софьей Палеологъ, 6) закрѣпленіемъ идеи единства государства при единомъ царѣ черезъ всенародное избраніе династіи въ XVII вѣкѣ. Самое представленіе о содержаніи власти и назначеніи давали Библія и Византія.

Примѣръ христіанской Византіи не склонялъ къ абсолютизму. Византійскій императоръ не могъ предписывать своей догмы, не могъ отмѣнять догмы, предписанной Вселенскими Соборами. Ставъ поборникомъ Православія, императоръ Византійскій стремился стать и обязательнымъ покровителемъ христіанской нравственности и ея правилъ; принятіе христіанства сдѣлало невозможнымъ абсолютизмъ неограниченной языческой государственной власти. Это понятіе ограниченій въ объемѣ государственной власти принесено на Русь Византійскимъ духовенствомъ; особенно ограничена была власть русскаго великаго князя въ церковныхъ дѣлахъ¹. Наконецъ власть Московскаго царя была ограниченной не только комплексомъ церковныхъ правилъ, служившихъ для него обязательной нормой, что онъ такъ почувствовалъ въ 1503 г. и въ 1550 г., но и обычаемъ въ свѣтской сферѣ. Московскій царь жилъ въ вѣками установленномъ порядкѣ, котораго онъ не считалъ въ правѣ измѣнить своей волей. Иванъ III назначаетъ наслѣдникомъ внука, ссылаясь на старину, идущую отъ прародителей. Великій князь Василій III дѣлаетъ отказъ въ пользу жены, „какъ прежнимъ великимъ князьямъ шло“. Иванъ IV желаетъ исправить служебникъ дѣда и просить духовенство благо-

¹ Вѣдь, для поставленія и смѣны Всероссийскихъ Митрополитовъ до половины XV вѣка недостаточно было даже Собора Русскихъ Архіереевъ, надо было еще имѣть согласіе Константинопольскаго Патріарха и императора.

словить его „по старинѣ". Даже порядокъ, созданный Грознымъ, послѣ низложенія избранной рады, въ глазахъ Грознаго, оправдывается тѣмъ, что это порядокъ, установленный еще Владиміромъ Мономахомъ и Александромъ Невскимъ. Порядокъ вольной боярской службы не рѣшался отмѣнить Иванъ III: приходилось терпѣть переѣзды вольныхъ слугъ, карать ихъ, а право отъѣзда въ принципѣ терпѣть. Право мѣстничества держалось до 1682 г., и до тѣхъ поръ цари не могли назначать служилыхъ людей по своему усмотрѣнію, не считаясь съ ихъ родовой честью. Съ каждымъ царствованіемъ власть Московскаго государя усиливается, но до сознанія неограниченности дѣло не доходитъ и въ XVII вѣкѣ не сдѣлано даже законодательнаго опредѣленія его правъ; Іоаннъ Грозный не далъ также законодательнаго опредѣленія царской власти, а лишь нарисовалъ идеаль православнаго царя, его назначеніе. Его теорія въ сущности не знаетъ абсолютной власти, ибо власть царская имѣетъ предустановленную цѣль, отъ которой она отступить не можетъ. Онъ призванъ раздавать благимъ благое, а злымъ злое, вести народъ къ познанію христіанской истины. „Земля правится прежде всего Божіимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы милостью и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ и послѣди нами государями своими, а не судьями, и воеводами и иже ипаты и стратеги". Это уже чисто библейскій взглядъ на назначеніе власти. Грозный не разрабатываетъ подробно предѣловъ этой власти и гарантій противъ ея нарушенія, въ его зрѣніи еще не встаетъ образъ Патріарха, учащаго объ этихъ предѣлахъ, но только носится образъ царя, самодержавнаго лишь въ предѣлахъ поставленной ему Богомъ цѣли, независимаго отъ совѣтовъ бояръ и вельможъ, а также и „поповъ" въ дѣлахъ государственныхъ.

Самодержавіе Грознаго чуждо римскому абсолютизму; этому абсолютизму не учить и духовенство.

Это самодержавіе — самостоятельность отъ бояръ и вельможъ — далеко отъ Римскаго языческаго абсолютизма обращать всякое желаніе въ законъ. Составитель Степенной книги употребилъ самодержавіе въ смыслѣ независимости отъ ордынскихъ царей. Избранный боярами королевичъ Владиславъ именуется **самодержавнымъ въ смыслѣ независимости отъ короля Сигизмунда, хотя онъ принялъ значительныя ограниченія своей власти.** Всѣ эти примѣры показываютъ, что самодержавіе уживалось у нашихъ предковъ вполне съ ограниченіемъ власти, причемъ они не вникали, быть

можетъ, слишкомъ въ значеніе этого термина. Этотъ титуль, который носили и Византійскіе императоры (αὐτοκράτωρ), не исключаль ограниченія власти, которое въ вопросахъ вѣры было извѣстно и имъ. Не исключали его и неизмѣнно сопутствующая царю въ управленіи Боярская Дума, и созывавшіеся на помощь царской власти Земскіе Соборы. Неизмѣнная въ теченіе вѣковъ проповѣдь духовенства о почитаніи царской власти не учила объ абсолютизмѣ: даже проповѣдь Іосифа Волоколамскаго не составляетъ исключенія. Вникнемъ подробнѣе въ эту проповѣдь, ибо эти политическіе философы, находившіеся при государяхъ и сильно вліявшіе на ихъ дѣятельность, за недостаткомъ законодательныхъ опредѣленій въ Московскомъ государственномъ правѣ, даютъ намъ вѣрное представленіе о современномъ имъ пониманіи царской власти.

Когда царь принимается Церковью въ составъ священнаго чина.

Мы не видимъ того, чтобы царь выступалъ на Руси до Θεодора Алексѣевича въ положеніи священнаго чина; онъ коронуется сначала даже не по чину Византійскаго царя; Иванъ III коронуется своего внука по чину, установленному для придворной должности Кесаря при Византійскомъ дворѣ; чинъ вѣнчанія Грознаго составленъ Митрополитомъ Макаріемъ, и лишь Θεодоръ Іоанновичъ первый вѣнчается по чину, составленному для Византійскаго царя и присланному Патріархомъ Константинопольскимъ, и только лишь царь Θεодоръ Алексѣевичъ допускается Церковью къ причастію по священническому чину подъ двумя видами порознь и тѣмъ пріобщается къ нѣкоторымъ іерархическимъ правамъ. Царь не выступаетъ съ проповѣдью ученія вѣры (Іоаннъ Грозный отсылаетъ іезуита Поссевина говорить о вѣрѣ съ Митрополитомъ), какъ нерѣдко претендовали Византійскіе императоры; онъ не имѣетъ права на участіе въ богослуженіи, какъ было у Византійскаго императора, занимавшаго опредѣленное мѣсто въ самомъ чинѣ богослуженія, но мы видимъ царя, призваннаго, по теоріи Грознаго, вести народъ ко спасенію. И, если мы посмотримъ тѣ вопросы, съ которыми обращается Грозный къ Стоглавому Собору, то увидимъ, что главная его забота — о нравственности пастырей и пасомыхъ, объ искорененіи дурныхъ и нехристіанскихъ обычаевъ, т. е. забота о практической сторонѣ христіанства; изъ церковныхъ полномочій особое вниманіе царей привлекають полномочія пастырскія. Первый царь-покровитель Православія, возведенный въ это положеніе Церковью, ея молитвами

при вѣнчаніи на царство, первое вниманіе удѣляетъ пастырству. Именно практическая сторона христіанства, т. е. выполнение его въ жизни является существенной отличительной стороной русскаго воспріятія христіанства: это отразилось и въ нашемъ государственномъ церковномъ строительствѣ. Пока вернемся къ тѣмъ идеямъ, которыя связывались съ великокняжеской властью на Руси, ея идейными вдохновителями еще прежде, чѣмъ она облеклась въ царскій санъ.

Идея верховной власти на Руси до облеченія ея носителей въ царскій сан. Идея царя-эпистимонарха.

Мы видѣли, что права Византійскаго императора въ дѣлахъ Церкви въ послѣднія времена имперіи основывались на томъ, что онъ былъ признанъ Церковью эпистимонархомъ Церкви, что онъ, хотя и не былъ призванъ Византійскимъ правомъ рѣшать въ дѣлахъ *intra sacra* безъ особыхъ полномочій Церкви, тѣмъ не менѣе именно положеніе эпистимонарха давало ему возможность злоупотребленій по расширенію вмѣшательства въ церковныя дѣла сверхъ должныхъ границъ. Та же идея эпистимонарха связана и съ положеніемъ русскаго царя, и это положеніе открывало возможность нарушеній предѣловъ царской власти (особенно при выборахъ и смѣщеніи Митрополитовъ). Самая идея охраны чистоты вѣры и церковнаго благочестія присуща обоимъ теченіямъ мысли XVI вѣка, и у такъ называемыхъ нестяжателей, и у Іосифлянъ.

Нестяжатели и Іосифляне въ ученіи о царской власти.

Оба теченія мысли производятъ царскую власть отъ Бога, но одно изъ нихъ напоминаетъ Вальсамоновское превознесеніе царской власти и обнаруживаетъ забвеніе о той Святительской опорѣ, которая призвана помочь царской власти стать въ уровень съ своимъ назначеніемъ. Во имя поднятія нравственности среди иноческаго чина въ самомъ началѣ XVI вѣка **Ниль Сорскій** и ученикъ его **князь Вассіанъ Патрикѣевъ** пропагандируютъ идею отнятія церковныхъ имуществъ ради устраненія волею Церкви нарушенія заповѣдей Господнихъ, выразившихся, по ихъ мнѣнію, въ церковномъ землевладѣніи. Имъ нужно было разрушеніе вотчиннаго быта монастырей для освобожденія духовенства отъ зависимости отъ свѣтскаго правительства и поднятіе Іерархіи до положенія совершенно независимой религіозно-нравственной силы народа, передъ которой бы склонялись деспотическія тенденціи государей. Этому была противопоставлена идея неприкосновенности церковныхъ владѣній, со-

ставляющихъ Божіе достояніе, неприкосновенность, утвержденная церковными канонами и традиціей вѣковъ. Идею эту защищаль на Соборѣ 1503 г. **Іосифъ игумень Волоколамскій**, а послѣ Митрополитъ Макарій и Митрополитъ Даніиль. Іосифовское теченіе мысли одержало верхъ, и великій князь былъ поднять имъ на высоту блюстительства всѣхъ церковныхъ интересовъ; нестяжатели, напротивъ, стремились въ органахъ церковной власти видѣть независимую отъ государственной власти силу и на нихъ возлагали заботу напominанія государственной власти о ея предѣлахъ.

Князь Вассіанъ Патрикѣевъ.

Князь Вассіанъ писалъ: „Не убо запустѣтися Божіимъ Церквамъ хощемъ, но исправитися правильнѣ и на первую духовную красоту и удобреніе возвратитися желаемъ". Передъ нимъ носятся древніе ревнители церковной правды среди Святителей и монаховъ, которые боролись за истину: „Полно изначала Спасова Церкви глаголавшихъ о злобѣ и добродѣтели и за истину возненавидѣнныхъ бывшихъ, не только Архіереовъ и священниковъ и прочаго чина церковнаго, но и иноковъ и простецовъ, ревность Божію показавшихъ, еще же иже на ны въ силу съ высоты облѣкышеся, о истинѣ мужественнѣ подвѣгошася" (Пр. Соб. 1863, III, 183).

Максимъ Грекъ объ обязанности духовенства передъ царями.

Обязанность наставленія на истину лежитъ на пастыряхъ, и **Максимъ Грекъ** жалуется, что среди пастырей его времени „нѣтъ Самуила Великаго", „Іерея Вышняго противоположившагося со дерзновеніемъ Саулу преступнику", что „нѣтъ подобныхъ Іліи и Елисѣю ревнителей не стыдившихся беззаконнѣйшія насильники царя Самарійскія; нѣтъ Амвросія чуднаго, Архіерея Божія, не убоявшагося высоты царства Θεодосія Великаго; нѣтъ Василія Великаго, премудрѣйшими ученія ужасивша гонителя (Церкви) Валента; нѣтъ и Іоанна Великаго и златаго языкомъ, сребролюбивую и лихоимницу царицу Евдокію изобличавшаго". Въ соотвѣтствіи съ Византійскими воззрѣніями, Максимъ Грекъ смотрѣлъ на священство и царство, какъ на два величайшихъ дара, дарованныхъ отъ вышняго Божественнаго благодати человѣкомъ, какъ на двѣ силы, отъ согласнаго дѣйствія которыхъ зависитъ счастье человѣчества. Въ числѣ обязанностей, лежащихъ на представителяхъ Церкви, онъ полагаетъ и то, чтобы они совѣты премудрѣйшими и всяческими устроеніями... исправляли всегда царскіе скипетры на лучшее, чтобы они были чужды

раболѣпства передъ мірской властью и оказывали на нее сдерживающее, умѣряющее вліяніе. Максимъ говорить и о превосходствѣ духовной власти надъ свѣтской, мысль, которая выражена и въ дарственной грамотѣ Константина Великаго папѣ Сильвестру.

Высоту эту надо понимать въ духовномъ смыслѣ, какъ мы уже указывали, и относить надо ее не столько къ органамъ власти, а къ самому понятію власти, на которой лежитъ болѣе высокое назначеніе — не создавать условія сноснаго земного житія, а вести къ вѣчному спасенію. Именно этой пастырской задачей и обусловливается обязанность пастырей предотвращать нарушеніе правды и истины.

Князь Курбскій о томъ же.

Объ опущеніи этой обязанности у современнаго духовенства говорить и **князь Курбскій**: „Не глаголятъ предъ цари, не стыдятся о свѣдѣніи Господни, но паче потокавники бывають; богатства многими кипятъ и корыстями, яко благочестіемъ, украшаются. Гдѣ убо это възпрѣти царю или властелемъ и законопреступленныхъ и запрѣти благовременно и безвременно? Гдѣ Илія, о Наѣфевой крови возревновавый и мстя царю въ лицо обличеніемъ? Гдѣ Елисей, посрамливый царя Израилева, сына Ахавова? Гдѣ лики пророкъ, обличающихъ неправедныхъ царей? Гдѣ Амвросій Медіоланскій, смиренный великаго царя Θεодосія? Гдѣ златословесный Іоаннъ съ зѣльнымъ пресѣщеніемъ обличивый царицу златолюбивую? Гдѣ Патріарховъ лики и боговидныхъ Святителей и множество преподобныхъ, ревнующе по Бозѣ и не стыдно обличающихъ неправедныхъ царей и властителей въ различныхъ законопреступныхъ дѣлахъ? Кто нынѣ не стыдися словеса Евангельскія глаголетъ? Азъ не вѣмъ кто!" Нестяжатели хотѣли создать матеріальную независимость духовенства отъ государственной власти, ограничивая его исключительно религіозно-нравственнымъ вліяніемъ и устраняя отъ всякаго вмѣшательства въ мірскія дѣла. Иноки и Святители не призываются ими въ совѣтники князю, они уже умершіе „и не имъ мірскимъ владѣти".

Іосифъ Волоколамскій о царской власти.

У **Іосифа Волоколамскаго**, напротивъ, подчеркивается элементъ связи Церкви съ государствомъ тѣснѣе, и государство покровительствуетъ во всѣхъ правахъ и привиллегіяхъ Церкви, поддерживающей его нравственнымъ авторитетомъ; у него не призываются Святители къ такой самоотверженной защитѣ истины. Защита ея возлагается на одного царя, ибо въ его глазахъ въ царской власти отра-

жається воля Божія; онъ намѣстникъ Божій. Царь не только Божій слуга, Богомъ избранный и посаженный на престолъ, и отъ Бога принявшій скипетръ царствія, но онъ и самъ представитель Бога, неизмѣримо возвышающійся надъ людьми: этимъ онъ уподобляется имъ только по своей человѣческой природѣ, а властью подобенъ Богу. Съ точки зрѣнія цѣли, проявленія царской власти аналогичны проявленіямъ власти Божественной. Какъ Всевышній хочетъ всѣмъ людямъ спастися, такъ царь долженъ хранить ввѣренныхъ его попеченію людей отъ душевнаго и тѣлеснаго вреда. За выполненіе и невыполненіе своего назначенія царь подлежитъ отвѣтственности только передъ Богомъ. Его власть не можетъ поставляться рядомъ ни съ какой властью на землѣ. И Іосифъ обращается къ царямъ со словами Златоуста: „Слышите, цари и князья, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ, яко слуги Божіе есте; сего ради поставилъ есть васъ пастыря и стража людямъ Своимъ да соблюдете стадо Его отъ волковъ невреждимо: васъ бо Богъ въ Себѣ мѣсто избралъ на земли и на Свой Престолъ вознесъ, посади, милости животъ положи у васъ и мечъ вышнія Божія десницы вручи вамъ: вы же убо да не держите истину въ неправдѣ и убойтесь серпа небеснаго и не давайте воли злотворящимъ человѣкомъ и не напускайте на праведны человѣки, яко же пси бѣсныя, или яко аще кто мечъ дастъ человѣку неистовящуся, и онъ не точію тѣлеса но и душу погубить". Царь долженъ быть отмстителемъ Христу на еретиковъ, иначе отвѣтъ дастъ на страшномъ судѣ. Онъ долженъ ихъ въ заточеніе ссылатъ или мукамъ и смерти предать. Соглашенія еретическія для Іосифа хуже разбойничества и татей, и убійствъ, и блудниковъ, и прелюбодѣевъ. Притворно покаявшіеся послѣ Собора 1490 года на жидовствующихъ соблазнили многихъ, и царь за это отвѣтственъ передъ Богомъ. Распространеніе и паденіе еретичества — причина и паденія, и гибели великаго царства; оно аналогично государственнымъ движеніямъ и переворотамъ. „Армянское, Эѳіопское и Римское великія царства, отступившія отъ Соборныя и Апостольскія Церкви и отъ Православной Христовой вѣры злѣ погибоша, небреженія ради тогдашнихъ православныхъ царей и Святителей, и тѣи убо царіе и Святители осуждены имъ быти на страшномъ судѣ Христовѣ о таковомъ небреженіи". Въ 1511 г. Іосифъ убѣждалъ Василия III примѣнить власть противъ еретиковъ, подобно тому, какъ раньше онъ съ отцомъ выступилъ противъ Новгородскихъ жидовствующихъ, чтобы не погибнуть всему Православному христіанству. На почвѣ борьбы съ ере-

сю раскрывается обязанность русскаго великаго князя по защитѣ вѣры. Если въ Византіи на первомъ планѣ стоитъ покушеніе царей на учительскую власть Церкви, то на Руси на первомъ планѣ встрѣчаемъ стремленіе приписать царю Архипастырскія полномочія по проведенію въ жизнь христіанства.

Архипастырскія черты царской власти въ Москвѣ.

Іосифъ очень широко толковалъ объемъ правъ царя, простирая ихъ на всѣ сферы жизни, на все церковное и монастырское. Онъ не задумался привлечь къ царскому суду Новгородскаго Архіепископа Серапіона за наложеніе на него послѣднимъ отлученія по поводу ухода его, хотя и съ разрѣшенія царя, изъ подъ его юрисдикціи. Собранный царемъ судъ осудилъ Архіепископа Серапіона, лишилъ кафедры и заключилъ въ монастырь. Іосифъ не допускалъ, чтобы онъ могъ отлучить его безъ доклада великому князю.

Объемъ царской власти у Іосифа Волоколамскаго.

У Іосифа власть царская неограничена уже въ силу одного своего происхожденія. У него царь не только глава государства, но и верховный покровитель Церкви, причѣмъ имѣетъ право начальственнаго отношенія ко всѣмъ церковнымъ учрежденіямъ; ни одна сторона церковной жизни отъ него не изъята; въ кругѣ его попеченія и церковные обряды, и церковная дисциплина, и весь церковно-юридическій порядокъ. Царь устанавливаетъ правила церковнаго порядка и поручаетъ Архіереямъ и воеводамъ слѣдить за ихъ исполненіями, угрожая непокорнымъ Святительскимъ запрещеніемъ и наказаніемъ. Къ верховному суду царя можно, по Іосифу, прибѣгать на всѣхъ церковныхъ и монастырскихъ людей. Эта теорія была бы точнымъ возстановленіемъ античнаго цезарепапизма въ русской окраскѣ, если бы Іосифъ не ограничилъ царя въ принципѣ наличіемъ церковныхъ правилъ. Въ этомъ превознесеніи царя мы видимъ откликъ Византійской теоріи XIV вѣка, которая, признавая первенство канона надъ закономъ, однако возвышала императора на первое мѣсто даже въ церковныхъ дѣлахъ, теорія, которую проповѣдалъ Патріархъ Антоній въ своемъ посланіи къ великому князю Василю Дмитріевичу (См. нашу „Царская Власть“, стр. ?).

Вліяніє паденія Византії на русскую идеологію царской власти. Старець Филовей

Но Византійськіє цари сошли съ исторической сцены, не устоявъ на высотѣ царственнаго призванія — быть вѣрными блюстителами и защитниками благочестія, и черезъ Флорентійскую Унію, которой содѣйствовали по политическимъ расчетамъ, стали измѣнниками вѣры. **Степенная книга** сообщаетъ, что московскій великій князь всталъ на защиту древняго благочестія и „единъ обрѣтесе Богомъ вразумленный ревнитель по Бозѣ и по Его истинномъ законѣ, который осудилъ Унію, позналъ Сидора Волкохищнаго ересь и, скоро обличивъ, посрамилъ его". Новое положеніе представителя Русской земли было отмѣчено прибавленіемъ къ титулу: „благовѣрный, благочестивый, христілюбивый, въ благочестіи цвѣтущій, православный великій князь". Появилось образное выраженіе новаго опредѣлившагося значенія великаго князя въ рядѣ сказаній, вродѣ сказанія о томъ, что Рюрикъ происходитъ отъ Кесаря Августа, что при Владимірѣ Мономахѣ перенесены изъ Византіи на Русь царскія инсигнії (чому вѣритъ даже патріаршая ставленная грамота Іоанну Грозному), а соотвѣтственно этому явилось сказаніе о бѣломъ клобукѣ для Митрополита¹.

И на Русь перенесено было представленіе о единомъ царѣ, хранителѣ Православія, и мысль эта выражена рядомъ писателей XVI и XVII вѣка. Такъ старецъ одного изъ Псковскихъ монастырей Филовей далъ теорію III Рима, гдѣ теперь — центръ благочестія. Онъ писалъ великому князю Василію Ивановичу: „Иже отъ вышняя и отъ всемошныя, вся содержащія десницы Божія, Имже царіе царствуютъ и Имже величїи величаются и сильніи пишутъ правду, тебѣ пресвѣтлѣйшему и высокостольнѣйшему Государю великому князю православному, христіанскому царю и владыкѣ всѣхъ, браздодержателю Святыхъ Божіихъ Престолъ Святыхъ, Вселенскія и Апостольскія Церкви Пресвятыя Богородицы Честнаго и Славнаго Ея Успенія, Иже вмѣсто Римскія и Константинопольскія просіявшу. Старого убо Рима

¹ Сказаніе о бѣломъ клобукѣ повѣствуетъ, что царю Константину явились во снѣ Святые Апостолы Петръ и Павелъ и показали ему форму, по которой долженъ быть сшитъ бѣлый клобукъ Папѣ въ знакъ его церковнаго главенства. Константинъ велѣлъ сшить клобукъ и возложить его на голову Папѣ Сильвестру, послѣ чего, не желая царствовать въ томъ же мѣстѣ, гдѣ править намѣстникъ Божій, онъ перенесъ столицу въ Константинополь. Преемники Сильвестра забыли благочестивую жизнь и не почитали клобука, за что они должны были этотъ символъ своей власти переслать въ Константинополь. Но тогда Патріарху явился въ ночномъ видѣніи юноша свѣтлый и велѣлъ отправить клобукъ въ великій Новгородъ: „и да будетъ тамъ носимъ на головѣ Василя Архіепископа" (его Епископство 1330—1352); съ тѣхъ поръ утвердился бѣлый клобукъ на главахъ Святыхъ Архіепископовъ Новгорода. (Эта повѣсть впослѣдствіи, подъ вліяніемъ греческихъ Іерарховъ осуждена была Соборомъ 1667 г.).

Церкви падеся невѣріемъ и Аполлинаріевой ересью, Второго же Рима Константинова града Церкви агаряне внуцы сѣкирами, оскордами разсѣкоша двери. Сіе же нынѣ Третьяго новаго Рима державнаго твоего царствія Святая Соборная Апостольская Церковь, иже въ концѣхъ вселенныя въ Православной христіанской вѣрѣ во всей поднебесной паче солнца свѣтитя. И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанской вѣры снисдошася въ твое едино царство. Единъ ты во всей поднебесной Христіанамъ царь. Не преступай, царю, заповѣди еже положиша твои прадѣды: великій Константинъ и блаженный Владиміръ и великій богоизбранный Ярославъ и прочіи блаженніи святіи, ихже корень и до тебе... блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христіанская царства снисдошася во твое едино, яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти: уже твое христіанское царство инымъ не достанется, по Великому Богослову" (Пр. Соб. 1863, I). А въ посланіи къ дьяку Мунехину тотъ же Филоѳей говоритъ: „Вся христіанскія государства преидоша въ конецъ и снисдошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть Россійское царство; два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть. Христіанскія царства потопишася отъ невѣрныхъ, токмо единаго нашего государя царство благодатью Христовой стоитъ" (Пр. Соб. 1861, II). Та же мысль вложена въ Сказаніе о поставленіи Московскаго Патріарха въ уста Патріарху Іереміи въ концѣ XVI вѣка: „По истинѣ въ тебѣ, благочестивый царь, пребываетъ Духъ Святой, и отъ Бога такая мысль тобою будетъ приведена въ дѣло, ибо Древній Римъ палъ Апполинаріевой ересью, а второй Римъ, Константинополь, находится въ обладаніи внуковъ агарянскихъ, безбожныхъ турокъ: твое же великое Россійское царство, III Римъ, превзошло всѣхъ благочестіемъ, и всѣ благочестивыя царства собрались въ твое царство, и ты одинъ подъ небесами именуешься христіанскимъ царемъ во всей вселенной у всѣхъ христіанъ".

Въ половинѣ XVII вѣка **Арсеній Сухановъ** говорилъ въ спорѣ съ греками: „Нынѣ вмѣсто царя (Царьграда) на Москвѣ государь - царь благочестивый, единый царь благочестивый во всей подсолнечной, и царство его христіанское Богъ прославилъ".

Укорененію этого воззрѣнія на царя, какъ на охранителя Православія, содѣйствовала и Церковь во многихъ своихъ Архипастыряхъ. Когда въ концѣ XV вѣка возникла въ Новгородѣ ересь живодствующихъ, то событіе это вызвало къ жизни примѣненіе этой

теорії. Явилась опасність, що III Римъ не исполняєть своего назначенія, и духовенство вzywало къ обязанности царя содѣйствовать устраненію ереси.

Архіерей Новгородскій Геннадій.

Новгородскій **Архієпископъ Геннадій** писалъ Суздальскому Епископу Нифонту: „И ты бы о томъ Митрополиту явилъ, чтобы Митрополитъ печаловался государю великому князю, чтобы поочистилъ Церковь Божію отъ тое ереси". А Митрополиту Зосимѣ онъ писалъ: „И ты бы, господине, великому князю о томъ (объ искорененіи еретиковъ) пристойно говорилъ, не токмо спасенія ради его, но и чести для государя великаго князя: занеже не кому иному того разговорити государю, а **лежить то на тебѣ, на отцѣ нашемъ, и на насъ, твоихъ, дѣтяхъ.** Да того ради молитва за государя установлена, чтобы далъ Богъ здоровъ онъ былъ на многая лѣта, да и мы тихо и безмолвно житіе проживемъ во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ".

Іосифъ Волоколамскій объ идеѣ царя-защитника православія.

Тѣ же обязанности на царя объ искорененіи ереси возлагалъ и **Іосифъ Волоколамскій**; онъ почиталъ главной обязанностью царя — охранять и защищать Православіе. Направленіе, которое далъ Іосифъ Волоколамскій въ пониманіи царской власти, возвеличивъ царскую власть до уподобленія Божіей, не забываетъ назначенія царской власти, и тотъ же Іосифъ говоритъ, что „**царь злочестивый, небрегій о сущихъ подъ нимъ, не царь есть, но мучитель. Такого царя лукавства его ради не нарече царемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, но лисомъ**" (Лук. 13, 32). Подобный царь недостойнъ и послушанія, на нечестіе и лукавство приводяще то, аще мучить, аще смертію претить" (Пр. Соб. 1856, 23—4). При всемъ томъ, **это направленіе въ охранѣ Православія возлагаетъ всѣ надежды на царя, въ волѣ котораго видитъ Божественную волю,** не останавливаясь на томъ, что для слабой человѣческой воли должна быть опора и наученіе, какъ достигнуть такого положенія, чтобы ея выраженіе могло служить выраженіемъ Божіей воли: для этого недостаточно богоустановленности власти и высоты ея назначенія.

Предъявленіе Никономъ нравственныхъ требованій къ царю, чтобы онъ былъ орудіемъ Божественной воли.

Позже при Грозномъ вводится коронованіе въ царскій санъ, еще позже вводится мѣропомазаніе и приобщеніе къ Іерархической степе-

ни, но еще въ XVI вѣкѣ было обращено вниманіе на одно обстоятельство, которое позже подробнѣе разработано Патріархомъ **Никономъ**: именно для того, чтобы царь былъ орудіемъ Божественной воли, то есть былъ сосудомъ благодати Св. Духа, надо предъявить особыя нравственныя требованія къ царю; ибо по ученію Православной Церкви только при наличіи извѣстнаго нравственнаго состоянія царь можетъ Царствовать съ умомъ, не только просвѣщеннымъ (что онъ могъ получить и съ помощью совѣтниковъ), но и освященнымъ благодатью Святаго Духа.

Идея нестяжателей о необходимости для царя правости душевной.

Нѣкоторый намекъ на это мы встрѣчаемъ въ направленіи нестяжателей. Не касаясь политической и соціальной стороны ихъ ученія съ ихъ и къ отжившей боярской удѣльной старинѣ, стремленія связать царя соучастіемъ боярскаго синклита и ихъ борьбы съ церковнымъ землевладѣніемъ, стѣсшившимъ служилые землевладѣльческіе классы, мы не можемъ не обратить вниманіе на то, что это направленіе обратило вниманіе на условія, при которыхъ воля царская въ управленіи царствомъ можетъ почитаться за выраженіе воли Божественной. Они обратили вниманіе не только на необходимость совѣтниковъ для восполненія неизбѣжно ограниченной человѣческой природы, но и на необходимость „правости душевной“. Такъ князь Вассіанъ не возвеличиваетъ личности царя подобно Іосифу. Онъ не сравниваетъ царя съ Богомъ, не уподобляетъ Царю Вышнему, но останавливается на недостаткахъ, присущихъ носителямъ царской власти, причиняющихъ государству несчастія. Онъ говоритъ, что бываютъ цари малосмысленные, Христу противники, обнаруживающіе небреженіе, неразумныя сужденія и „святыхъ Божіихъ книгъ невниманіе“, Онъ осуждалъ монастырское землевладѣніе и требовалъ примѣненія царскаго попеченія. Такъ Максимъ Грекъ смѣло возсталъ противъ тѣхъ царей, „иже благочестивый санъ царскій растлѣвають всяческими своими неправдованіями и лихоиманіемъ и богомерзкими блуженіями (намекъ на разводъ Василія III), ихъ же noci скорѣйши во еже изливати крови, по неправдену гнѣву своему и ярости звѣрская“. „Святымъ Божественнымъ книгамъ достоить царю всѣхъ свѣше совѣтовъ внимати и почасту ихъ прочитати“. Князь Курбскій также считаетъ, что царь есть помазанникъ Божій, котораго обязанность прямо судити и царство, врученное ему отъ Бога обороняти; онъ нуждается въ

совѣтникахъ: „Царь аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ чловѣкъ; понеже даръ Духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но **„по правости душевной“**. Нестяжатели настаивали на соблюденіи канонівъ царемъ, не стѣснялись говорить **„на встрѣчу Державному“**. Инокъ кн. Вассіанъ рѣзко возставалъ противъ второго брака Василя ІІІ въ виду неканоничности его развода и въ разрѣшеніи его Митрополитомъ Даниломъ видѣлъ потаковничество.

Побѣда Іосифлянскихъ идей.

Въ жизни восторжествовали Іосифлянскія воззрѣнія съ ихъ средоточіемъ всѣхъ надеждъ въ царѣ. **Герберштейнъ**, бывшій при Василии ІІІ въ Москвѣ, писалъ: „Властью великій князь превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ міра... Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами и свободно по своему произволу распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Всѣ открыто признають, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей. Но мы не должны забывать, что и **въ Іосифлянскомъ ученіи вопросы вѣры были поставлены за предѣлами царской власти**. Даже Грозный, проповѣдникъ безусловнаго послушанія властямъ, говорилъ: „Тѣмъ же и вся Божественная Писанія исповѣдуетъ, — яко не повелѣвають чадомъ отцомъ противитися и рабомъ господемъ, кромѣ вѣры“. Самое понятіе царской власти у Грознаго включаетъ въ себѣ элементъ Архипастырскій. „Его Богъ поставилъ, онъ считаетъ всѣмъ людямъ своимъ царя и пастыря вожа и правителя, еже правити людіе Его въ Православіи непоколебимымъ быти, еже пасти ми ихъ отъ всѣхъ золъ находящихся на ны. Воистину Богъ се есть пастырь добрый, иже душу свою полагаетъ за овца“.

Митрополитъ Даниль.

Идеямъ Іосифа далъ господствующее значеніе **Митрополитъ Даниль**, бывшій сначала послѣ смерти Іосифа (1515) игуменомъ. Онъ былъ сдѣланъ единоличной волей государя Митрополитомъ. Но и у него есть ограниченіе царской власти, именно поскольку самъ царь вѣренъ заповѣдямъ Божіимъ. Онъ высказывалъ мысль, что подобаетъ покоряться властямъ, Божіе повелѣніе творящимъ, что повинуются властямъ, какъ Богу, люди должны въ томъ именно случаѣ

„аще по закону Божию начальство имъ есть"; когда же власти что ли-бо въ не воли Господа повелѣвають намъ, да не послушаемъ ихъ". Но на дѣлѣ Митрополитъ Даниилъ не былъ вѣренъ своимъ идеаламъ, онъ угождалъ царю въ ущербъ церковнымъ правиламъ и правиламъ нравственности, къ соблазну современниковъ. Онъ вызвалъ изъ Литвы Шемяку, обѣщалъ опять Шемякѣ безопасность и выдалъ его по прїѣздѣ. Онъ разрѣшилъ разводъ Василию III, несмотря на запретъ Восточныхъ Патріарховъ, къ которымъ совѣтовалъ Василию обратиться. Онъ однако оказалъ услуги государству, ибо, будучи назначенъ опекуномъ малолѣтняго сына Василия III, содѣйствовалъ возстановленію отношеній великаго князя къ удѣльнымъ, не на договорныхъ, а на подданическихъ основахъ.

Митрополитъ Макарій.

Митрополитъ Макарій слѣдовалъ Іосифу въ своихъ понятіяхъ о священномъ значеніи царской власти, о правахъ и обязанностяхъ ея носителя и составилъ для чина царскаго коронованія то поученіе, которое отъ лица Церкви призванъ говорить всякій вѣнчающій Іерархъ и въ это поученіе ввелъ представленіе о царѣ, хранителѣ Православія, ставшее уже съ тѣхъ поръ офиціально канонизованнымъ ученіемъ. „Есть данныя полагать, говоритъ С—скій, судя по лѣтописному извѣстію въ Царственной книгѣ, что мысль о принятіи царскаго сана чрезъ вѣнчаніе Іоанномъ Грознымъ внушена Митрополитомъ Макаріемъ, ибо съ одной стороны лѣтопись сообщаетъ о продолжительномъ совѣтѣ Грознаго съ Митрополитомъ передъ этимъ рѣшеніемъ, послѣ чего Митрополитъ вышелъ радостный, отпѣлъ молебень въ Успенскомъ Соборѣ, послалъ за боярами и вмѣстѣ съ ними былъ у царя; съ другой стороны трудно и допустить, чтобы 17-лѣтній Іоаннъ понималъ историческія основы коронаціи. Въ письмѣ къ царю Митрополитъ Макарій писалъ въ 1552 году „обязанность его царя въ томъ, чтобы подвизаться за святую и чистую нашу пречестнѣйшую вѣру христіанскую греческаго закона, яже по всей поднебесной, якоже солнце, сіяше Православіе въ области и державѣ вашего царскаго отечества и дѣдства и прадѣдства великаго твоего царскаго благородія и господства". Еще будучи Новгородскимъ Архіереемъ, Митрополитъ Макарій, вводя реформу въ монастыри не иначе какъ по царскому повелѣнію, извѣщаетъ царя о своихъ церковныхъ дѣлахъ „по Божественному Писанію", вся да сказана бываетъ царю и Архіерею. Попеченіе о своей Богомъ порученной паствѣ, о Святыхъ

Божіихъ Церквахъ и честныхъ монастыряхъ и о всѣхъ православныхъ христіанахъ, о ихъ едиnorodныхъ и безсмертныхъ душахъ — существеннѣйшая обязанность государя русскаго, ибо „отъ вышняя Божія десницы поставлень еси самодержецъ и Государь всея Руси; его Богъ въ Свое мѣсто избралъ на земли и на Свой престолъ вознесъ, посади, милости животъ тебѣ поручи всего великаго Православія... Ты, о, Боговѣнчанный государь, уподобилъ еси благочестивому и Равноапостольному Константину: Яко же онъ христіанскій родъ въ своемъ царствіи изъ рова преисподняго возведе и всяко благочиніе церковное утверди, тако же и ты сотворилъ еси, Боговѣнчанный Самодержецъ и Государь всея Руси, въ своемъ царствіи по преже сихъ лествъ являшующа черезъ Новгородскихъ еретиковъ до конца низложилъ еси съ богохульными ихъ преданіи и свое великое Православіе всѣхъ вѣрующихъ въ Св. и Животворящую Троицу сердца возвеселилъ еси и вся церковныя и монастырскія благочинія и благостоянія во всѣхъ Церквахъ и монастыряхъ боголѣпно и благообразно управленіе имуть, твоимъ царскимъ остроуміемъ и богоданнѣй тебѣ ревности государю и самодержцу царю". Здѣсь сфера царя простирается, правда, на все церковное и монастырское, но, **дѣйствуя въ церковной сферѣ, царь связанъ церковными правилами, и подчиненіе ему проповѣдуется лишь, какъ православному царю-покровителю Церкви.**

Митрополитъ Филиппъ.

Митрополитъ Филиппъ, пострадавшій отъ Грознаго, при возведеніи его въ санъ Митрополита, говорилъ Грозному: „Яко великимъ сподобился еси отъ Бога благимъ, толико большая долженъ еси воздати Ему... Неприложенъ еси человѣкомъ ради земного царствія, кротокъ же буди требующимъ державы ради власти... Якоже кормчій бодрствуетъ всегда, тако и царскій многоочитый умъ, содержи твердо добраго закона правило и изсушая крѣпко беззаконія потоки, да корабль всемірныя жизни не погрязнетъ волнами неправды... Паче всея славы царствія **добродетель царя вѣнецъ украшаетъ**"... При обличеніи Грознаго Филиппъ говорилъ: „О, самодержавный царю, чести всякія превышши имѣя санъ, чти паче всего сему тя сподобившаго Бога, яко по подобію небесныя власти данъ ти скипетръ земныя силы, да человѣка научиши правду хранить. Естествомъ убо тѣлеснымъ точень еси всякому человѣку, о царю, властью же сана подобень еси же надъ всѣми Богу, не имаша бо на земли вышши се-

бя... Учиненъ еси отъ Бога еже разсуждати люди Божія въ правду, а не мучительски санъ держати, доброчестіе царя вѣнецъ украшати... Аще убо царю и образомъ Божиимъ почтенъ еси, но персти земной приложенъ еси". **Что Митрополитъ Филиппъ не считалъ власть царя безграничной**, видно изъ того, что онъ выступилъ обличителемъ его и пострадалъ за обличеніе; такъ и Іосифское воззрѣніе не учило о рабствѣ царю. **По этому ученію царь полный владыка, поскольку онъ не касается ученія вѣры, онъ единый глава своихъ подчиненныхъ, изъ коихъ никто съ нимъ не можетъ сравниться въ достоинствѣ и чести, а всѣ обязаны послушаніемъ.** Имѣя самыя широкія права, онъ несетъ и самыя тяжкія обязанности. Онъ не только гражданскій правитель, но и правитель, обязанный вести всѣхъ ко спасенію. Онъ верховный покровитель православной вѣры, наслѣдникъ и преемникъ власти Римскихъ царей. Въ этомъ ученіи однако не затронутъ вопросъ, кто же рѣшаетъ вопросъ о правовѣріи царя, призванъ ли самъ царь быть судьей того, что онъ призванъ охранять, или это рѣшается церковной Іерархической властью, далѣе каковы условія, чтобы царь способенъ былъ дѣйствовать такъ, какъ его призываетъ его положеніе охранителя вѣры.

Никонъ расширяетъ вопросъ о царской власти.

Эти вопросы позже развиты Патріархомъ Никономъ. Наконецъ, если Іосифъ находитъ, что царю надлежитъ повиноваться только, если онъ не затрагиваетъ ученія вѣры, а Митрополитъ Даніиль говорить, что мы не должны слушать властей, когда онѣ приказываютъ что либо внѣ воли Божіей, то здѣсь опять не договорено: **въ чемъ проявляется эта воля Божія, только ли въ вѣроученіи, или и въ нравоученіи, только ли въ догматахъ, установленныхъ Церковью, или и въ канонахъ, принятыхъ ею.** Однимъ словомъ, **указанъ принципъ связанности свѣтской власти, но не ея предѣлы, и ничего не говорится о томъ, чтобы Іерархія была призвана отстаивать церковныя права.**

Къ этимъ то вопросамъ ближе подошелъ Патріархъ Никонъ. Но положеніе царя, какъ хранителя Православія, осталось неразрывно связаннымъ съ понятіемъ объ его назначеніи и выразилось въ его титулѣ: „Державный царь Православный, Православный государь всея Руси, Державный государь, носящій багряницу царскую, благовѣрный и Христілюбивый царь и государь и самодержецъ русской земли, скипетръ держащій, благочестивый и Богомъ вѣнчанный

царь, осіяваемый благодатью Святаго Духа, въ Православіи пресвѣтлый царь," такъ именуется царь въ ектеніяхъ канонизованныхъ русскихъ святыхъ.

Основы церковно-государственныхъ отношеній въ Московскомъ государствѣ. Теорія симфоній въ 42 гл. Кормчей.

Въ основу церковно-государственныхъ отношеній на Московской Руси былъ положенъ принципъ симфоніи. Изложенію его посвящено начало 42 гл. печатной Кормчей: „Великая паче иныхъ иже въ человѣцѣхъ еста дара Божія, отъ Вышняго дарована человѣколюбія Божія, священство же и царство: ово убо Божественнымъ служа, сеже человѣческими владѣя и пекійся: отъ единого же тогожде начала обоя происходятъ человѣческое украшающее житіе, якоже ничто же тако бываетъ поспѣшеніе царству сего ради, якоже святительская честь: о обоихъ самѣхъ тѣхъ присно вси Богови молятся; аще бо они непорочни будутъ во всемъ и къ Богу имуть дерзновеніе и праведно и подобно украшати начнутъ преданные имъ грады, и сущее подъ ними будетъ согласіе нѣкое благо, все еже добро человѣчестѣй даруя жизни; сему быти вѣруемъ аще священныхъ правилъ блюденіе сохранится, ихъ же праведно похваляеміи самовидцы Божію славу предаша Апостоли и святіи отцы сохраниша же и заповѣдаша". Нетрудно видѣть здѣсь дословный переводъ Предисловія къ VI новеллѣ императора Юстиніана. Здѣсь указано, что Церковь и государство, покоясь оба на Божественной волѣ (Церковь на непосредственномъ установленіи Спасителя, а государство въ порядкѣ Божественнаго Промысла) должны быть въ согласіи между собой. Одно служить къ спасенію души, другое создаетъ возможность мирнаго общежитія; согласіе ихъ основано не на какомъ либо договорѣ, а вытекаетъ изъ того, что они не только основаны на общемъ источникѣ (Божественная воля), но и призваны служить общей въ концѣ концовъ цѣли — спасенію людей. „Ничтоже тако бываетъ поспѣшнѣе царству сего ради, какъ Святительская честь", т. е. самое процвѣтаніе государства обусловлено его отношеніемъ къ Церкви; **почитая Церковь, какъ представительницу высшихъ цѣлей жизни, государство закладываетъ главныя основы своего благополучія.**

Недостаточная подробность формулы 42 гл. Кормчей.

Указанная формула не входитъ рѣшительно ни въ какія подробности выполненія этого принципа въ жизни, вовсе не входитъ въ

распределение компетенции Церкви и государства и в определение соотношений между их органами в подробностях; на практикѣ перевѣсъ въ этомъ неразрывномъ союзѣ можетъ брать то Церковь, то государство, то царь, то Патріархъ. Такъ и было въ Византіи, въ значительной степени въ зависимости отъ того, какого міросозерцанія придерживались высшіе представители обоихъ союзовъ — царь и Патріархъ, и насколько они умѣли использовать окружающую обстановку. Если въ Московской Руси принципъ церковный получилъ перевѣсъ въ общемъ признаніи верховенства канонѡвъ надъ закономъ, то это еще не обозначало вовсе общаго преобладанія Перво-святителя надъ царемъ.

Въ чемъ выразился перевѣсъ представителя свѣтской власти въ Москвѣ послѣ половины XV вѣка.

Въ XV и XVI вѣкѣ принципъ первенства канонѡвъ надъ закономъ еще не оспаривался теоретически, но съ середины XV вѣка послѣ Флорентійской Уніи, не признаніе коей было заслугой великаго князя, великій князь получилъ преимущественное вліяніе на церковныя дѣла, выражавшееся по преимуществу въ самовольной смѣнѣ Митрополитовъ.

Если до половины XV вѣка назначеніе Константинопольскимъ Патріархомъ и царемъ дѣлало Митрополита неуязвимымъ для мѣстной свѣтской власти, представители которой за разрѣшеніемъ споровъ представителями церковной власти должны были обращаться за судомъ въ Константинополь, то послѣ половины XV вѣка, когда представители церковной власти не только избирались, но и ставились Соборомъ русскихъ Архіереевъ безъ благословенія Константинопольскаго Патріарха, русскій Митрополитъ не могъ имѣть болѣе поддержки изъ Константинополя, въ случаѣ спора съ великимъ княземъ. Теперь стали возможными даже такія злоупотребленія, что Митрополиты ставились безъ участія Архіерейскаго Собора однимъ великимъ княземъ. Такъ, если при поставленіи Митрополитовъ Зосимы и Симона при великомъ князѣ Иванѣ III Соборъ дѣйствовалъ по прямой указкѣ великаго князя, то Василій III ставилъ ихъ просто безъ всякаго Собора, а при Иванѣ IV избирательные Соборы были фикціей. Это не значитъ однако, что Митрополиты дѣлались простымъ орудіемъ въ рукахъ великаго князя. Тотъ же Митрополитъ Симонъ оказалъ рѣшительное противодѣйствіе секуляризації церковныхъ имѣній при Иванѣ III, а Митрополитъ Макарій при Іоаннѣ Грозномъ. Это явленіе преимущественнаго вліянія свѣтской власти

при выборах Первосвященителя повторялось позже съ Патриархами, однако въ условіяхъ революціоннаго насилія, которыя не даютъ права закрѣплять эти событія какъ норму. Патриархъ Іовъ, поставленный Соборомъ Архіереевъ, былъ свергнутъ послѣ паденія Годунова сторонниками Лже-Дмитрія, котораго онъ отказался признать; грекъ Патриархъ Игнатій поставленъ Соборомъ подъ давленіемъ Лже-Дмитрія и палъ вслѣдъ за нимъ; Патриархъ Гермогенъ былъ поставленъ Соборомъ Архіереевъ при поддержкой царя Шуйскаго. Боярская партія, избравшая на престолъ короля Владислава, вернула Патриарха Игнатія но не надолго, вскорѣ опять онъ принужденъ былъ бѣжать. Послѣдующіе Патриархи Филаретъ, Іоасафъ I, Іосифъ, Никонъ, были избраны Соборами и царемъ совмѣстно. За исключеніемъ эпохи смуты мы не видимъ нарушенія канонической нормы, требующей избранія Патриарха Соборомъ Архіереевъ; изъ выборныхъ Соборомъ трехъ кандидатовъ одного выбиралъ царь, и такимъ образомъ здѣсь было именно примѣненіе теоріи симфоніи, какъ совмѣстнаго дѣйствованія церковной и государственной власти въ дѣлахъ церковныхъ, затрагивающихъ и государственный интересъ. Тѣмъ же проявленіемъ симфоніи было участіе духовенства въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ — Боярской Думѣ и Земскихъ Соборахъ, или приглашеніе Патриарховъ въ Боярскую Думу, или совмѣстныя засѣданія Боярской Думы съ Освященнымъ Соборомъ и участіе царя и его синклита въ Соборахъ Церковныхъ съ перевѣсомъ здѣсь начала церковнаго.

Сравненіе идеи Русскаго царя съ идеями Византійскаго Базилевса и ея своеобразие.

Особенности идеи царской власти въ Москвѣ по сравненію съ Византійской идеей.

При всемъ сходствѣ основныхъ принциповъ, вложенныхъ въ отношенія государственной царской власти въ Москвѣ и въ Византіи, мы не можемъ не обратить вниманіе на нѣкоторыя особенности этихъ взаимоотношеній, показывающихъ, что здѣсь не было тождества, а напротивъ, при всемъ сходствѣ основныхъ формъ, Московская Русь показала творчество и выявила идеи, которымъ не было отведено соотвѣтствующаго вниманія въ Византійскомъ ихъ построеніи. Возьмемъ чинъ коронованія. Чинъ перваго извѣстнаго великокняжескаго вѣнчанія (надъ внукомъ Ивана III) образовался изъ чина Кесарской хиротесіи и вовсе не имѣлъ источникомъ чинъ императорскаго

коронованія. Общей чертой въ Византійскихъ вѣнчаніяхъ, хиротоніяхъ и чинопроизводствахъ было то, что въ нихъ участвовала Церковь, причемъ на коронуемаго, хиротонисуемаго и производимаго въ чинъ возлагались знаки новаго сана. Чинъ Византійскаго коронованія рѣзко отличался въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не только отъ чина вѣнчанія внука Іоанна III, но и отъ церковныхъ вѣнчаній Московскихъ государей, рисуя наглядно величіе власти Византійскаго императора даже передъ Патріархомъ, каковой идеи мы не найдемъ въ Московскомъ чинѣ.

Развитіе чина вѣнчанія Московскихъ государей шло въ параллель съ развитіемъ идей ихъ власти, и потому онъ не вылился сразу въ опредѣленныя формы, а постепенно осложнялся; однако, онъ никогда не уподобился Византійскому коронаціонному чину, сколько ни испытывалъ его вліянія. Такъ чинъ коронованія, который былъ составленъ при Іоаннѣ IV и именуется чиномъ пространной редакціи въ изслѣдованіи Е. В. Барсова, не былъ скопированъ съ Византійскаго чина, но сообразовывался съ чинами вѣнчанія великаго князя Дмитрія Іоанновича, внука Івана III и Іоанна IV. Московскій царь не былъ поставленъ на высоту сана Византійскаго базилевса. Этотъ чинъ коронованія впервые былъ совершенъ при коронованіи Θεодора Іоанновича и соблюдался до вѣнчанія Θεодора Алексѣевича, когда были внесены изъ Византійскаго чина нѣкоторыя дополненія, довольно существенныя, показывавшія, что и наша Церковь смотритъ на царскій чинъ, какъ на чинъ священный. Эти дополненія были: 1) произнесеніе символа вѣры царемъ передъ вѣнчаніемъ, какъ то всегда бываетъ при хиротоніяхъ, 2) возложеніе на царя царской одежды, знаменующее облеченіе его саномъ и 3) причащеніе въ алтарѣ по священному чину отдѣльно Тѣла и Крови Христовой, что допустимо только для лицъ трехъ іерархическихъ священныхъ степеней. Эти дополненія весьма возвышали царскій санъ, и проф. Покровскій объясняетъ внесеніе ихъ тѣмъ, что при исправленіи богослужебныхъ книгъ въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка обратили вниманіе на разницу въ чинахъ Византійскаго и Московскаго коронованія и ввели дополненія подъ вліяніемъ Собора 1667 г., желавшаго возвысить царскій чинъ. Но одновременно съ возвышеніемъ царскаго сана, пріобщеніемъ царя въ Церковь на правахъ хотя бы первой Іерархической степени, діаконской, какъ то было и въ Византіи, сдѣланы существенныя отступленія отъ Византійскаго чина,

обнаруживающія различныя пониманія въ соотношеніи духовной и свѣтской властей.

Различія въ чинѣ вѣнчанія Византійскихъ и Московскихъ царей.

1) Въ русскомъ чинѣ исключено названіе царя святымъ въ обращеніи къ нему священнослужителей, приглашающихъ царя къ мѣропомазанію и причащенію. 2) Русскій царь передъ совершеніемъ вѣнчанія на царство не облачался въ царскія одежды въ особомъ для того устроенномъ помѣщеніи храма и ни поднимался на щитахъ, какъ Византійскій императоръ. 3) Въ Византіи вѣнчающій Іерархъ не сѣлся рядомъ на особомъ тронѣ подлѣ коронуемаго, а на Руси, сначала для Митрополита, а потомъ для Патріарха ставился особый тронъ **рядомъ съ царскимъ**, на который вѣнчавшій Іерархъ садился въ опредѣленные моменты богослуженія. 4) Русскій царь передъ вѣнчаніемъ говорилъ рѣчь вѣнчавшему іерарху, а тотъ говорилъ отвѣтную, чего не было въ Византійскомъ чинѣ. 5) Въ Византійскомъ обрядѣ мѣропомазаніе предшествовало возложенію на вѣнчаемаго императорскихъ регалій, по Московскому обряду наоборотъ. 6) Въ Византіи вѣнчаемому помазывали св. мѣромъ только голову крестообразно, а русскому царю грудь, шею, плечи и длани рукъ. 7) При мѣропомазаніи императора Византійскій Патріархъ и всѣ находившіеся въ храмѣ восклицали „святъ“ чего не было въ русскомъ чинѣ. 8) По Византійскому обряду императоръ принималъ участіе въ Великомъ входѣ, шель впереди всего шествія съ крестомъ и акакіей въ рукахъ, окруженный оруженосцами, русскій же обрядъ не давалъ царю активнаго участія въ богослуженіи и не давалъ царю тѣхъ правъ въ богослуженіи, которыя имѣлъ Византійскій императоръ. 9) Византійскій императоръ передъ причащеніемъ Св. Тайнъ самъ кадилъ въ алтарѣ вокругъ престола, чего русскій царь не дѣлалъ. **10) По русскому чину вѣнчанія послѣ возложенія на царя регалій, Іерархъ говорилъ поученіе нововѣнчанному, чего не было въ Византійскомъ чинѣ.** Источникомъ этого поученія явилось наставленіе императора Василія Македонянина своему сыну Льву. Въ Византіи императоръ не призванъ былъ выслушивать поученія, ибо онъ ставился неизмѣримо выше всякаго другого чина, и, если въ Византійскомъ обрядѣ поставленій въ должность есть поученія, напримѣръ, при назначеніи Стратега, доместика школь и въ другія сановныя должности, то ихъ читаетъ только императоръ. 11) На Руси не было обычая акакіи, и его замѣняло поклоненіе гробамъ усопшихъ

предковъ. 12) Московскія царицы не вѣнчались на царство (вѣнчалась впервые Екатерина I), а въ Византіи вѣнчались и супруги императоровъ. 13) Византійскій императоръ всегда сознавалъ себя императоромъ вселенскимъ для всѣхъ православныхъ. Что касается русскихъ государей, то сколько этой идеи имъ ни внушали восточные Патріархи, взывавшіе къ помощи ихъ противъ турокъ, стараясь ихъ обязать къ тому, какъ покровителей всѣхъ православныхъ, въ обрядъ вѣнчанія не ввели такой формулы, которая выражала бы эту идею, и, напротивъ, въ установленной рѣчи передъ коронованіемъ царь говорилъ вѣнчающему Іерарху, чтобы „тотъ на всѣ великія и преславныя государства Великаго Россійскаго Царствія вѣнчалъ бы". То есть, въ чинѣ вѣнчанія русскіе цари выступали, какъ національные цари, а не вселенскіе императоры.

Если припомнимъ ранѣе сообщенное о выходахъ Византійскаго императора въ праздники, то передъ нами въ Византійскихъ обрядахъ — величіе власти, сопутствуемое такимъ же положеніемъ ея въ Церкви, которое сопровождается правомъ поученія, кажденія, участія въ Великомъ входѣ, что, на ряду съ правомъ пріобщенія по священническому чину и мвропомазаніемъ, дало поводъ Вальсамону и другимъ надѣлять царя въ Церкви всѣми Архіерейскими правами, кромѣ правъ священнодѣйствія. По сравненію съ нимъ Московскій царь призывается къ несравненно меньшему; не говоря уже о томъ, что онъ гораздо меньше получаетъ въ Церкви правъ, онъ становится въ Церкви въ положеніе поучаемаго со стороны Іерарха, какъ надо царствовать; онъ не обособляется отъ вѣнчающаго на неизмѣримую высоту, а сидитъ рядомъ съ нимъ во время вѣнчанія. Поученіе Іерарха показываетъ, что его царствованіе включаетъ въ себя паствоство, къ которому онъ призывается лицомъ, въ духовномъ отношеніи выше его стоящимъ.

Поученіе Іерарха вѣнчаемому царю призываетъ къ внесенію добра и правды во всѣ его царственныя дѣянія и указываетъ его обязанность быть стражемъ православія (См. „Царская власть и законъ о престолонаслѣдіи въ Россіи", стр. 65 и 66). „Всѣхъ же православныхъ христіанъ блюди, и жалуй и попеченіе о нихъ имѣй отъ всего сердца; не попускай и не дай обидѣть не по суду и не по правдѣ; се бо отъ Бога пріялъ еси скипетръ правити хоругви великаго царства Русскаго и разсудити и управити люди твоя въ правду; блюди и храни бодрено отъ дивіихъ волкъ губящихъ ее, да не растлятъ Христово стадо словесныхъ овецъ".

Болѣе глубокое воспріятіе идеи оцерковленія въ русской идеѣ царской власти.

Если Византійскій императоръ поражаетъ въ этихъ чинопослѣдованіяхъ величіемъ своей власти, **то русскій царь поражаетъ своимъ добровольнымъ смиреніемъ передъ высотой духовнаго чина**; если Византійскій императоръ въ этихъ церемоніяхъ величественъ съ точки зрѣнія дворца, **то русскій царь великъ съ точки зрѣнія Церкви по смиренію, воплощаемому въ его соотношеніи съ вѣнчающимъ Іерархомъ**. И, если поставить вопросъ о степени оцерковленія царской власти, **то русская идея обнаруживаетъ болѣе глубокое воспріятіе христіанскихъ началъ, чѣмъ Византійская**. Никто не оспаривалъ правъ Московскаго царя на земное величіе и первенство въ земныхъ дѣлахъ, **и однако въ Церкви онъ какъ бы забываетъ объ этомъ своемъ величіи и вступаетъ въ нее, какъ сынъ, и не какъ властелинъ**. Въ этомъ именно обнаруживается большая степень внутренней духовности, вложенной въ положеніе царя въ Москвѣ, чѣмъ въ Византіи, гдѣ земное величіе его власти не растворяется въ церковномъ строѣ, а входитъ въ него въ своей полной неприкосновенности.

Сравненіе русскаго православнаго чина коронаціи съ католическимъ.

Въ то же время мы здѣсь не видимъ той пассивности поведенія коронуемаго, которая такъ бросается въ глаза въ католическомъ коронованіи, гдѣ на первомъ мѣстѣ не — коронуемый, а коронующій, и этотъ коронующій выступаетъ не столько въ положеніи орудія, черезъ которое нисходитъ благодать Святаго Духа на коронуемаго, сколько въ положеніи делегирующаго часть полномочій изъ состава тѣхъ, которыя имѣются у него самого въ распоряженіи. Въ этомъ отношеніи обрядность католическаго коронованія точно символизируетъ католическое пониманіе соотношенія свѣтской и духовной власти. Въ Pontifical Romain внесены существенныя части вѣнчанія и молитвы", читаемыя при этомъ. У подножія алтаря коронующій напоминаетъ государю о важныхъ обязанностяхъ, которыя онъ долженъ принять. Сначала это дѣлалось въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ до надѣванія короны. Государь обѣщалъ подъ присягой вѣрно исполнять перечисленные обязательства, затѣмъ приносилъ коронаціонную присягу: „Je jure que l'Eglise de Dieu et tout le peuple chrétien jouiront sous mon règne d'une paix véritable. Que je poursuivrai toute espèce du vol et d'iniquité sans distinction de rang et de personnes. Que j'ordonnerai d'unir sans tous les juge-

ments l'impartialite a la misericorde afin que le Dieu tout puissant et tout misericordieux daigne nous pardonner a tous"¹. Послѣ присяги слѣдуетъ благословеніе новому монарху, литанія и помазаніе съ молитвами на головѣ, груди и рукахъ въ знакъ славы, святости и силы царства. Послѣ помазанія и облеченія въ королевскія инсигніи слѣдовала месса. Во время *graduel* (октоихъ) происходитъ представленіе эмблемъ королевской власти. Коронуемый представляетъ сначала мечъ, положенный на алтарь, и говоритъ:² „Recevez des mains des évêques qui quoique indignes ont été consacrés par l'autorite des apôtres et pour en tenir la place, recevez de leurs mains l'épée royale qui vous est confiée, et souvenez vous de la parole des prophètes: „Ceins tes reins de ton slave, o puissant" (Ps. 44, 4), pour avec cette épée donner force au bon droit, écraser les oppresseurs, défendre et protéger la sainte Eglise de Dieu et les vrais croyants; dissider et anéantir les hérétiques et tous les ennemis du nom chrétien; venir doucement en aide à la veuve et à l'orphelin, rétablir ce qui tombe et soutenir ce qui est debout; venger l'injustice et affermir l'ordre où il existe, afin qu'ainsi faisant, comblé de gloire par le triomphe des bons, exalté par le ministère de la justice, vous méritiez de régner a jamais avec ce Redempteur du monde, dont vous nortez l'image dans votre nom; Lui qui étant Dieu vit et régnе avec le Père et le Saint Esprit dans l'éternité. Amen". Опоясанный мечомъ король его вынимаетъ изъ ноженъ и поднимаетъ надъ своей головой; затѣмъ надѣвается на его палець кольцо, въ знакъ союза его съ Церковью, и начинается коронованіе; при этомъ коронуемый читаетъ:³ „Recevez la couronne du royaume qui est mise sur votre tête par les mains des évêques indignes;

¹ „Я клянусь, что Церковь Божія и весь христіанскій народъ будутъ пользоваться въ мое царствованіе дѣйствительнымъ миромъ, что я буду преслѣдовать всякаго рода воровство и несправедливости безъ различія ранга и лицъ, что я буду приказывать соединять во всѣхъ приговорахъ безпристрастіе и милосердіе, чтобы всемогущій и всемилосердный Богъ благоволилъ простить насъ всѣхъ".

² Примите изъ рукъ Епископовъ, которые, хотя и недостойные, были посвящены властью Апостоловъ, чтобы занять ихъ мѣсто, примите изъ ихъ рукъ королевскій мечъ, ввѣренный Вамъ, и помните о словѣ пророковъ: „Препояшъ Себя по бедру мечомъ Твоимъ, Сильный" (Пс. 44, 4), чтобы этимъ мечомъ дать силу справедливости, раздавить угнетателей, защитить и покровительствовать Святой Церкви Божіей и добрымъ вѣрующимъ, разсѣять и уничтожить еретиковъ и всѣхъ враговъ христіанскаго имени, приходить на помощь вдовѣ и сиротѣ, возстановить падающаго и поддержать стоящаго, отомщать за несправедливость и утверждать порядокъ, гдѣ онъ существуетъ, для того, чтобы, поступая такимъ образомъ, исполненный славы черезъ торжество добрыхъ, очищенный служеніемъ справедливости, Вы заслужили бы царствовать вѣчно съ Икупителемъ міра, подобіе котораго Вы носите въ Вашемъ имени, съ Нимъ, Который есть живой Богъ и царствуетъ съ Отцомъ и Св. Духомъ въ вѣчности. Аминь".

³ Примите корону царства, возложенную на Вашу голову руками недостойныхъ Епископовъ; признайте въ ней эмблему славы, святости и силы, и знайте, что черезъ нее Вы сдѣлались участниками нашего служенія, чтобы, подобно тому, какъ мы являемся пастырями и водителями душъ внутри, Вы были во внѣ истиннымъ Служителемъ Божіимъ, твердымъ Защитникомъ Христовой Церкви противъ всякаго ея врага, могущественнымъ главой народа и непобѣдимой поддержкой царства, ввѣреннаго Вамъ Богомъ и переданнаго Вашему блюстителству черезъ изліяніе небеснаго благословенія, которое наши апостольскія руки низводятъ на Вашу голову среди молитвъ всѣхъ святыхъ".

reconnaissez y l'emblème de la gloire, de la sainteté et de la force; et sachez que par elle vous êtes rendu participant de notre ministère, afin que comme nous sommes les pasteurs et les conducteurs des âmes à l'intérieur, vous soyez au dehors le vrai serviteur de Dieu, le fort défenseur de l'Eglise de Jesus Christ contre tout ce qui s'oppose à elle, le chef puissant du peuple et invincible appui du royaume qui vous est confié de Dieu et qui est remis à votre garde par l'effusion des bénédictions célestes que nos mains apostoliques font descendre sur votre tête parmi les prières de tous les saints". Затѣмъ вкладывается скипетръ въ правую руку короля, le bâton de justice въ лѣвую, и его ведутъ въ процессіи, неся передъ нимъ мечъ, къ его трону, на который его возводитъ Архіепископъ. Затѣмъ Архіепископъ выходитъ на портикъ и возглашаетъ „vivat rex in aeternum", и хоръ поетъ *Te Deum* въ благодарность Богу за дарованіе народу покровителя и благодѣтеля, подчиненнаго Божіему закону и освященному для поддержанія блага и справедливости. Послѣ пѣнія пѣснопѣній коронующій входитъ въ алтарь, и месса возобновляется. Читается посланіе изъ *Levitique* 27, 6 со включеніемъ словъ для неисполняющихъ воли Божіей; затѣмъ слѣдуетъ чтеніе Евангелія *Мѡ. 22, 15* или на почитаніе трехъ царей (*Мѡ. 2, 1*). Во время дароприношенія король идетъ въ алтарь и причащается подъ двумя видами (привиллегія французскихъ королей), послѣ чего Архіепископъ даетъ общее благословеніе. Въ этомъ обрядѣ чувствуется отбѣнокъ мысли, что Церковь, владѣющая двумя мечами, одинъ изъ нихъ вручаетъ королю, возлагая на него обязанность вынимать его для ея защиты; такой обрядъ врученія меча соотвѣтствуетъ расширенному пониманію церковной власти въ Католической Церкви, гдѣ намѣстникъ Апостола Петра владѣетъ въ принципѣ властью не только духовной, но и свѣтской, согласно буллѣ *Unam Sahctam*: „*Uterque ergo est in potestate ecclesiae spiritualis scilicet gladius et materialis. Sedis quidem proecclesia ille vero ab ecclesia exercendus. Die sacerdotis, in manu regum et militum sed ad nutum et patientiam sacerdotis. Oportet autem gladium esse sub gladio et temporalem auctoritatem spirituali subiacere potestati... Spiritualis potestas terrenam potestatem instituere habet et judicare, si bona non fuerit... Ergo si deviat terrena potestas, judicabitur a potestate spirituali. Porro subest romano pontifici omni humanae creaturae declaramus, dicimus, diffinimus et pronuntiamus omnino esse de necessitate salutistt*"¹.

¹ „Итакъ, оба меча находятся въ обладаніи Церкви, и духовный и матеріальный. Но второй долженъ употребляться за Церковь, а первый Церковью, одинъ рукой священника, другой рукой царей и воиновъ, но по

Положеніе католическаго государя по отношенію къ духовной власти по буллѣ Unam Sanctam.

Въ Католической Церкви государь въ принципѣ намѣстникъ Церкви въ земныхъ дѣлахъ, ею судимый и даже смѣщаемый за неудачное управленіе; Православная Церковь лишь освящаетъ власть государя, не приписывая себѣ ни прямой, ни косвенной власти въ земныхъ дѣлахъ, и потому не присваиваетъ себѣ и права налагать на него иныя наказанія, кромѣ церковныхъ, состоящихъ въ лишеніи тѣхъ или иныхъ правъ, вытекающихъ изъ принадлежности къ церковному союзу, но не наказанія, поражающія права, вытекающія изъ принадлежности къ союзу государственному. Въ противоположность Православной Церкви папы по католическому средневѣковому ученію имѣютъ верховную власть надъ всѣмъ міромъ, ибо они въ лицѣ кн. Апостоловъ, Апостола Петра, по католическому ученію унаслѣдовали отъ Спасителя всю принадлежащую Ему власть, о которой Онъ говорилъ: „Дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ“; императоры и короли могутъ имѣть отъ нихъ лишь владѣнія на ленномъ правѣ, какъ вассалы, и потому подчинены ему не только въ духовныхъ дѣлахъ, но и въ свѣтскихъ; государственная власть получаетъ свое оправданіе и освященіе только лишь въ качествѣ исполнительницы велѣній Церкви, не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ, какъ *bracchium saeculare*, приводимое въ движеніе волею Церкви. Свѣтская власть, въ случаѣ неисполненія требованій Церкви, можетъ быть папой передана другому лицу, и подданные могутъ быть освобождены отъ данной присяги на вѣрность. Въ противоположность средневѣковой католической идеѣ намѣстничества папы въ земныхъ дѣлахъ и въ нѣкоторое противопоставленіе Византійской идеѣ земного величія императора, Московскій царь былъ вѣрнымъ проводникомъ идеи быть царемъ благочестивымъ и православнымъ, какъ подобаетъ быть „началу и непоколебимому основанію“, которому весь народъ и все ему подвластное привыкли бы повиноваться и ему подражать по силѣ въ дѣланіи всякаго добра" (Изъ благословенной грамоты Вселенскаго Патріарха Іоанну Грозному отъ 1561 г.). **Эта нравственная идея царской власти получила свое выраженіе въ повседневномъ бытѣ русскихъ царей, который до конца**

приказанію Церкви въ покорности ей. Нужно, вѣдь, чтобы одинъ мечъ былъ подъ другимъ, и свѣтская власть подчинялась духовной... Духовная власть должна устанавливать земную и судить ее, если она окажется нехорошей... Поэтому, если уклонится съ правильнаго пути земная власть, ее будетъ судить духовная. По истинѣ римскому первосвященнику подчиняется всякое человѣческое существо, и мы объявляемъ, утверждаемъ, определяемъ и возвѣщаемъ, что это необходимо для спасенія".

XVII вѣка отличался сходствомъ по духу и однообразіемъ для всѣхъ сословіи.

Домашній бытъ русскихъ царей, какъ иллюстрація идеи царской власти.

Этотъ бытъ подробно изученъ въ сочиненіи И. Е. Забѣлина „Домашній бытъ русскихъ царей“, и мы приведемъ его сообщеніе касательно образа жизни царей, **какъ иллюстрацію идеи царя, какъ „начала и образца для всѣхъ своихъ подданныхъ“**, стремящагося образомъ жизни своей стяжать благодать Божію для управляемаго имъ царства. Вся жизнь царя шла по строго выработанному чину. Въ обыкновенное, не праздничное время государь присутствовалъ на заутрени, а послѣ, поздоровавшись, поговоривъ съ боярами о дѣлахъ и принявъ доклады, шествовалъ въ 9-мъ часу къ поздней обѣдни въ одну изъ придворныхъ церквей. Если день былъ праздничный, то выходъ дѣлался въ Соборъ или къ празднику, т. е. въ храмъ или монастырь въ память святого. Въ общіе церковные праздники и торжества государь всегда присутствовалъ при всѣхъ обрядахъ и церемоніяхъ. Богомольные выходы царей — одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ древняго царскаго быта. Благодетельные Московскіе цари, подобно Византійскимъ императорамъ, совершали богомольные выходы въ каждый церковный праздникъ, присутствовали при всѣхъ обрядахъ и торжествахъ, отправляемыхъ Церковью въ теченіе года. Эти выходы придавали церковнымъ празднествамъ еще болѣе блеска и торжественности. Государь являлся въ несказанномъ великолѣпіи. И это было необходимо по самому значенію древняго царскаго сана. Притомъ церемоніи, обряды составляли одно изъ главнѣйшихъ условій тогдашняго общественнаго быта, и потому каждый шагъ внѣ дома, а тѣмъ болѣе въ быту государей по необходимости становился церемоніальнымъ и торжественнымъ. Самые обыкновенные, почти каждодневные выходы царя къ обѣднѣ и вообще къ церковнымъ службамъ въ извѣстные праздники были ничто иное, какъ церемоніальное шествіе, которое поэтому возвѣщалось колокольнымъ звономъ, который и назывался выходнымъ. Царь выходилъ лѣтомъ въ легкомъ шелковомъ опашнѣ и въ золотой шапкѣ съ мѣховымъ околышкомъ, зимой въ шубѣ и въ горностаевой, лисьей шапкѣ, въ мокрую погоду въ суконной однорядкѣ. Въ рукахъ у него былъ посохъ инроговый или индѣйскій изъ чернаго дерева. Въ большіе праздники, Рождество Христово, Богоявленіе, Недѣлю Ваий, Святое Воскресеніе, Троицынъ день, Успеніе Богоматери и другіе,

государь облакался въ особый царскій нарядъ: надѣвалъ царскій становой кафтанъ, царскую шапку, діадему или бармы, наперсный крестъ и перевязь на груди и вмѣсто посоха держалъ въ рукѣ царскій жезлъ.

Выходы царя въ Вербное воскресенье; смыслъ этого обряда.

Особый контрастъ съ Византійскимъ обрядомъ представлялъ выходъ царя въ Вербное Воскресеніе, выходъ, заимствованный не изъ Византіи, а, по изслѣдованіямъ Прот. Никольскаго и проф. Красносельцева, изъ Іерусалима. Очевидно Византійскій обрядъ необыкновенной пышности раздачи серебрянныхъ крестовъ императоромъ за подвигъ поста и принятіе имъ Символовъ Вѣры, выдвигавшій слишкомъ императора надъ Патріархомъ въ сферѣ чисто церковной, не соотвѣтствовалъ русскимъ понятіямъ и не былъ рецепированъ на Руси. **Здѣсь былъ принятъ обрядъ, выявлявшій смиреніе царя передъ Первосвятителемъ — это шествіе Патріарха на осляти, котораго за поводъ ведетъ царь.** Начало этого обряда констатировано въ Россіи въ XVI вѣкѣ, а около половины XVII вѣка онъ получилъ нѣкоторыя второстепенныя измѣненія. Измѣненія эти имѣли въ виду еще больше уподобить дѣйство Ваій шествію Спасителя въ Іерусалимъ. Поздній чинъ указывалъ Первосвятителю шествіе на осляти только отъ Лобнаго мѣста къ Успенскому Собору, подобно тому, какъ Спаситель совершалъ одинъ путь въ Іерусалимъ; по раннему же чину шествіе шло отъ Успенскаго Собора къ Церкви Входа Господня и обратно. Поздній чинъ указывалъ читать Евангеліе не Іерарху, какъ было первоначально, а діакону; Первосвятитель же произносилъ только слова, которыя произносилъ Спаситель. Въ поздній чинъ введено добавленіе — посылка, въ видѣ отправления двухъ лицъ за осломъ, и разговоръ этихъ посланныхъ съ лицами, стоявшими около осляти; поздній чинъ совершался такъ: въ Вербное Воскресеніе царь выходилъ въ Успенскій Соборъ въ праздничномъ платьѣ въ сопровожденіи бояръ и другихъ чиновъ. Изъ Успенскаго Собора совершался крестный ходъ въ такомъ порядкѣ: сначала шель Патріархъ въ предшествіи Духовенства, затѣмъ царь въ предшествіи своихъ чиновъ. Шествіе останавливалось у Покровскаго Собора, и царь и Патріархъ отправлялись въ Соборъ, гдѣ на Патріарха возлагалось полное облаченіе, если онъ шествовалъ отъ Успенскаго Собора въ маломъ облаченіи, и тамъ совершалось молебствіе. Царь также облачался въ царскій нарядъ въ Покровскомъ Соборѣ, но только въ

придѣлѣ. Въ это время на Лобномъ мѣстѣ, богато украшенномъ бархатомъ и сукнами, ставили налой съ Евангеліемъ и иконами. Около Лобнаго мѣста стояло ося, у котораго находились Патріаршій бояринъ и нѣсколько дьяковъ, и тутъ же ставилась заблаговременно приготовленная верба на саняхъ. Царь и Патріархъ, выйдя изъ Собора, сходили на Лобное мѣсто. Патріархъ подносилъ царю ваю и вербу и раздавалъ ихъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ, Митрополиты же раздавали вербу низшимъ свѣтскимъ чинамъ и народу. Послѣ раздачи вербы архидіаконъ читалъ Евангельское повѣствованіе о входѣ Спасителя въ Іерусалимъ и когда произносилъ слова: „И посла два отъ учениковъ...“, соборный протопопъ и ключарь подходили къ Патріарху, который благословлялъ ихъ и, произнеся собственныя слова Евангельскаго текста, посылалъ ихъ по ося. Посланные говорили находившимся подлѣ ося также словесами Евангельскаго текста и приводили ося къ Лобному мѣсту. Тогда Патріархъ бралъ въ руки Евангеліе и крестъ, благословлялъ крестомъ царя, садился на ося, и шествіе начиналось: впереди шли государевы меньшіе чины, за ними везли на саняхъ вербу, около которой стояли пѣвчіе и пѣли стихиры. За вербой шло духовенство съ иконами, высшіе государевы чины съ вербой, а за ними царь въ большомъ царскомъ нарядѣ, поддерживаемый подъ руки ближними людьми, велъ ося за конецъ повода. Передъ царемъ стольникъ и ближніе люди несли царскій жезлъ, вербу, свѣчу и полотенце. За царемъ шли чины его, а за Патріархомъ, слѣдовавшимъ на осяти, духовныя власти. По пути шествія дѣти стрѣльцевъ стлали передъ царемъ сукна и кафтаны. Эти кафтаны — верхняя одежда, символизировали плоть, которая какъ бы приносилась въ жертву. Во время шествія Патріархъ осѣнялъ народъ крестомъ. Все шествіе при звонѣ колоколовъ вступало въ Кремль черезъ Спасскія ворота къ западнымъ дверямъ Успенскаго Собора. Здѣсь Патріархъ сходилъ съ осяти и вступалъ въ Соборъ, гдѣ архидіаконъ дочитывалъ Евангеліе, послѣ чего слѣдовали ектеніи и отпустъ. Послѣ этого Патріархъ бралъ у царя ваю, благословлялъ его, цѣловалъ въ десницу и мышцу и здравствовалъ его, а пѣвчіе пѣли многолѣтіе царю. Послѣ дѣйства слѣдовала литургія.

Въ Византійскомъ чинѣ императоръ на первомъ планѣ. Онъ наканунѣ раздаетъ ваи съ крестомъ въ храмъ Св. Димитрія, а въ Вербное Воскресеніе, принявъ символы и крестъ, идетъ своей процессіей, въ сопровожденіи свѣтскихъ чиновъ, въ храмъ Пресвятой Богородицы, встрѣчаясь съ крестнымъ ходомъ въ Фіалѣ триклина,

гдѣ крестный ходъ принималъ его, и императоръ вмѣстѣ съ нимъ заходилъ въ Дворцовые храмы, гдѣ совершались ектеніи. Всюду императоръ шелъ впереди Патріарха, остававшася въ тѣни. **Иначе на Руси.** Смирение царя въ обрядѣ Ваій было примѣромъ и для подданныхъ, при чемъ это смирение было смирениемъ царя передъ Христомъ, котораго изображалъ Патріархъ. Этотъ обрядъ призванъ былъ усилить авторитетъ царской власти официальнымъ выявленіемъ преданности царя Церкви. Когда отцы Собора 1678 г. прекратили совершение обряда шествія на ослати по епархіямъ, то они сдѣлали это ради возвышенія Патріаршаго достоинства: „Нѣсть бо лѣпо едва самому Патріарху соизволяемое дѣло низшимъ Архіереямъ совершати". Они же и объяснили смыслъ этого дѣйства: „Благочестивѣйшіе самодержцы наши благоволятъ въ немъ (въ дѣйствѣ Ваій) **показанія ради народа православному образу смиренія своего и благопокоренія передъ Христомъ Господомъ, ибо обычай всемирный пріяша, еже возсѣдшу Патріарху на жребя, въ память вѣхнанія Господня въ Іерусалимъ, смирити высоту свою царскую, скипетро-красныма рукама си уздѣ того ослати прикасатися**". Отцы Собора восхваляли такое смирение царя земного: „**Ибо мнози толикимъ смирениемъ царя земного передъ Царемъ Небеснымъ умиляются, и внутрь себя духъ сокрушенія стяжавши отъ Бога, ко глубинѣ душеспасеннаго смиренія нисходятъ**". Особенность нашего обряда передъ Византійскимъ еще въ томъ, что дѣйствія Ваій, присущія Византійскимъ императорамъ, больше никѣмъ совершаться не могли, а на Руси его совершалъ не одинъ царь, но и воеводы по провинціямъ вплоть до 1678 года. Самое дѣйство Ваій прекратило свое существованіе на Руси вмѣстѣ съ Патріаршествомъ, когда получили господство другія идеи, и сама царская власть потерпѣла глубокое измѣненіе въ своей идеологіи подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи и раціонализма. **Преосвященный Иннокентій** указалъ, какъ на вѣроятную причину прекращенія этого дѣйства, на то, что стали въ немъ смотрѣть болѣе на внѣшность, нежели на духъ, выражаемый внѣшностью, и видѣть болѣе униженіе царя передъ Іерархомъ, нежели разительное напоминаніе о благодатномъ Христовомъ царствіи и о іудейской превратности. Обрядъ же этотъ призванъ былъ показать передъ всѣми лишь смирение царя передъ Христомъ, котораго изображалъ Патріархъ.

„Дѣйство страшнаго суда“. Интимная близость царя и Патріарха, установленная по чину.

Такое же выраженіе публичнаго смиренія царя показали обряды, совершавшіеся на маслянной недѣлѣ. Въ воскресенье передъ масляницей, послѣ заутрени совершалось дѣйство страшнаго суда. Изъ Собора Патріархъ и царь шествовали при оглушительномъ звонѣ колоколовъ къ своимъ мѣстамъ, устроеннымъ у восточной стѣны Успенскаго Собора (Царь передъ этимъ переоблачался въ придѣлѣ Св. Дмитрія Солунскаго), гдѣ ставилось изображеніе страшнаго суда, и совершался извѣстный чинъ богослуженія. Передъ выходомъ въ тотъ день, часа за три до свѣта, царь обходилъ всѣ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ жили раненые, ослабленные, сироты. Въ этотъ же день во дворцѣ давался столъ на нищую братію. Государь самъ обѣдалъ за этимъ столомъ и самъ угощалъ своихъ гостей, одѣлая ихъ послѣ обѣда милостыней; на тюремномъ дворѣ также происходили угощенія. Съ половины масляницы наступали прощенные дни. Царь объѣзжалъ городскіе монастыри со среды и прощался съ монастырской братіей. Въ пятницу, субботу и воскресенье Патріархъ съ властями и царь съ боярами ходили къ царицѣ. Въ воскресенье утромъ передъ литургіей Патріархъ съ духовными властями приходилъ прощаться къ государю. Вечеромъ государь со свѣтскими чинами шель въ Успенскій Соборъ, гдѣ Патріархъ совершалъ обрядъ прощенія по чину; послѣ ектеніи и молитвословія царь подходилъ къ Патріарху и, говоря прощеніе, прикладывался ко кресту. Изъ Собора царь шествовалъ прощаться къ Патріарху въ сопровожденіи бояръ и всѣхъ чиновъ. У Патріарха въ Крестовой Палатѣ, украшенной сукнами и коврами, собирались всѣ духовныя власти: Митрополиты, Архіепископы, Епископы. Патріархъ встрѣчалъ государя на лѣстницѣ, иногда среди Крестовой Палаты. Патріархъ благословлялъ государя и, принявъ его подъ руку, шель съ нимъ на обычныя мѣста. Патріархъ говорилъ: „Достойно“ и входную молитву и благословлялъ царя и бояръ. Всѣ садились по лавкамъ. Государь на южной сторонѣ палаты на большой лавкѣ. Патріархъ подъ образами на восточной сторонѣ, бояре противъ государя на сѣверной сторонѣ. Затѣмъ Патріарху подносили вина и медъ, и онъ отливалъ изъ каждаго кубка для себя и подносилъ государю по три кубка всѣхъ питей; государь принималъ и возвращалъ стольникамъ. Затѣмъ стольники тѣмъ же порядкомъ подносили Патріарху для бояръ, который тоже давалъ по три кубка всѣхъ питей. Потомъ государь жаловалъ изъ своихъ рукъ

бѣлымъ медомъ всѣхъ духовныхъ властей. По окончаніи прощальнаго чина Патріархъ и царь садились на лавки по прежнимъ мѣстамъ; бояре же уходили по указу царя, и царь и Патріархъ оставались одинъ на одинъ съ полчаса. Потомъ входили опять бояре, и Патріархъ вставъ говорилъ „Достойно" и прощеніе, т. е. прощальную молитву, и благословлялъ царя и весь его чинъ. Отъ Патріарха царь шелъ въ Чудовъ, въ Вознесенскій монастыри, Архангельскій и Благовѣщенскіе Соборы прощаться у Св. мощей и у Гробовъ родителей. Въ этотъ день царь освобождалъ многихъ изъ заточенія.

Въ этомъ обрядѣ мы видимъ не только смиреніе царя, выполняющаго обязанность христіанина испрашиванію прощенія, и древне-русскую черту — нищелюбіе, но и установленную по чину интимную близость царя и Патріарха, во всѣхъ праздникахъ, и церковныхъ шествіяхъ царя и Патріарха, составляющихъ священную двоицу.

То же смиреніе передъ высотой духовнаго чина видимъ въ дни поминовенія царей и особъ царскаго семейства, когда въ Панихидной или Сборной Палатѣ дворца давались столы и древніе прокормы Патріарху, духовнымъ властямъ и соборянамъ, что называлось большими сборами, т. е. собраніемъ вообще духовенства и особенно соборныхъ причтовъ. За этими почетными столами государь по очень древнему обычаю стоялъ передъ Первосвятителемъ (Митрополитомъ, а потомъ Патріархомъ) и изъ собственныхъ рукъ угощалъ его, поднося кубки и яства. Въ Судебникѣ Грознаго говорится: „Лѣта семь тысячъ шестьдесятъ семь (1559) года апрѣля въ 25 день царь и великій князь указалъ, въ который день живетъ (совершается) большая панихида, Митрополить у государя за столомъ, а государь передъ нимъ стоитъ, тотъ день смертной и торговой казнью не казнити никого отнюдь".

Великій постъ и выходы царя передъ наступленіемъ Свѣтлаго дня.

На первой недѣлѣ поста царь показываетъ примѣръ исполненія церковнаго устава и въ первый разъ вкушаетъ пищу лишь въ среду, а потомъ и въ субботу, когда онъ посылалъ и Патріарху и боярамъ укруги, т. е. ломти калача, вина, сластей.

Передъ наступленіемъ Свѣтлаго дня государь опять посѣщалъ тюрьмы и богадѣльни, щедро раздавая вездѣ милостыню нищимъ и заключеннымъ, освобождая преступниковъ, выкупая неимущихъ. Въ среду страстной царь выходилъ въ Успенскій Соборъ къ прощенію и

въ тотъ же день совершалъ обычный выходъ для милостивой раздачи. Англичанинъ **Коллинсъ**, бывший при дворѣ Алексѣя Михайловича въ 60 годахъ XVII столѣтія, рассказываетъ, что царь въ Великую пятницу ночью посѣщалъ всѣ тюрмы, разговаривалъ съ колодниками, выкупалъ посаженныхъ за долги и по усмотрѣнію прощалъ иныхъ. Въ тотъ же день онъ обходилъ нѣкоторые монастыри, особенно Кремлевскіе, и заходилъ въ Архангельскій Соборъ. Что болѣе поразительно, это то, что въ первый день Пасхи, послѣ великолѣпной церемоніи христосованія (царь во время хвалитныхъ стихиръ за заутреней прикладывался къ образамъ и творилъ цѣлованіе въ уста съ Патріархомъ, Архіереями и Епископами, а архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ жаловалъ къ рукѣ, раздавая яйца; бояре, окольничіе и всѣ бывшіе въ Соборѣ прикладывались къ образамъ, подходили къ Патріарху, которому цѣловали руку и получали по 3, по 2 и по 1 яйцу, смотря по чину), при которой все было такъ торжественно, и все горѣло и блистало золотомъ и драгоценными камнями, государь удалялся для менѣе пышныхъ, но болѣе славныхъ церемоній. По древнему обычаю, говоритъ **Карамзинъ**, царь между заутреней и обѣдней въ первый день Пасхи шелъ въ городскую тюрьму и, сказавъ преступникамъ: „Христось Воскресъ и для васъ“, дарилъ каждому изъ нихъ разговѣніе. Посѣщая Вознесенскій монастырь, онъ заходилъ въ каменный застѣнокъ у Спасскихъ Воротъ и жаловалъ тамъ раненыхъ и нищихъ; въ этотъ же день царь устраивалъ столъ на низшую братію въ царицыной золотой палатѣ; отъ заутрени царь шелъ въ Архангельскій Соборъ, гдѣ прикладывался къ иконамъ и Св. мощамъ и христосовался съ родителями, т. е. поклонялся ихъ праху. Въ Благовѣщенскомъ Соборѣ онъ христосовался въ уста съ протопопомъ, какъ своимъ духовникомъ, а весь остальной чинъ жаловалъ къ рукѣ.

Раннюю обѣдню царь слушалъ въ одной изъ дворцовыхъ церквей съ семьей, а къ поздней выходилъ въ Успенскій Соборъ въ полномъ царскомъ нарядѣ, во всѣхъ регаліяхъ; на другой день праздника царь принималъ Патріарха и духовныхъ властей съ дарами, какъ обычными, установленными по чину приношеніями, послѣ чего царь шелъ къ царицѣ, которой цѣловалъ руку, и благословлялъ ее иконой. Въ теченіе Святой недѣли царь посѣщалъ городскіе и загородные Московскіе монастыри, больницы и богадѣльни, жаловалъ къ рукѣ и раздавалъ праздничныя яйца и милостыню. Такого же рода празднованія происходили и въ Рождество Христово.

Выходы царя въ день Рождества Христова.

24-го декабря царь дѣлалъ тайные выходы въ сопровожденіи отряда стрѣльцевъ и подъячихъ Тайнаго Приказа въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ раздавалъ милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ, полонянникамъ, богадѣленнымъ, увѣчнымъ и прочему бѣдному люду; раздавалъ милостыню и нищимъ на улицахъ по пути. Такіе выходы дѣлались и наканунѣ другихъ большихъ праздниковъ и постовъ. Въ день Рождества Христова, когда начинали благовѣститъ къ литургіи, царь дѣлалъ выходъ въ столовую палату, гдѣ ожидалъ пришествія Патріарха и духовенства. Столовая наряжалась сукнами и коврами. Въ переднемъ углу ставилось мѣсто государево, а подлѣ кресло для Патріарха. Патріархъ входилъ при пѣніи праздничныхъ стихиръ въ предшествіи соборнаго клира съ крестомъ въ сопровожденіи Митрополитовъ и Архіереевъ. Государь встрѣчалъ шествіе въ сѣняхъ. Послѣ многолѣтія Патріархъ поздравлялъ царя, и оба садились на свои мѣста. Потомъ Патріархъ шелъ славить Христа къ царицѣ и къ другимъ членамъ семьи, если они не собирались у царицы. Затѣмъ царь облачался въ царскій нарядъ и шелъ къ обѣднѣ въ сопровожденіи всѣхъ придворныхъ чиновъ. Послѣ литургіи царь и Патріархъ взаимно поздравляли; царь переоблачался въ придѣлъ Св. Димитрія Солунскаго въ обыкновенное выходное платье и шелъ во дворецъ, гдѣ въ золотой палатѣ приготовленъ былъ столъ для Патріарха, властей и бояръ. Но въ день Рождества Христова и вообще въ большіе праздники царь не садился за столъ прежде накормленія заключенныхъ по тюрьмамъ и плѣнныхъ. Вечеромъ въ первый день Рождества соборные протопопы шли славить Христа къ царю, царицѣ и Патріарху. Патріархъ тоже приходилъ къ царю славить Христа по особому церемоніалу. Въ 1661 году изъ Воскреснаго монастыря, когда Никонъ уже удалился отъ осуществленія своихъ патріаршихъ правъ, приходили къ царю отъ него черный священникъ со старцами. Мы видимъ жизнь царя протекающей по церковному уставу съ исполненіемъ заповѣди Евангельской о любви къ ближнему; видимъ его во всѣхъ церковныхъ торжествахъ неразрывно связаннымъ съ Патріархомъ; только проникновеніе въ строй этой оцерковленной жизни даетъ намъ возможность понять все значеніе того событія, когда царь Алексѣй Михайловичъ въ іюлѣ 1658 г. пересталъ выполнять установленные по чину выходы церковные и посѣщенія ради гнѣва на Патріарха Никона, и понять, почему это поведеніе царя такъ потрясло Патріарха Никона.

Мы видимъ царя входящимъ во весь строй уставной церковной жизни и видимъ, что и онъ самъ въ этой жизни занимаетъ опредѣленный чинъ. Если онъ еще и не причащается подъ двумя видами, что было установлено впервые при коронованіи царя Θεодора Алексѣевича, то все же онъ въ Церкви имѣетъ извѣстный особый чинъ, хотя еще и не приобщенъ очевиднымъ образомъ къ какой-либо іерархической степени. Самая одежда его говоритъ за это: онъ носить наперсный крестъ при парадныхъ выходахъ, переодевается въ придѣлѣ храма, и есть еще одна подробность, которая говоритъ объ его священномъ значеніи. Въ его дворецъ нельзя было являться съ какимъ бы то ни было оружіемъ, даже съ тѣмъ, которое по обычаю того времени всегда носили при себѣ, и которое составляло необходимую принадлежность древняго костюма, на примѣръ ножи, имѣвшіе значеніе кинжаловъ. Въ этомъ случаѣ не дѣлалось исключенія ни для кого, ни для ближнихъ бояръ, ни для государевыхъ родственниковъ, ни даже для иностранныхъ пословъ. Они и ихъ свита должны были снимать съ себя оружіе, несмотря на то, что по западнымъ понятіямъ снимать шпагу было безчестіемъ, и несмотря на то, что споры объ этомъ продолжались иногда долго и настойчиво. Въ 1661 г. маршалу шведскаго посольства, не смотря ни на какія просьбы и убѣжденія, не позволили войти въ пріемную залу даже съ серебрянымъ жезломъ (Забѣлинъ, 238). **Московскій царь передъ нами выступаетъ не какъ военный полководецъ, а прежде всего, какъ воплоитель церковнаго идеала жизни и хранитель Православія, какъ верховный ктитоль Церкви.** При единствѣ жизненнаго идеала, который сливался съ церковнымъ идеаломъ, царь былъ **первымъ сыномъ своей Церкви**, примѣромъ глубины благочестія, и дорогъ былъ народу тѣмъ, что народъ видѣлъ воочию:

„Какъ царь его великій, православный
 На высотѣ своей недостижимой
 Одной святынѣ молится съ народомъ,
 Уставы Церкви строгіе блюдетъ,
 По праздникамъ духовно веселится,
 А въ дни поста, въ смиренномъ одѣянніи
 Съ народомъ вмѣстѣ каяться идетъ“.

Общая черта отличія Московскихъ дворцовыхъ обрядовъ отъ Византійскихъ.

На Руси не только реально претворяли Византійскіе обычаи, но еще и усовершенствовали ихъ въ смыслѣ оцерковленія. Въ этихъ

придворныхъ церемоніяхъ обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что онѣ не были вовсе проявленіемъ личной набожности того или иного царя, **а входили въ обязательный уставъ жизни, какъ церковно-государственное установленіе.** Установленіе это соотвѣтствовало всѣмъ другимъ проявленіямъ быта, въ томъ числѣ будничному повседневному укладу жизни въ домашней обстановкѣ. Во дворцѣ царя была крестовая или моленная, гдѣ совершались ежедневныя утреннія и вечернія молитвы, а иногда и церковныя службы, часы, вечерни, всенощная; она была какъ бы домашней церковью, убранной иконами и святынями, т. е. разными предметами поклоненія. Одна стѣна была занята иконостасомъ. Онѣ были хранилищемъ домашней святыни, которая служила изображеніемъ внутренней благочестивой исторіи каждаго лица. Всѣ болѣе или менѣе важныя событія и случаи жизни сопровождались благословеніемъ или моленіемъ и призываніемъ Божіяго милосердія и святыхъ покровителей. Хоромы царя украшались изображеніемъ притчъ и церковныхъ событій; въ нихъ прежде всего желали видѣть назиданіе, поученіе, душевную пользу, а не услажденіе взора прекрасными образами. Такъ домашняя стѣнопись была продолженіемъ церковной, отъ которой она по существу и не отличалась. Зеркала получили входъ въ комнаты не ранѣе второй половины XVII вѣка, когда они помѣщались только во внутреннихъ комнатахъ, и еще не были допущены въ пріемныя, при чемъ и тамъ они задерживались завѣсами. Вторженіе во дворецъ вообще элемента свѣтскаго, какъ-то мебель польскаго и нѣмецкаго образца, обои, равно появленіе театра — результаты ознакомленія съ этимъ царя и вельможъ во время польской войны 1654-1667 г., когда царь побывалъ въ Вильнѣ и Полоцкѣ; а такъ какъ примѣръ царя былъ руководствомъ для вельможъ, а они служили примѣромъ для другихъ, **то весь бытъ древней Московской Руси строился по тому же принципу его оцерковленія.** Это было продолженіе той работы, которую несла Церковь по оцерковленію всего гражданскаго быта. Домъ — продолженіе храма; свѣтъ міру иноки, а имъ свѣтъ — ангелы. Вотъ — принципы Московскаго общественнаго быта, проникнутаго аскезой. Однимъ изъ проявленій этой аскезы служить и строго установленная жизнь царей въ соотвѣтствіи съ правилами Церкви.

Здѣсь мы принуждены коснуться нѣсколько значенія обряда и аскезы въ жизни человѣка. Всякій государственный строй является продуктомъ того или иного религіознаго или философскаго

міровоззрѣнія, отражая его въ своихъ установленіяхъ, и имѣетъ свой движущій принципъ.

Въ книгѣ III L'Esprit des Loix Монтескье говоритъ: „Après avoir examiné quelles sont les lois relatives à la nature de chaque gouvernement, il faut voir celles qui le sont à son principe. Il y a cette différence entre la nature du gouvernement et son principe, que sa nature est ce qui le fait être tel, et son principe, ce qui le fait agir. L'une est sa structure particulière et l'autre les passions humaines qui le font mouvoir. Or les lois ne doivent pas être moins relatives au principe de chaque gouvernement qu'à sa nature. Il faut donc chercher quel est ce principe.

J'ai dit que la nature du gouvernement républicain est que le peuple en corps ou de certaines familles y aient la souveraine puissance; celle du gouvernement monarchique que le prince y ait la souveraine puissance, mais qu'il l'exerce selon des lois établies; celle du gouvernement despotique qu'un seul y gouverne selon ses volontes et ses caprices. Il ne m'en faut davantage pour trouver leurs trois principes; ils en dérivent naturellement”¹. И онъ приходитъ къ заключенію, что движущій принципъ, сила, ихъ поддерживающая, для республики (демократической или аристократической) есть политическая добродѣтель — любовь къ свободѣ и законамъ своей страны; движущій принципъ монархіи — честь², а для деспотіи — страхъ. Если до извѣстной степени и для Московской монархіи подходитъ опредѣленіе, что движущимъ прин-

¹ „Исслѣдовавъ, каковы законы, относящіеся къ природѣ каждаго правительства, надо разсмотрѣть законы, относящіеся къ его принципу. Различіе между природой правительства и его принципомъ то, что его природа это то, что его заставляетъ быть таковымъ, а его принципъ — то, что заставляетъ его дѣйствовать. Природа, это — его особая структура, а принципъ — страсти человѣческія, приводящія его въ дѣйствіе. А законы должны не менѣе относиться къ принципу каждаго правительства, чѣмъ къ его природѣ. Надо поэтому отыскать, каковъ этотъ принципъ. Я сказалъ, что природа республиканскаго; правленія въ томъ, что весь народъ или опредѣленные семьи имѣютъ тамъ высшую власть; природа монархическаго правленія въ томъ, что государь имѣетъ тамъ высшую власть, но онъ руководится установленными законами; природа деспотическаго правленія въ томъ, что тамъ управляетъ одинъ по своей волѣ и капризамъ. Необходимо найти ихъ три принципа; они вытекаютъ естественно изъ ихъ природы”.

² „L'honneur c'est à dire le préjugé de chaque personne et de chaque condition prend la place de la vertu politique. Il y peut inspirer les plus belles actions, il peut, joint à la force des lois, conduire au but du gouvernement contre la vertu même. Il est vrai que philosophiquement parlant, c'est un honneur faux qui conduit toutes les parties de l'état; mais cet honneur faux est ainsi utile au publique que e vrai le serait aux particuliers qui pourraient l'avoir”.

„Честь, то есть предразсудокъ каждаго лица и каждаго положенія, занимаетъ мѣсто политической добродѣтели. Она можетъ вдохновлять самыя лучшія дѣйствія; присоединяясь къ силѣ законовъ, она можетъ вести къ цѣли правительства вопреки самой добродѣтели. Вѣрно, что, говоря философски, это ложная честь, которая руководитъ всѣми частями государства; но эта ложная честь также полезна для общества, какъ полезна была бы истинная для частныхъ лицъ, которыя могли бы ее имѣть”.

ципомъ тамъ есть честь, то онъ требуетъ дополненія, что въ основѣ отношенія къ главѣ государства было сознаніе, что онъ вѣрный представитель Православія въ своей жизни и охранитель Церкви.

Движуцій принципъ московскаго государственнаго строя. Аскеза. Значеніе обрядовъ.

Строй Московскаго государства былъ воплощеніемъ христіанскаго идеала въ его именно русскомъ пониманіи. Проф. Доброклонскій въ своей статьѣ, помѣщенной въ Чтеніи О. Л. Д. Пр. за 1893 г. „Иноземное вліяніе, самодѣтельность и прогрессъ въ Русской Церкви“, задаетъ вопросъ: „Что внесъ русскій народный геній въ пониманіе христіанства“, и отвѣчаетъ на него: „Въ до-Петровской Руси не развилась своя догматическая литература, догматическіе споры были крайне рѣдки; въ 18-19 вѣкахъ богословская отвлеченная литература имѣетъ многихъ представителей въ Россіи, но она такъ привыкла къ западноевропейской указкѣ, что трудно собственно ее назвать русской; народъ же и доселѣ мало интересуется догматическими вопросами; не даромъ въ различныхъ мистическихъ и раціоналистическихъ сектахъ, которыя во многихъ отношеніяхъ могутъ служить показателями народнаго склада, теоретическая сторона занимаетъ второстепенное мѣсто и потому очень слабо развита. Если все это не случайность, то можно заключить, что не въ характерѣ русскаго народа стремленіе къ отвлеченному знанію предметовъ вѣры. Напротивъ, онъ всегда искалъ знанія того, какъ жить; въ старину церковное проповѣдничество брало темы исключительно нравоучительнаго содержанія, и грамотѣи читали книги именно для того, чтобы по собственному ихъ признанію можно было душу спасти отъ грѣховъ; въ новѣйшее время тотъ же народъ въ сектахъ и въ многихъ старообрядческихъ толкахъ создавалъ по преимуществу правила нравственной и соціальной жизни; словомъ, онъ дорожилъ практической стороной религіи. Если и это не случайность, то можно вообще заключить, что въ характерѣ Русскаго народа лежитъ — понимать христіанство, не какъ отвлеченную догматическую систему, но преимущественно какъ религіозно-нравственное правило жизни. Народъ стремится понять его, какъ нравственно животворную силу, а христіанскую жизнь, какъ жизнедѣятельность человѣческаго духа нравственно возрожденнаго христіанствомъ“.

Московскій строй — отраженіе народнаго религіозно-нравственнаго воззренія на жизнь.

Иллюстраціей тому является, скажемъ мы, и Московскій государственный строй: и прежде всего та центральная его часть, въ которой отражается, какъ въ фокусѣ, народное религіозное міровоззрѣніе; это — царская власть. Носитель ея не только покровитель Православія, его ктитореъ, но онъ всей жизнью своей призванъ воплощать нравственно практическій идеаль христіанства. На ряду съ подвигомъ власти онъ несетъ подвигъ христіанской уставной жизни, направленной къ непрерывному самоограниченію и самоотреченію.

Позднѣе Патріархъ Никонъ, самъ явившій въ себѣ великій примѣръ достижений и расцвѣта всѣхъ своихъ духовныхъ дарованій на основѣ подвижнической жизни, углубилъ именно русскую теорію царской власти, указавъ условія ея успѣшнаго проявленія, положивъ въ основу ея святоотеческое ученіе и давъ ей въ практическомъ примѣненіи широту и мощь чисто русскаго размаха. Хотя самъ Патріархъ Никонъ какъ-то сказалъ про себя, что онъ, хотя русскій, но по вѣрѣ грекъ, однако онъ былъ представителемъ именно русскаго пониманія христіанства въ вышеуказанномъ смыслѣ, не какъ отвлеченной системы, а какъ нравственно животворной силы и правила жизни, призванной къ оцерковленію не только въ частномъ быту, но и въ общественномъ и государственномъ.

Идея аскезы, проникающая Московскій государственный строй.

Пока мы должны остановиться на двухъ элементахъ, обнаружившихъ себя такъ ярко въ представленіяхъ о царской власти: это — аскеза, а съ другой стороны, внѣшняя церемоніальность, обрядовой характеръ въ выраженіи русскихъ представлений о царѣ. Остановимся прежде всего на идеѣ аскезы, проникающей собой весь строй жизни и въ странѣ, и во дворцѣ. Для лицъ, не придающихъ Православію никакого значенія, всѣ церемоніи Московскаго двора и весь укладъ его жизни могутъ представляться лишь ненужнымъ придаткомъ жизни въ лучшемъ случаѣ; недаромъ они съ такой легкостью были отмѣнены, когда вторглись на Русь протестантскія вѣянія, овладѣвшія царемъ Петромъ. Но для Московской Руси, и вообще для всякаго убѣжденнаго въ истинѣ Православія, дѣло обстоитъ не такъ. Смысль аскетизма, понимаемаго какъ самоограниченіе въ своихъ естественныхъ потребностяхъ, вовсе не заключается въ самодовлѣющемъ актѣ отреченія отъ міра, а въ духовномъ

перевоспитаніи челоѣческаго существа, то есть, во внутреннемъ подвигѣ, имѣющемъ конечной цѣлью вѣчную жизнь въ царствѣ небесномъ; но это перестроеніе внутренняго челоѣка попутно пересоздаетъ и жизнь временную въ царствѣ земномъ.

Первой цѣлью является очищеніе чувствъ, воспитаніе воли, усовершенствованіе ума, то есть, стать „во единого новаго челоѣка“, согражданиномъ святымъ и своимъ Богу, имѣя Христа краеугольнымъ камнемъ, какъ говоритъ Апостоль Павелъ (Еф. 2, 20). Это сосредоточеніе на „единомъ на потребу“ не исключаетъ попеченій о земномъ, но только эти попеченія подчинены высшей задачѣ, какъ не мѣшаль и аскетическій принципъ въ строѣ Московскаго государства заботѣ о ростѣ и могуществѣ этого государства. Забота о внѣшнемъ строѣ косвенно выполняется здѣсь внутреннимъ перевоспитаніемъ челоѣка-создателя этого строя.

Христіанское подвижничество не является вовсе врагомъ земного строительства, ибо оно враждебно только тому грѣховному состоянію, которое явилось искаженіемъ челоѣка, но не тому, которое при благодатной помощи подается челоѣку. Подвижничество христіанское не упраздняетъ міра, а призвано его перерождать изнутри путемъ духовнаго перевоспитанія челоѣка. Въ этомъ отношеніи и античное и буддійское подвижничество кореннымъ образомъ отличаются отъ христіанства. Если первое основывается на дуализмѣ двухъ борющихся началъ добра и зла, то второе является средствомъ къ полному самоуничтоженію; между тѣмъ какъ христіанское подвижничество стремится приблизить челоѣка къ идеалу нравственной чистоты и святости съ надеждой еще на землѣ преодолѣть въ себѣ зло и начать вѣчную жизнь еще здѣсь. **Что христіанское подвижничество есть именно это стремленіе къ возрожденію жизни въ духѣ**, видно изъ сочиненій основоположниковъ этого подвижничества, основную характеристику коихъ даетъ Проф. Кожевниковъ въ своемъ сочиненіи „О значеніи христіанскаго подвижничества“.

Святые отцы о подвижничествѣ.

Антоній Великій устанавливаетъ внѣшнія правила подвижничества, давая поученія о всемъ, что можетъ разслабить и укрѣпить душу. **Макарій Великій** каждымъ словомъ даетъ направленіе трудамъ подвижающихся, указывая конечную цѣль всѣхъ трудовъ. Онъ раскрываетъ сущность христіанства, цѣль и вѣнецъ пути, освященіе души благодатью Святаго Духа. **Ефремъ Сиринъ** созерцаетъ гроз-

ную правду суда Божіяго и огненнымъ словомъ призываетъ къ непрестанному покаянному очищенію души, безсильной безъ очищенія достигнуть царства Божія. **Іоаннь Лѣствичникъ** анализируетъ внутреннее состояніе духа, природу чувствъ, страстей и раскрываетъ процессъ ихъ зарожденія, развитія и видоизмѣненія. **Исаакъ Сиринъ** создалъ своеобразную, основанную на духовномъ опытѣ, теорію познанія, раскрывая шествіе и подъемъ души къ Богопознанію отъ низшей ступени до способности созерцанія Тайны Св. Троицы. **Симеонъ Новый Богословъ** съ величайшей живостью и реальностью раскрываетъ потусторонній міръ, какъ реальность, находящуюся у него передъ глазами, каковой для плѣнниковъ плоти является міръ земной. Если таково значеніе самоограниченія, именно какъ средства и методологическаго приѣма, а суть дѣла во внутреннемъ воспитаніи и дисциплинѣ духа, то къ **критикѣ этого строя жизни нельзя подходить съ внѣшней точки зрѣнія.**

Значеніе аскезы для общественной жизни.

Въ отсутствіи нравственнаго самоустроенія на незыблемой основѣ заключается причина многихъ и внѣшнихъ неустройствъ въ жизни. Иной незыблемой основы, кромѣ Христа, быть не можетъ; всякій видъ частнаго житейскаго подвига долженъ имѣть въ Немъ свою основу, чтобы имѣть упованіе на жизнь вѣчную, а черезъ то имѣть возможность преодолѣть колебаніе и сомнѣніе въ смыслѣ жизни и не попасть на путь невѣрія и устремленія въ небытіе. Аскетическій идеаль непріемлемъ былъ для огромнаго большинства людей начала XX вѣка въ виду господства натуралистическаго убѣжденія въ естественности даннаго состоянія человѣка со всѣми обуевающими его страстями, требующими удовлетворенія. Между тѣмъ аскетическій идеаль исходитъ изъ несовершенства и испорченности человѣческой природы и необходимости стяжанія даровъ Духа Святаго для преображенія грѣховнаго состоянія въ праведное. Эта коренная противоположность стремленій происходитъ отъ противоположныхъ взглядовъ на цѣль земной жизни, есть-ли она — мѣсто для приготовленія къ чему-то вѣчному, или просто арена для наслажденій плоти. Когда стало клониться къ упадку Римское міродержавство, то обуздать распущенность языческаго міра и натискъ грубаго варварства, возродить человѣчество къ новой жизни могла только работа духа надъ плотью христіанскихъ подвижниковъ и вѣра ихъ, подкрѣпленная реальными примѣрами. Подвижничество,

помимо своей субъективной стороны, имѣть и значеніе общественное. Это значеніе его признано и современными учеными разныхъ спеціальностей. Такъ **Цёклеръ** говоритъ: „Новое всемірно-историческое величіе христіанскаго аскетизма въ томъ, что въ немъ, на основѣ всесторонняго стремленія къ Христу, происходитъ совершенствованіе, очищеніе и укрѣпленіе человѣческой личности и при томъ не для нея самой только, а для цѣлаго общества, для цѣлаго міра; здѣсь всѣ подвиги, всѣ проявленія аскетизма подчинены дѣлу Церкви Христовой, плодоношенію всѣхъ для всѣхъ въ дѣлѣ любви. Вслѣдствіе этого, вліяніе аскетизма особенно сильно обнаруживается именно на общественной нравственности. Христіанское монашество развивается въ творческую, первостепенную силу культуры, силу, воспитывающую народы въ теченіе вѣковъ". **Зольтау** говоритъ: „Надо признать, какое великое дѣло было совершено въ мірѣ этими аскетами, отрeksiмися отъ міра". Проф. **Маусъ** признаетъ слабостью протестантизма отсутствіе организаціи аскетическаго свойства, говоря: Это молчаливая, но вліятельная проповѣдь подвиговъ совершается не для подавленія міра, не для приниженія свѣта, а для его упорядоченія и освященія. Иночество — вѣнецъ христіанскаго общества; его примиренія въ современной жизни требуетъ самый ея культурный идеаль, а одинъ **Лондонскій профессоръ** сказалъ, что всеобщій современный недугъ — душевное безпокойство нашего вѣка — требуетъ для своего исцѣленія не столько безконечныхъ разсужденій и суетливаго размѣна духовной энергіи на внѣшнія мѣры устроенія жизни, сколько сосредоточенія ея на самоуглубленіи и самовоспитаніи.

Элементы вѣчной цѣнности въ Московскомъ государственномъ строѣ.

Въ немъ — онъ ищетъ лѣкарства противъ безпокойства и духовной смуты вѣка сего. Быть можетъ, **уроки современности** прольютъ другой свѣтъ на прежній Московскій строй, и онъ будетъ оцѣненъ не какъ отжившее заблужденіе, а какъ нѣчто, **носящее въ себѣ элементы вѣчно цѣннаго**. Мы видимъ тамъ царя, строго блюдущаго уставы Церкви и ежедневно закаляющаго себя въ молитвахъ утромъ, днемъ и вечеромъ, постящагося по-монашески во всѣ положенные посты, заботящагося о нищихъ и больныхъ и странникахъ, и въ немъ видимъ **официальное выраженіе древнерусскаго идеала, выращеннаго на Прологѣ**, этой книгѣ, дававшей пищу вѣками всему обществу отъ хижины до дворца. Прологъ проти-

вопоставляють, какъ характерную духовнонравственную энциклопедію Православнаго Востока со всѣми особенностями его духовныхъ основъ, французской энциклопедіи XVIII вѣка, какъ выразительницѣ совершенно омірщившейся культуры. Въ этой книгѣ принципиально выражень подвижническій идеаль въ святоотеческихъ поученіяхъ, и дана его иллюстрація въ житіяхъ святыхъ. Въ Прологѣ лучшія черты религіозно-нравственнаго христіанскаго міровоззрѣнія народа, для котораго онъ былъ любимой книгой. Эта книга пополнялась и обновлялась по разнымъ церковнымъ требованіямъ, но всегда оставалась единой по духу и имѣла назначеніемъ быть книгой для чтенія во время богослуженія въ Церквахъ, для чтенія братіи въ монастыряхъ. Въ Московскихъ храмахъ въ XVI вѣкѣ на утрени діаконъ читалъ часа 1 ½ — 2 житіе соотвѣтствующаго святого на распѣвъ вмѣстѣ съ молитвами ему. Нравственный идеаль, воспитанный Прологомъ, былъ идеаль аскетическій. „Будущему благу непроходимому и вѣчному и царствію небесному безконечному прелестъ житія сего суетнаго, въ немъ же вся мимо текутъ и мимо ходятъ. Превосходство иноческаго чина, достойно выполняемаго, надъ высокимъ земнымъ, не исключая и царскаго, считалось непререкаемымъ, говоритъ **проф. Кожевниковъ**, что и выразилось въ легендарномъ сказаніи „О царѣ Константинѣ, како сшедъ съ небесъ, бесѣдовалъ съ Паисіемъ Пустынникомъ". „Если бы я зналъ, говоритъ первый изъ царей, что такая слава и честь ожидаютъ въ царствіи небесномъ монаховъ, то оставилъ бы корону и порфиру со скипетромъ и маловременное суетное царство и послѣдовалъ бы житію монашескому". И русскіе цари передъ смертью принимали нерѣдко иноческій санъ: такъ не только сдѣлалъ великій князь Василій III, но и Іоаннъ IV.

Аскетическій идеаль нравственности считался даннымъ для подражанія не однимъ инокамъ, а и мірянамъ. Условіемъ спасенія полагалось для всѣхъ выполнение общаго для всѣхъ идеала, даннаго въ святоотеческихъ твореніяхъ Пролога. Въ Прологѣ написано: „Пусть не мѣсто спасаетъ, ни ризы черныя, ни монастырь ни пустыня сама по себѣ, а дѣла. Пусть мірянъ не погубятъ ризы бѣлыя, пусть забота о женѣ, о дѣтяхъ, о домашнихъ не только не грѣховна, но, наоборотъ, уклоняющійся отъ обязанностей относительно ближайшихъ хуже невѣрующаго; пусть даже и богатство нѣсть зло, аще добрѣ строено". Но все это допустимо на томъ лишь условіи, чтобы въ основу и мірской жизни положено было подвижническое трезвенное

отношеніе къ ней, убѣжденіе, что въ ней нѣтъ абсолютной самодовлѣющей цѣнности, что она — не самостоятельное благо, а — подвигъ смиренія, кротости, воздержанія, дѣятельной любви не ради земного, а ради небеснаго съ возможно полнымъ самоотреченіемъ, настолько, что забота о своемъ личномъ спасеніи не должна затмѣвать памяти о спасеніи другихъ, всѣхъ, такъ что даже и самая молитва должна быть не вся за ся, но лишь третья часть за ся, а остальное все за вси крестьяны и за князя". Этотъ путь „узкій и жестокий" былъ нормой жизни, и всякій другой почитался кривопутъемъ, ведущимъ къ гибели всей земли русской, какъ распутства и озвѣренія языческаго житія, гдѣ можно „аки скотомъ наслаждаться плотскими, по своему хотѣнію безъ устава". Въ половинѣ XVI вѣка Митрополитъ Макарій далъ, по выраженію Голубинскаго, монументальное воплощеніе духа восточнаго подвижническаго благочестія въ Четьи-Минейхъ. Здѣсь смыслъ и задача жизни представлены въ чисто святоотеческомъ пониманіи, и строгость этого идеала можно противопоставить Тридентской морали католицизма, отступившаго отъ святоотеческой традиціи въ пользу извѣстнаго компромисса съ бытомъ нравственно ослабѣвшаго общества въ теоріи пробабиллизма. Здѣсь то и была опасность омірщенія и превращенія Церкви въ огромное политическое учрежденіе уже безъ той духовной силы, которую являли подвижники не только Восточной, но и Западной Церкви.

Святоотеческія поученія были литературой для чтенія, но еще больше спасали душу народную сами подвижники; ни татарское иго, ни трудности борьбы съ природой не прекратили просвѣщенія народнаго. Только благодаря этому примѣру, говоритъ проф. Кожевниковъ, несмотря на всю грѣховность жизни, народное сознаніе никогда не оправдывало грѣховности. Надъ мрачной бездной того, что преступно творилось въ жизни, незатмѣваемымъ солнцемъ сіялъ образъ высшей чистоты и правды, образъ не того, что было и есть въ грѣшномъ мірѣ, а того, что по совѣсти, по Божьему закону, по святоотеческому преданію должно было быть. Этотъ образъ не былъ несбыточной мечтой, а былъ здѣсь на родинѣ воочию, передъ лицомъ всѣхъ, въ духовныхъ отцахъ души народной, въ тѣхъ, что непорочными звѣздами нравственной чистоты ярко сіяютъ сквозь дебри лѣсныхъ и болотныхъ пустынь и изъ безмолвія темныхъ затворовъ, среди полуночной тьмы окружавшей ихъ грубости и злого прибоа разнузданныхъ страстей. Въ лицѣ благодатнаго воспитателя земли русской Преподобный Сергій всходитъ, какъ бы солнце духовное,

послѣ ужасовъ Монгольскаго ига и внутренней усобицы. Съ нимъ, усвоившимъ изъ всѣхъ добродѣтелей преимущественно кротость, равную любовь и добротвореніе ко всѣмъ, съ нимъ милостивымъ, добросердымъ, нищелюбивымъ, обличавшимъ даже виновныхъ не съ яростью, но яко издалека притчами, съ тихостью, съ нимъ, подобно рѣкѣ многоводной и тихоструйной и всѣхъ увѣщавшимъ наипаче смиреніемъ украшаться, и изъ его семьи духовные лучи „свѣта тихаго“ полились обильно по лицу земли родной, направляясь въ душу пустынныхъ дебрей, гдѣ стали возникать монастыри, оттуда воздѣйствуя обратно на города и веси, на жизнь мірскую, обособиться отъ которой не могли и не считали себя въ правѣ эти любители „едину единствованія“. Вліяніе праведниковъ шло черезъ исповѣдь: и бояре, и князья дрожали, идя на исповѣдь къ Пафнутію Боровскому, котораго нельзя было ничѣмъ ни утратить, ни подкупить. Также, какъ духовникъ, имѣлъ еще больше вліянія Іосифъ Волоколамскій. Праведники вліяли на князей и тѣмъ, что у нихъ испрашивалось великими князьями благословеніе въ важныхъ государственныхъ и семейныхъ дѣлахъ.

Кромѣ поученія примѣромъ жизни и словомъ, русское иночество подавало примѣръ милосердія нищелюбіемъ. Эта милостыня замѣняла современную благотворительность учреждений и восхвалялась въ Прологѣ: „Нищелюбіе есть больше молитвы, поста и иныхъ спасительныхъ и Богоугодныхъ дѣлъ, выше самого дѣвства, его же ничто же выше“. **Дмитрій Прилуцкій** внушалъ, что рабовъ и сиротъ надо почитать прежде, чѣмъ иноковъ. **Евфимій Суздальскій** проповѣдывалъ любовь къ странникамъ. Мы видѣли выше, какъ примѣръ этому нищелюбію подавалъ самъ царь, не сажившійся обѣдать въ большіе праздники до накормленія нищихъ; мы видѣли, какъ въ праздники царь посѣщалъ заключенныхъ, плѣнныхъ и раздавалъ милостыню.

Московская идея царской власти — отраженіе народнаго нравственно практическаго пониманія христіанства.

Московскій царь былъ выраженіемъ того нравственно практическаго пониманія христіанства, о которомъ говорилъ проф. Доброклонскій, какъ характерномъ для русскаго пониманія и осуществленія христіанства. И эта дѣятельность Московскаго царя была неразрывно связана съ его саномъ и можетъ быть понимаема, какъ церковно государственное установленіе, выражающее народное воззрѣніе на царя. И подвигъ строго устав-

ной жизни царя, смиряющагося добровольно передъ церковными требованіями, есть средство снисканія имъ благодати Духа Святаго, при содѣйствіи которой всѣ его рѣшенія въ государственныхъ дѣлахъ будутъ плодомъ мысли и воли, очищенныхъ отъ наслоеній, затуманивающихъ ясность мысли и твердость воли. Именно это возвышеніе надъ земными страстями, это преображеніе плоти и міра черезъ ихъ преодоленіе и имѣетъ въ виду требованіе строгаго выполненія церковнаго устава, являющаго собой плодъ духовнаго опыта святыхъ отцовъ. Эти качества царя — необходимыя условія успѣшности его дѣянія, и такимъ образомъ все, дѣлаемое имъ для достиженія ихъ, является условіемъ благополучія и для всего государства. Такъ въ свѣтѣ православнаго ученія весь ритуаль жизни Московскаго царя есть не внѣшняя декоративность, которая можетъ быть, а можетъ и не быть, а есть неразрывная часть его царскихъ обязанностей.

Обрядовый характеръ Русскаго Православія. Значеніе обрядовъ.

Еще другая черта есть въ Московскомъ строѣ, которая поражала иностранцевъ, посѣщавшихъ Москву въ XVI и XVII столѣтіи, и которая является также характерной чертой Русскаго Православія. Это — церемоніальность и обрядовый характеръ его. На немъ приходится остановиться по двумъ основаніямъ: во-первыхъ, существуетъ мнѣніе, навѣянное протестантизмомъ, что христіанство есть духовная религія, а потому все въ немъ должно носить духовный характеръ (Іоанна IV, 21—24), согласно словамъ Спасителя о томъ, что наступитъ время духовнаго поклоненія Богу, а потому и обряды излишни; во-вторыхъ, въ сужденіи о ненужности обрядовыхъ церемоній упускается изъ виду то значеніе воспитательной стороны политическихъ учрежденій, на которое въ XIX вѣкѣ обратилъ вниманіе Джонъ Стюартъ Милль. Сначала о первомъ вопросѣ. Въ Православіи церковное Богопочтеніе связывается съ опредѣленнымъ мѣстомъ и временемъ. Въ опредѣленные часы дня и ночи бываетъ благовѣсть, въ опредѣленные часы выходъ царя, въ опредѣленные праздничные дни та или другая церемонія; все установлено съ точностью, и люди призываются жить не по влеченію сердца, а по церковному уставу. Что же призванъ выражать собой этотъ твердо установленный порядокъ церемоній? Основа обряда въ человѣческой природѣ: человѣкъ не только тѣло и не только духъ, и потому явленія одной природы духовной вовлекаютъ въ участіе другую, чувственную; и наоборотъ —

явленія одной природы отражаютъ на себѣ свойства другой. Мы можемъ одухотворять процессы физическіе, напримѣръ, процессомъ зрѣнія видѣть Бога, какъ Онъ открывается въ природѣ, видѣть красоту, цѣлесообразность, законосообразность творенія и черезъ это возноситься къ Творцу; можемъ смотрѣть на икону и возноситься мыслію къ міру горнему; можемъ видѣть въ историческихъ событіяхъ дѣйствія Промысла Божіяго. Наибольшую степень одухотворенія природы мы видимъ въ явленіяхъ Богочеловѣка на землѣ и въ церковныхъ таинствахъ. Специально установленныя въ Церкви обрядовыя дѣйствія призваны вызывать въ насъ извѣстныя высокія религіозныя идеи, чувства, при чемъ внѣшнія дѣйствія могутъ лишь намекать на идею, не будучи адекватны ей. **Цѣль обряда не въ немъ самомъ, а въ томъ религіозномъ чувствѣ, которое онъ выражаетъ.** Той же цѣли служатъ искусства, но разница въ томъ, что та истина и красота, которыя выражаются въ церковномъ обрядѣ, установлены Церковью и призваны не слѣдовать за субъективнымъ и индивидуальнымъ пониманіемъ, а приводить людей къ выражаемымъ ими идеямъ. Выраженіе это предназначено быть общественнымъ, чтобы выразить общность вѣры, чувствованій, стремленій, какъ и всѣ выраженія дѣятельности человѣка отражаютъ на себѣ его общественную природу. Общественное и церковное значеніе обряда въ томъ, что обрядъ выражаетъ религіозно-нравственныя отношенія людей, призванныхъ Богомъ къ внутреннему общенію и единенію между собой. Когда въ церковной церемоніи появляется царь въ своемъ полномъ облаченіи съ наперснымъ крестомъ на груди, то этимъ запечатлѣвается его неразрывная связь съ Церковью и самая идея его власти, установленной Богомъ для служенія Богу земными средствами человѣческой власти для облегченія условій человѣческаго общежитія ради спасенія душъ человѣческихъ. Конечная цѣль обряда — прославленіе Бога.

Обрядъ не можетъ замѣнить нравственной дѣятельности человѣка, ибо онъ даетъ выраженіе другимъ стремленіямъ души. **Въ нравственной дѣятельности человѣкъ стремится осуществить идеаль, данный въ религіи, и внести лучъ горняго свѣта въ темный хаосъ житейскихъ отношеній;** въ этой дѣятельности участвуетъ воля человѣка, ради торжества правды и добра, и выражается любовью къ ближнему. **Обрядъ же служитъ для усиленія представленій, созерцанія;** онъ призванъ отвѣтить на наши стремленія къ міру горнему, идеальному, поставить въ непосредст-

венное отношеніе къ Богу, помочь черезъ посредство чувственнаго приблизиться къ міру болѣе высокому. Въ обрядѣ человѣкъ стремится къ обновленію и освященію своей природы черезъ соприкосновеніе съ міромъ небеснымъ, насколько это возможно для ограниченной плотской человѣческой природы. Обрядъ призванъ възгрѣвать чувства человѣка и черезъ это дать болѣе стимулъ для нравственной дѣятельности, которая сама нуждается въ наличности идеала для своего руководства и не можетъ быть самодовлѣющей, а потому она — сама питается отъ всего того, что приближаетъ къ намъ идеаль и его ощущеніе. Обрядъ даетъ выраженіе нашихъ стремленій къ Тому Личному Существу, Которое насъ сотворило и Которому мы воздаемъ преданность и любовь; а нравственная дѣятельность даетъ выраженіе нашимъ чувствамъ къ людямъ, братьямъ во Христѣ, черезъ ту любовь къ Богу, которая питается въ дѣйствіяхъ обрядовыхъ.

Объ дѣятельности нашли себѣ прототипъ въ Евангельской исторіи. Если Христосъ Спаситель сказалъ о существѣ закона (Мѣ. 22, 40): „Въ сію обою заповѣди весь законъ и пророки висятъ“, т. е. о заповѣди о любви къ Богу и ближнимъ, то Онъ же въ другомъ мѣстѣ (Мѣ. 26, 8—13) сказалъ о женщинѣ, ставшей возливать Ему на голову драгоценное миро, что соблазнило иныхъ, какъ непроизводительная трата денегъ, могущихъ идти на бѣдность: „Аминь глаголю вамъ: идѣже аще проповѣдано будетъ Евангеліе сіе во всемъ мірѣ, речется и еже сотвори сія, въ память ея“. Обязанность къ ближнимъ не уничтожаетъ обязанностей къ Богу. Обрядъ имѣетъ и учительное, и воспитательное значеніе, ибо служить выраженіемъ исповѣдуемыхъ истинъ. И исторія домостроительства нашего спасенія и догматика находятъ выраженіе въ церковныхъ обрядахъ, которые въ наглядной формѣ, дѣйствуя на наши чувства, приводятъ къ проникновенію во вложенную въ нихъ истину. Обрядъ является школой религіозныхъ истинъ съ другимъ методомъ, чѣмъ научное знаніе, дѣйствующимъ непосредственно на чувство, а не на умъ, черезъ наше непосредственное прикосновеніе къ святынь. **Если наученіе является главнымъ дѣломъ проповѣди, то дѣломъ обряда является удовлетвореніе нашихъ религіозныхъ чувствъ;** это почитаніе обрядовой стороны однако не должно идти дальше извѣстныхъ границъ, и обрядъ долженъ быть осмысленъ, для того, чтобы не сдѣлаться мертвой формой, закрывающей выражаемую имъ истину. Истина можетъ быть выражена различно, и отъ этого не мѣняется сво-

его существа; потому и допустимо различіе въ обрядахъ, что они имѣють не самостоятельное, самодовлѣющее значеніе, а вспомогательное. Самое развитіе обрядовой стороны въ русскомъ благочестіи лишній разъ подтверждаетъ характеристику Проф. Доброклонскаго, что русскій народъ обратилъ главное вниманіе на практическое выраженіе христіанства. **Выраженіемъ нравственной стороны его было нищелюбіе, любовь къ бѣднымъ и странникамъ.** И опять эти стороны христіанства запечатлѣны въ томъ санѣ, который является воплощеніемъ народнаго идеала, царь — Божіемъ помазанникѣмъ, призванномъ стяжать благодать Духа Святаго на управленіе царствомъ, и публично свидѣтельствовать свое исповѣданіе практическаго христіанства исполненіемъ его нравственныхъ требованій и участіемъ въ тѣхъ чувствахъ, которыя вызываетъ въ вѣрующихъ Творецъ и Искупитель человѣчества. Если частный домъ въ XVI и XVII вѣкѣ представлялъ изъ себя продолженіе храма, то тѣ публичные царскіе выходы являлись продолженіемъ священнодѣйственныхъ церковныхъ церемоній въ храмѣ; многія изъ нихъ прекратились только тогда, когда, подъ вліяніемъ протестантскаго воззрѣнія на ненужность обряда, послѣдній былъ осмѣянъ публично и на смѣну этихъ выходовъ явилась пародія всешутѣйшаго патріарха и всепьяннѣйшаго собора, въ которомъ царь Петръ игралъ шутовскую роль діакона, какъ того сана, къ которому приурочивалось положеніе царя въ Церкви.

Расцерковленіе государства при Петрѣ I.

Это учрежденіе существовало, какъ особая организація, десятки лѣтъ и призвано было вытравлять изъ чувствъ народа привязанность къ обрядамъ, наглядно выставляя обрядъ, какъ бутафорію и какъ ненужную комедію. Прекратилось дѣйство страшнаго суда, происходившее въ Воскресенье передъ маслянницей, прекратилось съ Патріаршествомъ и шествіе Патріарха на ослати въ Вербное воскресенье; прекратилось самое право печалованія Патріарховъ послѣ того, какъ Петръ сказалъ Патріарху Адріану, обратившемуся съ просьбой къ нему въ рукахъ съ образомъ Божіей Матери, что онъ Ее любитъ больше еще, чѣмъ Патріархъ, и „чтобы тотъ не совался не въ свои дѣла". Прекратилось и поученіе Патріарха Царю передъ коронованіемъ. **Такъ съ царской власти постепенно снимался тотъ ореолъ причастности къ горнему міру, которую**

свидѣтельствовали Московскіе цари въ своихъ установленіяхъ.

Это были тѣ дѣйствія расцерковленія государства и въ частности царской власти, которымъ начало было положено въ половинѣ XVII вѣка царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ или вѣрнѣе черезъ него его ближайшимъ боярскимъ окруженіемъ. Съ этимъ расцерковленіемъ государства и вступилъ въ борьбу Патріархъ Никонъ, принесшій въ жертву этому всѣ свои гигантскія, данныя ему отъ Бога дарованія. Мы увидимъ, что его борьба носила тотъ характеръ, который именно предписывался Словомъ Божиимъ и Православной Церковью Архипастырямъ, и что характеристика его дѣяній, начатая его злѣйшимъ противникомъ и безнравственнѣйшимъ человѣкомъ — Паисіемъ Лигаридомъ легла въ основу дальнѣйшихъ сужденій о немъ, продолженная Петромъ I, Теофаномъ Прокоповичемъ, пропитанная чисто протестантской реакціей противъ несуществовавшего у насъ папизма, слѣпо заимствованной изъ совершенно другихъ условій борьбы и изъ чуждаго идейнаго источника. Характеристика эта, продолженная XVIII вѣкомъ — вѣкомъ Вольтеріанскаго вольнодумства и наконецъ историками XIX вѣка и начала XX, исходящая изъ неправильной юридической конструкціи императорской власти, не отличающей ее отъ власти Римскаго императора *pontifex maximus*, требуетъ коренного пересмотра не только въ виду засоренности источника, изъ котораго заимствовалось мѣрило сужденія и факты жизни, но и потому, что до сихъ поръ не заслушанъ самъ подсудимый, который достаточно подробно объяснилъ свои воззрѣнія въ сочиненіи, доселѣ не напечатанномъ на русскомъ языкѣ. Оно лежитъ въ Воскресенскомъ монастырѣ въ видѣ рукописи, гдѣ его видѣлъ Кіевскій Митрополитъ Антоній, но передъ нами находится въ англійскомъ печатномъ изданіи, представляющемъ I томъ сочиненія William Palmer'a „The Patriarch and the tsar“.

Оцѣнка Московскаго государственнаго строя съ политико-воспитательной точки зрѣнія. Джонъ Стюартъ Милль.

Возвращаясь къ установленію Московскаго строя, направленному къ публичному выявленію церковнаго міросозерцанія, обратимъ вниманіе на то, что эти церковныя церемоніи и царскіе выходы являлись стимуломъ распространенія и укрѣпленія церковнаго міросозерцанія и въ то же время залогомъ крѣпости самаго государственнаго строя.

Воспитательно-политическое значеніе Московскаго государственнаго строя.

Если мы не отказываемся отъ мысли, что Христіанство является лучшей поддержкой государственныхъ основъ, которыя оно освящаетъ и укрѣпляетъ (а отъ этого отказаться невозможно, ибо всякое исповѣданіе дѣлаетъ изъ человѣка и изъ народа то, что онъ есть), то мы оцѣнимъ этотъ строй и съ точки зрѣнія его воспитательнаго значенія. Вотъ что говоритъ Джонъ Стюартъ Милль въ своемъ сочиненіи „Du Gouvenement représentatif", p. 41.¹ „Le premier élément de bon gouvernement étant la vertu et l'intelligence des êtres humains qui composent la communauté, l mérite le plus important que puisse posséder un gouvernement, c'est développer la vertu et l'intelligence du peuple lui même. L'a première question à l'égard de toute institution politique est de savoir à quel point elle tend à développer chez les membres de la communauté les différentes qualités morales ou intellectuelles ou plutôt les qualités morales, intellectuelles et actives. Le gouvernement qui remplit le mieux cette condition, est apparemment le meilleur sous tous les autres rapports. Nous pouvons donc regarder comme un critérium de ce que vaut un gouvernement, la mesure dans lequel il tend à accroître la dose de bonne qualité des gouvernés, collectivement et individuellement: puisque sans parler de leur bien-être qui est l'objet principal du gouvernement leurs bonnes qualités fournissent la force motrice qui fait marcher la machine". А въ другомъ мѣстѣ² (p. 45): „On aperçoit le double mérite dont est susceptible tout ensemble d'institutions politiques. L'un consiste dans la manière dont les institutions favorisent le progrès intellectuel de la communauté, l'autre consiste dans la perfection avec laquelle les institutions organisent la valeur morale, intellectuelle et active, qui existe déjà, de façon

¹ „Такъ какъ первый элементъ хорошаго правительства суть добродѣтель и разумъ живыхъ существъ, составляющихъ общество, то самая важная заслуга правительства — развивать добродѣтель и разумъ самого народа. Первый вопросъ по отношенію ко всякому политическому учрежденію, въ какой степени оно стремится развивать у членовъ общества различныя моральныя или интеллектуальныя качества или, скорѣе, качества моральныя, интеллектуальныя и дѣятельныя. Правительство, которое наилучшимъ образомъ выполняетъ это условіе, есть, повидимому, лучшее во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Мы можемъ поэтому разсматривать какъ критерій оцѣнки правительства, мѣру, въ которой оно стремится увеличивать хорошія качества управляемыхъ, коллективно или индивидуально, такъ какъ, не говоря объ ихъ благосостояніи, которое есть главная цѣль правительства, ихъ хорошія качества доставляютъ движущую силу, приводящую машину въ движеніе".

² „Вся совокупность политическихъ учреждений можетъ имѣть двойное значеніе. Первое касается содѣйствія интеллектуальному прогрессу общества, второе касается совершенствованія въ дѣлѣ организациі этими учрежденіями уже существующихъ цѣнностей моральныхъ, интеллектуальныхъ и активныхъ въ томъ смыслѣ, чтобы дать имъ наибольшее воздѣйствіе на общественныя дѣла. Должно расцѣнивать правленіе по его вліянію на вещи, по тому, что оно дѣлаетъ изъ гражданъ, и по тому что оно дѣлаетъ съ ними, по его тенденціи улучшать или ухудшать самихъ людей, и по заслугамъ и недостаткамъ трудовъ, или совершенныхъ для гражданъ или съ гражданами. Правительство является одновременно и огромнымъ вліятельнымъ факторомъ, воздѣйствующимъ на духъ людей, и организаціей для общественныхъ дѣлъ. Въ первомъ случаѣ его благотѣльное вліяніе косвенно, хотя и не менѣе дѣйственно, тогда какъ вредное вліяніе можетъ быть непосредственнымъ, прямымъ".

à lui donner le plus d'action possible sur les affaires publiques. On doit juger un gouvernement par son action sur les choses, par ce qu'il fait des citoyens et par ce qu'il fait avec eux, par sa tendance à améliorer ou à détériorer les hommes eux mêmes, et par le mérite ou le vice des oeuvres qu'il accomplit, soit pour eux, soit avec eux. Le gouvernement est à la fois une grande influence agissant sur l'esprit humain et un ensemble de combinaisons organisées pour les affaires publiques. Dans le premier cas, son action bienfaisante est éminemment indirecte quoiqu'elle n'en soit pas moins vitale, tandis que son action nuisible peut être directe". Мы имѣемъ въ виду именно первое значеніе правительства, какъ воспитательной силы; государство, стремившееся къ оцерковленію, давало публично примѣръ уваженія къ Церкви, какъ позже государство, стремившееся поставить интересы земные выше интересовъ Церкви, поставило ее въ разрядъ своихъ подчиненныхъ учреждений и осмѣяло ея обряды.

Выше цитированныя слова знаменитаго позитивиста XIX вѣка мы привели для того, чтобы показать, какъ Московскій государственный строй, положившій въ основу свою „едино на потребу", можетъ и съ утилитарной точки зрѣнія быть оцѣненъ, какъ великая историческая цѣнность, ибо онъ въ, полной мѣрѣ удовлетворялъ требованіямъ лучшаго правительства — стараться воспитать своихъ гражданъ и показывать значеніе тѣхъ высшихъ цѣлей, служить которыми онъ считалъ себя предназначеннымъ — прежде всего охранять Православіе, какъ идею, животворящую жизнь государства, и давать въ государствѣ положеніе Церкви, соотвѣтствующее; высотѣ ея цѣли — спасенія человѣческихъ душъ.

Образъ пещного дѣйства. Смыслъ его прекращенія.

Въ смыслѣ идейнаго перелома, начавшагося въ половинѣ XVII вѣка, интересенъ одинъ обрядъ, который былъ введенъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и потомъ отмѣненъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; обрядъ этотъ иллюстрировалъ ограниченность полномочій государственной власти и требованіе подчиняться Богу болѣе, нежели людямъ. Мы разумѣемъ пещное дѣйство. Оно записано въ церковныхъ выходахъ впервые 22 декабря 1633 года (еще записано при Михаилѣ 22 дек. 1634 г., 18 дек. 1636 г., 17 дек. 1637 г. и 26 дек. 1638 и 15 дек. 1639 г.). Оно описано въ V томѣ Пальмерова сочиненія на 753—760 стр., при чемъ Пальмеръ замѣчаетъ, что оно прекратилось еще при царѣ Алексѣѣ, когда дѣйствительность заняла мѣсто представленія.

Послѣ изданія Уложенія 1649 г. можно наблюдать расширеніе юрисдикціи Монастырскаго Приказа на основѣ его постановленій и нарушенія царемъ его обѣта уважать церковные каноны. „Nicon in his retirement at Voskresensk and still more in his exile and imprisonment in the Therapontoff and Kyrilloff monasteries, was spiritually in in the Babylonian furnace"¹ (760 стр.). Воспроизводилась въ Воскресенье предъ Рождествомъ въ Московскомъ Соборѣ и въ Новгородскомъ исторія трехъ еврейскихъ отроковъ, отказавшихся поклониться золотому изображенію Навуходоносора и брошенных за это въ огненную печь. Церемонія происходила такъ: трое юношей, изображающихъ еврейскихъ отроковъ, облачаются въ выходную одежду и отправляются къ Епископу въ Крестовую Палату передъ вечерней и полунощницей и оттуда идутъ въ соборъ, предшествуя ему. Во время 7-го гимна каноновъ за утреней (посреди церкви стоитъ печь, окруженная свѣтильниками), когда они начинаютъ 7-ой стихъ: Три отрока",... руководитель юношей беретъ благословеніе и проситъ Епископа благословить ихъ идти на мѣсто, для нихъ приготовленное. Онъ идетъ затѣмъ въ алтарь и, связывая юношей, передаетъ ихъ черезъ сѣверную боковую дверь халдеямъ вести ихъ предъ Епископское мѣсто. Но прежде халдеи указываютъ на печь и говорятъ: „Вы, дѣти Царя (Царя Небеснаго, Который выше царей земныхъ), видите эту горящую печь? Она приготовлена для васъ, чтобы мучить васъ". Ананія: „Мы видимъ и не боимся. Онъ можетъ освободить насъ изъ нея". Азарія: „И Онъ освободитъ насъ отъ вашихъ рукъ". Мисаиль: „И эта печь не будетъ намъ мукой, но для васъ она будетъ хулой и опроверженіемъ". Затѣмъ халдеи ведутъ ихъ къ Епископскому мѣсту, и они поютъ: „Поспѣши намъ помочь, ибо Ты можешь, если захочешь". Протодіаконъ зажигаетъ въ алтарѣ три свѣтильника для отроковъ и стоитъ въ царскихъ дверяхъ. И, когда они поютъ послѣднюю стадію, онъ входитъ съ тремя свѣчами и беретъ благословеніе у Епископа; когда воздадутъ почестъ Епископу, руководитель ихъ развязываетъ, и Ананія идетъ за благословеніемъ, и Епископъ благословляетъ его, даетъ ему свѣчу и также Азаріи и Мисаилу. Всѣ трое поклоняются Епископу. Затѣмъ первый халдей говоритъ: „Это трое дѣтей Царя?" Отвѣтъ: „Да". Первый халдей: „и они не повинуются приказамъ нашего царя?" Второй: „Они не повинуются". Первый: „И они не поклоняются золотому изображенію?" Второй: „Они не поклоня-

¹ „Никонъ въ своемъ удаленіи въ Воскресенскомъ монастырѣ и еще болѣе въ своемъ изгнаніи и заключеніи въ Терапонтскомъ и потомъ въ Кирилловскомъ монастырѣ духовно былъ въ Вавилонской печи".

ются". Первый: „Тогда мы ихъ бросимъ въ печь". Второй: „И сожжемъ ихъ". Первый халдей беретъ Ананію за правую руку, а второй за лѣвую и ведутъ его съ достоинствомъ въ печь. Въ томъ же порядкѣ ведутъ въ печь и другихъ отроковъ, послѣ чего халдеи запираютъ печь. Приносится жаровня съ пылающими углями. Протодіаконъ поклоняется трижды иконамъ, и Епископъ благословляетъ его кликать 7-ой и 8-ой гимны канона трехъ отроковъ. Три отрока поютъ въ печи то же. Халдеи берутъ трубки съ пучками сѣна и зажженными свѣчами и ходятъ вокругъ печи съ угрозами. Когда протодіаконъ произноситъ послѣднюю часть 7-го гимна: „И пламя подымаютъ надъ печью", а юноши поютъ стихи, ключарь выходитъ изъ правой боковой двери къ Епископу и проситъ его благословить Ангела Господня войти въ печь. Діаконъ беретъ отъ халдея трубки съ пучками и огнемъ, который долженъ сжечь халдеевъ: И, когда юноши кончаютъ пѣніе, діаконъ восклицаетъ: „И Ангелъ Господень спустился съ отроками въ печь и удалилъ изъ печи огненное пламя". Халдеи, стоя по обѣимъ сторонамъ, держатъ надъ головами пальмовыя вѣтки, листованнымъ концомъ по направленію къ алтарю. И когда діаконъ восклицаетъ: „Какъ освѣжающая прохлада", Ангелъ Господень входитъ въ печь къ отрокамъ съ великимъ громомъ; халдеи падаютъ лицомъ на землю, а діаконы поджигаютъ ихъ, какъ бы олицетворяя Ангела (757 стр.). Юноши зажигаютъ отъ Ангела свои свѣчи, и ключарь поднимаетъ Ангела кверху. Отроки поютъ: „Ангелъ Господень..." Халдеи встаютъ, снимаютъ свои колпаки и между ними происходитъ діалогъ: Первый: „Товарищъ! Второй: „Что"? Первый: „Ты видишь"? Второй: „Вижу". Первый: „Тамъ было три, а теперь четыре, и четвертый чрезвычайно страшный подобно Сыну Божию". Второй: „Когда онъ влетѣлъ, онъ побѣдилъ насъ". Подъяки даютъ халдеямъ большія свѣчи каждому по одной, и они берутъ ихъ, склоняя головы на корточкахъ. И когда три отрока кончили пѣть, протодіаконъ восклицаетъ: „Когда эти трое"... И они поютъ этотъ стихъ, смотря на Ангела; они трижды ему поклоняются, и трижды совершаютъ кругъ въ печи. Затѣмъ протодіаконъ восклицаетъ: „Благословенъ Богъ отецъ нашихъ", и отроки поютъ то же; Ангелъ поднимается немного надъ ними, осѣняя ихъ, и они заканчиваютъ 7 и 8 гимны. Затѣмъ Ангелъ снова спускается въ печь съ громомъ, и халдеи падаютъ на колѣни. Отроки поютъ: „О, Ананія, Азарія и Мисаиль", и поютъ и восхваляютъ Ангела. Послѣ пѣнія „Хвалимъ, благословимъ и покланяемся" они смотрятъ на Ангела и воздаютъ ему почести. Когда они поютъ: „Бла-

гослови, Боже отецъ нашихъ", Ангелъ поднимается. Первый халдей беретъ благословеніе позвать Ананію и идетъ въ печь; открывъ двери, онъ стоитъ тамъ безъ колпака и восклицаетъ: „Ананія, выходи изъ печи;" второй халдей: „Идите, ни огонь, ни солома, ни смола не касаются васъ". Первый: „Мы думали сжечь васъ, но мы сами сожжены". Ананій выходитъ, халдеи берутъ его почтительно подъ руки и ведутъ къ Епископскому мѣсту. Первый халдей говоритъ: „Иди, ты сынъ Царя (Небеснаго)." Также выводятся другіе. Епископъ призываетъ къ себѣ церковныя власти, бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, и, стоя на низшей ступени своего мѣста, онъ говоритъ **многолѣтіе за царя и царицу** и за Патріарха; оба хора поютъ по очереди многолѣтіе. Затѣмъ бояре, воеводы и духовныя власти говорятъ многолѣтіе за царя и за Патріарха передъ Епископомъ, и оно повторяется обоими хорами. Подъяки поютъ Епископу: *Εἰς πολλὰ ἔτι δέσποτα* (Исполла эти деспота).

Такъ заканчивается дѣйство, и продолжается и оканчивается утренняя. Но отроки появляются вновь и во время чтенія Евангелія пребываютъ въ печи. Послѣ утрени они идутъ къ Епископу. Послѣ утрени печь уносится, ставится снова амвонъ. Ангела убираютъ туда, откуда его взяли. Отроки и халдеи ведутъ Епископа въ Соборъ къ литургіи, а потомъ вновь его провожаютъ въ его помѣщеніе, гдѣ обѣдаютъ вмѣстѣ съ духовными властями и боярами и получаютъ подарки. За обѣдомъ пьется здравіе царя; Патріархъ отпускаетъ духовныя власти, а юноши и халдеи провожаютъ Епископа и бояръ изъ столовой въ Крестовую Палату его келій и, выходя въ вестибюль, разоблачаются. Патріархъ всѣхъ отпускаетъ. Не требуетъ поясненія идея этой церемоніи, воздающая почетъ царю, но напоминающая, **что почетъ, обязательный для него находитъ себѣ границу въ почетъ, воздаваемомъ Богу.**

Запутанность церковно-государственныхъ отношеній въ практикѣ Московскаго государства. Объ отстаиваніи церковной самостоятельности.

Означенный способъ образнаго выраженія своихъ идей очень типиченъ для Московскаго государства и является дополнительнымъ доказательствомъ признанія принципиальнаго различія двухъ порядковъ церковнаго и государственнаго. Но въ практикѣ жизни они дѣйствительно настолько смѣшивались, что въ отдѣльныхъ случаяхъ безъ аналитическаго разбора легко было смѣшивать акты церковныя съ актами государственными. Мы говорили уже, что въ актахъ церковной власти, въ церковномъ законодательствѣ принимали участіе

царь и Боярская Дума, равно въ актахъ гражданскаго законодательства участвовали въ Боярской Думѣ, въ Земскихъ Соборахъ или Освященный Соборъ, или Патріархъ съ Архіереями, или одинъ Патріархъ. Однако, участіе органовъ одной власти въ актахъ, принадлежащихъ по существу актамъ другой власти, вполне соотвѣтствуетъ теоріи симфоніи властей, поскольку она призываетъ обѣ власти къ гармоничному дѣйствию, т. е. призываетъ власть государственную считаться съ законными правами органовъ власти церковной въ своихъ дѣяніяхъ, а власть церковную въ своихъ дѣяніяхъ считаться съ законными правами органовъ власти государственной. При стремленіи государства къ оцерковленію это смѣшеніе могло быть вовсе неоощутимымъ, но въ моменты разногласій верховныхъ органовъ Церкви и государства эта особенность двухъ союзовъ выявлялась рельефнѣе. Такъ было, когда Митрополитъ Геронтій отъѣхалъ въ Симоновъ монастырь въ виду того, что Иванъ III вступилъ съ нимъ въ споръ о хожденіи посолонъ и настаивалъ на выполненіи порядка по его указанію. Митрополитъ вернулся на кафедру, когда великій князь III подчинился его толкованію, ибо это касалось сферы чисто церковной, въ которой рѣшеніе принадлежало власти церковной Предвосхищая наше изслѣдованіе о Никонѣ, скажемъ, что такъ было и при Никонѣ, когда онъ отстаивалъ то, чтобы государственное законодательство не шло въ разрѣзъ съ церковнымъ, какъ того и требовала теорія симфоніи, бывшая официальнымъ исповѣданіемъ, занесеннымъ въ Кормчую еще до Патріарха Никона.

Въ какой мѣрѣ Никонъ защищалъ церковную самостоятельность.

Вѣдь, Патріархъ Никонъ, настаивая на самостоятельности церковнаго союза, который долженъ рѣшить свои дѣла по собственнымъ правиламъ и принципамъ, не настаивалъ на полной независимости Церкви отъ государства и, когда былъ Патріархомъ, всегда призывалъ царя къ сотрудничеству съ нимъ въ церковныхъ дѣлахъ, но онъ категорически отказался признавать за царемъ право выступать въ церковныхъ дѣлахъ самостоятельно, не считаясь ни съ церковными правилами, ни съ Патріархомъ, на обязанности коего прежде всего лежало хранить ихъ неприкосновенность. Примѣровъ его совмѣстной дѣятельности съ царемъ въ церковныхъ дѣлахъ не мало; она протекала совмѣстно во все то время, пока боярская партія не взяла верхъ и не настояла на томъ, чтобы царь пересталъ считаться съ Патріархомъ Никономъ въ церковныхъ дѣлахъ. Этотъ моментъ начался тогда, ко-

гда эта партія стала давать на практикѣ силу пріостановленнымъ царемъ постановленіямъ Уложенія о Монастырскомъ Приказѣ и, пользуясь неясностями его постановленій, вторгаться въ ту сферу церковнаго правленія, которую никакъ нельзя считать делегированной Церкви отъ государства, и которая составляетъ неотъемлемую принадлежность Церкви *jure divino*, напимѣръ, назначеніе пастырей, игуменовъ, архимандритовъ безъ всякаго сношенія съ церковной властью. Никонъ считалъ царя связаннымъ заповѣдями не только въ личныхъ отношеніяхъ, но и тамъ, гдѣ онъ выступалъ, какъ царь, законодателемъ и правителемъ. До наступленія роковой эпохи самъ царь Алексѣй Михайловичъ отвергалъ возможность такого вторженія. Такъ, когда онъ узналъ по смерти Патріарха Іосифа, что тотъ послѣдніе годы жизни говорилъ „перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ; а буде и не оставятъ я самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ“, то царь Алексѣй Михайловичъ заявилъ, что ему „и подумать было бы страшно устранить Патріарха отъ престола. Хотя бы и еретичества держался, то какъ можно отставить его безъ вашего Собора“. А когда одинъ запрещенный Патріархомъ Никономъ діаконъ просилъ царя въ 1657 г. дозволить ему служеніе, то царь сказалъ: „Боюсь, что Патріархъ Никонъ отдастъ мнѣ свой посохъ и скажетъ: возьми его и паси монаховъ и священниковъ; я не прекословлю твоей власти надъ вельможами и народомъ; зачѣмъ же ты ставишь мнѣ препятствія въ отношеніи къ монахамъ и священникамъ“. Никонъ не признавалъ за Церковью другого права, какъ протестъ противъ злоупотребленія свѣтской власти. Онъ писалъ Стрешневу: „Намъ Архіереямъ и прочимъ священнаго чина довольно есть на отомщеніе лаятелямъ нашимъ Божественнаго отмщенія“.

Перемѣна въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, вызвавшая протестъ Никона.

Такое вторженіе въ церковную сферу въ смыслѣ самостоятельнаго распоряженія въ ней, помимо наличнаго Патріарха, стало особенно сильно въ концѣ пятидесятихъ годовъ XVII столѣтія, когда царь Алексѣй Михайловичъ подпалъ подъ вліяніе боярской партіи изъ родственниковъ жены, а затѣмъ всецѣло усвоилъ точку зрѣнія Паисія Лигарида, явившагося представителемъ идей самаго беззастѣнчиваго теоретическаго цезарепапизма, встрѣчавшагося особенно въ послѣдніе вѣка Византіи, какъ мы видѣли на примѣрѣ Вальсамона, Димитрія Хомитина и другихъ.

Историческая почва для этой перемѣны.

Для тѣхъ, кто игнорировалъ каноны и ученіе самой Церкви о ея полномочіяхъ, и для людей, безсильно склоняющихся передъ фактами, или извлекавшихъ выгоды изъ своего челоукоугодничества, почву для построенія такой теоріи на Руси могла дать дѣйствительность жизни послѣ половины 15 вѣка, когда Русская Іерархія, съ уничтоженіемъ своей зависимости отъ иноземнаго Патріарха, подпала зависимости отъ своего государя, а съ другой стороны государь, великій князь Василій Васильевичъ, на дѣлѣ оказался лучшимъ хранителемъ Православія, чѣмъ Іерархія (Мы разумѣемъ то обстоятельство, что именно государь Василій II отстаивалъ незыблемость Православія при Митрополитѣ Исидорѣ, а не Іерархія). Мало того, паденіе Византіи сдѣлало русскаго государя единымъ православнымъ царемъ во Вселенной и черезъ это единственнымъ центромъ и опорой для всѣхъ православныхъ, находящихся подъ агарянскимъ игомъ.

Послѣднюю точку зрѣнія проводили въ своихъ посланіяхъ и рѣчахъ всѣ восточные Патріархи, обращавшіеся къ Москвѣ за денежной помощью и поддержкой. Равнымъ образомъ на Руси, въ виду полной переплетенности государственныхъ и церковныхъ отношеній, при наличіи строго церковнаго направленія въ постановкѣ института царской власти, носители которой были свѣдуши въ церковныхъ вопросахъ не меньше Архіереевъ, при отсутствіи законодательнаго распредѣленія полномочій между царемъ и Патріархомъ, при отсутствіи теоретическаго анализа этихъ отношеній, вполнѣ естественно, что и во времена Алексѣя Михайловича могло быть на лицо теченіе, которое ставило царя во главѣ не только государства, но и Церкви. Естественно, что, когда на Патріарха Никона явилось недовольство, сначала среди Московскихъ протоіереевъ, а потомъ и среди распропагандированныхъ ими массъ, недовольство церковной реформой Патріарха Никона, эти недовольные сконцентрировали свое вниманіе на царѣ, ища въ немъ опоры противъ церковныхъ нововведеній и съ этой цѣлью давали ему въ Церкви значеніе, какого Церковь ему не предоставляла.

Гипертрофія въ опредѣленіи значенія царской власти въ церковныхъ дѣлахъ у первыхъ расколоучителей.

Дѣйствительно, въ сочиненіяхъ первыхъ расколоучителей мы встрѣчаемъ стремленіе съ одной стороны возвысить царя надъ Патріархомъ въ церковныхъ дѣлахъ, а съ другой стороны внушить,

что будто самъ Патріархъ Никонъ возгордился на царскій чинъ и власть. Не можемъ не замѣтить, что послѣднее утвержденіе совершенно не обоснованно, и является лишь одной изъ многочисленныхъ клеветъ, которымъ подвергается Патріархъ Никонъ въ теченіе жизни и послѣ смерти, и которыя постепенно устраняются историческими изслѣдованіями. Такъ попытки клеветъ, относящихся къ самой личности Патріарха Никона, идущихъ со стороны расколоучителей, устранены изслѣдованіями проф. Субботина. Что касается того вліянія, которое приписывается Патріарху Никону въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ, то изслѣдованія проф. Каптерева даютъ основаніе думать, что главнымъ инициаторомъ и вдохновителемъ этой реформы былъ самъ царь и его духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ, а не Патріархъ Никонъ. Мы изложимъ собственное ученіе Никона о царской власти и увидимъ, что оно было лишь углубленіемъ того представленія о царской власти, которое лежало въ основѣ русскихъ придворныхъ церемоній и сочиненій духовной литературы XVI вѣка и базировалось на православномъ ученіи о смиреніи передъ Церковью. Оно — одновременно было и протестомъ противъ цезарепапистскаго уклона въ пониманіи царской власти, основывавшемся отчасти на видимости фактовъ исторіи послѣ половины XV вѣка, отчасти на наслѣдованіи этихъ идей изъ Византіи послѣднихъ вѣковъ; ученіе Никона было и стремленіемъ поставить царскую власть по отношенію къ Церкви на основу, данную Св. Іоанномъ Златоустомъ, Св. Папой Григоріемъ Двоесловомъ, Св. Максимомъ Исповѣдникомъ, Св. Іоанномъ Дамаскиномъ и Св. Θεодоромъ Студитомъ.

О взаимной переплетенности церковно-государственныхъ отношеній въ Московскомъ государствѣ.

Что въ дѣйствительности отношенія Церкви и государства были переплетены до крайности, это вѣрно. Съ одной стороны царь и Боярская Дума привлекались къ дѣятельности Освященнаго Собора, съ другой стороны Освященный Соборъ участвовалъ въ дѣятельности высшихъ государственныхъ учрежденій, Боярской Думы и Земскаго Собора. Мало того, Патріархи и Архіереи были крупнѣйшими землевладѣльцами и, въ качествѣ таковыхъ, имѣли полномочія отъ государства судебно-административнаго характера, финансового и полицейскаго надъ населеніемъ, живущимъ на этихъ земляхъ. Наконецъ, Патріархъ и Архіереи вели церковное управленіе черезъ своихъ бояръ, дьяковъ, чиновниковъ, которые со времени Стоглаваго Собора

не могли назначаться и увольняться безъ согласія государя и были людьми свѣтскими; всѣ отчеты по церковному управленію поступали государю. Государь въ свою очередь выступалъ съ чисто пастырскими указами къ воеводамъ съ обязательствомъ представить донесенія въ Государственный приказъ; наконецъ не мала была роль государя и по участію въ соборной дѣятельности, какъ по созыву такъ и по участію въ Соборахъ, и по приведенію въ исполненіе ихъ рѣшеній. Все это нисколько не противорѣчитъ теоріи симфоніи, поскольку органы государственной и церковной власти согласовались въ дѣйствіяхъ между собой, какъ въ сферѣ церковной, такъ и въ сферѣ государственной, и поскольку каждая изъ нихъ въ своей сферѣ являлась рѣшающимъ факторомъ.

Пониманіе царской власти у расколоучителей.

Отзвуки цезарепапистской теоріи у расколоучителей. Іоаннъ Нероновъ, дьякъ Ѳеодоръ.

Но при разногласіи верховныхъ органовъ въ церковной сферѣ или при желаніи создать это разногласіе, выплывало вышеуказанное нами цезарепапистское теченіе со стороны круговъ, выступавшихъ противъ Патріарха. Мы приведемъ показанія расколоучителей, взывавшихъ къ царю Алексѣю Михайловичу противъ Патріарха Никона. Такъ на Соборѣ 1653 г. **Нероновъ** говорилъ Патріарху Никону; „Достоитъ поистинѣ и благочестивому царю быти на семъ Соборѣ; понеже дѣло великое, Божіе и его государево, и общее всѣхъ православныхъ христіанъ; а ими благочестивыми и православными цари всякъ глаголь вѣренъ бываетъ... Безъ нихъ же, благочестивыхъ государей, не состоится ничтоже; и вселенстіи седмъ Соборовъ благочестивыхъ царей имѣли и въ пособіе и въ помощь призывали съ моленіемъ, понеже ихъ помощію и совѣтомъ вѣра христіанская утвердися. И нынѣ тако же симъ благочестивымъ нашимъ государемъ царемъ всякая истина утверждается и правовѣріе и въ русскомъ его государствѣ яко солнце сіяетъ". Убѣждая царя созвать Соборъ, Нероновъ ему говоритъ: „Тебѣ же государю, яко превеликому столпу ту предсѣдѣти и всѣхъ зрѣти". **Діаконъ Ѳеодоръ** приглашалъ царя быть судьей между старовѣрами и нововводителями: „Аще не собереши государь всѣхъ во едино, кои стоятъ за старое и кои за новое, и обоиѣ странъ словесъ самъ не услышиши, не познаешь, государь, истины. Егда будетъ праведный между нами судья — или ты самъ, христіанская наша надежда, или кто вѣрный твой царевъ слуга въ тебе мѣсто, аще мы передъ

твоимъ царскимъ лицомъ недостойны стати: тогда сіи святіи себѣ оправять и лестъ прогоняють отъ Церкви дале, да паки чиста явится церковная нива отъ соблазнѣ".

27 февраля 1654 г. **Нероновъ** писалъ царю: „Припадая твое благородіе, о равноапостольне, послушати изволи въ сокрушеніи сердца вопіяющаго ти и слезный источникъ проливающаго ти государю, и яко Богу по Бозѣ прибѣгающаго къ державѣ твоей... О благочестивый царю, иже во истину по Бозѣ бози".

Въ матеріалахъ по исторіи раскола Субботина помѣщены еще другія письма Неронова, между прочимъ, гдѣ онъ хлопочеть о помилованіи сосланныхъ протопоповъ Аввакума, Даніила Костромского и Логгина Муромскаго въ силу осужденія соборнымъ судомъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ пишетъ царю: „Ей, благочестивый царю, мнитъ ми ся сице, яко подобенъ еси Милостивому Спасителю нашему Богу: якоже бо той, попусая человѣкомъ искушати ся напастьми, даже искуснѣйшихъ сотворити: тако и тебѣ, великому государю, изволися во время сіе попустити, даже сами познаются и искусни явятся. Сего ради припадаю къ державѣ твоей, самодержецъ! О благочестивый царю, устави, молю, бурю, смущающую Церковь! Паче бо сія настоящія брани и сыны церковные погубляющая: аще бо сія брань не уставлена будетъ и Церквамъ миръ не преданъ будетъ, крѣпости не будетъ имѣти быти хотящая брань, но за премногое прогнѣваніе Владыки нашего Бога велія погибель и тщета будетъ. О, чадо свѣту и сыну воскресенія! Не остави насъ и даждь намъ помощь отъ печали. А егда изволи Господь Богъ воспріяти тебѣ царствіе, паче просія и Церкви пріять свою лѣпоту и единогласное пѣніе и всякое благочиніе строяшеся тобою государемъ".

Священникъ Лазарь училъ о Божественной власти царя такъ: „Якоже отстоять небо отъ земли, и солнце выше луны и больше свѣтомъ есть: сице и царская Божественная власть вышши и больше прочихъ властей". Гдѣ нѣтъ царя, тамъ, по мнѣнію Лазаря, царствуетъ Антихристъ. „Егда въ Римѣ, говоритъ онъ, духовный человѣкъ — папа восхити на ся царскую Божию власть, и оттолѣ Антихристово властительство есть въ Римѣ. Сице бо и о Царьградѣ: яко Божія царскія власти не имѣють".

Инокъ Авраамій.

Инокъ Авраамій. Инокъ Авраамій писалъ царю: „Вся тягота церковная нынѣ на твоей выѣ висить; а на властей нынѣ ни на кото-

рыхъ нечево смотрѣть — времени служить, а на передъ не озираются бѣдные пастуси". Въ томъ же духѣ высказывался царегоднической Соборъ 1660 года (названный Никономъ жидовской синагогой), который уже дѣйствовалъ въ то время, когда царь, при наличности живого Патріарха, созвалъ по своей инициативѣ Соборъ:

Соборъ 1660 г. о правахъ царя въ Церкви.

„Ему же царю Свою Церковь Господь преда, и законы ея поучатися день и ночь научи на устроение и возрождение сущимъ подъ рукою людямъ... Царь Боговѣнчанный, паче же благочестивый, православный и христолюбивый есть благочинный раздаватель чина; ему, яко благочинному чина раздателю, о благочиніи церковномъ, о боголѣпномъ Православныя Церкви апостольскія благоустроении же опасно пещися и тщатися всегда подобаетъ. Оному царю, яко общему всѣхъ благу, не точію о благочиніи церковномъ тщатися, и опасное о боголѣпномъ Православныя Церкви Христовы благоустроении попечение творити, но и въ общую спасаемыхъ душъ православныхъ пользу, по благословной винѣ церковной благоугодно Священный Соборъ созывать подобаетъ".

Слова царя Алексѣя Михайловича о правахъ царской власти въ Церкви.

Царь Алексѣй Михайловичъ пишетъ боярину Шереметеву: „Вѣдомо тебѣ самому, какъ великій царь и вѣчный изволилъ быть у насъ, великаго государя и **тлѣннаго царя**, тебѣ Василю Борисовичу въ боярахъ не туне... Не просто Богъ изволилъ намъ, великому государю и тлѣнному царю, честь даровати, а тебѣ принять... Какъ по изволенію Божію и по нашему великаго государя и тлѣннаго царя указу"... Въ грамотѣ Антиохійскому Патріарху Макарію, приглашая его на судъ надъ Никономъ, **онъ пишетъ**, что обязанности царя не о царскомъ только пещися, но еже есть общій миръ Церквамъ и здраву вѣру крѣпко соблюдать и хранить намъ; егда бо сіе въ насъ въ цѣлости снабдятся, тогда намъ вся благая строенія отъ Бога бываютъ: миръ и умноженіе плодовъ и враговъ одолѣніе, и прочія вещи вся добрѣ устроитися могутъ". Это теченіе мысли примыкаетъ къ ученію **Іосифа Волоколамскаго**: „Бозе бо есте (цари) и сынове Вышняго. Васъ бо (царя) Богъ въ себе мѣсто насади на престолѣ Своемъ. Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властью же подобенъ есть Вышнему Богу.., Господь Богъ устроилъ царя въ Свое мѣсто и посадилъ на царскомъ престолѣ, судъ и милость предавъ

ему, и церковное, и монастырское, и всего православнаго государства и всея русскія земли власть и попеченіе вручилъ ему".

Общія черты въ воззрѣніи на царскую власть у расколоучителей и у Никона.

Мы приведемъ еще дальнѣйшія свидѣтельства ученія расколоучителей о царской власти, замѣтимъ только то, что и расколоучители, какъ и противоположная имъ сторона, исходятъ изъ одного понятія о царѣ, какъ истинномъ носителѣ Православія, но только самое Православіе они понимаютъ по разному и судьей въ дѣлахъ Церкви дѣлають не однихъ и тѣхъ же лицъ: одни царя, а другіе церковную власть; одни видятъ правильное выраженіе Православія только въ русскихъ обрядахъ, другіе, какъ Никонъ, проникають за видимость въ существо дѣла и полагають, что существо Православія можетъ выражаться въ разныхъ обрядахъ, лишь бы мысль, вложенная обрядъ, была православная. Въ этомъ отношеніи можно противопоставить Аввакумовой готовности пострадать за точку надъ „і" Никонскую готовность и разрѣшеніе предоставить Неронову служить по какому угодно обряду даже въ Успенскомъ соборѣ, разъ онъ повинуетъ церковной соборной власти. Расколоучители приписывали царю непомѣрную власть въ Церкви ради того только, чтобы найти опору въ немъ для защиты своихъ обрядовъ, въ которыхъ они видѣли единственное выраженіе Православія, но, когда направленіе дѣятельности царя оказалось съ ихъ точки зрѣнія неправославнымъ, и они стали говорить о восхищеніи царемъ на себя священства, что уже стало тогда означать въ ихъ глазахъ признаки пришествія Антихриста. Сначала же, приписывая всю церковно-обрядовую реформу и исправленіе книгъ Патріарху Никону, они всячески стремились расширить права царя въ церковномъ управленіи и были настолько ревнивы, что всякое внѣшнее великолѣпіе Патріарха Никона они готовы были истолковать не какъ его стремленіе выразить, согласно съ духомъ эпохи, внутреннее величіе сана во внѣшнемъ великолѣпіи, а какъ возгорженіе надъ царской державой.

Подъякъ Ѳеодоръ Трофимовъ о восхищеніи Никономъ царскаго чина.

Подъякъ Ѳеодоръ Трофимовъ представилъ „Роспись вкратцѣ чѣмъ Никонъ Патріархъ съ товарищи на царскую державу возгордились и его царскій чинъ и власть и обдержаніе себѣ похищаютъ": „Святой пророкъ Моисей Боговидецъ помаза Аарона на архіерейство и митру на него возложи, да будетъ равень ему вселюдскій обдержатель, а не яко протчіи архіереи; сему свидѣтельствуеть Давидъ глаго-

ля: Моисей и Ааронъ въ іереяхъ его, яко всеобдержатели людстїи, и Самуиль въ призывающихъ имя его, яко сїй молитвенникъ съ прочими. Римскій убо папа, егда умысли царскую власть себѣ похитити, прежь сего митру на себя возложи и панагію другую положи и видѣ умыслъ не обличенъ и въ томъ пребысть не малое время; и по семъ умысли съ совѣтники своими и Кесаря Генриха подаяніемъ сакрамента уморилъ, и тако все царское обдержаніе на себя восхити. Все сіе убо Никонъ, яко волкъ въ овчую шкуру облеченъ, **митру на главѣ нося и панагію другую на себя налагая, и совѣтникамъ своимъ повелѣлъ такожь: се убо не меньшее похищеніе царскаго чина и власти. А еже обѣма рукама благословляти, то является всеобщее обдержаніе людское. Онъ же Никонъ умышлялъ и заводилъ Эпикурскую ересь, о ней же глаголетъ Іоаннъ Златоустъ, яко въ послѣднее время востати имать: а та Эпикурова ересь Христову закону и святыхъ Его изпротивна, а царской державѣ поврежденіе и всему царству роскошь непристойная: онъ же Никонъ дмился своей гордыней, поставилъ Крестовую Церковь выше Соборной Церкви, тутъ же сдѣлалъ себѣ свѣтлицы и чердакъ и то явное его на царскую державу возгорженіе. Еще сдѣлалъ себѣ колесницы по-ваплены и позлащены; а того у прежнихъ святыхъ Патріарховъ не бывало. Святый Кирилль глаголетъ: "Аще кто здѣ паче всѣхъ на земли возносится, блюдися его, сей бо есть духъ Антихристовъ".**

Въ томъ же родѣ обвиненіе подъяка Θεодора Трофимова и на Митрополита Корнилія Сибирскаго и на Казанскаго Митрополита Лаврентія. „Во 173 году по твоему, великаго государя указу, пишетъ онъ, прїѣхалъ въ Сибирь Тобольскій Архіепископъ Корнилій поста въ третью Субботу и во всю святую недѣлю Пасхи, какъ пойдетъ изъ кельи въ Церковь, или же изъ Церкви въ келью, къ вечернѣ, къ заутрени и къ обѣднѣ и покамѣсть онъ идетъ въ Церковь или въ келью, и въ то время звонятъ, а передъ нимъ идутъ со свѣщами съ выходными, за большими съ подсвѣшниками, а подъяки передъ нимъ идутъ въ стихиряхъ и поють органнымъ согласіемъ теререки; а тѣ ихъ теререки, допряма вѣдомо, что Римскаго костела ко органомъ приплясные стихи, или вмѣсто домры и чутковъ на игрыши; а звонокъ къ выходамъ у прежнихъ пастыревъ не бывало: **только бываютъ ради царева прихода и исхода. И то ихъ на царство державу гордость**".

О Казанскомъ Митрополитѣ Лаврентіи Трофимовъ пишетъ, что тотъ выѣзжалъ на колесницѣ съ колокольнымъ звономъ въ предшествіи посоха съ двуглавымъ змѣемъ. Рукою осѣняетъ странно

нѣкакъ: и то есть гордость и отеческому преданію нарушеніе. У него жъ Митрополита Лаврентія отъ келей сдѣланы переходы на столпахъ каменныхъ до Соборныя Церкви къ полуденнымъ дверямъ, и двери церковныя вгорожены, и говорятъ тутошніе люди: нашему де Владыкѣ Никонѣ Патріарху не велѣлъ по землѣ ходити. Да ему же здѣ приказалъ строить таковъ же Новый Іерусалимъ и онъ строить деревянный, тѣмъ же образцомъ. И быть де ему въ томъ Ерусалимѣ Патріархомъ... Онъ же Митрополитъ поставилъ у себя надъ поварнею свѣтлицу, а передъ нею сдѣлалъ чердакъ тесовый, а на немъ поставилъ крестъ Христовъ: и то явное ругательство кресту Христову. Онъ же Митрополитъ сдѣлалъ другіе переходы каменные черезъ святыя ворота, кругъ колокольни и довелъ до соборныя Церкви къ западнымъ дверямъ: и тѣ его каменные переходы и свѣтлица съ чердакомъ явная гордость къ царской державѣ и высь, потому что прежніе пастыри переходовъ каменныхъ и деревянныхъ къ Соборной Церкви не дѣлывали".

Въ Макарьевской обители на Желтыхъ Пескахъ видитъ Трофимовъ, что строятся двѣ свѣтлицы со многими окошками: „одна Архіепископу Казанскому Ларіону, другая Сибирскому Симеону" и только, пишетъ онъ", яко не смиренія ради Христова они въ монастырь отходятъ. Все то, по совѣту отца своего Никона творять, дабы ихъ съ честью на высшую степень возведутъ. Онъ же Патріархъ Никонъ и власти пишутца и называются великими государями и свободными Архіереями: мы де суду царскому не подлежимъ, судить де насъ отецъ нашъ Патріархъ (Се есть епикурскія ереси законъ, еже быти всѣмъ самовластнымъ и свободнымъ). Они — Митрополиты въ своихъ паствахъ поставляютъ архимандритовъ и игуменовъ и протопоповъ самовольствомъ, кто имъ годенъ, безъ указу великаго государя; потому они называются свободными; а что они суду царскому не подлежатъ и то есть свобода жъ. А что ихъ судити Патріарху: подобно сему еже глаголетъ Господь: аще сатана сатану изгонитъ, на ся раздѣлился есть. Якоже Богъ Единъ судитъ всѣхъ: тако и вседержай царь (Царское обдержаніе и судъ подобно Божію обдержанію и суду); и аще Богъ изволитъ и великій государь тое ихъ гордость сломитъ и подъ свою высокую руку и подъ судъ поклонитъ, то все благочестіе исправится".

Характеристика взглядовъ первыхъ расколоучителей на объемъ царской власти.

Эти сообщенія дѣлалъ въ 1665 году царю подъякъ Трофимовъ, нѣкогда служившій у Никона, желая отягчить участь уже опальнаго Патріарха. Воззрѣніе, имъ проводимое, было то же, что въ письмахъ другихъ расколоучителей въ самомъ началѣ 50 годовъ. Это — реставрированное воззрѣніе на единство принципа власти въ государствѣ, воззрѣніе, которое хотѣло канонизировать превосходство органовъ свѣтской власти надъ органами духовной власти съ уничтоженіемъ самостоятельности послѣдней, и игнорированіе ея совершенно особой природы, особаго ея происхожденія, особаго рода ея полномочій. Это было канонизированіе фактическаго перевѣса царской власти надъ духовной, основа котораго была въ событіяхъ половины XV вѣка, и которое наступило особенно послѣ смерти Патріарха Филарета во время патріаршествованія Патріарха Іосафа I и Іосифа, когда голосъ ихъ умолкъ не только въ государственныхъ дѣлахъ (право печалованія ослабѣло, ибо „они были кротки нравомъ”), но и въ церковныхъ, гдѣ всѣмъ завладѣли дьяки, и выросли вліянія помимо Патріарха Іосифа черезъ кружокъ ревнителей благочестія, въ который входили Никонъ, Нероновъ, Стефанъ Вонифатьевъ, вліявшіе на распоряженіе царя въ церковныхъ дѣлахъ не только помимо Патріарха Іосифа, но и вопреки ему. Теорія раскольниковъ о царской власти была такое же неprovѣренное канонизированіе церковно-государственныхъ отношеній безъ анализа ихъ сути, какъ и приверженность къ двоенію аллилуйи и двуперстному сложенію, безъ вниманія къ тому, что обрядъ; какъ форма выраженія идеи, можетъ измѣняться безъ ущерба для идеи, что онъ не можетъ возводиться на высоту догмата.

Паисій Лигаридъ — истолкователь идеи царской власти въ Россіи, и опроверженіе его со стороны Никона.

Паисій Лигаридъ, какъ представитель цезарепапизма и литературная борьба Никона съ нимъ.

Никакой полемики по вопросу о правахъ царской власти у Патріарха Никона съ расколоучителями не было, но онъ живо откликнулся написаніемъ цѣлой книги, когда ему попали въ руки вопросы-отвѣты Стрешнева—Лигарида, появившіеся въ свѣтъ

15 августа 1662 г., озаглавленные: „Обвиненіе въ новыхъ обычаяхъ и разныхъ винахъ Патріарха Никона, составленное въ 30 вопросахъ боярина Семена Лукьяновича Стрешнева и отвѣтахъ на оныя Газскаго Митрополита Паисія Лигарида“. Какъ вопросы, такъ и отвѣты на нихъ составлены, повидимому, самимъ Паисіемъ Лигаридомъ; самъ Никонъ въ своемъ отвѣтѣ на эти вопросы-отвѣты, на составленіе которыхъ онъ посвятилъ годъ времени въ Воскресенскомъ монастырѣ, указалъ на то, что Стрешневъ задаетъ вопросы въ дѣлахъ, очень далекихъ отъ его интересовъ, совершенно ему незнакомыхъ. Въ своихъ отвѣтахъ Стрешневу Лигаридъ развилъ свою точку зрѣнія на объемъ царской власти въ церковныхъ дѣлахъ, но онъ объ этомъ сказалъ еще раньше въ письмѣ Никону въ іюлѣ 1662 г.; и еще подробнѣе впослѣдствіи развилъ свое ученіе въ своей History. Изъ этихъ документовъ мы знакомимся съ идеологіей Паисія Лигарида, отражающей на себѣ не только цезарепапистское ученіе послѣднихъ вѣковъ Византіи, но и просто языческую концепцію государства. Если старовѣрческія обращенія къ царю просто исходили изъ мысли, что царь можетъ все, то они дѣлались только изъ практической надобности найти для себя опору въ царѣ противъ Патріарха; они не вникали въ суть вопроса и въ основу распредѣленія полномочій въ Церкви между царемъ и Патріархомъ. Съ ними и не приходилось Патріарху Никону сталкиваться на этой почвѣ, ибо онъ дѣйствовалъ въ церковно-обрядовой реформѣ не только вмѣстѣ съ царемъ, но подъ непосредственнымъ импульсомъ съ его стороны, ибо царь и до патріаршества, и послѣ патріаршества Патріарха Никона, одинаково ретиво относился къ этому вопросу, какъ то показали изслѣдованія проф. Каптерева. Въ вопросахъ же теоріи церковно-государственныхъ отношеній, Никонъ столкнулся съ Лигаридомъ — хорошо оплаченнымъ адвокатомъ цезарепапизма. Судьба устроила такъ, что Никонъ проводилъ свои взгляды въ жизни прежде, чѣмъ случай (публичное выступленіе Лигарида съ отвѣтами, циркулировавшими въ рукописяхъ въ боярской средѣ, очевидно для подготовки мнѣнія противъ Никона и для сообщенія этому мнѣнію принципиальной обоснованности) побудилъ его опровергнуть цезарепапистское построеніе на бумагѣ. Его рукопись, хотя и взята была имъ изъ Воскресенскаго монастыря, когда онъ ѣхалъ на судъ въ Москву 30 ноября 1666 г., однако не была имъ использована въ цѣляхъ личной защиты и никогда не была напечатана на русскомъ языкѣ, оставшись въ сокровищахъ Воскресенскаго монастыря, какъ невыслу-

шанный отвѣтъ Патріарха Никона. На судебномъ засѣданіи Патріарху Никону не пришлось развить своей теоріи царской власти. Мы же для уясненія его воззрѣній на этотъ вопросъ изслѣдуемъ ихъ, какъ они выражены въ его собственномъ теоретическомъ построеніи. Въ своемъ теоретическомъ опроверженіи цезарепапизма ему пришлось имѣть дѣло не съ бытовой старовѣрческой концепціей царской власти, а съ ея теоретическимъ заостреніемъ у ученѣйшаго Лигарида, отдавашаго на службу боярской партіи, враждебной Никону, всѣ силы своего таланта. Именно Лигаридъ далъ основу для обвиненія Патріарха Никона. Пока его не было въ Москвѣ, самое обвиненіе противъ Никона передъ судомъ 1660 г. касалось только оставленія имъ каѳедры. Хотя самое это обвиненіе, какъ увидимъ, основывалось исключительно на показаніяхъ заинтересованныхъ лицъ и представляло собой шедевръ недобросовѣстнаго отношенія къ личности и заявленіямъ Патріарха Никона; хотя было использовано противъ Патріарха Никона все, что могло быть привлечено противъ него, однако до пріѣзда въ Москву въ 1662 г. Паисія Лигарида, противъ Никона не появлялось обвиненій въ введеніи новыхъ обычаевъ въ строй церковно-государственной жизни, и не появлялось теоретическаго обоснованія по захвату боярами церковнаго управленія въ свои руки. Такъ какъ идеи Паисія Лигарида, высказанныя имъ въ защиту дѣйствій бояръ и царя, представляютъ изъ себя законченное цѣлое, то мы покажемъ ихъ существо, независимо отъ того, высказаны ли они были имъ до обвиненія Никона, въ письмахъ Лигарида къ Никону 1662 г., или въ отвѣтахъ Лигарида на вопросы дяди царя Семена Лукьяновича Стрешнева въ 1662 г. или въ 1667 г., послѣ суда надъ Никономъ, когда Лигаридъ написалъ исторію этого суда, посвященную царю Алексѣю Михайловичу.

Противопоставленіе Лигарида и Никона. Никонъ представитель святоотеческаго русскаго воззрѣнія на царскую власть.

Передъ нами встаютъ двѣ концепціи царской власти, изъ которыхъ мы назовемъ одну — теоріей временъ Византійскаго упадка, а другую теорію святоотеческо-русской. Послѣднее названіе мы оправдываемъ тѣмъ, что съ одной стороны въ воззрѣніяхъ Никона положено въ основу святоотеческое пониманіе понятія о власти духовной и отношенія къ ней власти гражданской, а съ другой стороны въ этомъ отношеніи особенно подчеркнутъ тотъ элементъ смиренія, который столь ярко выдѣляется во всѣхъ церемоніяхъ Московскаго двора XVII вѣка, и который столь отличаетъ характеръ власти рус-

скаго царя отъ Византійскаго Базилевса — императора. Если затѣмъ въ лицѣ Патріарха Никона мы видимъ человѣка, защищавшаго свои убѣжденія добровольными страданіями и скорбями, то съ другой стороны передъ нами наемный слуга, давшій за деньги и положеніе невѣжественнымъ боярамъ, окружавшимъ царя, подходящую для нихъ теорію изъ того научнаго инвентаря, который онъ имѣлъ въ своей головѣ послѣ своего блестящаго образованія, которое онъ получилъ въ Римѣ въ теченіе приблизительно 16 лѣтъ (до 1642 г.). Самъ Лигаридъ былъ оставленъ вполнѣ въ своемъ русскими друзьями, когда были использованы его знанія, и онъ плачевно кончилъ дни свои въ Кіевѣ въ 1678 году въ качествѣ запрещеннаго Митрополита.

Въ виду его коренного значенія въ дѣлѣ Никона и подавляющаго вліянія его на это дѣло, мы скажемъ о немъ особо. Его вліяніе на дѣло Патріарха Никона было чрезвычайно и касалось постановки обвиненія, направленія его къ Восточнымъ Патріархамъ, переписки съ ними, подбора лицъ для сообщенія съ ними и полученія отъ нихъ отвѣтовъ, теоретическаго освѣщенія дѣлъ передъ царемъ и боярами; оно проявлялось имъ въ пропагандѣ своего мнѣнія о дѣлѣ Патріарха Никона среди бояръ, въ информации Патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго при пріѣздѣ въ Москву, даже въ самомъ ихъ привозѣ въ Москву черезъ своихъ людей, въ выставленіи себя передъ царемъ черезъ подложныя грамоты въ качествѣ представителя Константинопольскаго Патріарха и въ дѣйствіяхъ въ Москвѣ въ качествѣ такового и т. д. Все это подробно доказано въ сочиненіи Проф. Каптерева: „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“, II часть. Его вліяніе пронизываетъ все дѣло Никона съ 1662 по 1667 годъ; онъ является самымъ главнымъ его противникомъ, за которымъ слѣпо шли царь и бояре ради стремленія своего раздѣлаться съ Патріархомъ Никономъ, поэтому не сказать о немъ, объ его нравственной личности невозможно, ибо онъ — главный виновникъ трагедіи Патріарха Никона и всей дальнѣйшей, связанной съ этимъ трагедіи. Къ тому же его сужденія о дѣлѣ Патріарха Никона легли въ основу сужденій многихъ послѣдующихъ историковъ, какъ трудъ очевидца и главнаго участника дѣла.

Въ своемъ „Возраженіи или Раззореніи смиреннаго Никона, божіей милостью Патріарха, противъ вопросовъ боярина Симеона Стрешнева, еже написана Газскому Митрополиту Паисію Лигаридіусу и на отвѣты Паисеовы“, Никонъ часто обращается къ

тремъ лицамъ, олицетворявшимъ собою три силы, возставшія на него, прежде всего къ Паисію Лигариду, какъ представителю идей цезарепапизма, а затѣмъ къ представителямъ двухъ отраслей боярства, которые представляли секуляризаціонный духъ вѣка, использовавшій, какъ орудіе противъ Патріарха Никона, этого Паисія Лигарида: боярства родового (представители этого родового боярства въ числѣ 16 фамилій начинали свою службу государственную сразу съ чина боярина; перечисленіе ихъ сдѣлано въ главѣ о борьбѣ боярства съ Никономъ), въ лицѣ князя Никиты Ивановича Одоевскаго, составителя Уложенія 1649 г. и боярства родственнаго царю по женской линіи — Симеона Лукьяновича Стрешнева, отъ лица коего писаны вопросы Лигариду.

Свѣдѣнія о Лигаридѣ, доставленныя западными учеными.

Свѣдѣнія о Лигаридѣ получены извѣстнымъ историкомъ іезуитомъ о. **Пирлингомъ** черезъ кардинала Рамполлу, изъ Congregatio de propaganda fidei, въ которой означенный кардиналъ былъ секретаремъ, и отъ которой въ качествѣ миссіонера на Востокъ зависѣлъ въ свое время Паисій Лигаридъ. Уроженецъ Хіуса, 13 лѣтъ Лигаридъ принятъ въ 1625 г. въ коллегію Св. Аѳанасія въ Римѣ, основанную папой Григоріемъ XIII для уніатовъ-грековъ, въ которой онъ и кончилъ на иждивеніи папы и философское и богословское отдѣленіе. 27 сент. 1636 г. онъ, въ виду блестящихъ успѣховъ, былъ подвергнутъ въ церкви Св. Аѳанасія, въ присутствіи всѣхъ кардиналовъ и знати и учащейся молодежи, публичному испытанію, и поразилъ всѣхъ своими знаніями и умѣніемъ совершенно свободно изъясняться по латыни и по-гречески. Получивъ тутъ же степень доктора богословія и философіи, онъ былъ оставленъ въ Римѣ для преподаванія греческаго языка. Ректоръ Академіи далъ о немъ такую аттестацію протектору Коллегіи кардиналу Барберини: „Онъ кроткаго нрава, добродѣтеленъ, послушенъ, набоженъ, горячо любитъ Латинскую Церковь, отлично владѣетъ греческимъ языкомъ“. Въ 1639 году онъ былъ поставленъ въ священники уніатскимъ Митрополитомъ Рафаиломъ Корсакомъ.

Въ 1641 году Лигаридъ уѣхалъ, въ качествѣ миссіонера, на Востокъ отъ Пропанды fidei съ жалованьемъ въ 50 скуди. Онъ оставилъ по себѣ память въ Римѣ, какъ талантливый, преданный наукѣ, отмѣнный въ благочестіи совѣтникъ. Префектъ конгрегаціи Божіей Матери при Коллегіи, извѣстный писатель **Левъ Алляцій** писалъ о

немъ: „Умъ проницательный, характеръ твердый, начитанный особенно по церковной части, искусный и изящный ораторъ на греческомъ языкѣ, старомъ и новомъ, не чуждый классической поэзіи, готовый пролить свою кровь за католическую вѣру". Французскій посоль въ Константинополь Jean de la haye писалъ лестно объ его церковной дѣятельности въ Римѣ, и Пропаганда повысила ему жалованье до 60 скуди. Это жалованье онъ получалъ долгое время, и только въ 1662 году онъ писалъ Пропагандѣ и нунцію въ Варшавѣ Пиньятели (будущему папѣ Иннокентію XII) жалобы на невысылку пособія; и еще въ 1668 году 25 сентября сообщалъ о ходѣ переговоровъ по соединенію Церквей, причемъ писалъ, что изъ двухъ Патріарховъ, склонныхъ къ уніи, одинъ отступился, другой уѣхалъ, а царь занятъ другими дѣлами. За успѣшную дѣятельность въ Константинополь Пропаганда расширила его сферу дѣятельности на Молдавію и Валахію, гдѣ, онъ былъ преподавателемъ въ Яссахъ, издалъ Кормчую на румынскомъ языкѣ и игралъ роль въ политической жизни страны. Здѣсь онъ видѣлся съ извѣстнымъ Арсеніемъ Сухановымъ, посланнымъ въ эту поѣздку на Востокъ для наблюденія за греческими, обрядами и одобрилъ русскій обычай крестнаго знамени; затѣмъ произошло нѣчто странное, принимая во вниманіе его службу у Пропаганды и переписку съ ней, продолжавшуюся и впослѣдствіи много лѣтъ. Около 1651 г. онъ познакомился съ православнымъ Іерусалимскимъ Патріархомъ Паисіемъ и 16-XI 1651 г. былъ посвященъ имъ въ монахи съ отдачей на искусь Арсенію Суханову. 14-IX 1652 г. Патріархъ Паисій посвятилъ Лигарида въ православные Митрополиты города Газъ, гдѣ онъ никогда впрочемъ не показывался. Въ 1655 г. Лигаридъ при случаѣ выдавалъ Патріарха Паисія за католика; именуя себя Газскимъ Митрополитомъ, онъ не считаетъ себя оставившимъ католичество и проситъ одновременно Пропаганду не задерживать жалованья. Пропаганда писала ему упреки, что онъ мало работаетъ, и не признавала за нимъ Митрополичьяго сана. Въ 1658 г. Софійскій Католическій Епископъ, которому были подвѣдомственны Молдаво-Валахскіе католики, даетъ ему удостовѣреніе, что онъ состоитъ богословомъ, исповѣдникомъ и проповѣдникомъ при какомъ-то князѣ, что Лигаридъ помнитъ, кто его вскормилъ, что онъ служитъ Церкви. Самъ же Лигаридъ въ это время писалъ Пропагандѣ, что онъ отъ католичества не отрекался (хотя съ 1652 г. состоялъ Православнымъ Митрополитомъ) и ссылался на фракисканца о. Маяко, который не могъ однако подтвердить показаній Лигарида, ибо присутст-

вова́ль при посвященіи его Православнымъ Архіереємъ. Въ 1657 г. Никонъ, нуждавшійся въ ученыхъ монахахъ для исправленія книгъ, слышавшій о Лигаридѣ, какъ о православномъ отъ Арсенія Суханова, который былъ наставникомъ Лигарида послѣ его постриженія, приглашалъ его въ Москву, но Лигаридъ явился туда только въ 1662 г. и сразу присоединился къ боярской партіи, которая ему оказала почетъ. Пирлингъ справедливо пишетъ: „Алексѣй Михайловичъ почти до конца подчинялся его вліянію и слѣдовалъ его совѣтамъ. Лигаридъ Же выманивалъ деньги у царя и обогащался, испрашивая деньги то для себя, то для выкупа христіанъ, то для уплаты несуществующаго долга, то для епархіи, то для посылки а Родину. Онъ торгуетъ, маклерствуетъ, вымогаетъ, беретъ взятки, дѣлаетъ доносы, дважды ѣздитъ на Востокъ съ полученіемъ заранѣе путевыхъ издержекъ и возвращается. Патріархъ Іерусалимскій Нектарій дважды его проклинаетъ съ отлученіемъ отъ Церкви (Первое проклятiе было снято по усиленному ходатайству царя Алексѣя Михайловича). О. Пирлингъ сообщаетъ, что въ докладѣ своемъ о Московіи 26-11 1697 года кардиналь Альбани говоритъ, что Паисій Лигаридъ всегда относился съ уваженіемъ къ Римской Церкви, и высказывалъ сожалѣніе, что ему въ свое время не было оказано достаточной поддержки въ установленіи постоянныхъ сношеній съ Москвой. Таковы свѣдѣнія, добытыя о Лигаридѣ о. Пирлингомъ. Фактъ необыкновеннаго двулчія Лигарида виденъ уже изъ того, что въ письмѣ на имя Пропаганды 1662 г. онъ давалъ объясненія, что его посвященіе происходило по католическому восточному обряду, что онъ топталъ ногами не изображеніе папы и кардинала, а двуглаваго орла въ знакъ неустрашимости передъ царями въ защиту правъ Церкви, писалъ въ Римъ о помощи съ обѣщаніемъ остаться неизмѣннымъ приверженцемъ Рима. Но въ то же время, въ томъ же 1662 г., онъ въ письмахъ къ Никону писалъ въ цезарепапистскомъ духѣ о принципѣ единой власти въ Церкви и въ государствѣ и составилъ знаменитые отвѣты на вопросы Стрешнева въ томъ же духѣ и объявлялъ себя въ Москвѣ строго православнымъ; онъ предсѣдательствовалъ на Московскомъ Архіерейскомъ Соборѣ 1663 года по вопросу о направленіи дѣла Никона, соучаствовалъ въ торжественныхъ службахъ съ Русскими Архіереями, участвовалъ въ управленіи Русской Церкви, въ судѣ надъ Никономъ и въ выборахъ Патріарха послѣ низложенія Никона. О. Пирлингъ говоритъ о Лигаридѣ: „Поразительно его гнусное корыстолюбіе, неожиданно являющееся послѣ долгаго служенія

наукѣ и Церкви. Онѣ были орудіемъ царя для низверженія Никона и довольствовался такимъ жалкимъ положеніемъ изъ-за своего корыстолюбія. Лигаридѣ ничего, говоритъ Пирлингъ, не создалъ для Россіи, ничего дѣльнаго по себѣ не оставилъ; въ пользу Рима онѣ также ничего не сдѣлалъ". Пальмеръ сообщаетъ, что еще въ Римѣ Лигаридѣ написалъ комментарий на пѣснопѣнія въ честь Богоматери Magnificat и др. и писалъ письмо Архіепископу Неаполитанскому, величая его достойнѣйшимъ владыкой (most honoured lord).

Объ этомъ обстоятельстве упоминаетъ въ своемъ Возраженіи Никонъ, говоря, что свидѣтельство его латинства далъ ему Аѳонскій архимандритъ Теофанъ изъ Константинопольскаго монастыря, давъ ему подписанную Пантелеймономъ Лигаридомъ, какъ авторомъ книги, Комментарій на Магнификатъ.

Изъ времени его пребыванія въ Молдаво-Валахіи Пальмеръ отмѣчаетъ, что, преподавая въ православной школѣ, Лигаридѣ умѣлъ казаться православнымъ, не порывая съ католиками, и отъ этого времени осталось его письмо къ его товарищу извѣстному Льву Алляцію, въ которомъ Лигаридѣ рассказываетъ исторію одного чуда, котораго не могъ совершить православный священникъ, но которое будто бы, какъ говоритъ Лигаридѣ, совершилъ извѣстный уніатскій Епископъ Іосафатъ Кунцевичъ. Это письмо показываетъ дѣйствительныя симпатіи Лигарида. Когда Лигаридѣ уѣхалъ изъ Молдаво-Валахіи и, сдѣлавшись монахомъ, остался тамъ, по отъѣздѣ Суханова въ апрѣлѣ 1652 года въ Москву, одинъ, онѣ преданъ написанію „Исторіи Іерусалимскихъ Патріарховъ".

Отзывы о Лигаридѣ Патріарха Досиѳея.

Характеристику этой исторіи далъ извѣстный, какъ руководитель русской политики на Востокѣ въ теченіе 30 лѣтъ, Іерусалимскій **Патріархъ Досиѳей**, бывший съ молодости на службѣ у Патріарха Паисія и потомъ замѣнившій его на кафедрѣ. Онѣ использовалъ матеріалы, собранные Паисіемъ въ своей „Исторіи Патріарховъ Іерусалимскихъ", и, перечисляя писателей XVI и XVII вѣка, говоритъ о Паисіи Лигаридѣ въ такихъ выраженіяхъ: „Паисій Лигаридѣ съ острова Хіоса. Латинянинъ. Онѣ написалъ толкованіе на Божественную литургію, но въ смыслѣ благопріятномъ Римской Церкви. Онѣ написалъ также историческій трудъ объ Іерусалимскихъ Патріархахъ in folio въ 73 тетрадяхъ. Мы сами много использовали оттуда матеріаловъ для настоящей исторіи. Онѣ написалъ о Патріархахъ до

Ираклія но не сказали ничего здраваго о нихъ. Третья часть труда состоитъ изъ исторій и разсказовъ объ аскетахъ и Патріархахъ; двѣ трети направлены противъ Восточной Церкви и специально противъ Святого Фотія въ защиту папской власти. Патріархъ Мелетій Константинопольскій (1668-1671) и Нектарій Іерусалимскій (1661-1669), прочитавъ эту исторію и увидѣвъ въ ней самое низкое ругательство противъ Православія, предали ее анаѣмъ и отлучили отъ Церкви самого Лигарида, какъ еретика (Пальмеръ III, 6). Преемникъ Досиѣя по кафедрѣ смягчалъ приговоръ о Лигаридѣ только указаніемъ, что онъ писалъ въ защиту Православія отъ лютеранства. О пребываніи Лигарида въ Молдавіи говоритъ еще **Павель Алеппскій**, сынъ Патріарха Макарія Антіохійскаго, **встрѣтившій тамъ Лигарида на обратномъ пути изъ Москвы въ 1656 г.**, что онъ тамъ участвовалъ въ интригѣ по сверженію Василія Бея въ пользу Стефана Бея, но бѣжалъ оттуда послѣ низложенія Стефана, не чувствуя себя въ безопасности, какъ скомпрометированный въ интригѣ. **Патріархъ Никонъ** писалъ о томъ, что ему было извѣстно отъ архимандрита Теофана и отъ Агафангела дьякона, спутника Лигарида, поссорившагося съ послѣднимъ: „Мнѣ говорятъ, писалъ Никонъ, что онъ не православный сынъ Восточной Церкви, а членъ Римскаго костела; что онъ былъ у папы до 30 лѣтъ дьякономъ и жилъ долго среди мутьянь (валаховъ) и сѣялъ Римскую ересь; онъ позволялъ вдовымъ священникамъ жениться снова и говорилъ, что молодые монахи и монашки могутъ вступать въ бракъ; онъ ѣлъ мясо". **Митрополитъ Молдавскій** писалъ о немъ Вселенскимъ Патріархамъ, и они его анаѣматствовали и приказали ему снять монашеское платье, но онъ ушелъ изъ Валахіи въ Польшу, гдѣ онъ былъ долго у короля и служилъ въ костелахъ". Подтвержденіемъ католическихъ симпатій Лигарида является и сочиненіе его, написанное въ Москвѣ по просьбѣ Шведскаго посланника Лиліенталя около 1666 года: „Tractatus de Fide graecorum et russorum circa sacrosantum Eucharistiae Mysterium".

Согласно Fabricius (Пальмеръ III, 11, выдержки изъ словаря Кіевскаго Митрополита Евгенія; Пальмеръ III, 13) этотъ трактатъ былъ напечатанъ въ 1666 г. Арнолемъ въ его книгѣ: „De perpetuitate fidei catholicae de S. Eucharistia".

Отзывы иностранцевъ-католиковъ о Лигаридѣ.

Фабрицій отводитъ мѣсто Лигариду среди грековъ, исповѣдающихъ латинскую вѣру. Въ архивахъ Пальмеръ нашель

письма этого же времени отъ Лигарида къ кардиналу Барберини. Въ книгѣ Rodota, изданной въ Римѣ въ 1763 году: „Dell' origine, progresso e stato presente del Rito Graeco in Italia", разсказывается о злостраданіяхъ Лигарида въ Константинополѣ отъ греческаго духовенства за то что „He learnedly defended the truths of Catholicism with rare perspicuity and acuteness put to shame and silenced his opponents, as they were not able to withstand either the vehemence of his zeal, or the force of the arguments by which he provided the preeminence of the pontifical authority over the that of the other patriarchs"¹, И ему въ особую заслугу ставилось, то, что онъ имѣлъ въ Москвѣ достаточное вліяніе „to extirpate there two abominable abuses, viz. that of rebaptizing the Latins and that of renewing every year an act of excommunication against the Pope"².

Вѣрно-ли это, судить не беремся, но всѣ католическіе отзывы показываютъ, что Лигаридъ не переставалъ быть, по крайней мѣрѣ, въ душѣ католикомъ до конца, какъ свидѣтель **Rodota**, пишущій: "Онъ умеръ въ 1678 г.; одинъ джентлемэнъ, знавшій Лигарида въ Москвѣ, передалъ въ греческій коллегій въ Римѣ, что онъ присутствовалъ при его смерти и свидѣтельствуеть въ немъ твердость его католической вѣры". „Такое свидѣтельство, заключаетъ Родота, заслуживаетъ больше довѣрія, чѣмъ разныя сообщенія, которыя увлекли думать менѣе освѣдомленныхъ лицъ, что будто Лигаридъ былъ апостатомъ отъ вѣры" (Pal. III, 14). Фактъ его переписки съ Пропандой о жалованіи въ концѣ 60 годовъ XVII вѣка, найденной о. Пирлингомъ на ряду съ книгами, написанными въ католическомъ духѣ уже послѣ принятія Православія, подтверждаетъ съ одной стороны и мнѣнія писателей, что онъ не покидалъ католицизма, и то, что онъ принималъ на себя личину Православія только ради „гнуснаго корыстолюбія", какъ выражается о. Пирлингъ.

Отзывы о Лигаридѣ Патріарха Нектарія.

Еще 29 іюля 1669 г. царь Алексѣй Михайловичъ получилъ отъ Іерусалимскаго Патріарха Нектарія сообщеніе о Лигаридѣ, въ которомъ тотъ писалъ: „Даемъ подлинную вѣдомость, что онъ Лигаридъ отнюдь не Митрополитъ, ни Архіерей, ни учитель, ни Владыка, ни

¹ „Онъ учено защищалъ истины католичества, съ рѣдкой проникновенностью и остротой стыдилъ и приводилъ къ молчанію своихъ оппонентовъ, такъ какъ они неспособны были противостать ни силѣ его рвенія, ни силѣ аргументовъ, которыми онъ утверждалъ верховенство папской власти надъ властью другихъ Патріарховъ".

² „Искоренить эти два чудовищныя злоупотребленія, то есть перекрещиваніе латинянъ и ежегодное повтореніе отлученія Папы".

пастырь, потому что онъ столько лѣтъ отсталъ и по правиламъ св. отецъ есть онъ подлинно отставленъ и всякаго архіерейскаго чина лишень, только именуется Паисій".

Нектарій Патріархъ указалъ и на то, что „Лигаридъ называется съ православными православнымъ, а латыни свидѣтельствуя и называютъ его своимъ, и Папа Римскій емлетъ отъ него на всякій годъ по 200 ефимковъ" (Каптеревъ. Хлопоты Московскаго правительства о возстановленіи Паисія Александрійскаго и Макарія Антиохійскаго на ихъ каѳедры и о разрѣшеніе отъ запрещенія Паисія Лигарида. Б. В. 1911, 3). Если царь раньше не вѣрилъ утвержденіямъ Патріарха Никона о Лигаридѣ, то теперь нельзя было не вѣрить, ибо сообщалъ его непосредственный начальникъ; кромѣ того, католикомъ его признавалъ не только Іерусалимскій Патріархъ, но и Константинопольскій: царь, очень расположенный къ Лигариду, благодарный ему за проведеніе дѣла противъ Никона, видѣлъ въ осужденіи Лигарида осужденіе всего Никоновскаго дѣла и потому просилъ всячески о возстановленіи его въ санѣ особой грамотой, но, такъ какъ на Іерусалимской каѳедрѣ оказался уже съ 23 января 1669 г. Патріархъ Досиѳей, то онъ и далъ отвѣтъ царю.

„Мы прочитали (въ твоихъ грамотахъ) о Газскомъ Митрополитѣ, писалъ послѣдній, чтобы мы его простили, и что будто не имѣетъ вины на себѣ, а онъ Лигаридъ имѣетъ многія вины и согрѣшенія, которыя, написавъ, посланы были къ тебѣ великому государю свидѣтельства ради, только стыдъ послать насъ не допустилъ, отчего и возвратили. Только единое говоримъ, что киръ Нектарій Патріархъ не таковой, чтобы писать или говорить ложно, но такой въ правилѣ, что нынѣ иной такой Архіерей разумный и богобоязненный не будетъ". Патріархъ, уступая крайней мольбѣ царя, возстановливаетъ Лигарида и одновременно просить его въ частномъ письмѣ „уцѣломудриться хотя отнынѣ впредь". Это было въ январѣ 1670 года, но черезъ два мѣсяца Патріархъ Досиѳей снова запретилъ Лигарида и уже ни на какія просьбы и подарки больше не сдавался, будучи убѣжденъ, что Лигаридъ тайный католикъ и содомить. Лигаридъ такъ и умеръ подъ запрещеніемъ.

Характеристика Лигарида Никономъ.

Вотъ кто былъ человѣкъ, о которомъ Никонъ писалъ Константинопольскому Патріарху еще за годъ до своего суда: „Царь слушаетъ Лигарида, какъ пророка Божія, человѣка, о которомъ утвержда-

ють знающіе его, что онъ католикъ и Римской вѣры, что онъ посвященъ въ дьяконы и священники по папскому приказу въ Римѣ, что онъ былъ въ Польшѣ у короля и служилъ мессы по Римскому обряду. И священники и дьяконы, жившіе съ нимъ въ Москвѣ, говорятъ о немъ, что онъ ничего не совершаетъ надлежащаго Епископу, ѣстъ мясо, пьетъ безъ отношенія къ времени; ѣстъ и пьетъ предъ богослуженіемъ, а послѣ литургисаеть, и что онъ совершаетъ содомію" (Pal. IV, 586). Никонъ съ самаго начала, когда въ іюлѣ 1663 г. пріѣхалъ къ нему для допроса Лигаридъ съ бояриномъ Одоевскимъ и другими, отказался вступить съ нимъ въ разговоръ въ виду того, что онъ не имѣлъ никакого полномочія и грамоты отъ своего Патріарха къ нему Патріарху Никону, и считалъ по этому одному неканоническимъ принятіе его царемъ. Позже на судѣ, на вопросъ, чѣмъ Русская Церковь отдѣлилась отъ единенія съ Православной Восточной Церковью, отвѣтилъ: „Для того, что Газскій Митрополитъ Питирима Митрополита перевелъ отъ Митрополіи въ другую Митрополію, а на его мѣсто поставилъ иного Митрополита да иныхъ де Архіереевъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ же, а ему де того дѣлать не довелось, потому что онъ отъ Іерусалимскаго Патріарха отлученъ и проклятъ. А хотя бы де онъ, Газскій Митрополитъ, и не еретикъ былъ, и ему де на Москвѣ долго быть не для чего, у него де и ставленныя грамоты на свидѣтельство нѣтъ, и мужикъ де наложить на себя мантию, и онъ де таковъ же Митрополитъ". Оба Патріарха, судившіе Патріарха Никона, знали еще раньше прошлое Лигарида отъ Іерусалимскаго Патріарха Нектарія, но въ Москвѣ защищали и удостовѣряли его Православіе и пользовались его указаніями и совѣтами. Впрочемъ они сами были низложены съ своихъ каѳедръ въ то время, какъ судили Патріарха Никона, и не могли почитаться каноническими его судьями. Тѣ заявленія на судѣ, которыя они дѣлали, что будто имѣютъ полномочія отъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго Патріарха, были явной ложью, ибо тѣ Патріархи не одобряли осужденія Никона и не одобряли самой ихъ поѣздки въ Москву для суда. Патріархъ же Нектарій, какъ извѣстно, рекомендовалъ не судить Патріарха Никона, а пригласить въ Москву обратно для патріаршествованія. Подкупъ Антіохійскаго и Александрійскаго Патріарховъ Московскимъ правительствомъ опредѣленно и точно засвидѣтельствованъ у проф. Каптерева съ указаніемъ цифръ; а вслѣдъ за подкупомъ Московскому правительству предстояли хлопоты по возстановленію низвергнутыхъ Патріарховъ, судившихъ

Патріарха Никона, ибо они и низвергнуты были какъ разъ за эту поѣздку церковной властью Константинопольскаго Патріарха Парфенія и всѣхъ греческихъ архіереевъ, солидарныхъ съ нимъ. На самомъ судѣ Никонъ былъ обманутъ относительно наличности полномочій Патріарховъ отъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго, указаніемъ на лежавшій на столѣ свитокъ, составленный за подписью всѣхъ Патріарховъ въ 1664 году, въ которомъ безъ указанія личности Патріарха Никона просто содержались общія разсужденія на тему о томъ, чему подлежитъ Патріархъ, виновный въ такихъ дѣяніяхъ, которыя приписывалъ Патріарху Никону ѣздившій дважды въ Константинополь другъ Лигарида діаконъ Мелетій съ Стефаномъ Грекомъ, привезшимъ ему и подложную грамоту отъ Константинопольскаго Патріарха въ 1665 году, назначавшую его представителемъ Константинопольскаго Патріарха для суда надъ Патріархомъ Никономъ.

О подложныхъ полномочіяхъ Лигарида отъ Константинопольскаго Патріарха.

Свитокъ этотъ читался въ отсутствіи Никона, и Никонъ лишень былъ возможности удостовѣриться въ наличіи полномочій, которыхъ тамъ впрочемъ и не заключалось. Грамотѣ о назначеніи Паисія экзархомъ Константинопольскаго престола царь повѣрилъ, несмотря на то, что еще въ ноябрѣ 1665 г. показанія Икон. Митрополита Афанасія возбуждали относительно этого сомнѣнія; правда, царь послалъ для провѣрки къ Константинопольскому Патріарху келаря Чудова монастыря Савву; тотъ и привезъ грамоту Константинопольскаго Патріарха, гдѣ было сказано: „Стефанъ грекъ у меня не былъ, только хартофилаксъ докучалъ мнѣ, чтобы я написалъ грамоту о бытіи Газскому экзархомъ, но я ему этого не позволилъ, и, если такая грамота явилась у тебя, то это плевелы хартофилакса... Лигаридъ — лоза не Константинопольскаго престола, я его за православнаго не признаю, такъ какъ слышу отъ многихъ, что онъ папешникъ и лукавый человѣкъ". Однако, грамота пришла, по указанію Гюббенета, въ Москву уже во время производства суда надъ Никономъ и не повліяла на дѣло. Самый судъ надъ Патріархомъ Никономъ нельзя назвать судомъ въ собственномъ смыслѣ, ибо это была лишь формальность, утвердившая заранѣе составленное рѣшеніе. Обвиненіе, разсмотрѣніе пунктовъ обвиненій и самый обвинительный вердиктъ не совпадаютъ между собой. Основные идеи Никона о власти царской и патріаршей были восприняты судомъ, какъ правильныя, но уже послѣ осужденія

Никона въ январѣ 1667 г. Всѣ свидѣтели въ пользу Патріарха Никона были заблаговременно сосланы, самъ Никонъ не приглашенъ былъ ни на засѣданіе 28 ноября (когда читался Патріаршій свитокъ), ни 3 декабря. Онъ присутствовалъ только на засѣданіяхъ 1 и 5 декабря (5-го сдѣлано постановленіе, а 12-го послѣдовало низверженіе изъ сана въ Чудовомъ монастырѣ); самое обвиненіе не было ему вручено заранѣе, и онъ долженъ былъ защищаться экспромптомъ, только отвѣчая на предложенные ему вопросы; патріаршихъ свитковъ, полученныхъ въ 1664 г. и составленныхъ примѣнительно къ тому, что говорилъ Патріархамъ діаконъ Мелетій, другъ Лигарида, Никонъ вовсе не читалъ; Патріархи - судьи во все время путешествія были застрахованы отъ всякаго общенія съ людьми, которые пришли бы отъ Никона, и такимъ образомъ получили освѣщеніе только отъ одной стороны. Самый судъ 1666 г. былъ подтвержденіемъ суда Русскихъ Архіереевъ 1660 г., который былъ составленъ въ отсутствіи Патріарха Никона и не могъ также почитаться каноническимъ судомъ. Такимъ образомъ, самый судебный процессъ нисколько не могъ содѣйствовать уясненію подлинныхъ взглядовъ Патріарха Никона ни на царскую власть, ни на Патріаршество, ни на многіе другіе вопросы каноническаго характера, столь важные для выясненія его міросозерцанія. Если судъ надъ Никономъ можно называть судомъ, то только такъ, какъ называетъ его Митрополитъ Антоній въ IV томѣ своихъ сочиненій: „нечестивый судъ". Дѣло о судѣ будемъ разсматривать дальше; теперь же скажемъ о томъ, какія теоретическія воззрѣнія изложилъ Паисій Лигаридъ о царской власти.

Теорія Лигарида о царской власти.

Свои заключенія о правѣ царя самостоятельно, безъ Патріарха, созывать Соборы, о правѣ его прекратить вдовство Церкви послѣ ухода Патріарха Никона, о правѣ его отнимать обратно у Церкви данныя царями раньше недвижимости и право суда, о правѣ суда, о правѣ его по соображеніямъ цѣлесообразности измѣнять объемъ подсудности церковнаго суда, о правѣ царя назначать архимандритовъ и Епископовъ — Лигаридъ распространился въ своихъ отвѣтахъ Стрешневу, писанныхъ въ концѣ лѣта 1662 г., общее же принципіальное обоснованіе онъ далъ въ засѣданіяхъ Собора, происходившихъ въ половинѣ января 1667 года, когда уже послѣ осужденія Патріарха Никона былъ поднятъ принципіальный вопросъ о власти царской и Патріаршей, въ виду несогласія русскихъ

Архієреєвъ Крутицкаго Павла и Рязанскаго Иларіона подписаться подъ осужденіемъ Патріарха Никона, въ виду неопредѣленности постановленія Патріаршаго свитка во 2-й главѣ о распредѣленіи полномочій между Патріархомъ и царемъ. Когда читались мнѣнія, клонившіяся къ чести и высотѣ священства, то Лигаридъ всячески старался ихъ ослабить. Когда названные два архіерея пришли въ страхъ, какъ бы имъ не пострадать за свою продерзость и непокорность за несогласіе съ Патріархами и говорили, что они боятся за будущее отъ послѣдующихъ царей, а не отъ Алексѣя Михайловича, если будетъ утверждено, что государство выше Церкви, и подали прошеніе Патріархамъ, чтобы были за нихъ ходатаями передъ царемъ, — то Газскій. Митрополить сказалъ или просто приписалъ себѣ позже составленную рѣчь (будто бы сказанную ночью въ патріаршихъ покояхъ), которую и помѣстилъ въ III гл. своей „Исторіи Суда“, въ которой онъ не могъ оспаривать превосходства священства надъ царствомъ въ духовныхъ дѣлахъ послѣ цитаты ряда святоотеческихъ сочиненій изъ Іоанна Златоуста о Священствѣ, изъ апологетики Григорія Богослова, изъ пятой молитвы о елеосвященіи Василія Великаго, изъ I посланія Папы Григорія Двоеслова къ императору Льву Исавру, изъ книги противъ ересей Епифанія Кипрскаго. Однако, ради возвеличенія царской власти Лигаридъ выставилъ положеніе, что царь соединяетъ въ себѣ и власть священства, и царства, причемъ произнесъ диѳирамбы въ пользу личныхъ качествъ царя Алексѣя Михайловича, заслуживающихъ такого возвышенія, и тѣмъ самымъ старался перенести споръ на почву сужденія о лицахъ, кто выше въ данное время: такой ли царь, какъ Алексѣй Михайловичъ, или такой Патріархъ, какъ осужденный Никонъ. „Господствуетъ нынѣ ложь; беретъ, писалъ онъ, перевѣсъ осужденіе. Недостойны русскіе такого царя, преданнаго вѣрѣ христіанской, благочестивѣйшаго, имѣющаго жезлъ не желѣзный и тяжелый, но мягкій и орѣховый. Я самъ буду отвѣчать на это безумное и вредное писаніе... Боюсь осужденія раба, скрывшаго талантъ. Потому, что меня Вселенскій киръ Діонисій поставилъ истолкователемъ Патріаршихъ опредѣленій, надзирателемъ и поборникомъ... Спрашиваете, что изъ двухъ преимуществуетъ: священство или царство? Отвѣчаю: въ нѣкоторомъ отношеніи должно отдать преимущество священству, — разумѣю дѣла духовныя; въ другомъ должно отдать честь царству, т. е. въ дѣлахъ гражданскихъ... Можно сказать: священство царствуетъ надъ дѣлами духовными; царство священнона-

чальствуешь надъ гражданскими... Поистинѣ нашъ державнѣйшій царь государь Алексѣй Михайловичъ столько свѣдушъ въ дѣлахъ церковныхъ, что можно было бы подумать, будто цѣлую жизнь былъ Архіереемъ, посвященъ во всѣ тайны Іерархическаго служенія, отъ малыхъ ногтей воспитывался въ храмѣ, какъ Самуиль. Почему, не стыдясь, возвѣщаемъ, что лобызаемъ щедродаровитую десницу такого царя. Да, да! Цѣлую и лобызаю руку, обогащающую странныхъ, пекущуюся о сиротахъ, руководствующую слѣпыхъ... Да, да! Лобызаю десницу, помазанную благовоннымъ миромъ новой благодати, знаменанную печатью обрученія Святаго Духа, пишушую спасительныя заповѣди... Да, да! Лобызаю бранноносную руку, вооруженную по слову о Павла оружіемъ правды, подвизающуюся за благочестіе, украшенную благочестіемъ, позлащенную добродѣтелями... А ты, Богомъ почтенный царю Алексій, воистину человѣкъ Божій, ты отнимаешь, а не простираешь десницу свою намъ Архіереемъ; мы сами противъ воли твоей привлекаемъ ее къ себѣ и лобызаемъ, яко прещедрую помазанную десницу царя христіанства... Конечно, зло насѣяно вездѣ... Но изъ того, что двое или трое державствующихъ нечествуютъ, неуважительно обращаются съ дѣлами Архіерейства, не должно почитать и всѣхъ безпорядочными и незаконными... Не къ безчестію, но къ благой похвалѣ полагается орелъ подъ ноги хиротонисуемаго Архіерея. По праву становится онъ на него, когда возглашаютъ символъ, въ который мы крестились: этимъ онъ показываетъ, что будетъ твердъ въ вѣрѣ самодержца, что будетъ другомъ грековъ, что будетъ во всемъ покоренъ и послушенъ царю... Вы боитесь будущаго, чтобы то есть какой нибудь новый государь, сдѣлавшись самовластнымъ и соединяя самоуправство съ самозаконіемъ, не поработилъ Церковь Россійскую! Нѣтъ! Нѣтъ! У добраго царя будетъ еще добрѣ сынъ, его наслѣдникъ... Онъ будетъ попечителемъ о васъ... наречется новымъ Константиномъ, будетъ **царь и вмѣстѣ Архіерей, какъ и преданный вѣрѣ христовой великій Константинъ** восхваляется у насъ на великой вечернѣ — Іереемъ и царемъ. Да и у Римлянъ, какъ и Египтянъ, царь соединялъ въ себѣ власть Священства и царства, какъ пишетъ поэтъ латинскій Гомеръ — **Виргилій** (У Виргиліи въ Энеидѣ III, 8 есть стихъ такой: „Rex Aenius rex idem hominum Phoebique sacerdos". Царь Эней — царь людей и жрецъ Феба).

Также наканунѣ въ официалномъ засѣданіи Газскій Митрополитъ постарался смягчить прочитанное слово Епифанія Кипрскаго,

изъ котораго, по мнѣнію членовъ Собора, яснѣ солнца вытекало, что Престоль Святительскій выше всякаго другого престола, а слѣдовательно и самаго царскаго достоинства. Вотъ это слово: „Престоль Давидовъ и царское сѣдалище есть Священство во Святой Церкви; сіе то царское и Первосвященническое достоинство, соединивъ воедино, Господь даровалъ Святой Церкви, перенесъ въ нее Престоль Давидовъ, не перестающій пребывать во вѣкъ; потому престоль Давидовъ существовавшій свое преемство продолжалъ до Самаго Христа, такъ какъ не оскудѣвали князья отъ Іуды, дондеже пришелъ Тотъ, Кому отложено и той сказано чаяніе языковъ (Быт. 49, 10). Ибо въ пришествіе Христово прекратились до Самаго Христа бывшіе по преемству вождями князья отъ Іуды. Прекратился и не продолжался болѣе порядокъ, когда родился Христосъ въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ, при Александрѣ, происходившемъ изъ первосвященническаго рода. Симъ то Александромъ пресѣкъся жребій царскій при царѣ Иродѣ и Августѣ, самодержцѣ Римскомъ. Этотъ Александръ, какъ одинъ изъ помазанниковъ и вождей, возложилъ на себя и вѣнецъ; потому что, когда соединились два колѣна и царское и Первосвященническое, разумѣю Іудино и Аароново и все Левіино, тогда происшедшіе отъ сихъ колѣнъ дѣлались царями и Іереями. Ибо ничто не погрѣшило изъ загадокъ (таинственнаго ангела) писанія. Но тогда наконецъ, возложилъ не себя діадему иноплеменный царь Иродъ, а не изъ потомковъ Давидовыхъ. А по паденіи **царскаго престола и царское достоинство изъ плотскаго Іудина дома и изъ Іерусалима перенесено во Христа въ Церковь**. Водружается же Престоль во Святой Божіей Церкви во вѣки, имѣя достоинство по двоякому праву, и царскому и Первосвященническому: по праву царскому отъ Господа нашего Іисуса Христа — двояко: и потому что Онъ по плоти отъ сѣмени Давида царя и потому что, будучи тѣмъ, что Онъ есть, отъ вѣка большій еще царь по Божеству; по праву же священному, потому что Онъ Архіерей и Первосвятитель Архіереевъ послѣ того, какъ вскорѣ поставленъ Іаковъ, именуемый Братъ Господень и Апостоль — первый Епископъ, по естеству сынъ Іосифовъ, наименованіе же Брата Господня получившій, потому что жилъ съ Нимъ въ одномъ семействѣ... Ибо пребываетъ Престоль Его, царствію Его не будетъ конца, возсядетъ на Престоль Давида, ни въ чемъ не измѣнивши царской власти Давида, но даровавъ ее слугамъ Своимъ — Архіереямъ Вселенской Церкви". И это слово, говорящее о превосходствѣ царства духовнаго надъ царствомъ земнымъ и потому о превосходствѣ чи-

на духовнаго надъ чиномъ земнымъ (не въ юридическомъ, а въ духовномъ смыслѣ) Лигаридъ старался ослабить до нѣкоторой степени по отношенію къ царю тѣмъ, что вводилъ его въ санъ духовный, соединяя съ царскимъ достоинствомъ неразрывно Архіерейское, и опять переносилъ вопросъ на личности; т. е. если Архіерей — недостойный, а царь достойный, то царь выше. Вотъ его рѣчь: „Сравненіе и сближеніе производятся по нѣкоторымъ сходнымъ или подобнымъ чертамъ, а не вслѣдствіе полнаго тождества, иначе не могли бы быть сравненія и сопоставленія. Такимъ образомъ кажется, что священство имѣетъ преимущество передъ земнымъ царскимъ достоинствомъ по полнотѣ духовной власти. Такъ никто не можетъ отпустить грѣхи, кромѣ единаго архіерея: кто можетъ отпускать грѣхи, воскликнули Іудеи, кромѣ Одного Бога, а Богомъ земнымъ называется Архіерей, какъ разсуждаетъ въ Постановленіяхъ Апостольскихъ Божественный Климентъ и съ нимъ эпонимъ богословія. Но и въ благословеніи Іерей выше царя, почему и Мельхиседекъ, будучи священникомъ Бога Вышняго благословилъ Патріарха Авраама, а несомнѣнно, что худшее лучшимъ благословляется. **Но относительно помазанія нѣтъ между ними различія**, ибо оно обще обоимъ, какъ великій Кипріянь въ словѣ о помазаніи говоритъ: "нынѣ въ Церкви совершается миро, въ которомъ смѣшивается съ елеемъ бальзамъ, и черезъ сіе ясно указывается единеніе Архіерейскаго и царскаго достоинства и власти... Два великихъ свѣтила (изъ Григорія Богослова) поставилъ Деміургъ всѣхъ боговъ на тверди небесной: одно — свѣтящее днемъ, другое же для освѣщенія ночью, оба прекрасны и полезны для всякаго въ мірѣ произведенія... Поистинѣ свѣтиламъ свѣтилъ свѣтлѣйшимъ подобны Архіерей и царь на тверди Церкви, и когда оба правятъ прямо слово истины, то бываетъ общее удовольствіе и радость, когда же неправно творятъ, подвергаясь наглядному затмѣнію, тогда плачь и стenanіе повсюду слышатся..." Затѣмъ Лигаридъ переходитъ къ оцѣнкѣ качествъ носителя духовнаго чина и царскаго и говоритъ: прежде Іереи были златые по правамъ, хотя служили на деревянныхъ дискахъ и потирахъ; а нынѣ мы мѣдные и желѣзные по словамъ и дѣламъ, хотя и совершаемъ таинство причащенія въ сосудахъ златыхъ и преукрашенныхъ. О какая перемѣна! Дай мнѣ Архіерея, который бы стяжалъ ревность Финееса, кротость Моисея, ревность Іліи, и я предпочту его высокому Кесарю и Августу, надъ землею начальствующимъ. Но если между насъ являются не Епископы, а ἐπίσκοτοι (помрачители), не митрополиты,

μικροπολίται (преступные граждане), — не добрѣ живущіе, отъ нихъ же первый есмь азъ окаянный, то какой намъ стыдъ! Какого ожидать благоговѣнія?... **Посему царю надлежитъ казаться и быть выше другихъ**, но предстоятели Церкви должны быть свѣтильникомъ, поставленнымъ на золотомъ свѣщникѣ, чтобы быть видиму, какъ нѣкоторый Фаросъ и колоссъ свѣтящійся... Таковъ подобаетъ намъ Архіерей: преподобенъ, незлобивъ, не оскверненъ, свѣтлѣе и чище аміанта, который бы въ пламени огня не сгоралъ, но еще болѣе очищался. Если же окажется противнымъ тому (но я не позволю себѣ никого порицать), — достаточно мнѣ указать на одного изъ многихъ, соборнѣ лишеннаго Патріаршаго достоинства и власти, разумѣю Никона, стоящаго внѣ священной ограды алтаря, — вмѣсто мира бросающаго ножъ въ Христову Церковь, царскаго и Давидова престола не слушая, какъ невнимательный къ слову Архипастыря и Великаго Учителя, глаголющему: вложи, Петръ, мечъ твой въ ножны, едва удержавшему его и бывшихъ съ нимъ отъ стремленій къ убійству... Но, о вѣчно священный, Богомъ пособляемый, Государь нашъ, великій побѣдитель и вѣрнѣйшій защитникъ Церкви живи, какъ фениксъ на многія лѣта, да будетъ тебѣ, **какъ орля, юность твоя, ты воистину Архіерей и царь**, яко подражаеши тебѣ во слѣдъ и соревнующа Великому Θεодосію, Великому Юстиніану, Христіаннѣйшему Константину, тебя да возставитъ Христосъ Богъ нашъ новаго Давида по сердцу Своему, найдя, яко не далъ еси сна очамъ твоимъ и рѣсницамъ дремоты, донде же **Богосоставленное сіе собраніе... собрала богомудрая твоя свѣтлость, послѣдуя Боговѣщанному глаголющему** (Мѡ. гл. 18): идѣже есте двѣ или тріе собрани во имя Мое, Азъ ту есмь посередѣ ихъ. Положу вѣнецъ слову моему"... И слѣдуетъ моленіе „за христолюбиваго и святѣйшаго царя нашего отъ Бога царство пріемшаго, объ одолѣніи на враговъ" „особенно на Сарацинъ, по грѣхамъ нашимъ нынѣ на насъ возставшимъ".

Въ этой рѣчи Лигарида царь отличается въ церковныхъ правахъ отъ Архіерея только отсутствіемъ права отпущенія грѣховъ и права благословенія — отзвукъ совершенно однородной Вальсамоновской теоріи, кладущей центръ вопроса въ фактъ миропомазанія, а не въ тѣ молитвы, которыя читаются при поставленіи и царя и Архіерея, и не въ тѣ благодатные дары, которые на нихъ призываются.

Слабость Лигаридовской аргументації.

Чувствуя какъ бы слабость своей аргументації, Лигаридъ взы-
ваетъ къ разсмотрѣнію личныхъ качествъ царя и Іерарховъ; этотъ
argumentum ad hominem и вовсе не можетъ служить для доказы-
тельства правового положенія. Онъ рассчитанъ на вліяніе на слушателей,
враждебныхъ Патріарху Никону и послушныхъ царю; такъ же, какъ
последнія слова рѣчи рассчитаны на Восточныхъ Патріарховъ, всегда
бывшихъ склонными возвеличивать единого христіаннѣйшаго царя
ради призыва его къ помощи противъ мусульманскаго ига. Восточ-
ные Патріархи, неохотно соглашавшіеся на учрежденіе въ Москвѣ
Патріаршества въ 1589 г., очень охотно теперь готовы были
содѣйствовать его дискредитированію обвиненіями самыми
нелѣпыми. Тенденція къ возвышенію Московскаго царя и умаленію
Московскаго Патріарха, какъ нельзя лучше соотвѣтствовала ихъ
цѣлямъ. Въ дальнѣйшихъ своихъ рѣчахъ Лигаридъ болѣе
беззапѣчливо констатировалъ принципіальную неограниченность
царской власти во всемъ, и снова онъ не останавливается передъ ци-
татами изъ языческихъ писателей, у которыхъ, естественно, прин-
ципъ единства источника власти — въ царѣ — былъ непоколебимъ.
Въ толкованіи на I книгу Царствъ 8, 4—22 Паисій сказалъ: „Я хочу
быть истолкователемъ прочитаннаго, хочу изъяснить „оправданія“
единодержавной власти. И впервыхъ замѣчаю, что царь не подле-
житъ законамъ“. Доказательства берутся имъ изъ Діона Кассія и од-
ного Пифагорейскаго философа. Указывается принципъ Синедріона,
дозволившаго царю имѣть до 18 женъ, а Соломонъ имѣлъ ихъ еще
больше. „Теперь я понимаю, почему цари народовъ не хотѣли часто
показываться подданнымъ, полагаю, по высочеству сана, какъ
Ассирійскій царь Артаксерсъ не только не хотѣлъ показываться, но и
законъ немилостивый установилъ — подвергать смерти, казнить не-
званно вошедшаго къ нему“. 105 новелла Юстиніана говоритъ: „Царь
царей Богъ подчинилъ царямъ самые законы, давъ въ царѣ одушев-
ленный законъ людямъ, живущимъ подъ луною“. Здѣсь опять Лига-
ридъ забываетъ, что самъ Юстиніанъ положеніе *princeps legibus
solutus est* не распространялъ на сферу церковную, а только на ту
сферу, которую ввѣрилъ ему народъ. Понятіе же одушевленнаго за-
кона призываетъ къ тому, чтобы быть образцомъ повиновенія зако-
намъ и, если быть выше ихъ, то лишь въ томъ смыслѣ, что праведни-
ку законъ не лежитъ, ибо онъ выполняетъ много больше, чѣмъ требу-
етъ законъ. А въ толкованіи на 2 книгу Ездры 4, 1—12 Лигаридъ сно-

ва говорить о всевластных распоряженіяхъ царя Дарія Персидскаго и отношеніи царицы Евдоксіи къ Іоанну Златоустому. Но, если первый примѣръ недоказателенъ, какъ языческій, то второй показывалъ лишь фактъ злоупотребленій, но не давалъ нормы. Лигариду не удалось отстоять на Соборѣ теорію первенства власти царя, ибо, благодаря протесту Русскихъ Архіереевъ противъ двусмысленной редакціи 2-й главы патріаршихъ свитковъ, оба Патріарха принуждены были прежде составить объяснительную записку съ толкованіемъ главы, столь смутившей Русскихъ Архіереевъ.

Заключеніе собора 1667 г. О власти царской и Патріаршей.

Конечнымъ заключеніемъ преній было заявленіе Патріарховъ: „Да будетъ признано заключеніе, что царь имѣетъ преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а Патріархъ въ Церковныхъ, дабы такимъ образомъ сохранилась цѣлою и непоколебимою во вѣкъ стройность церковнаго учрежденія". Всѣ члены Собора воскликнули: „Сіе есть мнѣніе Богоносныхъ отецъ. Такъ мыслимъ всѣ; да живетъ на многія лѣта добропобѣдный и непобѣдимый нашъ царь; да продлится на многія лѣта и ваша жизнь и благоденствіе, Святѣйшіе и Блаженнѣйшіе". Таково было рѣшеніе Московскаго Большого Собора 1667 года. Это было официальнымъ признаніемъ со стороны Русской Церкви святоотеческой теоріи, отверженіемъ принципа цезарепапизма, проповѣданнаго Лигаридомъ, и признаніемъ традицій церковногосударственныхъ отношеній, установленныхъ Эпанагогой, а у насъ Никономъ. Однако, этотъ результатъ былъ достигнутъ предшествующей мученической дѣятельностью Патріарха Никона, указавшаго и исповѣдавшаго эти принципы въ своей дѣятельности. Его воззрѣнія мы и рассмотримъ. Но, если теоретическая Никоновская точка зрѣнія взяла верхъ надъ цезарепапистской, то сверженіе Никона, котораго добился царь, бояре и Русскіе Архіереи, оставило теорію безъ лица, могущаго ее выполнить.

Значеніе паденія Никона для судьбы его теоріи, принятой на Соборѣ 1667 года.

Греческая Іерархія нанесла ударъ русскому патріаршеству въ лицѣ наиталантливѣйшаго его представителя, такого, котораго такіе знатоки русской церковной исторіи, какъ Пальмеръ, называютъ однимъ изъ самыхъ великихъ Первосвятителей русской земли. Бываютъ люди, которые настолько срастаются съ идеей учрежденія, настолько его въ себѣ воплощаютъ, что паденіе ихъ является паденіемъ самого

учрежденія. Однако замѣтимъ, какъ великое достиженіе Собора 1667 года, что Русская Церковь была признана вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ отъ царства учрежденіемъ, съ своимъ Главой, своими законами, управленіемъ и судомъ. Монастырскій Приказъ былъ уничтоженъ, какъ учрежденіе, несоотвѣтствующее праву духовенства быть самостоятельнымъ въ своихъ дѣлахъ, и даже свѣтскіе архіерейскіе чиновники, со времени Стоглава назначаемые и смѣщаемые свѣтской властью, были признаны подлежащими замѣнѣ лицами духовными въ епархіальномъ управленіи. Только идейная революція, внесенная противоканонически Петромъ въ управленіе Русской Церковью, положила конецъ каноническимъ принципамъ, установленнымъ Соборомъ 1667 года. Все, что было сдѣлано Соборомъ въ 1667 г. въ установленіи церковно-государственныхъ отношеній, есть осуществленіе идей Патріарха Никона, того дѣйствительнаго Патріарха Никона, какимъ онъ дѣйствовалъ и жилъ, а не того, какимъ его выставила подъ вліяніемъ Лигаридовской „Исторіи Суда“ и вѣяній XVIII и XIX вѣковъ русская историческая наука. Что касается царской власти, то ея грекоримская концепція далеко не совпадала, какъ мы видѣли, съ русскимъ пониманіемъ ея, получившимъ наиболѣе выпуклое выраженіе въ ученіи Патріарха Никона.

Восточные же Патріархи признавали раньше, въ свиткахъ 1664 г., что наравнѣ съ другими подданными Патріархъ обязанъ царю безусловнымъ послушаніемъ, что всякое повелѣніе, идущее отъ царя, законъ есть, и потому вполнѣ обязательно для Патріарха, который долженъ подлагать себя подъ судъ и нести наказаніе за всякое противленіе царскому повелѣнію. Такое рѣшеніе отдало бы духовную власть по всѣмъ вопросамъ въ полное распоряженіе свѣтской власти, и съ нимъ не могли согласиться Русскіе Архіереи во главѣ съ Павломъ Крутицкимъ и Иларіономъ Рязанскимъ. Но идеи ихъ были идеи Никона, которыя и были приняты, какъ официальное выраженіе ученія Русской Церкви, но, какъ нежелательныя для царя, не были занесены въ дѣянія Собора.

Теорія царской власти на Соборѣ 1667 г. есть послѣднее свободное выраженіе соборнаго голоса Русской Церкви объ этомъ предметѣ.

Прежде, чѣмъ перейти къ ученію Никона, мы рассмотримъ идею симфоніи, которая была официальнымъ ученіемъ Церкви и Московскаго государства, занесеннымъ въ Кормчую. Теорія царской власти, выраженная на Соборѣ 1667 года, была послѣднимъ по времени сво-

боднымъ на Соборѣ волеизъявленіемъ Русской Церкви, и, какъ такая, не могла быть отмѣнена Духовнымъ Регламентомъ Петра, не могущимъ почитаться, несмотря на Архіерейскія подписи, свободнымъ волеизъявленіемъ Русской Церкви, ибо подписи эти даны не на Соборѣ свободно дѣйствующихъ Іерарховъ, а по отдѣльности подъ давленіемъ присланныхъ къ каждому Іерарху по отдѣльности царскихъ посланцевъ съ угрозами явными или подразумеваемыми, въ случаѣ неподписанія.

Теорія Никона и Соборъ 1667 г. остается и донинѣ дѣйствующей нормой Русской Церкви и должна поэтому быть положена въ основу будущихъ церковно-государственныхъ отношеній въ Россіи, поскольку Россія будетъ сознать себя государствомъ Православнымъ. Постановленіе церковной власти можетъ быть отмѣнено лишь постановленіемъ большей по отношенію къ ней церковной властью, или, по крайней мѣрѣ, равной ей, но не государственнымъ закономъ.

Глава IV. О симфоніи государства и Церкви.

Основы симфоніи Церкви и государства. — О подчинении государственной власти — папа Геласій, Іоаннъ Златоустъ. — Съ появленіемъ христіанства возвышается назначеніе государственной власти. — Ученіе Св. Отцовъ и великихъ людей о назначеніи государственной власти. — Цѣль, объединяющая Церковь и государство. Св. Папа Левъ Великій. — Норма отношеній Церкви къ государству съ святоотеческой точки зрѣнія. — Съ появленіемъ Церкви государственный авторитетъ не умаляется. — Съ появленіемъ Церкви основной характеръ государственной власти не измѣняется. — Съ появленіемъ Церкви умаляется лишь земное величіе государственной власти. — Съ появленіемъ Церкви государственная власть ограничивается въ дѣлѣ вѣры и благочестія. — Отношеніе христіанъ къ государственнымъ законамъ. — Принципіальное разграниченіе полномочій Церкви и государства. Вѣчность этихъ принциповъ. — Способы вліянія Церкви на государство. — Церковныя полномочія выше государственныхъ по своему внутреннему свойству. — Объ опредѣленіяхъ Церкви и вліяніи ихъ на положеніе Церкви въ государствѣ. — Ученіе Отцовъ Западной Церкви (до времени раздѣленія Церкви и послѣ) объ отношеніи государства къ Церкви. Принципъ симфоніи. — Блаженный Августинъ. — Исидоръ Пелусіотскій. — Папа Геласій. — Ive de Chartres. — Mauclerus. — Bossuet. — Существенное различіе между Церковью и государствомъ, котораго нельзя забывать въ теоріи симфоніи. — Принципъ взаимной независимости церковной и государственной власти. — Святые Отцы о взаимной независимости церковной и государственной власти. — Осія Кордубскій. — Папа Феликсъ III. — Папа Стефанъ V. — Ѳеодоръ Студитъ. Папа Григорій II. — Заключеніе о принципѣ взаимной независимости. — Разграниченіе сферъ духовной и свѣтской власти. Теорія Филлипа. — Подраздѣленіе духовныхъ и свѣтскихъ полномочій по ихъ непосредственной цѣли по Филлипу. — Теорія симфоніи о коллизіи государственнаго закона съ Церковнымъ. — Овербекъ. Распредѣленіе дѣлъ по компетенціи между Церковью и государствомъ на три категоріи. — Православное государство не можетъ мѣшать Церкви въ осуществленіи ея Божественныхъ полномочій. — Установленіе самостоятельности церковной власти. О теоріи и проф. Суворова касательно природы церковнаго законодателя и управленія и ея опроверженіе. — О природѣ участія императоровъ на Вселенскихъ Соборахъ и формы этого участія. — Суворовская теорія игнорируетъ принципіальное ограниченіе государства съ признаніемъ Христіанской Церкви. — Необходимость отличать факты отъ нормы, выясняемой правосознаніемъ. — Церковное законодательство. Формы его развитія. Теорія Митрополита Филарета. — Самостоятельность церковнаго управленія. Теорія Проф. Суворова объ императорѣ какъ *centrum uniatis*. — Теорія Епископа Іоанна Смоленскаго о высшей Соборной власти, какъ власти Богоустановленной. — Природа церковнаго управленія не мѣняется отъ признанія христіанства государственной религіей. — Объясненіе фактическихъ вторженій императоровъ въ дѣла Церкви. — Сознаніе неправомѣрности вмѣшательства въ дѣла Церкви со стороны императоровъ, допускавшихъ такое вмѣшательство. — О теоріи императора - великаго первосвященника, оправдывавшей вмѣшательство царя въ церковныя дѣла. — О теоріи проф. Суворова касательно природы церковнаго суда. — Церковный судъ надъ священнослужителями. — Взгляды на церковный судъ цезарепапистской теоріи Суворова и Каптерева. — Недопустимость низведенія Церкви до положенія частной корпораціи. — Судъ Церкви на Вселенскихъ Соборахъ. — О судѣ Епископовъ по гражданскимъ дѣламъ. — О церковномъ судопроизводствѣ. — Основная ошибка проф. Суворова въ его цезарепапистской теоріи. Проф. Заозерскій. — Непріемлемость цезарепапистской теоріи. — Дальнѣйшее раскрытіе теоріи симфоніи. Идея верховенства порядка церковнаго надъ государственнымъ. — О недопустимости качественного уравниванія государства и Церкви. — О подчиненіи царя суду церковному. — О невозможности католическаго клерикализма при православномъ пониманіи симфоніи. — Измѣненіе смысла теоріи симфоніи властей въ католическомъ мірѣ (XI в.). — Католическое пониманіе теоріи симфоніи. — Католическая теорія прямой власти папы. — Alvarius Pelagos, Папа Григорій VII, Иннокентій III. — Honorius Augusti Jondus, Hugo de St. Victor, Thomas Cantuariensis. — Emilio Crosa. — Критика теоріи прямой власти папы. Кардиналь Торрекремата. Кардиналь Беллярминъ. — Критика теоріи косвенной власти папы. Теорія власти руководящей. Жерсонъ. Фенелонъ. — Кардиналь Антонелли. Овербекъ о происхожденіи теоріи государственнаго главенства. — Святоотеческое пониманіе теоріи симфоніи. Церковь и современное нехристіанское государство. Государство православно-христіанское. — Возрожденіе въ новое время языческой идеи государства. Православное пониманіе симфоніи. — Корень католическихъ воззрѣній на отношеніе Церкви и государства и отличіе его отъ православнаго. — О двоякой власти Христа Спасителя: по Божеству и какъ Искупителя. — Полномочія, данныя Христомъ Апостоламъ. — Власть Христа по Божеству. — Христіанство даетъ высшій смыслъ существующимъ формамъ господства. — Теократическая система Вл. Соловьева и іерократическая система Достоевскаго. — Смыслъ православной теоріи симфоніи. — Центръ единенія Церкви и государства въ царской власти. Теорія симфоніи и протестантизмъ. Протестантскій государь — носитель всей церковно-правительственной власти въ Церкви. Евангелическая Церковь не признаетъ себя обладательницей порядка, даннаго Богомъ. Современное государство, освободившееся отъ церковныхъ началъ. — Католическое стремленіе къ политической теократіи. — Теорія всемогущества государства, какъ протестъ противъ папскаго всемогущества. — Теорія симфоніи въ памятникахъ церковнаго и государственнаго законодательства, въ частности на VII Вселенскомъ Соборѣ. — Перенесеніе теоріи симфоніи изъ Византіи на Русь. — Замѣна теоріи симфоніи утилитарной системой при Петрѣ I. — Санкціи Церкви въ случаѣ превышенія государственной властью своихъ правъ. — Paul Janet о политикѣ Святыхъ От-

цовъ. Тертулліанъ. — Святый Амвросій. — Блаженный Августинъ. О повиновеніи государству. — Папа Григорій Великій о подчиненіи государству. — Протестъ духовенства противъ матеріальныхъ угрозъ Григорія VII. Бернардъ Клервоскій. — Символическое выраженіе симфоніи. Врученіе царемъ жезла Патріарху. — О значеніи религіи для государства. Аристотель. Лактанцій. Папа Иннокентій II. Никонъ. Одно сужденіе проф. Масарика. — Пальмеръ о возможности грядущаго отпаденія Россіи отъ христіанства и о возможности православной реакціи. — Пророческія угрозы папы Пія IX для Европейскаго міра. — Пальмеръ о неизбѣжномъ разрушеніи Русскаго Царства въ результатъ отступленія отъ православныхъ принциповъ строительства. — Симфонія властей, какъ путь возрожденія Россіи.

Ученіе Святыхъ Отцовъ Церкви о назначеніи государства. Принципъ взаимной независимости Церкви и государства.

Основы симфоніи Церкви и государства.

Процитированная нами 6-я новелла Юстиніана признаетъ равноправность двухъ властей и необходимость ихъ совмѣстнаго дѣйствія для блага государства. Будучи включена въ государственнѣй законъ, теорія эта явилась принципомъ, признаннымъ для руководства самимъ государствомъ. Какъ въ основѣ всякой политической теоріи, въ основѣ ея лежитъ извѣстное философское міросозерцаніе. Таковымъ для теоріи симфоніи является ученіе Церкви о назначеніи государства и въ связи съ этимъ о соотношеніи его съ самой Церковью. Древнее, какъ родъ человѣческой, государство имѣетъ свое происхожденіе въ провиденціальномъ планѣ Премудрости и предназначается къ тому, чтобы человѣкъ, вышедшій изъ Божественнаго порядка черезъ непослушаніе, былъ человѣческой властью возвращенъ въ пути спасительной жизни. Божественное происхожденіе государства открыто еще древнимъ народамъ, и потому человѣкъ, въ силу Богомъ установленнаго порядка, обязанъ повиноваться власти, призванной вносить справедливость черезъ сдержку страхомъ наказаній сильныхъ и черезъ покровительство слабымъ и невиннымъ посредствомъ отнятія возможности наносить имъ вредъ. Цѣлый рядъ мѣстъ Ветхаго Завѣта говоритъ о происхожденіи и назначеніи государства. Такъ книга Притчъ въ гл. XIII, 15, 16: „Мною цари царствуютъ и узаконяютъ правду. Мною начальствуютъ начальники и вельможи и всѣ судьи земли“. Книга Премудрости Соломона въ гл. VI, 2, 3: „Внимайте, обладатели множества и гордящіеся передъ народами. Отъ Господа дана вамъ держава и сила отъ Вышняго“. Книга Даніила гл. IV, 14: „Повелѣніемъ бодрствующихъ это опредѣлено и по приговору святыхъ назначено, дабы знали живущіе, что Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ и даетъ

его кому хочет и поставляет надъ нимъ уничиженнаго между людьми".

Съ пришествіемъ Христа Ветхозавѣтный законъ не опрокинуть, а еще болѣе возвышенъ и яснѣе раскрытъ. Самъ Христосъ родился подданнымъ государства, призналъ власть Ирода (Мѡ. XVII, 24 и сл.), приказалъ платить подати Кесарю (Мѡ. XXII, 21), подчинился власти Пилата, какъ исходящей свѣше (Іоаннъ XIX, 11); Церковь устами Святаго Петра и Павла въ посланіи къ Римлянамъ XIII, 1 учила, что всякая Душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога; далѣе послушаніе это мотивировано: „ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро".

О подчиненіи государственной власти. Папа Геласій. Іоаннъ Златоустъ.

Папа Геласій писалъ императору Анастасію: „Cognoscentes imperium tibi superna dispositione collatum, legibus tuis upsi quoque parent religionis antistites"¹. И Златоустъ, толкуя посланіе къ Римлянамъ, говоритъ о Божественномъ установленіи власти, именно не о власти того или иного правителя, а самаго принципа власти, дающаго человѣку возможность благоустроить жизнь для заботы о спасеніи, вмѣсто массоваго скитанія по землѣ подобно волнамъ океана. Страхъ наказанія и принужденіе закона могутъ воздѣйствовать на людей, но сами по себѣ они создавали бы рабовъ и лицемѣровъ, если бы имъ не дано было высшаго принципа въ христіанствѣ. Человѣческая развращенность не останавливается передъ страхомъ Божіаго суда; ей необходимо противопоставить матеріальную плотину — общественную власть, которая воздѣйствуетъ въ Божьихъ намѣреніяхъ на злыхъ страхомъ; поражая временнымъ наказаніемъ, она спасаетъ отъ вѣчныхъ мукъ. Повиновеніе человѣческой власти требуется, ибо она человѣческій органъ Божественной власти, какъ Божій слуга; это понятіе привносится христіанствомъ. Церковь обязываетъ къ этому подчиненію, обращаясь уже къ совѣсти, а не къ страху и не къ рабскому подчиненію. Рим. XIII, 5. „И потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти, ибо начальникъ — Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему зло" (совѣтская власть, опрокидывающая основы нравственности, установленной церковнымъ вѣроученіемъ, потому самому не есть Божій слуга, и Церковь не можетъ призывать къ послушанію ей). Защищая Божест-

¹ „Въ сознаніи, что власть дана тебѣ распоряженіемъ свѣше, законамъ твоимъ повинуются и первосвященники церковные".

венное происхожденіе власти, Отцы Церкви никогда не учили о Божественномъ установленіи того или иного царя; не было этого ученія ни въ канонахъ Церкви, ни въ законодательствѣ Юстиніана, служившаго регулятивной идеей до конца Византійской имперіи.

Съ появленіемъ христіанства возвышается назначеніе государственной власти.

Съ христіанствомъ открывается высшее назначеніе человѣческой власти — содѣйствовать условіямъ возможности спасенія людей, черезъ устройство мирнаго общежитія (1 Тим. II, 2). Съ точки зрѣнія освященія и спасенія власть — одно изъ благодѣяній Божественной воли; покровительствуя добродѣтели, сдерживая разрушительныя страсти, она облегчаетъ работу Церкви по Спасенію человѣческихъ душъ. Власть сохраняетъ соціальныя порядки жизни, а безъ этого порядка невозможно общество. Не случай создалъ власть главы семьи, право судьи, власть царя. Это — борцы, воздвигнутые между добрыми и злыми, чтобы первымъ дать возможность спокойно жить срѣди вторыхъ. До созданія Церкви Христовой государство исполняло свое назначеніе съ меньшимъ сознаниемъ, а послѣ сама Церковь, признавая его Божественное происхожденіе самымъ государствомъ почитается, какъ живое представительство Бога, какъ руководящій идеалъ и принципъ, указывающій дальнѣйшую цѣль человѣческаго назначенія — спасеніе души въ міръ потустороннемъ.

Ученіе Св. Отцовъ и великихъ людей о значеніи государственной власти.

Когда явилось ученіе, что скипетръ власти есть даръ ада, то **Св. Иринеи** указывалъ на слово Апостола Павла, указавшаго на иное высокое происхожденіе принципа власти: „Богъ даетъ жизнь людямъ и царство царямъ". Еще въ языческомъ мірѣ предощущалось высокое назначеніе царской власти; язычники видѣли въ царяхъ живые образы боговъ; такъ **Плутархъ** говорилъ, что не нужно Фидіа, чтобы выгравировать статую начальника боговъ, ибо живое представленіе о немъ есть въ лицѣ царя, а въ XVII вѣкѣ Епископъ **Боссюэ** говорилъ, что Божественное величіе отражается нѣкоторымъ образомъ во власти мірскихъ государей.

Какъ Божественное могущество дѣйствуетъ непрерывно на всѣхъ пунктахъ вселенной, такъ царская власть дѣйствуетъ непрерывно во всемъ царствѣ. „Пусть Богъ отниметъ Свою руку, и міръ погибнетъ. Пусть авторитетъ исчезнетъ и государство скатится въ анархію". Церковь учитъ поэтому не только уваженію и повиновенію власти, но приказываетъ не отступать ни передъ какой жертвой на

благо государства и имуществом и жизнью. Необходимость налога вытекает из необходимости средств на содержание материальной силы; Св. Амвросій напоминает: „Если Сынъ Божій заплатилъ налогъ Кесарю, то кто ты, чтобы думать, что ты свободенъ отъ него". Также Св. Амвросій въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ: „Voulez vous tnon patrimoine? Le voila. Voulez vous me conduire à mort? Vous iriez au devant de mes vœux. Vous ne verrez point m'entourer de tout un peuple accouru á ma voix, embrasser éperdu, les autels. Auxsoldats et aux armes je n'opposerai d'autres armes que mes pieurs; la est toute la défense du prêtre, et je puis et ne dois opposer d'autre résistance"¹. Но есть положеніе, когда Христосъ освободилъ отъ обязанности повиновенія. Въ Дѣянїяхъ Апостоловъ V, 29 сказано: „Больше слѣдуетъ повиноваться Богу, нежели человѣкамъ, т. е. заповѣдей Церкви христїанинъ не можетъ нарушать въ угоду вельнїю государственному. Солдаты Юліана повиновались ему, когда онъ ихъ велъ на врага, но, когда онъ велѣлъ приносить жертвы идоламъ и воскурять передъ ними ѳимїамъ, они предпочитали заповѣдь Божию, запрещающую идолопоклонство.

Цѣль объединяющая Церковь и государство. Св. Папа Левъ Великій.

Государство представляетъ собой менѣе высокій порядокъ, чѣмъ Церковь, по большей примитивности своихъ цѣлей, являющихся лишь предварительнымъ условїемъ для работы Церкви, и по большей грубости своихъ средствъ, однако имѣетъ съ Церковью объединяющую конечную цѣль, основывающуюся на одной истинѣ: спасеніе людей. Эта единая истина и является основой того согласія Церкви и государства, которое возвыщается Церковью и принимается государствомъ, какъ принципъ своей дѣятельности въ томъ случаѣ, когда государство хочетъ быть христїанскимъ и потому принимаетъ въ основу ученіе, возвыщаемое Церковью. Основанїемъ союза или симфонїи Церкви и государства является такимъ образомъ не взаимная польза, а самостоятельная истина, поддерживающая этотъ союзъ. По самому понятію государства и Церкви симфонїя требуетъ подчиненія идей государственныхъ идеямъ церковнымъ. Государство призывается усовершенствовать свой принципъ справедливости по руководству принципа любви, которымъ живетъ Церковь. Государст-

¹ „Вы хотите мое имущество? Вотъ оно. Хотите вы вести меня на смерть? Вы пойдете этимъ навстрѣчу моимъ желанїямъ. Вы не увидите Меня окруженнымъ цѣлымъ народомъ, сбѣжавшимся на мой зовъ, обнимающимъ въ отчаянїи алтарь. Солдатамъ и оружію я противопоставлю только слезы, въ этомъ вся защита священника, и я не могу, и не долженъ противопоставлять другого сопротивленія".

во призывается приобщаться того духа, который есть в Церкви, и которым она движется и существует (Это не есть ультрамонтанство, ибо там дело в прямом подчинении власти государственной власти церковной, а здесь свободное приятие государством идеалов, указываемых Церковью). Симфония устанавливает, что государственная и церковная организации не только не враждебны друг другу по существу, но идейно связаны конечной целью, к которой каждая стремится разными средствами, присущими ей природе; через это они призываются к взаимной поддержке, приобретая в этой поддержке то, чего каждой не хватает. „Носитель власти государственной не может не покровительствовать Церкви и не защищать ее, сознавая, чем он обязан Церкви-Матери“, писал **Святой Папа Лев Великий** императору Льву. Он носит меч на ее защиту. Государство призывается заботиться не только о внешних нуждах Церкви, об ее культе, о средствах ее существования и ее служителей; оно должно давать законодательство, соответствующее Божественному закону Церкви, поддержать своим законом предписание ее закона; если голос Церкви не достаточен, чтобы удалить волков от своего стада, тогда государство призывается помочь Церкви своим принуждением. И Папа **Лев Великий** писал императору Льву: „*Ecclesiastica Lenitas etsi sacerdotali contenta iudicio, cruentas refugit ultiones, severis tamen christianorum principum constitutionibus adjuvatur*“¹; и в другом месте: „*Debes incunctanter advertere regiam potestatem tibi non solum ad mundi regimen sed maxime ad ecclesiae praesidium esse collatam, ut ausus nefarios comprimendo et quae sunt bene statuta defendas et veram pacem his quae sunt turbata restituas*“² Если вся Вселенская Церковь не может быть побуждена по обетованию Спасителя, то отдельная Поместная Церковь может в результате гонений быть побуждена, если светская власть не поставит преграду ее врагам, И отдельный народ может утратить веру. Поэтому, к защите государственной власти и прибегали, как видно из 104 Каролингских правил, отдельные Церкви. С своей стороны Церковь дает могущественную опору государственной власти, но эта опора иной природы, чем содействие Церкви со стороны государства; ибо ее помощь не в земных ресурсах материального ха-

¹ „Хотя церковная мягкость удовлетворяется приговором духовным и избегает жестоких наказаний, однако ей приходят на помощь законы христианских государей“.

² „Ты должен немедленно обратить внимание на то, что царская власть дана не только для управления миром, но главным образом для защиты Церкви, чтобы ты смел укрощать нечестивых, защищать хорошие установления и восстанавливать истинный мир, где он нарушен“.

рактера, а въ ея ученіи о назначеніи государственной власти и въ воспитаніи образа мыслей, которое создаетъ крѣпость государства. Папа **Левъ Великій** писалъ императору Θεодосію: „Donnez nous la liberté de défendre la foi: car en faisant les affaires de l'Eglise, nous faisons en même temps celles de votre empire et de votre salut. Si vous voulez conserver la possession paisible de votre province, préservez l'Eglise des attaques des hérétiques et les droits du Christ protégeront votre empire"¹.

Норма отношеній Церкви къ государству съ святоотеческой точки зрѣнія.

Вспомнимъ, что Христіанская Церковь явилась, какъ общество самостоятельное во всѣхъ отношеніяхъ, самостоятельное по происхожденію и назначенію съ своимъ закономъ, отличнымъ отъ государственнаго закона по происхожденію и значенію, съ своей властью, независимой отъ власти государственной по своему происхожденію и полномочіямъ, съ своимъ судомъ, отличнымъ отъ государственнаго суда и независимымъ по компетенціи и силѣ. Каковы же ея отношенія къ государству съ точки зрѣнія Церкви? Мы приведемъ на этотъ предметъ разсужденіе проф. Бердникова („Государственное положеніе религіи въ Римской имперіи"), специально изслѣдовавшаго этотъ вопросъ съ точки зрѣнія именно Церкви, и дополнимъ ихъ ссылками на Златоуста, разсыпанными въ его сочиненіяхъ, ибо ученіе о Церкви, ея законѣ, власти и соотношеніи съ властью мірской изъ всѣхъ Святыхъ Отцовъ онъ, какъ мы упоминали, наиболѣе освѣтилъ, выяснивъ особую природу церковнаго союза, его полномочій, характера церковной власти и способовъ защиты имъ своихъ правъ. Попутно же приведемъ и ученія другихъ Отцовъ Церкви.

Церковь, внося измѣненія въ строй семьи и общества соотвѣтственно требованіямъ нравственнаго закона, освящаетъ ихъ своимъ авторитетомъ; также она освящаетъ и государство, оставляя его неприкосновеннымъ. Она не призвана замѣнять его въ его заботахъ и попеченіяхъ; у нея своя задача, и по существу нѣтъ мѣста для столкновенія между Церковью и государствомъ. Церковь признаетъ государство не только, какъ явленіе, существующее помимо нея, но и какъ необходимую форму общежитія, установленную Самимъ Творцомъ міра (Рим. 13, 1). Она считаетъ ее необходимой для защиты лю-

¹ „Дайте намъ свободу защищать вѣру: ибо, совершая дѣло Церкви, мы въ то же время тѣмъ самымъ совершаемъ дѣло вашего царства и вашего спасенія. Если вы хотите сохранить мирное обладаніе вашимъ царствомъ, предохраните Церковь отъ нападокъ еретиковъ, и права Христа защитятъ ваше царство".

дей отъ нападенія внѣшнихъ враговъ и для поддержанія внутренняго порядка въ общежитіи (1 Петр. 2, 14; Рим. 13, 3, 4. Начальникъ есть Божій судья). Она признаетъ за государствомъ принадлежащія ему права законодательства по его дѣламъ, права управленія и суда за нарушение его законовъ (1 Петр. 2, 14; Рим. XIII, 35), не считая преступленіемъ убійство казнъ и убійство на войнѣ (Іоаннъ 19, 10, 11; Лук. 3, 14; Рим. 13, 4). Она внушаетъ своимъ членамъ воздавать гражданской власти все должное: подати и повинности (Мѡ. 22, 21; Рим. 13, 6, 7; ибо она — Божій служитель 13, 4), повиновение ея распоряженіямъ (1 Петр. 2, 13, 14; Рим. 13, 1—7; Тит. 3, 1, 2), оказывать ей почтеніе и уваженіе (Рим. 13, 7), хранить вѣрность; она сама молится о здравіи царя, объ его успѣхахъ, объ утвержденіи его власти, объ управленіи народомъ въ правдѣ (1 Тим. 2, 1, 2). Такъ Церковь освящаетъ авторитетъ власти гражданской, которой христіанинъ подчиняется по заповѣди Божіей. Повиновение власти государственной — являющейся Божіимъ слугою — предметъ прямой воли Божіей (1 Петр. 2, 13, 14 и Рим. 13, 2). Противляющійся власти, повелѣнію Божію противляется.

Златоустъ (въ Бес. на Рим. 533 стр.) говоритъ: „Апостоль, желая внушить, что заповѣдь его простирается не на однихъ мірскихъ людей, но на всѣхъ, и на священниковъ, и на монаховъ, объявляя о томъ напередъ, говоритъ такъ: „Всякая душа властямъ предержащимъ да повинуется". Хотя бы это былъ Апостоль, хотя бы евангелистъ, хотя бы пророкъ, хотя бы другой кто, повинуйся". Повиновение не лицу, а власти, которою оно облечено. Заповѣдь относится ко всѣмъ формамъ правленія (Всякая власть есть отъ Бога, если она Божій слуга). **Церковь не колеблетъ авторитета государственной власти, а утверждаетъ его прямой заповѣдью о подчиненіи властямъ; сама она не вмѣшивается во внутренній порядокъ государственной жизни, въ его устройство и управленіе. Государство и его власть чѣмъ были, тѣмъ и остались послѣ проповѣди Апостола. Государство осталось особой формой общежитія для обезпеченія благосостоянія людей, а власть государственная властью человѣческой, въ отличіе отъ власти церковной, происходящей непосредственно отъ Бога и дѣйствующей по непосредственному Его полномочію (1 Петр. 2, 13, 14). Порядокъ поставленія государственной власти идетъ по своимъ законамъ.**

Съ появи́ніемъ Церкви государственнѣй авторитетъ не умаляется.

Церковь только внушаетъ, что государство, какъ форма человѣческаго общежитія, установлено отъ Бога, что власть государственная — по волѣ Божіей — есть необходимое условіе порядка и благополучія въ жизни. Іоаннъ Златоустъ говоритъ въ толкованіи на Рим. XIII: „Власти учреждены отъ Бога. Нѣсть бо власть еще не отъ Бога, говоритъ Апостоль. Какъ это? Ужели всякій начальникъ поставленъ отъ Бога? Не то говорю я, отвѣтствуетъ Апостоль. У меня идетъ теперь слово не о каждомъ начальникѣ въ отдѣльности, но о самомъ начальствѣ, что есть начальство, что одни начальствуютъ, а другіе подчинены имъ, и что нѣтъ того устройства, чтобы происходило что-нибудь по случаю и безъ порядка, чтобы народы носились туда и сюда подобно волнамъ — все сіе я называю дѣломъ Божіей премудрости. Посему Апостоль не сказалъ, что нѣтъ начальника, который бы не былъ поставленъ отъ Бога, но, разсуждая вообще о начальствѣ, говоритъ: нѣсть власть еще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть.

Подобно сему, когда Премудрый говоритъ, что отъ Господа сочетается жена мужеви, разумѣетъ черезъ сіе, что бракъ установленъ отъ Бога, а не то, что Богъ сочетается каждаго вступающаго въ бракъ. Ибо видимъ, что многіе вступаютъ въ бракъ съ худыми видами и не по закону; чего однакоже никакъ не можемъ вмѣнить Богу. Но это сказалъ Господь, сотворившій искони мужской полъ и женскій, „сотворилъ бо есть; и рече: сего ради оставить человѣкъ отца своего и мать и прилѣпится къ женѣ своей“; то же самое разумѣетъ и Премудрый. Поелику равенство часто доводитъ до ссоры, то Богъ установилъ многіе виды начальства и подчиненности, какъ-то: между мужемъ и женой, между сыномъ и отцомъ, между старцемъ и юношей, рабомъ и свободнымъ, начальникомъ и подчиненнымъ, учителемъ и ученикомъ. И дивится ли такому установленію между людьми, когда то же самое учредилъ Богъ въ тѣлѣ... Безначаліе вездѣ зло, и производитъ замѣшательство". **Государь и государственная власть — необходимый законъ человѣческаго общежитія, подобный естественнымъ законамъ, дѣйствующимъ въ другихъ областяхъ міра, и въ этомъ смыслѣ на ряду съ прочими законами міра имѣютъ Божественное происхожденіе.**

Съ появленіемъ Церкви основной характеръ государственной власти не измѣняется.

Въ ученіи Христовомъ государственная власть не пріобрѣтаетъ новыхъ чертъ и въ своемъ основномъ характерѣ:

а) Средства у нея остались тѣ же: мечъ, матеріальная сила, принужденіе. в) Задачи тѣ же — обезпеченіе матеріальнаго благополучія въ общежитіи. с) Сфера дѣйствій та же — государственныя отношенія. **Христіанское ученіе не усваиваетъ ей новыхъ полномочій. Если государственная власть называется у Апостола служителемъ Божіимъ, то не въ томъ смыслѣ, какъ служители Церкви.** Государственный чиновникъ — Божій слуга въ особомъ смыслѣ и въ своей сферѣ. Задача дѣятельности государственной власти — обезпеченіе общаго блага, награжденіе добрыхъ и наказаніе злыхъ имѣетъ нѣкоторое соприкосновеніе на почвѣ нравственнаго закона съ задачей, для которой устроена Церковь Божія. Благо общественное имѣетъ своимъ глубочайшимъ основаніемъ нравственный законъ, который дѣйствуетъ въ Церкви Христовой. **Государственная власть, обезпечивая своей дѣятельностью достиженіе общественнаго блага, дѣлаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ въ своей сферѣ то же дѣло, къ которому приставлена власть церковная, и въ этомъ условномъ смыслѣ названа служителемъ Божіимъ.** Князи не суть божьныя добрымъ людямъ, но злымъ; хочещи не бояться власти, благое твори и имѣти будещи похвалу отъ него. **Божій бо слуга есть тебѣ во благое.** Аще же злое твориши, бойся: не бо безъ ума мечъ носить: Божій бо слуга есть, отмститель въ гнѣвъ зло творящему". **Златоустъ** поясняетъ этотъ текстъ: „Начальникъ облегчаетъ тебя въ подвигахъ добродѣтелей даже и тѣмъ, что наказываетъ злыхъ, а добрыхъ осыпаетъ благодѣяніями и почестями, содѣйствуя тѣмъ волѣ Божіей, въ какомъ смыслѣ Апостоль и назвалъ его слугой. Смотри же, я совѣтую тебѣ быть цѣломудреннымъ, и онъ того же требуетъ по законамъ. Я убѣждаю тебя не быть любостяжательнымъ, грабителемъ, и онъ надъ тѣмъ же поставленъ судьей. Слѣдовательно, онъ нашъ сотрудникъ и помощникъ; на то онъ и посланъ Богомъ. Итакъ, въ двоякомъ отношеніи достоинъ онъ нашего уваженія, и какъ Божій посланникъ, и какъ приставленный къ одному съ нами дѣлу. Аще злое твориши, бойся. Итакъ, не начальникъ является причиной страха, но наши собственные пороки. Не бо все мечъ носить. Видишь ли, что Апостоль представляетъ его вооруженнымъ подобно воину, дабы содѣлать страшнымъ для преступниковъ закона. Божій бо слуга есть, отмсти-

тель въ гнѣвъ зло творящему. А дабы ты, слыша о наказаніи, казни и мечѣ, не побѣждалъ прочь, Апостоль снова подтверждаетъ, что начальникъ исполняетъ Божій законъ. Какая тебѣ нужда, ежели онъ и самъ того не знаетъ? Довольно того, что такъ учредилъ Богъ. Итакъ, если начальникъ, наказываетъ-ли онъ или награждаетъ, **Божій есть слуга, потому что защищаетъ добродѣтель и гонитъ порокъ, чего Самъ Богъ хочетъ**, то для чего противиться тому, кто производитъ столько добра и споспѣшествуетъ твоей пользѣ? Многіе сначала старались жить добродѣтельно для начальниковъ, а впослѣдствіи прилѣпились къ добродѣтели изъ страха Божія. На людей грубыхъ не столько дѣйствуетъ будущее, сколько настоящее. **А кто и страхомъ и почестію предрасполагаетъ сердце людей, чтобы они способнѣе были принять слово ученія, тотъ справедливо называется Божіимъ слугой**". Названіе государственнаго служенія Божіимъ не даетъ права на смѣшеніе области государственной и церковной, ибо начальникъ слуга Божій въ своей сферѣ при достиженіи своей задачи (Означенный текстъ Златоуста показываетъ лишній разъ основу повиновенія начальству и ясно показываетъ, что власть, не отвѣчающая своему призванію, въ родѣ совѣтской, не относится къ числу властей, къ повиновенію которымъ призываетъ Апостоль). Однако, то земное величіе, которое имѣла власть въ языческомъ государствѣ, умаляется черезъ пониманіе государственнаго служенія, какъ служенія Богу.

Съ появленіемъ Церкви умаляется лишь земное величіе государственной власти.

Представитель государственной власти нынѣ не господинъ своихъ подданныхъ, владѣющій ими, какъ рабами, не міродержецъ съ властью надъ землей, не намѣстникъ Божій, отъ котораго зависитъ жизнь и дыханіе, не богъ, которому обязаны почитаніемъ. Христіане знали только Одного Истиннаго Бога, они указывали императорамъ, что и они - императоры подчинены Богу и обязаны Ему всѣмъ; для нихъ императорская власть потеряла ореолъ Божественности въ языческомъ пониманіи; для нихъ государственные законы стали человѣческими законами со всѣми недостатками, свойственными дѣламъ человѣческимъ, въ противоположность законамъ церковнымъ, которые — непосредственное выраженіе воли Божіей (Злат. Слово на р. мѣст. Св. Пис. II, 471, 483, 489, 500; Бес. на Дѣян. 1. 27, 102, 103; на 1 Кор. 212, 213; II, 80, 164; на Ефес. 29, 251, 365; на 1 Сол. 85, 169; на Мѣ. 11, 308, 472). Но первые христіане не могли

сразу отрѣшиться отъ языческаго обожанія государственной власти; они готовы были считать Римскаго императора выше всѣхъ людей, первымъ послѣ Бога, увлекаясь идеей всемірнаго владычества Римской имперіи; они готовы были считать императора господиномъ въ смыслѣ земного владыки, распоряжающагося судьбами людей и народовъ; но Апостольское ученіе о государственной власти устраняло изъ нея то, что было совершенно несовмѣстимымъ съ христіанскимъ богопочтеніемъ. Проведеніе въ жизнь Апостольскаго ученія въ полной силѣ осталось будущему времени.

Съ появленіемъ Церкви государственная власть ограничивается въ дѣлѣ вѣры и благочестія.

Церковь Христова ограничиваетъ государственную власть въ дѣлѣ вѣры и благочестія, предоставляя государству самому устроиться такъ, чтобы государственное служеніе было служеніемъ общему благу и вмѣстѣ дѣлу Божію. Теперь полномочія государства въ религіи перешли къ Церкви, какъ учрежденію, специально на то уполномоченному Богомъ. Вѣрующій во Христа видитъ законодателя въ дѣлѣ богопочтанія въ Богѣ и въ уполномоченной Имъ на то церковной власти. **Только воля Божія — источникъ церковнаго закона; только одна церковная власть можетъ распоряжаться церковными дѣлами.** Постановленія государственной власти не могутъ имѣть значенія церковныхъ законовъ; государственная власть не можетъ распоряжаться церковнымъ. Церковь — область Божія, а не Кесарева, въ ней могутъ распоряжаться только непосредственные намѣстники Божіи. Съ учрежденіемъ Церкви Христовой для членовъ Церкви безповоротно уничтожено право государства распоряжаться дѣлами религіи. „Воздадите Кесарево Кесарю и Божіе Богу" (Мѳ. 22, 21). **Поэтому если государственная власть предъявляетъ требованія, противныя волѣ Божіей, то христіанинъ считаетъ себя обязаннымъ слѣдовать закону Божію, а не государственному** (Дѣян. 5, 29; Гал. 1, 10. Злат. Слово на р. м. Пис. II, 471, 483, 489, 500).

Отношеніе христіанъ къ государственнымъ законамъ.

Христіанинъ призывается отстаивать свое право жить по волѣ Божіей благоприлично. Если государственный законъ, несогласный съ заповѣдями Христовыми, факультативнаго характера, то христіанинъ восполняетъ его несовершенство соблюденіемъ соотвѣтствующихъ заповѣдей Божіихъ (Если государственный за-

конъ позволяетъ жениться сколько угодно разъ, то христіанамъ нельзя большее количество разъ жениться, чѣмъ разрѣшаетъ то церковный законъ; христіанинъ добровольно оставляетъ занятіе, недозволенное христіанской нравственностью); для христіанъ излишни уголовные законы; ихъ незлобіе умѣло обходиться безъ гражданскихъ судовъ (1 Кор. 6, 7). Для христіанина излишни законы государственные вслѣдствіе самой его жизни: „для праведника законъ не лежитъ" (1 Тим. 1, 9). Если же государственная власть прямо требуетъ исполненія требованія, несогласнаго съ волей Божіей, то христіанинъ заявляетъ, что она для него выше государственнаго закона (Дѣян. 5, 29). У Rumarat'a, *Acta martyrum*: „Bonum est obedire Deo magis quam hominibus. Pruis est praeceptum Domini, quam hominum — Ego imperatorum tuorum jussionem non audio, quia sacrilega est et contra Dei praecepta jubet — volentibus sacrificare haec praescriptio constituta est: nos vero christiani sumus et hujusmodi praecepta teneri non possumus"¹. Также поступали христіане, когда они по должности государственныхъ чиновниковъ получали отъ начальства приказанія, которыхъ они не могли исполнить по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ. Такъ, когда одинъ христіанскій полкъ во времена Максиміана получилъ приказъ ловить христіанъ и наказывать, то воины сказали: „Мы твои воины, но и рабы Божіи. Тебѣ мы обязаны службой, а Ему невинностью. Отъ тебя получаемъ жалованіе, а Онъ даетъ намъ жизнь. Мы не можемъ Тебѣ повиноваться до такой степени, чтобы отречься отъ Бога, нашего Творца и Господа. Наши руки готовы противъ врага, но проливать кровь невинныхъ мы считаемъ нечестивымъ. Мы умѣемъ сражаться противъ нечестивыхъ и враговъ отечества, но тиранить гражданъ — не въ нашихъ правилахъ. Мы взялись за оружіе для защиты гражданъ, а не противъ гражданъ. Мы всегда сражались за правду, за благочестіе, за спасеніе невинныхъ; въ этомъ была наша награда за опасности. Мы сражались за вѣру. **Какъ же сохранимъ вѣрность къ тебѣ, если не окажется ея по отношенію къ Богу?** Мы обѣщались прежде всего быть вѣрными Богу, а потомъ клялись въ вѣрности царю. Если ты нарушилъ вѣрность Богу, тогда намъ уже нельзя будетъ вѣрить въ соблюденіе вѣрности царю". Максиміанъ велѣлъ казнить каждого десятого, а, когда это не подѣйствовало, то всѣхъ поголовно.

¹ „Слѣдуетъ повиноваться Богу болѣе, нежели людямъ. Прежде — предписаніе Божіе, а потомъ человѣческое. Я не слушаю предписанія императора, ели оно святотатственно и приказываетъ вопреки Божественному повелѣнію. Это предписаніе постановлено для желающихъ поступиться имъ, мы же христіане „не можемъ такихъ приказовъ исполнять".

Принципіальное разграниченіе полномочій Церкви и государства. Вѣчность этихъ принциповъ.

Такъ Церковь, обязывая своихъ членовъ соблюдать государственные законы, повиноваться государственной власти во имя примѣненія заповѣди Божіей, отдѣлила отъ государственной власти дѣла вѣры и благочестія. Эту перемѣну первой важности могъ сдѣлать только Богъ, научившій, что принадлежитъ Ему и что Кесарю. Разграниченіе полномочій Церкви и государства дѣлается безъ отношеній къ тому, какое это государство — христіанское или нѣтъ. Евангельское и Апостольское ученіе и заповѣди объ отношеніяхъ христіанъ къ государству и государственной власти и о полномочіяхъ Церкви и государства имѣютъ значеніе общихъ и постоянныхъ нормъ на всѣ времена и случаи: нормы эти вытекаютъ изъ существа Церкви и государства и приложимы ко всѣмъ историческимъ формамъ государствъ. **Церковь создана на всѣ времена до „скончанія вѣка; она не можетъ уступить своей задачи государству, хотя бы оно и приняло законъ Христовъ, не можетъ, не отрекаясь отъ своего самостоятельнаго „существованія** (Злат. Слова на р. м. Св. Пис. II, 318—324). И государство, послѣ принятія христіанства его гражданами, не можетъ уступить мѣста своего Церкви и предоставить ей исполнять его дѣло. Церковь и государство остаются при своей задачѣ и послѣ принятія христіанства. Конечно, христіанское государство можетъ лучше выполнить свою задачу подъ вліяніемъ христіанскихъ началъ, живущихъ въ сердцахъ ея гражданъ, но все же и его постановленія, хотя бы и подъ вліяніемъ христіанскихъ началъ, — дѣло его доброй воли, плодъ извѣстнаго взгляда на государственную пользу. Богъ ждетъ примѣненія Его заповѣдей и въ государственныхъ законахъ, **но это служеніе добру со стороны государства — особое служеніе, свойственное государству.** Это служеніе не замѣняетъ церковнаго служенія и не освобождаетъ церковную власть отъ ея обязанности служенія къ спасенію душъ людскихъ. Слова Златоуста о священствѣ, о служеніи добру со стороны государственной власти имѣютъ полную силу и относительно христіанскаго государства.

И предѣлы полномочій Церкви и государства также не должны измѣниться вслѣдствіе распространенія въ государствѣ вѣры. Государственный чиновникъ — христіанинъ, вѣдь, не получаетъ права крестить, совершать евхаристію, отпускать грѣхи и проч. Христіанскій государь не пріобрѣтаетъ правъ принадлежащихъ

Іерархіи церковной вслѣдствіе исповѣданія христіанской вѣры. Въ церковномъ собраніи онъ подвластенъ церковной власти на ряду съ послѣдними рабами; здѣсь онъ — просто человѣкъ - рабъ Христовъ и послушенъ церковной власти, и можетъ имѣть только тѣ права, которыя даетъ ему Церковь. Златоустъ говоритъ (въ Сл. на р. м. Св. Писан. т. 1 стр. 164): „Царь и послѣдній изъ всѣхъ христіанъ суть только одни имена, и носящій діадему не лучше самаго послѣдняго, когда онъ долженъ быть обличенъ и наказанъ" (Ів. 11, 142): „Что я говорю: для богатаго и бѣднаго предлагается одна трапеза? Для самого, носящаго діадему, облаченнаго въ багряницу, владычествующаго надъ вселенной, и для бѣдняка, просящаго милостыню, предлагается одна и та же трапеза. Таковы дары духовенства; Богъ допускаетъ къ участию въ нихъ, сообразуясь не съ званіемъ, а съ произволеніемъ и образомъ мыслей. Съ одинаковымъ дерзновеніемъ и честію и царь, и бѣднякъ приступаютъ къ принятію и пріобщенію этихъ Божественныхъ таинствъ". Какъ далеку церковный законъ отъ допущенія вмѣшательства государственной власти въ церковныя дѣла, видно изъ 30 Апостольскаго Правила, запрещающаго Епископу пріобрѣтать себѣ санъ черезъ мірскихъ начальниковъ и отлучающаго отъ Церкви поступающихъ противъ этого правила. Но санъ церковный составляетъ власть только въ Церкви и для принадлежащихъ къ Церкви; по отношенію къ государственной власти и лицо священнаго сана обязано подчиняться государственной власти, хотя бы та власть была христіанская. Златоустъ говоритъ въ Бес. 23 на Рим. 583 стр.: „Азь говорю, всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется. Хотя бы ты былъ пророкъ, Апостоль, евангелистъ, хоть бы другой кто, повинуйся". **Отсюда слѣдуетъ, что по Златоусту и въ христіанскомъ государствѣ Церковь не можетъ усвоить себѣ права законодательства въ распоряженіи въ дѣлахъ государственныхъ; она не уполномочена на это отъ Главы своего; ей не можетъ быть предоставлено это право по причинѣ самостоятельности, неотъемлемо принадлежащей государству въ его собственныхъ дѣлахъ.**

Способы вліянія Церкви на государство.

Церковь можетъ вліять на государственное законодательство только посредственно, именно черезъ свою проповѣдь, черезъ просвѣщеніе умовъ и исправленіе нравовъ своихъ членовъ, принадлежащихъ одновременно и государству.

Церковныя полномочія выше государственныхъ по своему внутреннему свойству.

При надлежащемъ разграниченіи предѣловъ полномочій церковной и государственной власти не должно быть между ними столкновений изъ-за вліяній.

Каждая изъ этихъ властей имѣетъ полномочія только въ своей области и лишена значенія въ области чужой. Съ точки зрѣнія духовной полномочія церковной власти много выше полномочій власти государственной, выше въ томъ духовномъ смыслѣ, какъ это установилъ Златоустъ, цитированный нами. Это ученіе о превосходствѣ духовной власти было выражено еще въ Апостольскихъ Постановленіяхъ (II, 34), гдѣ сказано: "Насколько душа выше тѣла, настолько священство выше царскаго сана, ибо оно связываетъ и разрѣшаетъ достойныхъ наказанія и прощенія".

Въ существѣ Церкви, въ ея задачѣ, въ ея средствахъ нѣтъ основанія для столкновенія съ государствомъ, разсматриваемомъ только въ его идеѣ. Власть ея чисто духовнаго характера, средства — духовныя, кругъ дѣйствій — область духа, неуловимая для государства.

Задача ея обновить и устроить на новыхъ началахъ внутреннюю духовную жизнь человѣка. Эта духовная жизнь человѣка — преимущественная область вліянія Церкви. Но какъ нравственные начала жизни человѣка выражаются во внѣшней его дѣятельности, то вліяніе новыхъ христіанскихъ началъ должно отразиться и на образѣ мыслей и дѣятельности христіанъ въ разныхъ сферахъ общежитія, но вліяніе это не непосредственное и принудительное, а отдаленное и моральное. Изложенное нами ученіе Іоанна Златоуста подчеркиваетъ различную природу Церкви и государства и различіе ихъ средствъ.

Объ опредѣленіяхъ Церкви и вліяніи ихъ на положеніе Церкви въ государствѣ.

Нельзя при этомъ не оговориться, что, когда рѣчь идетъ объ отношеніи Церкви къ государству, то Церковь разумѣется только въ своей видимой земной части, но — что вообще понятіе Церкви охватываетъ не только живущихъ на землѣ, что это выдѣленіе видимой части Церкви условно. „Признавая Церковь видимой величиной, пишетъ Филаретъ (Простр. Катехизисъ 1883: 66-67), этимъ вовсе не низводится содержаніе ея только къ видимой сторонѣ. Рядомъ ней остается невидимая сторона, поскольку Церковь есть и на небеси, и къ ней принадлежать всѣ скончавшіеся въ истинной вѣрѣ и святости". Съ другой стороны, когда мы говоримъ объ отношеніи государ-

ства къ Церкви, мы называемъ ее обществомъ, учрежденіемъ или корпораціей. Это естественно, ибо Церковь, не имѣя территоріи, находится въ предѣлахъ государства и подлежитъ его юрисдикціи, поскольку во внѣшнихъ отправленіяхъ своей жизни (собранія, школы, собственность) соприкасается съ государствомъ, подлежитъ тому, что называется *jus circa sacra* въ противоположность *jus intra sacra*. Но, называя при этомъ Церковь обществомъ или учрежденіемъ, мы нисколько не опредѣляемъ существа Церкви, ибо затрагиваемъ только правовую ея сторону. Что же касается существа Церкви, то опредѣленіе его принадлежитъ Богословской наукѣ. Между прочимъ протоіерей Аквилонъ въ своей книгѣ („Церковь“), на страницѣ 254, раскрывая апостольское опредѣленіе Церкви, какъ тѣла Христова, опредѣляетъ ее такъ; „Церковь есть богочеловѣческій организмъ, возглавляемый Самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ и одушевленный Святымъ Духомъ, Самимъ же Господомъ по волѣ Бога Отца основанный и управляемый и состоящій изъ всѣхъ на небѣ и на землѣ вѣрующихъ стремящихся къ вѣчной жизни, въ блаженномъ единеніи съ Тріединымъ Богомъ, а въ Немъ и между собой“. О значеніи видимой стороны Церкви говоритъ Митрополитъ Макарій (въ III томѣ Догматическаго Богословія 311 стр.): „Несправедливо думаютъ раздѣлять единую Церковь Христову на двѣ половины, на Церковь видимую и невидимую, когда Церковь сія по самому существу своему и видима, и невидима. Такое несправедливое раздѣленіе нераздѣлимой Церкви Христовой измышлено неправомыслящими для собственнаго успокоенія, будто бы довольно принадлежать къ Церкви невидимой, т. е. къ числу святыхъ или избранныхъ Божіихъ, чтобы получить спасеніе, хотя бы и не принадлежа Церкви видимой. Но принадлежность къ первой тому, кто не принадлежитъ къ послѣдней, невозможна ибо только въ сей послѣдней можно возродиться и освятиться въ Таинствѣ Крещенія, можно получить Божественныя силы, яже къ животу и благочестію, въ Таинствѣ Миропомазанія, можно дѣйствительно соединиться съ Христомъ въ Таинствѣ Евхаристіи“. Архимандритъ Антоній (Петербургъ, 1882) о видимой части Церкви говоритъ такъ: „Новозавѣтная Церковь есть Богоучрежденное общество людей, соединенныхъ между собой единствомъ вѣры въ Иисуса Христа и общеніемъ въ Таинствахъ подъ видимымъ управленіемъ пастырей и невидимымъ Его Самого для достиженія вѣчнаго блаженства“. Въ соотвѣтствіи съ этимъ архимандритъ Антоній говоритъ, что Церковь должна быть обществомъ ви-

димымъ, которое всякому можно узнать и отмѣтить. Всѣ эти богословскія опредѣленія, отдѣняя то одну, то другую сторону Церкви, являются не только основой для ея уразумѣнія, но и для опредѣленія ея мѣста въ государствѣ. Очевидно, что Церковь, какъ Богоустановленное учрежденіе, не можетъ занимать въ православномъ государствѣ мѣсто частнаго общества, создаваемого свободнымъ соглашеніемъ людей и волею государства, а должно быть признаваемо, какъ публичный союзъ особаго рода¹. По самому существу своему, какъ Тѣло Христово, Церковь призвана внутренне проникать во всѣ человѣческія отношенія, во всѣхъ сферахъ общежитія, въ содѣйствіи съ призывомъ Апостола дѣлать все во славу Божию и стремиться къ миру съ Богомъ. Этотъ призывъ относится и къ правителямъ государства. Подтвержденіе этого мы увидимъ у учителей и Отцовъ Церкви.

Ученіе Отцовъ Западной Церкви (до временъ раздѣленія Церкви и послѣ) объ отношеніи государства къ Церкви. Принципъ симфоніи.

Церковь возвѣстила человѣческому роду всѣ истины, заключенныя въ Словѣ Божіемъ. Принимая ученіе Церкви, и отдѣльные люди, и представители власти обязываются признать ея ученіе, какъ ученіе истины и спасенія; представители власти, почитая себя православными, не могутъ принимать отъ Церкви ея ученіе о своихъ правахъ и отбрасывать относящееся къ ихъ обязанности; христіанское государство обязано безъ ограниченія принимать все предписываемое Церковью; только въ ученіи Церкви свѣтская власть находитъ опредѣленіе своего достоинства. Но одновременно узнаетъ, что Богъ учредилъ на землѣ еще другую власть, отличную отъ свѣтской и по природѣ, и по функціямъ; эта другая власть дана Христомъ непосредственно Апостоламъ и ихъ преемникамъ, какъ власть ученія, священнодѣйствія и пастырства. Христосъ формально отождествилъ Себя съ Церковью, говоря: „Кто васъ слушаетъ Меня слушаетъ, и кто отвергаетъ васъ, отвергаетъ Меня" (Лук. 10, 16). А не слушающаго Церковь Христосъ отождествляетъ съ язычникомъ и мытаремъ. Христосъ Самъ подтверждаетъ, что власть Церкви не есть власть отъ это-

¹ Проф. Павловъ между прочимъ пишетъ (Курсъ Церковнаго Права, стр. 13): „Церковь является частнымъ обществомъ только относительно, т. е. въ отношеніи къ лицамъ, которыя къ ней не принадлежать и могутъ принадлежать лишь по свободному самоопредѣленію, и въ отношеніи къ государству, которое ее не признаетъ публичной корпораціей. Сама же въ себѣ и для тѣхъ, кто раздѣляетъ ея вѣру, она всегда и необходимо есть публичное учрежденіе. Ея устройство, цѣль, средства выше частнаго произвола; они даны вмѣстѣ съ нею, въ самомъ ея существѣ. Въ этомъ смыслѣ къ церковному праву можетъ быть приложенъ признакъ, какимъ римскіе юристы отличали публичнаго право отъ частнаго: *jus publicum privatorum pactis mutari non potest*".

го міра (Іоанна 18, 36); тѣмъ самымъ предписывается Церкви не захватывать сферы свѣтской власти.

Блаженный Августинъ.

„Слушайте евреи, слушайте язычники, слушайте всѣ царства земныя; Я не пришелъ наносить ущерба вашей земной власти. Чего хотите больше? Идите въ Мое Царство, которое не отъ міра, идите туда съ вѣрой и не возставайте противъ него изъ страха, который можетъ внушить вамъ названіе Царства" (Августинъ Тракт. 115 на Іоанна). Церковь — въ этомъ мірѣ и имѣетъ власть надъ людьми, но она и не отъ міра сего, ибо не происходитъ отъ человѣческой власти и цѣлью своей имѣетъ счастье не въ этомъ мірѣ; благоустройство же въ этомъ мірѣ — непосредственная цѣль государства. Эти двѣ власти — какъ двѣ мѣдныя колонны, поддерживающія портикъ храма (III Царств. VIII, 15; Іерем. III, 21); обѣ власти служатъ одному Создателю и управляютъ тѣми же людьми, обязанными каждой власти воздавать ей принадлежащее (Мѡ. 22, 21). Хотя обѣ эти власти раздѣлены между разными людьми, однако, онѣ должны быть соединены, какъ двѣ вѣтви одного ствола, ибо въ концѣ концовъ, хотя одна имѣетъ ближайшей цѣлью земное, а не небесное счастье, однако послѣдняя цѣль обѣихъ одна — Божья слава и счастье человѣчества.

Исидоръ Пелусіотскій.

Какъ говоритъ **Исидоръ Пелусіотскій**, ученикъ Іоанна Златоуста: „*Quamvis enim intrisque (sacerdotis et regni) permagna differentia sit (illud enim velut anima est, hocvolut corpus), ad unum tamen et eundem finem tendunt, hoc est ad subditorum salutem*"¹. По этимъ двумъ каналамъ распространяются на родъ человѣческой божественныя милости; онѣ призываются распространять миръ и порядокъ, безъ которыхъ нѣтъ благополучія людей. Если Церковь нуждается для своей дѣятельности во внѣшней защитѣ, то государство гораздо болѣе въ Церкви. Невольно припоминаются слова Лейбница, сказавшаго: „*Tolle religionem et non invenies sublitum qui pro patria pro republica pro recto et justo discrimen fortunarum vitaeque ipsius subeat*"².

¹ „Хотя весьма велика разница между священствомъ и царствомъ (первое — душа, а второе — тѣло), однако они стремятся къ одной и той же цѣли, то есть къ спасенію подданныхъ".

² „Отними религію, и ты не найдешь подданнаго, который бы подчинялся приговору объ имуществѣ и жизни за отечество, за общественное дѣло, за правое и справедливое".

Папа Геласій.

Этотъ союзъ запечатлѣвается общей цѣлью и скрѣпляется взаимной нуждой. Правительства, писалъ **папа Геласій** (V вѣкъ), нуждаются въ Епископахъ для духовныхъ дѣлъ, чтобы пріобрѣсти эти добродѣтели, которыя должны открыть имъ небесныя врата, а Епископъ нуждается въ правительствѣ свѣтскомъ, чтобы распространять среди людей ревность къ Дому Божьему, дѣла любви и христіанской справедливости.

Ive de Chartres.

Ive de Chartres (1040-1115) говорилъ, что, когда тронъ и алтарь живутъ въ тѣсномъ союзѣ, міръ управляется хорошо, но, когда разражается несогласіе между ними, не только малыя вещи перестаютъ преуспѣвать, но и великія несчастно погибаютъ. Тогда свобода начинаетъ падать въ государствѣ, въ Церкви начинаются нестроенія, права пренебрегаются, и великая опасность угрожаетъ душамъ. Участъ каждой изъ властей прочна участію другой. Всякій, кто бросаетъ смуту или раздѣленіе въ Церковь, наноситъ одновременно ударъ и государству.

Mauclerus.

Богъ въ Ветхомъ Завѣтѣ въ рядѣ прообразовъ, говоритъ Mauclerus показаль, какимъ строгимъ наказаніямъ Онъ подвергаетъ государства, отвергающія союзъ съ Церковью и какія великія награды Онъ даетъ тѣмъ, кто его сохраняетъ. De Monarchia V. Это дѣло дьявола — сѣять сѣмена недовѣрія и разъединенія между Церковью и свѣтской властью, ибо это значитъ бросить человѣчество на ложный путь и обманывать его вдвойнѣ и съ точки зрѣнія земной и вѣчнаго спасенія.

Bossuet.

Какъ велико ослѣпленіе государей, думающихъ, что они становятся болѣе свободными, разбивая иго Церкви! И **Боссюэтъ** говоритъ:¹ „O vous done, ministres de l'Eglise et vous, ministres de roi pourquoi vous desunissez vous? L'ordre de Dieu est il oppose a l'ordre de Dieu? Oh, pourquoi ne comprenez vous pas que votre action est une, que

¹ „О, вы, слуги Церкви и слуги короля, зачѣмъ вы разъединяетесь? Развѣ одинъ Божественный строй противорѣчитъ другому Божественному строю? Почему не поймете вы, что ваше дѣйствіе едино, что служить Богу значитъ служить государству, а служить государству значитъ служить Богу?"

servir Dieu c'est servir l'Etat et que servir l'Etat, c'est servir Dieu"? (Bossuet, *Oeuvres Compl.* IV, 306).

Принципъ согласнаго дѣйствія государства и Церкви не есть только принципъ историческаго права, вытекающій изъ контрактовъ и законовъ, который можетъ мѣняться въ зависимости отъ эпохъ, а принципъ, вытекающій изъ ученія Отцовъ Церкви о Церкви и государствахъ; это есть заданіе, поставленное человѣческому обществу свыше для его блага, какъ писалъ папа Григорій II императору Льву Исавру: „*Consilium autem Christum amantium imperatorum et piorum pontificum virtus una est quando cum pace atque caritate res administrantur*"¹. Принципъ симфоніи былъ освященъ, какъ мы увидимъ, авторитетомъ Отцовъ 7-го Вселенскаго Собора. Самое понятіе мира Христова, во имя котораго устанавливается согласіе Церкви и государства, призываетъ государство къ установленію мира, основаннаго на любви къ Богу, т. е. къ отверженію всего того, что противорѣчитъ Божественной справедливости. Его миръ, принесенный Христомъ, иной, чѣмъ тотъ, который даетъ міръ (Іоан. 14, 27). („Миръ Мой оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не такъ, какъ міръ даетъ, Я даю вамъ. Да не смущается сердце ваше и не устрашается"). И Его миръ примиряется съ мечомъ Мѡ. 10, 34: „Не думайте, что миръ пришелъ Я принести на землю, но мечъ", или у Лук. 12, 51: „Думаете ли, что Я пришелъ дать миръ на землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе". Христосъ отвергъ терпимость во имя простаго человѣческаго мира, сказавъ: „Кто не со Мною, тотъ противъ Меня".

Существенное различіе между Церковью и государствомъ, котораго нельзя забывать въ теоріи симфоніи.

Но, устанавливая принципъ согласнаго дѣйствованія Церкви и государства, какъ принципъ, вытекающій изъ общности ихъ конечныхъ цѣлей, основанной на одной истинѣ, нельзя забывать существенное различіе въ ихъ власти. Эти различія вытекаютъ прежде всего уже изъ того, что Церковь есть власть, непосредственно учрежденная Богомъ, а свѣтская власть лишь посредственно исходитъ отъ Божественнаго Промысла. Сфера Церкви — вся вселенная; какъ древо, насажденное Божьей рукой, она должна объять всю землю, и всѣ народы должны получить защиту отъ ея вѣтвей (горчичное зерно) (Мѡ. 13, 31); ея законъ долженъ царствовать надъ всѣми народами (Мк.

¹ „Совѣтъ императоровъ, любящихъ Христа, и благочестивыхъ священниковъ есть главная добродѣтель, когда и дѣла управляются въ мирѣ и любви".

16, 15); государство же носить печать партикуляризма, какъ законъ политическаго и соціальнаго порядка. Церковь едина и неизмѣнна, и, если можетъ быть много государствъ, то истинная Церковь только одна, хотя и раздѣленная на помѣстные части въ зависимости отъ условій существованія; и, если государствъ много, то одна Православная Церковь охватываетъ всѣхъ православныхъ христіанъ. Отдѣльныя Помѣстные Церкви должны соблюдать общее ученіе и общіе основные принципы единой Вселенской Церкви, но государства не обязаны въ своей сферѣ признавать законы другого государства, и государство можетъ безконечно измѣнять формы своего устройства. Ни одному государству не дано обѣщанія существовать до появленія Сына Человѣческаго и Его суда надъ живыми и мертвыми, и если царства этого міра постоянно падаютъ въ прахъ, то Небесное Царство будущаго вѣчно. французскій историкъ ГERVASİY въ VI вѣкѣ писалъ: „*Terrenum regnum cum carne cinis erit et pulvis . Quasi coeleste vel subcoeleste militantis ecclesiae est quae dum ad triumphandum prosperat, cursum suum dirigit ad id quod est perpetuum*"¹. Эти принципиальныя различія ведутъ и къ практическимъ, именно, что Церковь имѣетъ вѣдомствомъ вещи вѣчныя и духовныя, а область государства — свѣтскія дѣла. Если Церковь имѣетъ цѣлью небесное блаженство, а государство — земное счастье, то государство, находя въ этомъ свое существенное отличіе отъ Церкви, не можетъ себя не связывать и съ ея принципомъ подъ угрозой своего собственнаго паденія. И если бы государство не ставило себѣ конечной цѣлью стремленіе къ вѣчному счастью человѣчества, если бы оно не имѣло въ планахъ Божественной Премудрости предназначенія сотрудничать въ этихъ цѣляхъ съ Церковью, то между ними была бы полная изолированность, которая устраняется именно общностью если не ближайшей цѣли, то цѣли конечной.

Принципъ взаимной независимости Церкви и государственной власти.

Каждая изъ властей однако сохраняетъ и свою ближайшую цѣль и въ своей сферѣ взаимно независима отъ другой. Смыслъ этой независимости не въ томъ, что каждая изъ властей не должна считаться съ требованіемъ другой, а въ ихъ взаимной свободѣ во всѣхъ актахъ, которые относятся къ осуществленіямъ ихъ собственныхъ цѣлей, т. е., какъ Церковь не должна властно вмѣшиваться въ чисто свѣтскія

¹ „Земное царство вмѣстѣ съ плотью станетъ прахомъ и пылью. Какъ бы небесное или почти небесное свойство воинствующей Церкви есть то, что, заботясь о триумфѣ, она стремится къ тому, что вѣчно".

дѣла, такъ и государство не должно властно вмѣшиваться въ чисто церковныя дѣла. Если Церковь призвана блюсти интересы будущей жизни, не призвана вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, то и государство въ свѣтскихъ дѣлахъ призвано дѣйствовать суверенно и независимо отъ Церкви, поскольку не становится въ оппозицію съ Божественными предписаніями.

Святые Отцы о взаимной независимости церковной и государственной власти.

Церковь не можетъ заниматься мотивами и намѣреніями свѣтскихъ правителей, пока они находятся въ границѣ, предначертанной свѣтской власти; но и свѣтская власть не можетъ вторгаться въ то, что въ силу Божественныхъ полномочій дано преемникамъ Апостоловъ. Къ прежнимъ цитатамъ изъ Святыхъ Отцовъ на эту тему мы можемъ прибавить и другія. **Святой Амвросій** говорилъ, что "*ea quae divina sunt, imperatoris potestati non esse subjecta*"¹. Когда этотъ законъ различія сферъ власти не соблюдается, то произвольные захваты одной власти надъ другой составляютъ узурпацію. Представители духовной власти развивали огромную энергію, чтобы отвергнуть захваты государства въ своей сферѣ.

Осія Кордубскій.

Осія Кордубскій писалъ императору Константину: „Не вмѣшивайся въ дѣла духовныя и не издавай декретовъ о чисто религіозныхъ вопросахъ, но предоставь намъ право учить васъ въ этомъ отношеніи; тебѣ Богъ далъ имперію, намъ управленіе Церковью, и подобно тому, какъ узурпирующій вашу царскую власть противится Божіему порядку, также, привлекая къ вашему суду дѣла Церкви, вы дѣлаетесь виновными въ великомъ преступленіи. Ибо написано: Воздайте Кесарю Кесарево, Божіе Богу. Не принадлежитъ намъ управлять землею, а вы не имѣете никакой власти приносить Богу ладанъ жертвы". И знаменитый Епископъ приводитъ примѣръ царя Озіи, котораго Богъ поразилъ проказой, за вмѣшательство въ священническія функціи.

Папа Феликсъ III.

Папа Феликсъ III увѣщаетъ императора Зенона воздерживаться отъ захвата сферъ церковной власти, чтобы не навлечь нарушеніемъ Божественнаго порядка несчастій и для Церкви, и для государства. „Важно, конечно, для благосостоянія вашего царства,

¹ „То, что божественно, не подлежитъ власти императора".

чтобы вы показали себя стремящимися подчинить въ Божественныхъ дѣлахъ вашу императорскую волю авторитету священниковъ и Іисуса Христа вмѣсто того, чтобы стремиться къ царствованію въ Церкви; узнавать Божественную волю отъ тѣхъ, кто имѣетъ миссію ихъ учить, а не объявлять ее самимъ, сообразоваться съ порядкомъ, установленнымъ въ Церкви, вмѣсто того, чтобы ей представлять предписанія человѣческаго права, и желать возвышаться изъ желанія господства надъ Божественными декретами и святыми учрежденіями Церкви, передъ которыми вы должны смирять, согласно съ волей Божіей, ваше чело въ благочестивой преданности изъ страха оскорбить, нарушая Божественный порядокъ, величіе Божественнаго строя".

Папа Стефанъ V.

Папа Стефанъ V писалъ императору Василію: „Наше священническое достоинство не подчинено императорскому скипетру; хотя вы, какъ императоръ, живой образъ Христа, вамъ поручены только свѣтскія и гражданскія дѣла".

Іоаннъ Дамаскинъ.

Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ:

„Никто не могъ бы убѣдить меня, что Церковь должна управляться законами императоровъ. Она управляется учрежденіями, которые передали намъ наши отцы, либо письменно, либо устно".

Ѳеодоръ Студитъ. Папа Григорій II.

Ѳеодоръ Студитъ: „Императору ввѣрено управленіе внѣшними дѣлами, но управленіе духовное принадлежитъ священникамъ и учителямъ". **Папа Григорій II** императору Льву Исавру писалъ: „Idcirco ecclesiis praepositi sunt pontifices a reipublicae negotiis abstinentes et imperatores ergo similiter ab ecclesiasticis abstineant"¹.

Заключеніе о принципахъ взаимной независимости.

Свѣтская власть не должна присваивать себѣ авторитета, котораго не давалъ ей Богъ. Церковь не можетъ отказаться отъ подчиненія ей въ сферѣ, отведенной ей Богомъ. Она требуетъ отъ государства, чтобы оно держалось строго въ своей сферѣ, и отстаиваетъ независимость своихъ слугъ въ церковной сферѣ. Церковь не имѣетъ

¹ „Поэтому предстоятели Церквей суть священники, воздерживающіеся отъ государственныхъ дѣлъ; пусть и императоры также воздерживаются отъ дѣлъ церковныхъ".

власти диктовать законовъ свѣтскимъ правителямъ относительно ихъ управленія, не можетъ заниматься назначеніемъ, увольненіемъ и контролемъ государственныхъ чиновниковъ, и требуетъ отъ государства того же уваженія къ своей свободѣ, пока она остается въ границахъ своихъ функцій. **Взаимная независимость Церкви и государства даетъ право каждой изъ нихъ отвергать захваты, узурпацію со стороны другого союза, уважая съ своей стороны права другого,** но это *jus cavendi* при соблюденіи симфоніи власти можетъ въ дѣйствительности остаться правомъ академическимъ, не проявляющимся къ жизни.

Установленіемъ взаимной независимости Церкви и государства, каждаго въ своей сферѣ, при взаимномъ ихъ признаніи, въ теоріи симфоніи дѣло не исчерпывается, ибо есть еще такъ называемая сфера смѣшанная, гдѣ оба они заинтересованы, каждый съ своей точки зрѣнія.

Принципъ распредѣленія компетенціи между Церковью и государствомъ.

Разграниченія сферъ духовной и свѣтской власти. Теорія Филлипса.

Отношеніе симфоніи имѣетъ въ основѣ ученіе Церкви; Церковь учитъ этому отношенію, и государство православное христіанское, принимая полностью ученіе Церкви, не можетъ отвергать ея предписаній: простое человѣческое общество должно признавать Церковь путеводительницей къ Царству Божию. Признавая взаимную независимость двухъ различныхъ по природѣ властей, духовную и свѣтскую власть, мы должны разграничить ихъ сферы. Подраздѣленіе духовнаго и свѣтскаго съ точки зрѣнія матеріальной видимости вещей, непріемливо уже потому, что и духовное и матеріальное неразрывно соединены между собой, что сама религія принимаетъ чувственныя формы, хотя бы въ таинствахъ, и открывается во внѣшней жизни; Самъ Іисусъ Христосъ объявилъ, что никто не будетъ допущенъ въ Царство Небесное, если не исповѣдалъ своей вѣры на землѣ передъ людьми, т. е. внѣшне, а не только въ тайникѣ души (Матѹ. X., 32). Если Святые Отцы говорятъ о томъ, что царь обладаетъ тѣлами, а Церковь душами, то эти выраженія надо понимать лишь въ смыслѣ господствующаго элемента каждой изъ властей.

Подраздѣленіе духовныхъ и свѣтскихъ полномочій по ихъ непосредственной цѣли по Филлипу.

Въ основу подраздѣленія **Филлипъ** предлагаетъ положить принципъ цѣли, именно къ духовному порядку отнести все то, что имѣетъ цѣль исключительно духовную, т. е. спасеніе душъ, хотя бы дѣйствіе было матеріальной природы, а къ свѣтской отнести дѣла, имѣющія непосредственной цѣлью мірской объектъ, и предназначенныя поддерживать порядокъ и миръ въ свѣтскомъ обществѣ, хотя бы по природѣ эти дѣла и не были бы матеріальными. Съ этой точки зрѣнія важно отдѣлить цѣль Церкви отъ цѣли государства. Еще до появленія на землѣ Церкви Христовой назначеніемъ государства было приготовленіе Церкви Божіей, но съ появленіемъ земной миссіи Церкви, послѣдняя въ этомъ отношеніи является принципомъ руководящимъ; Церковь преслѣдуетъ и осуществляетъ въ полнотѣ свою задачу по спасенію людей, указанную ея Божественнымъ Основателемъ; но атрибуты, не отданные Церкви въ полной мѣрѣ, оставлены государству. **У него отняты права въ Церкви, но устройство порядка и благоустройства на землѣ оставлены у государства, которое руководится въ первую очередь принципомъ справедливости.** Однако, и принципу справедливости незыблемую основу даетъ христіанское ученіе. Хотя Церковь вовсе не захватываетъ правъ государства, миссія котораго съ появленіемъ на землѣ Христовой Церкви не умаляется, а лишь уясняется, просвѣтляется и освящается, тѣмъ не менѣе обвиненія ея въ сѣяніи смуты начались съ ея зарожденія на землѣ. Еще Иродъ истребилъ младенцевъ; фарисеи не переставали обвинять Спасителя въ сѣяніи смуты и ироническая надпись на Голгоѣскомъ крестѣ говорила, что этотъ человекъ наказанъ за захватъ правъ власти; въ сѣяніи смуты обвиняли и Апостоловъ, и ихъ преемниковъ-Епископовъ изъ-за непониманія обвинителями назначенія Церкви.

Теорія симфоніи о коллизіи государственнаго закона съ церковнымъ.

Симфонія Церкви и государства, при наличности возможной коллизіи государственнаго закона съ церковнымъ, **перевѣсъ даетъ церковному закону, какъ закону высшаго порядка, и сама свѣтская власть призывается на помощь закону Божественному.** Здѣсь самая свѣтская власть имѣетъ назначеніемъ развивать все свое вліяніе, всѣ средства могущественнаго воздѣйствія, чтобы руководить нравами и цивилизаціей своего народа въ соотвѣтствіи съ Божественнымъ закономъ. Свѣтская власть въ правѣ рассчитывать на под-

держку Церкви въ выполненіи своей ближайшей миссіи — поддержанія порядка и справедливости, ибо ея цѣль имѣеть извѣстное сродство съ миссіей Церкви. Если въ рукахъ у государства мечъ, могущій поражать смертнаго физически, то мечъ Божественнаго Слова Церкви проникаетъ до раздѣленія духа и тѣла (Евр. IV, 12). „Ибо Слово Божіе живо и дѣйственно, и остріе всякаго меча обоюдо-остро. Оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ и судитъ помышленія и намѣренія сердечныя". Миссія свѣтской власти содѣйствовать задачамъ Церкви на землѣ своими средствами дѣлаетъ изъ ея представителя, когда его должность получаетъ отъ Церкви особое освященіе, особую функцію духовнаго порядка. Понятіе цѣли даетъ только общія вѣхи для распредѣленія полномочій. Необходимо уяснить ихъ изъ природы каждаго союза.

Овербекъ. Распредѣленіе дѣлъ по компетенціи между Церковью и государствомъ на три категоріи.

Согласно съ **Овербекомъ**,¹ мы можемъ раздѣлить всю сферу дѣлъ на три категоріи, одну, въ которой является исключительно компетентнымъ государство, другую, въ которой исключительно компетентна Церковь въ силу дарованныхъ ей правъ ученія, священнодѣйствій и пастырства, и третью — дѣла смѣшаннаго характера, въ которой компетентны и Церковь, и государство, каждое съ своей точки зрѣнія. Мы не можемъ забывать и того, что эта категорія смѣшанныхъ дѣлъ возрастала на счетъ первой и третьей категоріи. Происходило это въ эпохи, когда полнѣйшая гармонія Церкви и государства на практикѣ допускала передачу взаимно другъ другу Церковью и государствомъ своихъ полномочій. Время императора Юстиніана знаетъ много полномочій отъ государства Церкви, напримѣръ, порученіе контроля государственнаго характера надъ провинціальными чиновниками Епископамъ; знало это время и обратное явленіе — предоставленіе Церковью своихъ полномочій государству, напримѣръ, предоставленіе императорской власти права законодательства по церковнымъ дѣламъ въ качествѣ мѣры, дополняющей церковные законы на основѣ коренныхъ каноновъ Церкви.

Однако, смѣшанныя дѣла могутъ быть различнаго рода, и можно установить три разряда ихъ: 1) нѣкоторыя вещи могутъ быть смѣшаннаго характера въ томъ отношеніи, что для **облегченія исполненія Божественнаго и человѣческаго закона одна власть**

¹ „Положеніе назначенное православной Россіи".

прибѣгаетъ къ помощи другой, таковы, напимѣрь, ересь и возмущеніе противъ свѣтской власти. 2) Нѣкоторыя дѣла могутъ быть смѣшанными по самой своей природѣ, т. е. принадлежащими одновременно и къ духовному и свѣтскому порядку, напимѣрь, бракъ, образованіе, достоинство свѣтскаго государя, получавшаго освященіе своей должности отъ Церкви и принявшаго извѣстныя обязанности передъ ней, своего рода духовная миссія. 3) Есть нѣкоторыя дѣла, которыя могутъ получать смѣшанный характеръ путемъ историческаго развитія и которыя не принадлежатъ Церкви въ силу Божественнаго права, напимѣрь, права Церкви на свѣтскую юрисдикцію надъ духовенствомъ.

Въ первой категоріи дѣлъ государство и Церковь призываются къ простой помощи другъ другу. Во второй категоріи дѣлъ каждая изъ двухъ властей опредѣляетъ свои дѣйствія въ соотвѣтствіи съ своей цѣлью. Такъ относительно брака, вопросы, связанные съ существомъ сакраментальнаго акта, какъ дѣйствительность брака, разлученія, развода, принадлежатъ Церкви, а распоряженія объ имуществѣ супруговъ, ихъ взаимныхъ правъ въ немъ и наслѣдованіе принадлежатъ области свѣтской. Также, въ дѣлѣ образованія государство заинтересовано получить изъ школы разумныхъ гражданъ, а Церковь добрыхъ христіанъ; въ силу же того, что христіанство связано со всѣми отраслями знанія, нѣтъ области знанія, которое не зависѣло бы отъ убѣжденій и философскаго міросозерцанія учителя. Въ этомъ разрядѣ смѣшанныхъ дѣлъ особенно проявляется современная борьба государства съ Церковью. Государство разсматриваетъ себя, какъ единственнаго господина, ничего не хочетъ знать о существованіи Церкви. „Оно предоставляетъ Церкви, писалъ Овербекъ въ концѣ XIX вѣка, роптать и протестовать противъ своихъ противоцерковныхъ распоряженій, не беспокоясь объ этомъ. Государство дѣлаетъ что хочетъ, наслаждаясь своей свободой, а Церковь дѣлаетъ, что можетъ, т. е. что позволяетъ ей государство, такимъ образомъ находится въ рабствѣ. Не должно ли сказать: „Несвободная Церковь въ свободномъ государствѣ"? Нѣтъ. Государство не можетъ быть свободно, если входитъ въ чужую область. И время покажетъ, что захватъ государства произведетъ реакцію, которая потрясетъ до основанія нерелигіозныя государства и подвергнетъ вопросу самое ихъ существованіе. Борьба уже началась, и не окончится скоро" (15 и 16 стр. Овербекъ). Въ третьей категоріи дѣлъ, основанныхъ на исторической давности, по теоріи симфоніи перемѣна не,

можетъ быть произволомъ одной изъ властей. Такъ на Руси въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка церковныя имущества не должны были подлежать одностороннему распоряженію со стороны государства¹.

Православное государство не можетъ мѣшать Церкви въ осуществленіи ея Божественныхъ полномочій.

Очевидно, что православное христіанское государство, принимая все ученіе Церкви и принимая Церковь, какъ руководительницу къ высшей цѣли спасенія челоувѣчества, **не можетъ мѣшать ей въ осуществленіи ея Божественныхъ полномочій: ученія, священства и пастырства и призывается скорѣе къ защитѣ и покровительству Церкви въ этой ея дѣятельности.** Церковь имѣетъ Божественное право внѣшне распространять свое ученіе и опредѣлять его составъ; препятствіе со стороны государства было бы покушеніемъ на власть, данную Церкви Христомъ, ибо Церковь призвана обучать вѣрѣ и опредѣлять составъ обязанностей вѣрующаго по отношенію къ Богу и ближнимъ.

Очень хорошо сказалъ проф. А. Байковъ въ статьѣ „Кесарево Кесарю": „Духовная власть не обязана и не въ правѣ бездѣйствовать, когда на путяхъ ея **просвѣтительной миссіи** вырастаютъ въ видѣ преграды законы и запреты свѣтской власти". „Дѣятельность государства можетъ оказаться въ противорѣчій не только съ церковнымъ

¹ Шульте конкретизируетъ и распредѣляетъ компетенцію между Церковью и государствомъ на три разряда болѣе подробно, совершая распредѣленіе по предметамъ дѣль. По Шульте исключительному вѣдѣнію Церкви подлежатъ: 1) вѣроученіе и нравоученіе христіанскія вмѣстѣ съ правомъ издавать вѣроучительныя книги, организаціей проповѣдничества и съ религіознымъ воспитаніемъ членовъ Церкви; 2) Богослуженіе и все, что до него относится; 3) совершеніе и преподаваніе таинствъ; 4) церковное устройство и управленіе, между прочимъ воспитаніе клира и принятіе въ составъ его и все, касающееся отправленія церковнаго служенія; 5) церковное судопроизводство; 6) мѣры, обезпечивающія свободу сношеній папы съ подчиненными ему Епископами, также съ прочими духовными и свѣтскими лицами, и Епископовъ съ папвой; 7) дѣла по учрежденію и организаціи монашескихъ орденовъ; 8) управленіе церковнымъ имуществомъ.

Исключительно государственному законодательству подлежатъ: 1) опредѣленіе гражданской и политической правоспособности гражданъ, въ томъ числѣ и клира церковнаго; 2) опредѣленіе права церковныхъ учреждений и заведеній пріобрѣтать и владѣть собственностью, съ освобожденіемъ или безъ освобожденія ихъ, а также членовъ клира, отъ государственныхъ повинностей передъ государствомъ; 3) усвоеніе церковнымъ актамъ, особенно таинствамъ, юридическаго значенія въ гражданскихъ отношеніяхъ, напримѣръ, церковному обряду бракосочетанія; 4) опредѣленіе уголовной и гражданской подсудности членовъ клира.

Есть еще разрядъ дѣль смѣшаннаго характера подлежащихъ съ извѣстной стороны церковнымъ, а съ другой государственнымъ законамъ: 1) учрежденіе новыхъ епископій или приходовъ, или измѣненія ихъ границъ, если эти акты должны имѣть юридическое значеніе не только въ церковной сферѣ, но и въ государственномъ форумѣ; 2) учрежденіе новыхъ праздниковъ и установленіе въ эти дни гражданскаго покоя; 3) устроение и починка церковныхъ зданій, заведеній и проч., поскольку эти операціи возбуждаютъ со стороны правительства попеченіе о соблюденіи правилъ гражданскаго благоустройства, напримѣръ строительныхъ, санитарныхъ правилъ и пр.; 4) церковныя школы, если онѣ желаютъ, чтобы ихъ школьныя свидѣтельства имѣли значеніе въ глазахъ правительства; 5) учрежденіе монашескихъ орденовъ, постройка новыхъ монастырей; 6) поставленіе и пастырская дѣятельность духовенства, принятіе въ клиръ лицъ, не состоящихъ въ подданствѣ или нетуземнаго происхожденія; 7) веденіе метриковъ о рожденіи, бракосочетаніи и смерти.

Классификація эта съ устраненіемъ упоминаемыхъ въ ней чисто католическихъ учреждений (папы и орденовъ) имѣетъ значеніе и для Православной Церкви.

правопорядкомъ, но и церковной политикой, иными словами съ тѣми задачами общественнаго устроенія, которыя намѣчаются жизнью и служатъ средствомъ преображенія общественныхъ отношеній въ соотвѣтствіи съ идеальными образами „града Божія" на землѣ". Поэтому, Церковь можетъ выступать и въ сферѣ смѣшанной, гдѣ участвуетъ не только Церковь, но и государство; запретны для нея лишь такіе конфликты, которые сопровождаются выходомъ Церкви изъ ея компетенціи и изъ ея просвѣтительнаго призванія". Если допустить, что доктринальное обученіе должно подчиняться согласію свѣтской власти, то значить признать, что и Синедріонъ былъ въ правѣ, подъ предлогомъ внесенія смуты, запрещать объявить о воскресеніи Христа. До Христа государство могло запрещать всякій культъ, ибо онъ былъ дѣломъ рукъ человѣческихъ, дѣломъ государства, но по отношенію къ Церкви Христіанской христіанское государство можетъ только содѣйствовать ея ученію и противодѣйствовать тому, что мѣшаетъ дѣлу Церкви; **государство призывается содѣйствовать Церкви въ ея стремленіи, чтобы знаніе не сходило съ основъ вѣры и нравственности. Церковь призывается не только хранить истину но и освящать людей черезъ таинство и культъ. Это — право Церкви, основанное на ея Божественномъ полномочіи и потому оно не можетъ зависѣть отъ согласія и одобренія государства.** Государство призывается къ содѣйствію Церкви въ дѣлѣ ея задачи — освященія народа, когда она призываетъ его къ этому. Апостолы крестили, посвящали въ іерархическія степени, совершали другія таинства, не заботясь о согласіи государственной власти (Дѣян. VI, 6; XIV, 22). Иисусъ Христосъ далъ миссію воспитывать христіанскій народъ, вручая папство Своимъ ученикамъ; слѣдовательно, Церковь можетъ создавать всѣ учрежденія и уставы, необходимыя для воспитанія, осуществлять въ полнотѣ дисциплинарную власть въ лицѣ Епископовъ. Апостолы, по уполномочію Спасителя, въ виду всего міра, погруженнаго въ мракъ язычества, независимо отъ всякаго человѣческаго авторитета, повинувшись лишь вдохновеніямъ Святаго Духа, основывали, организовывали Церкви и создавали въ нихъ управленіе; обращеніе императоровъ въ христіанство не могло лишить Церкви ея независимости. **Если государства могутъ претендовать на неприкосновенность своихъ конституцій, созданныхъ руками человѣческими, то какъ они могутъ отказать въ этомъ правѣ Церкви — учрежденію Божественному, когда устройство его установлено Самимъ Хри-**

стомъ. Церковь можетъ требовать права неприкосновенности своего устройства отъ посягательства свѣтской власти и права самой имѣть духовный надзоръ надъ своими органами, надзоръ совершенно спеціальный въ виду духовныхъ его цѣлей, какъ и государство въ правѣ самостоятельно контролировать свои органы въ своей сферѣ безъ вмѣшательства Церкви въ сферу чисто свѣтскую. Государство можетъ помочь Церкви въ ея миссіи, предоставляя права своимъ подданнымъ безпрепятственно служить цѣлямъ Церкви и даже всецѣло посвящать себя ей. Оно можетъ содѣйствовать и предоставленію Церкви матеріальныхъ ресурсовъ, необходимыхъ Церкви для выполненія ея миссіи на землѣ. Но прежде всего оно не должно препятствовать Церкви въ осуществленіи ея **не только ея Божественныхъ полномочій, но и основанныхъ на нихъ ея правительственныхъ полномочій, выражающихся въ ея правѣ на самостоятельное законодательство, управление и судъ въ своей сферѣ,** и далѣе также въ осуществленіи ея просвѣтительной миссіи вообще, хотя бы и въ сферѣ смѣшанной компетенціи.

Установленіе самостоятельности церковной власти. О теоріи проф. Суворова касательно природы церковнаго законодательства и управления и ея опроверженіе.

Эти свои права Церковь всегда строго охраняла и каноническому нигилизму цезарепапистской теоріи противопоставляла **ученіе о Божественной основѣ** своихъ правъ; въ этомъ отношеніи глашатаю этой теоріи (цезарепапистской) проф. Суворову, а также проф. Гудулянову, включающему въ область внутреннихъ дѣлъ Церкви только священнодѣйствія (*potestas ordinis*) (Восточные Патріархи стр. 463), противостоитъ цѣлая плеяда русскихъ православныхъ канонистовъ, начиная отъ Преосвященнаго Епископа Іоанна Смоленскаго, продолжая Митрополитомъ Филаретомъ, Т. Барсовымъ, Остроумовымъ, Бердниковымъ Лапинымъ, Кургановымъ и Заозерскимъ. Эта контроверза имѣетъ для насъ коренное значеніе, ибо она воспроизводитъ по существу и тотъ споръ, который происходилъ между Патріархомъ Никономъ и предводителями боярской партіи Газскимъ отлученнымъ Митрополитомъ Паисіемъ Лигаридомъ. Кромѣ того, цезарепапистская теорія служила предпосылкой въ оцѣнкѣ правомѣрности дѣяній Патріарха Никона со стороны С. М. Соловьева и Н. Ѳ. Каптерева. Означенное обстоятельство понуждаетъ насъ остановиться на тѣхъ возраженіяхъ, которыя сдѣланы главному представителю этой теоріи проф. Суворову.

Цезарепапистскія теоріи послѣдовательно дѣлають монарха основнымъ факторомъ церковнаго законодательства, управленія и суда. Остановимся по очереди на этихъ функціяхъ.

Русская каноническая наука о природѣ церковнаго законодательства и управленія.

Проф. Суворовъ говоритъ въ своемъ курсѣ (I, II); „Церковное правообразование, какъ и всякое другое правообразование, совершается среди народа и въ территоріальныхъ границахъ государства, поэтому въ церковномъ правообразованіи, какъ и во всякомъ другомъ, монархъ есть верховный субъектъ правообразования, а не обыкновенный мірянинъ, который бы подчинялся законамъ, устанавливаемымъ духовной Іерархіей, состоящей изъ его подданныхъ. Церковное право въ собственномъ смыслѣ не есть право Божественное, Самимъ Богомъ непосредственно установленное, оно есть человѣческое право, по отношенію къ которому монархъ имѣетъ значеніе правообразующаго фактора". Во II томѣ курса (103-105) онъ приводитъ основаніе для означеннаго воззрѣнія, что высшее право законодательства по дѣламъ церковнымъ принадлежитъ государственной власти. „Высшей церковной, а слѣдовательно и законодательной властью, въ древней Церкви съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось возможнымъ установленіе общественнаго, обязательнаго для всѣхъ христіанскихъ общинъ, законодательства, были Римскіе императоры, которые или созывали Соборы изъ представителей высшей церковной Іерархіи для установленія нормъ ученія, каковыя нормы затѣмъ утверждались и публиковались самими императорами, или лично отъ себя издавали религіозные эдикты и законы по церковнымъ дѣламъ. Въ томъ случаѣ, когда императоромъ созывался Вселенскій Соборъ, послѣдній не былъ собраніемъ только свѣдующихъ людей, призваннымъ дать мнѣніе и совѣтъ, а былъ органомъ Церкви, черезъ который выражалось общецерковное сознаніе, обязательное для императора, какъ скоро оно выразилось въ формахъ, не допускающихъ сомнѣнія, но въ то же время онъ былъ органомъ императора, поскольку отъ императора, какъ поставленнаго Богомъ общаго Епископа, зависѣло созвать Соборъ, и слѣдовательно, избрать этотъ именно путь составленія Собора къ установленію правильнаго ученія, и затѣмъ скрѣпить своимъ утвержденіемъ результаты соборной дѣятельности. Кромѣ утвержденія, императоры иногда обнародовали эти результаты въ видѣ своихъ эдиктовъ, какъ Константинъ Великій, Θεодосій

Великій, Маркіанъ, Константинъ Погонать. Въ томъ случаѣ, когда императоры законодательствовали по церковнымъ дѣламъ безъ созванія Собора, законы ихъ, съ точки зрѣнія ихъ матеріального содержанія держались на почвѣ Св. Писанія, соборныхъ канонѣвъ и существующей церковной практики, но съ формальной стороны это были императорскіе законы, обязательная сила коихъ имѣла своимъ источникомъ императорскую законодательную власть". Такъ основаніемъ для теоріи Суворова служить 1) созывъ Соборовъ императоромъ, 2) санкція императоромъ соборныхъ рѣшеній и 3) самостоятельное изданіе ими законовъ по церковнымъ дѣламъ. Что касается созыва Соборовъ, то самый фактъ созыва императорами Соборовъ вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ, что они были главными факторами законодательства. До Вселенскихъ Соборовъ Церковь имѣла свою правотворческую дѣятельность, но въ другихъ формахъ, напримѣръ, во взаимныхъ отношеніяхъ представителей Церквей по вопросамъ, требовавшимъ общаго голоса, въ согласномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ главными Церквами Востока и Запада, которымъ слѣдовали и прочія православныя Церкви. Самый созывъ Вселенскихъ Соборовъ обуславливался не произволомъ императоровъ, а общецерковной нуждой, о которой заявляли императорамъ предстоятели Церкви, ея авторитетные представители, выступая съ инициативой по созыву Собора. Такимъ образомъ, Церковь могла бы разрѣшать волнующіе ее вопросы и въ другой формѣ, если бы императоры не выступали съ своимъ содѣйствіемъ.

О природѣ участія императоровъ на Вселенскихъ соборахъ и формы этого участія.

Но ихъ авторитетъ, какъ говоритъ Заозерскій, былъ привходящимъ элементомъ, въ логическомъ отношеніи случайнымъ, несущественнымъ признакомъ въ понятіи Вселенскаго Собора („Объ источникахъ церковнаго права", 314 стр.). Императоры могли разсылать пригласительныя грамоты, матеріально содѣйствовать въ издержкахъ на Соборъ, но все это не дѣлало ихъ законодателями въ Церкви. Равно участіе императоровъ или ихъ уполномоченныхъ на Соборахъ касалось внѣшней стороны наблюденія за соблюденіемъ порядка соборныхъ разсужденій и не касалось самихъ разсужденій. Присутствіе ихъ не было обязательно: на Второмъ и Пятомъ Вселенскихъ Соборахъ не было ни императоровъ, ни ихъ уполномоченныхъ. Изъ рѣчи Константина Великаго на Первомъ Соборѣ видно, что онъ усвоилъ право рѣшать религіозные вопросы только Епископамъ, оставаясь

только почетнымъ предсѣдателемъ. Инструкціи императора Θεодосія II своему представителю на III Вселенскомъ Соборѣ Кандидіану опредѣленно запрещаютъ ему вмѣшиваться въ происходящее изслѣдованіе о догматахъ, но поручаютъ заботиться объ устраненіи скопленія народа, препятствующаго мирной работѣ Собора, не допускать, чтобы, при разномысліи отъ простаго взаимнаго нерасположенія, доходило дѣло до большихъ размѣровъ, до большаго шума, чтобы пренія не отвлекались слишкомъ въ сторону. Также на IV-мъ Вселенскомъ Соборѣ комиссары императора Маркіана, по свидѣтельству посланія Епископовъ къ папѣ Льву Великому, не подавали голосовъ въ вопросахъ вѣры, а императоръ Маркіанъ заявилъ, что онъ присутствуетъ „не какъ судья вѣры, а чтобы вѣра, Соборомъ опредѣленная, очищенная отъ всякаго заблужденія и мрака, была тверда, будучи огражденной царской властью". Также на VI Вселенскомъ Соборѣ императоръ Константинъ Погонать и его комиссары не принимали участія въ опредѣленіяхъ Собора. На VII Вселенскомъ Соборѣ императрица Ирина съ сыномъ была въ значеніи почетной предсѣдательницы, а ходомъ преній руководилъ Константинопольскій Патріархъ Тарасій. Епископъ Іоаннъ Смоленскій называетъ участіе императоровъ въ Вселенскихъ Соборахъ (Пр. Соб. 1868, I, 200) покровительственнымъ, внѣшнимъ, направленнымъ на соблюденіе порядка, мира и благочинія церковнаго, тогда какъ только Епископы рѣшали религіозные вопросы въ качествѣ Богопоставленныхъ судей (изъ клириковъ только тѣ имѣли рѣшающій голосъ, которые являлись въ качествѣ полномочныхъ отъ своихъ Епископовъ). Императоры и ихъ комиссары нерѣдко дѣлали тѣ или иныя предложенія на Соборахъ, но этими предложеніями они не восхищали на себя правъ самостоятельнаго рѣшенія вопросовъ, не переносили рѣшенія церковныхъ вопросовъ отъ власти церковной къ государственной, ибо послѣднее слово всегда оставалось за Церковью. **Проф. Кургановъ** писалъ: „Между предложеніемъ и рѣшеніемъ громадная разница; предложеніе можетъ быть сдѣлано какое угодно, а рѣшенія на Соборахъ принимались только тѣ, которыя были согласны съ духомъ вѣры и внутреннимъ убѣжденіемъ Епископовъ" (Кургановъ. Устройство и управленіе Церкви въ Королевствѣ Греческомъ, 21 стр.). О различіи власти предлагающей и рѣшающей говорить и Т. Барсовъ въ статьѣ „О Вселенскихъ Соборахъ" въ Хр. Чт. 1869, 11, 807: „Въ томъ обстоятельствѣ, что нѣкоторыя изъ Соборныхъ опредѣленій предварительно формулировались и заявлялись

представителями власти государственной, но окончательно утверждались и узаконялись согласіемъ и приговоромъ отцовъ, присутствовавшихъ на Соборахъ, въ томъ обстоятельстве мы усматриваемъ не преобладаніе государственной власти надъ авторитетомъ Церкви, а обязательнѣйшее доказательство неотразимости правды и истины этихъ опредѣленій. То же обстоятельство выставяетъ Соборныя опредѣленія не принадлежащими никому, а дѣлаетъ ихъ прямо результатомъ уясненія и дознанія настоящей истины всѣмъ Соборомъ. На основаніи того же обстоятельства, мы, не стѣсняясь, утверждаемъ, что общія отношенія власти государственной къ авторитету Церкви на Соборахъ были тѣ же самыя, какія обыкновенно бываютъ между лицомъ, предлагающимъ свое мнѣніе на утвержденіе, и лицомъ, узаконяющимъ это мнѣніе своими правами и согласіемъ".

Соборныя опредѣленія по вопросамъ вѣры и церковной дисциплины считались обязательными для всѣхъ христіанъ, въ томъ числѣ и для императоровъ, внѣ всякой зависимости отъ того, утверждалъ ли эти опредѣленія императоръ.

Предсѣдательство императоровъ на Соборахъ, когда они появлялись, было только почетнымъ и не шло дальше внѣшняго руководства. На Первомъ Вселенскомъ Соборѣ предсѣдательствовали папскіе легаты Осія, Епископъ Кордубскій, и два пресвитера Вить и Винцентій. Въ ихъ подписи, говоритъ Заозерскій, изслѣдовавшій вопросъ о предсѣдательствѣ на Вселенскихъ Соборахъ (Историческое Обозрѣніе Источниковъ Права Православной Церкви, стр. 177), не поставлено никакой провинціи, что и показываетъ, что они присутствовали на Соборѣ не какъ представители частныхъ Церквей, но какъ предсѣдатели цѣлаго Собора. Во всѣхъ экземплярахъ Дѣяній ихъ подпись всегда на первомъ мѣстѣ. Императоръ имѣлъ только почетное предсѣдательство. На второмъ Вселенскомъ Соборѣ, за отсутствіемъ легатовъ Папы и Александрійскаго Архіепископа, предсѣдательствовали Антиохійскій Архіепископъ Мелетій, а, за его смертью, въ виду предоставленія 3 правиломъ этого Собора Константинопольскому Патріарху послѣдованія чести по Римскомъ Епископѣ, Константинопольскій Патріархъ Св. Григорій Назіанзинъ и, по его удаленіи, Св. Нектарій, Архіепископъ Константинопольскій (178 стр.).

На III Вселенскомъ Соборѣ предсѣдательствовалъ Кириллъ, Архіепископъ Александрійскій, въ качествѣ Мѣстоблюстителя Римскаго Папы, другіе легаты Папы — пресвитеры

предсѣдательствовали вмѣстѣ съ нимъ и подписывались съ нимъ же на первомъ мѣстѣ. Предсѣдательство происходило отъ имени Римскаго Папы Целестина. Въ иныхъ древнихъ извѣстіяхъ предсѣдателями называются вмѣстѣ и Папа Целестинъ и Кириллъ. IV Вселенскій Соборъ имѣлъ предсѣдателемъ легата, Епископа Пасхазіана (Лилибейскаго въ Сициліи), согласно порученію Св. Папы Льва Великаго. Соборъ въ своемъ посланіи къ Папѣ и выражался: „Въ твоихъ мѣстоблюстителяхъ ты держалъ надъ сочленами Собора начальство, какъ глава надъ членами". Присутствовавшіе на этомъ Соборѣ императорскіе комиссары также предсѣдательствовали, но ихъ предсѣдательство относилось къ внѣшней сторонѣ Собора, къ наблюденію за порядкомъ въ ходѣ дѣлопроизводства; во внутреннюю сторону они не вмѣшивались и различали себя отъ Собора. Къ дѣяніямъ Собора они не подписывались, а папскій легатъ подписывался первымъ и съ прибавкой *synodo praesidens* даже и тогда, когда присутствовалъ императоръ. Императорскіе комиссары имѣли почетное мѣсто, и въ отсутствіе императорскихъ комиссаровъ легаты вели полностью все предсѣдательство (Ib. 183).

На V Вселенскомъ Соборѣ не было ни императора, ни папы, ни легатовъ, и предсѣдательствовалъ Константинопольскій Архіепископъ Евтихій. На VI Вселенскомъ Соборѣ присутствовалъ императоръ Константинъ Погонать, который именуется предсѣдателемъ, но дѣянія различаютъ его и его чиновниковъ отъ Собора и въ качествѣ первыхъ членовъ Собора называютъ легатовъ папы: пресвитеровъ Θεодора и Георгія и діакона Іоанна. Легаты первые и подписывались подъ дѣяніями, а императоръ послѣ всѣхъ членовъ Собора, съ цѣлью придать опредѣленіямъ Собора болѣе силы и авторитета въ государствѣ (не въ Церкви).

На VII Вселенскомъ Соборѣ ходомъ дѣлъ руководилъ Архіепископъ Тарасій Константинопольскій, но во всѣхъ засѣданіяхъ перечисляются присутствовавшіе въ такомъ порядкѣ папскіе легаты: Архипресвитеръ Петръ и Архимандритъ Петръ, Архіепископъ Константинъ, Мѣстоблюстители другихъ Патріарховъ, Епископы и императорскіе комиссары. На послѣднемъ засѣданіи въ качествѣ почетныхъ предсѣдателей были императрица Ирина и ея сынъ и подписали протоколы всѣхъ прежнихъ засѣданій послѣ всѣхъ Епископовъ. Также проф. Суворовъ (Византійскій Папа, стр. 50) признаетъ, что легаты на Вселенскихъ Соборахъ занимали мѣсто всегда выше Патріарховъ, т. е. были предсѣдателями, но иные ученые вносятъ въ

это мнѣніе поправки. Такъ Бѣляевъ („О католицизмѣ“) считаетъ, что на I Вселенскомъ Соборѣ Осія предсѣдательствовалъ не по уполномочію Папы, а по избранію Собора, а на IV Всел. Соборѣ предсѣдательствовалъ Патріархъ Анатолій (Стр. 240 и 242). **Заозерскій** (Обозрѣніе источниковъ, стр. 186) пишетъ: „Съ точки зрѣнія государственнаго права новѣйшаго времени Вселенскіе Соборы представляютъ достопримѣчательное явленіе въ томъ отношеніи, что указываютъ истинную норму для правомѣрнаго отношенія христіанскаго государя къ Божественнымъ полномочіямъ Церкви, въ моментъ ихъ наивысшаго обнаруженія. Вселенскіе Соборы ясно — словомъ (рескриптами государей и посланіями Епископовъ, адресованными къ государямъ и вошедшими въ составъ помѣстныхъ актовъ соборныхъ) и дѣломъ засвидѣтельствовали, что долгъ христіанскаго государя не только обезпечивать государственной мощью свободу внутренней жизнедѣятельности Церкви, но и положительными мѣрами содѣйствовать успѣшному устроенію въ жизни подданныхъ церковнаго ученія и правилъ христіанской жизни (догматовъ и канонъ). Исполняя долгъ сей, христіанскій государь воздастъ „Божіе Богови“. Словомъ и дѣломъ эти Соборы засвидѣтельствовали, что долгъ высшихъ носителей церковной власти — Епископовъ не только мужественно свидѣтельствовать истину передъ царями, но и, съ полнымъ смиренія сознаніемъ своего вѣрноподданчества христіанскому государю, просить его объ оказаніи съ его стороны дѣятельнаго участія и **содѣйствія имъ въ допущеніи полномочій, принадлежащихъ имъ по праву Божественному**, и въ моменты самаго дѣйствія сими полномочіями воздавать христіанскому государю подобающую честь, украшая себя и здѣсь христіанскимъ смиреніемъ. Истиннѣйшіе представители божественныхъ полномочій Св. Отцы Вселенскихъ Соборовъ и въ своихъ засѣданіяхъ смиренно уступали честь предсѣданія вѣрнымъ императорамъ и симъ указали прекраснѣйшій образъ исполненія заповѣди Господа: „Воздайте Кесарево Кесареви“.

Юстиніанъ въ своихъ новеллахъ говорилъ (131), что вѣроопредѣленіе Вселенскихъ Соборовъ императоры почитаютъ, какъ Слово Божіе, а церковные каноны, какъ догматы вѣры. Если императоры санкціонировали соборныя опредѣленія, то дѣлали это не съ цѣлью придать имъ дѣйствующую силу въ Церкви, а изъ желанія принести свою жертву Богу соотвѣтственно своему общественному положенію, дарованному Богомъ, а съ другой стороны при-

влечъ къ своему государству Божіе благоволеніе. Но къ внутренне-обязательной церковной силѣ каноновъ императорская санкція прибавляла и санкцію государственную, матеріально принудительную. О придачѣ такой силы нерѣдко обращались къ императорамъ сами Соборы (II-ой, IV, VI-ой), чтобы опредѣленія Соборовъ получили защиту отъ государственной власти, въ случаѣ нападенія отъ враговъ истины, становясь черезъ утвержденіе императора руководствомъ и для государственныхъ чиновниковъ. Новелла Юстиніана объявляетъ, что государственные законы должны сами сообразоваться съ церковными канонами. Что дозволяется и запрещается канонами, то дозволяется и запрещается законами. Санкція государства по отношенію къ церковному закону означаетъ лишь сообщеніе ему силы государственного закона, нарушеніе котораго карается въ силу этого не только церковнымъ, но и государственнымъ закономъ.

Суворовская теорія игнорируетъ принципиальное ограниченіе государства съ признаніемъ Христіанской Церкви.

Фактъ самостоятельнаго изданія императорами законовъ по церковнымъ дѣламъ также не говоритъ за право императоровъ законодательствовать въ Церкви.

Съ признаніемъ христіанства право языческаго государства въ дѣлахъ вѣры и богопочтенія потерпѣло ограниченія, именно на долю государства осталось право законодательства въ сферѣ внѣшнихъ отношеній Церкви къ государству; оно по прежнему можетъ опредѣлять государственное положеніе Церкви, матеріальныя средства ея учрежденій, гражданскія права и преимущества клира, какъ опредѣленнаго состоянія, но не законодательство во внутреннемъ форумѣ Церкви, какъ полагаетъ Суворовъ, исходящій изъ того принципа, что для „императоровъ не было границъ въ смыслѣ изъятія извѣстныхъ предметовъ изъ ихъ законодательной компетенціи" (1, 234). Такой взглядъ является игнорированіемъ того ограниченія въ самомъ существѣ государственной власти, которое произошло съ признаніемъ Христіанства государствомъ. Христіанское государство принимаетъ Церковь Христову со всѣмъ ея вѣроученіемъ и нравоученіемъ, какъ обязательный принципъ. Юстиніанъ въ отношеніи церковной политики явился завершителемъ и полнымъ выразителемъ въ законодательствѣ тѣхъ идей, которыя высказывались его предшественниками, и примѣромъ для преемниковъ, но онъ и заявилъ, что право проповѣдывать ученіе вѣры принадлежитъ одной Церкви (Код. Юст. 1, 2, 5, 6, 7); стараясь поднять государство до

высоты церковнаго законодательства, „онъ старался, говорить **Кургановъ**, государство подчинить законамъ церковнымъ, или иначе, церковное законоположеніе ввести, какъ уже данное, въ законоположеніе гражданское, сдѣлать его обязательнымъ для всѣхъ членовъ государства". Неважно для теоріи, что на практикѣ Юстиніанъ могъ нарушать возвышенный принципъ, и, поднимая надъ государственнымъ закономъ канонъ церковный, поднималъ надъ послѣднимъ самого себя.

Необходимость отличать фактъ отъ нормы, выясняемый правосознаніемъ.

Но смѣшивать фактическую сторону съ легальной въ уклоненіи отъ нормъ недопустимо. Сознаніе нормы всегда жило, и каждое требованіе государственной власти, несогласное съ церковными правилами, встрѣчало протестъ со стороны защитниковъ Божественной истины, ради которой они готовы были принять и смерть. Сами императоры, сознавая необходимость нерушимости церковныхъ правилъ и ихъ преимущества передъ законами, отмѣняли законы, несогласные съ церковными правилами (Императрица Ирина объ иконоборцахъ, императоръ Левъ VI о четвертомъ бракѣ, Константинъ VII и Романъ I о 4-мъ бракѣ; Василій Никифоровское законодательство о монастыряхъ). Церковь допускала императорское законодательство и по внутреннимъ дѣламъ Церкви, но церковнымъ закономъ императорскій законъ становился только послѣ принятія его Церковью; императорскій законъ могъ быть *secundum legem* Церкви, *praeter legem*, но никогда *contra legem*. Будучи принятъ Церковью, онъ становился *lex canonisata*, т. е. обязательнымъ для членовъ Церкви, а не только для членовъ государства.

Церковное законодательство. Формы его развитія. Теорія митрополита Филарета.

Церковное законодательство началось не со времени принятія христіанства Константиномъ Великимъ, а со времени Апостольскаго Собора, явилось продолженіемъ правилъ Святого Евангелія и запечатлѣно благодатью Святого Духа, пребывающей въ Апостольскомъ преемствѣ; оно не можетъ имѣть источникомъ государственную власть, призванную прежде всего къ благоустроенію земной жизни, а не къ ея освященію, каковое получается черезъ благодатные дары Церкви. Основнымъ каноническимъ правомъ является право, заключенное въ предѣлахъ Святаго Писанія, Соборовъ и Отцовъ Церкви, и этимъ правомъ опредѣляется оцѣнка послѣдующаго кано-

ническаго законодательства Помѣстныхъ Церквей съ точки зрѣнія вѣрности его основному духу вселенскаго законодательства. **Митрополитъ Филаретъ** установилъ общія начала, которымъ должно соотвѣтствовать всякое измѣненіе въ канонахъ. Какъ извѣстно, каноны не догматы, и, если Трульскій Соборъ въ 1 правилѣ установилъ неизмѣнность догматовъ до скончанія вѣка, то во 2 правилѣ онъ установилъ составъ и обязательность для всякаго православнаго утвержденныхъ имъ канонѡвъ, и ограждаетъ ихъ извращеніе, подлогъ наказаніемъ церковнымъ, назначеннымъ тѣмъ правиломъ, на которое сдѣлано покушеніе. Однако, Трульскій Соборъ ничего не сказалъ о непоколебимости и неизмѣнности церковнаго канона; церковныя правила подлежатъ безусловному исполненію, доколѣ они не отмѣнены. Вопросъ объ этихъ церковныхъ правилахъ и былъ подробнѣе развитъ канонистомъ Митрополитомъ Филаретомъ: 1) всякое правило, посредствомъ вѣрнаго заключенія извлеченное изъ Св. Писанія, есть непремѣнно, 2) всякое правило, не противное Слову Божію, введенное какой-либо церковной властью, дотолѣ твердо, доколѣ высшей, или по крайней мѣрѣ, равной властью не будетъ отмѣнено по важной причинѣ, 3) всякое правило древнѣйшее, при равенствѣ другихъ обстоятельствъ, должно быть предпочтено менѣе древнему или новому по достовѣрнѣйшей чистотѣ первенствующей Церкви и по закону постоянства, 4) законы гражданскіе въ дополненіе права церковнаго по взаимному соединенію Церкви и общества гражданскаго должны быть допускаемы постольку, поскольку не противорѣчатъ Слову Божіему и не препятствуютъ истинной вѣрѣ, но способствуютъ благоустройству Церкви. Изъ этого перечня правилъ измѣненія канонѡвъ явствуетъ, что и Митрополитъ Филаретъ исходилъ изъ основнаго положенія, что всѣ основныя принципы церковнаго законодательства даны въ Св. Писаніи и Св. Преданіи, толковать которые съ обязательной силой для вѣрующаго можетъ только власть, получившая благодать ученія и пастырства¹.

¹ Онъ впадаетъ въ противорѣчіе однако съ самимъ собой, когда обходитъ глухо вопросъ о каноничности замѣны Московскаго Патріарха Синодомъ: не одобряя реформы, не утверждаетъ однако опредѣленно этой неканоничности. „Хорошо было бы, говорить онъ (Чт. О Л. Д. Пр. 1892, XI, 564 стр.) не уничтожать Патріаршества и не колебать тѣмъ Іерархію, но возстановлять Патріарха было бы очень неудобно; между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 608) онъ говоритъ, „что православное государство должно чтить права Церкви, опредѣляемыя церковными правилами“. Невольно проглядываетъ въ данномъ случаѣ вліяніе фактическаго цезарепапистскаго построенія церковно-государственныхъ отношеній императорскаго періода; возможно здѣсь и протестантское вліяніе, на наличность котораго въ другомъ случаѣ у Филарета (первое изданіе Катехизиса въ 1823 г.) указалъ Тондини.

Самостоятельность церковнаго управления. Теорія Проф. Суворова объ императорѣ какъ *centrum uniatis*.

Не менѣе ясна и самостоятельность церковнаго управления, независимо отъ того, существуетъ ли Церковь въ государствѣ языческомъ или христіанскомъ. Но этому взгляду опять противостоятъ цезарепапистская теорія Суворова, во имя исторической давности возводящая въ законъ долженствованія фактическія отступленія отъ церковной нормы. По его мнѣнію, „Вселенскіе Соборы не могли быть олицетвореніемъ одной общецерковной, общепризнанной и постоянной власти, пекущейся о цѣлой Церкви, издающей законы и распоряженія для всего христіанства и возстанавливающей нарушенное право въ Церкви вообще. Церковная централизація не могла остановиться на образованіи патріархатовъ: для Церкви, какъ Церкви Каѳолической, всеобщей, обнимающей всю совокупность христіанскихъ общинъ и совпадающей съ предѣлами всемірной Римской Имперіи, долженъ быть *centrum uniatis*, къ которому бы направлялись важнѣйшія церковныя дѣла, и отъ котораго бы исходили важнѣйшія распоряженія, какъ не могла обойтись безъ центральной власти сама Римская Имперія. Вселенскіе Соборы устанавливали нормы вѣры и дисциплинарнаго порядка по тѣмъ отношеніямъ или сторонамъ церковной жизни, которыя въ данный моментъ требовали урегулированія, но нужно было, чтобы императоръ созвалъ Вселенскій Соборъ и утвердилъ его постановленія. Уже при первомъ христіанскомъ императорѣ стало ясно, что *centrum uniatis* для Церкви — императорская власть. Императоръ разсматривался, какъ Богомъ поставленный общій Епископъ, который имѣетъ преимущественное попеченіе о Церкви Божіей и при возникновеніи разногласій созываетъ Соборы изъ служителей Божіихъ" (I, 63 стр.).

„Какъ высшая церковная власть, императоръ издавалъ церковные законы и, наблюдая за исполненіемъ церковныхъ нормъ, обязывалъ Патріарховъ публиковать императорскіе церковные законы... Императоръ былъ высшимъ судьей, къ которому обращались осужденные по церковнымъ дѣламъ... Императоръ могъ по своему усмотрѣнію замѣстить Епископскую каѳедру, что въ Константинополѣ относительно Константинопольской Патріаршей каѳедры было обыкновеннымъ явленіемъ"... Это опять тоже обобщеніе злоупотребленій и возведеніе фактической стороны въ юридическую норму и не соотвѣтствуетъ природѣ явленія.

Теорія Епископа Іоанна Смоленскаго о высшей Соборной власти, какъ формѣ Богоустановленной.

Этой теоріи противостоитъ другая теорія — Преосвященнаго Іоанна Смоленскаго, приѣмая для церковнаго сознанія. Церковь Вселенская подъ своимъ Невидимымъ Главою управляется общимъ союзомъ Православныхъ Помѣстныхъ Церквей и совокупной властью всѣхъ Архипастырей и учителей Православія на основаніи общихъ Правилъ Апостольскихъ, Соборныхъ и отеческихъ, сохраняя и единство вѣры, и единство основы церковнаго управленія. Осязательной формой управленія служили Соборы, формой Богоучрежденной (Мѡ. XVIII, 17-20). Управление всей Вселенской Церковью принадлежитъ Вселенскому Собору. Названіемъ „Вселенскій" указывается: 1) участіе въ дѣлахъ Собора всѣхъ Церквей, въ какихъ бы формахъ оно ни выражалось, 2) кругъ самыхъ предметовъ Соборнаго разсужденія и общность его дѣйствій, простирающихся на всю Церковь, 3) согласіе всѣхъ Церквей въ рѣшеніяхъ Собора, 4) принятіе и исполненіе соборныхъ постановленій всѣми Церквами, 5) чистота вселенскаго ученія, исповѣданнаго на Соборѣ. Вселенскій Соборъ имѣетъ право 1) опредѣлять догматы вѣры, 2) повѣрять преданія, отдѣляя истинное отъ поврежденнаго, 3) обсуждать постановленія прежнихъ Соборовъ, 4) разсматривать всякое новое ученіе, 5) опредѣлять образъ управленія вообще и въ Помѣстныхъ Церквахъ въ частности, 6) опредѣлять права церковной Іерархіи, 7) производить судъ надъ предстоятелями Церквей и надъ цѣлыми Помѣстными Церквами, 8) предписывать для всей Церкви правила благочестія и благочинія. Соборы Помѣстные имѣютъ такія же права въ отношеніи своей Помѣстной Церкви. Каждая Помѣстная Церковь, законно основанная, можетъ законно имѣть свое отдѣльное управленіе. Преосвященный Іоаннъ исходитъ изъ того, что Іисусъ Христосъ не заповѣдывалъ Апостоламъ всѣхъ вѣрующихъ подчинять одной видимой власти или составлять изъ нихъ одно видимое царство, а, не касаясь ихъ общественнаго устройства, повелѣвалъ только проповѣдывать Евангеліе. Сами же Апостолы въ управленіи частными Церквами дѣйствовали отдѣльно и самостоятельно; законы же Вселенской Церкви утвердили разграниченіе предѣловъ церковнаго управленія. Самостоятельность эту Пр. Іоаннъ видитъ въ различіи формъ правленія на общей основѣ, въ независимости Іерархіи одной Церкви отъ Іерархіи другой, въ особенности обычаевъ и обрядовъ церковныхъ, въ различіи іерархическихъ преимуществъ. Онъ не до-

пускаетъ этой самостоятельности конечно до права составленія произвольнаго ученія, до нарушенія въ своемъ управленіи основныхъ правъ и законовъ Церкви Вселенской (VI, 2; VII, 1), до самовольнаго отступленія отъ древнихъ преданій Церкви, хотя бы они не касались основныхъ законовъ Церкви, или до нововведенія не имѣющаго законнаго основанія (VI, 3, 28. 29, 32; VII, 7, Гангр. 21), до нарушенія союза мира и любви и взаимнаго общенія. **Въ предѣлахъ каждой Церкви управленіе можетъ принадлежать только органамъ церковной власти, какъ Богоустановленной, съ этой цѣлью и получившей для этого спеціальныя дары благодати.** Данныя исторіи помимо каноновъ подтверждаютъ тезисы Пр. Іоанна. Черезъ всю исторію, начиная съ первыхъ вѣковъ христіанства, проходитъ то основное начало, что церковная и государственная власть суть двѣ самостоятельныя власти, обладающія особыми полномочіями, каждая въ своей сферѣ, проходитъ сознаніе, что управленіе Церкви должно находиться въ рукахъ церковной власти. Всѣ права церковной власти были даны Іисусомъ Христомъ Апостоламъ, безъ предоставленія кому-либо изъ нихъ преобладанія надъ другими апостолами, и этимъ уже указана соборность, какъ общее начало управленія. Если Апостолы поручали управленіе Церкви своимъ преемникамъ всегда въ извѣстныхъ географическихъ предѣлахъ, то въ управленіи дѣлами всей Церкви они должны были дѣйствовать сообща, какъ говорилъ Святой **Игнатій Богоносецъ**: „Одно Тѣло Господа нашего, одинъ алтарь и одинъ повсюду Епископъ“, т. е. видимое вселенское единство свидѣлствуется единствомъ богослуженія и управленія при различіи мѣстъ и властей церковныхъ.

Природа церковнаго управленія не мѣняется отъ признанія христіанства государственной религіей.

Съ объявленіемъ христіанства государственной религіей природа церковнаго управленія не измѣнилась. Это понималъ и **Константинъ Великій**, сказавшій въ рѣчи Епископамъ: „Богъ поставилъ васъ священниками и далъ вамъ власть судить мои народы и меня самого; поэтому справедливо, чтобы я подчинился вашему приговору; мнѣ и въ голову не придетъ желать быть судьей надъ вами“. Называя себя Епископомъ внѣшнихъ дѣлъ, онъ имѣлъ въ виду свои государственныя полномочія, въ силу которыхъ онъ почиталъ себя обязаннымъ, какъ императоръ, содѣйствовать Церкви всѣми зависящими отъ него средствами; императоръ принималъ рѣшеніе Церкви, какъ данное, и почиталъ себя призваннымъ заботиться о внѣшнемъ приложеніи

христiанскихъ началъ въ жизни между подданными. **Императоръ Констанцій** запрещаетъ обвинять Епископовъ въ общихъ судахъ и предоставляетъ съ жалобами на Епископовъ обращаться къ Епископамъ. Императоръ **Валентиніанъ I** заявилъ, что онъ не будетъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла; императоръ **Θеодосій Младшій** отказывался запретить Епископамъ дѣлать собранія и говорилъ, что дѣло Церкви дѣлать постановленія по церковнымъ дѣламъ. **Юстиніанъ II** возводитъ въ принципъ раздѣленіе государственной и церковной сферы, доселѣ существовавшее только на практикѣ.

Дѣйствительная исторія знаетъ массу фактовъ, въ которыхъ выразилось стремленіе церковной власти служить нуждамъ, пользѣ и благу государственному, а съ другой стороны стремленіе государственной власти поспѣшествовать цѣлямъ Церкви.

Объясненіе фактическихъ вторженій императоровъ въ дѣла Церкви.

Въ послѣдніе вѣка Византійскіе императоры особенно покушались на расширеніе своихъ правъ на счетъ Церкви посредствомъ вмѣшательства въ избраніе Патріарховъ (въ избраніи Епископовъ императоры участія не принимали), допускали также злоупотребленія въ дѣлѣ, возведенія Епископій на степень Архіепископій и Митрополій; однако это стремленіе сдерживалось Епископами въ должныхъ границахъ, и сами императоры не домогались своихъ правъ, если къ тому не представлялось основанія въ церковныхъ правилахъ. Безъ согласія церковной власти императоры не рѣшались вмѣшиваться въ дѣла церковнаго управленія. Иные императоры, вродѣ Исаака Ангела, понимали неограничено свои полномочія. Но всѣ эти вмѣшательства въ церковную сферу находятъ свое объясненіе въ пережиткахъ традицій верховнаго понтифекса. Вѣдь, императоры языческіе, какъ мы видѣли, имѣли верховный надзоръ надъ религіей, были представителями національнаго преданія, принимали мѣры къ поддержанію культа въ чистотѣ, къ умилоствленію боговъ, измѣняли уставы Богослуженія, устанавливали религіозные праздники, вводили чествованіе новыхъ боговъ, отмѣняли прежніе культы, освобождали частныхъ лицъ отъ религіозныхъ обязательствъ передъ богами (Бердниковъ. Государственное положеніе религіи въ Римской Имперіи 313-333). Самъ языческій императоръ стоялъ выше и человѣческихъ и Божескихъ законовъ, и въ образѣ священнаго лица императора Римляне чтили всемогущее государство. Нерѣдко эти традиціи приводи-

ли къ забвенію той истины, что всемогущее и христіанское государство — понятія несомѣстимыя. Хотя императоры оставили титулъ верховнаго понтифекса со временъ Граціана, но они на практикѣ часто не отказывались отъ самой власти великаго первосвященника.

Сознаніе неправомѣрности вмѣшательства въ дѣла Церкви со стороны императоровъ, допускавшихъ такое вмѣшательство.

Эти факты вмѣшательства императоровъ въ церковное управленіе Суворовъ возвелъ въ норму отношеній. Однако, сознаніе неправомѣрности такого вмѣшательства было у самихъ императоровъ, когда они *de jure* и *de facto* признавали независимость церковной власти въ церковной сферѣ. Можно ли допустить, чтобы императоры не понимали предѣловъ своей власти, когда они признавали права Церкви? Самъ Исаакъ Ангель, низлагавшій и возводившій Патріарховъ, сознавалъ самостоятельность церковной власти, въ равноправности которой съ государствомъ онъ признавался въ своей новеллѣ: онъ писалъ въ ней о двухъ важнѣйшихъ дарахъ Божественнаго человеколюбія — помазанія и достоинства царя, а съ другой стороны, священническомъ, происходящихъ изъ одного и того же вѣчнотекущаго источника, для устроенія и украшенія человѣческой жизни.

О теоріи императора великаго первосвященника, оправдывавшей вмѣшательство царя въ церковные дѣла.

Представители Церкви протестовали противъ вторженія государственной власти въ сферу церковнаго управленія, и, дѣлая это нерѣдко съ рискомъ для жизни, они свидѣтельствовали свое правосознаніе, что государственная власть не можетъ нарушать опредѣленныхъ границъ, далѣе которыхъ начинается сфера Церкви. На основаніи этого **Кургановъ** констатируетъ, вопреки Суворову, что и Византійскіе императоры признавали двѣ власти при равноправномъ ихъ положеніи, при наличіи принципа согласнаго дѣйствія на подданныхъ. Теорія Великаго первосвященника, говоритъ **Остроумовъ**, была только теоріей, придуманной для незаконныхъ вторженій свѣтской власти въ церковную сферу. **Симеонъ Солунскій** говоритъ, что только льстецы могли оправдывать нарушеніе правилъ со стороны Византійскихъ императоровъ. Догмой же дѣйствовавшаго права была идея симфоніи между церковными правилами и императорскими распоряженіями. Дѣйствительно, нельзя не признать, что исторію составляетъ не нарушеніе закона, какъ

исключеніе изъ общаго правила, а общая идея и духъ, управляющій дѣйствіемъ. Такимъ образомъ, цезарепапистская теорія неприемлема, какъ теорія возводящая въ законъ факты, въ которыхъ императоръ выступаетъ по традиціи временъ язычества, какъ полновластный глава и владыка Церкви, на что Церковь не давала ему права, ибо осуществленіе ея правъ связано съ наличностью высшихъ іерархическихъ полномочій ученія, священнодѣйствія и пастырства. Напротивъ, въ лицѣ своей іерархіи она протестовала и тѣмъ свидѣтельствовала свое правосознаніе.

Русская каноническая наука о природѣ церковнаго суда.

О теоріи проф. Суворова касательно природы церковнаго суда.

Аналогично съ вопросомъ о церковномъ законодательствѣ и церковномъ управленіи цезарепапистская теорія разсматриваетъ вопросъ о природѣ церковнаго суда, разумѣя подъ церковнымъ судомъ не тотъ судъ, который можетъ принадлежать Церкви, какъ учрежденію, дѣйствующему по делегации власти государственной въ дѣлахъ свѣтскихъ, но тотъ судъ, который принадлежитъ Церкви въ дѣлахъ чисто церковныхъ. Проф. Суворовъ и въ вопросѣ о происхожденіи церковнаго суда, и въ вопросѣ объ его самостоятельности отъ власти государственной проводитъ точку зрѣнія, едва-ли приемлемую для самаго понятія о Церкви, Какъ учрежденія Божественнаго происхожденія и Божественнаго назначенія. Онъ не хочетъ видѣть основанія для церковнаго суда въ той власти вязать и рѣшать, которую далъ ученикамъ Своимъ Спаситель, согласно Мѡ. 18, 15—18 какъ это устанавливаетъ Преосвященный Іоаннъ Смоленскій. Онъ видитъ въ сужденіи Пр. Іоанна смѣшеніе догматическаго основанія для ученія о Богоучрежденности таинства покаянія съ сферой права, формальнымъ положеніемъ котораго таинственная власть связывать и разрѣшать съ послѣдствіемъ не только для здѣшней, но и для будущей жизни, подчиняться не можетъ и не должна... Открытый церковный судъ находитъ, по мнѣнію Суворова, свое обоснованіе въ понятіи о Церкви, какъ обществѣ. „Въ Церкви, какъ общественномъ организмѣ, въ которомъ отдѣльные члены, въ этомъ именно ихъ качествѣ членовъ цѣлаго, поставлены въ извѣстныя взаимныя отношенія какъ къ цѣлому организму, такъ и къ другимъ членамъ, долженъ существовать и не можетъ не существовать опредѣленный

порядокъ... Если же этотъ порядокъ представляетъ нѣчто существенно необходимое, безъ чего не можетъ существовать и самая Церковь, то и необходимость возстановленія нарушеннаго порядка (путемъ суда и наказаній) не можетъ быть подвергаема ни малѣйшему сомнѣнію. Основаніе это такъ твердо, что, если бы даже въ Новомъ Завѣтѣ не существовало прямыхъ и ясныхъ указаній на принадлежность Церкви, какъ обществу, наказующей власти, то и одного этого основанія съ точки зрѣнія современной науки права было бы достаточно, чтобы утвердить на немъ право Церкви наказывать въ объемѣ власти, соотвѣтствующей ея существу и назначенію". Съ этой точки зрѣнія формальный судъ Церкви развился исключительно изъ необходимыхъ историческихъ условій жизни Церкви, помимо прямыхъ предписаній Іисуса Христа и Апостоловъ, которыхъ какъ будто и не существуетъ для обоснованія церковнаго суда. На это возражаетъ Епископъ Іоаннъ, что конечно и одна необходимость жизненныхъ отношеній могла бы служить оправданіемъ существованія церковнаго суда, но дѣло въ томъ, что объ его учрежденіи было специальное установленіе Іисуса Христа. Именно въ Мѡ. 18, 15—19; это мѣсто Евангелія и есть доказательство карающей власти Церкви и основаніе для ея употребленія и историческаго развитія. Власть эта дана „вамъ", т. е. ученикамъ Его, слушавшимъ Его рѣчь; Онъ и указаль этимъ, кто долженъ употреблять власть судебную и извергать изъ Церкви, съ указаніемъ, что судъ этотъ будетъ имѣть силу передъ Божіимъ Престоломъ. Что здѣсь рѣчь идетъ не о судѣ надъ внутренними помыслами и настроеніями, подлежащими внутреннему покаянному суду Церкви, а о судѣ надъ внѣшними, общественными отношеніями внутри Церкви, вытекаетъ изъ текста, ибо рѣчь идетъ о дѣяніи противъ брата, о средствахъ примиренія, о свидѣтеляхъ; на лицо всѣ элементы формальнаго суда: истецъ, обвиняемый, судьи, совѣщанія, приговоры, исполненіе, число свидѣтелей (2 или 3) суть заимствованія изъ Еврейскаго права (Втор. XIX, 15), гдѣ это было необходимымъ условіемъ дѣйствительнаго судебного приговора. Тѣсная связь слова Спасителя о дарованіи власти вязать и рѣшить съ предыдущими словами о необходимости предварительнаго увѣщанія выражена соединительной частицей „бо" (Мѡ. 18, 17, 18); такимъ образомъ, все судопроизводство поставлено въ связь съ полномочіями власти вязать и рѣшить, и право формальнаго суда поставлено не отдѣльно въ видѣ отдѣльной функціи особаго полномочія, а объ функціи совершенія таинства покаянія и формальнаго суда выставле-

ны, какъ двѣ между собой связанныя формы проявленія одного полномочія церковной власти; къ тому же *forum externum* и *forum internum* Церкви не различались до среднихъ вѣковъ.

Церковный судъ надъ священнослужителями.

Что касается церковнаго суда надъ служителями Церкви, то для него классическимъ мѣстомъ является изъ I Посланія Ап. Павла къ Тимофею V гл. 19-21. Здѣсь опредѣленно говорится, кому Апостоль вручаетъ власть судебную въ Церкви надъ служителями Церкви: не собранію пресвитеровъ, не свѣтской власти, а Тимофею — Епископу. Епископъ и есть богоустановленная власть въ судныхъ дѣлахъ для членовъ Іерархіи. О примѣненіи Епископами карательной власти Церкви вообще надъ вѣрующими говорится въ Посланіи 1 Кор. V, 3—5, гдѣ кровосмѣсникъ предается сатанѣ во изможденіе плоти.

Такъ Еп. Іоаннъ устанавливаетъ принципъ, что источникъ церковной судебной власти лежитъ не внѣ Церкви, не данъ ей извнѣ какой либо чуждой властью, хотя бы государственной, а связанъ съ самой природой Церкви и данъ ей ея Основателемъ.

Не только въ происхожденіи, но и въ дѣятельности своей судъ въ сферѣ, подлежащей церковной власти, является вполнѣ самостоятельнымъ, какъ и государственный судъ въ сферѣ государственной.

Взгляды на церковный судъ въ цезарепапистской теоріи Суворова, Каптерева.

Цезарепапистская теорія отвергаетъ самостоятельность церковной юрисдикціи, ограничивающей компетенцію государственнаго суда, и видитъ въ церковномъ судѣ лишь дисциплинарный судъ, стоящій внѣ публичнаго строя, который разсматриваетъ только явленія, относительно коихъ опредѣленія даетъ только церковное общество, или же которыя Церковь разсматриваетъ съ своей особой точки зрѣнія. Собственно же юрисдикцію Церковь получаетъ, по Суворову, отъ государства. „Церковная юрисдикція, говоритъ онъ, означаетъ извѣстную сумму судебныхъ правомочій, выдѣленную государствомъ изъ его собственной государственной судебной компетенціи и перенесенныхъ имъ на Церковь, при чемъ церковный судъ, въ предѣлахъ этихъ правомочій, дѣйствуетъ въ качествѣ государственнаго суда, замѣняя его, и слѣдовательно умаляя и ограничивая компетенцію государственныхъ судебныхъ органовъ, такъ что по нѣкоторымъ предметамъ государство совсѣмъ не осуществляетъ своей юрисдикціи черезъ свои свѣтскіе судебные органы, перенося это

осуществленіе на Церковь, а эта послѣдняя, вѣдая предоставленнымъ ей государствомъ дѣломъ, рѣшаетъ ихъ съ послѣдствіями для государственной жизни" („Объемъ дисц. суд. въ періодъ Всел. Соб.", стр. 5). Совершенно въ соотвѣтствіи съ этимъ воззрѣніемъ и проф. **Каптеревъ** считаетъ, что въ Московскомъ государствѣ высшая церковная власть принадлежала царю, и онъ ее осуществлялъ черезъ посредство Церковныхъ Соборовъ и Патріарховъ подобно тому, какъ власть государственную осуществлялъ при помощи Боярской Думы и другихъ государственныхъ учреждений, какъ онъ показываетъ въ своей статьѣ „Московскій царь и Церковные Соборы XVI и XVII вѣка" (Бог. Вѣст. 1896, 2, 3).

Недопустимость низведенія Церкви до положенія частной корпорации.

Означенное низведеніе Церкви до полной зависимости отъ государства, подобно частной корпорации, которое мы видимъ у проф. Суворова, въ родѣ ученой, промышленной и др., неприемлемо для Православной Церкви, которая не зависитъ въ своемъ существованіи отъ государства. Если частная корпорация нуждается для своего существованія въ покровительствѣ и защитѣ государства, ибо обязана государству самымъ своимъ существованіемъ, то цѣль Церкви, какъ Божественнаго учрежденія и царства не отъ міра сего, — стоятъ рядомъ съ государствомъ, царствомъ отъ міра сего; она никогда не сможетъ сливаться ни съ однимъ союзомъ отъ міра сего, будетъ ли то семья, общество или государство; она имѣетъ цѣль и задачу совершенно самостоятельную отъ всѣхъ другихъ союзовъ. Какъ государству принадлежитъ судебная власть въ своей сферѣ, такъ и Церкви въ подлежащей ей компетенціи сферѣ. Такъ было и въ первые три вѣка существованія Церкви, такъ осталось и послѣ, когда государство признало Церковь принципиально, не покушаясь на ея самостоятельный судъ, законодательство и управленіе. Воззрѣніе на Церковь, какъ на частную корпорацию, корпорацию единомысленныхъ людей, **неприемлемо для Православной Церкви, самодовлѣющей въ своемъ существованіи**; оно допустимо лишь при протестантскомъ понятіи о Церкви, исключаящемъ іерархію и не признающемъ особой благодати священства съ вытекающими изъ нея правами юрисдикціи. При протестантскомъ воззрѣніи на Церковь, какъ на частную ассоціацію, послѣдняя исчезаетъ въ государствѣ и не можетъ ему противопоставляться, какъ параллельная организація, отъ него независимая въ своемъ юридическомъ происхожденіи и

существованіи. Історія свідѣтельствуєть, що въ первые же вѣка христіанства въ Церкви существовалъ самостоятельный судъ, который совершался особыми лицами, имѣющими іерархическую благодать, Апостолами и ихъ преемниками, что этотъ судъ совершался по особымъ нормамъ права съ примѣненіемъ особыхъ наказаній, что эти нормы вытекали изъ природы Церкви, какъ Божественнаго учрежденія, а не даны императорами язычниками, что Епископы судили въ силу той же власти, какъ и Апостоль Павелъ, говорившій: „Дѣйствую въ силу власти, данной мнѣ Господомъ“.

Въ то время не могло быть и рѣчи о сліяніи Церкви съ государствомъ, но и тогда церковный судъ не былъ въ значеніи дисциплинарнаго суда частной корпораціи, ибо Церковь сама стояла подлѣ государства, какъ такой же самостоятельный организмъ, какъ государство, и судъ церковный стоялъ параллельно суду государственному. Также и при христіанскихъ императорахъ церковный судъ по церковнымъ дѣламъ продолжалъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, и высшимъ органомъ его признавался Соборъ. Къ области самостоятельной церковной юрисдикціи отнесены были всѣ вопросы о предметахъ вѣры, христіанской морали и всѣ тѣ церковныя права, которыя вызваны къ бытію, созданы Церковью на почвѣ церковныхъ отношеній, и которыя даются и отнимаются Церковью подъ условіями, ею самой опредѣляемыми. Всѣ лица, принадлежавшія къ Церкви, вмѣстѣ съ самимъ императоромъ подлежали ея суду. Факты історіи вполнѣ подтверждаютъ, что Церковь и при вліянніи на нее государства въ эпоху союза Церкви и государства сохранила самостоятельный судъ.

Судъ Церкви на Вселенскихъ Соборахъ.

III и IV Вселенскіе Соборы выступали въ качествѣ верховныхъ судей между Епископами. На этихъ процессахъ присутствовали императорскіе комиссары, но они не вмѣшивались въ постановленія судебного приговора. Когда звали Діоскора на судъ, и тотъ отказался идти, въ виду отсутствія императорскихъ комиссаровъ, то посланные ему сказали: „Теперь идетъ каноническій судъ, изслѣдуется каноническій вопросъ о вѣрѣ; какъ скоро такое изслѣдованіе начато, то въ немъ не могутъ участвовать ни свѣтскій чиновникъ, ни вообще міряне. Если комиссары иногда и обращались къ Собору съ разными соображеніями, то рѣшеніе всегда зависѣло только отъ Собора, который могъ принять ихъ и отвергнуть. Такъ комиссары на

IV Вселенскомъ Соборѣ въ спорѣ между двумя Епископами высказали свои соображенія, но прибавили: „Впрочем, все предоставляемъ Святому Собору, пусть онъ даетъ по этому дѣлу рѣшеніе какое угодно“. Комиссары лишь заботились о томъ, чтобы Соборъ соблюдалъ всѣ юридическія формы судопроизводства, чтобы и государственная власть могла содѣйствовать приведенію его въ исполненіе и своей властью.

Тезисъ Суворова, что императоръ былъ высшимъ судьей въ судѣ по церковнымъ дѣламъ, даже по чисто духовнымъ основанъ на обобщеніи тѣхъ случайныхъ уклоненій отъ признанной нормы и объясняется тѣми же пережитками языческой имперіи, которыя приводили къ злоупотребленіямъ императоровъ въ церковномъ управленіи. И также, какъ тамъ, такія вторженія встрѣчали протестъ Епископовъ. **Иларій Пуатьескій** писалъ Констанцію по поводу его покровительства Аріанамъ: „Да попечется и опредѣлитъ милость твоя, чтобы повсюду и всѣ судьи, которымъ ввѣрено управленіе провинціями, и которые обязаны имѣть попеченіе и наблюдать за дѣлами только общественными, не касались того, что относится къ области религіи, и впредь не только не присвоили себѣ права, но и не думали, что могутъ судить клириковъ" (Заозерскій „Церковный судъ". 123-124).

О судѣ Епископовъ по гражданскимъ дѣламъ.

Обращаясь къ тому суду церковному, который можно назвать судомъ Епископовъ по гражданскимъ дѣламъ, надо замѣтить, что въ этой сферѣ Церковь не можетъ имѣть самостоятельной юрисдикціи. Самъ Спаситель (Лук. XI 13, 14) отказался быть судьей по вопросу о дѣлежѣ имущества, сказавъ: „Кто поставилъ Меня судить васъ"? Этотъ судъ по гражданскимъ дѣламъ, не имѣя Божественнаго установленія, требовалъ установленія полномочій отъ законной свѣтской власти или общаго желанія тяжущихся обратиться къ суду посредника. Апостоль Павелъ въ первомъ Посланіи къ Кор. въ VI, 1-5 энергично порицалъ Коринѣскихъ христіанъ за то, что они въ своихъ тяжбахъ обращаются къ язычникамъ, рекомендуя изъ своей среды выбирать челоуѣка, который могъ бы разсудить между братьями. Это было той основой, на которой богато расцвѣлъ третейскій судъ Епископовъ по гражданскимъ дѣламъ еще въ первые вѣка, когда языческій судъ былъ далекъ отъ вліянія христіанскаго духа, когда отъ христіанъ нерѣдко запрещалось принимать иски въ судахъ. Иногда Соборы (Африканскій) просто запрещали обращаться къ языческимъ

судамъ, и естественнымъ судьей въ христіанскомъ обществѣ являлся Епископъ. Епископы могли для этого въ помощь выбирать себѣ пресвитеровъ и мірянъ, оставляя за собой право окончательнаго приговора. Когда при Константинѣ Великомъ государство признало христіанство господствующей религіей, оно поступило своимъ абсолютизмомъ и предоставило религіозныя дѣла Церкви. Преемники Константина подтверждали юрисдикцію Церкви въ церковныхъ дѣлахъ особыми законами. Законъ Θεодосія Великаго запрещалъ свѣтскимъ судьямъ касаться церковныхъ дѣлъ, подлежащихъ Епископской власти. Законъ Валентиніана III шелъ дальше, говорилъ, что непристойно, чтобы отправляющіе Божественную должность подчинялись рѣшеніямъ свѣтскихъ властей. Это положеніе получило дальнѣйшія подтвержденія въ новеллахъ Юстиніана и признано въ Василикахъ. Такъ наряду съ собственно церковнымъ судомъ получилъ императорскую санкцію и посредническій судъ Епископовъ, хотя внѣшнія причины, содѣйствовавшія его развитію, съ признаніемъ христіанства прекратились. Но онъ остался, благодаря своимъ внутреннимъ достоинствамъ — большой простотѣ и нравственнымъ качествамъ. Законъ 321 г. разрѣшилъ всякому переносить дѣло въ Епископскій судъ по соглашенію съ противной стороной, хотя бы дѣло слушалось въ гражданскомъ судѣ, а другой послѣдующій законъ разрѣшилъ переносить дѣло въ Епископскій судъ, даже при нежеланіи другой стороны. **Эти то законы Суворовъ считаетъ первымъ началомъ дѣйствительной церковной юрисдикціи, которая, по его ученію, развилась изъ примирительнаго церковно дисциплинарнаго суда Епископовъ при языческой имперіи.** Но церковная юрисдикція, какъ мы видѣли, существовала до Константина Великаго, и государство, признавъ Церковь, признало и ея юрисдикцію, запретивъ своимъ чиновникамъ вторженіе въ ея сферу. Къ тому же эта юрисдикція Епископовъ по гражданскимъ дѣламъ явилась юрисдикціей добавочной, не существенной для Церкви. Она выработалась изъ посредническаго суда Епископовъ, какъ постоянная судебная дѣятельность Епископовъ съ двумя важными привилегіями: 1) на судъ Епископа не допускалась апелляція и 2) онъ считался какъ бы исходящимъ отъ императора и имѣлъ безусловную силу; но эта юрисдикція всегда сознавалась несвязанной съ существомъ Церкви и потому постепенно ограничивалась императорами, тогда какъ юрисдикцію по чисто церковнымъ дѣламъ императоры только подтверждали; Епископы защищали отъ вторженія свѣтской

власти основную церковную юрисдикцію, какъ основанную на Божественномъ правѣ, и считали другую по гражданскимъ дѣламъ по существу чуждой церковной власти. Измѣненія, которыя постигали посредническій епископскій судъ, нисколько не затрагивали собственно церковный судъ. Таковъ циклъ возраженій, противопоставленныхъ Суворову теоріей Пр. Іоанна Смоленскаго.

О церковномъ судопроизводствѣ.

Что касается судопроизводства въ собственно церковномъ судѣ, то зерномъ для него послужили указанія Самого Спасителя, когда Онъ научалъ Своихъ учениковъ исправлять согрѣшающаго брата, сначала наединѣ, потомъ при 2 и 3 свидѣтеляхъ, а потомъ повѣдать дѣло Церкви. Тѣ же самые элементы судопроизводства, которые въ простой и общей формѣ заключены въ поученіи, помѣщенномъ въ гл. 18 Мѣ. 15—18, болѣе подробно развиты въ I Посл. къ Тим. V, 19 и 1 Кор. V, 1-6). Впослѣдствіи, въ Апостольскихъ правилахъ, на Вселенскихъ Соборахъ церковный судъ сдѣлался предметомъ регламентаціи со стороны устройства и организаціи не только въ отношеніи самыхъ существенныхъ сторонъ (порядокъ инстанцій, общій порядокъ движенія дѣла, основанія подсудности, требованія для обвинителя и свидѣтеля по церковному дѣлу), но они ничего не постановили о частностяхъ (о порядкѣ привлеченія къ суду, о производствѣ дознанія, о допросахъ, о доказательствахъ и проч.). Недостающія нормы Церковь восполняла изъ Римскаго свѣтскаго суда; эти заимствованія, сближая каноническій судъ съ судомъ государственнымъ, не измѣняли его основного характера, какъ суда особаго, отличнаго по происхожденію, задачи и цѣли отъ суда государственнаго; тѣмъ болѣе, что всѣ существенные элементы судебного процесса были регламентированы самой Церковью. Если бы императоръ считался высшимъ судьей, то какъ могли бы Отцы Второго Вселенскаго Собора постановить въ 6 правилѣ: „Аще кто дерзнетъ презрѣвъ вышеустановленное, или слухъ царскій утруждать, или суды мірскихъ начальниковъ, или Вселенскій Соборъ беспокоить въ оскорбленіе чести всѣхъ Епископскихъ областей: таковый отнюдь да не будетъ пріемлемъ со своей жалобой, яко нанесшій оскорбленіе правиламъ и нарушившій церковное благочиніе". XII Антиохійское правило гласитъ: „Аще же сихъ (т. е. Соборъ множайшихъ Епископовъ) пренебрегши царю стужати будетъ, таковый не достаивается

никакого прощенія, да не будетъ мѣста его защищенію, и да не имѣетъ онъ надежды возстановленія".

**Основная ошибка проф. Суворова въ его цезарепапистской теоріи.
Пр. Заозерскій.**

Объ основной ошибкѣ метода проф. Суворова говоритъ **Заозерскій** въ статьѣ „Нѣмецкій духъ въ русской наукѣ церковнаго права": „Суворовъ устраняется отъ сферы каноническихъ юридическихъ источниковъ. Онъ почти не обращается къ канонамъ и къ Византійскому гражданскому законодательству для уясненія принциповъ, на коихъ основывалось устройство Церкви и отношеній къ ней государства и его главы императора. Онъ вращается въ сферѣ частной дѣятельности императоровъ, Патріарховъ и т. д. Онъ любитъ ссылаться на факты, личныя воззрѣнія иныхъ императоровъ, даже на воззрѣнія частныхъ лицъ — теоретиковъ, канонистовъ среднихъ вѣковъ Византіи. Но развѣ для историка-юриста важнѣе фактическое уклоненіе отъ нормы, эти эксцессы, чѣмъ самыя нормы, идеи и принципы, ясно возвѣщенные законодательствомъ? Зачѣмъ же Суворовъ обходитъ совершенно принципы, гражданского греко-римскаго права и занимается перепиской императоровъ, біографіями и случайной дѣятельностью ихъ, показаніями разныхъ писателей, историковъ, и на основаніи этого матеріала выдумываетъ принципы и выдаетъ ихъ за принципы и идеи, завѣщанные яко бы исторіей?" Основаніемъ для признанія высшей церковной власти за императоромъ Суворовъ выдвигаетъ не Божественное право, какъ католики для Папы въ видѣ преемства Апостолу Петру, получившему якобы отъ Спасителя свое высшее надъ всѣми Апостолами право, а историческую давность осуществленія власти. Однако при давности права требуется извѣстная качественная цѣнность этого права, а самъ же Суворовъ признаетъ, что Византійскіе императоры облакали осуществленіе своей высшей церковной власти въ форму эксцессовъ, рѣдко доходили до яснаго и спокойнаго сознанія принадлежащей имъ по праву церковной власти, дѣйствуя скорѣе по традиціи греческихъ императоровъ, чѣмъ въ силу сознанія принципа христіанской императорской власти. Тѣмъ менѣе могли быть проникнуты идеей высшей власти въ Церкви Московскіе цари, не имѣвшіе за собой историческаго прошлаго Римской имперіи, болѣе открытые религіозно нравственному вліянію, чѣмъ Римскіе цезари, и болѣе склонные, чѣмъ эти послѣдніе, производить свои дѣйствія изъ чувства нравственнаго долга и обязанности, внушаемой духовной іерархіей. Но, если императоры осу-

ществляли по ихъ сознанію традиціи языческой имперіи, а не высшую церковную власть, то для послѣдней и не начиналось теченія давности, ибо для давности необходимо сознаніе осуществленія именно той самой власти, которая аспирируется; кромѣ того требуется для пріобрѣтенія по давности безспорность владѣнія, а покушенія императора на вмѣшательство въ чисто церковныя дѣла оспаривали Патріархи Константинопольскіе, стоя всегда на стражѣ правъ Церкви. Самый срокъ давности захвата высшей церковной власти Заозерскій допускаетъ исчислять только съ Петра Великаго, который заставилъ Епископовъ присягать себѣ, какъ „Крайнему Судіи“, когда наступило время, что „Императоры, какъ высшая церковная власть, озабоченная правильнымъ удовлетвореніемъ церковныхъ потребностей и правильнымъ разрѣшеніемъ церковныхъ дѣлъ, настаивали на безотлагательномъ изданіи исправленнаго славянскаго перевода Библіи и дѣлали выговоръ Синоду за рѣшеніе дѣлъ не по канонамъ, а по произвольнымъ соображеніямъ, обращаясь къ Синоду съ повелѣніями наравнѣ съ разными государственными учрежденіями“ (Сув. I, 151).

Непріемлемость цезарепапистской теоріи.

Въ этомъ пунктѣ и есть центръ тяжести теоріи цезарепапизма — въ усвоеніи царю высшей церковной власти, не просто духовной должности, которая въ видѣ священнаго чина депутата (въ родѣ дьякона) предоставлялась Церковью въ Византіи, а именно неограниченной власти съ восхищеніемъ на себя и высшей власти церковной, по традиціи совмѣщенія съ титуломъ императора титула понтифексъ максимуса. Здѣсь и корень ошибки. **Власть императора въ церковныхъ дѣлахъ и по источнику, и по характеру всегда остается властью государственной, а не церковной, императоръ не получаетъ даровъ благодати ученія, священнодѣйствія и пастырства, и потому не можетъ имѣть права законодательства, управленія и суда въ Церкви, вытекающихъ именно изъ благодатныхъ полномочій епископата.** Въ актѣ мѣропомазанія и коронованія на монарха призывается сугубая благодать для осуществленія той власти на управленіе государствомъ, которую онъ получаетъ помимо Церкви черезъ актъ наслѣдованія. **Основывая Церковь, Иисусъ Христосъ не давалъ ей полномочій ставить ни королей, ни мірскихъ начальниковъ, а воздавать Кесарево Кесарю.** Давая царю особыя права въ Церкви, въ родѣ права вхожденія въ царскія вра-

та и приобщенія Святыхъ Даровъ по священническому чину, Церковь приобщаетъ его къ священному чину, подобному дьяконскому, но отсюда далеко до признанія тѣхъ правъ на управленіе Церковью, которыя вытекаютъ изъ правъ на ученіе, священнодѣйствіе и пастырство, которое дано Спасителемъ Апостоламъ и ихъ преемникамъ — Епископамъ. Въ этомъ не можетъ быть никакого униженія царской власти, ибо носитель ея остается верховнымъ властителемъ въ дѣлахъ мірскихъ и приобщается къ чину церковному, какъ бы въ признаніе задачи православнаго царя, которая лежитъ на немъ, по воцерковленію его царства, къ приобщенію этого царства къ порядку высшему въ духовномъ смыслѣ.

Ученіе о превосходствѣ духовной власти и различные виды этого ученія. Различіе православнаго ученія отъ католической теоріи.

Отсутствіе предпосылокъ для симфоніи въ ультрамонтанскомъ и протестантскомъ построеніи.

Дальнѣйшее раскрытіе теоріи симфоніи. Идея верховенства порядка церковнаго надъ государственнымъ.

Мы привели много текстовъ изъ твореній Іоанна Златоуста, касающихся сравненія властей свѣтской и духовной, и могли видѣть, что это сравненіе сдѣлано въ смыслѣ духовномъ, въ смыслѣ большой высоты задачъ Церкви по сравненію съ государствомъ, то предпочтеніе имъ отдано Церкви и власти священнической, ибо власть прощать грѣхи выше духовно, въ глазахъ Златоуста, въ сравненіи съ властью распоряжаться земной участію людей. Признавая духовное верховенство Церкви, какъ союза ведущаго къ спасенію людей, передъ царствомъ, имѣющимъ первой цѣлью благоустройство земного порядка, мы этимъ нисколько не ставимъ Церкви, поскольку она приобрѣтаетъ земную оболочку юридическаго союза, выше государства въ юридическомъ смыслѣ. **Однако, поскольку государство признаетъ себя православнымъ, оно должно признавать Церковь во всѣхъ ея существенныхъ правахъ, вытекающихъ изъ ея природы, и получать отъ Церкви руководящую идею и смыслъ своего существованія и добровольно подчинять себя этой идеѣ. Эта идея и выражена въ теоріи симфоніи въ ея православномъ пониманіи.** Установивъ различіе двухъ властей, ихъ самостоятельность и принципиальную взаимную независимость, при обязательно-

сти союза между ними, указавъ принципъ для разграниченія компетенціи, надо остановиться на значеніи верховенства порядка церковнаго надъ порядкомъ государственнымъ при наличіи взаимной независимости. Въ католической системѣ, при иномъ пониманіи духовной власти, теорія симфоніи можетъ въ ультрамонтанскомъ ея вариантѣ дать совершенно иныя отношенія Церкви и государства, но, пока мы помнимъ, что власть духовная по содержанию своему есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ власть свѣтская, означенная угроза подавленія носителемъ церковной власти носителя власти свѣтской, совершенно отсутствуетъ. Есть всегда обратная опасность — засилія государства, какъ учрежденія, обладающаго силой матеріальной.

Разрѣшая вопросъ о распредѣленіи полномочій Церкви и государства съ точки зрѣнія права Божественнаго, мы стремились установить собственную сферу Церкви, гдѣ она самостоятельна, гдѣ христіанское государство, призванное къ сотрудничеству съ Церковью, не можетъ выступать безъ ея согласія. **Мы слѣдовали методу опредѣленія именно правъ Церкви, ибо ея основныя права основаны на непосредственномъ Божественномъ полномочіи и потому обязательны для государства христіанскаго, обязаннаго признавать всю систему Церкви безъ ограниченія.**

Эта сфера, принадлежащая Церкви по ея природѣ, по существу отлична отъ сферы государства и составляетъ ея достояніе, независимое отъ государства: это — сфера ученія, священнодѣйствія и пастырства и связанные съ ними функціи законодательства, управленія и суда во внутреннемъ форумѣ Церкви. Противъ этого положенія нисколько не говоритъ посл. къ Рим. XIII, 1, ибо текстъ этотъ не говоритъ о подчиненіи церковнаго порядка порядку государственному, а о подчиненіи лицъ свѣтскимъ властямъ, призывая подчиняться властямъ въ сферѣ ихъ юрисдикціи, и, если въ сферѣ господства свѣтской власти всякій долженъ повиноваться ея приказу, то это не исключаетъ существованія другой сферы, духовной, гдѣ преимущество принадлежитъ не свѣтской власти, а духовной, которой подчинены въ духовномъ порядкѣ сами свѣтскіе начальники. Примѣры того мы видимъ въ Византійской имперіи, когда Патріархи налагали церковныя отлученія на императоровъ, не затрагивая тѣмъ ихъ свѣтскихъ правъ и подчиняясь имъ въ порядкѣ свѣтскомъ. Наличность двухъ равноправныхъ порядковъ не уничтожаетъ вопроса о томъ, который изъ нихъ выше и который долженъ служить при соприкосновеніи руководствомъ для другого. Вопросъ этотъ касается

въ сущности не той сферы, которая по природѣ своей принадлежитъ Церкви и потому подлежить и при союзѣ Церкви съ государствомъ, рѣшающему голосу Церкви, и не той, которая по природѣ своей принадлежитъ государству, и потому подлежить рѣшающему голосу государства, а той, къ которой и Церковь, и государство являются одинаково причастными по существу, и потому какъ бы равноправными (напримѣръ: бракъ, образованіе и т. п.). Именно здѣсь и сказывается особенно преобладаніе того или другого порядка; теорія симфоніи, исходящая изъ признанія различія, самостоятельности и независимости двухъ порядковъ, не можетъ не отдавать предпочтенія порядку духовному, предпочтенія, не идущаго однако до юридическаго подчиненія, а предпочтенія, выражающаго лишь признаніе духовнаго руководства Церкви. Міръ призывается въ возможной для него степени быть причастникомъ высшей жизни, и человѣкъ призывается быть проводникомъ истинной жизни для всего міра во всѣхъ областяхъ мірской жизни, во исполненіе увѣщанія Апостола къ христіанамъ: „Ѣдите-ли, пьете-ли, или иное что дѣлаете, все дѣлайте во славу Божию" (I Кор. 10, 31), т. е. не забывая главной задачи — спасенія. Теорія симфоніи обращается къ государству, какъ бы съ призывомъ — въ порядкѣ человѣческомъ юридически ограничить себя въ пользу идей другого правопорядка, съ духовной точки зрѣнія качественно высшаго.

О недопустимости качественного уравниванія государства и Церкви.

Церковь есть царство, непосредственно установленное Богомъ и охватывающее всѣхъ вѣрующихъ людей, основанное на вѣчныхъ неизмѣнныхъ законахъ, имѣющее цѣлью вѣчное счастье людей, а государство есть царство людей, заключенныхъ въ болѣе ограниченныхъ предѣлахъ, различно устроенныхъ и имѣющихъ первой цѣлью земное благоустройство людей; оно есть учрежденіе, созданное непосредственно людьми. Полное равенство недопустимо между царствомъ человѣческаго установленія, ограниченнымъ въ пространствѣ и времени, и царствомъ, въ идеѣ всеобщимъ, неограниченнымъ ни во времени, ни въ пространствѣ; недопустимо съ церковной точки зрѣнія признавать равенство между цѣлью, ограничивающей земнымъ счастьемъ людей, и цѣлью поднять ихъ до раздѣленія на небесахъ въ царствѣ Іисуса Христа. Хотя власть государства — отъ Бога въ порядкѣ Божественнаго Промысла, но власть Церкви установлена Богочеловѣкомъ непосредственно и уже потому выше первой; но ес-

ли бы она и была установлена также непосредственно, — каѳоличность, верховенство цѣли власти духовной повышало бы ее качественно надъ властью свѣтской. Эта цѣль даетъ регулятивный принципъ для опредѣленія превосходства одной власти надъ другой. Съ точки зрѣнія Божественнаго права свѣтская власть, независимая и суверенная въ своей сферѣ, не можетъ не подчинить своей цѣли цѣли Церкви; цѣль государства — внѣшнее благоустройство человѣческаго рода соподчиняется высшей цѣли — вѣчнаго блаженства, къ которому ведетъ Церковь черезъ посредство своихъ Божественныхъ полномочій. Вотъ почему Св. Іоаннъ Златоустъ говорилъ: „Духовная власть Церкви поднимается надъ свѣтской болѣе, чѣмъ небо надъ землей". Вотъ почему восклицаетъ одинъ изъ знаменитыхъ людей: „Какой христіанскій король на смертномъ ложѣ не требуетъ смиренно поддержки и помощи священника, но никто въ этотъ моментъ не проситъ помощи царя".

О подчиненіи царя суду церковному.

Царь не можетъ быть отцомъ Церкви, но ея сыномъ. Онъ призывается любить Церковь, какъ мать, больше, чѣмъ свою природную мать, ибо одна дала ему погибающее тѣло, а Церковь порождаетъ его къ безсмертной жизни и дѣлаетъ наслѣдникомъ Христу. „Остерегайтесь, князья земли, блуждать въ чувствѣ вашего величія. Богъ одѣлъ васъ властью чисто свѣтской, порядка низшаго по отношенію къ той, которой облечена Церковь, и оставляетъ васъ подъ своимъ авторитетомъ, какъ послѣдняго изъ вашихъ подданныхъ. Этотъ авторитетъ — одинъ для всѣхъ безъ отношенія къ социальнымъ условіямъ". Цари и подданные ихъ подчинены Божественнымъ канонамъ Церкви, и, когда они ихъ нарушаютъ, Церковь призвана ихъ судить; для нихъ на небѣ нѣтъ особой юстиціи. Во Второзаконіи 1, 17 написано: „Ты будешь судить великаго, какъ малаго". Цари, какъ индивидуумы, духовно подчинены тѣмъ, кто имѣетъ духовную власть вязать и рѣшить, т. е. своему духовнику. Но и, какъ держатели свѣтской власти, какъ христіанскіе государи, они имѣютъ миссію содѣйствовать высшей цѣли человѣческой жизни. Церковь получила отъ Бога право и власть предписывать людямъ законы и правила, соблюденіе которыхъ она ставитъ условіемъ достиженія высшей духовной цѣли; гражданская власть не можетъ, не игнорируя высшихъ цѣлей человѣческой жизни, освобождать себя отъ признанія ихъ за Церковью. Государь христіанскій, принимая христіанство, какъ Божій за-

конъ, принимаетъ и связанность совѣсти этимъ закономъ. Онъ признаетъ церковную власть, какъ непосредственно установленную Богомъ, и ея законъ признаетъ высшимъ руководствомъ для своихъ подданныхъ. Христіанскій разумъ говорить государю, что соціальное счастье должно подчиниться высшему благу — вѣчному счастью; онъ не можетъ быть вѣренъ этому принципу, какъ человекъ, и не вѣренъ, какъ государь; какъ человекъ обнаруживать добродѣтели и, какъ государь, игнорировать Божескіе законы. Недостаточно личной справедливости для государя, онъ призывается и управлять по справедливости, и сообразоваться съ предписаніями Церкви во всемъ, что имѣетъ отношеніе къ ея цѣли, и къ Божественному ея установленію, ради земного и духовнаго блага его подданныхъ.

Папа Геласій писалъ императору Анастасію: „*Ouapropter sub conspectu Dei pure ac sincere pietatem tuam deprecor exhortor, ut petitionem meam, non indignanter accipias. Rogo, inquam, ut me in hac vita potius audias deprecantem, quam (quod absit) in divino iudicio sentias accusantem... Optasti seniper fieri particeps promissionis aeternae. Quopropter noli, preeor, irasci nihi, si te tantum diligo ut regnum quod temporaliter assecutus es, velim te habere perpetuum et qui imperaa saeculo possis regnare cum Christo... Non sint gravia, quaeso te, quae pro tuae salutis aeternitate dicuntur*"¹.

Онъ не можетъ повелѣвать противное божескому закону, ибо это означало бы, говорить Златоустъ (на Мѡ. 22, 21), отдавать демону принадлежащее Богу; и, такъ какъ его подданные должны предпочитать Божественныя предписанія волѣ свѣтской власти, то на его обязанности лежитъ отмѣнить государственный законъ, когда онъ противорѣчитъ ученію Церкви. Государь не можетъ, ссылаясь на свое качество государя, освободить себя отъ отвѣтственности въ отношеніи къ суду Церкви, которая сохраняетъ всегда права увѣщать и порицать свѣтскихъ властителей за погрѣшеніе нравственнаго и церковнаго закона. Безъ этого права Церковь не могла бы выполнять своей просвѣтительной миссіи; ея вліяніе было бы аннулировано, и принципъ безграничной власти государя былъ бы разрушителенъ для

¹ "Вслѣдствіе этого предъ очами Божиими искренно умоляю и увѣщаваю твое благочестіе не принимать съ негодованіемъ мою мольбу. Прошу тебя предпочитать видѣть меня обращающимся къ тебѣ въ этой жизни съ мольбой, чѣмъ обвиняющимъ на Божественномъ судѣ... Ты всегда хотѣлъ быть участникомъ Божественнаго обѣтованія. Потому, умоляю, не гнѣвайся на меня, если я по любви къ тебѣ хочу, чтобы ты имѣлъ вѣчнымъ то царство, которое получилъ на землѣ и, преодолевая вѣкъ сей, могъ царствовать со Христомъ... Не тяжело, вѣдь то, что говорится ради вѣчнаго твоего спасенія".

той цѣли, которую установилъ Богъ для Своей Церкви — вести людей къ спасенію.

О невозможности католическаго клерикализма при православномъ пониманіи симфоніи.

Теорія симфоніи принята, какъ руководящая система, одинаково не только въ православномъ міросозерцаніи, но и въ католическомъ, однако тамъ она пріобрѣтаетъ совершенно другой смыслъ и въ теоріи, вслѣдствіе другого ученія о власти духовной, и на практикѣ вслѣдствіе возведенія одной Помѣстной Римской Церкви на степень Вселенской, а ея видимаго предстоятеля на степень единственнаго депозитарія и источника благодати Святаго Духа. Опасность католическаго клерикализма устраняется для православнаго уже тѣмъ, что государь православнаго государства имѣетъ передъ собой Церковь не въ видѣ неограниченнаго и единоличнаго властелина Церкви — Папы, а лишь высшаго предстоятеля своей Помѣстной Церкви, ограниченнаго не только Соборомъ Іерарховъ своей Помѣстной Церкви и другими Помѣстными Церквами, но и основными канонами Церкви, не подлежащими измѣненію безъ Вселенскаго Собора. Самое понятіе развитія догматическаго и каноническаго, какъ оно допускается въ Западной Церкви, совершенно чуждо Православной Церкви, идея которой — соблюденіе установленныхъ догматовъ и духа древнѣйшихъ каноновъ; а черезъ это устраняется и возможность нарастанія въ нѣдрахъ Церкви учрежденій, представляющихъ угрозу для свѣтскаго суверенитета государства.

Объ этомъ противопоставленіи Православнаго и Католическаго ученія въ отношеніи догматовъ говоритъ Бѣляевъ въ книгѣ „О католицизмѣ“, стр. 22—65: „Идея догматическаго развитія, присущая издавна католицизму, проявлялась тамъ издавна, но ясно формулирована впервые кардиналомъ Ньюманомъ. Согласно этой теоріи, Церковь имѣетъ власть не только расширять свои вѣроопредѣленія посредствомъ отрицанія, но развивать самую вѣру посредствомъ придачи новыхъ положительныхъ истинъ, познаніе коихъ вырастаетъ съ теченіемъ времени изъ источниковъ, заключающихся въ Св. Писаніи. Такъ и теорія папскаго верховенства могла быть нѣкогда въ видѣ дремлющаго сѣмени или неопредѣленнаго сознанія мѣстной Римской Церкви, а впослѣдствіи вылиться въ догматъ. Напротивъ Православная Церковь исходитъ изъ того, что христіанство возвѣстило истину абсолютную, навѣки неизмѣнную и не подлежащую ни поправкамъ, ни усовершенствованіямъ, что христіанское ученіе во всѣ вѣка тоже-

ственно въ своемъ содержаніи, что Церкви даровано обѣтованіе, что Духъ Святый вспомнеть преподанное Господомъ, но не дано обѣтованія новыхъ откровеній. Принципъ Преданія, котораго держится Православная Церковь, исключаетъ принципъ догматическаго прогресса. Принципъ Преданія охраняетъ сокровищницу вѣры отъ посягательствъ на ея истины и считаетъ, что вся совокупность церковныхъ догматовъ относится ко времени основанія Церкви, что задача Церкви передавать то ученіе, которое завѣщено Спасителемъ черезъ Св. Апостоловъ; прогрессъ съ этой точки зрѣнія не въ развитіи догматовъ, а въ степеняхъ усвоенія человекомъ богооткровенной истины. Этотъ прогрессъ вовсе не предполагаетъ прогресса въ объективномъ содержаніи догматовъ. Между тѣмъ по теоріи развитія прогрессъ состоитъ въ матеріальномъ приращеніи откровенныхъ истинъ. Принципъ же Преданія считаетъ, что Церкви не дано творить истину и изобрѣтать догматы, а лишь хранить ее въ неприкосновенности, что и дѣлали Вселенскіе Соборы, имѣвшіе дѣло съ истиной готовой, такъ что вѣроопредѣленіе ихъ имѣетъ не прогрессивный, а охранительный характеръ. Разъясненіе догмата на Вселенскомъ Соборѣ не прибавляло ничего къ полнотѣ церковнаго ученія, а касалось лишь выраженія той или другой истины во времени, такъ что **словесное выраженіе** истины только пріобрѣло большую точность и полноту. Формулы Соборовъ лишь ставили еретикамъ преграды въ искаженіи истины. Богооткровенная же истина сама считалась обязательной не только послѣ, но и до вѣроопредѣленія на Соборѣ". Все это мы упомянули для того, чтобы указать, что въ Православной Церкви невозможно появленіе ученій новыхъ, которыя бы поколебали основы государственной власти, и потому невозможно и то положеніе, которое случилось въ католическомъ политическомъ мірѣ предъ Ватиканскимъ Соборомъ 1870 г., когда произошелъ переполохъ среди католическихъ правительствъ, боявшихся, что новое вѣроопредѣленіе посягнетъ на самостоятельность ихъ государствъ. О переговорахъ и опасеніяхъ этого времени повѣдалъ въ своемъ сочиненіи "L'église et l'état dans le Concile de Vatican" французскій канонистъ Emile Olivier. Очень ясно опредѣляетъ различіе между Православіемъ и Католичествомъ въ отношеніи развитія догматовъ Овербекъ (Ib. 128—130): „Въ Православной Церкви нѣтъ выростанія ученія въ догматъ. Если по требованію времени нѣкоторые догматы, хотя и существовавшіе прежде, были болѣе выдвинуты на видъ, то мы не можемъ усмотрѣть въ этомъ черты развитія, такъ какъ **все содержаніе** догматовъ при

этомъ не измѣнилось. На западѣ **развиваютъ и расширяютъ** догматы: на востокѣ только констатируютъ догматы и постепенно съ теченіемъ времени и по мѣрѣ возникновенія сектъ болѣе ясными выраженіями устраняютъ новыя сомнѣнія".

Теорія симфоніи, признавая духовное превосходство Церкви надъ государствомъ, указываетъ государству цѣль, служба которой совершенно добровольно, государство находитъ свой смыслъ и назначеніе. То воздѣйствіе и руководство, которое она отводитъ Церкви, является руководствомъ чисто нравственнаго характера. Отстаивая свою самостоятельность, Церковь вовсе не вынуждаетъ У государства подчиненія своимъ указаніямъ. Такъ и понималась симфонія Церковью на востокѣ и даже на западѣ вплоть до раздѣленія Церквей. Мы приводили многочисленные цитаты изъ сочиненій и писемъ Римскихъ Папъ бывшихъ до того времени.

Измѣненіе смысла теоріи симфоніи властей въ католическомъ мірѣ (XI в.).

Но потомъ наступило время, когда въ теорію симфоніи сталъ на западѣ влагаться другой смыслъ, и даже создалась теорія, которая, подобно цезарепапизму на востокѣ, приводила въ сущности къ уничтоженію симфоніи. Послѣдняя имѣетъ своей предпосылкой признаніе двухъ юридически равноправныхъ союзовъ: Церкви и государства, и когда одинъ изъ этихъ союзовъ поглощаетъ другой, то нѣтъ и мѣста для согласованія дѣятельности этихъ союзовъ. Въ цезарепапизмѣ императорская власть становится источникомъ церковнаго законодательства и управленія и высшимъ судьей въ дѣлахъ вѣры или по крайней мѣрѣ канонѣвъ.

Католическое пониманіе теоріи симфоніи.

Въ западномъ папоцезаризмѣ исчезаетъ независимость государства. Такъ на западѣ появились теоріи XI, XII, XIII вѣка, которыя утверждали plenitudo potestatis Римскаго Папы, какъ средоточія всякой власти и всѣхъ полномочій. Эта теорія создавалась не сразу и не осталась въ католичествѣ единственной доктриной; подлѣ нея создавались теоріи другія, такъ что на ряду съ теоріями Папы Григорія VII, Иннокентія III, Бонифація VIII появлялись теоріи симфоніи, въ которыхъ папству не отводится всепоглощающей власти, но въ другихъ формахъ признается, на ряду съ духовнымъ превосходствомъ, и юридическое преобладаніе. Это превосходство принимало разные виды, выступая въ видѣ то прямой, то косвенной, то руководящей власти Папы. Въ отличіе отъ православнаго пониманія симфоніи,

католическія теоріи не ограничиваются предьявленіемъ нравственнаго требованія государству, а ставятъ надъ государствомъ Церковь съ правами матеріально принудительнаго воздѣйствія, т. е. уподобляютъ Церковь государству: это различіе огромное, ибо аннулируетъ всю заслугу государства, выражаемую въ его добровольномъ усвоеніи высокихъ задачъ и цѣлей Церкви; при католической системѣ сама Церковь воспринимаетъ въ себя матеріальныя основы и земныя цѣли государства. Эти католическія теоріи появились на западѣ въ ихъ практическимъ примѣненіи не раньше XI вѣка.

Католическая теорія прямой власти Папы.

Яркую противоположность цезарепапизму даетъ католическая теорія прямой власти Церкви, поглощая не Церковь въ государствѣ, какъ цезарепапизмъ, а государство въ Церкви. Если тамъ государственная власть присваиваетъ церковныя функціи, то въ папскомъ цезаризмѣ Церковь присваиваетъ себѣ государственныя функціи, изъ права вязать и рѣшить выводитъ право низлагать королей, право освободить подданныхъ отъ присяги королю, право распоряжаться территоріями со ссылками на легендарное дареніе Св. Константина Великаго. Расцвѣтомъ этой теоріи было время крестовыхъ походовъ, когда папство превратило царство Божіе въ гигантскую феодальную монархію съ предѣлами тамъ, гдѣ кончается католичество и наконецъ заявило претензіи на *dominum mundi* — на главенство надъ всей землей. Эта теорія подрывала ученіе о непосредственномъ происхожденіи свѣтской власти отъ Бога, поставивъ на мѣсто него ученіе о происхожденіи ея *mediante ecclesia* и нарушила принципъ равноправности власти свѣтской и духовной. Свѣтская власть выставлена, какъ изображеніе человѣческой гордыни, а короли потомками бандитовъ, захватившихъ власть надъ равными себѣ по наущенію дьявола. Борьба съ этимъ свѣтскимъ господствомъ Церкви начинается съ XIV вѣка. Въ этой папской теоріи государство совершенно растворяется въ Церкви, и въ ней рѣчь можетъ идти даже не о свѣтской власти, какъ о чемъ-то самостоятельномъ, а о свѣтской функціи, которою обладаетъ Церковь и поручаетъ ее другимъ. Папа, какъ намѣстникъ Апостола Петра, получившій яко бы отъ Іисуса Христа полноту всякой власти, осуществляетъ и высшій свѣтскій авторитетъ, хотя и не непосредственно. Обо всѣхъ этихъ правахъ высказался рядъ католическихъ писателей.

Alvarus Pelagius. Папа Григорій VII. Иннокентій III. Honorius Augusti-dondus, Hugo de St. Victor, Thomas Cantuarensis.

Alvarus Pelagius училъ: „Ecclesia Romana cuius est regna transferre et reges de suasede deponere”¹. Объ объемъ власти Папы Григорій VII писалъ: „Quod si sancta sedes apostolica divinitus sibi collata principali potestate spiritualia decernens disjudicat, cur non et saecularia?”². И въ другомъ мѣстѣ:³ „Oui ergo apenendi claudendique coeli data potestas est, de terre judicare non licet?” Или онъ же:⁴ „Si ergo spirituales vin cum oportet judicantur, cur non saeculares amplius de suis pravis actibus constringunt? Sed forte putant quod regia dignitas episcopalem prae-cellat? Illam quidem subergia humana repent, hanc divina pietas instituit illa vanam gloriam incessanter captat, naec ad caelestam vitam semper aspirat”. Папа Иннокентій III писалъ: „Petro non solum universalem ecclesiam sed totum reliquit saeculum gubernandum”⁵. Самая власть выводится отъ Церкви, и **Honorius Augusti-dondus** пишетъ въ „Summa gloria”: „Quia sacerdotium jure regnum sacerdotio subjacebit”⁶; а **Hugo de St. Victor** пишетъ въ „De sacramentis”: „Nam spiritualis potestas terrenam potestatem et instituere habet, ut sit et judicare habet si bona non fuer”⁷.

Emilio Crosa

И **Emilio Crosa**, изъ книги котораго "La sovranità popolare" мы заимствуемъ эти выдержки, пишетъ, что практическое осуществленіе власти отдѣлялось отъ власти, взятой отвлеченно; послѣдняя цѣликомъ считалась принадлежностью Церкви, и государство, чтобы найти свое оправданіе, должно было ради своего грѣшнаго происхожденія отказаться отъ своего самостоятельнаго назначенія и быть въ полномъ подчиненіи у Церкви. Онъ пишетъ.⁸

¹ „Римская Церковь можетъ переносить царства и низлагать государей съ ихъ престола”.

² „И если святой Апостольскій престолъ рѣшаетъ дѣла по власти, данной ему свыше, то почему же онъ не можетъ рѣшать мірскихъ дѣлъ”?

³ Неужели не позволено рѣшать въ земныхъ дѣлахъ тому, кто получилъ власть связывать и разрѣшать?”

⁴ „Если судятся когда надо духовные мужи, то почему не удерживать скорѣе и свѣтскихъ отъ ихъ неправильныхъ дѣйствій? Можетъ быть, думаютъ, что царское достоинство выше епископскаго? Но царское изобрѣтено человѣческой гордостью, а епископское установлено божественной любовью. Первое гонится безпрестанно за пустой славой, а второе всегда стремится къ вѣчной жизни”.

⁵ „Петру дана власть не только для управленія Вселенской Церковью, но и всѣмъ міромъ”.

⁶ „Такъ какъ священство по праву установило царство, то по праву царство должно подчиняться священству”.

⁷
⁸ Власть (potestas) заключается въ полномъ авторитетѣ Церкви, которая имѣетъ совокупность всѣхъ полномочій, высшее руководство обществомъ, и разсматривается, какъ божественный атрибутъ, который принадлежитъ Церкви, какъ высшему союзу на землѣ, и исходитъ непосредственно отъ Бога, не имѣя отношенія и основанія въ человѣческой природѣ. Въ то время, какъ власть (dominium) имѣетъ земное

„La potestas s'incorpora nella complessa autorità della Chiesa che ha la somma di tutti i poteri, la direzione suprema della società e si considera come attributo divino che alla Chiesa compete come ente supremo sulla terra, che procede direttamente da Dio e non ha rapporto tie regione alcuna nella natura umana. Mentre il *dominium* ha origine terrena, il *dominium* quale esisteva prima della Chiesa teneva il fondamento suo nella natura umana da cui ritraeva il carattere peccaminoso e la debolezza e l'inferiorità sua. Perché il dominio potesse apparire compatibile colla società cristiana doveva seguire la Chiesa nei suoi dettami e nelle sue leggi: doveva esserne approvato". Аристотелевское государство, определенное имъ, какъ *universitas superiorem non recognoscens*¹, исчезло въ теоріи этой не только въ томъ смыслѣ, что ему бы былъ данъ руководящій принципъ Церкви, но въ томъ, что государство получало прямые распоряженія отъ главы Церкви. Однако эта теорія въ такой крайней ея формѣ отвергалась большинствомъ католическихъ же писателей, указывавшихъ, что съ викаріемъ Бога на землѣ связывается власть въ религіозныхъ дѣлахъ, а не неограниченное свѣтское господство, что съ введеніемъ христіанства короли не потеряли своей власти, ибо Христосъ, давая небесное царство, не отнимаетъ земныхъ; папа имѣетъ ключи Царства Небеснаго, но не земного. Теоріи прямой власти папы, по которой папа властвовалъ черезъ подчиненныхъ ему королей, была противопоставлена теорія косвенной власти папы въ свѣтскихъ дѣлахъ.

Критика теоріи прямой власти папы. Кардиналь Торрекремата. Кардиналь Беллярминъ.

Она представлена наиболѣе полно **кардиналомъ XVII вѣка Беллярминомъ** (Эта теорія была извѣстна и раньше; ея держался въ XV вѣкѣ кардиналь Торрекремата и въ XVI вѣкѣ Франческо Витторіо, а еще раньше Бонавентура и др.) Въ этой теоріи сужень объемъ папской власти, **она въ принципѣ не призвана управлять свѣтскими дѣлами, которыя подлежатъ власти свѣтской; папа въ нихъ не вмѣшивается, но Церковь призывается исправлять, руководить и даже наказывать свѣтскую власть, но только тогда, когда свѣтская власть уклоняется, по ея мнѣнію, отъ цѣлей, намѣченныхъ Божественнымъ правомъ.** Но и тогда папа не мо-

происхожденіе, власть, существовавшая до Церкви, имѣла свою основу въ человѣческой природѣ, отъ которой она заимствовала грѣшныя свойства, слабость и свою низшость. Для того, чтобы власть *dominium* могла оказаться совмѣстимой съ христіанскимъ обществомъ, она должна слѣдовать Церкви въ ея приказахъ и законахъ, должна получить отъ нея одобреніе".

¹ Союзъ, не знающій надъ собой высшаго.

жетъ низлагать короля, но лишь объявлять о прекращеніи обязанности ему повиноваться, если есть опасность разрушенія вѣры или религіозной жизни, или дѣло идетъ о сохраненіи Церкви. Также, что касается законовъ, то папа можетъ отмѣнить законъ, когда это необходимо для спасенія душъ. Папа можетъ выступить и судьей въ свѣтскихъ дѣлахъ, **но если это необходимо для спасенія душъ.** Въ этой систѣмѣ косвенная власть Церкви надъ властью свѣтской вообще и въ частности право объявлять о прекращеніи обязанности подданныхъ повиноваться, **не есть власть свѣтская, а духовная:** вѣдь, предметомъ ея является власть свѣтская только постольку, поскольку та задѣваетъ религію. Писатели, державшіеся этой теоріи, употребляли не точную терминологію, представляя слѣдствіе акта, какъ самый актъ; они говорили о правѣ низложенія короля, тогда какъ самое низложеніе было косвеннымъ актомъ — **слѣдствіемъ объявленія о лишеніи короля власти.** По существу это было признаніемъ за папой права опредѣлять моментъ, когда народъ въ правѣ начинать революцію. Въ этой теоріи сильно смягчена въ теоретическомъ отношеніи теорія прямой власти папы въ свѣтскихъ дѣлахъ: ибо не только отвергнута эта прямая власть, но и косвенной поставлены извѣстные принципiальные ограниченія. По времени она явилась позже. Во время борьбы Филиппа Красиваго съ папой Бонифациемъ VIII, французскіе ученые оспаривали только прямую власть папы, **а теорія косвенной власти въ XV и XVI вѣкахъ еще не оспаривалась; но въ XVII вѣкѣ Сорбонна высказалась противъ теоріи косвенной власти въ приговорѣ противъ сочиненій іезуита Санторелли въ 1626 г.; наконецъ, одно изъ первыхъ положеній знаменитой деклараціи вольностей Галликанской Церкви, поданной Людовику XIV французскимъ духовенствомъ, вовсе отвергало косвенную власть папы, но это Боссюэтовское ученіе не нашло опоры и въ теченіе XIX вѣка вовсе замерло. Оно выражено въ деклараціи французскаго Епископата отъ 1682 года. „Апостолу Петру и его преемникамъ и намѣстникамъ Христовымъ, дарована отъ Бога власть надъ дѣлами, принадлежащими къ духовному и вѣчному блаженству, а не надъ мірскими, свѣтскими и временными дѣлами, поелику Господь сказалъ: Воздайте Кесарево Кесарю и Божіе Богу (Мѡ. 22, 22). Такимъ образомъ, короли и князья по Божественному распоряженію не подчинены никакой церковной власти; ихъ нельзя отрѣшить отъ должности ни непосредственно, ни посредственно, и подданные никогда не могутъ быть освобождены духовной властью**

отъ законной присяги въ вѣрности своимъ законнымъ государямъ. Такое учение необходимо для общественнаго спокойствія, полезно для Церкви и государства и согласно съ учениемъ Слова Божія и мнѣніями Святыхъ Отцовъ Церкви". Такъ гласитъ пунктъ I деклараціи французскихъ Епископовъ 1682 г., а второй ранѣе утверждень теоріей Констанцскаго Собора въ такой редакціи: „La plénitude de puissance que le Saint Siège Apostolique et les suecesseurs de Saint Pierre, vicaires de Jésus Crist, ont sur les choses spirituelles, est telle que néanmoins **les décrets du Saint concile oecumenique de Constance**, contenus dans les sessions 4 et 5, approuvés par le Saint Siège apostolique, confirmés par la pratique de toute l'Eglise et des pontifs romains et observés dans tous les temps par l'Eglise Gallicane **demeurent dans leur force et vertu**. L'eglise de France n'approuve pas l'opinion de ceux qui donnent atteinte a ses decrets ou qui les affaiblissent, en disant que leur autorité n'est pas bien établie, qu'ils ne sont pas approuvés, ou qu'ils ne regardent que le temps du schisme"¹. **А декреты Констанцскаго Собора ставили Соборъ выше Папы.** 4-й пунктъ деклараціи прямо это заявляетъ: „Quoique le pape ait la principale part dans les questions de foi et que ses decrets regardent toutes les Eglises et chaque Eglise en particulier, So iugenient n'est pas irréformable á moins que le consentement de l'Eglise n'intervienne".² 3-ий пунктъ охраняетъ національные церковные обычаи и устройство Галликанской Церкви, напоминая объ обязательности каноновъ для самого Папы. „**Qu'ainsi l'usage de la puissance apostolique doit être suivant les canons faits par l'esprit de Dieu, et consacrés** par le respect général; les régles, les moeurs et les constitutions reçus dans le royaume et dans l'Eglise gallicane doivent avoir leur force et vertu, et les usages de nos pères demurer inébranlables, il est même de la grandeur du Saint Siège apostolique que les lois et coutumes, établies du consentement de cesiège respectable et des Eglises subsisted invariabement"³. Но галликанское воззрѣніе не утвердилось въ като-

¹ „Полнота власти, которую имѣютъ въ духовныхъ дѣлахъ Святой Апостольскій Престоль и преемники Св. Петра такова, что несмотря на это декреты Святаго Вселенскаго Констанцскаго Собора, установленные въ 4-й и 5-й его сессіяхъ, одобренные Св. Апостольскимъ Престоломъ и утвержденные практикой всей Церкви и римскимъ первосвященникомъ и соблюдавшіеся всегда Галликанской Церковью, остаются въ своей силѣ и значеніи. Французская Церковь не одобряетъ мнѣнія тѣхъ, кто нарушаетъ его декреты или ослабляетъ ихъ утвержденіемъ, будто авторитетъ не установленъ надлежаще, что они будто не утверждены или что относятся только ко времени схизмы".

² „Хотя Папа имѣетъ главное участіе въ дѣлахъ вѣры и хотя его декреты касаются всѣхъ Церквей и каждый Помѣстной Церкви въ частности, Его рѣшеніе безапелляціонно только, если получило согласіе всей Церкви".

³ „Употребленіе апостольской власти должно слѣдовать канонамъ, созданнымъ Духомъ Божиимъ и освященнымъ общимъ уваженіемъ; правила, нравы и установленія, принятые въ Королевствѣ и въ Галликанской Церкви, должны имѣть свою силу и значеніе, и обычаи нашихъ отцовъ должны сохраняться непоколеби-

лической Церкви. И со времени июльской революции 1830 г. оно не находить сторонниковъ и среди французскаго Епископата, а Ватиканскій догматъ утвердилъ окончательно авторитетъ Папы не отъ Церкви, а Sese (Phil. III. 209).

Тѣмъ не менѣ теорія косвенной власти папы въ свѣтскихъ дѣлахъ канонизирована въ Силлабусѣ папы Пія IX въ § 24, который перечисляетъ среди осужденныхъ положеній слѣдующее: „L'Eglise n'a pas le droit d'employer force; elle n'a aucun pouvoir temporel direct ou indirect". (Ecclesia vis inferendae potestatem non habet neque potestatem ullam temporalem directam vel indirectam)¹. Этотъ параграфъ находится въ Отдѣлѣ Силлабуса „Errores de Ecclesia ejusque juribus", гдѣ въ другомъ § (23) осуждается мнѣніе, будто права государей были узурпированы папой; именно § этотъ говорить, что осуждается мнѣніе: „Romani Pontifices et concilia oecumenica a limitibus suae potestatis recesserunt, jura principum usurparunt atque etiam in rebus fidei et morum difiniendis errarunt"². § 27 осуждаетъ другое мнѣніе: „Sacri Ecclesiae ministri Romanusque Pontifex ab omni re rum temporalium cura ac domino sunt omnino excludendi"³. Что же касается государственной свѣтской власти, принадлежащей непосредственно папѣ въ его государствѣ, то папа Пій IX за покушеніе на нее анаѳематствовалъ Энцикликой 19 янв. 1860 г., считая, что это покушеніе равносильно покушенію на духовное верховенство. Онъ говорить о свѣтской власти (Debidur, Histoire des rapports de l'Eglise et de l'Etat p. 577 Rem.):⁴ „Le pouvoir temporel a été accordé au pontife Romain, par un conseil particulier de la divine Providence; ce pouvoir est nécessaire afin que ce même pontife, indépendant de tout prince et de toute puissance civile, puisse exercer le pouvoir souverain qu'il a d'enseigner et de gouverner le troupeau du Seigneur, exercer l'autorité qu'il a reçu par l'institution divine du Christ lui même avec une entière liberté dans toute l'Eglise et procurer

мо; величіе Св. Престола требуетъ, чтобы законы и обычаи, установленные съ согласія этого почитаемаго Престола и Церквей, неизмѣнно существовали".

¹ „Церковь не имѣетъ права употреблять силы. Она не имѣетъ никакой свѣтской власти, ни прямой ни косвенной".

² „Римскіе Первосвященники и Вселенскіе Соборы преступили границы своей власти, узурпировали права государей и ошибались даже въ опредѣленіи вѣры и нравовъ".

³ „Слуги Церкви и Римскій Первосвященникъ должны быть исключены отъ всякой заботы и господства въ свѣтскихъ дѣлахъ".

⁴ „Свѣтская власть дана Римскому Первосвященнику особымъ изволеніемъ Божественнаго Провидѣнія; эта власть необходима для того, чтобы этотъ самый Первосвященникъ, независимый отъ какого-либо государя и какой-либо свѣтской власти, могъ осуществлять данную ему суверенную власть учить и управлять Христовымъ стадомъ, осуществлять суверенитетъ, полученный въ силу Божественнаго установленія Самаго Христа, съ полной свободой во всей Церкви и доставлять наибольшее благо и полезность для этой самой Церкви и вѣрующихъ, ее составляющихъ".

le plus grand bien et l'utilité de cette même Eglise et des fidèles qui la composent", и въ Консисторіи 29-III 1862 г. онъ заявилъ о необходимости свѣтской власти, которая pour n'être pas absolument un dogme n'en était pas moins certaine et que la papauté n'y renoncerait jamais"¹.

А въ § 75 и 76 Силлабуса осуждается оспариваніе совмѣстимости свѣтской власти папы въ папской области съ его духовной властью и мнѣніе о томъ, что отмѣна свѣтскаго суверенитета Святого Престола послужила свободѣ и счастью Церкви. Примѣчаніе же къ 76 п. опредѣленно говоритъ: „Praeter hos errores explicite notatos alii complures implicite reprobantur, proposita et asserta doctrina, quam catholici omnes firmissime retinere debent, de civili Romani Pontificis principatu"².

Критика теоріи косвенной власти папы. Теорія власти руководящей. Жерсонъ, Фенелонъ.

На католическомъ фонѣ появились еще другія теоріи, стремившіяся еще смягчить теорію косвенной власти, ибо и противъ этой теоріи были возраженія, указывавшія, что она только маска для первой, ибо въ любомъ почти свѣтскомъ вопросѣ можно открыть связь съ духовной цѣлью, что она также нарушаетъ спокойствіе королей и народовъ; указывалось, что свѣтская власть изначала была законной, какъ учрежденіе Божественное, и признана Христомъ въ Его Словахъ: „Воздайте Кесарево Кесарю". Появились въ XVII вѣкѣ теоріи Жерсона и Фенелона, которыя Гергенроттеръ въ своей книгѣ "La Chiesa Cattolica e lo stato Cristiano" (III томъ) называетъ системой власти руководящей — il sistema del potere direttivo. Отличіе этой доктрины отъ доктрины косвенной власти менѣе уловимо, чѣмъ различіе между доктриной косвенной и прямой властью. По этой теоріи Церковь не имѣетъ права принужденія по отношенію къ свѣтской власти, а только право руководства, т. е. право и обязанность просвѣщать посредствомъ доктринальныхъ рѣшеній, увѣщаній, совѣтовъ государямъ и народамъ, дѣлать обращенія къ ихъ совѣсти, напоминать объ ихъ обязанностяхъ къ Богу, учить ихъ о религіозныхъ законахъ и ихъ границахъ, въ случаѣ коллизіи обязанностей, высказывать свое сужденіе. Она должна высказывать сужденіе о государственныхъ законахъ, предлагать въ нихъ

¹ „Хотя и не есть въ абсолютномъ смыслѣ догма, тѣмъ не менѣе является достовѣрностью, и папство отъ нея никогда не откажется".

² „Кромѣ этихъ ошибокъ, явно перечисленныхъ, отвергаются implicite и многія другія. Всѣ католики должны самымъ твердымъ образомъ держаться предложеннаго и утвержденнаго ученія о свѣтской власти Римскаго Первосвященника".

исправленіе, если въ нихъ есть опасность для спасенія душъ, и защищать Божественный законъ, въ случаѣ неповиновенія, отъ послѣдствій этого непослушанія. **Жерсонъ** при этомъ говоритъ, что церковная власть должна держаться въ своихъ границахъ, чтобы независимость свѣтской власти не страдала, и выступать только тогда, когда послѣдняя злоупотребляетъ властью для нападенія на вѣру и Церковь. **Верховенство церковной власти Жерсонъ признаетъ только при злоупотребленіяхъ свѣтской власти. Фенелонъ** еще болѣе подчеркиваетъ, что **руководительство состоитъ въ доктринѣ и обученіи**. Но остается вопросъ, какъ далеко должно идти руководство и каковы его границы? **Пастырскій долгъ Церкви всегда одинаковъ, но осуществленіе руководящей власти по этой теоріи подчиняется господствующимъ юридическимъ и социальнымъ условіямъ и становится въ зависимость отъ существующаго публичнаго права**; въ этомъ и состоитъ отличіе отъ теоріи косвенной власти, и оно особенно выступаетъ въ вопросѣ о правѣ низложенія королей. **Защитники теоріи руководящей власти допускаютъ его только тогда, когда это признаетъ публичное право страны** (Какъ это было въ средніе вѣка во многихъ государствахъ). Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, обѣ теоріи признаютъ, что папа можетъ объявить о прекращеніи власти управлять, при чемъ папа дѣлаетъ это въ силу права церковнаго, какъ высшій руководитель совѣсти; однако, если публичное право страны этого права папѣ не даетъ, то теорія власти косвенной допускаетъ **право объявленія о прекращеніи власти управленія его въ силу права естественнаго**, тогда какъ по теоріи власти руководящей папа права этого не имѣетъ. Разумѣется, теорія власти руководящей признаетъ за Папой право объявлять гражданскій законъ опаснымъ для спасенія душъ и объявлять его лишеннымъ силы обязывать совѣсть подобно тому, какъ Апостолы запрещали вѣрнымъ участвовать въ культѣ идоловъ и повиноваться предписаніямъ, которыя не могли бы соблюдаться безъ измѣны Богу.

Кардиналь Антонелли.

Кардиналь Antonelli 19 марта 1870 года писалъ нунцію Chigi: „Церковь получила отъ Бога высшую миссію руководить людьми отдѣльными и соединенными въ общества, ради цѣли сверхъестественной; она имѣетъ для этого власть и обязанность судить о нравственности и справедливости всѣхъ дѣйствій, внутреннихъ и внѣшнихъ, въ ихъ отношеніяхъ съ естественными и Божескими зако-

нами. Теперь, т. к. всякое дѣйствіе, будетъ-ли оно приказано высшей властью или исходить отъ свободы индивида, не можетъ быть лишено характера нравственности и справедливости, то изъ этого слѣдуетъ, что судъ Церкви, хотя бы и прямо относился къ нравственности дѣйствія, **косвенно расширяется на всѣ дѣла, съ которыми связывается эта нравственность.** Но это не значитъ вмѣшиваться прямо въ политическія дѣла, которыя по Божественной заповѣди и по ученію Церкви подлежатъ вѣдѣнію гражданской власти безъ какой-либо зависимости отъ какого-либо иного авторитета".

Приведя различныя доктрины, вышедшія изъ нѣдръ Католической Церкви, мы видимъ, что тамъ нѣтъ однообразнаго разрѣшенія вопроса о степени воздѣйствія Церкви на свѣтскую власть, что на ряду съ ученіемъ Alvaro Pelagio о правѣ Папы въ свѣтскихъ дѣлахъ, Григорія VII, Иннокентія III и Беллярмина есть ученіе Фенелона о только руководящей власти Церкви и наконецъ ученіе Боссюэта, отрицающее всякую косвенную власть Церкви въ свѣтскихъ дѣлахъ, ученіе приближающееся въ этомъ отношеніи къ православному. А Данте въ „De Monarchia" подчинялъ Папу императору въ свѣтскихъ дѣлахъ, а косвенную его власть въ свѣтской сферѣ считалъ за причину современныхъ ему пертурбацій въ политическомъ мірѣ; онъ относился къ ней отрицательно, хотя и видѣлъ въ ней не гордость человѣческую, а чрезмѣрное усердіе Папы (*Zelo clavium*), противъ авторитета Папы въ церковныхъ дѣлахъ Данте не возставалъ. О томъ, что и сейчасъ при косвенной власти Папы не невозможно представить себѣ вмѣшательство Папы въ свѣтскія дѣла, говоритъ Janet (*Philosophie de la révolution française* p. 163): „Le pape donne des ordres à tous les fidèles et quoique ces ordres ne soient d'ordinaire que relatifs aux choses spirituelles, qui ne regardent pas l'Etat, il peut en donner aussi de temporels, comme au moyen âge, la publication des croisades, la déposition des rois etc. Aujourd, hui sans doute de tels actes ne sont plus à craindre, mais il peut toujours s'en produire d'analogues; par exemple, qui doute que le pape ne puisse, le cas échéant, faire injonction à tous les fidèles le prendre les armes, **ou même de prendre les armes à leur gouvernement** pour lui faire restituer son pouvoir temporel? En supposant qu'il y réussit voilà donc le pays entraîné dans une guerre sur l'ordre d'un souverain étranger. Un tel pouvoir est il conciliable avec l'indépendance du pays?"¹ Если мы хотимъ считаться съ современнымъ

¹ „Папа даетъ приказы всѣмъ вѣрующимъ, и, хотя эти приказы обыкновенно относятся только къ духовнымъ дѣламъ, которыя не касаются государства, онъ можетъ дать приказы и въ свѣтскихъ дѣлахъ, подобно

официальнымъ учениемъ католичества, то должны считаться съ постановленіемъ § 24 Силлабуса, провозгласившимъ косвенную власть учениемъ Церкви.

Овербекъ о происхожденіи теоріи государственнаго главенства.

Историческое значеніе искаженія теоріи симфоніи властей на западѣ огромно; оно привело къ обратному неоязыческому возстановленію государственнаго всемогущества. „Великая пропасть, пишетъ **Овербекъ**, между папствомъ и государствомъ, и непримиримая вражда между государствомъ и Церковью могутъ-ли быть въ планѣ Божественнаго домостроительства? Если бы Римская Церковь оставалась въ предѣлахъ Апостольскаго преданія, если бы она сохранила собственное свое каноническое правило о невмѣшательствѣ клира въ свѣтскія дѣла, то и не было бы папскаго главенства съ его хвостомъ пагубныхъ ученій и узурпацій, востокъ не отдѣлялся бы отъ запада, не было бы реформации съ ея невѣріемъ, и Церковь и государство не были бы безнадежно отдѣлены другъ отъ друга. Кто сдѣлалъ государство антихристіанскимъ? Папа. Онъ присвоилъ себѣ одно за другимъ права государства. Это охлаждало довѣріе государства къ Церкви. Государство должно было бдительно смотрѣть за поведеніемъ главы Церкви. Это недовѣріе подорвало церковную дѣятельность. То, что вызвало реформацию наружу, уже давно было въ полномъ цвѣту. Государство стало вторгаться въ область церковную. Папа показалъ ему примѣръ. **Государственное главенство есть естественное послѣдствіе главенства папскаго, есть обратный ударъ и возмездіе за то, что государство было поработщено Церковью**".

Святоотеческое пониманіе теоріи симфоніи.

Доктрина косвенной власти Папы лишаетъ теорію симфоніи властей того первоначальнаго характера, который она имѣла въ устахъ Папъ первыхъ временъ христіанства до раздѣленія Церквей, въ устахъ святого Θεодора Студита, Іоанна Дамаскина, и который она сохраняетъ и теперь въ православномъ ея толкованіи. **Та вѣрность Святому Преданію, которая является въ православіи руководя-**

тому, какъ въ средніе вѣка объявлялъ крестовые походы, низложеніе королей и т. п. Теперь, безъ сомнѣнія, такихъ актовъ нечего опасаться, но Папа можетъ всегда совершить акты аналогичные; на примѣръ, кто сомнѣвается, что Папа можетъ, въ случаѣ надобности, приказать всѣмъ вѣрующимъ или даже ихъ правительству взяться за оружіе, чтобы возстановить ему свѣтскую власть? Предположимъ, что ему это удастся, и вотъ страна вовлечена въ войну по приказу иностраннаго государя. Можно-ли примирить такую власть съ независимостью страны?"

щей нитью при толкованіи всѣхъ каноническихъ нормъ, исключаетъ возможность измѣненія въ традиціонномъ пониманіи симфоніи, установленной съ древнѣйшихъ временъ. Православная теорія симфоніи признаетъ верховенство церковнаго союза передъ союзомъ государственнымъ, но верховенство не политическое, а духовное, которое призываетъ государство къ совершенно добровольному сознательному соподчиненію своихъ цѣлей цѣлямъ церковнымъ, но не создаетъ никакого юридическаго подчиненія государства Церкви въ силу будто бы ея юридическаго права, отъ котораго католическая доктрина не освобождается и въ теоріи косвенной власти Папы. Это то обстоятельство и уподобляетъ Католическую Церковь учрежденію государственному и вноситъ въ Церковь элементъ политическій, который, при благопріятныхъ для нея историческихъ обстоятельствахъ, легко заслонить тотъ чисто нравственный элементъ, чуждый всякихъ земныхъ расчетовъ, представителемъ котораго призывается быть Церковь согласно вѣчнаго Завѣта Христа Спасителя въ Мѡ. 22, 21: „Воздайте Кесарю Кесаревою Божіе Богу". Въ идеѣ симфоніи въ ея православномъ пониманіи Церковь ни въ чемъ не отказывается отъ самой себя, но сообщаетъ свой духъ и направленіе государству и только этимъ объединяетъ его съ собой; въ ультрамонтанской же идеѣ Церковь перерождается въ государство, отрываясь отъ своихъ основъ и воспринимая другія, ей чуждыя. Это искаженіе миссіи Церкви повліяло и на ученіе теоріи правового государства, слагавшейся подъ вліяніемъ естественнаго права послѣ Силлабуса 1864 года, и на новѣйшія теоріи государства, въ которыхъ совершенно устраняется принципиальная идейная связанность государства съ Церковью въ отношеніи общности конечной ихъ цѣли.

Церковь и современное нехристіанское государство.

Указанныя въ Мѡ. 22; 21 различія природы Церкви и государства вовсе не говорятъ, чтобы государство признавалось Спасителемъ, какъ нѣчто чуждое Богу и съ своей стороны не обязанное свойственнымъ ему образомъ способствовать осуществленію на землѣ христіанскихъ задачъ¹. **Невозможно представить, чтобы Церковь, направляя человѣчество къ единенію со Христомъ, признавала**

¹ Нельзя не обратить вниманіе, что въ изданіи Библейскаго Общества въ текстѣ: „Воздайте Кесарево Кесареви и Божіе Богови" употребляется неправильное соединеніе посредствомъ союза „а", тогда какъ въ греческомъ текстѣ стоитъ καί, что придаетъ совершенно другой смыслъ выраженію, противопоставляя оба союза, вмѣсто того, чтобы ихъ объединить въ общей конечной цѣли.

нормальнымъ, чтобы государство вело его къ Антихристу. Богъ, какъ верховное начало, не можетъ быть устраненъ и отъ государства. Въдъ государство, по словамъ Апостола Павла, призвано служить людямъ на добро посредствомъ принудительнаго обузданія зла, черезъ что и представители государства называются Божиими слугами (Рим. 13, 2-6). Разница между языческимъ и христіанскимъ государствомъ въ томъ и состоитъ, что языческое государство находило цѣль въ самомъ себѣ, какъ *universitas superiorem non recognoscens*,¹ по выраженію Аристотеля.

Государство православно-христіанское.

Православно-христіанское же государство признаетъ надъ собой высокую цѣль, поставленную Церковью, и въ добровольномъ, непринудительномъ служеніи этой цѣли находитъ свой высшій смыслъ и назначеніе. Христіанство не покушается на жизнь государства, признаетъ его положительную задачу въ борьбѣ со зломъ и призываетъ его проводить нравственные начала и во внутренней, и во внѣшней политической жизни. Христіанство пришло въ міръ, чтобы спасти міръ и въ томъ числѣ высшее его проявленіе — государство, черезъ открытіе ему его смысла и назначенія. Его законъ призывается не къ узаконенію естественныхъ отношеній, а къ самоисправленію по идеямъ высшей правды; верховная власть отъ обоготворенія человѣческаго произвола призывается къ обращенію себя на особое служеніе волѣ Божіей; представитель его власти не обладатель всѣхъ правъ человѣческаго общества, **а носитель всѣхъ обязанностей человѣческаго общества по отношенію къ Церкви, т. е. къ дѣлу Божіему на землѣ.** Государство само по себѣ не даетъ смысла жизни, а получаетъ его извнѣ отъ Церкви; его политическая жизнь сама требуетъ извнѣ высшихъ принциповъ и цѣлей, какъ его движущаго начала. **Христіанское возрѣніе на міръ и человѣка даетъ государству опору видѣть въ себѣ орудіе для достиженія высшихъ задачъ жизни. Церковь выступаетъ по отношенію къ государству, какъ звѣзда востока.**

Возрожденіе въ новое время языческой идеи государства.

Въ новѣйшей исторіи государство не избираетъ Церковь, какъ основу своего міросозерцанія и какъ своего путеводителя, и этимъ путеводителемъ становятся для него идеи антихристіанскія. Но это

¹ „Общество не знающее надъ собой высшаго“.

отверженіє христіанства и его изгнаніє изъ положенія высшаго маяка на положеніє частнаго общества, зависимаго отъ государства, приводитъ къ затемнѣнію значенія Церкви и высшаго смысла человѣческой жизни и къ возстановленію языческаго пониманія государства, какъ верховнаго принципа жизни. Таковое устраненіє Церкви, какъ высшаго принципа жизни, и совершено было между прочимъ и въ идейной революціи Петра I черезъ устраненіє идеи симфоніи и замѣну ея идеей государственной пользы. Черезъ устраненіє христіанства, какъ высшаго руководителя жизни, подрывается и личность человѣка, и она низводится до положенія средства, орудія и даже жертвы на службѣ уже не откровенной религіи, данной Богомъ, а разнымъ измышленнымъ теоріямъ, приносящимъ человѣка въ жертву безцѣльному прогрессу и неопредѣленному лучшему будущему будущихъ поколѣній. Ни люди, ни коллективное собраніє людей, какъ государство, не могутъ уйти отъ сказаннаго въ главѣ VIII, 12 Ев. отъ Іоанна: „Опять говорилъ Іисусъ къ народу и сказалъ имъ: Я свѣтъ міру; кто послѣдуетъ за Мной, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни“, а также: „Кто не со Мной, тотъ противъ Меня (Мѡ. XII, 30), и „Кто не собираетъ, тотъ расточаетъ“. Слѣдовательно, и государство не можетъ быть равнодушно къ Церкви Христа, игнорировать ея цѣли, какъ дѣлаютъ новѣйшія ученія о государствѣ, порвавшія связь съ христіанствомъ, и въ мѣру своей возможности обязано способствовать цѣлямъ Церкви. **Современныя теоріи правового государства** учитываютъ Церковь, какъ элементъ лишній для государства, и, **проповѣдуя отдѣленіє Церкви отъ государства, отдѣляютъ государство отъ высшаго назначенія, даваемого ему Церковью, и низводятъ Церковь до положенія общества, по меньшей мѣрѣ, безразличнаго для государства, не имѣющаго основанія для полученія какихъ-либо услугъ со стороны государства и помощи.** Лицемерно ссылаясь на духовныя цѣли Церкви, на ея духовныя средства, на то, что она не отъ міра сего, что ея Глава не имѣлъ мѣста, гдѣ преклонить главу, она создаетъ для Церкви, живущей въ мірѣ семъ, условія, затрудняющія для нея возможность существовать и дѣйствовать въ окружающемъ мірѣ и вліять на его воцерковленіє. Такъ подъ вліяніемъ отчасти стремленія Католической Церкви ввести Церковь, какъ таковую, непосредственно въ жизнь политическую черезъ ученіє объ ея косвенной власти въ свѣтскихъ дѣлахъ, **явилось ученіє, отвергающее связь государства**

съ Церковью и черезъ это съ конечными цѣлями его собственнаго существованія.

Православное пониманіе симфоніи.

Въ этомъ отношеніи православное пониманіе симфоніи чуждо совершенно введенію государственно-принудительнаго принципа, хотя бы и въ смягченномъ видѣ косвенной власти, въ пониманіе отношеній Церкви къ государству.

Свѣтскій государь, какъ христіанинъ, добровольно подчиняется Божественной власти Христа и черезъ это несетъ обязанности къ Церкви, долженъ быть покорнымъ и преданнымъ Ею Церкви, употреблять свое высокое званіе не только для государственныхъ дѣлъ, но и на служеніе интересамъ Церкви. Государство, не отрекшееся отъ основъ нравственнаго міропорядка, не можетъ оставлять безъ вниманія церковнаго ученія въ своихъ постановленіяхъ и распоряженіяхъ, какой бы стороны общественной жизни они касались, какъ и частный человѣкъ не можетъ ослушаться голоса своей совѣсти въ своихъ поступкахъ. Христіанскій государь обязанъ уважать представителей Церкви, какъ преемниковъ Апостоловъ, и обязанъ подчиняться имъ въ дѣлахъ вѣры и дисциплины, но эти обязательства имѣютъ свободный, лишь нравственно принудительный характеръ и не могутъ быть вложены въ точныя юридическія рамки.

Только въ этомъ смыслѣ и можно говорить о подчиненіи государя представителямъ Церкви. Въ сравненіи съ языческимъ государемъ у государя христіанскаго положеніе отличное **въ томъ смыслѣ, что у него есть особыя обязанности въ отношеніи къ Церкви Христовой и ея служителямъ.** Само государство подчиняетъ свою дѣятельность высшимъ религіознымъ интересамъ и высшему авторитету Церкви, а не Церковь вмѣшивается въ государственныя дѣла въ силу своего права. Тутъ подчиненіе — чисто нравственнаго порядка. Та изюминка, изъ которой выросло искаженіе пониманія объема духовной власти, кроется въ концѣ концовъ въ неправильномъ пониманіи полномочій, данныхъ Апостоламъ Иисусомъ Христомъ, а также въ ученіи о зависимости свѣтской власти отъ Церкви по своему происхожденію.

Корень католическихъ воззрѣній на отношеніе Церкви и государства и отличіе его отъ православнаго.

Мы и остановимся на этихъ вопросахъ. Съ католической точки зрѣнія слова Иисуса Христа: „Дадеса Мнѣ всякая власть на небеси и

на земли" (Мф. 28, 18), показывают, что свѣтская власть отнята у Кесаря послѣ прославленія Сына Человѣческаго, и потому самостоятельное право на свѣтскую власть мірскихъ правителей, о которомъ говорили слова: „Воздайте Кесарево Кесарю и Божіе Богу", съ введеніемъ христіанства кончилось. Вл. Соловьевъ, въ 1888 г. въ статьяхъ напечатанныхъ въ католическомъ журналѣ „l'Univers" и цитированныхъ въ „Вѣрѣ и Разумѣ" за 1888 г. у Геттэ, пошедшій за католическимъ ученіемъ, утверждалъ, что съ тѣхъ поръ Кесарь, чтобы узаконить свою власть, долженъ сдѣлаться полномочнымъ представителемъ Того, Кому дана всякая власть на землѣ. Такъ какъ де Римскіе Папы получили полноту власти и ключи царства отъ Христа черезъ Апостола Петра, то этому общему вождю долженъ повиноваться всякій христіанскій государь и отъ него получать свою власть. Именно такъ и утверждалъ Папа Климентъ V въ Буллѣ *Pastoralis*, что Иисусъ Христосъ передалъ въ лицѣ Петра всю полноту власти Папѣ, и онъ Климентъ и вступаетъ въ управление Имперіи послѣ смерти императора Генриха VII въ силу верховенства, присущаго власти Святого Престола (*Phil. op. cit. III, 159*). Также и Папа Іоаннъ XXII училъ, что „*au pape seul dans la personne de Pierre Dieu avait transmis l'empire du royaume terrestre comme du royaume céleste, et ail pape seul étaient dévolus la juridiction, la direction et la gouvernement de l'empire*"¹ (*Ib. III, 160*). Подобныя мысли и въ современныхъ католическихъ курсахъ церковнаго права. Phillips (*Ze droit ecclésiastique 1, 59*) объ этихъ полномочіяхъ и пишетъ въ томъ смыслѣ, что Иисусъ Христосъ передавалъ власть Свою о которой Онъ говорилъ: „Всякая власть дана Мнѣ на небѣ и на землѣ", Апостоламъ и прежде всего Ап. Петру какъ основаніе. „*Le Divin Sauveur avait dit: Tout pouvoir m'a été donné dans le ciel et sur la terre*". Ce pouvoir qui ne peut être que l'attribut de la Divinité, Jesus Christ le confère à ses apôtres, et par là il les investit vis à vis du genre humain d'une souveraineté qui ne pouvait émaner que du très Haut, du roi des rois... Cependant parmi les apôtres le Christ en choisit un, Simon, fils de Jonas, qu'il revêt **spécialement du pouvoir souverain** et dont il fait la pierre fondamentale de l'Eglise, le centre de l'unité"² на

¹ „Одному Папѣ въ лицѣ Петра Богъ передалъ власть надъ земнымъ и небеснымъ царствомъ, и одному Папѣ вручены юрисдикція, руководство и управление царствомъ".

² „Божественный Спаситель сказалъ: „Всякая власть дана Мнѣ на небѣ и на землѣ". Эту власть, которая можетъ быть только атрибутомъ Божества, Иисусъ Христосъ передаетъ Своимъ Апостоламъ и тѣмъ самымъ Онъ облакаетъ ихъ по отношенію къ роду человѣческому суверенитетомъ, который могъ исходить только отъ Всевышняго, отъ Царя царей... Однако изъ Апостоловъ Христосъ выбралъ только одного Симона сына Іонина, котораго онъ облакаетъ специально суверенной властью, изъ котораго Онъ дѣлаетъ основной Камень Церкви, центръ единенія"...

стр. 64 онъ говорить объ учрежденіи Спасителемъ въ Церкви видимаго авторитета, замѣняющаго Его авторитетъ: „Il veut et institue dans son Eglise une **autorité visible qui représente la sienne**"¹; на стр. 68: „En disant à Pierre „Tu es Petrus..." le Sauveur l'établit à sa place comme le fondement de l'apostolat tout entier. Voilà le fondement sur lequel repose l'Eglise; c'est sur lui que s'élève le magnifique édifice dans lequel le Christ a déposé ses trésors la **pleine autorité et ses pouvoirs souverains**". Ап. Петръ возвышается надъ всѣми другими Апостолами, какъ намѣстникъ Христа. На 50 стр.² („L'episcopat dérive donc de l'apostolat ainsi immédiatement par le Christ mais comme l'apostolat, disons mieux, comme l'Eglise entière, il est fondé sur **Pierre le représentant, le vicaire de Jesus Christ, institué par Lui**. „Il i'aut donc toujours envisager écrit Phillips" p. 84) dans Pierre la double qualité d'apôtre et de prince des apôtres". Только Папа унаслѣдовалъ это двойное положеніе. На стр. 79 Филлипсъ вновь подчеркиваетъ эту суверенную власть, данную Иисусомъ Христомъ, именно Петру. „Incontestablement Jésus Christ a donné à tous les apôtres, c'est à dire au corps apostolique, Pierre y compris, la plénitude de la puissance „Sicut misit me vivens Pater, et Ego mitto vos..." Omnis potestas mihi data est in cello et in terra", mais c'est à Pierre, entre tous **qu'il confère cette souveraine puissance...**"³ Апостольскій авторитетъ принадлежитъ только Папѣ: „Le successeur de Pierre conserva seul sur la terre, outre la primauté, qui dès le commencement lui était exclusivement conférée, **la plénitude de l'autorité apostolique** (p. 123). L'infaillible autorité de chacun des apôtres dans l'enseignement n'a pas passé à chacun de leurs successeurs; le successeur de celui-là seul pour la foi duquel le Christ a prié, afin qu'il confirmât ses frères **le successeur seul de Pierre a recueilli ce magnifique héritage**"⁴. Также дѣло обстоитъ и съ правительственной властью (стр. 115): „Les évêques partagent avec Pierre le gouvernement général de

¹ „Говоря Петру: „Ты еси Петръ..." Спаситель поставилъ его на мѣсто Себя, какъ основу всего апостолата. Вотъ основа, на которой покоится Церковь; на немъ возвышается великолѣпное зданіе, въ которомъ сложилъ Спаситель Свои сокровища, полный авторитетъ и Свои суверенныя полномочія".

² „Епископатъ истекаетъ отъ апостолата такимъ образомъ непосредственно отъ Христа, но, какъ апостолатъ, скажемъ лучше, какъ сама Церковь, онъ основанъ на Петрѣ, представителѣ викаріи Иисуса Христа, установленномъ Имъ. Надо поэтому, пишетъ Phillips, всегда видѣть въ Петрѣ двойное свойство Апостола и князя Апостоловъ".

³ „Безспорно Христосъ далъ всѣмъ Апостоламъ, то есть апостолату, включая Петра, полноту власти. „Какъ Меня послалъ Отецъ, такъ посылаю васъ..." „Всякая власть дана Мнѣ на небѣ и на землѣ..." но изъ всѣхъ Петру Онъ даетъ эту суверенную власть".

⁴ „Преемникъ Петра сохранилъ одинъ на землѣ, кромѣ первенства, которое изначала ему исключительно дано, полноту Апостольской власти. Безошибочный авторитетъ каждаго изъ Апостоловъ въ ученіи не перешелъ ни на одного изъ ихъ преемниковъ. Преемникъ только одного того, за вѣру котораго молился Христосъ, чтобы онъ утвердилъ братьевъ своихъ, только преемникъ Петра получилъ это дивное наслѣдіе".

l'Eglise, mais individuellement ils n'ont d'autorité immediate que sur une partie déterminée du Jésus Christ. Oui, l'episcopat ainsi que le corps des apôtres forme un collège investi du pouvoir souverain et cela en vertu même du pouvoir ingérent au caractère épiscopate mais **aucun évêque, à l'exception seule du successeur de Pierre, n'est en droit de l'exister isolement**; il n'en jouit que comme membre du corps épiscopal, agissant de concert avec son chef"¹. Власть Папы въ католическомъ ученіи совершенно исключительна, ибо только она унаслѣдовала данную Христомъ Апостоламъ власть. „Pierre et comme lui son successeur est le monarque qui gouverne l'Eglise en qualité de vicaire de Jesus Christ"².

Кесарь не можетъ имѣть никакой власти помимо того, кто получилъ эту первоначальную власть. Чтобы стать христіанскимъ государемъ, онъ долженъ подчиниться Христіанской Церкви, которая должна имѣть центръ организациіи внѣ государства и стоять выше его. Въ основѣ этого ученія лежитъ неправильное пониманіе словъ „дадеся Мнѣ вся власть на небѣ и на землѣ“, и объема переданной Христомъ Апостоламъ власти. Власть на небѣ и на землѣ Іисусъ Христосъ имѣлъ по Божеству Своему отъ начала міра, но по воскресеніи Онъ получилъ такую же власть и по человѣчеству, какъ Искупитель міра. По Божеству Іисусъ Христосъ, какъ Сынъ Божій, и не получалъ этой власти, ибо всегда имѣлъ участіе во вседержительствѣ Божіемъ, но теперь Іисусъ Христосъ сдѣлался царемъ и по человѣчеству, какъ Искупитель; уничтоживъ власть дьявола надъ міромъ, побѣдилъ смерть Своей величайшей жертвой и заслужилъ этимъ для насъ царство небесное (Макар. Догм. Богосл., т. II, 165—166). Комментаріемъ словъ „Дадеся Мнѣ всякая власть“ служатъ посланія къ Филиппійцамъ 2, 9—10 и Ефесянамъ 1, 20—22, гдѣ говорится о полученномъ Христомъ, въ состояніи прославленія за совершенное послушаніе права на господство надъ всѣми силами неба, земли и ада; это было новое приобрѣтеніе по человѣчеству, но по Божеству эта власть принадлежала ему изначала.

¹ „Епископы раздѣляютъ съ Петромъ общее управленіе Церковью, но индивидуально они имѣютъ непосредственный авторитетъ только надъ опредѣленной частью Церкви. Да, епископаты такъ, какъ и апостолаты, образуютъ коллегію, облеченную суверенной властью, и это въ силу власти, присущей Епископскому сану, но ни одинъ Епископъ, за единственнымъ исключеніемъ преемника Петра, не вправѣ осуществлять ее изолированно; онъ ею пользуется только, какъ членъ епископата, дѣйствующій согласно съ его главой“.

² „Петръ и, подобно ему, его преемникъ есть монархъ, который управляетъ Церковью въ качествѣ намѣстника Іисуса Христа“.

О двоякой власти Христа Спасителя: по Божеству и какъ Икупителя.

Надо различать два Царства Христова и вслѣдствіе этого двѣ Его власти. „Сынъ Божій, воспринявшій въ единствѣ Своей Божеской ипостаси человѣческое естество, называется царемъ, но, говорить Св. Григорій Богословъ, въ одномъ смыслѣ Онъ царь, какъ Вседержитель и царь хотящихъ и нехотящихъ, а въ другомъ, какъ приводящій насъ къ покорности и подчинившій Своему царствію тѣхъ, которые добровольно признали Его царемъ (Догм. Богосл., т. 2, стр. 178—179). Въ первомъ случаѣ царство Христово безконечно и въ Промыслѣ участвуютъ (Лук. 1, 33) всѣ три Лица Пресвятой Троицы. Во второмъ оно закончится приведеніемъ всѣхъ истинно вѣрующихъ ко спасенію, когда Іисусъ Христосъ предастъ Царство Богу и Отцу, когда упразднить всякое начальство и всякую власть и силу, Да будетъ Богъ все во всемъ (1 Кор. 15, 24 и 28). Власть, о которой говорится въ словахъ: „Дадеса Мнѣ всякая власть на небеси и на земли“, **Имъ никому не передавалась.** Онъ остается Верховнымъ Учителемъ (Мѡ. 23, 8). Верховнымъ Первосвященникомъ (Евр. 7, 24—25) и верховнымъ правителемъ Своего царства, Пастыреначальникомъ (1 Петр. 5, 4).

Церковь есть видимая форма Царства Христова, осуществляющая его на землѣ, которой предназначено обнять весь міръ (Мар. 16, 15—16; Мѡ. 28, 19—20; Лук. 24, 47; Іоан. 20, 23) она — царство не отъ міра сего (Іоанна 18, 36). Она — особая сфера, гдѣ развиваются отношенія человѣка къ Богу (Мѡ. 22, 21; Лук. 20, 25); церковная власть при духовномъ характерѣ ея полномочій состоитъ не во властительствѣ и господствѣ, свойственныхъ земной власти, а въ служеніи (Мѡ. 20, 25—27; Марк. 9, 35).

Полномочія, данныя Христомъ Апостоламъ.

Изъ Мѡ. 28, 18—20; Лук. 22, 19; Мѡ. 18, 18; Іоан. 20, 21—23 ясно, что **Апостолы и, въ лицѣ ихъ, преемники получили не Боговластіе, а только полномочія духовной власти — учить, священствовать и пастырски управлять.** Но эти полномочія несравнимы съ властью Богочеловѣка. Іисусъ Христосъ, совершивъ дѣло нашего спасенія черезъ тройственное служеніе (пророчества, первосвященничества и царства), далъ Апостоламъ право распоряжаться средствами спасенія, и отсюда ихъ духовная власть надъ людьми; Апостолы представители священноначалія, а не Боговластія. Изъ полноты Іерархической власти (духовной) Апосто-

ловъ выдѣлились послѣдовательно степени Іерархіи: діакона, пресвитера и Епископа. Іисусъ Христосъ основалъ на землѣ духовную теократію или благодатное царство, для освященія и спасенія падшаго человѣчества; Христосъ остается Главой этого благодатнаго духовнаго царства.

Власть Христа — по Божеству.

Но одновременно еще есть Его власть, какъ промыслительное дѣйствіе Вседержителя, господствующая надъ всемъ міромъ, въ томъ числѣ и надъ языческимъ Кесаремъ, который не терялъ своей власти отъ введенія христіанства. Въ силу этой власти Богочеловѣкъ есть Глава всѣхъ народовъ, Царь царствующихъ. Онъ владѣетъ человѣческими царствами и даетъ ихъ кому хочетъ (Дан. 2, 21), поставляетъ царей надъ народами, управляетъ черезъ нихъ земными царствами (Прит. 8, 15), назначаетъ черезъ нихъ другихъ начальниковъ (Рим. 13, 1—2; 1 Петр. 2, 13—14). Этотъ способъ промысленія Божественнаго совершается естественнымъ образомъ, и здѣсь воля Божія невидимо управляетъ человѣчествомъ. Это господство не есть то, что называется теократическимъ посредствомъ. Въ ветхозавѣтной теократіи Богъ управлялъ еврейскимъ народомъ непосредственно черезъ Своихъ чрезвычайныхъ избранниковъ, которые провидѣли планы Творца. Это было сверхъестественное промысленіе Бога о народѣ, ибо Богъ непосредственно руководилъ черезъ Своихъ избранниковъ.

Теократическое управленіе Божіе въ Ветхомъ Завѣтѣ являлось сверхъестественнымъ способомъ Промысленія Божіяго о Еврейскомъ народѣ черезъ избранниковъ — бывшихъ непосредственнымъ орудіемъ Его воли, о которомъ упоминаетъ книга Іисуса Навина 1, 1 и слѣд. Отличительнымъ признакомъ этой теократіи является то, что лица эти являются прямымъ орудіемъ Божества, находящимся въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ. Помимо этого Промысленіе Божіе о мірѣ совершается и естественнымъ образомъ, и въ этомъ именно порядкѣ власть Богочеловѣческая простирается и на всякую свѣтскую власть; объ этомъ Промысленіи говоритъ Дан. 2, 21, что Богъ владѣетъ человѣческими царствованіями и даетъ ихъ кому хочетъ, ставитъ царей надъ народами, управляетъ черезъ нихъ земными царствами (Прит. 8, 15) и назначаетъ черезъ нихъ другихъ начальниковъ (Рим. 13, 1—2; 1 Петр. 2, 13—14). Воля Божія здѣсь невидимо дѣйствуетъ на волю отдѣльныхъ людей и правителей, такъ что види-

мый источникъ власти есть воля послѣднихъ; черезъ посредство ихъ Божественная воля управляетъ человѣчествомъ, а не непосредственно, какъ въ Ветхозавѣтной еврейской теократіи. Теперь царей называютъ избранниками Божиими, органами Божественнаго Провидѣнія, которое достигаетъ черезъ нихъ тѣхъ или другихъ цѣлей, но это не означаетъ теократическаго въ собственномъ смыслѣ Божественнаго міроуправленія. Беря отношеніе вѣчнаго царства Богочеловѣка къ свѣтскому земному владычеству, мы признаемъ, что земная власть сама по себѣ Божественнаго происхожденія (въ смыслѣ промыслительномъ), и **потому не требуется особаго посредства для сообщенія ей Божественнаго права.** Вѣрно то, что государственная власть по роду своихъ дѣйствій и по происхожденію совершенно независима отъ власти духовной, и ихъ отношеніе можетъ быть только свободнымъ нравственнымъ. Что касается отношеній свѣтскаго государя къ временному духовному царству Христа или къ видимой его формѣ — Церкви, то объ этомъ было говорено раньше. Но надо всегда различать эти два царства: въ вѣчномъ царствѣ Іисусъ Христосъ — Царь хотящихъ и нехотящихъ, язычниковъ и іудеевъ, а во второмъ Онъ царствуетъ надъ вѣрными и добровольно Ему повинующимися.

Христіанство даетъ высшій смыслъ существующимъ формамъ господства.

Христіанство, признавая законность свѣтской языческой власти, оказываетъ вліяніе на природу этой власти, стремится пересоздать ее по христіанскому идеалу, указывая ей истинную цѣль и назначеніе. Этому не противорѣчитъ утвержденіе, что земная власть сама по себѣ Божественна. Земная власть, благодаря грѣхопадению людей, извращается и въ ея употребленіи, и нерѣдко въ самомъ способѣ ея пріобрѣтенія. Въ виду грѣхопадения и явилась необходимость христіанства. Власть мужа надъ женой несомнѣнно Божественнаго установленія; такой она признается и въ христіанствѣ (1 Кор. 14, 34); при этомъ самое главенство, получавшее въ язычествѣ превратный характеръ, возводится къ высшему идеалу главенства Христа надъ Церковью (Еф. 5, 22—24). Христіанство не только признаетъ власть родителей надъ дѣтьми, но указываетъ и назначеніе этой власти (Еф. 6, 1—4). Такъ и въ отношеніи къ государству. Есть въ христіанскомъ государствѣ господство, но не во имя своей силы, а во имя общаго блага, понятаго согласно ученію Церкви. **Христіанство обновляетъ извратившее свое назначеніе государство нравственными нача-**

лами, ибо первоначальное Божественное происхождение власти не исключает ни злоупотребления власти, ни незаконности способов ея получения. Языческій кесарь и до христіанства имѣлъ законную власть, но христіанство очищаетъ и перерождаетъ языческіе элементы этого института. Въ царскомъ помазаніи не получается царская власть отъ Бога, она лишь освящается и исполняется особыхъ даровъ благодати для того, чтобы въ дѣйствіи своей власти быть орудіемъ Божественнаго Промысла. Этотъ актъ не указываетъ на права свѣтскаго господства духовной Іерархіи, но обязываетъ государя быть преданнымъ сыномъ Церкви и вѣрнымъ служителемъ дѣла Божія.

Существуютъ двѣ независимыя сферы, отличныя другъ отъ друга: одна, въ которой развиваются отношенія въ Церкви, какъ Божественномъ учрежденіи, непосредственно установленномъ Богочеловѣкомъ, другая, въ которой развиваются гражданскія отношенія. Первую сферу Церковь стремилась выдѣлить изъ государственныхъ отношеній, и государство признало Божественныя права Церкви, независимо отъ него полученныя, и рядомъ съ языческимъ государствомъ стала Церковь Христова, которая нашими канонистами (Заозерскій, Бердниковъ и Никонъ) и опредѣляется, какъ самостоятельное учрежденіе. Христіане были лояльными гражданами, но церковныя обязанности ставили выше государственныхъ и, при столкновеніи, жертвовали, по предписанію Апостоловъ, правами государства въ пользу Церкви (Дѣян. 5, 29). „Должно повиноваться Богу болѣе, нежели человѣкамъ". Въ этихъ словахъ основа духовнаго превосходства Церкви надъ государствомъ. Своимъ изреченіемъ: „Воздайте Кесарево Кесареви и Божіе Богови" Іисусъ Христосъ раздѣлилъ двѣ сферы — гражданскую и духовную, и тѣмъ положилъ конецъ той теократіи, которая была религіознымъ идеаломъ Израиля. Іисусъ Христосъ уничтожалъ лишь внѣшнія средства, какими осуществлялся идеаль ветхозавѣтной теократіи, но не самый теократическій идеаль. Въ Церкви Христовой есть теократія чисто духовная. Здѣсь Святой Духъ невидимо наставляетъ черезъ пастырей, но здѣсь нѣтъ чрезвычайныхъ избранниковъ, которые осуществляли бы цѣли и намѣренія Божіи средствами государственными. Церковь стремится, чтобы ея члены въ общественной жизни служили и Кесарю и Богу, т. е. осуществляли христіанскія идеи правды, но дѣлаетъ это чисто духовными средствами, путемъ нравственнаго воздѣйствія и вліянія. Въ этомъ различіи средствъ, которыми

призывается дѣйствовать Церковь, есть существенная разница между официальнымъ католическимъ пониманіемъ симфоніи и православнымъ. Наша литература воспроизвела это различіе въ двухъ противоположныхъ ученіяхъ В. С. Соловьева и Достоевскаго.

Теократическая система Вл. Соловьева и іерократическая система Достоевскаго.

Это различіе повторилось въ ихъ теоріяхъ. По воззрѣнію Соловьева, Церковь имѣетъ юридическое право на преобладающее положеніе въ государствѣ, какъ органъ Богочеловѣческой власти Иисуса Христа, а по Достоевскому Церковь имѣетъ нравственное основаніе для господства надъ государствомъ, какъ носительница и выразительница высшихъ духовныхъ потребностей и стремленія людей. Если въ католической системѣ Церковь приражается государства и до извѣстной степени перерождается въ него, то въ православномъ пониманіи симфоніи государство призывается къ пріобщенію церковныхъ началъ и къ отклоненію отъ себя всякихъ цѣлей, не сходныхъ съ церковными, призывается усвоить себѣ духъ и направленіе Церкви.

Смыслъ православной теоріи симфоніи.

Здѣсь идея противоположная ультрамонтанству, ибо, если въ ультрамонтанствѣ Церковь воспринимаетъ основы и цѣли государства, какъ Римская Церковь въ средніе вѣка, то въ православной симфоніи государство стремится уподобляться Церкви. Государство не устраняется, не уничтожается, но восходитъ до Церкви, какъ говоритъ Достоевскій въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Въ этой системѣ Іерархіи отводится первенствующее положеніе и передъ руководствомъ ея склоняются и руководители государства, но здѣсь нѣтъ принудительнаго повиновенія, какъ его вообще нѣтъ въ Церкви. Здѣсь предполагается такое проникновеніе и одухотвореніе нравственными началами, что государственная власть, проникаясь ими, свободно прибѣгаетъ къ совѣту тѣхъ, кто по положенію своему призванъ служить только дѣлу Христову. Къ этому безконечно отдаленному идеалу и призывается государство въ православной теоріи симфоніи. Это нравственное подчиненіе бытовыхъ началъ церковныхъ иллюстрировалъ Ключевскій въ своей статьѣ: „Содѣйствіе Церкви успѣхамъ русскаго гражданскаго права и порядка“¹.

¹ Частнымъ примѣромъ оцерковленія государственнаго института является и внесеніе въ 1832 г. императоромъ Николаемъ I въ основные законы Русскаго Государства ст. 142 (статья 185 по изданію 1906 года), по

При тѣсномъ союзѣ Церкви и государства непосредственныя ихъ основныя задачи остаются различными. Государство прежде всего занято обезпеченіемъ временнаго благополучія человѣка, а Церковь имѣетъ въ виду доставленіе средствъ къ внутреннему успокоенію и блаженству не только на землѣ, но и на небѣ.

Но здѣсь есть и согласіе въ цѣли, ибо согласно 1 Тим. 11, 2—3 жизнь тихая и безмятежная, которую призвано дать государство, является средствомъ, чтобы жить въ благочестіи и чистотѣ. Церковь желаетъ этой спокойной жизни, чтобы имѣть возможность лучше содѣйствовать при этихъ условіяхъ достиженію своихъ цѣлей. Церковь не устраняетъ земныхъ цѣлей государства, но направляетъ ихъ къ своимъ высшимъ цѣлямъ. Ища града грядущаго, она перестраиваетъ и градъ пребывающій, черезъ это упрочивая и гражданское благосостояніе; она приводитъ въ гармонію право съ нравственностью, ибо справедливое юридически не всегда нравственно доброе; справедливое юридически можетъ быть нравственно не добрымъ, а несправедливое юридически можетъ обратиться въ нравственно доброе. Истинные христіане предпочитаютъ требованія нравственности. Кромѣ такой переработки права, Церковь оказываетъ нравственное вліяніе на право, преображая принудительныя требованія права въ свободную привычку, и повышая нравственный уровень человѣчества замѣной принудительныхъ требованій права свободной потребностью въ правдѣ. Достоевскій рисуетъ конечный идеаль, когда государственный уголовный судъ будетъ замѣненъ церковнымъ судомъ, уголовныя наказанія получатъ исключительно исправительный характеръ, и высшей карой будетъ кара совѣсти; но это будетъ тогда, когда государство будетъ стоять не на семи праведникахъ, а вполне переродится въ духѣ Церкви, когда осуществится царство правды и мира христіанскаго (Рим. 14, 17), любви и единства внутренняго во Христѣ (Іоан. 17, 21; Еф. 4, 13; 3, 14—19), котораго мы должны желать по слову Спасителя (Мѡ. 6, 10): "Да пріидетъ Царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли". Вотъ смыслъ православной теоріи симфоніи, юридическое содержаніе которой нами было раскрыто предварительно въ опредѣленіи взаимныхъ правовыхъ сферъ Церкви и государства, сферы смѣшанной или общей и въ ихъ соотношеніи.

которой требуется, чтобы бракъ лица, могущаго наслѣдовать престолъ, отвѣчалъ каноническимъ требованіямъ въ отношеніи вѣроисповѣданія.

Это единеніе возможно лишь при условіи, если оба союза, и Церковь и государство, взаимно уважають полномочія другъ друга. Не можетъ быть этого единенія, если государство не считаетъ своей обязанностью предоставить свободу Церкви въ ея управленіи, ввѣренномъ ей по Божественному полномочию, или если Церковь покушается на свободу государства въ его свѣтской сферѣ.

Въ Православной Церкви нѣтъ централизаціи и стремленія къ свѣтскому господству; Церковь не покушалась на присвоеніе гражданскихъ правъ. Въ православномъ государствѣ Церковь **призывается вліять и перерождать государство, но не управлять государствомъ**. Здѣсь опять невольно напрашивается сопоставленіе съ Католической Церковью въ смыслѣ способовъ проведенія ею своей системы въ жизнь: при католической системѣ объемъ власти Папы неопредѣленно широкъ (мы видѣли разъясненія теоріи прямой, косвенной, руководящей власти Папы), а конгрегаціи (ордена) — независимыя отъ мѣстной Епископской власти, подчиненныя по принципу абсолютнаго послушанія Папѣ, могутъ являться въ составѣ государства инороднымъ для него тѣломъ. Примѣровъ политической дѣятельности орденовъ, диктуемой извнѣ, можно найти, напримѣръ въ исторіи Франціи за XIX вѣкъ, особенно въ эпоху 1825—1870 года и позже. По поводу этого вмѣшательства Папы во внутреннюю политику государства Ламенэ писалъ отъ 5 ноября 1833 г. Папѣ: „*Ma conscience me fait un devoir de déclarer en même temps que, selon ma ferine persuasion, si dans l'ordre religieux le chrétien ne sait qu'écouter et obéir, il demeure à l'égard de la puissance spirituelle, entièrement libre de ses opinions, de ses paroles et de ses actes dans l'ordre purement temporel*”¹. Исторія показываетъ, что Папы не проводили послѣдовательно одного и того же принципа даже въ отношеніи политической формы правленія. Такъ Папа Григорій XVI въ Энцикликѣ 15 августа 1832 г. громилъ демократическій принципъ 1789 г. и считалъ преступленіемъ противъ вѣры *le fait d'ébranler la fidélité et la soumission qui étaient dus souverains*,² а Папа Левъ XIII въ 1892 г. провозгласилъ, что Церковь не канонизируетъ опредѣленной формы правленія, а потому и республика не противна ученію Церкви. Не надо забывать впрочемъ, что обязательный авторитетъ Папы многими

¹ „Моя совѣсть вынуждаетъ меня объявить одновременно, что по моему твердому убѣжденію, если въ религіозномъ порядкѣ христіанинъ долженъ только слушать и повиноваться, онъ остается однако по отношенію къ духовной власти совершенно свободнымъ въ своихъ мнѣніяхъ, въ своихъ словахъ и въ своихъ дѣйствіяхъ въ порядкѣ чисто свѣтскомъ”.

² Колебаніе вѣрности и подчиненія, обязательнаго въ отношеніи государей.

не распространяется на политическую сферу, какъ то признали, между прочимъ, французскіе Епископы роялисты, отказавшіеся нарушить вѣрность присяги монарху, несмотря на приглашеніе Папы Пія VII признать его конкордаты съ Наполеономъ. Въ то же время терминъ непогрѣшимости, будучи распространенъ на дѣла не только вѣры, но и нравовъ, можетъ охватить руководство не только духовное, но и свѣтское. Также неопредѣленно устанавливаетъ объемъ непогрѣшимости и 9-й канонъ схемы De Ecclesia Ватиканскаго Собора: „Si quelq'un dit que l'infailibilité de l'Eglise est restreinte aux choses contenues dans la révélation divine, et qu'elle ne s'étend pas aussi a toutes les vérités nécessaires á la conservation intérieure au dépôt de la révélation, qu'il soit anathème"¹.

Но государство не можетъ опасаться какихъ либо притязаній со стороны Православной Церкви, ибо послѣдняя утверждаетъ истину въ томъ видѣ, какъ она передана Апостоламъ, и не знаетъ власти, которая могла бы измѣнить вѣру. Православное государство знаетъ, что существующій между нимъ и Церковью миръ не можетъ быть нарушенъ, ибо его основа неизмѣнна.

Центръ единенія Церкви и государства въ царской власти.

Центромъ и фокусомъ этого единенія Церкви и государства является царская власть, озаряемая Православіемъ, и свободно признающая для себя обязательность церковнаго ученія, строя и дисциплины.

„Могущественный царь, говоритъ **Овербекъ**, сдѣлался бы слабъ и маломощенъ какъ дитя, если бы онъ оставилъ Православіе или сталъ бы ратовать противъ него. Но, когда онъ есть вѣрный его представитель, то становится и отцомъ, и его народы суть его дѣти, преданные ему". Царь — добровольный проводникъ церковнаго вліянія въ жизнь государства; **тогда какъ католическій король въ доктринѣ Силлабуса есть орудіе Папы.**

Теорія симфоніи и протестантизмъ. Протестантскій государь — носитель всей церковно-правительственной власти въ Церкви.

На противоположномъ полюсѣ съ положеніемъ католическаго короля стоитъ государь въ протестантскомъ государствѣ; **его положеніе родственно съ положеніемъ государя въ цезарепапист-**

¹ „Если кто нибудь утверждаетъ, что непогрѣшимость Церкви ограничена вещами, содержащимися въ Божественномъ Откровеніи, и что она не простирается также и на всѣ истины, необходимыя для внутренняго охраненія сокровища Откровенія, то да будетъ онъ анаѣма".

ской теоріи, однако съ несравненно большими возможностями для подчиненія Церкви государственной власти, ибо государю при цезарепапизмѣ все же противостоитъ полная организація церковно правительственной власти въ лицѣ Іерархіи, которая можетъ быть извѣстной преградой въ засиліи, тогда какъ въ протестантизмѣ Іерархіи нѣтъ, и вся церковно-правительственная власть, принадлежащая Церкви, переносится на государя, и эта церковная власть, перенесенная на государя, являясь придаткомъ къ его государственной власти, предоставляетъ ему полный просторъ въ церковныхъ дѣлахъ.

Самое ученіе о Церкви въ протестантизмѣ лишаетъ возможности противопоставить ее, какъ особый союзъ, государству, и потому не можетъ ставиться и вопросъ о симфоніи между ними. По опредѣленію Каля, въ то время, какъ Церковь Католическая уже по самому ученію о ея основаніи, и по самому понятію о ней, есть правовой организмъ, Евангелическая Церковь есть по существу духовная Церковь.

Евангелическая Церковь отличается духовнымъ характеромъ; это не значить, что она лишена правопорядка, но она его не носитъ въ себѣ, онъ не принадлежитъ къ ея учрежденію и къ существу понятія о ней.

Евангелическая Церковь не признаетъ себя обладательницей порядка, даннаго Богомъ.

У нея нѣтъ правового порядка, который бы она получала отъ Бога, какъ необходимую составную свою часть. Она не производитъ отъ своего Основателя никакой власти, кромѣ чисто духовной власти проповѣдывать Евангеліе и раздавать таинства, а всякое правообразование на землѣ по ея ученію есть дѣятельность человѣческая. Она отвергла церковную организацію, устроенную по ветхозавѣтному образцу, и признала всеобщее священство всѣхъ вѣрующихъ. Св. Писаніе и вѣроисповѣдныя книги составленныя при Реформаціи — рамка для совершенно свободнаго созданія обычнаго права; у нея есть своя дисциплина, но она не наказываетъ, а только заявляетъ въ случаѣ нужды о прерваніи общенія съ провинившимся. **Чего не достааетъ въ Евангелической Церкви въ смыслѣ правомъ, то она получаетъ отъ государства, отъ котораго получаетъ всю правительственную организацію. Церковное законодательство создается въ виду этого тѣмъ же путемъ, какъ государственное; чины государства управляютъ Церковью, и Церковь стано-**

вится государственнымъ учрежденіемъ, лишеннымъ самостоятельности. Во всей полнотѣ это отсутствіе самостоятельной церковной организаціи въ протестантизмѣ сказывается въ теоріи Зома, которая видитъ въ государственномъ законодательствѣ единственный источникъ права церковнаго. Однако, это настолько несовмѣстимо для сознанія, принимающаго, что Церковь имѣетъ свои, установленныя свѣше заданія, что есть и въ протестантизмѣ теоріи, обнаруживающія искру церковности, оставшейся отъ прежней жизни въ лонѣ католицизма, теоріи, производящія государственное законодательство по церковнымъ дѣламъ не изъ государственныхъ полномочій государственной власти, а изъ ея церковно правительственныхъ полномочій, ввѣренныхъ государственной власти Церковью въ силу историческихъ обстоятельствъ, не по Божественному праву. Въ этой теоріи государственная власть въ церковныхъ дѣлахъ дѣлаетъ не свое дѣло, а чужое, переданное ей общиной, за неимѣніемъ Епископата. Рѣшеніе нѣкоторыхъ существенныхъ церковныхъ дѣлъ должно опираться на согласіе Церковнаго союза. Если по существующему устройству есть Синодъ, то высказывается онъ, а, если, его нѣтъ, то право принятія и отклоненія по такимъ дѣламъ (вѣры и церковнаго устройства) передаются общинамъ, причемъ **создана фикція, принимающая молчаніе общинъ за ихъ согласіе.** Но эта система ведетъ къ паденію въ обществѣ религіозныхъ началъ, и вліяніе Церкви слабѣетъ, **ибо государство беретъ на себя задачу, принадлежащую Церкви.** Государство, благодаря этой системѣ и ея вліянію на всѣ государства Европы, перестаетъ быть въ зависимости отъ представляемаго Церковью начала, не принимаетъ во вниманіе церковные законы.

Современное государство, освободившееся отъ церковныхъ началъ.

Освободившись отъ церковныхъ началъ, государство возвращается къ естественнымъ началамъ государственной жизни, столь же противоположнымъ, какъ языческія христіанскимъ. Государство подпадаетъ подъ вліяніе языческихъ началъ: матеріализма, крайняго эгоизма, снова разлагается семья, вознесенная въ христіанствѣ на степень таинства, религіозное воспитаніе, имѣющее въ виду выработку нравственной личности, замѣняется чисто гражданскимъ, имѣющимъ въ виду только государственное общежитіе и личность, только какъ его единицу. Этимъ подрывается основное начало христіанской цивилизаціи, провозгласившей

самоцѣнность нравственной личности человека; черезъ это нравственное начало понижается, и общество падаетъ. Въ упоеніи этой стороной культуры, которая оставила и свою Церковь и переживаетъ кризисъ своихъ идеаловъ, вырождающихся въ язычество, у русскихъ тускнѣло сознаніе своей вѣроисповѣдной и, слѣдовательно, культурной самобытности; надо вспомнить, что политическая культура русская послѣднихъ двухъ вѣковъ не есть выраженіе русскаго самосознанія, а продуктъ перевариванія ученій, созданныхъ въ другихъ историческихъ условіяхъ и чуждыхъ православной стихіи. Мы имѣемъ въ виду перенесеніе въ жизнь, при переустройствѣ русскихъ высшихъ церковныхъ учреждений въ XVIII вѣкѣ, идей и ученій, остріемъ своимъ направленныхъ совершенно искусственно противъ католической теократіи, безъ того побужденія къ тому, которое существовало въ историческихъ условіяхъ западной Европы, ученій прибѣгшихъ къ государству, какъ оплоту для новыхъ языческихъ стихій противъ католическаго папизма. Если раньше борьба была между лицами — императорами и Папой, то теперь выплыла на сцену борьба христіанскихъ принциповъ жизни противъ идейнаго ихъ отрицанія. „Христіанство явилось не съ тѣмъ, чтобы стѣснить необходимыя функціи человѣческой жизни въ родѣ государства, а напротивъ освободить человека отъ рабства своимъ грѣховнымъ потребностямъ, подавлявшимъ языческій міръ, дать помощь высшимъ силамъ человѣческаго духа, въ достиженіи имъ посредствомъ науки полнаго созерцанія истины, и, посредствомъ развитія государственной жизни, такой формы общежитія, которая была бы достойнымъ выраженіемъ царства Божія на землѣ. Но все это возможно съ точки зрѣнія истинной сущности христіанства, возможно въ Церкви, воплощающей полноту истины Христовой, а не съ точки зрѣнія исходящей изъ односторонняго воззрѣнія на него. Эта односторонность сказывается въ отношеніи къ государству. Христіанство не можетъ не стремиться къ приближенію царства Божія на землѣ и съ этой цѣлью провозглашаетъ идеи, осуществленіе которыхъ должно вести къ усовершенствованію формъ человѣческаго общежитія. Возвысивъ значеніе личности, оно отмѣнило рабство, оградило права женщинъ и дѣтей, ослабило гнетъ государства надъ личностью, и въ немъ задатки такихъ отношеній, которыя призваны быть достойнымъ выраженіемъ Церкви Божіей на землѣ.

Католическое стремленіе къ политической теократіи.

Римскій католицизмъ, исходя изъ этой идеи, стремится основать общечеловѣческое царство (*civitas Dei*), которое соединило бы человѣчество въ одинъ церковный организмъ съ одной главой. Но при одностороннемъ пониманіи христіанства (воспринятаго преимущественно со стороны внѣшней законности, подобно юдаизму) это естественное и законное стремленіе выражалось въ тираннію, противъ которой возстали національныя царства. **Понявъ христіанство, какъ новую политическую теократію на подобіе ветхозавѣтной, католицизмъ при своей объединительной дѣятельности выступилъ не столько въ качествѣ церковной, сколько въ качествѣ могущественной имперіи,** имѣющей поглотить всѣ народы и государства. Григорій VII объявилъ, что единственный государь, власть котораго отъ Бога, — Папа, а отдѣльныя государства — порожденія неправды и язычества, разбоя и содѣйствія дьявола.

Теорія всемогущества государства, какъ протестъ противъ папскаго всемогущества.

Протестомъ противъ этой универсальной власти Папы и явилась теорія всемогущества государства, **нашедшая себѣ выраженіе въ ученіяхъ естественнаго права, появившихъ и къ намъ въ Петровскую Россію черезъ Гроція и Пуффендорфа.** Эта было принципиально полный переворотъ идей. Договорная теорія происхожденія государственной власти всю власть въ государствѣ и въ Церкви давала государству, а система територіализма дѣлала государя верховнымъ правителемъ и въ религіозной области; именно она устанавливала *cujus religio ejus religio*, и государь признавался правомочнымъ производить реформы въ Церкви въ силу *jus reformandi*. Петръ I въ манифестѣ объ учрежденіи Духовной Коллегіи опредѣленно указывалъ на свою обязанность исправленія чина духовнаго, т. е. реформъ въ области церковной, а въ знакъ признанія его источникомъ этой власти учреждена была присяга членовъ Синода: „Признаю и клятвою утверждаю, что Верховный Судья сего Св. Синода есть Императоръ Всероссійскій, нашъ Государь Всемиловитѣйшій“. Ст. 43 Основныхъ Законовъ укрѣпляла эту теорію, глася: „Въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Св. Правит. Синода, ею учрежденнаго“. Эта статья — прямой продуктъ вліянія нѣмецкой философіи естественнаго права, въ которой православному ученію о самобытномъ

происхожденіи церковной власти и ея самостоятельности не оставлено мѣста.

Теорія естественнаго права, игнорирующая связь государства съ Церковью, и предоставляющая полное равенство всѣмъ религіямъ, даетъ отвлеченную паритетную систему, нигдѣ въ дѣйствительности въ Европѣ не получившую осуществленія. Современное правовое государство не опирается на положительныя воззрѣнія какого либо одного вѣроисповѣданія. Но при этомъ оно въ вопросѣ оцѣнки положенія вѣроисповѣданій исходитъ изъ идеи свободы индивидуальной религіозной совѣсти, перенося ее на свободу религіозныхъ обществъ, и становится въ равныя отношенія ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, и одинаково обезпечиваетъ и покровительствуетъ имъ всѣмъ, при полномъ равенствѣ политическихъ и гражданскихъ правъ для всѣхъ подданныхъ независимо отъ религіи. Но, если стоять на точкѣ зрѣнія той же естественной справедливости, можно оцѣнивать каждое вѣроисповѣданіе съ точки зрѣнія его культурно-историческаго значенія для даннаго государства, и потому оказывать ему предпочтеніе передъ другими. Напримѣръ, если принять во вниманіе культурное значеніе Православной Церкви въ созданіи русскаго государства и широкой кругъ его воздѣйствія, вслѣдствіе преобладанія Православныхъ его жителей, хотя бы по количеству, то нельзя оспаривать того, что оно должно имѣть первенствующее значеніе. Эта такъ называемая конфессіональная система въ отношеніи къ вѣроисповѣданіямъ естественно вытекаетъ изъ теоріи симфоніи. Паритетная система отношеній, вытекающая изъ идей естественнаго права, на дѣлѣ не оставляла государства безъ всякаго міросозерцанія, ибо какимъ либо міросозерцаніемъ должно было руководиться государство, и оно ознаменовало въ XIX вѣкѣ свою дѣятельность смѣной христіанскаго міросозерцанія нехристіанскимъ, атеистическимъ, или антихристіанскимъ. Доказательствомъ тому въ Германіи — эпоха культуркампфа 70-хъ годовъ, во Франціи — законодательство Вальдекъ Руссо и Комба въ началѣ 1900-хъ годовъ и доведеніе тѣхъ же идей въ Совѣтской Россіи до ихъ логическаго конца, въ несравненно, конечно, болѣе грубой и уродливой формѣ съ тѣмъ же господствомъ идей антихристіанскихъ вплоть до созданія сатанократіи.

Исторія теоріи симфоніи въ Византіи и русскомъ законодательствѣ.

Теоріи симфоніи въ памятникахъ церковнаго и государственнаго законодательства, въ частности на VII Вселенскомъ соборѣ.

Русское государство до Петра I свои отношенія къ Церкви опредѣляло всецѣло подъ Византійскимъ вліяніемъ и, какъ мы видѣли, въ **42 гл. Кормчей**, какъ догму права, принимало теорію симфоніи. Эта теорія имѣетъ за себя доюстиніановскую давность. Проф. Остроумовъ въ засѣданіи Предсоборнаго Присутствія 1906 г. цитировалъ, какъ зародышъ ея, **Апостольскія** Постановленія (11, 34), гдѣ сравнивается епископское и царское достоинство: „Царь занимается только военными дѣлами, заботясь о войнѣ и мирѣ, чтобы охранять тѣло, а Епископъ проходитъ Священство Божіе, отклоняя отъ опасностей тѣло и душу. Итакъ, восколько душа превосходитъ, восколько Священство превосходитъ царство, ибо оно связываетъ и разрѣшаетъ достойныхъ наказанія или прощенія". Этотъ первоисточникъ симфоніи изоблачаетъ ея церковное происхожденіе. **VI Юстиніановская новелла** переноситъ симфонію изъ сферы ученія Церкви въ сферу государственную, дѣлая ее официальной теоріей Византійскаго государства. Съ признаніемъ двухъ властей она требуетъ между ними нѣкоего благосогласія, приносящаго пользу человѣческому роду. Но отношенія между ними опредѣляются не юридически, а симфоническимъ согласіемъ, опредѣляемымъ фактически согласно своеобразной природѣ такихъ двухъ разнородныхъ факторовъ, какъ Церковь и государство, подобно тому, какъ устанавливаются отношенія между тѣломъ и душой. Послѣ Юстиніана эта теорія повторялась и въ авторитетнѣйшихъ церковныхъ актахъ, и въ государственномъ законодательствѣ. Среди первыхъ особенно знаменательно посланіе Епископовъ Патріарху Тарасію, прочитанное въ **засѣданіи VII Всел. Собора** и занесенное въ Дѣянія этого Собора въ его русскомъ Казанскомъ изданіи (Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ, т. VII, 98 стр.). „Онъ воздвигъ намъ рогъ спасенія (Лук. 1, 69) и исправленія въ домѣ и богопріятномъ храмѣ Единороднаго Сына Своего Господа и Бога Спасителя нашего Іисуса Христе. Этотъ рогъ — вы, святѣйшій, а также и **занимающіе по церковному установленію 2-ое мѣсто** (въ Церкви) боговѣнчанные и богоизбранные императоры наши и владыки вселенной. Священство есть освященіе и укрѣпленіе царства, а царство сила и твердыня священ-

ства. Объ этомъ одинъ мудрый государь и блаженнѣйшій изъ царей сказалъ: „Величайшій даръ далъ Богъ людямъ: Священство и царство; первое упорядочиваетъ и заботится о небесномъ, а второе, посредствомъ правовыхъ нормъ, управляетъ земнымъ. Нынѣ по истинѣ средостѣніе правды разрушено, согласіе (симфонія) одержало верхъ надъ разногласіями, разъединеніе уступило мѣсто единенію и разномысліе изгладилось". Посланіе это отводитъ императору 2-ое мѣсто въ Церкви; это нисколько не противорѣчитъ тому, что власть его въ Церкви по существу своихъ проявленій ниже Епископской, но она пространственно шире, ибо каждый Епископъ имѣетъ власть только въ Епархіи, а въ цѣлой Церкви только, какъ членъ Собора; между тѣмъ власть императора, какъ стража Церкви, подобно Патріаршей, простирается на всю Помѣстную Церковь, но она остается властью стража и не дѣлается интегральной частью церковной власти. Но это положеніе главнаго стража Церкви и давало превосходство императору надъ всѣми другими свѣтскими государями, независимыми въ территоріальномъ отношеніи. Онъ въ своемъ положеніи главнаго стража Церкви для всѣхъ — примѣръ вѣрности къ Церкви и усердія къ ней. Въ цитированномъ посланіи разумѣется, конечно, миръ Христовъ, во имя Христа, знаменующій миръ человѣка съ Богомъ исповѣданіемъ Его ученія и жизнью по вѣрѣ въ Него, по Его заповѣдямъ, безъ компромисса съ совѣстью, а не миръ дипломатическій, основанный на взаимныхъ уступкахъ равноправныхъ сторонъ ради взаимнаго внѣшняго чисто человѣческаго умиротворенія и спокойствія. Та же симфонія и въ другихъ послѣюстиніановскихъ памятникахъ государственнаго законодательства. Въ Эпанагогѣ императора Василия Македонскаго въ § 8 гл. 3 говорится о взаимномъ отношеніи царя и Патріарха, т. е. между Священствомъ и царствомъ, какъ объ отношеніи души и тѣла, и въ ихъ согласномъ дѣйствіи, въ симфоніи, опредѣляетъ благо государства. Болѣе подробно ту же мысль выразилъ въ XII вѣкѣ императоръ **Іоаннъ Комнень** въ посланіи къ Папѣ Григорію: „Два предмета въ продолженіе моего царствованія я признавалъ совершенно отличными одинъ отъ другого: это власть духовная (т. е. священство), которая отъ великаго и высочайшаго Первосвященника, князя міра, Христа дарована Его Апостоламъ и ученикамъ, какъ благо неизмѣнное, черезъ которое по Божественному праву они получили власть вязать и рѣшить всѣхъ людей, а другой предметъ — это власть мірская (т. е. царство), обращенная ко временному по Божественному слову: „Воз-

дайте Кесарю, что ему принадлежит", — власть, заключенная въ своей сферѣ. Эти двѣ господствующія въ мірѣ власти, хотя раздѣльны и различны, но дѣйствуютъ къ обоюдной пользѣ въ гармоническомъ соединеніи (симфоніи), вспомоществуя и дополняя одна другую. Онѣ могутъ быть сравнимы съ двумя сестрами — Марфой и Маріей, о которыхъ повѣствуется въ Евангеліи. Изъ согласнаго обнаруженія этихъ властей проистекаетъ общее благо, а изъ враждебныхъ отношеній великій вредъ" (Пихлеръ, Ів. 1, 286). Это посланіе совершенно точно поясняло догму права, принятую въ законодательныхъ памятникахъ. Замѣтимъ, что въ XIV вѣкѣ Алфавитная Синтагма **Матвѣя Властаря**, которая служила практическимъ руководствомъ, въ главѣ VIII подъ буквой „п" повторяетъ ту же идею, варьируя нѣсколько выраженіе: „Величайшія и необходимѣйшія части государства, составляемаго, подобно человѣку, изъ частей и частицъ, суть царь и Патріархъ; посему миръ и счастье подданныхъ и по душѣ, и по тѣлу заключается въ единомысліи и согласіи во всемъ Священства и царства". Теорія царя — великаго Первосвященника, теорія противорѣчащая теоріи симфоніи, о которой мы говорили раньше, была, по словамъ **Симеона Солунскаго**, придумана льстецами для оправданія незаконныхъ и противоканоническихъ вторженій свѣтской власти въ церковную сферу. Ее проводилъ Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на 69 правило Трульскаго Собора. Онъ сопоставилъ языческаго императора Тиверія съ христіанскимъ императоромъ, какъ Архіереемъ. Говоря, что православные императоры съ призываніемъ Святой Троицы назначаютъ Патріарховъ и, будучи помазанниками Божіими, невозбранно входятъ въ святой алтарь и кадятъ и дѣлаютъ знаменія креста съ трикиріемъ, какъ и Архіереи, пишетъ: „Въ XIX Словѣ древностей Юсифа Флавія находится слѣдующая императорская надпись: „Тиверій Клавдій Германикъ, величайшій Архіерей, консуль во второй разъ облеченный трибунной властью". А какъ царствующій императоръ есть и помазанникъ Божій по причинѣ помазанія на царство, а Христосъ и Богъ нашъ есть между прочимъ и Архіерей, то благословно и императоръ украшается архіерейскими дарованіями". Эту теорію проповѣдывалъ и **Дмитрій Хоматинъ**, Архіепископъ Охридскій, и **Макарій Анкирскій**, но она противорѣчитъ церковному ученію о природѣ Христовой Церкви и назначеніи Православнаго государства, а также и официальной догмѣ Византійскаго государственнаго права. Въ Россію эта догма перешла, по опредѣленію проф.

Остроумова, черезъ Номоканонъ І. Схоластика въ болгарскомъ переводѣ; тамъ въ числѣ 87 главъ, взятыхъ І. Схоластикомъ изъ Юстиніановскихъ новеллъ, включена 6 новелла Юстиніана.

Перенесеніе теоріи симфоніи изъ Византіи на Русь.

Она помѣщалась и въ Синтагмѣ канонівъ въ XIV титуловъ, приведенной, по изслѣдованію проф. Павлова, во всѣхъ Кормчихъ Софійской фамиліи. Когда во второй половинѣ XIII вѣка Митрополитъ Кириллъ І получилъ отъ Волгарскаго деспота Іакова Святослава сербскій переводъ Кормчей, содержащій въ себѣ сокращеніе церковныхъ правилъ (синопсисъ) съ толкованіемъ Аристіна, то въ этой Кормчей опять помѣщалось среди главъ І. Схоластика и предисловіе къ 6 новеллѣ Юстиніана, содержащее теорію симфоніи; черезъ это послѣдняя оказалась и во всѣхъ Кормчихъ Рязанской фамиліи. Послѣднія положены въ основу печатной русской Кормчей, и такимъ образомъ теорія симфоніи оказалась въ качествѣ дѣйствовавшего русскаго права. Эту же систему провозгласилъ, какъ руководящій принципъ, и Патріархъ Никонъ, когда не прежде согласился занять Патріаршій престолъ, какъ получилъ клятву царя и бояръ въ томъ, что они предоставятъ ему управлять Церковью по канонамъ. „Если вамъ угодно, чтобы я былъ у васъ Патріархомъ, говорилъ онъ 22 Іюля 1652 года въ Успенскомъ Соборѣ, дайте мнѣ ваше слово и произнесите обѣтъ въ этой Соборной Церкви передъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ и Его Пречистою Матерью, Ангелами и всѣми Святыми, что вы будете содержать Евангельскіе догматы и соблюдать правила Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ и законы благочестивыхъ царей. Если общаетесь слушаться и меня, какъ вашего главнаго Архипастыря и отца, во всемъ, что буду возвѣщать вамъ о догматахъ Божіихъ и о правилахъ, въ такомъ случаѣ, я по вашему желанію и прошенію не стану болѣе отрекаться отъ великаго архіерейства" (Ист. Макарьев., XII, 7 стр.). Еще болѣе рельефно Никонъ выставилъ теорію симфоніи въ рѣчи на Соборѣ въ мартѣ или апрѣлѣ 1654 г. Высказавъ общія мысли, что нѣтъ ничего богоугоднѣе, какъ поучаться въ заповѣдяхъ Божіихъ и крѣпко на нихъ утверждаться, онъ сказалъ: „По словамъ благочестиваго царя Юстиніана, два величайшіе дара даровалъ Богъ людямъ по своей благодати: священство и царство, изъ которыхъ одно служитъ Божественнымъ, а другое правитъ человѣческими (дѣлами), но оба, происходя отъ одного и того же начала, Украшаютъ человѣческую жизнь; они тогда только могутъ выполнить свое

призваніе, если будутъ заботиться о сохраненіи между людьми божественныхъ заповѣдей и церковныхъ правилъ" (Ів., 140 стр.). Здѣсь Никонъ выразилъ идею самостоятельной природы Церкви и теорію симфоніи въ ея обычномъ православномъ пониманіи. Въ этомъ православномъ сознаніи онъ искалъ опоры для церковнообрядовой реформы, когда ссылался на то, что грамота Патріарховъ 1593 г. призываетъ къ единенію въ вѣрѣ и обрядахъ; и въ этомъ же церковномъ сознаніи онъ искалъ опоры противъ цезарепапистскаго отношенія къ Церкви, когда ссылался въ своемъ „Раззореніи" на Святыхъ Отцовъ и на Эпанагогу, вдохновлявшуюся понятіями Патріарха Фотія, о двухъ раздѣльныхъ порядкахъ бытія, во главѣ которыхъ стояли царь и Патріархъ. Теорія симфоніи помѣщена Никономъ въ напечатанной въ 1656 г. „Скрижали".

Замѣна теоріи симфоніи утилитарной системой при Петрѣ I.

Ударъ по симфоніи въ русскомъ правѣ въ смыслѣ принятія иного пониманія природы права Церкви на управленіе въ своихъ дѣлахъ и иное обоснованіе права государства въ отношеніи его къ церковнымъ дѣламъ нанесъ Петръ I въ своемъ Духовномъ Регламентѣ, подготовленномъ рядомъ законовъ, изданныхъ имъ о монастыряхъ, о церковномъ землевладѣніи, о монашествѣ, въ которыхъ руководящей идеей служило утилитарно понятое благо государства, опредѣляемое самостоятельнымъ и независимымъ усмотрѣніемъ государственной власти, могущей исходить изъ любой философской теоріи, а не изъ стремленія согласовать благо государства съ успѣхомъ Церкви. Эта новая система тяжелѣй для Церкви, чѣмъ цезарепапизмъ, ибо въ системѣ цезарепапизма, хотя императоръ восхищается на себя власть церковную, но не отрекается отъ служенія идеѣ Церкви, напротивъ, признаетъ это служеніе своимъ долгомъ уже въ силу своего сана: вопросъ въ цезарепапизмѣ по существу касается распредѣленія церковныхъ функцій между императоромъ и духовной Іерархіей, а не вопроса, долженъ-ли государь помнить интересы Церкви. Напротивъ, въ нѣмецкой теоріи императоръ располагаетъ всей властью въ силу обладанія территоріей и принципиально не связанъ служеніемъ Церкви; онъ можетъ вдохновляться и другими не церковными идеалами. Теорія симфоніи, исходя изъ признанія двухъ равноправныхъ самостоятельныхъ союзовъ, Церкви и государства, въ дѣлахъ собственно церковныхъ отводитъ рѣшающее значеніе Церкви, въ дѣлахъ чисто свѣтскихъ — рѣшающее значеніе государству, а въ дѣлахъ

смѣшанныхъ призываетъ государство добровольно принимать наставленія Церкви. Однако эта теорія вовсе не требуетъ, чтобы Церковь и государство въ своихъ дѣлахъ обходились безъ взаимнаго призыва другъ къ другу и рѣшали дѣло, игнорируя интересы другого союза; она не допускаетъ однако самочиннаго вершенія одной властью дѣлъ въ сферѣ другой.

Петровская церковная реформа явила замѣну церковныхъ идеаловъ идеалами свѣтскими, содержаніе которыхъ мѣнялось въ зависимости отъ увлеченій той или иной философіей, будетъ-ли то Пуффендорфъ при Петрѣ, или Вольтеръ при Екатеринѣ II, или мистическое христіанство князя А. Н. Голицына съ библейскимъ обществомъ при Александрѣ I. Разумѣется, это отражалось на всемъ строѣ церковныхъ учрежденій и на отношеніи къ нимъ со стороны государственныхъ установленій.

О санкціяхъ въ защитѣ Церковью своихъ правъ.

Санкціи Церкви въ случаѣ превышенія государственной властью своихъ правъ.

Большое различіе между православнымъ и католическимъ пониманіемъ симфоніи, обусловливаемое различнымъ ученіемъ о духовной власти, состоитъ не только въ пониманіи духовной власти, но и, какъ слѣдствіе этого, въ различіи тѣхъ санкцій, которыя допускаются, въ случаѣ отказа свѣтской власти прекратить свое вторженіе въ церковную сферу. Мы видѣли, что въ католическихъ системахъ, санкціи эти варьируются въ зависимости отъ теоріи, между правомъ низложенія непокорнаго государя по усмотрѣнію Папы и правомъ разрѣшать подданныхъ отъ присяги повиноваться государю въ исключительныхъ случаяхъ нарушенія государствомъ нравственныхъ требованій, вытекающихъ изъ церковнаго ученія. Но православное пониманіе осталось на древней Апостольской и Святоотеческой точкѣ зрѣнія, которая предусматривала возможность преслѣдованія Церкви со стороны власти, законно существующей. Это — слезы, мольбы, увѣщанія, примѣненія церковныхъ наказаній и удаленіе отъ паствы, согласно: Мѡ. 10, 23-26; 10, 14, 15; Дѣян. 13, 44, 45, 51; Лук. 4, 28-30; Іоан. 7, 1; 8, 59; 10. 39, 40.

Paul Janet о политикѣ Святыхъ Отцовъ. Тертуліанъ.

"Il est vrai¹, говоритъ **Janet** (1, 289), qu'en introduisant un royaume de Dieu dans le royaume de ce monde, le christianisme soulevait par la même la question de savoir comment ces deux royaumes pourraient s'unir, s'entendre, se limiter. Mais cette question est à peine indiquée dans l'Evangile; c'est le problème du moyen âge et des temps modernes". А въ другомъ мѣстѣ:

„La Politique des Pères (1, 314) est en tout conforme à celle de Saint Paul: obéissance à l'état en tout ce qui n'est pas contraire à la loi de Dieu"². И Тертуліанъ противопоставляетъ подчиненіе христіанъ оппозиціонному духу римлянъ:

„Le chrétien n'est l'ennemi de personne; comment le serait-il de l'empereur qui a été établi par Dieu"?³. Но есть одинъ пунктъ, въ которомъ христіане — плохіе граждане:

⁴ „C'est en refusant de reconnaître **la divinité impériale**. „Je veux bien appeler l'empereur un maître, говоритъ Тертуліанъ, mais dans le sens ordinaire; non si l'on veut me forcer à avouer qu'il est maître à la place de Dieu. Je suis libre pour lui: Dieu est mon seul maître. Comment le père de la patrie serait-il un maître?" Telle fut la politique de l'Eglise, tant qu'elle fut persécutée. Lorsque elle devient victorieuse, cette politique ne changeait tout à coup. Ce fut alors le plus beau moment de la politique chrétienne. L'Eglise obéissante, mais respectée, n'intervenait auprès des empereurs que pour défendre la justice, employant contre le crime non pas l'anathème, mais la supplication; ne soulevant pas les sujets contre les souverains. mais fermant les portes de L'Eglise à celui qui s'en était rendu

¹ „Вѣрно, что, вводя царство Божіе въ царство міра сего, христіанство ставило тѣмъ самымъ вопросъ, какимъ образомъ могутъ соединяться, взаимно согласоваться и ограничиваться эти два царства. Но этотъ вопросъ едва указанъ въ Евангеліи; это — проблема среднихъ вѣковъ и новаго времени".

² „Политика Отцовъ вполне согласна съ политикой Св. Павла: повиновеніе государству во всемъ, что не противорѣчитъ Божьему Закону".

³ „Христіанинъ никому не врагъ, какъ же онъ могъ бы быть врагомъ императора, установленнаго Богомъ"?

⁴ „Это — отказывая признать императорское божество. Я хочу назвать императора, говоритъ Тертуліанъ, господиномъ, но въ обыкновенномъ смыслѣ, но не хочу, если меня заставляютъ признать, что онъ господинъ на мѣсто Бога. Я свободенъ въ отношеніи его; Богъ — мой господинъ. Какимъ образомъ отецъ отечества сталъ бы господиномъ? Такой была политика Церкви, пока ее преслѣдовали. Когда она стала побѣдоносной, политика не перемѣнилась сразу. Это былъ прекраснѣйшій моментъ христіанской политики. Церковь повинующаяся, но уважаемая, вмѣшивалась подлѣ императоровъ только ради защиты справедливости, употребляя противъ преступленія не анаѹему, но мольбу, не возбуждая подданныхъ противъ государей, но затворяя двери Церкви передъ тѣмъ, кто дѣлался ея недостойнымъ: таковъ былъ примѣръ, данный Св. Амвросіемъ, примѣръ, правда, опасный, которымъ позже злоупотребили, но который былъ только смѣлымъ дѣйствіемъ совѣсти и правомъ благочестія. Поддерживая нравственный авторитетъ Церкви и поддерживая въ опредѣленныхъ случаяхъ съ энергіей ея права, Св. Амвросій всегда признавалъ независимость и верховенство свѣтской власти: „Если императоръ требуетъ подати, говоритъ онъ, мы не отказываемъ; церковныя поля платятъ подать. Если императоръ хочетъ взять наши поля, онъ имѣетъ власть ихъ взять, никто не будетъ сопротивляться... Мы отдаемъ Кесарю Кесарево".

indigne. Tel fut l'exemple donné par **Saint Ambroise**, exemple dangereux, il est vrai, et dont on devait plus tard abuser, mais qui ne paraît alors que l'acte courageux de la conscience et le droit de la piété. Tout en maintenant l'autorité morale de l'Eglise et en soutenant dans certains cas ses droits avec énergie, Saint Ambroise a toujours reconnu l'indépendance et la supériorité du pouvoir temporel: „Si l'Empereur demande le tribut nous ne refuserons pas; les champs de l'Eglise payent tribut. Si l'empereur désire nos champs, il a le pouvoir de les prendre, personne ne résistera ... Nous payons à César ce qui est à César".

Св. Амвросій.

Амвросій писалъ:¹ Jésus Christ nous a donné une grande preuve de la soumission ou les chrétiens doivent être des puissances supérieures et de l'obligation où nous sommes de payer le tribut aux princes de la terre. Si le fils de Dieu a payé le cens, qui est tu donc toi qui prétends ne pas le payer? Lui l'a payé qui ne possédait rien, toi qui as recherché les gains du siècle tu ne reconnaitrais pas les obligations que tu dois au siècle.

Блаженный Августинъ о повиновеніи государству.

Въ томъ же смыслѣ Блаженный Августинъ: „Si la puissance ordonne quelque chose contre l'ordre de Dieu, méprisez la puissance. On nous dit Il n'y a point de puissance qui ne vienne de Dieu. Mais on oublie la suite du passage: Tout ce qui vient de Dieu est ordonné. **Donne nous donc une puissance qui soit bien ordonnée et nous ne résisterons pas**"². Церковь призывается сопротивляться только при нарушеніи Божественной заповѣди. Съ ея появленіемъ впервые возникаетъ вопросъ, неизвѣстный древнему міру, объ отношеніи Церкви и государства. Провозглашая царство Божіе, свободу совѣсти, что Богу надо повиноваться болѣе, нежели людямъ, христіанство освобождало человѣка отъ государства, давая ему иной законъ, иную цѣль, иной принципъ. **Какъ стоицизмъ освобождалъ теоретически человѣка отъ государства, дѣлая его гражданиномъ вселенной, такъ и христіанство освобождало его для небеснаго града, гдѣ царемъ Самъ Богъ.** И Церковь призываетъ поддержать среди міра миръ,

¹ „Иисусъ Христосъ далъ великій примѣръ подчиненія, которымъ Христіане обязаны высшимъ властямъ, и обязанности платежа податей земнымъ государямъ. Если Сынъ Божій платилъ подать, кто еси ты, что претендуешь ея не платить? Онъ ее платилъ, не имѣя ничего, а ты, ищущій прибыли земной, откажешься отъ обязанностей, которыя ты несешь по отношенію къ вѣку сему?"

² „Если власть приказываетъ что либо противъ Божественнаго порядка, презирайте власть. Намъ говорить: „Нѣсть власть аще не отъ Бога", но забываютъ продолженіе текста: все, исходящее отъ Бога, хорошо устроено. Такъ дайте намъ власть, хорошо устроенную, и мы не будемъ сопротивляться".

вѣру и чистоту нравовъ; она защищаетъ слабыхъ противъ сильныхъ, угнетаемыхъ противъ угнетателей; она выступаетъ посредникомъ между королями и народами, но власть эта остается властью нравственной.

Папа Григорій Великій о подчиненіи государству.

Еще въ VI вѣкѣ Папа **Григорій Великій** обращается къ Восточному императору съ увѣщаніями и наставленіями безъ принудительныхъ матеріальныхъ санкцій. Онъ востаетъ противъ запрещенія военнымъ поступать въ монахи.

„*Quie suis-je, dit-il, pour parler à mes maitres. que poussière e ver-misseau. Et cependarit comme je sens que cette loi est contraire au Dieu souverain, je ne puis me taire. Voi ci ce que le Christ répond pour moi, son serviteur et le votre: je t'ai fait Caesar empereur et père d'empereurs. J'ai con fite mes prêtres à ta main et tu veux enlever tes soldats à mon service? Je te le demande, pieux empereur, dis à ton serviteur de ce que tu répondras à ces paroles au jour du jugement*"¹. Папа Григорій Великій не отказываетъ въ повиновеніи императору:

„*Pour moi soumis a vos ordres j'ai fait savoir dans l'etendue de l'empire la loi que vous avez portée: Des deux cotés j'ai fait ce que j'ai du, en payant à l'empereur l'obéissance qu'il a le droit d'attendre, et endiasant pour Dieu ce que je croiais la vérité*"².

Протестъ духовенства противъ матеріальныхъ угрозъ Григорія VII, Бернардъ Клервоскій.

Впервые угроза низложенія, содержащаяся въ теоріяхъ, ложно приписанныхъ первымъ Папамъ и помѣщенныхъ въ Лжеисидоровыхъ декреталіяхъ, появившихся въ началѣ IX вѣка, употребляется Григоріемъ VII, при протестѣ имперскаго духовенства, писавшаго о немъ: „*Il s'élève au dessus de tout ce qui est respecté, comme s'il était Dieu lui même; et il se vante de ne pouvoir se tromper. Il délîe des hommes non du péché mais de la loi du Crist et des serments. Tout ce qu'il*

¹ „Кто я, чтобы говорить моимъ повелителямъ? только прахъ и червь! И однако, я не могу молчать, сознавая, что этотъ законъ противенъ Всемогущему Богу. Вотъ что отвѣчаетъ за меня — своего слугу Вашего Христосъ; я сдѣлалъ тебя, Цезарь, царемъ и отцомъ царей. Я ввѣрилъ тебѣ моихъ священниковъ, а ты хочешь отнять твоихъ солдатъ отъ службы Мнѣ? Я прошу тебя, благочестивый царь, скажи твоему слугѣ о томъ, что ты отвѣтишь на эти слова въ день суда?"

² „За себя, подчиненнаго вашимъ приказамъ, я обнародовалъ на пространствѣ Имперіи законъ, который Вы издали. Въ двухъ отношеніяхъ я исполнилъ свой долгъ: отдавая императору должное повиновеніе, котораго онъ вправѣ ожидать, и говоря за Бога то, что я почиталъ истиной".

dit, il l'appelle la loi de Dieu. Dieu a dit: Celui qui ceindra Tepee, perira par l'épée"¹.

Лучший протестъ противъ нарождавшейся средневѣковой теоріи папства явился въ нѣдрахъ самого католичества со стороны величайшаго человѣка, оставшагося вѣрнымъ Апостольскимъ традиціямъ, **Св. Бернарда:**

„Est ce que le champ n'est pas sous l'empire du fermier? le jeune enfant de son pédagogue? Et cependant le fermier n'est point le maître du champ, ni le pédagogue de son élève"...²

„Lequel vaut le mieux, disait il, et vous parait plus digne, de remettre les péchés ou de diviser les héritages? Ces soins infinis et matériels ont pour juges les rois et les princes lie la terre. Pourquoi envahir le territoire d'autrui? pourquoi étendre vos faux dans la moisson du voisin? И еще:³ Voici la voix du Seigneur dans l'Evangile: Les rois des nations dominant sur elles; qu'il n'en soit pas ainsi parmi vous. Il est donc évident que la domination est interdite aux apôtres... Allez maintenant et soyez assez hardis pour joindre la domination à l'apostolat; **si vous vous voulez posséder à la fois l'un et l'autre vous serez privés de tous les deux.** Autrement vous serez de nombre de ceux dont Dieu a dit: Ils ont régné mais non par Moi; ils ont commandé, mais Je ne les ai point approuvés. **Que si vous voulez régner de la sorte vous aurez la gloire mais non devant Dieu. Voilà ce qui vous est défendu voyons ce qui vous est ordonné.** Que celui qui est le plus grand parmi vous devienne comme le plus petit et que le premier soit votre serviteur. Voilà la règle prescrite aux apôtres. **La domination leur est défendue, et le service leur est ordonné.** Dira t'on que c'est détruire l'autorité peut se concilier avec l'absence de domination" (Janet I, 336). Но, какъ мы видѣли, не эта доктрина, а доктрина косвенной власти стала официальной доктриной

¹ „Онъ возвышается выше всего, что почитается, какъ если бы онъ былъ самъ Богъ; и онъ хвалится тѣмъ, что не можетъ ошибаться. Онъ разрѣшаетъ людей не отъ грѣха, а отъ Христова закона и присяги. Все то, что онъ говоритъ, онъ называетъ закономъ Божиимъ. Богъ сказалъ: взявшій мечъ погибнетъ отъ меча".

² „Развѣ поле не находится подъ властью фермера? Молодое дитя подъ властью своего воспитателя? И однако, фермеръ не хозяинъ своего поля, а педагогъ не хозяинъ своего воспитанника... Что лучше и кажется Вамъ болѣе достойнымъ отпускать грѣхи или дѣлить наслѣдства? Эти безконечныя и матеріальныя заботы вѣдаютъ короли и князья земли. Зачѣмъ захватывать чужую территорію? Захватывать серпомъ жатву сосѣда"?

³ „Вотъ Слова Спасителя въ Евангеліи: „цари народовъ господствуютъ надъ ними, но между вами да не будетъ такъ". Итакъ ясно, что властительство запрещено Апостоламъ... Идите теперь и будьте Достаточно смѣлы, чтобы соединить власть съ апостольствомъ; если вы хотите сразу имѣть и то, и другое, вы потеряете и то, и другое. Иначе вы будете изъ числа тѣхъ, о которыхъ Богъ сказалъ: они царствовали, но не Мною: они приказывали, но Я ихъ не одобрялъ. Если вы будете такъ царствовать, то будете имѣть славу, но не передъ Богомъ. Вотъ что вамъ запрещено; посмотримъ, что вамъ приказано. Пусть самый великій изъ васъ станетъ какъ самый меньшій и пусть первый будетъ вашимъ слугою. Вотъ правило, данное Апостоламъ. Властительство имъ запрещено, а служеніе на нихъ возложено. Скажутъ, можетъ быть, что это значитъ разрушать апостольскій авторитетъ, но авторитетъ можетъ совмѣщаться съ отсутствіемъ властительства".

Католической Церкви через внесение въ Силлабусъ соотвѣтствующаго тезиса.

Среди „Erreurs relatifs à l'Eglise et à ses droits" значитъ, какъ мы уже упоминали въ ст. 24 слѣдующее заблужденіе вѣка: L'Eglise n'a pas le droit d'employer la force; elle n'a aucun pouvoir temporel direct ou indirect¹. (Lett, apost. „Ad apostolicae" du 23 aout 1851) (изъ Debidour. Histoire des rapports de l'Eglise et de l'etat en France p. 729). Такое же противорѣчіе въ нѣдрахъ католичества мы видимъ даже среди самихъ соборныхъ правилъ. Такъ напримѣръ Констанцкій Соборъ выше Папы ставилъ Соборъ, а Ватиканскій Папу выше Собора, при чемъ опредѣленіе Папы ex cathedra считается непогрѣшимымъ не въ силу того, что его ученіе согласно съ ученіемъ Церкви, а ex sese, т. е. само по себѣ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ провозглашена безошибочность Папы въ дѣлахъ вѣры и нравовъ въ Ватиканѣ 18-VII 1870.

Въ „Enchiridion symbolorum definitionum et declarationum de rebus fidei et morum", Denzinger (p. 489), это выражено такъ:²

„Itaque Nos traditioni a fidei christianae exordio perceptae fide liter inhaerendo, ad Dei Salvatoris nostri gloriam religionis Catholicae exaltationem et christianorum populorum salutem, sacro approbante Gondio, docemus et divinitus revelatum dogma esse definimus: Romanum Pontificem, cum ex cathedra loquitur, id est, cum omnium Christianorum pastoris et doctoris munere fungens pro suprema sua Apostolica auctoritate doctrinam de fide vel moribus ab universa Ecclesia tenendam definit per assistentiam divinam ipsi in beato Petro promissam, ea infallibilitate pollere qua Divinus Redemptor ecclesiam suam in definienda doctrina de fide vel moribus instructam esse voluit; ideoque eiusmodi Romani pontificis definitiones **ex sese non autem ex consensu Ecclesiae irreformabiles** esse. Si quis autem huic Nostrae definitioni contradicere quod Deus avertat, praesumpserit, anathema sit". Распространеніе объема папской безошибочности на дѣла не только вѣры, но и нравственности, можетъ способствовать заостренію теоріи косвенной власти.

¹ „Церковь не имѣетъ права употреблять силы. Она не имѣетъ никакой свѣтской власти ни прямой, ни косвенной".

² „Поэтому мы, вѣрно держась преданія существующаго отъ начала христіанской эры, для славы нашего Бога Спасителя, для возвышенія католической религіи и спасенія христіанскихъ народовъ, съ одобренія Священнаго Собора учимъ и опредѣляемъ догму, Божественно открытую: Когда римскій первосвященникъ говоритъ ex cathedra, то есть, исполняя обязанность пастыря всѣхъ христіанъ и учителя, опредѣляетъ своимъ высшимъ Апостольскимъ авторитетомъ ученіе вѣры или нравственности для соблюденія всей Церковью черезъ Божественную помощь, обѣщанную ему во Блаженномъ Петрѣ, онъ имѣетъ силу безошибочности, которою Божественный Искупитель со благоволилъ снабдить Церковь Свою въ опредѣленіи ученія о вѣрѣ или нравственности; потому опредѣленія римскаго первосвященника безошибочны ex sese, а не въ силу согласія Церкви. Если же кто, чего Боже избави предположить, отвергаетъ это наше опредѣленіе, да будетъ анаѡема".

Символическое выражение симфонии. Вручение царем жезла Патриарху.

Символическимъ выраженіемъ симфоніи является врученіе жезла царемъ Патриарху передъ его интронизаціей въ особой церемоніи $\pi\rho\acute{o}\beta\lambda\eta\rho\iota\varsigma$ въ Византіи и въ Россіи во время интронизаціи. Обрядъ этотъ объясненъ **Симеономъ Солунскимъ** такъ: „The emperor himself alone gives the pastoral staff to patriarch; because he wishes to honour the Church, implying also at the same time that he personally accepts affectionately this individual now consecrated as his own pastor whom God has chosen for him" (Palmer, III, 282) (Palmer III, 283)¹.

А при вѣнчаніи на царство царя по чину читалось поученіе Патриархомъ, въ которомъ выражены его обязанности передъ Церковью. Чтобы отбѣнить значеніе теоріи симфоніи для жизни государства, надо вспомнить то значеніе, которое имѣютъ для него связанность съ неизмѣнными, освященными Церковью, идеалами.

О значеніи религіи для государства. Аристотель. Лактанцій. Папа Иннокентій II. Никонъ. Одно сужденіе проф. Масарика.

Аристотель пишетъ въ своей Политикѣ VII, 8: $\pi\rho\acute{o}\tau\omega\nu\ \eta\ \pi\rho\epsilon\rho\iota\ \tau\acute{o}\nu\ \theta\epsilon\acute{o}\nu\ \epsilon\pi\iota\mu\epsilon\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha$ т. е. религія есть первое дѣло государства, а **Лактанцій** въ сочиненіи „De ira Dei": „Timor Dei solus est qui custodit hominum inter se societatem"². Язычники сознавали, что государство сильнѣе религіей, чѣмъ стѣнами и цитаделями. (Cicero de legibus II, 6, 7). А о послѣдствіяхъ забвенія ея **Лактанцій** писалъ: „Religione justitiaque detracta, vel ad stultitiam pecudum amissa ratione devolvimur, vel ad bestiarum immanitatem"³ (безчеловѣчность). Объ этомъ говорилъ и **Папа Иннокентій II** въ письмѣ къ королю Лотарю: „Пускай удалять вѣру въ Божественнаго Искупителя изъ сердца человѣка и изъ нѣдръ человѣческаго общества, и индивидуальная и социальная жизнь окажется лишенной смысла и значенія". Мало того, нарушеніе государствомъ уваженія къ Церкви влечетъ за собой разрушеніе государства, о которомъ говорилъ и **Патриархъ Никонъ** и въ письмахъ, и на судѣ, когда по поводу обвиненій его въ томъ, что онъ говорилъ о зловѣщей кометѣ, сказалъ: „Когда Господь проклялъ городъ Виѳсаиду и Капернаумъ выше Содомы и Гоморры, проклятіе, вѣдь, подѣйствовало на страну видимымъ образомъ. Когда Господь предсказалъ

¹ „Самъ императоръ одинъ вручаетъ пастырскій посохъ Патриарху, ибо онъ желаетъ почтить Церковь, показывая въ то же время, что онъ лично принимаетъ съ преданностью это лицо, вновь посвященное, какъ своего собственнаго пастыря, котораго Богъ избралъ для него".

² „Только одинъ страхъ Божій сохраняетъ общество людей".

³ „Съ удаленіемъ религіи и справедливости мы опускаемся до глупой скотины, лишившись разума, или до свирѣпости дикихъ животныхъ".

разрушеніє Іерусалима и храма, разрушеніє не произошло сразу, а черезъ 40 лѣтъ. Также будетъ съ тѣми, кто согрѣшилъ теперь, и съ Москвой. Это не останется безнаказаннымъ" (Стр. 50, Предисл. въ IV т. у Пальмера). Также писалъ Никонъ въ письмѣ къ царю о явленіи ему Св. Петра Митрополита, говорившаго ему: „Брате Никоне, говори царю, почто онъ Святую и Великую Церковь преобидѣлъ, иже нами собранная святыя недвижимыя вещи восхитилъ безстрашно, и нѣсть ему на пользу се, но рцы ему, да **возвратитъ паки, яко гнѣвъ Божій того ради навелъ на ся:** дважды мору бывшу и колько тысящъ изомреша и запустѣша, и сущихъ нынѣ не имать предъ враги своими стати". Также и въ письмѣ Зюзину въ февралѣ 1660 г. онъ говорилъ о гибели царствъ, не почитающихъ священства¹.

Пальмеръ о возможности грядущаго отпаденія Россіи отъ христіанства и о возможности православной реакціи.

А Пальмеръ писалъ въ 70-хъ годахъ XIX вѣка въ IV т., Предисловіе, на 63 и 64 стр.² „What is to be the future of Russia? Sussia, quo spectat? **is it to be still German materialism and ultimately an apostasy even from the name itself of christianity?** Are the two empires of Russia and Prussia to be like to one another in their nature as in their names, like the Gog and Magog of the prophet Ezekiel? Or is there to be a

¹ Ту же мысль въ сужденіи о первичныхъ причинахъ самой русской революціи высказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ и столь далекій отъ Никона по своему общему міросозерцанію, въ XX вѣкѣ Массарикъ (Воспоминанія 158). Никонъ говорилъ о томъ, что царство безъ Церкви не прочно стоитъ, и теперь, послѣ паденія царства, Европейскій мыслитель возлагаетъ вину въ этомъ на пассивность Церкви, а пассивность эта, продолжимъ мы, — продуктъ ея порабоженія и потери того дерзновенія Іерархіей, которое Никонъ считалъ обязательнымъ ея свойствомъ. „Россія пала, пишетъ Массарикъ, должна была пасть изъ-за своей внутренней неправды, какъ бы сказалъ Кирѣевскій. Война была лишь великимъ поводомъ, при которомъ появилась наружу внутренняя неправда во всей своей наготѣ, и царизмъ палъ самъ собой. Царизмъ сумѣлъ цивилизовать Россію въ грубыхъ чертахъ, т. е. дать европейскія возможности дворянству, бюрократіи, офицерству, но мужикъ и солдатъ — мужикъ — Россія жили внѣ этой царской цивилизаціи, а потому и не защищали ея, когда во время войны она не смогла сама удержать себя, благодаря своей скудости и внутренней нищетѣ. Великую вину въ этомъ я приписываю Русской Церкви и ея пассивности; она виновата въ томъ, чего не дѣлала, т. е., что не заботилась въ достаточной мѣрѣ о моральномъ воспитаніи народа. То, что славянофилы, особенно Кирѣевскій хвалятъ въ Русской Церкви, то является именно ея величайшимъ недостаткомъ — Чаадаевъ видѣлъ лучше, чѣмъ славянофилы". Эту мысль надо продолжать указаніемъ, что Церковь была съ паденіемъ Никона постепенно лишена этой возможности, и вина падаетъ на государственную власть: надо это сознать открыто. Мысль Массарика отличается отъ мысли Никона о значеніи Церкви для царства только тѣмъ, что то, чѣмъ было пророчество Никона XVII вѣка, у Массарика въ XX вѣкѣ является въ результатѣ анализа прошлаго.

² „Какое будущее Россіи? Россія, куда идешь? Будетъ-ли то германскій матеріализмъ и наконецъ апостасія отъ самаго имени христіанства? Эти двѣ имперіи Россія и Пруссія, подобны ли другъ другу въ ихъ природѣ и въ ихъ именахъ подобно Гогу и Магогу пророка Іезекиля? Или будетъ христіанская и православная реакція? И если такъ, какая реакція возможна? Хвостъ не можетъ руководить головой. Но теперь голова и спинной хребетъ Россіи есть Германія. Греческая религія и Церковь были пристегнуты къ германскимъ принципамъ свѣтскаго верховенства, какъ хвостъ привязанъ къ хребту собаки. Голова и хребетъ должны продолжать вести, а хвостъ долженъ слѣдовать. Конечно, отдѣльныя лица, хотя они сами или ихъ отцы грѣшили такъ глубоко, могутъ раскаяться; но исторія не знаетъ примѣра націи или общества, которыя бы, разъ добровольно отступивъ отъ высшаго состоянія религіи къ низшему, поднялись собственнымъ внутреннимъ усиленіемъ покаянія. Такъ можно утверждать со слишкомъ большей дозой основанія и вѣроятія. Но невозможное людямъ возможно Богу".

christian and orthodox reaction? And if so, what reaction is possible? The tail cannot lead the head. But now the head and the backbone of Russia are German. The Greek religion and Church has been attached to the German principle of civil supremacy as the tail is attached to the backbone of a dog. The head and the spine must continue to lead and the tail must follow. Individuals indeed, through they themselves or their fathers have sinned ever so deeply, may repent; but history offers no example of a nation or community which has once voluntarily apostated from a higher religion's state to a lower recovering itself by its own inward effort of repentance. So it may be said, and with only too much reason and probability. Nevertheless what is impossible with men is possible with God". Первое пониженіе положенія Церкви произошло при Алексѣѣ Михайловичѣ, когда по уходѣ Никона, царь взялъ на себя управленіе Церковью, самочинно назначивъ мѣстоблюстителемъ Митрополита Питирима, а потомъ извергнутого изъ сана Митрополита Паисія Лигарида; второе при Петрѣ, когда царь самочинно вторгся въ строй церковнаго управленія, уничтожилъ Патріаршество, захватилъ законодательство по церковнымъ дѣламъ и учредилъ Синодъ, который оказался скоро въ числѣ даже не высшихъ, а подчиненныхъ государственныхъ учрежденій.

Пророческія угрозы Папы Пія IX для Европейскаго міра.

Тѣмъ же пророчествомъ для Европы дышетъ рѣчь Папы Пія IX. Папа Пій IX въ рѣчи 28 сент. 1860 г. говорилъ о походѣ на Церковь со стороны тогдашняго итальянскаго правительства и о принципѣ невмѣшательства, провозглашеннаго другими, и видѣлъ въ этомъ путь къ коммунизму. Онъ говорилъ: „Non pote in avvenire piu sussistere alcuna fermezza d'un diritto. Si tratta del principio di ribellione, al quale il governo subalpino vergognosamente serve, e da cio si puo di leggeri scorgere qual continuo pericolo nasca per ogni governo a qual ruina sovrasti alia civile societa poiche in questa quisa e apperta la via al comunismo" (Hergendtter. La Chiesa cattolica e lo stato cristiano, I, 382)¹.

Признаніе въ наши дни западноевропейскими государствами международнаго коммунистическаго совѣтскаго сатанократическаго правительства законнымъ правительствомъ государства есть, конечно, уже и большее безстыдство, и болѣе угрожающій симптомъ по

¹ „Въ будущемъ не можетъ быть никакой твердости права. Говорятъ о принципѣ возстанія, которому постыдно служить субальпинское правительство; изъ этого легко видѣть, какая постоянная опасность является для всякаго правительства, какое разрушеніе угрожаетъ гражданскому обществу, ибо такимъ способомъ открыть путь коммунизму".

пути выполнения пророчества Папы Пия IX для Западной Европы, чѣмъ невмѣшательство ихъ въ споръ между Ватиканомъ и Итальянскимъ правительствомъ о Римской области.

Пальмеръ о неизбѣжности разрушенія русскаго царства въ результатѣ отступленія отъ православныхъ принциповъ строительства.

И въ другомъ мѣстѣ Пальмеръ спрашиваетъ: „What Russian after this (осужденіе Константинопольскимъ Патріархомъ дѣйствій Аѳинскаго правительства въ 1850 г.) can say a word to defend or to palliate the usurpation which has been set up in his country? His own church has shut his mouth (I, IX). But will the Russian government, then go back? Alas no! Governments which have once moved towards apostasy do not easily go back; **they go on — to destruction**"¹. И Христосъ говорить, что взявшій мечъ погибнетъ отъ меча. И Пальмеръ приводитъ примѣръ Генриха VIII и Елизаветы, взявшихъ въ плѣнъ Церковь, поднявшихъ мечъ противъ Бога; они въ лицѣ своего потомства погибли отъ своего народа, а сама корона остается въ плѣну и теперь, у менѣе способной части населенія, захватившей ея власть. „So too, has it been, and so will it yet be, we fear in Russia. **There the Boyars and the tsars led the Church into captivity.** And they that did this have already been destroyed. Their very names and titles, their posterity, and all the institutions connected with them, have disappeared from the face of the earth. Moscow itself has been burned and rebuild; the name of Moscow is now forgotten; everything even the capital, has been changed. And for what remains, or has grown up instead, since the government that now is retains its captivity, and still holds the sword drawn against God, it is probable that the same judgments will fall upon it also. As it trampled under foot that order, which is the salt of the earth (however true it may be that the salt had lost its saviour), so it will itself probably, will trampled under foot by swine, which it has itself blindly reared and multiplied"².

¹ „Могутъ ли русскіе сказать послѣ этого слово, чтобы защищать или оправдывать узурпацію, которая совершена въ ихъ странѣ? Ихъ собственная Церковь замкнула свои уста. Но можетъ правительство русское захочетъ пойти назадъ? Увы, нѣтъ! Правительства, разъ совершившія апостасію, не легко идутъ обратно; они идутъ къ разрушенію”.

² „Такъ было, и такъ будетъ, опасаемся, въ Россіи. Тамъ бояре и цари поработили Церковь. И тѣ, которые это сдѣлали, уже погибли. Самые ихъ имена и титулы, ихъ потомство и всѣ учрежденія, связанныя съ ними, исчезли съ лица земли. Сама Москва была сожжена и вновь построена; имя Москвы теперь забыто; все, даже столица, измѣнено. Что касается того, что осталось, то, такъ какъ правительство современное держитъ въ рабствѣ своихъ плѣнниковъ и продолжаетъ держать мечъ поднятымъ противъ Бога, то, вѣроятно, и оно подвергнется тойже судьбѣ. Такъ какъ оно попало ногами тотъ чинъ, который есть соль земли (однако, вѣрно то, что, можетъ, эта соль потеряла свой вкусъ), то, вѣроятно, и оно будетъ попрано подъ ноги свиньями, тѣми свиньями, которыхъ оно само въ слѣпотѣ воспитывало и множило”.

И его сочиненіе есть описаніе постепеннаго отпаденія Русской Церкви подъ государственное верховенство, начавшееся и не съ начала исторіи, и не съ Петра I, а со времени боярь Царя Алексѣя Михайловича, которымъ Патріархъ Никонъ оказалъ величайшее сопротивленіе.

Симфонія властей какъ путь возрожденія Россіи.

Онъ палъ, но все, что имъ сказано и сдѣлано въ этой борьбѣ, есть тотъ путь, выходъ на который есть спасеніе и Россіи, и русскаго Православія. Это — путь симфоніи властей, въ которой государство добровольно признаетъ своимъ долгомъ воцерковленіе и связываетъ себя съ Церковью узами по образцу соединенія несліяннаго, неизмѣннаго, нераздѣльнаго и непреложнаго, выражаясь метафорически. Прообразомъ этой симфоніи въ Ветхомъ Завѣтѣ являются двѣ мѣдныя колонны, поддерживающія портикъ храма (3 Цар. VII, 15 и Іереміи 52, 21), два золотыхъ херувима, покрывающіе своими крыльями двѣ стороны Ковчега Откровенія и смотрящіе другъ на друга, съ лицомъ, обращеннымъ къ Ковчегу (Исх. 25, 20). Обѣ власти связаны, несмотря на ихъ различіе, ибо онѣ — два канала, ведущіе къ одной цѣли — славѣ Божіей и счастьемъ человѣчества; по нимъ изливаются на человѣчество дары Божественной благодати для распространенія мира и порядка, какъ необходимыя условія человѣческаго общежитія и для примиренія человѣка съ Богомъ, для дарованія того мира, о которомъ говорилъ Христосъ: миръ дому сему (Матѣ. X, 12), того мира, о которомъ говорилъ Онъ ученикамъ (Іоанн. 14, 27): „Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не такъ, какъ міръ даетъ, Я даю вамъ". Этотъ миръ и можетъ дать только Христосъ и Его Церковь, указывающая людямъ и обществамъ людей высшее назначеніе ихъ въ этой жизни, призывая ихъ добровольно пріобщаться къ высшимъ потустороннимъ цѣлямъ и въ индивидуальной жизни, и въ общественномъ строителствѣ. Этотъ призывъ относится къ государству, какъ къ союзу, независимому отъ Церкви и по роду своихъ дѣйствій и по происхожденію. Церковь существовала три вѣка безъ поддержки государства, вѣрнѣе при гоненіи, и побѣдила его, и этимъ однимъ доказала свою самостоятельность и возможность существовать ей помимо государства; царство истины не зависитъ отъ царскаго скипетра, но царскій скипетръ не имѣетъ опоры безъ нея, ибо она даетъ ему и авторитетъ и освященіе. Подъ импульсомъ этого и свѣтская власть протянула руку Церкви не только для примиренія съ ней, но и для

соединенія своихъ цѣлей — управленія міромъ, сообразуясь съ Божественной волей, призывающей къ миру съ Богомъ, о которомъ возвѣщали ангелы: Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ въ человѣцѣхъ благоволеніе...

(КОНЕЦЪ 1-ой ЧАСТИ).

М. В. ЗЫЗЫКИНЪ,
Профессоръ Варшавскаго Университета.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ.

ЕГО ГОСУДАРСТВЕННЫЯ И КАНОНИЧЕСКІЯ ИДЕИ.

„Никонъ, Божіей милостію Патріархъ, постави сей крестъ Господень, будучи въ заточеніи за Слово Божіе и за Святую Церковь на Бѣлоозерѣ въ Терапонтовомъ монастырѣ въ тюрьмѣ“

Глава I. Ученіе Никона о Царской власти.

Глава II. Ученіе Никона о Патріаршествѣ.

Глава III. Основные принципы церковнаго законодательства въ Россіи до Уложенія 1649 г.

Глава IV. Объ уходѣ Никона въ Воскресенскій монастырь 10 іюля 1658 года.

ВАРШАВА. СИНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ. 1934.

Часть II-я и III-я печатаются въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ были представлены вмѣстѣ съ I-й частью въ 1928 году въ Русскую Академическую группу въ Парижѣ въ качествѣ магистерской диссертациі.

Часть I-я: „Историческая почва и источники Никоновскихъ идей“, издана Варшавской Синодальной Типографіей въ 1931 году.

ЧАСТЬ II.

**Ученіе Патріарха
Никона о природѣ
власти государствен-
ной и церковной и
ИХЪ
взаимоотношеніи.**

Глава I. Учение Никона о царской власти.

Борьба Никона съ политическимъ старовѣрствомъ, уклонявшимся въ сторону цезарепапизма. — Сравненіе царства съ священствомъ. — Источникъ царской власти и ея освященія. Духовная и свѣтская власть независимы другъ отъ друга. — Кому ввѣрена Церковь? — О церковныхъ законахъ. — Объ участіи царя въ церковномъ управленіи. О правахъ царя по отношенію къ соборамъ церковнымъ. О соборѣ 1660 г. — Объ участіи царя въ церковномъ управленіи, О повышеніи ранга Епископской кафедры. — Царь — образецъ послушанія церковнымъ законамъ для народа. Церковный законъ неприкосновененъ для государства. Апостасіи. — О Церкви: ея самостоятельность. — Для управленія въ Церкви необходимы Епископскія полномочія, а не царскія. — Дѣйствіе Антихриста: властительство надъ Церковью свѣтской власти. — Царь некомпетентенъ въ дѣлѣ суда надъ Епископами-клириками. — Положительныя обязанности царя къ Церкви. Обязанности царя къ церковной собственности. — Никонъ о своей службѣ царю. — Никонъ различаетъ обязанность царя въ Церкви отъ его обязанностей къ Патріарху. — Никонъ о сферѣ свѣтскихъ дѣлъ. О тяжести царскаго служенія. — Власть царская получается независимо отъ священства, но имъ благословляется. Гдѣ санкции для соблюденія царемъ заповѣдей Божіихъ. — Царская власть и знаменіе пришествія Антихриста. — Лигаридъ выдвигаетъ новыя обвиненія противъ Никона. — Никонъ о лжепророкахъ цезарепапистахъ. — О власти удерживающей. — Цезарепапизмъ — отъ духа Антихриста. — Помощь Патріарха царю — быть царемъ православнымъ. — О природѣ послушанія царя Патріарху. Клятва 1652 г. — О превосходствѣ священства надъ царствомъ. — Критика Никономъ разныхъ теорій о соотношеніи духовной и свѣтской власти. Его теорія. — Никонъ о „Дареніи Св. Константина Великаго“. — Каждая власть происходитъ отъ Бога; ни одна не выше другой. — Въ церковныхъ дѣлахъ церковный законъ и Епископъ выше царя. — Каждая власть имѣетъ свой порядокъ и права отъ Бога и должна ихъ защищать. — Юридическое равенство властей, духовное превосходство власти духовной. — Никонъ о мѣрахъ самозащиты Церкви. Заявленіе протеста и духовныя наказанія. — Не должно повиноваться закону, противорѣчащему канону. — Возмездіе за нарушеніе правъ Церкви отъ Бога. — Никонъ и самъ отказывается исполнять государственный законъ, противорѣчащій церковному — Духовное оружіе царя въ борьбѣ со зломъ — христіанскія добродѣтели: смиреніе — прежде всего. — Праведность царя — основа прочности царской власти. Смыслъ ухода Никона въ Воскресенскій монастырь въ 1658 г. — Патріархъ — нравственная сдержка для царя. — Лигаридъ и Никонъ о правѣ обличенія царя. — Объ обязанностяхъ царя къ Церкви и ея представителямъ. — Значеніе отказа Никона въ прощеніи царю Алексѣю Михайловичу, какъ царю. — Никонъ обвиняетъ царя Алексѣя Михайловича въ томъ, что онъ пересталъ поступать, какъ подобаетъ православному царю. — О времени Божіяго наказанія за нечестіе. — Никонъ указываетъ на современныя несчастія, какъ на Божія наказанія и предостереженія. — Уходъ Никона какъ мѣра протеста. — Источникъ Никоновой теоріи соотношенія властей: Св. Отцы. — Предшественники Никона (въ Россіи) въ ученіи о превосходствѣ священства. — Юридическая природа участія Никона въ государственныхъ дѣлахъ. — Чисто русское воспріятіе христіанства Никономъ. — Мнѣніе Каптерева о Никонѣ въ отношеніи ученія о царской власти. — Никонъ въ дѣлахъ смѣшаннаго характера, т. е. касающихся и Церкви и государства. — Никонъ прибѣгаетъ къ содѣйствію царя и въ чисто церковныхъ дѣлахъ. — Теорія симфоніи властей (духовной и свѣтской). Никонъ обѣимъ властямъ отводитъ доминирующее значеніе каждой въ своей сферѣ. — Нарушеніе симфоніи въ 1658 и 1660 г. г. — О причинахъ ухода Никона. — Мнѣніе Соловьева, Пальмера, Горчакова и Бѣляева. — О поводѣ къ уходу Никона въ Воскресенскій Монастырь. — Никонъ о своемъ уходѣ въ Воскресенскій монастырь. — Царь и право Патріарха на обличеніе. — Сравненіе обличеній Св. Филиппа и Никона. — Нарушеніе симфоніи въ строѣ московскаго государства введеніемъ Уложенія и расцерковленія государства. — Смыслъ борьбы Никона въ свѣтѣ по слѣдующихъ мѣръ противъ Церкви. — Различныя мѣры Никона къ поддержанію церковнаго направленія въ правительствѣ и обиходѣ. — Сравненіе ученія Никона съ католическими писателями о соотношеніи властей. — Сравненіе ученія Никона съ протестантскими писателями. — Ученіе Никона о субъектѣ церковнаго управленія передъ судомъ русской канонической науки. — Ученіе Никона о субъектѣ церковнаго законодательства передъ судомъ русской канонической науки.

Борьба Никона съ политическимъ старовѣрствомъ, уклонившимся въ сторону цезарепапизма.

Патріархъ Никонъ, хотя не былъ теоретикомъ, разрабатывавшимъ вопросы права и каноники изъ чисто отвлеченнаго научнаго интереса, тѣмъ не менѣе онъ далъ послѣдовательное развитіе ученія по вопросамъ государственно-церковныхъ отношеній преимущественно съ той ихъ стороны, которая была выдвинута современной ему жизнью. Пока онъ былъ Патріархомъ, онъ не разрабатывалъ этихъ

вопросовъ, ибо былъ занятъ устроениемъ Русской Церкви и государства, поскольку былъ призванъ къ государственному регентству; но, когда черезъ четыре года послѣ его ухода явилось стремленіе оправдать ту систему отношенія къ Церкви со стороны государства, которая являлась возрожденіемъ античной традиціи императора *pontifex maximus*, то онъ противопоставилъ ей другую теорію, въ основаніе которой были положены основы каноническаго церковнаго строя Православной Церкви съ одной стороны и то ученіе о царской власти въ ея отношеніи къ Церкви, которое выработалось на основѣ традиціи Вселенскихъ Соборовъ и Св. Отцовъ Церкви. Какъ извѣстно, пріѣхавшій въ Москву Газскій М-тъ Паисій Лигаридъ, явившійся идейнымъ руководителемъ партіи враждебной Никону, составилъ вопросы-отвѣты на разныя темы преимущественно церковно-правового характера съ нѣкоторой примѣсью вопросовъ государственно-правового свойства, съ цѣлью уясненія передъ сознаниемъ царя и придворныхъ бояръ положенія, созданнаго уходомъ П. Никона отъ управленія патріаршей кафедрой. Эти вопросы-отвѣты поражаютъ своимъ тенденціознымъ стремленіемъ во всемъ очернить Никона и выставить его невиданнымъ новаторомъ церковно-государственныхъ отношеній и, пожалуй, даже идейнымъ бунтовщикомъ противъ государственной власти, подрывающимъ ея основы. Самые вопросы-отвѣты были озаглавлены: „Обвиненія въ новыхъ обычаяхъ и разныхъ винахъ П-ха Никона, составленныя въ 30 вопросахъ боярина Симеона Лукьяновича Стрешнева и отвѣтахъ на оныя Газскаго М-та Паисія Лигарида“. Уже самое заглавіе наводитъ на мысль, что и въ вопросахъ церковно-государственныхъ противъ Никона была выдвинута та же точка зрѣнія священнаго *status quo*, которая отстаивалась партіей старины, то есть, вѣрнѣе, партіей, отстаивавшей церковные обряды, утвержденные Стоглавымъ Соборомъ 1550 года, противъ измѣненій, вводимыхъ Никономъ. Однако, предваряя наше изслѣдованіе, мы можемъ сказать, что какъ въ обрядовой реформѣ Никонъ по существу дѣла вводилъ не новостъ, а лишь возвращался къ старинѣ, зафиксированной въ древнихъ греческихъ книгахъ, такъ и въ вопросахъ церковно-государственныхъ онъ боролся съ той же порчей, вкравшейся въ Московскія политическія идеи послѣ половины XV вѣка и вылившейся въ политическое старовѣрчество, отстаивавшее создавшійся въ жизни уклонъ къ цезарепапизму. Тотъ фактъ, что хранителемъ Православія въ эпоху отпаденія въ унію Константинопольскаго императора, Патріарха и

русского Митрополита, оказался великій князь Московскій, слишкомъ содѣйствовалъ возвышенію его значенія въ Церкви. А, если мы припомнимъ, что въ это же время, вскорѣ послѣ уніи, великій князь Московскій заступилъ мѣсто Византійскаго императора, что съ установленіемъ фактической независимости Русской Церкви отъ Константинопольскаго Патріарха Московскіе Первосвятители потеряли опору для церковной независимости отъ своихъ великихъ князей, которую имѣли раньше въ Константинопольскихъ Патріархахъ, — то намъ ясно будетъ, что Московскій великій князь становился *de facto* однимъ изъ главныхъ факторовъ въ церковныхъ дѣлахъ, имѣвшимъ возможность давить своимъ авторитетомъ и на іерархію.

Мы не хотимъ сказать, чтобы сознаніе особности церковнаго организма, какъ союза, имѣющаго свое законодательство, управление и судъ, совершенно померкло бы на Руси, чтобы Церковь настолько слилась съ государствомъ, чтобы принципиальное различіе было забыто. Соборы Церковные 1503 г. и 1550 г., напротивъ, показали, что Церковь умѣла отстоять себя отъ секуляризаціи своихъ имѣній во имя своего церковнаго закона. Однако, нельзя оспаривать того, что это различіе нерѣдко возможно лишь для взгляда, вооруженнаго юридическимъ анализомъ, и что въ дѣйствительной жизни, въ быту Церковь и государство переплетались настолько, что не всегда можно съ точностью опредѣлить, гдѣ кончались дѣйствія одного союза и начинались дѣйствія другого. Благочестіе Московскихъ государей только еще болѣе стирало *de facto* эти грани. Остановимся нѣсколько на этомъ смѣшеніи двухъ порядковъ, смѣщеніи, облегчавшемъ захватъ сильной стороной, то есть государствомъ, сферы церковной въ неподлежащей ему мѣрѣ. Въ этомъ хаосѣ отношеній, создавшемся ко времени царя Алексѣя Михайловича, тонко анализирующій умъ Никона произвелъ разграниченіе двухъ сферъ общежитія по ихъ внутренней природѣ и функцій ихъ по ихъ существу и источнику, а сильная воля его устремляется къ проведенію этого разграниченія, разбиваясь въ концѣ концовъ о косность, невѣжество и нецерковное отношеніе къ церковнымъ вопросамъ со стороны родовитаго боярства, представленнаго по преимуществу кн. Одоевскимъ, и боярства, родственнаго царю по женѣ и матери въ лицѣ бояръ Стрешневыхъ и Милославскихъ. Напрасно было бы утверждать, что это государственное засиліе было юридической нормой; напротивъ, мы имѣемъ основаніе утверждать, что норма была иная, именно теорія симфоніи властей, заимствованная изъ Юстиніанова кодекса въ Кормчую еще

до Никоновской редакції и вошедшая тамъ въ 42-ую главу. Вотъ ея дословный текстъ: „Великая паче инѣхъ иже въ человѣцехъ еста дара Божія, отъ Вышняго дарована человѣколюбіи Божія, священничество же и царство: ово убо Божественнымъ служа, се же человѣческими владѣя и пекійся: отъ единого же итогожде начала обоя происходятъ человѣческое украшающіе житіе, якоже ничто же такъ бываетъ поспѣшнее царству сего ради, яко же святительская честь: о обоихъ самѣхъ тѣхъ присно вси Богове молятся; аще бо они непорочни будутъ во всемъ и къ Богу имутъ дерзновение и праведно и подобно украшати начнутъ преданныя имъ грады, и сущія подъ ними будетъ согласіе нѣкое благо, все еже добро человѣчестѣй даруя жизни; сему быти вѣруемъ, аще священныхъ правилъ блюденіе сохранится, ихъ же праведно похваляеміи поклоняеми самовидцы Божію Славу предаша апостоли и святіи отцы,охраниша же и заповѣдаша".

Надо было подробнѣе раскрыть теорію симфоніи, заключенную въ этомъ текстѣ. Вопросъ этотъ является краеугольнымъ, ибо всѣ контroversы, въ которые былъ вовлеченъ Патріархъ Никонъ, сходятся въ центральномъ пунктѣ въ вопросѣ о положеніи царя и Церкви, что въ свою очередь ставитъ насъ предъ вопросомъ о соотношеніи двухъ сферъ общежитія Церкви и государства и природы и полномочій. Въ свою очередь ученіе о царской власти у Никона есть слѣдствіе опредѣленнымъ образомъ понятой (т. е. въ строго православномъ смыслѣ) теоріи симфоніи. Разсмотрѣвъ его ученіе о царской власти, мы рассмотримъ его ученіе о Патріархѣ и его взглядъ на Уложеніе царя Алексѣя Михайловича¹ и критику Никономъ постановленій Уложенія о церковномъ судѣ, управленіи и законодательствѣ. Эти вопросы познакомятъ насъ съ его взглядами на природу Церкви и ея полномочій и на характеръ отношеній ея къ государству.

Разсмотрѣвъ ученіе Никона о царской власти, мы сопоставимъ его ученіе съ нѣкоторыми ученіями по тому же вопросу у отцовъ Восточной Церкви съ одной стороны и съ другой стороны съ Западной церковной литературой среднихъ вѣковъ, а также съ ученіемъ нѣмецкой политической философіи 17 вѣка, давшей теоретическія основы для церковной реформы Петра I-го, для его *jus reformandi* въ Церкви.

¹ Не забудемъ, что власть Патріарха не была единоличной: при Московскомъ первосвятителѣ были Соборы изъ прилучившихся Архіереевъ для разсмотрѣнія вопросовъ текущихъ и такихъ, которые по каноническимъ правиламъ не могли рѣшаться единоличной властью первосвятителя, вродѣ суда надъ Архіереями.

Сравненіе царства съ священствомъ.

Никонъ говоритъ о царской власти большей частью въ сопоставленіи съ властью священства, разумѣя подъ послѣднимъ всѣ его іерархическія степени, и прежде всего устанавливаетъ, что существуютъ двѣ власти, духовная и свѣтская, происходящія отъ Бога, а не одна отъ другой; въ этомъ случаѣ остріе его направлено противъ той теоріи, которую ему противопоставилъ Паисій Лигаридъ, т. е. противъ цезарепапизма; обычно онъ сопоставляетъ обѣ власти и показываетъ превосходство священства надъ царствомъ въ духовномъ отношеніи, пользуясь нерѣдко буквально Златоустовскими выраженіями. Эти два порядка различны: „Развѣ это добро, что царь вѣроломно усвоетъ себѣ чинъ священства? Ибо порядокъ священства — одинъ, а порядокъ царства — другой... Священство отъ Бога, а отъ священства цари получаютъ помазаніе на царство. Освященіе Моисеева священства послѣдовало, когда ликъ Моисея сіялъ при спускѣ съ горы. Моисей, по приказу Божьему, посвятилъ Аарона и его сыновей; это начало священства было не отъ людей къ людямъ, но отъ Самого Бога. Когда пришло время для исполненія стараго закона, Богъ послалъ Сына Своего. Господь помазалъ Іисуса Назорея Св. Духомъ и властью (Дѣян. X, 37, 38). Христосъ посвятилъ Своихъ учениковъ и Апостоловъ, говоря: Пріимите Духа Святаго, чьи грѣхи отпустите, тому отпустятся, и чьи свяжете, у того связаны. Пріятіе Духа Святаго даетъ ничто иное, какъ сообщеніе Божественной благодати и власти" (I, 225)¹, а въ другомъ мѣстѣ: „Видишь ли, нечестивый вопрошатель (обращается Никонъ къ Стрешневу), какъ священство имѣетъ свое начало не отъ человѣка, но отъ Самого Бога и ветхое священство и настоящее, и никоимъ образомъ не отъ царей, какъ думаешь ты? Но скорѣе отъ священства царство пріемлетъ и свое начало, какъ свидѣтельствуешь чинъ коронованія. Священство во всѣхъ отношеніяхъ почетнѣе царства...." (I, 234). И Никонъ возстаетъ противъ того, что царь послѣ его ухода изъ Москвы распоряжается въ Церкви, назначая, помимо Никона, его замѣстителемъ Митрополита Питирима и другихъ духовныхъ лицъ на мѣста, какъ будто царь — источникъ правъ въ Церкви: „Ты говоришь, вопрошатель, что нашъ наияснѣйшій, наисчастливѣйшій царь поручилъ Никону надзоръ за всѣми церковными дѣлами и судами: это не царь поручилъ Никону эту власть, а благодать Святаго Духа, но царь разсматриваетъ эту

¹ Цитируемые въ предстоящихъ главахъ въ скобкахъ цифры означаютъ: римскія — томъ Пальмера, издавшаго сочиненіе Никона „Раззореніе" на англійскомъ языкѣ, а арабскія цифры указываютъ страницу въ немъ.

благодать, какъ ничто, и нанесъ безчестіе Святому Духу и лишилъ ее силы, такъ что теперь безъ приказа царя благодать Святаго Духа не можетъ дѣйствовать, и Епископы, по слабости своего пониманія, пишутъ теперь: „Я посвятилъ или поставилъ такогого архимандритомъ, игуменомъ или пресвитеромъ и тому подобное, благодатью Святаго Духа и указомъ Великаго Государя". Такъ равно они готовы хоронить съ церковными молитвами нераскаянныхъ преступниковъ, повѣшенныхъ или казненныхъ за ихъ преступленія, и читать молитвы при рожденіи за дѣтей, рожденныхъ въ грѣхѣ, и все по приказу царя. Что можетъ быть ужаснѣе этого.... Господь свидѣтельствуетъ (Мѳ. 12, 31, 32): „Посему говорю вамъ: великій грѣхъ и хула простится человѣкамъ, а хула на Духа не простится человѣкамъ. Если кто скажетъ слово на Сына Человѣческаго, простится ему; а если кто скажетъ слово на Духа Св., не простится ему ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ". Кому же можетъ дать благодать Св. Духа тотъ, кто осмѣлился ругать Духа Святаго и считать ее безсильной прибавленіемъ словъ „и указомъ Великаго Государя". Не написано ли, что всякій избранный свѣтской властью низвергается вмѣстѣ съ посвятившимъ его? Но они ни на что не обращаютъ вниманія... Государь не боится этого, хотя ничего не можетъ быть страшнѣе, какъ оказаться неспособнымъ къ стяжанію прощенія и на землѣ, и на небѣ. Но онъ дѣйствуетъ, какъ если бы былъ великій понтифексъ: по его приказу посвящаютъ въ Епископы. Увы! Горе! Какое презрѣніе! Какое осужденіе за это! И кто освободитъ его отъ этого?" (I, 206, 207). Здѣсь Никонъ возстаетъ не на то собственно, что испрашивается согласіе царя на іерархическое поставленіе, ибо и самъ онъ въ чисто церковныхъ дѣлахъ дѣйствовалъ по соглашенію съ царемъ, а на то, что царь беретъ на себя инициативу въ рѣшеніи чисто церковныхъ вопросовъ безъ согласія находящагося въ живыхъ представителя церковной власти Патріарха Никона.

Источникъ царской власти и я ея освященія. Духовная и свѣтская власть независимы другъ отъ друга.

Царь получаетъ власть фактически мечомъ, но освященіе ея, царское имя получаетъ чрезъ епископское благословеніе, для котораго Епископъ есть источникъ. Законъ царскій никоимъ образомъ ни въ чемъ не можетъ нарушать законовъ духовныхъ, ибо въ духовныхъ дѣлахъ воля царская не можетъ быть поставлена выше духовныхъ законовъ, и въ отношеніи дѣла, по существу принадлежащаго Церкви, царь не можетъ поставлять или дѣйствовать безъ контроля духовной

власти. Равнымъ образомъ и Епископы и духовные каноны приказываютъ людямъ соблюдать царскіе законы. Ибо оба закона (и духовный, и свѣтскій) поддерживаютъ одинъ другой... Никто не можетъ противодѣйствовать канонамъ Церкви и законамъ царства и возражать, когда оба они утверждаютъ одно и то же. „Ты долженъ понять, что въ духовныхъ дѣлахъ, имѣющихъ дѣло со спасеніемъ души, Епископъ выше царя, и каждый православный обязанъ повиноваться Епископу, ибо онъ — отецъ нашъ въ православной вѣрѣ, которому ввѣрена забота о Церкви. Власть ихъ равная, и каждая имѣетъ свой собственный порядокъ установленный Богомъ; каждая изъ нихъ обязана поддерживать свой собственный порядокъ на свою отвѣтственность, и нѣтъ нормальнаго суда, передъ которымъ каждая изъ нихъ была бы отвѣтственна при нарушеніи этого порядка" (I, 254, 255). Въ этихъ словахъ яснѣе дня, что Никонъ различалъ обѣ власти по ихъ существу, обѣ сводилъ по происхожденію къ одному источнику — Богу, признавалъ ихъ самостоятельность въ осуществленіи своихъ функцій и считалъ, что гарантіей ихъ лояльности по отношенію другъ къ другу не можетъ быть какой либо обычный судъ, какъ не можетъ его быть въ государствѣ при дѣйствиіи высшихъ органовъ государственной власти¹. Но наказанія за такое нарушеніе надо ждать отъ Бога. „Богъ не пощадилъ ангеловъ, которые возстали противъ Бога, создавшаго ихъ. Они пали. Такъ и теперь тотъ, кто поднимается безумно противъ Бога и дѣйствуетъ не по благодати, данной ему, какъ царь, возносящійся властительно надъ епископскимъ (въ сферѣ Епископа) достоинствомъ, издавая приказы въ его сферѣ. Ибо власть царя — одно, а власть Епископа — другое. Но одна больше другой (въ духовномъ смыслѣ), какъ небо больше и превосходитъ земли, какъ видно изъ самыхъ молитвъ при посвященіи. Ибо Епископъ есть образъ Божій и сидитъ на тронѣ Божіемъ. Царю не дано ранга даже съ чтецами и субдіаконами, ни съ діаконами, еще менѣе съ Епископами. Но онъ помазанъ не царство этого міра. И благословеніе ему Богъ даетъ чрезъ Епископа" (I, 241). Если принять во вниманіе чинъ коронованія во времена Никона, то Никонъ былъ въ правѣ не вносить царскаго чина въ число іерархическихъ степеней, въ отличіе отъ того, какъ это было въ Византіи, гдѣ царь возводился въ санъ депутата, санъ равносильный діаконскому, — ибо въ Россіи только съ коронованіемъ

¹ См. Дюги у М. Зызыкина: Царская власть и законъ о престолонаслѣдіи въ Россіи, стр. 145.

Θеодора Алексѣевича послѣ исправленія богослужебныхъ книгъ царскій санъ возводится на степень священной іерархической степени, и царь впервые принимаетъ причащеніе подъ обоими видами раздѣльно, что допустимо только для чиновъ священной Іерархіи. Если мы сравнимъ молитвы при посвященіи царя и Епископа, то увидимъ и разнородность этихъ должностей. Въ молитвѣ при поставленіи Епископа читалось: „Ты, Господи, и сего явленнаго строителя святительской благодати сотвори же **подобника Тебѣ**, истинному пастырю, положившаго душу свою о овцахъ Твоихъ, наставника слѣпымъ, свѣта сущимъ въ тьмѣ, наказателя безумнымъ, свѣтильника въ мірѣ, яко да устроишь души, ввѣренныя ему въ настоящемъ семъ житіи, предстанеть судищу Твоему непосрамленному и великую мзду пріимлять, юже уготовалъ еси, пострадавшимъ о благовѣстіи Евангелія Твоего" (Актъ ист. IV, 10, 11).

Такъ, Епископъ названъ подобникомъ Божіимъ, но такихъ выраженій, говоритъ Никонъ, нѣтъ въ молитвахъ при поставленіи царя (I, 243). Тамъ говорится о молитвѣ недостойныхъ рабовъ Божіихъ о томъ, чтобы быть царю „на престолѣ правды", а „не на престолѣ величія Божіяго". „Препояшь его оружіемъ Святаго Духа, укрѣпи его руку, подложи подъ его ноги враговъ, посѣй въ его сердцѣ страхъ Божій", но не говорится „о жертвѣ" и подобіи Богу; говорится о „его милосердіи къ подданнымъ", о „сохраненіи въ чистой вѣрѣ", о томъ, чтобы онъ былъ „хранитель заповѣдей Св. Соборной Церкви", „стражемъ Церкви" (I, 250). При передачѣ скипетра Патріархъ говоритъ царю: „О, Божественно вѣнчанный царь, пріими отъ Бога скипетръ, который Онъ далъ тебѣ для управленія Россійскимъ царствомъ и храни его для блага твоей державы". Патріархъ благословляетъ царя и, беря его за правую руку, сажаетъ на царское мѣсто. „Смотриже, прибавляетъ Никонъ, умственный слѣпецъ, кто коронуется и кого, кто даетъ Божественныя права по твоему выраженію и кому, и какъ кто-либо можетъ дать что-либо тому, кто самъ получаетъ это отъ него" (I, 245). „Не царь кладетъ руку на голову Патріарха, а Патріархъ на голову царя, и царь склоняетъ свою голову во исполненіе долга своего". Здѣсь Никонъ утверждаетъ свое положеніе, **что благодать священства не можетъ имѣть источникомъ царскій приказъ.** „Ты говоришь, что царь облечъ правомъ насъ, правомъ надзора надъ церковными дѣлами, чего самъ не имѣетъ. Ты видишь, кто антихристъ, кто — дѣти Божіи и кто дѣти сатаны. И теперь много антихристовъ, т. е. Митрополитъ

Крутицкій и подобные ему; духъ лжи — Митрополитъ Газскій и подобные ему" (I, 193). Митрополита Крутицкаго Питирима Никонъ клеймитъ за то, что онъ, будучи поставленъ Патріархомъ Никономъ замѣстителемъ на время его ухода, по приказу царя прекратилъ возношеніе имени Патріарха Никона послѣ его отъѣзда въ іюль 1658 г. въ Воскресенскій монастырь и сталъ управлять Церковью совершенно независимо отъ него; а Митрополитъ Газскій явился съ проповѣдью цезарепапизма въ Россію безъ всякаго соотвѣтствующаго каноническаго полномочія отъ своего Патріарха и безъ всякаго права учить въ чужой епархіи. А что сравненіе двухъ властей происходитъ именно съ духовной точки зрѣнія, ясно изъ словъ Никона: „Царь отпускаетъ денежные долги, а священникъ грѣхи. Одинъ дѣйствуетъ принужденіемъ, другой утѣшеніемъ; одинъ употребляетъ матеріальное оружіе, другой — духовное. Одинъ имѣетъ войну съ своими врагами, а другой съ властью вѣка сего. Удивительно долготерпѣніе Божіе, когда не только царь восхитилъ на себя епископское достоинство, но его сторонники (бояре) дѣлаютъ то же" (I, 134). Никонъ разумѣетъ, что всѣ назначенія на духовныя должности идутъ отъ Монастырскаго Приказа, гдѣ засѣдали въ 60-хъ годахъ XVII вѣка уже одни свѣтскіе люди, хотя въ началѣ его дѣятельности въ 50-хъ годахъ въ его составъ входили и духовныя лица, назначавшіяся, впрочемъ, свѣтскою властью. **„Царь имѣетъ несомнѣнно власть давать права и почести, но въ границахъ поставленныхъ Богомъ, но не духовную власть Епископамъ и архимандритамъ и другимъ духовнымъ лицамъ: вещи духовныя подлежатъ рѣшенію Бога, а земныя царю" (I, 555).** Здѣсь мы опять видимъ, что Никонъ не только различаетъ двѣ власти, но и сферу каждой опредѣлилъ соотвѣтственно съ природой каждой власти, примѣняя тотъ же методъ, какъ въ наше время Проф. Заозерскій при опредѣленіи полномочій церковной власти. Поставленіе духовныхъ лицъ есть передача имъ опредѣленныхъ правъ духовной власти въ опредѣленной мѣрѣ: поэтому **не дѣло царя издавать здѣсь односторонніе безъ согласія представителя Церкви приказы.** „Ты, отвѣтотворче, говоришь, что Богъ поставилъ иныхъ Апостолами, иныхъ пророками; Онъ не далъ, вѣдь, всѣхъ даровъ одному, чтобы человѣкъ не возгордился и тѣмъ не изъялъ себя отъ дѣйствія Благодати. Посмотри же, лицемѣрь, уставы Апостольскіе, какъ они перечисляютъ отдѣльные дары, и какъ они говорятъ: **въ какомъ призваніи человѣкъ призванъ, въ томъ пусть и живетъ. Какъ же**

царь, забывая, что онъ долженъ быть образцомъ, несмотря на то, восхищаетъ священство?

Ты самъ цитируешь Іезекиіля 28, 17: „Отъ красоты твоей возгордилось сердце твое, отъ тщеславія твоего ты погубилъ мудрость твою: за то Я повергну тебя на землю, предъ царями отдамъ тебя на позоръ". Какъ можешь примѣнять это къ намъ, когда мы ушли отъ зла согласно Божьей Заповѣди и всѣхъ святыхъ. Не видишь ли, челоуѣкоугодниче, чье сердце надмилось? (I, 281).

Кому ввѣрена Церковь?

„Не царю или князю времени ввѣрена Церковь, строители которой были Божественные Апостолы, принявшіе лицомъ къ лицу въ Таинствѣ Тѣла и Крови Христовой чистое и вѣрное единеніе" (I, 555). Но, если внутреннія церковныя дѣла — обязанность Епископовъ-строителей Церкви, то забота о внѣшнемъ положеніи Церкви — долгъ царя: „Самая главная обязанность царя — забота о Церкви, ибо владѣніе царя никогда не можетъ быть прочно утверждено и быть благоденственнымъ, когда не установлено твердо положеніе его матери-Церкви Божіей, ибо Церковь Божія, всеславнѣйшій царь, есть твоя мать, и, если ты обязанъ почитать мать природную, родившую тебя, то ты тѣмъ паче долженъ любить твою духовную мать, которая возродила тебя въ Св. Крещеніи и помазала тебя на царство елеемъ и хризмой радованія. А вы слышали, отвѣтотворче и вопрошатель, что такое Церковь и что такое основаніе Церкви, и что такое стѣны и ея глава? Послушай, обманщикъ, Ап. Павла, законодателя Церкви Божіей и онъ перечислитъ тебѣ шагъ за шагомъ постановленія Св. Церкви (1 Кор., 12, 28—31): итакъ, Богъ поставилъ въ Церкви Апостоловъ, пророковъ, учителей; далѣе, инымъ далъ силу чудодѣйствовать, также дары исцѣленія, вспоможенія, управленія, разные языки. **Всѣ ли Апостолы, всѣ ли пророки, всѣ ли учителя, всѣ ли чудотворцы? Всѣ ли имѣютъ даръ исцѣленія, всѣ ли говорятъ языками? всѣ ли истолкователи? Ревнуйте о дарахъ большихъ, и я покажу вамъ путь превосходнѣйшій".** Видишь ли ты священную градацію? Почему же не названъ царь на первомъ мѣстѣ ради высоты царской власти? Для всякаго надо знать свою мѣру: „Каждый оставайся въ томъ званіи, къ которому призванъ" (1 Кор. 7, 20) (I, 123). Каждая власть призывается Никономъ осуществить свои благодатные дары, **и царь, помазанный на царство, дол-**

жень управлять царствомъ, а не Церковью; вопреки теоріи цезарепапизма, онъ считаетъ, что власть его не безгранична и не можетъ простираться на тотъ союзъ, гдѣ законъ даетъ Христосъ и Его Апостолы съ ихъ преемниками.

Царь не глава или правитель Церкви. „Гдѣ есть какое либо слово Христа, что царь имѣетъ власть надъ Церковью?" Христосъ говоритъ: вся власть дана Мнѣ на небеси и на землѣ, и въ другомъ мѣстѣ: кого свяжете на землѣ, будетъ связанъ на небеси. **Но кому дана такая власть? Ты слышалъ, что Апостоламъ и ихъ преемникамъ Епископамъ, но не царямъ; царю поручены дѣла этого міра, а намъ вручены небесныя дѣла.** Царю поручены тѣла, но священникамъ души людей. Царь отпускаетъ денежные долги, а священникъ грѣхи. Одинъ принуждаетъ, другой утѣшаетъ. Одинъ воюетъ съ врагами, другой съ началами и правителями тьмы вѣка сего. Поэтому и священство много выше царства. Чудо, что милосердіе Божіе такъ долготерпѣливо, когда царь не только восхитилъ на себя епископство, но и всѣ его слуги дѣлаютъ то же. Ты слышалъ, какъ въ старое время пали возставшіе противъ Аарона Даѡанъ, Авиронъ и Корей (Пс. 105, 16—18). Послушай, что случилось съ Сауломъ, первымъ царемъ Израильскимъ, и слово Божіе сказало Самуилу: Я раскаялся, что послалъ Саула на царство, ибо онъ пересталъ слѣдовать Мнѣ? Что же сдѣлалъ Саулъ, что отъ него отвергся Богъ? Онъ, говоритъ, не послѣдовалъ Моимъ совѣтамъ" (1 Цар. 15, 10—28) (I, 129). „Видишь ли, отвѣтотворче, это — Слово Божіе, а не слово человѣческое: „Я сдѣлалъ тебя правителемъ надъ племенами Израиля и помазалъ на царство Израиля, а „не приносить жертвы и всесожженія", уча на всѣ будущія времена, что священство выше царства, и, что желающій большаго теряетъ и свое? Или этого тебѣ недостаточно? А царь Озія?" Мы постоянно встрѣчаемъ у Никона угрозу Божіимъ гнѣвомъ за правонарушенія царя, за вторженіе его въ святая святыхъ Церкви. Онъ не только не взываетъ къ человѣческимъ санкціямъ противъ злоупотребленія царской власти, но **опредѣленно говоритъ, что противъ нихъ нѣтъ человѣческой власти, но есть гнѣвъ Божій,** какъ въ цитируемыхъ имъ словахъ Самуила къ Саулу: „Не ворочусь я съ тобою, ибо ты отвергъ Слово Господа, а Господь отвергъ тебя, чтобы ты не былъ царемъ надъ Израилемъ" (1 Цар. 15, 26). И Никонъ безмѣрно возмущенъ тѣмъ, что Паисій Лигаридъ, не имѣвшій полномочій отъ духовныхъ властей (онъ былъ еще въ 1660 г. низвергнутъ изъ сана, а въ

Москву приѣхалъ въ февралѣ 1662 г.), явился поучать въ Москвѣ и выступать по царскому полномочию въ переговорахъ съ нимъ, да еще по вопросамъ духовнымъ. И Никонъ пишетъ ему (I, 165): „Зачѣмъ же ты, святотатецъ, не слушаешь Писанія, но воздымаешься гордостью и узурпируешь не порученное тебѣ? Послушай Писаніе: тамъ Господь говорить: Я знаю, кого Я избралъ. Кто же тебя избралъ и поставилъ на высоту того, чего ты не достоинъ? Если ты скажешь, что царь приказалъ тебѣ то ты уже видѣлъ, что написано выше. **А теперь знай, что всякій получающій власть въ Церкви черезъ свѣтскую власть низвергается** (Ап. пр. 30), и ты обманываешь себя, когда говоришь: царь приказалъ мнѣ. Ты уже видѣлъ, что надъ царями есть высшій Царь — Христосъ, Который наказываетъ за такія нарушенія... Можетъ, ты думаешь, что я одинъ анаѳематствую тебя, но я не одинъ, но также и Богъ (Матѣ. 25, 41, 42). Тогда скажетъ Онъ тѣмъ, которые по лѣвую сторону: идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Ибо алкалъ Я, и вы Мнѣ не дали ѣсть". И если прокляты отъ времени не давшіе ѣсть голодному, то насколько болѣе прокляты грабители и отбирающіе то, что принадлежитъ другимъ?" (I, 165). Въ данномъ случаѣ право учить въ Московскомъ Патріархатѣ никоимъ образомъ не могло принадлежать Лигариду, ибо онъ и не былъ отпущенъ своей канонической властью и не былъ принятъ Московской церковной властью, а, какъ угодившій боярамъ, враждебнымъ Никону, былъ уполномоченъ только царемъ; его цезарепапистское ученіе Никонъ называлъ ложью и челоуѣкоугодничествомъ, а самого его сыномъ Сатаны. „Не Царю или князю міра обручена Церковь, строители коей были Апостолы" (I, 556). Никонъ съ отвращеніемъ относится ко всякимъ даже внѣшнимъ проявленіемъ цезарепапизма и пишетъ: „Предъ царемъ многіе кричали: ты — Богъ земной". И государь никому не запрещаетъ говорить это. Никонъ говорилъ царю, когда былъ въ Москвѣ, и послѣ ея оставленія, чтобы онъ запретилъ на будущее время такъ себя называть. Но царь молчалъ. Онъ не слушалъ тѣхъ, кто говорилъ подобно Давиду: нашъ Богъ на небеси. Онъ не поревновалъ князю Апостоловъ, о которомъ написано въ Дѣянїяхъ 14, 11—18. Апостолы были чисты отъ гордости и не только не желали почестей, но обезпокоивались, когда она имъ воздавалась: (2 Кор. 3, 5; 2 Кор. 6, 14). **Что это за соединеніе царя и Бога?** Послушай, новый Арїй (Лигаридъ)! Одинъ мудрецъ сказалъ: что есть царь. Онъ царь сегодня, а завтра умираетъ, онъ — наслѣдіе ползучихъ животныхъ и червей. Начало

гордости тогда, когда человекъ отходитъ отъ Бога, и когда сердце отворачивается отъ Творца, ибо гордость есть начало грѣха, и тотъ, кто ее имѣетъ, распространяетъ омерзѣніе (Прем. Сына Сирах. 10, 10—15). За это Богъ напускаетъ зло и разрушаетъ. Богъ сказалъ царю Вавилонскому, уподобившему себя Богу и говорившему: Это ли не величественный Вавилонъ, который я построилъ силой моего могущества и во славу моего величія. „Тебѣ говорятъ, царь Вавилонскій, царство отошло отъ тебя" (I, 401), и Никонъ цитируетъ Іезекіиля 28, 1—9, гдѣ царству ставится угроза гибелью за гордость царей, и Дѣян. 12, 21—23 о смерти царя Ирода за невозданіе славы Богу.

И противъ другого внѣшняго проявленія неограниченной власти царя возражалъ Никонъ, за то, что на двуглавом орлѣ нарисованъ былъ царь верхомъ на лошади съ надписью пророчества Соломона о Христѣ, отнесеннаго къ царю на переплетѣ Острожской Библии. „И ты пишешь: Почему орелъ представленъ двуглавымъ? Потому что онъ простирается и въ церковную и въ свѣтскую сферу. Вотъ отвѣтъ: **Вѣрно, что Царское Величество вознесся надъ Церковью, вопреки Божественнымъ Законамъ, превознося идею собственнаго достоинства, но не по какому либо Божественному закону.** И онъ не остановился здѣсь, но гордо воздымается противъ Бога полетомъ орла на щитѣ, недавно сдѣланномъ въ 1663 г. На немъ представленъ двуглавый орелъ, и на орлѣ царь верхомъ на лошади съ богатѣйшей добычей, а надъ нимъ надписано пророчество Соломона о Христѣ, которое царь снесъ къ себѣ. Слова эти изъ 3-й главы Пѣсни Пѣсней: „Войдите и посмотрите, дщери Сіона, на царя Соломона въ вѣнцѣ, которымъ увѣнчала его мать въ день бракосочетанія его, въ день радостный для сердца его". Есть тамъ и другой текстъ изъ Писанія, въ которомъ Исаія говоритъ о вѣчномъ царствѣ Христовомъ. „Вотъ праведный царь будетъ царствовать по правдѣ", и въ другомъ мѣстѣ: „Я установилъ царя правды; всѣ шаги Его прямы, онъ будетъ защищать мой городъ". Но все это Исаія пророчествовалъ не о царѣ Алексѣѣ, а о Царѣ Царей, Спасителѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ" (I, 555). **Царь связанъ Божіими заповѣдями и правилами Христовой Церкви, которыя установлены благодатью Духа Святаго черезъ Апостоловъ и ихъ преемниковъ. Лишь соблюдая ихъ, какъ всякій православный христіанинъ, онъ очищается отъ страстей своихъ, и Его слово только тогда становится орудіемъ Божіимъ.** Никонъ пишетъ (I, 554): „Ты говоришь, что царь можетъ назначать архимандритовъ и всѣ церковныя власти, что это — одна изъ царскихъ привиллегій, и

это обычай народовъ, чтобы онъ распредѣлялъ эти должности. Ты (Лигаридъ) и здѣсь солгалъ, какъ лжешь всегда, будто это — привиллегія царей. **Нигдѣ въ царскихъ (Византійскихъ) законахъ не сказано, что Царю подобаетъ выбирать Епископовъ ли архимандритовъ или другихъ клириковъ, но есть совершенно противоположныя постановленія въ канонахъ Св. Апостоловъ, св. отцовъ и въ царскихъ законахъ по этому предмету.** Прочитай 30 Апостольское Правило, 13 Лаодик., VII Вс. Соб. 3 и 19 Антіох. Всякаго, кто окажется избраннымъ свѣтскими правителями, Божественные каноны не признаютъ и извергаютъ. И тѣхъ, которые избрали бы таковыхъ, хотябы это былъ и царь, подвергаютъ покаянію, и тѣхъ, которые были бы посвящены Епископами, такъ избранными, — считать непосвященными и крещенныхъ некрещенными. Всякій долженъ знать свою мѣру. Сауль принесъ жертву но потерялъ царство; Озія, воскурившій ѳиміамъ въ храмѣ, получилъ проказу. **Хотя ты и царь, но оставайся въ предѣлахъ своихъ. Скажешь ты, что сердце царево въ руцѣ Божіей? Да, но тогда сердце царево въ Божіей, когда царь пребываетъ въ границахъ, поставленныхъ ему Богомъ.** Такъ сказалъ Господь Саулу черезъ Самуила: „Ты отвергъ Слово Божіе, и Онъ отвергъ тебя отъ царства надъ Израилем“.

О церковныхъ законахъ.

А о природѣ церковныхъ законовъ, ихъ происхожденіи, Никонъ повѣствуетъ въ обращеніи къ боярину Кн. Одоевскому, главному составителю Уложения, по поводу изданія гражданскихъ законовъ, вторгающихся въ Церковь вопреки канонамъ, почитая такое дѣяніе пятнаніемъ Церкви Христовой, ибо „Церковь есть не стѣны, не храмы, а законы церковные (I, 534—539): видишь ли ты Церковь? И что такое Церковь? И какъ Христосъ помолвилъ ее съ Собой и очистилъ ее? Тогда зачѣмъ же ты запятналъ ее прелюбодѣяніемъ, исказилъ и обезчестилъ всѣ ея священные законы и въ ничто поставилъ и осквернилъ ея Главу Христа? Какъ говорить Апостоль: „Глава жены мужъ, и онъ есть спаситель тѣла, какъ учить Христосъ Спаситель: какъ вы хотите, чтобы люди поступали съ вами, такъ и вы поступайте съ ними“. Хотѣлъ ли бы ты, чтобы твой слуга унизилъ жену твою прелюбодѣяніемъ, даже, если бы ты ничего тягостнаго не переносилъ за нее и не проливалъ бы за нее кровь, какъ дѣлалъ Христосъ? Какого бы наказанія не пожелалъ ты наложить на такого беззаконнаго и дурного слугу? Я думаю, что ты

не оставилъ бы такового въ живыхъ. И какъ старый законъ приказываетъ таковыхъ побивать камнями, такъ и гражданскій законъ ихъ наказываетъ смертию. **Но ты унижилъ прелюбодѣянiемъ жену Царя, жену Агнца, не имѣющаго скверны или порока или нѣчто отъ таковыхъ...** Ты изъ зависти нападаешь на Церковь и борешься противъ Бога, ибо ты ослѣпленъ завистью къ благодати, данной твоему брату. А какъ интересъ Церкви связанъ съ его искусствомъ, то съ его паденiемъ онъ нарушается. Ты дѣлаешь сатанинское дѣло, строя заговоръ противъ тѣла Христова, ибо, какъ тѣло и голова — одинъ человѣкъ, такъ Церковь и Христосъ — едино. Слушай: **откуда законы церковные? Они — свѣше отъ Бога и говорятъ съ небесъ; основанiя стѣны — благословенные Апостолы, на которыхъ основана Церковь Божiя, но стѣна Церкви есть Самъ Христосъ. И зачѣмъ же ты стараешься разрушить стѣну Церкви, которая есть Христосъ? Свѣтъ Церкви есть Христосъ, почему же ты, который есть темнота, тушишь его? Но она основана на скалѣ, и врата адовы не одолѣють ю. Архангелъ Гавріиль свидѣтельствуетъ, что царству Его не будетъ конца, зачѣмъ же ты кладешь конецъ царству Христову беззаконнымъ кодексомъ такъ, чтобы явилась власть князя міра сего? Но, если другой приходитъ, то этотъ другой никто, какъ Антихристъ. На Апостоловъ въ день Пятидесятницы сошли огненные языки, и они заговорили на разныхъ языкахъ. Видишь ли ты теперь, откуда явилось Евангеліе, что оно пришло съ небеси, и какъ Апостолы сдѣлались мудры не сами собой, но по наитію Святаго Духа? Но и послѣ такого дара и пріятія Святаго Духа Апостолы не переставали свидѣтельствовать отъ закона и пророковъ (Дѣян. 2, 14—18). Почему же ты не принимаешь заповѣди Божіей и Его святыхъ учениковъ и Апостоловъ? Видишь, что не своей властью или благочестіемъ дѣлали все Апостолы, но благодатью Святаго Духа свѣше? Князь Апостоловъ учить, что праведно слушать Бога болѣе нежели людей. (Дѣян. IV, 19), но ты не слушаешь избраннаго сосуда Христа, проповѣдника Божественной тайны (Апостола Павла), говорящаго: „Кто не имѣетъ Духа Христова, тотъ не Христовъ..." Какъ же ты возмечталъ о себѣ и не слѣдуешь Евангелію Христа и Его св. учениковъ и Апостоловъ 12 главныхъ и 70 другихъ и съ ними семи Вселенскихъ и девяти Помѣстныхъ Соборовъ, которые ты отвергъ и не только отвергъ, но и оклеветалъ". Мы не будемъ сейчасъ входить въ подлежащій разборъ критики Никономъ Уложенiя, но обратимъ вниманіе, что въ его представленіи Церковь есть особое**

учрежденіе, Богомъ установленное, съ особыми законами, изданными свыше по благодати Духа Святаго черезъ Апостоловъ, и что въ этомъ учрежденіи непріемлемы законы, не соотвѣтствующіе его основамъ, тѣмъ болѣе исходящіе отъ власти посторонней, какой является власть государственная. Никонъ не касается здѣсь вопроса, всѣ ли законы Церкви Божественны, нѣтъ ли среди нихъ и законовъ человѣческихъ, обусловливаемыхъ земными условіями мѣста и времени, но онъ устанавливаетъ принципъ, что въ Церкви есть неизмѣнные Божественные законы, и что для нея непріемлемы законы имъ противорѣчащіе.

„Развѣ царь — глава Церкви? Нѣтъ! Глава Церкви Христосъ (Кол. I, 16—20). Но царь не глава и не можетъ ею быть, но есть одинъ изъ ея членовъ. Вслѣдствіе этого онъ не можетъ дѣйствовать въ Церкви" (1, 129). Если бы кто увидѣлъ царя въ своихъ царскихъ одеждахъ служащимъ, какъ священникъ, литургію или дѣлающимъ что либо, принадлежащее къ священству, то кто же бы могъ такой актъ назвать правильнымъ и соотвѣтственнымъ, если онъ не сумасшедшій? **Какъ же ты, безумный отвѣтотворче, говоришь, что главное дѣло царей — управленіе Церковью?... Гдѣ Христосъ сказалъ, что царь имѣетъ власть надъ Церковью?** (1, 129).

Объ участіи царя въ церковномъ управленіи. О правахъ царя по отношенію къ Соборамъ церковнымъ. О Соборѣ 1660 г.

Царь, мы видѣли, по Никону не имѣетъ права назначать самостоятельно духовныхъ лицъ, не имѣетъ права и самостоятельно созывать Соборовъ Епископскихъ. „37 Апост. Правило: дважды въ годъ Епископы собираются для церковныхъ дѣлъ и для вопросовъ вѣры". Смотри, отвѣтотворче, какъ говоритъ св. канонъ: „собираются", а не созываются царемъ или кѣмъ другимъ. Также говорятъ I Вс. Соб. пр. 5; IV Вс. Соб. пр. 194 Если вѣрно, что въ древности созывались Соборы благочестивыми царями, то это дѣлалось по просьбѣ Епископовъ, а не по приказу царя, какъ это теперь практикуется созывать приказомъ и принужденіемъ". Въ этомъ пунктѣ Никонъ возражаетъ противъ взгляда (1, 40) на Соборы, какъ на органъ царской власти по церковнымъ дѣламъ, и въ этомъ отношеніи сходится съ огромнымъ большинствомъ современныхъ канонистовъ. Одновременно Никонъ намекаетъ на Соборъ 1660 г., созванный въ его отсутствіе въ февралѣ 1660 г., когда онъ съ разрѣшенія царя уѣхалъ изъ Воскресенскаго монастыря въ Иверскій и Крестный монастыри, Соборъ, созванный царемъ для суда надъ Никономъ вопреки 75 апост. правилу, требующе-

му для суда надъ Епископомъ его тоекратнаго вызова. Никонъ былъ строгъ самъ въ исполненіи церковныхъ законовъ и требовалъ соблюденія ихъ отъ другихъ. **Такъ онъ обратилъ вниманіе на допросъ свидѣтелей на Соборѣ 1660 г.**, допросъ, тенденціозность котораго въ исторической наукѣ впервые доказана Пальмеромъ и проф. Николаевскимъ и совершенно опорачиваетъ цѣнность многихъ свидѣтельскихъ противъ Никона показаній объ уходѣ Никона изъ Москвы 10 іюля 1658 года, показаній, на основаніи коихъ судилъ не только Соборъ 1660 г., не приведенный въ исполненіе вслѣдствіе несогласія между судьями о подсудности Патріарха и о наказаніи за оставленіе паствы, но и осудившій Никона Соборъ въ декабрѣ 1666 г. Никонъ указалъ на полное отсутствіе свободы дѣйствій Собора 1660 г., составленнаго и руководимаго по пристрастію заинтересованнымъ царемъ. „Когда я больной ради нужды своего существованія уѣхалъ въ Иверскій и Крестный монастырь, то царь приказалъ однимъ своимъ приказомъ (безъ духовной власти) созвать Митрополитовъ, Архіепископовъ, Епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ и, созвавъ ихъ, говорилъ о нашемъ уходѣ въ такихъ выраженіяхъ, какъ ему было угодно, и послалъ свитки свидѣтельскихъ показаній о моемъ уходѣ, заготовленныхъ имъ, въ Крестовую Палату Патріаршаго Дворца. Кто допрашивалъ каждого изъ свидѣтелей, не написано, но надо полагать, что самъ великій государь или какой либо бояринъ допрашивалъ и руководилъ слѣдствіемъ. Но не написано, по какому правилу Св. Апостоловъ и св. отцовъ допрашивался, а есть постановленіе о созывѣ Соборовъ въ 37 Ап. пр., VI Вс. Соб. 8 пр. **Правило 6-е или 5-е II Никейскаго Собора приказываетъ, чтобы Соборы всѣхъ Епископовъ собирались однажды въ годъ, но не говорится, что царь долженъ былъ ихъ собирать.** Также и I Вс. Соб. пр. 5; 12 Ант. пр.; 39 Лаод. И 30(18) Карѣ. Вездѣ одинаково говорится: „Собираются". **Нельзя найти примѣра послѣ Вселенскихъ Соборовъ, въ которыхъ бы царь созывалъ Соборъ...** А этотъ Соборъ я могу назвать не только жидовской синагогой, но и діавольской, такъ какъ онъ созданъ не по канонамъ, а затѣмъ въ своихъ дѣяніяхъ его члены дѣйствовали по царскому Указу въ угоду царю. Соборъ былъ созданъ царскимъ Указомъ, и все дѣлалось по царскому Указу, какъ написано и въ Дѣяніяхъ Собора, и засвидѣтельствовано подписью его членовъ съ Евангеліемъ во свидѣтельство и ихъ собственными языками. Канонъ 104 Карѣаг. Собора гласитъ: „Всякій Епископъ, прибѣгающій къ свѣтскому суду ца-

ря, низвергается", а канонъ 106: „Тотъ, кто по какому либо необходимому дѣлу желаетъ идти къ императору, долженъ увѣдомить о томъ Карѳагенскаго Епископа и Римскаго и взять отъ нихъ отпускную грамоту; иначе пусть будетъ отлучень". Но если даже тотъ, кто ищетъ для себя **царскаго суда, низвергается, то насколько же болѣе незаконно для царя созывать своимъ собственнымъ Указомъ Епископовъ для суда?"** (1, 102).

Объ участіи царя въ церковномъ управленіи. О повышеніи ранга епископской кафедры.

И по другому коренному вопросу церковнаго управленія о повышеніи ранга епископскихъ кафедръ, также, какъ и всегда, вооруженный канонами, Никонъ доказываетъ, **что повышать рангъ кафедры — не компетенція царя.** Онъ указываетъ на общее 38 пр. VI Вс. Соб. „Если какой либо городъ построенъ или будетъ построенъ вновь впослѣдствіи царемъ, то порядокъ церковныхъ дѣлъ долженъ слѣдовать гражданскимъ законамъ". Никонъ говоритъ **объ учрежденіи у насъ патріаршества, какъ примѣръ самостоятельности духовной власти.** „Въ соборномъ актѣ при Θεодорѣ Іоановичѣ, пишетъ онъ (1, 45), говорится, что освященный Соборъ и бояре говорили царю о необходимости Обращенія къ Патріархамъ по поводу учрежденія патріаршества, чтобы не подумали другіе, особенно латиняне и другіе еретики, что Патріаршій Престоль воздвигается въ царствующемъ градѣ Москвѣ только властью царя, и благочестивый царь внялъ имъ. И хотя онъ могъ устроить это своей властью, т. е. возвысить въ рангъ Московскую кафедру, **онъ рѣшилъ подчиниться волѣ Божіей, какъ она открыта въ канонахъ Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ, и совѣту Епископовъ, ибо онъ почиталъ священство выше царства т. к. священники стоятъ предъ алтаремъ и своими руками приносятъ непорочнаго агнца.** Согласно Божественному Писанію, чтить священниковъ значитъ чтить Высочайшаго Бога, ибо **часть священническая восходитъ къ Богу не по естеству (substantially), — Богъ запрещаетъ такъ мыслить, — но вслѣдствіе великой милости, которая дана Христомъ Богомъ нашимъ Апостоламъ и ихъ преемникамъ:** „Слушающій васъ Меня слушаетъ, и слушающій Меня, слушаетъ пославшаго Меня, а отвергающій васъ отвергаетъ Меня, а отвергающій Меня отвергаетъ Пославшаго Меня." Показывая себя превыше всего, какъ послушный Сынъ Церкви, царь далъ приказъ, согласно ихъ совѣту, и отправлены были грамоты отъ царя и Епископовъ къ четыремъ

Патріархамъ. Отвѣтъ былъ, что Святые Отцы опредѣлили кому либо изъ Патріарховъ идти въ Москву, если можно, то Константинопольскому, какъ занимающему высшее мѣсто" (I, 45).

Царь — образецъ послушанія церковнымъ законамъ для народа. Церковный законъ неприкосновененъ для государства. Апостасіи.

Никонъ тѣмъ паче требуетъ отъ царя ненарушенія церковныхъ законовъ, что царь, не дисциплинируя себя, разрушаетъ свой собственный народъ (I, 554). Такимъ образомъ, санкціей послушанія Церкви должна быть забота о благѣ его собственнаго народа. Но царь не только лично долженъ быть образцомъ ихъ соблюденія, но и въ законодательствѣ государственномъ не допускать отступничества отъ нихъ. Отступничество государственнаго закона отъ церковныхъ нормъ въ смыслѣ ихъ разрушенія Никонъ рассматриваетъ, какъ поклоненіе государства передъ антихристомъ. Этотъ антихристъ не сатана, но человѣкъ, который получить отъ сатаны всю силу дѣйствія. Откроется человѣкъ, который вознесется надъ Богомъ, и онъ будетъ противникомъ Бога и разрушитъ всѣхъ боговъ и прикажетъ поклоняться себѣ вмѣсто Бога, и онъ сядетъ не въ храмъ Іерусалимскомъ, но въ Церквахъ, выдавая себя за Бога. Какъ Мидійская имперія была разрушена Вавилономъ, а Вавилонская Персидской, а Персидская Македонской, а Македонская Римской, такъ Римская должна быть разрушена антихристомъ, а онъ Христомъ. Эго открываетъ намъ пророкъ Даніиль. Если бы не пришелъ антихристъ, не повѣрили бы во Христа. Божественный Апостоль предупредилъ насъ о вещахъ грядущихъ, и онѣ для насъ наступили черезъ васъ и ваше злодѣйство (обращеніе къ составителю Уложенія князю Одоевскому). Развѣ не явилась апостасія отъ Святаго Евангелія и отъ преданій Св. Апостоловъ и св. отцовъ? (Никонъ разумѣетъ вторженіе черезъ Уложеніе свѣтской власти въ управленіе Церкви). Развѣ не обнаружился человѣкъ грѣха, сынъ погибели, который возносится надъ всѣмъ, что называется Богомъ, или чему поклоняются? Апостасія, ибо онъ погубитъ многихъ. И что можетъ быть болѣе разрушительно, чѣмъ оставленіе Бога и заповѣдей Его, какъ они предпочли преданія человѣческія, т. е. свой кодексъ полный злобы и лукавства? Но кто это? Сатана? Нѣтъ. Это — человѣкъ, принявшій дѣло Сатаны, который присоединилъ къ себѣ многихъ другихъ, подобныхъ тебѣ, составитель лжи, и твоимъ товарищамъ. Сидѣніе въ храмъ Божіемъ означаетъ не въ храмъ Іерусалимскомъ, но всюду въ Церквахъ. И сидѣніе не буквальное во

всѣхъ Церквахъ, но обладаніе властью надъ всѣми Церквами. Церковь — не каменные стѣны, но — церковные законы и пастыри, противъ которыхъ ты, апостать, поднялся, согласно дѣлу сатаны, и предоставилъ въ Уложеніи свѣтскимъ людямъ юрисдикцію надъ Патріархомъ, Митрополитами, Архіепископами, Епископами, и надъ всѣмъ духовенствомъ, **не имѣя мысли о дѣлѣ Божіемъ**. Какъ Господь сказалъ по одному случаю: отойди отъ Меня, сатана, **такъ какъ ты думаешь не о томъ, что Богу угодно, а людямъ**. Вы отца вашего діавола и похоти его творите. О такихъ Церквахъ Христосъ сказалъ: Мой домъ наречется домомъ молитвы, но вы сдѣлаете его притономъ разбойниковъ; какъ говоритъ Іеремія (7, 4): не полагайтесь на обманчивыя слова говорящихъ: здѣсь храмъ Господень. Какъ это — **храмъ Божій**, который подъ властью царя и его подчиненныхъ, въ которомъ они приказываютъ, что угодно? **Такая Церковь больше не храмъ Божій, но домъ тѣхъ, которые имѣютъ власть надъ нимъ** ибо, если бы это былъ храмъ Божій, то никто изъ страха Божія не былъ бы способенъ узурпировать власть надъ нимъ или отнимать что либо отъ него. Но что касается преслѣдованія Церкви, то Богъ открылъ объ этомъ Своему любимому ученику и лучшему богослову Іоанну" (I, 403-408). Это преслѣдованіе Церкви Никонъ усматриваетъ въ изданіи Уложенія съ его закономъ о подсудности всего духовенства государственному суду и во вмѣшательствѣ Монастырскаго Приказа не только въ судъ надъ духовными лицами, иногда и въ духовныхъ дѣлахъ, но и въ управленіе Церкви, въ смыслѣ финансовомъ и въ назначеніи на духовныя должности, а также въ конфискаціи части церковныхъ имѣній. Эти вопросы будутъ нами въ послѣдствіи обсуждаться подробно; для даннаго же момента намъ достаточно установить **положеніе Никона о полной самостоятельности Церкви, какъ Богомъ Установленнаго учрежденія, для управленія въ которомъ необходимо имѣть соотвѣтствующую благодать Апостоловъ, а не благодать на управленіе царствомъ**. Никонъ пишетъ: (1, 175) „Вотъ, глоссы на изгнаніе торжниковъ изъ храма на Марк. 11, 15-17. Глосса: онъ не просто ихъ выгналъ, но побилъ съ позоромъ кнутомъ, который Самъ сдѣлалъ. Онъ назвалъ храмъ притономъ воровъ за незаконное имъ завладѣніе", а въ другомъ мѣстѣ пишетъ глосса: „Такъ возненавидѣлъ Я вашу наглость, что собственный домъ не называю Своимъ домомъ, но вашимъ. Пока добродѣтель и любовь жили въ немъ, онъ былъ Моимъ домомъ, а съ тѣхъ поръ, какъ вы унизили его и сдѣлали его рынкомъ и притономъ

воровъ, столы, на которыхъ они продають голубей, опрокинуты, т. е. столъ главныхъ священниковъ, продающихъ духовные дары, ибо голубь есть символъ Духа, и посвящающій за деньги подлежить проклятію". Что же сказать о Митрополитѣ Питиримѣ, который въ епархіяхъ другихъ Епископовъ и по приказу царя и вельможъ совершаетъ посвященіе. Какого великаго проклятія онъ не заслуживаетъ, согласно тому, что избранный свѣтской властью низвергается вмѣстѣ съ посвятившимъ его! Но теперь Архіепископы, архимандриты и попы въ монастырѣ избраны самимъ царемъ, и Митрополитъ Крутицкій ихъ посвящаетъ" (I, 176).

Къ вопросу о самостоятельности Церкви Никонъ возвращается снова въ нѣсколькихъ другихъ, хотя близкихъ выраженіяхъ, когда онъ полемизируетъ съ Лигаридомъ по вопросу о томъ, можетъ ли царь послѣ ухода Никона замѣщать его кѣмъ либо на патріаршемъ престолѣ. Вопросъ этотъ для Лигарида съ его ученіемъ о царѣ, какъ источникѣ всякой власти, разрѣшался иначе, чѣмъ для Никона, для котораго Церковь была независимымъ отъ государства учрежденіемъ, непосредственно установленнымъ Богомъ. „Ты, вопрошатель, говоришь, совершилъ ли царь грѣхъ, что онъ допустилъ Церковь Божию остаться во вдовствѣ? Объясни мнѣ, что есть Церковь, и я тебѣ скажу: если не знаешь, я скажу тебѣ, что такое Церковь. Господь сказалъ: „Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолѣють ю".

О Церкви: ея самостоятельность.

Но подъ Церковью Онъ разумѣетъ не мѣсто только, но извѣстное нравственное состояніе, не стѣны Церкви, но церковные законы. Ибо Церковь — не стѣны и крыша, но вѣра и жизнь. Какимъ образомъ врата адовы не одолѣють ю? Потому что Христосъ съ нами. Ибо, конечно, если бы Онъ не былъ съ нами, Церковь не одолѣла бы, какъ удалось ей съ распространеніемъ Евангелія по всему міру чрезъ Св. Апостоловъ - основателей Церкви и сѣятелей Слова Евангелія. По истинѣ Апостолы — основаніе Церкви. Стѣна города имѣетъ 12 основаній, и на нихъ имена 12 Апостоловъ Агнца (Апок. 21, 14). Но основаніе стѣны, какъ мы говорили, благословеніе Апостоловъ, на которыхъ основана Церковь Христова, которыхъ имена вписаны въ нашихъ сердцахъ. Но великая стѣна Церкви, которая выше всѣхъ и покровительствуетъ находящимся внутри святаго города есть Христосъ и Онъ — Глава или куполь (Еф. 5,

23; Кол. 1, 18). Но кто ты, что говоришь неправильно: „Если царь не дѣлаеть (не замѣщаетъ патріаршей катедры послѣ ухода Никона) этого изъ нѣкоторыхъ основаній, и путемъ экономіи, по неизвѣстнымъ намъ основаніямъ, то онъ грѣшитъ не тяжело, т. е. не навлекая смертнаго грѣха, но не свободенъ отъ меньшаго грѣха простительнаго, ибо многіе соблазнены и приписываютъ его промедленіе нерадивости, какъ если бы онъ не оказывалъ дѣлу вниманія, а самая же главная забота царя о Церкви, ибо положеніе царя не можетъ быть прочнымъ, пока не установлено твердо положеніе Церкви". Но ты, отвѣтотворче, слышалъ съ своимъ вопрошателемъ, **что есть Церковь, и что есть основаніе Церкви, и что стѣны и Глава. Послушай ты, обманщикъ, законодателя Апостола Павла, законодателя въ Церкви, и онъ перечислитъ тебѣ членовъ Св. Церкви (1 Кор. 12, 28-31). „И иныхъ Богъ поставилъ въ Церкви во первыхъ Апостолами, во вторыхъ пророками, въ третьихъ учителями... „Почему же царь не названъ на первомъ мѣстѣ по высотѣ царской власти? Каждый долженъ знать свою мѣру (1 Кор. 7, 20-24), и Самъ Богъ свидѣтельствуешь о необходимости брачной одежды для участія въ брачномъ пиру (Мѡ. 22, 11-13); зачѣмъ же ты приводишь въ Божественный храмъ не имѣющаго брачной одежды?"**

Для управленія въ Церкви необходимы епископскія полномочія, а не отъ царя.

Такъ оспаривалъ Никонъ право царя управлять внутри Церкви, что усваивалъ ему Лигаридъ; но Никонъ для права въ Церкви требовалъ благодатныхъ полномочій Епископскаго сана, какъ это признаетъ и современная каноническая наука. Это вторженіе онъ признавалъ за проявленіе антихристовъ духа обольщенія, духа отступленія отъ Бога; отступленіе и въ томъ, что **Епископы, оставивъ свое достоинство, поклоняются царю, какъ владыкѣ надъ собой въ духовныхъ дѣлахъ, и ищутъ отъ него почестей.** „Ты, злой вопрошатель, говоришь, что царь облекъ насъ надзоромъ за церковными дѣлами, которыми онъ самъ не владѣетъ, и ты видишь теперь, кто антихристы, что есть духъ и что — духъ обольщенія. Даже теперь много антихристовъ: т. е. Митрополитъ Крутицкій и остальные подобные ему. Дѣти врага — ты и подобные. Духъ заблужденія — Митрополитъ Газскій и подобные ему. Послушай Павла во 2 Тим. 2, 3 (да не обольститъ васъ никто никакъ: ибо день тотъ не придетъ, доколе не придетъ прежде отступленіе, и не откроется человекъ грѣха, сынъ погибели) и Матѡ. 24, 9-12. Изъ

этихъ словъ всякій можетъ понять, что это время характеризуется вещами, подобными тѣмъ, которыя происходятъ теперь."

Дѣйствіе Антихриста: влaстительство надъ Церковью свѣтской власти.

Что болѣе нечестиво чѣмъ то, что царь судить Епископовъ, восхищая на себя власть, которая не дана ему Богомъ? Гдѣ теперь послушаніе Слову Евангелія и соблюденіе Его Святыхъ Заповѣдей? Это — отступленіе отъ Бога. Мы видимъ дѣйствіе злобы антихриста, его слуги дѣйствуютъ подобно антихристамъ, т. е. какъ говорить Св. Іоаннъ: даже теперь есть много антихристовъ, т. е. много противниковъ Бога, которые дѣйствуютъ противъ Его Евангелія и не только просто дѣйствуютъ, но они еще гордятся своимъ нечестіемъ. И онъ сядетъ, говоритъ онъ, въ Церкви Божіей, не въ той, которая въ Іерусалимѣ, но всюду его власть будетъ въ Церквахъ, такъ свидѣтельствуемъ Іоаннъ Богословъ, говоря, что Антихристъ уже въ мірѣ. Но никто его не видѣлъ и не слышалъ чувственно, т. е. свѣтскія власти начнутъ въ нарушеніе Божественныхъ заповѣдей властвовать надъ Церковью Божіей. Ибо слово „тронъ" означаетъ имѣть церковную власть, а не просто сидѣніе... И онъ прикажетъ поклоняться ему не внѣшне или чувственно, но тѣмъ же способомъ, какъ теперь Епископы, оставляя свое священническое достоинство и честь, поклоняются царямъ, какъ своимъ владыкамъ. И просятъ ихъ обо всемъ и ищутъ отъ нихъ чести" (1, 193). Изъ послѣднихъ словъ цитаты видно, что Никонъ не только былъ сторонникомъ самостоятельности Церкви, но и не одобрялъ вліянія того тлетворнаго духа придворности, который давалъ такіа отрицательные результаты еще въ Византійскомъ бѣломъ придворномъ духовенствѣ съ его духомъ чрезмѣрной „экономіи", приспособленія къ обстоятельствамъ и толкованіемъ каноновъ, идущимъ вплоть до ихъ уничтоженія, съ чѣмъ такъ боролся между прочимъ Св. Ѳеодоръ Студитъ.

Царь не компетентенъ в дѣлѣ суда надъ епископами - клириками.

Въ той же цитатѣ Никонъ упоминаетъ о недопустимости для царя судить Епископовъ. Объ этомъ онъ говоритъ много и подробнѣе въ другихъ мѣстахъ, и мы приведемъ это мѣсто, гдѣ онъ обосновываетъ свое положеніе канонами (1, 302, 303): „Тѣмъ, которые хотятъ быть судимы передъ свѣтскими судьями, будучи клириками или какого нибудь чина духовнаго, Апостолъ говоритъ: осмѣливается ли кто изъ васъ, имѣя дѣло противъ другого идти на судъ передъ непра-

ведными, а не передъ святыми? Развѣ не знаете, что святыя будутъ судить міръ? Если же вами будетъ судимъ міръ, то неужели вы недостойны судить маловажныя дѣла?" (1 Кор. VI, 1, 2). Видишь ли, отвѣтотворче, что потомъ они будутъ судить міръ, а ты хочешь, чтобы теперь міръ судилъ ихъ? И какъ же кто сможетъ быть судимымъ тѣми, кого онъ самъ долженъ судить? „Если же вами будетъ судимъ міръ, то неужели вы недостойны судить маловажныя дѣла?" Это, говоритъ онъ, приноситъ вамъ стыдъ и несказанное униженіе. Не знаете ли вы, что мы будемъ судить ангеловъ, не тѣмъ ли болѣе дѣла житейскія? (1 Кор. VI, 3). Видишь ли ты великое превосходство чести священства? Если Павелъ говоритъ, что мы будемъ судить ангеловъ, а не только дѣла этого міра, то какъ можно для святыхъ принять судъ отъ свѣтскихъ лицъ? Поэтому, онъ говоритъ (1 Кор. VI, 4): „Когда вы имѣете житейскія тяжбы, поставьте судьями тѣхъ, которые, по крайней мірѣ уважаемы въ Церкви (1 Кор. VI, 5). Къ стыду вашему говорю: неужели нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ бы разсудить между братьями своими? Если нѣтъ такого, то лучше оставить дѣло совсѣмъ..." По IV Вс. Соб. 9 пр. „если клирикъ имѣя тяжбу противъ другого клирика обратится къ свѣтскому суду, то подлежитъ каноническому наказанію. Клирики, имѣющіе что либо противъ Епископа, должны ждать созыва Собора. Если Епископы имѣютъ что либо противъ Митрополита, они должны увѣдомить Константинопольскаго Патріарха". Толкованіе Кормчей (л. 38): „Клирикъ, имѣющій что либо противъ другого, не долженъ обращаться въ свѣтскій судъ, но только къ своему Епископу; если, оставляя своего Епископа, онъ обратится въ свѣтскій судъ, то наказывается по канонамъ. Равнымъ образомъ, если клирикъ, имѣющій противъ своего Епископа, долженъ идти къ Митрополиту этой провинціи; и когда всѣ Епископы этой провинціи соберутся на Соборъ къ Митрополиту, тогда дѣло будетъ разбираться въ Соборѣ передъ Митрополитомъ. Но, если Епископъ или клирикъ имѣетъ споръ съ Митрополитомъ, его дѣло долженъ судить Патріархъ, подъ которымъ стоятъ Епископы и Митрополиты всѣхъ провинцій этой области. Или онъ можетъ быть судимъ Патріархомъ Константинопольскимъ; но эта власть не дана никому изъ другихъ Патріарховъ ни канонами, ни гражданскими законами (т. е. судить Митрополита, подчиненнаго другому Патріарху), но только Константинопольскому Патріарху".

Означенныя ссылки Никона на самостоятельность церковнаго суда показываютъ, что онъ признавалъ Церковь имѣющей не только право самостоятельнаго законодательства и управленія, но и суда, — такъ же, какъ считаютъ это и современные канонисты, не слѣдующіе цезарепапистской теоріи. Правда, современная каноническая наука различаетъ судъ церковный въ чисто церковныхъ дѣлахъ по Божественному праву отъ суда церковнаго делегированнаго государствомъ, напримѣръ, въ дѣлахъ гражданскаго права и уголовнаго, и отъ суда Епископскаго посредническаго по гражданскимъ дѣламъ, бывшаго въ первые вѣка Христіанства, изъ котораго и родилась подсудность духовенства Церкви въ гражданскихъ дѣлахъ. Однако, и у Никона встрѣчаются выраженія, показывающія, что въ дѣлахъ церковнаго суда онъ, **если не вполне отчетливо, то все же чувствовалъ различіе оснований для подсудности Церкви разныхъ дѣлъ:** на это указываютъ нѣкоторыя его ссылки не на Божественныя права, а на историческую традицію, въ видѣ указаній на признаніе подсудности гражданскихъ дѣлъ духовенства суду церковныхъ учрежденій по уставамъ Св. Владиміра и Ярослава и на Стоглавый Соборъ, и это несмотря на то, что онъ прекрасно сознавалъ, что часть дѣлъ, подлежащихъ Церкви, во всякомъ случаѣ подлежить по праву Божественному ей, какъ учрежденію, основанному непосредственно Богомъ. **Объ основаніи церковнаго суда Никонъ пишетъ Стрешневу въ отвѣтъ на Лигаридовскую теорію, будто царь является основой всякаго церковнаго суда.** Вотъ, что говоритъ ему Никонъ (1,189-190): „Ты говоришь, что наяснѣйшій и всесчастливѣйшій царь поручилъ Никону надзоръ надъ всѣми церковными дѣлами и судами, т. е. что онъ далъ ему всѣ привиллегіи, которыя далъ Константинъ Великій Папѣ ради своего великаго уваженія къ Римскому Папѣ Сильвестру. Равно де и Никону нашъ царь далъ много письменныхъ привиллегій. Твой вопросъ полонъ сатанинскаго страха и гордости. Что касается полнаго благополучія царя, то объ этомъ нѣтъ надобности говорить; всѣ это знаютъ; каждый знаетъ, какую выгоду мы получили отъ царскаго благополучія; **но что касается того, будто царь поручилъ намъ надзоръ надъ всѣми церковными судами, то это просто богохульство и превосходитъ гордость Люцифера,** ибо онъ сказалъ: поставлю тронъ мой на небеса и буду подобно Всевышнему. А здѣсь онъ думалъ поставить власть даже надъ Богомъ. Ты говоришь, что наяснѣйшій государь поручилъ Никону надзоръ надъ церковными судами. Но изъ вышеписаннаго ты долженъ познать, что

высочайшій авторитетъ священства не полученъ отъ царей, но наоборотъ черезъ священство цари помазуются на царство. Поэтому ясно, что священство больше царства. Ты говоришь, что Никону царь поручилъ надзоръ надъ церковными судами, но **мы не знаемъ иного законодателя, кромѣ Христа, Который далъ власть связать и рѣшить. Какую же власть далъ мнѣ царь? Эту? Нѣтъ,** но онъ самъ ее восхитилъ себѣ, какъ ты самъ свидѣтельствуешь, и какъ свидѣлствуютъ его беззаконныя дѣянія. Что онъ дѣлаетъ? Онъ вознесся надъ Церковью, обогащается ея собственностью и питается ею; онъ хвалится дѣлами такъ, что всѣ клирики, Митрополиты, Архіепископы, Епископы и священники и все низшее духовенство подчиняются, служатъ ему, какъ его рабы, платятъ поголовный налогъ и служатъ въ его войскахъ; онъ властвуетъ надъ ними судомъ и налогами. Такія привилегіи мы не только не получали отъ него, но гнушаемся ихъ и бѣжимъ отъ нихъ, какъ отъ сѣмени дракона; мы гнушаемся ихъ, какъ захватовъ антихриста, согласно заповѣди, данной Христомъ, когда, указывая на наши настоящія времена, Онъ сказалъ ученикамъ Своимъ: „Берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ; ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: „я — Христосъ", и многихъ прельстятъ" (Мѡ. 24, 5). Также учить и Апостоль Павелъ въ Еф. 5, 15; Кол. 4, 5, а въ Рим. 12, 1, 2: „И не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, чтобы вамъ познавать, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная". И дальше Никонъ обращается къ источнику, изъ котораго вытекало одобреніе всѣхъ мѣропріятій свѣтскаго правительства послѣ ухода Никона въ Воскресенскій монастырь, когда пріостановленное на время его дѣятельности Уложеніе стало примѣняться не только по точному его смыслу, но и съ превышеніемъ власти, чисто свѣтскимъ учрежденіемъ, какимъ былъ выдѣленный изъ Приказа Большого Дворца въ самостоятельное учрежденіе Монастырскій Приказъ. Этимъ источникомъ была цезарепапистская теорія, глашатаемъ которой былъ Паисій Лигаридъ. „Кто ложные пророки? продолжаетъ Никонъ (1, 191), Митрополитъ Газскій, который ничего не говоритъ отъ Божественнаго писанія. А люди принимаютъ его ложныя писанія за каноническія правила, но онъ ложный пророкъ: „И вслѣдствіе изобилія нечестія любовь многихъ охладѣетъ". Какого нечестія? Нечестія того, кто, вопреки воли Божіей, присваиваетъ себѣ непринадлежащее, какъ государь царь теперь незаконно захватилъ и подчинилъ своему господству Церковь и

всю ея собственность. И потому онъ возненавидѣлъ насъ, какъ и прелюбодѣй не можетъ любить законнаго мужа, но всегда замышляетъ противъ него. Ты говоришь, что царь Никону вручилъ надзоръ за церковными судами. Но что онъ поручилъ? Священство? Но онъ самъ его не имѣетъ, И какъ можетъ дать другимъ то, чего самъ не имѣетъ? Если ты скажешь, что царь даетъ не самое священство, а благодать священства, то это было бы противъ благодати Св. Духа и Того, Чьей милостью мы получаемъ благодать. Но говорящій противъ Св. Духа не имѣетъ прощенія ни здѣсь, ни въ будущей жизни. Кто это говоритъ? Самъ Христосъ, нашъ Богъ. Но, можетъ, скажутъ, что царь даетъ власть связывать и разрѣшать, но не въ его власти дарить это, а во власти одного Христа, ибо Онъ далъ ее Своимъ ученикамъ, сказавъ: Пріимите Духа Святаго, чьи грѣхи отпустите, отпустятся имъ, и чьи грѣхи удержите, удержатся имъ. **Никонъ, такимъ образомъ, основу церковнаго суда въ чисто церковныхъ дѣлахъ прямо связываетъ съ властью вязать и разрѣшать.** Кромѣ того, въ XVII вѣкѣ еще не было опредѣленія подсудности по предметамъ, а было опредѣленіе подсудности по лицамъ, черезъ что духовенство подпадало суду Церкви по всѣмъ вопросамъ, а не только по духовнымъ. „Желаешь ли знать истину? Тогда знай, что даже тотъ, кто отличенъ діадемой, подчиненъ власти священника, и связанный имъ на землѣ будетъ связанъ на небеси. Это — истина, но, если царь связываетъ кого во времени или убиваетъ, то онъ дастъ за это отчетъ Богу въ день судный, ибо Христосъ училъ насъ не бояться тѣхъ, кто можетъ убить тѣло, но не можетъ убить души, но мы должны бояться Того, Кто можетъ низвергнуть въ адскій огонь и душу, и тѣло. А что касается того, что царь поручилъ мнѣ надзоръ надъ всѣми церковными судами, то сказалъ ты ложь, сказатель нечестивыхъ словесъ. Царь не давалъ намъ какой либо власти (разумѣется духовной), и мы не ищемъ и не нуждаемся отъ него получать какую либо власть, зная Божественные каноны, выше писанные: „Всякій получающій Церковь черезъ свѣтскую власть низвергается". И, хотя Богъ терпитъ нынѣ его правонарушеніе, и царь, вопреки Божественнымъ правиламъ, избираетъ кого хочетъ на священническія степени и даетъ приказъ посвящать, но все это — не избранники Божіи и недостойные. **За все это царь отдастъ отчетъ передъ Богомъ.** Какъ можетъ кто либо дать то, чего самъ не имѣетъ?"

Въ этой цитатѣ опять мы видимъ все ту же основную мысль Никона объ особой природѣ духовной власти, получаемой Епископа-

томъ независимо отъ власти свѣтской, власти чисто **духовной, заключающейся въ правѣ вязать и разрѣшать грѣхи, власти, которую можетъ проявить простой священникъ по отношенію къ царю.** Никонъ говорить о высотѣ духовной власти священника, а не только Епископа, по сравненію съ царской, и особо подчеркиваетъ, что „царь исповѣдуются передъ священникомъ, который, по каноническимъ правиламъ, не можетъ принимать исповѣдь безъ уполномочія со стороны Епископа" (I, 301). Когда царь посылалъ съ Одоевскимъ въ 1663 г. сказать Никону, чтобы онъ не давалъ цѣловать своей руки людямъ, то Одоевскій спросилъ его: „Ты даешь руку цѣловать всѣмъ по образу царей? Это неправильно." Никонъ спросилъ: „Кто тебѣ сказалъ это? Царь или ты отъ себя?" — „Царь". Никонъ сказалъ: „Мы удивляемся, почему царь цѣлуетъ руки священниковъ, посвященныхъ нами, и самъ при благословеніи склоняетъ голову? Мы удивляемся, почему царь заставляетъ Епископовъ и священниковъ цѣловать свою руку. Это — не епископская и не священническая рука. Хотя государь по чрезмѣрной гордости думаетъ, что священство меньше царства, но онъ узнаетъ разницу, когда мы будемъ передъ нелицепріятнымъ судомъ Іисуса Христа". Никонъ говорить объ отсутствіи такой духовной власти у царя и о томъ, что, признавая высоту власти священниковъ, нельзя отказывать въ ней тѣмъ, отъ кого ее получаютъ священники. „Ты и твой отвѣтотворче много говорите, какъ будто Богъ сказалъ царямъ и князьямъ: пріимите Духа Святаго, кому отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и кому удержите, удержатся. **Но кому это сказано? Его святымъ ученикамъ и Апостоламъ и преемникамъ ихъ власти — Епископамъ, но не царямъ и князьямъ.** Смотрите, что же дѣлаетъ теперь, въ нарушеніе каноновъ 7 и 43 Карѣ. Собора, дающихъ права разрѣшенія грѣховъ только Епископу и запрещающихъ это священнику безъ особаго разрѣшенія Епископа. Если по обычаю вошла произвольная форма дисциплины, и цари и князья терпятъ запрещенія и связыванія отъ священниковъ, почитая ихъ дѣйствительными, то насколько же больше они должны слушать тѣхъ, о комъ Богъ сказалъ въ лицѣ Апостоловъ: „Слушающій васъ, Меня слушаетъ и слушающій Меня слушаетъ Пославшаго Меня, а отвергающій васъ, отвергаетъ Меня, а отвергающій Меня, отвергаетъ Пославшаго Меня" (I, 31). **Никонъ требовалъ повиновенія духовной власти только, какъ духовной власти въ предѣлахъ ея компетенціи, принадлежащей ей въ силу Божественнаго права.**

Мы перечислили цѣлый рядъ ограниченій царской власти, которыя ей ставить Никонъ, ограниченій, которыя вытекають изъ природы Церкви, и которыя ей ставили Святые Отцы и Учители Церкви тѣхъ самыхъ временъ, когда Христова Церковь была признана христіанскими императорами, какъ мы видѣли въ историческомъ очеркѣ объ этомъ предметѣ, и это вполнѣ соотвѣтствуетъ сознанію лучшихъ Византійскихъ императоровъ, державшихся догмы права, а не льстивыхъ утвержденій придворнаго Византійскаго духовенства. Никонъ писалъ не теоретическій трактатъ, а доказательства правоты своей точки зрѣнія и потому затрагивалъ преимущественно вопросы, бывшіе предметомъ его борьбы (Изданіе Уложенія съ противоканоническими статьями, восхищеніе царемъ на себя церковнаго управленія послѣ ухода Никона, судъ Монастырскаго Приказа и т. д.); однако, всѣ эти вопросы имъ освѣщены съ теоретической точки зрѣнія. **Никонъ подходилъ къ вопросу черезъ изученіе того, чего не можетъ касаться царь въ церковныхъ дѣлахъ**, ибо самое его сочиненіе носило оборонительный характеръ противъ ученія Лигарида о безграничности царской власти, подкрѣпляемаго нерѣдко цитатами изъ языческихъ писателей, Гомера и Виргилія. Въ этомъ отношеніи Никону пришлось, при раздѣленіи природы церковнаго законодательства, управленія и суда, выяснить особую природу Церкви и ея самостоятельность отъ государства, какъ въ наше время проф. Бердниковъ и Заозерскій полемизировали съ совершенно одиноко стоящимъ въ православной канонической наукѣ въ вопросѣ о царской власти въ Церкви проф. Суворовымъ. Принципъ же первенства каноновъ надъ законами красной нитью проходитъ черезъ всю Византійскую исторію, признанъ былъ даже Вальсамономъ, и былъ руководящимъ принципомъ въ русскомъ законодательствѣ, возглашенномъ еще на Стоглавомъ Соборѣ въ рѣчи Грознаго, и ничего новаго въ этомъ отношеніи Никонъ не возвѣщалъ, а только возстановивалъ старую, но забытую истину.

Положительныя обязанности царя къ церкви. Обязанности царя къ церковной собственности.

Мы перечисляли до сихъ поръ отрицательныя обязанности царя относительно Церкви по ученію Никона, обязанности не вторгаться въ законодательство, управленіе и судъ церковный, основанныя на апостольскомъ полномочіи. Скажемъ теперь о положительныхъ обязанностяхъ царя относительно Церкви, и въ этомъ отношеніи переходной ступенью долженъ быть вопросъ объ отношеніи царя къ

имущественнымъ правамъ Церкви, ибо здѣсь на ряду съ положительными обязанностями, есть и отрицательныя — не вмѣшиваться въ ея управленіе и не посягать на ея неприкосновенность. И здѣсь Никонъ противопоставляетъ царю церковный канонъ. Онъ пишетъ (I, 117-119): „Тѣ вещи, которыя посвящены Богу и даны Церкви или монастырю, не должны отбираться, согласно 24 правилу IV Вселенскаго Собора: „пустъ монастырь, основанный съ содѣйствія Епископа, останется неприкосновеннымъ; пусть его собственность будетъ неотчуждаема, а если кто поступитъ вопреки, долженъ быть наказанъ...“ То же говоритъ VI Вселенскій Соборъ пр. 49; 1 пр. двукратнаго Собора и 12 пр. VII Всел. Соб. **Эти св. каноны запрещаютъ что либо отбирать у церквей и монастырей или превращать ихъ въ свѣтскія жилища, или обращать ихъ на мірскія цѣли;** Самъ Богъ приказываетъ воздавать Божіе Богу и Кесарево Кесарю... Объ управленіи церковной собственностью говоритъ 38 кан. Св. Апостоловъ: „Пусть Епископъ управляетъ съ властью церковной собственностью, но пусть оттуда ничего не беретъ для своихъ родственниковъ, развѣ что они бѣдны; въ томъ же смыслѣ канонъ 41, а также 25 ант. правило: пусть Епископъ имѣетъ власть надъ церковной собственностью. Но если онъ не довольствуется брать для собственныхъ необходимыхъ нуждъ, но затрагиваетъ церковную собственность, жатву съ полей и доходы епископской кафедры и присваиваетъ это себѣ безъ вѣдома и согласія своего духовенства, то онъ призывается къ отчету передъ Соборомъ провинціи за присваиваніе того, что должно быть отдано бѣднымъ“. И дальше пишетъ Никонъ (I, 120): „**Но чтобы царь могъ располагать собственностью церкви и монастырей, этого нигдѣ не написано**“. Никонъ ссылается далѣе на Св. Никона, писавшаго, что захватывать церковную собственность есть святотатство, за которое Богъ посылаетъ несчастіе....., ибо собственность церквей и монастырей, какъ и дѣла монаховъ, — вся посвящена Богу и не должна употребляться на иныя цѣли, какъ на бѣдныхъ, странниковъ, на плѣнниковъ и на нужды самыхъ церквей и монастырей, и я не могу назвать свѣтскаго правителя, который бы бралъ что либо изъ доходовъ церквей, но, если и былъ, то подлежитъ Божьему суду, какъ святотатецъ... Если твое величество поищетъ Божественнаго писанія, то найдетъ, что такой человекъ не только оскорбляетъ Бога и навлекаетъ великое несчастіе, но гдѣ бы такія дѣла ни совершали люди насиліемъ ли, во имя ли партійности или родства, или по инымъ подобнымъ мотивамъ, они

низвергаются, и могущество, собранное ими изъ разныхъ источниковъ, обращается въ ничто.... Я удивляюсь, какъ ты можешь просить молитвы у монаховъ и Церкви, когда ты ничего не дѣлаешь, чтобы заслужить эти молитвы, и не только не даешь имъ милостыни, но приказываешь ихъ грабить. На словахъ ты только щедръ, но не обнаруживаешь этого въ мѣрѣ. Ибо обнаруженіе міра имѣетъ формы, состоящія въ простомъ словѣ, но обнаруженіе Божественнаго духа — въ дѣлѣ и въ истинѣ.....Отъ взявшаго твое не требуй обратно" (Лук. 6, 30). Это предписано не только для монаховъ, но и для всѣхъ христіанъ (I, 122). **Никонъ признавалъ реальное значеніе молитвы и молитву за царя считалъ обязанностью духовенства, а приношенія царя, его матеріальныя жертвы Церкви почиталъ выраженіемъ его собственной благодарности Всевышнему за свое благополучіе, но не принималъ этихъ приношеній на свой счетъ.** „Мы не преклоняемъ колѣна за Царскія милости, но молимся только Богу. Какую честь мы принимаемъ отъ царя? Что онъ дѣлаетъ малое пожертвованіе за прощеніе его грѣховъ? Но здѣсь царь не даетъ, а скорѣе получаетъ. Не слышалъ ли ты Божіе свидѣтельство, **что приносящій получить во стократъ и наслѣдуетъ вѣчную жизнь.** Но если человѣкъ не даетъ то, что онъ получить, или какъ наслѣдуетъ вѣчную жизнь, хотя былъ царемъ? То, что даете единому изъ малыхъ сихъ, вы даете Мнѣ (Матѹ. 25, 45). **И если царь дѣлаетъ что либо для Бога, тогда почему же вы заставляете царя требовать отъ насъ за это почитанія**" (I, 238).

„Но мы не должны полагаться только на молитву и оставаться бездѣятельными, не удаляясь отъ зла и не дѣлая усилій въ добрѣ; не должны и просто дѣлать добро, не оцѣнивая помощи молитвы. Ибо, **великая власть въ молитвѣ, которую мы совершаемъ, лишь бы только сами въ то же время дѣлали доброе**" (I, 180). Относительно самой церковной собственности Никонъ писалъ: „**Церковная собственность не наша собственность, а Божія, и, какъ въ древности, согласно Божественной заповѣди, люди платили десятину, какъ императоръ Константинъ Великій, а у насъ Великій Князь Владиміръ и другіе цари дѣлали дары Св. Божіимъ Церквамъ, Богу, Спасителю, Божіей Матери, но не Патріарху, не Митрополитамъ, не Епископамъ или монастырямъ, какъ это ими самими свидѣтельствуется**" (I, 546). **Никонъ возстаетъ противъ конфискаціи въ Уложеніи пригородныхъ посадовъ у Патріарха и рассматриваетъ это направленіе государственной политики, стремящейся къ пониженію общест-**

веннаго значенія Церкви, гибельнымъ въ конечномъ будущемъ итогъ для самаго государства. „Если старый законъ, скинія, храмъ и жертвы, которыя были тѣнью будущихъ вещей, т. е. Новаго Закона, Церкви и Христіанскаго священства получали великія почести, то какъ же должны почитаться Церкви и священства Новаго Завѣта? Подумай, князь Никита (Одоевскій), какъ вы ихъ безчестите! Какое бы малое количество посадовъ для ихъ обслуживанія ни было раньше въ Москвѣ и другихъ городахъ, вы все это присвоили для своихъ надобностей. Кто теперь обслуживаетъ необходимѣйшія нужды Церкви и Епископа, какъ наказалъ Богъ Моисею? Никто, только посторонніе. А не слышалъ ли ты, что Богъ сказалъ, что всякій посторонній, близко подошедшій къ священнымъ вещамъ, будетъ преданъ смерти? Подъ постороннимъ здѣсь разумѣется не только, кто чуждъ Израилю изъ язычниковъ, но всякій не изъ племени Левіина, какъ Корей, Даѡанъ и Авиронъ, которыхъ Богъ не избралъ, и пламя пожрало нечестивыхъ; и Озія царь положилъ свою руку на ковчегъ, чтобы поддержать его, и Богъ поразилъ его, и онъ умеръ (2 Цар. VI, 6, 7). Такъ же и тѣ, кто смотритъ на Церковь Божию и завидуютъ ей и говорятъ, что тѣ посады — собственность Патріарха, Митрополитовъ, монастырей, и мы ихъ возьмемъ. **Они взяли немного, но потеряли гораздо больше, чѣмъ было у нихъ. Они взяли тысячи и потеряли много тысячъ черезъ гражданскія раздоры, чуму, войны и разныя другія несчастія, которыхъ невозможно описать или перечислить точно**“. А что касается употребленія церковной собственности, то Никонъ свидѣтельствуешь, что и онъ лично для себя ничего не взялъ, а все посвятилъ Богу.

Никонъ о своей службѣ царю.

Никонъ пишетъ (I, 285): „Обвиняй въ неблагодарности, отвѣтотворче, того, кто живетъ, выходя изъ своихъ границъ и возносятся не противъ меня только, но противъ Бога и Его закона. Опять ты уносишься въ басни и говоришь: „Видя его среди столь многихъ благодѣяній неблагодарнымъ, что вы думаете? Не есть ли такая неблагодарность отъ чрезмѣрной злобы и жадности?...“ Но кто неблагодаренъ? Не я, — я ничего не получилъ отъ царя, чего бы не заработалъ, имущества движимаго или недвижимаго, **но за большіе труды на службѣ ему, какъ Богъ знаетъ, и я не расточалъ съ распутными женщинами, но все посвятилъ Богу, какъ свидѣлствуютъ факты**; и царь въ возвратъ имѣетъ вдвое и втрое и постоянно возвраща-

еть, какъ плоды въ этомъ мірѣ, и не перестанеть получаетъ за это и въ будущемъ мірѣ послѣ этой жизни (да будетъ онъ долговѣченъ), какъ показано въ притчѣ о зернѣ горчичномъ (Мѡ. 13, 24-43). Видишь ли ты ученіе Спасителя? Тѣ, которые считались добрымъ сѣменемъ, растутъ и приносятъ плоды къ жатвѣ, т. е. къ окончанію міра. Гдѣ же, вновь спрашиваю, моя неблагодарность? Если царь — добраго сѣмени, которое Богъ собираетъ въ житницу, то зачѣмъ ты заставляешь его мѣнять настроеніе, дѣлаться плевеломъ, которое будетъ горѣть въ огнѣ, какъ и ты будешь горѣть за твои соблазны? И если царь — сынъ Церкви, то зачѣмъ ты его дѣлаешь сыномъ вражды? Пусть же царь не раскаивается, чтобы съ переменой своего настроенія не потерять своего сокровища. Такъ и Божественный Апостоль учить: всякій получить награду по своей работѣ (I, 285). Въ этой цитатѣ есть цѣнное и показательное выраженіе Никона о службѣ его царю; **подъ этой службой онъ разумѣетъ, конечно, не его церковное служеніе, а помощь государю въ государственномъ правленіи, когда онъ въ качествѣ перваго сановника государства, въ качествѣ Патріарха, замѣнялъ государя въ его отсутствіе по случаю войны, съ половины мая 1654 г. до февраля 1655 г. и съ марта 1655 г. до декабря 1655 г., съ половины мая 1656 до января 1657 г., въ государственномъ управленіи, боролся съ чумой, лично спасалъ отъ чумы царское семейство, перевозя его то въ Сергіевскую Лавру, то въ Калязинскій монастырь. Но что касается собственно церковныхъ дѣлъ, то здѣсь Никонъ многократно отвергаетъ признаніе полномочій отъ царя, и, когда говоритъ, что государь поручилъ Никону надзоръ за церковными дѣлами, то онъ всегда повторяетъ: „это не царь поручилъ, а благодать Св. Духа“ (I, 206).**

Положеніе для отбирающаго собственность у Церкви отягощается тѣмъ, что церковная собственность въ значительной степени составила изъ пожертвованій царей и частныхъ лицъ, а пожертвованія дѣлались на вѣчныя времена съ произнесеніемъ заклятій на возможныхъ ихъ нарушителей. „Видишь ли ты, злочестивый отвѣтотворче, что сказано издревле о дающихъ обѣты, какъ ужасно не исполнить обѣщаніе. Что стало съ Ахавомъ, когда онъ взялъ немного изъ того, что посвящено Богу, а гнѣвъ Божій палъ на Израиля. Когда Фараонъ, царь Египетскій, отпустилъ дѣтей Израиля, а потомъ снова хотѣлъ взять ихъ, онъ былъ поглощенъ въ красномъ морѣ со всею ратью. Амалехъ хотѣлъ сопротивляться Израилю въ пустынѣ и былъ убитъ. Шишалъ, царь Египетскій, пошелъ въ

Іерусалимъ взять сокровища храма, и Господь поразилъ его. Сенахеривъ, царь Ассирійскій, пошелъ взять св. городъ и осквернить Св. Сіонъ, и ангелъ поразилъ у него 185000 людей". Приведя много другихъ примѣровъ, Никонъ продолжаетъ: „Господь говоритъ: если приносишь даръ къ алтарю и вспомнишь, что имѣешь что либо противъ брата, оставь даръ передъ алтаремъ и иди сначала примириться съ братомъ... Видишь ли, что, если даже кто либо, находясь въ ссорѣ, принесъ даръ къ алтарю, Господь не позволяетъ его брать обратно, но приказываетъ оставить его у алтаря до примиренія... Знаешь ли, что говоритъ Златоустъ о нарушающихъ свои обѣты: хотя наказаніе не слѣдуетъ отъ Бога на нихъ тотчасъ, но тѣмъ большее основаніе для страха, чѣмъ большія муки ждутъ впереди" (I, 275-280). Въ вопросѣ о церковной собственности мы видимъ иное обоснованіе ихъ защиты у Никона, чѣмъ для права Церкви на управленіе въ чисто церковныхъ дѣлахъ. Если тамъ основаніемъ неприкосновенности служить у Никона Божественное полномочіе, данное Церкви Вселенской, то здѣсь основаніемъ неприкосновенности является неприкосновенная воля жертвователей предоставить имущество Церкви для церковныхъ цѣлей, основаніе, хотя и богоугодное, но чисто человѣческое, въ полномъ соотвѣтствіи съ истинной природой правъ Церкви въ томъ и другомъ случаѣ.

Никонъ, защищая каноны, преувеличивалъ квалификацію церковной собственности, уравнивая въ священномъ значеніи земли съ предметами освященными и священными, а также преувеличивалъ и объемъ неприкосновенной для государства части каноническаго законодательства, ставя подъ одинаковую санкцію и вторженіе въ существенныя права Церкви, и въ ея прикладныя права; но онъ боролся съ духомъ вѣка и въ пылу борьбы секуляризацію церковныхъ имѣній подводилъ подъ такія же санкціи, какъ и захватъ чисто церковныхъ функцій государственной властью; **но онъ былъ въ то же время и правъ въ протестѣ своемъ, поскольку и то, и другое было проявленіемъ одного и того же свѣтскаго насилія надъ Церковью**, стремящагося лишить ее собственныхъ источниковъ дохода. Для Никона всѣ эти вопросы сливаются въ одинъ общій вопросъ объ отношеніи государства къ Церкви, и онъ приводитъ, какъ примѣръ должнаго благочестія, языческаго царя Артаксеркса (Ездры VII, 11-26). Артасерксъ говоритъ священнику Ездрѣ: „Все, что повелѣно Богомъ Небеснымъ, немедленно должно дѣлаться для Бога Небеснаго, чтобы не было гнѣва Его на царство, царя и дѣтей его. И

увѣдомляю васъ, что ни на кого изъ священниковъ или левитовъ, пѣвцовъ, привратниковъ и служащихъ при семь домѣ Божіемъ не позволяю налагать ни податей, ни налоговъ, ни пошлинъ. А ты, Ездра, по премудрости Бога твоего, которая въ рукѣ твоей, поставь правителей и судей, которые бы судили весь народъ, что за рѣкой, всѣхъ знающихъ законъ Бога твоего, а кто не знаетъ, того учите. А всякаго, кто не будетъ исполнять законъ Бога твоего и законъ царя, немедленно судите на смерть ли, на изгнаніе ли, на заключеніе въ тюрьму или штрафъ. **Вотъ, видишь, вопрошатель, какъ языческій древній царь, боялся Бога Израиля, какую честь и свободу предоставлялъ священникамъ. Не возстанетъ ли Онъ въ день Судный и не осудитъ ли тѣхъ, кто теперь наноситъ обиду чести и власти священства?"**

Никонъ различаетъ обязанность царя къ Церкви отъ его обязанностей къ Патріарху.

Это долгъ въ отношеніи Церкви, въ смыслѣ облегченія и содѣйствія ея дѣятельности, — **долгъ православнаго царя въ Церкви, а не долгъ его къ Патріарху.** Никонъ сильно возмущается на князя Одоевскаго за то, что онъ говоритъ о патріаршей собственности: „Почему же, оставляя Бога, ты оскорбляешь Его слугъ? Патріархъ, какъ и остальное духовенство, слуга Божій и слуга Святой Церкви, и онъ не имѣетъ своихъ имуществъ, но все — и слободы, и крестьяне — Божіе наслѣдіе. Патріархомъ бываетъ то одинъ, то другой человекъ, но Богъ есть и будетъ всегда, и Онъ неизмѣняемъ..." Никонъ ссылается на выдѣленіе левитовъ на служеніе Богу (Чис. III, 6-13; VIII, 9-26 и XVIII, 1-9 объ обязанности священства и отвѣтственности за небрежность) и говоритъ: „И мы всѣ принадлежимъ Богу, и часть священниковъ есть Божія часть и собственность. Зачѣмъ же ты оставляешь въ сторонѣ большее и спускаешься къ меньшему, т. е. къ нашему смиренію, и называешь Божію часть нашей собственностью? (I. 541-548). Считаая монаховъ людьми, отдавшими себя Богу", Никонъ считаетъ, что **царь изъ уваженія къ священству не долженъ простираť свои права на употребленіе его на царскую службу.** „Монахи — Божіи слуги, а царю они только богомольцы, не рабы его, а теперь царь принуждаетъ Епископовъ и монастыри ко всякой мірской тяжелой работѣ, даже къ военной службѣ, подобно всѣмъ прочимъ" (I, 178).

Господь далъ людямъ однѣ и тѣ же заповѣди, но теперь царь не только не соблюдаетъ ихъ, но и пренебрегаетъ всѣми прежними ус-

тавами благочестивыхъ царей и великихъ князей. Онъ вовсе не считается даже съ дарами, данными ему отцомъ, въ подражаніе древнимъ благочестивымъ царямъ Константину и Юстиніану, но беретъ людей силой изъ Патріаршей епархіи и отъ другихъ церквей, Митрополитовъ, Архіепископовъ и святыхъ монастырей и посылаетъ ихъ куда хочетъ, на войну и на другія его службы. Господь заповѣдуетъ: всякому просящему у тебя, давай и отъ взявшаго твое, не требуй назадъ (Лук. 6, 30), а царь дѣлаетъ какъ разъ наоборотъ" (I, 201-202). Когда Никонъ здѣсь разумѣетъ употребленіе на царскую службу людей, прикрѣпленныхъ къ церковнымъ землямъ, то, поскольку эти люди связаны съ землей, они раздѣляются по понятіямъ того времени назначеніе самихъ земель, предоставляемыхъ Церкви, а потому вопросъ сводится къ возможности отбирать у Церкви принадлежащее ей для ея назначенія; равно вопросъ о налогахъ на церковныя земли (не на земли духовныхъ лицъ) сводился къ вопросу объ отобраніи отъ Церкви части предназначеннаго для ея цѣлей. Поскольку же онъ разумѣетъ людей, предоставившихъ себя служенію Богу, какъ монаховъ и священниковъ, то можно поставить вопросъ, не имѣетъ ли Церковь въ силу Божественнаго права для осуществленія своихъ Божественныхъ полномочій право привлекать на свою службу людей, которыхъ признаетъ соотвѣтствующими ея требованіямъ и нужными ей (Мѡ. 9, 37, 38: тогда говоритъ ученикамъ Своимъ: жатвы много, а дѣлателей мало; итакъ, молитесь господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву свою), а христіанское государство не обязано ли, признавая Церковь и ея цѣли, не ставить Церкви препятствія въ подборѣ своихъ служителей, высокія требованія къ которымъ со стороны Церкви отстраняютъ для государства опасность отвлеченія поданныхъ отъ государственнаго дѣла? „А честь, отнесенная къ священнослужителямъ, восходитъ къ Самому Богу".

Никонъ о сферѣ свѣтскихъ дѣлъ. О тяжести царскаго служенія.

Никону приходилось объяснять и отстаивать права Церкви отъ Лигаридовскаго цезарепапизма, и естественно, что о другой сторонѣ вопроса — о сферѣ дѣлъ присущихъ собственно царю, онъ почти не касался, ибо ея никто, и онъ въ томъ числѣ, и не оспаривалъ, но что онъ признавалъ ее, видно, хотя бы уже изъ того, что признавалъ въ его сферѣ, какъ мы видѣли, себя слугой царя; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „царь принялъ власть отъ Бога для царствованія на землѣ" (I, 237); онъ говоритъ также: „Мы не на-

носимъ обиды царю и не называемся царями. Что я есмь, то и есмь; такъ и онъ есть то, что есть, хотя нѣкоторые подражаютъ евреямъ, ибо какъ тѣ, отвергая Христа своего Спасителя кричали: мы не имѣемъ царя, кромѣ Цезаря, такъ эти теперь говорятъ: не надо намъ Патріарха, хорошо де дѣйствуетъ и Митрополитъ Крутицкій" (I, 299). Никонъ, какъ предстоятель Церкви, молится за царя и пишетъ (I, 287): „Если ты не удостоилъ видѣть наши молитвы за царя, которыя мы возносимъ ежедневно и еженощно въ Св. Церкви, то спроси того, кто знаетъ." При Никонѣ была даже измѣнена при переносѣ Даровъ молитва за царя въ смыслѣ усиленія титула царя: — вмѣсто: „да помянетъ Господь благородіе твое", было введено: „благочестивѣйшаго, тишайшаго (отъ западноевропейскаго слова *clementissimus*), самодержавнѣйшаго" („Титулы въ Россіи" Карповича; приведено по Иконникову: „Новые матеріалы и труды о Патріархѣ Никонѣ", Кіевъ, Унив. Изв. 1888, № 6). „Никто изъ царей не достигъ побѣды безъ священныхъ молитвъ (I, 187). Безъ нихъ онъ входитъ въ безмѣрность и тяжесть царскихъ заботъ, могущихъ быть облегченными только молитвой. Вы можете назвать человѣка царемъ, но онъ не способенъ даже жить спокойно. Его жизнь полна заботъ и стѣсненій. Не смотрите на діадѣму, но на безпокойство и заботы, которыми мучить его корона, не смотрите на пурпуръ, но на душу, которая омрачена больше, чѣмъ этотъ пурпуръ. Не такъ тяжело корона облегаетъ его голову, какъ заботы его душу. Не смотрите на множество его вооруженныхъ людей, но на множество его заботъ и скорбей. Нѣтъ комнаты, въ которой можно было бы найти столь много великихъ заботъ, какъ въ комнатѣ царя. Люди ежедневно ждутъ смерти передъ его лицомъ, и прежде, чѣмъ онъ сядетъ обѣдать, уже пролита кровь... Но не таково небесное царство; когда оно достигнуто, то достигается праведность, миръ, любовь, радость (Рим. XIV, 17), Но что касается земного царства, то видимъ, какими несчастіями оно полно (I, 187).

Власть царская получается независимо отъ священства, но имъ благословляется.

И власть царя, по Никону, мы видѣли, получается самостоятельно, независимо отъ священства, и только благословляется имъ; „царство дано Богомъ міру, но въ гнѣвъ, и оно дается черезъ помазаніе отъ священниковъ елеемъ вещественнымъ, но священство есть прямое помазаніе отъ Духа Св., какъ и нашъ Господь Іисусъ Христосъ былъ возведенъ въ первосвященники непосред-

ственно отъ Духа Святаго, такъ и Апостолы. Поэтому, при посвященіи въ Епископы, посвящающій держитъ открытое Евангеліе надъ головой посвящаемаго" (I, 234, 235). „Царя надо чтить", и Никонъ приводитъ текстъ Апостольскій: Бога бойтесь, царя чтите (1 Петр. 2, 17) (I, 117), говоря, что Апостоль приказаль чтить царя, какъ такового (но не за щедроты Церкви "I, 238). **Надъ царемъ нѣтъ суда человѣческаго, но есть предостереженіе отъ пастырей Церкви и судъ Божій:**

Гдѣ санкціи для соблюденія царемъ заповѣдей Божіихъ?

„Ты говоришь, отвѣтотворче, что такъ Евреи поносили Самого Бога, Который далъ имъ манну и мясо утромъ и вечеромъ. Если ты намекаешь на царя, будто я его поношу, тогда скажу тебѣ: нѣтъ, избави Богъ, **я его не поношу, а порицаю злобу и несправедливость.** А что касается того, что евреи поносили Моисея, Божьяго слугу и священника и Самого Бога, то слѣдуетъ тебѣ обратить вниманіе, что за ихъ великій грѣхъ разверзлась земля и поглотила Даѳана, и покрыла сѣборище Авирона, и если бы не долготерпѣніе Божіе, то и теперь, когда люди принимаютъ на себя священство подобно Даѳану и Авирону, Онъ приказаль бы землѣ раскрыться и поглотить ихъ безпощадно, или, въ случаѣ грѣховнаго приношенія, огонь охватилъ бы ихъ и пожралъ бы тѣхъ грѣшниковъ безъ милосердія" (I, 288). И въ другомъ мѣстѣ Никонъ опять пишетъ, что онъ не злословить царя, а предостерегаетъ отъ несчастія, которыя обрушатся на царство за нарушеніе строя церковнаго. Какъ ветхозавѣтный пророкъ, припоминаетъ Никонъ о санкціи соблюденія царемъ Его заповѣдей. Вотъ, эта замѣчательная по силѣ рѣчь, показывающая, что Никонъ вовсе не властвовать хотѣлъ надъ царемъ, а какъ пророкъ Божій, указываль недопустимость обиды священства и горькіе результаты отъ такой обиды для царства. „Ты, вопрошатель, говоришь, что Никонъ поносить государя за то, что онъ установилъ Монастырскій Приказъ и посадилъ въ немъ мірскихъ людей, и за то, что царь назначаетъ въ монастыри архимандритовъ и игуменовъ по своему собственному избранію. Никонъ не поносилъ и не поносить царя, но не перестаетъ упрекать его за зло. Послушай, какъ въ древнее время чтить Господь священство и какъ, когда хотѣли сдѣлать насиліе надъ первымъ Патріархомъ Авраамомъ изъ за жены его Сарры (для царя Египетскаго, желавшаго взять ее отъ мужа), Богъ поразилъ за это его язвой, и онъ отпустилъ Патріарха со славой и богатствомъ. Также и Авимеле-

ху Богъ явился во снѣ и велѣлъ отпустить Сарру. Фараонъ неправедно хотѣлъ держать въ рабствѣ народъ Божій и былъ пораженъ гнѣвомъ Божиимъ. Такъ и теперь, если кто обидитъ Божіихъ первосвященниковъ-Епископовъ, Богъ накажетъ его съ меньшей строгостью. „И взошелъ Моисей на гору, а старшинамъ сказалъ: оставайтесь здѣсь, пока мы возвратимся къ вамъ, и вотъ, Ааронъ и Оръ съ вами; кто будетъ имѣть дѣло, пусть приходитъ къ нимъ" (Исх. 24, 13, 14). Видишь, вопрошатель, не старѣйшинамъ Онъ вручилъ судъ, а Первосвященнику". И снова Богъ сказалъ (Исх. 28, 29): „И будетъ носить Ааронъ имена сыновъ Израилевыхъ на наперсникѣ судномъ у сердца своего". Но когда Кореи, Даѡанъ и Авиронъ изъ племени Рувимова, а не изъ священническаго племени, поднялись противъ Моисея и Аарона, то Моисей, услышавъ объ этомъ, палъ на лицо свое и сказалъ Корею и его товарищу: завтра покажетъ Господь, кто Его и кто святъ, чтобы приблизить Его къ Себѣ и кого Онъ изберетъ, того и приблизить къ Себѣ (Числ. 16, 5). Они не послушались Моисея и неистовствовали противъ священства; они взяли кадилаки и воскурили ѡиміамъ, Земля разверзлась и поглотила ихъ и ихъ дома и всѣхъ людей, бывшихъ съ Кореемъ, и ихъ скотъ. Они и всѣ бывшіе съ ними пали живыми въ пропасть, и земля покрыла ихъ, и они погибли среди собранія. Снова на другой день сыны Израилевы возроптали на Моисея и Аарона, говоря: ты погубилъ народъ Божій. И Богъ поразилъ четырнадцать тысячъ семьсотъ человѣкъ, кромѣ умершихъ по дѣлу Корееву. Такъ и теперь, если кто либо не вразумится этими примѣрами, осмѣлится судить и господствовать надъ священствомъ и его собственностью, того и Богъ накажетъ также..." (I, 293, 294). И другое мѣсто изъ пророка Осіи приводитъ Никонъ, напоминающее, что самое существованіе (XIII, 4-11) царской власти въ волѣ Божіей (I, 295), о чемъ люди не должны забывать, чтобы не прогнѣвать Бога: „Я Господь твой отъ самой земли Египетской и другого Бога, кромѣ Меня, ты не долженъ знать и иного Спасителя нѣтъ, кромѣ Меня. Я любилъ тебя въ пустынѣ, въ землѣ засухи. Когда были пажити у нихъ, они сыты были, а когда насыщались, то превозносилось сердце ихъ, и потому они забывали Меня. И Я буду для нихъ, какъ левъ, какъ скимень буду подстерегать ихъ при дорогѣ. Буду нападать на нихъ, какъ медвѣдица, лишенная дѣтей, и раздирать вмѣстилище сердца ихъ и поѣдать ихъ тамъ, какъ львица; полевые звѣри будутъ терзать ихъ. Погубилъ ты себя, Израиль, ибо только во Мнѣ — опора твоя. Гдѣ царь твой теперь? Пусть онъ спасаетъ тебя во всѣхъ горо-

дахъ своихъ. Гдѣ судьи твои, о которыхъ говоришь ты: „дай намъ царя и начальниковъ?" **И Я далъ тебѣ царя во гнѣвѣ Моемъ и отнялъ въ негодованіи Моемъ".** Мы писали это не хуля царя (за то, что онъ царь), а порицали его неподобающія дѣйствія (I, 295). Если Израильскій народъ получилъ царя во гнѣвѣ Божіемъ, ибо люди отвергли непосредственное управленіе Божіе черезъ пророковъ, то Богъ можетъ осудить ихъ за забвеніе Его заповѣдей въ худшее положеніе и лишить ихъ и царя". Какое же значеніе придавалъ Никонъ царской власти въ отношеніи ея обязанностей по соблюденію Божіихъ заповѣдей? Огромное, котораго нельзя переоцѣнить.

Царская власть и значеніе пришествія Антихриста.

Это — значеніе власти удерживающей_ Здѣсь мы должны объяснить, какъ понималъ Никонъ знаменіе пришествія Антихриста. Никонъ показываетъ Лигариду, что онъ, Никонъ, всегда учитъ отъ Священнаго Писанія и каноновъ, а Лигариду, за то, что онъ, вопреки Божественнымъ канонамъ, устанавливаетъ начало новому законодательству на соблазнъ людей, провозглашаетъ анаѹему (I, 68) отъ святыхъ каноновъ. И въ отвѣтъ на проповѣдь Лигарида о пришествіи Антихриста изъ Новаго Іерусалима, гдѣ живетъ Никонъ, онъ говоритъ, что человѣкъ тотъ непогрѣшимъ былъ бы противъ истины, который повѣсилъ бы жерновъ на твою шею и бросилъ бы тебя въ пучину морскую, какъ говорится въ Евангеліи. Если ты не знаешь, гдѣ долженъ родиться отецъ твой Антихристъ, то мы покажемъ тебѣ это на основаніи Священнаго Писанія, а не какъ ты, который говоритъ все отъ себя и только одну ложь, какъ и въ данномъ случаѣ. И называя еще разъ Лигарида кователемъ лжи, Никонъ цитируетъ мѣста Евангелія и апостольскихъ посланій о признакахъ появленія Антихриста, о мерзости запустѣнія, предсказанной пророкомъ Даніиломъ на мѣстѣ, гдѣ ея не должно быть, и другія мѣста (2 Θес. 2, 3-13; 2 Петр. 3, 3 и 2,-1; 1 Иоан. 3, 8; Лук. 21, 8; 1 Иоан., 4, 1 и 2, 18; Фил. 3, 2; Кол. 2, 8; Быт. 49, 8-10, 16, 17; Іер. 8, 16); приводитъ выдержки изъ Меѹодія, Епископа Патарскаго, Св. Ефрема и Св. Андрея объ Антихристѣ, гдѣ они говорятъ, пишетъ Никонъ, что Антихристъ воссядетъ въ храмъ Божіемъ; это должно быть не въ томъ Іерусалимѣ, который въ древности былъ разрушенъ за грѣхъ противъ Христа, и возстановленіе котораго евреи, воинствующие противъ Христа, ждутъ отъ Антихриста, а дѣйствительно, въ храмъ Божіемъ, т. е. во Вселенской Церкви, подавляя ее и присваивая ее себѣ, выдавая себя за

Бога, какъ говорить Апостоль. Но это не будетъ продолжаться долго". „Этихъ свидѣтельствъ для себя, лжесловесный, достаточно, а мы, наученные Спасителемъ, будемъ молиться усердно о томъ, чтобы мы были пощажены отъ испытаній вещей, предсказанныхъ о времени пришествія Антихриста, и чтобы не видѣть ни его пришествія, ни волненія народа, которое должно ему предшествовать, ни преслѣдованія насъ вслѣдствіе отступленія отъ вѣры, и чтобы показать свою совѣсть незапятнанной Христу нашему Богу, искупившему насъ Своей Кровью, и, показывая горячность нашей любви къ Нему добрыми дѣлами, заслужить вѣчное счастье" (I, 73). Въ послѣднихъ словахъ о любви къ Спасителю выражень основной стимуль Никонской дѣятельности, которая много объясняетъ изъ того въ Его дѣятельности, что иногда совершенно ложно толкуется. Въ другомъ мѣстѣ Никонъ приводитъ Мѡ. 24, 7, 8: „Возстанетъ народъ на народъ и царство на царство и будутъ глады и моры и землетрясенія по мѣстамъ. Все это — начало болѣзней". Видишь, что положено; не все ли это примѣнено къ намъ?" Никонъ разумѣетъ современныя событія: когда Никонъ писалъ свое возраженіе въ 1663 г., происходила тяжелая война съ Польшей, начавшаяся въ 1654 г., въ 1662 г. былъ бунтъ из-за вздорожанія жизни; только что кончилась неудачная война со Швеціей (лѣто 1661 г.), а въ 1654 и 1655 г. страшная чума поражала дважды Москву и другія области. „Но слушай дальше, что говорить Христось, вѣрный пророкъ: „Тогда будутъ гнать и убивать васъ, и вы будете ненавидимы всѣми людьми ради Моего имени" (т. е. будутъ спорить изъ за Слова Божьяго, какъ мы теперь) „И тогда многіе соблазнятся и возненавидятъ другъ друга." Не исполнилось ли все это въ насъ? И многіе лжепророки возстанутъ. Кто эти лжепророки? Конечно, Митрополитъ Газскій, ибо онъ ничего не говоритъ отъ Писанія, а все отъ себя. И люди принимаютъ такое Писаніе за каноническое правило (цезарепапистская теорія). „Отъ изобилія нечестія любовь многихъ охладѣетъ". Какого нечестія? Ясно, нечестія того, кто вопреки волѣ Божіей присваиваетъ не принадлежащее ему, какъ государь царь незаконно захватилъ и подчинилъ себѣ Церковь и всю ея собственность, почему онъ и ненавидитъ насъ" (1, 193). Никонъ обращается къ боярину Стрешневу и говоритъ: „О такихъ людяхъ, какъ твой составитель отвѣтовъ, Божественный Апостоль, задолго ихъ предвидя, сказалъ: „Духъ же ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ оболстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ, черезъ лицемѣріе лжесловесниковъ,

сожженныхъ въ совѣсти своей" (1 Тим. 4, 1, 2), „ибо есть много и непокорныхъ, пустослововъ и обманщиковъ, особенно изъ обрѣзанныхъ, каковымъ должно заграждать уста: они развращаютъ цѣлыя дома, уча чему не должно изъ постыдной корысти" (Тит. 1, 10, 11). О комъ Апостоль говоритъ? О васъ. И кому вы внимаете, какъ духу оболъщенія и ученія бѣсовскимъ черезъ лицемѣріе лже-словесниковъ, сожженныхъ въ совѣсти своей? Митрополиту Газскому, который учить изъ постыдной корысти за изобильныя яства и за красивые наряды, за что онъ и найдетъ себя въ день пира брачнаго безъ брачной одежды, какъ показываютъ его обманчивые и діавольскіе отвѣты" (I, 236, 237). Никонъ разумѣетъ, что обвиненіе его со стороны бояръ со времени вступленія въ это дѣло Лигарида получило идейное подкрѣпленіе въ теоріи цезарепапизма, чего до пріѣзда Лигарида въ февралѣ 1662 года не было. На Соборѣ 1660 г. разбирался только вопросъ, насколько виновенъ Никонъ, покинувъ свою кафедру; прямого же обвиненія въ покушеніи на державу царскую ему самому до Лигарида не предъявлялъ никто. Бояре не знали, какъ избавиться отъ Никона. На Соборѣ 1660 г. были крупныя разногласія не только о томъ, подлежитъ ли Никонъ удаленію на покой или лишенію сана, но и о томъ, компетентенъ ли судъ Архіереевъ судить своего Патріарха. Хотя одно изъ проектированныхъ рѣшеній Собора было въ пользу низверженія, однако, царь, руководившій дѣломъ слѣдствія и судебными засѣданіями (лично присутствовалъ только на первомъ засѣданіи), не рѣшился приводить въ исполненіе рѣшенія Собора. Съ одной стороны царь не увѣренъ былъ въ компетентности суда Архіереевъ надъ Патріархомъ, а съ другой, чувствовалъ недостаточность самыхъ обвиненій въ одномъ уходѣ съ кафедры для осужденія Никона.

Лигаридъ выдвигаетъ новыя обвиненія противъ Никона.

Пріѣхавшій Лигаридъ подготовилъ новыя обвиненія. Онъ составилъ вопросы, якобы отъ имени боярина Стрешнева, вопросы о которыхъ ни одинъ бояринъ никогда раньше и не думалъ (I, 12), и которые дали бы возможность въ отвѣтахъ представить Никона человѣкомъ неправильно посвященнымъ (1-й вопросъ), получавшимъ чрезвычайныя царскія милости, но въ гордости своей зазнавшимся (11-й) (15-й), превышавшимъ свою Патріаршую власть по отношенію къ Архіереямъ, отрекшимся отъ Патріаршества (Вопр. 5-й), непризнающимъ соборной власти Архіереевъ надъ собой (10-й), вознося-

щимся въ свѣтскую сферу (12-й) (16-й), обидчикомъ по отношенію къ царю (27-й).

Наряду съ этимъ Лигаридъ проводилъ теорію, что царь самъ можетъ созывать Соборы (9-й вопросъ), что его обязанность озаботиться о прекращеніи вдовства Церкви (20-й, 21-й), и что церковное управленіе и судъ исходятъ отъ царя, какъ отъ своего источника (24), что царь можетъ отбирать у Никона данныя ему права по церковному управленію (25-й), по своему реорганизовать церковный судъ и вручать его кому угодно (26-й).

Никонъ о лжепророкахъ цезарепапистахъ.

Естественно, что Никонъ называлъ все ученіе Лигарида ложью, челоѣкоугодничествомъ (какъ и Симеонъ Солунскій квалифицировалъ цезарепапизмъ). „Кто ты и что твои дѣла? Не ты ли Антихристъ, пришедшій къ намъ? Не одѣлся ли ты въ овечью шкуру, будучи внутри хищнымъ волкомъ, захватывающимъ простецовъ? Не твои ли плоды — плоды терновника и чертополоха? Не ты ли худое дерево, дающее худые плоды, о которомъ Христосъ сказалъ: по плодамъ ихъ познаете. О такихъ пророчествахъ говоритъ Божественный Апостоль Петръ (2 Петр. 2, 13): были и лжепророки въ народѣ, какъ и у васъ будутъ лжеучители, которые введутъ пагубныя ереси... И многіе послѣдуютъ ихъ разврату и черезъ нихъ путь истинный будетъ въ поношеніи" (1, 284). А, обращаясь къ Одоевскому, говоритъ: „Кто ты, что вопреки Божественнымъ законамъ и канонамъ составляешь новыя сатанинскіе законы, какъ новый Лютеръ (I, 365)?" Такъ какъ именно составитель Уложенія Одоевскій проводилъ въ жизни понятіе о безграничной власти царя въ церковныхъ дѣлахъ, которой Лигаридъ черезъ 13 лѣтъ придавалъ теоретическую опору и вдохновеніе, то его клеймитъ Никонъ прозвищемъ Лютера, предоставившаго церковное управленіе государственной власти. Никонъ считаетъ долгомъ возстать противъ этого и напоминаетъ, что Іоаннъ Грозный говорилъ на Стоглавомъ Соборѣ Епископамъ, чтобы они страдали за имя Христа, что, если бояре или царь прикажутъ что-либо дѣлать не по правиламъ Святыхъ Отцовъ, то не слушаться, хотя бы имъ угрожали смертью (1, 343). „Антихристъ прикажетъ поклоняться себѣ не внѣшне или чувственно, но такъ же, какъ теперь Епископы, забывая свое достоинство, поклоняются царямъ, какъ владыкамъ, и просятъ ихъ обо всемъ, ища отъ нихъ чести" (I, 293). Здѣсь Никонъ разумѣетъ, что Епископы послѣ его ухода подчинились Митрополиту

Крутицкому, которому царь поручилъ самостоятельно (безъ согласія Никона) управленіе Церковью. „А, вѣдь, они обѣщали при своемъ поставленіи во всемъ слѣдовать и повиноваться Вселенскимъ Патріархамъ и намъ, ихъ отцу, и Патріархамъ, имѣющимъ быть на нашемъ престолѣ послѣ насъ, и не дѣлать ничего подѣ давленіемъ царя, бояръ или князей или народной массы, хотя бы имъ угрожали смертью" (I, 137). Въ епископской присягѣ передъ поставленіемъ (Акты историч. IV, 8, 9) дѣйствительно говорится, „....къ симъ же исповѣдую.... не сотвориши ми ничто же по нуждѣ, ни отъ Царя и Великаго Князя, или отъ бояръ или отъ князей многихъ, ни отъ множества народа..." И въ другомъ мѣстѣ далѣе: „И на томъ обѣщаваюся не послушати ми ся повелѣнія твоего, Великаго Господина, Отца моего Святѣйшаго.... Патріарха Московскаго и всея Руси и всего Освященнаго Собора." Эта ссылка Никона показывала, что цезарепапистская теорія не только не была признана въ официальныхъ актахъ, но и опредѣленно отвергалась въ XVII вѣкѣ ими, являясь лишь злоупотребленіемъ практики. Этотъ цезарепапистскій духъ и есть проявленіе духа Антихристового, охватившаго, по Никону, Русскую Церковь; и этимъ духомъ заразили бояре царя, вовлекиши его въ изданіе Уложенія еще до Патріаршества Никона, когда царю было только 20 лѣтъ, а Никонъ еще не былъ въ силѣ, чтобы протестовать, когда самъ Патріархъ Іосифъ былъ увлеченъ по слабости общимъ теченіемъ. Въ этомъ укрѣпилъ царя своей ученостью низверженный изъ сана въ 1660 г. Газскій Митрополитъ Паисій Лигаридъ, продавшійся боярамъ, ѣхавшій въ Россію, никѣмъ не званный, за наживой, котораго царь поставилъ предсѣдателемъ всего Архіерейскаго Собора 10 мая 1663 года, разбиравшаго вопросъ о преданіи Никона суду, и о способахъ дальнѣйшаго направленія этого дѣла. Лигаридъ сталъ душой всего похода противъ Никона, и всѣ распоряженія по дѣлу Никона были плодомъ его бесѣды съ пресвѣтлымъ синклитомъ: „Бояре во всемъ послушны ему были, и что возглаголетъ яко отъ устъ Божіихъ послушали его, яко пророка Божія", пишетъ современникъ.

О власти удерживающей.

Такъ смотрѣлъ на цезарепапизмъ Никонъ. Между тѣмъ, власть православнаго царя въ его глазахъ — преграда противъ зла, царящаго въ мірѣ, и потому должно предохранить ее отъ разрушенія; а это разрушеніе можетъ наступить, какъ наказаніе за презрѣніе къ Церкви, за покушеніе на ея права и положеніе со стороны цезарепапистскихъ

идей; опорой въ Православіи царю служит Патріархъ, какъ мы заключаемъ изъ его разсужденій въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ. Никонъ цитируетъ 2 Посланіе къ Θεσσαλονикійцамъ объ отступленіи, имѣющемъ быть, и объ открытіи человѣка грѣха до пришествія Спасителя. „И нынѣ вы знаете, что не допускаетъ открыться ему въ свое время. Ибо тайна беззаконія уже въ дѣйствиі, только не совершится до тѣхъ поръ, пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающій теперь" (2 Θес. 2, 6, 7). Никонъ приводитъ толкованіе этого мѣста, обращаясь къ боярину Одоевскому. „Надо изслѣдовать, кто удерживающій, и почему Павелъ говоритъ объ этомъ неясно. „Что препятствуетъ его появленію? Нѣкоторые говорятъ, что благодать Св. Духа, другіе, что Римская власть. Съ послѣдними я согласенъ. Ибо, если бы Павелъ разумѣлъ Св. Духа, то и сказалъ бы ясно. Если бы онъ долженъ былъ придти, когда оскудѣютъ дары Св. Духа, то они давно уже оскудѣли. Но, если онъ говоритъ о Римской власти, то онъ имѣетъ основаніе говорить прикровенно, ибо не хотѣлъ навлекать на христіанъ лишнихъ преслѣдованій. Ибо, если бы онъ говорилъ о скоромъ ниспроверженіи Римской власти, то навлекъ бы со стороны Имперіи преслѣдованіе на христіанъ, какъ на людей, якобы живущихъ и работающихъ на разрушеніе Имперіи. Поэтому онъ не говоритъ такъ ясно, хотя и упоминаетъ опредѣленно, что онъ откроется въ свое должное время. Ибо „тайна нечестія уже совершается," говоритъ онъ. Подъ этимъ онъ разумѣетъ Нерона, какъ образъ Антихриста, ибо онъ желалъ божественнаго себѣ поклоненія. Ибо, если до этого времени былъ уже кто-либо мало отличающійся отъ Антихриста, и если уже былъ образъ чудовища и тираніи въ родѣ такого, какой будетъ послѣ, онъ объ этомъ говорилъ прикровенно не изъ страха, но чтобы не наталкивать насъ на то, чтобы мы безъ нужды создавали себѣ враговъ. Такъ онъ и говоритъ: „Пока не будетъ взятъ удерживающій теперь, то есть, когда Римская власть будетъ уничтожена, онъ и придетъ, то есть, пока есть страхъ этой власти, никто не захочетъ ему подчиниться, но когда она будетъ разрушена, онъ наведетъ анархію и будетъ желать захватить себѣ всю власть, какъ человѣческую, такъ и божескую. Ибо, какъ раньше была разрушена Мидійская Имперія Вавилонской, Вавилонская Персидской, Персидская Македонской, а Македонская Римской, такъ эта послѣдняя будетъ разрушена Антихристомъ, а онъ Христомъ¹. Эти вещи передаетъ намъ Давидъ съ под-

¹ Въ глазахъ Никона Московское царство есть III-й Римъ, и ему грозитъ это разрушеніе.

робнымъ поясненіемъ. И тогда, говоритъ Павелъ, явится тотъ беззаконникъ, котораго Христосъ убьетъ дуновеніемъ устъ Своихъ и разрушитъ блескъ его пришествія, даже того, чье пришествіе есть дѣло Сатаны. Онъ покажетъ большую власть и ничего истиннаго. Всѣ эти обманы предсказаны, чтобы тѣ, которые будутъ жить тогда, не были обмануты, также его ложныя чудеса, которыя обманомъ введутъ въ ложь и въ разнаго рода нечестія погибающихъ... Антихристъ придетъ для разрушенія людей и нанесенія имъ вреда, и всякаго, не сотрудничающаго съ нимъ, онъ насильно подчинитъ и изумитъ всѣхъ и, вслѣдствіе его приказовъ, страха людей предъ нимъ, онъ будетъ страшенъ и своей властью, и своей жестокостью, и своими незаконными приказами. Видишь ли, компиляторъ лжи, что Божественный Апостоль предостерегаетъ насъ отъ вещей въ будущемъ, которыя теперь для насъ уже настоящія, благодаря вамъ и вашей злобѣ. Развѣ не наступило теперь отступленіе отъ Святого Евангелія и отъ преданій Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ? Развѣ не обнаружился человѣкъ, сынъ погибели, который противопоставитъ себя и вознесетъ надъ всѣмъ, что называется Богомъ или чему поклоняются. Апостоль говоритъ „отступленіе", ибо онъ разрушитъ многихъ. И что можетъ быть болѣе разрушительно, чѣмъ оставить Законъ Божій и Его Заповѣди, предпочитать преданія человѣческія, то есть книгу Уложенія, полную горечи и коварства. Но кто же это, спросятъ? Сатана? Никоимъ образомъ. Это человѣкъ, который принялъ все дѣло Сатаны и который приготовилъ и принялъ много другихъ въ единеніе съ собой, такихъ, какъ ты, составители лжи, и свои товарищи, подобные тебѣ. А что касается сидѣнія въ храмѣ Божіемъ, то это не есть буквальное сидѣніе во всѣхъ Церквахъ; а владѣніе властью надъ Церквами, а Церковь — не каменные стѣны, а церковные законы и пастыри, противъ которыхъ ты, отступникъ, поднялся, дѣлая дѣло сатаны, и написалъ въ кодексъ, чтобы дать юрисдикцію надъ Патріархомъ, Митрополитами, Архіепископами, Епископами, и всѣмъ духовнымъ чинамъ свѣтскимъ людямъ, не имѣя мысли о Богѣ" (1, 404-406).

Цезарепапизмъ — отъ духа Антихриста.

Но, если царская власть — власть удерживающая отъ зла, то носитель ея долженъ особенно быть свободнымъ отъ всякаго зла, и ему необходима благодатная помощь отъ того, кто призванъ быть въ

государствѣ живымъ образомъ Христа, словомъ и дѣломъ свидѣтельствующимъ истину, — отъ Патріарха.

Помощь Патріарха царю — быть царемъ православнымъ.

Въ предисловіи къ служебнику, изданному въ августѣ 1655 года по благословенію Никона, говорится о царѣ и Патріархѣ, какъ о „богоизбранной сей и премудрой двоицѣ“, о „богоизбранной сей сугубицѣ“, о „благочестивой сей и богомудрой двоицѣ“¹, которая въ лицѣ царя Алексѣя Михайловича и Патріарха Никона предсѣдательствовала на Соборѣ 1654 года и повелѣла собрать въ Москву древнія святыя книги. Обязанность Патріарха — говорить передъ царемъ истину, не стыдась (I, 607). Но на протяженіи всѣхъ 615 страницъ Англійскаго перевода рукописи Никона нѣтъ ни одного слова о требованіи для Патріарха какихъ либо правъ въ дѣлѣ государственнаго управленія или требованія сораздѣленія власти съ царемъ. Мы видѣли, что Никонъ и свое регенство въ отсутствіе царя характеризировалъ, какъ службу царю. Даже по поводу называнія его „Великимъ Государемъ“ Никонъ недоумѣвалъ и писалъ: „Въ Вязьмѣ царь просилъ насъ писаться Великимъ Государемъ, но нашего согласія мы на то не давали. Но, если онъ раскаивается въ своей волѣ, а насъ порицаетъ, будто мы впервые сами такъ писали, то Богъ его будетъ судить въ день судный по очевидности его собственныхъ писемъ, въ которыхъ этотъ титулъ написанъ. Но какая разница между государемъ и господиномъ? Вѣдь, всякій кого угодно можетъ называть государемъ?“ (I, 66).

Когда Никонъ говоритъ о правахъ Патріарха, то говоритъ только о его правахъ въ нѣдрахъ Церкви и о правѣ печалованія передъ царемъ; онъ даже не говоритъ ни разу о тѣхъ правахъ въ государственномъ управленіи, которыя имѣлъ въ силу давняго обычая высшій предстоятель Русской Церкви по участию въ Боярской Думѣ, и о признанномъ, даже въ Уложеніи, положеніи Патріарха, какъ перваго государственнаго сановника, честь котораго охраняется наравнѣ съ царской (Улож. гл. X, 27, 31). Вообще, перечитавъ всѣ Никоновы писанія, намъ ни разу не попадалось встрѣтить претензіи Никона на участіе въ свѣтскихъ дѣлахъ. Такія поползновенія ему приписала враждебная ему боярская партія, которая, тяготясь его вліяніемъ на царя, желала возбудить противъ него царя, и потому убѣждала его, что Никонъ для того и „даръ Константина Великаго“ помѣстилъ въ

¹ Макарій, „Исторія Русской Церкви“, XII т., 235 стр.

Кормчую, чтобы добиться отъ царя совершенной независимости, подобно Папѣ Сильвестру, и что невозможно даже совмѣстное ихъ пребываніе въ одной столицѣ. Что именно бояре возбуждали царя противъ Никона, объ этомъ говорятъ не только всѣ безпристрастные историки, но даже подкупленный боярами Лигаридъ писалъ въ письмѣ Никону, что „бояре соблазнялись объ униженіи царскаго достоинства". А насколько бояре дѣйствительно ратовали за царя, видно уже изъ того, что они въ своихъ вопросахъ Восточнымъ Патріархамъ, отправленныхъ съ іеродіакономъ Мелетіемъ, самой постановкой вопросовъ обвиняли не только Никона, но и царя. Видно изъ этого, что они не щадили и царя, когда боялись умаленія своего положенія. Но для Никона помѣщеніе этого дополненія въ Кормчей служило лишь нравственнымъ образцомъ отношенія царя къ Церкви, отношенія юридически добровольнаго.

О природѣ послушанія царя Патріарху. Клятва 1652 г.

Лишь въ дѣлахъ церковнаго управленія Никонъ требоваль послушанія отъ царя; но послушаніе это онъ выводилъ не изъ правъ Патріарха, вытекающаго изъ его государственнаго положенія, а изъ особой добровольной клятвы царя передъ своимъ вступленіемъ въ Патріаршество, которое обновляло и повторяло то обязательство на послушаніе Церкви, которое царь уже носилъ въ силу обѣтовъ крещенія, какъ сынъ Церкви, и вторично принималъ при коронованіи, какъ царь. Никонъ не могъ при своихъ воззрѣніяхъ на Церковь, какъ на самостоятельный организмъ, вступить безоговорочно въ управленіе ею въ 1652 году, когда только за три года передъ тѣмъ при его предшественникѣ введено было Уложеніе, исходившее, если не изъ сознательно другихъ взглядовъ на Церковь, то во всякомъ случаѣ осуществлявшее свѣтское засиліе надъ ней въ видѣ вторженія въ ея управленіе, нарушавшее вѣковой обычай. Еще Новгородскимъ Митрополитомъ онъ добился отъ царя непримѣненія Уложенія къ его митрополичьей области; теперь онъ передъ вступленіемъ въ Патріаршество поставилъ условіемъ принятія должности каноническое подчиненіе, которое основывалъ на словахъ Спасителя: „Слушающій васъ Меня слушаетъ." Никонъ самъ описываетъ свое вступленіе на Патріаршество въ интимномъ письмѣ, которое онъ отправилъ Константинопольскому Патріарху Діонисію въ декабрѣ 1665 года, и которое было перехвачено царемъ. Вотъ, въ какихъ словахъ Никонъ выразилъ свое пониманіе обязанностей всѣхъ христіанъ

къ Церкви и къ ея предстоятелю въ рѣчи къ царю и боярамъ: „Благочестивѣйшій царь и Великій князь Алексѣй Михайловичъ, самодержецъ всея Россіи, и вы благочестивые бояре и вы члены Священнаго Совѣта, Митрополиты, Архіепископы, Епископы и христіанскіе люди. Вамъ извѣстно, какъ сначала пришли въ эти страны проповѣдь Св. Евангелія и каноновъ Св. Апостоловъ, семи Вселенскихъ Соборахъ и девяти Помѣстныхъ и Св. Отцовъ и царскихъ законовъ; именно какъ мы получили ихъ отъ благочестивыхъ греческихъ царей и отъ Вселенскихъ Патріарховъ по свидѣтельству исторіи. И мы называемся христіанами и послѣдователями Божественныхъ предъ писаній Евангелія, каноновъ Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ и законовъ благочестивыхъ греческихъ царей, но, что касается практическаго исполненія въ дѣйствительности, то оно весьма недостаточно у насъ; хотя нашъ Господь Іисусъ Христосъ говоритъ: „Почему вы зовете Меня Господи, Господи, и не дѣлаете того, что Я говорю". И въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: „Тотъ, кто имѣетъ и исполняетъ Мои заповѣди, тотъ любитъ Меня, а кто не любитъ Меня, тотъ не соблюдаетъ и заповѣдей Моихъ.**„Не слушатели Слова праведны передъ Богомъ, но исполнители его, ибо блаженны слушавшіе Слово Божіе и исполняющіе его.** Поэтому, благочестивый царь, и вы, бояре, и вы, Священный Соборъ, и вы, христіанскіе люди, если угодно вамъ, чтобы наше смиреніе было вашимъ Патріархомъ, то вы дайте мнѣ ваше слово, и дѣлайте завѣтъ со мной въ этой Святой Соборной и Апостольской Церкви передъ Господомъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и передъ Святыми Ангелами и всѣми Святыми и **обѣщайте соблюдать заповѣди Святаго Евангелія и каноны Святыхъ Апостоловъ и Св. Отцовъ и законы греческихъ царей неизмѣнно и повиноваться намъ, какъ пастырю и начальнику отцу во всемъ, что я буду возвѣщать вамъ по Божественнымъ заповѣдямъ и законамъ,** и, если вы это сдѣлаете, то я, видя ваше усердіе и вашу молитву, не смогу дальше отказываться отъ этой великой милости". Затѣмъ, благочестивый царь со всѣми почтенными боярами и всѣмъ освященнымъ соборомъ горячо и ревностно приняли нашъ отвѣтъ и обѣщали во Святой Соборной и Апостольской Церкви передъ Святымъ Евангеліемъ, передъ святыми почитаемыми иконами Христа и Богоматери и другихъ святыхъ неизмѣнно исполнять то, что мы упомянули, и призывали во свидѣтели нашего Господа Іисуса Христа и нашу Святую Непорочную, Препоблагословенную и Славную Матерь Божію и Приснодѣву

Марію, всѣхъ Святыхъ и Св. Евангеліе и всѣ святыхъ чтимыхъ иконы" (Пальмеръ, III, 382-384). **Изъ текста клятвы видно, что вся** паства призывается Патріархомъ исполнять законы церковные, ибо и законы греческихъ царей, о которыхъ здѣсь говорится, и которые въ видѣ II части Кормчей вошли въ составъ ея при напечатаніи ея, какъ при Патріархѣ Іосифѣ въ 1651 г., такъ и при Патріархѣ Никонѣ въ 1653 г., — относятся къ Церкви, ею были приняты въ качествѣ церковныхъ законовъ, т. е. канонизованы. Уложеніе нарушало эти принципы своимъ новымъ церковнымъ судопроизводствомъ, и Никонъ добился отъ царя, если не отмѣны ихъ, то пріостановки дѣйствія Уложенія въ этой части, что и соблюдалось, пока въ 1657 году боярамъ не удалось подорвать довѣрія царя къ Никону. Послѣ этого бояре стали примѣнять Уложеніе къ церковнымъ дѣламъ и даже превышали, какъ увидимъ впослѣдствіи, и права, предоставленныя Уложеніемъ монастырскому Приказу. **Само по себѣ напоминаніе о каноническомъ подчиненіи Патріарху не представляло ничего, выходящаго за сферу его правъ, и повторялось и послѣ Никона при поставленіи Патріарха, какъ и было при поставленіи Патріарха Іоасафа II" (III, 473).**

Рѣчь Никона при поставленіи характерна въ томъ отношеніи, что въ ней сразу выявился тотъ ревностный блюститель дѣйствительнаго исполненія каноновъ, который и въ теченіе всей своей Патріаршей дѣятельности выполнилъ девизъ: не слушатели, а исполнители закона спасаются. Въ Возраженіи на вопросы-отвѣты Стрешнева-Лигарида нигдѣ не видно, чтобы Никонъ центромъ своего вниманія ставилъ права именно Патріарха, но разсужденіями объ обязанностяхъ христіанъ къ Церкви и въ томъ числѣ объ обязанностяхъ царя, въ силу его особаго положенія, переполнена его книга.

О превосходствѣ священства надъ царствомъ.

Также говоря о духовной власти и объ ея превосходствѣ надъ свѣтской, онъ говоритъ не столько о Патріархѣ и царѣ, сколько объ оцѣнкѣ полномочій духовной и свѣтской власти съ духовной точки зрѣнія, разсматривая ихъ содержаніе, т. е. онъ сравниваетъ власти духовную и свѣтскую въ объективномъ ихъ смыслѣ, выражаясь языкомъ юридическимъ, причемъ, въ такомъ случаѣ подъ властью священства разумѣетъ даже не собственно патріаршескую власть, а власть всѣхъ іерархическихъ степеней, начиная съ священнической. Послѣднее положеніе, между прочимъ, иллюстрируется тѣмъ, что

пишетъ Никонъ (I, 127): „Хочешь ли знать, что священство почтеннѣе и есть высшее достоинство, чѣмъ само царство. Не говори мнѣ о пурпурѣ, коронѣ, золотыхъ одеждахъ, ибо все это какъ трава и ниже любого полевого цвѣтка. Ибо, какъ сказано, всякая слава человѣческая, какъ полевой цвѣтокъ, хотя бы это было и то, что вы называете императорскимъ пурпуромъ. Поэтому, не говорите мнѣ объ этомъ. Но, если ты желаешь видѣть, **какое различіе между священникомъ и царемъ, то изслѣдуй власти, которыя даны каждому, и ты увидишь, что священникъ поставленъ много выше царя.** Ибо, хотя тронъ царя можетъ казаться вамъ почетнѣе отъ драгоценныхъ камней на немъ и золота, которымъ онъ обложенъ, однако, **онъ получилъ власть управлять только земными вещами и не имѣетъ никакой власти дальше этого. Но тронъ священства — на небесахъ.** Кто говоритъ вамъ это? Царь Небесный. „Что свяжете на землѣ, то будетъ связано на небесахъ" (Мѡ. 18, 18). Какая честь можетъ быть равна этой? **Небо принимаетъ начало духовнаго суда отъ земли, ибо судящій имѣетъ свою плоть на землѣ. Богъ слѣдуетъ за Своимъ слугой. Какое рѣшеніе даетъ слуга, то утверждается Богомъ на небеси. И священникъ стоитъ между Богомъ и человѣкомъ, какъ низводящій на насъ благодать, вознося отъ насъ мольбы къ небесамъ, примиряя Его, когда Онъ гнѣвается, съ нашей собственной природой и освобождая своей рукой, когда мы Его прогнѣвали. Потому, сами цари помазываются руками священниковъ, но не священники рукой царя, и самая голова царей поставлена Богомъ подъ руки Его священниковъ, показывая намъ, что священники есть большая власть, чѣмъ царь, ибо большій благословляетъ меньшаго.**" Дальше Никонъ показываетъ наглядно обязательство для царя подчиненія церковнымъ законамъ. „Если бы кто либо громко сказалъ всенародно, что царь оставилъ Христа и Бога, то кто бы возрадовался, кромѣ апостата? Кѣмъ же можетъ быть такой человѣкъ, какъ не отступникъ отъ Христа, даже если бы это былъ царь. Ибо Богъ одинаково всѣмъ сказалъ: „Слушающій васъ Меня слушаетъ, и отвергающій васъ отвергаетъ Меня". Кто же можетъ назвать христіаниномъ отвергающаго Христа? Также, если бы царь сталъ порицать и безчестить своего духовнаго отца исповѣдника, всякій бы сталъ это порицать и справедливо, если онъ не сумасшедшій" (I, 127-127). „Власть царя — одно, а власть Епископа — другое (I, 242). Священникъ стоитъ передъ алтаремъ и своими руками приносить непорочнаго Агнца (I, 45). Одинъ при-

нуждаетъ, другой утѣшаетъ; одинъ ведетъ войну съ врагами, а другой съ князьями міра сего, тѣмъ вѣка сего. И потому священство гораздо больше царства" (I, 130). Духовная власть не знаетъ принужденія матеріальнаго у Никона и опирается на часто цитируемыя имъ слова Спасителя, сказанныя Имъ Апостоламъ и ихъ преемникамъ: „Слушающій васъ Меня слушаетъ, и отвергающій васъ отвергаетъ Меня." Помимо внутреннихъ духовныхъ дѣлъ, въ которыхъ вѣрующій соприкасается съ духовной властью въ таинствахъ, есть внѣшній церковный порядокъ, который приходитъ въ соприкосновеніе съ порядкомъ государственнымъ, хотя имѣетъ свое происхожденіе, назначеніе, свои средства и свою цѣль, и особую природу.

Критика Никономъ разныхъ теорій соотношенія духовной и свѣтской власти.

Никонъ подвергаетъ разбору соотношенія двухъ властей и рассматриваетъ, подвергая критикѣ, различныя теоріи (I, 250-255). Здѣсь со всей ясностью выступаетъ теорія симфоніи въ Никоновскомъ пониманіи, и вполнѣ устанавливается тотъ фактъ, что Никонъ былъ одинаково далекъ, какъ и отъ цезарепапизма, такъ и отъ папскаго цезаризма. Устанавливая далѣе добровольное подчиненіе царской власти Церкви, онъ тѣмъ самымъ отвергаетъ и теорію косвенной власти предстоятеля Церкви, которымъ заражается католическая теорія съ XI вѣкѣ. Это сближаетъ Никона съ пониманіемъ симфоніи такими Отцами Церкви, какъ Св. Іоаннъ Златоустъ и Св. Ѳеодоръ Студитъ. Борьба Никона за самостоятельность Церкви во многомъ напоминаетъ такую же борьбу Св. Ѳеодора Студита во время засилія императоровъ иконоборцевъ и дѣлаетъ Никона такимъ же борцомъ за возстановленіе церковно-государственныхъ отношеній въ святоотеческомъ ихъ пониманіи, бывшихъ въ лучшія времена Византіи, какимъ онъ былъ въ борьбѣ за возстановленіе греческой редакціи богослужебныхъ книгъ.

Вотъ эта цитата, которая словами самого Никона раскрываетъ его ученіе о соотношеніи властей и суммируетъ прежде цитированное нами въ разныхъ мѣстахъ въ одно цѣлое ученіе: „Видишь ли, отвѣтотворче и челоуѣкоугодникъ, что не священство беретъ свое происхожденіе отъ царства (въ смыслѣ полученія отъ него освященія), какъ въ другомъ мѣстѣ совершенно точно говоритъ Ни-

конь¹ (I, 254), а наоборотъ, какъ показываютъ святыя церковныя молитвы и священнодѣйствія и поученія Епископа при коронованіи? Гдѣ же наша вина передъ царемъ и гдѣ его оправданіе? Въ молитвахъ сказано: „Вѣрный стражъ Святой Церкви“, а онъ ее только ограбилъ. И старыя греческіе законы объявляютъ, что есть два меча власти: духовный и свѣтскій, которые Господь Іисусъ Христосъ установилъ для защиты Своего народа въ Церкви, въ которой Епископъ есть духовный, а царь свѣтскій. Разсмотрѣлъ ли кто нибудь ради объясненія этого, что надо разумѣть подъ этими двумя мечами, т. е. какъ понимать эти выраженія? Если кто не повинуется Епископу, царь того вынуждаетъ къ повиновенію, равно тѣ, которые отказываются повиноваться царю, вынуждаются къ повиновенію Епископомъ, когда въ этомъ настанетъ нужда.

Но эти мечи **двухъ разныхъ родовъ власти и юрисдикціи — духовной и свѣтской** (т. е. власти различнаго порядка и компетенціи ихъ различны). Здѣсь иной можетъ спросить: если духовное и свѣтское правительство поддерживаются этими **двумя мечами, то который изъ нихъ выше и болѣе достоинъ вниманія?** Иные думаютъ, что царь долженъ быть выше Епископа, и аргументируютъ такъ: во-первыхъ, говорятъ они, царство не произошло отъ другого источника, а отъ Господа Бога. Во-вторыхъ, если бы Епископъ былъ выше, чѣмъ царь, то тогда изъ этого слѣдовало бы, что Епископъ имѣлъ бы инициативу, а царь принималъ бы его распоряженія, а этого нѣтъ (Напротивъ, царь временами принимаетъ даръ побѣды (тріумфъ отъ Церкви), а не наоборотъ). Къ этому прибавляютъ, что царю данъ мечъ для защиты закона, правды, вдовъ и сиротъ, чѣмъ онъ и можетъ судить всякаго рода дѣла, что не дано Епископу, ибо мы слышали о Св. Петрѣ, которому сказалъ Искупитель: вложи мечъ въ ножны, желая показать, что не желаетъ соучастія съ властью міра сего. Такъ аргументируетъ одна сторона. **Противъ этого возражаютъ, что Епископъ выше царя, доказывая это слѣдующимъ образомъ.** Господь Богъ далъ верховному первосвященнику оба меча и обладаніе этимъ

¹ Въ англійскомъ переводѣ Palmer'a слова Никона приведены такъ: But when the Bishop crowns the Tsar and consecrates him, he then acts and does this by virtue of his order; and in the same act the Tsar shows a voluntary submission to the Bishop. For even though he were not instituted or crowned by him he would still all the same be Tsar. He obtains and holds in point of fact the imperial or regal quality by the sword: but the name of Tsar (that is, of a sanctified and christian or orthodox Tsar) he gets by the episcopal consecration, of which the Bishop is the author and source (Но когда Епископъ коронуетъ и освящаетъ царя, онъ дѣйствуетъ въ силу своего сана; въ томъ же священнодѣйствіи царь обнаруживаетъ добровольное подчиненіе Епископу. Ибо, даже если бы онъ не былъ коронованъ, онъ все же оставался бы царемъ. Онъ получаетъ и удерживаетъ фактически свою царскую власть мечомъ, но имя царя (то есть имя царя освященнаго и христіанскаго или православнаго) онъ получаетъ отъ епископскаго освященія, для котораго Епископъ является совершителемъ и источникомъ).

міромъ и духовнымъ, именно де Господь Іисусъ Христосъ сказаль Апостоламъ: „Кого вы свяжете на землѣ, тотъ будетъ связанъ на небеси“, и это Онъ далъ въ ихъ лицѣ и всѣмъ ихъ викаріямъ и преемникамъ. Они говорятъ также, что здѣсь Епископу дана власть на небеси, которая есть нѣчто болѣе превосходное, чѣмъ власть этого міра. Такимъ образомъ, достаточно ясно, что Епископъ — высшій. Они прибавляютъ, что временами Епископъ вынужденъ употреблять и свѣтскій мечъ и свѣтскую юрисдикцію, и что онъ можетъ дѣлать то, что обычно дѣлаеть царь, ибо онъ издаетъ норму для православныхъ людей. Далѣе; они говорятъ, что Епископъ ставитъ царя и имѣеть власть связывать его по заповѣди Божіей. Ибо, если священникъ, которому царь исповѣдаетъ свой грѣхъ, и котораго называетъ отцомъ духовнымъ, можетъ связывать, то тѣмъ болѣе верховный первосвященникъ, который имѣеть власть надъ тѣми священниками-исповѣдниками царя, имѣющими власть связывать и разрѣшать? Царь при помазаніи на царство обязывается покровительствовать правдѣ и искоренять неправду. Но оставимъ въ сторонѣ этотъ споръ и разрѣшимъ его такъ: **въ духовныхъ дѣлахъ, принадлежащихъ къ Славѣ Божіей, Епископъ выше царя, ибо тамъ только онъ можетъ осуществить духовную юрисдикцію**, но въ дѣлахъ этого міра выше царь¹. Такимъ образомъ, обѣ стороны не противорѣчатъ другъ другу. Однако, Епископъ имѣеть нѣкоторое отношеніе къ свѣтскимъ дѣламъ, какъ выше указано. Если царь не дѣлаеть того, что ему подобаеть дѣлать въ повиновеніи законамъ Божіимъ, тогда во власти Епископа наказать или отлучить его, не какъ царя, но какъ отступника отъ Божьяго закона" (Тѣмъ самымъ Никонъ отвергаетъ то ученіе о прекращеніи обязанности повиновенія подданныхъ, которое на лицо въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ теоріяхъ) (I, 250-252).

Никонъ о „Дареніи Св. Константина Великаго“.

Далѣе Никонъ затрагиваетъ историческое происхожденіе свѣтскихъ функцій Папы и ихъ обоснованіе по „Даренію Святаго Константина Великаго“, въ подлинности котораго онъ не сомнѣвается. Онъ передаетъ его содержаніе въ короткихъ словахъ (въ другомъ мѣстѣ онъ цѣликомъ его приводитъ) ровно настолько, чтобы, показавъ историческое происхожденіе свѣтскихъ полномочій Церкви, вновь продолжить оцѣнку обѣихъ властей; рѣшительно

¹ У Palmer'a приведено: But in these things which belong to the province of this world the Tsar is higher. (Но въ дѣлахъ, принадлежащихъ къ сферѣ этого міра, царь выше).

нигдѣ онъ не выставяетъ этого Даренія, какъ основанія для того, чтобы и въ Россіи создавать нѣчто подобное свѣтской папской области. Никонъ разсматриваетъ этотъ документъ при разсмотрѣніи соображеній, приводимыхъ сторонниками превосходства духовной власти надъ свѣтской, и не могъ не затрагивать его, ибо онъ помогалъ ему, при смѣшеніи духовныхъ и свѣтскихъ полномочій у представителя Церкви, различать происхожденіе и природу тѣхъ и другихъ. Никонъ отгѣнилъ, наконецъ, добровольность Константинова Даренія и высокое почитаніе Константиномъ Великимъ Церкви въ виду исцѣленія, полученнаго имъ отъ Папы, тѣмъ самымъ невольно подчеркивая, что въ основѣ свѣтскихъ правъ Папы лежитъ право государства, а не право церковное (Аутентичность „Дареній" опровергалась передъ Папами еще въ 15 столѣтіи, но еще въ 16 и 17 вѣкѣ находились защитники его (Hergenrötter, „La chiesa cattolica e to stato cristiano" (III, 30); ихъ число все падало послѣ кардинала Баронія. Вотъ, какъ рассказываетъ Никонъ: „Власть и авторитетъ Христіанской Церкви развились во время Константина Великаго, который былъ крещенъ Папой Св. Сильвестромъ и одновременно исцѣленъ отъ своей болѣзни. Когда онъ знакомъ Животворящаго Креста побѣдилъ Максенція и изгналъ другихъ гонителей и даровалъ миръ Греческой и Римской имперіи, то, во исполненіе обѣта, который онъ далъ въ своей молитвѣ къ Богу, онъ далъ Папѣ собственный дворецъ въ Римѣ, именуемый Латеранскимъ, и назвалъ Папу викаріемъ князей Св. Апостоловъ Петра и Павла и послѣ возложилъ на него собственноручно корону и пурпуръ и остальные царскія одежды; въ прибавленіе къ нимъ онъ далъ ему императорскій скипетръ и всѣ инсигнії и степени императорскаго престола, даже его войско было устроено въ соотвѣтствіи съ различными должностями. Равнымъ образомъ, онъ приказалъ и отличать священниковъ Св. Христіанской Церкви. Равно онъ почиталъ и другихъ Епископовъ по ихъ достоинству. И превыше всего онъ установилъ, чтобы тотъ достойнѣйшій пастырь и его преемники были вѣнчаны той короной, изъ чистѣйшаго золота, которую онъ далъ Сильвестру съ своей головы. Все это онъ сдѣлалъ для большей чести Св. Петра. Послѣ того этотъ христіанскій императоръ въ знакъ своего подчиненія взялъ и повелѣлъ за узду пѣшкомъ лошадь, на которой сидѣлъ Папа Сильвестръ. Онъ далъ ему въ даръ Римъ и отдалъ ему провинцію съ западными областями и перенесъ свой императорскій тронъ на востокъ и назвалъ по своему имени Константинополемъ" (I, 252). Тутъ Ни-

конь рассказываетъ этотъ историческій актъ, смѣшавшій въ лицѣ Папы функціи обѣихъ властей и засвидѣтельствовавшій полученіе свѣтскихъ полномочій и короны папой отъ свѣтской власти. Онъ продолжаетъ: „Если кто скажетъ, что при раздѣленіи двухъ мечей христіанства между двумя лицами, предоставленъ свѣтскій царю, а духовный Епископату, возникаетъ сомнѣніе о томъ, который же выше, то мы разберемъ сначала мнѣніе тѣхъ, которые обучены въ духовномъ законѣ и утверждаютъ, что царская власть должна подчиняться епископской власти. Они говорятъ такъ: епископской власти Богъ далъ ключи царства небеснаго и далъ ей на землѣ власть вязать и разрѣшать. Далѣе епископская власть — духовная, а императорская — этого міра, а сфера небесной власти много превосходнѣе дѣлъ этого міра, т. е. власти свѣтской. Поэтому, ясно де, что царь долженъ быть менѣе, чѣмъ Епископъ, и долженъ быть ему послушенъ. Ибо я также говорю, что духовенство есть избранный народъ, избранный и помазанный Духомъ Святымъ. Если всѣ христіане обязаны повиноваться Епископу, то развѣ тѣмъ болѣе не обязанъ повиновеніемъ тотъ, кто мечомъ призывается приводить въ повиновеніе Епископу? Второй аргументъ тотъ, что Епископъ имѣетъ власть и авторитетъ дѣлать то, что относится къ царской юрисдикціи, т. е. по закону (разумѣется предоставленіе Іерархіи свѣтской юрисдикціи по свѣтскому закону); онъ можетъ судить и управлять въ обѣихъ сферахъ, т. е. по законамъ той или другой власти. Кромѣ того, царь обязуется излагать свое исповѣданіе передъ Епископомъ, и онъ, выслушавъ его, долженъ опредѣлить, правильно ли вѣритъ царь и не подлежитъ ли анаѹемъ (Это имѣло громадное значеніе въ Византіи въ періодъ вырабатыванія догмы на Вселенскихъ Соборахъ и уясненія того, какое ученіе считать православнымъ). Здѣсь Никонъ заканчиваетъ аргументацію сторонниковъ превосходства власти духовной: „Этотъ вопросъ, говоритъ онъ, требуетъ подробнаго обсужденія съ двухъ сторонъ. Чтобы не входить въ слишкомъ долгое обсужденіе, рассмотримъ, какъ примирить два противоположныхъ мнѣнія, и предоставимъ каждому, т. е. Епископу и царю, соотвѣтствующій авторитетъ, и такимъ образомъ споръ будетъ законченъ.

Каждая власть происходитъ отъ Бога; юридически ни одна не выше другой.

Всемогушій Богъ, создавъ небо и землю, приказалъ двумъ великимъ свѣтиламъ — солнцу и лунѣ — въ ихъ теченіи сіять надъ землею; однимъ изъ нихъ — солнцемъ — Онъ прообразилъ епископскую

власть, а другимъ — луной — царскую. Ибо солнце — большее свѣтило, сіяетъ днемъ, какъ Епископъ, просвѣщающій душу, но меньшее свѣтило сіяетъ ночью, подъ которой разумѣется тѣло. Какъ луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца, и въ пропорціи удаленія отъ него на большее разстояніе получаетъ болѣе полное сіяніе, такъ царь производитъ свое освященіе, помазаніе и коронованіе (а не власть) отъ Епископа, и, получивъ это, онъ имѣетъ свой совершенный свѣтъ, т. е. **свою освященную власть и авторитетъ**. Совершенно такое же сходство между этими двумя лицами во всякомъ христіанскомъ обществѣ, какъ между солнцемъ и луной въ матеріальномъ мірѣ. Ибо епископская власть сіяетъ днемъ, т. е. надъ душами; а царская въ вещахъ этого міра. И эта власть, которая есть царскій мечъ, должна быть готовой для дѣйствія противъ враговъ Православной вѣры. Въ этой защитѣ отъ всякой неправды и насилія нуждается Епископъ и все духовенство. Это обязана дѣлать свѣтская власть. Ибо свѣтскіе нуждаются для освобожденія своихъ душъ, а духовные нуждаются въ свѣтскихъ для защиты своихъ тѣлъ. **И такимъ образомъ, въ этомъ ни одна изъ нихъ не выше другой, но каждая имѣетъ власть отъ Бога**. Было написано выше, что духовенство — избранный народъ. Отсюда ты можешь понять также, что въ духовныхъ дѣлахъ такихъ, какъ крещеніе, покаяніе и другія церковныя таинства, духовные кладутъ руки на голову и призываютъ на голову благодать Св. Духа. Когда они ставятъ царя, они помазуютъ его въ формѣ креста на плечахъ. И это указываетъ на различіе между тѣмъ, что свойственно этому міру и что духовному. Но когда Епископъ коронуетъ царя и освящаетъ его, онъ тогда дѣйствуетъ и дѣлаетъ это въ силу своего сана, и въ томъ же актѣ **царь выражаетъ свое добровольное подчиненіе Епископу**. Ибо, даже если бы онъ не былъ поставленъ или коронованъ Епископомъ, онъ былъ бы все же царь. Онъ получаетъ и сохраняетъ фактически императорское достоинство мечомъ, но имя царя, то есть освященнаго христіанскаго или православнаго царя, онъ получаетъ черезъ епископское освященіе, по отношенію къ коему (освященію) Епископъ есть творецъ и источникъ. Надо понять, что законъ имперіи или царства никакъ не затрагиваетъ закона церковнаго, **ибо въ духовныхъ дѣлахъ воля царя не можетъ стоять выше церковнаго закона, ни въ отношеніи какого либо дѣла, принадлежащаго Церкви, царь не можетъ дѣлать установленій или дѣйствовать съ властью контролирующей**.

Въ церковныхъ дѣлахъ церковный законъ и Епископъ выше царя.

Также надо понимать и о Епископахъ и о церковныхъ канонахъ, которые повелѣваютъ соблюдать и поддерживать царскіе законы. Ни одинъ человѣкъ не можетъ противодѣйствовать канонамъ Церкви и законамъ царства и ученію Св. Отцевъ или что либо возражать противъ нихъ (когда они оба утверждаютъ одно и то же). Поэтому ты понимаешь, что надо думать о нихъ обоихъ, именно, что въ дѣлахъ, касающихся освобожденія души, Епископъ выше царя, и каждый христіанинъ православный обязанъ повиноваться Епископу, ибо онъ нашъ отецъ въ Православной вѣрѣ, которому вручена забота о Православной Церкви.

Каждая власть имѣетъ свой порядокъ и права отъ Бога и должна ихъ защищать.

Надо понимать, что ихъ власть одна и равная (одна, въ случаѣ если обѣ постановятъ одно и то же); **каждая имѣетъ свой собственный порядокъ и права, установленныя Богомъ, и каждая должна поддерживать и защищать свой собственный порядокъ для себя, на свою собственную отвѣтственность.** Это предоставлено и духовной власти ея Матерью Православной Церковью. Если одна изъ нихъ нарушаетъ этотъ строй, ни одна не отвѣчаетъ передъ какимъ либо обычнымъ судомъ" (I, 252-255). Столь ясное признаніе Никонъ верховенства царя въ свѣтскихъ дѣлахъ совершенно устраняетъ установившееся со временемъ Лигарида обвиненіе его въ папизмъ, хотя бы только въ смыслѣ слишкомъ широкаго пониманія объема духовной власти. При наличіи такихъ точныхъ опредѣленій, которыя мы видимъ у Никона о самостоятельномъ происхожденіи свѣтской власти, о различіи въ самой сущности власти духовной, нечего прибавлять къ тому, что сказано имъ самимъ.

Юридическое равенство властей; духовное превосходство власти духовной.

Мы не видимъ никакого противорѣчія между прежде высказаннымъ мнѣніемъ Никона о превосходствѣ духовной власти надъ свѣтской и только что сдѣланнымъ имъ заявленіемъ обѣ ихъ равенствѣ. Когда Никонъ говорилъ о превосходствѣ, онъ разумѣлъ оцѣнку власти по ея содержанію, власти въ ея объективномъ смыслѣ, т. е. ея функціи; а когда Никонъ говоритъ обѣ ихъ равенствѣ, онъ говоритъ въ одномъ случаѣ о равной ихъ необходимости другъ для друга и для мірового строя, а въ другомъ случаѣ имѣетъ въ виду признаніе равенства ихъ юридическаго строя, существующаго параллельно; **послѣднее юридическое равенство нисколько не исклю-**

чаетъ, что одна власть добровольно признаетъ надъ собой высшій въ духовномъ смыслѣ порядокъ, въ соотвѣтствіи съ требованіемъ котораго преобразуетъ свой собственный порядокъ, т. е. оцерковляетъ его. Это — совершенно отлично отъ католической теоріи косвенной власти, канонизованной въ § 24 Силлабуса.

Не можетъ насъ нисколько смущать и употребленіе тѣхъ же метафорическихъ сравненій властей съ двумя мечами и съ двумя свѣтилами, въ которыя въ католической доктринѣ Григорія VII-го и Иннокентія III-го вложенъ другой смыслъ. У Никона опредѣленно сравнивается съ освѣщеніемъ луны солнцемъ не происхождение царства, а его освященіе Епископомъ; что же касается меча, то у Никона мечъ свѣтскій вынимается для поддержки и защиты въ Церкви, но не по ея приказанію, а въ видѣ добровольнаго служенія, какъ нравственный долгъ передъ Церковью съ свободнымъ выборомъ порядка его осуществленія, а въ смыслѣ Иннокентія III-го Церковь распоряжается сама государственнымъ мечомъ, обязывая государство къ тѣмъ или другимъ мѣропріятіямъ, которыя она въ лицѣ Папы намѣчаетъ; въ этой системѣ уже не государство возвышается до Церкви, а Церковь понижается до государства. Что Никонъ не матеріализируетъ и не омірщаетъ Церкви, видно изъ тѣхъ средствъ, которыя онъ вкладываетъ въ ея руки для защиты своего самостоятельнаго строя, а затѣмъ и изъ тѣхъ санкцій, которыми онъ сопровождаетъ для царя требованіе соблюденія границъ царской власти, соблюденія ею долга передъ Церковью и передъ Ея Предстоятелемъ Патріархомъ.

Никонъ о мѣрахъ самозащиты Церкви. Заявленіе протеста и духовныя наказанія.

Относительно мѣръ, которыя священство должно принимать въ защиту церковнаго строя, Никонъ пишетъ: „Царь Озія вошелъ въ алтарь Господа воскурить ѳиміамъ, вопреки запрету священника, говоря: я праведенъ. Ты праведенъ, можетъ быть, но держись въ границахъ, тебѣ поставленныхъ. Границы, поставленные царству — однѣ; границы, поставленные священству — другія. Но священство выше царства. И Азарія священникъ пошелъ за нимъ и съ нимъ 80 священниковъ. И воспротивился онъ Озіи царю и сказалъ ему: не тебѣ, Озія, кадить Господу; это дѣло священниковъ, сыновъ Аарона, посвященныхъ на кажденіе; выйди изъ святилища, ибо ты поступилъ незаконно. И не будетъ тебѣ это въ честь у Господа Бога. И разгнѣвался Озія, а въ рукъ у него кадила для кажденія; и, когда

разгнѣвался онъ на священниковъ, проказа явилась на челѣ его передъ лицомъ священниковъ, въ домѣ Господнемъ, у алтаря кадила-го" (2 Пар. 26, 17-19).

„Развѣ я безъ основанія сказалъ, что священникъ выше царя? Азарія и не думалъ удалять его съ почтеніемъ, какъ царя, но какъ какого нибудь отверженнаго презрѣннаго раба. Онъ пошелъ за нимъ гнѣвно, какъ нѣкій вѣрный песъ за гадкимъ дикимъ животнымъ, чтобы вытащить его изъ дома своего хозяина. Видишь ли, какъ душа священника была исполнена великой храбрости и высокой мудрости? Онъ не посмотрѣлъ на величіе правителя, онъ не думалъ, какъ трудно остановить душу, упоенную своей страстью. Онъ не слушалъ Соломона, говорящаго: „Гнѣвъ царя подобенъ рычанію льва", но смотрѣлъ на истиннаго царя, Царя небесъ, и, думая о грядущемъ судѣ, подкрѣпилъ себя такими мыслями и поспѣшилъ къ оскорбителю. Онъ хорошо зналъ, что гнѣвъ царя подобенъ рычанію льва, но для того, кто приготовился скорѣе умереть, чѣмъ оставить безъ сопротивленія нарушеніе священной заповѣди, этотъ левъ былъ презрѣненъ, какъ самая малая собака. **Нѣтъ въ дѣйствительности болѣе безвластнаго, чѣмъ человѣкъ, нападающій на Божественные законы, и нѣтъ ничего сильнѣе, чѣмъ человѣкъ, борящійся за нихъ. Ибо совершающій грѣхъ есть рабъ грѣха, хотя бы онъ носилъ тысячу коронъ на головѣ, но дѣлающій праведное дѣло больше царя самого, хотя бы онъ былъ послѣдній изъ всѣхъ.** Всѣ эти мысли были у священника, когда онъ вошелъ въ алтарь. Посмотримъ, что онъ сказалъ царю, и для насъ будетъ поучительно услышать его упрекъ царю, и что онъ ему сказалъ: „Не свойственно тебѣ возжигать ѳиміамъ передъ Господомъ". Онъ обратился къ нему, называя не по царскому имени или по другому титулу власти, ибо царь уже лишилъ себя авторитета. Но что сдѣлалъ Богъ, видя, что священникъ оскорбленъ, и слово его растоптано, и самъ священникъ ничего не могъ сдѣлать болѣе. **Дѣло священника только протестовать и обнаружить смѣлость,** но не поднимать оружія, не хвататься за мечъ, не махать копьемъ, не натягивать лукъ, не стрѣлять, **но только смѣло протестовать.** И когда священникъ подвергъ царя порицанію, а царь не подчинился, и поднималъ свое оружіе, прибѣгнувъ къ своей власти, священникъ сказалъ: „Я сдѣлалъ свое дѣло, болѣе я ничего не могу. Защити, Боже, священство поруганное, законы оскверненные и повелѣнія Твои нарушенные".

Что же сдѣлалъ Богъ, любящій человѣчество? Онъ тотчасъ ни-спослалъ проказу на чело Озіи. Онъ не сдѣлалъ за этотъ грѣхъ того, что сдѣлалъ, когда Даѡанъ и Авиронъ пожелали раздѣлить священство съ Аарономъ, за что ихъ поглотила разверзнутая земля. Имѣя возможность наложить достойное наказаніе, Онъ этого не сдѣлалъ. Я говорю это не для упрека царю, но чтобы ты (Лигаридъ), упоенный гордостью и яростью, могъ познать, что священство выше царства. **Озія ушелъ изъ храма, помѣченный, какъ примѣръ для всѣхъ людей. Искавшій священство, онъ потерялъ и то, что было его"** (I, 131, 132). „Если царь, говоритъ Никонъ, не дѣлаетъ того, что онъ обязанъ дѣлать ради повиновенія Божественнымъ законамъ, **то епископъ можетъ подвергать его духовному наказанію и отлученію, не какъ царя, а какъ отступника отъ Божественнаго закона"** (I, 252). Никонъ ссылается на слова Златоуста, когда онъ запретилъ виновнымъ въ нарушеніи его наказа не клясться переступать порогъ храма. „Если кто не повинуется моему закону, говоритъ Златоустъ, тому я запрещаю переступать порогъ Церкви, хотя бы онъ былъ князь, хотя бы онъ былъ даже носитель діадемы; или низвергните меня съ этого авторитетнаго мѣста, или пока я остаюсь на немъ, не ввергайте въ опасность мою душу. Я не осмѣливаюсь подниматься на ступени этого престола иначе, какъ для какого либо духовнаго успѣха. Ибо, если это невозможно, то лучше стоять внизу. **Быть пастыремъ, не принося пользы пасомымъ, есть самое худое дѣло, которое можетъ быть"** (I, 530). Эта цитата, приводимая Никонъ, сопоставленная съ словомъ его 10-го іюля 1658 года, въ объясненіе самимъ Никономъ его ухода съ чтеніемъ имъ за той же литургіей передъ этимъ 29-й гомиліи Златоуста, толкованія на посланіе Апостола Павла къ Римлянамъ, многое объясняетъ въ его уходѣ въ Воскресенскій монастырь (IV, 123-128 и V, appendix 1-4). Никонъ говоритъ, что царь нарушилъ клятву, данную при его поставленіи, не нарушать самостоятельнаго управленія Церкви, въ соотвѣтствіи съ ея канонами, т. е. не исполнилъ клятвы своей быть православнымъ царемъ, и потому къ нему примѣнимо Златоустовское запрещеніе входить въ храмъ, относящееся ко всѣмъ нарушившимъ клятву. Онъ приводитъ и правила Василія Великаго о клятво-преступникахъ, т. е. о тѣхъ, кто поклялся во лжи или нарушилъ клятвенный обѣтъ (64 пр. Василія Великаго устанавливаетъ для нихъ 10 лѣтъ „покаянія") (I, 581). Онъ приводитъ и 82-ое его правило, устанавливающее за нарушеніе клятвы безъ принужденія два года быть

среди плачущихъ, три года слушать Божіе Писаніе, пять лѣтъ быть среди оглашенныхъ (substrati), и два года стоять съ вѣрными въ общеніи молитвенномъ, и только черезъ 12 лѣтъ позволяетъ быть допущеннымъ къ Причастію. Видишь, что нарушители клятвы недостойны даже стоять въ Церкви и молиться съ вѣрными. И это тебя (Лигарида) не беспокоитъ? Ты послушай Христа, сказавшаго: „Слушающій васъ, Меня слушаетъ... и т. д.". Но какъ ты говоришь, что царь выбираетъ Патріарховъ, Митрополитовъ? онъ не имѣетъ власти этого дѣлать; къ тому же не держитъ и клятвы своей. **Вслѣдствіе этого онъ недостойнъ даже входить въ церковь, но долженъ проводить всю жизнь въ покаяніи, и лишь въ часъ смертный можетъ быть допущенъ къ причастію... Златоустъ запретилъ всякому нарушившему клятву... переступить порогъ церкви, хотя бы то былъ самъ царь"** (I, 581). Такъ, за нарушение заповѣди Божіей царь по Никону подлежитъ мѣрамъ духовнаго наказанія.

Не должно повиноваться закону, противорѣчащему канону.

А какъ быть съ его законами и приказами, если они противорѣчатъ канонамъ? Никонъ отвѣчаетъ на это, что этимъ законамъ нельзя повиноваться. И самъ Никонъ, когда его заставляли въ 1663 году 25 іюня вести тяжбу съ Боборыкинымъ объ уведенной будто бы съ Боборыкинской земли его монастырскими крестьянами ржи (передъ окольничьимъ Сукинымъ и думнымъ дворяниномъ Баклановымъ), судиться отказался, но отдалъ всю наличность монастыря, превышающую въ 10 разъ стоимость спорной ржи. Такъ же въ 1653 г. 18-го іюля онъ предоставилъ комиссіи во главѣ съ кн. Одоевскимъ и Лигаридомъ, пріѣхавшей въ Воскресенскій монастырь для слѣдствія по дѣлу, будто онъ проклялъ на молебнѣ 26 іюня 1663 г. царя, — насильно приводить къ допросу подчиненное ему монастырское духовенство, но самъ благословенія имъ на дачу отвѣтовъ не давалъ. Такъ описано это дѣло Гюббенетомъ въ его изслѣдованіи о дѣлѣ Патріарха Никона. Все это происходило потому, что въ глазахъ Никона не могли производить царскіе судьи суда надъ Патріархомъ. Никонъ писалъ въ „Раззореніи": „Мы писали, не хуля царя, а порицая его дѣйствія. Пусть кто хочетъ служить царю и получаетъ отъ него судъ, но намъ Христосъ далъ законъ и Себя Самого поставилъ примѣромъ не повиноваться и не отвѣчать передъ нечестивыми судами и не привлекать къ нему другихъ (Матѳея 26, 59-63; Іоанна 18, 19, 21; Видишь ли ты,

подражатель жидовъ, какъ Христось и нашъ Богъ, неправильно привлеченный къ суду нечестиваго царя первосвященниками и старѣйшинами іудейскими, не отвѣчалъ и далъ примѣръ для всѣхъ вѣрующихъ въ Него? Онъ даже отвергъ, когда они спрашивали Его съ заклинаніемъ. Мѡ. 26, 63; Лук. 22, 67-71. Никонъ никогда не говорилъ вопреки Божественнымъ правиламъ и не говоритъ теперь. Но Никонъ сказалъ спрашивавшимъ его посланнымъ отъ царя: **Божественные законы не позволяютъ царямъ узурпировать власть надъ собственностью движимой или недвижимой, посвященной Богу, ни судить лицъ, посвященныхъ, т. е. клириковъ. Пусть кто хочетъ принимаетъ судъ царя, но, что касается насъ, то хотя бы мы лишились послѣдней одежды, Христось запрещаетъ намъ идти на судъ царя.**

Возмездіе за нарушеніе правъ Церкви отъ Бога.

Но если царь привлечетъ насъ къ своему суду силой, какъ сдѣлали евреи съ Христомъ и Его Св. Апостолами, то это увидитъ **Всевышній Царь царей, Господь Господствующихъ, Который отмщаетъ быстро за всякую обиду совершающимъ несправедливость и насиліе**, какъ и издревле Онъ давалъ возмездіе тѣмъ, которые возставали противъ Божьей собственности и наслѣдія и судили неправеднымъ судомъ", и Никонъ напоминаетъ наказанія отъ Бога Саулу, Озіи, Ироду, Ахаву... „Видишь ли, вопрошатель и подражатель еврейскаго нечестія, что Іисусъ не отвѣчалъ евреямъ, спрашивавшимъ Его, и также Онъ сдѣлалъ, когда Его привели передъ Пилатомъ (Матѡея 27, 11-14; Іоанна 18, 33-35, 36, 37, 38). Видишь ли, какъ язычникъ Пилать былъ склоненъ простить Іисуса, а мы никакой обиды не дѣлали царю и не назывались царями" (1, 296 и 297) Что Никонъ не вторгался въ гражданское управленіе, мы имѣемъ свидѣтельство самого царя, сдѣланное имъ въ 1657 году. Онъ сказалъ одному діакону, просившему у царя снять съ него наложенное Никонѡмъ запрещеніе; царь сказалъ: „боюсь Патріарха Никона, а ну какъ онъ скажетъ мнѣ: я не вмѣшиваюсь въ твои дѣла, царь, зачѣмъ же ты вмѣшиваешься въ церковныя". Никонъ писалъ Константинопольскому Патріарху Діонисію: „Мы великимъ государемъ не назывались и въ государственныя дѣла не вступались, а что о неправдѣ кому говорили и бѣдныхъ отъ бѣдъ избавляли, то мы, Архіереи, на то и поставляемся".

Никонъ и самъ отказывается исполнять государственный законъ, противорѣчащій церковному.

Апостольское правило слушаться Бога, нежели людей, Никонъ считалъ своимъ руководствомъ, потому все то, что онъ почиталъ церковнымъ канонѣмъ, онъ ставилъ выше законовъ свѣтскихъ и, согласно догмѣ Византійскаго права о преимуществѣ каноновъ надъ законами, правовой догмѣ, перешедшей и въ Россію, онъ отвергалъ свѣтское законодательство, которое нарушало канонъ. Съ нашей современной юридической точки зрѣнія можетъ казаться покушеніемъ на свѣтскую юрисдикцію отказъ Патріарха повиноваться въ гражданскихъ дѣлахъ царскому суду, но въ XVII вѣкѣ не было еще подсудности по предметамъ дѣлъ, а только по лицамъ, и потому духовенство, по Божественному праву подчиненное въ духовныхъ дѣлахъ церковному суду, и въ свѣтскихъ почиталось съ точки зрѣнія Никона подлежащимъ его же суду.

Такимъ образомъ, этотъ отказъ Никона былъ не слѣдствіемъ желанія оторвать отъ государства юрисдикцію по гражданскимъ дѣламъ, а естественнымъ результатомъ современнаго ему пониманія объема церковныхъ дѣлъ, охватывавшаго всѣ дѣла духовенства, въ томъ числѣ и гражданскія и уголовныя, послѣднее только за исключеніемъ убійства и разбоя. Въ вопросѣ объ имущественныхъ правахъ видно, что Никонъ различалъ благодатныя права Церкви, полученныя свыше, и права земныя, полученныя отъ царей Церковью, какъ видимымъ обществомъ-учрежденіемъ. Имущественныя права Церкви онъ признавалъ полученными въ порядкѣ земныхъ отношеній, хотя и по заповѣди свыше. „Ты говоришь, что царь далъ Никону привилегіи, какъ Константинъ Великій Папѣ. Какія? Скажи мнѣ. Десятины"? Но онѣ установлены еще въ Ветхомъ Завѣтѣ. Что иное онѣ, какъ не древнее установленіе закона или традиція благочестивыхъ царей? Но что царь далъ намъ? Отнялъ у Церкви собственность, и изгналъ насъ самихъ, лишивъ привилегій и всего" (I, 207). „Ты говоришь, что даръ можно отобрать отъ неблагодарнаго. Отъ кого же царь приказываетъ отбирать дары, данныя Богу въ благодарность за Его великія милости? Если они мнѣ даны за мои труды и старанія, то почему же царь долженъ отбирать ихъ въ несправедномъ гнѣвѣ? И какъ онъ будетъ отбирать то, что дано и посвящено Богу?" (I, 270).

Принципъ подсудности церковнаго духовенства въ гражданскихъ дѣлахъ Церкви соблюдался въ Россіи со временъ Святого Кня-

зя Владиміра вплоть до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, впервые его нарушившаго. Нарушеніе это произошло съ согласія Патріарха Іосифа и руководимаго имъ духовенства и было однимъ изъ признакомъ чрезвычайной слабости этого Патріарха. Нарушеніе церковныхъ канонѡвъ, сдѣланное Уложеніемъ, вызывало требованіе возстановленія прежняго законодательства; вотъ почему, между прочимъ, Никонъ, такъ отстаивавшій каноническій строй, и не могъ вступить на Патріаршій престолъ, не получивъ обѣщанія въ возстановленіи этого строя. Что это дѣлалось не ради какого то властолюбія, то это видно уже изъ того, что Уложеніе сравнительно мало затрагивало юрисдикцію самого Патріарха, который обычно получалъ отъ царя несудимую грамоту, ставившую всю его патріаршую область въ привилегированное положеніе. Ее получилъ Никонъ еще для Новгородской епархіи, когда былъ туда поставленъ Митрополитомъ. И, конечно, онъ ни одной минуты не могъ сомнѣваться, что царь дастъ ее ему и для Патріаршей области, тѣмъ болѣе, что эта несудимая грамота для Патріаршей области требовала только обычнаго подтвержденія ея.

Духовное оружіе царя въ борьбѣ со зломъ — христіанскія добродѣтели: смиреніе прежде всего.

Никонъ неоднократно, какъ мы видѣли, писалъ, что онъ не хулилъ царя, а лишь порицалъ его дѣйствія, и дѣлать такъ онъ считалъ себя обязаннымъ по своему положенію. Но, что онъ власть царя ставилъ на высочайшую степень, видно не только изъ его признанія, что **власть царя — власть верховная въ гражданскихъ дѣлахъ; но и изъ того, что онъ отводилъ ей значеніе власти, удерживающей отъ зла, господствующаго въ мірѣ, а чтобы бороться съ этимъ зломъ, то есть сатаной, недостаточно матеріальнаго оружія, надо бороться и съ крестомъ въ груди, т. е. имѣть добродѣтели, которыя по христіанскому ученію составляютъ главное средство въ борьбѣ надъ преобладаніемъ зла.** Среди этихъ добродѣтелей есть главная; это — христіанское смиреніе; она — одно изъ необходимыхъ свойствъ царя и вообще необходимое средство побѣды надъ врагомъ. На это многократно указываетъ Никонъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги, и мы ихъ должны привести. Объ этомъ смиреніи-послушаніи церковнымъ правиламъ Никонъ напоминаетъ указаніемъ на поученіе царю, читанное по чину при его коронованіи царю вѣнчавшимъ его Іерархомъ. Тамъ говорится: „Государь и возлюбленный сынъ во Святомъ Духѣ Святой Церкви и нашего смиренія, царь и

великій князь Алексѣй Михайловичъ, самодержецъ всея Руси, смотри, ты отнынѣ поставленъ царемъ по благодати, данной тебѣ отъ Святаго и Животворящаго Духа наложеніемъ рукъ нашего смиренія вмѣстѣ съ Соборомъ духовенства въ Святой и Великой Церкви Успенія Божіей Матери. И ты, государь и сынъ, Божественно вѣнчанный и православный царь Алексѣй Михайловичъ, **самодержецъ всея Руси, имѣй страхъ Божій въ сердцѣ своемъ и держи христіанскую вѣру греческаго закона чисто и непоколебимо и предохрани свое царство, которое ты принялъ отъ Бога чистымъ и непорочнымъ.** Люби справедливость и милость и суди праведнымъ судомъ. Будь милосердъ къ послушнымъ подданнымъ. Покажи вѣру и страхъ Божій въ Святой Соборной Церкви (Успенія) и всѣмъ Церквамъ. Воздай ей честь, ибо въ ней ты возродился въ святомъ крещеніи духовнымъ возрожденіемъ. **И къ нашему смиренію и ко всѣмъ святымъ богомольцамъ во Святомъ Духѣ покажи твое царское духовное повиновеніе, согласно словамъ Св. Евангелія: слушающій васъ Меня слушаетъ, и отвергающій васъ отвергаетъ Меня.** И знай: какую кто честь воздаетъ Епископу, эта честь переходитъ на Самого Спасителя, отъ Котораго они получаютъ награду во сто кратъ" (I, 581, 582).

Евангельскія слова о послушаніи апостольскомъ разбросаны по всему сочиненію Никона и являются основой, на которой онъ строить не только загробное, но и земное благополучіе. Не говоря о томъ, что это послушаніе не выходитъ за предѣлы церковной сферы, оно исключаетъ всякій архипастырскій произволъ. Въ томъ самомъ обѣтѣ, котораго требовалъ Никонъ отъ царя и бояръ передъ вступленіемъ на Патріаршество, прямо говорится, что **обѣщаютъ слушать все то, что Никонъ будетъ говорить согласно церковнымъ правиламъ.** Что Никонъ вообще не считалъ Патріарха верховнымъ судьей церковныхъ правилъ, видно изъ того уваженія, которое онъ питалъ къ соборному принципу. Въ вопросѣ объ исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ, когда онъ убѣдился въ необходимости ихъ исправленія, онъ созвалъ Соборъ 1654 года, который рѣшилъ предварительно вопросъ о необходимости ихъ исправленія, а послѣ этого Никонъ писалъ Константинопольскому Патріарху Паисію, испрашивая его мнѣніе объ исправленіи, и послѣ полученія одобренія, предоставилъ на просмотръ и одобреніе Собора всѣ исправленныя книги. Это обращеніе къ Соборамъ и къ Восточнымъ Патріархамъ показывало, что Никонъ не считалъ себя единовластнымъ и въ

Патріаршемъ санѣ; письмо 1665 г. къ Константинопольскому Патріарху Діонісію показываєть, что онѣ считалъ и всѣхъ Патріарховъ, вмѣстѣ взятыхъ, связанными канонами въ своемъ высшемъ судѣ.

Праведность царя — основа прочности царской власти.

Слова Никона о послушаніи указываютъ на тотъ фактъ, что правила церковныя требуютъ добровольнаго повиновенія, не имѣя матеріальнаго принужденія, но что они обязательны для каждаго христіанина; безъ исполненія ихъ христіанинъ есть христіанинъ только на словахъ; безъ исполненія ихъ, по Никону, онѣ не можетъ надѣяться получить отъ Бога и земное благополучіе. Поэтому онѣ постоянно ссылаєся на ветхозавѣтные примѣры благополучія благочестивыхъ царей и несчастій царей нечестивыхъ, постигающихъ ихъ самихъ, и царства ихъ. Первое дѣло царя — заслужить милость Божію, потому праведность — основа его жизни, а праведность неразлучна со смиреніемъ предъ Церковью. И Никонъ цитируетъ Златоуста: „Дѣлающій волю Божію имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ 10.000 нарушителей. Поэтому, все въ безпорядкѣ, все перевернуто вверхъ дномъ; ибо какъ въ театрѣ мы желаемъ имѣть просто множество людей, а не множество надлежаще воспитанное. Какая польза отъ множества? Развѣ не знаєшь, что дѣйствительный народъ — святые, а не многіе? Выведи на битву милліонъ людей и одного святого, и посмотри, кто сдѣлаєтъ больше. Иисусъ Навинъ пошелъ на войну, и одинъ добился успѣха; остальные были ненужны: даже такое множество людей, когда оно не дѣлаєтъ воли Божіей, есть и все и ничто" (I, 530). Также, разбирая царскія инсигніи, Никонъ приводитъ древнюю форму поставленія царя, связывая съ каждой изъ инсигній особое нравственное значеніе, символизирующее соотвѣтственныя требованія къ царю. „Есть пять инсигній собственно принадлежащихъ царю, которыя Патріархъ при посвященіи ему вручаєтъ: первая — корона, которую онѣ возлагаетъ на его голову; форма ея подобна коронѣ съ нѣкіемъ пучкомъ надъ головой, имѣющимъ 4 лиліи въ знакъ того, что царь долженъ быть благороднымъ, хорошаго образа жизни и богобоязненнымъ, также, что онѣ долженъ вести по доброму пути свой народъ, состоящій изъ четырехъ элементовъ; также онѣ долженъ быть послушенъ, милосердъ, милостивъ къ добру и не гнѣвенъ, какъ лилія среди цвѣтовъ. На коронѣ есть крестъ въ знакъ того, что онѣ долженъ

помнить, что онъ коронованъ для царствованія надъ людьми, которыхъ искупилъ Сынъ Божій на крестѣ. Вторая изъ инсигній — знамя съ орломъ, которое имѣетъ крестъ на его груди въ знакъ того, что онъ долженъ **нести крестъ передъ всѣми христіанами** для защиты всѣхъ и готовъ умереть за Православную Церковь, для которой онъ — щитъ. Поэтому, Патріархъ, помазывая его миромъ на плечахъ, читаетъ молитву Богу: „Господи Іисусе Христе, Сынъ Бога Живаго, освяти его — Твоего слугу, чтобы онъ былъ непобѣдимо огражденъ щитомъ противъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, какъ Ты Самъ черезъ Твою драгоцѣнную кровь освятилъ насъ и избавилъ насъ отъ власти врага. **Третья инсигнія** — знамя желтое съ пурпуровымъ или багрянымъ краемъ. **Пурпуръ означаетъ искреннюю любовь, которую царь долженъ имѣть къ Богу и къ добрымъ людямъ.** Желтый цвѣтъ означаетъ тѣ **благодѣянія, которыя царь долженъ показывать людямъ;** онъ говоритъ о смерти, которою онъ долженъ наказывать дурныхъ людей по закону, ибо желтый цвѣтъ означаетъ смерть, какъ говорятъ медики. Четвертая инсигнія — золотое яблоко или шаръ, который открывается и закрывается; онъ наполняется **землей, которая означаетъ смерть царя, несмотря на его величіе и достоинство.** Пятая — золотой скипетръ, т. е. **золотая милость, которая имѣетъ на концѣ двойную лилію, т. е. два цвѣтка...., этотъ знакъ благоволенія означаетъ царскую любовь.** По обычаю Епископъ долженъ давать его царю въ томъ же смыслѣ, въ какомъ самъ Епископъ получаетъ пастырскій посохъ отъ царя, т. е. **ради союзной дружбы, означая этимъ постоянное должное подчиненіе царя Епископу, передающему ему, какъ отецъ сыну, знакъ повиновенія**" (I, 256, 257).

Смысль ухода Никона въ Воскресенскій монастырь въ 1658 г.

Смысль того подчиненія, которое испрашивалъ Никонъ для Церкви отъ царя при вступленіи на Патріаршество, заключается въ томъ, чтобы царь черезъ подчиненіе церковнымъ канонамъ былъ царемъ православнымъ. И уходъ Никона въ Воскресенскій монастырь былъ протестомъ противъ того, что царь пересталъ быть православнымъ, нарушивъ свой обѣтъ и допустивъ бояръ до захвата церковнаго управленія. **Это была крайняя мѣра пастырскаго воздѣйствія. И въ этомъ актѣ, какъ въ фокусѣ, выражается все міросозерцаніе Никона.** Если бы онъ не ушелъ, то онъ явился бы потаковникомъ, соучастникомъ въ томъ положеніи, съ которымъ онъ не могъ бороться.

ся въ виду утраты царской поддержки при окружающей его враждѣ; оставаясь, Никонъ всталъ бы въ противорѣчіе съ собственнымъ понятіемъ о самостоятельности церковной власти и далъ бы санкцію ея захвату. Именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Никонъ говоритъ о своемъ уходѣ, и вскрываются его понятія о царѣ православномъ и объ обязанности Патріарха блюсти съ одной стороны неприкосновенность правъ Церкви, а съ другой заботиться, чтобы царь въ выполненіи своихъ царскихъ функцій выполнялъ неразрывно связанныя съ ними обязанности охранять Церковь. Такъ, Никонъ пишетъ въ письмѣ къ Константинопольскому Патріарху Діонисію: „Сначала благочестивый царь былъ чрезвычайно благъ и милостивъ и во всѣхъ Божественныхъ законахъ повиновался во всемъ, что мы ему говорили, настолько, насколько это и подобаетъ въ отношеніи къ намъ, и по милости Божіей и съ нашего благословенія успѣшно воевалъ съ Литвой. Затѣмъ онъ началъ постепенно возноситься и пренебрегать тѣмъ, что мы говорили отъ заповѣдей Божіихъ, и захватывать дѣла, подлежащія Епископамъ, изданіемъ указовъ и осуществленіемъ юрисдикціи, связанной съ Божественной благодатью; самъ ли собой онъ рѣшилъ такъ дѣйствовать или былъ склоненъ къ тому дурными людьми, подобно Равоаму, царю Израильскому, отвергшему совѣтъ старѣйшинъ" (III, 384). Никонъ говоритъ въ „Раззореніи": „Я не просто свидѣтельствовалъ о моемъ уходѣ въ Св. Церкви передъ Богомъ и Св. Ангелами, какъ я свидѣтельствовалъ и при принятіи мною избранія на Патріаршество, происшедшаго не по моимъ льстивымъ домогательствамъ, а по мольбѣ царя и всего Священнаго Собора. Но какъ говорится въ псалмахъ: **И свидѣтельствовалъ я передъ царями и не постыдихся, такъ и мы говорили, не стыдясь въ Святой Божіей Церкви, свидѣтельствуя передъ Богомъ, что, если бы великій государь царь не обѣщаль передъ Богомъ и Св. Матерью Божіей соблюдать ненарушимо заповѣди Св. Евангелія и Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ, то я не помыслилъ бы вступить на такую должность.** Богу извѣстно, какъ клялся великій государь... И пока онъ, великій государь, по возможности (Уложеніе въ статьяхъ, касающихся Церкви, не было отмѣнено, а только отсрочено) держалъ свое обѣщаніе повиноваться Церкви, — мы терпѣли. Но когда царь пересталъ соблюдать свое обѣщаніе и неправильно вознегодовалъ противъ насъ, то, помня и наше собственное обѣщаніе соблюдать заповѣди Божіи, сдѣланное собственноручно при нашемъ поставленіи,... мы, принимая во вниманіе безпричинный гнѣвъ царя

и Божію заповѣдь (Мѡ. 10, 23), ушли. Выйдя изъ города, мы выполнили заповѣдь объ отряханіи праха съ ногъ своихъ, жили, оставаясь въ пустынь" (I, 21). Никонъ говоритъ о тяжести грѣха клятвопреступленія, совершеннаго царемъ и подлежащаго наказанію церковному, и **снова говоритъ объ обѣщаніи царя, нѣсколько въ иныхъ выраженіяхъ иллюстрируя свою мысль.** „Государь и бояре всѣ обѣщали слушать внимательно заповѣди Христа и каноны и ничего не замышлять иначе, какой либо уловкой, что либо по преданіямъ человѣческимъ (цезарепапизмъ) и по стихіямъ міра сего. И сначала царь былъ благочестивъ и мягокъ и послушенъ, и Никонъ былъ Патріархъ; но, когда царь перемѣнился къ худшему въ своихъ отношеніяхъ къ Св. Церкви и началъ пренебрегать св. Божіими заповѣдями и канонами Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ и началъ не только не слушать Патріарха, но даже говорить ему рѣзкія неподобающія слова (намекъ на „блядинъ мужикъ" въ спорѣ о томъ, какъ надо совершать обрядъ водоосвященія по случаю праздника Крещенія Господня, какъ свидѣтельствуешь Павелъ Алеппскій, Пальмеръ II, Предисловіе, 57 стр.); тогда Никонъ засвидѣтельствовалъ въ той же Церкви передъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и послалъ царю собственноручное письмо съ объясненіемъ, почему онъ, Никонъ, хочетъ уйти, т. е., чтобы дать мѣсто гнѣву царя. И читалъ ли онъ-царь письмо, не знаю, но отослалъ его Никону обратно. Никонъ, спустя нѣсколько дней, ушелъ съ подворья Воскресенскаго монастыря въ этотъ монастырь. И съ того времени до сего дня государь упорствуетъ въ своемъ гнѣвѣ противъ Патріарха Никона, за что, я не знаю, и вѣритъ всякимъ ложнымъ обвиненіямъ и сослалъ изъ-за него множество людей, священниковъ, діаконовъ и свѣтскихъ, вопреки Божественнымъ заповѣдямъ, и взялъ на себя функціи епископскаго сана и церковной власти вопреки Божественнымъ канонамъ и въ нарушеніе своей клятвы, данной имъ трижды, **что онъ не будетъ иначе мыслить, чѣмъ подобаетъ православному царю**" (I, 583, 584). „И Никонъ утверждаетъ, что онъ всегда говоритъ на основаніи Писанія и каноновъ и говоритъ Лигариду, что „говорящій, подобно ему — Лигариду, отъ себя говоритъ ложь, и Господь разсѣетъ кости челоукоугодниковъ" (I, 549). Какія же средства существуютъ для того, чтобы царь оставался православнымъ, и не только лично былъ бы праведенъ, но и не совершалъ бы неправедныхъ актовъ, какъ царь?

Патріархъ — нравственная сдержка для царя.

На него нѣтъ суда человѣческаго, но есть величайшая нравственная сдержка въ лицѣ Патріарха, нераздѣльно ему сопутствующая вездѣ; онъ — высшій предстоятель Церкви, напоминающій ему, когда нужно, о высшихъ цѣляхъ человѣческаго существованія и о высшей правдѣ, которой выразителемъ призванъ быть царь. Въ этомъ отношеніи ученію Никона противостояло другое воззрѣніе, нашедшее себѣ выраженіе въ Уложеніи въ гл. X, 83, 84, стѣснившее духовенство въ проповѣди. Никонъ по этому поводу писалъ: Ты, князь Никита, написалъ это по совѣту учителя твоего Антихриста. Развѣ это не діавольская затѣя, чтобы никто не осмѣливался изъ страха передъ тяжкими наказаніями проповѣдывать кому нибудь о Словѣ Божіемъ? Ибо упрекъ нечестивому человѣку есть зерно въ его ногахъ; хотя оно не велико, а больно. Такъ и непринимаящимъ Слово Божіе оскорбительно, если кто говоритъ о праведности; они видятъ въ этомъ упрекъ себѣ. Для этого дѣла Господь установилъ порядокъ, сначала образумить наединѣ, потомъ при свидѣтеляхъ, а потомъ повѣдать Церкви, т. е. главному пастырю Церкви, и онъ будетъ увѣщевать подчиниться заповѣди Божіей. Если онъ не послушаетъ этого увѣщанія, тогда не заслуживаетъ порицанія тотъ, кто назоветъ его Богоотступникомъ и предтечей Антихриста, и врагомъ Божіимъ, и хуже, чѣмъ язычникомъ и мытаремъ; того царя ожидаютъ большія мученія, чѣмъ людей Содомы и Гоморры; они больше чѣмъ грѣшники, на которыхъ упала Силоамская башня. Такъ сказалъ Павелъ волхву Элимѣ (Д. 13, 9, 10). Отъ дома такихъ по заповѣди Божіей мы уходимъ и отряхаемъ прахъ по свидѣтельству противъ нихъ, какъ рассказываетъ Дѣяніе о Павлѣ (13, 50, 51 и 18, 6): кровь ваша на головахъ вашихъ. И если кто теперь, сдѣлавшись глухимъ къ слушанію, отказывается слушать Слово Божіе, то его рассматриваютъ, какъ оскорбителя за такое безчестіе (порицаніе), сдѣланное такому непослушному и незаконному человѣку; они по этому незаконному кодексу назначаютъ штрафъ въ серебрѣ или въ золотѣ или угрожаютъ строгостями; но пусть такой (справедливо обличающій) радуется и веселится, ибо велика его награда на небесахъ. Такъ говоритъ Спаситель, **они преслѣдовали пророковъ, бывшихъ до васъ.** Но ни одинъ волосъ не погибнетъ на головѣ вашей. Въ вашемъ терпѣніи стяжете души ваши" (І, 487-489). Никонъ придавалъ огромное значеніе воспитательной задачѣ духовенства вообще и негодовалъ на ея стѣсненіе.

Никонъ, по показанію прїѣзжавшаго къ нему въ Воскресенскій монастырь въ апрѣлѣ 1659 года думнаго дворянина Прокофія Елеазарова, говорилъ: „Въ прежнія времена даже отшельники писали благочестивымъ греческимъ царямъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ, а я членъ Каѳолической и Апостольской Церкви, не отсѣченъ отъ нея ни за какое преступленіе; по своей лишь волѣ я оставилъ свое стадо, но я не оставлялъ думать объ истинѣ. И въ будущемъ, если я что услышу о какомъ либо духовномъ дѣлѣ, требующемъ исправленія, я не обѣщаю молчать" (IV, 169). Стояніе за правду и за истину Никонъ почиталъ обязанностью всякаго духовнаго лица: на Патріархѣ же эта обязанность, какъ на Первопредстоятелѣ Церкви, лежала лишь въ особо повышенной степени, но не считалась имъ исключительной его прерогативой. Царь и Патріархъ — благочестивая Двоица, воплощающая въ высшихъ степеняхъ два дара, которыми Богъ надѣлилъ человѣчество: царство и священство: Лигаридъ и ополчился на то проявленіе Патріаршей власти въ отношеніи къ царю, въ которомъ можетъ сказываться нравственное воздѣйствіе на царя со стороны Патріарха, **это право Патріарха на обличеніе царя.**

Лигаридъ и Никонъ о правѣ обличеніи царя.

Мы видѣли, какъ со ссылкой на псаломъ Никонъ писалъ: „Я говорилъ царю истину не стыдяся." Напротивъ, Лигаридъ всякое дѣйствіе, изъ котораго можно вывести порицаніе дѣйствию царя, готовъ признать за опозореніе царя. Въ 27 вопросѣ Стрешневъ спрашиваетъ: „Нѣкто осмѣливается называть вельможнѣйшаго царя нашего несправедливымъ, обидчикомъ и проч., что тому слѣдуетъ учинить по св. правиламъ?" Лигаридъ даетъ отвѣтъ: „84 апостольское правило говоритъ: если кто изъ духовнаго чина опозоритъ царя, то будетъ низложенъ, а если мірянинъ, — да будетъ проклятъ" (Гиббенетъ т. I). Паисій приводилъ разсужденіе Матѳея Властаря (XIV в.), въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Если кто найдетъ позорное письмо, писанное о царѣ, и не сожжетъ его, а станетъ его другимъ читать, тотъ по правиламъ достоинъ смертной казни, равно какъ и тотъ, кто писалъ позорное письмо на царя." Никонъ возражаетъ: „Какъ выше солгалъ, такъ и здѣсь лжешь. Тотъ по правдѣ, яко же ты, казни достоинъ, претворяя пишешь апостольскія правила и казни смертныя вносишь, въ нихъ же таковыя злобы не именовалися. Послушай толкованіе на вышеозначенное 84 апостольское правило и на Матѳея невѣдомаго: Моисеевъ законъ говоритъ: **князю людей твоихъ да не**

речеши зла, также верховный Апостоль Петръ повелѣваетъ царя почитать, и великій Апостоль Павелъ поучаетъ молиться за царя и за вся, яже во власти суть (1 Тим. 2, 2). Досаждать царю или князю возбраняется всѣмъ; обличать же по достоянію не возбраняется. Безъ правды досаждать правило недопускаетъ, кто же по правдѣ обличаетъ царя или князя, не подлежитъ наказанію. Въ царскихъ законахъ сказано (Василики 3 титулъ XVI книга глава 13): „Если кто скажетъ зло на царя, — подлежитъ наказанію; если же сказавшій окажется скудоумецъ или сказалъ отъ неистовствованія, таковой де помилованъ будетъ (Выдержки изъ подлинника, приведеннаго Гиббенетомъ). Никонъ отрицаетъ наличность какой либо обиды отъ него царю и пишетъ: „Какую обиду понесъ отъ насъ царь? Покажи, если можешь, только не лги, а мы покажемъ. Государь говоритъ, что я не уважалъ его трона. Но какъ мы тогда свидѣтельствовали передъ Богомъ касательно его дѣйствій и его несправедливаго и неосновательнаго гнѣва противъ насъ въ Св. Церкви (10 іюля 1658), такъ онъ никогда не переставалъ преслѣдовать насъ. Ему кажется легкое дѣло разрѣшать всякому до крайности злоупотребить злобой и коварствомъ противъ насъ, и отъ этихъ никчемныхъ людей мы подвергались бы опасности для жизни, если бы Богъ не помогъ намъ въ скорбяхъ за Его Святое Имя, согласно Писанію (Лук. 6, 22, 23) (I, 115).

А о молитвѣ Никона за царя, среди многихъ свидѣтельствъ есть, между прочимъ, одно отъ 1666 года, когда уже Никонъ принялъ много гоненій, но еще не былъ лишенъ сана. Это его письмо къ царю: „Богомолецъ твой государевъ, смиренный Никонъ Патріархъ, о вашемъ государевѣ душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи Господа Бога молю со всей братіей, и да приложитъ Господь Богъ святому вашему царствію дни на дни и лѣта ваши для рода и рода" (Изъ Гиббенета). **Затѣмъ, Никонъ прибавляетъ: „Св. Отцы возбраняютъ всѣмъ обличать, а не Архіереямъ. Какъ же ты толкуешь осуждать смертію всѣхъ обличающихъ царя въ неправдѣ. Многъ ужъ ликъ собранъ у Господа зло пострадавшихъ за обличенія неподобныхъ дѣлъ царскихъ" (Гиббенетъ).** Вотъ, эти слова Никона въ точномъ переводѣ съ англійскаго (I, 607): „Приведя вышеназванное толкованіе, Никонъ пишетъ: „Видишь ли составитель лжи, какъ толкуется канонъ (Глосса на 84 ап. пр.): „поносить царя запрещено во все, но Епископу въ нужныхъ случаяхъ обличать царя не запрещено, хотя бы обличеніе, если оно очень рѣзко, могло бы быть принято обличаемымъ, какъ обида. Обличать безъ справедливости не позволено

канонѣмъ, какъ видно, безъ всякаго различія дѣлъ, но кто по справедливости обличаетъ царя, не заслуживаетъ наказанія." **Но какъ ты толкуешь канонъ? Будто всякій, упрекающій царя за его несправедливость, заслуживаетъ наказанія.** Многъ уже ликъ собрался у Господа зло пострадавшихъ за обличеніе неподобныхъ дѣлъ царскихъ. И они возопіють: доколѣ, Владыка Святый и Истинный, не осудишь и не воздашь живущимъ на землѣ за кровь нашу (Апок. 6, 10)? Смотри, они вопіють не противъ мертвыхъ, но противъ живущихъ на землѣ. Но каковъ же Божественный отвѣтъ имъ? Сказано имъ, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники ихъ и братья ихъ, которые будутъ, какъ и они убиты, пополняютъ ихъ число" (Ап. 6, 11). И въ другомъ мѣстѣ написано (Ап. 16, 4-9): „Третій Ангель вылилъ чашу свою въ рѣки и источники водъ; и сдѣлалась кровь, и, услышалъ я Ангела водъ, который говоритъ: праведенъ Ты, Господи, Который еси и былъ и Святъ, потому что тако осудилъ. За то, что они пролили кровь Святыхъ и Пророковъ, Ты далъ имъ пить кровь: они достойны того. И услышалъ я другого отъ жертвенника говорящего: Ей, Господи Боже Вседержитель, истинны и праведны суды Твои. Четвертый ангель вылилъ чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнемъ. И жегъ людей сильный зной; и они хулили имя Бога, имѣющаго власть надъ сими язвами; и не вразумились, чтобы воздать Ему хвалу." И всѣ эти вещи исполнились, ибо отъ солнца, вслѣдствіе зараженнаго состоянія воздуховъ, люди умирали отъ свирѣпой жары; которая принесла чуму, и никто ихъ не могъ вылѣчить человѣческими средствами медицины, и они умирали, и оставшіеся не воздавали хвалы Богу, но хулили имя Господне, и таковымъ прибавятся новые бичи. Но души умершихъ за свидѣтельствованіе **Христа и Слово Божіе будутъ царствовать со Христомъ.** Надъ ними вторая смерть не имѣетъ власти, но они будутъ священнослужителями Богу и Христу, которыхъ Ты, Боже, удостоиваешь насъ быть подражателями. Но что касается нечестія царя, то не грѣхъ всякому упрекать его. Написано: „И я говорилъ о твоихъ свидѣтельствахъ даже передъ царями и не постыдился. И Богъ говоритъ (Лук. 21, 12-15): „Прежде же всего того (знаменій Антихриста) возложить на васъ руки, и будутъ гнать, предавая васъ въ синагоги и темницы, и поведутъ передъ царей и правителей за имя Мое. Будетъ же это вамъ для свидѣтельства. Итакъ, положите себѣ на сердцѣ не обдумывать заранѣе, что отвѣчать. Ибо Я дамъ вамъ уста и премудрость, которой не возмогутъ противостоять, ни противорѣчить всѣмъ,

противящіеся вамъ." И въ другомъ мѣстѣ: „Всякій, исповѣдающій меня предъ людьми, будетъ признанъ и Сыномъ Человѣческимъ." **Какая же это обида царю, если кто проповѣдуетъ ему справедливость; но царь изъ гордости не слушаетъ и налагаетъ мученія на свидѣтелей свидѣтельствующихъ правду. Этимъ царь унижаетъ не обличителя, а отвергаетъ Самого Бога.** Ибо сказано: „Слушающій васъ Меня слушаетъ, а отвергающій васъ отвергаетъ Меня. Онъ безчеститъ не только свидѣтельствующаго Слово, но и Того, Кто далъ заповѣди (I, 608). И Никонъ говоритъ о полномъ безстрашіи того, кто защищаетъ дѣло Божіе, приводя письмо Златоуста къ Епископу Кирьяку: „Не печалься, братъ Кирьякъ, когда я, будучи преслѣдуемъ, убѣжалъ изъ Константинополя, я не заботился во все объ этомъ, но сказалъ себѣ: если императрица желаетъ меня прогнать, пусть, ибо земля и всѣ концы ея — Божіи. Если она желаетъ меня распилить на части, пусть пилить. Мы имѣемъ Исаію примѣромъ. Если она хочетъ бросить меня въ пучину, я вспомню Іону; если она бросить въ яму, я вспомню Даниїла, брошеннаго въ пасть льва. Если она хочетъ побить меня камнями, я вспомню Стефана, первомученика, который такъ пострадалъ. Если она желаетъ взять мою собственность, пусть беретъ: голый я явился изъ чрева матери, голый и уйду. Я утѣшенъ Апостоломъ, говорящимъ: Богъ не знаетъ лицепріятія; **поэтому, если бы я угождалъ людямъ, я не былъ бы слугой Христа.** И Давидъ вооружаетъ меня, говоря: я говорю о твоихъ свидѣтельствахъ передъ царями и не постыдился. Многіе возстали на меня, но все отъ зависти." Видишь ли, вопрошатель, крѣпость нашихъ Святыхъ и приснопамятныхъ Отцовъ; какъ они не только не подчинились юрисдикціи царей, **но скорѣй исправляли и отвергали нечестивые суды царей, хотя бы имъ угрожали за то мукой и смертью?** Но этимъ не могли утѣшить ихъ. Они готовы были ради правды скорѣе умереть, чѣмъ принять нечестивый судъ. И если заповѣди Божіи и каноны Св. Апостоловъ недостаточны для прекращенія вашего незаконнаго суда (Монастырскій приказъ), то мы прибавимъ къ этому свидѣтельства отъ царей" (I, 321, 322).

Здѣсь Никонъ ссылается на историческую Византійскую традицію и давность столѣтій на самой Руси до Уложенія, отвергающую судъ свѣтскихъ людей надъ духовенствомъ. Если въ цитированныхъ выдержкахъ Никонъ признаетъ обязанностью всѣхъ не исполнять приказовъ, противорѣчащихъ священнымъ правиламъ Церкви, то обязанность обличать лежитъ на Епископѣ и особенно на на-

чальномъ отцѣ Патріархѣ. Никонъ обращаетъ вниманіе, что 84 Апостольское правило, налагающее наказаніе за несправедливый упрекъ царю, говоритъ о клирикѣ и о мірянинѣ, а объ Епископѣ вообще ничего не говоритъ. „Иная слава солнцу, иная лунѣ, иная звѣздамъ, говоритъ Апостоль, и снова онъ говоритъ: Богъ поставилъ въ Церкви сначала Апостоловъ, потомъ Пророковъ и учителей. И снова: въ тѣлѣ много членовъ и члены не имѣютъ одной и той же функціи" (I, 605); канонъ прибавляетъ: „если обличеніе дѣлается несправедливо," какъ и въ Евангеліи говорится: всякій гнѣвающийся на брата безъ причины, находится въ опасности суда, и въ канонѣ говорится о двухъ лицахъ: о свѣтскомъ и о клирикѣ. Такъ, съ точки зрѣнія Никона 84 Апостольское Правило, ставя ограниченіе клирикамъ и мірянамъ, въ правѣ дѣлать упрекъ за несправедливость, **отвергаетъ, чтобы этотъ канонъ ставилъ ограниченіе Епископамъ, по отношенію къ которымъ Господь въ лицѣ Апостоловъ далъ заповѣдь: Слушающій васъ Меня слушаетъ.** Эта заповѣдь Никонъ распространялась лишь на вопросы, подвѣдомственные Церкви, и нигдѣ рѣшительно нельзя найти ни одного намека на то, чтобы онъ простиралъ ее на вопросы, Церкви чуждые. Но, правда, самый объемъ вопросовъ, подлежащихъ Церкви, онъ понималъ въ смыслѣ своего вѣка: юрисдикцію по гражданскимъ дѣламъ духовенства онъ вносилъ въ сферу Церкви, но тогда и всѣ считали ее сферой Церкви, ибо распредѣленіе подсудности дѣлъ по существу самихъ дѣлъ, а не по лицамъ, есть достиженіе слѣдующаго вѣка.

Объ обязанности царя къ Церкви и Ея предстоятелямъ.

„Ты, лицемѣръ, говоришь, вопреки Божественнымъ заповѣдямъ, что чтить или не чтить предоставляется выбору царя? Гдѣ это написано? Это — своевольное нововведеніе, а не отъ заповѣди Божіей. Богъ Самъ почтилъ Епископовъ наравнѣ съ Собой, говоря: слушающій васъ Меня слушаетъ и отвергающій васъ отвергаетъ Меня. Ты говоришь, что получающимъ честь отъ царя необходимо принимать ее со страхомъ и осторожностью и заботиться ея не потерять. Это правило для свѣтскихъ людей, а не для насъ. По отношенію же къ намъ даже носящій діадему находится въ обязанности приносить дары и оказывать во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ послушаніе, какъ сказалъ Господь: „Слушающій васъ Меня слушаетъ... „Но ты, безумный человѣкъ, хулишь благодать Божію, данную намъ Духомъ Святымъ, и хотѣлъ бы насъ низвести до послушанія царямъ, даже Навуходоно-

сору и его золотому изображенію" (1, 238). „Что касается лично его, Никона, то Никонъ потому только и пошелъ на Патріаршество что **получилъ обѣщаніе отъ царя и боярь слушаться его во всемъ и ничего не замыслять иначе какимъ либо пустымъ мудрованіемъ** по преданіямъ, человѣческимъ и стихіямъ міра сего" (цезарепапизмъ) (I, 583). Никонъ не допускалъ и мысли о томъ, чтобы, въ благодарность за дары Церкви отъ царя, поступаться ея правами, которыя она имѣетъ въ силу Божественнаго права. Никонъ призывалъ царя къ праведному царствованію, т. е. не только къ личной праведности, но и къ царствованію по правдѣ и къ такому отношенію къ Церкви, которое обезпечивало бы соблюденіе правъ Церкви, какъ принадлежащихъ ей по Божественному праву, такъ и усвоенныхъ ей прежнимъ гражданскимъ законодательствомъ въ теченіе столѣтій со временъ Св. Владиміра. Что Никонъ различалъ личныя добродѣтели царя отъ общественныхъ, вытекаетъ изъ того, какъ онъ относился къ прошенію испрашиваемому у него царемъ; онъ различалъ прощеніе царю отъ прощенія, даннаго человѣку. Такъ извѣстно, что царь Алексѣй просилъ у Никона прощеніе за содѣянное съ нимъ неоднократно, между прочимъ, въ послѣдній разъ въ завѣщаніи, передъ смертью составленномъ. Но и раньше въ письмѣ 7-го сентября 1667 года Никонъ писалъ царю, что „къ нему приходилъ приставъ Степанъ Наумовъ отъ царя молить по государеву указу съ великимъ прошеніемъ и просить о умиреніи, и я тебя, великаго государя, и все твое семейство царское прощаю. А когда я богомолецъ вашъ, ваши государевы очи увижу и тогда вамъ, государямъ, со святымъ молитвословіемъ наипаче прощу и разрѣшу, какъ Святое Евангеліе наказуетъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и Дѣяніе Св. Апостоловъ всюду съ возложеніемъ рукъ прощенія и цѣльбы творили. Смиранный Никонъ, милостью Божіей Патріархъ засвидѣтельствую страхомъ Божіимъ и подписаніемъ своей руки." (Письмо приведено у Николаевского). Никонъ никогда не признавалъ юридически дѣйствительнымъ свое низложеніе, подписывался Патріархомъ и заявлялъ, что дѣйствительное и полное прощеніе царю можетъ быть только тогда, когда онъ искупитъ свой общественный грѣхъ передъ Церковью и вернетъ невинно заточеннаго Патріарха. Прощая его, какъ человѣкъ, за всѣ тягости и скорби, безвинно имъ отъ царя претерпѣнные, Никонъ не прощалъ его, какъ Патріархъ. Вновь присланный къ нему въ Отрапонтонъ монастырь въ февралѣ 1676 г. Ѳеодоръ Лопухинъ сообщилъ ему грамоту царя, которая читалась

при погребеніи царя Алексѣя Михайловича, гдѣ было сказано: „Отъ отца моего духовнаго великаго господина, Святѣйшаго Никона Іерарха и Блаженнаго Патріарха, аще и не есть нынѣ на престолѣ, прощенія прошу и разрѣшенія." Однако, Никонъ отказалъ въ письменномъ прощеніи и сказалъ, расплакавшись: „Да будетъ воля Господня. Хоть царь на землѣ не получилъ прощенія съ нами, но мы будемъ судиться съ нимъ въ страшное пришествіе Господне (Изъ „Странника" 1899 г. VI глава, статья О Никонѣ въ заточеніи).

Значеніе отказа Никона въ прощеніи царю Алексію Михайловичу какъ царю.

Никонъ не могъ простить царя, ибо царь, нарушивъ клятву послушанія въ церковныхъ дѣлахъ, захватилъ церковное управленіе противоканонически въ свои руки, удаливъ черезъ подкупленныхъ Греческихъ Іерарховъ Патріарха Никона и до самой смерти своей раскаянія въ этомъ дѣлѣ не обнаружилъ и допустилъ величайшее униженіе ея высшаго предстоятеля. **Отказъ Никона въ прощеніи остался на вѣки протестомъ противъ униженія Церкви свѣтской властью.** Защищая самостоятельность и каноничность церковнаго управленія собственной жизнью и участію, Никонъ одновременно заботился о благѣ государства и писалъ о судьбѣ государствъ, отвергающихъ Божественныя заповѣди, и о благополучіи тѣхъ, которыя блюдутъ Божественныя заповѣди. Не грозилъ Никонъ царю низложеніемъ, не грозилъ ему прекращеніемъ присяги вѣрности подданныхъ, не грозилъ никогда человѣческими наказаніями; „не мстите, Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ," приводилъ Никонъ извѣстныя слова (I, 105). Но Никонъ говорилъ о церковныхъ наказаніяхъ, которымъ подлежалъ царь, какъ и всякій христіанинъ. „Царь не сдержалъ обѣта передъ Богомъ, вслѣдствіе чего онъ недостойнъ даже входить въ Церковь, а долженъ проводить всю жизнь въ покаяніи и лишь въ часъ смерти можетъ быть допущенъ къ причастію. Вѣдь, Златоустъ запретилъ человѣку, нарушившему клятву, переступать порогъ Церкви, а ты говоришь, что царь можетъ входить въ алтарь причащаться" (I, 580). Какъ древній пророкъ, онъ грозилъ наказаніями Божиими, за то, что бояре и царь вторгаются въ церковное управленіе и разрушаютъ церковный строй. Онъ говорилъ въ 1663 году, когда его ложно обвиняли въ проклятій царя на молебнѣ, князю Одоевскому и церковнымъ властямъ, пріѣхавшимъ въ Воскресенскій монастырь для слѣдствія: „Я ничего христіанскаго въ васъ не нахожу и ничего не вижу, кромѣ правонарушенія и тираніи; ваши дѣла тому

свидѣтельствуютъ, и Господь свидѣствовалъ, говоря евреямъ: если бы Я не дѣлалъ дѣлъ, которыхъ никто другой не дѣлаетъ, то вы бы не возстали на Меня. Такъ и вы: Я не сдѣлалъ вамъ никакого зла, но вы готовы сорвать съ меня мои одежды и даже изгнать меня и запереть незаконно въ кельѣ, когда я не знаю, какой вредъ нанесъ я вамъ" (I, 601).

Никонъ обвиняетъ царя Алексѣя Михайловича въ томъ, что онъ пересталъ поступать, какъ подобаетъ православному царю.

Никонъ писалъ, что „мало христіанства въ царѣ. Если бы въ немъ было настоящее христіанство, онъ послушалъ бы словъ, написанныхъ въ Святомъ Евангеліи: „Слушающій васъ, Меня слушаетъ" (Лук. X, 16 и Мѡ. X, 14, 15). А кто возстаетъ противъ того, кто посланъ отъ Бога свидѣлствовать Божій судъ, тотъ навлекаетъ на себя судъ, горшій, чѣмъ Содомъ и Гоморра (I, 144). „Богъ не пощадилъ ангеловъ, возставшихъ противъ Бога, создавшаго ихъ. Такъ не пощадить и того, кто поднимается безумно противъ Бога, и дѣйствуетъ не по благодати, данной ему, какъ царь, возносящійся надъ Епископами достоинствомъ и издавая приказы" (въ церковныхъ дѣлахъ) (I, 241). О томъ, что мало христіанства въ царѣ, Никонъ писалъ такъ: „Если бы не рука Господня, меня убили бы: Родіонъ Стрешневъ и Іосифъ Лопухинъ говорили мнѣ въ моей кельѣ, угрожая смертью: если де скажешь еще такое слово, я не стерплю, но я сказалъ только, что мало христіанства въ царѣ" (I, 144). На вопросъ, почему ты отрицаешь въ царѣ христіанство, Никонъ сказалъ: „Хочешь, я покажу тебѣ написанное мною" (I, 595). Никонъ разумѣлъ написанное имъ „Раззореніе", объясняющее правонарушенія царя. Гиббенетъ доказалъ ошибочность мнѣнія Соловьева о томъ, будто Никонъ говорилъ: только бы ему дожидаться Собора, и онъ отречетъ царя отъ Христіанства, у меня де и грамота заготовлена. На самомъ дѣлѣ Никонъ только говорилъ, что въ его письмѣ (Раззореніи) доказано, какъ мало христіанства въ царѣ (Здѣсь, дѣйствительно, есть перечисленіе винъ царя (I, 195).

О времени Божьяго наказанія за нечестіе.

„Пусть никто не удивляется долготерпѣнію Божію, что Онъ не даетъ возмездія нечестивцу за его нечестіе. Богъ взыщетъ за все въ день судный. Слово, которое Я сказалъ, будетъ судить васъ въ день судный. Не удивляйтесь, если нарушитель закона проклинается, и ничего съ нимъ не случается. Господь проклялъ также Виѡсаиду, Хо-

разинъ и Капернаумъ и осудилъ ихъ на адъ, и, однако, огонь не снизошелъ на нихъ, какъ на Содомъ и Гоморру. Также онъ проклялъ тѣ города, дома, которые не примутъ Святыхъ Апостоловъ, и осудилъ ихъ даже болѣе Содома и Гоморры, говоря: Я говорю вамъ, что болѣе сносно будетъ жителямъ Содома и Гоморры (Лук. X, 13). Слово его непреложно." Никонъ напоминаетъ притчу о виноградарѣ (Мѡ. 21, 33-41). „Понимаете ли вы притчу? Кто это нѣкій хозяинъ — Самъ Богъ? Кто виноградари? Израильтяне? Кто слуги? Пророки, посланные къ нимъ, изъ коихъ они бьютъ одного, какъ Іеремію, и убиваютъ другого и побиваютъ камнями. Что сдѣлалъ съ ними Господь? **Онъ разрушилъ этихъ нечестивыхъ людей (евреевъ), и гдѣ теперь ихъ царство? Но все исполнилось, какъ пророчествовали пророки этому злему поколѣнію, о которомъ говорилъ Исаія** (Ис. 5, 1, 2, 5, 6). Онъ послалъ и другихъ слугъ, Святыхъ Апостоловъ и учителей, которыхъ рабочіе не послушали, но поступили съ ними также. Иродъ отсѣкъ голову Іоанну Крестителю, а Неронъ казнилъ Апостоловъ Петра и Павла; другіе тираны предавали смерти другихъ. **Что сдѣлалъ** Господь съ домами ихъ? Онъ разрушилъ ихъ и отдалъ виноградникъ другимъ. Также, послѣ нихъ греческіе императоры и многіе государи другихъ царствъ, которые жили по заповѣдямъ Божиимъ и блюли каноны Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцевъ, умерли въ мирѣ и сдѣлались наслѣдниками небеснаго царства. **А тѣ, которые ихъ нечестиво нарушали, погибали въ нечестіи и ихъ царства опустошены? Развѣ не исполнилось все это съ нами"?**

Никонъ указываетъ на современные несчастья, какъ на Божія наказанія и предостереженія.

И Никонъ, какъ великое предостереженіе, приводитъ страшную чуму, гибель правителя Москвы, князя Пронскаго, моръ, страшное пораженіе князя Алексѣя Трубецкаго, Василія Шереметева и Хованскаго. „Развѣ это не день Господень полный ярости и гнѣва?... Развѣ адъ не расширилъ свои жертвы и не открылъ свою пасть?" (I, 387, 388).

Уходъ Никона какъ мѣра протеста.

У Никона поразительное сходства дѣла со словомъ. Все, что онъ проповѣдывалъ, онъ и воплощалъ. Когда царь измѣнилъ на дѣлѣ своему клятвенному обѣту, Никонъ не подчинился создавшемуся положенію, при которомъ онъ оставался бы только титулярнымъ Патріархомъ при засиліи монастырскаго приказа, а ушелъ и ждалъ

перемѣны въ настроеніи царя, но, когда онъ убѣдился, что царь настолько разгнѣванъ, что нарушаетъ устав, церковный непосѣщеніемъ службъ, въ которыхъ онъ по священному обычаю принимаетъ участіе, и присылаетъ бояръ, враждебныхъ Никону, выговаривать ему, не даетъ удовлетворенія обиженному царскимъ бояриномъ Патріаршему слугѣ, когда Никонъ убѣждается въ томъ, что, при такомъ отношеніи къ нему царя, онъ не въ состояніи защитить Церкви, то онъ всенародно заявляетъ о царскомъ гнѣвѣ, признавая свое архипастырское безсиліе, **и свидѣтельствуется своимъ удаленіемъ совершающуюся неправду** (засиліе надъ Церковью). Его уходъ былъ высшей мѣрой протеста, увѣковѣченнаго исторіей, какъ борьба Патріарха съ царемъ, какъ борьба Церкви съ духомъ вѣка сего, какъ борьба Новаго Іерусалима съ Вавилономъ и Антихристомъ, какъ борьба терпѣнія и любви противъ насилія и несправедливости.

Источникъ Никоновской теоріи соотношенія властей: Св. Отцы.

Въ ученіи Никона о церковно-государственныхъ отношеніяхъ мы видимъ сочетаніе святоотеческаго ученія о симфоніи властей съ центральной идеей христіанства-смиреніемъ. Отъ **Златоуста** онъ проникся пониманіемъ сущности духовной власти и сознаніемъ полного ея отличія отъ власти свѣтской и ея духовнаго превосходства. Когда мы читаемъ Никоновскія слова объ этомъ, то передъ нами вырастаетъ ихъ первоисточникъ — слово Златоуста о священствѣ: „священство настолько превосходитъ царство, насколько духъ превосходитъ тѣло. Царь управляетъ тѣломъ, а священникъ первымъ, поэтому царь преклоняетъ главу передъ Десницею священника. Когда нужно умолить небо о помощи, то царь обращается къ священнику, а не священникъ къ царю. Слѣдовательно, власть священника выше царской.“

Въ томъ же смыслѣ училъ другой учитель Церкви **Св. Григорій Богословъ** въ своемъ 17-мъ словѣ. „Законъ Христовъ подчинилъ васъ (владыкъ земныхъ) нашей власти и нашему суду, ибо и мы также властвуемъ, и наша власть даже выше вашей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ духъ долженъ преклоняться передъ матеріей, небесное передъ земнымъ?“ Когда Никонъ училъ о томъ, что каждый долженъ оставаться въ своемъ чину и дѣйствовать по той благодати, которую имѣетъ, то передъ нами предносится ученіе **Св. Θεодора Студита и Іоанна Дамаскина**. Послѣдній писалъ: „Не свойственно благочестивымъ царямъ ниспровергать церковныя постановленія. Не императо-

рамъ Христось далъ власть связывать и разрѣшать, но Апостоламъ, преемникамъ-пастырямъ и учителямъ. Не дѣло императоровъ устанавливать законы для Церкви. Что говоритъ Божественный Апостоль? И оныхъ убо положилъ Богъ въ Церкви первѣе Апостоловъ, второе Пророковъ, третье пастырей и учителей для устроения Церкви (1 Кор. 12, 28). **Не сказалъ: императоровъ.**" И опять: Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покоряйтесь, тѣмъ бо бдѣть о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще" (Евр. XIII, 17), и опять: „Поминайте наставники ваши, иже глаголаше вамъ слово" (Евр. 13, 7). Не императоры глаголаша намъ слово, но Апостолы, Пророки, пастыри и учителяБогъ, заповѣдавъ Давиду построить Ему домъ, говоритъ ему: „не созиждиши Мнѣ дому, зане челоуѣкъ крови еси ты" (1 Парал. 28, 3). Воздадите всѣмъ должное, воскликнулъ Апостоль Павелъ; ему же честь — честь, ему же страхъ — страхъ (Рим. 13, 7). Дѣло императоровъ — государственное благоустройство; церковное же устройство — дѣло пастырей и учителей." Когда Никонъ возставалъ противъ права царя писать законы для Церкви и одновременно писалъ, что въ мірскихъ дѣлахъ высшая власть принадлежитъ царю, то передъ нами предносятся слова того же **Іоанна Дамаскина**. Господь сказалъ: „Воздайте Кесарево Кесарю и Божіе — Богу." Мы повинемся тебѣ, императоръ, въ житейскихъ дѣлахъ: податяхъ, пошлинахъ — въ чемъ тебѣ ввѣрены наши дѣла; въ церковной же области имѣемъ пастырей, глаголавшихъ намъ слово и установившихъ церковное законоположеніе. Я не признаю императора, тиранически восходящаго священство; **я убѣжденъ, что не императорскими законами устроится Церковь, а отеческими преданіями.**" Никона никто не удалялъ отъ Патріаршества, но онъ ушелъ, не желая санкціонировать захвата боярами церковнаго управленія подобно тому, какъ **Аѳанасій Великій** предпочиталъ изгнаніе уступкамъ несправедливымъ требованіямъ аріанствующихъ императоровъ. Когда Никонъ писалъ о гордости царя, возносящагося надъ Церковью назначеніемъ въ ней Архипастырей, то намъ припоминается **Св. Амвросій**, отвергавшій зародышъ цезарепапизма и отвѣчавшій императору, когда онъ приказалъ отобрать у него храмъ: „Ни мнѣ непозволительно отдавать его, ни тебѣ, императоръ, принимать; ты не имѣешь никакого права вторгаться въ частный домъ; думаешь ли, что можно отнять домъ Божій? Говорятъ: императору все позволено, все ему принадлежитъ; отвѣчаю: не превозносись, не думай, что имѣешь какое либо право на то, что — Божье. **Не надмевайся,**

но, если хочешь дольше царствовать, будь покорень Богу." И когда подь послушаніемъ Богу Никонъ разумѣлъ послушаніе Его заповѣдямъ и правиламъ Его Церкви, которая заключается не въ стѣнахъ и кирпичахъ, а въ законахъ, передъ нами предстаётъ слово **Златоуста:** „Церковью я называю не только мѣсто, но и нравы, не стѣны церковныя, но законы Церкви; Церковь не стѣна и не кровля, но вѣра и жизнь" (Слова на раз. сл. II, 530). Все ученіе Никона о церковномъ законѣ основано на **Златоустѣ:** „Закон для руководства Церковью данъ Самимъ Божественнымъ Основателемъ" (Бес. на Посл. къ Римл.). Всѣ законы, по которымъ должна управляться Церковь, Златоустъ называетъ Божественными, ниспосланными отъ Бога, **ибо законодатель ихъ — Самъ Богъ. Апостолы не законодатели въ собственномъ смыслѣ, а вѣстники воли Божіей, устанавливающіе лишь то, что повелѣно Богомъ. Пастыри Церкви — преемники Апостоловъ, и разъясняютъ и развиваютъ въ подробностяхъ лишь то, что получили отъ Апостоловъ. Эти законы — Божественные въ томъ смыслѣ, что составлены подь руководствомъ Св. Духа. Все ученіе Никона о превосходствѣ власти священства надъ властью царской цѣликомъ отъ Златоуста; отъ него и ученіе объ соотношеніи властей, отъ него и ученіе о границахъ повиновенія царской власти.** „Когда ты слышишь: воздайте Кесарево Кесарю и Божье Богу, то разумѣй подь симъ только то, что ни мало не вредитъ благочестію, ибо **все противное благочестію не есть уже дань Кесарю, но дань и оброкъ дьяволу** (Бесѣда на Матѳея. III, 204).

Царь у Златоуста, также, подчиненъ Церкви и можетъ быть ею наказанъ. „Носящій діадему — не лучше послѣдняго раба, когда онъ долженъ быть обличенъ и наказанъ" (Слова на разн. сл. I, 164). Оттуда же и ученіе о симфоніи властей. „Христось ввелъ свои законы не для ниспроверженія общаго государственнаго устройства, а для исправленія и улучшенія его. Христіанинъ повинуетъ государственной власти, ибо она — Божій слуга. Развѣ начальникъ страшенъ для ревнующаго о добродѣтели?" (Бес. на Рим. 556-7). Вѣдь, гражданская власть облегчаетъ подвиги добродѣтели. И у Златоуста представители гражданской власти, какъ члены Церкви, призываются совершенно добровольно оказывать содѣйствіе Церкви тѣми средствами, которыя у нихъ въ рукахъ. Въ нѣкоторыхъ чертахъ своей дѣятельности обѣ власти соприкасаются. „Свѣтскій начальникъ — нашъ сотрудникъ и помощникъ; на то онъ и посланъ Богомъ. Въ двоякомъ

отношеніи онъ достоинъ нашего уваженія — и какъ Богомъ посланный, и какъ поставленный къ одному съ нами дѣлу. Божій бо слуга есть, отмститель во гнѣвѣ злое творящему... Начальникъ исполняетъ Божій законъ. Какая тебѣ нужда, если онъ и самъ того не знаетъ. Довольно того, что такъ учредилъ Господь. Итакъ, начальникъ, наказываетъ ли онъ или награждаетъ, Божій есть слуга, ибо защищаетъ добродѣтель и гонитъ порокъ. А кто и страхомъ и почестями располагаетъ средствами людей, чтобы они способнѣе были принять Слово Ученія, тотъ справедливо называется Божиимъ Слугой" (Бесѣда на Рим. 557-8).

Предшественники Никона (въ Россіи) въ ученіи о превосходствѣ священства.

Если таковъ источникъ ученія Никона, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и до него Архипастыри Русской Церкви, начитанные въ святоотеческихъ твореніяхъ, учили тому же, и что Никонъ имѣлъ своихъ предшественниковъ. Мысли о превосходствѣ священства высказывалъ у насъ и Митрополитъ **Фотій** въ 15 вѣкѣ, а въ 16 вѣкѣ Максимъ Грекъ („Убо больше есть священство царства земного, кромѣ бо всякаго прекословія меньше отъ большаго благословляется, глаголетъ Божественный Апостоль. Тѣмъ же аще изгнашася Божиимъ судомъ мірскіи царствуютъ, но духовнѣ царствуяи не отриновень есть руки Божіи благодати"). Митрополитъ **Кипріанъ** проводилъ мысль о независимости Епископовъ отъ воли великаго князя, который не долженъ ни судить, ни низлагать ихъ. Ученіе о добровольномъ повиновеніи власти церковной есть условіе спасенія души и требованія христіанскаго смиренія, которое заключается для православнаго царя не только въ **личной добродѣтели, но и въ обязанности дать Церкви возможность проявлять въ его царствѣ свою дѣятельность.** Такъ какъ это подчиненіе не касается дѣлъ земного благоустройства, а только сферы церковной, то въ этомъ добровольномъ подчиненіи власти церковной нельзя видѣть папизма, въ которомъ напрасно упрекаетъ Никона Паисій Лигаридъ и, пошедшіе за нимъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о Никонѣ, С. М. Соловьевъ и Каптеревъ. То подчиненіе, котораго требовалъ передъ вступленіемъ на Патріаршество Никонъ, было требованіемъ устраненія неканоническаго въ его глазахъ законодательства Уложенія о церковныхъ дѣлахъ и было требованіемъ, которое было включено снова въ Посланіе двухъ Патріарховъ къ вновь поставленному въ февралѣ 1667 г. Патріарху Іоасафу II послѣ низложенія Никона, какъ было оно

и до Никона. Такъ, грамота 1354 г. о поставленіи Митрополита Алексѣя говорить, что благороднѣйшій великій князь и прочіе благородные князья и весь клиръ и весь христіанскій **народъ обязанъ оказывать ему „всяческое благопокореніе и честь во всемъ, что онъ будетъ говорить и внушать на пользу ихъ душамъ и утвержденію благочестивыхъ и православныхъ догматовъ Церкви Божіей, ибо оказываемое ему уваженіе, почтеніе и послушаніе относятся къ Самому Богу" (Р. И. Б. VI Прил. № 9 ст. 48).**

Такъ соборная грамота русскихъ Епископовъ отъ 1459 года (Р. И. Б. т. VI, № 83) говорить: „Обѣщаніе же передъ Богомъ дали передъ Святыми Ангелы на своемъ поставленіи своему господину и отцу Іонѣ, Митрополиту всея Руси, что намъ отъ святыхъ соборныхъ Московскія Св. Богородицы церкви быти неотступнымъ и отъ нашего господина отца Іоны, Митрополита всея Руси, также быти неотступными и повиноваться ему во всемъ, и кто по его отшествіи къ Богу иный Митрополитъ поставленъ будетъ, по избранію Св. Духа и по св. правиламъ Св. Апостолъ и Св. Отець и по повелѣнію господина нашего великаго князя Василія Василіевича, русскаго самодержца, къ той соборной церкви Св. Богородицы на Москвѣ..... и отъ того Митрополита также неотступнымъ быти и спослѣдовати и повиноватися ему во всемъ во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ и церковныхъ и о всякомъ благочестіи быти съ нимъ заедино." А въ грамотѣ Патріарховъ къ Іоасафу II, между прочимъ, есть такія слова: „Патріархъ есть живой образъ Христа, словомъ и дѣломъ показующій истину. Онъ долженъ учить всѣхъ одинаково, и высокихъ и низкихъ, будучи кроткимъ въ своихъ поученіяхъ, не какъ господствующій надъ духовенствомъ, но какъ примѣръ своему стаду. Но что касается непокорныхъ, онъ долженъ быть способенъ порицать и обличать ихъ во время и не во время. И ради истины, благочестія и справедливости онъ долженъ говорить истину передъ царями, не стыдяся, и быть готовымъ, какъ добрый пастырь, даже душу свою положить за свое стадо. И вы, сыновья наши во Христѣ, просвѣщенные яркими лучами спасительнаго Православія, досточтимѣйшіе Епископы, бояре и князья, почтенные архимандриты и игумены и весь священный чинъ и всѣ православные люди воздавайте нашему брату и сослужителю и вашему отцу, великому господину святому Іоасафу, Патріарху Московскому, и т. д. честь, какъ вашему господину и отцу, и Архипастырю, какъ вы это воздавали прежнимъ Патріархамъ, зная, что честь воздаваемая Епископу, воздается Самому Христу, ибо почитаніе Епископа перехо-

дить къ Христу." Приводя далѣе Мѡ. 10, 40, 42, она продолжаетъ: „Повинуйтесь ему, будьте послушны, согласно Божественному Апостолу, говорящему въ Евр. 13, 7. Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душахъ вашихъ, какъ обязанные дать отчетъ; чтобы они дѣлали это съ радостью, а не воздыхая, ибо это для васъ не полезно. Ибо онъ имѣетъ власть, данную отъ Христа Его Святымъ Апостоламъ вязать и рѣшать... Поэтому, повинуйтесь ему во всемъ, какъ бы Самому Христу, согласно евангельскому поученію въ словахъ, сказанныхъ Имъ ученикамъ:... „Слушающій васъ Меня слушаетъ..., а также отвергающій Меня и не слушающій Моихъ словъ имѣетъ того, кто будетъ судить его: слово, сказанное Мною, будетъ судить его въ послѣдній день" (Пальмеръ III, 473 стр.). Palmer замѣчаетъ: „So said Nikon. But after the tsar had set all an example of disobeying him, to inculcate obedience in these terms, to a successor, substituted by the tsar and the boyars only that, unlike Nikon, he might obey them, in hypocrisy or rather absolute nonsense" (P. III. 473 стр. Note 36).¹ (P III. 473 стр. Note 36). Palmer пишетъ: „So Nikon used to tell them; but after his condemnation it should be rather „he that honours the bishops honours the tsar himself (III, 473, Note 34).²

Во всѣхъ сочиненіяхъ Никона мы не видѣли требованія другого послушанія Патріарха, какъ послушанія въ дѣлахъ, принадлежащихъ Церкви, и, притомъ послушанія, требуемаго въ соотвѣтствіи съ канонами, какъ онъ говорилъ въ рѣчи, предшествующей его согласію на Патріаршество, послушанія, конечно, не ограничивающагося личнымъ послушаніемъ царя, но простирающагося и на его общественное поведеніе въ отношеніи къ Церкви. Съ почитаніемъ Церкви Никонъ связываетъ благоденствіе царства, и это видно изъ его письма къ боярину Зюзину отъ 3 февраля 1660 г. изъ Крестнаго монастыря (IV, 182, 183). Соловьевъ, цитируя это письмо, привелъ его, какъ указалъ Гюббенетъ въ краткомъ извлеченіи. По Соловьеву (XI, 271), тамъ написано: „Когда вѣра евангельская начала сіять, тогда и Архіерейство почиталось; когда же злоба гордости распространилась, то и Архіерейская честь измѣнилась." Но Никонъ говоритъ тамъ больше о царствахъ: „Безвинно Іова Патріарха отставили, а неблаго-

¹ „Такъ сказали и Никонъ. Но послѣ того, какъ царь показалъ примѣръ неповиновенія ему, возлагать послушаніе въ этихъ выраженіяхъ въ отношеніи его преемника, поставленнаго только царемъ и боярами, чтобы не въ примѣръ Никону, онъ слушался ихъ, — есть лицемѣріе или попросту абсолютная бессмыслица." Нельзя съ этимъ не согласиться.

² „Такъ обычно говорилъ имъ Никонъ; но послѣ его осужденія скорѣе надо бы сказать: тотъ, кто почитаетъ Епископовъ, почитаетъ самого царя."

законнаго Ермогена возвели еще ему живу сущу." Никонъ указываетъ на историческія событія Греціи, Россіи и другихъ государствъ и говоритъ: „Такъ и здѣсь прежде было по великомъ князѣ Владимірѣ, но столько зла потерпѣли князья въ разное время, что нельзя на сей малой хартіи исчислить; однако, одного довольно къ показанію: безвинно Іова Патріарха отставили, и еще при жизни его неблагозаконнаго Гермогена возвели, — то сколько зла содѣлалось. Всему же истинный свидѣтель Христосъ; ибо царство на царство падая, **не станетъ то царство, и домъ, раздѣлившійся въ самомъ себѣ не устоитъ.**”

Юридическая природа участія Никона въ государственныхъ дѣлахъ.

Когда Никонъ говоритъ о послушаніи Церкви, онъ разумѣетъ только собственную сферу Церкви и никогда не мыслить о правахъ Патріарха въ дѣлахъ свѣтскихъ. Все то, что онъ говоритъ о правахъ Патріарха въ дѣлахъ свѣтскихъ, сводится къ праву печалованія. Онъ писалъ Константинопольскому Патріарху Діонисію: „Ниже величанія мы восхотѣхомъ, ниже великимъ государемъ похвалимся собой, ниже въ царскія дѣла вступахомъ, токмо еще о просьбѣ какой глаголахомъ, или отъ бѣды кого избавихомъ, и сего ради мы Архіереи бываемъ” (Каптеревъ II, 142). Все остальное, что онъ дѣлалъ въ дѣлахъ государственныхъ, онъ дѣлалъ по службѣ царю, какъ оставленный имъ на время отсутствія государя государственный регентъ по порученію царя, какъ мы видѣли изъ его собственныхъ словъ, когда онъ говоритъ о тѣхъ дарахъ, которые онъ получалъ отъ государя за спасеніе его семьи отъ мора, за борьбу съ чумой, за мужественное подавленіе Новгородскаго бунта въ бытность Новгородскимъ Митрополитомъ, за управленіе государствомъ въ его отсутствіе и т. д.

Право печалованія.

Въ осуществленіи права печалованія Патріархъ соприкасается наиболѣе близко съ царемъ, ибо въ этомъ правѣ онъ является уже не только защитникомъ собственныхъ правъ самой Церкви, но и проводникомъ высшихъ нравственныхъ началъ въ государственной жизни, наиболѣе непосредственнымъ путемъ. Разсмотрѣніе этого права печалованія и послужить намъ переходомъ къ разсмотрѣнію взгляда Никона на Патріаршество. Мы видѣли значеніе печалованія въ Византійскомъ правѣ, гдѣ оно призвано было облегчать задачу государя по добротворенію и было путемъ къ проведенію высшей спра-

ведливости въ жизнь государства. Печалованіе нисколько не стѣсняло государственную власть при исполненіи ею своихъ обязанностей и государственный законъ при преслѣдованіи имъ преступленій. Дѣйствіе церковной власти при печалованіи за опальныхъ соотвѣтствовало ея назначенію — насаждать въ мірѣ истинную правду. Ходатайство передъ правительствомъ за угнетенныхъ и опальныхъ было извѣстно еще языческому міру въ силу закона; тамъ было развито ходатайство ученыхъ передъ государями покровителями науки: отъ обиды и наказаній спасалъ голосъ риторовъ и софистовъ. Но печалованіе пастырей — новый высшій и неизвѣстный языческому міру родъ ходатайства. Не во имя закона гражданскаго и личныхъ выгодъ или привязанностей, какъ адвокаты въ римскомъ процессѣ, не во имя науки и дружбы, какъ ученые, но во имя Евангелія, во имя закона истины и любви, во имя Самаго Бога выступали пастыри Церкви ходатаями за цѣлые города и области, а не только за частныхъ лицъ. **Только тамъ, гдѣ обыкновенное человѣческое ходатайство не могло уже имѣть мѣста, когда страхъ земной власти приводилъ уже въ безмолвное отчаяніе, и ни откуда не могъ возвыситься голосъ состраданія, тогда выступали пастыри Церкви.** Церковь проводила мысль о непрекословномъ повиновеніи государственной власти, признаваемой ею Божіимъ слугою, никогда не придавала праву печалованія характера насильственнаго и не дѣлала изъ защиты осужденныхъ ущербъ для справедливости. „Признаю равнымъ грѣхомъ, писалъ Василій Великій, и согрѣшающихъ оставить безъ наказанія и въ наказаніи преступать мѣру.“ **Недостойные печалованія не могли имѣть защиты пастырей.** Василій Великій писалъ, что онъ не можетъ избавить отъ суда чловѣка, не разъ уже оскорбившаго одну женщину и наказаннаго за это отмщеніемъ отъ Церкви. Тогда, когда наказаніе опальнаго превышало мѣру преступленія, выступали на защиту Святители Церкви. При этомъ виновные въ преступленіяхъ, касавшихся вещественныхъ выгодъ, должны были давать вещественное удовлетвореніе по закону, такъ что пастыри Церкви нисколько не нарушали ни выгодъ общественной жизни, ни законовъ гражданскихъ. Также, въ Русской Церкви духовенство никогда не усвояло себѣ права подъ видомъ печалованія, самопроизвольно вмѣшиваться въ дѣла гражданской власти по отношенію къ подданнымъ. Печалованіе особенно было развито въ Русской Церкви, по изслѣдованію Янковскаго, въ 16 вѣкѣ, когда сильно развита была опала при борьбѣ старыхъ и

новыхъ политическихъ порядковъ. Печаловниками выступали не только отдѣльные Митрополиты, среди коихъ прославились въ этомъ отношеніи Митрополиты Симеонъ, Варлаамъ, Даніилъ, Іоасафъ, Макарій, Аѳанасій, Св. Филиппъ II, и цѣлые Соборы. Тѣ Святители, которые не прибѣгали къ праву печалованія, не пользовались за то уваженіемъ и получали прозвище потаковниковъ, когда не выступали на защиту Церкви или поправленныхъ интересовъ слабыхъ. Впрочемъ, печалованіе вызывалось иногда и просто особыми обстоятельствами. Такъ, обвиненнаго въ 1554 г. въ государственной измѣнѣ князя Никиту Семеновича Лобанова Ростовскаго, въ виду общепризнанной его глупости, о которой писалъ литовскому правительству самъ московскій правитель („Пожаловаль де его царь боярствомъ для отечества, а самъ онъ недороденъ и на службу не годится, по малоумству говорит, непригожія слова“), Митрополитъ Макарій отпросилъ отъ смертной казни въ ссылку на Бѣлоозеро (Ч. И. О. И. и Д. Р. 1876 г. 180 стр., Янковскій „О печалованіи“).

Никонъ обосновывалъ это право печалованія на 8 Сардикскомъ правилѣ, гласящемъ: „Ради сиротъ, вдовъ или другихъ беззащитныхъ людей, терпящихъ притѣсненія, пусть Епископъ идетъ къ царю и умоляетъ его всѣмъ своимъ искусствомъ объ ихъ защитѣ“ (I, 139). Осуществленію этого права печалованія служилъ много и Никонъ, когда въ чинѣ Новоспасскаго архимандрита (1646-1649) каждую пятницу ходилъ къ государю съ представленіями объ обиженныхъ. Это же право печалованія онъ осуществилъ и въ бытіе свое Новгородскимъ Митрополитомъ, когда беззавѣтной храбростью усмирить мятежъ и просилъ затѣмъ царя помиловать тѣхъ мятежниковъ, которые не были инициаторами мятежа. Это печалованіе оцѣнилъ самъ царь, написавшій ему объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ: „Избранному и крѣпкостоятельному пастырю милостивому, кроткому, благоусердному, беззлобивому, наипаче же любовнику и наперстнику Христову и рачителю словесныхъ овецъ. О, крѣпкій и страдальче Царя Небеснаго, о возлюбленный мой любимый, святой Владыка. Пишу тебѣ свѣтлосіяющему въ Архіереяхъ, аки солнцу, сіяюще по всей вселенной, такъ и тебѣ, сіяющему по всему нашему государству благими нравы и дѣлы добрыми..." **Это стремленіе къ правдѣ и милости, столь возлюбленное русскимъ народомъ, было особенно живо въ Никонѣ.**

Чисто русское воспріятіе христіанства Никоном

Если онъ говорилъ про себя, что по крови онъ русскій, а душою грекъ, то въ этомъ правдой было только то, что его учителями были греки-вселенскіе учителя Церкви, но весь характеръ его дѣятельности показываетъ, что онъ въ свое дѣло пастырства вкладывалъ чисто русскій порывъ и неутомимость, отразившую основную черту русскаго воспріятія Христіанства, не какъ отвлеченную систему догматовъ, а какъ религіозно-нравственное правило жизни, а пониманіе христіанской жизни, какъ жизнедѣятельности человѣка, нравственно возрожденнаго Христіанствомъ. Отсюда и заявленіе Никона передъ вступленіемъ на Патріаршество о томъ, что, мы называемся христіанами, а въ дѣйствительности не христіане, ибо не исполняемъ правилъ церковныхъ."

Отсюда и подходъ его къ понятію Церкви именно со стороны практической, пониманіе ея, какъ системы законовъ церковныхъ; отсюда и неутомимость въ осуществленіи права печалованія; отсюда и защита нарушенныхъ правъ Церкви и протестъ противъ ихъ нарушеній уходомъ въ Воскресенскій монастырь. Разсматривая воззрѣнія Никона на Патріаршество, мы можемъ расчленивъ его ученіе на три отдѣла: отношеніе Московскаго Патріарха 1) къ царю, 2) къ Архіереямъ ему подвластнымъ и 3) къ Восточнымъ Патріархамъ. О первомъ мы уже говорили по неразрывной связи этого вопроса съ ученіемъ о царской власти.

Мнѣніе Каптерева о Никонѣ въ отношеніи ученія о царской власти.

Но прежде остановимся на томъ недоумѣніи, которое постигаетъ насъ, когда, съ легкой руки Паисія Лигарида, вновь повторяется его отношеніе къ Никону въ лицѣ ученыхъ нашего времени, напримѣръ, профессора Каптерева. Съ его точки зрѣнія Никонъ сначала практически хотѣлъ унизить царскую власть, а потомъ и теоретически. Мы видѣли, что Никонъ только защищалъ права Церкви, различая между ними благодатныя права, отъ Бога полученные, отъ правъ земныхъ, отъ государства получаемыхъ. Каптеревъ, какъ и Лигаридъ, исходя изъ неограниченности царской власти, естественно видитъ въ охранѣ Никономъ правъ Церкви стремленіе захватить у царя принадлежащее ему-царю. Поэтому, въ этомъ смыслѣ Каптеревъ подлежитъ той же критикѣ, которую развилъ противъ Лигарида, а въ наше время Бердниковъ и Заозерскій противъ Суворова. Но помимо этого, у Каптерева есть просто **невѣрное пониманіе Никонов-**

ской точки зрѣнія, исходящее изъ того, что онъ или не полно цитируетъ Никона по вопросамъ, по которымъ Никонъ опредѣленно высказался, а иное приписываетъ Никону просто отъ себя, не возлагая чрезъ это на самого Никона никакой отвѣтственности, или же цитируетъ Никоновыхъ враговъ¹: Неронова (стр. 145), Александра Епископа Вятскаго (стр. 151-153), Діакона Ѳеодора (II, 146-159), или Паисія Лигарида (стр. 146) или Стрешнева, боярина Семена Лукъяновича (стр. 148), или тѣ неблагопріятныя Никону показанія Павла Алеппскаго, которыя имъ, какъ доказалъ Пальмеръ сдѣланы въ своемъ прежнемъ, составленномъ въ первый прїѣздъ дневникъ, во второй прїѣздъ въ Москву во время суда надъ Никонъ подъ вліяніемъ слуховъ и людей при дворѣ, враждебныхъ Никону (Пальмеръ II, пред. 55); поддьяка Ѳеодора Трофимова расколуучителя (стр. 210 у Каптерева II), боярина Одоевскаго и Стрешнева, дьяка Алмаза Иванова, какъ представителя враждебной Никону боярской партіи, специально занимавшейся обвиненіемъ Никона (стр. 143).

Въ глазахъ Каптерева Никонъ стремился самъ завладѣть фактическимъ управленіемъ государства, рассматривая это, какъ право, присущее Патріарху, въ силу превосходства власти Патріарха надъ властью царской. Таковыя стремленія Каптеревъ приписывалъ Никону въ силу будто бы его теоретическихъ воззрѣній на царскую власть. Но каковы же теоретическія воззрѣнія Никона по Каптереву? Каптеревъ неоднократно цитируетъ слова Никона, что „священство болѣе есть царства: священство отъ Бога есть, отъ священства же царства помазаніе," что „отъ священства царство произыде и нынѣ есть" (2, 183). Между тѣмъ, онъ никогда не цитируетъ другого мѣста изъ Никоновскаго „Раззоренія" какъ мы видѣли, Никонъ весьма подробно излагаетъ, что царство, какъ таковое, пріобрѣтается независимо совершенно отъ священства, существуетъ по промыслу Божію, а отъ священства получаетъ лишь освященіе власти, а Епископъ — источникъ освященія власти, а не самой власти. Каптеревъ пишетъ на стр. 185: „По представленію Никона, все Христіанство, вся Христова Церковь заключается собственно въ высокочтимомъ и всѣми, особенно царствомъ, ублажаемомъ Архіерействѣ, и по преимуществу въ Патріархѣ: отцѣ и начальникѣ всѣхъ Архіереевъ, такъ какъ Патріархъ есть живой и одушевленный образъ Христа. Само собой понятно, что

¹ Въ своемъ соглашеніи: „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ", т. II.

такъ высоко Самимъ Богомъ поставленное священство, а тѣмъ болѣе глава священства — Патріархъ — никакъ не можетъ быть подчинено царству, а **только** Богу и Божественнымъ законамъ." Но эти слова — выводы Каптерева, а самъ Никонъ, какъ мы видѣли, опредѣленно пишетъ, что „Патріархъ подчиненъ царю въ земныхъ дѣлахъ;" относительно же Церкви Никонъ пишетъ въ четырехъ, по крайней мѣрѣ мѣстахъ, что Церковь заключается въ законахъ Церковныхъ, рѣшительно не пишетъ, что она заключается въ Архіереяхъ. Почитаніе архіерейскаго сана у Никона — лишь одно изъ проявленій должнаго почитанія къ Церкви. Однако Архіереи — преемники Апостоловъ и служители Божіи, а потому честь, воздаваемая имъ, воздается Самому Богу," причемъ самъ Никонъ предостерегаетъ отъ обожествленія и говоритъ, что здѣсь нѣтъ субстанціональнаго уподобленія.

Каптеревъ неоднократно говоритъ, что Никонъ считаетъ Патріарха обязательнымъ контролеромъ всей государственной жизни" (I, 185, 202), между тѣмъ, изъ всѣхъ прочитанныхъ произведеній Никона, тщательно отыскивая такое сужденіе Никона, мы нашли только, что Никонъ отстаивалъ нѣкоторыя права Церкви (иниціативу въ поставленіи духовныхъ властей, судъ надъ духовенствомъ въ духовныхъ дѣлахъ), какъ божественное право Церкви, а нѣкоторыя права Церкви (какъ судъ надъ духовенствомъ въ гражданскихъ дѣлахъ) онъ, хотя и пытается отстоять указаніемъ на существенность этихъ правъ для Церкви, но, отстаиваетъ ихъ ссылкой уже не на божественное право, а указаніемъ на историческую традицію со временъ Юстиніановскаго законодательства и цитатами изъ уставовъ князя Владиміра и Ярослава, Судебники Ивана III и Ивана IV и Стоглаваго Собора; когда Никонъ отстаиваетъ неприкосновенность церковной собственности, то ссылается на обязанность православныхъ царей обезпечивать Церковь въ ея существованіи и исполненіи ею своихъ задачъ на землѣ, на то, что собственность Церкви есть собственность нищихъ. Вѣрно то, что Никонъ отстаивалъ право Патріарха говорить истину передъ лицомъ Царя не стыдяся, но ни откуда не видно, чтобы онъ понималъ это право шире, чѣмъ право отстаивать вообще права Церкви, какъ историческія, такъ и божественныя, и ея древнее право печалованія, причемъ отводилъ это право не только Патріарху, а и простому иноку, какъ заявилъ онъ въ 1663 году Комиссіи, пріѣхавшей къ нему на слѣдствіе въ Воскресенскій монастырь и готовой не почитать его болѣе, какъ Патріарха. Именно онъ

сказаль, что онъ не отрекался отъ Патріаршества, но и независимо отъ этого оставляетъ за собой всегда говорить истину, не стыдяся передъ лицомъ царя и терпѣть за нее все до смерти включительно. Никонъ вообще говорилъ о подчиненіи законамъ церковнымъ, а не власти архіерейской, какъ таковой, безотносительно къ тому, что представитель ея говорить. На цѣломъ рядѣ страницъ Каптеревъ (II, 129-148) описываетъ постепенное возвышеніе Никона сперва черезъ право печалованія, потомъ черезъ прямое участіе въ государственныхъ дѣлахъ вплоть до затѣненія самого государя, котораго онъ затмѣвалъ не только фактически, но и юридически присвоеніемъ титула великаго государя. Но Каптеревъ нигдѣ не цитируетъ, что Никонъ удивлялся тому различію, которое дѣлаютъ между великимъ господиномъ и великимъ государемъ. Митрополитъ Макарій въ VIII т. исторіи говоритъ, что Архіепископы и Епископы часто называли Московскаго Первосвятителя, когда онъ былъ еще митрополитомъ, государемъ. Титулъ правителя страны дается на востокѣ, также греками, Епископамъ даже въ печатной литургіи (Пальм. IV, 152 прим. 46). И когда Никонъ 25 іюля 1658 года, черезъ двѣ недѣли послѣ ухода, писалъ царю упрекъ относительно обыска въ его палатахъ, онъ говорилъ, что это сдѣлали бояре, чтобы у него не осталось собственноручныхъ писемъ царя, гдѣ онъ титуловалъ такъ Никона. „Я не знаю, откуда это началось титулованіе, но думаю, что ты самъ, великій государь, положилъ этому начало. Ты самъ такъ писалъ во время войны въ твоихъ царскихъ (официальныхъ письмахъ), и такъ писали тебѣ въ докладахъ отъ арміи и во всѣхъ публичныхъ актахъ. И это нельзя было исправить. **Да будетъ онъ уничтоженъ мой злосчастный и гордый проклятый титулъ, хотя и не по моей волѣ онъ введенъ. Я вѣрю, что нигдѣ не найдешь признака моего желанія и приказа для его употребленія, развѣ что нѣкимъ подлогомъ, за который я страдалъ и еще пострадаю Господа ради отъ руки лжебратьевъ...** Что мы говорили со смиреніемъ, то выдается за сказанное съ гордостью; что мы говорили ради похвалы, то выдается за сказанное съ униженіемъ и бранью. Лживыми словами такихъ людей твой гнѣвъ возвращенъ противъ меня, будучи направленъ, думаю я, не противъ чего либо иного такъ сильно, какъ противъ этого великаго, возвеличившаго меня среди ранговъ и **титуловъ твоего двора**, титулованіемъ меня великимъ государемъ (значить, самъ Никонъ почиталъ Патріарха сановникомъ государства, а не надъ государствомъ возвышающимся главой). **Но я никогда не желалъ и**

не желаю этого титула, хотя за него подвергаюсь упрекамъ и униженіямъ передъ всѣми людьми безъ причины. Я думаю, ты самъ, великій государь, не забылъ, что за литургіей они провозглашали меня по моему приказу послѣ пресвятого не великимъ государемъ, а великимъ господиномъ" (IV, 151). Пусть этотъ послѣдній титулъ отѣнялъ сановное положеніе Патріарха Никона въ государствѣ, но онъ и по закону и по обычаю былъ первымъ сановникомъ государства, замѣняя, по положенію Патріарха въ государствѣ, государя въ его отсутствіе, при его малолѣтствѣ (Митрополитъ Алексѣй, Митрополитъ Даніиль), въ безгосударственное время (Патріархъ Гермогенъ), занимая всегда первое послѣ государя мѣсто въ боярской Думѣ и пользуясь равной съ государемъ охраной чести по Уложенію, будучи его духовной половиной. Бытовой титулъ обращенія ничего не прибавлялъ, кромѣ почета, а отнятіе его ничего не отнимал у Патріарха въ его правахъ, а знаменовало лишь гнѣвъ царя. Хотя Никонъ съ горечью возвращается неоднократно къ обидамъ, причиненнымъ Церкви отъ царя, перечисляя ихъ въ подробностяхъ, однако, **нигдѣ не чувствуется, чтобы онъ скорбѣлъ по поводу отнятія у него титула „Великаго Государя."** Каптеревъ умалчиваетъ, что всю свою государственную дѣятельность Никонъ почиталъ особо возложенной на него царемъ службой царю ему въ помощь, а объ этомъ говорится не только въ „Раззореніи", но и въ предложеніяхъ Никона 14 января 1665 года царю, относительно условія оставленія имъ Московской Патріаршей кафедры (Пальмеръ IV, 593, 594). На страницѣ 129 Каптеревъ цитируетъ Никона, что „въ вещахъ духовныхъ, надлежащихъ всѣхъ, Архіерей великій выше царя, и кѣждо человѣкъ православный Архіерееви послушаніемъ повиненъ, понеже онъ есть отецъ нашъ въ вѣрѣ Православной, ему же ввѣрена Православная Церковь;" но далѣе Никонъ говоритъ, что „въ дѣлахъ мірскихъ выше царь," а Каптеревъ этихъ послѣднихъ словъ не приводитъ. А если помнить эти слова Никона, тогда странно читать у Каптерева (II, 130, 131), что „Никонъ имѣлъ завѣтную цѣль сдѣлать въ церковной сферѣ власть Патріарха совершенно независимой отъ власти свѣтской, поставить Патріарха рядомъ съ царемъ, какъ равную, если только не большую, чѣмъ царь, величину." Но Никонъ нигдѣ не говоритъ о превосходствѣ Патріарха надъ царемъ въ общественномъ отношеніи, а считаетъ власть духовную **въ церковныхъ дѣлахъ** выше свѣтской, духовно расцѣпывая ее по содержанію качественно выше. Равно Каптеревъ не цитируетъ приведеннаго нами

мѣста Никона, гдѣ онъ говоритъ о юридическомъ равенствѣ обѣихъ властей въ смыслѣ томъ, что каждая изъ нихъ распоряжается одинаково самостоятельно въ своей сферѣ. Странно читать о стремленіи Никона унизить царство и на его счетъ возвысить священство, **когда Никонъ признавалъ полное верховенство царя въ мірскихъ дѣлахъ, и предъявлялъ требованіе только на относительную независимость Церкви.** Еще болѣе странно читать на страницѣ 181, что „Никонъ рѣшилъ подвести послѣ оставленія имъ каѳедры теоретически правовую основу подъ свое великое государственное,“ ибо всякое государственное можетъ касаться правъ или чести въ государствѣ, а все „Раззореніе“ посвящено исключительно подведенію теоретической правовой основы подъ права Церкви, какъ таковой, причемъ о Патріархѣ говорится сравнительно немного и отводится въ Церкви ему положеніе, ограничиваемое и Архіерейскими Соборами, и другими Патріархами. На страницѣ 206 и 207 Каптеревъ пишетъ, что „конечное осужденіе Никона сдѣлалось прямо государственной необходимостью, этого требовали интересы верховной государственной власти, безотносительно къ церковной реформаторской дѣятельности Никона, къ тѣмъ симпатіямъ и антипатіямъ, какія питали къ нему тѣ? или другія лица. Если ранѣе въ необыкновенно высокомъ и властномъ положеніи Никона Патріарха не только относительно дѣлъ церковныхъ, но и гражданскихъ, могли видѣть явленіе чисто временное и случайное, зависящее единственно отъ особаго расположенія государя къ Патріарху, причемъ положеніе Никона приравнивалось къ положенію обычнаго и зауряднаго временщика, то послѣ появленія его отвѣтовъ на сочиненіе Паисія Лигарида, дѣло получало совсѣмъ иной видъ. Никонъ употребилъ въ своихъ отвѣтахъ всѣ усилія доказать, что то необыкновенно высокое и независимое положеніе, какое онъ, будучи Патріархомъ, занималъ относительно свѣтской власти, вовсе не было случайнымъ, зависящимъ отъ такого или иного расположенія къ нему царя, но что оно принадлежало ему, какъ главѣ Церкви, по праву, такъ какъ священство по самому своему существу, по самой своей природѣ выше царства, и притомъ выше настолько, насколько небо выше земли, что всякая попытка со стороны свѣтской власти подчинить себѣ духовную власть и поставить ее въ зависимость отъ себя, есть явленіе незаконное и даже преступное, за которое свѣтская власть должна подвергнуться тяжелой отвѣтственности. Такимъ образомъ, съ возвращеніемъ или невозвращеніемъ Никона на Патріаршій престолъ тѣсно связанъ

быль принципіальний вопросъ объ отношеніи царской власти къ Патріаршей." Каптеревъ говоритъ далѣе, что „возвращенный Никонъ заявилъ бы притязанія контролировать всѣ дѣйствія и распоряженія свѣтскаго великаго государя, и, при случаѣ, налагать на нихъ свое вето, если бы нашель въ нихъ что нибудь несогласное съ существующими церковными правилами и учрежденіями и съ гражданскими законами благочестивыхъ греческихъ царей." Однако, какъ мы видѣли, „Раззореніе" представляетъ изъ себя только критику цезарепапизма, какъ теоріи, отводящей царю неподобающее значеніе въ Церкви, и даетъ доказательства самостоятельности Церкви въ церковныхъ дѣлахъ; мы видѣли, что, опредѣляя права Патріарха, Никонъ вовсе не говоритъ

объ его неподчиненіи свѣтской власти въ мірскихъ дѣлахъ. Онъ ставитъ выше власть духовную царской съ духовной точки зрѣнія и не въ дѣлахъ мірскихъ; проблема, выдвинутая Никономъ, скорѣе можетъ быть названа опредѣленіемъ понятія православнаго царя, какое опредѣляется отношеніемъ царя къ самой Церкви по ея закону; о Патріархѣ Никонъ говоритъ больше въ связи съ положеніемъ Патріарха въ Церкви относительно Архіереевъ и другихъ Патріарховъ, т. е. объ его положеніи въ самой Церкви, а не въ государствѣ. Самъ Никонъ сказалъ 19 іюля 1663 г. Одоевскому, что „у него уже написано, какъ мало христіанства у царя," разумѣя свое „Раззореніе". Добавимъ къ этому, что, желая возстановленія симфоніи отношеніи двухъ властей, Никонъ выяснилъ эту систему отношеній съ правильной точки зрѣнія. Система параллелизма властей свѣтской и духовной отражается и въ Синодикѣ Патріарха Никона — рукописи въ бархатномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ и виньетками: тамъ различныя степени духовной и свѣтской власти приведены въ соотвѣтствіе между собой. На первомъ мѣстѣ идутъ Патріархи, затѣмъ цари, Митрополиты и великіе князья; Архіепископы и Епископы, затѣмъ князья и т. д. При перечисленіи прославляемыхъ Русской Церковью Святыхъ, Никонъ не упоминаетъ Іосифа Волоколамскаго, съ которымъ Никонъ былъ въ идейномъ антагонизмѣ по вопросу о вмѣшательствѣ государя въ дѣла Церкви (Др. и Нов. Россія 1880, III, 370).

Въ концѣ концовъ, „Раззореніе" Никона не увидѣло свѣта, его никто не читалъ изъ лицъ враждебныхъ Никону до суда надъ нимъ, и потому оно не могло служить побужденіемъ къ его устраненію съ Патріаршаго престола. Никонъ взялъ его съ собой въ сани (Пальмеръ,

т. V, стр. 669), когда вечером 30 ноября 1666 года въ послѣдній разъ выѣхалъ изъ Воскресенскаго монастыря въ Москву на судъ Патріарховъ. Однако, прочитавъ всѣ протоколы суда, мы видимъ, что это сочиненіе не фигурировало на судѣ, на него не ссылался ни разу и Никонъ вслѣдствіе, можетъ, хаотичности, непослѣдовательности и безсистемности обвиненій, неоставлявшихъ мѣста обвиняемому для обстоятельныхъ возраженій, и предрѣшенности осужденія. Мало того, что сочиненіе до сихъ поръ не издано на русскомъ языкѣ и осталось до сихъ поръ въ рукописи въ Воскресенскомъ монастырѣ до сего дня и издано лишь Пальмеромъ въ 1871 г. на англійскомъ языкѣ — оно или не прочитано полностью Каптеревымъ, или цитировано имъ съ преднамѣренной цѣлью представить Никона въ свѣтѣ стремленій будто бы создать національно русскій папизмъ чуть не съ соотвѣтствующей папской областью. Если читать Никоновскія выдержки только по Каптереву и заранѣе принять совершенно бездоказательно приписанное Каптеревымъ Никону намѣреніе вознестись до положенія высшаго въ государствѣ, чѣмъ царь (не въ духовномъ смыслѣ), то, пожалуй, и получится нѣчто аналогичное западноевропейскому папизму съ свѣтской властью, но это все очень далеко отъ дѣйствительнаго Никона. Каптеревъ рисуетъ дѣло, какъ будто все то положеніе, которое постепенно пріобрѣталъ Никонъ въ государствѣ, было плодомъ заранѣе имъ намѣченнаго захвата власти; онъ не хочетъ видѣть въ этомъ естественнаго развитія вліянія Никона, при его одаренности и самоотверженномъ трудолюбіи, какъ дѣлалъ это наблюдательный и безпристрастный Павелъ Алеппскій; но, исходя изъ ошибочнаго мнѣнія Лигарида о Никонѣ, какъ о человѣкѣ властномъ и гордомъ, онъ всю его дѣятельность разсматриваетъ, какъ сознательный захватъ. Откуда, какъ не изъ Лигарида, эти апріорныя сужденія (Каптеревъ II, 131) о его гордой, крайне властной деспотичной натурѣ, его громадномъ самолюбіи и честолюбіи, его всегдашней жестокости? Этому сужденію можно противопоставить гораздо болѣе вѣрное психологически сужденіе проф. Стенли по поводу требованія Никономъ клятвы 22 іюля 1652 г.: „Въ самомъ требованіи мы узнаемъ тотъ же открытый, рѣшительный и непреклонный характеръ. Властолюбіе, ищущее неограниченнаго господства, никогда не предложить такихъ требованій и притомъ въ минуту своего возвышенія. Оно постепенно, незамѣтно посягаетъ на права другихъ. Такое требованіе можетъ сдѣлать только человѣкъ, глубоко сознающій важность предстоящихъ ему обязанностей и всю силу

препятствій на пути къ ихъ выполнению... Какимъ вступилъ онъ на кафедру — строгимъ, рѣшительнымъ и непреклоннымъ, такимъ черезъ шесть лѣтъ онъ оставилъ ее" (Приб. къ твор. Св. Отцовъ 1862 г.). Теоретическія мнѣнія, приписанныя Никону Каптеревымъ, лучше всего опровергаются самимъ Никономъ, а его дѣйствительное отношеніе къ свѣтскимъ дѣламъ охарактеризовано самимъ царемъ въ 1657 г., несмотря на то, что тогда уже наступило охлажденіе въ отношеніяхъ къ нему царя, — какъ полное невмѣшательство. Именно царь сказалъ діакону, просившему у царя снять запрещеніе, наложенное на него Никономъ: „Боюсь Патріарха Никона, а ну какъ отдасть мнѣ посохъ и скажетъ: возьми его и паси самъ монаховъ и священниковъ. Я не вмѣшиваюсь въ твое начальствованіе надъ генералами и войсками; зачѣмъ же ты вмѣшиваешься въ мое начальствованіе надъ монахами и священниками" (Palm. II, 529).

Никонъ въ дѣлахъ смѣшаннаго характера, т. е. касающихся Церкви и государства.

Что касается тѣхъ смѣшанныхъ дѣлъ, которыя требуютъ участія и государства и Церкви, то Никонъ нисколько не избѣгалъ рѣшать ихъ совмѣстно съ царемъ. Когда Стрешневъ въ 15 вопросѣ обвинилъ Никона, будто онъ ограбилъ Коломенскую кафедру, взявъ ея монастыри себѣ, то Никонъ объяснилъ, что, вслѣдствіе близости Коломенской епархіи къ Москвѣ, она была закрыта и присоединена къ Патріаршей области и перенесена въ Вятку и великую Пермь. Епископъ Вятскій Александръ былъ переведенъ изъ Коломны въ Вятку и Пермь съ согласія царя въ 1657 году (Пал. II, 429 на основаніи Актовъ исторической комиссіи V, 483), гдѣ открыта была епархія по ея отдаленности и живучести тамъ язычества, причемъ это сдѣлано съ согласія царя. Изъ Патріаршей области для новой епархіи было выдѣлено столько же доходовъ, сколько доходовъ имѣла Коломенская епархія; ровно, сколько крестьянскихъ дворовъ имѣла Коломенская епархія, **столько и было указомъ царя отнесено къ епархіи Вятской и Великопермской**, а крестьянскіе дворы Коломенской епархіи были взяты на государя; послѣ государь при освященіи церкви въ Воскресенскомъ монастырѣ пожаловалъ ихъ въ Воскресенскій монастырь. Самъ Никонъ приводилъ VI Вселенскаго Собора 38 правило, устанавливающее, что при постройкѣ новыхъ городовъ порядокъ церковныхъ дѣлъ слѣдуетъ гражданскому порядку. „Если меня поносятъ за то, что будто я дѣлалъ это одинъ, такъ документы Посольскаго Приказа свидѣтельствуютъ, **что я сдѣлалъ это съ**

согласія царя и съ совѣтомъ Епископовъ" (I, 90, 91). Никонъ говоритъ, что онъ налагалъ и наказанія совмѣстно съ царемъ. Онъ приводитъ 9 правило I-II Собора Св. Апостоловъ: „Долгъ Епископовъ исправлять нарушаемый порядокъ ученіемъ, обличеніемъ и церковными наказаніями, не битіемъ и ранами; но если имъ оказываютъ сопротивленіе, то таковыя должны быть переданы гражданской власти для наказанія." Видишь ли, отвѣтотворче, указаніе Св. Отцовъ. Такъ дѣлали и мы. **По соглашенію съ царемъ мы имѣли своихъ приставовъ, которые и налагали наказанія, въ зависимости отъ требованія случая"** (I, 177, 178). То требованіе самостоятельности и независимости Церкви, о которомъ взывалъ Никонъ, вовсе не носило желанія совершенно устранить свѣтскую власть отъ участія, какъ мы увидимъ это не только на примѣрѣ смѣшанныхъ дѣлъ, гдѣ государство равно заинтересовано, но и на примѣрѣ дѣлъ чисто церковныхъ. Слѣдовательно, его протестъ относился лишь къ стремленіямъ свѣтской власти односторонне рѣшать или оказывать давленіе на дѣла, которыя Церковь имѣла право разсматривать или какъ смѣшанныя дѣла, въ которыхъ и она равно заинтересована, или какъ дѣла, хотя и затрагивающія интересъ государства, но по существу прежде всего по природѣ своей принадлежащія Церкви (Назначеніе духовныхъ властей — дѣло по преимуществу церковное, какъ связанное съ преданіемъ благодатныхъ архіерейскихъ даровъ, но и государственное, поскольку Архіерей втянутъ своимъ землевладѣніемъ и государственными правами — административными, судебными и финансовыми, связанными съ землевладѣніемъ, въ государственный строй). Теорія симфоніи Никономъ напечатана въ предисловіи къ Служебнику 1655 году, гдѣ написано: „Богъ даровалъ Россіи два великіе дара — царя и Патріарха, которыми все строится, какъ въ Церкви, такъ и въ государствѣ. Должно убо всѣмъ, повсюду обитающимъ, православнымъ народамъ восхваляти же и прославити Бога, яко избра въ начальство и снабденіе людямъ своимъ сію премудрую двоицу: Великаго государя царя Алексѣя Михайловича и Великаго государя Святѣйшаго Никона Патріарха, иже..... праведно и подобно преданные имъ грады украшаютъ, къ симъ судъ праведень.. храняще, всѣмъ всюду сущимъ подъ ними тоже творити повелѣша... Тѣмъ же благословенъ Богъ, въ Троицѣ Святѣй славимый, таковыхъ великихъ государей въ начальство людей своихъ избравый. Да дасть же имъ государемъ, по пророку, желаніе сердець ихъ... Яко да подъ единымъ ихъ

государскимъ повелѣніемъ вси, повсюду православніи народи живущіе, утѣшительными пѣснями славить имуть воздвигшаго ихъ истиннаго Бога нашего" (Каптеревъ II, 127). Симфоніей предполагается достиженіе согласія между представителями власти духовной и свѣтской во всѣхъ вопросахъ, но она не устраняетъ обязанностей для представителя каждой власти подчиняться другой въ сферѣ этой другой власти.

Никонъ прибѣгаетъ къ содѣйствию царя и въ чисто церковныхъ дѣлахъ.

Мы можемъ указать и чисто церковныя дѣла, къ которымъ Никонъ привлекалъ и царя. Такъ, 25 апрѣля 1556 г. Никонъ собираетъ съ согласія царя Архіерейскій Соборъ въ Москвѣ (Pal. II, 423); наконецъ всю церковно-обрядовую реформу книгъ и обрядовъ Никонъ проводитъ не только съ согласія царя, но и какъ видно, **по изслѣдованію проф. Каптерева, по его преимущественно инициативѣ, вдохновленной царскимъ духовникомъ протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ.** Свой уходъ въ Воскресенскій монастырь Никонъ совершилъ съ вѣдома царя, пославъ ему изъ Успенскаго собора письмо съ объявленіемъ причинъ ухода 10 іюля 1558 г., которое было возвращено Никону, но гдѣ было сказано, что Никонъ уходитъ изъ за несправедливаго гнѣва царя. Также, что касается столь инкриминируемой Никону ссылки Епископа Павла Коломенскаго, будто бы совершенной одной его властью безъ участія царя, то Пальмеръ указываетъ (III, 421, примѣчаніе 82), что, вѣдь, былъ запрошенъ Паисій, Константинопольскій Патріархъ, въ 1654 г. о томъ, что дѣлать съ Епископомъ Павломъ, и онъ отвѣтилъ царю и Никону: „Если онъ упорствуетъ, то низложите его, и вы будете имѣть съ собой насъ и весь Синодъ съ собой." Сынъ Патріарха Макарія архидіаконъ Павелъ, уже послѣ низложенія Никона (когда онъ сдѣлалъ въ дневникѣ всѣ поправки, направленные противъ Никона, подъ вліяніемъ озлобленія противъ Никона при дворѣ въ 1667 г.) повторилъ, что **строгость противъ Епископа Павла, совершенная царемъ и Патріархомъ, была достойна похвалы, и что его вѣчная ссылка была заслужена.** И онъ рассказываетъ, какъ самъ Патріархъ Макарій съ каноническимъ числомъ 12 Епископовъ, авторитетомъ Бога и султана низложилъ въ 1659 г. Эмесскаго Митрополита.

Теорія симфонії властей (духовной и свѣтской). Никонъ обѣимъ властямъ отводить доминирующее значеніе каждой въ своей сферѣ. Нарушеніе симфоній въ 1658 и 1660 г.

Означенные примѣры показываютъ, что **Никонъ**, въ соотвѣтствіи съ теоріей симфоніи, требоваль единства дѣйствій обѣихъ властей, но, естественно, каждой власти въ ея сферѣ дѣйствій отводилъ опредѣляющее значеніе. Такъ, когда Никонъ ушелъ въ Воскресенскій монастырь 10 іюля 1658 г. и поручилъ Митрополиту Питириму его замѣщать, то одностороннее порученіе послѣднему со стороны царя безъ согласія Никона управлять Церковью самостоятельно, не упоминая Никона въ молитвахъ и не испрашивая его согласія на церковные акты, а равно и созывъ Собора въ 1660 г. по инициативѣ одного царя, было нарушеніемъ симфоніи и проявленіемъ цезарепапизма, ибо съ церковной точки зрѣнія сама Церковная Власть въ лицѣ Собора, ею самой созваннаго, должна была рѣшать дальнѣйшую судьбу въ замѣщеніи Московской Патріаршей каѳедры; самостоятельнаго управленія Патріархатомъ царь не имѣлъ права никому вручать, равно и превращать представителя Патріарха Никона въ самостоятельнаго Мѣстоблюстителя Патріаршаго престола, тѣмъ болѣе, что юридическая природа ухода Никона не была еще ни изслѣдована, ни установлена въ то время; это не удалось сдѣлать даже Собору Русскихъ Архіереевъ въ 1660 году, и соборное постановленіе о низверженіи Никона съ каѳедры и изъ сана и о замѣщеніи каѳедры не могло быть приведено въ исполненіе въ виду заявленныхъ сомнѣній въ канонической дѣйствительности суда надъ Патріархомъ безъ участія другихъ Патріарховъ и въ отсутствіе обвиняемаго, не приглашеннаго на судъ.

О причинахъ ухода Никона. Мнѣніе Соловьева, Пальмера, Горчакова, Беляева, Hermann'a.

Откладывая пока до дальнѣйшаго центральный фактъ въ жизни Никона, его уходъ изъ Москвы 10 іюля 1658 г., мы не можемъ теперь же не обратить вниманія на то, какія обстоятельства побудили къ этому Никона. Въ свое время **С. М. Соловьевъ** указаль на психологическія причины этого въ виду возмужалости царя, проведеннаго больше 2-хъ лѣтъ на войнѣ и привыкшаго къ большей самостоятельности. Основываясь далѣе на характеристикѣ Никона, изображеннаго Лигаридомъ человѣкомъ гордымъ и властолюбивымъ, онъ представилъ этотъ уходъ, какъ протестъ Никона противъ лишенія его прежняго значенія въ государствѣ, оставивъ безъ вниманія во-

прось, какихъ именно дѣлъ касался протестъ Никона, были ли это дѣла, государственныя, входящія по существу своему въ сферу государственной власти, или дѣла церковныя, входящія по существу своему въ сферу власти церковной, или дѣла смѣшаннаго характера, подлежащія и той и другой власти. Такъ какъ С. М. Соловьевъ не выяснилъ различія природы этихъ дѣлъ, а исходилъ изъ Лигаридовскаго воззрѣнія о неограниченности царской власти, то самый протестъ Никона ему могъ представиться, какъ покушеніе на чужую сферу власти и какъ стремленіе восхитить недолжное, а уходъ Никона средствомъ давленія на царя, который вынужденъ былъ бы удовлетворить честолюбіе гордаго Патріарха. Что касается характеристики Никона, то она взята Соловьевымъ у Лигарида на вѣру, а не является плодомъ самостоятельнаго изслѣдованія его жизни, а, что касается дѣлъ, послужившихъ причиной протеста Патріарха Никона (ихъ надо отличать отъ ближайшихъ поводовъ къ нему), то все это были дѣла чисто церковныя или такія, которыя по понятіямъ того времени считались таковыми, какъ показываютъ изслѣдованія другихъ ученыхъ и показанія самого Никона въ „Раззореніи“. Никонъ неоднократно упоминаетъ тамъ и объ этихъ церковныхъ дѣлахъ, захваченныхъ царемъ, именно о захватѣ государствомъ черезъ монастырскій приказъ всѣхъ дѣлъ о духовенствѣ, включающихъ судъ по всякимъ дѣламъ, и о назначенія духовныхъ лицъ, и о конфискаціи посадскихъ слободъ, принадлежавшихъ Церкви, по понятіямъ того времени, не подлежавшихъ отчужденію, какъ имущество, „Богу данное“. Самъ Никонъ говоритъ объ этомъ захватѣ церковнаго управленія въ общихъ чертахъ, обосновывая его самостоятельность или на правѣ Божественномъ (назначенія), или на правѣ историческомъ (пожертвованіи имущества, которое великими князьями и царями сопровождалось заклѣтіями ихъ неприкосновенности). То же мы узнаемъ о нихъ изъ другихъ источниковъ. Такъ, Hermann указываетъ: („Die Geschichte des Russischen Staates“, III т., 672 стр.) на случай отнятія монастырскимъ приказомъ ставропигіальнаго монастыря, установленнаго въ этомъ свойствѣ Никономъ, въ пользу Епархіальнаго Епископа, и на общій захватъ этимъ приказомъ означенныхъ дѣлъ, послѣ наступившаго охлажденія царя къ Патріарху Никону. Такъ онъ пишетъ: „Die Grossen begegneten ihn ungeschenkt mit der gröbsten Nichtachtung. Einer derselben Streschneff gab seinem Hund den Namen Nikon. Schon wurden Anordnungen die der Patriarch sonst allein zu treffen pflegte, allmählich wieder vor die Entscheidung des Bojahrenraths gezogen. Nikon hatte das

Polozkische Kioster zum Erscheingung Gottes (Богоявление) für exemt erklärt; plötzlich wurde es dem für die dortige Eparchie geweihten Bischof Kallist untergeben¹; впрочемъ, передача Богоявленскаго монастыря въ вѣдѣніе Епархіальнаго Епископа произошла по указу царя, приведенному у Пальмера отъ 21 февраля 1659 г., т. е. уже послѣ ухода Никона въ Воскресенскій монастырь (IV, 162, 163). Auch die Klosterkammer fing wieder an geistliche Personen und ihre Güter vor ihr Geridit zu ziehen, und der Bojarenrat erliess gestützt auf die Uloshenie nach eigenem Ermessen Entscheidungen über die wieder die Verordnungen Iwan IV von der Kirche gemachten Erwerbungen"². И въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: Wir sehen Nikon diesen Schritt (удаление въ Воскресенскій монастырь) nicht aus widersetzlichkeit gegen die weltliche Obrigkeit sondern wegen der ihn wiederfahrenden mit seinem geistlichen Amt und seiner Würde unverträglichen Ehrenkränkung"³.

Было еще одно серьезное разногласіе между царемъ и Никомъ, начавшееся въ половинѣ 1657 г.; оно было связано съ вопросомъ о назначеніи на Кіевскую кафедру Митрополита послѣ смерти Кіевскаго Митрополита Сильвестра Коссова, послѣдовавшей въ 1657 г. лѣтомъ. Никонъ считалъ неканоническимъ назначать его, ибо Кіевская Митрополія была подвѣдомственна Константинопольскому Патріарху; царь добился этого назначенія лишь въ 1661 г. черезъ послушнаго ему Митрополита Питирима. Никонъ въ 1662 г. публично осудилъ этотъ актъ для того, чтобы отклонить всякое подозрѣніе на него въ участіи его въ немъ, черезъ благословеніе, которое онъ далъ сначала Питириму на управленіе Патріархатомъ на время своего отсутствія изъ Москвы на положеніи его викарія. **Пальмеръ** описываетъ это дѣло въ IV, 326 стр.: It was an old matter of difference and cause of anger for the tsar against Nikon, dating from the death of the metropolitan of Kieff Silvester Kossoff, in the summer of 1657, that Nikon has resisted the wish of the tsar — urged upon him importunately both verbally and in writing — that he should assume or rather that he should **accept from the tsar** the right of consecrating a new metropolitan to the

¹ Вельможи относились къ нему, не боясь, съ величайшимъ пренебреженіемъ. Одинъ изъ нихъ Стрѣшневъ далъ имя Никона своей собацѣ. Постепенно дѣла, обычно рѣшавшіяся однимъ Патріархомъ, снова поставили въ зависимость отъ рѣшенія бояръ. Никонъ объявилъ Полоцкій Богоявленскій монастырь ставропигіальнымъ, а его вдругъ подчинили посвященному на тамошнюю епархію Епископу Каллисту.

² Точно также, Монастырскій приказъ снова началъ привлекать къ своему суду духовныхъ лицъ и ихъ имущества, а Боярская Дума, опираясь на Уложеніе, по собственному усмотрѣнію постановляла рѣшенія о пріобрѣтеніяхъ Церкви, сдѣланныхъ ею вопреки указовъ Ивана IV.

³ Мы видѣли, что Никонъ предпринимаетъ уходъ въ Воскресенскій монастырь не изъ нелюбимости къ свѣтской власти, но вслѣдствіе оскорбленія чести, несовмѣстимаго съ его духовнымъ саномъ и достоинствами.

chair of Kieff: and he not only declined to do this, but also pointed out how uncanonical and irreligious such an act would be, the see of Kieff being then, with all its suffragan bishops of Little Russia under the Patriarch of C. P. Then it was the tsar who began perhaps for the first time to use unseemly of foul words, and to call Nikon „мужикъ блядинъ" или „мужикъ блядинъ сынъ" having also for his minister and adviser in that matter his maternal uncle the boyar Simeon Lucian Streshneff who held the Prikaz for Lithuania.¹

Не только царь самъ настаивалъ на актахъ неканоническихъ и, потому отвергнутыхъ Никономъ, но со времени прекращенія имъ поддержки Никона бояре ввели въ дѣйствіе Уложение, до того времени лишь пріостановленное въ дѣйствиі, и на сцену выступилъ монастырскій приказъ, какъ проводникъ беззастѣнчиваго цезарепапизма. Монастырскій приказъ былъ призванъ осуществить мысль о подсудности духовенства и подвластныхъ ему лицъ въ гражданскихъ дѣлахъ государственной судебной власти, а также отвѣтить на стремленіе государства привлечь возможно больше земли къ службѣ государству. На дѣлѣ онъ оказался не только судебнымъ, но и финансовымъ и административнымъ учрежденіемъ и полицейскимъ по отношенію къ чисто церковнымъ вопросамъ. Проф. **Горчаковъ** еще указалъ на то, что Монастырскій Приказъ при неопредѣленности Уложения въ отношеніи состава учрежденія, судопроизводства и въ отношеніи круга дѣятельности дошелъ до вмѣшательства въ чисто церковныя дѣла, но критика въ лицѣ проф. Бѣляева (въ XV т. присужденій преміи графа Уварова), указала, что упрекъ Горчакова въ неопредѣленности круга дѣйствій напрасенъ, ибо монастырскій приказъ имѣлъ совершенно одинаковый характеръ всѣхъ приказовъ того времени. Всѣ они были одновременно и судебными и административными и финансовыми и даже политическими учрежденіями относительно лицъ и учрежденій имъ подвѣдомственныхъ; такой же характеръ мы находимъ въ приказахъ стрѣльцкомъ, пушкарскомъ, иноземномъ, аптекарскомъ и другихъ. Всѣ они были казеннымъ управленіемъ тѣмъ или другимъ вѣдомствомъ во всѣхъ дѣлахъ.

¹ Это было старое разногласіе и причина царскаго гнѣва на Никона со времени смерти Кіевскаго Митрополита Сильвестра Косова лѣтомъ 1657 г. Именно Никонъ сопротивлялся желанію царя, неотступно требовавшего и устно и письменно, чтобы онъ взялъ на себя или, лучше, принялъ отъ царя право посвященія новаго Митрополита на Кіевскую кафедру. Онъ не только отклонилъ это, но указывал, какъ неканониченъ и безрелигіозенъ былъ бы такой актъ въ виду того, что Кіевская кафедра со всѣми ея Епископами Малой Россіи находилась подъ Константинопольскимъ Патріархомъ. Именно царь началъ, впервые, быть можетъ, употреблять неподобныя безумныя слова и ругать Никона „блядинъ мужикъ", имѣя своимъ слугою и совѣтникомъ въ этомъ дѣлѣ своего дядю по матери Симеона Лукьяновича Стрѣшнева, завѣдывавшаго Литовскимъ приказомъ.

Монастырскій приказъ былъ казеннымъ управленіемъ надъ духовенствомъ и лицами, съ нимъ связанными, ту была полная опредѣленность, только не по разрядамъ дѣлъ, а по лицамъ и учрежденіямъ, подвѣдомственнымъ приказу. Какъ раньше Церковь и по суду и по администраціи, въ финансахъ и въ полиціи вѣдалась и управлялась сама собою, такъ съ учрежденіемъ монастырскаго приказа все, относящееся до **Церкви, должно было перейти въ его вѣдѣніе**. Монастырскій приказъ былъ закрытъ въ 1667 году уже послѣ осужденія Никона на основаніи идей, высказанныхъ Никономъ: „Божественные законы не повелѣваютъ мірскимъ людямъ, возложенными Господеви обладати движимыми и недвижимыми вещами, ниже судити.“ Извѣстно, что и раньше и въ архіерейской и патріаршей области управляли свѣтскіе чиновники, но они были помощниками Архіереевъ и Патріарховъ и безъ утвержденія послѣднихъ ничего не могли рѣшать. Въ учрежденіи монастырскаго приказа былъ измѣненъ самый принципъ суда; на мѣсто суда церковнаго по духовнымъ и гражданскимъ дѣламъ выступилъ государственный судъ и по гражданскимъ и по духовнымъ дѣламъ. При отсутствіи различенія дѣлъ по ихъ предметамъ и при различеніи ихъ только по лицамъ, Никонъ могъ принять только первое положеніе дилеммы, именно: церковный судъ по духовнымъ и гражданскимъ дѣламъ; но если первая онъ основывалъ, какъ мы видѣли, исключительно на Божественномъ правѣ, то для вторыхъ онъ приводилъ основанія исторически традиціонныя въ видѣ ссылокъ на Византійское законодательство, на Уставъ Св. Владиміра, Ярослава и на Стоглавъ (Очевидно, самъ Никонъ чувствовалъ неправильность ссылки здѣсь на Божественное право). Мы привели достаточно доказательствъ тому, что протестъ Никона имѣлъ въ виду отстоять за Церковью именно тѣ права, которыя она имѣла или по праву Божественному, или во всякомъ случаѣ по праву многовѣковой исторической давности въ силу того положенія, которое Церковь занимала въ Русскомъ Государствѣ по основнымъ актамъ, опредѣлявшимъ ея общественное положеніе до Уложенія, именно Уставы Св. Владиміра и Ярослава. Эта многовѣковая давность сливалась въ общественномъ сознаніи иныя прикладныя права Церкви (напримѣръ, право гражд. суда надъ духовенствомъ) съ правами Церкви, принадлежащими ей въ силу ея природы (установленіе состава ея іерархіи и судъ по духовнымъ дѣламъ).

О поводѣ къ уходу Никона въ Воскресенскій монастырь.

Если таковы причины ухода Никона, то поводъ къ нимъ опредѣлился въ іюлѣ мѣсяцѣ 1658 г., когда царь явно показаль Никону, что онъ больше не можетъ разсчитывать на его поддержку, и показаль это явнымъ и публичнымъ нарушеніемъ того положенія, которое обычай отводилъ Патріарху. Въ силу интимной близости къ царю по сану, Патріархъ приглашался всегда на пріемъ у царя именитыхъ гостей, а Патріархъ Никонъ не былъ приглашенъ на обѣдъ, дававшийся царемъ въ честь, грузинскаго царевича Теймураза; царь не далъ удовлетворенія Патріарху въ побитіи его чиновника, пришедшаго 4 іюля во дворецъ, по порученію Патріарха, царскимъ бояриномъ Хитрово, что было порухою чести для самого Патріарха. Этотъ чиновникъ (Пальмеръ IV, 118) назначался царемъ и Патріархомъ совмѣстно для свободнаго доступа къ гражданскимъ властямъ и судьямъ для полученія отъ нихъ для Церкви и ея кліентовъ справедливости во всякихъ дѣлахъ, въ которыхъ они могли бы оказаться обиженными; наконецъ, царь ни 8 іюля, ни 10 іюля не участвовалъ въ народныхъ богослуженіяхъ, что было совершенно недопустимо по понятію того времени и придворнымъ обычаямъ. Никонъ увидѣлъ въ этомъ отсутствіи особое проявленіе гнѣва царя, который почиталь несправедливымъ, и рѣшилъ дать ему просторъ. Онъ пишетъ (I, 104) о томъ, что, когда предъ заутреней 10 іюля къ нему пришли посланные царемъ стольники князь Юрій Ивановичъ Ромодановскій и Аѳанасій Ивановичъ Матюшинъ, то онъ имъ уже сказалъ о намѣреніи уйти изъ Москвы въ виду царскаго гнѣва; изъ-за этого гнѣва царь воздерживается отъ посѣщенія церкви (отъ исполненія обязательнаго для царя ритуала). „Извѣстно всему государству, что вслѣдствіе этого гнѣва на меня царь не ходить въ Святую Соборную Церковь, и я уйду изъ Москвы; надѣюсь, что царю будетъ свободнѣе безъ меня" (IV, 120). Затѣмъ, Никонъ перечисляетъ обиды Церкви, а не личныя ему обиды; его упреки въ этомъ и вызывали въ царѣ несправедливый гнѣвъ; Никонъ прибавляетъ, что обо всемъ этомъ, уходя изъ Москвѣ, онъ свидѣтельствовалъ публично въ соборѣ предъ небомъ и землей, и всѣмъ народомъ, и ушелъ такимъ образомъ съ вѣдома царя."

Въ дополненіе ко всему пришедшій отъ царя къ Никону утромъ 10 іюля 1658 года предъ утреней князь Юрій Ромодановскій сказалъ Никону, чтобы онъ не назывался болѣе великимъ государемъ и, что царь его болѣе почитать не будетъ. Все это было свидѣтельствомъ

того, что Никонъ утрачивалъ то положеніе въ государствѣ, которое онъ занималъ въ силу своего сана, и не могъ болѣе рассчитывать на поддержку царя въ отстаиваніи той церковной самостоятельности, которую царь и бояре клятвенно обѣщали не подрывать 22 іюля 1652 г. (а теперь введено въ дѣйствіе Уложеніе). Когда царь послалъ послѣ обѣдни князя Трубецкаго просить Никона остаться, то это было, правда, просьба остаться, но, довольствуясь положеніемъ, которое давали ему царь и бояре, и управлять Церковью подъ ихъ властью (Пальмеръ IV, 136, примѣчаніе 24). Никонъ ушелъ, и при разсмотрѣннѣ обстоятельствъ его ухода видно будетъ, что онъ не отрекался отъ Патріаршества, но ушелъ отъ непокорной паствы, поручивъ 12 іюля, при отъѣздѣ изъ Воскресенскаго подворья въ монастырь, управлять послѣ своего ухода въ Воскресенскій монастырь на правахъ викарія Крутицкому Митрополиту Питириму, обращаясь къ нему лишь по важнѣйшимъ дѣламъ (Пальмеръ IV, 138 прим. 31).

Царь послѣ ухода Никона, однако, запретилъ Питириму и помянуть Никона, и обращаться къ нему.

Никонъ о своемъ уходѣ въ Воскресенскій монастырь.

Посламъ царскимъ 12 іюля 1658 г. Никонъ сказалъ: „Я ушелъ не совсѣмъ. Если царское величество преклонится, будетъ милостивѣе, отложить свой гнѣвъ въ сторону, я вернусь въ Москву." Свой уходъ Никонъ разсматривалъ, какъ исполненіе заповѣди Спасителя и Апостоловъ: „Если гонять васъ въ одномъ городѣ, отходите въ другой, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ", и оправдывалъ свое право вернуться въ Москву на Патріаршій престолъ, ссылаясь на 17 Сардикское правило (I, 142), гласившее: „Если который Епископъ, претерпѣвъ насиліе, несправедливо изверженъ будетъ или за свои познанія или за исповѣданіе Каѳолической Церкви или за то, что защищалъ истину и избѣгая опасности, будучи невиненъ и обвиненію подверженъ, прійдетъ во иной градъ: то заблагоразсуждено, да не возбраняется ему пребывать тамо, доколѣ не возвратится, или возможетъ обрѣсти избавленіе отъ нанесенныхъ ему обидъ. Ибо жестоко и весьма тяжело было бы не пріимати намъ претерпѣвшаго несправедливое изгнаніе: на противъ того съ особеннымъ благорасположеніемъ и дружелюбіемъ должно пріимати такового."

Протестъ Никона въ видѣ ухода противъ того положенія, въ которомъ была поставлена Церковь, вопреки клятвѣ царя и бояръ, есть не проявленіе его гордости, о которой повторяютъ со словъ Паисія

Лигарида, а признакъ стойкости его убѣжденій, которыя онъ не принесъ въ жертву полной возможности для него остаться Патріархомъ, подчиненнымъ во всемъ царю и боярамъ. „Что хуже всего, это, что, вопреки всякой справедливости, синклитъ царскаго величества, бояре и всякаго рода люди причиняють великія обиды церковному строю, и царская власть не дѣлаетъ разслѣдованія, не даетъ удовлетворенія, но когда мы жалуемся на такія вещи, только гнѣвается на насъ" (III, 386). „Спустя время самъ царь началъ не оказывать уваженіе Божественнымъ заповѣдямъ Христа, Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ, которыя онъ обязанъ соблюдать при нашемъ назначеніи на Патріаршество, и не далъ мнѣ управлять въ соотвѣтствіи съ канонами" (I, 13) и (IV, 132). Если бы Никонъ не ушелъ, то, вѣроятно, имя его не возбуждало бы теперь интереса, и онъ былъ бы въ глазахъ исторіи однимъ изъ многочисленныхъ святителей потоковниковъ, а не путеводной звѣздой Православія, напомнившей идеи и непоколебимость Святаго Іоанна Златоуста и Святого Θεодора Студита. Мы еще вернемся послѣ къ характеристикѣ обстоятельствъ его ухода, а теперь рассмотримъ ученіе объ отношеніи Патріарха къ царской власти въ государствѣ.

Царь и право Патріарха на обличеніе.

Никонъ писалъ, что онъ служилъ государю, въ царское ни во что не вмѣшивался, а если вступался за вдовъ и сиротъ, то говорилъ: „мы, Архіереи на то и поставлены", т. е. свое участіе въ государственныхъ дѣлахъ онъ объяснялъ своимъ регенствомъ, а право печалованія считалъ всегда присущимъ своему сану. Миссія священства по Никону была въ томъ, чтобы быть „свѣтомъ міру, солью земли, окомъ слѣпымъ, врачомъ больнымъ, обращающимъ заблуждающихся и утверждающимъ стоящихъ." Такимъ по преимуществу долженъ быть Патріархъ. Онъ — покровитель бѣдныхъ и неимущихъ; его обязанность бороться противъ всякой неправды и злоупотребленій властью. „А что о правдѣ говорили, пишетъ онъ Патріарху Діонисию, и бѣдныхъ отъ бѣды избавляли, то мы, Архіереи, на сіе и поставлены. Патріархъ можетъ правду говорить и обличать за неправду самого царя. Досаждати царю или князю всѣмъ возбранено, а не Архіереямъ, обличати же по достоянію нѣсть возбранено, аще и обличенія словеса люта зѣло... по правдѣ кто обличаетъ нѣсть муки достойны." Даже больше — глаголатъ о свидѣньяхъ Божіихъ передъ царемъ не стыдятся — прямая обязанность Патріарха,

какъ это выставилъ и самъ Никонъ передъ вступленіемъ на Патріаршество: „Егда позволить Богъ Никону Митрополиту быть на Патріаршествѣ и Никонъ Митрополитъ усмотритъ во царѣ и великомъ князѣ порокъ, который противенъ Евангельскимъ св. заповѣдямъ, или противно что Св. Апостоламъ и Отеческимъ правиламъ и ему, Никону, по писанному во псалмѣхъ, не стѣсняясь говорить о заповѣдяхъ, церквахъ Божіихъ... передъ царемъ и передъ бояры, а ему, государю, и его государевымъ боярамъ слушати во всемъ." Царь обязанъ разсматривать эту дѣятельность Патріарха, какъ его долгъ по сохраненію Православія, и не гнѣваться. Имѣя право нравственнаго обличенія царя, Патріархъ, какъ таковой, не подлежитъ суду царя, а лишь суду другихъ Патріарховъ, и такимъ образомъ нравственно всегда свободенъ отъ давленія свѣтской власти.

Сравненіе обличеній Св. Филиппа и Никона.

Если мы сравнимъ обличеніе Никона и обличенія Св. Филиппа, то увидимъ, что обличенія Св. Филиппа гораздо глубже врѣзались въ государственную жизнь въ смыслѣ сферы воздѣйствія. Вѣдь, Св. Филиппъ обличалъ несправедливость и жестокость опричнины — учрежденія государственнаго ради ея безнравственныхъ дѣяній; т. е. онъ захватывалъ своей критикой явленіе, хотя и подлежащее суду Церкви съ нравственной точки зренія, однако, входившее въ сферу государства; Никонъ же, отстаивая права Церкви имѣть опредѣляющее значеніе на составъ Іерархіи и право суда Церкви надъ духовенствомъ въ духовныхъ дѣлахъ, защищалъ лишь право самой Церкви въ ея *forum internum*, а поскольку онъ защищалъ права Церкви на судъ въ гражданскихъ дѣлахъ духовенства, онъ отстаивалъ историческую традицію отъ захвата государствомъ всего суда и управленія Церковью, въ виду отсутствія въ то время раздѣленія компетенціи по роду дѣлъ, а не по лицамъ. Никонъ больше всего посвятилъ вниманія въ своемъ „Раззореніи" понятію православнаго царя. Онъ не ставитъ его надъ Церковью главой, а вводилъ его въ Церковь ея членомъ и обязывалъ къ соблюденію заповѣдей и правилъ, какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни, а также обязывалъ къ сохраненію строя церковнаго, противостоящаго царю, какъ нѣчто неприкосновенное, съ своими законами, управленіемъ и судомъ, гдѣ царь можетъ имѣть вліяніе, поскольку оно принимается самой Церковью, но гдѣ онъ не можетъ выступать единственно опредѣляющимъ факторомъ, какъ то было во времена языческія и

какъ претендовали иные аріанствующіе и иконоборствующіе императоры, а въ новое время бояре, предводительствуемые княземъ Одоевскимъ, этимъ, по словамъ Никона, новымъ Лютеромъ, бояре, руководимые Лигаридомъ, дававшимъ имъ доводы цезарепапизма изъ языческихъ писателей и практики злоупотребленій Византійскаго двора, этимъ лицемѣромъ, челоуѣкоугодникомъ, искавшимъ лишь наживы, какъ называлъ его Никонъ и какъ подтвердила историческая критика нашего времени въ лицѣ Пирлинга и Пальмера. Отстаивая самостоятельность Церкви, какъ особаго союза отъ безграничной власти государства, Никонъ отстаивалъ и права Патріарха лишь постольку, поскольку захватъ этотъ затрагивалъ и права Патріарха. Цезарепапизмъ, въ лицѣ Лигарида, хотѣлъ поразить и право печалованія, для котораго Никонъ находилъ огражденіе и основу въ 8 и 9 Сард. правилѣ (I, 140); Лигаридъ видѣлъ въ этомъ обиду для царскаго сана, а Никонъ со своей энергіей отстаивалъ это право, со времени лучшихъ эпохъ Византіи бывшее показателемъ, что передъ царемъ стояла высшая обязанность — усовершенствованіе справедливости и правды въ своемъ управленіи, и что глашатаемъ правды долженъ быть тотъ, кто призванъ стать выше жизни и быть живымъ образомъ Христа, словомъ и дѣломъ изображающимъ истину.

Нарушеніе симфоніи въ строѣ Московскаго государства введеніемъ Уложенія и расцерковленія государства.

Строй Московскаго государства уже воплощаль въ значительной мѣрѣ симфонію властей въ своихъ учрежденіяхъ; ему лишь наносились первые удары со стороны секуляризаціоннаго духа вѣка, выразившіеся въ цезарепапистскихъ устремленіяхъ Уложенія. Введеніемъ монастырскаго приказа покушались на принципъ церковной самостоятельности, и это было тѣмъ началомъ, которое давало толчокъ расцерковленію государства, признававшаго себя вновь высшимъ принципомъ, и дало толчокъ новому потоку идей, которыя, секуляризируя государство, уничтожали и право печалованія (— послѣдній случай печалованія былъ при Петрѣ въ 1698 году), и религіозныя обряды. Прекратился обрядъ страшнаго суда передъ великимъ постомъ, съ прекращеніемъ церковнаго настроенія въ правящихъ сферахъ. Обрядъ пещного дѣйствія, иллюстрировавшій ту истину, что надъ государственной властью стоятъ высшіе законы Божіи, прекратился когда восхваленіе принципа перестало соответствовать дѣйствительности (IV, 514, прим. 7); была нарушена неприкосновенность церковной собственности, перешедшей сначала

въ управленіе государства, а потомъ и въ его собственность. Обрядъ въ недѣлю Ваій былъ оставленъ въ 1676 году для одного Патріарха и вовсе прекратился послѣ смерти матери царя Наталіи Кириловны, послѣдовавшей въ 1694 году (Скворцовъ, Патріархъ Адріанъ. Правосл. собесѣд. 1912, I); Петръ нарушилъ и огромную культурную работу Церкви по благотворенію и образованію, давъ послѣднему слишкомъ свѣтскій характеръ и посягнувъ даже на самый характеръ религіознаго воспитанія черезъ изданіе неправославныхъ книжекъ черезъ зависимое отъ свѣтской власти духовенство. Уложеніе еще не захватывало лично Патріарха, но, конфискуя его посады, оно вступило на путь уменьшенія церковнаго имущества и обезсиленія общественнаго значенія Патріарха; преступивъ каноны подчиненіемъ Церкви государственному принципу, оно расчищало въ принципѣ путь дальнѣйшему нарушенію каноновъ, въ концѣ котораго стояло уже не только устраненіе лучшаго Патріарха черезъ послушныхъ и подкупныхъ Іерарховъ, вмѣшательство государства въ управленіе церковной собственности и въ составленіе церковной Іерархіи, но и уничтоженіе самимъ государствомъ каноническаго церковнаго строя черезъ уничтоженіе Патріаршества. Попутно съ превращеніемъ церковнаго управленія въ государственное, завершившимся созданіемъ Синода изъ назначенныхъ правительствомъ духовныхъ лицъ на извѣстное время, самостоятельно имъ выбираемыхъ и присягающихъ въ вѣрности крайнему своему суду въ лицѣ государя, шло и вытравленіе церковнаго элемента изъ управленія государственнаго, устраненіе его изъ высшихъ государственныхъ учреждений. Прекращается участіе духовныхъ лицъ въ Боярской Думѣ, которая замѣняется Сенатомъ изъ однихъ свѣтскихъ лицъ. Рядомъ съ самимъ царемъ стоявшій и интимно по сану съ нимъ связанный Патріархъ уже не находится при лицѣ царя, а замѣнившая его духовная коллегія, какъ и всякое другое подчиненное государственное учрежденіе, сносится съ царемъ уже не непосредственно, а черезъ приставленное око государево въ лицѣ оберъ прокурора Св. Синода, въ которые ставится „храбрый и смѣлый офицеръ." На мѣсто высшей идеи постепеннаго оцерковленія государства, возвышенія его черезъ симфонію властей явилась идея подчиненія самой Церкви и ея положенія въ обществѣ тѣмъ философскимъ идеямъ, которыми въ данное время увлекаются представители государственной власти. Это было уже расцерковленіемъ государства и вверженіемъ его въ пучину стихій міра сего.

Смысль борьбы Никона въ свѣтѣ послѣдующихъ мѣръ противъ Церкви.

Это было то, противъ чего предостерегаль Никонъ передъ вступленіемъ на Патріаршество, когда онъ оберегаль управление церковное отъ подчиненія его свѣтской власти и черезъ то оберегаль для Церкви возможность оставаться самостоятельнымъ свѣточемъ міру, неразстворимымъ въ стихіяхъ міра сего; черезъ это Никонъ оберегаль не меньше и самую свѣтскую власть, ибо въ Церкви она находила непререкаемый смыслъ своей дѣятельности, связывающей ее съ вѣчностью, и союзную охранительницу отъ ученій, могущихъ подтачивать существованіе самага государства. Выясняя понятія православнаго царя и значеніе Патріарха при немъ, подчеркивая неоднократно значеніе Премудрой Божественной Двоицы, Никонъ, какъ бы заранѣе протестоваль противъ низведенія Церкви на степень подчиненнаго государственнаго учрежденія и ея идеаловъ на степень обычныхъ человѣческихъ мнѣній, которымъ государственная власть можетъ слѣдовать, но можетъ и не слѣдовать безъ опасности для самой себя. Церковь въ глазахъ Никона — не государственное и не національное учрежденіе, а каѳолическое, вмѣщающее въ себѣ всю истину, и призванное вести человѣчество черезъ градъ земной къ граду небесному средствами особыми, Ей одной свойственными, въ которыхъ Она самостоятельна отъ человѣческихъ стихій, въ томъ числѣ и отъ государства. И люди, поглощенные этими стихіями, его не понимали. Эту борьбу съ засиліемъ плоти надъ духомъ мы видимъ постоянно въ дѣятельности Никона. Не забудемъ, что только около 40 лѣтъ прошло отъ времени воцаренія Михаила Ѳеодоровича до вступленія Никона на Патріаршество, что войны внѣшнія, междоусобныя и иностранныя оккупациі съ потокомъ чужеродныхъ идей ослабили церковную жизнь, а Никонъ съ этой практической жизненной стороны и подходилъ къ Церкви. Онъ многократно, мы видѣли, писалъ, что „Церковь не стѣны и храмъ, а церковные законы и жизнь по вѣрѣ.“ Объ этомъ онъ говорилъ и передъ вступленіемъ на Патріаршество: „Мы называемся христіанами, но христіане мы только на словахъ.“ И въ іюль 1663 года Одоевскому онъ говорилъ, что въ царѣ мало христіанскаго," ибо царь допускаетъ, чтобы церковное управленіе устраивалось черезъ неканоническое вмѣшательство его власти въ дѣла, подлежащія вѣдѣнію носителей иныхъ даровъ благодати.

Различные способы Никона къ поддержанію церковнаго направленія въ правительствѣ и обществѣ.

Ту же борьбу мы видимъ у Никона и въ цѣломъ рядѣ другихъ его проявленій, но эта борьба истолковывалась его врагами всегда иначе. Такъ, Никонъ сдѣлалъ прибавленіе къ Кормчей въ видѣ даренія Константинова. Тамъ приведено сказаніе объ исцѣленіи, совершенномъ Папой Сильвестромъ съ Константиномъ Великимъ, и о принесеніи послѣднимъ за это въ благодарность Папѣ западныхъ странъ и о предоставленіи разныхъ привилегій духовенству въ государствѣ. Это было со стороны Никона выставленіемъ нравственного примѣра, необходимаго въ виду паденія общественнаго значенія духовенства, загнаннаго, черезъ подчиненіе на мѣстахъ государственнымъ чиновникамъ, въ зависимость отъ людей еще болѣе низкаго уровня, а на верхахъ поставленнаго въ зависимость отъ своеволія боярь. Это было со стороны Никона напominаніемъ о должномъ положеніи Церкви. Но изъ этого помѣщенія „Даренія" въ Кормчей бояре, во время отсутствія Патріарха Никона, дѣлали средство остановить примирительныя попытки царя съ Патріархомъ запугиваніемъ, что будто бы, если Никонъ вернется, то царю ничего не останется, какъ оставить Никону Москву, какъ Константинъ Великій оставилъ Римъ Папѣ Сильвестру (IV, 60 прим. 36). Такъ Никонъ посовѣтовалъ царю привезти мощи Св. Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву, и въ этомъ усмотрѣли униженіе царя, тогда какъ Никонъ въ дѣйствительности не унижать царя хотѣлъ, а искупить общественный грѣхъ, который лежалъ на царствѣ за несправедливое гоненіе Св. Филиппа предшественникомъ царемъ, и за который надо было испросить прощеніе. Въ соотвѣтствіи съ этимъ была отредактирована Никономъ и рѣчь царя передъ гробомъ Св. Филиппа, которую Никонъ читалъ въ Соловецкомъ монастырѣ передъ взятіемъ оттуда мощей Святого. Тамъ говорилось прежде всего о желаніи царя, чтобы „Св. Филиппъ, находясь въ Москвѣ, присоединилъ свои молитвы, чтобы вѣра Христова пребывала неподвижной и стадо паствы оставалось ненавѣтнымъ отъ гибельныхъ волковъ; и мы крѣпки не своей силой и многооружнымъ воинствомъ, но святыми вашими молитвами." Изъ этихъ словъ Никона можно видѣть желаніе его найти духовную опору противъ все того же секуляризаціоннаго стремленія вѣка. Далѣе грамота продолжаетъ: „Второе молю тебя и желаю пришествія твоего сюда, чтобы разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего царя и вел. кн. Іоанна, совершенное противъ тебя не-

разсудно завистью и несдержанной яростью. Хотя я и не повиненъ въ досажденіи тебѣ, но гробъ прадѣда постоянно убѣждаетъ меня, приводить въ жалость и мучить мою совѣсть, что отъ изгнанія тебя до настоящаго времени ты вдали отъ своей святительской паствы. Поэтому **преклоняю санъ свой царскій за согрѣшившаго противъ тебя, да отпустишь ему согрѣшеніе своимъ къ намъ пришествіемъ, да уничтожится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе; пусть всѣ увѣрятъ, что ты примирился съ нимъ. Умоляю тебя** и честь моего царства **преклоняю предъ честными твоими мощами, повергаю къ моленію всю мою власть, приди и прости оскорбившаго тебя напрасно; онъ раскаялся тогда въ содѣянномъ грѣхѣ, и за его покаяніе и за наше прошеніе приди къ намъ. Оправдались на тебѣ Евангельскія слова, за которыя ты пострадалъ, что „всякое царство раздѣлившееся на ся не станетъ;“** теперь и у насъ нѣтъ прекословящихъ тебѣ; нѣтъ нынѣ въ твоей паствѣ никакого раздѣленія, но всѣ единомысленно просимъ и молимъ тебя **приди съ миромъ во, свояси, и свои тебя примутъ съ любовію.**" Въ этомъ посланіи **поистинѣ свидѣтельствуется христіанское смиреніе, а не униженіе царской власти, стремленіе поднять ее на ту нравственную высоту, которая не боится самообличенія, а въ раскаяніи видитъ средство очищенія. Но какъ прегрѣшеніе было публичное, такъ и очищеніе должно было быть публичное, и какъ за общественные грѣхи наказаніе поражаетъ общество, такъ и публичнымъ покаяніемъ можно было, по Никону, освободить себя отъ общественныхъ послѣдствій общественнаго грѣха.** Извѣстно, что въ то время (это былъ мартъ 1652 г., еще до Никонова Патріаршества) царь былъ благочестиво настроенъ и самъ еще стремился бороться съ тѣмъ антицерковнымъ духомъ, который проникъ, послѣ смутнаго времени и засилія иностранцевъ, въ Москву въ боярскую среду и выражалъ свое пренебреженіе къ уставамъ церковнымъ и благочинію церковнаго строя. Столкновеніе этихъ двухъ настроеній произошло и во время путешествія Никона въ Соловецкій монастырь за мощами Св. Филиппа. Непрерывныя богослуженія, келейныя правила, строгіе посты, благотворительность, какъ показали изслѣдователь этого путешествія профессоръ Николаевскій, были неизмѣнными спутниками Никона. Въ его свитѣ нѣкоторые бояре этимъ тяготились, и вотъ двое изъ нихъ Отяевъ и Лобановъ Ростовскій жаловались на строгость Никона царю. Инцидентъ этотъ запечатлѣнъ и въ исторіи Митрополита Макарія, и у профессора Ни-

колаевского. Царь писалъ Никону: „Вѣдомо намъ учинилось, что многіе дворяне и всякіе служилые люди, которые посланы съ вами, въ Великій постъ не постились и не съ благочиніемъ ѣдутъ. И тебѣ бы, богомольцу нашему, заставить ихъ въ Петровъ и Господній постъ говѣть, а которые учнутъ ослушаться, тебѣ по правиламъ Св. Отцовъ запрещать и разрѣшать, зане отъ Бога на тебѣ та власть положена, и на всякое благочиніе приводить." А князю Хованскому царь писалъ: „А тебѣ боярину нашему отъ всякаго дурна ихъ унимать и велѣть ѣхать съ благочиніемъ, а не смѣхомъ; зане же и къ намъ, земному царю, ѣдутъ со страхомъ и трепетомъ, а то колыми паче подобаетъ ѣхать къ такому великому святителю со страхомъ и трепетомъ" (Еще у Сол. X, 180). А бояре жаловались, что никогда такого позора не было, царь де выдалъ ихъ Митрополиту.

Идея оцерковленія государства и борьба съ начинавшимся его расцерковленіемъ — были основными стимулами дѣятельности Никона въ вопросѣ о церковно-государственныхъ отношеніяхъ. Это было стремленіе къ возстановленію въ жизни теоріи симфоніи, которой былъ нанесенъ вскорѣ послѣ него рѣшительный ударъ, чисто свѣтскимъ построеніемъ этихъ отношеній при Петрѣ I, въ духѣ протестантскомъ или неоязыческомъ, когда и государство фактически явилось единственнымъ судьей не только внѣшне церковныхъ, но и внутренне церковныхъ отношеній. Интересно сопоставить ученіе Никона о соотношеніи царской власти съ церковной, съ ученіями католическихъ и протестантскихъ писателей, чтобы почувствовать эту разницу. Ссылка Никона на теорію двухъ мечей ничего не говоритъ, ибо какъ говоритъ Janet: *le passage equivoque pouvait être interprété dans l'un et l'autre sens, comme la plupart des textes cités dans cette question*" (Histoire de la science politique I, 338).¹

Сравненіе ученія Никона съ католическими писателями о соотношеніи властей.

Какъ былъ далекъ Никонъ отъ ученій, выраженныхъ у католическихъ писателей, о соотношеніи властей духовной и свѣтской, могутъ показать отдѣльные примѣры. Никонъ признавалъ, что свѣтская власть управляется независимо отъ духовной и послѣднюю лишь освящается, а католическій писатель XII вѣка **Hugue de Saint Victor** школы Св. Бернарда, не пошедшій за святоотеческимъ направленіемъ Св. Бернарда, признавалъ право за духовной властью устанавливать и

¹ Двусмысленная фраза могла толковаться и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ, какъ и большая часть текстовъ, которые приводились въ этомъ дѣлѣ.

смѣщать свѣтскую власть. Изъ превосходства духовной жизни надъ свѣтской и души надъ тѣломъ Никонъ не выводилъ свѣтской власти Церкви и тѣмъ меньше приписывалъ послѣдней установление самой свѣтской власти, а Hugue de Saint Victor писалъ: „Autant la vie spirituelle est supérieure à la vie terrestre et l'esprit au corps, autant la puissance spirituelle l'emporte sur la temporelle en force et en dignité. **Car la puissance spirituelle est chargée d'instituer la puissance temporelle afin: qu'elle puisse exister: ut sit, et de la juger, si elle n'est pas bonne** (Paul Janet ib. 338)¹.

Никонъ никогда не усматривалъ въ актѣ коронованія актъ суверенитета, а лишь актъ благословенія и освященія, какъ онъ самъ говоритъ, тогда какъ Hugue de Saint Victor признавалъ и то и другое, говоря: „Et sanctificans per benedictionem et formans per institutionem"².

Точно также, Никонъ не покушался на принципъ неприкосновенности царской власти, какъ это дѣлалъ **Томас Бекетъ (Томас Кентерберійскій)**. Никонъ уходилъ отъ нарушенія церковныхъ законовъ, но не прибѣгалъ къ демагогическимъ приемамъ, которые слышатся въ письмѣ Томаса Бекета къ Папѣ Александру III, основателю Ломбардской Лиги и противнику Фридриха I, съ упреками за его умѣренность и медлительность въ дѣйствіяхъ противъ враговъ. „Prends courage, o père, et sois fort, **nous sommes plus nombreux** qu'eux. Le Seigneur a écrasé le marteau des impies, Frédéric; et il écrasera de meme tous ceux qui ne viendront point a résipiscence et ne feront pas la paix avec l'Eglise de Dieu. Enfin nous attendons votre jugement ou plutôt le jugement de celui qui ôte la vie aux princes et délivre le pauvre du puissant" (Ib. 1, 341)³

Въ католической литературѣ соединеніе идей теократическихъ съ демократическими доходило до **разрѣшенія тиранубійства**, теоріи, оставленной послѣ Цицерона, съ одной стороны, и до прославленія первосвященническаго деспотизма въ свѣтской сферѣ съ другой стороны въ лицѣ **Іоанна Саллюсберійскаго** (XII вѣкъ); позже оно встрѣчается у писателей, защищавшихъ политику Лиги въ XVI вѣкѣ [**Boucher** (De justa abdicatione)]. У Іоанна

¹ „Насколько духовная жизнь выше земной и духъ тѣла, настолько власть духовная выше свѣтской по силѣ и достоинству. Ибо духовная власть призвана учреждать свѣтскую, чтобы та могла существовать и судить ее, если она не отвѣчаетъ своему назначенію."

² „И освящающій черезъ благословеніе и учреждающій черезъ установленіе."

³ „Мужайся, отецъ, и крѣпись; мы многочисленнѣе, чѣмъ они; Господь разрушилъ мечъ нечестивцевъ, Фридрихъ, и Онъ разрушитъ точно также всѣхъ тѣхъ, которые не покаются и не примирятся въ Церковь Бога. Наконецъ мы ждемъ Вашего суда или скорѣе Суда Того, Кто отнимаетъ жизнь у государей и освобождаетъ бѣдняка отъ могущественнаго."

Саллюсберійскаго свѣтская власть сведена на роль послушнаго палача; она держитъ мечъ, но получаетъ его изъ рукъ Церкви, держитъ для нея и осуществляетъ отъ нея имени функцію, которой она сама не хочетъ пачкаться. Іоаннъ Саллюсберійскій пишетъ: „Le prince recoit le glaive temporel des mains de l'Eglise; **car elle meme ne peut tenir le glaive du sang. Cependant elle le possede et elle s'en sert par les mains du prince à qui elle a accordé la puissance de punir le corps se réservant l'autopité dans les choses spirituelles.** Le prince est donc le ministre du prêtre, exerant à sa place une des fonctions de la sainte autorité mais qui parait indigne des mains du prêtre”¹.

Что общаго между идеей государства, послушнаго палача Церкви, и идеей государства, добровольно признающаго передъ Церковью обязательства, какъ передъ союзомъ, преслѣдующимъ высшія цѣли, и идей государства, призваннаго къ оцерковленію. Насколько въ одномъ случаѣ государственная власть унижена, настолько во второмъ она пріобщается къ высшему назначенію.

То же различіе въ пользованіи Никономъ и католическими писателями „Дареніемъ Константина”, внесеннымъ въ декретъ Граціана — знаменитый трудъ каноническаго права XII вѣка, въ глоссы котораго проникли теократическія доктрины. Если Никонъ въ Дареніи Константина видитъ назиданіе царю, какъ надо относиться къ Церкви, ея собственности и суду, то католическіе комментаторы и здѣсь стараются приписать Даренію особое пониманіе власти церковной, которое вовсе не вытекаетъ изъ текста, но которое приводитъ къ сліянію двухъ властей и свѣтской и духовной въ лицѣ Папы, какъ викарія Христа (Ib. I, 349). Какъ это происходитъ и у **Томы Аквинскаго** въ лицѣ Папы, qui occupe à la fois le sommet des deux puissances. Ce dernier trait semble ramasser dans la pesonne de souverain pontife la totalité du pouvoir spirituel et temporel (I, 389) (I, 389)².

У другихъ глоссаторовъ изъ идеи Даренія Папѣ имперіи выводилось право Папы ею располагать и, отнявъ у грековъ, передать германцамъ, сначала Карлу Великому, а потомъ Оттону Великому, но черезъ это сама имперія представлялась продуктомъ папской власти (Ib. I, 350).

¹ „Государь принимаетъ свѣтскій мечъ изъ рукъ Церкви: она сама не можетъ держать меча крови. Однако, онъ въ ея власти, и она имъ пользуется черезъ государя, которому она дала власть наказывать тѣло, оставая себѣ авторитетъ въ дѣлахъ духовныхъ. Государь поэтому — слуга священника, осуществляющій вмѣсто него одну изъ функцій священной власти, которая кажется недостойной рукъ священника.”

² „Который является одновременно вершиной обѣихъ властей. Это послѣдняя черта, кажется, соединяетъ въ лицѣ верховнаго первосвященника совокупность духовной и свѣтской власти.”

Точно также, Никонъ даже не ставилъ вопроса о возможности аннулировать присягу царю, какъ дѣлалъ это Папа **Иннокентій III**, ставившій черезъ это Папу судьей дѣйствительности присяги, т. е. юридически выше императора (I, 351). У него всякая власть исходитъ отъ Папы. Католическая литература въ XI-XII в. для господства Церкви и пониженія цѣнности земной власти подчеркивала то человѣческое, что было у свѣтской власти: насилія, страсти, несправедливость, узурпацію, которыя были при зарожденіи власти государственной. Она выступала покровительницей народовъ противъ царей и сводила свѣтское право къ согласію народа подъ надзоромъ Церкви; въ католическихъ монастыряхъ въ средніе вѣка и зародилась теорія народнаго суверенитета и право сопротивленія злоупотребленіямъ гражданской власти. Она оспаривала Божественное право королей на ихъ свѣтскую власть и приписывала себѣ право устанавливать и низлагать ихъ. Нѣсколько смягченно выражена эта теорія у **Томы Аквинскаго**, какъ слѣдствіе отлученія отъ Церкви: какъ только король отступалъ отъ вѣры, подвергался отлученію, его **подданные** ipso facto освобождаются отъ повиновенія и присягѣ вѣрности (Ib. I, 389); выдвигаемый здѣсь принципъ народнаго суверенитета ограничивается властью Церкви; это — демократія, увѣнчиваемая теократіей.

Также далекъ былъ Никонъ и отъ ученія **кардинала Беллармина** XVII вѣка о косвенной власти Папы. Белларминъ, не допуская непосредственной дѣйствительной власти Папы надъ подданными христіанскихъ королей, давалъ право косвеннаго вмѣшательства въ свѣтскія дѣла, когда этого требуетъ духовный интересъ. Папа у него не имѣетъ того права надъ королями, которое имѣетъ надъ Епископами: **онъ не можетъ ихъ низлагать по своей волѣ. Но если это необходимо для спасенія душъ, то Папа можетъ отнять королевство у одного короля и передать его другому.** Папа не издаетъ законовъ въ разныхъ государствахъ, но, если какой законъ необходимъ для спасенія душъ, то онъ можетъ его издать, какъ можетъ и отмѣнить тотъ, который противенъ Церкви. **Папа не имѣетъ прямой юрисдикціи надъ подданными христіанскихъ правителей, но, если требуетъ интересъ спасенія душъ, то можетъ ихъ судить въ послѣдней инстанціи.** Это и было то, чего хотѣли Григорій VII и Иннокентій III.

Мы видѣли, что Никонъ отстаивалъ право Церкви только на судъ въ церковныхъ дѣлахъ, а въ гражданскихъ только для духовен-

ства; отстаивая существенныя права Церкви и установленную вѣками юрисдикцію Церкви, Никонъ въ остальномъ полагался на нравственное ея вліяніе и никогда не требовалъ для нея политическаго господства въ смыслѣ смѣщенія непокорнаго Церкви царя (Теорія Беллармина опровергалась и въ католической средѣ: между прочимъ Шотландскій Епископъ Бёркли утверждаетъ, что Папа, не имѣя прямой власти, не имѣетъ и косвенной) (Janet. II, 80-82). Насколько противоположно католическому пониманію всегдашнее почитаніе царской власти, какъ таковой, у Никона во время самыхъ тяжкихъ преслѣдованій! Онъ не только признавалъ Божественное происхожденіе и неприкосновенность царской власти, **но послѣдней мѣрой сопротивленія считалъ неповиновеніе свѣтскому закону, нарушающему церковный законъ, удаление и предупрежденіе царю, что, разрушая Церковь, онъ разрушаетъ государство.** Въ нашу задачу не входитъ перечисленіе всѣхъ ученій католическихъ писателей на протяженіи вѣковъ относительно тѣхъ способовъ разсужденія, которыми принижается свѣтская власть въ отношеніи къ духовной, но важно было показать, что всѣмъ этимъ способамъ совершенно чуждо ученіе Никона уже въ силу одного того, что онъ, ставя выше власть духовную свѣтской по ея назначенію, цѣли и средствамъ дѣйствія въ духовномъ отношеніи, одинаково считаетъ и свѣтскую власть непосредственно отъ Бога исходящей въ порядкѣ Его Промысла, и обѣ власти считаетъ равными въ юридическомъ смыслѣ, каждую въ своей сферѣ. Если искать на западѣ сходныхъ ученій съ ученіемъ Никона, то надо искать ихъ въ средѣ писателей, оставшихся вѣрными святоотеческой традиціи, изъ которыхъ послѣднимъ Janet считаетъ **Св. Бернарда** съ его великимъ словомъ протеста противъ омірщенія духовенства: „Lequel vurt le mieux, писалъ Св. Бернардъ, et vous paraît plus digne, de remettre les péchés, ou de diviser les heritages? Ces soins infimes et matériels ont pour juges les rois et les princes de la terre. Pourquoi envahir le territoire d'autrui? Pourquoi étendre vos faux dans la moisson du voisin?" (Janet I, 336)¹. Не напоминаютъ ли послѣднія слова свидѣтельство царя Алексѣя Михайловича о Никонѣ въ 1657 году діакону, просившему у царя снять съ него запрещеніе, наложенное Никономъ: „А ну какъ Патріархъ Никонъ скажетъ мнѣ: я не вмѣшиваюсь въ свѣтскія дѣла, зачѣмъ же ты

¹ „Что лучше и по вашему болѣе достойно, отпускать грѣхи или дѣлить наслѣдства? Эти низшія и матеріальныя заботы имѣютъ судьями королей и земныхъ государей. Зачѣмъ врываться въ чужую сферу? Зачѣмъ захватывать серпомъ чужую жатву?"

вмѣшиваешься въ духовныя, отдасть мнѣ посохъ и скажетъ: возьми и паси священниковъ и монаховъ."

Требую независимости для власти церковной, Никонъ допускалъ, какъ орудіе, отлученіе, но, вопреки католическимъ писателямъ, ничего не говорилъ о возможности низложенія и съ отлученіемъ не связывалъ юридическихъ послѣдствій въ сферѣ государства. Первый актъ является актомъ духовнымъ, второй актомъ свѣтской власти и поэтому не вытекаетъ изъ перваго. Никонъ остался на святоотеческой точкѣ зрѣнія — повиноваться Богу болѣе, нежели людямъ, точкѣ зрѣнія, не позволявшей прибѣгать къ свѣтскому орудію. Но ультрамонтанскіе писатели перешагнули границу, отдѣляющую духовную власть отъ свѣтской, хотя и они не считали, что отлученіе *ipso facto* влечетъ за собой низложеніе, но считали, что за отлученіемъ долженъ слѣдовать актъ: **освобожденіе подданныхъ отъ присяги на вѣрность**, какъ и дѣлали Папы въ средніе вѣка. Этотъ послѣдній актъ былъ уже вмѣшательствомъ въ свѣтскія дѣла, котораго ни Никонъ, ни Православная Восточная Церковь вообще не считаютъ актомъ допустимымъ для представителя власти духовной, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ власти, являющейся Божіимъ слугою (Римл. XIII, 4, 5).

Однимъ словомъ, Никонъ не давалъ Церкви власти политической; ея власть онъ признавалъ только въ строѣ церковныхъ отношеній. Никонъ признавалъ за царемъ власть самостоятельную, по происхожденію и назначенію, не отрицалъ, что и государство имѣетъ касательство съ управленіемъ душъ, какъ вооруженная защита справедливости, ибо ниоткуда не видно, чтобы онъ видѣлъ въ немъ только грубую силу — палача. Однако, Церковь касается этого управленія душами со спеціальной точки зрѣнія: ихъ спасенія, и Никонъ призываетъ государство пріобщиться къ этой цѣли и никогда не забывать ни въ своемъ законодательствѣ, ни въ своемъ управленіи, что эта высшая цѣль жизни не можетъ быть игнорирована православно христіанскимъ государствомъ. Никонъ строго различалъ два порядка: свѣтскій и духовный, какъ они и различаются въ теоріи симфоніи, и въ этомъ отношеніи онъ совершенно далекъ не только отъ католической доктрины, въ лицѣ ультрамонтанскихъ писателей, смѣшивающей обѣ власти въ личности Папы, но и отъ писателей протестантскихъ.

Сравненіе ученія Никона съ протестантскими писателями.

Писатели протестантскіе не только отстаиваютъ свѣтскую власть отъ захвата духовной, но даютъ ей часть и этой духовной власти. **Лютеръ** опредѣленно считалъ различіе духовной и свѣтской власти чисто искусственнымъ. Вотъ, какъ онъ выражалъ эту мысль (P. Janet II, 9):¹ „Tous les chrétiens sont de l'ordre spirituel et ne diffèrent que par la diversité des fonctions: les fonctions du pouvoir civil sont de punir les méchants et de récompense, les boné. Il doit donc exercer ses fonctions dans toute la chrétienté sans en excepter le pape, les évêques, les prêtres ect. S'il suffisait pour arrêter le pouvoir et l'empêcher d'exercer ses fonctions de lui opposer qu'il est au-dessous de celui de confesseurs et en général de l'ordre ecclésiastique, il faudrait empêcher également les cor-donniers, les tailleurs, les charpentiers, les paysans ect de fournir des habits, des souliers, ou meme à boire et à manger et enfin de payer fermage aux ecclésiastiques." Поэтому, Лютеръ считалъ, что, если Папа компрометируетъ Христіанство, имѣющій власть обязанъ, въ качествѣ вѣрнаго члена тѣла, позаботиться, чтобы собрался Соборъ, ибо свѣтская власть должна осуществлять свою власть, данную ей отъ Бога всюду, гдѣ она сочтетъ это полезнымъ и необходимымъ. **Такое мнѣніе Лютера было послѣдствіемъ отверженія имъ духовной Іерархіи, функціи которой переносятся имъ на власть свѣтскую.** Точно также, Меланхтонъ въ сферу свѣтской власти вводитъ всѣ внѣшніе акты, къ какому бы порядку они ни относились (Ib. 11, 15). „La foi, dit on, n'est pas en notre pouvoir. Mais ce n'est pas la foi, mais l'hérésie, c'est à dire la profession d'un dogme déterminé qui est en notre pouvoir comme tous les actes extérieurs. On dit que la puissance civile ne domine que sur les corps et non sur l'ame. Mais cette puissance est la gardienne de toute la loi, quant aux actes extérieurs, par conséquent quant à ceux qui ont rapport au culte de Dieu. C'est une erreur de croire qu'il appartient pas au prince de savoir ce que chacun professe sur la religion" (Ib. 11, 15, 16) (Ib. 11, 15, 16)². То же смѣшеніе духовнаго и

¹ „Всѣ христіане священники и различаются только по функціямъ: функціи гражданской власти наказывать злыхъ и вознаграждать добрыхъ... Она должна поэтому осуществлять свои функціи во всемъ христіанствѣ, не исключая ни Папы, ни Епископовъ, ни священниковъ и т. д. Если бы было достаточно для воспрепятствованія власти осуществлять ея функціи возраженія, что она ниже власти исповѣдниковъ и вообще духовнаго чина, то надо бы также воспрепятствовать сапожникамъ, портнымъ, плотникамъ, крестьянамъ и т. д. доставлять одежды, башмаки или даже пить и ѣсть и наконецъ платить аренду духовнымъ лицамъ."

² „Вѣра, говорятъ, не въ нашей власти. Но это не вѣра, а ересь, то есть исповѣданіе опредѣленной догмы, которая въ нашей власти, какъ всѣ внѣшніе акты. Говорятъ, что свѣтская власть господствуетъ надъ тѣлами, а не надъ душой. Но эта власть — стражъ великаго закона въ томъ, что относится къ внѣшнимъ дѣйствіямъ, слѣдовательно, и къ дѣйствіямъ, относящимся къ культу Бога. Ошибка думать, что государю не подлежитъ вѣдать то, что каждый исповѣдуетъ въ дѣлѣ религіи."

свѣтскаго въ смыслѣ, обратномъ католической средневѣковой теоріи, и у **Кальвина**; здѣсь то же предоставленіе государству свѣтскаго и духовнаго, какъ и у другихъ представителей протестантизма. У него правитель не только покровитель человѣческой справедливости, но и защитникъ и отмститель за Бога по своему собственному разумѣнію. Читая эти ученія, невольно припоминаешь церковную реформу Петра съ подразумѣваемымъ ею ученіемъ о всемогуществѣ государственной власти въ сферѣ церковнаго правопорядка. Напротивъ, Никонъ зналъ церковный правопорядокъ, отличный отъ государства, основанный, какъ на послѣднемъ своемъ фундаментѣ, на Святомъ Писаніи и Святомъ Преданіи, правопорядокъ, который поддерживался и развивался въ исторіи на этой незыблемой базѣ Соборами Вселенскими и Помѣстными, дѣйствующими въ силу соотвѣтствующей благодати Святаго Духа ученія, священнодѣйствія и управленія, данной въ лицѣ Апостоловъ имъ и ихъ преемникамъ-Епископамъ.

Ученіе Никона о субъектѣ церковнаго управленія передъ судомъ русской канонической науки.

Если мы зададимъ вопросъ, какъ современная каноническая наука разрѣшаетъ вопросъ о субъектѣ церковнаго управленія и признаетъ ли она правымъ Никона въ его утвержденіи, что царь не является правителемъ Церкви, что управленіе Церковью принадлежитъ Епископамъ, то отвѣтъ будетъ въ пользу Никона, какъ это мы видѣли въ I томѣ частью уже при сопоставленіи ученія проф. Суворова и другими русскими канонистами. Въ правотѣ Никона убѣждаетъ насъ не только анализъ церковныхъ полномочій и фактъ трехвѣковаго существованія самостоятельной организациі Церкви до признанія ея государствомъ, но и дальнѣйшее правосознаніе независимо отъ историческихъ злоупотребленій, находящихъ свое объясненіе, но не колеблющихъ основной идеи о наличіи въ Церкви самостоятельныхъ субъектовъ правообразованія, управленія и суда.

Основной принципъ церковнаго устройства съ объявленіемъ христіанства государственной религіей не поколебался. Константинъ Великій не посягнулъ на независимость церковной власти и назвалъ себя Епископомъ внѣшнихъ дѣлъ не въ томъ смыслѣ, что онъ поднялся надъ всѣми Епископами, а указалъ лишь на свои государственныя полномочія, въ силу которыхъ онъ, какъ императоръ, считалъ себя обязаннымъ содѣйствовать зависящими отъ него средствами къ достиженію ея цѣлей.

Указаннымъ изреченіемъ, говоритъ **Кургановъ**, Константинъ хотѣлъ показать, что Епископамъ принадлежитъ право и они **обязаны рѣшать вопросы вѣроученія, таинствъ, обрядовъ, Іерархіи и принциповъ управленія Церковью, вообще всего того, что вытекаетъ изъ начала христіанской религіи, опредѣляется словомъ Божіимъ, понимаемымъ по разуму Церкви, и имѣетъ внутреннее отношеніе къ вѣрѣ, а императоръ въ противоположность этому обязанъ принимать опредѣленіе отъ Церкви, какъ данное, и заботиться о лучшемъ приложеніи его къ жизни между подданными.** Такой смыслъ давалъ изреченіямъ Константина его жизнеописатель Евсевій, и такъ понимаемые они будутъ гармонировать со всей его дѣятельностью по дѣламъ Церкви. Константинъ Великій и не думалъ затрагивать права Епископовъ по внутреннему управленію; таково было пониманіе дѣла и у преемниковъ Константина на престолѣ, безъ законодательнаго опредѣленія; Юстиніанъ же призналъ въ самомъ законѣ двѣ равноправныя власти Церковную и свѣтскую и необходимость ихъ совмѣстнаго дѣйствія. И эти принципы приняты и Эпанагогой въ IX вѣкѣ, и отдѣльными императорами (Константиномъ Дукой въ XI вѣкѣ, Іоанномъ Комненомъ въ XII вѣкѣ и въ Синтагмѣ Властаря XIV вѣка, бывшей практическимъ руководствомъ къ познанію церковныхъ правилъ и гражданскихъ законовъ по церковнымъ дѣламъ). Но Византійскіе императоры стремились фактически расширить свою власть въ церковномъ управленіи, особенно въ позднѣйшее время имперіи въ дѣлѣ избранія Патріарховъ и ихъ низложеніи и возведенія епископій на степень архіепископій и митрополій; однако, стремленія эти сдерживались представителями церковной власти. Были случаи, что нѣкоторые императоры не проводили различія между Богомъ и царемъ, вродѣ Исаака Ангела и Михаила Палеолога. Но всегда оставался въ законѣ принципъ существованія двухъ властей, обладающихъ особыми полномочіями, каждая въ своей сферѣ, и признаніе, что управленіе Церкви должно находиться въ рукахъ церковной власти.

Факты этого вмѣшательства имѣютъ свои психологическія и историческія причины въ пережиткахъ языческой древности, когда во времена Августа императоръ былъ одновременно верховнымъ первосвященникомъ Pontifex maximus. Бердниковъ говоритъ о немъ (Госуд. положеніе религіи 313-333): „Языческій императоръ имѣлъ верховный надзоръ надъ всей религіей и обрядами, былъ представителемъ всего національнаго преданія; онъ заботился о возстановленіи

запущенныхъ храмовъ, принималъ мѣры къ поддержанію культа, къ сохраненію его въ чистотѣ, къ пресѣченію уклоненій отъ него, запрещающія грубые культы въ провинціяхъ, дѣлая распоряженія объ умилоствленіи боговъ, изрекая судебные приговоры, дѣлалъ перемѣны въ уставѣ отправленія богослуженій, учреждалъ новые праздники, вводилъ чествованіе новыхъ боговъ съ назначеніемъ особыхъ жрецовъ для нихъ, отмѣнялъ культы прежнихъ бывшихъ боговъ, освобождалъ частныхъ лицъ отъ религіозныхъ обязательствъ передъ богами, былъ цензоромъ по изданію книгъ религіознаго содержанія." Императоръ стоялъ выше всѣхъ законовъ и человѣческихъ и божескихъ; **онъ былъ обожествленъ; въ его лицѣ римляне обоготворяли всемогущее государство.** Такія традиции при многихъ деспотическихъ наклонностяхъ и приводили къ вмѣшательству въ церковныя дѣла.

Кургановъ объясняетъ эти вмѣшательства такимъ же образомъ. Онъ пишетъ въ „Устройствѣ Управленія Церкви Королевства Греческаго" (15 стр.): „Когда христіанство при Константинѣ Великомъ одержало побѣду надъ язычествомъ и было признано государствомъ, естественно, идеи языческаго римскаго понтифекса должны были столкнуться съ идеями христіанской свободы, возвѣщенной Апостолами и уже достаточно укоренившейся въ Церкви въ первые три вѣка ея существованія. Христіанскіе императоры формально удерживали титулъ Pontifex Maximus до Граціана. Онъ первый отказался отъ этого званія и отъ поднесенной ему Сенатомъ одежды, соединенной съ этимъ званіемъ. Но, отказавшись отъ языческаго титула, императоры, какъ бывшіе прежде Граціана, такъ и послѣ него, рѣдко отказывались отъ самой власти Великаго Первосвященника; ихъ неумѣстныя вмѣшательства, которыми такъ богата исторія Церкви, основывались на этой власти."

Такія вмѣшательства не могутъ почитаться законными de jure уже потому, что тогда будетъ непонятнымъ, какъ же величайшіе императоры Константинъ, Юстиніанъ и Комнены не понимали своихъ правъ, что опредѣленно признавали самостоятельность церковной власти? Даже Исаакъ Ангелъ, не ставившій границъ своей власти, проводилъ въ законахъ мысль о равноправности двухъ властей послѣ изученія 48 пр. Трулльскаго Собора. Епископы своими протестами также свидѣтельствовали, что по ихъ сознанію государственная власть, если и могла вмѣшиваться въ церковныя дѣла, то въ строго опредѣленныхъ границахъ, безъ нарушенія правъ другой самостоя-

тельной власти — церковной. **Симеонъ Солунскій** считалъ, что только льстецы могут оправдывать явное нарушеніе правилъ со стороны нѣкоторыхъ императоровъ. Догмой же дѣйствовавшего законодательства все таки была идея симфоніи между церковными правилами и императорскими постановленіями. **Профессоръ Остроумовъ** высказывается въ томъ же смыслѣ: „Теорія великаго первосвященника была только теоріей, придуманной для оправданія незаконныхъ неканоническихъ вторженій свѣтской власти въ церковную сферу.“ **Кургановъ пишетъ**: „Въ Византійскомъ законодательствѣ приняты и развиты, съ Константина Великаго и кончая послѣдними императорами изъ дома Палеологовъ, слѣдующія главныя положенія, опредѣляющія отношенія государства къ Церкви: 1) признаніе двухъ властей церковной и свѣтской и ихъ равноправное положеніе въ государствѣ и 2) ихъ взаимное согласіе въ области дѣйствования на подданныхъ.“ Въ другомъ мѣстѣ (Ib. 92 стр.) онъ говоритъ: „Исторію составляютъ не нарушенія закона, какъ исключеніе изъ общаго правила, а идея и духъ, проникающіе общество и управляющіе его дѣйствіями.“ **Лебедевъ** пишетъ въ „Очеркахъ по Исторіи Византійской Церкви XI-XV вѣковъ“ на стр. 209-210: „Отношенія, въ какія ставились Византійскіе императоры къ Церкви, обыкновенно называются цезарепапизмомъ на языкѣ западныхъ писателей. Это значитъ, что указанные писатели на ходятъ въ положеніи Византійской Восточной Церкви самыя ненормальныя отношенія между государствомъ и Церковью, при которыхъ императоры выражаютъ себя, какъ полновластные главы и владыки Церкви, при которыхъ, иначе сказать, они являются царями и первосвященниками. Представленія эти о Византійскомъ отношеніи государства и Церкви частью несправедливы, частью справедливы. **Они несправедливы, когда хотятъ видѣть въ подобныхъ отношеніяхъ какую то систему, будто бы принятую и утвердившуюся, какъ законъ, въ Византійской имперіи,** но они справедливы, если съ этими представленіями соединяется лишь мысль о томъ, что въ Византіи нормальное весьма часто переходило въ ненормальное, что императоры въ религіозныхъ дѣлахъ брали на себя больше, чѣмъ сколько требовало благо Церкви и польза ея, и что забывалось истинное понятіе объ императорѣ, какъ членѣ Церкви, подчиненномъ голосу пастырей въ вопросахъ религіозныхъ.“

Никонъ боролся противъ государственнаго всемогущества и также ссылался противъ него на каноны; онъ отвергалъ историческое

рѣшеніе вопроса о правахъ царя на основаніи фактическихъ злоупотребленій, каковыми онъ почиталъ и вторгшійся въ русскую жизнь еще въ XVI вѣкѣ обычай смѣщенія и назначенія правителей Церкви. Онъ ссылался на Св. Отцовъ Церкви, особенно на слова Іоанна Дамаскина и Θεодора Студита: „Однихъ поставили въ Церкви Апостолами, другихъ Пророками...“, а сказано ли о царяхъ, чтобы имъ были даны благодатные дары для управленія въ Церкви? Нѣтъ — только о благодатныхъ дарахъ на управленіе государствомъ." Въ русской литературѣ Никонъ былъ предшественникомъ цитированныхъ канонистовъ и протестовалъ противъ идеи государственнаго всемогущества, выявлявшагося въ теоріи обожествленія императора въ языческомъ Римѣ. Поскольку новое государство является съ такой же теоріей неограниченнаго всемогущества, будетъ ли это у Гоббса, у Руссо, или у современныхъ социалистовъ, протестъ Никона обращенъ и къ нимъ.

Ученіе Никона о субъектѣ церковнаго законодательства передъ судомъ русской канонической науки.

Совершенно также Никонъ протестовалъ противъ права царя законодательствовать въ церковныхъ дѣлахъ, созывать своею властью Соборы, активно участвовать въ ихъ постановленіяхъ и утверждать для Церкви ихъ постановленія. Его сужденія о Соборѣ 1660 г. и объ Уложеніи достаточно ясно устанавливаютъ его точку зрѣнія, и надо согласиться, что современные русскіе канонисты, всѣ, кромѣ Суворова, разъясняютъ его точку зрѣнія, основанную на томъ, что Церковь есть учрежденіе особаго рода, **въ которомъ законодательствуетъ Духъ Святой черезъ апостольскихъ преемниковъ.** Совершенно особнякомъ стоитъ приведенная нами въ главѣ о симфоніи властей теорія проф. Суворова, утверждающая за монархомъ значеніе правообразующаго фактора въ церковныхъ дѣлахъ, какъ источника права. Суворовъ, какъ мы видѣли, основываетъ свою точку зрѣнія на томъ, что 1) императоры созывали Соборы, 2) санкціонировали рѣшенія ихъ и 3) сами издавали законы по церковнымъ дѣламъ. Точка зрѣнія Суворова опровергнута по всѣмъ тремъ пунктамъ. Мы уже говорили объ этомъ въ третьей главѣ I части въ отдѣлѣ о симфоніи, здѣсь только нѣсколько дополнимъ приведенную аргументацію противъ Суворовской теоріи.

Н. А. Заозерскій писалъ (въ сочиненіи „Объ источникахъ Церковнаго права въ III-V вѣкѣ по Р. Х.“). Положеніе: „Императоры созывали Епископовъ на Вселенскій Соборъ“, можетъ имѣть двоякій

смыслъ: или тотъ, что только императорамъ принадлежитъ власть созывать Вселенскіе Соборы, такъ что безъ императора Церковь не имѣетъ внутренней возможности къ составленію Вселенскаго Собора, или же тотъ, что, покровительствуя Церкви и внимая просьбамъ высшихъ и ревностнѣйшихъ ея Іерарховъ, императоры своимъ государственнымъ авторитетомъ, оказывали очень важную помощь и содѣйствіе въ столь важномъ церковномъ дѣлѣ, какъ созваніе Вселенскаго Собора. Разность весьма значительная. Ибо въ послѣднемъ случаѣ государственный авторитетъ является лишь привходящимъ элементомъ, въ логическомъ отношеніи случайнымъ или несущественнымъ признакомъ въ понятіи Вселенскаго Собора." Еще **Никонъ** указывалъ въ своемъ „Раззореніи", что, созывая Соборы, императоры дѣйствовали по просьбѣ представителей Церкви, а не по своему усмотрѣнію, и такимъ образомъ созывъ вытекалъ изъ потребностей Церкви, признаваемыхъ ея представителями, такъ что, не было бы содѣйствія государственной власти, потребность была бы удовлетворена инымъ способомъ по внѣшности.

Еп. Іоаннъ Смоленскій подробно развилъ это положеніе и указалъ на эти различные способы выявленія церковнаго сознанія, различая въ созывѣ Собора два разныхъ момента. „Къ самому созванію Собора относится духовное, всегда неизмѣнно дѣйствующее право Церкви — право самостоятельно дѣйствовать общимъ и соединеннымъ голосомъ своихъ пастырей во всѣхъ дѣлахъ, въ цѣломъ ея касающихся, особенно въ дѣлѣ вѣры (Мѹ. XVIII, 17-20; Дѣян. XV, 25-28; III, 1; IV, 19; VII, 6). Это право дѣйствовало и до Вселенскихъ Соборовъ: 1) во взаимныхъ сношеніяхъ Церквей и пастырей ихъ по вопросамъ, требовавшимъ общаго ихъ голоса, 2) въ общемъ и согласномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ, особенно со стороны важнѣйшихъ Церквей Востока и Запада, которымъ слѣдовали и прочія Православныя Церкви; 3) въ обращеніи общаго голоса Церкви черезъ ея представителей къ православнымъ царямъ, какъ блюстителямъ блага Церкви, съ изъясненіемъ ея потребностей и съ прошеніемъ о содѣйствіи ей. **Дѣйствительное созваніе Вселенскаго Собора было уже только слѣдствіемъ этого общаго голоса Церкви и только выраженіемъ ея сознанія и намѣреній.** Поэтому то, хотя бы Вселенскій Соборъ по обстоятельствамъ на самомъ дѣлѣ и не состоялся, Вселенскій голосъ Церкви должнымъ и законнымъ порядкомъ выраженный всегда могъ самостоятельно дѣйствовать и дѣйствовалъ постоянно." **Прокошевъ**, основываясь на этомъ, разви-

ваетъ мысль и говорить, что фактъ созыва Собора императоромъ не превращаетъ его изъ церковнаго учрежденія въ императорское, ибо онъ — лишь актъ содѣйствія со стороны императора Вселенской Церкви. Призывныя грамоты императоровъ на имя Митрополитовъ имѣютъ тонъ приглашенія, а не требованія, и угроза за неявку, иногда встрѣчающаяся, есть лишь угроза судомъ Божиимъ нерадивому пастырю, и исторія не знаетъ случая, чтобы императоръ наказывалъ Епископа за неявку. Самое участіе императоровъ на Соборахъ и ихъ уполномоченныхъ ограничивалось наблюденіемъ за соблюденіемъ порядка соборныхъ разсужденій. Проф. Кургановъ, признавая роль императоровъ на Вселенскихъ Соборахъ вспомогательной, и ихъ право понималъ, какъ право дѣлать предложенія Собору, но не право властнаго предписанія по существу (Устройство Управленія Церкви въ Церкви Королевства Греческаго 1871 г., 21 стр.).

Также Барсовъ (О Всел. Соборахъ. Хр. Чт. 1869 г. II, 807) говоритъ: „Общія отношенія власти государственной къ авторитету Церкви на Соборахъ были тѣ же самыя, какія обыкновенно бываютъ между лицомъ, предлагающимъ свое мнѣніе на утвержденіе, и лицомъ, узаконяющимъ это мнѣніе своими правами и согласіемъ." То же по существу говоритъ и **Заозерскій**: „Если для болѣе яснаго и нагляднаго отношенія христіанскихъ императоровъ къ Вселенскимъ Соборамъ можетъ послужить какая либо аналогія, то наиболѣе близкой можетъ быть указано покровительственное отношеніе правительства къ наукамъ и искусствамъ. Правитель — меценатъ, и культурное правительство доставляетъ защиту, гарантію и покровительство учебнымъ и художественнымъ учрежденіямъ съ цѣлью предоставленія имъ возможности спокойно и съ наибольшими успѣхами развивать свою дѣятельность. Такъ и вѣрныя императоры на Вселенскихъ Соборахъ дѣйствовали всѣми силами государственной власти для того, чтобы Церковь, представленная на Вселенскихъ Соборахъ Епископами, могла вполнѣ свободно, спокойно, безъ препятствій и безопасно рѣшать свои религіозныя задачи, для разрѣшенія которыхъ классическое государство со временъ Константина Великаго признавало себя не компетентнымъ."

II. Второе основаніе теоріи **проф. Суворова** въ томъ, что **императоры санкціонировали соборныя постановленія**, но въ дѣйствительности всѣ опредѣленія Соборовъ и по вопросамъ вѣры и по вопросамъ церковной дисциплины были обязательны для христіанъ внѣ зависимости, отъ того, будутъ ли они утверждены им-

ператоромъ или нѣтъ, и притомъ имѣли обязательную силу для самихъ императоровъ. Эта мысль выражена въ рядѣ новеллъ императора Юстиніана: „Мы почитаемъ церковныя правила, какъ государственныя законы (VI Нов.); церковныя каноны почитались столь же священными, какъ догматы вѣры (VI Нов. с. 1 § 8), а вѣроопредѣленія Вселенскихъ Соборовъ почитались, какъ само слово Божіе. Это почтеніе къ постановленіямъ Собора Бердниковъ объясняетъ рядомъ обстоятельствъ: 1) какъ христіане, императоры считали долгомъ служить дѣлу вѣры и Церкви, средствами, какія они имѣли въ своемъ распоряженіи. Они считали, что изданіемъ благопріятныхъ для Церкви законовъ по предметамъ вѣры и Церковной дисциплины, они приносятъ богу жертву въ той формѣ, какая вытекаетъ изъ ихъ общественнаго положенія. 2) Лучшимъ залогомъ успѣха въ государственныхъ дѣлахъ считалось благоволеніе Божіе, которое надо было снискать; 3) сами Отцы Соборовъ, просили объ утвержденіи, чтобы ихъ постановленія, получивъ отъ императора утвержденіе, силу государственнаго закона, были обезпечены отъ всякаго нарушенія и протеста. Обязанность внутренняя, нравственная, существующая и безъ императорскаго утвержденія, черезъ послѣднее становилась и внѣшней, матеріальной; соборныя опредѣленія черезъ это становились обязательными въ сферѣ государственной, ихъ постановленія обязывали уже не только вѣрующихъ, но и государственныхъ чиновниковъ, и всѣхъ членовъ государства. Нарушеніе постановленія, утвержденного императоромъ, каралось также и уголовнымъ закономъ, а не только Церковью. Это утвержденіе придавало церковному закону силу въ государственномъ союзѣ, но не дѣлало императора главнымъ факторомъ церковнаго правообразованія, какъ говоритъ Суворовъ.

III. Третьимъ основаніемъ для Суворовской теоріи является фактъ изданія императоромъ законовъ по церковнымъ дѣламъ, приче́мъ, по Суворову, для церковнаго законодательства императоровъ не было границъ въ смыслѣ изъятій извѣстныхъ предметовъ или вопросовъ изъ ихъ законодательной компетенціи (Курсъ I, 234); противъ этого мнѣнія самымъ рѣшительнымъ образомъ возсталъ профессоръ Бердниковъ. Церковь Христова ограничила императора въ дѣлахъ вѣры и благочестія (Государ. положеніе религіи въ Рим. Виз. имперіи 493-497). Принципъ *Quod principi placuit legis habet vigorem* ограничивается; онъ не имѣетъ значенія для Богооткровенной религіи. Право государства по отношенію къ Церкви не идетъ дальше

опредѣленія внѣшнихъ отношеній; государственные законы могутъ опредѣлять государственное положеніе Церкви, ея матеріальныя средства и положеніе клира въ государствѣ, какъ государственнаго сословія, но не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Церкви. Самъ Юстиніанъ, кодифицировавшій юридическую мудрость Римскаго народа за прошлые вѣка, создавшій, по словамъ Суворова, въ области Церкви неисчерпаемое законодательство (I, 234), который является завершителемъ и выразителемъ идей своихъ предшественниковъ и примѣромъ для преемниковъ, разъясняетъ, что императоры, издавая законы по вопросамъ вѣры, придавали церковнымъ вѣроопредѣленіямъ силу и значеніе государственныхъ законовъ. **Кургановъ** говоритъ, что императоръ вовсе не выступалъ законодателемъ въ Церкви: „Правильнѣе сказать, что онъ государство старался подчинить законамъ церковнымъ или иначе церковное законоположеніе, какъ уже данное, ввести въ законоположеніе государственное, сдѣлать его обязательнымъ для всѣхъ членовъ государства путемъ законодательнымъ." Что касается внутренней церковной дисциплины, то она сдѣлалась предметомъ законодательства императоровъ только со времени новеллъ Юстиніана изъ соображеній, вышеуказанныхъ нами въ цитатѣ Бердникова, именно для снисканія благоволенія Божія въ Церкви ради ихъ заботъ о Церкви и выполненія своей обязанности попеченія о всѣхъ подданныхъ и ихъ потребностяхъ, прежде всего религіозныхъ. Но императоры, стоявшіе на законной почвѣ, отклоняли отъ себя возможность видоизмѣнять каноны и вообще порядокъ церковный, установленный Апостолами, Соборами и Святыми Отцами. Издать законъ по дѣламъ церковнымъ не согласный съ церковнымъ ученіемъ и правилами, по ихъ понятіямъ, значило оскорбить Самого Бога.

Относясь къ церковнымъ правиламъ, какъ къ святынѣ, они считали своей задачей исполнять и въ государственной сферѣ то, что законодательствуетъ Церковь въ своей области. И въ сборникахъ государственныхъ законовъ по церковнымъ дѣламъ проводилась мысль, что государственные законы должны быть согласны съ церковными правилами. Такъ „*Collectio 87 cspitularum*" озаглавлена: „Различныя постановленія Юстиніана изъ сборника новеллъ, изданныхъ послѣ Кодекса, которыя прежде всего согласны съ Божественными и священными канонами"; послѣднимъ сообщалось государственное значеніе и сила IV Вселенскій Соборъ постановилъ, что всѣ императорскіе законы, противорѣчащіе канонамъ, не имѣютъ силы

(Дѣян. Всел. Соб. IV, 83, 84 стр.): „Противъ каноновъ никакой уставъ не будетъ имѣть силы; пусть каноны Отцовъ преобладаютъ." Если бы государственная власть потребовала исполненія законовъ, противорѣчащаго церковнымъ правиламъ, то въ этомъ случаѣ представители церковной власти должны поступать, какъ въ первые три вѣка. Они должны все переносить за приверженность къ церковнымъ уставамъ, спокойно дожидаясь лучшаго времени, когда свѣтское правительство будетъ способно внимать голосу Церкви, и относиться съ почтеніемъ къ ея уставамъ. Дѣйствительно, исторія, отмѣчая факты изданія императорами законовъ, несогласныхъ съ церковными правилами, указываетъ и на ту борьбу, которую вели представители Церкви, защищая церковныя правила, какъ неприкосновенную святыню. **Каждый законъ, каждое требованіе государственной власти, несогласное съ церковными правилами, встрѣчало протесты Епископовъ и готовность перетерпѣть даже смерть за защиту каноновъ. Законы государственные, не согласные съ церковными правилами, ими отвергались въ сферѣ церковной.** Такъ поступалъ Епископъ **Епіандъ**, говорившій императору Анастасію: „Оставь Церковь, которую Христосъ искупилъ Своею Кровью... Довольствуйся своимъ собственнымъ достоинствомъ, тѣмъ, что ты императоръ и не наказывай предстоятелей Церкви" (Кургановъ ib. 262 стр.).

Θеодоръ Студитъ говоритъ иконоборцу Льву Исавру: „Императоръ, внемли тому, что Апостоль Павелъ говоритъ тебѣ о церковномъ благочиніи, и узнавъ, что царю не слѣдуетъ ставить себя самого судьей и рѣшителемъ въ этихъ дѣлахъ, послѣдуй и самъ апостольскимъ правиламъ. Апостоль говоритъ: положи Богъ въ Церкви первѣе Апостоловъ, второе Пророковъ, третье учителей (1 Кор. XII, 28); вотъ тѣ, которые устраиваютъ и изслѣдуютъ дѣла вѣры по волѣ Божіей, а не цари; ибо Св. Апостоль не упомянулъ, что царь распоряжается дѣлами Церкви" и еще: „Тебѣ, государь, ввѣрено общество гражданское и военное, о немъ ты и заботься, а Церковь предоставь пастырямъ и учителямъ; если же ты не сдѣлаешь того, то знай, что своей цѣли никогда не достигнешь, потому что, если бы и самъ ангелъ съ неба сталъ вѣщать намъ ученіе, противное православной вѣрѣ, то мы и ему не вняли бы — тѣмъ болѣе мы не будемъ слушать тебя." То же говорилъ Никонъ царю въ „Раззореніи" относительно изданія Уложеніемъ противоканоническихъ законовъ. Епископы и ревностные въ вѣрѣ монахи провозглашали обязательность каноновъ и для императоровъ въ ихъ личной жизни. Θеодоръ Сту-

дять обличалъ императора Константина Копронима за незаконный разводъ съ его женой, Патріархъ **Николай Мистикъ** обличалъ императора Льва VI за четвертый бракъ. Патріархъ **Θеодосій** воспротивился **Андронику Комнѣну**, желавшему бракосочетанія двухъ лицъ, находившихся въ близкомъ родствѣ, и историкъ **Никита Хоніатъ** говоритъ: „Патріарха не поколебало ни величіе Андроника, ни угрозы съ его стороны. Онъ былъ непоколебимъ, какъ скала, около которой вѣчно вздымаются огромныя волны, и бушуетъ море, разбивая волны въ пѣну и пренебрегая ревомъ шумящаго моря." Онъ же говоритъ: „Только смиренные изъ Патріарховъ, недалекіе по уму и необразованные, уступали желанію императоровъ, какъ законнымъ постановленіямъ; будучи невѣждами въ Словѣ, они неспособны на смѣлое слово и преклоняются предъ императорскими распоряженіями." Нерѣдко послѣдующіе императоры уничтожали противоканоническія постановленія предшественниковъ, сознавая верховенство канона. **Кургановъ** утверждаетъ, что Византійскіе императоры никогда не оспаривали, что церковные каноны имѣютъ преимущества передъ государственными канонами. Этого не отвергали даже такіе измѣнники Православія, какъ Михаилъ VIII Палеологъ. Такъ, вопреки Суворову, разъясненіе фактовъ самой исторіи показываетъ, что императоръ никогда не признавался верховнымъ субъектомъ церковнаго правообразования, ибо этимъ субъектомъ была церковная власть, получившая на то полномочія отъ Божественнаго Основателя Церкви. Это то, что постоянно утверждалъ въ „Раззореніи" Никонъ. Въ отношеніи къ царской власти онъ на словахъ и на дѣлѣ слѣдовалъ **Θеодору Студиту**, борясь, подобно ему, съ духомъ иконоборческимъ, который выражался и въ легкомъ отношеніи къ канонамъ, и въ преувеличеніи правъ гражданской власти въ церковной сферѣ, съ тѣмъ духомъ, котораго представителемъ въ русскомъ законодательствѣ о Церкви явился **Петръ I**, но который начался ранѣе, вскорѣ послѣ смутнаго времени, послѣ общей разрухи и иноземнаго вліянія той эпохи. Это и былъ тотъ духъ, который Никонъ именовалъ антихристовымъ. Онъ велъ къ расцерковленію государства и къ искаженію симфоніи властей. Уже не Церковь является при его господствѣ высшимъ руководящимъ мѣриломъ для государства, а иныя ученія, которыя устраняютъ Церковь отъ ея верховнаго въ духовномъ отношеніи руководства жизни и приводятъ къ возрожденію языческаго государства, находящаго опору въ самомъ себѣ. Выиграло ли отъ этого государство, по-

казываетъ исторія первой четверти XX вѣка съ его кризисомъ государственной власти. Цезарепапистскія построенія лишали само государство того высшаго оправданія и смысла, которое оно находило въ симфоніи съ Церковью, и, подавляя Церковь въ ея жизненныхъ проявленіяхъ, разрушали этимъ самую прочную основу самого государства. Провозглашая идею царя православнаго, лишеннаго полномочій *Pontifex maximus*, Никонъ работалъ надъ упроченіемъ царской власти, а не надъ ея разрушеніемъ. Напоминая о Церкви, какъ о самодовлѣющемъ организмѣ, нарушать жизнь коего невозможно безъ вреда для самого нарушителя, Никонъ въ ея законахъ ставилъ преграды государственному всемогуществу и сохранилъ то реальное понятіе о Помѣстной Церкви, какъ особомъ союзѣ-учрежденіи съ собственными органами законодательства и управленія, которое въ XVIII вѣкѣ постепенно утрачивалось.

Въ недавнее время (1908 г.) явилась попытка обосновать права императора Православной Церкви черезъ особую теорію рецепціи, заимствованной изъ протестантской науки (Зомъ). Въ нѣкоторыхъ главахъ своей книги (Восточные Патріархи въ періодъ Вселенскихъ Соборовъ) проф. Гидуляновъ пишетъ о власти рецепціи, которая принадлежала въ Церкви міру, сначала въ лицѣ общиннаго собранія народа, затѣмъ вѣрующими большей общины, гдѣ происходили Соборы (II и III вѣка) и затѣмъ въ лицѣ императора и благороднаго Сената, „свидѣтельствовавшихъ на Вселенскихъ Соборахъ своимъ согласіемъ, что рѣшеніе Епископовъ есть дѣйствительно воля Божія, которой надо безпрекословно повиноваться, или, что одно и то же, сообщали соборному опредѣленію церковную рецепцію" (Стр. 715). Также въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ (Ib. 432): „Мысль о принадлежности церковной власти во всей полнотѣ только священникамъ чужда востоку. Центръ тяжести церковной власти здѣсь всегда лежалъ въ мірѣ, въ общинѣ, которой принадлежала рецепція. Отсюда уже, съ обращеніемъ Константина Великаго въ христіанство, къ императору, какъ представителю міра всей Церкви переходитъ высшая церковно-правительственная власть." Также на стр. 444 говорится: „Вѣра императора — это правило для Церкви. Императоръ былъ представителемъ міра Церкви, отъ котораго зависѣла рецепція." Если присоединить къ этому, что подъ внутренними дѣлами Церкви проф. Гидуляновъ (Ib. 463) разумѣетъ только священнодѣйствія (*potestas ordinis*), которыя только и принадлежатъ исключительно Епископамъ, а внѣшнія дѣла — юрисдикція — дѣла управленія въ широкомъ

смыслѣ, то дѣйствительно императоръ по этой теоріи окажется всемогущимъ управителемъ Церкви. Такъ и пишетъ проф. Гидуляновъ. „Съ обращеніемъ императоровъ въ христіанство къ нимъ, какъ представителямъ міра Церкви, переходитъ власть въ отношеніи рецепціи, власть судить о законности дѣйствій, такимъ образомъ высшая церковная власть. Отсюда императоръ дѣлается какъ бы главой Церкви" (Ib. стр. 463).

Противъ этого надо вспомнить всѣ святоотеческія возраженія цезарепапистамъ. Въ своемъ ученіи Гидуляновъ совершенно игнорируетъ природу Церкви Православной, которая имѣетъ свою организацію подѣ невидимымъ главенствомъ Христа и управляется пастырями въ силу полномочій, данныхъ Христомъ Апостоламъ и ихъ преемникамъ, — это сфера ея дѣйствій опредѣляется по полномочіямъ, ввѣреннымъ имъ Христомъ, въ видѣ ученія, священнодѣйствій и управленія. Лишь протестантизмъ, утратившій понятіе о церковной Іерархіи, нуждается для управленія Церковью въ привлеченіи органа государственнаго союза и во врученіи ему всѣхъ правъ управленія Церковью, суживая понятія внутреннихъ дѣлъ Церкви до священнодѣйствія: впрочемъ и тамъ это направленіе, забывающее внутреннюю природу Церкви, не получило общепризнаннаго авторитета, и искра самобытной духовной жизни, тлѣющая послѣ реформаціоннаго разрушенія, даетъ жизнь понятіямъ о самобытности Евангелической Церкви, въ извѣстной мѣрѣ независимой отъ государства, въ ученіяхъ Рихтера и Каля (См. Берниковъ: Основ. полож. церк. пр. прав. Церкви, стр. 51-61). Протестантскія церковныя общества не знаютъ такой части церковнаго правопорядка, которую бы они получили отъ Бога, какъ необходимую, и у нихъ поэтому всякое правообразование является дѣятельностью чисто человѣческой. Церковное право у нихъ выявляется въ тѣхъ же формахъ, какъ и право государственное, и сама церковная власть стала отраслью государственной власти, а Церковь превратилась въ государственное учрежденіе. Ученіе объ отсутствіи правительственныхъ полномочій у церковной власти изъ протестантизма перешло и въ православную каноническую науку, но самый источникъ ея изобличаетъ неправильность этого перенесенія. Церковь Православная остается особымъ нравственнымъ жизнепорядкомъ, имѣющимъ призваніе создавать свои нормы по своему собственному духу, черезъ свои органы, получающіе на то соотвѣтствующіе дары. Мірской элементъ въ ней никогда не имѣлъ рѣшающаго значенія; его значеніе не шло далѣе

совѣщательнаго, какъ это подробно было иллюстрировано огромнымъ большинствомъ членовъ Предсоборнаго Присутствія 1906 года (См. протоколы), составивъ *communis opinio patrum et doctorum*. Міряне могли содѣйствовать проведенію въ жизнь церковныхъ постановленій, но не юридически ихъ создавать. Утвержденіе императорами постановленій Вселенскихъ Соборовъ придавало имъ юридическую силу не въ Церкви, а въ имперіи

Глава II. Ученіе Никона о Патріаршествѣ. (Его ученіе по его сочиненіямъ и по его жизни).

Источникъ понятій Никона о Патріаршествѣ и нашихъ представленій о Никоновскомъ понятіи. — О каноническомъ положеніи Московскаго Патріарха среди другихъ Патріарховъ. — Никонъ о правахъ Константинопольскаго Патріарха. — Патріархи связаны канонами въ судѣ своемъ. — Объ особыхъ привилегіяхъ Константинопольскаго Патріарха и объ Эпанагогѣ — ихъ источникъ. — Неправильность Никоновскаго толкованія IV, 9 и 17. — Мечты Никона о будущемъ положеніи Московскаго Патріарха. — Арсеній Сухановъ о Патріаршествѣ. — Антагонизмъ русскихъ и грековъ въ дѣлѣ учрежденія Патріаршества въ Москвѣ. — Сравненіе воззрѣній Никона и Арсенія Суханова. — Церковнообрядовая реформа Никона. — Источникъ неправильныхъ обвиненій Никона въ стремленіи незаконно измѣнить свое мѣсто среди Патріарховъ. — Никонъ и идея III Рима. — Отношеніе Никона къ Римскому папизму. — Католическая идея папства и святоотеческое ученіе о самостоятельности Церкви. — Пальмеръ объ идеѣ самостоятельности Церкви и о порабоженіи Церкви въ Россіи. — Присяга Епископовъ Патріарху. — О двойной хиротоніи Московскихъ Патріарховъ. — Централизація Церковнаго управленія въ Московскомъ государствѣ. — Учрежденіе Патріаршества въ Москвѣ, какъ завершеніе централизаціи церковной власти. — Поученіе Патріарха Епископу при поставленіи. — Причины централизаціи церковнаго управленія и отсутствіе для Патріарха самостоятельной опоры. — Никонъ оспариваетъ приписываемое ему Лигаридомъ самопревозношеніе надъ Епископами. — О подчиненности Архіерея Патріарху (отзывъ Собора 1665). — Отвѣты Никона на разные упрёки ему. — О пожизненности Патріаршаго сана. — Никонъ о своемъ уходѣ въ Воскресенскій монастырь. О клятвѣ Епископовъ въ повиновеніи Патріарху и о клятвопреступленіи русскихъ Епископовъ. — Анаѳема 1662 г. Митрополиту Питириму, блюстителю Патріаршаго Престола. — Анаѳема 1662 г. отрицающимъ особую природу духовной власти. — Отношеніе Никона къ Церковнымъ Соборамъ. — О судѣ надъ Патріархомъ. — Никонъ склоняется къ теоріи пентархіи. — Объ уходѣ Никона въ Воскресенскій монастырь. — Никонъ возвышаетъ власть Патріарха надъ отдѣльными Архіереями, но не надъ Соборомъ. — О Соборахъ. — О Соборѣ 1666 года. — Правила церковныя о созывѣ Соборовъ и нарушеніе ихъ въ 1660 г. — Никонъ о Соборѣ 1660 г. и о признаніи его Патріархомъ послѣ ухода. — Никонъ объ отсутствіи своего отреченія отъ каѳедры. — Церковныя правила о созывѣ Соборовъ. — Никонъ о дѣятельности Собора 1660 г. — Никонъ о неправильномъ пониманіи Соборомъ 1660 г. природы его ухода, и о неправильномъ примѣненіи каноновъ къ нему. — Никонъ о природѣ своего ухода. — Причины непризнанія Никономъ канонической силы за Соборомъ 1660 г. — Архіерейская теорія отношеній Патріарха и Архіереевъ. — Докладная записка царю Вятскаго Епископа Александра, какъ представителя этой Архіерейской теоріи. — Никонъ не сторонникъ Патріаршаго единовластія въ Церковныхъ дѣлахъ. — Никонъ о каноническомъ и неканоническомъ объединеніи Епископовъ. — Голубинскій о Соборахъ, созданныхъ Никономъ. — Никонъ о составѣ Патріаршихъ правъ въ Церкви. — Никонъ о совершеніи шествія въ недѣлю Вайи Патріархомъ и другими Архіереями. — Никонъ о своемъ каноническомъ положеніи послѣ ухода въ Воскресенскій монастырь. — Никонъ не допускаетъ поставленія новаго Патріарха безъ своего участія. — Разногласія на Соборѣ 1660 г. о Никонѣ, и мнѣніе Епифанія Славинецкаго. — Мнѣніе Іерусалимскаго Патріарха Нектарія объ уходѣ Никона. — Уходъ Никона правительствомъ сознательно истолковывается иначе, чѣмъ это было въ дѣйствительности. — Протестъ Епифанія Славинецкаго противъ лишенія Никона Епископскаго сана. — Постановленіе Собора 14 Августа 1660 г. и мнѣніе архимандрита Игнатія. — Никонъ не отрекался ни отъ священства, ни отъ каѳедры. — Смыслъ ухода Никона. — Приѣздъ Никона въ Москву въ 1662 году и показанія старца Аарона. — Приѣздъ Никона въ 1664 году. — Отстраненіе въ январѣ 1665 г. отъ мѣстоблюстительства Митрополита Іоны за принятіе благословенія отъ Никона. — Переговоры Никона съ Соборомъ объ условіяхъ отреченія отъ каѳедры въ январѣ 1665 года. — Проектъ контрпредложеній Никону на Соборѣ 1666 г. въ февралѣ. Противорѣчіе ихъ съ Архіерейскими взглядами на положеніе Никона въ декабрѣ 1666 года. — Контрпредложеніе Собора Никону весной 1666 г. есть признаніе, что Никонъ не отрекался отъ каѳедры. — Насиліе, совершенное судомъ 1666 г. надъ Патріархомъ Никономъ, подрываетъ значеніе самого Патріаршества. Компетенцію по измѣненію церковнаго устройства имѣетъ только власть церковная. Сознаніе этого въ 1589 году. — Развитіе церковной Іерархіи по Никону. — Теорія Θεοφана Прокоповича о царѣ — носителѣ церковной власти. Противоположность Никону. — Пр. Апостолидъ о правахъ Государственной власти въ Церкви. Утрата каноническаго сознанія государственной властью при Петрѣ I и восстановленіе его на Соборѣ 1917 года.

Источникъ понятій Никона о патріаршествѣ и нашихъ представленій о Никоновскомъ понятіи.

Если вопросъ о царской власти Никонъ изслѣдовалъ цѣликомъ въ томъ „Раззореніи“, которое имѣло въ виду опровергать цезарепа-

пистское учение Лигарида, выявленное послѣднимъ въ „Вопросахъ-отвѣтахъ", то его учение о Патріаршествѣ приходится изслѣдовать не только по этому „Раззоренію", но и по его собственной дѣятельности, ибо Никонъ самъ былъ Патріархомъ и являлъ собой человѣка, у котораго слово съ дѣломъ не расходились между собой. Къ нему всецѣло могутъ быть отнесены слова, поставленные эпитафю однимъ русскимъ ученымъ къ своимъ сочиненіямъ о Францискѣ Ассизскомъ: „Plus exemplo quam verbo." Тѣ слова, которыя Никонъ сказалъ передъ согласіемъ на вступленіе на Патріаршество, что „всѣ мы именуемся христіанами, а христіанскаго въ насъ мало, ибо не блюдемъ заповѣдей Божіихъ. Я буду для васъ Патріархомъ, если вы общаетесь ихъ соблюдать," — основаніе его программы, которую онъ, какъ Патріархъ, осуществлялъ прямолинейно безъ компромиссовъ. Въ нихъ объясненіе его отношеній къ царской власти, къ Уложенію, къ Церковному Суду, къ Церковной собственности, въ нихъ же и объясненіе той строгости къ духовенству, которой извѣстенъ былъ Никонъ. Его реформа Церковныхъ обрядовъ и книгъ — выполненіе тѣхъ завѣтовъ о руководствѣ Вселенской Церковью, которыя онъ вычиталъ въ грамотѣ Восточныхъ Патріарховъ объ учрежденіи Патріаршества въ Россіи. Самый уходъ его съ Патріаршей каѳедры въ Воскресенскій монастырь, столь искаженный показаніями на судѣ 1660 года, и запечатлѣнный въ таковомъ видѣ исторической литературой (Лигаридомъ и далѣе Соловьевымъ и Каптеревымъ) есть дѣяніе, обнаруживающее его понятія о дѣйствительномъ архипастырствѣ въ свѣтѣ тѣхъ объясненій, которыя мы читаемъ въ его „Раззореніи", и тѣхъ попытокъ вернуться на каѳедру, которыя онъ предпринялъ не только въ 1664 г., но, какъ доказалъ Гюббенетъ, и въ декабрѣ 1662 года. Его переговоры въ началѣ 1665 года съ Соборомъ Архіереевъ объ условіяхъ отреченія его отъ каѳедры Патріаршаго престола проливаютъ дальнѣйшій свѣтъ на его понятія о Патріаршествѣ. Но въ „Раззореніи" мы почерпаемъ указаніе на основной источникъ Никоновыхъ понятій о Патріаршествѣ: тамъ онъ цитируетъ опредѣленіе понятія Патріарха по Эпанагогѣ. Тамъ же онъ высказывается о томъ каноническомъ положеніи, которое занимаетъ Московскій Патріархъ среди другихъ Патріарховъ; тамъ же онъ объясняетъ положеніе Патріарха въ отношеніи Архіереевъ, входящихъ въ составъ его Патріархата; тамъ выясняются, какъ мы видѣли, и права его въ отношеніи къ царю, какъ обязанность говорить и стоять за истину и содѣйствовать осуществленію правды въ

жизни въ формѣ печалованія. Вся дѣятельность Никона служить подтвержденіемъ на дѣлѣ и иллюстраціей высказанныхъ имъ въ разное время взглядовъ на Патріаршество и являетъ собой живой, нерукотворный памятникъ воплощенія опредѣленной идеи въ жизни отдѣльнаго человѣка. О томъ, что такое Патріархъ, Никонъ пишетъ въ своемъ „Раззореніи" (1 п. Эпанагоги): „Патріархъ есть живой образъ Христа (1, 64): Патріархъ есть живой и одушевленный образъ Христа, дѣлами и словами въ себѣ самомъ наглядно выражающій истину (2 п. Эпанагоги). Задачей Патріарха должно быть: сохраненіе въ благочестіи и святости тѣхъ, кого онъ принялъ отъ Бога (т. е. вѣрныхъ Церкви), а затѣмъ по силѣ своей и всѣхъ еретиковъ обращеніе въ Православіе и единеніе Церковное; кромѣ того, изумляя свѣтлымъ блестящимъ и чуднымъ дѣланіемъ, Патріархъ долженъ стремиться сдѣлать и самихъ невѣрныхъ подражателями вѣрѣ и ихъ, видящихъ дѣла его, насколько отъ него зависитъ, воспитать служителями Всесвятой и Единосущной Троицы (3 п. Эпанагоги). Конечная цѣль Патріарха — спасеніе ввѣренныхъ ему душъ, жизнь во Христѣ и для міра быть распятымъ (4 п. Эпанагоги). Свойство Патріарха быть учительнымъ, безъ всякаго стѣсненія держать себя одинаково и съ высокопоставленными и съ бѣдными; быть кроткимъ ко всѣмъ, внимающимъ его ученію, быть обличительнымъ къ неубѣждающимся; за истину въ защиту догматовъ, за соблюденіе правды и благочестія говорить, не стѣсняясь, передъ царями (8 п.) Такъ какъ гражданское общежитіе составляется подобно человѣческому организму изъ разныхъ частей и членовъ, то важнѣйшія его части — императоръ и Патріархъ; посему единомысліе и согласіе во всемъ власти императорской и архіерейской есть миръ и благополучіе подданныхъ въ духовномъ и матеріальномъ отношеніяхъ." Эти статьи моральнаго, а не юридическаго характера начертываютъ идеаль нравственной личности Патріарха, его задачи, которыя должны проникать его дѣятельность. Передъ авторомъ прежде всего завѣтъ Христа Апостоламъ и ихъ преемникамъ: „Образъ дахъ вамъ, да, якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите" (Іоан. 13, 15). Если обязанность cadaго Епископа въ отношеніи паствы — подражать Христу, то тѣмъ болѣе это долженъ Патріархъ первый между ними и болѣе по своимъ административнымъ правамъ. Свое высокое призваніе Патріархъ призванъ осуществлять не какими либо особыми духовными полномочіями, какихъ не имѣлъ бы и всякій другой Епископъ, но именно обычнымъ для cadaго Епископа служеніемъ: подвигомъ

учительства, кротостью, твердостью и мужествомъ въ исполненіи вѣры и стояніи за правду и истину. Одна обязанность, хотя и не составляетъ исключительной привилегіи Патріарха, но къ нему относится по преимуществу, это — обязанность говорить истину передъ царями. Эта преимущественность Патріарха обусловливается не только его высокимъ положеніемъ въ Церкви, но и той непосредственной близостью къ императору, которая существовала и Византіи и въ Московскомъ государственномъ строѣ.

О каноническомъ положеніи Московскаго Патріарха среди другихъ Патріарховъ.

Вопросъ о положеніи Московскаго Патріарха среди другихъ Никонъ разрѣшалъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ канонами, установившими принципы Церковнаго устройства. Говоря о Константинопольскомъ Патріархѣ, онъ напоминаетъ 6 Вселенскій Соборъ 36 пр. „Епископъ Константинопольскій да будетъ имѣть привилегіи послѣ Епископа Римскаго, а за нимъ Епископы Александрійскій и Антиохійскій и затѣмъ Епископъ Іерусалимскій". Далѣе Никонъ приводитъ то толкованіе этого канона, по которому союзъ „послѣ", разумѣется въ порядкѣ не чести, но времени. Это извѣстное Аристинское толкованіе, по которому Константинопольскій Патріархъ получаетъ равныя права съ Римскимъ Патріархомъ въ силу того, что онъ — Епископъ города, почтеннаго присутствіемъ царя и синклита, но получаетъ ихъ лишь позже (I, 20). Также въ современномъ греческомъ Пидалионѣ есть замѣтка, что это „послѣ" означаетъ только указаніе на время, но не указываетъ на низшій рангъ, какъ ошибочно де думалъ Зонара, ибо иначе мы имѣли бы пять различныхъ степеней подчиненія для пяти Патріарховъ (Pal. I, 52 стр. Прим.). Напомнивъ исторію учрежденія Патріаршества въ Россіи, объ извѣстномъ спорѣ между Александрійскимъ Патріархомъ Мелетіемъ Пигасомъ съ Константинопольскимъ Патріархомъ Іереміей объ утвержденіи Патріаршества въ Россіи, и спорѣ о рангѣ Московскаго Патріарха среди другихъ Патріарховъ, который происходилъ между московскимъ правительствомъ и Восточными Патріархами и разрѣшился окончательно на Константинопольскомъ Соборѣ 1593 года въ пользу предоставленія Московскому Патріарху пятаго мѣста, Никонъ обращается къ Лигариду: „Ты говоришь: слава и честь Рима перешли на Москву. Откуда ты это взялъ? Покажи мнѣ. Ты видѣлъ, что говорятъ Дѣянія Отцовъ Константинопольскаго Собора (1593). Что тамъ сказано объ этомъ? Патріархъ Московскій будучи сравненъ въ чести съ

Іерусалимскимъ, долженъ поминаться въ диптихахъ послѣ Іерусалимскаго. И мы счастливы оставаться при такомъ правилѣ и утверженіи и не преступать мѣры и правила Св. Отцовъ, т. е. Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ" (I, 54 стр.). Также въ другомъ мѣстѣ (I, 77): „Смотри, отвѣтотворче, въ Хризовулѣ Св. Вселенскихъ Патріарховъ, подписанномъ руками и засвидѣтельствованномъ печатями 82 лицъ, о чести Московскихъ Патріарховъ, о мѣстѣ ихъ каѳедры и ихъ равенствѣ чести." Никонъ выше авторитета Московскаго Патріарха ставитъ общій авторитетъ всѣхъ Патріарховъ, которыми учреждена и власть самого Московскаго престола. Приведя текстъ присяги, даваемой каждымъ Епископомъ въ повиновеніи Патріарху, послушаніи обязательномъ, при какомъ бы то ни было давленіи со стороны царя или бояръ, или множества народа, какъ то говоритъ самый текстъ присяги, Никонъ говоритъ: „Видишь, Епископы приняли это обязательство передъ Богомъ и Его Святыми Апостолами и Его Святыми Ангелами въ присутствіи царя и всего его синклита и при множествѣ народа. А что они сдѣлали во исполненіе этого? Ничего. Во всемъ они преступили клятву. Они обѣщали слѣдовать Вселенскимъ Патріархамъ. **Вселенскіе Патріархи учредили въ Москвѣ Патріаршій престолъ согласно (34) Апостольскому правилу и правиламъ Св. Отцовъ и постановили, чтобы всѣ Епископы почитали Патріарха своимъ главой и безъ его согласія ничего не творили**" (I, 138). Такъ источникъ учрежденія Патріаршества для Никона не въ царской власти, не въ постановленіи Помѣстнаго Собора Епископовъ, а въ рѣшеніи Восточныхъ Патріарховъ.

Никонъ о правахъ Константинопольскаго Патріарха.

Среди нихъ онъ признаетъ Константинопольскаго не только первымъ по рангу, но и съ правами, нѣсколько высшими въ сравненіи съ другими Патріархами. Такъ ему одному онъ усваиваетъ право судить Епископовъ другого Патріаршаго дієцеза; онъ въ этихъ цѣляхъ приводитъ 9-ое правило IV Вселенскаго Собора и толкованіе къ нему, которое оканчивается такъ: „Если Епископъ или клирикъ имѣетъ какое дѣло противъ Митрополита, его дѣло должно быть судимо или передъ Экзархомъ дієцеза, т. е. Патріархомъ, которому подвѣдомственны Митрополиты этихъ провинцій, или Патріархомъ Константинопольскимъ." Эта власть судить Митрополита, подчиненнаго другому Патріарху, не дана никому изъ другихъ Патріарховъ ни

канонами, ни гражданскими законами, кромѣ одного Патріарха Константинопольскаго. Нигдѣ тамъ также нельзя найти о томъ, чтобы Патріархъ могъ быть судимъ своими Епископами, развѣ только въ твоихъ нечестивыхъ устахъ" (I, 61). Никонъ никогда не считалъ положеніе Московскаго Патріарха первымъ среди другихъ Патріарховъ, но правда то, что другіе Патріархи, когда Никонъ былъ въ силѣ и славѣ, говорили такія слова, которыя возвеличивали его положеніе среди другихъ Патріарховъ. Такъ сынъ Антиохійскаго Патріарха Макарія въ своемъ дневникѣ, относящемся къ 1655-1656 годамъ, записываетъ, что его отецъ приблизился разъ къ царскому величеству (II, 272) и сказалъ: „We are four oecumenical patriarchs and the dress of us all is alike. By our consent and permission, this our brother has been made **patriarch of Moscow in the place of the Pope of Rome**; and one mark of the Pope is, that he is distinguished from us by his whole dress. If it please Your Majesty, I should wish your Patriarch to wear like us this cap¹ (Титулъ Вселенскаго былъ принятъ Константинопольскимъ Патріархомъ около 600 года при Патріархѣ Маврикіи, но Папа Григорій I протестовалъ противъ такой гордыни и назвалъ себя тогда *servus servorum Dei*).

Отводя Московскому Патріарху установленное ему на Константинопольскомъ Соборѣ 1593 г. пятое мѣсто, Никонъ среди предстоятелей независимыхъ Церквей выдѣляетъ вообще только пять Патріарховъ, несмотря на то, что въ его время были три Церкви, не подчиненныя ни одному изъ Патріарховъ, т. е. автокефальныя. Это были, по словамъ Лигарида (III, 33), — Первоіерархи Охридскій, Кипрскій и Грузинскій. Въ этомъ отношеніи Никонъ сходилъ съ своими противниками. Такъ Лигаридъ пишетъ въ своей „Исторіи Суда": „Since the Roman patriarch — I know not how — had been cut off from the rest, there was need of some other patriarch to be created in his stead, to fill up the mystical number of those (five prophetic cities or) five heads which were to be found speaking the language of Canaan. So here there was appropriately introduced the patriarch of Russia, preserving unchanged the order of the rest: and the five patriarchal Churches may be compared to the five senses or to the five mental energies..."²

¹ Мы все четыре Патріарха имѣемъ одинаковое одѣяніе. Мы согласны и даемъ свое изволеніе, чтобы сей братъ нашъ Московскій Патріархъ былъ на мѣсто Великаго Папы. Знакъ Папы — его отличіе въ одеждѣ отъ насъ. Если угодно вашему величеству, прошу, чтобы вашъ Патріархъ, подобно намъ, носилъ этотъ головной уборъ."

² „Съ тѣхъ поръ, какъ Римскій Патріархъ, я не знаю какъ, отдѣлился отъ остальныхъ, надо было создать на его мѣсто какого либо другого Патріарха, чтобы заполнить мистическое число тѣхъ пяти главъ, о которыхъ говорить языкъ Ханаанскій. Такъ былъ учрежденъ въ соотвѣтствіи съ этимъ Русскій Патріархъ съ

Судя по тому, что Никонъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ ни разу не ссылается на представителей другихъ непатріаршихъ Церквей, а всегда приводитъ только Восточныхъ Патріарховъ; судя по тому, что онъ и въ своемъ Воскресенскомъ храмѣ въ чаяніи будущихъ Соборовъ въ Россіи построилъ только пять мѣстъ для Патріарховъ, можно думать, что голосамъ Патріаршихъ Церквей онъ придавалъ авторитетъ преимущественный въ дѣлахъ, затрагивающихъ всю Церковь. Это — отголосокъ старой теоріи пентархіи, которая извѣстна еще во времена Θεодора Студита, но она у Никона, однако, рельефно нигдѣ не формулирована. Представитель автокефальной Церкви, принимая санъ Патріарха, какъ бы призывался не ограничиваться дѣлами своей Церкви, а выступать въ дѣлахъ общецерковныхъ съ голосомъ особо авторитетнымъ, гдѣ его голосъ имѣлъ преимущественное значеніе. На это значеніе Патріарха нѣсколько позже указывалъ и Іерусалимскій Патріархъ Досиѳей [Каптеревъ. Сношенія Іерусалимскаго Патріарха Досиѳея съ Русскимъ правительствомъ (Чт. О. Л. Д. пр. 1891, III, 55 стр.)]. Патріархъ Досиѳей Іерусалимскій писалъ Московскому Патріарху Адріану въ 1700 г. о положеніи дѣлъ въ святыхъ мѣстахъ и просилъ его ходатайствовать передъ царемъ. Онъ пишетъ ему: „Патріархи, какъ преемники Святыхъ Апостоловъ, должны имѣть особое попеченіе о всѣхъ Церквахъ. Они имѣютъ попеченіе не только о своихъ Церквахъ, но и о другихъ, гдѣ въ томъ представляется надобность. Сіе же яко братская твоя любовь нѣсть уже Митрополитъ Московскій, да объемлются во единой епархіи твоей попеченія твоя и труды твоя, но еси благодатью Христовой Патріархъ сый и сопричисленный и спочитаемый со прочими Святѣйшими Патріархи, и имѣвши свойственно сирѣчь попеченіе всѣхъ Святыхъ Церквей и наипаче Святыхъ всѣхъ Церквей матере въ ней же явился Богъ плотью, и отъ оныя яко источника присно текущаго напоилъ весь міръ и тамо имать быти общій судъ ко оправданію избранныхъ, ко осужденію погибшихъ и также, яже нерадѣти нѣсть лѣпо, ниже праведно. Яко аще о чести и исправленіи матере Церкви нерадиши Божественнѣйшій, како хочещи показати ревность и свойственная Патріаршеству твоему достоинству?"

Ставя себя на каноническое пятое мѣсто въ ряду Патріарховъ, Никонъ особое значеніе придавалъ Патріарху Константинопольскому. Мы приводили его цитаты изъ толкованія на 9 пр. IV Всел. Соб.;

сохраненіемъ порядка остальныхъ, и пять Патріаршихъ Церквей можно сравнить съ пятью чувствами или съ пятью умственными энергіями..."

мы можемъ указать и на дѣла жизни, подтверждающія такое отношеніе Никона къ Константинопольскому Патріарху. Такъ, до начала Церковно обрядовой реформы Никонъ не только созвалъ Соборъ Русскихъ Архіереевъ въ 1654 году, чтобы рѣшить вопросъ о необходимости исправленія книгъ и обрядовъ, но запрашиваетъ мнѣніе Константинопольскаго Патріарха по этому вопросу и, получивъ отъ него подробное разъясненіе объ обрядахъ, усваиваетъ его точку зрѣнія, столь расходившуюся съ точкой зрѣнія раскольниковъ. Въ то время, когда Аввакумъ заявлялъ о готовности умереть за одну букву въ русскихъ Богослужебныхъ книгахъ, что и оправдалъ въ послѣдствіи, Никонъ принимаетъ поученіе отъ Константинопольскаго Патріарха и получаетъ отъ него болѣе просвѣщенный взглядъ на обряды. Вотъ что писалъ Патріархъ Паисій Константинопольскій: „Ты жалуешься сильно на несогласія въ кое какихъ порядкахъ, существующихъ въ помѣстныхъ Церквахъ, ты думаешь, не вредятъ ли эти различные порядки нашей вѣрѣ. Въ отвѣтъ на это мы хвалимъ мысль; поелику кто боится впасть въ малыя погрѣшности, тотъ предохраняетъ себя отъ великихъ; но исправляемъ опасеніе... Если случится, что какая нибудь Церковь будетъ отличаться отъ другой какими либо порядками не важными и не существенными для вѣры, а незначительными, каково, напримѣръ, время совершенія литургіи, или вопросъ о томъ, какими перстами долженъ благословлять священникъ, то это не должно производить никакого раздѣленія, если только сохранится одна и та же вѣра. Это потому, что Церковь наша не съ самаго начала получила тотъ уставъ чинопослѣдованій, который содержитъ въ настоящее время, а мало по малу, какъ говоритъ Св. Епифаній Кипрскій... Не слѣдуетъ намъ и теперь думать, будто извращается наша вѣра, если кто имѣетъ чинопослѣдованіе, нѣсколько отличающееся отъ другого въ вещахъ не существенныхъ: лишь бы соглашался въ важныхъ и главныхъ съ Каѳолической Церковью. А для того, чтобы знали, какіе это важные и существенные члены нашей вѣры, о которыхъ мы говоримъ, нашъ Синодъ составилъ одну книгу подъ заглавіемъ: „Православное исповѣданіе вѣры Каѳолической и Апостольской Церкви Восточной.“ Скрѣпивши эту книгу, подписали всѣ Архіереи сего округа и всѣ клирики вмѣстѣ съ тогдашнимъ Первопрестольникомъ Синода, блаженной памяти Киръ Парѣніемъ старшимъ. Равнымъ образомъ и остальные три Патріарха, пріѣзжая по временамъ въ Константинополь и здѣсь читая, тоже скрѣпили ее своими подписями..., и, если вы нуждаетесь въ этой книгѣ, и она

дѣйствительно нужна вамъ для того, чтобы всѣ пять Патріархій были единомысленны, пришлемъ вамъ одну копію съ нея." Вотъ источникъ, гдѣ Никонъ научился тому отношенію къ обряду, которое онъ обнаружилъ въ 1657 г. въ отвѣтъ на вопросъ Ивана Неронова, по какимъ служебникамъ служить, по старымъ или новымъ. „По какимъ хочешь, по такимъ и служи: обои хороши", — сказалъ Никонъ, когда Нероновъ примирился съ Церковью и оставилъ свой протестъ противъ нововведеній Никона, узнавъ, что ихъ одобряютъ Вселенскіе Патріархи. Особое почитаніе Константинопольскаго Патріарха выразилось со стороны Никона въ томъ, что онъ запрашивалъ его, несмотря на то, что за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ Іерусалимскій Патріархъ Паисій былъ уже въ Москвѣ и именно онъ побудилъ къ реформѣ обрядовъ царя Алексѣя и его духовника Стефана Вонифатьева, къ которымъ присоединился и Никонъ. Позже, когда Никона звали на судъ пріѣхавшихъ Патріарховъ Александрійскаго и Антиохійскаго, онъ заявилъ, **что пойдетъ на судъ лишь въ томъ случаѣ, если они имѣютъ полномочія** отъ Константинопольскаго Патріарха; о томъ же онъ заявлялъ на судѣ: „Не будетъ де онъ отвѣчать, пока не представятъ Патріархи этихъ полномочій." А Александрійскому Патріарху во время суда онъ сказалъ: „Широкъ де ты здѣсь, а каковъ будешь, когда придется отвѣчать передъ Константинопольскимъ Патріархомъ."

Патріархи связаны канонами въ судѣ своемъ.

Къ нему же опять обращается Никонъ въ декабрѣ 1665 года съ особымъ посланіемъ, гдѣ ему по братски объясняетъ исторію своего вступленія на Патріаршество, причины ухода съ престола, гоненія на него со стороны царя и проситъ разобратъ это дѣло въ соотвѣтствіи съ канонами Церкви. Послѣднее обстоятельство согласованія рѣшенія съ канонами Церкви Никонъ почитаетъ обязательнымъ и для всѣхъ Патріарховъ вмѣстѣ взятыхъ. Они — хотя и верховные судьи въ Церкви, однако, связаны канонами, стоящими выше ихъ. Такъ онъ заканчиваетъ письмо Патріарху Діонисію такими словами: „Что же касается суда, то есть способа, какимъ долженъ быть допрашиваемъ и судимъ Патріархъ, сколькими Патріархами, Митрополитами и Епископами, то Ваше Высокопреосвященство знаетъ само. Даже Митрополитъ законно не можетъ быть судимъ по канонамъ безъ Патріарха: насколько же менѣе законно судить Патріарха безъ Собора Вселенскихъ Патріарховъ? Касательно этого дѣла мы просимъ Ваше Свя-

щенство судить насъ и царское величество по справедливости, какъ должно быть, какъ и вы сами будете судимы во второе пришествіе Господне Бога и Спаса Іисуса Христа. Судите обо всемъ по правдѣ. Мы сами не стремимся быть снова Патріархомъ Москвы, но только, чтобы мы не навлекли опасности на себя за дѣйствія противъ воли Божіей. Но если въ этомъ дѣлѣ послѣдуетъ какое либо несправедливое рѣшеніе съ Вашей стороны, нашъ Господь Іисусъ Христосъ взыщетъ за это съ васъ въ день судный по правдѣ." Никонъ признаетъ, что нѣтъ суда высшаго надъ судомъ Патріарховъ, но и этотъ судъ связанъ нормами церковнаго закона. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Никонъ выдѣлялъ среди Патріарховъ по авторитету Патріарха Константинопольскаго. Вѣдь, источникомъ его сужденія была Эпанагога, проникнутая возвеличеніемъ власти Константинопольскаго Патріарха и возвышающая его надъ прочими Патріархами.

Объ особыхъ привилегіяхъ Константинопольскаго Патріарха и объ Эпанагогѣ — ихъ источникѣ.

Никонъ самъ цитируетъ (I, 64) 9 п. Эпанагоги по М. Властарю: „Константинопольскій престолъ, императорской властью украшенный, провозглашенъ первымъ въ соборныхъ опредѣленіяхъ, послѣдуя коимъ Божественные (т. е. императорскіе) законы повелѣваютъ возносить на его разсмотрѣніе и судъ судебныя дѣла, возникающія въ прочихъ (Патріаршихъ) престолахъ." Далѣе Никонъ указываетъ на особую привилегію Константинопольскаго престола учреждать Ставропигіи въ другихъ Патріархатахъ, гдѣ до сихъ поръ не было храмовъ (10 п. Эпанагоги по М. В.), „О всѣхъ Митрополіяхъ и Епископіяхъ, монастыряхъ и церквахъ промышленіе и попеченіе, а также и судъ, осужденіе и оправданіе подлежатъ собственному ихъ Патріарху. А первосѣдальнику Константинопольскому позволительно давать ставропигіи и въ мѣстностяхъ иныхъ престоловъ, именно въ которыхъ не устроено храмовъ, и не это только, но и наблюдать за возникающими тамъ несогласіями и исправлять ихъ и полагать конецъ судебнымъ дѣламъ. Также точно и относительно покаянія и разрѣшенія отъ грѣховъ и ересей одинъ только онъ поставленъ посредникомъ и судьей въ силу 11 п. Эпанагоги." Цитаты эти сдѣланы Никономъ по Эпанагогѣ, въ редакціи ея, вошедшей въ Синтагму Матвѣя Властыря. Проф. Заозерскій (Б. В. 1905, 10-12), изслѣдовавшій параллельно текстъ Эпанагоги и ея редакцію въ Синтагмѣ, показалъ этимъ сличеніемъ, что у Матвѣя Властыря опущены 5, 6 и 7 статьи Эпанагоги и иначе редактирована 11-я.

Въ статьѣ 5 и 6 Эпанагога усвояла только одному Патріарху право интерпретировать церковные каноны и соборныя Дѣянія. Между тѣмъ Патріархъ вовсе не являлся никогда единоличнымъ органомъ, даже и при Патріаршей системѣ управленія; Патріархъ выступалъ какъ исполнительный правительственный органъ по отношенію къ Соборамъ и самъ въ своей текущей правительственной дѣятельности былъ и въ Византіи связанъ постояннымъ Синодомъ. Между тѣмъ, Эпанагога объ этихъ органахъ ничего не говорила въ отношеніи права толкованій каноновъ. Статья 5 гласила: „Канонизованное древними и Святыми Отцами опредѣленное и Святыми Соборами изложенное долженъ толковать только Патріархъ." Статья 6: „Что древними Отцами на Соборахъ или въ епархіяхъ поставлено и благоустроено частно или вообще — о томъ долженъ судить и опредѣлять Патріархъ." **Опущеніе этихъ статей Матвѣемъ Властыремъ, а затѣмъ и Никономъ имѣетъ существенное значеніе, умаляя власть Патріарха передъ Соборомъ, на котораго естественно и возлагается такое право толкованія, какъ на высшій органъ.** Статья 11 Эпанагоги въ редакціи Матвѣя Властыря усвояетъ одному Патріарху право рѣшать вопросы покаянной дисциплины, связывать и разрѣшать отъ грѣховъ и ересей. Въ подлинникъ же указывается лишь, что Патріархъ пастырствуетъ въ своей епархіи, какъ всякій Епископъ. Тамъ говорилось: „Патріарху надлежитъ попеченіе о всѣхъ духовныхъ дѣлахъ, но онъ можетъ возлагать оное и на другихъ, кому заблагоразсудится поручить, такъ что и относительно покаянія и разрѣшенія отъ грѣховъ и ересей самъ и одинъ поставленъ быть опредѣлителемъ и судьей, а также и тотъ, кого онъ опредѣлитъ (на это)." Такъ редакція Матвѣя Властыря централизовала карательную власть Патріарха. Но Никонъ считалъ, ссылаясь на Евхологій, что эту *potestas clavium* имѣетъ каждый Епископъ, но онъ можетъ предоставить ее и священникамъ (I, 301). Русская практика, по которой каждый священникъ является *eo ipso* у себя въ приходѣ и духовникомъ прихожанъ, съ точки зрѣнія Эпанагоги — нарушеніе канона, и Никонъ усвоилъ и въ этомъ точку зрѣнія Евхологія, опредѣленно заявляя въ одномъ мѣстѣ „Раззоренія", что такая практика есть злоупотребленіе, ибо *potestas clavium* принадлежитъ Епископу, а священнику только по порученію Епископа. Въ этомъ отношеніи Никонъ, хотя и цитировалъ 11 статью Эпанагоги по Матвѣю Властырю, однако усваивалъ по Евхологію эту *potestas clavium* не одному Патріарху, а и Епископамъ. **Но Никонъ воспріялъ 9 и 10 ст. Эпана-**

гоги, выдѣляющую Константинопольскаго Патріарха среди другихъ Патріарховъ.¹

Неправильность Никоновскаго толкованія IV, 9 и 17.

Между тѣмъ усвоеніе Эпанагогой Константинопольскому Патріарху права ставропигіи въ другихъ Патріархатахъ и верховной судебной власти въ нихъ возводитъ въ законъ лишь фактическое положеніе дѣлъ, сложившееся вопреки канонамъ подѣ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ. Самъ Вальсамонъ, ревностный защитникъ привилегій Константинопольскаго Патріарха, говоритъ, что никому изъ Патріарховъ не дозволяется посылать свои ставропигіи въ области другого Патріарха, и допускаетъ ихъ для Патріарха только въ

¹ Нельзя не отмѣтить, что идеи перенесенія правъ Константинопольскаго Патріарха на Московскаго, у Никона вовсе не было. Самая идея перенесенія правъ съ Римскаго Папы на Константинопольскаго Патріарха примѣнена была въ свое время впервые Патріархомъ Фотіемъ въ половинѣ IX вѣка въ посланіи императора Михаила къ Римскому Папѣ (Суворовъ. Византійскій Папа. 133 стр.), когда старый Римъ выдѣлился изъ Восточно-Римской имперіи и явилась другая имперія — Западная и когда готовился и церковный разрывъ Запада съ Востокомъ. До тѣхъ поръ существовала идея равныхъ преимуществъ Константинопольскаго Патріарха — Новаго Рима съ преимуществами Епископа Древняго Рима, выраженная въ II, 3 и IV, 28. Связывая съ этимъ перенесеніемъ правъ, утраченныхъ Патріархомъ Стараго Рима, то обстоятельство, что переноситься могли не только духовно-іерархическія права надъ другими Патріархами, но и политическое положеніе Папы относительно императора, выводимое изъ Даренія Константина Великаго, — легко "понять, что и Эпанагога сопоставляла царя не съ священствомъ въ собирательномъ смыслѣ, какъ это было раньше, а съ однимъ Константинопольскимъ Патріархомъ, и что она говорила о томъ, что Патріархъ вѣдаетъ души, а императоръ тѣла, и такимъ образомъ она, хотя и глухо, намекала на превосходства перваго. Интересно, что Никонъ въ отношеніи къ вопросу о мѣстѣ Московскаго Патріарха среди Патріарховъ другихъ, оставляетъ ему пятое мѣсто и въ отношеніи его къ царской власти изъ сопоставленія ихъ съ душой и тѣломъ не дѣлаетъ тѣхъ выводовъ, которые дѣлали въ средніе вѣка въ Византіи, гдѣ иногда подѣ западнымъ вліяніемъ подчиняли царя Патріарху; такъ Патріархъ Михаилъ Керулларій считалъ Патріарха въ правѣ ставить императора черезъ коронованіе и низлагать съ престола, вторгаться въ неподлежащую ему область, и ставить власть императора въ зависимое отъ Патріарха положеніе (Суворовъ Ib. 125 стр.). Характерно то различіе, которое существовало въ отношеніи къ Даренію Константина въ Константинополѣ послѣ того, какъ явилась теорія (въ половинѣ IX вѣка) перенесенія правъ съ Римскаго Папы на Константинопольскаго Патріарха, и у Никона. Вальсамонъ (Суворовъ „Виз. Папа“, 129 стр.) говоритъ по поводу IV, 28: „Нѣкоторые, видя, что Константинопольскій Патріархъ не чествуется ни однимъ изъ преимуществъ Римскаго Папы (ибо и голову не украшаетъ царскимъ покровомъ-лоромъ и ходитъ безъ царскаго скипетра, знаковъ и знаменъ, не украшаетъ себя знаками царскаго достоинства, не возлагаетъ на себя пурпурнаго одѣянія и не садится на коня, какъ то предоставляется въ царскомъ постановленіи, данномъ Св. Константиномъ Великимъ Папѣ Сильвестру и его преемникамъ), говорятъ, что содержащееся въ сихъ правилахъ утратило силу. Самъ Вальсамонъ считаетъ этотъ законъ дѣйствующимъ и желаетъ отличія этого рода и для Патріарха и особыхъ отличій для хартофилакса, ранѣе его времени, въ XI вѣкѣ, существовавшихъ. Нѣкоторые изъ Патріарховъ, какъ Керулларій и другіе, пытались украсить себя этими преимуществами, по сообщенію того же Вальсамона (Суворовъ, Ib. 114 стр.). Напротивъ, Никонъ никогда этой претензіи не заявлялъ и, приводя цѣликомъ въ своемъ Раззореніи грамоту Константина Великаго, пересыпаетъ ее своими замѣчаніями, останавливая вниманіе, однако, не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о передачѣ Папѣ отъ императора императорскихъ правъ, а только на тѣхъ, гдѣ подчеркивается духовная сила священнаго сана (чудо Папы Сильвестра) и выраженіе ему уваженія черезъ предоставленіе собственности и юрисдикціи. Нельзя не отмѣтить и того, что Никонъ цитируетъ „Дареніе“, не какъ документъ, единственный въ своемъ родѣ, устанавливающий какое то особое положеніе для Патріарха, а среди другихъ: имъ приводятся (Пальмеръ I, 207-211) Уставъ Св. Владиміра, Законы Юстиніана, Актъ коронованія для поддержанія своего тезиса о необходимости почитать священство и его права. Того значенія перенесенія правъ съ одного Патріарха на другого, вмѣстѣ съ переданными ему императорскими правами, какое этому документу давали въ Византіи въ IX и X вѣкахъ и въ эпоху Керулларія, Никонъ съ нимъ не связывалъ. Тѣ части Даренія, которыя трактуютъ о передачѣ Папѣ Константиномъ Великимъ императорскихъ регалій и правъ на Римъ, на Италію и проч., Никонъ обходитъ молчаніемъ, какъ ненужный ему историческій матеріалъ, не прерывая рассказъ своими замѣчаніями, и выставяя его только, какъ контрастъ униженію Русской Церкви въ его время.

предѣлахъ его области. Каждое административное или судебное вторженіе одного Патріарха въ область другого есть нарушеніе одного изъ принциповъ церковнаго устройства, а именно того, что „дѣла каждой области долженъ благоучреждать Соборъ той области" (II Вселенскій Соборъ 2). Въ предупрежденіе этихъ вторженій II Вселенскій Соборъ и ввелъ раздѣленіе на дієцезы съ предупрежденіемъ, чтобы Епископы одного дієцеза не переходили въ другой. Это подтверждено на III Вселенскомъ Соборѣ 8 правиломъ и на IV Вселенскомъ Соборѣ 28 правиломъ. На этихъ канонахъ основана самостоятельность помѣстныхъ Церквей. На вторженіе Іерарха такой Церкви въ другую правила смотрятъ, какъ на надменіе власти мірскія." **Никакой Соборъ не предоставлялъ Константинопольскому престолу похищать эту свободу.** Эту же идею самостоятельности каждой помѣстной Церкви высказалъ и **Карфагенскій Соборъ Папѣ Целестину** по поводу его вторженія въ судебныя дѣла Карфагенской Церкви: „Разумно и праведно призналъ Никейскій Соборъ, что, какія бы ни возникли дѣла, они должны оканчиваться на своихъ мѣстахъ... Развѣ есть кто либо, кто повѣритъ, будто Богъ единому токмо нѣкому вдохнулъ правоту суда, а безчисленнымъ архіереямъ, сошедшимся на Соборъ, откажетъ въ ономъ."

Правило 9 IV Вселенскаго Собора, предоставляющее клирику обращаться съ жалобой на Митрополита или къ своему Патріарху или къ Константинопольскому, современные историки и канонисты (Лебедевъ, Павловъ) толкуютъ въ смыслѣ права этихъ клириковъ обращаться къ Константинопольскому Патріарху, но не въ смыслѣ права самого Константинопольскаго Патріарха привлекать къ своему суду любое дѣло изъ чужого Патріархата. Гидуляновъ пишетъ („Восточные Патріархи", 469): „Дѣло рѣшенное, напримѣръ, Митрополитомъ Антиохійскаго Патріархата, направлялось или къ Патріарху Антиохійскому или къ Константинопольскому, но приговоръ, какъ того, такъ и другого былъ окончательнымъ и безапелляціоннымъ. Такимъ образомъ Константинопольскій Патріархъ не былъ призванъ передѣлывать рѣшенія другихъ Патріарховъ." Канонистъ же Зонара пишетъ въ своемъ толкованіи (На IV, 17): „Царьградскій Патріархъ поставляется судьей не надъ всѣми Митрополитами, а только надъ тѣми, которые ему подчинены, ибо онъ не можетъ потребовать на свой судъ Митрополитовъ Сиріи или Палестины, и Финикіи или Египта противъ ихъ воли; но Митрополиты Сиріи подлежатъ суду Антиохійскаго Патріарха, Палестинскіе — суду

Патріарха Іерусалимського, а Єгипетські повинні судитися перед Патріархомъ Александрійскимъ, отъ которыхъ они получаютъ хиротонію и которымъ именно они и подчинены." Равнымъ образомъ 9 пр. IV Вселенскаго Собора говорить: „Аще же на Митрополита области (Греческой епархіи) Епископъ или клирикъ имѣть неудовольствіе, да обращаются къ экзарху великой области (по гречески стоитъ „дієцеза") или къ престолу царствующаго Константинополя и передъ нимъ да судятся." **Профессоръ Троицкій** (Ц. В. 1924, № 23, 24, стр. 9) обращаетъ вниманіе на то, что Восточные паписты понимали „экзарха дієцеза" въ смыслѣ не только Митрополита, но и Патріарха, такъ что у нихъ оказывалось, что Царьградскій Патріархъ можетъ судить и Митрополитовъ другихъ патріархатовъ. Однако, слово „дієцезъ" имѣло опредѣленное значеніе высшей административной единицы имперіи. А такъ какъ церковное дѣленіе сообразовалось съ государственнымъ, то и Церковь не знала единицъ высшихъ, чѣмъ дієцезы, какъ о томъ свидѣтельствуется и 2 пр. II Вселенскаго Собора. Эти дієцезы были сначала автокефальными, и судъ дієцезальныхъ Митрополитовъ или Экзарховъ былъ судомъ послѣдней инстанціи. **Позднѣе изъ ряда дієцезовъ выдѣлилось пять Патріархатовъ, вслѣдствіе чего остальные дієцезы стали постепенно терять свои автокефальныя права и превращаться въ простыя митрополіи** (Понтъ, Азія и Фракія) 9 пр. IV Вселенскаго Собора лишь фиксировало одинъ изъ переходныхъ моментовъ этого историческаго процесса. Ибо Митрополиты дієцеза не лишаются правъ высшей судебной инстанціи, но дѣлается шагъ къ такой отмѣнѣ черезъ разрѣшеніе подчиненнымъ имъ клирикамъ непосредственно обращаться къ Патріархамъ. Такой же шагъ къ умаленію правъ дієцезальныхъ Митрополитовъ и въ 28 правилѣ IV Вселенскаго Собора, ибо теперь Митрополиты Понта, Азіи и Фракіи впредь должны поставляться уже не своими Епископами, а Константинопольскимъ Патріархомъ." Такимъ образомъ, заключаетъ профессоръ **Троицкій**, во всѣхъ этихъ правилахъ **9, 17 и 28 IV Вселенскаго Собора** говорится не о правахъ Патріарха одной Церкви надъ Епископами другой автокефальной Церкви, что было бы *contradictio in adjecta*, а о правахъ Патріарховъ въ отношеніи подчиненныхъ имъ епископовъ ихъ же Патріархатовъ." Въ томъ же смыслѣ проф. Гидуляновъ (Восточные Патріархи, стр. 742): „Канонъ 28 призналъ фактически существовавшее со временъ Златоуста полномочное распоряженіе Константинопольскихъ Епископовъ въ Фракіи, Понтѣ и

Азії." На стр. 728 онъ пишетъ: „Константинопольскій Патріархъ, какъ видно изъ XVI засѣданія Халкидонскаго Собора не только ставилъ тамъ Митрополитовъ, но и былъ высшей судебной и апелляціонной инстанціей для всѣхъ дѣлъ, превышающихъ компетенцію Митрополитовъ и ихъ Соборовъ."¹ Въ статьѣ 9 и 10 Эпанагоги сказанъ, говоритъ проф. **Заозерскій** не столько точный канонистъ, сколько политическій дѣятель Византіи, хотѣвшій создать крѣпкую православную монархію. Его уму предпосылалась не столько Церковь Христова, какъ чисто нравственный союзъ вѣрующихъ во Христа, вмѣщающій въ себя членовъ всѣхъ націй, сословій, званій, проникающій народы и государства и преслѣдующій свою исключительную цѣль — возрожденія нравственной личности по Евангелію; нѣтъ ему предносилась крѣпкая православная греческая монархія. Его идеаль — миръ и благополучіе подданныхъ, духовное и тѣлесное, а не нравственное царство Христа. Въ этой монархіи главные органы — императоръ и Патріархъ. Однако этотъ идеаль политическій не затемнилъ духовно-нравственнаго характера патріаршаго сана: вѣдь, всѣ полномочія Патріарха или чисто духовнаго свойства или не выходятъ за сферу церковную; у него нѣтъ никакихъ атрибутовъ свѣтскаго свойства, нѣтъ и права принужденія матеріальнаго. Но авторъ въ распредѣленіи іерархическихъ правъ между пятью Патріархами принесъ въ жертву четырехъ изъ нихъ Константинопольскому, который оказался, благодаря близости къ императору, въ привилегированномъ передъ своими братьями положеніи. 9 статья Эпанагоги ставила на I мѣсто Константинопольскаго Патріарха, что было канонической неправильностью, ибо еще Константинопольскій Соборъ въ Св. Софіи, подѣ

¹ Также пр. Павловъ говоритъ, что Соборъ тамъ приравниваетъ (17 пр. IV Всел. Соб.) Константинопольскаго Патріарха, по правамъ судебной власти, къ Экзархамъ діецезовъ, а не ставитъ его каедрю высшимъ трибуналомъ на всемъ Востокѣ... „Быть такимъ судьей онъ могъ только по праву предваренія (ex jure praeventiones), т. е. въ случаяхъ, когда стороны соглашались принести свое дѣло на окончательное рѣшеніе не къ мѣстному Экзарху, а къ „престолу царствующаго града.“ Само собой понятно, что такія дѣла поступили на разсмотрѣніе Константинопольскаго Епископа всего чаще изъ ближайшихъ къ его каедрѣ трехъ діецезовъ, которые фактически уже находились подѣ его властью еще задолго до Халкидонскаго союза.“ Далѣе указавъ, что 28 пр. IV Собора формально подчинило Константинопольскому Архіепископу три діецеца, онъ говоритъ, что тѣмъ самымъ его право суда превратилось въ обыкновенное право Экзарха, и тѣмъ отмѣнена привилегія его, какъ таковая, и „ближайшіе изъ временнаго Собора источники церковнаго права не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что 9 и 17 правила Халкидонскія получили теперь такой смыслъ: право окончательнаго рѣшенія церковныхъ дѣлъ въ каждомъ діецезѣ принадлежитъ исключительно мѣстному Патріарху (Павловъ. Теорія восточнаго папизма. Правосл. Обзоріе. 1879, декабрь, стр. 739-740). Также Вальсамонъ въ своихъ комментаріяхъ Халкид. 9, Ант. 12), высказываетъ мысль, что каждый Патріархъ есть крайній судья въ своемъ діецезѣ, и ихъ рѣшенія не подлежатъ обжалованію (746 стр.). Также официальный схолиастъ Константинопольскаго Пидаліона рѣшительно отвергаетъ право своего Патріарха принимать апелляцію изъ другихъ патріаршихъ округовъ (747 стр.).

предсѣдательствомъ Фотія ясно признавалъ первое мѣсто за Римскимъ престоломъ, какъ это было установлено еще въ 131 новеллѣ Юстиніана, гласившей: „Постановляемъ согласно съ опредѣленіемъ Св. Соборовъ, чтобы Св. Папа древняго Рима былъ первымъ изъ всѣхъ Іереевъ, имѣлъ преимущество чести передъ всѣми прочими." Фотій слѣдовалъ Аристину и толковалъ первенство Константинопольскаго престола послѣ Римскаго, въ вышеупомянутомъ 36 пр. VI Вселенскаго Собора, выраженное черезъ союзъ „послѣ", въ смыслѣ времени, а не чести (въ смыслѣ порядка чести толковалъ его Зонара, т. е. въ смыслѣ приданія меньшей чести). Подобно Аристину толковалъ его и Никонъ, какъ мы видѣли. Права Константинопольскаго Патріарха, усвояемая ему въ статьѣ 10 Эпанагоги, даютъ ему права ставропигій во всѣхъ Патріархатахъ, право надзора въ нихъ и исправленіе и окончательнаго суда. Это дѣлало Константинопольскаго Патріарха, по крайней мѣрѣ, въ церковномъ отношеніи, равнымъ Папѣ для всей Византіи. Никонъ подвергъ канонической критикѣ эти положенія процитированной имъ Эпанагоги съ точки зрѣнія согласованности ея опредѣленій съ постановленіями Вселенскихъ Соборовъ. Надо думать, что онъ не видѣлъ или не замѣтилъ этой несогласованности, ибо въ противномъ случаѣ онъ указалъ бы на нее; вѣдь, онъ неоднократно заявлялъ, что высшимъ авторитетомъ для него является постановленіе семи Вселенскихъ Соборовъ и поставленныхъ въ одинъ рядъ съ ними на VI Вселенскомъ Соборѣ (пр. 2) Помѣстныхъ Соборовъ. Выслушавъ сужденія Никона о Константинопольскомъ Патріархѣ, мы должны признать, что *de lege lata* онъ признавалъ не только первенство Константинопольскаго Патріарха въ порядкѣ Патріаршихъ каѳедръ, но и признавалъ нѣкоторыя особенныя права этого Патріарха, являвшіяся историческимъ наслоеніемъ къ каноническому его положенію въ результатѣ централизирующаго положенія его каѳедры въ столицѣ имперіи. Другое дѣло — *de lege ferenda*.

Мечты Никона о будущемъ положеніи Московскаго Патріархата.

Вполнѣ возможно допустить, что неутомимой дѣятельностью въ санѣ Патріарха, стремленіемъ очистить Русскую Церковь въ ея обрядахъ и книгахъ въ свѣтѣ современныхъ Никону воззрѣній неутомимостью своего личнаго примѣра, стремленіемъ внести образованіе и строгую дисциплину въ духовенствѣ, своимъ желаніемъ сдѣлать изъ Москвы столицу Православія, гдѣ собраны были бы достиженія всѣхъ наукъ, была бы библіотека не только церковныхъ, но и

свѣтскихъ книгъ, училища и типографіи для всего востока, своей постройкой красивѣйшихъ храмовъ (въ монастырѣ Воскресенскомъ и Иверскомъ), устроениемъ ученыхъ братствъ, — быть можетъ всѣмъ этимъ онъ, стремясь возвысить общецерковное значеніе Русской Церкви до того высокаго уровня, на которомъ уже находился ея предстоятель при единственномъ тогда православномъ царѣ, онъ хотѣлъ приготовить ей въ будущемъ то положеніе, которое давало бы основаніе пересмотрѣть формально и общецерковное положеніе ея первосвятителя. Принципъ согласованія церковнаго устройства съ гражданскимъ, который проводился въ Восточной Церкви въ ея жизни и формально былъ установленъ въ 17 пр. IV Всел. Соб.¹ могъ напоминать Никону о возможности возвысить рангъ Московскаго Патріарха и, быть можетъ, онъ лелѣялъ мечту, что каноническое положеніе Московскаго Патріарха въ будущемъ будетъ пересмотрѣно Высшей Церковной властью, что первое мѣсто въ будущемъ среди пяти патріаршихъ троновъ въ Воскресенскомъ храмѣ будетъ принадлежать Московскому Патріарху, но ни откуда, ни изъ одного его заявленія не видно, что онъ усваивалъ это мѣсто для Московскаго Патріарха его времени. Надежды его могли имѣть почву уже въ той мотивировкѣ каноновъ II и IV Всел. Соб., которые выдвигали Константинопольскаго Патріарха, именно, какъ Епископа Новаго Рима; слѣдовательно съ утратой политическаго положенія своихъ городовъ, Патріархи могли въ будущемъ утратить и свое первенство чести. Авторитетъ соборныхъ каноновъ, опредѣлившихъ мѣсто Московскому Патріарху, былъ для Никона до такого пересмотра непоколебимъ. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно расходился съ консервативной церковной партіей, представители коей создали расколъ. Интересно сопоставить съ сужденіемъ Никона о каноническомъ положеніи Московскаго Патріарха сужденія челоѣка, хотя и непримкнувшаго къ расколу, но вѣрно выражавшаго мнѣніе консервативной церковной партіи, сложившееся въ Москвѣ послѣ Флорентійской Уніи, именно современника Никона Арсенія Суханова.

¹ Въ 17 пр. IV Вселенскаго) Собора говорится; „Если же кто будетъ обиженъ своимъ Митрополитомъ, пусть судится передъ Экзархомъ діѣцеза или передъ Константинопольскимъ Престоломъ. Если же царской властью вновь устроенъ или впредь будетъ устроенъ какой либо городъ, то распредѣленіе церковныхъ приходовъ да послѣдуетъ гражданскому и земскому порядку.“

Арсеній Сухановъ о Патріаршествѣ.

Послѣдній трижды ѣздилъ на востокъ, первый разъ въ 1646 году по порученію царя для изученія на мѣстѣ обрядовъ Восточной Церкви, второй разъ по порученію Никона въ 1654 году для собиранія книгъ по восточнымъ монастырямъ и третій разъ въ 1657 году по его же порученію для полученія модели съ храма при Гробѣ Господнемъ въ Іерусалимѣ. Въ первую же поѣздку онъ велъ пренія о вѣрѣ съ греками и въ нихъ излилъ свои сужденія о русскомъ и греческомъ благочестіи и о каноническомъ положеніи Патріарховъ. Для Суханова важны не соборныя постановленія, а факты, что тамъ въ Россіи православный царь, который устроилъ у себя вмѣсто Папы Патріарха и можетъ обойтись безъ установленныхъ Соборами 4-хъ Патріарховъ. Арсеній изложилъ взглядъ свой на значеніе для Русской Церкви голоса 4 современныхъ Патріарховъ по дѣламъ церковнымъ. **„Могутъ на Москвѣ и 4-хъ Патріарховъ откинуть, якоже и Папу, если они неправославными будутъ... То, вѣдь, вамъ, грекамъ не мочно ничего дѣлать безъ 4-хъ Патріарховъ своихъ, потому что въ Цариградѣ былъ царь благочестивый единъ подъ солнцемъ, и онъ учинилъ 4-хъ Патріарховъ, де Папу въ первыхъ, и тѣ Патріархи были въ одномъ царствіи подъ единымъ царемъ, и на Соборъ собирались Патріархи по его царскому изволенію. А нынѣ вмѣсто того царя на Москвѣ Государь царь Благочестивый, во всей подсолнечной единъ царь благочестивый и царство христіанское у насъ Богъ прославилъ, и государь царь устроилъ у себя вмѣсто Папы Патріарха на царствующемъ градѣ Москвѣ, а вмѣсто вашихъ 4-хъ Патріарховъ — 4-хъ Митрополитовъ и ему мощно безъ 4-хъ Патріарховъ вашихъ править Законъ Божій.“** Въ заключеніе преній Арсеній заявилъ грекамъ: „Что у васъ де было добраго, то все въ Москву перешло, — все ваше начало къ намъ перешло“. Когда греки попросили Арсенія точно опредѣлить, что именно отъ нихъ перешло къ русскимъ, Арсеній заявилъ: „Былъ у васъ царь благочестивый, а теперь нѣтъ, и въ то мѣсто воздвигъ Господь Богъ на Москвѣ царя благочестиваго. На II Вселенскомъ Соборѣ постановлено имѣть Константинопольскому Патріарху честь равную съ Римскимъ, но нѣтъ у васъ какъ и чѣмъ величаться Патріарху, якоже и Римскому Бискупу; Константинопольскіе Патріархи теперь не могутъ проявить даже самыхъ обыкновенныхъ патріаршихъ дѣйствій, устроить по городу крестный ходъ, на головѣ крестъ носить, на церквахъ имѣть кресты, звонить въ колокола, ѣздить на осляти, такъ что честью они не мо-

гутъ теперь сравняться не только съ Римскимъ, но **невозможно имъ и противъ Епископа Московскаго „величаться“**. Поэтому у насъ на Москвѣ **Патріархъ вмѣсто Константинопольскаго не токмо якожъ вторымъ по Римскому величаться, но якоже и первый Епископъ Римскій**; — сирѣчь якоже древній Папа благочестивый, церковной утварью украшенный, занеже и клобукъ бѣлый перваго Папы Сильвестра на себѣ носить.. У васъ было монастырей много и иноковъ безъ числа, а нынѣ токмо слѣдъ знать — и церкви ваша многія басурманы завладѣли и починили на мечети, и христіане многіе побасурманились. И мощей святыхъ у васъ было много, и вы ихъ разносили по землямъ, и нынѣ у васъ нѣтъ, а у насъ стало много, да на нашей земли многихъ Богъ прославилъ родниковъ своихъ, мощи ихъ нетлѣнны лежатъ, и чудеса творять, и Риза Спасителя нашего Бога Христа у насъ же..."

Эта же точка зрѣнія господствуетъ и въ сказаніи о введеніи въ Россіи Патріаршества, составленномъ Патріархомъ Филаретомъ, гдѣ говорится о Восточныхъ Патріархахъ: „Вся поправа бысть руками злочестивыхъ турокъ, и якоже ничтоже отъ сихъ во благое зрится, но вся безчестуема и поношаема, Богу тако изволиша, въ наказаніе наше дотолика, **яко тамо сущимъ Патріархамъ и прочимъ святителямъ нареченіемъ святительства токмо именоватися, власти же едва на всяко лишеніемъ**; наша же страна, якоже зрите, благодатью Божіей въ многорасширеніе приходитъ, наипаче же благочестива наша вѣра, яже на основаніи Апостоль и пророкъ утверждена, возрастаетъ и множится; и сего ради хочу, аще Богу угодно будетъ и писанія Божественная не прорекають, яко да въ царствующемъ градѣ Москвѣ устроится превысочайшій престоль Патріаршій..." Это сказаніе показываетъ, что на Русь было перенесено изъ Византіи не только царское достоинство, но и **Патріаршее**. По мнѣнію русскихъ, на Востокѣ Патріархи существуютъ только болѣе по имени, нежели по дѣйствительной власти и чести, которыми владѣють турки, такъ что настоящимъ дѣйствительнымъ Патріархомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, можетъ быть названъ только Московскій, который и сдѣлался Патріархомъ именно потому, что безъ него другого настоящаго дѣйствительнаго Патріарха болѣе бы не было. Эти воззрѣнія русскихъ на своего Патріарха, какъ на единственнаго дѣйствительнаго Патріарха, обладающаго всей полнотою власти и чести патріаршей, и на Патріарховъ Восточныхъ, какъ только на титулярныхъ, и высказалъ Арсеній Сухановъ, торжественно заявивъ

объ этомъ передъ лицомъ Іерусалимскаго Патріарха и другихъ Греческихъ Іерарховъ. Въ своемъ преніи о вѣрѣ съ греками Сухановъ прямо и открыто заявлялъ и доказывалъ грекамъ, что Московскій Патріархъ единственный дѣйствительный Патріархъ, ибо имѣеть подъ собою Митрополитовъ, Архіепископовъ, Епископовъ, а Александрійскій, говоритъ Сухановъ, надъ кѣмъ будетъ Патріархъ? Только всего у него двѣ церкви во всей епархіи, а не имѣеть подъ собою ни единаго Митрополита и Архіепископа и Епископа — надъ кѣмъ же онъ будетъ Патріархъ? Да и Константинопольскій Патріархъ, живя подъ игомъ невѣрныхъ, не можетъ пользоваться всей полнотою своей власти, не можетъ во всей полнотѣ и безпрепятственно исполнять всѣ свои патріаршія обязанности."

Антагонизмъ въ дѣлѣ учрежденія Патріаршества.

Уже въ дѣлѣ учрежденія Патріаршества, — пишетъ Каптеревъ („Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку", стр. 58): ясно обрисовывается характеръ отношеній между Греческой и Русской Церковью. Эти отношенія не искренни и не сердечны. Каждая изъ сторонъ имѣеть о себѣ самое высокое представленіе и пренебрежительно смотритъ на другую, каждая желаетъ господствовать, главенствовать, преобладать. Русскіе въ своихъ притязаніяхъ опираются на современное процвѣтаніе своей Церкви и могущество своего Патріарха; греки на традиціи, на свое историческое право, на соборныя постановленія. У тѣхъ и у другихъ видную роль играетъ самолюбіе и самомнѣніе, которое у нихъ выражаетъ чрезмѣрную притязательность, желаніе возвысить себя на счетъ униженія другой; у другихъ — враждебное отношеніе къ сопернику, нежеланіе поступиться въ пользу его чѣмъ бы то ни было изъ своего прежняго привилегированнаго и господствующаго положенія. Благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ, русскіе успѣваютъ сдѣлать изъ учрежденія у себя Патріаршества уже совершившійся фактъ и, какъ таковой, предъявляютъ его Собору Восточныхъ Іерарховъ, чтобы придать ему необходимую каноническую санкцію. Греки напротивъ смотрятъ на учрежденіе Московскаго Патріаршества, какъ на униженіе Греческой Церкви, какъ на дѣло русской хитрости и насилія надъ ихъ Патріархомъ, но вынуждены обстоятельствами помириться съ совершившимся фактомъ, и, скрѣпя сердце, признать и торжественно утвердить его законность. Но признавъ законность учрежденія на Руси Патріарха, они на двухъ Соборахъ назначаютъ

Московскому Патріарху послѣднее мѣсто въ ряду другихъ четырехъ Патріарховъ грековъ, несмотря на усиленныя хлопоты, старанія, подарки съ цѣлью поставить своего Патріарха по крайней мѣрѣ выше Іерусалимскаго и Антіохійскаго. Официально русское правительство должно было примириться съ назначеніемъ Московскому Патріарху послѣдняго мѣста, но въ существѣ дѣла такое рѣшеніе оно считало несправедливымъ, несогласнымъ съ истиннымъ достоинствомъ и честью Русской Церкви, даже обиднымъ для нея и унижительнымъ. Поэтому, несмотря на соборное опредѣленіе, оно продолжало считать своего Патріарха не только высшимъ другихъ, но единственнымъ дѣйствительнымъ Патріархомъ, обладающимъ всей полнотой власти и чести Патріарха, противоположно Патріархамъ Восточнымъ, Патріархамъ болѣе по имени, чѣмъ по дѣйствительнымъ правамъ и чести. Глухой антагонизмъ, скрытая борьба между греками и русскими изъ за преобладанія и главенства въ православномъ мірѣ невольно чувствуется во всемъ дѣлѣ учрежденія Московскаго Патріаршества."

Сравненіе возрѣній Никона и Арсенія Суханова.

Разница между Арсеніемъ Сухановымъ и Никономъ во взглядахъ на значеніе Патріаршества слишкомъ ощутительна. 1) Для Никона каноническое положеніе Патріарха опредѣляется соборными правилами, а для Арсенія Суханова только высотой благочестія, субъективно имъ опредѣляемой, 2) для Никона органомъ, опредѣляющимъ это положеніе, является только церковная власть, а для Арсенія Суханова — царь, 3) для Арсенія Суханова Московскій Патріархъ есть единственный дѣйствительный Патріархъ, ибо имѣетъ подъ собой Митрополитовъ, Епископовъ, а для Никона это первенство Московскаго Патріарха въ лучшемъ случаѣ — *desiderata*, которыя надо еще заслужить передъ вселенской соборной властью, 4) съ одной стороны національное самомнѣніе, разрушающее вселенскость Церкви поставленіемъ своего царя на положеніе этого вселенскаго судьи, а съ другой — смиреніе передъ универсальностью Церкви, не замыкающейся въ Церковь національную. Нельзя впрочемъ забывать и того, что Арсеній Сухановъ могъ выступать, какъ свободный литераторъ, а Патріархъ Никонъ былъ отвѣтственный дѣятель; поэтому для него каноны и соборныя правила ставили преграду, которой первый не имѣлъ въ такой степени. Арсеній Сухановъ явился выразителемъ того недовольства въ русскомъ обществѣ, которое воз-

никло еще во время споровъ съ Греческой Церковью объ іерархической степени Московскаго Патріарха, непосредственно вслѣдъ за учрежденіемъ Патріаршества, и въ основаніи своемъ имѣло то презрительное отношеніе, недовѣріе къ грекамъ, которое развилось на Руси особенно съ половины XV вѣка послѣ того, какъ Греческій Патріархъ и Греческій императоръ приняли въ политическихъ видахъ на Флорентійскомъ Соборѣ въ 1439 году унію съ Западной Церковью. Политическая гибель Византіи и нравственныя качества духовныхъ греческихъ лицъ, наѣзжавшихъ въ Россію за милостыней въ XVI и XVII вѣкахъ, а также необыкновенная продажность при поставленіи Митрополитовъ въ Константинополѣ — въ конецъ дискредитировали и религіозный, и политическій, и нравственный авторитетъ грековъ въ глазахъ русскихъ. На мѣсто этого церковнаго авторитета постепенно явилось преклоненіе передъ достиженіями Руси, гдѣ теперь — единственный православный царь, гдѣ будто бы находится и высшее церковное достиженіе и критерій правды и истины въ дѣлахъ самой вѣры. Ради питанія этой мысли появилось сказаніе о бѣломъ клобукѣ и выдвигалось сказаніе о пребываніи въ Кіевѣ Апостола Андрея Первозваннаго. И непосредственное апостольское происхожденіе русскаго христіанства и законность преемства бѣлаго головного украшенія на первосвятителѣ, якобы переданнаго самимъ Римскимъ Папой въ знакъ передачи первенства въ Церкви, призваны были питать русскую мысль и усыплять ее въ сознаніи достигнутаго. Иначе смотрѣлъ на это Никонъ. Нигдѣ онъ не приводитъ этихъ сказаній, критическимъ умомъ онъ изслѣдуетъ, что добраго есть на востокѣ, и учится тамъ у Константинопольскаго Патріарха пониманію обрядовъ, въ Аѳонскихъ монастыряхъ беретъ древнія богослужебныя книги для провѣрки своихъ, а въ Іерусалимѣ — заказываетъ модель съ знаменитаго храма при Гробѣ Господнемъ, чтобы построить такой и въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ. Никонъ не любитъ достигнутымъ, не преклоняется передъ нимъ, не канонизируетъ порядковъ только за то, что они русскіе, какъ дѣлаетъ Аввакумъ и его сподвижники, а учится и передѣлываетъ. Если онъ ошибается, онъ сознается въ своихъ ошибкахъ и самъ говоритъ о томъ, что онъ непрерывно учится. Онъ учится у Іерусалимскаго Патріарха Паисія, когда тотъ въ 1649 г. пріѣзжаетъ въ Москву и указываетъ на различіе обрядовъ у русскихъ и грековъ, учится у Антіохійскаго Патріарха Макарія, котораго, по словамъ Павла Алеппскаго просить указывать во время Богослуженія всѣ недостат-

ки въ его богослуженіи и сообщать ему о греческихъ богослуженіяхъ обычаяхъ, когда тотъ пребывалъ въ Москвѣ почти цѣлыхъ два года (1654 по май 1656), самъ работаетъ въ патріаршемъ архивѣ и находитъ грамоту объ учрежденіи Патріаршества въ Россіи и, прочитавъ въ ней завѣтъ о единеніи съ Греческой Церковью, получаетъ въ этомъ новый импульсъ и обоснованіе церковныхъ обрядовъ и реформъ. Тамъ въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ онъ ищетъ образца (таковъ былъ официальный мотивъ реформъ) для реформы русскихъ богослужебныхъ книгъ, какъ въ святоотеческихъ ученіяхъ онъ искалъ реформы церковно-государственныхъ отношеній, тоже утратившихъ свой нормальный съ церковной точки зрѣнія видъ, начиная съ половины XV вѣка подъ вліяніемъ историческихъ событій (Флорентійской Уніи и паденія Византіи), какъ утратили свое согласіе съ греческими книгами русскія богослужебныя книги. Высшимъ критеріемъ для реформы ему служили всегда не факты дѣйствительности, не установившіяся событія, а каноны Церкви. Если онъ и не помѣстилъ 7 пунктъ цитированной Эпанагоги въ свое „Раззореніе“, гдѣ говорилось о храненіи древнихъ каноновъ и устанавливался основной принципъ православнаго церковнаго прававѣрности преданію и канонамъ древней Церкви, то это дѣлалось только потому, что онъ зналъ Эпанагогу въ редакціи Матвѣя Властыря. Этотъ пунктъ гласилъ: „Древнѣйшіе каноны сохраняютъ свою силу и при позднѣйшихъ точно также, какъ и прежнія Дѣянія и распоряженія распространяются и на позднѣйшія и удерживаютъ свою силу при подобныхъ, само собой разумѣется, лицахъ и предметахъ.“ Въ этомъ же смыслѣ Никонъ провѣрялъ каноническую цѣнность cadaго церковно-юридическаго Института, шло ли дѣло о правахъ царя въ церковныхъ дѣлахъ или о границахъ этого права, или о правахъ Церкви на самостоятельное управленіе, или о принципѣ церковнаго устройства, или о правахъ священника на исповѣдь прихожанъ. Это былъ принципъ обратный тому, который усвоили себѣ представители раскольнической партіи, исходившей изъ канонизаціи русскихъ церковныхъ порядковъ и обычаевъ, какъ они сложились къ половинѣ XVII вѣка. Какъ въ дѣлѣ церковныхъ обрядовъ и книгъ, они канонизировали состояніе русскихъ обрядовъ и книгъ, какъ оно составилось въ половинѣ XVII вѣка, такъ въ области церковно-государственныхъ отношеній они канонизировали порядокъ отношеній, составившійся съ половины XV и въ XVI вѣкѣ, когда государство взяло верхъ надъ Церковью, когда всѣ высшіе церковные

чины оказались подданными великаго князя и царя и, будучи ставлены уже не въ Царьградѣ, а въ Москвѣ, попали въ зависимость отъ государственной власти. Этотъ перевѣсъ государова былъ слѣдствіемъ выдающейся роли представителей государственной власти въ охранѣ отечественнаго Православія и нашелъ литературное выраженіе въ трудахъ Іосифа Волоколамскаго, примѣнившаго начала библейскаго теократизма на русской почвѣ, Митрополита Даніила и Митрополита Макарія, усвоившаго вѣдѣнію царской власти всю полноту проявленія человѣческой жизни: дѣла Божескія и человѣческія. Задачи государственной власти слились съ задачами Церкви, государственная власть, по словамъ Грознаго, имѣла главной задачей воспитаніе подданныхъ. Государство стремилось поглотить и то, что принадлежало Церкви. Это было нарушеніемъ симфоніи и захватомъ государственной властью церковной компетенціи. Усваивая себѣ въ ту эпоху церковныя задачи, какъ ихъ понимала Церковь, государство, однако, уже возносилось надъ ней. Вѣдь, если первыя поставленія Митрополитовъ совершены были надъ избранниками Собора, подсказанными великимъ княземъ, но Митрополитъ Зосима и поставлень и избранъ былъ великимъ княземъ, Митрополитъ Варлаамъ (1511 г.), Даніиль (1522 г.) и Митрополитъ Филиппъ (1566 г.) даже просто были назначены великимъ княземъ безъ всякаго избранія Архіереями. Такое положеніе принципиально было недопустимо съ канонической точки зрѣнія, хотя фактически могло не ощущаться болѣзненно, пока носители государственной власти опредѣляли свое отношеніе къ Церкви по существу дѣла въ духѣ церковномъ. Однако, уже послѣ суда надъ Никономъ два русскихъ Архіерея спохватились, что принципиальное допущеніе верховенства государства надъ Церковью опасно, если будущій русскій государь будетъ настроенъ не церковно, и поняли, что дѣло, предпринятое Никономъ въ огражденіе отъ захвата государствомъ церковной компетенціи, имѣетъ коренное значеніе для судьбы Русской Церкви. Никонъ понималъ это раньше ихъ, еще до вступленія на кафедру Патріарха. Никонъ научился этому не у современныхъ ему грековъ, а у Святыхъ Отцовъ Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина и Θεодора Студита. Современные ему греки изъ своекорыстныхъ расчетовъ напротивъ поддерживали идею верховенства царя въ церковныхъ дѣлахъ ради своихъ выгодъ, поддѣлываясь подъ взгляды русской государственной власти.

Церковно-обрядовая реформа Никона.

Въ нашу задачу не входитъ изученіе церковно-обрядовой реформы Никона, но смыслъ ея необходимо намъ понимать для выясненія съ одной стороны измѣненія взгляда Никона на отношеніе къ греческому элементу вообще, а съ другой стороны для оцѣнки силы его волевого и умственного подвига въ его дѣятельности. Дѣло въ томъ, что ко времени Никона образовалось между нашими предками и греками различіе въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ, а также и въ книгахъ. „Различія эти, говоритъ проф. Голубинскій („Къ нашей полемикѣ со старообрядцами" Б. В. 1892), не представляли ничего существеннаго и важнаго, что бы касалось вѣры или составляло нарушеніе положительныхъ установленій Вселенской Церкви (За однимъ исключеніемъ, прибавка въ 8 главѣ Символа Вѣры, которая представляла не прибавку въ собственномъ смыслѣ, а соединеніе въ одно мѣсто двухъ разныхъ переводовъ одного слова *kúrios*). Существованіе разностей въ обрядахъ и Богослуженіи у частныхъ Помѣстныхъ Церквей допускалось въ соотвѣтствіи съ преданіемъ, выраженнымъ Святымъ Папой Григоріемъ Двоесловомъ въ словахъ: „in una fide nihil officit Ecclesiae consuetudo diversa" (при единствѣ вѣры Церкви не вредитъ различный обычай). Константинопольскій Патріархъ Паисій писалъ Никону: „Ако случится и нѣкоей Церкви разнствовать отъ другія въ нѣкихъ чинахъ не нужныхъ и существенныхъ вѣры, но малыхъ, яко же есть время литургіи (о чемъ спрашивалъ Никонъ) и подобныхъ, сіе ни единое разлученіе творить, токмо егда сохранится такожде вѣра непреложно, ибо не взять Церковь наша изначала образъ сей послѣдованія, еже держитъ нынѣ, но по малу" и затѣмъ, указавъ на разности богослуженія въ древнее время и на производившіяся раздѣленія, заключаетъ: „не подобаетъ убо ниже непщевати яко развращается вѣра наша Православная, аще единъ творить послѣдованіе свое мало различное отъ другого въ вещѣхъ, еже не суть сущствительные сирѣчь составы вѣры, токмо да согласятъ въ нужныхъ и свойственныхъ съ соборной Церковью." Но въ Россіи укоренился твердо другой взглядъ на обрядъ, приравнивавшій его по значенію къ догмату, съ допущеніемъ лишь одной формы выраженія, поэтому разность съ греками возбуждала вопросъ, которая сторона православная. При правильномъ взглядѣ на обрядъ исправленіе не было безусловно необходимымъ. Рознь съ греками въ обрядѣ въ дѣйствительности не мѣшала быть обѣимъ сторонамъ православными, но при Московскомъ взглядѣ на обрядъ, измѣненіе об-

ряда было ересью, удаленіе которой было обязанностью Архипастыря. Рознь эта произошла оттого, что, съ введеніемъ книгопечатанія, у грековъ было введено одно единообразіе въ книгахъ, котораго до этого не было при рукописномъ способѣ записей обрядовъ и службъ, а у насъ другое. Получилось это оттого, что у насъ составилось по невѣжеству ошибочное мнѣніе въ XV вѣкѣ объ отступленіи современныхъ грековъ отъ Православія древнихъ грековъ, и потому о необходимости слѣдовать за ними, несмотря на то, что на Руси было всегдашнее желаніе быть въ согласіи съ греками, не только относительно вѣры, но и относительно обрядовъ и Богослуженія. Пожеланіе это не оспаривалось и старообрядцами, только они считали истинно православными однихъ древнихъ грековъ, а позднѣйшихъ считали отступниками. Заподозривъ Православіе грековъ не на основаніи какихъ либо данныхъ дѣйствительности, а чисто апріорно, предки наши перестали считаться съ новыми греческими книгами и обычаями. На Стоглавомъ Соборѣ грековъ не считали обязательнымъ примѣромъ, ихъ совершенно игнорировали. Максимъ Грекъ вызвалъ на себя опалу за то именно, что онъ открылъ важныя погрѣшности противъ греческихъ книгъ и черезъ то какъ бы посягалъ на вѣру русскихъ, что они — хранители неповрежденной чистоты Православія древнихъ грековъ. Когда у насъ введено было книгопечатаніе, то справщики (они же и редакторы) встрѣтили затрудненія въ приготовленіи подлинниковъ для печати, ибо въ рукописяхъ было разнообразіе. Они, однако, не обратились къ печатнымъ греческимъ книгамъ, ибо не вѣрили греческимъ новымъ книгамъ. Переписывая книги съ однихъ списковъ, они дополняли и поправляли копіи свои по другимъ спискамъ; они не приносили отъ себя, а брали изъ тѣхъ же греческихъ книгъ по своему усмотрѣнію, и при этой выборкѣ получалось разрозненіе съ греческими печатными книгами, ибо съ послѣдними вовсе не считались. Такимъ образомъ различіе въ обрядахъ являлось вслѣдствіе нашего нежеланія слѣдовать за измѣненіями грековъ, якобы потому, что они уже не православны. Послѣднее мнѣніе имѣло причиной наше собственное невѣжество относительно Православія грековъ. Русскіе ссылались на Флорентійскую Унію, которая однако не была принята греческимъ народомъ, ссылались на власть султана, который, какъ мусульманинъ, не могъ имѣть никакого вліянія на вѣроученіе грековъ. **Никонъ приступилъ къ реформѣ потому, что измѣнилъ свой взглядъ на позднѣйшихъ грековъ.** Онъ сталъ проводить наши обряды въ соотвѣтствіи съ ними, когда убѣдился, что

Православіе у нихъ не нарушено." Профессоръ Голубинскій говорить, что предисловіе къ Служебнику 1655 г., гдѣ говорится объ исправленіи книгъ по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ нельзя понимать буквально, а въ особомъ смыслѣ, именно, что рукописи эти свидѣлствуютъ, что древность осталась въ печатныхъ греческихъ книгахъ, а у насъ погрѣшительныя новшества. Онъ доказываетъ это и дальнѣйшимъ поясненіемъ Предисловія къ Служебнику, что исправленіе сдѣлано черезъ избраніе истиннаго отъ греческихъ и славянскихъ рукописей. Соборъ 1666 года опредѣленно говоритъ, что это исправленіе было по печатнымъ греческимъ книгамъ. Исправленіе же по рукописямъ было абсолютно невозможно. По замѣчанію Бѣлокурова, справщики при Никонѣ и не могли исправлять по древнимъ рукописямъ, ибо изъ 498 рукописей, привезенныхъ Арсеніемъ Сухановымъ только 7 (3 Евхологіи, 3 устава и 1 часословъ) были Богослужебнаго содержанія (дѣлопроизводство о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ. „Хр. Чтеніе", 1885, № 11-12). Все разнообразіе обычаевъ, бывшее до книгопечатанія у грековъ, перешло изъ греческихъ книгъ въ славянскія; древнія рукописи не были согласны между собой, трудно было найти двѣ одинаковыя; причина Никоновской реформы въ томъ, что была признана ошибочность мнѣнія объ отступничествѣ грековъ отъ Православія. Въ этой перемѣнѣ отношенія Никона, раздѣлявшаго сначала общерусское отношеніе къ грекамъ, выработанное съ XV вѣка, проявилась огромная критическая способность и сила ума для признанія основательности доводовъ и смѣлость, не смущающаяся передъ необходимостью бороться съ общимъ предубѣжденіемъ. Переубѣдилъ Никона и примѣръ Петра Могилы, совершившаго исправленіе въ Малороссіи по греческимъ книгамъ, — также Патріархъ Паисій Іерусалимскій, пріѣзжавшій въ Москву (27. I. 1649 — 10. VI. 1649); въ особенности большое значеніе въ перемѣнѣ воззрѣній на грековъ сыгралъ Епифаній Славинецкій, который пріѣхалъ въ Москву 12 іюля 1649 года. Думать, что греки заражены латинствомъ, было странно, когда Константинопольскіе ученые въ своей борьбѣ съ Уніей ссылались на чистоту Греческаго Православія. Однако, идти противъ мнѣнія, установившагося въ теченіе 2 вѣковъ, было актомъ мужества. Никонъ не одинъ убѣдился въ ошибочности прежняго русскаго мнѣнія о поврежденности Греческаго Православія: съ нимъ вмѣстѣ и царь, и царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ, тотъ самый Вонифатьевъ, который собралъ вокругъ себя кругъ ревнителей благочестія

еще при предшественникѣ Никона, Патріархѣ Іосифѣ, стремившихся къ порядку въ службѣ, къ введенію единогогласія, къ улучшенію нравовъ духовенства; стремились они къ этому наперекоръ Патріарху Іосифу, вступили съ нимъ, опираясь на царя, изъ за этого во вражду, такъ что Патріархѣ Іосифѣ думалъ, что его хотятъ смѣнить и собирався самъ уйти. Среди членовъ этого кружка былъ и Никонъ и раздѣлялъ ихъ грекофобскія мнѣнія въ отношеніи Православія. Стремленіе къ церковнообрядовой реформѣ явилось, однако, прежде всего не у Никона, а у царя и Вонифатьева; проф. Голубинскій подчеркиваетъ то обстоятельство, что Епифаній Славинецкій, наиболѣе содѣйствовавшій перемѣнѣ о грекахъ и утвердившій это мнѣніе, пріѣхалъ въ Москву 12 іюля 1649 г., когда Никонъ былъ въ Новгородѣ и въ Москву пріѣхалъ не раньше зимы 1649-1650 года. Первый, окончательно расположенный въ пользу грековъ былъ Стефанъ Вонифатьевъ. А Вонифатьевъ, о перемѣнѣ взглядовъ котораго въ пользу грековъ члены кружка не знали, былъ кандидатомъ ихъ въ патріархи, но тотъ рѣшительно отказался и выдвинулъ Никона. Никонъ вступилъ на Патріаршество уже съ измѣненнымъ взглядомъ на грековъ и именно, можетъ быть въ виду этого, и былъ выдвинутъ Вонифатьевымъ. Епифаній доказалъ, что новшества у насъ, а не у грековъ, но говорить объ этомъ явно не допускало Московское самолюбіе, и въ Предисловіи къ Служебнику дѣло представлено такъ, будто Никонъ самъ увидѣлъ въ дѣяніяхъ Собора 1593 г. указанія на необходимость согласованія съ обрядами и чинами Греческой Церкви. Во всякомъ случаѣ, хотя инициатива реформы исходила не отъ Никона, онъ взялся ее проводить; это стоило ему разрыва съ членами кружка, его выдвинувшаго, но оставшагося при прежнемъ мнѣніи о грекахъ. Это положеніе еще осложнило реформу Никона, ибо члены кружка — протоіереи были люди вліятельные, и къ идейному разногласію теперь прибавились личныя обиды, вызванныя тѣмъ, что Никонъ пересталъ съ ними считаться и совѣтываться. Это идейное разногласіе, происшедшее отъ различія во взглядахъ на современныхъ грековъ, не сразу перешло въ открытый расколъ, т. е. въ формальное отдѣленіе отъ Церкви цѣлаго общества, но сразу ухудшило отношенія къ Никону среди членовъ кружка, ставшихъ его открытыми врагами. Это обстоятельство особенно отѣняетъ силу воли Никона, дѣлавшаго дѣло чрезвычайнаго значенія при московскихъ взглядахъ на церковный обрядъ. Подобно этой церковнообрядовой реформѣ, первая инициатива которой исходила не отъ Никона, и ко-

торая его не занимала съ 1657 г. настолько, что онъ, можетъ быть, измѣнилъ и самый взглядъ на обрядъ и допустилъ различія формъ обряда въ самомъ Успенскомъ соборѣ, лишь бы выражаемая ими мысль была православна (разрывъ съ Нероновымъ и разрѣшеніе служить по обоимъ служебникамъ) — Никонъ подвергъ критикѣ сложившіяся церковно-государственныя отношенія въ свѣтѣ свято-отеческаго ученія и, кто знаетъ, не сумѣлъ ли бы онъ провести и этой реформы, если бы не лишился поддержки царя, повернувшись въ сторону боярской партіи, враждебной Никону. Если бы царь понялъ, что Никонъ, какъ Патріархъ, былъ лучшей его поддержкой противъ бояръ, то вмѣстѣ съ симъ онъ явилъ бы силу Грознаго царя, озаренную первосвятительской благодатью при сочетаніи необычайной силы воли съ критическимъ умомъ, лишеннымъ предразсудковъ, и патріотизма, не языческаго, а просвѣщеннаго Церковью.

Никонъ не вступилъ въ коллизію съ греками изъ за мѣста Московскаго Патріарха среди другихъ Патріарховъ и не противодѣйствовалъ греческой традиціи разсматривать Московскаго Патріарха на послѣднемъ мѣстѣ среди Патріарховъ. Эта традиція греческая установилась еще со временъ введенія Патріаршества на Руси, когда по этому дѣлу былъ большой споръ между греками и русскимъ правительствами. Русское правительство въ переговорахъ съ Восточными Патріархами добивалось третьяго мѣста, но Соборъ въ Константинополѣ въ 1593 г., руководимый Александрійскимъ Патріархомъ Мелетіемъ Пигасомъ, не охотно утвердилъ даже самое установленіе въ Россіи Патріаршества и категорически отказался признать третье мѣсто за Московскимъ Патріархомъ въ ряду другихъ Патріарховъ. Основная мысль, положенная русскими въ дѣло установленія Патріаршества, не нашла себѣ полного осуществленія при его введеніи. Московское правительство хотѣло возвышеніемъ сана русскаго Первосвятителя украсить и возвысить русское царство и придать ему значеніе древняго грекоримскаго христіанскаго царства. Для полноты учрежденія царства необходимъ былъ при царѣ и Патріархъ. Русскому первосвятителю недоставало титула, равняющаго его съ другими первосвятителями Восточныхъ Церквей, тогда какъ по реальному значенію въ церковномъ управленіи онъ уже успѣлъ развить свою власть: выборъ Епископовъ зависѣлъ отъ него, его голосъ имѣлъ преимущественное значеніе на Московскихъ Соборахъ, и онъ считался Главой Русской Церкви. Съ введеніемъ Патріаршества предполагалось также дать твердый оплотъ въ рус-

скомъ царствѣ для поддержки Православія на Востокѣ: сюда въ Россію обращались за милостыней Восточные Первосвятители, сюда же обращались они съ мольбой объ освобожденіи своихъ Церквей отъ рукъ невѣрныхъ. Несоотвѣтствіе титула реальному значенію русскаго Первосвятителя въ своей Церкви и среди представителей Восточныхъ Церквей, носившихъ высшій титулъ, но имѣвшихъ меньшее значеніе въ жизни Церкви — было достаточнымъ и церковнымъ основаніемъ для возвышенія Московскаго Первосвятителя въ санъ, если даже не останавливаться на томъ соображеніи, что этотъ Первосвятитель долженъ былъ восполнить полноту русскаго царства, единственнаго православнаго царства во Вселенной. Но греки относились ревниво къ положенію своего Первосвятителя, и это сказалось съ самаго начала введенія Патріаршества, когда сопровождавшій Константинопольскаго Патріарха Іеремію въ Москву въ 1589 году Монемавасійскій Митрополитъ Іерофей (Шпаковъ. Учрежденіе Патріаршества въ Россіи, стр. 288-290) всячески его отговаривалъ отъ этого дѣла; сказалось это и въ протестѣ Мелетія Пигаса противъ единоличнаго устройства этого дѣла и въ нежеланіи дать Патріарху третье мѣсто; сказалось это и въ готовности Патріарховъ осудить Никона безъ настоящаго изученія его дѣла по указанію Паисія Лигарида, завѣдомо извѣстнаго имъ по своей преступности и лживости, ибо они осуждали въ его лицѣ дѣйствительную силу, могущую возвысить Русскую Церковь. Патріархи, осудившіе Никона въ своемъ письмѣ къ Константинопольскому Патріарху, докладывая объ его дѣлѣ, высказывали откровенно надежды на полученіе прежней свободы съ униженіемъ Московскаго Патріарха и на полученіе богатой милостыни отъ Московскаго правительства за совершеніе угоднаго ему дѣла.

Источникъ обвиненій Никона въ стремленіи незаконно измѣнить свое мѣсто среди Патріарховъ.

Приставленный къ восточнымъ двумъ Патріархамъ, пріѣхавшимъ въ Москву въ ноябрѣ 1666 г., Митрополитъ Паисій Лигаридъ зналъ, чѣмъ возбудитъ въ нихъ ненависть къ Никону, и въ своей запискѣ, составленной имъ для освѣщенія этого дѣла, писалъ совершенно лживо: „Онъ (Никонъ) дерзнулъ поставить свой тронъ выше другихъ, сталъ поражать благодѣтелей своихъ и терзать, подобно ехиднѣ, родную мать свою — Церковь. Но Тотъ, Кто смиряетъ надменныхъ, развѣялъ, какъ паутину, его замысль именоваться Патріархомъ и Папой (?), нарушая должное почтеніе къ истинному

Папѣ и Патріарху Александрійскому, которому принадлежит это титуло искони и понынѣ канонически... И Іерусалимскаго Патріарха оскорбилъ онъ, наименовавъ себя Патріархомъ Новаго Іерусалима, ибо онъ безстыдно и невѣжественно назвалъ Новую обитель свою Новымъ Іерусалимомъ, забывая, что Софроній раздѣляетъ Іерусалимъ на древній христуобійственный и Новый — поражающій благочестіе. Никонъ хотѣлъ подчинить себѣ и Антіохійскій престолъ (?), гдѣ впервые слышалось названіе христіанъ, старался обманчивой подписью (?) быть третьепрестольнымъ. Онъ обидѣлъ Вселенскій тронъ захватомъ престола Кіевскаго сего первопрестольнаго града, желая, чтобы его поминали такъ: Божіей милостью Никонъ, Архіепископъ Московскій и вся Великія и Малыя Россіи Патріархъ. Онъ придумалъ, что, такъ какъ Александрія вслѣдствіе обстоятельствъ опустѣла и не служитъ болѣе жилищемъ Патріарху, и Антіохія тоже распалась, то Патріархи Александрійскій и Антіохійскій незаконно именуются Патріархами. Такимъ образомъ, онъ по іудейски прикрѣпилъ власть къ мѣсту, но благодать Святаго Духа не ограничивается мѣстомъ, но всюду свободно расширяется." Все это — такой вздоръ, который и не фигурировалъ даже среди обвиненій, представленныхъ самому Никону на судъ и очевидно былъ предназначенъ представить Никона Патріархамъ, какъ ихъ личнаго врага, для возбужденія ихъ противъ него: все это дѣлалось Паисіемъ, который по просьбѣ самихъ Патріарховъ былъ представленъ Патріархамъ для освѣдомленія о Никоновскомъ дѣлѣ, тайно наединѣ; и Лигаридомъ самимъ это описано въ 12 главѣ 2-ой части его сочиненія, напечатаннаго полностью Пальмеромъ въ III, 158.

Мы видѣли въ „Раззореніи" дѣйствительное сужденіе Никона о степени Московскаго Патріарха, и, сколько бы онъ ни дѣлалъ для возвышенія ея своими трудами, онъ никогда не сходилъ со строго канонической точки зрѣнія, что это дѣло подлежитъ рѣшенію Вселенской церковной власти всѣхъ Патріарховъ Востока, а потому не можетъ быть перерѣшено властью царя, какъ то мечталъ Арсеній Сухановъ въ своемъ гипертрофированномъ пониманіи царской власти, унаслѣдованномъ отъ XVI вѣка, когда совокупность историческихъ обстоятельствъ оживила и перенесла на Русь Византійское цезарепапистское представленіе о царской власти, стоящей надъ Церковью, представленіи особенно сильнымъ не въ Византіи золотого вѣка Вселенскихъ Соборовъ, а въ Византіи эпохи упадка и имперіи, и святоотеческой мысли. Здѣсь, въ вопросѣ о степени Московскаго

Патріарха, Никонъ сталъ на той же точкѣ зрѣнія независимаго отъ свѣтской власти общецерковнаго законодательства, которая красной нитью проходитъ черезъ всѣ его сужденія.

Никонъ и идея III Рима.

Никонъ воспріялъ мысль о Москвѣ — III Римѣ, понимая это, какъ заданіе для осуществленія, а не какъ уже нѣчто исполненное. И онъ помѣтилъ въ Кормчей извѣстіе объ учрежденіи Патріаршества въ Россіи, составленное при Патріархѣ Филаретѣ, гдѣ мысль о III Римѣ выражена совершенно явственно въ устахъ Константинопольскаго Патріарха Іереміи, говорящаго царю Ѳеодору Іоанновичу: „По истинѣ въ тебѣ, благочестивый царь, пребываетъ Духъ Святый и отъ Бога такая мысль будетъ приведена въ дѣло... Ибо древній Римъ палъ Аполлинаріевой ересью, а II Римъ, Константинополь, находится въ обладаніи внуковъ Агарянскихъ, безбожныхъ турокъ; твое же великое Россійское царство, III Римъ, превзошло всѣхъ благочестіемъ, и всѣ благочестивыя царства собрались въ твое единое, и ты одинъ подъ небесами именуешься христіанскимъ царемъ во всей Вселенной у всѣхъ христіанъ и по Божественному Промыслу, по милости Пречистыя Богородицы и по молитвамъ новыхъ чудотворцевъ Россійскаго царства, Алексія и Іоны, и по твоему царскому прошенію у Бога, твоимъ царскимъ совѣтомъ сіе превеликое дѣло исполнится.

Профессоръ Николаевскій говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось касаться исторіи учрежденія Патріаршества въ Россіи, опредѣленія его правъ Восточными Патріархами, русскіе всегда стремились обставить это опредѣленіе такими объясненіями, которыя должны были примирить его съ рѣшимостью Московскаго правительства удержать III степень для Русскаго Патріарха и не умалять его перець Патріархами Востока. Именно онъ указываетъ на 1) Патріарха Іова, который въ своемъ житіи царя Ѳеодора Іоанновича говоритъ, что Іеремія нарекъ его IV Патріархомъ въ церковной Іерархіи, но при этомъ косвенно дается понять, что четвертая степень, за отпаденіемъ Римскаго Папы, есть собственно третья степень, 2) въ лѣтописяхъ Патріаршество русское прямо выставляется, какъ замѣна Папы древняго Рима, 3) въ историческомъ извѣстіи объ учрежденіи Патріаршества въ Россіи, хотя и говорится о предоставленіи Московскому Патріарху мѣста послѣ Іерусалимскаго, однако прибавляется, что сіе сдѣлано „не Россійскаго ради

патріаршаго престолоумаленія яко новопоставлену, но почестъ воздающе Іерусалимскому Патріарху ради страстей Христовыхъ."

Особенно распространено было въ хроникахъ XVII вѣка такое толкованіе мѣста русскаго Патріарха въ общей пятерицѣ патріаршихъ правъ: „Восточные Патріархи грамотами своими укрѣпиша и вси согласно утвердиша, да будетъ Московскій Патріархъ вмѣсто Ветхоримскаго пятый Патріархъ и да имѣетъ достоинство и честь съ прочими православными Патріархи на вся вѣки. Се же по смотрѣнію Божию бысть, да по Христѣ Главѣ Церкви изображается аки пять чувства содержимыя наипаче во главѣ пять Патріарховъ, имъ же проображаетъ древнѣйшаго языка греческое слово, знаменующее главу „караі" внемже К сказуетъ Константинопольскаго, А — Александрійскаго, Р — Россійскаго, вмѣсто Римскаго, А — Антіохійскаго и І — Іерусалимскаго" (Изъ статьи проф. Николаевского объ іерархической степени Московскаго Патріарха"). Мы видѣли, что къ тому же циклу относится и освященное авторитетомъ Никона, черезъ помѣщеніе имъ въ Кормчую, извѣстіе объ утвержденіи Патріаршества въ Россіи, гдѣ проповѣдуется мысль о Москвѣ — III Римѣ. Мы видѣли, однако, что Никонъ въ своемъ „Раззореніи" ставитъ Московскаго Патріарха на 5 мѣсто и возстаетъ противъ идеи замѣстительства древняго Рима. Это кажущееся противорѣчіе мы готовы примирить именно тѣмъ, что Никонъ разумѣлъ подъ III Римомъ заданіе, поставленное Москвѣ, быть хранительницей и средоточіемъ истиннаго Православія, а не Православія, преломленнаго исторической средой и условіями XVI вѣка, гдѣ русскій обрядъ церковный занялъ равное мѣсто съ догматомъ вѣры съ утратой того различія между вещами главными и второстепенными, о которыхъ напоминалъ

Никону Патріархъ Константинопольскій Паисій въ своей грамотѣ 1655 года. Какъ высшую инстанцію законодательной власти въ Церкви Никонъ знаетъ Вселенскій Соборъ, затѣмъ Помѣстный Соборъ, а для суда надъ Патріархомъ судъ всѣхъ Патріарховъ. Всѣ эти органы выше cadaго отдѣльнаго Патріарха, и потому говорить о стремленіи Никона къ созданію какой то единоличной теократіи, въ которой единолично Патріархъ будто бы долженъ быть верховной властью и стоять выше царя, уже по тому одному неумѣстно, что Патріархъ нигдѣ у него не мыслится стоящимъ надъ Соборомъ, на противъ, самъ имѣетъ надъ собой разные виды органовъ высшей церковной власти. Мы не говоримъ уже о томъ, что Никонъ, ограждая

самостоятельность церковной власти въ церковныхъ дѣлахъ, никогда не ставитъ ее надъ властью свѣтской въ дѣлахъ мірскихъ.

Отношеніе Никона къ Римскому Папѣ.

Въ порядкѣ изложенія взглядовъ Никона на отношеніе Московскаго Патріарха къ другимъ Патріархамъ, остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи Никона къ папской власти. Казалось бы, излишне объ этомъ и говорить. Никонъ въ 1653 году присоединилъ къ Кормчей статью „О Римскомъ отпаденіи". Эта статья свидѣтельствовала о выходѣ Римскаго Папы изъ состава пятерицы Патріарховъ и оставляла мѣсто для Московскаго Патріарха въ этой пятерицѣ. Никонъ въ 1656 году разбивалъ иконы латинскаго письма, предупреждалъ въ 1663 году царя о томъ, что Лигаридъ католикъ, въ 1666 году считалъ всю Русскую Церковь прираженной къ католичеству за молитвенное общеніе и принятіе рукоположеній отъ Лигарида-католика. Но около его имени, по недоразумѣнію, сложилась молва о будто бы внесеніи имъ идей папизма въ строй Русской Церкви. Что же могло послужить поводомъ для этого? И что говорить объ этомъ самъ Никонъ? Когда 28 іюля 1663 года у Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ были Паисій Лигаридъ и князь Одоевскій по дѣлу о доносѣ, будто Никонъ проклялъ на молебнѣ самого царя, то Лигаридъ во время допроса сказалъ Никону: „Ты мнѣ присылалъ выдержки изъ каноновъ (рѣчь идетъ о 3, 4, 5 правилахъ Сардикскаго Собора, дающихъ право Римскому Епископу пересматривать рѣшенія другихъ Епископовъ. Эти правила касаются отношеній Епископовъ къ Папѣ Римскому, какъ Патріарху Запада), а въ нихъ есть упоминаніе о папской юрисдикціи. Такое упоминаніе есть въ канонахъ потому, что Папы были тогда православные, а послѣ они отпали. И ты не прибавилъ, что въ послѣдствіи ихъ юрисдикція перешла къ Вселенскимъ Патріархамъ?" — „Что же, сказалъ Никонъ, я папину суду не принадлежу, но почему Папу не почитать за то, что у него добраго? Тамъ мощи Свв. Апостоловъ Петра и Павла, и онъ служитъ у ихъ гробницъ". — „Но ты знаешь, что мы проклинаемъ Папу на Соборахъ?", возразилъ Паисій. „Знаю, сказалъ Никонъ, что Папа сдѣлалъ много худого, а какая правда, что на меня клеветническія письма принимаютъ, а моего оправданія не слушаютъ (Гиббенетъ II гл. XIV). Самое большее, Никонъ могъ высказывать въ этихъ словахъ простое желаніе обратиться къ Собору высшему, чѣмъ простой помѣстный, видя несправедливое на себя гоненіе, и въ основаніе своего

права приводилъ 3-5 прав. Сардикскаго Собора, имѣя въ виду не самого Римскаго Папу, а лишь свое право на обращеніе къ высшему суду. Лигаридъ въ своемъ сочиненіи (Р. III, 70, 71) вступаетъ въ полемику съ Никономъ, какъ будто тотъ дѣйствительно признавалъ верховенство Папы и предполагалъ апеллировать къ Папѣ. Онъ поучаетъ Никона, что тотъ долженъ изслѣдовать дѣянія Карфаг. Собора, въ теченіе 12 лѣтъ выяснявшихъ этотъ вопросъ въ сношеніяхъ съ Римскимъ Папой Целестиномъ, и указываетъ, что Соборъ Сардикскій былъ помѣстный, что привилегіи изслѣдовать рѣшенія другихъ должно отнести *mutatis mutandis* къ Патріарху Константинопольскому, что наконецъ Сардикскій Соборъ, будучи помѣстнымъ только, нарушилъ правило перваго Собора Вселенскаго, который каждому діоцезу предоставляетъ заботиться о ненарушеніи своихъ правъ и свободы. Онъ далѣе указываетъ, что напрасно Никонъ выставляетъ вездѣ Папскую Церковь, когда русскіе крещены отъ Византійскихъ Патріарховъ, что самъ Римъ почтенъ не ради Апостоловъ Петра и Павла, а ради столичнаго своего положенія, иначе надобно еще больше почитать Ефесъ ради любимаго ученика Іисуса Христа Іоанна и самый Іерусалимъ, откуда, какъ изъ корня своего, вышли Епископы." Однако, вся тирада Лигарида рассчитана, какъ и все его сочиненіе (оно составлено непосредственно послѣ низверженія Никона изъ сана) не на безпристрастное изложеніе хода дѣлъ, а чтобы утвердить Московское правительство и прежде всего царя Алексѣя въ сознаніи своей правоты, котораго царь Алексѣй не имѣлъ до гроба. Насколько нелѣпо приписывать было Никону тенденцію обращенія къ Папѣ, видно изъ того, что не только такихъ обвиненій ему не предъявляли на судѣ, но даже самъ то Никонъ судился между прочимъ за то, что на судѣ обвинялъ и царя и всю русскую Церковь приразившейся къ латинству за принятіе въ свою среду католика Паисія Лигарида. Palmer пишетъ по поводу этого обвиненія въ католицизмъ Никона Лигаридомъ (I, стр. 21): „Paisius of Gaza had already in 1663 spread a report that Nikon had appealed to the Pope, Nikon having really said ironically that so far as Paisius was concerned, one might appeal to his old master the Pope who could tell something about his antecedents"¹.

¹ Паисій Газскій уже въ 1663 г. распространилъ сообщеніе свое, что будто Никонъ апеллировалъ къ Папѣ, въ то время, какъ Никонъ иронически дѣйствительно говорилъ, что, поскольку дѣло касается Лигарида, можно бы апеллировать къ его старому начальству — Папѣ, который могъ бы сказать что либо и о прежнихъ его дѣяніяхъ.

Также бояре внушали царю, когда Никонъ былъ Патріархомъ, что ему ничего не остается, какъ или низвергнуть Никона, или уступить ему Москву, какъ уступилъ Константинъ Великій Римъ Папѣ Сильвестру. Бояре использовали тотъ фактъ, что Никонъ помѣстилъ „Дареніе Константина Великаго" въ Кормчую (которое въ глазахъ Никона являлось нравственнымъ примѣромъ для царя для опредѣленія отношеній его къ Церкви), какъ средство убѣдить царя, что Никонъ хочетъ захватить царскую власть въ государствѣ, подобно тому, какъ на Западѣ Папа присвоилъ себѣ свѣтскую власть. Нелѣпыя свѣдѣнія о католичествѣ или о папизмѣ Никона опровергаются не только его сочиненіями, но и всей его дѣятельностью. Пальмеръ говоритъ, что „это равносильно утвержденію, что Сократъ не грекъ, а еврей." Не надо забывать, что въ католическомъ ученіи Папа не является только первымъ Патріархомъ, а единственнымъ преемникомъ князя апостольскаго и его особыхъ полномочій, въ силу чего онъ является самымъ основаніемъ Церкви, какъ говоритъ Phillips („Du droit ecclésiastique" II, 225) „Ce n'est l'Eglise qui confère l'infaillibilité au Pape; c'est elle qui la reçoit de lui, car l'Eglise repose sur le Pape comme sur son fondement et non le Pape sur l'Eglise".¹

Вотъ, основная грань между Православіемъ и Католичествомъ, но къ ней даже не приближался Никонъ. Однако, ложная версія о симпатіяхъ Никона къ Католицизму имѣла нѣкоторый успѣхъ при жизни Никона. Такъ польскіе посланники въ 1667 году писали въ своемъ докладѣ правительству своему, что Патріархи пріѣзжали въ Москву для суда надъ Никономъ, и что они осудили его за благопріятное отношеніе къ Римской Церкви. Іезуиты также распространяли извѣстіе, что онъ примирился съ Римской Церковью и умеръ католикомъ. Слухъ этотъ поддерживался еще существовавшимъ проектомъ Симеона Полоцкаго при царѣ Ѳеодорѣ извлечь Никона изъ ссылки на далекомъ сѣверѣ и поставить его Папой надъ 4 русскими Патріархами. Все это, по проекту Полоцкаго, долженъ былъ сдѣлать царь Ѳеодоръ, у котораго онъ былъ воспитателемъ, но Никонъ ничего объ этомъ проектѣ не зналъ и, когда жилъ въ Кирилловскомъ монастырѣ, то не имѣлъ ни чернила, ни бумаги, ни общенія съ внѣшнимъ міромъ, какъ показано въ изслѣдованіи профессора Николаевского, специально изслѣдовавшаго жизнь Никона въ заключеніи въ Ѳерапонтовомъ и Кирилловскомъ монастыряхъ съ

¹ Это не Церковь даетъ непогрѣшительность Папѣ, а она сама получаетъ ее отъ него, ибо Церковь почитается на Папѣ, какъ на своемъ основаніи, а не Папа на Церкви.

1666 года до 1681 года. Этотъ проектъ обусловливался враждой Полоцкаго къ Патріарху Іоакиму. Никонъ совершенно непричастенъ къ этимъ приписываніямъ ему католическихъ идей, и его ироническія слова Лигариду всего меньше даютъ основанія приписывать ихъ ему. Самая ссылка на 4 Сардикское правило не означаетъ пріемлемости суда Папы; по отпаденіи Папы его примѣняли для мотивировки юрисдикціи слѣдующаго за нимъ по рангу Патріарха, т. е. Константинопольскаго. Таковая ссылка на 3, 4, 5 Сардикскія правила, позволявшая Епископамъ апеллировать на мѣстный Соборъ Папѣ, была въ выпискѣ Никона, посланной имъ Лигариду 22 іюля 1663 года, когда тотъ пріѣзжалъ на слѣдствіе; Никону Лигаридъ ставилъ упрекъ, что онъ въ выписѣ не написалъ, что послѣ отпаденія Папы судъ перешелъ къ Константинопольскому Патріарху. Митрополитъ Макарій рассказываетъ со словъ Лигаридовой „Исторіи Собора“, что объ этомъ было обсужденіе на Соборѣ съ царемъ, что Лигаридъ докладывалъ о томъ, что русскіе приняли христіанство изъ Византіи, „и для всѣхъ стало очевиднымъ, что Никонъ не можетъ обращаться къ суду Папы.“ Лигаридъ вообще говорилъ объ этомъ инцидентѣ такъ, какъ будто русскіе не знали о своемъ крещеніи отъ грековъ, а Никонъ дѣйствительно хотѣлъ обращаться къ суду Папы. Но Гюббенетъ правильно замѣчаетъ, что „если бы это было такъ, то не было бы оставлено безъ вниманія на судѣ; соборная Дума собирала свѣдѣнія о всѣхъ винахъ Никона, и въ такомъ случаѣ рѣшимость его идти подъ судъ Папы была бы поставлена виной, но этого нигдѣ въ документахъ не видно, да и вообще не вѣроятно, чтобы Никонъ измѣнилъ своему благочестію, отдаваясь на судъ Папы.“ Гюббенетъ говоритъ: почему сказалъ Никонъ „отдаюсь на судъ Папы“ не знаемъ, этого документа нѣтъ. Возможно, что онъ указывалъ, что будетъ апеллировать къ Константинопольскому Патріарху, относя правила Сардикскаго Собора, говорящія о Папѣ, къ нему. Между тѣмъ этотъ слухъ, пущенный Лигаридомъ, о приверженности Никона къ Папѣ въ католической средѣ, съ которой Лигаридъ имѣлъ общеніе въ Москвѣ, и запечатлѣнный Лигаридомъ въ своемъ собственномъ сочиненіи, положилъ начало тому искаженному понятію о Никонѣ, которое перешло въ русскую науку. Сочиненіе Лигарида было однимъ изъ первоначальныхъ источниковъ, исходившимъ отъ современника и участника дѣла Никона. Но сначала не была изслѣдована нравственная физіономія составителя этого сочиненія, о которомъ Пальмеръ, послѣ изслѣдованія дѣла по другимъ источникамъ, предупреждаетъ, что

ему рѣшительно ни въ чемъ вѣрить нельзя, ни о словахъ, ни о фактахъ, не провѣривъ этого изъ другихъ источниковъ (III, 172 прим. 27). А провѣрка эта заставила Пальмера испещрить все сочиненіе Лигарида, переведенное имъ съ греческаго языка на англійскій, замѣтками о разныхъ фактическихъ несообразностяхъ. Укажемъ для характеристики сочиненія Лигарида, что тамъ умолчано о подложности его полномочій, что всѣ рѣчи, влагаемыя имъ въ уста царя и бояръ, испещрены ссылками на греческихъ и римскихъ классиковъ, съ которыми ни царь, ни бояре не были знакомы, тамъ умолчано и о всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, которыя Московское правительство принимало для достиженія нужнаго ему исхода дѣла Никона. Лигаридъ ничего не пишетъ объ арестахъ свидѣтелей, благопріятствовавшихъ Никону, о способахъ освѣщенія дѣла передъ пріѣхавшими Патріархами, о пресѣченіи имъ возможности въ пути отъ Астрахани до Москвы имѣть встрѣчи съ кѣмъ либо изъ лицъ, не имѣющихъ полномочій отъ правительства, ничего не писалъ Лигаридъ о мнѣніи Іерусалимскаго Патріарха Нектарія въ пользу Никона, ничего не писалъ и о всей той искусственности, съ которой было обставлено полученіе отвѣтовъ Патріарховъ на вопросы Московскаго правительства по его же наущенію и подъ его руководствомъ, какъ будто все дѣло имѣло свое естественное теченіе безъ вторженія злой воли, преднамѣренности и явной тенденціозности. Сочиненіе это интересно, какъ панегирикъ цезарепапизму, основанный не только на историческихъ фактахъ злоупотребленій Византійскихъ императоровъ, но и на ученіи языческихъ римскихъ и греческихъ писателей, и тѣмъ ясно вскрывающій и оголяющій истинный источникъ этого ученія. Однако, католическое освѣщеніе, приданное облику Никона, перешло въ потомство, и отпрыскомъ его является и то общее сужденіе, которое высказалъ С. М. Соловьевъ въ XI т. Исторіи Россіи: „Ничего такъ не сердило Никона, какъ утвержденіе Стрешнева, что царь поручилъ ему надзоръ надъ церковными дѣлами и далъ ему много привилегій. Въ отвѣтъ на это онъ высказалъ свой взглядъ на отношеніе царской и патріаршей власти, взглядъ, который не соотвѣтствуетъ традиціямъ Восточной Церкви, какъ онъ утвердились въ русской исторіи." Въ это сужденіе надо внести поправку, что взглядъ Никона не соотвѣтствуетъ не традиціямъ Восточной Церкви, а тѣмъ отступленіямъ, которыя ввелъ въ святоотеческое церковное ученіе о соотношеніи властей цезарепапизмъ, проявлявшій себя время отъ времени въ Византійской Церкви и проявившійся себя и въ Русской

Церкви отъ половины XV вѣка до половины XVII. Никонъ не принималъ утвержденія Страшнева, ибо источникъ церковнаго закона онъ не могъ видѣть въ царской власти, а видѣлъ его въ благодати Святаго Духа, сказывающагося на церковныхъ Соборахъ, какъ тому учила Церковь въ лицѣ своихъ Соборовъ и Святыхъ Отцовъ. Упрекъ въ папизмъ, въ смыслѣ ли одобренія папизма на Западѣ, или въ смыслѣ насажденія его въ Россіи, не можетъ относиться къ Никону.

Католическая идея папства и святоотеческое ученіе о самостоятельности Церкви.

Папизмъ въ католичествѣ явленіе сложное и включаетъ въ себѣ цѣлый рядъ элементовъ. Сюда входитъ и ученіе верховенства Папы надъ Соборомъ, какъ оно установлено на Ватиканскомъ Соборѣ, вопреки опредѣленію Констанцкаго Собора XV вѣка, и ученіе о косвенной власти Папы въ мірскихъ дѣлахъ, какъ оно утверждено въ Силлабусѣ (§ 24) подъ угрозой анаѣммы (Среди заблужденій Силлабусъ въ § 24 упоминаетъ слѣдующее: *L'Eglise n'a pas le droit d'employer la force; elle n'a aucun pouvoir temporel ou indirect*" (Debidour, *Histoire des rapports de l'Eglise et de l'Etat de France*, стр. 729).¹ Сюда входитъ и ученіе о свѣтской власти Папы въ предѣлахъ бывшаго папскаго государства; и ученіе объ его непогрѣшимости въ дѣлахъ вѣры и нравовъ *ex cathedra*, какъ предпосылка правильнаго церковнаго устройства, является ученіе о независимости отъ свѣтской власти высшей церковной власти въ церковныхъ дѣлахъ, но объ этой независимости отъ свѣтской власти въ церковныхъ дѣлахъ учила впервые не Римско-Католическая Церковь послѣ своего разрыва съ другими Помѣстными Церквами, а Святые Отцы и Соборы, издававшіе свои постановленія по указанію Духа Святаго по принципу: „Изволися Духу Святому и намъ." Этой независимости учили Апостолы, говорившіе, что надо повиноваться Богу болѣе нежели людямъ, и Тотъ, Кто сказалъ: „Азъ созижду Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ю." Вотъ, единственно этотъ элементъ принципіальной независимости церковной власти отъ свѣтской въ чисто церковныхъ дѣлахъ, отстоявшій себя на Западѣ лучше, чѣмъ въ Московской Руси XVII вѣка до Никона, и могъ только привлекать Никона и выразиться въ его словахъ: „а Папу за доброе отчего не почитать?" Но это почитаніе Папы было не за специфически католическое, привнесенное историческими условіями развитія

¹ Церковь не имѣетъ права употреблять силы; она не имѣетъ ни прямой, ни косвенной власти.

Западной Церкви со временъ Папы Льва Великаго, а за сохраненіе той христіанской истины, что Церковь есть организмъ самодовлѣющій съ особыми цѣлями и средствами, съ своимъ законодательствомъ, управленіемъ и судомъ, не могущій быть подчиненнымъ союзу чисто земному, каковымъ является государство. Но это ученіе не специфически католическое, а ученіе и восточныхъ и западныхъ Отцовъ Церкви — и Іоанна Златоуста, и Іоанна Дамаскина, Блаженнаго Августина и Амвросія Медиоланскаго, и Папы Святаго Григорія Двоеслова.

Пальмеръ объ идеѣ самостоятельности Церкви и о порабоженіи Церкви въ Россіи.

Относительно Католичества Никона Пальмеръ пишетъ (I, 23 стр.): „Когда либерализмъ сброситъ существующія преграды и получитъ религіозную свободу, когда Русская Церковь будетъ предоставлена собственнымъ ресурсамъ, подвергнется нападенію католиковъ и раскольниковъ, тогда въ поискахъ прежде всего самозащиты и въ особенности противъ католиковъ, она сможетъ открыть, что истинный борецъ за нее и представитель ея былъ Никонъ. Такимъ образомъ, возстановливая каноническій приматъ (Патріаршество) и возвращаясь къ почтенному соблюденію каноновъ въ духъ Никона, она сможетъ возстановить его въ полнотѣ его мечтаній и вмѣстѣ съ нимъ продолжать сооруженіе того великаго зданія, надъ постройкой котораго онъ по его свидѣтельству и съ его терпѣніемъ безсознательно работалъ; домъ съ центральной залой, такой просторной и блестящей, что Никонъ, смотря на нее, не зналъ, что это было, былъ пораженъ удивленіемъ и изумленіемъ. [Это намекъ на сонъ, который видѣлъ Никонъ въ ссылкѣ. Никонъ дѣйствительно рассказывалъ, въ одинъ изъ дней поста своей братіи: Представилось мнѣ, будто я нахожусь въ какомъ то обширномъ великолѣпно устроенномъ зданіи. Сюда приходитъ ко мнѣ протопопъ большого Московскаго Успенскаго Собора Михаилъ и проситъ у меня благословенія на освященіе одной церкви. Я вздумалъ провести его по всѣмъ комнатамъ этого зданія. Вотъ мы прошли съ нимъ двѣ-три комнаты, изъ которыхъ одна другой лучше и прекраснѣй, наконецъ вступили въ самую лучшую и остановились изумленные и пораженные ея великолѣпіемъ. Когда мы удивлялись ея великолѣпію, вдругъ явился передъ нами свѣтлый и благообразный юноша и спрашиваетъ: чему удивляетесь? — Какъ не удивляться такому великолѣпію, отвѣчалъ я. Такъ знаешь ли, что это за зданіе? — говорилъ Никонъ, — это зданіе сооружено и укра-

шено твоимъ терпѣніемъ, и прибавиль: но постарайся скончать свое теченіе, а нынѣ говорю тебѣ, что ты вкусишь своего хлѣба." Послѣ этого юноша сталъ невидимъ"]. Возможно представить такія перемѣны въ мірѣ, которыя могутъ повернуть политику даже русскаго правительства къ вѣрѣ и благочестію". Подъ нечестіемъ Пальмеръ разумѣетъ то порабощеніе Церкви государствомъ, которое введено Петромъ и привело православную Россію къ тому, что она въ управленіи церковномъ слѣдуетъ нѣмецкому образцу. „Православная религія привязана къ нѣмецкому принципу свѣтскаго верховенства, какъ хвостъ къ хребту собаки" (Пальмеръ IV Введ. 63). Обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что связанность одного Патріарха съ другимъ и черезъ то ихъ реальное участіе въ дѣлахъ Вселенской Церкви, котораго хотѣлъ Никонъ, само по себѣ уже даетъ опору для самостоятельности въ церковныхъ дѣлахъ. Эта самостоятельность на Западѣ должна была достигаться устройствомъ независимаго папскаго государства и въ дѣйствительности не достигалась благодаря вовлеченію Папы, какъ свѣтскаго государя, въ общую политику; эта самостоятельность на Руси до XV вѣка достигалась тѣмъ, что ея первосвятитель не былъ подданнымъ великаго князя Московскаго и зависѣлъ отъ Константинопольскаго Патріарха, въ свою очередь тоже никакъ не подчиненнаго Московскому государю. Своимъ напоминаніемъ о высшей общецерковной власти въ видѣ Вселенскихъ Соборовъ и общихъ рѣшеній всѣхъ Патріарховъ, Никонъ указывалъ на тотъ оплотъ, который реально могъ быть противопоставленъ рѣшеніямъ власти свѣтской, какъ органъ иного порядка, и служить выявленію воли не человѣческой, а Божественной.

Объ этомъ источникъ забывали тѣ, которые выставляли Московскаго Патріарха, какъ единственно дѣйствительнаго Патріарха при православномъ царѣ, и реально всю полноту власти и государственной и церковной вмѣщали въ одного царя, черезъ то воскрешая древнюю дохристіанскую идею Верховнаго понтифекса. Неприкосновенно и Московское Патріаршество, ибо оно установлено Вселенскими Патріархами въ соотвѣтствіи съ 34 апостольскимъ правиломъ, неприкосновенно и ихъ постановленіе о томъ, чтобы, въ соотвѣтствіи съ этимъ правиломъ, Патріарха всѣ Епископы считали своимъ главой (1, 138). Гарантіей неприкосновенности Никонъ почиталъ сознаніе высшимъ органомъ государственной власти обязанности почитать каноны Церкви. За ихъ нарушеніе государство подвергается отъ Бога несчастіямъ. Въ письмѣ къ Зюзину, писанномъ Никономъ изъ Крест-

наго монастыря въ февралѣ 1660 г. онъ изложилъ свою точку зрѣнія на послѣдствіе непочитанія архіерейскаго чина государями иллюстраціей историческихъ событій въ Россіи: „Добро Архіерейство во всезаконіи и чести своей, однако надобно попечаловаться о всенародномъ послѣднемъ событіи отъ первыхъ временъ поразумѣвъ: когда вѣра Евангельская начала святися и Архіерейство честію по царствамъ благочестивымъ любопочитатися, тогда и тѣмъ паче неблагочестивыхъ почтошася; когда же злоба гордости распространилась и архіерейская честь измѣнилась. Увы! Тогда и начало царствъ ниспадеся." Никонъ, указывая на историческія событія Греціи, Россіи и другихъ государствъ, пишетъ: „Такъ и здѣсь прежде было по Великому Князѣ Владиміръ; но сколько зла потерпѣли князья въ разное время, что нельзя на сей малой хартіи исчислить; однако, одного довольно къ показанію: безвинно Іова Патріарха отставили и еще при жизни его, неблагозаконно Ермогена возвели, — то сколько зла сдѣлалось; всему же истинный свидѣтель Христосъ; ибо царство на царство падая, не станетъ то царство, и домъ раздѣлившійся въ самомъ себѣ не устоитъ."

Каноны Церкви не гарантированы въ своемъ исполненіи никакой матеріальной силой, но они — выраженіе воли Божественнаго Духа, а „Богъ есть Богъ отмщенія и впасть въ руки Бога живого есть самая ужасная изъ всѣхъ вещей" (1, 161). Это отмщеніе за неуваженіе Божественнаго строя Церкви можетъ ощутить рядъ поколѣній, ибо сказалъ Богъ народу своему въ Ветхомъ Завѣтѣ: „Господь Богъ твой — ревнивый Богъ, посѣщающій за нечестіе отцовъ дѣтей даже до третьяго и четвертаго поколѣнія" (V, 853).

Патріархъ и Архіереи.

Какъ разсматривалъ Никонъ отношенія Патріарха къ Архіереямъ, и соотвѣтствовало ли его мнѣніе тому status, который онъ засталъ? Въ чемъ заключались права Патріарха по отношенію къ Архіереямъ и ихъ обязанности въ отношеніи къ нему? Какъ Никонъ относился къ соборному управленію въ Церкви? Кто въ правѣ, по его мнѣнію, судить Архіереевъ и кто Патріарха? Вотъ рядъ вопросовъ, которые возникаютъ, когда мы хотимъ выяснитъ общій вопросъ о томъ, что такое былъ Патріархъ въ отношеніи къ Архіереямъ. Никона больно затрагивали эти вопросы, ибо въ своей борьбѣ за возстановленіе иного положенія Церкви въ Московскомъ государствѣ, онъ не былъ поддержанъ никѣмъ изъ нихъ, несмотря на

то, что къ идеямъ его Архіереи не остались безучастны, и два его личныхъ врага, Митрополитъ Илларионъ Рязанскій и Митрополитъ Павелъ Крутицкій, которымъ была поручена подготовка его дѣла къ соборному суду надъ Никономъ, въ январѣ 1667 г., опирались на его идеи, когда возбудился пересмотръ, ради болѣе точнаго опредѣленія, вопроса о соотношеніи властей царской и патріаршей, вопроса, по ихъ мнѣнію, невыясненнаго въ патріаршихъ свиткахъ, привезенныхъ другомъ Лигарида, архидіакономъ Мелетіемъ и грекомъ Стефаномъ изъ Константинополя въ маѣ 1664 года.

Присяга епископовъ Патріарху.

Архіереи всѣ приняли сторону бояръ въ конфликтъ съ Никономъ и заслужили горькій упрекъ Никона въ челоуѣкоугодничествѣ и нарушеніи присяги, данной Патріарху при своемъ посвященіи. Онъ пишетъ въ своемъ „Раззореніи": „Митрополиты и архіепископы обѣщали во всемъ повиноваться Вселенскимъ Патріархамъ, а затѣмъ и намъ, своему отцу и тѣмъ Святѣйшимъ Патріархамъ, которые будутъ послѣ насъ; обѣщались ничего не дѣлать по принужденію царя и великаго князя или синклита бояръ и князей и всенароднаго множества людей, хотя бы угрожали мнѣ смертью, или приказывали мнѣ служить или совершать какой либо епископскій актъ въ другой митрополичьей провинціи, кромѣ моей собственной, или къ какой либо другой епархіи, кромѣ той, которая дана мнѣ моимъ духовнымъ отцомъ. А если я удалюсь въ другую епархію, въ какую бы то ни было область, я не буду дѣйствовать церковно безъ приказа моего отца (мѣстнаго Патріарха, Митрополита). Далѣе обѣщаюсь въ томъ, что, когда буду позванъ моимъ отцомъ и Священнымъ Соборомъ, я приду на Соборъ безъ малѣйшаго противорѣчія. Далѣе обѣщаюсь и въ томъ, что, хотя бы князья или бояре, или множество народа искали принудить меня, я буду въ послушаніи моему отцу и всего Священнаго Собора и Патріарховъ, которые могутъ быть послѣ. Далѣе обѣщаюсь также, что не приму какого либо другого Патріарха, кромѣ Патріарха Святой Восточной Церкви греческаго закона согласно Божественныхъ и Св. Апостольскихъ правилъ и 7 Вселенскихъ Соборовъ. Если же я что либо сдѣлаю изъ вышеупомянутаго, безъ приказа и безъ письма моего отца и нарушу въ какомъ либо пунктѣ что либо изъ вышеизложеннаго, то да буду низвергнутъ съ своей должности *ipso facto* тотчасъ.

Приведя эту епископскую присягу, Никонъ говоритъ, что не смотря на то, что Патріархи, въ соотвѣтствіи съ Апостольскимъ правиломъ, постановили быть въ Москвѣ Патріарху, котораго всѣ Епископы должны почитать, какъ главу, и не дѣлать ничего, выходящаго за предѣлы епархіи безъ его согласія, они преступили свою клятву. Они собрались (1660 г.) вмѣстѣ, не изслѣдовавъ дѣла о нашемъ уходѣ, и составили Соборъ во исполненіе царскаго приглашенія, вопреки канонамъ Св. Апостоловъ, Св. Отецъ 7 Вселенскихъ Соборовъ, какъ о томъ свидѣтельствуется ихъ нечестивое дѣяніе, ибо тамъ ничего не приведено изъ каноновъ Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ, но скомпилировано изъ другихъ источниковъ вопреки VII Вселенскаго Собора 1 пр. И потому всѣ они повинны передъ канонами Св. Апостоловъ, Св. Отцевъ, передъ установленіемъ Св. Патріарховъ и передъ своимъ обязательствомъ. Нигдѣ въ канонахъ нельзя найти постановленія, чтобы Митрополиты могли судить даже Митрополита, а могутъ судить только Епископа, и тогда ихъ должно быть не менѣе 12 Епископовъ. Но они совершили своимъ собраніемъ новый родъ беззаконій и составили приговоръ противъ своего Патріарха. А въ ихъ обязательствахъ еще написано, что они ничего не должны совершать епископскаго или служить внѣ своей епархіи, хотя бы ихъ принуждали царь, бояре, и множество народа. Все это хорошо извѣстно самому царю, всѣмъ князьямъ и боярамъ, ибо это обязательство обычно въ присутствіи царя и всего синклита. Самъ царь, соблюдая приличія, не могъ посылать имъ такой грамоты. 11 Антиохійское правило говоритъ: „Если Епископъ, священникъ и діаконъ самъ собою безъ разрѣшенія Митрополита провинціи пойдеть къ Патріарху, то онъ будетъ отлученъ и нивергнутъ." А 12 Антиохійское правило: „Клирику, недовольному рѣшеніемъ Собора, разрѣшается просить о созывъ большаго Собора, но лишаетъ его всякаго снисхожденія и права аппеляціи, если онъ будетъ беспокоить царя своей жалобой." Изъ этой длинной цитаты видно, что Никонъ не допускалъ вмѣшательства свѣтской власти въ отношенія Епископовъ къ Патріарху и видѣлъ въ послѣднемъ для нихъ отца-главу, по отношенію къ которому они связаны обязанностью послушанія. Отъ него они получаютъ свое рукоположеніе, передъ нимъ принимаютъ обязательство являться по его вызову на Соборъ; онъ для нихъ необходимый посредникъ для обращенія къ государю, безъ него они не могутъ дѣлать ничего, выходящаго за предѣлы своей епархіи. Но и самъ Патріархъ связанъ по отношенію къ Епископамъ: безъ ихъ

согласія онъ тоже не можетъ ничего предпринять, выходящаго за предѣлы своей епархіи. Онъ не можетъ и судить ихъ: для этого надо имѣть въ составѣ суда 12 епископовъ; онъ не совершаетъ и епископскихъ дѣйствій въ чужой епархіи; но онъ отецъ отцовъ, необходимый посредникъ при передачѣ имъ благодати Св. Духа и имѣетъ право надзора за ними. Онъ имѣетъ право учительныхъ посланій не только къ паствѣ своей Патріаршей епархіи (одинъ образецъ этихъ посланій мы видѣли въ одной изъ библіотекъ въ Европѣ: это обращеніе Патріарха Іосифа въ качествѣ верховнаго учителя), но и ко всему народу. Однимъ словомъ, помимо обычной своей епархіи, наравнѣ со всѣми Архіереями, Патріархъ имѣетъ особыя задачи въ кругѣ, возвышающемся надъ всѣми другими Архіереями (какъ бы въ другомъ этажѣ), гдѣ на немъ лежитъ по отношенію къ Архіереямъ общее руководство, а по отношенію къ царю особая обязанность и право по достиженію согласованія церковной и государственной дѣятельности въ вопросахъ ихъ соприкосновенія, какъ то мы видѣли изъ Эпанагоги, цитированной Никономъ.

О двойной хиротоніи Московскихъ Патріарховъ.

Надъ Патріархомъ въ то время совершалась при вступленіи на престолъ не только интронизація — хиротесія, которая не знаменуетъ собой предоставленія особой іерархической степени, а даетъ лишь особое благословеніе для прохожденія служенія, но и вторичная хиротонія, какъ бы въ знакъ сугубой благодати, призываемой на него. Всѣ русскіе Патріархи того времени получали двойную епископскую хиротонію, иногда даже тройную, какъ, напримѣръ Патріархъ Іовъ, который вторую получилъ при вступленіи на должность Московскаго Митрополита, а третью при поставленіи въ Патріархи. Положеніе Патріарха возвышалось надъ Архіереями не только потому, что его архипастырство распространялось на всю Помѣстную Церковь, но и изъ того обстоятельства, что инициатива всѣхъ церковныхъ дѣлъ исходила отъ него, отъ него получала направленіе, и всѣ они были лучше извѣстны ему, какъ постоянному участнику всѣхъ коллегіальныхъ рѣшеній, тогда какъ Архіереи вызывались на Соборъ лишь на извѣстный промежутокъ времени, въ извѣстной очереди или просто безъ очереди, если по дѣламъ оказывались въ Москвѣ. Особенно возвышалось положеніе Патріарха потому, что онъ былъ при царѣ. Ему лучше было извѣстно, на какое содѣйствіе можетъ разсчитывать Церковь со стороны гражданскаго правительства; онъ былъ

представителемъ интересовъ Церкви передъ царемъ, а передъ Архіереями являлся не только въ качествѣ ихъ отца, руководителя, но и высшаго государственнаго сановника-участника Боярской Думы и при извѣстныхъ обстоятельствахъ опекуномъ царскихъ дѣтей, а иногда и регентомъ государства.

Централизація Церковнаго управленія въ Московскомъ государствѣ.

Необходимо обратить вниманіе на то, что апостольскія правила, устанавливая обязанность подчиненія одному изъ Архіереевъ всѣхъ остальныхъ, не стѣсняли дальнѣйшаго развитія этихъ отношеній ни въ отношеніи границъ Помѣстной Церкви, ни въ отношеніи подробностей централизаціи церковной власти. То и другое устанавливалось уже Отцами Церкви, на Соборахъ въ зависимости отъ историческихъ условій. Какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ Помѣстныхъ Церквахъ историческое развитіе привело къ созданію Патріарховъ надъ Митрополічьиими провинціями, состоявшими изъ нѣсколькихъ епархій, а въ нѣкоторыхъ Помѣстныхъ Церквахъ, какъ напримѣръ въ Александрійской, такихъ промежуточныхъ инстанцій между Епископомъ и Патріархомъ не образовалось. Въ частности относительно Россіи надо сказать, что у насъ образовалась сильная централизація съ самаго начала введенія Христіанства, и она пережила и Никона.

Проф. Николаевскій, одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей высшаго церковнаго управленія XVII вѣка въ Россіи, объясняетъ это явленіе изъ цѣлаго комплекса причинъ. Эта система была принята изъ Византіи, гдѣ она выражалась въ строгомъ подчиненіи низшихъ степеней Іерархіи высшимъ, Епископовъ — Митрополитамъ, Митрополитовъ Патріархамъ и въ возвышеніи Константинопольскаго Патріарха надъ другими Патріархами. Другой чертой Византійскаго устройства было согласованіе церковнаго устройства съ гражданскимъ и дѣйствование подлѣ власти свѣтской. Тѣ же черты повторились въ Россіи, причемъ самое развитіе іерархическаго строя шло сверху. Митрополиты селились подлѣ великихъ князей и отправляли Епископовъ туда же, куда отправляли князей на удѣлы великіе князья. Съ возвышеніемъ соотвѣтствующихъ княжествъ росло и значеніе Митрополитовъ и Епископовъ. Іерархи поддерживали власть князей и сами опирались на нее. **Вмѣстѣ съ централизаціей свѣтской власти росла и централизація духовная. Примѣръ централизаціи подавали и Константинопольскіе Патріархи.** Они въ управленіи Русской Церковью не стѣснялись даже канонами, изложенными въ

Номоканонъ, ставили Митрополитовъ въ Россіи не только безъ согласія русскаго духовенства и князей, но и вопреки имъ; подобно имъ Митрополиты на Руси ставили Епископовъ, не спрашивая духовенства и князей. Кіевскій Митрополитъ на первыхъ порахъ выступалъ единоличнымъ судьей Епископовъ и удалялъ ихъ съ каѳедръ безъ суда, что было совершенно противоканонично. **Соборы на древней Руси почти не собирались.** Кіевскіе Митрополиты весьма не дружелюбно смотрѣли на установившіеся въ Ростовъ и Новгородъ обычаи избранія на епископскія каѳедры лицъ при участіи мѣстнаго вѣча. Но въ XVI вѣкѣ были уже сломлены такіе порядки, и централизація Церковной Власти закончилась и вылилась окончательно въ опредѣленныя формы, начало которымъ положено было много раньше. **Митрополитъ получаетъ все болѣе сильное вліяніе на выборъ Епископовъ; его лицо все болѣе возвышается надъ Епископами уже черезъ самую близость къ великому князю, и черезъ его высокое общественное положеніе, которое выросло вмѣстѣ съ ростомъ великокняжеской власти.** Уже Митрополитъ Алексій заявлялъ себя Митрополитомъ всея Руси, что „онъ всѣмъ христіанамъ обрѣтающимся на Русской землѣ пастухъ и учитель, что владыки всей русской земли находятся подъ его властью и въ его волѣ". Въ это время Епископы все чаще начинаютъ назначаться изъ Москвы и поставляются по избранію и благословенію Митрополита по совѣту освященнаго Собора и по повелѣнію великаго князя.

Въ половинѣ XV вѣка даже въ демократическомъ Новгородѣ окончательно утверждается порядокъ замѣщенія Епископскихъ каѳедръ съ устраненіемъ отъ участія въ епископскомъ избраніи мѣстнаго клира и мірянъ: все дѣло рѣшаетъ авторитетный Соборъ при Митрополитѣ, его воля и вліяніе великаго князя. Въ своихъ исповѣданіяхъ Епископъ принимаетъ обязательство во всемъ повиноваться Митрополиту, наблюдать его пошрины въ своей епархіи, являться къ нему на соборы и для суда по первому зову. **Епископы величаютъ Митрополита отцомъ, а онъ ихъ сыновьями.** Когда полоцкій Епископъ называлъ Митрополита Іону своимъ братомъ, тотъ ему написалъ: „Посуди самъ, пристало ли бы намъ, Митрополиту, писаться братомъ Св. Патріарху? Да не будетъ. Но онъ воленъ, хотя и не обязанъ, писать такъ намъ, своимъ сынамъ, когда пожелаетъ. Равно и мы можемъ писать къ вамъ такъ, но не вы, наши дѣти, къ намъ, развѣ только увлечетесь гордостью и будете безъ ума". **На Соборѣ 1564 года Іоаннъ Грозный стремился**

возвысить санъ Московскаго Митрополита въ виду возвышенія собственнаго сана. Царь заявляетъ, что Митрополитъ глава всѣмъ Архіепископамъ и Епископамъ, что его высокопрестольной степени передъ Архіепископами и Епископами почести еще нѣтъ". Соборъ опредѣлилъ новыя высшія отличія Митрополита: бѣлый клобукъ съ привѣсками и херувимомъ и употребленіе печати краснаго воска съ изображеніемъ Божіей Матери и Предвѣчнаго Младенца. **Митрополитъ считался „высшимъ духовнымъ отцомъ, пастыремъ и учителемъ, главой Епископовъ, подъ властью и въ волѣ котораго „всея Русскія Земли владыки суть“;** онъ съ половины XV вѣка независимъ фактически отъ Константинопольскаго Патріарха.

Учрежденіе патріаршества, какъ завершеніе централизаціи церковной власти.

Патріаршество явилось естественнымъ завершеніемъ этого внутренняго роста значенія Митрополита, находящагося при великомъ князѣ, ставшемъ нынѣ царемъ, подобно тому, какъ оно отразило и повышеніе значенія Русской Церкви среди другихъ помѣстныхъ Церквей. Послѣ паденія Константинополя восточные Патріархи уже теряютъ свой начальственный взглядъ на Русскую Церковь и шлютъ сюда не приказы, а просьбы о милостыни. Русскаго царя они называютъ вторымъ Константиномъ, единымъ православнымъ царемъ, самодержцемъ христіанскаго міра, своимъ государемъ, просятъ его быть ктитормъ Церкви Іерусалимской и Александрійской. Митрополитовъ русскихъ титулуютъ всесвященнѣйшими, а реальное значеніе послѣднихъ было выше значенія восточныхъ Патріарховъ въ покоренныхъ турками земляхъ. Все это — и ростъ внутренней централизаціи Первосвятителя, и ростъ значенія возглавляемой имъ Церкви среди другихъ Церквей, и отношенія свѣтской власти къ Іерархіи — привело къ возвышенію Всероссійскаго Митрополита въ санъ Всероссійскаго Патріарха.

Поученіе Патріарха Епископу при поставленіи.

Естественно, отношенія его къ Архіереямъ не могли упроститься, а напротивъ разстояніе между ними скорѣе еще увеличилось. Епископъ не братъ, а сынъ Патріарху. И это запечатлѣвается въ той молитвѣ поученія, которую читаетъ **Патріархъ надъ новопоставленнымъ Епископомъ** (оно приведено въ Актахъ Историч. IV т. на 12 стр. и относится ко времени царя Алексѣя Михайловича).. Благоволеніемъ Бога Отца Вседержителя и споспѣшеніемъ Единороднаго Сына Его Господа Бога нашего Спаса

Иисуса Христа и содѣйствіемъ Пресвятаго и Животворящаго Духа и **по совѣту и по повелѣнію** благороднаго, Богомъ вѣнчаннаго, благочестиваго и христолюбиваго Государя нашего и Великаго Князя, всея Руси самодержца и **по данной намъ благодати** отъ Пресвятаго и Животворящаго Духа, и о Святомъ Дусѣ сыновомъ нашего смиренія Россійскаго государства, и **по избраніи** Преосвященныхъ Митрополитовъ и Архіепископовъ и Епископовъ и всего освященнаго Собора, **по Святымъ Божественнымъ правиламъ** избрали есмы тебе... и благословили и поставили на Престолъ во Святую Соборную Апостольскую Церковь... И ты бы о Святомъ Духѣ **сыну и сослужебникъ** нашего смиренія... молю Господа Бога... и великихъ Чудотворцевъ Петра, Алексѣя, Іон и всѣхъ Святыхъ: о вселенскомъ устроеніи, о мирѣ и тишинѣ и о многолѣтнемъ здравіи Государя... и блюди убо о Святомъ Духѣ и о Христѣ, возлюбленный сыну нашего смиренія, въ каковый и великій подвигъ вшелъ еси. Се тебѣ великій Корабль Христосъ Богъ поручилъ есть люди наставляти и правити и ко спасенію привести и невѣрныхъ въ православную христіанскую вѣру обращати: да не облѣнишися никогда же, **да не уныеши, да не впадеши въ гордостныя стремнины, да не возносишися и да не отягтишися великимъ попеченіемъ величества...** буди же сыну учениковъ истинный Спасовъ и подражатель Св. Апостоламъ".

Причины централизаціи церковнаго управленія и отсутствіе для Патріарха самостоятельной опоры.

При наличіи каноническаго подчиненія другія условія способствовали централизаціи. Вслѣдствіе огромныхъ размѣровъ епархіи невозможно было собирать требуемыхъ канонами ежегодныхъ соборовъ. **И установился обычай, чтобы Епископъ давалъ письменное согласіе на все то, что Митрополитъ можетъ сдѣлать съ совѣтомъ ближайшихъ Епископовъ, лишь бы это не было противно вѣрѣ и канонамъ.** Это дѣлало правительство болѣе монархическимъ, чѣмъ оно должно было быть по духу каноновъ. Эти же условія устранили возможность взаимныхъ бесѣдъ и общихъ дѣйствій, и Митрополитъ Московскій, потерявъ опору противъ свѣтской власти въ Константинопольскомъ Патріархѣ, не получалъ ее и въ своихъ Епископахъ. Близость и непрерывное сотрудничество съ царемъ возносила Патріарха надъ Епископами, **но и ставила одновременно въ зависимость отъ царя.** Пока онъ въ согласіи съ царемъ, онъ былъ всемогущъ; когда онъ терялъ эту опору, онъ уже нигдѣ ее получать не могъ. Получилось, однако, неправильное съ канонической точки

зрѣнія положеніе, что Первоіерархъ Церкви оказался силенъ не той силой, которую онъ имѣетъ, какъ предстоятель союза особаго, съ самодовлѣющими цѣлями и средствами, а поддержкой силы представителя власти союза иного — государственнаго. Права Церкви подвергались опасности въ томъ отношеніи, что защита ея правъ, при недостаткѣ общности совѣта и дѣйствій Епископовъ съ Патріархомъ, возлагалась самой жизнью только на него одного. Пока былъ на патріаршемъ престолѣ предшественникъ Никона, слабый Іоасафъ или Іосифъ, царь могъ дѣлать что угодно въ церковномъ управленіи подъ прикрытіемъ каноническаго примата, и тотъ дуализмъ властей, который вѣрно отвѣчаетъ различію самой природы власти государственной и церковной, настолько стушевывался, что, не вникая въ эту природу, можно было считать царя единственнымъ источникомъ обѣихъ властей. И выборъ Епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, и созданіе новой епархіи и повышение ранга епархіи, и основаніе новаго монастыря — все сдѣлать могъ фактически царь одинъ, ибо Патріархъ не могъ отстаивать своей точки зрѣнія, не имѣя своей собственной опоры. Такъ при слабомъ Патріархѣ Іосифѣ царь или, вѣрнѣе, боярство, при его молодости, сумѣло провести Уложеніе черезъ Земскій Соборъ, гдѣ въ числѣ прочихъ чиновъ государства былъ и чинъ духовный во главѣ съ Патріархомъ. Уложеніе внесло коренную ломку въ строй церковно-государственныхъ отношеній, подчиняя все духовенство свѣтскому суду и отнимая часть церковной собственности. Централизація настолько проникла уже въ церковное управленіе, что при согласіи Патріарха на реформу никто изъ духовныхъ не могъ ей противиться, и даже архимандритъ Никонъ, будущій Патріархъ, подписался, какъ онъ говорилъ потомъ на судѣ, „поневолю“. Эта централизація напоминаетъ Александрійскую централизацію, при которой Епископы Александрійскіе отказывались высказаться на Вселенскомъ Соборѣ, пока не пріѣдетъ Патріархъ и не скажетъ своего мнѣнія. Эта централизація власти привела къ тому, что Никонъ, не желая принимать патріаршества при противоканоническихъ дѣйствіяхъ свѣтской власти, думалъ создать эту опору въ клятвѣ царя и бояръ 22-го іюля 1652 года. Духъ вѣка, который однако, и при сохраненіи внѣшнихъ формъ религіозности, давалъ себя знать въ стремленіи понизить общественное положеніе Церкви черезъ секуляризацію церковной собственности и черезъ политическое подчиненіе всего духовенства государственной власти, не могъ быть остановленъ этой клятвой.

Пальмеръ пишетъ (IV, 32 стр. Введ.) „Если бы Никонъ имѣлъ поддержку добродѣтельнаго и просвѣщеннаго епископата, онъ былъ бы непобѣдимъ, но поздно было создавать соотвѣтствующій епископатъ, когда борьбу нельзя было отсрачивать: Уложеніе уже дѣйствовало. Онъ могъ вести борьбу съ боярствомъ, пока царь держался обѣтовъ своихъ, но не тогда, когда онъ уступилъ своеволю и страстямъ бояръ. Церковь управлялась царемъ и Патріархомъ совмѣстно, а историческія условія отняли у Патріарха возможность имѣть свою собственную опору, соотвѣтствующую природѣ его каноническаго положенія”.

Никонъ оспариваетъ приписываемое ему Лигаридомъ самопревозношеніе надъ епископами.

Никонъ горько жаловался на отсутствіе опоры въ Епископахъ; но его нельзя упрекать за будто бы неканоническое превозношеніе себя, какъ Патріарха, надъ ними, какъ это сдѣлалъ Лигаридъ въ вопросахъ-отвѣтахъ. Никонъ самъ защищалъ себя отъ этихъ навѣтовъ (1, 61-63): „Ты говоришь, вопрошатель, что я никогда не называлъ Епископовъ братьями, но считаю-де ихъ много ниже себя, ибо они мною посвящены. Но ты, лицемѣръ, говоришь ложно, что я ихъ не называлъ вообще братьями. Доказательство тому литургія, въ которой послѣ приношенія въ жертву Святыхъ Даровъ, Епископъ говоритъ сослужителямъ: „Помяните меня, мои братья и сослужители”. И если въ самыхъ существенныхъ актахъ я признавалъ ихъ братьями, то какъ же ты говоришь, что я ихъ считалъ значительно ниже себя? Въ другомъ мѣстѣ я покажу тебѣ, что голова должна почитаться выше членовъ. Ты говоришь „ибо они посвящены мною. Это вѣрно, что они мною посвящены, но теперь нѣтъ на нихъ благодати, ибо 13, 14 и 15 правила I—II Собора въ Церкви Св. Апостоловъ низвергаютъ клирика за отверженіе своего каноническаго начальства. Никонъ здѣсь разумѣетъ то обстоятельство, что Митрополитъ Питиримъ, оставленный Никономъ мѣстоблюстителемъ престола за себя, по приказу царя, вскорѣ послѣ ухода Никона въ Воскресенскій монастырь прекратилъ возношеніе имени Патріарха Никона безъ всякаго каноническаго права на то и прекратилъ, разумѣется, это возношеніе всюду, тогда какъ Никонъ находился въ Воскресенскомъ монастырѣ, куда онъ ушелъ отъ злыхъ людей, отъ царскаго гнѣва, но не пересталъ быть канонически Патріархомъ; онъ въ это время даже еще не былъ преданъ и первому суду надъ нимъ, который былъ въ февралѣ 1660 года.

Далѣ Никонъ обращается къ Лигариду: и ты говоришь: „Иисусъ, будучи Богочеловѣкомъ, сказалъ святымъ женщинамъ: не бойтесь, идите и скажите братьямъ Моимъ. Если тѣ, кого Никонъ посвятилъ въ Епископы, ему не братья, то что же? Сыновья? Этого не можетъ быть, ибо міряне — сыновья, а онъ — отецъ надъ всѣми". Но, вѣдь, всякій Епископъ одинаково ихъ отецъ, согласно Слову Бога, Который сказалъ, какъ ты говоришь: идите и скажите Моимъ братьямъ. Но такимъ образомъ одинаково можно доказать, что по Божьему Слову и заповѣди никому нельзя называться учителемъ. „Но вы не называйтесь учителями сказалъ Онъ, ибо Одинъ у васъ Учитель — Христосъ, а вы — братья". Господь сказалъ: „Не называйте никого отцомъ на землѣ, ибо Одинъ у васъ Отецъ, иже на небесѣхъ". Почему же ты говоришь, что я не отецъ моимъ дѣтямъ, а Епископы — отцы своимъ сыновьямъ, когда Богъ запрещаетъ называть кого либо отцомъ на землѣ и приказываетъ называть Отцомъ мнѣ Отца Небеснаго? Ты говоришь: Епископы — отцы для всѣхъ мірянъ. Но почему же главный Епископъ называется Патріархъ, если не потому, что этотъ санъ — начало для всѣхъ отцовъ и великихъ и малыхъ? А имя Епископа по своей этимологіи, что иное значить, какъ не надзиратель, а не отецъ и не начало отцовъ?" Никонъ указываетъ, что пр. 13, 14 и 15 I—II Соб. для каждаго изъ ранговъ іерархіи дѣлають особый канонъ — 13-й для Епископа, 14-й для митрополита и 15-й для Патріарховъ, согласно ихъ чести и степени... И какое право ты имѣешь влагать въ ученіе Евангелія, Апостольскихъ каноновъ и Св. Отцовъ правило о неуваженіи къ старшинству, вещь до сихъ поръ неслыханную? Послушай слова Апостола Павла Тимофею (1 Тим. V, 1): „Старца не укоряй, но увѣщевай какъ отца; младшихъ какъ братьевъ". Почему же Апостоль дѣлалъ различіе между старымъ и юнымъ?

О подчиненности Архіерея Патріарху (отзывъ собора 1665 г.)

Вся искусственность обвиненій Лигарида видна изъ того, **что такое отношеніе къ Патріарху было не измышленіемъ Никона, а правосознаніемъ всѣхъ Іерарховъ.** Это видно уже изъ того, что, когда въ декабрѣ 1664 г. и въ январѣ 1665 г. происходили переговоры между Никономъ и Архіерейскимъ Соборомъ объ условіи оставленія имъ Московскаго Патріаршаго престола (IV, 626), то это признаніе подчиненности отдѣльнаго Архіерея по отношенію къ Патріарху было выражено въ 5 пунктѣ постановленій самимъ Соборомъ. Никонъ писалъ въ 5 пунктѣ своихъ условій, что, когда онъ будетъ приходить

въ Москву, онъ ничего не будетъ дѣлать противнаго Божественнымъ канонамъ и безъ указа великаго Государя, безъ согласія своего брата и сослужителя Св. Патріарха Московскаго и Всея Россіи. Св. Синодъ отвѣтилъ, что Св. Патріархъ Никонъ, эксъ-Патріархъ Московскій, не долженъ будетъ называть правящаго Св. Патріарха Московскаго и всей Россіи своимъ сослужителемъ, но долженъ считать его и именовать своимъ Архипастыремъ, первосвятителемъ и главой и подчиняться ему во всемъ; безъ его воли и благословенія ни въ Москвѣ, ни въ другомъ мѣстѣ гдѣ либо онъ ничего не долженъ дѣлать что либо противное Божественнымъ канонамъ, ничего не дѣлать и по нимъ безъ его согласія и приказа; но долженъ дѣлать все по указу великаго государя и съ благословенія Св. Патріарха Московскаго и всея Россіи, какъ и другіе Епископы дѣлаютъ также съ его благословенія.

Никона обвиняли въ томъ, что онъ унижалъ Епископовъ въ личномъ обхожденіи съ ними. На это Никонъ говорилъ, „что они — всѣ братья, но есть и нѣкоторое различіе“, приводилъ при этомъ слова Апостола: „Иная слава солнцу, иная — лунѣ, иная — звѣздамъ, ибо и звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ“. Поэтому онъ въ обиходѣ патріаршій санъ не сводилъ до полнаго равенства съ Епископами (IV, 189). Епископы, привыкшіе къ такому равенству при слабыхъ предшественникахъ Никона, ждали того же отъ Никона и, обманувшись въ ожиданіяхъ, стали доказывать, что онъ не почиталъ ихъ братьями. Можно думать, что, признавая Епископовъ братьями во Христѣ Патріарху, какъ онъ и называлъ ихъ за литургіей, Никонъ различалъ, однако, въ Патріархѣ еще церковный санъ и государственнаго сановника; въ государственномъ строѣ Патріархъ еще болѣе выдѣлялся передъ Епископами своей близостью къ царю, какъ главѣ государства, и какъ первый государственный сановникъ, превыше всѣхъ бояръ — первое лицо въ государствѣ послѣ царя (Уголовный законъ охранялъ его честь наравнѣ съ царемъ).

Стрешневъ и Лигаридъ сдѣлали еще Никону упрекъ въ томъ, что онъ при возведеніи на Патріаршество былъ рукоположенъ во второй разъ и потому подлежитъ низверженію въ силу 68 Ап. правила, которое низвергаетъ вмѣстѣ съ посвящающимъ и посвящаемого за второе посвященіе, если только въ первый разъ возложенная рука не была еретической.

Отвѣты Никона на разные упреки ему.

Никонъ добавляетъ, что глосса поясняетъ, что Епископъ или клирикъ въ данномъ случаѣ низвергается, если онъ презрѣлъ свое первое посвященіе, а онъ своего посвященія въ Патріархи вовсе не искалъ и не желалъ, а что дѣйствительно при переводѣ Епископа на высшую каѳедру не слѣдуетъ переосвящать наложеніемъ рукъ. Однако, это сдѣлано не по презрѣнію къ первому посвященію и не его въ томъ вина, но таковъ былъ обычай, засвидѣтельствованный Вселенскими Патріархами. Патріархъ Іеремія Константинопольскій посвящалъ Митрополита Іова въ Патріархи въ третій разъ, ибо тотъ первый разъ былъ посвященъ въ Епископы Коломенскіе, а второй въ Митрополиты Московскіе, Патріархъ Гермогенъ былъ сначала посвященъ въ Митрополиты Рязанскіе, а потомъ во второй разъ въ Патріархи, также Митрополитъ Ростовскій, по свидѣтельству Патріарха Ѳеофана Іерусалимскаго, получившій второе возложеніе рукъ при посвященіи въ Патріархи. Такъ это свидѣтельствуется и въ Кормчей. Также Псковскій Архіепископъ Іоасафъ, такъ же сдѣлали со мной не по моему желанію, а по желанію возложившихъ на меня рукъ, слѣдовательно, надо низложить прежде всего Патріарха Іеремію Константинопольскаго за введеніе правила, а также и Патріарха Ѳеофана, а потомъ всѣхъ тѣхъ, кого они посвятили и окрестили. Такія обвиненія противъ Никона очень характерны: всѣ они производятъ такое впечатлѣніе, что ихъ искусственно отыскиваютъ, а при внимательномъ разсмотрѣніи Никонъ оказывался не при чемъ. Относительно каноническихъ обвиненій дѣло стоитъ такъ же, какъ уже оно стоитъ относительно его личныхъ обвиненій, сыпавшихся съ старообрядческой стороны и опровергнутыхъ съ большой подробностью Н. И. Субботинымъ въ статьѣ въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ (Т. XIX за 1860 г.)

О пожизненности Патріаршего сана.

До какого же срока связаны Архіереи послушаніемъ своему Патріарху? Никонъ разбираетъ этотъ вопросъ (I, 136) и утверждаетъ, что Константинопольскій Соборъ, утвердившій патріаршество въ Россіи, разрѣшаетъ возводить въ Патріархи другого лишь послѣ смерти перваго, а 16 правило I—II Собора въ Церкви Св. Апостоловъ никому ни подъ какимъ предлогомъ не позволяетъ посвящаться на каѳедру, Епископъ которой живъ. Отвергая наличность самаго факта своего отреченія отъ Патріаршаго престола 10 іюля 1658 г., не при-

зная канонической силы заочнаго суда подчиненныхъ ему Епископовъ, Никонъ никогда не признавалъ, чтобы поставленный имъ замѣститель на время его ухода могъ прекращать поминаеніе его имени и управлять патріархатомъ безъ всякаго сношенія съ нимъ и дѣйствовать, какъ настоящій Патріархъ, и чтобы вообще какой либо новый Патріархъ былъ поставленъ безъ всякаго его участія. „Я живъ, говоритъ онъ, и благодать Св. Духа со мной. Какъ могутъ поставить Патріарха безъ меня?" Онъ, какъ Первосвятитель, ставилъ Епископовъ и поставленныхъ безъ него послѣ его ухода онъ не признавалъ каноническими Епископами. Это право ставить Епископовъ, въ силу соборнаго акта объ учрежденіи патріаршества, принадлежало только Патріарху: Епископамъ принадлежало лишь участіе въ избраніи Епископовъ.

Никонъ о своемъ уходѣ въ Воскресенскій монастырь.

Уйдя отъ царскаго гнѣва, вѣрнѣе, отъ вмѣшательства въ церковное управленіе и обидъ бояръ и нарушеній клятвы царемъ и боярами, Никонъ оправдывалъ свой уходъ Евангельскими заповѣдями Христа Апостоламъ: „Если будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, отряхайте прахъ отъ ногъ своихъ и идите въ другой". Онъ считалъ себя въ правѣ вернуться на кафедру, когда найдетъ возможнымъ, ссылаясь на 17 Сардик. правило гласящее: „Если Епископъ низложенъ безъ основанія, насиліемъ или вопреки разуму, какъ если бы за исповѣданіе Православной вѣры, или за отстаиваніе справедливости и принужденъ терпѣть несправедливость, то онъ, какъ вѣрный и безупречный пастырь, можетъ жить въ другомъ городѣ, сколько окажется необходимымъ, пока онъ не будетъ въ состояніи вернуться и получить удовлетвореніе за нанесенную ему обиду" (IV, 336). Но я не уходилъ въ другую Епархію, къ другому стаду, какъ мы могли уйти, не подвергаясь за это порицанію, согласно этому канону въ теченіе всего этого времени, но я жилъ среди своего стада въ своей Московской епархіи". Никонъ обвиняетъ Епископовъ въ клятвопреступленіи и въ особенности Митрополита Питирима, своего замѣстителя, викарія царя и орудіе свѣтскаго господства, какъ онъ его называетъ (IV, 340). Никонъ приводитъ присягу, даваемую каждымъ Епископомъ при своемъ поставленіи, и говоритъ: "Въ каждомъ пунктѣ они ее нарушили. а) Они обѣщали, говоритъ онъ, слѣдовать Вселенскимъ Патріархамъ. Вселенскіе Патріархи постановили, чтобы быть въ Москвѣ патріаршеству согласно канонамъ Св. Апостоловъ и

Св. Отцевъ (34 Ап., 9 Ант.), и они установили, чтобы Епископы почитали Московскаго Патріарха, какъ своего главу, и безъ его согласія ничего не дѣлали (разумѣется чего либо чрезвычайнаго, выходящаго изъ обычнаго круга епархіальныхъ дѣлъ). Но они презрѣли это учрежденіе, не разспросивъ насъ о причинахъ нашего ухода, собрались и составили Соборъ во исполненіе приглашенія, исходившаго только отъ одного царя, вопреки канонамъ, какъ свидѣлствуютъ ихъ нечестивыя дѣянія. И потому они повинны передъ канонами Вселенскихъ Патріарховъ и своей клятвой. b) Они обѣщали повиноваться канонамъ, но нигдѣ въ канонахъ не написано, чтобы Епископы могли судить Митрополита, а тѣмъ болѣе Патріарха. Митрополитъ можетъ быть судимъ только своимъ Патріархомъ или Константинопольскимъ, а они вынесли приговоръ противъ своего Патріарха (Соб. 1660). c) Въ обязательствѣ написано, что они ничего не будутъ дѣлать по принужденію царя, бояръ или князей и множества народа, хотя бы имъ угрожали смертью, не будутъ служить, ни епископски дѣйствовать въ чужой епархіи. Все это извѣстно царю и боярамъ, ибо эта присяга произносится при царѣ и его синклитѣ. И самъ царь не могъ, соблюдая приличія, созывать ихъ грамотами на Соборъ безъ Патріарха. По 11, 12 Ант. пр., 8, 9 Сард., 104 и 106 Карф. клирикъ или Епископъ, идущій къ царю, помимо своего Митрополита, подлежитъ низверженію. Также и тотъ изъ нихъ, кто ищетъ царскаго суда, отклоняя судъ церковный. Царь же, хотя онъ долженъ былъ стыдиться этого, разослалъ Епископамъ призывныя грамоты не только **безъ содѣйствія ихъ Патріарха**, но даже сдѣлалъ это въ цѣляхъ сдѣлать изъ нихъ орудіе для **своего свѣтскаго** суда въ своемъ собственномъ дѣлѣ, противъ ихъ духовнаго отца, и они, вопреки своему обѣту и канонамъ, пошли на послушаніе царю (безъ Патріарха) и стали орудіями его воли. d) Въ то время какъ запрещено 16 пр. I—II Соб. и другими канонами кому бы то ни было захватывать кафедру Епископа, который живъ, царь при моей жизни приказалъ моему викарному Епископу — Крутицкому Митрополиту управлять Патріархіей, какъ своему церковному викарію, какъ если бы она была вакантна, безъ всякаго доклада Патріарху, безъ возношенія его имени (вопреки 13, 14 и 15 пр. I—II Соб.); получая приказъ отъ самого царя, какъ если бы царь былъ верховный епископъ и источникъ церковной юрисдикціи, — этотъ Соборъ дважды и трижды нарушалъ каноны и свою собственную епископскую клятву оправданіемъ и утвержденіемъ такого порядка, и все это по приказу царя. e) Не до-

вольствуются подчиненіемъ царскому указу, изданному безъ участія Патріарха, приказывавшему Митрополиту Крутицкому управлять Патріархіей по указу царя, они слѣдуютъ за боярами, которые просятъ и побуждаютъ царя положить конецъ и установить порядокъ созданіемъ новаго Патріарха; они изъявили готовность быть орудіями для выполненія этого, — въ то время какъ всякое избраніе Епископа, совершенное свѣтской властью, ничтожно (по 30 Ап. пр., 13 Лаод. и VII, 13) и всякій, получающій въ Церкви власть или кафедру черезъ свѣтскую власть, низвергается. f) Русскіе Епископы въ силу благословенія великихъ Патріарховъ и своего церковнаго установленія, создавшаго патріаршество Московское, имѣютъ власть только послѣ смерти своего Патріарха ставить новаго. И 16 пр. I—II Собора говоритъ о всѣхъ Епископахъ: „Ни подѣ какимъ предлогомъ никто не можетъ захватывать кафедры, Епископъ которой еще живъ". А я, какъ видите, живъ. Тотъ человѣкъ погибъ для вѣчной жизни, благодаря которому я вынужденъ былъ уйти. Повинуясь царю и боярамъ, они повинны передъ канонами и своей торжественной клятвой. И на нихъ исполнилось Писаніе, говорящее: „Онъ не возлюбилъ благословенія, и благословеніе ушло отъ него" (108 Псал. или 109). Они не возлюбили апостольскаго благословенія духовнаго начальника, но предпочли слѣдовать инициативѣ и приказамъ свѣтской власти. Они навлекли на себя всѣ анаѣмы Соборовъ и отцовъ и ихъ собственные заклятія противъ нихъ самихъ за ихъ собственное клятвопреступленіе; они окутались въ проклятіе, какъ человѣкъ окутывается плащомъ, и оно вольется подобно водѣ въ ихъ внутренности и въ ихъ кости подобно маслу. И если даже князь Апостоловъ Петръ говорилъ не изъ протеста, но только по недостатку вѣры: Пощади Себя, Господи, да будетъ далеко отъ тебя такое униженіе и страданіе, — то Божественный отвѣтъ былъ: Отойди отъ Меня, сатана, ибо ты восхотѣлъ не Божескаго, а человѣческаго. Такъ будетъ сказано о тѣхъ Епископахъ, которые нынѣ покинули насъ и предали, которые восхотѣли не Божескихъ вещей, а человѣческихъ, которые боялись, гдѣ не было мѣста для страха, и побѣждали туда", куда привелъ ихъ гнойный запахъ этого міра: грѣхъ душъ ихъ Богъ взыщетъ съ царя... А что касается Митрополита Крутицкаго, котораго царь и бояре и лжесоборъ нынѣ сдѣлали викаріемъ, орудіемъ и представителемъ ихъ узурпированнаго верховенства въ Церкви, то онъ подлежитъ низверженію и анаѣмѣ въ виду II Вс. Соб. 2 пр. и VII Вс. Соб. 1 пр. А по 10, 11, 12, Ап. пр. молящійся съ отлученнымъ или низложен-

нымъ самъ отлучается и низлагается, и по II Вс. Соб. 2 Прав. всѣ священники и діаконы посвященные такими, почитаются непосвященными и крещенные таковыми — некрещенными (14, 15 и 16 Ап. пр.), и ихъ нельзя называть христіанами. Равно всѣ Митрополиты, Архіепископы и Епископы и міряне, кто бы они ни были, за общеніе съ нимъ по св. канонамъ, низвергаются и отлучаются. И если онъ посвящаетъ кого либо по приказу царя въ Епископы, Архимандриты или игумены, то таковые и не избраны и не посвящены отъ Бога. Такимъ образомъ, не одинъ, но многіе Соборы Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ низвергають и предають анаѡемъ этого проклятаго человѣка — Митрополита Крутицкаго, который по истинѣ для Русской Церкви — мерзость заустѣнія. И мы, слѣдуя имъ, говоримъ: Есть и пусть будетъ такъ, какъ постановили Св. Отцы Вселенскихъ Соборовъ; кого они анаѡематствуютъ, того и мы также анаѡематствуемъ; и, кого они низвергли, того и мы низвергаемъ, и кого они отлучають, того и мы отлучаемъ, и кого они подвергаютъ наказанію, того и мы. Это не только противъ насъ и Св. Церкви возстаетъ этотъ незаконный человѣкъ, но противъ Самого Бога и всего множества Святыхъ. И пусть никто не удивляется долготерпѣнію Божьему, что Онъ еще не возсталъ на него Своимъ возмездіемъ за его нечестіе. Богъ воздастъ за всякую обиду въ день судный. Это слово непреложно и, хотя возможно, что въ этомъ мірѣ не придетъ быстро вслѣдъ за проклятіемъ воздаяніе, однако тогда оно исполнится въ болѣе страшномъ и вѣчномъ наказаніи. Такимъ образомъ, если я теперь отвергаю незаконнаго нарушителя Заповѣдей Божіихъ, и онъ не послушаетъ меня, то не останется безнаказаннымъ. За одно вторженіе священника или діакона или за совершеніе одного церковнаго акта въ чужой епархіи каноны абсолютно низвергають нарушителя и вмѣстѣ съ нимъ тѣхъ, кого онъ посвятилъ. Но насколько же больше подлежитъ наказанію тотъ, кто совершилъ много актовъ этого рода? Ибо о такихъ Богъ сказалъ: „Если твоя рука или твоя нога соблазняютъ тебя, то отсѣки ее и брось, ибо лучше для тебя съ одной рукой или одной ногой войти въ вѣчную жизнь, чѣмъ, имѣя двѣ руки и двѣ ноги, быть сброшеннымъ въ тьму, гдѣ червь не умираетъ и огонь не угасаетъ. И если такой членъ не отсѣчь, то необходимо все тѣло будетъ брошено въ мракъ" (IV, 337-342).

Анаѳема 1662 г. Митрополиту Питириму, блюстителю патріаршаго престола.

У Никона не осталось слово неисполненнымъ, и 16 февраля 1662 г. въ храмъ Воскресенскаго монастыря среди многочисленныхъ вѣчныхъ памятей и анаѳемъ одна изъ послѣднихъ гласила: „Питириму, который, безъ благословенія своего духовнаго отца, олицетворялъ въ вербное воскресеніе въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ Патріарха всея Россіи и даже Самого Христа и совершалъ такимъ образомъ духовное прелюбодѣянiе, который, будучи викарнымъ Епископомъ, отдѣлился отъ своего Патріарха и неканонически исключилъ его имя изъ молитвъ, который захватилъ власть надъ Церквами чужой епархіи по приказу лишь свѣтской власти и посвятилъ клирика не своей епархіи въ епископы по титулу мѣстности чужой епархіи и не лежащей въ предѣлахъ Московскаго патріархата, и сдѣлалъ это безъ Собора по приказу лишь свѣтской власти и синклита, который тѣмъ же актомъ захватилъ провинцію Вселенскаго Константинопольскаго престола, отъ котораго нынѣ зависитъ митрополичья Кіевская каѳедра, и это также по приказу одной свѣтской власти, и послѣ того, какъ его духовный отецъ, Патріархъ Московскій, нѣсколько разъ отказывался нарушать каноны, совершеніемъ этого или подобнаго акта, и послалъ по приказу свѣтской власти Епископа съ именемъ мѣстоблюстителя Кіевской каѳедры, Митрополитъ который былъ еще живъ, и мѣстоблюстителемъ не во имя Патріарха, которому она подчинена, а во имя той же свѣтской власти, благодаря которой онъ самъ дѣйствуетъ — (IV, 366, 367) — АНАѲЕМА".

Одновременно среди многихъ анаѳемъ послѣдовало и нѣсколько другихъ, связанныхъ съ рассматриваемой нами. Одна изъ нихъ гласила:

Анаѳема отрицающимъ особую природу духовной власти.

„Тѣмъ, которые отрицаютъ, что христіанскому священству дана отъ Бога отдѣльная и независимая власть учить и управлять Церковью, и которые говорятъ, что ея власть дана вполнѣ властью свѣтской или, по крайней мѣрѣ, должна осуществляться только по указаніямъ свѣтской власти и гражданскихъ законовъ, а не по священнымъ канонамъ и правиламъ Св. Отцовъ, подтвержденныхъ даже свѣтскимъ законодательствомъ прежнихъ благочестивыхъ и православныхъ греческихъ царей и русскихъ великихъ князей, — какъ говорящимъ противъ Святаго Духа и ищущимъ подчинить Духа Божія духу этого міра — АНАѲЕМА".

„Тѣмъ, которые прежде, чѣмъ Епископъ или Митрополитъ, или Патріархъ былъ обвиненъ передъ компетентнымъ судомъ за какое либо преступленіе, канонически испытанъ и найденъ виновнымъ и низвергнуть, отверглись отъ него или опустили его имя изъ обычныхъ церковныхъ молитвъ — АНАΘΕΜА.”

„Тому, кто захватываетъ управленіе какой либо Церковью черезъ свѣтскую власть или совершаетъ какой либо церковный актъ неканоническій изъ страха или подъ вліяніемъ свѣтскихъ правителей, или посвящаетъ Епископа самъ собой, или по приказу свѣтскихъ правителей, или захватываетъ какую либо кафедру или митрополичью провинцію или патріархатъ, непринадлежащій ему или самъ собой, или по приказу свѣтскихъ властей, или совершаетъ какой либо актъ неканоническій для чужой епархіи (IV, 366) АНАΘΕΜА.”

Во всѣхъ этихъ анаѳемахъ клеймится цезарепапизмъ, какъ вмѣшательство свѣтскихъ правителей, въ чисто церковную сферу, нарушеніе каноническаго строя управленія, и охраняется та сфера дѣйствія, которая и по существу своему по принципу принадлежитъ именно Церкви, та сфера, въ которой она, если и входитъ въ обсужденіе съ государствомъ, то во всякомъ случаѣ рѣшающій голосъ оставляетъ за собой. Здѣсь охраняется ученіе о независимомъ источникѣ церковной власти, охраняется строй іерархическаго порядка подчиненія, принципъ уваженія сферы дѣйствія другихъ Церквей, принципъ независимости власти церковной отъ власти свѣтской, все — такія начала, которыя были провозглашены Соборами и Святыми Отцами.

Отношеніе Никона къ церковнымъ Соборамъ

Мы видѣли, что историческая дѣйствительность привела въ Россіи къ сильной централизаціи церковнаго управленія, къ возвышенію Патріарха надъ Епископами, но эта централизація не доходила до упраздненія соборнаго принципа. Никонъ не только не подавилъ соборнаго принципа, но далъ ему расцвѣсти. Мы видѣли, что онъ, въ строгомъ соотвѣтствіи съ нимъ, училъ, что Епископа могутъ судить не меньше 12 Епископовъ, а для церковнообрядовой реформы онъ сначала созвалъ Соборъ 1654 г. для разрѣшенія вопроса о томъ, нужно ли исправленіе книгъ и обрядовъ, въ 1665 году онъ собралъ Соборъ для разсмотрѣнія произведенныхъ исправленій, а въ 1656 г. вновь собралъ Соборъ, на которомъ вновь подтверждались различные постановленія и утверждались исправленія.

О судѣ надъ Патріархомъ.

Его отказъ признать каноническимъ судъ Епископовъ надъ своимъ Патріархомъ имѣетъ свое основаніе въ томъ, что, хотя Патріархъ и равенъ Епископу по благодати священства, однако, онъ занимаетъ въ Церкви Вселенской высшее положеніе: онъ высшій предстоятель Помѣстной Церкви, и притомъ предстоятель, имѣющій преимущественное право голоса во Вселенской Церкви. Недаромъ создалась даже теорія пентархіи, которая помѣщала высшую власть въ сонмъ пяти Патріарховъ. О пятиглавой власти въ Церкви писалъ и Ѳеодоръ Студитъ по поводу компетенціи императоровъ въ церковныхъ дѣлахъ: „Нынѣ царствующій императоръ говоритъ, что онъ не будетъ судьей въ спорѣ. Ни мы, ни достославные наши Архіереи не допустимъ этого, какъ незаконнаго и чуждаго. Это и справедливо... Ибо здѣсь рѣчь не о мірскихъ и плотскихъ дѣлахъ, судить о которыхъ имѣетъ власть императоръ и мѣстный судъ, но о Божественныхъ и небесныхъ догматахъ, что ввѣрено не иному кому либо, а тѣмъ, кому сказалъ Самъ Богъ Слово: „Еже аще свяжете на земли, будетъ связано на небеси, а еже аще разрѣшите на земли будетъ разрѣшено на небеси". Кто же тѣ, кому это ввѣрено? Апостолы и ихъ преемники. Кто же эти преемники? Римскій нынѣ Первопрестольный, Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій. Это пятиглавая власть Церкви. Имъ принадлежитъ судъ о Божественныхъ догматахъ. Ѳеодоръ Студитъ пишетъ: если Патріархъ считаетъ Патріарха Никифора уклонившимся отъ истины, то пусть обѣ стороны пошлютъ въ Римъ (какъ требуютъ судьи), ибо таково правило: „Если уклоняется одинъ изъ Патріарховъ, то должно принять исправленіе отъ равныхъ ему, какъ говоритъ Божественный Діонисій". А принципъ суда равныхъ по положенію съ подсудимымъ — древній принципъ римскаго права, нашедшій принятіе и въ Церкви: *Ne quis non senatore de Romano senatore judicaret*. Св. Амвросій писалъ императору Валентиніану II: „Блаженной памяти отецъ твой не только устно высказалъ, но и закономъ утвердилъ, что въ дѣлахъ вѣры долженъ судить тотъ, кто должностью равенъ и правами не отличается отъ подсудимаго". Такъ дѣло обстоитъ о судѣ надъ Патріархомъ по взглядамъ Никона, и надо сказать, что эта точка зрѣнія усвоена и дѣйствующей русской церковной Конституціей, ибо ст. 10 опредѣленія Св. Собора отъ 8 Декабря 1917 г. гласитъ: „Самое преданіе суду Патріарха и судъ надъ нимъ совершаются Всероссійскимъ Соборомъ Епископовъ съ приглашеніемъ по воз-

можности другихъ Патріарховъ и представителей Автокефальныхъ Церквей". Здѣсь, хотя уже нѣтъ отголоска теоріи пентархіи и привлечены главы Автокефальныхъ Церквей, не носящіе патріаршаго титула, однако, приглашеніе всѣхъ ихъ подчеркиваетъ уже не помѣстное, а вселенское значеніе патріаршаго сана.

Никонъ пишетъ: „Патріархъ во образъ Христа, городскіе Епископы во образъ 12 Апостоловъ, а сельскіе Епископы во образъ 70 Апостоловъ;" однако, это обстоятельство не вноситъ различія по существу между Патріархомъ и Епископами, ибо Епископъ для своей Епархіи также дѣйствуетъ во образъ Христа, и лишь, поскольку Епископы являются передъ лицомъ Патріарха, постольку тамъ они уже перестаютъ быть во образъ Христа. Это сравненіе употребилъ и Лигаридъ (III, 7): „Епископъ во образъ Христа, когда онъ въ своей епархіи, но не тогда, когда они собираются вокругъ своего главы Патріарха, которому они подчинены. И Митрополитъ, посвященный Патріархомъ, есть какъ бы сынъ посвятившему его". Такъ самъ Лигаридъ, упрекавшій Никона въ томъ, что онъ обращается съ Епископами скорѣе какъ съ сыновьями, опредѣлилъ эти отношенія по образу сыновства, а не братства.

Никонъ склоняется къ теоріи пентархіи.

У Никона строй Церковный въ разныхъ іерархическихъ степеняхъ представляетъ такое же благочиніе и порядокъ, которое существуетъ между различными органами тѣла.

„Человѣческое изображеніе Творецъ и Владыко всего создавый главу яко порядку и всѣхъ удъ преизящнѣйшую на высокому и благообразному мѣстѣ тѣла водрузи и 5 чувствами украси: зрѣніемъ всѣхъ лучшимъ, слышаніемъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ; меньшіе же уды — руки, ниже причины и по сихъ вся уды даже до ногъ „устрой". Правителя же сихъ, умъ, души совершеніе, постави правити и устроить тѣлесное смѣшеніе. Отъ него же свѣдушіи и мудріи вину пріемше, положиша и въ общемъ человѣческаго естества состояніи чины различные вельможныхъ начальниковъ, князей и прочихъ достольныхъ достоинствъ, да благочинно человѣческая дѣются, а не неправильно. Идѣже бо начало ту и благочиніе, а безначаліе есть вина несогласія и разрушенія. Тому же всячески и благочиніемъ и красотой подобаше, убо быти и въ церковномъ благолѣпії, яко сущемъ и мірскаго причту лучшемъ и наипаче подобаетъ имѣти благочинное и краснѣйшее управленіе". Если все въ

церковномъ порядкѣ должно быть стройно и согласно, то и іерархическая лѣстница разныхъ степеней должна завершаться въ одной личности — Патріархѣ, на котораго, какъ на главу, возлагаются прерогативы чести и власти, „якоже въ единѣмъ тѣлѣси уди мнози, уди же не вси тожде имуть дѣлати; но глава и очи честнѣйшіе есть“.

Мы видимъ, что у Никона Патріархъ является верховнымъ начальнымъ Епископомъ, избираемымъ Епископами и пожизненно несмѣняемымъ; лишь смерть или судъ могутъ лишить его каѳедры, какъ и всякаго Епископа. „Нелѣпо прежде смерти иному быть Архіерею на живое мѣсто“. **Онъ возвышается надъ ними, ибо онъ входитъ въ число Патріарховъ, которымъ принадлежитъ пятиглавая власть въ Церкви.**

На это указываетъ и помѣщеніе въ началѣ Кормчей статьи о Римскомъ отпаденіи, въ которой говорится, что Святые Отцы преемники Апостоловъ пожелали, чтобы въ Римѣ вмѣсто двухъ князей Апостоловъ Петра и Павла былъ Папа Римскій и за нимъ четыре Восточныхъ Патріарха въ образъ четырехъ Евангелистовъ (I, 653). Выше Патріарховъ только полный, Вселенскій Соборъ, который является лишь чрезвычайнымъ органомъ власти. Всѣ права, которыя принадлежатъ Епископу, принадлежатъ не въ меньшей мѣрѣ и Патріарху. Если Епископъ несмѣняемъ, то несмѣняемъ и Патріархъ, иначе какъ по суду. Патріархъ можетъ отречься отъ осуществленія своихъ правъ по патріаршеству, но не можетъ быть устраненъ никѣмъ безъ каноническаго суда всѣхъ Патріарховъ. „Если Патріархи имѣютъ полномочія отъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго, то я буду отвѣчать“, — сказалъ Никонъ на первомъ же засѣданіи суда 1 декабря 1666 г., а, когда усумнился въ ихъ наличіи, отказался отвѣчать.

Объ уходѣ Никона въ Воскресенскій монастырь.

Но какъ примирить ученіе Никона о несмѣняемости Патріарха съ его уходомъ съ каѳедры, продолжавшемся 8 ½ лѣтъ? Вѣдь, есть каноническое правило, запрещающее Епископу отсутствовать въ своей Епархіи болѣе 6 мѣсяцевъ, и какъ квалифицировать канонически этотъ уходъ? Какъ понять его? Мы совершенно несогласны съ обычнымъ сужденіемъ объ этомъ уходѣ, какъ проявленіи гордости Никона вслѣдствіе частной обиды его царемъ (неудовлетвореніе за побитіе царскимъ окольничьимъ посланнаго Никономъ) и проявленіи его самовластія въ государствѣ. Мы рассматриваемъ его уходъ, какъ

средство архипастырскаго воздѣйствія на царя, съ цѣлью понудить его прекратить противоканоническое отношеніе къ церковному строю, созданному церковными законами, укрѣпленными всѣми его предшественниками. Этотъ уходъ по своей природѣ понять большинствомъ изслѣдователей, какъ отреченіе отъ патріаршаго престола, чуть ли даже не отъ епископскаго сана. Между тѣмъ, новыя данныя, на которыя обратили вниманіе Гюббенетъ, проф. Николаевскій и Пальмеръ заставляютъ признать, что природа этого ухода была совершенно иная. Еще Гюббенетъ установилъ, что Никонъ пытался вернуться на Патріаршій престолъ не только въ декабрѣ 1664 года, но еще и другой разъ, раньше въ декабрѣ 1662 года; о томъ, что происходило 10 іюня 1658 года въ Успенскомъ соборѣ послѣ литургіи, до сихъ поръ судили по свѣдѣніямъ и показаніямъ, даннымъ на судѣ 1660 г., а изслѣдованія Николаевскаго и Пальмера показали, что этимъ свидѣтельскимъ показаніямъ, нарочито подобраннымъ, вѣрить нельзя, какъ вражескимъ и тенденціознымъ; открыты и переговоры Никона съ Соборомъ Русскихъ Архіереевъ въ январѣ 1665 г., изъ которыхъ видно, что самъ Соборъ не считалъ Никона отрекшимся, ибо входилъ съ нимъ въ обсужденіе объ условіяхъ предстоящаго отреченія. Всѣ эти событія и высказанныя Никономъ сужденія проливаютъ новый свѣтъ на взглядъ Никона на патріаршество и на средства борьбы за осуществленіе канонической правды. **Уходъ Никона является центральнымъ фактомъ его патріаршества и требуетъ особаго разсмотрѣнія.** Эта борьба ставитъ Никона по силѣ характера наравнѣ съ великими Папами Григоріемъ VII, Иннокентіемъ III, но только по силѣ характера, а идеалы и средства борьбы совершенно различные. Никонъ никогда не стремился господствовать въ государствѣ, никогда не смѣшивалъ государственныхъ функцій, возлагаемыхъ на Патріарха царемъ, съ его церковными функціями; во всѣхъ его словахъ и сочиненіяхъ ни разу не встрѣчается ни малѣйшаго не только желанія, но и намекъ на желаніе осуществить господство въ свѣтской сферѣ. Онъ только ограждалъ ту церковную компетенцію, которую считалъ присущей Церкви въ силу ея существа, отъ властнаго вмѣшательства государственныхъ органовъ и въ этомъ идеи его могутъ сравниться съ идеями Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина, Θεодора Студита, Григорія Богослова, Амвросія Медиоланскаго и другихъ Св. Отцовъ Церкви. Когда Никонъ говорилъ, что, хотя онъ русскій, а по вѣрѣ грекъ, то въ отношеніи къ его ученію о патріаршествѣ это положеніе требуетъ поправки, что онъ въ

ученіи слѣдоваль не современнымъ ему грекамъ — цезарепапистамъ, а греческимъ Святымъ Отцамъ золотой эпохи. Въ отношеніи къ патріаршей должности Никонъ хотѣлъ создать именно ту устойчивость, которой грекамъ не удавалось создать въ Византіи, и которая была ею совершенно утрачена у нихъ во времена турецкаго владычества¹. Никонъ усвоилъ себѣ идеаль Патріарха, который прежде всего Божій слуга, имѣющій свои права въ Церкви не отъ царя, а отъ закона церковнаго и полагающій назначеніе свое въ осуществленіи той истины и правды, которая исходили отъ того высшаго царя, котораго знаетъ Патріархъ, Царя Небеснаго. Но Патріархъ — не царь, и свѣтскихъ полномочій, какъ таковой, не имѣетъ; напимѣрь, государственное регентство дается и отбирается царемъ. Церковныя же полномочія Патріархъ имѣетъ отъ Вселенскихъ законовъ Церкви.

¹ Вотъ, напимѣрь, списокъ Константинопольскихъ Патріарховъ въ половинѣ XVII вѣка. Парѣеній I, 1639-1642.

Парѣеній II 1644-1645.

Іоаннъ II 1646-1648.

Парѣеній II (3 разъ) 1648-51.

Іоаннъ II (2 разъ) 1651-1652.

Кириллъ III 1652.

Аѳанасій III (2 разъ) 1652.

Паисій I 1652-1653.

Іоанникій II (3 разъ) 1653-54.

Паисій I (2 разъ) 1654-1655.

Іоаникій II (4 разъ) 1655-56.

Парѣеній II 1656-1657.

Гавріиль II 1657.

Парѣеній IV 1657-1662.

Діонисій III 1662-1665.

Парѣеній IV (2 разъ) 1665-1667.

Климъ 1667.

Меоодій III 1668-1671.

Парѣеній IV (3 разъ) 1671.

Діонисій IV 1671-1673.

Герасимъ II 1673-1675.

Парѣеній IV (4 разъ) 1675-1676.

Онъ же былъ въ пятый разъ въ 1684 г.

Стр. 303, I, Исторія Греко-Восточной Церкви Лебедева.

Никонъ и охранялъ только тѣ полномочія, основы для которыхъ онъ находилъ во вселенскихъ канонахъ, а равно и тѣ, которыя подтверждены царями въ духѣ этихъ каноновъ изъ усердія къ ихъ выполнению (I, 299). „И мы не наносимъ обиды царю и не называемся царями. Какъ я есмь, что есмь, такъ и царь есть то, что есть, хотя иные подражаютъ евреямъ, ибо какъ они, отвергая Христа, нашего Спасителя, кричали: „мы имѣемъ только одного царя — Цезаря“; такъ и они кричатъ: „митрополитъ Крутицкій дѣлаетъ также хорошо“. Когда царь дѣлаетъ земельныя пожертвованія на церковь и монастыри, Никонъ не склоняется передъ этими щедротами (I, 238), ибо „царь получаетъ за это награду отъ Бога во стократъ“. И за это Никонъ не считаетъ нужнымъ особо почитать царя, но онъ почитаетъ его, какъ власть, установленную Промысломъ Божиимъ для наказанія злыхъ и награжденія добрыхъ, т. е. власть выполняющую свое назначеніе. Неоднократно говорилъ Никонъ про титулъ великаго государя: „Мы не сами его приняли и не вмѣшивались въ государственныя дѣла“ (изъ письма къ Константинопольскому Патріарху Діонисію). Патріархъ выше всякаго посторонняго вліянія: „Мы иного законоположника не знаемъ кромѣ Христа, Иже даде Святымъ Своимъ ученикамъ власть вязать и рѣшить. Мы, говоритъ Никонъ, не своей властью вяжемъ, но Божіей благодатью, данной намъ отъ Пресвятого и Животворящаго Духа. Кто сіе глаголетъ? Самъ Небесный Царь. Что есть свидѣтельство большее? Мы отъ Бога есмы“. Послушаніе есть выше жертвы, и Никонъ ставитъ его въ главу Церковнаго зданія, цитируя слова Спасителя: „Иже васъ послушаетъ, послушаетъ Меня, а слушающій Меня, слушаетъ Пославшаго Меня, а отвергающій васъ отвергаетъ Меня, а отвергающій Меня отвергаетъ Пославшаго Меня“.

Когда Осипъ Сукинъ, присланный къ Никону, заявилъ, что, если Никонъ не будетъ отвѣчать по дѣлу, то государь дастъ рѣшеніе согласно показаній Боборыкина и Сытина и пришлетъ стрѣльцевъ для его исполненія, то Патріархъ Никонъ сказалъ, что „не боится угрозъ царя, ибо Никонъ имѣетъ своего Царя Господа Иисуса Христа, Который сказалъ: не бойтесь убивающихъ тѣло, но не могущихъ убить души, но бойтесь того, кто, убивши тѣло, имѣетъ власть ввергнуть въ адъ (I, 584). Патріархъ — слуга Божій, слуга Св. Церкви; онъ не имѣетъ и своихъ имуществъ; всѣ слободы, крестьяне — все Божіе наслѣдство. Патріархомъ можетъ быть то одинъ человѣкъ, то другой,

но Богъ есть и будетъ всегда; Онъ неизмѣняемъ и Его наслѣдіе вѣчно" (I, 541).

Никонъ возвышаетъ власть патріарха надъ отдѣльными архіереями, но не надъ Соборомъ. О соборахъ.

Ставя власть патріарха въ чисто церковныхъ дѣлахъ, законодательство по коимъ принадлежитъ церковной власти по благодати Святаго Духа, совершенно независимо по источнику отъ свѣтской власти; поднимая патріарха надъ архіереями, если и не по степени священства, то, по крайней мѣрѣ, по степени общихъ административныхъ полномочій для помѣстной Церкви, гдѣ безъ него никто не можетъ получить рукоположеніе, и вознося патріарха черезъ участіе въ высшей пятиглавой власти Церкви (пяти патріарховъ), — Никонъ, однако, не дѣлалъ патріарха единоличнымъ законодателемъ и управителемъ въ помѣстной Церкви. Онъ признавалъ принципъ соборнаго рѣшенія церковныхъ дѣлъ и это показалъ на дѣлѣ, когда созывалъ Соборы 1654, 1655 и 1666 г. для церковнообрядовыхъ реформъ. Кромѣ того, при русскихъ патріархахъ для обычныхъ дѣлъ, превышающихъ единоличную компетенцію первосвященника (напримѣръ, для суда надъ архіереями) былъ Соборъ изъ прилучившихся въ Москвѣ архіереевъ, которые періодически, хотя и не въ систематическомъ порядкѣ, вплоть до второй половины XVII вѣка, вызывались въ Москву. Порядокъ вызова установленъ только во второй половинѣ XVII в.

О Соборѣ 1660 г.

Эти Соборы бывали и при Никонѣ, какъ обычное до него создавшееся явленіе, и они не вызываютъ особаго какого либо интереса въ смыслѣ изученія отношеній Никона къ соборной власти. Но это отношеніе можно выяснитъ на отношеніи Никона къ чрезвычайному Собору въ февралѣ 1660 г., ибо онъ былъ подвергнутъ Никономъ всесторонней критикѣ. Въ это время Никонъ былъ уже полтора года жителемъ Воскресенскаго монастыря; мало того, онъ осенью 1659 года уѣхалъ на сѣверъ въ Иверскій и Крестный монастыри, получивши предварительно на то разрѣшеніе царя, въ бытность свою въ Москвѣ въ августѣ 1659 года. Соборъ этотъ созванъ былъ царемъ, безъ соглашенія съ патріархомъ, для суда надъ нимъ, безъ его приглашенія, послѣ того, какъ въ августѣ 1659 г. царь лично принималъ Никона въ присутствіи синклита, какъ патріарха, вмѣстѣ со всей семьей, принимая отъ него благословеніе Никона допросили че-

резъ стольника Пушкина, посланнаго къ нему въ Крестный монастырь во время самого суда, не провѣривъ допросъ свидѣтелей относительно его ухода его собственными личными показаніями. Этотъ судъ, хотя и не приведенный въ исполненіе, послужилъ однако основой, отъ которой исходилъ окончательный судъ Восточныхъ патріарховъ въ декабрѣ 1666 г., ибо этотъ судъ 1660 г. установилъ фактъ отреченія Никона и составилъ два мнѣнія, изъ которыхъ ни одно не было приведено въ исполненіе въ силу неутвержденія царемъ. Одно низвергало Никона изъ патріаршества, лишало его всякаго епископскаго достоинства, запрещало отнынѣ ему надѣвать епископскія одежды и совершать епископскіе акты (IV, 244). Другое мнѣніе Епифанія Славинецкаго гласило, что отказъ отъ каѳедры вовсе не влечетъ низверженія изъ священства. Хотя онъ и соглашался, что можно избрать другого патріарха, но лишать Никона епископскаго сана считалъ недопустимымъ и отказался отъ перваго мнѣнія въ виду того, что былъ введенъ въ заблужденіе неправильно цитированнымъ 16 пр. Двукратнаго Собора. Полоцкій архимандритъ Игнатій заявилъ, что осудить патріарха нельзя безъ Константинопольскаго и другихъ Восточныхъ патріарховъ; весь матеріаль суда съ допросами свидѣтелей послужилъ однимъ изъ основаній для рѣшенія дѣла въ 1656 г. Уже не было повторено того допроса свидѣтелей, да многихъ изъ нихъ уже не было и въ живыхъ. Такимъ образомъ, судъ 1660 г. хотя для личнаго status патріарха Никона самъ по себѣ не имѣлъ никакого юридическаго значенія, и съ Никономъ и послѣ, въ 1665 г., велись и впослѣдствіе переговоры, какъ съ патріархомъ, и на судъ 1666 года вызывали его, какъ патріарха, однако зафиксированныя на Соборѣ 1660 г. свидѣтельства объ уходѣ патріарха Никона уже не просматривались вновь, хотя самъ Никонъ заявилъ на судѣ 3 декабря 1666 года, что показанія объ его отреченіи отъ патріаршества лживы („это на меня затѣяли“), а современныя изслѣдованія порядка допроса свидѣтелей и способа его, и качествъ свидѣтелей, въ смыслѣ ихъ заинтересованности, вполне подтвердили отзывы самого Никона. Въ этихъ сужденіяхъ Никона можно видѣть и его пониманіе соборнаго принципа управленія вообще, т. е. объ условіяхъ канонической дѣйствительности Церковныхъ Соборовъ вообще, и въ частности 6 нормахъ судопроизводства въ церковномъ процессѣ. Общій экстрактъ его сужденій, приведенныхъ Пальмеромъ въ IV томѣ (226—336 стр.), мы и представимъ. Псал. II, 1-3:

„Зачѣмъ возмущаются народы и племена, замышляютъ тщетное? Возстають цари земные, и вельможи совѣщаются вмѣстѣ противъ Господа и противъ Помазанника Его: расторгнемъ узы ихъ и свергнемъ съ себя верви ихъ". Кто же это возмущается и замышляетъ тщетное? Не тѣ ли князья и бояре, которые съ незаконными Епископами окружають царя и собираются вмѣстѣ противъ Бога и противъ Христа? Т. е. противъ Евангелія, которое говорить: Истинно говорю вамъ: кого свяжете на землѣ, будетъ связанъ на небеси, и кого разрѣшите на землѣ, будетъ разрѣшенъ на небеси". А также: „Идите и крестите всѣ народы, уча ихъ соблюдать все, что Я приказалъ вамъ, и вотъ, Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка". И опять: „Гдѣ двое или трое соберутся во Мое, тамъ Азъ есмь посреди нихъ". Но они теперь говорятъ: **расторгнемъ узы и сбросимъ съ себя иго ихъ, т. е. не будемъ внимать канонамъ и порицаніямъ патріарха, и сбросимъ съ себя его наставленія.** Соберемся неканонически, какъ раньше, не во имя Христа, а во имя царя. Мы тѣ, которые имѣють право сказать: кто нашъ господинъ? Противъ такихъ псалмовъ говорить: „Живый на небесахъ осклабится, Владыка посмѣется надъ ними (Псал. 2, 4). „Какъ можно говорить, что главная забота царя — управление Церковью? Развѣ царь — глава Церкви? Нѣтъ, глава Церкви — Христосъ; царь не глава и не можетъ быть главой Церкви, но одинъ изъ ея членовъ. **Вслѣдствіе этого онъ не можетъ ничего дѣлать въ Церкви, даже относящагося къ должности простого чтеца или клирика.** А если теперь, вопреки волѣ Божіей, царь дѣйствуетъ силой, совершаетъ насилія надъ церквами, отнимаетъ права и собственность ихъ и судить Епископовъ, архимандритовъ и весь священный духовный чинъ, онъ будетъ за это судимъ словомъ Христа, которое будетъ судить въ день судный. **Гдѣ слова Христа, что царь долженъ имѣть власть надъ Церковью?** Христосъ сказалъ: Вся власть дана Мнѣ на небеси и на земли". И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Кого вы свяжете на земли, тотъ будетъ связанъ на небеси". **Но кому дана такая власть?** „Святымъ Апостоламъ и за ними ихъ преемникамъ Епископамъ, а не царямъ. Царю вручены дѣла мірскія, а мнѣ дѣла небесныя, царю вручены тѣла, а священнику души". Далѣе слѣдуютъ цитированныя нами опредѣленія различія царской и священнической власти... „Пусть всякій живетъ въ своемъ чинѣ и не нарушаетъ установленій, которыя отъ Бога.

Правила церковныя о созывѣ Соборовъ и нарушеніе ихъ въ 1660 году.

„Но, не уважая всѣхъ этихъ Божественныхъ предписаній, какъ онъ дѣлалъ раньше, и не уважая прежнихъ установленій царей и великихъ князей и примѣра своего отца и гнѣваясь на насъ безъ причины только за то, что мы твердо стоимъ за каноны, царь сталъ сначала противъ насъ гонителемъ, а потомъ обвинителемъ, свидѣтелемъ судьей въ своемъ дѣлѣ, приказалъ съѣхаться и собралъ лжесоборъ и провелъ рѣшеніе противъ патріарха черезъ подчиненныхъ ему Епископовъ. Но нынѣ нѣтъ такихъ каноновъ, чтобы цари могли созывать Соборы и въ особенности для того, чтобы проводить тамъ свои дѣла. Если вѣрно, что въ древности Соборы созывались благочестивыми царями, то это дѣлалось путемъ просьбы (къ царской власти) и ходатайства, а не властнымъ велѣніемъ, которое теперь практикуется (Точку зрѣнія Никона раздѣляетъ и теперь большинство канонистовъ: Епископъ Іоаннъ Смоленскій, Кургановъ, Прокошевъ, Бердниковъ, Лапинъ, Барсовъ и др., вопреки Суворову и Каптереву). Никонъ оспаривалъ цезарепапистскую точку зрѣнія царя и бояръ, вдохновляемую Паисіемъ Лигаридомъ. Самъ Паисій Лигаридъ въ своей History доказываетъ свою точку зрѣнія цезарепапизма (III, 135—140): „Императоры де сами созывали Соборы, председательствовали на нихъ и утверждали своей подписью“, но Лигаридъ не вникаетъ въ юридическую природу и значеніе этихъ актовъ. Этотъ вопросъ, по его словамъ, разбирался въ Москвѣ послѣ пріѣзда двухъ патріарховъ въ Москву до суда надъ Никономъ, слѣдовательно, въ ноябрѣ 1666 г., гдѣ Лигаридъ и проводилъ свою теорію.

Никонъ о соборѣ 1660 года и о признаніи его патріархомъ послѣ ухода.

Исходя изъ требованій каноновъ, гдѣ объ участіи царя въ Соборахъ нигдѣ не говорится, а участіе ихъ тамъ надо понимать въ смыслѣ внѣшняго содѣйствія, а не интегральнаго участія на равныхъ правахъ съ Епископами, Никонъ говоритъ, что, „если кто созываетъ Епископовъ неканонически, то такіе Соборы не истинные Соборы, но лжесоборы, соборища или синагоги. Ибо Господь сказалъ: „Гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое (а не во имя свѣтской власти), тамъ Я — среди нихъ“. Это касается собранія, которое недавно было въ Москвѣ, которое царь созвалъ, — ибо мы не хотѣли быть патріархомъ подъ его властью, — чтобы отмстить намъ за наше отшествіе и рѣшать по его указаніямъ, то его считаемъ абсолютно ни

во что; это такой же Соборъ, который былъ противъ Василія Великаго по приказу правителя, противъ Григорія Богослова, по приказу Валента, противъ Іоанна Златоуста по приказу царицы Евдокіи, и противъ нашего митрополита Филиппа по приказу царя Ивана. **Поистинѣ, изъ за царскаго гнѣва стало невозможно намъ жить, развѣ что подчиниться и стать слугами его воли и воли боярѣ, вопреки закону Божиему и канонамъ.** Царь говоритъ: онъ ушелъ по своей волѣ самъ собой. Но, вѣдь, и всѣ святые, уходившіе отъ злобы ихъ враговъ и скрывавшіеся, начиная отъ Самого Христа, уходили по собственной волѣ. Мы жили послѣ нашего отшествія въ нашемъ Воскресенскомъ монастырѣ болѣе года, и царь не спрашивалъ все это время о вакантности патріаршаго престола, ибо хорошо зналъ о причинѣ нашего ухода. И когда мы снова были въ Москвѣ (августъ 1659 г.) и личную бесѣду имѣли съ нимъ, онъ ни слова объ этомъ не говорилъ, не сдѣлалъ даже намека на наше отшествіе, но принялъ насъ, какъ еслибы мы продолжали жить въ Москвѣ такъ, какъ обычно было принимать патріарха, посадилъ насъ на мѣсто, соотвѣтствующее патріарху; это извѣстно всѣмъ присутствовавшимъ. И царь, и царица, и царевичъ, и царевна, всѣ приняли отъ насъ благословеніе, также и всѣ бояре. Никто не упрекалъ насъ за это. Спустя одинъ годъ и два мѣсяца мы, ради заботъ о матеріальномъ поддержаніи, отправились изъ Воскресенскаго въ нашъ Иверскій монастырь и оттуда въ Крестный и тамъ жили годъ. И когда мы тамъ жили, спустя полтора года послѣ нашего отшествія царь поставилъ единоличнымъ своимъ приказомъ созвать духовныхъ сановниковъ и русскихъ и греческихъ, проживавшихъ въ Москвѣ. И онъ объяснялъ имъ наше отшествіе по своему, какъ ему вздумалось, а объ обстоятельствахъ, дѣйствительно съ нимъ связанныхъ, онъ умолчалъ совершенно. Но онъ озаботился, чтобы нѣкоторыя ложныя показанія были записаны со словъ нѣкоторыхъ людей, жившихъ во дворцѣ, и отъ нѣкоторыхъ изъ духовенства и, побуждая однихъ милостями и щедротами, а другихъ страхомъ, онъ вынудилъ ихъ всѣхъ назвать это мое свидѣтельство добровольнымъ отреченіемъ отъ кафедры.

Никонъ объ отсутствіи своего отреченія отъ кафедры.

Ибо съ многими угрозами они воздѣйствовали на нихъ и вынудили показывать такъ, какъ велѣлъ царь. И онъ отправилъ въ патріаршую Крестовую палату собраніе этихъ показаній, приготовленныхъ по его вкусу. Не написано, кто спрашивалъ каждого

свидѣтеля, но надо полагать, что самъ царь или кто либо изъ бояръ за него ихъ спрашивалъ и руководилъ допросомъ. Не написано, въ исполненіе какого канона Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ такъ было сдѣлано. Всѣмъ Епископамъ, архимандритамъ и игуменамъ онъ раздавалъ свои царскіе подарки, чтобы побудить ихъ подписать противъ меня собственноручно, чтобы намъ не быть болѣе патріархомъ (т. е., чтобы считать насъ какъ бы уже низложеннымъ). И они подчинились царской волѣ, согласно его указу, **не проявивъ никакой заботы допросить противную сторону**, и не пригласивъ меня явиться, и не испросивъ отъ меня объясненія отвѣта, они составили обо мнѣ рѣшеніе совершенно неправильное. Они всѣ подписались собственноручно противъ меня, вопреки преданіямъ Святыхъ Отцовъ, и въ особенности вопреки 16 пр. I—II Соб., которое они и приводили противъ меня. Все это извѣстно всему царству.

Церковное правило о созывѣ соборовъ.

Но, если мы посмотримъ въ каноны относительно созыва Соборовъ, то въ 37 Ап. пр. постановляется, что Епископы должны время отъ времени собираться ради церковныхъ дѣлъ по вопросамъ ученія и рѣшенія сомнительныхъ и трудныхъ дѣлъ. Это правило постановляетъ, чтобы Епископы сами собирались, **но не устанавливаетъ, чтобы царь ихъ собиралъ**. Одинаково и Первый Вс. Соб. 5 пр.; 2 (20) Ант.; 39 Лаод.; 30 (18) Карф.; VI, 8 и VII Вс. Соб. 6. Во всѣхъ одинаково говорится, что **Епископы собираются**. И объ этихъ Соборахъ, которые составляются канонически по правиламъ 37 Ап. и 16 и 20 Ант., далѣе сказалъ, что незаконно никому составлять этотъ Соборъ безъ Епископа, занимающаго митрополичью каѳедру. И 39 Лаод. правило повелѣваетъ Епископамъ собираться въ томъ мѣстѣ, которое опредѣлитъ митрополитъ. И 19 пр. Халк. говоритъ, что Епископы должны собираться въ мѣстѣ, указанномъ митрополитомъ, а не царемъ. Также и 95 Карѳаг. правило: „Когда окажется нужда въ собраніи общаго Собора, всѣ Епископы должны посылать посланія тому, кто занимаетъ первую каѳедру, и какое бы мѣсто онъ ни избралъ для ихъ Собора, они должны собираться тамъ". 6 правило VII Вс. Соб. говоритъ, что всѣ Епископы, игнорирующіе требованія своего митрополита, подвергаются церковнымъ наказаніямъ, и Тит. 8 гл. 8 Новелль Юстиніана: „Митрополиты должны собираться къ патріархамъ, а епископы къ ихъ митрополитамъ". Въ постановленіи Константинопольскаго Собора 1593 года объ учрежденіи

патріаршества въ Россіи постановлено, по предложенію Александрійскаго патріарха Мелетія Пигаса, всѣмъ Соборомъ, что кафедрѣ Московскій долженъ отнынѣ почитаться патріаршей кафедрой, ибо городъ почтенъ быть столицей государства, что онъ имѣетъ преимущества передъ всѣми епископами, митрополитами и епископами всей Православной Каѳолической Церкви, и что онъ долженъ быть главой этой провинціи Московскій, всея Россіи и сосѣднихъ странъ, — и быть признана таковой въ соотвѣтствіи съ 34 Ап. Правилѣмъ.

Никонъ о дѣятельности Собора 1660 г.

„А что касается того Собора, который недавно былъ въ Москвѣ, то его можно назвать не только іудейской синагогой, но и діавольской, такъ какъ онъ былъ созванъ не по канонамъ, а по единоличному приказу царя, и затѣмъ во все время соборной процедуры Епископы дѣйствовали только по приказу царя, дѣлая все по его волѣ. Это было все тамъ написано въ дѣяніяхъ самого Собора и засвидѣтельствовано подписями его членовъ съ призываніемъ во свидѣтельство Евангелія, какъ тамъ написано собственными словами". Никонъ дѣлаетъ далѣе ссылки на дѣянія Собора и показываетъ порядокъ обсужденія на немъ дѣла, подтверждающій его слова о вмѣшательствѣ царя и руководство имъ всего Собора черезъ боярина Петра Михайловича Салтыкова.

Никонъ о неправильности пониманія Соборомъ 1660 г. природы его ухода и о неправильномъ примѣненіи канонѣвъ.

Никонъ разбираетъ каноны, которые были собраны на соборѣ для рѣшенія, и показываетъ неправильное ихъ примѣненіе. „Всѣ они имѣютъ въ виду уходъ съ кафедрѣ епископа, а не патріарха, а 9 правило IV Вселенскаго собора не позволяетъ даже митрополиту судить другого митрополита, но таковой подлежить суду своего патріарха или патріарха Константинопольскаго" Также устанавливаются и 57 и 58 главы кодекса Новеллъ. Но они въ своемъ приложеніи выписали каноны и постановленія гражданскихъ законовъ, относящіеся только къ епископу, а никакъ не къ патріарху. Простой епископъ по 12 Карѣ. **не можетъ быть судимъ безъ вызова на судъ; затѣмъ необходимо, чтобы обвиненіе противъ епископа было доказано компетентными свидѣтелями, и только послѣ этого онъ можетъ быть осужденъ и наказанъ, какъ того заслуживаетъ доказанное противъ него преступленіе. Такъ даже простой епископъ не можетъ**

быть судимъ безъ троекратнаго вызова. Епископы подлежатъ суду патріарха какъ и всѣ митрополиты. (9 пр. IV Вс. соб.). Но о **патріархѣ нигдѣ не сказано, чтобы онъ могъ судиться своими епископами.** Объ участіи же въ этомъ судѣ Лигарида Никонъ говоритъ особо. Въ одномъ мѣстѣ Никонъ обращается къ нему: „Кто тебя поставилъ судить на мѣсто Бога и осуждать патріарха? И откуда ты? И по какому закону ты становишься надъ нами судьей и говоришь: такъ не поступали патріархи съ сынами своими. Но какъ ты можешь, не будучи отцомъ отцовъ, ставить законы для отца отцовъ? Каноны святыхъ отцовъ не позволяютъ никому судить рѣшеніе патріарха, не только они не позволяютъ всякому пришлому иноземцу, но даже и всѣмъ епископамъ" (I, 520). И какъ иначе можно назвать такое собраніе, какъ не соборище, когда они наперекоръ всѣмъ канонамъ, имѣющимъ въ виду простого епископа, пытались осудить меня и не спросили меня ни относительно моего отшествія, ни вызвали меня къ суду, какъ епископа, согласно 74 Ап. пр.

Никонъ о природѣ своего ухода.

Пр. 16, I—II Соб. гласить: „Если какой либо епископъ оставить свою епархію и живетъ въ нѣкоемъ другомъ мѣстѣ болѣе 6 мѣсяцевъ, не въ силу царскаго вызова и не въ послушаніе патріарху, и не въ силу болѣзни и невозможности передвиженія, то онъ по общему согласію лишается своего епископскаго ранга и власти". Но мое отшествіе было иного порядка. Какъ Христосъ Самъ уходилъ отъ злобы Ирода и Евреевъ, тайно укрываясь и открыто уходя отъ нихъ, какъ уходили Апостолы — Павелъ изъ Дамаска, Петръ изъ тюрьмы, какъ послѣ нихъ уходили и другіе, какъ Божественный Григорій и Аѳанасій Великій уходили отъ преслѣдованія тирановъ, такъ сдѣлали и мы. Скорѣе тѣ самые епископы, которые такъ неудачно примѣняли къ намъ 16 пр. I—II Соб., чтобы осудить одинаково съ нами и Самого Христа и Его Апостоловъ, въ силу того же самого канона, какъ можно видѣть, достойны низверженія, ибо, сойдясь на Соборъ по единоличному вызову царя, они оставались въ Москвѣ внѣ своихъ епархій болѣе шести мѣсяцевъ, хотя долгъ ихъ былъ — не слушаться царя и не собираться на Соборъ безъ нашего согласія и позволенія. Но они, почти всѣ посвященные мною, могутъ быть подведены подъ 13, 14 и 15 пр. того же Собора: „Если священникъ или епископъ или митрополитъ осмѣливаются отдѣлиться отъ единенія съ святѣйшимъ патріархомъ и не будутъ возносить его имени, согласно правиламъ,

въ святыхъ таинствахъ, прежде рѣшенія законнаго Собора и прочтенія акта объ его осужденіи, подлежить и низверженію, и тако-го соборъ лишаетъ священнической чести". Они должны были разсмотрѣть 17 Сард. правило, IV Вс. Соб. 33 пр. А мы не уходили въ другую епархію, какъ могли сдѣлать безъ всякаго порицанія, согласно этого канона —**въ теченіе всего этого времени, но оставались въ своей Московской епархіи, среди своей паствы"**.

Причины непризнанія Никономъ канонической силы за Соборомъ 1660 г.

Такъ, сводя все во едино, Никонъ отвергалъ дѣйствительность соборнаго суда надъ нимъ въ силу ряда причинъ: 1) Соборъ созванъ безъ согласія патріарха, однимъ царемъ, 2) онъ дѣйствовалъ не свободно, а подъ давленіемъ царя, 3) Никонъ не былъ вызванъ на Соборъ, 4) свидѣтели бояре не могли считаться заслуживающими довѣрія, ибо они подчинены царю, 5) противная сторона (Никонъ) вовсе не была выслушана, 6) природа ухода Никона намѣренно искажена, 7) каноны, говорящіе объ оставленіи епархіи епископомъ, ничего не говорятъ о патріархѣ, 8) патріархъ не подлежитъ суду своихъ епископовъ, 9) епископы нарушили свою присягу ничего не дѣлать безъ согласія патріарха, а они собирались по единоличному приказу царя. Что касается разсмотрѣнія дѣла на Соборѣ 1660 г., то, рассматривая его засѣданія, изслѣдователь его, Каптеревъ, вполне подтвердилъ вліяніе царя на ходъ дѣла и даже поставилъ этотъ Соборъ въ примѣръ того, какое дѣйствительно подавляющее вліяніе имѣлъ на соборахъ царь (Каптеревъ: Царь и Московскіе Церковные Соборы XVI и XVII в. Б. В. 1906, III, 636—656). Царь созвалъ Соборъ. До Собора царь назначилъ комиссію подъ руководствомъ боярина П. М. Салтыкова для испрошенія инструкцій; царь призывалъ къ себѣ архіереевъ, поучалъ ихъ и призывалъ составить выписки изъ правилъ церковныхъ а, когда выписка ихъ его не удовлетворила, то онъ приказалъ ее дополнить; царь руководилъ такимъ образомъ преніями, выбиралъ и лицъ для веденія протоколовъ Собора; царь пополнилъ Составъ Собора тремя греческими архіереями, готовыми поддерживать точку зрѣнія царя, какъ послѣ 1662 г. ее поддерживалъ Лигаридъ; Соборныя дѣянія записывались секретаремъ и утверждались царемъ, но царь собственноручно туда вносилъ поправки, а въ концѣ концовъ царь и вовсе не утвердилъ и не привелъ въ исполненіе постановленія Собора, хотя по его распоряженію всѣ архіереи его подписали. Эта критика, написанная современнымъ намъ

изслѣдователемъ, недоброжелателемъ Никона, вполнѣ подтвержда-
етъ правильность критики этого Собора Никономъ.

Царь утверждалъ протоколы и слѣдующаго Собора и выкиды-
валъ оттуда то, что ему не нравилось. Такъ на Соборѣ 1667 г. выки-
нуты всѣ пренія о власти царской и патріаршей, происходившіе 14,
15, 17 янв. 1667 г., ибо тамъ были представлены неопровержимыя
свидѣтельства противъ цезарепапистскаго пониманія безграничности
полномочій царской власти. Вопросъ то только въ томъ, канонично
ли все это, и **Никонъ доказалъ противоканоничность царскаго
вмѣшательства въ соборную дѣятельность, какъ въ письмѣ къ
Зюзину въ февралѣ 1660 года** онъ говорилъ о противоканоничности
другого явленія, которымъ была больна русская Церковь въ 16 вѣкѣ и
въ началѣ 17-го, разумѣемъ произвольную смѣну патріарховъ. Кап-
теревъ самъ иллюстрировалъ эти факты и указалъ на рядъ смѣщеній
патріарховъ и назначеній ихъ свѣтской властью, какъ прикрытыхъ
содѣйствіемъ Собора, такъ и неприкрытыхъ, явныхъ.

Умеръ Годуновъ, и патріархъ съ Освященнымъ Соборомъ при-
сягнулъ Θεодору. Θεодоръ былъ убитъ, и Лжедимитрій провозгла-
шенъ царемъ. Толпа, преданная ему, свергла патріарха Іова, выта-
щивъ его изъ собора во время литургіи, и Лжедимитрій поставилъ
патріархомъ греческаго епископа Игнатія (чтобы онъ, дѣйствуя по
греческимъ правиламъ, не перекрещивалъ Марію Мнишекъ при
переводѣ въ православіе). Когда убили Лжедимитрія, Шуйскій низ-
ложилъ патріарха Игнатія и поставилъ Гермогена; когда Шуйскаго
низложили, боярская партія низвергла Гермогена и опять восстано-
вила патріарха Игнатія, а затѣмъ, когда Игнатій бѣжалъ въ Литву, то
каѳедра оставалась безъ патріарха до Филарета, ставшаго
патріархомъ только въ 1619 году; послѣ Филарета, проявившаго ог-
ромную энергію и въ Церкви и въ государствѣ, послѣдующіе
патріархи Іоасафъ и Іосифъ были по существу ставленниками царя и
личностями совершенно безцвѣтными (Патріархъ Никонъ и царь
Алексѣй Михайловичъ, II, 59—61).

Однако, упомянутые Каптеревымъ факты относятся въ
большинствѣ своемъ ко времени революціонныхъ насилій, а что ка-
сается фактовъ давленія царя, то надо учитывать, что царское участіе
въ избраніи патріарха допустимо, въ видѣ назначенія въ патріархи
одного изъ трехъ лицъ, выбранныхъ Соборомъ, поскольку ради
согласованія дѣятельности Церкви и государства важно, чтобы
патріархъ и царь могли дѣйствовать согласно, особенно потому, что

патріархъ — не только высшее церковное лицо, но и связанъ съ государствомъ рядомъ отношеній, хотя бы по землевладѣнію, дававшему рядъ публичныхъ правъ въ государственной жизни. Однако, давленіе, идущее до лишенія Архіереевъ возможности свободно избирать кандидатовъ въ Патріархи, уже неправомѣрно, ибо Церковь должна свободно опредѣлять составъ своихъ служителей.

Эти факты Каптеревъ приводилъ въ доказательство того, что свѣтская власть была органомъ высшей и государственной, и церковной власти, что подобно тому, какъ она проводила государственные законы черезъ Боярскую Думу и Земскіе Соборы, такъ проводила и церковные законы черезъ Церковные Соборы. Однако, противъ него можно сказать то, что фактъ не есть еще право, а можетъ быть и нарушеніемъ права, что установленіе того, что правомѣрно, въ данномъ случаѣ надо опредѣлить проникновеніемъ въ природу актовъ; если это акты, относящіеся къ тому, что является по существу церковной компетенціей, какъ обстоитъ дѣло въ данномъ случаѣ, то и совершать эти акты призваны только тѣ органы, которые получили на то преемственную благодать отъ Апостоловъ, т. е. Епископы.

Архіерейская теорія отношеній Патріарха и архіереевъ.

Какъ въ ученіи о границахъ государственной власти Никону пришлось столкнуться съ цезарепапистской теоріей, проводимой боярами ради своевластія и стремленія освободить царя отъ вліянія Никона, теоріей, возведенной Лигаридомъ въ сознательную систему, такъ въ другомъ отношеніи, именно въ пониманіи положенія Патріарха среди Архіереевъ, Никону пришлось столкнуться съ другой теоріей, которую можемъ мы назвать Архіерейской, ибо представители ея были русскіе Архіереи, тяготившіеся властью надъ ними Патріарха. Лигаридъ не придерживался этой теоріи, ибо тогда онъ не могъ бы рекомендовать Московскому правительству въ 1663 году, какъ выходъ изъ тупика, въ который попало дѣло Никона, обращеніе къ суду надъ Патріархомъ Никономъ Восточныхъ Патріарховъ; ему незачѣмъ тогда бы выдѣлять среди нихъ Константинопольскаго Патріарха и добиваться черезъ друга своего архидіакона Мелетія полномочій для себя отъ Константинопольскаго Патріарха, для выступленія въ качествѣ его Экзарха, хотя бы подложныхъ. Онъ ограничился упреками по отношенію къ Никону, что будто онъ не почитаетъ Епископовъ братьями, упрекъ, который Никонъ опровергъ въ своемъ „Раззореніи". Эту теорію представляли тѣ Архіереи, кото-

рые считали, что они въ правѣ Патріарха Никона судить сами; признавая принципъ Римскаго, а потомъ и церковнаго права, что судьи не могутъ быть ниже рангомъ подсудимаго, они почитали себя не ниже Патріарха; для нихъ онъ былъ не членъ пятиглавой власти Вселенской Церкви, а только одинъ изъ Архіереевъ Помѣстной Церкви, занимающій кафедру столичнаго города. Зачатокъ воззрѣнія мы видимъ еще ранѣ Никона въ лицѣ Митрополита Кипріана, о которомъ рассказываетъ Каптеревъ, какъ о представителѣ теоріи свободныхъ Архіереевъ. „Такъ Митрополитъ Новгородскій Кипріанъ (1627—1633) (Каптеревъ, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, II, 214, 222—223) былъ представителемъ тѣхъ епархіальныхъ Архіереевъ, которые тяготились своей зависимостью отъ Патріарха, желая придать своему епархіальному управленію автономный характеръ, независящій отъ вмѣшательства въ епархіальныя дѣла Патріарха, желали провести въ церковной жизни тотъ принципъ, что Патріархъ не есть глава Архіереевъ, не высшее и начальственное надъ ними лицо, а только первый между равными, и что потому каждый епархіальный Архіерей есть такой же самостоятельный и независимый управитель въ своей епархіи, какъ и Патріархъ въ своей области, — высшей инстанціей какъ для Патріарха, такъ и для всякаго епархіальнаго Архіерея, можетъ быть и есть только Соборъ”.

Эта Архіерейская теорія, направленная противъ подчиненія Архіереевъ Патріарху, въ общемъ противится постановленіямъ Вселенскихъ Соборовъ, которыми устанавливается принципъ зависимости однихъ Епископовъ отъ другихъ; мы имѣемъ въ виду 4 Прав. I Вс. Соб. и 9 пр. Антиохійскаго. Если способъ ограниченія власти Епископовъ — дѣло исторіи и подлежитъ измѣненіямъ, то принципъ ограниченія Епископской власти исходитъ отъ ученія и практики. Апостоловъ. Распредѣленіе церковнаго общества по діѳцезамъ, т. е. распредѣленіе власти и взаимныхъ отношеній Епископовъ было дѣломъ обстоятельствъ, на самый принципъ подчиненія установленъ практикой самихъ Апостоловъ по праву Божественному, ибо Апостолы ставили Епископовъ (1 Тим.) и опредѣляли полномочія (34 Ап. Пр.), и взаимоотношенія, основываясь на указаніяхъ Божественнаго Основателя. Объ этомъ свидѣтельствуется и Тертуллианъ (Phillips. Le Droit eccles. II, 2): „D'apres le témoignage des apotres eux-mêmes les institutions qu'ils ont données à l'Eglise ils ne les ont point établies sous l'inspiration de leur volonté personnelle; ils n'ont fait que transmettre fidèlement au peuple la règle de l'organisation qui leur avait été tracée par Jesus

Christ" (По свидѣтельству самихъ Апостоловъ, учрежденія установленныя ими въ Церкви, установлены не по ихъ личной волѣ; они только вѣрно передали народу организаціонныя начала, начертанныя Иисусомъ Христомъ). Поэтому Апостольское преданіе явилось связующимъ звеномъ между преданіемъ, идущимъ отъ Божественнаго Основателя, и послѣдующимъ преданіемъ Церкви и настолько связано съ первымъ, что даже Отцы Церкви съ трудомъ отличаютъ, что относится къ Божественному преданію и что къ Апостольскому Преданію (Phil. III, 399). Что касается преданія Церкви, то предписанія Церкви имѣютъ всегда, хотя бы посредственную связь съ Божественнымъ закономъ, ибо Церковь руководится Св. Духомъ; церковное устройство было дѣло апостольское по регламентаціи, но въ послѣдующемъ примѣненіи на созданной основѣ — дѣломъ историческихъ обстоятельствъ. Архіереи неправильно отвергали свое подчиненіе Патріарху, и этимъ только выразили то настроеніе, которое повторялось и позже, и было характеризовано Проф. Троицкимъ на Предсоборномъ Присутствіи 1906 г., какъ стремленіе всякаго Архіерея дѣлать изъ себя Папу. Между тѣмъ, не должна забываться та истина, что Епископская власть не есть власть индивидуальная, оторванная отъ власти другихъ Епископовъ, а напротивъ, тѣсно съ ней связанная; она существуетъ, какъ часть власти всего Епископата, какъ нераздѣльнаго цѣлаго, по словамъ Св. Кипріана: *Unus est Episcopatus cuius a singulis in splidum pars tenetur*.

Докладная записка царю Вятскаго Епископа Александра, какъ представителя этой Архіерейской теоріи.

Проведенію Архіерейской теоріи въ жизнь способствовало и постоянное властное вмѣшательство представителя свѣтской власти въ церковныя дѣла, которое приучило Архіереевъ во всемъ полагаться на свѣтскую власть и видѣть въ ней опору для своего положенія, главнаго инициатора и руководителя и рѣшителя всѣхъ церковныхъ вопросовъ. Они готовы были видѣть въ царѣ то, что до половины XV вѣка былъ для нихъ Митрополитъ. Это тѣмъ болѣе было легко, что церковное и государственное перемѣшивалось въ жизни до безконечности, и нелегко было опредѣлить иногда, гдѣ начинается одно и кончается другое. Это положеніе создавало возможность для Архіереевъ прибѣгать къ содѣйствію царской власти противъ Патріарха, и такое стремленіе опираться на царя обнаружилось у Архіереевъ, когда Патріархомъ оказалась такая сильная личность, какъ Никонъ, котораго Архіереи считали тираномъ, невыносимымъ

для нихъ. **Вятскій Епископъ Александръ**, бывшій личнымъ врагомъ Никона за переводъ его изъ близкой къ столицѣ Коломенской Епархіи въ дальнюю Вятку, отъ лица всѣхъ Архіереевъ подавалъ царю докладную записку, гдѣ и развивалъ теорію объ отношеніи Архіереевъ къ Патріарху, сопровождающуюся указаніями якобы на несоотвѣтствующее отношеніе Никона къ Архіереямъ. Онъ писалъ, что Никонъ при поставленіи на Патріаршество „обѣщался церковный миръ соблюдать и слѣдовать во всемъ Святымъ Апостоламъ и Святымъ Вселенскимъ Соборамъ и обѣщаль имъ во страхъ Божию боголюбивымъ нравомъ братіи своей о Святомъ Духѣ сослужебника всѣмъ Преосвященнымъ Митрополитамъ, Архіепископамъ и Епископамъ Патріаршества его Россійскаго царствія, любовь духовную имѣти и **яко братію тѣхъ почитать** и сие любить, якоже Владыка нашъ Господь Іисусъ Христосъ возлюбилъ Святые Свои ученики и Апостолы... И потопицѣ обѣщаніи странно за рабы Святительскій чинъ вмѣни и толико ругался, — яко сошедшимся Архіереямъ къ сѣннымъ дверямъ крестовыя палаты, на переднемъ крыльцѣ часа два или три сидѣти, и ни единому онъ даде слово рещи предъ собою, ниже мольбы тѣхъ послушавъ о исправленіи церковныхъ вещей, но странно поработи тѣхъ и люте нападалъ на братію свою и страдати многихъ устрои и умиленнѣ плакати". Въ другой разъ опять тотъ же Епископъ Александръ обращается отъ имени Архіереевъ къ государю съ просьбой: „Аще обрящемъ благодать передъ тобой великимъ Государемъ, не презри мольбы твоихъ государевыхъ Богомольцевъ: да возмется нечестивый сей (Никонъ) отъ среды нашей, да Божій праведный гнѣвъ не постигнетъ и въ правду постраждемъ, не пекущися о благихъ". А, чтобы оградить на будущее время Архіереевъ отъ Патріаршаго самовластія, онъ старается внушить царю, что „первый Епископъ не начальникъ Епископамъ, ни крайній Святитель, но Епископъ перваго сѣдалища наречется рекше царствующаго многонароднаго града: Святительскій бо санъ единъ есть и та же на всѣхъ благодать. Не наречется сей убо совершенъ или несовершенъ Святитель, вси Епископы и благодать Святаго Святаго Духа равно пріемше". Архіерейская теорія, однако, забывала, что, даже при равенствѣ благодати священства, каждый отдѣльный Архіерей ниже въ административномъ отношеніи Патріарха уже потому, что каноны Первосвятителю даютъ право надзора надъ Архіереями и созыва Соборовъ, ставятъ его посредникомъ при общеніи со свѣтской властью и, помимо всего этого, и, главное, — это то, что Патріархъ, самъ

отвѣтственный передъ Соборомъ за состояніе Церкви, имъ избранный для руководства въ управленіи всей Церковью, самъ по себѣ черезъ это носить часть Соборнаго авторитета. Последнее обстоятельство отмѣчаетъ и современная Русская Церковная Конституція, дающая Патріарху право проводить разныя церковныя мѣропріятія, въ которыхъ Патріархъ связанъ содѣйствіемъ Синода и Высшаго Церковнаго Управленія, вопреки голосованію этихъ состоящихъ при немъ учреждений, подъ своей отвѣтственностью передъ очереднымъ Соборомъ (Ст. 20 Определенія Московскаго Собора о Священномъ Синодѣ и Высшемъ Церковномъ Совѣтѣ отъ 7/12 1917 г.). Эта статья весьма усиливаетъ власть Патріарха, ставя авторитетъ его выше не только авторитета отдѣльных Архіереевъ, но и цѣлаго ряда ихъ, входящихъ въ Священный Синодъ и Высшій Церковный Совѣтъ по избранію отъ Собора.

Въ указанныхъ Каптеревымъ свободныхъ Архіереяхъ можно признавать противниковъ Никона въ отношеніи ученія о взаимныхъ отношеніяхъ Патріарха и Архіереевъ, но въ отношеніи ученія объ отношеніи властей свѣтской и духовной пути отдѣльных сторонниковъ Архіерейской теоріи могли расходиться: Митрополитъ Кипріанъ могъ быть ближе къ Никоновскому пониманію этихъ соотношеній, а Епископъ Вятскій ближе къ цезарепапистскому.

Никонъ не сторонникъ Патріаршаго единовластія въ церковныхъ дѣлахъ.

Отвергая равенство административнаго положенія въ Церкви Архіереевъ съ Патріархомъ, Никонъ, однако, не былъ сторонникомъ единовластительства Патріарха въ Помѣстной Церкви. Не говоря о томъ, что онъ считалъ въ дѣлахъ, касающихся всей Церкви, Патріарха связаннымъ другими Патріархами, хорошо онъ помнилъ постановленіе 34 Ап. правила: „Но и первый Архіерей ничего да не предпринимаетъ безъ согласія съ остальными“¹. 1) Такъ, между прочимъ, напрасно обвиняли Никона (а вмѣстѣ и самого царя) въ неканоническомъ учрежденіи монастырей безъ совѣщанія съ Соборомъ, ибо для каноничности учрежденія монастыря каноны требуютъ только согласія и благословенія Епископа. 2) Что касается упрека въ несозывѣ Никономъ Собора для совѣщанія объ уходѣ съ кафедры изъ-за гнѣва царскаго, то, вѣдь, ему созывать Соборъ просто было

¹ По этому поводу Пальмеръ замѣчаетъ (IV, 610): „Смысль этой оговорки 34 Ап. пр. не тотъ, что первый не можетъ ничего вообще предпринимать безъ совѣта съ Епископами, а только ничего чрезвычайнаго, какъ это разумѣется и въ предшествующей оговоркѣ относительно Епископовъ и какъ правильно говорится въ глоссѣ: „что-либо въ томъ родѣ“.

невозможно; требовать согласія на это самого царя нелѣпо, ибо изъ-за гнѣва царя какъ разъ и уходилъ Никонъ, не желая становиться послушнымъ орудіемъ его новой политики относительно Церкви; однако, Никонъ возвращался въ 1662 г. и въ 1664 г. въ Москву лишь въ виду того, что по доходившимъ до него свѣдѣніямъ царь перемѣнился въ отношеніи къ нему. 3) Свое уваженіе къ Соборамъ онъ доказалъ на дѣлѣ, созывая ихъ для чрезвычайныхъ дѣлъ въ 1654, 1655 и 1656 годахъ. 4) Его обвинили въ томъ, что онъ сослалъ безъ суда Епископа Павла Коломенскаго за противодѣйствіе въ исправленіи книгъ на Соборѣ 1654 г., но характерно то, что говорилъ объ этомъ самъ Никонъ, и что онъ сдѣлалъ въ дѣйствительности. Документовъ объ этомъ дѣлѣ до насъ не дошло, а потому о немъ приходится составить впечатлѣніе по косвеннымъ даннымъ. Прежде всего, когда Никона обвиняли въ этомъ на судѣ, что будто онъ это сдѣлалъ единолично, то онъ это оспаривалъ и сказалъ въ подтвержденіе своихъ словъ, что дѣло это можно видѣть на Патріаршемъ дворѣ, но никто его не отыскивалъ, ибо приговоръ надъ Никономъ былъ предрѣшенъ, и оно никого не интересовало.

Затѣмъ 3 іюня 1655 года, по разсказу Павла Алеппскаго (11, 498), Никонъ посвящалъ новаго Епископа на Коломенскую епархію въ то время, какъ ея Епископъ былъ живъ, и Павелъ не отрицаетъ этого акта и не говоритъ, чтобы Патріархъ Макарій разубѣждалъ Никона, хотя Никонъ, по словамъ, Павла Алеппскаго, всегда просилъ Патріарха Макарія указывать всѣ его ошибки. Самъ Павелъ Алеппскій указываетъ на случай происшедшаго разногласія между названными Патріархами, именно, когда Патріархъ Макарій отговаривалъ Никона отъ совершенія только единокротнаго водоосвященія въ праздникъ Крещенія Господня въ январѣ 1656 г. (Никонъ воду освящалъ только наканунѣ). Надо думать, что, если бы была налицо такая большая каноническая неправильность, какъ единоличный судъ надъ Епископомъ, то Павелъ бы объ этомъ сообщилъ; вѣроятно, онъ бы внесъ это обстоятельство въ число обвиненій Никона, когда въ 1667 году исправлялъ свой дневникъ (появившійся на свѣтъ не ранѣе 1670 г., но составленный во время перваго пребыванія въ Москвѣ въ 1654—1656 г.), подъ вліяніемъ атмосферы, враждебной Никону и побудившей его сдѣлать другія видоизмѣненія во вредъ памяти Никона и въ противорѣчіе его первымъ непосредственнымъ впечатлѣніямъ (II введ. 55, 56 стр.). Тотъ же Павелъ Алеппскій сообщаетъ, что ссылка Епископа Коломенскаго была совершена и

Патріархомъ и царемъ совмѣстно (Ib. 77, 78, 170), а не Патріархомъ единолично, и что онъ это вполнѣ заслужилъ (11, 510). Епископъ Павелъ былъ сосланъ послѣ Собора 1654 года за отказъ подписать соборное постановленіе объ исправленіи книгъ. Кромѣ того въ 1654 г. Никонъ писалъ свои 26 вопросовъ (11, 522) Константинопольскому Патріарху Паисію, спрашивая его мнѣніе относительно реформы книгъ, съ указаніемъ на сопротивление, которое онъ встрѣтилъ, и Патріархъ Паисій ему отвѣтилъ подробно. Письмо его было получено въ 1655 году; Соборъ его подтвердилъ и подписалъ и постановилъ напечатать, что и было сдѣлано въ изданіи въ октябрѣ 1656 г. Скрижали (11, 522). Въ самомъ письмѣ Патріарха Паисія (II, 410) имѣется два отвѣта относительно Павла, Епископа Коломенскаго, и протопопа Ивана Неронова по поводу ихъ отказа подписать постановленіе Собора, бывшаго весной 1654 г.: „Объ Епископѣ Коломенскомъ и протопопѣ Иванѣ Нероновѣ пишете, что они съ вами не согласны, но держатся за свои книги, свою литургію и свой знакъ креста, что они даже унижаютъ наши Патріаршія молитвы и Литургію и хотятъ навязать свои собственные нововведенія и тайно передѣланныя молитвы, какъ исправленія. На эти обвиненія мы отвѣтимъ, что это признакъ ересей и расколовъ, и кто такъ утверждаетъ или вѣритъ этимъ утвержденіямъ, тотъ чуждъ Православію. **Или пусть они неприговорно согласятся и примутъ то, чего держится и чему учить Православная Церковь, или въ противномъ случаѣ послѣ перваго и втораго извѣщенія въ случаѣ ихъ упорства и отказа исправиться, пусть они будутъ низвергнуты, т. е. вы низложите и отлучите ихъ отсѣченіемъ ихъ отъ стада Христова, чтобы они не питали отравленной пищей. И дѣлая такъ, вы будете имѣть за одно съ собой и насъ, и нашъ Соборъ**". Эти послѣднія слова показываютъ, что Никонъ вовсе не дѣйствовалъ единолично, и, если не дошло до насъ опредѣленныхъ точныхъ данныхъ о томъ, что Никонъ дѣйствовалъ съ согласія своихъ Архіереевъ, шедшихъ за нимъ полностью въ дѣлѣ церковныхъ реформъ (кромѣ Епископа Павла и одно время Епископа Александра Вятскаго), то остались точныя указанія, что онъ имѣлъ на то одобреніе Собора Константинопольской Церкви и Патріарха, котораго Никонъ почиталъ особо, и какъ перваго въ ряду Патріарховъ, въ другихъ Церквахъ, и какъ Предстоятеля Церкви, бывшей раньше для русской Церкви матерью. Никонъ поступилъ даже мягче, чѣмъ совѣтывалъ Константинопольскій Патріархъ, ибо онъ не отлучилъ Епископа Павла отъ Церкви, а самая ссылка могла скорѣе исходить

отъ царя, а не отъ Никона, ибо Каптеревъ доказаль, что инициатива церковныхъ реформъ исходила вовсе не отъ Никона, а отъ царя и Стефана Вонифатьева, его духовника. Никонъ на судѣ заявилъ, что онъ не помнитъ, по какимъ канонамъ онъ низложилъ Епископа Павла, и въ этомъ случаѣ могъ дѣйствовать въ силу худыхъ обычаевъ времени. Но, говоря, что на Патріаршемъ дворѣ есть дѣло Епископа Павла, Никонъ могъ намекать на участіе въ этомъ дѣлѣ не его одного, а и царя. Патріархъ Паисій писалъ о Епископѣ Павлѣ и царю, и Никону. Объ этомъ наказаніи Павла Коломенскаго обстоятельно писалъ Павелъ Алеппскій, говоря, что строгость Патріарха и царя заслуживаетъ похвалы, и что вѣчная ссылка Павломъ заслужена. И самъ онъ рассказываетъ, что и Патріархъ Макарій безъ каноническаго числа 12 Епископовъ въ 1659 г. низложилъ и лишилъ сана Эмесскаго Митрополита Афанасія властью Бога и султана (III, 420 пр.). На семь Соборѣ присутствовало только 7 Епископовъ (II, 383 и 384).

Обратимъ вниманіе на другой упрекъ Никону, разсѣиваемый этой грамотой: Патріархъ Паисій въ своей соборной грамотѣ Никону величалъ его Патріархомъ Московскимъ всея Великія и Малыя Россіи (II, 480): стало быть, и этотъ титулъ не былъ самочинно воспринятъ Никономъ безъ одобренія со стороны Константинопольскаго Патріарха. Такъ въ случаѣ съ Павломъ Коломенскимъ нѣтъ никакихъ доказательствъ неканоническаго отношенія Никона къ Архіереямъ, а въ другихъ извѣстныхъ намъ случаяхъ онъ сурово обличалъ ихъ за ихъ неканоническія дѣянія. 5) Таковой случай былъ по поводу принятія ими Лигарида безъ соотвѣтствующихъ отпускныхъ каноническихъ грамотъ отъ его каноническаго начальства, по поводу слѣпого послушанія царю и непослушанія Патріарху, вопреки клятвѣ, данной каждымъ при поставленіи и по поводу принятія ими посвященія и поставленія помимо живого Патріарха. 6) Въ случаѣ съ Архіепископомъ Іосифомъ Астраханскимъ Никонъ указаль и на внутренній двигатель, побудившій Архіереевъ не идти за Патріархомъ. Такъ онъ сказалъ ему, когда тотъ пріѣхаль къ нему въ Воскресенскій монастырь въ числѣ членовъ слѣдственной комиссіи въ іюлѣ 1663 года: „И ты бѣдный туда же. А помнишь ли твое обѣщаніе? говорилъ, что и царя слушать не станешь? Что? Видно тебѣ дали что-нибудь бѣдному?" Когда Никонъ заявилъ посланнымъ, что царь собираетъ противъ него подкупной Соборъ, Патріарху сказали, что онъ лжесвидѣтелями именуетъ властей (Архіереевъ) Московскаго государства, а Никонъ сказалъ: „Кому книжнымъ ученіемъ

и правила говорить, а они де и грамотѣ не умѣють". Ему сказали: „Одинъ ли онъ въ Московскомъ государствѣ грамотѣ умѣеть?" И Патріархъ сказалъ: „Хотя де и есть немногіе, а Питиримъ Митрополитъ и того не знаетъ, почему онъ человѣкъ". Объ умственномъ уровнѣ современныхъ ему Архіереевъ вообще Никонъ былъ невысокаго мнѣнія. Такъ въ письмѣ къ Зюзину про Псковскаго Епископа писалъ: „Писаніе твое дошло къ намъ, и мы чли и Псковскаго Епископа чель же, и чудить тому нечего: и старъ и глупъ".

Никонъ о каноническомъ и неканоническомъ объединеніи Епископовъ.

Никонъ обращается къ Лигариду ("1, 149): „Ты осмѣливаешься учительнымъ тономъ писать русскимъ Епископамъ: почему же вы не озаботитесь объ избраніи и поставленіи Патріарха? Вы пренебрегаете Патріаршимъ Престоломъ? Покажи же, списатель лжесловесный, на какихъ канонахъ основано это ученіе, и покажи не отъ твоего нечестиваго измышленія... Ты пишешь какъ учитель, имѣющій власть, но покажи, гдѣ въ канонахъ написано, что Епископъ, оставившій свою епархію, какъ ты, и перешедшій въ другую епархію, могъ навязывать законъ другимъ Епископамъ, не говоря уже о томъ, если его ученіе противно канонамъ... Мы покажемъ тебѣ, почему въ дѣйствительности спустился развернутый свитокъ, о которомъ говорить пророкъ Захарія, въ V гл. 14. „И опять поднѣлъ я глаза мои и увидѣлъ: вотъ развернутый свитокъ: и сказалъ мнѣ Ангель: что ты видишь? Я отвѣтилъ: вижу развернутый свитокъ; длина его 20 локтей, а ширина его 10 локтей. Тогда онъ сказалъ мнѣ: это проклятiе, исходящее на лицо всей земли; ибо всякій, кто крадетъ, будетъ истребленъ, какъ значится на одной сторонѣ, и всякій клянущійся ложно истребленъ будетъ, какъ значится на другой сторонѣ. Я навелъ оное, изрекъ Господь, и оно придетъ на домъ татя и клянущагося Моимъ именемъ ложно и, пребывая въ домѣ его, истребитъ его и древо его и камня его". Видишь ли ты, на кого спустился этотъ свитокъ? Это — проклятiе, сказалъ пророкъ, которое нисходитъ на лицо всей земли, ибо всякій, кто крадетъ, будетъ наказанъ имъ до смерти. Я навелъ оныя, говоритъ Господь, на домъ татя. **Но кто этотъ тать? Не ты ли, лживый человѣкъ, пришедшій въ Россіи украсть ея благочестіе, вкравшись черезъ ограду канонъ?** Самъ Господь сказалъ: Истинно говорю вамъ: всякій, входящій въ стадо не черезъ дверь, то же, что воръ и разбойникъ. Что же иное ты, какъ не воръ? Какой дверью вошелъ ты въ стадо? И что

дѣлаешь тамъ?.. (Еще Іоанна X, 7, 9, 10). Воръ и разбойникъ тотъ, кто обманываетъ простыхъ людей своими гибельными и безразсудными отвѣтами... А кто тотъ, кто клянется ложно Именемъ Божиимъ? Замѣтилъ ли, что выше написано? Какъ 18 Карѳагенское правило постановляетъ, чтобы каждый Епископъ при своемъ избраніи заявилъ свое исповѣданіе Св. Символа, перечислилъ всѣ церковные законы передъ своимъ посвящающимъ и торжественно обязался ихъ всѣ соблюдать? Но ты и всѣ русскіе Митрополиты и Архіепископы ни во что поставили свою клятву, и потому исполнилось написанное въ Псалмѣ 53, 36: „Богъ съ небесъ воззрѣлъ на сыновъ человѣческихъ, чтобы видѣть, есть ли разумѣвающий, ищущій Бога. Всѣ уклонились; всѣ растлились: нѣтъ творящаго добро, нѣтъ ни одного. Неужели не вразумятся дѣлающіе беззаконіе, сѣдающіе передо Мною, какъ ѣдятъ хлѣбъ, не призывающіе Бога? Тамъ вострепетали они отъ страха, гдѣ нѣтъ страха (т. е. побоялись противорѣчить царю и боярамъ), и **Богъ разсѣчетъ кости человѣкоугодниковъ**. Ты посрамишь ихъ, потому что Богъ отвергъ ихъ". Въ дома такихъ людей, какъ эти, которые ложно клянутся именемъ Божиимъ, войдетъ этотъ свитокъ серпъ и останется въ домахъ ихъ, пока не истребитъ ихъ. Многіе изъ нихъ уже погибли. Ты говоришь: что столь хорошо и любезно, **какъ братьямъ, пребывать въ единствѣ**. Нѣтъ ничего иного столь почтеннаго, какъ взаимное согласіе и единеніе въ братіи любви. Но почему же вы, Епископы, не носите тяготы другъ друга, не помогаете совмѣстно одинъ другому соборнымъ дѣяніемъ?" Почему ты не заканчиваешь эту цитату „и такъ исполните законъ Христа?" (Гал. VI, 2) **Прибавка эта показываетъ, что Никонъ цѣнилъ не всякій миръ, не всякое объединеніе, а только во имя Христа**. Если бы Архіереи объединились въ повиновеніи канонамъ, т. е. законодательству, исходящему отъ Св. Духа, онъ призналъ бы это объединеніе, но объединеніе во имя послушанія царю въ церковныхъ дѣлахъ, вдохновленнаго цезарепапистскими превратными толкованіями Паисія Лигарида, не имѣвшаго къ тому же каноническихъ полномочій отъ своего Патріарха, и бывшаго не православнымъ и просто преступникомъ, какъ это было извѣстно Никону отъ поссорившагося съ Лигаридомъ діакона Агаѳангела, и архимандрита Аѳонскаго Теофана, — Никонъ никогда не признавалъ и такое сборище называлъ іудейской синагогой. Не признавалъ Никонъ и посвященій, сдѣланныхъ безъ его благословенія. Когда 19 дек. 1664 г. ночью при возвращеніи Патріарха Никона изъ Мо-

сквы въ Воскресенскій монастырь, его догнали посланные отъ царя вернуть посохъ Чудотворца Петра, который Никонъ увезъ съ собой, онъ не соглашался отдать имъ этотъ жезль Митрополиту Павлу Крутицкому, и сказалъ ему, что признаетъ его за священника, а не за Митрополита, и не знаетъ даже, кто его посвятилъ. Это было сдѣлано незадолго по приказу царя Паисіемъ Лигаридомъ (IV, 549). Жезль этотъ Никонъ отослалъ съ Воскресенскимъ архимандритомъ. Также и Митрополита Крутицкаго Питирима Никонъ не признавалъ Новгородскимъ Митрополитомъ, ибо онъ туда былъ переведенъ (IV, 555) Соборомъ Епископовъ, возглавляемымъ Лигаридомъ. Но Никонъ не игнорировалъ Соборнаго принципа, и самъ проводилъ свою реформу съ Соборнаго одобренія и подъ соборнымъ надзоромъ.

Голубинскій о соборахъ, созванныхъ Никономъ.

Соборъ 1654 г. одобрилъ предпріятіе по исправленію книгъ; Соборъ 1655 г. разсмотрѣлъ и одобрилъ исправленіе важнѣйшей книги — Служебника. Соборъ 1656 г. продолжалъ исправленіе и установилъ рядъ реформъ, между прочимъ запретилъ перекрещиваніе католиковъ. „Недопустимо думать, пишетъ Голубинскій (Къ нашей полемикѣ со старообрядцами, Бог. Вѣст., 1892), что Соборы только прикрывали своеволіе Никона. На Соборѣ 1654 г. былъ и царь, кромѣякобы деспотическаго Никона; если Павлу Коломенскому не мѣшали высказаться противъ, то не были заграждены уста и другимъ; деспотизмъ Никона на Павлѣ проявилъ себя только послѣ этого Собора и проявился именно потому, что всѣ были рѣшительно противъ Павла. Нельзя думать о несогласіи Архіереевъ и потому, что, если бы они были противны реформѣ, то послѣ удаленія Никона (черезъ 4 года послѣ приступа къ исправленію книгъ) они воспользовались бы свободой; однако, только одинъ Вятскій Епископъ Александръ питалъ временное предубѣжденіе противъ его исправленія. Затѣмъ на Соборѣ 1666 г. единодушный голосъ Епископовъ свидѣтельствовалъ, что Никоновское исправленіе было дѣломъ всѣхъ представителей Русской Церкви, кромѣ одного, слѣдовательно, это было дѣломъ всей Церкви". Одновременно онъ констатируетъ что проведеніе дѣла исправленія книгъ и обрядовъ было возможно только для человѣка съ очень сильнымъ характеромъ. „Недостатки его характера не были причиной, произведшей расколъ. Но положительной сторонѣ его характера мы обязаны, что имъ было предпринято дѣло, возможное только для человѣка съ сильнымъ характеромъ. Возникновеніе рас-

кола — одинъ изъ печальнѣйшихъ историческихъ случаевъ, что въ массахъ людей, когда приходится отказываться отъ заблужденій, находятъ отдѣльные люди, которые выступаютъ защитниками заблужденій, являя изъ себя закоренѣлыхъ поборниковъ старины".

Никонъ не уклонялся отъ Соборнаго разсмотрѣнія и въ дѣлахъ менѣе серьезныхъ, чѣмъ исправленіе книгъ и обрядовъ, именно дѣло объ открытіи новыхъ епархій разсматривалъ на Соборѣ въ октябрѣ 1657 г., на которомъ участвовали и царь и бояре; предложено было открыть три новыхъ епархіи на окраинахъ: въ Бѣлгородѣ Митрополію, въ Смоленскѣ Архіепископскую епархію, въ Вяткѣ — Епископскую. Рѣшено было перевести въ Бѣлгородъ Митрополита Крутицкаго Питирима, въ Смоленскъ — Суздальскаго Архіепископа Филарета, въ Вятку Епископа Коломенскаго Александра.

Скажемъ теперь еще о Никоновскихъ сужденіяхъ о Патріаршемъ санѣ, которыя пришлось ему выявить въ связи съ своимъ отшествіемъ, о титулахъ, прибавленныхъ къ титуламъ Патріарха Московскаго и всея Россіи во время Патріаршества Никона, и объ условіяхъ, которыя Никонъ выставилъ для избранія новаго Патріарха.

Никонъ о составѣ Патріаршихъ правъ въ Церкви.

Никонъ различалъ въ Патріаршествѣ власть священнодѣйствій отъ власти административной, различалъ также права Патріарха на управленіе отъ условій ихъ осуществленія; онъ допускалъ положеніе, что Патріархъ, облеченный правами, можетъ отказываться при извѣстныхъ условіяхъ отъ осуществленія своихъ правъ, сохраняя за собой не только названіе Патріарха, но и не теряя права на возобновленіе осуществленія своихъ правъ, допуская также, что Патріархъ можетъ отречься и отъ осуществленія своихъ правъ, и отъ самыхъ правъ, но оставляя титулъ Патріарха за собой и почетное положеніе въ Іерархіи. Въ первомъ положеніи Патріарха, не осуществлявшаго своихъ правъ по управленію, Никонъ былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ въ періодъ 1658-1666 г.г., когда онъ ушелъ изъ Москвы и считалъ себя въ правѣ вернуться на кафедру при наличіи извѣстныхъ обстоятельствъ. О второмъ, т. е. о положеніи Патріарха, отрекшагося отъ самыхъ правъ на управленіе, онъ велъ переговоры съ Русскимъ Архіерейскимъ Соборомъ въ январѣ 1665 г. и именно къ возстановленію этого положенія стремился и тогда, когда, находясь въ ссылкѣ въ Отрапонтномъ и Кирилловскомъ монастырѣ, просилъ

тщетно царя о возвращеніи въ его любимый Воскресенскій монастырь.

Никонъ о совершеніи шествія въ Недѣлю Ваій Патріархомъ и другими Архіереями.

Что Никонъ отличалъ права священнодѣйствія отъ административныхъ правъ, связанныхъ съ Патріаршимъ саномъ, видно изъ того, какъ онъ отнесся къ совершенію Митрополитомъ Питиримомъ шествія въ Недѣлю Ваій. Когда Никонъ узналъ о томъ, что его совершилъ 27 марта 1659 г. Митрополитъ Питиримъ, согласно обычаю для Патріарховъ; онъ увидѣлъ въ этомъ посягательство на свои права Патріарха, ибо Митрополитъ Питиримъ былъ оставленъ имъ въ качествѣ своего Мѣстоблюстителя, и Патріарха не было на Патріаршей каѳедрѣ. Павелъ Алеппскій рассказываетъ, съ какимъ трепетомъ самъ Никонъ въ 1655 году, въ его бытность въ Москвѣ, относился къ этой церемоніи, и какъ предлагалъ даже совершить эту церемонію Антіохійскому Патріарху Макарію, какъ старшему его по рангу, но тотъ отказался и предпочелъ быть зрителемъ (II, 179, 360). Въ 1659 г. Никонъ не могъ благословить Митрополита Питирима, какъ не носящаго сана Патріарха, совершать эту церемонію. Онъ по этому поводу отправилъ 30 марта 1659 г. письмо царю (IV, 165, 166), въ которомъ писалъ: „Я умоляю Ваше Священное Царство выслушать мое письмо, то что и совѣсть моя абсолютно вынудила меня написать, и объ этомъ никто не знаетъ. Сегодня дошелъ до насъ слухъ изъ многихъ источниковъ — нѣкоторое время онъ казался невѣроятнымъ по несообразности дѣла; однако я убѣдился, что, какъ бы ни было это незаконно и нечестиво, это дѣйствительно произошло, что нѣкое лицо осмѣлилось незаконно и нечестиво запятнать духовнымъ прелюбодѣяніемъ Престоль Патріарха всея Руси и совершить церемонію въ Вербное Воскресеніе. Мы не знаемъ, вѣрно ли, что это произошло съ согласія твоего благородія. Но, если это было по твоей волѣ, тогда — даже мудрые могутъ забыться. Мы пишемъ не ради себя, не ища возвращенія какъ песь на свою блевотину (подъ блевотиной Никонъ разумѣлъ такое Архипастырство, при которомъ Архипастыря не слушается его паства) къ чести и власти, но желая только защитить права Престола, поставленные ни во что... Объ этомъ самочинномъ дѣяніи мы долго размышляли, какъ могъ быть совершенъ актъ столь смѣлый и противный Божественнымъ канонамъ, для котораго въ Божественныхъ Книгахъ нельзя найти прецедента. Я не знаю, правильно ли нѣчто подобное дѣлалось низшими

Епископами въ нѣкоторыхъ городахъ, на примѣръ въ Новгородѣ и Казани. Мы полагали, что это скорѣе противорѣчитъ Св. Писанію, ибо оно не оправдывается, чтобы священникъ совершалъ какой-либо актъ, принадлежащій Епископу, такой какъ посвященіе... вѣдь объ этомъ въ Евангеліи нигдѣ не сказано, чтобы Христосъ сказалъ Апостоламъ: Я далъ вамъ примѣръ. Дѣлайте такъ. Не подобаетъ, чтобы слуги дѣлали то, что принадлежитъ ихъ хозяину Владыкѣ... Какъ можно восхвалять, если рабъ начинаетъ дѣлать подобающее царю? Не только онъ недостойнъ чести, но вмѣсто жизни заслуживаетъ смерть, тотъ, кто совершилъ это дѣяніе, не получивъ на то благословенія и не бывъ уполномоченъ на то никакой грамотой и **не имѣя никакого обычая въ оправданіе своего поступка**. Если другіе Епископы дѣлаютъ это въ своихъ епархіяхъ, я не знаю, правильно ли такъ дѣлать или, скорѣе неправильно; пусть это рѣшаетъ тотъ, кто болѣе насъ понимающъ и ученъ. Однако, они не заслуживаютъ порицанія и могутъ быть извинены, даже если они неправы, **ибо они слѣдуютъ старому обычаю**. Я удивляюсь, какъ твое благородіе могъ позволить такъ безчестить Священный Престоль Патріарха безъ всякаго акта освященнаго Собора". Никонъ выражаетъ сомнѣніе, можетъ ли Митр. Питиримъ совершать вообще Епископскіе акты послѣ такого акта духовнаго прелюбодѣянія. Но, прибавляетъ: „Если это произошло по твоей волѣ, великій государь, то да проститъ Богъ содѣянное. Но на будущее ради Бога **воздержись судить и рѣшать въ дѣлахъ, тебѣ не принадлежащихъ**". Несмотря на это письмо Митрополитъ Крутицкій Питиримъ совершалъ эти церемоніи и въ 1660 г. 15 апр. и въ 1661 г. 7 апр. (IV, 325). Только въ 1662 г. Митрополитъ Питиримъ подвергся за это анаѣмѣ Никона съ указаніемъ и другихъ причинъ для нея.

Своимъ протестомъ противъ совершенія Митрополитомъ Питиримомъ процессіи въ Недѣлю Ваій Никонъ показалъ, что права Мѣстоблюстителя Патріаршаго Престола не распространяются на литургическія права Патріарха, а только на административныя. Онъ писалъ, что, когда онъ самъ совершалъ церемонію въ Недѣлю Ваій, то ему — Патріарху было страшно изображать лицо Христа, а теперь совершалъ простой Митрополитъ одной изъ послѣднихъ по рангу епархій, безъ согласія Патріарха. Равно протестовалъ Никонъ, когда узналъ, что Митрополитъ Питиримъ во время богослуженія становится на Патріаршее мѣсто.

Никонъ о своемъ каноническомъ положеніи послѣ ухода въ Воскресенскій монастырь.

Разсмотримъ, какъ понималъ самъ Никонъ свое Патріаршее каноническое положеніе послѣ ухода. Въ апрѣлѣ 1659 г. онъ заявилъ думному дворянину, прїѣзжавшему къ нему въ Воскресенскій монастырь, что, что касается именованій Патріарха, то онъ никогда не отказывался отъ этого имени, только не хотѣлъ называться больше Московскимъ Патріархомъ, оставивъ престолъ по своей волѣ, и въ этомъ смыслѣ заявлялъ великому государю, черезъ боярина князя Алексѣя Никитича Трубецкого и окольничьяго Родіона Матвѣевича Стрешнева; Никонъ говорилъ, что онъ — Патріархъ, но возвращаться на Патріаршій Престолъ не имѣетъ намѣренія и готовъ дать благословеніе на поставленіе новаго Патріарха (IV, 168). Пальмеръ указываетъ, что Никонъ и до ухода и послѣ ухода часто подписывался „Милостью Божіей Патріархъ" безъ всякихъ прибавленій; послѣ своего ухода онъ никогда не подписывался „Патріархъ Московскій и всея Россіи". Въ іюлѣ 1663 г. прїѣзжавшія власти въ Воскресенскій монастырь по ихъ докладу (19/VII, 1663) имѣли разговоръ съ Никонъ; они упрекали, что Никонъ противится приказамъ великаго государя и всему освященному Собору и дѣйствуетъ по своей волѣ. А Патріархъ сказалъ: „Какой тамъ у васъ Соборъ, и кто приказалъ вамъ прикладывать руки?" Власти сказали, что Соборъ составилъ по приказу царя вслѣдствіе безумія Никона: и съ нимъ-де Никонъ не имѣетъ ничего общаго, ибо онъ оставилъ свое достоинство и Патріаршество. Никонъ сказалъ, что онъ не оставлялъ Патріаршаго достоинства. Они уличали его собственноручнымъ его письмомъ къ царю послѣ ухода съ кафедры, и въ письмѣ написано, что „онъ не хочетъ возвращаться, какъ песь на свою блевотину, и подписался „бывшій Патріархъ". Послѣ этого власти сказали, что онъ не можетъ называться Патріархомъ, а Никонъ сказалъ: „Да, для царя я уже не Патріархъ" (IV, 483).

Вопросъ о создавшемся каноническомъ положеніи вслѣдствіе ухода Никона особенно остро всталъ, когда Соборъ 1660 г. (постановленія его не признаны Никонъ и не были осуществлены) установилъ фактъ, что Никонъ добровольно оставилъ престолъ; резолюція 27 февраля опредѣляла, что надо избрать новаго Патріарха на мѣсто Никона. Отправили къ Никону въ Крестный монастырь стольника Пушкина получить отъ него согласіе на избраніе новаго Патріарха. Не было, конечно, искренняго желанія вести свободные

миролюбивые переговоры съ Никономъ объ этомъ, но хотѣли лишь получить его согласіе на избраніе, чтобы быть свободными и въ выборѣ лица; это видно уже изъ того, что самое рѣшеніе избрать другого Патріарха состоялось, не ожидая отвѣта отъ Никона, подобно тому, какъ не было искренняго желанія, когда просили Никона благословить Митрополита Крутицкаго управлять Церковью, ибо тотчасъ же заставили его управлять независимо отъ Патріарха въ полномъ подчиненіи царскому правительству, какъ если бы престолъ былъ совершенно вакантенъ. Резолюція 27 февраля 1660 г. еще не утверждала, что Никонъ потерялъ Епископскій санъ и даже священный, или что онъ былъ абсолютно низвергнутъ и запрещенъ въ священнослуженіи.

Никонъ не допускаетъ поставленія новаго Патріарха безъ своего участія.

6 марта стольникъ Матвѣй Пушкинъ сдѣлалъ докладъ на Соборѣ о своемъ посѣщеніи Никона въ Крестномъ монастырѣ. Пушкинъ докладывалъ, (IV, 235, 236), что онъ съ своей стороны представилъ Никону, что его звали вернуться на престолъ неоднократно черезъ боярина Трубецкого (въ Церкви 10/VII 1658 и 12/VII, въ Воскресенскомъ монастырѣ), но что Никонъ отказался вернуться, а далъ благословеніе царю избрать другого Патріарха и что то же Никонъ говорилъ послѣ думному дворянину Прокопію Елеазарову и дьяку Алмазу Иванову, посланнымъ къ нему. Но Никонъ сказалъ, что Трубецкой не звалъ его обратно на престолъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, а въ Москвѣ говорилъ нѣчто объ этомъ, т. е. приглашалъ его просто оставаться, довольствуясь тѣмъ положеніемъ, которое предоставляютъ Патріарху царь и бояре, т. е. управлять такимъ образомъ Церковью подъ ихъ верховенствомъ, вопреки тому, что обѣщано было Никону клятвенно при вступленіи его на Патріаршество (т. е. предоставить управлять ему Церковью по канонамъ). То же Никонъ передалъ Пушкину, что онъ готовъ дать благословеніе царю, и при этомъ благословилъ двумя руками, ибо невозможно, чтобы вѣрный подданный могъ сдѣлать иначе, чѣмъ благословить своего царя. Но что касается такого дѣла, какъ избраніе новаго Патріарха **безъ его собственнаго участія**, то на это онъ не хочетъ давать своего благословенія". Раньше Никонъ, не желая возвращаться на Патріаршескій престолъ, говорилъ, что онъ даетъ благословеніе на избраніе новаго Патріарха; теперь же, когда дѣло дошло до болѣе подробныхъ переговоровъ объ условіяхъ этого

избранія, Никонъ естественно развилъ эти условія болѣе обстоятельно въ соотвѣтствіи съ своимъ пониманіемъ Патріаршаго сана (Поэтому обвиненія его въ непослѣдовательности и самопротиворѣчій напрасно, какъ дѣлають это Соловьевъ и Каптеревъ). „Кто же безъ него можетъ поставить новаго Патріарха и возложить на него митру? Ибо митра дана ему Вселенскими Патріархами. Невозможно Митрополиту надѣвать митру на голову новаго Патріарха, когда онъ - Патріархъ еще живъ и имѣетъ на себѣ благодать Духа Святаго. Онъ де дѣйствительно оставилъ свою кафедру, но не имѣлъ никакой мысли оставлять Епископскій санъ. Что касается этого, то великому государю извѣстно, что онъ взялъ съ собой, уходя, Патріаршій саккосъ и омофоръ и употребляетъ ихъ до сего дня при служеніи литургіи, при пріобщеніи Тѣла и Крови Господнихъ и при моленіи за нихъ великихъ государей... Епископы подписали клятвенное обязательство подчиниться ему и анаѳематствовали въ своемъ обязательствѣ Григорія Цамвлака за то, что онъ при жизни Митрополита узурпировалъ первенствующую кафедру. Тѣ же Епископы клялись не желать другого Патріарха; какъ же можно безъ его участія поставить новаго Патріарха". Передавая письмо для государя, Никонъ сказалъ Пушкину, что иначе онъ не можетъ поступить, что, если Великому Государю угодно, то онъ готовъ придти по приказу царя и поставить новаго Патріарха, который будетъ избранъ, а для себя Никонъ просилъ не отбирать у него основанныхъ имъ трехъ монастырей (IV, 2, 3, 6). Въ письмѣ же царю Никонъ писалъ: „Если выяснено, какъ Патріархъ можетъ быть избранъ правильно и благочестиво, то пусть будетъ призвано наше смиреніе дружественнымъ и почтительнымъ образомъ. Это дѣло, какъ дѣло религіозное, подлежитъ обсужденію Соборному и благочестивому (т. е. съ молитвой); пусть выборы будутъ сдѣланы, и кого Божественная благодать изберетъ въ Патріархи, тотъ пусть получить наше благословеніе, какъ требуетъ правило Церкви. Ибо, какъ мы приняли благодать отъ Св. Апостоловъ, передавая ее одинъ другому, и какъ мы сами были посвящены правильно въ тотъ же рангъ и приняли Божественную благодать, такъ, принявъ, мы можемъ и давать ее. И какъ отъ одного свѣтильника зажигается другой, такъ отъ имѣющихъ благодать она переходитъ къ избранному черезъ наложеніе рукъ и не причиняетъ никакого уменьшенія въ передающемъ, какъ свѣча, отъ которой зажигаются многія свѣчи, не терпитъ ничего въ своемъ свѣтѣ. И такъ на вновь избраннаго Епископа низойдетъ Божественная благодать и всѣ Епископы будутъ разрѣшены

отъ узъ клятвы, которую они давали при своемъ избраніи въ Епископы въ Святой Соборной Церкви передъ благочестивѣйшимъ царемъ и Патріархомъ и всѣмъ освященнымъ Соборомъ и царскимъ синклитомъ и всѣмъ народомъ, на которой они собственноручно подписались, каждый изъ нихъ согласно обычаю, установленному Церковью".

Разногласія на Соборѣ 1660 г. о Никонѣ и мнѣніе Епифанія Славинецкаго.

Соборъ въ рѣшеніи 27/11 1660 г. постановилъ, что Никонъ болѣе не Патріархъ, что Епископы не должны болѣе цѣловать его руки и давать титулъ Патріарха, и что за нарушеніе этого они подлежатъ наказанію. Главное же было въ томъ, что было установлено достовѣрно и окончательно отреченіе Никона. Разногласіе было относительно сохраненія Епископскаго сана: нѣкоторые утверждали, что онъ долженъ быть удаленъ съ престола съ правомъ служить въ санѣ Епископа, а другіе вмѣстѣ съ боярами отвергали это право за Никономъ и требовали лишенія священническаго сана. Греческіе Епископы отвергали, чтобы послѣ окончательнаго отреченія отъ престола Никонъ оставилъ за собой Епископскій санъ, но царь былъ смущенъ прецедентомъ посланія III Вс. Соб. къ Памфілійцамъ объ Епископѣ Евстафії, который не былъ лишенъ сана за оставленіе кѣедры и получилъ отъ Собора прощеніе и разрѣшеніе священствовать, а иные русскіе Епископы расположены были, низлагая Никона съ престола, разрѣшить Никону служить и даже посвящать клириковъ, но только въ своихъ монастыряхъ. Руководимый правительствомъ Соборъ 1660 года не вникалъ въ причины ухода Никона, и самого его не допрашивалъ объ этомъ, а обсуждалъ только самый фактъ оставленія кѣедры; установивъ, на основаніи представленныхъ ему царемъ свидѣтельскихъ показаній, рѣшеніе, что Никонъ оставилъ кѣедру, окончательно и довольно, Соборъ перешелъ къ вопросамъ, что дѣлать Никономъ и съ кѣедрой Патріарха. Въ виду того, что дѣянія Собора не были приведены въ исполненіе, и все дѣло Никона оказалось въ тупикѣ, при отсутствіи увѣренности въ законности Собора судить Патріарха, изъ тупика его призванъ былъ вывести руководимый Лигаридомъ другой Соборъ 29 декабря 1662 года, рѣшившій послать къ Константинопольскому Патріарху за рѣшеніемъ этого дѣла.

Среди членовъ Собора 1660 г. выдавался своей ученостью Епифаній Славинецкій, и ему были предложены вопросы:

1) возможно ли безъ Соборнаго низложенія Никона ставить новаго Патріарха, 2) возможно ли возстановить Никона послѣ его отреченія отъ каѳедры, 3) низложить Никона и поставить другого Патріарха при жизни Никона, не совершая неправильности, 4) если Никона низлагать, то низлагать ли его только съ Патріаршаго престола или и изъ Епископскаго сана. Епифаній Славинецкій обратилъ вниманіе на большую трудность вопроса, ибо корабль Русской Церкви оказался безъ управленія, когда рулевой есть, и невѣста Христова странно овдовѣла, въ то время какъ женихъ ея (Патріархъ) живъ, и мы оставлены сиротами, когда имѣемъ отца. Вещь новая и странная, ибо Св. Никонъ не смертью, но добровольнымъ уходомъ поставилъ насъ передъ этими трудностями. Его уходъ неполный, какъ видно изъ его поведенія, такъ какъ онъ совершаетъ Епископскіе акты, которыхъ бы онъ не рѣшился совершать, ибо совѣсть ему это запретила бы, если бы онъ дѣйствительно оставилъ престолъ. Онъ не отказывался письменно отъ каѳедры, но только устно сказалъ, что не будетъ Московскимъ Патріархомъ. Но время покажетъ, почему онъ такъ поступилъ, отъ смиренія ли, или хотѣлъ пробудить совѣсть людей и привести ихъ къ сознанію своего долга и скорѣе склонить къ смиренію тѣхъ, которые ему противились и огорчали его, или по какой другой причинѣ. Но теперь надо рѣшить вопросъ, должно ли Никона возстановить на его каѳедрѣ, или необходимо, оставивъ его въ сторонѣ, избрать другого. Епифаній Славинецкій обѣщаетъ отвѣтить по совѣсти, не желая никого оскорблять и прося заранѣе прощенія, если кому его отвѣтъ непріятенъ. Онъ ставитъ вопросы такъ: „1) Возможно ли, не низлагая Никона, ставить другого? 2) Возможно ли послѣ его отказа отъ каѳедры звать его на нее опять? 3) Возможно ли низложить Никона и при его жизни, не совершая неправильности, поставить другого на каѳедрѣ, 4) если Никона низлагать, должно изучить, надо ли его удалить только отъ Патріаршей каѳедры или одновременно лишить Епископства". По первому пункту мое сужденіе таково: если Никонъ не низложенъ сначала Соборно, то другого ставить нельзя. Иные скажутъ: онъ самъ себя низложилъ и отказался отъ своей каѳедры. На это я скажу, что онъ отказался только на словахъ, чтобы неповинующихся ему побудить повиноваться, но не на дѣлѣ, ибо онъ не далъ письменнаго отреченія и не сдѣлалъ этого на Соборѣ. Кромѣ того, онъ ушелъ въ Епископской мантии и до сего дня совершаетъ Епископскіе акты. Но предположите, что онъ отрекся не только на словахъ, но и на дѣлѣ, что не было бы согласно съ правилами Церк-

ви. Ибо согласно Св. Кириллу Архієпископу Александрійскому, хотя бы отреченіе было несомнѣнное, однако, если достоинъ, долженъ служить, а, если недостоинъ, то не позволено отречься, но должно изслѣдовать, уличать и низложить. Но безъ уличенія онъ не можетъ быть лишенъ каѳедры. Поэтому отреченіе Никона ничтожно, и, если онъ не имѣетъ канонической вины (недостойнство), то можетъ служить; но, если онъ имѣетъ каноническую вину, онъ долженъ Соборно быть судимъ и послѣ установленія вины быть низложенъ. Тому насъ учить 16 правило Двукратнаго Собора, говорящее: „Пусть никто ни при какихъ обстоятельствахъ не захватываетъ каѳедры, Епископъ которой живъ, ибо преступленіе должно быть сначала доказано и затѣмъ послѣ низложенія можетъ быть поставленъ другой". Итакъ, мнѣ кажется, невозможно избирать другого пока живъ Никонъ. Хотя бы Никонъ и отрекся, онъ можетъ быть снова возстановленъ, согласно Св. Кириллу, который говоритъ: если онъ достоинъ, пусть служить. **Это — отвѣтъ и на второй вопросъ.** Нѣкоторые скажутъ: онъ не хотѣлъ быть пріемлемъ ни для кого, поэтому его не должно возстановлять. На это я отвѣчу: докторъ не долженъ льстить волѣ своего паціента, но призванъ дѣлать то, что онъ знаетъ по правиламъ своего искусства, чтобы быть полезнымъ. Такъ и пастырь долженъ дѣлать то, чтобы мы могли спастись. Для чего нибудь онъ имѣетъ пастырскій посохъ! Отецъ, любящій своихъ дѣтей, не щадитъ розогъ, и послушный въ сознаніи долга сынъ можетъ сказать съ царственнымъ пророкомъ: „Твой пруть и твой посохъ подкрѣпили меня". И Павелъ, сосудъ избранный, говоритъ: „Если вы переносите исправленіе, тогда вы — сыны". Поэтому я думалъ, что Св. Никонъ часто читалъ, что случилось съ Первосвященникомъ Стараго Завѣта за неисправленіе своихъ сыновей, заботливо остерегался, чтобы нѣчто подобное не пришлось испытывать ему самому. **И если Никона не всѣмъ легко было переносить,** то онъ за это не заслуживаетъ низложенія, но скорѣе съ сыновней покорностью и любовью мы должны просить его исправить себя въ нашемъ образѣ дѣйствія.

3) Но, что касается суда надъ нимъ, то кто изъ насъ можетъ это дѣлать? И какъ? Вѣдь, по IV Вс. Соб. 9 пр., если Епископъ имѣетъ что-либо противъ Митрополита, пусть объ этомъ сообщитъ Константинопольскому Патріарху, который имѣетъ право судить даже Епископовъ другихъ Патріарховъ. Но здѣсь дѣло идетъ о лицѣ высшемъ, чѣмъ какой-либо Митрополитъ, о Патріархѣ Всея Россіи, отцѣ отцовъ, пастырѣ пастырей. Но какой сынъ можетъ судить своего отца?

Или какая овца можетъ судить своего пастыря? По моему это совершенно невозможно. Единственно, что можно, такъ это передать дѣло Константинопольскому Патріарху. И, такимъ образомъ, въ этихъ словахъ отвѣтъ и на третій вопросъ, что по канонамъ мы некомпетентны судить Никона и низлагать его, ни, слѣдовательно, ставить другого на каѳедру, когда онъ живъ. Но такъ какъ не только каноны Св. Отцевъ, но и прецеденты, не получившіе порицанія на Соборахъ, для насъ — зеркало, смотрѣть въ которое мы можемъ, чтобы опредѣлить свое поведеніе, то мы имѣемъ прецеденты оставленія каѳедры ихъ Патріархомъ и избранія и назначенія другихъ на каѳедру при жизни Епископовъ, оставившихъ свои каѳедры. Такъ оставилъ свою каѳедру Св. Григорій Патріархъ, и другой былъ поставленъ на его мѣсто; Евстафій оставилъ свой престолъ, и другой былъ назначенъ. Эти поставленія новыхъ Епископовъ не были осуждены Вселенскими Соборами, ни другіе подобные случаи. Поэтому, согласно этимъ прецедентамъ, въ данномъ случаѣ, послѣ оставленія каѳедры Св. Никономъ въ Соборѣ передъ лицомъ досточтимыхъ Епископовъ и почтеннѣйшихъ архимандритовъ въ присутствіи многочисленнаго духовенства и передъ православнымъ народомъ, возможно, говорю я, при жизни Никона поставить другого на каѳедру. Только, какъ Григорій послѣ оставленія каѳедры не былъ лишенъ Епископскаго достоинства, и какъ Евстафію не было запрещено удерживать честь и званіе Епископа, такъ и **Никона не должно лишать Епископской чести и званія, хотя бы онъ былъ безъ каѳедры**, такъ, думается мнѣ, должно быть угодно Богу, не позоряще для оставившаго свою каѳедру, для насъ безъ грѣха и для всѣхъ удовлетворительно. Если бы Никонъ, будучи оставленъ въ чести, вздумалъ причинить какимъ-либо актомъ смуту, онъ бы сразу заслужилъ такимъ дѣяніемъ лишенія Епископской чести и званія". Записка Епифанія Славинецкаго кончается испрашиваніемъ прощенія, если онъ въ чемъ ошибся, и врученіемъ всего „высочайшему усмотрѣнію его славнѣйшаго царскаго величества и Святому Собору Епископовъ". Этотъ документъ памятенъ не только своимъ совпаденіемъ со взглядами Никона на высоту Патріаршаго сана, носитель котораго не можетъ быть судимъ своими Епископами, но и тѣмъ, что **Епифаній Славинецкій, современникъ Никона, указалъ на неизслѣдованность природы ухода Никона, а равно и на то, что каноны и прецеденты не требуютъ непремѣннаго лишенія Епископскаго званія за отреченіе отъ каѳедры**. Но въ воззрѣніяхъ Епифанія то различіе съ Никономъ, что

Никонъ никогда не повергъ бы своего мнѣнія въ чисто церковномъ вопросѣ на высшее усмотрѣніе царскаго величества.

Мнѣніе Іерусалимскаго Патріарха Нектарія объ уходѣ Никона.

Впослѣдствіи Іерусалимскій Патріархъ Нектарій въ 1664 г. 20 янв. писалъ царю о необходимости просто пригласить Никона обратно, несмотря на то, что всю информацію о дѣлѣ Никона онъ получалъ только отъ враговъ Никона — отъ іеродіакона Мелетія, друга Лигарида; указалъ онъ также на условія дѣйствительнаго отреченія отъ кафедры и также не связывалъ съ этимъ актомъ необходимости лишать сана. Сообщая о полученіи грамоты отъ царя, Патріархъ Нектарій писалъ: „Въ сей грамотѣ мы не нашли ни причины удаленія Св. Патріарха вашего куръ Никона, сослужителя и брата нашего о Христѣ нашего смиренія, ни другой какой вины противъ него, кромѣ пятилѣтняго его отсутствія. Мы слышали отъ іеродіакона Мелетія который, какъ говорятъ, слышалъ сіе изъ устъ Вашего Величества, показывая намъ нѣкоторое писъмецо, данное ему вмѣсто памятника, заклинающее его Богомъ, дабы онъ сказалъ все, что знаетъ о куръ Никонѣ и его противниковъ. **Что касается до тѣхъ противниковъ, то, по сказанію его, немногія и недостаточныя вниманія приводятъ они причины противъ Никона**". Нектарій считаетъ, что „объявить рѣшительнаго мнѣнія онъ не можетъ, ибо по церковнымъ правиламъ недопустимо произносить приговоры надъ Патріархомъ по свидѣтельству одного человѣка и притомъ низшаго сана. Самымъ важнымъ Нектарій почитаетъ отбытіе Никона, а не то, что онъ произнесъ отреченіе передъ Церковью отъ Патріаршаго престола по причинѣ непокорнаго народа. „Намъ кажется, пишетъ онъ, **что вы мирнымъ образомъ можете успокоить это дѣло и снова однажды или дважды пригласить куръ Никона, чтобы онъ возвратился на свой престолъ,** показавъ ему статью положенія для достаточнаго соблюденія. И ежели онъ окажется сперва преступившимъ оныя, а потомъ раскается, и дастъ обѣщаніе соблюдать, то достоинъ прощенія, ибо часто случалось весьма много такового и еще важнѣйшаго въ Церкви, и все исправлено для мира и тишины. И такъ, просимъ мы Святѣйшее Ваше Величество, чтобы **вы не преклоняли слуха своего къ совѣтамъ мужей завистливыхъ, любящихъ мятежи** и возмущенія, а наипаче, если таковыя будутъ изъ духовнаго сана... Несогласія и возмущенія въ Церкви страшнѣе всякой войны, ибо раздираютъ нетлѣнную одежду Христову, которую не раздѣлили

и жестокосердые воины во время страданія Христова; разодрать же одежду Христову есть явный знакъ гибели души, за которую умеръ Христосъ... Первое достояніе есть миръ: миръ бо, глаголашь Снизшедшій на всякую смерть, оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ. Или не знаете, что самопроизвольно отметающій первое наслѣдіе лишается и усыновленія и уже не обрѣтаетъ отца во Христѣ; ибо не имѣющій мира какъ возможетъ быть чадомъ Христовымъ? И такъ помысли о семъ, миролюбивый государь, послѣдуй кротости Давида, воспріими ревность по вѣрѣ Православной и постарайся со тщаніемъ паки возвести Патріарха вашего на престоль его, дабы во время священнаго твоего царствованія не было положено **злого и гибельнаго начала смѣнять православныхъ и правомыслящихъ о догматахъ вѣры Патріарховъ вашихъ**. Сіе есть начало разрушенія Церкви нашей въ Константинополѣ; оно послужило и донынѣ служить источникомъ многихъ золь и сдѣлало насъ посрамленными передъ Западной Церковью. Опасайтесь и вы, чтобы необычайное у васъ не обратилось въ гибельную привычку. Если Никонъ говоритъ, что онъ не отрекался отъ престола, но отъ непокорныхъ, то ясно, что онъ обличаетъ непокорность народа. И такъ, покажите къ нему достодолжное повиновеніе, какъ къ строителю благодати, повиновеніе, не обыкновенное въ Церквахъ Божіихъ, но каковое предписываютъ Божественные законы. Отреченіе же его, которое, какъ говорятъ, онъ сдѣлалъ въ Церкви, можетъ быть принято снисходительнѣе, для соблюденія тишины, тѣмъ болѣе, что онъ Кѹрь Никонъ, какъ мы сказали, **отрекся отъ непокорнаго народа, а не отъ престола**". Очевидно, писавшій въ 1664 г. Патріархъ Нектарій понималъ иначе природу ухода Никона, чѣмъ Соборъ 1660 г.; онъ не усматривалъ въ дѣйствиіи Никона отреченія отъ престола и рѣшенія Собора 1660 г. не почиталъ канонически дѣйствительными. Далѣе онъ пишетъ вообще объ отреченіи, и условіяхъ его дѣйствительности: „Бывшій по взятіи Константинополя тамошній блаженной памяти Патріархъ Геннадій говоритъ въ одномъ своемъ письмѣ къ монахамъ Синайской горы, котораго мы и подлинникъ тамъ видѣли и копію съ онаго имѣемъ, что отреченіе Архіерея **недѣйствительно, если не будетъ принято и утверждено Патріархомъ**. Подобно сему и отреченіе Митрополита и Патріарха. Во время нашего Патріаршества въ св. городѣ Іерусалимѣ подвѣдомственный намъ Митрополитъ Дорожей многократно просилъ отставленія отъ своей епархіи; но какъ онъ мужъ

добродѣтельный, сильный дѣломъ и словомъ въ утвержденіи тамошнихъ христіанъ, то мы не согласились на его отреченіе; когда же наконецъ онъ послѣ многихъ прошеній поднесъ намъ письменное отреченіе, на мѣсто его возведенъ уже былъ Ираклійскій Митрополитъ Неофитъ; послѣ же сего нѣкоторые изъ первостепенныхъ Митрополитовъ, узнавши о томъ, съѣхались изъ своихъ епархій въ Константинополь и, недовольны будучи отреченіемъ Кирилла, уничтожили оное и, успокоивъ Неофита по согласію его церковнымъ содержаніемъ, снова возвели на престолъ Кирилла и сіе сдѣлали не по особенной какой дружбѣ къ нему, и не по враждѣ къ Неофиту, но потому, что Кириллъ опытенъ въ управленіи Церквами. Итакъ, священный вѣнценосецъ, послѣдуй правилу премудраго Геннадія, **который говоритъ, что неутвержденное отреченіе недѣйствительно;** ибо, ежели мы подробно будемъ изслѣдовать, то найдемъ много другихъ древнихъ примѣровъ, согласныхъ правилу сего Патріарха, который по требованію султана Магомета, взявшаго Константинополь, предоставивъ ему письменно премудрыя богословскія положенія вѣры христіанской, пріобрѣлъ у него великое уваженіе, вашего же Патріарха дѣло совсѣмъ въ другомъ положеніи, ибо онъ **не подалъ ни письменнаго отрицанія своему Собору, ни ваше священное Величество равно, какъ и весь народъ, не принимали отреченія. Неоспоримымъ сему доказательствомъ служитъ то, что ваше священное Величество до нынѣ приглашаете его возвратиться.** И такъ изъ всѣхъ обстоятельствъ явствуетъ, что **его отреченіе недѣйствительно и состоитъ только въ его словахъ, и должно вамъ, какъ я прежде сказалъ, снова призвать его.** Съ симъ вмѣстѣ пишу я и къ нему, братски увѣщевая его, что ему неприлично было оставить столицу и жить внѣ оной. Ежели соизволитъ ваше священное Величество, то перешлите къ нему помянутое посланіе..." Патріархъ Нектарій пишетъ, что онъ не можетъ пріѣхать по причинамъ, о которыхъ скажетъ посланный Севастъ Димитріевъ (политическимъ), и заканчиваетъ письмо такъ: „Предлагаемъ вашему Величеству и то, что, если Кѹръ Никонъ по вторичному приглашенію не согласится возвратиться на свой престолъ, то извольте поступить по правиламъ положенія, что будетъ совершенно правосудно, ибо неприлично столичному городу быть безъ духовнаго пастыря. Итакъ непременно должно его возвратить или другого возвести на его мѣсто; **однако гораздо лучше** вашему Величеству возвратить его по вышеуказаннымъ причинамъ. Господь же Вседержитель, Податель

мира и тишины, да сохранить державу Богодарованнаго Твоего царствія въ долговременное наслѣдіе священнѣйшаго и державнѣйшаго рода твоего". Лѣта 1664 г. марта 20 дня". Грамота эта помѣщена въ Русскомъ Архивѣ за 1873 годъ. Однако, не только Никона не приглашали возвращаться, а старались доказать, что онъ ушелъ не отъ непокорной паствы, а отъ престола; мало того, что будто онъ отрекался съ произнесеніемъ клятвы на себя въ случаѣ возвращенія, что Никонъ категорически всегда отвергалъ, и что утверждали изъ всѣхъ свидѣтелей его ухода только его заклятые враги Митрополитъ Питиримъ и вторившіе ему послѣ его показанія священникъ Ѳеодоръ Терентьевъ и Хутынскій архимандритъ Тихонъ (Николаевскій. Обстоятельства и причины удаленія Патріарха Никона съ престола. Хр. Чт. 1883, I).

Соборъ 1660 г. рѣшилъ, что Никонъ окончательно отрекся отъ престола, на основаніи этихъ послѣднихъ показаній, а Никонъ никогда этого не признавалъ; самое рѣшеніе Собора 1660 г., устанавливавшее отреченіе Никона, настолько не было воспринято умами, что Соборъ въ январѣ 1665 г. снова вступилъ въ переговоры съ Никономъ объ условіяхъ его отреченія отъ престола.

Уходъ Никона правительствомъ сознательно истолковывается иначе, чѣмъ это было въ дѣйствительности.

Сужденія Епифанія Славинецкаго и Патріарха Нектарія интересны потому, что даютъ справку не только каноническую, но и историческую относительно того, какъ трактовались Соборами случаи отреченія отъ каѳедръ. Что Никоновскаго возвращенія ни царь, ни правительство не желали и лишь хотѣли истолковать его уходъ, какъ отреченіе, вытекаетъ уже изъ того, что Никонъ дважды предполагалъ вернуться не только въ декабрѣ 1664 г., какъ это извѣстно изъ судебного дѣла надъ Мѣстоблюстителемъ Патріаршаго престола Митрополитомъ Іоной за принятіе имъ благословенія отъ Никона по пріѣздѣ его въ Успенскій Соборъ во время утрени 19 декабря 1664 г., но, какъ доказалъ Гюббенетъ, еще и въ 1662 году 27 декабря. Эти попытки Никона показываютъ, что онъ не отрекался отъ престола, но считалъ возможнымъ управлять Патріархатомъ только при соблюденіи данной ему царемъ и боярами клятвы; когда онъ имѣлъ нѣкоторыя основанія думать, что, вернувшись, онъ сможетъ управлять Церковью канонически, — въ виду предполагавшихся, хотя и ошибочно, имъ перемѣнъ въ отношеніяхъ царя къ нему, — а не по указкѣ царя и бояръ, тогда онъ предпринималъ попытки занять вновь Патріаршій

престоль. Однако, объ его попытки показали, что въ Москвѣ думали не о каноническомъ разрѣшеніи вопроса объ его уходѣ, а объ его принудительномъ удаленіи во что бы то ни стало. Выше цитированное письмо Патріарха Нектарія къ царю не только не было показано Никону, но даже не было доставлено и то письмо, которое было прислано ему лично Патріархомъ Нектаріемъ; оно было уничтожено царемъ (IV, 502, Прим.); даже посланный Патріарха Нектарія Севастьянъ Димитріевъ былъ арестованъ и не допущенъ до Никона. Патріархъ Нектарій ошибался, что царь продолжалъ желать возвращенія Никона на престоль; ему лично могло быть неизвѣстнымъ, что царь отклонилъ первую попытку Никона въ декабрѣ 1662 года вернуться, вторая же попытка въ декабрѣ 1664 года случилась позже времени отправленія письма Патріарха Нектарія, но исходъ ея также свидѣтельствовалъ, что въ Москвѣ хотѣли другого Патріарха и искали только создать подобіе канонической правды при лишеніи Никона Патріаршаго престола и священнаго сана. Услужливые греки, привлеченные царемъ на Соборъ 1660 г., соглашались на то, что Никона надо лишить и сана со ссылкой на 16 пр. Двукратн. Собора, гдѣ, по ихъ словамъ, говорилось: „абсурдно для отрекающагося Епископа удерживать право на священство". Соборъ между 10 и 21 мая 1660 г. рѣшилъ, что Никонъ долженъ быть низложенъ и быть лишенъ не только Епископскаго сана, но и священства.

Протестъ Епифанія Славинецкаго противъ лишенія Никона Епископскаго сана.

Епифаній Славинецкій, сначала введенный въ заблужденіе вышеупомянутой цитатой изъ 16 пр. Двукратнаго Собора, присоединился къ постановленію объ избраніи новаго Патріарха и низложеніи Никона но, узнавъ о томъ, что такихъ словъ нѣтъ въ 16 пр. Двукратн. Собора, взялъ обратно свое согласіе на низложеніе Никона въ виду его неканоничности и несправедливости и заявилъ о своемъ раскаяніи особой докладной запиской, мотивируя свой поступокъ, что онъ не осмѣлился противорѣчить Собору, вѣря цитатѣ (IV, 257). Онъ соглашался на избраніе новаго Патріарха, но, писалъ онъ, „я не осмѣливаюсь писать о низверженіи изъ сана бывшаго Патріарха Никона, **ибо не нашелъ такого канона, который низвергаетъ и лишаетъ священства Епископа, оставляющаго свою кафедру, но не отказывающаго отъ священства**".

Въ другой, болѣе подробной запискѣ, лучше мотивированной, Епифаній Славинецкій подробно это мотивировалъ, приведя не только историческіе примѣры оставленія кафедръ безъ лишенія священства (Св. Григорій Богословъ, Епископъ Θεодуль Маврикійскій и Епископъ Евстафій), но и анализомъ правъ Епископа. „Епископство (надзоръ) одно дѣло, а Первосвященство — другое. Каждый Епископъ — Первосвященникъ, но не каждый Первосвященникъ — Епископъ. Архіепископъ и Митрополитъ — Первосвященникъ, но онъ не Епископъ, ибо онъ Митрополитъ. Патріархъ есть Первосвященникъ, но онъ не Епископъ, ибо онъ Патріархъ, ибо одно дѣло Епископство (въ смыслѣ административныхъ правъ), а другое — Первосвященство. Во-вторыхъ, Епископская (административная) власть различается по степенямъ. Власть Епископа — меньшая, ибо ей подчинены только священники; власть Архіепископская больше, также власть Митрополита, ибо имъ не только священники, но и Епископы подчинены. Больше всѣхъ власть Патріарха, ибо ей подчинены не только священникъ и Епископъ, но и Митрополиты. Но власть Первосвященника недѣлима. **Ибо всѣ Первосвященники равны въ отношеніи ихъ Первосвященства.** Ибо Епископъ есть такой же Первосвященникъ, какъ Архіепископъ, и Архіепископъ такой же, какъ Митрополитъ, и Митрополитъ такой же, какъ Патріархъ. Здѣсь на лицо двойная функція: одна состоитъ въ томъ, чтобы обличать, отдѣлять отъ общенія, низлагать и питать стадо, ему ввѣренное, а другая функція — совершать богослуженія, посвящать діаконовъ, священниковъ; послѣднее Епископъ совершаетъ какъ Первосвященникъ. Ибо Епископство — одно дѣло, а Первосвященство — другое; Первосвященникъ можетъ оставить Епископство и свои административныя функціи и удерживать Первосвященство и совершать относящіяся къ Первосвященству функціи" (IV, 268). Самая записка Славинецкаго датирована имъ 26 мая 1660 г. (въ IV, 281 все постановленіе написано полностью).

Постановленіе Собора 14 августа 1660 г. И мнѣніе архимандрита Игнатія.

16 августа того же года тотъ же Соборъ принялъ другое постановленіе о поставленіи другого Патріарха, не лишая Никона Епископскаго сана, но и это постановленіе не было приведено въ исполненіе. Вѣдь, и Славинецкій и другой ученый — архимандритъ Борисоглѣбскій и игумень Богоявленскаго монастыря въ Полоцкѣ Игнатій заявили о некомпетентности Епископовъ судить своего

Патріарха безъ совѣта Константинопольскаго Патріарха и другихъ Вселенскихъ Патріарховъ (мнѣніе Игнатія — IV, 245-250). И Сардик. Правило 17 говоритъ, что, „если Епископъ несправедливо притѣсняется, хотя бы онъ былъ внѣ своей епархіи до прекращенія гоненія, онъ долженъ быть принять обратно" (I, 595).

Греческіе Архіереи подали записку, въ которой объясняли, какъ надо относиться къ оставленію кафедры Архіереемъ, и приложили два приговора, болѣе строгій съ лишеніемъ не только кафедры, но и священства, и болѣе мягкій съ лишеніемъ только кафедры. Гюббенеть отмѣчаетъ, что не одно возраженіе Епифанія Славинецкаго остановило царя въ исполненіе приговора. Греческіе Архіереи, хотя и согласились съ постановленіемъ Московскаго Собора о низложеніи Никона, но въ своихъ правилахъ, представленныхъ на Соборъ, и въ особомъ объясненіи, поданномъ царю, Собору и синклиту, предоставляли власти оказать снисхожденіе; они говорили, что Никонъ въ отреченіи своемъ, хотя и погрѣшилъ, какъ человѣкъ, но въ догматахъ вѣры онъ благочестивѣйшій и въ соблюденіи Апостольскихъ и Отческихъ Преданій Восточной Церкви былъ большой ревнитель; они указали на примѣръ Евстафія Памфілійскаго, которому третій Вселенскій Соборъ оказалъ въ подобной винѣ снисхожденіе (дозволилъ священнодѣйствовать), и на этомъ основаніи предлагали оказать и Никону снисхожденіе. Всѣ эти обстоятельства и могли имѣть вліяніе на царя; по всей вѣроятности, все это было причиной, что царь остался при прежней нерѣшимости, и постановление Собора не было приведено въ исполненіе (Гюббенеть I, Конецъ IV главы).

Никонъ не отрекался ни отъ священства, ни отъ кафедры.

Самъ Никонъ неоднократно утверждалъ, что онъ не отрекался ни отъ священства, ни отъ престола. Въ іюлѣ 1663 года Никонъ говорилъ пріѣхавшему въ Воскресенскій монастырь на слѣдствіе о Никоновскихъ проклятійхъ на молебнѣ Николаю Ивановичу Одоевскому и черезъ него всѣмъ боярамъ. Одоевскій говорилъ ему: „Ты самъ писалъ „бывшій Патріархъ", поэтому ясно, что ты оставилъ Патріаршество". Никонъ сказалъ: „Патріаршества и Епископства я не оставлялъ, но ушелъ отъ вашей злобы, давая мѣсто гнѣву. Почему ты не называлъ меня „бывшимъ" съ самаго начала. Ты самъ видѣлъ, какъ (августъ 1659) мы были во время неожиданнаго набѣга татаръ на Москву, и какъ мы были по обычному приняты царскимъ величествомъ, какъ и раньше, такъ какъ онъ зналъ, что ничего нѣтъ въ на-

шемъ уходѣ заслуживавшаго порицанія. И царь и царица и царевна и царевици и всѣ бояре приняли отъ насъ благословеніе, никто не упрекалъ насъ" (IV, 168). Когда въ 1660 г. Никонъ говорилъ посланному къ нему стольнику Пушкину, что не могутъ ставить безъ него новаго Патріарха, онъ также исходилъ изъ мысли, что ни Первосвященство, ни кафедра имъ не оставлены; въ селѣ Черновѣ 19 декабря 1664 года, когда послѣ его непринятія въ Москвѣ у него хотѣли отобрать взятый имъ посохъ Чудотворца Петра, онъ его не хотѣлъ отдать и сказалъ, что „его некому по правиламъ передать; оставилъ онъ Патріаршій престолъ на время вслѣдствіе насилій противъ него отъ постороннихъ (церковному управленію) людей и вслѣдствіе нѣкихъ обидъ" (IV, 549); такъ и на судѣ въ засѣданіи 5 декабря 1666 г. онъ говорилъ, „Я не отрекался, а отошелъ по Святому Писанію: „Гдѣ не приѣмлютъ васъ, отыйдите"; я и отошелъ, а про отреченіе свидѣтели говорятъ ложь". А въ другой разъ въ засѣданіи Патріарха его спросили: „Развѣ ты не отрекался?" Никонъ сказалъ: „Отрекался въ особомъ моемъ смыслѣ, подобно Мартирію Антіохійскому, который, когда паства стала ему непослушна, отказался оставаться ихъ пастыремъ"; тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ сдѣлалъ это устно, то его заявленіе не сдѣлало кафедры вакантной (V, 683). На судѣ Никонъ нѣсколько разъ заявлялъ, что не имѣетъ больше желанія возвращаться на кафедру, и прибавлялъ, что онъ не одинъ, который подвергается неправильному гоненію, то же сдѣлали и съ Іоанномъ Златоустомъ и, повернувшись къ царю, сказалъ: „Когда были бунты въ Москвѣ, ты самъ признавался, что среди бояръ гнѣздилась эта несправедливость, и я, будучи огорченъ, что ты попускаешь этой несправедливости, отошелъ отъ твоего гнѣва" (V, 715). О возможности еще болѣе ранняго ухода Никона говорилъ Родіонъ Стрешневъ на судѣ въ засѣданіи 5 декабря, свидѣтельствуя, что будто Никонъ говорилъ, что онъ давалъ обѣты не оставаться больше 3 лѣтъ; Пальмеръ прибавляетъ, что въ 1655 г. Никонъ чувствовалъ, что царь не хочетъ поддерживать его противъ бояръ, и искалъ ухода съ кафедры (V, 715). Что касается канонической стороны вопроса, то Никонъ самъ указалъ, что природа его ухода не подходитъ подъ 16 пр. Двукратн. Собора. „Онъ уходилъ не въ другую епархію, а оставался въ своей и слѣдовательно не нарушалъ правъ другого Епископа въ его епархіи. Онъ къ тому же не Епископъ, а Патріархъ, и оставался въ предѣлахъ своей епархіи". Если вникать въ смыслъ 16 пр. Двукратн. Соб., то оно установило опредѣленные ограниченія для отсутствія Епископа изъ

епархіи, хотя бы и по важному дѣлу, въ 6 мѣсяцевъ, но это постановленіе сдѣлано отчасти ради охраны правъ другихъ Епископовъ, а съ другой стороны 11 Сард. правило указываетъ еще другую причину этого ограниченія: на охрану отъ огорченія ввѣреннаго Епископу народа въ случаѣ его долгаго отсутствія и на возможность возникновенія въ его епархіи многихъ смятеній и неустройствъ" (Троицкій, Церк. Вѣдом. 1924 № 14—15).

Смысль ухода Никона.

Никонъ же уходилъ изъ-за гнѣва царскаго и за практической бесполезностью борьбы съ боярствомъ противъ захвата имъ церковнаго управленія, при отсутствіи поддержки со стороны царя, и невозможности получить таковую поддержку отъ Епископата. Онъ ушелъ, ибо его управленіе становилось при такихъ условіяхъ той „блевотиной", какъ онъ выражался, на которую возвращается песь, о чемъ не преминулъ упомянуть въ судѣ 5 декабря дякъ Алмазь Ивановъ (V, 715), желая напрасно этимъ показать, что будто Никонъ въ этихъ словахъ выражалъ отреченіе отъ каѳедры. **Никонъ и уходилъ съ тѣмъ, чтобы побудить царя обратить вниманіе, что такое положеніе получилось въ результатъ несоблюденія царемъ клятвы предоставить управленіе Церкви Никону по канонамъ церковнымъ, а не по уложенію 1649 года; слѣдовательно, самый уходъ совершенъ имъ не изъ-за небреженія къ паствѣ, а, напротивъ, вслѣдствіе самой ревностной заботливости о ней.** Одновременно его уходъ былъ и уходомъ отъ всѣхъ людей, которые роняли его авторитетъ и препятствовали каноническому управленію Церковью. Поэтому Никонъ и говоритъ, что онъ уходилъ такъ, какъ уходили Апостолы изъ того города, гдѣ ихъ не принимали.

Поученіе Никона послѣ литургіи 10 іюля 1658 г. гласило: „Свидѣтельствую передъ Богомъ, передъ Св. Богородицей и всѣми святыми, если бы великій государь царь не обѣщался непреложно хранить Святое „Евангеліе и Заповѣди Св. Апостоль и Отецъ, то я не помыслилъ бы принять такой санъ; но великій государь далъ обѣщаніе здѣсь въ храмѣ передъ Господомъ Богомъ, передъ святымъ чудотворнымъ образомъ Пресвятой Богородицы и передъ всѣми святыми, передъ всѣмъ Освященнымъ Соборомъ, передъ своимъ царскимъ синклитомъ и всѣми людьми, и поколику царское величество пребывалъ въ обѣщаніи, повинуюсь Св. Церкви, мы терпѣли; теперь же, когда великій государь измѣнилъ своему обѣщанію и на меня

гнѣвъ положилъ неправильно, якоже вѣсть Господь, оставляю я мѣсто сіе и отхожу отсюда, дая мѣсто гнѣву" (По Гюбб. изъ I гл. I т.). Никонъ дважды думалъ объ осуществленіи своего возвращенія на кафедру, но оба раза его не пустили.

Пріездъ Никона въ Москву въ 1662 году и показанія старца Аарона.

Помимо того пришествія въ Москву, которое было въ августѣ 1659 г. по случаю тяжелыхъ военныхъ извѣстій о возможности вторженія въ Москву татаръ, Никонъ, какъ доказаль Гюббенеть, выѣхалъ въ Москву 27 декабря 1662 года. Въ это время онъ еще пользовался свободой передвиженія, которой былъ лишенъ только въ іюлѣ 1663 года; его ограниченіе въ общеніи съ внѣшнимъ міромъ заключалось до тѣхъ поръ въ томъ, что къ нему въ Воскресенскій монастырь никого безъ разрѣшенія правительства не пускали; Гюббенеть доказаль, что Соловьевъ смѣшалъ въ одинъ пріѣздъ 1664 г. два разныхъ пріѣзда Никона въ Москву — въ 1662 и 1664 г. Первый изъ нихъ состоялся послѣ рѣшенія царя созвать Соборъ Вселенскихъ Патріарховъ и послать съ грамотами къ нимъ на востокъ іеродіакона Мелетія, по инициативѣ глубоко преданнаго Никону Воскресенскаго монастырскаго старца Аарона, не побоявшагося сказать царю на допросѣ въ томъ же 1662 году правду о причинѣ углубляющейся ссоры между нимъ и Никономъ и поплатившагося за это ссылкой въ Соловецкій монастырь. Этотъ старецъ привезъ письмо отъ Никона царю, которое имѣло цѣлью остановить уже рѣшенную царемъ посылку Мелетія къ восточнымъ Патріархамъ, въ виду плохихъ извѣстій о Мелетіи, бывшихъ у Никона. Никонъ одновременно напоминаетъ царю о причинѣ своего ухода, о канонической своей правотѣ, о бывшемъ на него Соборѣ и о готовности быть судимымъ по канонамъ. Никонъ писалъ царю: „Вѣдомо мнѣ учинилось, что ты, великій государь, изволилъ писать ко Вселенскимъ Патріархамъ о Соборѣ, нашего ради отшествія, съ чернымъ діакономъ Мелетіемъ грекомъ. И если есть истина съ правдой, во истину не отметаема **и хвалимъ твое изволеніе, какъ Божественное, если Патріархи восхотятъ сами быть и суды произвести по Божественнымъ заповѣдямъ евангельскимъ и по канонамъ Св. Апостоль и Св. Отець.** Ей, не отметаема, но молимъ твое благородіе, съ кротостью и долготерпѣніемъ послушать, это малое наше извѣщеніе. Вѣдь, твое благородіе и самъ, знаетъ, что наше отхожденіе было вслѣдствіе гнѣва; этому свидѣтель Богъ, Св. Церковь и всѣ люди, что я страхомъ

Божіимъ свидѣтельствовавъ въ то время и небу и землѣ: услыши небо и внуши земля! И такъ, по заповѣди Божіей отъ гнѣва твоего изыдохъ по писанному: дадите бо, рече, мѣсто гнѣву. А что твое благородіе изволилъ созвать по нашемъ отшествіи на судъ Митрополитовъ, Епископовъ и архимандритовъ, то это сдѣлано противъ заповѣди Божіей, **такъ какъ нигдѣ нѣтъ такого закона или правила, чтобы своего Патріарха судили свои Епископы, въ особенности же отъ него рукоположенные и въ его отсутствіе, ибо не подобаетъ никого осуждать прежде, чѣмъ будетъ извѣстно доподлинно о винѣ осужденнаго,** хотя бы и много было оговаривающихъ. „Приводя судъ Пилата надъ Христомъ, Никонъ продолжаетъ: „Зри, христіаннѣйшій царь, даже и іудеи въ такой лютой зависти **ничего не сдѣлали противъ закона, безъ свидѣтельства и заочно,** хотя и все сдѣлали неправедно и изъ зависти; потому Христосъ и сказалъ Пилату: **Предавай Мя тебѣ болій грѣхъ понесетъ; такъ и здѣсь: смутивый твое благородіе болій грѣхъ понесетъ.** Если созданный по твоему государеву указу Соборъ по составленному имъ опредѣленію, списокъ, **котораго мы имѣемъ, хочетъ осудить меня только за одно отхожденіе,** то уже подобаетъ и Самого Христа низвергнуть, такъ какъ Онъ много разъ отходилъ зависти ради іудейской, и Св. Предтечу, и Св. Апостоловъ и Пророковъ, всѣхъ Святыхъ и Св. Евангелія, и всѣ священные книги, изъ которыхъ мало нѣчто на память твоему благородію выпишемъ, что слѣдуетъ удаляться отъ навѣствующихъ". Затѣмъ Никонъ выписываетъ изъ Евангелія о бѣгствѣ Христа въ Египетъ и другіе случаи, когда уходилъ Христосъ, о бѣгствѣ Апостоловъ изъ Дѣяній и указываетъ на Соборное правило: „если Епископъ за исповѣданіе **вѣры, или какъ поборникъ истины, сопротивляясь властямъ нетворящимъ истины,** изъ своего города бывъ изгнанъ, въ другой городъ придетъ, не возбранится ему тамъ пребывать, пока обрѣсти возможетъ и премѣненія бывшаго на немъ досажденія". Далѣе Никонъ говоритъ: „въ то время какъ твое **благородіе съ нами въ добромъ согласіи и любви были, мы писали тебѣ великому государю, что ненависти ради людской невозможно предстательствовать въ Святой Великой Церкви — каковъ былъ тогда твой великаго государя отвѣтъ?** Письмо это хранится въ тайномъ мѣстѣ одной церкви и о томъ никто не знаетъ кромѣ насъ самихъ. Ты же смотри, благочестивѣйшій государь, **чтобы не было чего тебѣ отъ таковыхъ твоихъ грамотъ, или не будетъ ли въ судъ передъ Богомъ и созываемымъ тобой Вселен-**

скимъ Соборомъ, разсмотри все это; я уже писалъ объ этомъ къ твоему благородію, не какъ высоты сана взыскуя, желаю, чтобы, Св. Церковь безъ смущенія была, и тебѣ бы великому государю передъ Господомъ Богомъ не вмѣнился грѣхъ, не боясь Великаго Собора, но не давая святому царствію зазора, такъ какъ между двумя или тремя станеть всякъ глаголь, а наипаче во множествѣ. Вездѣ Епископы наши обвиняють насъ однимъ правиломъ Двукратнаго Собора (16 пр.) которое не о насъ писано; а какъ о нихъ предложится множество правилъ, отъ которыхъ никому нельзя будетъ избыть, тогда я думаю, ни одинъ Архіерей или пресвитерь не останется достойный, но всѣ сами постыдятся и осудятся отъ св. правилъ. Еще не внялъ и твое благородіе, что Архіереи по избраніи исповѣдали св. символъ и обѣщали св. каноны хранить непреложно... Когда придетъ время, тогда, какъ нетопырѣ усмотритъ свое дѣяніе смущающій твое преблаженство Крутицкій Митрополитъ съ Иваномъ Нероновымъ и прочими совѣтниками которые о насъ говорятъ, что словомъ клялся не быть Патріархомъ, а ихъ клятвы мы имѣемъ за ихъ руками... Слышали мы, что твое благородіе изволилъ послать со своими царскими грамотами Мелетія; согласно Карѳаг. Собора по 8 пр. можно ли такому ввѣрять такое важное дѣло, а онъ — злой челоуѣкъ, на всѣ руки подписывается и печати поддѣлываетъ, а здѣсь такое дѣло за нимъ было — чаять оно есть въ Патріаршемъ приказѣ — и извѣстно Арсенію Греку и другимъ, которыхъ онъ знаетъ; есть у тебя великаго государя своихъ много помимо такого воришки". Никонъ стремился остановить посылку Мелетія, и этимъ письмомъ, если бы оно было принято во вниманіе, была бы предотвращена и исторія поддѣлки полномочій отъ Константинопольскаго Патріарха Паисію Лигариду и вся искусственная процедура нечестиваго суда, съ рядомъ подтасовокъ каноновъ, обмановъ, подкуповъ, бросившая тѣнь не на невиннаго исповѣдника, а на тѣхъ, кто совершалъ эту комедію для полученія желательнаго для себя результата — окончательнаго удаленія Никона отъ власти. Письмо кончалось такъ: „Тѣмъ же молимъ твою кротость принять малое сіе наше написаніе, какъ Божественное, и прочитатъ съ великимъ прилежаніемъ, и Богъ мира устроитъ святое твое царство мирно и безгрѣшно, да и мы богомольцы ваши проживемъ во всякомъ благополучіи и тишинѣ"... Ааронъ привезъ письмо въ Москву, хлопоталъ тамъ, чтобы Никонъ пріѣхалъ въ Москву и видѣлся бы съ царемъ, и онъ послалъ нарочнаго съ письмомъ къ Никону: „Царское де величество пятый годъ не можетъ до-

ждаться тебя, Святѣйшій Патріархъ". Ааронъ 27 декабря явился къ царскому духовнику, подалъ письмо отъ Никона и сказалъ ему: „Патріархъ пріѣхалъ въ Черново, чтобы царь позволилъ ему пріѣхать въ Москву помолиться Пресвятой Богородицѣ и гдѣ государь велить ему очи свои видѣть". Царь отвѣтилъ духовнику: „Скажи посланному — видѣться мнѣ съ Патріархомъ на Москвѣ непригоже да и не для чего, а какъ пріѣдутъ Вселенскіе Патріархи, тогда если Богу будетъ угодно увидимся, а кромѣ того пошли въ Черново къ Патріарху окольничьяго съ порученіемъ отклонить пріѣздъ Никона въ Москву". Но Никонъ уже разѣхался съ посланнымъ и прибылъ въ Москву въ Воскресенское подворье и послалъ доложить царю. Царь разгнѣвался и сказалъ: „Патріарху не видѣть моихъ очей до пріѣзда Вселенскихъ Патріарховъ". Извѣщенный объ этомъ Никонъ въ тотъ же день уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь.

Вернувшись въ монастырь, Никонъ написалъ письмо царю съ мольбой о справедливости и о прощеніи въ своихъ винахъ: „Богомолецъ вашъ, государь, смиренный Никонъ Патріархъ Господа Бога молю о вашемъ государевомъ душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи и о еже на супостата о побѣдѣ и о одолѣніи, да дастъ Господь въ мірѣ семъ царствованіе мирно и безмятежно якоже Давиду Кроткому и Соломону Премудрому и Константину Православнѣйшему и Владиміру Приснопамятному, крестившему русскую землю, и да приложитъ ти Господь Богъ лѣта на лѣта и дни на дни до дня рода и рода". Увѣдомивъ царя о полученіи денегъ за соляныя варницы у Воскресенскаго монастыря, Никонъ продолжаетъ: „А что я писалъ къ тебѣ, великому Государю, второе мое писаніе и прошеніе, чтобы мнѣ помолиться Пресвятой Богородицѣ и Св. Образу Ея приклониться и пресвѣтлое лицо твое великаго Государя видѣть, и престолу славы царствія поклониться — въ томъ погрѣшилъ; безмѣрно и непрощенно согрѣшилъ передъ тобой, великимъ Государемъ; знаю, что мытари и лихоимцы, **которые хотятъ тебя видѣть — видятъ; одинъ только я, болѣе всѣхъ грѣшнѣйшій передъ тобой, недостойнъ тебя видѣть.** Молю тебя, великій государь, если я въ чемъ согрѣшилъ незаконно, отъ всего сердца, оставь Господа ради, да Господь Богъ оставитъ твои согрѣшенія. Хотя ты и царь земной, но и ты просишь отъ Царя, царствующаго надъ царями, Господа Бога прощеніе. Болѣе сего не могу къ милости тебя, великій государь, умолить, если симъ не умолишься". На это письмо отвѣта не послѣдовало, какъ вообще не было ни одного письма отъ царя къ Ни-

кону послѣ оставленія имъ Патріаршаго Престола. Что касается, устнаго отвѣта, то о таковомъ ничего неизвѣстно, былъ ли онъ, по изслѣдованію Гюббенета. **Письмо же Никона являетъ собой величайшее смиреніе, онъ проситъ у царя прощенія за то, что ѣхалъ къ нему, ошибочно думая, что гнѣвъ царя на него умалился.** Никонъ въ 1662 году ѣхалъ на личный разговоръ съ царемъ, отнесся къ его отказу принять его, какъ его подданный, но иначе онъ отнесся къ такому отказу, когда въ 1664 г. Никонъ пріѣзжалъ, какъ Патріархъ, въ Успенскій Соборъ, возвращаясь на престолъ.

Интересно отмѣтитъ показанія старца Аарона послѣ пріѣзда Никона въ Москву въ 1662 году. Преданность свою Никону старецъ Ааронъ доказалъ безпристрастнымъ отвѣтомъ на личномъ допросѣ царя, вскрывавшемъ наличіе у Никона многихъ сторонниковъ, преслѣдуемыхъ царемъ, и объ отсутствіи вражды у Никона къ царю личнаго характера. „Изволилъ ты, великій государь, спросить меня, убогаго богомольца твоего о томъ: кто ѣздитъ изъ твоего дому государева къ господину нашему Св. Никону Патріарху, и важивалъ ли я, убогій, письма отъ сестры твоей? И я тебѣ государю вѣстно чиню: ѣздилъ я къ Москвѣ и важивалъ письма къ духовнику Діонисію давно и отъ него духовника важивалъ же, а чьи — того онъ мнѣ не сказывалъ; а женщинъ ѣзживало много, только не всѣхъ именами знаемъ, и мы такое дѣло, Государь, въ великое не ставимъ — кто ни пріѣдетъ, въ правилахъ Св. Апостоловъ и Отцовъ того не написано въ вину, а я работалъ Божіей Церкви и питаемся отъ господина нашего Св. Никона Патріарха и того ради намъ нельзя его было не слушать. А что ты, великій Государь, молвилъ, что отъ тѣхъ ѣздовъ стала межъ вами великая смута и дѣется и до нынѣ, то я, убогій и послѣдній твой царскій богомолецъ разумѣю, что Божій есть се гнѣвъ за всемірныя грѣхи; ничто не бываетъ безъ воли Божіей, а не отъ тѣхъ ѣздоковъ и писемъ. **А что изволишь, Государь, имѣть больше всякихъ людей и прещеніемъ мукой претить; тогда больше будетъ вражды между вами — великими столпы.** Вѣдаешь и ты самъ, великій Государь, что пишетъ въ Св. Евангеліи Господь нашъ Іисусъ Христосъ: „Якоже хотите да творятъ вамъ человѣци, и вы творите имъ такожде;“ что себѣ не хочешь и инымъ не твори. Хочешь ли ты, чтобы кто сильнѣе тебя взялъ у тебя лучшихъ рабовъ и сталъ бы имъ муками грозить, чтобы они сказали тайну Твою? Или бы иной рабъ твой убѣжавъ къ врагу твоему, повѣдалъ бы тайну Твою, каково бы тебѣ мнилось на сильнаго того и на раба твоего"... Ааронъ гово-

рилъ въ данномъ случаѣ о преслѣдованіи царемъ людей за поѣздки ихъ къ Никону. Въ заключеніе онъ говоритъ: „Еще мало тебѣ, великій Государь, сотвори милость Бога ради и святыхъ Его Заповѣдей со Св. Никономъ Патріархомъ и съ нами узниками, учини миръ во Святой Церкви, чтобы не быть и впредь претыканію о семъ, и онъ тебѣ, великому Государю, не гонитель, но богомолецъ и нынѣ готовъ и умереть“.

Другая попытка была сдѣлана Никономъ въ декабрѣ 1664 г., послѣ чего онъ отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ, уѣзжая изъ Москвы, и отказался окончательно отъ мысли стать опять правящимъ Патріархомъ. Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что въ обоихъ случаяхъ и въ 1662 г., и 1664 г. Никонъ поѣхалъ въ Москву, получивъ, хотя бы и оказавшееся потомъ ложнымъ, свѣдѣніе отъ своихъ друзей о томъ, что царь его ждетъ. Такъ какъ опора царя была необходимымъ условіемъ для него возможности реально противодѣйствовать неканоническому вторженію бояръ въ церковное управленіе, то съ надеждой опять имѣть эту опору въ царѣ, онъ и могъ строить планы на возвращеніе на престолъ. Эти два появленія въ Москвѣ, въ особенности послѣднее, когда онъ пріѣхалъ въ Успенскій Соборъ и всталъ на Патріаршее мѣсто, особенно **рельефно обнаруживаютъ, что Никонъ не оставлялъ Патріаршества въ смыслѣ окончательнаго оставленія кathedры а только ушелъ отъ непокорнаго народа.** Если бы онъ совсѣмъ оставилъ кathedру, то не могло бы быть ни возвращенія на престолъ, ни той сцены въ Черневѣ 19 декабря 1664 года съ посохомъ Чудотворца Петра, когда Патріархъ не хотѣлъ его возвращать, какъ принадлежащаго ему по праву.

Пріездъ Никона въ 1664 году.

Въ 1664 году Никонъ имѣлъ особое основаніе полагать, что царь настроенъ къ нему хорошо. Если на первый разъ его хотѣлъ свести съ царемъ преданный Никону старецъ Ааронъ, то во второй разъ попытка свести ихъ, въ полной увѣренности, что личное свиданіе поможетъ новому соглашенію царя съ Никономъ, исходила отъ боярина Никиты Алексѣевича Зюзина, вполнѣ преданнаго Никону, бывшаго Путивльскимъ воеводой и получившаго боярскій чинъ при содѣйствіи Никона. Съ большимъ трудомъ, неоднократными присылками писемъ къ Никону ему удалось убѣдить Никона въ томъ, что царь хочетъ его возвращенія. Въ воздѣйствіи на Никона помогло ему то об-

стоятельство, что за нѣсколько дней до писемъ Зюзина царь очень хорошо принялъ въ Савиномъ монастырѣ Воскресенскаго архимандрита и обнаружилъ въ разговорѣ съ нимъ расположеніе къ Никону и отсутствіе на него гнѣва. Наконецъ Зюзинъ обставилъ это дѣло такъ, что Никонъ могъ повѣрить. Зюзинъ былъ ему безусловно преданъ и сообщалъ о томъ, что бояринъ Афанасій Лаврентьевичъ Ординъ Нащокинъ человѣкъ тоже къ нему расположенный, и сокрушавшійся о ссорѣ его съ царемъ, а также Матвѣевъ полковникъ сообщили Зюзину, что они знаютъ отъ царя объ отсутствіи у него гнѣва на Никона. Мало того, Зюзинъ сообщалъ со словъ якобы Нащокина и Матвѣева, будто царь имъ на заутрени 7 декабря въ церкви Евдокіи передавалъ о своемъ разговорѣ съ Воскресенскимъ архимандритомъ, присылкѣ котораго царь былъ де весьма радъ. Сообщалъ имъ царь, что, когда Григорій Нероновъ пріѣзжалъ въ Хорошево въ Николинъ день съ поносными рѣчами на Патріарха, онъ де ничему не повѣрилъ. Нашъ совѣтъ и наше обѣщаніе, будто говорилъ имъ царь, Господь Одинъ знаетъ, и душою своею отъ Патріарха не отступалъ, да ради духовенства и синклита, по нашему царскому обычаю мнѣ Патріарха звать нельзя; а хотя онъ ко мнѣ о своемъ пришествіи и отписываетъ, но ко мнѣ нельзя ему о томъ писать: я знаю его нравъ; онъ не удержится и въ сердцахъ на властей и на бояръ скажетъ, что я ему велѣлъ придти или на письмо мое откажетъ, и мнѣ это будетъ въ стыдъ, въ совѣтѣ нашемъ будетъ препона, и мнѣ всѣ поставятъ то въ непостоянство. Но, хотя я пришлю въ церковь спросить, отвѣдя подозрѣніе и **скрывая совѣтъ, то, чтобы говорилъ: по волѣ своей для церковныхъ потребъ отъѣзжалъ и опять пришелъ; кто мнѣ возбранить, кто въ Церкви указчикъ...** Царь де говорилъ, что я свидѣтелемъ поставлю Бога, что ему ни въ чемъ противникъ не буду. И о томъ душевно совѣтую, и такъ много времени прошло, что мы не сходились, врагу лишь на радость да непріятелямъ нашимъ, которые не хотятъ того видѣть, чтобы намъ въ совѣтѣ быть, что я вполнѣ знаю. Только бы Патріархъ пришелъ въ Соборную церковь къ 19 декабря въ заутреню передъ памятью Чудотворца Петра, а онъ Чудотворецъ намъ и посредникъ въ любви нашей и всѣхъ враговъ нашихъ отпрянетъ. Да сказалъ бы и то, что пришелъ для того, чтобы вмѣстѣ съ нами кровь христіанскую умирить и то его слово надобно во всенародное множество, и любо имъ, конечно, будетъ, и всѣ за то ему рады и послушны будутъ, а мы въ помощь для него и заступленіе... А ты де Афанасій моимъ словомъ прикажи Никитѣ обо всемъ этомъ отписать

къ пріятелю моему Патріарху, втайнѣ, чтобы пришелъ къ тому дню безъ всякаго опасенія, а приходъ его нуженъ къ тому дню, чтобы съ нимъ посовѣтываться о твоёмъ посольствѣ и поставить условія къ мирнымъ переговорамъ съ поляками, чтобы пожаловалъ, не покинулъ насъ однихъ; я во всемъ этомъ упованіе имѣю на Бога и на его одного молитвы, любовь и совѣтъ духовный. Паки молю его, чтобы не опасался того, что не пишу своей рукой о его приходѣ, потому что **то его дѣло и отшествіе и пришествіе, самъ бы изволилъ довершить**, никто ему не возбранить, съ Святительскаго престола я его не отсылалъ и нынѣ не возбраняю придти. Паки о томъ сугубо пишу, чтобы все сомнѣніе оставилъ и пришелъ бы не мѣшкавъ, въ тишинѣ и любви, миръ и благословеніе неся съ собой, и всѣ рады будутъ... А враги наши посрамятся, въ мѣшкотномъ его неприходѣ ничего у насъ добраго не учинилось, кромѣ вражды и мятежа... Если же сего послѣдняго онъ пріятель мой не изволить послушать, и въ томъ я поставлю свидѣтелемъ Бога, что моего прошенія было много и прежде сего, Царь де сообщаетъ, что онъ уже просилъ Никона о возвращеніи, намекая на событія 10 и 12 іюля 1658 г., и что послѣ онъ не могъ больше просить его; **знаю, что онъ учинилъ это отъ большой ревности и усердства, а нынѣ это послѣднее прошеніе**". Передавая такіе слова царя, будто бы сказанныя имъ Нащокину, Зюзинъ затѣмъ отъ него, Матвѣева, и отъ себя пишетъ Никону, что время благопріятное для примиренія съ царемъ, что, если онъ теперь не вернется, то добра не будетъ, и невозможно будетъ больше и писать ему безъ воли царской. Съ своей стороны они подтверждаютъ планъ прихода Никона въ церковь и о посылкѣ этого письма черезъ иподіакона Никиту, съ просьбой письмо возвратить. Письмо это не могло не произвести впечатлѣнія на Никона. Единственная причина, по которой онъ не считалъ возможнымъ вернуться на престолъ, гнѣвъ царскій, дѣлающій невозможнымъ для него канонически управлять Церковью, отпадала. Ему сообщалось, что царь ему противиться не будетъ, что, уйдя съ престола, Никонъ долженъ и докончить это дѣло, т. е. вернуться, разъ больше царь не противится ему и показываетъ теперь любовь ему, прося его вернуться. Письмо очень правдоподобно рисовало положеніе царя, не могущаго лично обращаться къ Никону изъ-за возможности посрамленія въ случаѣ неудачи съ приглашеніемъ Никона. Никонъ былъ въ большомъ недоумѣніи. Онъ не вѣрилъ, что такъ перемѣнилась обстановка при царѣ въ его пользу, и дважды возвращалъ письма Зюзину, но послѣ

третьяго наконецъ согласился, письма не вернулъ и обѣщаль прибыть. Рѣшеніе это и **фактъ состоявшагося прїѣзда Никона очень важны, ибо подтверждаютъ самымъ дѣломъ многократныя заявленія Никона о томъ, что онъ не отрекался отъ престола, а только отъ непокорной паствы, подъ которой разумѣлись первый сынъ Церкви — царь и окружавшіе его бояре.** Прежде, чѣмъ ѣхать въ Москву, Никонъ пережилъ большія сомнѣнія и бури душевныя, проистекавшія съ одной стороны отъ недовѣрія къ перемѣнѣ царя, а съ другой изъ такихъ сообщеній Зюзина, которыя ставили его въ положеніе не желающаго возвращаться тогда, когда причина его отсутствія отпала — прекратился гнѣвъ царя. Сообщение отъ Зюзина совпало съ усиленными размышленіями Никона о состояніи Патріаршаго престола, которыя начались еще съ начала Рождественскаго поста 1664 года. Никонъ началъ молиться въ уединеніи, чтобы найти выходъ изъ тупика, въ который зашло церковное дѣло. Вотъ, какъ передаетъ самъ Никонъ о томъ, что его окончательно побудило поѣхать въ Москву. „Слыша смятеніе и молву большую о Патріаршемъ престолѣ, удалился я 14 ноября въ пустыню, внѣ монастыря, на молитву и постъ, дабы извѣстилъ Господь чему подобаетъ быть; молился долго со слезами и не было мнѣ откровенія. Декабря отъ 13 дня уязвихомъ передъ Господомъ Богомъ молитву къ молитвѣ и слезы къ слезамъ и бдѣніе къ бдѣнію, и постъ къ посту, и постихомся даже до 17 дня; началъ поститься со вторника и постился до субботы, ничего не ѣлъ, даже и воды не пилъ, но хлѣбъ замѣнилъ молитвою и питье слезами, не ложился спать, а только, утомясь, садился на часъ въ сутки; но трудился и молился со слезами, доколѣ извѣститъ мнѣ Господь Богъ, что подобаетъ сдѣлать и что угодно Его святой волѣ. Отъ многоаго труда сѣлъ я въ церкви на своемъ мѣстѣ и, такъ какъ всѣ четыре noci и три дня я не отходилъ ко сну, то нѣсколько воздремалъ и вижу, что я нахожусь въ Соборной церкви; изъ живыхъ никого въ ней не было, а были прежде почившіе святители и священники въ священныхъ одеждахъ, ставшіе по сторонамъ, гдѣ гробницы Митрополитовъ и Патріарховъ; одинъ изъ нихъ мужъ святолѣпенъ и сѣдиною украшенный обходилъ Святителей, подносилъ имъ хартіи и киноварницу съ киноваремъ, и всѣ они подписывали. Я же со страхомъ приступивъ къ носившему хартію, спросилъ его: „что это вы подписываете? если по правдѣ, покажи мнѣ". Онъ показалъ, и я увидѣлъ, что истинно то, и спросилъ его: подпишишься ли ты? — Я подписался уже и показалъ мнѣ написанное о себѣ. Я

посмотрѣлъ со вниманіемъ и нашель: истинно написано на двухъ съ пол. строкахъ: „Смиранный Іона Божію милостію Митрополить тако страхомъ Божіемъ подписую". Я же, пріявъ дерзновеніе, пошелъ къ мѣсту и хотѣлъ взойти но нашель Святителя стоящаго на мѣстѣ въ Архіерейскомъ облаченіи и ужаснулся. Онъ же мнѣ сказалъ: „Ужасайся, брате, яко така воля Божія есть, взыди на столъ свой и паси словесныя христовы овцы, которыя тебѣ Господь поручилъ. И тотчасъ былъ невидимый, я уже утвердився изыдохъ. Стоящій Святитель — мнѣ кажется — былъ Петръ Чудотворецъ".

Это видѣніе описывалось въ письмѣ Никона къ царю, которое и было передано имъ ему тотчасъ по пріѣздѣ въ Успенскій Собор. Никонъ дѣйствительно поступилъ такъ, какъ ему совѣтывалъ Зюзинъ, и ночью пріѣхалъ въ Москву, прямо въ Успенскій Соборъ, прошелъ на Патріаршее мѣсто, приложившись къ иконамъ, и растерявшееся духовенство во главѣ съ Мѣстоблюстителемъ Патріаршаго престола Іоной, преемникомъ Митрополита Питирима съ лѣта 1664 г., подошло къ нему подъ благословеніе.

Во дворцѣ, по описанію Лигарида, произошелъ страшный переполохъ; собраны были наскоро духовныя власти, гдѣ Лигаридъ подалъ голосъ потребовать у Никона отчета, почему онъ такъ дерзновенно посягнулъ на Патріаршій престолъ, и сказать ему, чтобы онъ ждалъ рѣшенія отъ Вселенскихъ Патріарховъ. Царь велѣлъ идти въ Соборъ Митрополиту Сарскому Павлу, боярамъ князю Одоевскому, Ю. А. Долгорукому, окольникѣ Родіону Матвѣвичу Стрешневу и думному дьяку Алмазу Иванову и говорить Никону: оставилъ ты Патріаршій престолъ самовольно, обѣщая впредь не быть въ Патріархахъ, и сѣхалъ въ монастырь, чтобы тамъ жить, о чемъ и ко Вселенскимъ Патріархамъ написано, а теперь для чего въ Москву пріѣхалъ и въ Соборную церковь вошелъ безъ вѣдома великаго Государя и Освященнаго Собора?" Никонъ отвѣтилъ имъ: „Сошелъ я никѣмъ не гонимъ и пришелъ на свой престолъ никѣмъ не зовомъ для того, чтобы великій Государь кровь утолилъ и миръ учинилъ; отъ суда Вселенскихъ Патріарховъ я не бѣгаю, а пришелъ по явленію", и передалъ письмо царю, гдѣ описано бывшее ему явленіе. Безъ разрѣшенія царя письма у него не взяли, но, получивъ разрѣшеніе, взяли письмо и отъ имени царя велѣли ѣхать обратно. Никонъ отдалъ письмо и сказалъ: „Буде великому Государю пріѣздъ мой въ Москву не надобенъ, то я поѣду обратно въ монастырь, но до тѣхъ поръ пока

не получу отвѣта отъ великаго Государя изъ Соборной церкви не пойду". Письмо понесли царю и читали объясненіе Никона.

Никонъ писалъ, что причину отхожденія своего онъ исполнилъ, что помыслялъ, то сдѣлалъ, а теперь пришелъ видѣть пресвѣтлое лицо царя и поклониться престолу царства его; пришелъ онъ въ кротости и смиреніи и принесъ съ собою миръ, который подалъ Господь ученикамъ и Апостоламъ и по нимъ дѣйствующимъ въ Св. Церкви Архіереямъ, сказавъ: миръ Мой оставлю вамъ, миръ Мой даю вамъ. Имъ же Господь заповѣдалъ: въ онъ же градъ или домъ входите первѣе глаголите: миръ дому сему, и еще убо будетъ ту сынъ мира, почіетъ миръ на немъ. Но, если и больше сего, пишетъ Никонъ, восхощетъ твое царское величество слышать и научиться, то не отречемся сказать: хочеши ли Самого Христа принять? Мы твоему благородію покажемъ, какъ Господь свидѣтельствуетъ: принимающій васъ Меня принимаетъ и слушающій васъ Меня слушаетъ. Что твое благородіе изволить, то и сдѣлаетъ, или во имя Господне прими насъ и дому отверзи двери да мзда твоя по всему не отмѣнитъ по писаному. Это я написалъ твоему царскому величеству не отъ себя какъ отъ Бога передъ Богомъ о Христѣ говорю. Царь выслушалъ и приказалъ Митрополиту Павлу вновь идти къ Никону и сказать, что его письмо доложено, и чтобы онъ шелъ въ монастырь. Когда кончилась утренья, Никонъ приложился къ иконамъ, взялъ посохъ Петра Митрополита и направился къ выходу. Бояре требовали оставить посохъ, но Никонъ сказалъ: „отнимите силой“, и вышелъ. Садясь въ сани, Никонъ отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ и сказалъ евангельскія слова: „Идѣже еще не пріемлютъ васъ, исходяще изъ града того, и прахъ прилипшій къ ногамъ вашимъ отрясите“. Провожать Никона по приказу царя отправились Д. А. Долгорукій и Артамонъ Матвѣевъ. Матвѣевъ сказалъ: „Мы этотъ прахъ подметемъ“. — **„Размететъ васъ, сказалъ Никонъ, указывая на комету, сія метла, явившаяся на небеси, хвостатая звѣзда“. По поводу этого пріѣзда Никона возникли судебныя разбирательства съ одной стороны относительно Зюзина и лицъ, передававшихъ его письма Никону, а съ другой стороны относительно Мѣстоблюстителя Митрополита Іоны, принявшаго благословеніе отъ Никона. Уловка Зюзина послѣ его признанія и допроса Нащокина и Матвѣева, совершенно ничего не передававшихъ Зюзину отъ царя, выяснилась, и онъ былъ сосланъ въ Казань съ конфискаціей имущества (V, 558) послѣ того, какъ боярскій приговоръ о смертной казни для него не былъ утвержденъ**

царемъ по ходатайству родныхъ царя; священникъ Сысой сосланъ въ Соловецкій монастырь. Арестованный иподіаконъ Никита умеръ отъ страха и былъ погребенъ самимъ Никономъ, какъ мученикъ, съ крестнымъ ходомъ и похороненъ подлѣ того мѣста, которое завѣщаль Никонъ для своей могилы (IV, 526).

Отстраненіе въ январѣ 1665 г. отъ Мѣстоблюстительства Митрополита Іоны за принятіе благословенія отъ Никона.

Митрополитъ Іона, оправдавшійся своей растерянностью отъ пріѣзда Никона и доказавшій свою непричастность къ пріѣзду Никона, былъ отставленъ отъ Мѣстоблюстительства Патріаршаго престола. Царь разсылалъ циркуляръ отъ 20/3 1665 всѣмъ Епископамъ о постановленіи Соборномъ, о Митрополитѣ Іонѣ, гдѣ сказано, что всѣ Епископы запрошены были о томъ, можетъ ли оставаться Мѣстоблюстителемъ Митрополитъ Іона, который безъ вѣдома насъ, великаго Государя, и безъ совѣта съ бывшими въ Москвѣ собратьями пошелъ подѣ благословеніе къ бывшему Патріарху Никону. „И ты богомолецъ и другіе Митрополиты и Архіепископы писали своимъ собратьямъ и дали свои мнѣнія, что Митрополитъ Іона, не ожидая рѣшенія Вселенскихъ Патріарховъ (но законы отлучаютъ и низвергаютъ всякаго, кто, не ожидая соборнаго рѣшенія, отклонитъ общеніе съ своимъ духовнымъ начальникомъ), вошелъ въ общеніе съ бывшимъ Патріархомъ Никономъ, и за это великое небреженіе, согласно канонамъ Святыхъ Отцовъ (въ дѣйствительности, согласно волѣ царя, который своей волей замѣняетъ всѣ каноны, и согласно приговора благочестивыхъ бояръ, которые исправляютъ и руководятъ даже самимъ царемъ) не долженъ быть Мѣстоблюстителемъ Церкви. Мы, великій Государь, совѣтовавъ со Священнымъ Соборомъ, постановили, что названный Митрополитъ Іона **долженъ оставаться въ своей Ростовской епархіи и, чтобы на его мѣсто былъ Мѣстоблюстителемъ Митрополитъ Павелъ.** Такимъ образомъ, прибавляетъ Пальмеръ (IV, 574), царь, посовѣтовавъ со Священнымъ Соборомъ, смѣнялъ одного викарія и назначалъ другого, совершенно также, какъ, посовѣтовавъ съ боярами, онъ обыкновенно смѣнялъ и назначалъ гражданскихъ чиновниковъ.

Переговоры Никона съ Соборомъ объ условіяхъ отреченія отъ кафедры въ январѣ 1665 года.

Никону такимъ образомъ пришлось убѣдиться, что его паства въ лицѣ ея первыхъ членовъ, царя и бояръ, окончательно его оставила, и

тогда онъ сдѣлалъ въ январѣ; 1665 г. докладъ объ условіяхъ отреченія имъ отъ Патріаршаго престола, который разсматривался Соборомъ русскихъ Епископовъ въ февралѣ 1666 г. Когда послѣ перваго ухода въ іюлѣ 1658 г. онъ предлагалъ отреченіе и свое содѣйствіе въ поставленіи новаго Патріарха съ условіемъ обращенія съ нимъ самимъ не какъ съ преступникомъ, а какъ съ Патріархомъ, такъ и теперь, послѣ окончательнаго его оставленія паствой въ декабрѣ 1664 г., онъ возобновилъ свой планъ, убѣждая царя не привлекать греческихъ Патріарховъ въ Москву. Но, какъ и въ 1660 г., Никонъ не получилъ никакого отвѣта на свои письменныя предложенія, какъ объ этомъ сообщаетъ самъ Никонъ въ своемъ письмѣ къ Константинопольскому Патріарху Діонисію; объ этихъ предложеніяхъ стало извѣстно только потому, что Синодъ весной 1666 года ихъ изучалъ и составлялъ свой проектъ (IV, 600). Еще настигнутый въ Черновѣ 19 дек. 1664 г. ночью для отобранія у него Патріаршаго жезла, Никонъ просилъ Митрополита Павла передать царю: „Онъ де знаетъ о посылкѣ царя къ Вселенскимъ Патріархамъ для суда объ уходѣ и о поставленіи другого Патріарха, и онъ проситъ царя не посылать за ними, ибо онъ самъ, какъ и раньше обѣщалъ, такъ и теперь обѣщаетъ не возвращаться на кафедру и предоставляетъ Священному Собору съ содѣйствіемъ царя поставить на его мѣсто Патріарха. Самъ онъ обѣщаетъ не вмѣшиваться въ Патріаршія дѣла послѣ поставленія новаго Патріарха съ тѣмъ, чтобы ему предоставили жить въ его монастыряхъ, самостоятельно имъ управляемыхъ, не подъ властью новаго Патріарха, а какъ братъ ему. Жезлъ свой онъ отправляетъ со своимъ архимандритомъ Герасимомъ. Одновременно Никонъ передалъ, послѣ Митрополичьихъ требованій, и письма Зюзина съ объясненіемъ своего пришествія. Однако, отъ Никона хотѣли получить письменное изложеніе этихъ заявленій, можетъ быть, для того, чтобы потомъ истолковать ихъ, какъ отреченіе.

14 января 1665 г. къ нему прибыли, въ качествѣ посланныхъ отъ царя, архимандритъ Чудова монастыря Іоакимъ и Дементій Башмаковъ. Никонъ вручилъ имъ условія своего отреченія на письмѣ, датированномъ 14 января 1665 года. Тамъ онъ обѣщаетъ жить въ одномъ изъ основанныхъ имъ монастырей или приписанныхъ къ нимъ; заявляетъ, что въ управленіи ими будетъ руководствоваться заповѣдями Св. Евангелія, правилами Св. Апостоловъ, Святыхъ Отцовъ семи Вселенскихъ и другихъ Помѣстныхъ Соборовъ и другими Священными Книгами, принятыми Святой Апостольской Церковью, равно и

изданными въ дополненіе къ нимъ царскими законами, принятыми ею. Руководствами будутъ служить исправленныя по совѣту съ Восточными Патріархами книги: служебникъ, требникъ и прочія св. книги, исправленныя по старымъ греческимъ книгамъ, „и имѣть мнѣ любовь и единеніе со Вселенскими Патріархами во всемъ неотмѣнно. Когда случится мнѣ надобность придти въ Москву поклониться образу Пресвятой Богородицы и лицу великаго Государя видѣть и благословеніе подать и престолу царства его поклониться, то чтобы мнѣ не возбранять, а мнѣ безъ указа великаго Государя и безъ совѣта брата нашего Св. Патріарха Московскаго противъ Божественныхъ законовъ ничего не дѣлать". Никонъ желаетъ утвержденія со стороны царя всѣхъ грамотъ на земли, пожалованныя царемъ его монастырямъ. Изъ священныхъ Архіерейскихъ одеждъ выдать сколько укажетъ царь, ибо старыя износились. Изъ церковныхъ доходовъ выдать ему въ милостыню по усмотрѣнію царя. Никонъ обѣщаетъ въ духовныя и иныя дѣла новаго Патріарха, Митрополитовъ, Епископовъ и монастырей, приходскихъ церквей не вступаться и не посылать никого, а только хочетъ для себя права посвящать въ свои монастыри архимандритовъ, игуменовъ самъ, пока онъ живъ. По кончинѣ своей Никонъ проситъ царя, синклиту и Соборъ его обители отписать въ книги къ царствующему граду Москвѣ, къ епархіи, а не къ Патріаршему дому нашего брата и сослужителя Московскаго Патріарха (IV, 592), ибо всѣ онѣ основаны его благословеніемъ изъ излишковъ доходовъ царствующаго града Москвы, по соглашенію съ царемъ, а не благословеніемъ Митрополитовъ и Епископовъ (Это желаніе Никона показываетъ, насколько нелѣпо было обвинять его въ созданіи какого-то папскаго государства въ видѣ особо разросшейся Патріаршей области). Никонъ отстаиваетъ, согласно съ канонами и царскими законами, право для своихъ духовныхъ лицъ ни въ какихъ дѣлахъ не привлекаться къ свѣтскимъ судамъ, и разсматривать ихъ по канонамъ и царскимъ законамъ, помѣщеннымъ въ Номоканонъ. Онъ выговариваетъ право для монастырей быть занесенными въ реестръ въ соотвѣтствіи съ ихъ удѣльнымъ вѣсомъ и архимандритамъ ихъ быть приглашаемыми на Соборы, которые будутъ по благословенію Патріарха и по указу царя. Самъ онъ не будетъ писаться Патріархомъ Московскимъ и всея Руси, но такъ: „Смиранный Никонъ, милостію Божіею Патріархъ" по обычаю Константинопольскихъ Патріарховъ, оставившихъ свои престо-

лы. Имя его считать въ ряду Московскихъ Патріарховъ безъ измѣненія, не препятствовать благочестивымъ людямъ къ нему приходить и выпустить на свободу и простить всѣхъ арестованныхъ за сочувствіе Никону. Никонъ обѣщаетъ простить всѣхъ Архіереевъ, неправильно его осудившихъ, и бояръ, злословившихъ и клеветавшихъ насъ, Симеона Стрешнева, Романа Боборыкина, и Ивана Сытина, если они покаются. **Никонъ оставляетъ за собой право приходить на Соборы безпрепятственно и сидѣть подлѣ правящаго Патріарха выше Митрополитовъ, Архіереевъ и Епископовъ.** Никонъ говорить: „что я по отшествіи изъ Патріаршества въ огорченіи и великой кручинѣ, жалуясь Господу Богу на царское величество, на синклитъ и на Священный Соборъ, судъ Божій износилъ — о томъ мнѣ молить Бога, да милостивый Господь будетъ мнѣ и по данной намъ Архіереямъ благодати святымъ молитвословіемъ разрѣшить (IV, 589—599).

Однако, Никонъ прибавлялъ, что, если что либо будетъ сдѣлано относительно поставленія Патріарха вопреки Божественнымъ канонамъ и постановленіямъ и узамъ любви, **властью этого міра**, тогда избранный такимъ образомъ не долженъ называться Патріархомъ, но будетъ **прелюбодѣй и разбойникъ и тогда вмѣсто мира придетъ мечъ Божій и раздѣленіе согласно Божественному Слову**": „Не думайте, что Я принесъ миръ на землю; я не принесъ миръ, но мечъ. Ибо Я пришелъ поставить сына противъ отца..." А въ другомъ мѣстѣ Писаніе говоритъ: „Всякое царство раздѣлившееся приводится къ опустошенію и всякій градъ или домъ, раздѣлившійся на ся не устоитъ". Сравненіе кафедры Епископа съ женой есть явленіе укоренившееся въ Церкви, и Никоновское уподобленіе показываетъ только, что онъ относилъ и къ первому Епископу, начальному отцу, ту привилегію, которая была достояніемъ cadaго епархіальнаго Архіерея, относилъ эту нерасторжимость союза безъ согласія жены, не только къ Патріарху, какъ Епископу определенной епархіи, но и къ Патріарху, какъ начальному Епископу, пастырю пастырей.

Проф. Троицкій пишетъ: „Каноны указываютъ на существованіе тѣснѣйшихъ и неразрывныхъ узъ, связывающихъ Епископа съ его епархіей. Эти узы отцы Церкви прямо уподобляютъ по ихъ неразрывности брачнымъ узамъ, почему неимѣющую Епископа епархію и называютъ вдовствующей (IV, 25). Уже начиная съ IV вѣка мы встрѣчаемъ толкованіе словъ Апостола „единныя жены мужъ" въ примѣненіи къ Епископу въ томъ смыслѣ, что подъ женой Епископа

слѣдуетъ разумѣть его епархію, мѣнять которую онъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ. На западѣ о такомъ толкованіи упоминаетъ Блаженный Іеронимъ, на востокѣ Блаженный Теофилактъ Болгарскій. Это искусственное толкованіе словъ Апостола показываетъ однако, какъ смотрѣла древняя Церковь на отношенія Епископа къ епархіи. Съ другой стороны въ древнихъ церковныхъ памятникахъ незаконное занятіе Епископомъ чужой кафедры часто называется прелюбодѣянiемъ. Такъ Соборъ 336 г. обвинилъ Константинопольскаго Епископа Анфима, что онъ „прелюбодѣйно посягнулъ на Епископскую кафедру этого города вопреки церковнымъ канонамъ; также называлъ Евстафій прелюбодѣянiемъ его поступокъ съ Церковью, имѣющей уже своего жениха. Никита Пафлагонъ сообщаетъ о Соборѣ 869 г., что отцы Собора низложили Фотія и отлучили, „какъ за прелюбодѣянiе“, за занятіе Константинопольской кафедры при жизни Патріарха Игнатія".

Никонъ и въ данномъ случаѣ охранялъ церковный строй, ограждая свой Патріаршій санъ отъ безчинія. Строй этотъ, запечатлѣнный святыми канонами, онъ считалъ неприкосновеннымъ не только для свѣтской власти, но и для носителей высшаго духовнаго сана, когда эти носители призваны въ судебномъ порядкѣ примѣнять каноны. И въ другомъ случаѣ Никонъ подчеркивалъ эту связанность церковныхъ властей канонами и связь между благоденствіемъ государства и почитаніемъ каноновъ Церкви. Такъ онъ писалъ еще въ декабрѣ 1664 г.: „Мы не отклоняемъ Собора, но хвалимъ такое намѣреніе (созвать Соборъ) какъ **благочестивое, если Патріархи сами хотятъ сюда прибыть и судить согласно заповѣдямъ Евангелія, канонамъ Св. Апостоль и Св. Отець...**“ Но одновременно какое то предчувствіе Никона, основанное вѣроятно на томъ, что онъ зналъ о томъ, кто руководители обвиненій противъ него — преступники и продажные Лигаридъ и Мелетій, — заставляло Никона писать царю въ томъ же письмѣ: „**Я пишу не изъ желанія Патріаршей кафедры; мое желаніе, чтобы Св. Церковь пребывала безъ смуты, и чтобы ты не навлекъ грѣха въ очахъ Божіихъ; я пишу не изъ боязни для себя Великаго Собора, но не желая, чтобы на твое святое царство было навлечено несчастье**“. Никонъ и позже, когда подкупной Соборъ лишилъ его сана и принудилъ къ ссылкѣ послѣ цѣлаго ряда своихъ неправосудныхъ дѣйствій, не признавалъ его постановленія и нѣсколько разъ засвидѣтельствовалъ объ этомъ: въ ссылкѣ своей надписью на крестѣ, поставленномъ имъ самимъ на имъ же соору-

женномъ каменномъ островѣ среди озера около Терапонтѣва монастыря, гдѣ сказано: „Смиранный Никонъ Патріархъ, заточенный за Слово Божіе и за Св. Церковь". Также онъ заявлялъ въ ссылкѣ: „Если нечестивый приговоръ Вселенскихъ Патріарховъ не будетъ отмѣненъ, добра ждать нечего (для царства)". Наконецъ, онъ всегда подписывался Патріархомъ и въ письмахъ къ царю изъ ссылки, ибо ему ясно было, что судъ надъ нимъ происходилъ не по канонамъ, а былъ цѣлымъ рядомъ правонарушеній; на нѣкоторыя изъ нихъ онъ указалъ и въ судѣ. Это былъ не судъ, а расправа сильной властью стороны надъ своимъ идейнымъ противникомъ, котораго было предрѣшено осудить и заточить съ сохраненіемъ внѣшнихъ формъ суда.

Проектъ контръ-предложеній Никону на Соборѣ в февралѣ 1666 г.

Противорѣчіе ихъ Архіерейскими взглядами на положеніе Никона въ декабрѣ 1666 г.

У Пальмера (IV, 624-651) приведенъ проектъ Соборнаго постановленія въ отвѣтъ на предложеніе Никона, составленный весной 1666 г. и представляющій полную неустойчивость воззрѣній у Архіереевъ русскихъ относительно положенія Патріарха Никона послѣ его ухода. Прежде всего Соборъ всюду титулуетъ его Св. Патріархомъ и признаетъ, что Никонъ въ будущемъ долженъ титуловаться, какъ онъ предлагаетъ: „Смиранный Никонъ Божіею милостью Патріархъ". Онъ разрѣшаетъ ему приходить на Соборъ, созываемый Патріархомъ, и имѣть мѣсто подлѣ него выше всѣхъ Митрополитовъ и Архіепископовъ (IV, 636 и 637). Что касается того, что Никонъ готовъ былъ простить Архіереевъ за судъ надъ ними, если покаются, то Соборъ сказалъ, что не въ чемъ каяться, ибо Св. Патріархъ Никонъ, очевидно, неправильно освѣдомленъ, нѣкоторые же люди ему нагали на Соборъ и смутили его. Онъ предполагаетъ, что Соборъ 1660 г. вынесъ рѣшеніе противъ него, но это не такъ (IV, 594), (а между прочимъ послѣ низверженія Никона оба Восточные Патріарха писали, что они только утвердили то, что совершенно канонически (?) постановилъ Соборъ Русскихъ Архіереевъ 1660 г.). Далѣе въ Соборномъ проектѣ говорится, что Архіереевъ созвалъ царь въ виду вдовства Церкви, что они разсматривали показанія свидѣтелей объ уходѣ Никона и приняли къ свѣдѣнію, что Патріархъ Никонъ ушелъ съ кафедры своей волей, отрекся отъ Патріаршества и объявилъ, что больше не будетъ Патріархомъ, а послѣ писался царю „бывшимъ Патріархомъ". Поэтому, они рѣшили

избрать новаго Патріарха, какъ и раньше поступала въ такихъ случаяхъ Церковь, но что Св. Патріархъ Никонъ не былъ судимъ Соборомъ, ни осужденъ, ни удаленъ, ни приговоренъ къ изгнанію, ни къ изверженію изъ сана. Если Патріархъ Никонъ писалъ, что его Епископы судили незаконно, то это по ложной освѣдомленности". Странно читать такія заявленія Собора, когда черезъ полгода отъ тѣхъ же Архіереевъ посыпались яростныя нападки на Никона и требованія его низвергнуть изъ сана. Очевидно, въ февралѣ 1666 года Архіереи еще не были увѣрены, какой оборотъ приметъ судъ Восточныхъ Патріарховъ. Архіерейскій Соборъ въ февралѣ 1666 г. пошелъ навстрѣчу Никоновскимъ желаніямъ, но не соглашался только, чтобы Никоновскіе монастыри были изъяты изъ-подъ юрисдикціи новаго Патріарха (IV, 630), какъ того хотѣлъ Никонъ; они требовали, чтобы Никонъ подчинился ему, какъ и всякій Епископъ, и безъ его воли и благословенія ничего не предпринималъ, ибо по 8 пр. I Вселенскаго Собора не можетъ быть двухъ Епископовъ въ одномъ городѣ. „Такъ какъ Никонъ обѣщаетъ не вмѣшиваться въ духовныя дѣла царства и обѣщаетъ соблюдать каноны, которые запрещаютъ посвящать клириковъ въ чужихъ епархіяхъ и дѣлать какія либо Епископскіе акты безъ разрѣшенія мѣстнаго Епископа, то мы и требуемъ, чтобы Никонъ не осуществлялъ юрисдикціи въ монастыряхъ безъ согласія Св. Патріарха, или Митрополита, или Архіепископа или Епископа въ какихъ бы то ни было духовныхъ дѣлахъ, но онъ долженъ обращаться къ Епископу той епархіи, которой принадлежитъ соотвѣтствующій монастырь, и съ его согласія можетъ дѣлать разрѣшенные ему акты, но безъ этого разрѣшенія ни въ какомъ случаѣ. Власть духовная и юрисдикція, въ силу 4 пр. IV Вс. Соб.; I Двукр. и 85 Карѣ., надъ монастырями предоставляется соотвѣтствующимъ Епископамъ, а не Никону, которому однако дается внѣшняя власть надъ владѣніями въ смыслѣ хозяйственнаго управленія ими, но не въ духовныхъ дѣлахъ (IV, 633). Права посвящать игуменовъ и архимандритовъ въ своихъ монастыряхъ предоставлялись на усмотрѣніе правящаго Патріарха и соотвѣтствующихъ Епископовъ, въ зависимости отъ нахождения монастыря, ибо 13 Ант. пр. запрещаетъ Епископу посвящать въ чужой епархіи. О неподсудности духовныхъ лицъ свѣтскимъ судамъ Соборъ приравнивалъ духовенство Никоновскихъ монастырей ко всѣмъ прочимъ монастырямъ. Также, всѣ монастыри послѣ смерти Никона Соборъ хочетъ передать епархіямъ по мѣсту нахождения монастырей. Такъ Никонъ, по

предложенію русскихъ Архіереевъ, не лишался бы священства, а жилъ бы въ своихъ монастыряхъ и хозяйничалъ на положеніи правящаго архимандрита, однако, съ правомъ совершать дѣйствія, свойственныя Епископскому сану посвященія духовныхъ лицъ съ разрѣшенія соотвѣтствующаго епархіальнаго начальства. Относительно избранія новаго Патріарха Соборъ писалъ, что новый Патріархъ будетъ избранъ по старому обычаю; именно, выберетъ Соборъ съ содѣйствіемъ царя, и что Патріархъ по обычаю долженъ быть посвященъ своими Епископами съ благословенія Константинопольскаго Патріарха, а свѣтскія власти не избирали Патріарховъ и теперь избирать не будутъ. Новаго Патріарха Св. Патріархъ Никонъ долженъ будетъ поминать на первомъ мѣстѣ и приказывать объ этомъ въ своихъ монастыряхъ и почитать его главнымъ пастыремъ и начальникомъ. Если Патріархъ Никонъ не будетъ ему повиноваться, то новый Патріархъ можетъ судить Патріарха Никона по канонамъ, ибо не можетъ быть двухъ равныхъ Патріарховъ. Но этому проекту не суждено было осуществиться, и самъ Никонъ ничего не зналъ объ его существованіи: ни онъ, ни кто другой о судьбѣ проекта ничего не сообщаетъ.

Контръ-предложеніе Собора Никону весной 1666 г. Есть признаніе, что Никонъ не отрекался отъ каведры.

Таково было мнѣніе русскихъ Епископовъ относительно будущаго положенія Никона, представленное ими въ отвѣтъ на предъявленные имъ царемъ предложенія Никона. Оно принимало отреченіе Никона отъ Патріаршаго престола, но не лишало, какъ видимъ, Никона Епископскаго сана, ограничивало его административныя права по управленію монастырями канонической зависимостью отъ соотвѣтствующей епархіальной власти, и подчиняло его общей власти Патріарха. Это контръ-предложеніе было побѣдой утвержденія Никона, что Соборъ 1660 г. канонически не дѣйствителенъ, что уходъ его не былъ отреченіемъ отъ Патріаршаго престола, что онъ не подлежитъ за него наказанію, ибо уходъ былъ актомъ Архипастырства, а не наказуемымъ дѣяніемъ, что Епископы не могутъ судить своего Патріарха; а, судя по общему тону контръ-предложеній, Соборъ и не находилъ ничего, за что судить Никона, и давалъ ему почетное положеніе съ сохраненіемъ титула Патріарха, озаботившись, лишь предотвращеніемъ возможности двоевластія.

Насиліе, совершенное судомъ 1666 г. надъ Патріархомъ Никономъ, подрываетъ значеніе самага Патріаршества.

Такое рѣшеніе вопроса соотвѣтствовало бы достоинству Патріаршаго сана и устранило бы отъ Русской Церкви то посрамленіе, въ которое ее ввергли греки, руководимые Паисіемъ Лигаридомъ, и бояре черезъ участіе въ приговорѣ 5 декабря 1666 г., направленномъ на униженіе величайшаго Русскаго Патріарха и на достоинство Московскаго Патріаршаго престола. **Идеѣ самостоятельнаго въ церковныхъ дѣлахъ Патріарха нанесенъ былъ непоправимый уронъ. Оставалось по внѣшности учрежденіе изъ котораго была вынута душа, и Патріархъ сталъ простымъ викаріемъ царя.** Разъ представитель Высшей Церковной Власти былъ сведенъ на роль подсобнаго орудія царя, то надо только ждать того времени, когда бы царь рѣшилъ, что орудіе власти можетъ быть устроено и другое, болѣе гибкое и удобное для воздѣйствія. Тогда явились и теоретики, ставшіе по протестантской указкѣ объяснять, что внѣшнее устройство Церкви не есть по существу даже дѣло церковной власти, а дѣло свѣтской. Все Никоновское возрѣніе является рѣшительнымъ протестомъ противъ такого пониманія, которое проложило дорогу Петровской реформѣ и коренному измѣненію положенія Церкви в русскомъ государствѣ, съ утратой каноническихъ основъ управленія вплоть до возстановленія Московскаго Патріаршества въ 1917 году. Возрѣнію на Патріаршество, какъ на учрежденіе, существующее въ силу акта церковной власти, соотвѣтствовало и первое учрежденіе Патріаршества въ Россіи въ 1589 году, и его возстановленіе собственными церковными силами безъ всякаго содѣйствія государства въ 1917 г. Когда шла рѣчь о введеніи Патріаршества въ 1589 г. Архіереи на Соборѣ сказали царю, когда была поставлена на обсужденіе мысль о введеніи Патріаршества: „Аще восхощетъ благочестивая ти держава, да возвѣстится о семъ писаніемъ Вселенскимъ 4 Патріархамъ и симъ комуждо со своими Митрополиты и Епископы совѣтовавшимъ и писаніемъ между собой согласившими, Богу помогающе, удобъ такое начинаніе къ совершенію прійти возможно; понеже благочестивая ти держава и мы всѣ имѣемъ сихъ, яко столбъ благочестію... Но и паче же сего ради, да не возмнитца, о благочестивый царю, инѣмъ языкомъ, наипаче же пишущимъ на святую вѣру латынамъ и прочимъ еретикамъ, яко въ царствующемъ градѣ Москвѣ Патріаршій престоль устроился токмо единою ти царской вла-

стью". На это лѣтопись замѣчаетъ: „Благочестивый царь, сіе слышавъ не тяжко внять о семъ, аще и по власти можаше высочайшій престоль Патріаршій устроить, яко царь и самодержецъ; но обаче изволи повинутися волѣ Божіей и Святительскому Совѣту; наипаче же по всему явился, **яко сынъ и послушникъ Святыя Церкви**". Видно, что и во времена полного правительственного смѣшенія церковнаго и государственнаго мысль о принципиальной самостоятельности церковнаго управленія не умирала въ Московскомъ государствѣ. Но Никонъ впервые на Руси Московской ее такъ выпукло выдѣлилъ и обосновалъ.

Развитіе церковной Іерархіи по Никону.

Въ соотвѣтствіи съ своей теоріей царской власти, не входящей у него интегральной частью въ составъ власти церковной, а являющейся органомъ другого союза и выступающей по отношенію къ Церкви лишь въ качествѣ власти предлагающей, Никонъ далъ свое пониманіе развитія Іерархіи чисто церковное, путемъ, при которомъ политическія причины могутъ быть опредѣляющимъ факторомъ, однако рѣшающей инстанціей является всегда власть церковная. Чтобы показать это, онъ говоритъ о развитіи Іерархіи, начиная со дня Сошествія Святаго Духа на Апостоловъ, объ ихъ расхожденіи по разнымъ странамъ и о дальнѣйшемъ продолженіи ихъ дѣятельности черезъ посвященіе ими Епископовъ.

Онъ говоритъ между прочимъ (I, 229) о поставленіи Апостоломъ Петромъ Св. Марка въ Александріи, Апостоломъ Андреемъ Ап. Стахія, упоминаемаго Ап. Павломъ въ посланіи къ Римлянамъ, первымъ Византійскимъ Епископомъ, признаетъ достовѣрнымъ извѣстіе о путешествіи Св. Апостола Андрея Первозваннаго въ Кіевъ, гдѣ онъ будто бы воздвигнулъ Животворящій Крестъ и послѣ благословилъ Великій Новгородъ. „Благодатью Духа Святаго, пишетъ Никонъ, были установлены приматства или первыя каѳедры пяти главъ Іерархіи, именно Рима, Константинополя, Александріи, Антіохіи и Іерусалима, какъ члены одного тѣла, чтобы въ согласіи поддерживать единую вѣру подъ единой главой нашего Спасителя Іисуса Христа. И первоначально высшимъ былъ Папа Римскій, и, когда Папа умеръ, тогда совѣтомъ и избраніемъ четырехъ Вселенскихъ Патріарховъ другой былъ назначенъ на Апостольскую кафедру. Равнымъ образомъ, когда кто либо изъ четырехъ Патріарховъ умиралъ, тогда совѣтомъ Папы Римскаго и избраніемъ трехъ Патріарховъ поставлял-

ся четвертый. Но когда Папа Римскій впалъ въ ересь, онъ былъ исключень изъ общенія четырехъ Патріарховъ и отъ обычнаго поминовенія, и послѣ него первенство перешло къ Патріарху Константинопольскому" (1, 230). **Говоря объ учрежденіи Патріаршества въ Россіи, Никонъ отгѣняетъ участіе въ этомъ церковныхъ органовъ власти.** Онъ говоритъ о путешествіи Патріарха Константинопольскаго Іереміи въ Москву, о томъ, что онъ предложилъ учредить Патріаршество въ Россіи въ виду размѣровъ и благоденствія русскаго царства; о томъ, что Митрополитъ Іовъ былъ избранъ Вселенскимъ Патріархомъ Іереміей и греческими Епископами и всѣми русскими Епископами по совѣту царя и наречень и посвященъ благодатью Святаго Духа (I, 231). Никонъ рассказываетъ (I, 232) о томъ, какъ Іерусалимскій Патріархъ Теофанъ въ 1619 году вмѣстѣ съ Митрополитами, Архіепископами и Епископами избрали Патріарха Филарета, блаженной памяти и не безъ свидѣтельства (т. е. оправдывая то, что они дѣлали). Они нашли въ архивѣ грамоту Патріарха Іереміи и остальныхъ Вселенскихъ Патріарховъ объ учрежденіи въ Россіи Патріаршества. Такъ они посвятили Патріарха Филарета благодатью Святаго Духа, а не по простому желанію царя, какъ свидѣлствуютъ священные документы. Если бы Патріархи были избираемы только царемъ, то это не осталось бы не упомянутымъ въ грамотѣ Іереміи, писанной совмѣстно съ другими Патріархами, и въ грамотѣ Патріарха Теофана. Но они не только сказали о посвященіи Патріарха благодатью Святаго Духа, но Патріархъ Теофанъ оставилъ наказъ царю Михалу Ѳеодоровичу: „Благодатью, данной отъ Святаго Духа, мы наказываемъ ему, чтобы онъ хранилъ и осуществлялъ къ вновь назначенному Патріарху Филарету Никитичу, Божіей милостью Патріарху Москвы и всея Руси, любовь, милость, щедрость и превыше всего, долженъ имѣть къ нему повиновеніе въ духовныхъ дѣлахъ и подчиненіе въ вещахъ тѣлесныхъ (ибо Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ ему сынъ), и всегда его почитать, какъ своего главу, любящаго пастыря и отца, радѣющаго объ его спасеніи". Къ тому же послушанію въ духовныхъ дѣлахъ Патріарху призываетъ въ поученіи Теофанъ и бояръ, **къ послушанію ему, какъ отцу и учителю, согласно Божіей заповѣди: Слушающій васъ Меня слушаетъ** (Лук. X, 16). И въ концѣ концовъ свою исторію происхожденія Іерархіи Никонъ заканчиваетъ такъ: „Видишь ли, нечестивый вопрошатель, какъ священство имѣетъ свое начало отъ Бога, а не отъ людей и не отъ человѣка, и старое и новозавѣтное священство, а нико-

имъ образомъ не отъ царей, какъ ты думаешь" (1, 234). Для насъ важна не историческая точность воспроизведенія Никономъ развитія духовной Іерархіи, а принципъ, положенный имъ въ основу ея развитія, непризнающій за властью свѣтской въ этомъ дѣлѣ опредѣляющаго значенія.

И, чтобы запечатлѣть въ дѣйствующемъ церковномъ правѣ ученіе о самостоятельной природѣ Высшей Іерархіи Никонъ внесъ въ кодексъ Церковнаго права — Кормчую соотвѣтствующія три дополненія въ ея началѣ: 1) о томъ, почему четыре Патріарха исключили Римскаго Папу изъ Божественной Восточной Церкви, изъ обычнаго повиновенія и изъ союза любви и перестали искать у него своего утвержденія (также о принятіи Патріаршаго титула сербскими и болгарскими Митрополитами). Здѣсь говорилось, что послѣ смерти Апостоловъ Божественно вдохновенные Отцы — ихъ преемники установили, чтобы вмѣсто двухъ князей Апостоловъ Петра и Павла занималъ Апостольскую кафедру Папа Римскій, а за Папами Римскими четыре Патріарха вмѣсто четырехъ Евангелистовъ имѣли первенство въ главныхъ городахъ: Константинополѣ, Александріи, Антіохіи и Іерусалимѣ, имѣя согласіе, какъ части одного учрежденія. Такъ высшимъ братомъ былъ Папа Римскій, и потому, что Римъ былъ первой столицей и потому, что Папа былъ вмѣсто двухъ князей Апостоловъ — Петра и Павла. 2) Объ обращеніи и крещеніи Руси, какъ по Божественному промыслу русскіе получили христіанскую вѣру и ея священство отъ Константинопольской Церкви, и 3) о поставленіи Патріарха Филарета. Послѣднее имѣло значеніе по нахожденію въ немъ опредѣленія объ отношеніи царской власти къ духовной въ духовныхъ дѣлахъ. Приложенная въ концѣ Кормчей статья о Римскомъ отпаденіи заканчивала утвержденіе церковнаго строя, поскольку въ пентархіи пяти Патріарховъ мѣсто отпавшаго Римскаго Папы призывался занять Патріархъ Московскій.

Теорія Феофана Прокоповича о царѣ-носителѣ церковной власти въ противоположность Никону.

Теоріи Никона о самостоятельномъ ростѣ Церковной Іерархіи, опредѣляемомъ церковными законами, такъ живо подтверждаемомъ на нашихъ глазахъ возстановленіемъ Московскаго Патріаршества безъ всякаго содѣйствія государственной власти, при Петрѣ Феофаномъ Прокоповичемъ была противопоставлена другая теорія въ соотвѣтствіи съ цезарепапистской теоріей Царя-Первосвященника въ статьѣ. 1721 г. „Розыскъ историческій коихъ ради винъ и въ яковомъ

разумѣ были и нарицалися императоры Римскіе, какъ языческіе такъ и христіанскіе, понтифексами или Архіереями многобожественнаго закона; а въ законѣ христіанскомъ христіанскіе государи могутъ ли нарецися Епископы и Архіереи, и въ какомъ разумѣ?"

Цитатами изъ древнихъ языческихъ писателей Овидія, Цицерона, Тацита, Плинія, Тита Ливія и Плутарха Теофанъ доказываетъ, что Римскій императоръ носилъ названіе понтифекса ради 4 винъ, 1) что онъ ни отъ кого не былъ судимъ въ дѣлахъ управленія своего, что 2) понтифексъ великій единъ только былъ, не имѣя другого себѣ равнаго, 3) что могъ и долженъ былъ наблюдать на начинанія какъ Сенатскія, такъ и всенародныя, не суть ли противны благочестію, 4) что былъ въ томъ чину непремѣнно до кончины живота своего. Сіи прерогативы или преимущества весьма нужны и полезны были къ самовластительству императорскому. Въ началѣ самодержавство Римскихъ императоровъ могло бы начиная ихъ быти отъ Сената и отъ народа принято, но и высшій понтифексъ могъ бы нетрудно пріискать будто благословную вину намѣренію императорскому противную и дѣлу, отъ императора намѣренному, пресѣченіе положить. И тако власть императорская была бы аки связана. Того ради первіи Римскіи Кесари, желая весьма свободную монархію имѣть, а насиліемъ получать того не дерзая, изряднымъ умысломъ присовокупили къ себѣ санъ понтифекса великаго". Эта тирада есть стремленіе оправдать восхищеніе де факто на себя Петромъ I власти на измѣненіе церковнаго устройства. Далѣе, чтобы оправдать церковныя преобразованія Петра, Теофанъ ближе подходитъ къ опредѣленію объема власти государя, и оказывается, что онъ имѣетъ всю Епископскую и Архіерейскую власть, только безъ права совершать богослуженія. Сказавъ, что христіанскіе императоры первое время продолжали называться понтифексами для упроченія своей власти, Теофанъ переходитъ ко второму поставленному имъ вопросу, могутъ ли называться христіанскіе государи Архіереями и въ какомъ смыслѣ. „Могутъ называться не только Епископами, но Епископами Епископовъ, отвѣчаетъ Теофанъ, ибо власть высочайшая есть „надсмотритель совершенный, крайній верховный и вседѣйствительный", т. е. имѣющій силу и повелѣніе и крайняго суда и наказанія надъ всѣми себѣ поданными сынами и властями, какъ мірскими, такъ и духовными. Государи могутъ называться и Архіереями, но только въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ Св. Писаніе называетъ всякаго христіанина іереемъ, но нельзя ихъ называть Архіереями въ

спеціальному церковному смыслѣ, потому что отправлять самимъ церковную службу имъ не подобаетъ" (Морозовъ, Ѳ. Прокоповичъ, какъ писатель, гл. VI, т. 210 Ж. М. Н. Пр.). Очевидно, что разъясненіе вопроса о правахъ на титулъ Епископа и Архіерея касается вопроса о принадлежности Государю церковной власти и направлено на доказательство правъ Государя на управленіе церковными дѣлами, въ которыхъ онъ не можетъ только совершать богослуженія.

Проф. Апостолидъ о правахъ государственной власти въ Церкви.

Какъ болѣе поздній отголосокъ этихъ воззрѣній на значеніе свѣтской власти въ созданіи церковнаго устройства и болѣе близкій къ намъ, мы встрѣчаемъ теорію, получившаго образованіе въ Германіи, Апостолида Афинскаго проф., издавшаго въ 1843 г. брошюру „Опытъ теоріи о Патріаршей власти и объ отношеніи церковной власти къ гражданской": „имя Патріарха, говоритъ онъ, означаетъ не высшую степень священства, но только особенное достоинство церковнаго устройства, установленное Вселенскими Соборами и утвержденное верховной гражданской властью. Послѣдняя для пользы Церкви и Государства иногда и отмѣняла ее, какъ это, напримѣръ, сдѣлалъ Петръ Великій, учредившій на мѣсто Патріарха Синодъ, управляющій Церковью, подъ верховнымъ надзоромъ гражданского правительства. Кромѣ того, Патріархъ, какъ Епископъ, равенъ всѣмъ остальнымъ Епископамъ и передъ прочими Епископами и Митрополитами своего дієцеза имѣетъ только первенство чести съ правомъ рукополагать ихъ" (Кургановъ, Устройство Управленія Церкви Королевства Греческаго, 117 стр.). Такая точка зрѣнія съ признаніемъ права отмѣны свѣтской властью Патріаршества возможна только при воззрѣніи на свѣтскую власть, какъ на верховный источникъ всякой власти и была въ послѣдствіи оставлена самимъ Апостолидомъ (Кургановъ, Устройство Управленія въ Церкви Королевства Греческаго, стр. 117—119); при Никоновскомъ же признаніи за властью Церкви власти особой природы, имѣющей самостоятельный органъ власти, всякая перемѣна въ церковномъ устройствѣ должна исходить отъ инициативы церковныхъ органовъ, опредѣляться причинами церковными и соответствовать неизмѣнному православному принципу вѣрности преданію, нормы котораго стоятъ надъ нормами Помѣстной Церкви и ею не отмѣняемы. Какъ незыблемая основа церковнаго устройства стоятъ передъ нами слѣдующія положенія: 1) Основаніе Іерархическаго устройства церковнаго управленія по-

ложено самими Апостолами, 2) дальнѣйшее его развитіе и каноны, опредѣляющіе строй Церкви, система мѣстныхъ независимыхъ Церквей постановлены отцами Церкви въ духѣ Апостольскихъ правилъ, сообразно историческимъ образцамъ; 3) каноны, опредѣляющіе основной строй церковнаго управленія, его сущность и характеръ, постановлены отцами Церкви независимо отъ гражданской власти; и независимо отъ нея они создали Патріарха, какъ центръ церковнаго единства и руководства въ нѣдрахъ Помѣстной Церкви. Это понятіе о Церкви, какъ о самостоятельномъ организмѣ, было подорвано реформой Петра I. Церковь призвана охранять свой строй отъ всякаго покушенія даже и отъ гражданской власти. Эти каноническія истины были забыты при Петрѣ I, но примѣръ его оказался заразительнымъ; еще въ половинѣ 19 вѣка, при выработкѣ устава управленія Греческой Церкви въ 1833 году его идеи нашли себѣ примѣненіе черезъ вліяніе іеромонаха Фармакида, открытаго поклонника протестантизма въ построеніи церковно-государственныхъ отношеній. Онъ совершенно обнажалъ основную предпосылку Петровской церковной реформы и приводилъ эту реформу, какъ доказательство, что русскій императоръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и великій Первосвященникъ. Фармакидъ говоритъ, суммируя всѣ историческіе случаи вмѣшательства императоровъ во внутреннее церковное управленіе и не подвергая ихъ канонической оцѣнкѣ, что христіанскіе императоры сохранили за собой званіе языческихъ Римскихъ великихъ Первосвященниковъ и проявляли надъ Церковью такую же власть, какую ихъ языческіе предшественники имѣли надъ современнымъ имъ обществомъ... „Чѣмъ были бы для Церкви Византійскіе императоры отъ Константина Великаго до XII вѣка, то же самое со времени Петра Великаго составляютъ для Русской Церкви императоры, и великіе Первосвященники, хотя и не носятъ этого званія" (Кургановъ, *ibid.*, 112 стр.). Такое восхищеніе на себя церковной власти представителями власти царской можно назвать несчастьемъ для Церкви и косвенно для государства, ибо такая подневольность Церкви отнимаетъ должное вдохновеніе и дерзновеніе у предстоятелей Церкви и обезсиливаетъ самую силу Церкви въ ея воздѣйствіи на общество. Это именно и случилось въ Россіи, какъ объ этомъ сказалъ Митрополитъ Антоній въ 1906 г. въ Предсоборномъ Присутствіи: „Въ Высшемъ Церковномъ Управленіи главное условіе церковнаго творчества, отъ него исходитъ ученіе Церкви, имущественное содержаніе церковныхъ учрежденій; Епископы не столько начинатели церковныхъ дѣлъ,

сколько исполнители предписаній высшей власти. Въ правильности этого учрежденія, въ его согласіи съ волей Божіей, выраженной въ святыхъ канонахъ главное условіе спасительной дѣятельности Церкви. Извращеніе Высшаго Управленія Церкви, особенно въ централизованной Русской Церкви, есть растлѣніе всей церковной жизни. Никакіе Патріархи не могутъ утвердить и авторитетность учрежденія невѣдомаго Православію и придуманнаго для растлѣнія Православія". Отъ этого несчастья цезарепапизма, властно вторгшагося въ жизнь Церкви и передѣлывающаго ее, и предостерегалъ Русскую Церковь Никонъ, жизнью своей запечатлѣвшій борьбу съ вкрадывавшимся въ Церковь его времени духомъ вѣка сего.

И надпись, сдѣланная имъ собственноручно на крестѣ, поставленномъ имъ въ ссылкѣ на островѣ среди одного озера у Оерапонтובה монастыря, вѣрно опредѣлила его значеніе въ исторіи Русской Церкви: „Смиранный Никонъ Патріархъ, заточенный за слово Божіе и за Святую Церковь".

Глава III.

Основные принципы церковного законодательства въ Россіи до Уложенія 1649 г.

Судъ надъ духовенствомъ въ гражданскихъ дѣлахъ. — Судъ приказа Б. Дворца въ XVI и XVII вѣкахъ. — Протесты церковныхъ властей противъ вмѣшательства воеводъ въ церковныя дѣла. — Положеніе Патріаршей области. — Система приказовъ въ Церковномъ управленіи. — Патріаршая область и церковная реформа Уложенія. — Реформа Церковнаго суда по Уложенію. — Расширеніе сферы Монастырскаго Приказа на практикѣ. — Общая характеристика Монастырскаго Приказа. Отношеніе къ нему Никона. — Никонъ о самостоятельной природѣ церковныхъ полномочій, вытекающихъ изъ природы Церкви. — Захватъ церковныхъ дѣлъ царемъ — источникъ несчастія для царя. — Понятіе о Церкви у Никона и его критика основныхъ принциповъ — предпосылокъ Уложенія. — Судъ не царскій, а Божій. — Идеаль, которымъ вдохновлялся Никонъ въ начертаніи церковнаго суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства. — Мнѣніе Никона о природѣ церковнаго суда въ гражданскихъ дѣлахъ духовенства. — Никонъ о судѣ Церкви въ гражданскихъ дѣлахъ духовенства. — Почему Никонъ объединяетъ подсудность духовенства и по духовнымъ дѣламъ и по гражданскимъ. — Никонъ обвиняетъ царя въ пренебреженіи къ исторической традиціи относительно суда по гражданскимъ дѣламъ духовныхъ лицъ. — Принятіе Соборомъ 1667 г. идей Никона о подсудности суду Церкви гражданскихъ дѣлъ духовенства и крушеніе его идей въ 1701. — Никонъ о наказаніи за восхищеніе царемъ церковной юрисдикціи. — Другія причины для протеста Никона противъ захвата церковнаго суда государствомъ. Ст. 83 и 84 Уложенія. — Оцѣнка Никоновскаго сужденія о церковномъ судѣ съ современной научной точки зрѣнія. — Ученіе Суворова о церковномъ судѣ. — Критика Суворовской точки зрѣнія. — Судъ Церкви въ церковныхъ дѣлахъ — Божественное установленіе. — О судѣ Церкви надъ церковными служителями. — Самостоятельность церковнаго суда по происхожденію и по компетенціи. — Положеніе императорскихъ комиссаровъ на судѣ, производившемся Вселенскими Соборами. — Природа церковнаго суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства; основа его въ посредническомъ судѣ Епископовъ. — Различіе въ отношеніи Епископовъ Византійской Церкви къ вторженіямъ въ собственно церковный судъ и къ сокращенію церковнаго суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства.

О церковной собственности.

Спекуляризаціонныя стремленія Московскаго правительства въ отношеніи къ церковной собственности. — Мѣры Уложенія относительно церковныхъ имуществъ. — Вообще о секуляризаціи церковныхъ имуществъ и мнѣніе Никона объ этомъ. — Неприкосновенность церковныхъ имуществъ по церковнымъ правиламъ. — Никонъ о захватѣ царемъ церковной собственности и о наказаніи за это. — Никонъ о субъектѣ церковной собственности. — Никонъ объ обязанности матеріальной помощи Церкви еще въ Ветхомъ Завѣтѣ. — Никонъ о наказаніи за нарушеніе церковной собственности. — Сонъ Никона 12 января 1661 г. и напоминаніе царю о наказаніи Божіемъ. — Никонъ о вознагражденіи Богомъ за жертвы, принесенныя Его Церкви. О необходимости исполнять обѣтъ и клятву. — Точка зрѣнія Никона, съ которой онъ критикуетъ Уложеніе.

О судопроизводствѣ и другихъ законахъ Уложенія.

Законъ Уложенія о судопроизводствѣ. — Никонъ о необходимости въ общественной жизни дать большее проявленіе началу церковному. — О сравненіи царя съ Богомъ. — Никонъ о тщетѣ земного величія. О необходимости оцерковленія жизни. — Никонъ о несправедливости законовъ Уложенія, карающихъ строже людей низшаго социальнаго положенія. — Никонъ о статьяхъ Уложенія, парализующихъ пастырское воздѣйствіе. — Никонъ о неправильномъ принципѣ Уложенія для повышеній и пониженій наказаній. — О высшихъ принципахъ, обязательныхъ и для законодателя. — Никонъ въ вопросѣ примѣненія Кормчей вмѣсто Уложенія, о внесеніи имъ измѣненій во второе изданіе Уложенія. О преобразованіи дѣйствій Уложенія. Выдѣленіе Патріаршей области изъ дѣйствія Уложенія. — Идея Никона — оцерковленіе государства — противоположность идеѣ, растворяющей Церковь въ государствѣ. — Никонъ о государственной апостасіи и о гибели царства, какъ ея слѣдствіи. — Никонъ объ Антихристѣ, захватившемъ власть въ Церкви. — Апостасія — признакъ наступленія Антихристово царства; она — предметъ борьбы для Никона. — Обязанность Первосвятителя въ борьбѣ съ апостасіей (по Никону). — Никонъ о грядущей гибели Московскаго царства. Проклятіе за нарушеніе церковной собственности. — Анаѣмы Никона за нарушеніе церковной юрисдикціи. — Пальмеръ о наказаніяхъ Божіихъ за общественныя грѣхи и объ исполненіи Никоновскихъ пророчествъ. — Смыслъ клятвы 22 іюля 1652 г. въ историческомъ освѣщеніи. — Никонъ о значеніи праведности для общественной жизни. — Никонъ о праведности царя и о власти, удерживающей пришествіе Антихриста.

Основные принципы церковного законодательства въ Россіи до Уложенія 1649 г.

Чтобы понять, что отстаивалъ Никонъ въ вопросѣ о церковномъ судѣ, надо уяснить не только его принципиальную точку зрѣнія, но и ту конкретную историческую дѣйствительность, которая была на лицо въ его время. Въ этой исторической дѣйствительности нужно произвести прежде всего состояніе церковнаго суда, какъ оно было выработано въ уставахъ Св. Владиміра и Ярослава и какъ утверждено на Стоглавомъ Соборѣ. Тогда ясны будутъ тѣ коренныя измѣненія и то направленіе, которое приняло государственное законодательство черезъ введеніе уложенія 1649 года. Попутно съ этимъ важно уясненіе того особаго положенія, которое въ государственномъ законодательствѣ занималъ Патріархъ какъ въ отношеніи своего личнаго положенія, такъ и въ отношеніи своихъ правъ въ области церковнаго суда. Тогда будетъ ясно, съ чѣмъ собственно боролся Никонъ, защищалъ ли онъ только Патріаршія права, какъ готовы думать тѣ, которые хотятъ приклеить къ нему стремленія своеобразнаго восточнаго папизма, или же стремленія Никона были шире, и защита имъ Патріаршихъ правъ входила только въ качествѣ одного изъ звеньевъ въ общую систему его представленій о надлежащемъ отношеніи государства къ Церкви. Развитіе церковнаго законодательства и законодательства о Церкви въ Россіи началось на основаніи законовъ и юридическихъ началъ, уже опредѣленно выработанныхъ и установившихся въ Греціи и принесенныхъ въ Россію оттуда вмѣстѣ съ вѣрой. Русская Церковь не только получила первое бытіе отъ греческой, но и признавала ея устройство для себя образцомъ, подчинялась верховному водительству одного изъ пастырей, принимая отъ нея и своего первопрестольнаго Архіерея и другихъ Архіереевъ.

Русскіе православные князья съ своей стороны признавали права, присущія Церкви, и давали ей права въ томъ же кругѣ дѣйствій, какъ и цари греческіе. Черезъ это суду Церкви подлежали не только дѣла, принадлежащія по самой природѣ своей къ существу Церкви, какъ связанныя съ тѣми благами и положеніями, которыя истекаютъ отъ нея, но и дѣла, предоставляемыя ей государствомъ либо въ силу исторической традиціи, унаслѣдованной отъ греческихъ царей, или въ силу того, что князья видѣли въ Церкви тотъ органъ, который призванъ проявлять свое благодѣтельное вліяніе и умѣніе въ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, до которыхъ не доросла примитивная языческая го-

сударственность въ Россіи. Въ силу этого церковному суду въ Россіи оказался подчиненнымъ цѣлый комплекс отношеній, не только унаслѣдованный отъ Византіи, но еще и увеличенный самостоятельно. Непрерывность въ осуществленіи Церковью своихъ правъ въ теченіе столѣтій сливала ихъ въ сознаніи людей въ одно цѣлое съ тѣми правами, которыя Церковь имѣла въ силу самаго своего существованія, какъ союзъ особой природы съ особыми цѣлями и особыми средствами въ ихъ достиженіи. Суду Церкви оказались подчиненными: 1) всѣ лица духовнаго званія, не только въ области своихъ служебныхъ отношеній, но и вообще въ дѣлахъ гражданскихъ и даже уголовныхъ, за исключеніемъ особо квалифицированныхъ, вродѣ убійства и разбоя, оставленныхъ за государствомъ. 2) Также міряне, по особенному ихъ отношенію къ Церкви причисляемые къ церковнымъ людямъ, какъ вдовы, сироты, находящіеся въ богадѣльняхъ, вплоть до Петра I. Это расширеніе правъ Церкви сдѣлано было русскими князьями изъ благоговѣнія къ вѣрѣ въ виду того, что они видѣли въ ней начало, призванное устроить и гражданское общежитіе. 3) Лица, живущія на церковныхъ земляхъ духовнаго вѣдомства, и дворовые люди этого вѣдомства, безъ всякаго особаго закона, въ силу того общаго принципа, что право суда соединялось въ то время на Руси съ землевладѣніемъ. Кто владѣлъ населенной землей, тотъ и судилъ и справлялъ государственныя съ нея подати.

Судъ надъ духовенствомъ въ гражданскихъ дѣлахъ.

Что касается первыхъ, то есть лицъ духовнаго званія (монашествующіе и лица бѣлаго духовенства, со включеніемъ ихъ женъ и неотдѣленныхъ дѣтей), то еще греческое законодательство исходило изъ повелѣнія, даннаго Ап. Павломъ (1 Кор. VI, 1—6) всѣмъ христіанамъ по гражданскимъ дѣламъ между собой не искать суда у языческаго правительства; эта же норма для лицъ духовнаго званія имѣла особую силу, ибо они призваны служить примѣромъ для прочихъ. Когда христіанство сдѣлалось въ Римской Имперіи господствующей религіей, то и государственный законъ поставилъ въ обязанность духовнымъ судиться въ дѣлахъ между собой у Епископовъ. Церковные законы на Карфагенскихъ Соборахъ третьемъ (397) и четвертомъ (398) и на IV Всел. Соборѣ подтверждали этотъ принципъ еще раньше, чѣмъ императоръ Маркіанъ возвелъ этотъ принципъ въ государственный законъ черезъ утвержденіе IV Вселенскаго Собора. Въ Россіи этотъ принципъ получилъ еще расширеніе въ

смыслѣ подчиненія церковному суду тѣхъ лицъ, которыя въ Греціи ему не подчинялись, черезъ учрежденіе смѣшанныхъ судовъ: именно, если дѣло происходило между духовнымъ и міряниномъ, то поставлялся общій судъ изъ духовнаго и свѣтскаго начальства подсудимыхъ. Если свѣтская власть въ Москвѣ и стремилась подчинить духовенство своему суду еще въ XV вѣкѣ, то Митрополиты отстаивали для духовенства право судиться передъ своимъ начальствомъ. Судебники Іоанна III и IV почитали этотъ принципъ обязательнымъ закономъ для всѣхъ земель, подвластныхъ Московскому великому князю. Это право, однако, нерѣдко ограничивалось несудимыми грамотами великихъ князей, которыя освобождали отъ святительскаго суда иные монастыри и церкви. Въ такихъ случаяхъ настоятель монастыря или священникъ судили подвластныхъ себѣ клириковъ и мірянъ сами, а сами въ свою очередь судились великимъ княземъ или его бояриномъ, за исключеніемъ, однако, дѣлъ о душегубствѣ или разбоѣ, судившихся всегда свѣтскимъ правительствомъ, и дѣлъ духовныхъ, подлежащихъ всегда Архіерейскому суду (Бывали еще несудимыя грамоты другого рода, когда Архіереи сами освобождали монастыри и церкви отъ суда своихъ десятниковъ, предоставляя монастырскому и царскому начальству право суда надъ подвластными, а жалобы на само начальство принимали сами). Хотя Стоглавый Соборъ опредѣлилъ уничтожить всѣ несудимыя княжескія грамоты, освобождавшія духовенство отъ святительскаго суда, какъ неканоническія, и призналъ право Архіереевъ судить духовенство во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, кромѣ душегубства и разбоя, однако, постановленіе Собора не исполнялось, и несудимыя грамоты выдавались. Что касается самихъ Архіереевъ, то о нихъ Стоглавъ ничего не говорилъ, и на нихъ жалобы по-прежнему шли князю или царю, который судилъ со времени образованія приказовъ въ началѣ XVII вѣка черезъ приказъ Большого Дворца.

Судъ приказа Большого Дворца въ XVI и XVII вѣкахъ.

Этотъ приказъ Б. Дворца былъ мѣстомъ, гдѣ въ особенности скрещивались Церковь и государство. Онъ вѣдалъ всѣ финансовые государственные сборы съ церковныхъ вотчинъ, принималъ отчетность въ монастырскихъ расходахъ, вѣдалъ описи имуществъ, жалованныя грамоты и вообще всѣ правительственныя дѣйствія государства въ отношеніи церковныхъ дѣлъ; всѣ государственныя постановленія по церковнымъ дѣламъ шли черезъ этотъ приказъ.

Здѣсь сосредотачивалась и судебнo-гpажданская власть въ дѣлахъ, подлежащихъ непосредственному суду государя. Ему подлежали Митрополиты, Архіепископы и Епископы, привилегированныя монастырскія власти, настоятели, игумены, прикащики, всѣ вообще обитатели привилегированныхъ монастырей, монастырскіе слуги и крестьяне, лица бѣлаго духовенства, владѣвшія вотчинами, соборные протопопы съ братіей, духовенство монастырскихъ сель, принадлежавшихъ привилегированныхъ монастырямъ, — всѣ эти лица подлежали суду приказа Б. Дворца, когда на нихъ подавались жалобы отъ стороннихъ свѣтскихъ людей. Многія церковныя учрежденія добивались того, чтобы имъ самимъ давалось право вчинять искъ на стороннихъ людей въ этомъ приказѣ, тогда какъ по общему правилу надо было обращаться къ суду, которому подсуденъ отвѣтчикъ. Многочисленность дѣлъ приказа приводила къ тому, что онъ многія дѣла вѣдалъ не самъ, а отправлялъ на мѣсто боярина, или поручалъ дѣло воеводамъ; а недостатокъ точнаго разграничиванія между церковными и государственными дѣлами, и тенденція того времени опредѣлять подсудность не по предметамъ, а по лицамъ, дѣлали то, что приказъ Б. Дворца вмѣшивался въ кругъ обязанностей церковной власти, т. е. и въ дѣла чисто церковныя.

Протесты церковныхъ властей противъ вмѣшательства воеводъ въ церковныя дѣла.

Воеводамъ поручали не только судить, но и именемъ царя наблюдать надъ дѣлами чисто церковными. На практикѣ воеводы стали вмѣшиваться не только въ гражданскія дѣла во владѣніи церковныхъ учреждений, но и въ дѣла церковнаго управленія и суда надъ духовными лицами.

Горчаковъ пишетъ: „Еще чаще сами воеводы безъ особаго дозволенія вступались въ дѣла, огражденные отъ нихъ привилегіями и церковными канонами. Если они позволяли себѣ такое вмѣшательство въ привилегированныхъ мѣстностяхъ, пользующихся несудимыми грамотами, то они считали уже себя въ правѣ судить и рядить духовныхъ лицъ и крестьянъ церковныхъ вотчинъ въ непривилегированныхъ мѣстностяхъ помимо епархіальнаго суда и власти. Если ихъ не удерживали царскія несудимыя грамоты отъ вмѣшательства въ дѣла, отъ нихъ изъятыхъ, то требованія церковныхъ властей не могли имѣть силу противъ нихъ. Вообще въ 16 и особенно въ первой половинѣ 17 в. со стороны свѣтскихъ чиновъ были весьма частыя вторженія въ судебныя дѣла, которыя

церковными властями и учреждениями признавались изъятими изъ ихъ подсудности. Такъ стремленіе церковныхъ учреждений къ самостоятельности отъ церковныхъ епархіальныхъ судовъ и мѣстныхъ государственныхъ привели ихъ къ зависимости отъ свѣтскихъ чиновъ и въ судебно-гражданскомъ отношеніи, и въ церковно-служебномъ. Представители церковной власти не признавали такихъ вмѣшательствъ каноническими и въ своей защитѣ опирались на неподсудность вообще мірскимъ судьямъ церковно-служебнаго сословія, признанную Уставомъ Св. Владиміра и Св. Ярослава. Они считали себя въправѣ отстаивать и судъ по чисто церковнымъ дѣламъ, и тотъ гражданскій судъ, который созданъ для Церкви въ силу правъ, дарованныхъ князьями, и въ силу владѣльческихъ правъ Церкви. Они ограждали себя и запрещеніями духовнымъ лицамъ судиться у свѣтскихъ лицъ, и литературным путемъ, публикаціей правилъ „объ обидающихъ Церковь Божию“, а также тѣмъ, что добивались подтвержденія несудимыхъ грамотъ, по которымъ они подлежали только непосредственному суду Б. Дворца. Въ сущности и судъ Приказа Большого Дворца, какъ судъ царя, могъ почитаться уступкой со стороны Церкви, **ибо церковныя правила (IV, 9; Карфаг. 15) духовныхъ лицъ подвергаютъ суду Епископовъ, а Епископовъ суду Митрополита, и для всѣхъ устанавливаютъ высшій судъ — судъ Соборный.** Дѣло стало хуже, когда съ Уложеніемъ такой инстанціей сталъ уже не непосредственный судъ царя, какимъ въ принципѣ почитался судъ Приказа Б. Дворца, а подлинное государственное учреждение, выдѣленное изъ состава Приказа Б. Дворца въ видѣ Монастырскаго Приказа.

Положеніе Патріаршей области.

Говоря о подсудности духовенства, надо обратить особое вниманіе на тѣ грамоты, которыми опредѣлялось положеніе Патріаршей области. Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ особую несудимую грамоту въ 1625 г. Патріарху Филарету. Въ ней сказано, что по царскому указу до тѣхъ поръ вѣдали духовныхъ Патріаршей области судомъ и управой во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ духовныхъ, въ Приказѣ Б. Дворца. Теперь, вмѣсто того, **Патріарху предоставлено право судить духовныхъ своей Патріаршей области во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ смертоубійства, разбоя и воровства, и притомъ какъ по жалобамъ духовныхъ между собой, такъ и по жалобамъ на нихъ отъ мірянъ;** но духовные Патріаршей области должны были искать

на постороннихъ въ тѣхъ царскихъ приказахъ, которымъ подсудны были ихъ отвѣтчики; встрѣчные иски всегда разбирались тамъ, гдѣ первоначальный искъ. „Послѣ смерти Филарета, пишетъ **Неволинъ** въ отдѣлѣ объ Управленіи Церковномъ (въ 6 т. своихъ сочиненій), до изданія Уложенія Алексѣя Михайловича, не давалось Патріаршему престолу новыхъ несудимыхъ грамотъ, и не подтверждались прежнія. Основываясь на смыслѣ Уложенія, надо было бы думать, что въ этотъ промежутокъ духовные Патріаршей области были судимы во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ духовныхъ, въ Приказѣ Б. Дворца. Но изъ другихъ свидѣтельствъ **явствуетъ, что и въ это время на духовныхъ Патріаршей области судъ давался Патріархомъ и лицами, отъ него назначенными.** Во всякомъ случаѣ духовные Патріаршей области, не освобожденные отъ суда Патріарха особыми несудимыми царскими грамотами, въ дѣлахъ между собой подлежали суду Патріарха и лицъ, имъ назначенныхъ. Съ этого времени Патріаршая область явно начала выдѣляться изъ круга прочихъ епархій: здѣсь все духовенство, бѣлое и черное, по всѣмъ своимъ дѣламъ, духовнымъ и гражданскимъ, оставалось въ подчиненіи Патріарха, тогда какъ въ другихъ епархіяхъ и церковные причты, и особенно монастыри по дѣламъ гражданскихъ все больше освобождались черезъ несудимыя грамоты отъ подсудности своимъ Архіереямъ и подчинялись Приказу Б. Дворца (Макарій)". Въ 1657 году Патріархъ Никонъ исходатайствовалъ отъ царя подтвержденіе грамоты 1625 г., такъ что подсудность духовенства ею и опредѣлялась въ Патріаршей области. Это духовенство судилъ Патріаршій разрядъ — одинъ изъ Приказовъ Патріарха.

Система приказовъ въ церковномъ управленіи.

Приказная организація Патріаршаго управленія послѣдовала при Патріархѣ Филаретѣ по образцу государственнаго управленія, придя на смѣну прежней системѣ управленія черезъ отдѣльныхъ лицъ. По Стоглаву каждый Архіерей, въ томъ числѣ и Первосвященитель, въ управленіи своей епархіей дѣйствовалъ черезъ своихъ намѣстниковъ, старостъ, десятинниковъ; въ управленіи имѣніями черезъ дворецкаго, прикащика; при Архіереѣ было два суда: для духовныхъ дѣлъ и для недуховныхъ; въ послѣдній входили лица, назначаемыя государемъ, которые не могли быть удалены Архіереемъ. Намѣсто этихъ учрежденій являлись Приказы, съ 1620 г. дворцовый и казенный, съ 1622 г. судный Приказъ и съ 1628 г. Патріаршій раз-

рядъ. **Во дворцовомъ приказѣ** сосредоточивалось высшее управленіе и судъ надъ всѣми вотчинами и крестьянами Патріаршаго дворца, также какъ и всѣми приказными и дворовыми людьми, служившими при Патріаршемъ дворцѣ или въ Патріаршихъ вотчинахъ, завѣдываніе доходами съ вотчинъ и выполненіе государственныхъ повинностей. **Казенный приказъ** вѣдалъ Патріаршую казну, сборы пошлинъ на Патріарха, домовые Патріаршіе монастыри, и отчетность въ Патріаршей казнѣ. **Въ Патріаршемъ разрядѣ, называвшемся также суднымъ приказомъ,** вѣдались всѣ собственно церковныя дѣла въ Патріаршей епархіи и въ качествѣ высшаго управленія по дѣламъ всѣхъ епархій, и дѣла административнаго характера; сюда присылались вѣдомости о поведеніи лицъ, сосланныхъ въ монастыри, сюда поступали вѣдомости о числѣ денегъ и даточныхъ людей, отданныхъ на государственную службу. Во всѣхъ этихъ приказахъ сидѣли свѣтскіе чиновники, назначаемые и увольняемые государемъ. Такое же приказное устройство распространялось и по прочимъ епархіямъ.

Патріаршая область и церковная реформа уложенія.

Исключеніе Патріаршей области изъ вѣдѣнія монастырскаго приказа выясняется по сличеніи статей XIII гл. о монастырскомъ приказѣ со статьей XII гл. о судѣ Патріаршихъ всякихъ людей. Въ статьяхъ о монастырскомъ приказѣ упоминаются всѣ чины духовные отъ причетника до Митрополита, но о Патріархѣ не говорится. Лица же Патріаршей области вмѣсто Монастырскаго Приказа подчинены въ искахъ на нихъ суду одного Патріарха и его судебнымъ органамъ. Причины этого исключенія указаны въ самомъ Уложеніи (XII, 1): „потому что при прежнихъ государяхъ и блаженные памяти при великомъ Государѣ, царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Руси ни въ которыхъ приказахъ на нихъ суда не давано, а судили ихъ на Патріаршемъ дворѣ, судныя дѣла слушаетъ и указываетъ Патріархъ". Основа этого изъятія — въ прежнихъ несудимыхъ грамотахъ, изъ которыхъ одна была дана еще при Грозномъ Митрополиту Афанасію и впослѣдствіе была повторена Годуновымъ въ пользу Патріарха Іова въ 1599 г., затѣмъ Шуйскимъ Гермогену въ 1607 г. и Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1614 г. Статьи Уложенія „о судѣ Патріаршихъ всякихъ чиновъ людей" изложены согласно съ этими несудимыми грамотами. Подъ этимъ выраженіемъ „всякихъ чиновъ людей" разумѣются и люди духовныхъ чиновъ, жившіе въ

Патріаршихъ вотчинахъ: архимандриты, игумены, попы, діаконы и проч., ибо эти лица не перечислены въ XIII, 2, гдѣ перечислены всѣ духовные чины, подвѣдомственные монастырскому приказу; эти же чины перечисляются въ несудимыхъ грамотахъ, на основаніи которыхъ организованы суды Патріаршій всякихъ чиновъ людей; но, хотя судьями въ Патріаршихъ приказахъ были свѣтскіе чиновники, однако, приговоръ исходилъ отъ лица самого Патріарха. **Не надо, однако, упускать изъ виду, что Патріаршая область не составляла никогда государства въ государствѣ. Ея подчиненность государству выражалась не только въ поставкѣ денегъ и людей на государственную службу, но также и въ способѣ назначенія въ нее Патріаршихъ чиновниковъ, зависимыхъ отъ Государя, и особенно въ подчиненіи вѣдомству государственнаго суда дѣлъ по разбою и убійству и воровству съ насиліемъ. Привилегированное положеніе Патріаршей области пережило и Уложеніе; послѣднее, въ отношеніи къ ней будучи болѣе бережно, чѣмъ къ другимъ епархіямъ, все же затронуло и ее.** Такъ, Уложеніе отдало въ вѣдѣніе мѣстныхъ государственныхъ властей иски менѣе 20 рублей на прикащиковъ и крестьянъ не только всѣхъ церковныхъ учреждений, но и Патріаршихъ, такъ что Никонъ только 25/II 1657 г. добился отмѣны этой подсудности, возстановленіемъ старинной Патріаршей грамоты о неподсудности лицъ духовнаго вѣдомства государевымъ намѣстникамъ. Эта грамота запрещала намѣстникамъ, волостелямъ и тиунамъ судить Патріаршихъ людей гдѣ бы то ни было и въ чемъ бы то ни было, опричь душегубства, а судить ихъ самъ Патріархъ или его приказные люди". По Уложенію Патріархъ, его приказные и дворовые люди, дѣти боярскія, крестьяне, и всякихъ чиновъ люди, живущіе въ епархіальныхъ домовыхъ вотчинахъ, были изъяты во всѣхъ дѣлахъ изъ вѣдомства монастырскаго приказа и оставлены подъ судомъ самого Патріарха (XII, 1). Оно предоставляло судить на Патріаршемъ дворѣ людей, живущихъ въ Патріаршихъ домовыхъ вотчинахъ, но позволяло только приносить жалобы на неправильное рѣшеніе Патріаршими приказными людьми государю (Неволинъ). Уложеніе не измѣнило правъ Патріарха судить духовныхъ своей области. Въ концѣ концовъ грамота 25/2 1657 г. совершенно возстановлила прежнее положеніе Патріаршей области, и, когда Никонъ писалъ свои грозы на „проклятую Уложенную книгу", онъ имѣлъ въ виду вовсе не личность Патріарха и его права.

Реформа церковнаго суда по Уложенію.

Личность самого Патріарха ограждалась и Уложеніемъ наравнѣ съ государемъ, и онъ могъ подлежать въ гражданскихъ дѣлахъ только суду царя. Но порядку церковнаго суда вообще Уложеніемъ былъ нанесенъ существенный ударъ, и за эти права выступалъ Никонъ. Уложеніе произвело коренную реформу церковнаго суда. Оно ввело Монастырскій Приказъ, учрежденіе чисто государственное, которому и представило вѣдать всѣ иски на Митрополитовъ, Архіепископовъ, Епископовъ, ихъ приказныхъ и дворовыхъ людей, на дѣтей боярскихъ и крестьянъ ихъ, на монастыри на архимандритовъ, игумновъ, строителей, келарей, казначеевъ, на рядовую братію, на монастырскихъ слугъ и крестьянъ, поповъ и церковный причтъ (XIII, 1). Всѣ духовные чины и ихъ люди стали одинаково отвѣтственны передъ однимъ государственнымъ судомъ, за исключеніемъ Патріарха и его области. Прежній Святительскій судъ совершенно устранялся для гражданскихъ дѣлъ, и такимъ образомъ прежнее стремленіе Московскихъ государей, направленное на непосредственное подчиненіе своей власти всѣхъ церковныхъ учреждений, было достигнуто (еще при присоединеніи удѣловъ Московское правительство стремилось всегда освобождать имѣвшееся тамъ церковное владѣніе отъ Святительскаго суда). **Ко времени Уложенія подсудность духовныхъ лицъ внѣ Патріаршей области была въ такомъ видѣ:** 1) Архіереи по мірскимъ дѣламъ подлежали суду Б. Дворца; 2) они судили свое духовенство а) въ дѣлахъ духовныхъ, в) въ дѣлахъ мірскихъ одно духовное лицо съ другимъ (въ мірскихъ дѣлахъ духовнаго лица съ свѣтскимъ образовывался смѣшанный судъ съ начальствомъ послѣдняго), с) въ преступленіяхъ гражданскихъ, кромѣ смертоубійства и воровства съ наличнымъ; 3) многіе монастыри и церкви жалованными грамотами освобождались отъ Святительскаго суда: тогда само начальство монастыря судило подвластныхъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ духовныхъ (они всегда у Архіереевъ) и дѣлъ о смертоубійствѣ, разбоѣ и воровствѣ, которое вѣдало мѣстное начальство государственное, а начальство само судилось наравнѣ съ Архіереями въ Приказѣ Б. Дворца. **Съ Уложеніемъ наступили важныя перемѣны:** 1) Прежде Монастырскому Приказу, какъ отдѣленію Приказа Б. Дворца, подлежали по суду только тѣ монастыри и духовныя лица, которыя имѣли несудимыя грамоты; Уложеніе упразднило всѣ несудимыя грамоты и подчинило всѣ монастыри и всѣхъ духовныхъ, (кромѣ Патріаршей области) Мона-

стырскому Приказу. 2) До Уложенія монастыри и духовныя лица судились въ Приказѣ Б. Дворца только въ искахъ на нихъ со стороны лицъ другихъ вѣдомствъ; теперь же въ Монастырскомъ Приказѣ должны были судиться всѣ духовныя лица во всѣхъ искахъ, слѣдовательно и въ искахъ между собой, что было прямымъ **вмѣшательствомъ гражданской власти въ дѣла Церкви.** 3) Прежде Архіереи и настоятели привилегированныхъ монастырей подлежали въ искахъ на нихъ стороннихъ лицъ непосредственному суду царя, согласно жалованнымъ грамотамъ, и постепенно стали судиться въ Приказѣ Б. Дворца; теперь же прямо было узаконено, что Митрополиты, Архіепископы и Епископы во всѣхъ искахъ на нихъ должны судиться въ Монастырскомъ Приказѣ, и Церковь въ лицѣ своихъ предстоятелей явно подчинялась суду власти гражданской (Макарій). Хотя Уложеніе уничтожило несудимыя грамоты, однако, принципъ этотъ не выдерживался, и 6/2 1651 г. Новгородскому Митрополиту Никону была выдана несудимая грамота, на подобіе той, которую получилъ Патріархъ Филаретъ; онъ получилъ, въ отступленіе отъ Уложенія „право вѣдать судомъ и управой во всякихъ управныхъ дѣлахъ, опричь разбойныхъ, татныхъ и убійственныхъ монастыри, архимандритовъ, игумновъ и братью, и соборныхъ церквей протопоповъ, и поповъ и діаконовъ и всѣхъ окружныхъ и приходскихъ церквей поповъ и діаконовъ, и причетниковъ и монастырскихъ служекъ и крестьянъ". Однимъ изъ самыхъ существенныхъ нововведеній Уложенія было измѣненіе принципа подсудности духовенства: раньше была церковно-судебная власть Архіерея по гражданскимъ дѣламъ, а теперь создано совершенно независимое отъ Церкви учрежденіе — государственный судъ надъ духовенствомъ въ видѣ Монастырскаго Приказа, т. е. гражданскія дѣла духовенства отняты отъ Церкви и переданы государству. Раньше же церковныя учрежденія считали себя независимыми отъ свѣтской власти и знали надъ собой въ гражданскихъ дѣлахъ только непосредственный судъ Государя.

Однако, оставалась неясность въ томъ, что Уложеніе не отмѣнило прежнихъ законныхъ основаній гражданской власти духовенства прямымъ постановленіемъ; лишь косвенно эта власть подрывалась учрежденіемъ Монастырскаго Приказа и отнесеніемъ въ его компетенцію гражданскихъ дѣлъ духовенства. Другимъ нарушеніемъ прежняго принципа было предоставленіе Монастырскому Приказу разсмотрѣнія исковъ между духовными, что почиталось

вмѣшательствомъ гражданской власти въ церковныя дѣла: до Уложенія высшія духовныя власти — Митрополиты, Архіепископы, Епископы, привилегированные архимандриты, игумены и даже прикащики подлежали непосредственному суду Государя, а боярскій судъ почитался униженіемъ. Теперь они всѣ наравнѣ съ своими крестьянами подчинялись Монастырскому Приказу.

Всѣ вообще привилегированныя и непривилегированныя церковныя учрежденія уравниваются передъ Монастырскимъ Приказомъ. **Въ судопроизводствѣ введено единство основанія съ централизаціей и упрощеннымъ Іерархическимъ устройствомъ. Новый принципъ подсудности духовенства гражданской судебной власти проведенъ и въ нисшихъ инстанціяхъ:** а) Приказные и Дворовые люди Архіереевъ, монастырскія власти и крестьяне призваны по Уложенію вчинять иски противъ постороннихъ въ Приказахъ съ обязанностью отвѣчать самимъ въ нихъ же въ случаѣ встрѣчнаго иска: такъ власти епархіальныя подчиняются суду другихъ государственныхъ Приказовъ, кромѣ монастырскаго. б) Прикащики и крестьяне монастыря, приказные люди патріаршіе и архіерейскіе въ искахъ меньше 20 рублей подчинены суду воеводъ. с) Хотя не говорится о судѣ по маловажнымъ искамъ на Митрополитовъ и на высшія церковныя власти, но, повидимому, и они подвѣдомственны воеводамъ. d) Въ столкновеніяхъ лицъ подвѣдомственныхъ прежде до Уложенія гражданскому суду съ лицами другихъ вѣдомствъ былъ судъ смѣшанный, а Уложеніе его отмѣнило, замѣнивъ воеводскимъ судомъ.

Общій принципъ подсудности духовенства гражданской власти былъ нарушенъ, какъ мы видѣли, въ отношеніи патріаршей области, что являлось напоминаніемъ о прежней самостоятельности Церкви въ гражданскихъ дѣлахъ. Св. Патріархъ и его область, какъ сказано, по всѣмъ исковымъ дѣламъ изъяты были отъ вѣдомства Монастырскаго Приказа (XII, 1-2), но лишь по городамъ, кромѣ Москвы, въ малыхъ искахъ прикащики и крестьяне Патріарха были подвѣдомственны низшимъ инстанціямъ Приказа (XIII, 3).

Расширеніе сферы Монастырскаго приказа на практикѣ.

Обращаясь къ фактической сторонѣ дѣла, изслѣдователь того времени (Проф. Горчаковъ) констатируетъ, что на практикѣ Монастырскій Приказъ далеко не ограничивался юрисдикціей надъ

гражданскими дѣлами духовенства, а пошелъ въ своемъ вмѣшательствѣ въ церковныя дѣла далеко за предѣлы Уложенія. Этому содѣйствовала неопредѣленность круга дѣйствій монастырскаго Приказа, которая присоединилась къ той неопредѣленности объема церковнаго суда, которая была, въ виду отсутствія опредѣленной отмѣны прежнихъ принциповъ церковнаго суда.

Именно по Уложенію Монастырскій Приказъ — исключительно судебное учрежденіе, но въ дѣйствительности уже въ первый періодъ существованія 1649-1667 онъ — и административное, и финансовое, и полицейское по отношенію къ чисто церковнымъ учрежденіямъ. Онъ грамотами предписывалъ отправленіе государственныхъ повинностей и платежей въ церковныхъ вотчинахъ и принималъ отъ нихъ отчеты въ исполненіи грамотъ. До его учрежденія требованія о государственныхъ повинностяхъ шли изъ Приказа Б. Дворца, и Монастырскій Приказъ унаслѣдовалъ его права. На этой же исторической преемственности Монастырскій Приказъ основывалъ и свои административныя и полицейскія права по отношенію къ церковнымъ учрежденіямъ. Черезъ него шли царскія грамоты къ церковнымъ властямъ о припискѣ однихъ монастырей къ другимъ, о составленіи описей и переписныхъ книгъ церковнымъ имуществамъ. Къ нему же шли отъ надлежащихъ мѣстъ и исполнительные по этимъ предметамъ документы. Горчаковъ приводитъ два характерныхъ документа, одинъ изъ времени до Патріарха Никона, другой изъ времени послѣ того, какъ Никонъ ушелъ въ Воскресенскій монастырь. Въ 1650 г. Монастырскій Приказъ приказываетъ воеводамъ наказывать и посылать въ монастыри на покаяніе лицъ, не оказывающихъ благоговѣнія къ Св. Тайнамъ. А въ 1660 г. Монастырскій Приказъ предписалъ Новгородскимъ воеводамъ смотрѣть, чтобы священники внушали прихожанамъ ходить въ посты на исповѣдь, составлять списки неходящихъ на исповѣдь и присылать въ Монастырскій Приказъ, гдѣ присуждались наказанія на непричастившихся и на духовныхъ отцовъ за беззаботность въ обращеніи паствы на путь истины или за сокрытіе непричастившихся. **Горчаковъ** пишетъ: „Вѣроятно, Монастырскій Приказъ принялъ отъ Приказа Б. Дворца всѣ дѣла, касавшіяся церковныхъ властей и учреждений и, пользуясь неопредѣленностью законовъ, въ кругъ своей дѣятельности простиралъ свою власть, безъ различія, на всю Русскую Церковь. Во всякомъ случаѣ на практикѣ происходило смѣшеніе разныхъ родовъ дѣятельности въ отправленіяхъ Приказа, хотя законодательство ус-

ваивало ему однѣ только судебнo-гpажданскія власти безъ указанія на другія его функціи, и вообще неопредѣленность круга его дѣятельности могла повести Приказъ къ дѣйствіямъ, несогласнымъ съ законами Церкви, и способна была возбудить ревность духовныхъ лицъ, готовыхъ охранять неприкосновенность существующихъ духовно-гpажданскихъ правъ Церкви; тѣмъ болѣе, что въ производствѣ и рѣшеніи дѣлъ судьи Монастырскаго Приказа всецѣло призваны были руководствоваться Уложеніемъ, его законами, какъ общими, такъ и спеціальными для сего Приказа постановленными (XIII, 1-7). До тѣхъ поръ Церковь судила по Кормчей, гдѣ во второй части находились законы Византійскихъ царей, какъ бы канонизированные уже Церковью и принятые ею въ свой сводъ. Монастырскій Приказъ, будучи учрежденіемъ чисто государственнымъ, государствомъ основаннымъ, руководящимся государственными законами, и по составу своему весьма скоро оказался составленнымъ изъ лицъ исключительно свѣтскихъ. Есть указанія, правда, на то, что сначала въ его составъ входили и духовныя лица, напpимѣръ Чудовскій архимандритъ и келарь Троицкой Лавры. Объ этомъ упоминаетъ самъ Никонъ, писавшій въ 1661 году царю: „Уложеніе, книга хотя и по страсти написана, многонароднаго ради смущенія, но и тамъ постановлено: въ Монастырскомъ Приказѣ отъ всѣхъ чиновъ сидѣтъ архимандритамъ, игуменамъ, протопопамъ, священникамъ и честнымъ старцамъ, но ты все это упразднилъ, судятъ и насилуютъ мірскіе люди". Первое время сидѣлъ въ немъ и творецъ Уложенія князь Никита Ивановичъ Одоевскій. Постепенно духовныя чины, присутствовавшіе раньше при дѣлахъ духовенства въ Приказѣ Б. Дворца, перешли оттуда въ Монастырскій Приказъ, но были оттуда вытѣснены, чему соотвѣтствовала сама логика вещей, въ виду намѣренія создать изъ Монастырскаго Приказа независимое государственное учрежденіе. Въ соотвѣтствіи съ этимъ судьи Монастырскаго Приказа назначались, получали содержаніе, были отвѣтственны и увольнялись царемъ безъ содѣйствія церковной власти. Во всемъ судопроизводствѣ этого Приказа сказывалась всепоглощающая власть государства.

Общая характеристика Монастырскаго Приказа. Отношеніе къ нему Никона.

Монастырскій Приказъ оказался судьей въ тѣхъ дѣлахъ, которыя Церковь почитала своими, состоялъ изъ лицъ, назначенныхъ государственной властью, руководился государственными

законами и на практикѣ оказался не только судебнымъ для Церкви учрежденіемъ, но и правительственнымъ. Всѣ эти явленія и вызвали ожесточенную критику Патріарха Никона, который и вступилъ въ управленіе Церковью лишь послѣ того, какъ ему обѣщана была возможность управленія Церковью на каноническихъ началахъ. Сдѣлавшись Патріархомъ, онъ неоднократно просилъ царя уничтожить „проклятую книгу Уложенія“, но успѣлъ только въ пріостановкѣ дѣйствій Монастырскаго Приказа. Эта пріостановка и продолжалась только до тѣхъ поръ, пока царь поддерживалъ Никона, а какъ только онъ лишился его поддержки, бояре привели въ исполненіе постановленіе Уложенія о монастырскомъ Приказѣ со всѣми тѣми расширеніями его полномочій, о которыхъ мы говорили, какъ слѣдствіи неопредѣленности постановленія Уложенія и исторически унаслѣдованной имъ практики. Въ сокровенной исповѣди, которую Никонъ отправилъ зимой 1665 года Константинопольскому Патріарху Діонисію, опредѣленно объ этомъ говорится. Рассказывая исторію своего вступленія на Патріаршество, Никонъ говоритъ о „томъ обѣщаніи, которое онъ получилъ отъ царя и бояръ — соблюдать заповѣди Св. Евангелія и каноновъ Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ и законы благочестивыхъ греческихъ царей и повиноваться всему, что онъ будетъ возвѣщать по Божественнымъ заповѣдямъ и законамъ"... „Сначала, продолжаетъ Патріархъ, царь былъ чрезвычайно благочестивъ и милостивъ и во всѣхъ Божественныхъ законахъ повиновался всему, что мы говорили, настолько, насколько это и подобаетъ намъ, и по милости Божіей и съ нашего благословенія успѣшно воевалъ съ Литвой. Затѣмъ онъ началъ постепенно возноситься и пренебрегать тѣмъ, что мы говорили отъ заповѣдей Божіихъ и захватывать дѣла, подлежащія Епископамъ, изданіемъ приказовъ и осуществленіемъ суда въ дѣлахъ Божественной благодати; самъ ли собой онъ рѣшилъ такъ дѣйствовать, или былъ склоненъ къ тому дурными людьми, подобно Ровоаму — царю Израильскому, отвергшему совѣтъ старѣйшинъ".

Въ своемъ „Раззореніи" Никонъ сурово порицаетъ царя за захватъ церковной юрисдикціи и церковнаго управленія и выясняетъ, что она не принадлежитъ царю, ибо имѣетъ источникъ въ благодати Святаго Духа. Это тѣсно связано въ умѣ Никона съ его понятіемъ о Церкви, которая имѣетъ собственные органы для выраженія своего правосознанія, и воли для управленія и суда въ дѣлахъ своей сферы. Но на ряду съ этимъ Никонъ, не говоря этого прямо, отдаетъ себѣ от-

четь въ томъ, что у Церкви помимо своихъ существенныхъ правъ есть права, не присущія ей по существу, но делегированныя ей отъ государства: въ этихъ случаяхъ онъ ссылается не на благодать Святаго Духа, а на историческую традицію, на примѣръ благочестивыхъ царей, выражавшихъ свое почтеніе къ Церкви въ отношеніи къ ней. Никонъ, однако, прежде всего заботится объ охранѣ собственныхъ правъ Церкви, вытекающихъ изъ ея существа.

Никонъ о самостоятельной природѣ церковныхъ полномочій, вытекающихъ изъ природы Церкви.

Говоря объ Уложеніи Одоевскому, Никонъ говоритъ объ этой самостоятельной особой природѣ церковныхъ законовъ: „Ты дѣлаешь сатанинское дѣло, возставая противъ Церкви. Послушай! Откуда церковные законы? Они свѣше и говорятъ съ небеси, а ты не вѣришь, что эти вещи сказаны отъ Бога? Они посланы отъ Бога. Основаніе стѣнь — блаженные Апостолы, на которыхъ основана Церковь. Стѣна Церкви — Самъ Христосъ. Зачѣмъ же ты подрываешь и хочешь разрушить стѣну церковную, которая есть Христосъ? Свѣтъ Церкви — Христосъ. И почему ты, мракъ, гасишь его? Но она основана на скалѣ, и врата адовы не одолѣютъ ю. Но откуда истина этого утвержденія и пророчества? Какъ это врата адовы не одолѣли ю? Потому что Христосъ съ нами. Ибо, если бы Христосъ не былъ съ нами, какъ бы Церковь могла побѣждать, и Евангеліе распространяться по міру? Говорящіе противъ насъ Должны дать свидѣтельство древности своего ученія отъ книгъ. А не видишь, какъ вся вселенная отвергаетъ твои лживыя книги... Почему ты ставишь конецъ царству Христову беззаконнымъ Уложеніемъ, такъ что здѣсь является вся власть князя міра сего? Но, если другой приходитъ, то этотъ другой никто иной, какъ Антихристъ, какъ свидѣтельствуется и Іоаннъ и другіе: теперь много Антихристовъ... Законъ былъ нашъ учитель, чтобы вести насъ ко Христу (Галатамъ 3, 2-4)... Апостоловъ послалъ никто, какъ Богъ (Д. 1, 8). И Онъ сказалъ имъ (Лук. 24, 44-49) и на нихъ сошелъ Духъ Св. (Д. 2, 1-4). Видѣлъ ли ты, какъ Евангеліе пришло къ намъ? Съ неба, и какъ Апостолы сдѣлались мудры, и какъ Духъ Св. сошелъ на нихъ. И послѣ даровъ такой великой благодати и принятія Св. Духа Апостолы не переставали свидѣтельствовать отъ закона и пророковъ (Д. 2, 14-18)... Но почему же ты не принимаешь заповѣди Божіи и Его учениковъ и Апостоловъ? Видишь ли, что не своей собственной властью или благочестіемъ дѣлали все Апостолы, — но благодатью Духа Св. свѣше" (I, 535-539). И въ другомъ мѣстѣ

Никонъ говорить объ этой благодати Св. Духа, какъ объ источникѣ церковныхъ полномочій: „Ты говоришь, что Государь поручилъ Никону надзоръ за церковными дѣлами. Но это не царь поручилъ, а благодать Св. Духа, но царь поставилъ ни во что эту благодать, обезчестилъ Св. Духа и сдѣлалъ ее безвластной. Теперь безъ приказа царя благодать Св. Духа не можетъ дѣйствовать, такъ какъ Епископы, такова слабость ихъ пониманія, пишутъ теперь: Я посвятилъ этого человѣка въ архимандриты, игумены благодатью Св. Духа и указомъ Великаго Государя. Они готовы хоронить повѣшанныхъ за преступленія, молиться за дѣтей, въ грѣхѣ рожденныхъ, все по царскому Приказу. Что можетъ быть ужаснѣе этого (I, 206)? Не царю или князю этого міра обручена Церковь, строители коей суть Божіи Апостолы (черезъ которыхъ ей дано ея духовное обрученіе)". Не отъ царя церковныя полномочія, и Никонъ пишетъ: „Ты говоришь, что царь вручилъ мнѣ, Никону, надзоръ за церковными дѣлами, но это ложь: ни царь не давалъ мнѣ никакого авторитета, ни мы не ищемъ отъ него какого либо авторитета, зная Божественные каноны: „Всякій, принимающій Церковь отъ свѣтской власти, низвергается." И хотя Богъ до нынѣ терпитъ такое нарушеніе, и царь, вопреки Божественнымъ правиламъ, избираетъ кого хочетъ и даетъ приказъ ихъ посвящать, но всѣ эти люди не избраны Богомъ и недостойны. За все это царь отдастъ отчетъ передъ Богомъ. Какъ онъ можетъ давать то, чего самъ не имѣетъ?" (1, 192). Въ другомъ мѣстѣ Никонъ говорить: „Надо помнить 39 Апост. правило, 13 Лаод. и VII Вс. Соб. 3 пр. Теперь и Епископы, и архимандриты, и игумены, и священники и низшіе клирики посвящаются и назначаются указомъ царя. 34 Ап. правило запрещаетъ дѣлать что либо внѣпархіальное безъ воли Первосвятителя, но царь сдѣлалъ Митрополита Крутицкаго, стоящаго ниже всѣхъ Епископовъ, первымъ надъ всѣми ними, Архіепископами и Епископами безъ Собора и безъ выборовъ, а 35 Апостольское правило низвергаетъ получившаго власть отъ свѣтскихъ властей" (I, 501). Въ другомъ мѣстѣ: „Ты, вопрошатель, говоришь, что царь поручилъ Никону надзоръ надъ церковными дѣлами; это нечестивая хула, превосходящая гордость Люцифера. Ибо онъ сказалъ: я поставлю мой тронъ на небесахъ и буду подобно Всевышнему. Онъ думаетъ имѣть здѣсь власть и надъ Богомъ, но мы имѣемъ свою власть отъ Бога и знаемъ только Его, какъ законодателя (I, 189), даващаго власть вязать и рѣшать (Іоаннъ 20, 22; Мѡ. 18, 18-20). Какую же власть далъ мнѣ царь? Эту? Нѣтъ. Но онъ восхитилъ ее на себя, какъ

свидѣтельствуя его незаконныя дѣянiя. Что онъ дѣлаетъ? Онъ властвуетъ надъ Церковью; обогащается священной собственностью и кормится ею; онъ хвалится дѣлать такъ, чтобы всѣ клирики, Митрополиты, Архіепископы, Епископы, священники и все низшее духовенство подчинилось, служило ему, какъ рабы, платило поголовную подать, служило въ войскахъ; онъ властвуетъ надъ ними и высшей юрисдикціей и налогами. Такихъ привиллегій мы не только не получали отъ него, но и гнушались ихъ и бѣжали отъ нихъ, какъ отъ сѣмени дракона; мы гнушались ихъ, какъ нарушеній Антихриста, согласно заповѣди Христовой, когда Онъ указалъ на эти наши времена (Мѡ. 24, 4, 5) (I, 189).

Захватъ церковныхъ дѣлъ царемъ — источникъ несчастія для него.

Никонъ видитъ несчастіе для царя въ томъ, что онъ захватываетъ церковныя дѣла. „Кому можетъ дать благодать Святаго Духа такой человѣкъ, который осмѣлился оскорбить Святаго Духа и сдѣлать Его благодать бездѣйственной, прибавивъ слова: „И по указу великаго государя?" Не написано ли, что избранный свѣтской властью низвергается вмѣстѣ съ поставившимъ его, но имъ это не важно. Что больше этого свидѣтельства? Самъ Богъ свидѣтельствуется, что такой грѣхъ не простится ни въ этомъ, ни въ будущемъ вѣкѣ. Онъ, Государь, даже не боится этого, хотя нѣтъ ничего ужаснѣе этого — не быть въ состояніи получить прощенія ни въ этомъ, ни въ будущемъ вѣкѣ, но онъ дѣйствуетъ, какъ если бы онъ былъ Верховный Первосвященникъ, и кого онъ хочетъ, того и приказываетъ посвящать. Увы! Увы! Какое презрѣніе! Какое ужасное осужденіе! И кто его освободитъ отъ этого? (I, 206).

Понятіе о Церкви у Никона и его критика основныхъ принциповъ — предпосылка Уложенія.

Никонъ подходитъ къ понятію Церкви съ практической стороны, которая обращена къ дѣятельности человѣка. Много разъ онъ говоритъ: „Церковь — не стѣны и храмъ, а церковныя законы"; также и отъ людей онъ требуетъ прежде всего дѣйствій, соотвѣтствующихъ этимъ законамъ: не слушатели, а исполнители закона спасутся, — часто встрѣчаемая у него цитата. И вступая на патріаршую кафедру, онъ говорилъ: „Мы называемся христіанами, но мы христіане только по имени." И, обличая царя, онъ говоритъ, „что онъ не поноситъ его власти, но обличаетъ направленіе его дѣятельности и говоритъ: мало въ царѣ христіанства." Естественно, что права Церкви, вытекающія

изъ ея существа на самостоятельное законодательство, управление и судъ были предметомъ его особой защиты. То, что Уложеніе не считается съ канонами и вводитъ силой свѣтской власти судопроизводство, несоотвѣтственное имъ, вопреки традиціи Византійскаго свѣтскаго законодательства и русскаго, традиціи, считавшейся съ каноническими постановленіями, а практика жизни идетъ еще дальше и глубже захватываетъ *res interna* Церкви, — и побуждаетъ Никона видѣть въ этомъ проявленіе духа Антихристовъ. Судоустройство, введенное Уложеніемъ, подвергалось критикѣ Никона не только потому, что оно на дѣлѣ привело къ государственному управленію въ Церкви, ко вмѣшательству государства въ то, что почиталось *res interna* Церкви, какъ назначеніе на церковныя должности и судъ государства въ церковныхъ дѣлахъ надъ духовенствомъ, но вообще потому, что оно выражало во всѣхъ своихъ **постановленіяхъ основную тенденцію Уложенія поставить Церковь въ зависимости отъ государства во всѣхъ ея проявленіяхъ**. Это было нарушеніемъ того начала, котораго держались и Византійское и Русское государственныя законодательства — признавать правила о подсудности въ гражданскихъ дѣлахъ духовенства суду Церкви. Уставъ Св. Владиміра говорить о Церковномъ судѣ: „Если кто нарушитъ мой уставъ, будетъ ли то мой сынъ или слуга, или кто либо изъ моего рода или изъ бояръ, и вмѣшается въ церковныя дѣла Митрополита, которыя я далъ Митрополиту и Церкви и Епископамъ во всѣхъ городахъ, согласно канонамъ, тотъ будетъ судимъ и наказанъ. Если кто попытается захватить судъ церковный, онъ лишается имени христіанина, и всѣ такіе да будутъ прокляты Святыми Отцами" (I, 380). „Кто ты, обращается къ князю Одоевскому Никонъ, что ты осмѣливаешься, вопреки Божественнымъ заповѣдямъ и канонамъ, составлять новые законы, подобно Лютеру?" (I, 365). Никонъ вѣрно подмѣтилъ, что самостоятельное распоряженіе государства въ дѣлахъ церковнаго устройства есть принципъ не православный, а протестантскій, и исторически обусловленъ у протестантовъ отсутствіемъ церковной іерархіи." „Князь Никита изъ каноновъ Св. Апостоловъ и Св. Отецъ ничего не писалъ, какъ этотъ незаконный кодексъ самъ свидѣтельствуешь. И гдѣ въ отдѣльныхъ мѣстахъ онъ увѣряетъ, что онъ сдѣлалъ оттуда выписки, то онъ вретъ, ибо нѣтъ такихъ каноновъ (которыхъ требуетъ текстъ); во всей книгѣ нѣтъ ни одного правила Св. Апостоловъ и Св. Отецъ 7 Всел. Соборовъ или Помѣстныхъ, нѣтъ и изъ гражданскихъ законовъ благочестивыхъ греческихъ царей и православныхъ русскихъ

государей. Но все — новая композиція, чуждая Православію и церковнымъ законамъ Апостоловъ и Св. Отцовъ и гражданскимъ законамъ греческихъ царей.

Судъ не царскій, а Божій.

Онъ самъ это свидѣтельствуесть въ своей лживой композиціи въ гл. X о судѣ, называя судъ судомъ царя. Какъ пишешь ты: „Судъ царскій"? Судъ изначала Божій, а не царскій. И цари называются слугами Божиими" (1, 390). А въ другомъ мѣстѣ (1, 470): „Послушай, нечестивый человѣкъ, что Богъ говоритъ о такихъ лицемѣрахъ, какъ ты: ты нечестивый слуга, изъ собственныхъ устъ твоихъ буду судить тебя. Ты говоришь, если кто поддѣляетъ письмо царя, за это предается смерти. Но что дѣлать съ тѣмъ, кто неистовствуетъ противъ Бога, отмѣняетъ Божественную власть, подобно Люциферу, и переноситъ порчею писаннаго документа Божію собственность и Божій судъ на имя царя, пиша „Судъ царя и т. д." и безчеститъ Святыхъ Апостоловъ и Св. Отцовъ, нашихъ учителей и законодателей, которые приняли власть отъ нашего несравненнаго Царя и Бога Господа Іисуса Христа, Который имѣетъ власть связывать и разрѣшать на землѣ и на небѣ, которые должны судить не только людей, но и ангеловъ, которые разрушаютъ ихъ власть и честь и ставятъ ихъ въ ничто? Какихъ мукъ и какой смерти они не достойны? (По поводу Улож. IV гл., 1, 2, 3). Не научень онъ отъ людей, ни людьми, но Самимъ Богомъ" (Исх. XIX, I XX, 3) (I, 355). „Установленіе стараго закона въ Синаѣ, примѣръ Давида, Соломона и Самого Христа показываетъ, что судъ — Божій. Въ Исходѣ XIX, 5 говорится: „Итакъ, если вы будете слушаться глагола Моего и соблюдать Завѣтъ Мой, то будете Моимъ удѣломъ изъ всѣхъ народовъ, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царствомъ священниковъ и народомъ святымъ; вотъ слова, которыя ты скажешь Израильтянамъ". Слѣдоваль этому завѣту и **Никонъ и ставилъ въ примѣръ, какъ прежнее законодательство въ судопроизводствѣ считалось съ канонами, какъ съ Божественнымъ законодательствомъ.** „Какъ ты осмѣливаешься поддѣлывать судъ, и кто увѣренъ, что твой судъ праведенъ и, что ты не писалъ по собственному произволу, а по волѣ Божіей" (I, 420). „Покажи, гдѣ написано въ правилахъ Св. Апостоловъ и Св. Отецъ и въ гражданскихъ законахъ греческихъ царей или въ старыхъ кодексахъ царей, что боярамъ, окольничимъ и людямъ Совѣта надлежитъ судить Патріарха, Митрополитовъ,

Архієпископовъ и Епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и весь духовный чинъ" (I, 478).

Никонъ считалъ, что самъ Патріархъ Уложеніемъ можетъ быть подверженъ суду свѣтскому, разъ по 3 ст. XII главы люди патріаршихъ Приказовъ и принадлежащіе Патріарху чины должны быть судимы въ томъ судѣ, гдѣ они сами начали дѣло, стало быть и Патріархъ, начавъ противъ кого либо дѣло въ судѣ, можетъ быть судимъ тамъ при встрѣчномъ искѣ (I, 484)." По 9 IV Всел. Соб. и 15 и 104 Карѳаг. Соб. кто прибѣгаетъ къ свѣтскому суду, тотъ не Епископъ, и, если другія лица священническаго чина, оставя церковный судъ, обращаются къ свѣтскому суду, то даже при выигрышѣ дѣла подлежатъ низверженію. И кто, будучи Митрополитомъ, Архієпископомъ, Епископомъ, архимандритомъ, игуменомъ, подчиняются въ нарушение Божественныхъ каноновъ суду свѣтскому, не можетъ больше называться по своему сану, ибо канонами низвергнутъ. И въ другомъ мѣстѣ (I, 594) Никонъ пишетъ: „Гдѣ написано, чтобы царь и князья, и бояре и дьяки судили Патріарха, Митрополитовъ, Архієпископовъ, Епископовъ и Архимандритовъ и прочихъ клириковъ? Въ какихъ канонахъ это написано? Скорѣе написано, что сами они должны быть судимы, а не судить. Что касается суда надъ Патріархомъ, то никакіе законы объ этомъ не говорятъ, хотя бы ты всѣхъ ихъ прочиталъ, если только не законы правителей нехристіанъ и преслѣдователей. И Митрополитъ не можетъ быть судимъ по канонамъ иначе, чѣмъ Патріархомъ съ другими Епископами, т. е. по IV Всел. Соб. 9 пр., ни Епископъ иначе, чѣмъ всѣми Епископами провинціи, согласно Карѳаг. каноновъ (12 Карѳ.) и во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ 12-ью; священникъ 6 Епископами, а дьяконъ тремя, а клирики однимъ." „А ты на какомъ законѣ основываешь (пишетъ онъ Одоевскому) установленіе, чтобы въ монастырскомъ приказѣ простые свѣтскіе люди судили Митрополитовъ, Архієпископовъ, Епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ, дьяконовъ и клириковъ?" (I, 549). **Никонъ требуетъ, чтобы судъ надъ духовенствомъ и въ гражданскихъ дѣлахъ по правиламъ древней Церкви давался органами самой Церкви.**

Идеаль, которымъ вдохновлялся Никонъ въ начертаніи церковнаго суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства.

Этотъ идеаль древней Церкви всегда предносился передъ глазами Никона, и послѣдующія историческія наслоенія, когда государство присвоило себѣ часть тѣхъ функцій, которыя въ древнее время, во

время составленія Апостольскихъ правилъ и во времена Карѳагенскихъ Соборовъ III и IV вѣковъ, осуществлялись самой Церковью, являлись для него наростомъ, который надлежитъ, въ его глазахъ, уничтожить. Не видно, чтобы Никонъ именно гражданскій судъ надъ духовенствомъ опредѣленно относилъ къ существу самой Церкви; возможно, что онъ считалъ его делегаціей государства, ибо онъ оправдываетъ его не ссылкой на существо Церкви, а исторической традиціей самого государства.

Мнѣніе Никона о природѣ церковнаго суда въ гражданскихъ дѣлахъ духовенства.

Такъ въ „Раззореніи“ на стр. 322 онъ пишетъ: „Если заповѣди Божіи и правила Св. Апостоловъ и Отцовъ недостаточны для уничтоженія вашего незаконнаго суда (Монастырскаго Приказа), то мы прибавляемъ свидѣтельства отъ законовъ и установленій царей. Если бы Никонъ чувствовалъ въ данномъ случаѣ, что сами Божественные законы достаточны для защиты гражданскаго суда надъ духовенствомъ, онъ едва ли подкрѣплялъ бы ее ссылкой на свѣтскіе законы. Можно думать, что въ самихъ древнихъ канонахъ Никонъ чувствовалъ различіе Божественной неизмѣнной части каноновъ отъ той человѣческой ихъ части, которая привнесена въ нихъ условіями мѣста и времени, и, когда онъ ссылался на каноны о подсудности духовенства въ гражданскихъ дѣлахъ, онъ, не чувствуя за этими правилами Божественной санкціи, ссылался еще на обычай, на то, что благочестіе требуетъ уваженія къ ихъ постановленіямъ, освященнымъ давностью.

Никонъ о судѣ Церкви въ гражданскихъ дѣлахъ духовенства.

Такъ (I, 299) Никонъ писалъ: „Слѣдующіе Божественнымъ заповѣдямъ не должны подчиняться свѣтскимъ судьямъ, принуждающимъ отвѣчать передъ ними, но должны помнить Господа, сказавшаго (Мѳ. 10, 17-20): „Остерегайтесь же людей, ибо они будутъ васъ отдавать въ судилища, и въ синагогахъ своихъ будутъ бить васъ. И поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ за Меня для свидѣтельства передъ ними и язычниками. Когда же будутъ предавать васъ, не заботьтесь, какъ имъ что сказать; ибо въ тотъ часъ дано вамъ будетъ, что сказать.“ А въ другомъ мѣстѣ (I, 297): „Никонъ никогда не посылалъ духовныхъ къ суду царя; онъ не говоритъ этого и теперь, и не согласенъ, чтобы такъ было. Но посланнымъ отъ царя онъ сказалъ: Божественные законы не позволяютъ царямъ узурпировать власть

надъ собственностью, посвященной Богу, и судить лицъ, Ему посвященныхъ, т. е. клириковъ. Хотя бы мы были лишены послѣдней одежды, Христосъ запрещаетъ намъ идти на судъ царскій. Но, если царь привлекаетъ насъ къ своему суду силой, какъ сдѣлали евреи съ Христомъ и Его Св. Апостолами, по образу гонителей, то это увидить Всевышній Царь царей, Господь господствующихъ, Который быстро отмщаетъ за всякую обиду тѣмъ, которые совершаютъ несправедливость и насиліе." Никонъ далѣе пишетъ: „Мы говорили, не хуля царя, а порицая его дѣйствія; **пусть кто хочетъ служить царю, тѣ и получаютъ отъ него судъ, но намъ Христосъ нашъ Богъ далъ законъ и Себя Самого поставилъ примѣромъ не повиноваться передъ нечестивыми судьями и не привлекать передъ ними другихъ** (Маркъ 14, 57-61; Іоан. 18, 19-21; Мѡ. 26, 59-64). Видишь ли ты, подражатель жидамъ, какъ Христосъ, привлеченный къ суду царя неправедными первосвященниками и старѣйшинами іудейскими, не отвѣчалъ и поставилъ примѣръ для всѣхъ вѣрующихъ въ Него? Онъ отвергъ ихъ даже, когда они спрашивали Его съ заклинаніемъ (Мѡ. 26, 63). О, нечестивые евреи! Что они слышали? „вы сказали, что это Я", а не прямо: „это Я."

Самъ Богъ воздавалъ возмездіе тѣмъ, которые поднимались противъ Божіей собственности и наслѣдія и судили неправеднымъ судомъ, какъ фараонъ, Даѡанъ, Авиронъ, Навуходоносоръ, нечестиво осудившій Даниила и трехъ отроковъ, Іосія, незаконно воскурившій ѡиміамъ, Ахавъ, преслѣдовавшій пророка, Иродъ, Пилать, первосвященники и всѣ тѣ, кто были нечестивыми судьями Св. Пророковъ и Апостоловъ и преслѣдовалъ и убивалъ ихъ подобно Максентію, Юліану и Валенту.

Видишь, вопрошатель и подражатель нечестія евреевъ: Христосъ не отвѣчалъ евреямъ, спрашивавшимъ его, и такъ же Онъ сдѣлалъ, когда Его привели передъ правителями (Мѡ. 27, 11-14; Іоаннъ 18, 33-38; Іоаннъ 19, 7-12). Видишь ли, какъ язычникъ Пилать былъ склоненъ прощать Іисуса. **А мы не дѣлали обиды нашему царю и не назывались царями.** Какъ я есмь то, что я есмь, такъ и онъ — то, что есть, ибо какъ они, отвергая Спасителя, кричали: „мы не имѣемъ царя, но только кесаря", такъ эти кричатъ: не надо намъ Патріарха, достаточно съ насъ Митрополита Крутицкаго" (I, 297). Если въ дѣлѣ по обвиненію въ вознесеніи проклятія на царя, Никонъ защищалъ неподсудность своего духовенства царю въ дѣлѣ дисциплинарно-церковномъ, то въ дѣлѣ Сытина и Боборыкина онъ защи-

щаль неподсудность свою царю въ гражданскомъ дѣлѣ. Никонъ говорилъ, что Церковь требуетъ отдавать и рубашку, и самъ отдалъ Боборыкину, вмѣсто спора, всю кассовую наличность монастыря, въ 10 разъ превышавшую цѣнность самого спорнаго предмета. Никонъ такъ объ этомъ рассказываетъ (I, 583-601): „Со времени ухода моего до сего дня царь упорствуетъ въ гнѣвъ своемъ на Патріарха Никона, за что, не знаю, и вѣритъ всякимъ ложнымъ обвинителямъ, а добрыхъ людей сослалъ. Царь не только подчинилъ себѣ Епископовъ, Архимандритовъ, игумновъ, священниковъ, но ищетъ, чтобы и Патріархъ Никонъ выступилъ стороной въ его судѣ съ Романомъ Боборыкинымъ и Иваномъ Сытинымъ передъ окольнымъ Осипомъ Сукинымъ и думнымъ дворяниномъ Иваномъ Баклановскимъ. Никонъ указалъ на неправильность этого имъ: даже Митрополита нельзя судить безъ Патріарха. Осипъ Сукинъ посмотрѣлъ въ инструкціи царя и сказалъ, что, если Никонъ не дастъ отвѣта по жалобамъ, то царь рѣшитъ по своему. Никонъ отвѣтилъ, что не боится царя, ибо есть у него свой Царь на небесахъ. Никонъ предложилъ, если надо, убить его, и грудь раскрылъ, сказалъ, что не боится ни смерти, ни потери собственности, а въ судъ царя не пойдетъ, ибо это противно Божественнымъ правиламъ. Никонъ приказалъ принести всѣ наличныя деньги (ибо Евангеліе требуетъ отдать и рубашку), ихъ оказалось 600 руб. Никонъ сказалъ: если Никонъ кого обидѣлъ, пусть тотъ придетъ и возьметъ свой ущербъ въ страхъ Божіемъ, и, если чего не хватитъ, то онъ сниметъ ризы съ иконъ, отдастъ и церковныя книги, и колокола и скотину" Боборыкинъ взялъ эти 600 руб. за 67 четв. по предложенію Сукина (цѣну, превышавшую въ 10 разъ рыночную).

Въ другомъ мѣстѣ Никонъ пишетъ: „Господь говоритъ: Если кто позоветъ тебя въ судъ и отниметъ верхнюю одежду (I, 201), то пусть отдастъ и нижнюю. Но царь теперь тащитъ къ своему суду и тѣхъ, кто не хочетъ съ нимъ спорить, хотя бы добровольно отдавалъ свою одежду и свою рубашку. Онъ судитъ принудительно тѣхъ, суду которыхъ самъ подлежитъ. Онъ попираетъ своей властью и не только это, но Епископы, священники и весь духовный чинъ, которыхъ онъ не имѣетъ права и самъ судить, по его приказу судятся даже боярами, и всѣми его нечестивыми судьями и дьяками вопреки Божіихъ канонъ. Ибо каноны устанавливаютъ, что Епископъ долженъ быть судимъ Митрополитомъ съ Епископами, или по крайней мѣрѣ 12 епископами. Но царь самъ — и нападающій, и обвинитель, и судья, и свидѣтель, и составитель, и руководитель лжесоборовъ про-

тивъ своего Патріарха. Вопреки св. канонамъ онъ принуждаетъ идти къ нему для суда, но онъ не думаетъ о предостереженіи Апостола 2 Кор. 5, 10 (о будущемъ судѣ)."

Какія средства указываетъ Никонъ въ борьбѣ противъ незаконнаго свѣтскаго суда, постановляющаго на основаніи Уложенія противъ духовныхъ лицъ? — отказъ въ повиновеніи. „Ты пишешь о томъ, что по Х, 142 Улож. подлежитъ тюрьмѣ на три мѣсяца, кто издеретъ у посланнаго къ нему царскую грамоту. Но, если кто священнаго чина, Патріархъ, или Митрополитъ, или Архіепископъ, или Епископъ или священникъ до низшаго клира привлечется къ исполненію незаконнаго закона, то онъ долженъ презрѣть и незаконнаго судью, и самый законъ, какъ три отрока, услышавшіе царскій приказъ, не только не согласились терпѣть насиліе, но презрѣли приказъ. Равно и другіе святые мученики, о которыхъ ты читаешь въ прологѣ, какъ браво они спорили, когда ихъ тащили въ судъ, и не только не повиновались, но проклинали беззаконіе. Такъ и теперь, если кто ради Св. Евангелія и заповѣдей Христа и каноновъ Св. Апостоловъ стоитъ твердо, то онъ не только не будетъ повиноваться судѣ, но плюнетъ на него и проклянетъ его нечестивый законъ" (I, 486).

Почему Никонъ объединяетъ подсудность духовенства и по духовнымъ дѣламъ, и по гражданскимъ.

Если Никонъ объединяетъ обѣ подсудности духовенства и въ духовныхъ, и въ гражданскихъ дѣлахъ, то это объясняется тогдашней традиціей опредѣлять подсудность по лицамъ, а не по предметамъ. Подсудные въ одномъ отношеніи становились подсудными невольно и въ другомъ отношеніи. Если Уложеніе на практикѣ привело къ захвату государствомъ чисто церковныхъ функцій, то ученіе Никона приводило къ сохраненію церковныхъ полномочій, которыя были освящены церковнымъ обычаемъ и признаніемъ гражданскихъ законовъ на ряду съ тѣми, которые вытекали изъ самаго существа Церкви.

Никонъ обвиняетъ Царя въ пренебреженіи имъ исторической традиціи относительно суда по гражданскимъ дѣламъ духовныхъ лицъ.

Никонъ обвиняетъ царя въ нарушеніи исторической традиціи въ отношеніи государственнаго законодательства о Церкви. Онъ пишетъ (I, 201): „Царь не только не исполняетъ заповѣдей Божіихъ, но и пренебрегаетъ прежними законами благочестивыхъ царей и великихъ князей." На стр. 217: „Константинъ Великій подъ страхомъ

проклятія требовалъ исполненія привиллегій Церкви. Также и Юстиніановы законы, данные имъ Церкви **въ подтвержденіе ея правъ**, слѣдуютъ во всемъ законамъ Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ" (Оттуда они и въ 42 главѣ Кормчей II л. 3). На стр. 327-330 Никонъ цитируетъ рядъ новеллъ, гдѣ утверждается юрисдикція Церкви надъ всѣми чинами духовными. Эти новеллы исходятъ изъ сообразованія съ церковными канонами.

Никонъ цитируетъ (I, 330) Уставъ Св. Владиміра, гдѣ говорится: „Открывъ греческій Номоканонъ, я нашелъ въ немъ преданіе Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ, касающееся самой вѣры, и указы перваго христіанскаго императора Константина и всѣхъ прежнихъ царей, сдѣланные въ соотвѣтствіи съ Вселенскими Соборами о церковныхъ дѣлахъ, и касающіеся всего священнаго чина и десятинь. И теперь, что касается этихъ дѣлъ, уголовныхъ или гражданскихъ, то не надлежитъ судить ихъ князю или боярамъ или тиунамъ. Я отдалъ судъ по этимъ дѣламъ Божіимъ Церквамъ, Митрополиту и всѣмъ Епископамъ земли русской. И поэтому никто въ моемъ царствѣ не долженъ вмѣшиваться въ дѣла церковныхъ лицъ." По Уставу Ярослава (I, 332) Митрополитъ и Епископы должны судить всѣ дѣла, которыя его отецъ, Великій князь Владиміръ, согласно канонамъ, далъ имъ во всѣхъ городахъ и провинціяхъ, гдѣ есть христіанство. Оба судейника Ивана III и Ивана IV признавали церковную юрисдикцію въ прежнемъ объемѣ. На Стоглавомъ Соборѣ (I, 344) въ 53 главѣ объ епископской юрисдикціи сдѣлано соборное постановленіе въ соотвѣтствіи съ канонами и постановленіями греческихъ царей. „Неправильно князьямъ и боярамъ или какимъ либо свѣтскимъ судамъ беспокоить церковный чинъ и судить его. Ни одинъ мірянинъ не можетъ обладать ими, но только великая Соборная Церковь (и ея митрополичій соборъ) и судить по св. канонамъ. Но изъ свѣтскихъ людей никто не долженъ обладать священниками, Митрополитами и монахами. Пусть непосвященные не вторгаются въ вещи священные. Но, если покушатся отобрать что либо отъ Церкви безъ благословенія Епископа въ нарушеніе правъ Церкви, таковой никто иной, какъ святотатецъ, воръ, грабитель Церкви Божіей. За это люди, если не покаются, наслѣдуютъ разрушеніе. Такъ приказалъ Господь: Воздайте Кесарево Кесарю и Господне Господу. Если кто изъ потомковъ, прибавляетъ Уставъ Св. Владиміра, захватитъ церковный судъ и доходы Церкви и Епископовъ, то за это подлежитъ проклятію" (I, 219). Изъ желанія оградить тѣ привиллегіи, которыя подверглись нападкамъ, и

тѣ существенныя права Церкви, которыя подверглись опасности, Никонъ въ концѣ Кормчей присоединилъ „Дареніе Константина Великаго“, которое было палладіумомъ правъ Церкви и въ отношеніи юрисдикціи, и въ отношеніи собственности, какъ образецъ отношеній христіанскаго императора не только къ существеннымъ правамъ Церкви въ ея собственной сферѣ, но и въ той, гдѣ она явно соприкасается съ государствомъ (права гражданскаго суда надъ духовенствомъ и въ вопросѣ о собственности церковной). Когда Никона упрекали въ непослѣдовательности на дѣлѣ, то онъ опровергалъ это; когда Никону возражали, что у него въ приказахъ судили свѣтскіе люди, онъ объяснялъ, что въ принципѣ всякое дѣло рѣшалось имъ, и указы только докладывали ему. „Ты пишешь: я спрашиваю, осуществлялъ ли когда Никонъ судъ. Сидѣлъ ли онъ когда на своемъ судебномъ мѣстѣ и выслушивалъ ли жалобы? Никогда. Онъ взялъ свѣтскихъ лицъ, которые судили въ его приказахъ и распредѣляли петиціи людямъ его двора, и они рѣшали правое съ неправымъ и наоборотъ. Дѣлаютъ ли такъ праведные судьи? Развѣ такъ поступаютъ Патріархи отцы отцовъ съ своими сынами? Ты сказалъ мнѣ, сидѣли ли мы когда на своемъ судебномъ мѣстѣ для выслушиванія жалобъ и отвѣчаешь: никогда. **Но мы постоянно были за судейскимъ столомъ**“ (I, 550).

Конфликтъ изъ-за учрежденія Монастырскаго Приказа, состоящаго изъ назначенныхъ царемъ свѣтскихъ людей, съ обязанностью принять уже не Кормчую, а Уложеніе, былъ началомъ той апостасіи гражданскаго законодательства, которая лежала въ основѣ конфликта между Никономъ, неподдержаннымъ Архіереями, съ царемъ, возставленнымъ противъ Никона боярами — родственниками царя (Стрешневы и Мстиславскіе) и титулованными боярами, импониовавшими въ положеніемъ въ родословной (Кн. Одоевскій, кн. Трубецкой). Сама комиссія, составленная передъ Соборомъ 1649 г., состояла изъ 5 членовъ; въ нее входили князь Никита Ивановичъ Одоевскій, князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Волконскій, Семень Васильевичъ Прозоровскій и дѣяки Гаврила Леонтьевъ и Ѳеодоръ Грибоѣдовъ. Кн. Волконскій за труды по составленію Уложенія пожалованъ былъ изъ окольничьихъ въ бояре; что кн. Одоевскій былъ главнымъ вдохновителемъ главы XIII о Монастырскомъ Приказѣ, видно изъ того, что Никонъ, критикуя Уложеніе, постоянно обращается къ нему.

Идеи Никона о церковномъ судѣ были восприняты вскорѣ послѣ его осужденія, именно черезъ полгода; въ іюлѣ 1667 г. Соборъ постановилъ: „О духовномъ судіи совѣтовахомъ убо съ братомъ нашимъ Святѣйшимъ киръ Іоасафомъ, Патріархомъ Московскимъ и всея Руси, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ быти духовному человѣку, сирѣчь архимандриту съ другими искусными мужи въ патріаршѣ дому, въ духовныхъ дѣлахъ судити и разсуждати духовныя лица, сирѣчь священническаго и монашескаго чина, яко да не вовлекають отнынѣ священниковъ и монаховъ въ мірскія судилища, ниже да не судятъ мірскіе люди освященнаго и монашескаго чина и всякаго церковнаго причта, яко же запрещаютъ св. правила Св. Апостолъ и Св. Отець Четвертаго Вселенскаго Собора иже въ Халкидонѣ правило 9 и Св. Помѣстнаго Собора иже въ Карѣагенѣ правило 15, и законы благочестивыхъ царей подобнѣ въ книгѣ законнѣй Іустиніана царя гл. 58, 74, 8 и царя Мануила Комнена гл. 62 и прочихъ". Не упомянувъ о Никонѣ, Отцы Собора осуществили его теорію о церковномъ судѣ, подобно тому, какъ въ ученіи о царской власти они, въ принципѣ, осуществили его теорію о двухъ властяхъ государственной и церковной, преобладающей каждая въ своей сферѣ. Но съ паденіемъ глашатая этихъ теорій, некому было остановить потокъ секуляризаціонныхъ идей, восторжествовавшихъ окончательно съ установленіемъ единоличнаго правленія Петра.

Принятіе Соборомъ 1667 . идей Никона о подсудности суду Церкви гражданскихъ дѣлъ духовенства и крушеніе его идей въ 1701.

Завершеніемъ этой идейной борьбы за положеніе Церкви было при Петрѣ возстановленіе Монастырскаго Приказа въ 1701 г., съ правами, еще болѣе усиленными въ сравненіи съ его положеніемъ въ 1649-1677 г.г. въ смыслѣ административномъ, захватъ управленія церковной собственности государствомъ при Петрѣ I, а, послѣ ея окончательная конфискація при Екатеринѣ II; а въ отношеніи церковнаго устройства послѣдовало сведеніе каноническаго примата къ декоративному положенію при Петрѣ I (Патр. Адріанъ), а затѣмъ и реформа церковнаго устройства, въ которой каноническій первосвященитель былъ вовсе выведенъ изъ числа живыхъ органовъ Церкви и замѣненъ государственнымъ коллегіальнымъ учрежденіемъ — Синодомъ, созданнымъ въ порядкѣ государственнаго законодательства. Теорія, что вопросы церковнаго устройства являются объектомъ государственнаго законодательства, являла здѣсь полное примѣненіе. Изданіе Ѳеофаномъ Прокоповичемъ катехизиса въ протестантскомъ

смыслѣ съ недоувѣріемъ къ почитанію иконъ и мощей, захватъ государствомъ законодательства о церковныхъ дѣлахъ были лишь завершеніемъ того разрушенія церковнаго устройства, которое было начато при Алексѣѣ Михайловичѣ Уложеніемъ съ практикой, изъ него вытекающей.

Если и допустить, что Никонъ, защищая каноны, и преувеличивалъ объемъ неприкосновенной ихъ части, опирающейся на Божественное право, которая современнымъ анализомъ опредѣляется иначе, то онъ все же отстаивалъ вѣрный принципъ — недопустимость нарушенія канонѡвъ государственнымъ законодательствомъ и боролся съ духомъ вѣка, который вовсе игнорировалъ каноны. Его идеи о неподсудности духовенства гражданскимъ судамъ были приняты Соборомъ 1667 г., постановленіемъ: „Монастырскому Приказу и прочимъ свѣтскимъ приказамъ не производить суда надъ духовенствомъ." Высочайшій указъ, 1667 г., приводившій въ исполненіе постановленія Собора 1667 г. гласилъ: „Божественные законы не повелѣваютъ мірскимъ людямъ возложеннымъ Господеви обладати движимыми и недвижимыми имуществами ниже судити." Лишь возстановленный при Петрѣ въ 1700 г. Монастырскій Приказъ снова взялъ въ свои руки и судъ надъ духовенствомъ въ гражданскихъ дѣлахъ и полное управленіе церковной собственностью.

Другія причины для протеста Никона противъ захвата церковнаго суда государствомъ. Ст. 83 и 84 Уложенія.

Возставая противъ судебной реформы Уложенія, Никонъ говорилъ съ одной стороны о противоканонической реформѣ по ея содержанію, а съ другой въ ней онъ видѣлъ проявленіе того неуваженія къ Церкви и ея законамъ въ лицѣ представителей, въ которомъ онъ усматривалъ зародышъ гибели государства, какъ онъ писалъ еще въ письмѣ къ Зюзину изъ Крестнаго монастыря въ 1660 году. Съ передачей суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства въ руки свѣтскихъ властей и съ устройствомъ Монастырскаго Приказа, умалялось соціальное значеніе представителей Церкви, которые отдавались въ руки свѣтскихъ властей, служащихъ дѣлу вѣка сего. Подрывалось также это положеніе и нѣкоторыми особыми постановленіями Уложенія, препятствующими духовенству выполнять свою обличительную роль въ обществѣ, а также его постановленіями о церковной собственности, которыя приводили къ обѣднѣнію всѣхъ церковныхъ учрежденій, включая и Патріарха, а черезъ это къ пониженію общественной роли Церкви въ государствѣ.

Никонъ возстаеъ противъ установленія наказаній за порицанія, которыми духовенство призвано клеймить порокъ. По поводу X, 83 84 Никонъ пишетъ (I, 487): если кто либо отказывается слушать Слово Божіе и еще разсматриваетъ, какъ оскорбленіе, сдѣланное ему увѣщаніе за такое безчестіе, сдѣланное этому непослушному человѣку, и онъ согласно этому незаконному кодексу требуетъ штрафъ по опредѣленной шкалѣ, въ золотъ или серебрѣ, или налагаетъ другія строгости, какъ наказаніе, то пусть такой радуется и веселится, ибо велика его награда на небесѣхъ. Ибо такъ, говоритъ Спаситель, они преслѣдовали пророковъ, которые были раньше васъ. Но ни одинъ волосъ не погибнетъ съ вашей головы. Въ вашемъ терпѣніи стяжете души ваши."

Оцѣнка Никоновскаго сужденія о церковномъ судѣ въ современной научной точкѣ зрѣнія.

Если мы поставимъ вопросъ, былъ ли правъ Никонъ конструировать церковный судъ, какъ основанный на Божественномъ правѣ, то мы должны сказать, что русская каноническая наука его бы одобрила, лишь различала бы въ составѣ церковнаго суда два разныхъ суда. Съ одной стороны собственно церковный судъ въ сферѣ церковной, а съ другой — судъ Церкви по гражданскимъ дѣламъ. Никонъ могъ смѣшивать эти два вида суда, ибо при разграниченіи суда по лицамъ, а не по предметамъ, какъ это было въ его время, вѣдавшій одинъ судъ захватывалъ и другой. При такомъ положеніи ему въ его практическихъ цѣляхъ можно было не различать этихъ двухъ видовъ судовъ, но они по существу своему различны, ибо одинъ основанъ на Божественномъ правѣ, а другой дарованъ Церкви государствомъ.

Ученіе Суворова о церковномъ судѣ.

Изъ русскихъ канонистовъ послѣдняго времени только одинъ Проф. Суворовъ держится совершенно особой точки зрѣнія на церковный судъ въ духѣ цезарепапизма, т. е. основаніемъ всякаго формальнаго суда Церкви считаетъ право Церкви, какъ можетъ его передать любой частной корпораціи. Формальный церковный судъ по Суворову — явленіе позднее, являющееся не прежде того времени, когда государство признало Церковь. Евангелическое же мѣсто о судѣ въ Мѣ. XVIII, 15-18 онъ почитаетъ лишь, какъ основу для ученія о богоучрежденности таинства покаянія, и это, по его мнѣнію, нельзя переносить въ сферу права, формальнымъ положеніемъ котораго не можетъ подчиняться власть связывать и разрѣшать. Открытый цер-

ковный судъ находить, по нему, свое основаніе въ понятіи о Церкви, какъ обществѣ, ибо въ немъ отдѣльные члены поставлены во взаимное отношеніе къ другимъ членамъ и къ цѣлому организму, и для нихъ не можетъ не существовать опредѣленный порядокъ. Если этотъ порядокъ есть нѣчто существенно необходимое, безъ чего не можетъ существовать и Церковь, то не можетъ быть подвергаема сомнѣнію и необходимость возстановленія нарушеннаго порядка путемъ суда и наказанія. Если бы даже въ Новомъ Завѣтѣ, говорить онъ, не было ясныхъ показаній на право Церкви карать своихъ членовъ, то право наказанія для Церкви вытекало бы все равно, въ объемѣ власти, соотвѣтствующей ея существу и назначенію. Но судъ самой Церкви, въ глазахъ Суворова, есть лишь судъ дисциплинарный, не содержащій въ себѣ ни умаленія, ни ограниченія государственнаго суда, такъ какъ онъ разсматриваетъ только такія явленія церковной жизни, о которыхъ опредѣленія даются только церковнымъ правомъ или, если и даются свѣтскимъ правомъ, то Церковь разсматриваетъ ихъ съ своей особой точки зрѣнія. Это, если и есть юрисдикція, то лишь въ относительномъ смыслѣ, ибо юрисдикцію въ собственномъ смыслѣ Церковь получаетъ отъ государства; эта юрисдикція является суммой судебныхъ правомочій, выдѣленныхъ государствомъ изъ своей судебной компетенціи, и тогда Церковь дѣйствуетъ въ качествѣ государственнаго суда, замѣняя его и слѣдовательно умалая и ограничивая компетенцію государственныхъ судебныхъ органовъ, такъ что по нѣкоторымъ предметамъ государство совсѣмъ не осуществляетъ своей юрисдикціи черезъ свои судебные органы, перенося это осуществленіе на Церковь, а Церковь, вѣдая дѣла, предоставленныя ей государствомъ, рѣшаетъ уже ихъ съ послѣдствіями для государственной жизни. Означенное ученіе о томъ, что церковный судъ имѣетъ источникомъ государственную власть, опровергается всѣми нашими канонистами.

Критика Суворовской точки зрѣнія.

Дѣло въ томъ, что ученіе это возможно при протестантскомъ воззрѣніи на Церковь, какъ частную корпорацію, подчиненную государству, зависимую отъ него въ самомъ своемъ существованіи, а не только въ отношеніи покровительства и защиты. Но Церковь, имѣя своимъ основателемъ и главой Христа, какъ Божественное учрежденіе, почитаетъ себя внѣ зависимости отъ государства; ея назначеніе, какъ царства не отъ міра сего, было стать рядомъ съ госу-

дарствомъ — царствомъ отъ міра сего, и она достигла этого и никогда не сливалась ни съ какимъ институтомъ общественнаго характера, будь то семья или государство, но всегда почитала себя самодовлѣющимъ организмомъ, имѣющимъ свою задачу, невыполнимую ни для какого другого союза. Поэтому Церковь должна имѣть самостоятельную судебную юрисдикцію; такъ это и было уже въ первые три вѣка, когда Церковь и государство были во враждебныхъ отношеніяхъ, такъ было и послѣ того, какъ государство вынуждено было признать Церковь съ ея властью въ дѣлахъ церковныхъ.

Судъ Церкви въ церковныхъ дѣлахъ — Божественное установленіе.

Наконецъ, и это самое главное, въ Евангеліи даны прямыя указанія на формальный церковный судъ, и основой его указана власть вязать и рѣшить. Такимъ образомъ формальный церковный судъ не есть продуктъ историческаго развитія, а непосредственное божественное установленіе. Слова Спасителя въ Мѣ. XVIII, 15-19 извѣстны¹. Они — классическое доказательство власти Церкви и основа ея практическаго употребленія. Со словомъ „вамъ“ Спаситель обращается къ ученикамъ Своимъ, которые слушали Его рѣчь, и этимъ указываетъ, кто долженъ пользоваться даруемой властью. Если увѣщанія представителей Церкви отвергаются, то они имѣютъ власть извергать изъ Церкви, и приговоръ ихъ будетъ имѣть силу передъ престоломъ Божиимъ. Рѣчь здѣсь идетъ не о тайномъ грѣхѣ, который исповѣдуются на судѣ совѣсти, не о внутреннихъ расположеніяхъ, а о судѣ надъ внѣшними отношеніями внутри Церкви между ея членами. Здѣсь разумѣются дѣянія противъ брата, говорится о средствахъ примиренія, о свидѣтеляхъ, о публичномъ судѣ передъ цѣлымъ обществомъ; есть тутъ истецъ, и обвинитель, и судъ, и приговоръ и исполненіе; установлено и взятое изъ еврейскаго права (Второзаконія XIX, 15), количество свидѣтелей. Что основаніемъ формальнаго церковнаго суда должно считать полномочія вязать и рѣшить (на которое опирается и догматическое ученіе о таинствѣ покаянія), то на это указываетъ, говоритъ **Епископъ Іоаннъ Смоленскій, тѣснѣйшая связь заключительныхъ словъ Спасителя съ предыдущими, выраженная внѣшне черезъ соединительный союзъ „бо“**. Право совершать формальный судъ нельзя разсматривать отдѣльно отъ права совершать таинства покаянія, какъ особую совершенно самостоятельную функцію, основывающуюся на особомъ полномочіи.

¹ Мѣ. 18, 18: „Аминь бо глаголю вамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связаны на небеси“...

Отправление формального суда и совершение таинства покаяния — тѣсно связанныя между собой формы проявленія одного и того же полномочія, принадлежащаго церковной власти. **Древняя Церковь не знала раздѣленія судебныхъ полномочій на *forum externum* и *forum internum*; оно появилось лишь въ средніе вѣка.** На языкѣ отцовъ и древнихъ учителей Церкви выраженіе „вязать и рѣшить" въ таинствѣ покаянія и „отлучать" (въ формальномъ судѣ) употреблялись, какъ синонимы. „Вязать" Церковь всегда понимала въ смыслѣ карательной власти.

О судѣ Церкви надъ церковными служителями.

Въ отношеніи къ суду надъ самими церковными служителями право наказанія установлено въ I Посланіи Ап. Павла къ Тимоѳею (V, 19-21). Тамъ также опредѣленно говорится о формальномъ судѣ Церкви; на лицо и принятіе обвиненій, и свидѣтели, и изобличенія дѣяній согрѣшившаго передъ всѣми. Апостоль вручаетъ здѣсь судебную власть надъ духовными лицами не собранію пресвитеровъ, не гражданскимъ правителямъ, но благовѣстнику и намѣстнику Апостола — Тимоѳею, т. е. **Епископу, который и является по Божественному праву законной судебной властью надъ всѣми духовными лицами.**

Въ 1 Кор. V, 3-5 изображенъ судъ Апостола надъ кровосмѣшникомъ съ приговоромъ именемъ Господа „предать такого во изможденіе плоти". На этихъ текстахъ Епископъ Іоаннъ и **устанавливаетъ свое положеніе, что формальный церковный судъ есть непосредственное установленіе Самого Іисуса Христа, подтвержденное Апостолами, Его продолжателями, и имѣетъ въ основѣ власть вязать и рѣшить.**

Самостоятельность церковнаго суда по происхожденію и по компетенціи.

Самостоятельный по своему происхожденію судъ, самостоятеленъ и въ своей компетенціи. Здѣсь Церковь имѣетъ такую же самостоятельную юрисдикцію, какъ государство въ своей сферѣ. Въ церковныхъ правилахъ Епископъ Іоаннъ находитъ три главныхъ разряда преступленій, подлежащихъ церковному суду: 1) преступленія противъ вѣры, 2) преступленія противъ Церкви и законовъ церковнаго священнодѣйствія: А) въ лицахъ священнослужителей, а) при избраніи ихъ: незаконность власти избирающей, незаконность способовъ избранія — симонія, несовершенства избираемыхъ лицъ, в) въ служеніи духовныхъ лицъ — нарушеніе церковныхъ уставовъ,

упущеніе церковныхъ службъ и т. д. с) въ нравственномъ поведеніи клира — лихоимствѣ, многобрачіи, нетрезвости и т. д., В) во всѣхъ членахъ Церкви: самочинныя соборща, поруганіе святыхъ, святотатство, духовное общеніе съ еретиками, принятіе запрещенныхъ священнослужителей и пр., 3) преступленія противъ законовъ церковнаго управленія и правилъ христіанской жизни, какъ то: нарушеніе предѣловъ помѣстнаго церковнаго управленія, непринятіе мірянами поставленныхъ имъ пастырей и т. д. И въ исторіи въ вѣдѣніе самостоятельнаго церковнаго управленія, послѣ признанія Церкви государствомъ, относились всѣ вопросы о предметахъ вѣры, христіанской морали и всѣ тѣ церковныя права, которыя вызваны къ бытію, созданы Церковью, раздаются и принимаются подъ условіями, указываемыми самой Церковью. Что существуетъ сфера, гдѣ право суда принадлежитъ именно Церкви, а не государству, иллюстрируется фактомъ церковнаго суда надъ высшими представителями государственной власти, которые такимъ образомъ не могутъ никакъ почитаться источникомъ церковно-судебной власти. Мы разумѣемъ случай отлученія отъ Церкви Патріархомъ Арсеніемъ императора Михаила Палеолога и обратное принятіе его въ Церковь послѣ колѣнопреклоннаго публичнаго испрашиванія прощенія передъ всѣмъ сонмомъ Архіереевъ въ Церкви. Послѣ признанія Церкви Константиномъ Великимъ, его преемники: Θεодосій Великій, Гонорій (412), Валентиніанъ III (425), Юстиніанъ (Новеллы 42, 83, 137, 123 и Василики Lib. III, Tit. I) положительно подтвердили съ своей стороны, что дѣла церковнаго характера должны разсматриваться церковными властями по церковнымъ правиламъ.

Положеніе императорскихъ комиссаровъ на судѣ, производившемся Вселенскими Соборами.

Церковный судъ и дѣйствовалъ въ своей сферѣ самостоятельно, какъ судъ общественный, аналогичный государственному, съ высшимъ судебнымъ органомъ въ лицѣ Собора. Если на церковномъ судѣ присутствовали императорскіе комиссары, то они не участвовали въ приговорахъ; они заботились только о соблюденіи въ точности юридической формы судопроизводства; въ результатѣ ихъ присутствіе оказывало свое содѣйствіе по исполненію приговора Собора государственною властью. Если они высказывали свои мнѣнія, со Соборъ могъ ихъ принять и не принять, какъ утверждали на IV Вселенскомъ Соборѣ сами императорскіе комиссары по дѣлу двухъ Епископовъ, оспаривавшихъ одну и ту же каѳедру.

Фактичеськія нарушенія императорами принципа независимости церковнаго суда объясняются традиціями языческой древности, личнымъ религіознымъ рвеніемъ императоровъ, трудными обстоятельствами церковной жизни, когда сама Церковь раздѣлившаяся на ся вовлекала императоровъ въ свои споры, чтобы съ его помощью выиграть дѣло. Но такія вторженія не соотвѣтствовали церковному правосознанію и встрѣчали протесты Епископовъ.

Природа церковнаго суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства; основа его въ посредническомъ судѣ Епископовъ.

Иларій Пуатьескій писалъ Констанцію, покровителю Аріанъ, просьбу, чтобы его чиновники не касались того, что относится къ религіи и не присваивали себѣ права суда надъ клириками. Такъ церковное сознаніе ограждало право Церкви на самостоятельный судъ въ церковныхъ дѣлахъ, но оно относилось равнодушно, когда императоры то ограничивали, то расширяли такъ называемую прикладную юрисдикцію Церкви, т. е. ея юрисдикцію въ гражданскихъ дѣлахъ, дарованную ей государствомъ, юрисдикцію, которая выросла изъ посредническаго суда Епископовъ первыхъ временъ на основаніи I Посл. Къ Кор. VI, 1-5.

Что эта юрисдикція не имѣетъ основанія въ Божественномъ правѣ, показываетъ отказъ Спасителя (Лук. XII, 13-14) разрѣшить споръ о дѣлѣжѣ имущества. **Пріобрѣтеніе ея возможно при условіи надлежащаго уполномоченія, безъ котораго она не вмѣшивается, какъ сказалъ Спаситель: „Кто поставилъ Меня судить васъ?“** Возможно еще обращеніе спорящихъ въ гражданской тяжбѣ къ посреднику, на что и указалъ Апостоль Павелъ, упрекая христіанъ за обращеніе къ языческимъ судамъ. Въ самомъ языческомъ мірѣ на ряду съ суровымъ *judicium*, связаннымъ правомъ, существовалъ *arbitrum* для большей свободы судьи въ достиженіи справедливости; тѣмъ паче долженъ былъ имѣть значеніе для христіанъ епископскій судъ при наличіи языческихъ судовъ, не испытавшихъ на себѣ гуманнаго вліянія Христіанства. Христіанство возводило въ данномъ случаѣ въ общее правило римскую идею *arbitrum*'а. Одинъ изъ Архіерейскихъ Соборовъ прямо запретилъ искать правосудія у еретиковъ. Естественными посредниками у христіанъ были Епископы, какъ люди уже извѣстные черезъ свое избраніе, въ качествѣ людей благочестивыхъ, справедливыхъ.

Въ Апостольскихъ Постановленіяхъ говорится, что Епископы могли поручать это разбирательство не только пресвитерамъ, но и

мірянамъ, оставляя за собой окончательный приговоръ. Когда римское государство сдѣлалось христіанскимъ, то терялось основаніе поддерживать епископскій судъ въ гражданскихъ дѣлахъ, **но по своимъ достоинствамъ — по простотѣ производства дѣла и по нравственнымъ свойствамъ судей онъ пользовался большимъ уваженіемъ, и императоры поддерживали его своими законами.** Константинъ Великій закономъ 321 году предоставилъ всякому право переносить любое гражданское дѣло въ епископскій судъ по соглашенію съ противной стороной, хотя бы оно слушалось въ свѣтскомъ судѣ, а другимъ закономъ онъ далъ еще привиллегію епископскому суду разсматривать дѣло, перенесенное одной изъ сторонъ, даже при нежеланіи другой, во всякой стадіи процесса, и рѣшеніе Епископа подлежало исполненію государственными властями. Суворовъ и ведетъ начало собственно Церковнаго суда съ этихъ законовъ, но это неправильно, ибо судъ церковный посредническій существовалъ и раньше и по природѣ не былъ судомъ дисциплинарнымъ, а общественнымъ, ибо Церковь Христова не частная корпорація, получающая свои права отъ государства, а учрежденіе, установленное самимъ Іисусомъ Христомъ. Но съ изданіемъ государственныхъ законовъ, подтверждающихъ этотъ епископскій судъ, изъ основаннаго на добровольномъ обращеніи къ нему сторонъ **образовался постоянный судъ Епископовъ съ недопущеніемъ на него апелляціи и признаніемъ его исходящимъ какъ бы отъ самаго императора.** Что природа этого суда отличалась отъ природы церковнаго суда по церковнымъ дѣламъ, видно изъ отношеній и императоровъ и Епископовъ къ нимъ.

Различіе въ отношеніи Епископовъ Византійской Церкви къ вторженіямъ въ собственно церковный судъ и къ сокращенію церковнаго суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства.

Судъ въ церковныхъ дѣлахъ признавался императорами, и Епископами защищался отъ внѣшнихъ давленій (такъ Папа Либерій требовалъ, чтобы судъ надъ Св. Аѳанасіемъ былъ вдали отъ императорскаго дворца), какъ основанный на божественномъ правѣ, а судъ Епископовъ по гражданскимъ дѣламъ ограничивался законами, и къ концу IV вѣка, при нежеланіи одной изъ сторонъ ему подчиниться, онъ не допускался закономъ. Еще больше затруднилъ его Валентиніанъ III, потребовавъ (425 г.) формальнаго компромисса для обращенія къ нему. Юстиніанъ же разрѣшилъ его только въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ ординарныхъ судей (86 Нов.), а въ 82 Нов. онъ по-

требовалъ заключенія формальныхъ условій о штрафѣ въ случаѣ, если одна изъ сторонъ обратится послѣ посредническаго суда къ другому суду. Такъ свободно законодательствовали императоры о прикладной юрисдикціи Церкви, а сами Епископы нерѣдко даже ею тяготились, напримѣръ Блаженный Августинъ, ибо видѣли въ ней занятіе постороннее для своего епископскаго сана.

Ученіе Никона о церковномъ судѣ и точка зренія современной науки (Заозерскій).

Это ученіе о самостоятельномъ церковномъ судѣ, основанномъ на Божественномъ правѣ, развитое Епископомъ Іоанномъ и Прокошевымъ, писавшимъ изслѣдованіе его каноническихъ теорій, связано со взглядами на Церковь, какъ на особый организмъ, имѣющій самостоятельное отъ государства происхождение, — цѣль и средства къ ея достиженію, и потому оно раздѣляется тѣми канонистами, которые понимаютъ и законодательство и управленіе Церковью, какъ права, исходящія свѣше и осуществляемыя тѣми ея органами, которые имѣютъ на то соотвѣтствующія благодатныя полномочія. Къ таковымъ, какъ мы видимъ, принадлежатъ всѣ русскіе канонисты, кромѣ раздѣляющаго цезарепапистскій взглядъ Профессора Суворова. Никонъ является прямымъ ихъ предшественникомъ. Онъ, какъ мы указали, не выдѣлялъ церковнаго суда по гражданскимъ дѣламъ Епископовъ отъ церковнаго суда по церковнымъ дѣламъ, но чувствовалъ, видно, различіе, ибо ссылаясь, доказывая неотъемлемость перваго, на уставы Св. Владиміра, Ярослава, Стоглава, а не на Божественное право; возможно, что онъ не слишкомъ ясно сознавалъ это различіе, ибо, говоря вообще объ законахъ Уложенія о судѣ, утверждалъ, что судъ — Божій, а не человѣческій; но для его цѣлей — отстоять независимость Церкви — необходимо было отстаивать и тотъ, и другой судъ, ибо они въ то время на практикѣ сливались, и чтобы отстоять собственно церковный судъ, надо было отстаивать и судъ по гражданскимъ дѣламъ духовенства. Когда Никонъ противопоставилъ законамъ Уложенія законы благочестивыхъ греческихъ и русскихъ царей, признававшихъ за Церковью судъ по гражданскимъ дѣламъ духовенства, то онъ боролся противъ начавшейся общей секуляризаціи государства, считая ее нечестивымъ дѣломъ. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ правъ, ибо онъ боролся противъ начавшейся секуляризаціи, а различеніе подсудности по предметамъ, а не по лицамъ, было достиженіемъ болѣе поздняго времени и въ его время не существовало. Изъ двухъ вещей: полной судебной автономіи духо-

венства и полного его порабощенія государствомъ онъ естественно выбиралъ первую, ибо судъ государственныхъ чиновниковъ, при отсутствіи правды въ судѣ, совершенно подавлялъ бы духовенство и дѣлалъ бы его орудіемъ свѣтскихъ сановниковъ и чиновниковъ, а не служителями Церкви, знающими прежде всего ея законъ, ея волю. Никонъ, столько заботившійся объ улучшеніи нравовъ духовенства и о независимой пастырской дѣятельности служителей Церкви, не могъ не озабочиваться изъятіемъ его изъ подсудности продажныхъ Московскихъ судовъ, создавшихъ пословицу: съ богатымъ не судись, съ сильнымъ не борись. Но что касается собственно церковнаго суда, то онъ, подобно современнымъ намъ канонистамъ, основывалъ его на власти вязать и рѣшать, а не на царскомъ полномочіи, и сферу его дѣйствій опредѣлялъ не полномочіями государства, а природой самой Церкви, назначенной для спасенія людей, и указаніями каноновъ, которые въ его глазахъ были обязательны для православнаго государства. Это подтверждается и разсмотрѣніемъ труда Проф. Заозерскаго „Церковный судъ въ первые вѣка христіанства". Онъ признаетъ за церковнымъ судомъ Божественное полномочіе въ словахъ Спасителя Мѳ. XVIII, 15-18, а также въ Дѣянїи V, I-II (Ананія и Сапфира) и 1 Кор. V, 1-5 (Коринѳскій кровосмѣсникъ), а для суда надъ духовными лицами въ 1 Тим. V, 19, 20 и 21; опредѣленія пространства епископскаго суда дано въ Тит. 1, 9, 13 и 2, 15 („Церковный судъ въ первые вѣка христіанства" стр. 8-26). Судъ же Церкви по гражданскимъ дѣламъ имѣетъ основаніе въ 1 Кор. VI, 15 (стр. 26-29), гдѣ рекомендованъ Апостоломъ судъ посреднической по соглашенію тяжущихся, который не имѣетъ опоры въ Божественномъ правѣ, ибо Самъ Спаситель отказался принять участіе въ спорѣ о дѣлѣжѣ наслѣдства (Лук. XII, 13, 14), сказалъ: „Кто Меня поставилъ судить или дѣлить васъ". Съ точки зрѣнія Сына Человѣческаго, равнаго въ гражданскихъ правахъ съ просившими принять Его обязанность судьи, Спаситель по господствовавшему тогда праву могъ бы исполнить просьбу, если бы это посредничество испрашивалось и другой стороною, и было бы это согласіе утверждено высшимъ гражданскимъ авторитетомъ. Заозерскій останавливается на словахъ Спасителя, устанавливающихъ и внѣшній церковный судъ: „Аще же не послушаетъ ихъ (два или три свидѣтеля), повѣждь Церкви: аще же Церковь не послушаетъ, будетъ тебѣ яко язычникъ и мытарь. Аминь бо глаголю вамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связаны на небеси..." Уже само выраженіе, пишетъ онъ (стр. 13), „скажи Церкви" — не даетъ ли

основаній для всей Церкви выдѣлить лишь нѣсколько лицъ, которымъ обвинитель дѣйствительно могъ бы разъяснить дѣло, и которыя и сами считали бы себя въ правѣ призвать къ своему суду обвиняемаго и свидѣтелей и могли бы сообщить суду надъ нимъ характеръ суда карательнаго, причемъ и обвиняемый и свидѣтели находили бы себя обязанными оказывать въ отношеніи къ нимъ полное повиновеніе? Св. Златоустъ прямо такъ и объясняетъ выраженіе „скажи Церкви“, т. е. ея предстоятелямъ. А что эти предстоятели облечены именно такой властью, ясно слѣдуетъ изъ словъ Спасителя: „Аминь бо глаголю вамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связаны на небеси, и елика разрешите на земли, будутъ разрешены на небеси,“ — которыя стоятъ непосредственно за словами: „Буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь“. Слова эти указываютъ, что нѣкоторымъ членамъ Церкви (предстоятелямъ) дано право и вязать, связывать и разрешать, т. е. удалять изъ Церкви (какъ Церковь и понимала эти слова). Итакъ, пишетъ онъ (стр. 15), въ ученіи Спасителя мы находимъ ясныя свидѣтельства того, что а) Церковь необходимо должна производить свой открытый внѣшній судъ по поводу частной жалобы своего члена. Она имѣетъ на то положительныя предписанія и право отъ Самого Іисуса Христа, указывающаго въ церковномъ судѣ одно изъ необходимыхъ средствъ къ сохраненію духа любви евангельской въ новыхъ людяхъ, составляющихъ Его Церковь. б) Этотъ судъ отличается ясно отъ безформеннаго братскаго суда основными чертами суда формальнаго внѣшняго. в) Наконецъ, въ Церкви есть особенныя лица, уполномоченныя Спасителемъ исключительнымъ правомъ и властью производить этотъ церковный судъ надъ согрѣшающими членами Церкви".

„Вообще (стр. 18) обновленіе человѣческаго рода, для совершенія котораго пришелъ на землю Іисусъ Христосъ, и которое, какъ продолженіе начатаго Имъ Самимъ дѣла, должна производить Церковь, или точнѣе, которое производитъ Самъ Христосъ черезъ Свою Церковь, должно было внести и дѣйствительно внесло въ міръ совершенно новое законодательство и, какъ необходимое средство охраненія его неприкосновенности, судъ устроенный на его же началахъ и одного съ нимъ происхожденія (Божественнаго), каковымъ и является церковный судъ. А отсюда прямо вытекаетъ общее положеніе, что церковному суду подлежатъ всѣ преступленія противъ этого новаго, т. е. христіанскаго и церковнаго законодательства". Этотъ судъ Церкви не затрагиваетъ суда государства, которое можетъ судить члена Церкви и своимъ судомъ, какъ гражданскимъ,

въ качествѣ власти, исходящей отъ Бога. Обѣ власти, хотя и одинаковы по источнику съ той разницей, что государственная власть, въ отличіе отъ церковной, не является властью непосредственно установленной Богомъ, однако, онѣ совершенно различны по непосредственному назначенію и по своему характеру, и потому каждая въ своей сферѣ можетъ дѣйствовать самостоятельно и не стѣснять другую. Приговоры Апостоловъ Петра надъ Ананіемъ и Сапфирой и Павла надъ Коринѣскимъ кровосмѣсникомъ являются примѣрами открытаго церковнаго суда Апостолами; судъ этотъ производился и апостольскими преемниками по наставленіямъ, касательно формы и способа производства указаннымъ въ посланіяхъ Апостола Павла. Что эта власть дана Епископамъ, указываетъ 1 Посл. къ Тимоѳ. V, 19-22, а характеръ церковнаго суда указанъ въ Тит. I, 9-13, II, 15; гдѣ приписывается Епископу увѣщевать и обличать" — со всякой властью и нещадно, чтобы никто не пренебрегалъ тебя". Это нещадное начальственное обличеніе противящихся можетъ выражаться, пишетъ Заозерскій, не въ чемъ иномъ, какъ въ положительныхъ карательныхъ мѣрахъ, ибо простое обличеніе путемъ словеснаго доказательства и убѣжденія несостоятельности противорѣчащихъ можетъ сдѣлать и пресвитеръ (стр. 26, прим. 1). Результатомъ изслѣдованія Заозерскій устанавливаетъ (стр. 31): а) въ Церкви существуетъ единая Божественная власть, обнаруживающаяся какъ положительнымъ образомъ — въ сообщеніи вѣрующимъ права на участіе въ Божественныхъ Дарахъ: ученіи и благодатномъ освященіи, такъ и отрицательнымъ — въ лишеніи этого права. б) Эта власть въ обоихъ ея видахъ есть не земное человѣческое полномочіе, но божественное, дарованное Церкви въ лицѣ ея Епископовъ и исходящее на нихъ вмѣстѣ съ Божественной благодатью при посвященіи ихъ въ этотъ санъ. Поэтому и церковный судъ, какъ высшее проявленіе этой власти есть учрежденіе божественное, и въ то же время юридическое, потому что основано на божественномъ правѣ. в) Дѣла, подлежащія этому суду — грѣхи, глубоко развратившіе нравственную природу человѣка, или нанесшіе вредъ (соблазнъ) членамъ Церкви: по этому свойству своему они одинаково подвергаются открытому суду (обличенію), кѣмъ бы изъ членовъ Церкви ни были совершены — пресвитеромъ или міряниномъ. г) Церковный судъ, по внѣшнему своему значенію, есть одно изъ необходимыхъ, ввѣренныхъ Епископу, средствъ для воспитанія новыхъ людей къ новой жизни, т. е. для осуществленія главной задачи Церкви. „Прилежащія добрѣ пресвитеры сугубыя

чести да сподобляються, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи... Согреѣшающихъ же передъ всѣми обличай, да и прочіи страхъ имутъ".

Апостоль Павелъ лишь болѣе точно, опредѣленно, съ юридической терминологіей развилъ то (обвиненіе, преданіе сатанѣ въ изможденіе плоти), чему основу положилъ уже Самъ Спаситель въ Мѣ. XVIII, 15-18. Позже апостольскія правила дополнили недостаточную подробность правилъ, упомянутыхъ въ Посланіяхъ Апостола Павла, записали въ существовавшія правила о соборномъ судѣ, стоящемъ надъ Епископскимъ, указали разряды караемыхъ церковнымъ судомъ общихъ преступленій, должностныхъ и установили мѣры наказанія за нихъ. Посреднической судъ Епископа по гражданскимъ дѣламъ впослѣдствіи, по принятіи государствомъ христіанства, какъ государственной религіи, обратился въ Епископскую юрисдикцію предоставляемую Церкви государствомъ, и черезъ Юстиніановы законы и Кормчую попалъ и къ намъ, особенно въ отношеніи къ дѣламъ духовенства. Основывать ее на Божественномъ правѣ нельзя, но утверждать абсолютно, что Никонъ основывалъ ее именно на Божественномъ правѣ, также, нельзя, ибо онъ ссылался въ этомъ вопросѣ по преимуществу на историческую традицію, въ силу которой государство въ Уставахъ Св. Владиміра Св. Ярослава, въ Судебникахъ и Стоглавѣ признавало Церковь призванной судить гражданъ и бѣлое духовенство въ гражданскихъ дѣлахъ, ограждая нарушеніе этого иммунитета проклятіемъ. Наконецъ, мы упоминали уже объ отсутствіи различія въ XVII вѣкѣ подсудности по роду дѣлъ, а не по лицамъ, и передъ Никономъ стала дилемма — признать компетенцію по всѣмъ дѣламъ духовенства (и гражданскимъ, и церковнымъ) или за государствомъ, или за Церковью. Мы видѣли, почему онъ долженъ былъ предпочитать второе.

Никонъ писалъ въ „Раззореніи": „Первый царь Израильскій Саулъ, неистово напавшій на священство, потерялъ свое царство. Убивъ священниковъ Божіихъ онъ былъ убитъ самъ своими руками. И послѣ него Давидъ царствовалъ въ Израилѣ. И Давидъ выполнялъ судъ надъ своимъ народомъ, но не надъ священниками. Снова Божественный Давидъ, какъ бы въ лицѣ Христа, сказалъ всѣмъ воюющимъ противъ Христа: Пс. 2, 1: „Зачѣмъ возмущаются народы и племена замышляютъ тщетное? Возстаютъ цари земли, и вельможи совѣщаются вмѣстѣ противъ Господа, противъ Помазанника Его. Расторгнемъ узы и свергнемъ съ себя верви ихъ". Послушай, вопро-

шатель! Кто это возмущается и замышляет тщетное. Не тѣ ли это теперь вельможи, которые съ незаконными Епископами стоятъ въ Церкви и собрались вмѣстѣ противъ Бога и противъ своего Христа, то есть противъ Священнаго Евангелія, которое говоритъ: „Я говорю вамъ, что вы свяжете на земли..." А вы говорите: расторгнемъ съ себя узы ихъ и свергнемъ съ себя верви ихъ, т. е. не будемъ обращать вниманія на порицаніе Патріарха и сбросимъ съ себя его наказы. Противъ такихъ псаломъ продолжаетъ: „Живущій на небесахъ осклабится, Владыка посмѣется надъ ними (Пс. 2, 5). Поэтому блаженный Давидъ говоритъ, какъ бы увѣщевая ихъ: Итакъ, цари, вразумитесь, остерегитесь, судьи земли, служите Господу со страхомъ и хвалите Его съ трепетомъ. И въ другомъ мѣстѣ (Пс. 61, 11): Не надѣйтесь на грабительство и не тщеславьтесь хищеніемъ, т. е. не отнимайте власть и юрисдикцію священства" (I, 322). Кромѣ каноническихъ причинъ для протеста противъ захвата церковнаго суда государствомъ, Никонъ имѣлъ еще и другія причины возставать противъ этого захвата, причины, которыя мѣшали выполненію Церковью ея задачъ, чисто духовныхъ. Ибо подсудность духовенства свѣтскимъ судьямъ усиливала соціальную зависимость духовенства. Эти же причины духовныя заставили Никона возстать противъ тѣхъ статей Уложенія (X, 83 и 84), которыя карали духовныхъ лицъ за обиды, ими чинимыя, ибо и простое духовное обличеніе могло самолюбивыми людьми почитаться за обиду, а страхъ преслѣдованія могъ парализовать пастырское рвеніе духовныхъ лицъ¹.

¹ X, 83, А будетъ Митрополитъ или Архіепископъ или Епископъ или Архимандритъ или игумень или келарь или казначей или рядовые старцы, обезчеститъ словомъ бояръ и окольничьихъ и думныхъ людей, или стольниковъ или стряпчихъ или дворянъ Московскихъ или гостей или дьяковъ или жильцовъ, или дворянъ или дѣтей боярскихъ, городовыхъ или иныхъ чиновъ, кого ни буди, а сыщется про то допряма, и имъ по сыску тѣмъ людямъ, кого они обезчестятъ, платити за безчестіе противъ ихъ окладовъ, что кому государева денежнаго жалованія; а гостямъ и иныхъ чиновъ людямъ по указнымъ статьямъ, какъ писано ниже сего.

X, 84. А будетъ которому Архимандриту или игумену или келарю или казначею или рядовыхъ старцевъ за чье безчестіе платити будетъ нечѣмъ, и на нихъ тѣмъ людямъ правити безчестіе нещадно до тѣхъ мѣстъ, какъ они съ истецы учинятъ сдѣлку или какъ въ томъ истцомъ своимъ да бьютъ челомъ.

О церковной собственности.

Секуляризаціонныя стремленія Московскаго правительства въ отношеніи къ Церковной собственности.

Возстаетъ Никонъ противъ стремленія правительства уменьшить церковную собственность и прекратить возможность ея роста. Уложеніе и здѣсь нанесло ущербъ Церкви въ интересахъ служилыхъ людей. Проф. Загоскинъ, изслѣдовавшій источники Уложенія, доказалъ, что XIII глава Уложенія о монастырскихъ людяхъ и 42 статья XVII главы о запрещеніи пріобрѣтать вотчины — возникли по челобитію выборныхъ при обсужденіи проекта Уложенія на Земскомъ Соборѣ 1649 года, равно какъ и глава XI, „Судъ о Крестьянахъ" (послѣдняя по челобитію, поданному до срока, назначеннаго для сѣзда выборныхъ).

Секуляризаціонныя стремленія Московскаго правительства въ отношеніи къ церковнымъ землямъ были еще въ XV и XVI вѣкахъ. Эти стремленія имѣли разнородные источники. Нилъ Сорскій и заволжскіе старцы выдвигали религіозно-нравственную сторону вопроса, находя противорѣчія между иноческимъ обѣтомъ и дѣйствительной жизнью монаховъ, владѣющихъ собственностью. Общество же свѣтское занималось экономической стороной вопроса, стремясь воспрепятствовать переходу земель изъ свѣтскихъ и служилыхъ рукъ въ руки духовныхъ учрежденій. Ни Іоаннъ III, ни Василій III не пошли на мѣры общей секуляризаціи. Василій III пошелъ къ этому обходнымъ путемъ посредствомъ подчиненія монастырей государственному контролю, гдѣ они становились въ экономическую зависимость отъ правительства. Онъ вмѣшивался во внутреннее управленіе монастырей, самъ назначалъ игуменовъ, давалъ имъ наказы, требовалъ отчетности въ употребленіи денегъ; его писцы принимали и сдавали настоятелямъ монастырей имущество. Послѣ наступили и ограниченія въ самомъ землевладѣніи. Въ управленіе Маріи Глинской, въ малолѣтство Грознаго, грамота 1535 г. запрещала монастырямъ покупать и брать въ закладъ или по душамъ вотчины земли служилыхъ людей безъ вѣдома правительства. Попытка Грознаго на секуляризацію разбилась о сопротивленіе Стоглаваго Собора 1551 г., какъ разбилась попытка его дѣда о сопротивленіе Собора 1503 года: „Нельзя взять вещи, отданныя Богу въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ по Божественнымъ правиламъ". Правительство, не имѣя возможности совершить секуляризацію земель, ограничилось

воспрепятствованіємъ увеличенія количества церковныхъ земель. Подъ его вліяніємъ Соборъ 1573 года, запретилъ отказывать вотчины многоземельнымъ монастырямъ, а Соборъ 1580 г. окончательно отнялъ у Архіереевъ и монастырей всѣ способы увеличенія вотчинъ, кромѣ одного пожалованія, которое дозволялось только для монастырей убогихъ малоземельныхъ и безземельныхъ. Іоаннъ IV принималъ мѣры къ цѣлесообразному употребленію Архіерейскихъ и монастырскихъ доходовъ вотчинъ, признававшихся неотъемлемыми и неотчуждаемыми. Въ 1555 г. онъ собиралъ временную подать съ нихъ на открытіе Казанской каѳедры, а другую на утвержденіе новокрещенныхъ въ христіанство татаръ; онъ увеличилъ военную подать духовенства, отбывавшуюся поставкой даточныхъ людей и денежными взносами. Однако, ограниченія правительства не достигали цѣли, испаряясь въ общемъ складѣ народной мысли: въ приношеніяхъ церквамъ и монастырямъ видѣли непосредственныя приношенія Самому Богу и Его святымъ угодникамъ, и потому на практикѣ не устанавливалось и различія между монастырями, которымъ можно отказать вотчины и которымъ нельзя. Обычай отказывать вотчины по душамъ въ пользу всякихъ монастырей держался во всей силѣ. Мнѣніе нестяжателей не проникало въ народное сознаніе: Запрещеніе завѣщать въ пользу монастырей было послѣднимъ въ ряду запрещеній разныхъ способовъ пріобрѣтенія и не оказалось дѣйствительнымъ.

Мѣры уложенія относительно церковныхъ имуществъ.

При такихъ условіяхъ отнимать у монастырей то, что они уже имѣли, было еще болѣе противно церковному сознанію, ибо надо было отнимать имущество, данное по душѣ въ надеждѣ на вѣчное спасеніе. Уложеніе было радикальнѣе. Оно выразило непреклонное намѣреніе положить конецъ дальнѣйшему пріобрѣтенію вотчинъ духовными властями и учрежденіями въ ст. 42 гл. XVII, гдѣ перечисляются всѣ духовныя власти и учрежденія, къ которымъ относится запрещеніе, начиная отъ Патріарха до монастырей, запрещаются почти всѣ тогдашніе способы передачи и пріобрѣтенія имуществъ: покупка, закладъ, дареніе, завѣщаніе.

Если Духовный Соборъ 1580 г. запрещалъ духовнымъ властямъ и монастырямъ только покупать и принимать въ закладъ вотчины, то Уложеніе запрещало и принимать ихъ „по душамъ въ вѣчный поминокъ некоторыми дѣлы". Запрещено было монастырямъ принимать

вотчины и при постриженіи въ монахи, а постригавшимся велѣно было „постригшись, въ монастырѣ вотчинъ отнюдь не держать". Помѣстному Приказу приказывается не переводить имѣній отъ свѣтскихъ лицъ во владѣніе духовныхъ чиновъ и монастырей. Устанавливается и наказаніе за нарушеніе запрета: вотчины, отчужденныя въ духовное вѣдомство, отбирать на государя безденежно для раздачи жалующимся. Статья не отмѣняла только пожалованій отъ царя и, воспрещая отказывать монастырямъ, не запрещала отказывать властительскимъ чинамъ: Патріарху, Епископамъ; только и имъ вотчины не поступали натурой, а за нихъ вносились деньги по стоимости вотчинъ наслѣдниками (XVII, 8).

Эта статья не отнимала еще права собственности у духовныхъ властей и монастырей, а только прекращала дальнѣйшее его расширеніе, но были другія статьи, которыя произвели уже частичную секуляризацию и въ зародышѣ содержали мысль о поворотѣ въ казну церковныхъ имуществъ — дѣло впослѣдствіи въ значительной степени двинутое впередъ при Петрѣ возстановленіемъ въ 1700 г. Монастырскаго Приказа съ полной передачей ему управленія ими и законченное при Екатеринѣ II въ 1764 г. переводомъ ихъ въ государственную собственность. XIX глава Уложенія статья I говоритъ: „Всѣ слободы на Москвѣ и около Москвы, принадлежавшія Іерархамъ епископскаго сана и монастырямъ со всѣми торговыми и ремесленными людьми, кромѣ кабальныхъ отписа на государя въ тягло и службы безсмѣнно и безповоротно..., а у Патріарха, — продолжаетъ Уложеніе, — слободы на Москвѣ взять совсѣмъ опричь тѣхъ дворовыхъ людей, которые изстари за прежними Патріархи живали въ ихъ патріаршихъ чинѣхъ." Архангельскій въ сочиненіи „Соборное Уложеніе 1649 г. въ отношеніи къ Православной Русской Церкви", обращаетъ вниманіе на то, что была при этомъ соблюдена справедливость, и за вотчины, отобраніемъ коихъ нарушалось право собственности духовныхъ властей, приказано было давать земли въ другихъ мѣстахъ изъ государевыхъ владѣній. Только одинъ Патріархъ принесъ, пишетъ онъ, неизвѣстно почему наибольшую жертву на пользу государства, ибо XIX гл. ст. 1 говоритъ: „А у Патріарха слободы взять совсѣмъ, опричь старинныхъ его дворовыхъ людей." Статья эта имѣла въ виду устранить ту невыгоду посадскихъ людей, что жители владычныхъ и монастырскихъ слободъ занимались торговлей, откупамъ и промыслами, не тянувъ государственнаго тягла, и тѣмъ конкуренціей подрывали торги и промыслы посадскихъ людей, пла-

тившихъ подати и отбывавшихъ службу. Однако, была произведена у Патріарха частичная конфискація имущества безъ соотвѣтствующаго вознагражденія, и тѣмъ обнаруживался общій духъ Уложенія, тенденція котораго противъ духовенства сказывалась также и въ постановленіи о бѣглыхъ крестьянахъ, ибо Уложеніе давало право свѣтскимъ землевладѣльцамъ отыскать бѣглыхъ крестьянъ у духовныхъ лицъ и учреждений, но не обратно (XI, 12).

Проф. Бѣляевъ въ своей критикѣ сочиненія Проф. Горчакова „Монастырскій Приказъ" отмѣтилъ то обстоятельство, что уже первое учрежденіе Монастырскаго Приказа въ 1649 г. отвѣчало не столько стремленію сдѣлать судъ для всѣхъ равнымъ и отмѣнить привилегію духовенства въ гражданскомъ судѣ, какъ представилъ это Горчаковъ, но и скрытому стремленію передать церковныя вотчины государству. Вообще при распредѣленіи дѣлъ не по предметамъ, а по лицамъ и учрежденіямъ, какъ это было въ XVII вѣкѣ во всѣхъ приказахъ, Монастырскій Приказъ невольно сталъ не только судебнымъ, но и административнымъ и финансовымъ и полицейскимъ учрежденіемъ. Онъ сталъ казеннымъ управленіемъ церковными дѣлами во всемъ ихъ объемѣ, хотя Уложеніе и говорило только объ его судебныхъ правахъ. Традиція и практика завершили недосказанное закономъ: все относящееся къ Церкви, естественно, вмѣстѣ съ подсудностью перешло въ его вѣдѣніе. Правительство вообще стремилось, **чтобы земли изъ службы не выходили**; для этого оно частную земельную собственность — вотчины почти сравняло съ помѣстьями въ отношеніи государственной службы къ XVIII вѣку. Это стремленіе вызвало еще въ XVI в. ограниченія въ приобрѣтеніи вотчинъ церковными учрежденіями, а потомъ повело и къ постепенной секуляризаціи монастырскихъ и церковныхъ земель. Случаи секуляризаціи въ Уложеніи были послѣдствіемъ того же стремленія, чтобы земля изъ службъ не выходила. Въ государственномъ законодательствѣ Уложенія уже проведена была мысль, **что государство можетъ обращать въ свою собственность принадлежащія церковнымъ властямъ и учрежденіямъ поземельныя имѣнія**.

Вообще о секуляризаціи церковныхъ имуществъ и мнѣніе Никона объ этомъ.

Это было полнымъ крушеніемъ Уставовъ Св. Владиміра и Ярослава, въ теченіе 6 вѣковъ опредѣлявшихъ общественное положеніе Церкви, и признававшихъ неприкосновенность этихъ имуществъ. Завѣты эти содержались и въ Дареніи Константина Ве-

ликаго Папѣ Сильвестру, цитируемомъ Никономъ въ своемъ „Раззореніи“, какъ образецъ отношенія православнаго царя къ Церкви. Въ наше время такую секуляризацию нѣкоторые оправдываютъ соображеніями цѣлесообразности. Такъ, проф. Павловъ въ своемъ историческомъ очеркѣ секуляризації церковныхъ земель въ Россіи пишетъ: „По опредѣленіямъ каноническаго права, принятымъ у насъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, въ греческомъ Номоканонѣ недвижимыя церковныя имущества имѣютъ характеръ неподвижности не въ физическомъ только, но и въ юридическомъ смыслѣ: какъ посвященныя Богу, они не могутъ быть ни отъемлемы, ни отчуждаемы. Въ силу этихъ опредѣленій и духовная Іерархія обязана была блюсти неприкосновенность земныхъ стяжаній Церкви во имя ихъ общаго и неизмѣннаго назначенія — служить благодѣтельнымъ цѣлямъ христіанской религіи..., а по сему, естественно, что перестаетъ служить этимъ цѣлямъ, то необходимо теряетъ внутренній смыслъ церковнаго имущества. Оно можетъ сдѣлаться и нецерковнымъ и въ юридическомъ смыслѣ — уже потому, что частныя жизненныя цѣли, служащія основаніемъ права церковной собственности, или тѣ или другія имущества не имѣютъ характера необходимости и неизмѣняемости“. Однако, почему же правомочнымъ и надлежащимъ судьей назначенія имущества Церкви должно быть государство, а не высшіе чины церковной Іерархіи? Откуда у самого государства право на властное вмѣшательство въ церковныя дѣла и рѣшеніе ихъ съ точки зрѣнія своихъ интересовъ? Предпосылкой такого сужденія о правахъ государства является ученіе объ его всемогуществѣ, съ которымъ и боролся Никонъ, принципиально выдѣлявшій изъ его компетенціи чисто церковныя дѣла и почитавшій обязанностью православнаго царя не нарушать церковныхъ каноновъ въ своемъ законодательствѣ. Осуществленіе секуляризації обезсиливало Церковь въ ея задачахъ, и съ этой точки зрѣнія слова Никона о гибели царства, не почитающаго священства, оказались для насъ пророческими. Подрывъ общественной мощи Церкви не оказался ли большимъ зломъ, чѣмъ неправильное въ иныя эпохи употребленіе церковной собственности самой Церковью, которое могло бы и пройти? Никонъ напоминаетъ о законѣ императора Маврікія: „Если кто ради овладѣнія ли или по взяткѣ причиняетъ обиду Церкви или захватить вещи, отданныя Богу и Его Церкви и что находится подъ Митрополитами, Архіепископами, Епископами и монастырями, будетъ ли то доходы или имущества, то пусть онъ не видитъ милости Св. Троицы

въ день судный, но отпадетъ отъ христіанскаго имени, какъ отпаль Іуда отъ 12 Апостоловъ и да будетъ проклятъ всѣми Святыми" (1, 348). Также, **Уставъ Св. Владиміра** предаетъ проклятію потомковъ, которые захватятъ суды и доходы Церкви (I, 219).

Неприкосновенность церковныхъ имуществъ по церковнымъ правиламъ.

„Имущества даются Христу, Богоматери и Святымъ: а не Патріарху, Митрополитамъ, какъ свидѣтельствуетъ Уставъ Св. Владиміра" (I, 546). Никонъ приводитъ и церковныя правила, ограждающія церковную собственность. Вещи, посвященныя Богу и отданныя Церкви или монастырю, не отнимаются согласно IV, 24. „Пусть монастырь, основанный съ содѣйствіемъ Епископа, останется неприкосновеннымъ и его собственность неотчуждаемой" (1, 117). То же устанавливаетъ и 49 пр. VI Всел. Соб. и 1 пр. Двукр. Соб. и 12 пр. VII Всел. Соб. (I, 118). Они запрещаютъ что либо отнимать или удерживать отнятое у Св. Церквей или монастырей, или превращать ихъ въ свѣтскія жилища, или обращать ихъ для свѣтскихъ цѣлей, какъ и Господь предписываетъ отдавать Божіе Богу и Кесарево Кесарю. Объ управленіи церковной собственности говоритъ 38 Ап. пр.: „Пусть Епископъ полновластно управляетъ церковной собственностью, но пусть онъ ничего не даетъ отъ нея своимъ родственникамъ, развѣ, что они бѣдны"; также 41 пр.: „Мы приказываемъ, чтобы Епископъ имѣлъ власть управлять церковной собственностью, ибо, если ему вручаются драгоцѣнныя души человѣческія, то тѣмъ болѣе церковная собственность". Также 25 Ант. правило: **„Но чтобы царь могъ распоряжаться собственностью Церквей и монастырей, этого не написано нигдѣ въ канонахъ.** И потому всѣмъ, кто надменно начинаетъ возноситься надъ Св. Церквами и монастырями и надъ собственностью, имъ принадлежащей, движимой или недвижимой, тотъ навлекаетъ за этотъ грѣхъ гнѣвъ Божій на себя и на свое царство (1, 120).

Никонъ цитируетъ рѣчь Св. Никона одному князю о томъ, что захватывать церковную собственность есть святотатство. „Хотя ты и не внялъ части моихъ совѣтовъ, данныхъ по твоей же просьбѣ, я снова пишу: и опасная болѣзнь напала на тебя, такъ что ты не далекъ отъ смерти; только Богъ предохранилъ тебя, ища твоего покаянія. Теперь она напала не на тебя одного, а на весь твой домъ и на всѣхъ родныхъ. Такъ случается съ тѣми, кто дѣйствуетъ противъ слова Божія. Смотри, теперь ты здоровъ, не грѣши же только, чтобы чего худшаго

не случилось съ тобой. Я пишу тебѣ, чтобы ты могъ показать плоды своего покаянія, ибо собственность Церкви, монастырей и монаховъ и ихъ дѣла — все посвящено Богу, и оно не должно употребляться въ иное мѣсто, какъ на бѣдныхъ, странниковъ, плѣнныхъ и другихъ подобныхъ и для нуждъ монастырей и церквей. Я не могу сказать, были ли до этого дня какой либо свѣтскій князь, который взялъ что либо изъ этихъ доходовъ, но, если и былъ такой, то онъ осужденъ Богомъ, какъ святотатецъ" (I, 120). Когда цари жертвовали имущество Церкви, какъ и царь Алексѣй Иверскому монастырю, то они писали заклѣтія въ самихъ грамотахъ на тѣхъ, кто захватить эту собственность: напримѣръ, въ грамотѣ 6/III 1654 Иверскому монастырю (Palmer I, 269), или 25/IV 1655 (I, 261), (I, 134). „Глосса на Апост. 59 пр. говорить: „Собственность Церкви есть богатство бѣдныхъ, и надо распредѣлять ее бѣднымъ. Но, если обязанность церковныхъ правителей распредѣлять ее другимъ нуждающимся, то насколько болѣе они обязаны быть милосердными къ подчиненнымъ имъ клирикамъ и давать имъ необходимое? Если они этого не дѣлаютъ, они подлежатъ отлученію". Поэтому и Церковь должна имѣть собственность, чтобы умѣть удовлетворять нужду и бѣдныхъ вообще и прежде всего своихъ клириковъ.

Вопреки Уложенію, запрещавшему Патріарху, Архіереямъ и другимъ духовнымъ умножать недвижимыя имѣнія посредствомъ покупки, царь дозволилъ Никону пріобрѣтать вотчины для 3-хъ монастырей, имъ основанныхъ, и самъ царь имъ много жаловалъ. Иверскій монастырь получилъ множество деревень, соляныхъ и рыбныхъ озеръ. За Крестнымъ монастыремъ считалось 819 крестьянскихъ дворовъ; ему было пожаловано 4357 душъ крестьянъ. За Воскресенскимъ монастыремъ числилось въ 1674 году 16287 душъ. Эти три монастыря не причислялись къ домовымъ монастырямъ патріаршей каѳедры, а были собственностью Никона. Ихъ вотчины составляли отдѣльную отъ патріаршихъ вотчинъ обширную область. Государь по просьбѣ Никона приписалъ къ этимъ монастырямъ еще 14 монастырей съ вотчинами изъ епархій другихъ Архіереевъ Тверского и Новгородскаго, такъ что они отъ нихъ перешли въ вѣдѣніе Никона. Съ этимъ переходомъ перешло къ Никону и право суда, — пошлины и дани съ нихъ (Соб. 1667 г. вернулъ всѣ приписные монастыри и церкви мѣстнымъ Архіереямъ и призналъ Никона виновнымъ, что онъ вопреки правилъ ввелъ царя въ заблужденіе).

Никонъ о захватѣ царемъ церковной собственности и о наказаніи за это.

Никонъ приводитъ изъ Ветхаго Заѣта много примѣровъ наказаній за отнятіе церковной собственности (1, 275); жертву въ пользу Церкви предписывали еще въ Ветхомъ Заѣтѣ. Никонъ пишетъ: "Ты пишешь, что царь далъ Никону много привилегій. Какія привилегіи? Скажи мнѣ, напримѣръ, десятины? Онѣ были установлены Ветхимъ Закономъ. Что же царь далъ намъ? Онъ отнимаетъ у Церкви собственность, лишаетъ насъ нашихъ правъ и ссылаетъ подвѣдомственныхъ намъ людей (I, 207). Никонъ говоритъ объ изобиліи нечестія въ послѣднія времена, когда любовь оскудѣетъ. Чье нечестіе (I, 191)? Того, кто вопреки волѣ Божіей захватываетъ непринадлежащее ему, какъ государь царь взялъ подъ свое господство владѣнія Церкви и всю ея собственность. И потому, онъ ненавидитъ насъ, какъ прелюбодѣй законнаго мужа, противъ котораго онъ замышляетъ, и въ другомъ мѣстѣ Божественные законы не позволяютъ царямъ узурпировать власть надъ собственностью, движимой или недвижимой, посвященной Богу" (I, 297). А въ другомъ мѣстѣ (I, 225): „Что добраго сдѣлалъ царь? Развѣ то, что восхищаетъ на себя преступно духовный чинъ? Но порядокъ священства одно, а порядокъ царства — другое... Ты лжешь, отвѣтотворче, что царь сдѣлалъ то же, что Константинъ Великій Папѣ. Посмотри, что далъ Константинъ Великій Сильвестру и его преемникамъ. Есть ли малѣйшее сходство? Никакого. Что царь водилъ за уздцы лошадь Питирима? На это его добрая воля, онъ могъ посадить кого угодно и водить лошадь" (I, 240). Здѣсь Никонъ указываетъ, что духъ надлежащаго отношенія къ Церкви отлетѣлъ, сохранена одна только видимость, за которой скрывается своеволие царя.

Никонъ о субъектѣ церковной собственности.

Никонъ обращается къ Одоевскому и объясняетъ, что, **отстаивая церковное имущество, онъ отстаиваетъ не права Патріарха, а права Церкви.** „Почему ты набрасываешься на слугъ Божіихъ? Патріархъ самъ, какъ и остальное духовенство, слуга Божій и слуга Святой Церкви, и онъ не имѣетъ имущества, но все — и слободы и крестьяне — Божіе наслѣдство. Патріархомъ бываетъ то одинъ, то другой человекъ, но Богъ есть и будетъ всегда; Онъ неизмѣняемъ, и Его наслѣдіе вѣчно. Если ты желаешь узнать о Божіемъ наслѣдіи, какое самое необходимое употребленіе было придумано людьми, любившими Бога, то вотъ оно: Великій государь и

великіе князья и другіе любившіе Бога давали собственность Святымъ Божиимъ Церквамъ, согласно святымъ канонамъ, для вѣчнаго ихъ поминовенія, но не Патріарху, Митрополитамъ Епископамъ и мірянамъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ и ихъ грамоты. Поистинѣ это правило передано отъ Бога Самого. Въ книгѣ чиселъ III, 6-13 говорится о выдѣленіи Левитовъ для службы Богу; а въ Числахъ XXXV, 18 говорится объ отдѣленіи имущества Левитамъ. Видишь ли ты, богоборче Никита, — а ты говоришь о слободахъ, какъ принадлежащихъ Патріарху, Митрополитамъ и монастырямъ. И мы всѣ принадлежимъ Богу. Часть священниковъ — Божья часть и собственность. Зачѣмъ же ты, оставляя въ сторонѣ большее, спускаешься къ нашему смиренію и называешь Божью часть нашей собственностью? Это не наша собственность, а Божья. И, какъ въ древности по заповѣди Божіей народъ платилъ десятину, такъ и при Новомъ Законѣ благочестивый царь, какъ Константинъ Великій, а равно Св. Владиміръ Великій князь и другіе послѣ нихъ дѣлали дары Св. Троицѣ, Св. Церквамъ и всѣмъ Святымъ, а не Патріарху, Митрополитамъ, Епископамъ и монастырямъ, какъ и написано въ ихъ уставахъ. И эти слободы даны на службу Св. Церквамъ Божиимъ вмѣсто левитовъ, какъ показываютъ и правила Св. Апостоловъ. Апост. прав. 38: „Пусть Епископъ полновластно управляетъ собственностью церковной и ничего не будетъ изъ нея для его родныхъ“.

Никонъ объ обязанности матеріальной помощи Церкви еще въ Вѣтхомъ Завѣтѣ.

Если старый законъ и скиніи, и храмъ и жертвоприношенія, которыя были тѣмъ грядущихъ вещей, т. е. Новаго Закона и Церкви и христіанскаго священства, были почитаемы съ такой великой честью, то сколь болѣе должны почитаться Церкви и священство Новаго Закона. Теперь вы это безчестите. И что оно имѣло малое число слободъ для своей службы ранѣе въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, вы все это присваиваете для собственнаго употребленія. Кто теперь обслуживаетъ самыя необходимыя службы Церкви и Епископу, т. е. охраны и прочее. Какъ Богъ сказалъ Моисею, какъ выше сказано? Никто, но только чужіе. Слышали ли вы, какъ сказалъ Господь, что всякій чужой, близко подошедшій, долженъ быть преданъ смерти? Чужой означаетъ здѣсь не чужого Израилю, а всякаго, кто не изъ племени Левита, какъ Корей, Даѳанъ и Авиронъ, которыхъ Богъ не избралъ, и они бѣжали, и земля поглотила ихъ, Озія приложилъ руку

къ жертвеннику, чтобы поддержать его, и Господь поразилъ его (2 Цар. VI, 6, 7).

Никонъ о наказаніи за нарушеніе церковной собственности.

Такъ и всѣ тѣ, которые смотрятъ на Церковь Божию и завидуютъ ей и говорятъ, что тѣ слободы были собственностью Патріарха, Митрополитовъ и монастырей, и мы возьмемъ ихъ. Они взяли немногое и потеряли гораздо большее, что было ихъ собственное. Они взяли тысячи и потеряли много десятковъ тысячъ черезъ гражданскія распри, чуму, войны, разныя другія несчастія, которыя невозможно и перечислить" (I, 539-548). Это основной мотивъ Никона: несоблюденіе каноновъ законодателемъ влечетъ за собой несчастіе для всего государства. **Духовныя лица призваны предупреждать объ этомъ и заявлять во всеуслышаніе, не стѣсняясь говорить правду и истину и передъ лицомъ царя.** Духовные не призваны прибѣгать къ противодѣйствию, а должны поступать такъ, какъ поступилъ священникъ, когда царь Озія вошелъ въ алтарь воскурить ѳиміамъ. Онъ только предупредилъ его о недопустимости этого, и, когда царь не послушалъ, то проказа взошла на его чело. Это было наказаніе отъ Бога, Который сказалъ: „Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ".

Никонъ приводитъ Лук. XII, 45, 46: „Если рабъ тотъ скажетъ въ сердцѣ своемъ: не скоро пріидетъ Господинъ мой, и начнетъ бить слугъ и служанокъ, ѣсть, пить и напиваться; то пріидетъ господинъ раба того въ тотъ день, въ который онъ не ожидаетъ, и въ часъ, въ который онъ не ожидаетъ, и разсѣетъ его и подвергнетъ одной участи съ невѣрными", Никонъ говоритъ: „Здѣсь Господь говоритъ о дурныхъ слугахъ, т. е. о нечестивыхъ царяхъ, князьяхъ и судьяхъ, которые, принявъ свое призваніе, судятъ по собственной волѣ, подобно тому, какъ написанное Уложеніе показываетъ ихъ беззаконіе по писанному: твоими устами буду судить тебя, лукавый рабъ (Лук. XIX, 23). (I, 386)... Господь сказалъ (Лк. XIX, 27): „Враговъ же Моихъ, тѣхъ, которые не хотѣли, чтобы Я царствовалъ надъ ними, приведите сюда и избейте ихъ передо Мною". Такъ поступитъ Господь съ тѣми, которые отвергли Его Божественные законы и Его судъ, въ день судный, согласно словамъ Его: отвергающій Мене и не принимающій Словъ Моихъ имѣетъ судью себѣ: Слово, которое Я говорилъ, оно будетъ судить его въ послѣдній день" (Іоанна 12, 48). Приведя притчу о хозяинѣ виноградника (Мѡ. 21, 33-41), Никонъ спрашиваетъ: понимаете ли вы Божественную притчу? Кто этотъ хо-

зяинь? Самъ Господь. Кто виноградари — Израильтяне. Кто слуги? Пророки, къ нимъ посланные, изъ которыхъ они одного били (Іеремія), другого убили. Что сдѣлалъ имъ Господь? Онъ разрушилъ этихъ нечестивыхъ людей, т. е. евреевъ. И гдѣ теперь ихъ царство? Все сдѣлалось согласно словамъ Пророка. Что сдѣлалъ Господь съ Иродомъ, когда Онъ отсѣкъ голову Предтечѣ, и съ Нерономъ, который приговорилъ къ смерти Апостоловъ Петра и Павла, и съ другими тиранами? Онъ уничтожилъ ихъ и отдалъ виноградникъ другимъ. Такъ послѣ нихъ многіе греческіе цари и государи другихъ царствъ, жившіе по заповѣди и по канонамъ Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ, умерли въ мирѣ и сдѣлались наслѣдниками небеснаго царства. А тѣ, — которые нечестиво ихъ нарушали, погибли въ своемъ нечестіи, а царства ихъ преданы опустошенію (I, 387).

„Не случилось ли всего этого съ нами? спрашиваетъ Никонъ, напоминая жертвы чумы 1654 и 1655 г., гибель отъ чумы бояръ, оставленныхъ царемъ въ Москвѣ во главѣ съ кн. Пронскимъ, и страшныя пораженія на войнѣ 1659 и 1660 г. Василія Шереметева и князя Ивана Хованскаго" (I, 338)? Такъ противопоставлялъ Никонъ надвигавшейся секуляризаціи церковныхъ имуществъ и полному засилію государства въ распоряженіи церковными дѣлами черезъ Уложение — грозную силу Божественныхъ каноновъ, **которые не имѣютъ принудительной санкціи для ихъ исполненія, — но за нарушеніе которыхъ караетъ Самъ Богъ, но караетъ неумолимо и неотвратимо, ибо непослушаніе имъ есть непослушаніе Апостоламъ и ихъ преемникамъ, а отвергшій ихъ отвергаетъ Сына Божія, а отвергающій Его отвергаетъ и Пославшаго Его.**

Никонъ весьма мучительно переживалъ тотъ захватъ церковнаго управленія свѣтской властью, который особенно явно обозначился послѣ его ухода въ 1658 г. въ Воскресенскій монастырь, когда оставленный имъ мѣстоблюститель патріаршаго престола Митрополитъ Питиримъ пересталъ почитать Патріарха Никона, какъ Патріарха, возносить его имя и сдѣлался слѣпымъ орудіемъ царя и бояръ. Въ 1661 году онъ писалъ царю свое сокрушеніе о состояніи церковныхъ дѣлъ и о тѣхъ тяжелыхъ снахъ, которые напоминали ему объ его обязанности предупредить царя о несчастіи, къ которому ведетъ новый путь правительства въ церковныхъ дѣлахъ. Онъ написалъ въ 1661 г. въ декабрѣ царю письмо, въ которомъ сообщалъ и о своемъ сновидѣніи, бывшемъ 12 января 1661 г. Видѣніе это было подробно

записано со словъ Никона въ тотъ же день властями Воскресенскаго монастыря.

**Видѣніе Патріарха Никона въ Воскресенскомъ
монастырѣ въ 1661 году, по свитку Московской
Синодальной Библіотеки, напечатанное въ
„Христіанскомъ Чтеніи“ за 1885 годъ.**

„1668 году въ день недѣльный Святѣйшій Никонъ Божьей милостію Патріархъ, будучи въ своемъ строеніи живоноснаго воскресенія Новаго Іерусалима, въ день недѣльный во Святѣй Церкви съ Архимандритомъ Герасимомъ и съ прочіей братіей, егда по чину нача чести по первой каѳизмѣ той преждереченный Архимандритъ Герасимъ (Святое Евангеліе толковое), якоже обычай, и Святѣйшему Никону Патріарху сѣдшу на своемъ мѣстѣ отъ многаго труда, и абіе приложися въ тонокъ сонъ и обрѣтесе въ Московской Великой Церкви, идѣже риза Господня. И зрѣтъ въ Церкви велій неизреченный свѣтъ, и отъ страха того неизреченнаго ужасеся; и во страхъ зрѣтъ того храма на обѣ страны и видитъ изъ гробовъ возстающихъ всѣхъ Архіереевъ и ту сущихъ отъ десныя страны Кипріана и Фотія и Филиппа священномученика, а отъ лѣвыя страны Іону Митрополита и прочихъ всѣхъ. По семъ зрѣтъ отъ алтаря отъ сѣверныхъ вратъ пресвѣтла юношу идяща со многими послѣдующими свѣтлѣющимися, яко бываетъ входъ со Святѣмъ Евангеліемъ, и той пресвѣтлый юноша на рукахъ нося царскій вѣнецъ; и съ тѣми свѣтлѣющимися тѣ всѣ Архіереи соединяся пойдоша во святыи алтарь отверженнымъ сущимъ святымъ и великимъ вратамъ. И той пресвѣтлый юноша царскій вѣнецъ поставляетъ на престолъ передъ Святѣмъ Евангеліемъ. Той же Святѣйшій Никонъ Патріархъ во страхъ послѣдуя имъ обрѣтохся отъ десныя страны престола, и зрѣтъ свѣтъ такожде неизреченный, и въ томъ свѣтѣ видитъ возставша первопрестольнаго Петра Митрополита великаго чудотворца, вкупѣ и Геннадія и грядуща ко преждереченнымъ Архіереемъ, онѣмъ же уставившимъ ему съ честью дающе первенство. Той же Петръ Митрополитъ ставъ на обычномъ первомъ мѣстѣ у святаго престола и черезъ царскій вѣнецъ простре руку на Святое Евангеліе и рече Святѣйшему Никону Патріарху: засвидѣтельствуемъ тебѣ брате, Никоне, симъ Священнымъ Евангеліемъ, иди, глаголи царю, чего ради онъ Святыя Церкви и святыя обители поработилъ и многія

святія вещи недвижимыя учинилъ царскимъ своимъ повелѣніемъ движимы, и царскимъ державствомъ недоволился, восхитилъ на ся архіерейскій судъ, многія обители многочисленными пѣнѣзми и многочисленными мѣрами оскудилъ и оскудити хоцетъ. И Святѣйшій Никонъ Патріархъ во страхъ велицѣ отвѣща: вы великіе первопрестольные Архіереи о семъ засвидѣтельствуйте, азъ же смиренный много о семъ глаголахъ и писахъ царю, и непреклоненъ къ послушанію явился наипаче возъявился, хвалится на мя мученми и изгнанми въ заточеніе. И Петръ великій чудотворецъ отвѣща: Ты, брате, въ жизни сей, тебѣ подобаетъ засвидѣтельствовать и пострадати о семъ даже и до крове; аще ли же сего нашего реченія не восхоцетъ вѣровати царь и твоего свидѣтельства не пріиметъ, и, простеръ руки со всѣми Архіереи на западную страну рекъ: зри, что по семъ будетъ. И, видя бѣлый свѣтъ въ велицей Церкви, обратился въ неизреченный пламень огня и съ шумомъ громогласнымъ поиде въ царскіе чертоги, и бысть все пламенно видно. И въ томъ велицѣмъ страхъ онъ Святѣйшій Никонъ Патріархъ едва въ себе пришедъ и узрѣ вышереченнаго архимандрита Герасима стояща передъ собою, отседающа по чтеніи по обычаю благословеннаго прощенія, уже и второй каѳизмъ совершающей. И Святѣйшій Никонъ Патріархъ въ томъ часѣ исповѣда то страшное видѣніе ту сущимъ съ нимъ бдящимъ Архимандриту Герасиму и протчей братіи всякаго чина и возраста. И по отпѣтіи утрени своею десницею сіе видѣніе писалъ и ко благочестивѣйшему государю царю посланъ; и ничтоже вмѣнено и забвенію предано даже до днесь. А сіе видѣніе его Святѣйшаго Никона Патріарха вскорѣ збытся тоя же нощи".

Сонъ Никона 12 января 1661 г. и напоминаніе царю о наказаніи Божіемъ.

Никонъ пишетъ царю, что ему въ легкомъ дреманіи представилось, и заканчиваетъ: „И сія суть тако, аще отъ Бога или метаніемъ, не вѣмъ, Богъ вѣсть, обаче такъ бысть. Если кто подумалъ, что я отъ себя вымыслилъ это, то да сожжетъ меня тотъ огонь, который я видѣлъ". Такъ Никонъ противопоставилъ государственной теоріи, стремившейся поставить государственную собственность на мѣсто церковной, теорію неприкосновенности церковной собственности.

Никонъ о вознагражденіи Богомъ за жертвы, принесенныя Его Церкви.

Обязанность же жертвы и подаянія лежитъ на каждомъ, и исполненіе ея вознаграждается сторицей. Никонъ пишетъ (I, 274): „За какую несправедность погибъ черезъ потопъ первый міръ, и за какую добродѣтель былъ спасенъ Ной? Не принесеніемъ ли въ жертву лучшаго и не нуждой ли въ покаяніи? И онъ первый принялъ обѣтъ у Бога, когда явилась радуга, въ знакъ того, что не будетъ больше потопа, и послѣ нашего перваго предка Адама, подобно ему, сталъ родоначальникомъ новой расы. Также отецъ нашъ Авраамъ не своей ли жертвой угодилъ Богу и принялъ обѣтованіе, когда онъ принесъ въ жертву своего возлюбленнаго и единороднаго сына Богу и не сомнѣвался? И вмѣсто одного сына Богъ увеличилъ его сѣмя, какъ звѣзды небесныя и какъ песокъ морской. Писаніе Стараго Завѣта гласитъ: „За великій обѣтъ, который даетъ Богу человѣкъ всѣмъ, что онъ имѣетъ отъ человѣка до животнаго, онъ долженъ отдать то, что обѣщано. Ты долженъ исполнить всякій обѣтъ, который далъ Богу. Не долженъ ты отсрачивать уплату, ибо Господь Богъ истребуешь это отъ тебя, и тебѣ будетъ поставлено это въ грѣхъ. Но соверши то, что исходитъ изъ устъ твоихъ, и дай даръ, обѣщанный тобой Богу. Если ты не исполнишь сказаннаго тобой, то ты вотще употребилъ имя Божіе, и Богъ не оставитъ безнаказаннымъ тѣхъ, кто напрасно произнесъ Его Имя". И слова: „Если ты клянешься Богу, то не ослабни въ исполненіи, ибо твое желаніе не неразумно. Что обѣщаль, то и плати" (I, 274). Никонъ въ принципѣ и противъ того, чтобы взыскивались налоги съ церковной собственности, ибо она посвящена Богу. Но Никонъ считалъ Церковь обязанной помогать государю въ случаѣ нужды. Иллюстраціей къ этому служить случай, упоминаемый въ исторіи Терапонткова монастыря (Странникъ, 1898, ноябрь): Во время войны со шведами въ 1655 г. по указу царя и Патріарха было велѣно изъ хлѣбныхъ запасовъ Терапонткова монастыря отмѣрить половину ржи и четвертую долю овса и приготовить изъ нихъ 600 четвертей сухарей да 200 крупъ и толокна, отправить подъ Смоленскъ на монастырскихъ и крестьянскихъ подводахъ, Съ большимъ трудомъ отправили половину запасовъ — монастырь жаловался на отсутствіе денегъ въ казнѣ и просилъ освободить его отъ доставки другой половины, но Патріархъ Никонъ не уважилъ просьбы этой и приказалъ доставить въ Смоленскъ и другую половину запасовъ „лѣтнимъ путемъ, когда вода вскрыется".

Никонъ также не одобрялъ въ принципѣ установленнаго обычая приношенія Патріархомъ подарковъ царю въ нѣкоторые большіе праздники (Успеніе, Вербное Воскресеніе) послѣ трапезы у Патріарха. (I, 569). „Царь ихъ принимаетъ и отсылаетъ въ казну. Скорѣе слѣдовало бы, чтобы они исходили отъ царя и его семейства и бояръ, чтобы не являлись къ Господу съ пустыми руками (какъ требуетъ Писаніе, Числ. 28, 2; Исх. 22, 29, 30). Но они Божьи заповѣди обращаютъ въ свою пользу и не приносятъ даровъ Богу, но послѣ литургіи наѣдаются за патріаршимъ столомъ и берутъ дары, уходя домой веселые, не сдѣлавъ добра передъ Богомъ а взявши налогъ съ Божьей собственности. Они говорятъ: Патріархъ благословилъ тѣмъ то и тѣмъ то, а Патріархъ просто вынужденъ подобно рабу давать свой оброкъ, а не благородные люди, зная обычай, обязывающій Патріарха доставить это къ празднику, за все берутъ съ него вдвое, втрое къ празднику (за серебряную посуду, соболя и пр.). Зачѣмъ такіе люди ходятъ въ церковь? Оки не только не приносятъ ничего, но расточаютъ положенное тамъ. Развѣ это не обида? Обида и не малая Церкви, такъ какъ изъ страха Патріархъ не можетъ измѣнить этого, какъ если бы это былъ законъ Бога или обѣтъ Ему". Никонъ всѣ законы и обычаи провѣряетъ съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ законамъ церковнымъ и внутреннему смыслу тѣхъ отношеній, которыя подобають къ священству. **Онъ не допускаетъ, чтобы государственный законъ или обычай могъ въ чемъ либо не соотвѣтствовать имъ, и если это оказывается, онъ настаиваетъ на его отмѣнѣ.** Именно съ этой общей точки зрѣнія онъ подвергаетъ критикѣ все Уложеніе и самый способъ его составленія. Въ послѣднемъ онъ находитъ несоотвѣтствіе между задачей, поставленной составителямъ его, и ея исполненіемъ.

Точка зренія Никона, съ которой онъ критикуетъ Уложеніе.

„А указалъ государь царь то все Уложеніе собрать и въ докладъ написать боярамъ, кн. Никитѣ Ивановичу Одоевскому съ товарищами, а онъ кн. Никита человекъ прегордый, страха Божія въ сердцѣ не имѣетъ и Божественнаго Писанія и правилъ Св. Апостоловъ и Св. Отецъ ниже чтитъ, ниже разумѣетъ, и жити въ нихъ нехочетъ и живущихъ въ нихъ ненавидитъ, яко враговъ сущихъ, самъ бывъ врагъ всякой правды, а товарищи его люди простые и Божественныхъ Писаній не вѣдущіе. А дьяки — вѣдомые враги Божіи и дневные разбойники безъ всякой боязни въ день людей божіихъ губятъ". Далѣе

Никонъ говорить, что государь велѣлъ выбрать изъ всѣхъ классовъ добрыхъ и смышленныхъ людей, чтобы быть соборному Уложенію нерушиму, но прибавляетъ, что „сборъ былъ не по волѣ, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради. А что по государеву цареву и великаго князя всея Россіи указу, бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищами, будто выписавъ изъ правилъ Св. Апостоль и Св. Отець и изъ гражданскихъ законовъ греческихъ и изъ старыхъ судебниковъ прежнихъ великихъ государей, государю приносили, и то онъ врагъ Божій и всякой истинны все солгалъ: изъ правилъ Св. Апостоль и Св. Отець и благочестивыхъ царей градскихъ законовъ ничего не выписывалъ якоже и сама та Уложенная беззаконная книга свидѣтельствуєтъ беззаконіе ихъ. А гдѣ и написаль, будто изъ правилъ Св. Апостоль и Св. Отець, таковыхъ правилъ нѣтъ и во всей его книгѣ и ни единого апостольскаго правила, ниже Св. Отцовъ 7 Вс. Соборовъ и прочихъ нѣтъ, ни благочестивыхъ греческихъ царей градскихъ законовъ что либо, ниже отъ православныхъ великихъ государей царей великихъ князей русскихъ, но все ново твое писаніе, чюжде православію и Святыхъ Апостоловъ и Св. Отець церковныхъ законовъ. Да и самъ той свидѣтельствуєтъ о своемъ ложномъ списаніи въ 10-й главѣ о судѣ: „Повсюду писаніе (священное) со свидѣльствы писанное, а не безъ свидѣльствъ, а Одоевскій самоумнѣ написаль Уложенную книгу безъ всякаго свидѣтельства".

Не только въ учрежденіи Монастырскаго Приказа и въ конфискаціи части церковной собственности Никонъ видитъ это нарушение церковныхъ правилъ и должнаго отношенія къ Церкви и ея законодательству, но и въ цѣломъ рядѣ другихъ законовъ Уложенія, о которыхъ онъ и говорить въ разныхъ мѣстахъ своего „Раззоренія". Такъ Никонъ охранялъ неприкосновенность Церкви отъ вторженія чуждыхъ ей принциповъ въ ея interna, ибо и судъ въ гражданскихъ дѣлахъ духовенства и управленіе церковной собственностью онъ относилъ къ дѣламъ церковнымъ на основаніи церковныхъ правилъ и обычая его времени. Онъ охранялъ и существенныя неотъемлемыя права Церкви, отвергая право царя на церковное управленіе и на права церковнаго законодательства безъ участія и согласія Собора, возглавляемаго Патріархомъ. Есть еще рядъ изданныхъ Уложеніемъ законовъ, которые Никонъ оспаривалъ, какъ нарушение правилъ, которымъ должны подчиняться лица духовныя и которыя

обидны для Церкви, такъ, на примѣръ, правила Уложенія о присягѣ и жребіи при судопроизводствѣ.

Но есть также другіе законы Уложенія, которые не наносятъ непосредственнаго ущерба Церкви нарушеніемъ или противорѣчіемъ ея правиламъ, а выявляютъ собой лишь недостаточное проявленіе почтенія къ Церкви, желаніе секуляризировать общественную жизнь и на мѣсто руководства началъ церковныхъ поставить въ ней начала свѣтскія: съ ними также борется Никонъ и видитъ въ нихъ проявленіе апостасіи, предсказанной для послѣднихъ временъ міра.

Никонъ о судопроизводствѣ и другихъ законахъ Уложенія.

Законы Уложенія о судопроизводствѣ.

Что касается судопроизводства, то оно получило въ уложеніи для лицъ духовныхъ нѣкоторыя особенности въ сравненіи съ правилами, установленными для другихъ лицъ. Особенности эти касались судебныхъ доказательствъ въ виду званія подсудимыхъ. Именно для духовныхъ лицъ не допускается присяга (4 ст. XIII глава) и замѣняется жребіемъ (такъ было и раньше); другая особенность въ томъ, что мірскіе люди въ искахъ своихъ на духовныхъ могли просить, чтобы челобитчикъ вмѣсто жребія былъ допрошенъ высшимъ начальствомъ духовнаго лица — Патріархомъ ли, Митрополитомъ ли, Епископомъ ли по священству или по иноческому обѣту. **Отвѣтчикъ могъ выбирать между жребіемъ и святительскимъ допросомъ.** Святительскій допросъ, избранный отвѣтчикомъ съ согласія истца, рѣшалъ дѣло окончательно. Никонъ говоритъ по поводу 4 ст. XIII главы (1, 510, 511, 512): „Гдѣ въ какихъ канонахъ написано, что для священническаго чина долженъ быть жребій вмѣстѣ цѣлованія креста? Хотя мы не знаемъ законовъ, устанавливающихъ, чтобы люди священнаго чина судимы были передъ мірянами, и чтобы на судѣ былъ жребій, или чтобы духовныя лица цѣловали крестъ, мы знаемъ другіе законы, несогласные съ твоими нечестивыми законами, устанавливающіе, что лица священнаго чина не должны вовсе быть судимы передъ свѣтскими судами, **ни цѣловать креста ради клятвы по правдѣ ли, или по неправдѣ, и что жребій не долженъ употребляться**". Никонъ негодуетъ, что свѣтское правительство въ лицѣ князя Одоевскаго съ товарищами устанавливаетъ правила и суда и судопроизводства для духовенства, и притомъ не согласно съ **правилами Церкви.** „Изъ твоихъ лживыхъ писаній мы признаемъ, что писано по слову Господа: „Если другой придетъ во имя свое, вы его примете.“ Смотри, кому сказано: паси стадо Христово, въ которомъ Духъ Святой васъ поставилъ Епископами пасти Церковь Господа, которую Онъ искупилъ кровью Своей? Но кто тебя поставилъ пасти стадо Христово? Какъ говорить Апостоль 1 Кор. 12, 28, Онъ поставилъ иныхъ Апостолами, иныхъ Пророками.... (Еф. 4, 11, 12). Всѣ ли Апостолы? Всѣ ли Пророки? Всѣ ли Учители? (1 Кор. 12, 29). Но о тебѣ пророчество есть: **послѣ Меня явятся среди васъ жадные**

волки, не щадящіе стада, и изъ васъ возстанутъ люди, говорящіе превратныя вещи. Развѣ ты не превратныя вещи пицешъ въ XIII гл. 6 ст.? Гдѣ же нашель ты такое беззаконіе, чтобы мірянамъ судить священный чинъ, Патріарха, Митрополитовъ и т. д. Не подобаеть, чтобы овцы давали законъ пастырямъ, но скорѣй, чтобы слушали и повиновались имъ по Писанію: „Слушающій васъ Меня слушаетъ" и „Повинуйтесь наставникамъ вашимъ"... Никонъ говоритъ далѣе и о нарушеніяхъ въ современной практикѣ судопроизводства: это принятіе свидѣтельствъ отъ Лигарида и отъ бояръ противъ Никона. „Я покажу тебѣ нѣчто изъ суда противъ Митрополитовъ, Архіепископовъ, священниковъ и дьяконовъ, что такое лицо, какъ ты, не должно быть допущено къ свидѣтельству противъ клириковъ по какому либо обвиненію (Лигаридъ неправославный и отъ него свидѣтельства, какъ отъ еретика, неприемлемо по новеллѣ императора Юстиніана). „Далѣе Никонъ цитируетъ 132 Карф. правило. „Обвинитель не долженъ представлять свидѣтелей изъ своего дома. Глосса: свидѣтельство изъ своего дома отвергается и царскими законами, ибо 22 гл. тит. 1 въ 21 книгѣ Василикъ говоритъ: обвинитель не можетъ представить домочадцевъ въ свидѣтели.

И гл. 25 тит. 1 въ 21 книгѣ Василикъ гласить: „Свидѣтельство отъ дома обвинителя отвергается". Подъ свидѣтелемъ собственнаго дома должно разумѣть тѣхъ, кто находится подъ властью кого либо, такъ что способенъ дѣйствовать по приказанію. Таковые не допускаются къ свидѣтельству за своего начальника, ни противъ тѣхъ, кого они обвиняютъ. Этимъ указаніемъ Никонъ подрывалъ и цѣнность показаній противъ него со стороны бояръ-царскихъ слугъ.

Никонъ о необходимости въ общественной жизни дать большее проявленіе началу церковному.

Никонъ хотѣлъ, чтобы государственное законодательство не только не вступало въ противорѣчіе съ церковнымъ, но и проникалось его духомъ. Онъ ревниво оберегаетъ значеніе Церкви и ея правилъ въ общественной жизни и вступаетъ въ полемику съ кн. Одоевскимъ по поводу болѣе почтительныхъ его выраженій въ отношеніи къ царскимъ днямъ, чѣмъ Господнимъ Праздникамъ. „Какъ ты осмѣлился, пишетъ Никонъ (I, 391), писать въ своей лживой, проклятой компиляціи въ X гл. 25 ст. „А въ воскресный день никого не судити и въ приказѣхъ не сидѣти и никакихъ дѣлъ не дѣлати, опричь самыхъ нужныхъ государственныхъ дѣлъ. Да суда же не судити и никакихъ дѣлъ въ приказѣхъ не дѣлати опричь Великихъ цар-

ственныхъ дѣль. Въ день Рождества Христова, въ день Святаго Богоявленія и въ иные Господніе праздники сырной недѣли на первой недѣлѣ великаго поста на Страстной недѣлѣ, въ семь дней по Пасхѣ, да въ который день приспѣетъ праздникъ день рожденія государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи и его благовѣрной царицы и великія княгини Маріи Ильинишны и ихъ благородныхъ чадъ. А противъ воскресныхъ дней по вся субботы православныхъ христіанъ отъ великія работы и отъ торговли престати, и ряды затворити за три часа до вечерни. А въ воскресный день рядовъ не отпирати, и ни чѣмъ не торговати, опричь съѣстныхъ товаровъ и конскаго корму. А съѣстные товары и конскій кормъ овесъ и сѣно продавати по вся дни и часы невозбранно. А работы никакія въ воскресный день никому не работати, да и въ господскіе праздники быти по тому же, какъ и въ Воскресные дни. А въ которые дни бываетъ со кресты ходъ, и въ тѣ дни въ рядахъ ничѣмъ не торговати и рядовъ не отпирати до тѣхъ мѣстъ, какъ изъ ходу со кресты придуть въ соборную церковь, а потомъ торговати".

Ахъ ты, незаконный нечестивецъ! Какъ ты не постыдился, не испугался? Вѣдь, дьяволъ признавалъ Его Сыномъ Божиимъ и говорилъ, зачѣмъ ты Сынъ Божій пришелъ мутить насъ раньше времени. Но ты, человѣкъ злыхъ страстей, не признаешь Іисуса Христа нашимъ Богомъ, но пишешь, какъ о обыкновенномъ человѣкѣ: „въ день воскресенья", „въ день рожденія Христа"; вѣдь, есть много Христовъ (и цари и священники также Христы, т. е. помазанные). Есть ложные Христы, какъ сказалъ Христосъ Своимъ Апостоламъ, но Христосъ нашъ Богъ — Одинъ. Вѣдь, не отсохли бы твой нечестивый языкъ или рука, не отсохли бы говорить или писать: „Рождество нашего Господа Бога и Спаса Іисуса Христа?" Или „Святое Богоявленіе нашего Господа и Спаса Іисуса Христа?" Ты даже не называлъ это праздникомъ, а просто днемъ, но когда говоришь о царѣ, тогда пишешь: „На какой бы день ни палъ праздникъ рожденія государя царя и также о царицѣ и ихъ дѣтяхъ." Какіе это праздники? Какое таинство здѣсь, развѣ что одно удовольствіе и свѣтская суета? Не довольствуешь сравнивать людей съ Богомъ, ты ихъ даже предпочитаешь Богу. Касательно Божественныхъ таинствъ, т. е. Рождества нашего Господа и Бога и Спаса Іисуса Христа и Его Святаго Богоявленія и Его Воскресенія, прочти Богослова Григорія (Наз.), какъ въ своей первой Гомиліи на Пасху онъ пишетъ о воскресеніи нашего Господа и Бога и Спаса Іисуса Христа (I, 392); праздникъ Рождества Его Божественный Григорій

много разъ называетъ таинствомъ, ибо въ этихъ праздникахъ содержатся таинственные чудеса строительства нашего спасенія. Они — тайны, ибо неизвѣстны невѣрующимъ; ибо неправильно говорить невѣрующимъ о таинственномъ значеніи праздниковъ и, по Божьему Слову, не подобаетъ метать бисера передъ свиньями. Посмотри ты, богоборецъ, какія тайны въ праздникахъ нашего Господа Бога и Спасителя Іисуса Христа, Его Воскресенія, Его Рожденія и Его Святаго Преображенія и, что рожденіе царя, о которомъ свидѣтельствовали Давидъ? И какое соединеніе свѣта съ тьмой, согласно Божественнаго Апостола, или праведности съ нечестіемъ, что ты, пустой претендентъ на мудрость, **предпочитаешь въ чести дни рожденія царя, царицы и ихъ дѣтей днямъ тайнъ Христа, т. е. Его Святаго Воскресенія, Рожденія и Богоявленія?** Ты даже не называлъ ихъ праздниками въ уваженіе тайны, какъ называетъ ихъ Григорій Богословъ, но, просто называешь „День Рождества Христова“, но **когда говоришь о рожденіи царя, называешь это праздникомъ.** Но что это за праздникъ? Или какая тайна? Слушай внимательно, что мы скажемъ тебѣ еще. Эти праздники показываютъ тайны и представляютъ первое пришествіе во плоти нашего Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, т. е. какъ Онъ родился, былъ крещенъ, преобразился, какъ былъ распятъ, похороненъ, воскресъ изъ мертвыхъ на третій день, и какъ Онъ вознесся на небо. Каждый праздникъ Господень есть культивированіе духовной радости, средство достиженія для души ясности и красоты; онъ для духовнаго украшенія и возвеличенія Церкви, для неба и земли онъ есть плодъ восхожденія, переходъ отъ низшихъ вещей къ высокимъ и божественнымъ, восхожденіе отъ вещей мірскихъ къ вещамъ надмірнымъ и отъ вещей тѣлесныхъ къ вещамъ духовнымъ, отъ вещей чувственныхъ къ вещамъ интеллектуальнымъ, отъ земныхъ къ небеснымъ, поэтому мы и соблюдаемъ ихъ духовно: освященіемъ себя, умерщвленіемъ страстей, миромъ и совмѣстными собраніями мы угождаемъ Богу. Проводя время въ молитвѣ, псалмопѣніяхъ, чтеніяхъ, мы просимъ Бога, чтобы намъ дано было отъ Него въ изобиліи восхожденіе въ то царство небесное, которое вѣчно и блаженно, гдѣ не перестаетъ голосъ тѣхъ, которые блюдутъ праздники, гдѣ невыразимое удовлетвореніе души и радость безсмертному благу. Ибо духовные праздники суть Божественныя торжества, достигающія спасенія для нашихъ душъ. И они настолько больше свѣтскихъ праздниковъ и торжествъ, насколько душа больше тѣла, а небо больше земли, насколько будущая

жизнь выше этой временной, какъ говорить Божественный Апостоль: „И око не видѣло, и ухо не слышало, и сердцу человѣка не дано понять, что Богъ уготовалъ любящимъ Его" (I, 398). **Видишь ли ты, какое разстояніе между божественными и свѣтскими праздниками, такое же, какъ между небомъ и землею**". Далѣе Никонъ говорить о невозможности праздновать царскіе дни рожденія великимъ постомъ, разъ св. постъ не можетъ быть нарушаемъ не только царскими днями, но даже воспоминаніями мучениковъ. „Ты нечестивый составитель, говоришь, что, **на какой бы день ни палъ** праздникъ рожденія государя царя, онъ долженъ быть соблюдаемъ. Но развѣ ты не знаешь, что день рожденія царя падаетъ на великій постъ, а также и праздники дней рожденія царицы, царевенъ и государя цесаревича. Но Божественныя заповѣди не позволяютъ нарушать великаго поста не только для царскихъ дней рожденія, но и для воспоминанія мучениковъ. Послушай. Если Епископъ, священникъ или дьяконъ или чтець въ теченіе 40 дней великаго поста не постится и въ теченіе года каждую среду и пятницу, то онъ низвергается, развѣ что, для него трудно поститься вслѣдствіе какой либо тѣлесной болѣзни. Такому дается разрѣшеніе по силѣ нужды вкушать мясо и вино. А если свѣтское лицо не постится, то оно отлучается. Если кто изъ аскетовъ безъ тѣлесной необходимости возгордится и освободить себя отъ поста, наложеннаго Церковью на общину и на келью, какъ бы имѣя увѣренность въ томъ, что достигнуто имъ, то да будетъ онъ проклятъ... Въ теченіе 40 дней великаго поста, кромѣ субботъ и воскресеній, нельзя совершать поминовенія мучениковъ или другихъ святыхъ. Нельзя въ теченіе великаго поста ни праздновать бракосочетанія, ни совершать поминовенія умершихъ, ни какого либо празднованія. Такъ писалъ и Никита, **прозванный Стиватъ**, іеромонахъ Студійскій. Но ты, попиратель всѣхъ канонѣвъ, какъ ты рѣшился сравнить въ чести великіе праздники нашего Господа съ царскимъ рожденіемъ, между тѣмъ, какъ церковные законы запрещаютъ соблюдать день рожденія царя въ воскресенье и другіе торжественные праздники, постановляя ихъ переносить на какой либо другой день и не соблюдать одновременно въ одинъ день".

О сравненіи царя съ Богомъ.

Что касается стремленія сравнить царя съ Богомъ, то Самъ Богъ отвергъ такой грѣхъ Своимъ отвѣтомъ одному изъ вопрошавшихъ его: „Учитель благій, какъ мнѣ унаслѣдовать вѣчную жизнь? и

Иисусъ сказалъ ему, зачѣмъ ты называешь Меня благимъ. Никто не благъ, токмо единъ Богъ". И первосвященникъ спросилъ Его: „Ты ли Сынъ Божій? Онъ сказалъ: „вы говорите, что Я... Иисусъ спросилъ учениковъ, за кого они почитаютъ Его, и Симонъ Петръ сказалъ: Ты — Христосъ, Сынъ Бога Живаго". Тогда Иисусъ запретилъ имъ говорить кому либо, что Онъ Сынъ Бога Живаго... Но передъ государемъ царемъ многіе говорятъ: Ты, государь, Богъ земной, и государь не запрещаешь такъ называть себя. Патріархъ Никонъ много разъ говорилъ царю, когда былъ въ Москвѣ и послѣ, чтобы онъ запретилъ безумцамъ на будущее время называть его Богомъ, но царь молчалъ и не слушалъ того, кто говорилъ такія слова, какъ царь Давидъ: нашъ Богъ на небеси. Онъ не поревновалъ князьямъ Апостоламъ, о которыхъ написано въ Дѣянїяхъ XIV, 11-18, что когда ихъ приняли за боговъ, то они сказали: О, люди. Что вы дѣлаете? Мы люди со страстями, подобно вамъ, и благовоествуемъ вамъ, чтобы вы обратились отъ сихъ ложныхъ къ Богу живому, Который сотворилъ небо и землю и море и все, что съ нимъ. Они едва убѣдили народъ не приносить имъ жертвы и идти домой. Видишь, какъ они чисты отъ гордости, и не только не пожелали почестей, но обезпокоились, когда ее имъ воздали...

Никонъ о тщетѣ земного величія. О необходимости оцерковленія жизни.

Послушай, новый Арій. Что есть царь? Одинъ мудрецъ сказалъ: онъ сегодня — царь; а завтра умираетъ; а, когда человѣкъ умираетъ, онъ наслѣдіе ползучихъ животныхъ и червей. Начало гордости — когда человѣкъ отходитъ отъ Бога, и сердце его отворачивается отъ Творца, ибо гордость есть начало грѣха, и имѣющій ее изливаетъ мерзость. За это Господь наказуетъ человѣка непосланіемъ на него несчастій"... Въ назначенный день Иродъ, одѣвшись въ царскую одежду, сѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ и говорилъ къ нимъ; а народъ воскликнулъ: это голосъ Бога, а не человѣка. Но вдругъ Ангелъ Господень поразилъ его за то, что онъ не воздалъ славы Богу, и онъ, бывъ изѣденъ червями, умеръ" (Д. XII, 21-23). И божественный Апостоль Павелъ, проповѣдуя о тѣхъ, которые отступаютъ отъ закона Христа, которыхъ онъ называлъ также противниками, говоритъ: Да не обольститъ васъ никто никакъ: ибо день тотъ не придетъ, доколѣ не придетъ отступление, и не откроется человѣкъ грѣха, сынъ погибели" (I, 403). Управление и жизнь по законамъ Церкви для представителя государства есть первый залогъ благополучія его царства". Почитаніе, воздаваемое тѣмъ или инымъ праздникамъ, — показатель

того, какими стихіями руководится жизнь, земными или небесными. Никонъ не ограничился платоническими признаніями истины и ищетъ ея осуществленія въ нормахъ жизни. Когда нормы закона впадаютъ въ противорѣчіе съ тѣми нормами, которыя диктуются высшимъ законодателемъ, онъ обнаруживаетъ это несоотвѣтствіе и клеймитъ такой законъ за то, что онъ не осуществляетъ въ содержаніи своемъ своего призванія — быть отраженіемъ высшей правды.

Никонъ о несправедливости законовъ Уложенія, карающими строже людей нисшаго соціального положенія.

Такъ Никонъ подвергаетъ критикѣ ст. 27-31, 83, 84, 91 и 92 X-ой главы Уложенія за то, что онѣ бѣднаго человѣка, не имѣющаго положенія въ государствѣ, караютъ строже, чѣмъ занимающаго видное положеніе, тогда какъ должно быть наоборотъ (I, 472-476). Статьи 27, 28, 29 X гл. назначаютъ наказаніе для боярина, окольничьяго и думнаго человѣка за безчестіе словомъ Патріарху (выдача головой ему), Митрополиту (400 рублей), Архіепископу (300 рублей), а за безчестіе архимандриту, игумену или иному иноческому чину по государеву Указу. ст. 30, X гл. назначаетъ наказаніе за безчестіе словомъ духовныхъ лицъ, послѣдовавшее отъ другихъ чиновъ государства, именно отъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, гостей или дьяковъ или жильцовъ, или дворянъ, или дѣтей боярскихъ, городовыхъ людей, иноземцевъ и опредѣляетъ за безчестіе Патріарху — битье батогами, за безчестіе Митрополиту и другимъ — заключеніемъ въ тюрьму на разные сроки. Статья 31 назначаетъ за таковое безчестіе духовнымъ лицамъ для людей гостинной и суконной сотенъ и черныхъ сотенъ и слободъ тяглыхъ людей, стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей или иныхъ чиновъ наказанія еще болѣе высокія; именно за безчестіе Патріарху торговую казнь и тюрьму на мѣсяць, за безчестіе Митрополиту битье батогами и тюрьму на четыре дня; за безчестіе, нанесенное Архіепископу, Епископу битье батогами и тюрьму на три дня; за безчестіе Архимандриту, игумну, архидіакону и Троицы — Сергіевской Лавры и всѣхъ монастырей келарамъ и казначеямъ и соборнымъ старцамъ и рядовой братіи постановленій правити за безчестіе. „Откуда ты, беззаконный человѣкъ и составитель нечестивыхъ вещей, учишь, вопреки Божественнымъ заповѣдямъ Христа и законамъ Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ, воздавать битьемъ, денежными штрафами въ зависимости отъ соціального положенія виновнаго? Неужели не слышало твое невнимательное ухо

нашего законодателя и учителя Господа Бога и Спаса Иисуса Христа, Который училъ въ Мѣ. V, 20: „Если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ Царство Небесное". Но какая праведность въ твоей нечестивой компиляціи, устанавливающей, что, если кто безчеститъ Патріарха, тогда послѣ суда выдается ему головой, другой бьется кнутомъ, третій плетми, иный сажается въ тюрьму или штрафуется, какъ это установлено въ твоёмъ безумномъ и проклятомъ Уложеніи" (I, 474).

Никонъ о статьяxъ Уложенія, парализующихъ пастырское воздѣйствіе.

Ст. 83 и 84 Уложенія говорятъ о безчестіи словомъ, нанесенномъ со стороны духовныхъ лицъ боярамъ, окольникимъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ или дворянамъ московскимъ или гостямъ, дьякамъ, жильцамъ, дворянамъ или дѣтямъ боярскимъ, родовыхъ или иныхъ чиновъ, и назначаютъ штрафъ въ пользу тѣхъ, кто обезчещенъ, въ размѣрѣ оклада государева жалованья, а гостямъ и инымъ чинамъ по указаннымъ статьямъ. При чемъ ст. 84 допускаетъ по отношенію къ духовнымъ чинамъ, начиная съ архимандрита и ниже, въ случаѣ, если имъ нечѣмъ платить, нещадный праведъ до тѣхъ поръ, пока они съ истцомъ учинятъ сдѣлку или добьются челомъ. **Никонъ возстаетъ, какъ мы говорили, противъ этихъ статей не только потому, что здѣсь допускается позорящее наказаніе отъ свѣтскихъ духовнымъ, но и потому, что подъ обиду словомъ легко можно включить пастырское обличеніе, которое парализуется такимъ образомъ угрозой наказанія, ибо можетъ восприниматься, какъ обида словомъ.** Такія статьи, парализуя пастырское воздѣйствіе духовенства, воспринимаются Никономъ, какъ искаженіе суда.

„Развѣ это, пишетъ онъ (I, 487), не законъ дьявола, самого антихриста для того, чтобы никто не осмѣливался изъ страха наказанія проповѣдывать объ истинѣ Божьяго слова? Ибо упрекъ для нечестиваго все равно, что зерно въ ногѣ, хотя оно не большое, но болѣзненно. Такъ для непринимающихъ слово Божіе невыносимо, если кто говоритъ о праведности Божіей: они въ этомъ видятъ себѣ оскорбленіе и упрекъ.

Никонъ о неправильномъ принципѣ Уложенія для повышенія и пониженія наказаній.

Далѣе Никонъ переходитъ къ X гл. ст. 91 и 92, не касающихся духовенства и устанавливающихъ наказаніе за безчестіе, нанесенное

думнымъ чинамъ со стороны иныхъ свѣтскихъ чиновъ, при чемъ для болѣе высокихъ чиновъ назначается штрафъ и, въ случаѣ невозможности его заплатить битые кнутомъ, а для болѣе низшихъ чиновъ болѣе высокое наказаніе — битые кнутомъ и тюрьма на 2 недѣли. Никонъ обращается къ Одоевскому (1, 475) и пишетъ: „Ты не послушалъ написаннаго: „не дѣлай различія между могущественнымъ и слабымъ въ судѣ, ибо судъ — Божій". Ты же установилъ неравныя наказанія въ пользу тебя самого и подобныхъ тебѣ. Ты не послушалъ Спасителя, сказавшаго: Какимъ судомъ судите, такимъ и будете судимы, и какой мѣрой мѣрите, такой и возмѣрится вамъ. Ты думаешь, безумецъ, уклониться отъ Божьяго суда? По истинѣ противъ дѣлающихъ такія дѣла есть Божій судъ. Какихъ великихъ мукъ и наказаній ты не заслуживаешь за такое нечестивое ученіе и незаконное законодательство? Какія бы бѣдствія или несчастія ни навлекло въ силу этого Уложеніе на бѣдныхъ людей, которыя будутъ осуждены, ты будешь виновенъ во всемъ. Это есть исполненіе написаннаго въ Псалмахъ: „Сказалъ безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ. Они развратились, дошли до гнусности въ порокѣ; нѣтъ творящаго добро. Богъ съ небесъ воззрѣлъ на сыновъ человѣческихъ, чтобы видѣть, есть ли разумѣвающий, ищущій Бога. Всѣ уклонились, всѣ растлились; нѣтъ творящаго добро, нѣтъ ни одного. Неужели не вразумятся дѣлающіе беззаконія, съѣдающіе народъ Мой, какъ ѣдятъ хлѣбъ не призывающіе Бога?" (Псаломъ, 52, 2-5)... Послушай ты, нечестивый представитель беззаконія, Божественное ученіе, которое даетъ Самъ Богъ (Мѡ. 5, 22): „А я говорю вамъ, что всякій гнѣвающийся на брата своего напрасно подлежитъ суду". Какому? Не твоему незаконному, но суду Божьему, который не дѣлаетъ различія между лицами и праведенъ, какъ учить тому насъ Св. Евангеліе: „Когда придетъ Сынъ Человѣческій во славу Своей и вси Св. Ангелы съ Нимъ, тогда сядетъ Онъ на престолъ славы и передъ Нимъ предстанутъ всѣ народы..." Но судъ дается не такимъ судомъ, о которомъ ты пишешь, что рѣшеніе дается по указу царя" (I, 476).

Что касается законовъ процессуальныхъ, то русскимъ церковнымъ правомъ не было выработано до Уложенія самостоятельныхъ формъ дѣлопроизводства, а формы, перешедшія въ Россію изъ Византіи, по словамъ Архангельскаго остались въ книгахъ безъ примѣненія къ дѣламъ. Такъ Патріархъ Никонъ, пишетъ онъ, напечаталъ въ „Кормчей" „Законъ Судебный людямъ царя Константина" (Кормчая II ч. гл. 46). На Никона очень сердились свѣтскіе чины за

внесение этого устава в действующее законодательство Русской Церкви. Конечно, отдельные правила этого судного устава принимались в соображение на святительских судах по делам церковным. Но в целом состав в церковных приказах Судебный Устав никогда не действовал, оставаясь почти мертвой буквой в книгах." Скажем больше: он и не мог получить в тогдашних церковных судах всецелого применения по той причине, что наши патриаршие и архиерейские приказы были установлены не по Византийским образцам, а по образцу государственных приказов, сложившихся исторически и самобытно. (Так по образцу светских приказов в патриаршем разряде у Митрополита Новгородского и прочих Архиереев были свои пристава с цепями, свои недельщики, свои тюрьмы, в которых содержались не только колодники духовные, но и миряне). Отсюда в силу самой необходимости, с изданием Уложения во всех учреждениях все дела в церковных учреждениях производились по тем статьям, которые изложены в нем, особенно в X главе о суде. Статьи эти имели полное применение, как в учреждениях гражданского ведомства, так и в духовных. Уложение само обязывало все учреждения русского государства, в том числе и церковные руководствоваться именно его правилами относительно суда. В Уложении XII глава исключительно состоит из правил относительно суда на разных патриарших людей, принадлежавших церковному ведомству и судимых на патриаршем дворе, и разрешает подавать на суд патриарших чиновников апелляции, в случае нарушения ими правил Уложения о суде (Ст. 1-2). Это показывает, что уложение было призвано к применению и в церковных судах. Поэтому критика Никона, направленная на Уложение, касалась с одной стороны защиты духовенства от засилья светской власти, а с другой стороны и вообще направлялась против некоторых принципов государственного законодательства, без отношения к духовенству.

О высших принципах, обязательных и для законодателя.

Никон считает, что светский законодатель связан высшими принципами, которые дает Церковь, и которых он не должен преступать: в них норма для самого законодателя, который, оставляя в стороне эти принципы, может легко создать незаконное законодательство. Так и суд есть по источнику своему суд Божий; он призван стремиться воплощать Божественную правду, а не ту

относительную условную, людьми созданную, которая въ угоду отдѣльнымъ классамъ или чинамъ, созданнымъ строемъ той или иной эпохи, потворствуетъ ихъ эгоистическимъ интересамъ, нарушая высшіе принципы Божественнаго закона.

Никонъ въ вопросѣ примѣненія Кормчей вмѣсто Уложенія; о внесеніи имъ измѣненій во второе изданіе Уложенія. О приостановкѣ дѣйствія Уложенія. Выдѣленіе патріаршей власти изъ дѣйствій Уложенія.

Съ этой точки зрѣнія Никонъ стремился къ тому, чтобы расширить сферу примѣненія церковныхъ законовъ; какъ мы видѣли только что, обиду словомъ Никонъ относилъ къ церковному суду: онъ отдавалъ предпочтеніе вообще Кормчей, въ составъ которой входило во II части Византійское гражданское законодательство Номоканоновъ, уже одобренное и санкціонированное Церковью, какъ подтверждающее каноны или, по крайней мѣрѣ, если и дополняющее ихъ, то въ ихъ духѣ, и не противорѣчащее ихъ основнымъ принципамъ. За неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи первоисточниковъ, которые бы показали полностью всѣ разряды дѣлъ, въ отношеніи къ которымъ Никонъ отстаивалъ примѣненіе законовъ Кормчей, мы укажемъ только отдѣльные случаи, почерпнутые нами въ разныхъ изслѣдованіяхъ. Такъ **Архангельскій** указываетъ, что въ 1657 году жаловалась Никону одна вдова Нижегородскаго посадскаго, что поручитель взыскиваетъ съ нея кабальныя деньги ея мужа, а послѣ смерти его не осталось ни дворовъ, ни движимаго имущества. Никонъ справился съ градскими законами, и на основаніи ихъ запретилъ производить взысканіе съ вдовы, если она ничѣмъ не владѣетъ, кромѣ своего приданаго и указанной 4-ой части. **Вообще дѣла чисто духовнаго характера, а иногда и гражданскія, подвѣдомственные суду Церкви,** разрѣшались въ приказахъ церковныхъ святительскимъ судомъ на основаніи правилъ Св. Апостолъ, Соборовъ и Отцевъ и вообще на основаніи Никоновской Кормчей, включая и II часть ея, равно и въ такихъ случаяхъ, для которыхъ не было подходящихъ законовъ въ Уложеніи. Никонъ, отстаивая примѣненіе Кормчей, не ограничивался примѣненіемъ ея въ дѣлахъ, входившихъ въ компетенцію церковныхъ учреждений, но стремился, чтобы и государственные суды примѣняли не Уложеніе, а законодательство, санкціонированное Церковью, т. е. Кормчую (Чт. О. И. и Д. Р. 1847 г., III т., стр. 29. Калачевъ „О значеніи Кормчей въ системѣ Древне русскаго права“). „Что въ древній періодъ русской исторіи Кормчая имѣла значеніе и силу источника права въ судахъ церков-

ныхъ, и что иногда ею руководилась также свѣтская власть въ своихъ судебныхъ рѣшеніяхъ и при ихъ исполненіи, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и уже не разъ было замѣчено многими изслѣдованіями, хотя только мимоходомъ, неопредѣленно и почти бездоказательно" (Стр. 1, Калачевъ). Проф. Загоскинъ (Записки Казанскаго университета за 1880 г.), сообщаетъ, что въ 1654 г. Никонъ уговорилъ царя, чтобы онъ разослалъ Указы воеводамъ судить уголовныя дѣла на основаніи Кормчей, для чего и были имъ разосланы выписки изъ нея. Карамзинъ обѣщалъ напечатать ихъ въ своей исторіи, говоря объ этомъ въ одномъ примѣчаніи¹, но за смертью не успѣлъ этого сдѣлать². Мало того, Никонъ добился другой уступки, о которой говоритъ Загоскинъ: перепечатанія Уложенія съ нѣкоторыми измѣненіями, а именно: 1) въ X гл. 28 ст. безчестіе Епископу приравнено къ безчестію Архіепископу и Митрополиту; 2) въ X гл. ст. 30, 83 и 91 гости поименованы въ отношеніи безчестія не ниже всѣхъ чиновъ, а наравнѣ съ высшими между дьяками и Московскими дворянами; 3) въ X гл. ст. 25 прибавлено: „Да въ Петровъ постъ во многихъ городахъ заговѣнье въ первый понедѣльникъ бываетъ играютъ, и то искоренить проклятое дѣло;" 4) исправлена XIV гл. 10 ст. Раньше было написано: „А кто поцѣлуеъ крестъ на кривдѣ и тому 30 лѣтъ епитимьи, къ Церкви не приходитъ и приноса отъ нихъ не примати, ни въ домъ къ нимъ не приходитъ и молитвы имъ не давать". По поводу этого въ Раззореніи (I, 515) Никонъ писалъ: „Божескіе каноны поручаютъ Епископамъ и священникамъ исправлять грѣшниковъ въ ихъ грѣхахъ, но кто тебѣ далъ власть надъ священствомъ и законодательствовать, да изъ какихъ каноновъ ты взялъ такое постановленіе?" И, дѣйствительно, во второмъ изданіи Уложенія наказаніе за ложную клятву положено иное, согласно канонамъ, чисто исправительнаго свойства. „А кто крестъ поцѣлуеъ на кривдѣ, и тому Василій Великій въ 64 своемъ правилѣ налагаетъ запрещеніе на 10 лѣтъ; два лѣта да плачется, три лѣта да послушаетъ Божественныхъ Писаній; четыре лѣта да припадаетъ и едино лѣто да стоитъ съ вѣрными и потомъ Божественнаго Причащенія причастится". Всѣ исправленія,

¹ Ист. Гос. Рос. т. III, прим. 222.

² Можно думать, что это были законы, помѣщенные въ „Законъ судномъ людемъ", который какъ разъ включаетъ уголовный кодексъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ. О немъ пишетъ проф. Суворовъ (Курсъ 1, 309): „Законъ Судный людемъ не есть законодательство, касающееся Церкви, а есть уголовный уставъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, въ которомъ нерѣдко вмѣсто членовредительныхъ и другихъ каръ Византійскаго права назначается церковное покаяніе въ Западно-католическомъ духѣ". Такая мѣра Никона вполне соответствуетъ его основной идеѣ — оцерковленія государства и лишній разъ подтверждаетъ ея наличность у Никона.

указанныя Загоскинымъ, относятся какъ разъ къ тѣмъ статьямъ Уложенія, которыя подвергаются критикѣ въ Никоновскомъ Раззореніи, и тѣмъ еще болѣе подтверждаютъ его мысль о существованіи второго изданія Уложенія въ исправленномъ видѣ.

Не имѣя возможности добиться отъ царя уничтоженія „Проклятой Уложенной книги“, Никонъ пока былъ Патріархомъ стремился пріостановить ея примѣненіе. Жалованная грамота царя самому Патріарху выдѣляла его уже изъ компетенціи монастырскаго Приказа, и Никонъ уже достигалъ возможности вести въ своей области управленіе и судъ въ соотвѣтствіи съ канонами. Но его заботы простирались дальше; и не только въ смыслѣ огражденія самостоятельнаго Церковнаго суда, но и въ смыслѣ внесенія оцерковленія въ самое государственное законодательство открытымъ признаніемъ со стороны государя, что государственные законы не должны противорѣчить церковнымъ, а, напротивъ, стремиться проникаться духомъ Церкви.

Какъ примѣръ этого достиженія оцерковленія въ отдѣльной сферѣ, можно разсматривать судъ надъ убійцами у Византійскихъ Патріарховъ. Преступникъ, отдавшійся подъ покровительство Церкви, долженъ былъ каяться публично на судѣ въ особой церемоніи и получалъ эпитимію на продолжительные годы, заключавшуюся въ прохожденіи цѣлой стадіи различныхъ ограниченій въ церковномъ общеніи. Эта система оцерковленія можетъ противопоставляться ультрамонтанской, превращающей Церковь въ государство.

Первой ступеню къ оцерковленію государства является принципъ признанія Церкви, какъ особаго союза, и непротиворѣчія закона канону. Примѣромъ его, между прочимъ, можетъ служить ст. 185 осн. законовъ, изд. 1906 года, изданная впервые въ изданіи свода законовъ 1832 года¹.

¹ Не трудно видѣть, что статья 185, требующая, чтобы невѣста лица, могущаго имѣть право на наслѣдованіе престола, приняла Православіе не позже, какъ наканунѣ бракосочетанія, имѣетъ въ виду необходимость каноническаго, въ глазахъ Церкви, брака и стремится поставить государственный законъ въ согласованіе съ церковными правилами, а именно Лаодик. 10 и 31, 72 пр. VI Всел. Собора. VI, 72 говоритъ: „Недостойтъ мужу православному съ женою еретическою бракомъ совокупляться, ни православной женѣ съ мужемъ еретикомъ сочетаватися. Аще же усмотрѣно будетъ нѣчто таковое, содѣланное кѣмълибо, бракъ почитать ихъ нетвердымъ и незаконное сожитіе расторгати“. Въ томъ же смыслѣ гласитъ 58 пр. Номоканона при Большомъ Требникѣ: „Нелѣпо есть православному мужу съ еретической совокуплятися женою, ниже съ еретическимъ мужемъ женѣ православной; аще же и будетъ, нетвердый да вмѣнится бракъ, и незаконное да расторгнется сожитіе“. Совершенно ясно, что Синодальное постановленіе при Петрѣ I, разрѣшавшее изъ государственныхъ соображеній, ради удержанія шведскихъ плѣнныхъ, смѣшанные браки, — не можетъ отмѣнить Вселенскаго канона. Въ отношеніи же церковныхъ чиновъ есть и особое упоминаніе въ 14 пр. IV Всел. Собора: „Понеже въ нѣкоторыхъ епархіяхъ позволено чтецамъ и пѣвцамъ вступать въ бракъ, то опредѣлилъ Святый Соборъ, чтобы никому изъ нихъ не было позволено брати себѣ въ жену иновѣрную“. Законъ 1832 года, оцерковляя царскій санъ, и установилъ означенное требованіе, какъ то и соотвѣтствуетъ понятію царскаго сана,

Идея Никона — оцерковленіе государства — противоположность идеѣ, растворяющей Церковь въ государствѣ.

Объединяя въ одно цѣлое Никоновскія воззрѣнія на необходимость проникновенія государства церковными принципами, мы можемъ причислить его систему къ системѣ іерократической, по которой государство ставитъ себѣ, какъ отдаленный идеаль, никогда не достижимый, превращеніе въ Церковь; эта система противоположна протестантской, растворяющей Церковь въ государствѣ, какъ было при Петрѣ I. Никонъ предостерегалъ государство отъ самоосвобожденія отъ церковныхъ началъ. Въ Уложеніи оно уже вступало на этотъ путь и переставало принимать во вниманіе церковные законы, эмансипируясь вообще отъ церковнаго вліянія въ законодательствѣ. Но, освобождаясь отъ церковныхъ началъ, государство возвращается къ естественнымъ началамъ, которыя противны церковнымъ, какъ языческія начала христіанскимъ; торжество ихъ запечатлѣваетъ развитіе новѣйшаго государства съ культомъ эгоизма, матеріализма, съ замѣной христіанства неоязычествомъ. Государство цѣликомъ принимаетъ на себя задачи Церкви, возстановливая въ своемъ лицѣ идею верховнаго первосвященства, постепенно подчиняя себѣ всѣ интересы, въ томъ числѣ и интересы Церкви. Съ этимъ грядущимъ неоязычествомъ и вступилъ въ борьбу Никонъ. Странно видѣть въ его борьбѣ проявленіе гордости и стремленіе сохранить свое положеніе. Послѣднее было бы ему очень просто, стоило бы только отказаться отъ своей борьбы за церковную самостоятельность и стать послушнымъ орудіемъ царя и бояръ, какъ это сдѣлалъ его замѣститель Митрополитъ Питиримъ, бывшій въ окруженіи царя на войнѣ и стремившійся свалить Никона въ союзъ съ боярскими, враждебными Никону, элементами. Самъ Никонъ, выходя изъ послѣдняго засѣданія суда 12 декабря 1666 г., признавался въ своей непримиримости, когда, садясь въ сани, говорилъ: о Никоне! Все сіе бысть сего ради, не говори правды, не теряй дружбу, аще бы еси уготовалъ трапезы драгоцѣнныя и съ ними вечерялъ, не бы ти сключишася (Шушеринъ, 128 стр.).

Никонъ о государственной апостасіи и о гибели царства какъ ея слѣдствіи.

Но Никонъ ничѣмъ не поступилъ въ борьбѣ за свою идею и пронесъ ее черезъ всю свою жизнь, какъ горячій факель, до гроба.

какъ чина священнаго (объ этомъ см. нашу книгу: „Царская власть и законъ о престолонаслѣдіи въ Россіи“), и представляетъ яркій примѣръ оцерковленія государственнаго закона о престолонаслѣдіи.

Церковь онъ понималъ, какъ совокупность руководящихъ законовъ жизни, и въ ея Вселенскомъ законодательствѣ видѣлъ верховныя нормы, обязательныя для самого государства. Сообразуясь съ ними, почитая служителей Церкви, воздавая Церкви, какъ Богу, свое лучшее достояніе, государство получало основаніе разсчитывать на свое благоденствіе и, попирая ихъ, должно было, въ его глазахъ, сознательно идти навстрѣчу своей гибели. Какъ ревнитель вселенскаго канона и какъ русскій Патріархъ, онъ предостерегаетъ неоднократно и царя и бояръ отъ того опаснаго пути, на которомъ прекращается благословеніе Божіе. Онъ многократно говоритъ объ апостасіи, о грѣхѣ, который неумолимо влечетъ Божью кару, будетъ ли то грѣхъ индивидуальный, или грѣхъ общественный, какъ грѣхъ носителя власти въ осуществленіи имъ его функцій. Эта Божья кара можетъ быть отсрочена, но она неотвратима въ концѣ концовъ. Эту апостасію государственную Никонъ видѣлъ въ Уложенномъ законодательствѣ, въ несоблюденіи царемъ и боярами клятвы, данной ему 22/VII 1652 года, въ поправленіи его патріаршихъ правъ черезъ назначеніе при его жизни царемъ независимаго отъ него мѣстоблюстителя, въ поправленіи царемъ самостоятельнаго управленія и суда Церкви, въ неканоническомъ самочинномъ принятіи царемъ Лигарида безъ соотвѣтствующихъ грамотъ отъ его Патріарха, Лигарида, бывшаго не то католикомъ, не то запрещеннымъ православнымъ Митрополитомъ, однимъ словомъ эту апостасію онъ видѣлъ въ томъ, что царь-органъ государственной власти сталъ тѣмъ, чѣмъ былъ римскій императоръ — верховнымъ понтифексомъ, и въ томъ, что его законодательство перестало видѣть для себя границу въ церковныхъ канонахъ и стало служить не Божьей правдѣ, а интересамъ класса (служилыхъ), и въ концѣ концовъ въ томъ, что его законнаго Патріарха Всероссійскаго осудили нечестивымъ судомъ. Впослѣдствіи, въ изгнаніи въ Терапонтномъ монастырѣ Никонъ говорилъ, что царству нечего ждать добра, если этого приговора вселенскіе Патріархи не отмѣнятъ. Никонъ напоминаетъ слова Апостола Павла (2 Тим. 2, 3, 4): „Да не обольститъ васъ никто никакъ: ибо день тотъ не придетъ, доколѣ не придетъ прежде отступленіе, и не откроется человеку грѣха, сынъ погибели, противящійся и превозносящійся выше всего, называемаго Богомъ или святынею, такъ что въ храмъ Божіемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога..." Видишь ты, составитель лжи (I, 407), что Божественный Апостоль предупредилъ насъ о вещахъ грядущихъ, но которыя для

насъ, благодаря вамъ и вашей преступности, стали настоящими? Развѣ нѣтъ теперь отступленія отъ Священнаго Евангелія, отъ преданій Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ, развѣ не обнаружился человѣкъ грѣха, сынъ погибели, который противится и возносится превыше всего называемаго Богомъ, или Святынею?

Никонъ объ Антихристѣ, захватившемъ власть въ Церкви.

Онъ говоритъ объ отступленіи, ибо онъ погубить многихъ, и что можетъ быть болѣе разрушительно, чѣмъ то, что, оставляя Законъ Бога и Его заповѣди, они предпочли традиціи человѣческія, эту Уложенную книгу, полную злобы и лукавства? Но кто это, спросятъ? Сатана? Никоемъ образомъ. Это — человѣкъ, который взялъ все дѣло сатаны и приготовилъ и образовалъ другихъ въ союзѣ съ собой, такихъ, какъ ты, представитель лжи, и твои подобные тебѣ товарищи. Сидѣніе въ храмѣ имѣетъ въ виду не Іерусалимскій храмъ, но всюду въ Церквахъ. **Сидѣніе это не буквальное сидѣніе во всѣхъ Церквахъ, но обладаніе властью надъ всѣми Церквами. А Церковь — не каменные стѣны, но церковные законы и пастыри, противъ которыхъ ты, апостать, воздымаясь согласно дѣлу Сатаны, далъ въ Уложеніи юрисдикцію надъ Патріархомъ, Митрополитами, Архіепископами, Епископами и надъ всѣмъ остальнымъ духовенствомъ свѣтскимъ людямъ, не думая дѣйствовать согласно волѣ Божіей. Какъ Богъ сказалъ однажды: „Отойди отъ Меня, Сатана, ибо помыслилъ ты не о вещахъ Божіихъ, но о вещахъ человѣческихъ”. И въ другомъ мѣстѣ Онъ сказалъ: „Вы — отъ отца вашего діавола и похоти его творите”. О такихъ Церквахъ Христосъ сказалъ: „Мой Домъ наречется домомъ молитвы, а вы превратили его въ разбойничій вертепъ”. Какъ сказалъ Іеремія (VII, 4): „Не надѣйтесь на обманчивыя слова: здѣсь храмъ Господень, храмъ Господень, храмъ Господень”. **Что это за храмъ Божій, который подъ властью царя и его подчиненныхъ, въ которомъ они дѣлаютъ и устанавливаютъ, что вздумается? Такая Церковь уже не храмъ Божій, но домъ тѣхъ, которые властвуютъ надъ ней. Ибо, если бы это былъ храмъ Божій, то никто изъ страха передъ Богомъ не осмѣлился бы захватить его или отнимать что либо у него. А о преслѣдованіи Церкви Господь открылъ наиболѣе богословствующему Своему любимому ученику Іоанну" (I, 408).****

Апостасія — признакъ наступленія Антихристова царства; она — предметъ борьбы для Никона.

Никонъ видѣлъ въ Апостасіи знаки наступленія Антихристова царства и грядущую гибель отечества, и онъ боролся съ этимъ мольбами, протестами, своимъ удаленіемъ съ кафедры, отряханіемъ праха отъ ногъ своихъ, анаѳемой на правонарушителей, грозными пророчествами, своей непреклонной стойкостью въ посылаемыхъ на него гоненіяхъ, отказомъ дать царю полное прощеніе въ качествѣ Патріарха, несмотря на его просьбы о прощеніи, пока онъ не возстановитъ правду по отношенію къ предстоятелю Церкви Никону.

Обязанность Первосвященителя въ борьбѣ съ апостасіей (по Никону).

Обязанность священнослужителя въ такихъ случаяхъ указана священникомъ Азаріей въ его протестѣ передъ царемъ Озіей (I, 132): „Царь Озія вошелъ въ храмъ, не повинуюсь священнослужителю, воскурить ѳиміамъ, говоря: я праведенъ: — ты праведенъ, можетъ быть, но оставайся въ своихъ границахъ. Установленныя границы царства такіято, а границы для священства другія, а это послѣднее больше перваго. И Азарія священникъ вошелъ за нимъ. Развѣ я безъ основанія сказалъ, что священнослужитель выше царя? Ибо онъ не искалъ удалить его съ почтеніемъ, какъ царя, но какъ нѣкоего презрѣннаго отверженнаго и неблагодарнаго раба. И пошелъ за нимъ Азарія священникъ и съ нимъ 80 священниковъ Господнихъ, людей отличныхъ, и воспротивился Озія царю и сказалъ ему: „Не тебѣ, Озія, кадитъ Господу; это дѣло священниковъ сыновъ Аароновыхъ, посвященныхъ для кажденія; выйди изъ святилища, ибо ты поступилъ незаконно, и не будетъ тебѣ это въ честь у Господа Бога. И разгнѣвался Озія, а въ рукѣ у него кадила для кажденія; и, когда разгнѣвался онъ на священниковъ, проказа явилась на челѣ его передъ лицомъ священниковъ въ домѣ Господнемъ, у алтаря кадила“ (2 Парал. 26, 17-19). Видишь ли, какъ душа священника наполнилась храбростью и мудростью? Онъ не посмотрѣлъ на величіе правителя, онъ не подумалъ, какъ трудно удержать душу, упоенную страстью; онъ не послушалъ Соломона, говорящаго: гнѣвъ царя подобенъ рычанію льва, но онъ взиралъ на истиннаго Царя — Царя небеснаго; и думалъ о томъ судѣ и наградѣ, которыя грядутъ; подкрѣпивъ себя такими мыслями, онъ поспѣшилъ къ нарушителю. Онъ зналъ, что гнѣвъ царя подобенъ рычанію льва, но для того, кто рѣшилъ скорѣе умереть, чѣмъ безъ протеста потерпѣть нарушеніе священныхъ заповѣдей, этотъ левъ презрѣннѣе самаго маленькаго пса. Нѣтъ

практически ничего болѣе безвластнаго, чѣмъ человѣкъ, нападающій на законы Бога, и съ другой стороны нѣтъ ничего сильнѣе человѣка, борющагося за эти законы. Ибо совершившій грѣхъ есть рабъ грѣха, хотя бы имѣлъ тысячи коронъ на своей головѣ, но кто поступаетъ праведно, тотъ больше самого царя, хотя бы онъ былъ послѣдній изъ всѣхъ. Всѣ эти мысли объ истинной мудрости были у этого добраго, и благороднаго священника, когда онъ вошелъ въ храмъ... Что же священникъ сказалъ? „Не подобаетъ тебѣ воскурять ѳиміамъ Господу". Но что сдѣлалъ Господь, видя, что священникъ оскорбленъ и слово священника презрѣно, и самъ священникъ былъ безсиленъ что либо сдѣлать еще? **Дѣло священника — только выразить порицаніе и показать дерзновеніе, но не поднимать оружіе, не хвататься за щитъ, не метать копье, но только смѣло выговаривать.** И такъ какъ священникъ выговорилъ царю, а царь не подчинился, не поднялъ свое оружіе и копье и пользовалъ свою власть, то священникъ сказалъ: **я сдѣлалъ свое дѣло, больше я не могу; защити ты, Господи, священство, поппранное ногами; Твои законы нарушены; Твои заповѣди преступлены.** И что же сдѣлалъ Господь, любящій человѣчество? Онъ тотчасъ ниспослалъ проказу на чело царя" (I, 132). Въ этомъ приведенномъ Никономъ разсказѣ — **опредѣленіе и его собственныхъ обязательствъ по отношенію къ нарушеніямъ царя, какъ онъ ихъ понималъ и осуществлялъ.**

Никонъ о грядущей гибели Московскаго царства. Проклятіе за нарушеніе церковной собственности.

Никонъ нѣсколько разъ говорилъ о гибели Московскаго государства, когда видѣлъ неуваженіе къ правамъ Церкви или къ ея Первосвятителю. Такое проклятіе послѣдовало отъ Никона и за неуваженіе его патріаршихъ правъ на патріаршій престолъ.

Когда онъ въ декабрѣ 1664 г. выѣзжалъ изъ Москвы, не допущенный царемъ къ возвращенію на престолъ, онъ сказалъ: „Богъ размететъ васъ всѣхъ", отрясая прахъ отъ ногъ своихъ передъ лицомъ всей земли. „Три раза я проклялъ васъ", — писалъ онъ царю, когда царь думалъ получить прощеніе, не давая публично удовлетворенія признаніемъ правды Никона, — „выше Содома и Гоморры". Когда на судѣ его упрекнули въ томъ, что онъ пророчествовалъ, говоря въ декабрѣ 1664 г. о кометѣ, которая принесетъ разрушеніе Московскому государству, и Митрополитъ Илларионъ Рязанскій сказалъ: „Пусть Никонъ скажетъ, отъ какого духа онъ это узналъ?" То Никонъ передъ

Патріархами, царемъ, всѣмъ Соборомъ и синклитомъ сказали: „И въ древнія времена стараго закона бывали такія знаменія, и надъ Москвой также это исполнится. Господь пророчествовалъ на горѣ Оливъ о разрушеніи Іерусалима, но это исполнилось черезъ 40 лѣтъ". Никонъ и въ другое время упоминалъ о томъ, какъ Господь проклялъ города Хоразинъ и Виѳсаиду и Капернаумъ выше Содомы и Гоморры, и Его проклятiе исполнилось, хотя и не тотчасъ (V, 858). Это проклятiе слѣдовало отъ Никона и за захватъ церковной собственности 25/VI 1663 г. въ Воскресенскомъ монастырѣ, когда у Никона несправедливо отняли землю, оспариваемую у него Романомъ Боборыкинымъ, хотя земля эта была утверждена за Воскресенскимъ монастыремъ царской грамотой. Несправедливость этого отнятія у Никона доказывается уже тѣмъ, что земля эта была возвращена Воскресенскому монастырю по просьбѣ архимандрита монастыря и братіи при царѣ Ѳеодорѣ и Патріархѣ Іоакимѣ, даже съ прибавленіемъ села изъ имѣнія Боборыкина (IV, 442 пр.). Патріархъ Никонъ отправился тогда въ церковь пѣть молебень Животворящему Кресту и читать молитву и псалмы 68 и 108, которые полагается читать терпящимъ насиліе по правиламъ Св. Аѳанасія Александрійскаго. Подъ Святымъ Крестомъ, передъ иконой Богоматери была положена Никономъ царская грамота о пожалованіи Воскресенскому монастырю земли, оспаривавшейся Боборыкинымъ, но записанной за Никономъ въ Помѣстномъ Приказѣ по указу царя. Хотя Никона обвиняли въ томъ, что онъ проклиналъ царя, но онъ оспаривалъ это, относя проклятiе къ Боборыкину (IV, 475), затѣявшему это дѣло. Проклятiе на всякаго возможнаго нарушителя этой собственности налагала уже сама грамота. Но, замѣчаетъ Пальмеръ (IV, 475 стр.), совѣсть царя и бояръ могла сказать имъ, что эти проклятiя не могли быть выражены противъ Боборыкина, не задѣвая и ихъ. Ибо что виновнѣе, частная ли злоба и жадность въ человѣкѣ, ищущемъ клочка земли, или ихъ общественная злоба на Никона? Если бы царь дѣйствовалъ теперь на мѣстѣ Саула, то могли ли заклятья Давида касаться только Эдомита или заклятія Никона касаться только Одоевскаго, Стрешнева, Боборыкина и ихъ товарищей? Конечно, они должны были поражать и самого преслѣдователя царя, и съ тѣмъ большей силой, чѣмъ менѣе это имѣлось въ виду Давидомъ, почитавшимъ полу Сауловой одежды, или Никономъ, пророчествовавшимъ, не желая того, противъ царя Алексѣя".

Пальмеръ сопоставляетъ слова псалмовъ 68 и 108 съ тѣмъ, что произошло съ семьей царя, и видитъ въ этихъ событіяхъ исполненіе гнѣва Божьяго. Слова Псалма 68 говорятъ: „Излей на нихъ (враговъ моихъ), ярость Твою, и пламень гнѣва Твоего да обыметъ ихъ. Жилище ихъ да будетъ пусто, и въ шатрахъ ихъ да не будетъ живущихъ... Да изгладятся они изъ книги живущихъ и съ праведниками да не напишутся". А въ Псалмѣ 108: „Отовсюду окружаютъ меня словами ненависти, вооружаются противъ меня безъ причины. За любовь мою они враждуютъ на меня, а я молюсь: воздають мнѣ за добро зломъ, за любовь мою — ненавистью... Да будутъ дни его кратки (царь Алексѣй умеръ въ 1676 г. до исполненія 47 лѣтъ) и достоинство его да возьметъ другой; дѣти его да будутъ сиротами, а жена его вдовой (дѣти царя Алексѣя преждевременно остались сиротами и вмѣстѣ съ своей матерью, его второй женой подвергались опасностямъ и несчастьямъ послѣ его смерти); да скитаются дѣти его и нищенствуютъ и просятъ хлѣба изъ развалинъ своихъ (его сынъ Петръ, оставшись безъ отцовскихъ заботъ странствовалъ у нечестивыхъ иностранцевъ, моля у нихъ яда, какъ хлѣба, и былъ странникомъ вдали отъ Бога и своей страны, ища пищи изъ опустошенныхъ мѣстъ, гдѣ не произростало хлѣба); да захватить заимодавецъ все, что есть у него, и чужіе да расхитятъ труды его (его царство обѣднѣло отъ войнъ и плоды его раннихъ побѣдъ были захвачены иностранцами, и трудъ его и его преемниковъ былъ поглощенъ нѣмецкимъ басурманствомъ); да не будетъ сострадающаго ему, да не будетъ милующаго сиротъ его, да будетъ потомство его на погибель, и да изгладится имя его въ слѣдующемъ родѣ (не было никого: Матвѣевъ былъ въ изгнаніи, когда его присутствіе было особенно нужно, изгнанный родственниками самого царя Алексѣя; Θεодоръ умеръ, какъ скоро достаточно выросъ, чтобы дѣлать добро; Петръ былъ духовно истощенъ и духовно убитъ своей собственной полусестрой Софьей и превратился благодаря плохому воспитанію въ чудовище, способное только развитъ слѣдствіе грѣховъ своего отца. Право наслѣдственнаго преемства отошло отъ потомковъ Алексѣя, и наслѣдникъ былъ преданъ смерти своимъ собственнымъ отцомъ, сыномъ Алексѣя, и во второмъ поколѣніи его имя въ мужскомъ поколѣніи исчезло). Да будетъ вспомнано передъ Господомъ беззаконіе отцовъ его (Іоаннъ III и IV) и грѣхъ матери его да не изгладится (Семейство матери его и родственники его Стрешневы). Да будутъ они всегда во очахъ Господа и да истребитъ Онъ память ихъ

на землѣ (оно исчезло съ земли: ни семьи его матери, ни семьи отъ его первой жены больше не существуетъ)" (IV, 444).

Никонъ опредѣляетъ ближе принципъ неприкосновенности церковной собственности (I, 134). Если кто не только не оказываетъ милосердія, но отнимаетъ у другихъ ихъ имѣнія для собственнаго употребленія, то какихъ наказаній не навлекутъ такіе люди? Пр. 59 Св. Апостоловъ: „Если Епископъ или священникъ не даетъ въ нуждѣ клирику, то да будетъ отлученъ; если упорствуетъ въ своемъ немилосердіи, то будетъ низвергнутъ, какъ убійца своего брата". Глосса далѣе опредѣляетъ самое назначеніе собственности Церкви и смыслъ этого назначенія. Собственность церковная называется въ Св. Писаніи богатствомъ бѣдныхъ, и существуетъ обязанность давать ее бѣднымъ. Если обязанность правителей церковныхъ распредѣлять другимъ нуждающимся, то насколько больше ихъ обязанность быть милосердными къ подчиненнымъ имъ и давать имъ необходимое?" Вотъ обоснованіе, почему Церковь должна имѣть имущество. На Святителяхъ лежитъ долгъ помощи бѣднымъ и обязанность дать средства жизни клирикамъ — отсюда необходимость церковныхъ имуществъ.

Анаѣмы Никона за нарушеніе церковной юрисдикции.

Такое же проклятiе слѣдовало отъ Никона и за неуваженіе правъ Церкви въ отношеніи ея юрисдикціи. 16. 11. 1662 г. въ Воскресенскомъ монастырѣ одна изъ анаѣмъ опредѣлялась (IV, 365) тѣмъ, „которые пытались нанести обиду священному чину, или захватить въ свое вѣдѣніе церковныя дѣла и права или привлекать къ нимъ Епископовъ, священниковъ или дьякона или какое либо лицо священнаго или монашескаго чина, или насиліемъ захватывать то, что дано монастырямъ, и отнимать у нихъ что либо, данное Христу, и умерли не раскаявшись". Другая анаѣма провозглашалась „тѣмъ, которые отрицаютъ, что христіанскому священству дана отъ Бога отдѣльная и независимая власть учить и управлять Церковью, и которые утверждаютъ, что эта власть или дана всецѣло свѣтской властью, или, по крайней мѣрѣ, должна будто бы осуществляться только въ соотвѣтствіи съ приказами свѣтской власти и гражданскими законами, а не по священнымъ канонамъ и правиламъ Св. Отцовъ, подтвержденнымъ гражданскимъ законодательствомъ прежнихъ благочестивыхъ и православныхъ греческихъ царей и русскихъ великихъ князей, — подвергаются анаѣмѣ таковыя, какъ говорящiе противъ

Святаго Духа и ищущіе подчинить благодать Божию духу этого міра". Этой анаѳемой Никона поражалась самая основа цезарепапизма, а слѣдующими представители церкви, сверхъ мѣры подчиняющіеся свѣтской власти съ нарушеніемъ каноновъ. Именно, слѣдовала анаѳема на того, кто оставилъ или опустилъ изъ обычныхъ церковныхъ молитвъ имя Епископа, Митрополита или Патріарха прежде, чѣмъ онъ обвиненъ передъ компетентнымъ Соборомъ за какое либо преступленіе, канонически изслѣдованъ, найденъ виновнымъ и низложенъ (разумѣя мѣстоблюстителя Питирима). Такая же анаѳема слѣдовала и „тому, кто захватываетъ управленіе какой либо Церковью черезъ свѣтскую власть или совершаетъ какой либо церковный актъ неканонически изъ страха или благодаря вліянію свѣтскихъ правителей, или захватываетъ какой либо престолъ или митрополию, провинцію или патріархатъ, не принадлежащій ему, или самъ собой, или по приказу свѣтскихъ властей, или совершаетъ неканоническій актъ не для своей епархіи (разумѣя опять Митрополита Питирима, посвятившаго Митрополита Меѳодія въ Кіевѣ — принадлежавшемъ тогда въ церковномъ отношеніи Константинопольскому Патріарху (I, 366).

Обратимъ вниманіе, что анаѳемы Никона относились только къ тѣмъ мѣрамъ правительства, которыя посягали на права Церкви, присущія ей по существу. Анаѳемы же за отнятіе собственности у Церкви произносились тогда, когда собственность Церкви основывалась на грамотахъ, уже включавшихъ анаѳему на всякаго будущаго обидчика, но анаѳема за свѣтское законодательство, поскольку оно не затрагивало собственныхъ правъ Церкви, онъ не произносилъ, хотя бы это законодательство и не отвѣчало идеямъ Никона объ оцерковленіи государства.

Мы видимъ, что всѣ анаѳемы на своихъ идейныхъ противниковъ Никонъ произносилъ уже послѣ ухода изъ Москвы, при чемъ первую изъ нихъ безъ малаго черезъ 4 года послѣ этого ухода, когда онъ увидѣлъ, что взятый царемъ курсъ захвата церковнаго управленія въ царскія руки окончательно укрѣпился, несмотря на многократныя письма Никона, которыя онъ писалъ и въ 1659 году (о шествиі въ недѣлю Ваій) и въ декабрѣ 1661 г. (о захватѣ церковнаго управленія) и другія. Это были послѣднія его крайнія мѣры, которымъ предшествовалъ его уходъ.

Пальмеръ о наказаніяхъ Божіихъ за общественные грѣхи и объ исполненіи Никоновскихъ пророчествъ.

Мы не можемъ не остановиться на размышленіяхъ Пальмера о наказаніяхъ, посылаемыхъ Богомъ за общественные грѣхи, какъ относительно того, на кого можетъ падать такое наказаніе, такъ и въ отношеніи того, что это наказаніе навлекаетъ на себя, по его мнѣнію, и Россія за ея отношеніе къ Церкви. „Наказанія за общественныя преступленія и грѣхи бываютъ общественныя и личныя. Общественное наказаніе падаетъ на націю, общество или классъ или чинъ или на само учрежденіе, иногда скоро, иногда послѣ долгаго промежутка, поражая и будущія поколѣнія. Это общественное наказаніе часто падаетъ, повидимому, на правителя и потомковъ, которые лично невинны, возможно даже не сознають вину своихъ предшественниковъ, какъ бы показывая различіе между чисто личными и общественными актами и между личнымъ и общественнымъ вознагражденіемъ и наказаніемъ. Такъ въ Англіи вина тѣхъ Тюдоровъ, которые въ XVI столѣтіи возставали противъ Бога и Его Церкви и вовлекли цѣлую націю своимъ тираническимъ насиліемъ въ схизму и ересь, была наказана столѣтіемъ позже въ короляхъ другой фамиліи, противъ которыхъ тогда возсталъ народъ, какъ раньше короли возстали противъ Бога: они были свергнуты и изгнаны, и одинъ изъ нихъ даже обезглавленъ черезъ послѣдующее развитіе той же ереси, которую они сначала навязали народу... Также во Франціи честолюбіе и гордость, съ которой Людовикъ XIV велъ войну и наносилъ обиды Церкви, и безнравственность регента и Людовика XV были наказаны въ ближайшемъ поколѣніи ужасами атеистической и смертоносной революціи, въ которой были обезглавлены или умерщвлены съ еще большими мученіями невинный и добродѣтельный Людовикъ XVI, его королева, его сестра и его сынъ" (V, 772).

Относительно Россіи Пальмеръ говоритъ, что „если мы подумаемъ только объ общественныхъ актахъ, то, такъ какъ все дѣлалось въ дѣлѣ Никона во имя царя, и не боярамъ, какъ классу, (хотя на нихъ лежитъ главная вина въ преслѣдованіи Никона), а царю была поражена Церковь, то для короны и надо было ждать главныхъ наказаній. „Если бы ты только боялся Бога", — сказалъ Никонъ царю на судѣ послѣ взрыва гнѣва на него, во время чтенія нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его конфиденціального письма къ Патріарху Діонисію, „ты бы не поступилъ со мной такъ" (V, 902), а послѣ чтенія его сказалъ: „Богъ да будетъ тебѣ судьей" (V, 704). А въ столовой палатѣ дворца,

когда Никонъ выходилъ съ собора, онъ всталъ посрединѣ и, обернувшись къ царю, отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ въ третій разъ (1-ый въ 1658 году, 2-ой въ 1664 г.) и сказалъ царю: „Моя кровь и общій грѣхъ да будетъ на твоей головѣ" (V, 902). Объ исполненіи этихъ пророчествъ Пальмеръ уже отмѣчалъ, говоря о судьбѣ дѣтей царя Алексѣя. Онъ видитъ исполненіе и предсказаній Никона, сдѣланныхъ имъ на судѣ, о разрушеніи Москвы, ибо это все исполнилось съ уничтоженіемъ боярства, какъ класса, стрѣльцевъ, на царствующей династіи и на духовенствѣ, и на пожарѣ 1812 г., уничтожившемъ старую столицу, совершившую апостасію (IV Введ. 50 стр.). Любопытны приводимыя Пальмеромъ внѣшнія параллели о сорока годахъ, о которыхъ говорилъ Никонъ для исполненія пророчества о гибели Іерусалима. Съ Собора 1660 г., когда Соборъ утвердилъ восхищеніе на себя духовной власти царемъ, совершенное въ 1658 г., до смерти послѣдняго Патріарха Адріана въ 1700 г., когда царь уничтожилъ и внѣшнюю форму каноническаго примата и взялъ въ свои руки всю церковную собственность, прошло также 40 лѣтъ; отъ смерти Патріарха Никона въ 1681 году до созданія духовнаго коллегіума въ 1721 году также 40 лѣтъ (IV Введ. 50). Но этого мало. Пальмеръ ждалъ дальнѣйшаго исполненія пророчества. „Правительства, говоритъ онъ, которыя однажды пошли на апостасію, не легко идутъ обратно; они идутъ къ разрушенію (I, Введ. 9). А въ IV Введ. 63 стр. Пальмеръ спрашиваетъ: „Пойдетъ ли Россія къ нѣмецкому матеріализму и въ концѣ концовъ утратѣ самаго имени христіанства... или произойдетъ православная реакція? И возможна ли реакція? Хвостъ не можетъ вести голову, а голова и хребетъ у Россіи — нѣмецкія. Православная Церковь привязана къ нѣмецкому принципу свѣтскаго верховенства, какъ хвостъ къ хребту собаки. Хвостъ долженъ слѣдовать за головой. Индивиды, хотя бы они сами, или ихъ отцы, согрѣшили, могутъ покаяться, но исторія не знаетъ примѣра націи, разъ отступившей отъ болѣе высокаго религіознаго положенія къ низшему, чтобы она возстановила сама себѣ своимъ собственнымъ внутреннимъ усиліемъ покаяніе... Но невѣроятное человѣку возможно для Бога".

Смыслъ клятвы 22 іюля 1652 г. въ историческомъ освѣщеніи.

А въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ (I, Введ. 23): „Когда либерализмъ сброситъ существующій барьеръ достиженіемъ религіозной свободы, когда Русская Церковь будетъ предоставлена своимъ собст-

веннымъ ресурсамъ,... тогда въ поискахъ самозащиты и въ особенности противъ католиковъ, она откроетъ, что ея дѣйствительный борецъ и представитель былъ Никонъ". Это особенно ярко представляется, когда выявляемъ совершенно противоположныя идеи при Петрѣ I: и строй церковный былъ объявленъ дѣломъ государственной власти, и возстановлена теорія верховнаго понтифекса, и духовенство было всецѣло подчинено монастырскому приказу, возстановленному въ 1700 году, и церковная собственность была отдана въ полное управленіе государственному учрежденію (Монастырскому Приказу), когда государство, отбросивши вліяніе Церкви, стало свободно устанавливать идеи для руководства жизнью и поощрять изданіе катехизиса съ протестантскимъ направлениемъ (Ѳеофанъ Прокоповичъ), и когда оно вмѣшавшись въ церковную жизнь, стало опредѣлять жизнь въ монастыряхъ и подчинять ея строй свѣтскимъ утилитарнымъ цѣлямъ. Все это было увѣнчано созданиемъ на ряду съ прочими государственными коллегіями особой коллегіи по духовнымъ дѣламъ, члены которой стали избираться представителями государственной власти на срокъ и приносить присягу царю, какъ главѣ Церкви; въ концѣ концовъ это полугосударственное полуцерковное учрежденіе подчинено было другимъ государственнымъ учрежденіямъ, въ родѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, и о той самостоятельности Церкви, которой требовалъ для нея Никонъ, исчезало воспоминаніе, и самое понятіе о ней терялось, пока катастрофическія событія 1917 года не вызвали къ жизни неизбѣжной необходимости для Церкви опредѣлить самой свое устройство. Зародышъ процесса паденія положенія Церкви въ Русскомъ Государствѣ, и вмѣстѣ ея обезсилія, былъ на лицо передъ вступлениемъ Никона на патріаршій престолъ. И Никонъ, клятвой 1652 года, хотѣлъ сдержать секуляризаціонное стремленіе вѣка. Ему это не удалось, но память объ его усиліяхъ должна напоминать намъ, какъ онъ боролся, и кто были главные виновники паденія его, а вмѣстѣ и постепенной утраты той религіозно-нравственной силы, которой держался царскій престолъ, и съ которой неразрывно связывалъ его Никонъ, требуя отъ царя истиннаго православія, не на словахъ, а на дѣлѣ, въ его законодательствѣ, управленіи и судѣ, а Патріарха ставя главной опорой престола, какъ его наставителя въ вѣрѣ и ея оберегателя.

Никонъ о значеніи праведности для общественной жизни.

Никонъ придавалъ огромное значеніе праведности въ смыслѣ снисканія помощи Божіей на совершеніе того, что человѣку само по себѣ непосильно. Онъ писалъ (1, 530): „Дѣлающій волю Божию имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ 10.000 нарушителей... Какая польза отъ множества? Развѣ не знаешь, что дѣйствительный народъ — святыя, а не многіе? Выведи на битву миллионъ людей и одного святого, и посмотришь, кто сдѣлаетъ больше. Иисусъ Навинъ пошелъ на войну и одинъ добился успѣха, остальные были лишніе; даже такое множество людей, когда оно не дѣлаетъ воли Божіей, есть ничто".

Никонъ о праведности царя и о власти удерживающей пришествіе Антихриста.

Царь, не слѣдующій благочестію, разрушаетъ свой народъ, а царь благочестивый, является силой, удерживающей обнаруживаніе Антихриста. Никонъ приводитъ 2 посланія къ Ѳессалоникійцамъ отъ Павла 2, 6-9: „И нынѣ вы знаете, что не допускаетъ открыться ему (человѣку грѣха) въ свое время. Ибо тайна беззаконія уже въ дѣйствиіи, только не совершится до тѣхъ поръ, пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающій теперь, и тогда откроется беззаконникъ, котораго Господь Иисусъ убьетъ духомъ устъ Своихъ и истребитъ явленіемъ пришествія Своего" (I, 404). Вопросъ въ томъ, что же именно удерживаетъ обнаружиться человѣку грѣха. Глосса говоритъ, что — Римская власть, ибо если бы разумѣлся духъ, то не было бы надобности говорить прикровенно, а о Римской власти Апостоль говоритъ прикровенно, чтобы не навлекать ненужныхъ преслѣдованій на христіанъ. Ибо, если бы онъ заговорилъ о разрушеніи Римской Имперіи, то могли бы подумать, что христіане стремятся къ ея разрушенію. Человѣкъ грѣха явится только тогда, когда разрушится Римская Имперія, ибо пока есть страхъ этой власти, никто ему не подчинится, но, когда она будетъ разрушена, то наступитъ анархія, и онъ будетъ искать захватить власть Божескую и человѣческую. И какъ раньше погибли имперіи Мидійская (Ассирійская) отъ Вавилоня, а Вавилонъ отъ Персидской, Персидская отъ Македонской, и Македонская отъ Римской, такъ и послѣдняя будетъ разрушена Антихристомъ, а онъ Христомъ". Это отступленіе, которое предшествуетъ приходу Антихриста, для Никона на лицо въ томъ законодательствѣ по человѣческой стихіи, которое онъ показывалъ въ Уложеніи, въ захватѣ Церкви свѣтской властью. И, если царь перестаетъ быть стражемъ и защитникомъ Церкви, то онъ губитъ не

только лично себя, но и святое царство. Неоднократно Никонъ пишетъ въ Раззореніи о томъ, что благочестивые цари даютъ счастье и себѣ и царству, а нечестивые губятъ себя и царство; **благочестіе это опредѣляется не только личнымъ поведеніемъ царя, но и его дѣятельностью въ качествѣ царя, его отношеніемъ къ Церкви, въ признаніи съ его стороны самостоятельности и неприкосновенности для государства ея каноновъ.** Съ точки зрѣнія Никона, охраняя Церковь отъ захвата государственной властью, онъ спасаетъ Церковь отъ захвата, но еще въ большей мѣрѣ само государство. Ибо Церковь Вселенская имѣетъ обѣтованіе, что не одолѣютъ ее врата адовы, и захватъ помѣстной Церкви не есть еще поработеніе всей Церкви, а только части ея; между тѣмъ государство можетъ погубить себя совершенно, какъ это и наблюдается въ исторіи, гдѣ одна имперія смѣняла другую. Какъ Патріархъ, Никонъ стремился, чтобы Русь, единственное православное царство, бывшее самостоятельнымъ, могла стать центромъ культуры, просвѣщенія и высшаго благочестія, чтобы она явила и **ту удерживающую власть, которая препятствуетъ разлитію по всему міру отступничества.** Чтобы царство могло выполнить эту задачу, оно само должно противопоставить злу не только механическое сопротивленіе, но и чистоту Православія и его исповѣдничества въ своемъ высшемъ органѣ-царѣ, который только при наличіи этихъ условій можетъ стяжать Божию помощь въ путяхъ выполненія своей задачи и безконечно далекой цѣли — оцерковленія своего государства.

Глава IV. Объ уходѣ Никона въ Воскресенскій монастырь 10 іюля 1658 года.

Уходъ Никона изъ Москвы въ 1658 г. — церковный фактъ его дѣятельности. — С. М. Соловьевъ объ уходѣ Никона. — Критика Соловьевскаго изображенія ухода Патріарха Никона изъ Москвы и его объясненія этого событія. — Фактическая сторона ухода Патріарха Никона изложена Соловьевымъ не вѣрно. О свидѣтельскихъ показаніяхъ 1660 г. — О природѣ ухода Никона изъ Москвы въ 1658 г. — Прощальная рѣчь Никона въ Успенскомъ соборѣ 10 іюля 1658 г. — Толкованіе рѣчи Никона Пальмеромъ. — Поученіе Златоуста, читанное Никономъ 10 іюля 1658 г., какъ ключъ къ пониманію отдѣльныхъ выраженій его рѣчи и его объясненій съ боярами, присланными въ соборъ. — Никонъ не отрекался отъ патріаршества. — Дополнительная характеристика свидѣтельскихъ показаній на Соборѣ 1660 г. — Уходъ Никона — протестъ противъ нарушенія царемъ клятвы и мѣра архипастырскаго воздѣйствія. — Отвѣтъ Никона Лигариду на обвиненіе его въ гордости по поводу его ухода. — Центральная идея Никона — борьба съ секуляризационнымъ духомъ времени во всѣхъ его проявленіяхъ. — Никонъ о грѣхѣ, какъ причинѣ всѣхъ несчастій; въ частности о клятвопреступленіи. Никонъ о наказаніяхъ уже ниспосланныхъ Богомъ. — Неизбѣжность Никоновскаго ухода. — Стремленіе опорочить Никона въ сочиненіи Лигарида и вліяніе его сочиненій на мнѣніе Соловьева и Каптерева о Никонѣ и въ частности объ уходѣ Никона въ 1658 г. — Разъясненіе мнимыхъ противорѣчій въ показаніяхъ Никона о своемъ уходѣ, находимыхъ профессоромъ Каптеревымъ. Сужденія Каптерева базируются на опороченныхъ показаніяхъ враговъ Никона. — Показанія личныхъ враговъ Никона: Александра Епископа Вятскаго, Ивана Неронова и Лигарида о характерѣ Никона, восприняты Каптеревымъ, какъ истинное объясненіе. — Личныя отношенія къ Никону со стороны Епископа Александра, Ивана Неронова. Невозможность принимать ихъ свидѣтельства о Никонѣ. — О невозможности принимать свидѣтельства Лигарида о Никонѣ, въ виду стремленія Лигарида построить свою карьеру на обвиненіи Никона. — О вопросѣ Каптерева, оставилъ ли Никонъ патріаршество, или это было притворство. О мнимыхъ противорѣчій въ заявленіяхъ Никона. — Каптеревъ игнорируетъ важное каноническое правонарушеніе: царь поручаетъ Митрополиту Питириму управлять патріархіей, не обращаясь къ Никону и не помяная его, какъ Патріарха. — Причины измѣненій въ тонѣ Никона — каноническое правонарушеніе — поставленіе Митрополита Питирима на самостоятельное управленіе Церковью, независимо отъ него. — Произвольность предположеній Каптерева объ измѣненіи настроенія Никона относительно природы оставленія престола. Объясненіе перемѣнъ Никона — въ окружающіхъ его событіяхъ. — Какъ Никонъ смотрѣлъ на возможность своего возвращенія на патріаршій престолъ въ Москву. — Взгляды Каптерева на „отреченіе Никона. — Средства, которыми отстаивалъ Никонъ свое каноническое міросозерцаніе.

Уходъ Никона изъ Москвы въ 1658 году — центральный фактъ его дѣятельности.

Отвѣтственной передъ Богомъ задачей Патріарха является ограждать царя отъ уклоненій съ праведнаго пути, и Никонъ ничего не пощадилъ, чтобы по мѣрѣ силъ удержать царя на этомъ пути. Онъ беретъ съ него клятву передъ вступленіемъ на патріаршество, что царь предоставитъ ему управлять Церковью самостоятельно и канонически и не приведетъ въ исполненіе государственное законодательство, противорѣчащее церковнымъ канонамъ. Когда царь клятву пересталъ исполнять и Никоновскія увѣщанія перестали дѣйствовать на него, Никонъ покинулъ патріаршій престолъ и ушелъ въ Воскресенскій монастырь. **Его уходъ является съ нашей точки зрѣнія актомъ исповѣдничества и центральнымъ фактомъ его жизни и дѣятельности.** Если бы Никонъ не ушелъ, а остался управлять кафедрой въ новыхъ условіяхъ, когда царь оказался подъ вліяніемъ боярской партіи и предоставилъ ей вмѣшательство въ церковное управленіе, то Никонъ былъ бы не одной изъ центральныхъ

личностей въ исторіи Россіи, отстаивавшихъ осуществленіе своей идеи, а однимъ изъ многихъ придворныхъ слугъ, потакавшихъ свѣтской власти, имена которыхъ никому не интересны.

Соловьевъ объ уходѣ Никона.

С. М. Соловьевъ (XI, 249) такъ описываетъ расхождение Никона съ царемъ и его уходъ. „Никона обвиняють враги новшествъ въ длинной жалобѣ царю (которую приводитъ Соловьевъ) въ томъ, что онъ не отстранилъ тѣхъ тяжкихъ для духовенства обычаевъ, какіе ввелъ его предшественникъ по своему корыстолюбію; но главное положительное обвиненіе Никона состоитъ въ томъ, что онъ уничтожилъ прежнюю общительность между верховнымъ святителемъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ преимущественно бѣлымъ. Патріархъ окружилъ себя не оступнымъ величіемъ, возлюбилъ „стоять высоко, ѣздить широко“. „Я подѣ клятвою вселенскихъ Патріарховъ быть не хочу“, говорилъ однажды Нероновъ Никону: да какая тебѣ честь, Владыка Святый, что всякому ты страшенъ и другъ другу грозя говорятъ: знаете ли кто онъ, звѣрь ли лютый, левъ или медвѣдь или волкъ? Дивлюсь: государевы - царевы власти уже не слыхать, отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники пуще царскихъ всѣмъ страшны, никто съ ними не смѣетъ говорить; затвержено у нихъ: знаете ли Патріарха? Не знаю, какой образъ или званіе ты принялъ?“ Но и подлѣ царя было много людей, которые твердили ему, что царской власти уже не слыхать, что посланій патріаршихъ боятся больше, чѣмъ царскихъ, что великій Государь Патріархъ не довольствуется и равенствомъ власти съ великимъ государемъ Царемъ, но стремится превысить его; вступается во всякія царственныя дѣла и въ гражданскіе суды, памятки указныя въ приказы отъ себя посылаетъ, дѣла всякія безъ повелѣнія государева изъ приказовъ беретъ, многихъ людей обижаетъ, вотчины отнимаетъ, людей и крестьянъ бѣглыхъ принимаетъ. Когда Алексѣй Михайловичъ окончательно повѣрилъ этимъ внушеніямъ, неизвѣстно; очень можетъ быть, что и самъ онъ не умѣлъ въ точности опредѣлить этой печальной для него минуты, когда послѣдняя, можетъ быть ничтожная капля упала въ сосудъ и переполнила его. Любовь и нелюбіе подкрадываются незамѣтно и овладѣваютъ душой; человѣкъ увѣренъ, что онъ все еще любитъ или что все еще хладнокровенъ, пока, наконецъ, какое нибудь ничтожное обстоятельство не вскрыетъ состоянія души, давно уже приготовленнаго. По природѣ своей и по прежнимъ отношеніямъ къ Патріарху,

царь не могъ рѣшиться на прямое объясненіе, на прямой расчетъ съ Никономъ: онъ былъ слишкомъ мягокъ для этого и предпочелъ бѣгство. Онъ сталъ удаляться отъ Патріарха. Никонъ замѣтилъ это и также по природѣ своей и по положенію, къ которому **привыкъ, не могъ идти на прямое объясненіе съ царемъ (?)** и впередъ сдерживался въ своемъ поведеніи. Холодность и удаленіе царя прежде всего раздражили Никона, привыкшаго къ противоположному; онъ считалъ себя обиженнымъ (?) и не хотѣлъ снизойти до того, чтобы искать объясненія и кроткими средствами уничтожить нелюбіе въ самомъ началѣ. По этимъ побужденіямъ Никонъ также удалился (?) и тѣмъ давалъ врагамъ своимъ полную свободу дѣйствовать, все болѣе и болѣе вооружать противъ него государя. Какъ скоро вельможи, враждебные Патріарху, увѣрились, что ихъ сторона взяла верхъ, то не замедлили дать почувствовать врагу свое торжество" (Въ примѣчаніи Соловьевъ пишетъ: „слѣдующее изложеніе Никоновскихъ дѣлъ составлено по подлиннымъ актамъ, хранящимся въ государственномъ архивѣ между столбцами Приказа Тайныхъ Дѣлъ; часть актовъ хранится въ Синодальной Библіотекѣ, нѣкоторые напечатаны въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ. Въ синодальной же библіотекѣ находится изложеніе Никонова дѣла, составленное Паисіемъ Лигаридомъ, любопытное по нѣкоторымъ живымъ подробностямъ).

„Лѣтомъ 1658 г. былъ обѣдъ во дворцѣ по случаю приѣзда въ Москву Грузинскаго царевича Теймураза; окольникій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово очищалъ путь царевичу; онъ это дѣлалъ по извѣстному обычаю, надѣлая палочными ударами тѣхъ, кто слишкомъ высовывался изъ толпы; случилось, что попалъ ему подъ палку дворянинъ патріаршій: „Не дерзай Богданъ Матвѣичъ, закричалъ дворянинъ: „вѣдь, я не просто сюда пришелъ, а съ дѣломъ". „Ты кто такой?" спросилъ окольникій. „Патріаршій человекъ, съ дѣломъ посланный", отвѣчалъ дворянинъ. „Незванный", закричалъ Хитрово и съ этими словами ударилъ его въ другой разъ по лбу. Дворянинъ побѣжалъ къ Патріарху, и тотъ своей рукой написалъ къ царю, прося разыскать дѣло и наказать Хитрово. Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ также собственноручной запиской, что велить сыскать дѣло, и самъ повидается съ Патріархомъ. Но свиданія не было. Наступило 8 іюля, праздникъ Казанской Богородицы, крестный ходъ; царь не былъ въ Казанскомъ Соборѣ ни на одной службѣ; черезъ день, 10 числа, былъ также большой праздникъ въ Москвѣ, установленный съ недавнихъ

время, праздникъ Ризы Господней, принесенной изъ Персіи при царѣ Михаилѣ; передъ обѣдней явились къ Патріарху князь Юрій Ромодановскій съ приказаніемъ отъ царя, чтобы не дожидались его къ обѣднѣ въ Успенскомъ соборѣ. Но къ этому **приказанію Ромодановскій прибавилъ** еще другое: „Царское величество на тебя гнѣвенъ, сказалъ онъ, ты пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь царь". — Называюсь я великимъ государемъ не самъ собой, отвѣчалъ Никонъ, такъ восхотѣлъ и повелѣлъ его царское величество; свидѣтельствуютъ грамоты, писанныя его рукой. — „Царское величество, продолжалъ Ромодановскій, чтить тебя, какъ отца и пастыря, но ты этого не понялъ; теперь царское величество велѣлъ мнѣ сказать, чтобы ты впредь не писался и не назывался великимъ государемъ, и почитать тебя впередъ не будутъ". Разговоръ этимъ кончился. Никонъ отправился въ соборъ служить обѣдню и послѣ причастія велѣлъ ключарю поставить по сторожу, чтобы не выпускать людей изъ церкви: поученіе будетъ. Пропѣли: „Буди Имя Господне", народъ столпился около амвона слушать поученіе и слыхалъ странныя слова: „Лѣнивъ я былъ васъ учить", говорилъ Патріархъ: „Не стало меня на это, отъ лѣни я окоростовѣлъ, и вы, видя мое къ вамъ неученіе, окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ болѣе не Патріархъ; **если же помыслю быть Патріархомъ, то буду анаѳема**. Какъ ходилъ я съ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣвичемъ въ Калязинъ монастырь, въ то время на Москвѣ многіе люди къ лобному мѣсту собирались и называли меня иконоборцемъ, потому что многія иконы я отбиралъ и сжигалъ, и за то хотѣли меня убить. Но я отбиралъ иконы латинскія писанныя по образцу, какой вывезъ нѣмецъ изъ своей земли. Вотъ, какимъ образомъ надобно вѣрить и поклоняться (при этомъ указалъ на образъ Спаса въ иконостасѣ); а я не иконоборецъ. И послѣ того называли меня еретикомъ, новыя де книги завелъ. И все это дѣлается ради моихъ грѣховъ, а вы, въ окаменѣніи сердець своихъ, хотѣли меня камнемъ побить: но Христосъ насъ одинъ разъ кровью искупилъ, а меня вамъ камнемъ побить — и мнѣ никого кровью своей не избавить, и чѣмъ вамъ камнемъ меня побить и еретикомъ называть, такъ лучше съ сего времени я не буду вамъ Патріархъ". Кончилъ и сталъ разоблачаться; слышались всхлипыванія, голоса: „кому ты сиротъ насъ оставляешь?" — „Кого вамъ Богъ дастъ и Пресвятая Богородица изволить", отвѣчалъ Никонъ. Принесли мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ; но тутъ толпа двинулась и отняла мѣшокъ. Никонъ пошелъ

въ ризницу и написалъ письмо къ царю: „Отхожу ради твоего гнѣва, исполняя писаніе: дадите мѣсто гнѣву, и паки: егда изженутъ васъ отъ сего града, бѣжите въ инъ градъ и еже аще не пріимутъ васъ, грядуще отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ". Въ ризницѣ Никонъ надѣлъ мантию съ источниками и клобукъ черный, посохъ Петра Митрополита поставилъ на святительское мѣсто, взялъ простую палку и пошелъ было изъ собора, но народъ бросился къ дверямъ и не пустилъ его, выпустилъ только Крутицкаго Митрополита Питирима, который пошелъ во дворецъ сказать царю, что дѣлается въ соборѣ. Алексѣй Михайловичъ сильно встревожился: „Точно сплю съ открытыми глазами и все это вижу во снѣ", сказалъ и отправилъ въ соборъ самага сановитаго боярина, князя Ал. Ник. Трубецкого. Много перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ 1654 г. тотъ же самый Трубецкой передъ отправленіемъ въ походъ съ благоговѣніемъ принималъ благословеніе Никона, бывшаго во всей силѣ и славѣ. И теперь Трубецкой началъ тѣмъ, что подошелъ подъ благословеніе къ Патріарху, но получилъ въ отвѣтъ: „Прошло мое благословеніе, недостойнъ я быть въ Патріархахъ". „Какое твое недостойнство? Что ты сдѣлалъ"? — спрашивалъ **простодушно** Трубецкой. „Если тебѣ надобно, то **я стану тебѣ каяться**", отвѣчалъ Никонъ. Трубецкой еще болѣе смутился: „это не мое дѣло, не кайся, скажи только, зачѣмъ престоль оставляешь? Живи, **не оставляй престола**. Великій государь нашъ тебя жалуетъ и радъ тебѣ". — „Поднеси это государю, сказалъ Никонъ, подавая Трубецкому письмо: попроси Царское величество, чтобы пожаловалъ мнѣ келью". Трубецкой отправился во дворецъ; Никонъ въ сильномъ волненіи то садился на нижней ступени патріаршаго мѣста, то вставалъ и подходилъ къ дверямъ, но народъ съ плачемъ не пускалъ его; наконецъ и самъ Никонъ заплакалъ. Всѣ ждали, что царь явится, послѣдуетъ объясненіе и примиреніе между ними; но вмѣсто царя опять вошелъ Трубецкой. И отдавая Никону письмо его назадъ, **говорилъ именемъ Царскимъ**, чтобы онъ Патріаршества не оставлялъ, а келій на патріаршемъ дворѣ много. — „Ужъ я слова своего не перемѣню, отвѣчалъ Никонъ, да и давно у меня обѣщаніе, чтобы Патріархомъ не быть". Поклонившись боярину, Патріархъ вышелъ изъ церкви, но, когда хотѣлъ сѣсть въ карету, то народъ бросился на нее и выпрягъ лошадей; Никонъ пошелъ пѣшкомъ черезъ Кремль къ Спасскимъ воротамъ, но народъ забѣжалъ впередъ и заперъ ворота; Никонъ сѣлъ въ одномъ изъ углубленій (въ печурѣ); тутъ явились посланные изъ дворца и заставили отворить ворота; Никонъ всталъ и

опять пошелъ черезъ Красную площадь на Ильинку, на подворье построеннаго имъ Воскресенскаго монастыря (Новаго Іерусалима), благословилъ плачущій народъ, отпустилъ его и черезъ нѣсколько времени самъ отправился въ Воскресенскій монастырь (Соловьевъ XI, 253) (Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя несходными свидѣтельствами, съ письмомъ Никона къ Патріархамъ, гдѣ онъ описываетъ свой уходъ, и съ **показаніями лицъ, находившихся въ соборѣ** 10 іюля; но такъ какъ Шушера, пристрастный къ Никону, гораздо болѣе сходится съ послѣдними, чѣмъ съ Никономъ, то мы и слѣдуемъ **показаніямъ**. Г. Субботинъ, который вѣритъ болѣе письму, говоритъ: „Кажется, впрочемъ онъ еще думалъ, что его дѣло не проиграно, что царь, одумавшись, помирится съ нимъ, не допуститъ оставить его Патріаршество, тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, „Царское величество прислалъ ему сказать, чтобы, не видясь съ нимъ, не отходилъ“. Въ этихъ ожиданіяхъ Никонъ около трехъ дней прожилъ на подворьѣ“. Но время проходило, а отъ царя не было никакихъ вѣстей. Никонъ увидалъ, что ждать ему больше нечего и рѣшилъ уѣхать изъ Москвы. Около 3 дней! 10 іюля была сцена въ Успенскомъ соборѣ, а 12-го Трубецкой и Попухинъ уже вели переговоры съ Никономъ въ Воскресенскомъ монастырѣ. Вотъ, куда ведутъ попытки вѣрить Никону) (Ів. XI, 399). На 3-й день, 12 іюля туда поѣхали къ нему кн. Ал. Ник. Трубецкой и дьякъ Ларіонъ Лопухинъ. „Для чего ты, Св. Патріархъ“, спрашивалъ Трубецкой, поѣхалъ изъ Москвы скорымъ обычаемъ, не доложивъ великому государю и не подавъ ему благословенія, и, если бы великому государю было извѣстно, то онъ велѣлъ бы тебя проводить съ честью. Ты бы, продолжалъ бояринъ, подалъ великому государю, государынѣ Царицѣ и дѣтямъ по благословенію; благословилъ бы и того, кому изволить Богъ быть на твоёмъ мѣстѣ Патріархомъ, а пока Патріарху нѣту, благословилъ бы вѣдать Церковь Крутицкому Митрополиту“. — „Чтобы государь, государыня царица и дѣти ихъ пожаловали меня, простили, отвѣчалъ Никонъ, а я имъ свое благословеніе и прощеніе посылаю, и **кто будетъ Патріархомъ, того благословляю**, бью челомъ, чтобы Церковь не вдовствовала и безпастырна не была, а Церковью вѣдать благословляю Крутицкому Митрополиту; а что поѣхалъ я вскорѣ, не извѣстивъ великаго государя, и въ томъ передъ нимъ виноватъ; испугался я, что постигла меня болѣзнь и чтобы мнѣ въ Патріархахъ не умереть; а впередъ я въ Патріархахъ быть **не хочу, а если захочу, то проклятъ буду, анаѣема**“. Соловьевъ говоритъ далѣе, что Никонъ,

повидимому, совершенно успокоился, принявъ твердое рѣшеніе не возвращаться на патріаршество и, задавшись исключительно заботами о Воскресенскомъ монастырѣ, смиренно простилъ умиравшаго боярина Морозова. Но скоро де тонъ писемъ измѣнился. Соловьевъ даетъ такое объясненіе. „Раздраженный окончательно рѣчами Ромодановскаго, Никонъ рѣшилъ поразить царя и народъ своимъ удаленіемъ; впечатлѣніе было произведено сильное, но все не такое, какого могъ ожидать Никонъ; царь не пришелъ для объясненія съ нимъ въ Успенскій соборъ, **не умолялъ его остаться, не просилъ торжественно прощенія**; сцена, происходившая при избраніи Никона на Патріаршество, не повторилась. Но за то и рѣчи Ромодановскаго не повторились; посланные царя относились къ Никону съ уваженіемъ, царь присылалъ съ теплыми словами, напоминавшими прежнія отношенія. Эти присылки и медленность царя относительно избранія новаго Патріарха испугали враговъ Никона: они видѣли, какъ царь волнуется тяжелыми сомнѣніями — хорошо ли поступили съ Никонѣмъ, дѣйствительно ли онъ виновенъ? И вотъ враги Патріарха стараются убѣдить Алексѣя Михайловича, что бывший Патріархъ дѣйствительно виновенъ. Самъ царь далъ знать Никону объ опасности, пославъ сказать ему, что только онъ да еще Юрій (Долгорукій?) добры до него. Скоро послѣ этого Никонъ узнаетъ, что враги подъ нимъ подыскиваются, хотятъ показать его неправоту, его грѣхи, его недостойнство, показать, что Патріархъ Никонъ старается внушить, будто удалился вслѣдствіе гоненія несправедливаго, не стерпѣлъ неправды царской и грѣховъ народныхъ, но что ему слѣдовало оставить Патріаршество по своему недостойнству. Никонъ увидалъ передъ собой ту бездну, къ которой привелъ его поступокъ 10 іюля, возврата не было, и вотъ поднимается искушеніе: человекъ, привыкшій стоять на первомъ планѣ, привыкшій, чтобы всѣ и всѣ къ нему относились, всѣ передъ нимъ преклонялись, оставленъ, забытъ. Мало того, отданъ на жертву врагамъ, которые позорятъ его. Человекъ, привыкшій къ обширной и видной дѣятельности, принужденъ ограничиться мелкими заботами о постройкѣ монастыря. Явились и другія искушенія; привыкши къ роскоши, изобиліи во всемъ, Никонъ сильно чувствовалъ отсутствіе этой роскоши, этого изытія въ Воскресенскомъ монастырѣ. Все это начало волновать, раздражать натуру, столь способную волноваться и раздраженную; нравственнаго величія, христіанскаго духа Никону не доставало для преодоленія искушенія, и вотъ онъ ищетъ средствъ, какъ бы удержаться въ вы-

годномъ положеніи и относительно чести, и относительно средствъ къ жизни, выставяетъ такія права свои, которыя могли казаться незаконными и опасными даже не врагамъ его. Раздраженіе, борьба и соблазнъ усиливаются. Патріарху дали знать, что пересматривали его бумаги, что всякихъ чиновъ людямъ запрещено ѣздить къ нему въ Воскресенскій монастырь (XI, 255).

„Никонъ писалъ царю по поводу обыска: слышимъ, что все это дѣлается для того, чтобы отобрать твои грамоты, въ которыхъ ты писалъ насъ великимъ государемъ, не по нашей волѣ, а по своему изволенію; не знаю, откуда взялось это названіе? Но думаю, что отъ тебя: ты писалъ такъ во всѣхъ своихъ грамотахъ, и тебѣ такъ писано въ отпискахъ изъ всѣхъ полковъ, во всякихъ дѣлахъ, и невозможно это исправить. Да истребится злое мое и горделивое проклятое названіе, хотя я и не по своей волѣ получилъ его; надѣюсь на Господа, что нигдѣ не найдется моего хотѣнія и велѣнія на это, развѣ ложно сочинять; ради этихъ ложныхъ сочиненій я много пострадалъ и страдаю Господа ради отъ лжебратіи: что сказано мною со смиреніемъ, то передано гордо; что сказано благохвально, то передано хульно, и такими ложными словами возвеличенъ твой гнѣвъ на меня; истязуютъ отъ меня то, чего не хотѣлъ, не искалъ — называться великимъ государемъ, передъ всѣми людьми укорень и поруганъ понапрасну; думаю и ты помнишь, что и въ святой литургіи слыхалъ по нашему указу кликали великимъ господиномъ, а не великимъ государемъ... Молю, перестань Господа ради понапрасну гнѣваться; я больше всѣхъ людей оболганъ тобой, поношенъ и укорень неправдою (XI, 257). Въ 1659 году пѣвчій дьякъ Иванъ Тверитиновъ и Савва Семеновъ допрашивались за посѣщеніе Патріарха вопреки указу... (XI, 297). Когда пріѣхалъ въ Воскресенскій монастырь дьякъ Дементій Башмаковъ, Никонъ ему сказалъ, что его забываютъ, не считаютъ Патріархомъ. „Между властями много моихъ ставленниковъ, они обязаны меня почитать, они давали мнѣ письмо за своими руками, что будутъ меня почитать и слушаться. Я оставилъ святительскій престолъ своей волей. Московскимъ не зовусь и никогда зваться не буду, но Патріаршества не оставлялъ и благодать Святаго Духа отъ меня не отнята" (XI, 258). Эти притязанія Никона смущали царя, должны были смутить многихъ, даже и не враговъ Никона: теперь нельзя было приступить къ избранію новаго Патріарха, не рѣшивши вопроса, въ какомъ отношеніи будетъ находиться новый Патріархъ къ старому? Притязанія Никона явно показывали, что онъ

хочетъ сохранить первенствующее положеніе. Крутицкій Митрополитъ, который вслѣдствіе его удаленія принялъ управленіе дѣлами Патріаршества, счелъ себя въ правѣ замѣнить Патріарха и въ извѣстной церемоніи въ Вербное Воскресенье, когда Патріархъ ѣздилъ на ослати, представляя Христа, вступающаго въ Іерусалимъ. Никонъ, узнавши объ этомъ, написалъ такое письмо государю: „Нѣкто дерзнулъ сѣдалище Великаго Архіерея всея Руси облюбодѣйствовать въ недѣлю Ваий, дѣяніе дѣйствовать. Я пишу это не самъ собой, и не желая возвращенія къ любоначалию и къ власти, какъ песь къ своей блевотинѣ. Если хотите избрать Патріарха законно, праведно и Божественно, да призовется наше смиреніе съ благоволеніемъ честно. Да начнется избраніе соборно, да сотворится благочестиво, какъ дѣло божественное; и кого божественная благодать изберетъ на великое архіерейство, того мы благословимъ и передадимъ божественную благодать, какъ сами ее приняли; какъ отъ свѣта возсіеваетъ свѣтъ, такъ и отъ содержащаго божественную благодать пріидетъ онъ на новоизбраннаго черезъ рукоположеніе, и въ первомъ не умалится, какъ свѣча, зажигаая многія другія свѣчи, не умаляется въ своемъ свѣтѣ" (XI, 259). Когда у Никона были 1 апрѣля 1659 г. отъ царя думный дворянинъ Прокофій Елеазаровъ и думный дьякъ Алмазь Ивановъ и говорили, что онъ отказался отъ Патріаршества и потому ему не слѣдуетъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла, это Никонъ опять повторилъ, что онъ святительскій престолъ оставилъ своей волей, никѣмъ не гонимъ, имени Патріарха не отрицалъ, только не хочетъ называться Московскимъ, о возвращеніи на патріаршій престолъ и въ мысляхъ у него нѣтъ. Когда же Елеазаровъ продолжалъ, чтобы онъ больше о церковныхъ дѣлахъ великому государю не писалъ, ибо оставилъ Патріаршество, то Никонъ сказалъ: „Въ прежнихъ давнихъ лѣтахъ благочестивые цари греческіе объ исправленіи духовныхъ дѣлъ и пустынниковъ возвѣщали; я своей волей оставилъ паству, а попеченія объ истинѣ не оставилъ, и впередъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ молчать не стану" (XI, 260).

Критика Соловьевскаго изображенія ухода Патріарха Никона изъ Москвы и его объясненія этого событія.

Въ этомъ разсказѣ Соловьева, несмотря на то, что его мнѣніе о Никоновскомъ уходѣ стало господствующимъ, много невѣрнаго, и источники его ошибокъ, послѣ изслѣдованія ухода Никона Гюббенетомъ, Николаевскимъ и Пальмеромъ, совершенно обнаружены. Если фактическая сторона событія изложена не вѣрно, то для объясненій

фактовъ сдѣлано худшее, приведено совершенно априорно составленное мнѣніе, основанное на показаніяхъ Никоновскихъ враговъ. Самъ Соловьевъ указаль на свои источники: это были официальные акты Собора 1660 г. и исторія осужденія Патріарха Никона" Паисія Лигарида. Соловьевъ повѣрилъ относительно обстоятельствъ ухода Никона свидѣтельскимъ показаніямъ въ томъ видѣ, какъ они даны были на Соборѣ въ 1660 году, а относительно характеристики Никона слѣдовалъ Лигариду. Достаточно вспомнить о томъ освѣщеніи, въ которомъ становится передъ нами личность Лигарида послѣ изслѣдованій Пирлинга, Каптерева, Пальмера, чтобы понять всю тенденціозность сочиненія Лигарида, рассчитаннаго на грубую лезть Московскому правительству, Лигарида, добившагося осужденія Никона ради возвеличенія собственнаго своего положенія при дворѣ. Посвящая обстоятельствамъ ухода Никона въ своей исторіи всего около 2 страницъ (III, 41-43), Лигаридъ не приводитъ даже рѣчи Никона 10 іюля 1658 г. послѣ обѣдни передъ уходомъ, а просто пишетъ: „And so after that his stale and rotten and tong harangue he attempted of his own will to divest himself of his patriarchal power **imprecating on himself the greatest curses**, if he should ever again return to his chair, or take the title of patriarch, or allow himself to be called patriarch by others."¹ „И, говоря такъ, Никонъ поступаль по своимъ словамъ. Ибо, снимая свои епископскія одежды одну за другой, онъ беря каждую говорилъ: „я болѣе не Патріархъ", такъ что онъ самъ себя низложилъ". Затѣмъ, говоря объ удивленіи царя при извѣстіи о происшедшемъ въ соборѣ, Лигаридъ говоритъ, что царь послаль перваго боярина Ал. Ник. Трубецкого во главѣ другихъ пословъ, чтобы попытаться установить доброе согласіе съ Никономъ, съ просьбой вернуться на Патріаршество и не налагать позора на Церковь и на государство, не дѣлать изъ нихъ объекта насмѣшки со стороны всей поднебесной изъ-за единственнаго мотива своей страсти. Но Никонъ вознесся еще болѣе, возгордась, потерялъ себя и, ни во что ставя посылку этого боярина и не обнаруживая никакого уваженія или добрыхъ чувствъ, отвергъ дружбу, ожидая, повидимому, что могущественный царь послѣ присылки другихъ придетъ самъ умолять его. Царь бы и сдѣлаль это, пишетъ Лигаридъ, если бы могъ думать, что этимъ достигнетъ цѣли. Но зная неумолимое и непоколебимое упор-

¹ „Такъ послѣ этой черствой, гадкой и длинной рѣчи онъ хотѣлъ своевольно снять съ себя свой Патріаршій санъ, призывая на себя самого величайшія проклятія, если онъ когда либо пожелаетъ снова вернуться на свою кафедру, или если приметъ титулъ Патріарха, или если другимъ позволить называть себя Патріархомъ".

ство Никона, что онъ надмился до высшей точки гордости, онъ допустилъ ему на время уйти въ надеждѣ исцѣлить впослѣдствіи преждевременную скорбь Никона. Послѣ этого посылались не мало посольствъ, посредниковъ, просьбъ, писемъ, но все ни къ чему; единственный результатъ былъ тотъ, что онъ сталъ возноситься передъ ними и, обращаясь съ ними все болѣе и болѣе гордо сражаясь и неистовствуя противъ нихъ, онъ вознесъ высоко свою выю, подобно горячей и неукротимой лошади, заявляя, что онъ не хотѣлъ Патріаршества, въ то время какъ въ дѣйствительности онъ алкалъ его подобно оленю". Вотъ, источникъ, откуда явилось мнѣніе о неимовѣрной гордости Никона, мнѣніе, которое призвано было у Соловьева, а вслѣдъ за нимъ у Каптерева, освѣщать и самый уходъ Никона и всѣ позднѣйшіе переговоры его съ царемъ, которые мы цитировали, при чемъ основой всей послѣдующей дѣятельности Никона отъ 1658 г. до его осужденія являлось будто бы намѣреніе его захватить опять патріаршій престолъ. Для Соловьева явилось загадкой первоначальное заявленіе Никона посламъ царя о готовности допустить другого Патріарха и его благословеніе Митрополиту Питириму на мѣстоблюстительство, и затѣмъ послѣдующія заявленія въ апрѣлѣ и маѣ 1659 г. о томъ, что благодать Святаго Духа съ нимъ, съ Никонъ, что онъ отъ Патріаршества не отрекался и только не называетъ себя больше Патріархомъ Московскимъ. Соловьевъ полагаетъ, что Никонъ увидѣлъ, что ему возврата въ Патріархи нѣтъ, и въ немъ поднялись де искушенія власти и роскоши, къ которымъ онъ де привыкъ и потому онъ сталъ придумывать свои права и отрицать фактъ своего отреченія отъ Патріаршества. Причемъ самъ Соловьевъ довѣряетъ показанію Митрополита Питирима и исходитъ изъ того факта, что Никонъ сказалъ на себя проклятіе, если помыслить быть Патріархомъ. Мы же не видимъ никакого противорѣчія между словами Никона въ іюлѣ 1658 г. князю Трубецкому о готовности допустить другого Патріарха и о благословеніи на мѣстоблюстительство Митрополиту Питириму съ одной стороны, и его заявленіемъ въ апрѣлѣ 1659 г. Прокофію Елеазарову и дьяку Алмазу Иванову о порицаніи имъ Митрополита Питирима за дѣйство въ недѣлю Ваій и напominаніемъ о томъ, что онъ Патріархъ, съ другой стороны. Для объясненія этого не нужно привлекать Лигаридовскія бездоказательныя утвержденія о гордости Никона и о якобы стремленіи Никона придумать способы попасть снова на патріаршій престолъ. Дѣло въ томъ, что въ іюлѣ 1658 года Никонъ далъ благословеніе Питириму на

мѣстоблюстителство, но это мѣстоблюстителство при жизни самого Патріарха предполагало, что Питиримъ будетъ поминать Никона, какъ Патріарха, и будетъ признавать его авторитетъ по прежнему, ибо Никонъ, какъ увидимъ, лишь оставилъ на время осуществленіе своихъ патріаршихъ правъ, удаляясь изъ Москвы ради непокорнаго народа, а не отрекался отъ престола. Онъ могъ заявлять и о принципиальной готовности допустить другого Патріарха, не входя еще въ переговоры объ условіяхъ посвященія другого Патріарха. Соловьевъ и Каптеревъ упускаютъ изъ вида одинъ чрезвычайно важный моментъ: что обстоятельства круто перемѣнились, и весь каноническій статусъ сдѣлался другимъ, когда Митрополитъ Питиримъ по приказу царя пересталъ поминать Патріарха Никона и, сдѣлавшись слугой царя, пересталъ вообще считаться съ Никономъ, какъ будто его, какъ Патріарха, вовсе и не существовало. Это было со стороны Питирима захватомъ патріаршаго престола черезъ свѣтскую власть и несоблюденіемъ канонической присяги, даваемой Архіереями въ послушаніи Патріарху при своемъ посвященіи. А когда Митрополитъ Питиримъ совершилъ дѣйствіе шествія на ослати — то это было совершеніемъ священнодѣйствія, которое въ глазахъ Никона могъ совершать только Патріархъ; а мѣстоблюститель Патріарха не имѣетъ права занимать положеніе самого Патріарха при священнодѣйствіи, что признавалъ и самъ Питиримъ, говорившій въ свое оправданіе на судѣ въ декабрѣ 1666 г. о томъ, что онъ никогда не становился на патріаршее мѣсто. **Итакъ, произошло каноническое прелюбодѣянiе — захватъ черезъ свѣтскую власть патріаршаго престола.** Никонъ и напомнилъ о своихъ правахъ, какъ Патріарха. Когда зашла рѣчь о замѣщеніи престола другимъ Патріархомъ, и Соборъ 1660 г. послалъ къ Никону просить его дать на это благословеніе, Никонъ въ этомъ отказалъ и сказалъ, что такое дѣйствіе, какъ избраніе и постановленіе другого Патріарха, безъ его участія недопустимо. Приведенное Соловьевымъ письмо объ этомъ Никона къ царю, какъ доказаль Гюббенетъ, Соловьевымъ ошибочно отнесено къ моменту посѣщенія его Башмаковымъ въ маѣ 1659 г., а на самомъ дѣлѣ относится къ марту 1660 г., когда Соборъ просилъ у Никона благословенія на избраніе новаго Патріарха; Никонъ былъ освѣдомленъ своими друзьями, что его подвергли заочному, слѣдовательно неканоническому суду, ибо его туда и не приглашали, и, если бы онъ далъ такое разрѣшеніе, онъ

былъ бы повиненъ передъ Церковью въ небреженіи къ обереганію правъ своего сана.

Фактическая сторона ухода Патріарха Никона изложена Соловьевымъ невѣрно. О свидѣтельскихъ показаніяхъ 1660 г.

Далѣе Соловьевъ исходитъ изъ предположенія объ отреченіи Никона отъ престола и о его собственномъ заклѣтіи на возвращеніе его на престолъ, основываясь на свидѣтельскихъ показаніяхъ 1660 г. объ обстоятельствахъ ухода Никона. Проф. Николаевскій однако доказалъ, что эти свидѣтельскія показанія весьма подозрительны и требуютъ провѣрки; не все такъ происходило, какъ сообщали свидѣтели черезъ полтора года послѣ ухода Никона, на Соборѣ, специально стремившемся доказать добровольный уходъ Никона, не вызванный будто бы ничѣмъ со стороны правительства и царя. Оказывается, что вышеописанная сцена ухода у Соловьева слишкомъ неполна, при чемъ въ ней умолчано все происшедшее, объяснявшее дѣйствительныя причины ухода. Въ ней умолчано самое главное: поученіе Никона послѣ прочтенной бесѣды Златоуста и его опредѣленное всенародное заявленіе о причинахъ его ухода; Никону приписывается по ложному показанію Питирима заклѣтіе не возвращаться, котораго не было въ ней, со словъ Трубецкого сообщается о разговорѣ Никона съ нимъ въ Успенскомъ соборѣ, когда Трубецкой послѣ обѣдни былъ посланъ царемъ къ Никону, при чемъ опять умолчано самое главное — заявленіе Никона о причинѣ его ухода. Свидѣтельскія показанія всѣхъ лицъ потребовали провѣрки, какъ въ отношеніи того, когда Никонъ говорилъ поученіе, и что онъ говорилъ по поводу своего ухода; изслѣдованія проф. Николаевского подтвердили истину словъ Никона на судѣ, что онъ не отрекался, не клялся больше Патріархомъ не быть, и что Митрополитъ Питиримъ просто нагаль, приписывая Никону слова о клятвѣ не быть Патріархомъ, которыхъ онъ не говорилъ въ дѣйствительности.

Гюббенетъ дополнилъ цитируемую Соловьевымъ часть поученія такими многозначительными словами, которыя и являются центральной частью поученія: „Свидѣтельствую передъ Богомъ, передъ Святой Богородицей и всѣми Святыми, если бы Великій Государь Царь не обѣщался непременно хранить Святое Евангеліе и заповѣди Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ, то я и не помыслилъ бы принять таковой санъ; но вѣликій государь далъ обѣщаніе здѣсь въ храмѣ передъ Господомъ Богомъ, передъ Святымъ чудо-

творнымъ образомъ Пресвятой Богородицы и передъ всѣми Святыми, передъ всѣмъ Священнымъ Соборомъ, передъ своимъ царскимъ синклитомъ и всѣми людьми, и поскольку Царское Величество пребывалъ въ своемъ общаніи, повинуюсь Св. Церкви, мы терпѣли, теперь же, когда великій государь измѣнилъ своему общанію и на меня гнѣвъ положилъ несправедно, яко же вѣсть Господь, оставляю я мѣсто сіе и градъ сей и отхожу отсюда, дая мѣсто гнѣву". Здѣсь совершенно ясно указана причина ухода Никона — измѣна царя своей клятвѣ — не мѣшать каноническому управленію Церковью. Гнѣвъ царя дѣлалъ Никона безсильнымъ въ борьбѣ съ боярствомъ, захватившимъ церковное управленіе, а проявленіе царскаго гнѣва въ видѣ неприхода въ Церковь на церемоніи, на которыхъ онъ участвовалъ по своему царскому чину, показывало Никону, что онъ лишается этой поддержки, особенно, когда этотъ неприходъ былъ объясненъ посланнымъ отъ царя Ромодановскимъ, сообщившимъ о гнѣвѣ царя будто за то, что Никонъ титулуется Великимъ Государемъ. Никонъ заявилъ, что этотъ титулъ данъ царемъ, какъ показываютъ царскія грамоты. Одно было ясно, что Никонъ могъ не уходить, только подчиняясь новымъ условіямъ патріаршествованія — при отсутствіи царской поддержки противъ бояръ, и при допущеніи такого вмѣшательства свѣтской власти въ церковное управленіе, при устраненіи котораго онъ только и соглашался въ 1652 г. — быть Патріархомъ. У Соловьева пропущена главная часть разговора Никона съ Трубецкимъ въ соборѣ 10.VII 1658 г.; именно Соловьевъ говоритъ (XI, 252), что Трубецкой сказалъ Никону; „Живи, не оставляй престола. Великій Государь нашъ радъ тебѣ и жалуешь тебя" и переходитъ прямо къ просьбѣ Никона передать царю письмо. Но при этомъ пропустилъ нѣчто, что болѣе странно рассказано проф. Николаевскимъ. Никонъ сказалъ: „Даю мѣсто гнѣву Царскаго Величества, что бояре церковнаго синклита и всякіе люди безъ правды творятъ многія обиды церковному чину, а царское величество не даетъ на нихъ сыску и управы; а о чемъ мы пожалимся, и онъ гнѣвается на насъ". Боярамъ эта рѣчь не могла нравиться; они тотчасъ вступились за свою честь и стали обвинять Патріарха передъ народомъ: „ты самъ назвался Великимъ Государемъ, вступаешься во многія государственныя дѣла; и тебѣ бы впредь великимъ не называться и въ государственныя дѣла не вступаться". Никонъ сказалъ: „Самовольно мы такъ не назывались и въ государственныя дѣла не вступались, а что кому говорили о неправдѣ и

бѣдныхъ отъ напасти избавляли, такъ мы архіереи на то и поставляе-
 мыся. Послѣ этого Никонъ передалъ письмо царю, гдѣ было написа-
 но: „Се вижу на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды и того ради; и
 соборовъ святыхъ въ святыхъ Церквахъ лишаеши; азъ же при-
 шлецъ есмь на земли; се нынѣ, понимая заповѣдь Божию, даю мѣсто
 гнѣву, отхожу отъ мѣста и града сего, и ты имаши отвѣтъ передъ
 Господомъ Богомъ о всемъ дати". Это письмо Никона было послано
 еще во время литургіи съ дьякомъ Іовомъ и было возвращено ему об-
 ратно. Царь не принялъ письма и тогда, когда его передалъ ему Тру-
 бецкой. **Соловьевъ показываетъ объ уходѣ Никона по версіи Тру-**
бецкого, Митрополита Питирима, но эта версія не сходится съ
показаніемъ самого Никона, сдѣланнымъ въ письмѣ къ царю,
также во всенародномъ заявленіи 10.VII 1658 г. и послѣ много
разъ въ письмахъ къ царю и на судѣ. Объясненіе этому укрыва-
 тельству письма даетъ Проф. Николаевскій: „Это открытое заявленіе
 Никона о царскомъ на него гнѣвѣ болѣе всего не нравилось прави-
 тельству. Изъ-за этого и письмо къ царю не было принято
 послѣднимъ; изъ-за этого и церковныя власти въ своихъ сказкахъ
 старались обходить это показаніе Патріарха и **оставили въ нихъ яв-**

ные пробѣлы. Для правительства и бояръ **нужно было показать,**
 что Никонъ удалился добровольно своей волей, и безъ **всякой види-**
мой причины, безъ всякаго повода со стороны государя. Поэтому,
 князь Трубецкой въ своей сказкѣ не даетъ подробнаго сообщенія о
 своихъ переговорахъ съ Патріархомъ въ соборѣ, не ставитъ всѣхъ,
 сдѣланныхъ имъ вопросовъ Патріарху, о которыхъ церковныя власти
 говорятъ единогласно въ своихъ сказкахъ, переставляетъ порядокъ
 своихъ вопросовъ, передѣлываетъ отвѣты на нихъ Патріарха,
 невѣрно сообщаетъ, будто бы Патріархъ говорилъ, что
 Патріаршество оставляетъ собой, а не отъ чьего либо и не отъ какого
 гоненія, и государева де гнѣву никакого на него не было. Такое
 показаніе Трубецкого, данное имъ 15.II 1660 г., весьма стѣснило дру-
 гихъ лицъ при допросахъ; въ сказкахъ лицъ, допрашиваемыхъ послѣ
 15.II, нѣтъ уже не только подробныхъ показаній, но и простыхъ
 упоминаній о присылкѣ князя Трубецкого въ соборъ и переговорахъ
 его съ Патріархомъ. Только въ одной сказкѣ Хутынскаго архимандрита
 Тихона говорится о двукратной присылкѣ князя Трубецкого въ
 соборъ, но архимандритъ Тихонъ отказался сообщить о томъ, что го-
 ворилось княземъ Патріарху, „а что говорилъ и тѣ рѣчи онъ бояринъ
 князь Алексѣй Никитичъ въ своей сказкѣ написал". Значить,

содержаніе сказки Трубецкого, данной въ Москвѣ, черезъ 2 недѣли было уже хорошо извѣстно архимандриту въ Новгородѣ, и Тихонъ могъ свободно на нее ссылаться. Если такъ обстояло дѣло съ показаніями относительно объясненія съ Никономъ князя Трубецкого, который умолчалъ о томъ, что непріятно было правительству, то также дѣло обстояло и относительно самой рѣчи Никона, въ которую было внесено черезъ полтора года то, чего Никонъ не говорилъ, и что изъ присутствовавшего сонма духовныхъ лицъ утверждалъ только Митрополитъ Питиримъ и священникъ Ѳеодоръ Третьяковъ и Хутынской архимандритъ Тихонъ, тогда какъ въ сослуженіи съ Никономъ въ этотъ день былъ еще Сербскій Митрополитъ Михайль, Архіепископъ Тверской Іоасафъ, пять архимандритовъ, три игумена, три протопопа (Успенскаго, Архангельскаго и Срѣтенскаго соб.), три священника Успенскаго собора, два соборныхъ дьякона, четыре иподьякона. Самъ Никонъ писалъ объ этомъ такъ Патріарху Діонисию: „Питиримъ по указу Царскаго Величества собиралъ о насъ множицею соборы и свидѣтельствовалъ о насъ ложно, что будто мы, отходя изъ Москвы, проклинали, что намъ впредь не быть Патріархомъ, а мы, отходя, того проклинали, кто послѣ насъ инъ будетъ Патріархомъ, покамѣсть мы живы есмы". Въ пятомъ вопросѣ — отвѣтъ (С. Л.) Никонъ отрицалъ и другія слова, приписываемыя ему при отреченіи". „Будто азъ говорилъ недостойнъ я быть и впредь Патріархомъ... азъ егда отходя отъ Москвы, говорилъ не тако, яко же ты глаголиши. Я свидѣтельствовалъ передъ Богомъ царскій неправедный гнѣвъ на меня, и, дая мѣсто гнѣву, свидѣтельствовалъ, а не клятвою клялся". Въ самихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ явствуется разногласіе.

„17 февраля, передаетъ Проф. Николаевскій акты собора, слушали сказокъ. Въ сказкѣ преосвященнаго Питирима Митрополита Сарскаго и Подольскаго написано: какъ Никонъ Патріархъ оставлялъ Патріаршество и въ тѣ поры говорилъ: анаѡема де буду аще буду Патріархъ; а Михаила Митрополита въ сказкѣ тово не написано, что Патріархъ себя анаѡема писалъ. И Михайль Митрополитъ сказалъ, того де я подлинно не слыхалъ. Тверской Архіепископъ Іоасафъ въ сказкѣ написалъ: говорилъ де Патріархъ съ клятвою не быти ему Патріархомъ; а, какъ клялся, того не написалъ. И преосвященный соборъ допрашивалъ, а Архіерей Іоасафъ сказалъ: не помнитъ; тогда же говорилъ де такъ: аще возвращуся, и я де аки песь на свою блевотину, а анаѡемы не помнитъ. Разбирая сказки другихъ лицъ, соборъ за-

являетъ, что въ нихъ анаѳемы и клятвы Патріарха Никона не написано; лица, давшія такія сказки, снова допрашиваются на соборѣ, и снова заявляютъ, что этой клятвы не слыхали... Показаніе попа Ѳеодора записано въ нерѣшительномъ тонѣ: „Да и то де ему помнится, что онъ (Никонъ) промолвилъ и ту рѣчь: „аще де вмѣнюсь вамъ быти Патріархъ, да буду анаѳема". Показанія архимандрита Тихона, явно пристрастнаго, относятся уже къ марту мѣсяцу, когда было извѣстно направленіе правительственныхъ намѣреній, передаетъ такъ слова Никона: „Я впредь не пастырь и не учитель вамъ ей, ей; отселѣ да не буду Патріархъ, сказалъ съ заклинаніемъ"... Разсказъ о клятвенномъ отреченіи Никона отъ престола вошелъ въ сборникъ соборныхъ опредѣленій и послужилъ однимъ изъ главныхъ основаній для обвиненія Никона и опирается, главнымъ образомъ, на Митрополита Питирима и не подтверждается показаніями большинства другихъ лицъ". **Большинство показаній утверждало, что сказано было: отселѣ не буду вамъ Патріархомъ". Многія показанія приводили слова въ такой редакціи: „Не буду зваться Патріархомъ Московскимъ".** Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно важны для пониманія природы ухода Патріарха Никона, хотѣлъ ли онъ оставить Патріаршій Престолъ и санъ Патріарха, или только престолъ, и если послѣднее, то навсегда ли, или только на время.

О природѣ ухода Никона изъ Москвы въ 1658 году.

Изъ обвиненій самого Никона и его послѣдующихъ за уходомъ дѣйствій мы полагаемъ, что онъ отъ престола и не отрекался, а ушелъ изъ-за непокорнаго народа, и потому ушелъ не навсегда, а вплоть до того времени, когда представилась бы возможность управлять Церковью на каноническихъ основаніяхъ; этимъ и объясняются думы Никона въ 1662 и 1664 г. о томъ, не надо ли возвратиться, судя по доходившимъ до него слухамъ о настроеніи царя. Что это именно было такъ, что Никонъ разсматривалъ свой уходъ, какъ мѣру архипастырскаго воздѣйствія, имѣющую заставить царя и бояръ опомниться и вспомнить о клятвѣ, удостовѣряютъ какъ слова Никона, сказанныя въ разныхъ сочиненіяхъ въ разное время о томъ центральномъ значеніи, которое онъ придавалъ клятвѣ вообще и данной ему въ іюль 1652 г. въ особенности, а также и содержаніе его рѣчи въ іюль 1658 г. при уходѣ. Онъ читалъ печатное поученіе изъ бесѣды Св. Іоанна Златоуста, бесѣду 29-ю и нравоученіе этой бесѣды объ учителяхъ церковныхъ, о томъ, каковъ долженъ быть пастырь и учи-

тель. Эта бесѣда содержитъ толкованіе посланія къ Римлянамъ XV, 14—23. Такъ какъ правительство при отобраніи показаній интересовалось только отреченіемъ Никона, то свидѣтельскія показанія вообще и не касались содержанія ея. Если бы правительство стремилось выяснить дѣйствительныя намѣренія Никона, то оно изслѣдовало бы не только то, изъ чего можно было бы сдѣлать заранѣе намѣченный выводъ, **но всю совокупность обстоятельствъ и истинныя намѣренія Никона.** Никонъ и писалъ поэтому, что „на соборѣ 1660 г. все дѣлалъ по царскому указу, какъ онъ хотѣлъ, допрашиваемыхъ лицъ многими пытками стращали, велѣли сказываться, какъ ему Государю годно; и всѣмъ архіереямъ своего государства царь жалованье давалъ для того, чтобы на меня подписались къ его годности; все ему Государю годное собравъ, написа сказки готовыя, посла на соборъ и овыхъ своей милостью жаловалъ, иныхъ же страхомъ, всѣхъ и своему государеву хотѣнію принуди (Вопр. 9, 17, 19). **Истинныя же намѣренія Никона надо вывести изъ дѣйствительныхъ его словъ и дѣйствительныхъ сопутствующихъ имъ его дѣйствій.** Самъ Никонъ въ 17 возраженіи пишетъ, что мысль объ уходѣ явилась ему наканунѣ 9 іюля, когда къ нему присланъ былъ Ромодановскій въ отвѣтъ на посылку Никономъ царю передъ всенощной священника съ установленнымъ по церемоніалу приглашеніемъ царя къ утреннему богослуженію. Это было уже второе приглашеніе царю, ибо первое было передъ вечерней, во время которой Никонъ совершалъ выносъ Ковчега со святой ризой и отслужилъ молебенъ безъ царя въ виду его отказа придти. На второе приглашеніе царь и отвѣтилъ посылкой Ромодановскаго, который заявилъ, что „царское величество на Никона гнѣвенъ, отъ того къ утрени не велѣлъ ждаты себя и къ литургіи". Затѣмъ Ромодановскій объяснилъ причины гнѣва царя, именно за то, что Никонъ называется „Великій Государь", и заявилъ отъ имени царя, что почитать его не будетъ. Никонъ увидѣлъ, что гнѣвъ царя выявляется уже въ нарушеніи исконныхъ обычаевъ, слѣдовательно, клеветы боярскія имѣютъ силу, и онъ тутъ же заявилъ Ромодановскому для передачи царю: „и то говорено, что отъ немилосердія его государева иду изъ Москвы вонъ, и пусть ему государю просторнѣе безъ меня, а то на меня гнѣвается, въ церковь не ходитъ" (17 Возр.). Никонъ такъ былъ смущенъ, что послалъ ожидавшимъ его въ Крестовой Палатѣ церковнымъ властямъ заявилъ, что не будетъ Патріаршаго выхода, такъ что всенощная прошла безъ него. Никонъ рѣшилъ оставить престолъ и

заявить о причинахъ народу послѣ литургіи на другой день; приближеннымъ онъ сказалъ объ этомъ намѣреніи тотчасъ по уходѣ Ромодановскаго, и они его уговаривали не уходить, особенно бояринъ Зюзинъ; Никонъ поколебался сначала, но потомъ сказалъ „иду де“. Утромъ онъ заявилъ поддѣяку о своемъ предстоящемъ уходѣ, послалъ купить клюку, простую палку, приготовить монашеское платье и простую телѣгу ѣхать послѣ службы. Самую службу Никонъ рѣшилъ обставить весьма торжественно, велѣлъ принести посохъ Митрополита Петра, велѣлъ пѣвчимъ дьякамъ быть въ лучшихъ стихаряхъ, заявивъ имъ, что провожаютъ его послѣдній разъ. Послѣ торжественнаго входа въ Успенскій соборъ Никонъ послалъ за саккосомъ Митрополита Петра и омофоромъ для облаченія, которое задержалось изъ-за поисковъ. Церковь была переполнена. По причащеніи Никонъ сѣлъ передъ престоломъ и послалъ письмо царю. Проф. Николаевскій дѣлаетъ предположеніе, что Никонъ, повторяя въ письмѣ сказанное имъ на словахъ Ромодановскому о желаніи уйти изъ Москвы, могъ хотѣть удостовѣриться въ истинѣ словъ Ромодановскаго о гнѣвѣ царя, также непосредственно узнать, какъ будетъ царь реагировать на его уходъ, будетъ ли просить его остаться или нѣтъ, т. е., вспомнить ли о своей клятвѣ и о своихъ обязанностяхъ къ Церкви. Но царь вернулъ письмо.

Прощальная рѣчь Никона въ Успенскомъ соборѣ 10 іюля 1658 г.

Тогда Никонъ рѣшилъ объяснить свой уходъ всенародно. Никонъ могъ думать о воздѣйствіи на царя примѣромъ своего смиренія и уходомъ предотвратить общественное смущеніе отъ уклоненія царя отъ участія въ общественномъ богослуженіи и отъ проявленія его гнѣва еще въ болѣе рѣзкихъ формахъ. Во всякомъ случаѣ прощальная его рѣчь, когда онъ весь былъ проникнутъ мыслью о предстоящемъ уходѣ, наилучше вскрываетъ состояніе его духа, его мысли, и именно изъ нея надо дѣлать выводы о томъ, что такое былъ его уходъ. Возстановлять эту рѣчь полностью нѣтъ возможности, но главныя мысли вытекаютъ изъ того слова Златоуста, чтеніе котораго предшествовало Никоновскому объясненію. (Проф. Каптеревъ ее совершенно игнорируетъ). Въ этомъ словѣ говорилось о той любви, которую пастырь долженъ имѣть къ своему стаду. Эта любовь есть непремѣнное условіе пастырства, и образецъ ея дали Апостолы Петръ, Павелъ, Моисей, Давидъ. Потому и Петру Іисусъ Христосъ сказалъ: если любишь Меня, паси овцы Моя. И Моисея Богъ поста-

виль вождемъ народа послѣ того, какъ онъ показаль усердіе къ своимъ единоплеменникамъ, и Давидъ взошелъ на царство, прежде показавъ любовь къ своимъ соотечественникамъ. Богъ болѣе всего укоряетъ іудейскихъ учителей за недостатокъ любви, говоря: оле, пастыри Израилевы, еда пасутъ пастыри самихъ себя, не овецъ ли пасутъ пастыри? Но они поступили иначе: се млеко ядите, говоритъ Богъ и волною одѣваетея, и тучное заколаете, а овецъ Моихъ не пасете (Іезек. XXXIV, 3). И Христось — образъ совершеннѣйшаго пастыря, говоритъ: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы (Іоанн. 10, 11). Такъ поступалъ и Давидъ особенно тогда, когда страшный гнѣвъ угрожалъ истребленіемъ цѣлому народу. Видя общую гибель, онъ восклицалъ; азъ есмь согрѣшай, азъ есмь пастырь зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша? (2 Цар. 24, 17). Потому и при выборѣ наказанія онъ избралъ не голодъ, не преслѣдованія отъ непріятелей, но смерть, посылаемую отъ Бога, въ той надеждѣ, что она пощадитъ другихъ, а прежде всѣхъ поразитъ его самого. Когда же этого не случилось, онъ плакалъ, и говорилъ „да будетъ на мнѣ рука Твоя, а если это недостаточно, и на дому отца моего. Ибо азъ есмь пастырь согрѣшивый. Онъ говорилъ какъ бы такъ: если бы и они согрѣшили, я подлежалъ бы наказанію за то, что не исправлялъ ихъ; когда же грѣхъ былъ собственно мой, то по всей справедливости мнѣ должно подвергнуться наказанію. И, желая увеличить вину свою, Давидъ именуетъ себя пастыремъ. Такъ онъ и оставилъ гнѣвъ, такъ и умолилъ Бога отмѣнить опредѣленіе. Таково исповѣданіе праведника: праведный себѣ самъ оглагольникъ въ первословіи: такова попечительность и сострадательность совершеннѣйшаго пастыря... Начальнику должно скорбѣть болѣе о чужихъ, чѣмъ о собственныхъ несчастяхъ... Сколько тяжелыхъ трудовъ приносятъ пастухи овецъ, заботясь о безсловесныхъ... А если столько заботъ бываетъ о **безсловесныхъ**, то какое извиненіе будемъ имѣть мы, когда намъ **ввѣрены разумныя души, а мы спимъ глубокимъ сномъ**. Можно ли тутъ думать объ отдыхѣ? Можно ли искать покоя? На противъ для этихъ овецъ не должно ли идти повсюду и подвергать себя тысячѣ смертей. Или вы не знаете цѣны этого стада? Не для него ли твой Владыка совершилъ безчисленныя дѣянія и пролилъ Свою кровь? А ты ищешь покоя? Что же можетъ быть хуже такихъ пастырей? Развѣ ты не понимаешь, что и Христово стадо окружено волками, которые злѣй и свирѣпѣй Ливійскихъ? Неужели ты не представляешь себѣ, какую душу должно имѣть тому, кто принимаетъ на себя начальство въ

Церкви?.. Пусть слышать это не одни пастыри, но и овцы, чтобы сдѣлать пастырей болѣе усердными и побудить ихъ къ большей ревности, оказывая имъ всякое послушаніе и повиновеніе и ничего другого. Такъ заповѣдалъ Апостоль Павелъ, говоря: „повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покоряйтесь, тѣмъ бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотящи"... Вѣдь мученикъ однажды за Христа умеръ, а пастырь, если онъ таковъ, какимъ долженъ быть, тысячекратно умираетъ за стадо, онъ каждый день можетъ умирать... Попеченіе о стадѣ Божіемъ является преимущественнымъ признакомъ любви къ Самому Христу, такъ какъ для этого нужна мужественная душа. Но это сказано мною о совершенныхъ пастыряхъ, не о мнѣ самомъ и подобныхъ намъ, но о пастырѣ, если есть такой, въ родѣ Павла, Петра или Моисея. И такъ будемъ имъ подражать, какъ начальствующіе, такъ и подчиненные". Вотъ въ сокращеніи слово, прочитанное Никономъ.

Толкованіе рѣчи Никона Пальмеромъ.

Въ одну изъ самыхъ отвѣтственныхъ и тревожныхъ минутъ жизни душѣ Никона предносился идеаль пастыря, берущаго на себя вину и грѣхъ своей паствы. „Даже если бы Никонъ ничего больше не прибавилъ, пишетъ Пальмеръ (V стр. I, 2), къ этимъ словамъ, которыя онъ читалъ, проливая слезы, то взятые вмѣстѣ съ обстоятельствами времени ихъ произнесенія, они говорятъ объ ихъ примѣненіи Никономъ. Никонъ наравнѣ съ Іоанномъ Златоустомъ, и даже болѣе, отвергъ бы всякую мысль о примѣненіи къ себѣ того описанія добраго истиннаго пастыря, которое онъ читалъ, и которое примѣнялось къ такимъ пастырямъ, какъ Павелъ, Петръ и Моисей. Но какъ бы мало ихъ смиреніе ни претендовало на это, ясно, что и Златоустъ и Никонъ имѣли сами немалую долю той же любви къ стаду, того же усердія, на которомъ они настаивали. Поэтому и Никонъ, если бы какая смертная чума угрожала его стаду, будетъ ли это буквальная чума, какъ въ 1654 г. и въ 1655 г., или та гораздо худшая нравственная чума несправедливости и безнравственности, народнаго суевѣрія или антихристіанскаго государственнаго верховенства въ Церкви, — онъ былъ готовъ, подобно Аврааму и Моисею, подобно Давиду и Самуилу, вступить за народъ и подвергнуться самому опасности, и принести скорѣе себя въ жертву, чѣмъ видѣть его въ грѣхѣ или страданіи. (Такъ онъ поступилъ въ Новгородѣ въ 1650 г.). И не только это, но даже когда они согрѣшили

и заслужили наказаніе, уже ниспосланное или надвигающееся, **онъ хотѣлъ прежде всего обвинить себя самого, принимая на себя ихъ грѣхъ, какъ свой собственный** (въ этомъ смыслѣ онъ и носилъ вѣнокъ своего тѣла тяжелыя вереги со времени оставленія кафедры до самой смерти. Эти вереги висятъ надъ его гробницей подъ Голговою въ Воскресенскомъ), **ибо онъ во время или достаточно не исправилъ ихъ и теперь стремился претерпѣть наказаніе вмѣсто нихъ.** Онъ оплакивалъ, изъ любви къ царю, его духовную апостасію и возстаніе, какъ Самуилъ оплакивалъ Саула, или какъ Давидъ оплакивалъ смерть своего вѣроломнаго сына Авессалома, и желалъ даже умереть за него; изъ преданности къ народу желалъ самъ, подобно Іонѣ, быть выброшеннымъ съ корабля, если только сможетъ прекратиться отъ этого буря и экипажъ корабля спастись.

Поученіе Златоуста, читанное Никономъ 10 іюля 1658 года, какъ ключъ к пониманію отдѣльныхъ выраженій его рѣчи, и его объясненіе съ боярами, присланными въ Соборъ.

Собственная рѣчь Никона не дошла до насъ, но отдѣльныя фразы, выраженія, которыя приводились въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, въ сопоставленіи другъ съ другомъ и съ поученіемъ Златоуста проливаютъ свѣтъ на отдѣльныя мысли Никона и изобличаютъ пристрастіе его враговъ въ выхватываніи изъ контекста его рѣчи отдѣльныхъ мѣстъ, которыя безъ этого контекста получить могутъ значеніе, нужное врагамъ Никона. Такъ послѣ Златоустовскаго поученія вполнѣ понятны, какъ актъ самобичеванія, слова Никона о томъ, что онъ самъ грѣшенъ, неспособный пастырь, недостойный и священства, что готовъ идти въ уединеніе и каяться, такъ и его слова о томъ, что „я больше вамъ не пастырь" (это выраженіе могло быть перетолковано въ клятву или проклятіе), „Отнынѣ я уже не Московскій Патріархъ". Слова Никона Трубецкому о своемъ недостойнствѣ и покаяніи понятны не въ отрывкѣ, а именно въ свѣтѣ прочитаннаго поученія, **гдѣ добрый пастырь самъ себя винитъ въ грѣхахъ народа; объясняются и другія показанія, гдѣ Никонъ обвиняетъ себя въ томъ, что онъ не исправилъ нуждавшихся въ исправленіи, т. е. прежде всего царя и окружавшихъ его бояръ.** Когда Никона на соборѣ упрекали, что онъ сказалъ: „Я болѣе не буду Патріархомъ, а если захочу быть, то да буду анаѰема", то Никонъ возражалъ: „Я этого не говорилъ. Я говорилъ: изъ-за недостойнства своего ухажу. Что Никонъ открыто говорилъ о несправедномъ царскомъ на него гнѣвѣ, и что это было причиной его ухода — дать мѣсто гнѣву, объ этомъ

свидѣтельскія показанія не говорятъ; объ этомъ утверждалъ самъ Никонъ, но косвенно это подтверждается словами Лигарида, который, будучи орудіемъ боярь, является наилучшимъ свидѣтелемъ, когда онъ подтверждаетъ Никона. Онъ пишетъ, что „Никонъ послѣ литургіи стоялъ среди Церкви и началъ изрыгать публично безумныя слова, которыя онъ обязанъ былъ не произносить, если бы возможно было для него молчать. Онъ показалъ полное невниманіе къ стиху: „Сдержи свой гнѣвъ, чтобы не потерять свою голову“. Эти слова Лигарида указываютъ на распрю Никона съ царемъ и боярами, и на слова, противъ нихъ сказанныя, т. е. на неподчиненіе ему. Когда Трубецкой приписывалъ Никону слова, что на него не было отъ царя гнѣва, то онъ просто лгалъ. Въ духѣ Никоновскихъ враговъ приписываются Никону слова: "Я пилъ молоко, волною одѣвался и тучное закалывалъ, а овецъ не пасъ"; но источникъ этихъ словъ ясенъ: они не были Никоновскимъ признаніемъ противъ себя, но были прочитаны имъ въ ихъ оригиналѣ, какъ цитата изъ пророка Іезекііля, но были приняты за его слова о себѣ. Говорить ему это о себѣ было просто бессмыслицей; ибо его личная жизнь была жизнью аскета, и онъ любилъ эту жизнь. Любовь къ внѣшнему благолѣпію церковныхъ церемоній — ради религіи; какія бы земли или деньги ни становились его собственностью, онъ ничего не тратилъ на мірскія вещи, а все отдавалъ Богу, какъ и самъ говорилъ.

Никонъ не отрѣкался отъ патріаршества.

Никонъ самъ никогда не говорилъ объ отреченіи отъ патріаршества, а только объ уходѣ. Онъ отрицалъ даже, чтобы когда либо произносилъ слово „отреченіе или отказъ“, и онъ всегда, по признанію самихъ его враговъ, всегда твердо и энергично отрицалъ, чтобы онъ заявлялъ съ „клятвой или безъ клятвы" о томъ, что никогда не вернется назадъ. Слова же: „я болѣе вамъ не пастырь“, „я болѣе не Московскій Патріархъ" могли быть обращены противъ него его врагами въ смыслѣ иномъ, чѣмъ онъ самъ ихъ говорилъ и понималъ, и который они имѣютъ въ своемъ контекстѣ. Патріархъ Нектарій Іерусалимскій такъ и понималъ, что Никонъ ушелъ отъ непокорнаго народа, несмотря на полученіе информации объ уходѣ Никона только отъ Никоновскихъ же враговъ. Когда самого Никона спрашивали: „развѣ ты не отрекался?" Онъ отвѣчалъ: „Отрекался въ моемъ особомъ смыслѣ". Когда настаивали, что онъ подписывался царю: „бывшій Патріархъ", то онъ отвѣчалъ: „Пусть для царя я и то-

гда, какъ теперь, не Патріархъ". Если вопрошатели кричали: „и для насъ также ты не Патріархъ", то это восклицаніе только доказываетъ, что они примкнули къ царю и боярамъ и соединились въ кликъ въ отвѣтъ на Никоновское отрицаніе: „Онъ отказался. Ловимъ его на словѣ; слишкомъ поздно ему поворачивать обратно". Такъ Пальмеръ доказываетъ, что никакого Никоновскаго отреченія не было, а было только удаленіе отъ активнаго управленія епархіей. Это толкованіе вполне уясняетъ все послѣдующее поведеніе Никона: и его возмущеніе, что Митрополитъ Питиримъ захватилъ по царскому указу управленіе церковью, и позднѣйшія попытки Никона вернуться на кафедру при слухѣ о перемѣнѣ въ устроении царя, и его переговоры объ условіяхъ отреченія отъ кафедры въ январѣ 1665 г., и его появленіе на судѣ 1666 въ преднесеніи креста, какъ передъ Патріархомъ. Мало того, самый Соборъ 1660 г., созванный въ отсутствіе Никона для суда объ его уходѣ съ цѣлью доказать наличность безпричиннаго оставленія имъ кафедры и низложить его съ кафедры и изъ сана, является по существу не судомъ, стремящимся уяснить правду, а одной изъ многочисленныхъ попытокъ отдѣлаться отъ Никона. Въ 1658 г. вырвали отдѣльныя слова изъ рѣчи, чтобы приписать ему отреченіе, въ 1659 г. хотѣли сослать его въ Калязинскій монастырь, въ 1660 г. пытались отравить его черезъ монаха Ѳеодосія, въ 1661-1663 обвинить его въ убійствѣ служащаго Ивана Сытина и самочинномъ захватѣ Боборыкинской земли и предать суду, въ 1665 году хотѣли добиться отъ него письменнаго отреченія отъ престола и, при безуспѣшности этихъ попытокъ, наконецъ — составили пародію на судъ Вселенскихъ Патріарховъ, искусственно обставленную для заранѣе намѣченнаго исхода (Исторія всѣхъ этихъ попытокъ за время 1658-1666 г.г. намъ даетъ сочиненіе Гюббенета).

Дополнительная характеристика свидѣтельствъ на Соборѣ 1660 года.

Для характеристики вообще свидѣтельствъ объ уходѣ Никона, собранныхъ передъ Соборомъ 1660 года, являются интересными показанія о томъ, когда онъ ушелъ, до отпуста ли литургіи или по совершеніи отпуста, а также заявленія, подхваченныя Лигаридомъ о сниманіи Никономъ одежды. На послѣднее самъ Никонъ отвѣтилъ, что послѣ литургіи всѣ разоблачаются, а ушелъ онъ, взявъ епископскія одежды.

Что же касается того, въ какой моментъ онъ сталъ снимать епископскія одежды, то проф. Николаевскій изслѣдовалъ показанія, и вотъ его заключенія. О томъ, что Никонъ ушелъ „не отпуста обѣдни" показали первыми Митрополитъ Питиримъ и Архіепископъ Іоасафъ. Сербскій Митрополитъ Михаилъ 14 февраля показалъ, что Патріархъ чель поученіе послѣ литургіи и послѣ отпуста. На Соборѣ Митрополитъ Михаилъ, когда ему указали на несходство съ показаніемъ Митрополита Питирима, смягчилъ свое показаніе „того де онъ подлинно не упомнить", въ Соборѣ же былъ внесенъ заключительный докладъ, что въ сказкѣ Митрополита Михаила написано подобно той же Митрополита Питирима сказкѣ. Три архимандрита прямо сказали, что Патріархъ чель поученіе и разоблачался послѣ литургіи, а одинъ прибавилъ, что Патріархъ послѣ письма совершилъ отпустъ и чель поученіе народу и, прочтя поученіе, началъ съ себя платье скидывать. Когда архимандритамъ на Соборѣ указали на противорѣчія съ Митрополитомъ Питиримомъ, они сослались на запятованіе. Митрополиту Питириму вторилъ только Хутынскій архимандритъ Тихонъ, показывавшій уже въ мартѣ подъ вліяніемъ правительственнаго взгляда. Въ сказкахъ 14 февраля протопоповъ не говорится объ уходѣ безъ отпуста, а только на Соборѣ. Послѣ 17 февраля, когда мнѣнія членовъ Собора стали извѣстными, большинство все же показало, что онъ ушелъ послѣ полного окончанія службы. **Такъ показанія Митрополита Питирима остались главнымъ основаніемъ для обвиненія Никона въ уходѣ изъ собора до окончанія службы, хотя не подтвердились цѣлой массой другихъ показаній, показанія же, данныя послѣ 17 февраля, подъ вліяніемъ правительственнаго мнѣнія, или противорѣчатъ первоначальнымъ показаніямъ тѣхъ же лицъ или сопровождаются сомнѣніемъ относительно памяти.**

Все это вмѣстѣ взятое и приводитъ къ мнѣнію о недоказанности и несправедливости мнѣнія объ уходѣ Никона безъ отпуста, особенно, если принять во вниманіе: что 1) служба 10 іюля была особенно торжественная, и послѣ литургіи Риза Господня подлежала отнесенію въ прежнее мѣсто. Если бы Никонъ не исполнилъ этого почину, то его непременно бы обвинили въ нарушеніи этого обряда, но объ этомъ никто не говорилъ. 2) Никонъ былъ слишкомъ строгъ въ исполненіи чина и не могъ не сдѣлать отпуста. Если бы онъ забылъ, ему бы напомнили тутъ же. 3) Многіе свидѣтели говорили, что они не слыхали рѣчи и отреченія, ибо разоблачались въ алтарѣ, а, разъ они сами разоблачались, значитъ служба уже кончилась. Вотъ эта со-

вершенная доказанность факта, противоположного показаніямъ Митрополита Питирима — показанія котораго играли главную роль, является характернымъ для всего способа собиранія и оцѣнки свидѣтельскихъ показаній и опорачиваетъ и всю основательность сужденія Собора 1660 г. о фактѣ ухода Никона.

Уходъ Никона — протестъ противъ нарушенія царемъ клятвы и мѣра архипастырскаго воздѣйствія.

Обвиняють Никона въ уходѣ. Можно поставить другой вопросъ: могъ ли Никонъ не уйти? Онъ про себя говорилъ, что и онъ давалъ при поставленіи клятвенное обѣщаніе соблюдать каноны; когда же преграда, сдерживавшая боярское своеволіе въ видѣ поддержки царя, пала, и клятва царя перестала соблюдаться, что могъ сдѣлать Никонъ? Или своимъ участіемъ санкціонировать нарушеніе каноновъ, которымъ ознаменовался новый курсъ правительства, когда бояре сумѣли поссорить царя съ Никономъ, или протестовать на весь міръ. Если мы посмотримъ, какое значеніе придавалъ Никонъ клятвѣ и ея соблюденію, то мы увидимъ, что онъ и не могъ сдѣлать иначе, какъ протестовать и уклониться отъ участія въ правонарушеніи. Вопросъ о нарушеніи царемъ клятвы имѣетъ центральное значеніе въ уходѣ Никона; длительный гнѣвъ царя, выразившійся наконецъ въ непосѣщеніи службы, былъ лишь второй причиной, которая показывала, что Никонъ лишенъ возможности повернуть царя на прежній путь — соблюденіе каноновъ въ смыслѣ по крайней мѣрѣ непроведенія постановленій Уложенія, противныхъ каноновъ, въ жизнь. При гнѣвѣ царя, что можно было ждать дальше отъ бояръ, которые держали въ рукахъ государственное управленіе во всѣхъ областяхъ жизни, въ томъ числѣ и въ той, которая соприкасалась съ Церковью, особенно отъ Монастырскаго Приказа, во главѣ котораго былъ Одоевскій, главный авторъ Уложенія, принадлежавшій къ тѣмъ слоямъ боярства, которые навлекли на себя хищеніемъ казны и неправосудіемъ злобу народа, разграбившаго его домъ въ бунтѣ 1648 г. Царь былъ примѣромъ для бояръ, и, если онъ не перемѣнится, то Никону нечего было ждать улучшеній въ отношеніи къ Церкви и ея предстоятелю Патріарху, а напоминанія о клятвѣ были безрезультатны (I, 289). „Царь самъ не уважаетъ своего обѣта, и всѣ люди, смотря на его примѣръ, дѣлають также, какъ Богъ свидѣтельствуеть (Мѣ. X, 24): ученикъ не выше учителя и слуга не выше господина своего“.

Никонъ пишетъ въ „Раззореніи" (I, 104): „Я ушелъ не безъ вѣдома царя; царь зналъ, что я уходилъ изъ за его гнѣва противъ меня, начавшагося безъ благословенной причины. Я сказалъ князю Романовскому и Ив. Матюшину, что я ухожу отъ гнѣва царя. Царь гнѣвался на меня и не приходилъ въ церковь. Было много сдѣлано обидъ: Царь началъ не соблюдать Божественныя заповѣди Христа и Св. Апостоловъ, которыя онъ клялся соблюдать при нашемъ поставленіи на патріаршество. Но онъ царь, въ нарушеніе канонѣвъ, отнялъ церковный судъ и приказалъ, чтобы мы сами и Епископы, и весь священный чинъ судились людьми его судовъ (Монастырскій Приказъ), какъ дѣлается это на виду у всѣхъ. И о всемъ этомъ мы свидѣтельствовали здѣсь передъ всѣми въ Церкви. Итакъ, я не уходилъ безъ оповѣщенія. Но другіе по принужденію царя назвали мое свидѣтельство „отреченіемъ". А въ другомъ мѣстѣ (I, 583): „Царь и бояре обѣщали внимательно слушать и повиноваться заповѣдямъ Христа и канонамъ Апостоловъ и Отцовъ и ничего не замышлять пустой хитростью по преданіямъ человѣческимъ и по стихіямъ этого міра. И сначала царь былъ добръ и послушенъ, и Никонъ былъ Патріархомъ. Но, когда царь измѣнился къ худшему и началъ презирать заповѣди Божіи и каноны и началъ не только не слушать Патріарха Никона, но даже говорить ему неподобающія рѣзкія слова, тогда Патріархъ Никонъ, свидѣтельствуя въ той же Церкви, послалъ съ ключаремъ письмо, собственноручно написанное, и объяснилъ почему уходитъ, т. е., чтобы дать мѣсто царскому гнѣву. А онъ государь, читалъ ли, нѣтъ ли, письмо, но прислалъ его обратно, и Патріархъ Никонъ, прождавъ нѣсколько дней въ Воскресенскомъ подворьѣ, ушелъ въ монастырь". И еще (I, 21): „Я скажу тебѣ, Симеонъ, и всѣмъ желающимъ слышать, что я не просто свидѣтельствовалъ передъ Богомъ и Его Святыми Ангелами о моемъ удаленіи, какъ свидѣтельствовалъ о моемъ вступленіи въ патріаршество, принятое не черезъ слова, а черезъ великую мольбу Царскаго Величества и всего священнаго Собора, но, какъ говорится въ псалмахъ, я говорилъ о Твоихъ свидѣтельствахъ передъ царемъ царями и не постыдился, такъ и мы говорили, не стыдясь въ Святой Церкви, свидѣтельствуя передъ Богомъ и Матерью Божіею и Святыми Ангелами и всѣми Его Святыми что, если бы Великій Государь царь не обѣщалъ передъ Богомъ и Матерью Божіею соблюдать заповѣди Святого Евангелія, Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ, то я бы не помыслилъ принять такой санъ. Но Богъ вѣдаетъ,

какъ великій государь царь далъ свой обѣтъ въ Св. Церкви передъ Господомъ Богомъ и всесестнымъ и животворящимъ образомъ всесвятѣйшей Пречистой и Препблагословенной Дѣвой Матерью Божіей и Приснодѣвой Маріей и передъ Св. Ангелами и передъ всѣми Святými и передъ освященнымъ Соборомъ и передъ его царскимъ синклитомъ и передъ всѣмъ народомъ. И пока онъ, Великій Государь царь, сколько могъ, держался своего обѣта, повинуюсь Св. Церкви, мы хранили терпѣніе. Но, когда онъ нарушилъ свой обѣтъ окончательно и сталъ на насъ несправедно гнѣваться, какъ Господу Богу извѣстно, тогда мы, помня свое собственное обѣщаніе соблюдать заповѣди Божіи, данное при поставленіи въ Патріархи собственноручной подписью, 10.VII 1658 г. войдя въ Св. Церковь въ годовщину принесенія въ Москву святой Ризы нашего Господа Бога и Спасителя Іисуса Христа, и окончивъ Св. литургію засвидѣтельствовали передъ Богомъ... безпричинный гнѣвъ царя и ушли, помня Божественныя заповѣди (Мф. 10, 22): „Когда же будутъ васъ гнать въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой, ибо истинно говорю вамъ: не успѣете обойти городовъ Израилевыхъ, какъ придетъ Сынъ Человѣческій". И выйдя изъ города, помня заповѣди Божіи: „Когда не принимаютъ васъ и не слушаютъ васъ, уходите изъ дома того, стряхайте прахъ отъ ногъ своихъ", мы отряхали прахъ отъ ногъ своихъ и поселились въ пустынь. Онъ обвиняетъ меня, что я поступилъ вопреки волѣ Божіей не по благословной причинѣ. Гдѣ же здѣсь отреченіе?"

Если въ нашъ матеріалистическій вѣкъ многимъ непонятно, что Никонъ могъ употребить такую мѣру архипастырскаго воздѣйствія изъ-за нарушенія клятвы, то мы, чтобы лучше понять значеніе нарушенія клятвы въ глазахъ вѣрующаго христіанства, напомнимъ то значеніе клятвы, которое съ нею связывалось не только въ мірѣ христіанскомъ, но и въ мірѣ религіозномъ языческомъ. Объ этомъ упоминаетъ Philips (De droit éccles II, 270) со ссылкой на памятникъ древней Исландской литературы Edda: „Le serment faisait done aussi chez les païens un caractère essentiellement religieux et la conviction profondément gravée dans leurs coeurs de la sainteté, de son inviolabilité est une nouvelle preuve de la conscience à demi éclairée que le paganisme avait de la sublime et redoutable grandeur de la Divinité. **Ouand la foi du serment cesse d'être gardée dans une nation, c'est un symptome infailible de son entière dissolution** morale; aussi l'Edda signale-t-elle la vi-

olation du serment comme le héraut qui annonce l'incendie du monde, la ruine du monde par le feu"¹.

Отвѣтъ Никона Лигариду на обвиненіе его въ гордости по поводу его ухода.

Никонъ самъ отвѣтилъ и на обвиненіе Лигарида въ гордости (1, 281): „Ты, отвѣтотворче, говоришь, что Богъ поставилъ однихъ Апостолами, иныхъ Пророками; Онъ не далъ всѣхъ даровъ одному, чтобы человѣкъ не возгордился и не исключилъ себя отъ Его благодати. Посмотри же, лицемѣрь, уставы Апостола, какъ онъ перечисляетъ отдѣльные дары и какъ онъ говоритъ: „въ какомъ чинѣ человѣкъ призванъ, въ томъ пусть и живетъ". Какъ же царь, оставляя свой царскій образецъ, захватываетъ священство? Ты самъ цитируешь пророка Іезекіиля 28, 17-19: „Отъ красоты твоей возгордилось сердце твое, и ты во зло употребилъ умъ свой по тщеславію твоему; за то повергну тебя на землю и выставлю тебя передъ царями на позорище... Ты обратишься въ ничтожество, и не будетъ тебя во вѣки". Но какъ можешь ты **примѣнять это къ намъ, когда мы ушли отъ зла согласно Божіей заповѣди и всѣхъ Святыхъ**. Посмотри же, человѣкоугодниче, чье сердце надмилось? Развѣ не у того, кто присвоилъ себѣ священство и власть чужую, подобно другому Озіи? Если ты говоришь о нашемъ уходѣ, я готовъ перестрадать ради Христа всякое зло, но по закону, какъ Апостоль пишетъ, или какъ говорить о Св. Василии Великомъ Божественный Григорій: Въ отношеніи преслѣдованія есть руководство Св. Василия, чтобы мы уходили отъ преслѣдованія, а не становились на путь страданія, но скрывались бы, когда насъ ищутъ, и осторожнымъ поведеніемъ щадили преслѣдователя, чтобы онъ не увеличилъ своего грѣха преслѣдованія. Но когда пришло время, мы должны смѣло вступать въ борьбу. И онъ говоритъ, что предоставить себя убивать есть знакъ гордости и надменности, но, когда пришло время страдать, то нежеланіе бороться за Христовъ законъ есть признакъ неразумія". И черезъ три страницы (I, 284) Никонъ продолжаетъ: „Посмотри, кто же гордъ, я ли, слѣдующій Божественной заповѣди Мѡ. X, 14? Когда уходили отъ злобы Христосъ и Апостолы, это тоже была гордость? Обвиняли уже тогда и Христа и Апостоловъ и Святыхъ, а не только меня. Обвиняй

¹ Присяга и у язычниковъ имѣла характеръ существенно религіозный, и убѣжденіе, глубоко запечатлѣнное въ ихъ сердцахъ о ея святости и неприкосновенности, есть новое доказательство сознанія половины просвѣтительнаго, которое имѣло язычество о высшемъ и страшномъ величій Божества. Когда вѣра въ присягу перестаетъ сохраняться среди націи, это — непреложный симптомъ ея полного нравственнаго распада; также Эдда считаетъ, что нарушеніе присяги является герольдомъ, который возвѣщаетъ „пожаръ міра, его разрушеніе огнемъ".

ужь лучше того, кто преступает свои границы и возносится не против насъ только, но противъ Бога и Его законовъ". И Никонъ сравниваетъ стремленіе царя обвинить его въ уходѣ безъ причины съ Каиномъ, когда онъ изъ зависти совершилъ убійство и вопрошенный Богомъ, гдѣ его братъ Авель, отвѣтилъ: Не знаю, развѣ я сторожъ брату моему? Такъ и теперь царь и вельможа говорятъ: „Онъ самъ оставилъ кафедру, никѣмъ не гонимъ" (I, 271).

Центральная идея Никона — борьба съ секуляризационнымъ духомъ времени во всѣхъ его проявленіяхъ

Никонъ говоритъ, что царь (I, 583) захватилъ функціи епископскаго сана и церковной власти вопреки Божественнымъ законамъ и нарушилъ собственную клятву, данную при посвященіи въ цари и при поступленіи Никона на Патріаршество, что онъ не будетъ иначе дѣйствовать, чѣмъ подобаетъ православному царю. Вотъ центральная идея въ отношеніи царя. Царь долженъ, какъ царь, своей дѣятельностью не вторгаться во внутреннюю сферу Церкви, не издавать государственныхъ законовъ, противныхъ канонамъ и призванъ оцерковлять государственное законодательство, приближая его по возможности къ духу Церкви. Клятва царя касалась соблюденія каноновъ Церкви, и нарушеніе клятвы влечетъ наказаніе. Никонъ, какъ предстоятель Церкви, считалъ себя въ правѣ совѣтовать царю заботиться объ оцерковленіи государственныхъ законовъ, но что касается охраны самихъ церковныхъ законовъ въ нѣдрахъ самой Церкви отъ государственнаго засилія, то онъ считалъ себя призваннымъ отстаивать ихъ уже не совѣтомъ, а всей силой церковнаго авторитета и напоминать о клятвѣ, данной царемъ и боярами предоставить Патріарху управленіе Церкви по канонамъ, и о послѣдствіяхъ ея неисполненія. Эту защиту Никонъ предпринималъ по своему первосвятительству, возбуждая вопросъ не о борьбѣ противъ свѣтской власти, которой онъ не касался въ ея существѣ, а о границахъ повиновенія ей, согласно словамъ апостола Петра (Д. V. 29): „Должно повиноваться Богу болѣе, нежели человѣкамъ". Борьба Никона была не съ государствомъ, какъ таковымъ, а съ направленіемъ, охватившимъ правящія сферы и клавшимъ, черезъ Уложеніе основаніе секуляризаціи государственнаго законодательства. Онъ этотъ духъ вѣка хотѣлъ остановить клятвой, а потомъ уходомъ.

Никонъ о грѣхѣ, какъ причинѣ всѣхъ несчастій, въ частности о клятвопреступленіи.

Никонъ говоритъ въ однихъ мѣстахъ о клятвопреступникахъ съ точки зрѣнія церковныхъ наказаній, а въ другихъ съ болѣе широкой точки зрѣнія, что клятвопреступленіе царя, какъ грѣхъ, вообще лишаетъ самое царство благополучія, и эта идея грѣха въ **Никоновскомъ міросозерцаніи играетъ центральное значеніе, и именно съ этой точки зрѣнія онъ объясняетъ и оцѣниваетъ событія государственной жизни.**

Вотъ что онъ пишетъ о самомъ клятвопреступленіи (I, 581): „о клятвопреступникахъ, т. е. о тѣхъ, кто поклялся во лжи или нарушивъ клятву, 64 пр. Василия Великаго устанавливаетъ 10 лѣтъ покаянія. Если человѣкъ безъ всякаго принужденія нарушаетъ клятву, то онъ долженъ быть среди плачущихъ два года, три года слушать Божественное Писаніе, пять лѣтъ быть среди *substrati* (оглашенныхъ), и потомъ два года стоять съ вѣрными и общаться въ молитвѣ, а къ причастію допускается только черезъ 12 лѣтъ. Видишь ли, что нарушители клятвы недостойны даже стоять въ Церкви и молиться съ вѣрными? Это тебя не беспокоитъ? Послушай Христа: „Слушающій васъ Меня слушаетъ“. А 83 пр. Василия Великаго говоритъ: „кто отвергъ Христа, тотъ долженъ всю жизнь проводить въ покаяніи. „А Глосса на правило: „кто отвергъ Христа, долженъ плакать, какъ кающійся, всю жизнь, но въ часъ смерти можетъ быть допущенъ къ причастію“. Но какъ ты говоришь: царь выбираетъ Патріарха, Митрополитовъ, архимандритовъ? Онъ не имѣетъ власти этого дѣлать и ни въ чемъ не сдержалъ клятвы, данной имъ Богу. Вслѣдствіе этого онъ не достоинъ даже ходить въ Церковь, но долженъ проводить всю жизнь въ покаяніи и только въ часъ смерти можетъ быть допущенъ къ причастію... Златоустъ запретилъ всякому, нарушившему клятву, или только ложно покаявшемуся передъ крестомъ, переступать порогъ Церкви, хотя бы это былъ самъ царь. Но царь нарушилъ клятву трижды имъ данную" (при крещеніи, при поставленіи въ цари, передъ вступленіемъ Никона въ Патріаршество). Никонъ говоритъ далѣе о тѣхъ наказаніяхъ, которыя ниспосылаются отъ Бога за нарушеніе клятвы и цитируетъ Златоуста. „Вспомни, что получилъ Ананія за ложь. Но если такое ужасное наказаніе получилъ только солгавшій, то что должны получать клятвопреступники? Если та женщина, которая сказала да столько то навлекла такое великое наказаніе и не избѣжала его, то подумайте, какого мученія заслуживаютъ тѣ, кото-

рые цѣлуютъ крестъ ради клятвы и нарушаетъ свою клятву. Ибо, если насъ не постигаетъ наказаніе, то не будемъ успокаиваться, ибо это къ большому несчастію. Что думаете вы? Какъ много было со времени Ананіи и Сапфиры, которые осмѣлились сдѣлать то же, но не понесли такого наказанія? И какъ это, скажутъ, они не перетерпѣли его? Это не потому, что имъ прощенъ ихъ грѣхъ, но потому, что имъ предстоитъ нѣчто худшее. Поэтому тѣ, которые часто грѣшатъ и не наказываются, еще больше должны бояться; ихъ наказаніе возрастетъ черезъ его отсрочку и черезъ долготерпѣніе Божіе... Многіе клялись и нарушали клятву и, если избѣгали наказанія, не будемъ успокаиваться, ибо ихъ ждетъ скрежетъ зубовой. Возможно, что еще здѣсь на землѣ они не избѣжатъ наказанія, хотя и не тотчасъ, но наказаніе ихъ будетъ еще строже. Подумай объ исторіи Соломона, объ исторіи Іеровоама, Ахава и о другихъ царяхъ, нарушителяхъ клятвы. Хотя они и не тотчасъ получали наказаніе и муки по своимъ грѣхамъ, однако, въ концѣ концовъ они были наказаны еще ужаснѣе. Почему это такъ? Богъ даетъ нѣкоторое время, чтобы ты могъ очиститься, но, когда ты упорствуешь, Онъ посылаетъ тебѣ наказаніе. Вы видите, какъ наказаны лжецы. Можете отсюда заключить, какъ страдаютъ тѣ, которые клялись и нарушили клятву. Нарушающій клятву не можетъ быть спасенъ. Одинъ актъ клятвопреступленія достаточенъ низвести на насъ полную гибель". Такъ училъ Златоустъ (I, 532).

Никонъ писалъ царю въ январѣ 1663 года (IV, 415): „Вспомни о твоёмъ обѣщаніи, данномъ въ Св. Церкви при нашемъ избраніи передъ Богомъ, Св. Богородицею и всѣми Его Святыми, какъ ты поклялся намъ передъ всѣмъ освященнымъ Соборомъ и твоимъ синклитомъ, что ты не будешь вмѣшиваться въ священныя дѣла вопреки Св. Божіимъ заповѣдямъ, канонамъ Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ, какъ ты дѣлаешь это теперь и совершаешь дѣянія великой несправедливости къ намъ и слушаешь злыхъ клеветниковъ — враговъ Божіихъ и принимаешь ихъ клятвы за правду и вовлекаешь въ грѣхъ людей всякихъ чиновъ черезъ разговоры, происходящіе въ Крестовой Палатѣ. Пощадить ли тебя Богъ? Ты обѣщаль быть для насъ, бѣдныхъ клириковъ, покровителемъ и отмстителемъ за всякую неправду такъ, чтобы даже скорѣе умереть, чѣмъ оставить заповѣдь Его безъ защиты. И ты не сдержалъ своего слова. Можетъ статья, что ты извѣдаешь Божьяго гнѣва раньше времени, ибо много уже есть, которые воюютъ противъ тебя. Умоляю тебя, перестань отъ гнѣва, вни-

май словамъ, относящимся къ тебѣ: „И будетъ судъ безпощадный для того, кто не показалъ милосердія“.

Та же мысль и въ другомъ мѣстѣ (I, 387). „Что сдѣлалъ Господь съ преступными царями (Иродомъ, Нерономъ)? Онъ только уничтожилъ этихъ нечестивыхъ людей и отдалъ виноградникъ другимъ. Такъ и потомъ многіе греческіе цари и цари другихъ царствъ, жившіе по Божественнымъ заповѣдямъ и державшіеся св. канонѡвъ, преданныхъ Святыми Апостолами и Св. Отцами, умерли и сдѣлались наслѣдниками небеснаго царства. А тѣ, которые нечестиво нарушали законъ, погибли въ своей несправедности, и царства ихъ были опустошены“. И далѣе, съ силой древняго пророка Никонъ переходитъ къ своему времени и пишетъ: „Развѣ все это не совершилось съ нами, по писанному (Второзак. 32, 34, 35, 41, 42): „Не сокрыто ли что у Меня? Не напечатано ли въ хранилищахъ Моихъ? У Меня отмщеніе и воздаяніе, когда поколеблется нога ихъ; ибо близокъ день гибели ихъ, скоро наступитъ уготованное для нихъ. Когда изострю сверкающій мечъ Мой и рука Моя пріиметъ судъ, то отомщу врагамъ Моимъ и ненавидящимъ Меня воздамъ; упою стрѣлы Мои кровью и мечъ Мой насытится кровью. Тогда вы увидите, что Я Господь, и что нѣтъ иного кромѣ Меня. „Не исполнилось все это и надъ нами? Развѣ не было чумы въ великомъ градѣ Москвѣ и въ другихъ городахъ свирѣпыхъ и неизлѣчимыхъ болѣзней (намекъ на чуму 1654 и 1655 г.г.)? Развѣ не было поражено сердце царево, когда въ Москвѣ была чума, а царица съ царевичами и царевнами не знала куда бѣжать? Не были ли князья ввергнуты въ гибель, какъ Михайлъ Пронскій съ товарищами, умершіе во время чумы въ Москвѣ (въ сентябрѣ 1654 г.), и не ослабѣла ли рука кн. Алексѣя Трубецкого съ его товарищами, кн. Симеона Пожарскаго и кн. Львова и другихъ? И что случилось съ другими воеводами, какъ Василій Шереметевъ и кн. Иванъ Хованскій, сколь много погибло!“ (Никонъ имѣлъ въ виду пораженіе Трубецкого подъ Конотопомъ 28.VI. 1659 г. отъ Выговскаго, Хованскаго подъ Слонимомъ 18.VI. 1660 г. отъ Чарнецкаго (Соловьевъ XI, 98); пораженіе Шереметьева на Волыни и сдачу его 23.X. 1660 г. въ плѣнъ (Сол. XI, 105). Эти пораженія 1659 и 1660 г.г. лишили всѣхъ плодовъ побѣды 1654 и 1655 г.г., когда русскія войска взяли было уже всю Бѣлоруссію на сѣверѣ и сражались уже въ Галиціи на югѣ... „развѣ это не былъ день Господень, полный ярости и гнѣва? Развѣ не опустошилъ Господь Москву и другіе города? Развѣ не послалъ Онъ гибель на грѣшниковъ? Развѣ адъ не расширилъ свою

пасть? Развѣ не поглотилъ онѣ знаменитыхъ и мужественныхъ мужей, богатыхъ и бѣдныхъ такое множество людей, число коихъ Господь Одинъ вѣдаетъ? Развѣ не были всѣ они оставлены псамъ и свиньямъ, хищнымъ птицамъ и дикимъ звѣрямъ на пожраніе? Кто оплакалъ ихъ и похоронилъ? Никто. Развѣ Богъ не предалъ ихъ погибели по всѣмъ царствамъ земли, такъ что слышать отъ всѣхъ, что приходятъ къ намъ изъ тѣхъ странъ, что нѣтъ дома въ странахъ невѣрныхъ, гдѣ не было бы христіанина раба, т. е. плѣнника (Шереметевъ сдался съ 100.000 арміей въ плѣнъ татарамъ).

И все исполнилось противъ тѣхъ, которые говорили: завладѣемъ Святилищемъ Божиимъ, чтобы было оно нашимъ наслѣдіемъ, согласно писаному (Псал. 82, 12-19): „Поступи съ ними, съ князьями ихъ, какъ съ Оривомъ и Зивомъ, и со всѣми вождями ихъ, какъ съ Завеемъ и Салганомъ, которые говорили: возьмемъ себѣ во владѣніе селенія Божіи". Боже мой! Да будутъ они, какъ пыль въ вихрѣ, какъ солома передъ вѣтромъ. Какъ огонь сжигаетъ лѣсъ, и какъ пламя опалаетъ горы, такъ погони ихъ бурею Твоею и вихремъ Твоимъ приведи ихъ въ смятеніе; исполни лицо ихъ безчестіемъ, чтобы взыскали имя Твое, Господи. Да постыдятся и смутятся на вѣки, да посрамятся и погибнуть и да познаютъ кто Ты, Котораго одно имя — Господь Всевышній надъ всею землею". А пс. 69, 26-29: „Жилище ихъ да будетъ пусто, и въ шатрахъ ихъ да не будетъ живущихъ, ибо кого Ты поразилъ, они еще преслѣдуютъ и страданія уязвленныхъ Тобою разглашаютъ... Да изгладятся они изъ книги живыхъ и съ праведниками да не напишутся". Приведя и другія мѣста изъ Св. Писанія, угрожающія наказаніями за грѣхи людей, Никонъ заключаетъ: „Такъ угрожаетъ Божественное Писаніе тѣмъ, которые упорствуютъ въ дѣланіи зла" (I, 388, 389).

Неизбѣжность Никоновскаго ухода.

Никонъ не могъ по своимъ убѣжденіямъ становиться соучастникомъ въ томъ положеніи, которое онѣ считалъ неканоническимъ; пока оно оставалось въ силѣ, онѣ и не пытался возвращаться на управленіе патріаршимъ престоломъ; безъ содѣйствія царя онѣ не имѣлъ другой реальной силы для опоры, ибо въ Архіереяхъ видѣлъ только угодничество правительству; когда упрекаютъ Никона за слова, что, если бы онѣ возвратился, то возвратился бы аки песь на свою блевотину, то надо помнить, что подъ блевотиной онѣ и разумѣлъ создавшееся въ дѣйствительности положеніе вещей, неприемлемое

канонически. Слова его и означали, что при такихъ условіяхъ онъ не можетъ быть Патріархомъ, и впредь до измѣненія ихъ онъ не вернется. А на измѣненіе онъ могъ разсчитывать, только поскольку царь держалъ бы свое клятвенное обѣщаніе. Но въ подлинный смыслъ словъ Никона его враги не вникали. Они ловили его на словахъ, выхваченныхъ изъ контекста, зафиксировали ихъ и на основаніи этого постановляли свои сужденія.

Стремленіе опорочить Никона въ сочиненіи Лигарида и вліяніе его сочиненій на мнѣніе Соловьева и Каптерева о Никонѣ и въ частности объ уходѣ Никона въ 1658 г.

Въ другомъ мѣстѣ мы скажемъ подробнѣе о мотивахъ, побуждавшихъ боярство опорачивать Никона и послѣ его ссылки. А сейчасъ обратимъ вниманіе, что стремленіе опорочить Никона вызвало къ жизни и „Исторію Суда надъ нимъ“, написанную въ 1667 году Лигаридомъ, искавшимъ перваго мѣста въ Русской Церкви, и потому нуждавшагося въ дальнѣйшей поддержкѣ бояръ и царя. Его сужденія отразились и на сужденіяхъ о Никонѣ Соловьева и пошедшаго за нимъ Каптерева. Ихъ сближаетъ всѣхъ троихъ то ученіе, противъ котораго боролся Никонъ — тотъ цезарепапизмъ, который почему то считается завѣтомъ Русской Исторіи, но который по существу есть лишь языческое наслѣдіе древняго Рима, которое прорывалось къ жизни въ Византіи, и въ Россіи тогда, когда задачи оцерковленія жизни забывались, и первое мѣсто въ государствѣ — царь — само захлестывалось стихіями міра сего. Напротивъ, мы покажемъ, что симпатіи народа лежали всегда къ Никону, и именно его идеи надо признать соотвѣтствующими русской народной стихіи, той стихіи, которая творила Русь Святую. На показанія враговъ Никона построено и сужденіе объ его уходѣ изслѣдователемъ Никона проф. Каптеревымъ, хотя и признающимъ несправедливость несправеднаго суда надъ Никономъ на основаніи существующихъ документовъ, однако, расцѣнивающимъ его уходъ, не какъ архипастырское воздѣйствіе, **а какъ средство возстановить свое положеніе великаго государя, которое будто бы было мечтою Никона и проявленіемъ его непомѣрной гордости.** Вотъ сужденія объ этой гордости, которыя являются исходнымъ пунктомъ у Каптерева для сужденія о всѣхъ Никоновскихъ дѣйствіяхъ, и есть свидѣтельство только его враговъ, а не результатъ независимаго психологическаго изслѣдованія Никоновской дѣятельности. Въ виду этихъ показаній Каптеревъ и судьбу Никона объясняетъ въ значительной степени его

личнымъ характеромъ, а не совершенно тупымъ, забравшимъ силу еще въ молодости царя Алексѣя боярствомъ, погруженнымъ въ родовую спесь и мѣстническіе счеты. Въ значительной степени это самое боярство и установило ходячее мнѣніе о Никонѣ, какъ о гордомъ властолюбивомъ Іерархѣ, искавшемъ только мірскихъ почестей. Именно черезъ показаніе его представителей и получились обвиненія Никона въ противорѣчіяхъ при объясненіяхъ его ухода; этихъ противорѣчій у Никона не было, но такъ какъ время отъ времени послѣ его ухода появлялись боярскія или ихъ слугъ показанія о Никонѣ, то, они, будучи принимаемы за дѣйствительныя слова Никона, и создавали впечатлѣніе противорѣчій самого Никона.

Разъясненіе мнимыхъ противорѣчій Никона о своемъ уходѣ, находимыхъ проф. Каптеревымъ. Сужденія Каптерева базируются на показаніяхъ опороченныхъ враговъ Никона.

Такъ Каптеревъ, описывая рѣчь Никона въ Соборѣ 10.VII. 1658 г., приводитъ слова Никона о своемъ патріаршемъ недостоинствѣ и заявленія, что онъ впредь Патріархомъ не будетъ, но умалчиваетъ о томъ, что Никонъ заявлялъ о царскомъ гнѣвѣ, о которомъ „свидѣтельствовалъ передъ небомъ и землей и о неисполненіи царемъ клятвы"; приводитъ далѣе разговоръ Трубецкого (I, 397) съ Никономъ въ соборѣ и вкладываетъ ему въ уста заявленіе: „Оставилъ де Патріаршество я собою, а не отъ чьего и не отъ какого гоненія, государева де гнѣва мнѣ никакого не бывало". Но это показано только княземъ Трубецкимъ и вѣры не заслуживаетъ, какъ доказано проф. Николаевскимъ, ибо объ этомъ царскомъ гнѣвѣ Никонъ только что написалъ царю въ письмѣ, которое писалъ передъ причастіемъ въ тотъ же день и послѣ того неоднократно писалъ и въ письмахъ, и въ показаніяхъ, и въ Раззореніи. Князь Трубецкой въ показаніи 15 февраля 1660 г. нарочно утаилъ о заявленіи Никона о царскомъ гнѣвѣ, ибо правительству надо было во что бы то ни стало доказать своеволие и безпричинность Никоновскаго ухода. Заявленіе объ анаѣемѣ Никономъ въ случаѣ возвращенія на кафедру принимается Каптеревымъ, какъ фактъ (I, 398), но это показаніе — кн. Трубецкого и Митрополита Питирима, и почти всѣми остальными показаніями не подтверждается. Каптеревъ упрекаетъ Никона, что онъ различно объясняетъ свой уходъ, что въ письмѣ къ царю въ декабрѣ 1661 г. онъ говоритъ объ обидѣ отъ царя, выразившейся въ неудовлетвореніи его за побитіе посланнаго, князя Мещерскаго, а въ іюлѣ 1662 г. Лигариду пишетъ, что причиной оставленія было то, что царь сталъ гнѣваться

на Никона, удаляться отъ него, пересталь ходить къ его церковнымъ службамъ, что царь восхитиль судъ и все церковное управленіе на себя и ему быть стало не у чего. Каптеревъ поясняетъ отъ себя, что Никонъ поняль, что причиной нельзя выставлять неудовлетворенность за обиду Мещерскаго, чтобы не показаться мелочнымъ и вздорнымъ человѣкомъ, но намъ кажется, что здѣсь никакого противорѣчія нѣтъ, ибо неудовлетвореніе за обиду со стороны царя и было проявленіемъ его безпричиннаго гнѣва, и Никонъ, объясняя царю свой уходъ, говорилъ только объ этомъ, ибо остальное царю было извѣстно и такъ, а письмо Лигариду въ іюль 1662 г. было первое обращеніе къ нему со стороны Никона, высказывавшее всю исторію отношеній съ царемъ человѣку, только что прибывшему въ Россію, и потому оно было пространнѣе. Также Каптеревъ находитъ, что совершенно новая причина указана въ посланіи Никона къ Константинопольскому Патріарху Діонисію въ декабрѣ 1665 года (Каптеревъ I, 400): „Кромѣ несправедливаго гнѣва царскаго на него (Никона) указываетъ новую причину оставленія имъ патріаршей каѳедры: что будто бы царскій синклитъ, бояре и весь народъ не берегутъ церковный чинъ и творять многія беззаконія“, и когда онъ, какъ Архипастырѣ, указываль царю на это прискорбное обстоятельство, царское величество управы не даетъ и даже сталъ гнѣваться за это на Никона“. Здѣсь опять никакого противорѣчія нѣтъ. Поясненіе это въ дѣйствительности не другое, а только болѣе глубокое: указывается не только на гнѣвъ царя, но и на ту атмосферу окружающей царя среды, которая породила гнѣвъ на строгаго Архипастырѣ; болѣе глубокое разъясненіе вызывалось и тѣмъ, что оно было сдѣлано спустя еще нѣсколько лѣтъ, когда Никонъ причины гнѣва царскаго еще болѣе проанализироваль, — и тѣмъ, что онъ писалъ тому, кого считаль судьей послѣдней инстанціи надъ собой, передъ назначеннымъ уже судомъ на него. Каптеревъ указываетъ, что въ возраженіи на пятый вопросъ въ Раззореніи Никонъ еще откровеннѣе заявляетъ, что ушелъ изъ-за нарушенія клятвы царемъ повиноваться Святой Церкви (I, 401), но объ этомъ Никонъ заявилъ и въ рѣчи въ соборѣ 10.VII 1658 г., и въ письмѣ къ Константинопольскому Патріарху, и заявленіе о клятвѣ тѣсно связано съ другими заявленіями о выявленномъ непослушаніи и вторженіи царя въ церковную сферу, ибо послѣднія были нарушеніемъ самой этой клятвы. Каптеревъ усматриваетъ заявленіе еще новыхъ причинъ въ „Раззореніи“, когда въ отвѣтъ на 17 вопросовъ (I, 402) Никонъ говоритъ объ обидахъ Все-

ленской Церкви и неисполненіи царемъ правилъ Святыхъ Отецъ въ томъ, что онъ отнялъ церковный судъ и велѣлъ судить священный чинъ своимъ людямъ. Но это все та же причина — несоблюденіе клятвы, при которомъ Никонъ лишается возможности управлять Церковью по каноническимъ правиламъ.

Далѣе Каптеревъ указываетъ, что въ письмѣ къ царю 21 декабря 1671 г. Никонъ будто бы совершенно иначе представилъ дѣло ухода: „Я, вѣдая свою худость и недостатокъ ума, много разъ тебѣ билъ челомъ, что меня на такое великое дѣло не станеть, но твой глаголь превозмогъ. По прошествіи трехъ лѣтъ билъ я челомъ отпустить меня въ монастырь, но ты оставилъ меня еще на три года. По прошествіи другихъ трехъ лѣтъ опять тебѣ билъ челомъ объ отпускѣ и ты милостиваго твоего указа не учинилъ. Я, видя, что мнѣ челобитіемъ отъ тебя не отбыть, началъ тебѣ досаждать, раздражать тебя и съ патріаршаго стола сошелъ въ Воскресенскій монастырь". Здѣсь опять нѣтъ новой причины, а все та же старая, но говорится о разныхъ обстоятельствахъ ея проявленія. Никонъ, не желая управлять на тѣхъ основахъ, на которыхъ ставилась Церковь по Уложенію, не добился его отмѣны, но добился только пріостановки, а когда сталъ лишаться поддержки царя съ его возвращеніемъ въ 1656 г. въ Москву, то вынужденъ былъ ставить вопросъ ребромъ: или бояре должны уступить ему и не вторгаться въ церковное управленіе, или онъ уйдетъ; но изъ этого письма нельзя вывести, какъ дѣлаетъ Каптеревъ, „будто Никонъ, желая во что бы то ни стало оставить патріаршую кафедру и уйти въ монастырь, сталъ нарочно поступать такъ, своимъ поведеніемъ въ конецъ раздражить царя, вывести его изъ терпѣнія и тѣмъ заставить забыть Никона" (I, 404). Такое объясненіе, конечно, непріемлемо должно бы быть и для Каптерева при его стремленіи доказать, что Никонъ стремился только къ великому государствованію, питая свое честолубіе; мы полагаемъ, что письмо это не имѣетъ того смысла, который вкладываетъ въ него Каптеревъ, а только иллюстрируетъ характеръ Никоновской борьбы, ведшей къ тому, что Никонъ все болѣе и болѣе сталъ сомнѣваться въ возможности управлять Церковью на условіяхъ, пріемлемыхъ для его понятій, и сталъ, по его выраженію, досаждать царю просьбой отпустить его, ибо оставаться Патріархомъ при наличіи вторженія бояръ въ церковное управленіе, при третированіи патріаршаго сана, онъ все равно не могъ, особенно, когда отпала послѣдняя поддержка-царь, который началъ гнѣваться: ему оставалось воздѣйствовать уходомъ. Но Каптерева не удовлетво-

ряють никакія Никоновскія объясненія, въ которыхъ, однако, нѣтъ никакого противорѣчія и которыя выявляютъ разное время, разныя стороны одной и той же причины, съ которой боролся Никонъ. Это — грѣхъ, какъ преступленіе противъ прямой заповѣди Божіей, когда онъ выражается въ нарушеніи клятвы, и грѣхъ, какъ преступленіе противъ Церкви, когда онъ выражается во вторженіи въ ея управленіе безъ соотвѣтствующихъ даровъ благодати. Различались эти стороны въ зависимости и отъ того, съ кѣмъ Никонъ объяснялся: Константинопольскому Патріарху надо было объяснить подробно, а царь и самъ зналъ причины ухода Никона.

Показанія личныхъ враговъ Никона: Александра, Епископа Вятскаго, Ивана Неронова и Лигарида о характерѣ Никона, воспринятыя Каптеревымъ какъ истинное объясненіе.

Каптерева удовлетворяютъ нѣкоторыя объясненія современниковъ враговъ Никона: „Современники дѣло ухода Никона объясняли гораздо проще, пишетъ онъ (I, 404). **Вятскій Епископъ Александръ**, напимѣрь, пишетъ государю: многимъ мнится, благочестивый государь, яко сего ради кручиненъ былъ Никонъ, что на пиръ не званъ. Не сего ли ради и дерзостно послалъ стряпчаго своего безобразно въ царскую твою палату, черезъ волю твою государеву, гдѣ ему и быть не годится?" Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Епископъ замѣчаетъ: „**Никонъ умъ погубя, оставилъ престолъ и никѣмъ гонимъ, гордости ради и гнѣва оставилъ власть, многа богатства возьмъ, отъиде**". Вотъ это обвиненіе въ гордости, за неимѣніемъ другихъ, опровергнутыхъ при жизни Никона, осталось для объясненія потомству; его приводилъ и цитируемый Соловьевымъ Нероновъ, его приводилъ и Лигаридъ — передавшій свое мнѣніе Соловьеву и Каптереву. На это обвиненіе въ гордости Лигариду отвѣчалъ въ „Раззореніи", какъ мы уже цитировали, самъ Никонъ (I, 281): „Не ты ли цитировалъ изъ Іезекіиля гл. XXVIII, 17; „отъ красоты твоей возгордилось сердце твое, и ты во зло употребилъ умъ свой по тщеславію твоему; за то повергну тебя на землю и выставлю тебя передъ царями на позорище: какъ же можешь ты приложить это къ намъ, ибо мы удаляемся отъ зла, согласно заповѣди Божіей и Его свѣточа? Посмотри, челоукоугодникъ, чье сердце надмилось? Не у того ли, кто присвоилъ себѣ чужое наслѣдіе и власть, какъ другой Озія? Если ты говоришь о нашемъ уходѣ, то я готовъ страдать ради Христа, какъ и теперь страдаю, но страдать согласно закону, какъ пишетъ Апостоль или Св. Григорій Богословъ и Св. Василій Великій. Въ отношеніи

преслѣдованія есть прямое указаніе Св. Василия Великаго, чтобы мы бѣжали отъ преслѣдованія и не подвергали себя страданію, но укрывались, когда насъ ищутъ, и осторожнымъ поведеніемъ щадили гонителя, чтобы онъ, преслѣдуя до крови, не увеличивалъ грѣха своего гоненія. Но, когда пришло время, и мы захвачены, то смѣло должны бороться. И онъ говоритъ, что принести себя въ жертву на убіеніе есть признакъ гордости и надменія, когда же пришло время пострадать, то уже отступать и не желать бороться за Божіи законы есть знакъ не мученичества, а небреженія".

Личныя отношенія къ Никону со стороны Епископа Александра, Ивана Неронова. Невозможность принимать ихъ свидѣтельства о Никонѣ.

Но кто были Епископъ Александръ Вятскій, протопопъ Иванъ Нероновъ и Лигаридъ? Личные враги Никона, и потому сужденіе ихъ явно пристрастно. Епископъ Вятскій Александръ былъ посвященъ въ Коломенскіе Епископы 3 іюля 1655 г. и въ декабрѣ 1657 г. былъ переведенъ Соборомъ въ Вятку, епархію открытую въ октябрѣ 1657 года вмѣсто Коломенской, которая была присоединена тѣмъ же Соборомъ къ патріаршей области (Николаевскій, „Патріаршая область и русскія епархіи въ XVIII вѣкѣ" Хр. Чт. 1888, I). Онъ былъ крайне недоволенъ этимъ переводомъ и долго туда не ѣхалъ. Въ 1659 и 1660 г. онъ исполнялъ порученія Митрополита Питирима по слѣдствію, слѣдовавшему по доносу попа Никиты на Суздальскаго Архіепископа Стефана. Онъ содѣйствовалъ расколу и въ 1663 г. составилъ петицію противъ Никона и покаялся только въ 1666 г. Дѣло объ открытіи Вятской епархіи Соборъ 1667 г. призналъ вполнѣ законнымъ, но было постановлено возстановить и закрытую Коломенскую епархію. Отъ Епископа Александра безпристрастнаго сужденія о Никонѣ ждать нельзя.

Что касается **Ивана Неронова**, то онъ былъ въ числѣ закоренѣлыхъ враговъ Никона, былъ имъ сосланъ въ Спасокаменный монастырь 4 августа 1653 г. Нероновъ, пишетъ о немъ проф. Знаменскій (Пр. соб. 1869, I), былъ однимъ изъ первыхъ между людьми, которыя стремились подорвать значеніе Никона посредствомъ обвиненій въ превышеніи своей власти и презрѣніи власти царской. Убѣжавъ изъ ссылки въ 1656 г., и потомъ спрятавшись подъ покровительствомъ царя, Нероновъ помирился съ Церковью, узнавъ, что не одинъ Никонъ уже, а Восточные Патріархи одобрили реформу. Никонъ снялъ положенное на Неронова проклятіе, отнесся благосклонно къ его раскаянію, разрѣшилъ служить ему по старымъ слу-

жебникамъ ибо „обои хороши, все де равно по коимъ хочешь, по тѣмъ и служи". Но Нероновъ не унимался противъ Никона; въ 1658 г. онъ опять говорилъ царю, указывая на Никона въ алтарь: „смутиль онъ всю русскую землю и твою царскую власть попраля, и уже твоей власти не слышать; отъ него всѣмъ страхъ". Царь смутился и отошелъ на свое мѣсто. Когда въ 1664 г. Зюзинъ и Ордынъ Нащокинъ возымѣли надежду примирить царя съ Никономъ, Нероновъ нарочно приходилъ къ царю поддержать его раздраженіе противъ Никона. Объ этомъ разсказалъ самъ царь Нащокину: „Вотъ и теперь на Николинъ день пріѣзжалъ ко мнѣ чернецъ Григорій Нероновъ (онъ постригся въ монахи 25 декабря 1656 г.) съ поносными словами всякими на Патріарха, что и слушать нечего, и я тому ничему не повѣрилъ, а положилъ то все на волю Божию". Онъ всегда оставался въ симпатіяхъ къ расколу, и Соборъ 1667 г. говорилъ о немъ, что онъ „пребыть въ истинѣ не постояненъ яко же трость, ибо паки и паки колебался". Онъ былъ противникомъ исправленія обрядовъ по греческому образцу и не могъ простить переменъ въ Никонѣ, когда онъ сталъ на путь проведенія реформъ, и оставилъ прежнія совѣщанія съ членами ихъ кружка — ревнителями вѣры. Онъ ему говорилъ перваго іюля 1653 г. „прежде сего совѣтъ ты имѣлъ съ протопопомъ Стефаномъ и на домъ ты къ нему часто пріѣзжалъ и любезно о всякомъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ въ игуменахъ, архимандритахъ и Митрополитахъ. А которые богомольцы посланы бывали государемъ къ Іосифу Патріарху, что ему поставить овыхъ въ Митрополиты и въ Архіепископы и Епископы, и ты съ государевымъ духовникомъ Стефаномъ былъ въ совѣтѣ и не прекословилъ нигдѣ и на поставленіе ихъ не говорилъ: анаксіосъ; тогда у тебя всѣ непорочны были, а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойны стали. И протопопъ Стефанъ за это тебѣ врагъ сталъ, а друзей его раззоряешь, протопоповъ и поповъ съ женами и дѣтьми разлучаешь. Доселѣ ты другъ намъ былъ, а нынѣ на насъ возсталъ". У Неронова къ личной враждѣ на Никона присоединилась и идейная. Онъ не могъ простить исправленія русскихъ книгъ по греческимъ и въ 1657 г. говорилъ: да ты же, Святитель, иноzemцевъ законоположенія хвалишь и обычаи ихъ пріемлешь, а мы прежде сего у тебя же слышали, много разъ ты говаривалъ намъ, гречане де и малоросы потеряли вѣру и крѣпость де и добрыхъ нравовъ нѣту у нихъ, покой де и чести ихъ прельстили, и своимъ де чревамъ работаютъ, и постоянства въ нихъ не объявилось, и благочестія ни мало, а нынѣ у тебя они и святые люди и законоучители".

Никонъ же былъ человѣкъ ума подвижнаго и вѣчно стремился учиться и исправлять свои ошибки. Онъ просилъ ихъ указывать и Макарію Патріарху при богослуженіи. Онъ самъ про себя писалъ, что готовъ вѣчно учиться. Очевидно отъ человѣка столь закоренѣлой вражды и личной, и идейной, какъ Нероновъ, всю жизнь боровшагося съ Никономъ и отъ него пострадавшаго, безпристрастнаго отзыва ждать также нельзя. Ради ненависти къ Никону Нероновъ почиталъ даже грека Лигарида. Никонъ признавалъ, что увлеченіе его греческимъ было причиной непримиримой вражды къ нему со стороны противниковъ его церковной реформы. „Отъ всѣхъ уничтожень бѣхъ, и кромѣ истины и сего ради многажды хотѣша насъ убить..., зане держимъ вся и наипаче греческіе законы и догматы" (Изъ посланія къ п. Діонисію). А Аввакумъ еще болѣе ярко выражалъ вражду къ греческому. Онъ писалъ царю: „Вздыхни ка по старому, какъ при Стефанѣ (духовникѣ) бывало и рцы по русскому языку: Господи, помилуй мя грѣшнаго. А киріэлеисонъ оставь; такъ эллины говорятъ, плюнь на нихъ. Ты, вѣдь, Михайлушка, русакъ, а не грекъ. Говори своимъ природнымъ языкомъ, а не уничижай его и въ Церкви и въ дому и въ пословицахъ. Любитъ насъ Богъ не меньше грековъ; предавъ намъ грамоту нашимъ языкомъ Кирилломъ Святимъ и братомъ его. Чего же еще намъ хочется лучше того? Развѣ языка ангельскаго.... да нѣтъ, нынѣ не дадутъ до общаго воскресенія". Извѣстно, что Никонъ любилъ не только греческія одежды, но и исполненіе литургіи по-гречески. Ругательства Аввакума по адресу Никона не могутъ, конечно, служить основой для пониманія Никона.

О невозможности принимать свидѣтельства Лигарида о Никонѣ, въ виду стремленія Лигарида построить свою карьеру на обвиненіи Никона.

О безпристрастіи Лигарида къ Никону не стоитъ и говорить, ибо онъ изъ дѣла осужденія Никона дѣлалъ себѣ карьеру и со времени своего пріѣзда весной 1662 г. до весны 1667 г., когда подвелъ итогъ этой борьбы въ своей „Исторіи", нераздѣльно принадлежалъ дѣлу охуленія Никона. Объ обстоятельствахъ ухода Никона Лигаридъ на засѣданіи соборномъ 29 декабря 1662 года, на которомъ онъ занималъ первое мѣсто, и которое разбирало вопросъ о направленіи дѣла Никона, объявилъ, что изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній сильнѣе всѣхъ показаніе князя Трубецкого, нынѣ покойнаго, что Патріарха Никона надо почестъ отрекшимся самовольно; соборныя дѣянія 1660 г. напрасно говорятъ о народномъ прошеніи къ Никону, во время его отшествія, не уходитъ.

Онъ сильно побуждалъ царя въ письмѣ 18 мая 1662 г. къ скорѣйшему разсмотрѣнію Никоновскаго дѣла, въ виду де соблазна отъ слуховъ, будто Никонъ бѣжалъ отъ грозившей опасности тайнаго убійства. Лигаридъ съ самаго начала, не вникая въ дѣло, принялъ сторону боярѣ, какъ болѣе выгодную, ибо и пріѣхалъ онъ въ Москву для матеріальной выгоды. Его исторія начинается съ памфлета на личность Никона. Его свидѣтельство не можетъ имѣть никакого значенія для сужденія о Никонѣ, какъ свидѣтельство главнаго представителя и наемнаго адвоката стороны, поставившей своей цѣлью уничтожить Никона.

Вотъ характеристика Никона Лигаридомъ, положенная въ основу и Соловьевскаго и Каптеревскаго сужденія: „Никонъ до Патріаршества скрывалъ свой истинный характеръ и казался добродушнымъ, аскетомъ, любителемъ ученія грековъ, и по проповѣдямъ напоминалъ Божественнаго Григорія. Но, когда онъ достигъ своей цѣли, то сбросилъ маску и показалъ свое дѣйствительное лицо человѣка каменнаго, интригана, честолюбиваго, мстительнаго, гордаго, безчеловѣчнаго насильника, незаботливаго о стадѣ, любящаго роскошь, удовольствія, домагавшагося царскихъ титуловъ (III, 38). Эта характеристика и легла въ основу для разъясненія всѣхъ Никоновскихъ поступковъ, которые получаютъ совершенно иное освѣщеніе, если къ нимъ не подходитъ съ предвзятымъ мнѣніемъ о Никонѣ, а исходитъ изъ того, что онъ былъ прежде всего аскетъ и ревнитель исполненія церковныхъ правилъ и въ частной, и въ общественной жизни.

О вопросѣ Каптерева, оставилъ ли Никонъ Патріаршество или это было притворство. О мнимыхъ противорѣчіяхъ въ заявленіяхъ Никона.

Каптеревъ задаетъ вопросъ по поводу оставленія Никономъ Патріаршества: „Дѣйствительно ли Никонъ совсѣмъ хотѣлъ оставить Патріаршество, или это было только притворствомъ съ его стороны, рассчитаннымъ только на то, чтобы побудить этимъ царя преклониться передъ Патріархомъ и признать его своимъ опекуномъ" („Патріархъ Никонъ", 408). Самый вопросъ въ такой постановкѣ предполагаетъ, что Никонъ хотѣлъ вообще навязать свое регенство царю. Но этого ни откуда не видно: ни разу Никонъ нигдѣ ни въ его словѣ, дошедшемъ до насъ, ни въ писаніяхъ, никогда не сказалъ о желаніи управлять государствомъ. Каптеревъ усматриваетъ противорѣчіе въ томъ, что 10 іюля 1658 года и вскорѣ послѣ Никонъ дѣлалъ заявленія, изъ которыхъ можно предположить, что онъ окон-

чательно оставилъ Патріаршество и о возвращеніи не думалъ. Каптеревъ опять ссылается на показанія Трубецкого, что Никонъ налагалъ на себя анаѳему, если похочетъ быть Патріархомъ... Въ письмѣ царю въ іюль 1658 г. Никонъ называетъ себя бывшимъ Патріархомъ. Онъ даетъ благословеніе Крутицкому Митрополиту Питириму быть мѣстоблюстителемъ до избранія Патріарха, а потомъ благословляетъ избрать и Патріарха. Каптеревъ и заключаетъ, что Никонъ окончательно отказался отъ Патріаршества и въ первое время вовсе не думалъ возвращаться на Патріаршество, но царь де этимъ не воспользовался, а потомъ и Никонъ съ своей стороны сталъ колебаться въ своемъ рѣшеніи окончательно оставить Патріаршество, сталъ уже увѣрять въ томъ, что онъ отъ Патріаршества не отказывался и даже сталъ заявлять претензіи вновь занять Патріаршую кафедру.

„Въ мартѣ 1659 г., пишетъ Каптеревъ (Ор. cit. I, 410) Никонъ обратился съ посланіемъ къ государю, въ которомъ протестовалъ противъ совершенія Митрополитомъ Питиримомъ шествія на ослати. Очевидно де Никонъ не хотѣлъ уже оставаться спокойнымъ зрителемъ тогдашнихъ событій, а рѣшилъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла, мотивируя свое вмѣшательство ревностью и сохраненіемъ церковныхъ порядковъ". Далѣе на стр. 411 происходитъ уже чистая работа воображенія Каптерева. „Вмѣшательство Никона въ церковныя дѣла показывало, пишетъ онъ, что Никонъ уже сталъ тяготиться своимъ уединеніемъ, своей полной отрѣшенностью отъ общественныхъ дѣлъ, что его снова потянуло къ публичной общественной дѣятельности, и онъ уже не могъ болѣе оставаться спокойнымъ. Его особенно угнетало то обстоятельство, что онъ совсѣмъ удаленъ отъ царскаго двора, гдѣ такъ недавно былъ первымъ лицомъ, пользующимся особымъ исключительнымъ положеніемъ и почетомъ. Въ его воображеніи невольно воскресали бывшие роскошные приемы и обѣды, которыхъ онъ былъ лишенъ".

Каптеревъ игнорируетъ важное каноническое правонарушеніе: царь поручаетъ Митрополиту Питириму управлять Патріархіей, не обращаясь къ Никону и не поминая его, какъ Патріарха.

Всѣ эти предположенія, можетъ быть, и естественны, если исходить изъ предположенія объ эгоистической честолюбивой природѣ Никона, какъ окрашивали его враги, но эти предположенія совершенно излишни, если вникнуть въ то, что произошло послѣ 10 іюля 1658 г. до 4 марта 1659 г. въ общецерковномъ положеніи: тогда понятна будетъ и перемѣна въ объясненіи Никона. Никонъ писалъ Кон-

стантинопольскому Патріарху Діонісію о томъ, что, когда онъ ушелъ въ Воскресенскій монастырь, то черезъ два дня были присланы изъ тѣхъ же бояръ, которые говорили съ нимъ 10 іюля и спрашивали: почему я ушелъ безъ приказа отъ царскаго величества изъ Москвы? Я отвѣтилъ, что ушелъ не на большое разстояніе; если царское величество измѣнится къ большей милости и отложить въ сторону свой гнѣвъ, я снова вернусь. Послѣ этого не было никакого сообщенія по этому дѣлу отъ царскаго величества, никакого упоминанія о моемъ возвращеніи на кафедру, но былъ отданъ приказъ (царемъ и синклитомъ), чтобы временно управлялъ Патріаршествомъ Митрополитъ Крутицкій Пителимъ. Послѣ ухода нашего царское величество запретилъ людямъ всѣхъ чиновъ приходить ко мнѣ и слушать меня. Онъ также запретилъ давать мнѣ изъ патріаршей резиденціи то, что мнѣ могло бы понадобиться. Если царское величество узнавалъ, что кто либо приходилъ ко мнѣ, то такое лицо строго пытали и посылали въ отдаленныя мѣста. Такъ онъ терроризовалъ всѣхъ, царское величество приказалъ, чтобы весь Патріархатъ во всѣхъ дѣлахъ управлялся бы Митрополитомъ Крутицкимъ и запретилъ насъ спрашивать или обращаться къ намъ, и приказалъ, чтобы къ нему самому обращались во всѣхъ епископскихъ и духовныхъ дѣлахъ" (III, 387-388).

Дѣло въ томъ, что Никонъ самъ благословилъ еще 12 іюля быть Митрополиту Крутицкому быть Мѣстоблюстителемъ, но, говоритъ Михайловскій, призвавъ къ себѣ на подворье Митрополита Пителима, 10-12 іюля, Никонъ сказалъ ему, что онъ уходитъ на время въ Воскресенскій монастырь и поручилъ ему до его возвращенія въ качествѣ викарнаго управлять Патріаршествомъ, а въ дѣлахъ большаго значенія обращаться къ нему (IV, 138). Нѣкоторое время Пителимъ и дѣйствовалъ въ силу Никоновскаго благословенія и позволенія. Имя Никона стало упоминаться въ богослуженіяхъ, а потомъ было опущено. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имя и авторитетъ Никона употреблялись царемъ или Монастырскимъ Приказомъ, чтобы передѣлать рѣшенія, принятыя Никономъ лично и никогда самимъ Никономъ неизмѣненныя. Никонъ былъ недоволенъ и говорилъ: „Тѣхъ людей, которыхъ мы властью, данной отъ Духа Святаго связали, царь разрѣшаетъ, почитая наше связываніе ни во что". Царь, напримѣръ, 17 августа 1658 г. послалъ грамоту въ Кирилловскій монастырь архимандриту Авраамію о прощеніи Никономъ посланныхъ туда двухъ іеродіаконовъ, и царь приказываетъ, въ силу прощенія Никона, ихъ освободить и держать на свободѣ въ монастырѣ до

дальнѣйшаго царскаго указа. А 21 февраля 1659 г. царь въ грамотѣ Полоцкому Епископу Каллисту, которымъ отъ Никона получена юрисдикція въ 1656 г. и обязанность подчиняться только ему въ духовныхъ дѣлахъ, аннулировали древнюю привиллегію возстановленную Никономъ въ мартѣ 1658 г. Богоявленскому монастырю въ Полоцкѣ, и приказалъ ему подчиняться не Патріарху, а мѣстному Епископу. Указъ царя Богоявленскому монастырю гласилъ: „Мы приказываемъ, чтобы юрисдикцію надъ тобой и твоимъ монастыремъ осуществлялъ Епископъ Полоцкій и Витебскій Каллистъ, и чтобы вы ему во всемъ повиновались". Для цезарепапистской точки зрѣнія Каптерева не произошло ничего особеннаго. Царь для него, какъ единственный источникъ всякой власти, распоряжается и въ Церкви. Сегодня онъ поручилъ управленіе Церкви Никону, завтра Питириму — мало разницы. Но съ церковной точки зрѣнія, на которой стоялъ Никонъ, произошла цѣлая катастрофа. Патріархъ въ его глазахъ не царскій чиновникъ, а носитель власти иного порядка и иного источника. Произошла подмѣна авторитета, восхищеніе на себя царемъ духовной власти. Никонъ Патріархъ ушелъ, благодать Духа Святаго съ нимъ, онъ временно поручаетъ на правахъ викарія управлять Митрополиту Питириму, а Митрополитъ Питиримъ, по приказу царя, къ нему не обращается, его имени не поминаетъ за Богослуженіемъ, а царь самъ распоряжается въ чисто церковныхъ дѣлахъ, т. е. самовольно фактически устраняетъ Никона отъ Патріаршества.

Причины измѣненій въ тонѣ Никона — каноническое правонарушеніе — поставленіе Митрополита Питирима въ самостоятельное управленіе Церковью, независимо отъ Никона.

Естественно, что при такомъ поправленіи патріаршихъ правъ, тонъ Никона измѣняется, измѣнилась природа его положенія, неправильно въ Москвѣ понятая. Онъ и говоритъ 17 мая 1659 г. пріѣхавшему къ нему по порученію царя дьяку Дементію Башмакову, что „онъ, Никонъ, хотя и оставилъ Патріаршество по своей волѣ и Московскимъ не зовется и николи зваться не будетъ, но Патріаршества не оставлялъ и благодать остается при немъ" (I, 410). Противорѣчія съ его словами въ іюлѣ 1658 г. никакого нѣтъ. Тогда Никонъ, констатируя невозможность для него управлять Патріаршествомъ, уходитъ, считая, что онъ для царя бывший Патріархъ, ибо тотъ его не ставитъ ни во что; онъ не думаетъ въ данное время о возможности вернуться и готовъ допустить другого Патріарха. Весной, 1660 г., когда изъ Москвы попросятъ его приступить къ дѣлу и дать благословеніе на

поставленіе другого Патріарха, онъ соглашается, но уже входитъ въ дальнѣйшія подробности, въ виду наличія дѣла, объясняетъ, что онъ самъ долженъ принять въ этомъ участіе; и ставитъ Патріарха, — вопросъ, до котораго еще не доходило дѣло въ іюлѣ 1658 г. Однако, еще раньше 1660 года обнаруживается, что въ Москвѣ, удовольствовавшись уходомъ Никона, рѣшили, что царь въ правѣ дѣлать, что угодно или самъ, или черезъ Митрополита Питирима. Никона своевольно перестали считать Патріархомъ, и поминать его имя, тогда, какъ съ его уходомъ въ Воскресенскій монастырь его каноническое положеніе не могло само собой измѣниться безъ всякаго суда или безъ выясненія дѣла съ нимъ. Тогда тонъ Никона и сталъ тономъ протеста, ибо нельзя же такъ просто и самовольно не считаться съ нимъ — Патріархомъ, какъ будто его нѣтъ въ живыхъ.

Произвольность предположеній Каптерева объ измѣненіи настроенія Никона относительно природы оставленія престола. Объясненіе перемѣнъ Никона — въ окружающихъ его событіяхъ.

Въ глазахъ Никона произошло каноническое безчиніе, на которое онъ и реагировалъ, и вовсе для уясненія его протеста нѣтъ надобности прибѣгать къ предположенію Каптерева о томъ, что Никонъ сталъ тяготиться уединеніемъ, что его угнетало воспоминаніе о прошлыхъ роскошныхъ обѣдахъ и пріемахъ, вызывавшее въ немъ томленіе. Вся жизнь и аскетизмъ Никона, его необыкновенная энергія и постоянная занятость и въ Воскресенскомъ монастырѣ исключаютъ такое предположеніе. Вѣдь, онъ и тамъ только измѣняетъ свои занятія, но всегда поглощенъ дѣломъ: онъ строитъ храмъ, самъ таскаетъ кирпичи, даритъ въ 1661 г. въ Воскресенскій монастырь лѣтопись русскую, доведенную имъ до 1630 г., очевидно, дополнившую подъ его руководствомъ одну изъ прежнихъ лѣтописей, строжайше исполняетъ монастырскіе уставы, а на посты удаляется въ уединеніе въ каменную башню, построенную въ скиту рядомъ съ монастыремъ. Все умонастроеніе его никакъ не даетъ повода думать о похотяхъ удовольствія: слишкомъ трезвенъ былъ онъ всегда. Такія предположенія слишкомъ произвольны и приурочены къ слишкомъ плотскому и обыденному человѣку. Если бы Каптеревъ оставилъ свою цезарепапистскую точку зрѣнія и вникъ бы въ Никоновскую, тогда и строить предположеній этихъ не нужно было бы. **Измѣненіе въ словахъ Никона произошло вслѣдствіе того, что ему пришлось реагировать на новыя явленія.** Уйдя съ кафедры, онъ могъ ожидать, какое дѣйствіе это произведетъ. Если царь одумается, онъ

вернется, какъ сдѣлалъ подѣ влияніемъ хотя бы и невѣрныхъ сообщеній объ измѣненіи настроенія царя въ 1662 и 1664 годахъ; если нѣтъ, войдетъ въ переговоры о способахъ замѣщенія себя преемникомъ, какъ и было въ 1665 году, но случилось выявленіе каноническаго нигилизма: Патріархъ уѣхалъ изъ Москвы, и стали дѣйствовать именемъ царя, какъ будто царскія полномочія включаютъ въ себѣ патріаршія. Если такъ могли думать въ Москвѣ, то для Никона это было совершенно отвратно. Каптеревъ пишетъ (I, 412), что „Не во имя блага Церкви и пасомыхъ Никонъ уничиженно молить царя о прощеніи, а ради того, чтобы опять наслаждаться вмѣстѣ съ другими обильной царской трапезой и близостью къ царю. Очевидно, продолжаетъ онъ, такъ писать могъ Никонъ, не какъ Архипастырь и Патріархъ русской Церкви, а какъ царедворецъ, которому близки и дороги только интересы, тѣсно связанные съ близостью къ царскому двору". Никонъ же былъ огорченъ напраснымъ гнѣвомъ царя и писалъ ему (іюль 1659): „Самого тебя молю, перестань Господа ради туне гнѣваться; солнце, речеса, во гнѣвѣ вашемъ да не зайдетъ... Азъ же нынѣ паче всѣхъ чловѣкъ оболганъ тебѣ, Великому Государю, поношенъ и укоренъ неправедно: сего ради молю, претворися Господа ради и не дай мнѣ грѣшному немилосердія". Эти слова показываютъ, какъ тяжело пришлось Никону, и тѣмъ болѣе повышаютъ цѣнность его неумолимаго отстаиванія канонической правды, какъ она представлялась ему. Онъ и страдалъ больше всего за эту безкомпромиссность: такъ было и въ его удаленіи въ Воскресенскій монастырь, такъ будетъ и въ ссылкѣ его въ Терапонтовъ монастырь. Какъ христіанинъ, онъ проситъ у царя прощеніе за огорченія, но, какъ Патріархъ, неумолимо отстаиваетъ права Церкви, и будучи въ ссылкѣ въ Терапонтовомъ монастырѣ, испытаетъ не разъ отягощеніе своей участи, за отказъ простить царя настоящимъ письменнымъ прощеніемъ, пока онъ не возстановитъ всю правду въ его дѣлѣ, хотя бы и безъ возстановленія на Патріаршество, отъ котораго Никонъ тогда уже совершенно отказался.

Какъ Никонъ смотритъ на возможность своего возвращенія на Патріаршій Престоль въ Москву.

Мы думаемъ, что Никонъ ушелъ, чтобы воздѣйствовать на царя, побудить его измѣнить свое отношеніе къ Церкви и къ нему, какъ ея Первосвятителю, что безъ этого измѣненія со стороны царя онъ и не думалъ возвращаться; вопросъ возвращенія такимъ образомъ зависѣлъ не отъ Никона, а отъ царя. Когда у Никона

явилась надежда на измѣненіе царя, онъ и предпринялъ возвращеніе. Когда увидалъ, что надежда напрасна, то въ январѣ 1665 г. приступилъ къ переговорамъ съ Соборомъ объ условіяхъ отреченія, и Соборъ, понимая, что отреченія еще не было, составилъ контръ-предложеніе, а въ началѣ 1666 г. Соборъ снова обсуждалъ, какъ быть по канонамъ съ Никономъ въ виду его ухода; все дѣло остановилось при извѣстіи, что пріѣдутъ для суда Восточные Патріархи. Если мы будемъ исходить при оцѣнкѣ Никоновскихъ дѣйствій въ періодъ 1658-1666 г.г. съ его точки зрѣнія на церковную власть, на Патріаршество, на свой уходъ съ кафедры, то въ дѣйствіяхъ Никона за этотъ періодъ будемъ видѣть лишь сообразованіе ихъ съ обстоятельствами и событіями, при неизмѣнности его точки зрѣнія и его каноническихъ воззрѣній. Если же собственную Никоновскую точку зрѣнія оставимъ въ сторонѣ, а также не будемъ останавливаться на событіяхъ церковной жизни, вызывавшихъ въ Никонѣ то или иное реагированіе на нихъ, въ виду отсутствія отреченія его отъ Патріаршества, тогда мы можемъ натолкнуться на непонятности и непоследовательности, для объясненія которыхъ надо будетъ придумать объясненія, исходящія изъ произвольныхъ представленій о Никонѣ, со словъ поносившихъ его устно и письменно его враговъ и при жизни его, и послѣ смерти.

Взгляды Каптерева на „отреченіе Никона“.

Каптеревъ пришелъ къ заключенію, что отреченіе Никона отъ Патріаршества въ дѣйствительности имѣло только демонстративный характеръ, а не было настоящимъ серьезнымъ отреченіемъ (I, 430). Этимъ демонстративнымъ актомъ Никонъ хотѣлъ только съ блескомъ возстановить свои прежнія пошатнувшіяся отношенія къ царю, хотѣлъ заставить послѣдняго во всемъ подчиняться ему — Никону, имѣть его главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ во всей его царской дѣятельности. Никонъ былъ убѣжденъ, что онъ такъ необходимъ царю, что тотъ никогда не рѣшится съ нимъ разстаться и отказаться отъ его услугъ". **Мы согласны, что отреченія не было не только демонстративнаго, но вовсе никакого.** О немъ заговорилъ Никонъ только въ январѣ 1665 г. послѣ его непринятія въ Москвѣ 19 декабря 1664 г. Намѣреніе Никона стать главнымъ совѣтникомъ царя въ государственныхъ дѣлахъ трудно предположить для іюля 1658 года, ибо безсовѣтіе началось уже съ 1657 г., когда царь уже ругалъ Никона неподобными словами, ссорился съ нимъ нѣсколько

разъ изъ-за намѣренія присоединить Малоросію въ церковномъ отношеніи безъ Константинопольскаго Патріарха, сталъ попускать бояръ до вмѣшательства въ церковное управленіе, наконецъ выливалъ публично свой гнѣвъ черезъ нарушеніе чина участія въ церковныхъ праздникахъ, неприглашеніемъ Патріарха на торжества, на которыя Патріархъ по положенію своему приглашался, своимъ отсутствіемъ и присылкой боярина съ выраженіемъ немилости. Царь уже давно избѣгалъ Никона, не желая его содѣйствія. Неужели можно было имѣть надежду все это исправить и возстановить положеніе царскаго совѣтника черезъ угрозу ухода, который былъ просто желателенъ и для царя, и для всѣхъ бояръ, забравшихъ въ руки царя и окружавшихъ его? Стремленіе Никона возстановить свое положеніе царскаго совѣтника въ государственныхъ дѣлахъ черезъ уходъ мы никакъ не можемъ предполагать, но стремленіе возстановить свой архипастырскій авторитетъ въ церковныхъ дѣлахъ, безъ котораго такой энергичный человѣкъ, какъ Никонъ, считалъ бесполезнымъ и принципиально недопустимымъ свое пребываніе въ Патріархахъ, дѣйствительно усматриваемъ. Къ этому побуждаетъ насъ и самый предметъ прощальной его рѣчи въ Успенскомъ соборѣ 10.VII. 1658 г., и выбранное слово Златоуста о томъ, каковъ долженъ быть пастырь: Къ сожалѣнію, Каптеревъ разсматривалъ уходъ Никона только по показаніямъ князя Трубецкого и Митрополита Питирима, вѣря имъ во всемъ, вмѣсто того, чтобы постараться воспроизвести, по возможности, что читалъ и что говорилъ отъ себя Никонъ 10.VII. 1658 г., какъ это сдѣлалъ Пальмеръ и Николаевскій на основаніи многихъ другихъ показаній. Никонъ ушелъ, а бояре обрадовались и цѣлой системой интригъ довели дѣло не только до низложенія его, но до лишенія сана и ссылки.

Средства, которыми отстаивалъ Никонъ свое міросозерцаніе.

Свое церковное міросозерцаніе Никонъ отстаивалъ по пророчески обличеніями, угрозами Божьяго гнѣва и несчастіями лично для виновниковъ цезарепапистскаго засилія и несчастіями для самого государства, и запечатлѣлъ его удаленіемъ отъ активного управленія каѳедрой и анаѳемами.

Что касается официальныхъ анаѳемъ Никона, то онѣ касались непосредственно конкретнаго нарушенія существенныхъ правъ Церкви, принадлежащихъ Церкви въ силу ея природы, или дарованныхъ ей государствомъ съ заклѣтіемъ. Но Никонъ не произносилъ

анаѳемъ прежде, чѣмъ совершенно явственно не опредѣлилось опредѣленное явленіе и то послѣ многократныхъ безрезультатныхъ протестовъ. Анаѳема на Митрополита Питирима была произнесена за облюбодѣйствованіе патріаршаго престола и за вторженіе въ сферу Константинопольскаго Патріарха назначеніемъ Митрополита Меѳодія, почти черезъ 4 года послѣ ухода, послѣ многократныхъ предупрежденій царю. Анаѳема на Симеона Лукьяновича Стрешнева была произнесена за кощунственное наученіе имъ пса, названнаго имъ „Никономъ“, благословлять обѣими лапами, „по образу Христа при Вознесеніи“, какъ писалъ Никонъ въ письмѣ царю въ началѣ 1662 г. (IV. 410). Это письмо было послѣднее передъ анаѳемой, произнесенной на Стрешнева 16 февраля 1662 г. Никонъ писалъ объ отвѣтственности царя за поддержку Стрешнева: „Если ты, знай объ этомъ, терпишь такого нечестиваго насмѣшника, не наказывая его, то гнѣвъ Божій низойдетъ на тебя и скоро. А мы готовы ради Христа не только терпѣть оскорбленія и униженія, но и умереть“ (IV, 411). А Константинопольскому Патріарху Діонисию Никонъ писалъ, что „мы, услышавъ о такомъ нечестіи, анаѳематствовали Стрешнева, но царь приказалъ ему не считаться съ этимъ отлученіемъ и почиталъ его по прежнему“.

Въ отстаиваніи своего міросозерцанія Никонъ прибѣгалъ исключительно къ средствамъ, которыя находятся въ распоряженіи Церкви, и ею дозволены. Это не были средства, допускавшіяся Западной Церковью въ средніе вѣка въ видѣ освобожденія подданныхъ отъ присяги, низложенія съ престола и прочія, являющія собой властное вмѣшательство въ свѣтскую сферу.

Мы должны въ дальнѣйшемъ уяснить: 1) почему у Никона было столько враговъ, и кто они были по своему положенію и умонастроенію, 2) отчего царь пересталъ его поддерживать въ возможности канонически управлять Церковью; 3) изъ за чего у нихъ произошла такъ называемая ссора, по какимъ вопросамъ явился поводъ къ ихъ разногласію, 4) какъ конфликтъ царя съ Никономъ отразился на дальнѣйшемъ развитіи государственной (царской) власти въ Россіи и ея правовой концепціи. Такъ какъ эти вопросы непосредственно связаны и со сферой государственной, то предварительно надо уяснить то положеніе, которое занималъ Московскій Патріархъ въ государственномъ строѣ Московскаго государства по своему сану вообще, а въ частности Патр. Никонъ, какъ государственный регентъ, назначенный государемъ въ качествѣ таковаго, на время его

отсутствія изъ столицы, въ виду начавшейся въ началѣ 1654 года войны съ Польшей. Царь уѣхалъ на войну 18 мая 1654 г., вернулся въ Москву въ январѣ 1655 г., снова уѣхалъ 11 марта 1655 г., вернулся 10 декабря 1655 г., а 15 мая 1655 г. уѣхалъ на войну со Швеціей, вернувшись въ Москву окончательно въ самомъ концѣ 1656 года. Т. е. царь отсутствовалъ съ небольшими перерывами цѣлыхъ 2 ½ года изъ столицы, когда во главѣ государства былъ имъ поставленъ Никонъ.

Разрѣшенію этихъ вопросовъ посвящена III часть.

Конецъ II-ой части.

Глава I. Ученіе Никона о царской власти.

Борьба Никона съ политическимъ старовѣрствомъ, уклонявшимся въ сторону цезарепапизма. — Сравненіе царства съ священствомъ. — Источникъ царской власти и ея освященія. Духовная и свѣтская власть независимы другъ отъ друга. — Кому ввѣрена Церковь? — О церковныхъ законахъ. — Объ участіи царя въ церковномъ управленіи. О правахъ царя по отношенію къ соборамъ церковнымъ. О соборѣ 1660 г. — Объ участіи царя въ церковномъ управленіи. О повышеніи ранга Епископской кафедры. — Царь — образецъ послушанія церковнымъ законамъ для народа. Церковный законъ неприкосновененъ для государства Апостасіи. — О Церкви: ея самостоятельность. — Для управленія въ Церкви необходимы Епископскія полномочія, а не царскія. — Дѣйствіе Антихриста: властительство надъ Церковью свѣтской власти. — Царь некомпетентенъ въ дѣлѣ суда надъ Епископами-клириками. — Положительныя обязанности царя къ Церкви. Обязанности царя къ церковной собственности. — Никонъ о своей службѣ царю. — Никонъ различаетъ обязанность царя въ Церкви отъ его обязанностей къ Патріарху. — Никонъ о сферѣ свѣтскихъ дѣлъ. О тяжести царскаго служенія. — Власть царская получается независимо отъ священства, но имъ благословляется. — Гдѣ санкціи для соблюденія царемъ заповѣдей Божіихъ. — Царская власть и знаменіе пришествія Антихриста. — Лигаридъ выдвигаетъ новыя обвиненія противъ Никона. — Никонъ о лжепророкахъ-цезарепапистахъ. — О власти удерживающей. — Цезарепапизмъ — отъ духа Антихриста. — Помощь Патріарха Царю — быть царемъ православнымъ. — О природѣ послушанія царя Патріарху. Клятва 1652 г. — О превосходствѣ священства надъ царствомъ. — Критика Никономъ разныхъ теорій о соотношеніи духовной и свѣтской власти. Его теорія. — Никонъ о „Дареніи Св. Константина Великаго“. — Каждая власть происходитъ отъ Бога; ни одна не выше другой. — Въ церковныхъ дѣлахъ церковный законъ и Епископъ выше Царя. — Каждая власть имѣетъ свой порядокъ и права отъ Бога и должна ихъ защищать. — Юридическое равенство властей, духовное превосходство власти духовной. — Никонъ о мѣрахъ самозащиты Церкви. Заявленіе протеста и духовныя наказанія. — Не должно повиноваться закону, противорѣчащему канону. — Возмездіе за нарушеніе правъ Церкви отъ Бога. — Никонъ и самъ отказывается исполнять государственный законъ, противорѣчащій церковному. — Духовное оружіе царя въ борьбѣ со зломъ — христіанскія добродѣтели: смиреніе — прежде всего. — Праведность царя — основа прочности царской власти. — Смыслъ ухода Никона въ Воскресенскій монастырь въ 1658 г. — Патріархъ — нравственная сдержка для царя. — Лигаридъ и Никонъ о правѣ обличенія царя. — Объ обязанностяхъ царя къ Церкви и ея представителямъ. — Значеніе отказа Никона въ прощеніи Царю Алексѣю Михайловичу, какъ царю. — Никонъ обвиняетъ Царя Алексѣя Михайловича въ томъ, что онъ пересталъ поступать, какъ подобаетъ православному Царю. — О времени Божіаго наказанія за нечестіе. — Никонъ указываетъ на современныя несчастія, какъ на Божія наказанія и предостереженія. — Уходъ Никона какъ мѣра протеста. — Источникъ Никоновой теоріи соотношенія властей: Св. Отцы — Предшественники Никона (въ Россіи) въ ученіи о превосходствѣ священства. — Юридическая природа участія Никона въ государственныхъ дѣлахъ. — Чисто русское воспріятіе христіанства Никономъ. — Мнѣніе Каптерева о Никонѣ въ отношеніи ученія о царской власти. — Никонъ въ дѣлахъ смѣшаннаго характера, т. е. касающихся и Церкви и государства. — Никонъ прибѣгаетъ къ содѣйствію царя и въ чисто церковныхъ дѣлахъ. — Теорія симфоніи властей (духовной и свѣтской). Никонъ обѣимъ властямъ отводитъ доминирующее значеніе каждой въ своей сферѣ. — Нарушеніе симфоніи въ 1658 и 1660 г.г. — О причинахъ ухода Никона. Мнѣніе Соловьева, Пальмера, Горчакова и Бѣляева. — О поводѣ къ уходу Никона въ Воскресенскій Монастырь. — Никонъ о своемъ уходѣ въ Воскресенскій Монастырь. — Царь и право Патріарха на обличеніе. — Сравненіе обличеній Св. Филиппа и Никона. — Нарушеніе симфоніи въ строѣ московскаго государства введеніемъ Уложенія и расцерковленіе государства. — Смыслъ борьбы Никона въ свѣтѣ послѣдующихъ мѣръ противъ Церкви. — Различныя мѣры Никона къ поддержанію церковнаго направленія въ правительствѣ и обиходѣ. — Сравненіе ученія Никона съ католическими писателями о соотношеніи властей. — Сравненіе ученія Никона съ протестантскими писателями. — Ученіе Никона о субъектѣ церковнаго управленія передъ судомъ русской канонической науки. — Ученіе Никона о субъектѣ церковнаго законодательства передъ судомъ русской канонической науки. Стр. .

Глава II. Ученіе Никона о Патріаршествѣ. (Его ученіе по его сочиненіямъ и по его жизни).

Источникъ понятій Никона о Патріаршествѣ и нашихъ представленій о Никоновскомъ понятіи. — О каноническомъ положеніи Московскаго Патріарха среди другихъ Патріарховъ. — Никонъ о правахъ Константинопольскаго Патріарха. — Патріархи связаны канонами въ судѣ своемъ. — Объ особыхъ привилегіяхъ Константинопольскаго Патріарха и объ Эпанагогѣ — ихъ источникъ. — Неправильность Никоновскаго толкованія IV, 9 и 17. — Мечты Никона о будущемъ положеніи Московскаго Патріарха. — Арсеній Сухановъ о Патріаршествѣ. — Антагонизмъ русскихъ и грековъ въ дѣлѣ учрежденія Патріаршества въ Москвѣ. — Сравненіе возрѣній Никона и Арсенія Суханова. — Церковно - обрядовая реформа Никона. — Источникъ неправильныхъ обвиненій Никона въ стремленіи незаконно измѣнить свое мѣсто среди Патріарховъ. — Никонъ и идея III Рима. — Отношеніе Никона къ Римскому папизму. — Католическая идея папства и свято-отеческое ученіе о самостоятельности Церкви. — Пальмеръ объ идеѣ самостоятельности Церкви и о порабощеніи Церкви въ Россіи. — Присяга Епископовъ Патріарху. — О двойной хиротоніи Московскихъ Патріарховъ. — Централизація Церковнаго управленія въ Московскомъ государствѣ. — Учрежденіе Патріаршества въ Москвѣ, какъ завершеніе централизаціи церковной власти. — Поученіе Патріарха Епископу при поставленіи. — Причины централизаціи церковнаго управленія и отсутствіе для Патріарха самостоятельной опоры. — Никонъ оспариваетъ приписываемое ему Лигаридомъ самопревозношеніе надъ Епископами. — О подчиненности Архіерея Патріарху (отзывъ Собора 1665). — Отвѣты Никона на разные упреки ему. — О пожизненности Патріаршаго сана. — Никонъ о своемъ уходѣ въ Воскресенскій монастырь. О клятвѣ Епископовъ въ повиновеніи Патріарху и о клятвopеступленіи русскихъ Епископовъ. — Анаѳема 1662 г. Митрополиту Питириму, блюстителю Патріаршаго Престола. — Анаѳема 1662 г. отрицающимъ особую природу духовной власти. — Отношеніе Никона къ Церковнымъ Соборамъ. — О судѣ надъ Патріархомъ. — Никонъ склоняется къ теоріи пентархіи. — Объ уходѣ Никона въ Воскресенскій монастырь. — Никонъ возвышаетъ власть Патріарха надъ отдѣльными Архіереями, но не надъ Соборомъ. О Соборахъ — О Соборѣ 1666 года. — Правила церковныя о созывѣ Соборовъ и нарушеніе ихъ въ 1660 г. — Никонъ о Соборѣ 1660 г. и о признаніи его Патріархомъ послѣ ухода. — Никонъ объ отсутствіи своего отреченія отъ каѳедры. — Церковныя правила о созывѣ Соборовъ. — Никонъ о дѣятельности Собора 1660 г. — Никонъ о неправильномъ пониманіи Соборомъ 1660 года природы его ухода, и о неправильномъ примѣненіи канонѣвъ къ нему. — Никонъ о природѣ своего ухода. — Причины непризнанія Никономъ канонической силы за Соборомъ 1660 года. — Архіерейская теорія отношеній Патріарха и Архіереевъ. — Докладная записка царю Вятскаго Епископа Александра, какъ представителя этой Архіерейской теоріи. — Никонъ не сторонникъ Патріаршаго единовластія въ Церковныхъ дѣлахъ. — Никонъ о каноническомъ и неканоническомъ объединеніи Епископовъ. — Голубинскій о Соборахъ, созданныхъ Никономъ. — Никонъ о составѣ Патріаршихъ правъ въ Церкви. — Никонъ о совершеніи шествія въ недѣлю Ваіи Патріархомъ и другими Архіереями. — Никонъ о своемъ каноническомъ положеніи послѣ ухода въ Воскресенскій монастырь. — Никонъ не допускаетъ поставленія новаго Патріарха безъ своего участія. — Разногласія на Соборѣ 1660 г. о Никонѣ, и мнѣніе Епифанія Славинецкаго. — Мнѣніе Іерусалимскаго Патріарха Нектарія объ уходѣ Никона. — Уходъ Никона правительствомъ сознательно истолковывается иначе, чѣмъ это было въ дѣйствительности. — Протестъ Епифанія Славинецкаго противъ лишенія Никона Епископскаго сана. — Постановленіе Собора 14 августа 1660 года и мнѣніе архимандрита Игнатія. — Никонъ не отрекался ни отъ священства, ни отъ каѳедры. — Смыслъ ухода Никона. — Пріѣздъ Никона въ Москву въ 1662 году и показанія старца Аарона. — Пріѣздъ Никона въ 1664 году. — Отстраненіе въ январѣ 1665 года отъ мѣстоблюстительства Митрополита Іоны за принятіе имъ благословенія отъ Никона. — Переговоры Никона съ Соборомъ объ условіяхъ отреченія отъ каѳедры въ январѣ 1665 года — Проектъ контрпредложеній Никону на Соборѣ 1666 года въ февралѣ. Противорѣчіе ихъ съ Архіерейскими взглядами на положеніе Никона въ декабрѣ 1666 года. — Контрпредложеніе Собора Никону весной 1666 г. есть признаніе, что Никонъ не отрекался отъ каѳедры. — Насиліе, совершенное судомъ 1666 г. надъ Патріархомъ Никономъ, подрываетъ значеніе самого Патріаршества. Компетенцію по измѣненію церковнаго устройства имѣетъ только власть церковная. Сознаніе этого въ 1589 году. — Развитіе церковной Іерархіи по Никону. — Теорія Θεοφана Прокоповича о царѣ — носителѣ церковной власти. Противоположность Никону. — Пр. Апостолидъ о правахъ Государственной власти въ Церкви. Утрата каноническаго сознанія государственной властью при Петрѣ I и восстановленіе его на Соборѣ 1917 г.

Глава III. Основные принципы церковнаго законодательства въ Россіи до Уложенія 1649 г.

Судъ надъ духовенствомъ въ гражданскихъ дѣлахъ. — Судъ приказа Б. Дворца въ XVI и XVII вѣкахъ — Протесты церковныхъ властей противъ вмѣшательства воеводъ въ церковныя дѣла. — Положеніе Патріаршей области. — Система приказовъ въ Церковномъ управленіи. — Патріаршая область и церковная реформа Уложенія. — Реформа Церковнаго суда по Уложенію. — Расширеніе сферы Монастырскаго Приказа на практикѣ. — Общая характеристика Монастырскаго Приказа. Отношеніе къ нему Никона. — Никонъ о самостоятельной природѣ церковныхъ полномочій, вытекающихъ изъ природы Церкви. — Захватъ церковныхъ дѣлъ царемъ — источникъ несчастія для царя. — Понятіе о Церкви у Никона и его критика основныхъ принци-

повъ — предпосылокъ Уложения. — Судъ не царскій, а Божій. — Идеаль, которымъ вдохновлялся Никонъ въ начертаніи церковнаго суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства. — Мнѣніе Никона о природѣ церковнаго суда въ гражданскихъ дѣлахъ духовенства. — Никонъ о судѣ Церкви въ гражданскихъ дѣлахъ духовенства. — Почему Никонъ объединяетъ подсудность духовенства и по духовнымъ дѣламъ и по гражданскимъ. — Никонъ обвиняетъ царя въ пренебреженіи къ исторической традиціи относительно суда по гражданскимъ дѣламъ духовныхъ лицъ. Принятіе Соборомъ 1667 г. идей Никона о подсудности суду Церкви гражданскихъ дѣлъ духовенства и крушеніе его идей въ 1701. — Никонъ о наказаніи за восхищеніе царемъ церковной юрисдикціи. — Другія причины для протеста Никона противъ захвата церковнаго суда государствомъ. Ст. 83 и 84 Уложения. — Оцѣнка Никоновскаго сужденія о церковномъ судѣ съ современной научной точки зрѣнія. — Ученіе Суворова о церковномъ судѣ. — Критика Суворовской точки зрѣнія. — Судъ Церкви въ церковныхъ дѣлахъ — Божественное установленіе. — О судѣ Церкви надъ церковными служителями. — Самостоятельность церковнаго суда по происхожденію и по компетенціи — Положеніе императорскихъ комиссаровъ на судѣ, производившемся Вселенскими Соборами. — Природа церковнаго суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства; основа его въ посредническомъ судѣ Епископовъ. — Различіе въ отношеніи Епископовъ Византійской Церкви къ вторженіямъ въ собственно церковный судъ и къ сокращенію церковнаго суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства.

О церковной собственности.

Секуляризаціонныя стремленія Московскаго правительства въ отношеніи къ церковной собственности. — Мѣры Уложения относительно церковныхъ имуществъ. — Вообще о секуляризаціи церковныхъ имуществъ и мнѣніе Никона объ этомъ. — Неприкосновенность церковныхъ имуществъ по церковнымъ правиламъ. — Никонъ о захватѣ царемъ церковной собственности и о наказаніи за это. — Никонъ о субъектѣ церковной собственности. — Никонъ объ обязанности матеріальной помощи Церкви еще въ Ветхомъ Заветѣ. — Никонъ о наказаніи за нарушение церковной собственности. — Сонъ Никона 12 января 1661 г. и напоминаніе царю о наказаніи Божіемъ. — Никонъ о вознагражденіи Богомъ за жертвы, принесенныя Его Церкви. О необходимости исполнять обѣтъ и клятву. — Точка зрѣнія Никона, съ которой онъ критикуетъ Уложеніе.

О судопроизводствѣ и другихъ законахъ Уложения.

Законъ Уложения о судопроизводствѣ. — Никонъ о необходимости въ общественной жизни дать большее проявленіе началу церковному. — О сравненіи Царя съ Богомъ. — Никонъ о тщетѣ земного величія. О необходимости оцерковленія жизни. — Никонъ о несправедливости законовъ Уложения, карающихъ строже людей низшаго соціального положенія. — Никонъ о статьяхъ Уложения, парализующихъ пастырское воздѣйствіе. — Никонъ о неправильномъ принципѣ Уложения для повышеній и пониженій наказаній. — О высшихъ принципахъ, обязательныхъ и для законодателя. — Никонъ въ вопросѣ примѣненія Кормчей вмѣсто Уложения, о внесеніи имъ измѣненій во второе изданіе Уложения. О преобразованіи дѣйствій Уложения. Выдѣленіе Патріаршей области изъ дѣйствій Уложения. — Идея Никона — оцерковленіе государства — противоположность идеѣ, растворяющей Церковь въ государствѣ. — Никонъ о государственной апостасіи и о гибели царства, какъ ея слѣдствіи. — Никонъ объ Антихристѣ, захватившемъ власть въ Церкви. — Апостасія — признакъ наступленія Антихристово царства; она — предметъ борьбы для Никона. — Обязанность Первосвященника въ борьбѣ съ апостасіей (по Никону). — Никонъ о грядущей гибели Московскаго царства. Проклятіе за нарушение церковной собственности. — Анаѣмы Никона за нарушение церковной юрисдикціи. — Пальмеръ о наказаніяхъ Божіихъ за общественные грѣхи и объ исполненіи Никоновскихъ пророчествъ. — Смыслъ клятвы 22 іюля 1652 г. въ историческомъ освѣщеніи. — Никонъ о значеніи праведности для общественной жизни. — Никонъ о праведности царя и о власти, удерживающей пришествіе Антихриста.

Глава IV. Объ уходѣ Никона въ Воскресенскій монастырь 10 іюля 1658 года.

Уходъ Никона изъ Москвы въ 1658 г. — центральный фактъ его дѣятельности. — С. М. Соловьевъ объ уходѣ Никона. — Критика Соловьевскаго изображенія ухода Патріарха Никона изъ Москвы и его объясненія этого событія. — Фактическая сторона ухода Патріарха Никона изложена Соловьевымъ не вѣрно. О свидѣтельскихъ показаніяхъ 1660 г. — О природѣ ухода Никона изъ Москвы въ 1658 г. — Прощальная рѣчь Никона въ Успенскомъ соборѣ 10 іюля 1658 г. — Толкованіе рѣчи Никона Пальмеромъ. — Поученіе Златоуста, читанное Никономъ 10 іюля 1658 г., какъ ключъ къ пониманію отдѣльныхъ выраженій его рѣчи и его объясненій съ боярами, присланными въ соборъ. — Никонъ не отрекался отъ патріаршества. — Дополнительная характеристика свидѣтельскихъ показаній на Соборѣ 1660 г. — Уходъ Никона — протестъ противъ нарушенія царемъ клятвы и мѣра архипастырскаго воздѣйствія. — Отвѣтъ Никона Лигариду на обвиненіе его въ гордости по поводу его ухода. — Центральная идея Никона — борьба съ секуляризаціоннымъ духомъ времени во всѣхъ его проявленіяхъ. — Никонъ о грѣхѣ, какъ причинѣ всѣхъ несчастій; въ частности о клятвопреступленіи. Никонъ о наказаніяхъ уже ниспосланныхъ Богомъ. — Неизбѣжность Никоновскаго ухода. — Стремленіе опорочить Никона въ сочиненіи Лигарида и вліяніе его сочиненій на мнѣніе Соловьева и Каптерева о Никонѣ и въ частности объ уходѣ Никона въ 1658 г. — Разъясненіе мнимыхъ противорѣчій въ показаніяхъ Никона о своемъ уходѣ, находимыхъ профессоромъ Каптеревымъ. Сужденія Каптерева базируются

ся на опороченныхъ показаніяхъ враговъ Никона. — Показанія личныхъ враговъ Никона: Александра Епископа Вятскаго, Ивана Неронова и Лигарида о характерѣ Никона восприняты Каптеревымъ, какъ истинное объясненіе. — Личныя отношенія къ Никону со стороны Епископа Александра, Ивана Неронова, Невозможность принимать ихъ свидѣтельства о Никонѣ. — О невозможности принимать свидѣтельства Лигарида о Никонѣ, въ виду стремленія Лигарида построить свою карьеру на обвиненіи Никона. — О вопросѣ Каптерева, оставилъ ли Никонъ патріаршество, или это было притворство. О мнимыхъ противорѣчіяхъ въ заявленіяхъ Никона. — Каптеревъ игнорируетъ важное каноническое правонарушеніе: царь поручаетъ Митрополиту Питириму управлять патріархіей, не обращаясь къ Никону и не поминая его, какъ Патріарха. — Причины измѣненій въ тонѣ Никона — каноническое правонарушеніе — поставленіе Митрополита Питирима на самостоятельное управленіе Церковью независимо отъ него. — Произвольность предположеній Каптерева объ измѣненіи настроенія Никона относительно природы оставленія престола. Объясненіе перемѣнъ Никона — въ окружающіхъ его событіяхъ. — Какъ Никонъ смотрѣлъ на возможность своего возвращенія на патріаршій престолъ въ Москву. — Взгляды Каптерева на „отреченіе" Никона. — Средства, которыми отстаивалъ Никонъ свое каноническое міросозерцаніе. Стр.

М. В. ЗЫЗЫКИНЪ,
Профессоръ Варшавскаго Университета.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ.

ЕГО ГОСУДАРСТВЕННЫЯ И КАНОНИЧЕСКІЯ ИДЕИ.

„Церковь — не стѣны каменные, а каноны и пастыри духовные...”
Изъ „Раззоренія” Никона.

- Глава I. Положеніе Патріарха въ Московскомъ Государствен-
номъ строѣ.
Глава II. Боярство и Никонъ. Приготовленіе къ суду надъ Нико-
номъ.
Глава III. Судъ. Ссылка. Прочія мѣры преслѣдованія отъ бояръ.
Глава IV. Народъ и Никонъ.
Глава V. Церковныя реформы Петра I.
Глава VI. Отзывы о Никонѣ.

ВАРШАВА. СИНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ. 1931

Вмѣсто предисловія къ III части.

Опоздавшее по обстоятельствамъ, отъ автора независящимъ, печатаніе III части труда, составляющей неразрывную часть моей диссертациі, совпадаетъ съ событіями въ исторіи Христіанской Церкви, воскресающими память о Патріархѣ Никонѣ уже въ новой связи идей.

Поскольку въ 1917 году съ его памятью неразрывно связано такое событіе въ исторіи Русской Православной Церкви, какъ возстановленіе Патріаршества, постольку въ 1937 году имя его выплываетъ въ исторіи всей Православной Церкви и даже Церкви Вселенской — въ томъ пониманіи этого термина, который объединилъ всѣ Христіанскія Церкви на Оксфордской Конференціи. Столь ярко выдвинутая Никономъ въ свое время идея симфоніи, какъ верховнаго руководящаго принципа, опредѣляющаго заданіе Церкви по христіанизациі всѣхъ соціальныхъ отношеній, выявилась вновь, какъ требованіе церковнаго сознанія, съ видоизмѣненіями, приспособленными къ новымъ историческимъ условіямъ въ подготовительныхъ къ конференціи работахъ, прежде всего, у авторовъ православныхъ, какъ соціальное выраженіе Догмата Богочеловѣчества (въ сборникѣ „Kirche, Staat ut Mensch"). То же по существу ученіе, вытекающее изъ признанія первенства духовныхъ цѣлей и видоизмѣненное, особенно въ методахъ примѣненія, въ зависимости отъ различнаго пониманія природы Церкви и Государства въ разныхъ исповѣданіяхъ, мы находимъ и у нѣмецкихъ протестантскихъ ученыхъ („Kirche, Volk und Staat"), и у авторовъ американскихъ кальвинистскихъ (W. A. Brown. „Church and State in the Contemporary America"), у шведскихъ лютеранскихъ (Ehrenström. „Christian Faith and the Modern State"), у англиканскихъ (Oldham. „The church and its function in society"), у голландскихъ кальвинистовъ (Visser't Hooft. „The Church and the Churches") и пр. О ней же вспоминаетъ въ результатѣ работъ Конференціи и докладъ одной изъ ея секцій: „All spheres of life were to be organised as an harmonious system under the domination of Christian Standarts and the supernatural guidance of the Church" (Всѣ сферы жизни должны были организоваться въ одну гармоническую систему по указанію христіанскихъ идей подъ сверхприроднымъ руководствомъ Церкви).

Въ свое время для Католической Церкви принципъ симфоніи былъ провозглашенъ въ энцикликѣ „Immortale Dei" Папой Львомъ

ХІІІ-мъ, хотя онъ связанъ тамъ съ иными оттѣнками въ пониманіи духовной и свѣтской власти. Такимъ образомъ, принципъ симфоніи, при всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, выдвигается на степень общехристіанскаго церковнаго правосознанія, углубленіе и опредѣленіе котораго потребовалось въ видахъ новаго историческаго событія — появленія противоборствующихъ Церкви философскихъ секуляризованныхъ и даже богоборческихъ міровоззрѣній, поддерживаемыхъ силою государственной власти.

Борьба Никона съ церковнымъ провинціализмомъ — обособленіемъ отъ другихъ частей Православной Церкви нашла повтореніе въ требованіи Аѳинскаго Богословскаго Конгресса 1936 года созданія особаго всеправославнаго органа, контролирующаго и координирующаго сознаніе и дѣятельность отдѣльных Помѣстныхъ Церквей. А въ бельгійскомъ журналѣ „Irenikon" (іюньскій номеръ 1937 г.) въ рецензіи на мой II-й томъ рецензентъ, неизвѣстный мнѣ и подписавшій только свои инициалы, справедливо обнаруживаетъ идейную общность между Никоновскимъ построеніемъ церковно - государственныхъ отношеній и предстоявшей постановкой ихъ въ Оксфордѣ, выводя этимъ Никона на арену всемірно-историческую. Такое же универсальное соціологическое значеніе придаетъ рецензентъ и проблемѣ, поставленной Никономъ, о значеніи Церкви для жизни самого Государства, обнаруженномъ въ русской соціальной катастрофѣ XX вѣка, которая никакъ не можетъ быть вложена въ рамки національной исторіи отдѣльнаго Государства и имѣетъ такое-же всемірноисторическое значеніе, которое принадлежитъ большевизму съ его динамизмомъ, хотящимъ охватить всю вселенную, выявляя себя, какъ антицерковъ, противопоставленную Церкви Христовой на всемъ земномъ шарѣ, стремящую превзойти ее въ силѣ своего прозелитизма.

Признаніе такоготоже церковнаго, внѣнаціональнаго значенія Патріарха Никона видно и у англійскихъ историковъ Церкви (Palmer'a и др.), и въ рецензіяхъ на мои первые два тома, написанныхъ въ *Orientalia Christiana* за 1932 и 1936 г. профессоромъ каноническаго права въ Страсбургскомъ Университетѣ Herman'омъ.

17 декабря 1937 года.

Варшава.

Часть III.

Паденіе Никона и крушеніе его идей въ Петровскомъ законодательствѣ. Отзывы о Никонѣ.

Глава I. Положеніе Патріарха въ Московскомъ государственномъ строѣ.

Положеніе Боярской Думы въ строѣ Московскаго Государства. — Соединенныя засѣданія Боярской Думы и Собора Духовенства. — Положеніе Патріарха въ Боярской Думѣ. Положеніе Патріарха въ безгосударное время. — Взглядъ іерархіи на свое участіе въ государственныхъ дѣлахъ. — Государственное значеніе Патріарха. — Ростъ царской власти влекъ за собой ростъ и Патріаршей Власти. — Титуль Патріарха Московскаго „всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи“. — Составъ различныхъ государственныхъ правъ Патріарха Никона; его права въ Государствѣ, какъ Патріарха, въ силу этого сана и права, какъ государственнаго регента. — Бытовое положеніе Патріарха. — Скромность Никона въ домашней обстановкѣ и пышность въ официальной. — Приѣмъ Никономъ Патріарха Макарія. Обѣды Никона съ нищими въ описаніи Павла Алеппскаго. — Павелъ Алеппскій о строгости Никона къ духовенству. — С. М. Соловьевъ о нравахъ XVII вѣка и о существовавшихъ тогда наказаніяхъ. Соотвѣтствіе Никоновскихъ архипастырскихъ наказаній духу вѣка и обычаямъ. — Заботливость Никона въ отношеніи людей низшаго соціального положенія. — Враждебныя Никону теченія общественной мысли и его враги. Староцерковная партія, враждебная Никону въ церковно - обрядовыхъ реформахъ.

Положеніе Боярской Думы въ строѣ Московскаго Государства.

Необходимо предварительно вникнуть въ общій строй Московскаго Государства. Прежде всего необходимо обратить вниманіе на учрежденіе, существовавшее издревле при царѣ, — Боярскую Думу, неотдѣлимую отъ царской власти. Права ея не были опредѣлены закономъ, а держались, какъ фактъ бытовой на обычномъ правѣ. Общая законодательная формула была: „Царь указалъ и бояре приговорили“. Законъ представлялся, какъ результатъ неразрывной дѣятельности царя и Боярской Думы. Въ сферѣ административной вмѣстѣ съ царемъ она назначала центральныхъ и мѣстныхъ правителей. Веденіе текущихъ дѣлъ находилось подъ постояннымъ контролемъ Думы. Самые приказы первоначально были нерѣдко (Разрядный, Помѣстный др.) лишь комиссіями Боярской Думы. Полученіе званія думнаго человека, т. е. засѣдающаго въ Боярской Думѣ, зависѣло отъ воли государя. Но государь въ этомъ случаѣ былъ связанъ обычаемъ и считался съ порождою участвовавшаго: лица высшихъ, преимущественно княжескихъ фамилій, получали прямо званіе боярина, минуя низшіе чины, менѣе знатные начинали съ окольничества; Василій III оставилъ преемнику 20 бояръ, 1 казначея, 1 окольничьяго; Іоаннъ Грозный оставилъ сыну 10 бояръ, 1 окольничьяго, 1 крайчого 1 казначея и 8 думныхъ дворянъ; Ѳеодоръ Іоановичъ оставилъ 8 окольничьихъ и 2 думныхъ дворянъ. Прочіе проходили по низшимъ ступенямъ чиновъ, рѣдко достигая боярства. Въ производствѣ лицъ въ думные дворяне и думные дѣяки воля государя ничѣмъ не стѣснена; въ думные дѣяки производились изъ дворянъ, гостей и подъячихъ (Вл. Будановъ. Обзоръ Исторіи Русскаго Права, 160 стр.). Думные дворяне и думные дѣяки появляются въ первой половинѣ

XVI вѣка, когда великій князь началъ вводить въ Думу простыхъ дворянъ; и эту мѣру усилилъ Грозный во время борьбы съ родовитымъ боярствомъ; съ 1572 г. думный дворянинъ — особый постоянный разрядъ думныхъ людей на ряду съ боярами и окольничьими. Во время борьбы съ боярствомъ появляются въ Думѣ и думные дѣятели, ведшіе такіе дѣла, которыя Дума не могла вести *in corpore*. Они не считались членами Думы, но по своему вѣдомству имѣли право голоса въ засѣданіяхъ Думы. Общее число думныхъ людей обыкновенно разрасталось (неродовитая часть увеличилась при Грозномъ, но при Ѳеодорѣ Іоановичѣ опять уменьшилась въ числѣ. 16 родовъ прямо поступали въ бояре, а 15 въ окольничіи по праву рожденія. Къ первымъ принадлежали: Черкасскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Буйносовы, Ростовскіе, Хилковы, Урусовы (изъ нихъ только 4 нетитулованныя фамиліи: Морозовы, Шереметевы, Шеины и Салтыковы); изъ княжескихъ, кромѣ Черкасскихъ и Урусовыхъ, всѣ Гедеминовичи и Рюриковичи. Ко вторымъ относятся Куракины, Долгоруки, Ромодановскіе, Пожарскіе, Волконскіе, Лобановы-Ростовскіе, Бярятинскіе, Львовы — все Рюриковичи, кромѣ Куракиныхъ Гедеминовичей, и семь боярскихъ фамилій: Бутурлины, Стрешневы, Милославскіе, Сукины, Пушкины, Чумаковы и Плещеевы. Думныхъ людей при Годуновѣ было 30, въ Смутное время 47, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ 19, при Алексѣѣ Михайловичѣ — 59, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ 167. Въ постоянныхъ засѣданіяхъ Думы участвовали всѣ ея члены, которые были въ Москвѣ. Возможно полныя засѣданія Думы происходили въ особо важныхъ случаяхъ, въ частности при созывѣ Земскихъ Соборовъ, непремѣнную часть коихъ составляла Дума.

Земскій Соборъ не есть элементъ власти противоположной власти Царской и Боярской Думы; онъ есть органъ власти общеземской, включавшей въ себя Царя и Думу: эти три части Собора существенныя и органическія. Безъ нихъ нѣтъ и Земскаго Собора. Даже когда нѣтъ царя, то власть царя предоставляется лицамъ, замѣняющимъ государя (Патріархомъ или Думой въ качествѣ временнаго правительства). Съ 1653 г. до смерти своей царь Алексѣй не созывалъ земскихъ соборовъ, ибо Уложеніе разрѣшило законодательные вопросы, а съ 1654 г. — рядъ войнъ. Иногда къ Думѣ присоединялся соборъ духовенства. Обычай этотъ, говоритъ Ключевскій въ сочиненіи „Боярская Дума" (XXV гл.), вышелъ изъ одного источника съ древне русскими

смѣстными судами: въ дѣлахъ, подсудныхъ двумъ разнымъ юрисдикціямъ; на судѣ присутствовали представители обѣихъ.

Соединенныя засѣданія Боярской Думы и Собора Духовенства.

Взаимная связь обоихъ правительствъ создала обычай со временъ Св. Владиміра приглашать на совѣтъ высшихъ церковныхъ іерарховъ, и объ этомъ политическомъ значеніи іерархіи Московскіе послы говорили полякамъ въ 1610 г. „Изначала у насъ въ Русскомъ царствѣ такъ велось, если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ и архіереевъ и съ ними о всякихъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали."

Церковь вѣдала у насъ до Петра всѣ дѣла вѣры и семейнаго порядка, такъ что присутствіе представителей Церкви считалось необходимымъ въ Думѣ и при обсужденіи вопросовъ о женитьбѣ царя въ виду опасности для чистоты вѣры подъ вліяніемъ иноземцевъ. Оно требовалось вообще всегда, когда хоть сколько нибудь затрагивались интересы Церкви; напримѣръ, вопросъ о томъ, отдавать ли на откупъ продажу питей, затрагивалъ крестоцѣлованіе, клятву и потому требовалъ участія представителей Церкви. Дума устанавливала и казенныя мѣры вѣсовъ по совѣту съ патріархомъ, ибо надзору церковной власти изстари были поручены торговые мѣры и вѣсы. Патріархъ или одинъ, или съ властями участвовалъ въ Думѣ и тогда, когда затрагивалось положеніе церковныхъ и монастырскихъ владѣній, землевладѣльческихъ льготъ, крестьянскихъ побѣговъ. Однако, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда рассматривались вопросы, затрагивающіе религіозно-нравственную сторону, или матеріальные интересы Церкви, призывались ея представители въ Думу. Взаимнопрониканіе Церкви и государства до XVIII вѣка было настолько велико, что какъ съ одной стороны царь съ высшими чинами государства участвовалъ въ церковныхъ соборахъ, рассматривавшихъ дѣла внутренняго церковнаго управленія (напримѣръ на Стоглавомъ Соборѣ), такъ съ другой стороны и представители Церкви участвовали въ Думѣ въ дѣлахъ чисто государственнаго характера, напримѣръ, въ вопросѣ о войнѣ, о мѣстничествѣ, въ изданіи Судебника, Уложенія. Черезъ это духовенство получало большой политическій вѣсъ, но часто уклонялось само отъ рѣшенія въ тѣхъ случаяхъ, когда не видѣло связи вопроса съ нравственными или религіозными идеями и тогда заявляло, что это дѣло государя и его синклита, а его дѣло

молиться. Освященный Соборъ являлся въ Думу на совѣщанія о государственныхъ вопросахъ не въ одинаковомъ составѣ. Иногда патріархъ являлся, окруженный одними архіереями, иногда къ нимъ присоединялись выборныя власти: архимандриты, игумены, но неизвѣстно, какъ они выбирались. Нѣкоторые изъ нихъ принимали участіе въ силу своего положенія, напримѣръ архимандриты исторически извѣстныхъ монастырей. Патріархъ Никонъ, мы видѣли, въ январѣ 1665 г. хлопоталъ о такомъ же положеніи для архимандрита Воскресенскаго монастыря.

Положеніе Патріарха въ Боярской Думѣ. Положеніе Патріарха въ безгосударное время.

Высшія духовныя лица считались дѣйствительными членами Думы, имѣли въ ней мѣсто по сану, хотя не всегда присутствовали на засѣданіяхъ. Патріархъ же въ этомъ строѣ занималъ особое положеніе, унаслѣдованное изстари. Онъ сидѣлъ рядомъ съ царемъ по правую руку. Онъ предсѣдательствовалъ въ Думѣ по праву перваго сановника государства въ отсутствіе царя. Онъ же созывалъ и избирательный земскій соборъ въ безгосударное время, какъ дѣлалъ патріархъ Іовъ послѣ смерти Ѳеодора Іоанновича и патріархъ Іоакимъ послѣ смерти Ѳеодора Алексѣевича. Первосвятитель становился опекуномъ малолѣтнихъ дѣтей государя послѣ смерти (великаго Князя Василія III). Когда царь въ 1547-1548 гг. уходилъ въ Казанскій походъ, онъ оставилъ въ Москвѣ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича и 6 бояръ и окольничихъ; они во всѣхъ дѣлахъ должны были испрашивать санкціи митрополита Макарія. Поэтому не было ничего необычнаго и въ томъ, что, когда Царь Алексѣй Михайловичъ ушелъ въ походъ въ 1654 г., онъ, оставивъ князя Пронскаго съ 5 товарищами, подчинилъ ихъ высшему правительству изъ царицы, малолѣтняго царевича и патріарха Никона. Патріархъ Никонъ издавалъ указы именемъ царевича и получалъ доклады отъ бояръ. Патріархъ, послѣ разсмотрѣнія дѣла боярами, его разсматривалъ вновь и давалъ рѣшеніе или утверждавшее или измѣнявшее боярскій приговоръ. Въ данномъ случаѣ патріархъ выступалъ въ качествѣ временнаго верховнаго правителя государственнаго регента, какъ во время междуцарствія онъ, въ качествѣ начальнаго человѣка, возглавлялъ и Думу и Освященный Соборъ. Уложеніе одинаково карало за оскорбленіе Царя и Патріарха, ничего даже не говоритъ о судѣ надъ патріархомъ, какъ бы не думая о возможности суда надъ нимъ. Обезсиливая Патріарха матеріально конфискаціей

части его имущества и ограничивая права духовенства вообще и понижая его влияние в обществе.

Взгляд иерархии на свое участие в государственных делах.

Уложение еще не затрагивало личного положения патриарха и не исключало возможности привилегий для него в виде особых жалованных грамот. На самое участие в государственных делах иерархия наша смотрела всегда как на помощь государству ради „страха Божия“, и никогда не было стремления преобладания над Царем в государственных делах, и ниоткуда не видно, чтобы и Никон нарушал эту традицию.

Свои государственные прерогативы наши патриархи всегда рассматривали не как присущия им права, а как нечто пожалованное царем; также, Никон на всѣхъ 614 стр. своего „Раззоренія“ ни разу не выражаетъ своего сожалѣнія ни воспоминанія о правахъ патриарха в государствѣ, останавливаясь исключительно только на томъ, что онъ считалъ или принадлежащимъ Церкви по ея существу, или в силу многовѣковой давности.

Государственное значеніе Патриарха.

Особенно усилилось государственное значеніе патриарха в смутное время. Онъ — центръ не только религіознаго, но и національнаго самосознанія; всѣ искатели престола стремятся заручиться его благословеніемъ. „Меня Патриархъ Іовъ благословилъ на царство“, ложно писалъ Лжедимитрій въ Москву. Василій Шуйскій въ Гермогенъ ищетъ поддержки колеблющагося престола. При переговорахъ съ королевичемъ польскимъ Владиславомъ грамотамъ безъ печати патриарха никто не вѣритъ. Онъ — центръ движенія, созывающаго ополченіе на защиту вѣры и отечества со всѣхъ частей распадающагося государства. Народъ видитъ въ немъ охранителя и религіозныхъ и національныхъ интересовъ, который становится во главѣ государства, за отсутствіемъ Царя, какъ Богомъ поставленный пастырь, начальный человекъ и высшій судья. Въ 1618 году не могутъ рѣшить вопроса о положеніи православныхъ въ отошедшихъ къ Швеціи земляхъ, ибо не было Патриарха, а дѣтямъ его духовнымъ, митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ, кромѣ его святейшаго повелѣнія, совершеннаго отвѣта на то учинить невозможно, понеже онъ есть всѣмъ пастырь и глава“. И Филарета зовутъ на патриаршій престолъ, желая видѣть въ немъ „царствію помощателя. И первый Царь утверждаетъ это народное сознаніе, когда постановляетъ, что

„каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государь, ихъ государское величество нераздѣльно". Представленіе о священной двоицѣ — не только мысль Эпанагоги, но и выношенное въ смутѣ представленіе о томъ, что Патріархъ первый помощникъ Царя въ возстановленіи царства и идеаловъ правды и святости, которыя олицетворяются Патріархомъ и стоятъ, какъ руководящія вѣхи передъ царствомъ.

Государственное значеніе патріарховъ опредѣлялось не личными ихъ качествами, а идеями, вложенными въ самое учрежденіе, поэтому и малыя способности патріарховъ Іоасафа и Іосифа, бывшихъ между Филаретомъ и Никономъ, не измѣнили государственнаго значенія ихъ, хотя и понижали общественное значеніе Церкви.

Ростъ царской власти влекъ за собой ростъ и патріаршей власти.

Какъ правило, надо считать, что ростъ Царской власти отражался и на ростѣ Патріаршей. Такъ было изначала съ учрежденія Московскаго патріаршества, которое отражало не только внутренній ростъ русской Церкви, но и ростъ власти Царской при Грозномъ. Государство русское прежде окрѣпло въ своей самостоятельности, чѣмъ русская Церковь, только въ половинѣ XV в. начавшая свое самостоятельное существованіе, а сила государства увеличивала естественно и силу церковную, ибо идеи Церкви и Государства хотя и разными путями, въ принципѣ призваны были вести къ одной конечной цѣли. Эта связанность отражалась и въ самыхъ титулахъ Царя и Патріарха, которые и пространственно соотвѣтствовали другъ другу. Павелъ Апеппскій, какъ свидѣтель, передаетъ, что 6 января 1656 г. (II, 281) во время молебна пѣли многолѣтія за самодержца Великой, Малой и Бѣлой Россіи: Вильно была взято, и въ отвѣтъ Царь велѣлъ титуловать Патріарха такимъ-же титуломъ.

Титулы Патріарха Московскаго „всѣя Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи".

Хотя бояре и Лигаридъ обвиняютъ Никона въ узурпированіи этихъ титуловъ, но Патріархомъ Великой и Малой Россіи титуловалъ Никона еще въ 1654 г. самъ Константинопольскій патріархъ Паисій въ соборной грамотѣ въ отвѣтъ на Никоновскіе вопросы объ обрядахъ (грамота эта у Пальмера, II т., 408 стр.), хотя самъ Никонъ еще въ декабрѣ 1655 г. на соборныхъ актахъ подписывался только „архіепископъ царствующаго града Москвы и Патріархъ всея Россіи" (II, 415). Но Царь титуловалъ Никона еще въ 1654 г. въ публичныхъ актахъ Патріархомъ Московскимъ и Великой и Малой Россіи". (II, 518), отдавъ еще въ 1653 г. приказъ титуловать его патріархомъ

Великой и Малой Россіи (II, 547), Титуль же „Бѣлой“, первоначально былъ указанъ для употребленія самимъ Царемъ для себя въ грамотѣ, гдѣ и Никонъ титуловался, соотвѣтственно Царю. Пальмеръ приводитъ грамоту отъ 1655 г. (II, 463), гдѣ царь сообщаетъ о завоеваніи у Польши Бѣлоруссіи, Литвы, Волыни и Подоліи и приказываетъ внести въ Царскій титуль: „Великій Князь Литовскій и Бѣлорусскій, Волыни и Подоліи“. Въ этой грамотѣ есть фраза: „Молитвами Отца нашего и богомольца Великаго Государя Святѣйшаго Никона Патріарха Московскаго и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи... мы взяли у Польши городъ Вильну, столицу великаго княжества Литовскаго, нѣкогда принадлежавшаго нашимъ предкамъ... равно мы взяли и Бѣлую Русь... и милостью Божіею мы сдѣлались Великимъ Государемъ надъ великимъ княжествомъ Литовскимъ нашихъ предковъ и надъ Бѣлой Русью и надъ Волынью и Подоліей“. По Виленскому перемирію 24 октября 1655 года Бѣлая Русь и Малая Русь соединились съ Московскимъ царствомъ, а царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ вступить на Польскій тронъ послѣ смерти короля Казимира (IV, 102). Итакъ Царь, воспринимая самъ титуль, одновременно его даетъ и Патріарху (II, 463), самъ же Никонъ не употребляетъ этого титула въ церковныхъ молитвахъ (II, 552). Изъ этого видно, какъ неправильно Лигаридъ и бояре въ одиннадцатомъ вопросѣ патріархамъ обвиняли Никона косвенно въ самовольномъ присвоеніи титула Великой, Малой и Бѣлой Россіи (III, 333). Кстати сказать, въ отношеніи обвиненій Никона въ честолубіи и властолюбіи, неправильно и обвиненіе его въ захватѣ Кіевской каѳедры, такъ какъ еще въ 1657 г. царь почиталъ себя обиженнымъ за отказъ Никона (II, 518) посвятить туда епископа въ виду принадлежности Кіева Константинопольскому патріархату, какъ и самъ Никонъ писалъ объ этомъ (I, 158-160).

Составъ различныхъ государственныхъ правъ патріарха Никона; его права въ государствѣ, какъ патріарха въ силу этого сана и права, какъ государственнаго регента.

То же и съ титуломъ великаго государя. Онъ не давалъ Никону никакихъ реальныхъ правъ и былъ способомъ отличія заслугъ Никона, по сохраненію царской семьи отъ чумы, со стороны царя, который далъ его въ октябрѣ 1654 г., когда Никонъ доставилъ въ Вязьму царю невредимымъ его семейство (IV, 99). Патріархъ, какъ государственный сановникъ, получалъ высшій титуль, не связанный ни съ какими особыми правами; особые права имѣлъ Никонъ не по титулу

великаго государя, а по положенію государственнаго регента на время отсутствія царя, кромѣ тѣхъ правъ, которыя онъ имѣлъ въ государствѣ по положенію всякаго патріарха, т. е. право участія въ Боярской Думѣ, право печалованія передъ царемъ за опальныхъ и несправедливо обиженныхъ. Положеніе государственнаго регента было временное и обусловлено отсутствіемъ Царя. Именно, въ качествѣ государственнаго регента, Никонъ принималъ бояръ ежедневно съ докладами и, по рассказамъ Павла Алеппскаго, заставлялъ ихъ по долгу ожидать своего приѣма и прежде доклада выслушивать молитву и кланяться ему въ ноги, чѣмъ весьма затрагивалось боярское самолюбіе. Это послужило одной изъ причинъ ненависти и зависти бояръ къ Никону.

По описанію Павла Алеппскаго этотъ приѣмъ происходилъ у Никона такъ: бояре сидѣли въ ожиданіи, пока патріархъ не позоветъ ихъ войти (патріархъ Макарій былъ на приѣмѣ.) При входѣ ихъ Никонъ оборачивался къ иконамъ, читая про себя „Достойно есть“, причѣмъ всѣ они дѣлали земной поклонъ и оставались съ непокрытой головой до самаго ухода. Каждый изъ нихъ, приблизившись, кланялся ему до земли, подходилъ подъ благословеніе и въ заключеніе вторично дѣлалъ земной поклонъ. Патріархъ разговаривалъ съ ними стоя, при чемъ они докладывали ему всѣ текущія дѣла, на кои онъ давалъ отвѣтъ, приказывалъ, что должно дѣлать (Ч.И.О.И. и Д. Р. 1898, 3; 159 стр.) „По окончаніи приѣма, патріархъ оборачивался къ иконамъ, пѣлъ „Достойно есть“, благословлялъ бояръ и отпускалъ ихъ, затѣмъ шелъ впереди нихъ въ церковь, ибо онъ обыкновенно никогда не пропускалъ службы въ церкви, 3 раза, днемъ и ночью, присутствуя за обѣдней и вечерней, и въ большую часть дней совершалъ литургію“.

„Предшественники Никона никогда не занимались государственными дѣлами, но онъ, благодаря своему проницательному остроуму и знаніямъ, искусенъ во всѣхъ отрасляхъ дѣлъ духовныхъ, государственныхъ и мірскихъ, такъ какъ онъ былъ женатъ и на опытѣ ознакомился съ мірскими дѣлами.“

Съ возвращеніемъ въ Москву царя, Никонъ переставалъ быть регентомъ еще въ концѣ 1656 г., и, когда царь велѣлъ въ іюлѣ 1658 г. прекратить ему называться великимъ государемъ, онъ его не лишалъ какихъ-либо реальныхъ правъ, а только пышнаго титула, который Никонъ называлъ „горделивымъ и проклятымъ названіемъ“, и лишеніе это только образно выражало царскій гнѣвъ.

Бытовое положеніе патріарха.

Въ соотвѣтствіи съ положеніемъ патріарха въ строѣ правовомъ, стояло и его общественное положеніе въ быту. По этому быту можно опредѣлить положеніе человѣка XVII вѣка, ибо въ то время домашнія бытовія формы строго опредѣлялись соціальнымъ положеніемъ, а не имущественнымъ достаткомъ; форма быта приближалась къ царскимъ по мѣрѣ приближенія чина къ царю, и формы быта Патріарховъ совершенно походили на царскія, представляли ихъ точное подобіе въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что патріархъ былъ первое лицо въ государствѣ послѣ царя; онъ только индивидуализировались въ зависимости отъ того, что онъ принадлежали предстоятелямъ Церкви, а не представителямъ государства. Когда иностранные послы принимались Царемъ безъ Патріарха, то они представлялись Патріарху отдѣльно въ такой же церемоніи: также собирались въ патріаршія палаты патріаршіе бояре, думные дьяки, дворецкіе, приказные люди и дѣти боярскіе на патріаршемъ дворѣ въ цвѣтныхъ платьяхъ, а на площади были стрѣльцы, но въ отличіе отъ царскаго пріема безъ пищалей (Писаревъ, Пр. Соб. 1904).

Оффиціальныи домашній бытъ Патріарховъ выражался въ очень пышныхъ формахъ. Для этой пышности были причины, ибо Патріархъ былъ выразителемъ религіозно-національнаго сознанія народа не только передъ лицомъ своихъ русскихъ, но и предъ лицомъ пріѣзжихъ православныхъ, **а способы выраженія этого сознанія, естествен но, должны были соотвѣтствовать понятіямъ своего времени.**

Скромность Никона въ домашней обстановкѣ и пышность въ общественной.

Въ то время преимущественно обращали вниманіе на внѣшнія формы жизни, и по нимъ судили о внутреннемъ достоинствѣ, а Патріархъ Московскій призванъ былъ выражать идею 3-го Рима и явить образъ предстоятеля высшаго въ Церкви сана — патріаршаго. Особенно красочно и ярко въ своей дѣятельности и личности выявлялъ эту идею Никонъ. Въ личной жизни Никонъ былъ не требователенъ и скромненъ въ требованіяхъ, какъ это описано у его иподіакона Шушерина, неизмѣнно состоявшаго при немъ, начиная со времени митрополитства Никона въ Новгородѣ до 30 ноября 1666 г., когда онъ, сопровождавшій патріарха Никона на судъ, былъ арестованъ властями у Никольскихъ воротъ.

Шушеринъ (СПБ., 1817) о жизни въ Воскресенскомъ монастырѣ, когда Никонъ не былъ связанъ офіціальными выступленіями, — пишетъ (стр. 88): „Пища же его бѣше вседневная: капуста варена съ хлѣбомъ сушенымъ, мѣлко раздробленнымъ, и отъ огородныхъ зелей огурцы, и юха малыхъ рыбицъ и то токмо въ разрѣшенные дни, въ среды же и въ пятницы и въ понедѣльники никакого же вкушенія рыбы во все лѣто, развѣ въ Господніе Праздники и въ Богородицины. Одежды же его бѣше отъ кожъ овчихъ, и ряса отъ власъ агньчихъ пепеловиднаго сукна ношаше, мантия же всегда чернаго сукна мантийнаго, точію съ источниками... По вся же посты, въ пустыню свою отхождаше, юже устрои и въ ней двѣ церкви Богоявленія Господня и отъ святыхъ праведныхъ Апостоловъ Петра и Павла, въ ней же устроено келей, восходы же нань вельми тѣсныя, тамо же едина верхняя келія мало во всемъ сажень, въ ней же пребываше и жестокое житіе препровождаше вѣщія молитвы и поклоны и постъ творяше, сна же мало всегда пріимаше, яко въ нощенствіе токмо 3 часа."

Но когда Никону приходилось выступать на людяхъ офіціально, какъ Патріарху, онъ поражалъ блескомъ своихъ одеждъ, пышностью своихъ пріемовъ и обѣдовъ и торжественностью церемоній. И въ этомъ своемъ свойствѣ Никонъ иллюстрировалъ только, что для русскаго человѣка вѣроисповѣданіе, какъ бытовое начало, проникаетъ собой подобно воздуху, по словамъ И. С. Аксакова (V, 145), всю жизнь народа, опредѣляетъ характеръ всѣхъ отпращиваній его жизни, какъ духовной, такъ и матеріальной, какъ общественной, такъ и государственной. Вѣра для русскаго человѣка есть не только субъективное личное чувство, но начало общественное, бытовое, управляющее жизнью. Формы быта настолько сливались съ саномъ, что нельзя было помыслить представителя сана безъ принадлежащихъ этому сану бытовыхъ особенностей. Вполнѣ естественно, что, когда Никонъ находился въ Воскресенскомъ монастырѣ, и не видѣлъ отношенія къ нему со стороны царя, соотвѣтствующаго его сану въ мелочахъ повседневной жизни, то онъ горевалъ объ этомъ не потому, что, какъ говоритъ Каптеревъ, „онъ чувствовалъ себя устранившимся царедворцемъ, любящимъ блага жизни" (Каптеревъ 1, 411), а потому, что въ отсутствіи соотвѣтствующихъ блюдъ въ именинные царскіе дни онъ видѣлъ неуваженіе и непризнаніе его какъ Патріарха, тогда какъ самъ Никонъ почиталъ себя Патріархомъ.

Никонъ писалъ въ іюлѣ 1659 года: „Еже нынѣ іюля въ 25 день торжествованія рожденія благородныя царевны и великія княжны Анны Михайловны вси возвеселившись о добромъ томъ рождествѣ насладившись. Единъ азъ, яко песь, лишень богатыя ваша трапезы; но и пси по реченному напиться отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ. Аще не бы яко врагъ вмѣненъ, не бы лишень малаго уломка хлѣба богатыя ваша трапезы". Каптеревъ называетъ это „томленіемъ при воспоминаніяхъ о роскошныхъ царскихъ трапезахъ" (Каптеревъ, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, 1, 401), но здѣсь не то, полагаемъ мы, а горькая обида на несоотвѣтствіе своего дѣйствительнаго положенія съ своимъ саномъ, который, при господствовавшихъ обычаяхъ того времени, дѣлалъ Патріарха участникомъ всѣхъ царскихъ именинныхъ торжествъ, какъ символъ чести и бытовое признаніе нераздѣльности Царя и Патріарха.

Также въ этомъ стремленіи „стоять высоко, ѣздить широко" нельзя видѣть проявленія какой-то гордости, какъ то дѣлали расколотчики и ихъ современные ученые послѣдователи; въ этомъ было лишь бытовое выраженіе идей, которыя Никонъ связывалъ съ саномъ. Онъ считалъ себя обязаннымъ реально и наглядно воспитывать это понятіе и въ русскихъ, и въ православныхъ иностранцахъ, пріѣзжавшихъ съ Востока. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Никонъ строитъ рядомъ съ царскимъ въ Кремлѣ патріаршій дворецъ, который освящается въ декабрѣ 1655 года. Въ соотвѣтствіи съ этимъ его облаченіе поражаютъ великолѣпіемъ, его митра своими драгоценными украшеніями. Его службы необыкновенно торжественны, всегда въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, и по строгости выполненія всѣхъ уставныхъ требованій поражаютъ своей продолжительностью и пунктуальностью даже духовныхъ православныхъ иностранцевъ, ихъ свидѣтелей, въ разсказѣ Павла Алеппскаго сопровождавшаго въ 1654 г. своего отца Патріарха Макарія.

Павелъ Алеппскій описываетъ одну изъ многочисленныхъ величественныхъ службъ (Ч. О. И. и Х. 1898, 3; 138, стр.), продолжавшуюся 7 часовъ; онъ пишетъ: „Мало было Патріарху продолжительной службы и длиннаго синаксарія: онъ еще прибавилъ въ концѣ проповѣдь и много поученій. Богъ да дастъ ему чувство мѣры. Онъ не пожалѣлъ Царя, ни даже царскихъ дѣтей. Я хотѣлъ бы знать, что бы у насъ сказали и стали-ли бы такъ терпѣть...

Но нѣтъ сомнѣнія, что Творецъ дароваль русскимъ царство, котораго они достойны, и которое приличествуетъ за то, что всѣ ихъ заботы духовныя, а не тѣлесныя. Таковы всѣ они. Царь и Патріархъ прислали намъ кушать, но только что мы сѣли за столъ, полумертвые отъ усталости, и пораженные изумленіемъ, какъ ударили къ вечернѣ". И такіе случаи неоднократно попадаютъ въ дневникъ Павла Алеппскаго.

Пышные обычаи Патріарха введены не Никономъ; не Никонъ ввелъ и обрядъ угощенія Патріарха Царемъ посредствомъ почтительнаго поднесенія съ сыновнимъ привѣтствіемъ ему чаши съ виномъ за обѣдомъ; этотъ обычай былъ еще при Митрополитахъ; здѣсь дѣло не въ гордости Никона, а въ установленномъ чинѣ жизни, выявлявшемъ общенародное почитаніе предстоятеля Церкви, который Никонъ только тщательно соблюдалъ и болѣе красочно выражалъ.

Пріемъ Никономъ Патріарха Макарія. Обѣды Никона съ нищими въ описаніи Павла Алеппскаго.

Вотъ, описаніе Павломъ Алеппскимъ пріема Никономъ Патріарха Макарія (Чт. О. И. и др. Росс. 1898, 3; 22, 23 стр.): „Когда нашъ Владыка Патріархъ приблизился къ первой лѣстницѣ патріаршихъ палатъ, его встрѣтили два главныхъ архимандрита, поклонились ему до земли и сказали, читая по имѣвшейся у нихъ бумагѣ; Отецъ Святый Блаженнѣйшій и Владыка киръ Макарій, Патріархъ великаго града Божія Антіохіи и странъ Киликіи, Иверіи, Сиріи, Аравіи и всего Востока, братъ твой и соучастникъ въ божественныхъ таинствахъ, Господинъ киръ Никонъ, Архіепископъ града Москвы и Патріархъ всѣхъ странъ Великой и Малой Россіи, послалъ насъ, архимандритовъ монастыря такого то въ такой то области, встрѣтить твою святость по Слову Господа нашего Іисуса Христа въ Его Святомъ Евангеліи: кто принимаетъ васъ, принимаетъ Меня". И они опять поклонились ему до земли. Читали они по гречески, а драгоманъ переводилъ по русски. Нашъ Владыка Патріархъ выразилъ подобающія благожеланія и благословилъ ихъ. Они взяли его подъ руки вмѣсто бояръ и повели наверхъ. Когда онъ дошелъ до вторыхъ лѣстницъ, его встрѣтили два другіе архимандрита, которые, сказавъ и сдѣлавъ то же, взяли его подъ руки. При входѣ нашемъ во внѣшнюю часть палатъ, гдѣ находится 3-я лѣстница, вышелъ Патріархъ Никонъ, одѣтый въ мантию изъ зеленаго рытаго, узорчатаго бархата, со скрижалями изъ краснаго бархата, на которыхъ въ серединѣ изображеніе херувимовъ изъ золота и жемчуга, и съ источниками изъ

бѣлаго галуна съ красной полоской въ серединѣ. На головѣ его былъ бѣлый клобукъ съ крестомъ изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Надъ его глазами было изображеніе херувима съ жемчугомъ; воскрылія клобука спускались внизъ и также были украшены золотомъ и драгоцѣнными камнями. Въ правой рукѣ онъ держалъ посохъ. Онъ встрѣтилъ нашего учителя съ великимъ почетомъ, сказавъ: „Отецъ Святый Блаженнѣйшій, киръ Макарій, Патріархъ великаго града Божія Антіохіи и странъ Киликіи, Иверіи, Сиріи, и Аравіи и всего Востока. Твоя святость уподобляется Господу Христу, а я подобенъ Закхею, который, будучи малъ ростомъ и домогался увидѣть Христа, взлѣзъ на сикамору, чтобы видѣть Его; такъ и я грѣшный вышелъ теперь, чтобы лицезрѣть твою святость". Драгоманъ переводилъ его слова на греческій. За тѣмъ онъ облобызался съ нашимъ Владыкой и повелъ его внутрь своихъ палатъ, весь полъ которыхъ былъ устланъ большими коврами. Оба они подошли по обычаю къ иконостасу, который всегда ставится надъ головой Патріарха. Свѣчи горѣли. Они пропѣли „Достойно есть" и сдѣлали земной поклонъ и поклонились другъ другу. Затѣмъ Патріархъ Никонъ снялъ свой клобукъ и просилъ нашего Владыку Патріарха благословить его. Съ трудомъ, послѣ многихъ отказовъ, онъ благословилъ его на чело, грудь и плечи по ихъ обычаю, и они сѣли бесѣдовать черезъ драгомана. Потомъ онъ всталъ и пошелъ во внутренніе покои, гдѣ снялъ свою зеленую мантию и надѣлъ другую, всегдашнюю изъ рытаго узорчатаго бархата фіолетоваго цвѣта и бѣлый также всегдашній клобукъ съ однимъ, вышитымъ изъ золота херувимомъ на челѣ, снялъ зеленное бархатное одѣяніе, и надѣлъ красное бархатное по ихъ обычаю и вышелъ. Въ это время подходили всѣ бывшіе у него настоятели монастырей, протопопы, священники и діаконы и кланялись нашему Владыкѣ, а онъ ихъ благословлялъ". Во всей этой церемоніи мы наблюдаемъ, кромѣ внѣшней пышности Никона, и строго каноническое признаніе высшаго мѣста Антіохійскаго Патріарха при всей его бѣдности и захудалости каѳедры въ принятіи первымъ благословенія отъ него и въ самомъ обращеніи словесномъ, гдѣ Никонъ ставитъ себя на мѣсто Закхея передъ Христомъ. Образецъ этого смиренія Никонъ давалъ и въ другомъ видѣ. Павелъ Алеппскій рассказываетъ (179 стр.) о богатой трапезѣ у Патріарха въ Вербное Воскресеніе послѣ хожденія на ослати: Въ столовую привели нищихъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ, безногихъ и поставили для нихъ столъ близъ Патріарха; онъ поздравлялъ каждого изъ нихъ, кормилъ и поилъ съ полнымъ

уваженіємъ. При видѣ всего этого мы почувствовали тошноту. Наконецъ Патріархъ поднялся, ему поднесли тазъ и кувшинъ, и онъ обошелъ нищихъ, умывая, вытирая и лобызая ихъ ноги, всѣхъ по порядку, при чемъ раздавалъ имъ милостыню до послѣдняго. Мы удивились чрезвычайно, глядя на это, и были тронуты до слезъ". Характерно, что этотъ обѣдъ былъ безъ Царя, ибо онъ былъ въ походѣ, но Никонъ только тогда сѣлъ за столъ, когда послалъ яства и напитки всему царскому семейству.

Павель Алеппскій о строгости Никона къ духовенству.

Еще объ одной чертѣ Никона упоминаетъ Павель Алеппскій — это о строгости къ духовенству. О дисциплинѣ Никона и строгости сообщаетъ Павель Алеппскій въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего сочиненія „Путешествіе Патріарха Макарія"; На 47 стр. (1898, 3 Чт. О. И. и Др. Росс.) онъ пишетъ: „Сдѣлавшись Патріархомъ, онъ немедленно сослалъ въ заточеніе въ Сибирь трехъ протопоповъ съ женами и дѣтьми, изъ коихъ 1 былъ царскимъ протопопомъ. Послѣдній занималъ такое положеніе, что могъ наказывать, заключать въ тюрьму и налагать оковы на священниковъ безъ дозволенія прежнихъ Патріарховъ. Когда это произошло, водворился миръ. И всѣ стали бояться Никона. Онъ до сихъ поръ великій тиранъ по отношенію къ архіереямъ, архимандритамъ и всему священническому чину, даже къ государственнымъ сановникамъ... Прослышавъ о чьемъ-нибудь проступкѣ, даже объ опьяненіи, онъ немедленно того заточаетъ, ибо его стрѣльцы постоянно рыщутъ по городу, и лишь только увидятъ священника или монаха пьянымъ, сажаютъ его въ тюрьму, подвергая всяческому униженію. Оттого намъ приходилось видѣть тюрьмы переполненными такими людьми, кои находятся въ самомъ скверномъ положеніи, будучи окованы тяжелыми цѣпями по шеѣ и съ большими колодками на ногахъ. Бояре прежде входили къ Патріарху безъ доклада привратника; онъ выходилъ имъ навстрѣчу, а при уходѣ шелъ ихъ провожать. Теперь же, какъ мы видѣли собственными глазами, министры Царя и его приближенные сидятъ долгое время у наружныхъ дверей, пока Никонъ не дозволитъ имъ войти; они входятъ съ чрезвычайной робостью и страхомъ, при чемъ до окончанія дѣла стоятъ на ногахъ, а, когда затѣмъ уходятъ, Никонъ продолжаетъ сидѣть". Павель Алеппскій забываетъ, что Никонъ принималъ бояръ въ качествѣ государственнаго регента, представляя лицо Царя, а потому и пріемъ его былъ иной. Что касается тюремъ, то

самъ Павелъ Алеппскій сообщаетъ (160 стр.), что такія тюрьмы были у всѣхъ архіереевъ, и слѣдовательно ничего особеннаго это для Никона не представляетъ. „Во всякомъ мѣстѣ пребыванія архіерея есть тюрьма, снабженная тяжелыми желѣзными оковами и большими деревянными колодками. Если кто изъ настоятелей монастырей, или важныхъ сановниковъ совершить проступокъ, то, будучи заключень въ оковы, долженъ просѣивать муку, ночью и днемъ при пекарнѣ, пока не отбудутъ наказанія: намъ случалось ихъ видѣть въ такомъ положеніи.“

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 162) Павелъ Алеппскій пишетъ: „Отъ того Богъ отступился и тотъ навлекъ на себя Его гнѣвъ, кто совершилъ проступокъ и провинился передъ Патріархомъ: пьянствовалъ или былъ лѣнивъ въ молитвѣ, ибо такового Патріархъ немедленно посылаетъ въ заточеніе. Въ прежніе время Сибирскіе монастыри были пусты, но Никонъ въ свое управленіе переполнилъ ихъ злополучными настоятелями монастырей, священниками и монахами. Если священникъ провинился, Патріархъ тотчасъ снимаетъ съ него колпакъ: это значитъ, что онъ лишень священническаго сана... Такой строгостью онъ всѣхъ устрасилъ, и его слово стало рѣшающимъ. Но въ послѣднее время онъ дошелъ до того, что отставилъ отъ должности келаря монастыря Св. Троицы и заточилъ его въ одинъ монастырь, гдѣ сдѣлалъ его мельникомъ, а раньше, когда онъ пріѣзжалъ изъ монастыря или отправлялся куда-нибудь, то его сопровождало много архіереевъ, служителей и ратниковъ, чего нѣтъ и у Патріарха.“

Едва ли можно удивляться этой строгости Никона при распушенности нравовъ послѣ смутной эпохи съ одной стороны и при стремленіи Никона повысить общественное значеніе Церкви. Однако, его строгость не была понята современниками и вызывала на него множество нареканій, особенно со стороны расколоучителей. Мы упоминали уже объ упрекѣ Никону со стороны одного изъ нихъ — протопопа Ивана Неронова. Однако, не слѣдуетъ преувеличивать этого. Ибо нельзя забыть, что пастырскія мѣры воздѣйствія, о которыхъ упоминаетъ Павелъ Алеппскій, соотвѣтствовали характеру общихъ наказаній того времени. Не забудемъ, что въ то время сами бояре подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ XIV т. 77 стр. Истории Россіи самъ С. М. Соловьевъ даетъ картину современныхъ нравовъ и наказаній, относящихся ко времени непосредственно слѣдующему за Никономъ.

**С. М. Соловьевъ о нравахъ XVII вѣка и о существовавшихъ тогда наказаніяхъ.
Соотвѣтствіе Никоновскихъ архипастырскихъ наказаній духу вѣка и обычаямъ.**

„Русскіе люди“, пишетъ онъ, страдали отъ разбойничества, для усиленія котораго было много благопріятныхъ условій; мы встрѣчаемъ извѣстія, что строитель пустыни участвовалъ въ разбойничествѣ: въ описываемое время встрѣчаемъ новое поразительное извѣстіе. Въ 1688 г. князь Яковъ Лобановъ Ростовскій да Иванъ Микулинъ ѣздили на разбой по Троицкой дорогѣ разбивать государевыхъ мужиковъ съ царской казной; мужиковъ они разбили и казну взяли себѣ, двухъ человѣкъ убили до смерти. Про то ихъ воровство разыскано и по розыску князь Яковъ Лобановъ взять со двора, привезенъ къ Красному Крыльцу въ простыхъ санишкахъ, и учинено ему наказаніе: бить кнутомъ въ жилецкомъ подклѣтѣ, по упросу верховной боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой, де у него отнято безповоротно 400 дворовъ крестьянскихъ, а человѣка его калмыка да казначея за то повѣсили; Микулинъ бить кнутомъ на площади нещадно, сосланъ въ Сибирь, и отняты у него помѣстья и вотчины безповоротно. Встрѣчаемъ цѣлый рядъ извѣстій о преступленіяхъ, совершенныхъ людьми изъ честныхъ родовъ; въ 1684 г. учинено наказаніе Петру Васильевичу Кикину: бить кнутомъ передъ Стрѣлецкимъ Приказомъ, за то, что дѣвку растлилъ, да и прежде онъ Петръ пытанъ на Вяткѣ за то, что подписывался было подъ руку Думнаго дьяка. Въ 1685 г. бить кнутомъ Хвощинскій за то, что на порожнемъ столбцѣ составилъ было запись. Князь Петръ Крапоткинъ бить кнутомъ за то, что выскребъ и подписалъ своей рукой. Биты батогами Кутузовъ и Нарышкинъ за то, что они ругались по Касимовскомъ Царевичѣ. Въ связи съ этими явленіями любопытно взглянуть на движеніе законодательства въ описываемое время. Въ началѣ правленія Софьи было постановлено: за одинъ разбой и воровство безъ убійства и поджогу бить кнутомъ, отрѣзать лѣвое ухо, два пальца у лѣвой руки и сослать въ Сибирь на вѣчное житіе съ женами и дѣтьми, которыя не въ раздѣлѣ, за два воровства чинить указъ по „Уложенію“, за три казнить смертью. Но въ слѣдующемъ году постановлено рѣзать у преступниковъ уши, вмѣсто отсѣченія пальцевъ, и тогда же за произношеніе возмутительныхъ словъ запрещено было казнить смертью, а велѣно бить кнутомъ и ссылатъ въ разные города. Въ началѣ 1689 г. постановлено было не окапывать въ землю женъ за убійство мужей, но отсѣкать имъ головы“. Если безчинства происходили въ высшемъ классѣ общества и самомъ Дворцѣ, то что же ду-

мать о нравахъ среди низшаго забитаго жизнью духовенства. Естественно, что и наказанія, хотя бы и архипастырскія, архипастырскимъ распоряженіемъ наложенныя, должны были идти въ уровень съ нравами вѣка: заключеніе въ тюрьму, какъ церковно-исправительное наказаніе не покажется суровымъ при господствѣ членовредительныхъ наказаній въ судѣ свѣтскомъ, особенно, если принять во вниманіе господствовавшее во всѣхъ слояхъ общества, и въ томъ числѣ и въ духовенствѣ, пьянство. Мнѣніе Лигарида о невнимательности Никона къ нуждамъ духовенства, часто повторяемое послѣ него, можно и не повторять, тѣмъ болѣе, что и челобитная Царю на Патріарха Никона, въ которой говорится объ его невнимательности къ нуждамъ духовенства, и на которую ссылается Соловьевъ, была анонимна, какъ доказано Гюббенетомъ (т. II гл. XVI), и была найдена въ паперти Благовѣщенскаго Собора въ 1669 г., т. е. спустя почти два года послѣ того, какъ Никонъ уже былъ сосланъ въ Терапонтонъ монастырь, и относилась даже не къ Никону, а къ порядкамъ, установленнымъ при его предшественникѣ дьякомъ Кокошиловымъ.

Заботливость Никона въ отношеніи людей низшаго социальнаго положенія.

Въ V томѣ Исторической Библіотеки собрано масса писемъ Никона къ архимандритамъ Иверскаго монастыря, относящихся и ко времени патріаршества Никона, и ко времени пребыванія его въ Воскресенскомъ монастырѣ, послѣ 10 іюля 1658 г. до конца 1666 г., въ которыхъ, напротивъ, сквозить его заботливость объ интересахъ малыхъ міра сего. Никонъ то заботится, чтобы не взыскивали недоимокъ съ крестьянъ въ случаѣ пожара, то о томъ, чтобы имъ не задерживали жалованья, то о томъ, чтобы принималось въ расчетъ семейное положеніе крестьянина. Онъ былъ строгъ къ духовенству, но здѣсь его дисциплина имѣла свое оправданіе въ цѣли создать духовенство, могущее быть примѣромъ, нравственнымъ образцомъ въ обществѣ.

Враждебныя Никону теченія общественной мысли и его враги. Староцерковная партія, враждебная Никону въ церковно-обрядовыхъ реформахъ.

Однако, это создало Никону много враговъ, и мы, упоминая объ этомъ, можемъ видѣть, что для духовенства онъ былъ тяжелъ. Но не отсюда вышли главные его враги. Эти враги были на верху общественной лѣстницы и составились изъ двухъ главныхъ теченій русской общественной мысли. Одинъ враждебный лагерь былъ въ Церкви — въ консервативной старообрядческой партіи преимущественно изъ

протопоповъ, другой въ государствѣ — среди либеральнаго боярства, какъ отзвукъ новыхъ стремленій, направленныхъ къ секуляризаціи государственной жизни. Были еще враги личные, обиженные дѣйствіями Никона вольно или невольно: напримѣръ, Митрополитъ Иларіонъ Рязанскій и Архіепископъ Вятскій Александръ, Митрополитъ Питиримъ и др.

Епископъ Александръ Вятскій имѣлъ личное озлобленіе на Никона за переводъ его въ Вятку на Соборѣ 1657 г., и вскорѣ послѣ ухода Никона сталъ протестовать и противъ этого перевода, и противъ его книжныхъ исправленій. Проф. Николаевскій въ своей статьѣ „Патріаршая область и русскія епархіи въ XVII вѣкѣ" говоритъ, что онъ имѣлъ достаточно средствъ и на покупку новыхъ имѣній, и на устроеніе архіерейскаго дома, гдѣ давалъ пріютъ укрывавшимся отъ правительства расколоучителямъ; онъ долго жаловался на мнимыя гоненія отъ Никона въ то время, когда тотъ не имѣлъ уже вліянія на его дѣла. Митрополитъ же Питиримъ былъ недоволенъ переводомъ на Бѣлгородскую митрополию, туда не поѣхалъ, продолжалъ называться Крутицкимъ и жилъ въ Москвѣ, такъ что Бѣлгородская митрополія еще 10 лѣтъ оставалась не открытой; Иларіонъ Рязанскій былъ недоволенъ тѣмъ, что не былъ избранъ въ Патріархи его отецъ, Митрополитъ Авѣоній (къ которому Никонъ пришелъ въ монастырь юношей), который отказался отъ патріаршества, оказавшись вмѣстѣ съ Никономъ въ числѣ 3 кандидатовъ на патріаршество и пожелавшій видѣть Патріархомъ Никона; Митрополитъ Питиримъ, какъ искавшій сѣсть на мѣсто Никона на патріаршество, былъ также врагомъ Никону.

Консервативная церковная партія была недовольна исправленіемъ книгъ и обрядовъ, и во время своего патріаршества Никонъ боролся съ ней, опираясь на соборныя опредѣленія, одобреніе Константинопольскаго Патріарха, и, когда не помогали увѣщанія, прибѣгалъ къ ссылкамъ. Эта церковная партія исходила изъ признанія первенства церковныхъ интересовъ надъ государственными и, хотя отдавала первое мѣсто Царю, однако, почитала его связаннымъ всецѣло церковными канонами и уставами, настолько, что, когда Царь, по ихъ мнѣнію, отступилъ отъ этихъ уставовъ, то онъ въ ихъ глазахъ подлежалъ проклятію и терялъ права на повиновеніе; равно отвергнута была раскольниками будто бы за нарушенные уставы Церкви и іерархическая власть Церкви, и они образовали свое особое общество.

Никонъ также ставилъ интересы Православной Церкви выше государственныхъ, но относительно пониманія самого Православія расходился съ ними. Такъ, древнерусское воззрѣніе, почитавшее слово Божіе выше всего, было свойственно обоимъ теченіямъ и выражалось оно такъ: „А святымъ Божественнымъ книгамъ достойтъ Царю всѣхъ свѣше совѣтовъ внимати и почаству ихъ прочитати." Не придавая обряду церковному такой неизмѣняемости, какъ догмату, Никонъ почиталъ его подлежащимъ измѣненію и исправленію со стороны власти Помѣстнаго Собора, особенно, когда онъ получилъ одобреніе Восточныхъ Патріарховъ. Мы видѣли, что Никонъ испросилъ разрѣшеніе Собора 1654 г. на исправленіе книгъ, получилъ на это и одобреніе и согласіе Константинопольскаго Собора, и провелъ самое исправленіе черезъ Помѣстный Соборъ 1655 и 1656 года. Но для старообрядцевъ высшимъ критеріемъ было не согласованіе своихъ обычаевъ съ обычаями другихъ Церквей и съ древнецерковнымъ преданіемъ, не голосъ органа высшей власти Помѣстной Церкви и Восточныхъ Патріарховъ, а согласованіе съ разъ установленными обычаями на Стоглавомъ Соборѣ и наличная русская дѣйствительность, какъ она выражалась въ русскихъ церковныхъ книгахъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ объ этихъ измѣненіяхъ, ибо въ полѣ зрѣнія нашихъ интересовъ лежитъ другая сторона Никоновской дѣятельности, именно не его внутрицерковная борьба съ старообрядцами, а его борьба за Церковь, за ея самостоятельность въ Государствѣ. Скажемъ только, что по изслѣдованію Каптерева Никона напрасно считаютъ до сихъ поръ за инициатора церковныхъ реформъ. Правда, Никонъ проводилъ исправленія обрядовъ и книгъ и при томъ съ особой тщательностью, запрашивая Патріарховъ, собирая книги со всѣхъ русскихъ монастырей, посылая на Аѳонъ за старыми книгами. Арсеній Сухановъ оттуда вывезъ ихъ болѣе 700, но потомъ, проведши реформу, Никонъ въ своихъ письмахъ и сочиненіяхъ объ ней ни разу не упоминалъ, видно не отдавалъ онъ ей души. Онъ выполнилъ заданіе Вонифатьева и Царя, которое раздѣлялъ, не будучи ихъ главнымъ инициаторомъ. Въ церковно-обрядовыхъ реформахъ онъ имѣлъ враждебную себѣ партію консервативную, а въ защитѣ правъ Церкви въ Государствѣ имѣлъ противъ себя либеральную боярскую партію.

Глава II. Боярство и Никонъ. Приготовленія къ суду надъ Никономъ.

Либеральная боярская партія, враждебная Никону въ его защитѣ правъ Церкви въ Государствѣ. — Бояре нуждаются въ слабомъ царѣ. — Совпаденіе интересовъ староцерковной и боярской либеральной партіи въ стремленіи свергнуть Никона. — Причины общаго характера боярской вражды къ Никону. Характеристика боярства XVI и XVII вѣка. — Боярская реакція послѣ Грознаго и узко-эгоистическая политика боярства. — Результаты эгоистической политики боярства въ половинѣ XVII вѣка, въ частности мѣстничества. — Вліяніе Никона на государственныя дѣла: пріостановка мѣстничества, война съ Польшей; участіе въ ней Никона. — Развитіе военныхъ дѣйствій съ Польшей, а потомъ со Швеціей. — Возобновленіе мѣстническихъ счетовъ послѣ ухода Никона и роковое вліяніе ихъ на войну. — Результаты столѣтней боярской реакціи Грозному. — Невознаградимость для царя потери Никона, какъ совѣтника и поддержки противъ бояръ. Стремленіе бояръ устранить отъ царя совѣтника, сильнаго умомъ и энергіей. Разногласія царя, съ Никономъ по церковнымъ вопросамъ въ 1657 г. — Бояре одинаково преслѣдуютъ геніальныхъ людей не своего круга, попавшихъ къ власти: Патріарха Никона и А. Л. Ордынь-Нащокина. — Никонъ въ качествѣ государственнаго совѣтника сдерживалъ боярство, какъ раньше сдерживалъ его Грозный и Патріархъ Филаретъ, совѣтникъ Царя. Боярскія фамиліи, давшія главныхъ враговъ противъ Никона. Дворъ царя. Нравственныя качества враговъ Никона. — Причины боярской нелюбви къ Никону, заключавшіяся въ характерѣ Никона, а также изъ-за войнъ. — Перенесеніе въ Москву мощей Св. Филиппа, какъ средство борьбы съ духомъ вѣка и средство искупить вину царской власти передъ Митрополитомъ Филиппомъ. — Трудность Никоновскаго пути по созданію Святой Руси для бояръ, недуховно настроенныхъ. — Никоновскія требованія церковной самостоятельности задѣваютъ бояръ. Главная причина вражды къ Никону — боярову нуженъ слабый царь, послушный, а не дополняющій себя въ другой сильной личности. — Стремленіе Никона ввести церковность во всѣ жизненныя отношенія. Онъ начинаетъ съ царя. — Судьба Никона — судьба древнихъ еврейскихъ пророковъ. Неправильное пониманіе С. М. Соловьевымъ Никона и его идей. — Петръ I, какъ представитель идеи оміренія Государства въ противоположность идеѣ оцерковленія. — Соловьевъ вѣрно опредѣлилъ психологическія причины разрыва Никона съ царемъ. — О причинахъ, послужившихъ къ спорамъ между царемъ и Никономъ; онъ въ области не государственной, а церковной: поставленіе Кіевского Митрополита въ 1657 г. — Средства борьбы бояръ противъ Никона. — Докуки Никону 1660-1663 г. отъ сосѣдей Сытина и Боборыкина. — Назначеніе комиссіи 23 декабря 1662 г. Собіраніе винъ на Никона къ Собору. — Лигаридъ. Его вопросы-отвѣты. — Вопросъ о томъ, какъ составить правила, по силѣ которыхъ обвинить Никона. Составленіе вопросовъ для отправки на Востокъ. — Бояре побуждаютъ старообрядцевъ составить петицію противъ Никона. — Неестественный союзъ бояръ, принявшихъ реформы Никона, съ расколоучителями противъ Никона. — Сторонники старообрядцевъ изъ боярства. — Развитіе раскола отъ пропаганды возвращеннаго Авакума. — Предупрежденіе въ 1663 г. о личности Лигарида, полученныя Никономъ. — Дѣятельность Лигарида въ высшемъ управленіи Русской Церкви. — Преслѣдованіе правительствомъ Никоновскихъ доброжелателей. — Попытка отдѣлаться отъ Никона посредствомъ постриженія его въ схиму. — Чего добивались бояре посылкой вопросовъ Восточнымъ Патріархамъ? Ихъ обвиненія затрагиваютъ не только Никона, но и царя. — Неистовствующая злоба бояръ, доказательства ея. — Обвиненіе Никона въ названіи Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ. — Основная причина боярской злобы — не въ Никонѣ, въ самихъ боярахъ. — Составленіе вопросовъ Патріархамъ и способы полученія отвѣтовъ. Посылка іеродіакона Мелетія на Востокъ. — Письмо Іерусалимскаго Патріарха Нектарія къ царю 20-III 1664 г. — Мнѣніе Константинопольскаго Патріарха Діонисія по Никоновскому дѣлу. — Мнѣніе Іерусалимскаго Патріарха Нектарія по дѣлу Никона. — Какъ подписали свитки Александрійскій и Антіохійскій Патріархи. — О незаконности суда надъ Никономъ съ точки зрѣнія его составленія. — Патріархи Александрійскій и Антіохійскій не могли представлять Константинопольскаго Патріарха Парвенія и Іерусалимскаго Патріарха Нектарія. — Стремленіе Патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго оправдаться передъ двумя другими Патріархами за судъ надъ Никономъ. — Патріархъ Нектарій Іерусалимскій возбуждаетъ дѣло о Лигаридѣ. — Кто былъ орудіемъ противъ Никона, и кто дѣйствительно его врагомъ. Смыслъ этой вражды. — Подробное разсмотрѣніе вопросовъ, посланныхъ Патріархамъ на Востокъ, и отвѣтовъ. — Глава I отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — II глава отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — III глава отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — IV глава свитковъ и V-ая. — X, XI и XII главы отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — XIII глава свитковъ — Глава XIV—XX патріаршихъ свитковъ. Гл. XIV. — Глава XV свитковъ. — Глава XVI свитковъ. — Глава XVII свитковъ. — Глава XVIII свитковъ — Глава XIX свитковъ. — Глава XX свитковъ. — Глава VII, VIII, XIX, XXI, XXII, XXIII свитковъ. — Глава VI свитковъ. — XXIV глава свитковъ. — Глава XXV свитковъ. — Вопросъ о наличности вины Никона рѣшается 30.XI 1666 г. въ его отсутствіе. — О трехкратномъ приглашеніи Никона на судъ. — Ложное заявленіе Патріарховъ о наличіи у нихъ согласія Константинопольскаго и Іерусалимскаго Патріарховъ. — Чѣмъ руководились Патріархи въ сужденіи о дѣлѣ Никона. — Искусственныя мѣры, принятыя правительствомъ для освѣдомленія Патріарховъ о дѣлѣ Никона (по правительственнымъ источникамъ). — Въ чемъ обвиняли Никона на судѣ? — Практика Константинопольской Церкви въ отношеніи Іерарховъ, покинувшихъ каѳедру. — Обсужденіе Никоновскаго ухода на Соборъ между

16 февр. и 23 апр. 1666 г. — Историческая справка разнаго вида объ уходахъ Патріарховъ и Епископовъ со своихъ престоловъ. Выводы. — Въ результатъ исторической справки для бояръ, чтобы окончательно отдѣлаться отъ Никона, нельзя было ограничиться однимъ оставленіемъ патріаршества съ его стороны.

Либеральная боярская партія враждебная Никону въ его защитѣ правъ Церкви въ государствѣ.

Въ вопросахъ общественнаго положенія Церкви и ея самостоятельности Никонъ отстаивалъ свои идеи, свои выношенные мысли, результаты своихъ собственныхъ размышленій надъ святоотеческими сочиненіями (Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина), страдалъ за нихъ, отстаивалъ ихъ всей силой своей личности, предпочелъ удаленіе отъ дѣлъ какому либо компромиссу и здѣсь онъ наткнулся на духъ вѣка, на новыя вѣянія, которыя использовали въ свою пользу создавшееся съ половины XV вѣка засиліе государства надъ Церковью.

Если Государство — высшій творецъ всѣхъ отношеній и правъ, то оно по своему субъективному усмотрѣнію, не связанное никакими высшими нормами, можетъ ихъ пересоздавать и давать и Церкви ровно столько правъ, сколько само пожелаетъ. Изъ такой именно точки зрѣнія исходили бояре, которымъ претила Никоновская теорія о какихъ-то незыблемыхъ правахъ Церкви на свое законодательство, управленіе и судъ, о правахъ Церкви, хотя и данныхъ Государствомъ, но освященныхъ и канонизированныхъ шестивѣковой давностью. Имъ важенъ былъ интересъ ихъ сословія въ смыслѣ безпрепятственнаго управленія всѣмъ Государствомъ — прежде всего осуществить вліяніе на царя черезъ Боярскую Думу. Учрежденіе это включало и потомковъ нѣкогда самостоятельныхъ княжескихъ родовъ, которые въ участіи въ Думѣ видѣли компенсацію за утрату своей политической самостоятельности, включало и старое Московское боярство и вновь выслуживающихся при царяхъ лицъ, и лицъ, просто породнившихся съ царями черезъ ихъ браки на подданныхъ. Всѣ эти лица ревниво оберегали возможность своего вліянія на царскую власть, и, конечно, дружба Царя съ такимъ сильнымъ человѣкомъ, какъ Никонъ, дружба, восполнившая качества Никона недостатки Царя, какъ правителя, была слишкомъ непріятна для боярства.

Бояре нуждаются въ слабомъ царѣ.

Боярству нуженъ слабый царь, когда оно могло бы проявлять свою власть безпрепятственно: недаромъ число членовъ Боярской Думы такъ сильно увеличивается при слабыхъ царяхъ-обоихъ Θεодорахъ, а въ малолѣтство Іоанна Грознаго и при юности Алексѣя

Михайловича установилось боярское засиліе, приведшее при Грозномъ къ расправѣ царя надъ боярами, а при Алексѣѣ Михайловичѣ къ народному бунту 1648 года, вновь повторившемуся въ 1662 году изъ-за неумѣнія бояръ справиться съ финансовымъ положеніемъ Государства, сопровождавшимся взяточничествомъ и несправедливостью къ слабымъ. Чего добивалось боярство при слабомъ царѣ, иллюстрируетъ боярскій проектъ 1681 года, раздѣлившій Россію на рядъ наслѣдственныхъ намѣстничествъ съ боярскими фамиліями во главѣ. Это было бы возвращеніе Россіи къ удѣльнымъ временамъ и обезсиленіе ея, на подобіе Польши. Уже Царь Ѳеодоръ подписалъ проектъ, и лишь Патріархъ Іоакимъ отказалъ въ своей подписи и убѣдилъ царя его взять обратно. Мы познакомились съ идеями Никона, и чтобы отыскать причины вражды боярства противъ него, мы должны уяснить, чѣмъ еще Никонъ отталкивалъ боярство, находившееся вокругъ царя въ качествѣ его сотрудниковъ по управленію.

Совпаденіе интересовъ староцерковной и боярской либеральной партіи въ стремленіи свергнуть Никона.

Мы говорили, что противъ Никона стояла въ Церкви старообрядческая партія, которая раздѣляла съ Никономъ основное убѣжденіе, воспитанное Церковью и живое въ народѣ, о первенствѣ церковныхъ интересовъ передъ государственными и налагавшее на царя и на Государство обязанность проникаться ими; эта партія хотѣла уничтоженія реформъ Никона и его сверженія; ради этого въ особенности она выдвигала на первое мѣсто и въ чисто церковныхъ дѣлахъ царя; въ этомъ она сходилась съ представителями боярской либеральной партіи, которая усвоила цезарепапистскія идеи, съ которыми боролся Никонъ, и также добивалась сначала низверженія Никона изъ состава государевыхъ совѣтниковъ, потомъ съ патріаршаго престола, затѣмъ его заточенія, ссылки и созданія условій, при которыхъ Никонъ не могъ бы быть возвращенъ изъ ссылки. Эта партія принимала Никоновскія реформы въ Церкви, но не допускала никакой реформы церковно-государственныхъ отношеній, установленныхъ Уложеніемъ. Пока Никонъ не былъ низложенъ, обѣ партіи нерѣдко сходились на общей задачѣ свалить Никона. Однимъ это нужно было для аннулированія его церковныхъ реформъ, а другимъ для устраненія государева совѣтника, который занималъ мѣсто, разсчитанное ими для себя. Цезарепапистскія идеи не были для боярства чѣмъ то самостоятельно выношеннымъ и взлелѣяннымъ, а были даны Лигаридомъ, пріѣхавшимъ въ Москву въ апрѣлѣ 1662 года и дав-

шимъ идейную опору въ борьбѣ противъ Никона, и при томъ такую опору, которая при извѣстныхъ условіяхъ могла расположить въ свою пользу и царя, возвеличивая его власть до неограниченныхъ предѣловъ: это — обычный пріемъ лести. Они старались внушить царю, что Никонъ стремится захватить власть, что царя уже не слышно, бояться де только Патріарха Никона, что царю остается только предоставить Никону Москву, какъ предоставилъ Константинъ Великій Римъ Римскому папѣ Сильвестру, и такіе навѣты дѣйствовали постепенно на царя, особенно когда онъ, возмужалый послѣ 2 ½ лѣтняго участія въ войнѣ, гдѣ привыкъ уже къ извѣстной самостоятельности, вернулся въ Москву. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что бояре не щадили косвенно и царя въ обвиненіи противъ Никона, но важно опредѣлить, чѣмъ собственно такъ отвратенъ былъ для бояръ Никонъ. Надо вникнуть въ психологію боярства. Не видно, чтобы оно дѣлало это изъ приверженности какой либо идеѣ; даже цезарепапизмъ былъ только орудіемъ для него въ борьбѣ съ Никономъ, даннымъ ему въ руки Лигаридомъ: до его пріѣзда не слышно было такихъ обвиненій на Никона, и обвиняли его до этого времени только въ оставленіи каѳедры, искусственно истолковывая его удаленіе, какъ отреченіе.

Причины общаго характера боярской вражды къ Никону. Характеристика боярства XVI и XVII вѣка.

Изслѣдователь политическаго значенія боярства за періодъ отъ Грознаго до XVIII вѣка, Бѣловъ, отмѣчаетъ основныя черты боярства, которыя и поясняютъ намъ, почему такой представитель чисто русскаго народнаго міросозерцанія съ его идеалами правды и святости, какимъ былъ Никонъ и въ своемъ ученіи и въ своей жизни, былъ для нихъ непріемлемъ, и настолько непріемлемъ, что съ 1657 года, когда они почувствовали, что имъ удастся внушить царю къ Никону нерасположеніе, почти до самой смерти Никона въ 1681 г., они работаютъ надъ созданіемъ невозможности для Никона сблизиться съ царемъ, сначала съ Алексѣемъ Михайловичемъ, потомъ съ его сыномъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Никонъ, вѣдь, не несъ съ собой никакой реформы государственнаго переустройства, которая затрагивала бы положеніе боярства; онъ только отстаивалъ самостоятельность каноническаго управленія Церкви и ея освященныя давностью права. Никонъ, правда, добился пріостановки дѣйствій Уложенія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, именно въ вопросѣ о церковномъ судѣ, вліялъ на Царя въ смыслѣ разсылокъ указовъ воеводамъ о

примѣненіи Кормчей вмѣсто Уложенія въ уголовныхъ дѣлахъ. Этого, однако, было бы недостаточно для такой ожесточенной ненависти бояръ противъ Никона. Были другія причины болѣе общаго характера. **Это недовольство боярства, что человѣкъ не ихъ среды всталъ около царя, что такая талантливая личность затѣняетъ боярство.** Бѣловъ представляетъ намъ боярство на протяженіи послѣднихъ 150 лѣтъ своего существованія до Никона, какъ классъ людей, лишенныхъ какого-либо идейнаго творчества. Вся энергія его уходила на сохраненіе за собой власти и на проведеніе чисто эгоистической классовой политики. Единственнымъ интересомъ этого боярства было соблюденіе мѣстничества, т. е. взаимныхъ родовыхъ счетовъ. Мудрая политика Грознаго, казнившего оппозиціонное новому Московскому строю боярство, утвердила царскую власть. Въ боярствѣ XVI и XVII вѣка были разные слои: и потомки бывшихъ удѣльныхъ князей, и старинное Московское боярство, и люди новые, выслужившіеся, для которыхъ, какъ мы видѣли, въ Боярской Думѣ былъ особый чинъ думнаго дворянина. Введеніемъ новыхъ людей въ Боярскую Думу Грозный подрывалъ значеніе этого боярства. Онъ потрясъ его и опричниной, не столько даже казнями, сколько тѣмъ, что въ опричнину онъ бралъ земли, бывшія опорой титулованнаго боярства, и заселялъ ихъ новыми людьми, не имѣвшими на данномъ мѣстѣ историческихъ корней и преданій, переселяя старыя фамиліи съ своихъ на сиженныхъ вѣками гнѣздъ на новыя мѣста.

Боярская реакція послѣ Грознаго и узко эгоистическая политика боярства.

Результаты этого дѣла не могли быть уничтожены ни смутой, ни столѣтней реакціей дѣлу Грознаго со стороны бояръ; однако, эта реакція обнаружила историческое стремленіе этого класса, который дѣлалъ много злого для народа и Государства. Карамзинъ, смягчающій вообще бояръ, пишетъ: „Бояринъ Андрей Михайловичъ Шуйскій при Грозномъ и князь Василій Рѣпнинъ Оболенскій, будучи намѣстниками въ Псковѣ свирѣпствовали какъ львы, по выраженію современниковъ: не только угнетали земледѣльцевъ, гражданъ незаконными налогами, но вымышляли преступленія, ободряли ложныхъ доносителей, возобновляли дѣла старыя, требовали даровъ отъ богатыхъ, безденежной работы отъ бѣдныхъ и въ самыхъ св. обителяхъ искали добычи съ лютостью монгольскихъ хищниковъ.” **Бояре сдѣлали все, чтобы погубить свои притязанія быть наслѣдственными совѣтниками государя.** Вышеуказанное

поведеніе боярства, большинство коего было на сторонѣ Шуйскихъ, и вызвало кровавыя мѣры Грознаго, какъ отвѣтъ на узкую эгоистическую политику. Курбскій жаловался на своеволие одного, но бояре этому противопоставляли совершенно безъидейное самовластіе многихъ. Заговоръ Шуйскихъ въ малолѣтство Грознаго противъ Бѣльскихъ и Митрополита Іоасафа имѣлъ цѣлью дать торжество боярамъ намѣстникамъ и удержать олигархію. Грозный впослѣдствіи поддерживалъ Бѣльскихъ (Гедиминовичи), вносившихъ умиротвореніе въ народъ. Борьба Шуйскихъ съ Бѣльскими — борьба потомковъ Александра Невскаго съ Гедиминовичами; устраненіе старобоярскихъ Московскихъ фамилій во главѣ съ Юрьевыми-Захарьиными, устраненіе родственниковъ царя по матери князей Глинскихъ татарскаго происхожденія — все это было лишь родословные счеты, на которыхъ держались всѣ отношенія высшихъ слоевъ боярства. Въ смутное время борьба шла за престолъ по тѣмъ же родословнымъ счетамъ, а позже опустилась въ другую плоскость, борьбу за мѣста на государственной службѣ. Безъидейность и эгоистичность боярства сказывались во всѣхъ его выступленіяхъ, какъ класса.

При избраніи на престолъ Шуйскаго бояре брали запись отъ царя, что онъ не будетъ представителей боярскихъ родовъ безъ суда казнить смертію. Боярство оговаривало только свои права. Съ Михаила Ѳеодоровича взяли по преданію запись: „Не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими никого смерти не предавать и не наказывать вкупѣ съ преступникомъ его родственниковъ". Объ этой записи писали Котошихинъ и Татищевъ. Но въ царствованіи Михаила бояръ держалъ въ рукахъ отецъ царя, помогавшій ему въ государственномъ управленіи, какъ позже Никонъ Алексѣю Михайловичу. На отношеніе его къ боярамъ указываетъ одинъ хронографъ, памятникъ XVIII вѣка.

„Сей убо Филаретъ Московскій и всея Руси возрасту и сана былъ средняго, Божественныя писанія отчасти разумѣлъ; нравомъ опальчивъ и мнителенъ, а владѣтеленъ таковъ былъ, яко и самому царю бояться его; бояръ же и всякаго чина царскаго синклита зѣло томляше заточеньями необратными и иными наказаньями, до духовнаго же чину милостивъ былъ и не сребролюбивъ, всякими же царскими дѣлами и ратными владѣлъ, а въ грамотахъ и челобитныхъ имя его писали съ „вичемъ". Филаретъ дѣйствовалъ именемъ сына и вмѣсто смерти казнилъ заточеньями. Исключеніемъ было дѣло Шей-

на, но его казнили въ порывѣ ненависти бояре, разрывая этой казнью льготы своему сословію."

Отъ вновь избираемаго польскаго королевича требовали такого закрѣпощенія народа, о которомъ и не думалъ Годуновъ. **Въ условіяхъ ему уже не думали о возвышеніи людей по заслугамъ и объ условіяхъ свободныхъ поѣздокъ за границу, а только о томъ, чтобы „Московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ чести не понижать."** **Вся жизнь Государства для нихъ въ томъ, чтобы не понижались боярскіе роды: для этого было одно средство — никого не допускать на свою высоту: но эта традиція, такой способъ охраны своего значенія, и низвела значеніе боярства къ концу XVII вѣка до нуля.** Самый фактъ предпочтенія боярствомъ польскаго королевича кандидату, указанному Патріархомъ Гермогеномъ (Михаилу Романову), объясняется родословной гордостью, чтобы не подчиниться потомку отравленной боярами ненавистной имъ царицы Анастасіи, жены Грознаго. Расхожденіе боярской и народной точки зрѣнія на власть опредѣлилось тогда же въ этомъ вопросѣ. Народъ вспоминалъ царицу Анастасію почти какъ святую страдальицу отъ бояръ, и возвелъ ради нея домъ Романовыхъ надъ князьями дома Св. Владиміра и дома Гедимины (Голицыны), а боярскій кандидатъ Владиславъ былъ ненавистенъ и для народа и для Патріарха Гермогена. Силой вещей бояре, выставившіе самозванцевъ игрой имени Грознаго царя, въ концѣ концовъ принуждены были смириться передъ этимъ именемъ и просить внучатнаго племянника той царицы Анастасіи, сына которой они хотѣли отстранить отъ престола въ пользу своего князя Владиміра Андреевича. Сломленное въ результатѣ смуты народнымъ сознаніемъ, призвавшимъ въ результатѣ крѣпкой народной думы на престолъ представителя фамиліи **боярской но не титулованной, русское боярство окончѣло окончательно въ политической классовой политикѣ послѣ отчаянныхъ попытокъ въ смуту воз-
вратить утраченное положеніе.** Въ концѣ XVII в. „бояринъ" уже означаетъ только чинъ, и окончательное паденіе боярства было плодомъ его внутренней безсодержательности которой можно противопоставить развѣ политическую зрѣлость и постоянную неусыпную заботливость объ интересахъ Государства, а не касты, аристократіи англійской, не отстававшей въ своемъ политическомъ развитіи отъ развитія государства. Безопасность Государства и народа ставилась въ зависимость отъ каприза бояръ и при Грозномъ, когда царь выну-

ждень былъ назначить вождемъ сторожевыхъ полковъ князя Ивана Андреевича Шуйскаго, который вмѣстѣ съ княземъ Мстиславскимъ и навели на Москву хана въ 1571 г. Какъ первые князья Рюриковичи въ междуусобныхъ смутахъ наводили половцевъ, такъ потомки Александра Невскаго Шуйскіе наводили татаръ, ставя свое „я" выше всего. Съ молокомъ матери бояре впитывали презрительное отношеніе къ народу, и потомство удѣльныхъ князей и **бояръ въ этомъ презрѣніи къ народу натолкнулось на Грознаго — выразителя народныхъ думъ и чаяній, поставившаго санъ царя на незыблемую нравственную высоту выразителя религіозно нравственного сознанія православнаго народа**, власть, принципиально отличающуюся отъ власти всѣхъ другихъ князей, какъ Богомъ освященную и призванную вести народъ къ спасенію подѣ оскѣненіемъ Церкви и ея законовъ.

Результаты эгоистической политики боярства въ половинѣ XVII вѣка, въ частности мѣстничества.

То же поставленіе своего „я" выше государственныхъ интересовъ было и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Бунты 1648 г. и 1662 — плоды дѣятельности Морозовыхъ, Милославскихъ, которые съ пріобщеніемъ къ боярству и власти восприняли цѣликомъ традиціи прежняго боярства по хищничеству, казнокрадству, исключительному эгоизму съ забвеніемъ государственныхъ интересовъ. А мѣстничество показало свои плоды въ Польской войнѣ послѣ ухода Никона.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ на Соборѣ 12 января 1682 года говорилъ объ этомъ времени такъ (Павловъ Сильванскій „Государевы служилые люди", стр. 160): „При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ его государскихъ походахъ во время войны съ Польшей и Швеціей всѣ чины были безмѣстны же и во время того безмѣстія, при помощи Божіей славныя надѣ непріателемъ побѣды учинилися. А которые бояре презрѣвъ его государское повелѣніе, вчинали тогда мѣста и тѣмъ чинено наказаніе и разореніе отнятіемъ помѣстій и вотчинъ. Въ послѣдующихъ же походахъ между бояры и воеводы, для случаевъ отечества ихъ многія быша несогласія и ратнымъ людямъ тѣснота и оттого ихъ несогласія многій упадокъ разнымъ людямъ учинился, а именно подѣ Конотопомъ и подѣ Чудновымъ и въ иныхъ многихъ мѣстахъ."

Вліяніє Никона на государственныя дѣла: пріостановка мѣстничества, война съ Польшей; участіе въ ней Никона.

Характерно, что въ началѣ войны съ Польшей мѣстничество было пріостановлено спеціально для этой войны, и, когда Царь говорилъ рѣчь въ Успенскомъ Соборѣ 23. X. 1653 (Сол. X. 304), то онъ сказалъ: „Мы, Великій Государь, положи упованіе на Бога и на Пресвятую Богородицу изъ Московскихъ чудотворцевъ, **посовѣтовавшись съ отцомъ своимъ съ великимъ государемъ, святымъ Никономъ Патріархомъ, со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ** и окольничими и думными людьми переговорили, и изволили идти на недруга своего, Польскаго короля, **воеводамъ и ратнымъ людямъ быть на нынѣшней службѣ безъ мѣсть, и этотъ нашъ указъ мы велѣли записать въ разрядную книгу и закрѣпили своей государственной рукой**". Невозможно не думать, что въ этомъ постановленіи о пріостановкѣ мѣстничества сказалось вліяніе Никона, который, хотя еще не былъ въ это время государственнымъ регентомъ, но все же былъ главнымъ совѣтникомъ Царя во всѣхъ дѣлахъ, по общему признанію и современниковъ и историковъ, и безъ него не дѣлалось никакого важнаго дѣла. Самая война съ Польшей была рѣшена подъ его вліяніемъ, и имъ поддерживалось стремленіе освободить православную Малороссію отъ польской власти, и самъ Богданъ Хмѣльницкій, зная объ этомъ вліяніи Никона, посылалъ къ Царю въ 1653 г. пословъ Бырляя и Мужиловскаго съ грамотами о просьбѣ ходатайствовать передъ Царемъ не только къ боярамъ Морозову и Милославскому, но и къ Патріарху Никону (Сол. X., 264). У Соловьева есть свѣдѣнія на основаніи первоисточниковъ, что Никонъ принималъ живое участіе въ войнѣ. Такъ 25. V. 1656 Никонъ писалъ Царю, что къ Потемкину отправлены донскіе казаки, которыхъ онъ благословилъ идти на Стокгольмъ и въ другія мѣста. 9. VII. 1655 г. Никонъ давалъ Царю совѣтъ не вступать въ сношеніе съ литовскимъ гетманомъ Радзивилломъ, предавшимся въ подданство шведскому королю (X. 339).

Развитіе военныхъ дѣйствій съ Польшей, а потомъ съ Швеціей.

Никонъ благословилъ царя въ письмѣ писаться Великимъ Княземъ Литовскимъ, ибо были завоеваны Литовскіе города; это былъ разгаръ успѣховъ въ войнѣ съ Польшей, когда послѣдняя оказалась на краю гибели и заключила съ Россіей Виленскій договоръ 24 окт. 1656 г., по которому самый Польскій престолъ по смерти короля Казимира переходилъ къ царю Алексѣю Михайловичу; по Виленско-

му договору установленъ рядъ необыкновенно благопріятныхъ для Россіи условій: Бѣлорусскіе и Малорусскіе города отходили къ Россіи. Въ польскихъ областяхъ устанавливалась по договору полная свобода богослуженія для православныхъ: унія подлежала искорененію, Россія и Польша впредь до окончательнаго соединенія обязывались не заключать мира и не вступать въ войну безъ общаго согласія (Въ первый походъ были взяты Смоленскъ, Могилевъ, Полоцкъ и Витебскъ; во второй безъ боя взяты Минскъ, Гродно, Пинскъ, Вильно, все Литовское княжество. Хмѣльницкій дошелъ до Люблина; у Польши были отобраны не только Литовскіе города, но и Бѣлорусскіе, а на югѣ русскіе уже осаждали Львовъ).

Послѣдующія событія привели, однако, къ войнѣ со Швеціей, ибо шведскій король Карлъ X, пользуясь критическимъ положеніемъ Польши, вторгся въ нее и завладѣлъ всей Великой Польшей, и простеръ свое вниманіе на области, уже завоеванныя русскими, въ томъ числѣ и на Литву. Несмотря на требованіе русскаго правительства не затрагивать русскихъ завоеваній, Шведскій король не уступалъ, и весной 1656 г. началась вынужденная война со Швеціей, которая привела къ пораженію русскихъ подъ Ригой въ октябрѣ того же года и къ пріостановкѣ Шведской войны, вплоть до заключенія 3 лѣтнаго перемирія 1658 г. И безрезультатнаго міра съ Швеціей въ 1661 г.

Никонъ надѣялся въ этой войнѣ отобрать у Швеціи Ингрію и Карелію, населенныя православными, и вообще русскіе города, потерянные въ связи со смутой (По Столбовскому договору 1616 г. Москва отказалась отъ притязаній на Ливонію и Карелію; Швеція возвращала Москвѣ Новгородъ, но оставляла за собой Ивангородъ, Копорье, Ямъ, Орѣшекъ, Ингрію). Съ Польшей же положеніе было регулировано передъ тѣмъ Поляновскимъ миромъ 17 мая 1634 г., **по которому Россія уступала Польшѣ всѣ города, отданные по Деулинскому перемирію въ 1618 г.**, когда Польша взяла себѣ за Филарета и Шеина Смоленскъ, Дорогобужъ, Рославль, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Трубчевскъ, Себежъ, Невель.

Въ отношеніи Шведскихъ плановъ Никонъ былъ единомышленникомъ Ордынъ-Нащокина послѣ разрѣшенія вопросовъ съ Польшей въ 1656 году. Но въ виду пробужденія національнаго духа въ Польшѣ, отобравшей уже у Шведскаго короля его завоеванія, и измѣны Выговскаго, переведшаго въ 1659 году (Гадячскій договоръ 6 сент. 1659 г.) Малороссію снова на сторону Польши, возникла

опять война съ Польшей, продолжавшаяся до Андрусовскаго перемирія 1667 г.

Возобновленіе мѣстническихъ счетовъ послѣ ухода Никона и роковое вліяніе ихъ на войну.

Весьма характерно, что съ уходомъ Никона начались самые яростные мѣстническіе счеты между боярами, командовавшими войсками, которые привели къ ряду пораженій и позволили заключить войну далеко не на тѣхъ условіяхъ, которыя были заключены въ Вильнѣ въ 1656 г. Пришлось отказаться и отъ Бѣлоруссіи и отъ правобережной Украины, и, если дѣла не привели къ худшему, то только потому, что сама Польша была уже была потрясена до основанія и первоначальными неудачами въ войнѣ, въ виду явнаго сочувствія къ Россіи населенія Бѣлорусскихъ и Литовскихъ областей, и внутренними междуусобіями (возстаніе Любомірскаго), и турецкой угрозой черезъ гетмана Дорошенко.

Интересно видѣть, къ чему привело начавшееся разнузданное мѣстничество бояръ. Подъ вліяніемъ этихъ пораженій Россія принуждена была заключить 21 іюня 1661 г. съ Швеціей невыгодный миръ, уступавшій Швеціи города, отходившіе къ Россіи по перемирію 1658 года. Пораженія эти велики. Пользуясь несогласіями между Трубецкимъ и Ромодановскимъ, разбивъ перваго подъ Конотопомъ въ 1659 г. 28, VI, а втораго подъ Нѣжиномъ, Чарнецкій разбилъ князя Хованскаго осенью 1660 г. подъ Слонимомъ, а потомъ Долгорукаго, въ томъ же году, вернувъ всю Литву отъ русскихъ. Осенью 1661 г., послѣ пораженія Хованскаго и Нащокина, потеряны были Гродно, Могилевъ и Вильно. Шереметевъ былъ окруженъ на Волыни подъ Чудновымъ осенью 1660 года и сдался въ плѣнъ съ огромной 100,000 арміей; изъ Крымскаго плѣна онъ во всемъ обвинялъ Барятинскаго, что онъ, не дойдя до него съ помощью, поворотилъ назадъ и занимался грабежомъ (XI, 106); тогда то измѣнилъ и Юрій Хмѣльницкій, сынъ Богдана. Остававшіеся въ Малороссіи воеводы ссорились другъ съ другомъ (XI, 107). Чаадаевскій воевода билъ челомъ на князя Юрія Барятинскаго, что онъ ходитъ только для своей корысти, пишетъ ложные доклады о своихъ сраженіяхъ, а съ нимъ не совѣтуется. Въ печальномъ платѣ послѣ пораженія Трубецкаго вышелъ Царь къ народу, и ужасъ напалъ на Москву. У русскаго Царя не оказалось воеводъ, равныхъ по талантамъ Чарнецкимъ, Любомірскимъ и Вишневецкимъ, **ибо таланты эти никакъ не могли проявляться при мѣстнической системѣ.** О какомъ успѣхѣ можно было думать, когда

происходили такія явленія, о которыхъ говорится въ челобитной мѣстныхъ жителей, по которымъ проходили войска князя Урусова и Барятинскаго. Вотъ что писали новгородскіе дворяне и дѣти боярскіе: „Воевода Урусовъ мститъ прежнюю недружбу, ибо они били челомъ на него Царю Михаилу Ѳеодоровичу, и тотъ мститъ за Новгородскую недружбу. Узнавъ, что у кого-нибудь есть плѣнники, воевода присылалъ друзей со стрѣльцами, выбиралъ лучшихъ дѣвицъ и женщинъ, бралъ къ себѣ силой и, подержавъ у себя, отсылалъ въ Великіе Луки на государственныхъ подводахъ. Посылалъ головъ сотнями за лошадьми и часть приведенныхъ лошадей взялъ себѣ, другихъ роздалъ тѣмъ, къ кому добръ, остальныхъ послалъ государю въ Вильно. Идучи дорогой, заставлялъ служилыхъ людей ловить рыбу изъ прудовъ, выпустивъ воду, приказалъ идти подъ Брестъ наскоро съ вьюками, а дорогой свои и конскіе кормы и людей въ плѣнъ брать. Они дворяне, услыхавъ государеву милость, забыли свои великія нужды и безпокойства, на государеву службу пошли съ радостью, но, какъ только перешли рѣку Нѣманъ, Урусовъ и Барятинскій запретили имъ подъ смертной казнью брать что либо у жителей, а сами воеводы въ благочестивыхъ христіанскихъ церквахъ, въ костелахъ по мѣстечкамъ въ нашихъ мѣстностяхъ, въ мѣщанскихъ дворахъ всякую казну грабили, колокола, лошадей, кареты, органы, и, отягчаясь добычей, шли подъ Брестъ очень медленно, а ихъ поморили голодной смертью" (X, Сол. 332-334). Урусовъ не по нуждѣ въ постные дни ѣлъ мясо, и духъ безчестилъ, называлъ не слугами и небойцами, а на самомъ у Бреста и сабли не было, въ Верховичахъ испугавшись пушечной стрѣльбы, съ боя уѣхалъ и государево знамя съ собой увезъ" (Сол. X, 335).

Хотя эта война нанесла окончательный ударъ Польшѣ, отъ котораго она никогда вполнѣ не оправилась, и самъ Польскій король въ засѣданіи Сейма 4 іюля 1661 г. за 100 лѣтъ предсказалъ ея раздѣлъ, однако, относительный успѣхъ войны для русскихъ при невѣроятной продолжительности войны (13 лѣтъ) и огромныхъ потеряхъ былъ обязанъ не качествамъ боевой мощи, а безсилію Польши при ея внутреннихъ неурядицахъ.

Результаты столѣтней боярской реакціи Грозному.

Говоря о пораженіяхъ 1660 г., изслѣдователь русскаго боярства Бѣловъ пишетъ: „Вотъ, къ чему привела столѣтняя боярская реакція мѣрамъ Грознаго, направленнымъ къ тому, чтобы

оцѣнивать человека не по породѣ, а по заслугамъ. **Свое же дѣло боярство довело до тихой, незамѣченной исторіей кончины родословной Боярской Думы.** Была неизбежна крутая реформа сверху, вследствие отсутствія всякой способности въ обществѣ къ самопомощи. Петръ явился на призывъ исторіи. Когда въ ноябрѣ 1681 г. уничтожалось мѣстничество, то въ самомъ актѣ объ этомъ упоминалось о Конотопскомъ и Чудновскомъ пораженіи, какъ слѣдствіи этой системы управленія" (Пальмеръ V, 909 Прим.) Для такой реформы (Боярская Дума кончилась въ 1711 г.), не достаточенъ былъ уже Государственный регентъ, который могъ быть устраненъ интригами бояръ, если самъ Царь не сознавалъ, что его борьба должна быть направлена на бояръ, а не на своего совѣтника, своей волей и внутренней силой восполнившего слабаго волей Царя и указывавшаго ему его призваніе, какъ православнаго Царя, — быть въ своей дѣятельности выразителемъ религіозно-національныхъ интересовъ своего народа и во внутренней и во внѣшней политикѣ.

Невознаградимость для царя потери Никона, какъ совѣтника и поддержки противъ бояръ.

Никонъ помогалъ Царю и идейно и непосредственно въ жизни. Когда Никонъ былъ регентомъ, царь могъ самъ быть на войнѣ, и его приказы должны были исполняться безъ ссылокъ на мѣстничество, и такое послушаніе не могло и въ будущемъ повредить слушающемуся. „Самъ Соловьевъ, — пишетъ **Пальмеръ** (V, 909), замѣчаетъ, при всемъ его порицаніи Никона, что ничто не было болѣе невыгодно для Царя чѣмъ то, что разрывъ его съ Никономъ разбилъ его вниманіе какъ разъ въ то время, когда иностранныя дѣла требовали всего его вниманія и дѣятельности, и дѣлалъ невозможнымъ для него отъѣздъ изъ Москвы. Нѣтъ сомнѣнія, что непріятно правителю, лично не лишенному способностей, быть затемненнымъ высшей способностью и силой характера одного изъ своихъ слугъ; если бы былъ человекъ Никоновскаго характера и способностей среди бояръ, было бы трудно для Царя дѣлать его своимъ личнымъ другомъ или пользоваться такъ свободно его способностями, какъ использовалъ царь Алексѣй способности Никона въ теченіе 3-лѣтъ. Но то обстоятельство, что Никонъ былъ духовный и предстоятель Церкви, и дѣлало всю разницу. Пока онъ не покушался на присваиваніе себѣ свѣтской чести или власти или функцій, чего Никонъ никогда и не дѣлалъ, Царь могъ пользоваться совѣтомъ или службой того, кто по возрасту и положенію былъ ему какъ отецъ, безъ всякаго основанія быть завист-

ливымъ или ревнивымъ къ его духовнымъ превосходствамъ" (Пальм. V, 910). „И если Алексѣй въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ своей жизни чувствовалъ часто, насколько онъ самъ былъ себѣ врагъ, лишаясь службы Никона для дѣлъ своего семейства, своего Двора и своего управленія, то это еще болѣе чувствовалось имъ, когда онъ неожиданно, не доживъ до 47 лѣтъ, оказался пораженнымъ смертельной болѣзью. Его сынъ долженъ былъ управлять подъ опекой боярѣ, а царь Алексѣй Михайловичъ не могъ съ сожалѣніемъ не чувствовать, умирая, насколько положеніе его семьи было бы другое, если бы его духовный отецъ и другъ былъ въ томъ же рангѣ и власти, какъ въ 1654 и 1655 г., когда онъ спасъ всю его семью отъ чумы.

Вѣроятно, онъ не сталъ бы тогда завидовать, если бы могъ воскресить прошлое по желанію и дать снова Никону титулъ Великаго Государя".

Стремленіе боярѣ устранить отъ Царя совѣтника, сильнаго умомъ и энергіей.

Бояре во время сумѣли устранить отъ Царя сильнаго умомъ и волей совѣтника и уготовить путь къ своему безпрепятственному своеволію, бывшему путеводной нитью и стимуломъ всей ихъ политики еще при Грозномъ. Никонъ отдавалъ свои силы и на служеніе государству, въ качествѣ совѣтника государева, но ни откуда не видно, чтобы Никонъ видѣлъ въ этой службѣ Царю неразрывную принадлежность своего сана: ни разу ни въ одномъ изъ разговоровъ, дошедшихъ до насъ, ни въ одномъ письмѣ или сочиненіи Никонъ объ этомъ не упомянулъ, а, если бы это было, то многочисленные враги его непременно оставили бы объ этомъ память, ибо они всегда изощрялись во всевозможныхъ обвиненіяхъ на Никона, въ которыхъ онъ въ послѣдствіи оказывался совершенно непричастнымъ.

Разногласія Царя съ Никономъ въ 1656, 1657 г. по церковнымъ вопросамъ.

Но до насъ дошли факты его разногласія съ царемъ, начавшагося съ 1656 г., и всѣ эти разногласія относились къ чисто церковнымъ вопросамъ, въ которыхъ Никонъ отстаивалъ свою компетенцію. До насъ дошло столкновеніе Никона съ Царемъ по вопросу о водоосвященіи 5 января 1656 г., а также столкновеніе въ 1657 г. по поводу назначенія въ Кіевъ епископа на мѣсто умершаго митрополита Сильвестра Коссова. Мы скажемъ о нихъ послѣ, а пока — о боярахъ.

Бояре одинаково преслѣдуютъ геніальныхъ людей не своего круга, попавшихъ къ власти: Патріарха Никона, А. Л. Ордынѣ-Нащокина.

Они считали себя прирожденными совѣтниками Царя. Для нихъ Никонъ былъ человѣкъ изъ народа, сынъ крестьянина, выскочка, и потому непріемлемъ такъ же, какъ непріемлемы были у власти люди не ихъ круга. Извѣстно, сколько пришлось потерпѣть талантливѣйшему дѣятелю этого царствованія, боярину Афанасію Лаврентьевичу Ордынѣ-Нащокину, не отличавшемуся породой. На него роптали бояре за то, что Алексѣй Михайловичъ сталъ съ нимъ часто совѣщаться. Князь Хованскій, бывшій послѣ него въ Псковѣ воеводой, разрушилъ введенное имъ самоуправленіе, которое было непріятно боярамъ, „Воеводамъ де нечего дѣлать, все въ Псковѣ мужики дѣлають", т. е. просто воеводамъ нельзя было брать взятокъ. Эти воеводы были обычно изъ бояръ или подъ покровительствомъ бояръ. „Если бы я отъ міра былъ, міръ свое любилъ бы", писалъ Ордынѣ-Нащокинъ царю, жалуясь на общее къ себѣ недоброжелательство. „Думнымъ людямъ противно слушать его донесенія и совѣты, потому что они не видятъ стези правды, и сердце ихъ одебелѣло завистью". Злая иронія звучитъ въ его словахъ, когда онъ пишетъ Царю о нравственномъ превосходствѣ знати сравнительно съ своей художественной особой. „Думнымъ людямъ никому не надобенъ я, надобны такія великія государственныя дѣла... У такихъ дѣлъ пристойно быть изъ ближнихъ бояръ: и родъ великій, и друзей много во всемъ пространнѣйшій смыслъ имѣютъ и жить умѣютъ; отдаю тебѣ, великому Государю, мое кратное цѣлованіе, за собой держать не смѣю по недостатку умишки моего" (Ключевскій, Курсъ III, 438). Судьба Нащокина напоминаетъ нѣсколько судьбу Никона. Поэтому приведемъ о немъ нѣсколько словъ изъ Ключевского (Ключевскій, Курсъ III 435). Онъ былъ воеводой въ родномъ Псковѣ въ 1655 г. Въ 1658 г. сталъ думнымъ дворяниномъ, и въ 1667 г. начальникомъ Посольскаго Приказа. Онъ заключалъ съ Швеціей Веліасарское перемиріе 1658 г., условія котораго превзошли ожиданія самого Царя Алексѣя. Онъ заключалъ также Андрусовское перемиріе 1667 г, положившее конецъ 13-лѣтней войнѣ. Онъ вытягалъ у Польши не только Смоленскую и Сѣверскую землю и Восточную Малороссію, но и изъ западной Кіевъ съ округомъ. Онъ зналъ языки нѣмецкій, латинскій, польскій. Онъ былъ поклонникомъ Западной Европы. Онъ отрѣшился отъ національной замкнутости и первый провозгласилъ правило: „Доброму не стыдно навикать и со стороны у чужихъ, даже у своихъ вра-

говъ". Приверженность его къ западно европейскимъ порядкамъ и порицаніе своихъ нравилосъ иноземцамъ и создавало враговъ между своими. Московское боярство его ненавидѣло, его единственной опорой былъ Царь. „Передъ всѣми людьми, пишетъ онъ Царю, за твое государево дѣло никто такъ не возненавидѣнъ какъ я". Въ его бумагахъ (Ibid., 339) найденъ значительный запасъ идей и проектовъ, которые могли стать и стали надолго руководящими началами внутренней и внѣшней политики. Исходной точкой его плановъ было брать образецъ съ запада, но брать не все безъ разбора. Онъ хотѣлъ согласовать общеевропейскую культуру съ національной самобытностью. Онъ ненавидѣлъ порядки Московской администраціи, въ которой любятъ дѣло смотрѣть по человѣку, а не по дѣлу. Дѣло въ дѣлѣ, а не въ лицахъ, былъ напротивъ лозунгъ Нащокина. Нащокинъ почитался великимъ въ дѣлѣ, ему врученномъ, — дипломатомъ — не только дома, но и у иноземцевъ. При немъ поставлены были вопросы, питавшіе вражду съ Польшей и Швеціей, — о Малороссіи и Балтійскомъ морѣ. Вопросъ о воссоединеніи югозападной Руси съ Великороссіей онъ считалъ неразрѣшимымъ для своего времени и потому былъ сторонникомъ мира и союза съ Польшей для прекращенія шведскихъ козней. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ православные отъ Дуная до Россіи были подъ покровительствомъ Московскаго Царя. Въ 1667 г. онъ развивалъ въ рѣчи польскимъ посламъ идею о славѣ славянскихъ народовъ, если бы всѣ говорящіе по славянски отъ Адриатическаго до Нѣмецкаго моря и Сѣвернаго океана соединились подъ главенствомъ Польши и Россіи въ одну державу. Онъ мечталъ о династическомъ воссоединеніи съ Польшей подъ властью Московскаго царя или его сына, и въ этомъ онъ совершалъ крутой поворотъ въ Московской внѣшней политикѣ. Нащокинъ готовъ былъ ради союза съ Польшей отступить не только отъ западной Малороссіи, но и восточной. Хотя онъ устраивалъ торговые отношенія съ Персіей и Средней Азіей, съ Хивой, Бухарой, смотрѣлъ на Дальній Востокъ и на Китай, думалъ о колонизаціи Пріамурья, **но прежде всего онъ думалъ о выходѣ къ Балтійскому морю ради народно хозяйственныхъ соображеній, а Ливонію пріобрѣсти онъ хотѣлъ во что бы то ни стало.** Подъ его вліяніемъ царь Алексѣй Михайловичъ хлопоталъ о возвращеніи бывшихъ русскихъ владѣній отъ Швеціи, о пріобрѣтеніи морскихъ пристаней Нарвы, Ивангорода, Орѣшка и всего теченія Невы со шведской крѣпостью на мѣстѣ позднѣйшаго Петербурга. Онъ хотѣлъ пріобрѣтенія Риги ради прямого ближайшаго

пути въ Европу. Онъ и шель на союзъ съ Польшей, жертвуя чуть ли не всей Малороссіей ради отнятія Ливоніи, но осуществить его мысль удалось унаслѣдовавшему его идеи Петру. Онъ вообще во многомъ предупредилъ Петра и раньше его высказалъ идеи, которыя тотъ осуществилъ и во внутреннемъ управленіи. Онъ изъ наблюденій надъ западной Европой пришелъ къ сознанію главнаго недостатка Московскаго государственнаго управленія — недостатка вниманія къ развитію производительныхъ силъ страны при эксплуатаціи народнаго труда. Поэтому онъ думалъ о развитіи промышленности и торговли и ради этого стремился къ освобожденію промышленнаго класса отъ гнета приказной администраціи и въ Псковѣ по примѣру Западной Европы ввелъ городское самоуправленіе. Его преемникъ князь Хованскій, будучи воеводой въ Псковѣ, отмѣнилъ его самоуправленіе ради боярскихъ интересовъ; впослѣдствіи въ 1667 г. онъ провелъ Новоторговый уставъ. Нащокинъ провелъ мысль объ особомъ приказѣ для купцовъ и создалъ его, какъ предшественника учрежденій Петра. Онъ же предложилъ проектъ военнаго преобразованія и хотѣлъ замѣнить конную милицію городовыхъ дворянъ, обученныхъ иноземному строю сплоченіемъ пѣшихъ и конныхъ даточныхъ людей. Это — идеи регулярной арміи, комплектуемой изъ всѣхъ сословій. Онъ думалъ и о флотѣ на Каспійскомъ или Балтійскомъ морѣ, о переустройствѣ государственнаго управленія въ духѣ децентрализаціи. Но ему не удалось, **какъ и Никону**, сдѣлать все, что онъ могъ бы, ибо неустойчивый характеръ положилъ преждевременный конецъ его дѣятельности. Въ 1671 г. онъ долженъ былъ по порученію царя вести переговоры съ Польшей, въ которыхъ призванъ былъ оттягать у Польши Кіевъ, вопреки соглашенію, скрѣпленному годъ назадъ его присягой: онъ не пошелъ на это и постригся въ монахи, въ февралѣ 1672 г. Въ качествѣ инокъ Антонія онъ занимался богадѣльней, устроенной имъ въ Псковѣ до своей смерти въ 1680 г.

Не любили бояре и боярина Зюзина, преданнаго Никону, который исходатайствовалъ для него боярство и милость Царя, которой тотъ чуть было не лишился на воеводствѣ въ Путивлѣ. „Мѣстничество, говоритъ Павловъ Сильванскій (Государевы служилые люди, стр. 79), объединяло всѣ аристократическія фамиліи въ одно цѣлое, въ классъ лицъ, размѣстившихся между собою по отечеству и не оставлявшихъ мѣста въ своей средѣ неродословнымъ людямъ... Устанавливая іерархію родовъ, мѣстничество вмѣстѣ съ тѣмъ

закрывало доступъ новымъ родамъ въ среду извѣстныхъ фамилій. Оно имѣло главнымъ образомъ значеніе сословно-оборонительной системы. Родословная знать не раздвигалась, когда къ ней приходили новые люди. Эта система съ одной стороны наносила чрезвычайный вредъ правительству, парализуя всѣ его распоряженія и въ мирное и въ военное время, ибо связывало правительство въ порядкѣ назначенія на должности счетами боярскихъ родовъ о томъ, кому подѣ кѣмъ быть невмѣстно. Эта система настолько связывала даже Царя, что спасителя Россіи въ эпоху смуты князя Пожарскаго — члена захудалаго рода Царь могъ повысить противъ его отечества лишь искуснымъ обходомъ мѣстническихъ счетовъ, но и личность царская должна была уступить передъ Салтыковымъ, однимъ изъ высшихъ членовъ мѣстнической лѣстницы" (Павловъ Сильван. Ib. 157).

Никонъ въ качествѣ Государственнаго совѣтника сдерживалъ боярство, какъ раньше сдерживалъ его Грозный и Патріархъ Филаретъ совѣтникъ Царя.

Разинскій бунтъ 1671 года — результатъ хищничества воеводскихъ дьяковъ, но и онъ не вразумилъ боярства. Черезъ 10 лѣтъ бояре составили проектъ, когда возбужденъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ мѣстничества, по которому въ Великомъ Новгородѣ, Казани и другихъ областяхъ должны были быть царскіе намѣстники „великородные бояре" **вѣчно** и носили бы титула тѣхъ царствъ, гдѣ кто **будетъ**; **это было бы возрожденіемъ удѣловъ подѣ новымъ названіемъ, и самая наличность такого проекта есть оправданіе мудрой, обдуманной правительственной политики Грознаго, направленной къ объединенію Государства и къ обузданію боярства, политики, которую по отношенію къ боярству въ качествѣ Государевыхъ совѣтниковъ въ извѣстной степени продолжали и Патріархъ Филаретъ и Патріархъ Никонъ.** Что Никонъ сдерживалъ боярство, видно изъ того, что стали дѣлать бояре, когда Никонъ лишился вліянія въ государственныхъ дѣлахъ: примѣры мѣстничества мы привели, послѣдовало непомѣрное увеличеніе членовъ въ Боярской Думѣ при Θεодорѣ и, наконецъ, проэктъ раздробленія Россіи. Всякія стремленія къ улучшенію въ государственной жизни всегда натыкались на косную неподвижную омертвѣлую группу боярства, и Аѳ. Лавр. Ордынъ Нащокинъ, человекъ живыхъ стремленій и улучшеній и новыхъ путей во внѣшней политикѣ, задыхался отъ интригъ, ковавшихся противъ него, многократно писалъ объ этомъ Царю и горькими жалобами просилъ Царя освободить его отъ службы и кончилъ жизнь свою добровольнымъ уходомъ въ монастырь.

Боярскія фамиліи, давшія главныхъ враговъ противъ Никона. Дворъ Царя. Нравственныя качества враговъ Никона.

Противъ Никона изъ среды стараго родовитаго боярства, считавшаго только себя прирожденными совѣтниками царя, особенно выступали кн. Никита Ивановичъ Одоевскій, стоявшій одно время во главѣ Монастырскаго Приказа и проводникъ цезарепапистской системы Уложенія въ жизнь, и кн. Алексѣй Никитичъ Трубецкой, стоявшій съ 1647-1663 г. предсѣдателемъ Сибирскаго Приказа. Боярство, ослабленное смутой и убылью родовъ, съ XVII вѣка было пополнено новыми родами, которые уже не могли говорить: „Царь жалуетъ насъ помѣстьемъ а не отчествомъ“, ибо были возвышены царской властью и всѣмъ обязаны ей; получая службу и награды отъ милости Царя, они уже не могли считаться наслѣдственными совѣтниками Царя по праву рожденія и имѣли вліяніе въ силу родства или свойства съ Царемъ черезъ царскимъ женъ: это — Стрешневы, Милославскіе, позже Хитрово, Нарышкины, Матвѣевы, Апраксины. Никону пришлось встрѣтиться съ первыми тремя фамиліями, особенно съ дядей царя Алексѣя Михайловича **Семеномъ Лукьяновичемъ Стрешневымъ**, а изъ Милославскихъ къ нему враждебна была сама **царица Марія Ильинишна** и ея отецъ **Илья Даниловичъ**, и ея двоюродный братъ **Иванъ Михайловичъ**. Все это — совѣтники Царя уже по праву родства съ Царемъ. Изъ Стрешневыхъ Иванъ Ѳеодоровичъ былъ предсѣдателемъ Монастырскаго Приказа и Челобитнаго съ 1657-1661 и съ 1660-1667 гг., а Семень Лукьяновичъ Стрешневъ предсѣдателемъ Литовскаго приказа. Милославскій былъ временщикомъ и не малую роль сыгралъ въ народномъ озлобленіи, приведшемъ къ бунту 1648 г. Милославскіе историками характеризуются, какъ люди злые, своекорыстные, хитрые и мелкіе, эгоистичные, властолюбивые; все это были люди, стоявшіе такъ или иначе у кормила правленія. Вся сила зла была въ Ильѣ Даниловичѣ Милославскомъ, поддержанномъ у власти вліяніемъ царицы Маріи Ильинишны (Пальм. V, 923) Объ Ильѣ Даниловичѣ Милославскомъ англичанинъ Коллинсъ, который былъ придворнымъ докторомъ царя Алексѣя Михайловича послѣ 1660 г. въ теченіе семи лѣтъ, пишетъ, что онъ очень способный, дѣятельный, съ мускулами какъ у Геркулеса, но жадный, несправедливый, безнравственный, больше боялся, чѣмъ любилъ Царя, который однако послѣ бунта въ іюль 1662 г., причиненнаго своеволіемъ и засиліемъ семьи Милославскаго и другихъ, показалъ къ нему неблаговоленіе. Похожи были на Илью Дани-

ловича и его племянники Иванъ Михайловичъ и Иванъ Богдановичъ. Ничего хорошаго о нихъ не говорить и Соловьевъ. Послѣ смерти Ильи въ 1668 г. представителемъ связи фамиліи со дворомъ оказался Иванъ Михайловичъ, на время второго брака Царя удаленный въ Астрахань воеводой. Царь Алексѣй, умирая, боялся за судьбу второй семьи, чувствуя опасность отъ коварной и злобной природы Ивана Михайловича Милославскаго. Богданъ Матвѣичъ Хитрово былъ, по рассказамъ Коллинса, человѣкъ совершенно безнравственный. „Однажды утромъ, рассказываетъ онъ, (V, 205), его жена была найдена мертвой въ своей постели. Такъ какъ его измѣны были общеизвѣстны, и ревность его жены стала для него обремененіемъ, то эта неожиданная смерть причинила много слуховъ и подозрѣній среди народа. „Коллинсъ говоритъ, „что Царь понудилъ его жениться и оставить порочную жизнь, которую онъ велъ съ польскими непотребными дѣвками, подъ угрозой лишенія его мѣста при дворѣ“.

Михайловскій, описавшій жизнь Патріарха Никона, говоритъ, что дворъ и правительство при Алексѣѣ Михайловичѣ были многочисленны: было 11 бояръ ближнихъ, другихъ бояръ 69, окольничихъ 90, думныхъ дворянъ 37, дьяковъ 11, но въ дѣлѣ Никона мы встрѣчаемъ постоянно однѣ и тѣ же фамиліи: Стрешневыхъ, Милославскихъ, Одоевскаго, Долгорукихъ, Трубецкихъ, Салтыковыхъ, Ромодановскаго и дьяка Алмаза Иванова, т. е. какъ будто заговоръ противъ Никона изъ родственниковъ царя (Стрешневы и Милославскіе), бояръ Монастырскаго приказа (Долгорукій и Одоевскій) и тѣхъ изъ бояръ, которые были оставлены Царемъ на время Польскаго похода, или же имѣли въ семействѣ духовныхъ дѣтей протопопа Авакума. Къ нимъ надо присоединить еще Хитрово и Морозовыхъ, какъ тѣсно связанныхъ съ Милославскими. Морозовъ былъ воспитатель Царя въ юности и его главный министръ и совѣтникъ по восшествіи Алексѣя Михайловича на престолъ; онъ женилъ Царя на Маріѣ Ильинишнѣ Милославской и самъ женился на ея сестрѣ Аннѣ Ильинишнѣ; Милославскіе были обязаны ему своимъ возвышеніемъ, также и Хитрово, мать котораго была у Морозова въ семьѣ кормилицей. „Такъ какъ Морозовъ, пишетъ Пальмеръ (IV, 316), не былъ безукоризненъ и въ общественномъ отношеніи, то такіе испорченные и дурные люди, какъ Милославскій и Хитрово, которыхъ онъ возвелъ къ власти, и другіе, которые стояли наравнѣ съ нимъ по рожденію, какъ Трубецкіе, Долгорукіе и Хованскіе, или по родству съ царемъ, какъ Стрешневы, не боялись ни немилости, ни

наказанія за свои злоупотребленія и тиранство благодаря ему". Морозовъ не мѣшалъ врагамъ Никона, и они считали его на своей сторонѣ. Передъ смертью онъ, видимо, чувствуя, что Никонъ можетъ быть имъ обиженъ, просилъ черезъ Царя у него прощенія, хотя открыто онъ никогда не выступалъ противъ Никона. Никонъ его охотно простилъ (1661) и даже предлагалъ его похоронить въ Воскресенскомъ монастырѣ (IV, 319). Также охотно простилъ Никонъ и Стрешнева (весной 1665) за 1 ½ года до смерти послѣдняго, за кощунство съ благословеніемъ, какъ вообще онъ охотно прощалъ (IV, 660), когда прошеніе испрашивалось (также и Иваномъ Нероновымъ). Вся эта компанія людей непрерывно интриговала противъ Никона, заслонившаго отъ нихъ возможность безраздѣльнаго вліянія на Царя. Царь, пишетъ Пальмеръ (V, 924), поддержалъ нечестіе и несправедливость въ лицѣ Ильи Даниловича Милославскаго и другихъ связанныхъ съ нимъ противъ Никона, но зато это нечестіе въ лицѣ Ивана Михайловича впослѣдствіи повернулось противъ его второй семьи или, вѣрнѣе, противъ него самого въ лицѣ Нарышкиныхъ".

Всякое предпочтеніе Царемъ Никона существенно ихъ стѣсняло. Исключая царицы Маріи Ильинишны, симпатизировавшей расколу, въ частности заступавшейся за протопопа Аввакума передъ Царемъ и устраивавшей ему за него сцены, какъ объ этомъ пишетъ самъ Аввакумъ, все это, мы видимъ, были люди не идейные, а отстаивавшіе просто свое положеніе, удовлетворявшее ихъ или корыстолюбію, или честолюбію, или властолюбію, искавшіе себѣ союзниковъ даже въ рядахъ старообрядцевъ, которымъ не сочувствовали въ ихъ дѣлѣ, не погнушавшіеся водительствомъ запрещеннаго митрополита Паисія Лигарида, все это для того, чтобы свалить Никона.

Причины боярской нелюбви къ Никону, заключавшіяся въ характерѣ Никона, а также изъ-за войн.

Конечно, въ свойствахъ характера Никона были нѣкоторыя черты, которыя ущемляли ихъ болѣзненное самолюбіе при полной ихъ недуховности и еще болѣе одіознымъ для нихъ дѣлали временное возглавленіе государства имъ, на время отсутствія Царя. Мы не говоримъ уже объ упоминавшихся у Павла Алеппскаго ожиданіяхъ бояръ на пріемъ Никона. Но трудно представить, какъ бы могло быть иначе, какъ могъ бы Никонъ удовлетворить ихъ немедленно при пріемахъ, когда вообще трудно представить, откуда онъ доставалъ время для всѣхъ своихъ дѣлъ. Мы видѣли, что онъ почти ежедневно принималъ

участіе въ церковныхъ службахъ. У него въ палатахъ было 7 церковныхъ приказовъ, которые и управляли, и судили, и ничего не могли сдѣлать безъ его утвержденія. Одновременно Никонъ, въ годы пребыванія Царя на войнѣ, проводилъ церковныя реформы на соборахъ 1654—1656 г., переписывался съ Константинопольскимъ Патріархомъ, исправлялъ книги и обряды, работалъ въ патріаршемъ архивѣ, фактически руководилъ наборомъ и отправкой войскъ, снабженіемъ его оружіемъ и припасами, посылкой подкрѣпленій, отдавалъ самъ распоряженія по борьбѣ съ чумой, дважды посѣтившей Россію, и въ 1654 и 1655 г., спасалъ отъ чумы царскую семью; одновременно со всѣмъ этимъ несъ борьбу со старообрядчествомъ, уже послѣ собора 1654 г. обнаружившаго сопротивленіе. Понятно поэтому, что Никонъ имѣлъ время только на то, чтобы отдавать распоряженія боярамъ по текущему управленію безъ особой учтивости; къ тому же онъ замѣнялъ Царя.

Конечно, это оскорбляло самолюбивыхъ прирожденныхъ и родственныхъ совѣтниковъ Царя. Мало того, есть данныя, что боярамъ не совсѣмъ нравилась и политика Никона относительно присоединенія Малороссіи, влекшая за собой войну съ Польшей. Такъ у Гюббенета приводится случай, когда одинъ архимандритъ Константинопольскаго Патріарха писалъ въ Москву изъ Яссъ въ 1663 г., называя Никона вторымъ Златоустомъ, что „Царь его любитъ и жалуется и приходитъ къ нему по ночамъ для бесѣды; бояре же отстраняютъ Никона за то, что онъ настаиваетъ, чтобы Царь шелъ на войну противъ татаръ, которые полонили множество москвичей и казаковъ, но это боярамъ не нравится, ибо они привыкли проводить болѣе спокойную жизнь въ Москвѣ." Это одно письмо не было бы доказательнымъ, но мы знаемъ, что сначала вплоть до 1653 г. бояре противились присоединенію Малороссіи, не желая войны съ Польшей.

Но мы хотимъ сказать еще о другихъ свойствахъ **Никона: онъ былъ необыкновенно прямолинеенъ и суровъ въ обличеніяхъ** Боярамъ приходилось выслушивать отъ него публичные упреки. Иногда они подвергались имъ отъ него въ Думѣ, какъ отъ архипастыря, то за то, что у такого-то боярина Никонъ увидѣлъ икону латинскаго письма, то за невыполненіе церковныхъ обрядовъ, то за то, что въ такомъ то боярскомъ домѣ появился органъ, то за несоблюденіе постовъ. Будучи неумолимо строгъ къ себѣ, Никонъ боролся съ послѣдствіями знакомства боярства съ чужеземными порядками во

время польской войны, которое разрушало цѣльность московскаго быта и создавало легкомысленное отношеніе къ уставамъ Православной Церкви. Никонъ требовалъ соблюденія правилъ объ исповѣди и святомъ причащеніи, и вообще боролся за соблюденіе въ жизни всѣхъ правилъ христіанскаго благочинія и поведенія, какъ въ общественномъ, такъ и въ домашнемъ быту. Но онъ никогда не щадилъ въ своихъ обличеніяхъ ни сана, ни званія, открыто возглашая имена провинившихся и въ Церкви, и въ Боярской Думѣ. Преслѣдуя высокую цѣль воспитанія людей въ духѣ церковныхъ требованій и не ища своего, Никонъ однако натыкался на озлобленіе, возраставшее съ одной стороны отъ непримиримости Никона, а съ другой отъ возрастанія духа распушенности и ослабленія сознанія христіанскихъ требованій въ жизни; смутное время оставило большіе слѣды въ этомъ отношеніи и создало типъ князя Хворостинина, который отрицалъ воскресеніе мертвыхъ, необходимость поста и молитвы, людей своихъ не пускалъ въ церкви, самъ на страстной недѣлѣ 1622 года „пилъ безъ просыпу“, ѣлъ мясо, не былъ въ церкви на Пасхѣ. **Съ этимъ типомъ встрѣтился и Никонъ еще тогда, когда онъ въ санѣ Новгородскаго митрополита ѣздилъ за мощами Св. Филиппа.** Мы цитировали его инциденты съ Отяевымъ и княземъ Лобановымъ Ростовскимъ въ виду отказа ихъ поститься и говѣть: для Руси XVII вѣка вольномысліе при поѣздкѣ съ митрополитомъ за Св. Мощами должно было казаться едва ли не отпаденіемъ отъ православія и не такому ревнителю строгой жизни, какъ Никону.

И самъ Царь писалъ объ этомъ Никону: „Вѣдомо намъ учинилось, что многіе дворяне и всякіе служилые люди, которые посланы съ вами, въ великій постъ не постились и не съ благочестіемъ ѣдутъ. И тебѣ бы, богомольцу нашему, заставить ихъ въ Петровъ постъ и въ Господень постъ говѣть, а которые начнутъ ослушаться, тѣхъ по правиламъ св. отецъ запрещать и разрѣшать, зане отъ Бога на тебя та власть положена, и на всякое благочиніе приводить“. Надо думать, что настроеніе, проявленное Лобановымъ Ростовскимъ и Одоевымъ было не единично. „Царь выдалъ насъ своему митрополиту“, шептались бояре.

Какъ въ государственной жизни Никонъ стремился къ оцерковленію закона, такъ и въ жизни общественной онъ проводилъ тѣ же требованія: надо быть христіанами не на словахъ, а на дѣлѣ, и послушаніе церковнымъ законамъ и уставамъ онъ ставилъ на первомъ мѣстѣ. Онъ самъ подавалъ примѣръ проведенія въ жизнь цер-

ковнаго устава и въ храмѣ и въ домашнемъ быту, дисциплинировали духовенство, и, встрѣчая здѣсь противорѣчія духа вѣка, всю надежду возлагали на помощь свыше.

Перенесеніе въ Москву мощей Св. Филиппа, какъ средство борьбы съ духомъ вѣка, и средство искупить вину царской власти передъ митрополитомъ Филиппомъ.

Въ виду того значенія, которое играетъ всегда примѣръ свыше Никонъ хотѣлъ всенародно, пользуясь своимъ вліяніемъ на Царя, показать, какое почитаніе оказываетъ сама царская власть высшимъ принципамъ жизни въ лицѣ тѣхъ, кто показывалъ примѣръ служенія имъ. Св. Филиппъ, митрополитъ московскій, погибшій отъ Грознаго Царя, былъ особенно почитаемъ Никономъ, какъ жертва насилія за стойкое отстаиваніе христіанской правды, и Никонъ задумалъ совершить перенесеніе его мощей изъ Соловецкаго монастыря въ Москву. Его любимый святитель, которому онъ потомъ строилъ церкви (и въ Иверскомъ монастырѣ, и въ патріаршихъ палатахъ), являлся для него путеводной звѣздой и духовнымъ укрѣпленіемъ въ борьбѣ съ духомъ вѣка, въ борьбѣ, которую надо было начинать въ верхнихъ слояхъ при дворѣ и притомъ покаяніемъ. Этимъ публичнымъ почитаніемъ памяти святаго одновременно воскрешалось и уваженіе первосвятительскому сану, который носилъ Св. Филиппъ, и который онъ воплощалъ, какъ назидательный примѣръ правды и святости. И вотъ, при стеченіи народа въ церкви Соловецкаго монастыря Никонъ отъ лица Царя читалъ передъ гробомъ святителя покаянную рѣчь, чтобы смыть съ царской власти тяготѣвшее на ней преступленіе, подобно тому, какъ передъ перенесеніемъ мощей Св. Златоуста говорилъ рѣчь императоръ Ѳеодосій. Проф. Николаевскій полагаетъ, что Царь этимъ перенесеніемъ мощей хотѣлъ ослабить тяжелое впечатлѣніе отъ государственныхъ мѣръ въ отношеніи къ Церкви, введенныхъ Уложеніемъ. Въ февралѣ 1652 г. состоялись соборныя совѣщанія о перенесеніи мощей, а 17 февраля 1652 г. Царь слушалъ панихиду по Іоаннѣ Грозномъ, отъ имени котораго онъ молился къ мощамъ митрополита Филиппа. Эта царская грамота вручена была Патріарху Никону при его отъѣздѣ. Но можно усмотрѣть и другую идею въ перенесеніи мощей, если вспомнить, какое значеніе придавалъ Никонъ грѣху и въ частной, и въ общественной дѣятельности. А потому въ искупленіи грѣха, совершеннаго по отношенію къ митрополиту Филиппу, онъ могъ видѣть главное средство для достиженія благополучнаго царствованія своего друга и Царя. Вотъ, эта рѣчь (взята изъ

статьи Проф. Николаевского „О перенесеніи мощей святителя Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву"): „Ничто такъ не печалить моей души, пресвятый владыка, какъ то, что Ты не находишься въ царствующемъ нашемъ градѣ Москвѣ и въ соборной Церкви Успенія Богородицы вмѣстѣ съ бывшими до Тебя и по Тебѣ святителями, чтобы совокупными вашими молитвами Святая Соборная Апостольская Церковь и вѣра Христова пребывали неподвижной, и стадо вашей паствы оставалось ненавѣтнымъ отъ гибельныхъ волковъ; и мы крѣпки не своей силой и многооружнымъ воинствомъ, но вашими святыми молитвами. Второе молю Тебя и желаю пришествія твоего сюда, чтобы разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего Царя и великаго князя Іоанна, совершенное противъ Тебя неразумно завистью и несдержанной яростью. Хотя я и неповиненъ въ досажденіи Тебѣ, но грѣхъ прадѣда постоянно убѣждаетъ меня, приводитъ въ жалость и мучить мою совѣсть, что отъ изгнанія Тебя до настоящаго времени ты вдали отъ твоей святительской паствы. Потому преклоняю санъ свой царскій за согрѣшившаго противъ тебя, **да отпустишь ему согрѣшеніе своимъ къ намъ пришествіемъ, да уничтожится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе; пусть всѣ увѣрятся, что Ты примирился съ нимъ.** Умоляю Тебя и честь моего царства преклоняю передъ честными твоими мощами и повергаю къ моленію всю мою власть, приди и прости оскорбившаго Тебя напрасно; онъ раскаялся тогда въ содѣянномъ грѣхѣ, и за его покаяніе и за наше прошеніе приди къ намъ. Оправдалось на Тебѣ Евангельское слово, за которое Ты пострадалъ, что „всякое царство, раздѣлившееся на ся, не станетъ;" теперь и у насъ нѣтъ прекословящихъ Тебѣ, нѣтъ нынѣ въ твоей паствѣ никакого раздѣленія, но всѣ единомысленно просимъ и молимъ Тебя: приди съ миромъ во свояси, и свои Тебя примутъ съ любовію".

Напрасно Никону ставили на судъ упрекъ въ униженіи царской власти, будто бы заключающемся въ этой рѣчи; **эта рѣчь стремится поднять царскую власть на ту высоту, которая не боится самообличенія и въ раскаяніи видитъ средство очищенія духовнаго.** Она вытекала изъ Никоновскаго міросозерцанія, въ которомъ центральное значеніе въ причинѣ **всѣхъ несчастій и личныхъ и государственныхъ отводится грѣху и личному, и общественному.** Это несчастіе можетъ поражать, какъ видно изъ постоянныхъ Никоновскихъ грозныхъ предостереженій, не только виновнаго, но и его потомство и цѣлое государство, если виновникомъ грѣха — правя-

щая власть. На этомъ пути нельзя обойтись безъ самообличенія и покаянія всенароднаго, иначе не будетъ и искупленія грѣха, и вотъ, Никонъ предпринимаетъ отъ лица Царя это покаяніе, выступая по отношенію къ Царю, какъ отецъ, его молитвенникъ, покровомъ своимъ ограждающій его и его царство отъ бѣдъ. Однако, такіе призывы къ самообличенію и обличенію понимались нерѣдко, какъ обида самолюбію, и Никону пришлось въ заключеніе своего „Раззоренія" **выяснить различіе между дерзостью и дерзновеніемъ.** Такъ какъ во всякомъ обличеніи, хотя бы оно обращалось на архипастырское рвеніе къ уничтоженію грѣха, при томъ непомѣрномъ самолюбіи и самопочитаніи, которое было среди боярства, можно усмотрѣть обиду, то Никонъ такъ и протестовалъ противъ статьи Уложенія, которая грозила наказаніемъ за безчестіе словомъ, ибо при растяжимости понятія „безчестія" эта статья препятствовала обличительной дѣятельности Церкви. Когда Царь былъ въ духовномъ единеніи съ Никонѣмъ, то онъ поощрялъ его въ его архипастырскихъ заботахъ, и потому, когда поступила къ нему жалоба отъ Отяева и Лобанова Ростовскаго на строгость Никона въ требованіи постовъ и исповѣди, онъ писалъ Никону свой совѣтъ, вышеприведенный нами. А князю Хованскому, возглавлявшему боярскую свиту, Царь писалъ „а тебѣ боярину нашему отъ великаго дурна ихъ унимать и велѣть ѣхать въ благочиніи, а не со смѣхомъ; зане же и къ намъ, земному Царю, ѣдутъ со страхомъ и трепетомъ, а то кольми паче подобаетъ ѣхать къ такому великому свѣтильнику со страхомъ и трепетомъ". Когда Царь проникся больше мірскими интересами и настроеніями, то и онъ сталъ склонять ухо къ Никоновскимъ врагамъ, усматривавшимъ въ обличеніяхъ Никона превозношеніе.

Трудность Никоновскаго пути къ Святой Руси для бояръ, недуховно настроенныхъ.

Людямъ, мірски настроеннымъ, Никонъ былъ тяжелъ: его идеаль Русь кающейся, Руси, себя бичующей за свои грѣхи, Руси настолько проникающейся интересами духовными, что въ ней самыя административно политическія подраздѣленія государства мыслятся болѣе подъ религіозной формой, чѣмъ подъ юридической. „Кіевъ блажитъ Св. Антонія и Ѳеодосія Печерскаго, Москва Святителей Петра, Алексѣя и Іону; и Великій Новгородъ блажитъ Варлаама и Михаила, юродиваго Христа ради, Смоленскъ князя Ѳеодора, Ростовъ — Леонтія, Игнатія, Исаію, Вассіана и Ефрема, Вологда преподобнаго Дмитрія, а мы Устюжане блажимъ Прокопія Устюжскаго,

имѣемъ его стражемъ и хранителемъ отчизны нашей Устюга", такъ писали Устюжане (Пр. Соб. 1863, 1) — Этотъ идеаль, взятый не въ его отвлеченномъ изображеніи, а въ самой дѣйствительности, требуетъ непрерывнаго героическаго подвига надъ самимъ собой, непрерывнаго самораспинанія, отсѣченія своихъ собственныхъ страстей, и для принятія требуетъ такого непрерывнаго духовнаго подъема, что не боярской средѣ XVII вѣка, приразившейся въ эпоху смуты и войнъ нравственной распущенности, съ ея единственнымъ культомъ родовой чести, можно было подняться въ жизни своей до такого труднаго идеала. А Никонъ требовалъ его проведенія и въ государственной жизни, и исполненіе правилъ церковныхъ и въ частной жизни, и въ государственномъ законодательствѣ ставилъ условіемъ своего патріаршества, ибо безъ этого „мы только на словахъ христіане". „Не слушатели, а исполнители законовъ спасутся". „Церковь не стѣны и храмъ, а правило Церкви", вотъ, основа Никоновскаго міропониманія.

Никоновскіе требованія церковной самостоятельности задѣваютъ бояръ. Главной причиной вражды на Никона — боярству нуженъ Царь слабый, послушный, а не дополняющій себя въ сильной личности.

Естественно, эта среда стала враждебной Никону, **ибо всей своей личностью онъ представлялся ей живымъ укоромъ.** Къ тому присоединилось и то, что Никоновскія требованія церковной самостоятельности наносили ущербъ боярскому властолюбію черезъ изытаніе подсудности духовенства Монастырскому Приказу, гдѣ сосредоточивалось боярское управленіе и судъ надъ Церковью; боярскія притязанія облеклись въ форму отстаиванія правъ самого Царя по цезарепапистской теоріи Паисія Лигарида, но въ основѣ своей бояре мало думали о Царѣ, ибо во многихъ своихъ обвиненіяхъ Никона бояре, какъ мы увидимъ, задѣвали не меньше, чѣмъ Никона, самого Царя. Боярамъ нуженъ былъ слабый Царь, при которомъ они могли бы быть главной политической силой, но Царь, которому помогала такая сильная личность, какъ Никонъ, который къ тому же проводилъ свои идеалы Святой Руси, не могъ быть пріемлемъ для боярскихъ вождельнѣй и ихъ понятій о своемъ правѣ быть прирожденными совѣтниками Царя. Чтобы имѣть нужнаго имъ Царя въ лицѣ Алексѣя Михайловича, имъ надо было устранить того, кто своими качествами дополнялъ то, въ чемъ нуждалась царская власть, а не окружающее ее боярство. Никонъ самъ не велъ политической борьбы съ боярствомъ, которая бы подрывала права боярства, но своей не-

обыкновенно одаренной личностью онъ сводилъ ничтожное передъ нимъ боярство ко второстепенному значенію при Царѣ. Могло ли гордое боярство ему это простить? Нѣтъ. А Никонъ былъ прямолинеенъ, онъ совершенно не зналъ того, чтобы на интригу отвѣчать контръ-интригой; и въ своихъ идеалахъ онъ былъ непоколебимъ, положилъ всю надежду на клятву Царя и бояръ, передъ тѣмъ какъ согласиться на патріаршество; но клятва не могла сдержать начинавшагося въ обществѣ отчужденія отъ Церкви въ жизни; почитаніе Церкви оставалось, но больше внѣшнее, а не въ стремленіи пронизать всѣ отправления жизни церковнымъ принципомъ. Никонъ началъ съ Царя, но это не удалось, и Никонъ въ сокрушеніи писалъ въ „Раззореніи“, что Царь его не понималъ.

Стремленіе Никона ввести церковность во всѣ жизненныя отношенія. Онъ начинаетъ съ Царя.

Никонъ хотѣлъ, чтобы тотъ, кто стоитъ во главѣ народа и является живой примѣръ, былъ образецъ смиренія, а не гордости, чтобы не навлечь на царство тяжелыхъ посѣщеній Божіихъ; а самый цезарепапизмъ разсматривался Никономъ какъ грѣхъ, за который неминуемо должна быть расплата, какъ за забвеніе заповѣдей Божіихъ. Сама царская власть имѣетъ цѣнность для государства, пока ея представитель угоденъ Богу и не попускаетъ отступленія. „Многіе Царю говорятъ: „Ты Богъ земной. И Царь не запрещаетъ имъ такъ говорить и ему самому и другимъ. И Патріархъ Никонъ говорилъ Царю, когда былъ на каѳедрѣ въ Москвѣ, и писалъ послѣ, когда оставилъ Москву, чтобы онъ запретилъ на будущее безумцамъ величать себя Богомъ. Но Царь молчалъ... а что такое Царь? Прем. Сына Сирах. 10, 12—17 говоритъ: и вотъ, нынѣ Царь, а завтра умираетъ. Когда же человѣкъ умираетъ, то наслѣдіемъ его становятся пресмыкающіеся, звѣри и черви. Начало гордости — удаленіе отъ Господа и отступленія сердца его отъ Творца его, ибо начало грѣха — гордость, и обладаемый ею изрыгаетъ мерзость; и за это Господь посылаетъ на него страшныя наказанія и въ конецъ низлагаетъ его. Господь низвергаетъ престолъ властителей и посаждаетъ кроткихъ на мѣсто ихъ". Гордость въ Царѣ, какъ грѣхъ, есть катастрофа для Царя и его царства. Онъ цитируетъ изъ пророка Исаіи (14, 13-14) о Навуходоносорѣ, Царѣ Вавилонскомъ, который возомнилъ себя, подобно Всевышнему, цитируетъ изъ пророка Іезекіиля слова, обращенныя къ начальствующему въ тюрьмѣ (Іезек. 28, 1-9). Такъ говоритъ Господь Богъ; „за то, что вознеслось сердце твое и ты говоришь: я Богъ, и будучи человѣкомъ, а

не Богомъ ставишь умъ твой наравнѣ съ умомъ Божиимъ... Я наведу на тебя иноземцевъ, лютейшихъ изъ народовъ, и они обнаружатъ мечи свои противъ красы твоей мудрости и помрачатъ блескъ твой. Скажешь ли тогда передъ твоимъ убійцей: „Я Богъ," тогда какъ въ рукѣ поражающаго тебя ты будешь человѣкъ, а не Богъ". Напомнивъ изъ Дѣяній апостольскихъ 12, 21—23 о смерти Ирода, Никонъ указываетъ, что въ проявленіи гордости Царя, захватывающаго Церковь, (т. е. ея законодательство, управление) есть признаки отступленія послѣднихъ дней міра и цитируетъ апостола Павла 2 Тим. 2, 4 о человѣкѣ грѣха, который превозносится выше всего, называемаго Богомъ или святыней, такъ что въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога". **„Цезарепанизмъ есть высшее проявленіе превознесенія человѣческаго „я", и психологически вполнѣ было пріемлемо для бояръ, какъ орудіе противъ православнаго пониманія царской власти Никономъ.** Въ другомъ мѣстѣ Никонъ съ горечью сѣтуетъ, что духовное пониманіе назначенія царской власти и тяжелыя послѣдствія отъ превознесенія и гордости Царь не усвоилъ. Онъ пишетъ: „и тѣ гордые люди, которые теперь нарушили границу, присвоивъ себѣ честь и славу Бога, попрали своими ногами и подъ ногами своей лошади и своего орла (Намекъ на рисунокъ на Острожской Библии напечатанной въ маѣ 1663 г.) пророческія тайны и градъ Великаго Царя (Церковь)". „Богъ познается въ Своихъ тяжелыхъ посѣщеніяхъ. Богъ познается въ исполненіи суда. Дѣлами рукъ Своихъ Онъ схватываетъ грѣшниковъ. Но Царь не хотѣлъ этого понять. Нѣтъ, онъ не хотѣлъ этого понять".

Судьба Никона — судьба древнихъ еврейскихъ пророковъ.

Никонъ не искалъ для себя никакой власти, въ чемъ обвиняли его бояре, но убѣжденный, что отъ вторженія въ Церковь грозитъ гибель и царству, онъ, какъ древній пророкъ, обличалъ и Царя за этотъ захватъ, и окружавшихъ его бояръ за забвеніе церковныхъ правилъ и въ государственной и въ частной жизни. Но когда же обличители были пріятны обличаемымъ? И съ Никономъ совершилось то же, что случилось съ древними пророками, изъ которыхъ однихъ убивали, другихъ побивали камнями и гнали. Вотъ, причины гоненій на Никона: они — въ психологіи чванливаго, ревниваго къ власти боярства, гордаго и неспособнаго въ этой гордости подняться до тѣхъ идей Св. Руси, которымъ служилъ Никонъ и словомъ и дѣломъ. А народъ любилъ Никона, какъ выразителя своихъ идей; позже мы приведемъ

свидѣтельства этой любви. Въ Царѣ же перемѣна къ Никону пришла постепенно.

Неправильное пониманіе Соловьевымъ Никона и его идей.

Историкъ С. М. Соловьевъ, совершенно неправильно, по нашему мнѣнію, освѣтившій образъ Никона, какъ самолюбиваго, гордаго, властолюбиваго человѣка, подъ вліяніемъ свидѣтельствъ его враговъ: Лигарида, князя А. Н. Трубецкаго, Неронова, которыхъ онъ цитируетъ, намъ кажется, правильно освѣтилъ перемѣну въ самомъ Царѣ. На основаніи свидѣтельскихъ показаній враговъ Никона Соловьевъ не могъ уяснить личности Никона; онъ пишетъ (въ XIII т. 141): „Обиліе матеріальныхъ мірскихъ средствъ и заключаетъ въ себѣ причину паденія Никона, который, какъ человѣкъ плоти и крови, не выдержалъ искушенія, прельстился предложеніемъ жертвъ и палъ. Никонъ позволилъ себѣ принять роковой титулъ „великаго государя" т. е. главнаго хозяина, правителя страны, титулъ, не могшій имѣть никакого отношенія къ значенію патріарха, титулъ, указывавшій прямо на двоевластіе, на то, что два хозяина въ домѣ, и влекшій необходимо къ столкновенію между ними, тѣмъ болѣе, что Никонъ по природѣ своей не могъ быть только титулярнымъ великимъ государемъ. Патріаршество, его высокое назначеніе стало для Никона на второмъ планѣ, онъ бросился на мірскую власть, захотѣлъ быть настоящимъ великимъ государемъ, настоящимъ законнымъ и проигралъ дѣло". Вся эта характеристика есть повтореніе боярскихъ взглядовъ на Никона, внушаемыхъ боярами Царю, но отъ дѣйствительнаго Никона безконечно далека. Никакого двоевластія въ государствѣ не создавалось. За исключеніемъ того времени, когда Никонъ былъ регентомъ государства по порученію Царя, онъ былъ только вліятельнымъ совѣтникомъ Царя; титулъ великаго государя былъ титуломъ пожалованнымъ патріарху въ государственной сферѣ, какъ первому сановнику, оказавшему огромныя услуги государству и Царю, и оставался только титуломъ. А близость Патріарха къ Царю, установленная по чину, была не установленіемъ другой власти въ государствѣ рядомъ съ царской, а символомъ тѣхъ идей, которыя были положены въ основу государственной власти въ Московской Руси, стремящейся къ правдѣ и святости.

Петръ I, какъ представитель идеи омірщенія государства въ противоположность идеѣ оцерковленія.

Когда Петръ I указывалъ въ Духовномъ Регламентѣ на то, что этотъ великій государь вноситъ двоевластіе, то онъ былъ неискренень, ибо на опытъ зналъ, что онъ могъ третировать Патріарха Адріана, но ему противенъ былъ самъ институтъ патріаршества, какъ символъ другихъ основъ жизни, не тѣхъ, которыя онъ проводилъ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Ему нужно было не оцерковленіе государства, а полное его омірщеніе, ибо для него руководящимъ началомъ было уже не созданіе Святой Руси, а принципъ государственной пользы, истолкованной самостоятельно самой свѣтской властью въ зависимости отъ господствующихъ философскихъ ученій.

Соловьевъ вѣрно опредѣлилъ психологическія причины разрыва въ царѣ.

Но Соловьевъ, сказали мы, вѣрно понялъ психику Царя, окруженнаго, добавимъ, врагами Никона и въ походѣ (гдѣ съ нимъ былъ даже Митрополитъ Питиримъ), и въ Москвѣ. Онъ пишетъ, что „трудно указать, когда произошелъ этотъ переломъ, даже и самъ Царь едва ли сумѣлъ бы его указать. Онъ вкрадывался постепенно и возрасталъ вмѣстѣ съ Царемъ. 2 ½ года самостоятельной жизни на войнѣ привели къ возмужалости, самоувѣренности, а, возвратясь въ Москву, Царь засталъ другого, занимающагося его царскими дѣлами: желаніе самостоятельности, наговоры враговъ Никона, которые дразнили Царя, что его уже не слышно, боятся только Патріарха, возбудили въ немъ извѣстную ревность и онъ сталъ отходить отъ Никона, чѣмъ и воспользовались враги Никона, чтобы ихъ окончательно развести.“

О причинахъ, послужившихъ къ спорамъ между Царемъ и Никономъ; онѣ въ области не государственной, а церковной: поставленіе Кіевского Митрополита въ 1657 г.

Но напрасно мы стали бы искать какихъ либо коренныхъ разногласій у Царя съ Никономъ по государственнымъ дѣламъ, которыя бы привели между ними къ враждѣ прочитавъ всѣ извѣстныя сочиненія о немъ мы не нашли такого разногласія; совершенно очевидно, что, еслибы оно было, то Никонъ о немъ, упомянулъ бы, но свое государственное служеніе онъ несъ только, какъ долгъ, возложенный Царемъ, и, когда оно прекратилось, онъ даже никогда объ этомъ не вспоминалъ ни въ письмахъ, ни въ „Раззореніи“. Несомнѣнно, что и враги Никона, обвинявшіе его въ властолюбіи и сами изъ зависти не примирившіеся съ его титуломъ великаго Госу-

даря и непрерывно придумывавшіе и создававшіе клеветы на него или обвиненія, не упустили бы объ этомъ не только упомянуть, но и раздуть выше дѣйствительности. Однако, ничего этого не было. И самъ Царь свидѣтельствовалъ еще въ 1657 г., что Никонъ не вмѣшивается въ государственныя дѣла. Въ это время онъ уже не былъ регентомъ государства, а въ лучшемъ случаѣ совѣтникомъ, когда Царь къ нему обращался. Къ Царю въ Саввиномъ монастырѣ во время его посѣщенія обратился дьяконъ Мирскаго Митрополита, котораго Никонъ запретилъ въ священнослуженіи. Дьяконъ просилъ Царя позволить ему служить литургію въ предстоящее воскресенье, но Царь отказавъ, отвѣтилъ: „Я боюсь Патріарха Никона, а ну какъ онъ отдастъ мнѣ свой посохъ и скажетъ: возьми его и самъ паси монаховъ и священниковъ. Я не вмѣшиваюсь и не противорѣчу тебѣ, когда ты повелѣваешь своими генералами и воеводами, зачѣмъ же ты мѣшаешь мнѣ управлять священниками и монахами?“.

Были у Царя проявленія нѣкотораго нелюбія къ Никону въ разногласіи по вопросамъ церковнымъ. Такъ одно изъ нихъ разсказано Павломъ Алеппскимъ и относится къ веснѣ 1656 года по поводу водоосвященія въ день Крещенія Господня. Объ этомъ разсказываетъ Павелъ Алеппскій (II, 315) въ связи съ обратнымъ возвращеніемъ своимъ въ Москву въ апрѣлѣ 1656 г. по требованію Царя, съ дороги: ему передали о спорѣ Царя съ Патріархомъ въ Церкви въ Великую Пятницу. Споръ шелъ о совершенномъ 5 января Никономъ водоосвященіи, совершенномъ только однажды наканунѣ праздника. Это было сдѣлано Никономъ вопреки совѣту Антіохійскаго Патріарха Макарія, несмотря на то, что, какъ показываетъ Павелъ Алеппскій, Никонъ постоянно просилъ Патріарха Макарія слѣдить за его богослуженіемъ и говорить, что найдетъ неправильнымъ, чтобы имѣть возможность исправить свои обычаи, и обычно онъ слушалъ указанія, но не на этотъ разъ. Когда Царь узналъ, что это было сдѣлано не по совѣту Патріарха Макарія, а Никономъ самостоятельно, то онъ вступилъ съ нимъ въ споръ и будто „ругалъ его“, называя „блядинъ мужикъ“. Патріархъ Никонъ ему сказалъ: „я твой духовный Отецъ, зачѣмъ же ты поносишь меня.“ Впрочемъ, исторія съ ругательствомъ внесена Павломъ Алеппскимъ въ 1667 году, т. е. черезъ 10 лѣтъ (II, 316, 488), равно и замѣтки о надменности и гордости и о суровомъ поведеніи Никона были имъ вписаны подъ вліяніемъ боярскихъ разсказовъ во время второго путешествія въ Россію 1666 г., будучи вставлены въ прежній разсказъ. Сами ругательства надо отне-

сти, говорить Пальмеръ, къ другому поводу, именно — спору изъ-за назначенія Епископа въ Кіевъ 1657 г. (Пальм. 11, 478 Прим.). А Царь сказалъ ему: „ты не духовный отецъ мой, но духовный отецъ мой Антиохійскій Патріархъ, и я верну его обратно". Дѣйствительно Царь вернулъ Антиохійскаго Патріарха; но потомъ спустя нѣкоторое время, въ концѣ мая позволилъ ему уѣхать. Причины возвращенія указаны Павломъ Алеппскимъ (II, 322) — обсудить вопросъ о крещеніи поляковъ, дать свидѣтельство о Молдавскомъ Митрополитѣ, пріѣхавшемъ по порученію Молдавскаго воеводы Стефана просить о принятіи въ подданство Молдавіи, и присутствовать на осужденіи новой ереси.

Этотъ конфликтъ былъ болѣе серьезнаго свойства, именно по поводу назначенія въ Кіевъ Митрополита; Кіевъ въ 1657 г. принадлежалъ въ церковномъ отношеніи Константинопольскому Патріархату, еще не былъ присоединенъ по мирному договору (это случилось лишь въ 1667 г.), а былъ только занятъ въ порядкѣ военной оккупации. Тамъ умеръ Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, и Царь хотѣлъ чтобы Никонъ туда поставилъ Митрополита, а Никонъ рѣшительно отказывался, считая неканоническимъ ставить Митрополита въ чужомъ патріархатѣ, да еще безъ вѣдома Константинопольскаго Патріарха. Царь, однако вмѣстѣ съ политическимъ присоединеніемъ задумалъ совершить и церковное присоединеніе и, опираясь на свою фактическую власть, и совершить это присоединеніе, какъ если бы Никонъ дѣйствительно, и не только по титулу былъ Патріархомъ Малой Россіи; но Никонъ отказывается, и вотъ въ связи съ этимъ его отказомъ, предполагаетъ Пальмеръ, и начинаетъ его Царь ругать неподобными словами и „мужикомъ блядинымъ" (II Прим. 4, 87). Царь много разъ просилъ объ этомъ Никона, но Никонъ ставитъ условіемъ на это согласіе Константинопольскаго Патріарха. Самъ Никонъ объ этомъ пишетъ (1, 158) „Митрополитъ Питиримъ захватилъ Константинопольскую Церковь и лицемѣрно поставилъ епископа въ Кіевѣ при жизни тамошняго Митрополита: дѣло, которое мы сами, изъ уваженія къ Божественнымъ канонамъ, не рѣшались дѣлать, когда самъ Царь многократно настаивалъ на этомъ передъ нами и устно и письменно". Также объ этомъ онъ упоминалъ и въ грамотѣ Патріарху Діонисію Константинопольскому (III, 384, 399). Дѣло же о поставленіи Никономъ Митрополита въ Кіевѣ было въ значительной степени подготовлено. Послѣ смерти Сильвестра, Бутурлинъ послалъ къ епископу Черниговскому Лазарю

Барановичу и архимандриту Печерскому Иннокентію Гизелю въ Чигиринь, прося угодить Царю не выбирать Митрополита безъ царскаго указа и благословенія Московскаго Патріарха. Лазарь рѣшилъ совѣтываться съ Архимандритами и игумнами, и **7 августа 1657 г. отвѣтилъ, что Кіевское духовенство готово быть подъ Патріархомъ Никономъ: онъ пошлетъ кого-нибудь къ Царю послѣ похоронъ гетмана.** Бутурлинъ думалъ, что всѣ эти переговоры идутъ съ благословенія Никона, но въ дѣйствительности Никонъ не соглашался, а Царь его ругалъ. На это разногласіе есть намекъ и въ письмѣ Никона къ Лигариду въ іюлѣ 1662 г., когда еще Никонъ думалъ встрѣтить въ Лигаридѣ безпристрастное сужденіе объ его дѣлѣ и когда онъ еще не зналъ его прошлаго. Тамъ сказано (III, 52): „И тако быхомъ на патріаршескомъ столѣ на Москвѣ шесть лѣтъ въ совѣтѣ съ благочестивѣйшимъ Царемъ еще и не всецѣло; яже суть по Божественнымъ уставомъ пріяла святая великая Церковь власть о судѣ церковномъ, по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ седми Вселенскихъ соборовъ святыхъ отецъ и прочихъ, и благочестивыхъ Царей, а еже царская власть восхити судъ на насъ самихъ и на сыны наша, преосвященные митрополиты, архіепископы и епископы и на монастыри, и на архимандриты, игумны, іеромонахи и монахи и на весь притчъ церковный, о немъ же паче всякаго свидѣтельства яже на Москвѣ самъ зришь каково мучительство, и бѣдность, и грабленіе настоить Церкви".

Стремленіе Царя посвятить Епископа на Кіевскую митрополию было внушено дядей Царя, бояриномъ Симеономъ Лукьяновичемъ Стрешневымъ, который съ дьякомъ Дементіемъ Башмаковымъ завѣдывалъ Литовскимъ Приказомъ, 1657—1662 г. Когда Никонъ, ссылаясь на каноны, отказывался, то это вызывало гнѣвъ и неподобныя слова. **Это было, пишетъ Пальмеръ, отдаленная прелюдія къ тому конечному разрыву, который послѣдовалъ въ слѣдующемъ году, и она связана съ тѣмъ самымъ Симеономъ Лукьяновичемъ Стрешневымъ, который явится лидеромъ Никоновскихъ враговъ въ боярскомъ синклитѣ, начиная съ весны 1662 г. когда онъ ввелъ къ Царю Паисія Лигарида**" (IV, 314).

Средства борьбы бояръ противъ Никона.

У Никона была неприкосновенная святая святыхъ: въ церковныхъ дѣлахъ, по существу принадлежащихъ Церкви, онъ рѣшающее слово отводилъ власти церковной, а не государственной, и въ этомъ

быль неумолимъ. Совокупность указанныхъ нами причинъ привела либеральствующее боярство къ ненависти къ Никону, преимущественно боярь, стоящихъ у кормила правленія; это боярство и повело отчаянную неумолимую борьбу противъ Никона, продолжавшуюся вплоть до его кончины. Оно искало себѣ союзниковъ. Этимъ союзникомъ ему была партія старообрядческая, а потомъ, послѣ ухода Никона въ Воскресенскій монастырь присоединилась высшая церковная іерархія и съ 1662 г. Паисій Лигаридъ, взявшій въ свои руки все руководство борьбы противъ Никона.

Чтобы посѣять въ Царѣ недовѣріе къ Никону, бояре оклеветали всѣ его дѣйствія. Одни говорили, что Никонъ злоупотребляетъ дружбой Царя, совѣтуетъ ему войны, чтобы съ удаленіемъ Царя изъ Москвы самому властвовать надъ всѣмъ (Вивл. IV № 11). Другіе говорили, что Никонъ хочетъ сдѣлаться равнымъ государю, и даже, что онъ хочетъ сдѣлаться Царемъ (Никонъ въ 26 вопросѣ самъ говоритъ объ этой клеветѣ). Благовиднымъ основаніемъ для такихъ обвиненій послужилъ данный Царемъ Никону титулъ великаго государя.

„Различіе господина и государя, замѣчаетъ Пальмеръ (IV, 151 пр.), дѣло обычая. Αὐθέντη или master, effendi не только титулъ извѣстнаго ранга, но употребляется и въ общемъ разговорѣ, подобно англійскому слову Sir, Sire и французскому Monsieur, Monseigneur; δεσπότης, по болгарски и по русски господарь и государь, будучи титуломъ царствующихъ князей, дается также и греками даже въ напечатанной литургіи ихъ епископамъ”.

Они использовали одну неосторожность Никона, выразившуюся въ отпискѣ отъ имени Церкви одной казенной вотчины Иверскому монастырю, и стали доносить Царю, что Никонъ похищаетъ себѣ государственное имущество, самовольно приписываетъ своимъ монастырямъ вотчины государственныхъ крестьянъ (27 воп.). Говорили, что Никонъ не хочетъ давать Царю помощи на войну отъ монастырскихъ вотчинъ, значить де Никонъ не почитаетъ Царя. Говорили, что онъ подкупленъ іезуитомъ Аллегретти, чтобы отвлечь вниманіе Царя отъ Польши къ Швеціи (По Бергу). Царя раздражали такіе навѣты, постепенно отчуждали его отъ Никона, причемъ бояре всячески препятствовали имъ свидѣться и уничтожить съ самаго начала недомолвки и недовѣріе. Къ этому времени относится и начало третированія Никона со стороны боярь: „Симеонъ Лукьяновичъ Стрешневъ, пишетъ Никонъ Константинопольскому Патріарху, научилъ нѣкоего пса себѣ подобнаго сидѣти якоже при Вознесеніи Гос-

подъ нашъ воздвигъ руцѣ и благословлялъ Свої ученики, такъ и того пса изучилъ обѣими передними ногами ругатися благословеніе Божіе и назвалъ того пса Никономъ Патріархомъ. Монастырскій Приказъ забралъ силу, пользуясь расхожденіемъ Никона съ Царемъ. Никонъ жаловался на несправедливое вмѣшательство Царя въ дѣла церковныя, но Царь не внималъ. Монастырскій Приказъ сталъ оспаривать распоряженія Патріарха, и даже отобралъ у него нѣкоторыя вотчины (Церк. Ист. Митрополита Платона 2 ч. 237 стр.).

Со времени ухода Никона продолжается систематическая борьба противъ него, направленная къ недопущенію его сближенія съ Царемъ, а затѣмъ къ его окончательному низверженію съ престола, борьба, которая продолжалась и послѣ ссылки Никона въ декабрѣ 1666 года въ Терапонтонъ монастырь въ смыслѣ недопущенія возможности его возстановленія и привела Никона, съ возстановленіемъ вліянія Милославскихъ послѣ смерти Алексѣя Михайловича, въ 1676 году къ болѣе тяжкому заключенію въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Въ Москвѣ съ самаго начала не удовольствовались тѣмъ, что Никонъ ушелъ въ Воскресенскій монастырь, гдѣ онъ занялся постройкой храма и несеніемъ монашескаго подвига, и сдѣлали все, чтобы затруднить Никону возвращеніе и отравить ему существованіе. Уже въ 1658 г. духовнымъ лицамъ было запрещено ѣздить къ Никону, а по дорогѣ къ монастырю были поставлены заставы (Гюб. I, гл. 2), хотя сдѣлано это негласно. За Никономъ слѣдили, вывѣдывали черезъ посланныхъ къ нему, съ кѣмъ онъ общается изъ находящихся въ Москвѣ, и отъ кого узнаетъ о происходящемъ тамъ. Всякое сочувствіе къ Никону строго преслѣдовалось, хотя Царь это и скрывалъ отъ Никона (выпытывая одновременно черезъ думнаго дьяка Дементія Башмакова, посылавшагося къ Никону въ маѣ 1659 г., вывѣдывать, кто общается съ Никономъ.) Соловьевъ объ этомъ ничего не пишетъ, и это устанавливается Гюббенетомъ. Послѣ отъѣзда Никона изъ Москвы въ его помѣщеніи, гдѣ онъ жилъ, былъ произведенъ обыскъ съ цѣлью изъять письма Царя и грамоты, гдѣ онъ титуловалъ Никона „Великимъ Государемъ". Однако, двѣ сохранившіяся грамоты Царя съ пожалованіями Крестному монастырю отъ 30 іюля 1657 г. и 27 марта 1658 г. титулуютъ Патріарха Никона многократно „великимъ Государемъ". Онѣ напечатаны въ 94 томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Посѣтившіе Никона за іюль 1659 года пѣвчіе дьяки сами повинились въ нарушеніи запрета и были допрашиваемы. Лѣтомъ же 1659 г., когда Никонъ пріѣхалъ

въ Москву въ виду выясненія отвѣтовъ, куда уѣзжать, такъ какъ несчастія войны привели татаръ подъ Москву; ему въ Москвѣ было предложено ѣхать въ Калязинскій монастырь, но Никонъ увидѣлъ въ этомъ замаскированное желаніе его сослать (пишетъ онъ въ 17 вопросѣ,) и не поѣхалъ туда (объ ссылкѣ пишетъ самъ Никонъ), а его выраженіе, что ужъ лучше ему въ Москвѣ помѣститься въ Зачатіевскомъ, гдѣ была тюрьма, показываетъ, что онъ тутъ же далъ понять, что ему смыслъ предложенія ясенъ. Никонъ не могъ свободно переписываться, ибо за этимъ также слѣдили, и это обстоятельство подчеркивается Гюббенетомъ, какъ причина того, что многіе сторонники Никона, наличность которыхъ совершенно несомнѣнна, скрыты отъ насъ. Когда съ разрѣшенія Царя Никонъ отправился въ свои монастыри Иверскій и Крестный въ сентябрѣ 1659 года и пробылъ тамъ до декабря 1660 года, то въ январѣ 1660 г. Царь созвалъ соборъ, который и засѣдалъ въ февралѣ, стремясь заочно расправиться съ Никономъ, въ нарушеніе правилъ, не допускающихъ судить архіерея заочно, а также судить Патріарха безъ другихъ Патріарховъ. Мы видѣли искусственную подтасовку свидѣтельскихъ показаній, на основаніи которыхъ, хотя и не рѣшили считать Никона осужденнымъ, однако лживо установили фактъ отреченія его отъ патріаршества и ухода безъ благословной вины, что на судѣ 1666 г. считалось уже окончательно установленнымъ и не требующимъ изслѣдованія. Въ это же время возникло темное дѣло объ отравленіи Никона черезъ явившагося къ нему дьякона Ѳеодосія, служившаго передъ тѣмъ у заклятаго врага Никона Митрополита Питирима. Самъ Никонъ писалъ объ этомъ 28. VI 1660 г. Зюзину: „А нынѣ мнѣ о себѣ иного кромѣ болѣзней и скорбей писать нечего; едва живъ въ болѣзняхъ, Крутицкій Митрополитъ да Чудовскій архимандритъ прислали дьякона Ѳеодосія, который жилъ у Крутицкаго Митрополита, со многими чаровствами, чтобы меня отравить, и онъ было отравилъ, да Господь помиловалъ, едва безуемъ камнемъ и индриговымъ пескомъ отпился, лежалъ не мало безъ памяти, едва не умеръ и нынѣ весьма животомъ страдаю, и впредь не знаю, — что будетъ и долго ли проживу". Осталось неизслѣдованнымъ это дѣло, но въ послѣдствіи на судѣ Никонъ отводилъ, хотя и безрезультатно, участіе Митрополита Питирима и Павла епископа Крутицкаго, бывшаго архимандрита Чудовскаго (въ 1666) за попытку его отравить. Но когда Царь предложилъ Никону казнить дьякона Ѳеодосія или сослать по выбору Никона, то Никонъ отказался его преслѣдовать, сказавъ: „воля въ

томъ великаго государя; я чистъ отъ этого дьякона и злого его коварства, которое онъ на меня умыслилъ, трутизною смертью предать наученіемъ злыхъ человѣкъ, но какъ меня сохранила десница Всевышняго, то я дьякону не истецъ, ибо зло на меня умыслили Крутицкій Митрополитъ да Чудовскій архимандритъ, а съ дьякономъ, что великій Государь ни укажетъ — его государева воля". По возвращеніи изъ путешествія въ Воскресенскій монастырь на Никона обрушиваются враги, въ лицѣ Ивана Сытина и стольника Романа Боборыкина, сосѣдей Никона по земельнымъ владѣніямъ Воскресенскаго монастыря. Поселивъ раздоръ между Никономъ и Царемъ и покончивъ съ титуломъ Великаго Государя, затѣвившаго боярство, бояре продолжали раздражаться особенно на двѣ вещи: на оппозицію Никона Уложенію и суду Монастырскаго приказа надъ духовенствомъ и его имѣніями и крестьянами, и во вторыхъ, на царское разрѣшеніе на основаніе Никономъ трехъ монастырей и на снабженіе ихъ крупной земельной собственностью, частью черезъ собственную покупку Никономъ, вопреки духу Уложенія. (Въ подражаніе расположенію Иверскаго монастыря на Аѳонѣ Никонъ устроилъ на Валдайскомъ озерѣ Иверскій монастырь въ честь Пресвятой Богородицы въ 1653—1657 г.; Крестный монастырь устроенъ въ 1656—1661 г. въ память спасенія Никона отъ бури, когда онъ былъ еще простымъ монахомъ, и Воскресенскій монастырь, воспроизводящій Іерусалимъ, начаты въ 1657 г. съ Церковью Воскресенія Христова, точно воспроизводящей Іерусалимскій храмъ, конченный уже при Царѣ Ѳеодорѣ.)

Когда не удалась попытка сдѣлать Никона плѣнникомъ, а потомъ отравить его, и, когда Царь не согласился разсматривать Никона, какъ уголовного преступника, или низвергнуть его черезъ утвержденіе Собора 1660 г., несмотря на признаніе этимъ соборомъ каѳедры вакантной, для Никона все же оставалась нѣкоторая независимость во владѣніи тремя монастырями съ ихъ духовенствомъ, имѣніями и крестьянами, и здѣсь Никонъ продолжалъ отвергать Уложеніе и не признавать юрисдикцію монастырскаго и другихъ царскихъ приказовъ. Сами бояре считали недостаточнымъ просто избрать Патріарха на мѣсто, признанное вакантнымъ, считая, что, пока Никонъ способенъ дѣйствовать епископски, будетъ опасность отъ двупатріаршества, при которомъ оба Патріарха могутъ вступить за права Церкви, да не исключалась возможность при характерѣ Царя, что Никонъ возстановитъ свое вліяніе. Въ рукахъ

боярь были приказы, и они не оставили Никона въ покоѣ а повели нападеніе на собственность и иммунитетныя права монастырей, вынуждая, если не самого Никона, то его духовенство, монаховъ и крестьянъ признавать ихъ юрисдикцію, установленную Уложеніемъ. Собственники земель, граничащихъ съ Никоновскими монастырями, были удобнымъ средствомъ для производства вторженій въ Никоновскія владѣнія черезъ ихъ приказчиковъ и крестьянъ, а при сопротивленіи можно было создавать въ приказахъ слѣдствія, на которыхъ ихъ собственные крестьяне будутъ какъ бы въ положеніи обиженныхъ отъ властей и крестьянъ Никоновскихъ, или даже отъ самого Патріарха. Бояре черезъ это достигли запутыванія Никона въ дѣла съ приказами, а черезъ нихъ и съ самимъ Царемъ, а черезъ это приводили и Царя и Патріарха къ еще большому ихъ отчужденію другъ отъ друга. Ставя Никона подъ юрисдикцію приказа, они вызывали его на отмалчиваніе въ виду признанія имъ своей неподчиненности, а, вслѣдствіе его молчанія, могли приводить дѣло въ исполненіе сами и, когда бы Никонъ жаловался Царю, они могли бы объяснить, что онъ самъ виноватъ, отклоняя юрисдикцію приказа, и указывать, что онъ возстаетъ противъ общаго государственнаго законоуложенія и въ сущности игнорируетъ не только приказы Царя, но и его самого. Дѣло запутывалось еще болѣе отъ того, что Патріархъ съ своей собственностью, духовенствомъ, монахами и крестьянами изъять изъ дѣйствій Уложенія, и всѣ эти лица должны были судиться въ его приказахъ. Когда Никонъ на это сошлется, то они возразятъ, что Никонъ больше не Патріархъ; кромѣ того, независимо отъ исключительныхъ правъ Патріарха, не было необычно, чтобы Царь изъ особой милости къ жалующимся взялъ бы на свое разсмотрѣніе какое-либо дѣло по своему усмотрѣнію или сначала или уже въ процессѣ его разсмотрѣнія въ приказахъ. При жалобахъ Никона Царь могъ посылать своихъ комиссаровъ для урегулированія дѣла или для вынужденія компромисснаго соглашенія сторонъ, но въ общемъ Царь, дѣйствующій черезъ приказы, превалировалъ надъ царемъ, дѣйствующимъ лично (IV, 388). И даже, когда Никонъ въ какомъ-либо частномъ пунктѣ выигрывалъ, онъ терялъ лично для себя передъ Царемъ больше, чѣмъ выигрывалъ для своихъ монастырей, не только черезъ свои возраженія и порицанія, которыя раздражали Царя, но и черезъ постоянную доуку, причиняемую этими постоянными апелляциями къ его личному авторитету противъ его публичнаго авторитета, приводившія его такъ или иначе къ столкновенію съ боя-

рами и людьми его приказовъ, вліянію которыхъ онъ отдавался. Стремленіе же приписать ему какое-либо уголовное преступленіе имѣло своимъ стимуломъ создать невозможность Никону вернуться къ Царю, т. е. это былъ тотъ же стимулъ, который впослѣдствіи на судѣ побуждалъ ихъ добиваться низверженія изъ сана; потому и не были въ 1665 г. приняты условія Никона объ уходѣ съ каѳедры, ибо онъ уходилъ бы неопороченнымъ и могъ бы вернуться.

Конечно Никонъ возстанавливалъ противъ себя своей безкомпромисностью, прямолинейностью и суровостью. Онъ это самъ понималъ и 12 дек. 1666 г. послѣ низложенія говорилъ, по словамъ Шушерина (стр. 128), садясь въ сани: „О, Никоне, все сіе тебѣ бысть сего ради, не говори правды, не теряй дружбу, аще бы еси уготовалъ трапезы драгоцѣнныя, и съ ними свечерялъ, не бы ти склочишася: и тако сяде и поиде паки во дворъ". Заглянемъ нѣсколько въ тѣ сравнительно мелкія досажденія Никону отъ бояръ, когда они еще не могли его погубить.

Докуки Никону 1660-1663 г. отъ сосѣдей Сытина и Боборыкина.

Трудно себѣ представить, какъ изощренно непрерывно травили Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, начиная съ 1660 г., отравляя его обыденное существованіе разными навѣтами, по которымъ производилось слѣдствіе. Сытинъ клеветалъ на Никона въ декабрѣ 1660 г. въ увозѣ его скошеннаго сѣна, а когда клевета, несмотря на недоказанность ея въ слѣдствіи, оказалась безнаказанной, то представилъ черезъ два года обвиненіе въ укрывательствѣ его бѣглыхъ крестьянъ Никономъ, въ убійствѣ его крестьянина крестьянами Никона; въ угрозѣ этимъ убійствомъ чуть ли не отъ самого Никона; а потомъ захватилъ рыбныя ловли Воскресенскаго монастыря, и все безнаказанно. По этому дѣлу было у Никона слѣдствіе 26 февраля 1663 г. окольничаго Осипа Сукина и дьяка Брехова, которое сводилось къ придиркамъ относительно показаній Никона и упрекамъ, причины которыхъ Никонъ такъ объяснялъ лично Сукину: „неправды великія ко мнѣ во всемъ: выискиваютъ, научаютъ и подкупаютъ многихъ людей, чтобы на меня говорили и писали велія неправды; меня поносятъ и безчестятъ всячески и ко псу примѣняютъ, а великій государь меня отъ тѣхъ людей оборонить не велить. А клеветники — тѣ, которые приносятъ на меня великому государю ложныя жалобы, это — Иванъ Сытинъ и Романъ Боборыкинъ". Боборыкинъ доносилъ о томъ, что Никонъ подговариваетъ его убить, завладѣлъ землей монастыря,

сѣнными покосами. Никонъ жаловался Царю. Царь велѣлъ по писцовымъ книгамъ отдать землю въ Левкіинъ монастырь, но этого не исполнили, и Боборыкинъ продолжалъ владѣть землей. Власти монастыря подали Царю челобитную о разслѣдованіи дѣла по писцовымъ книгамъ, но на это рѣшенія не послѣдовало. Когда пришло время жатвы и покосовъ, то Никонъ велѣлъ своимъ монастырскимъ крестьянамъ скосить сѣно и сжать рожь. На это жаловался Боборыкинъ, и когда къ Никону явилось слѣдствіе въ лицѣ думнаго дворянина Баклановскаго и дьяка Брехова объ этомъ по жалобѣ Боборыкина, то Никонъ, не желая вести спора, отдалъ всю наличность монастыря, бывшую въ данный моментъ и составлявшую цѣну въ 10 разъ высшую противъ сжатыхъ 67 четвертей ржи. Это было въ мартѣ 1663 г. Но еще ранѣе того, въ 1661 г. Никонъ писалъ Царю о Боборыкинѣ, котораго называлъ „сосудомъ злоначальнаго змія, который его преслѣдуетъ и не даетъ ему покоя, смущаетъ Царя ложными на него жалобами“. Дѣло было въ томъ, что Никонъ, еще будучи на престолѣ, купилъ у Боборыкина его вотчину село Воскресенское для строенія монастыря, а хлѣбъ въ полѣ Боборыкинъ пожертвовалъ монастырю на строенія, также сельцо Бобырево, съ покосами и землями, но, когда Никонъ потерялъ свое значеніе, Боборыкинъ затѣялъ споръ о пожертвованныхъ земляхъ и завладѣлъ ими. Такъ какъ отвѣта на жалобу монастырскихъ властей не было, то Никонъ велѣлъ сжать свою рожь и скосить сѣно. Никонъ не могъ уступать Боборыкину въ его неправыхъ требованіяхъ о землѣ, **ибо тогда явились бы и другія лица съ подобными требованіями, и монастырь былъ бы разорень.** Это то и нужно было врагамъ Никона отнять у него средства на постройку Воскресенскаго монастыря. Нѣсколько разъ беспокоили Никона этимъ дѣломъ: въ декабрѣ 1661 г. пріѣзжалъ для слѣдствія надъ Воскресенскими властями Верделевскій, который описывалъ сѣно; въ мартѣ 1663 г. пріѣзжалъ думный дворянинъ Баклановскій и дьякъ Бреховъ, чтобы учинилась сдѣлка между Боборыкинымъ и Никономъ, въ результатѣ которой Никонъ отдалъ всю наличность; наконецъ 25 іюля 1663 г. эти же лица пріѣхали отводить Боборыкину оспариваемую имъ неправильно землю. Боборыкину это удалось, но не удалось только оклеветать Никона въ наѣздахъ его крестьянъ съ цѣлью смертнаго убійства его самого; однако клевета его осталась безнаказанной. 25 и 26 іюня Никонъ служилъ молебенъ съ заклинаніемъ на обидящихъ; Боборыкинъ оклеветалъ Никона въ томъ, что его заклинанія относились не къ нему — Боборыкину, а къ

самому Царю. Онъ искажилъ и перетолковалъ слышанное на молитвѣ, будто Никонъ износилъ проклятiе на Царя и читалъ на молебнѣ соотвѣтствующiе псалмы, а подѣ крестомъ лежала жалованная грамота отъ Царя. Въ дѣйствительности дѣло было не такъ; Никонъ пишетъ, что „за великаго государя и его семью онъ Бога молилъ въ ектенiяхъ, клятву же износилъ на обидащаго Романа Боборыкина, а жалованная грамота была принесена въ церковь, ибо въ ней по государеву указу въ Помѣстномъ Приказѣ записаны всѣ земли Воскресенскаго монастыря и Романова вотчина."

Царь повѣрилъ и этой клеветѣ и созвалъ высшiе духовные чины и боярѣ, которые и поручили произвести слѣдствiе боярину кн. Никитѣ Ивановичу Одоевскому, окольничему Родіону Стрешневу, дьяку Алмазу Иванову, а изъ духовныхъ Лигариду, Астраханскому архіерею Іосифу и архимандриту Богоявленскаго монастыря Ѳеодосію. Когда, несмотря на недоказанность обвиненiй, Одоевскiй, согласно инструкціи изъ Москвы, объявилъ 23 іюля Никону арестъ съ постановленiемъ ходить только въ келью и церковь, то Никонъ сказалъ: „Никакихъ непристойныхъ словъ про великаго государя я не говорилъ и клятвы не износилъ, и, хотя бы въ мысли моей было износить клятву на великаго государя — пусть будетъ та клятва на мнѣ сугубо и трегубо. По государеву указу хотя бы въ темницу я готовъ, только ты послушай, что говоритъ 3 пр. Константинопольскаго Собора: „Аще который мірской человекъ епископа въ темницу ввержетъ, или бiетъ безъ вины, да будетъ проклятъ". А про Соборъ, который поручилъ Паисію говорить Никону объ его неправой клятвѣ, Никонъ сказалъ: это іудейское сонмище бѣснуется и противъ Божественныхъ правилъ запрещаетъ, — мнѣ того слушать непристойно; а чтобы умереть въ монастырѣ, и никуда не ходить — на этой великаго государя милости челомъ бью. Въ монастырѣ жить готовъ и никуда не пойду". Это слѣдствiе Одоевскаго, продолжавшееся 5 дней (18—23 іюля), сопровождалось уже физическимъ воздѣйствiемъ. Во время литургiи 19 іюля стрѣльцы хватали въ Церкви монаховъ, послѣ обѣдни забрали патріаршихъ дѣтей боярскихъ по тюрьмамъ, къ патріаршей кельѣ приставили стрѣльцовъ. 22 іюля 1663 г. Никонъ хотѣлъ идти по обычаю на работу, когда ему доложили, что печь съ кирпичами готова, но къ нему были присланы архіепископъ Ѳеодосій и дьякъ сказать, чтобы онъ изъ кельи не выходилъ. Еще въ декабрѣ 1661 г. Никонъ писалъ Царю: „Я много отъ твоихъ синклитчиковъ поруганъ", но еще все худшее было впереди.

Приготовление къ суду надъ Никономъ.

Независимо отъ всего этого, съ прїѣздомъ Лигарида былъ задуманъ Соборъ, чтобы рѣшить вопросъ о Никонѣ и о замѣщеніи патріаршаго престола, съ участіемъ Восточныхъ Патріарховъ, какъ совѣтовалъ сдѣлать Лигаридъ, чтобы дѣло могло быть рѣшено окончательно. Вопросъ о созывѣ Собора былъ рѣшенъ Царемъ 21 декабря 1662 г. Было указано созывать Соборъ на май или іюнь 1663 и подготавливать матеріалъ къ Собору по обвиненіямъ на Никона.

Назначеніе комиссіи 23 декабря 1662 года. Собираніе винъ на Никона къ Собору.

Особая комиссія должна была собирать эти „вины" къ Собору въ поискахъ винъ характера матеріальнаго; должны были немедленно Салтыковъ, Думный дьякъ Алмазь Ивановъ и дьякъ Голосовъ собирать „заручныя расписки и сказки 1) у сборныхъ ключарей — что Патріархъ Никонъ, будучи на патріаршествѣ, изъ соборной Церкви взялъ образовъ и всякой церковной утвари съ распиской и безъ расписки. 2) у патріаршихъ приказныхъ людей при отѣздѣ изъ Москвы по оставленіи патріаршаго престола денегъ, золотыхъ и ефимокъ всякой домовою казны, хлѣба, лошадей и прочаго и что при немъ домовыхъ патріаршихъ вотчинъ кому промѣнено и у кого въ то мѣсто вымѣнено или взято у кого въ цѣну или безъ цѣны, въ которыхъ городахъ и въ какихъ годахъ и тѣ вымѣненные, купленные и взятые вотчины всѣ ли нынѣ въ домовыхъ патріаршихъ вотчинахъ или куда отданы; 3) книжнаго печатнаго двора у справщиковъ отобрать свѣдѣнія, сколько при Патріархѣ Никонѣ было выходовъ какихъ печатныхъ книгъ и выходъ съ выходомъ сходень ли; статьи печатныя и писанныя книги и съ греческихъ присыльныхъ книгъ переводы, съ которыхъ тѣ книги печатаны, всѣ ли на печатномъ дворѣ и, если которыхъ нѣтъ — то гдѣ онѣ. 4) У старца Арсенія Суханова — какія онѣ въ Палестинѣ купилъ книги, и что за нихъ денегъ заплачено, и кому тѣ книги отданы. 5) Послать государевы грамоты во всѣ монастыри и архимандритамъ, игумнамъ и смотрителямъ за братьей, чтобы они прислали сказки и расписки съ своими руками — сколько Патріархъ Никонъ изъ монастырей бралъ для себя какихъ церковныхъ потребъ или монастырской какой казны, хлѣба, лошадей и другого чего, и монастырскихъ вотчинъ на мѣну и въ цѣну и безъ цѣны и въ которыхъ городахъ и годахъ."

Были представлены и жалобы Сытина и Боборыкина; Крутицкій Митрополитъ принесъ жалобу на анаѹему Никона, произнесенную

будто бы за то, что онъ свидѣтельствовалъ на Соборѣ 1660 г. объ отреченіи Никона отъ престола (отлученіе было, какъ мы видѣли, за самовольное восхищеніе власти и другія извѣстныя намъ дѣла). Жаловались Новгородскіе дворяне и дѣти боярскія на обиды отъ крестьянъ Иверскаго монастыря; помѣщики сосѣди жаловались на тягость, что съ вотчинъ Иверскаго монастыря да точныхъ людей не берутъ, а Никонъ хлопоталъ объ освобожденіи отъ этой повинности этихъ крестьянъ, ибо уже было поставлено съ начала 500, а потомъ 300 человекъ. Въ это время отовсюду, отъ всѣхъ монастырей и церквей хотѣли собрать вины и обличенія противъ Никона и принималось все, что кто бы ни представилъ противъ него.

Однако, замѣчаетъ Ундольскій („Мнѣніе Никона объ Уложеніи" Русск. Арх. 1886 стр. 13): „Несмотря на запросы о притязаніяхъ Никона, уже удаленнаго отъ дѣлъ, ничего не сыскано въ его обвиненіе".

Этотъ указъ о собираніи винъ врученъ 23 декабря 1662 г. боярину Салтыкову, и въ тотъ же день приказано заготовить царскія грамоты къ Патріархамъ на предметъ ихъ приглашенія, а грамоты долженъ былъ вести іеродіаконъ Мелетій — другъ Лигарида.

Лигаридъ. Его вопросы-отвѣты.

Лигаридъ занимался постановкой всего дѣла обвиненія и имѣлъ въ виду придать борьбѣ противъ Никона идейный характеръ, — защиты царской власти отъ покушенія на нее со стороны Патріарха. Для бояръ это было настоящимъ пріобрѣтеніемъ: — и Лигаридъ сталъ ихъ кумиромъ съ тѣхъ поръ, какъ еще въ августъ 1662 года стали расходиться по боярскимъ рукамъ его вопросы якобы отъ имени Стрешнева, заданные ему, и его отвѣты Никонъ впослѣдствіи писалъ, что „Царь и бояре слушаютъ Лигарида, какъ пророка Божія". Никонъ писалъ Константинопольскому Патріарху: „Я писалъ царскому величеству что недопустимо принимать такихъ лицъ безъ удостовѣреній, согласно Божественному праву, говорящему „входящій въ овчій дворъ не черезъ дверь, есть воръ и разбойникъ..." Но на это не было обращено вниманіе, и Царь слѣдовалъ ему во всемъ; все, что бы тотъ ни сказалъ, онъ принималъ это, какъ изъ устъ Божіихъ; онъ слушаетъ его, какъ пророка Божіяго, о которомъ знающіе его говорятъ, что онъ раскольникъ... Посвященъ въ дьяконы и священники папскимъ авторитетомъ... Здѣсь ничего не дѣлаетъ подобающаго епископамъ, ѣстъ мясо и пьетъ передъ литургіей и совершаетъ содомію. Но всѣхъ лицъ, такъ свидѣтельствующихъ о Паисіи, Царь сослалъ въ разныя мѣста"

(III, 391-392). Въ этихъ вопросахъ-отвѣтахъ Никонъ обвинялся въ неканоническихъ дѣяніяхъ: принятіи второй хиротоніи, запрещеніи причащать преступниковъ, присужденныхъ къ казни. Лигаридъ признавалъ наличность состоявшагося отреченія Никона, заявлялъ, что архіереи не имѣютъ грѣха за поущеніе Никону, если только не были спрошены; что надо созвать теперь Соборъ, и что это можетъ сдѣлать и Царь безъ Патріарха. Соборъ 1660 г. вполнѣ де дѣйствителенъ; архіереи могутъ судить своего Патріарха. Лигаридъ считаетъ Никона гордымъ за то, что онъ будто не почитаетъ архіереевъ братьями, обвиняетъ въ принятіи титула великаго государя, за выдумываніе III Іерусалима, помимо существующаго на небѣ и на землѣ. Лигаридъ обвинялъ Никона въ вождедѣніи чужихъ епископскихъ угодій, именно епископа Коломенскаго, въ томъ, что онъ строилъ обозы и города, что подобаешь только царямъ и вельможамъ. Лигаридъ обвиняетъ Никона въ томъ, что онъ не объяснилъ тайны своего ухода и совершилъ его безъ совѣта съ архіереями и безъ доклада Царю. Лигаридъ защищаетъ мѣстоблюстительство патріаршаго престола по указу Царя, заявляя, что первое дѣло Царя пещись о Церкви, и архіереи и бояре грѣшатъ тѣмъ, что не побуждаютъ Царя учинить окончательное рѣшеніе о замѣщеніи патріаршаго престола. Проклятія Никона, по Лигариду, недѣйствительны, ибо они не по достоинству. Всѣ церковныя права Никона, по Лигариду, имѣютъ источникъ въ Царѣ: онъ ихъ поручилъ Никону; но тотъ возгордился подобно Нарциссу, и ихъ лучше у него отобрать въ виду дурного ихъ употребленія Никономъ по неблагодарности. Самое учрежденіе Монастырскаго Приказа Лигаридъ находитъ правильнымъ, ибо въ волѣ де Царя лежало улучшить порядокъ; ставить архимандритовъ и другія власти — привилегія Царя. Называть Царя обидчикомъ, значить позорить Царя, а за это лицо духовнаго сана подлежитъ низверженію. Лигаридъ обвиняетъ Никона даже за то, что онъ самъ не явился на Соборъ, созванный въ его отсутствіе. Архіереи не нарушали де своего обѣта въ послушаніи Патріарху, ибо онъ убѣждалъ, отменяясь отъ всѣхъ. Лигаридъ не одобряетъ отлученія Никономъ Стрешнева за наученіе пса благословлять, ибо отлученіе полагается только за смертный грѣхъ. Согласно этимъ отвѣтамъ Никонъ подлежалъ низверженію и отлученію не только, какъ устроитель новыхъ порядковъ въ церковныхъ дѣлахъ, но и какъ разрушитель мира царства и противникъ царской власти (Отвѣты эти составлены до 15 августа 1662 г.)

Вотъ, краткій обзоръ вопросовъ и отвѣтовъ, поднятыхъ Лигаридомъ. Совершенно очевидно, что онъ хотѣлъ создать боярству опору для сужденія по всѣмъ вопросамъ злобы въ отношеніи Никона и выставить его виновнымъ во всемъ, а боярь и Царя представить виновными развѣ только въ томъ, что они терпятъ такого гордаго омірщившагося челоука въ патріархахъ и не спѣшатъ судить его и замѣнить другимъ. Такъ обстоало дѣло относительно обвиненія Никона. Мы видимъ, что Лигаридъ значительно раздвинулъ рамки обвиненія передъ церковнымъ судомъ, ранѣе не шедшимъ дальше обвиненія Никона въ оставленіи каѳедры, какъ показываетъ дѣло на Соборѣ 1660 года.

Вопросъ о томъ, какъ составить правила, по силѣ которыхъ обвинить Никона. Составленіе вопросовъ для отправки на Востокъ.

Но оставалось теперь составить правила, по которымъ обвинять Никона. Каноны могутъ не предусматривать многого и не опредѣлять точно, поэтому надо ихъ конкретизировать въ примѣненіи къ данному случаю или вѣрнѣе комплексу опредѣлившихся въ дѣлѣ отношеній. Лигаридъ придумываетъ такую комбинацію: чтобы не вышло неясностей, онъ рекомендуетъ Царю, чтобы Патріархамъ былъ заранѣе предложенъ рядъ вопросовъ примѣнительно къ нуждамъ случая, и притомъ сдѣлано это на языкѣ, имъ понятномъ, и лицомъ знающимъ греческій языкъ. Когда на это онъ получилъ согласіе, то все порученіе и было возложено на его друга діакона Мелетія грека, который долженъ былъ ѣхать въ Константинополь для выработки отвѣтовъ. Черезъ это одно все дѣло по составленію правилъ попадало въ руки Лигарида. Что касается тѣхъ конкретныхъ случаевъ, въ которыхъ надо было принять правила, то они также опредѣлялись Лигаридомъ и Мелетіемъ, при чемъ имя Никона не упоминалось, такъ что и Патріархи, давашіе отвѣченные отвѣты на вопросы отвѣченные, могли бы не чувствовать за собой отвѣтственности за примѣненіе правилъ къ опредѣленному лицу. Впослѣдствіи Лигаридъ выступилъ и переводчикомъ отвѣтовъ съ греческаго языка на латинскій, а съ латинскаго на русскій были другіе переводчики, такъ что и Лигаридъ слагалъ впослѣдствіи отвѣтственность за намѣренно ошибочно сдѣланный имъ переводъ самаго отвѣтственнаго мѣста, касавшагося сферы компетенціи Царя. Павелъ, Митрополитъ Крутицкій, и Иларіонъ архіепископъ Рязанскій, уже послѣ осужденія Никона отказались подписаться подъ патріаршими отвѣтами въ январѣ 1667 года, ссылаясь на то, что въ

переводѣ опущено одно слово „политическіе“, измѣнившее весь смыслъ положенія, именно, что „Царь есть верховный начальникъ во всѣхъ политическихъ дѣлахъ“. Самъ Лигаридъ въ своей исторіи разсказаль, какъ онъ былъ введенъ бояриномъ Стрешневымъ великимъ постомъ 1663 года къ Царю и даваль консультацію Царю и боярамъ, какъ онъ совѣтываль отправить тайно вопросы Патріархамъ, имъ самимъ составленные по-гречески, вмѣстѣ съ милостыней, какъ онъ 7 іюля 1663 г. писалъ Царю совѣтъ поспѣшить съ рѣшеніемъ и какъ осенью того же года были составлены вопросы и посланы съ другомъ Лигарида Мелетіемъ.

Бояре побуждаютъ старообрядцевъ составить петицію противъ Никона.

Однако, еще прежде, чѣмъ были составлены 25 вопросовъ Лигарида Вселенскимъ Патріархамъ, и прежде чѣмъ было рѣшено послать ихъ, до іюля 1663 г., когда Царь поручилъ Лигариду составить эти вопросы, бояре хотѣли использовать вражду старообрядцевъ къ Никону и побудили ихъ лидеров составить обвиненія и представить петицію противъ Никона. Это было въ первые 5 мѣсяцевъ 1663 г.; петиція поражаетъ странностью сочетанія сотрудничества Лигарида со старообрядцами, для которыхъ первый выступаетъ такимъ же глашатаемъ, какъ и для бояръ. Она анонимна, но говоритъ какъ бы отъ лица всѣхъ русскихъ епископовъ, и написана повидимому однимъ изъ нихъ, сочувствующимъ старообрядчеству, Александромъ Вятскимъ, но подчинившимся Церкви въ 1666 г. на Соборѣ (по предположенію Пальмера: IV, 459). Исходный мотивъ ея тотъ, что Лигаридъ уже показаль въ своихъ вопросахъ-отвѣтахъ, что Епископы грѣшатъ тѣмъ, что не побуждали Царя положить конецъ затрудненіямъ созывомъ Собора, который окончательно бы низложилъ Никона и избралъ новаго Патріарха. Петиція исходитъ изъ того, что Никонъ не только отрекся отъ престола, но отрекся съ клятвой, не окончивъ литургіи, въ Церкви, и потому не можетъ называть себя Патріархомъ; онъ простой монахъ и не можетъ давать благословенія дѣйствующему епископу и совершать епископскіе акты. Онъ унижаетъ Царя, вопреки 84 апостольскаго правила, обвиняя въ захватѣ церковныхъ дѣлъ Бояринъ Хитрово правильно сдѣлаль, что побилъ представителя Патріарха, а Царь правъ, что воздержался отъ посѣщенія службы, чтобы смирить Никона. Сказавъ о Никоновскомъ отверженіи Собора 1660 г., о якобы самопревозношеніи Никона, благодаря архіерейской присягѣ о послушаніи Патріарху, петиція заяв-

ляетъ, что забота Царя о Церкви совершенно канонична, и продолженія вдовства ея нельзя допускать, во избѣжаніе нареканій отъ прѣзжихъ епископовъ. Она проситъ держать Никона подъ стражей и изъять его изъ среды епископовъ. Онъ не въ правѣ упрекать Царя во вмѣшательствѣ въ церковныя дѣла, ибо онъ уже не епископъ. Онъ придумалъ названіе монастыря Новый Іерусалимъ въ противоположность старому; его правильно де называетъ Лигаридъ Neisoropolis т. е. городомъ распри, вражды, что тамъ должны быть скверныя женщины, которыхъ могутъ считать матерью Антихриста. Петиція говоритъ о недостойнствѣ жизни Никона въ духѣ раскольничьихъ сказаній, опровергнутыхъ профессоромъ Субботинымъ. Питиримъ сталъ мѣстоблюстителемъ во волѣ Царя и епископовъ. Онъ посвятилъ Меѳодія не безъ приказа Царя, поэтому не подлежитъ проклятію. Петиція умоляетъ Царя озаботиться объ избраніи другого Патріарха. Какая нужда для этого въ Соборѣ? Великій князь Василій Васильевичъ своей одной властью низложилъ Исидора и арестовалъ его въ Чудовомъ монастырѣ, и шесть русскихъ епископовъ съ архимандритами и игуменами низложили Зосиму и поставили Симона игумена Троицкаго, безъ каноническаго числа 12, которыхъ трудно собрать въ Россіи. Петиція порицаетъ исправленіе богослужебныхъ книгъ при Никонѣ и упрекаетъ его за ссылки на Паисія Патріарха Константинопольскаго, какъ будто наши пять патріарховъ предшественниковъ и Цари ошибались. Такъ петиція обвиняла Никона, избѣгая указывать отдѣльныя нововведенія, глухо, въ общихъ выраженіяхъ, обвиняя Никона въ обрядовыхъ нововведеніяхъ, въ недолжномъ почитаніи Константинопольскаго Патріарха и въ неуваженіи къ русскимъ святымъ и пастырямъ. Вопросы, посланные Патріархамъ, содержатъ подобныя же обвиненія на Никона, какъ если бы онъ сдѣлалъ нововведенія не только въ отношеніяхъ духовной и свѣтской власти, но и въ обрядовыхъ обычаяхъ. „Ясно, пишетъ Пальмеръ (IV, 460), что Паисій въ союзѣ съ кѣмъ-либо изъ бояръ, вѣроятно съ Симеономъ Стрешневымъ, внушилъ содержаніе этой петиціи одному изъ русскихъ епископовъ, сочувствовавшихъ старообрядцамъ, но не полному раскольнику, который такъ ее составилъ, что, представляя духъ старообрядцевъ, онъ могъ бы выставить и Лигаридовскіе аргументы безъ явнаго противорѣчія и представить ее не только отъ имени одного, но всѣхъ русскихъ епископовъ; но въ то же время, вѣдь, ни одинъ изъ лидеров старообрядцевъ не выставилъ бы такого довода, что оставленіе каѳедры вакантной не только нека-

нонично, но и вызывает критику иностранцевъ, т. е. греческихъ епископовъ и монаховъ, прїѣзжающихъ за милостыней въ Москву".

Неестественный союзъ бояръ, принявшихъ реформы Никона, съ расколоучителями противъ Никона.

Этотъ союзъ бояръ со старообрядцами довольно неестественъ, ибо цѣли ихъ были совершенно различны: **бояре принимали церковную реформу Никона и только его самого хотѣли поставить въ положеніе, исключающее возможность ему сдѣлаться совѣтникомъ государя, а старообрядцы боролись не только противъ Никона, но и противъ церковной реформы, проведенной уже Никономъ въ 1656 г., которую имъ надо было искоренить.** Самъ Никонъ конечно былъ имъ одіозенъ, ибо не безъ его содѣйствія пострадали главари старообрядства: Юрьевскій протопопъ Аввакумъ былъ сосланъ, хотя и безъ растриженья, за заступничество за Неронова, въ Сибирь въ 1653 г., гдѣ оставался до 1664 г.; протопопъ Казанскаго Собора Нероновъ былъ сосланъ въ Спасокаменный монастырь, за стремленіе подорвать авторитетъ Патріарха, Муромскій протопопъ Логгинъ лишенъ сана, протопопъ Даніиль Костромскій растрижень и сосланъ въ Астрахань (Каптеревъ, Патріархъ Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ I, 123). Вся реформа Никона противорѣчила ихъ убѣжденіямъ, хотя, какъ доказано Каптеревымъ, Никонъ не былъ ея инициаторомъ, а только исполнителемъ намѣренія Царя Алексѣя Михайловича и духовника его Стефана Вонифатьева, почему онъ и охладѣлъ совершенно къ реформѣ послѣ смерти Стефана, умершаго въ иночествѣ 11 ноября 1656 г., и послѣ прекращенія дружбы съ Царемъ. 4 января 1657 г. Никонъ разрѣшилъ Неронову служить полюбимымъ служебникамъ, „обои де хороши". Старообрядцы, хотя и ошибочно, считали инициаторами реформы Никона (а Стефана своимъ сторонникомъ) и потому создавали о Никонѣ самое нелестное представленіе, въ его дѣятельности видѣли только дурное и въ его поступки вкладывали разные низкіе мотивы и охотно присоединялись ко всякой борьбѣ противъ Никона. Въ свою очередь **всякій врагъ Никона становился другомъ бояръ, стремившихся поддержать настроеніе Царя противъ Никона.** На грековъ однихъ они боялись положиться изъ-за ихъ неустойчивости и **искали враговъ непримиримыхъ и нашли ихъ въ старообрядцахъ.** Аввакума вернули изъ ссылки, поселили въ Кремль, на подворьѣ Новодѣвичьяго монастыря, и онъ развилъ свою пропаганду. Аввакумъ преслѣдовалъ чисто религіозный интересъ, а бояре только свой политическій боясь,

опять быть затѣненными Никономъ: они, конечно, Аввакума не переубѣдили, но Аввакумъ создалъ себѣ много сторонниковъ и въ боярской средѣ и этимъ усилилъ настроеніе противъ Никона.

Сторонники старообрядцевъ изъ боярства.

Судя по автобіографіи Аввакума (Пальмеръ IV, 452-454) за Аввакумомъ шли боярыня **Ѳеодосія Прокофьевна Морозова**, **Евдокія Прокофьевна Урусова**, ея сестра, **Анна Петровна Милославская**, князь **Иванъ Воротынскій**, приходившій къ нему въ тюрьму, кн. **Иванъ Хованскій**. Сама царица **Марія Ильинишна** благоволила къ нему и еще въ 1653 г. настояла передъ Царемъ на томъ, чтобы Аввакума не растригали, и послѣдній сообщаетъ о сценахъ у нея съ Царемъ изъ-за него.

„Какъ стригли, писалъ Аввакумъ, въ то время нестроеніе вверху бысть у Царя съ царицей; она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня“.

Самъ Царь принималъ ласково Аввакума послѣ ссылки въ 1664 г. Аввакумъ такъ пишетъ о царской встрѣчѣ: „здорово ли живешь, протопопъ? Вотъ, еще Богъ велѣлъ видѣться.“ — Аввакумъ: „Живъ Господь, жива душа, Царь государь, а впредь, что изволить Богъ“. Онъ же, миленькій, вздохнулъ, да и пошелъ куды надобно ему. И иное кое что было, да что много говорить.“ А въ другомъ мѣстѣ: „Мимо двора моего ходя кланялся часто со мною низенько такъ, а самъ говоритъ: благослови де меня и помолися о мнѣ. И шапку въ ину пору мурманку снимаючи съ головы, уронилъ, ѣдучи верхомъ. И изъ кареты бывало высунется ко мнѣ“ (Бороздинъ, Протопопъ Аввакумъ, 119 стр.).

Развитіе раскола отъ пропаганды возвращеннаго Аввакума.

Враги Никона, обвинявшіе его въ томъ, что оставленіе имъ кафедръ въ теченіе долгаго времени усиливало расколъ, должны бы обвинять себя въ его распространеніи, ибо сами бояре добились отъ Царя въ 1661 г. возвращенія Аввакума и другихъ лидеровъ старообрядчества для увеличенія обвиненій противъ Никона. Въ Москвѣ дѣйствительно ихъ побуждали обвинять Никона передъ Царемъ, какъ неправославнаго нововводителя, и просить объ его наказаніи и объ избраніи болѣе благочестиваго Патріарха. Никонъ самъ упоминаетъ въ „Раззореніи“: „что можетъ обнаружить большую злобу, какъ не то, въ чемъ нѣкоторые наши враги (лидеры раскола) признавались мнѣ: „поистинѣ, ты попался; видишь: не старыя времена! даже насъ оты-

скиваютъ жаловаться на тебя, и, если кто медлитъ жаловаться противъ тебя, а послѣ великій государь услышитъ какое либо обвиненіе противъ этого же раскольника, тотъ можетъ быть увѣренъ въ тяжелыхъ для себя послѣдствіяхъ". Я самъ теперь принужденъ едва вставъ съ одра болѣзни идти сюда въ Воскресенскъ по царскому приказу" (IV, 448).

Врагамъ Никона Аввакумъ представился драгоцѣннымъ союзникомъ, ибо, допуская его до публичной проповѣди, они давали ему возможность **агитировать противъ Никона въ сферѣ церковной, и дѣло дворцовой интриги превратить въ дѣло всенародное.** Не такъ легко было поколебать авторитетъ Патріарха Никона: онъ — благотворитель, онъ — ходатай за обиженныхъ, онъ и мужъ совѣта; чтобы обезсилить его, надо представить его еретикомъ. Надъ этимъ дѣломъ работалъ Аввакумъ, которому при возвращеніи изъ ссылки всѣ бояре били челомъ и предлагали любое мѣсто въ Москвѣ и стать духовникомъ Царя. Союзъ этотъ создалъ настроеніе противъ Никона въ нѣкоторыхъ боярскихъ семьяхъ, но онъ не былъ проченъ, такъ какъ Аввакумъ былъ непримиримъ и, если и заботился, чтобы валить Никона, то главной задачей имѣлъ уничтоженіе его реформъ, на что не могло идти большинство бояръ, державшихся авторитета Патріарховъ.

Предупрежденія въ 1663 г. о личности Лигарида, полученные Никономъ.

Всѣ враги Никона, враждебные между собой, соединились, чтобы валить Никона, и объединителемъ ихъ всѣхъ явился Паисій Лигаридъ; эластичность послѣдняго въ отношеніи убѣжденій, необходимость въ его каноническихъ познаніяхъ для того, чтобы расправиться съ Никономъ, и тѣмъ избѣжать двупатріаршества, боязнъ появленія Никона вновь на патріаршемъ престолѣ совѣтникомъ Царя, создало для бояръ нужду въ Лигаридѣ, котораго держались, несмотря на то, что и отъ Никона, а потомъ и съ востока получили подтвердительныя сообщенія, что онъ и не православный, и изъ православныхъ митрополитовъ низверженъ, и что онъ подверженъ содомскому грѣху. Никонъ писалъ Царю въ іюлѣ 1663 г., что Лигаридъ не имѣетъ доказательствъ о посвященіи и свидѣтельства отъ восточныхъ Патріарховъ о томъ, что онъ дѣйствительно епископъ, что такихъ лицъ нельзя принимать по правиламъ, безъ удостовѣренія, согласно Божественныхъ законовъ. „Невходящій черезъ дверь въ дворъ овчій, подобенъ вору и разбойнику", (IV, 496); „молящіеся съ еретикомъ подвергаются

ся отлученію" (45 Ап. пр.), и принимающей таковыхъ, какъ клириковъ, самъ низвергается по 33 и 37 Лаод. и 9 Карѣ. правиламъ. „И Царь подлежить такому же наказанію", писалъ Никонъ въ „Раззореніи" (1, 551, 552). Никонъ писалъ въ „Раззореніи" (1, 586), что Лигаридъ принадлежитъ католичеству, что онъ посвященъ въ діаконы и священники въ Римѣ, и книга его „Коментаріи на величаніе" свидѣлствуютъ о томъ же; что онъ изъ Молдавіи уѣхалъ въ Польшу, гдѣ два года (1660-1662) служилъ въ костелѣ; въ Молдавіи онъ настаивалъ, чтобъ вдовымъ священникамъ разрѣшить второй бракъ, а молодымъ монахамъ и монахинямъ сочетаться бракомъ и ѣсть мясо, что Митрополитъ Молдавскій объ этомъ писалъ восточнымъ Патріархамъ, и они его анаѳематствовали и низвергли его изъ сана, что въ Москвѣ онъ не соблюдаетъ никакихъ монашескихъ правилъ. О неправославіи Лигарида Никонъ объявилъ Лигариду самому лично, когда онъ пріѣзжалъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ Собора для слѣдствія о проклятій въ Воскресенскій монастырь въ іюль 1663 г. (1, 595). Въ декабрѣ 1665 года Никонъ писалъ Константинопольскому Патріарху о Лигаридѣ: „Онъ живетъ въ Москвѣ, ничего не совершаетъ епископскаго, ѣсть мясо и пьетъ безъ отношенія ко времени; ѣсть и пьетъ передъ совершеніемъ литургіи и совершаетъ содомскій грѣхъ. Написалъ де письмо объ этомъ Царю съ указаніемъ свидѣтелей, но всѣхъ лицъ, свидѣтельствовавшихъ такъ о Паисіи, Царь сослалъ въ разныя мѣста" (III, 392).

Показанія Никона подтвердились, когда Царь отправилъ, уже въ 1666 г., тайно на востокъ русскаго клирика Савву въ Константинополь узнать относительно подлинности грамоты, привезенной Мелетіемъ и Стефаномъ грекомъ, о назначеніи Патріархомъ Константинопольскимъ Лигарида экзархомъ Константинопольскаго Патріарха и его Собора, чтобы быть его представителемъ въ дѣлѣ Никона и руководителемъ Собора и толкователемъ патріаршихъ свитковъ. Константинопольскій Патріархъ сообщилъ, что это письмо подложное а Лигаридъ и не лоза Константинопольскаго престола. (IV, 503). Но письмо это вызвало со стороны Царя не удаленіе Лигарида, а хлопоты о возстановленіи его въ званіи Митрополита, ибо слишкомъ компрометирующимъ для Московскаго правительства было сообщничество и руководство Лигарида, который почитался одно время въ Москвѣ даже первымъ Митрополитомъ и предсѣдателемъ Собора русскихъ архіереевъ и вдохновителемъ всего дѣла Никона.

Дѣятельность Лигарида въ высшемъ управленіи Русской Церкви.

Весной 1664 г., до полученія патріаршихъ свитковъ, Царь его назначилъ вмѣсто Питирима мѣстоблюстителемъ и предсѣдателемъ Собора и около 10 мая того же года съ его благословенія перевелъ Митрополита Питирима въ Новгородъ и посвятилъ новыхъ епископовъ, сдѣлавъ Іону Митрополита Ростовскаго мѣстоблюстителемъ, Павла архіерея Чудовскаго Митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ т. е. Крутицкимъ (22 авг.), Корнилія сдѣлавъ архіереемъ Тобольскимъ; Іоакимъ, одинъ изъ Иверскихъ Никоновскихъ монаховъ, сдѣланъ въ сентябрѣ изъ келаря архимандритомъ Чудовскаго монастыря, а 23 октября Симонъ посвященъ въ архіепископы Вологодскіе. „Вся іерархія была реконструирована, замѣчаетъ Пальмеръ, и ея поставленія опорочены благоговеніемъ и наложеніемъ рукъ Паисія Лигарида, такъ какъ эти поставленія получили начало отъ него" (IV, 506).

Остается фактъ, несравненный въ церковной исторіи, пишетъ онъ (IV, 499), что самодержецъ обширной имперіи, непосредственно сдѣлавшись главой своей національной Церкви, поставилъ себя и свою заново устроенную Церковь и іерархію, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ дворомъ и царствомъ со всей своей мірской гордостью и властью подъ благословеніе не только неизвѣстнаго бѣглеца изъ Рима, отлученнаго и греческой Церковью, человѣка способнаго написать (въ „Исторіи") что, когда онъ былъ посланъ, въ качествѣ царскаго комиссара, для слѣдствія надъ преслѣдуемымъ Патріархомъ, то онъ прошепталъ на ухо Никону эпитетъ, котораго заслуживалъ полностью онъ самъ, человѣка, который посвятилъ Царю и боярамъ, какъ воспоминаніе объ ихъ побѣдѣ и своихъ услугахъ, „Исторію", содержащую такой разсказъ (V, 674). Пальмеръ имѣетъ въ виду сообщеніе Лигаридомъ въ „Исторіи" вовсе не существовавшего факта, будто Лигаридъ, будучи на слѣдствіи въ іюлѣ 1663 г. въ Воскресенскомъ монастырѣ, назвалъ Никона Содомитомъ въ концѣ своей рѣчи, которую онъ держалъ въ качествѣ главнаго представителя Царя и Собора. Официальнымъ боярскій докладъ о слѣдствіи сообщаетъ, что Никонъ совершенно отказался вести переговоры съ Лигаридомъ безъ предварительнаго каноническаго удостовѣренія его положенія. Лигаридъ же придумалъ нарочно этотъ разсказъ, какъ онъ вообще придумывалъ всѣ рѣчи, чтобы представить Никона въ глазахъ читателя, читающаго Никоновское письмо къ Царю съ обвиненіемъ Лигарида въ безнравственности, лишь вымещающимъ свою злобу на Лигаридъ якобы въ

отвѣтъ на торжественное обвиненіе его самого Лигаридомъ (IV, 498). Послѣ офіціального подтвержденія въ 1668 г. относительно самого Лигарида Царю, послѣдовало отъ Іерусалимскаго Патріарха Нектарія въ 1668 г. и болѣе пространное сообщеніе отъ его преемника Патріарха Діонисія въ 1670 г. Извѣстно, что сначала, внимая просьбѣ Царя, Патріархъ Досиѳей снялъ было отлученіе, но потомъ окончательно возстановилъ это отлученіе, и Лигаридъ умеръ въ немъ въ 1678 г. въ Кіевѣ, куда былъ удаленъ изъ Москвы за ненадобностью, въ виду окончанія дѣла Никона и вслѣдствіе компрометирующей Московское правительство близости къ нему.

Преслѣдованіе правительствомъ Никоновскихъ доброжелателей.

Никонъ же узналъ объ отлученіи и анаѳематствованіи Лигарида, совершенномъ Іерусалимскимъ Патріархомъ Нектаріемъ въ 1660 г., отъ **діакона Агаѳангела**, бывшаго при Лигаридѣ и поссорившагося съ послѣднимъ, а тотъ былъ посаженъ въ тюрьму послѣ того, какъ лично это подтвердилъ Царю, будучи присланъ для показанія къ нему Никономъ (IV, 580). Преслѣдованіе Никоновскихъ доброжелателей, которые такъ или иначе были полезны для освѣщенія дѣла въ Никоновскую пользу, было системой правительства. Мы упоминали уже о ссылкѣ эконома Воскресенскаго монастыря старца **Аарона**, убѣждавшаго Царя, что на Никона напрасно клеветаютъ и ссорятъ съ нимъ Царя. Митрополитъ **Афанасій Иконійскій**, высказывавшій сомнѣніе о патріаршихъ свиткахъ, привезенныхъ дьякономъ Мелетіемъ 29 мая 1664 г., и увѣрявшій, что Митрополитъ Газскій врагъ Божій и сынъ гибели, былъ заточенъ въ Симоновскомъ монастырѣ. Аѳонскій **архимандритъ Теофанъ**, сообщившій Никону свѣдѣнія о Лигаридѣ, былъ сосланъ въ Кириллобѣлозерскій монастырь. **Севасть Дмитріевъ**, который привезъ грамоту отъ Іерусалимскаго Патріарха Нектарія, говорившаго о необходимости призвать Никона обратно на престолъ, ибо не было никакого отреченія отъ каѳедры, а только отъ непокорнаго народа, — былъ заточенъ въ тюрьму (IV, 552). Письмо Нектарія къ Царю обнаруживало, что восточные Патріархи знали, что положеніе Никона обязано ненависти могущественныхъ враговъ, не осмѣливавшихся открыто выражать свои мысли, и было крайне имъ непріятно, но **собственное письмо Патріарха Нектарія къ Патріарху Никону было просто уничтожено и ему не доставлено** (IV, 502, прим.). Грекъ **Димитрій**, жившій въ Воскресенскомъ монастырѣ, который переводилъ на

греческій языкъ письмо Никона къ Константинопольскому Патріарху, былъ схваченъ въ декабрѣ 1666 г. и заточенъ въ тюрьму, гдѣ отъ страха покончилъ съ собой (V, 694). Участники по Зюзинскому дѣлу **священникъ Сысой**, привозившій письмо отъ Зюзина Никону, былъ сосланъ со всей семьей неизвѣстно куда, а другой доставитель письма отъ Зюзина, хотя и не знавшій его содержанія, закованъ въ тюрьмѣ въ желѣзо и умеръ (IV, 562). **Шушеринъ**, сопровождавшій Никона на судъ и ѣхавшій впереди съ крестомъ, былъ арестованъ ночью 30 ноября 1666 г. и оставался въ заточеніи больше 3 лѣтъ, а потомъ сосланъ въ Новгородъ Великій, гдѣ оставался до начала 1680 года (V, 674).

Подъ руководствомъ такого человѣка, какъ Лигаридъ, составилось мнѣніе о дѣятельности Никона, которая получила его освѣщеніе въ вопросахъ-отвѣтахъ Стрешнева-Лигарида, въ анонимной петиціи отъ имени русскихъ архіереевъ, составленной подъ его же вдохновеніемъ, и наконецъ, ему было поручено освѣтить эту дѣятельность передъ восточными Патріархами и получить отъ нихъ такой отвѣтъ, который далъ бы возможность низвергнуть Никона.

Попытка отдѣлаться отъ Никона посредствомъ постриженія его въ схиму.

Скажемъ еще, что на ряду съ двинутымъ дѣломъ передъ восточными Патріархами, которые авторитетомъ своимъ придали бы дѣлу Никона совершенно безповоротный законченный видъ, дѣлались на Москвѣ и самостоятельныя попытки отдѣлаться отъ Никона. Пальмеръ сообщаетъ о проэктѣ бояръ и Царя въ декабрѣ 1664 г. постричь Никона въ великую схиму (IV, 508-513), какъ разъ передъ тѣмъ, какъ бояринъ Зюзинъ сдѣлалъ неудачную попытку примирить Царя съ Никономъ и какъ разъ тогда, когда своимъ необыкновенно любезнымъ пріемомъ архимандрита Герасима изъ Воскресенскаго монастыря, Царь далъ основаніе думать друзьямъ Никона о возможности возстановленія между ними любви и дружбы. Боярамъ не удалось добиться отъ Царя рѣшенія, къ которому пришелъ Соборъ 1660 г., — разсматривать Никона, въ силу одного факта его ухода изъ Москвы, низвергнутымъ изъ патріаршества и изъ священства; они же не хотѣли имѣть новаго Патріарха, пока Никонъ могъ совершать священническія дѣйствія, боясь его возвращенія. Вспомнили о канонѣ одного изъ греческихъ позднѣйшихъ Соборовъ, запрещающемъ епископу послѣ принятія великой схимы совершать епископскія дѣйствія, и хотѣли его использовать. Никонъ, вѣдь, со-

глашался самъ на избраніе новаго Патріарха, если его самого не будутъ считать за преступника, но этимъ не желали ограничиться. Бояре, не разсчитывая на то, что Царь согласится пойти имъ навстрѣчу и разрѣшить вынудить силой Никона принять схиму, думали однако, что онъ позволитъ имъ убѣдить Никона, въ уваженіе къ трудному положенію Царя, ради мира Церкви и государства, принять великую схиму добровольно, какъ актъ величайшаго смиренія съ его стороны. Подъ миромъ Церкви они разумѣли безпрепятственно свѣтское господство, противъ котораго возставалъ Никонъ.

Они думали, что человѣкъ такого аскетическаго духа пойдетъ на это, разъ ему будетъ дана возможность правильно передать каноническія права по защитѣ Церкви лицу, канонически способному по избранію епископовъ и Царя. По внушенію бояръ Царь въ началѣ 1664 г. разослалъ Митрополитамъ и архіепископамъ запросы, не вызываетъ ли великая схима по канонамъ абсолютную неспособность совершать епископскіе акты; Царь дѣлалъ вопросы въ замаскированной формѣ, не говоря о Никонѣ, спрашивая, можетъ ли іеромонахъ, принявшій потомъ схиму, стать епископомъ безъ нарушенія канона. Митрополитъ Новгородскій Питиримъ отвѣтилъ, что не можетъ. Митрополитъ Казанскій Лаврентій, Филаретъ архіепископъ Смоленскій отвѣтили въ томъ же смыслѣ, но Іосафъ Тверской и Илларионъ Рязанскій допускали возможность епископства и для іеромонаховъ схимниковъ. Проектъ этотъ не былъ осуществленъ, по недостатку ли единодушія въ отвѣтахъ, или вслѣдствіе того, что появленіе Никона въ Успенскомъ Соборѣ 19 декабря 1664 года устраняло мысль о томъ, что онъ согласится на такое предложеніе.

Чего добивались бояре посылкой вопросовъ восточнымъ Патріархамъ? Ихъ обвиненія затрагиваютъ не только Никона, но и Царя.

Посылая вопросы восточнымъ Патріархамъ, бояре косвенно обвиняли Никона въ нововведеніяхъ въ церковныхъ дѣлахъ, имѣя въ виду новый и чрезвычайный титулъ, свойственный только свѣтской власти, и власть, данную Никону Царемъ, и ея употребленіе имъ въ свѣтскихъ дѣлахъ государства; черезъ это они хотѣли добиться признанія Никона заслуживающимъ низложенія; они обвиняли его въ непринятіи постановленій Уложенія и въ стремленіи сдѣлать ихъ бездѣйственными, въ испрашиваніи обѣта у Царя, обѣта 22 іюля 1652 г. повиноваться законамъ Бога и Церкви и позволить ему управлять Церковью въ соотвѣтствіи съ ними, и во введеніи такимъ образомъ дуализма власти. Съ 1657 года Царь перешелъ на сторону бо-

яръ. Бояре обвиняли Никона въ гордости, въ желаніи сравняться и даже превзойти Царя, во вмѣшательствѣ въ свѣтскія дѣла, въ ограбленіи и насиліи для полученія земельныхъ владѣній для его монастыря изъ тщеславія и честолюбія. Они вызывали отвѣты, задѣвающіе порицаніемъ самого Царя, какъ если бы Царь наносилъ обиду боярству, давая необычный титулъ, честь и власть Патріарху, какъ если бы онъ обижалъ боярство, давая обѣщаніе въ послушаніи Церкви, или пріостанавливая дѣйствія нѣкоторыхъ статей Уложенія, или дѣлая Никона государственнымъ регентомъ и совѣтникомъ въ государственныхъ дѣлахъ, или дѣлая земельныя пожертвованія и предоставляя привилегіи Никоновскимъ монастырямъ.

Неистовствующая злоба бояръ, доказательства ея.

Размѣръ боярскихъ обвиненій все возрасталъ. Ихъ злоба обнаружилась явно съ самаго начала ухода Никона, ибо еще 25/VII 1658 г. Никонъ писалъ Царю письмо, изъ коего видно, что самъ Царь посылалъ къ нему сказать незадолго передъ этимъ, что только онъ де да князь Юрій Долгорукій хорошъ къ нему, т. е. Царь признавался, что все ближайшее окруженіе, составлявшее дворъ, интриговало противъ Никона. Они поспѣшили убѣдить Царя, будто Никонъ опустошилъ патріаршую казну и взялъ изъ нея многое себѣ, и побудили Царя обыскать частную собственность Патріарха и даже его тайныя бумаги, которыхъ, кромѣ него, какъ духовнаго отца, никто не долженъ былъ читать. „Потомъ, пишетъ Субботинъ, черезъ все теченіе этого дѣла мы наблюдаемъ Царя подъ вліяніемъ партіи враждебной Никону, вліяніе, отъ котораго временами онъ, повидимому, хотѣлъ освободиться, но не имѣлъ на это рѣшимости, къ которому, наконецъ онъ такъ привыкъ, что не зналъ, какъ можно обойтись безъ него, особенно, когда дѣло съ Никономъ ушло слишкомъ далеко. Онъ самъ спустя нѣсколько лѣтъ говорилъ по тому или иному случаю, сравнивая свое положеніемъ съ положеніемъ Никона, касаясь ихъ различія и находя, что гораздо легче для Никона, чѣмъ для него, предпринять шаги къ примиренію. Если бы только онъ хотѣлъ смириться, сказалъ Царь, онъ свободенъ дѣлать что угодно, а я окруженъ духовными властями, и боярами. Они всѣ побуждаютъ меня къ гнѣву, но онъ, будучи одинъ, можетъ сдѣлать лучше меня то, что онъ самъ хочетъ по своей собственной мысли, никто не примѣнитъ къ нему никакого принужденія". (IV, 157). Злоба особенно усилилась послѣ анаѳемы 16/II 1662. Хотя Каллистъ епископъ Полоцкій представилъ докладъ о

бесиліи анаѳемъ Никона на Питирима, это не успокоило Стрешнева и другихъ бояръ и лидеров раскола, равно какъ и Питирима и его сотоварищей среди епископовъ и духовенства, которые неистовствовали противъ Никона. "Чувствуя въ глубинѣ своей совѣсти ударъ, нанесенный имъ Никономъ, его враги начали распространять противъ него передъ Царемъ и народомъ новыя клеветы, одна чернѣе и страшнѣе другой, чтобы представить его, какъ чудовище страшное и ненавистное, невѣжественному и суевѣрному народу. Прискорбно слышать крики страстей, приближающіеся близко къ рычанію безумія (Пальмеръ IV. 376)".

Обвиненіе Никона въ названіи Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ.

Поводомъ для клеветы послужило даже названіе Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ, при полномъ игнорированіи того, что названіе это дано по внушенію Царя. Названіе это задѣвало за живое ихъ представленіе. Они хотѣли видѣть въ этомъ не взоръ Никона, устремленный къ будущей жизни, не идею возстановленія копіи священныхъ мѣстъ, не ожиданіе града небснаго, населяемаго святыми послѣ воскресенія, а указаніе на то, что живущій въ этомъ ложномъ Іерусалимѣ есть Предтеча Антихриста. Никонъ противопоставляетъ свою Церковь каноновъ и свой Новый Іерусалимъ Церкви Царя, епископовъ и бояръ — видимой Русской Церкви. Онъ не называетъ себя Патріархомъ Москвы и Всероссійскимъ и однако называется Патріархомъ, слѣдовательно Патріархомъ Новаго Іерусалима, въ которомъ живетъ. Далѣе они выводили отсюда, что онъ называетъ себя такъ въ осужденіе имъ и всему остальному міру; стало быть, претендуетъ представлять болѣе вѣрно Церковь, которая есть истинный Новый Іерусалимъ, чѣмъ наша видимая Церковь, но въ такомъ Новомъ Іерусалимѣ мы видимъ не Христа, а Антихриста. Сторонники государственнаго верховенства сошлись въ этомъ со старообрядцами, которые возвели мнѣніе о Никонѣ, какъ о предшественникѣ Антихриста или о самомъ Антихристѣ (у нѣкоторыхъ), въ свою традицію. Пальмеръ замѣчаетъ, что „Никоновскія доказательства, что признаки Антихриста и его предшественниковъ относятся къ тому началу апостасіи, которое представляютъ собой его противники и преслѣдователи, останется неслышаннымъ, пока не придетъ время обнаружиться этой апостасіи въ ея крайнемъ развитіи, чтобы дать свидѣтельство о самой себѣ. Крикъ, поднятый старообрядцами противъ Никона, какъ еслибы онъ былъ Антихристъ, отвлекъ вниманіе

отъ дѣйствительно нехристіанской тираніи, противъ которой возставали и старообрядцы не меньше Никона, хотя, къ несчастію не во имя правды, ибо они оспаривали государственное всемогущество только во имя узкаго частнаго сужденія, а Никонъ оспаривалъ ради защиты вселенскихъ каноновъ и во имя Церкви вселенской, а не національной" (IV, 378).

Какъ ни дѣтско и ни невѣроятно такое представленіе, замѣчаетъ Пальмеръ, однако это было такъ (IV, 379): это обвиненіе выставляли противъ Никона бояре синклита, и въ этомъ они соединились съ суевѣрными раскольниками. Эта мысль объ Антихристѣ фигурируетъ среди обвиненій, посланныхъ восточнымъ Патріархамъ отъ царскаго синклита, и на Соборѣ 1666 года, сдѣлавшагося органомъ глубоко закоренѣлой злобы боярскаго синклита, повторявшаго это обвиненіе". Объясненіе этому Пальмеръ даетъ въ томъ, что Никонъ былъ не только строитель церквей и монастырей, не только христіанинъ, преслѣдуемый за правду, надѣющійся на воскресеніе и на Новый Іерусалимъ, но представлялъ въ Россіи и пытался защитить видимое царство Божіе, отличное отъ мірскаго царства, тождественное съ горнимъ Новымъ Іерусалимомъ, свободное отъ тираніи Царя и бояръ, отвергающее гордость и насиліе, безнравственность и алчность во всѣхъ одинаково — царяхъ и знатныхъ подданныхъ, и это реальное свидѣтельство мучило бояръ. **Передъ ними налицо человекъ — ихъ Патріархъ открыто ихъ всѣхъ обличающій, утверждающій законъ Писанія и каноны противъ ихъ Уложенія и лжесоборовъ, наблюдающій и обличающій ихъ изъ своего монастыря, отлучающій и анаѳематствующій ихъ орудіе — Митрополита Питирима по имени, но косвенно все церковное и гражданское правительство Россіи. Его Воскресенскій монастырь былъ вещественнымъ осужденіемъ ихъ сборища, а Никонъ — ихъ самихъ. Поэтому Воскресенскій монастырь, Новый Іерусалимъ возбуждалъ въ нихъ неукротимую злобу.**

Основная причина боярской злобы — не въ Никонѣ, а въ самихъ боярахъ.

Эта неукротимая злоба задѣвала и самого Царя, поскольку онъ былъ соучастникомъ Никоновскихъ дѣлъ, поскольку онъ давалъ ему титулъ великаго государя, ненавистный боярству, поскольку онъ пріостанавливалъ Уложеніе, поскольку онъ одарялъ Никоновскіе монастыри земельными угодіями, поскольку самъ Царь шелъ съ Никонѣмъ противъ духа вѣка. Бояре пренебрежительно относились къ Ца-

рю въ его юности и прозвали его въ насмѣшку молодымъ монахомъ, по свидѣтельству Павла Алеппскаго (II, 136), а, когда онъ являлъ собою образецъ благочестія во всемъ, всѣ бояре должны были подражать ему. Если имъ не въ могоуту и не по духу было слѣдовать въ личной и государственной жизни на устроеніемъ Святой Руси, если ихъ понятія о родовой чести создавали представленія о томъ, что только они — совѣтники государю, что таковымъ совѣтникомъ не можетъ быть какой то мужикъ — монахъ, то естественно, что они по злобѣ человѣческой не щадили средствъ свалить того, кто мѣшалъ ихъ безраздѣльному господству. Отсюда все обвиненія на **Никона**: корень ихъ не въ Никонѣ, а въ боярахъ, которымъ тяжелы были **Никоновскіе** идеалы, требовавшіе героическаго подвижничества въ жизни, и тогда, когда онъ, какъ Патріархъ — архипастырь, требовалъ соблюденія церковныхъ уставовъ полностью, давая самъ примѣръ во всемъ, и стоялъ на стражѣ правъ Церкви, и тогда, когда онъ какъ совѣтникъ государя, требовалъ самопожертвованія для польской войны, за интересы православія въ Малороссіи, и прекращенія излюбленныхъ боярскихъ мѣстническихъ счетовъ. Все это претило и боярскому самолюбію. Ихъ собственная грѣховность лежала въ основѣ вражды къ Никону.

Составленіе вопросовъ Патріархамъ и способы полученія отвѣтовъ. Посылка Іеродіакона Мелетія на Востокъ.

Все нападеніе на Никона сконцентрировалось въ обвиненіяхъ, представленныхъ на такъ называемый судъ вселенскихъ патріарховъ 1666 года. А предварительно было оно подготовлено въ отвѣтахъ восточныхъ Патріарховъ, которые заказано было привести іеродіакону Мелетію. Мелетій повезъ съ собой грамоты Царя къ Константинопольскому Патріарху и черезъ него къ другимъ Патріархамъ, а кромѣ того письма, написанныя по гречески Лигаридомъ; среди нихъ была бумага съ инструкціями о томъ, что онъ долженъ говорить устно, какъ бы отъ Царя, т. е. проектъ вопросовъ, съ дѣломъ связанныхъ, и отвѣтовъ наиболѣе соотвѣтствующихъ намѣченной цѣли. Мелетій нашелъ въ Константинополѣ двухъ Патріарховъ, Константинопольскаго Діонисія и Іерусалимскаго Нектарія. Тамъ и были составлены отвѣты, которые затѣмъ были переправлены для подписи — одинъ экземпляръ Александрійскому Патріарху Паисію Константинопольскимъ Патріархомъ, а другой — копія Антіохійскому Патріарху Макарію Патріархомъ Нектаріемъ Іерусалимскимъ.

Константинопольскій Патріархъ не хотѣлъ принимать царской грамоты изъ боязни турокъ, но Нектарій Іерусалимскій уговорилъ его принять. Дѣло устроилось съ Мелетіемъ, и Нектарій, постоянно ѣздившій въ Молдавію, могъ безопасно доставить самъ туда эти грамоты Мелетію. Патріархи хотѣли удовлетворить Царя, который прислалъ имъ милости съ Мелетіемъ, но не хотѣли принимать на себя какой либо несправедливости къ Никону. Они рѣшились высказать осужденіе условное тому, кто оказался бы виновнымъ въ томъ, что ставилось въ вину Никону, не касаясь самого Никона. Тогда Царь и бояре, а не они оказывались бы отвѣтственными за примѣненіе ихъ положеній къ Никону. Самые же вопросы были поставлены Лигаридомъ относительно тѣхъ винъ, которыя ставились Никону боярами и Лигаридомъ. Вопросы исходили изъ того, что Никонъ будто бы покушался на новововведеніе въ церковныхъ дѣлахъ вопреки старымъ обычаямъ (глава I отвѣтовъ), на установленіе дуализма власти, на истребованіе обязательства отъ Царя (гл. III), на осуществленіе въ своей Епархіи власти свѣтской (гл. XII), на непризнаніе установленныхъ законовъ царства (гл. V), на принятіе титула, означающаго свѣтское господство (гл. X) и на вмѣшательство въ дѣла государственныхъ (гл. XIII).

Письмо Іерусалимскаго Патріарха Нектарія къ Царю отъ 20-III 1664 г.

Постановка такихъ вопросовъ уже выдаетъ авторство Лигарида и Мелетія. Они показались обоимъ Патріархамъ мало обоснованными, и Патріархъ Нектарій писалъ 20/III 1664 г. Царю, что, „вѣроятно, Никонъ защищалъ только свою власть въ дѣлахъ духовныхъ и своимъ уходомъ обличалъ непослушаніе“. Сначала Мелетій, видно, хотѣлъ получить отвѣты прямо на то, что онъ устно говорилъ, ибо Патріархъ Нектарій писалъ Царю, что „высказать окончательное сужденіе, основанное на словахъ Мелетія, было просто недопустимо, ибо противно канонамъ основывать сужденіе на одномъ свидѣтельскомъ показаніи, да еще исходящемъ отъ человѣка низшаго чина, противъ Патріарха. Но мы написали свитокъ, содержащій указанія каноновъ и законовъ, въ видѣ краткихъ отвѣтовъ на вопросы Мелетія, основанные на его утвержденіяхъ. Что онъ сказалъ о Никонѣ, мы не пишемъ особо, но это вамъ ясно изъ соборныхъ свитковъ, ибо все, что написано въ нихъ, состоитъ изъ отвѣтовъ на слышанное нами отъ Мелетія и сказанное имъ о кирѣ Никонѣ“. (III, 352 изъ письма Нектарія къ Царю). Патріархъ Нектарій на свиткѣ напи-

саль еще отъ себя въ Молдавіи, что Патріарха могутъ судить одни епископы въ своей Церкви, но, вопреки желанію Лигарида, было прибавлено, что Никонъ долженъ быть потребованъ лично и выслушанъ. Было еще непріятное Лигариду постановленіе о томъ, что, если сужденіе своего Собора отвергается подсудимымъ, то судъ вселенскаго престола и другихъ патріаршихъ престоловъ окончателенъ; свитокъ не указывалъ, что рѣшеніе, въ немъ данное, преграждаетъ путь къ апелляціи, а Нектарій даже приписалъ, что, въ случаѣ непринятія суда подсудимымъ, судъ долженъ быть данъ Константинопольскимъ престоломъ и другими вселенскими Патріархами.

Мнѣніе Константинопольскаго Патріарха Діонисія по Никоновскому дѣлу.

Впослѣдствіи весной 1666 г. Діонисій Царьградскій, уже будучи эксъ-Патріархомъ, высказывалъ такое мнѣніе, юридически не имѣвшее уже значенія: „я благословилъ Царя простить Никона, или назначить другого Патріарха на его мѣсто кроткаго и смиреннаго; если Царь боится назначить другого, то мы возьмемъ грѣхъ на себя; Царь — самодержецъ: все ему возможно" (II, XVII).

Мнѣніе Іерусалимскаго Патріарха Нектарія по дѣлу Никона.

О лишеніи Никона священнаго сана Патріархъ Діонисій ничего не говорилъ, какъ видно идея же эта еще дальше была отъ Патріарха Нектарія, который писалъ Царю, что Никона надо звать обратно, ибо даже со словъ его враговъ нельзя усмотрѣть причины для наказанія Патріарха, ушедшаго отъ непокорнаго народа, какъ Нектарій и писалъ въ особомъ письмѣ Царю отъ 20/III 1664 изъ Яссы. Онъ полагалъ, что „надо позвать Никона обратно и показать ему патріаршій свитокъ, чтобы онъ въ будущемъ сообразовался съ нимъ. Если онъ скажетъ, что онъ не отрекался отъ каѳедры, а отъ непокорныхъ, то ясно что онъ отвергаетъ нѣкоторыхъ за непослушаніе. Покажи ему свое послушаніе, какъ носителю Божественной благодати, **послушаніе не такое, которое необычно для Церкви, которое дѣйствительно было бы нововведеніемъ, и требованіе котораго со стороны епископа едва ли простительно, но то, которое установлено священными законами.** Такой ходъ дѣла былъ бы наилучшимъ и въ томъ случаѣ, если бы Никонъ сдѣлалъ письменное отреченіе, а тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, когда, можетъ быть, онъ вовсе не отрекался да, если бы и отрекался, отреченіе не было принято ни Царемъ, ни народомъ." Такъ отнеслись въ дѣйствительности

Константинопольскій Патріархъ Діонисій и Іерусалимскій Нектарій, подписавшіе свитки.

Какъ подписали свитки Александрійскій и Антіохійскій Патріархи.

А какъ были увлечены къ подписи другіе два Патріарха, рассказываетъ Лигаридъ (III, 85): „Мелетій, увидѣвъ Патріарха Паисія въ Египтѣ, послѣ многихъ разговоровъ и убѣдительныхъ доказательствъ, достигъ своей цѣли; проѣхавъ затѣмъ на гору Синайскую, онъ ловко убѣдилъ архіепископа Синайскаго Ананія своими медовыми рѣчами. Киръ Макарій былъ въ Грузіи, куда поѣхалъ за милостынею; онъ и его привлекъ своими златострунными потоками словъ”.

О неканоничности суда надъ Никономъ съ точки зрѣнія его составленія.

На Соборъ пріѣхали два Патріарха Паисій и Макарій, но, — не говоря пока о существѣ судопроизводства и о томъ, что судъ и не разбиралъ вовсе и не изслѣдовалъ, и не допрашивалъ Никона по существу тѣхъ обвиненій, о которыхъ высказывался патріаршій свитокъ, и такимъ образомъ никто и не доказывалъ, что онъ именно совершилъ все то, о чемъ отвлеченно разсуждалъ свитокъ, — судъ этотъ самъ по себѣ былъ незаконенъ. Соборъ для законности долженъ быть законно созванъ, и, если по обстоятельствамъ всѣ судьи не могутъ прибыть или даже не могутъ быть приглашены, и нѣкоторые дѣйствуютъ за другихъ, все же необходимо, какъ предпосылка, ихъ согласіе на этотъ Соборъ, и всѣ постановленія Собора должны исходить изъ предположенія ихъ присоединенія къ нимъ. Въ данномъ же случаѣ отдѣльные Патріархи были отысканы, уговорены и куплены и потому никого кромѣ себя не представляли. „Хотя бы всѣ епископы продались за милостыню, пишетъ Пальмеръ, что невозможно при наличности обѣтованія Христа (II, XXXI), природа вещей не мѣняется, и продажное рабское собраніе не можетъ превратиться въ каноническій Соборъ”.

Мало того, два Патріарха не имѣли права, согласно ихъ правилъ и обычаевъ, предсѣдательствовать на русскомъ Соборѣ и судить Московскаго Патріарха иначе, какъ въ согласіи двухъ другихъ и по соглашенію съ ними, особенно съ Константинопольскимъ Патріархомъ. Но они не имѣли ни согласія, ни соглашенія и солгали на судѣ Никону, что имѣли это согласіе, хотя и отнесли къ Никону какъ къ непокорному за то именно, что онъ требовалъ доказательствъ этого согласія, сомнѣваясь въ ихъ компетенціи. Но они вѣрили, что Царь, которому надо угодить, сумѣетъ добиться согласія другихъ

Патріарховъ в послѣдствіи. Судя по свиткамъ, помѣстный Соборъ, не только подъ предсѣдательствомъ двухъ Патріарховъ, но и безъ нихъ могъ судить Никона, но свитки не давали права судить безапелляціонно, ибо оставляли оговорку въ пользу права обращенія къ Константинопольскому Патріарху съ его братьями; въ данномъ же случаѣ было на лицо не общее мнѣніе Патріарховъ, а разныя мнѣнія Патріарховъ. Фактически Никонъ никогда не смогъ бы апеллировать послѣ низложенія, разъ и до суда было перехвачено въ декабрѣ 1665 г. Посланное имъ письмо къ Константинопольскому Патріарху, и для него была прекращена возможность свободнаго общенія съ внѣшнимъ міромъ.

Патріархи Александрійскій и Антіохійскій не могли представлять Константинопольскаго Патріарха Парѣенія и Іерусалимскаго Патріарха Нектарія.

Но, помимо всего, въ моментъ суда надъ Никономъ (уже съ конца 1665 г. или января 1666 г.) Константинопольскимъ Патріархомъ былъ Парѣеній IV, который никакъ не можетъ почитаться представленнымъ Патріархами Макаріемъ и Паисіемъ, ибо онъ счелъ ихъ каѳедры вакантными именно за ихъ отъѣздъ въ Москву и участвовалъ въ назначеніи на ихъ мѣсто другихъ Патріарховъ, а Нектарій не могъ быть доволенъ дерзостью Лигарида, имъ отлученнаго въ 1660 г., а теперь руководящаго церковными дѣлами въ Россіи.

Стремленіе оправдаться Патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго передъ двумя другими за судъ надъ Никономъ.

И Паисію, и Макарію пришлось писать послѣ суда надъ Никономъ оправдательныя письма Парѣенію IV и Нектарію. Они писали Парѣенію IV, что они были увѣрены, что Константинопольскій Патріархъ пошлетъ своего представителя, что Нектарій уже уѣхалъ въ Москву; что „они поѣхали, повинуюсь Царю, ради поддержанія нашей отеческой вѣры и истинной правды. Они де пріѣхали въ Москву, не нашли Патріарха Константинопольскаго, но уже что сдѣлано, то сдѣлано, и они приступили къ дѣлу, уже разсмотрѣнному раньше помѣстнымъ Соборомъ совершенно правильно и по канонамъ и совершенному уже по патріаршимъ свиткамъ" (весной 1666 г.) Они пишутъ теперь о низложеніи Никона, чтобы будущій Патріархъ могъ поминаться ими въ Св. диптихахъ. Далѣе указывается существенный мотивъ, который долженъ былъ воздѣйствовать и на Константинопольскаго Патріарха. Они пишутъ, что „обычныя милостыни вселен-

ской Церкви и другимъ бѣднымъ Патріархатамъ будутъ теперь повторены и будутъ даже увеличены и болѣе удовлетворительны." И за это мы ручаемся и объ этомъ стараемся изо всѣхъ силъ."

Іерусалимскому Патріарху они тоже писали, что увѣрены были видѣть его въ Москвѣ, что видѣли его приписку къ свитку, сдѣланную какъ бы въ виду осужденія Никона и, „опираясь на это, мы низложили Никона". Они освободили изъ заточенія посланнаго Патріарха Нектарія Савватія; „изслѣдовавъ истину (черезъ Лигарида, котораго испросили у Царя въ помощники), мы, согласно каноновъ и нашихъ патріаршихъ свитковъ, лишили Никона права священнослуженія. Царь достигъ возстановленія на каѳедрахъ Паисія и Макарія уже черезъ преемника Парѣенія IV Патріарха Меѳодія, но и Парѣеній уже получилъ царскую милостыню и занесъ въ диптихи новаго Патріарха Іоасафа II, тѣмъ признавъ низверженіе Никона; Нектарій также покорился въ дѣлѣ Никона, но не въ дѣлѣ Лигарида. Еще не успѣли уѣхать Паисій и Макарій изъ Москвы, какъ Нектарій нанесъ ударъ Лигариду.

Патріархъ Нектарій Іерусалимскій возбуждаетъ дѣло о Лигаридѣ.

Онъ привлекъ вниманіе Парѣенія IV, какъ Константинопольскаго Патріарха, на сочиненіе Лигарида „Исторія Іерусалимскихъ Патріарховъ" написанное еще много лѣтъ назадъ въ католическомъ духѣ, и оба Патріарха анаѳематствовали и сочиненіе, и автора. Нектарій написалъ цѣлое письмо, объявляя Лигарида латинскимъ еретикомъ и рекомендуя его держать взаперти, чтобы онъ не ушелъ къ своему старому господину, къ папѣ, и не выдалъ государственныхъ тайнъ. Царь сталъ хлопотать за Лигарида, какъ если бы Лигаридъ былъ низложенъ Нектаріемъ только за латинство и за неканоническое отсутствіе изъ своей Газской Митрополіи, и написалъ въ его защиту Нектарію весной 1669 г. и Патріарху Меѳодію посланія съ просьбой его простить и востановить на его каѳедрѣ. Въ іюлѣ эти письма были въ Константинополѣ, и Досиѳей, ставшій Патріархомъ послѣ отреченія Нектарія, отвѣтилъ, что востановить его на каѳедрѣ — дѣло не Константинопольскаго Патріарха, что Лигаридъ былъ низвергнутъ и анаѳематствованъ Нектаріемъ не за латинство, а за преступленія, которыя онъ по скромности не смѣетъ и назвать, что онъ далекъ отъ покаянія, но изъ уваженія къ царской просьбѣ, такъ какъ Царь пишетъ, что Лигаридъ принесъ много пользы ему и довелъ царство до добраго конца, Досиѳей готовъ вѣнчать ему преступленіе

въ добродѣтель и дать ему разрѣшительную грамоту; при чемъ прибавиль, что ждетъ милостыни отъ Царя — единственной надежды. Разрѣшительная грамота датирована октябрёмъ 1669 г. изъ Филиппополя, причёмъ Досиѳей добавиль, что онъ рекомендовалъ Нектарію и всему Собору также разрѣшить Лигарида, „какъ онъ разрѣшенъ нами за преданность самодержавнѣйшему Царю". 24 января 1670 г. Царь получилъ и показалъ Лигариду эту грамоту, чтобы онъ реабилитировалъ себя передъ русскимъ духовенствомъ, но Патріархъ Іоасафъ II не удовлетворился этимъ документомъ, какъ неполнымъ и двусмысленнымъ, а черезъ два мѣсяца Лигаридъ снова былъ запрещенъ, и уже на этотъ разъ, несмотря ни на какія усилія Царя, Досиѳей не согласился снять запрещеніе съ Лигарида, который такъ и умеръ въ 1678 г. (Каптеревъ II, 511 и 516) подъ запрещеніемъ въ Кіевѣ.

Кто былъ орудіемъ противъ Никона, и кто дѣйствительно его врагомъ. Смысль этой вражды.

Лигаридъ дѣйствовалъ, какъ платный адвокатъ. Его нравственная фізіономія и способы дѣйствій не требуютъ комментаріевъ. Онъ былъ платный наемникъ, а не дѣйствительный противникъ. Греческіе Патріархи, какъ показываетъ рассказъ объ ихъ дѣйствіяхъ въ дѣлѣ Никона, не являютъ какой либо идейной противоположности Никону: они выслуживали милостыню отъ Царя и бояръ и стали только платными орудіями въ ихъ рукахъ. Дѣйствительнымъ врагомъ Никона былъ и не Царь. Царь спрашивалъ много разъ у него благословенія уже послѣ низверженія изъ сана, какъ бы не признавая послѣдняго, посылалъ ему подарки, просилъ многократно прощенія и даже на смертномъ одрѣ испрашивалъ его, какъ у отца и блаженнаго пастыря, но не получилъ формальнаго прощенія, которое Никонъ обѣщаль дать подъ епитрахилью, но только въ случаѣ возвращенія его въ Воскресенскій монастырь. **Противникомъ этимъ были бояре, не щадившіе въ обвиненіяхъ на Никона самого Царя.** Между ними шла борьба, быть ли государству русскому Святою Русью, возглавляемой Царемъ, какъ представителемъ верховнаго политическаго принципа, и Патріархомъ, какъ представителемъ высшихъ руководящихъ нравственныхъ и церковныхъ нормъ, обязательныхъ для самого государства, или же ему быть возглавляемымъ только мірскимъ свѣтскимъ началомъ, которое можетъ всегда мѣняться въ зависимости отъ господствующихъ въ каждый данный моментъ философскихъ теченій. Этотъ вопросъ всталъ на Руси не тогда, когда Петръ занесъ

послѣдній ударъ надъ Церковью, послѣ своего законодательства о монастыряхъ и о церковной собственности, уничтоженіемъ патріаршества, а тогда, когда стояли лицомъ къ лицу двѣ силы: боярство и Никонъ; боярство достигло того, что изъ патріаршества, какъ учрежденія, была вынута живая душа. Въ какихъ бы нелѣпостяхъ ни обвиняли Никона, **онъ въ концѣ концовъ пострадалъ только за свой уходъ съ кафедры**, бывшій въ основѣ протестомъ противъ секуляризаціи государственной жизни. Послѣ него оставались титулы, формы временно безъ измѣненія, но дѣйствительной обновляющей силы они не имѣли, и Церковь постепенно переходила на положеніе государственнаго учрежденія изъ самодовлѣющаго самостоятельнаго, хотя бы и поддерживаемаго государствомъ, союза, какимъ хотѣлъ ее сдѣлать Никонъ. Бояре искали подтвержденія своимъ взглядамъ у продажныхъ Патріарховъ съ тѣмъ, чтобы авторитету Никона противопоставить авторитетъ такого же сана, а самого его не только низложить, но и низвергнуть изъ сана, чтобы онъ не могъ быть возстановленъ Царемъ, который могъ покаяться и вернуть Никона.

Подробное разсмотрѣніе вопросовъ, посланныхъ Патріархамъ на востокъ, и отвѣтовъ.

Бояре съ Лигаридомъ разработали вопросы Патріархамъ: первые пять вопросовъ, а также 10, 11, 12, 13, связаны съ взаимоотношеніемъ органовъ власти государственной и церковной; 6-й и 7-ой говорятъ объ отлученіи отъ Церкви. Вопросы 14-й—20-й посвящены вопросамъ, связаннымъ съ уходомъ Никона съ кафедры, 8, 9, 21-й, 22-й, 23-й говорятъ о судѣ надъ Патріархомъ и 24-й объ измѣненіи въ богослужебныхъ обрядахъ. Подробное ихъ разсмотрѣніе вызывается необходимостью наглядно видѣть, представляли ли отвѣты безпристрастное отвлеченное опредѣленіе каноническихъ нормъ, или же были приспособленнымъ ad hoc рѣшеніемъ представленныхъ казусовъ; причемъ надо обратить вниманіе, что факты, подлежащіе подведенію подъ нормы, не были установлены и не были выяснены какимъ-либо безпристрастнымъ судомъ, а представлены въ освѣщеніи одной обвиняющей стороны. Если налицо — второе явленіе, то отвѣты по существу непримѣнимы къ дѣлу, фактическая сторона котораго не подходитъ подъ нормы, указанныя въ отвѣтахъ, наконецъ является вопросъ, безпристрастно ли и достаточно ли ясно безъ двусмыслицъ указаны или составлены самыя нормы для суда. Подробное разъясненіе вопросовъ—отвѣтовъ сдѣлано по

Пальмеру, имѣвшему передъ собой и греческій ихъ подлинникъ и подлинный славянскій переводъ и имѣвшему черезъ это возможность установить всѣ фальсификаціи перевода, сдѣланныя явно сознательно.

Глава I отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ.

Глава I на вопросъ: „что есть Царь?“ отвѣчаетъ: „по Номоканону, глава V § 2, Царь есть правительство, управляющее по законамъ, общее благо для всѣхъ подданныхъ, дѣлающее благо кому-либо не изъ пристрастія и наказывающее не изъ антипатіи, но по заслугамъ управляемыхъ, подобно посреднику въ играхъ, распредѣляющему награды безпристрастно, и не дающее новыхъ благодѣяній однимъ въ ущербъ другимъ“. Уже самое толкованіе этого мѣста, дышетъ недовѣріемъ бояръ въ виду симпатіи Царя къ Никону, ради которой нарушается обязательный, по ихъ мнѣнію, обычай давать власть только боярамъ, а теперь Царь позволилъ себѣ оказать необычныя милости предоставленіемъ власти и титула Никону, къ униженію знати.

Именно, къ отвѣту приложено такое толкованіе: „Царь, какъ глава и вершина всѣхъ, долженъ творить благо всѣмъ подчиненнымъ ему и не давать благъ изъ пристрастія и преданности не по заслугамъ и отталкивать заслуживающихъ почести, изъ пристрастія по нерасположенію; но, какъ дѣлатель правды, оставляя въ сторонѣ всякое пристрастіе, онъ долженъ распредѣлить ихъ награды по заслугамъ и не оказывать благосклонности отдѣльнымъ лицамъ и не давать имъ какихъ либо новыхъ или необычныхъ милостей, пользуясь которыми тѣ, будучи недолжно почитаемы ко вреду другихъ, могутъ употребить ихъ къ учиненію смѣшенія и безпорядка и противопоставить своему благодѣтелю (по славянски сказано:..... необычныхъ милостей, не по достоинству получивъ **которыя, люди употребляютъ ихъ къ ущербу другихъ и для безчестія и противодѣйствія своему благодѣтелю**). Поэтому Цари не должны давать свою собственную власть другому или чего либо необычнаго путемъ предоставленія милостей“. Здѣсь упрекъ Царю, что онъ поставилъ Никона выше бояръ, какъ совѣтника Царя и какъ правителя государства, и что имъ пришлось чувствовать себя въ положеніи, подчиненномъ ему. Законъ: „Цѣль Царя есть благодѣтельствованіе своимъ подданнымъ, поэтому, онъ получаетъ титулъ благодѣтеля (benefactor) въ спеціальномъ смыслѣ; и, если онъ не выполнить этого назначенія, то

искажаетъ, по мнѣнію древнихъ, характеръ царства, Царь поэтому долженъ особо отличатся и быть извѣстенъ своимъ угожденіемъ къ Богу." (По славянски сказано: **долженъ быть поставленъ высоко, т. е. выше всѣхъ, не затѣненъ кѣмъ-либо изъ подданныхъ**; а правильный смыслъ греческаго текста означаетъ, что **Царь долженъ превосходить всѣхъ своими добродѣтелями**). Замѣтимъ, что отвѣты были написаны по гречески а съ греческаго на латинскій ихъ перевелъ для пользованія въ дѣлѣ Никона Лигаридъ, а съ латинскаго переводили ихъ другіе. Но славянскій переводъ, оказывается, всегда искажаетъ греческій текстъ такъ, чтобы выявить боярскую точку зрѣнія. Исканіе перевода касается, когда надо, не только толкованія правилъ, но и самыхъ правилъ, какъ видимъ изъ приведеннаго примѣра. Затѣмъ слѣдуетъ толкованіе: „Отсюда вытекаетъ, что Царь есть господинъ всѣмъ своимъ подданнымъ, такъ какъ всѣ повинующіеся ему получаютъ отъ него благодѣянія, и какимъ либо образомъ противляющіеся получаютъ наказаніе, хотя бы человѣкъ, сопротивляющійся ему былъ высшій предстоятель помѣстной Церкви, ибо онъ не напрасно мечъ носить, но для награды дѣлающихъ благое (а по славянски переведено: для **награды служащихъ ему хорошо, т. е. прежде всего бояръ**) и для наказанія дѣлающихъ злое. Посему и написано „Бойтесь Бога, Царя чтите" и „Молитесь за Царя".

II-я глава отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ.

Любопытно отмѣтить, что отвѣты, вмѣсто того, чтобы указать, что можетъ дѣлать Патріархъ, о сферѣ духовныхъ дѣлъ ничего не говорятъ, а говорятъ только о сферѣ гражданской и такъ формулируютъ права Царя, что трудно что либо оттуда изъять; получается впечатлѣніе неограниченной компетенціи Царя. Однако отвѣты написали лица духовныя, и не могли же они говорить такъ, какъ будто никакихъ полномочій духовной власти нѣтъ, и потому во второй главѣ Вопросовъ говорится только о дѣлахъ гражданскихъ, а именно „всѣ ли, и особенно мѣстный епископъ или Патріархъ, обязаны подчиняться и повиноваться Царю во всѣхъ **гражданскихъ** дѣлахъ такъ, чтобы могъ быть только одинъ господинъ, или не должны? Первая фальсификація славянскаго перевода была очень груба и состояла въ простомъ опущеніи слова „гражданскихъ", которое было въ греческомъ текстѣ. Это вызвало протестъ нѣкоторыхъ русскихъ епископовъ уже послѣ осужденія Никона и потомъ въ славянскомъ переводѣ было написано „въ вещахъ благоугодныхъ". (Въ славян-

скомъ переводѣ особенно отгнѣно противопоставленіе двухъ властей: „Такимъ образомъ долженъ ли быть одинъ принципъ власти или нѣтъ?“)

Славянскій переводъ хочетъ вызвать мысль о конкуренціи двухъ властей, какъ будто онѣ не имѣютъ разныхъ сферъ дѣйствія, и какъ слѣдствіе такой постановки — отвѣтъ въ цезарепапистскомъ смыслѣ. Отвѣтъ такой. „Въ 64 гл. Великаго Номоканона напечатано изъ посланія Патріарха Михаила къ императору Мануилу: „Подобаетъ почитать прежде всего Бога, а потомъ чтить Царя (въ славянскомъ переводѣ сказано: не „потомъ Царя“, а „также Царя), быть вѣрнымъ обоимъ: это законъ, который издревле поставленъ для всѣхъ людей, чтущихъ Бога“. И такъ какъ эти двѣ вещи — высшій объектъ для всякаго человѣческаго почитанія, въ тѣхъ вещахъ, къ которымъ по существу относится заповѣдь вѣрности къ нимъ (ибо что Богъ — на небѣ и во всѣхъ вещахъ и твореніяхъ, то на землѣ послѣ Бога царское величество и достоинство въ земляхъ, дѣлахъ и лицахъ подъ его господствомъ), мы считаемъ, что какъ отрицающій вѣру въ Бога изгоняется изъ собранія православныхъ, такъ нарушающій вѣрность царской власти и настроенный къ ней измѣннически и нелойально (по славянски переведено: обнаруживаетъ себя злобно и лживо), недостойнъ называться христіаниномъ, ибо носящій корону, власть и діадему есть также Христосъ или Божій помазанникъ.

Въ виду этого мы непреложно обязаны соблюдать навсегда благочестивую вѣрность (**а по славянски переведено: „истинную“**) къ нашему властителю Царю“. Исключеніе слова „благочестивую“ изъ славянскаго перевода имѣетъ въ виду не обусловливать вѣрности къ Царю его христіанскимъ образомъ дѣйствій, ибо „благочестивая“ вѣрность налагаетъ на Царя обязательства Царя православнаго, которыхъ цезарепапизмъ не хочетъ поддерживать. Въ посланіи Вселенскаго Патріарха Михаила далѣе сказано: мы соборне приказываемъ и опредѣляемъ, чтобы на будущее время всѣ подымающіеся до высоты (по славянски „достоинства“) первосвященства, то есть до патріаршества, давали то же обязательство, какъ обезпеченіе ихъ вѣрности къ властителю Царю, какъ они даютъ относительно ихъ чувствъ къ Богу“. Приводя далѣе присягу Патріарха въ вѣрности и лойальности Царю, отвѣтъ утверждаетъ, что Царь — одинъ господинъ и судья во всѣхъ политическихъ дѣлахъ, и что Патріархъ подчиненъ ему, какъ поставленному въ высшемъ достоинствѣ и отмстителю Божію. Въ славянскомъ переводѣ это именно мѣсто сначала

было искажено опущеніемъ слова „политическій“, а потомъ было переведено такъ: „отъ сихъ познавается единого Царя Государя быти и владычествующа всея вещи благоугодныя“. Русскій переводъ сдѣланъ недобросовѣстно. Въ греческомъ подлинникѣ сказано: „Βασιλέα κύριον εἶναι καὶ ἐξουσιαστὴν πάντος πολιτικοῦ πράγματος μόνον“, т. е. во всякомъ дѣлѣ государственно мірскомъ, а „не всея вещи благоугодныя“, что и неясно. Такая же неточность въ переводѣ другого мѣста. Въ подлинникѣ стоитъ: „ὑπεῖκειν καὶ ὑποτάσσεσθαι τῷ ἡγεμονεύοντι Βασιλεῖ, κατὰ πάσας τὰς πολιτικὰς ὑποθέσεις καὶ κρίσεις“, а не „по разуму и вещи благодостойной“. Последнее относится къ вопросу: „что есть Царь? Должны ли суть вси весьма, паче же мѣстный епископъ, или Патріархъ, повиноватися и послушати царствующаго Царя по **разуму и вещи благодостойной**, такъ быти ли единому началу или ни?“ Отвѣтъ говоритъ далѣе болѣе подробно, что незаконно Патріарху хотѣть или дѣлать что-либо въ политическихъ дѣлахъ вопреки рѣшенію Царя; не подобаетъ Патріарху передѣлывать и старые чины и обычаи и вводить новыя службы въ Церковь или ставить подъ вопросъ, или отмѣнять формы Св. литургіи, установленныя канонами литургіи Св. Іоанна Златоуста, Василия Великаго и Преждеосвященной. Но онъ долженъ соблюдать къ Царю вѣрность и долженъ имѣть неизмѣнное сужденіе о церковныхъ преданіяхъ и обычаяхъ и не вводитъ туда новостей. Если онъ дѣлаетъ иначе и выявляется непочтительнымъ къ Царю или церковнымъ постановленіямъ, то мы объявляемъ, что онъ теряетъ свое достоинство, такъ что далѣе не только не можетъ называться епископомъ, но и называться христіаниномъ, ибо это показываетъ, что не долженъ называться отъ Христа, что онъ беспокоитъ (по слав. „отвергаетъ и гнѣваетъ“) помазанника Божія — Царя. Такъ по смыслу свитковъ всякое неповиновеніе Царю влечетъ потерю сана, не различая дѣлъ церковныхъ и гражданскихъ, и только въ началѣ цитируемой грамоты Патріарха Михаила глухо говорится какъ будто о двухъ различныхъ сферахъ: повиновенія Богу и повиновенія Царю безъ какихъ, либо, однако, практическихъ выводовъ изъ этого и соотвѣтственныхъ указаній. Не только ничего не говорится о дѣлахъ чисто церковныхъ, требующихъ другихъ даровъ благодати, но въ дальнѣйшихъ главахъ какъ бы устраняется для церковной власти самая возможность отстаивать свои права.

III глава отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ.

Въ виду взятаго Никономъ передъ поставленіемъ на патріаршество обѣщанія слушаться въ дѣлахъ духовныхъ и позже отмѣны нѣкоторыхъ частей Уложенія, въ III главѣ поставленъ вопросъ: правильно ли, чтобы подобно тому, какъ Патріархъ даетъ письменное обѣщаніе вѣрности Царю, такъ и Патріархъ испрашивалъ бы письменное обѣщаніе Царя? Отвѣтъ усматриваетъ въ этомъ установленіе двухъ соперничающихъ принциповъ, между тѣмъ какъ въ монархіи монархъ — основа всему. „Ибо, гдѣ два принципа власти не въ подчиненіи одинъ другому, а взаимно независимые, тамъ — споръ (по-славянски вражда и скандалъ) и разрушеніе. Потому и приведены слова Спасителя, гласящія: „Всякое царство, раздѣлившееся въ себѣ самомъ, должно погибнуть". Такъ что просить объ этомъ (подразумѣвается, какъ сдѣлалъ Никонъ передъ вступленіемъ на патріаршество) есть знаменіе измѣны и не лойяльности (по славянски сказано: просить такой вещи отъ Царя есть знакъ коварства или плутовства и актъ безстыдства) и актъ тайнаго заговора противъ мира. Такой долженъ быть низвергнуть и сослать, какъ возставшій противъ царской власти (по славянски сказано: такой долженъ быть низвергнуть, какъ воюющій противъ престола царскаго). Славянскій текстъ придаетъ такому дѣянію оттѣнокъ иной: не заботы о направленіи дѣятельности Царя, а борьбы противъ основъ его власти; поэтому первосвятитель не можетъ брать обѣщаній отъ Царя.

IV-ая глава свитковъ и V-ая.

Въ IV главѣ говорится, что, если епископъ проситъ Царя разрѣшенія осуществить гражданскую власть въ своей епархіи, то это — святотатство, развѣ что самъ Царь его ставитъ тамъ управителемъ, согласно Аттالیону; V глава говоритъ о связующей силѣ царскаго закона, имѣя въ виду Уложеніе особенно съ его свѣтскимъ судомъ надъ духовенствомъ. Никто не смѣетъ противиться царскому приказу, ибо это — законъ, не можетъ противиться даже церковный глава, хотя и Патріархъ. Всякій противодѣйствующій приказу Царя долженъ быть наказанъ, какъ дѣйствующій вопреки закона. Первенство канона надъ закономъ, установленное въ лучшія времена Византіи, здѣсь похоронено, и какъ въ языческой имперіи, возглашается, *quod principi placuit legis habet vigorem*.

Х, XI и XII главы отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ.

Другіе вопросы, касающіеся соприкосновенія двухъ властей, возбуждаются въ Х, XI и XII гл. Вопросъ въ Х главѣ спрашиваетъ: позволено ли кому либо, будетъ ли то Патріархъ, Митрополитъ или Епископъ, давать самому себѣ письменно какіе либо титулы, которые угождаютъ его гордости, и повреждать титуль, данный ему канонически, или называть себя государемъ, разъ этотъ титуль принадлежитъ свѣтскимъ правителямъ? Вопросъ относительно Никона, который имѣлся въ виду, поставленъ ошибочно, ибо Никонъ не присвоилъ себѣ этотъ титуль, а получилъ отъ Царя. Но по этому поводу ведется разсужденіе о гордости, благодаря которой папа отдѣлился отъ общенія остальныхъ патріарховъ, обогатился привиллегіями; говорится, что тѣ епископы, которые ищутъ или желаютъ присвоить себѣ необычные титулы и называться государями, какъ ищущіе мірской славы и упитанные гордостью, за присвоеніе привиллегій, не данныхъ имъ святыми Соборами или Царями подлежатъ лишенію епископскаго достоинства, какъ не подражающіе кроткому Спасителю Христу, но ищущіе почитанія и титуловъ, какъ носители сатанинской гордости, подражающіе гордости сатаны, обѣщавшаго Спасителю царства земныя, въ то время, какъ они должны называться слугами и смиренными". Что иное для нихъ, какъ не низверженіе съ епископской каѳедры?" Отвѣтъ не можетъ относиться къ Никону, ибо не онъ присвоилъ себѣ титуль, да и титуль этотъ означаетъ лишь положеніе Патріарха въ государствѣ, а не какія-либо права свѣтской власти. Также неправильно имѣть въ виду Никона, обвиняя его намекомъ на присвоеніе титула Патріарха Великой, Малой и Бѣлой Россіи, который предписанъ былъ Царемъ, а не Никономъ, для многолѣтій и другихъ случаевъ, а между тѣмъ это имѣетъ въ виду вопросъ въ главѣ XI. Никонъ не осуществлялъ правъ, какъ Патріархъ Малой Россіи, а отвѣтъ говорилъ, что, если епископъ совершить посвященіе внѣ границъ своей епархіи, то низвергается вмѣстѣ съ посвященнымъ и теряетъ каѳедру, какъ нарушитель отеческихъ установленій. Обѣ эти главы поражали косвенно только Царя, а не Никона, ибо вмѣшательство въ церковное управленіе Малороссіи посредствомъ назначенія туда епископа Меоодія мѣстоблюстителемъ митрополіи Кіевской было совершено въ 1661 г., уже послѣ ухода Никона, Царемъ и его орудіемъ-митрополитомъ Питиримомъ, — вопреки запрета Никона. Что касается титула Великаго Государя, то онъ данъ самимъ Царемъ, а не присвоенъ Никономъ самовольно. Также, какъ и

только что разсмотрѣнныя главы, глава XII поражаетъ косвенно Царя. Царь жаловаль его Воскресенскій и Иверскій монастырь вотчинами, и онъ же пожаловаль владѣнія Коломенской епархіи Воскресенскому монастырю, послѣ того, какъ эти владѣнія были отобраны въ казну при перенесеніи этой епископіи въ Вятку въ 1657 году, что было сдѣлано въ результатъ соборнаго постановленія. Никонъ съ разрѣшенія Царя предпринялъ постройку своихъ монастырей.

Если Никона обвиняли въ постройкѣ монастырей безъ согласія Собора, то это исходило изъ неправильнаго толкованія 34 апостольскаго правила. Оно оканчивается такъ: „но и первый епископъ равно не можетъ ничего предпринять безъ согласія прочихъ". Подъ словомъ „ничего" надо разумѣть „ничего чрезвычайнаго", какъ это имѣетъ мѣсто и въ отношеніи епископовъ; глосса прямо и говорить: „ничего такого же (чрезвычайнаго)". А для законнаго основанія монастырей требуется только согласіе и благословеніе Епископа (IV Вс. Соб., 25, 24; VI Вс. Соб. 49; I—II Соб., I. Пальмеръ I, 94). Но теперь поставили вопросъ: можетъ ли епископъ расходовать церковные доходы на что онъ хочетъ и основывать на нихъ монастыри, или колонизировать земли. Привлекли каноны 38 ап. пр. и 25 Ант., что епископъ можетъ властно распоряжаться церковной собственностью, но ничего брать себѣ или родственникамъ; что собственность епископа и Церкви различны. Отвѣтъ рѣшаетъ, что епископъ не можетъ основывать монастыри и колонизировать страны, независяція отъ Церкви, но ему самому принадлежація. Поэтому де незаконно (I—II Соб. 7 пр.) Епископу основывать свой монастырь или дѣлать какую-нибудь перемѣну къ ущербу своей каѳедры. Это былъ намекъ на перенесеніе Никономъ домовъ и земельныхъ владѣній въ зависимость отъ Иверскаго, Крестнаго и Воскресенскаго монастырей Никонова основанія. За это отвѣтъ требоваль наказаній и требоваль новыя собственности или зависимости, созданныя Никономъ, присоединить къ епархіи въ собственность, какъ если бы не было никакого монастыря. Если монастырь въ предѣлахъ епархіи, все просто, а если за ея предѣлами, то монастырь со всѣмъ его достояніемъ долженъ быть подчиненъ той каѳедрѣ, въ которой находится, и мѣстный епископъ долженъ имѣть надъ нимъ обычныя права епископа. Всѣ мѣны имущества, пожалованія Царя, покупки Никона для своихъ монастырей дѣлались именно для монастырей, а не лично для него и были завѣщаны имъ не родственникамъ, а Московской епархіи, а потому каноны эти не подходятъ къ случаю съ Никономъ. Но эти

приобрѣтенія были вопреки духу Уложенія и, какъ свидѣтельства и память вліянія Никона, были ненавистны боярамъ и подлежали съ ихъ точки зрѣнія уничтоженію. Это былъ дѣйствительный протестъ бояръ противъ царскихъ распоряженій, ибо все это сдѣлано съ разрѣшенія Царя, и самыя богатыя пожалованія исходили именно отъ него. Держась теоріи симфоніи властей, Никонъ всегда прибѣгалъ къ содѣйствию царской власти, коль скоро вопросъ выходилъ за нѣдра Церкви. Онъ принципиально отстаивалъ свое преимущественное право назначать на духовныя должности и ставилъ выше авторитетъ Патріарха въ дѣлахъ чисто церковныхъ, хотя и въ нихъ не избѣгалъ содѣйствія свѣтской власти (участіе Царя въ церковныхъ соборахъ Никонъ даже подчеркивалъ въ своихъ вступительныхъ рѣчахъ на Соборахъ), но въ вопросахъ смѣшанныхъ онъ опредѣленно искалъ этого содѣйствія и въ защитѣ церковныхъ имуществъ опирался на царскія грамоты и на заклія, въ нихъ самими Царями помѣщенные.

Мы можемъ припомнить, что свое участіе въ государственныхъ дѣлахъ онъ именовалъ службой своей Царю, за которую и получалъ пожалованія въ видѣ земельныхъ пожалованій его монастырямъ.

ХІІІ глава свитковъ.

Онъ былъ призванъ къ тому Царемъ, и потому глава ХІІІ, гдѣ спрашивалось, можетъ ли Епископъ или Патріархъ безнаказанно становиться въ положеніе пекущагося о свѣтскихъ дѣлахъ и руководить дѣлами политическими, — также направлена была противъ Царя въ цѣляхъ ограниченія его при выборѣ въ совѣтники и регента. Забыты традиціи, ставившія Патріарха въ положеніе опекуна царскихъ дѣтей и замѣстителя государя въ его отсутствіе, забыто значеніе Патріарховъ въ смутное время по объединенію и пробужденію національнаго самосознанія, пренебреженнаго боярами при выборѣ королевича Владислава на Московскій престолъ — и всему этому противопоставленъ рядъ канонівъ, запрещающихъ епископу, какъ и всякому клирику, брать на себя мірскія попеченія, и налагающихъ низверженіе за принятіе на себя таковыхъ. Какъ выводъ изъ нихъ, ус- танавливается, что епископъ ищущій вмѣшательства въ политическія дѣла (а по славянски переведено даже: **брать руководство свѣтскими дѣлами и возвеличиваться при** руководствѣ ими) и возносящійся свѣтскими правами, подлежитъ низверженію изъ епископства какъ презритель церковнаго управленія (а по славянски: какъ не заботящійся о величій Церкви). Что каноны запрещаютъ кли-

ру всякое занятіе свѣтскими дѣлами ради корысти — это вѣрно, но чтобы признать, что они исключали помощь государству со стороны Церкви въ видѣ временнаго служенія, государствомъ испрошеннаго, да еще въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, этого запрета тамъ не видно: за это Церковь не осудила память святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, а причислила ихъ къ лику святыхъ, хотя ихъ вмѣшательство, можетъ, было глубже Никоновскаго въ государственныхъ дѣлахъ; но Никона надо было во что бы то ни стало низвергнуть изъ сана, чтобы онъ опять не оказался совѣтникомъ Царя, а потому надо собрать все, за что можно зацѣпиться, чтобы подвести его подъ какой-либо карающій канонъ, хотя бы съ искаженіемъ дѣйствительныхъ фактовъ.

Онъ совершилъ много покушеній на нововведенія въ Церкви въ смыслѣ нарушенія установившихся съ половины XV вѣка церковно-государственныхъ отношеній, и ему ставится въ вину критическое отношеніе къ нимъ, провѣрка ихъ съ точки зрѣнія канонической нормы, дѣйствительно ли такъ и подобаетъ быть, какъ сложилось. У него надо отыскать вины, и ему инкриминируется и вторичная хиротонія и отреченіе отъ каѳедры, котораго не было и истребованіе обѣщанія отъ Царя предоставить Никону канонически управлять Церковью и наложенія на себя самоограниченія, вытекающаго изъ положенія, какъ православнаго Царя (I, 583); инкриминируется Никону требованіе извѣстной самостоятельности въ церковныхъ дѣлахъ при назначеніи и поставленіи архимандритовъ, игуменовъ (II, 110, 169). Истолковывается по своему участіе Никона въ государственныхъ дѣлахъ и его мнимая гордость и честолюбіе, которыми страдалъ не онъ, а его обвинители бояре, обвинявшіе его по закону духовной жизни въ своемъ грѣхѣ, — они доказывали черезъ Лигарида и Патріарха, что онъ подлежитъ низверженію съ престола и изъ сана.

Лигаридъ и бояре не разграничивали въ вопросахъ Патріархамъ сферы церковной отъ сферы свѣтской и о сферѣ церковной ничего не сказали; ограниченіе свѣтской власти дѣлами политическими было только бѣглое указаніе безъ развитія принципа, а на ряду съ этимъ требованіе Патріарха дать обязательство повиноваться закону Бога и святымъ канонамъ разсматривалось, какъ введеніе двухъ началъ, и потому, какъ возмущеніе, достойное низложенія. Истинный двигатель всѣхъ этихъ обвиненій была боярская спѣсь. „Царь обидѣлъ насъ своимъ пристрастіемъ, показывая недолжныя милости своей дружбы отдѣльному лицу, крестьянскому сыну, давая ему необыч-

ныя почести, отдавая ему свою славу, позволяя ему затѣнить себя, давая обѣщаніе, вопреки обычая и Уложенія, признавая какъ бы дуализмъ началъ, позволяя ему пріостанавливать Уложеніе, принятое высшей властью, давая титуль, присвоенный только свѣтскимъ правителямъ, помагаю ему основывать монастыри, одаряя ихъ землями, вовлекая его въ политическія дѣла". Все это боярамъ нестерпимо и, не вникая во внутреннюю духовную суть Никоновской работы по оцерковленію государства, они его преслѣдуютъ, какъ своего врага, исповѣдующаго отвратныя для нихъ идеалы, могущіе только мѣшать ихъ власти; въ Никонѣ для нихъ непріемлемо было также и то, что онъ своей личностью восполнялъ волевою слабостью Царя, и потому, удаляя Никона, они удаляли отъ Царя того, кто помогъ бы ему справиться съ боярствомъ, справиться съ тѣмъ, что Бѣловъ въ своей цитированной книгѣ называлъ столѣтней боярской реакціей царствованію Грознаго.

Глава XIV—XX патріаршихъ свитковъ. Гл. XIV.

Но какъ бы чувствуя хрупкость нагроможденныхъ и натянутыхъ обвиненій, ему предъявляютъ обвиненіе въ отреченіи отъ каѳедры въ томъ видѣ, какъ оно установлено уже лживыми показаніями митрополита Питирима и князя Трубецкого, безъ допроса не только самого обвиняемаго, но и его сторонниковъ. Вопросы въ главахъ XIV—XX спрашиваютъ, что дѣлать за то, чего въ дѣйствительности Никонъ не сдѣлалъ, но что враги его ему приписали, и стремятся представить его не только достойнымъ низверженія изъ сана, но и заслуживающимъ наказанія отъ свѣтской власти. Въ главѣ XIV спрашивается, можетъ ли епископъ, ушедшій въ разрядъ каящихся, претендовать на осуществленіе епископскаго достоинства. Канонъ 2-й Собора Св. Софіи говоритъ, что пусть въ этомъ случаѣ онъ не ищетъ епископской чести. „Отсюда вытекаетъ, что епископъ, ушедшій послѣ оставленія престола для того, чтобы быть на покоѣ и жить въ покаяніи, не можетъ больше возвращаться на свой престолъ и искать епископской чести и лизать блевотину вслѣдствіе переменны настроенія (въ славянскомъ переводѣ особо подчеркнуто: никоимъ образомъ не можетъ претендовать на свою прежнюю каѳедру, ни возвращаться въ свою епархію, ни искать своего епископскаго достоинства, ибо это было бы похоже на пса, лижущаго то, что разъ изблевалъ по своей волѣ). Въ этой главѣ природа ухода Никона искажена. Отвѣтъ пріуроченъ къ его словамъ 10/VII 1658 въ Соборѣ о пастырѣ,

обвиняющѣмъ во всемъ себя, нѣкоторыми свидѣтелями приуроченнымъ къ его собственному уходу, но не самимъ Никономъ, который уходилъ, какъ епископъ, захвативъ съ собой епископскія одежды, и отрекался „въ особомъ смыслѣ" (V, 683), подобно Мартирію Антіохійскому, который отказался оставаться пастыремъ изъ-за непослушанія людей (IV, 133).

Глава XV свитковъ.

Глава XV ставитъ вопросъ: „если епископъ или Патріархъ, оставивъ свою кафедру безъ принужденія и публично снявъ священническія одежды говоря, что не хочетъ быть больше епископомъ или Патріархомъ и уйдя съ своей кафедры безъ вѣдома свѣтской власти, уйдетъ, чтобы быть на покоѣ, сознавая себя недостойнымъ дѣйствовать, какъ епископъ, то можетъ ли онъ вернуться послѣ къ тому, что онъ презрѣлъ и отъ чего ушелъ"? По славянски сказано въ отвѣтъ: вышесказано, что епископъ, ушедшій самъ въ мѣсто кающихся безъ насилія или принужденія гражданскихъ правителей, не можетъ претендовать на обратное занятіе кафедры и не можетъ требовать епископской чести. Ибо никто по Божественному слову, прилагающій руку къ плугу, не отнимаетъ ее обратно. Ибо плугъ есть покаяніе, черезъ которое мы пожинаемъ плоды спасенія". Отвѣтъ останавливается на томъ, что снимать одежды передъ многими и при снятіи каждой говорить: „Я не достоинъ" — не оставляетъ больше мѣста для вторичнаго облаченія въ нихъ послѣ такого сниманія". Почему такой и не можетъ быть принять обратно и искать епископскаго достоинства". По поводу этого вопроса необходимо вспомнить, что сказалъ самъ Никонъ Симеону Стрешневу (I, 21) на его вопросъ, достаточно ли отреченіе устное или должно быть письменное: Ты былъ ли въ Соборѣ? И слышалъ ли самъ отреченіе? или другіе сказали тебѣ объ этомъ?" А на судѣ Никонъ сказалъ, что его отреченіе выдуманно, и отрекался онъ въ своемъ особомъ смыслѣ, т. е. не отъ престола, а только отъ непокорнаго народа. А Лигарида (I, 23) онъ спрашивалъ: „развѣ, когда вы служите, то окончивъ литургію, не снимаете священныя одежды?... Ты говоришь, что я говорилъ, что я не достоинъ быть Патріархомъ и болѣе не Патріархъ; откуда ты это досталъ? Уходя изъ Москвы, я этого не говорилъ а свидѣтельствовалъ напрасный царскій гнѣвъ на меня передъ небомъ и землей"... А въ другомъ мѣстѣ Никонъ (I, 104), утверждаетъ, что „онъ свидѣтельствовалъ при уходѣ объ обѣтѣ Царя, о неисполненіи

этого объѣта, объ его напрасномъ гнѣвѣ, и потому ушелъ не безъ вѣдома Царя, но Царь принуждаетъ называть этотъ актъ свидѣтельства причины моего ухода отреченіемъ. Никонъ посылалъ Царю объяснительное письмо объ уходѣ, но Царь его принялъ (I, 673) и отослалъ обратно. Совершенно очевидно, что отвѣтъ дается не о дѣйствительномъ фактѣ, а на боярскую версію объ уходѣ Никона, зафиксированную Соборомъ 1660 г. подъ давленіемъ правительства.

Глава XVI свитковъ.

Глава XVI заключаетъ вопросъ что дѣлать, если послѣ фактического оставленія епископъ приглашается черезъ извѣстныхъ людей или черезъ письмо правителя, можетъ быть, даже лично имъ (послѣднее предположеніе выкинуто въ славянскомъ переводѣ), а онъ, поднявшись противъ правителя, не вернется? Отвѣтъ ссылагается на — правило „епископъ, который, будучи призванъ на Соборъ, пренебрежетъ призывомъ, развѣ что имѣются чрезвычайныя препятствія, подлежить наказанію, но, если далѣе, находясь среди множества своего народа, онъ презираетъ братскую любовь, то пусть будетъ наказанъ свѣтской властью". Отсюда ясно, что такой упорный человѣкъ не подлежитъ призыву, ибо 1) онъ пренебрегъ врученнымъ ему христіанскимъ обществомъ, 2) онъ оказалъ пренебреженіе каѳедрѣ, 3) онъ ушелъ на покаяніе и созналъ себя недостойнымъ епископскаго служенія безъ (слав.: какого либо) принужденія, 4) онъ упорствуетъ въ неповиновеніи (слав. въ нераскаянности и неповинности) и упорствуетъ, отказываясь уступить просьбамъ, приглашающимъ его обратно, хотя бы это былъ самъ государь". Однако **цитируемые каноны говорятъ объ обратномъ приглашеніи епископа со стороны Собора**, а такого приглашенія Никону и не было. О приглашеніи же со стороны государя каноны ничего не говорятъ, и это — произвольный выводъ изъ каноновъ. Между тѣмъ отвѣтъ продолжаетъ, что такой не подлежитъ обратному принятію на епископское служеніе, а долженъ быть наказанъ свѣтской властью, какъ частное лицо (слав. переводъ: какъ простой монахъ). Вотъ это — конечная цѣль отвѣтовъ — наказаніе Никона свѣтской властью для полного его обезвреженія, но совершенно ясно, что цитированное правило нисколько къ нему не относится, ибо Соборъ Никона не приглашалъ возвращаться, а приглашеніе власти свѣтской не можетъ быть сравниваемо съ приглашеніемъ со стороны Собора; кромѣ того, приглашеніе князя Трубецкого Никону 10/VII 1658 не уходитъ не

можетъ считаться за серьезное приглашеніе вернуться, и Никонъ объяснилъ причину ухода, о ликвидаціи которой не было никакого намека, несмотря на то, что онъ ждалъ еще двое сутокъ на подворьѣ въ Москвѣ.

Глава XVII свитковъ.

Глава XVII говоритъ о совершеніи епископскихъ дѣйствій и совершеніи посвященій епископомъ, ушедшимъ съ каѳедры. Отвѣтъ назначаетъ за это отлученіе и опять наказаніе отъ свѣтской власти, ибо де, если низвергается посвятившій внѣ своей епархіи, то тѣмъ болѣе тотъ, кто, совершивъ отреченіе и отъ священныхъ одеждъ, и отъ служенія, продолжаетъ простирать свои руки для передачи благодати Св. Духа, отъ служенія Которому онъ самовольно отказался. Опять рѣшается вопросъ, непримѣнимый къ Никону въ виду другой природы его ухода, которая не изслѣдовалась безпристрастно а устанавливалась съ преднамѣренной цѣлью установить безпричинность его добровольнаго оставленія и отреченія отъ каѳедры.

Глава XVIII свитковъ.

Глава XVIII задаетъ вопросъ, законно ли епископу оставить свою епархію и идти куда захочетъ безнаказанно. Отвѣтъ цитируетъ — правило „пускай епископъ не уходитъ, развѣ, что съ согласія перваго престола страны, къ которой принадлежитъ епископъ, ищущій уйти, т. е., если не получить отъ самого первосвященника спеціальную отпускную грамоту". Отвѣтъ говоритъ, что подъ спеціальной грамотой надо понимать или грамоту отъ высшаго церковнаго начальства, если есть двойное подчиненіе, или отъ того, кто первый начальникъ въ политическомъ отношеніи. Пальмеръ замѣчаетъ, что если бы Никонъ прочелъ это, то назвалъ бы это безсмыслицей или вздоромъ, и самъ онъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 610) называетъ требованіе отъ Никона спрашивать согласіе Царя на уходъ абсурдомъ. Приводя различныя глоссы и прибавляя къ нимъ свои толкованія, въ которыхъ проводится мысль, что для ухода необходимо согласіе или перваго въ церковномъ отношеніи, или перваго въ гражданскомъ, славянскій переводъ старается опредѣлить понятіе ухода возможно уже: уходъ съ каѳедры на лицо уже тогда де, когда епископъ оставилъ свою соборную церковь, даже если онъ продолжаетъ находиться въ предѣлахъ своей епархіи, Сами же глоссы, цитируемыя въ свиткахъ, не говорятъ этого и уходъ не опредѣляютъ такъ рѣшительно. Цитируемое правило говорить: „Святому Собору угодно, чтобы почиталось незакон-

нымъ для епископа, оставляя свою каѳедру, уходить въ какую либо церковь въ діѳцезѣ". Славянскій же переводъ говоритъ не о діѳцезѣ, а „внутри своей епархіи", что не соотвѣтствуетъ греческому слову „діѳцезъ" — термину цитируемыхъ глоссъ, но зато позволяетъ примѣнить канонъ къ Никону, живущему въ Воскресенскомъ монастырѣ внутри своей епархіи, тогда какъ **канонъ разумѣль подѣ уходомъ уходъ за предѣлы епархіи, но въ одномъ округѣ (діѳцезѣ).** Также глосса Зонары говоритъ: „Епископъ по справедливости и по точности божественныхъ каноновъ долженъ жить въ своей собственной епархіи и учить народъ и управлять имъ, и не оставлять своей собственной каѳедры, т. е. предполагаю я, свой первоначальный престолъ". Славянскій переводъ говоритъ о начальнѣйшихъ престолахъ, имѣя въ виду примѣнить это понятіе къ епископской каѳедрѣ въ его главномъ Соборѣ Успенскомъ, какъ отличномъ отъ тѣхъ каѳедръ, которыя онъ имѣетъ въ каждомъ Соборѣ и Церкви своей епархіи. Славянскій или латинскій изказитель перевода просто выпустилъ „я предполагаю, свой первоначальный престолъ" и замѣнилъ рѣшительно словами „свою соборную церковь. Такое же искаженіе допускаетъ славянскій переводъ при опредѣленіи наказаній. Такъ переводъ въ посланіи Св. Кирилла къ Домну слова: „если кто отрекся отъ престола и оставилъ стадо врученное ему, тому несправедливо претендовать послѣ этого на служеніе" сдѣланъ такъ: „тому непозволительно послѣ совершать литургію", т. е. переводъ не только лишаетъ ушедшаго каѳедры, но и священнослуженія, потому что считалось опаснымъ оставить Никона только безъ каѳедры, но въ санѣ.

Отвѣтъ считаетъ, что на основаніи 16 пр. Двукрат. Собора безумно думать, что епископъ можетъ отречься отъ епископства и удерживать священство, ибо это правило устанавливаетъ, что „кто отсутствуетъ больше 6 мѣсяцевъ изъ своей епархіи, не будучи удержанъ благодостойнымъ препятствіемъ, теряетъ епископство и священство". Насколько же больше совершаетъ преступленіе тотъ, кто отрекся отъ епископства и презрѣлъ заботу о стадѣ, оставивъ его волкамъ; какъ же ему давать право на священство?" Но дѣло въ томъ, что этотъ канонъ даетъ возможность епископу отсутствовать изъ епархіи до 6 мѣсяцевъ по всякой причинѣ, хотя бы для отдыха, но больше онъ можетъ оставаться въ отсутствіи, только если есть на это уважительныя причины, на примѣръ болѣзнь, приказъ Царя или Патріарха. Затѣмъ изъ канона слова: „Если епископъ, не заботится

о пастырствѣ надъ своимъ стадомъ," выпущены въ цитатѣ, а между тѣмъ въ нихъ все дѣло, ибо именно истинная забота о стадѣ и недопущеніе свѣтскаго правительства до дѣлъ, принадлежащихъ архипастырству, и вынудила Никона уйти. Вторая часть канона такъ и говоритъ: „Если какой либо епископъ, не заботится о пастырствѣ надъ своимъ стадомъ, но уходитъ и остается внѣ своей епархіи больше 6 мѣсяцевъ, не будучи удержанъ болѣзною или приказомъ Царя и Патріарха, то пусть будетъ лишенъ епископскаго ранга и чести". Первая часть каноновъ совсѣмъ не подходила для цѣлей отвѣтовъ и потому не цитировалась вовсе, а она гласила: „Ни подъ какимъ видомъ нельзя замѣщать епископскую кафедру, епископъ которой живъ; ибо необходимо чтобы было обвиненіе въ какомъ либо достаточномъ преступленіи, которое было бы доказано противъ того, кого хотятъ удалить съ кафедры, и только тогда, когда онъ низложенъ, можно ставить другого". (IV, 611 прим.). „Имя епископа, говоритъ отвѣтъ, есть выраженіе дѣйствія и энергіи. И кто сбросилъ съ себя энергію, тотъ потерялъ и Церковь. Не будучи способнымъ называться епископомъ, какъ можетъ онъ претендовать на священство? Какъ онъ будетъ называться іерархомъ, если не имѣетъ подъ собой духовенства и не является правителемъ священниковъ? И, если имя іерарха ему не принадлежитъ, то еще меньше можетъ принадлежать активное выраженіе этой іерархіи. (Славянскій переводъ говоритъ рѣшительно: „вслѣдствіе этого еще менѣе онъ можетъ быть компетентнымъ на осуществленіе священства). Наконецъ отвѣтъ хочетъ ослабить прецедентъ, бывшій на III Вселенскомъ Соборѣ, когда епископъ Памфілійскій Евстафій, изъ за трудности епископскаго служенія, оставилъ престолъ, но получилъ разрѣшеніе отъ Собора по своей просьбѣ удержать имя епископа и честь и пріобщеніе по епископскому чину внутри алтаря. Правило утверждаетъ, что Соборъ поступилъ не канонически, а по экономіи изъ необычнаго снисхожденія, и что все же Евстафій не могъ, будто бы, ни служить самъ, ни посвящать, и поэтому отвѣтъ заключалъ; „отрекшійся отъ своей епархіи лишается и чести и осуществленія епископскаго служенія въ соотвѣтствіи съ канонами." А славянскій переводъ говоритъ: „заслуженно и канонически."

Глава XIX свитковъ.

Глава XIX спрашиваетъ, что дѣлать, если епископъ, оставляя свою кафедральную Церковь, остается въ своей епархіи дольше

6 мѣсяцевъ. Отвѣтъ почитаетъ это даже большимъ преступленіемъ и заслуживающимъ лишенія епископской чести, даже большого наказанія, чѣмъ остав

[В оригинале отсутствует стр. 101. — *Оцифровщик.*]

сти, по крайней мѣрѣ во всѣхъ церковныхъ вопросахъ, когда на лицо духовная опасность согласно со словомъ: Тотъ кто мягокъ въ другихъ случаяхъ, когда онъ знаетъ, что Богъ обиженъ, онъ становится по истинѣ воиномъ.

Глава VII говоритъ о возможности для обвиняемаго апеллировать къ Константинопольскому Патріарху, судъ котораго, при согласіи рѣшенія его съ рѣшеніями другихъ патріарховъ, является окончательнымъ. Казалось бы, объ этомъ больше нѣтъ надобности и говорить, но помѣщается двусмысленная глава XXII, допускающая мысль, что судъ уже совершенъ самими свитками, подписанными патріархами.

Глава XXII содержитъ вопросъ о послѣдствіяхъ, если Патріархъ отвергаетъ судъ своихъ епископовъ. Отвѣтъ говоритъ: „судъ, (по славянски вставлено слово „уже“) высказанный письменно Вселенской кафедрой и другими патріархами, согласно канонамъ долженъ имѣть силу противъ него безъ всякаго предлога къ дальнѣйшему спору въ дѣлѣ. Вставленное слово „уже“ какъ бы намекаетъ, что этотъ документъ при надобности можетъ быть использованъ какъ окончательное рѣшеніе, составленное заранее, какъ и было сдѣлано на Соборѣ 1666 г. Однако греческій текстъ ясно предполагаетъ, что, въ случаѣ апелляціи, патріархи обязаны разбирать дѣло прежде окончательнаго рѣшенія, т. е. вызвать и въ апелляціонную инстанцію обвиняемаго и допросить его лично. Такъ какъ суда Константинопольскаго Патріарха надъ Никономъ не было еще, то и приговоръ его не имѣлъ окончательнаго характера и не могъ быть приводимъ въ исполненіе. Къ тому же Никонъ никогда и не читалъ и не слушалъ патріаршихъ свитковъ, ибо они были прочитаны на судѣ въ томъ засѣданіи, въ которомъ его не было, именно 30/XI, а потому не могъ отвѣтить на нихъ самъ, (Каптеревъ II, 336) и подлиннаго допроса его на судѣ произведено не было по всѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ обвинялся въ этихъ свиткахъ. Между тѣмъ судъ этотъ почитался окончательнымъ. Глава XXIII о числѣ судящихъ епископовъ допускаетъ ихъ въ числѣ меньшемъ, чѣмъ 12, если обѣ стороны выбираютъ третейскаго судью, и тогда исключается апелляція. Такимъ образомъ допускалось, въ случаѣ ссылокъ Никона на недѣйствительность суда,

возразить ему, что онъ самъ согласился на судъ Восточныхъ Патріарховъ, относительно же участія Константинопольскаго Патріарха, онъ былъ обманутъ патріархами во время суда указаніемъ на свитки, какъ будто свитки произносили судъ надъ самимъ Никономъ, а не были только отвлеченнымъ разсужденіемъ о нѣкоемъ епископѣ, совершившимъ то, что разсказывали бояре и Лигаридъ, а не то, что было бы доказано судебнымъ разбирательствомъ.

Глава VI свитковъ.

Глава VI старается опорочить отлученіе на Питирима, Стрешнева, Сытина и Боборыкина, спрашивая, конечно, въ общей формѣ, можетъ ли духовное лицо какого бы то ни было чина отлучать кого захочетъ въ личныхъ дѣлахъ, и связаны ли отлученные такимъ образомъ передъ Богомъ? И подвергается ли неразумно отлучающій церковному наказанію? (Славянскій переводъ говоритъ: отлучающій безъ истиннаго каноническаго суда). Отвѣтъ приводитъ каноны, налагающіе наказаніе за неразумное, поспѣшное и необдуманное отлученіе. Говорится, что власть связывать и разрѣшать дана священникамъ не для того, чтобы это дѣлать по собственному усмотрѣнію, а только такъ, чтобы это угодно было Богу, что можно налагать наказанія за причины, установленныя канонами. Епископъ, совершающій неразумное отлученіе, самъ навлекаетъ тѣмъ самымъ на себя обратное отлученіе. А далѣе обнаруживается истинная движущая боярская пружина, создавшая отвѣты, совершенно не церковнаго характера. „Если не дано разрѣшенія на неразумное проклятiе или отлученіе обыкновеннаго лица, то тѣмъ болѣе запрещено оно по отношенію къ правителю, и къ тѣмъ, которымъ вручена отъ Бога власть правленія". Въ славянскомъ же переводѣ просто сказано, „къ высокопоставленнымъ лицамъ", т. е. боярамъ и епископамъ. По поводу этихъ отлученій можно сказать, что для нихъ Никонъ долженъ былъ по силѣ 34 ап. пр. собирать Соборъ, но на это онъ не имѣлъ никакой возможности, какъ потому, что самъ онъ былъ насильственно разобщенъ отъ архіереевъ, такъ и потому, что всѣ архіереи пошли по челоуѣкоугодничеству за поставленнымъ Царемъ, независимо отъ Патріарха, мѣстоблюстителемъ Митрополитомъ Питиримомъ, подчинились послѣднему, выйдя изъ каноническаго строя. Никонъ жаловался Константинопольскому Патріарху, что Царь вмѣшивается въ церковныя дѣла: „онъ анаѳематствуетъ за кощунство Стрешнева, а

Царь приказалъ не считаться съ этимъ отлученіемъ и почитать его по прежнему". (IV, 411).

XXIV Глава свитковъ.

Глава XXIV спрашиваетъ, можетъ ли епископъ или Патріархъ дѣлать нововведенія и вводить въ свою Церковь необычныя службы или обрядовые обычаи и передѣлывать установленныя литургіи. Отвѣтъ говоритъ, что тотъ, кто дѣлаетъ такія вещи одной своей властью, особенно, если онъ портитъ установленное святыми людьми и признанное святыми отцами и утвержденное давностью, вводитъ свое, тотъ подлежитъ низложенію, (Славянскій переводъ добавляетъ и низверженію изъ сана), какъ дѣлатель смуты, и подлежитъ анаѣмѣ вмѣстѣ со своими нововведеніями. Это положеніе подтверждается ссылкой на Апостола Павла:

„Если кто будетъ проповѣдывать вамъ иначе, то, хотя бы это былъ ангелъ съ неба, анаѣма да будетъ". Вѣроятно, этотъ отвѣтъ призванъ былъ къ примѣненію на тотъ случай, если бы обвиненія, раньше приведенныя, не привели бы къ желанной цѣли; тогда можно было бы подвергнуть разбору всѣ церковныя обрядовыя реформы Никона и въ нихъ найти что либо, не утвержденное Соборомъ. Соборъ 1666 г. изъ всѣхъ нововведеній Никона въ церковныхъ дѣлахъ не утвердилъ лишь его указаніе совершать обряды водоосвященія по случаю крещенія Господня лишь одинъ разъ 5 января, а также осудилъ его мѣру, состоявшую въ запрещеніи причащать разбойниковъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія. Мѣру эту Никонъ объявилъ какъ средство борьбы съ разбоемъ, еще въ началѣ патріаршества, надѣясь воздѣйствовать на совѣсть.

Глава XXV свитковъ.

Глава XXV имѣетъ въ виду случай побитія окольными Хитрово 4 іюля 1658 г. посланнаго Никономъ во дворецъ своего человека князя Мещерскаго и, въ виду обиды Никона на отсутствіе наказанія Хитрово за эту обиду, спрашиваетъ: если кто побьетъ слугу епископа, или митрополита, или Патріарха, то оскорбленіе переходитъ ли на его господина? (Пославянски прибавлено: „или нѣтъ", какъ бы наталикая на второй отвѣтъ) и можетъ ли онъ самъ судить обиду или предоставить это свѣтскому суду. Отвѣтъ говоритъ, что не всякая обида переходитъ на господина, а только та, которая ясно имѣла въ виду его. Но, если слуга учиняетъ безпорядокъ и получилъ оскорбленіе или побитіе для приведенія его къ порядку (а въ славянскомъ

переводѣ оказано „побить и выруганъ безчестящими словами главными боярами Царя“) тѣми, которые поставлены для исполненія царскихъ приказовъ, то это оскорбленіе остается на учинившемъ безпорядокъ и не переходитъ на его господина. Если послѣдній недоволенъ, то можетъ обратиться къ гражданскому суду. Но, если онъ самъ вынесетъ рѣшеніе, то, какъ презритель высшаго суда, за попытку безпорядкомъ исправить безпорядокъ, подлежить наказанію безъ извиненія". Такъ самъ Никонъ, не получившій удовлетворенія за побитіе его посланнаго за дѣломъ, оказывается еще и виновнымъ, хотя онъ предупреждалъ, что, если Царь не дастъ удовлетворенія его человѣку въ свѣтскомъ судѣ, то онъ накажетъ по церковному побившаго. Въ заключеніе отвѣты говорятъ, что таково общее соборное рѣшеніе, что епископа, къ которому относятся эти вопросы, согласно отвѣтамъ на нихъ, должно наказать безъ всякаго опасенія совершить этимъ неправду.

Но свитки патріаршіе совершенно ничего не говорятъ, виновно или невиновно во всѣхъ перечисленныхъ дѣянiяхъ лицо которое имѣлось въ виду при составленіи вопросовъ; **о наличiи самой вины свитки ничего не говорили.**Наличность вины рѣшилъ судъ до появленія Никона.

Вопросъ о наличности вины Никона рѣшается 30/XI 1666 г. въ его отсутствіе.

Именно 30/XI, пока посланные за Никономъ ѣздили въ Воскресенскій монастырь, собравшіеся у государя, какъ описываетъ и Каптеревъ (II, 336), въ столовой избѣ Патріархи и другіе стали слушать чтеніе свитка, заключавшаго въ себѣ отвѣты четырехъ Патріарховъ на царскіе вопросы, ранѣе (29/V, 1664 г.) привезенные съ востока грекомъ іеродіакономъ Мелетіемъ. По прочтеніи свитка Патріархи признали заключающіеся въ немъ отвѣты Патріарховъ подлинными и въ то же время обратились ко всѣмъ присутствовавшимъ съ вопросомъ: „на основаніи прочитаннаго свитка, виновенъ ли Никонъ въ безпричинномъ и произвольномъ оставленіи имъ патріаршей каѳедры?" На этотъ вопросъ всѣ присутствовавшіе на Соборѣ архіереи и духовныя лица, а также бояре, окольничьи и думные люди отмѣчали, что по патріаршимъ свиткамъ „бывшій Никонъ Патріархъ повиненъ во всемъ и отъ патріаршества имѣетъ быть отлученъ. Никто не обратилъ вниманія и на то обстоятельство, что извѣстіе о невѣрномъ переводѣ свитка достигали Востока. Отъ 21 января 1665 г. архидіаконъ Досиѣй (будущій Патріархъ и помощ-

никъ русскаго правительства на востокѣ) писалъ Лигариду по порученію Патріарха Нектарія, что Патріархъ узналъ, что въ Москвѣ патріаршіе свитки переводятся невѣрно, и, если онъ — Нектарій пріѣдетъ въ Москву, то строго взыщетъ за то, и потому Досиѳей совѣтывалъ Лигариду быть осторожнѣе и стоять за умиротвореніе Церкви, „зане возвѣстися намъ, яко твоя святыня могій соблазномъ вредити, не глаголеши о мирѣ" (Гюб. II, гл. VIII).

Такъ еще до соборнаго суда надъ Никономъ, дѣло его уже рѣшено было окончательно на предсоборныхъ собраніяхъ, на которыхъ Патріархи, архіереи и весь освященный Соборъ, т. е. все остальное духовенство, а также бояре, окольные и думные люди, признали Никона во всемъ виновнымъ и отлученнымъ отъ патріаршества. Послѣ этого самый Соборный судъ надъ Никономъ по существу дѣла былъ только простой формальностью и не могъ имѣть вліянія на исходъ предрѣшеннаго суда.

О троекратномъ приглашеніи Никона на судъ.

Любопытно отмѣтить, какъ выполнено было требуемое канономъ троекратное приглашеніе Никона на судъ, безъ котораго нѣтъ на лицо каноническаго суда. Этотъ моментъ очень характеренъ и подробно выясненъ Гюббенетомъ.

Въ засѣданіи 28 ноября патріархи заявляютъ, что надо позвать Никона, чтобы онъ далъ отчетъ о самовольномъ отшествіи изъ Москвы и о другихъ церковныхъ винахъ. Немедленно послали къ Никону Псковскаго архіепископа Арсенія, архимандрита Спасскаго монастыря Сергія и архимандрита Спасскаго Евфиміевскаго монастыря Павла. Они донесли 29 числа, что Никонъ отвѣтилъ имъ: „Я де поставленія святительства и престоль патріаршій имѣю не отъ Александрійскаго, не отъ Антіохійскаго, но отъ Константинопольскаго, а если де Александрійскій и Антіохійскій Патріархи по соглашеніи съ Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ пришли въ царствующій градъ Москву для духовныхъ вещей, и какъ де онъ соберется и въ царствующій градъ Москву прідетъ для духовныхъ вещей извѣстій ради, а собранію своему и поѣздкѣ къ Москвѣ времени не объявилъ". Согласія правящаго въ данное время Константинопольскаго Патріарха Парѳенія не могло быть уже потому, что онъ принималъ участіе съ султаномъ въ низверженіи обоихъ патріарховъ за ихъ поѣздку въ Москву (V, 712 пр.) Никонъ тотчасъ началъ собираться въ путь, служилъ всенощную, на другой день служилъ свою

последнюю литургию, исповѣдывался причащался и масломъ освящался, какъ бы передъ смертью, говорилъ прощальную проповѣдь братіи монастыря и днемъ 30 ноября тронулся въ путь. Но отвѣтъ его въ Москвѣ рѣшили истолковать, какъ отказъ явиться немедленно на Соборъ, и въ засѣданіи 30 ноября рѣшили еще два раза послать за нимъ, какъ требуется канонъ, но, не дождавшись его приѣзда, **въ тотъ же день прочли свитокъ** и рѣшили безъ его допроса примѣнить его къ нему. Эти вторичныя посольства Никонъ встрѣчалъ уже на половинѣ дороги въ Москву на протяженіи какого-нибудь часа или получаса времени между ними; причемъ одно изъ нихъ задержало его въ виду того, что имѣлась инструкція доставить его къ 3 декабря. Нарочно посланный въ Москву вернулся и разрѣшилъ ѣхать тотчасъ, такъ что Никонъ приѣхалъ въ Москву въ 12 часу ночи 30 ноября. Но очевидно въ Москвѣ не интересовались его скорѣйшимъ приѣздомъ, если давали распоряженія доставить его къ 3 декабря, а сами уже 30/XI прочли основной свитокъ, который былъ одновременно и обвинительнымъ актомъ и окончательнымъ вердиктомъ; на слѣдующихъ засѣданіяхъ уже не возвращались къ нему и указывали на него Никону только, какъ на доказательство существующаго будто бы согласія съ Константинопольскимъ Патріархомъ.

Ложное заявленіе Патріарховъ о наличіи у нихъ согласія Константинопольскаго и Іерусалимскаго Патріарховъ.

У Гюббенета написано: „И святѣйшіе вселенскіе киръ Паисій Папа и Патріархъ Александрійскій и киръ Макарій Патріархъ Антиохійскій бывшему Патріарху Никону говорили, что у нихъ совѣтъ и согласіе рукъ святѣйшихъ вселенскихъ Патріархъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго съ ними есть и указали на свитки". Къ этому они были вынуждены вопросомъ Никона: „Есть ли де у васъ, Святѣйшихъ Патріарховъ, совѣтъ и согласіе съ вселенскими Патріархами, что его Патріарха Никона судить; а безъ ихъ де совѣта онъ, бывшій Патріархъ, имъ отвѣчать не будетъ, потому что де хиротонисанъ онъ на патріаршій престолъ отъ святѣйшаго Константинопольскаго, а будетъ де у нихъ, Святыхъ Патріарховъ, совѣтъ и согласіе есть съ Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ, что его судить, и онъ де отвѣтъ передъ ними давать готовъ. Но Патріархи солгали: свитки не были сужденіемъ о Никоновскомъ дѣлѣ, а отвлеченнымъ, независимо отъ конкретнаго лица обвиняемаго, разсужденіемъ о дѣяніяхъ, описанныхъ и освѣщенныхъ Никоновски-

ми врагами. Въ виду самага наличія, кромѣ свитковъ, особаго посланія Патріарха Нектарія къ Царю, гдѣ онъ просто рекомендуетъ Царю позвать Никона обратно, возникаетъ вопросъ, почему здѣсь высказаны разныя мнѣнія.

Чѣмъ руководствовались Патріархи въ сужденіи о дѣлѣ Никона.

Пальмеръ замѣчаетъ (IV, 502): „Письмо Нектарія показываетъ, что Патріархи въ глубинѣ своей совѣсти понимали, что положеніе Никона — плодъ ненависти могущественныхъ его враговъ, но они не рѣшались высказать свои думы. Ихъ собственныя несчастныя условія принуждали ихъ быть на сторожѣ. Царю они довѣряли, и желали сказать ему правду, но боярь они боялись (имъ нуженъ былъ доступъ къ Царю ради милостей), и дали имъ неясные отвѣты, которые уже въ латинскомъ и славянскомъ переводѣ были еще больше заострены противъ Никона.

Искусственныя мѣры, принятыя правительствомъ о дѣлѣ Никона по правительственнымъ источникамъ.

Было все это проведено черезъ того Лигарида, которому бояре за его консультацію и работу въ дѣлѣ противъ Никона прощали самыя безсовѣстныя дѣла, а не только куреніе табака, которое едва было прощено Никономъ Мирскому митрополиту и то только лично ему, а не лицамъ его сопровождавшимъ (II, 528 прим.). Этотъ же Лигаридъ былъ призванъ освѣтить дѣло Никона пріѣхавшимъ двумъ Патріархамъ, отъ которыхъ были отдалены всякія другія вліянія. Пока они ѣхали отъ Астрахани, ихъ сопровождали изъ Москвы присланные лица, и они не допускали никого къ нимъ безъ разрѣшенія Московскаго правительства, чтобы къ нимъ не проникли сторонники Никона и сами эти особо присланные лица, а также митрополитъ Астраханскій Іосифъ (грамота напечатана среди документовъ у Пальмера III, 402) имѣли запрещеніе говорить съ ними по этому дѣлу. **Бесѣда съ Царемъ, богатые отъ него подарки должны были додѣлать остальное.** Съ Никономъ же первая встрѣча состоялась въ засѣданіи 1 декабря, когда наканунѣ дѣло было по существу уже рѣшено. Чтобы патріархи рѣшили дѣло, какъ надо было правительству, для этого былъ поставленъ Лигаридъ, который стремился воздѣйствовать на ихъ іерархическое самолюбіе. Въ докладной запискѣ Лигарида Патріархамъ, Никонъ обвинялся въ томъ, что „онъ дерзнулъ поставить свой тронъ выше другихъ Патріарховъ, сталъ поражать благодѣтелей своихъ и терзать, подобно ехиднѣ, родную мать

свою Церковь. Но Тотъ, Кто смиряетъ надменныхъ, развѣяль, какъ паутину, замысль его именоваться Патріархомъ и Папою, (?) нарушая должное почтеніе къ истинному Папѣ и Патріарху Александрійскому, которому принадлежитъ этотъ титулъ искони и понынѣ канонически... И Іерусалимскаго Патріарха оскорбилъ онъ, наименовавъ себя Патріархомъ Новаго Іерусалима, ибо онъ безстыдно и невѣжественно назвалъ новую обитель свою Новымъ Іерусалимомъ, забывая, что Софроній раздѣляетъ Іерусалимъ на древній христубійственный и новый — порождающій благочестіе. Никонъ хотѣлъ подчинить себѣ и Антіохійскій престолъ (?), гдѣ впервые послышалось названіе христіанъ, стараясь обманчивой подписью (?) стать третьепрестольнымъ. Онъ обидѣлъ вселенскій тронъ захватомъ престола Кіевскаго сего первопрестольнаго града равноапостольнаго Владиміра, желая, чтобы его торжественно поминали такъ: Божіей милостью Никонъ архіепископъ Московскій и Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Патріархъ. Онъ придумалъ, что, такъ какъ Александрія вслѣдствіе обстоятельствъ опустѣла и не служитъ болѣе жилищемъ Патріархамъ, и Антіохія тоже распалась, то Патріархи Александрійскій и Антіохійскій незаконно именуются Патріархами. Такимъ образомъ онъ по іудейски прикрѣпляетъ власть къ мѣсту, но благодать Духа не ограничивается мѣстомъ, но всюду свободно расширяется. „Затѣмъ Лигаридъ изобразилъ его" церковнымъ новаторомъ, поколебавшимъ и древнее церковное преданіе, что Никонъ былъ рукоположенъ дважды и потому и не есть законный Патріархъ". Даже Каптеревъ, вообще настроенный противъ Никона и воспринявшій его личную характеристику отъ Лигарида и Соловьева, говоритъ, что докладная записка Лигарида, имѣвшая въ виду предварительно ознакомить Патріарховъ съ дѣломъ Никона, составлена была крайне тенденціозно, и рассчитана на то, чтобы заранѣе настроить и вооружить Патріарховъ противъ Никона, показать въ немъ ихъ личнаго врага, покушавшагося отнять у нихъ ихъ достоинство и честь, при чемъ Лигаридъ не поскупился относительно Никона и на разныя выдумки и очевидныя несправедливости. Для того, — кто читалъ наши цитаты изъ Никоновскаго „Раззоренія" о власти и сравнительной чести Патріарховъ, совершенно ясно, что всѣ эти обвиненія — **сплошная клевета, но клевета, сдѣлавшая свое дѣло и возстановившая Патріарховъ противъ Никона.**

Въ чемъ обвиняли Никона на судѣ?

На судѣ не было вовсе рѣчи о тѣхъ обвиненіяхъ въ отношеніи дѣйствій Никона къ гражданской власти, какъ будто они не имѣли никакого значенія; очевидно ихъ считали слабымъ пунктомъ обвиненій и обвиняли Никона сначала въ уходѣ съ кафедры, не принимая во вниманіе заявленій самого Никона, а потомъ читалось перехваченное письмо его къ Константинопольскому Патріарху Діонисію, написанное въ декабрѣ 1665 г., въ которомъ описывалась исторія Никоновскаго возвышенія и паденія; чтеніе его прерывалось обсужденіями отдѣльных мѣстъ, и такимъ образомъ передъ нами не было систематическаго обвиненія по тѣмъ пунктамъ, которые ставили вопросы восточнымъ Патріархамъ; вовсе не подумали о томъ, чтобы наказаніе, предусмотрѣнное тамъ и заключающееся въ низложеніи съ престола, низверженіи изъ сана и ссылкѣ, оказалось примѣненнымъ къ самому Никону. Этого и не нужно было, ибо еще 30 ноября всѣ архіереи и бояре огульно заявили, что Никонъ повиненъ во всемъ.

Какъ разъ въ этотъ день Никонъ, по словамъ иподіакона Шушерина, повезъ съ собой въ Москву свое „Раззореніе“, которое было написано имъ въ 1664 г. Мнѣніе о времени писанія „Раззоренія“ опредѣляется тѣмъ, что въ немъ упомянуто объ изданіи Библіи на фронтисписѣ, вышедшемъ только 12 декабря 1663 г.; а въ январѣ 1665 г. произошли переговоры Никона съ Соборомъ объ условіяхъ отреченія его отъ патріаршества, изъ которыхъ видно, что Соборъ почиталъ его не отрекшимся отъ патріаршаго престола; если бы Никонъ писалъ „Раззоренія“ въ 1665 г., онъ объ этомъ конечно упомянулъ бы, и ему не зачѣмъ было бы подробно доказывать, что онъ не отрекался отъ престола. Самое это „Раззореніе“ не было представлено Никономъ на судѣ, и ясно, что не было предметомъ сужденій, ибо въ противномъ случаѣ многія рѣзкости Никона были бы поставлены ему въ вину, а съ другой стороны были бы въ дѣлѣ слѣды спора съ нимъ по существу о принципахъ царской власти. Говорили же на судѣ только объ уходѣ Никона съ престола, но, если остановиться на этомъ одномъ пунктѣ, который только и разбирали на судѣ хоть сколько-нибудь, то и тогда ясно будетъ необоснованность суда; что касается обвиненій во введеніи новыхъ обычаевъ въ церковно-государственныхъ отношеніяхъ, о которыхъ говорили главы I—V и X—XIII вопросовъ Патріархамъ, то въ этомъ отношеніи никакихъ обвиненій Никону не было поставлено. Любопытно посмотрѣть, дос-

таточно ли объективно постановили Патріархи наказанія за уходъ въ видѣ низверженія съ престола, лишенія сана и наказанія еще отъ свѣтской власти.

Практика Константинопольской Церкви въ отношеніи Іерарховъ, покинувшихъ кафедру.

Посмотримъ, какова была практика Константинопольской Церкви и наиболѣе извѣстные въ исторіи случаи оставленія кафедръ. Въ Константинополѣ послѣ убійства Парфенія II въ 1650 г. былъ нѣкоторое время Патріархомъ Іоаникій, затѣмъ Кириллъ Коза, но его не приняли, и, такъ какъ онъ не смогъ собрать денегъ визирю и свитѣ его, то былъ низложенъ и на его мѣсто поставленъ Аѳанасій Пательяръ, пріѣзжавшій въ Россію въ 1653 г., ранѣе бывший Салоникскимъ митрополитомъ, а потомъ Патріархомъ по низверженіи Кирилла Лукариса; онъ былъ опять низложенъ и получилъ отъ Молдавскаго бея Церковь и монастырь въ Яссахъ. Потомъ онъ безъ позволенія бея пришелъ въ Константинополь и сдѣлался Патріархомъ на мѣсто Кирилла Козы; онъ оставался Патріархомъ 15 дней и былъ низложенъ; вернувшись въ Молдавію, онъ нашелъ Церковь свою переданной другимъ и уѣхалъ въ началѣ 1653 г. въ Москву и умеръ въ Лубнахъ на Пасхѣ 1654 г. Послѣ Аѳанасія духовенство и епископы избрали Паисія, заставивъ его продать Ларисскую кафедру (этотъ Паисій въ концѣ 1654 г. посылалъ отвѣты Никону въ Москву о церковныхъ обрядахъ); послѣ него въ 1655 г. былъ Парфеній III, повѣщенный 25 марта 1657 г., затѣмъ былъ Діонисій до зимы 1665 г., Парфеній IV до 1668 г., затѣмъ Меѳодій и затѣмъ Парфеній IV и Меѳодій смѣняють другъ друга нѣсколько разъ.

Такъ и въ Іерусалимѣ послѣ смерти Паисія въ 1660 году вступилъ Нектарій, который въ 1668 г. отрекся, и его замѣнилъ Досиѳей. Изъ этой смѣны Патріарховъ и ихъ обратнаго возвращенія **видно, что самъ по себѣ фактъ оставленія патріаршества не считался какимъ либо преступленіемъ и, если въ Константинополѣ онъ вызывался условіями турецкой неволи, то въ Москвѣ могъ вызываться другими условіями.**

Обсужденіе Никоновскаго ухода на Соборѣ между 16 февр. и 23 апр. 1666 г.

Самъ по себѣ онъ вовсе не заслуживалъ кары, какъ то видно изъ историческихъ примѣровъ Соборъ русскихъ епископовъ, обсуждавшій вопросъ объ уходѣ Никона между 16 февр. и 23 апр. 1666 года, т. е. до того времени, когда начался судъ надъ старообряд-

цами, не исходилъ даже изъ того положенія, что Никонъ отрекся, и обсуждалъ вопросъ и на тотъ случай, если допустить, что Никонъ не отрекался, но ушелъ безъ необходимости, не испросивъ согласія Собора, имѣя въ виду 14, 34, 37 ап. пр. На случай отреченія съ клятвой онъ примѣнилъ низложеніе съ престола по 23 ап. пр. Онъ считалъ возможнымъ примѣнить и 16 пр. I-II Собора, независимо отъ того, было ли отреченіе или нѣтъ, за одно отсутствіе съ кафедры болѣе 6 мѣсяцевъ, не вникая въ мотивы ухода (что неправильно, какъ показано выше, ибо все дѣло въ мотивахъ). Онъ считалъ, что послѣ отреченія отъ кафедры нельзя своевольно возвращаться, но право выбрать дальнѣйшій образъ дѣйствія принадлежитъ Царю, Собору и синклиту. Если имъ кажется нужнымъ и удобнымъ пригласить Никона вернуться, то они компетентны это сдѣлать, какъ явствуется изъ историческихъ прецедентовъ. Если же нѣтъ, то самъ Никонъ можетъ требовать отъ своей кафедры только себѣ на содержаніе (П. IV, 609—612). **Здѣсь видна прежде всего неустойчивость въ опредѣленіи природы Никоновскаго ухода, что и понятно послѣ переговоровъ съ нимъ въ началѣ 1665 г. объ условіяхъ будущаго отреченія; кромѣ того, вовсе нѣтъ рѣчи о гражданскомъ наказаніи въ родѣ ссылки; о возможности лишенія сана говорится очень глухо простымъ приведеніемъ 16 пр. III Собора и въ заключеніе вовсе объ этомъ не говорится, а говорится о возможности приглашенія Никона обратно на кафедру.**

Историческая справка о разнаго вида уходахъ Патріарховъ и епископовъ со своихъ престоловъ. Выводы.

Къ вышеназванному мнѣнію приобщены были историческіе примѣры 5 разрядовъ: 1) Патріарховъ, добровольно оставившихъ свои кафедры безъ возврата на нихъ, 2) Патріарховъ добровольно оставившихъ свои кафедры и вернувшихся на нихъ, 3) епископовъ, отрекшихся отъ епископства и получившихъ разрѣшеніе снова дѣйствовать въ качествѣ епископовъ, 4) случаи, когда Патріархъ оставлялъ свою Церковь и былъ назначенъ на его мѣсто другой, 5) случаи, когда епископъ оставлялъ свою кафедру, и назначался другой на его мѣсто.

1. Къ первой категоріи относится рядъ случаевъ. **Св. Григорій Богословъ**, выбранный II Вселенскимъ Соборомъ на Константинопольскій престолъ, оставилъ его, увидѣвъ, что одинъ египетскій епископъ завистливъ къ этому; сказалъ рѣчь на Соборѣ и ушелъ, оставаясь еще 12 лѣтъ епископомъ. Константинопольскій

Патріархъ **Григорій Мамма** пророчествовалъ по вдохновенію о паденіи Константинополя и добровольно покинулъ кафедру. **Св. Патріархъ Іона** оставилъ кафедру, сказавъ императору Андронику Палеологу: „я, видя себя главой грѣшниковъ, сдѣлалъ все, чтобы избѣжать грѣха“. **Свят. Патріархъ Трифонъ** согласился, по разсказу Арменопула, быть Патріархомъ только на время, пока подрастетъ **Θеофилактъ** — сынъ императора. **Свят. Патріархъ Константинопольскій Геннадій Схларій**, несмотря на мольбы епископовъ и народа остаться, написалъ свое отреченіе въ книгу Великой Церкви и удалился въ монастырь Св. Предтечи, гдѣ и умеръ. То же сдѣлалъ свят. Патріархъ **Константинопольскій Митрофанъ**, отрeksiйся письменно не только отъ патріаршества, но и отъ епископства. **Эти примѣры показываютъ, что отреченіе отъ патріаршества вовсе не влекло за собой отреченія отъ епископства.**

2. Ко второй категоріи относятся — **Свят. Патріархъ Константинопольскій Пирръ**, который отрeksiлся отъ патріаршаго престола и послѣ того, какъ пробылъ на престолѣ его преемникъ Патріархъ Павелъ 12 лѣтъ, онъ былъ возстановленъ и былъ на престолѣ 4 мѣсяца. Патріархъ Константинопольскій **Діонисій**, будучи оклеветанъ дурными клириками, что будто онъ обрѣзанъ турками, далъ провѣрить свою клятву на Соборѣ и отрeksiлся несмотря на то, что весь Соборъ, цѣлуя его ноги, просилъ прощеніе и умолялъ остаться. Лишь, послѣ смерти его преемника и изгнанія слѣдующаго Нифонта, онъ согласился опять стать Патріархомъ. Эти факты показываютъ, **что и отреченіе отъ престола вовсе не является такимъ одіознымъ фактомъ, чтобы нельзя было просить отрeksiшагося вернуться.**

3. Къ третьей категоріи относится **Николай Музалонъ Кипрскій архіепископъ**. Онъ добровольно отрeksiлся отъ епископской кафедры, но продолжалъ быть епископомъ и черезъ 37 лѣтъ послѣ отреченія былъ поставленъ въ Патріархи Константинопольскіе и былъ тамъ 3 года и 4 мѣсяца. **Θеодуль епископъ Макарскій** добровольно оставилъ свою кафедру, но ему снова было разрѣшено дѣйствовать епископски. Переменивъ свое настроеніе, онъ пришелъ къ Патріарху Константинопольскому Михаилу Анхіалу и просилъ его объ этомъ. Узнавъ, что это отреченіе послѣдовало не вслѣдствіе какого либо порока, а отъ смиренія, Патріархъ рѣшилъ, что такое отреченіе не должно было принимать, ибо епископъ, достойный это-

го сана, въ случаѣ отреченія отъ епископства, поступаетъ не канонически по второму правилу Александрійскаго: „если онъ достоинъ служить, пусть служить, если нѣтъ, да не отрекается, но да осудится". **Евстафій епископъ Памфілійскій** добровольно и письменно отрекся отъ епископской каѳедры и снова былъ допущенъ къ чести епископства, ибо, когда онъ обратился съ просьбой о возстановленіи епископской чести, то это ему было разрѣшено: было постановлено, что онъ долженъ имѣть епископскую честь и именоваться епископомъ, что съ согласія мѣстнаго епископа онъ можетъ совершать въ Церкви епископскія дѣйствія, посвящать священниковъ и дьяконовъ, а что Соборъ Памфілійскій можетъ поставить его на вакантную каѳедру (III Вс. Соб. 9 пр.). Такъ даже отреченіе отъ епископской каѳедры не препятствовало снова назначать на каѳедру отрекшагося: очевидно и отреченіе не лишало отрекшагося права и вниманіе къ мотивамъ его отреченія, на вторичное представленіе ему епископскихъ полномочій, какъ это явствуетъ и изъ разсмотрѣнія четвертой категоріи случаевъ, гдѣ рѣчь идетъ уже о Патріархахъ.

4-я категорія случаевъ: послѣ отреченія Григорія Богослова при его жизни былъ назначенъ Вторымъ Вселенскимъ Соборомъ Нектарій. Послѣ письменнаго отреченія Патріарха Геннадія Схоларія былъ поставленъ киръ Исидоръ; вмѣсто отрекавшагося Патріарха Константинопольскаго Пирра, былъ поставленъ Павелъ, а послѣ него опять Патріархъ Пирръ. Послѣ отреченія Патріарха Діонисія были на престолѣ Симеонъ Трапезундскій, Рафаиль Сергѣй, Максимъ Лага, Нифонтъ при жизни Діонисія, который при нихъ опять сталъ Патріархомъ.

5. Къ пятой категоріи относится случай назначенія епископа Θεодора на мѣсто отрекшагося Евстафія Памфілійскаго. **Въ заключеніе всего сказаннаго: пока епископъ живъ и на каѳедрѣ пользуется епископской честью, другой не можетъ быть назначенъ въ силу 16 пр. Двукрат. Собора. Если епископъ или Патріархъ оставитъ каѳедру и клянется не возвращаться, то онъ и не можетъ вернуться, ибо станетъ виновнымъ въ нарушеніи клятвы, и тогда подлежитъ низложенію по 24 ап. пр.** (Вотъ почему надо было боярамъ доказывать, что Никонъ отрекся съ клятвой). Но, если епископъ или Патріархъ добровольно отрекся отъ каѳедры безъ клятвы не возвращаться, то онъ можетъ вернуться двоякимъ способомъ: 1) Если Соборъ видитъ его смиреніе, что онъ дѣйствуетъ не по своимъ прихотямъ (въ данномъ случаѣ не обличая Царя и бояръ), но

какъ добрый пастырь, то онъ можетъ просить его вернуться съ честью, 2) во вторыхъ, самъ епископъ, перемѣнивъ свое настроеніе, можетъ обратиться къ Собору и просить его разрѣшить пользоваться прежней честью, разъ нѣтъ преступленія, этому препятствующаго, черезъ возвращеніе на свою каѳедру. **Патріархъ, который добровольно отрекся только отъ своей каѳедры, но не отъ епископства, можетъ совершать епископскіе акты, какъ Григорій Богословъ, послѣ оставленія Константинопольской каѳедры ушелъ въ Назіанць, гдѣ и дѣйствовалъ епископски, посвятивъ въ священники нѣкоего Евлалія.** Но, если епископъ добровольно оставилъ свою каѳедру и принялъ схиму, то уже не можетъ совершать епископскихъ актовъ въ силу 2 пр. Собора въ Св. Софіи: „Епископъ, который избралъ свое мѣсто среди кающихся (т. е. принялъ схиму) не долженъ претендовать на епископскую честь, ибо монашескій обѣтъ — обѣтъ послушанія и ученичества, а не учительства и власти, обѣтъ питаться, а не питать.

Въ результатѣ исторической справки для бояръ, чтобы окончательно отдѣлаться отъ Никона нельзя было ограничиться однимъ обвиненіемъ въ оставленіи патріаршества.

Вотъ это каноническое разъясненіе раскрываетъ, почему бояре для окончательнаго удаленія Никона отъ Царя не могли ограничиться его уходомъ безъ лишенія сана и гражданской ссылки. Всегда была бы опасность его возвращенія. Его надо было представить преступникомъ, или надѣть на него схиму. Если этого невозможно было достигнуть, надо было составить такимъ образомъ судъ, чтобы онъ кончился не простымъ удаленіемъ Никона, а его низверженіемъ изъ сана по меньшей мѣрѣ. Такъ какъ этого нельзя было достигнуть путемъ суда правильнаго, который бы изслѣдовалъ дѣйствительную дѣятельность Никона, то прибѣгли къ Лигариду, который сумѣлъ составить судъ беззапелационный изъ Патріарховъ, причемъ недостатокъ въ согласіи между Патріархами былъ затушеванъ подписями на отвѣтахъ, которые имъ были представлены Патріархамъ, какъ отвлеченное разсужденіе безъ отношенія къ лицу, а въ Москвѣ были представлены, какъ ихъ сужденіе о Патріархѣ Никонѣ; самъ же Никонъ былъ обманутъ ими о наличіи несуществующаго согласія Константинопольскаго Патріарха на судъ надъ Никономъ, причемъ Лигаридъ дѣйствовалъ на основаніи подложныхъ полномочій на представительство Константинопольскаго Патріарха.

Необходимость для боярь, поддерживать версію о Никонѣ, какъ о человѣкѣ полупреступномъ.

Безъ этого бояре не могли быть застрахованными отъ возстановленія Никона. Въ ихъ интересахъ было поддерживать и версію о Никонѣ какъ о человѣкѣ почти преступномъ, или просто преступномъ, ибо самый его уходъ не былъ вовсе преступленіемъ, а дѣяніемъ архипастыря, воздѣйствовавшаго на непокорное въ церковныхъ дѣлахъ стадо. Безъ очерненія же Никона бояре оказывались въ незавидномъ положеніи гонителей выдающагося геніальнаго человѣка и одного изъ лучшихъ архипастырей русской Церкви, по признанію даже иностранцевъ его времени, посѣщавшихъ Москву, иностранныхъ и свѣтскихъ и церковныхъ историковъ позднѣйшаго времени, независимо отъ вѣроисповѣданія. **Лишь марая его приписываніемъ ему всякихъ пороковъ, они реабилитировали себя отъ пятна, лежащаго на нихъ за гоненіе невиннаго и великаго человѣка.** Съ Никономъ можно связывать цѣлое направленіе культуры. Если въ свѣтской сферѣ, какъ регентъ, онъ подготавливалъ дѣянія Петра, то въ церковной охранялъ вѣками сложившееся церковное устройство, соответствующее канонамъ, отъ разрушенія боярь и того же Петра, не понявшаго значенія Церкви самой по себѣ и нигилистически постепенно на протяженіи 24 лѣтъ аннулировавшаго, какъ мы увидимъ, ея общественное значеніе въ государствѣ, устранившаго ту симфонію Церкви и государства, которая лежала въ основѣ Московскаго государственнаго строя, и замѣнившаго ее утилитарными теоріями современной ему философіи. Но не онъ началъ эту работу. Ее начали бояре при Алексѣ Михайловичѣ, которые черезъ „Уложеніе“ дали ходъ секуляризаціоннымъ идеямъ вѣка, а потомъ низвергли Никона за противодѣйствіе этому Уложенію, за то, что онъ-крестьянскій сынъ, монахъ, своимъ геніемъ возвысился до положенія властителя, совѣтника Государя и затѣнилъ ихъ, вельможныхъ боярь. Творческому генію Никона была противопоставлена сплоченная интрига цѣлаго класса, окружающаго Царя и въ своихъ рукахъ держащаго управленіе государствомъ, интрига, которая втянула въ себя Царя и заразила его. Лигаридъ служилъ этимъ интересамъ и написалъ „Исторію суда надъ Никономъ“, гдѣ высказалъ о немъ ложные пристрастные взгляды, которые много содѣйствовали затемненію истиннаго образа Никона.

Паисій Лигаридъ выступалъ въ качествѣ боярскаго адвоката. Съ самаго своего прибытія въ Москву 28 апр. 1662 г. никѣмъ не зван-

ный, никѣмъ не посланный, Лигаридъ явился къ предсѣдателю Литовскаго Приказа Симеону Лукьяновичу Стрешневу, незадолго до того отлученному Никономъ, и черезъ него представленъ былъ синклиту и Царю, и они приняли его сразу, какъ „Ангела Божія" и сдѣлали его своимъ совѣтникомъ и руководителемъ всего дѣла противъ Патріарха, противъ котораго, по ихъ мнѣнію, еще ничего не было сдѣлано, разъ онъ не лишенъ священства.

Пальмеръ сопоставляетъ появленіе Лигарида въ Москвѣ 28 апр. и его выступленіе въ устройствѣ дѣлъ Русской Церкви черезъ 2 мѣсяца послѣ анаѣемъ, произнесенныхъ Никономъ 16 февраля, съ проказой на челѣ Царя Осіи послѣ того, какъ онъ, несмотря на протестъ священника Азарія, взялся за кажденіе въ алтарѣ. Подготовивъ все дѣло, на процессъ противъ Никона Лигаридъ совершенно не выступалъ, хотя неоднократно былъ задѣтъ Никономъ, разоблачившимъ въ его присутствіи его неправославіе и фактъ его отлученія Іерусалимскимъ Патріархомъ, но тогда повѣрили Патріарху Макарію, ложно засвидѣтельствовавшему въ судѣ 1 декабря, что Лигаридъ поставленъ въ дьяконы и попы въ Іерусалимѣ. Отношеніе бояръ къ Лигариду и Никону очень характерно. Одинъ ненавистенъ, ибо не потакаетъ въ страстяхъ и отстаиваетъ Церковь, другой потакаетъ страстямъ — властолюбію, честолюбію, и потому пріемлемъ, какъ Ангелъ Божій. За то на перваго клеветуютъ и возводятъ небылицы, а другого превозносятъ, несмотря на явныя преступленія, полную продажность. Этимъ страстямъ принесена въ жертву и каноническая правда. Пальмеръ пишетъ: (V, 745—746) „Лигаридъ былъ принятъ, хотя былъ неизвѣстенъ и не имѣлъ грамотъ о своемъ положеніи, а Никонъ былъ отвергнутъ, хотя всѣ клялись ему повиноваться. Лигаридъ былъ посылаемъ судить Никона въ 1663 г. въ Воскресенскій монастырь за проклятіе, будто бы изнесенное на Царя, ибо Лигаридъ служилъ боярамъ и Царю, а Никонъ за отказъ служить боярамъ и Царю былъ объявленъ низложеннымъ и осудившимъ самого себя. Царь посвящалъ Епископовъ и переводилъ ихъ черезъ благословеніе Лигарида и возложеніе имъ рукъ. Но благословеніе Никона отвергалось, и его анаѣема игнорировалась. Чѣмъ больше появлялось извѣстій о Лигаридѣ, чѣмъ серьезнѣй они становились, тѣмъ болѣе настойчиво и безстыдно онъ поддерживался даже при полномъ знаніи фактовъ; а съ Никономъ обходились, какъ съ преступникомъ, прежде даже обвиненія, и осудили его въ 1660 г., не призывая на судъ; а когда позвали на судъ, то позвали не для изслѣдованія дѣла, но какъ уже осу-

жденнаго для того, чтобы прибавить новыя обвиненія во время самаго процесса. Лигаридъ, бывшій подъ анаѳемой и виновный въ самыхъ нечистыхъ грѣхахъ, не былъ отпущенъ, когда передъ прїѣздомъ восточныхъ Патріарховъ захотѣлъ уѣхать, чтобы съ ними не встрѣчаться, какъ человѣкъ имъ извѣстный, а былъ приставленъ ихъ освѣдомить и приготовить обвиненіе для суда надъ Никономъ. Онъ переводилъ на латинскій и контролировалъ переводы на русскій языкъ патріаршихъ свитковъ, въ большей мѣрѣ имъ самимъ составленныхъ или внушенныхъ; онъ присутствовалъ на соборномъ судѣ, подписывалъ его дѣянія вмѣстѣ съ актомъ о низложеніи Никона, затѣмъ послѣ Собора стремился успокоить совѣсть нѣкоторыхъ Епископовъ и установить принципъ абсолютной неограниченности царской власти. Онъ участвовалъ въ избраніи и поставленіи и новаго Патріарха, участвовалъ съ Патріархомъ и епископами въ муровареніи, сослужилъ и пріобщался съ ними на пасхальной недѣлѣ 1667 г., а Никонъ въ это время былъ низвергнутъ изъ священнаго сана и заточенъ подъ стражей въ отдаленномъ монастырѣ. Это красочное сопоставленіе отношеній боярства къ Никону и Лигариду, сдѣланное Пальмеромъ, иллюстрируетъ, что Московскому правительству нужна была не правда, а безпринципное служеніе іерарховъ его страстямъ. Толчокъ, данный Никоновскимъ низложеніемъ, привелъ къ дальнѣйшимъ церковнымъ реформамъ Петра 1700-1724 г., несмотря на непродолжительную реакцію 1667—1700, а Никоновскимъ идеямъ Руси оцерковленной и святой, поскольку онѣ должны отражаться и въ церковномъ устройствѣ и управленіи, приходится до сей поры ждать своего осуществленія. О предотвращеніи несчастія отъ нечестиваго суда и гибели царства писалъ Никонъ Царю послѣ своего прихода въ Москву въ декабрѣ 1664 г.: „мы не уклоняемся отъ Собора, скорѣе привѣтствуемъ твое намѣреніе, какъ благочестивое, если Патріархи сами намѣрены прибыть сюда и судить обо всемъ по Божественнымъ заповѣдямъ Евангелія и по канонамъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ. Да, мы не противимся. Но мы умоляемъ твое благородіе выслушать эти наши немногія слова увѣщанія съ кротостью и терпѣніемъ. Твое благородіе нашло правильнымъ созвать послѣ нашего ухода митрополитовъ, епископовъ и архимандритовъ, чтобы поставить судъ, противный Божественнымъ заповѣдямъ, ибо никакой канонъ не уполномачиваетъ Епископовъ судить своего Патріарха, особенно, когда они посвящены имъ, да еще судить заглазно." Приведя Евангельскія слова о судѣ противъ Христа, Никонъ

продолжаетъ: „видишь, христiаннѣйшій Царь, даже среди дикой злобы евреевъ ничего не было сдѣлано безъ установленной законной формы или безъ свидѣтелей или въ отсутствіе обвиняемаго, хотя они сдѣлали всенечестиво. Поэтому Онъ сказалъ: „тотъ, кто предалъ Меня тебѣ, совершилъ большій грѣхъ". Такъ и тотъ, кто побудилъ противъ меня твое благородіе (бояре), имѣють большій грѣхъ. Если Соборъ осудилъ меня только за мой уходъ, то онъ долженъ равно осудить и Самого Христа, ибо Онъ часто уходилъ отъ злобы евреевъ... Я пишу тебѣ не изъ стремленія на патріаршій престолъ; мое желаніе — чтобы Святая Церковь была безъ смуты и чтобы ты не навлекъ на себя грѣхъ въ очахъ Божіихъ. Я пишу не изъ боязни великаго Собора за себя, **но не желая навлечь несчастье на твое священное царство**". Никонъ между прочимъ предупреждаетъ Царя противъ порученія дѣла іеродіакону Мелетію ибо онъ извѣстенъ ему, какъ поддѣлыватель чужихъ подписей и печатей. Слова Никона о несчастіи для царства можно почитать пророческими. Паденіе Никона надо считать несчастьемъ для царства, если сопоставить то, что онъ защищалъ, съ тѣмъ, что было поколеблено въ результатъ его паденія, а именно прежнее общественное значеніе Церкви въ Русскомъ Государствѣ. Прежде мы остановимся еще на самомъ судѣ.

Глава III. Судъ. Ссылка. Прочія мѣры преслѣдованія отъ боярь.

Источники нашихъ свѣдѣній о судѣ надъ Никономъ. — Дни судебныхъ засѣданій по дѣлу Никона. — Нарочитое умолчаніе официальныхъ протоколовъ объ обличеніи боярь Никономъ и о его разговорѣ съ Царемъ. — Какъ составлялись официальные протоколы соборныхъ засѣданій. — Что происходило въ залѣ засѣданія 3 или 4 декабря, на которомъ не было Никона? — Отношеніе Лигарида къ католичеству во время дѣла Никона. — Никонъ, отсутствуя при обвиненіяхъ его въ опозореніи Царя и своего стада, лишень былъ возможности точно опредѣлить свое обличеніе ихъ въ приобщеніи къ Лигариду. — Незаписанный въ протоколахъ инцидентъ обращенія Царя къ боярамъ и отвѣтъ Никона. — Сцена между Никономъ и Царемъ. — Основная идея боярства въ борьбѣ противъ Никона. — Въ чемъ обвиняли на судѣ Никона? Отсутствіе обвиненія его на судѣ въ восхищеніи свѣтской власти. — Соборъ неоднократно возвращается къ вопросу объ уходѣ Никона 1658 г., но не изслѣдуетъ этого вопроса. — Составъ участниковъ суда надъ Никономъ. — Обстановка суда. — Рѣчь Царя и вопросъ Никона о полномочіяхъ Константинопольскаго Патріарха. Обманъ Патріарховъ по отношенію къ Никону. — Допросъ Никона объ его уходѣ въ 1658 г. — Заочное обвиненіе Никона во лжи и въ оскорбленіи Царя за обличеніе въ приобщеніи къ католическому ученію. — Обращеніе Патріарха Паисія къ Царю о причинахъ своего прихода и его самопротиворѣчія. — Возобновленіе допроса объ уходѣ Никона въ засѣданіи 5 декабря, опять безъ уясненія его основныхъ причинъ. — Никонъ заявляетъ, что судящіе его Патріархи теперь не Патріархи. Отказъ Никона отвѣчать. — Намѣренное искаженіе дѣйствій Никона его врагами. — Чтеніе въ засѣданіи 5-го декабря патріаршихъ свитковъ (14-24 главы). — Никонъ заявляетъ, что глава XV свитковъ содержитъ искаженный канонъ. — Никонъ вновь отрицаетъ фактъ отреченія отъ кафедры и говоритъ о гоненіи противъ него. Въ чемъ выразился гнѣвъ Царя? — Заявленіе Патріарховъ о своемъ апостольскомъ преемствѣ и титулахъ. — Разсужденія о судѣ надъ Патріархомъ. — Возраженіе Никона противъ искаженія и примѣненія 12 Антиохійскаго правила. — Патріархи задаютъ вопросъ о наказаніи Никона греческимъ и русскимъ епископамъ. — Приговоръ надъ Никономъ, прочитанный 5 декабря, и отвѣтъ Никона. — Неоснованность обвиненій, объявленныхъ въ протоколѣ 5 дек. — Тенденціозность суда надъ Никономъ. — Окончательное судебное рѣшеніе по дѣлу Никона, читанное 12 декабря въ Чудовомъ монастырѣ. — Обрядъ низверженія изъ сана, продѣланный надъ Никономъ 12 дек. — Мотивы дѣйствій Патріарховъ въ судѣ надъ Никономъ. — Отношеніе Константинопольскаго Патріарха къ совершившемуся приговору надъ Никономъ. Письмо Парфенія IV Царю. — Положеніе финансовое Лигарида въ Москвѣ. — Никонъ возлагалъ отвѣтственность за приговоръ на Царя, но болѣе виновными считаетъ боярь. — Судьба Никона въ ссылкѣ. Два теченія въ Москвѣ въ отношеніи къ Никону. — Никонъ не прощаетъ Царя какъ Патріархъ Царя, но прощаетъ какъ человѣкъ человѣка. — Отношеніе Царя къ Никону въ ссылкѣ. — Никонъ самъ также просилъ прощенія у Царя за личныя обиды. Его сообщеніе Царю о своей жизни въ ссылкѣ. — Никонъ и въ ссылкѣ не признавалъ суда 1666 г. надъ собой каноническимъ. — Царь дѣлаетъ послабленія Никону, когда съ его вторымъ бракомъ обезсиливается Милославскіе. — Никонъ считаетъ судъ 1666 г. несчастьемъ для русскаго государства и Церкви. — Никонъ отказывается въ формальномъ прощеніи умершему Царю. — Выявленіе боярской злобы послѣ смерти Царя Алексѣя Михайловича, до тѣхъ поръ сдерживаемое. — Неурегулированность положенія Никона въ ссылкѣ. — Надпись на крестѣ въ Терапонтовомъ монастырѣ. — Доносъ (ложный) на Никона въ государственной измѣнѣ (съ Донскими казаками Стеньки Разина). — Сношенія Никона съ митрополитомъ Аѳанасіемъ Иконійскимъ, сообщающимъ ему объ отношеніяхъ къ его дѣлу Константинопольскаго Патріарха. — Сообщеніе Никона о Донскихъ казакахъ. — Возобновленіе преслѣдованій Никона въ 1676 г. послѣ смерти Царя. Собираніе всѣхъ клеветъ. — Почва, на которой явились клеветники на Никона въ гнусныхъ поступкахъ и измѣнѣ — усиленіе враговъ Никона и желаніе приставовъ выслужиться передъ ними. — Заочный судъ надъ Никономъ 15 мая 1676 г., безъ предварительнаго допроса свидѣтелей и его по однимъ доносамъ. — Умолчаніе Соловьева о характерѣ свидѣтельскихъ показаній и свидѣтелей на судѣ 1676 года. — Опроверженіе Никона на обвиненія въ 1676 г. — Показанія свидѣтелей (1676 г.) оправдываютъ Никона отъ клеветы, но эти показанія уже послѣ суда. — Отношенія Никона къ боярству. — Бояре враждебные Никону вышли изъ лицъ близкихъ ко двору или занимавшихъ высшіе посты. — Участіе Никона въ государственной политикѣ его времени. — Боярство, добившись осужденія Никона, обезсилило положеніе Патріарха въ государственномъ строѣ. — Сравненіе Никона съ Крижаничемъ и Петромъ I въ политическихъ идеяхъ.

Источники нашихъ свѣдѣній о судѣ надъ Никономъ.

О времени и дѣятельности суда намъ повѣствуютъ официальные протоколы, мемуары Шушерина, написанные со словъ свидѣтелей черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ суда, и Паисія Лигарида „Исторія“, написанная въ 1666 г., а также работы Соловьева (на

основаніи офіціальних матеріаловъ), Каптерева, Гюббенета, митрополита Макарія и Пальмера. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что офіціальныя протоколы, использованные Соловьевымъ и напечатанные во второмъ томѣ Гюббенета не отличаются полнотой, вслѣдствіе отсутствія стенографической записи, что они существуютъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ краткой и сокращенной, изъ которыхъ однѣ упоминаютъ объ однихъ происшествіяхъ, а другія о другихъ; мало того, въ офіціальныя протоколы включено только то, что разрѣшило правительство, потому базироваться на однихъ офіціальныхъ протоколахъ было бы односторонне. Это обстоятельство вынудило изслѣдователей дополнить ихъ сообщенія показаніями другихъ лицъ и дѣлать самостоятельныя выводы изъ того, что вошло въ офіціальныя отчеты и изъ того, что не вошло. Черезъ это получились и разногласія. Для насъ эти разногласія особенно важны, ибо освѣщаютъ проявленную правительствомъ тенденціозность въ Никоновскомъ дѣлѣ во всѣхъ его стадіяхъ.

Дни судебныхъ засѣданій по дѣлу Никона.

Всѣ сочиненія одинаково признаютъ, что днемъ формальнаго низверженія изъ сана Никона было 12 декабря 1666 г. и всѣ, кромѣ Шушерина (арестованнаго 30 ноября и могшаго при записи черезъ нѣсколько лѣтъ спутать числа) утверждаютъ, что послѣднее засѣданіе по дѣлу Никона, въ которомъ происходило окончательное констатированіе его винъ и примѣненіе къ нимъ правилъ, было 5 декабря. Но затѣмъ идутъ разногласія. Лигаридъ упоминаетъ еще только объ одномъ засѣданіи 1 декабря, гдѣ и происходитъ все предшествующее окончательному рѣшенію въ присутствіи Никона; офіціальныя же протоколы (нѣкоторыя) дробятъ предшествующее (5-му декабря) разсмотрѣніе дѣла на 2 засѣданія — 1 и 3 декабря, или соединяютъ все въ одно засѣданіе. На основаніи этого и Соловьевъ, и Каптеревъ, и Гюббенетъ, и Митрополитъ Макарій размѣщаютъ все дѣло въ эти же числа, съ той, однако, разницей, что Соловьевъ умалчиваетъ объ отсутствіи на второмъ изъ нихъ самого Никона, а Каптеревъ отмѣчаетъ его отсутствіе, такъ же Гюббенетъ и митрополитъ Макарій,¹ что очень важно, ибо на засѣданіе, относимое ими на это число, падаетъ, по ихъ же утвержденію, предъявленіе важнѣйшихъ доказательствъ въ обличеніи Никономъ Царя и всего синклита и все-

¹ М. Макарій (Ист. Рус. Церкви, т. XII, 724 стр. примѣч.) доказываетъ отсутствіе Никона въ засѣданіи 3 дек. ссылкой на запись въ Патріаршихъ выходахъ, гдѣ сказано, что 3 декабря были въ верху у Государя Вселенскіе Патріархи и Московскія власти, а Никона не было.

го народа въ еретичествѣ изъ за слѣдованія за Лигаридомъ, а равно и представленіе писемъ Никона съ подписью „бывшій Патріархъ" (для доказыванія наличности отреченія, Никонъ въ другое время объяснилъ, что это не было отреченіе, а признаніе, что для Царя онъ не Патріархъ, то есть „что Царь не почитаетъ его Патріархомъ). Напротивъ, Пальмеръ это дѣяніе выдѣляетъ въ особое засѣданіе, на которое Никонъ не былъ приглашенъ, и которое происходило, по его мнѣнію, 4 декабря, а все предшествующее было подѣлено между засѣданіемъ 2 и 3 декабря, — когда и произошло предъявленіе Никону обвиненія въ отреченіи и уходѣ, и читалась грамота Никона къ Константинопольскому Патріарху въ качествѣ новаго обвиненія, предъявленнаго впервые ему на засѣданіи въ оскорбленіи Царя и всего синклита въ пріобщеніи къ костелу.

Разногласіе о томъ, было ли первое засѣданіе съ участіемъ Никона 1 или 2 декабря, для характеристики дѣла не имѣетъ значенія; не имѣетъ особаго значенія и то, было ли засѣданіе безъ Никона 3 или 4 декабря, ибо разногласіе объ этомъ не приводитъ къ разногласію о томъ, что происходило въ отсутствіи Никона. Каптеревъ, Соловьевъ Гюббенетъ, Пальмеръ, Митрополитъ Макарій — всѣ согласны въ томъ, что именно происходило въ его отсутствіе, и разногласіе относится къ распредѣленію предшествующаго разбирательства на разныя числа дней, что не такъ важно. Но существенное значеніе имѣетъ указаніе на отсутствіе Никона при обвиненіяхъ на него и объявленіи въ этомъ засѣданіи со стороны Патріарха Паисія, что Никону вѣрить больше не будутъ, ибо онъ лжетъ. Характерно, что Соловьевъ, во всемъ пристрастно старающійся обвинить Никона, и не отгѣняетъ этого величайшаго судопроизводственнаго нарушенія, даже стушевываетъ самый этотъ фактъ, впадая въ противорѣчіе съ самимъ собой, что и отмѣтилъ Гюббенетъ, описывающій въ XIV главѣ засѣданіе 3 декабря: „Соловьевъ пишетъ: 3 декабря было второе засѣданіе безъ Никона", а четырьмя строками ниже пишетъ: „когда подсудимый вошелъ, Царь, опять сойдя съ своего мѣста, говорилъ Патріархамъ рѣчь. Но Никона не было на этомъ засѣданіи и Соловьевъ самъ объ его участіи больше не упоминаетъ. Совершенно ясно, что въ дѣйствительности Никона не было на этомъ засѣданіи".

Нарочитое умолчаніе официальныхъ протоколовъ объ обличеніи бояръ Никонъ и его разговоръ съ Царемъ.

Что официально протоколы умолчали объ отсутствіи Никона въ засѣданіи, гдѣ ему были прибавлены обвиненія, расчи-

танныя на самое строгое отношеніе къ нему, что изъ нихъ были выпущены иныя обличительныя слова Никона о боярахъ и его разговоръ съ Царемъ, изъ котораго видно, что Царь чувствовалъ движеніе своей совѣсти при великой несправедливости къ Никону и заглушалъ его противоположными чувствами, — ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго. Стоитъ только вспомнить, что говорить изучавшій дѣятельность Московскихъ Соборовъ Каптеревъ объ этихъ протоколахъ вообще и въ частности о протоколахъ Собора 1666 г. въ своемъ сочиненіи: „Царь и Московскіе церковные Соборы XVI и XVII столѣтій" (въ Бог. Вѣст. 1906, III).

Какъ составлялись официальные протоколы соборныхъ засѣданій.

Его сужденія объ этомъ имѣютъ особую силу именно въ отношеніи постановленій Соборовъ, бывшихъ послѣ ухода Никона, когда Царь сталъ фактически во главѣ управленія Церковью. Мы полагаемъ, что сужденіе проф. Каптерева о значеніи Государя на церковныхъ Соборахъ, бывшихъ до этого времени, было преувеличеннымъ, въ виду его особаго намѣренія доказать, что Царь былъ верховной властью въ церковныхъ дѣлахъ; работы Соборовъ 1660 г. и 1667 г. не могутъ служить для обобщенія и примѣненія выводовъ относительно нихъ ко времени предшествующему, ибо они происходили послѣ совершеннаго Царемъ, но неотмѣчаемаго ни въ одномъ изъ сочиненій Каптерева, каноническаго переворота послѣ ухода Никона: захвата Царемъ церковнаго управленія. Его соображенія объ этихъ именно Соборахъ 1660 и 1666 г. заслуживаютъ принятія, ибо въ это время дѣйствительно всталъ во главѣ церковнаго управленія Царь. Вотъ что онъ пишетъ: (Ib. стр. 644). „Всѣ соборныя засѣданія происходили подѣ постояннымъ наблюденіемъ Государя; когда онъ самъ не присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ, то посылалъ на Соборъ своихъ довѣренныхъ бояръ, думныхъ дворянъ и дьяковъ; Государю докладывалось о всякомъ рѣшеніи и заключеніи, къ какому приходилъ Соборъ по тому или другому вопросу; Соборъ среди своихъ засѣданій требовалъ отъ Царя дальнѣйшихъ указаній и распоряженій для веденія соборныхъ дѣлъ и, какъ скоро получалъ ихъ, сейчасъ же приводилъ въ исполненіе". Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: (стр. 654). „Весь процессъ выработки соборныхъ рѣшеній и постановленій находился въ прямой или косвенной зависимости отъ Государя и въ большинствѣ случаевъ служилъ выраженіемъ царскихъ намѣреній и желаній въ сферѣ церковныхъ дѣлъ. То же нужно сказать и объ окон-

чательныхъ постановленіяхъ Соборовъ, получившихъ потомъ силу закона. Всѣ соборныя обсужденія, мнѣнія и рѣчи записывались на Соборахъ частными лицами, и на основаніи этихъ записей, составлялись по томъ такъ называемыя „соборныя дѣянія“. Нероновъ заявилъ на Соборѣ: „азъ же говорилъ Андреяну протопопу: что ты братъ Андреане, мои рѣчи пишешь не всѣ, а что вы говорите съ Патріархомъ всякія неподобныя вещи и тѣхъ ни единой рѣчи не пишешь?“... На соборномъ судѣ надъ Никономъ въ 1666 г. было нѣсколько человѣкъ, которые записывали каждый все, что дѣлалось и говорилось на Соборѣ; нѣсколько такихъ записей въ черновомъ видѣ дошли до насъ. Обработка соборныхъ матеріаловъ, извлеченіе изъ нихъ нужныхъ постановленій требовало иногда много времени, а иногда и прямо творчества со стороны тѣхъ лицъ, которымъ Царь поручалъ составить соборныя дѣянія. Возьмемъ на примѣръ Соборъ 1666—1667 гг. составить дѣянія котораго Царь поручилъ извѣстному Симеону Полоцкому. Послѣдній передъ официальными дѣяніями Собора сначала помѣщаетъ сочиненное, очень витъеватое и довольно безсодержательное, оказаніе о святомъ Соборѣ повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ царствующемъ преименитомъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ на новоявльшія раскольники и мятежники святыя православныя, каѳолическія церкви, совокупленномъ въ лѣто 7174. Помѣстивъ сочиненное имъ сказаніе, Полоцкій переходитъ затѣмъ къ изложенію самихъ соборныхъ дѣяній. Такъ какъ соборныя засѣданія были открыты рѣчью Царя къ Собору, то онъ прежде всего помѣщаетъ: „Слово великаго Царя къ освященному Собору“. Но здѣсь же дѣлаетъ такую любопытную замѣтку: „Здѣ написати рѣчь великаго Государя“, или, „доложивъ его, великаго Государя, сію послѣдующую“ т. е. Полоцкій попросту самъ сочиняетъ рѣчь отъ лица государя и, съ доклада государю, помѣщаетъ ее, какъ царскую рѣчь, въ соборныя дѣянія... Въ отвѣтъ на обращеніе Царя къ Собору отъ лица послѣдняго говорилъ Новгородскій митрополитъ Питиримъ... И опять Полоцкій вноситъ свое сочиненіе въ текстъ соборныхъ дѣяній, выдавая его за отвѣтъ государю Питирима... Иногда нѣкоторыя дѣянія Соборовъ Царь считалъ неудобнымъ предавать оглашенію и тогда онъ совсѣмъ ихъ вычеркивалъ изъ официальныхъ соборныхъ дѣяній, какъ не бывшія. Такъ на примѣръ, на Соборѣ 1667 г. въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій горячо обсуждался вопросъ о власти

царской и патріаршей, причемъ русскіе архіереи очень единодушно и настойчиво проводили ту мысль, что священство выше царства (наученные, добавимъ, ученіемъ и жизнью Никона, котораго они предали ради мірскихъ благъ), тогда какъ греческіе архіереи (Лигаридъ) усиливались доказать, что царство выше священства. Въ официальныхъ соборныхъ дѣяніяхъ 1667 г. объ этихъ засѣданіяхъ нѣтъ и намека — онѣ были вычеркнуты государемъ, какъ очень непріятныя для него, и Каптеревъ принужденъ былъ возстановить исторію соборныхъ засѣданій 14-17 января лишь по сочиненію Лигарида, что онъ и сдѣлалъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ Богов. Вѣст. за 1892 годъ подъ заглавіемъ: „Сужденія Большого Московскаго Собора о власти царской и патріаршей“. Иногда государь даже собственноручно вносилъ поправки въ состоявшіяся соборныя постановленія. Такъ на постановленіи Собора 1660 г. о низложеніи Патріарха Никона съ патріаршаго престола, встрѣчается помѣтка: „правлено рукою Государя“. Эти обстоятельства, указанные профессоромъ Каптеревымъ, лишаютъ официальные протоколы такого авторитета, чтобы считать, что все незаписанное на нихъ и не происходило. Въ дѣлѣ Никона, напротивъ, полученныя изъ другихъ источниковъ свѣдѣнія о происходившемъ даютъ основанія думать, что именно пропущенное и было непріятно упоминать правительству и потому не попало въ Соборныя дѣянія. Такъ случилось относительно засѣданія, въ которомъ были возведены на Никона новыя вины во лжи и въ томъ, что онъ называлъ всѣхъ (а не одного Лигарида) еретиками, примкнувшими къ католическому ученію, и вмѣстѣ со старыми винами голословно были утверждены, и была прочитана безъ него его письмо съ подписью „бывшій Патріархъ“. Обсужденіе вопроса о пріобщеніи къ еретичеству началось еще въ присутствіи Никона.

Что происходило въ залѣ засѣданія 3-го или 4-го Декабря, на которомъ не было Никона?

Въ предшествующемъ засѣданіи была прочитана выдержка изъ перехваченнаго письма Никона къ Патріарху Діонисію: „царское величество поставилъ свое повелѣніе надъ священнымъ чиномъ, чтобы не принимали отъ Никона благословенія, велѣлъ быть Собору, и на томъ Соборѣ благословеніемъ Газскаго митрополита Паисія назначили Крутицкаго митрополита Питирима въ Новгородъ митрополитомъ, поправши Божій законъ, а на его мѣсто поставили митрополитомъ Чудовскаго архіепископа Павла и другихъ епископовъ къ инымъ епархіямъ и далѣе: отъ сего незаконнаго Собора престало на

Руси соединеніе съ Святой восточной Церковью и отъ благословенія вашего отлучились, но отъ Римскихъ костеловъ начатокъ приняли свой".

(Гюб. II XIV глава).

Царь сказалъ тогда: „Такія великія укоризны и неправды бывшій Патріархъ Никонъ затѣялъ, забывъ страхъ Божій, и писалъ ложно, будто въ Московскомъ государствѣ престало соединеніе съ восточной Церковью, и тѣмъ письмомъ своимъ Никонъ соборную Церковь обезчестилъ, меня и весь освященный Соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія святыхъ вселенскихъ Патріарховъ отчелъ и причелъ къ римскимъ костеламъ и католической вѣрѣ; укорялъ Газскаго митрополита, назвалъ всѣхъ еретиками. Если бы это затѣйливое и ложное Никоновское письмо дошло до Царьградскаго Патріарха, тогда бы всѣмъ православнымъ христіанамъ пришлось быть подъ клятвой; оно пронеслось бы по многимъ мѣстамъ, и многихъ людей привело бы къ сомнѣнію, и за то должно всѣмъ стоять и умирать и отъ того очиститься такъ, какъ и въ прежнее время за благочестивую вѣру умирали." Къ царскому голосу присоединились митрополиты и патріархи, весь освященный Соборъ, бояре и думные люди, и били челомъ патріархамъ, чтобы допросить Никона — для чего онъ такъ писалъ и всѣхъ называлъ еретиками. Никонъ отвѣтилъ патріархамъ, что объ отлученіи отъ вселенскихъ патріарховъ написалъ потому, что Газскій митрополитъ нашего Питирима изъ его митрополіи перевелъ въ другую, а на его мѣсто поставилъ другого митрополита и другихъ архіереевъ изъ одного мѣста въ другое, а Паисію этого дѣлать не довелось; онъ Іерусалимскимъ Патріархомъ отлученъ и проклятъ, а хотя бы Газскій митрополитъ и не еретикъ былъ, ему на Москвѣ долго оставаться не для чего, я его за митрополита не почитаю, у него и ставленной грамоты нѣтъ, и мужикъ надѣнетъ на себя мантию, и онъ такой же митрополитъ; а писалъ я все то про Газскаго митрополита, а не о православныхъ христіанахъ. Я писалъ все это, говоритъ Никонъ, въ отношеніи Лигарида, (т. е. относительно начатка полученнаго отъ него, а не о православномъ народѣ, который мало что вѣдалъ или просто ничего о томъ, что дѣлалось въ царскомъ совѣтѣ или царскихъ соборахъ). Въ силу апостольскихъ правилъ 10, 11 одна молитва съ отлученнымъ и низверженнымъ повергаетъ тому же наказанію. „Аще кто съ отлученнымъ отъ общей Церкви помолится, хотя бы то было въ домѣ, та-

кой да будетъ отлучень". 11 Апостольское правило: „Аще кто принадлежа къ клиру съ изверженнымъ отъ клира молиться будетъ, да будетъ извержень и самъ".

Но враги Никона ухватились за слова Никона и со всѣхъ сторонъ кричали: „Онъ всѣхъ насъ назвалъ еретиками, должно объ этомъ сдѣлать рѣшеніе по канонамъ. „И Никонъ, повернувшись къ Царю, сказалъ: „Если бы ты Бога боялся, ты бы такъ со мной не поступилъ. Никонъ, замѣчаетъ Пальмеръ, повидимому, въ этотъ моментъ понялъ вполнѣ, зачѣмъ читалось его письмо къ Патріарху Діонисію; побужденіемъ къ этому служило сорвать успѣхъ отъ ловкаго, но безчестнаго пользованія имъ, внушеннаго Лигаридомъ. Еще въ самомъ началѣ чтенія письма Никонъ заявилъ Царю, что оно было написано частнымъ образомъ въ духовномъ порядкѣ Константинопольскому Патріарху, какъ будущему судѣ, отъ котораго онъ искалъ справедливаго и безпристрастнаго сужденія на свободномъ Соборѣ, а приказать читать его публично со стороны Царя значило Царю на самого себя навлекать публичныя обвиненія, чего Никонъ не дѣлалъ. Никонъ сказалъ Царю:

„Не азъ, о Царю... зазоръ тебѣ таковой нанесохъ, но ты самъ вяще вся сія на себе нанесъ еси, азъ бо писахъ къ брату своему Господину Діонисію духовнѣ и тайнѣ, ты же вся твоя дѣянія обличилъ еси, не токмо твоя державы сущимъ всѣмъ, но и отъ конецъ земли собраннымъ тобою, многимъ сіе все явилъ еси: сего ради твое на тя обличеніе вяще быть неже отъ мене, единому токмо ему же и достоить се вѣдати возвѣщенное" (Шушеринъ стр. 118. Изд. 1817 года).

Слѣдующее засѣданіе безъ Никона началось прямо съ рѣчи государя, гдѣ онъ опять сказалъ, что „бывшій Патріархъ Никонъ въ своемъ письмѣ меня, весь освященный Соборъ и всего моего царства людей назвалъ еретиками, будто мы обратились къ Римскому костелу, а Святая Церковь наша имѣетъ въ себѣ Спасителя нашего и Бога многоцѣнную ризу и Святыя мощи святителей Московскихъ чудотворцевъ, и мы вѣруемъ истинно по преданію Святыхъ Апостолъ и Святыхъ отецъ, и потому должны за православную вѣру и за Святыя Божіи Церкви умирать. И вы бы, Святые патріархи, на эту жалобу учинили судъ, какъ прежніе патріархи разсуждали и судъ творили прежнимъ благочестивымъ греческимъ царямъ, и меня и освященный Соборъ, синклитъ и всѣхъ православныхъ христіанъ нашего Россійскаго царства отъ того Никонова названія очистили бы". Сказавъ рѣчь, Царь поклонился патріархамъ, а освященный Соборъ,

синклить и всѣ присутствующіе поклонились до земли. Патріархи заявили, что Никонъ въ письмѣ своемъ написалъ — то дѣло великое, и за него надобно стоять крѣпко; когда онъ тебя великаго Государя, весь освященный Соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ назваль еретиками, тогда онъ и насъ назваль еретиками, какъ будто мы пришли еретиковъ разсуждать". Когда 5 декабря въ числѣ винъ было прочитано Никону и то, что онъ назваль всѣхъ еретиками, онъ заявилъ: „О названіи еретиками сказана ложь, того я не говорилъ".

Прочтеніе этого отрывка письма было совершено, чтобы возбудить всѣхъ противъ Никона, но въ суть его сообщенія Константинопольскому Патріарху никто на судѣ не вникалъ. **Нужно было выставить Никона, какъ архипастыря позорящаго и поносящаго свое стадо, къ которому ни примиреніе, ни снисхожденіе не допустимы.** И патріархи по сообщенію Лигарида (III, 176) сказали: „Никонъ, который несправедливо и абсурдно клевететь на свое стадо и пишетъ ложно, что всѣ отъ мала до велика обратились къ ученію Папы Римскаго, не есть истинный пастырь, входящій черезъ дверь, но показаль себя наемникомъ и разбойникомъ, вкрадывающимся для разрушенія стада. Поэтому онъ подлежитъ низверженію". (Въ скобкахъ у Лигарида среди этой фразы значитъ, что Никонъ самъ искалъ суда Римскаго Папы, а не насъ вселенскихъ патріарховъ). **Но Никонъ обвинялъ Царя, бояръ и духовенство вовсе не въ прикосновеніи къ латинскому ученію, а совершенно ясно только въ латинизаціи, поскольку они прибѣгали къ благословенію и инициативѣ Лигарида, т. е. къ его миссіи, посланничеству и юрисдикціи, слѣдовательно не абсолютно, а постольку, поскольку это соотвѣтствовало ихъ дѣйствіямъ.** Но его слова нарочно были перетолкованы такъ, какъ если бы онъ дѣйствительно обвинялъ и Царя, и синклить, и всю русскую Церковь въ пріобщеніи къ католическому ученію. А то, что Никонъ написалъ въ отношеніи принятія юрисдикціи Лигарида, было вѣрно.

Отношеніе Лигарида къ католичеству во время дѣла Никона.

Независимо отъ извѣстнаго намъ прошлаго Лигарида и его „Исторіи Іерусалимскихъ патріарховъ", анаѳематствованной въ 1668 г., Лигаридъ находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ католическимъ церковнымъ міромъ; независимо отъ его католическаго образованія, вѣдь, онъ пріѣхаль изъ Польши, гдѣ только что самъ совершалъ католическія мессы. Вскорѣ послѣ суда надъ Никономъ онъ

получалъ письма изъ Польши не только отъ Доминиканцевъ по внушенію Папскаго Нунція, но и отъ самаго короля Іоанна Казимира, поощрявшаго Лигарида въ работѣ по соединенію Церквей, какъ будто онъ призванъ былъ служить Римской Церкви въ Москвѣ; и самъ онъ писалъ одному Доминиканскому отцу съ просьбой черезъ Нунція воздѣйствовать чтобы ему „Пропаганда вѣры“, высылала его ежегодную пенсію въ 200 дукатовъ.

Пальмеръ приводитъ (V, 741 и 742) письмо Папскаго Нунція въ Польшѣ отъ Іюля 1668 г. къ кардиналу Роспильози о томъ, что онъ намѣренъ сдѣлать что либо для поощренія митрополита Газскаго, который все болѣе и болѣе почитается ими всѣми за дѣланіе столь святаго дѣла, и которому онъ заставилъ написать доминиканца о. Ширецкаго, хорошо знавшаго Лигарида. Копія письма о. Ширецкаго при семъ была приложена для посылки кардиналу Роспильози. О. Ширецкій сообщалъ Лигариду, какъ онъ говорилъ Нунцію объ усердіи Лигарида въ работѣ за истинную вѣру въ Москвѣ, за святое соединеніе греческой Церкви съ католической. А Лигаридъ отъ 25 сентября 1668 г. писалъ ему въ отвѣтъ, что желаемое дѣло (унія) неосуществимо: „никто здѣсь не слушаетъ на такія темы. Я самъ, единственное лицо, которое могъ бы проводить это дѣло, **и который воспламененъ самымъ горячимъ усердіемъ видѣть успѣхъ его...** подавленъ несчастьями, преслѣдуемъ заговорами, окруженъ клеветами. Патріархъ Іерусалимскій Нектарій прислалъ плохое сообщеніе обо мнѣ, что я поклонникъ Папы, какъ продавшійся ему и имѣющій ежегодную пенсію въ 200 золотыхъ дукатовъ, какъ клирикъ римской Церкви, чѣмъ я и не былъ бы огорченъ, если бы дѣйствительно ихъ получалъ, но я не имѣю ни одного пенса и имѣю только титулъ безъ содержанія. Пусть святая Пропаганда разсмотритъ внимательно этотъ пунктъ и опредѣлитъ, что вдохновитъ ее Святой Духъ черезъ милость и благодать Нунція, котораго я прошу повліять въ этомъ дѣлѣ, помня что Патріархъ Московскій Іоасафъ II сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы лишить меня всякаго мѣста въ рангахъ духовенства, выталкивая меня и **отсѣкая всякую нить моей надежды быть выбреннымъ въ патріархи.** Прошу тебя, какъ отца, не оставить ни одного камня не перевернутымъ, чтобы сдѣлать что либо для меня". При этомъ посылаются привѣтствія Польскому примасу архіепископу Николаю. (Пал. V, 741). Это письмо какъ бы вскрываетъ намѣреніе Лигарида стать Московскимъ Патріархомъ и проводить унію, подобно митрополиту Исидору въ XV вѣкѣ. Это письмо

Лигарида было опубликовано Theiner'омъ въ Ватиканской прессѣ въ 1859 году въ Римѣ въ сборникѣ, озаглавленномъ „Monuments historiques relatifs au règne d'Alexis Michailovitch" и взятомъ изъ отдѣла Nunziatura de Polonia. Оно чрезвычайно важно, ибо проливаетъ свѣтъ на истинныя побужденія Лигарида въ дѣлѣ Никона. Помимо тѣхъ его обогащеній, на которыя указалъ Каптеревъ, какъ на истинную цѣль Лигарида, объясняющую его позицію въ дѣлѣ Никона, оказывается, что онъ стремился самъ занять его мѣсто, а послѣ осужденія Никона составленіемъ исторіи его осужденія сдѣлать въ этихъ же видахъ невозможнымъ и его возвращеніе. Эта исторія — есть источникъ, которымъ питалась о Никонѣ русская историческая наука вмѣстѣ съ Каптеревымъ; именно Лигаридъ, какъ современникъ, описавшій дѣло Никона, и почитался главнымъ источникомъ для характеристики и Никоновскихъ идей и его личности.

Никонъ, отсутствуя при обвиненіяхъ его въ опозореніи Царя и своего стада, лишенъ былъ возможности точно опредѣлить свое обличеніе за пріобщеніе къ Лигариду.

Если бы Никонъ присутствовалъ при этихъ обвиненіяхъ, онъ не оставилъ бы ихъ безъ отвѣта. Побудившіе Царя публично читать письмо Никона хотѣли создать такое положеніе (какъ если бы не они и царь предали гласности его письмо), чтобы Никонъ подпаль въ глазахъ судей подъ канонъ, осуждающій всѣхъ, кто несправедливо оскорбляетъ Царя или кто, найдя пасквиль на Царя, вмѣсто его уничтоженія, его читаетъ, и подъ канонъ, осуждающій епископа, позорящаго свое стадо. Никонъ такимъ образомъ предсталъ бы передъ судомъ, какъ преступникъ, и судьи пришли бы къ тому заключенію, что такія лица подлежатъ низверженію и даже смерти. Лигаридъ напоминалъ, что Никонъ сравнивалъ Царя съ Іероваамомъ и Озіей и называлъ дѣлательемъ нечестія, нарушителемъ правъ Церкви, ея разрушителемъ, а всѣхъ бояръ называлъ отпавшими къ ученію Папы ради Газскаго митрополита паписта, котораго онъ называлъ великимъ еретикомъ. Официальный протоколъ говоритъ про Никона: „Онъ былъ пристыженъ его письмомъ, тайно присланнымъ Святымъ Патріархамъ, которое было наполнено многими несправедливостями и клеветами противъ благочестивѣйшаго Самодержца и всего православнаго царства".

Это была совершенная неправда. Никонъ не отступилъ отъ своей точки зрѣнія на Лигарида, а напротивъ смѣло отстаивалъ фактъ нечестиваго общенія со скрытымъ католикомъ, разстриженнымъ пра-

вославленнымъ митрополитомъ и содомитомъ, обличеннымъ своимъ Патріархомъ.

Незаписанный въ протоколахъ инцидентъ обращенія Царя къ боярамъ и отвѣтъ Никона.

Не найдемъ мы въ официальныхъ протоколахъ и заявленій Никона Царю и боярахъ, о которомъ сообщаетъ и Шушеринъ (113-115 стр.) и Пальмеръ (V, 689-691). Инцидентъ произошелъ во время одной изъ остановокъ при чтеніи грамоты Никона Діонисію, проходившихъ въ обсужденіи прочитаннаго мѣста. Шушеринъ пишетъ: „Прочитаху же оную грамоту не всю порядно, но иже угодно имъ, то назнаменовавше прежде и читаху“. Прочли о жалобѣ Никона на заточеніе его доброжелателей, одинъ изъ которыхъ, повидимому, перешелъ на сторону Царя (митрополитъ Аѳанасій Иконійскій) и оказался среди судей; его показалъ Никону Царь. Шушеринъ передаетъ, что обвинителями Никона выступили митрополиты Павелъ, Иларіонъ и Меѳодій, которые „яко звѣріе дивіи обскачуще блаженнаго Никона, рыкающе, и вопіюще нелѣпыми гласы и безчинно всячески кричаху лающе, протчіи же отъ архіереевъ и отъ освященнаго чина никтоже ничто глаголюще, но вси стояху на своихъ мѣстахъ по степенямъ своимъ, такожде и царскій синклитъ. Бояре и вси сановники на друзѣй странѣ стояху по чину ничтоже вѣщающе. Видѣвъ же сіе Царь яко кромѣ оныхъ трехъ мужей никто ему не вспомошествоуетъ, возопи гласомъ велиемъ и рече сице: „Бояре, бояре, что вы молчите и ничего не вѣщаете, и меня выдаете, или азъ вамъ ненадобенъ“. Никто не рѣшался выступить, „только одинъ бояринъ князь Юрій Долгорукій, той убо угождалъ Царю нѣкая мала словеса поборствуяща по Царѣ испусти, Святѣйшаго же Никона Патріарха всячески уничижи. Видѣвъ же сіе Царь яко ото всѣхъ во всемъ мало себѣ помощи обрѣтаетъ, вельми скорбенъ бысть. Рече же ему Святѣйшій Патріархъ: „о Царю. Сихъ всѣхъ предстоящихъ тебѣ и собранныхъ на сію сонмищу, 9 лѣтъ всячески вразумлялъ еси и училъ и на день сей уготовлялъ, яко да на насъ возглаголять, но се что бысть не токмо что глаголати умѣяху, но ниже устъ отверзити можаху, не вскую ли поучашеся тщетнымъ: но азъ, о Царю! Совѣтъ ти даю, аще повелиши симъ на насъ вергнути каменіе, то сіе они абіе вскорѣ сотворятъ, а ежели оглаголати насъ, аще и еще 9 лѣтъ имати учиши, и тогда едва обрящещи что“. Царь обратился къ Епископу Лазарю Барановичу и сказалъ: „Лазаре, что ты молчиши и ничего не глаголеши и почто ты мене выдаеши въ семь дѣлѣ? Азъ бо на тебѣ во всемъ надѣялся.“ Ла-

зарь выступилъ изъ среды и сказалъ; „О, благочестивый Царю! Какъ имамъ праву оглаголовати или противитися", и сія изрекъ паки ста на мѣсто свое. (116 стр. у Шушерина, — у Пальмера V, 690). Передъ засѣданіемъ онъ обѣщалъ Царю, что, если найдетъ какое преступленіе за Никономъ, то молчать не будетъ.

Сцена между Никономъ и Царемъ.

Вслѣдъ за симъ разговоромъ произошла сцена трогательной бесѣды у Царя съ Никономъ, также не попавшая въ официальные протоколы. Она описана и у Шушерина, и у Пальмера „Мало же часу минувшу, въ размышленіе пришедъ Царь, и ставъ у престола своего и положи руку свою на устѣхъ своихъ молча одинъ часъ, таже по семъ прииде близъ ко Святѣйшему Патріарху Никону и пріялъ у него держимую лѣствицу пребирая, рече ему тихими глаголы, яко никому же слышати, токмо близъ сущимъ монахомъ сице: „о святѣйшій Патріарше, что яко сотворилъ еси сію вещь, полагая ми зазоръ великій и безчествующа мя". Никонъ же рече: „како". Царь же рече: „внегда ты поѣхалъ еси изъ обители своея сѣмо, тогда ты первое постился и исповѣдался и елеосвященіемъ освятися такожде и святую литургію служилъ, аки бы къ смерти готовился и сіе ми быть великій зазоръ". Св. Патріархъ рече: „истинно и, о Царю, яко все сотворилъ ожидая отъ тебе на ся не токмо скорбныхъ и томительныхъ наведеній, но и самыя смерти". Царь же клятвами утверждался рече: „о святче Божій! не токмо мнѣ мнимое тобою се и глаголемое сотворити, но и мыслити не можно за твоя многая и неисчетная къ дому моему и къ Царицѣ и къ чадамъ моимъ благодѣянія во время смертоносныхъ язвы, въ лѣта 162 и 163 годахъ, и внегда сущу ми во отшествіи на брани къ Смоленску и во иныхъ сопротивныхъ градѣхъ, тогда ты елико потщася и потрудился, якоже кокошъ со птенцы, съ ними преводя отъ мѣста на мѣсто, ища покоя и благораствореннаго воздуха, отъ безгодныхъ смерти, всемилостивѣйшій Богъ молитвъ ради твоихъ и такихъ дѣла трудовъ домъ весь сохранилъ, яко зѣницу ока, и за сія ли твоя бывшая благодѣянія воздати ми злая, ни, не буде ми сего ниже помыслити", и нѣкими клятвами страшнѣйшими себя заклалъ. Святѣйшій же Патріархъ Никонъ, удерживая его рукою, тихо рече: „Благочестивый Царь, не возлагай на себя такихъ клятвъ, вѣру же ми ими, яко имашь нанести на мя вся злая, и бѣды и скорби отъ тебе готовятся на мя зѣло люты", прирече къ сему и отъ Божественныхъ Писаній". Это былъ послѣдній ихъ интимный разговоръ въ

жизни, который закончился словами Никона въ отвѣтъ на мирныя завѣренія Царя: „Добро и блаженно избралъ еси аще совершити (миръ), но вѣдай буди, — яко не имать отъ тебе сіе совершиться, зане гнѣвъ твой, начатый на насъ, хоцетъ конецъ пріяти". Послѣ чего продолжалось чтеніе грамоты.

Основная идея боярства въ борьбѣ противъ Никона.

Разговоръ этотъ показателенъ въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ, какъ и все послѣдующее отношеніе Царя къ Никону съ постоянными посылками подарковъ и испрашиваніемъ прощенія вплоть до смертнаго одра, **что не въ Царѣ былъ корень злобы противъ Никона, но что, окруженный боярами, стоящими во главѣ правленія, враждебными Никону, и не прощавшими Царю и Никону вліянія послѣдняго, Царь былъ безсиленъ по своей слабохарактерности выступить за Никона;** чтобы ему выступить съ силой Грознаго Царя, надо было нераздѣльное содѣйствіе Никона, восполнявшаго его недостатки, какъ правителя, но этого то, то есть возсоединенія Царя съ Никономъ и нельзя было допустить боярамъ: въ этомъ была вся ихъ идея борьбы противъ Никона, если только можно назвать идеей тупое стремленіе поддержать во что бы то ни стало свое аспирируемое положеніе прирожденных совѣтниковъ Царя; свое паденіе имъ удалось впрочемъ отстрочить не надолго, ибо паденіе Боярской Думы или ея незамѣтная смерть и замѣна Сенатомъ изъ людей заслуги, а не породы, была политической смертью боярства.

Въ чемъ обвиняли на судѣ Никона? Отсутствіе обвиненія его на судѣ въ вохищеніи свѣтской власти.

Упомянувъ о важныхъ пропускахъ въ официальныхъ протоколахъ, которые пропущены и писателями, нерасположенными къ Никону и продолжающими отношеніе къ нему боярства и Лигарида (Соловьевъ и Каптеревъ), мы должны обратиться къ тому, въ чемъ обвиняли Никона и за что еще его судили, если исходить изъ того, что произошло на судѣ. Мы видѣли, что значительная и первая по порядку часть вопросовъ въ свиткахъ была посвящена вопросамъ о соотношеніяхъ гражданской и церковной власти. Но не только не было произнесено ни одного слова обвиненія въ этомъ на Никона, но даже при Никонѣ и не читались эти главы, благопріятствовавшія утвержденію государственнаго верховенства и косвенно обвинявшія Никона въ его оспариваніи. **Дѣло на судѣ происходило такъ, какъ**

будто этих обвинений вовсе не существовало. Сдѣлано это было, можетъ, и потому, что дѣйствительно Никонъ касался государственныхъ дѣлъ только лишь постольку, поскольку самъ Царь привлекалъ его къ положенію совѣтника, а въ его отсутствіе и къ положенію государственнаго регента; въ силу же патріаршаго положенія, онъ выступалъ въ качествѣ печаловника за несправедливо обиженныхъ и притѣсняемыхъ, что было обычаемъ государственной жизни Московской эпохи.

Соборъ неоднократно возвращается къ вопросу объ уходѣ Никона 1658 г. но не изслѣдуетъ этого вопроса.

Съ самаго начала суда говорилось объ отшествіи Никона, и въ каждомъ засѣданіи къ этому возвращались; кромѣ того, читалась въ выдержкахъ, интересныхъ для правительства, грамота Никона къ Константинопольскому Патріарху и попутно происходили вопросы Никону, на которые онъ отвѣчалъ съ своей обычной прямолинейностью, но характерно то, что ни одинъ вопросъ, даже главный вопросъ объ оставленіи кафедры, не былъ углубленъ до возможности освѣтить его всесторонне на судѣ. Когда Никона спросили съ самаго начала по предложенію Царя, отчего онъ ушелъ, онъ заявилъ, что отъ царскаго гнѣва. Но Соборъ не изслѣдовалъ его ухода, не пересматривалъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ въ 1660 г., не разсматривалъ всего того, что было сдѣлано для изслѣдованія этого на Соборахъ 1660 г. и 1666 г., ни соборныхъ постановленій 1660 г., ни проекта Никоновскихъ предложеній объ отреченіи, сдѣланныхъ въ началѣ 1665 г., ни соборныхъ контръ-проектовъ, сдѣланныхъ въ отвѣтъ на нихъ весной 1666 г.; не разсматривался и главный вопросъ, который требовалъ разъясненія при дѣйствительно правдивомъ отношеніи къ дѣлу, — причина царскаго гнѣва, и суть разногласія между Никономъ и Царемъ, приведшаго къ его уходу; всякій намекъ на это избѣгался, судя по протоколамъ. Пальмеръ предполагаетъ только, что Никонъ больше сказалъ объ этомъ, чѣмъ врагамъ его угодно было занести въ протоколъ, ибо Шушеринъ говоритъ, что Никонъ смѣло и ясно пояснилъ, какъ и почему онъ ушелъ изъ Москвы и за что онъ наложилъ анаѣмы. (Стр. 109).

Составъ участниковъ суда надъ Никономъ.

На судѣ надъ Никономъ присутствовала вся Русская Церковь въ лицѣ своихъ высшихъ представителей. Официальный протоколъ упоминаетъ 28 епископовъ, изъ нихъ было 2 Патріарха,

11 иностранных во главѣ съ Паисіемъ Лигаридомъ, пришедшихъ по своему дѣлу для милостыни, а не въ силу каноническаго призыва на Соборъ, правильно переданнаго черезъ мѣстныхъ Патріарховъ; иные изъ нихъ были привлечены не каноническимъ призывомъ, а медоточивыми рѣчами Мелетія для своей цѣли въ угоду Царю и боярамъ; было затѣмъ 6 епископовъ русскихъ, получившихъ свое посвященіе (кромѣ Питирима) и поставленіе черезъ Паисія Лигарида послѣ ухода Никона, 8 епископовъ Никоновскаго посвященія и Лазарь Барановичъ, перешедшій самъ изъ подчиненія Константинопольскому Патріарху въ Кіевской митрополіи въ подчиненіе Московскому Патріарху. Изъ епископовъ Никоновскаго поставленія 4 были явно враждебны Никону (**Іоасафъ** Астраханскій, участвовавшій въ слѣдствіи 1663 г. **Іосафъ** Тверской, равнявшій свои показанія въ 1660 г. по Питириму, **Илларіонъ** Рязанскій, недовольный тѣмъ, что въ 1652 г. его отецъ, — митрополитъ Антоній, б. старецъ Ананія, къ которому пришелъ 12 лѣтній Никонъ въ Желтоводскій монастырь, — отказался отъ патріаршества для Никона, и **Александръ Вятскій** недовольный за переводъ съ Коломенской Епархіи). Лишь два Епископа были благосклонны къ Никону: **Симонъ Вологодскій** и **Лазарь Черниговскій**. Судъ происходилъ якобы съ согласія правящаго Константинопольскаго Патріарха, т. е. Парѣенія, но это была ложь, ибо онъ участвовалъ въ низложеніи обоихъ Патріарховъ именно за ихъ поѣздку въ Москву. Эта ложь была совершена патріархами съ самаго начала, когда Никонъ спросилъ, имѣютъ ли они полномочія его судить, а патріархи показали на свитки, какъ на свои полномочія, не имѣвшіе, какъ мы знаемъ, никакого отношенія къ полномочіямъ патріарховъ; даже подписи Патріарха Парѣенія не было подъ каноническимъ разсужденіемъ свитковъ. Составъ суда, въ которомъ было 11 иностранныхъ Епископовъ, обязанныхъ Московскому правительству, и включалъ въ себя митрополита Новгородскаго Питирима, митрополита Крутицкаго Павла, которыхъ Никонъ, хотя безрезультатно, отводилъ, какъ причастныхъ къ дѣлу объ его отравленіи — кромѣ упомянутыхъ четырехъ враговъ, обезпечивалъ обвинительный приговоръ. Изъ духовныхъ присутствовали еще 29 архимандритовъ, 10 монаховъ и протопоповъ. Изъ главныхъ бояръ, присутствовавшихъ на судѣ Лигаридъ упоминаетъ Никиту Ивановича Одоевскаго, Григорія Черкаскаго, Юрія А. Долгорукаго, Ивана Прозоровскаго (начальника Малороссійскаго Приказа П. V пр. 216), боярина Петра Салтыкова, окольничьяго Родіона Стрешнева (Семень Лукьяновичъ

Стрешневъ уже умеръ въ 1666 г., кн. А. Н. Трубецкой — въ 1663 г., Б. И. Морозовъ въ 1661 г. (П. II, 402).

Обстановка суда.

Судъ былъ обставленъ очень торжественно; около царскаго трона, стоящаго на высокомъ мѣстѣ, стояло два кресла для патріарховъ и передъ ними столъ, на которомъ лежали свитки; по бокамъ съ одной стороны сидѣли духовныя власти, съ другой — бояре. За Никономъ отправилась депутація въ лицѣ Епископа Меѳодія и двухъ архимандритовъ съ приказомъ идти скромно безъ креста и Евангелія. Рѣшено было, чтобы Никонъ сначала сидѣлъ, а потомъ стоялъ, а сидѣть по правую сторону отъ Царя; при его входѣ не должны были вставать. Посланный архимандритъ Юсифъ вернулся и сказалъ что Никонъ категорически отказывается идти безъ креста, и ему разрѣшили идти съ преднесеніемъ креста. Когда онъ вошелъ, всѣ встали; Никонъ, вставъ у царскаго мѣста, читалъ входную молитву о здравіи государя и его семейства, о Св. Патріархахъ и всѣхъ христіанахъ. Въ это время Царь и всѣ стояли. Потомъ Никонъ трижды въ землю поклонился Царю и дважды Патріархамъ, а затѣмъ по обѣ стороны архіереямъ и боярамъ. Онъ вошелъ, какъ Патріархъ, и всѣ съ этимъ примирились. Ему предложили сѣсть. Но онъ сказалъ: „мѣста, гдѣ бы мнѣ сидѣть, я здѣсь для себя не вижу, а съ собой не принесъ. Я пришелъ узнать, для чего меня звали“.

Рѣчь Царя и вопросъ Никона о полномочіяхъ отъ Константинопольскаго Патріарха. Обманъ Патріарховъ по отношенію къ Никону.

Тогда Царь сошелъ съ своего мѣста и сталъ у края стола. Такъ же, какъ и иконъ, онъ все время стоялъ. Царь изложилъ свою точку зрѣнія, сказавъ: „Отъ начала Московскаго государства ни отъ кого не было такого безчестія, какое учинилъ бывший Патріархъ Никонъ; для своей прихоти, самовольно безъ нашего повелѣнія и безъ Соборнаго совѣта, Соборную Церковь оставилъ и патріаршества отрекся безъ всякой причины, никѣмъ не гонимъ, и отъ того учинились многія смуты и мятежи, а Соборная Церковь вдовствуетъ безъ Патріарха 9-й годъ. Допросите его, святые Патріархи, для чего онъ престоль свой оставилъ и ушелъ въ Воскресенскій монастырь"... Но Никонъ на вопросъ Патріарховъ сказалъ: „Я хиротонисанъ отъ Константинопольскаго Патріарха; есть ли у васъ совѣтъ и согласіе съ вселенскими Патріархами Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ, „чтобы меня

судить? Если есть, я готовъ дать вамъ отвѣтъ", и Патріархи сказали: „да, есть" и указали на свитки.

Допросъ Никона объ его уходѣ въ 1658 г.

Послѣ этого начался допросъ. Сначала Никонъ сообщилъ, что уходъ въ 1658 г. былъ побить его домовый человѣкъ, и не было дано ему обороны Царемъ, потомъ Царь пересталъ въ Церковь ходить на его богослуженія, рассказалъ о присылкѣ боярина Ромодановскаго съ повелѣніемъ не писаться великимъ Государемъ, что онъ дѣлалъ раньше по повелѣнію Царя.

Что Никонъ не имѣлъ пристрастія къ этому титулу показываетъ и то, что онъ далеко не всегда именовалъ себя имъ, а иногда просто Государемъ. Такъ въ грамотѣ 27 марта 1658 г. игумену Полоцкаго Богоявленскаго монастыря Игнатію о непосредственной зависимости его отъ Москвы, Патріархъ Никонъ величаетъ себя: „Божіей милостью архіепископъ Царствующаго града Москвы великій господинъ и Государь". А въ другомъ мѣстѣ: „Мы, великій господинъ и Государь Святѣйшій Никонъ Архіепископъ царствующаго града Москвы и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и всея сѣверныя страны и поморія и многихъ государствъ Патріархъ". (Бѣлорусскій Архивъ стр. 110).

На это Царь сказалъ, что не ходилъ въ Церковь за недосугомъ, что безчестіе домовому человѣку на Никона не переходитъ, что называлъ онъ великимъ Государемъ Никона ради почитанія, о гнѣвѣ не поручалъ говорить. Родіонъ Стрешневъ сообщилъ, что, когда онъ съ Трубецкимъ былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, то Никонъ сказалъ, что онъ впредь не хочетъ быть Патріархомъ, что, когда его избрали Патріархомъ, то онъ положилъ клятву быть Патріархомъ только три года. Никонъ: „Я такъ не говорилъ", и затѣмъ произошелъ діалогъ, выяснившій всю клевету объ уходѣ Никона, которая утверждалась боярами и которая была составлена ими на основаніи произвольнаго сочетанія и сопоставленія разновременныхъ словъ и дѣйствій Никона въ Успенскомъ Соборѣ 10 іюля 1658 года, сказаннымъ имъ въ другомъ смыслѣ. Патріархи: „какія обиды тебѣ были отъ великаго Государя?" Никонъ: „Обидъ никакихъ не было, но какъ великій государь сталъ гнѣвенъ и пересталъ ходить въ Церковь, поэтому я и патріаршество оставилъ". Патріархи спрашиваютъ архіереевъ, и они отвѣчаютъ, что Патріарху Никону отъ великаго государя никакихъ обидъ не было. Никонъ: „Я объ обидѣ не говорю, а говорю о госуда-

ревомъ гнѣвъ; не я одинъ, а и прежніе Патріархи, какъ Аѳанасій Александрійскій и Григорій Богословъ — также бѣгали отъ царскаго гнѣва". Патріархи: „Другіе Патріархи оставляли престолъ, да не такъ какъ ты: ты отрекся и сказалъ, что впредь не будешь Патріархомъ, а если будешь Патріархомъ, анаѳема будешь."

Никонъ: „Я такъ не говорилъ, а говорилъ, что за недостойнство свое иду, а если бы я отрекся отъ Патріаршества съ клятвой, то не взялъ бы съ собой и святительской одежды".

Патріархи: „Когда посвящаютъ, говорятъ: „достойнъ", а ты, Никонъ, какъ снималъ съ себя святительскія одежды, говорилъ: „не достоинъ".

Никонъ: „Это на меня затѣяли". Затѣмъ стали читать Никоновскую грамоту къ Константинопольскому Патріарху Діонисію, перехваченную съ пути, и попутно предлагать Никону вопросы.

Когда читали въ грамотѣ то мѣсто, гдѣ онъ объяснялъ свой уходъ, ему опять повторили обвиненіе въ уходѣ, но Никонъ опять повторилъ, что великій государь пересталъ ходить въ Церковь на патріаршія служенія, и это онъ принялъ за немилость къ себѣ; съ патріаршества онъ сошелъ собою, а не по царскому приказу, патріаршества не отрекался; о государевомъ гнѣвѣ объявилъ небу и землѣ и, уходя съ Москвы, кромѣ саккоса и митры ничего не взялъ съ собой. Когда Патріархи сказали: „если бы былъ на тебѣ государевъ гнѣвъ, то объ этомъ тебѣ бы слѣдовало посовѣтоваться съ архіереями и къ великому Государю посылать ходатаевъ бить челомъ о прощеніи, а не сердиться", „Никонъ отвѣтилъ: „Я для того и не совѣтовался съ архіереями, чтобы государя на гнѣвъ не привести". Но **архіереи** и **бояре** на вопросъ объ обидахъ Царя Никону говорили: „Отъ великаго государя Никону никакой обиды не было", „пошелъ онъ съ престола не съ обиды, а съ сердца и отрицался съ клятвой: снимая панагію говорилъ: если и помыслю быть Патріархомъ, да буду анаѳема". Объ уходѣ Никона опять говорили въ засѣданіи въ его отсутствіе, причемъ Царь показалъ Патріархамъ письма Никона; изъ нихъ въ одномъ онъ назвался бывшимъ Патріархомъ (мы знаемъ въ какомъ смыслѣ Никонъ такъ писалъ, именно, что Царь его не почитаетъ, какъ надо почитать Патріарха, къ которому обязанъ послушаніемъ въ церковныхъ дѣлахъ), а въ другомъ, гдѣ Никонъ протестовалъ противъ дѣйствій митрополита Питирима въ недѣлю Ваій, онъ подписался Патріархомъ. Патріархи объявили, что по царскимъ книгамъ, кто трижды объявился во лжи (это было въ

отсутствіе Никона), тому вѣрить нельзя; потому не будутъ вѣрить Никону ни въ чемъ.

Когда Никону поставили, въ отвѣтъ на его обвиненіе въ поставленіи Меѳодія въ области Константинопольскаго Патріарха, на видъ неканоничность назначенія имъ епископа въ Полоцкъ, который не входилъ въ Московскій Патріархатъ, то Никонъ отвѣтилъ, что тамъ не было вовсе епископа, ибо епархія была уніатская. Поэтому митрополитъ Макарій напрасно повторилъ упрекъ Никону въ своемъ XII томѣ, что онъ ставилъ епископа въ чужой епархіи. Никонъ указывалъ на отсутствіе православной епархіи.

Заочное обвиненіе Никона въ лжи и въ оскорбленіи Царя черезъ обличеніе въ пріобщеніи къ католическому ученію.

Затѣмъ, соединивъ обвиненіе въ отреченіи съ обвиненіемъ въ оскорбленіи Никономъ всего стада, они тутъ же прибавили: „По правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ отецъ, кто кого оклеветуетъ въ какомъ-либо зломъ дѣлѣ и того дѣла не доведетъ и какое наказаніе опредѣлено виновному въ такомъ дѣлѣ, учинить тому, кто оклеветалъ; а кто на кого возведетъ еретичество и не докажетъ, тотъ клеветникъ достоинъ, если духовнаго священническаго чина, низверженія, а если мірянинъ — проклятія. А Никонъ тебя, великій Государь, весь Соборъ, синклитъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ назвалъ еретиками; то мы и будемъ на основаніи тѣхъ правилъ судить Никона, и это дѣло станемъ обсуждать прежде, потому что это дѣло великое". Въ засѣданіи 5 декабря опять нѣсколько разъ спрашивали объ отреченіи не съ цѣлью углубить дѣло, и уяснить въ чемъ былъ гнѣвъ Царя, въ чемъ было разногласіе Царя съ Никономъ, кто изъ нихъ былъ неправъ, и кто претендовалъ на недолжное, а просто для того, чтобы показать, что Никону ни въ чемъ не вѣрятъ.

Обращеніе Патріарха Паисія къ Царю о причинахъ своего прихода и его самопротиворѣчіе.

Въ этомъ засѣданіи Патріархъ Паисій обратился къ Царю съ рѣчью (совершенно противорѣчащей съ письмомъ этихъ Патріарховъ къ Константинопольскому Патріарху Парфенію, гдѣ приходъ въ Москву объяснялся нуждой въ дальнѣйшей милостыни и покровительствѣ всѣмъ Восточнымъ патріархатамъ и надеждой на пользу для греческихъ интересовъ): „Благочестивый Государь. Богъ вѣсть, что мы пришли въ царствующій градъ Москву не для какой-либо милостыни или нужды, а по твоей царской грамотѣ, что

Патріархъ Никонъ оставилъ соборную Церковь и свой патріаршій престолъ, и потому Русская Церковь вдовствуетъ 9 годъ".

Возобновленіе допроса объ уходѣ Никона въ засѣданіи 5 декабря, опять безъ уясненія его основныхъ причинъ.

А обращаясь къ Никону Патріархъ Паисій сказалъ: „Ты, Патріархъ Никонъ, отрекся отъ патріаршаго престола съ клятвою и ушелъ безъ законной причины. Для чего ты это сдѣлалъ?" Никонъ: „патріаршаго престола я не отрекался, клятвы не произносилъ, а засвидѣтельствовалъ небу и землѣ и ушелъ отъ государева гнѣва. Я и теперь не отрекаюсь исполнить волю царскаго величества, куда великій Государь изволить, я туда и пойду — благое по нуждѣ не бываетъ". Патріархи: „мы слышали мнѣніе, что ты отрекся отъ патріаршества съ клятвой". Никонъ: „Это на меня затѣяли. Если я не годенъ, то я и теперь не желаю патріаршаго престола, а куда царское величество изволить, туда я и пойду".

Никонъ вовсе не утверждалъ, что хочетъ патріаршей каѳедры да никогда и не стремился занимать патріаршую каѳедру при сложившихся условіяхъ вражды противъ него, и раньше онъ писалъ Царю, что онъ не противится избранію другого Патріарха, но безъ его содѣйствія всякій, ставшій Патріархомъ, подлежитъ анаѳемѣ. Казалось бы, при отказѣ Никона возвращаться на каѳедру, когда такимъ образомъ не было никакой нужды спорить о томъ, что именно онъ сдѣлалъ, въ какомъ смыслѣ ушелъ съ престола, освободилъ ли онъ каѳедру совсѣмъ, или могъ возвратиться на нее самъ, — ибо онъ теперь то во всякомъ случаѣ ее освобождалъ, — то, казалось, надо было вспомнить о начатыхъ въ 1665 г. переговорахъ съ Никономъ объ условіяхъ этого освобожденія; но это не входило въ планы враговъ: имъ надо было отнестись къ Никону, какъ къ преступнику, чтобы освободиться отъ него навсегда; для этого надо имъ было выставить непременно самый его уходъ, какъ преступленіе, и присоединить къ нему новое обвиненіе въ оскорбленіи имъ всей паствы причисленіемъ ея къ еретичеству. Гдѣ же обвиненіе къ покушеніи на царскую власть? Если бы оно было, неужели было бы умолчано объ этомъ, когда въ теченіе 8-ми лѣтъ непрерывно отыскивались и собирались обвиненія, когда всякій малѣйшій актъ Никона извращался, съ цѣлью представить его криминальнымъ, когда на самомъ судѣ пришлось для обвиненій прибѣгать къ величайшимъ натяжкамъ? Утвержденія Никона объ его уходѣ было обезсилены ссылкой на книгу Атталіота, указывающую вѣрить показаніямъ 2 или 3

свидѣтелей и его заявленіе о томъ, что показываютъ его личные враги, не было уважено; благожелательные же Никону свидѣтели на судъ не вызывались.

Никонъ заявляетъ, что судящіе его Патріархи теперь не Патріархи. Отказъ Никона отвѣчать.

Когда митрополитъ Илларионъ заявилъ, что „ты и просвятѣйшихъ Патріарховъ Паисія и Макарія говорилъ, что они не истинные Патріархи“, Никонъ сказалъ: „мнѣ о томъ достовѣрно извѣстно, что на ихъ мѣсто поставлены другіе патріархи; говорили мнѣ объ этомъ греки; нужно, чтобы великій Государь указалъ о томъ изслѣдовать, — допросить грековъ, да допросить и вселенскихъ Патріарховъ по Евангелію“: Патріархи, сердясь, стали говорить: „мы престоловъ своихъ не покинули, мы не изверженные (Патріархъ Парфеній низвергнулъ ихъ) и патріаршества не отрекались, — развѣ турки безъ насъ что учинили; если же кто и дерзнулъ наши престолы занять противъ правилъ или принужденіемъ турокъ, то тѣ не Патріархи, а прелюбодѣи. Св. Евангелію тутъ быть не для чего, архіерею не подобаетъ на Евангеліи клясться. А ты Никонъ вовсе отрекся; на тебя есть много свидѣтелей, что ты патріаршій престолъ оставилъ съ клятвой (свидѣтельства эти были въ 1660 г., но въ сущности утверждали это только митрополитъ Питиримъ и князь Трубецкой), да отъ тебя и вся Москва смутилась“.

Никонъ: „свидѣтельствуюсь Богомъ, что отъ сего часа я отвѣчать передъ вами, Патріархами, не буду, пока вы не предоставите грамоты отъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго Патріарховъ.“ Никонъ очевидно почувствовалъ обманъ его относительно полномочій, не говоря по существу о той несправедливости, которая совершалась надъ нимъ. Его протесты противъ захвата Царемъ Церкви, обусловленные его обязанностью Патріарха, были приняты, какъ оскорбленіе, влекущее низверженіе.

Намѣренное искаженіе дѣйствій Никона его врагами.

Его уходъ, предпринятый въ архипастырской заботливости показать, что отношеніе къ Церкви со стороны бояръ и Царя недопустимо, былъ принятъ, какъ оставленіе обязанностей своего служенія, влекущее неспособность возвратиться на престолъ по 2 кан. Соф. Собора 879 г. Его отсутствіе изъ Москвы, хотя стражи у городскихъ воротъ имѣли приказъ не впускать его въ Москву, и онъ въѣхалъ въ декабрѣ 1664 г. лишь по особому указанію Зюзина, — почиталось

какъ нерадѣніе наемника, а самый прїѣздъ какъ 1664 г. почитался, какъ насильственный захватъ престола, при одновременномъ обвиненіи въ нерадѣніи о стадѣ. Полное непониманіе или, вѣрнѣе, стараніе не понять истинное намѣреніе Никона, вслѣдствіе нежеланія допустить его въ Москву на патріаршество, а черезъ и къ Царю, отличаютъ всѣ дѣйствія его враговъ.

Чтеніе въ засѣданіи 5-го декабря патріаршихъ свитковъ (14-24 главы).

Далѣе мы нѣсколько подробнѣе воспроизведемъ засѣданіе 5 декабря по Пальмеру, такъ какъ въ русскихъ сочиненіяхъ оно вездѣ въ укороченномъ видѣ, а между тѣмъ, оно характеризуетъ способъ примѣненія каноновъ къ дѣлу Никона. Проф. Каптеревъ, говоря (II, 347, 348) о засѣданіи 5 декабря, говоритъ о протестѣ Никона противъ цитируемыхъ противъ него правилъ, но не объясняетъ причины этого протеста со стороны Никона, не уясняетъ, что Никонъ протестовалъ и противъ смѣшенія правилъ произвольнымъ ихъ толкованіемъ въ свиткахъ, и противъ примѣненія ихъ къ нему въ виду иной природы его ухода, чѣмъ та, которая имѣлась въ виду цитированными правилами. Последнее происходитъ потому, что природа Никоновскаго ухода не выяснена проф. Каптеревымъ; онъ также не выслушалъ Никоновскихъ объясненій, данныхъ въ его „Раззореніи“; между тѣмъ они объясняютъ все поведеніе Никона за періодъ 1658—1664 г. въ отношеніи его къ правамъ на Московскій патріаршій престолъ.

Принявъ, какъ исходный пунктъ дальнѣйшаго, свои утвержденія о винахъ Никона, судьи перешли къ чтенію 14-24 главъ свитковъ, **пропустивъ всѣ тѣ главы, которыя касались соотношеній власти свѣтской и церковной.** Сначала прочли 14 главу, въ которой установлено, что епископъ, отрекшійся отъ своей каѳедры и ушедшій въ число кающихся (кто принялъ великую схиму), не можетъ на нее вернуться, въ подтвержденіе чего цитировано въ 14 гл. свитковъ 13 пр. I—II Собора (въ дѣйствительности 12 пр. Собора 879 г.). Пальмеръ (V, -713) замѣчаетъ, что Соловьевъ отождествляетъ текстъ патріаршихъ свитковъ, читанныхъ на Соборѣ, съ канонами, смѣшивая въ одно цитаты изъ каноновъ по свиткамъ съ самими канонами Кормчей и греческаго Педаліона, лежавшихъ на столѣ передъ патріархами; онъ пишетъ: „патріархи приказали Амасійскому митрополиту по гречески читать **каноны** (имѣя въ виду свитки и каноны въ

томъ видѣ, какъ они приведены тамъ), а по русски митрополиту Иллариону".

Никонъ заявляетъ, что глава XV свитковъ содержитъ искаженный канонъ.

Они читали первое рѣшеніе главы XV:¹ **всякій, кто оставилъ каѳедру по своей волѣ безъ преслѣдованія, тому не должно позволять на нее возвращаться" и далѣе о покаяніи-плугѣ, отъ котораго руки не отнимаются.** (Какъ еслибы это было сказано въ 2 пр. Собора 879 г. только что цитированномъ). Тогда Никонъ, увидѣвъ, что читаются не каноны, а произвольно составленные выводы изъ нихъ, сказалъ: „это не каноны Святыхъ Апостоловъ, или Вселенскихъ, или помѣстныхъ соборовъ. Такихъ каноновъ я не принимаю и не слушаю". Патріархи: „такъ ты не принимаешь какъ каноническій, этотъ нашъ Соборъ (скорѣе этотъ свитокъ), который утвержденъ противъ тебя четырьмя патріархами?" Это была ложь, ибо свитокъ не поминалъ Никона. Никонъ сказалъ: „эти писанія не лучше старыхъ бабьихъ сказокъ, ибо приводятся поддѣльные каноны, неправильно истолкованные и комментированные. Поэтому я не принимаю ихъ. Ибо кто же говорилъ, что покаяніе есть плугъ и кто примѣнялъ евангельскій текстъ о плугѣ къ покаянію?" Когда Митрополитъ Павелъ сказалъ, что Церковь приняла эти каноны (разумѣя каноны Собора 879 г.), то Никонъ сказалъ: „ихъ нѣтъ въ русской Кормчей (т. е. нѣтъ правила или толкованія, теперь приписываемаго Кормчей); греческіе каноны (если тамъ такой текстъ есть) неправильны, или Патріархи написали свое толкованіе; и она (т. е. книга, о которой говорится, что она ихъ содержитъ) напечатана еретиками (какъ показываетъ обложка) въ Венеціи".

Никонъ вновь отрицаетъ фактъ отреченія отъ каѳедры и говоритъ о гоненіи противъ него. Въ чемъ выразился гнѣвъ Царя?

„Кромѣ того я не отрекался отъ каѳедры (т. е. безоговорочно въ смыслѣ этого канона, еще меньше принималъ великую схиму, которую теперь изволили называть плугомъ покаянія); это на меня

¹ Выдавая его за 2 прав. Собора 879 года, тогда какъ это правило говорило не объ уходѣ, а о принятіи монашескаго сана епископомъ, каковой разсматривается этимъ правиломъ, какъ отреченіе, что видно изъ самого его текста въ Кормчей: „аще который епископъ или пресвитерь, или дьяконъ восхищенъ снити во мнишескій чинъ и стати на мѣстѣ покаянія рекши постригшися, епископъ оттолѣ уже да не имать архіерейскаго сана. Мнишестіи во обѣтѣ покоренія имѣють словеса и ученичества, а не учительства, ни первопрестольства, ни паствити, но пасомому быти обѣщаются; сего ради якоже прежде речено есть, повелѣваемъ архіерейскаго чина и пастыремъ сущимъ къ тому уже не начальствовати, но въ пасомыхъ и кающихся страну себя свободити. Аще же кто се сотворити дерзнетъ по изъясненію и по разумѣ нынѣ изреченнаго суда, иже самъ себѣ святительскаго сана лишилъ, къ тому на первый степень не возвратися его же самѣми дѣлеса отвержеся".

затѣяли". Патріархи сказали: „наши греческіе каноны правильные". Когда Тверской **архіепископъ Іосафъ** сказалъ объ отреченіи съ клятвой, **Никонъ** назвалъ это ложью и въ четвертый разъ сказалъ, что не ищетъ возвращенія на каѳедру. И опять Никонъ повторилъ, что „если бы отрекся, не взялъ бы ризъ съ собой". **Никонъ** прибавилъ: „не только его одного гнали несправедливо; это сдѣлали и съ Златоустомъ." Затѣмъ, повернувшись къ Царю, сказалъ: „Какъ на Москвѣ была смута (1648 и 1662 г.г.), ты въ то время страха ради и самъ неправду (боярскую) свидѣтельствовалъ среди бояръ, и я устрашась (твоего плѣненія этой боярской неправдой) ушелъ отъ твоего гнѣва". Такъ Никонъ свидѣтельствовалъ, въ чемъ состоялъ **гнѣвъ Царя**: не только въ нехожденіи въ Церковь и неудовлетвореніи за обиду его человека, но въ выдачѣ его боярамъ, въ предоставленіи имъ совершать свои неправды, о которыхъ Царь и самъ знаетъ по бунтамъ 1648 г. и 1662 г. **Царь** сказалъ: „Ты говоришь неподобныя слова и оскорбляешь меня", и тутъ поднялось на Никона негодованіе.

Послѣ читалась глава о епископѣ, который, оставивъ каѳедру, отказывается на нее вернуться, 17-ая о епископѣ, совершающемъ епископскіе акты послѣ отреченія, 18-ая о незаконномъ отсутствіи епископа и 19-ая о епископѣ, который по страсти или по нерадѣнію уходитъ и игнорируетъ паство надъ своимъ стадомъ, оставаясь въ своемъ діѳезѣ. Правила составлены такъ, чтобы предусмотрѣть всѣ комбинаціи, кромѣ той единственной, которая отвѣчала наличной дѣйствительности съ Никономъ, природѣ его ухода ради архипастырскаго воздѣйствія и одновременно ухода отъ злобы людей по 17 Сардикскому правилу, разрѣшающему и вернуться по окончаніи гоненія. Читались правила 20, 21 и 22 о судѣ надъ Патріархомъ и апелляціи къ Константинопольскому Патріарху.

Заявленіе Патріарховъ о своемъ апостольскомъ преемствѣ и титулахъ.

Повидимому въ связи съ чтеніемъ 22 правила объ апелляціи къ Константинопольскому Патріарху, Патріархи заявили: „мы всѣ четыре Патріарха — преемники Св. Апостоловъ. Я, прибавилъ Антіохійскій Патріархъ, преемникъ князя Апостоловъ Петра, этотъ братъ мой Александрійскій — Марка, Константинопольскій — Андрея и Іерусалимскій — Іакова, брата Господня. Поэтому, если мы что говоримъ, то отъ устъ Апостоловъ и Евангелистовъ." По Соловьеву, Александрійскій Патріархъ спросилъ: „знаешь ли ты, что Александрійскій Патріархъ — вселенскій судья?" Очевидно,

патріархи хотѣли импонировать Никону своимъ собственнымъ авторитетомъ и безъ Константинопольскаго, ссылаясь на широкіе титулы, хотя бы они и не включали въ себя особыхъ правъ юрисдикціи. Но Никонъ отвѣтилъ: „Тогда суди себя по тому же правилу, какъ и насъ. Въ Александріи и Антіохіи, какъ въ Москвѣ, нѣтъ теперь патріарховъ. Александрійскій живетъ въ Каирѣ, Антіохійскій въ Дамаскѣ, (подразумѣвается, а Московскій — въ Воскресенскомъ)". Когда читалась 23 глава о количествѣ епископовъ, судящихъ Патріарховъ, въ которой есть ссылка на Матѳея Властыря, и Патріархи сказали: „слушай св. каноны", то Никонъ сказалъ (уже по опыту съ 14 и 15 главой): „греческіе каноны (разумѣется въ видѣ цитированномъ въ свиткахъ) неправильны (если они таковы въ вашемъ Педаліонѣ); они напечатаны еретиками." Патріархи предложили Никону расписаться, что Греческій Номоканонъ еретиченъ.

Разсужденія о судѣ надъ Патріархомъ.

Никонъ, разумѣется, отказался сдѣлать это, ибо онъ высказывался о правилахъ въ томъ видѣ, какъ ему цитировали, и упрекъ его относился бы къ самому Номоканону только въ томъ случаѣ, еслибы оспариваемыя имъ цитаты Патріарховъ, ему читанныя, соотвѣтствовали Номоканону въ точности. Когда его спросили по существу вопроса, сколько епископовъ можетъ судить епископа и сколько Патріарха? Никонъ отвѣтилъ, что „Епископа 11, а Патріарха вся вселенная (т. е. всѣ Патріархи)". Патріархи тогда спросили Никона: „какъ же ты одинъ низложилъ неканонически еп. Павла Коломенскаго (въ 1654 г.) и сослалъ его?" **Никонъ:** „Я не моимъ собственнымъ авторитетомъ низложилъ его." Видя безконечный словесный споръ, Патріархи сказали: „мы пришли сюда не спорить съ тобой, но дать патріаршее рѣшеніе. Такъ какъ ты спрашивалъ насъ, имѣемъ ли мы полномочіе другихъ двухъ Патріарховъ, то смотри, мы показываемъ тебѣ ихъ подписи на этихъ двухъ свиткахъ, посланныхъ въ Москву раньше нашего прихода". **Никонъ** посмотрѣлъ на подписи и сказалъ: „я не знаю ихъ рукъ." **Патріархъ Макарій:** „Это подлинныя подписи патріарховъ." **Никонъ:** „Широко де ты здѣсь, а какъ отвѣтъ дашь передъ Патріархомъ Константинопольскимъ (Парѳеніемъ)?" Поднялись **голоса:** „Какъ ты не боишься Бога, что безчестишь великаго Государя и вселенскихъ Патріарховъ и называешь истину ложью?" Затѣмъ прочли 24 главу свитковъ о нововведеніяхъ, и въ связи съ этимъ надо сопоставить приказъ Патріарховъ отнять у Никона

крестъ, несенный передъ нимъ, на томъ основаніи, что Патріархи такого обычая не знаютъ, ибо Никонъ перенялъ его у латинянъ. Въ дѣйствительности это былъ малороссійскій обычай, которому слѣдовалъ въ Москвѣ и Патріархъ Макарій въ 1654-1656 г. Онъ былъ заимствованъ отъ уніатовъ и поляковъ въ Малороссіи и оттуда перешелъ въ Великороссію. По словамъ Шушерина, когда отбиралъ архидіаконъ Анастасій этотъ крестъ у монаха Марка, тотъ сказалъ Никону: „Св. Патріархъ, у насъ отбираютъ наше оружіе." На это **Никонъ** сказалъ: „Да будетъ воля Господня. Если дадутъ приказъ отобрать нашу послѣднюю одежду или сдѣлать еще болѣе непріятное, мы не подлежимъ за это порицанію, но пострадаемъ съ радостью, страдая за имя Господне". За тѣмъ архидіаконъ поставилъ этотъ посохъ между другими патріаршими посохами.

Возраженіе Никона противъ искаженія и примѣненія 12 Антіох. Правилъ.

Послѣ Патріархъ Александрійскій сказалъ: „хотя я вселенскій судія, я желаю судить по Номоканону, и велѣлъ читать 12 Антіох. правило: „Всякій, кто беспокоитъ Царя и смущаетъ его царство, не подлежитъ защитѣ." Никонъ возразилъ, что эта книга (изъ которой цитируется канонъ) напечатана еретиками. И онъ могъ возразить, говоритъ Пальмеръ, что **этотъ канонъ имѣетъ совершенно другой смыслъ, будучи направленъ противъ тѣхъ, которые беспокоятъ Царя, привлекая его вмѣшаться посредствомъ его свѣтской власти въ церковныя дѣла.**" Указывалось и на то Никону, что такой канонъ есть и въ Русской Кормчей. Но Никонъ сказалъ, что и при покойномъ Патріархѣ Іосифѣ неточно печатали¹.

Патріархи задаютъ вопросъ о наказаніи Никона греческимъ и русскимъ епископамъ.

Патріархи спросили греческихъ епископовъ: „какому наказанію подлежитъ Никонъ, который поправъ Божественные каноны и презрѣлъ преданія отцевъ, противъ котораго столько обвиненій, который обвинялся въ столькихъ убійствахъ (это можетъ намекать на дѣло Ив. Сытина, еп. Павла), и который совершилъ безчисленные акты грабежа и несправедливости въ теченіе своего патріаршества?"

¹ Текстъ 12 Ант. Правилъ въ Славянской книгѣ Правилъ показываетъ, что цитата его въ свиткахъ его искажаетъ. Оно говоритъ о порядкѣ апелляціи въ церковномъ судѣ и запрещаетъ клирикамъ, недовольнымъ судомъ первой инстанціи, обращаться къ царскому суду, и приказываетъ обращаться къ большому Собору епископовъ. „Аще же сихъ пренебрегши, гласитъ правило, Царю стужати будемъ, таковой да не устаивается никакого прощенія, да не будетъ мѣста его защищенію и да не имѣетъ онъ надежды возстановленія". Такъ, это правило охраняетъ судъ церковный отъ свѣтской власти, тогда какъ свитки сдѣлали изъ него огражденіе царства отъ покушеній на его спокойствіе.

Они сказали: „онъ долженъ быть канонически низвергнуть и лишень права совершать священнодѣйствіе." — „Вы сказали хорошо" сказали Патріархи, и **русскіе епископы** на тотъ же вопросъ отвѣтили: „Пусть онъ будетъ низвергнуть самымъ полнымъ образомъ, ибо онъ виновенъ во многихъ винахъ". И **Патріархи** сказали Никону: „Отнынѣ ты не Патріархъ, и не долженъ совершать священнодѣйствій и долженъ быть какъ простой монахъ."

Приговоръ надъ Никономъ прочитанный 5 Декабря, и отвѣтъ Никона.

У Лигарида помѣщенъ такой приговоръ, произнесенный въ этомъ засѣданіи: „Благословенъ Богъ. Намъ и Святому Духу и божественно коронованному Царю благоугодно:... и мы постановляемъ согласно рѣшенію Св. патріарховъ нашихъ братьевъ во Святомъ Духѣ и сослужителей, что Никонъ болѣе не Патріархъ Московскій и не долженъ больше такъ называться, вслѣдствіе дѣяній, теперь изслѣдованныхъ, и вслѣдствіе беззаконій, совершенныхъ имъ, запрещенныхъ канонами и подлежащихъ наказаніямъ. Изъ нихъ главныя слѣдующія: 1. Онъ представлялъ славнѣйшаго православнаго Царя въ своихъ письмахъ къ четыремъ вселенскимъ Патріархамъ отступникомъ и тираномъ 2. Онъ объявилъ, что весь яснѣйшій синклитъ латинизированъ и обратился къ еретическому ученію, безъ всякаго доказательства, только по страсти клеветы на свое стадо. 3. Онъ упорствовалъ, презирая патріаршіе свитки и греческія книги, напечатанныя въ Венеціи, отвергая иные помѣстные соборы и понося Патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго, какъ не живущихъ въ тѣхъ городахъ и не обладающихъ своими престолами (такъ и было). 4. Онъ виновенъ въ смертной жестокости, особенно къ епископу Павлу Коломенскому. 5. Онъ сорвалъ съ себя безпорядочно въ Соборѣ патріаршія одежды, объявляя себя недостойнымъ и, наконецъ, суммируя все: 6. За его акты грабежа, несправедливости и беззаконія и за его фантастическія идеи мы лишаемъ его епископской чести и власти, такъ что въ будущемъ онъ уже не долженъ больше называться Патріархомъ или Епископомъ, но просто монахомъ. Такъ пусть онъ и именуется на все будущее время разъ навсегда".

Никонъ, посмотрѣвъ на патріарховъ, сказалъ: „Вы не осмѣлились бы такъ говорить и дѣйствовать, если бы не получили разрѣшенія отъ Царя." Въ этихъ словахъ заключалось непризнаніе Никономъ каноническаго суда надъ Патріархомъ, который можетъ исходить только отъ всѣхъ Патріарховъ, какъ отъ духовной власти

равныхъ по сану. Никонъ ушелъ на подворье, не благословивъ народъ и безъ креста, который до сихъ поръ предносился передъ нимъ. Установленное противъ Никона обвиненіе не выдерживаетъ критики.

Необоснованность обвиненій объявленныхъ в протоколъ 5 декабря.

Въ письмѣ къ Константинопольскому Патріарху Никонъ описываетъ только дѣйствительность, какъ онъ сдѣлался Патріархомъ, на какихъ условіяхъ, какъ Царь нарушилъ клятву, что дѣлалъ Царь въ церковномъ управленіи, какъ онъ ушелъ и проч. Если онъ говорилъ объ апостасіи, то въ смыслѣ религіозно-философскомъ, а не въ смыслѣ ругани. Объ обращеніи всего синклита къ еретическому ученію Никонъ не говорилъ, а только о пріобщеніи къ посланничеству и юрисдикціи католика Лигарида который не только просто былъ католикомъ, но, какъ оказывается изъ его писемъ и образа дѣйствій, стремился, сдѣлавшись Патріархомъ на Руси, ввести въ ней унію и, можетъ, въ этихъ видахъ главнымъ образомъ и старался, такъ надъ низверженіемъ Никона. Недовѣріе Никона къ патріаршимъ свиткамъ, обнаружившееся, какъ только стали читать свитки, въ которыхъ переиначены тексты каноновъ съ самовольными толкованіями ихъ, вполне оправдано, ибо Никонъ увидѣлъ, что не только исказили природу его ухода, но и самовольное толкованіе правилъ стали выдавать за сами правила. Онъ говоритъ, что, если такъ читаются правила, то значить ихъ исказили и невѣрно напечатали въ Венеціи; онъ, вѣдь, не былъ посвященъ въ ту работу, которую продѣлали надъ свитками Лигаридъ съ Мелетіемъ, и не зналъ причины искаженія ихъ. Обвиненіе въ смертной жестокости къ Павлу Алеппскому не было доказано. Павелъ умеръ въ ссылкѣ отъ неизвѣстной причины, а Никонъ старообрядцевъ ссылалъ только ради прекращенія ихъ пропаганды, а къ казнямъ приговаривали ихъ уже послѣ собора 1667 г., когда Никонъ не имѣлъ уже никакого значенія. По отношенію къ Павлу Коломенскому Никонъ имѣлъ одобреніе Константинопольскаго Патріарха и Царя, и Патріархъ Макарій его за это не порицалъ въ бытность въ Москвѣ въ 1654—1656 г., хотя объ этомъ зналъ и даже жилъ въ домѣ Коломенскаго Епископа въ Коломнѣ, пока была чума; если бы онъ находилъ неправильность въ этомъ, то сказалъ бы Никону, который, по свидѣтельству сына Патріарха Макарія Павла Алеппскаго, просилъ говорить обо всѣхъ недостаткахъ въ уставѣ церковномъ и весьма почиталъ его авторитетъ. Но Павелъ Алеппскій хвалилъ Никона за ссылку Епископа Павла Коломенскаго (II, 78),

очевидно со словъ отца своего, къ которому относился съ почтеніемъ. Обвиненіе въ срываніи съ себя священной одежды съ объявленіемъ себя недостойнымъ не было доказано на судѣ, а только голословно утверждалось, несмотря на протесты самого Никона, которые подтверждаются позднѣйшими изысканіями по возстановленію рѣчи Никона 10. VII 1657 года и сличенію текста читаной Никономъ 10-VII 1658 г. проповѣди Златоуста съ собственными поясненіями Никона. Никонъ говорилъ о своемъ недостойнствѣ, какъ пастыря, обвиняя себя, что его стадо недостаточно просвѣщено, какъ обвиняли себя великіе Архипастыри древности, но его слова объ этомъ недостойнствѣ его враги приурочили къ сниманію одежды, которая всегда снимается послѣ службы, и охарактеризовали, какъ отреченіе. Огульное, бездоказательное обвиненіе въ грабежахъ, несправедливостяхъ и фантастическихъ идеяхъ было голословно, и не разработано. Перемѣны въ имущественныхъ отношеніяхъ епархій и монастырей, отчисленіе однихъ монастырей отъ епархій и причисленіе ихъ къ другимъ монастырямъ, закрытіе Коломенской епархіи и открытіе Вятской дѣлалось съ вѣдома Царя, съ участіемъ Царя, но ничего Никонъ не дѣлалъ въ пользу личнаго обогащенія, тратя все только на Церковь и церковныя нужды. Что касается фантастическихъ идей, то онѣ названы очень неопредѣленно; если это выраженіе имѣетъ въ виду борьбу Никона противъ цезарепапизма, то его идеи не фантастичны, а являются возстановленіемъ традиціи Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина, Ѳеодора Студита и вообще святоотеческаго ученія объ отношеніи государства къ Церкви.

Тенденціозность суда надъ Никономъ.

Судъ, не изучившій дѣла и преднамѣренно закрывавшій глаза на причины Никоновскаго ухода, останавливавшійся только на внѣшнихъ поводахъ къ нему, не принявшій его объясненій и не допросившій свидѣтелей съ его стороны, заблаговременно всѣхъ сосланныхъ, не можетъ почитаться судомъ каноническимъ, не говоря уже о способахъ составленія самого соборнаго суда, о способахъ составленія правилъ для суда и о просто мошеннической подтасовкѣ инкриминируемыхъ Никону фактовъ прежде ихъ судебного выясненія подъ искусственно составленныя правила, смѣшанныя съ толкованіемъ на нихъ.

Окончательное судебное рѣшеніе по дѣлу Никона, читанное 12 декабря въ Чудовскомъ монастырѣ.

Но окончательное судебное рѣшеніе было составлено послѣ и было прочтено во время самага низверженія Никона изъ сана въ церкви Чудова монастыря. Оно было болѣе полно не въ смыслѣ углубленнаго разьясненія установленныхъ на судѣ обвиненій, а въ смыслѣ прибавленій новыхъ обвиненій, которыхъ не было Никону предъявлено на судѣ, которыя фигурируютъ иногда просто въ придаточныхъ предложеніяхъ, предшествующихъ тексту самага обвиненія и приговора. Такъ было съ самымъ главнымъ обвиненіемъ, предъявленнымъ Никону уже не на судѣ, а исторической наукой, основывавшейся на этомъ документѣ, и потомствомъ; я разумѣю обвиненіе въ восхищеніи царской власти. Вотъ какъ начиналось это постановленіе: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Извѣщеніе или объявленіе совершеннаго низложенія Никона. Понеже Никонъ, бывшій Патріархъ Московскій, смути достойнѣйшаго многолѣтняго царствованія благовѣрнаго православнаго великаго государя нашего Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и все его православное царство смяте, влагался въ дѣла неприличныя патріаршему достоинству и власти, ихъ же главизны боговѣнчанный Царь нашъ, приславъ намъ, возвѣсти намъ, четверемъ Патріархамъ, вопрошая, лѣпо ли есть и достойно Патріарху въ сицевая врыватися дѣла, паче же вопросъ творя о безчинномъ ономъ дѣлѣ, егда посреди Великія Соборныя Церкви обнажися изъ всего архіерейскаго одѣянія, Никонъ вопія велегласно; не къ тому есмь Патріархъ Московскій, ниже ктому пастырь вмѣняюси, но пасомый, яко грѣшникъ и недостойный". Такимъ образомъ Патріархи сообщаютъ, что Царь послалъ спросить ихъ, подобаетъ ли вмѣшиваться Патріарху въ такія дѣла, изслѣдовать о безчинномъ снятіи Никономъ одежды и оставленія стада уходомъ въ мѣсто кающихся въ основанный имъ монастырь; также далѣе сообщалось о совершеніи имъ епископскихъ актовъ послѣ отреченія, о профанированіи святыхъ мѣстъ перенесеніемъ названія Новаго Іерусалима на свой монастырь, объ ограбленіи въ пользу Церкви земель, о препятствованіи ставить другого Патріарха. Вслѣдствіе этого Царь де просилъ лично прибыть Вселенскихъ Патріарховъ, но два Патріарха не смогли придти изъ-за страха передъ турками, а два пришли съ согласія двухъ другихъ (это была явная ложь). Такъ указаніе на вмѣшательство Никона въ государственныя дѣла

помѣщено даже не въ самомъ обвиненіи Никона, а въ исторіи, рассказывающей о приглашеніи Патріарховъ въ Москву въ качествѣ мотива, будто бы пробудившаго Царя призвать Патріарховъ. Насколько это лживо, видно изъ того, что уже въ 1657 г. царь самъ свидѣтельствовалъ, что Никонъ не вмѣшивается въ государственныя дѣла, очевидно въ виду прекращенія регентства, съ возвращеніемъ Царя съ войны, а послѣ этого Никонъ черезъ годъ оставилъ и церковныя дѣла. **Мы подчеркиваемъ только, что это вмѣшательство не фигурируетъ въ числѣ обвиненій Никона самими Патріархами, какъ особое дѣяніе, ими изученное, тогда какъ другія перечислены среди обвиненій. Трудно себѣ представить, чтобы, если таковыя были въ дѣйствительности, то были бы умолчаны, среди такого старанія придумать и создать другія обвиненія, искусственно натянутыя.**

Сказавъ, почему ихъ позвали, Патріархи продолжали: „Се мы, Божіей благодатию и многолѣтствія достойнѣйшаго Царя нашего счастиемъ приидохомъ два Патріархи, си рѣчь, Паисій Папа и Патріархъ Александрійскій и судія вселенскій и Макарій Божія града Антіохіи и всего Востока Патріархъ, во еже бы намъ судити и утвердити патріаршіе наши томы, уже прежде самими подписанными утвержденныя и укрѣпленныя апостольскими и вселенскими и помѣстными различныхъ соборовъ правила всякое церковное тогѣ мѣста прилучившееся дѣло. Тѣмъ же убо пришедши въ царствующій градъ Москву и сотвориша прелестное взысканіе, обрѣтохомъ винна, во всѣхъ главахъ и должно всѣмъ появленіямъ, о нихъ же глаголаше оба томы пререченнаго Никона (это они нашли во время засѣданія 30-ХІ безъ опроса Никона огульнымъ общимъ вопросомъ) во всемъ о немъ же глаголаше свидѣтели о отреченіи Никоновы патріаршаго престола. Ктому и иная многая преступленія си рѣчь, яко проклинали Архіереи російскіе въ Недѣлю Православія всякаго истязанія и суда кромѣ; еще же ругался обычаемъ глумителей двумъ Архіереямъ, единаго именуя Анну и Каіафу (Астр. Іосифа и Паисія Лигарида) такожде двухъ отъ синклита царскихъ боляровъ и посланниковъ именова Иродомъ и Пилатомъ (Одоевскаго и Родіона Стрешнева во время слѣдствія 19 іюля 1663 г.). Тѣмъ же убо Никонъ призвася по обычаю церковному да приидетъ и дастъ правильный отвѣтъ о нихъ же оглаголанъ быше. Но Никонъ не точию не смиреннымъ прииде образомъ, яко же мы ему братолюбиво прописахомъ, во же бы пристыжати вящую милость, паче же насъ оглаголовати не преста, повѣдуя не

имѣти насъ древнихъ престоловъ нашихъ, внѣ же нашихъ епархій скитающагося пребывать, единого во Египтѣ, другого же въ Дамаскѣ безпрестольно (это было вѣрно). Еще же и томы наши именова басни и бяди, того ради яко приводихомъ за его преступленія правила, прямо его преступленіямъ противящися, яже онъ нарицаше лживая". (Никонъ призналъ, что толкованія томовъ не соотвѣтствуютъ канонамъ.) Еще же второй законъ (второе правило) сотворенъ на Соборѣ, бывшемъ въ Св. Софїи, повелѣвающій сице яко Архіерей нисшедшій на мѣсто кающихся, не можетъ архіерейская дѣйствовать. Сей онъ канонъ весьма отрече (въ дѣйствительности канонъ къ нему неприложимый, ибо онъ великой схимы не принималъ) и вся правила Помѣстныхъ Соборовъ, бывшихъ по седьмомъ Вселенскомъ Соборѣ, всячески отверже (въ томъ видѣ, въ которомъ они выдавались будто бы за напечатанныя въ греческомъ Номоканонѣ), обаче же въ свитцѣ архіерейскомъ обрѣтохомъ бывати исповѣданіе отъ священника, хотящаго хиротонисатися, яко пріемлетъ всякое церковное преданіе и неписанное, Вселенскія и Помѣстныя Соборы, наипаче же въ Царьградѣ бывшіе, въ Преславномъ Храмѣ Премудрости Бога Слова: Такоже въ Богомъ хранимой палатѣ на Варлаама рожденнаго въ Калавріи и на Анкидина и ихъ подражателей иже вѣрно седьмой вселенскій Соборъ утверди. Паче же сихъ толкованія и сказанія яже обще мы яко Архіереи и учителя Церкви Христовы сотворили, самыя суеты рече быти. Во утвержденіе убо вящее глаголовъ нашихъ и пространнѣйше удовленіе тогда присутствовавшимъ предложихомъ же и книгу Номоканона, но сію книгу съ великимъ безстыдствомъ назва еретическою (ибо судьи, приводя невѣрно каноны, утверждали, что такъ написано въ греческомъ Номоканонѣ) того ради, что индѣ напечатася, си рѣчь, въ странахъ западныхъ. Ктому во епистоліяхъ къ намъ, четыремъ Патріархамъ (въ дѣйствительности одному Константинопольскому) посланныхъ, извѣствова православнѣйшаго нашего Царя латинствовати, нарицаю его мучителя несправедна и уподобляю его Іеровоаму и Озіи; подобно же синклиту и всю Россійскую Церковь къ латинскимъ догматамъ и отступству бѣднѣ падшую быти, порицалъ и яже стадо себѣ врученное, не пастырь, но наемникъ правильно вознепщуется и яже наречется, зане же не полагаетъ души своея за овцы своя. (Никонъ какъ разъ оберегалъ Царя и всѣхъ отъ Лигарида, но безрезультатно). Еще же и Архіерея самъ единъ низверже кромѣ всякаго Помѣстнаго Собора, на немъ же долженъ быше явити его погрѣшенія. (Павелъ Коломенскій, мѣры къ которому Ни-

конь примѣнили по совѣту Константинопольскаго Патріарха Паисія)... По низложеніи Павла Коломенскаго, его же изъ мантии обнажи жестоцѣ и на дальняя заточенія предаде, не помянувъ оногo словесе, яко дважды никако же казнить подобаетъ за то же и едино преступленіе (здѣсь было одно наказаніе отъ духовной власти и отъ свѣтской выполненное). Тѣмъ же прилучися архіерееви тому изумитися и погибнуть бѣдному кромѣ вѣсти: отъ звѣрей ли снedenъ, или въ водѣ утопѣ. Еще же и отца своего духовнаго повелѣ безъ милости бити, даже обезвѣчену ему на ноги быти, якоже сами язвы его видѣхомъ". (Объ этомъ въ судѣ не было и рѣчи). **Всѣ новыя обвиненія на Никона понадобились потому, что въ 1660 г. соборъ и Царь не рѣшились низвергнуть Никона изъ сана, ибо обвиненіе тогда базировалось только на его уходѣ, который враги называли отреченіемъ.**

Далѣе грамота говоритъ о наказаніи, положенномъ на Никона. „Познавши убо Никонъ не архіерейская употребляше кротость, но мучительски неправдамъ приложися, хищеніямъ предадеса и мучительствы обвязали, по св. и божественнымъ правиламъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ, сотворихомъ его всякаго священнодѣйства чюжда, во еще бѣ ему ктому не дѣйствовати архіерейскихъ, ибо его совершенно низложихомъ мы, Патріархи съ омофори и съ епитрахили передъ всѣмъ священнымъ соборомъ, изъявляюще отъ нынѣ вмѣнитися и именоватися простымъ монахомъ Никону, а не ктому патріархомъ Московскимъ. Сія вся правильно сотворихомъ, кромѣ всякаго лицепріятія и кромѣ страстнаго сужденія, боящеся немогуща преложитися ока Божія имать бо Богъ око отмстительно (оба Патріарха было повѣшены султаномъ) и страшашеся будущаго онаго судилища, воздающаго казнъ втайнѣ, разсуждающе же въ умѣ и въ мысли нашей въ семъ и въ будущемъ вѣцѣ вѣчнаго огня, вѣчное мученіе праведнѣй и по Бозѣ судъ изнесохомъ и сотворихомъ мѣсто паки его пребыванію до кончины житія его назнаменовахомъ въ монастырѣ, во еже бы ему безтрепетно и безмолвно плакаться о грѣсѣхъ своихъ. Повелѣхомъ же при немъ быти благоискусну нѣкоему мужу архимандриту опасеній ради, да не дерзнетъ кто отъ безчинныхъ ругаться ему и обиду творити; и онъ же самъ впредъ да не дерзнетъ коварствъ какихъ составлять. Еще же завѣщаномъ при немъ быти честному мужу дворянину съ малымъ числомъ людей служилыхъ всякаго опаства ради, дабы къ нему и отъ него мятежнымъ писаніямъ не исходити".

Обрядъ низверженія изъ сана, продѣланный съ Никономъ 12 декабря.

Самый обрядъ низверженія изъ сана происходилъ въ маленькой церкви Чудова монастыря въ отсутствіи народа, въ присутствіи всѣхъ тѣхъ же Архіереевъ, а среди бояръ названы Шушеринымъ кн. Одоевскій, князь Черкасскій и кн. Юрій Долгорукій. Не пришелъ лишь Царь. Изъ Архіереевъ не хотѣлъ прибыть Симонъ Вологодскій, страдая за неповинное обвиненіе Никона, сказавшись больнымъ, но его принесли въ церковь на носилкахъ. Приговоръ былъ прочитанъ Никону, стоявшему посреди церкви, по-гречески, а потомъ по-русски Митрополитомъ Иллариономъ Рязанскимъ. Шушеринъ говоритъ (стр. 125), что „слышавъ тое ихъ несправедное изверженіе, Святѣйшій Никонъ, яко быша вся вины написаны, вся ложь и клевета, возбрани нѣкую рѣчь несправедно писано... Егда же притено быть изверженіе оно, тогда Вселенстіи Патріарси снисхоша со своихъ мѣсть, и приидоша предъ царскія двери суще въ омофорахъ и прочетше нѣкія молитвы краткія, по семъ обращеша, приступиша ко Св. Никону, показующе рукою своею и глаголюще чрезъ толмача, повелѣвающе ему сняти съ себя клобукъ, бѣ же на главѣ Св. Никона Патріарха клобукъ черный, на немъ же изображенъ бѣше честный и животворящій крестъ дражайшимъ жемчугомъ. Вопросы же Св. Патріархъ чего ради повелѣваютъ ему сняти клобукъ? Они же рекоша: „понеже Соборъ сей осуди тя, и дѣла твоя обличише тя, — сего ради отсель не подобаетъ ти нарицатися Патріархомъ; зане ты самъ собою и гордостью своею оставилъ свою паству твою самовольно съ клятвою". Никонъ же отвѣщавъ рече: „Аще и Соборъ сей осуди насъ несправедно, аще и дѣла наша небывшая обличиша насъ или паству свою оставихъ, но сего не сотворю, еже бы мнѣ самому сняти съ себе утвердихъ въ воспріятіи священнаго и монашескаго образа, яко сохранить ми се даже до исхода души моя, а еже вы хотите, то и творите, видѣхъ бо васъ, яко вы здѣ пришельцы есте, приидосте бо отъ дальнихъ странъ и отъ конецъ земли, не яко ино что благосодѣяти, или миръ сотворити, но яко пребывающе въ турецкомъ порабоженіи и скитающеся по всей земли, яко сущіи просителіе, да не токмо что себѣ потребная, но и обладающему вами дань воздадите; „приложи же Св. Патріархъ Никонъ и се: „вопрошаю вы и о семъ, откуда вы сіи законы взяли есте яко тако дерзновенно творити? аще бо азъ и повиненъ бы бѣхъ и осужденія достоинъ, чего ради сіе тайно творите яко же татіе, приведосте бо мя въ сію церковницу въ монастырѣ сущую, въ ней же не обрѣтается Царское Величество и весь его царскій синк-

лить, **также и всенародное множество Россійской земли?** Или азъ по благодати Св. Духа паству свою или пастырскій жезлъ въ сей церковницѣ воспріяхъ?... Мы же избраніемъ Пресвятаго Духа, желаніемъ и тщаніемъ и прилежнымъ слезнымъ прошеніемъ и моленіемъ Благочестивѣйшаго Царя и его страшныхъ и нестерпимыхъ клятвъ, засвидѣтельствованныхъ самимъ Богомъ, воспріяхомъ патріаршество въ святой Соборной и Апостольской Церкви передъ всенароднымъ множествомъ, ни желаніемъ, ни тщаніемъ, ни снисканіемъ коего-либо образа, и еще нынѣ желаніе вамъ бысть, еже не праведно насъ осудити и изверещи, **да идемъ во Св. Божію Церковь въ ней же воспріяхомъ пастырскій жезлъ, и еще обрѣщуся достоинъ вашего намѣренія, то буди вамъ яко же годѣ, и еже хотите, то тамо и творите"**. Но Никону не вняли, и нечестивый судъ закончился среди враговъ его вдали отъ людей.

Мотивы дѣйствій Патріарховъ въ судѣ надъ Никономъ.

Этотъ приговоръ надѣлалъ хлопотъ двумъ Патріархамъ, осудившимъ Никона. Каптеревъ сообщаетъ (II, 481), что они были низложены Вселенскимъ Патріархомъ вмѣстѣ съ соборомъ именно за то, что поѣхали въ Москву для суда надъ Никономъ. Чтобы оправдать себя въ глазахъ Патріарховъ, они, желая привлечь ихъ на свою сторону, послали имъ письма, въ которыхъ жертвовали исторической достовѣрностью, что будто они поѣхали въ Москву, полагая, что Константинопольскій Патріархъ послалъ своего экзарха, а что Патріархъ Нектарій туда уѣхалъ уже, писали, что вся ихъ дѣятельность была направлена, чтобы „возстановить и возвысить рода нашего преизящную святость, чести ради общія и лѣпоты рода нашего". Говоря о мотивахъ двухъ патріарховъ, побудившихъ ихъ ѣхать въ Москву вопреки двумъ другимъ Патріархамъ, Каптеревъ пишетъ (II, 489), что, „рѣшаясь на такой рискованный шагъ — самовольную поѣздку въ Москву, они руководились особыми и очень важными соображеніями — получить возможно богатую и обильную милостыню, которую, вѣроятно, обѣщаль имъ грекъ Мелетій, уговаривавшій ѣхать ихъ въ Москву. И они дѣйствительно получили ее въ огромныхъ цифрахъ въ разное время: подробное исчисленіе Каптеревымъ подарковъ, полученныхъ въ разное время, даетъ сумму по 200.000 золотыхъ рублей на cadaго Патріарха (II, 490).

Кромѣ того, Патріархи получили огромныя деньги на содержаніе всей своей огромной свиты, значительно превышавшія

самыя широкія потребности. Они наживались сами еще отъ этой свиты, привозившей разные священные предметы, за которые брались огромныя деньги. Кромѣ этого безпошлинно привозились товары и вывозились; часть барыша получали Патріархи. Вся огромная мірская свита изъ „племянниковъ" и родственниковъ Патріарховъ, занимавшаяся торговлей, жила также на счетъ Московскаго правительства, получала подарки отъ правительства, возила товары на казенныхъ подводахъ, и во всемъ этомъ Патріархи состояли пайщиками. Поэтому Патріархи, когда по пути изъ Астрахани въ Москву, перешли съ барокъ на сушу, то потребовали для себя 400 подводъ (II, 494).

Отношеніе Константинопольскаго Патріарха къ совершившемуся приговору надъ Никономъ. Письмо Парфенія IV царю.

Московское правительство очень было обезпокоено, когда узнало о низложеніи Патріарховъ, послѣдовавшемъ еще до времени самого суда надъ Никономъ; подарками и грамотами оно добилось у Константинопольскаго Патріарха Меѳодія возстановленія ихъ на своихъ престолахъ, но оно хлопотало еще объ утвержденіи постановленія Московскаго Собора по дѣлу Никона передъ Константинопольскимъ Патріархомъ, ибо постановленія Собора могли вызвать протестъ. „Судя по тому, пишетъ Каптеревъ (II, 488), что подобнаго документа и ссылокъ на него никогда и нигдѣ не встрѣчается, можно думать, что Константинопольскій Патріархъ вовсе не собиралъ у себя Собора для разсмотрѣнія и утвержденія дѣяній Московскаго Собора, какъ этого хотѣло и добивалось наше правительство. Но, если со стороны Греческой Церкви и не было формальнаго соборнаго одобренія дѣяній Московскаго Собора, то не было отсюда и протеста: **осужденіе Никона, какъ совершившійся фактъ, молча было принято** всѣми на Востокѣ, что между прочимъ, видно изъ позднѣйшихъ разрѣшительныхъ грамотъ Никона. Но Константинопольскій Патріархъ Парѣеній, вновь вступившій на престолъ, писалъ 15 янв. 1668 г. царю: „Будь Царемъ совершеннѣйшимъ, справедливымъ, тебя зовутъ милостивымъ, окажи эту милость требующимъ, изъ нихъ есть и одинъ много пренебрегаемый Никонъ; довольно, довольно для него такого изгнанія, молимъ тебя, возврати его въ монастырь свой, для наказаній ему достаточно одной ссылки, не обременяй его большимъ, оставляя такого достойнаго человѣка въ такомъ великомъ пренебреженіи, возврати изъ ссылки крестившаго твою благословенную отрасль, не медли Царь молю тебя, но какъ можно скорѣй дай

освобожденіе Никону, чтобы возвратился въ монастырь свой, да радуется и вся вселенная скорбящая о немъ".

Положеніе финансовое Лигарида въ Москвѣ.

Что касается Лигарида, то, помимо надежды на высокое положеніе въ Русской Церкви, онъ получалъ также огромныя деньги отъ Царя, которыя вымогалъ у него подъ разными лживыми предлогами, то на выкупъ не существующей его Епархіи отъ турокъ, то на содержаніе слугъ и лошадей, то на архіерейскія одежды, то на покупку каретъ и лошадей, то якобы на подати своему Патріарху и на уплату долговъ епархіи, причемъ Царь давалъ отъ себя богатѣйшіе подарки; вдобавокъ Лигаридъ занимался торговлей и хлопотами по представительству за грековъ-купцовъ, съ которыхъ также вымогалъ деньги (Каптеревъ II, 271-274). Онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ: такъ Аѳонскій архимандритъ Ѳеофанъ въ іюнѣ 1663 г. за посѣщеніе Никона безъ дозволенія Царя (когда онъ и рассказалъ Никону все прошлое Лигарида), былъ выданъ Лигариду и сосланъ въ Кирилловскій монастырь. Вотъ способы и люди, черезъ которыхъ Московское правительство добилось съ виду какъ будто каноническаго удаленія Никона въ ссылку. Дальнѣйшая судьба Никона въ ссылкѣ еще болѣе подтверждаетъ, что **она была больше дѣломъ бояръ, чѣмъ Царя**, принужденнаго въ значительной мѣрѣ уже только нести послѣдствія созданнаго положенія. Со стороны Царя были постоянныя присылки къ Никону подарковъ, испрашиванія молитвъ, благословеній (какъ будто Никонъ не лишенъ былъ сана) и прощенія, но, когда не стало Царя Алексѣя Михайловича, и на престолъ вступилъ юный Царь, сначала совершенно не понимавшій всего продѣланнаго съ Никономъ, то бояре, среди которыхъ опять взяли верхъ Милославскіе съ Патріархомъ Іоакимомъ, подвергли его еще болѣе нелѣпому суду въ 1676 г., по которому его перевели изъ Ѳерапонтова монастыря въ Кирилловъ на гораздо болѣе тяжелое заключеніе, а передъ этимъ, за короткое время второго брака Алексѣя Михайловича 1672—1676 г.г., участь Никона была настолько облегчена, что онъ свободно ѣздилъ изъ монастыря, и принималъ множество народа, который лѣчилъ.

Никонъ возлагалъ отвѣтственность за приговоръ на Царя: это на Царя, но болѣе виновными считаетъ бояръ.

Никонъ возлагалъ отвѣтственность за приговоръ видно изъ приведенныхъ уже нами Послѣднихъ словъ его Патріархамъ въ

засѣданіи 5 декабря, а въ другомъ засѣданіи, когда на него понеслось со всѣхъ сторонъ негодованіе за то, что онъ всѣхъ сопричислилъ къ костелу, онъ прямо сказалъ Царю: „Моя кровь и грѣхъ всѣхъ на твоей головѣ, Царь". Оставляя отвѣтственность на Царѣ, который не оцѣнилъ того, чѣмъ былъ Никонъ для царской власти, Никонъ, мы видѣли, большими виновниками въ своемъ гоненіи считалъ бояръ: такъ онъ писалъ въ „Раззореніи": „больше виновенъ тотъ, кто побудилъ къ гоненію"; такъ онъ говорилъ и на судѣ, напоминая Царю, что самъ онъ въ 1648 и 1662 г.г. свидѣтельствовалъ неправду бояръ. Разсмотрѣніе дѣла суда показываетъ, что процессъ надъ Никономъ нельзя назвать судомъ въ юридическомъ смыслѣ, ибо это былъ судъ политическій въ смыслѣ опредѣленнаго преслѣдованія для достиженія предустановленной цѣли, но облеченнаго въ судебныя формы.

Судьба Никона въ ссылкѣ. Два теченія въ Москвѣ въ отношеніи къ Никону.

Послѣ ссылки Никона отношеніе къ нему со стороны Московскаго правительства двойственное: Царь хочетъ смягчить ему участь, бояре — отяготить. Эти два теченія все время пересѣкаютъ другъ друга; но точка зрѣнія Никона всегда осталась одна. Дѣлая отвѣтственнымъ за приговоръ Царя, онъ на другой день послѣ низложенія 13 декабря 1666 г. въ отвѣтъ на просьбу Царя о благословеніи черезъ боярина Родіона Стрешнева, категорически въ этомъ отказалъ, заявивъ: „Если бы благовѣрный Царь желалъ отъ насъ благословенія, то не оказалъ бы намъ такой немилости". Никонъ былъ человѣкъ принципа и отказался принять отъ Царя богатые подарки и шубу на дорогу, несмотря на всѣ уговоры Стрешнева и Морозова, и на то, что у него не было съ собой шубы, которую уже въ пути ему далъ сопровождавшій архимандритъ Іосифъ.

Никонъ не прощаетъ Царя какъ Патріархъ Царя, но прощаетъ какъ человѣкъ человѣка.

Точка зрѣнія Никона ясна; когда Царь просилъ прощенія и благословенія, присылая съ подарками въ Терапонтонъ монастырь, Никонъ прощалъ его, но одновременно говорилъ, что полное прощеніе можетъ дать тогда, когда Царь его вернетъ изъ ссылки въ Воскресенскій монастырь; тогда онъ дастъ прощеніе полное подъ епитрахилью; до тѣхъ поръ полного прощенія быть не можетъ, ибо не будетъ на лицо реальнаго раскаянія въ совершенномъ надъ Никономъ нечестіи. Когда пріѣхалъ къ Никону новый приставъ Наумовъ

19 января 1667 г., то Никонъ отвѣчалъ черезъ него Царю: „Ты боишься грѣха, просишь у меня благословенія, примиренія, но я даромъ тебя не благословлю, не помирюсь; возврати изъ заточенія, тогда прощу... Когда передъ моимъ выѣздомъ изъ Москвы ты присылалъ Родіона Стрешнева съ милостыней и просьбой о прощеніи и благословеніи, я сказалъ ему — ждать суда Божія. Наумовъ говорить тѣ же слова, и я ему тоже отвѣчалъ, что мнѣ нельзя дать просто благословеніе и прощеніе. Ты меня осудилъ и заточилъ, и я трикратно тебя проклялъ по Божественнымъ заповѣдямъ паче Содома и Гоморры; въ первый разъ, какъ уходилъ (въ 1658) съ патріаршества, ради гнѣва твоего, выходя изъ церкви отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ, и во второй разъ, какъ приходилъ предъ Рождествомъ (1664), былъ изгнанъ, во всѣхъ воротахъ городскихъ отрясалъ прахъ, въ третій разъ какъ былъ у тебя въ столовой въ другой разъ, выходя, сталъ посреди столовой и обратясь къ тебѣ, отрясая прахъ ногъ, говорилъ: кровь моя и грѣхъ тѣхъ буди на твоей головѣ". И Никонъ былъ непреклоненъ, несмотря на то, что режимъ его дѣлали болѣе суровымъ именно за его непреклонность, и смягчали, когда Никонъ проявлялъ меньше непреклонности. Послѣ многократныхъ просьбъ Царя Никонъ послалъ ему благословеніе и прощеніе личное за себя, предупредивъ, что это прощеніе не есть полное, которое возможно только, если Царь аннулируетъ приговоръ суда.

7-IX 1667 года Никонъ писалъ Царю: „Нынѣ 7 сентября приходилъ ко мнѣ Степанъ Наумовъ и говорилъ мнѣ великимъ Государевымъ словомъ, что повелѣно ему по вашему государевому указу съ великимъ прошеніемъ молить и просить о умирении, чтобы я, богомолецъ вашъ, тебѣ великому Государю подалъ благословеніе и прощеніе, а ты, Государь, меня, богомольца своего по своему разумѣнію пожалуешь. И я тебя, великаго Государя и все твое царское семейство благословляю и прощаю. А когда я богомолецъ вашъ ваши государскія очи увижу и тогда вамъ, Государямъ со святымъ молитвословіемъ наипаче прощу и разрѣшу, какъ Св. Евангеліе показываетъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и Дѣяніе Святыхъ Апостолъ, (которые) всюду съ возложеніемъ рукъ прощеніе и цѣльбы творили Смиранный Никонъ милостью Божіей Патріархъ, засвидѣтельствую страхомъ Божіимъ и подписаніемъ своей руки". Никонъ не признавалъ канонической дѣйствительности низложенія и считалъ себя Патріархомъ. Такъ молились за него, какъ за Патріарха, и его близкіе монахи, добровольно раздѣлившіе съ нимъ ссылку.

Отношеніе Царя къ Никону въ ссылкѣ.

Посланные, пріѣзжавшіе къ Никону отъ Царя величали его отъ имени Царя великимъ и святымъ отцомъ. Царь неоднократно присылалъ Никону подарки и дары богатые, которые Никонъ иногда отказывался принимать (напримѣръ по случаю смерти царицы Маріи Ильинишны, сказавъ, что и даромъ молиться будетъ), иногда принималъ, когда предполагалъ въ отношеніи Царя преддверіе своего освобожденія; въ зависимости отъ этихъ личныхъ отношеній къ нему Царя, отражавшагося въ поведеніи приставовъ, Никонъ иногда снова угрожалъ, что не будетъ посылать благословеніе, и опять не будетъ ничего принимать отъ Царя, и передъ Богомъ плакать будетъ и говорить снова, что прежде говорилъ съ клятвой. Но въ одномъ онъ остался вѣренъ — прощенія полного онъ Царю не далъ, ибо Царь не исправилъ своего грѣха передъ Церковью и не освободилъ отъ невиннаго заточенія Патріарха. Повидимому, Царь очень тяготился своей виной въ участіи Никона, ибо въ его духовной читалось надъ его гробомъ: „При семъ же азъ прощенія прошу и разрѣшенія отъ Церкви Божіей и отъ слугъ ея, отъ отца моего великаго Господина Св. Никона Іерарха и блаженнаго пастыря, аще и не суть нынѣ на престолѣ семъ Богу тако изволившу, такожде разрѣшенія прошу отъ Св. Іоакима Патріарха Московскаго и всея Руси и Преосвященныхъ Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ и у отца моего духовнаго протопопа Андрея Савиновича и у всего Освященнаго Собора и монашескаго чина" (приведено изъ Николаевского, взявшаго эту запись изъ Рукописи библіотеки СПб духовной академіи).

Никонъ самъ также просилъ прощенія у Царя за личныя обиды. Его сообщенія Царю о своей жизни въ ссылкѣ.

Никонъ съ своей стороны самъ просилъ у Царя прощенія за свои ему личныя обиды; свидѣтельствомъ его осталось его письмо отъ 25 декабря 1671 г., посланное іеродіакономъ Мардаріемъ (добровольно раздѣлившимъ заточеніе), въ которомъ Никонъ просилъ у Царя ради Праздника Рождества Христова полного прощенія во всѣхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ему въ прежнее время. Затѣмъ Никонъ описываетъ жизнь свою въ Отрапонтскомъ монастырѣ при приставѣ Наумовѣ, и въ концѣ письма умоляетъ Царя объ облегченіи своей участи. „Ради винъ моихъ отверженъ я въ Отрапонтъ монастырь. Теперь я боленъ, нагъ и босъ, креста на мнѣ нѣтъ третій годъ; стыдно и въ другую келью выйти, гдѣ хлѣбъ пекутъ и кушанья готовятъ, потому что многія части зазорныя непокрыты; со всякой нужды келей-

ной и недостатковъ оцѣнжалъ, руки больны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣльма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая, и они не терпятъ ни горячаго ни холоднаго, ни кислаго, ноги пухнуть и потому не могу церковнаго правила править, а попъ у меня одинъ и тотъ слѣпъ, говорить по книгамъ не видитъ: приставы ничего ни продать, ни купить не дадутъ, никто ко мнѣ не ходитъ и милостыню просить не у кого. А все это Степанъ Наумовъ навелъ на меня за то, что я ему въ глаза и за глаза говорилъ о неправдахъ его, что многихъ старцевъ, слугъ и крестьянъ билъ, мучилъ и посулы бралъ.. До тебя это дошло и ты прислалъ Ивана Образцова съ милостивымъ указомъ; онъ поосвободилъ насъ, но Степану никакого указанія не учинилъ; какъ было велѣно, только въ хлѣбной избѣ часа на два посадилъ. А Степанъ немного спустя началъ мучить меня пуще прежняго: служба мой ходитъ къ нему разъ десять для одного дѣла, все времени нѣтъ! А, если выглянетъ въ окошко, съ шумомъ говорить: я въ монастыри писалъ, чтобы прислали запасное (въ Кирилловъ монастырь и другіе, которые присылали на содержаніе Никона по приказу Царя), но они не слушаютъ, а у меня приказа нѣтъ, чтобы на нихъ править; они говорятъ: „пора прихоти оставить, ѣшь, что дадутъ". Когда къ Степану вѣсть пришла, что твоего царевича Алексѣя не стало, то дѣвка его пришла въ другую избу и говорила: „Нынѣ на Москвѣ кручина, а у нашего боярина радость, говорить: теперь нашего колодника надежда вся погибла; на кого надѣялся, и того не стало, кротокъ будетъ. А теперь кн. Самойло Шайсуповъ (новый приставъ) дѣлаетъ все по Степанову. Прошу тебя: ослаби ми мало, да почію прежде даже отыйду, прошу еже жити ми въ дому Господни во вся дни живота моего". Послѣ вскорѣ наступила лучшая пора въ жизни Никона въ ссылкѣ до лѣта 1674 г.. когда на Патріаршій престолъ возшелъ Іоакимъ, а лично Царь до смерти своей въ 1676 г. исполнялъ нерѣдко самыя прихотливыя желанія Никона.

Никонъ въ ссылкѣ не признавалъ суда 1666 г. надъ собой каноническимъ.

Никонъ всегда подписывался Патріархомъ и писалъ Царю въ январѣ 1672 г.: „Соборъ судившихъ меня Патріарховъ Паисія и Макарія я ставлю ни во что, потому что Патріархи ушли съ своихъ престоловъ, и на ихъ мѣста поставлены другіе. Я повинуюсь Константинопольскимъ Патріархамъ и прочимъ Вселенскимъ Патріархамъ, занимающимъ свои престолы". Далѣе Никонъ просилъ прощенія за то, что объ этомъ говорилъ и писалъ Царю въ досади-

тельной формѣ, просилъ прощенія и милости, приписывая, что отъ Бога Царь получить награду, что не мстилъ ему за это.

Царь дѣлаетъ послабленія Никону, когда съ его вторымъ бракомъ обезсиливаются Милославскіе.

Послѣ 1672 г., когда Царь только что вступилъ въ бракъ съ Наталіей Кирилловной Нарышкиной, въ Москвѣ значительно обезврежена была партія враговъ Никона, и Царь имѣлъ возможность дѣлать Никону всевозможныя послабленія; предоставилъ ему свободу передвиженія, такъ что Никонъ ѣздилъ по сосѣднимъ монастырямъ, развилъ хозяйство, принималъ массу народа, до 40 человекъ въ день, для лѣченія лекарствами, которыя выписывалъ изъ Москвы или составлялъ самъ. За это время враги Никона составили много клеветъ, и, когда со смертью Алексѣя Михайловича, они вошли въ силу, то выместили ему тяжелымъ заключеніемъ въ Кирилловомъ монастырѣ, послѣдовавшимъ по доносамъ самыхъ низкопробныхъ людей безъ всякаго слѣдствія и суда.

Никонъ считаетъ судъ 1666 г. несчастьемъ для русскаго государства и Церкви.

Никонъ почиталъ величайшимъ грѣхомъ дѣянія восточныхъ Патріарховъ, и, какъ всякій грѣхъ, онъ въ его глазахъ долженъ былъ дать тяжелыя послѣдствія. „Если неразумная запретительная клятва восточныхъ Патріарховъ осужденіемъ Русскаго Первосвятителя, наложенная на весь русскій народъ не снимется, добра ждать нечего“, говорилъ Никонъ Стрешневу, сообщавшему ему въ мартѣ 1669 г. о смерти царицы Маріи Ильинишны. Съ своей точки зрѣнія Никонъ видѣлъ въ этомъ судѣ несчастье не только для себя, но для всей Русской Церкви и Русскаго государства, **и онъ измѣнилъ бы себѣ, если бы онъ далъ Царю прощеніе за его дѣйствія въ отношеніи къ Русской Церкви**, въ какихъ бы личныхъ отношеніяхъ къ нему онъ ни состоялъ въ послѣдніе годы жизни Царя, присылавшаго посланныхъ узнать о нуждахъ Никона, посылавшаго ему поклоны, величавшаго его св. великимъ отцомъ, исполнявшаго почти всѣ его желанія по обиходу жизни, и присылавшаго такіе цѣнные подарки, что Никонъ давалъ деньги займы монастырямъ и даже занялся опять своей любимой дѣятельностью — благотворительностью.

Никонъ отказывается въ формальномъ прощеніи даже умершему Царю.

И когда пришла вѣсть о смерти Царя, ему съ нарочнымъ, посланнымъ изъ дворца, Никонъ расплакался, но отказалъ въ формаль-

номъ письменномъ прощеніи умершему Царю и съ болью въ сердцѣ, со слезами на глазахъ сказала: „Воля Господня да будетъ, если Государь здѣсь на землѣ передъ смертью не успѣлъ получить прощенія съ нами, то мы будемъ судиться съ нимъ во второе пришествіе Господне; по заповѣди Христовой я его прощаю и Богъ его проститъ, а на письмѣ прощенія не дамъ, потому что при жизни своей не освободилъ насъ отъ заточенія”.

Выявленіе боярской злобы послѣ смерти Царя Алексѣя Михайловича, до тѣхъ поръ сдерживаемой.

На ряду съ такимъ отношеніемъ Царя къ Никону, противъ него продолжается въ Москвѣ неугасимая боярская злоба, степень проявленія которой зависитъ только отъ возможности ее проявить въ зависимости отъ политическаго вѣса враговъ Никона въ то или другое время. Между прочимъ историкъ Татищевъ, доказывая преимущества самодержавія для Россіи, пишетъ: „Вышеобъявленный (т. е. боярское правленіе) безпутный и государству вредный порядокъ правленія нѣколико Царь Алексѣй Михайловичъ исправилъ и власти своея прибавилъ, коему властолюбивый Патріархъ Никонъ столько въ томъ воспрепятствовалъ, что онъ не могъ совершенно самовластія получить, а по сверженію онаго, болѣзнь и другія препятствія не допустили” (1, 545). Татищевъ считаетъ, что борьба изъ-за притязаній Никона помѣшала Алексѣю Михайловичу довести борьбу съ боярствомъ до конца, ибо онъ для борьбы съ Никономъ нуждался въ поддержкѣ бояръ. Но дѣло-то въ томъ, что съ Никономъ то Царю нечего было и бороться: бояре и натравили Царя на Никона, чтобы разбить ихъ союзъ противъ боярства. Мы можемъ видѣть боярскую злобу во многихъ случаяхъ за время заточенія Никона, пока ей не удалось заточить Никона въ Кирилловскій монастырь на безысходное жительство въ кельѣ безъ чернилъ и бумаги, почти безъ книгъ (все было отнято, кромѣ псалтыря и Библіи) и съ удаленіемъ его слугъ, добровольно пришедшихъ раздѣлить съ нимъ заточеніе. Такъ какъ самъ Царь постоянно поддерживалъ съ Никономъ отношенія и даже какъ будто подогрѣвалъ своими дарами, испрашиваньемъ благословенія и заботой о немъ, надежду на возвращеніе, то враждебная Никону партія зорко слѣдила, чтобы этого не допустить. Враги его старались истолковать въ худую сторону всѣ дѣйствія Никона и составляли на него даже ложные доносы. Вредъ этихъ доносовъ до времени ограничивался тѣмъ, что Царь стѣснялся въ своихъ отношеніяхъ къ Никону и не исполнялъ тѣхъ перемѣнъ къ лучшему,

которыя сулилъ, отправлялъ пословъ съ словесными порученіями, смѣнялъ приставовъ, досадившихъ Никону, но въ руки имъ не давалъ въ руководство письменныхъ инструкцій.

Неурегулированность положенія Никона въ ссылкѣ.

Отъ этого эти лица въ отношеніяхъ къ Никону руководились взглядами разныхъ сильныхъ при дворѣ лицъ, и участь Никона отъ этого постоянно колебалась: то его сажали за желѣзную рѣшетку и отводили въ сторону дорогу, чтобы онъ былъ дальше отъ людей, то онъ получалъ свободу, ѣздилъ верхомъ, устраивалъ рыбныя ловли, велъ хозяйство, въ которомъ было нѣсколько лошадей, коровъ, немало вольнонаемныхъ работниковъ, строилъ кельи, получилъ въ свое распоряженіе церковь Богоявленія надъ монастырскими воротами, куда Царь присылалъ утварь, книги, какъ было за періодъ 1672-1674 гг. (съ женитьбой Царя на Нарышкиной). Но неопредѣленность положенія не могла не мучить Никона. Такъ послѣ пріѣзда въ іюль 1667 г. пристава Образцова открытъ былъ къ Никону доступъ для постороннихъ; немедленно увеличилось при немъ количество келейныхъ старцевъ, вернулись нѣкоторые старцы, пришедшіе добровольно изъ Воскресенскаго монастыря, но ушедшіе, когда въ мартъ этого года Наумовъ посадилъ Никона за желѣзную рѣшетку: по словамъ Никона, онъ днемъ съ лучиной теперь долженъ былъ отправлять келейное правило и былъ разобщенъ съ внѣшнимъ міромъ. Въ Москвѣ партія враждебная Никону узнала, что онъ даже посылаетъ старцевъ съ письмами, въ августъ 1667 г. арестовали и сослали иныхъ лицъ, Наумову сдѣлали выговоръ; онъ сталъ слѣдить за перепиской Никона и за протестъ посадилъ его подъ стражу.

Надпись на крестахъ въ Терапонтномъ монастырѣ.

Къ этому времени и появились вырѣзанные по приказу Никона старцемъ Юной надписи на крестахъ, поставленныхъ внѣ монастыря на дорогѣ: „Никонъ, Божіей милостью Патріархъ постави сей крестъ Господень, будучи въ заточеніи за Слово Божіе и за Святую Церковь, на Бѣлоозерѣ въ Терапонтномъ монастырѣ въ тюрьмѣ. Эта надпись правильно выражала ту истину, что Никонъ пострадалъ за ученіе, основанное на Св. Отцахъ, и за обличеніе тьмы духа вѣка сего.

9 апрѣля 1668 г. недовольные въ Москвѣ созвали Соборъ съ неуѣхавшими еще Патріархами, который постановилъ перевести Никона въ болѣе дальній монастырь, перемѣнить Спасскаго архимандрита Іосифа, бывшаго при Никонѣ, и приказать другому, подъ угро-

зой церковной казнью, чтобы никого въ тотъ монастырь ни съ какими письмами и посылками къ Никону не пропускалъ. И отъ него Никона никакихъ писемъ ни къ кому и ни съ кѣмъ бы не было. Это не было исполнено благодаря протесту Царя, но иллюстрировало наличность борющихся въ Москвѣ сторонъ, которая отражалась на участи Никона; облегченіе участи его задерживалось; до самаго удаленія Наумова въ половинѣ 1671 г. Никону приходилось испытывать всякія муки. Всѣхъ приходившихъ къ Никону привлекали къ допросу: кто не давалъ показаній или путался въ нихъ, тотъ отправлялся въ Москву въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ для допросовъ, наказаній и ссылки. Цѣлыхъ три года 1668-1671 было такъ, причемъ подвергались такой участи и монахи, и крестьяне болѣе сѣверныхъ монастырей, приходившіе къ Никону. Въ ноябрѣ 1668 г. пріѣзжалъ допросить Никона стрѣлецкій глава Лутохинъ объ извѣстѣ его, поданномъ на основаніи доноса его старцевъ, ѣздившихъ въ Москву, что Богданъ Хитрово хочетъ занять первое мѣсто при Государѣ. Старцы перепутали фамиліи лицъ, называли въ Москвѣ Ртищева вмѣсто Хитрово и запутались въ показаніяхъ. Когда пріѣхалъ Лутохинъ въ Терапонтонъ монастырь, то здѣсь на Никона послѣдовалъ доносъ въ государственной измѣнѣ.

Доносъ (ложный) на Никона въ государственной измѣнѣ (съ Донскими казаками Стеньки Разина).

Впослѣдствіи, въ 1673 г. игумень Афанасій публично каялся въ своихъ ложныхъ показаніяхъ на Никона Лутохину, но дѣло было сдѣлано и причинило много тревогъ Никону. Теперь бывший при Никонѣ Новоспасскій архимандритъ Іосифъ, раньше хорошо относившійся къ Никону, узналъ, что имъ въ Москвѣ недовольны и хотятъ переимѣнить, просилъ въ октябрѣ 1668 г. объ его замѣнѣ, рѣшилъ добиться перевода, но, не получая отвѣта, объявилъ государю дѣло, чтобы его взяли въ Москву для допроса, а объявилъ онъ вотъ что: „Весной 1668 г. были у Никона воры, донскіе казаки; я семь видѣлъ у него двоихъ человѣкъ, и Никонъ мнѣ говорилъ, что это донскіе казаки, и про другихъ сказывалъ, что были у него въ монашескомъ платьѣ, говорили ему, нѣтъ ли ему какого утѣшенія, мы отсюда тебя опростимъ". Никонъ говорилъ мнѣ также: „И въ Воскресенскомъ монастырѣ бывали у меня также донскіе казаки и говорили, если захочешь, то мы тебя по прежнему на патріаршество поставимъ, сберемъ вольницу, боярскихъ дѣтей". Никонъ сказывалъ также, что „будетъ о немъ въ Москвѣ новый Соборъ по требованію Царьградскаго Патріарха, писалъ ему объ этомъ Афанасій — Митрополитъ

Иконійскій". Начались розыски, пытки и ссылки. По этому поводу Проф. Николаевскій, изучившій жизнь Никона за періодъ 1667—1681, пишетъ: „Намъ неизвѣстны документы, въ которыхъ бы излагалась сущность этихъ розысковъ и ясно открывалась бы виновность Никона по первому изъ этихъ доносовъ. Но имѣются другіе документы, заставляющіе признать совершенно страдательное участіе Никона въ начинавшемся общественномъ броженіи, вскорѣ завершившемся Разинскимъ бунтомъ. Донскіе казаки свободно гуляли по окраинамъ Россіи и подготовляли смуту: ихъ много было и на сѣверѣ Россіи, гдѣ они участвовали въ Соловецкомъ возстаніи. Такъ какъ съ половины 1668 г. шли усиленные розыски по Никонову дѣлу, стрѣльцы, приставленные къ Никону, постоянно ѣздили въ Москву съ арестованными, то Наумовъ принужденъ былъ пополнять стражу монастырскими служками, въ числѣ коихъ попадались и донскіе казаки. Въ Кирилловомъ монастырѣ также бывали бродячіе монахи, побывавшіе въ шайкѣ донскихъ мятежниковъ и зазывавшіе мѣстныхъ монаховъ идти съ собой на низъ, на Волгу въ казачій полкъ воровать. Такіе агенты Разина были и въ Отрапонтномъ монастырѣ; имъ было интересно привлечь на свою сторону Никона и именемъ его поднять бунтъ на сѣверѣ Россіи; въ послѣдствіи на допросахъ самъ Никонъ не отрицалъ того факта, что при Наумовѣ со стрѣльцами къ нему приходили три казака и говорили свои нужды и жалобы на правительство, а въ обвинительномъ актѣ 1676 г. противъ Никона прямо говорится, что эти три казака звали его Никона съ собой, чтобы онъ съ ними шелъ къ Кириллову монастырю, а ихъ де пришло по него 200 человѣкъ, а есть де готово и 5 тысячъ человѣкъ, и чтобы Степана Наумова убить до смерти и Кирилловъ монастырь разорить и съ тою бы казною и съ пушки и съ запасомъ идти на Волгу". Казаки могли произвести и насилія и, можетъ быть, пытались. Это казачье движеніе на сѣверѣ можетъ объяснить и тотъ загадочный фактъ, что ночью 22 января 1669 г., когда были розыски по извѣсту архимандрита Іосифа, Отрапонтскій келарь Макарій Злобинъ собрался наряднымъ дѣломъ съ монастырскими служками да съ приходящими ворами пьянымъ обычаемъ, разбилъ карауль, стоящій у Никона, сотника и стрѣльцовъ побилъ на голову, такъ что Наумовъ просилъ Царя усилить стражу присылкой изъ самой Москвы. Остается голый фактъ, что донскіе казаки хотѣли использовать обаяніе Никона, приглашали его перейти на ихъ сторону, отъ его имени послѣ разсылали преступныя прокламаціи (Сол. XI, 368, 369), но Никонъ не только не

измѣнили государственному долгу, но вскорѣ предупреджалъ Царя о готовящейся смутѣ".

Сношенія Никона съ Митрополитомъ Афанасіемъ Иконійскимъ, сообщающимъ ему объ отношеніи къ его дѣлу Константинопольскаго Патріарха.

Что касается Доноса архимандрита Іосифа противъ Никона объ его сношеніяхъ съ приверженцами на Москвѣ и на Востокѣ въ видахъ пересмотра и отмѣны соборнаго опредѣленія, то для этого есть основанія. Афанасій Митрополитъ Иконійскій, давшій важныя показанія въ пользу Никона противъ полномочій обоихъ Патріарховъ, судившихъ Никона, хотя и былъ подверженъ заточенію въ Симоновомъ монастырѣ, но и здѣсь въ 1665 г. не переставалъ тайно переписываться съ Никономъ. Во время суда надъ Никономъ онъ былъ освобожденъ изъ заключенія, отправлялъ церковную службу при Царѣ и поддерживалъ сношенія съ Никономъ. Онъ могъ передать Никону и о грамотѣ Патріарха Парфенія къ Царю съ просьбой освободить Никона отъ наказанія и предоставить ему жить въ Воскресенскомъ монастырѣ. Афанасій Иконійскій былъ отправленъ за сношенія съ Никономъ 11 декабря 1668 г. въ ссылку въ Макаріевъ Желтоводскій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1670 г., а Никонъ оставленъ подъ строгимъ карауломъ. Разговоры съ Никономъ о томъ, что приходили донскіе казаки, происходили вполнѣ миролюбиво и неоднократно.

Когда въ мартѣ 1679 г. пріѣзжалъ къ Никону Родіонъ Стрешневъ съ извѣстіемъ о кончинѣ царицы Маріи Ильинишни съ подарками отъ царя, Никонъ оправдывался отъ нареканій въ сношеніяхъ съ донскими казаками и высказывалъ свои соображенія о движеніи, указывая на близость великой смуты отъ казаковъ; причину этой смуты онъ видѣлъ въ интригахъ и насиліяхъ боярѣ, враждовавшихъ противъ Царя и шедшихъ противъ его распоряженій: „эта боярская интрига грозитъ де спокойствію цѣлой семьи и государства; она и безъ того уже произвела смуту въ Русской Церкви несправедливымъ тяжелымъ заключеніемъ ея Патріарха; и впредь, если эта неразумная запретительная клятва Восточныхъ Патріарховъ осужденіемъ русскаго первосвятителя, наложенная на весь православный русскій народъ не снимется, добра ждать нечего". Замѣчаніе Никона оправдалось, и въ 1670 г. т. е. въ слѣдующемъ году Царь разсылалъ грамоты о бунтѣ Разина. Когда Разина схватили, то онъ далъ вынужденныя неопредѣленныя показанія, которыя были подхвачены врагами Никона для обвиненія его въ государственной измѣнѣ.

О казакахъ говорилъ Никонъ въ разговорахъ съ Шайсуновымъ вскорѣ послѣ его прїѣзда въ Терапонтонъ монастырь, куда послѣдній поступилъ съ 12 мая 1671 г., что „онъ на воровскую прелесть казаковъ не поддастся, во всемъ имъ отказалъ и съ клятвой имъ приказывалъ, чтобы они принесли государю свою повинную, и они пропали неизвѣстно куда“.

Сообщенія Никона о донскихъ казакахъ.

18 января 1672 г. прїѣзжалъ къ Никону отъ Царя стрѣлецкій голова Лотухинъ и подъячій Приказа Тайныхъ Дѣлъ Степановъ съ деньгами, шубой и рыбой. Они говорили, что Царь готовъ примириться во всемъ, просить прощенія, что въ Терапонтонъ монастырь Никонъ сосланъ Вселенскими Патріархами съ Соборомъ, что приставъ Наумовъ причинялъ Никону притѣсненія не по указу, а самовольно; они говорили Никону о томъ, что Стенька Разинъ въ разспросѣ на пыткахъ и съ огня показалъ, что прїѣзжалъ къ нему подъ Симбирскъ отъ Никона старецъ и приглашалъ его идти вверхъ Волгой, а онъ де Никонъ къ нему навстрѣчу, ибо тебѣ тошно отъ бояръ, что у тебя готово было пять тысячъ человѣкъ. Старецъ тотъ изъ подъ Симбирска ушелъ. Никона спрашивали, отчего онъ не велѣлъ схватить тѣхъ трехъ казаковъ, которые къ нему приходили. Никонъ сказалъ: „О смутѣ на Волгѣ и о Разинѣ я ничего не знаю; три казака, приходившіе ко мнѣ, передавали только о томъ, что они посланы въ Невель, велѣно устроить ихъ землянки, но они жить такъ и пахать землю не привыкли, государева жалованья и корму имъ не было, и они теперь идутъ искать себѣ воли. Наумову о нихъ я не донесъ, потому что они сказывали про свое многолюдство; я боялся, чтобы смуты не учинить, а обороняться отъ нихъ было нечѣмъ, Государю же о нихъ я тогда же писалъ и архимандриту Іосифу передавалъ“.

Возобновленіе преслѣдованій Никона въ 1676 г. послѣ смерти Царя. Собираніе всѣхъ клеветъ.

Казалось, на этомъ все и могло бы кончиться, но нѣтъ. Дѣло было записано врагами Никона въ пассивъ, съ тѣмъ, чтобы поднять тогда, когда они возьмутъ силу. Это наступило спустя много лѣтъ уже послѣ смерти Царя Алексѣя Михайловича, когда противъ Никона выступили всѣ враждебныя силы, и собраны были всѣ ложные доносы, вошедшіе въ одинъ обширный обвинительный актъ, по которому Никонъ и былъ осужденъ на тяжкое заключеніе. Въ частности это дѣло о донскихъ казакахъ попало въ доносъ поссорившагося съ

Никономъ еще въ 1674 году пристава князя Самойлы Шайсупова, гдѣ были выставлены и другія обвиненія столь же нелѣпыя, которыми воспользовались враги Никона, получившіе исключительное вліяніе на молодого Царя послѣ смерти Алексѣя Михайловича, именно Богданъ Хитрово, Родіонъ Стрешневъ и Патріархъ Іоакимъ. 29-30 января 1676 г. умеръ Алексѣй Михайловичъ, а черезъ 40 дней начался судъ надъ его духовникомъ протоіереемъ Андреемъ Савиновымъ, сторонникомъ Никона, черезъ котораго шли и письма Никона къ Царю; 14-III 1676 г. онъ былъ лишенъ священства и сосланъ въ Кожеезерскій монастырь съ запрещеніемъ стоять въ церкви съ вѣрными, послѣ чего и принялись за Никона. Еще со вступленіемъ на Патріаршество въ іюль 1674 г. Іоакима, враги Никона стали проявлять вліяніе на его положеніе. Милости Царя стали сокращаться, а отъ Патріарха Іоакима слѣдовали инструкции съ замѣчаніями на счетъ жизни Никона съ тенденціей возстановить строгости 1668 г. во исполненіе приговора суда 1666 и 1668 г. Никонъ жаловался на неисправность Кирилловскихъ властей въ смыслѣ доставки содержанія отъ монастыря на его людей. Челобитную Никона докладывалъ Б. Хитрово, и въ январѣ 1675 г. вышелъ царскій Указъ: Царь указалъ и бояре приговорили: „Отпискѣ этой ни въ чемъ не вѣрить, а къ монаху Никону послать съ выговоромъ стольника Козьму Лопухина и про все развѣдать подлинно, что Никонъ великому Государю писалъ не дѣломъ. Одновременно Патріархъ Іоакимъ поручилъ допросить игумена и братію Оерапонтова монастыря, зачѣмъ именуютъ они Никона Патріархомъ. Вмѣстѣ съ боярскимъ выговоромъ отъ самого Царя шли денежные дары, серебряные церковные сосуды съ покровами, облаченія для іеромонаховъ и кругъ богослужебныхъ книгъ. Это было свидѣтельствомъ продолжавшагося двойственного отношенія въ Москвѣ къ Никону: съ одной стороны Царь и нѣкоторые духовные и свѣтскіе вельможи, съ другой — извѣстные намъ враги Никона, двойственность прекратившаяся, когда враги Никона одолѣли вполнѣ со смертью Царя Алексѣя Михайловича и разослали всѣхъ друзей Никона въ ссылку вплоть до того времени, когда въ 1678 г. установились хорошіе отношенія у Царя Θεодора съ его теткой Татьяной Михайловной, передавшей молодому Царю всю исторію Никона. Во время присылки Іоакимовой грамоты, Никонъ рѣзко отзывался о Патріархѣ Іоакимѣ, который въ свое время былъ ему всецѣло обязанъ принятіемъ изъ Малороссіи въ число братіи Иверскаго монастыря, гдѣ былъ строителемъ, а потомъ много разъ

выступалъ съ боярами противъ Никона и по ихъ проискамъ попалъ въ Патріархи, какъ лицо враждебное Никону. Отзывъ Никона сталъ извѣстнымъ Патріарху Іоакиму и остался безъ послѣдствій временно только благодаря заступничеству Царя Алексѣя Михайловича, но былъ записанъ Никону въ пассивъ до лучшихъ временъ. Въ мартѣ 1675 г. была отправлена особая коммиссія къ Никону, чтобы выработать на мѣстѣ, согласно просьбѣ Никона, вопросъ о переводѣ натуральной повинности монастырей въ его пользу на денежную, во избѣжаніе недоразумѣній. Жизнь же Никона протекала въ хозяйственныхъ заботахъ, въ сооруженіи келій, въ устройствѣ своей церкви, въ лѣченіи больныхъ. Имѣя теперь средства отъ Царя, Никонъ тратилъ деньги на благотворительность приходившимъ къ нему бѣднымъ, давалъ на приданое. Но и здѣсь клевета не оставила его. Когда умеръ Царь, и враги Никона прислали ему на смѣну пристава Шайсупова другого — Одадунова, то тотъ сумѣлъ угодить своимъ патронамъ. Шайсуповъ былъ въ ссорѣ съ Никономъ; послѣдній по своей прямолинейности съ нимъ годы не разговаривалъ, переговариваясь черезъ служекъ; онъ отомстилъ Никону, когда представился случай, а случай этотъ не заставилъ себя долго ждать.

Почва, на которой явились клеветники на Никона въ гнусныхъ поступкахъ и измѣнѣ — усиленіе враговъ Никона и желаніе приставовъ выслужиться передъ ними.

Одадуновъ явился 29-III 1676 г. съ своими правилами обереганья Никона, запретилъ ему и его службѣ свободный выходъ изъ келіи, запретилъ ходить постороннимъ къ нему, прекратилъ ими лѣченіе и окружилъ келью стрѣльцами. Былъ использованъ пріѣздъ въ Москву одного служки и присланныхъ туда Никономъ для допроса въ государевомъ дѣлѣ. Они были использованы для доноса на Никона; враги Никона привлекли Шайсупова, обвиняя его въ послабленіи Никону, и тотъ въ оправданіе себя, чтобы не оказаться умолчавшимъ, и въ отместку Никону свелъ въ докладъ всѣ слухи и чужіе пересуды со словъ Никоновскихъ келейниковъ и слугъ, имѣвшихъ неудовольствіе на Никона за строгое обхожденіе и наказаніе за пьянство, въ томъ числѣ и гнусное обвиненіе вошло въ докладъ. Особенно отличался старецъ Іона, дѣлавшій надписи на крестахъ по порученію Никона. Онъ былъ пьяница, неоднократно былъ наказанъ Никономъ, и его извѣтъ явился самымъ гнуснымъ, не соотвѣтствовавшимъ ни семидесятилѣтнему возрасту Никона, ни его настроенности; онъ былъ посланъ въ Москву Одадуновымъ для лич-

ныхъ показаній противъ Никона, которыя и произнесъ 29 апрѣля 1676 г. Шайсуповъ же обѣлявшій себя и выслуживавшійся передъ врагами Никона, которые могли за его послабленіе Никону, наказать его также, какъ и всѣхъ вообще сосланныхъ ими сторонниковъ Никона, показывалъ опять о донскихъ казакахъ, показывалъ о томъ, что „къ Никону приходятъ женки и дѣвки будто бы для лѣкарства, а онъ съ ними сидитъ одинъ на одинъ и обнажаетъ ихъ до нага, будто бы для осмотра больныхъ язвъ, а отъ его лѣкарства многія померли". Сообщалъ онъ, будто Никонъ выдавалъ замужъ неволею и билъ плетью жениха, и женилъ въ неволю, что послѣ вѣнчанія къ себѣ въ келію ихъ приглашалъ, что онъ устраивалъ игры и пьяныхъ женокъ на слободы отправлялъ на монастырскихъ подводахъ.

Заочный судъ надъ Никономъ 15 мая 1676 г., безъ предварительнаго допроса свидѣтелей и его самага однимъ доносамъ.

Когда пріѣхали съ готовымъ приговоромъ суда, то и Никонъ своимъ правдивымъ рассказомъ, по и его старцы показали всю нелѣпость обвиненій, но дѣло было уже сдѣлано что только и нужно было врагамъ Никона. На судѣ изслѣдованіе не производилось, показанія доносчиковъ вовсе не провѣрялись показаніями другихъ лицъ, не вникали въ то, что показанія на Никона дѣлались потерпѣвшими отъ него наказанія недовольными лицами; напротивъ собирались всѣ прежніе доносы и передавались Патріарху Іоакиму съ заключеніями о виновности Никона. „Можно сказать безъ преувеличенія", пишетъ Проф. Николаевскій, что, съ возбужденіемъ теперь слѣдствія по дѣлу Патріарха Никона производилась оцѣнка и жизни, и дѣятельности его за все время десятилѣтняго заключенія въ Өерапонтовѣ; пересматривались вновь дѣла и бумаги по тѣмъ обвиненіямъ и вопросамъ, которые были уже рѣшены при прежнемъ Государѣ, или оставлены были безъ послѣдствій, и которые выставлялись теперь пунктами новыхъ обвиненій противъ Никона и поводомъ къ его осужденію". 15 мая 1676 г. было вынесено постановленіе Собора, на которомъ былъ Царь Өеодоръ, Патріархъ Іоакимъ, 5 Митрополитовъ, 6 Архіереевъ, низшія духовныя власти и бояре, которое приговорило Никона на немедленное заключеніе въ Кирилловъ монастырь, описать и отобрать все его имущество, удалить его старцевъ, къ нему никого не пускать, никакихъ писемъ, никакихъ прошеній ему не приносить, не давать чернилъ и бумаги, отобрать книги, кромѣ тѣхъ, по которымъ отправлять церковное и келейное правило, поселивъ съ нимъ двухъ вѣрныхъ, ему чужихъ старцевъ.

Умолчаніе Соловьева о характерѣ свидѣтельскихъ показаній и свидѣтелей на судѣ 1676 года.

Обвиненія на Никона были явно нелѣпы по несоотвѣтствію съ образомъ жизни и личностью, и очень жаль, что историкъ Соловьевъ помѣстилъ такое обвиненіе (XIII, пр. 190), не приведя данныхъ, его парализующихъ, т. е. безъ объясненія, что они исходили отъ людей пристрастныхъ и низкопробныхъ, пьяницы Іоны, наказаннаго Никомъ, и поссорившагося и жаловавшагося на Никона князя Самойла Шайсупова, испугавшагося обвиненій на него въ умолчаніи о Никонѣ со стороны свирѣпствовавшихъ его враговъ; онъ не сообщилъ какъ были составлены эти обвиненія на судѣ, и какой отвѣтъ былъ со стороны Никона и неотлучныхъ свидѣтелей его жизни, хотя и послѣ постановленія суда, на которомъ не допрашивался ни Никонъ, ни окружавшіе его люди. Тогда выяснилась бы его историческая недостоверность и психологическая невѣроятность изъ характера личности и жизни Никона. Новый приставъ Одадуровъ, присланный въ мартѣ 1676 г., далъ тонъ новому отношенію къ Никону, разбудившій всѣхъ его враговъ. Докладъ Шайсупова легъ въ основу соборнаго опредѣленія безъ всякаго разбирательства.

Опроверженіе Никона на обвиненія въ 1676 г.

А вотъ что Никонъ сказалъ совершенно просто со всей внутренней силой и убѣдительностью человѣка, изстрадавшагося, много испытывающаго и не могущаго уже дивиться никакимъ кознямъ своихъ враговъ, послѣ того, какъ онъ выслушалъ состоявшійся приговоръ въ церкви, куда и былъ позванъ для этого: „Которые казаки у него были, ихъ прислалъ къ нему Степанъ Наумовъ со стрѣльцами; а говорили ему тѣ казаки: есть де у нихъ въ сборѣ человѣкъ съ 200 и больше въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, а какіе люди и гдѣ они стояли, точно ему не сказали; а изымать ему тѣхъ людей не кѣмъ; къ Разину въ Симбирскъ старца никакого не посылалъ и вверхъ Волгою Разина звать не велѣлъ. А что онъ, Никонъ, писалъ къ Царю Алексѣю Михайловичу и прислалъ роспись людей кого лѣчилъ (въ рукописяхъ Воскресенскаго монастыря сохранились имена больныхъ и время ихъ исцѣленія и отъ какой болѣзни: числится за время отъ 1674 г. до 20 марта 1676 г. 68 мужчинъ, 53 женщины и 11 младенцевъ), и у тѣхъ людей онъ лѣчилъ больныя мѣста, помазывалъ масломъ и говорилъ надъ ними молитвы, и отъ того его лѣкарства милость Божія и исцѣленіе многимъ людямъ бывали, а про то онъ не слыхалъ, кто отъ его лѣкарства кто умеръ. За великаго Государя и за всѣхъ Патріарховъ въ церкви

Божіей и въ келейномъ правилѣ онъ повсечасно Бога молить, а за Іоакима Патріарха Бога не молить, потому что писалъ Вологодскій Архіерей въ Кирилловъ монастырь и велѣлъ Бога молить за себя, а не за Патріарха, потому что отъ него, отъ Іоакима всякое зло учинилось, и нынѣ его губить, а попамъ де онъ за Патріарха Бога молить не заказывалъ... Патріархомъ Московскимъ онъ себя называть не веливалъ и никого къ такому дѣлу не принуживалъ. Которые де присыльщики прїѣзжали отъ великаго Государя Царя Алексѣя Михайловича и его, Никона, называли великимъ святымъ отцемъ... Больныхъ де женокъ и дѣвокъ до стыдныхъ мѣстъ не обнаживалъ а давалъ имъ тѣ больныя мѣста мазать самимъ и говорилъ де молитвы надъ ними... Въ Крестовой кельѣ онъ, Никонъ, надъ болящими молитвы говаривалъ и масломъ помазывалъ. Въ кельѣ онъ женокъ и дѣвокъ у себя замужъ не сговаривалъ и послѣ вѣнчанія въ кельѣ не имывалъ и до пьяна ихъ не напаивалъ и до полуночи у него не сиживали, а дѣ камъ де и женкамъ бѣднымъ, сиротамъ и всякимъ скуднымъ людямъ на пропитаніе и на платье деньги и хлѣбъ давалъ при стрѣльцахъ. Женки де брюхатой сильно онъ замужъ выдавать не веливалъ и жениха ея плетми не бивалъ... На слободскихъ женокъ никакихъ пировъ не дѣлывалъ и до пьяна ихъ не паивалъ и на подводахъ въ слободы не отсылалъ, а кармливалъ де онъ всякихъ чиновъ людей на Господніе праздники вмѣсто милостыни за работы ихъ... Являлся де Христось къ нему часто въ церкви такимъ образомъ, какъ пишутся на иконахъ и подалъ ему благодать чаши лѣкарственной, и оно де по тому явленію и по благодати неисчерпаемой чаши лѣкарственной исцѣляетъ, и отъ того его лѣкарства Богъ отъ болѣзней многихъ людей избавляетъ, а больше того его никто лѣкарству не учивалъ... Патріархомъ онъ писывался, потому что ему отъ великаго Государя Иванъ Образцовъ и Козьма Лопухинъ и иные присыльщики его Никона называли святымъ отцомъ, да ему же изъ тѣхъ присыльщиковъ сказывали, что великій Государь не заповѣдываетъ его Патріархомъ называть".

Показанія свидѣтелей (1676 года) оправдываютъ Никона отъ клеветъ, но эти показанія уже послѣ суда.

Іеромонахъ Варлаамъ, больной старецъ Козьма показывали, что никогда зазорныхъ лицъ въ келіяхъ не было, только больные. Діаконъ Мордарій показывалъ, что онъ ѣздилъ въ Москву, письма Царю передавалъ черезъ его духовника протоіерея Савинова, покупалъ тамъ лѣкарства, но, какъ ихъ составлялъ Никонъ и мазалъ, онъ не видалъ; мужчины, женщины и дѣти часто приходили къ Никону за

лѣченіемъ, видѣлъ какъ Никонъ читалъ молитвы надъ ними по требнику, приносилъ кадило, свѣчи, а ничего худого никогда не замѣчалъ; кромѣ больныхъ, никто изъ зазорныхъ къ нему не приходилъ. Варлаамъ и Мордарій были сосланы подъ надзоръ въ Крестный монастырь, гдѣ и оставались до 1680 года. Судъ 1676 г. окончательно прекратилъ земную дѣятельность Никона, и онъ былъ возвращенъ въ августъ 1681 года въ Воскресенскій монастырь, но возстановленъ во всѣхъ правахъ Патріарха только послѣ смерти († 17 августа 1681 года) Грамотой Восточныхъ Патріарховъ, привезенной 9 сентября 1682 года тогда, когда уже Никонъ никому поперекъ дороги встать не могъ.

Отношеніе Никона къ боярству.

Мы говорили, что Никона не любило боярство, и ему онъ обязанъ своей тяжелой судьбой и невозможностью установить каноническое управленіе Церковью. Но самъ онъ былъ чуждъ какой-либо вражды къ боярству, какъ таковому. Онъ защищалъ отъ его захватовъ Церковь, ибо почиталъ это архипастырскимъ долгомъ и бичевалъ только тотъ духъ въ части боярства, который приводилъ его къ захвату Церкви, а, въ качествѣ совѣтника Государя, боролся съ тѣмъ мѣстничествомъ, которое губило государство, пріостановивъ его на время войны (оно въ полной силѣ возобладало до окончанія войны, но послѣ ухода Никона, что и обнаружилось въ страшныхъ пораженіяхъ 1659 и 1660 годахъ). Мы видѣли его борьбу съ боярскимъ либеральнымъ антицерковнымъ духомъ въ „Раззореніи“, которое пересыпано обличительными обращеніями къ Стрешневу и Одоевскому. „Князь Никита Одоевскій, человѣкъ чрезвычайно гордый, не имѣющій страха Божія въ сердцѣ; онъ не читалъ и не понимаетъ Божественнаго Писанія и каноновъ Св. Апостоловъ и Св. Отецъ. Онъ вовсе не думаетъ жить по нимъ, и тѣхъ, кто живетъ по нимъ, онъ ненавидитъ, какъ своихъ личныхъ враговъ, будучи самъ врагомъ истины. Товарищи его — люди невѣжественные въ Св. Писаніи, а дьяки — завѣдомые враги Божіи и грабители, которые среди бѣла дня безъ страха губятъ людей Божіихъ" (I, 354).

А Стрешневу онъ писалъ: „Ты вѣруешь, что есть Богъ, хорошо; дьяволъ тоже вѣруетъ и дрожить; но хочешь ли видѣть, пустой человѣкъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Развѣ Авраамъ не оправдывалъ ее дѣлами, когда предложилъ Исаака на алтарь? Дѣлами и вѣра сдѣлалась совершеннѣй. Авраамъ возлюбилъ Бога, и ему это вмѣнено

въ праведность, и онъ названъ другомъ Божиимъ. Ты видишь, какъ дѣлами, а не вѣрой только оправдывается человѣкъ? Видишь, что согласно Писанію, ничего нѣтъ въ васъ христіанскаго. Но вы отверглись отъ Бога и антихристами стали, т. е. богоборцами" (I, 167).

Считая Царя неограниченнымъ властителемъ въ свѣтскихъ дѣлахъ, и считая свое осужденіе возможнымъ лишь при попустительствѣ Царя, захватившаго и церковную и государственную власть, Никонъ возлагалъ отвѣтственность на Царя, но больше винилъ бояръ. Онъ писалъ въ „Раззореніи“, что подстрекатели виновнѣе самого дѣятеля, говорилъ и Стрешневу въ мартѣ 1669 года о томъ, что боярское безчинство онъ считаетъ причиной и Разинской смуты, и безчинія въ Церкви и осужденія ея Первосвященителя. Говорилъ онъ и на судѣ Царю, намекая на бунты 1648 и 1662 г., что онъ самъ свидѣтельствовалъ тогда о неправдахъ боярскихъ. Но у Никона не было вражды къ боярскому сословію, какъ таковому. У него были среди него друзья, которымъ онъ самъ покровительствовалъ и хлопотывалъ имъ повышенія, но онъ въ этомъ не связывалъ себя установившимися рамками придворныхъ положеній. Онъ покровительствовалъ Зюзину, который былъ назначенъ воеводой въ Путивль, и совершенно очевидно, что съ новыми для Московскаго двора людьми Матвѣевымъ (сынъ дьяка) и Аф. Лавр. Ордынъ-Нащокинымъ (Псковскій дворянинъ) находился въ такихъ отношеніяхъ, что Зюзинъ, желая заставить Никона пріѣхать въ Москву и тѣмъ повліять на Царя въ смыслѣ примиренія, ссылаясь именно на нихъ, на ихъ якобы разговоръ съ Царемъ, чтобы заставить Никона повѣрить въ истинность желанія Царя видѣть Никона въ Москвѣ. Пальмеръ сообщаетъ (IV, 556), что Зюзинъ показывалъ письма Никона къ нему думному дворянину Аѳанасію Лаврентьевичу Ордынъ-Нащокину, говорилъ и о своихъ письмахъ пригласительныхъ къ Никону, но скрывалъ отъ него, что онъ писалъ, ссылаясь на слова самого Нащокина, и Нащокинъ сказалъ: „это хорошо“, т. е. онъ одобрилъ возвращеніе Никона, хотя лично не принималъ никакого участія въ предпріятіи Зюзина и даже не зналъ, что тотъ предпринималъ со ссылкой на него.

Бояре враждебные Никону, вышли изъ лицъ, близкихъ ко двору или занимавшихъ высшіе посты.

Повидимому, кругъ враждебныхъ Никону бояръ ограничивался нѣсколькими семьями, особенно близкими Царю по родству женскихъ линій (Стрешневы, Милославскіе) и связанныхъ съ ними (мать Богдана Хитрово была у Морозовыхъ кормилицей). Милославскіе и

Хитрово были выдвинуты Морозовыми ко двору; всѣ они занимали главные посты въ государствѣ и тяготились вліяніемъ Никона на Царя. И другія лица, встрѣчающіяся въ дѣлѣ Никона — все представители власти. Илья Даниловичъ Милославскій († 1668) отецъ Царицы, онъ во главѣ Иноземнаго Приказа и Приказа Большой Казны. Окольничій Иванъ Андреевичъ Милославскій († 1663) во главѣ Ямского Приказа, Богданъ Хитрово (умеръ не ранѣе 1677) во главѣ Земскаго Приказа и новой Чети (1654-1665). Онъ былъ креатурой Морозова и Милославскихъ (объ его безнравственной жизни сообщает докторъ Коллинсъ (между 1664 и 1668): „его жена однажды была найдена мертвой въ постели; такъ какъ его измѣны были общеизвѣстны, и ревность жены его тяготила, то были подозрѣнія на него. Царь потребовалъ отъ него или прекратить порочную жизнь съ польскими дѣвками, или оставить дворецъ“). Въ 1663-1664 г. онъ вѣдалъ Приказомъ Большого Дворца; 1 сентября 1667 г. Онъ сдѣланъ бояриномъ (V ар. 204). Дьякъ Алмазь Ивановъ — секретарь Боярской Думы, главный секретарь Посольскаго Приказа и Предсѣдатель Новгородской Четверти. Также представители родовой власти — враги Никона — Никита Ивановичъ Одоевскій предсѣдатель Казанскаго и Сибирскаго Приказа отъ 1643-1646 г. и А. Н. Трубецкой († 1663 г.) въ немъ отъ 1646-1663 г. Одоевскій (умеръ послѣ 1676 г.) былъ предсѣдателемъ Монастырскаго приказа, созданнаго Уложеніемъ (II, 403-405); бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ былъ предсѣдателемъ Малороссійскаго Приказа (V, ар. 216); Боборыкинъ — родственникъ Романовыхъ и Шереметевыхъ (ib. 218).

Участіе Никона въ государственной политикѣ его времени.

Посвящая свой трудъ изученію возрѣній Никона, мы не можемъ пройти молчаніемъ его участія въ государственной политикѣ его времени, ибо онъ былъ совѣтникъ Царя. Въ смыслѣ неодобренія боярскаго мѣстничества и существованія и расцѣнки людей по породѣ, Никонъ былъ, какъ государственный регентъ и совѣтникъ Государя, прямымъ предшественникомъ Петра I вмѣстѣ съ Ордынъ-Нащокинымъ; у него не было преклоненія передъ стариной только потому, что она старина; изъ этой старины онъ почиталъ только то, что проходило черезъ испытаніе его критической оцѣнки: такъ въ отношеніи положенія Церкви въ государствѣ онъ былъ консерваторъ, но онъ почиталъ просвѣщеніе, знакомство съ иноземными усовершенствованіями техническаго рода и въ этомъ отношеніи былъ

изъ числа людей новыхъ. Въ иностранной политикѣ, какъ совѣтникъ Государя, онъ стремился къ объединенію православнаго русскаго населенія и къ покровительству православныхъ народовъ иноплемennыхъ. Если польская война не закончилась Виленскимъ договоромъ 24 октября 1656 г. (который и Малороссію и Бѣлоруссію отдавалъ Россіи и предусматривалъ соединеніе Россіи съ Польшей), и потомъ въ 1659 г. возобновилась война за Малороссію, вслѣдствіе измѣны Выговскаго, то Никонъ здѣсь не приче́мъ. Пораженія 1659 и 1660 г. вслѣдствіи мѣстничества боярь отдалили на 100 лѣтъ завершеніе поставленной задачи національнаго объединенія, а война съ Швеціей указывала путь Петровскимъ стремленіямъ къ берегамъ Балтійскаго моря. Есть данныя думать, что война за Малороссію началась въ значительной степени подъ вліяніемъ Никона, а бояре ея тяготились, какъ бременемъ, и историческая задача по объединенію Россіи у нихъ отступала на задній планъ передъ ихъ нежеланіемъ воевать.

Вѣдь, еще въ 1651 г. въ февралѣ Хмѣльницкій отправилъ посольство въ Москву съ просьбой о принятіи подданства; соборъ духовенства и гражданскихъ особъ не рѣшилъ это осуществить, и въ 1653 г. Хмѣльницкій, зная силу Никона, писалъ ему: „Вѣдуще мы о ревности, еюже твое великое святительство по Господѣ Божѣ Вседержителѣ, по Вѣрѣ Православной, по Церкви Божіей, и по всемъ народѣ восточнаго благочестія ревнуемъ, просимъ Твое великое святительство да уважешь быти о насъ ходатай къ Его царскому величеству, да подасть намъ отъ великаго государства свою руку помощи; мы же служить невѣрному Царю не хотимъ, но точію православному государю, и твое великое святительство, ходатая о насъ къ Богу и его царскому величеству, просимъ, дабы была едина вѣра и едино сочетаніе, а аще бо иновѣрцы и взываютъ насъ къ себѣ, но мы Бога молимъ, дабы отвратилъ очи наши не видѣти суеты и поставилъ насъ на стезю праву заповѣдей Своихъ.“ Бояре опять разсуждали такъ, какъ и въ 1651 г., боясь войны съ Польшей, которая была бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ присоединенія Малороссіи, но Никонъ убѣдилъ присоединить Малороссію, изобразивъ страданія тамъ православныхъ людей. Съ какой надеждой взирали на Никона малороссы, показываетъ письмо ихъ къ Никону.

Письмо къ Никону отъ Гетмана Хмѣльницкаго и всего Запорожскаго Войска 9 августа 1653 г. (Чт. О. И. и др. 1848, 8 послѣдній Отдѣлъ 53 стр.) гласить:

„Божіей милостью Великому Святителю Святѣйшему Никону Патріарху царствующаго града Москвы и всея Великія Россіи, господину и пастырю, Его Великому Святительству Богданъ Хмѣльницкій гетманъ Войска Запорожскаго и все Войско Запорожское, низко и смиренно до лица земли челомъ бьемъ.

Вѣдуще мы о ревности, еюже твое Великое Святительство ревнуетъ по Господѣ Вседержителѣ, по Вѣрѣ Православной и по всемъ народѣ восточнаго благочестія, просимъ твое Великое Святительство да изволитъ быти о насъ ходатай къ Его Царскому Величеству, да подастъ намъ отъ великаго государства свою руку помощи; и рать намъ отпустить въ помощь на ляховъ, понеже Король приходитъ на насъ со всей силой Ляцкою Вѣру Православную Церкви Божіей и народъ православно-христіанскій отъ земли потребити хотѣй. Мы же служити невѣрному царю не хотимъ, но точію православному Государю, Его Царскому Величеству челомъ бьемъ; и да подѣ крѣпкою его Великаго Государя рукою и покровомъ пробудемъ, Господа Бога Молимъ, и твое Великое Святительство, ходатая о насъ ко Богу и къ Его Царскому Величеству, просимъ. О семъ же и сугубо Великое твое Святительство прося, молимъ, да не возвратится посланецъ нашъ Герасимъ Яцковичъ отъ Его Царскаго Величества и отъ твоего Великаго Святительства къ намъ тощъ, но скоро съ силою и помощію Великаго Государя, Его Царскаго Величества, незадержанъ къ намъ да возвратится; и да обрадуетъ насъ, паки и паки Твоему Великому Святительству молимся и молитвамъ святымъ и благословенію себя вручаемъ. Въ Глуховѣ 9 дня августа 1653 г.

Вашему Великому Святительству во всемъ повинные слуги и подножники, Богданъ Хмѣльницкій Гетманъ со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ".

Отъ 12 августа опять грамота, что: „какъ прямыхъ слугъ своихъ Царское Величество ущедрити и пожаловати изволилъ", грамота за это приносить благодарность и обращается къ Никону: „Твое же Великое Святительство молимъ, да изволился о насъ къ Богу и къ Великому Государю, Его Царскому Величеству неусыпный ходатай быти, да помощи руку подастъ намъ на враговъ нашихъ скорѣйшую и прескорѣйшую ратію свою Великій Государь, да не безпомощнымъ намъ это зло сотворять".

Спустя лѣтъ 14-15 то же явленіе. Гюббенетъ приводитъ письмо одного архимандрита греческаго, который писалъ въ Константино-

поль о немъ, называя Никона вторымъ Златоустомъ, что „Царь его любить и желаетъ и приходитъ къ нему для бесѣдъ по ночамъ; бояре же отстраняють Никона за то, что онъ настаиваетъ, чтобы онъ шелъ на войну противъ татаръ, которые полонили множество москвичей и казаковъ, но это боярамъ не нравится, ибо они привыкли проводить болѣе спокойную жизнь въ Москвѣ. Никонъ доброжелателенъ грекамъ, милостивъ къ Патріархамъ и ревностный защитникъ догматовъ Восточной Церкви, что грамоты присланныя оъ Мелетіемъ къ Патріархамъ, составилъ Паисій Лигаридъ, который, получивъ отъ бояръ дары и почести, устроилъ козни противъ Никона, что Мелетію дано 8 тысячъ золотыхъ, которыми онъ подкупленъ для дѣйствій противъ Никона". (Гюб. т. II, гл. 5).

Никонъ былъ имъ нелюбъ такъ же, какъ нелюбъ былъ Грозный Царь, ибо, какъ совѣтникъ Государя, онъ дополнялъ въ Царѣ Алексѣѣ то, чего ему не хватало въ смыслѣ внутреннихъ дарованій для проведенія государственной политики въ отношеніи къ разложившемуся боярству. Это боярство Шакловитый называлъ немного спустя „зяблымъ деревомъ", съ которымъ нечего считается, но этого боярства едва не хватило на то, чтобы расчленить Россію на удѣлы въ 1682 г., и хватило на то, чтобы ввергнуть Россію въ половинѣ 17 вѣка на путь секуляризаціи государства и свалить того, кто былъ главнымъ его противникомъ на этомъ пути — Патріарха Никона. Если Никонъ въ государственной сферѣ, какъ совѣтникъ Государя, былъ предшественникомъ и предвѣстникомъ лучшихъ достижений Петра въ иностранной политикѣ, если онъ вносилъ духъ реформы своимъ критицизмомъ, то боярство сумѣло вырвать отъ Никона ту основу, на которой строилось само государство, и подготовить путь къ дальнѣйшей секуляризаціи государства Петромъ, вопреки завѣтамъ Никона, тѣмъ, что оно положило начало подрыву общественнаго положенія Церкви, не столько даже Уложеніемъ, сколько низложеніемъ великаго Первосвятителя черезъ посредство челоуѣкоугодническихъ Архіереевъ и подкупъ наймитовъ-Патріарховъ, обезсилившимъ положеніе Патріарха въ русскомъ государственномъ строѣ.

Боярство, добившись осужденія Никона, обезсилило положеніе Патріарха въ государственномъ строѣ.

А это обезсиленіе въ свою очередь устранило препятствія къ государственному законодательству по церковнымъ дѣламъ въ 1700-1720 годахъ, вполне подготовившему и полное уничтоженіе

патріаршества и постепенное полное разрушеніе общественной дѣятельности Церкви.

Сравненіе Никона съ Крижаничемъ и Петромъ I въ политическихъ идеяхъ.

Любопытно сравненіе, которое дѣлаетъ Пальмеръ, между Петромъ, Никономъ и Крижаничемъ. Никонъ и Крижаничъ требуютъ отъ правителя государства прежде всего благочестія къ Богу, а затѣмъ уже силы и мощи (военной и морской) и мудрости для заботы объ общемъ благѣ, но у Петра первая идея — подвиги и слава и остальные упомянутыя свойства нужны лишь, поскольку они могутъ вести къ подвигамъ и славѣ. Крижаничъ ставитъ мудрость правителя въ соблюденіи двухъ правилъ: „познай самого себя" и „не довѣрай иностранцамъ". Петръ самъ ученикъ иностранцевъ, наводнилъ Россію иностранцами разныхъ исповѣданій. Здѣсь Никонъ едва ли бы одобрилъ второе правило Крижанича въ его исключительномъ значеніи, но въ принципѣ все же онъ больше съ нимъ, чѣмъ съ Петромъ, но съ условіемъ принятія иностранцемъ православія, если онъ годный человѣкъ. Относительно силъ государства. Крижаничъ не рекомендовалъ присоединять Балтійскія провинціи. Никонъ здѣсь съ Петромъ, но только безъ допущенія нѣмцевъ и шведовъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, но допустилъ бы нѣкоторую автономію для мѣстныхъ дѣлъ. Что касается мощи государства, то Крижаничъ и Никонъ хотятъ національнаго согласія и объединенія; но Петръ раздѣлилъ Россію на два противоположныхъ и враждебныхъ лагеря съ нѣмецкой тенденціей и національной, изъ коихъ одна матеріалистическая или невѣрующая, а другая религіозная или, по меньшей мѣрѣ, супранатуралистическая. Что касается военнаго командованія, то Крижаничъ не допускаетъ иностранцевъ; Петръ уничтожилъ наслѣдственную знать и поставилъ Меншикова надъ старыми фамиліями и свободно давалъ командованіе иностранцамъ. Никонъ, вѣроятно, не возражалъ бы противъ годныхъ иностранцевъ, если бы они приняли православіе, и свободно бы возводилъ до высшаго ранга русскаго низшаго происхожденія, и въ этомъ отношеніи похожъ на Петра. Всѣ трое согласны въ стремленіи къ освобожденію отъ стараго невѣжества, къ изученію искусства и стремленію къ лучшей формѣ общества, хотя и есть разница въ направленіи, поскольку у Никона и Крижанича стремленія горнія, а у Петра болѣе матеріалистическія. Крижаничъ и Никонъ привѣтствуютъ самодержавіе, но оно у нихъ не выливается въ форму безграничнаго

произвола и захвата священства, какъ у Петра I. У нихъ власть Царя абсолютна въ томъ отношеніи, что никакой подданный, никакое собраніе подданныхъ не можетъ диктовать царю воли; въ этомъ вся инициатива отдается Царю, но въ высшей сферѣ Царь имѣетъ надъ собой законы Бога и Церкви, и въ отношеніи его отдѣльныхъ распоряженій, если онъ приказываетъ что-либо нечестивое, подданные не обязаны ему повиноваться, но скорѣе должны отказать въ повиновеніи и пострадать за правду и справедливость. Но такой Царь православный будетъ дѣйствовать согласно обычаю, по совѣтамъ съ своимъ синклитомъ и спрашивая совѣта и благословенія Патріарха. Онъ можетъ дѣлать все, что благочестиво и законно, можетъ измѣнять старые и возстановлять новые законы, поскольку онъ не затрагиваетъ законъ высшій — Божескій или Церковный. По Никону Царь утверждаетъ за духовенствомъ его привилегіи и изъятія отъ свѣтской юрисдикціи, отъ публичной службы налоговъ и право владѣть своими землями безъ платежа налоговъ, а Петръ уничтожилъ всѣ эти привилегіи духовенства (V, 107-109). Пальмеръ умолчалъ объ одномъ огромномъ различіи между Никономъ и Крижаничемъ: панславистъ Крижаничъ не только идею племенную ставилъ много выше чѣмъ Никонъ, для котораго идея религіозная была выше національной, но и сама ихъ религія была разная. Какъ католикъ, Крижаничъ былъ иной церковной культуры, чѣмъ Никонъ. Различіе между Никономъ и Петромъ въ идеѣ о государственномъ законодательствѣ о Церкви огромно, оно восходитъ до полного различія культуры; оно настолько велико, что затмѣваетъ тѣ сходства между ними, которыя относились къ конкретнымъ государственнымъ задачамъ ихъ времени. Они могли сходиться во мнѣніяхъ о томъ, что нужно просвѣщеніе, что боярство своимъ мѣстничествомъ губить государство, что Россіи нужны берега Балтійскаго моря, что надо возвышать людей не по породѣ, а по заслугамъ для блага государства, Но то обстоятельство, что Никонъ ставитъ на первомъ планѣ для Царя православное благочестіе въ личномъ и общественномъ его пониманіи и проводилъ реально въ жизнь понятіе самостоятельной Церкви, а Петръ ставилъ на первомъ планѣ подвиги и славу, а Церковь представлялъ только какъ полицейское орудіе государства и къ самому вѣроисповѣданію относился безразлично, — кладетъ между ними пропасть такую же, какая существуетъ въ общественномъ отношеніи между Протестантизмомъ и Православіемъ.

Глава IV. Народъ и Никонъ.

Любовь народа къ патріаршему сану и къ Никону. — Отзывы о Никонѣ его современниковъ — иностранцевъ. — Челобитная монаховъ Воскресенскаго монастыря о возвращеніи Никона. Похороны Никона. — Объясненіе любви народной къ патріаршему сану иъ Никону. Патріархъ — воплощеніе стремленій къ правдѣ. — Патріархъ — выраженіе устремленія къ святости и оцерковленію жизни. — Объясненіе любви народа къ Никону. — Строгость Никона къ духовенству объясняется стремленіемъ поднять духовенство до цѣлей высшихъ. Нищелюбіе Никона и участіе къ людскому горю, благотворительность. — Формы выраженія Никонскаго человѣколюбія помимо благотворительности. — Внѣшнее выраженіе любви къ Богу. Постройка монастырей. — Готовность и легкость Никона къ полному прощенію враговъ при ихъ покаяніи. — Объясненіе, почему Никонъ не могъ простить Митрополита Питирима и Царя. — Почитаніе Никона народомъ вызывается не только перечисленными его чертами, но и невиннымъ страданіемъ за Церковь. — Любовь Никона къ юродивымъ. — Стойкость Никона въ своихъ убѣжденіяхъ и неустрашимость. — У Никона чисто русскій подходъ къ православію. — Уходъ Никона въ Воскресенскій монастырь — выраженіе не бездѣтельности, а дѣятельности высшаго напряженія. — Идея грѣха — идея центральная въ міросозерцаніи Никона. Онъ расцѣпляетъ историческія событія съ религіозно-нравственной точки зрѣнія. — Пальмеръ объ осуществленіи Никонскихъ предсказаній и проклятій. — Никонъ, охраняя церковную культуру въ старой Руси, опережаетъ ее въ своемъ отношеніи къ образованію съ одной стороны и въ востановленіи святоотеческихъ идей съ другой. — Взгляды Аввакума на образованіе, на русскіе обряды, на греческое православіе. Критерій истины у него въ русскихъ современныхъ ему формахъ православія. — Отношеніе Никона къ русскимъ обрядамъ и чинамъ, до знакомства съ прѣзжими греками и послѣ. — Никонъ — сторонникъ вселенскаго православія не отождествляетъ Русскую Церковь со Вселенской. — Въ какомъ смыслѣ Никонъ хотѣлъ сдѣлать Москву III Римомъ. — Отношеніе Никона къ наукѣ. Его библіотека. — Любознательность Никона. Его дѣятельность по устройству монастырей и дѣятельнаго монашества. — Увлеченіе Никона всѣмъ греческимъ въ началѣ патріаршества и нападки на него старообрядцевъ. — Разочарованіе Никона въ греческихъ представителяхъ. — Никонъ взялъ съ Востока все, что ему не доставало. — Стремленіе Никона насаждать просвѣщеніе. — Поощреніе Никонѣмъ развитія церковнаго искусства. — Заботы Никона объ улучшеніи церковнаго пѣнія. — Отличіе Никона отъ Петра въ отношеніи къ западной культурѣ. — Любовь Никона къ отечественной исторіи. Завѣты Патріарха Никона. Его путь культуры. — Прообразъ Никона и его дѣла въ исторіи съ соловьемъ.

Любовь народа къ патріаршему сану и къ Никону.

Мы рассмотримъ потомъ разрушеніе въ государственномъ законодательствѣ о Церкви, произведенное Петромъ, а сейчасъ обратимъ вниманіе на фактъ, который можно усмотрѣть во всѣхъ изслѣдованіяхъ о Никонѣ; это — любовь къ нему народа. Въ любви этой надо различать двѣ вещи: санъ и личность. Поэтому мы рассмотримъ по возможности отдѣльно оба элемента и отдѣлимъ то общее, что дорого народу въ санѣ Патріарха, и что дорого въ личности самого Никона.

Что народъ любилъ Никона, тому мы имѣемъ много свидѣтельствъ. Такъ Павелъ Алеппскій (II, 71) пишетъ еще по дорогѣ въ Москву: „Мы видѣли во всѣхъ воеводахъ и другихъ вельможахъ, во всемъ духовенствѣ и во всѣхъ свѣтскихъ людяхъ Московскихъ постоянное выявленіе молитвы о благоденствіи ихъ Патріарха, похвалы за его добрыя качества, большую благодарность за его щедроты и самое довѣрчивое упованіе на его отеческое отношеніе. Упомянутіе о немъ всегда во всѣхъ устахъ, такъ что можно думать, что они его любятъ почти какъ Самого Христа". О любви народа къ Никону говорить и то обстоятельство, что Стенька Разинъ для привлеченія сто-

ронниковъ составилъ прокламацію отъ имени Никона, и на знаменахъ его были изображенія Патріарха Никона; хотя это и была недобросовѣстная експлоатація его имени, однако показательно средство, которымъ Разинъ думалъ привлечь народъ. Когда Никонъ отошелъ въ Воскресенскій монастырь, то всѣ его разговоры съ посланными отъ Царя показываютъ, что въ Москвѣ было много духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, сочувствовавшихъ ему; но всякое сочувствіе къ Никону строго преслѣдовалось. И все же его посѣщали постоянно люди всякаго званія, вліятельные, именитые и простые и сообщали о всемъ происходившемъ въ Москвѣ, иногда чрезвычайно быстро (Гюббенетъ 1, глава 2).

Такъ и въ 1662 г. Никонъ сразу узналъ, когда созванъ былъ Соборъ съ Лигаридомъ во главѣ по его дѣлу, что рѣшено было послать Іеродиакона Мелетія на Востокъ; Никонъ сразу же сообщилъ Царю, что Мелетій поддѣлыватель подписей; это было вѣрно, хотя предупрежденіе Никона и оказалось безрезультатнымъ. Такъ и въ 1665 г. Никонъ узналъ, что Лигаридъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ пріѣзжающимъ Патріархомъ Макаріемъ, и рѣшилъ написать исповѣдь свою Константинопольскому Патріарху. „У Никона, говоритъ Гюббенетъ, были всюду преданные ему люди, и ему сообщалось о томъ, что дѣлалось въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ" (II, гл. XI). Вѣдь, дѣло Зюзина открылось случайно, но былъ не одинъ Зюзинъ сторонникъ Никона. А о томъ, какъ преслѣдовалось общеніе съ Никономъ помимо правительства, видѣли мы неоднократно. Свидѣтельство любви къ Никону много у Шушерина. Такъ когда Никонъ, уѣзжая на судъ Патріарховъ въ послѣдній разъ изъ Воскресенскаго монастыря, велѣлъ остановиться у креста на горѣ Элеонской, чтобы послѣдній разъ взглянуть на Воскресенскій монастырь и проститься со всей провожавшей его братіей, то произошла трогательная сцена прощанія. „У креста Святѣйшій Патріархъ сотворилъ молитву, рассказываетъ Шушеринъ, (Житіе Святѣйшаго Патріарха Никона 91 стр.) и, сотворивъ молитву, повелѣлъ діакону прочитатъ имъ ектенію, и сотворше прошеніе за благочестиваго Царя и за весь его государсткій домъ т. е. за всю братію, и за всѣхъ христіанъ, и за миръ, и благословеніе и прощеніе братіи подавъ поиде въ путь свой. Братія же и всі православніи жителіе и трудники тоя обители, пріемше благословеніе и прощеніе неутѣшно плачущеса и ненадѣющеса видѣтъ паки отца своего". Мы видѣли, что нѣкоторые иноки изъ Воскресенскаго монастыря — 2 іеромонаха (Поллодіи),

2 ієродіакона (Іоасафъ и Мордарій) старецъ Флавіанъ, 2 бѣльца Клинскаго и Костромскаго уѣзда, ушли съ Никономъ въ добровольную ссылку, а изъ самого монастыря многократно присылали къ нему провизію для облегченія его тяготъ.

Когда Никона низвергли изъ сана, то сняли съ него его клобукъ и панагію, но мантии архіерейской и посоха не взяли, „страха ради всенароднаго“, добавляетъ Шушеринъ (стр. 128). А когда на другой день столпился народъ въ Кремль и вокругъ Кремля, то во избѣжаніе эксцесовъ народу обманно сказали, что повезутъ Никона черезъ Спасскія ворота, гдѣ и столпился народъ, а Никона повезли черезъ другія ворота на Старокаменный мостъ и оттолѣ въ Арбатскія ворота и за самый земляной градъ, провождающе его изъ града царскимъ повелѣніемъ, полковниковъ стрѣleckихъ четверица, имѣюще съ собою 200 стрѣльцовъ; сущіи же со блаженнымъ отъ священниковъ и монаховъ иже восхотѣша съ нимъ идти, такоже и ини отъ мірскихъ мнози провожающе его изъ града со слезами и воплемъ великимъ; тѣхъ убо всѣхъ оныя воины окруживше окрестъ и уже въ среду ту никому же даяху внити" (Стр. 135). А дальше разсказывается „егда же блаженному Никону пришедшу до Сущевы слободы и повезоше его изъ града по пути по Димитровской дорогѣ, тогда и тѣи воины шедше внутри града отступиша, монаси же и мірскіе проводивши Св. Патріарха и даже за Сущеву слободу съ великимъ воплемъ и рыданіемъ, онъ же утѣшалъ ихъ и рече им много отъ Писанія, и тако благослови ихъ, предавъ всѣхъ благодати Божіей, и тако, приставници повезоша блаженнаго Никона съ великою дерзостію, тѣи же вельми его умильно взирающе и жаляще сіи яко лишишася своего пастыря возвратишася во градъ съ великимъ плачемъ, увѣдавшие же сіе и во градѣ яко Блаженный Никонъ уже изъ града увезенъ быть, вельми бяху скорбяще по своемъ отцѣ и пастырѣ". (Ів. 136 стр.). Выраженіемъ народной любви можно разсматривать и случай, происшедшій по дорогѣ въ Оерапонтовъ монастырь около Мологи. По дорогѣ стрѣльцы разгоняли народъ, чтобы онъ не скоплялся около опальнаго Патріарха, и изъ тѣхъ избѣ, гдѣ останавливался Никонъ на ночлегъ, удалялись его обитатели. Но въ одномъ селеніи у Мологи къ Никону вышла изъ-подъ пола спрятавшаяся престарѣлая женщина и, спросивъ среди сидѣвшихъ съ Никономъ братій, гдѣ Никонъ, припала со слезами къ его ногамъ и сказала: „Явися во снѣ мужъ нѣкій благообразенъ, и рече ми: жено, се рабъ Мой Никонъ Патріархъ посланъ и идетъ въ заточеніе въ великомъ утѣсненіи и скудости, ты же

елико можеші въ потребныхъ ему помози; и сія оная жена изрече, заклиная себя клятвами яко въ истину тако есть, и тако вручи Св. Патріарху Никону денегъ серебряныхъ 20 рублевъ, къ сему же и одѣяній теплыхъ". Никонъ принялъ съ благодарностью и умиленіемъ эти подарки, отвергнувъ передъ тѣмъ за нѣсколько дней богатые царскіе дары. Никона искусственно оберегали отъ выраженія народной любви и любви его учениковъ. Такъ приставъ отгонялъ всѣхъ приходившихъ къ нему по пути, и даже, когда онъ проѣзжалъ мимо Афанасьевской обители, откуда вышла вся братія вмѣстѣ съ ученикомъ Никона, строителемъ Сергіемъ Прокофьевымъ, то онъ „съ великимъ прещеніемъ и яростію всѣхъ отгнѣ".

Память о Никонѣ сохранилась и послѣ его ухода и далеко за предѣлами его жительства. Гетманъ Брюховецкій въ воззваніи къ казакамъ въ апрѣлѣ 1668 г. объяснилъ причину заточенія Никона и давалъ свою ему характеристику. „Бояре бо Московскіе раззоренныхъ вспомагаючи ляховъ, 14 милліоновъ денегъ дали и дружбу, которую съ ними вѣчно присягою установили не для чего иного, мнѣ мнитца, **только хотя выбитца изъ подъ царской руки, чтобы могли, аки въ Польшѣ** ляцкимъ побитомъ и городами владѣти: въ Польше бо сенатори **всѣ королями**, а одного за господина быти мало разумѣютъ; того ради всѣхъ неповинныхъ людей и начальника Богомъ даннаго къ нищетѣ и хлопотамъ приводятъ. Яко и сего времени тѣ Московскіе царики на насъ бѣдныхъ невинныхъ, которые ему были добровольно безъ насилія поддалися, не для чего иного, только вѣдаючи его, православнаго Царя, **но бояръ безбожная мучительная злоба усовѣтовала присвоити себѣ въ вѣчную кабалу и неволю...** верховнѣйшаго пастыря своего **св. Отца Патріарха, который ихъ къ доброму дѣлу, яко пастырь провождалъ, они же не яко овцы пастыреви были, но его свершили, егда не хотя послушными заповѣди его быти, который поучалъ, чтобы имѣти милость и любовь къ ближнимъ, къ братіи своей се есть къ убогимъ и мірскимъ людямъ** (намекъ на бунты 1649 и 1662 г.), за таковое его глаголаніе въ заточеніе отдали, чтобы больше ихъ къ доброму дѣлу не наставлялъ и къ тому Св. Отецъ наставлялъ ихъ, чтобы чиномъ христіанскимъ, а не поганскимъ учреждалися, наипаче дабы не присовокуплялися къ латинской ереси, которая много Православію святому вредить". (Акты, относящіеся къ Исторіи Южной и Западной Россіи VII, 61). Память о незаслуженности расправы съ Никономъ сохранилась, и время отъ времени о себѣ напоминала. Такъ, во время

Астраханскаго бунта, въ 1670 г. 11 мая мятежная толпа позвала изъ Церкви Митрополита Іосифа во время проскомидіи. Онъ облачился и велѣлъ звонить въ колокола и вышелъ къ толпѣ. Казакъ Миронъ сказалъ, что они православные, и не могутъ наложить рукъ на такой священный санъ, но его тотчасъ убили и велѣли священникамъ разоблачить Митрополита. Низвергая его, кричали: „онъ не затруднялся низвергнуть даже своего Патріарха Никона" (Р. V 797).

Когда Никонъ былъ въ Оерапонтовомъ монастырѣ и открывалась возможность его посѣтить, то къ нему массами стекались подъ благословеніе съ подарками и деньгами, увеличивалось и число добровольно приходившихъ келейныхъ старцевъ (такъ въ 1669 г. ихъ было уже 10); они употреблялись имъ для посылокъ, дѣлили общую будничную жизнь, отправляли келейныя правила.

„Громадная масса православнаго народа, пишетъ Николаевскій, не посвященная въ церковные споры и діалектическія тонкости, съ своей стороны давно составила и изрекла безхитростно замѣчательный отзывъ о Патріархѣ Никонѣ, какъ о святомъ и чудотворцѣ. Записи о чудесныхъ знаменіяхъ и исцѣленіяхъ при гробѣ Никона начались тотчасъ же по его кончинѣ. Записи чудесъ послѣдующаго и нынѣшняго времени вносятся въ особую книгу происшествій. Чудеса при гробѣ Патріарха Никона смущаютъ раскольниковъ и вліяютъ на переходъ ихъ въ Православіе. Масса народу, какъ при жизни приходила къ нему за благословеніемъ, милостыней и исцѣленіемъ въ болѣзняхъ, такъ и по смерти его до нынѣ стекается къ его могилѣ, служить по немъ панихиды и просить черезъ него у Бога помощи и исцѣленія въ своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ скорбяхъ и нуждахъ. Въ этомъ всенародномъ почитаніи лучшая оцѣнка его пастырскихъ трудовъ и житіи его на патріаршемъ престолѣ, также въ ссылкѣ и заточеніи". (Николаевскій, „Жизнь Патріарха Никона въ ссылкѣ и заточеніи").

Большіе пожары въ Москвѣ въ 1668 г. жители разсматривали, какъ слѣдствіе низложенія Патріарха Никона и проклятій Никона. Польскій посолъ писалъ въ Варшаву: „Въ Москвѣ опять былъ пожаръ, который уничтожилъ нѣсколько тысячъ домовъ и жители говорили, что частые пожары — слѣдствіе того, что великій князь низложилъ и сослалъ ихъ Патріарха, и были вслѣдствіе проклятій Патріарха Никона, вслѣдствіе чего они негодовали на великаго князя". (V, 906).

Отзывы о Никонѣ его современниковъ-иностранцевъ.

Иностранцы, современники Никона, ставили его также очень высоко: архидіаконъ **Сохе**, сопровождавшій лорда Герберта въ путешествіи въ Россію, напечатанномъ въ Лондонѣ въ 1792 г., даетъ сообщенія о Никонѣ по Мейерберу и по его современнику Мюллеру (Мейерберъ былъ въ Москвѣ въ 1661 г.). Онъ выставляетъ Никона, какъ человѣка чрезвычайныхъ дарованій, просвѣщенія и добродѣтелей, какъ смѣлаго патріота и вѣрнѣйшаго совѣтника и слугу короны, паденіе котораго произошло по зависти и злобѣ придворныхъ, не могшихъ перенести его превосходства. Протестантъ діаконъ жалѣлъ только, что такой великій человѣкъ предался жизни узкаго аскетизма, на что годится и всякій простой монахъ. Не входя въ оцѣнку церковныхъ принциповъ Никона, а только за его политическій обликъ, Сохе и, видимо, Мейерберъ, также не только оправдывали Никона противъ бояръ и короны, но и удивлялись ему, какъ герою (V прил. 15).

На бывшаго у насъ въ 1653 г. бывш. Патріарха Константинопольскаго **Афанасія Пателяра** Никонъ произвелъ самое глубокое и настолько сильное впечатлѣніе, что онъ заявилъ, что Никонъ предназначенъ занять кафедру древнихъ Константинопольскихъ святителей послѣ взятія Россіей Константинополя. Онъ писалъ Царю по поводу привоза главы Св. Григорія Богослова въ Москву въ докладной запискѣ, при отъѣздѣ: „Великій святильникъ и вселенскій пастырь и учитель Божественный Григорій Богословъ рачитель возсія Вселенскому Константинопольскому престолу и прииде да **призоветъ святаго премудраго Патріарха господина Никона воздвигнути его превысокій свой престоль**, исправляя время, понеже быти собору въ Македоніи; нынѣ же волею и **самохотѣніемъ** даетъ престоль свой **Святѣйшему Патріарху**, еже есть **образъ добродѣтели**, и **ко всѣмъ неусыпаемый хранитель словесныхъ овецъ**, и достоинъ есть украсити престоль начальствомъ и величествомъ своимъ, и обрече невѣста Божія, Святая Церковь своего жениха, да возсіяетъ въ міръ свѣтъ ученія его, да изыдетъ вѣщаніе и въ концы вселенныя глаголы его, и поставити свѣтильникъ на свѣтильникъ и возсіяетъ во всѣхъ домѣхъ мужъ, и яко быти первый Мельхиседекъ и дивный Ааронъ и яко Божественніи свѣтильницы вселенскіе: Василій и Златоустъ и Афанасій и Кирилль и Великій Григорій, иже прииде да поможетъ ему, и тогда возвеселится міръ, и воспоютъ людіе едиными усты; такову намъ подобаше Архіерею: преподобну, незлобиву, не-

скверну, и отлучену отъ грѣшныхъ и вышше небеси быти". (Изъ статьи Каптерева „Прїѣздъ бывш. Константинопольскаго Патріарха Афанасія въ Москву въ 1653 г.) А Епископъ **Лазарь Барановичъ**, изложивъ дѣянія Собора по дѣлу Никона говорить: „зрѣлище было изумительно для глазъ и ужасное для слуха. Я страдалъ и изнывалъ отъ ударовъ, переносилъ ужасъ, и упалъ духомъ, когда погасло великое свѣтило". Сама **грамота Константинопольскихъ Патріарховъ**, возстановливавшая Никона въ санъ Патріарха, называла его: „Адамантъ благочестія непоколебимый, Божественныхъ и священныхъ каноновъ оберегатель преискуснѣйшій, отеческихъ догматъ, повелѣній и преданій неизрѣченный ревнитель и заступникъ достойнѣйшій".

Челобитная монаховъ Воскресенскаго монастыря о возвращеніи Никона. Похороны Никона.

А челобитная, поданная Царю монахами Воскресенскаго монастыря показываетъ, какъ цѣнили и любили Никона въ его монастырѣ, и чѣмъ онъ былъ для своей братіи.

Братія умоляетъ Царя вернуть Никона, какъ въ свое время вернулъ Царь Θεодосій Іоанна Златоуста отъ Команъ, и говоритъ о Никонѣ, какъ „о отцѣ нашемъ ибавльшу насъ отъ глада неслышанія Словесъ Божіихъ, и удовлившаго насъ насыщеніемъ Словесъ Божіихъ и удовлившаго насъ насыщеніемъ тучнаго тѣльца отъ Агнца, иже питающеся во вѣки не умирають, тѣмъ нынѣ молимъ, пишутъ иноки, твоего къ намъ благочестивѣйшаго нашего Государя Царя и великаго Θεодора Алексѣевича, благоподобное твое благоутробіе, помилуй насъ нищихъ своихъ богомольцевъ, подаждь Церкви исполненіе, приведя Кормчія кораблю, послѣ пастыря къ стаду, приставъ главу къ тѣлу, хриstopодражательнаго нашего наставника, святого Никона, преведшаго насъ море міра, яко Моисея, повели да и землю обѣтованія, юже наслѣдствуетъ своимъ прещедрымъ богатымъ подаяніемъ обильно, такожь да наслѣдствовать и намъ раздѣлить яко Іисусъ и Елеазаръ вѣдый всѣхъ, то по разсотрительному комуждо достойному приличеству, изведи изъ темницы душу его, яко и блаженнаго иногда Игнатія, Патріарха Царьградскаго изъ заточенія, повели свободити изъ Кириллова монастыря въ монастырь живоноснаго Воскресенія Христова, растущій днесъ въ высоту повсегоднаго прославленія, яко древо плодовито въ происходящихъ твоего богатодаровитаго и щедролюбезнаго изліянія насажденный и упокоеваемый, да и онъ съ нами купно твоихъ пребогатыхъ щедротъ насла-

дится и въ строгости возвеселится. Великій Государь, Царь смилуйся". Подъ челобитной 60 подписей братіи во главѣ со строителемъ и казначеемъ.

О томъ же расположеніи народа говорятъ и похороны Никона, происходившія 27 августа 1681 года еще до разрѣшенія его Восточными Патріархами, ибо сами просительныя грамоты Патріархамъ отъ Царя подписаны только 26 іюня 1681 года. Огромное стеченіе народа по пути слѣдованія тѣла Никона отъ Ярославля до Москвы тому доказательство. Его тѣло было одѣто въ схиму и положено въ дубовый гробъ. Оно было встрѣчаемо и провожаемо населеніемъ съ честію и любовію; народъ со слезами цѣловалъ его гробъ, духовенство всѣхъ церквей и монастырей выходило къ нему навстрѣчу съ крестами и иконами и совершало паннихиды. Тѣло Никона отпѣвали по патріаршему чину духовенствомъ во главѣ съ Новгородскимъ Митрополитомъ Корниліемъ, которому Патріархъ Іоакимъ поручилъ исполнить волю Царя, а самъ онъ на это не соглашался. За одну версту до Воскресенскаго монастыря тѣло было переоблачено въ бѣлую греческую суконную одежду, ризу таусаннаго бархата и архіерейскую мантию съ источниками и скрижалями, украшенную золотомъ и дорогими камнями; надѣта яшмовая панагія, омофоръ и клобукъ.

Объясненіе любви народной къ патріаршему сану и къ Никону. Патріархъ — воплощеніе стремленій къ правдѣ.

Объясненіе любви къ Никону надо искать въ его санѣ и въ тѣхъ личныхъ его свойствахъ и качествахъ, которыя давали его сану особенно рельефное воплощеніе. Вѣдь, Патріархъ по народному воззрѣнію былъ блюстителемъ и представителемъ Божественной правды. Это стремленіе къ Божественной правдѣ было всегда присуще русскому народу и выражалось еще въ сказкѣ о правдѣ и кривдѣ, въ духовныхъ стихахъ, знающихъ различіе между правдой человѣческой и Божіей. Первая — это законъ какъ норма человѣческихъ отношеній, принятыхъ обычаемъ и верховной властью, правда, несовершенная, не могущая полностью освѣтить отдѣльный случай. Правда съ земли ушла на небо, и тамъ есть правда, которая „во вѣкъ не изживется. Она выражается черезъ заповѣди Божіи, законъ Евангелія, уставы церковные и черезъ того, кто призванъ быть по Эпанагогѣ живымъ образомъ Христа, живописующимъ правду и истину. Патріархъ — искоренитель всякой неправды „сирыхъ защитникъ, обидимыхъ предстатель. Онъ защитникъ вдовыхъ и

сиротъ передъ Царемъ по праву печалованія, тому праву, которое болѣе всего являлось средствомъ дать восторжествовать правдѣ высшей надъ правдой человѣческой. Не даромъ народъ не любилъ патріарховъ „недерзновенныхъ къ царю" „потаковниковъ", не встававшихъ на защиту правды высшей противъ правды формальной. И Патріархъ Іосифъ, предшественникъ Никона, говорилъ Царю при перенесеніи мощей Патріарха Іова, указывая на массовое стеченіе народа: „смотри, государь, какъ должно за правду стоять". Святой Патріархъ Гермогенъ также отстаивалъ неоднократно царскую власть, какъ въ ея существованіи при Шуйскомъ, такъ и въ ея восстановленіи съ соотвѣтствующей ей идеологіей, когда противился избранію королевича польскаго Владислава, избраннаго боярской партіей. Патріархъ Филаретъ боролся съ взяточничествомъ бояръ и дьяковъ, и лѣтопись поминаетъ про него, что при немъ сильниковъ не было ни обидящаго, ни обидимаго. Патріархъ Никонъ сталъ дорогъ народу еще тогда, когда въ санѣ Новоспасскаго архимандрита онъ далъ наиболѣе напряженное выраженіе идеѣ печалованія передъ Царемъ за невинно обиженныхъ и защитѣ слабыхъ отъ людей сильныхъ, и позже перешелъ въ память народа, какъ умученный неправедно за противодѣйствіе боярамъ, за обличеніе ихъ въ неправдахъ, вызвавшихъ бунты 1648, 1662 и 1670 г. Право на это обличеніе было установлено Церковью и государствомъ, и Патріархъ Никонъ самъ говорилъ: „намъ же Христосъ законоположилъ обличати", „мы же Архіереи на то и поставлены Богомъ", „Аще кто по правдѣ и царя обличить, нѣсть муки достойнъ". Никонъ въ „Раззореніи" напоминалъ: „Патріарху подобаетъ быть учительну, обличительну непокоряющихся, о истинѣ же и соблюденіи преданій правду глаголати передъ Царемъ не стыдятся".

Внести эту высшую правду и освѣтить ею государственный бытъ было постоянной задачей Русской Церкви еще при Митрополитахъ, но ихъ санъ не стоялъ такъ высоко въ представленіи народа, какъ санъ Патріарха, и не былъ такъ близокъ къ сану царскому. Напротивъ, санъ Патріарха былъ дополненіемъ къ сану царскому, какъ помощь Царю въ проведеніи идеи правды въ гражданское общежитіе. Народъ инстинктивно чувствовалъ, что Никонъ былъ не врагомъ царской власти, въ чемъ клеветали его бояре, а ея защитникомъ противъ боярства, толкавшаго Царя въ ту сферу, гдѣ высокіе идеалы царской власти заслонялись властолюбіемъ бояръ и ихъ ревностію о родовой чести, а государственныя задачи по щитѣ единоплеменныхъ,

единовѣрныхъ народовъ преломлялись черезъ боярскую косность. Никонъ вмѣстѣ съ Царемъ составили бы ту незыблемую твердыню и воплощеніе идеала царской власти, который Грозный Царь въ лучшія времена вліянія на него Митрополита Макарія ставилъ власти царской, ограждая Царя и народъ отъ бояръ съ одной стороны, а съ другой указывалъ на неразрывность идеи царской власти по осуществленію ея задачъ съ властью церковной. „Если по нерадѣнію вашему, говоритъ Грозный, обращаясь къ отцамъ Стоглавнаго Собора, — окажется какое нарушеніе Божественныхъ правилъ, я въ томъ непричастенъ, и вы дадите отвѣтъ передъ Богомъ. Если я вамъ буду сопротивенъ вопреки Божественныхъ правилъ, вы о томъ не молчите; если буду преслушникомъ, воспретите мнѣ безъ всякаго страха, да жива будетъ моя душа, да непороченъ будетъ православный христіанскій законъ и да славится Пресвятое Имя Отца и Сына и Святаго Духа". См.: Наша „Царская власть и законъ о престолонаслѣдіи" 61 стр.) Вотъ эту-то идею правды и призваны проводить Царь и Патріархъ, какъ священная Двоица, обращенная въ разныя стороны: Патріархъ, напоминающій объ идеалахъ, которые онъ почерпаетъ на небѣ, и Царь, воплощающій ихъ на землѣ.

Патріархъ — выраженіе устремленія къ святости и оцерковленію жизни.

Ради этого заданія воплощать правду и другое качество должно отличать Патріарха — святость; поскольку онъ является саномъ своимъ путеводной звѣздой въ сферѣ правды для Царя, постольку онъ всему царству сообщаетъ устремленіе къ святости. Истинная правда и святость выражаются въ православіи; центръ этого православія — Патріархъ, и въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются русскимъ народомъ взгляды на величіе православія. Патріархъ долженъ дать защиту всѣмъ пострадавшимъ отъ несовершенства гражданскаго закона и отъ насилія властей и дать торжество правдѣ. Онъ Патріархъ — видимое осуществленіе идеала правды и святости на землѣ. Онъ „столпъ вѣры", „Кормчій Христова Корабля", „Высшій Учитель", какъ именуется въ официальныхъ рѣчахъ. Онъ и главный совѣтникъ Государя въ дѣлахъ законодательства и въ Боярской Думѣ, и въ Земскихъ Соборахъ, поскольку Государь самъ призывается не забывать о высшихъ интересахъ жизни. Насколько необходимымъ элементомъ жизни государства почитался Патріархъ, и чѣмъ онъ былъ и для Царя, видно изъ письма Царя Алексѣя Михайловича къ Никону, когда послѣдній еще въ санѣ Митрополита поѣхалъ на Соловки за мощами

Митрополита Филиппа. Онъ писалъ, что, когда на службѣ въ Великій Четвергъ онъ узналъ о смерти Патріарха Іосифа, то сразу почувствовалъ себя осиротѣвшимъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ дворомъ, ибо лишились общаго отца, и безъ опоры молитвенной Патріарха Іосифа, котораго онъ лично вообще не особенно любилъ, Царь почувствовалъ себя стоящимъ надъ пропастью.

Вотъ какъ онъ писалъ объ этомъ Никону: „Въ ту пору ударили въ Царь-колоколъ трикраты, и на насъ такой страхъ и ужасъ нашель, едва пѣть стали и то со слезами; а въ соборѣ у пѣвчихъ и властей со страха и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился? Да, къ такимъ днямъ великимъ кого мы грѣшные отбыли? Яко овцы безъ пастыря не вѣдаютъ, гдѣ дѣться, такъ то, мы грѣшные, не знаемъ гдѣ главы преклонити... а мати наша Соборная Апостольская Церковь вдовствуетъ, зѣло слезно и вельми сѣтуетъ по женихѣ своемъ; и какъ въ нее войти и посмотрѣть... Все перемѣнилось, не токмо въ церквахъ, но и во всѣхъ государствахъ; духовнымъ дѣламъ зѣло разсужденія нѣтъ, и худо безъ пастыря дѣтямъ жить".

Царь настолько почиталъ Патріарха Іосифа, какъ Патріарха, что разъ даже поцѣловалъ его, кланяясь до земли, въ ногу. Здѣсь было преклоненіе не передъ личностью, а передъ высотой и святостью идеала, воплощаемаго въ санѣ.

Объясненіе любви народа къ Никону.

Эта любовь къ сану, которую за весь народъ возглавлялъ Царь, говорила не о чемъ другомъ, какъ о превознесеніи народомъ теократическаго идеала жизни, т. е. о присущей ему идеѣ воцерковленія жизни общественной и государственной. Если дорогъ былъ народу этотъ идеалъ, то дорогъ былъ и Никонъ, какъ выразитель высшаго напряженія въ осуществленіи этого идеала. Если народъ выше всего ставилъ угожденіе Богу, и власть свѣтская считала своимъ призваніемъ содѣйствовать своими путями къ одной цѣли съ властью церковной, — способствовать единенію людей съ Богомъ, то, естественно, и высшій предстоятель Церкви пользовался высочайшимъ почитаніемъ, нисколько не унижавшимъ Царя. Не удивительно, что и на дворцовыхъ обѣдахъ, кубокъ вина подавался Патріарху — а до установленія патріаршества Митрополиту — Царемъ изъ собственныхъ рукъ, и Царь говорилъ: „Твой сынъ (имя) кланяется твоей святости и подноситъ тебѣ". Если въ необыкновенно пышныхъ облаченіяхъ Никона, когда онъ предстоялъ на службахъ въ мантияхъ зеле-

наго и краснаго цвѣта, изукрашенныхъ сплошь драгоценными камнями и въ митрахъ по греческому образцу, усыпанныхъ брилліантами и жемчугами, народъ видѣлъ воплощеніе своей оцѣнки воплощаемыхъ саномъ идеаловъ, то въ жизни самого Никона онъ видѣлъ воплощеніе идей христіанской любви, праведности и святости. А послѣ смерти Никона народъ почиталъ его, какъ святого, и къ молитваѣ его обращался въ своихъ несчастіяхъ. Извѣстно, что при гробѣ Никона совершались чудеса, запись которымъ ведется въ особой книгѣ происшествій. О чудесахъ Никона при жизни сообщаетъ въ своей статьѣ „Дѣла Св. Никона Патріарха" извѣстный ученый, спеціалистъ по исторіи XVII вѣка въ Россіи Бѣлокуровъ (онъ насчитываетъ 132 исцѣленія Ч.М.О.И. и Д.Р. 1887), Рукописи Импер. Публ. Библ. (№ 01, 413 по сообщенію Митрополита Антонія) насчитываютъ 194 исцѣленія; Колосовъ въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1880 г. извлекъ изъ сборника Импер. Публ. Библ. 4 сказанія, относящихся къ 1682, 1691¹, 1695 и 1705²). Списки Воскресенскаго монастыря идутъ послѣ 1705 года. Проф. Иконниковъ упоминаетъ объ исцѣленіи іеромонаха Николаевского Единоѣрческаго монастыря Павла 18 августа 1866 г. (Кіев. Унив. Изв. 1888, № 6).

У насъ случайно оказалось подъ рукой сообщеніе объ одномъ чудѣ Никона 27 февраля 1915 г., занесенное въ Апрѣльскую книжку за 1915 г. Журнала „Приходское Чтеніе.

Чудесное исцѣленіе у гробницы Патріарха Никона въ Ставропольскомъ Воскресенскомъ монастырѣ.

Крестьянка Тульской губерніи Веневскаго уѣзда, села и волости Серебрянны-Пруды, Наталія Ивановна Костылева, замужняя, 34 лѣтъ отъ роду, болѣе 11 лѣтъ страдала тяжелыми припадками, которые случались съ нею преимущественно въ храмѣ во время Богослуженій, или же у чудотворныхъ иконъ и св. мощей. Припадки сопровождались судорогами всего тѣла, біеніемъ объ полѣ и теченіемъ крови и слюны изо рта, и сильнѣйшимъ сердцебіеніемъ. Больная посѣтила много монастырей, совѣтовалась у докторовъ, которые не признавали у нея никакой болѣзни, а называли ее кликушею.

Прибывъ въ Воскресенскій Ново-Іерусалимскій монастырь на богомолье 27-го февраля сего года, больная Костылева пожелала отслужить молебенъ у гроба Господня въ соборномъ храмѣ Воскресенія Христова. Очередной іеромонахъ Романъ началъ служить пасхальный молебенъ. Въ это время съ Костылевой сдѣлался сильнѣйшій припадокъ. Окружающія 3 женщины съ большимъ трудомъ могли удерживать ея голову, чтобы не дать ей биться объ полѣ. Больная хрипѣла, изо рта текла пѣна съ кровію.

Окончивъ пасхальный молебенъ, больную Костылеву, по совѣту того же іеромонаха, перенесли къ гробницѣ Святѣйшаго Патріарха Никона, находящейся въ томъ же храмѣ подъ Голговою. Іеромонахъ Романъ началъ служить паннихиду; больная все время хрипѣла и изрѣдка говорила: „Охъ, жжетъ".

Во время пѣнія: „Со духи праведныхъ скончавшихся", больная сама поднялась и со слезами на глазахъ, оберегъ ротъ отъ слюней и крови, сама поцѣловала вериги, висящія надъ гробницей Патріарха и громко сказала: „Онъ меня исцѣлилъ, теперь я здорова, желаю причаститься Св. Тайнъ".

Присутствовавшіе при совершеніи паннихиды и видѣвшіе Костылеву удивлены были такою быстрою переменою въ состояніи ея здоровья. Многіе плакали и вполне увѣрились въ чудодѣйственной помощи еще не прославленнаго на землѣ Святѣйшаго Патріарха, исцѣлившаго сію жену, вслѣдствіе глубокой ея вѣры.

¹ Исцѣленіе слѣплаго сторожа 24 м 1691 г.

² Исцѣленіе сестры жены М. Стрешнева Маріи Васильевны 3 августа 1705 года.

На слѣдующій день, 28 февраля, получившая исцѣленіе была удостоена Святаго Причащенія, и, какъ она заявила, ранѣе ее съ большимъ трудомъ нѣсколько человѣкъ подводили къ Св. Чашѣ, а теперь она одна безъ посторонней помощи причастилась. Причащавшій ее іеромонахъ Діонисій свидѣтельствуеъ о полномъ спокойствіи и благоговѣніи, съ которыми она подходила къ Св. Чашѣ.

Нижепоименованныя лица могутъ удостовѣрить дѣйствительность этого чуда: Ярославской губ. Пошехонскаго уѣзда Холмовской волости, деревни Востротины Марфа Александрова, 58 лѣтъ, той же губерніи и уѣзда, деревни Холмъ, Ирина Хранова, 35 лѣтъ; той же губерніи и уѣзда, деревни Плещова, Матрена Коршунова, 49 лѣтъ; указанный (?) послушникъ Воскресенскаго монастыря Василій Шелаевъ, іеромонахъ Романъ и іеромонахъ Діонисій. Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря поспѣшникъ, архимандритъ Іона. (Изъ журнала: „Приходское Чтеніе" № 14 апрѣль 1915 года, стр. 494).

Считаю своимъ долгомъ упомянуть, что на чудотворенія при гробницѣ Св. Патріарха Никона особое вниманіе автора привлекъ священной памяти Блаженнѣйшій Митрополитъ Антоній, выражавшій надежду, что по возстановленіи Россіи Русская Церковь канонизируетъ Св. Патріарха Никона.

Строгость Никона къ духовенству объясняется стремленіемъ поднять духовенство до цѣлей высшихъ.

Если мы припомнимъ строгія наказанія отъ Никона духовенству, то въ этомъ можемъ видѣть лишь проявленіе горячаго его усердія по перевоспитанію нравовъ въ духовенствѣ, почему онъ предъявлялъ къ нему высокія требованія, видя въ немъ соль земли. Оно должно быть образцомъ жизни и ученія, и его сниженія до уровня окружающей среды Никонъ строго каралъ тѣми же мѣрами, которыя были мѣрами его эпохи: для архипастырскаго воздѣйствія каждый епархіальный Архіерей имѣлъ тюрьмы, и мы видѣли, что и самъ Царь приговаривалъ своихъ бояръ къ сѣченію кнутомъ на площади. Какія же иныя мѣры могъ для устрашенія принять Никонъ въ огрубѣлой средѣ низшаго духовенства. Но цѣль его была всегда одна — исправленіе самого духовенства для цѣлей высшихъ. И когда его упрекали, что онъ самъ въ алтарѣ наказывалъ за неисправность, то онъ говорилъ: „Что жъ наказывалъ и ругалъ по малу и впредь не избѣгаю того дѣлать", напоминая при этомъ, что и Самъ Христосъ кнутомъ выгонялъ торжниковъ ихъ Храма.

Нищелюбіе Никона и участіе къ людскому горю, благотворительность.

Мы не можемъ забыть любвеобилія Никона, когда онъ — Патріархъ умывалъ ноги нищимъ послѣ торжественныхъ обѣдовъ во дворцѣ, что его нищелюбіе и участіе къ людскому горю выявилося въ формѣ непрерывной и даже организованной благотворительности еще въ бытность его Новгородскимъ Митрополитомъ. А извѣстно, что эти черты всегда особенно были любимы народомъ. Никонъ придавалъ главное значеніе въ жизни праведности передъ Богомъ. Вотъ его цитата изъ Златоуста (I, 530): „тотъ, кто дѣлаетъ волю Божію,

болѣе цѣненъ, чѣмъ десять тысячъ нарушителей. Потому то все въ безпорядкѣ, все перевернуто вверхъ дномъ, ибо, какъ въ театрѣ, мы желаемъ имѣть просто толпу, а не толпу хорошо тренированную. Какая польза отъ толпы? Хочешь ли узнать, что дѣйствительные люди суть святыя, а не многіе? Выведи на бой миллионъ людей и одного святого и посмотри, кто сдѣлаетъ больше. Иисусъ Навинъ пошелъ на войну и одинъ добился успѣха; остальные были лишь прибавкой; какъ бы ни было велико множество, если оно не дѣлаетъ воли Божіей, оно — ничто". Даже враги Никона должны были хотъ и съ горечью сознаваться, что народъ любилъ Никона. Самъ Аввакумъ говорилъ: „а міръ то слѣпой хвалить". Никонъ былъ величественъ въ Богослуженіи, учителенъ, аскетъ, ревнитель правды. Благотворительность свою онъ вознесъ на степень обширнаго учрежденія. Еще въ Новгородѣ онъ прославился этимъ. Онъ всегда выходилъ съ кошелькомъ и нерѣдко прямо изъ храма шелъ по домамъ убогихъ и по темницамъ со словомъ утѣшенія. Во время голода онъ учредилъ постоянную ежедневную раздачу хлѣбомъ, а по воскресеньямъ и деньгами. Въ виду стеченія народа онъ отдѣлилъ въ своемъ домѣ особую комнату и питалъ ежедневно 100—300 человѣкъ. Также въ Москвѣ онъ не забылъ тѣхъ, кто страдалъ отъ бѣдности, безпомощной старости и сиротства. Шушеринъ говоритъ, что онъ въ санѣ Патріарха не измѣнилъ своего благого нрава. Расходныя книги Патріаршаго Приказа свидѣтельствуютъ, что никто изъ Патріарховъ не дѣлалъ столько пособія нуждающимся и милостыни нищимъ, какъ Никонъ, говоритъ Михайловскій, прибавляя: „Вотъ для чего нужны были Никону богатства". Для престарѣлыхъ и увѣчныхъ Никонъ еще Митрополитомъ устроилъ въ Новгородѣ 4 богадѣльни, попросилъ у Царя содержанія у нихъ и имѣлъ ихъ подъ своимъ покровительствомъ. Также и въ Москвѣ Патріархомъ онъ устроилъ богадѣльни и смотрѣлъ за призрѣніемъ нищихъ. Въ большіе праздники и дни поминовенія Государя обыкновенно на патріаршемъ дворѣ раздавали значительную милостыню нищимъ, и въ день кафедральнаго праздника Успенія при патріаршемъ домѣ питалось до 2.500 человѣкъ. На иждивеніи Патріаршаго Казеннаго Приказа содержались богадѣльни въ разныхъ частяхъ города и назывались домовыми богадѣльнями Патріарха. Никонъ устроилъ 2 новыхъ богадѣльни при Знаменскомъ монастырѣ и у Никитскихъ воротъ.

Его собственная домашняя жизнь въ бытность уже митрополитомъ отличалась полной простотой, и въ статьѣ проф. Николаевского

„о перенесеніи мощей святителя Филиппа изъ Соловецкаго монастыря" (Хр. Чт. 1885 г.) цитируются помѣтки расходовъ на его обиходъ: „Дано на столъ Митрополиту на грибы 6 денегъ, на хлѣбъ, калачи и хрѣнъ 6 денегъ", или „на хлѣбъ и хрѣнъ 4 деньги". Когда Никонъ былъ въ пути, напримѣръ, въ Соловки за мощами Св. Филиппа, то за нимъ вмѣстѣ слѣдовала его строгость въ собственномъ обиходѣ и большіе расходы на благотворительность. „Непрерывныя богослуженія, келейныя правила, пишетъ проф. Николаевскій, строгіе посты, благотворительная дѣятельность были неизмѣнными его спутниками".

Формы выраженія Никоновскаго человеколюбія помимо благотворительности.

Не только черезъ благотворительность, но и черезъ иныя формы заботы ближнемъ выражалось человеколюбіе Никона. Въ V томѣ Исторической Библіотеки собрана переписка Никона съ архимандритомъ Иверскаго монастыря касательно постройки храма и монастыря. На протяженіи 1654-1666 года неизмѣнная заботливость, чтобы при постройкахъ не притѣснялись рабочіе, чтобы имъ во время выдавалось жалованіе, чтобы ихъ не прижимали при выдачѣ продуктовъ или орудій мастерства. Также имѣется масса распоряженій Никона, чтобы прикащики въ монастырскихъ имѣніяхъ дѣлали льготы по случаю пожаровъ или недорода при взысканіи повинностей и ихъ отсрочивали до лучшихъ временъ или совсѣмъ слагали. Такъ грамота № 141 къ архимандриту Филофею отъ 26 мая 1661 г. даетъ льготы въ оброкахъ по случаю наводненія и неурожая крестьянамъ Околорусскихъ погостовъ. Въ грамотѣ № 228 отъ 21 января 1666 г. архимандриту Филофею распоряженіе не высылать въ Воскресенскій монастырь погорѣвшихъ каменщиковъ и выслать другихъ вмѣсто нихъ. Ихъ велѣно щадить ради пожарнаго времени, ради ихъ скудости и двороваго строенія. Такъ въ августѣ 1666 года Никонъ освобождаетъ нѣсколькихъ крестьянъ отъ работы въ виду потери въ семьѣ двухъ братьевъ. Грамота за № 418 къ казначею Иверскаго монастыря Гурію Хрипунову о соблюденіи мирныхъ отношеній къ архимандриту и прочей братіи приказываетъ не корыстоваться при продажѣ работникамъ топоровъ, лаптей и другихъ вещей (отъ 1 апр. 1654 г.). Такихъ грамотъ цѣлая масса, мы привели только отдѣльные примѣры. Иногда грамоты касаются отдѣльныхъ лицъ, иногда общихъ условій найма и отношенія. Такъ въ одной грамотѣ Никонъ пишетъ архимандриту Іакову Иверскаго монастыря: „Скорбятъ крестьяне и плотники:

могарца мало даешь: и тебѣ бы отнюдь не оскорблять наймомъ никакихъ наймитовъ и даромъ бы немного нудить. Бога ради будь милостивъ къ братіи и крестьянамъ и ко всѣмъ, живущимъ въ обители той". То же проявленіе любви къ ближнему у Никона и тогда, когда онъ самъ живетъ въ невзгодѣ.

Никонъ не переставалъ заботиться о ближнихъ и тогда, когда онъ самъ переживалъ тягостныя утѣсненія своей участи, въ ссылкѣ, отъ Наумова, и въ 1672 г. благодарить Царя за освобожденіе его племянника и иныхъ людей, заключенныхъ за службу ему — Никону; онъ проситъ, чтобы Царь простилъ и всѣхъ сосланныхъ изъ-за него по разнымъ мѣстамъ и при этомъ перечислилъ своихъ сторонниковъ: „Буде Афанасій, Митрополитъ Иконійскій, священникъ Сысой и Никита Зюзинъ, да крестникъ его Діонисій Нѣмчинъ, который посланъ въ Казань, да пѣвчій Савва, да поваръ его Савка, посланный въ Сибирь, изъ ссылокъ не освобождены, то великій Государь указалъ бы имъ милость, какъ ему Богъ извѣститъ". (Выписка изъ донесеній Лопухина, представленная Царю 11 іюня 1672 г. въ государственномъ архивѣ, приведенная проф. Николаевскимъ").

Заботился Никонъ о другихъ и тогда, когда онъ жилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ. До насъ дошли письма Никона къ Зюзину, одно отъ 15-XII 1659 г., другое отъ 6-IX 1661 г.; въ одномъ онъ проситъ за гостя Новгородскаго, освободить отъ неправильной конфискаціи его мѣди, происшедшей по недоразумѣнію, и вспомнить объ его заслугахъ по усмирению бунта, а въ другомъ проситъ объ освобожденіи отъ военной службы по болѣзни нѣкоего Θεодота Растопчина по тѣлесной слабости. Возможности Никона въ ходатайствахъ за другихъ ослабѣли только въ связи съ его собственной опалой, но они никогда не прекращались.

Вотъ что пишетъ профессоръ Николаевскій о томъ періодѣ 1671—1674 г. жизни въ Отрапонтскомъ монастырѣ, когда Никону дали свободу: „Съ облегченіемъ участи Никона къ нему стали пріѣзжать посторонніе, даже издалека за благословеніемъ, совѣтомъ, наставленіемъ, или для того, чтобы его навѣститъ и помочь, то за помощью въ болѣзняхъ. Обширная его благотворительность во времена могущества сократилась въ объемѣ, но не уничтожилась; онъ и теперь раздавалъ деньги бѣднымъ; онъ и теперь начинаетъ лѣчить больныхъ; помощь его больнымъ дѣлается извѣстной, закрѣпляетъ за нимъ славу добраго цѣлителя, привлекаетъ больныхъ съ дальнихъ мѣстъ; за одинъ день къ нему собирается болѣе 40 человѣкъ".

Внѣшнее выраженіе любви къ Богу. Постройка монастырей.

Никонъ привлекалъ сердца своей паствы не только выраженіемъ непосредственной заботливости о человѣческихъ нуждахъ, но и выраженіемъ своей любви къ Богу черезъ сооруженіе трехъ замѣчательныхъ монастырей, изъ которыхъ каждый выражалъ свою особую идею. Первый, начатый имъ, монастырь Иверскій созданъ въ честь чудотворной Иверской иконы Богоматери по образцу Иверскаго монастыря на Аѳонѣ, служившаго центромъ православія, образцомъ монашескихъ подвиговъ. Тамъ было положено основаніе ученому братству которое занималось переводами св. книгъ и имѣло въ распоряженіи типографію. Монастырь Воскресенскій имѣлъ въ виду быть воспроизведеніемъ святыхъ мѣстъ Іерусалимскихъ и храма при гробѣ Господнемъ. Русская Церковь сама должна быть полной сокровищницей главныхъ святыхъ и давать удовлетвореніе не могущимъ посѣтить святыхъ мѣстъ въ самомъ Іерусалимѣ. Крестный монастырь напоминалъ о всеспасительной силѣ Господняго креста, вѣрой въ который спасся и Никонъ во время бури. Патріархъ Никонъ особенно почиталъ Св. Филиппа и въ честь его построилъ церковь въ Иверскомъ Валдайскомъ монастырѣ и въ честь его Ангела Апостола Филиппа построилъ церковь на патріаршемъ дворѣ въ Москвѣ. Перенесеніе его мощей было внушено Царю Никономъ, когда Никонъ присутствовалъ на открытіи мощей Святого Саввы Сторожевскаго, ученика Преподобнаго Сергія Радонежскаго, причисленнаго къ лику святыхъ на Соборѣ 1549 г. Черезъ мѣсяць же на Соборѣ было рѣшено и перенесеніе мощей въ Успенскій соборъ и Святого Митрополита Филиппа и Патріарховъ Іова и Гермогена. Всѣ трое были защитниками Церкви и государственности, и въ усиленіи ихъ прославленія можно было видѣть желаніе подчеркнуть значеніе первосвятительскаго сана и Церкви въ борьбѣ за государственность въ лицѣ Іова, усугубленной борьбой за національность въ лицѣ Патріарха Гермогена, и за высшую правду, которую отстаивалъ Св. Филиппъ, противъ излишествъ опричнины.

Готовность и легкость Никона къ полному прощенію враговъ при ихъ покаяніи.

Никонъ былъ великодушенъ въ прощеніи, когда обидчикъ сознавалъ свою вину. Мы знаемъ, что онъ со слезами простилъ Неронова и объяснилъ ему свою горячность въ дѣлѣ Церкви. Когда тотъ говорилъ ему, что отъ него — Никона всѣмъ страхъ, а что его первосвятительское дѣло — Христу Спасителю подражать и Его святой

кротости, то Никонъ сказалъ ему: „Не могу, батюшка, терпѣть". Когда Нероновъ узналъ, что Никонъ дѣйствовалъ по согласію съ Вселенскими Патріархами, то онъ сказалъ ему: „Если ты по согласію съ ними поступалъ, я тому не противень". Профессоръ Знаменскій въ своемъ сочиненіи „Иванъ Нероновъ" пишетъ: „Никонъ принялъ благосклонно это покаяніе, какъ большая часть людей съ сильной, непосредственной натурой, онъ рѣзко проявлялъ свою силу надъ послушниками и противниками, но тотчасъ удовлетворялся и забывалъ все, какъ скоро они приносили свои вины и изъявляли свою покорность. Онъ приблизилъ Неронова, поселилъ его на Троицкомъ подворьѣ для близости къ патріаршему дому, далъ ему особую келью жить на свободѣ. Никонъ посылалъ ему блюда съ своего стола и каждый день бесѣдовалъ съ нимъ". Нероновъ сумѣлъ даже возбудить сожалѣніе Никона, и тотъ терпѣливо выслушивалъ его жалобы. А когда Нероновъ упрекнулъ Никона, зачѣмъ онъ принялъ святительскій санъ, если у него нѣтъ терпѣнія, то Никонъ сказалъ: „на ка возьми, почитай ка" и передалъ Неронову цѣлую грудку челобитныхъ противъ Неронова, которыя онъ оставилъ безъ послѣдствій, хотя за нихъ Нероновъ могъ весьма пострадать. Никонъ простилъ охотно боярина Морозова (IV, 318), испросившаго черезъ Царя у него передъ смертью прощенія, и даже предлагалъ его похоронить въ Воскресенскомъ монастырѣ. Хотя Никонъ и отвѣтилъ, что онъ не зналъ никакой вины Морозова передъ собой, но все же Морозовъ сознавалъ, что многіе враги Никона были его ставленники — и Милославскій, и Хитрово. Также охотно простилъ Никонъ весной 1665 г., снявъ анаѳематствованіе со Стрешнева, противъ котораго писалъ „Раззореніе" и котораго анаѳематствовалъ за наученіе собаки патріаршему благословенію, такъ какъ послѣдній испросилъ у него прощенія за 1 ½ года до смерти своей.

Объясненіе, почему Никонъ не могъ простить Митрополита Питирима и Царя.

Но онъ никогда не снималъ анаѳемы съ Митрополита Питирима, ибо здѣсь былъ затронутъ цѣлый рядъ принципіальныхъ каноническихъ вопросовъ и, главное, совершено было облюбодѣйствованіе патріаршей каѳедры по приказу Царя черезъ неупоминаніе имени Патріарха Никона и черезъ самостоятельный, безъ его вѣдома, захватъ церковнаго управленія въ свои руки. Къ тому же Митрополитъ Питиримъ никогда не покаялся. Не далъ Никонъ прощенія полного и Царю Алексѣю Михайловичу, ибо Царь не ликвидировалъ нечести-

ваго суда надъ Никономъ и оставилъ нечестиво заточеннаго, по его собственной винѣ въ значительной степени, Патріарха въ заточеніи, не измѣнивъ того цезарепапистскаго курса своей политики, на который Царь всталъ подъ давленіемъ бояръ. Но многія обиды себѣ лично Никонъ простилъ Царю, и за свои обиды Царю просилъ у него прощенія. Изъ обзора этихъ прощеній видно, что Никонъ былъ великодушный и отзывчивый человѣкъ, вовсе не мстительный и незлопамятный, что самое прощеніе у него легко могло быть получено дѣйствительнымъ покаяніемъ на дѣлѣ, но что онъ былъ неумолимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выступалъ въ защиту за права Церкви и не видѣлъ покаянія, какъ въ случаѣ съ Митрополитомъ Пителимомъ, или, если считалъ, что покаяніе не доказано дѣломъ, какъ на примѣръ у Царя, лично просившаго прощенія у Никона, посылавшаго ему дары, но не совершившаго главнаго — отмѣны, хотя бы черезъ Патріарховъ, несправедливаго приговора надъ Никономъ, какъ условія для полученія прощенія подъ епитрахилью. Нарушенная Царемъ и боярами клятва 22 іюля 1652 г. оставалась нарушенной, и наказаніе Никона за то, что онъ реагировалъ уходомъ на клятвopреступленіе, было высшимъ нечестіемъ, употребленіемъ силы матеріальной противъ правды.

Почитаніе Никона народомъ вызывается не только перечисленными его чертами, но и невиннымъ страданіемъ за Церковь.

Поэтому Никонъ былъ въ правѣ написать на крестахъ: „Никонъ Божіей милостью патріархъ, поставилъ сей крестъ Господень, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за Святую Церковь, на Бѣлоозерѣ, въ Терапонтовомъ монастырѣ, въ тюрьмѣ“. Его невинныя страданія привлекали къ нему еще большую любовь народа, и свидѣтельствомъ ея явилось уже посмертное почитаніе его гробницы, сопровождаемое постоянными панихидами.

Любовь Никона къ юродивымъ.

Извѣстно, какъ велико въ народѣ почитаніе юродивыхъ, какъ несущихъ высшій подвигъ сораспятія Христу, и мы видимъ, какъ почиталъ ихъ Никонъ. Павелъ Алепскій рассказываетъ: (II, 301) „Патріархъ Никонъ садилъ съ собой за столомъ нѣкоего Салоса, добродѣтельнаго человѣка, который совершенно голый (въ одной рубашкѣ) ходитъ постоянно по улицамъ и почитается народомъ сверхъ всякой мѣры, какъ выдающійся святой. Его имя — Кипріанъ, но обычно его зовутъ человѣкомъ Божіимъ. Патріархъ Никонъ нико-

гда не переставалъ кормить его собственными руками и поить его изъ серебрянныхъ кубковъ, изъ которыхъ послѣ него онъ самъ выпивалъ собственными губами послѣднія капли, какъ дѣлаетъ это за литургіей; мы не чувствовали ногъ отъ изумленія".

Стойкость Никона въ своихъ убѣжденіяхъ и неустрашимость.

Еще одной чертой пріобрѣталь Никонъ сердце народа — необыкновенной стойкостью и неустрашимостью въ исповѣданіи своихъ убѣжденій. Такимъ мы его видимъ въ санѣ Новгородскаго Митрополита, когда онъ во время бунта выходитъ къ толпѣ и послѣ избіенія, едва ли не стоившаго Никону жизни, онъ послѣ кровотоčenія горломъ, тутъ же отправляется въ церковь и, призывая рядовыхъ бунтовщиковъ къ покаянію, анаѳематствуетъ главарей. Такимъ онъ былъ всю жизнь въ борьбѣ противъ цезарепапизма, и онъ самъ опредѣлилъ свое положеніе, сказавъ послѣ низверженія изъ сана 12 декабря 1666 г., что съ нимъ ничего этого не случилось бы, если бы онъ не говорилъ правды въ глаза и пировалъ бы съ боярами. И много раньше еще во время Новгородскаго бунта сами бунтовщики покаявшіеся называли его исповѣдникомъ, и царское письмо, присланное Никону въ Новгородъ, совершенно также характеризовало подвигъ Никона по усмиренію бунта (IV, 486).

У Никона чисто русскій подходъ къ православію.

Хотя Никонъ говорилъ про себя въ эпоху проведенія церковной обрядовой реформы 1654-1656 г. что онъ русскій по рожденію, но по вѣрѣ грекъ, однако мы должны сказать, что Никонъ съ чисто русской горячностью проводилъ реформы и воплощалъ наилучшимъ образомъ русскій подходъ къ христіанству, воспринимая его по преимуществу не какъ совокупность извѣстныхъ догматическихъ истинъ, а какъ систему религіозно нравственныхъ правилъ жизни, какъ нравственно животворящую силу. Идея грѣха, за которой неминуемо слѣдуетъ рано или поздно расплата, идея — вошедшая въ народное сознаніе, — проходитъ красной чертой черезъ все Никоновское міросозерцаніе и окрашиваетъ его воззрѣнія на власть православнаго Царя и на ея осуществленіе. Такое воззрѣніе зоветъ къ практическому переустройству всей жизни, не только личной, но и общественной государственной на христіанскихъ началахъ. Борясь за возможность канонически управлять Церковью, Никонъ вѣрилъ абсолютно, что, хотя гнѣвъ Царя подобенъ рычанію льва, приводящему въ ужасъ, но для того, кто готовъ скорѣе умереть, чѣмъ допустить нарушеніе цер-

ковныхъ каноновъ, онъ считалъ, что этотъ левъ меньше самой малой собаки. „Ибо нѣтъ ничего безвластнѣе человѣка, нападающаго на Божіи законы, и нѣтъ ничего сильнѣе человѣка, борющагося за эти законы. Ибо совершающій грѣхъ есть рабъ грѣха, хотя бы онъ имѣлъ 1000 коронъ на своей головѣ, но борющійся за правду больше самого царя, хотя бы онъ былъ послѣдній изъ всѣхъ". И, какъ примѣръ борьбы для священнослужителя, Никонъ выставялъ священника Азарію, заявившаго протестъ противъ кажденія царемъ Озіей. Этимъ протестомъ кончилась обязанность священника, и ему оставалось только сказать: „я сдѣлалъ свое дѣло, больше я ничего не могу. Ты, Боже, защити священство, попранное ногами, ибо Твои законы нарушены, Твои приказы презрѣны". Такой же системы держался самъ Никонъ, и его лояльность къ Царю, когда онъ могъ бы прибѣгнуть къ услугамъ недовольныхъ классовъ общества для своего освобожденія, показываетъ, что отъ этой системы онъ никогда не отступалъ.

Въ 1663 г., когда пріѣзжало слѣдствіе по дѣлу о проклинаніи Никономъ Царя, Никонъ выражалъ покорность принять безъ всякаго протеста несправедливый, домашній арестъ и сказалъ въ отвѣтъ на приказъ князя Одоевскаго никуда не выходить изъ келіи кромѣ церкви: „по Указу великаго Государя Царя я готовъ идти въ тюрьму, только послушай третье правило Константинопольскаго Собора въ Св. Софіи: Если свѣтскій человѣкъ бросаетъ Епископа въ тюрьму, да будетъ анаѳема". И когда ему объявили, что по царскому приказу отрядъ стрѣльцовъ будетъ его охранять, то онъ сказалъ: „да будетъ государева воля. Мы готовы страдать съ благодарностью ради Господа" (IV, 489 и 491).

Уходъ Никона въ Воскресенскій монастырь — выраженіе не бездѣтельности, а дѣтельности высшаго напряженія.

Его уходъ отъ власти былъ уходомъ отъ зла цезарепапизма и является апогеемъ напряженія его дѣтельности. Этотъ кажущійся переходъ къ бездѣтельности былъ дѣтельностью высшаго напряженія, дѣлающей Никона великимъ человѣкомъ, исповѣдавшимъ въ жизни своей идею самостоятельнаго церковнаго управленія, не подавленнаго государственной властью, и ставитъ его по идеѣ въ одинъ рядъ съ такими дѣтелями Церкви, какъ Св. Іоаннъ Златоустъ, Св. Папа Григорій Двоесловъ и Св. Ѳеодоръ Студитъ.

Идея грѣха — идея центральная въ міросозерцаніи Никона. Онъ расцѣпляетъ историческія событія съ религіозно-нравственной точки зрѣнія.

Въ соотвѣтствіи съ главной идеей освященія обязанности всеобщаго устремленія къ святости, Никонъ во главу оцѣнки и пониманія историческихъ событій ставитъ идею грѣха. Мы видѣли при обзорѣ ученія о царской власти, что эта идея является центральной. Никонъ постоянно ссылается на то, что неблагочестіе Царей было причиной гибели царствъ, и въ неблагочестіи Царя и боярь, выражающемся въ ихъ подчиненіи себѣ Церкви, онъ видитъ угрозу для самого государства. Онъ ссылается на то, что чума и несчастія въ войнѣ есть слѣдствіе этого грѣха, и въ будущемъ надо ждать того же. Возмездіе за грѣхъ неизбежно, и съ этой точки зрѣнія должно наступить возмездіе за принятіе Царемъ на себя церковнаго верховенства и за самочинное предоставленіе имъ церковной власти Питириму. Но это возмездіе не обязательно наступаетъ немедленно. Богъ отмститъ за все въ день суда по слову „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“. Слово Его непреложно, и, если въ этомъ мірѣ за проклятіемъ тотчасъ не наступаетъ возмездіе, то тѣмъ еще хуже, ибо еще большее наказаніе ждетъ впереди. И Никонъ говорилъ о карѣ за клятвопреступленіе, когда онъ напоминаетъ о томъ, что Царь и бояре нарушили данную ему клятву передъ принятіемъ имъ патріаршества, когда говоритъ, что и Епископы по человѣкоугодничеству подчинились, вопреки клятвѣ при хиротоніи, на церковныхъ дѣлахъ не Патріарху, а Царю и викарію Царя Митрополиту Питириму. На этомъ основномъ воззрѣніи основаны и всѣ предсказанія Никона. Никонъ пишетъ Зюзину 29 іюня 1662 года о своихъ предостереженіяхъ Царю за захватъ власти черезъ монастырскій приказъ надъ его монастырями, о наказаніяхъ, которыя поражаютъ гордецовъ, нарушающихъ Божіи заветы въ лицѣ фараона, людей Содомскихъ, Даѳана, Авирона, Іероваама, Ахава, Навуходоносора и др. и говоритъ, что надъ нимъ посмѣялись, а слово его исполнилось въ страшномъ пожарѣ, разрушившемъ царскій дворецъ.

Пальмеръ объ осуществленіи Никоновскихъ предсказаній и проклятій.

Пальмеръ съ своей стороны развиваетъ Никоновскую идею возмездія при проклятіи и говоритъ, что всѣ его предсказанія сбылись. Такъ предсказаніе его 19 декабря 1664 г. при Матвѣевѣ и Долгорукомъ, что комета снесетъ Москву, исполнилось не только въ томъ смыслѣ, что сопровождавшій его бояринъ Димитрій Алекс. Долгорукій и стрѣлецкій полковникъ Матвѣевъ получили свое

наказаніє (первый въ лицѣ убитаго стрѣльцами на томъ же мѣстѣ его брата Юлія съ сыномъ, а второй лично былъ разорванъ въ куски стрѣльцами въ 1681 г.), но и въ томъ, что наказаніє коснулось и Царя, и его дома, и Епископовъ и боярства, и самой Москвы. Эти наказанія Пальмеръ видитъ въ цѣломъ рядѣ событій и проводитъ интересную параллель. Онъ устанавливаетъ этотъ рядъ событій въ параллелизмѣ грѣхамъ Царя, бывшаго несчастнымъ въ личной жизни и потерпѣвшимъ въ государствѣ великія потрясенія.

1) Окончаніє почитанія Царемъ Никона въ 1658 году, 8 мая 1659 г. умираетъ его 4 лѣтняя дочь Анна, крестница Патріарха.

2) Послѣ принятія церковнаго верховенства Царемъ въ 1658 г., Трубецкой потерпѣлъ страшнѣйшее пораженіє подѣ Конотопомъ съ потерей черезъ татарскій плѣнъ цвѣта Московской конницы.

3) Послѣ созыва лжесобора 1660 г. пораженіє въ Литвѣ князя Хованскаго, Юрія и Петра Долгорукихъ 18 іюня и 10 октября того же года.

4) Сдача всей Московской арміи подѣ начальствомъ Шереметева полякамъ и татарамъ подѣ Чудновымъ на Волыни 23 октября 1660 г.

5) Разочарованіє Царя въ честолюбивыхъ надеждахъ 1656 г. на войну съ Швеціей, когда онъ хотѣлъ по мирному соглашенію получить корону польскую и литовскую, а вмѣсто того пришлось въ Кардисѣ 21 іюня 1661 г. вернуть все Швеціи и продолжать неудачно войну съ Польшей.

6) Послѣ посвященія Меѳодія въ предѣлахъ Константинопольскаго патріархата новое пораженіє Хованскаго при Кушликахъ осенью 1661 г., потеря Гродно, Могилева и Вильны, такъ что къ концу 1661 г. эвакуирована вся Литва кромѣ Быкова.

7) Послѣ принятія царемъ Паисія Лигарида весной 1662 г. безъ канонической грамоты — бунтъ въ іюлѣ 1662 г. изъ-за обезцѣненія мѣдныхъ денегъ, вслѣдствіе жадности и лихоимства Ильи и Данилы Милославскихъ и его племянника Ивана Михайловича.

8) Послѣ привоза двухъ Патріарховъ въ Москву для низложенія Никона разочарованіє въ войнѣ съ необходимостью уступить всю казачью страну къ западу отъ Днѣпра и всю Литву для полученія мира съ Польшей (Андрусовъ миръ 20 января 1667).

9) Большіе пожары въ Москвѣ 1668 г. жители ея считали наказаніемъ за низложеніє Никона, какъ писалъ польскій посолъ въ Варшаву.

10) Вслѣдствіе мира съ Польшей не только казаки правобережья уступлены Польшѣ, но и лѣвобережные отдались Турецкому султану. Вслѣдствіе измѣны въ 1668 г. гетмана Брюховецкаго русскіе потеряли огромные военные матеріалы и армію, такъ что по полученіи этихъ извѣстій въ Москвѣ послѣдовалъ трехдневный трауръ, какъ бываетъ при величайшихъ несчастіяхъ: Царь даже захворалъ и 8 дней не выходилъ.

11) Разочарованіе Царя въ надеждахъ получить польскую корону для себя и для сына. Въ 1668 г. лучъ надежды блеснулъ вторично (первый разъ въ 1656 г.) вслѣдствіе отреченія Польскаго Короля Іоанна Казимира, но южныя неудачи похоронили эту идею. Еще разъ блеснула надежда послѣ смерти Цесаревича Алексѣя въ 1673 г. до избранія Іоанна Собѣскаго въ 1674 г.

12) Послѣ примиренія личнаго съ Никономъ, но безъ намѣренія передѣлать несправедливо сдѣланное съ Никономъ, смерть Царицы Маріи Ильинишны третьяго—четвертаго января 1669 г. вслѣдствіе родовъ дочери Евдокіи, умершей черезъ 4 дня послѣ рожденія.

13) Смерть третьяго сына 4 хъ лѣтъ Симеона въ Іюль 1669 г. Патріархъ Іерусалимскій Досифей соболѣзновалъ Царю въ потерѣ Царицы осенью 1669 г. въ отвѣтъ на просьбу Царя о прощеніи Паисія Лигарида.

14) Потеря наслѣдника престола Царевича Алексѣя въ 1670 г. накануне его совершеннолѣтія послѣ чего, у Царя осталось только два больныхъ сына: Ѳеодоръ 8-ми лѣтъ и Іоаннъ 4-хъ лѣтъ.

15) Возстаніе Стеньки Разина (1667—1671) съ потерей 2 хъ воеводъ Ивана Прозоровскаго и Симеона Львова и Митрополита Іосифа и ста тысячъ жителей на Волгѣ.

16) Взятіе Каменецъ Подольска въ 1672 году турами у поляковъ и заключеніе съ ними мира на основѣ платежа дани султану и помощи противъ Россіи.

17) Широкий ростъ раскола и осада Соловецкаго монастыря съ 1667 до 1776 г.

18) Разочарованіе отъ казацкихъ возстаній и измѣнъ (Выговскаго въ 1658, Юрія Хмѣльницкаго въ 1660 и Брюховецкаго въ 1667 г.).

19) Даже Соловьевъ неблагосклонный къ Никону, говоритъ, что ничто не было такъ невыгодно для Царя Алексѣя, какъ то, что „разрывъ его съ Патріархомъ раздѣлилъ его вниманіе какъ разъ тогда, когда иностранныя дѣла требовали всего его вниманія и дѣятельности и сдѣлалъ невозможнымъ для него отъѣздъ изъ Москвы". Если бы Царь

сохранилъ свои обязательства къ Никону въ отношеніи дѣлъ церковныхъ, то онъ имѣлъ бы въ Никонѣ слугу-совѣтника безпримѣрныхъ способностей и въ государственныхъ дѣлахъ, человѣка, говоритъ **Пальмеръ**, генія силы воли и характера, не менѣе одареннаго по природѣ, чѣмъ тотъ богатырь, который былъ исполнителемъ проклятія въ ближайшемъ поколѣннн, человѣка одинаково способнаго бороться съ невѣжествомъ своего вѣка, одинаково расположеннаго къ нововведеніямъ, реформѣ и просвѣщенію, только исходящему отъ принциповъ христіанской вѣры, а не принциповъ матеріалистическихъ и языческаго патріотизма. Достаточно видѣть, что Царь могъ быть на войнѣ 1654—1656 г.г. и парализовать неблагопріятныя слѣдствія боярскаго мѣстничества благодаря Никону, который въ тылу завѣдывалъ всѣмъ внутреннимъ управленіемъ, боролся съ чумой и снабжалъ армію.

20) Если въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ своей жизни Царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ чувствовать, что онъ былъ своимъ собственнымъ врагомъ, лишая себя услугъ Никона для своего семейства, двора и управленія, то особенно онъ долженъ былъ почувствовать, когда оказался на 47 году жизни на смертномъ одрѣ.

Его наслѣднику было 15 лѣтъ и предстояла боярская опека; ему менѣе было бы безпокойства, если бы его другъ, спасшій семью его отъ чумы въ свое время, былъ бы у власти.

21) Царь Алексѣй оставилъ вдовой молодую жену, младшую, чѣмъ его старшая дочь изъ всѣхъ его дѣтей отъ перваго брака, съ тремя малолѣтними дѣтьми. Но проклятіе Никона, выраженное противъ Боборыкина, призывавшее безпомощное сиротство, невольно касалось и Царя и теперь пришло. Царь предвидѣлъ борьбу двухъ семей при физической слабости Θεодора и явной неспособности Ивана. Если бы былъ Никонъ, все прошло бы иначе. И многіе были бы на другихъ мѣстахъ: „Нащокинъ былъ бы на царской службѣ, и Матвѣевъ не былъ бы въ ссылкѣ" (V, 904—911). Въ дополненіе несчастій и династія Царя кончилась въ 3-мъ мужскомъ поколѣннн въ лицѣ Петра II и можно было вспомнить слова Никона въ концѣ одного засѣданія суда сказанныя Царю: „Кровь моя и общій грѣхъ на твоей головѣ, Царь".

Петръ I названъ Пальмеромъ исполнителемъ проклятія, ибо онъ содѣйствовалъ прекращенію династіи сыноубійствомъ, онъ же лишилъ боярство государственнаго значенія, и онъ свелъ епископаты на подчиненное государству неканоническое положеніе, лишившее его

самостоятельнаго церковнаго строительства и приведшее его къ положенію государственнаго чиновничества.

Никонъ, охраняя церковную культуру въ старой Руси, опережаетъ ее въ своемъ отношеніи къ образованію съ одной стороны и въ возстановленіи святоотеческихъ идей съ другой.

Никонъ стоялъ на почвѣ старой Россіи съ унаслѣдованной Церковной культурой, лежавшей въ основѣ и государственнаго строительства въ той формѣ, въ которую облекала его теорія симфоніи властей. Церковный идеаль жизни завершаемый аскетическимъ идеаломъ иночества, проникалъ всѣ отношенія, и въ этомъ отношеніи Никонъ былъ продолжателемъ старой Россіи, которую онъ стремился дѣлать возможно болѣе святой, развивая и углубляя лишь прежнія отношенія. Но въ одномъ отношеніи онъ безконечно опередилъ своихъ современниковъ, и потому то содержаніе, которое онъ вливалъ въ прежнее строительство, было инымъ. Это особенно видно не только на той борьбѣ, которую онъ велъ противъ цезарепапизма, во имя святоотеческой постановки соотношенія властей, но и на отношеніи его къ образованію.

Взгляды Аввакума на образованіе, на русскіе обряды, на греческое православіе. Критерій истины у него въ русскихъ современныхъ ему формахъ православія.

Въ этомъ отношеніи Никонъ не имѣлъ того узкаго взгляда, которымъ проникнуть типичный представитель старой Руси — Аввакумъ. Послѣдній просто отрицалъ науку. „Ты ищешь, говоритъ Аввакумъ Артамонѣ Матвѣеву, высшей науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами, и мнѣ кое общеніе яко свѣту со тьмою, или Христу съ Веліаромъ. Узкія представленія о святости и недостатокъ научнаго образованія привели Аввакума къ убѣжденію, что только въ русскихъ книгахъ церковныхъ все сказано богомудро и богодухновенно. Онъ не допускалъ ничтожнѣйшихъ перемѣнъ въ языкѣ, въ родѣ измѣненія „въ имя" на „во имя". Потому, когда въ пятидесятницу 1654 года Никонъ отмѣнилъ 12 земныхъ поклоновъ и установилъ трехкратное знаменіе, то это произвело тягостное впечатлѣніе на Аввакума, и онъ такъ передавалъ о впечатлѣніи: „Мы (Аввакумъ, Нероновъ, Павелъ Коломенскій, Даніиль) сошедшися задумалися между собой; видимъ яко зима хочетъ быти, сердце озябло и ноги задрожали". Рѣзкая брань противъ Никоновскихъ перемѣнъ гремѣла по Москвѣ, когда бояре вернули Аввакума въ 1664 г. изъ ссылки: „Видишь-ли, Никоніанинъ, что вы дѣлаете надъ одной просфорой, куде-

сите, дырь 300 навертите. Охъ, собаки. Перемянули преданіе Св. Отець и 5 просфоръ вмѣсто 7 возлюбили. Обрядъ приравненъ къ догмату, и потому исправленіе никакое недопустимо. Все русское, принятое на Стоглавомъ соборѣ, было на вѣки канонизировано, а греческія разности обрядовыя признаны порчею отъ турокъ. Аввакумъ отвѣчалъ на допросъ Восточнымъ Патріархамъ: „у васъ православіе пестро отъ нашествія турскаго Магомета, немощни есте стали и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ благодати Божіей самодержство, до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ Князей и Царей было православіе чисто и непорочно, и Церковь немятежная и первые наши пастыри, какъ двумя перстами крестились, такъ и другимъ повелѣвали. Патріархи задумались, рассказываетъ Аввакумъ, и наши что волченки завыли, облевать стали на отцовъ своихъ говоря: не смыслили наши святые; не ученые де люди были, чему имъ вѣрить? Они де грамоты не умѣли. О, Боже Святый. Како претерпѣ святыхъ Своихъ толикая досажденія? Мнѣ бѣдному горько стало, а дѣлать нечего: побранилъ ихъ сколько могъ и послѣднее слово рекъ: чистъ азъ есмь и прахъ отъ ногъ своихъ отрясаю передъ вами". Аввакумъ отвергъ авторитетъ самой Церкви во имя пристрастія къ современнымъ ему формамъ; такое умонастроеніе съ признаніемъ современной русской формы и обряда критеріемъ для всякой другой формы и обряда, какъ единственно правильной, и создавали расколъ съ его нетерпимостью къ малѣйшему измѣненію даже въ правописаніи словъ, Идея измѣняемости и постепеннаго развитія обряда ему была чужда, и для него непонятно было то явленіе, что обрядъ могъ измѣняться, лишь бы мысль, связываемая съ обрядомъ, не была еретической. На этомъ основаніи первоначальное единоперстіе при перстосложеніи было правильно, поскольку съ нимъ связывалась мысль о единствѣ Бога, правильно было и двоеперстіе, поскольку съ нимъ связывалась мысль о двухъ природахъ во Іисусѣ Христѣ, правильно и троеперстіе, поскольку съ нимъ связывается мысль о триипостасности Божества. Аввакуму непонятна перемяна въ обрядахъ: „Христосъ живетъ въ Церкви и не даетъ ей погрѣшитель не то, что въ догматахъ, но и малѣйшей чертѣ каноновъ и пѣсней". Онъ отказывается повиноваться мудрѣйшимъ въ письмѣ къ Плещееву, ибо „отъ нихъ утаилъ Богъ тайны благодати Своей и открылъ ихъ младенцамъ — неученымъ людямъ: спасается міръ черезъ вѣрныхъ, а не черезъ мудрѣйшихъ. Мудрѣйшіе отступили, говорятъ, что блудили Отцы наши въ церковныхъ догматахъ и много времени Церковь была

въ погруженіи, а теперъ они умудрились исправлять, слѣдовательно, не вѣрятъ слову Христову о непогрѣшимости Церкви и являются хулителями Бога и Церкви". Такая точка зрѣнія грозила полнымъ прекращеніемъ церковнаго развитія и въ корнѣ противорѣчила тому ученію о вещахъ существенныхъ и несущественныхъ, предоставленныхъ на волю отдѣльныхъ Церквей, которое развивалъ Патріархъ Паисій въ посланіи къ Никону въ 1654 году, когда тотъ обратился къ нему съ запросомъ. Аввакумъ восхваляетъ святую простоту, противопоставляя ее суетной мудрости внѣшней, такъ какъ вѣра потребна ко спасенію, а не реторики и грамматики, „чистое сердце, а не философское киченіе", подъ коимъ разумѣются греки и малороссы, которыхъ именуетъ песьими сынами. Приведя примѣры, какъ неученые люди благодаря смиренномудрію и стойкости въ вѣрѣ побѣждали ученыхъ, риторовъ и философовъ, Аввакумъ пишетъ Царю: „и мы, Михайлычъ, станемъ поучатися, какъ намъ умерети и умъ вперимъ Богу всегда, да полезнѣе намъ будетъ тамо, егда обрящемся со Христомъ, нежели въ риторикѣ славы ища, быти кромѣ Христа, молю Бога ввечери и утро и полудни еже бы тебѣ нежелати реторики киченія ради, но искати распятаго Христа". (Раскольники такимъ образомъ отстаивали то же не русскую праведность, какъ таковую, а ее, какъ носительницу совершеннаго православія).

Отношеніе Никона къ русскимъ обрядамъ и чинамъ, до знакомства съ пріезжими греками и послѣ.

Никонъ иначе относился къ наукѣ и иначе сталъ смотрѣть на обряды, еще будучи Патріархомъ; человекъ старообрядческой психологіи, почитающій обрядъ какъ догматъ, не разрѣшилъ бы служить да еще въ Успенскомъ Соборѣ по обоимъ служебникамъ, какъ разрѣшилъ Никонъ Неронову въ январѣ 1657 года, сказавъ: „обои де хороши: по какимъ хочешь по тѣмъ и служи". Вѣдь, Никонъ самъ вышелъ изъ одного кружка ревнителѣй благочестія, созданнаго царскимъ духовникомъ Стефаномъ для борьбы съ разными церковными безпорядками, господствующими пороками и недостатками въ жизни народа и духовенства, для наблюденія за правильнымъ выполненіемъ Богослужебнаго чина; тѣмъ самымъ передъ ними всѣми всталъ вопросъ о книжномъ исправленіи. Повидимому, и Никонъ сначала скептически относился къ грекамъ, ибо до насъ дошли слова Неронова къ Никону: „Да ты же, святитель, иноземцевъ законоположенія хвалишь и обычаи ихъ пріемлешь, благовѣрными и благочестивыми радѣтелями ихъ нарицаешь, а мы прежде всего у тебя же слышали,

много разъ говаривалъ ты намъ, гречане де и малороссы потеряли вѣру и крѣпость, да и добрыхъ нравовъ у нихъ нѣтъ, покой де и честь ихъ прельстили, и своимъ де грѣхамъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилось и благочестія нимало. А нынѣ они у тебя и святые люди и законоучители?" (Знаменскій. Іоаннъ Нероновъ Пр. Соб. 1869, 1). Такъ и Никонъ стоялъ сначала на одной почвѣ въ отношеніи къ русскимъ чинамъ и обрядамъ, но послѣ, подъ вліяніемъ пріѣзжихъ грековъ — Патріарха Паисія, бывшаго Патріарха Афанасія Пателяра, царскаго духовника Стефана Вонифатьева, онъ перемѣнилъ отношеніе къ греческимъ обрядамъ и рѣшилъ проводить церковно-обрядовую реформу, въ которой инициатива, какъ показано Каптеревымъ, была вовсе не его; согласившись ее проводить, онъ проводилъ ее съ авторитетомъ Патріарха, съ энергіей ему свойственной во всякомъ дѣлѣ. Въ официальной мотивировкѣ въ предисловіи къ служебнику 1655 г. однако говорится о томъ, что самъ Никонъ, прочитавъ при занятіяхъ въ патріаршей библіотекѣ акты о введеніи патріаршества въ Россіи, прочелъ о необходимости согласовать обряды съ обрядами Церкви-Матери и воспыалъ ревностью въ ихъ проведеніи. Намъ не занимаетъ спеціальныи вопросъ объ исправленіи книгъ, самъ по себѣ обширный и требующій особаго вниманія, но намъ интересуется онъ, лишь поскольку онъ является характеристикой отношеній Никона къ обряду и церковной наукѣ. Интересно то, что Никонъ пошелъ охотно по тому пути провѣрки книгъ, который указывалъ, какъ на авторитетъ, на книги древнія славянскія и греческія, что онъ не посмотрѣлъ на свою русскую старину, какъ на авторитетъ, не требующій провѣрки, **что онъ обратилъ взоръ на другія Церкви восточныя, которыя являются частями той же вселенской Церкви; онъ вышелъ такимъ образомъ за предѣлы чисто Московскаго православія и напомнилъ о томъ, что оно есть лишь часть единой Вселенской Церкви, а не вся Церковь.**

Въ какомъ смыслѣ Никонъ хотѣлъ сдѣлать Москву III Римомъ?

Гордое заявленіе Суханова, что все благочестіе перешло отъ грековъ къ русскимъ, и что дѣйствительный Патріархъ въ сущности одинъ только Московскій, было ему чуждо; напротивъ, свѣтъ ученія онъ искалъ на Востокѣ и, если хотѣлъ сдѣлать Москву центромъ православія, Третьимъ Римомъ въ этомъ смыслѣ, что подсказывалось историческимъ значеніемъ Москвы, какъ единственнаго въ то время независимаго православнаго царства, то видѣлъ въ этомъ не осущест-

ствленный уже фактъ, а задачу, подлежащую достиженію. Для этого надо было пересадить самое средоточіе науки въ Москву, чтобы здѣсь было все лучшее: не только святыни, перевозившіяся съ востока еще ранѣе, но и школы, и монастыри, и библіотеки, и ученыхъ, и иконопись и пѣніе, и книги, и типографіи (которыхъ на востокъ уже не было при туркахъ, и книги печатались въ Венеціи¹; такимъ образомъ по своему внутреннему содержанію Москва стала бы соотвѣтствовать и своему внѣшнему положенію столицы единственнаго православнаго царства, имѣющаго во главѣ и Царя, и Патріарха — опоры всего Православія. Мнѣніе о трехъ Римахъ, вѣдь, перешло и въ официальные документы; оно утверждалось и раскольничьими писателями со ссылками на старца Филофея XV вѣка и связывалось даже съ мыслью о близкой кончинѣ міра (у діакона Θεодора „Матеріалы по исторіи Раскола“, VI). Мысль о томъ, что Москва призвана имѣть значеніе Рима, подготовлена уже всей предшествующей эпохой послѣ Флорентійскаго Собора. О томъ, что русское патріаршество призвано встать на мѣсто патріаршества древняго Рима толкуетъ и „Извѣстіе объ учрежденіи Патріаршества въ Россіи“, вошедшее въ Кормчую, которое вмѣстѣ съ статьей „о Римскомъ отпаденіи“ и „Константиновой грамотой“ включается Никономъ въ составъ Кормчей, какъ официально признанная идея. Однако, если у раскольниковъ эта мысль превращалась въ идею о томъ, что Москва уже достигла этого, то у Никона она является идеей, подлежащей осуществленію. Мы видимъ, что у Никона церковная идея, какъ и у раскольниковъ, является превалирующей и опредѣляющей направленіе въ развитіи государства, но средства для этого у Никона болѣе широкія.

Отношеніе Никона къ наукѣ. Его библіотека.

У Никона нѣтъ національнаго самопревознесенія и Аввакумовскаго сознанія, что русскимъ нечему болѣе учиться. Наука въ этомъ призывается играть большую роль, и уваженіе къ ней Никона, въ противоположность Аввакуму, видно уже изъ его библіотеки, имъ составленной. Въ этой библіотекѣ первое мѣсто принадлежитъ святоотеческимъ твореніямъ. Изъ этой библіотеки мы узнаемъ и тѣ источники, которыми питался Никонъ, когда составлялъ „Раззореніе“. Его ученіе объ отношеніи власти государственной и церковной такъ

¹ Со вступленіемъ Никона на патріаршество, печатный дворъ перешелъ изъ вѣдѣнія государственныхъ учреждений въ распоряженіе Патріарха, и тамъ была развита огромная дѣятельность по изданію исправленныхъ книгъ.

сильно пропитано учением Златоуста; его учение о защите Церковью своих прав, проведенное им в жизнь, так напоминает борьбу Θεодора Студита со ссылками на папу Григория Двоеслова и Иоанна Дамаскина, а его учение о смирении вдохновлялось творениями Аввы Дорофея. Такое заключение наше подтверждается и одной росписью книг, взятых Никоном из Иверскаго монастыря в Воскресенской, когда он там жил. Вот эта роспись, отмѣченная в V т. Русской Исторической библиотеки за № 255: „Роспись Пречистой Богородицы Иверскаго монастыря образамъ Божиимъ и книгамъ и сосудамъ серебрянымъ и инымъ вещамъ, что изъ Иверскаго монастыря бывший Патріархъ Никонъ взялъ въ прошлыхъ годахъ къ себѣ въ Воскресенской и Крестный монастыри. Книги Θεодора Студита въ кожаномъ переплетѣ, книги Григорія Солунскаго, книги Сенадинъ письменный, книги Иоанна Дамаскина, книги Иоанна Златоуста о священствѣ, печать Кіевская обложена кожею красною. Книга Бесѣды и Толкованій Иоанна Златоуста, 10 книгъ Аввы Дорофея, книги Апостоль, Книга Октоихъ". Но еще в бытность Патріархомъ Никонъ составилъ личную библиотеку, въ которую входило до 1300 томовъ. Въ нее входили и священныя, и свѣтскія книги. Среди первыхъ кромѣ рукописныхъ книгъ каноническаго содержанія были сочиненія знаменитыхъ Отцовъ Церкви, изданныя въ западныхъ типографіяхъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ (Діонисій Ареопагитъ, Юстинъ Философъ, Григорій Чудотворецъ. Климентъ Александрійскій, Кириллъ Іерусалимскій, Афанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Иоаннъ Златоустъ, Григорій Нисскій, Кириллъ Александрійскій и др.), церковно-историческія книги на греческомъ и латинскомъ языкахъ (Акты соборовъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ, Исторія Евсевія Кессарійскаго, Никифора Каллиста, Исторія Флорентійскаго Собора и пр.). Среди книгъ свѣтскихъ были Плутархъ, Демосѣенъ, Геродотъ, Страбонъ, Аристотель, Византійскія хроники; съ востока привезено было 498 рукописей изъ разныхъ монастырей. (Изъ перечней Домовой Казны перечислено у Иконникова „Новые Труды и матеріалы о Патріархѣ Никонѣ". Кіевскія Университетскія Извѣстія 1888 г. № 6). Вмѣстѣ съ этими книгами были книги по физикѣ, географіи, грамматикѣ, логикѣ, космографіи, разные лексиконы, карты. Никонъ сознавалъ важность библиотеки. Въ имѣвшейся у него космографіи объяснены системы Птолемея и Коперника, между тѣмъ какъ еще послѣ Петра многіе считали послѣдняго богохульникомъ, — имѣлись описанія Европейскихъ го-

сударствъ, Азіи, Африки и Америки, сказанія иностранцевъ о Россіи. Пекарскій полагаетъ, что до Никона соборное дѣяніе 1593 объ учрежденіи патріаршества въ Россіи не было переведено на славянскій языкъ. Митрополитъ Макарій (ХІІ, 280) говоритъ о Никонѣ: „Никонъ самъ не зная въ дѣтствѣ другой школы, кромѣ первоначальной, не обучался другимъ языкамъ и наукамъ, кромѣ славянской грамоты и письма, но при своемъ свѣтломъ умѣ онъ понималъ значеніе наукъ и научнаго образованія и потребность знанія для русскихъ греческаго языка“.

Любознательность Никона. Его дѣятельность по устройству монастырей и дѣятельнаго монашества.

Арсеній Грекъ, завѣдывавшій Никоновской библіотекѣ, говорилъ, что Никонъ зналъ немного греческій языкъ который изучалъ, по словамъ Павла Алеппскаго (ІІ, 36), въ бытность Патріархомъ, но что онъ всегда держалъ при себѣ людей, знающихъ греческій языкъ. Самъ Никонъ изучалъ, будучи Патріархомъ докторскую книгу — переводъ, сдѣланный Епифаніемъ Славенецкимъ въ маѣ 1657 г. за 10 руб., полученныхъ имъ по Расходной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа, и по ней впослѣдствіи Никонъ составлялъ лѣкарства и лѣчилъ въ ссылкѣ въ Терапонтовомъ монастырѣ. Припомнимъ, что въ Воскресенскомъ монастырѣ, незадолго до суда онъ заказалъ въ Иверскомъ монастырѣ себѣ сдѣлать переводъ Польской Исторіи. Никонъ былъ очень любознателенъ, никогда не упорствовалъ въ разъ принятомъ имъ мнѣніи, когда убѣждался въ его ошибочности. Такъ мы можемъ вспомнить, что онъ призналъ, что совершалъ дѣйствія Ваіи въ бытность Новгородскимъ Митрополитомъ по ошибкѣ, ибо это надлежитъ дѣлать только Патріарху; онъ нисколько не возражалъ, когда ему указывали, что повтореніе хиротоніи при поставленіи въ Патріархи недопустимо, что достаточно хиротесіи, но только ссылался на обычай, не имъ заведенный. О себѣ самомъ онъ говоритъ въ „Раззореніи“, что онъ всегда нетерпѣливъ, что „онъ мало ученъ, невѣжественъ, только всегда желалъ учиться и исправить то, что онъ сдѣлалъ неправильно“. Такъ онъ говорилъ о своей второй епископской хиротоніи, о своемъ участіи въ качествѣ Митрополита въ церемоніи въ недѣлю Ваіи. Про подпись свою подъ Уложеніемъ онъ не говорилъ, что сдѣлалъ по невѣдѣнію, а что былъ подавленъ авторитетомъ Патріарха, что вполне естественно при централизаціи церковнаго управленія, явившейся въ результатъ историческихъ условій. Никонъ шелъ далеко впереди своихъ предшественниковъ.

Еще Митрополитомъ онъ заводитъ въ Хутынскомъ монастырѣ типографію, въ Москвѣ онъ устраиваетъ училище съ древними языками, приближаетъ къ себѣ южнорусскихъ ученыхъ, грековъ; когда онъ строитъ Иверскій монастырь, онъ переводитъ туда изъ Бѣлоруссіи Оршанскаго Кутейнскаго монастыря типографію вмѣстѣ со старцами; одни изъ нихъ напечатали нѣсколько книгъ съ гравюрами на деревѣ своей работы; нѣкоторые переводили на русскій языкъ литовско-польскія хроники и другія книги (Историч. библ. V, № 205, 278, 279, 283, 284). Нѣкоторые изъ нихъ работали въ переплетной мастерской (№ 274, 275, 289); здѣсь производилась и рѣзба по дереву (№ 162, 172), о чемъ свидѣтельствуется кивотъ на перенесенную съ Аѳона Чудотворную Икону Иверской Божіей Матери и алтарикъ для отдѣльныхъ и сборныхъ иконъ на паперти Иверскаго монастыря; здѣсь процвѣтало и изразцовое дѣло (8, 62, 82, 121 ст. 2, 331, 342, 356, 363, 364, 366, 431), приложенное Никономъ въ широкихъ размѣрахъ къ внѣшнему и внутреннему украшенію новоустроеннаго въ Воскресенскомъ монастырѣ храма по Іерусалимскому образцу. Памятникомъ усердія и вкуса Никона и русскаго зодчества XVII вѣка является соборъ Иверскаго монастыря построенный подмастерьемъ каменныхъ дѣлъ Аверкіемъ Матвѣевымъ при надзорѣ пристава Андрея Токмачева.

Увлеченіе Никона всѣмъ греческимъ въ началѣ патріаршества и нападки на него старообрядцевъ.

Никонъ, правда, не ограничился исправленіемъ русскихъ церковныхъ обрядовъ и чиновъ по греческимъ, но въ увлеченіи всѣмъ греческимъ пошелъ дальше. Каптеревъ пишетъ: „Онъ переноситъ къ намъ греческіе амвоны, архіерейскіе посохи, клобуки, мантии, греческіе церковные напѣвы, принимаетъ греческихъ живописцевъ, мастеровъ серебрянаго дѣла, строить по образцу греческихъ монастырей. Слушаетъ во всемъ грековъ, отдавая предпочтеніе греческому авторитету передъ вѣковой русской стариной. Это его приводило къ столкновенію съ почитателями русской старины, и идейное и личное. До патріаршества Никонъ, какъ мы говорили, принадлежалъ къ числу членовъ кружка ревнителей благочестія, во главѣ котораго былъ царскій духовникъ Вонифатьевъ. Они имѣли большое вліяніе даже при размѣщеніи епископскихъ каѳедръ; они же прочили въ Патріархи Вонифатьева, но за его отказомъ остановились на Никонѣ". Когда Никонъ приступилъ къ реформамъ по греческому образцу, то онъ отвернулся отъ нихъ, пересталъ съ ними

совѣтываться и вызвалъ сѣтованія и Аввакума, и Неронова. Первый говорилъ: „егда поставили Патріархомъ его, такъ друзей не сталъ и въ Крестовую пускать. А Нероновъ: „доселѣ ты другъ намъ былъ". Самъ Царь оказался въ ихъ глазахъ прельщеннымъ отъ Никона-еретика и отступника. Для нихъ непріемлемы были греческія симпатіи. Они жили подъ обаяніемъ „Повѣсти о бѣломъ клобукѣ", гдѣ писалось, что всѣ христіанскія Церкви сольются въ одно русское православіе и, что патріаршій чинъ отъ Константинополя будетъ данъ русской землѣ во времена свои и будутъ послѣдніе первыми, а первые послѣдними (Мак. XI, 158). Въ глазахъ старообрядцевъ греки уже потеряли право на первенство вслѣдствіе уклоненія отъ истиннаго благочестія, а русскіе уже достигли своей цѣли. Сюда, въ Москву стекались съ востока духовные всѣхъ чиновъ и привѣтствовали Россію, какъ опору и покровительницу Вселенскаго православія. Сами представители греческой іерархіи указывали на миссію Московскаго Патріарха въ Константинополь, какъ мы видѣли изъ посланій къ Царю при прощаніи отъ бывш. Патріарха Афанасія Пателяра. Это мнѣніе поддерживалось и тѣми наблюденіями нашихъ путешественниковъ на востокѣ надъ обрядами и способами богопочитанія, сводившимися къ признанію религіознаго, умственного и нравственнаго упадка грековъ, которыхъ Крижаничъ ставилъ на ряду съ жидами, цыганами и армянами.

Разочарованіе Никона въ греческихъ представителяхъ.

Повидимому, и самъ Никонъ нѣсколько поздно убѣдился въ нравственномъ паденіи грековъ на дѣлѣ ихъ суда надъ нимъ, когда онъ увидѣлъ фальсификацію въ правилахъ и испыталъ нечестивый ихъ подкупной судъ надъ собой, и самъ далъ характеристику имъ, когда 12 декабря 1666 г. Александрійскій Патріархъ снялъ съ него панагію и клобукъ сказалъ поученіе какъ жить надо: „Знаю де я и безъ вашего поученія какъ жить, а что де клобукъ и панагію сняли, и они бѣ съ клобука жемчугъ и панагію раздѣлили по себѣ, а достанетъ де жемчугу золотниковъ по 5 и по 6 и больше и золотыхъ по 10". Это былъ приговоръ о грекахъ Патріархахъ самого Никона, нѣкогда увлекавшагося всѣмъ греческимъ.

Никонъ взялъ съ Востока все, что ему доставало.

Нравственная сторона грековъ была осуждена безповоротно въ глазахъ всѣхъ, особенно, когда удостовѣрились, что греки Патріархи были низложенные, а Лигаридъ — руководитель дѣла, даже не пра-

вославный. Никонъ взялъ съ Востока все, чего ему не хватало. Не надо забывать, что православіе у грековъ нисколько не было поколеблено ни Флорентійской Уніей, ни Турецкимъ господствомъ. Флорентійская Унія не была принята греческимъ народомъ и осталась вождельніемъ Императоровъ и Патріарховъ изъ политическихъ соображеній, чтобы имѣть помощь Папы противъ турокъ. Турки же не вмѣшивались вовсе во внутреннюю сторону христіанской вѣры, отъ нихъ далекой, и предстоятелямъ ея Патріархамъ предоставляли даже гражданскія права надъ населеніемъ. Никонъ посылалъ на Востокъ Суханова и за древними книгами, которыхъ тотъ сотнями собралъ на Аѳонѣ, посылалъ туда его же за изученіемъ образцовъ зодчества, какъ передъ тѣмъ посылалъ его Царь (1649 г.) за изученіемъ чиновъ и обрядовъ церковныхъ.

Стремленіе Никона насаждать просвѣщеніе.

Никонъ выписывалъ въ Москву изъ Малороссіи ученыхъ монаховъ для обученія юношества наукамъ и переводовъ душеспасительныхъ книгъ съ греческаго языка. Подъ его вліяніемъ богатый бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ устроилъ на берегу Москвы рѣки у церкви Св. Апостола Андрея монастырь во Имя Преображенія Господня. Соединяя воспоминаніе о первомъ началѣ Евангельской проповѣди въ Россіи съ мыслью о преображеніи ея Евангельскимъ ученіемъ, онъ уговорилъ Царя выписать изъ Кіева Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго „Божественнаго Писанія вѣдующихъ и Эллинскому языку навичныхъ и съ Эллинскаго языка на Славянскую рѣчь перевести умѣющихъ и Латинскую рѣчь достаточно знающихъ". Епифаній Славинецкій долженъ былъ исправить славянскій переводъ Библіи по переводу LXX толковниковъ, хотя этого не успѣлъ сдѣлать (Епифаній умеръ 19 ноября 1676 года). Тогда же впервые увидѣла свѣтъ „Скрижаль", гдѣ находились объясненія на литургію и ученія о таинствахъ, и этотъ переводъ показываетъ, насколько Никонъ заботился о распространеніи углубленнаго пониманія христіанскаго ученія и не ограничивался обрядовымъ механизмомъ; были переведены многія слова Григорія Богослова, Афанасія Великаго, Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, тексты полного собранія церковныхъ правилъ и даже, въ сокращеніи, Властыря и Арменопула. Составили службы Св. Іакову Боровицкому, Аннѣ Кашинской. Подъ руководствомъ кіевскихъ ученыхъ образовались наши иноки Евфимій и Моисей. Самъ Никонъ стремился къ распространенію образованія

черезъ архипастырей на мѣстахъ. Въ этомъ отношеніи онъ выполнялъ завѣтъ Собора 1593 г. объ учрежденіи патріаршества. Никонъ требовалъ отъ нихъ наученія народа, „особенно отрочать Христовымъ заповѣдямъ, чтенію, dobroгласному и согласному пѣнію по преданію Св. Церкви учить и наказывать, избирая на сіе учителей въ благихъ свидѣтельствovanýchъ и Богобоязненныхъ и сея ради вины, якоже лѣпо училища поставляти и никому же отъ неискуемыхъ и нелѣпотныхъ наказателей въ нихъ даяти дерзновение". Задача была поставлена, но осуществлена много позднѣе: первое училище было устроено Св. Дмитріемъ Ростовскимъ въ 1703 г. Какъ далекъ былъ Никонъ отъ прежней выраженной Аввакумомъ старообрядческой точки зрѣнія: „Эллинскихъ борзостей не текохъ ни риторскихъ астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философами въ бесѣдѣ не бывахъ, — учусь я книгамъ благодатнаго закона; азъ бо есмь умомъ грубъ и словомъ невѣжа, не бывавши ми въ Аѳинахъ отъ юности; но еще и неучень словомъ, но не разумомъ; не учень діалектикѣ, риторикѣ и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ". Такъ говорилъ Аввакумъ.

Поощреніе Никономъ развитія церковнаго искусства.

Никонъ покровительствовалъ церковному зодчеству и живописи. По словамъ Павла Алеппскаго, при его дворѣ были свои художники и ремесленники. Въ Воскресенскій монастырь онъ призывалъ и иностранныхъ мастеровъ; тамъ онъ завелъ цѣлыя мастерскія, откуда потомъ доставалъ цѣнныхъ мастеровъ.

Никонъ обращалъ большое вниманіе на внѣшнее украшеніе храмовъ; онъ великолѣпно украсилъ храмъ Св. Софіи въ Новгородѣ и церковь Св. Никиты, Епископа Новгородскаго въ Москвѣ при Новгородскомъ подворьѣ. Сдѣлавшись Патріархомъ, онъ украсилъ Успенскій соборъ и устроилъ иконостасъ, въ которомъ Деисусъ и иконы обложены были чеканнымъ серебромъ съ позолотой. Никонъ любилъ украшать вообще иконы драгоценными металлами и камнями, равно какъ и облаченія, которыми блистали подобно Аарону. Ради улучшенія иконописи, онъ вызывалъ въ Москву лучшихъ иконописцевъ для писанія въ стилѣ строго Византійскомъ, бывшемъ да не го очень жалкимъ подражаніемъ греческой живописи; многіе изъ нихъ содержались при патріаршемъ дворѣ. Никонъ слѣдилъ за строгимъ выполненіемъ стиля, въ окружной грамотѣ требовалъ отъ всѣхъ иконописцевъ писать по древнимъ преданіямъ Восточной Церкви и

боролся съ уклоненіемъ Строгановской школы иконописи къ Фряжскому стилю. Онъ отбиралъ такія иконы, присовокупляя объявленіе, что за это будетъ строжайшее наказаніе. Однажды онъ собралъ ихъ и въ церкви вмѣстѣ съ Антиохійскимъ Патріархомъ Макаріемъ объявилъ отлученіе на тѣхъ, кто будетъ такъ писать. Писаніе на иконахъ изображеній въ современныхъ одеждахъ съ приближеніемъ вообще иконы къ картинѣ не соотвѣтствовало древнему преданію.

Заботы Никона объ улучшеніи церковнаго пѣнія.

Никонъ ввелъ благолѣпіе и въ церковномъ Богослуженіи. Онъ еще Митрополитомъ ввелъ у себя единогогласіе, выписалъ изъ Кіева знатокъ греческаго и Кіевского напѣвовъ и партеснаго пѣнія и поручилъ имъ обучать своихъ пѣвчихъ. Шушеринъ пишетъ: „Преосвященный Митрополитъ Никонъ первѣе повелѣ въ соборной Церкви греческое и кіевское пѣніе пѣти и правеліе имъ прилежанія до пѣнія, и на славу прибравъ клиросы предивными пѣвчими и гласы преизбранными, пѣніе одушевленное паче органа бездушнаго. И такового пѣнія, яко же у Митрополита Никона, ни у кого не было" (Стр. 21). По слову Митрополита Никона Царь созвалъ въ 1651 г. Соборъ для установленія по всей Россіи единогогласнаго пѣнія, чему воспротивился Соборъ 1649 г. Будучи Патріархомъ, Никонъ уже всюду требовалъ введенія установленнаго имъ порядка пѣнія и чтенія, побуждая къ тому епархіальныхъ Архіереевъ. Никонъ запрашивалъ объ этомъ Патріарха Константинопольскаго, и тотъ прислалъ одобрительную грамоту и іеродіакона Мелетія для обученія греческому пѣнію московскихъ дьяковъ и поддьяковъ. Изслѣдователь церковнаго пѣнія въ Россіи Мезенць пишетъ: „Трудами Патріарха Никона пѣніе и знаніе распространились отъ Великаго Новгорода во всѣ грады и монастыри великороссійскихъ епархій во всѣ предѣлы ихъ". (Михайловскій). Никонъ любилъ не только церковную музыку. Объ его любви къ музыкѣ свидѣтельствуеетъ книга: Michnewitsch. „Geschichte der Musik in Russland". St. Peterburg, 1879 и Abhandlungen von Brücken in der St. Peterburg Kalendar auf das Jahr 1880, о которомъ поминаетъ Брюнкеръ въ сочиненіи „Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts" (I, 564): „Wenn schon der patriarch Nikon auf einen so heiklen Gebiete wie demjenigen des Kirchengesanges bei seinen Reformen Italienische Muster der Musik aufhelfen wollte, so mögen manche Boyaren im Essen und Trinken in Wohnung und sonstiger Lebensweise

sehr gern bei den Westeuropäern in die Schule gegangen sein”.¹ Видно, Никонъ готовъ былъ все доброе брать изъ Европы въ дѣлѣ наукъ и искусствъ, но въ дѣлахъ вѣры отстаивалъ Православіе отъ чуждыхъ вліяній.

Суммарное перечисленіе того, что сдѣлалъ и стремился сдѣлать Никонъ въ дѣлѣ просвѣщенія и въ искусствѣ, показываетъ, что стремленіе къ истинѣ и красотѣ у него было такъ же неослабно, какъ и стремленіе къ добру. Никонъ цѣнилъ просвѣщеніе во всѣхъ его видахъ, одухотворяя его высшимъ идеаломъ Церкви, стараясь преобразить земную юдоль человѣчества въ пріобщеніи къ безсмертнымъ цѣнностямъ.

Отличіе Никона отъ Петра въ отношеніи къ западной культурѣ.

То, что сдѣлалъ Петръ, толкая Россію на просвѣтительный путь, дѣлалъ и Никонъ, не прибѣгая для этого, однако, къ привитію иныхъ философскихъ взглядовъ и иной культуры. Оставляя Россію въ отношеніи къ идеаламъ на церковномъ пути, Никонъ не уничтожилъ бы, а увеличилъ бы значеніе Церкви въ русскомъ строителствѣ, пріобщая Россію одновременно къ плодамъ Западной цивилизаціи. Онъ противился этой цивилизаціи только, поскольку она вредила чистотѣ православныхъ взглядовъ: такъ не допускалъ введенія органовъ и иконъ латинскаго письма. Въ этомъ отношеніи онъ былъ рѣзокъ до грубости, и извѣстно, что онъ самъ лично въ Церкви собралъ эти иконы и бросалъ ихъ ударяя объ полъ, приговаривая, у кого та, или другая икона найдена.

Любовь Никона къ отечественной исторіи.

Не желая отставать отъ вѣка въ просвѣщеніи, Никонъ любилъ исторію родной земли и историческую традицію, и памятникомъ этой любви помимо постоянныхъ ссылокъ на завѣты исторіи въ „Раззореніи“ является лѣтопись, внесенная имъ въ сокровищницу Воскресенскаго монастыря 1661 г. До насъ дошли обширные лѣтописные сборники съ собственноручными надписями Никона (Иконниковъ Ів.); между прочимъ на лѣтописи, внесенной имъ въ Воскресенскій монастырь, значилась надпись: „Лѣта 7169 (1660—1661 г.) сію книгу положилъ въ домъ святаго живоноснаго Воскресе-

¹ „Если уже Патріархъ Никонъ хотѣлъ воспользоваться при своей реформѣ въ столь деликатной области, какъ церковное пѣніе, образцами не только Византійскими, но и итальянскими, то иные бояре готовы были въ ѣдѣ, питьѣ, въ жилищѣ и иныхъ житейскихъ проявленіяхъ быта, видѣть въ западной Европѣ школу для себя“.

ня Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, Новаго Іерусалима, смиренный Никонъ Божіей милостью Патріархъ. А кто восхощетъ ю усвоити, якоже Ахаръ, сынъ Харміевъ или утаить яко же Ананія и Сапфира, да отыметъ отъ него Господь Богъ Святую Свою Милость и да затворитъ двери святыхъ щедротъ Своихъ, и да пріидетъ на него не благословеніе, а клятва и казнь Божія душевная и тѣлесная въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ вѣчная мука. А кто сіе писаніе какимъ злымъ умышленіемъ испишетъ отъ книги сея, да испишетъ его имя Господь Богъ отъ книги животныя". Михайловскій говоритъ, что Никонъ могъ начать составленіе лѣтописи еще въ Новгородѣ. Источникомъ для Никоновой лѣтописи могла служить лѣтопись Софійской Новгородской бібліотеки; по дополненіямъ своимъ, языку в внутреннему направленію мыслей она сходна съ „Раззореніемъ" Никона.

Завѣты Патріарха Никона. Его путь культуры.

Не забудемъ, что Никонъ былъ Патріархомъ только 6 лѣтъ, а правителемъ государства только 2 ½ года; онъ не могъ сдѣлать все, что хотѣлъ: но онъ указалъ на историческія задачи Россіи по присоединенію Малороссіи и Бѣлоруссіи и къ выходу на Балтійское море и къ защитѣ Православія въ Ингріи и Кареліи. Въ церковной же сферѣ онъ вывелъ Московскую Русь изъ изолированности среди Православныхъ Церквей и своей обрядовой реформой приблизилъ ее къ другимъ помѣстнымъ Православнымъ Церквамъ, напомнилъ объ единствѣ Церкви при помѣстномъ раздѣленіи, подготовилъ каноническое объединеніе Великоруссіи съ Малороссіей, оживилъ жизнь Церкви, сдѣлавъ доступнымъ народу творенія ея отцевъ и, объяснивъ ея чины, работалъ надъ измѣненіемъ нравовъ духовенства, старался преобразить государственную жизнь, одухотворяя ее высшими цѣлями оцерковленія, дѣлалъ то, чтобы симфонія государства и Церкви была бы предметомъ осуществленія въ жизни, а не только теоретическимъ принципомъ, чтобы Русь была святою въ смыслѣ вѣчнаго стремленія къ идеалу недостижимому, самое стремленіе къ которому однако пріобщаетъ человѣчество къ высшимъ цѣнностямъ міра и ставитъ передъ человѣчествомъ идеаль истины, добра и красоты, какъ вѣчную путеводную звѣзду. Никону не суждено было сдѣлать все, что онъ хотѣлъ въ многотрудныхъ условіяхъ русскаго государственнаго быта. Но самыя его несчастья и незаслуженныя страданія въ ссылкѣ напоминаютъ, что онъ жертвовалъ собой ради вѣчныхъ идеаловъ. Его путь культуры былъ не тотъ, которымъ пошла

послѣ него Россія, отбросившая въ лицѣ Петра I высшіе идеалы и понизившая ихъ до уровня утилитаризма во всѣхъ сферахъ жизни, утилитаризма и языческаго патріотизма, забывшаго тотъ идеаль свято-сти и красоты, который потенціально живетъ въ народѣ, какъ нѣкій неистребимый идеаль, осуществляемый въ отдѣльныхъ личностяхъ, но уже не составлявшій со временъ Петра души государственнаго строительства. Выражаясь на государственномъ языкѣ на смѣну теоріи симфоніи пришла теорія просвѣщеннаго абсолютизма съ его культомъ государства ради государства.

Прообразъ судьбы Никона и его дѣла въ исторіи съ соловьемъ.

Такой быстрый расцвѣтъ въ лицѣ Никона идеи строительства жизни въ духѣ теоріи симфоніи властей и быстрое его искусственное прекращеніе посредствомъ насильственнаго устраненія Никона во имя боярскаго самолюбія и властолюбія, при внутреннемъ ничтожествѣ его враговъ, имѣетъ свой символическій прообразъ въ жизни Никона.

Мы воспользуемся этимъ прообразомъ, ибо онъ иллюстрируетъ нашу мысль о судьбѣ Никоновскаго идеала съ одной стороны, а съ другой стороны показываетъ, что исторія эта взволновала самага Никона, и онъ самъ увидѣлъ въ ней прообразъ своей личной судьбы. Мы же хотимъ въ немъ отмѣтить не только судьбу его личную, но и его дѣла на землѣ. Это — извѣстная исторія съ соловьемъ, влетѣвшимъ въ храмъ Иверскаго монастыря, сѣвшимъ на патріаршее мѣсто и пропѣвшимъ чудную пѣснь. Соловей однако былъ схваченъ грубыми руками и оказался мертвъ. Это было 20 мая 1666 г. Когда Никонъ узналъ объ этомъ, онъ сильно обезпокоился и потребовалъ отъ архимандрита Иверскаго монастыря подробнаго объясненія о томъ, какъ все случилось. Въ актахъ Иверскаго монастыря осталась переписка между Никономъ и архимандритомъ Филофеемъ, которая и объясняетъ подробности, которыя могутъ быть аллегорическимъ изображеніемъ судьбы Никона. А послѣ мы укажемъ на крушеніе остальныхъ Никоновскихъ идей въ царствованіе Петра, и это будетъ иллюстраціей дѣйствительной судьбы его дѣла. Одновременно мы увидимъ на этомъ краткомъ обзорѣ идей, какъ бы противопоставленныхъ Никону, какъ онъ своими идеалами предотвращалъ то идейное крушеніе, въ результатъ котораго изъ государственнаго строительства Россіи въ нѣкоторомъ смыслѣ выбыла одна изъ самыхъ мощныхъ

силъ народа — Русская Православная Церковь. Вотъ эти грамоты, которыми обмѣнялись Никонъ и архимандритъ.

Соловей въ Иверскомъ монастырѣ.

**Грамота Патріарха Никона архимандриту Филофею
съ требованіемъ увѣдомленія о соловѣѣ,
залетѣвшемъ въ монастырскую соборную церковь.**

Случилось происшествіе 20 мая 1666 г.

„Никонъ, Божіею милостію Патріархъ нашего строенія Пречистыя Богородицы Иверскаго монастыря архимандриту Филофею, намѣстнику іеромонаху Паисію, строителю Евфимію съ братіей. Вѣдомо намъ, великому господину, учинилось: въ нынѣшнемъ де во 174 году, мая въ 20 день, въ нашемъ строеніи въ Иверскомъ монастырѣ въ Соборную и Апостольскую Церковь влетѣлъ де соловей, и сѣлъ на нашемъ, великаго господина мѣстѣ и пѣлъ дивно, и то де многая братья слышала и тебѣ, архимандриту и намѣстнику о такомъ дѣлѣ извѣстили, и какъ де онъ пѣлъ, и то де слышали ты архимандритъ и намѣстникъ и братья многая, и того де соловья, взявъ съ нашего мѣста пономарь и отдалъ тебѣ архимандриту, и тотъ де соловей у тебя архимандрита умеръ въ рукахъ. И вы то дѣло поставили себѣ въ оплошку и къ намъ великому господину о такомъ дѣлѣ не писали; да и объ всякихъ дѣлахъ ничего николи не пишете. И какъ къ вамъ сія наша, великаго господина, грамота придетъ, и вамъ бы о томъ дѣлѣ къ намъ, великому господину, отписать, не замолчавъ ни часу обо всемъ подробно: какъ той соловей появился въ церкви, и въ какое время и въ коемъ часу, и какъ было и на нашемъ, великаго господина, мѣстѣ тотъ соловей пѣлъ, и сидѣлъ на коемъ мѣстѣ, и кто прежь его осмотрѣлъ и кто его прежь отдалъ тебѣ архимандриту, и какъ ты его принялъ и долго ли у тебя онъ былъ въ рукахъ и пѣлъ на какой переводъ? Приказный Евстафій Глумиловъ.

Писано въ нашемъ строеніи Новаго Іерусалима Воскресенскаго монастыря, 174 г. іюня въ 7 день”.

Отписка Архимандрита Филофея Патріарху Никону на вышеприведенную грамоту.

„Великому Господину, Святѣйшему Никону Патріарху. Твоего великаго господина строенія Пречистыя Богородицы твои архиманд-

рить Филофей, намѣстникъ іеромонахъ Паисій, строитель Евфимій съ братьей у тебя, милостиваго отца, благословенія просимъ, Бога молимъ и челомъ бьемъ. Въ нынѣшнемъ 174 году іюня въ 23 день въ твоей, великаго господина грамотѣ писалъ къ намъ, богомольцамъ твоимъ, вѣдомо тебѣ, великому господину учинилось: въ нынѣшнемъ де во 174 году, мая въ 20 день, въ твоёмъ, великаго господина, строеніи въ Иверскомъ монастырѣ въ Соборную и Апостольскую Церковь влетѣлъ де соловей, и сѣлъ на твоёмъ, великаго господина, мѣстѣ, и пѣлъ дивно, и то де многая братья и мы богомольцы слышали, и того де соловья взявъ съ твоего святительскаго мѣста пономарь и отдалъ мнѣ, архимандриту, и тотъ де соловей у меня, архимандрита умеръ въ рукахъ, и намъ бы о томъ къ тебѣ, великому господину, отписать, не замолчавъ, обо всемъ подробну. — И мая въ 20 число, въ шестую недѣлю по Пасцѣ въ соборной церкви на утрени, на второмъ чтеніи, пошелъ изъ церкви въ притворъ сѣверными дверьми дьяконъ Варсонофій, и въ сѣверныхъ де дверяхъ летитъ ему встрѣчу птица, и тотъ дьяконъ чаялъ, что нетопырь летитъ и учалъ на нее махать и въ церковь не пускать, и та де птица мимо его пролетѣла и черезъ братью, которые сидѣли подлѣ дверей полетѣла вверхъ черезъ деисусы въ алтарь. И какъ начали пѣть степенную пѣснь, первый антифонъ, и въ олтари на горнемъ мѣстѣ на окнѣ сѣдя прежь почалъ посвистывать по обычаю, и защокоталъ, и запѣлъ, и пропѣлъ трижды, и то пѣніе мы, богомольцы твои архимандритъ и намѣстникъ и строитель и братія слышали. И пришедъ пономарь возвѣстилъ мнѣ архимандриту, и намѣстнику, что поетъ во олтари, и мы пошли въ алтарь его смотрѣть, и тотъ соловей учалъ въ окнѣ летать и биться вонъ. И приставя лѣстницу послали малаго и велѣли его бережно поимать, и клѣтку приготовили во что посадить, и той малый учалъ его хватать и поималъ руками живого, и посадилъ въ шапку и, сошедъ съ лѣстницы принесъ ко мнѣ архимандриту, и я его изъ шапки вынялъ мертваго. А естли бы живъ былъ и мы хотѣли послать его къ тебѣ, великому господину, простой своей и не писали, что онъ умеръ, и послать некого. И о семъ у тебя, милостиваго отца, прощенія просимъ, что о томъ соловѣ простотой своей къ тебѣ, милостивому отцу не писали".

Патріархъ взглянулъ на это происшествіе, какъ на предвѣстіе ожидавшей его судьбы, и церковныя событія конца того же 1666 г. не замедлили оправдать его предчувствія во всей силѣ: спустя шесть мѣсяцевъ послѣ происшествія, Патріархъ Никонъ, подобно Иверско-

му соловью, пропѣвъ на Соборѣ 1666 г. трикраты свою лебединую пѣснь, впалъ въ руки враговъ своихъ, былъ сосланъ ими въ заточенье, долго томился въ немъ и напоследокъ, хотя и достался въ дружелюбныя руки своего царственного крестника, но прибылъ къ нему уже „мертвымъ" и возвеличенъ подобающей честью лишь въ погребеніи и поминовеніи.

Акты эти найдены въ архивѣ Иверскаго монастыря и напечатаны въ V т. Исторической Библіотеки (Изд.: Археограф. Ком. 1878 года).

Глава V. Церковныя реформы Петра I.

Оцѣнка Никоновскихъ идей въ свѣтъ Петровскаго разрушенія церковнаго строя. — Уничтоженіе церковныхъ обычаевъ Петромъ и государственнаго положенія іерархіи черезъ удаленіе ея изъ высшихъ государственныхъ учреждений. — Прекращеніе права печалованія Патріарха. — Вмѣшательство Петра въ церковныя дѣла при Патріархѣ Адріанѣ. — Дискредитированіе Петромъ сана Патріарха въ бытовомъ отношеніи. — Измѣненіе идеологіи царской власти при Петрѣ. — Дискредитированіе патріаршества въ теоретическомъ отношеніи. Теофанъ Прокоповичъ возрождаетъ въ „Розыскѣ" идею Царя-понтифекса максимуса. — Теофанъ стремится дискредитировать патріаршество и въ политическомъ отношеніи, намѣренно смѣшивая его съ папствомъ. — Переводы сочиненій Пуффендорфа. — Основная идея Теофана — дать основу теоретическую для уничтоженія патріаршества. — Теофанъ о прекращеніи возношенія имени Восточныхъ патріарховъ. — Лютеранское направленіе реформы (въ общественномъ смыслѣ). — Отзывы современныхъ Петру нѣмцевъ о церковной реформѣ Петра. — Въ чемъ проявился лютеранскій характеръ церковной реформы Петра? — Сочиненія Теофана для образованія народа, по порученію Царя написанныя. — Книга Теофана, написанная противъ аскетическаго идеала. — Отношеніе Теофана Прокоповича къ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. — Мѣры Петра противъ Церкви, предшествующія формальной замѣнѣ Патріарха коллегіей. — Отношеніе Петра къ Церкви. — Теофанъ Яворскій о направленіи Петровской церковной реформы. — Отмѣна патріаршества. — Вліяніе философіи естественнаго права. — Принципіальное покушеніе на церковную собственность со стороны государства. — Значеніе отстаиванія Никономъ управленія Церковью своей собственностью и вообще ея неприкосновенности. — Отсутствіе юридическихъ основаній для отнятія у Церкви собственности. — Монастырскій Приказъ при Петрѣ 1701-1720 — орудіе государства для подчиненія всѣхъ чисто церковныхъ дѣлъ государству. — Монастырскій Приказъ вмѣшивается въ регулированіе внутренней жизни монастырей. — Строй церковный у Петра I входитъ въ компетенцію государственной власти. — Петрѣ не только восхищается на себя церковную власть, но и осуществляетъ ее не въ церковномъ направленіи. — Проведеніе государственнаго утилитарнаго принципа въ церковную сферу. — Борьба съ древнерусскимъ аскетическимъ идеаломъ. — Вліяніе протестантизма на взгляды Петра на монашество. — Государство навязываетъ Церкви свое воззрѣніе на монашескій чинъ. — Проникновеніе утилитарныхъ стремленій Петра въ регламентацію имъ монастырской жизни. — Церковь перестаетъ при Петрѣ быть опредѣляющей стихіей для государственнаго строительства. — Сочиненіе раскольника о Петрѣ съ протестомъ противъ превращенія православнаго Царя въ главу Церкви. — Протестъ народнаго чувства противъ поправа аскетическаго идеала. — Значеніе уничтоженія патріаршества съ канонической точки зрѣнія. — Значеніе уничтоженія патріаршества съ культурной точки зрѣнія. — Отличіе положенія Церкви въ послѣ Петровскій періодъ отъ періода до-Петровскаго. — Мысли о возстановленіи патріаршества послѣ смерти Петра и преслѣдованіе за нихъ. — Литературная борьба за возстановленіе патріаршества и аскетическаго уклада жизни. Маркелль Родышевскій. — Сочиненіе Маркелла напоминаетъ намъ образъ Никона. — Цѣлесообразность Никоновскихъ идей въ свѣтъ Петровскаго разрушенія Церкви. — Взгляды на реформу Петра съ точки зрѣнія Никоновскихъ идей. — Пальмеръ о Петрѣ, какъ исполненіи Никоновскихъ проклятій. — Пальмеръ объ основномъ пороцѣ русскаго государственнаго строя. Проникновеніе государственной идеи нѣмецкимъ духомъ и оторванность ея отъ идеи народной. Предсказаніе о гибели русской государственности. — Пальмеръ о значеніи паденія Никона для русской исторіи. — Обязанность Россіи въ отношеніи къ Никону. — Необходимость уничтоженія грѣха, совершеннаго по отношенію къ Никону. — О возстановленіи православнаго царства. Отправной пунктъ для построенія церковно-государственнаго отношенія. Постановленіе Собора 1667 г. о власти Царя и Патріарха. — Сопоставленіе 2-ой главы патріаршихъ свитковъ съ объяснительной запиской Патріарховъ объ этой главѣ. — Постановленіе Собора 1667 г. о власти царской и патріаршей есть официальное ученіе Русской Церкви и выраженіе народнои мысли о православномъ Царѣ. — Въ дѣйствительности Петрѣ I боролся въ Россіи не съ папскимъ теократизмомъ, а съ теоріей симфоніи властей. Петровская система территориализма. — Петровская система территориализма или Іозефинизма. Мартенсъ фонъ-Тиллингъ. — Государственное еретичество Петра I. О церковной власти Императора по основнымъ законамъ. — Объ идеалѣ утилитаризма. — Соотношеніе между ученіемъ Никона о православномъ Царѣ и понятіемъ русскаго самодержавія въ русскомъ сознаніи XX вѣка; протестъ его противъ абсолютизаціи власти Царя.

Оцѣнка Никоновскихъ идей въ свѣтъ Петровскаго разрушенія церковнаго строя жизни.

Чтобы оцѣнить значеніе Никоновскихъ идей о власти царской, патріаршей, о церковной собственности и судѣ надо сопоставить съ никоновскими *desiderata* то, что сдѣлалось съ этими учрежденіями послѣ, при Петрѣ; одновременно съ этимъ надо разсмотрѣть и судьбу

тѣхъ обычаевъ, которые выявляли собой наглядно идею воцерковленія жизни государственной и общественной: отмѣна ихъ послѣдовала едва ли не ранѣе общихъ церковныхъ реформъ Петра, и мы ихъ рассмотримъ прежде, ибо это была первая угроза старому строю жизни, выдвигавшему на первое мѣсто значеніе Церкви. Пока жива была царица Наталія до 1694 г. Петръ еще не касался обычаевъ старины, хотя самъ ихъ не соблюдалъ, однако его общее направленіе проскальзывалось въ отдѣльныхъ случаяхъ. Такъ въ присутствіи Царицы Наталіи въ отвѣтъ на упрекъ Патріарха, что „Петръ русскій Царь, а у себя дома въ иноземной одеждѣ“, сказалъ Патріарху: „Вмѣсто того, чтобы заботиться о портныхъ, пещись о дѣлахъ Церкви“.

Уничтоженіе церковныхъ обычаевъ Петромъ и государственнаго положенія іерархіи черезъ удаленіе ея изъ высшихъ государственныхъ учреждений.

Когда умерла царица Наталія, поддерживавшая Патріарха Адріана, сторонника древнихъ устоевъ жизни, началась реформа обычаевъ, уже по наружному облику Царя показывавшая ея направленіе. Царь не велъ образа жизни въ соотвѣтствіи съ священнымъ достоинствомъ Царя и съ этой высоты спустился до попойки въ нѣмецкой слободѣ и жизни простого мастерового. Церковь съ ея стремленіями спасенія и съ ея неизбѣжнымъ при ея почитаніи вліяніемъ на гражданскую жизнь, отходитъ на второй планъ, и, какъ слѣдствіе этого, является цѣлый рядъ измѣненій въ обычаяхъ. Раньше Первосвятители и другіе іерархи привлекались въ совѣтъ Царя и по гражданскимъ дѣламъ; они привлекались къ участию въ земскихъ соборахъ и Боярской Думѣ; теперь Петръ удаляетъ Церковныхъ представителей отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ; онъ еще при матери сказалъ объ этомъ Патріарху и не призываетъ его къ совѣту. Уничтожается церемонія въ Недѣлю Ваій, въ которой Царь раньше участвовалъ лишь какъ первый сынъ Церкви, а не какъ главный ея распорядитель. Церемонія эта съ одной стороны возвышала передъ народомъ санъ Патріарха, а съ другой стороны имѣла въ виду упрочить и авторитетъ государственной власти Государя черезъ участіе его передъ лицомъ всего народа въ религіозной церемоніи въ качествѣ перваго сына Церкви. До смерти матери и Петръ участвовалъ въ этой церемоніи, держа за поводъ осла, на которомъ сидѣлъ Патріархъ Адріанъ, но между 1694 и 1696 г. этотъ обрядъ былъ отмѣненъ, какъ якобы унижительный для царской власти. Народъ не оказался безучастнымъ къ этому и въ лицѣ стрѣльцовъ, взбунтовав-

шихся въ 1698 г., высказаль свой протестъ. Вѣдь, мотивомъ бунта выставлялась отмѣна шествія въ Недѣлю Ваій, а также и то, что прекратились крестные ходы на Богоявленіе и Цвѣтную Недѣлю, и бунтовщики хотѣли нѣмецкую слободу разорить и нѣмцевъ побить за то, что „въ нихъ благочестіе закоснѣло“. Въ сущности этотъ протестъ былъ протестомъ противъ провозглашенія примата за государствомъ и земной культурой, приходившаго на смѣну примата Церкви и религіи. Чтобы провести этотъ взглядъ въ толщу народную, надо было принизить значеніе Первосвятителя Церкви — Патріарха. Вѣдь, онъ воплощаль въ своемъ лицѣ земной образъ Христа, и въ его положеніи въ государствѣ наглядно выражалась идея оцерковленія государства, лежащая въ основѣ симфоніи властей. Конечно Петру нужно было отмѣнить всѣ права Патріарха, которыя ее выражали.

Прекращеніе права печалованія Патріарха.

Мы видѣли, что Патріархъ пересталь быть официальнымъ совѣтникомъ Царя и исключень изъ Царской Думы; но этого мало: было еще одно право Патріарха, которое служило проводникомъ идеи правды въ государственное строительство. Это — право печалованія передъ Царемъ за опальныхъ и обиженныхъ, которое было публично посрамлено Царемъ и въ своемъ паденіи символизировало паденіе авторитета Патріарха. У Соловьева описана эта сцена послѣдняго печалованія въ связи съ стрѣлецкимъ бунтомъ. „Дѣлались страшныя приготовленія къ казнямъ, ставились висѣлицы по Бѣлому и Землянмъ городамъ, у воротъ подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ и у 4-хъ сѣзжихъ избъ возмущившихся полковъ. Патріархъ вспомнилъ, что его предшественники становились между Царемъ и жертвами его гнѣва, печаловались за опальныхъ, умаляли кровь. Адріанъ поднялъ икону Богородицы, отправился къ Петру въ Преображенское. Но Царь, завидѣвъ Патріарха, закричаль ему: „Къ чему эта икона? развѣ твое дѣло приходитъ сюда? Убирайся скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казнь злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ“. Патріарха Адріана историки упрекають въ томъ, что онъ не сказалъ того, что долженъ былъ сказать Первосвященникъ, а смиренно уступивъ Царю, отошелъ со стыдомъ съ мѣста казни, не пошелъ на геройское самопожертвованіе. Физической силѣ онъ не противопоставилъ силу нравственную и не отстоялъ

право Церкви быть блюстителем высшей правды. Самое печалование оказалось не геройством Патриарха, идущаго на мученичество, а пустым обрядомъ. Униженіе Патриарха оттънялось Петромъ тѣмъ, что онъ внялъ заступничеству иноземца, искателя приключеній Лефорта. „Лефортъ, сообщаетъ Голиковъ, съ твердостью представилъ Петру, что Государь долженъ наказывать за злодѣянія, но не приводитъ въ отчаяніе злодѣевъ: первое есть слѣдствіе правосудія, а послѣднее есть дѣйствіе жестокости". Государь въ тотъ же самый часъ приказалъ остановить казнь, назначая ссылку или службу въ разные города или повѣрку въ новые полки.

Вмѣшательство Петра въ церковныя дѣла при Патриархѣ Адріанѣ.

Не только Петръ устранилъ участіе Патриарха отъ вмѣшательства въ государственныя дѣла по его праву совѣтника и по праву печаловника, но и самъ вмѣшался въ дѣла церковныя еще при Патриархѣ Адріанѣ. Въ 1698 г. онъ критикуетъ церковное управленіе Патриарха, говоритъ ему о необразованности священниковъ, что никто не смотритъ за школами, а въ 1699-1700 г. уже всѣ церковныя назначенія дѣлаются Патриархомъ по указанію Царя. Патриархъ въ своихъ чисто церковныхъ просьбахъ принужденъ искать опоры въ Царѣ, а черезъ то и въ царскихъ приближенныхъ. Патриархъ пишетъ временщикамъ (Стрешневу, Меньшикову) просьбы замолвить о назначеніи такого-то и такого-то іерарха на каѳедру словечко передъ Царемъ. Авторитетъ Патриарха исчезаетъ, не только въ государственныхъ, но и церковныхъ дѣлахъ. За вторую половину патриаршества Адріана (1695-1700) уже прекратились его обращенія, посланія, окружныя грамоты къ народу, да и не бесполезно-ли было это дѣлать, когда властною рукою Царя вводилось то, съ чѣмъ боролся Патриархъ: иноземные обычаи, поруганіе русскаго платья и русскаго ношенія бороды, насмѣшка надъ церковнымъ укладомъ жизни. **Патриархъ долженъ былъ молчать и стать орудіемъ Царя въ церковномъ управленіи.** Такъ представитель независимой по своему источнику и особымъ дарамъ благодати власти церковной, въ лицѣ своего послѣдняго на Руси ея носителя, фактически пересталъ являть собой таковую и подчинился носителю власти свѣтской, снявшему фактически и съ своей собственной власти ореолъ священный, ореолъ церковнаго чина, и подчинившему свой санъ, какъ мы видимъ, идеямъ современнаго философскаго утилитаризма. Случилось то, о чемъ предупреждали Митрополитъ Павель и Митрополитъ

Илларіонъ, въ январѣ 1667 г. во время преній на Соборѣ о власти царской и патріаршей. Они боялись, что, принимая то толкованіе объема власти царской и патріаршей, которое дано въ патріаршихъ свиткахъ, они слишкомъ недостаточно огораживаютъ власть церковную, и потому, если нельзя де ждать захвата со стороны благочестиваго Царя Алексѣя, то можно дожидаться этого со стороны его сына который окажется не столь благочестивъ. Дѣйствительно, если царской власти не были поставлены опредѣленные преграды, или поставлены слишкомъ глухо, простымъ указаніемъ II главы на то, что Царь глава во всѣхъ политическихъ дѣлахъ безъ какихъ-либо конкретныхъ выводовъ въ этомъ смыслѣ, при наличіи чрезвычайной щепетильности свитковъ въ защитѣ царской власти, то дѣло могло вернуться къ полному цезарепапизму, который не заставилъ долго ждать и нашелъ теоретическаго защитника въ лицѣ Теофана Прокоповича.

Дискредитированіе Петромъ сана Патріарха въ бытовомъ отношеніи.

Борясь съ патріаршествомъ, которое по своему государственному положенію было олицетвореніемъ тѣхъ церковныхъ идеаловъ, которые призвано было имѣть и само государство по теоріи симфоніи, Петръ принужденъ былъ озаботиться въ этой борьбѣ съ церковными идеалами жизни житейскимъ и теоретическимъ дискредитированіемъ того, кто своимъ саномъ и положеніемъ въ государствѣ былъ носителемъ ихъ для членовъ Церкви и для членовъ государства, то-есть съ Патріархомъ. Житейскимъ дискредитированіемъ сана было учрежденіе вакханальнаго „всешутѣйшаго, сумасброднѣйшаго и всепьянѣйшаго собора князя Іоаникиты, Патріарха Пресбургскаго, Яузскаго и всего Кукуя". При немъ былъ, рассказываетъ Скворцовъ („Патріархъ Адріанъ" Прав. Соб. 1912 г.), конклавъ изъ 12 кардиналовъ, отъявленныхъ пьяницъ и обжоръ со штатомъ Епископовъ и архимандритовъ и т. д., носившихъ прозвища, которыя, по замѣчанію Ключевскаго, никогда не появятся въ печати ни при какомъ цензурномъ уставѣ. Петръ былъ здѣсь протодьякономъ. Неизвѣстно когда была учреждена эта пародія на Папу и Патріарха, но только, что она была уже въ 1695 году, ибо въ это время на пирахъ главою компаніи былъ Всешутѣйшій отецъ Іоаникита (Зотовъ Никита) Пресбургскій, Кукуйскій и Всеяюзскій Патріархъ. А на рождествѣ въ 1694 г. вся компанія ѣздила съ Царемъ Христа славить по боярамъ и палатнымъ людямъ. Корбъ, секретарь Австрійскаго посольства,

описує, що театральний патріархъ въ сопровожденіи многихъ своихъ митрополитовъ и прочихъ лицъ, числомъ всего 200 человекъ (въ 1699 г.) прокатился въ 80 саняхъ черезъ весь городъ въ нѣмецкую слободу съ посохомъ, въ митрѣ и съ другими знаками присвоеннаго ему достоинства". Патріарху пришлось, по слабости его характера молчать и тогда, когда Царь отмѣнилъ обычай въ Недѣлю Ваіи, и тогда, когда онъ сталъ высмѣивать и самый его санъ. Патріархъ оставался молчаливымъ зрителемъ и надвигавшагося вторженія иноземныхъ обычаевъ, съ которыми онъ боролся сначала (брадобритіе, нѣмецкія одежды, куреніе табаку, легкое отношеніе къ постамъ и преданіямъ старины). Однако Петръ не дѣлалъ изъ самага Патріарха видъ жертвы, несправедливо притѣсняемой, которая могла бы объединить всѣхъ ему сочувствующихъ вокругъ Патріарха, и оказывалъ ему внѣшніе знаки почета: передъ отправкой въ походъ въ 1695 г., по возвращеніи изъ похода въ 1697 г., передъ поѣздкой за границу въ 1698 г., онъ дѣлалъ Патріарху визиты и по нѣскольکو часовъ и принималъ отъ него благословеніе образомъ. Онъ не рѣшился даже затронуть Патріарха въ дѣлѣ отказа его постричь неканонически его супругу Евдокію въ его отсутствіе въ заграничной поѣздкѣ и обрушилъ весь свой гнѣвъ на архимандрита и 4 поповъ, о которыхъ Патріархъ сказалъ, что они нашли этотъ постригъ несправедливымъ. Патріархъ могъ дѣйствительно указывать, что и другія духовныя лица, считая такой постригъ неканоническимъ, не соглашались въ немъ участвовать. Но фактъ остается, что Патріархъ не былъ затронутъ Царемъ, пострадали другіе, но авторитетъ слабовольнаго Патріарха, не дѣйствовавшего открыто и смѣло, сильно палъ. Такъ постепенно Петръ велъ къ дискредитированію патріаршаго сана въ глазахъ всего общества.

До поры до времени Петръ выставлялъ себя продолжателемъ старорусскихъ традицій, направлявшихъ внѣшнюю политику на югъ, и въ этомъ отношеніи имѣлъ общія точки соприкосновенія съ Патріархомъ, увѣрялъ даже его письмами изъ Голландіи, что онъ работаетъ для освобожденія восточныхъ христіанъ — идея, которую поддерживали и наши, и восточные Патріархи со времени пріѣзда Патріарха Іереміи въ концѣ XVI вѣка. Лишь послѣ возвращенія Петра въ 1699 г. изъ-за границы, когда онъ вошелъ въ коалицію противъ Швеціи, ясно стало, что онъ повертываетъ внѣшнюю политику съ юга на западъ, а внутренне подчиняетъ Русь нѣмецкому культурному вліянію вмѣсто собственныхъ православныхъ началъ.

Измѣненіе идеологіи царской власти при Петрѣ.

Это вліяніе сказалося и въ пониманіи царской власти. Царь снимаетъ съ себя тяжелыя парчевыя одѣянія, роднящія его и по внѣшности съ другими церковными іерархическими чинами, и является всегда въ военномъ мундирѣ. Самъ костюмъ Царя отражаетъ измѣнившуюся идеологію. Сначала, когда надо было доказать безграничность царской власти и то положеніе, что права церковнаго управленія по существу своему принадлежатъ царской власти, Ѳеофанъ Прокоповичъ использовалъ Византійскіе источники съ ссылками на Вальсамона и доказывалъ, что будто Царь можетъ дѣлать все архіерейское кромѣ богослуженія, и самъ есть высшій Архіерей, а послѣ, въ „Правдѣ Воли монаршей" подводилъ подъ царскую власть въ стилѣ англійскаго философа Гоббса совершенно иное основаніе — передачу всей власти народомъ, а идея Царя — священнаго чина совершенно стусhevывалась, хотя и оставалась въ обрядахъ при коронованіи; Царь не связанъ уже обязательными идеалами Церкви, какъ то было въ теоріи симфоніи, а самъ ихъ даетъ; сегодня одинъ Царь можетъ руководствоваться идеями утилитарной философіи, завтра — другой идеями вольтеріанства, потомъ третій идеями мистическаго общехристіанства въ стилѣ начала XIX вѣка, и можетъ въ зависимости отъ духа времени и моды опредѣлять и свое отношеніе къ Церкви. Всему этому произволу противостоитъ та идея православнаго Царя, связаннаго и въ личной и въ общественной жизни, которую высказывалъ и защищалъ цѣной своей жизни Никонъ.

Внѣшняя политика, направленная на югъ, симпатіи къ востоку, внутренній укладъ церковно-гражданской жизни по Византійскому церковному образцу были звеньями одной цѣпи. Никонъ возвышалъ и расширялъ эти стремленія подъ общимъ знаменемъ Православія. Ради защиты Православія онъ, какъ совѣтникъ Государя, высказывается за войну съ Польшей; онъ на востокѣ ищетъ путей возвышенія самаго русскаго Православія и оставляетъ свою прежнюю точку зрѣнія національнаго самомнѣнія въ этомъ вопросѣ, видѣвшую въ русскихъ проявленіяхъ Православія высшее достиженіе; ради Православія онъ рисуетъ идею православнаго Царя, связаннаго на дѣлѣ своимъ вѣроисповѣданіемъ. Православіе, какъ ученіе и жизненный путь — всегда его руководящій мотивъ. Когда Петръ отдалъ примать идеѣ государства, онъ оторвалъ отъ государства доселѣ освящавшій его принципъ и, паганизируя государство, уводилъ его

на путь культуры матеріалистической и воскрешалъ въ жизни идею понтифекса максимуса.

Дискредитированіе патріаршества въ теоретическомъ отношеніи. Оеофанъ Прокоповичъ возражаетъ въ „Розыскъ“ идею Царя понтифекса максимуса.

Глашатай его идей Оеофанъ Прокоповичъ сказалъ это ясно. Вмѣсто того, чтобы опредѣлять права государя изъ природы власти государственной и права Первосвятителей изъ природы власти церковной, какъ то дѣлалъ Никонъ, Оеофанъ подобно Лигариду, идетъ путемъ историческимъ и исходитъ въ своемъ „Розыскѣ“ изъ того, что Римскій императоръ носилъ имя Понтифексъ максимусъ; „было это ради четырехъ причинъ: 1) что ни отъ кого не былъ судимъ въ дѣлахъ управленія своего, 2) что понтифексъ великій единъ только былъ, не имѣлъ другого себѣ равнаго, 3) что онъ долженъ былъ наблюдать начинанія какъ сенатскія, такъ и всенародныя, не суть-ли противны благочестію, 4) что онъ былъ въ томъ чину непремѣнно до кончины живота своего. Эти прерогативы были нужны для самовластительства императорскаго. Въ началѣ самодержавства Римскихъ императоровъ могли бы начинанія ихъ быти отъ Сената и отъ народа, но великій понтифексъ могъ бы нетрудно пріискать будто благословскую вину, намѣренію императорскому противную, и дѣлу, отъ Императора намѣченному, пресѣченіе положить. И такъ власть императорская была-бы аки связана. Того ради первіи Римскіи Кесари, желая весьма свободную монархію возымѣть, съ насиліемъ получить того не дерзая, изряднымъ умысломъ присовокупили къ себѣ санъ понтифекса великаго“. Намекъ на отношеніе Царя къ Патріарху ясенъ. Оеофанъ старается доказать, что императоры Римскіе, и вслѣдъ за ними Византійскіе имѣли въ своихъ рукахъ и свѣтскую и духовную власть, ссылаясь подобно Лигариду, на языческихъ писателей — Овидія, Цицерона, Тацита, Плинія, Тита Ливія и Плутарха. Затѣмъ Оеофанъ указываетъ, что и христіанскіе императоры продолжали называться понтифексами для упроченія своей власти. Императоры теперь могутъ называться не только епископами, но и епископами епископовъ, ибо Царь, какъ онъ доказывалъ въ „Словѣ о власти и чести царской“, есть власть высочайшая, „надсмотритель совершенный, крайній верховный и вседѣйствительный т. е. имѣющій силу и повелѣніе и крайняго суда и наказаній надъ всѣми подданными чинами и властями, какъ мірскими, такъ и духовными“. „Государи могутъ называться и Архіереями, но только въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ Св. Писаніе называетъ великаго христіанина іереемъ. Но

конечно ихъ нельзя называть Архіереями въ специально церковномъ смыслѣ, потому что имъ не подобаетъ отправлять самимъ церковную службу". Всѣ эти разъясненія Теофанъ приводитъ для того, чтобы показать, что Царь все можетъ и въ церковныхъ дѣлахъ кромѣ совершенія богослуженія, такимъ образомъ заранѣе реформа Петра получаетъ оправданіе, какъ исходящая будто бы отъ власти компетентной.

Теофанъ стремится дискредитировать патріаршество и въ политическомъ отношеніи, намѣренно его смѣшивая съ папствомъ.

Церковь, какъ особый организмъ съ присущей ему властью законодательной, правительственной и судебной, совершенно исчезаетъ въ системѣ Теофана, и вся эта сфера церковной дѣятельности оказывается присущей самому монарху. Для того, чтобы дискредитировать понятіе о Церкви съ ея собственными правами на законодательство, управленіе и судъ, Теофанъ говоритъ о папствѣ, понося его за захватъ власти въ ущербъ власти царской съ одной стороны, а съ другой, смѣшивая умышленно съ папствомъ патріаршество съ цѣлью возбудить къ послѣднему недовѣріе.

Игнорируя всякое различіе по существу между системой папства, которое составляется изъ цѣлаго комплекса идей, чуждыхъ православію, и системой восточнаго соборнаго управленія Церковью, совершенно чуждаго идеѣ захвата свѣтской власти, Теофанъ муссируетъ отношеніе Папъ и Императоровъ, обвиняя первыхъ въ любочестіи и своекорыстіи, а вторыхъ въ слабости и самоуниженіи передъ представителями Церкви, какъ будто дѣло идетъ о Патріархѣ и Царѣ. Теофанъ говоритъ объ обычаяхъ Недѣли Ваій, о подачѣ угощенія Императоромъ Патріарху, какъ о явленіи духа папезскаго. Петръ не любилъ папства по политическимъ причинамъ, Теофанъ по болѣе общимъ соображеніямъ богословскимъ, но въ общей враждѣ къ церковному строю жизни, они намѣренно отождествляли этотъ строй съ папезскимъ духомъ и поощряли всякое нападеніе на него, какъ будто это папство было наличной системой русской дѣйствительности.

Переводы сочиненій Пуффендорфа.

По приказу Царя переводилось сочиненіе Пуффендорфа („Введеніе въ исторію Европейскихъ государствъ") съ рѣзкими нападками на Папъ, на все католическое и даже на иныхъ Отцовъ Церкви. Тамъ возбуждался вопросъ, правильно-ли свѣтское господ-

ство Папы въ своей монархіи, отъ Христа-ли оно, или отъ коварства и хитрости Папъ. Русскому читателю самому предоставлялось дѣлать выводы для русской жизни, причемъ внушалось, что какъ будто нѣчто подобное затѣвается и въ Россіи. Сочиненіе Пуффендорфа предназначено было быть руководствомъ для Царевича Алексѣя.

Основная идея Теофана — дать основу теоретическую для уничтоженія патріаршества.

Подъ видомъ борьбы съ воображаемыми папистскими идеями шла борьба съ церковной культурой прежняго времени, и идея патріаршества была тѣмъ фокусомъ, который служилъ олицетвореніемъ прежняго значенія и положенія Церкви; Теофанъ въ корнѣ намѣревался поразить это учрежденіе, оставляя совершенно въ сторонѣ его самостоятельное церковное происхожденіе и признаніе Вселенскими Соборами, и вводя теоретически все церковное управленіе въ сферу дѣйствія власти царской, онъ давалъ принципиальную возможность Царю уничтожить Патріаршество, устроить церковное управленіе по своему вкусу и растворить его въ управленіи государствомъ.

Теофанъ о прекращеніи возношенія имени Восточныхъ Патріарховъ.

Теофанъ написалъ, кромѣ „Розыска историческаго" въ которомъ онъ изслѣдовалъ вопросъ о наименованіи Императоровъ понтифексами и архіереями, еще „О возношеніи имени патріаршаго (т. е. именъ греческихъ Восточныхъ Патріарховъ) въ церковныхъ молитвахъ, чего ради оное нынѣ въ Церквахъ Россійскихъ оставлено. Теофанъ отстаивалъ необходимость прекращенія возношенія, ибо это показывало-бы „власть возносимаго надъ возносящимъ, Россійская же Церковь отлучена стала отъ власти патріаршей". Противъ этого рѣшенія протестовалъ Стефанъ Яворскій въ сочиненіи „Вопросы—отвѣты о значеніи Патріарховъ". Но Синодъ призналъ протестъ своего президента несправедливымъ и возмутительнымъ, терзающимъ міръ церковный, вреднымъ для государственнаго спокойствія и возбуждающимъ народъ. Этотъ протестъ былъ скрытъ отъ публики, и самому Митрополиту Стефану подъ угрозой запрещалось его кому либо показывать (12. VI 1721 г.). Возраженіе Стефана вмѣнилось ему чуть не въ государственное преступленіе.

Лютеранское направлєніє реформи (въ общественномъ смыслѣ).

Между тѣмъ дѣйствительное отступничество отъ Православія было на сторонѣ Θεοφана, отступничество не въ религіозномъ, а въ общественномъ смыслѣ въ пользу „лютеранства“, какъ писалъ Θεοφилактъ Лопатинскій. Его направлєніє представляло непримиримую противоположность прежнему направлєнію учительнаго сословія, стоявшаго во главѣ умственнаго движенія русскаго общества, противоположность, болѣе рѣзкую, чѣмъ та, которая была въ 17 вѣкѣ между Москвичами и Кієвлянами. Вѣдь, и тѣ и другіе были защитниками духовнаго авторитета; разница была въ томъ, что одни, какъ Кієвляне и Никонъ въ Москвѣ, считали необходимой для поддержки этого авторитета, науку, а другіе отстаивали старинную „простыню“ разума, отрицая науку, какъ дьявольское навожденіе. Новое же „лютеранское“ направлєніє принципиально отвергало вовсе всякій авторитетъ духовенства, какъ учительнаго сословія, отрицало на практикѣ теорію превосходства духовной власти надъ свѣтской, какъ она вытекала изъ теоріи симфоніи, и вообще значеніе духовенства среди другихъ общественныхъ классовъ. Прежнее вліяніе духовенства ассоціировалось для Θεοφана съ католицизмомъ, и потому въ старинѣ онъ видѣлъ лишь папѣжскій духъ, который подлежалъ истребленію, и въ этомъ онъ сталъ надежнымъ совѣтникомъ и помощникомъ Петра. Θεοфанъ доказалъ по своему, что все церковное управленіе принадлежитъ царской власти; для него тотъ переворотъ, который произвело христіанство въ ученіи о границахъ государственной власти, какъ бы не существовалъ; царская власть въ его глазахъ была соединеніемъ и царскаго и первосвятительскаго достоинства, становилась не просто священнымъ чиномъ, а чиномъ равнымъ архіерейскому по благодати управленія. Лютеранство, по принципу отвергающее священство и іерархію, естественно всѣ прежнія права Епископовъ по церковному управленію передавало монарху, и лютеранофильство Θεοφана какъ бы укрѣпляло его воззрѣніе на монарха, какъ на источникъ церковной власти. Θεοфанъ называлъ Германію матерью всѣхъ странъ, и говорилъ протестантскимъ богословамъ: „Если желаете знать обо мнѣ, что я за человѣкъ, знайте, что я всецѣло преданъ всѣмъ любящимъ истину... Такъ и теперь я расположенъ къ вамъ...”

Отзывы современных Петру нѣмцевъ о церковной реформѣ Петра.

Естественны были обвиненія Теофана въ лютеранствѣ, если не въ смыслѣ принятія богословскаго ученія, то въ смыслѣ общаго склада его убѣжденій и направленія его дѣятельности. Его дѣтище, совмѣстно имъ съ Петромъ I порожденное — „Духовный Регламентъ", получило отъ протестантовъ самый лестный отзывъ въ брошюрѣ вышедшей въ Германіи подъ заглавіемъ „Curieuse Nachrichten von der itzigen Religion Ihre Kaiserliche Majestät in Russland Petri Alexievich und seines grossen Reichs dass dasselbe fast nach Evangelisch Lutherischen Grundsätzen eingerichtet sei". Заключеніемъ этой брошюры было заявленіе, что Петръ выводитъ православную Россію на путь Россіи лютеранизирующей, хотя въ ней есть „остатки отъ папства". „Вмѣсто Папы русскіе имѣли своего Патріарха, пишетъ авторъ брошюры, значеніе котораго въ ихъ странѣ также велико, какъ и значеніе Папы въ Италіи и въ Римско-Католической Церкви. Русскіе сохранили почитаніе Святыхъ; Св. Николай считается у нихъ патрономъ страны, и даже по смерти они получаютъ отъ епископа письмо къ этому Святому, въ доказательство, что они умерли въ истинной вѣрѣ и должны быть пропущены на небо. Такова греческая религія. Но въ правленіе Петра эта религія измѣнилась во многомъ, ибо онъ понялъ, что безъ истинной религіи никакія науки не могутъ приносить пользы. Въ Голландіи, Англіи и Германіи онъ узналъ, какая вѣра наилучшая истинная и спасающая, и крѣпко запечатлѣлъ въ своемъ умѣ. Общеніе съ протестантами еще болѣе утвердило его въ этомъ образѣ мыслей; мы не ошибемся, —если скажемъ, что Его Величество представлялъ себѣ истинную религію въ видѣ лютеранской. Ибо, хотя въ Россіи до сихъ поръ еще не все устроено по правиламъ нашей истинной религіи, однако тому уже положено начало, и мы тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться въ счастливомъ успѣхѣ, что мы знаемъ, что только грубые и упорные умы, воспитанные въ своей суевѣрной греческой религіи, не могутъ быть измѣнены сразу и уступаютъ только постепенно; ихъ, какъ дѣтей, слѣдуетъ приводить шагъ за шагомъ къ познанію истины. Церковныя реформы Петра для автора залогъ побѣды протестантизма въ Россіи: „Царь отмѣнилъ патріаршество и по примѣру протестантскихъ князей объявилъ себя самого верховнымъ епископомъ всей страны". Авторъ хвалилъ Петра за то, что, вернувшись изъ-за границы, онъ приступилъ къ реформѣ народнаго быта. „Что касается до призванія святыхъ, то Его Величество ука-

заль, чтобы изображенія Св. Николая нигдѣ не стояли въ комнатахъ, чтобы не было обычая, приходя въ домъ, сначала кланяться иконамъ, а потомъ хозяину... Система обученія въ школахъ, устроенныхъ Царемъ, совершенно лютеранская, и юношество воспитывается въ правилахъ истинной Евангельской религіи. Монастыри значительно ограничены, такъ что не могутъ уже служить, какъ прежде, притонами для множества праздныхъ людей, которые представляютъ для государства тяжелое бремя и могутъ противъ него возмущаться. Теперь всѣ монахи обязаны учиться чему-нибудь хорошему, и все похвально устроено. Чудеса и мощи также уже не пользуются прежнимъ уваженіемъ; въ Россіи, какъ и въ Германіи стали уже вѣрить, что въ этомъ отношеніи много наплутано. Если въ Россіи будетъ отмѣнено призываніе святыхъ, то не будетъ вѣры и въ личную заслугу передъ Богомъ, и въ добрыя дѣла, а равно исчезнетъ и мнѣніе, будто можно получить небесную награду путешествіемъ по святымъ мѣстамъ или щедрыми подаваніями на духовенство и монастыри; такимъ образомъ единственнымъ средствомъ для достиженія вѣчнаго блаженства останется вѣра въ Іисуса Христа, составляющаго основу истинной евангельской религіи". Авторъ надѣется, что при помощи Божіей и при содѣйствіи Царя, все это скоро устроится. Можно было бы думать, что эти протестантскія похвалы Петру были преувеличены, если-бы не дѣйствительность, показывающая совершенно опредѣленно направленіе Петровскихъ реформъ.

Въ чемъ проявился лютеранскій характеръ церковной реформы Петра.

Мы говоримъ уже не о вливаніи въ понятіе царской власти протестантскаго ученія о *jus reformandi*, а о дальнѣйшемъ проникновеніи лютеранскаго ученія, которое такъ сказалось въ отношеніи къ иконамъ, почитанію мощей и, главное, въ мысли о спасеніи вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ, положенной въ основу отношеній къ монашеству во всемъ Петровскомъ законодательствѣ, а также и въ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ. Такъ въ 1721 г. Ѳеофанъ по порученію Царя и отъ имени Синода писалъ о бракахъ съ иновѣрными. Петръ хотѣлъ удержать шведскихъ плѣнныхъ для горнозаводскихъ дѣлъ и приказалъ Синоду издать указъ, разрѣшавшій имъ жениться на русскихъ безъ перемѣны вѣроисповѣданія. А Ѳеофану онъ поручилъ доказать соотвѣтствіе этого указа аргументами изъ Св. Писанія и Св. Отцовъ Церкви. Въ самомъ Духовномъ Регламентѣ сказывается лютеранская мысль объ образованіи на мѣсто Патріарха Коллегіи, какъ съ другой

стороны выявляется и созданный воображеніемъ и боярской клеветой образъ Никона, захватывающаго царскую власть. Въ глазахъ Петра Патріархъ отождествлялся съ Папой въ политическомъ отношеніи, и сторонники независимаго отъ свѣтской власти церковнаго управленія для него были люди папезскаго духа. Въ лютеранствѣ же Церковь была частью государственнаго механизма и управлялась коллегіально. Эта готовая форма церковно-государственныхъ отношеній показала ему образцомъ, ибо онъ отвергалъ авторитетъ Патріарха и не допускалъ хотя и относительной независимости Церкви въ государствѣ. Въ Регламентѣ онъ нападаетъ на защитниковъ старины и стремится доказывать достоинство своихъ преобразованій. Онъ не хочетъ сказать прямо, что онъ борется съ направленіемъ церковнымъ, и прячется за приписываніе высшимъ представителямъ Русской Церкви того, въ чемъ они не были въ дѣйствительности повинны, и дѣлаетъ это не прямо, а косвенными намеками на какіе то „замахи“. Вотъ его разсужденіе по этому вопросу. Сказавъ, что „извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ" и не такъ, какъ единоличный правитель, гнѣва сильныхъ боится, что въ коллегіумѣ и самъ президентъ подлежить суду послѣднихъ", Регламентъ говоритъ, что „Коллегія не есть нѣкая факція, тайнымъ на интересъ свой союзамъ сложившаяся" (каковой кажется Царю старая партія). „Велико и сіе, что отъ соборнаго управленія не опасатися отечеству мятежей и смущеній, яковыя происходятъ отъ единого собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великаго и высочайшаго пастыря честію и славой удивляемый помышляетъ, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. И се самъ собой народъ тако умствовати обыкль, что же егда еще и плевельные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хвратію огонь подложать. Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего яко на верховнаго пастыря въ коемъ либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному чину паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно согласуютъ и за него поборствовать и бунтовати дерзають и льстятъ себя, окаянніи, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ и руки своя не оскверняютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися. Такому-же въ народѣ мнѣнію многіе

вельми рады и простые, но коварные человекѣцѣ; тѣи бо на Государя своего враждующе, егда увидятъ ссору Государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобы своей и подъ видомъ церковной ревности не сумняся подносятъ руки на Христа Господа, и къ такому же беззаконію яко къ дѣлу Божію, подвизаютъ простой народъ, что же когда и самъ пастырь таковымъ о себѣ надмень мнѣніемъ, спать не хочетъ? Изрещи трудно, коликое отсюда бѣдствіе бываетъ. **Да не воспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахы".** Замахы духовенства — любимая тема Теофана и Петра. Намекъ на Никона ясенъ, какъ ясно и то, что взору Петра предносился не дѣйствительный Никонъ, а Никонъ, созданный Лигаридомъ и боярскимъ окруженіемъ Царя Алексія Михайловича. Причиной уничтоженія патріаршества была даже не воображаемая вина Никона, а стремленіе власть православнаго Царя, ограниченнаго церковными правилами, превратить въ абсолютнаго монарха, несдерживаемаго ничѣмъ, и дать своей властью силу тѣмъ устремленіямъ и идеямъ, которыя, не будучи строго православными, никогда не могли-бы быть допущены Первосвятителемъ, отвѣтственнымъ передъ своей Церковью. Духъ этихъ реформъ узнается въ сочиненіяхъ Теофана призваннаго ихъ защищать.

Сочиненія Теофана для образованія народа, по порученію Царя написанныя.

Въ 1720 г. Теофанъ написалъ „Первое ученіе отрокамъ". Тамъ Теофанъ развивалъ мысль, что отъ воспитанія зависитъ жизнь человекѣка и цѣлаго народа, а между тѣмъ у насъ все благополучіе полагалось на внѣшнихъ обрядахъ, безъ поясненія основъ благочестія, черезъ что и отроки лишены подобающаго воспитанія. Всѣ прежнія книги, по Теофану, внушали дѣтямъ лишь безусловную покорность авторитетамъ старины, святости преданія, суевѣрную боязнь „мнѣнія" — презрѣніе къ иноземнымъ ересямъ, — все то, противъ чего возставали Петръ и Теофанъ. Теофанъ не столько развивалъ положительное ученіе, сколько критиковалъ недостатки старины, какъ препятствіе для усвоенія новыхъ идей, даже въ руководствахъ для дѣтей. Онъ хотѣлъ перевоспитать народъ. Катихизисъ его предназначался для заучиванія вмѣсто псалмовъ и молитвы, а тамъ Теофанъ вставлялъ насмѣшки надъ древнерусскимъ благочестіемъ, надъ почитаніемъ иконъ, мощей, Святыхъ мѣстъ и тому подобное „Идолослуженіе есть, писалъ онъ, когда кто честь Божію воздастъ образу или подобію какой либо вещи... идоли, т. е. образники; о

христіанскихъ же иконахъ, что разумѣти подобаеъ? Лгутъ на Бога онѣи проклятѣи лестцы, которые иконамъ святымъ или мощамъ и мѣсту нѣкому претворяють чудеса и откровенія. Нерѣдко таковыми явишася прелестницы, которые прибытка ради притворныя за святыхъ мощи принесоша, якоже въ Москвѣ иногда случися, что всѣмъ извѣстно есть.... Теофанъ въ самомъ нежномъ возрастѣ заронялъ сѣмена сомнѣній и критики къ самымъ святымъ вещамъ подѣ видомъ критики злоупотребленій. Дальнѣйшимъ шагомъ было изданіе книги „Христовы о блаженствахъ проповѣди толкованіе“, написанной по спеціальному порученію Петра и напечатанное въ 1722 г. въ 3-хъ изданіяхъ. Въ памятной книжкѣ Петра I написано: „Написать книгу о ханжахъ и изъяснить блаженства (Кротость Давидову и проч.), что не такъ, какъ они думаютъ, и приплестъ къ требнику, а въ предисловіи явить то дѣльцамъ Ростовскаго (т. е. Епископа Димитрія) съ товарищи и также, что не противились мученики въ свѣтскихъ дѣлахъ“. Отвѣтомъ и была книга „О блаженствахъ“, которая была послана ему въ Астрахань и имъ очень одобрена, какъ значится въ его помѣткахъ. Самъ Петръ приписалъ о ханжествѣ и лицемѣріи, въ которыхъ доказывалъ, что въ этихъ порокахъ грѣхъ противъ всѣхъ 10 заповѣдей.

Книга Теофана, написанная противъ аскетическаго идеала.

Въ древне-рускомъ благочестіи усматривалось только суевѣріе и лицемѣрная набожность для цѣлей вовсе нерелигіозныхъ. Теофанъ въ своемъ ученіи объ оправданіи выступилъ противникомъ господствовавшихъ у насъ и въ народѣ, и въ богословіи идей, что вѣчную жизнь можно заслужить только подвигами, что достоинство сихъ подвиговъ измѣряется ихъ трудностью, опасностью или сопровождающими ихъ лишеніями и страданіями. Потому и къ монашеству онъ относился, если не совсѣмъ отрицательно, то неблагоклонно, считая аскетическій идеалъ несостоятельнымъ, а практическое приложеніе его требованій въ Россіи несовмѣстнымъ съ понятіемъ благоустроеннаго централизованнаго государства, гдѣ каждый подданный долженъ нести извѣстныя повинности. Но масса народа не воспринимала новыхъ идей и вступала съ ними въ активную борьбу, выдѣля изъ своей среды то отдѣльныхъ непокорныхъ людей, заявлявшихъ протестъ, то цѣлыя толпы непокорныхъ. Въ нихъ Теофанъ видѣлъ невѣждъ, нафанатизированныхъ ханжами и лицемѣрами для корыстныхъ цѣлей. Послѣднимъ онъ и посвятилъ большую часть книги о блаженствахъ. Здѣсь Теофанъ подвергалъ критикѣ идею

добровольнаго мученичества тѣхъ, которые погибали нарочно, чтобы спасти отъ наступившаго, какъ они говорили, Антихристова Царства. Много было здѣсь и насмѣшекъ противъ мнимой святости тѣхъ, которые „преизлишне смиряются или дѣйствія, противныя природѣ, показываютъ". Дѣло въ томъ, что, бичуя недостатки извѣстныхъ современныхъ явленій, Теофанъ вообще не выдѣлялъ самой идеи отъ всѣхъ злоупотребленій, въ которыя иногда выливалось ея осуществленіе, и такимъ образомъ для читателя получалось впечатлѣніе определенное, что Теофанъ нападаетъ не только на эти злоупотребленія, но и на самую суть, на самыя установленія Церкви (мощи, иконы). Книга о блаженствахъ предназначалась къ разрушенію въ обществѣ аскетическаго идеала. Когда въ послѣдствіи, при Аннѣ Іоанновнѣ, по дѣлу архимандрита Маркелла Родышевскаго, преслѣдуемаго за идеи возстановленія патріаршества и аскетическаго идеала и за критику Духовнаго Регламента и Указа о Монашествахъ, запрашивали Синодъ объ авторѣ книги „О блаженствахъ", Синодъ отвѣчалъ, что книга составлена по указу Его Величества и авторъ Синоду неизвѣстенъ, но есть въ Синодѣ царскій Указъ отъ 3-го іюля 1722 г., писанный Царемъ собственноручно съ одобреніемъ этой книги и повелѣніемъ сдѣлать къ ней предисловіе. Архимандритъ Маркель Родышевскій въ 1732 г. былъ онъ сосланъ въ Бѣлозерскій монастырь за тѣ доносы, которые дѣлалъ на Теофана въ 1726 г. и за обличеніе въ ересь книгъ, одобренныхъ Государемъ (Петромъ).

Отношеніе Теофана Прокоповича къ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ.

Въ борьбѣ противъ старорусскихъ традицій у Теофана протестантизмъ былъ союзникомъ. А въ основѣ Теофанъ былъ утилитаристъ, относившійся ко всѣмъ отвлеченнымъ идеямъ, въ томъ числѣ и религіознымъ, съ точки зрѣнія результатовъ непосредственнаго примѣненія ихъ къ общественной и государственной жизни на практикѣ. Протестантизмъ былъ ему удобенъ и съ точки зрѣнія признанія верховенства правъ Государя во всѣхъ дѣлахъ, даже церковныхъ. Съ этой точки зрѣнія и католицизмъ, и древнерусскій церковный укладъ жизни для него были теократіей, умственнымъ застоємъ и обскурантизмомъ, тогда какъ лютеранство было для него освобожденіемъ разума отъ давленія церковнаго авторитета, внесеніемъ элементовъ критики и прогресса. Строго-православное ученіе Никона съ его теоріей симфоніи властей, чуждое католической

окраски и католическаго ученія о косвенной власти Папы въ свѣтскихъ дѣлахъ, и продолжавшее святоотеческую традицію независимости и самостоятельности церковной власти, или не было вовсе извѣстно Теофану, или смѣшалось для него съ понятіемъ теократіи въ той ея формѣ, въ которой носителемъ всей власти является единоличный органъ Папа. Вѣдь само патріаршество для Теофана было лишь проявленіемъ папезскаго духа, тѣмъ же папствомъ, ибо для него было непріемлемо то верховенство духовныхъ цѣлей жизни, которое несла съ собой идея патріаршества въ русской дѣйствительности. Въ негодованіи на этотъ приматъ духовныхъ цѣлей, которыя онъ жертвовалъ передъ голой идеей государства, которой былъ проникнутъ Петръ, онъ смѣшивалъ въ одно и патріаршество, и папство, несмотря на всю глубокую рознь этихъ двухъ институтовъ, изъ которыхъ одинъ есть твореніе Восточной Церкви съ ея постояннымъ раздѣленіемъ Кесарева отъ Господняго, и идеей оцерковленія государства, а другой есть твореніе Западной Церкви, вѣрнѣе латинскаго административнаго генія съ его идеей Церкви, превращающейся въ государство. Но Петръ, борясь съ патріаршествомъ, созданнымъ Церковью, игнорируя церковныя постановленія о церковной собственности, вторгаясь властно во внутреннія церковныя отношенія, обнаружилъ полное игнорированіе Церкви, какъ особаго учрежденія, имѣющаго свои цѣли, средства и свои особыя полномочія. И въ этомъ игнорированіи ея заключался самый тяжкій разрывъ съ московскимъ порядкомъ церковно государственныхъ отношеній, основанныхъ на идеѣ симфоніи властей.

Мѣры Петра противъ Церкви, предшествующія формальной замѣнѣ Патріарха Коллегіей.

Петръ не сразу уничтожилъ патріаршество. Сначала онъ только не позволилъ избрать на мѣсто умершаго Патріарха Адріана другого Патріарха, а назначилъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, но онъ постепенно вырывалъ изъ вѣдѣнія Церкви рядъ ея прежнихъ правъ, проявивъ на дѣлѣ свое полновластіе, которое литературно обосновывалъ для него Теофанъ.

Власть мѣстоблюстителя была ограничена съ самаго начала. При назначеніи его былъ уничтоженъ Патріаршій Приказъ, и его дѣла распредѣлены по другимъ вѣдомствамъ. Монастырскій Приказъ, учрежденный 31 января 1701 года взялъ въ управленіе всѣ церковныя вотчины; мѣстоблюстителю были оставлены только духовныя дѣла, да и то не вполнѣ. Всѣ важныя дѣла шли черезъ

Монастырскій Приказъ, даже назначеніе духовныхъ лицъ. Мусинъ Пушкинъ, стоявшій во главѣ Монастырскаго Приказа, объявлялъ повелѣнія Царя мѣстоблюстителю. Патріаршая типографія отдана въ вѣдѣніе Монастырскаго Приказа; изданіе сочиненій, переводовъ, духовныхъ книгъ происходили помимо мѣстоблюстителя; также и духовныя школы поставлены въ зависимость отъ Монастырскаго Приказа. Наконецъ, въ духовный судъ были введены фискалы отъ правительства, что было также прямымъ вторженіемъ въ чисто церковную компетенцію, несмотря на рѣзкій протестъ Стефана, указавшаго на непристойность этого явленія и на ненормальную безотвѣтственность фискаловъ, имѣвшихъ право безнаказанно доносить, хотя-бы и безъ всякаго основанія. Своими Указами о монашествѣ Петръ отвергъ аскетическій идеаль жизни, обезглавленіемъ Церкви онъ отнялъ у нея защитника ея правъ и идеаловъ; вторженіемъ въ ея управленіе онъ отнялъ у нея независимость въ ея собственной сферѣ; взятіемъ въ управленіе ея имущества, онъ отнялъ у нея возможность имѣть въ общественной жизни прежнее значеніе; онъ не только подчинилъ ее государству и умалилъ ея общественное значеніе, но уничтожилъ самое ея понятіе, какъ особаго учрежденія съ неотъемлемыми правами, а ея служителей превратилъ въ государственныхъ чиновниковъ, получающихъ свое положеніе изъ рукъ государства. Мы послѣдовательно прослѣдимъ, какъ Петръ, подъ вліяніемъ идей чисто государственныхъ, сломилъ учрежденія Церкви, поставивъ на мѣсто ихъ учрежденія государственныхныя, и какъ послѣднія онъ окрасилъ утилитарной идеей, совершенно покончивъ съ идеей симфоніи властей, въ теченіе вѣковъ одухотворявшей строй русскаго государства.

Отношеніе Петра къ Церкви.

Стефанъ Яворскій, въ проповѣди, сказанной въ 1710 г., охарактеризовалъ направленіе церковной реформы именно въ смыслѣ измѣненія тѣхъ идей, которыя до тѣхъ поръ лежали въ основѣ государственнаго управленія. Мы можемъ припомнить, что Петръ лично не устранился отъ Церкви, онъ любилъ даже участвовать въ богослуженіи чтеніемъ Апостола, или пѣніемъ на клиросѣ; онъ не отвергалъ и церковнаго устава; такъ онъ обращался къ Константинопольскому Патріарху за разрѣшеніемъ отъ поста войскъ во время Прутскаго похода, но несомнѣнно то, что онъ присвоилъ царской власти компетенцію, идущую далѣе сферы свѣтской, и далъ ей, во-

преки природѣ вещей, власть надъ канонами, и даже въ эту дѣятельность свою въ церковномъ управленіи влилъ содержаніе, которое диктовалось уже не православнымъ ученіемъ, а лютеранскимъ настроеніемъ. Послѣднее мы увидимъ въ особенности на Указахъ его о монашествѣ въ 1701 г., въ прибавленіи къ Духовному Регламенту 1722 г. и Указѣ о Званіи Монашескомъ 31 января 1724 г., а также и въ устройствѣ Св. Синода, замѣнившаго Патріарха.

Стефанъ Яворскій о направленіи Петровской церковной реформы.

Стефанъ Яворскій въ вышеозначенной проповѣди сказалъ о направленіи реформъ: „Сіяла Россія, мати наша, прежними времена благочестіемъ, свѣтла и аки столбъ непоколебимый въ вѣрѣ православной утверждена. Нынѣже что? Усумнѣваюся о твердости твоей, столпе непреклонный, егда ты вижду вѣтрами противными отовсюду обуреваема. **Вѣтъ на тя вѣтеръ иконоборный, иконы святыя презирающій;** вѣтъ на тя вѣтеръ чревоугодный, посты святыя раззоряющій, а ты, столпе непреклонный, вѣтромъ тлетворнымъ опирающійся, уже колебаться начинаеши и в малѣ, яко столпъ Силуамскій паденіемъ своимъ насъ не погубляеши". Точно также въ проповѣди своей 12 марта 1713 г. въ день именинъ царевича Алексѣя Петровича, Стефанъ не только рѣзко высказался о введеніи свѣтскихъ фискаловъ въ духовные суды (это было вторженіе уже въ область чисто церковную), но и сдѣлалъ общіе выводы о положеніи Россіи, явно указывавшіе и на семейную жизнь Петра (оставленіе первой жены Евдокіи Лопухиной, насильно постриженной въ монастырь) и на нездоровый духъ его реформъ, и выражающіе надежду на его наслѣдника. „Того ради не удивляйтесь, что многмятежная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется; не удивляйтесь, что по толикимъ смятеніямъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира. Миръ есть сокровище неоцѣненное, но тѣи только симъ сокровищемъ богатыся, которые любятъ Господній законъ; а кто законъ Божій раззоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ. Гдѣ правда, тамъ и миръ. Море, свирѣпое море — человѣче законопреступный, почто ломаеши, сокрушаеши и раззоряеши берега? Берегъ есть законъ Божій, берегъ есть во еже не прелюбы сотвори, не вожделѣти жены ближняго, не оставити жены своя; берегъ есть воеже хранить благочестіе, посты, а наипаче четыредесятницу; берегъ есть почитати иконы. Христосъ гласитъ въ Евангеліи: „Аще кто Церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь". И затѣмъ Стефанъ молится за

Царевича Алексѣя Св. Алексѣю, человѣку Божьему: „О угодниче Божій. Не забуди и тезоименинника твоего, а особенно заповѣдей Божиихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя. Ты оставилъ еси домъ свой, онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты удалился еси родителей, онъ такожде; ты лишенъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друзей, сродниковъ, знаемыхъ; ты человѣкъ Божій, онъ такожде истинный рабъ Христовъ. Молимъ убо, Святче Божій, покрый Тезоименинника нашу единую надежду, покрый его въ кровѣ крыль твоихъ... Дай намъ видѣти его вскорѣ всякимъ благополучіемъ изобилующаго и его же нынѣ тѣшимся воспоминаніемъ, дай возрадоватися счастливымъ и преждевождедѣннымъ его присутствіемъ". Яворскій былъ глашатаемъ народныхъ мнѣній, косо смотрѣлъ на положеніе, занятое протестантами въ государствѣ, на легкое отношеніе къ обрядамъ и иногда и къ вопросамъ вѣроученія.

Отмѣна патріаршества.

Отношеніе Петра къ патріаршеству, выразившееся въ учрежденіи шутовскаго собора, насмѣшка его надъ старыми русскими обычаями, съ которыми связывалось у народа представленіе о благолѣпії и благочестіи — все было отголоскомъ иныхъ вѣрованій. Патріаршество было учрежденіе, выросшее въ Церкви, созданное Церковью и у насъ учреждено грамотой Вселенскихъ Патріарховъ и Собора Константинопольскаго 1593 года и, какъ учрежденіе церковное, могло быть отмѣнено также только равной церковной властью, т. е. Соборомъ, канонически созваннымъ и свободно разсмотрѣвшимъ этотъ вопросъ. Ничего этого не было. Оно было отмѣнено созданіемъ на его мѣстѣ синода инициативой власти царской; хотя на Духовномъ Регламентѣ имѣются надписи почти всѣхъ русскихъ Архіереевъ, но они даны ими не на канонически созванномъ Соборѣ, свободно разсмотрѣвшемъ дѣло, а каждымъ Архіереемъ въ отдѣльности, получившимъ этотъ указъ при сопровожденіи его царскими посланцами съ угрозами. Это не былъ голосъ Русской Церкви, свободно высказанный и, въ качествѣ такового не могъ быть переданъ Царемъ на утвержденіе Вселенскихъ Патріарховъ въ сентябрѣ 1721 г. тогда, когда Синодъ функционировалъ уже полгода. Самая матеріальная зависимость Восточныхъ Патріарховъ отъ Царя и ихъ угодничество передъ нимъ дѣлали все равно невозможнымъ ихъ оппозицію дѣлу, которое при

подписяхъ Архіереевъ, не носило на себѣ внѣшнихъ, слишкомъ быющихъ въ глаза признаковъ неканоничности, которые бы побудили Патріарховъ вспомнить объ ихъ обязанностяхъ. Дѣло Никона и послѣдующее возстановленіе на каѳедрахъ судившихъ его Патріарховъ, и даже кратковременная реабилитація Лигарида показываютъ, что патріаршія постановленія не могли имѣть того нравственного авторитета, на который они по сану ихъ авторовъ должны разсчитывать. Синодъ не былъ учрежденіемъ, соотвѣтствующимъ канонамъ. Синодъ состоялъ не изъ однихъ Епископовъ, какъ подобало бы высшему церковному органу по преданію апостольскому, а и изъ архимандритовъ и даже лицъ бѣлаго духовенства; мало того, его члены носили названія, подобающія лицамъ гражданскаго вѣдомства: президентъ, вице-президентъ, ассессоры и пр. Они приносили присягу Государю, какъ своему крайнему судѣ — все какъ въ протестантскихъ странахъ.

Вліяніе философіи естественнаго права.

Ученіе о безграничности власти монарха проповѣдовала и школа естественнаго права въ лицѣ Гоббса. Такъ ясно его вліяніе на Петра, какъ въ его стремленіи доказать, что онъ въ правѣ выбрать себѣ въ наслѣдники престола кого угодно, такъ и въ присвоеніи имъ себѣ права реформировать церковное устройство, въ силу признанія принципа единства власти съ отрицаніемъ особой природы власти церковной. Вотъ два отрывка изъ „Левіаѳана" приводимыхъ у Woolsey.

Hobbs prefers a monarchy in which the power of the ruler is not circumscribed; and so to the succession he says: „Perfecta civitatis forma esse non potest, ubi successorem eligendi jus non sit in antecessore" (Woolsey: Political science of the state, 1. 160.¹). Понятіе его о природѣ духовной власти видно изъ другого отрывка изъ того же „Левіаѳана: „If a person seeing a pastor preaching or baptizing should ask him, as the priests and elders asked Christ (Mathew 21, 23) by what authority doest thou these things and who gave thee this authority? He could return no other answer than that. He acted by the authority of the state drawn from him who represents it or sustains its character (ib. 161) т. е. отъ свѣтской

¹ Гоббсъ предпочитаетъ монархію, въ которой власть правителя неограничена; въ отношеніи къ престолонаслѣдію онъ говоритъ: не можетъ быть совершенная форма государства, гдѣ правитель не имѣетъ права избрать себѣ преемника.

власти, ибо „He who is chief ruler in any Christian state is also chief pastor, and the rest of the pastors are created by his authority”¹.

Самая идея договора объ учрежденіи власти послужила Гоббсу для объясненія абсолютной власти монарха, какъ говорить объ этомъ Pollock (History of the science of politics стр. 74: „The plastic fiction of the original contract had been used by Hobbes to generate the absolute power of Leviathan”². Эта теорія самовластія во имя общей пользы была перенесена въ „Правду воли монаршей”³ и съ нею въ Полное Собрание Законовъ Имперіи. Пониманіе власти Русскаго Царя въ такомъ неограниченномъ смыслѣ было чуждо Московскому періоду, ибо самодержавіе Царя считало себя ограниченнымъ, и безграничнымъ почиталось условно въ предѣлахъ той ограниченности, которая вытекаетъ изъ ясно сознанныхъ началъ вѣры и Церкви. Въ основѣ самой царской власти лежитъ не договоръ, а вѣра; православный Царь неотдѣлимъ отъ православнаго народа и есть выразитель его духа. Въ этомъ отношеніи идея Имперіи не вызываетъ идеи такого духовнаго сліянія Царя съ народомъ. Д. Х. пишетъ въ своей брошюрѣ, что „западъ боится русскаго Царя, а не Императора, русскаго народа, а не русской имперіи; онъ очень хотѣлъ бы, чтобы Русское царство переродилось въ имперію и, чтобы получилось новѣйшаго пошиба Имперія Римская, которая, какъ великая имперія, есть не органическое нѣчто, а конгломератъ народностей и мимо идетъ яко день вчерашній”. Съ идеей имперіи потускнѣло понятіе о самодержавіи, которое стало разсматриваться какъ абсолютизмъ; потускнѣлъ и объемъ понятія Православія, которое стало разсматриваться только какъ традиціонное вѣрованіе. Это было революціей

¹ Если кто-либо, видя пастыря проповѣдующимъ или крестьящимъ, спросить его, какой властью онъ это дѣлаетъ, подобно тому, какъ спрашивали Христа священники и старѣйшины, и кто далъ Ему эту власть, тотъ не можетъ отвѣтить иначе, какъ то, что онъ дѣйствуетъ по государственному уполномочію, полученному отъ того, кто представляетъ государство, то есть отъ свѣтской власти. Такимъ образомъ главный правитель въ христіанскомъ государствѣ есть архипастырь, а остальные пастыри создаются по его полномочію.

² Пластическая фикція первоначальнаго договора, повидимому, употреблялась Гоббсомъ для того, чтобы создать абсолютную власть Левіаѳана.

³ Для обоснованія произвола Государя передавать свой престолъ кому угодно Ѳеофанъ писалъ: „Ex his omnibus т. е. ex legibus sacris aequae ac civilibus Romanorum, подъ которымъ разумѣется lex regia передавшій всю власть отъ народа, Императору breviter his repititis argumentis colligit autor liberam Russorum imperatori esse potestatem in eligendo successore herede sive et filiis nepotibusque, sive ex cognatibus, sive alia stirpe”. (Приведено Чистовичемъ въ сочиненіи „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время” стр. 120 изъ Лейпцигскихъ ученыхъ актовъ за 1723 г.). „Этотъ актъ, пишетъ Чистовичъ, не только не обезпечилъ спокойствія въ государствѣ, напротивъ, былъ причиной тѣхъ страшныхъ неурядицъ въ престолонаслѣдіи, а вмѣсто съ тѣмъ и въ правленіи государства, которыя волновали наше отечество въ продолженіе почти всего XVIII столѣтія, отвлекая его отъ полезныхъ преобразованій и строенія своей внутренней жизни. На этотъ актъ ссылались всякій разъ, когда надо было оправдать произволъ въ перемѣнѣ правленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „Правда воли Монаршей” была издаваема нѣсколько разъ”. Она помѣщена въ т. VI за № 3893, но лично намъ не удалось найти Полнаго Собранія Законовъ.

идей, и мы въ извѣстномъ смыслѣ можемъ противопоставить Никоновской вѣрности традиціонному пониманію основъ царской власти Петровско-Гоббсовское, какъ революціонный принципъ. Къ этому противопоставленію какъ нельзя лучше подходятъ слова DeMun'a: „La Revolution n'est ni un acte ni un fait, elle est une doctrine politique, qui prétend fonder la société sur la volonté de l'homme au lieu de la fonder sur la volonté de Dieu, qui met la souveraineté de la raison humaine à la place de la loi divine. C'est là qu'est la révolution, le reste n'est rien, ou plutôt tout le reste découle de là, de cette révolte orgueilleuse d'où est sorti l'Etat moderne. l'Etat qui a pris la place de tout, l'Etat qui est devenu votre Dieu et que nous nous refusons à adorer avec vous. La contre révolution, c'est le principe contraire: c'est la doctrine qui fait reposer la société sur la loi chrétienne"¹.

Если законодатель опирается уже не на религіозное преданіе, а на народную волю, то законъ съ тѣхъ поръ имѣетъ своимъ кореннымъ началомъ людской интересъ, а основаніемъ согласіе большинства, преобладающее сочувствіе массы. Отсюда **Фюрстель де Куланжъ** (Гражданская Община древняго міра 413 стр.) выводитъ чрезвычайно важное заключеніе относительно одного момента Римской Исторіи, именно онъ пишетъ: „Законъ предстоить уже не въ видѣ нерушимой и неоспоримой формулы. Ставъ дѣломъ человѣческимъ, онъ признаетъ себя подлежащимъ перемѣнѣ. XII таблицъ прямо говорятъ: „Чѣмъ народъ порѣшилъ на голосованіи въ послѣдній разъ, то и будетъ закономъ". „Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ текстовъ древняго Уложенія ни одинъ такъ не важенъ, какъ этотъ, ни одинъ такъ не выражаетъ, какого рода переворотъ совершился въ правѣ. Законъ ужъ не святое преданіе, не завѣтный обычай, онъ просто текстъ, приговоръ, lex и такъ какъ онъ постановленъ человѣческой волей, то можетъ быть и измѣненъ ею". Mutatis mutandis мы тоже можемъ сказать о законодательствѣ Петра. Обосновавъ неограниченность своей власти по Гоббсовской теоріи въ „Правдѣ воли монаршей" и устранивъ рамки, поставленныя этой власти Церковью, онъ измѣнилъ основу власти, поставивъ ее на человѣческую основу договора и тѣмъ подвергъ ее всѣмъ тѣмъ колебаніямъ, которымъ можетъ подвергаться

¹ Революція не есть ни актъ, ни фактъ, она есть политическая доктрина, претендующая основать общество на волѣ человѣка вмѣсто того, чтобы основать его на волѣ Божіей, которая ставитъ суверенитетъ человѣческаго разума на мѣсто Божественнаго закона. Вотъ гдѣ революція, остальное вытекаетъ изъ этого, изъ этого гордаго возстанія, изъ котораго вышло современное государство, государство захватившее мѣсто всего, государство, сдѣлавшееся вашимъ Богомъ, которое мы отказываемся обожать съ вами вмѣстѣ. Контр-революція — противоположный принципъ. Это — доктрина, основывающая общество на христіанскомъ законѣ.

всякое человѣческое установленіе; согласно Гоббсу онъ произвольно присвоилъ церковную власть себѣ; черезъ расцерковленіе же института царской власти послѣдняя теряла свою незыблемость, неприкосновенность свойственную церковному установленію. Только при наличіи этого расцерковленія можно объяснить возможность требованія отреченія Царя отъ престола безъ участія Церкви въ 1917 г. Начало этому идейному подрыву царской власти было положено черезъ обоснованіе неограниченности царской власти въ „Правдѣ воли монаршей“, гдѣ она основана по Гоббсу, который утверждалъ ее не на Божественномъ призваніи, а на народномъ суверенитетѣ въ послѣднемъ своемъ основаніи. Только при абсолютированіи своей власти Петръ могъ допустить революціонный разрывъ съ освященной Церковью идеей симфоніи властей и такое вмѣшательство въ жизнь Церкви, какъ ея коренное переустройство, въ видахъ якобы государственной пользы съ его отказомъ Церкви въ признаніи ея самостоятельности. Нельзя не отмѣтить и того соціально-общественнаго значенія потрясенія, которое вызывается ниспроверженіемъ древнихъ установленій, съ которыми связывается идея неприкосновенности. Объ опасности примѣненіи идеи всемогущества государства, въ качествѣ зачатка революціонныхъ идей, разрушающихъ общество, говоритъ многократно Токвиль, въ 50-хъ годахъ XIX вѣка въ своемъ сочиненіи *L'ancien régime et la révolution*.

Ее онъ видѣлъ у фізіократовъ половины XVIII вѣка. На стр. 239 мы читаемъ:

„L'état, suivant les économistes, n'a pas uniquement a commander la nation, mais a la façonner d'une certaine manière: c'est à lui de former l'esprit des citoyens suivant un certain modèle, qu'il s'est proposé à l'avance;... en réalité il n'y a pas de limites à ses droits ni de bornes à ce qu'il peut faire; il ne réforme pas seulement les hommes, il les transforme. L'état fait des hommes tout ce qu'il veut, dit Bodeau. Ce mot résume toutes leurs théories”¹.

Къ нимъ онъ возводитъ начало разрушительныхъ соціалистическихъ теорій (стр. 241).

„On croit que les théories destructives qui sont désignées de nos jours sous le nom de socialisme, sont d'origine récente; c'est une er-

¹ Государство, по мнѣнію экономистовъ, не только повелѣваетъ націей но нѣкоторымъ образомъ ее формируетъ; оно образуетъ по извѣстному образу, заранѣе имъ себѣ составленному, духъ гражданъ... Въ дѣйствительности нѣтъ границъ его правамъ ни предѣловъ его возможностямъ; оно не только реформируетъ людей, но и передѣлываетъ. Государство, говоритъ Бодо, дѣлаетъ изъ людей что хочетъ. Это слово резюмируетъ всѣ ихъ теоріи.

reur; ces theories sont contemporaines des premiers économes. Tandis que ceux-ci employaient le gouvernement tout-puissant qu'ils devaient à changer les formes de la société, les autres s'emparaient en imagination du même pouvoir pour en ruiner les bases"¹.

Объ опасности колебать древнія установленія, даже когда реформы имѣютъ въ виду общее благо, Токвиль говоритъ въ связи съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на народъ паденіемъ при Людовикѣ XV парламентовъ, по своему происхожденію современниковъ королевской власти, и вообще въ связи съ реформами, недостаточно уважающими древніе нравы и привычки:

„Parmi les réformes (p. 279) qu'il (Louis XV) avait faites lui meme, quelques-unes changèrent brusquement et sans préparations suffisantes les habitudes anciennes et respectées et violèrent parfois les droits acquis. Elles préparèrent ainsi la révolution bien moins encore en'abattant ce qui lui faisait obstacle qu'en **montrant au peuple comment on pouvait s'y prendre pour la faire**. Ce qui accrut le mal fut précisément l'intention pure et désintéressée qui faisait agir le roi et ses ministres; **car il n'y a pas de plus dangereux exemple que celui de la violence exercée pour le bien et par les gens de bien**"²

Все Петровское церковное законодательство есть разрушеніе основъ и церковной и царской власти, связанной не только догматами вѣры, но и вселенскими канонами Церкви. Такимъ образомъ примѣръ нарушенія границъ должнаго и допустимаго для государства данъ и въ Россіи впервые не въ XX столѣтіи, а въ XVII и особенно въ началѣ XVIII-го и также не снизу, а сверху, опередивъ Францію во времени. Никонъ въ этомъ отношеніи былъ хранителемъ устоевъ государства и въ покушеніи на эти устои (принципъ православнаго Царя, неприкосновенность церковнаго имущества, собственности, и почитаніе первосвященника...), провидѣлъ разрушеніе царства, выражая свои мысли библейскими примѣрами.

Ту же до извѣстной степени мысль о значеніи сохраненія религіозныхъ традицій для прочности политическаго зданія выража-

¹ Думаютъ, что разрушительныя теоріи, обозначенныя въ наши дни именемъ социализма, недавняго происхожденія; это — ошибка; эти теоріи современны первымъ экономамъ. Между тѣмъ, какъ послѣдніе употребляли всемогущее правительство, которое, мечтали они, измѣнить формы общества, другіе въ воображеніи захватывали ту же власть, чтобы разрушить ея основы.

² Среди реформъ, которыя провелъ самъ Людовикъ XV, нѣкоторыя измѣняли неожиданно и безъ достаточныхъ приготовленій древніе и почтенные обычаи и иногда нарушали пріобрѣтенныя права. Онѣ такимъ образомъ готовили революцію, гораздо менѣе поражая то, что ей составляло препятствіе, чѣмъ показывая народу, какъ надо браться за дѣло, чтобы ее совершить. То, что увеличивало зло, было именно чистое и безкорыстное намѣреніе, побуждавшее короля и его министровъ, ибо нѣтъ болѣе опаснаго примѣра, какъ примѣръ насилія, осуществленнаго ради блага и притомъ хорошими людьми".

еть современнымъ научнымъ языкомъ такой государствѣдъ, какъ Брайсъ: (Les démocraties modernes, I, 168), когда онъ припоминаетъ время Софистовъ въ древней Греціи. „Rappelons à ce propos l'exemple familier des Républiques grecques du temps de Socrate, alors que quelques sophistes renommés, pulvérisant la naïve et antique croyance qui confiait aux dieux le soin de punir le parjure et le trompeur, enseignaient que la justice n'est autre chose que la loi du plus fort. Là, les traditions attaquées étaient d'abord religieuses et morales, **mais dans un système de vieilles croyances et de coutumes ancestrales tout se tient et lorsque la partie religieuse est sapée, bien d'autres éléments de l'édifice en sont ébranlés**¹.

Принципіальное покушеніе на церковную собственность со стороны государства.

Замѣна Патріарха Синодомъ 1721 г. была однимъ изъ послѣднихъ звеньевъ Церковной Реформы Петра. Еще до этого обезглавленія Церковь была обезсилена за время послѣ смерти Патріарха Адріана, послѣдовавшей въ 1700 году. Это обезсиленіе коснулось прежде всего управленія церковными имуществами и отнятія у Церкви не только суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства, но и управленія церковными дѣлами черезъ возсозданіе въ 1700 г. Монастырскаго Приказа. Первое лишало Церковь средствъ, второе ставило духовенство въ большую зависимость отъ свѣтскихъ властей. Лишеніе Церкви возможности управлять своимъ имуществомъ, отданіе этого управленія подъ контроль государственной власти какъ со стороны прихода, такъ и расхода суммъ, подвергало неопредѣленности вопросъ о томъ, кто же собственникъ этихъ имуществъ: Церковь или государство. Въ концѣ концовъ при Екатеринѣ II государство сочло себя въ правѣ посмотрѣть на церковную собственность, какъ на способъ вознагражденія Церкви государствомъ, способъ, который по усмотрѣнію государства могъ быть замѣненъ и другимъ. Такъ въ 1764 г. были отняты церковныя имущества, и церковныя учрежденія замѣнъ получили денежныя вознагражденія по штату а позднѣйшее паденіе цѣнности этого вознагражденія привело Церковь къ полной матеріальной зависимо-

¹ Напомнимъ по этому случаю извѣстный примѣръ греческихъ республикъ временъ Сократа, когда нѣкоторые извѣстные софисты, уничтожая наивное и активное вѣрованіе, ввѣрившее богамъ заботу наказывать клятвопреступника и лжеца, учили, что справедливость ничто иное, какъ законъ сильнѣйшаго. Тамъ традиціи, подвергшіяся нападенію, были сначала религіозныя и моральныя, но въ системѣ старыхъ вѣрованій и обычаевъ предковъ все связано, и, когда религіозная часть подорвана, то отъ этого колеблется и много другихъ элементовъ зданія".

сти отъ государства. (Одновременно Екатерина II изъ 881 существовавшихъ монастырей закрыла 496, оставивъ существовать только 385).

Значеніе отстаиванія Никономъ управленія Церковью своей собственностью и вообще ея неприкосновенности.

При этомъ можно оцѣнить значеніе отстаиванія Никономъ не только права собственности за Церковью, но и права управленія ей. Не теряй Церковь послѣдняго, она, можетъ, не потеряла бы и перваго, ибо сознаніе неприкосновенности управленія имуществами содѣйствовало бы и сознанію неприкосновенности самой собственности. Реформа 1701 г. пробила брешь. Монастырскій Приказъ — учрежденіе чисто государственное, получило въ свое вѣдѣніе церковныя вотчины и доходы съ нихъ. Государство не оставилось передъ церковной собственностью, въ своей политикѣ стягиванія поземельныхъ владѣній въ свою собственность, на правахъ безусловнаго распоряженія ею, начатаго еще много ранѣе. Помѣщичьи земли признавали надъ собой полную власть государства; государство въ концѣ XVII вѣка въ земляхъ дворцовыхъ и въ черныхъ волостяхъ дѣйствовало на правахъ собственника, но земли и крестьяне церковныхъ учрежденій не были уравнены съ дворцовыми и помѣщичьими во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ государству. Обращеніе черныхъ волостей въ дворцовыя имѣнія совершилось въ Приказѣ Большого Дворца; тамъ же было сосредоточено государствомъ вѣдѣніе монастырскими и вообще церковными землями, а потомъ въ Монастырскомъ Приказѣ, по закрытіи коего въ 1677 г. оно возвратилось въ Приказъ Большого Дворца. Церковныя земли ждали уравнианія въ судьбѣ съ черными волостями. Брешь въ неприкосновенности церковной собственности нанесло Уложеніе, отнявшее слободы и городскіе посады у церковныхъ властей, по челобитной посадскихъ людей. Часть лицъ и владѣній, составлявшихъ принадлежность духовенства, передана была въ собственность государства; такъ мысль о правѣ государства обращать въ свою собственность земли церковныхъ учрежденій получила тогда первое осуществленіе, а при Петрѣ получила полный расцвѣтъ въ отобраніи всего управленія церковными имуществами въ пользу государства. Его мысль была заставить все служить государству, и въ этомъ случаѣ онъ давалъ широчайшее примѣненіе тому, что раньше предпринималось въ видѣ частныхъ мѣръ.

И раньше, при Алексѣѣ Михайловичѣ, во время войнъ государство обращалось къ богатѣйшимъ монастырямъ, и церковныя учрежденія считали обязанными себя служить отечеству какъ могли. И при Алексѣѣ Михайловичѣ государство считало на дѣлѣ возможнымъ въ минуту невзгоды обращаться къ церковнымъ имуществамъ. Во второй половинѣ XVII вѣка эта мысль создала предположеніе, что государство имѣетъ право контроля надъ церковными доходами, а черезъ то и надъ церковнымъ имуществомъ. Вѣдь, пагубное вліяніе богатствъ на иноческую жизнь было признано и Соборомъ 1667 г., который и запретилъ монахамъ лично владѣть недвижимымъ имуществомъ; Соборъ 1669 г. постановилъ отбирать на Царя торговые промыслы и лавки, принадлежащіе священному и монашескому чину, опять въ виду вреднаго вліянія на иноческую жизнь. Это были мѣры, касавшіяся отдѣльных видовъ собственности частныхъ лицъ, а не цѣлыхъ учреждений. Петръ-же думалъ уже о переводѣ всѣхъ церковныхъ имѣній въ собственность государства. Еще въ 1678 г. государство начало перепись всѣмъ церковнымъ богатствамъ, которая продолжалась до 90-хъ годовъ и должна была служить для государственныхъ окладовъ и сборовъ. По ней государство могло контролировать доходы и расходы церковныхъ учреждений. Петръ усвоилъ хорошо мысль о контролѣ государства надъ церковными доходами, какъ право государства, и въ Указахъ своихъ говорилъ, что государство имѣетъ право распоряжаться избыткомъ церковныхъ богатствъ, остающихся за издержками церковныхъ учреждений на необходимые расходы. Его Указъ 1696 г. разосланный черезъ епархіальныхъ Архіереевъ по всѣмъ монастырямъ, приказывалъ монастырямъ и архіерейскимъ домамъ давать ежегодно отчетность въ расходѣ церковныхъ суммъ Приказу Большого Дворца. Провинціальныя власти по порученію этого Приказа имѣли надзоръ за выполненіемъ Приказа. Петръ считалъ правомъ государства использовать для его пользы избытки церковныхъ доходовъ. Для государственной пользы онъ счелъ себя въ правѣ подчинить государству управленіе церковными имуществами и отобрать ихъ изъ вѣдѣнія Церкви — собственника.

Если прежнія поползновенія Государей на церковныя имущества сдерживались религіозными соображеніями, то теперь этой сдержки не стало. Законодательство взглянуло на эти имущества съ государственно-утилитарной точки зрѣнія. Хозяйственные интересы государства требовали, чтобы всѣ жертвовали своимъ трудомъ и матеріальными средствами для его цѣлей. И вотчинныя права и

привилегіи духовенства должны были быть принесены ему въ жертву. Государство и при Алексѣѣ Михайловичѣ стремилось уничтожить привилегіи церковныхъ учреждений. Въ 1672 г. были уничтожены тарханная грамоты, освобождавшія отъ сборовъ въ казну съ промысловъ и торговли монастырей и властей, но были исключенія для нѣкоторыхъ монастырей. Продолжались и подтвержденія прежнихъ жалованныхъ грамотъ. Однимъ словомъ привилегіи властей и до Петра терпѣли умаленія; объемъ привилегій суживался, жалованная грамоты писались съ оговорками, что статьи, несогласныя съ Уложеніемъ, недѣйствительны. Съ одной стороны правительство стояло на точкѣ зрѣнія Уложенія (подтверждавшаго всѣ прежнія постановленія о монастырскихъ имѣніяхъ и запрещававшего пріобрѣтать новыя, и даже отнесшаго нѣкоторую часть церковныхъ имѣній въ казну), но до единодержавія Петра продолжались послабленія изъ уваженія къ Церкви и къ ея правамъ собственности. Правительство лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ ограничивало вотчинныя права Церкви, когда требовались тяжкія жертвы отъ всѣхъ сословій. Въ началѣ XVII вѣка оно проводило эти мѣры какъ временныя, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ „пока земля поустроится". Лишь со времени Уложенія мѣра эта начинаетъ принимать постоянный характеръ. Но съ единодержавіемъ Петра наступила новая эпоха. Государственный интересъ получилъ полный перевѣсъ надъ религіознымъ; духовное служеніе не цѣнилось, требовалась отъ всѣхъ служба матеріальная. Петръ приступилъ къ отмѣнѣ всѣхъ привилегій духовенства. Не была еще закончена до него отмѣна тархановъ. По Уложенію нѣкоторые монастыри освобождались отъ печатныхъ пошлинъ, иные имѣли право курить вино. Эти привилегіи отмѣнены въ началѣ царствованія Петра. На разныя доходныя статьи монастырей правительство наложило руку и объявило ихъ собственностью казны. Въ 1704 году, какъ казенныя оборотныя статьи, были обложены оброкомъ всѣ пчельники и бортные урожаи, отобраны рыбныя ловли. Вывариваніе и продажа соли сдѣлались монополіей казны. Всѣ эти указы отмѣняли жалованная грамоты и распространялись на всѣ церковныя вотчины. При введеніи подушнаго оклада Петръ сравнивалъ церковныхъ крестьянъ съ прочими; они приравнены были къ другимъ и въ привлеченіи къ общимъ работамъ по государственнымъ сооруженіямъ. Это было уничтоженіемъ прежнихъ привилегій жалованныхъ грамотъ. Въ 1701 г. окончательно воспрещена и покупка вотчинъ, и мѣна ихъ для всѣхъ монастырей и архіереевъ. При Петрѣ

произошла частичная секуляризація церковныхъ вотчинъ и отписки ихъ въ казну. Съ объявленіемъ оброчными статьями значительныя угодія, соляныя варницы, мельницы, рыбныя ловли отошли въ казну. Во время управленія Монастырскаго Приказа многія вотчины были отданы въ вѣчное владѣніе частнымъ лицамъ.

Отсутствіе юридическихъ основаній для отнятія у Церкви собственности.

Петровскія реформы о церковной собственности были въ полномъ забвеніи канонѣвъ, на которые указывалъ Никонъ, отстаивая неприкосновенность и церковнаго управленія и церковной собственности. Ссылка на плохое управленіе Церковью своими имуществами не есть юридическое основаніе для отобранія у нея этого управленія, ибо собственникъ ихъ — она, а не государство. И само государство теряло въ концѣ концовъ отъ пониженія матеріальной силы Церкви, ибо Церковь, лишенная средствъ, лишена была возможности нести и тѣ задачи, которыя были ей всегда присущи по народному образованію, по благотворительности, по просвѣщенію общества. Церковное управленіе своими имуществами могло со временемъ улучшиться, а паденіе значенія Церкви въ результатѣ ея ограбленія оказалось невозстановимымъ въ теченіе всего императорскаго періода. Въ нашу задачу не входитъ описаніе той неудачи, которая постигла въ дѣйствительности эту мѣру перевода церковныхъ имуществъ въ вѣдѣніе государства. Она изслѣдована въ сочиненіи Горчакова „Монастырскій Приказъ“. Достаточно сказать, что вскорѣже послѣ этой мѣры крестьяне просятъ ихъ о возвратѣ въ церковныя учрежденія. Въ 1702 году начинается возвратъ изъ вѣдѣнія чиновниковъ Монастырскаго Приказа монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ прежнимъ владѣльцамъ. Съ 1711 г. этотъ возвратъ уже обычное явленіе, многіе монастыри получили ихъ обратно въ свое вѣдѣніе, такъ что Монастырскій Приказъ по отношенію къ нимъ превращался изъ административнаго учрежденія лишь въ Центральное финансовое учрежденіе. Когда открылись коллегіи, онъ потерялъ и это значеніе. 16 октября 1720 г. закрыть Монастырскій Приказъ, и вотчины, раззоренныя чиновничьимъ управленіемъ, кромѣ розданныхъ и проданныхъ, вернулись въ церковныя учрежденія. Съ открытіемъ Синода указомъ Царя ему были переданы въ вѣдѣніе всѣ патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины, но Синодъ, по неудобству самому вѣдать это управленіе, испросилъ возстановленіе Монастырскаго Приказа (1721 г.) въ качествѣ подчиненнаго ему учрежденія.

Его четырехлѣтнее существованіе (послѣ котораго онъ былъ переименованъ въ другое учрежденіе) установило управленіе церковными вотчинами почти на 50 лѣтъ и удержало ихъ въ вѣдѣніи подчиненнаго въ концѣ концовъ правительству Синода.

Монастырскій Приказъ при Петрѣ 1701-1720 — орудіе государства для подчиненія всѣхъ церковныхъ дѣлъ государству.

Монастырскій Приказъ 1701-1720 г. при Петрѣ былъ орудіемъ государства для управленія церковными дѣлами; онъ былъ орудіемъ его преобразовательныхъ цѣлей относительно монастырей и относительно подчиненія духовенства государству. Подчиненіе государству судебно-гражданскихъ правъ церковныхъ учреждений во время Уложенія было ступенью къ дальнѣйшему ограниченію другихъ гражданскихъ правъ духовенства. Если главное вниманіе возстановленнаго Петромъ въ 1700 г. Монастырскаго Приказа сосредоточилось вокругъ вопроса о вотчинныхъ правахъ церковныхъ учреждений, которыми онъ распоряжался, какъ собственникъ, представляя собой государство, то все-же нельзя оставить безъ вниманія и почти полностью возстановленныя его судебныя права, существовавшія по Уложенію. Въ Указѣ о возстановленіи Монастырскаго Приказа почти буквально словами Уложенія опредѣленъ судебный кругъ, въ которомъ должна вращаться дѣятельность Монастырскаго Приказа. Ему были подсудны въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ всѣ вообще лица его вѣдомства, въ частности лица духовныя безъ исключенія, всѣ служилые люди въ Приказахъ, ему подчиненныхъ, при архіерейскихъ каѳедрахъ и монастыряхъ, всѣ крестьяне его вѣдомства, нищіе, богадѣльни, содержащіяся на счетъ Приказа. Съ этого времени отъ вѣдомства Церкви окончательно были взяты люди по своему несчастному положенію въ жизни, бывшіе подвѣдомственными Церкви со временъ князя Владиміра (Неволинъ т. VI). Приказъ, какъ во времена Уложенія, долженъ былъ вѣдать всѣ иски постороннихъ людей на духовенство и людей, подвѣдомственныхъ приказамъ, а послѣдніе на постороннихъ въ мѣстахъ подсудности отвѣтчиковъ. Въ Уложеніи было исключеніе для патріаршей области, теперь-же такое исключеніе, хотя и могло быть по смыслу закона, но независимая подсудность патріаршей области устранялась другимъ путемъ: вѣдавшіе ее Приказы патріаршій дворцовый и казенный были подчинены тому-же Монастырскому Приказу. Монастырскій Приказъ сталъ высшей и послѣдней инстанціей, пишетъ Горчаковъ, въ предѣлахъ своего вѣдомства;

среднюю составляли стольники и вѣдомцы, завѣдывавшіе цѣлыми областями и уѣздами въ провинціяхъ, низшую — вотчинные вѣдомцы и прикащики. Въ уголовно-судебной дѣятельности Приказа мало считались съ духовнымъ саномъ, и обвиняемые тамъ сажались на цѣпь. Наказаніе налагалось по Уложенію; если-же надо было лишить сана, то виновный подъ арестомъ отправлялся въ Патріаршій Духовный Приказъ, гдѣ иногда безъ всякаго допроса обнажали священства или монашества и отсылали обратно въ Приказъ.

Но судебная дѣятельность Монастырскаго приказа при Петрѣ не выдѣлялась такъ, какъ она выдѣлялась при Алексѣѣ Михайловичѣ, ибо она затѣнялась обширнѣйшей правительственной дѣятельностью Монастырскаго Приказа въ церковныхъ дѣлахъ. Монастырскій Приказъ вѣдалъ и дисциплинарный судъ надъ духовенствомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (при неисполненіи требованій Приказа напр. монастырскими властями за неподачу отчетности, надъ приходскими священниками за недоставленіе свѣдѣній, приче́мъ угрозы Приказа доходили дальше дисциплинарныхъ мѣръ, упоминая о ссылкѣ, лишеніи сана). Монастырскій Приказъ былъ орудіемъ Царя для распоряженій по чисто церковнымъ дѣламъ: черезъ него Царь призывалъ архіереевъ въ свою чреду въ Синодъ, черезъ него давалъ разрѣшеніе на принятіе въ монастырь и на постриженіе; его посредство между Царемъ и всѣми церковными учрежденіями продолжалось до учрежденія Синода. Въ его рукахъ объединилась вся государственная дѣятельность Петра по церковному управленію. Дѣло шло о прямо́мъ вторженіи въ церковное управленіе, а не только объ отобраніи у Церкви тѣхъ правъ, которыя могли-бы считаться делегацией ей со стороны государства. Былъ отторгнутъ отъ Церкви судъ по дѣламъ всѣхъ людей, приписанныхъ къ церковнымъ людямъ по особому отношенію ихъ къ Церкви. „Хотя со временъ Іоанна IV памятники о нихъ не упоминаютъ, однако, говоритъ Неволинъ (т. VI), пространство церковнаго суда въ этомъ отношеніи сохранено со временъ Св. Владиміра до Петра I".

Монастырскій Приказъ вмѣшивается въ регулированіе внутренней жизни монастырей.

Насколько далеко шло это вторженіе, отъ котораго такъ оберегалъ въ свое время Никонъ, показываетъ дѣятельность Монастырскаго Приказа. Въ Петровскій періодъ своего существованія Монастырскій Приказъ вмѣшивается во внутренній укладъ монастырской жизни: черезъ него идутъ всѣ мѣропріятія Петра по мона-

стырскимъ дѣламъ. Въ 1701 году Монастырскій Приказъ дѣлаетъ переписи монаховъ, запрещаетъ переходъ ихъ изъ одного монастыря въ другой и постепенно приготовляетъ штаты каждаго монастыря, новыя постриженія не допускаются безъ разрѣшенія Государя. Въмѣсто убылыхъ монаховъ Монастырскій Приказъ посылалъ въ монастыри больныхъ и нищихъ, даже сумасшедшихъ и каторжныхъ, неспособныхъ къ работѣ. Послѣ 1715 года въ монастыри поселялись отставные воины. Потомъ изданъ былъ законъ, по которому на обязанность монастырей возлагалось содержаніе увѣчныхъ и больныхъ воиновъ. Число монаховъ должно было быть таково, чтобы оставались средства для благотворительныхъ цѣлей. Петръ вообще хотѣлъ дать такое направленіе русской монастырской жизни, при которомъ бы монастыри служили указываемымъ имъ Петромъ благотворительнымъ и нравственнымъ цѣлямъ. Отнятіе вотчинъ было якобы средствомъ къ возстановленію иноческой жизни въ монастыряхъ. Монахи, по мысли Петра, должны были пропитывать себя своимъ трудомъ, содержать убогихъ и нищихъ и ходить за больными. Но они не должны были быть центрами просвѣщенія. Монастырскій Приказъ долженъ былъ не только наблюдать, чтобы монахи безъ воли настоятелей не скитались по Москвѣ, но чтобы и въ кельяхъ не держали бумаги, чернилъ, перьевъ и, если что надо писать, писали-бы въ трапезной въ присутствіи настоятеля. Приказъ имѣлъ судебную и дисциплинарную власть надъ монахами. Но время показало Петру, что безъ содѣйствія Церкви нельзя устраивать жизнь монастырей, и что мысль возлагать на Церковь или монастыри содержаніе людей, служившихъ государству, и потерявшихъ на этой службѣ всѣ силы, надо оставить. Въ 1716 г. наблюденіе надъ монастырской жизнью ввѣряется архіереямъ, которые при посвященіи своемъ даютъ клятву содержать монаховъ по уставамъ и правиламъ. Монастырскій Приказъ вѣдалъ выдачею денегъ на содержаніе архіереевъ, мѣстоблюстителя и Духовнаго Приказа. Въ 1701 году безъ разрѣшенія Государя запрещено строить монастыри, а еще въ 1796 г. было запрещено и монастырямъ употреблять деньги на строенія безъ царскаго разрѣшенія и приказано ежегодно расходныя книги присылать въ Приказъ Большого Дворца. Позже Монастырскій Приказъ вѣдалъ и всю строительную отчетность монастырей и выдавалъ средства на поддержаніе наличныхъ зданій. Черезъ Монастырскій Приказъ предписывалось приходскимъ Церквамъ устраивать дома для новорожденныхъ. Монастырскій Приказъ долженъ былъ побуждать епархіальныя вла-

сти заводить школы, на которыя Приказъ долженъ былъ давать деньги изъ вотчинныхъ доходовъ. Онъ же долженъ былъ слѣдить, чтобы дѣти духовенства поступали въ греческія и латинскія школы, и чтобы неучившихся въ этихъ школахъ не посвящали въ клирики. Типографіи раньше вмѣстѣ со школами были въ вѣдѣніи Патріарховъ, а теперь перешли въ вѣдѣніе Монастырскаго Приказа. Монастырскій Приказъ вѣдалъ и дѣла благотворительныя. Раньше при Патріархахъ были богадѣльни на попеченіи Патріарховъ на 400 человекъ. Патріархъ давалъ на нее опредѣленныя суммы въ казенный патріаршій приказъ, который и управлялъ богадѣльней. Теперь Монастырскій Приказъ выдавалъ содержаніе дряхлымъ, престарѣлымъ, больнымъ и долженъ былъ заботиться объ уничтоженіи бродячаго нищенства въ Москвѣ. Съ начала былъ созданъ богадѣльный приказъ подъ вѣдѣніемъ Монастырскаго Приказа, но потомъ они перешли въ непосредственное вѣдѣніе Монастырскаго Приказа. Отставные военные чины поручены были Монастырскому Приказу. Петръ распоряжался самъ церковными средствами для государственныхъ цѣлей, и около 1715 г. велѣлъ вѣчные деньги использовать для устройства инвалидовъ. Размѣщеніемъ по монастырямъ вѣдалъ Монастырскій Приказъ, а Сенатъ въ 1719 г. установилъ, чтобы монастыри платили отставнымъ военнымъ чинамъ деньги въ размѣръ жалованья гарнизонныхъ чиновъ тѣхъ губерній, гдѣ расположенъ былъ соотвѣтствующій монастырь. Изъ этого примѣра видно, что весь монастырскій укладъ жизни пересталъ быть дѣломъ церковнымъ, а исключительно государственнымъ, хотя по существу дѣло это — дѣло чисто церковное, подлежащее вѣдѣнію Церкви, даже при классификаціи Шульте [въ числѣ чисто церковныхъ дѣлъ онъ помѣщаетъ слѣдующія: 1) Вѣроученіе и нравоученіе христіанское вмѣстѣ съ правомъ издавать вѣроучительныя книги, организація проповѣдничества и религіозное воспитаніе членовъ Церкви; 2) Богослуженіе и все, что относится до него; 3) Совершеніе и преподаваніе Таинствъ; 4) Церковное устройство и управленіе, между прочимъ воспитаніе клира и принятіе въ составъ его, и все касающееся отправленія церковнаго служенія; 5) Церковное судопроизводство; 6) Дѣла по организаціи монашескихъ орденовъ; 7) Управленіе церковными имуществами].

Строй церковный у Петра I входитъ въ компетенцію государственной власти.

Но Петровская точка зрѣнія была иная: въ манифестѣ 25 января 1721 г. объ учрежденіи Духовной Коллегіи попеченіе о всемъ чинѣ духовномъ разсматривается, какъ право царской власти, въ соотвѣтствіи съ усвоенной цезарепапистской теоріей Θεοφана. Это видно уже изъ самого манифеста: „Посмотря на духовный чинъ и видя въ немъ многія нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудность, не суетный на совѣсти нашей возымѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарны Вышнему, аще толикая отъ Него получивъ благопоспѣшительство во исправленіе какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго. И когда нелицемѣрный Онъ Судья спроситъ отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ отъ Него врученномъ приставленіи да не будемъ безотвѣтны. Того ради образомъ прежнихъ, какъ въ Вѣтхѣхъ, такъ и Новѣхъ Завѣтѣхъ благочестивыхъ Царей, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго и не видя лучшаго къ тому способа паче соборнаго правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, къ тому же не наслѣдственная власть, того ради вѣще небрегутъ, устанавливаемъ Духовную Коллегію, т. е. духовное соборное правительство". Мы видѣли что Монастырскій Приказъ былъ главнымъ орудіемъ Царя при церковной реформѣ; мы видѣли, что государственный интересъ заслонилъ собой интересъ церковный, не только его поставленіемъ на первый планъ, но и простымъ уничтоженіемъ второго, какъ самостоятельной сферы другого союза. Царь, какъ понтифексъ максимумъ, явился вершителемъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ, вопреки канонамъ, своей собственной инициативой. Прикрываясь призрачной каноничностью онъ не далъ избрать другого Патріарха.

Для духовныхъ дѣлъ былъ назначенъ Митрополитъ Стефанъ Яворскій, но и его игнорировалъ Петръ, когда назначилъ въ 1712 г. въ Петербургское временное церковное управленіе, поставивъ администраторомъ церковныхъ дѣлъ Архимандрита Невскаго монастыря Θεοδοσία Яновскаго, ѣздившаго съ Государемъ и Государыней за границу въ 1716-1718 г. Его Царевичъ Алексѣй звалъ лютеранскимъ апостоломъ въ Россіи. „Развѣ за то его батюшка любить, что онъ вноситъ въ народъ лютеранскій обычай и разрѣшаетъ на все", говорилъ царевичъ Алексѣй. Учитель Царевича считалъ его непочитающимъ иконы. Первые годы въ Синодѣ Θεοδοсій и Θεοфанъ дѣйствовали совмѣстно въ одномъ направленіи съ Петромъ.

Осуществленіе Петромъ церковной власти обращаетъ нашъ взоръ къ временамъ Реформаціи, когда главари реформаторы учили, что право учительства Церкви принадлежитъ Государямъ, а также и право управленія ею черезъ Консисторіи. Территоріальная система на Западѣ, подчиняющая всѣ исповѣданія власти государства, опирающаяся на Гроція, Гоббса и Спинозу, была примѣнена въ своихъ крайнихъ выводахъ Томазіемъ, который уподобилъ принципиально право управленія Церковью другимъ правамъ государственнаго управленія, выводя ихъ изъ одного и того же существа государственной власти. Начало этой системы было заложено еще у Сапіто, друга Лютера, учившаго, что Церковь должна управляться государями, соединяющими въ своемъ лицѣ и духовную и свѣтскую власть. Протестантскіе Государи и присвоили себѣ сначала права Епископовъ по юрисдикціи, затѣмъ права учительства. Они отвергли стремленія иныхъ лютеранскихъ богослововъ устроить рядомъ съ Государями особую духовную власть, для того, чтобы самимъ стать духовными главами; то же сдѣлалъ и Петръ подъ вліяніемъ протестантовъ, съ которыми видѣлся заграницей, между прочимъ съ Англійскимъ королемъ, совѣтывавшимъ ему соединить въ своихъ рукахъ обѣ власти по образцу протестантскихъ государей. Характерно, что его преемникъ, черезъ сто лѣтъ говоритъ Наполеону въ 1807 году въ Тильзитѣ: „*Chez moi en Russie je suis à la fois Empereur et Pape c'est bien plus commode*". (Debidour. Histoire des rapports de l'eglise et de l'etat en France. p. 255).

Петръ не только восхищается на себя церковную власть, но и осуществляетъ ее не въ церковномъ направленіи.

Вставъ на мѣсто Патріарха, Петръ могъ бы производить реформы въ церковномъ духѣ; это было тоже не канонично, но по крайней мѣрѣ, не было бы полного порабощенія Церкви въ ея нѣдрахъ духомъ чуждаго для нея міра. Мы знаемъ, что для Московской Руси верховнымъ идеаломъ, отражавшимся и на государственномъ строительствѣ, былъ духъ церковный, духъ аскетическій, но этотъ духъ нисколько не мѣшалъ государству разрѣшать свои собственныя задачи совершенно независимо и пріобрѣтать ту матеріальную цивилизацію, которая необходима для его существованія, и вести внѣшнюю политику въ соотвѣтствіи съ національными интересами. Петръ въ этомъ отношеніи въ государственной политикѣ слѣдовалъ по пути, указанному государственными людьми времени Царя Алексѣя Михайловича — Никономъ и Ордынъ-Нащокинымъ; но въ своемъ размахѣ онъ не остановился и на порогѣ Церкви. Онъ не

только вторгся въ нее, но сталъ тамъ расправляться даже не въ духѣ самой Церкви, растворяя ее въ своихъ государственныхъ идеалахъ. Какой же духъ проникалъ его дѣятельность въ отношеніи къ Церкви?

Проведеніе государственнаго утилитарнаго принципа въ церковную сферу.

Въ немъ несомнѣнно сказалось протестантское ученіе объ оправданіи вѣрой, а задача государства для него состояла уже не въ пріобщеніи его къ высшимъ идеаламъ, а, напротивъ, въ подчиненіи всѣхъ другихъ государственному утилитаризму. Особенно это сказалося на отношеніи къ монашеству и въ мѣрахъ относительно внутренняго устройства монастырей, взятаго государственной властью въ сферу своего воздѣйствія.

Борьба съ древне-русскимъ аскетическимъ идеаломъ.

Эта тема особенно затрагивала Петра, ибо въ монашествѣ сказывался старый аскетическій идеаль свѣтившій Московскому государству, который подлежалъ теперь искорененію, и онъ неоднократно къ нему возвращался. О монашествѣ говорилъ и Указъ 1701 года, и Особое Прибавленіе къ Духовному Регламенту, и Указъ о званіи монашескомъ 1724 г. Всѣ они были борьбой и литературной и законодательной со старымъ взглядомъ на монашество. Монастырь представлялся древнерусскому человѣку осуществленіемъ высшаго идеала на землѣ. „Свѣтъ инокамъ ангелы, свѣтъ мірянамъ иноки" — вотъ тезисъ Московской Руси. Монашество почиталось чуть ли не выше царской державы, и сами Цари стремились до смерти успѣть принять монашескій чинъ. Въ лицѣ своихъ подвижниковъ аскетовъ, іерарховъ, оно было душой теократическаго строя, умственнаго движенія и нравственнаго воспитанія до Петра. Хотя монашество въ концѣ XVII вѣка имѣло много отрицательныхъ сторонъ, упоминаемыхъ его изслѣдователями (Проф. Знаменскій), однако идея его продолжала быть регулятивомъ житейскаго строительства, пока властной рукой Петръ не подточилъ критикой самую эту идею и черезъ литературные труды Ѳеофана, и черезъ свои законы.

О литературныхъ трудахъ Ѳеофана мы говорили. Скажемъ о законахъ. Прибавленіе къ Духовному Регламенту отъ мая 1722 г. опредѣляетъ, кого и какъ принимать въ монахи, до мелочей опредѣляетъ ихъ внутреннюю жизнь въ монастыряхъ. „Весьма монахамъ празднымъ быти да не попускають настоятели, избирая всегда дѣло нѣкое, а добре бы въ монастыряхъ бы завести художества. Волочащихся монаховъ ловить и никому не укрывать. Монахамъ ника-

кихъ по кельямъ писемъ, какъ выписокъ изъ книгъ, такъ и грамотокъ совѣтныхъ безъ собственнаго вѣдѣнія настоятеля никому не писать, чернилъ и бумаги не держать. Монахинямъ въ мірскихъ домахъ не жить, ниже по міру скитатися ни для какой потребности. Скитковъ пустынныхъ монахамъ строити не попускати, ибо сіе мнози дѣлають свободнаго ради житія, чтобы отъ всякой власти и надсмотрѣнія удалень жити возмоглъ по своей волѣ и дабы на новоустроаемомъ скитѣ собирать деньги и тѣми корыстовался... И не въ примѣръ намъ древнихъ отецъ отшельничества; были тогда мужіе, добрѣ въ богословіи христіанствѣ обучени. Отшельничество человѣку невѣжественному опасно есть, и душепагубному бѣдствію подлежаще, къ тому же пустынямъ прямымъ быти въ Россіи холоднаго ради воздуха невозможно". Но и это показалось Царю недостаточнымъ для искорененія „этого многому злу корня".

Вліяніе протестантизма на взглядъ Петра на монашество.

Замѣчая, что протестантство обходится безъ чернаго духовенства, Петръ рѣшилъ покончить съ монашествомъ. 26 января 1723 г. его Указъ повелѣвалъ, дабы отнынѣ впредь никого не постригать, а на убылыя мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ. Но эту мѣру онъ не смогъ провести и издалъ Указъ 31 января 1724 г., озаглавленный „Объявленіе когда и какой ради вины начался чинъ монашескій и какой былъ образъ житія монаховъ древнихъ и какой нынѣшнихъ исправить хотя по нѣкому древнимъ подобію надлежитъ". **Чистовичъ** („Ееофанъ Прокоповичъ и его время" въ Сборникѣ статей, читанномъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наук" т. IV), изслѣдовавшій это произведеніе, удостовѣряетъ, что указъ составленъ Царемъ, а Ееофанъ сдѣлалъ выписки изъ отцовъ Церкви и цитаты изъ церковно-историческихъ сочиненій. „Объявленіе" возстаеъ противъ древняго русскаго взгляда на монашество, какъ на дѣло, имѣющее значеніе личной заслуги передъ Богомъ и слѣдовательно, какъ на дѣло богоугодное и спасительное. Въ основѣ этой критики лежитъ протестантское ученіе объ оправданіи грѣшнаго человѣка ради единыхъ Христовыхъ заслугъ туне, т. е. даромъ, не вслѣдствіе заслугъ передъ Богомъ, а единственно вслѣдствіе безграничной милости Божіей. „Объявленіе" и доказываетъ, что монашеское званіе не заслуга, не можетъ почитаться идеаломъ, и что истинное богоугодное дѣло заключается въ томъ, чтобы всякій человѣкъ строго исполнялъ обязанности своего чина". Такое ученіе

въ корнѣ противорѣчило Московско-Византійскому идеалу благочестія; оно служило основой для всѣхъ мѣръ Петра лишить монашество и духовенство прежняго исключительнаго положенія въ обществѣ. **Морозовъ** говоритъ, что отъ Петра сохранилось множество замѣтокъ къ устраненію монашества и въ одной изъ нихъ сказано: „Слѣдуетъ вытолковать, что всякаго исполненіе званія есть заслуга, а не одно монашество“.

Государство навязываетъ Церкви свое воззрѣніе на монашескій чинъ.

Θеофанъ въ „Книгѣ о блаженствахъ“ оспаривалъ мнѣніе, что вѣчную жизнь надо заслужить подвигами, достоинство которыхъ измѣряется ихъ трудностью, опасностью, лишеніями и страданіями. **„Прибавленіе къ Духовному Регламенту“ относитъ къ предразсудкамъ старины, мнѣніе будто монашество есть лучший путь ко спасенію, и что хоть передъ смертью надо принять постриженіе.** Государство такимъ образомъ навязываетъ Церкви свою точку зрѣнія на чисто церковное установленіе и властно проводитъ ее черезъ посредство церковныхъ учрежденій. **Большаго отверженія Церкви, какъ самостоятельнаго учрежденія съ самостоятельными цѣлями и средствами трудно, кажется, себѣ представить. Вся вообще монашеская жизнь была регулирована государственнымъ закономъ.** Монастыри и монахи были переписаны въ силу царскихъ Указовъ, и монахи были закрѣплены за своими монастырями, какъ крестьяне. Разрѣшалось лишь одинъ разъ въ жизни перемѣнить монастырь. Среди этихъ мѣръ были и полезныя: напр. изгнаны изъ монастырей всѣ бѣльцы, жившіе въ монастыряхъ по родству съ монастырскими властями, прекращено бродяжничество, которое невыгодную тѣнь бросало на все монашество, усилена строгость въ монастыряхъ, но все же это не оправдывало съ церковной точки зрѣнія того, что государство со своими цѣлями встало на мѣсто Церкви въ чисто-церковномъ вопросѣ. Оно издало новыя правила и относительно управленія монастырей. Духовный Регламентъ подтвердилъ старый обычай выбора настоятеля всей братіей, но въ то же время въ цѣляхъ правительственнаго контроля установилъ, что въ главныхъ монастыряхъ настоятелями могутъ быть только изъ Александро-Невскаго монастыря, ибо о другихъ „ничего неизвѣстно государю“. Въ монастырское управленіе введенъ строй доселѣ неизвѣстный: нѣсколько монастырей съ игуменами подчиняются одному архимандриту въ видахъ правительственной градаціи; такія подчиненія раньше бывали, но вы-

текали изъ условій и требованій самой церковной жизни (вслѣдствіе происхожденія одного монастыря отъ другого или взятія однимъ другого ради защиты отъ своеволія вельможъ). Настоятель долженъ былъ при поступленіи давать присягу, что не будетъ держать ханжей и затворниковъ. Настоятелю разрѣшалось имѣть сношенія съ монастырскимъ духовникомъ для разузнаванія пороковъ среди братіи. Иногда впрочемъ мѣры Петра шли въ направленіи, указанномъ предыдущими Церковными Соборами 1667 и 1681 г. Эти Соборы принимали мѣры къ поддержанію монастырскаго общежитія, боролись съ институтомъ монаховъ собственниковъ, имѣвшихъ отдѣльныя келіи и жившихъ своимъ хозяйствомъ, или съ жительствою въ гостяхъ постороннихъ людей. Петръ въ духовномъ регламентѣ рѣшилъ прервать связь съ міромъ и не позволялъ монаху выходить изъ монастыря больше четырехъ разъ въ годъ, и то съ вѣдома настоятеля, запретилъ монахамъ управлять самимъ вотчинами, и только черезъ прикащиковъ. Петръ запретилъ и вклады въ монастыри отъ поступающихъ въ нихъ, чтобы не уничтожалось равенства между монахами. За нарушеніе этого настоятель терялъ должность.

Проникновеніе утилитарныхъ стремленій Петра въ регламентацію имъ монастырской жизни.

На ряду и съ этими мѣрами благоустройства внутренней монастырской жизни, на что компетентна только церковная власть, Петръ проводилъ свою свѣтскую точку зрѣнія и отвергалъ главное дѣло монаховъ которымъ они поднимаются надъ дольнымъ міромъ — молитву: „А что говорятъ молятся, то и всѣ молятся... Какая прибыль обществу отъ сего? Воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ; понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности дабы даромъ хлѣбъ ѣсть". Онъ хотѣлъ извлечь изъ нихъ практическую пользу. „Объявленіе" 1724 г. начертало проэктъ устройства монастырей съ образовательной цѣлью, чтобы изъ среды обученныхъ вербовать священство и всякія начальства, но образовательное значеніе придано только Александро-Невскому монастырю. Рядъ мѣръ принялъ Петръ для извлечения пользы изъ простыхъ монаховъ. Духовный регламентъ требовалъ завести по всѣмъ монастырямъ художества столярныя, иконописныя, а для монаховъ пряжу, шитье, плетеніе кружевъ. Въ 1722 г. въ женскія обители вызваны мастерицы для обученія пряденію. Надзоръ за обученіемъ возлагался на св. Синодъ. Петръ хотѣлъ сдѣлать монастыри мѣстами благотворительности и общественнаго призрѣнія. Это было и въ старину, но Петръ хотѣлъ

сдѣлать изъ этого официальную государственную обязанность и главное дѣло монастырей. Въ монастыри посылались подкидыши, сироты, преступники, сумасшедшіе, увѣчные солдаты, и монастыри превращались постепенно въ богадѣльни, лазареты и воспитательные дома. За всѣмъ должны были слѣдить іеромонахи, іеродиаконы и докладывать настоятелю. По „Объявленію“ единственный богоугодный видъ житія для монаховъ почитался „еже служить прямымъ нищимъ престарѣлымъ и младенцамъ“. При женскихъ монастыряхъ велѣно было устроить женскія богадѣльни и больницы и распредѣлить тамъ монахинь. Нѣсколько женскихъ монастырей отведено было для воспитанія младенцевъ. **Основная мысль Петра была сдѣлать монаховъ полезными членами общества и полезными именно своей матеріальной службой, которая въ его глазахъ не могла быть замѣнена службой духовной.** Онъ занятъ былъ самъ преобразованіемъ матеріальныхъ силъ народа, смотрѣлъ на подданныхъ исключительно съ государственной точки зрѣнія, требовалъ чтобы рѣшительно никто отъ такой именно службы не уклонялся, и монашеское отреченіе отъ міра для него казалось тунеядствомъ. Такая узко-матеріалистическая точка зрѣнія Петра простиралась и на духовенство. **Монастыри перестаютъ быть центромъ молитвы, подвига и связью съ міромъ, прибѣжищемъ для обездоленныхъ, а превращаются въ монастырскія богадѣльни, лазареты, теряютъ свой собственный смыслъ.** Вся крайность Петровскаго утилитарно-матеріалистическаго воззрѣнія сказала въ этой реформѣ монастырей, потребовавшей отъ монаховъ матеріальнаго служенія обществу, при убѣжденіи въ беспомощности ихъ духовнаго служенія, и уронившей значеніе монастыря. Толчокъ, данный Петромъ законодательству о Церкви, продолжался до половины XVIII в., и результатъ его виденъ изъ доклада Синода въ 1740 г.: „много монастырей безъ монаховъ, церкви монастырскія безъ службъ; некого опредѣлять къ монастырскимъ службамъ ни въ настоятели, ни въ школы для дѣтей. „Монашество уменьшалось, и Синодъ опасался, чтобы оно вовсе не уничтожилось въ Россіи. Вотъ плоды протестантскаго вліянія и разрушенія той Святой Руси, которую строилъ Никонъ. Реформа выдвинула на мѣсто церковнаго авторитета самодовлѣющій государственный авторитетъ, которому, по мысли Петра, все должно быть принесено въ жертву; интересы религіозные удалены изъ жизни на второй планъ, и первое мѣсто отдано интересамъ политическимъ. Это новое движеніе имѣло противъ себя и Кіевскихъ ученыхъ (Сте-

фанъ Яворскій) и другихъ представителей православія (Св. Димитрія Ростовскаго и кн. Димитрія Кантемира и многихъ іерарховъ; Св. Димитрій, сочувственно относившійся къ другимъ реформамъ Петра, строго однако порицалъ стремленіе ограничить права и преимущества духовнаго сословія, занимавшаго первенствующее положеніе въ государствѣ), — и представителей раскола, и огромныя массы православнаго народа.

Церковь перестаетъ при Петрѣ быть опредѣляющей стихіей государственнаго строительства.

Это естественно, ибо церковная реформа Петра была уничтоженіемъ прежнихъ церковныхъ основъ русской жизни. Послѣ Петра Православіе перестало быть опредѣляющей стихіей государственнаго строительства въ Россіи; оно, продолжая существовать, опредѣляло жизнь массъ народа, процвѣтало въ монастыряхъ, скитахъ, давало святыхъ подвижниковъ, но оно уже не было той связывающей само государство стихіей, которое отметало бы вліяніе любыхъ философскихъ системъ, постепенно другъ друга смѣняющихъ. Многимъ не безъ причины казалось, что съ отмѣной патріаршества Церковь теряетъ свою независимость, и **потому протесты противъ Петровской церковной реформы, направленные противъ уничтоженія Церкви, какъ особаго самодовлѣющаго организма, выливались въ протестъ противъ отмѣны патріаршества.** Въ этой отмѣнѣ усматривали равно и уничтоженіе идеи воцерковленія государства, и постановку чисто свѣтскихъ задачъ государству; патріаршество по его положенію въ государствѣ символизировало теократическій строй жизни, и потому уничтоженіе его рассматривалось, какъ нечестіе, какъ доказательство Антихристова пришествія.

Сочиненіе раскольника о Петрѣ съ протестомъ противъ превращенія православнаго Царя въ главу Церкви.

Интересно въ этомъ отношеніи раскольничье сочиненіе „Собраніе отъ Св. Писанія объ Антихристѣ“. „И той лжехристосъ нача превозноситься паче всѣхъ глаголимыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ и нача величаться и славиться передъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ, истребляя отъ земли память ихъ, распространяя свою новую жидовскую вѣру и Церковь во всей Россіи; въ 1700 г. обнови по совершенномъ своея злобы совершеніи, новолѣтіе Янусовское и узаконивъ отъ онаго вести исчисленіе, **а въ 1721 г. пріяхъ на себя титулу патріаршую, именовася Отцомъ Отечества**

и главой Церкви Россійской и бысть самовластенъ, не имѣя никого въ равенствѣ себѣ, восхитивъ на себя неточію царскую власть, но и святительскую и Божію бысть самовластный пастырь, едина безглавная глава надъ всѣми, противникъ Христовъ, Антихристъ... Якоже папа въ Римѣ, тако и сей Лжехристосъ нача гонити и лѣстити и искоренити остатокъ въ Россіи православныя вѣры, и свои новые умыслы уставляя и новыя законопопощенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію, состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Россію съ великимъ угрешеніемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и **устави Синодъ и Синодъ и самъ бысть надъ ними главою, судьей главнѣйшимъ; и тако нача той глаголемый Богъ паче мѣры возвышати.** Той же Лжехристосъ сіе содѣла отъ гордости живущаго въ немъ духа, учини народное описаніе, исчисляя вся мужска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, и живыхъ и мертвыхъ, возвышался надъ ними и изыска всѣхъ дабы ни единъ могъ сокрытися рукъ его и обладая ихъ даньми великими не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини — и съ мертвыхъ дани востребовавъ: сего и въ давнія времена бывшіе мучители не творили. И тако той Лжехристосъ, **восхитивъ на себя царскую и святительскую власть и вступи на высочайшую степень патріаршескую, яко свидѣтельствуеть о томъ изданная имъ книга „Духовный Регламентъ“ листъ 3 въ 9 пунктахъ:** како и для чего уничтожи патріаршество, дабы ему единому властвовать, не имѣя равна себѣ, но, **вмѣсто того устави Синодъ** или Синедріонъ, содержащую въ себѣ правленіе духовныхъ дѣлъ, имѣя въ себѣ 12 членовъ, 4 ассессоровъ, 2 президентовъ, 2 вице-президентовъ, и приводя ихъ седьмоклятвенной присягой, дабы кромѣ его единаго, никакихъ дѣлъ не творити, но имѣли бы его единаго превысочайшимъ главой и судьей всей Церкви, и тако совершень соборъ учинилъ себѣ, воспріавъ по образу 12 апостоловъ Христовыхъ, и самъ единъ безглавная глава, превозносясь надъ всѣми. (Ч. О. И. И Др. Р. 1863; отд. III стр. 53—60). Хотя этотъ голосъ исходилъ отъ раскольниковъ, но подъ нимъ смѣло подписался бы и Никонъ, одинаково съ ними державшійся культуры церковной и обвинявшій Алексѣя Михайловича въ восхищеніи на себя власти церковной и видѣвшій въ этомъ захватѣ знаменіе близости Антихристова пришествія. Означенное сужденіе, исходившее изъ толщъ народныхъ, показываетъ, **что превращеніе православнаго Царя въ главу Церкви не прошло безъ народнаго протеста, и чуткой на-**

родной совѣсти претиль цезарепапизмъ, какъ явленіе, порожденное не православіемъ, а языческой культурой дохристіанскаго Рима, и усугубленный протестантскимъ пониманіемъ объема свѣтской власти въ церковныхъ дѣлахъ. Сочиненія Теофана, наталкивавшія на сомнѣнія въ мощахъ, въ святыхъ, въ иконахъ, и вызванныя этимъ духомъ мѣропріятія по свидѣтельствуемоу мощей, житій святыхъ, чудесъ, акаѳистовъ, запрещеніе строить Церкви безъ разрѣшенія Синода, закрытіе часовень, запрещеніе ходить по домамъ съ иконами — тяжело дѣйствовало на религіозныя чувства народа. Главными виновниками народъ почиталъ Теофана и Θεодосія этого „апостола лютеранства“, по выраженію Царевича Алексѣя Петровича.

Протестъ народнаго чувства противъ попраіа аскетическаго идеала.

Недовольство усиливалось въ монашествѣ превращеніемъ монастырей въ богадѣльни, воспитательные дома и дома призрѣнія для старыхъ и увѣчныхъ солдатъ. Народное чувство восставало не противъ благотворительнаго направленія монастырей, **а противъ сознательнаго искаженія самой ихъ идеи и попраіа аскетическаго идеала жизни**. Сторонники старины звали Регламентъ „Проклятой книгой“, какъ въ свое время называлъ Никонъ „Уложеніе“, впервые ставшее на путь государственной секуляризаціи. Но иные обличители не рѣшались обвинить самого Петра и увѣряли, что онъ былъ обманутъ еретиками Теофаномъ и Θεодосіемъ. Послѣ смерти Петра партія старины раскритиковала Духовный Регламентъ и писала, что „безбожный ересіархъ Теофанъ, сдружившись съ ересіархомъ Θεодосіемъ Яновскимъ, начали явно всю Святую Церковь бороть и всѣ ея догматы и преданія разрушать и превращать въ безбожное лютеранство и прочее еретичество вводить и вкоренять, и тогда весьма было отъ нихъ въ народѣ плачевное время. Учали быть вездѣ противу благочестія безопасныя бесѣды, и кто каковое хотѣлъ на Церковь поношеніе говорилъ и всякое развратное и слабое житіе имѣти училъ смѣло; и такъ тогда поносима и возничтожаема Св. Церковь была, что всякое христіанское благочестивое дѣло единымъ словомъ и суевѣріемъ называемо было; и кто въ нихъ еретикахъ былъ пуще пьяница и нахаль, и сквернословъ, и шутъ, тотъ званъ и вмѣняемъ въ простосердечнаго и благочестиваго человѣка, и въ высочайшія чести духовныя по ихъ еретическому предстательству возводимъ былъ; кто же хотя мало постникъ или воздержанъ и богомольный человѣкъ, тотъ у нихъ званъ былъ раскольниковъ и лицемѣромъ и ханжой и

безбожнымъ, и весьма недобрымъ человѣкомъ". Теофанъ, пропитанный протестантскимъ раціонализмомъ, относился къ народному пониманію религіи съ глубочайшимъ презрѣніемъ, и пристрастіе къ обряду почиталъ грубымъ ханжествомъ и преслѣдовалъ. Онъ въ корнѣ подрывалъ все то, что считалось основой русскаго благочестія. Народъ видѣлъ, что преслѣдуются самые дорогіе предметы его религіознаго почитанія, что обычай и вѣрованія дѣдовъ провозглашаются „бабьими баснями“, „душепагубными дуростями“; недовольство народа выражалось въ разныхъ формахъ, то въ подметныхъ письмахъ, то въ появленіи разныхъ людей, критикующихъ церковную реформу Петра. Такъ Соловьевъ (XV, 137) сообщаетъ о появленіи въ Москвѣ Нижегородскаго посадскаго Андрея Иванова, пришедшаго за 400 верстъ сообщить Царю, что онъ — еретикъ разрушаетъ христіанскую вѣру.

Всѣ внѣшнія формы религіи были дороги русскому человѣку, какъ видимое выраженіе православія; обрядъ тѣсно соединялся въ умѣ съ представленіемъ о вѣрѣ, и нарушеніе его почиталось грѣхомъ. А Петръ хотѣлъ репрессіями устранить вѣками выработанный религіозный складъ жизни и естественно нажилъ враговъ. Представленіе же его о путяхъ спасенія уже исходило въ дѣйствительности изъ иного неправославнаго ученія, результатомъ чего было его отношеніе и къ монашеству; иныя были у него и каноническія понятія о правительственной власти въ Церкви, полученные изъ протестантскаго ученія; отсюда его понятіе о возможности отмѣны патріаршества свѣтской властью. Народъ инстинктивно чувствовалъ, что все это не можетъ дѣлать Царь православный, тотъ Царь православный, о которомъ училъ и Никонъ.

Значеніе уничтоженія патріаршества съ канонической точки зрѣнія.

Уничтоженіе патріаршества лишало Церковь самостоятельнаго, канонами созданнаго, іерархическаго строя, возглавлявшагося іерархомъ высшаго сана, самыя отношенія котораго со всей іерархіей диктовались не государственными, а церковными различіями. Теперь же въ Синодъ вошли лица всѣхъ степеней іерархіи, долженствовавшіе по принципу церковному быть въ подчиненіи, а не въ начальствованіи; принципы устройства государственныхъ коллегій примѣнены къ Синоду, и его члены даже назывались тѣми же именами президентовъ, ассессоровъ. Морозовъ сообщаетъ, что сначала въ Синодъ хотѣли ввести и протестантскихъ пасторовъ и

сдѣлать его высшимъ административнымъ учрежденіемъ и для другихъ христіанскихъ Церквей (первое время ему и подлежали лютеранскія Церкви). Это было окончательнымъ уничтоженіемъ особы Церкви, высшій органъ которой получалъ бытіе отъ государства и становился однимъ изъ государственныхъ учреждений. **Въ соотвѣтствіи съ этимъ исповѣдь и проповѣдь поставлены на службу государству.** Преступленія государственныя духовникъ открывалъ полиціи, а проповѣдь призвана была стать однимъ изъ политическихъ средствъ для государства.

Значеніе уничтоженія патріаршества съ культурной точки зрѣнія.

Уничтоженіе патріаршества было однимъ изъ проявленій угашенія аскетическаго идеала и всего монашескаго чина, къ которому принадлежалъ всякій Патріархъ. Духовный Регламентъ лишалъ духовенство первенствующаго положенія въ государствѣ и дѣлалъ Церковь уже не указательницей идеаловъ, которые призвано воспринимать и осуществлять государство, а просто однимъ изъ учреждений, департаментомъ полиціи нравовъ; въ видахъ этого Регламентъ высмѣивалъ духовенство и съ высокаго пьедестала учительнаго сословія вводилъ его въ среду житейской пошлости, гдѣ его представители выставались, какъ грубые невѣжды, ханжи, проповѣдующіе нелѣпости, тунеядцы, своекорыстные служители своихъ матеріальныхъ вожделѣній, готовые на бунтъ, убійства. Церковный авторитетъ теперь представлялся, какъ носитель косности, давящій мысль, и ему противопоставленъ болѣе сильный исключительный авторитетъ государственной власти, требующій безусловнаго подчиненія во имя ея просвѣщеннаго деспотизма.

Отличіе положенія Церкви въ послѣ-Петровскій періодъ отъ періода до-Петровскаго.

Сама Церковь становится орудіемъ на этомъ пути; она должна быть поставлена въ такое положеніе, чтобы дѣйствовать въ направленіи, удобномъ для цѣлей государственной власти. Раньше Церковь, какъ самостоятельное отъ государственной власти учрежденіе, могла и развиваться самостоятельно въ самой себѣ, параллельно государству и независимо отъ него; теперь она должна была дѣйствовать, какъ одно изъ государственныхъ учреждений, наряду съ другими государственными учрежденіями по предписаніямъ верховной власти „подъ наблюденіемъ и руководствомъ изъ офицеровъ, человека добраго и смѣлаго“, какъ говоритъ Указъ о назначеніи

оберъ-прокурора 11 мая 1722 года. Теперь и Церковь обращается уже не только съ увѣщаніемъ, исходя изъ нравственного убѣжденія, а какъ правительственное учрежденіе, издающее юридически обязательные акты, неисполненіе которыхъ карается силой государственнаго закона. Церковь уже — не сила нравственно воспитательная, а учрежденіе, въ которомъ физическое принужденіе возводится въ систему. Сама проповѣдь церковная изъ живого слова превращается въ сухую мораль, регламентированную правительствомъ до мелочей, до позы проповѣдника, и Церковь лишается положенія свободной воспитательницы народа, свободно отзывающейся на всѣ явленія жизни. Черезъ это и народъ уходилъ въ сторону отъ государственной Церкви, не помогающей самостоятельно ему разобраться въ явленіяхъ жизни, и искалъ другихъ учителей, или впадалъ въ религіозный индифферентизмъ. Духовенство перестало быть сословіемъ, стоящимъ во главѣ интеллигенціи, и превратилось въ замкнутое сословіе, въ которомъ научные и образовательные интересы занимали второстепенное значеніе. Все это было результатомъ того положенія, которое отводилъ Церкви Петръ, дѣлая ее государственнымъ учрежденіемъ, получающимъ директивы отъ свѣтскаго правительства и призваннымъ переживать вліяніе тѣхъ же идей, которыя раздѣляетъ въ данное время свѣтское правительство, вмѣсто того, чтобы служить вѣчно одинаково свѣтящимъ маякомъ истины, добра и красоты, какимъ ее дѣлалъ Никонъ.

Мысли о возстановленіи патріаршества послѣ смерти Петра и преслѣдованіе за нихъ.

Церковныя реформы Петра вообще, и уничтоженіе патріаршества въ особенности, какъ главная мѣра Петра по уничтоженію общественнаго значенія Церкви, вызвало противъ себя протестъ, не только въ народныхъ массахъ, но и въ литературѣ, и въ реальныхъ попыткахъ и мысляхъ о возстановленіи патріаршества немедленно вслѣдъ за смертью Петра. Самая его преждевременная смерть разсматривалась какъ кара Божія за присвоеніе церковной власти. „Вотъ де, говорилъ Архіепископъ Новгородскій **Θеодосій** въ Синодѣ, только коснулся духовныхъ дѣлъ и имѣній, Богъ его взял". **Θеофанъ** составилъ дѣло о бунтѣ изъ неосторожныхъ словъ Архіепископа **Θеодосія** и послѣдній былъ арестованъ 27 апрѣля 1717 года, осужденъ 11 сентября 1725 г. и умеръ въ 1726 г. Тверской арх. **Θеофилактъ** по обвиненію въ желаніи стать Патріархомъ тоже былъ заточенъ въ 1736 г., 31 декабря 1740 г. онъ снова принялъ знаки

архіерейскаго сана и умеръ 6 мая 1741 г. За пропаганду идей о патріаршествѣ былъ заточенъ въ 1732 г. архимандритъ Маркеллъ Родышевскій, впослѣдствіи прощенный, умершій Епископомъ въ 1742 г. Среди противниковъ церковной реформы Петра былъ еще Ростовскій Епископъ **Георгій Дашковъ**, выдвигавшійся при Петрѣ II какъ кандидатъ въ Патріархи (въ это время у власти былъ князь Д. М. Голицынъ, почитатель памяти Стефана Яворскаго, поручавшій Ѳеофилакту писать возраженія на Буддея протестанта); онъ по смерти Петра въ 1726 г. Екатериной I былъ опредѣленъ 3-мъ архіереемъ въ Синодъ; Указомъ Императрицы Анны въ 1730 году 21-го іюля вмѣстѣ съ Ѳеофилактомъ онъ былъ удаленъ изъ Синода и 19-го ноября того же года Указомъ Императрицы Анны онъ заточенъ и въ февралѣ 1731 года принялъ схиму. Онъ заточенъ былъ въ Спасокаменномъ монастырѣ на островѣ Кубенскаго озера, въ 1734 г. онъ былъ отправленъ въ Нерчинскій монастырь съ запретомъ принимать отъ него какое бы то ни было заявленіе. Поводъ къ этому былъ въ томъ, что ему покровительствовали враги Анны — Долгорукіе, вслѣдствіе чего заключали, что и ихъ другъ Дашковъ — врагъ. По этому поводу про время Императрицы Анны историкъ пишетъ то, что легко представить намъ послѣ совдепіи, но трудно историкъ, жившему въ концѣ 19 вѣка: „Даже издали, на разстояніи 1 ½ вѣковъ страшно представить то ужасное мрачное и тяжелое время съ его допросами и очными ставками, съ желѣзами и пытками. Человѣкъ не сдѣлалъ никакого преступленія, вдругъ его схватываютъ, заковываютъ въ кандалы и везутъ въ СПБ, Москву, неизвѣстно куда, за что. Когда то годъ—два назадъ онъ разговаривалъ съ какимъ-то подозрительнымъ человѣкомъ. О чемъ они разговаривали — вотъ изъ-за чего всѣ тревоги, ужасы, пытки. Везъ малѣйшей натяжки можно сказать про то время, что, ложась спать вечеромъ, нельзя было поручиться за себя, что не будешь къ утру въ цѣпяхъ и съ утра до ночи не попадешь въ крѣпость, хотя бы не зналъ за собой никакой вины". Вина всѣхъ этихъ духовныхъ лицъ была только въ желаніи возстановить каноническій строй управленія Русской Церковью, и неодобреніе церковной реформы Петра, не соотвѣтствовавшей воспитаннымъ на православіи народнымъ взглядамъ".

Но и при самой Аннѣ мысль о патріаршествѣ не оставлялась и сторонники его прочили въ Патріархи архимандрита **Варлаама**, духовника Императрицы. Мы не будемъ перечислять многихъ другихъ, пострадавшихъ въ низшихъ чинахъ, только скажемъ, что главныя

преслѣдованія относились ко времени Императрицы Анны, когда толчокъ, данный Петромъ въ церковной реформѣ, привелъ къ своему естественному результату, прямому гоненію на православіе. Но послѣ смерти Ѳеофана въ 1736 г. первымъ членомъ Синода сдѣлался Вологодскій Епископъ, **Амвросій Юшкевичъ**, защитникъ патріаршества и взглядовъ Маркелла Родышевскаго. Съ вступленіемъ на престолъ Елизаветы онъ привѣтствовалъ Россію съ избавленіемъ отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ, истреблявшихъ православіе. Чистовичъ пишетъ: „Синодъ вспомнилъ о своихъ страдающихъ при Елизаветѣ; наступило точно воскресеніе изъ мертвыхъ. Сотни, тысячи людей безъ вѣсти пропавшихъ и считавшихся умершими ожили снова. Со всѣхъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири, послѣ смерти Императрицы Анны потянулись освобожденные страдальцы на свою родину, или въ мѣста прежней службы — кто съ вырванными ноздрями, кто съ отрѣзаннымъ языкомъ, кто съ перетертыми отъ цѣпей ногами, кто съ изувѣченными отъ пытокъ руками и изломанной спиной". Церковные проповѣдники при Елизаветѣ приписывали это ненависти Бирона, Остермана, Миниха, Левенвольда и прочихъ нѣмцевъ лютеранъ къ русской вѣрѣ и русскому народу и старавшихся де истребить самый корень восточнаго благочестія, и считали такъ потому, что больше всѣхъ терпѣли духовные — архіереи, священники и монахи. Архіепископъ **Кирилль Флоринскій**, ректоръ Московской Духовной Академіи говорилъ: „Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссары дьявола, имъ же попустившу Богу, богатство, слава и честь желаніемъ приключишася: сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерствъ и вѣрнаго услуженія государству Россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи: правовѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но и до корня истребятъ".

Вотъ что стало въ Россіи, когда начатая при Алексѣѣ Михайловичѣ государственная секуляризація привела къ гегемоніи государства надъ Церковью, а сама власть въ государствѣ оказалась въ рукахъ подлинныхъ протестантовъ, оказавшихся не на второстепенныхъ постахъ, какъ при Петрѣ, а на дирижирующихъ должностяхъ, какъ при Императрицѣ Аннѣ. Заложная при Петрѣ идеологія царской власти осталась на все время императорскаго періода; положеніе Церкви въ государствѣ фактически измѣнялось въ разныхъ царствованія, но всегда подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя принима-

ла сама свѣтская власть; оно не опредѣлялось уже всегда одинаковымъ ученіемъ Православной Церкви, указываемымъ въ теоріи симфоніи Никона и въ ученіи о православномъ Царѣ, которое устанавливалъ Никонъ, и которое, не отнимая ничего у Церкви, призывало государство пріобщаться къ духу Церкви и ея направленію, видя въ ней отдаленный, хотя никогда, можетъ, недостижимый идеаль.

Литературная борьба за возстановленіе патріаршества и аскетическаго уклада жизни. Маркелль Родышевскій.

Изъ представителей литературной борьбы за возстановленіе каноническаго строя нельзя не отмѣтить архимандрита **Маркелла Родышевскаго**, который подвергъ критикѣ одинаково и Духовный Регламентъ, и Указъ о монашествѣ. Онъ старался выяснить, **что патріаршество есть не только древнѣйшая, но и единственно законная форма правленія** (понимая подъ патріаршествомъ возглавленіе Церкви однимъ изъ ея Епископовъ); здѣсь же онъ уяснялъ, въ связи съ патріаршествомъ, **самый принципъ древне русскаго монашества, то, что въ немъ было жизненнаго, что привязывало къ нему народъ и давало ему значеніе одной изъ важнѣйшихъ формъ народной жизни.** Для него монашество есть совершеннѣйшее житіе христіанское и чинъ, соединенный съ присягой при постриженіи. Высшее совершенство его — то, что монахъ обѣщаетъ сохранить не только заповѣди Христовы, но и совѣты — нищеты, чистоты и послушанія ради Бога. Самъ Богъ умыслилъ черезъ Церковь Свою „этотъ чинъ святой и непорочный по Божественному Своему Слову и усмотрѣнію установилъ, паче же ради пользы великія всѣхъ православныхъ христіанъ“.

На вопросъ, когда начался монашескій чинъ, Маркелль Родышевскій отвѣчаетъ, что „этотъ чинъ трегубый. Есть монахи, которые не имѣютъ постриженія монашескаго или одежды, но дѣла и нравы монашескіе исполняютъ. Таковыми были первые Апостолы, которые самовольну Христа ради нищету воспріали, оставивши дома, села и отцовъ и чады и шедшіе по Господу. Таковъ былъ монахъ и начальникъ всѣхъ пустынножителей Св. Іоаннъ Креститель. Второй чинъ, или монахи прямѣйшіе были, носившіе отличныя одежды отъ прочихъ христіанъ, описанные въ Чети-Минейхъ и прологахъ со времени Пахомія Великаго, которому ангелъ во образѣ великаго чина современныхъ иноковъ далъ въ руки дщицу имущую написанныя угрозы иноческаго житія и началось нынѣшнее монашество въ великомъ ангельскомъ образѣ“. Такъ монастыри оказывались восприняв-

шими начало съ самыхъ первыхъ вѣковъ по Христъ. Если Петръ и Теофанъ возставали противъ монастырей въ городахъ, то Маркелль возражалъ, что это сдѣлано по многимъ причинамъ: „во-первыхъ ради добродѣтельнаго ихъ житія, дабы образъ всѣмъ христіанамъ во градѣхъ живущихъ могли быти и въ подражаніе; во-вторыхъ ради молитвъ ихъ сильныхъ у Бога, чтобы уврачевывали съ вѣрой и благоговѣніемъ къ нимъ приходящихъ; чтобы далеко не искать еже на архіерейство и на самое патріаршество возводить достойныхъ, но дабы предъ очима всегда были, яко же познать удобно изъ исторіи. Ради ихъ службы отъ сокровищъ царскихъ давалось имъ имущество, дабы они вмѣсто Царей и Патріарховъ и вмѣсто всего царства подавали всѣмъ потребная — вдовамъ, сиротамъ, страннымъ, больнымъ и всѣмъ во всѣхъ нуждахъ сущимъ. Это есть главнѣйшая и первая причина, коея ради начались быть вотчины при монастыряхъ и въ Греческомъ царствѣ и въ Россійскомъ. Давать священному чину всякому, монаху или клирику, есть повелѣніе еще въ Ветхомъ Завѣтѣ!... „Весьма безъ основанія и нетвердо разсужденіе написано“, продолжаетъ Маркелль, „будто чинъ монашескій есть отъ человѣка установленный. Показано выше, что монашество есть истинное христіанство совершенное, которое всякій законъ Христовъ и Совѣты Его исполняетъ всеусердно. Убо ли совершенные христіанскіе монахи древніе путь свой имѣли отъ человѣкъ установленный? **А правду сказать сіе слово на лютеранство много походило и едва ли не самое оно есть, взятое отъ трактата лютеранскаго о монашествѣ.** Благочестивѣйшіе православные Цари греческіе и по нихъ вси по всѣмъ странамъ и царствамъ по совѣту съ синклитомъ или Сенатомъ своимъ Христу Господу отъ всего любленія сердечнаго своего удѣляли часть и опредѣляли ю Богу своему Христу Господу во вся. Отъ такого то чина и образа и опредѣленія и въ насъ въ Россіи содѣлалось и принято отъ Греческаго царства съ вѣрой благочестивой тогда, когда увѣрила Св. Ольга, Св. Владиміръ и многіе Россійскіе Цари и иніи создатели монастырей и церквей; и оттолѣ завелся чинъ сей богоугодный и таковымъ, якоже и рѣхъ, образомъ и сей ради вины. **Обида монастырямъ есть поэтому обида чести Христовой и наслѣдію Его или во имя Его Пресвятой Богородицы и святого коего отданному. Надо лишь позаботиться чтобы монастырское имущество и церковное не шло на сторону помимо нуждъ церковныхъ и монашескихъ и на призрѣваемыхъ Церковью нищихъ и вдовыхъ.** Если говорятъ о злоупотребленіяхъ и туне-

ядцахъ, то „какой же чинъ на свѣтѣ есть, который бы не имѣлъ въ себѣ добрыхъ и злыхъ. Воистину не безъ порока и Цари и Князья, Владыки, Епископы, вожди, воины и всѣ властелины и чины. **И сего ли ради изъ-за нѣкихъ сицевыхъ еже есть злыхъ, и добрыхъ порочить надлежитъ,** и ради множайшихъ обрѣтающихся весьма необходимыхъ людей во всякомъ чинѣ, егда ли подобаетъ ухищрять чтобы таковой чинъ весь привести или опровергнуть?" **Такъ возражалъ Маркелль, что идею учрежденія нельзя оспаривать указаніемъ на плохое его осуществленіе.** Онъ указываетъ далѣе, что не все въ чинѣ монашескомъ понято: „вѣдь на немъ лежитъ молитва за всѣхъ, молитва повседневная не зависящая отъ желанія, посѣщеніе всѣхъ службъ церковныхъ, сопровождаемое непревынными строгими послушаніями отъ начальства монастырскаго; если указывать, что всѣ молятся, то вѣдь не такъ часто и безъ понужденія; сіи же по вси дни и на все пѣніе церковное должны идти въ келіяхъ молиться и, хотя хотятъ, хотя не хотятъ, однако повиновеніе творятъ то, на что пришли. Поэтому то всегда были великія благодѣянія духовному чину отъ мірянъ, и никто не выговаривалъ и не ропталъ, но въ простотѣ сердца подавалъ. Нынѣшніе же христіане, хотя самому Богу отдадутъ, то больше хлопотъ и выговоровъ будетъ нежели подаваній; лучше бы было прежде не давать, нежели отдавъ да еще Богу да послѣ выговаривать. Сіе же произошло наипаче отъ безсовѣстныхъ и зѣло дерзостныхъ сотворшихся въ Европѣ лжехристіанъ и лжеучителей, паче же лютеранъ и кальвинистовъ и прочихъ, которые весьма сотворились мудры о себѣ, а не о Бозѣ, начали и учить, и дерзостно отъ прежнихъ благочестивыхъ обладателей странъ и градовъ Богу отданныя имѣнія святотатственно себѣ похищать и смѣло употреблять, увидѣвъ, что Богъ ихъ за сіе того часа не мучить, оставляя въ будущую казнь и геену огненную; прежнихъ же суевѣрцами и есьма неразумными звать за то, что Богу отдавали въ монастыри имѣнія свои. Тое то безбожное дѣло и Богу противное, тое — глаголю губительство нечестивое и язва душъ, а не тѣлесамъ вредящая, коснулась и нашихъ странъ и начала вредить крѣпко множайшихъ совѣсти, но и самыя кровью Христовою искупленныя души". Въ означенномъ сочиненіи **Маркелль отстаиваетъ древне русскій взглядъ на монастырь, какъ учрежденіе необходимое для всего общества, выполняющее за него обязанность молитвы и своимъ имуществомъ восполняющее социальную справедливость заботой о бѣдныхъ.** Онъ отстаивалъ идеалы святой Руси, требовавшей

для спасенія молитвы, дѣлъ и жертвеннаго подвига, **противъ наплыва матеріалистическихъ идей о ненужности для спасенія подвига и достаточности одной вѣры.** Маркеллъ не закрываетъ глазъ на недостатки современнаго монашества, но предлагаетъ, чтобы исправленіемъ занялась сама Высшая Духовная Власть, чтобы она выискивала всюду, даже черезъ опросъ окрестныхъ людей, и выдѣляла истинныхъ монаховъ, испытывала бы ихъ житіе, только тѣхъ посвящала бы въ Архимандриты и Епископы, которые займутся улучшеніемъ монашества на мѣстахъ. Когда таковыя лучшіе окажутся въ высшемъ духовномъ правленіи или таковымъ будетъ самъ главнѣйшій, поставленный надъ всѣми, то постепенно произойдетъ улучшение.

Сочиненіе Маркелла напоминаетъ намъ образъ Никона.

Невольно при этихъ **разсужденіяхъ Маркелла вспоминается образъ такого главнѣйшаго въ лицѣ Никона, всюду и всегда подававшего примѣръ собой и своей строгой дисциплиной стремившагося поднять духовное сословіе.** Маркеллъ считался съ тѣмъ, что ученыхъ нѣтъ, но говорилъ, что, вѣдь, для архіерейства не такъ потребны люди ученые, какъ Богодухновенные и добродѣтельные, не столько словесами, сколько дѣломъ учащіе, указываль, что внѣшняя премудрость при отсутствіи духовной даже не полезна въ архіереѣ, ибо приведетъ его къ гордости и самопревозношенію. Мы привели нарочно въ подробностяхъ критику Родышевскаго на церковную реформу Петра, **ибо она пополняетъ изображеніе того идеала, который въ свое время отстаивалъ Никонъ.** Мы видѣли неутомимую дѣятельность Никона по устройству монастырей, видѣли, какъ онъ самъ служилъ аскетическому идеалу на дѣлѣ и озарялъ имъ все строительство жизни; онъ не писалъ объ этомъ, ибо тогда на эту его дѣятельность еще никто не нападалъ; дѣло еще не заходило такъ далеко; глазамъ его могла предноситься только картина помраченія церковнаго идеала, ибо Церковь уже начала испытывать давленіе враждебныхъ ей силъ: свѣтская власть вторгалась въ ея нѣдра, а черезъ то могла принести съ собой и чуждыя Церкви понятія и устремленія. Охрана Никономъ церковной самостоятельности въ ея высшихъ церковныхъ функціяхъ и самостоятельности въ управленіи церковными имуществами, могутъ быть надлежаще оцѣнены при разсмотрѣніи того разрушенія церковности, которое наступило и могло наступить только по отверженіи основныхъ началъ и устоевъ,

которые исповѣдываль и защищаль цѣной своей жизни Никонъ: именно самостоятельность Церкви, недопустимость для свѣтской власти вторгаться въ Церковь. Вѣдь предстоятель церковной власти, независимо отъ его личныхъ качествъ, всегда больше связанъ, и, главное, больше проникнуть пониманіемъ церковныхъ принциповъ, чѣмъ представитель власти свѣтской, могущій быть подъ вліяніемъ другихъ стихій; за послѣднимъ, кромѣ того, физическая сила и соблазнъ употребить ее въ дѣль, для нея по существу неприкосновенномъ.

Цѣлесообразность Никоновскихъ идей въ свѣтъ Петровскаго разрушенія Церкви.

Возможность явленія Петра, властно вмѣшавшагося со своей реформой въ Церковь, есть лучшее оправданіе цѣлесообразности, а не только каноничности Никоновскихъ принциповъ, и иллюстрація опасности допущенія во внутреннія управленія Церкви свѣтской власти. Съ точки зрѣнія Никона дѣянія Петра по церковной реформѣ подлежали проклятію, ибо Никонъ не допустилъ бы, чтобы свѣтская власть по своей инициативѣ могла вторгаться въ Церковь и односторонне разрѣшать церковныя дѣла, хотя бы и прибѣгая къ послѣдующему вынужденному одобренію церковной власти, какъ дѣлалъ это Петръ.

Взгляды на реформу Петра съ точки зрѣнія Никоновскихъ идей.

Никонъ не избѣгалъ совмѣстнаго управленія Церковью съ царемъ, но онъ порицалъ одностороннія распоряженія свѣтской власти въ церковныхъ дѣлахъ, почиталъ недѣйствительнымъ соборъ 1660 г., назначеніе самостоятельнымъ Мѣстоблюстителемъ Патріаршаго Престола Митрополита Питирима безъ возношенія имени Патріарха Никона и всѣ дѣйствія Царя по управленію Церковью послѣ своего ухода, именно потому, что они могли исходить только отъ власти церковной, возглавляемой Патріархомъ, а не отъ власти свѣтской. Никонъ проклиналъ за это Митрополита Питирима и, если не проклиналъ Царя изъ уваженія къ его сану, то все же неоднократно писалъ объ этомъ Царю и въ концѣ концовъ, уходя изъ суда, сказалъ: „моя кровь и грѣхъ всѣхъ на твоей головѣ, Царь". Тотъ путь церковныхъ реформъ, которыми пошелъ Петръ, въ глазахъ Никона, былъ несчастьемъ не для одной Церкви, но и для государства. Мы можемъ вспомнить, что въ своихъ разсужденіяхъ и письмахъ проявленіе непочитанія къ правамъ Церкви Никонъ почиталъ гибелью для цар-

ства, и онъ писалъ это еще тогда, когда захватъ Церкви не доходилъ еще со стороны Царя до такихъ размѣровъ, какъ при Петрѣ. Съ точки зрѣнія Никона такія реформы въ Церкви были со стороны Петра государственнымъ самоубійствомъ. Онъ считалъ необходимымъ, чтобы самодержецъ повиновался Богу и Его закону и оставлялъ Церковь свободно осуществлять свою духовную власть, свою юрисдикцію надъ духовными и монахами и управлять своей собственностью, посвященной Богу.

Пальмеръ о Петрѣ, какъ исполненіи Никоновскихъ проклятій.

Пальмеръ вспоминаетъ неоднократно о проклятій, павшемъ неволью на царя и его домъ отъ Никона, когда онъ читалъ псалмы за молебномъ въ Воскресенскомъ монастырѣ за насиліе надъ нимъ со стороны Боборыкина, и онъ усматриваетъ въ явленіи Петра, духовно убитого сестрой Царевной Софьей при невозможности для нея убить его въ буквальномъ смыслѣ, наказаніе для всего потомства Царя Алексѣя. Онъ его называетъ „нечестивымъ правителемъ и законодателемъ самоубійцей, названнымъ міромъ великимъ“. „Его фаворитомъ съ конца 1689 года сталъ иностранецъ Лефортъ. Софья была въ монастырѣ, когда еще не кончилось самовоспитаніе Петра; онъ еще не началъ управлять лично, но Софія уже сдѣлала свое ужасное дѣло. Она создала для отцовскаго дома и для Россіи будущаго законодателя съ великой властью и великимъ невѣжествомъ, съ сильными страстями, неограниченными самодисциплиной, съ сильной волей и безъ всякаго закона, кромѣ своей собственной воли, который призванъ былъ стать разрушителемъ и истребителемъ и аристократіи, и стрѣльцовъ, остававшася до него подобія канонической іерархіи, однимъ словомъ, всѣхъ древнихъ Московскихъ учрежденій, и самой династіи" (V, 954). Пальмеръ въ другомъ мѣстѣ констатируетъ, что для самага Царя Алексѣя, согрѣшившаго противъ своей совѣсти передъ Никономъ, „было наказаніемъ ранняя смерть многообѣщавшаго Ѳеодора (IV, 449) и развитіе сына, родившагося съ величайшими природными дарованіями, подававшего самыя блестящія упованія, въ дикаря, совершавшаго акты жестокости, беззаконія и нечестія"; „этотъ герой-дикарь былъ исполнителемъ возмездія, какъ законодатель и разрушитель для бояръ, мужей совѣта и приказовъ и для всей наслѣдственной знати, повинной въ жадности, притѣсненіи, святотатствѣ, и для іерархіи, ставшей соучастницей или прислужницей въ нечестіи, совершившемся надъ Никономъ"

(V, 1027). И онъ рассказываетъ, какъ самъ Петръ сознавался въ двухъ своихъ главныхъ недостаткахъ: отсутствіи самообладанія и настоящаго образованія. Онъ самъ въ раскаяніи говариваль, приходя въ себя отъ гнѣва: „я могу управлять другими, но не могу управлять собою". А Императрица Елизавета разъ сказала Петру III, тогда наслѣднику: „Я помню, какъ отецъ, увидѣвъ меня съ сестрой за уроками, сказалъ со вздохомъ: ахъ, если бы меня въ молодости учили какъ слѣдуетъ" (V, 1028). Пальмеръ говоритъ, что слова Петра болѣе глубоки, чѣмъ могъ представить ихъ онъ самъ. Ибо онъ не предвидѣль, что лучшимъ преемникомъ завершенія его патріотическаго дѣла будетъ нѣмецкая принцесса, совершенно не связанная съ Россіей, которая совершивъ для блага страны убійство послѣдняго изъ законныхъ потомковъ, какъ онъ убилъ своего законнаго сына, прославить его память внѣ дворца конной статуей среди новой столицы его творенія, а во дворцѣ устроить библіотеку со статуей атеиста Вольтера".

Пальмеръ объ основномъ порокѣ русскаго государственнаго строя.

Проникновеніе государственной идеи нѣмецкимъ духомъ и оторванность ея отъ идеи народной. Предсказаніе о гибели русской государственности.

Это положеніе, при которомъ русское правительство совершенно игнорировало обязательность для Царей считать себя въ своей дѣятельности связанными Церковью, къ которой принадлежать подданные, и шло за протестантизмомъ въ своемъ церковномъ законодательствѣ, даетъ право Пальмеру сказать (V, ар. 40): „Россія теперь — имперія, въ которой нѣмецкій элементъ съ его благороднымъ религіознымъ индифферентизмомъ есть голова, а греческая религія привязана къ этой чужой головѣ, какъ хвостъ привязанъ къ хребту собаки". **Начало этой оторванности отъ народа Пальмеръ усматриваетъ въ томъ страшномъ событіи, которое совершилось 12 декабря 1666 года — день низверженія Никона изъ сана.** Тогда въ маленькой церкви Чудова монастыря Никонъ сказалъ: „Вопрошаю Вы и о семъ, откуда вы сія законы взяли есте, яко тако дерзновенно творите? Аще бо азъ и повинень бы быхъ и осужденію достоинъ, чего ради сіе тайно творите, яко же татіе, приведосте бы мя въ сію церковницу въ монастырѣ сущую, въ ней же не обрѣтается Царское Величество и весь его царскій синклить такожде и всенародное множество Россійскія земли? или азъ по благодати Св. Духа паству свою или пастырскій жезль въ сей церквицѣ воспріялъ? Но вѣру ми имате, яко сія церковица создася уже прежде сего отъ нашего смиренія,

мы же избраніемъ Пресвятаго Духа, желаніемъ же и тщаніемъ и прилежаніемъ слезнымъ прошеніемъ и моленіемъ благочестивѣйшаго Царя и его страшныхъ и нестерпимыхъ клятвъ, засвидѣтельствованныхъ Самимъ Богомъ, воспріяхомъ патріаршество въ Святѣй Соборнѣй и Апостольской Церкви передъ всенароднымъ множествомъ, ни желаніемъ, ни тщаніемъ, ни снисканіемъ коего либо образа, и аще нынѣ **желаніе вамъ бысть еже не праведно насъ осудити и изврещи, да идемъ во Святую Божию Церковь, въ ней же воспріяхомъ пастырскій жезлъ, и аще обрящуся достойнъ вашего намѣренія, то буди вама яко же годнѣ, и еще хотите, то тамо и творите**". Слышавъ же сіе рекоша, аще тамо, аще здѣсь все единаче совѣтомъ Богоматери Царя и всѣхъ Архіереевъ, собранныхъ дѣло совершается; а еже Царское Величество здѣсь не обрѣтается, то бысть по волѣ ему". (Шушеринъ, 126, 127). Пальмеръ и замѣчаетъ, что низверженіе Никона произошло безъ публичности и безъ народа. Наступить, прибавилъ онъ, **день, когда за это и народъ сдѣлаетъ нѣчто безъ Благочестивѣйшаго Царя и Архіереевъ; сѣющій вѣтеръ, пожинаетъ бурю** (V, 728 прим. 66). И Пальмеръ, подобно Крижаничу, восклицаетъ (IV, пред. СХІІІ): „Что ждетъ въ будущемъ Россію? *Russia quo spectat?*" Завладѣтъ-ли ей нѣмецкій матеріализмъ и въ концѣ концовъ наступить даже апостасія отъ самаго имени христіанскаго? Должны ли два царства *Russia* и *Prussia* быть подобны другъ другу по своей природѣ, какъ и по своимъ именамъ, какъ Гогъ и Магогъ пророка Іезекііля? **Или будетъ православная реакція? Если такъ, то возможна ли православная реакція? Хвостъ не можетъ руководить головой. Но теперь голова и спинной хребетъ у Россіи нѣмецкіе.** Греческая религія и Церковь привязаны къ нѣмецкому принципу гражданскаго верховенства, какъ хвостъ къ хребту собаки. Головѣ и спинному хребту принадлежитъ руководство, и хвостъ долженъ слѣдовать за ними. Отдѣльные индивиды, хотя бы они или ихъ отцы, согрѣшившіе столь глубоко, могутъ каяться, **но исторія не знаетъ примѣра націи, которая, разъ отступивъ добровольно отъ высшаго религіознаго положенія къ низшему, пришла бы въ себя отъ своего собственнаго внутренняго покаяннаго усилія... Но невозможное людямъ возможно Богу**". Прогнозъ Пальмера исполнился: голова и спинной хребетъ увлекли хвостъ, Россія послѣдовала за нѣмецкимъ матеріализмомъ въ

его худшей формѣ¹, уже не за протестантизмомъ, а за экономическимъ матеріализмомъ. **Толчокъ, данный два вѣка тому назадъ привелъ къ потерѣ Россіей христіанскаго имени и вмѣсто Святой Руси царить Тріэсерія.** Совершилось то, чего, не предполагалъ и Пальмеръ. Но предсказаніе его ясны и являлись логическимъ заключеніемъ того міросозерцанія, которое говоритъ о возмездіи свыше за грѣхъ, и за личный, и за общественный, тѣмъ болѣе за грѣхъ нераскаянный, о которомъ всегда говорилъ Никонъ. Пальмеръ писалъ въ своей статьѣ „Судьба славянскаго царства": „Казалось, Ѳеодоръ былъ поставленъ на тронъ, чтобы довершить прекраснымъ и трогательнымъ поступкомъ (возстановленіе въ патріаршество и реабилитація Никона со стороны восточныхъ Патріарховъ, признаніе Царя Алексѣя), и былъ приставленъ, чтобы дать путь принявшимъ наказаніе.

Пальмеръ о значеніи паденія Никона для русской исторіи.

Кончился эпизодъ исторіи, поскольку онъ былъ дѣломъ между извѣстными личностями, но его политическія и церковныя послѣдствія долго видны намъ, и еще не болѣе, какъ въ своемъ началѣ. Мы не достигли ихъ и теперь, спустя два вѣка. **Паденіе Никона — та точка, тотъ переломъ, около которыхъ должно было обращаться дальнѣйшее религіозное и политическое развитіе многихъ поколѣній.** Какія же послѣдствія должны быть приписаны паденію Никона? Надо отвѣтить вопросомъ: каковы были бы послѣдствія, если бы Царь поддержалъ твердо Никона и далъ бы ему восторжествовать надъ врагами? Онъ были бы слѣдующія: власть по управленію государствомъ и Церковью были бы упрочены въ рукахъ его друзей ему подобныхъ; была бы разрушена сила дурныхъ людей, Алексѣй на одрѣ смерти на страшился бы оставить Ѳеодора и свое семейство отъ второго брака на попеченіе Никона съ устроеннымъ правленіемъ, гдѣ бояринъ Матвѣевъ занялъ бы почетное мѣсто. Послѣ смерти Никона и Ѳеодорова правленіе было бы внѣ опасности. Матвѣевъ не былъ бы въ ссылкѣ когда все зависѣло отъ его присутствія. Софія не могла бы обратить грѣхъ своего отца на дѣтей его своимъ честолюбіемъ. Она не могла бы лишить Петра надлежащаго воспитанія. Петръ не былъ бы самоучкой или былъ бы воспитанъ не Лефортомъ (иностранцемъ, искателемъ приключеній), а друзьями Никона и Матвѣева. Пришедши въ силу, должнымъ обра-

¹ Нѣмецкій жидъ Марксъ далъ характерную для еврейства идеологію, какъ мессія царства земного рая.

зомъ подготовленный, онъ не нашель бы и враждебной просвѣщенію іерархіи, которая уже сдѣлалась орудіемъ боярь; не нашель бы дворянства, неспособнаго ни оцѣнить великое и полезное въ его планахъ, ни удержать его силой законнаго вліянія отъ дѣлъ ненародныхъ и преждевременныхъ, не нашель бы людей, которые, поправъ Церковь своими ногами, заслуживали сами быть поправными въ свою очередь ногами другихъ и потерять тотъ политическій вѣсъ, какой имѣли прежде и т. д. Судьбы Россіи были бы иными. Но Никонъ палъ и его паденіе повлекло за собой заслуженное наказаніе и духовенства, и дворянства, и придержащихъ властей, наказаніе, которое не могло быть отвращено, пока грѣхъ, причинившій его, не былъ бы достаточно исповѣданъ и пока не была бы воздана справедливость тѣмъ правамъ Церкви, которыя представлялъ Никонъ. Ибо это была не личная только борьба двухъ противоположныхъ началъ, встрѣтившихся между собой около личности человѣка, который по своему положенію и характеру становился представителемъ и олицетвореніемъ одного изъ нихъ".

Обязанность Россіи въ отношеніи къ Никону.

Если бы, добавимъ мы, у Никона не отняли возможность дѣлать его дѣло, то духовенство было бы инымъ, и просвѣщенію въ государствѣ и Церкви было бы дано подобающее мѣсто, но все направленіе культуры оставалось бы строго православнымъ, и голова страны, правительство не было бы освобождено отъ церковно православной культуры и не было протестантизировано, и Петръ, воспитанный въ православномъ духѣ, совершая великія государственныя преобразованія, предуказанныя въ значительной степени и во внутренней, и во внѣшней политикѣ дѣятелями отцовскаго царствованія въ видѣ Ордынь-Нащокина, не совершалъ бы своей церковной реформы, которая отняла у Церкви подобающее ей общественное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то вліяніе, которое она призвана осуществлять. Тогда, быть можетъ, при наличіи свободной Церкви, свободно осуществляющей свое призваніе, ея воздѣйствіе на общество и въ XX вѣкѣ было бы сильнѣй, и Россія не имѣла бы такой оторванности ея мозга — интеллигенціи отъ Церкви, которая привела ее подъ власть экономическаго матеріализма и социализма. **Теперь въ этой гибели Россіи надо винить и тѣхъ, кто обезсилилъ Русскую Церковь.** Но возмездіе совершено, остается вспомнить завѣтъ Никона причиной несчастій считать грѣхъ и, найдя его, искупить его, какъ въ

отношеніи возданія должнаго тому, кто предостерегалъ противъ него, такъ и въ отношеніи прекращенія самаго грѣха. Въ томъ и другомъ отношеніи сдѣлана пока только часть должнаго. Память Никона возстановлена грамотой восточныхъ Патріарховъ 1682 года, данной по просьбѣ Царя Ѳеодора, но этого возстановленія недостаточно, ибо Никонъ пострадалъ за правду и за Церковь, и какъ отмѣченный чудесами Божьими, творимыми при обращеніи къ Богу черезъ посредство, онъ долженъ быть канонизованъ. Чудеса, посылаемые черезъ его посредство лучшее опроверженіе клеветъ, возведенныхъ на него при жизни. Ихъ было возведено особенно много со стороны раскольниковъ, и опроверженіе ихъ составило отдѣльный трудъ проф. Субботина, напечатанный въ „Прибавленіи къ твореніямъ Св. Отцовъ“, издававшемся Московской Духовной Академіей. Клеветы эти касались многихъ качествъ Патріарха Никона. Что касается клеветъ относительно его дѣятельности, то онѣ опровергаются при подробномъ разсмотрѣніи ученія Никона и его дѣятельности. Нельзя не присоединиться къ **Пальмеру**, который пишетъ: „Чѣмъ больше мы смотримъ на Никона, тѣмъ меньше основанийъ мы находимъ его винить въ тѣхъ недостаткахъ, которые вмѣняли ему его враги. Въ немъ не было ничего похожего на незнаніе различія и надлежащихъ границъ между государственной и духовной властью, ни какой либо наклонности къ свѣтскому или духовному высокомерію или честолюбію; чего онъ искалъ себѣ лично? Это — строгіе подвиги покаянія и самоумерщвленія за грѣхи свои и своего народа, суровая пища, камень вмѣсто ложа и возглавія и тяжелыя вериги. Тѣмъ же духомъ проникнуты и духовныя и другія лица, лично къ нему привязанныя, въ сравненіи съ которыми его враги изъ бояръ и духовенства — рѣзкія противоположности. Многія дѣти Царя Алексѣя — крестники Никона“.

Необходимость уничтоженія грѣха, совершеннаго по отношенію къ Никону.

О добродѣтеляхъ Никона и нечестія его враговъ повѣдала Царевна Татьяна Михайловна племяннику своему и крестнику Никона, Царю Ѳеодору, а также объ его страданіяхъ и побудила его посмотреть и удостовѣриться лично въ трудахъ Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, чтобы понять всю несправедливость обвиненій на Никона. Правда, грамота Восточныхъ Патріарховъ признала въ Никонѣ оберегателя и хранителя вѣры и каноновъ, какъ бы признавала его передъ канонами неповиннымъ, но она говорила, что Никонъ

искупилъ свои грѣхи смиреннымъ несеніемъ наказаній, и такимъ образомъ реабилитировала его въ порядкѣ милосердія, а не въ порядкѣ признанія его правоты и признанія нечестивости суда надъ нимъ. Такой реабилитациі недостаточно. Вспомнимъ еще, что Никонъ далъ прощеніе Царю только личное, какъ человѣку; это прощеніе было не-совершенное, а совершеннаго прощенія Никонъ не далъ Царю, ибо онъ могъ дать только подъ епитрахилью церковнымъ способомъ, какъ онъ самъ написалъ ему. **Для этого надо было уничтожить совершенное надъ Никономъ нечестіе, чего Провидѣніе не дало Царю Алексѣю.** И послѣ смерти Царя Алексѣя Михайловича Никонъ вновь отказалъ въ письменномъ прощеніи и еще разъ далъ понять, что для него невозможно простить грѣха общественнаго, отпустить Царю вину эту и отвратить послѣдствія его; „мы будемъ судиться на страшномъ судѣ Божіемъ" сказалъ онъ. Для полного снятія съ себя вины царской власти необходимо не только возстановить его въ Патріархахъ, что сдѣлалъ Царь Ѳеодоръ публично, но и откровенно признать вину ея представителя Алексѣя Михайловича передъ покойнымъ Патріархомъ такъ, какъ въ свое время призналъ Царь Алексѣй Михайловичъ вину за Царя Грознаго передъ гробомъ Св. Филиппа устами Патріарха Никона.

О возстановленіи православнаго царства. Отправной пунктъ для построенія церковно государственныхъ отношеній. Постановленіе Собора 1667 г. о власти Царя и Патріарха.

Такъ обстоитъ дѣло въ отношеніи опредѣленія отношенія къ Никону самому; что же касается уничтоженія самага грѣха, то въ этомъ отношеніи сдѣлана также только часть: **возстановлено Соборомъ Русской Помѣстной Церкви патріаршество, неканонически отмѣненное Петромъ I, но въ смыслѣ измѣненія отношенія къ Церкви со стороны самого государства еще ничего не сдѣлано;** при возстановленіи царства, надо озаботиться, чтобы возстановлено было царство православное съ признаніемъ границъ власти для православнаго Царя, съ признаніемъ свободы Церкви, какъ ее требовалъ Никонъ, и по завѣту Никона, воплощавшаго въ своемъ ученіи лучшіе завѣты лучшихъ временъ Византіи; **передъ государствомъ должна быть поставлена, какъ вѣчный идеаль, задача его оцерковленія.** Это прежде всего отразится на томъ положеніи, которое займетъ Патріархъ въ государственномъ строѣ обновленной Россіи. Это должно быть возстановленіемъ „Святой Руси", забытой среди великихъ государственныхъ преобразованій Строителемъ Новой Россіи

Петромъ, въ свою очередь нынѣ поверженной въ прахъ. Тогда вмѣстѣ съ строительствомъ Россіи будетъ проявлена и забота о томъ, чтобы снова поэту не пришлось повторять сказаннаго о дѣлахъ Петра:

„И на дѣлахъ его великихъ
Печать проклятiя легла“.

Правительство въ государственномъ строительствѣ не можетъ игнорировать основной стихіи народа, его создавшей и наложившей неизгладимый отпечатокъ на всю его культуру. Основнымъ пунктомъ для отправленія можетъ послужить принципиальное признаніе двухъ самостоятельныхъ властей духовной и свѣтской на Соборѣ 1667 года, послѣднемъ Соборѣ, разсматривавшемъ отношенія этихъ властей и являющемся свободнымъ голосомъ Русской Церкви.

Патріаршіе отвѣты, привезенные съ Востока іеродіакономъ Мелетіемъ о власти царской и патріаршей, хотя и говорили, что Царь единый законодатель въ дѣлахъ гражданскихъ, однако говорили это вскользь, а вообще говорили, что Патріархъ долженъ быть послушнымъ Царю, какъ поставленному на высочайшемъ достоинствѣ. Русскіе іерархи принимали теорію Никона о духовномъ превосходствѣ священства и объ юридическомъ равенствѣ и параллелизмѣ властей царской и церковной, но до осужденія Никона они не возбуждали этого вопроса, ибо не хотѣли упустить чего либо для его осужденія, желая отъ него избавиться. Когда же онъ былъ осужденъ, Митрополитъ Павелъ Крутицкій и Митрополитъ Илларионъ Рязанскій добились пересмотра принципиальнаго рѣшенія вопроса о соотношеніи власти царской и патріаршей, ибо испугались, что патріаршіе отвѣты отдадутъ архіереевъ въ полное распоряженіе царской власти, и такимъ образомъ „Царь не столь благочестивый, какъ Алексѣй Михайловичъ, можетъ оказаться опаснымъ для Церкви“; было этому посвящено нѣсколько засѣданій, и Патріархи вынуждены были написать объяснительную записку, въ которой дали другое толкованіе второй главѣ патріаршихъ отвѣтовъ, которое и легло въ основаніе соборнаго рѣшенія, согласованнаго съ прочитанными на соборѣ отрывками, относящимися къ данному вопросу изъ сочиненій Златоуста 2-го Слова и 6-го Слова о священствѣ, Епископа Кипрскаго Епифанія, Григорія Богослова, Василия Великаго, изъ посланій Папы Григорія Двоеслова къ Императору Льву, изъ первой Книги Царствъ, второй книги Ездры. Несмотря на то, что Лигаридъ искусилъ все свое краснорѣчіе въ доказательствахъ превосходства цар-

ской власти съ ссылкой на языческихъ писателей Виргилія и Гомера, и на то, что Царь не только у Римлянъ, но и у Египтянъ совмѣщаль съ царской властью власть священства, несмотря на то, что онъ затемнялъ принципиальный вопросъ указаніемъ на то, что все дѣло въ качествѣ личныхъ носителей царскаго и патріаршаго сана Соборъ пришелъ къ единодушному постановленію: „Да будетъ признано заключеніе, что Царь имѣетъ преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а Патріархъ въ дѣлахъ церковныхъ, дабы такимъ образомъ сохранилась цѣлою и непоколебимою стройность церковнаго учрежденія". Это было принципиальное торжество Никоновской идеи, равно какъ постановленія Собора о закрытіи Монастырскаго приказа и объ обратной передачѣ Церкви суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства (послѣднее оставалось въ силѣ до 1700 года). Лишь церковная реформа Петра нанесла ударъ принципу, установленному Соборомъ 1667 года, принципомъ государственнаго територіализма, который представляетъ изъ себя обратную сторону католической іерархической системы среднихъ вѣковъ, съ полнымъ захватомъ государствомъ церковныхъ функций. Система эта не выросла изъ русскихъ условій и явилась формой западнаго протеста противъ папской системы: она чужда православію.

Сопоставленіе 2-ой главы патріаршихъ свитковъ съ объяснительной запиской Патріарховъ объ этой главѣ.

Интересно сопоставить рѣшеніе вопроса о власти царской и патріаршей во 2-ой главѣ патріаршихъ свитковъ и въ объяснительной запискѣ патріарховъ, чтобы почувствовать перемѣну въ этихъ двухъ рѣшеніяхъ, изъ которыхъ одно составлялось въ угоду царской власти Патріархами подъ руководствомъ Лигарида и Мелетія, а другое было вынуждено прочтеніемъ отрывковъ изъ святоотеческихъ сочиненій.

Вторая глава гласила: „Подобаеть ли всѣмъ, наипаче мѣстодержащу Епископу или Патріарше, подчиненну быти и повиноватися Царю, — царскую власть держащему и ее употребляющему, во всякихъ гражданскихъ вещахъ и преніяхъ, тако во еже бы единому быти Господу и начальнику или ни? Отвѣтъ: **Яко же Богъ есть на небеси повсемѣственнѣ то на земли суть по Бозѣ тѣи, иже держащіи царскую власть и престолѣ;** и яко же иже несохранивый вѣры Божественныя отъ общества вѣрныхъ изгнанствуя отвергается подобнѣ иже вѣры къ царскому достоинству сотворенныя не сохранивши, лестію же и отай дѣщіе недостойни, намъ мнятся еже христіанское имя на себѣ къ тому содержатся, занеже бо помазан-

никъ Господень именуется и есть, иже царскимъ вѣнцомъ увѣнчанъ быше". Затѣмъ приводится исповѣданіе греческихъ Патріарховъ передъ Императоромъ: „Исповѣдую симъ писаніемъ моимъ, еже сохранити ми къ тебѣ, крѣпчайшему Царю и повелителю чистую вѣру и благохотѣніе, якоже долженствую, то отъ естественаго нѣкоего мановенія и отъ правильнаго долга такъ, **во еже би ми быти подъ повелительствомъ и заповѣдью и подъ маніемъ царскаго твоего достоинства** и противу всякому человѣку противляющемуся сему моему крестному цѣлованію. И по малѣхъ: сіе же крѣпкое цѣлованіе неточіе къ Царю, но и къ Царицѣ и къ ея сынамъ царевичамъ принадлежитъ. И по малыхъ: еже быти ми подъ изволеніемъ и прописаніемъ твоя царскія свѣтлости и **еже дѣлати ми по благоизволенію твоихъ царскихъ тако писаніемъ преданныхъ, якоже и кромѣ писаній изъявленныхъ...** Аще же откуда явится твое сомнѣніе, **обѣщаю мя подлагати подъ судъ и его достойныхъ казни по предложенію и повелѣнію твоего царскаго престола**". Приводя эти выдержки изъ 64 гл. Номоканона Патріархи дѣлають резюме: изъ нихъ же собирается: „Царя убо быти совершенно Господа и единаго быти законодавца всѣхъ гражданскихъ, Патріарха же быти послушлива Царю, яко поставленному на высочайшемъ достоинствѣ и отмстителю Божью, ниже коимъ либо обычаемъ господствовати еже хотѣти имъ дѣяти въ вещахъ гражданскихъ, еже есть противъ и пако-стно царскому непщеванію... Творяще (Патріарху) противнѣ церковнымъ уставамъ или **противнѣ Царю** неразсуднѣ и безумнѣ дѣюща и съ престола своего весьма быти извержительна и удалительна. На 5 вопросъ отвѣтъ говорить: никто не имѣетъ толику свободу, да воз-можетъ противиться царскому велѣнію, законъ бо есть. Того ради, аще кто ихъ **духовный предстатель, аще и Патріархомъ его наре-чещи или иною степени мужъ, сицевому повелѣнію (словесному) или епистоліи сопротивенъ бы ся да страждетъ казнъ, яко без-правильное нѣчто сотворившій**". Нетрудно видѣть, что отвѣты эти довольно двусмысленны, ибо, хотя говорится о гражданской сферѣ, гдѣ Царь признается господиномъ, и одновременно Царь сравнивается съ Богомъ, ничего не говорится о дѣлахъ церковныхъ, а въ концѣ концовъ какъ будто всякое противленіе Патріарха Царю, въ какихъ бы то ни было дѣлахъ признается казни достойнымъ. Напротивъ объ-яснительная записка Патріарховъ выдѣляетъ опредѣленно догматы и каноны и раздѣляетъ сферы духовную и свѣтскую и ставитъ обязан-

ностью Патріарха противиться Царю, если онъ будетъ еретичествовать и нарушать каноны.

Въ докладѣ по Гюббенету значилось во второй главѣ между прочимъ: „отъ сихъ познавается, единого Царя Государя быти владычествующа всея вещи благоугодныя, Патріарха же послушлива ему быти, яко сущему въ вѣщѣмъ достоинствѣ и мѣстному Божію". Патріаршій свитокъ говорилъ: „законодавца всѣхъ дѣлъ гражданскихъ", а Лигаридъ написалъ въ переводѣ: „владычествующа всея вещи благоугодныя". Такое искаженіе уже совершенно не оставляло мѣста для самостоятельной сферы Патріарха даже и въ томъ нарочно затемненномъ видѣ, въ которомъ оно было въ патріаршихъ свиткахъ. Русскіе архіереи поняли, что патріаршая власть несправедливо унижена, что, если Царь есть верховный владыка во всякой вещи благоугодной, а Патріархъ долженъ быть ему послушенъ, то послѣдній долженъ подчиняться Царю и во всѣхъ вещахъ т. е. и въ дѣлахъ духовныхъ и церковныхъ, черезъ что у Русской Церкви отнимается всякая самостоятельность, и Церковь совершенно порабощается государству; поэтому два Архіерея отказались подписать низложеніе Никона, пока не будетъ исправлено въ патріаршемъ спискѣ неправильное ученіе о патріаршей и царской власти. Поэтому и было назначено нѣсколько засѣданій въ январѣ 1667 г. по этому вопросу. Послѣ второго засѣданія ночью 15 января Митрополиты Павелъ и Илларионъ мотивировали свое недовольство свиткомъ, указавъ, что „зло съ теченіемъ времени можетъ увеличиться и возрасти, особенно если будетъ утверждено за постоянное правило, что Государство выше Церкви". Они дѣйствительно и добились разъясненія Патріарховъ въ особой запискѣ, уже иначе опредѣлившей разграниченіе властей. Записка эта говоритъ: „Во второй убо главѣ патріаршихъ свитковъ обрѣтается: яко Патріархъ да покорится Царю во всѣхъ градскихъ дѣлахъ и является о семъ, яко умалается патріаршій санъ, обаче сораздѣленіемъ имать разумѣтися писано въ сей главѣ. **Зане яко ина убо суть церковныя догматская и правильная, ина же суть градская внѣшняя и правная къ доброму правленію и исправѣ царствію.** Ибо во внѣшняя правная градская лѣпотствуетъ яко Патріархъ да не противится отнюдь Царю, но да едино гласити и да едино мыслить, яко быти миръ и тихость въ царствіи и да не сѣются зизаніи и соблазны, и будетъ двуначаліе, яко бы иное хочетъ Царь и ино Патріархъ; якоже видится и въ хронографахъ, иже повѣствуютъ, яко многажды нѣкіе Патріархи возмущаху царства и соблазняху. И

сего ради ко строенію и ко цѣломудрію или ихъ обузданію вопросиша державніи Цари, и наипаче Царь Кирь Мануиль Комнень, иже и царствова лѣтъ 37 да и сотворить на письмѣ исповѣданіе къ Царю ради вящшаго увѣренія и крѣпчайша въ будущія лѣта, еже сотвори кирь Михайль Керулларій Императору Константину. **Къ церковнымъ же догматскимъ и правильнымъ не имать отнюдь покоритися Царю Патріархъ зане есть законъ одушевленъ и живой гласъ правилъ; сие читаемъ, яко и Божественный Златоустъ обличи царицу Евдокію о вдовицынѣ виноградѣ, Гермогенъ Патріархъ иконоборца Θεофила ради св. иконъ и иніи многи всесвятѣйшіе и премудрѣйшіе мужи обличаху съ дерзновеніемъ вельможныхъ и князей, наипаче медоточивый Амвросій преславнаго Θεодосія... пророку и Царю Давиду глаголюще: и глаголахъ передъ Цари и не стыдися. Сего убо ради такими раздѣленіями престанетъ всякое сопротивленіе. Почто имать Царь, да покорится Патріарху? И почто имать Патріархъ, да покорится Царю? Сія рѣчь, яко Патріархъ да не вступится въ царскія вещи царскаго двора и да не отступитъ внѣ предѣлѣ церковныхъ, якоже и Царь имать, да хранитъ чинъ свой. Аще же ни слышати будетъ оное (еже читаемъ въ ветхомъ Писаніи о Озіи Царѣ, иже взя кадильницу и кадити хотяше) не лѣсть ти есть кадити: вещь иже ниже подобаше ему отнюдь начинати. Два свѣтильника суть въ мірѣ солнце и луна; обаче солнце да властвуетъ днемъ и луна да возсіяетъ ночь; и никогда солнце изыде отъ обычнаго чина своего, ниже луна премѣни теченія своя и естество свое, но всегда любезно движутся и хранятъ предѣлѣ, иже Творецъ всѣхъ положи имъ сопреедоложеніе и непреложное повелѣніе. Такимъ образомъ имать и Патріархъ управитися съ Царемъ и Царь съ Патріархомъ ради прелюбезнаго сего единомыслія и мира иже обожествитъ вкупѣ земная вся и небесная, Божественная и человѣческая. Сіе глаголемъ, егда православствуютъ и правоправятъ слово истины единъ и другіе, сирѣчь, Царь и Патріархъ, но егда Царь будетъ еретикъ, и неправно правитъ, тогда весьма подобаетъ Патріарху противостояти ему и огласитъ его, сирѣчь поучати; и аще послушаетъ и уцѣломудрится, приобрѣлъ душу цареву и приметъ мзду отъ трудовъ своихъ, якоже и Павелъ противоста Петру, егда видя его нисходящимъ къ іудеямъ, иже хотяху хранити Ветхій вкупѣ съ Новымъ Завѣтомъ непреложно, яже о вѣрѣ, имать убо да обличатся малые и великіе безнепщеванія. Зане о душѣ есть вся бѣда. Иде Царь Ираклій въ Пер-**

сиду и остави Патріарха Сергія въ Константинополѣ, который еще и еретикъ бѣ, обаче вѣрный царствію ста; кольми паче имать быти Патріархъ вѣренъ къ Царю православному, иже тщится разширити скиптры благочестивыя иже поборется и о истинной и непорочной православной вѣрѣ. Таковъ убо Царь, еще и пошлетъ къ Патріарху, да приидетъ къ нему, или да поидетъ, иногда ради душеполезнаго нѣкоего дѣла, долгъ имать вскорѣ двизатися, и да приидетъ къ нему по его царскому повелѣнію, якоже и Царь Θεодосій Малый писа къ Св. Кириллу Патріарху Александрійскому и къ Іоанну Златоусту, абіе и оба послушаше повелѣнія царева, иже призваша ихъ приити къ царствующему граду, и приидоша единъ живъ а другій усопшій. Якоже и христолюбивый и превеликій Константинъ повель Патріарха Антіохійскаго Евстафія да поидетъ въ Иверію и не преслуша его повелѣнія царева блаженный Евстафій, но послуша его. По такимъ убо дѣламъ и такимъ образомъ повинуются Патріархи православнымъ самодержцамъ". (Гюббенетъ, II, 1039—1041).

Постановленіе Собора 1667 г. о власти царской и патріаршей есть офіціальное ученіе Русской Церкви и выраженіе народной мысли о православномъ Царѣ.

Означенное распредѣленіе полномочій между Царемъ и Патріархомъ вполнѣ сходствуетъ съ Никоновскимъ ученіемъ, и проповѣдуетъ ту же симфонію властей, которую проповѣдывалъ и Никонъ; оно было принято на Соборѣ, несмотря на все противодѣйствіе Лигарида, и такимъ образомъ ученіе святоотеческое, благодаря Никону, сдѣлалось офіціальнымъ постановленіемъ Русской Церкви. Оно было принято и русскимъ священствомъ, и невольно, подъ давленіемъ внутренней своей истины, не могло не быть раздѣлено и Восточными Патріархами. Оно было и ученіемъ принятымъ народомъ въ огромной своей массѣ, какъ видно изъ протеста его противъ „Восхищенія на себя Царемъ Петромъ правъ первосвященительскаго достоинства", обнаруженнаго имъ въ рѣшеніи дѣлъ церковныхъ самостоятельнымъ починомъ царской власти, подъ вліяніемъ ученій выросшихъ въ совершенно другихъ условіяхъ на западѣ въ борьбѣ съ папскимъ теократизмомъ среднихъ вѣковъ. Оно является и исходнымъ основаніемъ для построения будущихъ церковно-государственныхъ отношеній.

Въ дѣйствительности Петръ I боролся въ Россіи не съ папскимъ теократизмомъ, а съ теоріей симфоніи властей. Петровская система територіализма.

Въ Россіи же Петръ оказался въ борьбѣ не съ папскимъ теократизмомъ, а съ теоріей симфоніи властей, которая даетъ свѣтской власти высшую основу и освященіе въ цѣли свѣтской власти — своими средствами способствовать спасенію человѣчества. Та система отношеній государства къ Церкви, которая проникла къ намъ съ Петромъ и внесла коренное измѣненіе въ прежнія отношенія, носить названіе государственной церковности; она также носитъ отпечатки системы територіализма или Іозефинизма (названіе это дано по тому богатому примѣненію, которое сдѣлалъ изъ нея Австрійскій Императоръ Іосифъ II).

Петровская система територіализма или Іозефинизма. Мартенсъ фонъ-Тилингъ.

Принципіально територіалистъ Іосифъ II желалъ наилучшаго устроенія всѣхъ сторонъ жизни въ интересахъ государственнаго благополучія, и онъ — Императоръ реформировалъ всѣ стороны церковной жизни: богослуженіе, папство, монашескую жизнь, дѣленіе на дієцезы и приходы, условія вступленія въ клиръ и замѣщеніе церковныхъ должностей, церковный судъ, брачное право и церковно-имущественныя права. Подобно нашему Петру I, эти реформы онъ совершалъ по собственному своему усмотрѣнію, ибо онъ себѣ одному приписывалъ право сужденія о томъ, что полезно и желательно въ интересахъ государственнаго блага, не обращая вниманія, ни на обычаи народа, ни на взгляды Церкви, и полагалъ свое призваніе въ томъ, чтобы логикой своихъ теорій возродить Австрію (пр. Суворовъ. Курсъ Церковнаго Права II, 475, 476). Мы можемъ отнести къ Петру I *mutatis mutandis* и то, что дальше говоритъ объ Іосифѣ II Проф. Суворовъ: „Во всемъ, что касалось внѣшняго церковнаго порядка, Іосифъ не допускалъ высшей церковной власти Римскаго Папы надъ своей територіей, признавая за Римскимъ престоломъ авторитетъ лишь въ вопросахъ вѣры и такихъ, которые собственно касаются духа и души (какъ и Петръ въ разговорѣ съ Сорбонскими профессорами объ соединеніи Церквей отослалъ ихъ разговаривать съ нашими архіереями по своей некомпетентности). Церковно государственное единство не понималось Іосифомъ въ томъ смыслѣ, какъ въ Византійской системѣ, средневѣковой теократіи или Людовикомъ XIV. Іосифъ сдѣлалъ важный шагъ впередъ на пути признанія свободы совѣсти, допустивъ въ

своемъ государствѣ 4 исповѣданія (католическое, лютеранское, реформаторское и греко восточное). Но связь между государствомъ и Церковью не разрушена и въ Юзефинизмѣ, напротивъ религія, Церковь, духовенство должны были служить **пригоднымъ средствомъ для достиженія государственнаго благополучія**, съ одной стороны потому, что безъ вѣры гражданъ въ Провидѣніе и въ вѣчное наказаніе не можетъ обойтись ни одно благоустроенное государство, а съ другой стороны потому, что церковная каѳедра есть цѣлесообразный путь къ распространенію здравыхъ гражданскихъ понятій. Къ Юзефинизму въ особенности приложимо остроумное замѣчаніе Мартенса, сдѣланное имъ о системѣ государственной церковности вообще: **это есть обратная сторона средневѣковой іерократической системы съ перестановкой дѣйствующихъ церковно государственныхъ факторовъ**, такъ что тамъ, гдѣ по средневѣковымъ возрѣніямъ дѣйствуетъ мечъ духовный, по системѣ государственно-церковной долженъ дѣйствовать мечъ свѣтскій и наоборотъ. Такимъ образомъ сущность этой системы можетъ быть выражена буллой *Unam sanctam* въ такой редакціи: „*Uterque gladius est in potestate regis, spiritualis scilicet et materialis. Sed ille quidem pro republica hic vero a rege est exercendus. Hic regis, ille manu papae et episcoporum, sed ad nutum et patientiam regis. Oportet autem gladium esse sub gladio et spirituali auctoritatem temporali subjici potestati. Nam temporalis potestas spirituali instituere habet et judicare, si bona non fuerit. Ergo si deviat spiritualis potestas judicabitur a potestate temporal*"¹. Объ этой системѣ, которую можно начинать въ Россіи только съ Петра I Wilhelm von Tilting выражается такъ: (Russisches Zarentum und Deutsches Kaisertum, Seite 12): Der Zar machte selbst mit anfangs widerwilliger später unterwürfiger Zustimmung der kirchlichen Vertreter zum geistlichen Oberhaupte des Russischen Volkes und Reiches! Bei solcher Versetzung alles Bestandes und alien Begriffe, welche schon in Konstantinopel einst beanlangt war, vollzog sich dann von selbst, dass die Bischöfliche Fürsorge des Zaren für die Russische Christenheit in eine Zarische Gewalt über die Kirche sich verwandelte. Man huldigte dem Zaren als dem priesterlichen und nationalen Gebieter der Russisch-Orthodoxen Christenheit"². И Til-

¹ Оба меча въ обладаніи Государя, и духовный и свѣтскій. Тотъ употребляется за государство, а этотъ государемъ. Этотъ употребляется государевой рукой, а тотъ рукой Папы и Епископовъ, но для нужды государя. Надо однако чтобы одинъ мечъ подчинялся другому, и духовная власть подчинялась свѣтской. Ибо свѣтская власть должна устанавливать духовную и судить ее, если она не соотвѣтствуетъ назначенію. Поэтому духовная власть подлежить суду свѣтской, если уклонится съ назначенія.

² Самъ Царь сдѣлался, при неохотномъ сначала, а потомъ при покорномъ согласіи церковныхъ представителей, духовнымъ главой русскаго народа и Имперіи. При такомъ перемѣщеніи всякаго состоянія и всѣхъ

ing, несмотря на то, что въ идеѣ Русской Имперіи онъ не видитъ никакой одухотворенной силы кромѣ будто бы голаго эгоизма власти и Streben nach unbedingter Herrschaft eines Menschen über andere Menschen (ib. S. 5)¹, принужденъ признать идейную борьбу Никона. Der charaktervolle Patriarch Nikon wagte den letzten Kampf für die Selbständigkeit der Kirche gegenüber dem Zaren" (12 ib)². Но онъ не понималъ Никона, ибо нѣсколькими строками ниже онъ говоритъ объ узости его взглядовъ: „Dennach unterlag Nikon als letztes selbstständiges geistliches Oberhaupt der Russischen Volkskirche dem gewaltsam herrschendem Zarentume wohl deshalb, weil auch Nikon weniger die geistigen Mächte des Glaubens und der Lehre vielmehr die kirchlichen Gebräuche vertrat"³. Если бы онъ не смѣшивалъ Петербургской Имперіи съ Московскимъ царствомъ, и зналъ ученіе о православномъ Царѣ, взрощенное предшествовавшей исторіей и выявленное Никономъ, онъ не писалъ бы слѣдующихъ строкъ: (ib. стр. 21). „Das Russische Zarentum dagegen besass überhaupt keine objektive geschweige denn ideale und humane Bestimmung. Während es langsam und mühsam aus sich selbst hervorging bewies es immer und überall nur seinen Selbstzweck"⁴. Von Tilling не понималъ идеи Русскаго Православнаго Царства, у Никона же — ея носителя — надъ русскимъ царствомъ стоитъ высшая религіозная идея, выявляемая въ опредѣленныхъ требованіяхъ къ царской власти, и самый санъ царскій выявляется, какъ особый видъ служенія, какъ высшая политическая должность, черпающая въ православіи указаніе на направленіе культурныхъ и педагогическихъ задачъ, Царская власть выполняетъ по этому пониманію свѣтскую задачу въ Православіи. Когда фонъ Тилингъ выставляетъ именно должность нѣмецкаго Императора, какъ выполненіе обязанности по достиженію культурныхъ и педагогическихъ цѣлей и говоритъ, что, des Kaisers Amt (S. 31) setzte tatsächlich voraus dass er ein verantwortlicher Herr ein fürsogender

понятій, когда то достигнутымъ въ Константинополь, само собой случилось, что епископское попеченіе Царя о русскомъ христіанствѣ превратилось въ царскую власть надъ Церковью. Присягали Царю какъ духовному и національному властителю русско-православнаго христіанства.

¹ Стремленіе къ безусловному господству одного человѣка надъ другими людьми.

² Сильный характеромъ Патріархъ Никонъ отважился на послѣднюю борьбу съ Царемъ за самостоятельность Церкви.

³ Никонъ, какъ послѣдній самостоятельный духовный Глава Русской Церкви, потому былъ побужденъ властнымъ господствующимъ царизмомъ, что представлялъ не столько духовныя силы вѣры и ученія, сколько силы церковныхъ обычаевъ.

⁴ Русскій царизмъ вообще не имѣлъ никакого объективнаго, не говоря уже идеальнаго и гуманитарнаго призванія. Медленно и съ трудомъ происходя изъ себя самого, онъ всегда и всюду выявлялъ только свою самоцѣль.

Führer und Verwalter, der Ober-Herzog seines Voikes war"¹ то онъ можетъ узнать, что русскому Царю такое положеніе усваивалъ Никонъ еще въ XVII вѣкѣ, съ той, конечно, разницей, что передъ нимъ поднимаются не образы двигателя гуманитарной культуры, а идеи православнаго смиреннаго Царя, помнящаго о главной заботѣ своей — спасеніи ввѣреннаго ему стада черезъ приобщеніе къ благодати Святаго Духа черезъ царство и Церковь. Лишь съ Петромъ внесена другая идеологія, и Церковь становится орудіемъ государства.

Государственное еретичество Петра I.

Если съ такимъ извращеніемъ природы церковной власти въ Юзефинизмъ (или въ системъ государственной церковности), оказывающейся не только въ подчиненіи, но и на службѣ государству, боролся Никонъ, то боролся не въ пользу средневѣковой системы, а въ пользу теоріи симфоніи, которая ставилась въ основу церковно-государственному строительству въ лучшія времена Византіи. Реформу церковно-государственныхъ отношеній Петромъ Голубинскій мѣтко назвалъ государственнымъ еретичествомъ, которое вовсе не было необходимымъ спутникомъ внутреннихъ реформъ Петра; если бы Русь держалась идей Никона, то многія реформы Петра и его достиженія произведены были бы безъ коренной ломки основъ государства Россійскаго, сопровождавшейся отказомъ Петра признавать Церковь, какъ особое учрежденіе съ своими полномочіями, своими органами законодательства, управленія, своими цѣлями, какъ то требовалось теоріей симфоніи властей, лежавшей въ основѣ Московскаго построенія церковно-государственныхъ отношеній.

О церковной власти Императора по Основнымъ Законамъ.

Кристаллизацией цезарепапизма явилась въ дальнѣйшей исторіи статья 43 Основныхъ законовъ (65 Основ. Зак. 1906 г.): „въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, ею учрежденнаго. Толкователь этой статьи Проф. Казанскій (Власть Всероссійскаго Императора стр. 241) выдѣляетъ изъ Церковнаго управленія Императора только лишь догматы и правовѣріе, а все остальное церковное правообразование относитъ въ сферу Императора и самую церковную власть Государя почитаетъ однимъ изъ проявленій его государственной власти (224 стр.). Церковное верховенство Государя онъ основыва-

¹ Должность Императора фактически предполагала, что онъ — отвѣтственный властитель, заботящійся руководителемъ и управителемъ — былъ верховный вожь своего народа.

ваеть исключительно на законахъ Русскаго государства (246 стр.) и органомъ верховной власти въ дѣлахъ Православной Церкви почитаетъ Синодъ „учрежденіе чисто государственное, учрежденное самодержавной властью". „Синодъ, говоритъ онъ, есть учрежденіе, заимствующее свою власть отъ Монарха и дѣйствующее его именемъ". Такова, по Казанскому, конструція Синода, вытекающая изъ 65 ст. Осн. Зак.¹ Въ томъ же смыслѣ приводится и цитата изъ Темниковскаго. Проф. Казанскій полемизируетъ съ Палиенко и Котляревскимъ относительно понятія церковнаго управленія, въ которомъ такъ ярко скрывалось различіе двухъ взглядовъ на наши Основные Законы 1906 года, — разсматривать ли ихъ, какъ строй конституціонный или только какъ обновленный. Именно оба послѣдніе государствовѣда, подобно другимъ представителямъ конституціоннаго пониманія нашихъ Основныхъ Законовъ 1906 года, котораго мы лично не раздѣляемъ, — противопоставляютъ церковное управленіе, въ статьѣ 65, понимаемое ими, какъ административныя полномочія, законодательству въ матеріальномъ смыслѣ, такъ что церковное законодательство въ смыслѣ правообразованія слѣдуетъ по ихъ толкованію общему порядку осуществленія его Монархомъ совмѣстно съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. Напротивъ Проф. Казанскій подъ управленіемъ разумѣетъ всѣ вообще проявленія государственной власти Императора, включая туда правообразование, въ соотвѣтствіи съ словоупотребленіемъ ст. 10 Основ. Зак. 1907 г. (80 ст. прежнихъ изданій) („Власть управленія во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Государю Императору) и со статьей 64 этихъ законовъ (42 ст. прежн. изданій), называющей Государя не только „Верховнымъ Защитникомъ догматовъ", но и „Главою Церкви" (стр. 253). Для насъ интересенъ не этотъ споръ о распредѣленіи власти церковнаго управленія между монархомъ и прочими законодательными учрежденіями по основнымъ законамъ 1906 года, а тотъ фактъ, что обѣ стороны, толкуя ст. 65 Осн. Зак., согласны другъ съ другомъ въ томъ, что эта статья признаетъ источникомъ церковнаго правообразованія органы государственной власти, отводя собственно для законодательства самой Церкви какое-то неопредѣленно малое пространство въ видѣ догматовъ и правовѣрія и внося въ сферу государственнаго закона не только *jura circa sacra*, но и *jura in sacras*. Нетрудно видѣть, что упомянутая нами канониче-

¹ П. Н. Семеновъ характеризуетъ Синодъ, исходя изъ законодательнаго его опредѣленія и фактическаго положенія, какъ совѣтъ при министрѣ (оберъ прокурорѣ), ничѣмъ его не связывающій (Самодержавіе стр. 44).

ская Никоновская критика, направленная противъ пониманія императорской власти, какъ источника церковнаго законодательства, поражаетъ и самую статью 65 Основныхъ Законовъ, перешедшую безъ измѣненій изъ старыхъ Основныхъ Законовъ, какъ противорѣчащую природѣ Церкви, имѣющей собственное законодательство въ церковныхъ дѣлахъ, основанное на ея специфическихъ дарахъ благодати и не знающей высшихъ органовъ церковной власти, имѣющихъ происхожденіе въ государственномъ законѣ. Критика Никона на Лигаридовское пониманіе церковнаго закона, какъ истеченіе государственной власти, вполне соотвѣтствуетъ канонической критикѣ, имѣющей въ виду установленіе собственной сферы Церкви, неприкосновенной для какихъ бы то ни было органовъ государственной власти. Понятіе объ этой неприкосновенной для государственной власти сферѣ однако совершенно исчезаетъ, не будучи отмѣчено даже названіемъ православнаго Царя въ опредѣленіи царской власти у Петра I въ Воинскомъ Уставѣ (Арт. 20: „Его Величество есть самовластный Монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отчету дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій Государь, по своей волѣ и благолѣпію управлять" или въ Духовномъ Регламентѣ 25 января 1721 г. Ч. 1. п. 2: „монарховъ власть есть самодержавная, которой повиноваться Самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ"). Близко подошелъ къ опредѣленію компетенціи верховной государственной власти со стороны, обращенной къ Церкви, проф. Градовскій, указывая на эту границу во Вселенскомъ канонѣ, и тѣмъ самымъ какъ бы признавая особую природу Церкви; но нельзя не отмѣтить, что Градовскій разсуждалъ не *de lege lata*, а *de lege ferenda*, ибо этой конструкціи противорѣчило въ нашихъ Основныхъ Законахъ констатированіе учрежденіе Синода государственной властью (Начала Русскаго Государств. Права 1, 152): „Компетенція верховной власти ограничивается тѣми дѣлами, которыя вообще могутъ быть предметомъ церковной администраціи, т. е. не предполагаютъ актовъ по существу своему принадлежащихъ органамъ Вселенской Церкви: Вселенскимъ Соборамъ". Однако не только Вселенскій канонъ, но и канонъ Помѣстной Церкви подлежитъ измѣненію со стороны соотвѣтствующей власти его издающей, т. е. со стороны Церкви; — кромѣ того, Градовскій указалъ неясно объемъ этой неприкосновенной сферы, ограничивъ ее догматомъ и обрядомъ, допуская тѣмъ мысль, что какъ будто вопросы церковнаго устройства входятъ въ сферу власти государственной.

Такъ онъ пишетъ: „Права самодержавной власти касаются предметовъ церковнаго управленія, а не самаго содержанія положительнаго вѣроисповѣданія, догматической и обрядовой его стороны. Это положеніе имѣють одинаковую силу какъ для Православной Церкви, такъ и для другихъ вѣроисповѣданій" (ib. 151). Но въ такой формулировкѣ цѣлая область чисто церковныхъ дѣлъ, указанныхъ Шульте, которую мы приводили въ своемъ мѣстѣ, попадаетъ подъ вѣдѣніе государства, ибо она не составляетъ ни догматической, ни обрядовой стороны. Въ нашемъ пониманіи царской власти, какъ священнаго чина, связанность Царя канонами вытекаетъ сама собой не только, какъ нравственная связанность но и каноническая, то есть правовая. Разумѣется, этотъ чинъ не есть чинъ понтифекса максимуса, а въ іерархическомъ отношеніи является подобнымъ чину дьяконскому, на подобіе особаго чина депутата въ Византійской Церкви, приравненнаго къ дьяконскому чину. Но по пространству своихъ полномочій, совпадающихъ съ размѣрами національной Помѣстной Церкви, Царь стоитъ на ряду съ Патріархомъ. Іерархическое положеніе Царя въ Церкви является центральнымъ фокусомъ единенія государства съ Церковью и показателемъ церковныхъ идеаловъ самого государства. Есть какая-то внутренняя логика въ томъ, что Петръ, борясь съ церковнымъ направленіемъ жизни, на всешутѣйшемъ соборѣ занялъ шутовское положеніе именно дьякона. Это достоинство Царя въ Церкви нисколько не умаляетъ величія положенія Царя въ государствѣ, гдѣ онъ является обладателемъ всей полноты государственной власти. Притязаніе же на предоставленіе высшаго іерархическаго положенія Царю въ Церкви ради того, что Царь занимаетъ высшее положеніе въ государствѣ, было бы наивнымъ уподобленіемъ негусу Абисинскому Іоанну въ одномъ забавномъ инцидентѣ. Русскій дворъ прислалъ ему въ подарокъ пышныя церковныя облаченія для его придворной церкви. Они ему такъ понравились, что онъ, по недоразумѣнію, счелъ ихъ за подарокъ лично для себя, надѣлъ ихъ и въ этомъ нарядѣ явился присутствовать на богослуженіи. Мы не можемъ не согласиться съ проф. Заозерскимъ¹, что права Императора въ отношеніи Церкви всегда остаются правами государственными и не дѣлаются правами, исходящими отъ Церкви, отъ того только, что постановленія Царя затрагивають церковныя дѣла. И дѣйствительно, признавая за Царемъ права покровительства

¹ „Нѣмецкій духъ въ русской наукѣ Церковнаго Права". Прав. Об. 1889 № 7-8 стр. 656.

и защиты Церкви и блюстительство ея догматовъ и правовѣрія, какъ то установила ст. 41 Основныхъ Законовъ мы найдемъ ближе всего аналогію этому праву въ правѣ патроната, ктиторства, такъ что опредѣлять положеніе Царя въ Церкви лучше всего какъ право ктиторства, заключающее въ себѣ вышеозначенныя обязанности. Церковь даетъ Царю въ обмѣнъ за его защиту особыя права, причащенія подъ обоими видами раздѣльно по чину священническому, слѣдовательно оно включаетъ Царя въ свою іерархію, но безъ какихъ-либо особыхъ правъ церковной власти, т. е. власти, исходящей отъ самой Церкви черезъ хиротонію. Памятуя, что права Царя относительно Церкви остаются всегда правами государственными, а съ другой стороны, что Царю дано такое преимущественное право въ богослуженіи, какъ раздѣльное причащеніе Тѣла и Крови Христа, которое дается только лицамъ священнаго чина, на что указываютъ и самое коронованіе его, подобное хиротесіи при введеніи въ церковную должность, и духовныя одежды Царя съ наперснымъ крестомъ на груди и обычаи при дворѣ — мы включаемъ его санъ въ число іерархическихъ чиновъ, на ряду съ должностью дьякона, также не дающей никакихъ правъ церковной власти, но дающей извѣстныя права по оказанію содѣйствія священнодѣйствию и пріобщенія раздѣльно подъ обоими видами. Права Царя по содѣйствію Церкви, конечно, неизмѣримо высоки, и потому мы готовы признать въ царскомъ санѣ особый священный чинъ *sui generis*, ставящій Царя въ неразрывное единеніе съ Православной Церковью по направленію своей дѣятельности. Своеобразие священнаго чина Царя сказывается и въ томъ, что онъ получаетъ вторичное мѣропомазаніе, получая въ немъ сугубые Дары Святаго Духа для управленія государствомъ; но природа даровъ этихъ отъ этого не мѣняется и не распространяется на управленіе Церковью, каковыя дары получаютъ только благодатью, даруемой сану епископа. Это положеніе возноситъ царское верховное государственное служеніе на высоту служенія церковнаго, связывая послѣднее интегрально съ царской властью и пріобщая государство къ внутреннему и интимному проникновенію религіознымъ началомъ и придавая идеаламъ земного существованія идею безконечности. Это пріобщеніе царской власти, какъ основы государственной жизни, къ идеаламъ Православной Церкви полностью ощущалъ Никонъ, когда въ отрываніи царской власти отъ законовъ церковныхъ онъ усматривалъ начало разрушенія царства, признаки пришествія Антихристовъ, предощущалъ въ этомъ какъ бы общій провалъ куль-

туры въ пустоту черезъ ея секуляризацію, обміршеніе и измельчаніе¹. Примѣчательно, что сознаніе причастности царскаго служенія служенію церковному, свободно и постепенно выработанное русскимъ самосознаніемъ, достигло высшей точки въ допущеніи Царя къ причащенію по чину священному, какъ разъ въ то время, когда идеи Никона вообще нашли частичное, хотя и недолгое примѣненіе къ жизни (царствованіе Θεодора Алексѣевича), наканунѣ ихъ крушенія и затемнѣнія идеи православнаго Царя, какъ приобщенія государства къ высшему смыслу жизни, языческой тѣнью великаго понтифекса-властелина надъ всѣмъ Божескимъ и человѣческимъ, тѣнью, лишившей Церковь свободнаго дерзновенія и размаха, а власть Царя той основы, которая даетъ ей незыблемость, вѣчный смыслъ и цѣнность.

Отбросивъ Церковь, какъ самостоятельное учрежденіе, стоящее рядомъ съ государствомъ, Петръ поставилъ на ея мѣсто самодовлѣющее государство съ абсолютнымъ сувереномъ Гоббса. У него государство абсолютно и всемогуще. Суверень государства одновременно глава Церкви, какъ то скажетъ въ послѣдствіи и статья Основныхъ Законовъ (64 по изданію 1906 г.). Такъ на одной головѣ соединяются всѣ власти матеріальныя и нравственныя, въ которыхъ нуждается общество. Janet пишетъ объ этой системѣ (II, 174). *Ainsi s'accomplit l'unité absolue du pouvoir et la consecration de toutes les forces par la plus grande de toutes les forces, la force religieuse: Mais par là aussi, disons le, se prépare sa ruine; car cet excès d'autorité est au-dessus de la nature humaine; elle n'en est pas capable, non plus que de l'excès de soumission à laquelle on condamne la société. En mettant entre les mains du pouvoir l'arme de l'oppression religieuse, on met entre les mains de la révolte l'arme non moins puissante de la foi opprimée. Rien n'est plus dangereux pour l'extrême force que l'extrême faiblesse; car celle-ci n'a plus rien à perdre et tout à gagner*"². Въ этой системѣ государственнаго абсолютизма справедливость диктуется не высшими цѣлями жизни, а соображеніями по разумѣнію правителя: „Le juste c'est ce qui est utile au plus fort".

¹ Примѣняемъ выраженіе В. В. Зѣньковского на стр. 114, интереснѣйшей и богатой по содержанію его книги: „Русскіе мыслители и Европа".

² Такъ совершилось абсолютное единеніе власти и освященіе всѣхъ силъ самой большой изъ всѣхъ, силой религіозной. Но и тѣмъ самымъ, Скажемъ мы, готовится ея паденіе, ибо этотъ избытокъ власти превышаетъ силы человѣческой природы; она на это неспособна, также какъ и на избытокъ подчиненія, на которое осуждаютъ общество. Давая въ руки власти оружіе религіознаго угнетенія, даютъ въ руки революціи оружіе не менѣе могущественное, чѣмъ подавленная вѣра. Ничего нѣтъ опаснѣе для крайней силы, какъ крайняя слабость, ибо послѣдняя не имѣетъ ничего терять и все выигрывать.

Объ идеалъ утилитаризма.

Но столь ли высокъ принципъ пользы, чтобъ его почитать высшимъ принципомъ и для него бросать вѣчныя цѣнности, даваемые Церковью? Вотъ что говорилъ протоіерей Мальцевъ въ своей академической рѣчи 4. XI. 1879 года: „Углубляясь въ свой внутренній міръ, душа человѣка находитъ въ немъ такія стремленія и требованія, которыя остаются мало или вовсе неудовлетворенными утилитарными идеалами. Человѣческой природѣ всегда было свойственно болѣе или менѣе сильное стремленіе къ болѣе достойнымъ и высокимъ сторонамъ жизни, чѣмъ стремленіе къ счастью или пользѣ, всегда былъ присущъ запросъ на долженствующій быть порядокъ вещей, болѣе идеальный, чѣмъ тотъ, который дается непосредственной жизнью и ея влеченіями. Идеализмъ не только не похороненъ современной наукой, но всегда жилъ, живетъ и будетъ жить въ душѣ человѣка, какъ бы онъ ни уклонялся далеко отъ этого идеала. Неполнота и односторонность утилитаризма лучше всего доказываются тѣмъ искреннимъ признаніемъ, которое высказалъ одинъ изъ видныхъ представителей современнаго утилитаризма. Положимъ, писалъ онъ, что всѣ твои стремленія осуществлены, что всѣ реформы въ учрежденіяхъ и мнѣніяхъ, тобой задуманныя, исполнены, но доставить ли тебѣ этотъ успѣхъ полную радость и счастье? Нѣтъ, отвѣчалъ его внутренній голосъ, и въ этомъ искреннемъ „нѣтъ" сказалась вся пустота и безцѣльность той жизни, въ которой высшія безкорыстныя альтруистическія удовольствія невозможны, а эгоистическія противны". Единственная возможность достигнуть счастья, по словамъ автора, въ томъ, чтобы считать не счастье, а что либо другое высшей цѣлью жизни. И въ самомъ дѣлѣ, при достиженіи или осуществленіи идеала наибольшаго счастья или пользы не возникаетъ ли неизбѣжный вопросъ, какая же польза самой пользы?" (Хр. Чт. 1880 г.).

То омірщеніе государственной идеи, которое произошло въ Россіи при Петрѣ I, было по существу возвращеніемъ къ Римской идеѣ языческаго цезарепапизма, воскрешеніемъ Государя-понтифекса максимуса — главы Церкви и государства. Одновременно это было дѣяніемъ противоцерковнымъ, противорѣчащимъ постановленію большаго Московскаго Собора о власти царской и патріаршей. Уничтоженіе патріаршества и учрежденіе Синода властью государственной выявляло признаніе государственнаго всемогущества, не останавливающагося передъ вторженіемъ въ сферу цер-

ковную, несмотря на признаніе ея особой природы на соборѣ въ январѣ 1667 года.

Проф. Казанскій опредѣляя положеніе Синода по Основнымъ Законамъ (стр. 106. „Власть Россійскаго Императора“) помѣщаетъ его въ числѣ другихъ высшихъ (наряду съ Сенатомъ и министерствами) государственныхъ учрежденій подчиненнаго (не верховнаго) управленія, которыя имѣютъ свою степень самостоятельной власти и въ предоставляемомъ кругѣ дѣйствуютъ, не обращаясь за разрѣшеніемъ къ Верховной власти.

Онъ, квалифицируя верховенство Государя по предметамъ власти, говоритъ о верховенствѣ церковномъ (стр. 141) наряду съ военнымъ и судебнымъ, какъ будто и судъ, и военное дѣло и церковное — всѣ одной государственной природы. Однако эта конструкція только вѣрно опредѣляетъ положеніе Синода по Основнымъ Законамъ. Отмѣчая необходимость каноническаго построенія церковно-государственныхъ отношеній и указывая, что Императорскій періодъ, этотъ русскій *ancien régime* явился идейнымъ вырожденіемъ древняго русскаго построенія церковно-государственныхъ отношеній въ русскомъ православномъ царствѣ, бардомъ которыхъ былъ Никонъ, мы можемъ напомнить одну параллель, что знаменитый политическій писатель Joseph de Maistre въ эпоху разрухи звалъ Францію не къ возстановленію *ancien régime* а именно къ возстановленію въ ней *l'antique constitution* которая въ XVII и XVIII вѣкахъ выродилась въ злоупотребленія и получила другое, только что упомянутое нами названіе.

Соотношеніе между ученіемъ Никона о православномъ царѣ и понятіемъ русскаго самодержавія въ русскомъ сознаніи XX вѣка; протестъ его противъ абсолютизації власти царя.

Означенное разложеніе идеи самодержавія мы усматриваемъ, прежде всего въ абсолютизації царской власти при Петрѣ, а затѣмъ въ XIX вѣкѣ въ расхищеніи самодержавной власти органами высшаго, но подчиненнаго управленія т. е., министрами послѣ ихъ учрежденій въ 1802 году, въ расхищеніи, связанномъ съ фактическимъ устраненіемъ Сената отъ функцій надзора за закономѣрностью министерскаго управленія, а также съ вовлеченіемъ Верховной власти въ сферу подчиненнаго управленія¹. Послѣдняя тема касается

¹ Нельзя не отмѣтить и того искаженія идеи православнаго всенароднаго Царя, которое произошло при Екатеринѣ II, когда высшее сословіе въ государствѣ, будучи освобождено отъ обязательной службы государству, сохранило, однако, свои сословныя привилегіи, потерявшія съ тѣхъ поръ свое оправданіе, а низшее сословіе

проведенія различія между управленіемъ верховнымъ и подчиненнымъ и насъ не касается, но различіе власти самодержавной отъ абсолютной должно быть особо отмѣчено, какъ два понятія совершенно различныхъ. Нельзя не уяснить, что именно мы разумѣемъ подъ Самодержавіемъ. Прежде всего нельзя его смѣшивать съ понятіями верховенства и неограниченности. Какъ это хорошо выяснилъ проф. Казанскій, подъ верховенствомъ надо разумѣть юридическій суверенитетъ, а подъ самодержавіемъ фактической. Самодержавной властью называется верховная власть, покоющаяся на собственной силѣ, а самодержавіемъ верховная власть, располагающая наибольшимъ могуществомъ. Символически это властвование въ силу собственной силы отмѣчается во время коронованія тѣмъ, что Государь самъ беретъ скипетръ и державу и самъ надѣваетъ на себя корону. 4-я статья Основныхъ Законовъ утверждаетъ, что Государю принадлежитъ верховная самодержавная власть, и констатируетъ тотъ фактъ, что эта власть уже принадлежитъ императору (а не то, что она предоставлена ему Основными Законами, имѣющими свой источникъ во власти Императора). Самодержавная власть имѣетъ свои собственные, ей присущія, а не извнѣ данныя права, въ ней воплощаются самобытность и державныя права націи, выработанныя потомъ и кровью многовѣкового историческаго развитія, какъ говоритъ Романовичъ-Славатинскій, это — власть отъ всякой другой власти независимая, какъ училъ графъ Сперанскій. Власть русскаго царя самодержавная т. е. самородная, не дарованная другой властью. Она въ основѣ своей имѣетъ не юридическій фактъ, а все историческое прошлое русскаго народа. Самодержавіе въ такомъ пониманіи отличается отъ свойствъ власти: ея верховенства и неограниченности. Подъ верховенствомъ разумѣется то, что эта власть нейтральная, умѣряющая, учредительная, власть послѣдняго рѣшенія въ сферѣ государства съ проявленіемъ этихъ свойствъ во всѣхъ сферахъ, и въ законодательной, и въ административной, и въ судебной. Власть можетъ быть самодержавной и въ извѣстномъ смыслѣ ограниченной, хотябы положеніями, вытекающими изъ собственнаго понятія самодержавнаго православнаго Царя, возвращеннаго исторіей народа.

крестьянство оставалось еще 100 лѣтъ въ крѣпостной отъ него зависимости, еще болѣе усиленной. Отгороженная отъ большей части своихъ подданныхъ привилегированнымъ сословіемъ царская власть получила особый отпечатокъ отъ этой своей новой опоры, въ результатѣ гвардейскихъ дворцовыхъ переворотовъ XVIII вѣка, и въ понятіи общенароднаго Царя отслоилось другое понятіе, Царя по преимуществу дворянскаго. Отчужденіе опоры Престола — дворянства отъ народной культуры съ Петра I содѣйствовало подрыву царской власти, на него опиравшейся. Новое ея возстановленіе мыслимо только на основѣ церковной и общенародной.

Самодержавіе состоитъ въ томъ, чтобы творить не волю свою, говорить Л. Х. въ своей брошюрѣ „Самодержавіе“, а, выражая собой народъ съ его духовными потребностями и съ его особенностями, вести его по путямъ, имъ — народамъ излюбленнымъ, а не предназначать ему пути измышленные“. „Самодержавіе, говоритъ И. С. Аксаковъ, учрежденіе вполнѣ народное; отрѣшенное отъ народности, оно перестаетъ быть русскимъ самодержавіемъ и становится абсолютизмомъ“. Когда онъ говоритъ, что царю сила власти, а народу сила мнѣнія, то въ этой фразѣ надо вычитать сознаніе необходимости власти питаться отъ народныхъ источниковъ. Карамзинъ отвергалъ самовластный абсолютизмъ, когда говорилъ, „что Государя нельзя выдѣлять изъ духовнаго единства народа, и потому Государь не въ правѣ отдать русскія губерніи Польшѣ“. Самодержавная власть ограничена тѣмъ, что сама пребываетъ въ сферѣ народныхъ понятій; она ограничена принадлежностью къ народу и единеніемъ съ нимъ. „Самодержавіе, говоритъ Д. Х., всегда считало себя ограниченнымъ, а безграничнымъ только условно въ предѣлахъ той ограниченности, которая истекаетъ изъ ясно сознанныхъ началъ народности и вѣры. Оно жило въ народѣ и въ Церкви. Абсолютизмъ сталъ выше ихъ обоихъ (Казанскій „Власть Всероссійскаго Императора“ 840 стр.). Даже проф. Казанскій, считающій власть Царя, какъ источникъ правъ, выше права, почитаетъ его лишь юридически неограниченнымъ, но не считаетъ его неограниченнымъ въ религіозномъ, нравственномъ и національномъ отношеніи.

Въ такой концепціи необходимо признать, что царь самъ себя ограничиваетъ, какъ это и сдѣлалъ проф. Казанскій. Соглашаясь, что царь самъ себя юридически ограничиваетъ въ проявленіяхъ власти государственной, нельзя не оговорить, что въ отношеніи къ Церкви онъ ограниченъ каноническими нормами. Надъ Царемъ нѣтъ учрежденія, передъ которымъ онъ былъ бы юридически отвѣтственъ за свою дѣятельность, надъ нимъ нѣтъ учрежденія, ему повелѣвавшего, но онъ связанъ объективными нормами каноническими, хотя бы эта связанность и носила характеръ всѣхъ *lex imperfecta*, какъ это обстоитъ въ отношеніи вообще всѣхъ непосредственныхъ органовъ государства. Понятіе неограниченности царя, о которомъ говоритъ проф. Казанскій (Ib. 889), можетъ относиться только къ сферѣ государственной: „монаршая власть, говоритъ онъ, какъ власть верховная, не знаетъ ни надъ собой никакой высшей власти, ни рядомъ съ собой никакой равной власти, а потому не знаетъ и

никакихъ нормъ, которыя были бы внѣшне обязательны для нея, какъ велѣнія власти высшей, или какъ соглашеніе съ властью равной. Всѣ эти элементы неограниченности власти тѣсно связаны между собой и образуютъ одно понятіе неограниченности власти". Это не можетъ относиться къ нормамъ, имѣющимъ свой источникъ не въ государствѣ, а въ Церкви, которыя однако, хотя и обязательны какъ нормы каноническія, но матеріально не вынуждаемы, имѣя своей санкціей лишь сознаніе божественности ихъ происхожденія. Впрочемъ эта имперфектность — обычное свойство многихъ нормъ: отсутствіе матеріальной вынуждаемости не лишаетъ ихъ значенія нормъ правовыхъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ отношеніи вообще нормъ каноническаго права, издаваемыхъ Церковью. Никонъ и поступилъ, какъ величайшій русскій патріотъ, когда свою судьбу принесъ въ жертву спасенію не только понятія Церкви, но и понятія православнаго Царя. Онъ не ставилъ внѣшнихъ ограниченій царю отъ другихъ учрежденій и говорилъ, что человѣческаго суда надъ Царемъ нѣтъ, но есть судья — Богъ, который можетъ разрушить все его царство. Однимъ словомъ Никонъ призывалъ Царя во имя страха Божія къ самоограниченію своей власти, предѣлы которой въ отношеніи къ Церкви указаны природой самой Церкви и ея Божественныхъ полномочій. Самая должность Патріарха съ его правомъ печалованія разсматривается имъ въ строѣ государственныхъ учрежденій, какъ юридическое выраженіе той истины, что высшая правда, — путеводный указатель для Царей и стражъ вѣры. Церковь со всѣмъ ея строеніемъ есть нѣчто, подлежащее обязательному признанію со стороны православнаго Царя, не желающаго навлечь на себя гнѣвъ Божій (не людской гнѣвъ). Интересно сравнить это оригинальное построеніе русскаго церковнаго мыслителя съ западными мыслителями, ищущими въ теоріи косвенной власти (Григорій VII) или въ теоріи нравственнаго закона (Томас Аквинскій признаетъ право высшаго судить низшаго за незаконныя дѣйствія въ силу порядка мірозданія подчиняющаго низшаго высшему) средство для оправданія правомѣрнымъ властнаго вмѣшательства Папы въ судьбы государствъ и престоловъ. Указаніе на грѣхъ въ дѣяніи Царя и собственный уходъ съ Патріаршаго престола съ цѣлью зафиксировать нарушеніе правъ Церкви и воздѣйствовать на поведеніе Царя есть проявленіе архипастырской ревности — равно и анаемы преступникамъ клятвы. Если мы посмотримъ на значеніе этой дѣятельности Никона, то въ немъ можемъ увидѣть **историческій протестъ противъ начала**

абсолютизації державної влади, а не захоплення на себе царської влади; Царь, як представитель народної вѣры, его чувства, мысли, упованій, не можетъ въ своихъ дѣянїяхъ не признавать строя Церкви, вытекающаго изъ ея канонѡвъ. То ограниченіе въ признаніи Царемъ только вѣры, (а не канонѡвъ), которое введено Петромъ, и его самовольное законодательство въ нѣдрахъ Церкви и есть абсолютизація царской власти, ибо здѣсь забыты границы государства; Церковь есть не только вѣра, но и церковный законъ и жизнь по вѣрѣ, какъ напоминалъ объ этомъ Никонъ въ своемъ „Раззореніи". Совершенно правильно Пальмеръ говоритъ: (*Die Russische Verfassung*): „Der Absolutismus wird erst durch Peter den Grossen in Russland begründet und erst seit dessen Zeit fallen die Ausdrücke selbstherrschend (самодержавіе) und unbeschränkt zusammen"¹.

Необходимою предпосылкой для измѣненія царской власти, является измѣненіе въ самой религіозной жизни народа. Не безъинтересны замѣтки нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей о значеніи самодержавія для Россіи, и слѣдовательно, добавимъ мы, о важности охраненія его отъ превращенія въ абсолютизмъ. **П. Н. Семеновъ** замѣчалъ: „отрѣшиться отъ самодержавія равносильно отреченію отъ своей исторіи, вѣковыхъ трудовъ и усилій по собиранію земли русской и сплоченію ея въ одно цѣлое могучее государство". **М. Н. Катковъ** писалъ: „съ самодержавной властью Русскаго Царя неразрывно соединено самое существованіе Россіи". **Проф. В. Л. Катковъ:** „самодержавіе — святыня русской народной жизни, оплотъ противъ разрушающаго вліянія соціализма и демократіи, оно создало то, чѣмъ мы живемъ, чѣмъ мы связаны, что придаетъ смыслъ нашему существованію. Самодержавіе создало Россію, и выросшее въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ западныя государства, Россія будетъ жить подъ эгидой самодержавія, или погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ". А членъ III Думы **Образцовъ** сказалъ: „Россія безъ самодержавія будетъ великимъ трупомъ, который расклюютъ хищные коршуны. Поражая самодержавіе, намъ готовятъ иноземное иго". **Побѣдоносцевъ** отмѣчалъ, что государственная власть утверждается на единствѣ духовнаго самосознанія между народомъ и властію — на вѣрѣ народной. При раздвоеніи этого сознанія власть подтачивается въ своемъ основаніи. Съ этой точки зрѣнія внесеніе иныхъ началъ (абсолютизмъ) въ царскую власть мы и разсматриваемъ, какъ ея подрывъ въ

¹ Абсолютизмъ обосновывается въ Россіи впервые Петромъ Великимъ, и только съ этого времени совпадаютъ выраженія „самодержавіе" и „неограниченность".

XVII вѣкѣ, и видимъ въ немъ тотъ l'ancien régime, который началъ подтачивать l'antique constitution — древнюю основу русскаго государственнаго строя. Самодержавіе священо по своему внутреннему значенію, будучи великимъ служеніемъ передъ Господомъ; государь — великій подвижникъ, несущій бремя власти, заботъ о своемъ народѣ во исполненіе заповѣди: „другъ друга тяготы носите“. Его самодержавіе не есть цѣль само по себѣ, а орудіе высшихъ идеаловъ. Русское самодержавіе — для Русскаго государства, а не наоборотъ. Церковь освящаетъ это единеніе Царя съ народомъ, какъ вѣрность подданства, черезъ которую безусловная подчиненность подданныхъ пріобщаетъ ихъ къ соучастію въ этомъ служеніи. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія служеніе Никона было не только служеніемъ Церкви, но и выполненіемъ долга вѣрноподданнаго въ чинѣ первосвятителя, а идеи его были направлены къ признанію въ жизни господства права и правды, къ отстаиванію уже существовавшаго ограниченія царской власти, вытекающаго изъ ея понятія, а не къ созданію новаго. Не его вина — если его дѣло не было понято современниками — людьми властолюбивыми и порочными, которымъ не по плечу были его святыя стремленія.

Глава VI. Отзывы о Никонѣ.

Щербатовъ. — Берхъ. — Карамзинъ. — Лигаридъ. — Самаринъ. — С. М. Соловьевъ. — Ундольскій. — Костомаровъ. — Митрополитъ Макарій. — Каптеревъ. — Ключевскій. — С. Ф. Платоновъ. — Шушеринъ. — О чудесахъ Никона. — Жизнеописаніе Никона по Шушерину. — О предсказаніяхъ Никону объ его будущемъ патріаршествѣ. — Павелъ Апеппскій. — Н. А. А. въ Ч. О. И. и Д. Р. 1848. 5. — Митрополитъ Платонъ Левшинъ. — Шаповъ. — Архіепископъ Филаретъ Черниговскій. — Н. А. А. въ Правосл. Собесѣд. 1860 г. — Николаевскій (Х. Чт. 1883 г.). — Субботинъ, Н. И. — Гюббенетъ. — Пальмеръ. — Николаевскій (жизнь Никона въ ссылкѣ). — Бар. Мейерберъ. — Архидіаконъ Коксъ. — Д-ръ Коллинсъ. — Уніать Кульчнискій. — Берхъ. — Pichler. — Levescue. — Herman. — Стэнли. — Пальмеръ. — Theiner. — Tondini. — Palmieri. — Грамота Восточныхъ Патріарховъ 5 мая 1632 года. — Митрополитъ Антоній Храповицкій. — Духъ Регламента. Смысль Клеветы о замахѣхъ Никона на царскую власть. — Наше заключеніе объ идеяхъ Патріарха Никона.

Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что наши отечественные историки не освобождаются отъ предвзятой точки зрѣнія о Никонѣ и принимаютъ на вѣру приписываніе ему стремленій къ захвату царской власти. Эта легенда представляется, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, и очевидно находила для себя поддержку въ господствующемъ взглядѣ на положеніе Церкви въ государствѣ. Не лишено въ этомъ отношеніи интереса мнѣніе историка времени Екатерины II Щербатова, для котораго память о какихъ то захватахъ Никона становится элементомъ, котораго призвана остерегаться государственная власть, и быть всегда на чеку, хотя въ основѣ такого мнѣнія лежитъ не дѣйствительность о Никонѣ, а созданная дворцовой партіей легенда о немъ. Вотъ что писалъ Щербатовъ о Никонѣ:

Щербатовъ.

(Ч. И. М. О. И. и Д. Р. за 1859 III, 69, 70). Первое равное Сенату правительство есть Синодъ для духовныхъ дѣлъ, въ которомъ имѣетъ право присутствовать для духовныхъ дѣлъ по именованію Государя архіереи, архимандриты и нѣсколько протопоповъ. Онъ управляется, кромѣ раздѣленія на департаменты, также какъ и Сенатъ, и въ немъ обрѣтается оберъ прокуроръ, особа нужная въ семъ мѣстѣ для недопущенія духовенству захватывать гражданскими правами, къ чему они весьма склонны. Но разсмотримъ и самое сіе, такъ ли учреждено, какъ бы надлежало для достиженія дожелаемаго конца? Архіереи и другія духовныя особы, присутствующія въ Синодѣ, суть люди почтенны ихъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между собой, яко безпрестанно борющійся для пріобрѣтенія себѣ больше силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ оберъ прокуроръ, человѣкъ не большого чина и по большей части не случайный при Государѣ, то можетъ ли онъ единой силѣ ихъ сана, пронырству и соединенію противиться? Правда, понынѣ не видно еще, чтобы архіереи многое захватили, но постороннія тому обстоятельст-

ва противились. При Петрѣ Великомъ не смѣли ничего начать; Императрица Екатерина и Петръ II мало царствовали; Императрица Анна имѣла при себѣ герцога Курляндскаго лютеранина, слѣдственно противнаго духовенству, императрица Елизавета мало, по набожности своей, не возобновила чинъ патріаршій и временникъ ея Разумовскій, преданный духовенству, болѣе упражнялся съ ними пить, нежели въ честолюбивыхъ ихъ намѣреніяхъ имъ помогать; а потомъ ея временникъ Ив. Ив. Шуваловъ, человекъ разумный, и совсѣмъ ихъ проискалъ путь пресѣкъ. Петръ III былъ внутренно лютеранинъ, а нынѣ царствующая императрица послѣдовательница новой философіи, конечно знаетъ, до какихъ мѣстъ власть духовная должна простираться, и конечно, изъ предѣловъ ея не выпуститъ. Но я впредь не ручаюсь, чтобы духовный чинъ, нашедъ удобный случай, не распростеръ свою власть".

XVIII вѣкъ былъ неблагопріятенъ для выясненія дѣла Никона. Духовный Регламентъ съ его сообщеніями о замахѣхъ, имѣвшими въ виду Никона, и торжество Синодальнаго правленія надъ патріаршествомъ не могли содѣйствовать разъясненію. Петръ I старался унизить не только институтъ патріаршества учрежденіемъ должности всешутѣйшаго патріарха при всепьянѣйшемъ соборѣ, гдѣ онъ царь былъ діакономъ, но и память св. патріарха Никона. Въ Духовномъ Регламентѣ специально было сказано о несуществующемъ замахѣ Никона на царскую державу: „да не помянутся бывшіе и у насъ подобные (папскимъ) замахы"; при Петрѣ же въ 1700 г. было запрещено властямъ Воскресенскаго монастыря построение Церкви во имя Преподобнаго Александра Свирскаго на мѣстѣ кончины Никона, и построенный имъ Иверскій монастырь былъ присоединенъ къ Александро-Невской лаврѣ, куда были перевезены лучшіе колокола и драгоценные сосуды, по свидѣтельству Митрополита Антонія. Еще въ 50-хъ годахъ XIX вѣка осталось безъ исполненія желаніе возстановить крестъ на мѣстѣ кончины Никона.

Отъ **Татищева** до церковнаго историка Петра Алексѣевича при Екатеринѣ II Никонъ вызывалъ только осужденіе. Вѣкъ Екатерины былъ враждебенъ всякимъ притязаніямъ церковной власти, и Епископъ Арсеній Маціевичъ пострадалъ за отстаиваніе церковныхъ имуществъ.

Берхъ.

Берхъ, пользовавшійся тѣми иностранными писателями, которые въ бытность въ Россіи свою інформацію почерпали въ придворныхъ кругахъ, какъ Олеарій, Мейербергъ, объяснили дѣло Никона его властолюбивымъ характеромъ. Оффиціальныя документы по дѣлу Никона впервые использовалъ **С. М. Соловьевъ**, но они составлялись правительственной партіей, неблагожелательной Никону, и потому также односторонни — особенно тотъ источникъ, къ которому Соловьевъ отнесся съ полнымъ довѣріемъ — Паисій Лигаридъ.

Карамзинъ

До Соловьева еще **Карамзинъ** давалъ сужденія о Никонѣ подъ вліяніемъ ложныхъ идей. Онъ говоритъ о введеніи патріаршества: „Такимъ образомъ установилась новая верховная степень въ нашей іерархіи, черезъ 110 лѣтъ ниспроверженная самодержавцемъ Великимъ, какъ бесполезная для Церкви и вредная для единовластія государей, хотя разумный учредитель ея (Борисъ Годуновъ) не далъ тѣмъ духовенству никакой новой государственной силы и, перемѣнивъ имя, оставилъ Патріарха въ полной зависимости отъ Вѣнценосца. Петръ I зналъ исторію Никона и раздѣлилъ, чтобы ослабить власть духовную; онъ уничтожилъ бы и санъ Митрополита, если бы въ его время, какъ въ Іоаново или въ древнѣйшія, одинъ Митрополитъ управлялъ Россійской Церковью. Петръ царствовалъ и хотѣлъ только слугъ". (X, 73) Карамзинъ, какъ истый цезарепапистъ, даже не ставитъ вопроса, могъ ли по канонамъ Царь прекратить патріаршество, и гдѣ когда былъ нанесенъ патріаршествомъ вредъ царской власти. Все дѣлалъ гипнозъ о восхищеніи Никономъ на себя царской державы.

Лигаридъ.

Русскіе историки, Соловьевъ и Каптеревъ за исходный пунктъ въ объясненіе поступковъ Никона брали его гордость, которую внушилъ о Никонѣ **Лигаридъ**. Послѣдній, дѣйствительно, въ своей исторіи, написанной со спеціальной цѣлью угодить боярамъ и снять съ совѣсти Царя Алексѣя вѣчно тяготившій его актъ осужденія Никона, и оправдать боярскій походъ на Никона, съ цѣлью самому себѣ расчистить путь къ высшей церковной власти, — выставлялъ его гордымъ человѣкомъ. Такъ онъ пишетъ на стр. 258: „Who was more proud, for the multitude of his villages, for the nation of his dependents, than Nikon, when he was patriarch? Who, who boasted himself more in wealth and power than Nikon the Primate of all Great, Little and White

Russia? Ah, ah, he has fallen into the pit which he himself had dug for himself with his own hands, even as Lucifer like lightning from heaven into the hell which he had made for himself. Nikon has perished and his memorial had passed away with an empty sound and his towering pride has been singed and burned to ashes like a torch"¹.

Но извѣстно, что титулы Патріарха Никона только отражали титулы Царя и даны по приказу Царя. Онъ же Лигаридъ, желая возбудить противъ Никона пріѣзжавшихъ судить его Патріарховъ, старался представить дѣло такъ, что будто Никонъ хотѣлъ подняться выше ихъ всѣхъ, III, 157, 158. „This kakiarch (patriarch of all that is bad) having been born of mean parents, lived first as a hired servant, being poorer than Irus; and afterwards having, beyond all hope, been raised to the lofty eminence of the patriarchal chair, he with the mad ambition of Lucifer impudently attempted to set his own chair above those of the other patriarchs..."². Но Никонъ строго соблюдалъ каноническій чередъ Патріарховъ. Онъ же Лигаридъ увѣковѣчилъ невѣрную идею о превозношеніи Никономъ себя выше Царя. Онъ пишетъ (III, 117): „And this is what has been done by the four patriarchs **on account of the arrogant Nikon, who was lifting up himself so as to overtop the emperor in dignity and making himself everything in all** affairs, and becoming a Proteus, and hereby subverting and throwing into confusion the manners of the empire, yea and customs of society"³. Лигаридъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Никона ищетъ гордости, даже въ исполненіи обряда Ваий (III, 306). „O reader, note with me for a moment the arrogance of Nikon, who made the example of Christ to consist not in washing the feet of the disciples, but in setting on the colt with Baia and bougs"⁴. Но Никонъ, какъ извѣстно, мылъ ноги странникамъ, по разсказу Павла Алеппскаго, даже и не въ Великій Четвергъ. Самый уходъ отъ патріаршества Никона рисуется Лигаридомъ, лишь какъ ожиданіе, чтобы Царь самъ

¹ Кто болѣе гордился, чѣмъ онъ, множествомъ сель, количествомъ населенія въ своихъ владѣніяхъ, чѣмъ Никонъ, когда онъ былъ Патріархомъ? Кто больше хвалился силой и властью, чѣмъ Никонъ Патріархъ Великой, Малой и Бѣлой Руси? Увы, онъ палъ въ колодезь какъ песь со всѣми своими лапами, или, лучше, какъ Люциперъ, ниспавшій съ неба въ адъ, уготованный имъ для него самого. Никонъ погибъ и память о немъ прошла какъ пустой звукъ, и его надменная гордость спѣта и превращена, подобно факелу, въ пепель.

² Этотъ начальникъ великаго зла, уродившись отъ родителей низкаго происхожденія, жилъ сначала, какъ наемный слуга, будучи бѣднѣ Ира; позднѣе поднявшись, вопреки всякому ожиданію, до высокаго достоинства патріаршаго титула, онъ безумнымъ честолюбіемъ Люцифера покушался поставить свой патріаршій престолъ выше другихъ патріаршихъ престоловъ.

³ Какъ было установлено четырьмя Патріархами, надменный Никонъ стремился превзойти Царя въ достоинствѣ, во всемъ выдвигалъ самого себя, сталъ Протеемъ и этимъ повергалъ въ хаосъ управленіе царствомъ и обычаи общества.

⁴ Читатель, обрати на моментъ свое вниманіе вмѣстѣ со мной на надменность Никона, который воспринялъ какъ примѣръ Христа не умовеніемъ ногъ Своихъ учениковъ, а возсѣданіемъ на ослати съ вѣтвями ваий.

пришелъ его умолять остаться, что Никонъ жаждалъ этой власти. Съ посольствомъ къ нему отъ Царя Никонъ „fell foul of them more and more fiercely, not letting them come and go without fighting and raging against them lifting up his neck on high, like a fiery unmanageable horse, presenting that he was unwilling, when he panted like a stag after it, to resume the patriarchate"¹. Эти сужденія Лигарида запечатлѣли и характеристики Никона у Соловьева и Каптерева, слѣдовавшихъ за нимъ въ его сужденіяхъ.

Самаринъ.

Ю. О. Самаринъ пишетъ въ книгѣ „Оеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій (1843 г.), сочиненіе т. V, стр. 226: „Изъ всѣхъ дѣлъ и словъ Никоновыхъ, до насъ дошедшихъ, усматривается его двойственное стремленіе: отрѣшить безусловно церковныя владѣнія, управленіе ими и судопроизводство въ нихъ отъ всякой подчиненности верховной власти, изолировать ихъ въ государствѣ: другими словами гражданскія права духовенства, какъ сословія, вознести на степень существенныхъ правъ самой Церкви, и въ то же время въ области Церкви всю власть сосредоточить въ своихъ рукахъ, водворить монархическое начало: эти двѣ цѣли клонились къ одной главной: возвести Церковь на степень самостоятельнаго государства въ государствѣ. Поэтому всѣ предшествующія учрежденія (которыми Цари ввели управленіе церковными имѣніями въ составъ общаго государственнаго управленія, подчинивъ его своему надзору, нисколько, впрочемъ, его не стѣсняя, Монастырскій Приказъ и пр.). Никонъ считалъ незаконнымъ вмѣшательствомъ въ судопроизводство церковное, расписаніе церковныхъ имуществъ, предписанное Царемъ возбуждало въ немъ негодованіе. Наконецъ пошлины, которыми были обложены церковныя земли и обязанность во время войны выставить даточныхъ людей, казались ему нарушеніемъ существенныхъ правъ Церкви". Обвиненія послѣдняго рода Самаринъ подкрѣпляетъ не обвиненіями, сдѣланными на Соборѣ, судившемъ Никона (такихъ обвиненій къ нему и не было предъявлено), а только докладомъ посланныхъ къ Никону отъ Царя людей по доносу Боборыкина, докладомъ, сдѣланномъ ими Царю, но не показаніями самого Никона или свидѣтелей; эти посланные говорили Царю то, что они сами выговаривали Никону, а не то, что они слышали отъ него, но для этого

¹ Обходился все и болѣе гордо, не позволяя имъ ни войти ни выйти безъ того, чтобы не вступать въ борьбу и не неистововать, вознося высоко свою выю, подобно гордому необѣзжаному коню, дѣлая видъ, будто не ищетъ онъ патріаршаго престола, котораго, однако, алкалъ подобно оленю.

незачѣмъ было и ѣздить къ Никону, ибо голословныхъ обвиненій со стороны его враговъ невозможно даже и перечислить. Стремленіе приписать Никону ввести монархическое управленіе въ Церкви базируется на единоличномъ будто бы судѣ надъ Митрополитомъ Павломъ, но извѣстно, что Павелъ Алеппскій писалъ, что это не былъ единоличный судъ, а совершенъ былъ совмѣстно съ Царемъ, добавляя, „и по совѣту Константинопольскаго Патріарха“; кромѣ того, самъ Никонъ говорилъ на судѣ, что объ этомъ сохранилось дѣло въ Приказѣ, изъ котораго видно, что онъ не одинъ судилъ Митрополита Павла. Практика его патріаршествованія показываетъ, что онъ обращался къ соборамъ не только въ экстраординарныхъ случаяхъ, какъ при обрядовыхъ реформахъ, но и въ менѣе важныхъ дѣлахъ, такъ въ 1657 году Соборъ занимался перемѣщеніемъ архіереевъ съ одной кафедры на другую. Обвиненіе Никона въ стремленіи совершенно изолировать церковное управленіе отъ государственнаго и отрѣшить церковныя владѣнія отъ всякой подчиненности государственной власти не точно, ибо Никонъ постоянно обращался къ Царю за содѣйствіемъ, даже въ чисто церковныхъ дѣлахъ, но отстаивалъ самостоятельность церковнаго управленія въ сферѣ, по существу принадлежащей Церкви (назначеніе на церковныя должности, судъ въ церковныхъ дѣлахъ); въ условіяхъ того времени подсудность опредѣлялась по лицамъ, а не по предметамъ, и силой вещей Никонъ отстаивалъ гражданскую подсудность духовенства суду Церкви ссылкой на принципъ самоуправленія Церкви въ своихъ дѣлахъ, не различая ихъ по существу. Однако, какъ мы уже говорили, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивалъ для Церкви и ея собственную сферу, а въ вопросѣ гражданской подсудности духовенства и неприкосновенности церковной собственности ссылается на историческую традицію, слѣдовательно, и не причислялъ ихъ къ существеннымъ правамъ Церкви, какъ писалъ ошибочно Самаринъ. Самаринъ признаетъ (230 стр.), что многія обвиненія противъ Никона очевидно внушены личной ненавистью и носятъ признаки самой грубой клеветы (присвоеніе титула великаго Государя, непризнаніе соборныхъ постановленій, введеніе въ Церковь необычныхъ чиновъ, именованіе себя Новоіерусалимскимъ Патріархомъ, устройство монастырей съ похищеніемъ собственности и проч.). Далѣе онъ признаетъ: „вообще въ этой многосложной и великой тяжбѣ Царя съ Патріархомъ, правда и неправда, дѣйствительныя вины Никона и клеветы на него возведенныя, важное и ничтожное такъ перемѣшано и сбито, что,

вѣроятно, уже оно не предстанетъ никогда во всей ясности и строгости. Можетъ быть, къ сверженію Никона не было достаточно причинъ; можетъ быть, онъ могъ бы получить разрѣшеніе отъ безстрастныхъ судей; но не менѣе того, стремленіе Никона, мысль, которую онъ преслѣдовалъ, но не успѣлъ осуществить, и которой современники и обвинители его не могли узрѣть ясно и очистить отъ мелкихъ обстоятельствъ, эту мысль нельзя не осудить, какъ противную духу Православной Церкви. Никонъ хотѣлъ для Церкви независимости отъ государства въ самомъ государствѣ, для Патріарха власти неограниченной, самодержавной, вообще замысль его клонилась къ тому, чтобы основать въ Россіи частный національный папизмъ". Съ этимъ совершенно невозможно согласиться послѣ изученія сочиненій Никона. Никонъ не насаждалъ русскаго папизма. Папизмъ — явленіе сложное: въ него входитъ понятіе объ особой природѣ папской власти и существенномъ ея отличіи отъ архіерейской въ видѣ дополнительнаго примата въ Церкви, о папствѣ какъ основѣ самой Церкви, (по ученію католическому Церковь основана на Папѣ, а не Папа на Церкви), понятія о составѣ папской власти, со включеніемъ въ нее власти косвенной въ свѣтскихъ дѣлахъ, ученіе о монархичности, а не соборности власти, наконецъ, ученіе о прямой государственной власти Папы на территорію его государства какъ о правѣ оригинарномъ (т. е., въ силу собственнаго права, не производномъ) и именно потому и неприкосновенномъ. (Папское государство прекратило свое существованіе только въ 1870 г. и восстановлено въ 1929 г.). Никонъ же ограждалъ существенныя права Церкви, а прикладныя ея права выводилъ изъ понятія о православномъ Царѣ, долженствующемъ заботиться о Церкви, и изъ необходимости соблюдать завѣты, данныя Царями при дареніяхъ Церкви, и обѣты ихъ въ нерушимости церковной собственности за себя и за своихъ преемниковъ.

Въ огражденіе же существенныхъ правъ Церкви Никонъ слѣдовалъ не папской традиціи, а святоотеческой, которая сохранялась въ папствѣ на ряду съ позднѣйшими наслоеніями и омѣрщеніемъ Церкви въ вопросѣ, главнымъ образомъ, о косвенной власти Папы въ свѣтскихъ дѣлахъ и внесеніи въ Католическую Церковь элементовъ государственнаго характера. Извѣстно къ тому же, что патріаршая область не составила государства въ государствѣ, и важнѣйшія уголовныя дѣла всегда подлежали суду государства; рѣшительно нигдѣ въ сочиненіяхъ Никона мы не видимъ, чтобы онъ жаловался на это, какъ ни подробно перечислялъ онъ обиды Церкви отъ Царя. Самыя

земельныя владѣнія онъ основывалъ на дареніи Царя за свою службу ему и доказывалъ Лигариду, что онъ не заслужилъ ихъ отнятія за неблагодарность Царю, ибо таковой съ его стороны не было обнаружено; въ концѣ концовъ онъ и завѣщалъ ихъ „епархіи Московской, а не своему преемнику — Патріарху. Одного стремленія Никона создать свои особые монастыри, отстоять вѣковую юрисдикцію Церкви и церковную собственность слишкомъ недостаточно для обвиненія въ папизмѣ. Не вводилъ онъ и единоличнаго управленія въ Церкви, а опирался на соборъ помѣстныхъ архіереевъ съ участіемъ иностранныхъ архіереевъ и признавалъ компетенцію надъ собой суда вселенскихъ Патріарховъ, если онъ законно составленъ и по канонамъ судить. Судъ же 1666 года надъ собой почиталъ нечестивымъ, ибо онъ былъ осужденъ имъ за дѣла, которыхъ онъ не совершалъ, и по правиламъ, не относящимся къ его уходу и неправильно воспроизведеннымъ. А призывъ къ послушанію Патріарху, какъ начальному отцу, не являетъ ничего необычнаго; къ этому призывали Патріархи архіереевъ и бояръ и послѣ Никона, какъ видно изъ описанія Лигаридомъ интронизаціи Патріарха Іоасафа II. Само по себѣ это послушаніе есть каноническая обязанность, въ извѣстныхъ каноническихъ границахъ, православныхъ людей по отношенію къ первосвященителямъ своей помѣстной Церкви и, если Никонъ потребовалъ его особо въ 1652 г., то потому, что совершено было незадолго до этого, за три года величайшее въ его глазахъ правонарушеніе, — изданіе законовъ, противорѣчащихъ канонамъ, обнаружившее секуляризаціонныя стремленія правительства и его желаніе понизить государственное положеніе Церкви, вопреки 600 лѣтней традиціи. Мнѣніе Самарина о Никонѣ можно объяснить тѣмъ, что онъ имѣлъ въ распоряженіи исключительно нѣкоторые официальные документы о Никонѣ, составленные тенденціозно самимъ правительствомъ, судившимъ Никона. Не видно, чтобы среди этихъ официальныхъ документовъ онъ видѣлъ самое дѣло Никона. Въ силу этого и то, что Самаринъ почиталъ правдой въ дѣлѣ Никона, при болѣе пристальномъ разсмотрѣніи оказывается такой же неправдой, какъ и другія обвиненія на Никона.

Самаринъ оправдываетъ самое уничтоженіе патріаршества (стр. 237), говоритъ, что понятіе о необходимости патріаршества, встрѣчающееся у нѣкоторыхъ писателей XVII и XVIII ст., возводило его на степень учрежденія Божественнаго, безусловнаго и почти равняло его съ папизмомъ. Вотъ почему уничтоженіе патріаршества въ

Россіи было необходимо. Но какъ разъ по этимъ соображеніямъ государственная власть и не могла уничтожать учрежденія церковнаго хотя патріаршество въ смыслѣ созданія особой инстанціи надъ митрополитами и не есть учрежденіе Божественное, а церковное V вѣка, а самый принципъ объединенія всѣхъ епископовъ, пастырей Церкви подъ однимъ главенствомъ является учрежденіемъ апостольскимъ (34 ап. правило), входящимъ въ составъ преданія.

С. М. Соловьевъ

Соловьевъ совершенно точно воспроизводитъ сужденія Лигарида, дополняя и развивая сужденія свои общимъ разсужденіемъ о взаимномъ положеніи Царя Алексѣя Михайловича и Патріарха Никона (XIII, 141): „молодой, мягкій по природѣ, благочестивый не по одному титулу Царь вполнѣ подчиняется энергичному Патріарху. Но это самое положеніе, это обиліе матеріальныхъ мірскихъ средствъ и заключаетъ въ себѣ причину паденія Никона, который, какъ человѣкъ плоти и крови, не выдержалъ искушенія, прельстился предложеніемъ царства и палъ. Никонъ позволилъ себѣ принять роковой титулъ великаго Государя, т. е., главнаго хозяина, правителя страны, титулъ, не могшій имѣть никакого отношенія къ значенію Патріарха, титулъ прямо указывавшій на двоевластіе, на то, что два хозяина въ домѣ, и влекшій необходимо къ столкновенію между ними, тѣмъ болѣе, что Никонъ по природѣ своей не могъ быть только титулярнымъ великимъ Государемъ. Патріаршество, высокое значеніе его, стало для Никона на второмъ планѣ, онъ бросился на мірскую власть, захотѣлъ быть настоящимъ великимъ Государемъ, настоящимъ, законнымъ и проигралъ свое дѣло, потому что сталъ въ видимое для cadaго незаконное положеніе. Поведеніе Никона съ момента отреченія представило рядъ скандаловъ, ронявшихъ все болѣе и болѣе бывшаго Патріарха, который совершенно потерялъ изъ виду Церковь, патріаршество и хлопоталъ только о томъ, чтобы ему, Никону, если нельзя возвратить все прежнее, то по крайней мѣрѣ удержать какъ можно больше изъ своего прежняго матеріальнаго значенія, изъ прежнихъ матеріальныхъ выгодъ; но въ какомъ бы печальномъ состояніи ни находилось общество, все же оно не могло не оттолкнуться отъ человѣка, который великое общественное дѣло превратилъ въ личное". Мы, напротивъ, полагаемъ, какъ это видно изъ всего нашего труда, что Никонъ былъ неутомимый борецъ за идею; ниоткуда не видно, чтобы онъ искалъ мірской власти, а напротивъ своей

прямолинейностью показывалъ, что онъ дорожить идеей, а не своимъ положеніемъ, что скандалы устраивали послѣ его ухода бояре со спеціальной цѣлью найти причину, чтобы отдѣлаться отъ него совсѣмъ, что паденіе Никона есть искусственная интрига бояръ, съ которыми онъ при своей чистотѣ и прямолинейности не могъ бороться такими же коварными средствами. Соловьевъ не признаетъ за Никономъ никакихъ духовныхъ стремленій, но это опровергается всѣмъ образомъ жизни Никона, его аскетизмомъ, строгостью къ себѣ, его любовью къ самому строгому церковному уставу. Матеріальныхъ выгодъ онъ себѣ никогда не искалъ и, когда имѣлъ власть и средства, все отдавалъ на постройку церквей и монастырей и, когда хотѣлъ возвращенія изъ ссылки, мечталъ продолжать тамъ въ Воскресенскомъ монастырѣ оставшійся недостроеннымъ храмъ. Сужденіе Соловьева о Никонѣ высказаны, когда онъ писалъ XI и XIII томъ своей Истории, т. е., въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ XIX вѣка, когда еще не было работъ проф. Николаевского въ 80-хъ годахъ, Гюббенета въ 90-хъ годахъ, Пальмера въ 70-хъ годахъ. Онъ игнорировалъ трудъ Шушерина, появившійся первый разъ въ печати въ 1784 году и переизданный въ 1816 году. Соловьевъ высказалъ сужденія (XI, 320), что „взгляды Никона на отношенія между царской и патріаршей властью расходятся съ преданіемъ Восточной Церкви, какъ они утверждены въ русской исторіи". Но цезарепапистскія стремленія стали захватывать Русскую Церковь съ половины XV вѣка, и ихъ нельзя считать традиціей Восточной Церкви, ибо на ряду съ ними была святоотеческая традиція, боровшаяся съ цезарепапизмомъ. Никонъ же отстаивалъ именно послѣднюю. Хотя Соловьевъ писалъ о соборѣ 1666 г. на основаніи архивныхъ данныхъ, однако извѣстно, что правительственныя сообщенія о дѣлѣ Никона уже потому тенденціозны, что правительство было стороной въ этомъ дѣлѣ, и многія частности процесса и приготовленій къ нему, уличающія правительство въ односторонней тенденціозности въ отношеніи къ дѣлу, опущены.

Ундольскій.

Также въ 60 хъ годахъ была написана статья Ундольскаго, основанная на изученіи Никоновскаго „Раззоренія", также исходившая изъ цезарепапистской тенденціи. Ундольскій († 1864 г.) написалъ статью: „Новые матеріалы для исторіи законодательства въ Россіи", которая помѣщена была послѣ его смерти въ Русскомъ Архивѣ за 1886 г. подъ заглавіемъ „Отзывъ Патріарха Никона объ Уложеніи

Царя Алексѣя Михайловича Въ ней онъ упоминаетъ о „Раззореніи" Никона, подлинникъ котораго хранится въ Воскресенскомъ монастырѣ, но списки котораго были въ Академіи Наукъ и въ рукописяхъ самого Ундольскаго. Онъ пишетъ: „Несмотря на великую личность Патріарха Никона, его заслуги Царю и отечеству, должно сказать, что не всѣ пункты сего отзыва заслуживаютъ подробнаго разсмотрѣнія. По обширности его (945 листовъ in 4°) можно назвать разборомъ или разсмотрѣніемъ Уложенія, но, исключивъ изъ него вынужденное обстоятельствами, въ которыхъ писано возраженіе, останется не больше, какъ отзывъ о нашемъ знаменитомъ законодательномъ памятникѣ. Какъ въ самомъ Уложеніи нѣкоторыя статьи должны имѣть силу дѣйствующаго законодательства, другія напротивъ имѣютъ только историческое значеніе, такъ и въ отзывѣ Патріарха Никона. Какъ видитъ читатель, это не совсѣмъ точно, ибо, если дѣйствительно Никонъ писалъ въ своемъ „Раззореніи" много о Монастырскомъ Приказѣ, созданномъ Уложеніемъ, то онъ не ограничился критикой нормъ Уложенія, а перешелъ къ идеологической критикѣ постановки самой царской власти и патріаршества, къ выясненію высшихъ принциповъ государственнаго строительства, разъяснить которыя было цѣлью нашего труда, и высшей идеи, которой призвано служить законодательство — идеи оцерковленія жизни. Ундольскій въ критикѣ Никона на Монастырскій Приказъ видитъ преувеличеніе, ибо Никонъ видѣлъ въ этомъ „восхищеніе Царемъ на себя святительскаго чина и власти церковной" (Ib. 614 ст.); равно Ундольскій находитъ естественнымъ, что Митрополитъ Крутицкій обращался къ Царю за выборомъ лицъ для поставленія въ епископы и архимандриты, не видя въ этомъ самоуправства Царя въ Церкви. Очевидно, самъ Ундольскій не оцѣнилъ того, что критика Никона направлена на самый цезарепапизмъ въ принципѣ, и чтобы оцѣнить Никоновское возраженіе, надо встать на точку зрѣнія самой Церкви. Но Ундольскій правильно отмѣтилъ, что Никонъ протестовалъ противъ разоренія патріаршихъ дѣлъ, въ Уложеніи начатаго, и прекращенія роста земельной церковной собственности. Но далѣе опять, не уяснивъ исходнаго пункта возраженій Никона, онъ напрасно объясняетъ его раздраженіемъ. Слова „священство царства преболѣ есть, что Царь не есть, не можетъ быть глава Церкви" (ib. 615 ст.): — не раздраженіе, а святоотеческое ученіе. Поэтому напрасно Ундольскій оговариваетъ, что изъ любви къ правдѣ онъ не оставилъ безъ вниманія и этихъ мѣстъ „не въ обличеніе злосчастному

Патріарху, но въ доказательство, что и самыя высокія души иногда несвободны бывають отъ високоумія, неприличнаго христіанину, особенно же Первосвятителю". Непониманіе исходнаго пункта Никоновскаго ученія видно изъ слѣдующихъ словъ Ундольскаго. Признавая правильность патріаршихъ отвѣтовъ, что царская власть безпредѣльна, Ундольскій напоминаетъ Никону его же слова, что подобаеть коемуждо своя мѣста знати, а не восхищаться на не сущая" (ib. 619 ст.). Приписывая Никону сужденія въ „Раззореніи" его крутости, Ундольскій признаетъ его заботы о просвѣщеніи, восхваляетъ за собираніе греческихъ и славянскихъ рукописей и кончаетъ статью: „Станете ли вы разсматривать богатѣйшія вещи патріаршей ризницы, обратитесь ли къ памятникамъ зодчества отъ патріаршаго дома до монастырей Иверскаго и Ново-Іерусалимскаго съ монументальнымъ памятникомъ съ (доселѣ единственнымъ) храмомъ Воскресенія, вездѣ увидите геній Никона. Самое возраженіе, писанное не въ спокойномъ расположеніи духа, („огорчевался отъ великія кручины) не ясно-ли доказываетъ, что Никонъ имѣлъ способности необыкновенныя, обладалъ обширнымъ знаніемъ Св. Писанія, соборныхъ правилъ, писаній святоотеческихъ и ко всему этому, при отличной памяти, былъ находчивъ до невѣроятности?" Добавимъ: доказывается въ „Раззореніи" большее, что онъ указалъ правильный методъ, принятый современной канонической наукой, — опредѣлить компетенцію Царя и Патріарха по внутренней природѣ ихъ чина, онъ далъ теорію православнаго Царя, цѣнную не только для его времени, но и для грядущихъ поколѣній.

Костомаровъ.

Костомаровъ (Русская Исторія въ жизнеописаніи ея главнѣйшихъ дѣятелей. Выпускъ IV, 1874) не даетъ своей оцѣнки идей Никона въ отношеніи постановки церковно государственныхъ отношеній; изъ его церковнообрядовыхъ реформъ онъ выводитъ заключеніе, что у него благочестіе не шло далеко за предѣлы обрядности. „Буква богослуженія приводитъ къ спасенію; слѣдовательно необходимо, чтобы эта буква была выражена какъ можно правильнѣй. Таковъ былъ идеаль Церкви по Никону. Буква обряда давно уже камнемъ лежала на русской духовной жизни. Эта буква подавляла богатую натуру Никона („Никонъ" стр. 168). Задачей Никона было правильное однообразіе церковной практики; изъ этой задачи прямо вытекала потребность и единой церковной власти, а эту

власть находилъ онъ въ себѣ, въ своемъ патріаршемъ санѣ, и вотъ Никонъ, ревностно взявшись за дѣло достиженія единообразія церковной обрядности, логически долженъ былъ сдѣлаться борцомъ за независимость и верховность своей патріаршей власти". Если бы Никонъ придавалъ такое значеніе обряду, то едва ли бы онъ въ 1657 г. разрѣшилъ Неронову служить въ Успенскомъ Соборѣ по старымъ книгамъ. А что онъ хотѣлъ единообразія обрядовъ, то самъ Костомаровъ приводитъ приведенную Никономъ въ предисловіи къ Служебнику, цитату изъ грамоты Вселенскихъ Патріарховъ на устроеніе въ Россіи патріаршества, цитату, которая призвана объяснить церковно-обрядовую реформу Никона: „Православная Церковь приняла свое совершеніе не только по богоразумію и благочестію догматовъ, но и по священному Уставу церковныхъ вещей; праведно есть намъ истреблять всякую новину ради церковныхъ огражденій, ибо мы видимъ, что новизны всегда были виной смятеній и разлученій въ Церкви; надлежитъ послѣдовать Уставамъ Св. Отецъ и принимать то, чему мы отъ нихъ научились, безъ всякаго приложенія или убавленія. Всѣ святые озарялись отъ единого Духа и установили полезно: что они анаѣмъ предають, то и мы проклинаемъ; что они подвергли низложенію, то и мы низлагаемъ; что они отлучили, то и мы отлучаемъ, пусть православная Великая Россія во всемъ будетъ согласна со Вселенскими Патріархами. „Едва ли можно согласиться съ бѣглымъ замѣчаніемъ Костомарова, что Никонъ сдѣлался борцомъ за независимость и верховность своей патріаршей власти въ силу логической необходимости, ради достиженія церковной обрядности. Прежде всего Никонъ, какъ показали мы, боролся за права Церкви, а не за права Патріарха; далѣе нѣтъ никакой связи между его церковнообрядовыми реформами, которыя онъ проводилъ съ поддержкой Царя, его духовника и другихъ архіереевъ, и его борьбой за права Церкви. Никонъ не вспоминалъ о своей церковнообрядовой реформѣ послѣ 1657 года въ своихъ письмахъ и сочиненіяхъ, а о правахъ Церкви писалъ, начиная со второй половины 1662 г., въ 1663 и 1664 годахъ въ „Раззореніи въ связи съ постановкой церковнаго судя по Уложенію и вмѣшательствомъ свѣтскаго правительства въ назначеніе церковныхъ должностныхъ лицъ въ Церкви. Въ церковнообрядовой реформѣ ему незачѣмъ было ограждать права Церкви отъ свѣтской власти, ибо въ этомъ онъ не только опирался на ея сочувствіе, но чуть ли не слѣдовалъ ея инициативѣ, какъ увѣряетъ Каптеревъ. Для проведенія же церковнообрядовыхъ реформъ въ нѣдрахъ Церкви онъ прибѣгалъ

къ авторитету Константинопольскаго Патріарха, къ которому обращался съ вопросами, и къ Соборамъ, гдѣ подробно изслѣдовался вопросъ и о потребности реформы и проводилась сама реформа, вновь обсуждалась и утверждалась. Статья Костомарова въ смыслѣ разработки фактовъ дѣятельности Никона устарѣла, а канонической оцѣнки дѣятельности Никона Костомаровъ не касается. Но онъ признаетъ его однимъ изъ самыхъ крупныхъ, могучихъ дѣятелей Русской Исторіи (ib. стр. 157).

Каптеревъ.

Также **Каптеревъ**, издавшій свое изслѣдованіе въ 1912 г. II т. „Патріархъ Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ“, повторяетъ всѣ сужденія Лигарида о Никонѣ подкрѣпляя ихъ, какъ мы уже видѣли неоднократно, сужденіями однихъ его враговъ, продолжая то дѣло, которое дѣлалось на Соборахъ 1660 и 1666 г. по затуманиванію личности великаго Патріарха, несмотря на то, что литература въ лицѣ Николаевскаго и Пальмера вскрыла фактъ невѣрности свидѣтельскихъ показаній на Соборѣ 1660 г. объ обстоятельствахъ ухода Никона, а подкупность Собора 1666 г. показана самимъ проф. Каптеревымъ; сочиненіе Пальмера имъ совершенно оставлено внѣ разсмотрѣнія. Объясненіе жизни Никона, какъ непрерывнаго насыщенія властолюбіемъ, является совершенно недоказанной искусственной попыткой объяснить всѣ его дѣянія съ заранѣе принятымъ на вѣру отъ Лигарида фактомъ доказанности этого властолюбія. Но всѣ дѣйствія Никона вполне объясняемы иначе, именно, какъ вѣчное горѣніе о славѣ Русской Церкви и Русскаго Государства до полнаго самопожертвованія. И почему мы должны вѣрить Лигариду и всѣмъ врагамъ Никона и не стараться понять Никона такъ, какъ стремились понять его люди, не имѣвшіе желанія его очернить и не затуманенные догматомъ цезарепапизма, подобно Соловьеву и Каптереву, которые подъ этимъ угломъ оцѣнивали всѣ дѣянія Никона? Людей, подходящихъ къ Никону безъ предубѣжденія, мы встрѣтимъ частью и въ отечественной литературѣ, не говоря объ иностранной (какъ католической, такъ и протестантской), которая видитъ въ Никонѣ одного изъ величайшихъ людей, не только русской, но и міровой исторіи, безъ всякихъ обвиненій во властолюбіи, не соотвѣтствующемъ сану Патріарха.

Митрополитъ Макарій.

Митрополитъ Макарій, окончившій свой трудъ о Никонѣ передъ самой смертью, изслѣдовавшій дѣятельность Никона во время патріаршества и суда надъ нимъ, продолжаетъ, какъ бы по Соловьевской традиціи, говорить о властолюбіи Никона, но уже ограничиваетъ это положеніе констатированіемъ того факта, что Никонъ не выступалъ изъ предѣловъ по отношенію къ власти царской. Такъ на стр. 264 (т. 12) онъ говоритъ: „Никонъ помнилъ, что онъ подданный Государя, обращался къ нему, когда нужно, съ челобитіемъ и не обнаруживалъ прямо никакихъ чрезмѣрныхъ притязаній, когда все благопріятствовало его могуществу. Но обстоятельства измѣнились, когда онъ почувствовалъ себя въ царской опалѣ; тогда онъ уже не стѣснялся ничѣмъ, чтобы высказать свои притязанія во всей широтѣ и не полагалъ никакихъ границъ этимъ заносчивымъ притязаніямъ". Послѣднее невѣрно. Если бы Митрополитъ Макарій знакомъ былъ съ „Раззореніемъ Никона, то онъ увидѣлъ бы, что Никонъ проводитъ строгое различіе между порядкомъ свѣтскимъ и духовнымъ и каждому отдаетъ свою мѣру; изслѣдованіе жизни Патріарха Никона за періодъ послѣ его ухода изъ Москвы въ 1658 г. до суда надъ нимъ 1666 г. было дѣломъ Гюббенета; оно показываетъ, что въ это время Никона всячески преслѣдовали и провоцировали, и что Никонъ только защищался; если онъ въ гнѣвѣ иногда позволялъ себѣ рѣзкости въ отпорѣ, то онъ могли свидѣтельствовать только, какому испытанію подвергалось его терпѣніе, а вовсе ни о какихъ то его властолюбивыхъ замыслахъ. Мы разумѣемъ его разговоры съ посылавшимися къ нему въ Воскресенскій монастырь отъ Царя лицами. Митрополитъ Макарій говоритъ впрочемъ о гордости и властолюбіи Никона и въ періодъ его патріаршества: „Никонъ при всемъ умѣ не умѣлъ поставить себя на такой высотѣ, какъ слѣдовало бы по отношенію къ своему царственному другу, не умѣлъ сдерживать своей необузданной гордости и властолюбія и съ упорствомъ оставался вѣренъ тому началу, которое высказалъ еще при избраніи его на патріаршую кафедру, т. е., чтобы самъ Царь слушалъ его во всемъ, какъ Патріарха. Въ своей дружбѣ съ Царемъ Никонъ желалъ быть лицомъ господствующимъ и позволялъ себѣ такія вещи, которыя не могли не оскорблять Государя, и, повторяясь нерѣдко, неизбѣжно должны были вести къ столкновенію и размолвкамъ, взаимному охлажденію друзей и наконецъ привести къ разрыву. Чувство горечи де у Царя должно было быть и при избраніи Никона, когда ему пришлось пастъ

на землю". (Мак. XII 353-366 и 512-513). Известно, что Алексѣй Михайловичъ цѣловаль въ ногу Патріарха Іосифа, котораго лично не любилъ, изъ почтенія къ его сану, поэтому Никона нельзя винить въ такого же рода проявленійхъ почитанія къ нему со стороны Царя. Ни откуда не видно, чтобы Никонъ третироваль Царя, а слова, приписываемыя Никону Нероновымъ, что „мнѣ де царская помощь не надобна, я на нее плюю и сморкаю", которыя приводитъ Митрополитъ Макарій, исходятъ отъ врага Никона Неронова и не заслуживаютъ довѣрія, разъ они не имѣютъ подтвержденія изъ другихъ источниковъ. Никонъ выражался всегда совершенно прямо, безъ лести и независимо, не стѣсняясь присутствія Царя и толпы, но это бывало, когда онъ выступаль, какъ защитникъ Церкви или ея установленій; напримѣръ, при бросаніи иконъ въ церкви латинскаго письма, или при проповѣдяхъ въ церкви, когда онъ властно проповѣдываль, какъ учитель, а Царь смиренно слушалъ, какъ выражается Павелъ Алеппскій. Впрочемъ самъ Митрополитъ Макарій говоритъ: „Какъ далеко ни простиралась власть Патріарха Никона, онъ никогда рѣзко не выступаль изъ предѣловъ по отношенію къ царской власти. Въ своихъ церковныхъ дѣлахъ онъ достигъ совершенной самостоятельности и независимости отъ мірскихъ властей и казался всѣмъ дѣйствительно верховнымъ архипастыремъ, полновластнымъ владыкой и главой управляемой имъ Церкви" (XII, 264). Никонъ и призванъ былъ быть ея главой, руководителемъ, но онъ всегда признавалъ въ церковной сферѣ надъ собой Соборъ епископовъ и другихъ Патріарховъ, а въ сферѣ свѣтской — Царя, причемъ въ послѣдней свою дѣятельность разсматриваль, какъ службу Царю для содѣйствія ему. Митрополитъ Макарій считаетъ, что Никонъ низложенъ за свое упорство, что онъ самовольно отказался отъ престола, въ надеждѣ, что Царь его будетъ умолять вернуться, сложилъ патріаршія отличія, свалилъ причину ухода на царскій гнѣвъ (XII, 319-321), но изслѣдованія проф. Николаевского, впервые въ русской литературѣ подвергшія сомнѣнію правильность свидѣтельскихъ показаній, на которыхъ основано было обвиненіе Никона въ уходѣ съ отреченіемъ отъ патріаршества съ клятвою не возвращаться на престоль, появились послѣ смерти Митрополита Макарія, а изслѣдованія Пальмера не были изучены Митрополитомъ Макаріемъ, хотя ихъ существованіе было ему извѣстно. Онъ упоминаетъ объ ихъ существованіи на 11 стр. XII тома; симпатіи его на судѣ не на сторонѣ Никона. Митрополитъ Макарій игнорируетъ вопросъ, на-

сколько отстаиваніе Никономъ правъ Церкви соответствовало ея правамъ, и самъ не высказывается опредѣленно отрицательно о цезарепапизмѣ; основной стимулъ борьбы Никона противъ этого цезарепапизма остался для него въ сторонѣ, потому и сама борьба Никона могла ему казаться борьбой за личное господство, которая по-этому и могла казаться непривлекательной. Его суровость онъ расцѣпываетъ какъ то, что Никонъ не былъ выше своего вѣка (стр. 303), онъ приписываетъ ему надменность и высокомеріе въ обращеніи съ боярами и архіереями (стр. 305), Царь де не могъ переносить горделивыхъ притязаній Никона (стр. 309); Никону слѣдовало 10 іюля 1658 г. не уходить, а смириться, но Митрополитъ Макарій не нашель общей идеи Никонова служенія (вѣрность канонамъ), и потому его уходъ представлялся ему лишь актомъ, вызывавшимъ Царя на повтореніе слезной мольбы 1652 года. Онъ не считалъ достаточными причины Никона для ухода, а полагалъ, что Никонъ долженъ бить челомъ Царю, просить прощенія (стр. 722); дѣятельность Монастырскаго Приказа въ послѣдніе годы патріаршества Никона, фактъ нарушенія этимъ клятвы Царя и бояръ, прекращеніе упоминанія имени Никона послѣ ухода въ богослуженіи Митрополитомъ Питиримомъ оставленнымъ имъ мѣстоблюстителемъ, — все это игнорируется Митрополитомъ Макаріемъ очевидно потому, что съ цезарепапистской точки зрѣнія здѣсь и нѣтъ ничего страннаго. Неоднократно Митрополитъ Макарій цитируетъ Лигарида, какъ авторитетъ, (стр. 450, 452, 458-460) и тѣмъ вновь изобличаетъ источникъ, который былъ разсадникомъ убѣжденія и въ гордости, и въ властолюбіи Никона.

Каптеревъ.

Эту линію историковъ, осуждающихъ Никона за властолюбіе, простирающееся на восхищеніе на себя царской власти, оживилъ Каптеревъ въ упомянутомъ своемъ сочиненіи „Патріархъ Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ“, изданномъ въ 1912 г. Тамъ не приведено никакихъ фактовъ изъ исторіи Никона, подтверждающихъ этотъ тезисъ и даже, какъ мы видѣли, не установлены точнѣе возрѣнія по вопросу объ отношеніи свѣтской и духовной власти, а совершенно произвольно освѣщена вся его дѣятельность съ точки зрѣнія будто бы преднамѣреннаго захвата власти. Однако необыкновенная прямота, откровенность, прямолинейность, несчитающаяся ни съ обстоятельствами, ни съ сильными міра сего, соединенная съ суровымъ

подвижническимъ образомъ его жизни, совершенно исключаетъ мысль объ этомъ. Вѣдь если бы не эти качества, Никонъ не ушелъ бы съ кафедры, ибо лично ему ничто не угрожало, и онъ могъ бы для сохраненія своего положенія примириться съ захватомъ церковной сферы Монастырскимъ Приказомъ, какъ послѣ него многіе помирились даже съ церковной реформой Петра; а, заявивъ объ уходѣ, могъ бы вернуться послѣ просьбы Царя, переданной черезъ Трубецкого — не уходить. Но Никона занимало не его положеніе, а его идея; напротивъ — по Каптереву у Никона на первомъ планѣ его положеніе. Каптеревъ не поставилъ даже и вопроса, насколько правъ былъ канонически и обязанъ Никонъ защищать права Церкви, не было ли среди этихъ правъ Церкви и такихъ, которыя онъ долженъ былъ защищать, не только какъ данныя Церкви государствомъ и осуществляемыя ею въ теченіе вѣковъ, но и какъ по существу присущія ей. Вѣдь, Монастырскій Приказъ не только судилъ духовенство по гражданскимъ дѣламъ, но на практикѣ властно вмѣшивался и въ назначеніе на духовныя должности. А послѣ ухода Никона свѣтская власть совершенно игнорировала наличие живого Патріарха, котораго сама признавала за такового (встрѣча Никона Царемъ съ синклитомъ лѣтомъ 1659 г.) и распоряжалась въ церковныхъ дѣлахъ совершенно произвольно. Насколько вообще правъ самъ Каптеревъ считать, что Царь черезъ Церковные Соборы призванъ также управлять Церковью, какъ управляетъ государствомъ черезъ государственныя учрежденія? Учить ли этому Церковь? Учатъ ли этому Святые Отцы Церкви? Учатъ ли этому православные канонисты, среди которыхъ изъ русскихъ мы можемъ назвать проф. Бердникова, Заозерскаго, Епископа Іоанна Смоленскаго, Прокошева, Остроумова, Барсова, Курсанова и др. Я не говорю о почти всей католической литературѣ, которая видитъ идею независимости и самостоятельности Церкви особо гарантированной въ своей Церкви учрежденіемъ папства, учрежденіемъ, съ нашей православной точки зрѣнія, хотя и не Божественнаго происхожденія, но созданнымъ вѣковой работой латинскаго гения. Развѣ, если исходить изъ протестантскаго ученія, гдѣ нѣтъ церковной іерархіи, какъ правотворящаго фактора, тогда можно не ставить вопроса о томъ, что компетентна творить сама церковная іерархія и что государственная власть. Если бы было изслѣдовано и выяснено право Церкви на то, что защищалъ ради нея Никонъ, то можетъ быть, и не понадобилось бы создавать теорію объ его властолюбіи. Характерно, что всѣ, нами перечисленные ученые,

обвиняющіе Никона въ властолюбіи — Лигаридъ, Щербатовъ, Татищевъ, Карамзинъ, Соловьевъ, Каптеревъ — откровенно цезарепаписты, Митрополитъ Макарій можетъ быть къ нимъ причисленъ, поскольку онъ, обвиняя Никона въ гордости, властолюбіи, вовсе не старается выяснить, правъ ли или неправъ канонически былъ Никонъ, ибо и онъ совершенно умалчиваетъ о той канонической катастрофѣ, которая происходила съ захватомъ государствомъ управленія церковнаго въ свои руки, особенно послѣ 1658 г., какъ будто это такъ и должно было быть и не вызывало права предстоятеля Церкви на протестъ. Засиліе государства надъ Русской Церковью въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ не благопріятствовало постановкѣ вопроса, правъ ли былъ Никонъ отстаивать извѣстную долю церковной самостоятельности. Самое имя Никона не только было въ забвеніи, во даже намѣренно держалось въ этомъ забвеніи: напомнимъ, что была даже запрещена при Петрѣ I постройка церкви во имя преподобнаго Александра Свирскаго на мѣстѣ кончины Никона.

Ключевскій.

Ключевскій останавливается по преимуществу на психологической сторонѣ церковнообрядовыхъ реформъ Никона и послѣдствіяхъ отъ столкновенія преобразовательнаго движенія въ государствѣ и Церкви съ народно-психологическимъ значеніемъ церковнаго обряда и съ національнымъ взглядомъ на положеніе Русской Церкви въ христіанскомъ мірѣ. Онъ цѣнитъ духовную силу Никона, сумѣвшаго выработать и донести до патріаршаго престола ясную мысль о Церкви Вселенской и объ отношеніи къ ней Помѣстной Русской (Курсъ III т. 390); онъ не приписываетъ Никону убѣжденія въ душевредности старыхъ церковныхъ обрядовъ и въ исключительной душеспасительности новыхъ, ссылаясь на разрѣшеніе сугубой аллилуіи въ Успенскомъ соборѣ и разрѣшеніи Неронову служить и по старымъ книгамъ. Никонъ преслѣдовалъ не за обрядъ, а за противленіе церковной власти (III т. 396). Вопросъ же объ отношеніи Никона къ царской власти и патріаршей, Ключевскій не затронулъ. Лишь, касаясь вопросовъ уничтоженія препятствій успѣхамъ западнаго вліянія въ прекращеніи политической роли древне русскаго духовенства, онъ какъ бы принимаетъ на вѣру старое русское мнѣніе о Никонѣ, посѣянное боярской партіей о его покушеніи на царскую державу. Онъ пишетъ (III т. 410): „правлящія государственныя сферы были рѣшительнѣе. Здѣсь надолго запомнили, какъ глава церковной

ієрархіи хотѣлъ стать выше Царя, какъ онъ на Вселенскомъ судилищѣ 1666 г. срамилъ Московскаго носителя верховной власти, и, признавъ, что отъ этой ієрархіи кромѣ смуты ждать нечего, молчаливо, безъ словъ, общимъ настроеніемъ рѣшили предоставить ее самой себѣ, но до дѣятельнаго участія въ государственномъ управленіи не допускать". Ошибочность пониманія Никоновскихъ идей, которое пріобрѣтается только изъ изученія подлинныхъ его сочиненій, не мѣшала Ключевскому дать интересный психологическій обликъ Никона съ точки зрѣнія наблюдателя его внѣшней дѣятельности, не вскрывающей однако тѣхъ основныхъ импульсовъ, которыми двигалась дѣятельность Никона: его глубокая церковность, аскетизмъ и стремленіе оцерковлять на своемъ пути все, къ чему онъ прикасался. По своей картинности она заслуживаетъ быть приведенной цѣликомъ (Курсъ III, 384): „Изъ русскихъ людей XVII вѣка я не знаю человѣка крупнѣе, своеобразнѣе Никона. Но его не поймешь сразу: это — довольно сложный характеръ и, прежде всего, характеръ очень неровный. Въ спокойное время, въ ежедневномъ обиходѣ, онъ былъ тяжелъ, капризенъ, вспыльчивъ и властолюбивъ, больше всего самолюбивъ". Но какъ бы опровергая самого себя, Ключевскій продолжаетъ: „Но это едва ли были его настоящія коренныя свойства. Онъ умѣлъ производить громадное нравственное впечатлѣніе, а самолюбивые люди на это неспособны. За ожесточеніе въ борьбѣ его считали злымъ; но его тяготила всякая вражда, и онъ легко прощалъ врагамъ, если замѣчалъ въ нихъ желаніе пойти ему навстрѣчу. Съ упрямыми врагами Никонъ былъ жестокъ. Но онъ забывалъ все при видѣ людскихъ слезъ и страданій; благотворительность, помощь слабому или больному ближнему была для него не столько долгомъ пастырскаго служенія, сколько безотчетнымъ влеченіемъ доброй природы". Жестокость съ врагами — качество преувеличенное, если припомнить, что послѣ Никона наказанія раскольниковъ доходили до сожженія, а при немъ не шли дальше тюрьмы и ссылки — наказаній слишкомъ обычныхъ при тогдашнихъ суровыхъ нравахъ. „По своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ, продолжаетъ Ключевскій, Никонъ былъ большой дѣлецъ, желавшій и способный дѣлать большія дѣла, но только большія. Что умѣли дѣлать всѣ, то онъ дѣлалъ хуже всѣхъ; но онъ хотѣлъ и умѣлъ дѣлать то, за что не умѣлъ взяться никто, все равно, доброе ли то дѣло было или дурное. Его поведеніе въ 1650 г. съ Новгородскими бунтовщиками, которымъ онъ далъ себя избить, чтобы ихъ образумить, потомъ во время Московскаго мора 1654 г.,

когда онъ въ отсутствіи Царя вырвалъ изъ заразы его семью, обнаруживаетъ въ немъ рѣдкую отвагу и самообладаніе; но онъ легко терялся и выходилъ изъ себя отъ житейской мелочи, ежедневнаго вздора; минутное впечатлѣніе разрослось въ цѣлое настроеніе. Въ самыя трудныя минуты, имъ же самимъ себѣ созданныя и требовавшія полной работы мысли, онъ занимался пустяками и изъ-за пустяковъ готовъ былъ поднять большое шумное дѣло. Осужденный и сосланный въ Терапонтовъ монастырь, онъ получалъ отъ Царя гостинцы, и, когда разъ Царь прислалъ ему много хорошей рыбы, Никонъ обидѣлся и отвѣчалъ ему упрекомъ, зачѣмъ не прислали овощей, винограду въ патокѣ, яблочекъ. Въ добромъ настроеніи онъ былъ находчивъ и остроуменъ, но обиженный и раздраженный, терялъ всякій тактъ и причуды озлобленнаго воображенія принималъ за дѣйствительность. Въ заточеніи онъ принялся лѣчить больныхъ, но не утерпѣлъ, чтобы не кольнуть Царя своими цѣлительными чудесами, пославъ ему списокъ излѣченныхъ, а царскому посланцу сказывалъ, былъ де ему глаголь, „отнято де у тебя патріаршество, за то дана чаша лѣкарственная: „лѣчи болящихъ“. Никонъ принадлежалъ къ числу людей, которые переносятъ страшныя боли, но охаютъ и приходятъ въ отчаяніе отъ булавочнаго укола. У него была слабость, которой страдаютъ нерѣдко сильные, но мало выдержанные люди: онъ скучалъ покоемъ, не умѣлъ терпѣливо выжидать; ему постоянно была нужна тревога, увлеченіе, смѣлою ли мыслью, или широкимъ предпріятіемъ, даже просто хотя бы ссоры съ противнымъ человѣкомъ. Это словно парусъ, который въ бурю бываетъ самимъ собой, а въ затишьѣ треплется бесполезной тряпкой".

Послѣдняя характеристика основана на Соловьевскихъ матеріалахъ и никакъ не можетъ быть принята за отраженіе дѣйствительности. Никонъ не кололъ Царя указаніями на свои исцѣленія. Теперь они засвидѣтельствованы, какъ фактъ. Никонъ никогда не искалъ бурь, ибо ихъ слишкомъ много было вокругъ него и притомъ спеціально направленныхъ противъ него. Онъ никогда не оставался безъ дѣла, и потому не могъ трепаться бесполезной тряпкой. Если ему искусственно не дали сдѣлать всего того, что могъ сдѣлать этотъ великій человѣкъ положительнаго, то въ самомъ его бездѣйствіи и заточеніи было величайшее дѣло его жизни: борьба за независимость Церкви и протестъ противъ начинавшейся секуляризаціи государства цѣной самопожертвованія: страданіе и за свое ученіе и за обличеніе. Въ отрицательныхъ чертахъ, приписан-

ныхъ Ключевскимъ Никону, чувствуется искусственность и придуманность. Никоновская, будто бы, „нетерпѣливость“, „малая выдержанность“ окажутся совершенно чуждыми ему, если вспомнить грандіозность частью выполненныхъ и частью задуманныхъ реформъ среди столь неблагоприятной ему обстановки. Въ неизсякаемой и непрерывной напряженности Никона такіе мелкіе факты, какъ „обида по малу рукой“ провинившагося въ алтарь или пренебреженіе къ боярской спѣси ради приведенія къ смиренію, является тѣмъ же, чѣмъ щепки въ лѣсу, гдѣ идетъ рубка деревьевъ. Въ лицѣ Никона отразилась во всемъ своемъ могучемъ размахѣ старая русская церковная культура, покидавшаяся людьми, ведшими государство къ усвоенію иной культуры и иного міросозерцанія, гдѣ Церкви отводилось уже не значеніе учрежденія, указующаго конечныя цѣли самому государству, а вспомогательнаго государственнаго учрежденія, на ряду съ другими, съ которыми государство считается, лишь поскольку это нужно ради его собственной пользы, свободно понятой имъ самимъ безъ содѣйствія Церкви.

С. Ф. Платоновъ.

Также **С. Ф. Платоновъ** въ своемъ сокращенномъ курсѣ русской Исторіи (стр. 204 изд. 1917 г.) повторяетъ Соловьевскія сужденія. „Никонъ дѣйствовалъ властолюбиво и высокомерно не только по своей энергичной и властной натурѣ, но и по своимъ взглядамъ на назначеніе церковной власти: „Священство выше царства“, говоритъ онъ: „священство отъ Бога, помазаніе же на царство отъ священства“. „Господь Богъ, когда сотворилъ землю, повелѣлъ двумъ свѣтиламъ свѣтити ей, солнцу и мѣсяцу, и черезъ нихъ показлъ намъ власть архіерейскую и царскую, солнцемъ власть архіерейскую, мѣсяцемъ царскую“; „въ вещахъ мірскихъ Царь и архіерей не выше одинъ другого“, „въ вещахъ же духовныхъ архіерей великій выше Царя“. Говоря такъ, Никонъ не могъ смотрѣть на себя иначе, какъ на „великаго Государя“ но притязанія Никона не имѣли почвы въ русскомъ быту, такъ какъ на Руси духовенство никогда не ставило себя выше Князей и Царей и не искало мірской власти и прямого воздѣйствія на государственныя дѣла. Поэтому Никонъ на нашель себѣ сочувствія не только въ свѣтскомъ обществѣ, но и въ духовенствѣ. Его стремленія къ особому возвышенію патріаршаго авторитета приписывали его личной гордости и заносчивости, и Соборъ согласно осудилъ Никона...“ Въ примѣчаніи онъ говоритъ, „что

руськіє архієреи послѣ осужденія Никона стали настаивать, чтобы Царь имѣлъ преимущество въ государственныхъ дѣлахъ, а Патріархъ — въ церковныхъ. На этомъ послѣ многихъ споровъ, и рѣшили Соборъ. Однако мнѣніе греческихъ іерарховъ о неправотѣ Никона и объ общемъ превосходствѣ царской власти надъ патріаршей было усвоено Московскими Государями и подготовило въ будущемъ полное подчиненіе Церкви государству". Мы слишкомъ долго разбирали ученіе Никона и для опроверженія этого сужденія о Никоновской теоріи пришлось бы его цѣликомъ повторить. Отмѣтимъ только, что одна цитата: „Въ вещахъ мірскихъ Царь и архіерей не выше одинъ другого" — неправильна, ибо именно Царь-то въ мірскихъ дѣлахъ и признавался Никономъ выше. Наименованіе „Великаго Государя" дано Никону, какъ онъ самъ говорилъ, за службу Царю, и потому совсѣмъ иной природы, чѣмъ думаетъ Платоновъ, выводящій его не изъ пожалованія Государя, а изъ самостоятельнаго будто выведенія этого титула изъ состава патріаршей власти. Воззрѣнія Никона вытекаютъ изъ каноновъ и всей прежней до-Петровской исторіи Руси. Онъ не нашель сочувствія, ибо съ своимъ стремленіемъ къ святости былъ слишкомъ тяжелъ для духовенства и боярства. Но что мнѣніе греческихъ архіереевъ легло въ основу послѣдующаго построенія церковно государственныхъ постановленій, вопреки соборнымъ постановленіямъ, съ этимъ можно вполнѣ соглашаться, съ той прибавкой, что инициаторомъ и вдохновителемъ этого мнѣнія, его проводникомъ, выразителемъ и праотцемъ былъ запрещенный Митрополитъ, католикъ Паисій Лигаридъ.

Но все же и въ Русской литературѣ мы находимъ другую линію отзывовъ о Никонѣ, совершенно противоположную, которые даютъ основу для другого сужденія объ его дѣлѣ, чѣмъ представленіе о непрерывномъ стремленіи къ власти, то удающемся (время его патріаршества), то неудающемся (послѣ его ухода). Эти отзывы исходятъ прежде всего изъ круговъ, близкихъ Никону по духу и не загипнотизированныхъ современнымъ имъ неканоническимъ типомъ церковно-государственныхъ отношеній, построенныхъ по типу территоріализма, взятаго изъ нѣмецкаго, шведскаго, голландскаго и англійскаго строя.

Шушеринъ.

Біографія, написанная клирикомъ **Шушеринымъ**, неотступно жившимъ при Никонѣ съ Новгородскаго періода его жизни до

30 ноября 1666 года, когда онъ былъ арестованъ, рисуеъ намъ Никона въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ официальные барды Императорскаго періода Русской исторіи. Клирикъ Шушеринъ простымъ языкомъ неученаго человѣка даетъ непосредственное описаніе его жизни и именно своей непосредственностью оно дышетъ правдивостью. Оно было написано въ 80-хъ годахъ XVII вѣка и не могло преслѣдовать никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ передачи потомству его жизнеописанія отъ клирика, пригрѣтаго въ качествѣ чтеца на склонѣ жизни почитательницей Никона царевной Татьяной Михайловной въ своей придворной церкви. Мы нѣсколько разъ его цитировали, и въ немъ Никонъ встаетъ передъ нами, какъ благочестивой жизни человѣкъ, искавшій прежде всего угожденія Богу и всѣ силы своей даровитой натуры отдавшій Ему на служеніе. Его правила, исполненія котораго онъ требовалъ отъ другихъ — быть не по имени только христіаниномъ, а на дѣлѣ; онъ больше всего предъявлялъ требованій къ себѣ самому, и это выражалось и въ его настроеніи во всѣ періоды его жизни, и въ предметахъ его первоначальныхъ занятій по чтенію Св. Отцовъ, и въ его отношеніи къ человѣческому горю и страданіямъ, какъ духовнымъ такъ и физическимъ, и въ его ученіи о православной царской власти, и въ его ученіи о томъ положеніи, которое должна занимать въ государствѣ Церковь. Можно сказать, что жизнеописаніе Никона Шушеринымъ, не давая обилія фактовъ изъ дѣятельности Никона, а тѣмъ паче критическаго отношенія къ нимъ, даетъ однако основу для пониманія нравственнаго облика Никона, и черезъ это даетъ освѣщеніе главныхъ стимуловъ его дѣятельности. Естественно, что неизмѣнный спутникъ въ жизни Никона больше поможетъ разобратъ въ его личности и дѣлахъ, чѣмъ иностранецъ, иновѣрецъ, растрига, отлученный отъ Церкви, содомистъ, авантюристъ, искатель наживы, фальсификаторъ документовъ, продавшійся придворно боярской партіи — Лигаридъ, увидѣвшійся впервые съ Никономъ въ іюлѣ 1663 г., а потомъ на судѣ, гдѣ молча принужденъ былъ выслушивать всю правду отъ Никона о себѣ самомъ. Жизнеописаніе, составленное Шушеринымъ похоже на жизнеописаніе святого, но безъ всякой стилизаціи, и оно послужило матеріаломъ для болѣе подробныхъ описаній, составленныхъ священникомъ Михайловскимъ въ 1863 году, съ подробнымъ исчисленіемъ всѣхъ заслугъ Никона передъ Русской Церковью и государствомъ. Въ смыслѣ благопріятномъ Никону написана и біографія его, составленная архимандритомъ Аполлосомъ, настояте-

лемъ Воскресенскаго монастыря въ 1821-1837 году и изданная Воскресенскимъ монастыремъ („Начертаніе жизни Патріарха Никона. Москва". 1845).

О чудесахъ Никона.

Шушеринъ сообщилъ о томъ, что тѣло Никона было нетлѣнно 26 августа 1681 года, день его переодѣванія и погребенія, несмотря на то, что оно въ очень жаркую погоду слѣдовало въ теченіе 9 дней отъ 17 августа отъ Ярославля до Воскресенскаго монастыря (По изд. 1817 г. стр. 193). Записи объ его исцѣленіяхъ есть въ приложеніяхъ къ нѣкоторымъ спискамъ житія, составленнаго Шушеринымъ и имѣють заглавія „Дѣла Св. Никона Патріарха, паче же рещи чудеса врачевныя яже содѣяше живъ сый въ изгнаніи въ Отрапонтномъ и Кирилловомъ монастырѣ". Въ одной рукописи Императорской Публичной Библіотеки насчитано 194 исцѣленія. У Николаевского въ его статьѣ въ „Христіанскомъ Чтеніи" за мартъ—апрѣль 1886 г. насчитано 132 исцѣленія (68 мужчинъ, 53 женщины и 11 младенцевъ). „Дѣла Св. Никона Патріарха", изданы изслѣдователемъ XVII вѣка времени Никона Бѣлокуровымъ (въ М. О. И. и Д. Р. 1887, I, 83—114), который использовалъ записи Воскресенскаго монастыря о чудесахъ при гробѣ Патріарха Никона (въ этомъ спискѣ отмѣчено 129 исцѣленій съ 1673—1676 г. и 5 случаевъ въ 1660, 1682, 1691, 1695 и 1705 г.). Нѣкоторые изъ нихъ описаны Колосовымъ (въ Ист. Вѣстн. 1880, II, 793—796).

Жизнеописаніе Никона по Шушерину.

Отъ Шушерина мы узнаемъ и главныя событія Никоновской жизни. Онъ родился въ крестьянской семьѣ села Вельдеминово около Нижняго Новгорода въ маѣ 1605 года и названъ Никитой по имени преподобнаго Никиты Переславскаго Чудотворца, празднуемаго 24 мая. Онъ рано потерялъ мать и испыталъ жестокое обращеніе отъ мачихи, 12 лѣтъ ушелъ изъ родительскаго дома въ монастырь Макарія Желтоводскаго, гдѣ его игумень благословилъ пребывать съ клириками и навѣкать Божественному Писанію, въ чемъ Никонъ былъ абсолютно исправенъ. Когда онъ подросъ, его отецъ и бабка хитростью выманили его изъ монастыря, и „скоро ихъ лишившись, Никонъ, по совѣту родственниковъ, женился, потомъ ушелъ въ село, гдѣ не было клирика, и тамъ сталъ сначала псаломщикомъ, а скоро и священникомъ, а потомъ перешелъ на священническое мѣсто въ Москву. Потерявъ 3 дѣтей, Никонъ уговорилъ жену уйти въ

Алексѣевскій монастырь, а самъ ушелъ въ Анзерскій скитъ около Соловецкаго монастыря, гдѣ и былъ постриженъ въ монахи и жилъ подъ руководствомъ преподобнаго Елеазара (1635-1640 г.). Уставъ Анзерскій былъ очень строгій: тамъ было только 12 братьевъ, жившихъ вдали (2 поприща) другъ отъ друга, видѣвшихся между собою только на всенощныхъ въ субботу и на литургіяхъ въ воскресенье въ общей церкви. Питаніе было ягоды и овощи, подаваніе рыбой отъ рыболововъ и (3/4) три четверти муки на брата на лѣто. Никонъ клалъ по 1.000 поклоновъ ежедневно и прочитывалъ на ночь цѣлый псалтирь. Это житіе продолжалось года три, когда у Никона вышла со старцемъ Еліазаромъ ссора изъ-за того, что собранныя ими въ Москвѣ на постройку каменной церкви деньги старецъ медлилъ употреблять по назначенію, а изъ-за этихъ денегъ всѣ могли подвергнуться смерти отъ разбойниковъ. Старецъ сильно гнѣвался на Никона, и Никонъ ушелъ отъ гнѣва на материкъ въ Кожеозерскую пустынь (1640 г.). На морѣ его застигла буря въ лодкѣ, въ которой онъ былъ еще съ однимъ человѣкомъ. Буря пригнала его къ острову Кію, гдѣ онъ и водрузилъ деревянный крестъ; онъ далъ обѣтъ, если Богъ подастъ ему помощь, построить здѣсь монастырь, который и былъ построенъ, когда онъ сталъ Патріархомъ (Крестный). Отсюда онъ по утишеніи бури поѣхалъ (за 10 поприщъ) къ Онежскому устью и, выйдя на берегъ, пошелъ одинъ пѣшкомъ вверхъ по Онегѣ. Отдавъ свое послѣднее имущество — полууставъ и канонникъ въ Кожеозерскій монастырь, Никонъ былъ принятъ въ число братіи. Желая продолжать тотъ же образъ подвига, какъ и въ Анзерскомъ скиту, Никонъ отпросился жить на островѣ на томъ же озерѣ, на берегу котораго былъ и Кожеозерскій монастырь. Это продолжалось пока живъ былъ игумень; послѣ же смерти игумена его братія умолила послѣ многихъ отказовъ стать игуменомъ. Посвятилъ его въ Новгородѣ Митрополитъ Авѣоній Новгородскій (1643 г.). Когда онъ по дѣламъ бывалъ въ Москвѣ, объ немъ узналъ Царь, и Патріархъ Іосифъ его посвятилъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря (1646 г.), а Царь велѣлъ каждую пятницу приходить къ нему на заутреню. Въ это время Никонъ прославился своими челобитными за несправедливо обиженныхъ.

О предсказаніяхъ Никону объ его будущемъ патріаршествѣ.

Черезъ три года онъ былъ посвященъ въ Митрополиты Новгородскіе, въ 1649 г. за старостью Митрополита Авѣонія, ушед-

шаго на покой. Характерно, что когда Никонъ отправился въ Хутынскій монастырь получить отъ него благословеніе, тотъ категорически отказался первый дать благословеніе, пророчески назвавъ Никона Патріархомъ, и далъ его только тогда, когда Никонъ далъ первый (сообщается у Шушерина и Михайловскаго). Это было четвертое предсказаніе Никону о его патріаршествѣ. Первое, приведенное и въ исторіи преосвященнаго Макарія и у Шушерина, исходило отъ татарина волхва, когда Никонъ былъ отрокомъ и вышелъ изъ монастыря Желтоводскаго прощаться со сверстниками. Второе исходило отъ старца іерея Ананіи, жившаго въ Желтоводскомъ монастырѣ, когда Никону было 12 лѣтъ (у Михайловскаго) въ 1617 г. Впослѣдствіи этотъ старецъ, въ иночествѣ Антоній, былъ избранъ одновременно съ Никономъ въ Патріархи, а его сынъ Илларионъ, будущій Митрополитъ Рязанскій, былъ врагомъ Никона. Въ третій разъ предсказаніе исходило отъ преп. Елеазара (сообщается у проф. Субботина въ „Опроверженіи раскольниковъ клеветъ на п. Никона въ Приб. къ твор. Св. Отцовъ 1860 г. XIX) Именно въ написанномъ въ 1700—1705 г. житіи преподобнаго Елеазара (Пр. Соб. 1860 г., I) повѣствуется, что „сей прозорливый мужъ однажды, когда Никонъ совершалъ литургію, увидѣлъ на его челѣ омофоръ и тогда же предсказалъ ему святительскій санъ. Въ житіи этомъ говорится между прочимъ о Никонѣ „той чудень бысть въ житіи своемъ". Въ этомъ житіи говорится еще о написаніи чудотворной иконы Спасителя вслѣдствіе особеннаго откровенія преподобному Елеазару. Онъ продолжаетъ: „преславно здѣсь повѣдати и о друземъ образѣ Божественномъ, его же написа Св. Никонъ Патріархъ по повелѣнію препод. Елеазара, егда былъ ученикомъ его. Да и сему обряду чудится лѣпотствуеть, яко 60 ти и пяти лѣтомъ преминувшемъ уже и даже до днесь (1700—1705 г.) Божественной силой обрѣтается невредимъ". Шушеринъ повѣствуетъ намъ и о враждѣ бояръ противъ Никона: „и убо предивно есть, яко на убрусѣ бѣше изображенъ и устроенъ надъ входомъ церковнымъ, со внѣшнюю страну отъ западу и на всякое время отъ жара солнечнаго попишаемъ и зномъ и мразомъ и вихры и дождемъ и снѣгомъ изнуряемъ и цѣль пребываетъ, чудесно соблюдаемъ Божіей благодатью за угодшихъ ради преподобнаго Елеазара и ученика его." И, впослѣдствіи, будучи Патріархомъ, Никонъ хорошо относился къ преподобному Елеазару и помогалъ всячески деньгами и подарками для Церкви. Никонъ никогда не забывалъ добра, ему сдѣланнаго: Шушеринъ рассказываетъ, какъ отблагодарилъ Никонъ,

будучи Митрополитомъ, и ту почтенную женщину, которая поручила сыну перевезти его черезъ рѣку, накормила его, когда онъ шелъ по берегу Онеги въ Кожеозерскій монастырь безъ ѣды и денегъ.

Павель Алеппскій.

Изъ жизнеописателей Никона — его современниковъ извѣстенъ еще дьяконъ Павель Алеппскій, который былъ почти два года 1654—1656 въ Россіи, а въ Москвѣ съ февраля 1655 до мая 1656 года, когда Никонъ былъ не только Патріархомъ, но и государственнымъ регентомъ. Изъ его описаній мы узнаемъ о необыкновенной неустойчивости Никона въ пастырскихъ трудахъ, въ исполненіи церковнаго устава, о строгости къ духовенству, вызванномъ желаніемъ измѣнить его нравы — прекратить пьянство, о его государственныхъ трудахъ. Все описаніе дышитъ преклоненіемъ передъ личностью Никона и только въ немногихъ мѣстахъ, которыя, по изслѣдованію Пальмера (II, введ. 57, 58), вставлены во вторичный пріездъ Павла съ Патріархомъ Антіохійскимъ въ 1666 году, когда кругомъ была искусственно создана боярами атмосфера осужденія на Никона, слышатся, какъ отголосокъ ея, въ диссонансъ со всѣмъ сужденіемъ Павла о Никонѣ, замѣчанія объ его будто бы превозношеніяхъ надъ боярами.

Труды Шушерина и Павла Алеппскаго являются литературой мемуарнаго характера и наиболѣе драгоцѣнны въ качествѣ источника, "чего нельзя сказать о Паисіи Лигаридѣ, который Никона видѣлъ только на слѣдствіи въ іюль 1663 года и на судѣ 1666 г. въ обстановкѣ, нарочито враждебной, и писалъ и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своекорыстныхъ расчетовъ.

Н. А. А. Въ Ч. О. И. и Д. Р. 1848. 5

Въ литературѣ русской въ XIX вѣкѣ появляется рядъ писателей, которые все болѣе и болѣе признають заслуги Никона и обвиняють въ его разрывѣ съ Царемъ бояръ. Такъ біографія Никона, помѣщенная въ Чтеніи М. О. И. и Д. Р. за 1848 г. № 5, подписанная Н. А. А., чужда всякихъ обвиненій Никона въ гордости и властолюбіи, говоритъ объ его пастырскихъ заботахъ и благотворительности, печалованіи за обиженныхъ, о посѣщеніи тюремъ, говоритъ объ его частыхъ отъѣздахъ въ 1657 г. по постройкѣ монастырей, облегчившихъ работу бояръ по отчужденію отъ него Царя; ненависть бояръ объясняется патріаршей строгостью и ихъ завистью къ титулу „Великаго Государя“; дѣлается указаніе, что Никонъ не уходилъ изъ Москвы съ клятвой не возвращаться на престолъ, въ доказательство

чего въ 1664 году взялъ съ собой посохъ изъ Успенскаго собора. Говорится объ его постройкахъ и о подвижническомъ образѣ жизни. Не чувствуется здѣсь никакой искусственной натяжки, которой такъ дышетъ трудъ Каптерева, поставившій въ основу предполагаемое безграничное властолюбіе Никона. Чувствуется, что біографъ Н. А. А., говоря о Никонѣ, не вкладываетъ въ него идей, чуждыхъ всему укладу его жизни, и судьба Никона является слѣдствіемъ интригъ его враговъ, а не его какихъ-то выдуманныхъ „замаховъ“.

Митрополитъ Платонъ Левшинъ.

Еще у **Митрополита Платона**, жившаго въ началѣ XIX вѣка, хотя онъ не высказывается опредѣленно, право или неправо поступилъ судъ, осудя Никона, однако указывается, что истинныя вины его были не тѣ, которыя указаны въ судебномъ приговорѣ, а иныя: зависть придворныхъ вельможъ, завидовавшихъ благосклонности Царя къ Никону, а съ другой стороны горячій и неуступчивый нравъ Никона, который и при малой уступчивости могъ бы укротить гнѣвъ Царя. Митрополитъ Платонъ отмѣчаетъ, что Никонъ примѣчалъ нарушенія правъ церковныхъ и ихъ выговаривалъ Царю, чѣмъ и навлекалъ гнѣвъ. Нарушенія эти были въ созданіи Монастырскаго Приказа, въ отчужденіи у патріархіи имѣній, въ назначеніи властей духовныхъ по монастырямъ и священниковъ Царемъ безъ сношеній съ Патріархомъ (Церков. Ист. II, 237).

Щаповъ.

Щаповъ, писавшій въ 1859 г., подробнѣе развилъ вопросъ о боярскомъ участіи въ дѣлѣ Никона въ своей книгѣ „Русскій расколъ старообрядчества“. Онъ опредѣленно указываетъ, что Татищевъ, Голиковъ, Берхъ и другіе выставляютъ Никона мятежникомъ противъ царской власти, исключительно основываясь на неблагонамѣренномъ судѣ бояръ („доселѣ нераскрытомъ“), злобствовавшихъ на Никона за то, что Никонъ сдерживалъ ихъ произволь въ Боярской Думѣ, а Царь не только допускалъ это, но и звалъ его другомъ и именовалъ „великимъ Государемъ“. Они его и выставляли передъ Царемъ, какъ злоумышленника противъ царской власти, употребивъ 9 лѣтъ на его низверженіе. Никонъ представленъ строгимъ ревнителемъ правъ Русской Церкви, которую онъ считалъ попорченной непомятымъ самоуправствомъ бояръ въ непринадлежащей имъ сферѣ церковнаго управленія черезъ Монастырскій Приказъ, откуда они распоряжались помимо Патріарха, иногда съ открытымъ намѣреніемъ его оскорбить,

даже въ такихъ дѣлахъ, чисто церковныхъ, какъ поставленіе священниковъ. Учрежденіе Монастырскаго Приказа стѣснило дѣйствія Патріаршаго Судебнаго Приказа и при злоупотребленіи бояръ ввело безпорядокъ, который и былъ въ концѣ концовъ, едва ли не главной причиной паденія Никона и полного успѣха раскола. Щаповъ вообще придаетъ огромное значеніе въ паденіи Никона союзу Бояръ съ расколоучителями, которымъ они облегчали дѣятельность ради общей цѣли — сверженія Никона. У князя Хованскаго жилъ Аввакумъ, у боярина Салтыкова ученикъ Аввакума расколоучитель Потемкинъ. Въ новомъ устройствѣ церковнаго управленія было сближеніе съ протестантскимъ управленіемъ Церковью, а Никонъ отстаивалъ древнее каноническое устройство Церкви. Никонъ дорожилъ больше честью Царя, чѣмъ бояре, которые не слушались его, какъ онъ писалъ Никону, а Никонъ всегда сохранялъ подобающее къ Царю уваженіе, даже въ гнѣвѣ. Онъ не проклиналъ Царя и въ 1664 г. принесъ ему миръ и благословеніе. „Никто, пишетъ Щаповъ, кромѣ бояръ и ихъ единомышленниковъ, и не думалъ, что Никонъ возставалъ противъ власти Царя, который до конца жизни почиталъ Никона. Да, если бы Никонъ былъ опасенъ для царской власти, развѣ Царь Ѳеодоръ думалъ-бы возвести его на патріаршій престолъ? Если бы онъ былъ опасенъ для царской власти, развѣ Царь Алексѣй Михайловичъ внялъ бы голосу Епифанія Славинецкаго и Полоцкаго Архимандрита Игнатія Іевливича въ 1660 г., когда онъ не осуществилъ постановленій Собора? Наконецъ Восточные Патріархи въ грамотѣ 1682 г. признавали не высокомѣрное возстаніе Никона противъ царской власти, а только то, что онъ „человѣческимъ нѣкіемъ малодушіемъ и гнѣвомъ побѣжденъ бысть и оставль паству свою и патріаршеское достоинство презрѣвъ, далеко отшедше, живе, не хотя возвратиться, которыхъ ради винъ явился тяжекъ и безпріютенъ бысть". Отношенія Никона къ Царю и боярамъ проистекали не изъ личнаго властолюбія, а изъ идей его о патріаршествѣ. „Вся вина Никона въ томъ, что онъ по сильной вспыльчивости сердца, раздраженнаго самоуправствомъ на бояръ и по пламенной горячей ревности своей къ правамъ Церкви и къ достоинству высшей церковной власти, досадовалъ Царя за допущеніе бояръ до необузданнаго самоуправства въ дѣлахъ Церкви и государства. Гнѣвался, хотъ и непростительно, но справедливо, ибо это — гнѣвъ пастыря, ревнующаго за права Церкви, незаконно нарушаемыя произволомъ бояръ. Это не гнѣвъ злобы высокомѣрной противъ Государя, а невольная досада

души сильной, пламенной, уязвленной зломъ. Это не возстаніе подданнаго противъ Государя, а недовольство друга государева тѣмъ, что козни бояръ, вредныя Церкви и государству, охладили къ нему сердце Царя. Здѣсь только слабость великой души... Но, какъ подданный, Никонъ почиталъ Царя, молился за него и скорбѣлъ отъ гнѣва". „Удивительно ли, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что Никонъ, этотъ истинно замѣчательный геній своего вѣка, свѣтоводитель, какъ называли его лучшіе просвѣщеннѣйшіе современники, *vir prudentia et auctoritate egregius*, какъ отзывались о немъ иностранные наблюдатели внутренней жизни Россіи во II половинѣ XVII вѣка, удивительно ли, что великій Никонъ долженъ былъ испытать и встрѣтить упорное противорѣчіе и противодѣйствіе со стороны остальныхъ отсталыхъ, запоздалыхъ ревнителей старины".

Архіепископъ Филаретъ Черниговскій

Также **Архіепископъ Филаретъ Черниговскій** (Ист. Русск. черниговскій. Церкви IV; 27 49 и 145, 149) обратилъ вниманіе на основаніи извѣстій Коллинса и Мейебера на значительное участіе бояръ въ разрывѣ Царя съ Патріархомъ и на негодованіе на Никона за исправленіе церковныхъ книгъ, которыя имѣли главное значеніе въ исходѣ борьбы.

Н. А. А. въ Правосл. собесѣд. 1860 г.

Статья въ Православномъ Собесѣдованіи за 1860 годъ за подписью Н. А. А. подвергла критикѣ самый судъ надъ Никономъ и указала на рядъ неправильностей на Соборѣ: 1) неправильное примѣненіе правилъ, 2) прибѣганіе къ частнымъ толкованіямъ правила, когда самое правило не давало основаній для обвиненія (III Вс. Соб., 9); 3) обвиненіе во вмѣшательствѣ въ гражданскія дѣла не изслѣдовалось вовсе на Соборѣ. Собственные же обычаи въ Россіи допускали это вмѣшательство и не осуждали его раньше, а въ данномъ случаѣ оно вызывалось просьбой Царя, и Никонъ рассматривалъ это, какъ временное порученіе. 4) Ругательства на Лигарида были справедливы. 5) Никона признали виновнымъ въ клеветѣ за обозваніе Церкви латинствующей, но онъ объяснилъ, что ея епископы принимаютъ свой начатокъ отъ Лигарида. 6) Обвиняли Никона за досажденіе Царю по 12 Ант. пр., но оно непримѣнимо, ибо тамъ предвидѣнъ лишь случай обращенія клирика къ Царю послѣ изверженія изъ сана. 7) Обвиненіе въ произволѣ по дѣлу Павла Коломенскаго неправильно, ибо Соборъ осудилъ всѣхъ противниковъ

исправленія книгъ. 8) Никона обвиняли въ жестокости, но онъ не видѣлъ грѣха въ наказаніи за нарушеніе церковнаго порядка. Судъ не принялъ во вниманіе грубости нравовъ провинившихся и не слушавшихъ Патріарха. 9) Обвиненіе въ самовольномъ причисленіи Коломенской епархіи къ патріаршей области неправильно, ибо Никонъ сдѣлалъ это по согласію съ Царемъ. 10) Никона обвиняли за приписываніе вотчинъ къ Никоновскимъ монастырямъ безъ согласія съ архіереями, но онъ дѣлалъ это по согласію съ Царемъ и съ тѣмъ архіереемъ, котораго это касалось. 11) Его обвиняли въ томъ, что онъ вопреки седьмому пр. Двукр. Соб. строилъ монастыри, но правило это запрещаетъ строить монастыри съ разореніемъ для епархіи, и потому сюда не относилось. Вообще Соборъ разсматривалъ дѣянія Никона, оторвавъ ихъ отъ дѣйствительности, а значеніе его дѣлъ совершенно измѣнялось въ исторической постановкѣ; внутренняя сторона его актовъ совершенно оставлена безъ вниманія, и забыта главная мысль церковныхъ правилъ: вниманіе къ сущности дѣла и особая осторожность къ священному сану (1 Тим. 5, 19). Соборъ не изслѣдовалъ главнаго пункта мотива самовольнаго оставленія каѳедры. Обращали вниманіе на частные пункты, на которые никто не обратилъ бы вниманія, если бы не было главнаго обвиненія. Это былъ не судъ, обсуждавшій дѣло и примѣнявшій правила, а только обвиненіе въ актахъ, которыхъ нечего было и обсуждать, ибо они уже предварительно были осуждены; факты не разбирались, а подгонялись такъ, чтобы изъ принятыхъ началъ вынести готовое заключеніе. Судьи, по словамъ самого Никона, не посмѣли бы этого сдѣлать, если бы Царь этого не разрѣшилъ. Они не въ дѣло вникали, а старались угодить Царю. Что Никонъ не обвиненъ въ томъ, въ чемъ его обвиняли на судѣ, говорила и грамота Патріарховъ 1682 года о возстановленіи его въ патріаршемъ санѣ.

Николаевскій. Хр. Чт. 1883 г.

Проф. **Николаевскій** въ своей статьѣ „Объ обстоятельствахъ ухода Патріарха Никона" въ Хр. Чт. за 1883 г. доказалъ, какъ мы видѣли, что показанія главныхъ свидѣтелей ухода Патріарха Никона не подтверждаются другими свидѣтельствами, и явно тенденціозны и не могли приводить Соборъ къ заключенію, что Никонъ отрекся отъ патріаршества да еще съ клятвой, а между тѣмъ это сужденіе легло въ основу постановленій суда Собора 1666 г.

Субботинъ Н. И.

У насъ не было подъ рукой сочиненій **Субботина** „Дѣло Патріарха Никона" но, судя по цитатамъ, приведеннымъ у Пальмера и у проф. Иконникова, Субботинъ упрекнулъ Соловьева въ игнорированіи частныхъ матеріаловъ и выяснилъ непривлекательность роли Лигарида; кромѣ того, онъ призналъ неосновательность раскольничьихъ клеветъ на личныя качества Патріарха Никона, рассмотрѣнныя имъ въ статьѣ „Опроверженіе раскольничьихъ клеветъ на Патріарха Никона". Первое обвиненіе въ честолюбіи основано на простомъ фактѣ быстрыхъ повышеній Никона безъ рассмотрѣнія однако его монашескаго образа жизни; между тѣмъ жизнь его наполнена не только личными монашескими подвигами, но ознаменована устроеніемъ многихъ иноческихъ обителей съ заботой о внутреннемъ ихъ процвѣтаніи, что показываетъ, что онъ принялъ монашество не ради семейныхъ огорченій и расчетовъ честолюбія, а изъ искренней любви къ иночеству съ юношескихъ лѣтъ. Ссора съ преп. Елеazarомъ вызвана не тѣмъ, что послѣдній усматривалъ въ Никонѣ врага Церкви, а тѣмъ, что его замѣчанія были, хоть и откровенны, но неумѣстны относительно медленнаго расходованія денегъ. Протопопъ **Аввакумъ** обвинялъ Никона, что онъ для полученія патріаршества много льстилъ изъ хитрости, чтобы привести въ исполненіе свои замыслы. Но достовѣрный источникъ говоритъ, что Никонъ дѣйствительно не только не употреблялъ происковъ для полученія этого сана, но, предвидя трудности, отказывался его принимать. Зная отношеніе Царя къ Никону въ это время, трудно думать, что кто-нибудь оказывалъ на него давленіе. Самъ Царь писалъ послѣ смерти Патріарха Іосифа Митрополиту Никону, когда тотъ былъ въ Соловкахъ за мощами Св. Филиппа, что будущаго Патріарха знаетъ только три человѣка: онъ, Казанскій Митрополитъ, да его отецъ духовный. Точно также во время своего патріаршества въ дѣлахъ чисто церковныхъ Никонъ, когда этого требовалъ канонъ и обычай, не дѣйствовалъ авторитарно самовластно, какъ показываетъ и дѣло исправленія книгъ и обрядовъ. Не говоря о томъ, что онъ осторожно и благоразумно не спѣшилъ и въ теченіе двухъ лѣтъ своего патріаршества не приступалъ къ этому дѣлу, хотя оно уже было задумано еще до его патріаршества Стефаномъ Вонифатьевымъ, онъ призывалъ къ этому и Царя, и Соборъ русскихъ архіереевъ, и даже представителей востока (на Соборѣ 1655 г. участвовали и Патріархъ Антиохійскій Макарій и Сербскій Митрополитъ Гавріиль); на Соборѣ

были разсмотрѣны средства исправленія и способъ и характеръ исполненія; здѣсь же произведенъ и опытъ исправленія: такъ Соборъ 1655 г. разсмотрѣлъ Служебникъ въ исправленномъ видѣ. Когда упрекають Никона, что будто онъ употребилъ на Соборѣ насиліе, и присутствовавшіе архіереи шли за нимъ по обольщенію или изъ страха, то это опровергается фактами. На Соборѣ 1654 г. Никонъ показаль несогласіе нашихъ книгъ съ греческими и спросилъ, какимъ слѣдовать, нашимъ-ли печатнымъ или греческимъ и славянскимъ, и Соборъ отвѣтилъ, что надо исправить по старымъ харатейнымъ и греческимъ. Никонъ подробно указываль на эти несогласія, въ чемъ заключаются отступленія отъ православной древности, и члены Собора заранѣе знали, въ чемъ будетъ исправленіе. Въ примѣръ отступленія, продолжаетъ проф. Субботинъ, Никонъ указаль на двуперстное крестное знаменіе, и Соборъ призналь, что надо исправить. Что давленіе Никона не было на Соборѣ 1654 г. видно изъ того, что съѣхавшіеся на Соборъ архіереи въ февралѣ 1666 года собственно-ручно засвидѣтельствовали, что признають Соборъ 1654 совершенно правильнымъ и законнымъ, дѣйствовавшимъ не по обману и принужденію, а въ согласіи съ Патріархами Восточными, и книги греческія вполнѣ православными. Имъ уже нечего было теперь бояться Никона, а Соборъ 1666 г., судившій Никона, ничего не говорилъ о томъ, чтобы Никонъ исправляль книги вопреки обѣщанію, данному на Соборѣ въ 1654 году; мало того, онъ опредѣлено настаиваль, что „Св. Никонъ Патріархъ исправленіе книгъ сотвори не собою, но по совѣту Св. Патріарховъ греческихъ и всего Россійскаго государства со архіереи и всѣмъ освященнымъ Соборомъ разсмотри и исправи со греческихъ и древнихъ славянскихъ книгъ". Также неправильно обвиненіе въ дѣйствіяхъ Никона по отношенію къ Собору 1655 г. и къ архіереямъ, страхомъ и насиліемъ напуганнымъ будто бы опалой на епископа Павла Коломенскаго, причемъ указывается жертвами насилія Новгородскій Митрополитъ Макарій, архіепископъ Вологодскій Маркель и епископъ Вятскій Александръ. Когда противъ Никона представляли обвиненіе въ 1666 г., едва ли бы опустили и это, ибо эти обвиненія были бы болѣе тяжкими, чѣмъ обвиненія въ осужденіи Павла Коломенскаго, которое было одобрено грамотой Константинопольскаго Патріарха Паисія, и самъ Никонъ сообщаль Патріарху Паисію только о противленіи епископа Павла и протопопа Ивана Неронова. Раскольничьи писатели представляютъ совершенно невѣрно соборныя распоряженія личнымъ дѣломъ Никона, какъ и

Каптеревъ неправильно выставляетъ личнымъ дѣломъ его борьбу за права Церкви. Также на Соборѣ 1656 г. тщательно разсматривалась книга „Скрижаль“, объяснявшая всѣ богослужебные чины, и Большой Соборъ 1666 года заповѣдалъ ее имѣть въ „великой чести“. О самомъ Никонѣ проф. Субботинъ отзывается такъ: „Всѣ (даже и враги) согласны, что Никонъ, хотя по рожденію принадлежалъ къ простому классу народа, обладалъ необыкновенными природными способностями и развилъ ихъ прилежнымъ чтеніемъ, въ которомъ упражнялся съ самыхъ юныхъ лѣтъ, чему способствовала жизнь его въ монастырѣ; его сочиненія показываютъ, что онъ хорошо зналъ Священное Писаніе и близко знакомъ былъ съ отеческими твореніями, вообще обладалъ начитанностью, а письма его къ Алексѣю Михайловичу показываютъ, какимъ яснымъ и сильнымъ языкомъ онъ умѣлъ выражаться“. Нельзя разсматривать и дѣйствія Никона противъ расколоучителей, какъ выраженіе мести за противленіе себѣ, ибо даже послѣ Никона, когда кары на раскольниковъ усилились и качественно и количественно, карѣ подвергались по законамъ Уложенія только тѣ раскольники, которые виновны были въ открытомъ и упорномъ мятежѣ противъ государства и Церкви, или произносили слишкомъ рѣзкія хулы на святыни Православія. Никонъ же тѣмъ болѣе дѣйствовалъ наказаніями лишь въ отношеніи къ возмутителямъ церковнаго и гражданскаго спокойствія и дѣйствовалъ лишь обычными тогда мѣрами воздѣйствія, а за обиды въ отношеніи лично себя быстро и легко прощалъ.

Самыя наказанія при немъ были мягче, чѣмъ послѣ; сожиганій отъ него не было, и обычнымъ наказаніемъ была ссылка расколоучителей во избѣжаніе пропаганды. Объ этомъ осталось свидѣтельство самаго Аввакума: „Никониане де съ нимъ поступили пуще отца своего Никона“. Аввакумъ ополчился на Никона за его вліяніе на Царя въ дѣлѣ церковнообрядовой реформы и ошибочно приписывалъ ее Никону, тогда какъ идея ея исходила по преимуществу отъ Царя и Стефана Вонифатіева. Онъ говорилъ такъ: „умъ отнялъ (Никонъ) у милого, (Царя) у нынѣшняго, какъ близъ его былъ. Я, вѣдь, тогда тутъ былъ, все вѣдаю. Всему тому виною сваха Анна Ртищева съ дьяволомъ“. Протоіерей Муромскій Логгинъ дерзновенно укрѣплялъ народъ стоять твердо въ древнемъ благочестіи и Никоновскихъ новинъ не принимать. Онъ за то, что убѣждалъ народъ не повиноваться церковной власти, и былъ лишенъ сана; когда послѣдній разъ передъ его разстриженіемъ Никонъ въ Успенскомъ соборѣ его склонялъ къ

покаянію, онъ въ лицо злословилъ Патріарха и позволялъ безчинства при Царѣ и народѣ. Онъ по царскому указу сосланъ въ Муромъ, гдѣ и умеръ. Никонъ законно лишилъ сана и протопопа Даніила, ибо соборное опредѣленіе 1656 г. говорило: „аще кто отселѣ въдыи не подчинится творити крестное изображеніе на лицѣ своемъ тремя первыми великими перстами десной руки, сего имама всячески отлучена отъ Церковь". Аввакумъ вмѣстѣ съ Даніиломъ подавалъ жалобу Царю съ хулой на троеперстіе; онъ возстановливалъ жителей Москвы противъ распоряженія Никона, ходилъ въ Казанскій соборъ учить народъ, пользуясь дружбой Неронова. Его осудили за противленіе Патріарху и распространеніе мятежа. Всѣ увѣщанія въ Андроніевомъ монастырѣ, куда его посадили, и на патріаршемъ дворѣ, были напрасны; Патріархъ опредѣлилъ его лишити священства, но, благодаря заступничеству Царицы Маріи Ильинишны, его только сослали въ Тобольскъ, а послѣ за пропаганду на Лену, откуда онъ возвращень былъ послѣ ухода Патріарха Никона въ Воскресенскій монастырь. Жизнь Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ была рядомъ тяжкихъ испытаній въ виду непрерывныхъ стремленій бояръ ему досадить всѣми способами. Проф. Субботинъ обратилъ вниманіе на тѣ способы, которыми бояре всячески препятствовали въ возможности Царю и Никону найти способы договориться другъ съ другомъ. Зная довѣрчивый характеръ Царя и овладѣвъ имъ до того, что онъ не имѣлъ уже силы выйти изъ-подъ вліянія, они не допустили его до личныхъ объясненій съ Патріархомъ; это высказалъ самъ Царь въ разговорѣ съ Нащокинымъ и Матвѣевымъ, говоря, что Никону удобнѣе дѣйствовать въ пользу примиренія: „бояре всѣ приводятъ меня на ярость, только избави Боже меня отъ того; а ему одному лучше меня, что хочетъ, то и дѣлаетъ въ помыслѣ своемъ, не по силѣ. Бояре не допускали личныхъ переговоровъ Никона съ Царемъ. Когда Никонъ жаловался Царю на обиду отъ Хитрово его посланному, Царь обѣщалъ самъ съ нимъ увидѣться, но бояре не допустили его даже къ выходу 8 и 10 іюля. Бояре въ искаженномъ видѣ передавали Царю слова и дѣйствія Никона. „Елико речено нами смиренно, жалуется Никонъ въ письмѣ Царю, се повѣдано гордо и елико благохвально, се сказано хульно и таковыми лживыми словеси возвеличенъ гнѣвъ твой". Что касается Никона, то они, зная его горячность и прямоту, оскорбляли его какъ бы отъ имени Царя, и тѣмъ вызывали его на рѣзкія слова, которыя тотчасъ передавались Царю въ утрированномъ видѣ. Слова, сказанныя въ пылу спора Никономъ, не могутъ быть,

конечно, основой для сужденія объ его взглядахъ, но враги Никона ничто не упускали, чтобы использовать свое положеніе, какъ посланцевъ Царя, чтобы сильнѣе задѣть Никона, который долженъ былъ испытывать горечь обиды какъ бы отъ самого Царя, къ которымъ былъ раньше въ интимной дружбѣ. Субботинъ обращаетъ вниманіе, что 10 іюля 1658 г. Ромадановскій, сообщая о неприбытіи Царя къ литургіи, грубо упрекалъ Никона въ незаконномъ вмѣшательствѣ въ государственныя дѣла, въ самовольномъ присвоеніи титула, „великаго Государя," что Царь его впредь почитать не будетъ. А Трубецкой, присланный послѣ обѣдни просить остаться Никона, не могъ имѣть порученія оскорбить Патріарха и утвердить его въ намѣреніи покинуть Москву. Трубецкой въ своемъ показаніи умалчалъ о тѣхъ оскорбительныхъ словахъ, о которыхъ пишетъ Никонъ въ посланіи къ Патріарху Діонисію. Трубецкому надо было сдѣлать видъ, что вѣрно исполненное приказаніе Царя не достигло цѣли по винѣ Патріарха.

Послѣ ухода Никона бояре пользовались случаемъ говорить Никону оскорбленія; въ 1664 г., когда Никонъ пріѣхалъ въ Москву, они не допустили его до Царя: Никонъ въ свою очередь жаловался Царю, уже послѣ ухода, на обращеніе съ нимъ, между прочимъ на то, что его письма въ патріаршемъ дворѣ вскрываются, осматриваются бумаги. Никонъ съ горечью писалъ объ этомъ: „Дивлюсь и о семъ, какъ вскорѣ въ такое дерзновеніе пришелъ еси, иже иногда страшился еси на простыхъ церковныхъ причетниковъ судъ наносити, якоже и святыя законы не повелѣваютъ; нынѣ же всего міра иногда бывше аки пастыря восхотѣлъ грѣхи и таинства видѣти... Убойся глаголюща: еже себѣ не хочещи инымъ не твори: хочещи ли да твои таинства не по волѣ твоей, видѣти стануть человѣци?" Царь въ свою очередь также обижался. Трудно было Никону сносить обиды духовенства, которое онъ считалъ себѣ подчиненнымъ. На слѣдствіи въ іюлѣ 1663 г. Никонъ отвѣчалъ слѣдователямъ очень неспокойно, и объясненіе было очень бурное. Кричали, по выраженію доклада бояръ, „очень много". Проф. Субботинъ обвиняетъ Никона въ горячности и рѣзкости сужденій высказанныхъ противъ Царя, бояръ, церковныхъ властей, даже за оставленіе каѳедры, совершенное будто бы тоже сгоряча, но не видно, чтобы проф. Субботинъ указалъ, что же было надо дѣлать Никону для сохраненія каноническаго управленія въ Церкви. Онъ пишетъ: „Въ такомъ состояніи духа (горячности) онъ допускалъ дѣйствія, за которыя главнымъ образомъ и осудилъ его Соборъ, именно самовольно оставилъ каѳедру, писалъ Патріарху

Діонісію жалобу на Царя, и досаждалъ ему рѣзкими письмами, называлъ Лигарида еретикомъ, предавалъ проклятію архіереевъ и бояръ. Эти именно поступки исчислены, какъ главныя вины Патріарха Никона, въ соборномъ опредѣленіи, найденномъ Митрополитомъ Платономъ, которое онъ справедливо называлъ подлиннымъ соборнымъ опредѣленіемъ, ибо въ немъ приведены и самыя правила, на основаніи которыхъ Соборъ поставилъ сіи поступки въ вину Патріарху Никону".

Но мы видѣли, что Никонъ былъ совершенно правъ въ своихъ сужденіяхъ, по существу, а за горячность и рѣзкость можно ли обвинять, когда его искусственно изолировали, потомъ арестовали, заставляли думать, что его преслѣдуетъ и Царь столько же сколько бояре!... Субботинъ не оправдываетъ Никона за эти поступки и говоритъ, что Никонъ не показалъ архіерейской кротости, но объясняетъ это болѣзненнымъ состояніемъ его души, которая столь была уязвлена, и пылкостью его характера искусственно воспламеняемой боярами въ теченіе 8 лѣтъ. Но и онъ соглашается, что по этому патологическому состоянію, до котораго довели Никона его враги, нельзя судить объ его характерѣ, который онъ имѣлъ до расхожденія съ Царемъ. Даже Соборъ 1666 г. строго различалъ между поведеніемъ Никона во время расхожденія съ Царемъ и его дѣйствіями по исправленію книгъ и обрядовъ. Однако и въ дѣйствіяхъ Никона во время расхожденія съ Царемъ, добавимъ мы, надо различать обдуманно написанныя его сочиненія, въ которыхъ онъ говорилъ о защищаемыхъ имъ принципахъ, и продуманныя дѣйствія, отъ тѣхъ случайныхъ формъ, въ которыя облеклись эти выраженія и дѣйствія въ разговорахъ съ лицами, нравственное ничтожество которыхъ Никонъ понималъ, но въ то же время принужденъ былъ видѣть въ „ихъ людей, вліявшихъ на судьбу его дѣла, и его самого, какъ Патріарха. Недаромъ и грамота Восточныхъ Патріарховъ 1682 г. признаетъ съ одной стороны, что Никонъ былъ „хранитель вѣры и канонѣвъ преискуснѣйшій" и „лишь какъ человѣкъ поддавался иногда унынію". Субботинъ обратилъ вниманіе на узость взглядовъ русской іерархіи, современной Никону, тяготившейся только его строгостью и проглядѣвшей принципіальную важность его дѣла для Русской Церкви. „Когда судьба Патріарха Никона была рѣшена, когда этотъ всемогущій человѣкъ, котораго всѣ такъ боялись, сошелъ со сцены, тогда нѣкоторые изъ властей русскихъ взглянули на совершившееся спокойно, и, къ крайнему огорченію своему, увидѣли, что, дѣйствуя

такъ упорно противъ Никона, они дѣйствовали противъ самихъ себя, что въ дѣлѣ Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ рѣшался очень близкій къ нимъ вопросъ — вопросъ о сравнительномъ превосходствѣ властей царской и гражданской, увидѣли, что съ паденіемъ Никона, восторжествовало это послѣднее, и что отъ этого можно ожидать въ будущемъ многихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для Церкви..., и они рѣшились поискать средствъ исправить какъ нибудь свою ошибку: стали просить, чтобы точнѣе были опредѣлены взаимныя границы власти гражданской и церковной". Границы то теоретически опредѣлили, но фактъ паденія Никона оказался сильнѣе теоретическихъ опредѣленій и далъ толчекъ, изъ котораго родилась послѣ церковная реформа Петра I. Проф. Субботинъ указаль на отсутствіе въ Никоновской дѣятельности стремленія къ власти и къ единовластію въ церковныхъ дѣлахъ.

Гюббенетъ.

Огромную услугу въ уясненіи дѣла оказалъ **Гюббенетъ**. Послѣдній изслѣдуетъ жизнь Никона за періодъ 1658—1666 г., оперируя съ официальными документами, какъ и Соловьевъ, но онъ не раздѣляетъ мнѣніе Соловьева о властолюбіи Никона, исправляетъ его официальные источники, въ которыхъ много пропущено или не такъ передано. Напримѣръ, пропущено очень важное всенародное объявленіе Никона 10 іюля 1658 г. съ амвона объ его уходѣ отъ царскаго гнѣва, объясняющее дѣйствительныя причины ухода (Гюбб. I, I гл.). У Соловьева изъ разговора пріѣхавшаго къ Никону въ Воскресенскій монастырь дьяка Башмакова выпущено все обнаруживавшее, что у Никона въ Москвѣ было много сторонниковъ, что сочувствіе ему преслѣдовалось, что у Никона выпытывали, кто его посѣщаетъ; Соловьевъ придалъ посылкѣ Башмакова другое значеніе, будто бы по поводу посѣщенія Никона пѣвчими дьяками, между тѣмъ какъ Башмаковъ былъ 17 мая 1659 г. у Никона, а эти дьяки лишь 2 іюля 1659 г. Соловьевъ изъ сего разговора привелъ только бесѣду о должномъ почитаніи Никона со стороны духовенства, какъ будто съ нарочитой цѣлью указать на его честолюбіе, а между тѣмъ изъ контекста выясняется, что Никонъ объяснилъ, почему должны были бы духовныя лица посѣщать его, именно что онъ не оставлялъ патріаршества (т. I гл. 2). Такъ же благодаря краткости извлеченій изъ письма Зюзина къ Никону отъ 3. II. 1660 г. смыслъ его мѣняется. Соловьевъ говоритъ, что Никонъ писалъ: „Когда вѣра Евангельская

начала сіять, тогда и архіерейство почиталось; когда же злоба гордости распространилась, то и архіерейская честь измѣнилась". Но Никонъ писалъ и о царствахъ, что они гибнутъ при безчестіи и процвѣтають при благочестіи (I, 3 гл.). Соловьевъ неправильно сказалъ, что всѣ показанія объ уходѣ были согласны въ томъ, что онъ отъ патріаршества отрекся и обѣщаль впредь имъ не быть, ибо въ дѣйствительности свидѣтели показывали не одинаково, и даже не всѣ говорили, что Никонъ обѣщаль не быть на патріаршемъ престолѣ. Гюббенетъ указываетъ, на основаніи сличенія сказокъ, что Трубецкой умолчалъ о Никоновскихъ словахъ о гнѣвѣ Царя и, вопреки показаніямъ другихъ, показывалъ, будто Никонъ утверждалъ, что гнѣва Царя не было, а это было невѣрно, ибо въ тотъ же день еще, нѣсколькими часами раньше Ромодановскій сказалъ Никону, что Царь на него гнѣвается. Гюббенетъ указалъ, что Соловьевъ невѣрно понялъ Лигарида, говоря о немъ только, какъ о самомъ образованномъ и самомъ представительномъ изъ греческихъ духовныхъ лицъ. Соловьевъ неправильно считаетъ его примирителемъ, попытка котораго не удалась, что будто бы онъ первый написалъ письмо Никону 12 іюня 1662 г., уговаривая его возвратиться на патріаршество. Гюббенетъ указалъ на подозрительное въ каноническомъ отношеніи положеніе Лигарида, на то, что вышеупомянутое письмо его было лишь отвѣтомъ Никону, что никакимъ примиреніемъ онъ не занимался, а сразу понялъ, что выгоднѣе ему быть на сторонѣ враговъ Никона, чѣмъ на сторонѣ гонимаго Никона (I, гл. 5). Благодаря смѣшенію разныхъ документовъ Соловьевъ упустилъ изъ виду попытку Никона поѣхать въ Москву и переговорить съ Царемъ, сдѣланную 28 декабря 1662 года, отнеся ошибочно документы, относящіеся къ ней, къ другой поѣздкѣ 19 декабря 1664 года (I, гл. 6). Гюббенетъ обратилъ вниманіе, что Соловьевъ не цитируетъ тѣхъ частей Никоновскихъ писемъ къ Царю, гдѣ выражается смиреніе, покорность Никона, и всегда цитируетъ, гдѣ Никонъ рѣзокъ, напримѣръ по Боборыкинскому дѣлу (Сол. XI, 272-275) или говорится о правахъ его, причемъ, добавимъ, что говорится вѣдь, обычно больше о правахъ Церкви вообще, а не Патріарха спеціально. Соловьевъ неправильно опредѣлилъ дѣйствія греческихъ архіереевъ на Соборѣ 1660 г., будто они подтвердили приговоръ русскихъ, а Царь велѣлъ его утвердить. Напротивъ, греки, хотя и признавали виновнымъ Никона въ оставленіи престола, отнеслись къ нему съ сочувствіемъ и предлагали въ своихъ докладныхъ запискахъ оказать ему заслуженное по его благочестію

снисхожденіе и представили два разныхъ приговора въ строгомъ и снисходительномъ смыслѣ. Соловьевъ приписываетъ Никону слова, будто бы сказанныя Одоевскому въ іюлѣ 1663 г. „Дайте мнѣ только дожидаться Собора, я великаго Государя отлучу отъ христіанства, уже у меня и грамоты заготовлены". Но въ донесеніи Одоевскаго, по которому описываются въ Исторіи объясненія Никона на вопросы посланныхъ къ нему для допроса, о грамотѣ не говорится, а сказано: „И на письмѣ у меня изготовлено". На письмѣ же было изготовлено то „Раззореніе", которое говорило о томъ, что Царь поступаетъ не такъ, какъ подобаетъ православному Царю (II, 4 гл.). Взятые примѣры исправленій, сдѣланныхъ Гюббенетомъ въ описаніи Соловьева, показали, что въ основу оцѣнки Никоновской дѣятельности надо положить дѣйствительные факты. Въ результатѣ этихъ дополненій и измѣненій Никонъ оказывается человѣкомъ добрымъ, даже благодушнымъ, но строгимъ администраторомъ. Причина его паденія въ боярской интригѣ. Гюббенетъ пролилъ свѣтъ на боярскія козни за время пребыванія Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, до него не разъясненные, но онъ не ставилъ себѣ задачей уяснить основную идеологію Никона.

Пальмеръ. „The patriarch and the tsar".

Выясненію послѣдней задачи болѣе всего содѣйствовалъ **Пальмеръ**, который тщательно прослѣдилъ самое судебное цѣло Никона и старался вникнуть въ каждое объясненіе Никона на судѣ и въ его каноническую предпосылку. На ряду съ этимъ, такъ какъ Пальмеръ исходилъ изъ воззрѣній самого Никона, помѣщенныхъ въ „Раззореніи", то для него уяснена была основная противоположность цезарепапистскаго воззрѣнія бояръ и точки зрѣнія Никона на взаимоотношенія Церкви и государства. Трудъ Пальмера нами постоянно цитировался. Основой Пальмеру для жизнеописанія Никона служилъ Шушеринъ, Павелъ Алеппскій и священникъ Михайловскій, которыхъ онъ приводитъ иногда цѣликомъ, цѣлыми главами, а иногда въ сокращеніи, Пальмеръ детально разработалъ подготовку правительства къ суду надъ Никономъ, особенно въ дѣлѣ постановки вопросовъ Патріархамъ и ихъ отвѣтовъ и самое судебное дѣло въ 1660 и 1666 г., а также переговоры съ Никономъ объ отреченіи Никона въ 1665 г. Приложенныя имъ показанія свидѣтелей вмѣстѣ съ рѣчью Никона 10 іюля 1658 г. въ Успенскомъ соборѣ проливаютъ на все дѣло Никона иное освѣщеніе, которое въ свѣтѣ высказанныхъ самимъ Нико-

номъ воззрѣній въ „Раззореніи“ видоизмѣняютъ и фактическую сторону дѣла и понятіе о мнѣніяхъ и ученіи самаго Никона¹.

Николаевскій. „Жизнь Никона въ ссылкѣ“.

Конецъ жизни Никона въ ссылкѣ описанъ у профессора Николаевского въ его статьѣ въ Хр. Чт. за 1866 годъ (Онъ же описалъ путешествіе Никона въ Соловецкій монастырь за мощами Св. Филиппа въ Хр. Чт. за 1885 г.) и у Успенскаго въ журналѣ „Странникъ“ за 1899 годъ. Они дали намъ факты, которые проливали свѣтъ на уясненіе отношенія Патріарха Никона къ Царю Алексѣю Михайловичу, какъ къ Царю и какъ къ человѣку, и тѣмъ способствовали уясненію общихъ взглядовъ Патріарха Никона на царскую власть и на патріаршую, поскольку здѣсь затрагивались его взгляды на свои обязанности и свое каноническое положеніе.

Среди иностранцевъ, оставившихъ свое сужденіе о Никонѣ, надо различать лицъ, бывшихъ при Московскомъ дворѣ вскорѣ послѣ Никона и знавшихъ о немъ по слухамъ въ окружающей средѣ, а затѣмъ иностранныхъ ученыхъ.

Бар. Мейерберъ.

Баронъ Мейерберъ (V. ар. 14), прибывшій въ Москву 25 мая 1661 г., когда Никонъ ушелъ въ Воскресенскій монастырь, пишетъ: „Всероссійскій Патріархъ Никонъ теперь въ немилости и не живетъ въ Москвѣ; въ прошлое время уваженіе Царя и довѣріе къ Никону были такъ велики, что онъ казался всемогущимъ, но превратностями придворной жизни потерялъ царскую милость; онъ ушелъ въ Воскресенскъ, гдѣ онъ живетъ, скрывшись въ монастырь, безъ какой-либо надежды вернуться, но съ настроеніемъ бодрымъ и не упавшимъ“. Онъ указываетъ далѣе на источникъ своего освѣдомленія (дворъ). „О причинахъ его паденія существуютъ разные толки. Наиболѣе вѣроятное объясненіе у тѣхъ, кто приписываетъ его паденіе страсти нововведеній и его неугомонному настроенію, которымъ онъ вовлекъ Россію въ войну сначала съ Польшей, и затѣмъ съ Швеціей. Однако въ вопросахъ, посланныхъ о немъ въ 1663 году въ Константинополь, ничего не сказано о вовлеченіи имъ въ войну, но только о его попыткахъ поставить границы вмѣшательству царской власти въ духовныя дѣла, о неодобреніи имъ Уложенія 1649 г. и о другихъ дѣлахъ, связанныхъ съ этими, или съ исключительнымъ положеніемъ, вліяніемъ

¹ Пальмеръ цѣликомъ напечаталъ „Раззореніе“, занявшее цѣлый I томъ его сочиненія „The patriarch and the tsar“, а „Исторія Лигарида“ вошла въ III томъ означеннаго сочиненія.

и титуломъ, отъ Царя полученнымъ, названныхъ нововведеніями. Представленія объ этихъ нововведеніяхъ, сдѣланныя Царю врагами Никона, навлекли на него гнѣвъ Царя. Народу они говорили, что Никонъ навлекъ гнѣвъ введеніемъ во вновь устроенныхъ школахъ латинскаго и греческаго языка, перемѣной нѣкоторыхъ церковныхъ обычаевъ, строгостью, съ которой онъ возсталъ противъ разныхъ обычаевъ, и разными другими нововведеніями, которыми онъ хотѣлъ де поколебать православную вѣру. Такими средствами они возбудили противъ него всеобщее недовольство, и, когда черезъ инсинуаціи царицы и ея отца, которые по частнымъ причинамъ были его врагами, Патріархъ постепенно потерялъ благоволеніе Царя, они не считали нужнымъ обнаруживать къ нему снисхожденія".

Архидіаконъ Коксъ.

Архидіаконъ Коксъ, сопровождавшій лорда Герберта въ его путешествіи въ Польшу и Россію, напечатавшій о немъ въ 1792 г. въ Лондонѣ, называетъ Никона человекомъ выдающихся способностей, просвѣщенія и добродѣтели, смѣлымъ патріотомъ и самымъ вѣрнымъ совѣтникомъ и слугой Царя, паденіе котораго вызвано завистью и злобой придворныхъ, не могшихъ вынести его превосходства. Коксъ не входитъ въ оцѣнку религіозныхъ принциповъ, за которые боролся Никонъ, а только, какъ и Мейерберъ, восхваляетъ его за государственный смыслъ, возводя его на степень народнаго героя. (Пальмеръ V ар. 15 стр.).

Д-ръ Коллинсъ.

Коллинсъ, сопровождавшій въ Москву компанію англійскихъ купцовъ, какъ капелланъ, писалъ въ 1660 г. о Патріархѣ Никонѣ: „Патріархъ — глава во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, очень почитаемъ его величествомъ, но изъ-за какого-то неудовольствія онъ удалился въ свой монастырь два года назадъ. Престолъ продолжаетъ быть незанятымъ, и они не могутъ выбрать другого на его мѣсто. Его дворецъ примыкаетъ къ царскому; онъ каменный и довольно красивъ по своей величинѣ. О Царѣ Алексѣѣ онъ пишетъ: если бы онъ не имѣлъ такой толпы сикофантовъ и завистливаго боярства вокругъ себя, то онъ могъ бы считаться среди лучшихъ и мудрѣйшихъ государей". (П. III, 534). Онъ пишетъ: „евреи недавно проникли во дворецъ черезъ одного врача лютеранина, помогающаго Богдану Матвѣвичу Хитрово, царскому дворецкому, въ его любовныхъ похожденияхъ и доставляющаго ему польскихъ дѣвокъ. Онъ большой фаворитъ Царя,

регулюючий всѣ его домашнія дѣла; онъ съ дѣтства воспитанъ съ Царемъ и одного съ нимъ возраста. Царь — покровитель Церкви, но ограничиваетъ щедрость къ ней умирающихъ. Никто не можетъ основать монастыря безъ его разрѣшенія. (Пальмеръ добавляетъ: „а когда онъ даетъ разрѣшеніе, хотя бы Патріарху, то бояре заставляютъ взять его обратно, побуждаютъ Восточныхъ Патріарховъ простить это, какъ актъ слабости, и благословить его за нарушеніе Богу данныхъ обѣтовъ, и побуждаютъ Царя подводить себя подъ свои собственные проклятія"). Онъ смѣло занимаетъ деньги у церковнаго казначейства и откладываетъ платежъ *ad calendas graeca*. (Бояре говорятъ, что Никонъ, еслибы имѣлъ власть и время, захватилъ бы 1/3 государства; но когда Никонъ предложилъ условія своего ухода и замѣтилъ, что патріаршій домъ можетъ же чѣмъ-нибудь содѣйствовать его содержанію, ибо онъ увеличилъ его доходъ до 20.000 руб. ежегодно, то они не смогли согласиться). Въ заключеніе Коллинсъ говоритъ: „безъ сомнѣнія Царь благочестивъ, милосердъ и хорошій Государь, но, что касается его людей и министровъ, то они подобны слугамъ и министрамъ другихъ странъ, готовы на все за взятку или деньги и обмануть кого могутъ". Въ этихъ отзывахъ указана безпристрастными современниками и причина паденія Никона (П. III, 537).

Уніатъ Кульчинскій.

Уніатъ Кульчинскій, помѣщенный въ словарь духовныхъ писателей Митрополита Евгенія (II, 121-122), пишетъ, что „Никонъ хотѣлъ носить титулъ Папы по примѣру Восточныхъ Патріарховъ, писавшихся иногда папами, что будто у него заготовлены были папскія регаліи"; онъ писалъ разныя несообразности о Никонѣ, навязывая ему католичество, связывая это и съ напечатаніемъ Дарственной грамоты Константина Великаго; онъ писалъ, что Никонъ не соглашался на войну съ Польшей, что онъ апеллировалъ къ папскому престолу, но говоритъ о переходѣ въ католичество Никона — величайшая несообразность, когда Никонъ не допускалъ даже вліянія католической живописи, органовъ, и на судъ обозвалъ Лигарида еретикомъ латинскимъ, и даже всю іерархію русскую обвинялъ въ пріобщеніи къ католичеству за допущеніе въ свое лоно католика Лигарида. Дѣло въ томъ, что многіе смотрѣли на распрю Алексѣя Михайловича и Никона, какъ на политическое дѣло, и противники Россіи пользовались ею въ своихъ интересахъ; католическіе писатели

хотѣли использовать и помѣщеніе грамоты Константина Великаго въ Кормчую, и связь съ южнорусскими учеными, которые были и въ сношеніяхъ, и въ борьбѣ съ католичествомъ. Враги Никона распускали слухи, проникшіе къ иностраннымъ писателямъ, будто Никонъ, будучи въ силѣ, получалъ тайно деньги отъ польскаго короля и австрійскаго посла Аллегретти. Это опровергаль еще Мейерберъ, какъ сообщаетъ проф. Иконниковъ: извѣстіе это совершенно несообразно, ибо Никонъ побуждалъ къ войнѣ съ Польшей, настаивая на полной побѣдѣ, активно способствовалъ успѣху войны въ качествѣ государственнаго регента, подготовкой и снабженіемъ войскъ, и подкупъ невозможно даже и представить для человѣка такого горячаго патріотизма и прямоты, какимъ былъ Никонъ; обвиненіе это характеризуетъ лишь пріемы его враговъ, добившихся отчасти своего — затемнѣніемъ его личности для потомства черезъ писателей вродѣ Кульчинскаго, писавшаго о сплетняхъ, какъ о фактахъ, и передававшего свои свѣдѣнія дальше Берху, который повторялъ за Кульчинскимъ о властолюбіи Никона, о католическихъ поползновеніяхъ Никона; отзвуки отсюда попали даже къ біографу Патріарха Іоакима Смирнову, ссылающемуся на Берха въ сообщеніи о заготовленіи Никонѣмъ папскихъ регалій и осуждающему Никона за то, что онъ шель въ сторону прямо противоположную потребностямъ времени" (лучше сказать, противоположную секуляризаціоннымъ стремленіямъ государства и восхваляющему Патріарха Іоакима за то, что онъ своей дѣятельностью ограничилъ героическую силу великаго Никона).

Pichler.

Пихлеръ въ своемъ сочиненіи „Geschichte der kirchlichen Trennung swischen dem Orient und Occident". (München 1865) говоритъ (II, 138) о сочиненіи **Кульчинскаго**, изданномъ въ 1733 г., въ которомъ онъ сообщаетъ существовавшія о Никонѣ небылицы, которыя онъ тутъ же и опровергаетъ. „Именно Кульчинскій говоритъ, будто Никонъ просилъ Царя сдѣлать его Папой и для этого де Никонъ напечаталъ грамоту о Дареніи Константина Великаго. Такъ какъ Царь на это не согласился, то онъ сталъ католикомъ и ушелъ въ монастырь, чтобы избѣжать общенія съ схизматиками. Когда Царь его хотѣлъ судить черезъ духовенство, то онъ аппелировалъ къ Папѣ, такъ что Царь вынужденъ былъ обратиться къ Восточнымъ Патріархамъ, которые его объявили еретикомъ и сослали. Но если бы хотя бы видимость правды была въ этомъ разсказѣ, прибавляетъ Пихлеръ, то Со-

боръ не обошелъ бы этого молчаніемъ. „Dasselbe machte aber umgekehrt dem Nikon den Vorwurf er habe den **Zaren und die Russische Kirche geschmäht, als huldige sie durch die Aufnahme des Mitropolitens Paisius lateinischen irrthümern. Es wurde auch unter Nikon von Rom kein Unionsversuch gemacht, obwohl dies bald nacher wieder geschah (1672-1673) (1672-1673)**"¹.

Такая разногласица мнѣній относительно Никона объяснима вполне, ибо съ его лицомъ связана была борьба, опредѣлявшая дальнѣйшую судьбу отношеній церковной и государственной власти, борьба, которая не могла быть мягкой. Чтобы сломить власть Никона, боярамъ потребовалось настроить Царя противъ него, поднять церковную іерархію вопреки ея собственнымъ интересамъ, возбудить массу кривотолками о Никонѣ; естественно, что и въ литературу попали мнѣнія, затемнявшія личность Никона ради дискредитированія его дѣла.

Levesque.

Нѣкоторые писатели касаются участія Никона во внѣшней политикѣ Московскаго государства. Французскій историкъ Levesque пишетъ въ „Histoire de Russie" 1782 года 4 т. 63 стр.: „Никонъ содѣйствовалъ своимъ мнѣніемъ войнѣ съ Польшей. Шведская война вытекла изъ нея. Когда пришлось снять осаду съ Риги, когда успѣхи въ Польшѣ стали менѣе значительны, Алексѣй отнесъ всѣ несчастья къ совѣтнику. Въ событіяхъ Царь былъ виновенъ не менѣе Никона. Но Никонъ увидѣлъ перемѣну чувствъ въ Царѣ и не захотѣлъ играть при дворѣ въ столицѣ смиренное лицо опальнаго фаворита; онъ ушелъ на дѣло простого монаха въ Воскресенскій монастырь. Здѣсь онъ собиралъ лѣтописи, сравнивалъ ихъ, исправлялъ, дополнялъ однѣ копіи другими и составилъ историческій сводъ. Его главные враги — супруга Царя и тестъ его". Однако, если бы Никона такъ считали виновнымъ въ Шведской войнѣ, едвали бы удержались отъ предьявленія этого обвиненія, котораго, однако, не было сдѣлано.

Hermann.

Оно повторяется снова у нѣмецкаго историка Hermann въ Geschichte von Russland (1846—1866), причемъ окрашивается заботами Никона о православныхъ Ингрии и Карелии (III т., 672 стр.):

¹ „Наоборотъ онъ упрекалъ Никона въ томъ, что осмѣялъ Царя и Русскую Церковь за то, что будто они именно виновны въ принятіи латинскихъ заблужденій Митрополита Лигарида. Также при Никонѣ Римъ не выступалъ съ уніональными попытками, хотя это случилось скоро послѣ (1672-1673)".

„Hätte Nikon durch seinen Einfluss vorzüglichen Antheil am Beginne des Polnischen Krieges gehabt, so war er gleichfalls in der Hoffnung die dem griechischem Glauben bekennenden Bewöhner Kareliens und Ingermanlandes unter Russische Herrschafft zu bringen, den Zar zum Krieg gegen Schweden in Livland ansponte. Seit dem unglücklichen Ausgang dieses Beginnens erkaltete sichtlich das Vertrauen, das bisher der Zar in ihm gesetzt hatte. Er wurde seltener zur Hof gezogen, selbst bei festlichen Gelegenheiten übergangen. Die Grossen begegneten ihm ungescheut mit der gröbsten Nichtachtung. Einer derselben Streschneff gab seinem Hund den Namen Nikon. Schon wurden Anordnungen, die der Patriarch sonst allein zu treffen pflegte, allmählich wie der vor die Entscheidung des Bojarenraths gezogen. Nikon hatte das polozkische Kloster zum Erscheingung Gottes für exempt erklart; plötzlich wurde es dem für die dortige Eparchie geweihten Bischof Kallist untergeben"¹. (Этотъ частный случай не совсѣмъ точенъ въ отношеніи хронологіи, ибо ставропигія была нарушена указомъ Царя послѣ ухода Никона). „Auch die Klosterkammer fing wieder an vor ihr Gericht Personen und ihre Güter zu ziehen, und der Bojarenrath erliess gestützt auf die Uloschenie nach eigenem Ermessen Entscheidungen über die wider die Verordnungen Iwan's IV von der Kirche gemachten Erwerbungen, Nikon ertrug es schwer seinen Einfluss geschwacht zu sehen. Er zog sich zurück und gab sich ganz der Sorge für die Einrichtung der drei ihm gestifteten Klöster zum Kreuz, der Iberischen und des Kiosters zur Auferstehung hin, Seine Feinde aber benützten seine häufige Abwesenheit um ihn völlig zu stürzen... Wir sehen diesen Schritt (удаление въ Воскресенскій монастырь) nicht aus Widersetzlichkeit gegen die weltliche Obrigkeit, sondern wegen der ihm widerfahrenden mit seinem geistlichem Amt, und seine Würde unverträglichen Ehrenkränkung"².

¹ Если Никонъ имѣлъ своимъ вліяніемъ преимущественное участіе въ началѣ Польской войны, то одновременно онъ надѣялся поставить подъ русское господство православныхъ жителей Кареліи и Ингерманландіи и поощрять ради этого царя къ войнѣ съ Швеціей въ Ливоніи. Послѣ неудачнаго исхода съ этимъ начинаніемъ охладѣло къ Никону то довѣріе, которое дѣлало изъ Никона законъ для Царя. Его стали рѣже приглашать ко двору, даже обходили и въ торжественныхъ случаяхъ. Бояре стали обходиться съ нимъ безбоязненно съ самымъ грубымъ презрѣніемъ. Одинъ изъ нихъ далъ своей собакѣ имя Никона. Указы, которые когда-то Патріархъ обычно издавалъ своей властью, постепенно отдавались на сужденіе Боярскаго Совѣта. Никонъ объявилъ Полоцкій Богоявленскій монастырь ставропигіальнымъ; вдругъ онъ былъ подчиненъ посвященному для тамошней епархіи епископу Каллисту.

² Точно также Монастырскій приказъ снова сталъ привлекать къ своему суду лицъ и ихъ имущества, и бояре, опираясь на Уложеніе, стали издавать по своему усмотрѣнію рѣшенія о приобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ Церковью вопреки Указовъ Ивана IV. Никону тяжело было переносить ослабленіе своего вліянія. Онъ удалился и отдался вполнѣ устройству трехъ учрежденныхъ имъ монастырей: Крестнаго, Иверскаго и Воскресенскаго. Но враги использовали его частое отсутствіе, чтобы его окончательно свалить. Мы видимъ, что онъ удалился въ Воскресенскій монастырь не изъ противодѣйствія свѣтской власти, а вслѣдствіе порухи чести, несомѣстимой съ его духовнымъ положеніемъ и непереносимой для его достоинства.

Видно, авторы иностранцы, не ослѣпленные цезарепапизмомъ, даже писавшіе еще въ 50-хъ годахъ XIX вѣка, какъ Hermann, не нуждались для объясненія ухода Никона въ придумываніи властолюбія, а имъ было ясно, что Никонъ защищалъ права Церкви, а бояре наносили имъ ущербъ своимъ засиліемъ, съ которымъ надо было бороться во имя правъ Церкви.

Стэнли.

Стэнли, писавшій въ первой половинѣ XIX в., преисполненъ великаго почитанія къ характеру и дѣятельности Никона, но онъ не видитъ въ немъ ничего похожаго на Гильдебранта. „Неоспоримо, пишетъ Стэнли („Приб. къ твореніямъ Св. Отцевъ 1862 г. статья Н. Соколова), Никонъ есть величайшій характеръ въ лѣтописяхъ русской іерархіи, и даже между дѣятелями всей Восточной Церкви не много можно указать такихъ, которые могли бы сравняться съ нимъ, какъ церковные политики. Фотій въ IX и Златоустъ въ IV вѣкахъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаютъ намъ судьбу Никона, и это сходство можетъ быть принято въ доказательство тождества принциповъ, которые въ теченіе шести столѣтій одушевляли двѣ главныя отрасли Восточной Церкви... Черезъ всю глубокую мглу, которая лежитъ надъ нами, можно разглядѣть оригинальный характеръ человѣка, соединяющаго съ своенравнымъ упрямствомъ переросшаго избалованнаго ребенка, рѣдкій юморъ и неутомимую энергію западнаго политика. Въ ряду портретовъ, представляющихъ іерархію древней Россіи, его фигура первая оставляетъ въ насъ впечатлѣніе индивидуальной оригинальности. Въ разныхъ монастыряхъ, которыми онъ управлялъ, его угрюмая фізіономія смотритъ сверху на насъ своими кровавыми глазами, съ нахмуренными глубоко бровями и краснымъ цвѣтомъ лица. Длиныя первосвященническія одежды хранятся, какъ памятникъ пышности, и рисуютъ передъ нами величественную статую его, не менѣе 7-ми футовъ, — черта общая многихъ изъ знаменитѣйшихъ соплеменниковъ Никона". **Соколовъ** правильно протестуетъ противъ названія Никона церковнымъ политикомъ, ибо Никонъ не былъ политикъ. Осторожный въ вопросахъ вѣры, исправленія обрядовъ, онъ въ отношеніи къ людямъ прямъ, рѣшителенъ и непреклоненъ. Недостатокъ гибкости и приспособленія къ людямъ, рѣзкость въ обращеніи съ людскими слабостями — одна изъ причинъ его паденія. „Никонъ, говоритъ Стэнли, былъ первый русскій реформаторъ, но мы не должны ожидать при

этой параллели прямой реформації ученія или философіи. Такой реформації никогда не было ни въ одной отрасли Восточной Церкви... тѣмъ не менѣ Никонъ былъ великій первый восточный іерархъ за исключеніемъ одного Кирилла Лукариса, который понялъ, что настало время дать жизнь обрядовымъ церемоніямъ и нравственное направленіе набожнымъ чувствамъ русской религіозности". Стэнли привѣтствуетъ Никона за его неумолимую строгую борьбу противъ пьянства и за его благотворительность. „Съ безграничной щедростью онъ основывалъ больницы и страннопріимные дома для сиротъ, вдовъ и престарѣлыхъ. Во время голода, опустошившаго Новгородъ, онъ показалъ щедрость и великодушіе, достойные Карла Борромео въ Миланѣ, Франче въ Галле. Хотя Стэнли превозноситъ больше всего Никона за обрядовую реформу, за что онъ готовъ его считать русскимъ Лютеромъ, но весь характеръ Никоновской реформы — совѣты съ Патріархами, посылка на востокъ за книгами, самое ихъ исправленіе показываютъ, что у Никона не было мысли о реформѣ въ смыслѣ западномъ. Никонъ стремился къ приведенію богослуженія въ согласіе съ греческимъ, просвѣтитъ духовенство „Скрижалю" и школами, искоренить худые нравы, поэтому Стэнли напрасно сравниваетъ его съ Лютеромъ, посягнувшимъ на ученіе Церкви. Стэнли почитаетъ Никона за реформу церковнаго пѣнія, замѣнившую грубый напѣвъ московитянъ пріятной интонаціей изъ Польши и изъ Греціи. Никонъ позаботился о чистѣйшемъ переводѣ Библии на славянскій языкъ. Никонъ лично оживилъ проповѣдничество. О пріемахъ проповѣдничества рассказывалъ Павелъ Алеппскій: „Патріархъ благословилъ Государя и потомъ сталъ передъ нимъ, возвыся свой голосъ въ молитвѣ за него и произнесъ прекрасное поученіе съ примѣрами и изреченіями древнихъ о томъ, какъ Богъ далъ побѣду Моисею надъ фараономъ, изъ новой исторіи о побѣдѣ Константина надъ Максиминомъ и Максентіемъ и приводилъ многіе другіе примѣры въ этомъ родѣ; и говорилъ съ такимъ обиліемъ краснорѣчія, которое понадобилось быстрому теченію потока. Когда онъ запинаясь или спутываясь въ словахъ или дѣлалъ ошибки, самъ же опять поправлялся съ совершеннымъ спокойствіемъ. Никто не думалъ искать погрѣшности въ немъ или не былъ утомленъ его рѣчью, какъ будто каждый стоялъ передъ нимъ, какъ рабъ передъ своимъ господиномъ". Стэнли мирится и съ недостаточнымъ съ его точки зрѣнія радикализмомъ Никоновскихъ реформъ. „Пусть скажутъ, кто является истиннымъ благодѣтелемъ, тѣ ли, которые пыта-

лись ниспровергнуть существующія формы вѣры, или тѣ, кто путемъ воспитанія вливали новую жизнь въ эти формы? Эти размышленія примиряютъ насъ съ полумѣрами Никона, и мы привѣтствуемъ его усилія на этомъ пути". Протестантъ Стэнли — не судья православному церковному реформатору, особенно въ вопросахъ каноники, когда понятіе іерархіи исчезло изъ протестантизма, но мы привели его сужденія, какъ показатель того, какъ люди совершенно разныхъ исповѣданій воздавали должное уму, энергіи, осторожности, вдумчивости и духовному размаху Патріарха Никона при господствующемъ непониманіи его окружающей средой. **Стэнли полагаетъ, что Никонъ враждовалъ съ грубымъ дворянствомъ и невѣжественнымъ клиромъ, а не съ Царемъ.** Разрывъ съ Царемъ онъ считалъ изъ-за личныхъ причинъ. „Мы слишкомъ довольно слышимъ и знаемъ о гражданскихъ и іерархическихъ столкновеніяхъ въ Западной Европѣ, не будемъ переносить ихъ на исторію простой и очень естественной ссоры между двумя друзьями, съ которой тѣ не имѣютъ ничего общаго". Стэнли объясняетъ просто ссору Царя и Патріарха продолжительнымъ отсутствіемъ Царя въ походѣ и неудачей Шведской войны, что дало врагамъ случай для разъединенія Патріарха въ Царемъ. Одно свиданіе все бы прекратило, но враги его и не допустили. Они поймали Патріарха на словѣ и объявили каѳедру праздною; и Стэнли о соборѣ, судившемъ Никона, говоритъ: „Нужно было, чтобы самое торжественное собраніе отцовъ, какое когда-либо видѣла Москва, было учреждено для осужденія величайшаго человѣка, какого произвела восточная іерархія въ новѣйшія времена". А въ другомъ мѣстѣ, описывая его гробницу въ Воскресенскомъ монастырѣ, онъ пишетъ: „Тамъ лежитъ онъ на мѣстѣ, имъ самимъ означенномъ у подножья Голгофы, гдѣ въ дѣйствительномъ храмѣ Св. Гроба лежатъ останки Готфрида Бульонскаго. Надъ гробницей повѣшены тяжелыя вериги, которыя онъ носилъ во время своего отшельничества. Надъ головой лежитъ небольшое восковое изображеніе, которое онъ всегда и вездѣ носилъ съ собой. Здѣсь покоится онъ, далекій отъ идеальнаго типа святого характера, оставивъ однако же своей Церкви примѣръ, въ которомъ она нуждается, рѣшительнаго и дѣятельнаго руководителя, признаннаго и прославленнаго, когда признаніе и слава были уже слишкомъ поздны. Стэнли не понялъ вовсе основныхъ стремленій Никона по реформѣ церковно-государственныхъ отношеній, для него, какъ протестанта, здѣсь не возникало и вопроса; потому и все дѣло борьбы съ цезарепапизмомъ превращено у Стэнли въ личную

распрю Никона съ Царемъ. Его отзывы о Никонѣ можно было бы просто оставить безъ вниманія, какъ исходящія отъ человѣка, не могущаго по своимъ воззрѣніямъ оцѣнить идеи Никона, его исповѣдничество и мученическій характеръ его борьбы, а также и цѣнность этой борьбы для Русской Церкви, въ которой Никонъ своей личностью запечатлѣлъ вѣчно неумирающій идеаль самостоятельной Церкви отъ чуждыхъ стихій міра сего. Но Стэнли, независимо отъ всего этого, оцѣнилъ могучую природу Никона, его нравственную независимость, прямоту, безкомпромиссность въ борьбѣ, полное отсутствіе человѣкоугодничества и призналъ въ немъ одного изъ величайшихъ іерарховъ всей Восточной Церкви: нельзя было не отмѣтить этого сужденія иновѣрнаго историка.

Пальмеръ. „Dissertations“.

Несравненно ближе проникся и въ ученіе Никона и въ его личность католикъ Пальмеръ. „Вотъ, пишетъ онъ въ „Palmer's dissertations on subjects relating to the Orthodox or Eastern Communion, London. 1853. „Истинный реформаторъ, не человѣкъ изъ низшихъ рядовъ общества возбуждающій народъ желчными воззваніями противъ властей, но епископъ, первенствующій іерархъ великаго государства, который по чувству долга принимаетъ на себя инициативу при введеніи справедливыхъ и необходимыхъ реформъ“. Или въ другомъ мѣстѣ: „Чѣмъ больше мы изучаемъ характеръ Никона, тѣмъ менѣе находимъ основаній обвинять его въ какомъ-либо изъ тѣхъ недостатковъ, которые навязывались ему его врагами. Въ немъ не было ничего похожаго на незнаніе или забвеніе различія и предѣловъ между духовной и гражданской властью, никакой склонности къ мірскому или духовному надменію“, Въ его духовной дѣятельности Пальмеръ видитъ образецъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ должна стоять духовная власть къ власти гражданской... „Во всю продолжительную борьбу, составившую его жизнь, мы видимъ, чего онъ требовалъ для себя и отъ себя лично: именно строгаго покаянія и самоумерщвленія за грѣхи свои и своего народа, скудной пищи, жесткой, какъ камень, постели и изголовья и тяжелыхъ веригъ“.

„...Послѣ несправедливаго осужденія и низложенія, онъ не позоритъ своихъ враговъ, не покровительствуетъ отпаденію отъ Церкви, которая сама была участницей въ неправдѣ, но неуклонно содержитъ истину; онъ возноситъ молитвы за враговъ своихъ и предлагаетъ имъ разрѣшеніе, если они раскаются, принимаетъ на себя тяже-

лое покаяніе за общественные грѣхи и въ тяжкомъ заключеніи прилагаетъ добровольные подвиги святого аскетизма". Пальмеръ какъ бы упрекаетъ Русскую Церковь въ неблагодарности къ великому ея дѣятелю и ждетъ отъ Русской Церкви, „чтобы она воздала памяти великаго Патріарха то же воздаяніе, которое было сдѣлано Св. Златоусту и Св. Филиппу митрополиту преемниками Государей согрѣшившихъ противъ Бога и Церкви, преслѣдовавшей ея великихъ заступниковъ, и чтобы имя Никона было присоединено на литургіи къ именамъ Св. Митрополитовъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа". Такое сужденіе высказалъ Пальмеръ, не зная, повидимому, о чудесахъ у гроба Никона, ибо онъ о нихъ не упоминалъ, принимая католическую точку зрѣнія на канонизацію по человѣческой оцѣнкѣ. Но, такъ какъ были свидѣтельства о Никонѣ и свѣше черезъ чудеса, то онъ подлежитъ канонизаціи и по правиламъ нашей Православной Церкви. Надлежитъ совершить такое же обращеніе къ нему съ мольбой о прощеніи, съ какимъ обращался въ свое время Царь Алексѣй Михайловичъ за своего предшественника Грознаго Царя, чтобы общественный грѣхъ, тяготѣющій за несправедливость, учиненную Никону, былъ снятъ съ царской власти и со всего народа русскаго. Мы уже цитировали слова Пальмера о томъ, что „судьбы Россіи были бы иными, если бы Никонъ остался Патріархомъ, но Никонъ палъ, и его паденіе повлекло за собой заслуженное наказаніе и духовенства и боярства и предержавшихъ властей, наказаніе, которое не могло быть отвращено, пока грѣхъ, причинившій его, не былъ бы достаточно исповѣданъ и пока не была бы воздана справедливость тѣмъ правамъ Церкви, которыя представлялъ Никонъ. Ибо это была не личная только борьба, но борьба двухъ противоположныхъ началъ, встрѣтившихся между собой около личности человѣка, который по своему положенію и характеру становился представителемъ и олицетвореніемъ одною изъ нихъ". Причину ссоры Никона съ Царемъ Пальмеръ усматриваетъ въ обширномъ соумышленіи бояръ. „Ихъ ненависть была напряжена до чрезвычайности, и такая напряженность вызывалась не церковными преобразованіями Никона, не защитой имъ правъ Церкви, а чрезмѣрнымъ вліяніемъ на Царя и блескомъ его дарованій. Наболѣе раздражалъ бояръ титулъ великаго Государя, который и сталъ несправедливымъ и глупымъ обвиненіемъ противъ Никона. Лица, окружающія Никона и привязанныя къ нему, были людьми его же духа, а враги его рѣзкими противоположностями имъ — людьми по существу весьма дурными. Они, не желая до-

пустить дѣла до примиренія Никона съ Царемъ, представляли Царю совершенно ложно, что будто дѣло идетъ о борьбѣ изъ-за безраздѣльнаго господства духовной власти, или безраздѣльнаго свѣтскаго господства, такъ что одинъ былъ выходъ — или низложить Никона, или отдать ему всю Москву, какъ отдалъ Константинъ Великій Римъ Папѣ Сильвестру. Но въ дѣйствительности дѣло вовсе такъ не стояло, а Царь былъ вовлеченъ и затянутъ въ борьбу такъ, что назадъ поворота не было, о чемъ и сказалъ ему на судѣ Никонъ, когда Царь подошелъ къ нему и сказалъ, что онъ не хочетъ ему ничего дурного. Степень же виновности самого Никона Пальмеръ опредѣляетъ словами Никона Царю на судѣ, когда бояре не осмѣливались поддерживать открыто обвиненія Царя: „О Царю сихъ всѣхъ предстоящихъ тебѣ и собранныхъ на сію сонмищу, девять лѣтъ всячески вразумлялъ еси и училъ и на день сей уготовлялъ, яко да насъ возглаголятъ; но се что бысть, не токмо что глаголати умѣяху, ниже устъ отверзти можаху, не вскую ли поучашеся тщетнымъ: но азъ о Царю!.. совѣтъ ти даю, аще повелиши симъ на насъ вергнути каменія, тое сіе они абіе вскорѣ сотворять, а ежели оглаголати насъ, аще и еще 9 лѣтъ имаши учить, **и тогда егда обрящещи что**". (Шушеринъ 115 стр.). Пальмеръ углубилъ проблему Никона, показавъ не только каноничность его дѣйствій, но и значеніе его борьбы Церкви для Россіи въ томъ смыслѣ, что она даже и не кончилась, видна еще только въ началѣ, ибо слѣдствіемъ, совершеннаго по отношенію къ Никону грѣха и вражды противъ Церкви, Государство приготовило близкую гибель себѣ. Изъ приведенныхъ нами въ разныхъ мѣстахъ цитатъ, мы видимъ, что Пальмеръ говорилъ о несомнѣнной гибели Русскаго Государства, въ основу котораго съ паденіемъ Никона закладывался фундаментъ цезарепапизма. Онъ одновременно говорилъ о томъ, что исправленіе этого пути слишкомъ трудно для человѣческихъ усилій и возможно только Промыслу Божию. Теперь, послѣ свершившейся гибели государства, снова возникаетъ передъ нами вопросъ, пойдетъ ли оно возставши по пути Никоновскаго православнаго государства, или по пути полуязыческаго государства, въ которомъ понтифексъ максимумъ будетъ подкрѣпленъ протестантскимъ ученіемъ о Государѣ — носителѣ церковной власти.

Мы приведемъ еще нѣкоторые отзывы о Никонѣ въ иностранной литературѣ:

Theiner.

Theiner въ своемъ сочиненіи: „L'Eglise schismatique Russe d'après les relations récentes du prétendu Saint - Synod", Paris 1854, пишетъ (39 стр.): „A Joseph I a succédé Nikon, **homme de merveilleuse grandeur d'âme vraiment digne d'occuper un siège patriarcal, mais non celui de Russie, trop indigne de lui. C'est le premier et le seul patriarche russe qui ait agi par le sentiment du devoir et de la dignité de sa charge. Aussi tombait-il victime du pouvoir temporel que sa grandeur d'âme offusquait.** Les patriarches d'Antiochie et d'Alexandrie, appelés par le tsar, eurent le courage de s'unir à ce dernier pour perdre leur colloque. Ils confirmèrent le jugement inique porté contre le patriarche par le prince, jaloux de maintenir l'autorité de sa théocratie usurpée. Nikon fut en conséquence déposé et renfermé dans un monastère comme simple moine. **Sa chute porte un coup mortel à l'église de Russie,** et l'église grecque en condamnant Nikon se rendit pour la seconde fois aux tzars comme déjà elle l'avait fait sous Godounov.

Nikon déposé, il ne restait plus qu'un pas à tenter pour Slip primer le patriarcat moscovite. Trente ans après Pierre le Grand y réussit. Ce prince concentrant en lui-même toutes les usurpations théocratiques de ses prédécesseurs, les rattacha toutes à son trône d'une manière invariable, et les transmit comme un précieux héritage à ses successeurs. L'autorité des évêques était depuis longtemps réduite au plus grand degré d'avilissement. Ils se montrèrent dignes de leur position par la honteuse part qu'ils prirent à la condamnation du prince Alexis, fils unique de Pierre. Cette attitude barbare à jamais la honte du père dénaturé qui le commit, a fait voir à la postérité que Pierre pouvait en fait de cruauté surpasser même Ivan IV. Ce dernier en effet avait tiré son fils dans un accès de colère; Pierre fit mourir le sien de sang froid, obligeant l'Eglise et l'état à le condamner pour des fautes en partie inventées, en partie représentées sous les plus perfides couleurs"¹

¹ По Іосифу I вступивъ Никонъ, чловѣкъ дивнаго величія духа, воистину достойный занимать патріаршій престолъ, но не русскій, слишкомъ недостойный его. Это — первый и единственный русскій Патріархъ, поступавшій по чувству долга и по достоинству своего служенія. И онъ палъ жертвой власти, которую пугало его величіе. Антіохійскій и Александрійскій Патріархи, приглашенные Царемъ, имѣли смѣлость соединиться, чтобы погубить своего товарища. Они скрѣпили нечестивый судъ Царя противъ Патріарха, ревностнаго въ поддержаніи авторитета его узурпированной теократіи. Никонъ былъ низложенъ и заключенъ въ монастырь, какъ простой монахъ. Его паденіе наноситъ смертельный ударъ Русской Церкви, и Церковь Греческая, осуждая Никона, второй разъ сдалась Царямъ, какъ она это уже сдѣлала при Годуновѣ. По низложеніи Никона оставался одинъ шагъ, чтобы попытаться уничтожить Московскій Патріархатъ, и онъ удался Петру I чрезъ тридцать лѣтъ. Этотъ Государь, концентрируя въ себѣ всѣ теократическіе захваты своихъ предшественниковъ, незамѣтно ихъ прикрѣпилъ къ своему трону и передалъ ихъ, какъ драгоценное наслѣдіе своимъ преемникамъ. Авторитетъ епископовъ уже давно былъ доведенъ до послѣдней степени униженія. Они заслужили свое положеніе постыднымъ участіемъ, которое они приняли въ осужденіи наслѣдника Петра Алексѣя. Этотъ

Tondini

Такъ **Tondini** въ *Réglement ecclésiastique* de Pierre le Drand называлъ Никона l'un des hommes les plus savants de son époque. Онъ пишетъ: „Parmi les patriarches de Moscou il s'en trouva un en effet doué d'une âme vraiment épiscopale; ce fut Nikon qui occupale siège patriarcal du temps du tzar Al. Mikhaïlovitch père de Pierre I. L'histoire de l'Eglise sous le patriarche Nikon, c'est l'histoire de la lutte suprême soutenue par ce prélat pour sauver l'indépendance du pouvoir spirituel. Il ne fufе pas secondé et un jour il se trouva presque seul à lutter contre le tsar. Par un travail habilement dirigé les autres évêques avaient été gagnés au parti du tsar. Nikon condamné par ses frères dans l'épiscopat (1666) **succomba mais il succomba en martyr**"¹. Tondini въ другомъ сочиненіи „La Chiesa Russa" указываетъ на опасность для самой Церкви находиться въ управленіи государственномъ: черезъ это падаетъ собственная энергія строительства и борьбы, и какъ она справится съ правительствомъ, если таковымъ окажется въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ вмѣсто Царя социалистъ! Tondini оказался пророкомъ въ послѣднемъ случаѣ, ибо онъ писалъ еще въ XIX вѣкѣ: (1875 г.) (р. 68).

„Ma i protestanti, i razionalisti, i giudei, i maometani e i rascolnici non sono i soli nemici che la chiesa russa deve apparecchiarsi a combattere, e contro i quail non trovera efficace ajuto che dai cattolici. Essa potra avere per nemici il governo, l'ateismo nella legislazione, gli ostacoli d'ogni maniera fatti alia propoganda ortodossa, lisrruzione irreligiosa obligatoria, l'incredulità e il materialismo premiati dalle academie in una parola tutte le autorità costituite da cui dipende il popolo. Ora puo mai la chiesa russa ripromettersi di combattere con successo contro sifatti nemici? Niuno vorrà asserire che la storia passata di questa Chiesa ce ne offra sincere guarantee; la sua vita, particolarmente dopo Pietro I é stata si uniforme e si é **tenuta in un campo si ristretto, che non ha potuto far prova di sue sforze**. Ma sventuramente v'è di peggio: per quanto si stata uniforme la

варварскій актъ, къ стыду совершившаго его отца искаженного въ своей природѣ, показаль потомству, что Петръ могъ въ жестокости превзойти даже Ивана IV. Послѣдній, правда, убилъ своего сына въ припадкѣ гнѣва, но Петръ убилъ хладнокровно, вынуждая Церковь и Государство осудить его за вины, частью выдуманная, частью изображенныя искусственно, какъ самыя вѣроломныя.

¹ „...однимъ изъ самыхъ ученыхъ людей своей эпохи". Онъ пишетъ: „Среди московскихъ Патріарховъ оказался одинъ съ духомъ по истинѣ епископскимъ; это былъ Никонъ, занимавшій патріаршій престолъ во времена Царя Алексѣя Михайловича, отца Петра I. Исторія Церкви при Патріархѣ Никонѣ, это — исторія крайней борьбы, выдержанной этимъ Патріархомъ ради спасенія независимости духовной власти. Ему не помогли, и онъ оказался однажды почти одинокимъ въ борьбѣ съ Царемъ. Искусными происками другіе епископы были привлечены на сторону Царя. Никонъ, осужденный своими собратьями по епископату, палъ, но палъ, какъ мученикъ".

sua vita, esso ci mostra come sua nota distintiva, la facilita onde gli tsar **imposero ad essa le loro leggi, e ottennero da essa cio che in nessuna maniera si farebbe estorto dai grandi dottori e padri della chiesa greca.** Or se la chiesa russa si é mostrata si debole dinanzi agli tsar, é certo forse che ritroverebbe subito la sua sforza quando avesse dinanzi un governo animato dai principi più ostili al cristianesimo, nemico giurato, non solo di tutta la Chiesa cristiana, ma anché di Gesu Christo? **Noi non siamo profeti; ma alia fine non é assolutamente impossibile che in un tempo più o meno lonta no non segga sul trono degli tsar un socialiststa russo**"¹. Въ другомъ мѣстѣ той же книги (25 стр.) онъ говоритъ: „Цари лично мало дѣлають неправославнаго, со строгостью поддерживаютъ Православіе въ народѣ, а высшіе слои общества — или невѣрующіе или скептически настроены; огромное число русскихъ раздѣляетъ самыя разрушительныя ученія, а Церковь государствомъ используется лишь, какъ полицейское орудіе, столь презрѣнное, что рѣдко попъ можетъ войти дальше передней барскаго дома; вотъ чѣмъ стала Русская Церковь въ результатѣ дѣла Царей". (XVIII и XIX вѣкъ). Здѣсь много преувеличенія относительно результата, ибо Русская Церковь въ гоненіи обнаружила силу Церкви первыхъ временъ христіанства, но много правды въ томъ, что ея ненадлежащее положеніе въ государствѣ послѣ Никона лишало ея подобающаго вліянія на общество. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 55) Тондини говоритъ, что „русскій епископатъ не далъ своими писаніями поддержки Православію, пропорціональной угрожающей ему опасности; что же будетъ, когда Церковь будетъ лишена опоры уголовнаго закона, а епископы и священники, будучи опекаемы, не имѣли случая считаться самостоятельно съ великими врагами Церкви". Съ другой стороны онъ же указываетъ, что вліяніе Православія ослабленно самими Царями. „Если

¹ Но протестанты, раціоналисты, евреи, магометане и раскольники — не единственные враги, съ которыми Русская Церковь должна приготовиться бороться и противъ которыхъ найдеть дѣйствительную помощь только у католиковъ. Она будетъ имѣть врагами правительство, атеизмъ въ законодательствѣ; препятствія всякаго рода созданныя для православной пропаганды, обязательное безрелигіозное обученіе, невѣріе и матеріализмъ, вѣнчаемая академіей, однимъ словомъ всѣ авторитеты, отъ которыхъ зависить народъ. Сможетъ ли Русская Церковь быть увѣренной въ борьбѣ успѣшной противъ этихъ враговъ? Никто не захочетъ утверждать, что прошлая исторія этой Церкви даетъ намъ дѣйствительныя гарантіи; ея жизнь, въ особенности послѣ Петра I стала такъ однообразной и поставлена въ столь тѣсныя рамки, что не могла дать доказательствъ своихъ силъ. Къ несчастью, хуже того. Насколько однообразна ея жизнь, показываетъ ея отличительная черта, легкость, съ какой Цари наложили на нее свои законы и добились отъ нея того, чего никоимъ образомъ не добились бы отъ великихъ учителей и отцовъ Греческой Церкви. А если Русская Церковь оказалась столь слабой передъ Царями, то можетъ ли она вдругъ обрѣсти силу, когда увидитъ передъ собой правительство, вдохновленное принципами враждебными христіанству, врага заклатаго не только всей Церкви христіанской, но и Самаго Иисуса Христа? Мы не пророки, но не абсолютно невозможно, что во времена. болѣе или менѣе отдаленныя, возсядетъ на престолъ Царей русскій социалистъ". Случилось худшее: тронъ Царей овладѣло богоборческое еврейство.

вы посмотрите Регламентъ Петра Великаго, то вы увидите его протестантскій духъ. Священники, монахи и епископы Православной Церкви не могли быть уважаемы при такомъ способѣ обращенія съ ними Царя Петра. Равнымъ образомъ его покровительство протестантамъ и почитаніе ихъ мнѣній, неограниченное довѣріе въ секуляризації Россіи, неуваженіе его къ святымъ вещамъ въ его нечестивыхъ оргіяхъ, все это совершенно непримиримо съ обязанностью христіанскаго Государя". Екатерина II считала себя слугой Вольтера, и должно краснѣть православному человѣку при чтеніи ея корреспонденціи съ Вольтеромъ. Если протестанты могутъ разсматривать Петра, какъ одного изъ своихъ, то невѣрующіе — Екатерину, ибо она высмѣиваетъ церемоніи и таинства своей Церкви въ этой корреспонденціи; а духъ нечестія вокругъ нея и костюмы — зеркало ея невѣрующей души. **Было бы чудо, прибавляетъ Тондини, если бы православные, умѣющіе читать и писать, оставались вѣрующими при такомъ режимѣ.** Она сама это понимала и писала Московскому губернатору: „Я не устраиваю школъ, но для Европы надо сохранять въ общественномъ мнѣніи наше отношеніе. Въ тотъ день, когда наши крестьяне пожелаютъ учиться, ни вы, ни я не останемся на своемъ посту". Тондини говоритъ о преемникахъ Екатерины II: „Sotto i successori di Caterina II l'ortodossia ando soggetta a diverse vaiiazioni secondo il grado d'ortodossia degli tsar, e le vicende della ioro politica in casa e fuori. Paolo I era tanto convinto di essere il vera capo delta sua Chiesa, che un giorno si diede a credere di poter celebrare la Santa Messa... Non imponendo egli la fede col prestigio della sua scienza e delle sue virtù morali, l'incredulità continuó a fare strage in Russia. Nella vita di Alessandro I si può distinguere un periodo di tempo in cui esso piegó non poco al protestantismo; e sappiamo della storia quant' autorità avesse sopra di lui una dama protestante M. de Kxudener. Se non c'inganniamo, coloro che sotto il regno di Alessandro, s'affaticarono tanto per istablire una societa biblica in Russia, non intendevano concio di favorite Tortodossia. L'Imperatore Alessandro era cristiano ortodosso non nel senso della sua chiesa ma nella rigorosa con-formita della sua credenza al domma fondamentale di tutte le chiese cristiane, che é la redenzione del genere umano per la morte riparatrice di Gesù Cristo mediante la fede"¹.

¹ При преемникахъ Екатерины II положеніе Православія было подчинено разнымъ варіаціямъ въ зависимости отъ степени православія Царей и превратностей ихъ политики внѣшней и внутренней. Павелъ I былъ такъ убѣжденъ, что онъ — истинная Глава Церкви, что однажды онъ заставилъ повѣрить, что онъ можетъ служить обѣдню. Онъ не импонировалъ ни престижемъ своихъ знаній, ни своими нравственными добродѣтелями, и невѣріе стало свирѣпствовать въ Россіи. Въ жизни Александра I можно различать періодъ времени, когда онъ

Вліяніє протестантизму на руководящіє слої общества и создало раздѣленіє ихъ отъ народа въ Императорской Россіи; ибо протестантизмъ несесть другую культуру; Тондини указываєть это различіє:

„Il protestantismo é una religione che in moltissimi questioni riguardanti la morale non riconosce altro giudice che la ragione privata; laddove rispetto alle stesse questioni **la Chiesa ortodossa possiede un'autorità che le risolve nel senso meno favorevole all'inclinazioni della natura.** Il protestantismo é una religione che non impone nessuna pratica speciale di culto, **la Chiesa ortodossa non ne lascia del tutto la scelta ai fedeli;** il protestantismo rigetta le opere espiatrici; **la chiesa ortodossa impone astinenze e digiuni molto** prolungati; il protestantismo ci manda a Dio le confessione delle nostre colpe, **la Chiesa ortodossa vuole che sieno dichiarate ad un uomo per ottenere per questo atto umiliante e penoso il perdón del Signore.** Se il protestantismo ci presenta Gesù Cristo come modello, limita ciò che dobbiamo o possiamo imitare in Esso, ma **la Chiesa ortodossa non fissa alcun limite all'imitazione del nostro divino modello:** la verginità, la povertà, e l'obbedienza volontaria sono per il protestantismo quello che era la croce per Gentili, una follia; **ma la Chiesa ortodossa li ritiene per consigli dati da Gesù Cristo stesso a coloro, che stimano felici di rassomigliarlo**"¹

Передъ лицомъ невѣрія требуется, чтобы Церковь требовала отъ священниковъ нѣчто большее, чѣмъ общая слава человѣка честнаго, послушнаго подданаго своему Государю, вѣрнаго своей женѣ и уважаемаго своими сыновьями". Тондини говоритъ, что это Русская Церковь утратила. Событія русской революціи, сопровождавшіяся добровольнымъ мученичествомъ и исповѣдничествомъ іерархіи и священниковъ и вѣрующихъ его въ томъ опровергали. Невольно

не мало склонялся къ протестантизму; изъ исторіи мы знаемъ, какое вліяніє имѣла на него дама протестантка баронесса Крюденеръ. Не ошибемся, что тѣ которые въ царствованіе Александра I такъ старались учредить въ Россіи библейское общество, не думали этимъ благопріятствовать Православію. Императоръ Александръ I былъ православнымъ христіаниномъ не въ смыслѣ Православной Церкви, а въ строгомъ соотвѣтствіи своей вѣры съ основной догмой всѣхъ христіанскихъ Церквей, т. е. искупленію рода человѣческаго искупительной смертью Іисуса Христа черезъ вѣру.

¹ „Протестантизмъ — религія, которая въ весьма многихъ вопросахъ, касающихся морали, не признаєть другого судьи, кромѣ индивидуальнаго разума; въ отношеніи къ другимъ вопросамъ Православная Церковь имѣєть авторитетъ, который ихъ разрѣшаетъ въ смыслѣ менѣе благопріятномъ наклонностямъ природы. Протестантизмъ — религія, которая не налагаетъ никакой спеціальной практики культа; Православная Церковь вовсе не оставляетъ ихъ выбору вѣрующихъ; протестантизмъ отбрасываетъ искупительныя дѣла; Православная Церковь накладываетъ воздержаніе и весьма продолжительные посты; протестантизмъ оставляетъ признаніе нашихъ грѣховъ Богу, Православная Церковь требуетъ ихъ исповѣди передъ человѣкомъ, чтобы этимъ смиреннымъ и труднымъ актомъ добиться прощенія отъ Господа. Если протестантизмъ представляетъ намъ, какъ образецъ, Іисуса Христа, ограничиваетъ то, въ чемъ мы должны или можемъ подражать Ему, то Православная Церковь не ставитъ никакой границы въ подражаніи нашему Божественному образцу; дѣвство, бѣдность и добровольное послушаніе — то, что было крестъ, для язычниковъ — безуміе; но Православная Церковь ихъ признаєть какъ совѣты Самаго Іисуса Христа тѣмъ, которые считаютъ себя счастливыми подражать Ему".

вспоминаются слова о. Сергія Булгакова „Другъ жениха" (стр. 166), по поводу убіенія Предтечи. „Этимъ преступленіемъ обличается все безуміе зла, ибо именно въ немъ совершается величайшая побѣда добра. Развѣ есть большее для него торжество, нежели непреклонность даже до смерти? Развѣ умолкли уста усѣкновеннаго Предтечи? Развѣ безмолвствуетъ языкъ, который согласно преданію, въ своей сатанинской злобѣ пронзила иглой Иродіада? Развѣ можетъ быть болѣе побѣдное торжество истины, нежели пріятіе за нее страданія и смерти?" То же относится къ Соловецкимъ мученикамъ. Однако Тондини правильно отмѣтилъ совершенную неумѣстность протестантскихъ идей для реформъ Православной Церкви; она возможна была только потому, что Царь почиталъ себя въ правѣ производить реформы въ Церкви по своему усмотрѣнію, т. е. почиталъ себя не связаннымъ ученіемъ и канонами Церкви благодаря тому же протестантскому вліянію. Мы привели длинныя цитаты изъ Тондини, поскольку онъ рисуеъ разрушительное дѣйствіе въ Русской Церкви Петровской церковной реформы и при этомъ иллюстрируетъ важность и значеніе основной идеи Никона, которую мы выразимъ такъ: Царь не можетъ имѣть авторитета въ дѣлахъ Церкви, не имѣя на то соотвѣтствующей благодати, Царь православный долженъ быть не только по имени и по личной жизни православнымъ, а и въ дѣлахъ, гдѣ онъ законодательствуетъ, управляетъ и судить, онъ долженъ знать свою мѣру; если мы признаемъ, что съ коронаціей Ѳеодора Алексѣевича Царь въ Русской Церкви является священнымъ чиномъ, то не чиномъ епископскимъ, а соотвѣтствующимъ дьяконскому чину, какъ въ Византіи, и потому власти на законодательство, управление и судъ въ Церкви (*in foro interno*) не имѣющимъ. Если бы Никоновская идея православнаго Царя была осуществлена при немъ же, то Петровской церковной реформы быть не могло бы, и въ Россіи не было бы культурнаго разъединенія въ различныхъ слояхъ общества; ибо основной стержень — ея религія — не пересталъ бы быть вдохновляющей жизнь силой, нисколько не мѣшая благодѣтельнымъ реформамъ и успѣшнымъ войнамъ Петра. Быть можетъ, при надлежащемъ сохраненіи православной культуры въ руководящихъ слояхъ общества, и надлежащемъ отношеніи къ Церкви, съ образованіемъ народа и Царь и губернаторъ остались бы на своемъ посту, а не были бы удалены, какъ предсказывала Екатерина II Московскому губернатору. Не обходитъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „*La Chiesa Russa*" Никона и **Palmieri**.

Palmieri.

Онъ считаетъ, что „съ Никономъ, непоколебимымъ въ своихъ требованіяхъ, прекращается моральная свобода русской іерархіи. Петръ I уничтожаетъ патріархатъ, ибо Патріархъ есть второй Государь, и священство — второе царство. По русскому канонисту Павлову, великій реформаторъ вводитъ въ Православную Церковь принципъ територіализма, выдвинутый протестантскимъ каноническимъ правомъ: *Cuius regio — eius religio*. Въ своемъ законодательствѣ онъ ставитъ свѣтскую власть во главѣ Церкви: дѣла чисто церковныя во власти Царя (Павловъ); онъ запрещаетъ духовенству хоронить въ дубовыхъ гробахъ, и духовенство смиренно исполняетъ его приказы. Другой указъ превращаетъ монастыри въ *scuderia delle trupe*, третій запрещаетъ монастырямъ отшельническую жизнь и заставляетъ принимать отставныхъ солдатъ, и іерархія молчитъ. Но эти указы не ограничились только второстепенными предметами, но нарушали иногда священные предписанія Церкви и даже ея догматическія рѣшенія.

„Una delle prescrizioni più vergognose concerne la violazione del sigillo sacramentale. L'ukaze del 17 maggio 1722 impone ai confessori di rivelare alia cancelleria segreta le congiure contro la famiglia imperiale, i cattivi pensieri che ledono Tonore della medesima, anche le parole pronunziate contro di essa. Il sinodo spiego in una sua disposizione che un simile atto non contradice alle massime del Vangelo. Ed il clero obbedi servilmente esercitando con zelo il mestiero abjecto di delatore e di profanare della santità del sacramenti"¹

Это — результаты той системы, которую выдвигали патріаршіе свитки 1664 г. о высшей безграничной власти Царя, причемъ всѣ неподчиняющіеся ему (хотя бы духовные въ духовныхъ дѣлахъ) враги его власти. „E infatti gli eredi del servilismo bizantino non ismentirono le loro teorie, giungendo sinanco a strappare all' intrepido Nicone le insegne, della sua dignità"². И самъ Пальміери видимо восторгается, что низложенный **Патріархъ бросилъ имъ въ лицо упрекъ въ уничтоженіи священства ради денегъ**. Пальміери говоритъ, что борьба Никона съ Царемъ ради правъ іерархіи кончилась поражениемъ, ибо русскій епископатъ привыкъ склоняться подъ

¹ „Одно изъ наиболѣе постыдныхъ предписаній касается нарушенія исповѣднической тайны. Указъ 17. V. 1722 г. обязываетъ исповѣдника открывать въ Тайной Канцеляріи заговоры противъ Императорской семьи, дурныя мысли, оскорбляющія ея честь, и слова, высказанныя противъ нее. Синодъ объяснилъ въ одномъ изъ своихъ актовъ, что подобное дѣйствіе не противорѣчитъ правиламъ Евангелія. И клиръ рабски повиновался, осуществляя съ усердіемъ отвратительное ремесло доносчика и профанаціи святости таинства”.

² „Дѣйствительно, наслѣдники Византійскаго сервилизма подтвердили свои теоріи, идя до срыванія съ неустрашимого Никона знаковъ его достоинства”.

железной палкой гражданской власти. Энергичный Патриархъ, говорить Пальміери, воспроизводитъ въ своихъ сочиненіяхъ теорію, развитую въ средніе вѣка Папами, говорившими во имя Бога и христіанскаго общества". Съ послѣднимъ мы никакъ не можемъ согласиться, ибо, хотя Никонъ и цитируетъ теорію двухъ мечей, но въ нее вкладываетъ другой смыслъ. Метафорическое сравненіе не доказательство особенно, когда опредѣленно указанъ смыслъ Никоновской теоріи въ зависимости отъ котораго и образное сравненіе получаетъ иной смыслъ. Булла „Unam sanctam" 1302, которая дала законодательное выраженіе теоріи двухъ мечей, говорила не о двухъ разныхъ мечахъ, о духовномъ и свѣтскомъ, которые принадлежали бы самостоятельно представителямъ власти духовной и свѣтской, независимо одной отъ другой, какъ говорилъ Никонъ, а прибавляла нѣчто иное. Папа де осуществляетъ только власть духовнаго меча, т. е. слова, но и матеріальный мечъ принадлежитъ также Папѣ, лишь извлекается не самимъ Папой, а рукой королей. Матеріальный мечъ и владѣющая имъ свѣтская власть должны были подчиняться духовному мечу и духовной власти: подчиненіе всѣхъ римскому первосвященнику есть догматъ, необходимый для спасенія души. Мало того, духовная власть устанавливаетъ земную власть и въ случаѣ уклоненія ея отъ истиннаго пути, можетъ ее судить. Булла Unam sanctam такъ и говорила: „**Uterque ergo est in potestate ecclesiae spiritualis scilicet gladius et materialis. Sed is quidem pro ecclesia, ille vero ab ecclesia exercendus. Ille sacerdotis, is manu regum et militum sed ad nutum et patientiam sacerdotis; oportet autem gladium esse subgladio et temporalem auctoritatem spirituali subici potestati. Spiritualis potestas terrenam potestatem instituere habet et judicare.** Ergo si deviat terrena potestas judicabitur a potestate spirituali. Porro subest romano pontifici omni humanae creturae declaramus, dicimus, diffinimus et pronuntiamus omnino esse de necessitate salutis"¹. Но у Никона духовная власть, какъ онъ опредѣленно говорить, не устанавливаетъ земную власть, а только освящаетъ. Земная власть имѣетъ у него самостоятельный источникъ происхожденія; духовная власть у Никона не судить земную власть въ смыслѣ произнесенія юридическаго приговора, который и былъ

¹ „Оба меча во владеніи Церкви, то есть духовный и матеріальный. Но одинъ осуществляется за Церковь, а другой самой Церковью. Одинъ рукой священства, другой рукою Царей и воиновъ, но для надобности священства. Но необходимо, чтобы одинъ меч повиновался другому и свѣтская власть духовной. Духовная власть должна устанавливать и судить власть земную. Поэтому, если земная власть провинится, то ее можетъ судить духовная власть. Итакъ утверждаемъ, объявляемъ что для необходимости спасенію необходимо подчиненіе всякаго человѣческаго созданія Римскому Первосвященнику".

бы исполненъ въ случаѣ уклоненія отъ земного приговора, какъ въ папской системѣ, вооруженной рукой, а ограничивается тѣмъ, что сдѣлалъ священникъ Азарія съ царемъ Осіей, т. е. протестомъ словеснымъ, оставляя остальное Богу. Духовная власть можетъ уклониться у Никона отъ соучастія въ грѣхѣ, и ради этого Никонъ самъ удалился съ патріаршаго престола, чтобы усугубить свой протестъ и воздѣйствовать на свѣтскую власть этимъ величественнымъ напоминаніемъ, но о правѣ низлагать Царя Никонъ никогда не заикался и всегда за Царя молился, несмотря ни на какія преслѣдованія. Никонъ говорилъ только о направленіи дѣятельности Царя Алексѣя Михайловича, чтобы онъ былъ Царемъ православнымъ и стяжалъ благополучіе самому царству, но онъ не ставилъ и вопроса о томъ, что царская власть исходитъ отъ духовной власти, и въ коронованіи и таинствѣ мѣропомазанія не усматривалъ делегаціи власти отъ представителя духовной власти. Никонъ ставилъ предъ царской властью обязательства предъ Церковью, но никогда не говорилъ, что въ случаѣ неисполненія ихъ ею Царь можетъ быть низложенъ; нѣтъ, онъ будетъ наказанъ Богомъ, и царству его уготовляется этимъ гибель, хотя бы и не сразу, а черезъ нѣсколько поколѣній. Никонъ выступалъ, какъ ветхозавѣтный пророкъ съ однимъ духовнымъ оружіемъ слова, а не какъ средневѣковый Папа, объявляющій низложеніе одному королю и поручающій другому привести его постановленіе въ исполненіе. Свѣтская власть съ средневѣковой системой можетъ быть по усмотрѣнію Папы передана другому лицу. Все это — слѣдствія того положенія, что средневѣковый Папа имѣетъ верховную власть не только въ духовныхъ дѣлахъ, но и въ свѣтскихъ, и всѣ короли имѣютъ отъ него свои территоріи на ленномъ правѣ. Сколько бы Никонъ ни получалъ имущества для Церкви или для своихъ монастырей, онъ получалъ ихъ отъ Царя или съ разрѣшенія Царя, и ихъ неотчуждаемость отъ Церкви выводилъ не изъ верховныхъ правъ Церкви, которыя бы стояли выше правъ государства въ сферѣ юридическихъ вещныхъ отношеній, а изъ зачатія, съ которымъ связывали всѣ прежніе Цари пожалованіе имущества Церкви. Слѣдовательно, онъ ссыался не на первоначальное право Церкви, а на самоограниченіе государства, вытекающее изъ религіозной настроенности представителей его власти. Царь православный никогда съ себя такого самоограниченія снять не можетъ, ибо Церковь — его мать, которой онъ духовно всѣмъ обязанъ; напротивъ въ

ієрократической системѣ среднихъ вѣковъ все, что король имѣеть, имѣеть на ленномъ правѣ отъ Папы.

Грамота Восточныхъ Патріарховъ 5 мая 1682 г.

Отзывъ иностранныхъ **православныхъ іерарховъ**, имѣющихъ право судить и высшихъ духовныхъ лицъ судомъ компетентнымъ, дается о Никонѣ въ грамотѣ Константинопольскаго Патріарха Якова отъ 5 мая 1682 года:„не токмо оставляемыхъ познахомъ покающимся ко всемилостивому Господу воелику согрѣшивъ, но и къ прежнему достоинству приводимыхъ. Понеже убо и въ прошлыхъ годѣхъ бывшій Патріархъ Московскій и всея Русіи киръ Никонъ... столпъ благочестія не колебаемый знаемъ бысть, **и Божественныхъ и священныхъ канонъ оберегатель искуснѣйшій, отеческихъ догматъ повелѣній же и преданій неизрѣченный ревнитель, но заступникъ достойнѣйшій:** но яко человекъ человѣчески болѣзньствуя отъ малолушія нѣкоего гнѣвомъ и уныніемъ побѣждаемъ бысть, которыхъ ради винъ.... умноживше ссоры... и обличень и повинень осужденъ по закону церковному наказанію и оставленію патріаршескаго достоинства, яже благосовѣтнѣе принявъ многими и тѣмочисленными печальми и нуждами себѣ усмири и... яко злато въ горнилѣ искушень бысть... сего ради нынѣ явилось благословно и безпричинно быти милости сподобитися въ терпѣніи великодушному оному страдателю и къ патріаршескому воззывать поминовенію, не разрушая ради Собора того, отъ котораго онъ низвержень бысть никако; Соборъ бо той неразрушаемъ, быти же паче нерушимо и крѣпко хранимое хотимъ; но по подражанію дающаго Божественную милость, ею же Церковь богатствуешь, яко не безпрощательная прегрѣшивше, многократными же добродѣтельными кончины мало порока прегрѣшенія своего очистивъ, праведно и достойно благопріятнаго мужа онаго отъ изверженія возмѣняемъ, но извыше отъ Святыхъ Отцовъ содержимому извычаю и по правильной церковнаго милосердія".

Изображая Никоновское построение церковно-государственныхъ отношеній, мы видимъ, что Никоновская теорія не была оторвана отъ дѣйствительности и восходитъ, какъ къ своему источнику, къ святоотеческому преданію, и здѣсь особенно иллюстрируется правильность мысли, выраженной по другому случаю Ю. Самаринымъ: „общественные идеалы не выдумываются и не навязываются; они слагаются сами собой, вырабатываясь постепенно

жизнью народа и передаются отъ одного поколѣнія къ другому безчисленными нитями живого преданія".

Митрополитъ Антоній (Храповицкій).

Такую же высокую оцѣнку въ русской литературѣ, какую встрѣчаетъ Никонъ у иностранныхъ корифеевъ науки, Стэнли, Пальмера, Theiner и Tondini, Никонъ встрѣчаетъ у Митрополита Антонія. Въ своемъ IV томѣ полнаго собранія сочиненій маститый авторъ, подобно имъ, называетъ Никона величайшимъ человѣкомъ Русской Истории и подробнѣе, чѣмъ кто либо изъ историковъ до него, останавливается на личности Никона. „Геній, говоритъ онъ, познается тѣмъ, что его личная жизнь сливается съ жизнью народа. Три его личныхъ предпріятія, Иверскій, Воскресенскій и Крестный монастыри стали общенародными русскими величайшими святынями. Главная его задача — ослабленіе русскаго церковнаго провинціализма. Въ Церкви Христовой не должно быть національной обособленности; національныя различія, преданія должны подчиняться единому общецерковному преданію. Этой вселенскости онъ давалъ явное предпочтеніе передъ націонализмомъ и потому не стѣснялся вводить греческое пѣніе и по изученіи греческаго языка служить литургію по-гречески. Никонъ, учась у грековъ, отбрасывая національное самолюбіе, процвѣтавшее у раскольниковъ, показывалъ свое смиреніе". Никакого властолюбія и честолюбія Митрополитъ Антоній не находитъ у Никона и подчеркиваетъ, что онъ не разрѣшилъ величать себя великимъ Государемъ въ Церкви, и не стремился къ церковному подчиненію Малороссіи, что легко могъ бы сдѣлать при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Никонъ никогда не мечталъ о подчиненіи свѣтской власти духовной. Нелѣпое обвиненіе его въ униженіи царской власти — боярская клевета. Митрополитъ Антоній особо останавливается на Никоновской неустрашимости, безхитростности, прямолинейности, на его ревности къ славѣ Божіей, просвѣщеніи ума. Еще Новоспасскимъ архимандритомъ онъ вошелъ въ кружокъ ревнителей просвѣщенія, мечтавшаго о широкихъ планахъ — сдѣлать всѣхъ инородцевъ въ Россіи православными, освободить грековъ отъ турецкаго ига, устроить Церковь на строго каноническихъ началахъ, чтобы она прежде всего руководилась правилами Св. Апостоловъ, Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ и Св. Отецъ, а государство — Кормчей. Никонъ всегда старался ревновать своему любимому святому — Святителю Московскому Филиппу — мужест-

венному поборнику правды, запечатлѣвшему вѣрность ей своей жизнью и сподобившемся мученическаго вѣнца. Самъ Никонъ испилъ чашу страданій до дна отъ своихъ враговъ за свою прямолинейность и безкомпромисность. Митрополитъ Антоній обратилъ вниманіе на то, что причина ухода Никона съ престола психологически осталась необъясненной и послѣ сочиненій Каптерева. Писатели исходили изъ приписыванія Никону личнаго эгоизма, тогда какъ у него была только ревность о славѣ Божіей. Логикѣ отреченія Никона Митрополитъ Антоній видитъ въ пренебреженіи со стороны Царя дружбой Никона. „Наша жизнь даетъ примѣры такой пламенной дружбы только въ самой ранней юности, но когда она возникаетъ и связывается въ умахъ идеалистовъ со всѣми планами жизни, со всей цѣнностью послѣдней, и, если дружба разрушается, то всѣ планы ея признаются разбитыми. Гонять такую логику могутъ только идеалисты, которыми однако, по справедливому наблюденію Достоевскаго, и подвигается жизнь къ лучшему и совершается общественное возрожденіе. Дружба Царя и Патріарха возстановила благообразіе общественной молитвы, исправила Св. Книги, присоединила Малороссію, привлекала въ Москву Патріарховъ и ученыхъ, побѣждала поляковъ и шведовъ, и политически возродила Московію на степень величія III Рима въ Царствѣ Божіемъ”.

Нисколько не оспаривая значенія этой дружбы для успѣха церковныхъ и государственныхъ дѣлъ и той катастрофы нравственной, которую переживалъ Никонъ отъ охлажденія къ нему его друга-Царя подъ вліяніемъ дурныхъ людей, мы укажемъ только, что центръ тяжести исторической проблемы, связанной и съ дѣломъ Никона, не въ этихъ личныхъ отношеніяхъ, а въ разрѣшеніи того, какое положеніе должна занимать Церковь и какъ государство должно относиться къ просвѣтительной миссіи Церкви въ государствѣ, — есть-ли Церковь помѣстная — союзъ самостоятельный, въ духовномъ смыслѣ высшій, чѣмъ государство, параллельный государству въ извѣстномъ смыслѣ, или только государственное учрежденіе для извѣстнаго нужнаго самому государству порядка дѣлъ.

Самое разьединеніе Царя и Патріарха было не продуктомъ ихъ какого либо недоразумѣнія, а результатомъ того, что Царь отказался по существу идти по пути, указываемому теоріей симфоніи, лежавшей въ основѣ Московскаго государственнаго строя, какъ того хотѣлъ Никонъ 22 іюля 1652 г. и какъ Царь ему обѣщалъ, а пошелъ по пути, указанному Уложеніемъ, боярами и Лигаридомъ, т. е. по пу-

ти цезарепапизма. Однимъ словомъ главное дѣло въ идейномъ ихъ разногласіи, при которомъ указанная психологическія причины имѣють значеніе второстепенное въ оцѣнкѣ событій, но конечно чрезвычайно важны для пониманія психологіи самихъ участниковъ. На лицо была борьба двухъ традицій: воскресшей языческой и традиціи оцерковленія государства въ святоотеческомъ пониманіи.

Митрополитъ Антоній называетъ совершенно правильно судъ надъ Никономъ нечестивымъ и призываетъ благословеніе Божіе на имена трехъ архіереевъ, отказавшихся подписать приговоръ надъ Никономъ (Лазарь Бараноничъ, архіепископъ Черниговскій, Симонъ архіепископъ Вологодскій и Михаилъ епископъ Коломенскій) и напоминаетъ слова Никона о таинственности его низверженія „зачѣмъ въ отсутствіи Царя и въ малой Церкви, а не въ томъ Соборѣ, гдѣ нѣкогда умолялъ его вступить на патріаршій престолъ, нынѣ несправедно и въ тайнѣ его низлагають?... Вы неправедный судъ произвели тайно; вы осудили меня въ частной монастырской Церкви, въ присутствіи однихъ клеветниковъ моихъ". Такой участи подвергся тотъ, кого авторъ называетъ величайшимъ святителемъ не только помѣстной русской но и всей Вселенской Церкви. „Среди великихъ вселенскихъ святителей Божіихъ имя Святителя Никона блеситъ, какъ яркая звѣзда первой величины на нашемъ духовномъ небосклонѣ". Судя по новымъ документамъ напечатаннымъ въ Русскомъ Архивѣ за 1893 г., выясняется, что главныхъ жизненнымъ правиломъ Никона въ отношеніи къ людямъ была любовь. То онъ заботится о крещенномъ греченкѣ, то о крещенномъ калмыченкѣ, то удовлетворяетъ просьбу мужиковъ о пшеницѣ, въ которой отказалъ монастырь, а Никонъ дѣлаетъ помѣтку „и надо бы отказать, да боюсь, чтобы на насъ Богъ не прогнѣвался". У Никона, пишетъ Митрополитъ Антоній, была нѣжная мягкая, любящая душа"; это не былъ грубый черствый и жестокій Никонъ Каптерева, только карающій и заботящійся о своей власти и чести. Его душа горѣла о славѣ Божіей, и Митрополитъ Антоній пишетъ: „этотъ великій человѣкъ понималъ, что нѣтъ ничего на землѣ святѣе храма Божіяго, а потому усердно строилъ благолѣпные храмы, Онъ понималъ, что храмъ — это есть какъ бы книга, живое существо, воплощеніе религіознаго восторга. И вотъ размышляя смиренно объ этомъ величайшемъ человѣкѣ, думаешь, какихъ даровъ ему не хватало... Аскетъ и демагогъ, правитель и отшельникъ, художникъ и хозяинъ, демократъ и другъ двора, патріотъ своего народа и вселенскій святитель, поборникъ

просвѣщенія и строгій хранитель церковной дисциплины, нѣжная душа и грозный обличитель неправды"... И его смиреніе запечатлѣно надписью подь образомъ Спасителя въ Воскресенскомъ монастырѣ, передь которымъ склоняются Св. Филиппъ съ одной стороны, и Никонъ съ другой. Надъ головой Никона слова кондака Великой Среды: „Паче блудницы, блаже, беззаконновахъ, слезъ теченія никакоже Тебѣ принесохъ: но молчаніемъ моляся, припадаю Ти любовію облобызая пречистыя Твои нозѣ, яко да оставленіе мнѣ, яко Владыка, подашь грѣховъ, зовуща: Спасе, отъ скверныхъ дѣлъ избави мя, смиреннаго Никона раба Своего".

Если Пальмеръ, исходя отъ дѣлъ, совершенныхъ Никономъ для Церкви и государства, говоритъ, что Русская Церковь должна сопчислить его съ именами Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа, то Митрополитъ Антоній приходитъ къ тому же, исходя уже изъ свидѣтельствъ Божіихъ о Никонѣ черезъ чудеса, за которыя чтить его русскій народъ. „По глубокому убѣжденію благочестивыхъ русскихъ людей, пишетъ онъ, настанетъ время, когда этотъ великій угодникъ Божій будетъ прославленъ на землѣ и причисленъ къ торжествующей Церкви на небесахъ. Святой Патріархъ еще при жизни своей творилъ исцѣленія, обладалъ прозрѣніемъ и другими высокими дарованіями и послѣ смерти своей подаетъ исцѣленіе и даруетъ благодатную помощь всѣмъ, съ любовью и вѣрой къ нему притекающимъ... Эту вѣру особенно имѣютъ новоіерусалимскіе монахи, которые вѣрують въ нетлѣніе его мощей и ежедневно творять по немъ панихиду, на которой полагается особенный отпустъ: „Христось Истинный Богъ нашъ... душу отъ насъ представшагося раба Твоего св. Патріарха Никона въ селеніяхъ праведныхъ учинить, въ нѣдрахъ Авраама упокоить, съ праведными сопричтетъ и насъ его **святыми молитвами** помилуетъ, яко благъ и человеколюбецъ". Въ книгѣ, хранящейся при его гробѣ, записано много исцѣленій и видѣній послѣ его кончины и до послѣдняго времени. Придетъ время, когда св. Патріархъ будетъ изображенъ не со смиреннымъ моленіемъ кающагося грѣшника, а съ тропаремъ, прославляющимъ его высокія добродѣтели и подвиги, подъятые во славу Божію". Характерно, прибавимъ мы, и то реальное участіе, которое связывается съ именемъ Никона въ жизни одного изъ важнѣйшихъ учрежденій Русской Церкви и государства. Съ паденіемъ Никона пало и учрежденіе, въ которое онъ вдунулъ душу и слилъ съ собой; когда въ 1917 г. возстановлено было патріаршество, то этому предшествовало на Соборѣ возстановленіе и прославленіе

имени Никона въ лекціяхъ Митрополита Антонія до степени заслуженнаго имъ культа. Не случайно и то, что больше всего содѣйствовавшій въ 1917 году въ Россіи возстановленію памяти Патріарха Никона, Митрополитъ Антоній болѣе всего содѣйствовалъ и возстановленію каноническаго строя Русской Церкви черезъ возсозданіе въ ней должности первосвященника — Патріарха. Еще въ 1906 году въ Предсоборномъ Присутствіи онъ указывалъ, что „насилъственная противоканоническая реформа Петра обезличила и затмила религіозное сознаніе русскаго народа, оторвала духовенство отъ народа, превративъ духовенство въ касту. Реформа эта, приведя Русскую Церковь подъ господство государственнаго чиновника, лишила Церковь приличествующаго ей одушевленія и дерзновенія и положила начало отступленію отъ благочестія во исполненіе Божьяго глагола: поражу пастыря и разыдутся овцы стада". Для христіанизаціи быта нужно обновленіе церковнаго строя на каноническихъ началахъ, ибо каноны есть выраженіе Божественной воли, а они требуютъ, чтобы епископатъ Помѣстной Церкви возглавлялся отвѣтственнымъ передъ нимъ іерархомъ — первосвященникомъ, имѣющимъ право воздѣйствія на всю Помѣстную Церковь. „Воплощающая въ своемъ сердцѣ полноту Помѣстной Церкви, говоритъ Митрополитъ Антоній, облагодатствованная личность почти непріязненно отрѣшается отъ земнаго самолюбія и, нося въ своемъ сердце Христово достояніе, отражаетъ на лицѣ своемъ Божественную славу, какъ Моисей Боговидецъ, сошедшій съ Синая послѣ бесѣды съ Всемогущимъ. И этой красоты Церкви мы были лишены въ продолженіи 200 лѣтъ сперва черезъ насиліе, а потомъ по недоразумѣнію. Коллегія не можетъ замѣнить Божьяго пастыря и безъ главы не бываетъ Церковь въ очахъ Божіихъ, но Церковь наша пребывала въ двухъвѣковомъ плѣненіи; ея глава былъ связанъ въ своихъ высшихъ полномочіяхъ, былъ вовсе лишенъ права ихъ проявлять, такъ что и узнать его трудно было бы христіанамъ; Церковь Помѣстная казалась обезглавленной, а потому она не имѣла приличествующаго ей одушевленія; а лучшія ея силы удалялись въ лѣса и пустыни, свѣтильники скрывались подъ спудомъ и люди, лишенные свѣта въ храминѣ, отыскивая свѣтъ, бѣжали ночью изъ ограды Церкви". „Съ кончиной послѣдняго Патріарха (Адріана) нашъ бытъ развилъ себялюбивыя и чувствєнныя начала быта языческаго, выработалъ типъ русскаго нигилиста, изъ размноженія коего возникъ теперешній, ужасающій всю вселенную безобразный мятежъ противъ

родины и противъ христіанской вѣры" (слова въ засѣданіи Пред. Соб. Присут. 1906 г.). Въ возстановленіи главы Помѣстной Церкви Митрополитъ Антоній рассчитываетъ видѣть начало возвращенія общественной жизни къ истиннымъ христіанскимъ началамъ, подобно тому, какъ лишеніе ея главы положило начало отступленію отъ благочестія. „Да будетъ, говоритъ онъ, это возвращеніе еще болѣе славнымъ, чѣмъ въ древней Руси. Пусть возродится прежняя ревность о спасеніи, прежнее евангельское смиренномудріе и воздержаніе, искренность и всепрощеніе, но обогащенная болѣе зрѣлымъ разумомъ, науками и общественнымъ развитіемъ. И да возсіяетъ снова надъ землею нашей церковная Божественная слава и исполнится наша ежедневная молитва". И въ своихъ сочиненіяхъ о возстановленіи патріаршества, онъ напоминалъ, что патріаршество не есть ограниченіе самодержавія, а самая надежная его опора, такъ что нѣтъ нужды дѣлать выборъ между этими двумя священными симпатіями русскаго народа. Вѣдь и тому и другому учрежденію сопутствуетъ одно и то же направленіе мысли.

Духъ Регламента. Смысль клеветы о замахѣхъ Никона на царскую власть.

Когда Петръ, добавимъ, писалъ въ Регламентъ о замахѣхъ, разумѣя Никона, на царскую власть, онъ грубо клеветалъ, повторяя боярскую выдумку, и на самомъ дѣлѣ пользовался ею для дискредитированія учрежденія, которое въ русской жизни олицетворяло чуждую и противную его православному міровоззрѣнію, православную идею оцерковленія жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Отъ этого оцерковленія Петръ хотѣлъ прежде всего освободить царскую власть и вернуть ее къ идеѣ Царя — понтифексъ максимумъ; но этимъ самымъ онъ вырывалъ изъ подъ нея ея главную опору и смыслъ, ибо смыслъ царской власти въ русскомъ пониманіи неотдѣлимъ отъ Церкви; самъ Царь есть воплощеніе народнаго православнаго самосознанія, и безъ такового это учрежденіе не можетъ существовать. Колю скоро идея Царя — какъ перваго ктитора православія и основы жизни, (какъ говоритъ грамота Вселенскихъ Патріарховъ объ учрежденіи царской власти) исчезнетъ, учрежденіе это лишается своего непреходящаго значенія, и оно бросается въ тотъ водоворотъ идей, въ которомъ погибла въ дѣйствительности царская власть въ Россіи въ результатъ искаженія этого учрежденія и расцерковленія его въ своей идеѣ, положеннаго Петромъ I.

Наше заключеніе объ идеяхъ Патріарха Никона.

Въ дополненіе къ ранѣе нами сказанному, скажемъ теперь свое заключеніе о Никоновской идеѣ царской власти. Онъ далъ теорію Царя православнаго, подчиняющагося и въ своей личной жизни и въ общественной дѣятельности православному ученію и правиламъ Церкви. Въ этомъ залогъ благоденствія и прочности царства. Въ соотвѣтствіи съ теоріей симфоніи, для государственной дѣятельности есть высшій смыслъ и критерій — въ духовомъ отношеніи къ жизни, не забывающій ея конечное назначеніе за гробомъ. Подобно тому, какъ въ наше время въ 1906 г. Митрополитъ Антоній предостерегалъ отъ распадѣнія государства въ результатъ нецерковнаго и противокерковнаго теченія интеллигентской мысли, такъ въ 60-хъ годахъ XVII вѣка Патріархъ Никонъ предостерегалъ государство отъ разрушенія въ виду едва тогда начинавшагося того же процесса въ видѣ умаленія общественнаго значенія Церкви, пренебреженія ея канонѣвъ, пренебреженія архипастырскихъ словъ, предостерегающихъ отъ нарушенія клятвы, данной Царемъ Патріарху. Архіереи, не поддержавшіе Патріарха въ исполненіи его священныхъ обязанностей, изъ челоѣкоугодничества передъ дворомъ Царя, обезсилили іерархію на будущее время передъ лицомъ царской власти, подпадавшей впослѣдствіи разнымъ философскимъ, нецерковнымъ вліяніямъ, и черезъ то подтачивавшей тотъ корень, на которомъ она сама росла и крѣпла вмѣстѣ со своимъ царствомъ.

Никонъ напомнилъ святоотеческую идею различія властей свѣтской и духовной и косвенно побудилъ русскихъ архіереевъ на Соборѣ 1667 г. установить это различіе, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, но это принципиальное утвержденіе не могло дать жизнь идеѣ, когда ея носитель, исповѣдникъ и воплоитель палъ самъ жертвой мелкихъ страстей идейно выродившагося боярства. Никонъ считалъ обязанностью Патріарха стоять за истину и за воплощеніе правды въ жизни и говорилъ, что на это іерархи и поставлены. Онъ ушелъ съ своей каѣдры, когда Царь отступилъ отъ обѣщаннаго пути, и этотъ его уходъ черезъ два столѣтія говоритъ намъ краснорѣчивѣе всѣхъ словъ, что въ этомъ онъ усматривалъ высшую, но и необходимую мѣру воздѣйствія для православнаго архипастыря; гибель нашего отечества въ результатъ господства идей противоположнаго свойства, есть исполненіе его предсказанія. Цѣной своей жизни онъ засвидѣтельствовалъ вѣру въ истину своего міросозерцанія и показалъ, что „плоды его разума, и имя его будетъ живо во вѣки“.

Языкомъ юридическимъ онъ объяснилъ, чего Царь не имѣеть права дѣлать, за недостаткомъ соотвѣтствующихъ благодатныхъ даровъ, даваемыхъ только іерархіи черезъ хиротонію; этихъ правъ не даетъ хиротесія, — каковую получаетъ Царь; она указываетъ, къ чему онъ призванъ въ отношеніи къ Церкви — быть ея защитникомъ, кти-торомъ. Давая ей пожертвованія и реально свидѣтельствуя любовь къ ней черезъ то положеніе, которое онъ даетъ въ своемъ царствѣ, Царь дѣлаетъ ея молитвы за него доходными до Бога и черезъ то получаетъ отъ Него благоденствіе для царства, во много кратъ превышающее его пожертвованія. Давая судебныя привилегіи духовенству, онъ предохраняетъ его отъ засилія своенравныхъ невѣжественныхъ воеводъ и властей и даетъ возможность развивать ему свое нравственное воздѣйствіе на народъ. Давая средства Церкви, онъ даетъ возможность ей выполнить ея долгъ благотворенія, помощи больнымъ, страждущимъ и престарѣлымъ, даетъ ей возможность содѣйствовать просвѣщенію народа.

Но прежде всего нужно, чтобы соблюдались каноны, какъ выраженіе Божественной воли. Въ этомъ отношеніи Никонъ шелъ по пути Византійскихъ ревнителей каноновъ, требовавшихъ обязательности соблюденія не однихъ догматовъ, но и каноновъ, не только ἁκριβεῖα τῶν δογμάτων но и ἁκριβεῖα τῶν κανόνων.

Не входя въ изученіе того, что въ канонахъ есть результатъ непосредственнаго Божественнаго волеизъявленія и что — результатъ историческихъ условій мѣста и времени, Никонъ однако въ сущности не расходится въ опредѣленіи современной намъ науки неотъемлемыхъ церковныхъ полномочій и, когда защищаетъ такіа делегированныя государствомъ права духовенства, какъ права суда въ гражданскихъ дѣлахъ или права собственности, то прибѣгаетъ уже не къ Божественной волѣ, а къ завѣтамъ исторіи и царственныхъ предковъ, указавшихъ на должное отношеніе къ этимъ правамъ. Онъ требовалъ, чтобы государство православное прежде всего воздавало признаніе Церкви и ея правамъ, вытекающимъ изъ ея природы. Онъ раскрылъ съ ясностью, поразительной для его времени, смыслъ теоріи симфоніи и установилъ ее, какъ ученіе, рекомендуемое Церковью для государства, не по имени только называющагося себя православнымъ. Выполненіе перваго долга „единого на потребу" есть первая обязанность Царя православнаго.

Онъ отвергъ формы національнаго русскаго благочестія, какъ высшій критерій истинности, и истину вселенскую предпочелъ при

всей своей горячей любви къ родинѣ. Онъ мыслилъ свою Русскую Церковь, не какъ особую самодовлѣющую силу, указывающую свѣтъ міру, а принималъ ее въ единеніи съ прочими Помѣстными Церквами, какъ часть цѣлаго, но старался возвысить эту часть до того, чтобы она на дѣлѣ, а не по старообрядческому самомнѣнію была свѣточемъ, озаряющимъ и всѣ другія, и Москва, какъ Третій Римъ стала дѣйствительно столицей православія, не только по унаслѣдованному титулу, но и по дѣйствительному вліянію. Одно напоминаніе о своей Церкви, какъ о занимающей пятое мѣсто среди Восточныхъ Патріархатовъ и признаніе на дѣлѣ соборнаго принципа совершенно устраняють возможность приписывать ему стремленіе къ возсозданію восточнаго или русскаго папизма въ смыслѣ единовластія. Его стремленіе къ извѣстной независимости Церкви отъ государства есть возстановленіе святоотеческой забытой традиціи, а общеніе съ другими Православными Церквами и соборныя совѣщанія съ ними создавали бы въ дѣйствительности ту независимость, которая и была утрачена съ полученіемъ Русской помѣстной Церковью своего устройства изъ рукъ государственной власти по указанію тѣхъ идей, которыми въ данное время увлекались представители государственной власти.

Если сейчасъ жизнь создала совдепію, вдохновляемую идеями III Интернаціонала, вдохновляемаго безбожной матеріалистической философіей, то мы можемъ вспомнить, что на ея мѣстѣ нѣкогда была Россія, вдохновляемая православнымъ ученіемъ и идеями III Рима Никона.

Для своего времени Никонъ былъ консерваторъ въ смыслѣ отсутствія стремленій къ измѣненію системы существующихъ органовъ власти, но былъ радикальнымъ преобразователемъ въ смыслѣ измѣненій, по сравненію съ найденнымъ имъ status quo при вступленіи на патріаршество. Но эти измѣненія ему предносились, не какъ придуманная комбинація, а какъ воплощеніе святоотеческой традиціи Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина, Θεодора Студита, которую онъ отстаивалъ всѣми средствами, приличествующими православному архипастырю. Въ теченіе восьми лѣтъ добровольнаго удаленія и 15 лѣтъ своей ссылки Никонъ съ полной непоколебимостью и неустрашимостью свидѣтельствовалъ свою правоту и, оставаясь все тѣмъ же „Никономъ суровымъ, строгимъ, какимъ онъ былъ въ минувшіе годы, въ оны дни величія своего“; и его добровольное мученичество за Св. Церковь было прообразомъ того мученичества,

въ которое ввергнуто непріявшее его при жизни и отвергнувшее его идеи послѣ его смерти его нынѣ страждущее отечество.

Собравшійся въ 1917 г. Московскій Церковный Соборъ подѣ влияніемъ революціи и первыхъ ея руководителей въ лицѣ временнаго правительства былъ настроенъ сначала неблагоклонно къ реставраціи каноническаго строя въ видѣ патріаршества, и лишь въ результатѣ вліянія Митрополита Антонія, читавшаго лекціи о патріаршествѣ и о Никонѣ, съ глазъ членовъ собора снята была пелена, окутывавшая ихъ мысленные взоры, и съ патріаршества и съ Патріарха Никона, лучшаго носителя этого сана. Пишущему эти строки памятни и эти лекціи, и паломничества членовъ собора на мѣсто жизненной борьбы и мѣсто послѣдняго упокоенія Патріарха Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, и ему ниспослано счастье реально осязать, какъ память покойнаго св. Патріарха реально изъ-за гроба содѣйствовала возстановленію того учрежденія, паденіе котораго было нравственнымъ паденіемъ государства и этапомъ къ его матеріальной гибели. Да будетъ возстановленіе патріаршества началомъ возстановленія идеаловъ, съ нимъ связанныхъ, и прославленія св. Патріарха - исповѣдника этихъ идеаловъ. И да послужить прославленіе его имени къ возстановленію незаслуженно его поругавшаго его отечества. Да будетъ онъ вспомнятъ какъ носитель своеобразной русской культуры, призывающей къ расцвѣту всѣхъ человѣческихъ дарованій при неугасимомъ свѣтѣ Церкви; да будетъ онъ вспомнятъ, какъ представитель русскаго крестьянскаго міра, давшего, въ лицѣ своего представителя, одно изъ лучшихъ проявленій народнаго генія, какъ залогъ великихъ будущихъ возможностей для раскаявшагося преступника, стрѣлявшаго въ распятіе (разсказъ о преступникѣ у Достоевскаго въ „Дневникѣ Писателя“); да будетъ онъ вспомнятъ какъ пророкъ Божій, предсказавшій гибель своего отечества, и да будетъ онъ сопричисленъ къ Русскимъ перво-святителямъ Московскимъ Петру, Алексію, Іонѣ, Филиппу и Гермогену, какъ запечатлѣвшій праведностью своей жизни и мученичествомъ непоколебимую вѣрность Православію, которое онъ понималъ, не какъ теорію, а какъ „истину, путь и жизнь“. Да отпадетъ Божья кара отъ отечества нашего, и да не будетъ болѣе мѣста для отмщенія Божія, явившагося за грѣхи наши по заповѣди: „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ“. Да будетъ искуплена дѣлами нашими вина наша передъ праведникомъ Божиимъ, и да помогутъ Его святыя молитвы обрѣсти намъ путь къ спасенію вѣчному и земному на родинѣ своей, памятуя

его назиданія о Церкви Божіей и о надлежащемъ къ ней отношеніи, подобно тому, какъ онѣ помогли возстановить въ нашей Церкви санъ, вознесенный имъ въ мѣру возраста Христова. И да начнетъ свой путь возстановленія Россія не кощунственными пародіями всешутѣйшаго патріарха и всепьянѣйшаго собора, усовершенствованными въ наши дни въ Совѣтской Россіи, а покаяніемъ передъ Святѣйшимъ Никономъ за неправду къ нему и за забвеніе его высокихъ идеаловъ Святой Божіей Церкви, призванной пресуществлять всѣ людскія отношенія и въ семьѣ, и въ обществѣ, и въ государствѣ. Напоминаніе Никона объ особой природѣ Церкви, ея полномочій, ея органовъ особенно важно при реставраціи національной государственной власти. Въ Основныхъ Законахъ 1906 года эти понятія совершенно забыты, какъ то показываетъ рядъ контроверзь въ русской государственной наукѣ, возбужденныхъ относительно природы власти Св. Синода, его положенія въ государственномъ строѣ Имперіи, а также относительно предѣловъ власти Императора въ церковныхъ дѣлахъ. Послѣдній вопросъ для государствовѣдовъ сводился къ вопросу о томъ, принадлежитъ ли правообразующая дѣятельность къ Церкви одному Императору въ порядкѣ верховнаго управленія, или въ единеніи съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. Самый же вопросъ о предѣлахъ власти самого государства въ Церкви какъ бы игнорируется или, въ лучшемъ случаѣ, недостаточно отмѣчается.

Оставляя въ сторонѣ уже выясненный вопросъ о неканоничности учрежденія Синода государственной властью, о которомъ упоминаетъ ст. 65 Основныхъ Законовъ, мы уже указывали, что его власть въ соотвѣтствіи съ его положеніемъ по Основнымъ Законамъ опредѣлялась какъ истечение власти Государя. Вопросъ шель лишь о томъ, считать ли его въ разрядѣ государственныхъ учреждений Верховнаго Управленія, т. е. управленія, въ которомъ Государь дѣйствовалъ непосредственно и нераздѣльно, или подчиненнаго т. е. такого, которому ввѣрена властью Государя извѣстная подчиненная степень власти, т. е. гдѣ Государь дѣйствовалъ посредственно и раздѣльно. Характерно, что спорящія стороны о собственно церковной сторонѣ совсѣмъ забываютъ. Одинъ изъ нихъ **Темниковскій** прямо говоритъ: „непроизводной по происхожденію и самостоятельной по осуществленію чисто церковной власти Русскіе Основные Законы не знаютъ" (Казанскій оп. cit. 244). Для него Императоръ есть носитель высшей власти въ Русской Православной Церкви. Его церковная власть есть часть или, вѣрнѣе, одно изъ направленій высшей

власти государственной. Съ формальной юридической стороны Русская Православная Церковь есть часть государственнаго строя, вѣдомство. Синодъ есть государственное учрежденіе, заимствующее власть отъ Монарха и дѣйствующее его именемъ. Еще опредѣленнѣе говорить **Engelmann** (стр. 242 Казанскій ib.): „Die Gesetzgebung in der Kirche und damit die Entscheidung über die Ausbildung und Entwicklung des kirchlichen Glaubens und des kirchlichen Rechts liegt in den Händen des Kaisers, desgleichen die Verwaltung. Dem Russischen Kaiser steht also nicht bloss das *jus circa sacra*, sondern auch das *in sacris* zu"¹. Въ томъ то и ошибка Основныхъ Законовъ, что они игнорируютъ эту собственную церковную власть. Мы видѣли, что **Градовскій** самъ отъ себя восполняетъ этотъ пробѣлъ Основныхъ Законовъ, говоря о границахъ государственной власти въ вселенскомъ канонѣ, а пр. Казанскій говорить объ этой церковной власти совершенно глухо, ограничивая эту церковную власть вопросами догматовъ и правовѣрія, принаравливаясь къ терминологіи нашихъ Основныхъ Законовъ, но Градовскій, не уясняя особой природы церковной власти и органовъ, оставилъ въ сторонѣ законодательство Помѣстной Церкви и говорить о Синодѣ, какъ объ одномъ изъ государственныхъ учрежденій Верховнаго Государственнаго Управленія (т. е. такого, въ которомъ верховная власть Государя дѣйствуетъ непосредственно). (Нач. Рус. Госуд. Права I, 348). **Тихоміровъ** вовсе не ставитъ вопроса объ особой церковной власти отдѣльной отъ государственной и не уточняетъ положеніе Синода среди государственныхъ учрежденій. На стр. 249 Казанскій приводитъ его слова: „должно ли заключить, что въ церковномъ управленіи высшая власть принадлежитъ только исключительно Императору, а Синодъ есть лишь его орудіе, какъ Сенатъ, министерства и другія управительныя учрежденія? Это ясно не подтверждено и не опровергнуто, равно какъ не сказано нигдѣ, чтобы Синодъ имѣлъ хоть какую-нибудь долю самостоятельной власти". Въ другомъ мѣстѣ приведена изъ него другая цитата:² „фактически высшей властью Церкви является оберъ-прокуроръ, ибо онъ ведетъ сношенія съ верховной властью, онъ дѣлаетъ Государю доклады, всѣ совѣщанія Государя о дѣйствіяхъ по Церкви происходятъ только съ оберъ-прокуроромъ... при этомъ власть оберъ-прокурора увеличива-

¹ Законодательство въ Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшеніе объ образованіи и развитіи церковной вѣры и церковнаго права лежитъ въ рукахъ Императора, равно и управленіе, Русскому Императору принадлежитъ такимъ образомъ не только *jus circa sacra*, но и *jus in sacra*.

² Сами мы, несмотря на всѣ старанія, никакъ нигдѣ не могли за предѣлами Россіи найти сочиненіе Тихомірова „Монархическая Государственность".

ется тѣмъ, что назначеніе членовъ Синода зависитъ отъ Государя, а представитель Государя при Синодѣ и Синода при Государѣ есть самъ оберъ-прокуроръ, т. е. фактически онъ имѣетъ, если не абсолютное, то огромнѣйшее вліяніе на вызовъ епископовъ для присутствія въ Синодѣ". Самъ пр. Казанскій также не ставитъ вопроса объ особой церковной власти, которую игнорируютъ Основные Законы, и занимается только вопросомъ о мѣстѣ Синода среди государственныхъ учреждений. „Скорѣй всего, пишетъ онъ, слѣдовало бы Синодъ считать органомъ управленія подчиненнаго, но участвующимъ и въ управленіи верховномъ, словомъ равнять его съ другими высшими государственными установленіями, имѣющими такъ сказать, двойственную природу. Поскольку ему принадлежитъ рѣшающая власть, Синодъ есть органъ управленія подчиненнаго, поскольку онъ является лишь совѣтникомъ и исполнителемъ велѣній Государя Императора, онъ есть органъ Верховнаго Управленія". Однако фактъ существованія особой церковной сферы не можетъ быть игнорированъ государствомъ и всплываетъ не у одного Градовскаго. Такъ **Аваловъ** (Казанскій ib. 264 стр.) опредѣленно говоритъ объ этой церковной сферѣ, но оставаясь на почвѣ Основныхъ Законовъ, отдаетъ ее опять во власть Императора. Онъ пишетъ (ib. 254): „по общему правилу церковное Законодательство въ прямомъ смыслѣ слова, (т. е. не государственное о Церкви законодательство, а остальное) лежитъ за предѣлами Свода Законовъ, внѣ компетенціи Совѣта Министровъ и Законодательныхъ учреждений. Православная Церковь есть и самостоятельная религіозно-правовая сфера, жизнь которой регулируется многими факторами; однимъ изъ важнѣйшихъ является главенство Монарха „блюстителя правовѣрія" и „благолѣпія" Церкви, „дѣйствующаго при посредствѣ Синода". „Управленіе церковное есть верховное и органомъ Его является Синодъ". И у Авалова, какъ у Казанскаго, церковное управленіе охватываетъ различные виды дѣятельности и правообразование, и администрацію, и судъ и всѣ эти функціи относятся къ верховному органу государственной власти — Монарху. Мы не можемъ не обратить вниманія, что комментаторы Основныхъ Законовъ, держась только ихъ, не могутъ никакъ вѣрно нащупать субъекта церковнаго законодательства, управленія и суда. Происходитъ это оттого, что понятіе Церкви, какъ Божественнаго учрежденія, имѣющаго особаго благодатныя полномочія и основанныя на нихъ функціи законодательства, управленія и суда, не принято во вниманіе въ достаточной

мѣръ Основными Законами. Понятіе это дано Русской канонической наукой и должно быть принято во вниманіе при опредѣленіи границъ власти государственной. Это-то понятіе Церкви выдвигалось Никономъ, какъ предметъ обязательнаго признанія для Православнаго Царя. Поскольку Русское государственное право очеркивалось далѣе до облеченія верховнаго главы государства въ священный Чинъ, эта связанность его канонами въ его дѣятельности вытекаетъ сама собой. Поэтому для насъ ст. 65 Основныхъ Законъ является съ одной стороны вѣрнымъ констатированіемъ факта созданія Синода государственной властью на положеніи государственнаго учрежденія, и одновременно вопіющимъ каноническимъ беззаконіемъ, явившимся слѣдствіемъ того разрушительнаго направленія государственнаго отношенія къ Церкви, съ которымъ боролся Никонъ, отстаивая прежде всего права Церкви, вытекающія изъ ея существа, указаніемъ, что высшее церковное учрежденіе не можетъ быть создано властью государственной, что оно имѣетъ прежде всего чисто церковную компетенцію, вытекающую изъ даровъ благодати Святаго Духа, къ каковой компетенціи государство можетъ прибавить нѣчто отъ себя въ силу делегаціи, но эта добавочная компетенція для церковныхъ учреждений не существенна и можетъ быть только прикладной. Члены этихъ учреждений не могутъ зависѣть въ своемъ существованіи отъ назначеній государственной властью и опредѣляться въ своей дѣятельности ея вліяніями. Тотъ переворотъ, который произведенъ въ отношеніи Церкви и государства послѣ введенія христіанства и признанія Церкви государствомъ, съ упоминанія о которомъ мы начали свой трудъ, и который напоминаетъ намъ объ особой природѣ Церкви, долженъ быть всегда передъ нашими глазами при уясненіи нормальныхъ отношеній къ Церкви со стороны государства, признающаго Православную Церковь тѣмъ болѣе, когда оно даетъ ей преимущественное положеніе.

Однимъ словомъ, Церковь является учрежденіемъ параллельнымъ государству, но не стоящимъ юридически выше или ниже его. О способѣ ихъ взаимодѣйствія мы достаточно говорили, излагая теорію симфоніи съ ея Богомудрой Священной Двоицей Царя и Патріарха и теорію Никона, основанную на Святыхъ Отцахъ Церкви. Теорія симфоніи, признающая Церковь, какъ особый самостоятельный организмъ, нисколько не нарушаетъ принципа самодержавія, какъ верховнаго государственнаго властвованія въ силу собственнаго

права, и полноты верховной власти, какъ власти государственной, дѣйствующей въ предѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію государства.

КОНЕЦЪ.

Оглавление.

ЧАСТЬ I. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЧВА И ИСТОЧНИКИ НИКОНОВСКИХ ИДЕЙ

ГЛАВА I. Значение сщества римской языческой и христианской религии для положений их в государстве.

ГЛАВА II. О царской власти в Византии в отношении к Церкви.

ГЛАВА III. О царской власти в Византии в отношении к Церкви.

ГЛАВА IV. Идеи царской власти в России до Никона. Заимствование Русью Византийской постановки церковно-государственных отношений.

ГЛАВА V. О симфонии государства и Церкви.

Основы симфонии Церкви и государства.

ЧАСТЬ II. УЧЕНИЕ ПАТРИАРХА НИКОНА О ПРИРОДЕ ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ЦЕРКОВНОЙ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИИ

ГЛАВА I. Учение Никона о Царской власти.

ГЛАВА II. Учение Никона о патришестве.

ГЛАВА III. Основные принципы церковного законодательства в России до Уложения 1649 года

ГЛАВА IV. Об уходе Никона в Воскресенский монастырь 10 июля 1658 года.

ЧАСТЬ III. ПАДЕНИЕ НИКОНА И КРУШЕНИЕ ЕГО ИДЕЙ В ПЕТРОВСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ. ОТЗЫВЫ О НИКОНЕ.

ГЛАВА I. Положение Патришья в Московском государственном строе.

ГЛАВА II. Болрство и Никон. Приготовление к сдѣлу над Никоном.

ГЛАВА III. Сдѣ. Ссылка. Прочие меры преследования от болр.

ГЛАВА IV. Народ и Никон.

ГЛАВА V. Церковный реформы Петра I.

ГЛАВА VI. Отзывы о Никоне.